Буреполомский дневник

Борис Стомахин

SHOUT
SHARE
IT

- Борис Стомахин. Буреполомский дневник
  -
  - ЯНВАРЬ 2008
  - ФЕВРАЛЬ 2008
  - МАРТ 2008
  - АПРЕЛЬ 2008
  - МАЙ 2008
  - ИЮНЬ 2008
  - ИЮЛЬ 2008
  - АВГУСТ 2008
  - СЕНТЯБРЬ 2008
  - ОКТЯБРЬ 2008
  - НОЯБРЬ 2008
  - ДЕКАБРЬ 2008
  - ЯНВАРЬ 2009
  - ФЕВРАЛЬ 2009
  - МАРТ 2009
  - АПРЕЛЬ 2009
  - МАЙ 2009
  - ИЮНЬ 2009
  - ИЮЛЬ 2009
  - АВГУСТ 2009
  - СЕНТЯБРЬ 2009
  - ОКТЯБРЬ 2009
  - НОЯБРЬ 2009
  - ДЕКАБРЬ 2009
  - ЯНВАРЬ 2010
  - ФЕВРАЛЬ 2010
  - МАРТ 2010
  - АПРЕЛЬ 2010
  - МАЙ 2010
  - ИЮНЬ 2010
  - ИЮЛЬ 2010
  - АВГУСТ 2010
  - СЕНТЯБРЬ 2010
  - ОКТЯБРЬ 2010
  - НОЯБРЬ 2010
  - ДЕКАБРЬ 2010
  - ЯНВАРЬ 2011
  - ФЕВРАЛЬ 2011
  - МАРТ 2011

Борис Стомахин. Буреполомский дневник

Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмерным множеством людей…

Ницше

Познать закономерность совершающегося и найти в этой закономерности свое место – такова первая обязанность революционера.

Троцкий

ЯНВАРЬ 2008

1.1.08. 9–45

Большинство барака, как обычно в это время, ещё спит. Подъём сегодня прокричали было по воскресному варианту (6–00; будний вариант – 5–45, и в 6–10 зарядка, а по воскресеньям зарядки нет). Но тут же в коридоре на ночного дневального Саню начали орать: оказалось, подъём сегодня, после вчерашнего празднования – только в 11–30, перед утренней проверкой, официально начинающейся в 12–10. Свет в бараке опять погасили. (Меня разбудило как раз его включение, я полежал потом ещё сколько–то времени, но полноценно заснуть, конечно, уже не смог).

На завтрак пошли только те, кто хотел, – "по желанию". А обычно все 3 похода в столовую за день обязательны, что контролируется (чаще в ужин) заходящими в барак "мусорами".

Вчера свет погасили в 3 часа ночи (т. е., это уже было, строго говоря, сегодня). Но не один я, а ещё некоторое количество людей, не дожидаясь никакого Нового года, легли спать. Я не стал раздеваться: думал сперва, что, может быть, в 12 ночи выйду на улицу, постою пару минут, "встречу Новый год", а потом уж спать. Но ближе к 12–ти, когда я всё же проснулся, вставать уже не хотелось совершенно. Ну его к чёрту, этот Новый год, – что за радость такая, в самом деле: встречать его, зная заранее, что и этот год, как предыдущий, весь проведёшь в неволе?..

Позавчера, вечером 30.12.07, переложили на другую шконку в бараке. Думали, что делают мне гадость, выселяя ближе к входной двери, – туда, в тот угол барака, где собраны все бомжи, алкаши, вшивые, опустившиеся, – типа отстойника такого у них тут есть. А на самом деле, – просто счастье не жить больше там, где я прожил эти 4 месяца без малого, в середине барака, в одном проходняке с двумя отпетыми подонками, животными, а не людьми, – старым и молодым. Почти сразу с молодым (на два года меня старше) у нас возникла взаимная неприязнь, – легко объяснимая, впрочем, разницей типов личности и биографий: он – матёрый уголовник, сидящий за разбой (отнимал мобильники, как я понял с его слов), причём сидит уже четвёртый срок. Он сразу или почти сразу стал искать поводы меня выжить из этого проходняка, – первое время основным мотивом этих попыток были вши, которых он всё пытался у меня найти. А тут они есть у многих, и отношение к этой проблеме истерическое, нетерпимое,

вплоть до матерных скандалов, рукоприкладства и остракизма. И вот вместе со старым соседом (грузин, 59 лет, сидит первый раз по 228, сам по себе – дикое, неотёсанное хамло, грубятина, животное, настоящая тупая скотина, с которой невозможно нормально говорить, – не понимает и не слушает, сразу начинает орать и угрожать) они вдвоём сладострастно объясняли мне, как однажды – ещё до меня, в прошлом, кажется, году, – туда, в тот угол у двери, где я сейчас, собрали, мол, человек 15 вшивых, выкинули их туда как на свалку со своих мест. И, смакуя, добавляли, что, мол, надо бы так же сделать и сейчас...

Но вшей эти выродки у меня, при всём желании, так и не нашли (даже тот единственный раз, в октябре 2007 г., когда они и впрямь завелись. Я тогда быстренько, никому ни слова не говоря, вывел их сам с помощью горячего утюга). Наоборот, старый грузинский хрыч где–то за неделю до моего переселения у себя (!) вдруг нашёл одну вошь, что для него было целой трагедией, – но выселить его в бомжовый угол у двери почему–то никто даже не предложил.

А меня они таки выкинули из проходняка, – за то, что я, якобы, чистоту не соблюдаю. Они, видишь ли, хотели (старый хрыч и соседи с другой стороны), чтобы я с переломанным позвоночником и неправильно сросшейся ногой лично, согнувшись в три погибели, лез под шконку и драил там пол. Я, понятно, не стал этого делать. Ну, а моё замечание, что вообще–то влажная уборка пола в бараке производится дважды в день, и лично мне этого для поддержания чистоты вполне достаточно, – стало для старика последней каплей. Он долго, на своём плохом русском с акцентом, возмущённо пересказывал эти мои слова всем соседям и друзьям по бараку, никак не мог успокоиться. Это было в пятницу, 28–го декабря 2007, когда между завтраком и баней (10–00) вся эта публика начинает выдвигать тумбочки и остервенело драить полы и всё вокруг. А в воскресенье вечером молодой мой сосед подошёл к одному из "блатных", которые тут почему–то заведуют койками и перемещениями людей с койки на койку, – и тот безапелляционным тоном велел мне поменяться местами с персонажем, которого мои соседи уже заранее выбрали из обитателей этого угла (он приятельствовал со стариком) и уговорили переехать к ним вместо меня.

И – какое счастье! Тут тихо, спокойно, шконка весь день в моём распоряжении. Не будут больше сидеть чуть ли не на голове у меня эти фантастические наглецы, – младший сосед и его друзья с нашего и других бараков, постоянно, по многу раз в день приходящие к нему чифирить, обсуждать свои карточные дела (игра в карты – основное тут занятие этого круга людей, в

отличие от моих новых соседей, например), "расчёты" за проигранное, поиск сигарет, ларьковой жратвы, и всего прочего, на что они постоянно играют. Ура!! – не будут больше назойливо клянчить у меня для своих "расчётов" сигареты "в долг" (друг другу они долги отдают, мне же, когда поначалу я верил и давал, – ещё не отдал ни один и ничего, – ни сигарет, ни ларьковых денег, и т. д.).

В общем, – какое счастье, ей–богу! Если учесть, что для меня за почти уже два отсиженных года именно отношения с уголовниками, просто пребывание среди них были самым тяжёлым, самым омерзительным и в тюрьме, и в зоне, гораздо хуже отношений с начальством, – от переселения из проходняка этих подонков сразу такая лёгкость на душе наступила, аж петь хочется! Пусть по своим "понятиям" они сбросили меня ниже, вниз со своего уровня (всегда ведь блатные живут в тюрьме на лучших местах, – в глубине, у окна, а самые низшие и презренные – возле двери и параши), – я, к счастью, их уголовных "понятий" не признаю, у меня есть своя система ценностей, во всём от их "понятий" отличная. Я руководствуюсь ею, и поэтому никакие их насмешки, попытки унизить, опустить ниже в своей блатной иерархии, – я не воспринимаю всерьёз, не реагирую, мне на эти попытки просто плевать!.. И своим новым местом я страшно доволен: во–первых, кроме четырёх угловых, – это единственная одиночная шконка в секции, – с одной стороны стоит тумбочка, с другой – табуретка; проходняки с обеих сторон очень узкие, на табуретке неудобно есть, – но это всё пустяки, можно привыкнуть. Остальные шконки все составлены по две, что с самого начала меня раздражало (даже если между ними и натянута в качестве перегородки простыня). Во–вторых, – из–за отсутствия постоянных сборищ картёжников и чифиристов со всех бараков тут можно будет писать, работать, – не только утром, от завтрака до проверки (когда соседи мои на старом месте обычно спят), но и весь день. И даже освещение тут лучше, чем было там, лампа ближе висит. Ну, и соседи новые – люди попроще, посимпатичнее, хотя и совсем примитивные, неразвитые, сельские из них минимум двое (из пяти) – пожилые уже мужики, профессиональными уголовниками вовсе не являющиеся, а честно работавшие всю жизнь и попавшие под старость лет в лагерь случайно, за ерунду какую–то. В общем, до сих пор отношения с этими людьми (оба за одним столом со мной в столовой) у меня складывались куда лучше, чем с бывшими соседями по проходняку.

А так, вообще, – каждое утро у меня тут начинается с проклятий в душе. "Будьте вы все прокляты!" – повторяю я себе не один раз, одеваясь, идя в туалет, доставая из сушилки ботинки после проклятого ежедневного подъёма в 5–45. (Для меня, с моим "совиным" образом жизни до ареста, это немыслимо рано). Проклинаю их всех – и тех немногих, что чуть поприличнее, и основную массу отпетых воров и грабителей. Просто за то, что оказался среди них, что они – часть того ужаса, того тягостного ежедневного кошмара, в котором я обречён тут пребывать ещё более трёх лет. (1174 дня на сегодня, и с вспоминания очередной этой цифры начинается для меня каждый день, – ещё до подъёма, до включения света).

12–42

Тоска, тоска, тоска... Это – основное чувство, главный лейтмотив моего здесь существования, – что раньше в тюрьме, что теперь на зоне. Вот прошла проверка, – заходишь обратно в барак, снимаешь ботинки, раздеваешься, садишься на свою шконку... Можно читать, можно писать, можно размышлять, можно – слава богу, теперь–то уж можно – лежать. Даже заснуть можно, если получится. Так вот проходит примерно два часа до обеда. Возвращаешься с обеда – всё то же самое, ждёшь ужина. Три с половиной часа (в воскресенье ужин на час раньше). Приходишь с ужина – ждёшь часа полтора или чуть больше, когда у меня сложилось (19–30 – 20–30 примерно, плюс–минус 15 минут) время для собственного ужина, из домашних припасов. С таким расчётом, чтобы хватило до отбоя, а то часто дома я по ночам засиживался – и уже после ужина, ночью, опять хотелось есть. Потом – вечерняя проверка, примерно от 21–30 до 21–50. Заходишь в барак, раздеваешься, садишься на свою шконку. В 22–00 (иногда минут на 10–15 позже) гасят свет. Отбой. Всё, слава богу, – день кончен! Ещё один день твоей неволи прошёл, ещё на один меньше их осталось. Только это и радует хоть чуть–чуть, хоть немножко, в этой тоскливой однообразной беспросветности.

19–10

Как будто в дерьме выкупался, в канализационные стоки нырнул с головой, на самое их дно, и сижу там, на дне, без права всплытия и глотка воздуха, – вот самое главное, генеральное ощущение от этих уже почти что двух лет. Момент, когда на

этапе, в Нижнем на вокзале, только что выгрузясь из "столыпина", ты сидишь на корточках, глядя прямо перед собой на камуфляжные штаны конвоира и на опущенное к твоей голове дуло его автомата, – это, поверьте, ещё не самое мерзкое и унизительное, что довелось пережить. Хотя сломанная нога болит, не давая присесть на неё полностью, и удерживать равновесие крайне трудно... А ещё хуже, гаже, омерзительнее этого было – и не раз! – когда ты просто лежишь на шконке, и слушаешь разговор людей, сидящих на твоей же шконке и мирно пьющих чифир. Разговор, не имеющий к тебе ровно никакого отношения, – об их жизни и "подвигах" на воле, за которые они сидят и которые остались ментам неизвестны. Тяжесть эта не физическая, а чисто моральная – но такая, что лучше уж автомат, или вообще немедленная смерть. А то всю душу так и выворачивает наизнанку, почти что и физически блевать тянет от их "откровений" и от них самих...

2.1.08. 9–33

Прихватило с утра, сразу после подъёма, поясницу, да так, что ни встать, ни ногу поднять, чтобы зашнуровать ботинок, и в столовую, даже с палкой, – шёл буквально еле–еле. И до того в этом самом месте, в правой от центра стороне поясницы, сильно болело, – как раз там, где был сломан отросток позвонка (как мне объяснил недавно на приёме невропатолог в медсанчасти). Но всё же не до такой степени, а тут, – прямо кошмар, как прихватило... И под рёбрами с левой стороны, пониже сердца, третий день болит что–то, так что ни вздохнуть, ни охнуть, особенно когда на спине лежишь, да и на боку тоже. Днём боль вроде ослабевает, а утром и вечером, – просто сил нет, как ляжешь... И с температурой та же ерунда – утром и вечером вот уже третий день, с 31–го декабря, померить нечем, градусника–то нет, но всё лицо и уши так и пылают. Плюс ещё кашель болезненный, – опять я простудился, и опять обострился мой хронический бронхит, уже который раз с тех пор, как увезли из Москвы.

Подумаешь так вот, прикинешь, посмотришь на себя со стороны, – эти суки, блин, действительно сделали из меня инвалида, в 33 года я превратился из–за них в полную развалину... Ну уж пусть и не думают, что я им это прощу когда–нибудь! Нет уж – пока живой, все силы я потрачу на то, чтобы уничтожить, стереть с лица земли их проклятое государство и как можно больше их самих!..

3.1.08. 8–50

Мороз с утра – 30 градусов, и нет света, т. е. – ни воды (качает из скважины электронасос), ни отопления. Не было с утра зарядки. Её, может быть, при таком морозе и так не было бы, но без света – не включить магнитофон с её записью и динамики. Ещё ночью я проснулся – и света уже не было. Я буквально взмолился (богу, в которого, конечно, я не верю), чтобы до 6–20 – окончание этой проклятой зарядки – свет не дали бы. Но его не дали и до сих пор и, говорят, могут и до завтра не дать (тут такое бывало). Дикий холод и темнота абсолютно не располагали к тому, чтобы идти на завтрак, жрать сечку или (ещё хуже) перловку, и я не пошёл. За что тут же получил внушение от завхоза, что ходить надо, "даже если есть не хочешь, а то "мусора" будут придираться, что у нас тут нарушают режим, не встают по подъёму, не ходят в столовую, и т. д. Но "мусора", обычно ходящие по баракам во время подъёма и зарядки, в это утро пока что даже не появлялись...

4.1.08. 10–05

Не пошёл я сегодня в баню, хотя банный день. А я разболелся что–то совсем, – простуда, кашель постоянный (бронхит), насморк, то и дело (к вечеру особенно) температура поднимается. А на улице утром, во время завтрака, было, мне сказали, минус 35 градусов. Кошмар!.. Всё заиндевело, всё покрыто снежным пушистым налётом, – и деревья, и бараки, и проволока на запретке... По счастью, нет ветра, без него мороз легче переносится, но это ещё только начало января, а крещенские морозы в 20–х числах, наверное, будут тут до минус 50 градусов...

Оглянешься вокруг порой, посмотришь со стороны на эту жизнь лагерную, – такая тоска берёт, что хоть вой в полный голос!.. Ежедневное, изматывающее однообразие жизни, одно и то же, одно и то же день за днём, тоскливое прозябание среди отпетых подонков и кретинов (в большинстве как раз очень весёлых, бодрых (как типично понятие "бодрый идиот"!) и жизнью как раз–таки очень довольных). А главное – в их власти, в полной зависимости от них, от их галдящей и матерящейся кодлы, пьющей свой чифир и живущей по своим вонючим "понятиям"... Они вызывают большее омерзение и ненависть, чем зоновское начальство, хотя и начальству этому добрая, от всей души пуля в брюхо или в висок – лучшая награда за прожитую жизнь и всё, в ней сделанное. Вот так и живёшь между двух огней, между

мерзости и там и здесь (они одинаковые практически, – и уголовники, и охрана, и одним и тем же жаргоном матерным разговаривают...). И так бессмысленно это времяпрепровождение, эти одинаковые, унылые дни, тянущиеся медленно один за другим, что порой плакать хочется... 1171 их ещё осталось до конца срока, до 2011 года. И хотя есть какая–то смутная, совсем слабенькая, еле–еле теплящаяся надежда, что, может быть, отпустят по УДО уже в этом году, – боюсь, не суждено ей сбыться... Кончится этот кошмар, пройдут эти 1171 день, – и останется всё здесь пережитое, только строчкой с цифрами, фактом в биографии, – личной и политической. А вот попробуй–ка их проживи, – целых 1171, один за другим, как в канализационном отстойнике среди дерьма и всякой мрази, и каждый этот день тянется бесконечно, – по 16 часов, с подъёма в 5–45... Будь она проклята, ТАКАЯ жизнь!

Безысходность, – вот, пожалуй, здесь самое страшное, самое убийственное ощущение. Как будто видишь это всё в каком–то страшном сне, – но проснуться никак не можешь. Кошмар всё длится, и каждое утро ты просыпаешься, к ужасу своему, всё в том же бараке, а значит – всё в том же кошмаре. И конца этому не видно...

Порой ощущаешь себя ребёнком – тем маленьким, симпатичным мальчиком с волнистыми светлыми волосами, который остался на фотографиях начала 80–х годов, – дома, в коробке... Чувствуешь себя в душе этим ребёнком, как будто живёшь ещё этой бесплотной памятью детства в душе, – и с ужасом, оглядываясь вокруг, всё не можешь понять: как же с этим милым, невинным, очаровательным ребёнком могло всё это случиться?! Как, что с ним произошло, что вчера ещё он бегал по зелёной траве, под ярким летним солнышком, под заботливыми взглядами любящих мамы и бабушки, – а сейчас вокруг него лишь решётки, стальные двери, колючая проволока, караульные вышки, и – ни одного родного, знакомого, даже просто искренне сочувствующего лица вокруг, а только – сплошная ненависть, цинизм и лютая злоба? Даже зная всю биографию досконально, как и весь исторический контекст за последние 25 лет, – всё равно, поразительнее всего вот это умом невместимое перевоплощение, тяжелее всего примириться именно с ним...

17–50

А мороз всё не отпускает, – 35 градусов было утром, 30 градусов – сейчас; а может, и больше. Похоже, это надолго. Это

ведь только ещё рождественские морозы, а самые жуткие – крещенские, – ещё впереди. Будет градусов 50, – что тогда делать, кто знает?

Подонок–завхоз отряда всё–таки стукнул сегодня отряднику, что я вчера не пошёл на завтрак. Тот вызвал сегодня, сразу после проверки, спрашивать об этом. Источник своей информации, как бывший оперработник, конечно, не назвал, – но я–то и так знаю... Только он перепутал, – вместо завтрака спрашивал, почему я на ужины не хожу. Советовал, – т. к. у меня сейчас рассматривается УДО, – "не давать поводов". Как будто итог не известен заранее... Сейчас я пока что ещё "в подаче", но пройдёт январь – и я минимум ещё на 6 месяцев буду "в отказе"...

"Не спрашивай "за что?", не спрашивай "когда?",
Сидишь – сиди, не предавайся горю,
Ведь срок есть восхождение на гору,
С которой открываются года", –

попались сегодня изумительные строчки Кирилла Подрабинека в его сборнике. Действительно, так и есть, – восхождение на гору. Идти ещё годы, каждый день, одной и той же исхоженной, до боли знакомой дорогой, – с завтрака, с обеда, с ужина – в барак, – и повторять про себя эти возвышающие, философские строки...

6.1.08. 9–45

Хорошие новости: уже есть договорённость с адвокатом, – нижегородским, тем самым, что защищал Стаса Дмитриевского в 2005–2006 гг. Перед судом по УДО он, скорее всего, пару раз ко мне приедет, – уже можно будет кое–что передать; а после отказа в УДО (не сомневаюсь) – уговорить бы его ездить регулярно, уже был бы канал на волю, уже можно было бы работать... То есть – даже тут жизнь обрела бы какой–то смысл, не была бы уже таким убогим и бессмысленным прозябанием, как до сих пор.

Собственно, работать я уже вчера и начал, и некий черновик уже лежит, ожидая своей очереди, у меня под подушкой. Как уж там дальше сложится его судьба, – не знаю, но надеюсь, что удачнее, чем того, летнего текста, переданного ещё из 5–го СИЗО, с 1–й сборки. Он до сих пор так и лежит, не до конца набранный, у Паши Л., с которым, кстати, как раз вчера удалось наконец–то

наладить контакт и договориться о его содействии.

Жизнь продолжается, – даже здесь, среди этой мерзости, в этих, казалось бы, нечеловеческих условиях, – но всё равно, и здесь тоже идёт какая–то жизнь, ищется, упорно ищется всё же какой–то её смысл... Карамьян спрашивает мою мать: как она меня повезёт домой, в Москву, если вдруг, по УДО отпустят прямо сейчас вот, в январе. Наивные люди, вот о чём они думают!.. А я тем временем уже привык думать о том, как бы на ближайшие три года, до 2011, устроиться здесь так, чтобы никто на воле не мог сказать, что вот, мол, Стомахина посадили, заткнули ему рот, упекли в дальний лагерь, и теперь, наконец–то, его стало не видно и не слышно...

17–30

Выматывает, всю душу вынимает проклятый этот кашель, осточертевший бронхит. Как будто заноза сидит там – очень–очень глубоко в дыхательных путях, и никакой кашель давно уже не способен достать это проклятое место, чтобы "почесать" его, удовлетворить это, в общем–то, пустяковое раздражение слизистой оболочки бронхов. Более того: ничем не помогая решить эту основную проблему, этот постоянный надрывный кашель ещё и страшно выматывает всё тело, порождая со временем – 2–3 дня после начала "спектакля" – сильную боль, – раньше, годы назад, у меня от этого болело под рёбрами и вокруг живота; а теперь вот почему–то кашель отзывается жуткой болью в ногах, спереди и по бокам выше колен, особенно в левой. Как будто сводит их – такой силы боль, иногда даже вставать приходится.

За почти 2 года заключения это уже 4–й или 5–й раз начинается у меня этот бронхит. До сих пор самый тяжёлый был первый раз – ещё на "Матросской Тишине" весной 2006, когда там ради "дороги" открывали каждый вечер окно, и я, лёжа голый под одеялом, простудился. Дохал больше 2–х недель, было очень тяжко и мучительно, но потом прошло. После этого – в июле 2007 на Нижегородском централе, в транзите; потом – уже тут, в Буреполоме, после выхода 31 августа из больницы, дня через 2, кажись. Может быть, и ещё осенью этой было, но не помню уже. А вот этот, нынешний заход – самый тяжёлый за все два года, без сомнения.

В общем–то, наступило то самое, – самое страшное, – время, которого я ещё осенью в душе, инстинктивно, так боялся. Уже январь, разгар зимы; мороз – 30–35 градусов, и это, увы, только

начало, впереди ещё крещенские морозы; я простудился и болею, мучаюсь этим саднящим, изматывающим кашлем, а ещё пару дней назад – была и температура. Самое страшное, чего больше всего боишься, – вот оно, наступило, ты уже в нём. Надолго ли меня хватит, будут ли силы, чтобы пережить эту зиму, – чёрт его знает. Стоицизм и мужество эти испытания воспитывают, да, – если хватит сил выдержать их до конца. А в этом как раз уверенности нет...

7.1.08. 17–12

Проходит наркоз, и возвращается боль, – когда сразу, резко, а когда постепенно. Наркозом тут может служить всё, – и книги (в первую очередь), и сон, и "нечаянная радость" от какой–нибудь хорошей новости, от недавнего свидания, любое занятие, что угодно, – только бы занимало как–то мозги и отвлекало от окружающей действительности. Но всё равно – рано или поздно ты закрываешь прочитанную книгу, и снова вспоминаешь, что сидеть тут тебе ещё три с лишним года (1168 дней на сегодня, если быть точным), и с этой банальной, уродливой, но непреодолимой грубой истиной ничего нельзя сделать, – с ней, и в ней, надо жить, прожить все эти три с лишним года, и деваться от этой ужасной перспективы некуда... Как бывает, когда видишь какой–нибудь страшный, ужасный сон, и изо всех сил хочешь проснуться, ибо понимаешь, что это всё–таки сон. А тут – проснуться не получается, и каждый раз как будто падаешь разом куда–то в бездонную пропасть, каждый раз обрывается сердце, когда доходит до сознания: этот твой страшный сон о трёх ещё годах где–то, в каком–то ужасном месте, на краю земли, – это не сон, а страшная реальность...

С кашлем, кажись, стало чуть–чуть полегче, – видимо, самый тяжёлый день был вчера. Сейчас тоже сильный кашель, но по сравнению со вчерашним – всё же полегче. Настроение совсем ни к чёрту, – со вчерашнего дня тоска от вечернего разговора с матерью, от очередных её истерик, криков, жалоб, нелепых обвинений типа: "Ты меня совсем не жалеешь!", "Тебе на меня плевать!" и т. п. Ну как ей объяснить, что всё это бред? что я просто не умею вот так, как она хочет: не имея возможности ровно ничего сделать, ничем ей отсюда помочь, – просто сидеть и обливаться слезами от бессильной жалости, и говорить ей по телефону все вот эти пустые, жалостливые, уменьшительные слова, которых ей, видимо, не хватает... Не умею я так, – просто не настолько я сентиментален, жалостлив и слезлив, видимо.

Если я знаю, что ничем абсолютно помочь не могу, что ситуация абсолютно трагическая, – что ж, остаётся или смириться с тем, что есть, или... Если нельзя ни примириться, ни изменить что–либо, если тупик абсолютный и глухой, – что ж, всегда (или почти всегда) можно отказаться играть по этим правилам – даже вместе с жизнью.

Вот почему, когда я понял жестокую неизбежность своего полного срока, что раньше 2011 г. освободиться мне не светит, – мне осталось или смириться с этим (сейчас, на сегодняшний день, мне кажется, что это мне удалось, но такое чувство бывает отнюдь не всегда), или покончить с собой. Я держу этот вариант про запас, вовсе не считаю его, как большинство, трусостью и признанием своего поражения, – но жестоко презираю за трусость самого себя, – за то, что до сих пор так и не хватило мужества его осуществить, хотя моменты, психологически куда тяжелее нынешнего я переживал за эти два года не раз, особенно в тюрьме. Но я как–то худо–бедно смог смириться со сроком, и в запасе у меня есть ещё выход. А чем я могу помочь матери, облегчить её мучения, если с тем что есть (точнее, нет. Меня.) она примириться никак не может, а изменить эту ситуацию нет возможности? Разве что посоветовать ей покончить с собой от безысходности. Но это, разумеется, не выход...

8.1.08. 15–05

Приходишь с обеда, садишься, читаешь, или просто так лежишь (сейчас пока лежать не даёт кашель) и ждёшь ужина...

Последовательность эту, ежедневный здешний "распорядок дня" я уже описывал недавно. Это и есть, наверное, самое мучительное, самое тяжёлое тут (после окружающего "контингента", разумеется), – вот это изматывающее однообразие, заранее хорошо известная заданность всего завтрашнего дня, и послезавтрашнего, и через неделю, и через месяц... (Ну, если только со шмоном как–нибудь не придут. Или вдруг опять не поздороваешься с кем–нибудь, – ещё один выговор влепят. Приятные сюрпризы тут практически исключены. Ну вот разве что Ленка моя, заяц мой пушистый, наконец–то мне обещанное письмо пришлёт, или дозвонится вдруг. Но это – не совсем сюрприз, этого я в глубине души всё–таки жду. А так – только одна мерзость тут и разнообразит эту мерзостную жизнь).

Прав был Буковский, когда по своему опыту, по воспоминаниям о своих карцерных неделях и месяцах, писал: "Я абсолютно уверен, что смерть – это не космическая пустота, не

блаженное ничто. Нет, это было б слишком успокоительно, слишком просто. Смерть – это мучительное повторение, нестерпимое одно и то же".

Так что же мучает тут больше всего, – после "контингента", разумеется? Я уже писал, кажется: безысходность. Сознание того, как медленно, всего лишь по одному дню (и с каким трудом каждый раз проживаемому!) убавляется твой срок, как много этих дней ещё осталось впереди, и – главное – что ничего нельзя с этим поделать, никак это состояние не изменить, ни ускорить. Полное твоё бессилие изменить хоть что–то – это ведь, по сути, и есть твоё поражение. Хотя Лена Санникова и писала мне ещё в тюрьму, в Москве, что сидеть, не будучи сломленным, – это победа. Сложный вопрос... Моральная победа, кои она так высоко чтит, как ни крути, оборачивается физическим всё–таки поражением. А уж возможности самовнушения человека велики – можно и в подземном каземате ощущать себя полностью свободным, и, собирая бутылки, "знать" нерушимо, что в швейцарском банке на твоём счету лежат миллионы, – ну и что, пусть лежат, а на дневной прокорм и бутылок вполне достаточно...

Мучает больше всего то, что ты "попал" так глупо, – ещё три года впереди, и ясно уже, что ничего нельзя сделать, придётся сидеть их до конца, и эти дни, месяцы, годы, – ты проживаешь впустую, бессмысленно, бесцельно, как трава в поле. Да, день освобождения наступит рано или поздно, до него не так–то уж и много – всего каких–то 1167 дней; и придёт день, когда – по скрипящему снегу, по зелёной траве или по шуршащему ковру из жёлтых листьев – ты выйдешь отсюда; тебя встретят друзья, возьмут у тебя из рук баулы, посадят в машину... И ты будешь ехать – домой, домой; будешь устало, чуть–чуть, улыбаясь одними губами, смотреть на проносящиеся за окном пейзажи, – леса, поля, деревни, городки... О чём ты будешь думать в этот момент? Бог весть. Скорее всего, ни о чём, – ни о чём конкретно, а просто будет какое–то такое общее блаженное чувство, что вот наконец–то и кончился этот затянувшийся дурной сон, всё наконец–то позади, и удалось выжить, вопреки всем опасениям, и всё это – было ли оно взаправду, или и впрямь только приснилось?.. "А прошлое кажется сном", – вот уже сколько дней не могу вспомнить, чья это строчка, но она очень точная. Да, всё это будет когда–нибудь, этот день настанет, и всё, кажется, всё что угодно, без исключения, будет на воле казаться блаженством по сравнению с тем, что было здесь. Коротка память человеческая; плохое обычно быстро забывается, помнится долго только хорошее; но нажитый опыт остаётся, – если даже не в верхнем

слое памяти, то где–то гораздо глубже, в подсознании. Этот день – он будет, да, только вот как дожить–то до него? "Вот в чём вопрос". А пока что остаётся лишь мечтать о нём, скрашивать себе как–то этими мечтаниями тоскливые и бесконечно длинные дни неволи. Вопреки, кстати, мудрому предостережению из опыта того же Буковского: "нет в жизни большего разочарования, чем освобождение из тюрьмы".

9.1.08. 8–05

Опять здесь!.. Вернёшься с завтрака, и вот – ещё один день здесь, и никуда не деться!.. Всё одно и то же, день за днём, в этом опостылевшем бараке, среди этих проклятых стен и людей... Вот и ещё один день – 9 января – тоже весь пройдёт здесь, и завтрашний, и послезавтрашний. И никакого просвета, никакой НАДЕЖДЫ. Боже, зачем я вообще родился?!

10.1.08. 17–47

Признаки, признаки, признаки усиления режима. Понемножку, постепенно, но неотступно, – всюду и везде. Трое "мусоров" в столовой и ещё один на улице во время ужина. Слухи, что ожидается шмон в бараке, – только обрадовались было, что вот прошли праздники, а шмон был всего один, и то слабенький... Независимо от того, найдут что–то или нет – как минимум вывернут и вверх дном перевернут все баулы, – собирай их потом! – переворошат все матрасы, всё расшвыряют, – в общем, удовольствие то ещё, – собирать...

Сколько их было уже у меня по тюрьмам, этих шмонов!.. Там это, кстати, тяжелее переносится, – камера ведь маленькая, что–то серьёзное спрятать в ней от тщательного шмона трудно... И сколько я ни смотрю на "мусоров", в Москве и тут, на всю эту тупую, дебильную, абсолютно без мозгов, низколобую мразь, – всё время одна и та же мысль посещает, порой на уровне ощущений почти чисто физиологических. Помню, на "проверки" на 1–ю сборку, на 5–м централе в Москве, приходил этакий здоровенный, огромный детина, слон настоящий. Было их всегда двое, но второго помню хуже, а этот – прямо так и стоит перед глазами, как живой. Носил он, помнится, под камуфляжем тельняшку, – стояло лето, жара... И вот каждый раз, – дважды в день, по утрам особенно, – когда дежурила его смена, я проходил мимо него, коротко взглядывал – и видел одну и ту же картину, так реально

видел, как ни в каком кино и ни в одном сне не увидишь: война, этот жирный "вояка", в числе других пленных, стоит передо мной, и я лично, из тяжеленного пулемёта, в упор, метров за пять всего, даю по нему очередь, она вспарывает его жирное брюхо, и я вижу его кровь... Так неотступно было это видение, так заманчиво, – до сих пор вспоминаю порой. Как ещё раньше, на "Матроске" ещё, в самые первые месяцы тюрьмы, весной 2006 г., – они по утрам заходили нас "проверять" в камеру, а нас там было двое лежачих, остальные, кто мог, выходили. И каждый раз тоже, как в замедленной киносъёмке, видел: вот он (или она, – по тюрьмам вертухаями работает полно женщин) заходит в дверь камеры... короткая пауза... и затем – быстро, резко – следующий кадр, снятый из коридора: из двери камеры вылетает окровавленное тело, камуфляж в десятках мест прорезан ножами, и эта бесформенная, истекающая кровью, мёртвая туша, ещё минуту назад бывшая "сотрудником ИЗ 77/1", грузно шлёпается на пол, далеко от этой камеры...

Такие вот заманчивые видения, – до сих пор их помню. В том, что их надо убивать, только убивать, истреблять, физически уничтожать, я укрепляюсь всё больше и больше с каждым днём, когда с ними общаюсь или просто на них смотрю. В полном соответствии со ст. 282 – социальную группу: сотрудников МВД, ФСБ, ФСО, прокуратуры, Минобороны (кроме рядовых по призыву), и т. д. и т. п. ВСЕХ поголовно, без исключений и сантиментов. Другого пути нет. Поставить на площади гильотину, как в революционном Париже XVIII века, – и сносить им головы тысячами, десятками тысяч в день... Всем прокурорам, чекистам, ментам, армейскому офицерью, группам "Альфа", "Витязь" и т. д. и т. п. Не надеяться, что эти крупные "специалисты" заплечных дел НАМ ещё пригодятся, не надеяться их использовать. Нет, этот слой – "силовая", да и вообще любая госслужба РФ при звании, мундире или погонах, должна быть полностью выкошена, уничтожена под самый корень. Об этом я писал в "Апологии террора–3", и это, может быть, – вместе с "Апологией террора–2" – лучшее из всего, что я тут написал:

"Убивать, ничего не боясь,
Невзирая на вопли и стоны,
Милицейско–чекистскую мразь,
Всех, кто носит мундир и погоны..."

Прелесть какая: прямо по формулировкам родных моих 280–й и 282–й ст. УК. Призывы к осуществлению экстремистской деятельности (убивать!) в отношении целых социальных групп

(все, кто в погонах)... :)))

Да, потрясающее событие и огромная честь для меня: сегодня пришло письмо от Григория Пасько! Пришло вообще 6 писем, в основном поздравительные открытки с Новым годом (та самая акция "Поздравь политзаключённого с Новым годом", о которой говорила Лена Санникова). В том числе – от Глеба Эделева из Екатеринбурга и от группы друзей и соратников Серёги Ковача из Челябинска, – Урал отметился. :)) Всем, конечно, спасибо; но письмо в поддержку со словами ободрения от Пасько – это особенно приятно. Я тут же вспомнил, как участвовал в пикетах в его защиту, когда он сидел; и как писали, что во время официального визита Путина во Францию аэропорт Парижа был буквально уклеен весь портретами Пасько, там шёл митинг за его освобождение... Буря эмоций захлестнула, как только увидел его фамилию на обратном адресе письма, ещё на улице, только что получив всю пачку из 6 писем в руки и перебирая... Мы его защищали, отстаивали, митинговали за него; теперь он на свободе и вот – написал мне, тоже, чем может, готов помогать... Какой–то высший смысл есть во всём этом, ей–богу, и ради вот таких вот минут, наверное, стоит жить...

12.1.08. 6–00 – 6–05

Зычный крик "Па–а–адъём!!!" и – секундой ранее – зажёгшийся свет. Как описать эту ненависть, которая охватывает и заполняет всю душу в этот момент, при этом крике? Опять утро, опять подъём, опять ТЫ ЗДЕСЬ, в этой проклятой зоне, а не дома, где должен бы ты сейчас быть; и провести здесь тебе предстоит ещё три с лишним года, ещё больше тысячи подъёмов, зарядок, походов на завтрак у тебя впереди... И такая лютая, смертельная ненависть – к зоне этой, ко всем вокруг, к себе, к своей погибшей, бессмысленной жизни, в которой уже и не будет ничего, кроме этих подъёмов, этой зоны, этих бараков, этого мороза и утренней сечки в промёрзлой, вонючей столовой... Всё кончено, всё пропало навеки, жизнь бессмысленна, она лишь цепь нелепых мучений, без всякой надежды на лучшее, и остаётся только ненавидеть – себя и всех вокруг, среди кого находиться составляет дополнительное мучение в твоём персональном аду... И только повторяешь про себя бессчётное число раз, одеваясь: "Будьте вы прокляты!.. Будьте вы все прокляты, суки!..", и душа сжимается от ненависти и боли...

6–46

Вчера ночью, только погасили свет, разделись и легли спать, – через пять минут подъём и крик завхоза (та ещё мразь, кстати, – ментовской прихвостень и стукач; что я не ходил один раз на завтрак, тут же доложил отряднику): "На проверку собирайтесь! Общелагерная проверка!". Кто–то удачно пошутил: "Доброе утро, товарищи!". Собрались, оделись под толки и разговоры, что, видимо, кто–то сбежал–таки из зоны, вот и суетятся, пересчитывают теперь. Я уж думал, что ночь пропала, не дадут теперь поспать, – но нет, всё обошлось; пересчитали довольно быстро, даже не по карточкам (поимённо), а просто так, – и всё успокоилось, хотя и было опасение, что сейчас, только разденешься и ляжешь – опять...

16–30

Мать всё надеется, всё мечтает, что меня отпустят вот прямо сейчас, в ближайший же суд по УДО в январе. Лена Санникова уверяет, что если не в этот, то уж в следующий, через полгода, – непременно. А сам я не верю ни во что. Осталось мне ещё 3 года и 2 месяца, 1163 дня, – и, видимо, так и придётся просидеть их все, до конца...

Так бездарно, бессмысленно, нелепо, никчёмно проходит здесь жизнь, день за днём в никуда, что от одного этого понимания можно сойти с ума. Уходят дни и годы, которые ведь уже не вернуть потом, и каждый проведённый тут день приближает не только к концу срока (что не может не радовать), но и к концу жизни... Об этом, как правило, здесь никто не думает, – разве что очень–очень редко, а так – мозгов, видимо, не хватает для философских обобщений. А жизнь тем временем проходит – проходит мимо, можно так сказать, а проще говоря, попусту. И хотя понимаю я, что и на воле ничего хорошего меня не ждёт, кроме новых ментовских объятий и – если всерьёз работать, так, как я сейчас отсюда мечтаю, – кроме нового срока, и как бы ещё не пожизненного, – но всё равно, – хоть бы передышку, хоть бы просто пройтись по зелёной траве, посмотреть в синее небо над головой, щурясь на солнце, – и не через "запретку", а на воле... Мечты, мечты, где ваша сладость... Может быть, на годы затянется эта передышка, а может быть, – и не будет больше ничего, и ЭТО окажется испытанием самым тяжёлым, пиком мучений, тоски и бессмыслицы жизни. Хотя вряд ли... Эх, если б знать заранее свою судьбу!.. Знать, где упадёшь, – и можно было бы подстилать соломки...

14.1.08. 19–40

"Не было ни гроша, да вдруг алтын"... То была пустота и тоска, то вдруг навалилось всё сразу, – в основном потому, что заработала почта. Пришла куча открыток–поздравлений с Новым годом от незнакомых людей, – надо бы ответить им всем хоть коротко. Пришла книга Майсуряна "Другой Ленин" и книги от Лены Санниковой, – надо их прочесть. Потом, от неё же пришло большое, содержательное письмо с дискуссиями о боге, о религии, о возможном моём будущем после освобождения, – надо написать большой, подробный ответ. Потом она же, Лена, уговорила–таки меня восстановить тот не дошедший ей в письме текст про этап "Москва–Буреполом", который я писал ещё в августе, в больнице. Долго я не хотел браться, не решался, пугала громадность работы, – всё заново, всё опять вспоминать, половину деталей уже не помню... Но всё же взялся, – это ведь не ей, в конце концов, нужно, а мне, я же это понимаю. Но она обещает публикацию этого текста, и вот сегодня, начав писать его утром, я понял, ЧТО именно меня смущало, кроме объёма: боязнь, что хорошо не получится, что выйдет плохо, слабо, наскоро, без возможности 25 раз отредактировать и набело переписать, – а я халтурить не привык, я от своего имени что–то кое–как, наскоро слепленное никогда не публиковал. Да и потом, ещё дурацкие технические проблемы: бумаги, положим, хватит, а вот гелевые ручки – позволяют писать очень быстро, легко и хорошо, но и кончаются с космической быстротой! Не напасёшься их... И вот не знаю, как теперь быть, что делать, что писать или читать раньше, в первую очередь... И на дневник этот, опрометчиво затеянный лишь потому, что переехал на другую шконку, появился покой и возможность работать, – хватит ли на него теперь и времени, и ручек?..

Но есть в этом завале, запарке этой, и хорошая сторона. Запарку, спешку, завал работы, когда сразу за три дела хватаешься, я и дома не любил – а порой случалось такое. Но здесь – если будет запарка работы вместо пустоты, тоски и чёрных, мрачных мыслей на вынужденном досуге с утра до вечера, если будет канал на волю и публикация здесь написанного (хоть в инете, на крайний случай), – насколько же легче будет здесь даже и три года ещё просидеть!.. Дни будут улетать незаметно, а не тянуться бесконечно, как тянулись вот уже почти два года... Вот если бы ещё эти идиотские походы в столовую три раза в день не отвлекали – строго обязательные даже в тех случаях, когда заранее знаешь, что тамошнюю сечку есть точно не будешь...

16.1.08. 5–57

Опять утро, опять здесь!.. Будь всё проклято!.. Сейчас, минут через 10, погонят на зарядку. Или мусора явятся, или (если они до конца зарядки не успеют), завхоз. Одно и то же, одно и то же изо дня в день. Тоска... Взбеситься можно, с ума сойти от одного только этого однообразия, – особенно если знаешь, что ещё годы тебе предстоят. Вот и дожил я, впрочем, до первой попытки УДО – она будет совсем скоро, наверное, ещё в январе. Но – увы, надежды никакой. "Суд так решил...". Надо быть реалистом, честно смотреть правде в глаза, а не как моя мать, – ей что–то утешительное пообещало здешнее начальство, и она уже свято верит и мечтает, что уже в январе я дома буду... В детство она впадает всё больше, увы, – это слышно при каждом разговоре...

17.1.08. 6–22

Нет, эти выродки не пришли вчера. Они явились сегодня!.. Сначала выродок–завхоз, как обычно, ходил и исполнял эту обязанность – будил всех и выгонял на зарядку. "Подъём был!! Толкайте соседей!", "На прогулку собираемся!"– истошно гавкала эта мелкая шавка. Потом крикнули, что "мусора к нам!". Тут я всё же счёл за лучшее выйти, – прямо так, не одеваясь, и в тапочках, как обычно (благо что морозы пока тут спали, стоит оттепель). Два мелких подонка в камуфляже вошли в ворота, потом в нашу барачную дверь. Но второй из них, которого я знал только в лицо, оказывается, знал меня и по фамилии. "Стомахин, а если ты простудишься? – спросил он меня. – Опять жалобы пойдут? Иди одевайся!". Так я "легально" :) зашёл обратно, не спеша оделся (каждая секунда хоть чуть–чуть да уменьшает эти несчастные десять минут, которые надо проторчать на улиц е...) и вышел – уже даже не на улицу, а простоял, как и многие, в холодном предбаннике у двери на улицу, пока мусора шарились по бараку... Нет, их надо убивать и только убивать! Уничтожать, давить, как крыс, как тараканов, беспощадно. Иного выхода, если ты в их полной власти, они глумятся над тобой и навязывают свою волю, просто нет. Надо, чтобы не мы их боялись – а чтобы ОНИ боялись зайти в барак, зная, что легко могут оттуда не выйти. А уж потом – да что угодно делайте, бейте, издевайтесь, присылайте свой "Тайфун", что хотите ещё, – но отнятую у этих выродков в погонах жизнь всё это им уже не вернёт, и они заранее должны это знать и трястись... И ещё одна мысль постоянно одолевает – прямо наяву вижу, тоже как кадр из фильма. Тут все заборы всех "локалок"

составлены из высоких вертикальных металлических жердей. И вот, по очень древнему и жутковатому обычаю, так прямо и видится наяву каждый день: зона восстала – и, в ожидании всяких "Тайфунов", головы Милютина (начальник ИК–4), Макаревича и Русинова (его замы), отрезанные, надеты на длинные шесты и выставлены, привязаны к забору у главных ворот... Вот это было бы достойно! – но, увы, с этими выродками, с этим народом рабов такое явно невозможно. А очень жаль...

9–23

Потом ещё муштра у столовой после завтрака – "строиться", "посмотрим, сколько вас", и т. д. Три “мусора” одновременно, потом приходит ещё четвёртый. Привыкли они к безнаказанности, безопасности своего тут хождения и командования. Привыкли, что зэки боятся их, воспринимают это как должное, – хотя и должно быть, и очень легко можно сделать НАОБОРОТ! А Е. С. сегодня уже в Нижнем, – договаривается с моим новым адвокатом, нижегородским, тем самым, который защищал Стаса Дмитриевского. Дай бог, чтобы всё это удалось, чтобы и он согласился ездить, и у меня тут всё получилось так, как надо, без неожиданных промахов и накладок. Тогда даже здесь можно будет чувствовать себя совсем по–другому, – гораздо осмысленнее и бодрее...

А мать, между тем, пламенно настаивает, чтобы на суде по УДО я, видите ли, признал свою вину. Наивная: как будто это может хоть что–то гарантировать... Кроме, разумеется, позора на всю оставшуюся жизнь и отвращения к самому себе.

18.1.08. 12–54

Такого маразма не было уже давно. Сидеть и тоскливо, в неизвестности, ждать: приедет он или нет. Адвокат, о котором (и с которым) договорилась Е. С. вчера в Нижнем, поехал ко мне уже прямо сегодня, на следующий же день. Но, как выяснилось, сперва заехал куда–то в Кировскую область, потом – вернулся, нашёл–таки Тоншаево, заехал в тамошний суд – ознакомиться с моим делом по УДО, и после этого – ещё до проверки, до 12 ч., должен был подъезжать уже сюда, находился где–то недалеко. Но... Увы. Вот уже и час дня – а его всё нет, и, скорее всего, уже не будет. Всё очень просто: в 13 ч. у них там, в "комнате свиданий", кончается рабочий день, как они заявили в сентябре 2007 г.

Голубеву, когда он приезжал. Могут просто уже не пустить, и всё. И когда же теперь? В понедельник только, самое раннее. Будь оно всё проклято! Воистину, страна идиотов, где ничего, ни у кого и никогда не получается сразу и хорошо, как следует, так, как должно быть...

19.1.08. 6–40

Всё получилось вчера, – лучше не надо, и, хоть и с немалой задержкой, мы всё же встретились с адвокатом в кабинете Русинова (тот был выходной). Адвокат ещё раз обнадёжил меня, что шансы на УДО очень большие, всё может быть хорошо. Я отдал ему всё, что хотел для Е. С. и Паши Люзакова. Но – странное дело: чем больше я его слушал, эти его оптимистические прогнозы, тем тошнее и тоскливее становилось на душе. Может быть, потому, что где–то, в самой глубине души, я сам тоже питаю эти несбыточные надежды, – но при этом сам же умом хорошо понимаю всю их несбыточность? А тут ещё они все – Лена Санникова, адвокат, а особенно мать, уж она–то совсем грубо и примитивно, – взялись меня уговаривать, чтобы на суде по УДО я признал вину, – хотя бы "частично", как говорит адвокат, – мол, уточнять, в какой части я её признаю, никто не будет. Но и так уже ошибок и глупостей сделано достаточно, – зачем делать ещё одну, которая, к тому же, абсолютно ничего не гарантирует?.. Нет уж, не стоило отказываться признавать вину на суде в 2006 г. и получать 5 лет, чтобы так жалко признать её сейчас...

Вообще, вчера был "весёлый" день. Два раза вызывали в больницу – сперва сдавать анализы, потом писать заявление на ВТЭК (приедут, сказали, совсем скоро, 24 или 25 января); плюс встреча с адвокатом; плюс – вечером на вахту расписываться за сообщение о телефонном разговоре с Е. С. 22.1.08 в 19–00, а оттуда – велели меня отвести в штаб, где какие–то чмошники в форме стали допытываться, почему это днём, после свидания с адвокатом, я якобы ушёл из штаба один, и куда при этом пошёл. То, что я ушёл не один, а с общественником, которого специально вызывала секретарша Русинова и которого я после ухода адвоката специально ждал, – было им глубоко по фигу. Кто–то из них, якобы, вышел "сейчас же вслед за мной" и меня не видел. Сперва обещали написать на меня "рапорт" за самовольное хождение по зоне, но когда я упомянул про русиновскую секретаршу, – отстали...

Письмо Е. С., которое я прочёл на свидании с адвокатом,

видимо, добило меня окончательно. И так было понятно, что практически все силы свои она последний год отдаёт моему освобождению, – а тут она и сама пишет, что силы на исходе, что пришлось фактически из–за меня оставить все другие дела, которыми она занималась, – по той же Чечне, и т. д. А я без её постоянной помощи и – главное – моральной поддержки вряд ли теперь тут выживу... Плюс с матерью моей у неё нет уже никаких сил общаться, и друзья, оказывается, давно уже советовали ей прекратить это общение... Да, мать совсем уже сходит с ума, нашла подходящую почву для ревности и соперничества: отношения с человеком, больше всех делающим для моего освобождения. Один раз, пишет Е. С., открытым текстом сказала ей: Вы у меня хотите украсть сына. Совсем она с ума сходит там, дома, – и это всё больнее и больнее отражается на мне здесь; и не радость теперь это для меня – свидания с матерью, – а боль и тоска, когда надо выслушивать её бред и подолгу мучительно доказывать ей, что против неё никто никаких козней не строит, на меня никаких тайных видов после освобождения не имеет, и вообще – не надо судить обо всех людях на свете по одной себе. Вот скоро уже, через 8 дней – длительное свидание с матерью, а о чем говорить, что ещё вместят эти три дня, кроме обычных её слёз, истерик, ругани и скандала, – не знаю даже. Вышло в моей жизни так, что с кем угодно – не только из близких друзей, но и из просто знакомых – пообщался бы я сейчас с большим удовольствием, чем с родной матерью. И я ли виноват в этом? Она–то, конечно, всё объяснит очень просто, если узнает: я чёрствый, её не люблю, и т. д. А себя критиковать она не привыкла, не умеет, и бревна в своём глазу не замечает...

И такая тоска от всего этого, что – умереть бы скорей, и избавиться разом от всех этих неразрешимых проблем. Всё подтвердилось этими двумя годами тюрьмы, – всё, что до этого я уже знал о себе на воле. Я не то что неудачник хронический, а – вообще не должны такие уроды жить на свете. Е. С. пишет, что, наоборот, мне повезло – была сильная материальная основа; мне не пришлось, как многим, с ранней юности зарабатывать кусок хлеба, и даже курсовые в институте писала за меня мать. Ну да, верно. А толку–то что? Было в моей жизни изначально что–то такое, что все эти материальные и бытовые преимущества превращало в труху. "Мир меня не принимает", – есть такая фраза, по–моему где–то у Горького. Так вот и со мной было. И в школе, где всё началось с дикой, запредельной какой–то робости первых же дней 1–го класса, а кончилось тотальным глумлением, пинками и плевками всей школы, от 1 до 10 класса. И в институте, где я не мог нормально учиться, потому что у меня

никак не складывалась личная жизнь, прямо–таки катастрофически не складывалась, – с эксцессами вплоть до ареста пограничниками в 1996 г., а они в это время сидели на соседних партах и целовались... В общем, долго вспоминать всё это, – только не исправишь теперь уже ничего. Скорее бы сдохнуть, ей–богу, – нет других вариантов разом избавиться от всех этих проблем. Нет сил жить, и нет в такой жизни смысла никакого, ни малейшего, – но и взяться за суицид я тоже решиться никак не могу, за что от всей души себя презираю. Лучше бы я разбился тогда, падая из окна, с 4–го этажа, – а то как жить с таким вот беспредельным отвращением к себе, сознавая, что ничего в этой жизни уже не исправишь, что ты – безнадёжный урод, выродок какой–то, ошибка природы, и это, увы, непоправимо...

Жестокий мир без Правды и Любви,
Скорей бы сдохнуть, чтоб тебя не видеть...

7–15

Да, ещё раз подтвердила тюрьма всё то, что и без неё, раньше я знал. Ничего нового, увы, не вынесу я отсюда, как хочет Лена С. Только старую тоску, извечную мою тоску, что и 10, и 15 лет назад уже меня мучила, да ещё разве что новую, ещё более тяжёлую безнадёжность. Есть время подумать, ещё раз всё вспомнить, проанализировать... А вокруг меня, похоже, никто особенно этими внутренними проблемами, этим интеллигентским самокопанием и самоанализом не занимается. Во всяком случае, судя по их поведению и вечно весёлым лицам... Жаль, не могу сейчас вспомнить эту цитату из Екклесиаста, где говорится, что веселье в доме глупца, а в доме мудрого – грусть...

20.1.08. 12–16

Каждая строчка, написанная здесь, будет для меня когда–нибудь (если доживу) на вес золота. А я – то не успеваю писать, то не о чем, то лень... То книгами зачитываюсь. А то – слишком уж много всего на душе, слишком много времени и страниц займёт подробное обсуждение всего этого с самим собой, да ещё

так, чтобы понятно было хоть сколько–нибудь, чуть–чуть хотя бы, и стороннему читателю.

Слишком уж быстро, моментально, как вода сквозь пальцы, пролетают здесь ночи. Высыпаться я, конечно, не успеваю. Но и дни, особенно вот этот – самый лучший, самый большой и спокойный (не всегда, правда) кусок дня – утро, от завтрака до утренней проверки. 4 часа покоя и сна, – большинство зэков в бараке это время спит, особенно те, кто не спит по ночам (в карты играют, на стрёме стоят или ещё чем угодно занимаются). Теперь я стал завтракать (бутербродами с привезённой из дома колбасой), и на это уходит примерно час из этих четырёх. Потом... А что потом? Сегодня пришёл в 10 часов (примерно) отрядник, я пошёл отдавать ему привезённые адвокатом официальные письма к Санниковой и Шаклеину, чтобы он их заверил у начальника зоны. Он сказал: а что я их буду зря таскать с собой, отдашь завтра (сегодня воскресенье). Ладно, отдам завтра (не забыть бы только). Потом я пошёл обратно к себе, лёг на свою шконку, стал перечитывать два последних больших письма от Е. С. Но столько вдруг нахлынуло воспоминаний о прошлой жизни... В основном, как всегда, о Ленке моей, об этом самом прелестном и нежном существе на свете. И как мы познакомились. И это слово "тёплость", которое я ей сразу же шепнул на ухо, обняв в вестибюле гинекологической больницы на "Электрозаводской", в сентябре 2004 г. А знакомству нашему скоро, в апреле, вот уже 6 лет... И эта история, которую я недавно рассказывал Е. С. – как мы вдвоём возвращались из Водников летом 2005 г., я погнался за электричкой, чтобы не ждать следующую, а мой нежный зайчик потом – совершенно неожиданно – вдруг закатил мне истерику, что якобы я хотел... её бросить и один уехать! Как уж такое могло ей в голову прийти – уму непостижимо, но обвинение и такое мне было брошено. И опять – вот сейчас, пока пишу, – вспоминаются те 4 кота, которых мы гладили в Водниках каждый раз, у одного и того же дома, – они сидели все вместе и почему–то всё время поглядывали куда–то наверх... И ещё такая масса воспоминаний, что всего и не перечислить. И этими воспоминаниями действительно согревается душа.

21.1.08. 6–27

"Опять утро, опять здесь!" – хотел начать с этой фразы, когда ещё лежал под одеялом, до подъёма, затемно. Этой фразой, наверное, все тетради можно будет исписать за оставшиеся три

года пребывания здесь. Но сегодня с утра ещё и выгнали на "прогулку" эти суки – сперва завхоз, а потом, говорят, и из мусоров кто–то зашёл в барак. А может быть, и нет – я–то его не видел. Точнее, я решил выйти сам, – не знаю даже, зачем, почему... Чтобы не ругаться с завхозом, чтобы он очередной донос отряднику не сделал? Но уже давно – с самого приезда сюда, да и самого ареста, естественно, – мне хочется не только разругаться с ними насмерть, не только ВСЕ им сказать (о том, что я их смертельно ненавижу, что я плевал с высокой башни на их режим и что их самих убивать надо, физически уничтожать, где только встретишь), – хочется действительно, по–настоящему их убивать! Просто взять любого "мусора" – и всей толпой забить его насмерть, запинать, порвать в клочья тут же, на месте. На это хватит минуты, даже меньше. А зону их, где они среди генетически–рабского быдла, среди этой трусливой воровской слизи и мрази чувствуют себя царями и богами всемогущими, упивающимися властью, перед которыми все трепещут, и подобострастно здороваются, – эту их зону, подогнав какую–нибудь самую простенькую реактивную установку, или просто несколько человек с гранатомётами попросив подъехать, можно было бы разнести так, что только перья полетели бы. Ну, давай, "мусор", выродок вонючий, отребье и мразь, – давай, сажай меня в ШИЗО! Я посмотрю, как ты это будешь делать, когда вдруг откуда–то из–за забора прилетит ракета или граната – и разнесёт половину твоего ШИЗО в клочья! А за ней – вторая, третья, десятая... Посмотреть бы на вас, выродков в форме, как вы будете бегать и истошно визжать от страха, когда такой вот "подарочек", пробив крышу, разнесёт и ваш штаб, и вашу вахту, и вы будете бояться и не знать, в какую сторону вам бежать, потому что они будут прилетать ежесекундно и рваться с грохотом вокруг вас, и вы не будете знать, с какой стороны рванёт через секунду следующая... Какое наслаждение – даже представлять себе такую вот апокалиптическую (для них) картину. Сколько минут нужно, чтобы от всей зоны, от всех бараков, штабов, карантинов, столовой, вахты и пр. и пр. остались одни руины, как в Чечне после русских обстрелов и бомбёжек? Сколько времени нужно, чтобы, пользуясь начавшейся неразберихой, пролезть на запретку, повалить или разнести в щепки деревянный забор и разбежаться с зоны во все стороны? Как это было бы здорово – и впрямь иметь возможность им что–нибудь подобное устроить!.. Ведь и вправду: "винтовка рождает власть", но гранатомёт в этом смысле ещё лучше – он рождает власть ещё более сильную и могущественную... Убивать, убивать и ещё раз убивать их всех – и “мусоров” (вообще всех, кто носит форму), и их пособников с

"косяками", и блатных, которые вздумают, по своей привычке, лезть и учить своему вонючему коллективизму, трындеть про "общее", про то, как надо для всех (для трусливого стада тупых рабов, которые боятся драки с властью и предпочитают покорность, причём навязывают её и мне, и таким вот вообще решительным, несогласным одиночкам, из–за которых якобы могут "пострадать все", всё это стадо быдла и трусливых тупых скотов). Действительно, только кровью может быть завоевана свобода, и очиститься, смыть с себя всю эту липкую паутину трусости, рабства, обывательского мелкого страха и желания "не нарываться", не портить отношения с начальством, – всю эту липкую пакость можно смыть с себя только вражьей кровью!..

6–54

А если сейчас, в эту "подачу" в УДО откажут (в чём нет никакого сомнения), то, конечно же, протянуть ещё полгода, до следующей подачи, в состоянии такого же вот относительного мира с начальством, ясное дело, не получится. Тогда, – увы, раз ШИЗО ещё не разнесено в руины взрывами реактивных снарядов, то в нём, видимо, и придётся сидеть, не вылезая. За всё – что не здороваюсь с этими ублюдками в форме, не стригусь, как они хотят, не бреюсь, не выхожу на зарядку, и т. д. и т. п. Поводы–то найдутся у них всегда, – а если при этом их ещё и ненавидеть так же люто и смертельно, как я, то вряд ли удастся долго скрывать эту ненависть и изображать верноподданническое согласие с ними. Если очень упорно и сознательно нарушать режим, – сказал мне отрядник ещё при первом знакомстве, – то они могут обратиться в суд с просьбой о замене мне общего режима на строгий на оставшийся срок. Это бы ещё ничего. А вот если ударить кого–то из этой мрази в погонах, – даже просто ударить, не говоря уж: попытаться убить, как должно с ними поступать, – то, конечно же, они накрутят ещё одно уголовное дело и ещё один срок, причём немаленький...

22.1.08. 6–30

Ура, сегодня на "прогулку" не выгоняли, и мусора до сих пор ещё не приходили. Можно было не выходить, чем я, конечно же, и воспользовался. Но этот урод завхоз стоял в вестибюле, как обычно, и кого–то, кто там тусовался и тоже не хотел выходить, пугал тем, "что про нашу прогулку говорят в штабе" и что у нас

хотят сделать "как на 8–м", – на 8–м бараке не так давно 4 дня подряд были шмоны, их "трясли" достаточно сильно, “мусора” приходили туда десятками, человек по 30. Бедные, трусливые рабы, ничтожества, уже потерявшие свободу, но всё равно боящиеся ещё что–то потерять! Никому из этих генетических рабов в 10–м или 20–м поколении даже в голову не приходит: “мусоров” придёт, ну, положим, даже 30 человек. А в отряде (кроме нашего) – 180, 185, 190 человек... Эти 30 могут быть убиты, просто на клочья разорваны за несколько минут. Да, конечно, потом они (начальство) могут вызвать ОМОН, спецназ, начать бить дубинками, калечить, ломать кости, даже стрелять... Этого–то и боится трусливая уголовная сволочь в лагерях, и на этом–то их страхе государство базирует свой режим, свои подъёмы, зарядки, проверки и т. д. Тогда как на самом деле – после одного, а тем паче МНОГИХ таких вот актов физического уничтожения “мусоров” – у самих “мусоров”, ещё живых, должен сформироваться непреодолимый страх идти в переполненный барак к зэкам и что–то там шмонать, вообще "наворачивать режим", как здесь говорят. У них должен быть инстинктивный ужас перед тем, что зэки их там просто убьют, как убили уже многих до них, и дети останутся без отца...

А сегодня ещё идти в эту проклятую больницу – делать кардиограмму. Анализы крови и мочи уже брали, теперь вот это... Готовят к приезжающему на днях ВТЭКу, который – ясно заранее – ничего мне не даст, даже и 3–ю группу инвалидности, несмотря на все мои переломы, боли и т. д. И третью–то здесь получить крайне сложно, а уж о первых двух, при которых по закону запрещено закрывать в ШИЗО, – и говорить нечего! Впрочем, тут есть примеры, что и с этими группами в ШИЗО всё равно закрывали...

16–03

Почему–то в основном утром получаются все эти записи, когда острее всего ненависть и тоска, когда нервы взвинчены и только и ждёшь, что сейчас вот придут выгонять, может быть, сцепишься с ними наконец по–настоящему... А в остальное время состояние – тихая тоска. Отвлекают, конечно, книги, читаемые тут запоем, – вот сейчас только что дочитал 3 томика Керсновской из 6–ти, присланные той же Е. С. Сегодня вечером надо будет к 19 часам идти на телефонные переговоры с ней, на переговорный пункт в посылочной (нашли же, идиоты, где его разместить! Там за криком и чтением перечислений вложенного в

посылки по телефону хрен чего услышишь...). Всё бы ничего, даже не так холодно на улице, только вот ветер пронизывающий. Утром таскался в больницу, сделали мне эту никому не нужную кардиограмму – для ВТЭКа, видимо. Делала её, как я потом узнал, старшая медсестра, – немолодая, рыжая, хамло хамлом, и что уж, не знаю (общая подавленность и отсутствие настроения?) помешало мне с ней сцепиться как следует, по–крупному...

А так – тоска, тоска, тоска... Через 5 дней – длительное, трёхдневное свидание с матерью, которое, по "облегчённому режиму", было мне положено ещё месяц назад. Жду я его, зная психическое состояние матери, её тупую упёртость, и памятуя опыт прошлого свидания, скорее с ужасом, чем с нетерпением. Ещё три дня непрерывного скандала и истерик я не выдержу, а без них она не умеет. И говорить, получается, не о чем и не о ком, – ВСЕ, абсолютно все, у неё плохие! Е. С., Карамьян, Фрумкин, Зимбовский... Все, кроме, пожалуй, Майсуряна и Миши Агафонова, но это – ПОКА...

Будет ли это моложавое ничтожество Медведев президентом? Скорее всего, да. Изменится ли от этого что–то к лучшему? Едва ли. Даже на то, что меня, с моим совершенно вопиющим делом, раньше срока выпустят, я надеяться не могу, не говоря уж – что внутренний курс хоть как–то глазом заметно либерализируется... Хоть он и из "Газпрома", а не чекист, – этот единственный плюс его почему–то надежд не внушает...

23.1.08. 9–15

Опять утро, после завтрака (столовского и моего, который после столовского, – сечку я есть перестал по утрам в столовке уже довольно давно). Сегодня получилось вообще здорово: утром, во время зарядки, по баракам ходили Макаревич (выродок, убить которого последнее время действительно становится моей навязчивой идеей; омерзительный тупой держиморда, не раз при мне бивший зэков не только руками, но и пинавший ногами; настоящее животное в подполковничьих погонах. Какое животное? Пожалуй, дикий кабан, из самых злобных) и Одинцов (опер; тоже мразь, это написано прямо на его – квадратной какой–то – физиономии). "Макара" все тут жутко боятся (вот они и привыкли все, – властвовать над трусливым, раболепным быдлом. Сами развратили их, – ну и поделом, пусть ногами вас бьют!..), на всё готовы, только бы он не заметил и не прицепился. Тем не менее, я на зарядку всё равно не вышел, хотя и завхоз пытался выгонять, торчал в вестибюле, как обычно. Я сидел на

своей шконке (невидимый за шторкой для завхоза) и ждал: если с улицы крикнут ("пробьют", как тут говорят на этом нелепом зэковском жаргоне), что эти упыри идут в наш барак, – ещё по–любому будет секунд 10–15, не меньше, чтобы или выскочить на улицу (им навстречу, увы...), или метнуться к дальней, 2–й двери из секции в коридор, и оттуда – в телевизионную, или же по коридору (может быть, тоже им навстречу, – смотря куда пойдут сначала) и в туалет. Было этакое щекотание нервов, но не было страха. Твёрдая решимость не трусить, не бегать от них, как заяц, не подчиняться слепо их "распорядку дня", а если надо – то и послать их на ..., и ударить, если придётся, или хотя бы, на худой конец, плюнуть в рожу. Когда оставалось уже всего минуты 2–3 до конца зарядки, – было и искушение всё–таки выйти, смягчить ситуацию, не нарываться. Но это значило бы – пройти мимо завхоза и дать ему увидеть, что до сих пор (!) я ещё не вышел... Так что искушение было успешно преодолено. А они – эти выродки в форме, ни тот, ни другой, – так до нас и не дошли, ни во время зарядки, ни после! Так что, как сказано у Дюма, "первый порыв – всегда правильный".

Вчера 2 (!) раза – утром и вечером – вызывали в больницу. Утром сделали обещанную кардиограмму (для чего неожиданно пришлось сбривать часть волос на груди. Я не делал её года с 91–го, и тогда таких проблем не возникало), а вечером – взвесили и измерили рост. Оказалось – 91 кг. То есть ещё на 4 кг меньше, чем 31 октября, при последнем взвешивании, тогда было 95. А за два месяца до этого, при выписке 30.8.07 из лагерной больницы, было 105 кг. То есть падение веса хоть и замедлилось, но всё равно продолжается, хотя питаюсь я сейчас и лучше, чем осенью.

Зэки в бараке ожесточённо собачатся из–за места на освободившейся шконке. Едва до драки не дошло этим утром. Увы, не дошло, а жаль, – приятно было бы посмотреть на драку этих подонков. А этому старому жирному выродку–грузину, что на старом месте был моим соседом (и активно вмешался в скандал, хотя его этот вопрос никак не задевал), выживая меня с места и наконец выжив 30 декабря 2007, – я бы сам с удовольствием разбил рыло, со всей силы въехал бы хоть кулаком, а лучше – чем потяжелее. Увы, цена этого (вполне возможного, кстати, по факту) удовольствия, – разборки потом со всеми грузинами (и прочими кавказцами) лагеря, которые непонятно за что (вернее, понятно, – только в силу патриархальных кавказских традиций) относятся с огромным почтением к этому 60–летнему тупорылому чму...

24.1.08. 6–35

Время от ужина до отбоя прошло вчера совершенно незаметно. Случилось событие исключительной важности: пришла очередная порция писем, и среди них – долгожданное наконец–то письмо от моей Ленки! "Леди Ровена", "спящая красавица", – как только мы с Е. С. не называли её между собой... 7 месяцев молчания, после последней встречи в тюрьме 22.6.2007, 5 моих оставленных без ответа писем, – и вот, наконец–то... Правда, обещанного с её слов Е. С. большого письма там не оказалось, зато была открытка новогодняя, плюс ещё две, – все старые–престарые, 80–х самое раннее годов, плюс вырезанные из бумаги фигурки, ею нарисованные – Санта–Клаус и т. п. Прелесть полнейшая! Не умилиться, глядя на всё это и читая всё, ею написанное, было просто невозможно. Ребёнок, сущий ребёнок в душе! И в любом возрасте им останется! И такая волна тепла и счастья в душе от того, что – помнит, любит и ждёт. Так и написала: "Я жду тебя дома!". Спасибо, родная! Тёпленький мой зайчик, прелестное нежнейшее создание, – как я её называл когда–то. И письма (и открытки) отсюда ей подписывал: "Твой кот Бегемот".

Но это ещё не всё, чем вызвана была вчерашняя буря эмоций. Пришло письмо от Трепашкина, – точнее, новогодняя открытка, полученная лишь вчера, 23 января. Хоть под конец его заключения и оказались мы с ним практически в равном положении, – но всё же приятно от столь известной фигуры, вчерашнего политзаключённого номер 1, получить хотя бы открытку. Пасько, Трепашкин... Надо было сесть в тюрьму и получить 5 лет сроку, чтобы познакомиться с этими людьми, хотя бы и заочно.

Пришло ещё письмо от Дмитрия Воробьевского, старого ДС–овца из воронежа, с которым мы переписывались и который распространял "РП" у себя. Он прислал и последний номер своей "Крамолы" – удивительно, что оперчасть и цензура её пропустили. И ещё письмо от некой Ирины, – судя по всему, не русской, а украинской эмигрантки в Германии, звонившей моей матери и присылавшей ей деньги, когда я ещё лежал на "Матросской Тишине" в 2007 году. Она из моих читателей, – неудивительно, что она меня знает, а я её нет. Мне она привела в письме чьё–то (автора не указала) стихотворение по–украински, и трудно, ей–богу, было бы найти что–то более для меня подбадривающее, чем строки именно на украинском – даже вне зависимости от содержания. Разве что беларуская мова выклікае у маёй душы такі ж моцны ўздым...

Трепашкину и своей дорогой жене я ответил вчера же, Ирина – даже не удосужилась написать свой обратный адрес, так что

надо будет ещё написать Воробьевскому и прочесть "Крамолу". Увы! – говорят, уже сегодня будет ВТЭК, и вряд ли останется много свободного времени...

Всё хорошее было вчера, а уж нынче... Не помню, – кажется, я уже писал здесь об этом. Спать здесь практически невозможно, – подъём в 5–45, как раз когда самый сон, под утро. Но и в это ночное время, с 22 до 5–45, – и вечером ещё долго всё это быдло, особенно блатное, ходит, бегает, орёт, говорит по телефонам, крутит музыку... А уж утром!.. Наверное, ещё годы после освобождения будет мне вспоминаться это состояние: полутёмный барак (свет погашен в бараке, но горит в коридоре и в конце самого барака), и в этой полутьме туда–сюда бегают эти топочущие толпы, всем стадом, как слоны на водопой, бегут "на фазу" (к розеткам в вестибюле) кипятить свои байзера и "33–и" (кружки 0,33 литра) с чифиром, топают так, что трясутся стены, орут, переругиваются, гогочут, матерятся... Это – атмосфера зоновского барака уголовников, и вряд ли её можно ощутить где–либо на воле. Это мерзостно до последней степени, – лежать, слушать их топот и гогот, а главное – с замиранием всей души ждать, когда зажжётся свет и раздастся хриплый крик: "па–а–адъём!", и в темноте, в слабых отсветах из коридора, пытаться безнадёжно рассмотреть стрелки на часах: сколько ещё осталось до этого проклятья. Полчаса, 20 минут, 15, 10, 5, 2, 1 минута... И вот он – новый бессмысленный и бесконечный день в неволе, – ещё один день, напрасно потерянный, вычеркнутый из жизни... Будь она проклята, такая жизнь!..

Сегодня утром освободился парень, живший в нашем проходняке, – 1979 г., из Нижегородской области, до того не судимый, "злоупотреблявший алкоголем" (как сказано в приговоре), срок – 4 месяца за неуплату алиментов, этими 4–мя месяцами ему заменили год исправительных работ, которые он из–за пьянства игнорировал. "Чифирнули" за него, и он пошёл, с одним полиэтиленовым пакетом имущества. Тут он все эти месяцы был шнырём – ставил чайники и мыл посуду блатным. Может быть, на воле найдёт он теперь более счастливую судьбу? Всё–таки парень он неплохой, не злобный, в отличие от большинства здесь, и по жизни, как мне показалось, не профессиональный уголовник. Звали его Дима. Увы, он – уже на воле (с 7 часов утра, сейчас уже 7–10), а мне ещё три с лишним года воли не видать. Увы...

12–30

Ждали ВТЭКа, а вышел шмон. Утром, около 10 ч., только я успел ответить на письмо Диме Воробьевскому и прочесть его "Крамолу", вошёл в барак "мусор" и стал кричать: "Одеваемся и выходим!". За ним подтянулись ещё несколько, – всего человек 5 или 6, точно не удалось сосчитать. Они выгнали всех на улицу, поверхностно шмоная (ощупывая тело и карманы) на выходе, и стали шмонать сам барак. Впрочем, середину и тем более дальний конец, где живут блатные, не тронули. Зато уж нашему концу большой секции, ближнему ко входу, досталось по полной. У меня они задрали матрас, развернули сложенное в ногах одеяло (зачем?), раскидали все книги и бумаги, лежавшие под матрасом в изголовье, раскидали их по шконке, вывалили содержимое всех пакетов – и висевших, и лежавших за шконкой или под ней, – там были вещи и продукты, от ларькового хлеба до зимних перчаток, и от стираных носков до старых газет и журналов. Слава богу, не стали выворачивать большой баул, стоявший под соседней шконкой, – только расстегнули и, видимо, порылись в нём. (С улицы в окно я мог, хоть и отсвечивало, наблюдать эту процедуру). Но внешне погром и без того был полный, – и у меня, и у других. Некоторое время понадобилось, чтобы всё собрать и разложить по своим местам. А противоположный ряд шконок, что у окон, они отодвигали от стены, снимали щиты, усердствовали всячески в погроме – и одну шконку таки сломали. Их и так не хватает, а теперь ещё надо нести приваривать отломанную продольную перекладину, на которую кладётся щит. В общем, обошлось без потерь, – только чувство омерзения от вида их самих – наглых, привыкших грубо, хамски командовать покорным, безропотным стадом, – и последствий их шмонального усердия (можно сказать проще: полицейского). Всё это время, почти час, пока я гулял со всеми по двору, меня не оставляла одна и та же жгучая мысль: их – несколько человек, нас – несколько десятков, под сотню. Этих нескольких в камуфляже можно было бы сейчас же, здесь же – не просто убить, а буквально на части разорвать, человек по 10–15 на каждого. Начать хотя бы вот с этого, маленького росточка, который стоит во дворе и болтает с одним из блатных. Представить себе – кровь, фонтаном бьющую из разорванных тел и остающуюся на безукоризненно белом, свежепадающем снегу двора... Залитый вражьей кровью идеально белый снег, – что может быть лучше, красивее, острее, что может сильнее взбодрить и дать почувствовать вкус жизни и победы в этой извечной борьбе?.. Увы, с быдлом, сбродом подонков и потомственных рабов, населяющих не только буреполомскую зону, а всю эту проклятую страну, никакая победа и никакая радость жизни

невозможна. Это быдло раболепно, трусливо и даже гордится обычно тем, что ему (каждому в отдельности) "всё по х...". Рабы не только не способны осознать своё рабство и бороться за свободу, – сама свобода им просто–напросто не нужна. Им куда лучше, спокойнее, сытнее и пьянее подчиняться начальству и демонстрировать при случае свою лояльность и благонадёжность. И в это – в это вот быдло и в его безнадёжность в деле свободы, – упирается всё. Все наши мечты, все надежды, все сны и чаяния о ней – о нашей святой Свободе, цели и смысле жизни свободного (духом, если не телом) человека. Такие вот – свободные духом и непримиримые к рабству и злу – интеллигенты могут, конечно, взяться за дело и сами. Они могут основать "Народную волю", Б.О. П.С.Р. или, допустим, RAF. Но этого мало... А быдло, довольно сопя, жуёт свою жвачку в хозяйском стойле – и не хозяина своего "заботливого", а нас, "смутьянов" и "отщепенцев", убьёт или просто сдаст в ментовку или ФСБ, если и впрямь доведётся этому трусливому быдлу услышать наши речи ему о свободе, правах человека и т. п. "крамоле". Так было в XIX веке (один "процесс 193–х" чего стоит), так было весь XX век, будь то доносы оправданные или же просто – чтобы комнату в коммуналке забрать, – и так же есть сейчас, в XXI веке, и по доносам этих добрых и вполне благонадёжных граждан я сам получил 5 лет...

18–40

Тяжёлый выдался день, бывают же такие... Оказалось, что "блатной" конец секции разворотили не меньше, чем наш. Может быть, не тронули середину, – вроде бы так со слов одного из её жильцов.

Дальше – ещё смешнее. К вечеру позвонили в зону откуда–то сверху, – до меня дошло в виде слуха, что чуть ли не из министерства, но скорее всего это всё–таки нижегородский УФСИН, – и велели мне – именно мне! – найти вместо дощатого щита пружинную кровать.

19–25

Подходил завхоз (и поначалу с ним один из блатных), поговорили о пружинной кровати, которую из самого министерства через нижегородский УФСИН приказали мне найти, завхоз говорит, что надо найти обязательно, потому что Макаревич, или кто там ещё, может проверить. Одновременно с

новостью о кровати в последнее окно большой секции, где ещё не было двойной рамы, её срочно вставили. Хорошо хоть, подтвердилось, что всё дело именно в жалобе матери, а не в сайте и других усилиях Е. С. Но вопрос, с которым для меня было связано это известие с самого начала – вопрос о связи – остаётся как бы повисшим в воздухе. Стукачи здесь работают на славу, в этом я уже убеждался не раз, и сейчас эта начальственная сволота прямым текстом говорит всё, что она знает на тему связи. А это, естественно, вызывает жуткий испуг, мысль, что я подставляю тех, кто делает мне добро, и что, значит, его больше не надо делать (это если ещё не удариться в делание зла). История, в общем–то, знакомая, – ярче всего это проявилось в мае 2006 г. на Матроске, к чему косвенно был причастен Михилевич, да и на 1–й сборке летом 2007 была примерно в таком же духе история (или истерия?) насчёт спичек, – с той только разницей, что там это не грозило карами от начальства, а только со стороны блатной верхушки...

Тошно, конечно. Но... Опыт – великая вещь, и то, что не первый раз уже проходишь, пугает меньше, чем неизвестность. Да и что, в конце концов, со мной может быть хуже, чем получить 5 лет срока? Полная изоляция от всех близких? Ну, такой уж абсолютно полной она не будет, – есть ведь и свидания, и адвокат, в конце концов. Условия, внешняя сторона, не так значительны, как сама суть – 5 лет, и жизнь сломана, и возврата назад нет. Я переживу всё это, выдержу... наверное. Но всё равно – тоска, тоска, тоска... И выкручиваться, спасать положение каждый раз ценой каких–то судорожных усилий и жалких слов, – противно до смерти...

25.1.08. 5–15

Ночь прошла почти без сна. Ещё темно, подъёма не было. Пишу в темноте, лучик света пробивается. Все эти суки боятся, так как знают, что у меня дело политическое, ФСБ–шное и т. д. Боятся за себя. Результат – я остаюсь без связи, в полной изоляции (тут и адвоката регулярно не наладишь, как в Москве). А от вида того, как они вокруг меня пользуются всеми этими возможностями вовсю, становится ещё тошнее...

И грядущее свидание... Если честно, я боюсь его. Всё так запущено, так безнадёжно испорчено, что уже не исправить – особенно мне, отсюда. Е. С. уже говорит, что не хочет разговаривать с моей матерью – нет сил выносить эту злобу, потом каждый раз приходится отходить несколько дней. Я–то её

понимаю, но если б она знала, какой это удар для меня – что вот и у неё кончаются силы, наступает предел. И так хочется увидеть мою Ленку, чтобы хоть на короткое свидание она приехала. Но матери сказать об этом я не могу – с ней опять будет истерика все три дня свидания. Она считает, что только она знает, как для меня лучше. А я тоскую по моему зайчику, прямо с ума схожу – особенно после недавнего письма. И некого просить помочь, а если обрежут мне связь – и вообще никого ни о чём попросить нельзя будет, ни по личным делам, ни по политическим. Посреди обилия телефонов придётся мне сидеть так, как сидели в сталинское время – в полной изоляции, не зная, что с близкими, и они не будут знать, что со мной. Вот и не могу уснуть почти всю ночь – от этих мыслей, от попыток эту ситуацию представить. Хотя... есть совсем слабенькая надежда, что, может быть, всё ещё как–нибудь образуется...

16–52

Вроде бы всё нормализовалось. И со связью, и с отношениями внутри "коллектива", и даже – ту самую пружинную шконку, о которой вчера шла речь, мне таки нашли и поставили, – принесли из "маленькой секции", где живут блатные. Бюрократическая система, как говорится, нашла выход из положения, – ведь в заявлении Е. С.–то говорилось, что ВСЕ зэки 13–го отряда спят на дощатых щитах, и не то чтобы мне больше всех эта пружинная койка нужна. Но они поступили вот так, – в своём роде остроумно, ничего не скажешь. Что ж, шконка удобная, и сидеть, и особенно лежать на ней нормально, и я уже успел обустроиться на ней, уложить все книги и вещи под матрасом, приделать крючки для одежды и верёвочки, чтобы сушить полотенца. Отлегло от сердца, полегче стало на душе, слава богу. А то с утра, после бессонной ночи, в самый разгар отчаяния и мыслей, как сидеть без связи, информации и моральной поддержки, – даже стихи какие–то с горя опять начали сочиняться. Правда, плохие, очень туго и лишь первые 4 строчки. Дальше их развивать и продолжать нет ни особого желания, ни настоящего стимула (такого обострения тоски и отчаяния, как нынче ночью – утром). Стало полегче, но каждое такое обострение отнимает кусок жизни...

27.1.08. 6–20

Опять утро, опять я здесь – проснулся в этом проклятом бараке, в этой проклятой зоне... А должен бы быть дома. Но ещё 1148 дней мне тут просыпаться, и от этой перспективы, от одной этой мысли – тоска...

На улице тепло, идёт мягкий снежок. Крещенских морозов, которые сейчас должны быть, почему–то нет. Но, боюсь, в феврале и марте холода ещё будут. Впрочем, и это неплохо – хоть, может быть, не будут гонять на зарядку. Сегодня её тоже нет – воскресенье, так что подъём у меня более–менее спокойный, без обычных нервов.

Животные эти, с которыми я тут сижу, – блатные и их шныри, вроде моего бывшего соседа по проходняку, – затеяли варить брагу. Странно: все месяцы, что я на этом бараке нахожусь, об алкоголе не было разговоров (или это я не замечал? Но такое трудно не заметить). А после Нового года – как с цепи сорвались! Сахар в зоне запрещён (хотя в столовой он есть, чай наливают сладкий), так они ставят брагу на карамельках, которые в ларьке продаются. И хлеб клянчат (в том числе и у меня), видимо, для той же цели. День и ночь бегают с канистрами и вёдрами, обвязанными полиэтиленом, прячут эту пакость под чужие шконки (хорошо ещё, что не под мою, но завтра могут...). А ночью выходишь из секции – стоят компанией в вестибюле и пьют эту мерзость кружками, при этом орут на полную громкость, не давая нормально спать людям в секции. Бесцеремонное быдло и мразь, в общем, – типичное русское быдло, для которого алкоголь – это смысл жизни (ну, и наркотики тоже, разумеется).

Увы, жизненный опыт, особенно такой вот "крутой маршрут", излечивает от розовеньких иллюзий народничества, любви к народу, ко всем слабым, угнетённым, обиженным и обездоленным. Посмотрев на них вблизи, побывав реально в их власти – перестаёшь им умиляться и сюсюкать. Было, да сплыло, – как ножом обрезало. Нет здесь, в уголовном, тюремно–лагерном мире, более угнетённой и бесправной касты, чем "обиженные", или же "петухи", "пидорасы", "пидоры", как их тут называют. К реальности все эти названия, разумеется, не имеют никакого отношения, но тем не менее – это самая низшая и бесправная каста, которая везде по лагерям моет туалеты, делает всю тяжёлую работу и должна жить отдельно, есть за отдельными столами, даже тут, в секции, их шконки одеялом завешены, чтобы отдельно от остальных. Разумеется, я не признаю эту кастовую систему, для меня этих различий не существует, все зэки, от самых блатных до самых "обиженных" для меня равны. Но эти, самые низшие, самые нищие, голодные, бесправные, угнетённые, – пожалуй, даже "равнее" остальных в творящейся здесь мерзости.

У них тоже есть свои блатные, а есть и среди них самые голодные, нищие, больные, несчастные даже с виду, 2 или 3 таких "обиженных" было тут, в 13 отряде, ещё недавно. И – надо было видеть, как их избивали, как над ними глумились остальные "обиженные", – в основном молодые парни, а среди тех трёх был и один старый дед. Как их пинали за малейшую ошибку!.. Свои же пинали, – тоже "пидоры", которых самих любой тут может отпинать в любой момент. И надо было слышать (из–за задёрнутой в проходняке занавески), как вчера один из "блатных" обиженных" (дико звучит, но это реальность) избивал и истошно материл одного из своих парней, – за какую–то тоже провинность. Они самые низшие, самые забитые и бесправные, но при этом внутри них самих, в их внутренних отношениях царит такая зверская жестокость, такой садизм в отношениях высших к низшим (даже если "высшесть" эта выше всего на 1 см), что, ей–богу, теряется всякое желание этих обездоленных защищать, отстаивать их права и т. д., и вместо сочувствия и жалости (как же, самые бесправные!..) они начинают вызывать лишь омерзение, как законченные садисты и подонки... И это относится не только к ним, – нет, эта тема шире, то же относится и вообще к большинству "униженных и оскорблённых", а уж в России – особенно. Получается, что мы защищаем права быдла, которое нам всё равно спасибо не скажет и НАШИ–то права, когда от него (быдла) будет хоть что–то зависеть, уважать и соблюдать отнюдь не собирается...

17–25

Как всё–таки по–идиотски в этой стране всё устроено!.. Настоящая страна идиотов. Вот типичный пример: здесь, в зоне, можешь хоть ничего не есть в столовой (я почти ничего уже и не ем), но ходить туда 3 раза в день ты обязан! Иначе тебя туда будет гнать кто угодно – от отрядника или любого другого "мусора", зашедшего в барак и увидевшего, что ты не на ужине (за это можно тут заработать выговор) до завхоза, "красных" и любой мелкой зэковской шавки. Они, видите ли, считают, что если ты не пойдёшь, то хуже мусора сделают им всем. И только потому им так кажется, что эти генетические рабы сопротивляться, особенно разумно и систематически, организованно, а не в духе пугачёвщины, – увы, не способны. И весь прежний жизненный опыт, а уж нынешний – тем более меня в этом убеждает. "Страна рабов, страна господ"...

Так или иначе, но приходится таскаться на дурацкие

завтраки и ужины, где кормят тошнотворно–несъедобной сечкой, – чтобы просто посидеть минут 10 за столом, взять свою пайку хлеба (на неё тут тоже полно желающих, каким бы кислым и отвратным этот хлеб ни был), отпить из общей кружки тоже ужасного чаю или полусладкого компота – "пойло", иначе я это про себя не называю, – и идти восвояси, обратно в барак (будь он проклят!..). Да плюс – ещё один пример идиотизма – в воскресенье ужин сделали на час раньше, – только придёшь с обеда, через час с небольшим уже надо тащиться на ужин.

А между тем мать и Женя Фрумкин уже выехали, и завтра начинается длительное свидание, 3 дня. Я побрился утром по такому случаю, и даже подстригся, – удалось тут найти у одного человека ножницы. А все эти стрижки машинкой, как тут принято, я ненавижу. Но постричься–то хорошо, а вот чего я жду от этого свидания, от трёх дней в обществе матери? Увы, ничего хорошего. Ничего, кроме очередных скандалов, её истерик и глухой, холодной стены непонимания. Она всегда лучше меня знает, что мне нужно, что мне лучше, а что хуже (то есть, это ей так кажется, что она знает). То, с чем она несогласна, но что не может опровергнуть логическими аргументами, – она просто отказывается вообще слушать; так и говорит (точнее, истошно визжит): "Не говори мне этого, я не желаю слышать то, что мне неприятно!!!". Детское такое желание – "спрятаться", закрыв глаза, или как у страуса – засунув башку в песок. И абсолютно эгоистическая, я бы сказал – тоталитарная любовь, когда за объектом этой любви не признаётся право ни на свободный выбор, ни (упаси боже!) на ошибку, а признаётся только одно–единственное право: во всём следовать предначертанным ЕЮ курсом, поскольку она лучше меня знает, что мне на пользу, а что во вред. Или же – в случае моего отказа этим курсом следовать – я буду ею проклят, а все отношения со мной разорваны. Или всё – или ничего, или только по её правилам – или забудь о ней совсем. Слепая, безумная, гибельная в своей слепоте и безумии, чудовищно эгоистическая "любовь", – ломающая тому, кого любят, жизнь...

К чему я всё это? К тому, что очень уж мне хочется на следующем коротком свидании увидеть свою Ленку, своего тёпленького нежного зайчика. Е. С. говорит, что вытащить её, купить ей билет и привезти сюда – возможно. Да и сама она наконец–то последнее время активизировалась, вышла из спячки, стала звонить Е. С., мне написала письмо (с тремя подписанными открытками), говорит, даже стала теперь подходить дома к телефону, если он звонит. А мне на одной из этих открыток написала, что ждёт меня дома и что я – "чудо–человек"! Были,

были у меня сомнения в ней, мучительные вопросы, помнит ли она меня ещё, ждёт ли, не утеряно ли всё окончательно. А теперь вот я вроде как будто немножко воспрял духом, получив от неё весточку, и жутко хочу её тут увидеть. Увы, именно мать – главное препятствие на пути к этому, мать её ненавидит дикой, ревнивой ненавистью и пытается в моих глазах выставить полной дурой (как будто сама–то мать с таким вот поведением намного умнее). И вот не знаю – то ли попробовать с ней всё же поговорить о приезде Леночки моей на завтрашнем свидании, и это опять вызовет на три дня скандал, как в тот раз, на прошлом свидании; то ли не говорить ничего – но тогда я её и не увижу до конца срока, а скандал мать всё равно найдёт из–за чего устроить... Вот уж не ожидал я, что к тяготам срока, тюрьмы, зоны, фактически – плена у своих врагов, добавит мне ещё судьба невыносимую тяжесть общения с родной матерью – самым близким, единственным родным мне человеком с жутким характером полусумасшедшей, оголтелой истеричной эгоистки...

31.1.2008. 9–56

Ну вот, и прошло оно, длительное свидание с матерью. Нет, на этот раз всё было не так, как в октябре, – гораздо, несравненно лучше. Не ругались, не скандалили, больше смеялись и шутили, мать всё вспоминала какие–то давние, детские наши приколы, шутки, слова, и т. д. и т. п. И по поводу упоминания о моей Лене (зайце) уже не устраивала таких истерик, как раньше; по поводу моего желания, чтобы она приехала в феврале на короткое свидание, лишь вначале слегка поворчала, как и по поводу моих рассказов (лучшие, самые романтические, последние яркие воспоминания перед арестом, – осень 2005 г.), как я был у них на обеих дачах – дальней и ближней (и привозил матери шикарные букеты садовых цветов, пару раз с ближней дачи, а она вот уже не помнит...). Смиряется, надеюсь, потихоньку с тем, что о Ленке моей я так и не забыл (как мать хотела), и забывать не намерен. Не знаю уж, удастся ли свидеться с зайчиком моим в феврале, и с матерью одновременно тоже, но очень бы хотелось.

Три дня в маленькой комнате, на кровати, за столом, выхожу в уютный коридорчик (ну прямо гостиница провинциальная), и так вкусно пахнет с кухни... Откуда же эта тоска, неизбывная и постоянная? Может быть, от вида из окна? Окно выходит прямо на вахту, дальше за ней – вид на зону: больница, ШИЗО, столовая, и вдалеке, на границе видимости – первый барак из трёх. Наш не виден, он третий, самый дальний. А ночью – созвездия огней:

фонари на вахте, на зоне, над запреткой, на вышках. Темнота и фонари, которые, по Солженицыну, "засветляют звёзды"... И ты знаешь, что вот через два дня, вот через день, вот уже завтра, вот через всего несколько часов (ночь уже началась) тебе возвращаться туда. В свой барак. В ужас небытия, оторванности от мира и – самое страшное – отсутствия всякого смысла в твоей жизни. Туда, где день за днём, месяц за месяцем ты живёшь как трава в поле, как дерево в лесу – без всякого смысла, без следа, без цели, и ничегошеньки не останется от тебя в этом мире после твоего ухода. Вот это, наверное, и есть самое страшное. Бессмыслица и пустота, – а вовсе не холод, голод и бытовые неудобства.

13–08

Не успел вернуться – жизнь завертелась опять. Перед свиданкой ВТЭК обещали 1–го февраля, но состоялся он почему–то уже сегодня. Как и ожидалось – совершенно безрезультатно. По словам врачихи, нет томографии позвоночника и вообще никаких обследований (а рентген, видимо, не в счёт), надо ехать на "пятёрку" в Нижний обследоваться, а без этого они группу инвалидности дать не могут. А после этих ночных катаний в переполненном столыпине (обратно он точно будет переполнен, помню это по лету 2007, приезд сюда...) они всё равно ничего не дадут. Потому что люди без руки до плеча или без обеих ступней имеют здесь третью (рабочую, притом позволяющую сажать в ШИЗО) группу, а уж мне с обеими руками и ногами – на что рассчитывать? Так что овчинка выделки точно не стоит.

Пришло письмо от Е. С. с началом обещанной ею к постановке пьесы в мою защиту. Нетривиально это, причём в самом лучшем смысле – никогда в жизни пьес не писав, взяться за такое вот далеко не простое дело ради моего освобождения. Признателен я очень, хотя, конечно, в пьесе этой выведен несколько карикатурно. И большие сомнения в том, что пьесу эту удастся поставит у Любимова или Волчек, как планировала Е. С. Но, может быть, ей и это удастся, – я не особенно удивлюсь...

Да, а свидание... Больно это всё. Жёсткий "отходняк" первые несколько часов, почти до вечера 1–го дня, – от слишком резкого перехода из лагерной в почти (суррогатно–) домашнюю обстановку. На входе ещё не хотели пропускать книги, которые я сумками уже второй раз отдаю матери, чтобы увезла домой. Слишком бдительный мусор решил, что их надо не просто пролистать (не вложено ли письма и т. п.), но и внимательно

просмотреть – не написал ли я чего на страницах, понемножку тут, там... А это очень долго. Бдительный идиот, что ещё о нём сказать. Сверхбдительный даже.

Хорошо, что на следующий день дежурил уже другой, которого – на вечерней проверке – удалось уговорить быстро пролистать все книги и отдать их матери (занести к нам в комнату). На выходе – дополнительный шмон баула с передачей, которая и так при приёме её специальными тётками в форме тщательнейше прошманывается. Вплоть до протыкания колбасы в вакуумной упаковке специальным железным щупом, после чего нарушается герметичность упаковки и колбаса портится. Только сегодня – в 1–й раз за три длительных свидания – удалось упросить этого не делать – так дежурный подонок, шмонавший баул на выходе, стал разрезать колбасу ножом! Счастье ещё, что из 4 или 5–ти батонов варено–копчёной ограничился одним, а то её всю можно было бы через 2 дня выбросить...

ФЕВРАЛЬ 2008

1.2.08. 6–25

Вот и февраль... На зарядку сегодня таки пришлось выйти – "мусора" ходили по всем баракам, и было ясно, что не минуют и нас. Увы, бороться с ними тут в одиночку невозможно с достаточной эффективностью. Их надо убивать, и тем держать ещё живых в страхе быть тоже убитыми, – но тут вместо этого перед ними заискивают, их боятся, с ними сюсюкают, когда они заходят в барак...

А суд по УДО, оказывается, будет 7–го февраля. Причём сообщили об этом моему адвокату (из самого суда, видимо), а мне тут пока ещё никто ничего не сообщал. Что ж, события моей жизни опять двинулись вперёд после полугода застоя... А дневальный "комнат длительных свиданий" Сергей, оказывается, после того, как меня вчера утром вывели, подошёл к моей матери и сказал:

– Ну что, Вы к нам больше не приедете, да?

– Почему это? – спросила она.

– Ну, вашего–то, говорят, освобождают...

Вот такие циркулируют здесь слухи, – но чем больше все (адвокат, мать, этот Сергей) говорят об этом, – тем меньше мне верится... Не стоит давать расцвести в душе цветам радужных надежд, зная, что потом их всё равно побьёт морозом жестокой действительности... Сидеть и сидеть ещё, – может быть, до самого "звонка", до 2011 г., и выбраться раньше нет никакой надежды.

Е. С. начинает с сегодняшнего дня голодовку за Алексаняна, – бывшего вице–президента "ЮКОСа", умирающего сейчас в "Матросской Тишине" и одновременно под судом. Понятно, конечно, – дело святое, спасать человека необходимо. Но при этом в душе – и так тоска, а тут ещё больше, так как, боюсь, теперь, случись у меня тут что–то важное и срочное, ей может быть уже не до меня...

2.2.08. 16–23

Как же вы все мне осточертели, суки! Так хорошо было на этом новом месте, где с нового года я сплю, – так нет, переложили рядом, на верх соседней шконки, этого мудака, шныря блатных, "прислугу за все", по терминологии Ильфа и

Петрова. Он – главное, видимо, лицо в процессе производства "бражки", которым вся эта сволочь тут теперь занимается. И вот к нему постоянно ходят жаждущие алкоголя подонки – из блатных и не только. Это дерьмо в клетчатом бауле (канистра или большие бутыли) стоит под его шконкой, а с пришедшими активно обсуждается технология "производства". Да и сам он – наглый уголовник, очень типичный, в духе моего прежнего соседа по старому проходняку, и так же абсолютно беззастенчиво, будто так и надо, плюхается ко мне на шконку даже ночью, когда я уже лёг спать. Поистине, это целый тип, определённый стандарт человека (?) – наглый, бесцеремонный уголовник, уверенный, что всё в жизни для него только и существует, что все прочие специально для того и рождены, чтобы он мог жить за их счёт. И пусть некоторые правозащитники из левых, из комми или НБП–шников продолжают повторять старые советские байки о "социальных корнях преступлений", о том, что, мол, это они от голода и безработицы якобы "вынуждены" идти воровать, – у них на рожах написано, что и при наличии любой, самой высокооплачиваемой работы, они всё равно будут не работать, а воровать, – такова уж их природа. Так в них это заложено генетически, от многих поколений предков. И многие из них даже и не скрывают этого (что всё равно будут воровать, ибо так устроены) в откровенных разговорах.

А внизу, под этим юным (20 лет) "бражником" как раз лежит старый (под 50 лет) алкаш–пропойца с многолетним стажем, бомжового типа, завсегдатай еще советских вытрезвителей и ЛТП. Чем–то он мне с самого начала напоминает главного героя известного мультика "Падал прошлогодний снег". Типаж тот же самый, только у того, по–моему, были длинные усы, а этот усы то оставляет, то сбривает. И вот этот киноперсонаж своему соседу сверху и его гостям рассказывает разные истории – "травит бывальщину" – о том, как, что, где и когда он пил, с кем, по каким поводам (точнее, без оных), как шёл воровать и грабить в пьяном виде или же чтобы достать денег на выпивку, как забирала его милиция или как валялся на улице пьяный. Алкогольная Россия не умирает: старшее поколение пропойц на моих глазах готовит тут себе достойную смену. А этот старый алкаш, как нарочно, и предпочитает–то не покупную водку, а – ради дешевизны – всякие виды самогона, браги, стеклоочистителей, аптечных настоек и т. п. Разговоры эти регулярно происходят вплотную, на расстоянии вытянутой руки от меня (а то и мне самому примется рассказывать...). Слушая, я каждый раз думаю одно и то же: когда же вы все, вот такие, передохнете от своего пьянства, упьётесь какой–нибудь отравой до того, чтобы вынесли вас наконец–то

вперёд ногами, и от вас освободились бы нормальные люди. Ей–богу, ради этого я сам бы лично им наливал какой–нибудь денатурат полными стаканами, за свой счёт...

3.2.08. 6–11

Сегодня воскресенье – зарядки нет. И сегодня опять я проснулся в этом проклятом, до смерти опостылевшем бараке. Нет сил, – только одно, всю внутренность мою заполняющее чувство огромной, нечеловеческой усталости, измотанности вконец, до полного обессиления за эти ещё не полные 2 года... И ведь не отпустят никуда, это ясно, – бесполезно ждать этого уже скорого суда, там ведь всё равно тебе скажут "нет". И надо откуда–то брать силы дальше, запасаться ими ещё на три года срока, – но я не знаю, откуда...

14–10

За что я их так люто ненавижу – и этот барак, и зэков в нём, и всю эту зону, и вообще всю эту окружающую жизнь? Кажется, ничего такого уж плохого мне эти зэки не сделали. Ну, бегают, шепчутся по углам, трясут своими вонючими канистрами с брагой на... сгущёнке. Ну и что? А всё дело в том, что они мне – ЧУЖИЕ. И вся эта жизнь, весь этот их мир вокруг – он чужой, абсолютно чужой, не мой, мне не нужный, не интересный, не вызывающий ничего, кроме глубочайшей скуки, отвращения и отторжения своей ненужностью, никчемностью для меня. Но тем не менее – я принуждён в нём находиться, годами жить в нём, внутри него, весь пропитываясь насквозь его миазмами, и деваться некуда, и некуда от него убежать – “локалки”, вахты, запретки и т. п. надёжно заперты.

Даже работу, даже учёбу в институте не по своим интересам, скучную, неинтересную, никак не связанную с его жизнью – человек поневоле начинает ненавидеть. Одним из худших наказаний в жизни это считается – годами ходить на нудную, нелюбимую работу, только ради денег, и там отсиживать, проклиная её в душе. А что же тогда говорить обо мне и о том, когда человек насильно загнан полностью в абсолютно чужую ему, неинтересную ему абсолютно жизнь? Где вместо его привычных интересов, книг, митингов, политики, интернета, – карты, брага, расчёты "ларьком" и сигаретами за карты? Одного только этого – что загнали в абсолютно чужое и не дают уйти – достаточно, чтобы это окружающее тебя чужое возненавидеть лютой, смертельной ненавистью, до скрежета зубов, до яростной мечты всех их, кто вокруг тебя, весь твой отряд, просто истребить, перестрелять очередями из автомата, а сам барак заминировать и взорвать, чтобы от него и от всех, кто в нём, только мелкое крошево осталось. Довели! – а всего–то надо, – не мучить, не

пытать как–то особенно жестоко, а просто вынуть тебя из ТВОЕЙ жизни и насильно запереть в абсолютно чужой...

5.2.08. 6–27

Вчерашний день, как кошмар: к 4–м часам вызвали в санчасть: едва успели прийти с обеда (около 3–х часов дня) – крики, что сейчас, возможно, будет шмон (хотя до этого они обычно бывали утром, после завтрака). Тягостное ожидание шмона. Потом – к 4–м часам – уход всё–таки в больницу (заточку я на всякий случай унёс с собой в ботинке). Там – ещё не успели всех принять, – прибегают “мусора” и кричат, что, мол, сейчас будет общелагерная проверка (хотя должна быть только в 10–м часу вечера), так что идите все по отрядам. А врач говорит: никуда не уходите; так что неясно, кого слушать. Всё же нескольких, ещё не принятых врачом, выгнали по отрядам, сказав: сразу после проверки приходите обратно. Но этой проверки мы в 13–м отряде ждали так долго (ещё минут 30–40), что вполне могли бы успеть нас принять в больнице. Потом – на ужин (с опозданием на полчаса из–за этой проверки дурацкой), а уж оттуда я один опять пошёл в больницу. И – оказалось, вызывали в точности по тому поводу, что я и думал: вопрос задать, поеду ли я обследоваться на "пятёрку" в Нижний, или нет. Я отказался. Мне было сказано, что отказ ВТЭКа в признании моей инвалидности я могу в течение месяца обжаловать; но какой смысл это делать, отказываясь одновременно ехать обследоваться? (Зряшное катание туда–сюда в переполненном столыпине, голодное сидение тут 2 недели в карантине после возвращения, и прочие прелести: да плюс я ни сидеть долго на жёстком не могу из–за болей в спине, ни сумки какие–либо, даже лёгкие, таскать).

Но зато под конец, когда уже я подписал отказ от поездки в Нижний, врачиха Тамара Дмитриевна вдруг спросила: у Вас скоро суд, да? Мне, мол, тут говорили, что Вас отпустят; так что скоро будете дома. Я спросил, кто это ей говорил, на что она ответила: "Не скажу". Это уже второе свидетельство – после дневального КДС Сергея в беседе с матерью после свидания. Может быть, и вправду решили отпустить? Нет, что–то не верится, – так просто и легко в этой стране из заключения не освобождаются. И – до 7–го, объявленной адвокату даты суда – осталось всего 2 дня, а мне ничего так и не объявили, не дали повестки, и т. д. Одни вопросы и недоумение, а ответов пока нет...

7.2.08. 15–45

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...

Вот и всё. Конец всем спорам. Суд сегодня, 7 февраля,

отказал мне в УДО.

Честно говоря, хоть и пытались заронить мне в душу надежду, что меня, мол, отпустят, – я сопротивлялся этому не зря, и ещё раз счастливо убедился, что предчувствие обычно не обманывает (кроме разве что редких случаев, вроде кассации в Мосгорсуде в мае 2007 г.).

Суд отказал, но вместе с адвокатом приехали ещё Е. С. и Шаклеин, которых не пустили вчера вечером со мной встретиться. Пустили их сегодня, по моему заявлению и распоряжению Русинова, и оба раза – на пути туда и обратно, на эту встречу и с неё, – был полный шмон с раздеванием, в специальном "шмонном" домике рядом с вахтой. Честно говоря, эти шмоны с раздеванием представляют собой такое унижение и такой внутренний стресс, что поневоле забываешь о других неприятностях, стоя в носках, а потом и вообще босиком на грязном, мокром от растаявшего снега с подошв "мусоров" полу... Так и горечь отказа в УДО растворилась для меня в мерзости и унижении первого шмона, – тем более, что он был неожиданным, я готовился к этой мерзости лишь на обратном пути...

Что ещё? Острое разочарование (несмотря на предвиденность...), огромный всплеск эмоций и чувств, постепенно затухающий. Целый том можно было бы написать, если бы подробно записывать все мои сегодняшние мысли и чувства по поводу этого отказа. Горечь, ненависть, боль, тоска, что придётся сидеть здесь ещё три года, отчаяние и желание во что бы то ни стало когда–нибудь отомстить. Увы, благостные и миролюбивые проповеди Е. С. не возымели действия: прощать своих врагов, всё это омерзительно гнусное и наглое офицерьё, судей, прокуроров, чекистов я не собираюсь; наоборот, именно в ненависти к ним, в мечте о терроре и мщении теперь – уже давно – для меня остался высший и единственный смысл этой жизни, пустой и никчемной. Я ведь и на воле – вспоминал на днях – многие годы жил одной только ненавистью, священной и беспощадной ненавистью, составлявшей основу и единственный смысл моей жизни. Ибо с любовью мне, увы, в жизни не повезло...

Ну что ж, перемелется – мука будет. Будем жить, будем работать и здесь, как бы тяжело ни было. "Сидишь – сиди, не предавайся горю". Не так уж он в конце концов и далёк, 2011–й год. А вот в возможность освободиться раньше "звонка", раньше марта 2011 г. я, увы, теперь не верю уже совершенно.

Е. С., как назло, сейчас, с 1 февраля, держит голодовку за госпитализацию Алексаняна, одного из руководителей ЮКОСа, умирающего сейчас в тюрьме в ожидании суда. Голодовка мокрая, тянуться может долго, больше месяца, но сил не будет совсем,

чтобы заниматься мной так же активно, как раньше. Обещает она (не в феврале уже, правда, но хоть весной) сделать сборник обо мне ("Политзаключенный Борис Стомахин"); уже есть договорённость с Кареном Агамировым о передаче на "Свободе", если меня не отпустят; может быть, будет и пресс–конференция, благо информповод есть. И т. д. и т. п. Может быть, только теперь–то кампания по мне развернётся в полную силу, – куда сильнее, чем до этого. Но... Когда вспоминаешь эти бесконечные одинаковые утра и дни, эти подъёмы, зарядки, проверки, сечку на обед и на ужин... в общем, становится настолько тошно, что никакая кампания уже не радует. С ума тут можно сойти за оставшиеся три года, – легко... 1137 дней ещё мне осталось, – это много, слишком много, и иногда мне (как на последнем свидании с матерью) кажется, что я выдержу всё это, вывезу, как перегруженная ломовая лошадь изнемогает, но как–то, через силу, всё же тащит свой воз. А иногда (регулярно) приходит простая мысль, что, может, ну его к чёрту, всё это, всю эту дурацкую неудавшуюся жизнь, весь этот лагерь, зэков, начальство, оставшиеся три года срока, и не проще ли взять да повеситься, или каким–то иным образом покончить с собой? Е. С. ругает меня за эти мысли, требует "не сметь", а они (мысли) всё приходят и приходят, и вот теперь – отпала последняя иллюзорная надежда на какой–то выход. Стоит ли тянуть дальше на себе, как воз, эту абсолютно безвыходную теперь ситуацию ещё целых три года?..

8.2.08. 6–23

Тоска, тоска, тоска на душе... Опять подъём, опять зарядка... Я не пошёл, но – сколько их ещё будет впереди... Так уж устроен человек, что живёт он постоянным ожиданием чего–то (праздника, освобождения, отпуска, светлого будущего...). Хоть и не было сомнений, и знал всё заранее, – но, может быть, всё равно, теплилась где–то в самой глубине души искорка надежды... А теперь и её не стало, – только холод, тоска и пустота. Теперь точно знаешь, что и всю весну (лучшее время в году, – я это помню по прошлой тюремной весне), и всё будущее лето проведёшь здесь, за этими подъёмами и зарядками, и осень тоже, и следующую зиму, и ещё один новый год, и 2009–й, и 2010–й... Надежды, как у Е. С., что теперь–то уж через полгода точно освободят по УДО, у меня нет совсем. Наоборот, теперь–то ясно подтверждается моё давнее, ещё тюремное предчувствие, – что если увезут из Москвы, завезут в какой–нибудь дальний глухой лагерь, то там уж точно придётся сидеть до самого конца, там УДО не бывает... Так оно и есть, и ещё раз с грустью убеждаешься, что предчувствие обычно не обманывает и что

своему внутреннему голосу надо доверять...

6–40

А всё же, как ни крути, после 8 лет путинщины и всех принятых ею законов, – террор остаётся теперь единственным выходом, единственным средством борьбы, единственной панацеей против этого очередного режима палачей. Террор, – чтобы они в барак боялись зайти на зоне, потому что знали бы, что могут живыми оттуда не выбраться; чтобы они на улице к прохожему боялись подойти, особенно поодиночке; чтобы знали, что из каждого окна каждой многоэтажки, из каждой проезжающей мимо машины может сейчас по ним грянуть автоматная очередь или залп из гранатомёта. В Дагестане все последние годы именно так менты себя и чувствуют, – и поделом! Их бьют на улицах, как крыс, и они уже толпами бегут с этой проклятой работы, в тамошнем МВД большая нехватка кадров. А русские – это народ рабов, как ещё Чернышевский 140 лет назад писал, народ жалких трусливых шакалов, и ни на что подобное не способен. Ему легче приспосабливаться, подстраиваться, вилять, лавировать, мило улыбаться начальству (палачам), стремиться как–то выжить поодиночке, затаиться, сойти за своего, за лояльного... Жалкий, мерзкий сброд подонков, воров и трусов, никак не достойный вообще называться даже народом. Нечисть, слякоть, мерзкая плесень... Среди них приходится жить, к ним приспосабливаться, с ними вместе всё терпеть, – все унижения и глумления наглой власти, все шмоны и приседания со спущенными трусами и сломанной ногой... И всё равно, вопреки этому всему, – долго ещё, видимо, будет стоять перед моими глазами и жить в мозгу воображаемая картинка с последнего (недавнего) шмона: весь белый, заснеженный двор барака, и на этой белизне, на этом девственно чистом снегу – россыпью, отдельными брызгами, ручьями, дымящимися и топящими снег – вражья, "мусорская" кровь из их разодранных толпой в клочья тел...

10.2.2008. 8–05

После того, как Тоншаевский суд отказал мне в УДО, на это самое Тоншаево не жалко сбросить атомную бомбу. Мысль эта пришла мне в голову сегодня утром, по дороге на завтрак (только что вернулся). Все правозащитники, та же Е. С. первая, будут, конечно, возмущены таким подходом, будут категорически против даже высказывания этого вслух. Но этим, собственно, я от них и отличаюсь. За зло я считаю необходимым воздаяние, порой – и показательное, превышающее даже совершённое зло.

8–го февраля, на другой день после суда, тут, в зоне, был "кипиш", нечто вроде небольшого бунта. Кто–то, как часто бывает,

сцепился с СДиПовцами на "нулевом посту" (ворота и будка возле бараков), кого–то не пускали, кого–то толкнули... В результате собрался народ со всех отрядов, разломал эти ворота (они погнуты и теперь не закрываются), разнёс в щепки все СДиПовские будочки по обоим "продолам" (с 2–х сторон от бараков, за этими воротами), пытались, видимо, штурмовать и барак 2–го (СДиПовского) отряда, – там калитка к "локалке" (забору) была примотана проволокой. Посносили и калитки, и куски заборов на других бараках (в том числе и нашу калитку), но их уже восстановили.

Как ни странно, но обошлось без карательных мер, ОМОНа, "Тайфуна" и пр. Пока, по крайней мере, всё тихо, и очень удобно стало ходить через эти открытые ворота, не упрашивая пропустить.

Впрочем, "это, конечно, хорошо, но мало", как говорил Шендерович. Надо сразу начинать с захвата штаба и вахты и уничтожения всех находящихся там "сотрудников администрации".

13.2.08. 10–20

Тоска, тоска, тоска... Как возникает боль по мере прохождения анестезии после операции, так и у меня – после бурных первых дней сейчас наступает "отходняк" после отказа в УДО, понимание, что придётся сидеть ещё три года, до 2011, до самого конца, и деваться некуда. Хотя мать и уверяет, что Большаков из нiжегородского УФСИНа ей сказал, что с судьёй была обо мне отдельная беседа, что УФСИН хочет меня отпустить, что сам он был на 99% уверен в благополучном исходе... Но результат – налицо, и с ним не поспоришь. Есть, конечно, ещё жалкий, маленький шанс в виде кассации, которую мой адвокат будет писать непременно, да и я тоже могу, несмотря на отвращение к писанию таких бумаг и – особенно – к той власти, которой их надо подавать. Если УФСИН так уж хочет от меня избавиться – могли бы использовать свои связи и влияние в областном суде, дабы отменить решение Тоншаевского. Но всё это – конечно же, из области сказок и несбыточных фантазий...

Наступает "отходняк" и в зоне – после "бунта" прошлой пятницы (8 февраля) и бесшабашной вольницы выходных. Вчера с утра выродок Макаревич и какое–то ещё начальство с ним попёрлись на 12–й барак (самый блатной в зоне), оттуда вскоре "пробили" (сообщили), что всех (не только 13–й, но и прочие, видимо) просят одеться и быть готовыми выйти на улицу. Пошли слухи о приезде ОМОНа, о том, что он уже в зоне, о том, что сейчас может быть то ли побоище с применением дубинок, то ли большой шмон (часто применяемый всей этой мразью в погонах в

качестве наказания. И то сказать: ведь избивать людей дубинками через 4 дня после событий, когда в лагере уже давно царит полное спокойствие, – это "беспредел" и скандал, на который разумные люди вряд ли пойдут; а вот шмон – это вполне законное у них "режимное мероприятие", которое можно устраивать "по усмотрению администрации" хоть каждый день по 2 раза. И придраться вроде бы не к чему, – полномочия начальства не превышены, – и жизнь людям этими шмонами, после которых всё приходится часами убирать и складывать, можно превратить в такой ад, что мало не покажется никому...). Но ни того, ни другого не произошло; зато ближе к обеду пошли слухи, что приехала какая–то "комиссия по режиму" (а другие говорили, что "по правам человека"), так что надо, как всегда, "лишние вещи (“сидора”) убирать в каптёрку". Убирать я ничего не стал, только снял с крючка на торце шконки, выходящем в проход, свои 2 телогрейки и "лепень" (робу), положил на шконку. Как раз в это время я был безумно занят: нашёл–таки наконец, идиот этакий, письма от Эделева, вложенные адвокатом в ту же тетрадку, что и поздравительные открытки, и переданную мне накануне суда на нашей встрече в кабинете Русинова. Тогда, в тот вечер, я никаких писем там не обнаружил, только чистые открытки (от Е. С. по моей просьбе); потом хотел проверить ещё разок – так не мог уже найти и саму тетрадь, забыл, куда её сунул. Склероз, увы... А вчера, после обеда, вдруг неожиданно в большом пакете с тетрадями и письмами, лежащем у меня в изголовье под матрасом, нашёл и эту тетрадь, а потом вдруг в ней, совершенно неожиданно, – эделевские письма!.. Так что в ожидании комиссии я был полностью поглощён срочным писанием на них ответа, дабы завтра же (т. е. сегодня) его отправить. А комиссия, как я в душе и ожидал, к нам в барак даже не зашла...

20–50

"Простить – значит наплевать, а я способна плюнуть в любую рожу", – говорит Марина Зотова в горьковском "Самгине". Действительно, плюнуть бы в рожу, от всей души, – и не только всей этой здешней сволочи, и блатным, и "мусорам", и всему прочему "начальству", а – вообще ВСЕМ, всему человечеству! Смачно, с удовольствием, от души, – плюнуть бы им всем в харю и всех послать на ...!

Но уж этих–то, местных, всю эту сволочь – и тех, и других, – пренепременно! Сегодня вечером опять началось: завтра, оказывается, приезжает генерал (говорят, начальник областного УФСИНа), поэтому – опять все баулы убирать в каптёрку. В эту вонючую каптёрку, откуда я вчера только, пользуясь всеобщей суматохой по поводу приезда ОМОНа и пр., вытащил–таки свой

баул с одеждой, – о чудо, каптёрка на 5 мин. оказалась открыта! В остальное время попасть в неё, взять, пардон, чистые трусы для бани, невозможно – она вечно закрыта то снаружи, то изнутри, так как эти блатные выродки не где–нибудь, а именно в ней устроили себе переговорный пункт. И не только вещи, но и баул со жратвой, видимо, завтра будут весь день криками и долбёжкой заставлять убрать туда же, – это значит, не есть весь день после завтрака, да и удастся ли ещё вытащить его оттуда вечером? В общем, весь день будет завтра отравлен напрочь, с самого утра (когда он и так бывает напрочь отравлен зарядкой). Мрази!!..

14.2.08. 10–16

Будет ли вообще в этом дневнике ещё что–нибудь, кроме слова "тоска"? И зачем я его завёл? Одно и то же, одно и то же, по кругу, и ещё 3 года сидеть здесь, и деваться некуда, и выхода нет. И вся эта жизнь бессмысленна... "Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?". И ни впереди ничего – пустота, безнадёга, хоть завтра меня отсюда выпусти, – ни позади ничего, одни воспоминания, одни обломки разрушенного счастья, которое было – а ты не понимал этого... Ни впереди, ни позади... Жить с ощущением бессмысленности этого бытия и собственного ничтожества, – и на воле–то тяжелая штука, но там хоть как–то можно попытаться это исправить, что–то сделать, "изменить жизнь к лучшему", а если это ощущение лежит на твоей душе тяжким грузом, а сам ты сидишь в тюрьме?..

15.2.08. 15–17

Дело уже явственно идёт к весне. Когда последние дни выглядывает солнышко, – оно уже явно весеннее, тёплое. До этого за всю зиму, с "бабьего лета", кончившегося в начале октября прошлого года, оно выходило пару раз только в разгар 30–градусных морозов, в декабре 2007. Так что единственная хорошая новость – это близкая весна.

Все остальные новости – мрачные. Продолжается тут, в этой проклятой зоне, "закручивание гаек" и "наворачивание режима", о чём прямо говорят, заходя в барак и собирая всех в "культкомнате", начальнички. Одна такая лекция о необходимости поголовно для всех подъёма, выходов на "проверку" и походов в столовку, была вчера вечером. Зэки пререкались с пришедшим "мусором", спорили, но – спорили по–рабски, как холопы с барином, сам статус которого не ставится ими ни под какое сомнение, а оспариваются лишь отдельные его приказы. Он справедливо заметил, что они спорят, желая выговорить себе хоть какие–то послабления. Да, задача выше у них не поднимается, Я–то в этой "публичной дискуссии" участия не принимал (а зачем?), но, будь эта дискуссия, пересыпаемая

постоянными типа "шутками" и "юмором", у нас с ним наедине, непременно тоже "пошутил" бы: "(имя–отчество), как вы думаете, у вас шейные позвонки крепкие? Если, допустим, вы опять зайдёте в отряд с очередной лекцией о подъёме, зарядке и столовой, а из отряда – ну, не все 100 человек, но хотя бы человек 10, например, вдруг захотят все разом, одновременно, взять вас, да и провернуть вашу голову на шее пару раз вокруг своей оси. Как вы думаете, через сколько времени вы умрёте? Через минуту, через 10 секунд, или, может быть, сразу же?" Ну, и ненавязчиво так пояснить ему, что ПОТОМ, после этого события, конечно, приедет ОМОН, всем переломают рёбра, добавят срока и т. д., но, в конце концов, и рёбра (у большинства по крайней мере) срастутся, и срока, даже добавленные, кончатся; а вот он, драгоценный наш начальничек, будет к тому времени давно гнить в земле, и не воскреснет уже никогда, и никакой ОМОН его, увы, не оживит...

А сегодня утром, идя в баню (вдвоём с "общественником", за которым я увязался самовольно, так как если идти в баню со всей толпой, то приходишь последним, когда все скамейки для раздевания давно и плотно заняты, не говоря уж про "лейки"), встретили "шмон–бригаду", шедшую, как оказалось, не к нам, а в 8–й отряд. Что уж они могли там искать? Там и так постоянно то шмоны, то ещё что–нибудь: отряд неспокойный, один из самых бузотёрских во всей зоне, пользующийся поэтому повышенным вниманием начальства. Таким образом, подтверждается мой вполне очевидный вывод, что шмоны у этой пятнистой (в камуфляже) нечисти – это просто такой способ наказания, способ испортить жизнь тем, кто не нравится и мешает, поскольку бить в открытую – это чревато, а шмон – это вполне (как бы) законное "оперативное мероприятие", хоть каждый день можно проводить...

И в этом вот аду предстоит просидеть ещё 3 года. О чём же ещё писать, кроме тоски?.. Нет, конечно, воля к борьбе и вера в конечную победу присутствует в душе, – но она присутствует как фон, где–то на заднем плане, не требуя ежедневной перепроверки и подтверждения. Сломать им меня не удалось за эти почти 2 года и не удастся впредь, – никогда, ни на воле, ни в тюрьме, как бы ни старались, в состоянии ли я ходить или уже нет. Пока я жив, я всё равно буду с этим государством, с этой империей воевать, не на жизнь, а на смерть, до полного её уничтожения, – как смогу, но в основном словом, конечно. Это – основное, неизменное, то, что записано постоянно на, так сказать, "жёстком диске" в голове, как в компьютере. А вот в "оперативной памяти", в области сиюминутных, повседневных ощущений и впечатлений от окружающей действительности и от среднесрочных (3 года)

перспектив, – мрак, тоска и пустота какая–то... Сидеть с уголовниками само по себе невыразимо омерзительно, как будто с головой погружен в канализационные стоки и принуждён там сидеть, не всплывая, в этом дерьме; а когда подонки в форме начинают ещё и ужесточать свой "режим", а сопротивляться этому невозможно, – уголовники ведь не способны организованно, осмысленно сопротивляться и атаковать Систему, а могут только скулить, выпрашивая себе мелкие поблажки и панибратствуя с начальством, – а в одиночку–то ведь тоже особо не посопротивляешься, – вот это настоящая проблема...

18.2.08. 9–05

Не подавать больше никаких документов ни на какое УДО, никаких обжалований, никаких надзорок, и т. д. и т. п. Хватит унижаться, просить, зная заранее, что получишь отказ.

А дождаться мая, когда уже будет по–настоящему тепло, покроются листьями деревья, можно будет выходить в одной рубашке. Дождаться, – увидеть, вдохнуть всеми лёгкими, пропустить через себя ещё одну эту пронзительную весну с её оттепелями, заморозками, пьянящими запахами и синевой, – и под лето, в середине где–то мая, – закончить своё бренное земное существование.

Был момент, – позавчера, в субботу, – когда я считал, что уже окончательно и бесповоротно принял это решение. Хватит, надоело. Всё равно Смерть неизбежна, – так зачем от неё бегать, чего ждать?.. Турник – чуть повыше моего роста, как раз подходящий – я присмотрел в "спортгородке" во дворе барака ещё давно, в том году. А вчера, в дополнение к нему, – толстую стальную балку, торчащую из стены у крыльца барака. По высоте как раз подходит. "Капронки" – очень ценимых здесь толстенных синтетических ниток для прошивки обуви – у меня есть аж целая катушка, спасибо матери.

9–18

Пока писал, раздались крики, что идёт "шмон–бригада". Суки, мразь, ублюдки! Взять бы всю эту бригаду, сколько их там – 8, 10, или сколько, не знаю, – и всей толпой в 100 человек перебить бы, порвать на клочья, чтобы только оторванные руки–ноги в стороны летели, да кровь фонтаном... Но, слава богу, тревога вроде бы оказалась ложной: эти выродки в форме пошли не к нам, а на другой "продол" – в 9–й, что ли, отряд...

Так вот. Дождаться бы, в самом деле, лета, выйти ночью, часа в 3–4, когда вся блатная сволочь уже более–менее угомоняется, беготня стихает и все спят, – выйти в тёплую майскую ночь, под шум деревьев в лесу сразу за "запреткой", под сияние луны, – и повеситься бы на этой "капронке", на этом турнике... Табуретку

вот только придётся с собой тащить, чтобы приладить петлю, а хождение по ночам и само–то привлекает внимание, тем более – на улицу (запрещено правилами), а уж тем паче – с табуреткой зачем–то в руках... И не уверен я ещё, что с первого же раза смогу всё как следует сделать и приладить, и что нитка эта, даже свитая вдвое, выдержит (печальный опыт уже есть)... Но решимость порой охватывает такая, что – дождаться бы только этого тепла, этого цветения цветов, этого мая, о котором мечталось и думалось ещё в прошлом октябре, когда по утрам, продрогнув насквозь, по первому снежку и мимо инея на "колючке" и деревьях тащился на завтрак...

Конечно же, все, кому говорю об этом, категорически против. Мать, ребята (вчера об этом я сказал Жене Фрумкину, уже не в 1–й раз; а Люзакову и говорить не стал, – точнее, пытался, но он не понял). Разговоры с ребятами поддерживают, конечно, морально, но... Впереди ведь ещё три года этого бессмысленного существования. Даже работать здесь, как выясняется, я не могу: суперпринципиальная Е. С. не хочет искать и оплачивать нового адвоката, чтобы он приезжал сюда и забирал... такие вот "экстремальные" тексты, как переделанный ещё в первую встречу для Люзакова и попавший к Е. С...

Обидно, конечно, умирать, так ничего серьёзного и не сделав. 34–й год, – уже зрелость и некоторый жизненный опыт, но ещё есть силы, есть энергия – искать себе большое дело, затевать его... Здоровье, правда, уже не то, – обиднее всего, что с ногой такая ерунда, даже быстро ходить не могу, не говоря уж – бегать. Но, думается, сил удержать автомат или гранатомёт и стрелять из него ещё хватит. Да и машины ещё мог бы научиться водить, – отстрелявшись, лучше не убегать, а уезжать...

Помню, в августе 2006, при ознакомлении с моим уголовным делом в тюрьме следователь мне говорил: мы боимся, Борис Владимирович, что вы от слов захотите перейти к делу (и потому, мол, вас сажаем). Речь, помнится, шла об одной моей фразе из какой–то статьи, что–то типа: может быть, руки, сегодня сжимающие поминальные свечи (на митинге памяти депортации чеченцев 23 февраля), завтра будут сжимать автомат, – в это не очень верится, но дай нам бог дожить до такого счастья. Так вот, спасибо следователю, спасибо судье Ишмуратовой и всем–всем–всем, – понимание, что и впрямь пора от слов переходить к делу, браться за автомат, действительно пришло, – благодаря тюрьме и зоне. Большое спасибо.

Только нет на это сейчас, насколько я знаю, ни денег, ни людей. А то бы – взрывы, взрывы, взрывы, обстрелы из гранатомётов, проносясь мимо на мотоциклах, и т. п. Мало ли

чего в современном мегаполисе можно устроить, какую "войну в толпе". Вон, по примеру ранней Rote Armee Fraktion (ещё в советской пропаганде эта их акция упоминалась: разгром и сожжение посольства ФРГ, кажись, в Стокгольме), – поехать сей же момент в Киев (лучше нелегально, конечно) и атаковать посольство РФ. Шикарный особняк, помню, на Повитрофлотськом проспекте; уж его–то я обходил и осматривал в 2004 году не зря...

19.2.08. 10–45

Всю жизнь делаю то, чего не хочу делать, что ненавижу всей душой, от чего тошнит. Так вот, помню, все 10 лет ненавидел школу, в которую заставляли ходить (матери не прощу этого никогда). Теперь вот сижу в ненавистной зоне, хожу на обеды и ужины, – смотреть на сечку, от одного вида (не говоря уж о вкусе) которой тошнит... Сейчас вот написал кассационную жалобу по поводу УДО, хотя уже было твёрдо решил, что не буду ничего писать... Русинов, с которым вчера довелось поговорить (вызвал) после получения решения Тоншаевского суда (эх, бомбу бы!..) говорит, что полгода до новой подачи будут в случае кассации отсчитываться не со дня первоначального отказа суда, а со дня отказа кассационной инстанции, то есть Нижегородского областного суда. Доживу ли я до тех пор (это будет уже сентябрь 2008, если не октябрь)? Не уверен.

А шмон–бригады всё бегают. Сегодня с полчаса назад, "пробили", что они зашли на 5–й барак. Нам тоже не миновать, видимо... Будьте вы прокляты, суки!

20.2.08. 9–35

Тягостное ожидание шмона... Забудется ли когда–нибудь это чувство во всю последующую жизнь? Уже заранее известно, что он будет, – все говорят; неизвестно только, у нас, или где–то ещё. Лежишь и ждёшь. Весь план действий уже продуман, – куда и что засунуть, а частью уже и засунуто (суки какие, ей–богу, – додумались же – запретить ножи и открывалки; мол, жрите всё из куска, и банки консервные зубами вскрывайте. Проклятая страна!..). Сегодня шмон–бригада на 7–м, 8–й и 5–й уже прошмонали на днях; видимо, это тотальные шмоны, и до нас эти выродки в форме доберутся не на этой неделе, так на следующей. Не миновать... И сегодня они что–то рано припёрлись на 7–й, – обычно приходят в 10, а сегодня и полдесятого ещё не было.

Тягостное ожидание шмона... Это то, что въедается в душу и остаётся с тобой навсегда, сколько бы лет потом ни прошло. Так же, как и ожидание подъёма. Здесь–то хорошо, здесь есть часы; а вот на "пятёрке" в Москве, в нашей родной 509–й хате... Никогда не забуду это состояние: все спят, и ты лежишь в темноте на своей шконке, прислушиваясь к тишине; внутри всё напряжено,

как сжатая до упора пружина, натянуто, как струна. Не знаешь, сколько времени, и сколько осталось до подъёма: то ли 2 часа, то ли час, то ли 5 минут... Вот сейчас они придут, – привезут завтрак, загрохочут открываемой кормушкой, и – самое страшное, самое роковое и непоправимое, – включат свет! И будет уже не уснуть, – а ты, как очень часто бывало, не спал почти всю эту ночь, ну разве что час–другой (часов ведь нет, не узнаешь точно). И опять весь этот бесконечно длинный, нудный день без сна, – 16 часов... Здесь то же самое, но здесь в этом смысле, конечно, полегче, – можно выходить на улицу, ходить по бараку, в общем, больше пространства, а время тянется почти так же нудно и мучительно, разбавляясь только хождением 3 раза в столовую, да выходами на "проверки". И всё же... Смогу ли я когда–нибудь описать достойно и с должной яркостью и полнотой 509–ю камеру "пятёрки", какой осталась она в моей памяти, как запечатлелись мои ощущения там за прожитые 10 месяцев, – почти всё лето 2006 г., осень, зиму и весну? Осень и весну вообще не передать словами, – не их, а их ощущение зэком через щель в зарешёченном с двух сторон окне. Там прошёл кусок моей жизни, там были страхи, надежды и разочарования, потрясения и расслабленность, отчаяние и тайные сладкие мечты. Как теперь описать всё это?..

23.2.08. 6–45

Не на кого опереться... Никому нельзя доверять... чувство одиночества, оторванности, потерянности, – вот, наверное, самое страшное и здесь, и на воле... Буковский в мемуарах пишет, что к 30 годам понял: единственный его капитал, скопленный за жизнь, – это друзья. А у меня нет и этого. Есть вроде бы друзья, которые помогают, стараются, делают, что могут. Но... то ли не сознают они, насколько я от них завишу, то ли ещё что, – но я кожей чувствую, как непрочна, ненадёжна эта поддержка, как любые, самые мелкие житейские обстоятельства в их вольной жизни могут им помешать, сбить с пути, – и мои просьбы останутся невыполненными, мои надежды и самые заветные мечты рухнут. Ни на друзей, ни на жену (да и жена ли она мне? не расписаны, и одно письмо за полгода...), ни даже на родную мать нельзя, увы, полностью и безоговорочно положиться, попросить о чём–то – и быть железно уверенным, что просьба будет выполнена, не будет забыта, перепутана или вообще признана неправильной, вредной для меня же, и т. д. И та же Е. С., так глупо обижающаяся на мои отзывы об истории и смысле правозащитного движения, на слова о том, что оно, по сути, не достигло цели, принимающая всё на свой личный счёт... Боже, как это глупо и как непоправимо, потому что отсюда нет возможности что–то объяснить,

растолковать, провести равноправную идейную дискуссию, равно как и напоминать каждый день о какой–нибудь просьбе, и вообще заставить людей (друзей!) счесть мои дела важнее своих и делать их приоритетно, вне очереди, сей же момент!.. Отсюда, как из гроба, нет возврата, нет связи с живыми (хотя и телефон, и почта, разумеется, есть), и от этого – такая страшная тоска, такое чувство одиночества и потерянности, что хочется только одного – умереть!.. Все надежды рухнули, и даже мать, если, как обычно, обозлится и заупрямится, как ишак, может перестать и приезжать, и звонить, и поддерживать материально, предстоит 3 года жить на столовской сечке и рыбе, ковыряться в рыбных костях, как большинство тут... Блин, в самом деле, оно мне надо?! Не лучше ли, действительно, сдохнуть сразу, не терпя вместе с бессмыслицей жизни и отсутствием будущего ещё и эти унижения в настоящем, ещё целых 3 года?..

Одно только по–настоящему радует, – признание независимости Косова. Добились–таки они своего, Москва осталась на сей раз с носом, её не послушались, и газовый шантаж – излюбленное средство – тут бы не помог. Это огромная радость именно, как щелчок по носу Москве (если не больше). И как залог будущего, разумеется, – с принципом "нерушимости границ", можно надеяться, будет всё–таки покончено в пользу признания права наций на самоопределение.

24.2.08. 8–48

Возвращение блудной Маньки... Большая серая кошка Манька, поселившаяся на моей шконке вскоре после моего переезда сюда, вернулась! Её не было весь вчерашний день и всю эту ночь, а утром она, как ни в чём не бывало, вышла из–под соседней шконки и вспрыгнула на мою. Вся мокрая, в снегу... Её и сейчас опять нет на месте, – всё утро бегает туда–сюда. Посидит на своей "подстилке" (моё свёрнутое одеяло в ногах шконки), полижет свою шкурку пушистую, – и опять убегает. Загуляла, словом, наша Маня, не сидится ей дома. Оно и понятно – весна...

Да, уже весна. Незаметно этак она подкралась, как всегда. Когда вышли сегодня на завтрак, было уже совсем светло, и восход солнца уже начинался, дальний край неба за запреткой был освещён и свободен от облаков; термометр на крыльце 4–го барака показывал 0 градусов. Настоящее весеннее утро, обещающее ясный, солнечный, звонкий день! Тоска только, что провести его, как и много ещё дней, придётся в неволе... На обратном пути, правда, солнечный край неба затянуло тучами, стало пасмурнее и холоднее.

Россия, XXI век... Дикая страна с диким народом. Стоило получить 5 лет срока и заехать этапом в эту глухомань, чтобы ещё

раз убедиться в том, что знал дома и о чём писал, сидя в мягком кресле перед компьютером. Всё правильно писал, как выяснилось, только ещё слишком мягко. Действительность оказалась, как обычно, ещё ужаснее и омерзительнее, чем самые беспощадные представления о ней со стороны. Как и 100, и 200, и 500 лет назад, – страна эта населена по сей день не народом, а сбродом тупого быдла, алкашей, генетических рабов и подонков, трусливых перед теми, кто сильнее их, перед любым начальничком, самым мелким, и беспощадных к слабому. Чернь, сброд, толпа рабов и холопов, оценить истинное лицо которой можно, лишь оказавшись не только НАРАВНЕ с ними, но и в полной их власти, безо всякой защиты.

Над самым забитым и жалким из "обиженных", по фамилии Трусов, они издеваются так, что тошно смотреть. Мало того, что именно его пихают на все самые тяжёлые и грязные работы – чистить снег, колоть лёд, пробивать засор в туалете и вычёрпывать затопившие его сточные воды, – его ещё и нещадно бьют, матерят, пинают, днём от подъёма до отбоя не дают не то что лечь, а даже сесть на шконку. Весь день он на ногах – ошивается где–то в коридоре, в раздевалке или в туалете. Вид затравленный и жалкий. Больше всего, конечно, его пинают и бьют свои же – "обиженные", и на грязную работу его ставят они же, – вся такая работа в бараке на их обязанности, а уж распределяют они её между собой сами. Но несчастного Трусова пинают, матерят, всячески шугают походя, чуть не в лицо ему плюют и все остальные, – фактически весь барак. А когда вчера на одно из таких вот пустых замечаний он "огрызнулся" – про себя, еле слышно, в сторону сказал: "Да пошёл ты!.." – боже, что тут началось!.. Казалось бы, вполне естественная реакция от забитого, затравленного, постоянно всеми пинаемого и унижаемого человека, вообще никаких прав в этом людском коллективе не имеющего, – пробормотать что–то сквозь зубы в ответ на очередную придирку. Но один из шустрых малолеток, при сём присутствовавших, на беду Трусова, расслышал его слова. Через минут 5 в бараке из уст в уста этот эпизод передавался в следующем виде: "Трусов посылает мужиков на х...!". И несчастного начали бить. Сперва тот шустрый малолетка, потом ещё кто–то, потом ещё, – кулаками по несколько ударов. Экзекуция происходила в том углу раздевалки, где он обычно целыми днями и стоит (или сидит, если найдётся на что сесть). После кулачного этапа "экзекуции" он сидел в своём углу, закрыв лицо руками. Но это было ещё не всё. Пришли блатные, – сперва один, потом другой, самые омерзительные, какие только есть в отряде. Рассказали сначала первому, затем он позвал второго, – в

общем, история разрасталась на глазах за считанные минуты. Потом одно из этих блатных животных взяло швабру, сняло с неё саму щётку, прикреплённую внизу, и толстым деревянным колом принялось бить этого несчастного. Его крики из раздевалки были слышны в секции, где я в тот момент находился.

Я хотел сегодня спросить его, за что он сидит и какой раз, но не успел (а при свидетелях это нежелательно). Конечно, он по своему уровню ничуть не выше своих мучителей, – скорее всего, такой же алкаш и ворюга, как и они, такой же балласт и отброс рода человеческого. По внешнему его виду, во всяком случае, никаких особых достоинств, интеллекта и пр. не заметно. Но всё же – в приговоре его значится "лишение свободы" и не значится ежедневное битьё и унижения как дополнение к основному наказанию. Смотреть на это вблизи тошно, а сделать в одиночку тут ничего нельзя. Поневоле возникает вопрос в голове, – что бы такое сделать с этим народом (а точнее – сбродом), который жить может только вот так, топча слабых и пресмыкаясь на брюхе перед сильными...

Народ – урод, маньяка–палача
Себе под стать избравший президентом,
Является уже не для врача,
А только для могильщиков клиентом.

Сразу же вслед за избиением Трусова произошло вчера вечером в бараке и ещё одно нелепое событие, – на этот раз скорее комическое. Возле "фазы", то есть розеток в стене и приставленного к ним стола, на табуретке стояла какая–то бадья с брагой, ещё не до конца готовой, нагреваемой масляным электронагревателем, включённым в "фазу" (почему тут и поставили) и накрытым вместе с бадьёй одним большим куском простыни. Я слышал мимоходом, как хозяин бадьи хвастался, какая "бомба" у него должна получиться. И вдруг, пока я у себя на шконке пил чай, в "фойе" возле "фазы" что–то произошло... Сперва по возникшей сцене я подумал было, что вошли "мусора" и "спалили" (то есть заметили) эту брагу. Но всё оказалось гораздо анекдотичнее: кто–то опрокинул нечаянно бадью, и всё пойло широким потоком разлилось по полу! Само по себе происшествие смешное, – особенно в том смысле, что несчастные алкаши–уголовники лишились любимого напитка, с такой страстью и нетерпением изготовляемого, – но им, ей–богу, было не до смеха! Особенно забавно то, что случилось это минут за 30 до вечерней проверки, не больше, и у самой входной двери барака. Кинули, естественно, всех "обиженных" и шнырей срочно вытирать лужу с полу, – но запах–то, запах бродящего от плесени (за неимением дрожжей) пойла вошедший на проверку "мусор" неизбежно

должен будет почувствовать. Однако, как я понимаю, история последствий не имела, а что уж сказал "мусор", входя в барак, не знаю, так как был в это время на улице.

17–30

Подохнуть бы скорее, – одно только осталось желание, больше нет ничего в душе. Тоска и пустота, бессмысленность жизни и отсутствие будущего... "Нет большего разочарования в жизни, чем освобождение из тюрьмы", – пишет Буковский в мемуарах. Так оно и есть, – даже отсюда я это вижу, как там всё безнадёжно и глухо...

Тяжёлый выдался день. Тяжко жить в атмосфере постоянной грызни, озлобленности и мордобоя. Сегодня прямо в секции били Сапога, – местного клоуна и придурка, полного кретина, если сказать точнее, мешающего всем соседям (как минимум) нормально жить. Но какой бы он ни был, – бивший его блатной выродок, мразь, нечисть, вызывает у меня такое омерзение, что перед ним меркнет всякая вина и весь идиотизм Сапога. Уже давно я понял, что блатные, вся эта шваль и мразь, вся эта воровская верхушка, – это ещё хуже "мусоров", ещё злее, подлее и отвратительнее (перед "мусорами"–то они на цыпочках ходят, трясутся, а морду бить могут только тем, кто заведомо слабее их и не даст сдачи, ну или на кого, в крайнем случае, можно наброситься всей толпой).

В общем, паршиво всё. Посчитал сегодня – оказывается, 705 дней я уже сижу. Всего 705 дней... Всё, что было и не было, все надежды и разочарования, все письма и встречи, три тюрьмы, 2 этапа и лагерь, огромный и страшный кусок жизни, – всё это вместилось в эти 705 дней. Всего–то!.. А осталось зато мне ещё 1120 дней – ровно 160 недель. Когда я начал их считать, в том году ещё, их было 170. Дни тянутся бесконечно, по 16 часов, а недели и месяцы летят... Керсновская, мемуары которой дочитал вчера (их прислала Е. С.), считает, что дни в неволе быстро летят от того, что они бедны событиями, ничего не происходит, а когда день наполнен событиями, впечатлениями, то он тянется долго. Не знаю, может быть. 1120 дней ещё осталось – и нет ничего впереди, никакой надежды на более близкое окончание срока. Чёрт его знает, выдержу ли я их, эти 1120 дней; а если выдержу, то зачем мне это. Не знаю. Я бы охотно согласился умереть сейчас, не мучиться, не продолжать этот затянувшийся дурацкий спектакль, пошедший наперекосяк с самого начала... Вот, свидание должно быть с матерью послезавтра, 26–го, и Женя Фрумкин приедет. Радость вроде бы, свидание, тем более с матерью, а о чём говорить с ней – я не знаю. Она хватается за любую соломинку, верила, как в священное писание, сперва в

УДО 7 февраля, теперь вот верит в кассацию по поводу отказа в УДО... Верит во всё, во что приятно, во что хочется верить, а на мои скептические возражения истошно кричит: "не говори мне то, что меня расстраивает, я не хочу слушать!..". Завтра ещё идти после обеда в спецчасть, мёрзнуть там час в очереди. На улице, в холодных ботинках для "спецконтингента" – отдавать эту самую кассацию, плюс надзорную жалобу на приговор. Пойду, отдам, – а толку–то? В общем, тоска...

25.2.08. 15–41

Страна идиотов, ей–богу... Будь ты проклята, страна идиотов! Ну надо же до такого додуматься: оказывается, на воле сегодня выходной, – за субботу, так как в этот раз паскудный праздничек 23 февраля выпал именно на субботу. А так как теперь это официальный выходной, то за него и устроили "отгул" в понедельник, – 1–й идиотизм. (Впрочем, не больший, чем объявить православное рождество официальным праздником в светском государстве и устраивать по этому поводу каждый раз каникулы по 10 дней). Но это ещё не всё: по этому поводу не работает сегодня спецчасть этого проклятого лагеря, – а работает она на приём документов для отправки по инстанциям всего один день в неделю, понедельник. И на полученное в прошлый понедельник, 18–го, официальное постановление суда об отказе в УДО мне в течение 10 дней (то есть до 28–го) надо было отправить кассационную жалобу, уже давно написанную. Один день из 10–ти, – понедельник, 25–е, сегодня. И у этих уродов выходной! Это 2–й идиотизм. Ну, а 3–й, уж совсем мелкий на этом фоне, – что у этих мразей в форме и в штатском, у "начальников" – выходной, ну а зэкам–то они всё равно устроили день по обычному, "рабочему" графику – подъём в 5–45 вместо 6–00 и зарядку, которой по выходным не бывает. Нет, твари, вас можно – и нужно! – только убивать, добром с вами ни о чём не договоришься! Ситуация в этой стране идиотов созрела, – если за ближайшие полгода после "выборов" Медведева не будет никаких решительных и кардинальных изменений к лучшему (а их не будет), то самое время переходить к (полностью морально оправданному) террору.

29.2.08. 8–50

Будь всё проклято во веки веков! А что ещё сказать? Где взять силы жить в этой ежедневной, неотступной, повторяющейся мерзости – и выжить?..

Прошло уже и свидание, обошедшееся на сей раз без эксцессов, без скандалов, ругани и слёз. Мать – как всегда, ничего нового. Теперь свято верит, что меня выпустят осенью, при следующей подаче на УДО. Как бы не так.

Женя Фрумкин – тоже как всегда. Точнее, как в прошлый раз, в июле того года, когда он тоже приезжал на свиданку. Он замечательный человек, но – увы – то ли лишён инициативы, то ли уже стареет; всё новое, активное, что я не то чтобы предлагаю, а хотя бы могу предположить, – всё воспринимается им не только без энтузиазма, но как нечто совершенно несбыточное. Писать статьи, издавать самиздат, проводить митинги, пикеты, временами попадая за них в милицию, – это, конечно, хорошо, но это делалось все 90–е и 2000–е годы, делается до сих пор, а толку–то? И что, так на этом уровне и застрять навеки? И мечтать о "всеобщей политической забастовке", которая для Жени до сих пор остаётся главной недостижимой целью всей борьбы?..

Сукразит эти суки лагерные теперь выдумали отдавать через санчасть. Бумаги мои – письма и распечатки из интернета, привезённые матерью на свидание, теперь отдают через Русинова. Бумаги я пока так и не получил, а зато вчера время между обедом и ужином (3 часа) провёл сначала в спецчасти, пытаясь отдать в последний день свою кассационную жалобу по поводу УДО (отдать удалось, но эта тварь, принимающая бумаги, людей вызывала к 3–м, а сама пришла лишь в начале 5–го, и то сперва не хотела эту жалобу у меня брать), а потом в больнице, получая – тоже в большой очереди, хорошо ещё удалось одним из первых) этот проклятый сукразит. Всего–то одна упаковочка, 300 таблеток, – не сподобилась уж мать купить побольше!.. Зато купила какой–то гринлайт, – тоже подсластитель; ей сказали при покупке, что он лучше сукразита, оказалось – намного хуже, вообще ни хрена не сладкий.

Мать звонит, скандалит, грузит по полчаса всякой ерундой, криком, не давая вставить ни единого слова. То яростно доказывает мне, что в УДО отказали только из–за наличия множества ходатайств от правозащитников, ПЕН–центра и т. д. (полная чушь, и она сама же ещё недавно яростно настаивала, чтобы все, кто может, написали и прислали как можно больше этих ходатайств), то говорит, – со слов Фрумкина, – что, якобы, ребята решили, что не будут меня публиковать ни за что, чтобы не стало хуже (мне), а передо мной только будут делать вид, что мои тексты куда–то рассылают и где–то они публикуются, благо я отсюда проверить не могу. Ничтоже сумняшеся берётся убеждать меня в этом, тоже на крик, – типа, я должен сразу поверить, что мои ближайшие друзья – конченные подлецы. Тем не менее, эта мысль, сообщённая вчера вечером, резко испортила мне настроение, отравив и вечер, и сегодняшнее утро. Зачем тогда я всё это пишу, переписываю, стараюсь, ищу каналы на волю, – если они там, на воле, получат – и заведомо положат под сукно? И в

чём тогда вообще смысл моей здесь жизни, если единственный её смысл – работать, писать и публиковаться на воле, – так легко и так непоправимо "зарезан" из столь идиотского соображения, как "не сделать мне хуже", – как будто может быть что–то хуже этого решения и моего тут абсолютно бессмысленного существования после него.

Короче, пока (сегодня же, максимум завтра) я не спрошу об этом у Паши Л., правда ли, что они приняли такое подлое решение, – я не успокоюсь. Беда только в том, что, если они его приняли солидарно, то и мне ничего не скажут, будут всё отрицать даже после того, как мать проговорилась.

А сейчас ещё, как назло, тащиться в проклятую баню, – опять стоять там полчаса в холодном зале, с нормально не закрывающимися окнами, ждать, когда кто–нибудь отойдёт и даст возможность встать под струю (народу полно, а "леек" там – всего 19). И ещё морока – или тащиться туда заранее, одному (вдвоём с кем–то), рискуя наткнуться на "мусоров" и огрести взыскание, – или же прийти последнему, т. к. всё стадо идёт явно быстрее меня, и не иметь ни скамейки свободной, чтобы сесть раздеться, ни даже крючка, чтобы повесить одежду. Эти уголовные наглые выродки радостно захватывают себе всё, что им надо, а на других (тем более, интеллигентов, не кроющих матом, как они) им наплевать...

11–55

Ну вот, Паша говорит, что это – "их" решение, без него, независимо от него. Ну, настроение этих товарищей я знаю уже давно. Паша подтверждает: не хотят меня печатать, потому что "Свободное слово" – "не экстремистское издание". Ну и ладно, ну и пусть!.. Паша обещает, что в интернет, на "родные и любимые" (это уж из меня цитата) чеченские сайты он будет закидывать. Ну, и Михилевичу, и Мане Питерской вроде тоже он обещал. Только вот... чеченцам–то не всё можно закинуть из моего творчества, ибо не всё у меня так просто, – "на всё воля Аллаха", и точка. Если бы так... Нет, философия атеизма и "богоборчества" им совсем не подойдёт, а именно на эту–то тему и хочется высказаться всерьёз.

МАРТ 2008

3.3.08. 6–40

Опять сломались часы, привезённые матерью из ремонта только в последнее свидание, меньше недели назад. Опять отвалилось у них колёсико завода, с которым были проблемы и в прошлый раз. Будь проклята эта страна идиотов, в которой даже часы ни сделать, ни починить нормально не могут, с любой самой элементарной жизненной необходимостью тут всегда возникают проблемы!..

Вот и прошли "выборы президента". Как же мучительно долго тянулся вчерашний день. Воскресенье, ранний ужин, бессмысленное времяпрепровождение в неволе... Хорошо, хоть книга была и "Новая газета", ещё не до конца прочтённая, – можно было зачитываться ими до головной боли.

Второй срок Путина я провёл весь – кроме первых двух месяцев, – в попытке эмиграции, в розыске, в тюрьме и в зоне. Весёленькое было времяпрепровождение... 1–й срок Медведева, видимо, тоже почти весь пройдёт здесь же, в зоне. Идут, идут дни, недели, месяцы, – а эта тысяча с лишним дней, три с лишним года, никак не исчезает, не убавляется, так и висит над головой... И что бы ни было, – кажется, всегда уже, на всю оставшуюся жизнь, мне всегда будет оставаться ещё 3 года сроку... Жизнь идёт по кругу, всё в ней повторяется, – и, может быть, через эти три года (а вдруг даже и раньше) я буду опять, как в былые времена, сидеть на палубе теплохода, везущего туристов куда–нибудь в Питер или в Уфу (если доживёт мать, дай бог ей дожить!); может быть, буду по–прежнему сидеть за компом в своей комнате, у старого письменного стола, купленного в 1981 году, или переходить перекрёсток Лескова, Корнейчука и Плещеева, подходя к ленкиному дому... Всё будет как до ЭТОГО, как будто и не было ничего... А может, и вправду не было? Так тогда, наверное, будет казаться. "А прошлое кажется сном"... Но что–то останется в душе, какой–то рубец, шрам от пережитого, – то, что не вспоминается каждый день, но незримо присутствует в душе, как багаж, как груз жизненного опыта, наполняя мудростью и тонким, проницательным знанием жизни каждый жест и каждое слово переживших и повидавших многое стариков... А может быть, не будет ничего этого; может быть, мне суждено умереть здесь, в этом самом Буреполоме, – 3 года достаточный срок, за который многое может случиться. Как бессмысленна эта жизнь,

полная бесполезной пустой суеты, тем более если конец её заранее известен, – неизвестна только дата. "Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?". И какой нелепой, пустой и бессмысленной отсюда, начинаешь понимать, была жизнь на воле...

7–30

Каждое утро готовит какой–нибудь сюрприз, какую–нибудь пакость. Сегодня вот часы сломались, а вчера, или позавчера, было что–то ещё, столь же неприятное, но я уже не могу вспомнить, что именно...

8–00

Чувствую я себя лет на 60. Или уж, во всяком случае, за 50 где–то. Хожу медленно, с палкой. Состарился раньше времени.

4.3.08. 6–17

Господи, как же я ненавижу всё это, что вокруг меня! И этот "столик" на табуретке, низенький и неудобный, вместо нормальной тумбочки. И этот туалет, грязный, сырой, вонючий, омерзительный. И эту раскисшую от весны снежную кашу с лужами во дворе, и поломанные, обнажившиеся от снега доски, на которых строятся для "проверок". И этих уголовников с их брагой, картами, сгущёнкой, ларьками и пр., среди которых приходится жить, тратить годы своей жизни попусту...

Апофеоз маразма был в прошлую пятницу, когда у них опять засорился туалет, причём настолько безнадёжно, что они отключили воду у нас и на 10–м отряде (2–й этаж над нами), дверь туалета просто забили досками и повесили бумажку с надписью: "В туалет и умывальник ходите на 8–й и 4–й отряды. Ремонт!". Завхоз сказал, что это счастье продержится дня 2–3, и было очевидно, что где 2–3 дня, – там и неделя. Но случилось чудо, – неведомыми силами канализация была пробита и туалет открыт уже на следующее утро...

5.3.08. 6–20

Беготня и суета то предутренняя, предрассветная, с кружками и кипятильниками, – то зарядочная, с прыганьем со шконок и одеванием на ходу. "Контролёр пятый прошёл!!", "Контролёр восьмой прошёл!!!" – истошные крики, все бегут, топот ног, суета и т. д. и т. п. Пропадите вы все пропадом! Сегодня на зарядку удалось–таки не выйти (только что, минуту назад, она закончилась). И вот опять – длинный, бесконечный день предстоит, и всё известно в нём заранее... Через час примерно – на завтрак, потом – вернуться, перекусить самому, потом 3 часа свободных, когда все спят (если только не будет шмона, – опять пошли о них разговоры, хотя у нас он вот совсем недавно же был); потом – проверка, ещё полтора часа пустых (почитать

Шендеровича), потом – обед; после обеда – в ларёк, за хлебом, лапшой и пр. (дай бог, там очередь была бы поменьше, не стоять час из–за 100 рублей); вернуться домой, может быть, перекусить (если будет чем и не будет уже поздно, близко к ужину); потом – идти на ужин, который практически никогда я не ем (эту омерзительную капусту, сечку или перловку есть невозможно, но ходить они всё равно заставляют. Страна идиотов, ей–богу!); потом – приходишь с ужина, ещё полтора часа свободных (чтение, пока хоть есть, к счастью, что читать); потом – поужинать самому, попить чаю, полежать 5–10 минут, завести часы, и – на проверку, точнее – гулять, ожидая её, где–то 20–30 минут по двору (хотя он сейчас в лужах и завален счищаемым из завалов у барака снегом; гулять трудно и неудобно, но всё равно...). На ходу можно повторять про себя стихи – чужие или свои. Вот и всё, и день кончен, – ещё один день из моего бесконечного срока, из оставшихся трёх с маленьким хвостиком лет. 1111–й день пройдёт, и 1110 их ещё останется, 158 с половиной недель. Всё известно заранее (если не будет никаких неприятных сюрпризов), – и на весь этот день, и до конца срока, и даже до конца жизни... А мать сегодня поедет, как всегда, на кладбище, – день рождения бабушки, 20 лет как покойной.

8.3.08. 6–15

Вот и 8–е марта. Зарядки сегодня нет – праздник, и подъём поэтому же в 6 утра вместо 5–45. На улице тепло, но всё завалило свежевыпавшим снегом, вся сетка и колючка на запретке покрыты этой пушистостью снежной. Красиво... А мне вспоминается главным образом одно и то же: 8 марта прошлого года в тюрьме, в моей "родной" 509–й хате. Всё было так хорошо, светло, уютно, радостно на душе, – как будто и не в тюрьме, чёрт возьми. Сидели мы вчетвером – я, Саня Лазарев, Витя Сусаров и отмороженный десантник Олег Кузьмин, а азербайджанца Мурада (?) накануне, в день его рождения 7 марта, утром забрали на этап. Пока оставшиеся всё утро, в ожидании бани, смотрели какой–то бесконечный новый фильм, снятый при поддержке Лужкова (о женщине, вышедшей замуж за офицера ещё до войны и прошедшей все тяготы советской истории годов до 60–х или 70–х), я незаметно, никому не говоря, совершил маленький подвиг, чрезвычайно поднявший мне настроение: своими руками, прямо пальцами, перед зеркалом умывальника вытащил изо рта полностью расшатанный остаток давно разломанного зуба, который (остаток) несколько дней как резко расшатался и не давал мне нормально есть. Устранил очередное серьёзное препятствие на пути неведомых тогда ещё будущих тюремных испытаний, чем был страшно доволен. Потом, ближе к обеду,

повели в баню (или это было уже после обеда? Не помню точно). Когда мы вернулись из бани, кстати, всё тот же фильм ещё шёл, – там было сразу несколько серий, по–моему, и мои сокамернички опять принялись его смотреть. А где–то в 3 или в начале 4–го уже я перехватил инициативу и переключил телевизор на уже давно, задолго до 8 марта, анонсированный "Служебный роман", который не видел очень давно, больше 10 лет, наверное, а Саня Лазарев в свои 32 года (на год моложе меня), как выяснилось, не смотрел его вообще никогда.

В общем, хороший был день, – вот именно тёплый и уютный какой–то, всё так как–то хорошо было, – есть теперь что вспомнить, вопреки тому, что и тогда это была тюрьма. Тогда, правда, я ещё не знал своей будущей участи, не знал, что срок оставят в Мосгорсуде без изменения, не знал Буреполома... А теперь вот знаю, – и не знаю, что со всем этим знанием делать. 1107 дней уже остаётся до конца срока, – как ни крути, сколько ни живи, сколько ни считай дни, всё равно висят те же самые 3 года, осточертевшие и неизбежные...

14–05

Насколько хорошо, тепло, радостно и уютно всё было в этот день в прошлом году, – настолько же мерзостно и отвратно сейчас. Постоянно открытая входная дверь в барак, – а на улице метель, и по всему нашему концу секции дует ледяным ветром, особенно по ногам! Спиртзавод под соседней шконкой! Большие эмалированные вёдра и пластмассовые тазы (для стирки) с брагой – и главный специалист по ней, 19–летний выродок, генетический отброс общества с 4–мя судимостями за уличный грабёж, привыкший (даже и здесь, в заключении) жить за чужой счёт, – постоянно под шконку лазящий, достающий, трясущий и бултыхающий эти тазы, вёдра, бутыли с пойлом, показывающий их так же постоянно приходящим к нему по этому поводу блатным "начальникам"!.. В том году на повестке дня были карточные игры, – сейчас брага! Под новый год перебрался из старого проходняка, от тамошнего выродка–уголовника–картёжника (4–я ходка за грабёж, и на роже этот грабёж написан крупными буквами), – недолго музыка играла, в новый проходняк подселили этого вот юного дебила, главного технолога по браге... Они совместно снимают полиэтилен с таза или ведра, трясут его, болтают дерьмо внутри, нюхают и озабоченно оценивают, насколько активно их пойло "гуляет" и когда будет готово... Серьёзность на лицах такая, как будто это руководство крупного химического комбината обсуждает выполнение плана во времена КПСС... Для них это мировая проблема, их брага, – ей–богу! Для них это смысл их жизни, – вернее, жизнёнки или жизнишки, их

никому на свете не нужного пустого существования. 5 соседей со всех сторон и сверху, все из Нижегородской области, – и все пьяницы! Двое хотя бы работали, когда просыхали, а остальные – просто пьянь подзаборная, жившая воровством и грабежом слякоть, слизь и нечисть... А тут ещё Шендеровича читаешь, – его "Плавленные сырки" за 2006–й год, когда я уже сидел – и думаешь, что, ей–богу, уничтожить это государство надо не просто так, а желательно – вместе с населением, и что исчезновение этого народа, как "цитировал" меня на суде в 2006 свидетель Якуничкин, и впрямь не было бы большой потерей...

Ну всё, – на обед!

9.3.08. 6–40

Проходит всё... Вот и это 8–е марта прошло, и 9–е пройдёт, как и всё на этом свете. Может, и хотелось бы что–то удержать, сохранить навечно, но увы... Проходит жизнь. 158 недель ещё осталось... Пройдут, конечно, и они. Но всё это, вся жизнь – в никуда...

Единственная пока хорошая новость – мать занялась всё–таки установкой нового памятника на кладбище, на Ваганьково. Отдала, говорит, 20 тысяч, ещё 17, что ли, надо будет отдать за сами надписи на нём, плюс, может быть, сколько–то ещё – за установку. В мае, говорит, обещают его уже поставить. И то – давно пора уже было. В ноябре этого года исполнится 20 лет, как умерла бабушка... А на памятнике останется ещё место и для матери, и для меня. Только я не хочу там лежать, – скучно это и уныло. Если всё будут делать друзья, уважающие и готовые исполнить последнюю волю покойного друга, – пусть кремируют и пепел развеют где–нибудь над морем. Хоть, вон, над Финским заливом в Питере. Мне это будет приятнее, чем унылая яма на Ваганьково и этот новый памятник...

Перечитал вчера попавшееся в бауле, среди тетрадей, прошлогоднее мартовское письмо от моей Ленки. Год уже прошёл... И за этот год было только ещё одно письмо от неё (недавно) и одно свидание с ней – 22 июня прошлого года в тюрьме, в Москве. Её прошлогодние рисунки по–прежнему бесподобны, разворачиваешь – и как будто волна счастья накатывает... Она и в этом году, как в прошлом, написала, что любит меня и ждёт. И я её люблю, тоскую по ней, мучаюсь... Хоть бы позвонила... Грустно всё это. Жить по катехизису Нечаева, который так осуждает Е. С., всё равно не получается, – жить только ради одной революции, сознательно отказавшись от семьи и от всего личного вообще. Отказаться нету сил, и вся жизнь – лишь цепь бесплодных попыток наладить это личное счастье, что–то устроить, кого–то найти... И, увы, именно что бесплодных.

Сколько их уже было, а сейчас вот – кажется, всё есть, в 1–й раз в жизни всё получилось, но – разлучила нас тюрьма, 5–летний срок... В общем, только добавляет эта любовь в разлуке мучений душевных и тоски. И ещё 158 недель, 1106 дней тут сидеть, и некуда деваться...

10.3.08. 5–00

Чувство бесконечной, непосильной, смертельной усталости. Бесконечное, мертвящее, убивающее в тебе душу и тело одно и то же. Месяц за месяцем, год за годом, – одно и то же... Вот сейчас, в 5–45, зажжётся свет, ночной дневальный раскатисто крикнет: "Подъём!!", и опять надо будет пережидать проклятую зарядку (или скорее выскакивать на улицу, если идёт какая–либо начальственная сволочь), и потом опять – делать себе бутерброды, пачкая руки в маргарине, потом идти (тащиться) на несносный, никому не нужный завтрак, который я, скорее всего, не стану есть, потом плестись назад в барак, ставить чайник... Одно и то же, одно и то же, одно и то же каждый день, и некуда деваться, нет выхода из этого замкнутого круга во веки веков... Три года ещё мне предстоит этих завтраков и подъёмов, и от одной этой мысли можно сойти с ума... Нет, наверное, – можно и эти три года выдержать, вынести, пережить, – наверное, можно... Вот только – какой ты будешь после них, пропустив через себя, день за днём, эти оставшиеся 158 недель, 158 бань, – и ты ли это будешь вообще...

И сплю я тут лишь урывками, кусочками, кое–как, просыпаюсь и встаю по 5 раз за ночь. Было бы на душе спокойно, – может быть, хоть спал бы лучше, хотя при подъёме в 5–45 какой уж тут сон... Но ни письма мои (нелегально, не через цензуру посланные), видать, не доходят до адресатов, ни дозвониться, поговорить с теми, кто мне нужен позарез, ни дождаться их звонков... Только начнёшь звонить или наберёшь и ждёшь ответа – идут "мусора", в любое время дня и ночи, и надо срочно отдавать телефон... Все усилия, все попытки что–то передать отсюда на волю, хоть те же стихи, – не срабатывают никак, не получаются. Что остаётся? – копить их здесь? Ждать ещё 3 года? Вести чисто растительное существование, есть–пить, ходить на обеды–ужины? Как все эти вот бессмысленные существа, которые меня тут окружают? Нет, я так не могу, иначе жить станет уж совсем незачем. А изоляция тут оказалась и вправду довольно плотной, – есть телефон, да, можно поговорить, но вот передать что–то на волю, помимо цензуры, тем паче для публикации – чёрта с два, и это окончательно добивает. Это тоже суета сует, и я сам понимаю, что нервничать по этому поводу не стоит, но вот – всё равно нервничаю, не могу успокоиться: дошло или не дошло

то письмо, и спать не могу, и ночь насмарку, и делать ничего уже не хочется, ничего писать, раз оно всё равно не доходит, и вообще не хочется жить... Жизнь в неволе – это не жизнь, и нет сил сейчас же, не сходя с места, её закончить... Не жизнь, а сплошное, ежедневное мученье...

6–23

Что в этом во всём самое омерзительное? Не физические тяготы, нет, а – унижение. Когда твоё человеческое достоинство топчут ногами, и ты ничего не можешь сделать. Вот сейчас, только что, явился отрядник к самому началу зарядки, выгнал всех на мороз. Я–то дальше тамбура всё равно не пошёл (как и многие), но донельзя, нестерпимо унизительно – подчиняться им, покорно делать, как они велят... Потому что бороться против них в одиночку (даже в масштабах зоны, не то что государства) невозможно, а вокруг – одни рабы и трусливое быдло, к организованному сопротивлению не способное. Вот и остаётся только лишь мечтать о том, как ты вспарываешь этой офицерской мрази брюхо, отрезаешь голову, отрываешь всей толпой им руки–ноги, и кровь из порванных вен бьёт фонтанами, заливая идеально белый снег вокруг. Они заслужили это полностью, но увы – ничего этого в реальности нет, хотя и должно быть давно уже, и трусливая рабская сволочь, мразь, населяющая эти палестины – от Кёнигсберга до Курил – предпочитает подчиняться и покорным стадом выходить на ежедневную "зарядку" на мороз вместо того, чтобы просто взять – да и оторвать "мусору" голову (в самом буквальном смысле)...

11.3.08. 6–26

Тяжёлый это всё–таки диагноз, увы, – жить в стране идиотов, и трудная судьба, особенно трудная, – сидеть в этой идиотской стране ещё и зоне, где кругом сплошные идиоты, никто ни за что не отвечает и всем на всё наплевать...

Вчера сразу после отбоя что–то случилось со светом, – он вырубился, как я понял, в коридоре (в секции уже был погашен). Спать было замечательно, – не мешал постоянный свет из коридора, как обычно всю ночь (дверь ведь никто не закрывает, да и то она со стеклом). Сегодня утром выяснилось, что свет есть только частично в коридоре, сушилке (бывшей) и в туалете, работает "фаза" (розетки в коридоре), но нет света в секциях и – самое удивительное и необъяснимое – нет воды! Ладно ещё, её не бывает, когда вырубают свет во всём лагере, плюс ещё и в посёлке (воду качает из скважины электронасос). А при нынешней–то локальной и, очевидно, пустяковой аварии в одном бараке, – почему же нет воды?.. Кто ответит на этот риторический вопрос... Теперь, видимо, в завтрак опять надо будет тащить бутылку с

водой в столовую, чтобы набрать там, – хоть чаю попить... Маразм, в общем, – глубокий, непоправимый и столь для этой идиотской страны характерный, что знаком мне с далёкого детства...

Ещё одна беда случилась вчера, – пришла, откуда не ждали. Опять начал болеть зуб! В прошлый раз он болел неделю или 8 дней прошлым летом на 1–й сборке, в Москве, в тюрьме, с 23 мая, сразу после отказа в кассации, с того же дня, и до 1 июня где–то. Тех страшных дней мне не забыть вовеки, – боль была такая, что я, фигурально выражаясь, на стенку лез, не мог ни есть, ни спать, ни дышать, ни думать о чём–нибудь, кроме этой боли. Вчера вдруг начало перед обедом болеть – и сразу довольно сильно, выше обычной терпимой нормы. Потом – вскоре – отпустило, и после этого временами до ночи зуб ныл тихонько, – ощущался, но сильно не беспокоил. Так же ноет он и сейчас, – хотя ещё только утро, а он уже, почти с того самого момента, как я проснулся и ещё даже не успел встать. Вот такая вот очередная беда, – похуже любых прежних. До освобождения и лечения под общим наркозом на воле – ещё три года, а здесь, – да, тут есть стоматолог, но и работает он не каждый день, да и я не вынесу никаких у меня во рту процедур, – во–первых, местный наркоз обычно плохо или совсем не действует, а во–вторых, я даже просто с открытым ртом больше минуты просидеть не могу, – сразу начинаю давиться и кашлять...

12.3.08. 6–20

Что самое омерзительное во всём этом гадюшнике, где я нахожусь? Самое, или одна из самых омерзительных вещей тут – это постоянное напряжение. Расслабляться нельзя ни на секунду – на каждом шагу поджидает тебя какая–нибудь пакость. То заползают от соседей вши, здесь их уйма – и надо каждый день, постоянно пересматривать всю свою одежду, не забывать, – а то они расплодятся, и будет вообще кошмар. То останавливаются часы, – хвалёные часы российского производства оказались вообще полным дерьмом, у первых постоянно ломался завод, а эти вот, вторые, "командирские" – регулярно встают, хотя завод ещё не кончился, – и надо, смотря на часы, дабы узнать время, не забывать проверять каждый раз, стоят они или идут. То заболит зуб – и это вообще катастрофа, потому что тут его не вылечить никак, для меня под местным наркозом – это нереально. То эти подонки соберутся всей компанией в соседнем со мной проходняке, у главного специалиста по браге – моего 19–летнего соседа с 4–мя судимостями – и начинают ночью разговаривать, лазить под шконку (соседнюю), открывать банки со "сгухой", трясти большими 5–литровыми бутылями с этим пойлом, из

которых во все стороны (то есть на мою шконку и на меня) летят липкие, сладкие, жирные брызги... Не говоря уже о том, что само нахождение, обычное повседневное пребывание среди этих грубых, злобных, примитивных, неотёсанных существ, то и дело грызущихся, лающихся матом или просто дерущихся друг с другом, – это тоже мучение. Нервы напряжены до предела, и выхода нет, и это постоянно, и одна такая вот проблема (вроде вшей или зуба) лезет за другой, и ни минуты расслабления, ни минуты отдыха нет, а впереди ещё три года такой жизни...

А как дерутся между собой "обиженные", если б кто на воле видел! Маленький щуплый шкет, дай бог лет 20, со всей силы налетает и бьёт здорового, огромного, лет на 10–15 старше его дебила с нечленораздельной речью. Дебилу скоро домой, но тут он – пария, его бьют и пинают все, – и "мужики", и, ещё сильнее, – свои, "обиженные". А сам он зато отыгрывается на ещё большем парии – том самом несчастном Трусове, который тут – вообще уже абсолютно бесправное и самое забитое существо, его бьют вообще все, включая и этого вот дебила (погоняло его Шрек, так как он здоровенный и в обритом наголо виде очень похож). Старика "обиженного" тоже бьют все, кто ни попадя, за любую ерунду (скажем, предложил сигарет "блатному" шпанёнку, который при нём просил у другого "мужика" закурить и не получил ничего. В свои 20 лет он накинулся на 60–летнего, наверное, деда, – надо было это видеть, описать – слов не хватит...).

7–00

А вот сейчас хотел пойти посмотреть утренние, 7–часовые новости по ТВ (тут всего 2 канала, 1–й и 2–й), – так хрен! Блатная публика опять, как обычно, включила там DVD и смотрит – на сей раз – какие–то клипы MTV–шные, музыка слышна ещё в другом конце коридора. Тут новости–то посмотреть, узнать самое элементарное, что в мире–то делается вообще, – и то проблема!.. Да ещё и через передачу перестали спокойно, как раньше, пропускать распечатки из интернета и прессу. Те бумаги, распечатки, газеты, письма и пр., что привезла мать на свидание 26 февраля, – я так до сих пор и не получил. Свиданщица собиралась отдать их Русинову – и с тех пор его не могу застать ни я, заходя в штаб, ни мать, звоня по телефону из Москвы, чтобы эти бумаги потребовать. И ещё неизвестно, отдаст ли он их все, или в качестве цензуры сочтёт часть "крамолой", и хрен эти бумаги получишь...

8–45

О, это чувство бессильной ярости! – когда чувствуешь, что тебя буквально зажимают в угол, и пятиться уже некуда, и отступать ещё – значит перестать быть собой, и люто ненавидишь

всё вокруг, их всех, кто дышит, ходит, говорит (разную пакость) рядом с тобой, – и ничего не можешь им сделать!.. Нет сил ничего изменить, ничего отстоять, и только чувство омерзения ко всему окружающему (и всем) душит, выворачивая наизнанку, до рвоты, до полного опустошения, до смерти...

Опять, когда выходили на завтрак, завхоз вякнул перед всей собравшейся толпой, что, мол, приехал какой–то "режимник", так что, мол, убирайте баулы в каптёрку. Чтобы там опять что–нибудь спёрли – вдобавок к моим, украденным в том году, двум простыням, спортивным штанам (всего 1 раз надетым) и 10 блокам сигарет (большая ценность здесь). Я пока что ничего никуда не убрал, но как отбиваться, если они всей кодлой – и блатные (в первую очередь), и завхоз, и "общественники", и просто всякая мелкая 13–отрядовская сволочь – будут настаивать и давить? "До матерного лая", как говорится у А. Толстого в "Петре I", а может быть – и до мордобоя... А "режимник", скорее всего, если и будет ходить по баракам, до нас не дойдёт – сюда вообще редко кто доходит.

Ещё одна веселуха в столовой: раньше её "локалку" (ворота в заборе, которыми она обнесена) не закрывали, и можно было после еды по одному линять в барак, – хотя, разумеется, положено всем вместе и строем. Теперь вечно торчащие во дворе столовой "мусора" велят эти ворота запирать на ключ, пока все не поедят и не соберутся. А иной раз принимаются тут же, в столовском дворе, ещё и строить по трое в колонну. Муштра...

13.3.08. 7–07

А вот сегодня с утра настроение почему–то хорошее, радостное, – вопреки оставшимся 3–м годам, вопреки очевидности, вопреки всему... С чего бы это? Может быть, потому, что вчера всё так удачно прошло, – и комиссия эта промелькнула так, что никто даже не видел, как она зашла в барак (во время дневной проверки; и баул я так никуда и не убирал); и вечером так нелепо и обидно сломавшуюся молнию на моих спортивных штанах быстренько починил Юрик – мой сосед по проходняку, заготовщик в столовой и шнырь, постоянно ставящий чайники блатным, моющий им посуду, и т. д. – неплохой парень, на воле – пьяница, видимо, запойный, а здесь – источник постоянных приколов для меня; мы с ним боремся, возимся совсем как дети, в шутку "дерёмся", – в общем, последние недели он сильно скрашивает и разнообразит моё тут существование. Нет, не все они тут – совсем уж отпетые подонки и профессиональные воры/грабители; только те, кто даже работал, а не воровал на воле, и у кого характер более–менее добродушный, не злобный (как у большинства тут), – всё равно на воле пили по–чёрному, все их

рассказы о своей жизни крутятся вокруг алкоголя; ну и, конечно, существование они на воле вели абсолютно бессмысленное, – работа, дом, семья и ничего кроме, ничего глобального, абстрактного, никаких интересов, выходящих за рамки будничного, привычного уклада...

Так вот, а ещё вчера, уже после отбоя дозвонилась–таки наконец мать (целый день не получалось у неё, а я к вечеру уже начал расстраиваться и нервничать по этому поводу). И говорит, что всё нормально, – есть надежда, что с бумагами моими на воле всё утрясётся, они–таки станут доступны для публикации (в которую, правда, всё равно не очень верится); и Голубев (мой московский адвокат времён тюрьмы и суда, сокурсник Кантора) вроде бы 20 марта может наконец–то приехать (с сентября не появлялся, – ездить ему, видите ли, слишком далеко и тяжело), можно будет отдать ему всё, накопившееся за последнее время, все, так сказать, плоды интеллектуального труда моего, единственная отдушина и единственный смысл моего здесь бессмысленного существования... Конечно, на самом–то деле ничего хорошего нет, и мерзость этой жизни в неволе в ближайшие же часы, даже, может быть, минуты не замедлит проявиться (вот сейчас переться на завтрак в столовую, а там опять начнут строить в колонну по трое и не выпускать, суки!..), – но вот встал с утра – и вроде бы, кажется, всё хорошо; весна, не холодно, снежок, и вчера всё удалось, и на душе – какая–то наивная, глупая радость...

20–07

Рано обрадовался. Эта сволочь Голубев, сейчас сказала мать, уже не хочет ехать сюда 20 марта, а только 20 апреля или уже в мае. Пошёл на попятный, короче. Глупо это всё... Завис я тут, короче, без возможности что–то серьёзное передать на волю. Не смертельно, конечно, но обидно страшно... А пакостей сегодня никаких серьёзных, к счастью, не случилось. И даже хорошая мысль пришла: эти вот "Марши несогласных", эти тучи ОМОНа, на них сгоняемые грузовиками, заблокированные улицы... Вот бы под такой "марш" выбрать крышу или окно – и туда, где гуще всего скопление ОМОНовских грузовиков, пару выстрелов с крыши из гранатомёта, а лучше – из двух–трёх одновременно, залпом. Или хотя бы автоматными очередями – по этим тварям, сгоняемым избивать безоружных демонстрантов...

14.3.08. 12–32

Господи, сколько буду ещё жить, – до конца дней, наверное, не забуду это унижение: баня! Лагерная баня... Выходить, как сегодня, из барака пораньше, за полчаса до основной массы зэков, и, едва ли не крадучись, осторожненько идти в неё – прямо по

"продолу" мимо бараков, потом за угол, к воротам, потом между двумя воротами мимо столовой, – всё время напряжённо вглядываясь вперёд, за угол, и вертя по сторонам башкой – нет ли "мусоров". Ходить по одному, без "общественника", тут запрещено, в баню, столовую и т. д. (и обратно, соответственно) – только с "отрядом", а отряд, хоть и инвалидный, – в баню бежит очень даже резвенько, только успевай, и когда я – одним из последних – захожу "с отрядом" в баню – эти суки уже позанимали все лавочки для раздевания, крючки, не говоря уж о "лейках" (их всего–то 19, а в отряде только в нашем под 100 человек, а в остальных – под 200). Это унижение – раздеваться–одеваться под ругань зэковской уголовной мрази рядом, успевшей раньше меня занять лавочку, как и ждать по полчаса освобождения "лейки", чтоб помыться, – уже было мною испытано неоднократно. Тоска от этого только густеет, усиливается, – как и в те первые времена, когда приходилось есть сечку на завтрак. Теперь вот не приходится, слава богу. А с баней – потому и стал я теперь выходить пораньше, и теперь вот это новое унижение... Революционер, блин, бесстрашный рыцарь, герой–подпольщик, – тихонько, незаметненько, чтобы только не нарваться на "мусоров", не заработать взыскания, украдкой пробирающийся в баню! Тьфу, блин!.. Смешно и противно, ей–богу! Мечтать в душе убивать их, упиваться их кровью – и трусливо оглядываться по сторонам на лагерном "продоле", чтобы только добраться до бани... За это ОНИ (не только все эти местные макаревичи–русиновы, а вся Система в целом) должны будут когда–нибудь заплатить, причём по полной программе, и расплата эта будет страшной...

А вчера ночью, уже после отбоя, вдруг дозвонилась мне Маня Питерская. Я не ожидал, – думал, это Е. С., которой набирал незадолго перед тем, до проверки ещё, – и как будто тёплая, захватывающая волна хлынула и залила сердце, когда я услышал: "Привет, это Маня". Ближе–то единомышленников, пожалуй, у меня нет во всей нашей большой "тусовке" политической, да и вообще в стране. Говорили мы с ней почти час, сам факт этого разговора греет мне душу до сих пор ещё, – но новости её, увы, были неутешительны. Оказывается, какой–то серьёзный раскол случился у чеченцев, – Закаев теперь премьер и не признаёт президента Умарова почему–то, – а я и понятия об этом не имел. И узнать подробности негде и не у кого, – разве что у Е. С., если она захочет рассказывать об этом. В российской оппозиционной тусовке тоже всё глухо, безнадёжно, хотя Маня и говорит, что есть всё же люди, с которыми можно работать. Но я–то их не знаю в любом случае, – как–никак, 2 года вне этой среды, вне контекста... В Питере судят каких–то людей за покушение на

Матвиенко, – а в "официальной оппозиционной" прессе типа "Новой газеты" об этом ни звука. Да и у самой у неё, как она говорит, была идея "свалить" в ту же Украину, где сейчас Рауш и где был и я в 2004... Надеюсь, всё же она не "свалит", доведётся ещё поработать нам вместе, может быть, – но всё равно грустно. Ведь она молодая совсем, активная, экстремальных убеждений придерживается, наподобие моих, даже ислам вроде бы приняла, – и всё только для того, чтобы свалить?.. На улице весна, тепло, всё тает, – только срок мой всё не уменьшается, и на душе – тоска...

А с текстами моими на воле – тоже, по–видимому, ничего не делается, сколько я ни прошу, ни строю планов и схем, ни выслушиваю обещаний. Ничего не делается, не передаётся ни от кого никому, не публикуется – и это тоже символизирует тщету, суету, бессмыслицу и безнадёжность всей этой жизни и всех усилий...

15.3.08. 6–20

Только что, к началу зарядки, заходил Макаревич. Все повыскакивали, естественно, чуть не бегом. На улице уже тепло, лужи, весна, – хоть не такая тоска стоять на этой зарядке. Обошлось всё тихо, спокойно, ни на кого он в этот раз не орал (фантастика!), даже спящих не будил, и к середине зарядки уже ушёл (все – тут же обратно в барак, я – первый). Но пока он – на выходе – стоял у крыльца барака и с кем–то разговаривал, – я смотрел на него пристально, на его камуфло и тельняшку, – и одна, только одна–единственная мысль жгла и концентрировала всё сознание: вот сейчас бы, и прямо здесь, в этом дворе, в локалке, взять его всей толпой – и разорвать на клочья, оторвать голову, руки–ноги, уничтожить его! На это хватило бы минуты, не больше...

Командовать привык толпой рабов –
И сгинул.
Порвали в клочья – вот и вся любовь!
С почином!

13–45

Люди коварны, двуличны, лицемерны, подлы, хитры и ни на кого, как понимаешь с течением жизни, нельзя положиться, никому нельзя полностью доверять. Вот, казалось бы, есть друзья – а что с них толку? Они все норовят помогать мне так, как ОНИ считают нужным, а не так, как я прошу, а иначе – устраняются, и им плевать на меня, все заняты своими делами. И оборотной стороной самых дружеских и любовных чувств, самых пламенных их изъявлений – со временем часто оказывается лицемерие и безразличие...

15–25

Постоянные драки, постоянный мордобой и грызня. То "обиженные" дерутся между собой, то блатные, то блатные же бьют "обиженных"... 2–3 человека одновременно с синяками. Жестокость и злоба, – это не люди, а зверьё, хотя звери–то как раз редко бьют или кусают себе подобных... Подонки, а не люди, мразь, отребье рода человеческого.

16.3.08. 17–55

Уже настоящая весна. Днём на улице совсем тепло, даже в лёгком осеннем шарфике мне жарко. Утром светает ещё до подъёма, – правда, пока незадолго. И сейчас вот на улице ещё светло. Скоро, увы, опять придётся перестраиваться на летний уклад жизни – и всё лето опять жить здесь, и бабье лето тоже, и осень – до следующей зимы, и всё опять по кругу... Надо будет, как потеплеет окончательно и можно будет снять телогрейку, отдать её как следует выстирать – и узнать, можно ли утеплить к следующей зиме синтепоном (из второй, новой моей телаги), убрать светлые полосы, вшить карманы внутрь и т. д. Эта зима была тёплая, но даже тёплой зимой сильных продувных ветров эта одежонка не выдерживает, её продувает насквозь. Надо утеплять, – следующая зима может быть (и наверняка будет) страшнее этой.

...Единственная отрада – стихи. Они у меня слабенькие, конечно, хиленькие, не профессиональные, но душу радуют, особенно когда получаются более–менее хорошо. Сегодня вот 2 маленьких, по 12 строчек вдруг как–то сами собой написались. А в сборнике Некипелова – за 16 марта 1974, замечательное стихотворение, написанное в одиночке Бутырской тюрьмы... Тоже был март, солнце, капель, пронзительная свежесть и свет разлиты в воздухе... Я это всё видел прошлым мартом через решётку 509–й хаты в Москве. Как заманчиво это было через щель открытого – до упора в решётку – окна!.. Сейчас, когда можно свободно выходить на волю, видеть небо и трогать снег, – ощущения уже не столь романтические. Да, весна здесь, в зоне, не очень–то и ощущается, – по крайней мере, мной. Солнце, лужи, – всё на месте, но не ощущается радость, душевный подъём, обычный для весны. Всё отравляет постоянное, неизбывное ощущение неволи, и эти камнем на душе лежащие 3 года...

17.3.08. 12–33

Дрожь омерзения, отвращения ко всему на свете – и к себе, и к друзьям, на которых нельзя положиться, и ко всему миру, и к этой дурацкой жизни. Все мои заботы, волнения – дойдут ли письма, отдаст ли Е. С. бумаги, опубликуется ли что–нибудь, и т. п. – всё это "суета сует и томление духа". Ничего не опубликуется,

это уже ясно как день, – никому там, на воле, ничего не нужно, всем всё пофигу. А ещё они, блин, "за меня боятся", – чтобы меня, упаси бог, "на 20 лет не посадили", как кто–то сумел запугать мать... А Майсурян ещё писал мне, – мол, "это как с креста проповедовать". Да, как же, – попроповедуй тут, попробуй... Глухая стена в ответ на все усилия. Тем более, что забрать, набить, послать по электронной почте, найти поиском в компьютере – всё это для матери моей слишком сложно, чтобы она могла толком передать и объяснить, а кроме неё – не через кого. Так что предстоит ещё 3 года жить тут чисто растительной жизнью – есть, пить, спать, выходить на проверки... Жить вообще без всякого смысла, короче говоря. А для себя, без выхода наружу и публикации, я тут могу писать всё, что душе угодно...

18.3.08. 8–40

День начался весело: к завтраку в столовой не дали хлеба. Мне–то он не нужен, – к завтраку моему в бараке осталась вчерашняя обеденная пайка; и сам хлеб этот – кислый и противный донельзя (дают только чёрный, белый же можно по 9 руб. буханка купить в ларьке). Но всё же для многих это – единственный доступный хлеб, в ларьке есть деньги далеко не у всех (и даже те, у кого есть, далеко не все берут там хлеб). Так что зэки были сильно недовольны.

А вчера, уже после отбоя, завхоз крикнул (откуда–то из коридора, то есть именно крикнул), что завтра (то есть сегодня) с 9 утра до 4–х дня не будет света, так что запасайтесь водой. И мы с Юриком – заготовщиком и моим соседом, который меня развлекает своей весёлой вознёй – подорвались и пошли наливать водой кучу литровых пакетов из–под сока, которые я покупал в ларьке и, выпив сок, по совету соседей, специально оставлял именно на этот случай. И не зря: пришла весна и, видимо, опять тут, в этом проклятом Буреполоме, начинаются отключения света на весь день, бывшие всю прошлую осень, до начала зимы. Сезонное, блин, явление!.. А вместе со светом отключается и вода, так как её качает из скважины электронасос. Маразм, блин! Страна идиотов... Причём это отключения плановые, не аварии, раз о них известно накануне. То ли той осенью столбы меняли, то ли ещё что, – но зачем и почему эти отключения, никто не знает, и приходится мыкаться в потёмках по бараку. Да, ещё одной живописной подробностью той осени (и нынешней весны, видимо, тоже) были постоянные костры в локалках, на которых, сжигая разломанные табуретки, нарды, куски щитов и т. п., зэки кипятили себе воду на чифир. Идёшь – и все 6 бараков дымят кострами, везде в кружок сидят эти уродцы у костерков...

Радость: вчера вечером Е. С. успела сказать, что на сегодня

договорилась встретиться с Сашей Майсуряном, отдать ему мои бумаги. Дай бог, не сорвалась бы эта встреча!.. Телефон быстро отняли из–за идущих по баракам "мусоров", больше ничего я узнать не успел, – но, может быть, всё же не напрасны были мои душевные мучения, нервы, переживания. Может быть, отсюда всё же удастся что–то донести до мира...

14–50

Как обидно, что самый близкий, самый понимающий ещё недавно, ещё полгода назад человек, – теперь не понимает, и использует моё беспомощное здесь положение для цензуры... Е. С. так и не встретилась с Майсуряном – говорит, встреча сорвалась, но что–то подозрительно, что всё время встречи на тему отдачи этих злосчастных моих бумаг срываются... И отдавать их она не хочет, и пытается отговорить от этого дела меня, – но и сама ничего не делает из того, что обещала и собиралась делать после отказа в УДО... А я, – ну что я могу? Настаивать? Да, я, конечно, буду настаивать, но для этого надо поговорить с Майсуряном, а это – большая проблема здесь. Самое–то обидное – что ссориться–то с Е. С. я абсолютно не хочу, но если настаивать, то это неизбежно; но и отступать я тоже не хочу, – хватит уже уступок! Нет, это не самое, САМОЕ обидное будет – если ссора случится, тексты будут отданы и доставлены по назначению, – и всё равно не будут напечатаны! Все усилия и волнения – зря... Предчувствие и привычка готовиться к худшему мне подсказывают, что так и будет.

...Писал–писал – а кошка Манька, сидевшая рядом, пошла – да и уселась (улеглась, точнее) прямо на этой вот тетради...

Что ж, – пока придётся учиться публиковаться через жопу. Причём в буквальном смысле. Текст мелкими буковками занимает 3 тетрадных листа; они скручиваются тугой трубочкой, обматываются нитками, обматываются кусочком полиэтилена – и засовываются поглубже в задницу. В тюрьмах и мобильники так носят, неужто я статью на 3 листка не пронесу? Скрутил пока чистые листы, попробовал, – нормально. Не выпадет даже при приседании, надеюсь. Только вот вытаскивать потом трудновато, не ухватишь пальцами. Это – в заду, стихи – в памяти. Пронесу!..

19.3.08. 8–00

Опять "мусора" строили отряд в "локалке" столовой после завтрака. Один – маленький и особо наглый – ещё и говорил, что, мол, "это ваша обязанность – построиться по первому требованию администрации". Представляю, как бы он удивился, если бы вот подойти к нему прямо здесь – и сказать, что вот лично моя, например, обязанность, – это всех таких вот, как он, кто носит эту форму и служит этому государству РФ, убивать. И как я мучаюсь,

что не могу пока эту свою обязанность как следует исполнять...

Навязчивая идея: не просто убивать их толпой тут же, в "локалке", а конкретно отрывать голову. Сперва несколько человек (другие несколько его держат) просто берутся за его башку руками – и поворачивают её на шее назад, так, чтобы шейные позвонки захрустели вовсю. Это именно то, что называется "свернуть шею". Интересно засечь, на какой секунде он умрёт, на сколько его хватит. Думаю, ненадолго. Потом – уже мёртвому – голову ему толпа просто отрывает (надеюсь, сил–то у целой толпы на это хватит?) и бросает на землю. Будет ли хлестать кровь из порванных артерий, или нет? – ведь сердце её уже не гоняет, это уже труп... В общем, всех, кто носит форму, имеет чин, звание и состоит на госслужбе РФ – я лично, своими руками мечтаю убивать, отрывать головы, рубить топором на куски, расстреливать в упор. Очень надеюсь, жизнь ещё даст мне этот шанс, даст возможность отомстить за нынешнее унижение. Сколько у нас всего вместе личный состав МВД, ФСБ, Минобороны, СВР, ВВ и т. д.? Больше миллиона, это уж наверняка. За каждый день этих 2–х лет, мною уже просиженных, я считаю вполне законным, адекватным и заслуженным уничтожать ежедневно по 5 тысяч (минимум) этой государственной сволочи. Я бы и своими руками, из пулемёта крупнокалиберного, не погнушался бы выкосить эти 5 тысяч, да хоть и весь миллион офицерья, чекистов, ментов, прокуроров и пр. – жаль только, нет пока такой возможности. Очень прошу Судьбу и очень надеюсь, что в жизни ещё у меня эта возможность будет. А иначе – ЗАЧЕМ, собственно, вообще я живу?

12–45

Избиение в раздевалке толстенным дрыном Шрека – того самого уродца – "обиженного", полуживотного, с затруднённой речью и явно умственно отсталого, уже под 40 лет. Украл он у соседа по бараку пакет с майками и трусами, а до этого, по словам того же соседа, – возможно, и новый кипятильник, неожиданно пропавший, пока все ходили на обед. Но непосредственным поводом, как говорил один из инициаторов расправы, было то, что Шрек перед этим подошёл к кому–то из молодых ребят–"мужиков" (то есть рангом выше его в этой омерзительной кастово–иерархической системе) и попросил: "сделай–ка мне кипяточку". Избивал его сперва блатной из самих же "обиженных" (аристократия касты неприкасаемых, так сказать; среди просто блатных они точно так же бесправны, как и вообще все "обиженные", и потому–то, должно быть, к своим жестоки до безумия, до садизма). Дрын для этого ему прямо в момент избиения вручили "обычные" блатные, а кое–кто из них потом ещё

добивал Шрека (уже не оравшего, как при битье палкой, в полный голос) ногами. Зажали в углу и избили, короче... Одни животные избили другое. Хорошо хоть, скоро этому бедолаге домой, – 21 апреля.

Закрыли в ШИЗО Юрика–заготовщика – того самого моего соседа, с которым мы последние недели постоянно возились, смеялись, в шутку дрались и т. д. Закрыли ещё того уродца – соседа с другой стороны, – который был тут "главным по браге" и не давал покоя ни днём, ни ночью. Хоть дней пять отдохнуть от него, – и то счастье. Закрыли ещё и того маленького, но жутко задиристого "обиженного", который не так давно тоже избивал Шрека – за непочтительный тон, грубо говоря. Кроме "бражника", попавшегося в день шмона отряднику с канистрой браги в руках, остальные виноваты только в том, что не вставали по подъёму (5–45! Совсем охренели, суки, в такую рань поднимать!) или спали днём.

1196 дней осталось, 157–я неделя идёт моего заключения. Не вырваться мне отсюда. Тоска...

20.3.08. 22–15

Подонки, ей–богу! Народ подонков и рабов, – здесь это видно очень хорошо. А Е. С. ещё советует делать окружающим как можно больше добра. Делал: раздавал тут нуждающимся, из тех, что поприличнее и не такие наглые, сигареты (тут вечная проблема с куревом). Доставал, когда подходили просить, прямо у них на глазах, из сумки, висящей над изголовьем шконки, не прятал, не скрывал, откуда беру. Так вот, – прихожу сейчас с вечерней проверки – а этот пакет висит, явно вывернутый со своего места, явно лазили в него и на место не потрудились заправить. Заглядываю внутрь, – точно, одного пакета с сигаретами (всего их было 2) уже нет! То есть, это мог сделать только тот, при ком я их доставал, тот, кто точно знал, где они лежат. Им делаешь добро, а эта мразь потом как ни в чём не бывало у тебя же и ворует...

21.3.08. 10–54

Всё, кончилась лафа – в баню поодиночке больше не пускают! Пошли было вдвоём с Сапогом в половине десятого, – но не пропускает СДиПовский "нулевой пост" у бараков. Завхоз вчера составил и подписал у Макаревича список на "свободный ход" по зоне; а когда я, узнав об этом, зашёл к завхозу, – 5 минут, как вернулся мой сосед, занесённый в список, и рассказал, – так завхоз уже говорит, что список успел отдать. Врал, скотина! – это ясно, хотя ничего плохого я ему не сделал. Напиши, говорит, заявление и дойди до Макаревича. Так что пришлось с этого "поста" переться назад в барак, – хорошо, что, как вернулись, один

из "общественников" повёл кого–то куда–то, и к нему пристроились сразу несколько человек – в баню. А то бы – как обычно: ни встать, ни сесть, ни раздеться...

А с какой мразью и падалью приходится жить в одном бараке, под одной крышей, – просто не описать словами. Прихожу сейчас из бани, собираюсь вешать сырые полотенца сушить, – на раме верхнего яруса шконки у меня натянуто было для этого 2 "верёвки" из толстой капроновой нити, очень здесь ценимой. Просто не из чего было в тот момент верёвку сделать, кроме этой "капронки". Так вот, оказывается, одной нитки уже нет – перетёрли и оторвали, остались только те кусочки, что с двух сторон были привязаны к раме шконки, со следами перетирания на них...

Воруют нитки, сигареты, воруют в каптёрке вообще что угодно из баулов (10 блоков сигарет и новые спортивные штаны у меня. Да, ещё ведь и 2 простыни в фабричной упаковке!) и т. д. и т. п. Подонки и мразь. Вот он, хвалёный русский народ–богоносец, – только напиться да стибрить, где что плохо лежит. Неисправимая никакими "реформами" генетическая мразь.

Солнце. Весна. Тоска. Сегодня ровно 2 года, как арестовали. Как раз где–то в это время, в 11 утра или чуть позже, они в тот день и пришли. Точнее, сперва пришёл один... Осталось ровно 3 года сидеть, и деваться некуда. Только яростные, беспощадные планы мести вынашивать этой проклятой стране, и молить Судьбу, чтобы когда–нибудь хоть малую часть их удалось привести в исполнение...

23.3.08. 8–40

Опять весна на белом свете... Дикая тоска. 3 года ещё сидеть, – и не всегда, не в каждый час каждого дня эта мысль присутствует в сознании, понимается ясно и отчётливо. А когда вспоминаешь, когда вдруг открываются глаза и приходит это вот ясное понимание – тогда охватывает тоска...

И по Ленке моей тоскую я опять, опять всплыло во мне это томящее, безнадёжное, горькое чувство, эта боль безысходности... По Ленке, по зайцу моему пушистому, любимому, ненаглядному моему зайчику... Всё время вспоминается почему–то, как я ходил к ней – и из дома, и от метро "Бибирево", по Плещеева, всё до того же перекрёстка; и пройти этот путь – как будто целую жизнь прожить, столько там шагов, мыслей, автобусных остановок; и та памятная лестница возле "Зари"; и сугробы, моря талого снега весной в конце Плещеева, на том же перекрёстке, там, где летом газоны (целые луга) с травой... Столько всего вспоминается, – как–никак, 4 года я ходил этими дорогами, почти каждый день ходил... Горькое, щемящее, тоскливое чувство, что больше этого

уже не будет никогда; что мечта вернуться туда – на эти улицы, ступеньки, дворы, под это хмурое небо, в эти навсегда прошедшие, канувшие дни, – абсолютно недостижима, и только в памяти будет саднить ещё долго от этих всплывающих не вовремя, нечеловечески ярких и реальных картинок. Как будто замедленные кадры – из фильма о собственной прошлой жизни. Потерянный рай, в который, как устроено в этой жизни, уже нет возврата...

11–35

Маленькие радости здесь, впрочем, тоже бывают. Ребята собрались во 2–ю годовщину моего ареста, провели на Лубянке пикет на эту тему. Да ещё и дозвонились мне прямо оттуда, удалось поговорить сразу с 4–мя или 5–ю людьми. И, кстати, из этих разговоров случайно (!) вдруг выяснилось, что дошло одно из моих "нелегальных" писем – с текстом про Косово. Обещают даже опубликовать где–то в апреле, – хотя я, как всегда, сильно в этом сомневаюсь. Дошло–то оно дошло, это радость, конечно, – но до сих пор не дошёл отправленный Е. С. вместе с этим письмом кусок дневника. Если пропал – будет жаль, конечно, хотя теперь можно быть уверенным, что его как минимум отправили. А 2–й канал, который и найдён–то был не мной, а мне как бы вскользь предложен, – видимо, оказался провокацией, те 2 письма так и не дошли до сих пор. Счастье ещё, что там не было ничего невосстановимого.

Да, а накануне, 20–го, пришло наконец–то письмо из Латвии, от одного из моих читателей в "ДДД". Почему "наконец–то"? Потому что сколько раз я их вспоминал за 2 года, и написать ещё летом 2006 года просил по электронной почте, и адрес давал, – всё тщетно! А тут письмо, да ещё в таких хвалебных выражениях составленное, с такими словами о признании и восхищении мною, что обалдеть просто!..

24.3.08. 6–22

Как и всегда, по понедельникам, пришлось выйти на зарядку (сейчас только что закончившуюся). "Макар на продоле!!!" (Макаревич), "Наш отрядник на продоле!!!" – истошные крики и топот множества бегущих (к выходу) ног... На улице за ночь выпала куча снегу, тропинки по двору уже протоптаны, но всё равно – в тапочках и носках на таком снегу некомфортно, но так и выходит большинство (а мне вообще эти проклятые ботинки одевать и шнуровать, – как раз до конца зарядки...). Никто, разумеется, "упражнений" под музыку, играющую из динамика, не делает, все просто стоят толпой. Уже не холодно, и выйти, в общем–то, не трудно, – но если б кто знал, до чего это унизительно – срываться и выбегать скорей, заслышав о какой–то

мрази, которой морду набить и ногами по почкам отпинать – самое то было бы по их заслугам, характеру и профессиональным привычкам ("командовать привык толпой рабов – и сгинул..."). А в результате – отрядник дошёл до нас только к концу зарядки, к 11–му упражнению, "контролёры ушли с продола", до нас вообще не дойдя, а "Макар" где–то на 12–м или на 5–м и до нас, может быть, ещё дойдёт, но попозже – минут через 10, через 20, или ещё позже, и проверять... Нет, пока писал – стрёмщик крикнул сей момент, вот только что: "Макаревич ушёл с продола!". Унижение, стыд и позор, и неохота жить...

25.3.08. 9–05

Вот сейчас на длительную свиданку... Не звонят что–то, не зовут. Сижу и нервничаю, как всегда. Ещё не поздно, ещё могут позвонить – но нервы всё равно не унять... Поехали мать и Женя Фрумкин. Е. С. вчера проводила их (точнее, Женю) на поезд. Должно быть всё нормально. Крушений поездов, судя по утренним новостям, вроде не было. Сижу, учу ещё раз свои старые тюремные стихи, – чтобы отдать их матери, если всё ОК будет с ручкой и бумагой, – и всё равно в душе нервничаю, не могу успокоиться... Скорей бы уж!..

28.3.08. 8–55

Ну вот и прошло оно, очередное длительное свидание. Была и ругань, и нежность, и волнение, и торжество... Меня выдернули из барака и завели на свиданку последним, почти в 12 дня, когда всех остальных уже развели по комнатам. Я смог легко и непринуждённо пронести и отдать матери все тексты, какие хотел. Даже не ожидал такой лёгкости. Плюс написал ещё там целую тетрадь стихов. Большой поллитровый "бокал", привезённый мне для питья чая ещё месяц назад, вроде бы разрешённый Милютиным и валявшийся с тех пор где–то по начальственным кабинетам, увы, вернули назад, – разрешение, оказывается, было дано непонятно на что, он думал, что там 2 маленьких чашки, а не 1 большая. Я хотел было подсунуть его незаметно в баул, когда сдавали передачу, но эти твари контролёрши, принимавшие её (точнее, одна из контролёрш), заметила и вернула его. Так и придётся пить чай из неудобного маленького стаканчика.

А в общем–то – тоска, конечно. Как будто выходишь или входишь в дверь дома свиданий – и попадаешь в другую реальность, в другой мир. В одном – мать с её заботой и любовью, приветы от друзей и пр.; в другом – бессмысленные и злобные существа, абсолютно тебе чужие, среди которых и по укладу которых ты вынужден, приспосабливаясь, жить месяцы и годы. Жестокая, нелепая жизнь, проходящие впустую дни, месяцы, годы,

нелепое и бессмысленное существование. А где–то есть дом, и знакомый двор, и вид из окна, родной до боли, – и когда приезжает мать, всё это, родное и до поры забытое, словно обрушивается на тебя водопадом, и ты чувствуешь себя вроде уже почти дома, а потом вспоминаешь, что уже завтра тебе опять возвращаться в ненавистный барак – как на другую планету, стоит только открыть дверь и пройти несколько метров...

В общем, горькую радость, надежду и тоску порождают эти встречи, эти свидания. Ждёшь их, ждёшь, считаешь дни, – а оно пролетает мгновенно, утекает, как сквозь пальцы вода. Мать прощально машет мне рукой из открытой двери здания свиданий, я машу ей от вахты. Остаётся в душе только грусть и тоска о бессмысленно проходящей жизни...

11–15

Вот уже и баня прошла, а я всё никак не могу успокоиться с утра. Мать уезжает домой, а я остаюсь здесь... Вроде не было у меня такой тоски после длительных свиданий ни в октябре того года, ни в январе этого. А тут вдруг как переклинило... Почему? Сам не знаю. Может быть, это весна так действует, – яркое солнце, почти сошедший снег (кроме газонов, где за зиму скопились сугробы), ручьи талой воды и жирная грязь на всех дорогах и тропинках зоны. Через три дня апрель. Это лучшее время года. Третий раз уже я проведу его в неволе, – первый раз была "Матросская тишина" в 2006–м, потом – 509–я хата "пятёрки" в 2007–м, а вот сейчас – зона... Пусть тут видно небо и полной грудью вдыхаешь весенний воздух и свежесть, – но радости нет. Нет того огромного душевного подъёма, который всегда бывал в конце марта и в апреле, на фоне ручьёв и грязи. Вспоминается 17 апреля 1982 (или 1983–го?) года – мы с матерью идём в школу, ещё 655–ю, а тротуары уже просохли, и на деревьях уже молоденькая зелёная листва. Или март 1999 – тот вечер, когда я дождался–таки (или кто–то позвал, не помню) Машу с её тогдашней работы, она вышла на крыльцо, мы коротко поговорили – и вот я уже, счастливый, шагаю по красногорским дворам, сквозь непролазную грязь, к станции... К чему все эти воспоминания? Тогда тоже было тяжело (собственно, легко–то никогда и не было), но была радость, было солнце, была удача этого, текущего момента (в 99–м) и надежда на лучшее будущее. А здесь? Лучшее будущее будет только через три года, – нет, sorry, и этот срок вот уже на целую неделю уменьшился. Через 2 года, 11 месяцев и 3 недели я освобожусь отсюда, – тоже весной, и вот это–то и будет настоящая радость, главная в жизни, самая яркая весна, – ярче, наверное, чем даже та, 1997 года, когда мы гуляли с Динкой по весенним лужам, а потом так нелепо и так

жестоко всё кончилось... Это и будет счастье, да, – уезжать по этим весенним лужам и рассветной свежести отсюда, из опостылевшего, проклятого Буреполома. Хотя, конечно, это всё эмоции, а по здравом размышлении – ничего хорошего не ждёт и на воле, кроме пустоты вокруг, и в душе, и общей неудовлетворённости жизнью...

А пока что – хочется просто домой, но нет выхода, и снова ты здесь, в мерзком бараке, среди мерзких тварей и их наглых ухмылок, хамства и мата, злобы и бесконечных перебранок и драк... Хочется домой, и нет уже сил здесь сидеть. Нет, конечно, сломить ИМ меня не удастся никогда, я так и написал этому латышу, Гедроицсу, и ни о чём я не жалею, и мечтаю только об одном – бить их, стрелять, жечь и взрывать, – само это государство, все его учреждения и всех, кто ему служит. Есть вещи, которые можно смыть только и исключительно кровью, больше ничем. Позор 5–летнего заключения в лагере, среди уголовного отребья, позор этого плена, рабства и безмерного, глобального, чудовищного унижения моей души, затоптанной их грязными сапогами – можно смыть только кровью всех этих "мусоров", вертухаев, прокуроров, чекистов и пр. и пр. Поэтому необходим террор, – тем более, что других средств заставить Систему услышать её оппонентов давно не осталось. Но – ...

Но как бы убеждён и твёрд ни был человек в своей правоте и в своих методах, – но он всё равно всего лишь человек. Думая о мести и вражьей крови, – он всё равно остаётся тем маленьким пацаном из вот этого вот двора, где он вырос, где гулял с родителями ещё дошкольником, и куда он теперь никак не может вернуться, – не пускают. Оттого и тоска, – ни отомстить ИМ нет сил (и не будет, видимо, в обозримом будущем), ни просто домой, в родные стены нет пути... Куда податься? К чему прилепиться душой? В чём найти утешение и опору, откуда черпать силы, чтобы всё это день за днём переносить? Даже если это кончится и не через 3 года, а раньше? Я не знаю, и просто, элементарно ХОЧУ ДОМОЙ, а меня не пускают, и от этого тоска...

14–08

Паршивые вымогатели! Как увидали, что принёс большой баул с передачей, – сразу побежали, один за другим: дай пачку сигарет в долг (разумеется, без отдачи, как уже было не раз); дай "на выход" блатных мразей из ШИЗО, – сигарет, кофе, чая, колбасы, консервов, шоколада, – в общем, всё, что есть, – всё им отдай!.. Разумеется, об этом не может быть и речи, – тем паче, что мне, во–первых, и есть самому надо, и сигареты за стирку отдавать; во–вторых, этим подонкам даёшь – а они у тебя же и воруют, все остатки сигарет разворовали из моего розового

пакета, висящего над шконкой.

17–35

Не успел дописать предыдущее, – после обеда сразу же подошло ещё одно блатное чмо с вопросами на тему: ты пойдёшь в ларёк? – А что? – Купи на общее чаю, или сигарет, пачек 5. Вымогатели вонючие!.. На "общее" (блатоте в карман, а не для тех, у кого и впрямь ничего нет) вытрясли из меня ещё 55 рублей на сигареты, – в дополнение к 150–ти, вытрясенным только в прошлую пятницу... А не будешь давать всей этой мрази деньги, жратву, сигареты и пр. – так они обрубят тебе пользование телефоном, придётся сидеть без связи. Один из них, малолетний омерзительный сучонок, так и сказал однажды напрямую. Вымогатели и шантажисты, привыкшие неисправимо везде и всегда жить за чужой счёт...

29.3.08. 16–55

Вернулся из ШИЗО тот юный выродок и дебил – мой сосед по проходняку слева, главный делатель браги в бараке. Уже (трёх часов не прошло, сразу после обеда) трясёт прямо рядом со мной своими огромными бутылями с этим вонючим пойлом. Заодно трясёт и мою шконку.

30.3.08. 13–40

Сидеть, быть в неволе – и так–то омерзительно и тяжело, а тут ещё – сидеть с уголовниками, среди них, в их мразотной среде!.. Боже, как же я их всех ненавижу, – этих выродков, это быдло, этот сброд! Гораздо сильнее, чем "мусоров", – те хотя бы формально придерживаются каких–то писаных норм и правил, а не "понятий". Да и заодно они – те и другие. Но не среди "мусоров" живёшь, не они сидят на соседних шконках и "чифирят" на твоей. Не они внаглую воруют у тебя сигареты из пакета на шконке... Нет, такие "экскурсии" в самую, так сказать, "народную гущу" очень полезны – после них окончательно умирают все "народнические" иллюзии (если были; а у меня–то их давно не было и на воле), и никогда уже этому народу не будешь желать ничего хорошего, и верить, что дай ему всё, жратву, работу, халявную водку – и он станет добрым, хорошим, перевоспитается, перестанет воровать и топтать тех, кто слабее... И никогда уже не сможешь нигде выступать "от имени народа" или "за народные интересы", если ты сам – приличный человек, и будешь всегда чувствовать непреодолимую (пусть и прозрачную) стену между собой и этим быдлом, которое тут, в лагере, открыто старается навязать тебе свои порядки кулаком, а на воле использует для этого думу, президента, полицию, ФСБ, РПЦ, цензуру и т. д... Мразь на мрази; это не народ, а просто сброд. Сброд пьяниц, садистов, воров и грабителей.

...И среди этих выродков мне осталось сидеть ещё ровно 155 недель, 1085 дней. 155 бань, как тут говорят. Конец срока – "никогда", – ещё одно здешнее выражение. В самом деле, через всё те же нескончаемые 3 года – это то же, что и никогда...

14–03

После погружения в эти сточные воды – уничтожение уголовного мира делается навсегда, на всю оставшуюся жизнь такой же насущной, неотступной задачей, как и уничтожение государства российского. "Мы живём, зажатые железной клятвой"...

16–15

Один, другой, третий, – уходят они домой. По УДО или по концу срока, – уходят... Вот и завхоз, маленький горластый уродец, выгонявший по утрам на зарядку, – уходит в пятницу, сам сейчас сказал. Прошёл, значит, УДО... А ты сиди здесь, парься, ещё 3 года... Будь всё проклято! Взять бы, да и поджечь этот проклятый барак, чтоб синим пламенем горел вместе с уголовниками; или бомбу сбросить бы на весь этот грёбаный лагерь!.. Не сидеть тихо–смирно – а устроить им тут ад на земле, апокалипсис в пламени и дыму; помирать – так с музыкой!..

21–54

Зато теперь я знаю – в самом буквальном смысле! – что значит выражение "дрожь омерзения". Только что, после вечерней проверки, на которой вокруг меня стояли одни блатные (так совпало, что ни один более–менее нормальный рядом не встал, только "братва"), когда толпа начала расходиться, меня вдруг действительно охватила сильная, крупная дрожь, всё тело начало трясти. Продолжалось это несколько секунд, и, поскольку я, трясясь, продолжал идти по деревянному настилу, где строятся для проверок, – то в какой–то момент, не заметив, запнулся за одну из торчащих досок насквозь прогнившего настила – и упал плашмя на живот! Доски там сплошь прогнили, поломались, – естественно, после многих лет дождей и снегов; их не меняли, похоже, со дня открытия этой зоны. Ходишь по ним, наступаешь – и внезапно поднимается конец отломанного куска доски, а твоя нога проваливается. Так можно и ноги переломать, без всяких шуток. А уж споткнуться в темноте и упасть, тем более когда ты поглощён эмоциями до степени телесной дрожи, – так вообще легче лёгкого! Ссадил кожу на ладони; слава богу, сильно не ударился, но весь перемазался в грязи – и телогрейку, и только что (вчера) взятые из стирки брюки. И – прямо судьба какая–то: в прошлый раз, зимой, как только мне их постирали, – я грохнулся через 1 или 2 дня со ступенек столовой и точно так же вымазал их все снова грязью...

31.3.08. 8–50

Как и каждый понедельник, сегодня пришлось–таки выйти на зарядку: отрядник явился с утра пораньше. Правда, выйти пришлось лишь к середине зарядки, даже позже, и на улице уже не холодно, так что это не настолько внапряг, как зимой.

На улице весна. Завтра 1–е апреля. Солнце, голубое небо, лужи, ручьи, – словом, красота! Лучшие дни каждого года. В третий раз мне суждено провести их в неволе... Матроска, "пятёрка", теперь вот – Буреполом. Три месяца вот уже прошло от нового, 2008–го года, – три месяца, четверть года, 1/20 часть моего срока, будь он неладен... И как всегда весной, – расслабление какое–то наступает, начинает вдруг казаться, что всё будет дальше хорошо, что все опасности и проблемы позади... Вот так же точно тогда, в 2006–м, 2 года назад, мать мне сказала фразу, которой я сразу же, радостно и легко поверил: мол, она убедилась, что ищут меня – заходят проверять на квартиру, есть я или нет, – поверхностно, для виду только. И я не мог никак расстаться с этой весной, с этим утренним солнцем, бьющим в окна, с этой до мельчайших подробностей знакомой комнатой – своей, и с другой комнатой, и с освещённой так ярко солнцем с утра, за завтраком, кухней; ну, и конечно, главное, – с компьютером своим, с интернетом и своей работой, которая одна только у меня и оставалась. А надо было всего–то переехать к Ленке моей, она уж как звала, даже ультиматумы мне выдвигала, – или я переезжаю к ней, либо расстаёмся... Выбила меня, ввела в недопустимое расслабление и благодушие эта вот фраза матери, – всегда ведь так легко верится в то, во что хочется верить... Так же и в прошлом году, в 2007–м, уже в тюрьме, на "5–ке", в 509 хате, – той сказочной, манящей через решётку окна весной, помню, когда ОНИ все уходили на прогулку, я ходил по камере, смотрелся в зеркало над умывальником, – на что я стал похож за год тюрьмы, – и всё думал, что меня ещё ждёт впереди, и выдержу ли я новые испытания и что, может быть, ничего такого уже не предстоит, – оставят всё–таки здесь, в Москве, в тюрьме, а в ноябре–декабре, как подойдёт УДО, – домой!.. Мечты–мечты, где ваша сладость... Точно так же вот сейчас кажется, и "оттепель", с избранием Медведева связанная, возможной, и даже наверняка она будет, охотно верится в эти постоянные разговоры о ней, и на душе вдруг делается так легко, радостно и хорошо... Но не будет никакой оттепели, не будет, это уже ясно, и надеяться нечего. А будет всё то же, всегдашнее, привычное государственное зверство, варварство и паскудство, – разве что под маскировочным имиджем слегка более "либерального" президента, чем предыдущий. Всё так же будут сажать и пытать, и накачивать

ядерные мускулы, и хамить Западу, и рваться к реваншу имперскому... Всё будет как всегда.

Ну что ж, спасибо тюрьме, – там я стал окончательно сторонником террора против этого государства. Все иные, легальные пути смены власти наглухо заблокированы специально принятыми законами, любые оппозиционные демонстрации разгоняются ОМОНом, легальная свободная пресса уничтожена... В этих условиях остаётся только беспощадный террор как единственное средство повлиять на власть: уничтожение любых её представителей, массовое и повсеместное, просто по признаку ношения ими формы и погон. Увидел на улице мента – подойди и убей его! Если так начнёт поступать хотя бы большинство населения (не говоря уж – все!), – будьте спокойны, менты быстро кончатся; оставшиеся в живых бегом побегут увольняться с любимой доселе работы... Если на воле (несмотря на ясное указание в "Декабрьских тезисах" 2004 г.) и были у меня какие–то малейшие, последние сомнения насчёт тактики террора, – то в тюрьме сомнений не осталось. В том, до сих пор так и не опубликованном большом тексте "Экстремистские мотивы" мая 2007 г. я выразил это ясно, – из–за этого, собственно, его и не хотят публиковать на воле даже лучшие из имеющейся оппозиции. Спасибо тюрьме! И если даже ещё раз наступит "оттепель" в полную силу, как на рубеже 90–х, – уже ясно, что она опять окончится новой реакцией, и так мы будем продолжать ходить кругами до тех пор, пока не будет начисто ликвидировано само это государство (РФ) вместе с самой даже возможностью устроить на этой территории, вчера ещё подконтрольной Москве, новый тоталитаризм и диктаторский имперско–реваншистский режим.

9–40

Не вырваться!.. И даже лапу себе не отгрызть, как делают звери, попадая в капкан. Так и придётся в этом капкане подохнуть...

10–40

По двору перед проверкой теперь не погуляешь, как я привык, – на нём "самодержавнейшая и великая грязища", прямо по Горькому. Растаял и сошёл с него весь снег, утоптанный и утрамбованный за зиму. Глина по щиколотку, раскисшая, и лужи поверх неё, и остатки снега в дальнем конце. Только вечером и походить, когда чуть подмёрзнет, – и то не весь двор, а меньше половины. Весна...

АПРЕЛЬ 2008

2.4.08. 6–25

Сегодня среда, – 1–й день за эту неделю, когда удалось не выйти на зарядку. Понедельник и вторник – пришлось...

Удары, удары, – и все в спину или ниже пояса. Хуже и не придумать, – вчера в обед узналось, что блатного персонажа, с которым у меня была договорённость о "трубе", о связи, – переводят на другой барак. Я остаюсь, таким образом, без связи. Это самое страшное, что могло случиться, – 3 месяца, пока действовал этот договор (даже чуть дольше), я чувствовал себя уверенно и спокойно, хоть этот груз упал тогда, в декабре 2007, с души. А тут – опять... И, хотя "труб" на бараке полно, – просить тут больше будет некого, уже есть опыт прошлого года, когда они глумились и издевались, как могли, и не давали почти и поговорить–то, и не звали в 7 случаях из 10–ти, и норовили выдоить побольше денег и шоколадок, и открыто шантажировали недопуском к "трубе"... Подонки, что тут скажешь. И что делать дальше, я не знаю.

12–40

Но зато и большая радость. Е. С. говорит, что получила всё–таки то моё "ценное" нелегальное письмо, отданное Полосатому ещё 23 февраля, с февральским куском этого вот дневника. Не пропал этот кусок, ура! Сохранится для истории. Но – письмо со штемпелем 4 марта отправлено из Буреполома, а не из Шахуньи, и – явные следы вскрытия и последующего заклеивания. Проверяют, значит, здесь и впрямь почту, в этом "мусорском" посёлке.

Опять мы возимся, как малые дети, с моим соседом Юриком – уже не заготовщиком. Надоело, бросил. Хотя – заготовщиков не хватает, одно наиболее тупое и злобное блатное животное вчера от Юрика требовало вернуться к заготовке, угрожая за отказ физической расправой. Он, молодец, не поддался, не пошёл.

Заходил сейчас Макаревич. Чёрт дёрнул меня пойти, когда уже крикнули: "К нам!" – в туалет, и на выходе оттуда как раз я с ним и столкнулся. Мать звонила этому подонку накануне – я говорил с ней о своих наиболее тяжёлых нуждах по его ведомству, – и, сука такая, ни "свободный ход" он мне не

согласился дать (мол, только для тех, кто плохо ходит. А я как будто хорошо хожу, – хромаю и с палкой!..), ни летнюю обувь не согласился пропустить для меня. В июльскую 30–градусную жару в этих здоровенных казённых башмачищах "для спецконтингента", что ли, придётся ходить?

Нет, систему надо не просто ломать, а взрывать, это ясно. Договориться с ними по–хорошему не получится никогда, – у них всегда "не положено", всегда идиотские законы и внутренние инструкции, всегда страх перед начальником. Это вот, последнее, сильнее всего и не даёт сделать что–то хорошее, в пользу простого человека, даже наиболее в душе добрым из них. Поэтому ничего не остаётся, как просто убивать их всех подряд, просто по признаку ношения формы, – и добрых, и злых...

3.4.08. 15–07

Да, ко всему в этой жизни можно привыкнуть. Привыкают и к тюрьме, и к лагерю, и к чему только не привыкают... Но всё равно вспоминаешь порой всё сразу – и охватывает такая злая тоска, такая безнадёга наваливается, что хоть в петлю... Давно не было такой злой тоски, как сегодня. Через несколько дней я останусь без связи – и, боюсь, на этот раз уже капитально, а сидеть ещё три года... Хоть не будет, наверное, такого, – но мне всё представляется, как я буду сидеть эти годы, если полностью исчезнет связь (кроме писем, которые доходят через раз), не будет никакой помощи и поддержки, – ни моральной, ни материальной, – ни от матери, ни от друзей, ни от кого... Ручки вот все кончатся, испишутся – и нечем будет даже письмо–то написать. Тоска...

22–00

Этот безумный, безумный, безумный день. Живёшь тут в мерзости и дикости, совершенно немыслимой, непредставимой среди нормальных, цивилизованных людей, – и как будто уже не замечаешь её, как будто это какие–то мелкие, ничтожные события, уже не вмещаемые рассудком, притупившимся восприятием разума и чувств. Притупившимся от перегрузки.

Начался день перебранкой в "фойе" из–за сломанного пластмассового тазика для стирки между моим бывшим (до Нового года) соседом по проходняку, – дебилом, идиотом и выродком, старым жирным грузином, хамства, тупости и дебильных плоских шуточек которого я наслушался в том проходняке "выше крыши", – и другим стариком, ничуть не более приятным. Но я искренне наслаждался их беседой, – фактически впервые за 7 месяцев в этом бараке услышал, как этому старому уроду, моему бывшему соседу, хоть кто–то даёт решительный отпор, не лебезит и не стелется перед ним, как все остальные

(авторитет, абсолютно ни на чём не основанный, большего идиота и представить трудно).

А кончился день переводом Юрика, моего нынешнего соседа и, типа, как бы приятеля по дружеской весёлой возне, – в "петушатник". Это был лёгкий шок, – но уже 2–й раз за эти 7 месяцев здесь таким образом "блатная" шпана распоряжается судьбами людей. Первым, ещё в том году, был старый нищий дед – за украденный с тумбочки "обиженных" кусок хлеба. А этот за что? Говоря цивилизованным языком – за куннилинг, о котором он ещё в ШИЗО, в камере, рассказывал при другом моём соседе – том самом главном специалисте по браге, закрытом вместе с Юриком. Этот подонок и выдал его. Коля, мой сосед сверху и как бы старший товарищ Юрика, его земляк, сказал, что, узнав об этом факте биографии, Юрика в "культяшке" (культкомнате) чуть не убили, – видимо, потому, что ещё недавно, до ШИЗО, он был заготовщиком пищи в столовой, это мракобесное и гомофобное быдло как бы ело из его рук... В общем, кастовая система почище древней Индии – в XXI веке, в государстве, претендующем считаться великим, демократическим и европейским. А между тем гомофобия и вообще повышенный интерес к чужой интимной сфере, попытки сортировать людей по этим критериям – есть верный признак фашизма. Юрик удручён, что о случившемся с ним узнают его друзья на воле, – то есть молчаливо подразумевается, что и они – там, на воле, не в зоне! – придерживаются тоже этой же гомофобской и тоталитарной системы координат. А ведь, между прочим, одного факта существования "петушатников" в зонах и тюрьмах России хватило бы, чтобы вынести ей и её народу окончательный приговор...

4.4.08. 6–23

Почему, собственно, в XXI веке человек должен скрывать ото всех свои сексуальные вкусы и предпочтения, рискуя иначе быть насильно зачисленным в искусственно созданную именно по этому признаку касту этаких "неприкасаемых", отверженных, этаких низших существ, которых всем остальным позволяется бить, всячески унижать и заставлять выполнять всю самую грязную работу, мыть туалеты и вывозить мусор с помоек?

Казалось бы, кто он мне, Юрик? Так, сосед по проходняку (теперь уже бывший). Но произошедшее вчера с ним меня жжёт, и мучает, и воспринимается как личное оскорбление и вызов.

6.4.08. 6–50

Настроение настолько пакостное, что хуже, кажется, и быть не может. Всё как клином сошлось в одну точку, – и крупные неприятности, и мелкие пакости, и тошно, и противно, и не хочется жить...

Из крупных, – конечно, главная (да и вообще одна пока что), – сегодня я, по всей видимости, надолго останусь без связи. Владелец телефона, которым я пользовался до сих пор, выходит из ШИЗО – и уже несколько дней назад ходили слухи, что его переводят то ли на 12–й, то ли на 8–й... Телефонов–то в бараке полно, но больше тут просить некого... Остальные всё равно не дадут, или звать не будут, когда звонят мне, или будут отвечать, что "это квартира", как уже было не раз...

А из мелких пакостей, – ещё раз убеждаешься, с какой мразью и нечистью приходится жить бок о бок. До сих пор у меня воровали в основном сигареты, – прямо из пакета на шконке, то есть на глазах у всех. Сейчас ещё веселее: полез в нашу "тумбочку" (табуретка со 2–м "этажом" под сиденьем), там стоял байзер (пластмассовое ведёрко) с остатками клюквы в сахаре, которую, пока не было сукразита, я клал в чай – сахар растворялся, и получалось супер, – настоящий чай с сахаром, как дома. Там ещё почти половина байзера оставалась этой клюквы, и я хотел сейчас положить в чай вместо этого горчащего сукразита. В самой глубине стоял этот байзер, за моей большой миской, так просто не достать, надо сесть на шконку или нагнуться и руку далеко засунуть. И вот достаю – а он пустой...

Впрочем, я уже стал догадываться, кто это делает. Когда все уходят в столовую, здесь как раз остаются наши соседи по проходняку, – старый и молодой подонки; старый сидит за воровство (которым не раз хвастался как доблестью), молодой – за грабёж (тот самый урод, трясущий вёдрами с брагой около меня). Когда все в столовой, никто не видит – почему бы и в сумку мою, и в тумбочку не залезть?.. Скоро будут лазить по баулам, и спрятать вообще ничего будет невозможно.

Мелкий и жутко злобно–агрессивный выродок – "обиженный", избивающий здесь всех "своих" за любую мелочь, а мне стирающий вещи за сигареты, – вчера наконец–то вернул всё (почти неделю держал!), кроме толстой чёрной рубашки. Сказал, не высохла ещё. Нет, не вчера это было, – позавчера, после бани! Рубашки до сих пор нет, на мой вопрос о ней вчера он не среагировал, – придётся как–то выцарапывать у этой нечисти свою рубашку, а то заиграют, потом всё, не найдёшь... А говорить с ним тоже противно до дрожи, – мне–то он улыбается, но я–то видел его, бьющего людей более достойных, чем он.

Е. С. говорит, что моя Ленка с матерью вроде бы задумались приехать ко мне летом на свиданку (после того, видимо, как я дозвонился её родителям). Я очень хочу её увидеть (год прошёл!), но не даёт мать, никак, злобно упирается рогом – нет и всё, пусть тогда сама и передачу собирает. А она неспособна ничего собрать,

кроме чуть–чуть домашней еды, кислой капусты собственного изготовления и пр. Выходит, за радость 4 часа её видеть и говорить с ней мне месяц придётся здесь голодать, да ещё выслушивать злобные, полные ненависти "наезды" и тирады от матери...

Это не жизнь. Я не хочу так жить. Сдохнуть бы скорее...

7.4. 08. 21–55

Рубашку свою чёрную я сегодня просто забрал со "спортгородка", где она сушилась. И вовремя: вскоре опять полил дождь, уже бывший с утра, после завтрака, в 8 часов. Этот уродец, который ещё вчера до обеда обещал её прогладить и отдать мне, – до сих пор (!) даже не вспомнил о ней (поскольку не спрашивает меня, куда это она делась). Ему некогда, он весь в делах: сегодня опять дубасил палкой Шрека...

Настроение с утра было крайне пакостное и безнадёжное, но стало получше после того, как дали телефон – позвонить матери и Е. С., звонившим (особенно настойчиво мать, конечно, и, как всегда, со скандалом, что не может дозвониться) вчера после отбоя, – как раз в это время по бараку шли с обходом "мусора", и чей–то телефон они таки забрали. Вчера и сегодня слышал я от владельца "трубы" и обещания наладить здесь, в бараке, чтобы мне давали говорить, – видимо, по другой "трубе" и другому номеру; но пока что это только слова. Время покажет...

8.4.08. 21–45

Вроде бы неплохой день был. С утра – тепло на улице, чуть–чуть сыро и облачно, но солнце тоже проглядывает. Я сидел в самые глухие часы – 9–10 утра, когда все спят после завтрака – на скамейке во дворе, у заваренных прошлой осенью ворот. Скамейку стали выносить туда по утрам именно сейчас, когда стало тепло; днём она обычно занята, но утром там так здорово сидеть, наслаждаться теплом, весной, вспоминать прошлое (почему–то в голову мне лезло одно только моё политическое прошлое, а не что–то ещё), мечтать о будущем... Подумать на досуге, в одиночестве, на свежем воздухе, проанализировать ещё раз свою жизнь. "Итоги и перспективы", по Троцкому. Наступившее (по моей привычке считать сезоны) лето сильно изменило всё–таки весь уклад моей здесь жизни; стало постоянно тянуть на улицу, на воздух, в бараке душно и скучно. Тем более, что теперь (увы) можно уже не ожидать звонка в любой момент, как прошлой осенью, и нет необходимости торчать, ожидая его, всё время в бараке.

Несколько человек закрыли в изолятор, – всё одних и тех же, постоянных его завсегдатаев; в том числе и того "обиженного", который стирал мне вещи. Дали ему 9 суток; хорошо, что стирать

сразу согласился другой "обиженный", – столь же жестокий в отношении к более низко стоящим в своей же касте людям (Шрек, Трусов и т. д.). А Юрика, недавно туда попавшего, сегодня в "фойе" избивал за какую–то мелкую провинность один из блатных "обиженных". Поистине, жестокость этих существ – и блатных, и неблатных – друг к другу превосходит всё мыслимое. Не сразу, а именно насмотревшись на их нравы и отношения, начинаешь понимать, что самые угнетённые, заслуживающие защиты их прав от попрания и угнетения, отнюдь не всегда заслуживают и искренней, человеческой симпатии. Они могут быть вполне зверями и садистами почище тех, кто их угнетает.

А выродок–"бражник", 20–летнее чмо по соседству со мной, сегодня взахлёб, с восторгом и упоением рассказывал другому моему соседу, сверху, как на воле он бил случайно встреченную в парке женщину, на руках которой увидел золотые кольца, и, когда она потеряла сознание, забрал у неё всё золото, телефон, 52 тысячи денег и т. д. Выродок и мразь, – впрочем, совсем не единичная, а как раз очень характерная, типичная для этой страны и народа. Юный, абсолютно пустой внутри и растленный тип, совершенно не имеющий никакого даже подобия смысла в своём существовании, кроме целей своего личного комфорта и удовольствия, денег, водки и пр. Да, он формально имеет право так жить, он никому ничего не обязан. Но и нормальные люди имеют право его уничтожить, как только он хоть чуть затронет их права и интересы (грабёж и т. п.).

Пришло письмо от моей Ленки, наконец–то. На 1 листик, и то не полный, без особого содержания. Но дорог сам факт, что написала. Пишет, что скучает без меня и ждёт. А уж как я скучаю без неё, если б она знала...

9.4.08. 8–55

День за днём – всё одно и то же,

Бесконечная круговерть...

Вчера, сразу после отбоя, опять начали бить несчастного Шрека. На сей раз били его оба блатных "обиженных" в раздевалке, – обычное место избиения "провинившихся". Как можно было понять, били за то, что он опять зашёл в какой–то проходняк, куда ему уже говорили не заходить, – видимо, в проходняк этих двух подонков, избивавших его. Сперва били руками, потом один из них сказал: "Дайте мне какой–нибудь дрын, я за...ался оббивать руки!" – и начал колотить Шрека откуда–то взятой деревянной палкой по рукам и ногам, обещая назавтра найти ломик и что–то (руки?) ему переломать.

На шум и крики сбежалось довольно много народу из большой секции, где тем временем уже потушили на ночь свет.

Теснились у входа в раздевалку, заглядывали, отходили, некоторые заглядывали, проходя мимо. Из тех, кто что–то говорил, – большинство явно выражало одобрение избиению и советовало то ли бить сильнее, то ли убить вообще... Говорили, что он ворует чужие вещи в бараке (и это правда); да и вообще тип, конечно, весьма малоприятный. Чёрт его знает, как он поставил себя в такое положение, и почему они вообще покорно терпят, когда их бьют (неважно даже, за дело или нет). Достаточно сказать, что сам Шрек, между прочим, и старше на 15 лет (39 против 24–х), и физически крупнее, и явно сильнее избивавшего его дрыном блатного. Осталось ему до дома совсем мало, – только до 21–го апреля дожить, и поедет он в свой Подольск, в Подмосковье, если до тех пор не искалечат его здесь уж совсем...

9–45

Буквально вот сейчас, пока писал и переписывал это, вчерашнее, – опять то же самое. Шрека опять бьют палкой, – теперь за какой–то взятый без спросу тазик, чтобы набрать воды. Зверски бьёт всё тот же блатной "обиженный", что и вчера, здоровой палкой, по приказанию обычных блатных. Опять в той же раздевалке, в углу. Шрек орёт истошно и пытается оправдаться. Общее одобрение расправы и ненависть к нему. Несоразмерностью вины и наказания, как и вообще садистской зверской жестокостью нравов, царящих среди всей этой уголовной мрази, никто не выражает ни возмущения, ни даже удивления. Они веками привыкли жить именно так, – ползать на коленях перед более сильными и безжалостно топтать тех, кто слабее...

10–09

Тем временем – сперва тревожные слухи: на вахте стоит 20 "мусоров"! – потом ещё более тревожные крики стрёмщика из "культяшки", от окна: "Шмон–бригада на большом!" (“продоле”, имеется в виду); "Шмон–бригада на тот “продол”!", "Шмон–бригада на 6–м!"... Слава богу, что не к нам в этот раз. Но – шмоны начались снова, или, точнее, они и не прекращаются. У нас последний шмон был совсем недавно, 27 (?) марта, – как раз в последний день моего длительного свидания. Расшвыряли мне все бумаги, тетради и журналы, лежавшие в изголовье под матрасом, но в баулы, к счастью, не лазили, не выворачивали их наружу.

10.4.08. 11–07

Показательные издевательства продолжаются. Сегодня утром только успел побриться, в начале 10–го – шмон! Только недавно был, в конце марта, – и вот опять!

Но это уже – открытая и явная месть за вчерашний инцидент,

когда вечером "мусоров" пришло 2 или 3 – и во дворе барака (в "локалке") с ними, говорят, дрался 1 (а они сегодня говорили, что и не один) из зэков. Отобрали у него, говорят, новый мобильник, и дрался, видимо, потому, что не хотел отдавать. Потом они увели его с собой, в ШИЗО. Я всего этого происшествия во дворе не видел, был в бараке, так что сужу только с чужих слов.

Показательная месть: баулы не тронули, но шконки перерыли все вверх дном. Все лежавшие у меня под изголовьем матраса книги, журналы, тетради и прочие бумаги, – все вытрясли из папок и пакетов, перебрали и перетрясли по одной бумажке. Вынули половину фотографий из альбома! И некоторые я не нашёл, когда прибирался уже после шмона. Сперва испугался – пропала одна из фотографий Ленки моей, самое ценное для меня из всего этого. Но эту карточку всё же вскоре нашёл (какое счастье!), но других – нет...

После шмона ещё устроили проверку формы одежды, построили в 2 шеренги во дворе. Жирный, запредельно наглый "мусор" в камуфляже, разговаривающий исключительно матом, традиционно плоско "шутя", то бишь изощряясь в хамстве, командовал этим "парадом". Велел снять шапки и (завхозу) записать всех, у кого, по его мнению, волосы были длиннее, чем надо. Мне "на первый раз" сказал: "Тебя, Москва, прощаю". (Как–то он меня выделил и в самом начале, при личном шмоне на выходе из барака, спросил, давно ли со свидания. Видимо, всё же, знает меня здесь не только высшее начальство, но и эти...). Велел всем расстегнуться, у кого молнии на куртках вместо пуговиц – здесь же отрывать их (но никто, по–моему, в итоге так ничего и не оторвал), долго ругался на замеченные вещи вольного образца, на то, сколько канистр из–под браги сейчас нашли при шмоне, – но и из "вольных" вещей ничего вроде бы в этом строю ни у кого не отнял. Таким образом, подтвердилось моё уже давнее наблюдение, что шмон у них – что на тюрьмах, что в зонах, – это просто форма "наказания" и издевательства, способ потрепать нервы.

Начальник постарше стоял во время "построения" у "спортгородка" (который тоже тщательно прошмонали, ломая доски в дощатом настиле "пола"). Остальные "мусора" – у двери барака. Я смотрел в упор, во все глаза на этого вот жирного ублюдка в камуфляже, занятого нами, слушал его тупоумные жалкие попытки матерно "шутить" и "острить". Такие любят производить "оглушающее" впечатление на неподготовленных фонтаном самого отвязного хамства. нет, таких надо только убивать! Вот этих самых, низовых, не при больших "звёздах", исполнителей, самое младшее начальство и рядовой состав

палачей и сатрапов государства российского. Только убивать! Разговаривать с ними, продираясь через их хамские "шуточки", всё равно невозможно, оскорбительно для человеческого достоинства.

Я смотрел на него. Здоровенный, жирный, как слон. Тут уже не только очередью автоматной вспарывать это жирное брюхо, чтобы фонтан крови и куски мяса в стороны, нет. Тут уже я – лично, своими бы руками его и топором, и ножом, и камнем, и чем угодно. Валялась у нас тут в раздевалке толстая, тяжёлая железная трубка, – так вот ею, со всей силы, по башке эту жирную мразь! Своими руками! Просто на разделочный крюк подвесил бы эту тушу в камуфляже, этого выродка, это тупое животное – и кромсал, кромсал, кромсал бы его огромным, острым разделочным ножом, чтобы он, ещё живой, издыхал в мучениях! Око за око, зуб за зуб, а может быть – десять ИХ зубов за один наш! Кровь за кровь, короче, и нацедить из каждого, кто носит форму, имеет звание и служит российскому государству, по целой лохани крови! Чем больше, тем лучше! Пусть потом приедет ОМОН, всех изобьёт дубинками, запинает, "положит", после этого и ЗА это оставшихся тут "мусоров", особенно начальство, вроде русиновых–макаревичей этих всех (не только конкретно этих и на этой зоне, а на любой, вообще на всех) можно (да и нужно!) будет убить. Случаев предостаточно, было бы желание. Убивать их, несмотря ни на какой ОМОН, раз за разом, в ответ на каждую их наглую насильническую меру вроде сегодняшней. Сделать так, чтобы они постоянно тряслись за свою жизнь, чтобы они боялись зэков, а не зэки – их...

12–47

А убивать их, и вообще сопротивляться, между тем это быдло боится. "Лучше язык в жопу засунуть и как–нибудь, потихоньку, а то загонят ещё чёрт знает куда", – сказал мне сейчас один из них, не самый худший, не уголовник, случайно попавший мужик 60 лет. Не дословно привожу фразу, но "язык в жопу" – это дословно. А то, мол, он боится УДО не пройти. Как будто ему кто–то обещал, что в состоянии "язык в жопу" он его пройдёт...

13–02

Чувство бессильной ярости, отвращения к себе и к миру и смертельной усталости после произошедшего. Что можно ИМ сделать в одиночку, когда вокруг одни трусливые рабы? Только попасть в ШИЗО, – даже за откровенно сказанное "мусору" в глаза всё, что хочется сказать. А на воле? Там тоже сплошное трусливое и рабское быдло, и там, делая что–то в одиночку, – можно только попасть сюда, в зону. Хоть в этом моя совесть спокойна, что ТАМ я не молчал...

Впрочем, если уж совсем припрёт, – на воле можно обвязаться взрывчаткой и пойти взрывать какое–нибудь их "отделение милиции". А здесь? Ну, здесь одного–то "мусора", удачно выбрав момент, можно убить и в одиночку. Как–нибудь исхитриться, зайдя сзади, – заточкой в шею или вот той железной тяжёлой трубой со всей силы по затылку.

15–15

"Джинсы синего образца". Прекрасный заголовок, блин, для материала о сегодняшнем беспределе. Жирное чмо в погонах так велело записать "неположенные" джинсы на одном из "обиженных".

Прекрасный тёплый день. На улице уже даже жарко. Достал и надел прошлогодние (куплены ещё в 2005–м) старые мокасины, – все зашитые–перезашитые уже здесь. Но хорошо, что хоть они есть. Стали каждый день опять отключать свет, – ненадолго, правда. После шмона вырубили, после обеда включили.

А в общем – достало всё так, что сил нет. Как же мне всё–таки когда–нибудь им отомстить за всё это?!

11.4.08. 9–00

Глухая тоска без причины

И дум неотвязный угар...

Увы, тут она совсем не без причины. Всё никак не могу я, видимо, отойти от вчерашнего. Да ещё с сукразитом непонятная проблема, – как его теперь получать; эти выродки в погонах придумали все лекарства (и сукразит у них тоже идёт как лекарство), привозимые родственниками, выдавать только по назначению врача, привезённому из дому!.. Совсем рехнулись, суки!..

В общем, это даже скорее не глухая тоска, а глухая ненависть. "К державе – ненависть глухая", как у Некипелова. За один этот мой носовой платок, календарик и листок с записями, демонстративно брошенные "мусором" на грязную землю во время вчерашнего шмона по карманам на выходе из барака, – я бы, не задумываясь, своими руками перестрелял, одной пулемётной очередью выкосил бы ВЕСЬ личный состав администрации ФГУ ИК–4 Нижегородской области. Легко и с огромным удовольствием расстрелял бы их всех, от Милютина (начальника) и его замов, – до последнего "контролёра". До тётки в форме из спецчасти. Всех!

Душит глухая, непроходящая ярость и ненависть к ним ко всем! О, боже, если бы кто знал, КАК я их ненавижу, – и это тупое, рабское, покорное трусливое быдло, над которым можно безнаказанно издеваться как угодно, оно никогда всерьёз не восстанет и уж тем паче не вступится за таких, как я, – и этих,

которые издеваются, живую силу противника, представителей враждебного государства РФ, с которым с 1.1.2000 года я себя считаю в состоянии войны...

12.4.08. 18–50

Наш с Ленкой день. День нашего знакомства. 6 лет назад, в 2002 году. Заяц мой нежнейший... Как сейчас, как наяву вижу всю эту сцену, этот вагон метро, вспоминаю всё это каждую годовщину... Прелестное создание. Помню, как носил её на руках, в самом буквальном смысле: брал и уносил из кухни в комнату, на её диван. А один раз – в лесу... Получила ли она уже мою открытку с этим днём, посланную 31 марта?

Тоска, тоска, тоска. Не три года уже сидеть, – 2 года 11 месяцев и неделю. 153 недели и 1 день. Великое, блин, свершение, – перевалил всё–таки рубеж этих трёх оставшихся лет...

14.4.08. 8–40

Редчайший случай: сегодня, в понедельник, удалось не выйти на зарядку. Отрядника не было, Макаревич в эту ночь, видимо, не дежурил, а один–единственный контролёр (тот самый подонок, что бросал на землю мои вещи при шмоне) дошёл до нас, когда зарядка уже кончилась. Очень удачно, – тем более, на улице опять сильно похолодало, ледяной ветер, замёрзшие с утра лужи. Рано обрадовались весне... А ведь недели не прошло, как уже ходили по "локалкам" в майках и даже без них, – загорали...

Тоскливое оцепенение какое–то. Да, вроде давно привык, и всё же... Просыпаться каждое утро в этом бараке, ещё затемно, до подъёма, – и осознавать снова и снова, что ты в могиле, что кончена жизнь, что отсюда не вырваться, и возврата к прошлому, и вообще ничего хорошего в будущем уже не будет. И эти дни, недели, считаемые до конца срока – 153 недели, 1070, что ли, дней, – они всё равно ничего не обещают хорошего. Как всё – кажется – будет легко, просто и хорошо, когда всё это переживёшь – и выйдешь отсюда! А вот попробуй–ка всё пережить – и дожить до этого дня! Попробуй, если хватит сил...

Тоскливая безнадёга

На 1000 дней вперёд...

12–35

Из беспредельного страдания рождается только беспредельная ненависть, и ничего больше. Иначе и быть не может.

14–42

Нет, что удумали, мрази!.. Выродки!! Звонил сейчас матери, – она сегодня же, по моей просьбе, дозвонилась нашей местной врачихе, Тамаре Дмитриевне, насчёт сукразита. Оказывается, всё

ещё хуже, чем я думал: теперь его не только выдают через больницу, но только тем, у кого официально сахарный диабет, со справкой от врача! Это притом, что ещё недавно и о больнице речи не было: осенью его принимали просто в составе продуктовой передачи. И при том, что сахар–то тут запрещён настрого, на этой трижды распроклятой зоне, – видимо, потому, что эти выродки уголовники гонят на нём самогон. А теперь вот и сукразит запретили, – то есть, сладкого чаю попить здесь становится вообще нереально???!!! Потому что без сахара я его пить не буду, терпеть не могу, и вприкуску с карамельками, как тут принято, – тоже не буду. Мрази! Что же делать? Только вроде избавился от сечки этой вонючей, стал получше питаться, – вместо утренней сечки, вернувшись в барак, попить чаю с бутербродами... Что, теперь всухомятку их есть? Впрочем, в этой проклятой стране возможен и не такой идиотизм...

А сигареты воруют у меня теперь прямо уже из баула, стоящего под шконкой. Сегодня полез – в чёрном пакете была завязана коробочка из–под "гуманитарки", полная почти до половины. Что ж вы думаете? – 6 сигарет в ней осталось. Так что завтра вполне могут разворовать и всю жратву, в этом бауле хранящуюся. Вот тебе и "избавился от сечки", перешёл на бутерброды...

15.4.08. 21–42

Как же долго тянулся этот день! Пустой и бесконечно долгий, – казалось, он никогда не кончится. Прошла дневная проверка, обед, ужин, вот только что – вечерняя проверка. Пообщался вкратце с матерью и Е. С., подремал после ужина (тяжёлая и болезненная дрёма, как всегда у меня по вечерам; ничего общего с нормальным здоровым сном), посмотрел в 18–00 новости, хотя никогда их тут раньше в это время не смотрел (утром в 6–30 или 7 часов, или же в 21–00). Дочитал первый том "Марта 17–го" из "Красного колеса", присланный Е. С. Теперь, пока не придут от неё ещё книги, или не привезут уже на свиданку 29–го, – читать будет совсем нечего. Томительная пустота, когда и заняться нечем, и не хочется ничего делать, ни о чём думать, и всё валится из рук, и все, какие есть, обрывки мыслей, – о том только, как по–глупому попал сюда, влип, и что не выбраться теперь, ещё почти три года этой нелепой, бессмысленной жизни, которую и жизнью–то не назовёшь. Пустота в голове, в душе, и вокруг – не люди, а слизь, непереносимая для нормального человека, даже когда она не затрагивает его непосредственно. Друзья меня помнят, ездят ко мне (вот Карамьян обещал 29–го приехать вместе с матерью), – но всё равно – чувство потерянности и оторванности от мира. Чувство бессмыслицы и бессилия, – не в силах ты ничего в этой

проклятой стране изменить, не в силах отомстить своим врагам за эти потерянные 2 года, а можешь только в душе бесплодно мечтать убивать, уничтожать их своими руками...

18.4.08. 7–06 Радостная выдалась неделя: с понедельника по сей день, по пятницу, ни разу ещё удалось не выйти утром на зарядку! Только суббота, завтра, ещё осталась, но это уже вряд ли. Отрядник не приходит выгонять с утра, а остальные "контролёры" до нас в нужное время не доходят.

Пришли письма от Маглеванной и от Е. С. Отдали наконец–то и письмо от Монаховой. Пришли от Е. С. и книги – "Бесы" Достоевского (перечитать их надумал ещё прошлой осенью, читая Бердяева о Достоевском; с 1995 года не перечитывал), сборник Некрасова и поздние рассказы Солженицына. Будет хоть, что почитать, чем отвлечься, а то в этой обстановке, да ещё без книг даже, – можно сойти с ума...

А часы останавливаются каждый день, при полном заводе. "Командирские"!.. Советское дерьмо...

11–35

Как наваждение какое–то, ей–богу! Чем больше (вроде бы) привыкаешь, – тем меньше понимаешь и можешь порой прийти в себя от изумления: где я?! Как я сюда попал?! Какие–то жуткие рожи вокруг, совершенно невозможные; и этот опостылевший, унылый, нелепый двор, и этот осточертевший, в горле застревающий, как кость, барак, это тёмное, обшарпанное, мрачное "фойе", куда входишь с улицы; всё кругом убогое, обшарпанное, жуткое... Загробный мир, не иначе. Или дурной сон. Действительно, приснится же такой ужас! Такого мрака и дикой бессмыслицы не представить себе, не увидев воочию, наяву. Ходишь, бродишь по этому вертепу, по его "фойе", по отвратительному, ободранному его предбаннику, выходишь то и дело на крыльцо, глядишь на опостылевший забор с колючкой напротив и на вышку справа, – и точно, как во сне! Кошмарный сон, а не жизнь, и представить такое, не повидав самому, немыслимо, выдумать весь этот жестокий чёрный ужас, тебя здесь окружающий. Только вот проснуться всё не получается никак, – просыпаешься утром, и опять ты здесь, в этом аду, в этом вертепе!.. Заходишь в этот окаянный барак с обеда или ужина, – и прямо по Высоцкому:

В дом заходишь – как
Всё равно в кабак.
А народишко –
Каждый третий враг...

12–57

То есть, что хотел я сказать: не то даже, что здесь вообще

ПЛОХО, и даже очень плохо (хоть это и так, конечно). А то, что здесь ДИКО. Дико до изумления, до нелепости; в общем, сплошной сюр.

16–20

Пасмурный, хмурый день, ветрено, холодно. Была баня, пошли туда прямо сами, без "общественника", просто всей толпой, и на этот раз "нулевой пост" всех пропускал без вопросов. 152 бани остались мне ещё здесь, в этой зоне, – до марта 2011 года. Ходил после обеда в ларёк, потратил на этот раз 300 рублей на одного себя, – вымогатели на сей раз не подходили, но я уже всё равно и не дал бы. Соки эти идиотские стоят по 55, по 53 рубля пакет, и с 2–мя пакетами сока каждый раз я выхожу из лимита, тратить стал слишком много. А хлеб, как назло, кончился уже пока я стоял в очереди, вначале он точно был. Масло есть, а хлеба нет, – вот такая незадача, и придётся мазать это масло на столовскую чёрную кислятину.

Вернулся "домой" (тьфу!), – и очень удачно застал "дома" владельца "балалайки", переехавшего на 8–й барак. Но поговорить успел только с матерью, – так, вкратце, о том о сём и ни о чём существенном, – как "пробили мусоров" (закричали об их приближении) и "балалайку" пришлось отдать. С Е. С., таким образом, так и не поговорил, и до завтра уже едва ли поговорю.

Остаётся сидеть, читать "Бесов" и есть шоколадные конфеты, на этот раз (впервые за 9 месяцев в зоне!) купленные в ларьке для себя. Что ещё делать? А тем временем двое с этого отряда – старый и молодой – сегодня прошли суд и через 10 дней уходят по УДО...

20. 4. 08. 7–03

Сегодня вербное воскресенье. Мне–то оно до фонаря, как и все с религией связанные дни и праздники, но в бараке с утра только и разговоров об этом...

Отдал, блин!.. И теперь сижу вот, нервничаю. Прошел вчерашний вечер, вот уже утро сегодняшнее, – все вроде спокойно, скандала нет. Самые худшие мои опасения, – что он полезет читать и – от возмущения за всю “блатную” корпорацию – покажет им всем, – надеюсь, все же не сбудутся. Хотя – кто знает... Но зато и со связью начались проблемы. Еще позавчера казалось, что все в этой жизни прямо по Булгакову, – “сами предложат и сами все дадут”, как говорит воланд Маргарите. Пил вечером чай, уже около 9 ч., – вдруг говорят, что Гоша зовет к себе на 8–й,– видимо, кто–то звонил. И точно, звонила Е.С., и мне удалось довольно подробно (но без особого успеха с ее стороны в смысле практических действий, – одни нотации мне и общие слова о душе, самосовершенствовании и т.п.) поговорить с ней

оттуда. Но туда ведь не будешь ходить каждый день, а вчера зато не удалось и с матерью даже пообщаться, – этот очкастый уродец, жулье отпетое, 2 раза, с утра и после обеда, обещал взять с 8–го телефон, и так и не взял!.. А ходить, напоминать ему еще раз , – было настолько, невыносимо противно, да еще и нарваться заведомо на его грубость и резкость какую–нибудь... Я не стал напоминать, и это предстоит мне еще сегодня, – надо или как–то добиться "трубу" сюда, или опять переться самому на 8–й, благо дорога уже знакома. А сам он нашел себе какой–то другой телефон здесь, брал у кого–то вчера, разговаривал полдня, – и тот ему уже не нужен. А что нужен мне – наплевать и забыть! И о том, что доверил ему дневник и пр., я в душе жалею, неизвестно, как еще все обернется; и с четками он меня, теперь это уже очевидно, "кинул", – никому их и не заказывал, блок сигарет, мной за них данный, скурил сам (то–то сразу перестал у меня сигареты клянчить!), а теперь мне морочит голову что якобы у этого узбека с 5–го барака, который их делает (да есть ли там, на 5–м, вообще узбек?..), не хватает нескольких шариков для четок, мало материала (вроде из старых станков для бритья он их делает), и т.п. В общем, не столько сигарет этих жалко, – зачем они мне? – как противно с этим заведомым жульем, с этой мразью иметь дело...

16–35

Нет, он все–таки оказался честнее, чем я о нем думал, этот старый пройдоха и скандалист: он принес мне сегодня перед обедом четки. Правда, они оказались хуже, чем я хотел: не с кожаным хвостиком, а с нитяным, который от постоянного лежания у меня в кармане будет все время мяться, путаться и трепаться. К тому же, на тугой моток ниток, к которому приделана эта кисточка, надет по–простецки совершенно там неуместный наконечник от ручки, блестящий "под металл". Идиотизм, право слово! Сколько видел лагерных и тюремных четок – у всех кисточки кожаные, а тут... Если найти этого узбека, который делал, – не попросить ли его потом сделать еще одни, позатейливее и с кожаной кистью? А уж мысль вообще коллекционировать их, пока сижу здесь, приходила мне в голову не раз. Есть много разных, – красивых, изящных, разнообразных; дарить их, конечно, никто не будет, но, м.б., можно их покупать у владельцев, если не очень дорого?..

И со связью вопрос прямо с утра решился: я сказал ему утром же, при первой же встрече, в ответ на его "доброе утро", и он после завтрака принес мне свой "другой" телефон, – оказывается, кого–то закрыли на 10–м (2–й этаж над нами), и "трубу" оставили у нас, до 26 апреля. А потом пришел и сам владелец "моей"

“трубы” с 8–го, и я позвонил матери. Так и есть, – она психовала и сходила с ума от волнения весь вчерашний день, что я не звоню, – всего–то 1 день не позвонил, и вот уже!.. Не зря и я тут так нервничал из–за этого вчера и сегодня, – как чувствовал...

21.4.08. 8–35

Вот уже который день – сплошная непогода и хмурь. Вчера еще проглядывало солнце, а сегодня с утра – дождь. До завтрака еще моросил мелкий, а сейчас вот – выходил только что на крыльцо – льет уже довольно сильный. Если не утихнет до 12–ти, до начала 1–го – то и на проверке стоять придется под этим дождем...

Вчера вечером опять ходил на 8–й барак, к Гоше. Еле успел, вернувшись, одеться и пройти 2–3 раза по двору, – пришел “мусор” и началась проверка. Там, на 8–м, посидели, попили с ним чаю, он меня сфотографировал на камеру в мобильнике пару раз (просила, видимо, Е.С., она и меня об этом же просила), позвонил еще раз матери. Г. просил мать (звонил ей сам! Еще днем...) положить денег на его номер; она положила. Я, не зная еще, что клала именно она, спросил, есть ли деньги на телефоне и решил позвонить Ленке моей. С замиранием сердца, с волнением, – вот, сейчас услышу ее голос, впервые почти за год!.. Нет, увы, – длинные гудки, как обычно. Она дома, конечно, – где ей еще быть в 9 вечера? Но не подходит упорно к телефону. Чучундра этакая!.. :))

Сегодня ровно 2 года и 1 месяц, как я сижу. 2 года и 11 месяцев еще осталось...

17–40

А между тем, понедельник этот проклятый дался на сей раз даже слишком тяжело. С утра, по традиции, пришлось выйти на зарядку, – явился отрядник. После обеда – вызвали в спецчасть. Я знал заранее, зачем: пришло извещение, что 25–го апреля будет рассматриваться кассация по отказу в УДО 7 февраля. Я узнал об этом еще дня 2 или 3 назад от матери, которая дозвонилась в Нижегородский облсуд.

Вызывают в спецчасть к 15–00; реально тетка, выдающая бумаги, приходит не раньше 15–15, а я пошел сразу после обеда, из столовой. Обед же сегодня, как назло, кончился рано – в 14–30. Пошел, чтобы не ходить туда–сюда, не искать потом “общественника”, не торопиться, не ждать, и т.д. Так что в общей сложности, придя практически первым, я я провел там с 14–30 до 17–00 – 2 с половиной часа. Очередь набралась только после 15–00, и, как всегда, народ грубо спихивал с крыльца, даже ногами пытался пинать какой–то выскочивший из штаба крохотного роста офицерик, убить которого всей стоявшей там толпой (даже

не просто убить, а порвать на клочья!!) было бы делом 5–ти секунд... Замерз, устал, на обе ноги – и здоровую, и больную – не мог уже наступить под конец. Рука, державшая палку, в одной и той же позе 2,5 часа, онемела настолько, что я не мог нормально даже расписаться на этой проклятой бумаге, – вышли какие–то каракули, а не подпись. До барака я доплелся аккурат к выходу всей толпы уже на ужин, и поплелся еще туда (хотя свободно мог бы не ходить, – кислый, малосъедобный "рассольник"–концентрат все равно я не ем). Вот, приполз только что "домой", а через час, к 19–00, надо плестись опять, – с 19 до 20 ч. – заказан по ГУИНовской карточке "официальный" телефонный разговор с Е.С. И опять, как обычно, одна сторона в этом разговоре не будет почти совсем слышать другую, – или я ее, или она меня. И опять стоять на улице , на промозглой сырости и холоде, – ждать...

22.4.08. 9–11

Все получилось вчера еще глупее, чем я думал: не смогли по этим ГУИНовским телефонам сюда вообще дозвониться; в 19–40 Е.С. позвонили и сказали, что связи с Буреполомом нет. Почему – абсолютно неясно; свет был, телефон здесь не был занят. Перенесли на 29–е, – это день короткой свиданки с матерью, так что не особо удобно.

Пока я стоял там и ждал, со стороны поселка надвинулся на дальний край зоны туман, – давно я его не видел наяву, еще с воли, с последних поездок на теплоходе еще в 2005 году. Да такой густой, – утром, когда я вышел на крыльцо барака, в тумане был даже наш двор, не говоря уж про вышку караульную справа...

Вчера так и не дозвонился Карамьян, – сперва когда я ушел на этот несостоявшийся разговор, а потом, уже после отбоя, в 22–40, – на 10–м был "мусор", так что "трубу" мне не дали. Позвонил ему сейчас, с утра – он точно едет ко мне на свиданку с матерью, мотивируя перед начальством тем, что – анекдот! – едет на чью–то свадьбу.

Бессилие и тоска, бессмысленное прозябание вместо жизни, – не только у меня, а у всех! И здесь, и на воле. Боже, кто бы знал, как я ненавижу эту толпу жалких, трусливых рабов, ничтожеств, генетических холопов, претендующую называться народом. В ответ на издевательства власти, на угнетение и бесправие, – настоящий НАРОД должен давать отпор! Иначе это не народ, а сброд, толпа рабов. Должно быть вот именно так, как описано у Солженицына в "Красном колесе". В "Марте 17–го": из толпы демонстрантов в полицию, стоящую заслоном на пути, должны стрелять! Да, брать с собой револьверы – и стрелять, и убивать их, чтобы они падали на наших глазах убитыми, все эти ОМОНовцы и прочая сволочь. Правда, сейчас они в бронежилетах, так что это

труднее, – но все равно это возможно; да хотя бы по ногам им стрелять, чтобы они двигаться не могли...

Должна литься кровь! Потоками, морями, – вражья кровь! Христианскому милосердию, состраданию и всепрощенчеству, слюнявому гуманизму и слюнявой доброте, составляющей самую суть убеждений Е.С., не место н этой страшной войне, которую мы должны начать – и выиграть! Точнее, она уже начата, – разве такие приговоры, как мой, не есть ВОЙНА , тотальная война государства против свободы и прав личности?! А когда нигде, ни в одном суде, ни одной инстанции и юрисдикции, нельзя добиться правды, когда вся судебная система страны замкнута одной общей круговой порукой и судит тебя по сфабрикованным обвинениям, и сажает, и ничего нельзя сделать, – разве это не тотальная война государства против прав личности?

Бесполезно с ними судиться в их судах по их законам и кодексам. Такие суды надо взрывать! Подгонять им под окна грузовик взрывчатки, – и привет!.. Зэки на зоне должны (бы, если они люди, а не быдло рабское) накидываться всей1 толпой – и на клочья рвать “мусоров”, отрывать и м головы, руки–ноги, начиная с начальника и его замов. Не только на одной этой зоне, в Буреполоме, а везде, по всем зонам и областям, по всей России!

Свободу можно завоевать только в смертном бою, ценой крови – своей и вражеской. Это непреложная и святая истина на все времена, – кто бы там что ни говорил и какими бедами грядущими не пугал. При такой ситуации, при таком режиме, как этот – ИХ кровь давно уже должна повсюду течь реками, если не морями; клочья тел ментов, прокуроров, чекистов, судей и пр. и пр. – должны бы каждый день разлетаться по улицам во все стороны от взрывов... А у нас – позорное рабское быдло, ни на что подобное не способное даже близко. Единственный вид насилия, который у нас процветает и ширится, – это абсолютно позорная волна убийств скинхедами и т.п. сволочью негров, кавказцев, азиатов на расовой почве. Их, беззащитных, – почему не убивать (и они даже не пытаются вооружаться и давать отпор)? А вот “мусоров” в форме – ни с оружием, ни безоружных, зоновских – ни–ни! Их мы боимся генетическим страхом, прапрадедовской поротой задницей и рваными ноздрями...

23.4.08. 8–31

Вчера блатной “обиженный” опять избивал – прямо в секции – старого “обиженного” деда (впрочем, еще не такого старого, но нищего и несчастного даже с виду, постоянного уборщика туалета и мусорных ведер). Бил прямо на верхней шконке, где тот лежал, – по жалобам “обычных” блатных незадолго перед тем. За что конкретно бил, я не понял, – вроде бы тот воспользовался не тем

краном в умывальнике (“сколько ты будешь все контачить?” – спрашивал его палач во время экзекуции), но при этом почему–то всплыл вопрос, что у деда нет кружки, и бивший то говорил: мол, нет, ты врешь, у тебя (у вас, т.е. самых низших среди “обиженных”) кружек полно; то – мол, ну если нет, то пей из ладошек. Вывел уже после нескольких ударов старика в холодный предбанник барака и там – вроде бы уже не бил (я прошел специально мимо них на улицу и обратно), но твердо обещал, если дед будет и дальше “все контачить” – “сломать об него дрын”. Лет этому подонку, по–хозяйски распоряжающемуся здесь жизнями и здоровьем других людей, всего 24 или 25.

24.4.08. 8–28

Суматошные, безумные дни... Вся жизнь здесь – это вечная борьба за существование, по мелочам, по самым ничтожным поводам, но чем они ничтожнее – тем болезненнее. Вчера утром был шмон на 12–м бараке. Сегодня – чуть попозже, через часок – вполне может быть и у нас. Той осенью, я помню, шмонов практически не было, а сейчас – постоянно, чуть не каждую неделю. У Алика (того армянина, что заказывал мне четки) перед обедом “мусора” отобрали телефон, – тот самый, взятый с 10–го барака, чей–то, кого закрыли до 26–го в ШИЗО. Телефон забрали, а “симку” – Алик специально ходил к начальству, уговорил – не вернули ему, но при нем переломили пополам. Значит, теперь надо ходить звонить на 8–й, а при этом – не нарваться нигде на “мусоров”, учитывая, что из–за ноги я не могу лазить в окна, т.е. пользоваться “дорогами” из барака в барак. Вчера сходил, – вышло все удачно, но это пока... Мать, конечно же, как всегда, была в трансе, – утром она дозвонилась на тот (потом погибший) номер Алику, но он сам был на 8–м. А после – не отвечал и номер. Е.С. тоже звонила утром, но вечером я ей уже не дозвонился, – оба номера, что для нее нетипично, были недоступны.

Будет шмон или не будет... Завтра баня, – как бы попасть в нее пораньше, не с отрядом, чтобы успеть хоть место для раздевания на лавке занять... Вот она – лагерная жизнь, ничтожная борьба за существование, вот чем занята тут голова... Куда спрятать открывалку от шмона и как вечером опять сходить на 8–й, не нарвавшись на “мусоров”...

10–36

Уже в 11–м часу половина шмон–бригады пошла на 8–й, а другая половина – “на тот продол”, где входы на другую половину всех бараков. Такого раньше (при мне, по крайней мере) не было: шмонали хотя бы по одному бараку в день, а не по 2. На 8–м вместе со шмон–бригадой, говорят, торчит и

Макаревич. Тронуть его хоть пальцем (не говоря уж о чем–то большем) трусливое уголовное быдло, разумеется, никогда не решится. Завтра эти суки со своим шмоном вполне могут прийти и к нам. А если не завтра, так на той неделе уж точно (по выходным они вроде бы не ходят, а сегодня – четверг).

Мрачные итоги шмона на 8–м: забрали, говорят, 35 “труб”, – практически все, что были. Таким образом, я на какое–то время остался без связи окончательно. Мрачные новости: Милютин, начальник зоны, уходит; Макаревич хочет устроить из зоны образцово–показательную, т.е. “навернуть режим”... Что ж, они навернули его в стране, – навернут и в зоне. Легко... А мать тем временем до 29–го, пока приедет на свидание, успеет сойти с ума от того, что пропала связь со мной... Это удар серьезный, такой силы удар, что от него надо какое–то время (м.б., и не один день) приходить в себя...

25.4.08. 6–50

Какая тоска провожать их!.. Они уходят домой, на волю, – а ты остаешься здесь, в этом опостылевшем до смерти бараке, среди этих жутких, мерзких рож, один на один с этой бесконечной чередой одинаковых дней, с подъемами, зарядками, сечкой, шмонами, макаревичами, и т.д. и т.п... Вот только что ушел и Алик. Провожали его с шумом, целой толпой; он унес мои бумаги (показал мне, как обещал, уже вот этой ночью (я почти и не спал всю ночь) 2 “балбеса” вместо одного), – но донесет ли он их и отдаст ли по назначению, – абсолютно неизвестно. Остается надеяться и ждать.

А со связью все оказалось не так плохо, как я думал. На 8–м выгребли только 23 или 25, но не все, так что можно опять ходить и звонить, – я вчера после ужина уже и ходил. Узнал, что Е.С. все же едет в Нижний на сегодняшний мой суд.

7–55

Большие шмоны – чуть не еженедельно, а “малые” шмоны – чуть не каждый день. Прихожу сейчас в барак с завтрака (один и чуть пораньше остальной толпы), – 3 “контролера”, отодвинув от окна одну “обиженскую” шконку и соседнюю с ней, уже роются, шмонают. Потом полезли и в баул одного “обиженного”, стали все вынимать оттуда, чего при мне до сих пор не бывало. Вроде что–то нашли, но что – я не понял, и минут через 5 убрались.

27.4.08. 6–15

У них у всех праздничек – “пасха”. Как же, как же... С утра друг другу, на полном серьезе: “Христос воскресе!”. Как будто всерьез верующие, как будто XIX век, блин!.. Провалиться бы вам всем, вместе с вашим Христом! Если б вы только знали, как я вас всех ненавижу!..

28.4.08. 11–53

Тоска безумная вот уже 2–й день. К вечеру еще ничего (вчера), а утром просто не хочется жить, до такой степени тошно, до такой степени надоело тут сидеть, опостылело это пустое, бессмысленное существование... Хоть, действительно, в петлю лезь... Завтра свидание короткое, уже едут ко мне на машине мать, Карамьян и Матвеев, – но меня это не радует нисколько. Что толку?! – ведь забрать меня отсюда, увезти с собой они все равно не смогут...

19–10

Дрянной анекдот: свалил сегодня побыстрее с ужина, из столовой, – одним из первых, – чтобы на 8–й, звонить, побыстрее и не на глазах у всех. А эта мразь, отрядник, оказывается, уже после меня явился в столовку и всех, кто там был, переписал. Сейчас, только что вот, приперся в барак – и тут же мне вопрос, был ли я на ужине; типа, он меня там не видел. Захочет – влепит выговор, и с "облегченки" снимут, и прощая свидания каждый месяц, да и призрачное УДО – тоже, хоть на него и так нет абсолютно никакой надежды...

Мать и ребята, когда я дозвонился уже подъезжали к Шахунье. По крайней мере, я надеюсь, завтра свиданка состоится, передачу примут и все будет ОК.

19–55

В этой проклятой стране идиотов возможно действительно все!.. Оказывается, отрядник теперь вызывает по списку вообще всех, кого не застал на ужине, а т.к. люди уходят не все вместе строем, как "положено", а по одному, – он не застал там большинство отряда. Было, говорят, человек 20, кого он переписал; остальным теперь грозят неприятности. Мое имя тоже есть в длиннющем списке вызываемых к нему в кабинет (но без ПЕРСОНАЛЬНОГО вызова я, конечно, не пойду). Да плюс, в довершение, только собрался готовить себе ужин, – вырубили свет, а с ним вместе и воду... Страна идиотов.

20–30

Вызвал сейчас лично, мразь этакая, и пообещал, что будет на меня рапорт. Видимо, с "облегченкой" и впрямь придется расстаться...

29.4.08. 21–55

Прошла утром короткая свиданка. Разболелась в результате у меня голова, и мать устроила очередную истерику, когда я ей сказал, что она забыла привезти мне часы (вечно что–то забудет). Пустили зато обоих ребят – и Карамьяна, и Матвеева. Матвеев, со своим вечным юмором и остроумием, особой даже манерой говорить (так, что нельзя не смеяться) был неподражаем. Хотя

говорили оба больше о том, какие перспективы у путинско–медведевского тандема, перегрызутся они или нет, о войне “сечинских” и “газпромовских” и т.д. Думают, что когда Медведеву в этой войне понадобится “общественная поддержка” либералов, интеллигенции, даже “экстремистов” (?!) – то меня и выпустят. Крайне сомнительная и неправдоподобная перспектива, на мой взгляд.

Под конец всего – эти мрази в форме прошмонали всех и все баулы на выходе со свиданки, – раздели догола, все вынули и перещупали из баула (только что перещупанное, когда сдавали передачу). Собирать, естественно, сам. Шмонал один “мусор”, в их домике для шмонов возле вахты. Такую ненависть и омерзение он во мне вызывал, – так и хотелось убить его тут же, на месте, раскроить череп сзади чем–нибудь тяжелым. Да и вообще, когда шел утром на свиданку, ненависть такая лютая была в душе, – так и сжег бы напалмом, тоннами адского пламени с небес, весь этот лагерь с его 2000 зэков и сотней “мусоров”...

И не зря, как оказалось, и как подтверждается каждый день. После ужина – опять дрянная комедия: маленький, плюгавый, омерзительный, клоп вонючий – Наумов, местный офицерик, мелкий начальничек чего–то там – не выпускал вообще по одному из столовой, пока все не поедят. Я столкнулся с ним лоб в лоб, и он прицепился ко мне. До сих пор жалею, простить не могу себе, что не ответил ему так резко, как следовало: “мне ПЛЕВАТЬ, видели Вы меня, или нет”, – в ответ на его замечание, что, мол, он меня вчера на ужине не видел. “Глаза, мол, разуйте!” – надо было сказать этой твари в лицо, да поздно сообразил...

Потом эта мелкая мразь еще пыталась строить 13–й отряд по трое в колонну в “локалке” столовой, а отряд упорно не строился, и Наумов его не выпускал. Пугал шмоном в бараке, проверкой по карточкам здесь же, у столовой, еще черт знает чем. Но потом, под предлогом шмона, все же ушел, а пришедший вместо него другой “мусор”, подоброе, хоть и грубоватый, – сумел–таки быстро построить, и ушли в барак.

30.4.08. 11–00

Опять был шмон, только что кончился. Суки!!! Чуть не каждую неделю стали шмонать... На этот раз, правда, обошлось "малой кровью”: я забрал с собой в пакете все основные бумаги, тетради, письма, фотоальбом и пр. бумаги (их, конечно, тоже прошмонали, но при мне, на столике в раздевалке, и гораздо корректнее, не рассыпая по листочку); закинул матрасы у себя и у соседа по проходняку, слегка раскидал книги под изголовьем. Как ни странно это сработало: у меня они совсем или почти совсем не шмонали. Зато в телогрейке без бирки, вывешенной в раздевалку,

прощупывая все подряд “телаги”, “мусор”, сволочь, нашел–таки открывалку с острым концом. Но он положил ее тут же, рядом, на лавку, вскоре ушел из раздевалки, и я закинул ее тайком за ящик для обуви, чтобы потом достать, и достал, как только ушли “мусора”. А по баулам они, слава богу, в отличие от тюремных шмонов, не лазят. Так что на этот раз – без потерь.

МАЙ 2008

1.5.08. 8–45

1 мая, утро. “Праздничек”... Настроение с утра, как ни странно, неплохое, бодрое. М.б., это потому, что есть реальное дело, реальная возможность, – переписать сейчас набело (начал вчера) уже готовый текст и отправить на волю, благо канал, вроде бы, работает. Опубликует ли его К–Ц, – неизвестно, но “надежда умирает последней”. Да, конечно, надо ответить на кучу писем, притом немаленьких, особенно от Е.С. Надо прочитать кучу книг и прессы, привезенной на свиданку. Книг на месяц точно должно хватить; а вот писать (м.б., мой ответ “Свободному слову” там опубликуют), – мучительно лень, нет сил, тяжело (физически тяжело сидеть, даже без опоры спине, и писать), но надо...

2.5.08. 6–30

Еще один день, и не хочется жить, и на душе тоска, и вокруг, и в самом сердце твоем – неволя... Тоска. Май, все вокруг зеленеет и расцветает, днем уже жарко, – а ты все сидишь здесь, в этом бараке, на этом опостылевшем дворе, без смысла и цели, и конца–краю не видно твоему сидению...

“Стёпышев 8–й прошел!”, “Стёпышев на 10–м!”, – кричат стрёмщики. Нет, всякая революция должна начинаться именно так, как описывает Солженицын в “Марте 17–го”, – с убийств офицеров, “мусоров”, городовых, любого начальства в форме. Этот Стёпышев вчера проходил мимо нас, когда мы (13–й отряд) шли на обед. Сперва долго “воспитывал” 8–й в воротах их барака, потом пошел куда–то в нашу сторону, мимо нас. Вот он поравнялся с отрядом, он идет рядышком совсем, вплотную, – вот тут–то взять его сразу 2–3–мя десятками рук, схватить надежно, чтоб не вырвался, – и тут же, на месте, убить! Всей толпой забить насмерть ногами, запинать, не прекращать бить, пока не испустит дух здесь же, на дорожке. И пусть будет потом, что будет!..

3.5.08. 6–27

Вчера вечером, после ужина, – только успел выйти с 8–го барака, дойти до нашего, – говорят: 2 “мусора” на 12–м! А на 8–м никто даже об этом ничего не “пробил”, не сказал – стрём у них вообще не работает, что ли?.. Еще через пару минут – оба уже на 8–м. вовремя я успел!.. И, главное, зря и ходил туда, позвонить все равно не удалось: Билайн здесь, в Буреполоме, оказывается, не работал вчера весь день, с 12–ти ночи, телефоны просто не видели сеть; а на “симке” НСС, которая там еще была в распоряжении Г. – оказался долг, так что с нее тоже не позвонишь. Зато чаю мне там предложили, как всегда, – радушие,

блин; и вот пока я его ждал, потом пил, – едва не нарвался на “мусоров”...

А сегодня с утра – все, праздники кончились, пожалте на зарядку! И Макаревич ходит по “продолу”, по баракам (вот только что крикнули, что ушел), и др. “мусора”. А “Макар” вполне может сейчас торчать и у столовой, отслеживать идущих на завтрак.

4.5.08. 9–23

Старый (50 лет) выродок, ворюга и алкаш, живущий в соседнем проходняке (один из подозреваемых мной в краже сигарет) сейчас проснулся – и вздумал делать мне замечания по поводу того, что я, сидя на своей шконке, чистил щеткой обувь. Мол, “выйди на улицу и чисти!”. Я взглянул на него, на его злобную рожу и вытаращенные глаза, – ей–богу, будь это на воле, не будь здесь этой мрази столько разом против меня, – я бы, наверное, убил бы его на месте! Забил бы трубой какой–нибудь железной, разнес бы череп, чтобы мозги летели... Такую ненависть они вызывают – вся эта тупая, злобная, подлая уголовная мразь, эти выродки, отребье человеческого рода, с важностью рассуждающие про “людское” и претендующие называться “людьми”... Нет, как бы люто ни ненавидеть “мусоров” и вообще государство, людей в форме, – а ЭТИХ я ненавижу еще больше!..

Тоскливое утро, унылое, пустое; светит солнце, на улице к полудню – жара. Надо писать ответ на письма Е.С., а не хочется, и нет смысла писать, тратить гелевые ручки, время и силы, – так далеко зашли разногласия с ней, так бесполезно пробиваться через ее религиозные и т.п. проповеди, так надоели эти пустые споры, что не хочется и писать. Но надо взяться, – тем паче, я ей обещал...

Светит солнце, а год назад в этот день был дождь и холод. Я был тогда на 1–й сборке, на 5–м централе. Шконка моя с утра была занята дедом Остапчуком, позже исчезнувшим. Сидел, помню, на скамеечке, спиной к столу, облокотясь на него, и под шум дождя с дикой тоской, почти отчаяньем, думал о том, в какой переплет попал, как глупо влип и когда все это кончится. Тогда еще теплилась хоть какая–то, хоть смутная надежда на Мосгорсуд, на то, что оставят в Москве и т.п. А сейчас уже никаких надежд нет, будь оно все проклято, вся эта жизнь. Будешь сидеть до упора, до самого марта 2011 года, и точка. Никуда тебе не деться, не вырваться; еще ровно 150 недель сегодня остается мне сидеть.

Идиотская эта жизнь: из–за проклятых “праздников” 1 и 9 мая все выходные и будни передвинулись черт знает куда. В положенные среду и пятницу в ларек не сходишь – закрыт. А зато

сегодня, в воскресенье, вроде бы должен работать. Но как в него попасть – поведут ли? – и сколько там будет народу, можно ли будет хоть внутрь–то войти, не то что к окошку пробиться? А у меня, как назло, кончается сегодня лапша, дешевые брикетики быстрого приготовления по 5 рублей. С этой лапшой я ем в ужин все привозимые матерью консервы, тем только и живу. А сейчас – полный идиотизм: консервов полно, а есть их будет не с чем (а без всего – несытно, смысла нет). И, если сегодня не пробиться в ларек, то, видимо, только после 9–го, – это как раз пятница, а следующий наш (13–го отряда)"ларьковый" день – среда, 14 мая. До тех пор мне не ужинать?..

10–05

От всего, с тобой здесь происходящего, – и от постоянного пребывания среди грубого, злобного, неотесанного быдла и хамья; и от постоянно останавливающихся "командирских" (российских) часов; и от всего этого здешнего чисто бытового устройства – очередей в ларьке, и т.д.; да хоть бы просто от туалета здешнего! – испытываешь такое беспредельное унижение (да, забыл, еще шмоны с раздеванием догола!..), что и вправду – будь возможность, не задумываясь, без всякой жалости убил был любого, кто только откроет тут на меня рот, и разнес бы ядерными бомбами страну, подвергшую меня ТАКОМУ...

19–50

Удивительно удачно все получилось, просто повезло! И в ларек я успел вечером, вернувшись уже с 8–го барака, – уже после того, как ушли все с "общественником", а некоторые с ним же и вернуться уже успели. И лапши себе купил, и сок, и паштет, – хрен его потом купишь, нечасто бывает. И матери с нового, незнакомого ей номера умудрился позвонить (точнее, она умудрилась перезвонить). И "мусорам" я на 8–м не попался, а там сидел отрядник 4–го в "козлодерке" (Быня, кажись, его погоняло, или как–то так). И в ларек дошел ОДИН (!), без всяких "общественников" и без всяких препятствий! И письмо Майсуряну отдал сегодня же (цензуру бы едва ли оно прошло, а мне бы хотелось, чтобы они его хоть в какой–то форме опубликовали, да хоть бы и просто у себя на собрании прочли, на Онежской). Вот конфет в ларьке не было совсем, а я хотел и себе купить, и еще просили нахлебники здесь, в бараке (Шум). В общем, неплохой день получился – в отличие от утреннего мрачного настроения и от того, что было год назад. И Е.С. сегодня письмо уже почти написал, осталось совсем немного. Жаль, вот ей дозвониться сегодня не удалось – оба номера давали длинные гудки, но трубку она не брала почему–то. Обещала встретиться и поговорить обо мне с Лукиным на этих днях, между

“праздниками”.

6.5.08. 6–50

Если б кто–нибудь на воле мог только представить, какая тоска – просыпаться каждое утро здесь, в этом проклятом бараке, за 900 км от дома, среди подонков и отребья, совершенно тебе чужих; “и этот день впереди – как проклятье”... Лежишь, уже рассвело, до подъема еще полчаса... 20 минут... 15... 10... – и в душе люто ненавидишь их всех, уже бегающих туда–сюда с кружками, кипятильниками и зубными щетками, уже матерящихся злобно друг на друга... Хоть бы сдохнуть скорее – и освободиться от всего этого раз и навсегда...Дозвонился вчера после ужина матери – она оказалась в форменной истерике, пришлось успокаивать. Оказывается, она позвонила сегодня Милютину (нач. колонии) , как договаривалась с ним 29–го после свидания со мной – и он ей сказал, что якобы вчера же (5 мая) Амир (наш отрядник) ему (Милютину) сказал, что будто бы я сегодня же (т.е. 5–го же мая) опять ушел из столовой, не дождавшись отряда! Мать, естественно, поверила и забилась в истерике и слезах. А на самом деле это такая наглая, откровенная, вопиющая ложь, что я даже опешил, услышав. Ни я после того случая 28–го не уходил ни разу раньше (специально ждал эту толпу, даже когда торопился на 8–й – звонить), ни Амира вчера не было, похоже, на работе вообще, – ни в бараке, ни у столовой он не появлялся, а дежурил возле столовки весь день отрядник 12–го. Вот такая мразь, провокатор этот Милютин, которому мать по своей младенческой наивности верит безоговорочно...

14–40

Вчера было жарко, а сегодня – пасмурно, хмурь, с позднего утра – временами дожди, причем крупные. Во дворе барака блатная “братва” (!) лично чинит и латает деревянный настил для построений и под “спортгородком”.

Какая адская, безумная – до ненависти, до желания спалить их всех напалмом – тоска торчать на этом дворе, в этом бараке, среди этого тупого быдла, подонков и идиотов, в этой абсолютно чужой для тебя жизни, в этой бессмыслице, в этом аду нелепости и идиотизма! Дикая, злая, неотпускающая тоска – казалось бы, сыт, одет–обут как–то, особенно ничего не печет, не мучает, – но давит и душит сама неуместность, бессмысленность, никчемность моего здесь пребывания, дикая и невыносимая никчемность этого тупого существования. До того, что и на “мусоров”, на всех этих макаревичей и “агрономов” (вчера, идя на ужин, наткнулись на них, они начали орать и строить в колонну) не только с матом и руганью, а – палку свою (трость, тоненькая и никчемная, не

жалко) сломал бы об них с удовольствием, своими руками любой череп бы разнес под фуражкой любому из этих подонков в форме. И это вонючее, омерзительное тупое быдло, которое над своими, кто послабее и побеззащитнее, издеваются, а перед тюремщиками – стелются и сапоги лижут, по имени–отчеству называют, вместо того, чтобы всей толпой накинуться и в клочья разорвать!.. Мразь, ничтожества, тупые ублюдки, озабоченные только чифиром и поиском сигареты, – как среди них жить?.. Будьте вы все прокляты – и те, и другие, и в погонах, и в робах, и вся эта идиотская, нелепая, проклятая страна – ошибка природы и Истории!..

Грядут "знаменательные даты" – завтра, 7–го – инаугурация "нового президента", ничтожного путинского выкормыша Медведева, прочимого "аналитиками" Путину в антагонисты, а скорее могущего стать его жертвой (правильно Матвеев говорил на свидании, – вертолет упадет где–нибудь в тайге, да и все!..); послезавтра – "великий праздник победы" одного фашизма над другим, день спасения и выживания сталинского режима. Поток торжественных и душещипательных сюжетов в новостях 1–го канала – и в каждом непременно интервью с "ветеранами", увешанными тонной сталинских побрякушек. "Трогательные" речи школьников об уважении к "ветеранам" и о том, как бы они тоже пошли в 1941 "защищать родину". "Где победу в войне над собой отмечает народ", – вспоминается Тальков. А переводя на лагерные реалии – день победы макаревичей...

19–00

Будь все проклято... 2 раза за вечер бегал на 8–й: после ужина и вот только что, после ИХ ужина, – все без толку! 1–й раз сказали: спит! (Блатные играли там в карты, еле промолвил один, с 5–го.) сейчас – уже не спал; сказал: давай попозже, я сам зайду, или тебя позову, сейчас я занят, человека провожаю... А у нас сидит отрядник, – значит, проверка минут на 30 раньше обычного, а потом– у них, по графику; а мне надо еще поужинать самому... Придет он, как же... Сказал, что звонила Е.С. – интересны от нее сведения, она на этих днях должна встретиться с Лукиным, говорить обо мне. Но важнее – позвонить матери, чтоб не психовала, да и – больной вопрос – про бумаги мои, увезенные этим кретином Аликом ("профессор", блин!..) узнать.

7.5.08. 7–07

Вчера все же сбегал еще раз, уже 3–й, после 9 вечера. Поговорил нормально с матерью, буквально на минуту дозвонился Е.С. – меня уже поджимала проверка, она все равно была в метро, не поговоришь. Сказала, что Лукин назначил ей встречу на 8–е число.

9–50

В Москве – инаугурация президента Медведева, в Буреполоме – шмон на 10–м бараке (2–й этаж над нами). Непрошмонанными В ЭТОТ ЗАХОД остаются пока на нашем “продоле” только 4–й и 5–й. А следующий “заход” всеобщего шмона может наступить уже и после “праздников”...

8.5.08. 8–38

Еще один день. Еще один возможный шмон, – чего от них еще ждать, от этих мразей? Через полчаса, через час, – благо, день сегодня рабочий. Тоска страшная...

Вчера матери и Е.С. так и не позвонил, – 1–й раз пришел, – сказали, персонаж ушел на 10–й. Зашел после их ужина, – подождали немножко, и он говорит, что “трубы” нет, – в смысле, занята под какие–то “деловые” разговоры, а вторую унес с собой ее владелец, его тоже сейчас нет. В общем, облом. Просил я его, если освободится “труба”, зайти к нам самому, но он, конечно же, и не подумал... Так и не позвонил, попробую сегодня, но уже что–то перестало мне везти с этими заходами на 8–й, как везло сначала...

Ужасное тут существование. Спать совершенно невозможно по ночам: всю ночь просыпаешься и встаешь, засыпать как следует начинаешь только уже где–то часам к 5 утра – и вот тут–то вскоре проклятый подъем, в 5–45! То есть, нормально выспаться не удается хронически; только какими–то урывками до 12 или до часу ночи. Просыпаешься утром, еще до подъема, видишь все эти рожи, топочущие с кружками на “фазу”, – и остро, мучительно не хочется жить, и тоскливый ужас, один и тот же, охватывает сознание каждое утро, все эти 2 с лишним года, – оттого, как долго еще не будет нормальной жизни (да никогда!), а будет вот это жуткое, тоскливое загробное существование вне родного дома... С утра – слабость, отчаяние, тоскливый ужас перед настоящим и будущим, а днем, к вечеру, по мере того, как “расходишься” в привычных, повседневных делах и движениях, – возникает в душе и ненависть, и энергия бороться дальше, и неудержимое стремление мстить им всем, – и тем, кто загнал сюда, и и тем, кто здесь мучил и издевался, и держал насильно под охраной в неволе, и тем, кто плевал в душу, не замечая того (это уже ближайшее окружение в бараке). О, погодите, ребята, – когда–нибудь я вам всем и за все отомщу!!.

Приснилась под утро Ленка моя. Мой зайчик любимый. Но – странно, как обычно бывает в снах: как будто у нее уже ребенок, и не такой уж маленький, несколько лет, и сама она какая–то другая, непохожая, и мы вроде бы (сам не понял) встречаемся после долгой разлуки, – после моего освобождения, что ли; и она

какая–то другая, отчужденная, холодная, и вроде бы даже выше ростом, и вообще, можно только догадываться, что это она. В общем, бред, – но ее бы, наверное, очень заинтересовало, если б она узнала, что снится мне, да еще какой–то не такой, как на самом деле...

15–15

Мучительно, невыносимо, невместимо рассудком – находиться здесь дальше. Но – деваться некуда... Не потому даже невыносимо, что тут плохо, тяжело, кругом уголовное отребье, – а просто: это все вокруг – абсолютно чужое, чуждое, не свое, как не в своей тарелке себя здесь чувствуешь. Только обычное, привычное бытовое выражение “не в своей тарелке” надо еще умножить на 100000, чтобы понять, до какой степени мне все здесь невыносимо, непереносимо чужое, насколько же я здесь не на своем месте, насколько вопиюще не должен здесь быть, а – давно уже дома! Все равно как просто вдруг закинуло бы тебя в чужой дом, в чужую большую семью – и живи там день за днем, ни к ним ко всем отношения ни малейшего не имеешь, ни уйти почему–то не можешь. И за одно только то, что принужден жить с чужими – опостылевает все вокруг, и начинаешь их смертельно ненавидеть, и даже сам их вид уже невыносимо противен, – , – не сделали они тебе и ничего плохого, м.б., ровно ничего – но чужие!.. И уйти нельзя! И вот так еще почти три года предстоит с ними, среди них прожить. А сердце рвется – домой, просто домой, даже никого из близких–то не хочется так снова видеть рядом, как именно просто: Домой! В родные стены!.. И кто не испытал сам неволи, тот не поймет...

9.5.08. 16–48

С утра и почти весь день сегодня – странное зрелище. Лошадь, запряженная в плуг, и 2 “пахаря” рядом с ней. Пашут... “запретку” вокруг зоны, неширокую полосу земли между забором и сеткой (внутри зоны, а еще такая же и снаружи). Она и до того была распахана, но после зимы – видимо, для надежности, еще раз, заново.

Вот что только и умеют в этом государстве, ей–богу. Очень символично... Пахать – так не для того, чтобы посеять и собрать урожай; сельское хозяйство у НИХ всю жизнь было в агонии после 1917, им командовать – как в ссылку отправляли. А если всерьез уж пахать – так только вокруг зоны, чтоб арестанты не сбежали. Государство тюрем и зон...

А так, в общем – обычный день, хоть и “праздник”. Впрочем, у более–менее серьезных и вдумчивых здесь (у одного, с которым говорил утром, – он вздумал поздравлять!..) всякая правда об этой “победе” вызывает резкое неприятие. Мол, это ты сразу в

политику, мол, режим (власть) отдельно, а народ (который воевал “за родину”) – отдельно; даже войну с Наполеоном, под самый конец – даже Петра I помянул!.. Крепко сидит у них в голове эта мифология, так просто ее не выбьешь, – еще бы, ведь и современный агитпроп это–то миф от совка перенял в целости и сохранности (в отличие от “классовых” и т.п. мифов) и эксплуатирует вовсю, на нем одном, по сути, этот режим и держится (“не допустить пересмотра итогов II Мировой войны!..”).

Нет такого отчаянья и безысходности, как вчера, но все равно тяжело, тошно и противно все вокруг. Неволя... На улице уже тепло, почти жарко, позавчерашнее жуткое похолодание вроде бы сникло. Практически уже лето, но по утрам на лавочках еще лежит изморозь с ночи. Еще одно лето предстоит провести тут. 149 недель и 2 дня, 149 бань мне осталось до “звонка”...

10.5.08. 14–35

Уголовное отребье, вся эта правящая бал в бараке блатная нечисть и мразь, взбесилась окончательно. И было–то плохо – а с каждым днем шпана делает все хуже и хуже, – для других, им–то все хорошо. Сегодня вдруг ящики–подставки для обуви, стоявшие в раздевалке, вытащили в самый первый, “холодный” предбанник. В раздевалке хоть скамейка стояла (и то стали ее, как тепло началось, утаскивать на улицу – загорать, играть в домино и т.п.), – тут и ее не будет вообще, а стоя я ботинки не одену и не завяжу никак. Да и там–то, на старом месте, все смотрел, – не сперли бы, не закинули бы куда башмаки, и то и дело они как после пинка ногой стояли, – в разные стороны... Здесь же оставить обувь, в этом предбаннике – значит наверняка ее лишиться. Придется обе пары держать под шконкой, завязывать шнурки в теснейшем, как щель узком, проходняке, где ногу–то не поднять на колено, не задев соседа...

Мрази. Еще раз – 5–й, 20–й, 100–й: самое тяжелое и омерзительное в сидении в тюрьме и в зоне, в “отбывании наказания” по политическому делу в путинско–медведевской России, – это сидеть с уголовниками, находиться бок о бок с ними и в их полной власти.

11.5.08. 6–20

“Попеременное доставание левой и правой ноги кистей рук”... Эта лагерная зарядка явно не в ладу с русскими падежами.

Опять Макаревич шлялся по баракам во время зарядки (хотя сегодня воскресенье, ее вообще быть не должно). До нас, слава богу, не дошел, – только до 10–го, и обратно, сейчас уже на 4–м...

15–00

Условно, наверное, можно разделить их всех на 2 категории: быдло и отребье. Отребье – это те, кто на воле грабил, воровал,

угонял чужие машины; словом, активно и сознательно стремился жить за чужой счет. Ну а быдло – это те, кто работал и пил, всю жизнь тупо вкалывал, рабски покоряясь любой власти и любым ее капризам и зверствам, даже не пытаясь бунтовать или протестовать. По пьяни ранили или убили кого–то, сели – и здесь служат шнырями у блатных, кипятят им чайники...

На улице, на дневном солнце, жара, а в бараке холодно, без шерстяных носков ноги мерзнут. Никаких событий пока не было. Тоска и пустота. Только и читать Солженицына до одурения, – отвлекаться, занимать мозги...

20–56

Очередной приступ безумия у уголовников: завтра опять приезжает какая–то "очень серьезная", страшноужасная "комиссия по безопасности из ГУИНа", поэтому опять надо все баулы убирать в каптерку. Еще сегодня с вечера, ага! Чтобы за ночь их там разворовали... Собрали сейчас барак, всех предупредили: "касается абсолютно каждого"! Суки!.. М.б., придется лаяться с блатной сволочью о неубранных вещах; это – самое мерзкое во всех комиссиях...

12.5.08. 15–43

Вроде бы отпустило то безумное нервное напряжение, которое навалилось с утра сразу почти, как проснулся, – в 4 утра, еще задолго до подъема, и уже не спал, хотя пытался заснуть. И чем дольше лежал, еще в полутьме, при светлеющих непрерывно окнах – тем хуже оно напрягалось внутри, в груди, во всей душе, – ну прямо как на смерть сегодня! Как будто впрямь умирать, или (ведь умирать на самом деле не страшно) какая–то самая страшная, самая дикая беда ждет, или уже случилась, какую только можно представить. Из–за чего? Сколько ни искал – только из–за этой ерунды, из–за вчерашней "комиссии", каптерки и пр. Вот ведь идиот! – из–за чего психую, с ума схожу... Именно эти нервы – главный смысл "наказания", а не лишение свободы" как таковое. По крайней мере, для меня.

Но прошла проверка, прошел обед, – никакой комиссии нет, и даже слухов о ней нет, и даже шмонов утром привычных нигде не было. Все же большинство в бараке убрали баулы (я не стал, и никто ничего не сказал, – не заметили?), подняли "шкерки" – занавески между сдвоенными шконками, – и... барак с утра почти пустой, большинство загорает в одних трусах во дворе! После обеда уже дошли до того, что некоторые вынесли досчатые щиты для спанья, положили их на 2 табуретки – в голове и в ногах – и улеглись загорать, как на настоящем пляже! Странно, что пока совсем не ходят "мусора", а особенно отрядник наш (приходил, сволочь, как всегда утром выгонять на зарядку), "сам" Макаревич

и т.п. Интересно, с одной стороны, как они отнесутся, если увидят этот “пляж”, а с другой – как вся эта публика при их приближении будет вскакивать, скорей–скорей одеваться, сломя голову бежать в барак прятать телефоны (которые выносят с собой, хотя прямо на нас смотрит с вышки “мусор”–автоматчик), и т.д. Цирк, видимо, будет еще тот...

13.5.08. 9–35

День за днем – одно и то же. Сегодня – новая волна психоза: комиссия приехала, убирайте сидора! Теперь уже подходит какое–то чмо ко всем и говорит, – вчера хоть этого не было. А психоз с приездами комиссии, похоже, грозит стать ежедневным...

Обстановка мрачная, новости плохие. Из моего склада бумаг и писем под изголовьем матраса стало кое–что пропадать бесследно. То – листовка обо мне, привезенная на последнее свидание (сложенная втрое листовка с моим портретом снаружи и обращением Е.С. от ноября 2006 внутри; листовки эти делает Люда Евстифеева). То – сегодня хотел написать ответ на еще одно письмо Е.С., а оно – и еще 2–3 неотвеченных письма – тоже исчезли. Все перерыл – нету...

В нашем конце “продола”, в самом тупике его, вчера стали рыть ямы, – оказалось, хотят поставить тут еще одну будку СДиПовцев, такую же, как в начале “продола” (и 2 на том, с другой стороны бараков). Т.е., эта охрана будет все время прямо возле нас, “локалку” нашу (калитку в заборе вокруг двора) , видимо, будут держать закрытой (сейчас она постоянно открыта, в отличие от других бараков), не сходишь уже так просто, когда нужно будет, ни на 8–й, никуда... Все хуже и хуже. Опять накатывает – прямо вот сейчас чувствую – это вчерашнее нервное состояние из–за “сидоров”, комиссии и каптерки... Всякая мразь уже ходит и говорит: “приводите все в порядок, снимайте пакеты” (у меня висят с хлебом и вещами 2 пакета на шконке” и т.д.

10–23

Кончилось дело тем, что живущий рядом со мной мразёныш – тот самый главный “спец” по браге – пока я вышел погулять во двор, просто, не мудрствуя лукаво, унес оба моих баула в каптерку! Сука такая! Исполнительная сволочь! Надеюсь, конечно, их там не успеют разворовать – особенно баул с едой...

Если б моя ненависть к ним ко всем, и к этой зоне, и вообще ко всему, могла бы материализоваться в пламя – этот проклятый лагерь давно бы уже выгорел дотла, включая и каменные бараки, – до пепла, начисто!..

11–00

Грабиловка, грабеж, разграбление и отъем имущества, тайный и открытый, – вот что самое опасное и омерзительное тут,

в тюрьмах и – особенно – в зоне. Шарят, шарят уже по каптерке какие–то типчики, роются, ищут что–то, – якобы свое, не придерешься к ним... Русскому народу (сброду), этим свиньям, – вообще ведь не свойственно, исторически не привито уважение к собственности. Наоборот, свое перманентное, генетическое воровство и грабеж – они оправдывают ссылками то на Христа (мол, велел делиться), а кто пограмотнее – могут и Прудона вспомнить: “Собственность – это кража”... Подонок Алик, хоть и отдал Майсуряну мои бумаги, но сочинил целую историю, будто бы угрозыск (?) арестовал его на платформе Буреполом, отвез в Тоншаево, держал там то ли полдня, то ли весь день, нашел и прочел все бумаги и угрожал за них сроком и ему, и автору (т.е. мне), – и якобы алик отдал все деньги, 46 (?) тысяч, и ему отдали бумаги и отпустили. И под этим соусом он пытался требовать деньги с моей матери (впрочем, ей он врал иначе – что бумаги у него еще на выходе с зоны нашли лично Макаревич и наш отрядник) и с Е.С. Начинал с 46 тысяч, но быстро соглашался и на 20 (на билет в Армению), а взял у моей матери всего лишь 3 тысячи, не отказался. Подонок и мошенник!..

14.508. 8–30

Мерзость какая... Все, что я знал гадкого об этом народе раньше, – подтверждается снова и снова. Сегодня во время зарядки мой сосед сверху, спящий надо мной (мы оба не выходили сегодня на зарядку), добродушный вроде мужик 47 лет, не уголовник, всю жизнь проработавший на лесоповале и пивший на воле по–черному, – стал объяснять мне, что на 16–й зоне (где он сидел раньше) вот так бы не лежали и не спали, а пулей бы выскакивали на зарядку. Я спросил, одобряет ли он такие порядки, нравится ли ему выскакивать пулей и т.д. Он в ответ стал мне объяснять, что все равно ничего сделать нельзя, “они” (“козлы” и “мусора”) сильнее; а на 16–й “козлы” (человек 7–8) прямо собирают отряд (140 человек) и говорят, что, мол, все равно по–вашему никогда не будет, так что подчиняйтесь, мол, беспрекословно.

Убедить его, что при повсеместном огромном превосходстве сил и численности зэков над “мусорами” и “козлами” решить эту проблему очень легко, было бы у зэков желание, – мне не удалось. Мол, “никто не хочет сидеть”, и пр. (В смысле, за расправу над “мусорами”, – хотя уже и так сидят...) А после этого разговора он пошел кипятить чай в банке на “фазу”, к розеткам в “фойе”, как обычно. И там его, проходя мимо, случайно слегка коснулся “обиженный” Трусов, абсолютный пария этого мерзкого барачного мира, забитое, почти бессловесное существо.

Надо было видеть, как добрый Коля, мой сосед, набросился

на Трусова! Сперва пару раз кулаком, потом ногой... Я ушел, не стал досматривать эту сцену; но получил Трусов изрядно, – чисто за случайное прикосновение боком или плечом...

Если их даже не “мусор”, а “козел”, т.е. такой же зэк, как они – будет избивать, пытать, мучить и издеваться как угодно (я наслушался, как это практикуется на других зонах), – они даже всей толпой не посмеют его одернуть, не говоря уж – дать физический отпор. А если беззащитный и забитый, заведомо безответный и ниже их в уголовной иерархии стоящий “обиженный” просто случайно заденет проходя, или попадется на пути, или даже просто – нечем заняться, и упадет на него взгляд (как у Сапога до его нынешнего прихода из больницы, сейчас–то он притих), – вот на нем они будут оттягиваться по полной! И бить, и пинать, и в лицо плевать, и все, что угодно... Сильного – боятся и пресмыкаются, слабого – забить готовы за любой пустяк... Сброд подонков, а не народ.

А комиссия и вчера так и не пришла, несмотря на все ожидания и приготовления. Но еще вчера вечером были намеки и признаки, что сегодня с утра психоз по этому поводу может начаться заново.

22–06

Тоска, безнадега... Когда–нибудь же все это кончится, или нет? Дожить бы до этого освобождения, когда ж оно настанет?.. На улице почти весь день дождь, сыро, прохладно. У нашего забора врыли уже в землю стальной, из труб и стержней сваренный куб – основу будущей будки. Макаревич лично приходил смотреть. “Пыхнул” еще один “мой” телефон – новенький, не пользованный еще. Страшно обидно! И придется еще долго, видимо, бегать звонить на 8–й, будь он неладен...

15.5.08. 10–05

Все чудесатее и чудесатее!.. Все забавнее и забавнее... Только попил чаю утром и сел писать про этап (просила очень Е.С. восстановить забранное в том году цензурой), – вдруг вызов во 2–й кабинет. Значит, к Русинову, хотя вроде незачем, не должны. Единственная разумная версия – подписка. И – разом все черные мысли: про увезенные Аликом бумаги, про пубилкации в интернете, про прошлогоднее уголовное дело... Перенервничал, конечно, если быть честным до конца, – и вот это–то крайнее нервное напряжение, до истощения, – и есть главное содержание их “наказаний” лично для меня. А потом – все как–то обходится благополучно...

Обошлось и в этот раз. Действительно, из–за подписки вызывали – и содрали на этот раз, суки, 5 тысяч! Вместо прежних 500 рублей – этого, говорят, теперь мало для благодарности. На

газету “Казенный дом”. Твари...

А самое смешное – пока ждал (долго) у 2–го кабинета, – говорят: зайди в 15–й. Там – полно народу, во главе стола – Агроном, выродок тупорылый, с каким удовольствием лично разнес бы ему башку ломом!.. Дает подписать бумагу – и вручает подарок: оказывается, по соглашению со ФСИН Федерация еврейских общин России (берл–лазаровская, насколько помню. Официоз, короче.) рассылает по зонам – мацу к еврейской пасхе! Вот уж я не ожидал!.. :) Трем зэкам с этой зоны – двое уже получили и расписались раньше меня.

И – хоть не нужна она мне совершенно, на вкус полнейшая ерунда (всего раз в жизни пробовал,, лет 15 назад, но помню), есть я ее не буду, и хоть не верю я ни в бога, ни в черта, и не праздную никакие религиозные праздники, – а все ж таки приятно! Приятно, главным образом, что не забывают, и что прислали персонально мне, под роспись, а не как от РПЦ, – всем без разбора, верующим и неверующим, типа меня. :))

15–00

Хоть одна хорошая новость: вчерашнее известие о безвременной гибели новенькой “трубы” оказалось ложным. Об этом я узнал сейчас из короткого разговора при случайной встрече по дороге на обед. “Спалилась”, оказывается, “не наша” “труба”, а чья–то еще. И то хорошо.

Да и сегодняшняя утренняя новость с подпиской, – хорошая она или плохая? Денег, конечно, на эту пакость жалко, да и от “благодарностей” их – какой толк? Их– – за ту же самую подписку – уже было 2 и в феврале, когда отказали в УДО, – НЕСМОТРЯ НА НИХ. Так что плохая, конечно. Но мать, с ее фанатической верой каждый раз, после каждого облома, – наверняка обрадуется и одобрит, когда узнает.

Выродок Агроном, отдав коробку с мацой, под конец еще угрозил мне: мол, еще раз увижу небритым – запишу выговор. Выноси, мразь, выноси; только я после этого уж точно не буду бриться до самого конца срока...

16.5.08. 15–42

Второй день идет снег. Майский снежок... Начался вчера после обеда, на смену дождю, к вечеру покрыл толстым слоем крыши, землю, траву, лавочки... Сегодня утром еще лежал, потом, часам к 10–11, – стаял, и вот сейчас – опять сыплется, уже сухой, но не ложится, а сразу тает. И сильный холодный ветер все время.

17.5.08. 15–15

Со стороны могло бы показаться, что жизнь налаживается. Прежде всего, наладилась наконец–то связь в бараке, реализовался давно задуманный план. Теперь, слава богу, не

нужно бегать звонить на 8–й, а прямо сюда, в барак, могут звонить мне.

Мой сосед, доставáвший меня до сих пор брызгами липкой браги и постоянным сидением на моей шконке, тот самый шнырь и профессиональный грабитель, – вдруг воспылал желанием мне услужить. Не бескорыстно, конечно, – за сигареты (ими мне проще всего платить, т.к. сам не курю). В пять минут набил мою подушку ватой еще из двух своих – вместо маленькой и хилой получилась она большая и пышная. Наконец–то хоть лежать будет удобно. Сделал он это за пачку сигарет, но началось с того, что за 3 пачки предложил набить мне (как многим уже до меня) матрас ватой из еще 1–2–х, чтобы был толстый и мягкий. У меня–то он и впрямь совсем тонкий, “убитый”, но я от этого не очень страдаю, тем более что шконка пружинная. Однако и не помешает, а 3 пачки сигарет для меня вовсе не проблема.

А вообще все началось с того, что именно этого персонажа, шныря, я, не имея никаких других кандидатур, послал перед утренней проверкой на 5–й барак – позвать сюда узбека, молодого парнишку, у которого Алик заказывал мои четки. Пару дней назад зашел о них разговор с другим моим соседом, неглупым мужиком из Казани, старым наркоманом (1965 г.р.), из 4–х раз 3 раза уже сидевшим (в т.ч. сейчас) по ст. 228. Тот дал мне завалявшийся у него кусочек кожи, и узбеку я отдал его вместе с четками – приделать к ним кожаный хвостик вместо полностью утратившего товарный вид нитяного. После обеда он пришел, принес, да еще из излишка кожи сделал 2–й, запасной хвостик (нарезал этот кусочек лапшой, как “дождь” на елку). Теперь можно перебирать их и радоваться, – именно такие вот, настоящие лагерные четки с кожаным хвостом, почему–то хотелось мне иметь давно, с тех пор, как еще в тюрьме впервые их увидел. Хотя, конечно, пользы от них никакой, – так, сувенир на память...

С утра вроде бы проглядывало даже солнышко. В 11 часов, когда я, побрившись, вышел из барака прогуляться в “локалку” (во двор), было уже пасмурно, но не холодно, дул легкий ветерок. Перед обедом же полил сильный дождь и, судя по звукам с окна, льет до сих пор. Через полтора часа на ужин – снова идти мокнуть, если он не прекратится. Хотя кормежка такая, что самое разумное – просто не ходить, но – заставляют, суки! В любой момент могут прийти и проверить.

18.5.08. 21–45

Одно огромное, невероятное, фантастическое событие, которым полон с утра и до сих пор не могу поверить: сегодня утром дозвонился моей Ленке! Год, или около того, не говорили

по телефону (со времен 1–й сборки, и там–то редко), и не виделись почти год. Одновременно я еще и научил ее звонить мне с домашнего на мобильник. Ей плохо, плохо было, и есть сейчас, – что–то со здоровьем, видимо, но она не говорит, что именно. И рада, что я позвонил, и тут же начинает ругать, что все так вышло; и с родителями распри, как всегда; и фотку старую, что я просил, так и не нашла, и не хочет искать. И говорит, что я "нереальный человек", даже "совершенно нереальный". Я сперва не понял, думал – "с глаз долой – из сердца вон", перестал я быть реальным для нее за 2 года. А оказалось – она поражается, как я смог выжить, упав с 4–го этажа (сперва сказанула – с 8–го!..), да потом приспособиться жить в таких условиях, в которых живу сейчас, – она, считает, не смогла бы... Эх, ко всему–то подлец человек привыкнуть может... Это не представить ей – и всем тем, кто не был...

Споры, ссоры, дискуссии с Е.С... Утомительные и пустые – в основном потому, что в окружении уголовников в бараке я не могу говорить все, что хотелось бы сказать. О методах (ненасилие или же террор), о нравственных принципах, и т.д. и т.п. Вчера (?) ее забрали в ментовку с какого–то одиночного пикета (подослали провокатора с плакатом, чтобы был уже не одиночный), и мы говорили с ней, пока она сидела там; потом отпустили, а суд назначили почему–то не на следующий день, как обычно, а на 27–е.

19.5.08. до подъема

Невыносимо, абсолютно непереносимо – до отчаяния, до смертной тоски, до беззвучной внутренней истерики, – просыпаться здесь среди ночи и вспоминать все, где ты и почему, и что еще почти 3 года впереди, 3 года такой жизни; просыпаться утром – и с первого мига знать, что самое ближайшее, непосредственное твое будущее – зарядка, а более отдаленное и глобальное, после завтрака – шмон... И больше нет ничего в этой жизни – лишь зарядки, да шмоны, да походы в столовую за несъедобной баландой, да – в любой момент – "рапорты" и нежданные неприятности от "мусоров", да стычки, "наезды" и злая грызня с уголовниками, их драки и перебранки... Загробное существование, в котором мысли о доме, воспоминания о прежней (светлой, как теперь ее отсюда видишь) жизни – лишь растравляют душу... Не вынесу я еще 2 года и 10 месяцев здесь, – сойду с ума намного раньше, если смерть физическая меня не приберет (дай бог...).

Часы с ночи опять стоят, так что даже времени не знаю. Но уже совсем светло за окнами, – скоро опять вставать, и понесся по все тому же заведенному, неизбежному кругу еще один день, будь

он проклят...

Это то самое страдание, которым “все очищается”, по Достоевскому; но и – такая боль, которую не так–то просто вынести, чтобы ею очиститься...

12–20

Веселенький выдался понедельник! С утра – пошли на завтрак, но только дошли до 12–го барака – поворачивают всех назад: проверка по карточкам! Вернулись (другие отряды тоже гуляли в “локалках”, ждали, вместо того, чтоб спать), потусовались 10–15 минут во дворе, – “пойдемте на завтрак!” и никакой проверки. А вот только что, перед утренней ежедневной проверкой – опять “мини–шмон”, 2 “мусора”, и на сей раз уже и у меня. Вынули часть вещей (хорошо хоть, не все) из обоих баулов, подняли матрас, залезли даже в пакет с чайником. Сидел рядом на шконке, шмонал – и пару раз настойчиво спросил: “Все нормально?”. Я промолчал – слова тут бессильны, только стальной прут тут помог бы, если не пистолет... А целенаправленный шмон в моих вещах – видимо, по доносу, до сих пор ведь не бывало...

18–40

Мрачная новость: оказывается, прошлогоднее дело в Нижнем по номеру “РП” еще аж от марта (января?) 2006г. – не заглохло! Майсурян говорит, что сегодня (?) какой–то гражданский суд в Н.Н. признал этот номер “экстремистским”. Правда, какой смысл в гражданском решении по этому поводу, я не понял. Но при этом, как он говорит, в сообщении агентства упоминалось и уголовное дело. Следователь по нему приезжал ко мне сюда в июле 2007, почти сразу, как я сам прибыл в эту зону; показания давать я ему отказался наотрез, а больше, кроме свидетеля, нашедшего и принесшего номер, у них ничего нет. Есть распространение “неустановленными лицами”. Но все равно новость неприятная.

Вызвали в спецчасть – пришел отказ на мою надзорную жалобу в Мосгорсуд, а с ним вернулись и копии – приговора и кассационного определения, теперь пойдут на следующую подачу на УДО...

Первая гроза в этом году здесь. Выходили на ужин – как раз начинался дождь (а хмурилось еще с обеда). Пока дошли (добежали) – ливень, а вышел я оттуда – уже нет его. За пару мину хода до столовой я промок до нитки, и бурду их (“рассольник”) заведомо не ем, но – заставляют ходить...

В бараке все как взбесились. После дневного мини–шмона “обиженные” вдруг в полном составе, вынеся все шконки, переехали из секции в холодный “тамбур” – фанерный

предбанник, пристроенный к бараку, с протекающей крышей, куда только на днях выставляли все ящики для обуви, а сейчас унесли назад, в раздевалку. Остальными идиотами в бараке – “мужиками” – тоже овладела внезапная “охота к перемене мест”, и вот сейчас они увлеченно, со стуком и грохотом, перетаскивают свои шконки из середины барака на это освободившееся место, напротив меня. Как взбесились, ей–богу... А дверной проем на входе в барак, где все равно нет двери (снята и стоит рядом), завесили кружевной занавесочкой. Да, забыл: на “продоле” уже поставили новую СДиПовскую будку, на днях она, увы, начнет функционировать...

22.5.08. 11–15

Ничего не происходит вот уже 2 дня. Но, по этой логике, сегодня что–нибудь таки должно случиться. Пакость какая–нибудь.

Даже утро прошло сегодня, на диво, без шмонов и без беготни шмон–бригад по “продолам”. Вчера они вроде бы заходили на 5–й барак, но что–то быстро ушли оттуда.

Юного моего соседа–грабителя наконец–то закрыли сегодня в ШИЗО (и с ним еще 4 человека). Наконец–то – потому что он собирался туда еще дня 3 назад и на 15 суток, а поехал сегодня всего на 6.

“Крахи, быстро построились и упорхали отсюда!” – фраза Агронома (майор Степанов) под общий смех 13–му отряду позавчера у столовой, после завтрака. “Крахи” – это инвалиды, а “крах–отрядом” постоянно называют инвалидный 13–й отряд. Такой здесь язык.

У второго моего соседа, старого алкаша и ворюги, постоянно лежит в тумбочке рыба, даваемая в столовой. Ест он вообще мало, про эту рыбу то ли забывает, то ли специально держит, – в общем, она тухнет, и из его тумбочки постоянно жуткая вонь этой тухлятиной. Рядом лежать невозможно. Сегодня утром почувствовал, как проснулся, еще до подъе [оборвано]

17–42

Пакость случилась, но не та, о которой я думал. Е.С. обнаружила на сайте “Свободного слова” “Дар напрасный...” – и окончательно отказалась делать обо мне сборник, уже почти готовый.

Настроение какой–то мутное, как спросонья. Не плохо и не хорошо, а как–то непонятно, неясность какая–то в голове, как туман. Пишу вот сейчас – и как–то даже ручку в пальцах держать неловко, неудобно, как будто разучился писать. Что со мной, не пойму...

Это, конечно, поражение в борьбе. Это – еще один кусок, с

треском вырванный из хоть какого–то подобия смысла в моем здесь сидении. Смысла в нем и так нет никакого, а теперь – уже вообще отрицательная величина. Ну да и – черт с ним, с этим сборником! Не хочет – не надо, пусть не делает. Все равно тиражом он будет (был бы, точнее) мизерным, экз. 500, ну 1000 дай бог, – это смешно, это "ни о чем", как здесь говорят. Променять на этот мизер свою свободу слова я никак не могу, – особенно учитывая, что ОТСЮДА любое слово весит больше и стоит дороже.

И со стихами что–то полный швах. Не идет, не пишется ничего больше, сколько ни напрягаю отупелый мозг. Есть пара хороших первых строчек – и все, дальше никак не идет, тупик, хоть тресни.

Прочел все тома "Красного колеса", что у меня были (2), прочел "Дневник неудачника" Лимонова, дочитываю вот сейчас книжку новейших рассказов Солженицына, переданную Е.С.. Через 2 дня, на 3–й – очередное длительное свидание с матерью.

23.5.08. 8–42

Не каждый день просыпаешься с такой ненавистью, как сегодня. Не только тоска, как обычно, подавленность или отчаяние, – но и лютая ненависть к ним ко всем! И к тем, кто загнал сюда, и ко всем, кто здесь окружает, ко всем к ним, которые – формально – вроде бы ни в чем и не виноваты, но среди которых находиться – само по себе оскорбительно для человеческого достоинства... Я писал об этом тут уже не раз, но это чувство давит все сильнее: только за то, что чужие, и все вокруг чужое, только за то, что не свое, не нужное тебе, абсолютно неинтересное, никчемное, вне тебя и твоей жизни лежащее, – только за это одно уже можно насмерть возненавидеть все и вся, во что загнали насильно и в чем – чужом и чуждом – силой принуждают жить день за днем, год за годом...

Принесли вчера вечером новую палку (трость) вместо сломавшейся старой. Отдал я за нее блок и 4 пачки сигарет ("Святой Георгий") – это главная валюта здесь. У прошлой палки сломалась ручка – именно ручки у них и ломаются чаще всего, а вытачивают их из дерева – красивые, резные, фигурные – прямо здесь же, на зоне (на "промке" или на "кечи"). А сейчас, утром, пока пил чай, мой сосед Коля (спец по дереву, лесу, лесоповалу и пьянству) показал мне то, чего я сам бы никогда не заметил: на ручке этой новой палки он разглядел трещины. Все покрыто лаком, не особо и видно, но, естественно, заранее треснутая ручка сломается еще быстрее, чем сломалась прежняя (с прошлого августа держалась).

Уродец "ночной" (ночной дневальный в отряде, и это стало

его кличкой) уже какой день не дошивает мне телогрейку, им же до этого переделанную и утепленную (взял синтепон от 2–й, новой телогрейки и вшил в эту, плюс переделал карманы и убрал светлые полосы). От того, как он вшил синтепон с подкладкой внутрь, – внизу, по краю куртки образовался излишек верхней ткани, т.к. подкладка явно короче. Обещал удлинить подкладку, – т.е. надо отпороть ее, наставить и пришить к краю верхней ткани заново. Работы ему тут – на час максимум, по шитью он крупный спец. И вот – под разными предлогами никак не соберется, козел этакий... 90% работы сделал, а оставшиеся 10 – ну никак, хотя шьет по ночам – и не мешает никто, и делать всю ночь нечего, можно сидеть и без помех шить. Не хочет – так и сказал бы, чем вилять и обещать...

13–40

Моего соседа, 20–летнего грабителя, постоянно делавшего брагу, – закрыли вчера в изолятор, но другое чмо, еще более наглое – мой бывший (до Н.г.) сосед по проходняку, абсолютно конченная мразь, нечисть, выродок, которого по стене бы размазать живьем, – продолжает приходить и лазить под соседнюю шконку, где стоит огромная пластиковая бадья с брагой (из–под краски какой–то, что ли, или из–под чего–то такого). Приходит, садится на мою шконку, крышку от бадьи кладет на нее же, – пофигу, на подушку мою, на сложенное в ногах одеяло, куда придется, все это без спросу и без тени извинения, разумеется. Берет с соседской тумбочки кружку – и самозабвенно хлебает это свое вонючее пойло. А вот только что – приводил и еще кого–то с собой, грязную крышку как раз мне на подушку плюхнул (грязной стороной кверху, но все равно хамство запредельное...) – и сидели тут, наслаждались. Наглость – первейшее, определяющее свойство этой породы уголовной мрази, этих животных – людьми их никак не назвать. Кажется, что из одной только бесцеремонной и беспардонной наглости они и состоят. Подумать только, что, защищая СВОИ права от государства, – приходится попутно защищать и вот эту мразь, которую бы – собрать со всего лагеря где–нибудь на большой площадке у столовой, построить шеренгами – и с крыши из крупнокалиберного пулемета, очередями...

24.5.08. 8–50

Опять стычка с “мусорами” – с самого утра в субботу, когда уж, кажется, не должно ничего такого быть. Еще до зарядки вдруг зашел в барак контролер – и у одного из самых омерзительных блатных тут же “спалился” телефон. “Мусор” стал его тащить за руку с собой (на вахту), тот упирался, собралась целая толпа блатных. А тут, едва только вышел из барака “мусор” (один, так и

не смог увести), – прется Макаревич (со своим постоянным спутником – здоровенный, как шкаф, СДиПовец. В качестве телохранителя, что ли, при нем состоит?). Просто ходил по баракам перед зарядкой, видимо, как обычно, не из–за этого телефона приперся, – но обход сегодня почему–то начал с нашего конца “продола”. Пришел еще до начала зарядки, к 6–му упражнению вроде ушел на 10–й барак. Все – обратно, с улицы в секцию, я – одним из первых. А эта сволочь “Макар” к концу зарядки – опять к нам! Опять я скорей–скорей выхожу – и в дверях как раз с этой мразью встречаюсь, и он еще и делает мне замечание – мол, зарядка не кончилась, Стомахин! Впрочем, говорил он это не только мне, и потом быстро ушел.

Блатных еще до завтрака вызвали на вахту, в т.ч. и того, у кого “спалился “ телефон, но – не закрыли, на удивление, после завтрака он вернулся. “макар” стоял у столовки, когда мы шли туда и обратно, строил в колонну по 3 на обратном пути. Завхоз наш тусовался около него с колодой наших личных карточек (фотка, ФИО, статья, начало и окончание срока), – я думал, прямо здесь, у столовой, эта мразь сейчас устроит “проверку по карточкам”, но нет, обошлось. Хотя – чисто в отместку за утреннюю потасовку в бараке – со шмоном прийти очень даже могут и сейчас, в субботу...

25.5.08. 6–57

Спать по ночам стало вообще невозможно. Угол напротив меня, откуда выехали “обиженные”, заняли, перетащив туда свои шконки, 2 полублатных хмыря, 20 и 26 лет, младший из которых в прежнем моем проходняке (до Н.г.) спал как раз надо мной. Сидит с 16 лет, с малолетки, а всего срок 10 лет за убийство. Наглейший, абсолютно беспардонный тип; порой кажется, что наглость, хамство, циничная беспардонность и бесцеремонность составляют самую глубинную его суть. И вот этот свой проходняк, крайний у входя в секцию, наискось от меня, они превратили в проходной двор. Там вечно полно народу, – то говорят по нескольким телефонам сразу (громко), то колют наколки, а сегодня всю ночь, с вечера, играли в карты. Я проснулся около 3–х ночи – сидят всей кодлой, играют, да еще – включили в свою незаконную (тайком от “мусоров” сделанную) проводку лампу, которая и через тряпку, завешивающую вход в проходняк, светит мне прямо в глаза, да и вообще ярко освещен весь этот конец секции. Да еще в том конце тоже висит “ночник”, не выключаемый порой всю ночь. Т.е., выключай верхний свет, не выключай – ночью все равно в секции слишком светло, чтобы нормально спать, лампа эта прямо в глаза... Твари, чтоб вы сдохли со своими картами! Раз нет “мусоров”, чтобы вы все

погасили и разбежались за секунду, – взять бы да разогнать вас, без предупреждения откинув вашу занавесочку на входе, крепкими палочными ударами!.. Утром выяснилось, что лампу эти подонки просто–напросто выкрутили на ночь из ближайшей к ним люстры на потолке, – утром вкрутили ее обратно.

Ноет зуб со вчерашнего вечера (а вчера к ночи он разболелся сильно, пришлось темпалгин принять). Плохой признак. Не дай бог разболится по–настоящему, как год назад!..

Завтра начинается очередное длительное свидание. Если честно, совсем меня это не радует. Эти 3 неполных дня пролетают мгновенно, а мать – у нее всегда какое–то радостное, праздничное настроение, особенно вначале, когда я только прихожу. Она в упор не понимает, какая в этой радости встречи заключена с самого начала уже трагедия, – возвращение обратно в барак; и какой тоскливый ужас, какая нечеловеческая, изматывающая пытка – тут сидеть. Тоска такая, как будто душу вынимают из тебя живьем, – а она радуется так, как будто ей предстоит меня после свиданки забрать с собой, а не оставить здесь, в этом вертепе...

ИЮНЬ 2008

4.6.08. 9–00

С самого утра, еще до завтрака – вдруг вызывают в штаб, да еще в 15–й кабинет, к тому самому майору Степанову (“Агроному”) – хаму и козлу. Я уж думал – ну, сейчас начнется!.. Ведь никому из них нельзя верить, в т.ч. и оперу, который все изъятые на шмоне в моих баулах 26.4.08 (пока я был на длительной свиданке) бумаги обещал положить мне “на вещи”, т.е. в ход не пускать. Ну, думаю, сейчас как минимум 15 суток ШИЗО, как максимум еще одно уголовное дело лет на 5. Ну ничего, думаю, прорвемся, – ведь это война, настоящая война с государством, а не игра в бирюльки, чего ж ты хотел...

Но тут опять судьба преподносит неожиданный сюрприз: оказывается, приехал Большаков, полковник из нижегородского УФСИНа, с которым постоянно общаются по телефону мать и Е.С. (она даже и лично к нему заезжала в конце апреля, когда в Н.Н. обл. суде рассматривалась моя кассация на отказ в УДО и она ездила на это заседание).

Таким образом, вместо ожидаемой выволочки, угроз и пр. от Агронома имел я (в русиновском кабинете) приятнейшую беседу с Большаковым, – правда, не особо содержательную. Он удивлялся, что по УДО не отпустили в тот раз, спрашивал, когда следующая подача, давал “ценные” советы типа: не идти на конфликт с начальством, не говорить вообще ничего “экстремистского” и т.д., спрашивал, есть ли у меня какие–то проблемы, – в бытовом смысле, разумеется, в бараке и пр., Приятно поговорили и разошлись; типа, можно рассчитывать, что администрация зоны и областной УФСИН “за” то, чтобы суд меня отпустил по УДО и будут его (суд) об этом просить. Тем не менее, в том, что ответ суда будет тот же, что и в прошлый раз, у меня никаких сомнений нет. Документы все собраны, после 7 августа можно подавать (если не навешают каких–нибудь новых взысканий до тех пор), суд будет не раньше сентября. – посмотрим.

Зато гнусные, омерзительные прямо–таки вести доходят из дому. Е.С. не только окончательно отказалась делать в мою защиту сборник, обещанный еще зимой, не только решила установить надо мной, над всем, что от меня сейчас, до освобождения, может исходить, жесткую цензуру, – но и, когда у нее это не получилось, оказывается, еще и нажаловалась на меня Лере Н., на мой “философский” текст в “Свободном слове”, точнее, на их сайте. Чем уж он вызвал такое неистовое ее возмущение, – фразой о том, что “весь мир нужно разрушить” (а

на самом деле – “этот мир требует беспощадного разрушения”), как она говорит? Или имеющимся там большим антирелигиозным куском? Второе гораздо вернее, по–моему... Так или иначе, по словам Майсуряна, Лера и Злотник уже названивают Паше Люзакову, Матвееву, Фрумкину, Любмицевой и пр. с требованием убрать материал с сайта под страхом того, что иначе Лера бросит меня защищать. А как она, собственно, защищает–то? Просто упоминает иногда – мимоходом – в статьях. Но теперь эта жирная свинья прямо говорит (хотя я знал и раньше), что ей важнее всего ее репутация, а раз она меня защищает, то я не должен писать что–либо такое, от чего ее репутация может пострадать...

Как вырождаются и мельчают даже лучшие из лучших, вчерашние герои и несгибаемые борцы, – подумать только!.. В какое дерьмо они превращаются, в какую падаль и гниль!.. Бывшие политзэки, всю

(Пока писал – истошные крики: “Шмон–бригада на большом!” (“продоле”), “Шмон–бригада 5–й прошли!”, “Трое на 10–й, один к нам!”. Шмон на 10–м, короче, – 2–й этаж над нами. Завтра вполне могут опять прийти и к нам. Ни дня без шмона у них, ублюдков!..)

Так вот. Бывшие политзэки, всю жизнь отдавшие диссидентству и правозащите, пытаются теперь устанавливать самую настоящую цензуру, отказывают в защите политзэку сегодняшнему, пекутся больше всего о собственной репутации (в глазах кого?! Смешно просто!.. Дай бог, чтобы хоть полпроцента из тех, кому в стране известно имя Леры (вот тут, в нижегородской глухомани, оно известно далеко–о–о не всем!), относились к ней с уважением, а не считали, по старой памяти, сумасшедшей). И Е.С. еще выговаривает мне, что, мол, они защищают меня (как будто великую милость мне этим оказывают), хотя я выражал на воле идеи, абсолютно, видите ли, противоречившие их, старых правозащитников, взглядам и убеждениям. Как будто – на самом деле – я не выражал их же взгляды (права человека выше интересов государства) полнее, целенаправленнее, ярче и четче, чем они сами!.. Дешевки позорные, – вроде “Мемориала”, отказавшегося меня защищать вообще, еще в 2006 г., специальным заявлением. Это вообще сброд подонков, и недаром именно там, в “Мемориале” – Каретникова, полууголовная мразь, открыто говорящая везде, что меня посадили правильно, “правозащитница” хренова... Но и остальные не лучше. Дешевки и профанаторы, желающие если что и делать, в каких исторических процессах и участвовать (путем хоть правозащиты той же), то исключительно в белых перчаточках; спецы по профанации, по замазыванию

принципиальных конфликтов (как в той же Чечне) вместо их окончательного разрешения; дешевые “миролюбцы” и пацифисты, своим пацифизмом только загоняющие все проблемы вглубь (улучшить и подлатать, видите ли, нынешнее прогнившее старье – вместо того, чтобы вышвырнуть его на помойку и начать жить с чистого листа…) и тем закладывающие мину под будущее.

Майсурян сказал, что он и Люзаков (главный редактор) против снятия текста с сайта, а остальные тут же “подняли лапки кверху”, да еще радостно оживился подонок Злотник, ВОПРЕКИ отговорам которого Лера с 2006 г. занималась все же моей защитой. Я, конечно же, сказал Майсуряну, что я тоже против снятия, – но до чего они в итоге договорятся, пока неясно. М. б, на Леру сумеют повлиять мать и Карамьян, которые – мать и так с ней хотела поговорить, о другом, а Женю надо будет специально просить позвонить Лере насчет меня.

18–05

Е.С., в свою очередь, возмущается и говорит, что не она звонила Лере, а Лера звонила ей; говорит обиженным тоном, отдала (наконец–то, вопреки своему упорному сопротивлению) все дневники мои с самого начала, с 1 января 2008, – и больше, как она заявляет, не хочет иметь к этому никакого отношения, ее больше не волнует, где я печатаю и что. И даже Ленке моей позвонить, договориться насчет свидания (мать наконец–то все же согласилась привезти ее с собой на следующую короткую свиданку!) ей уже трудно, – но она все же обещала это сделать. В общем, – прошло полтора года активного участия Е.С. в моем деле и, видимо, оно закончено навсегда…

Жаль, конечно. Состояние – в первые минуты после разговора – легкой растерянности и шока. Жалко, когда приходится рвать отношения с теми, кого по праву – по всем формальным данным – можно назвать ПРИЛИЧНЫМИ людьми. Увы, – если бы у большинства их, как у Е.С., головы не были бы забиты самыми нелепыми предрассудками, от религии до ненасилия, если бы не раздували они из мухи слона и умели все правильно понимать… А еще обиднее – что (и в этом Е.С. тоже горько права) собственных–то защитников, даже просто настоящих, полных единомышленников, у меня ведь тоже нет, максимум – считанные единицы, по пальцам одной руки сосчитать… Именно их и не хватает больше всего.

5.6.08. 15–40

Между тем, вчерашний Большаков оказался приехавшей в зону “комиссией”, как обычно. В осточертевший, мерзкий, кислый концентратный “рассольник” сегодня за обедом по такому случаю добавили курятины. Но – 2 дня сплошной муштры! То “Макар”, то

другая “мусорская” сволочь дежурит прямо у ворот “нулевого” поста (у бараков) во время хождения в столовку; какая–то мразь в форме и зеленом камуфляже время от времени пытается и из самой столовки не выпускать по одному во двор, а только когда все поедят, толпой. Выродок этот, строя сегодня после обеда в 3 шеренги во дворе столовой, так и заявлял: “Ничего лишнего я от вас не требую”, мол, построиться – это элементарное требование. Очень хотелось подойти и объяснить ему, что он сам–то здесь лишний, и не только здесь, но и вообще на этом свете, и прямо вот тут, во дворе столовки, забить, затоптать его насмерть ногами, разорвать в клочья толпе в несколько десятков зэков – ничего не стоит, так что зря он хорохорится. Увы, если бы и впрямь это рабское, трусливое, тупое, покорное быдло (и тут, и на воле) было способно давать отпор и рвать своих угнетателей в клочья... Очень хотелось также, прямо до дрожи, садануть его моей деревянной клюкой по рылу, когда я проходил мимо, а он как раз смотрел в сторону...

Омерзительный осадок остался (хотя и несколько уже глохнущий) после вчерашних разговоров, прежде всего с Е.С. По–человечески – жаль, конечно, что так вышло, но... До чего же все–таки ничтожна в России, из века в век, эта “правозащитная”, а в ипостаси 100 лет назад – просто “либеральная” интеллигенция! Какие же они все, даже лучшие из них, трусливые, осторожные, приверженные своей “умеренности и аккуратности”, своему излюбленному принципу “как бы чего не вышло”... Мрак просто, как пообщаешься. Одна забота: как бы из революционного насилия и из самой революции (против хоть совкового тоталитаризма, хоть его нынешней ипостаси) не вышло бы еще худшей какой–нибудь диктатуры. Вдолбили им еще в школе, и теперь само слово “революция” у них навеки ассоциируется только с большевиками, со штурмом Зимнего из фильма Эйзенштейна, да с подвалами ЧК, и больше ни с чем и ни с кем. Трусливые ничтожества! Да тут еще эта “теория малых дел” нелепая (Е.С. прямо и открыто ее разделяет): мол, каждый на своем месте должен делать свое дело, врач – лечить, учитель – учить, и т.д. – и от этого, мол, без всякой революции и крови когда–нибудь усовершенствуются все люди, изменится мир и настанет свободная и счастливая жизнь. Идиоты!.. Ждите у моря погоды, козлы тупоумные, дешевые непротивленцы – будет вам совершенствование человечества и права личности за просто так, на халяву, без крови и жертв, как же как же, ждите!.. А еще они обычно – эти “либеральные интеллигенты”, дешевка трусливая, хлюпики – очень сильно верят в бога (вот тоже как Е.С., у нее это вообще главный стержень всей жизни), свое идиотское ненасилие

прямо из Христа выводят...

Ну что ж, – я революционером, видать, родился, и революционером помру. Этим, ей–богу, можно гордиться! И как бы ни было лично, по–человечески, в душе кого–то из них жаль (мать все корит, все насмехается теперь, что еще не так давно я тут же, в дневнике, назвал Е.С. “близким человеком”. А у меня и вообще, по жизни, со всеми близкими мне людьми выходит так вот болезненно, не с одной Е.С...), – если придется рвать с этими ничтожествами, интеллигентствующими хлюпиками–“правозащитниками”, желающими обходиться совсем без крови и всю историю делать в белых перчаточках, – что ж, без сожаления рвать с ними ради подлинных ценностей, ради Свободы, завоеванной в бою, ради Революции! А если они встанут когда–нибудь на ее дороге – то и давить их без всякой жалости! Ибо – прямо вопреки проповедям Е.С. – право тюремщика на жизнь никак не может быть высшей ценностью для заключенных, и если с врагом никак не удается договориться по–человечески, если бандиты в погонах лишь хамят и тупо твердят: “не положено”, – значит, в них надо стрелять, и без всякой жалости, пачками убивать их, и пройти к победе по их трупам. Иного выхода нет. И лучшим оружием правозащитника может быть не закон, не жалкая писулька в суд, даже не митинг, – а 6–зарядный гранатомет, как еще в 2005 писали мы с Михилевичем...

6.6.08. 13–06

Дикая тоска. Бывает же такое, чтобы все окончательно опостылело – и выхода нет! После тоскливой истории с Е.С., – теперь еще мать скандалит по телефону, рыдает, бьется в настоящей истерике, – прочла мои отзывы о ней, мои страхи и тоскливые предчувствия еще аж перед январским свиданием (а страхи были после ужасного предыдущего – октябрьского, почти 2 дня сплошных скандалов и ругани). Она обижается за себя – а мне делает этим еще хуже, от ее истерик, слез, нежелания больше приезжать и вообще знаться, – такая тоска, депрессия, что только в петлю, кажется, остается.

Нет, когда–нибудь же оно все кончится, верно? Наступит же день, когда я выйду отсюда, будет какая–то другая, новая, тоже непростая жизнь, – но не будут так связаны руки, не будешь так мучительно зависеть от телефонных звонков, можно будет приехать, лично поговорить, если что... Есть ли оно, будущее, наступит ли оно?..

7.6.08. 17–45

Вот такое вот оно, лето–2008: холодное и сырое. Каждый день, как идти на ужин, – дождь, а сегодня вообще с градом, достаточно крупным, и град помельче был утром. С утра –

ледяной ветер, хотя солнышко временами и проглядывает сквозь облака, – видимо, опять какой–нибудь арктический антициклон.

Позвонила утром Е.С. Сама, – хорошо все же, что еще сама звонит, еще не все, м.б., потеряно. Долго (45 минут – пока не разъединяются звонки с домашнего на мобильный) воспитывала меня – и заодно рассказала, что вчера на пикете со сбором подписей за политз/к – забрали 6 человек (Кригера, Налетова и др.), – якобы, пикет был разрешен, а столик для сбора подписей – нет. Медведевская "оттепель"...

8.6.08. 19–50

Как часто я чувствую, что не могу больше здесь, нет больше сил, вообще никаких – ни духовных, ни физических – сил не осталось. Но и – не вырваться никак, нет выхода, тупик. Глухая стена, о которую хоть лоб расшиби. И остается только мечтать о мести. Дожить бы только – о–о, какая это будет месть!..

Казалось бы – уж вечер воскресенья можно было бы провести спокойно? Так нет – явился выродок Макаревич, буянил тут в бараке, орал, сдирал одеяло, которым была завешена одна из "обиженных" шконок, а главное – орал, мразь такая, что он "последний раз предупреждает" "насчет сидоров", чтобы убирали их в каптерку, да еще и насчет обуви, которую я теперь тоже держу под шконкой, а он требует – в раздевалке (чтобы ее потом там не найти, закинули чтоб куда–нибудь). Меня лично он не задевал, но, как тут говорят, "поднял нервы", – после его визита от омерзения и ненависти к нему, от острого желания его убить – меня просто трясет...

9.6.08. 8–45

Жизнь в состоянии постоянного стресса, ежедневного, ни на минуту не отпускающего нервного напряжения. Уже с утра, до подъема, с 4–х часов утра (сегодня проснулся) знаешь, что сейчас начнется... И точно: на зарядку явились опять "Макар" с нашим отрядником, и этот выродок "Макар" опять прогавкал, чтобы все убрали из–под шконок, – мол, после обеда он зайдет, проверит. Одна надежда – что после обеда его уже здесь не будет, он был вчера днем и ночью, видимо, дежурил, – не может же он торчать на работе круглосуточно, этот выродок тупорылый, чтоб он сдох...

Пришел с завтрака, поставил себе чайник – еще не успел он полностью закипеть, как вдруг вырубили свет. Хорошо хоть, уже почти закипала вода, чай смог попить.

11.6.08. 10–02

Ожидание шмона, ожидание шмона... Этим одним и наполнены, фактически, здесь все дни, – по крайней мере, до проверки, с утра, лучшее время. Гулять бы спокойно по двору, читать или спать, – так нет!.. Вчера ожидалось, что приедет

ОМОН и устроит большой шмон, – об этом предупреждать позавчера вечером специально всех собирали в “культяшке” (культкомнате). Почему вдруг ОМОН, когда в зоне все спокойно, – оставалось только гадать, и сразу, только услышав, мне подумалось: чушь какая–то, не будет этого ничего… Ничего, разумеется, и не было: ни шмона, ни ОМОНа. Вот сейчас – опять ожидание, нудное и тоскливое. М.б., и сегодня пронесет как–нибудь. Только что прибегал “мусор”, с нашего “спортгородка” перелез на “запретку” и там искал какую–то вроде бы бутыль с чем–то (с брагой, с чем же еще могут…), выброшенную якобы с 10–го (достаточно далеко кидать, кстати). Ничего не нашел, вылез оттуда пустой и ушел. Уж думали – шмон–бригада бежит, а это всего лишь… Но вполне возможно это еще не конец, времени только начало 11–го… Тошно на душе, тоскливо и не хочется жить… 1012 дней еще тут осталось…

11–18

Забавно, но оказалось все не так: и бутыль с самогоном кинули, оказывается, не с барака, а с воли, через “запретку”, но до двора барака она не долетела и на “запретке” упала. А “мусоров”, оказывается, было двое (я видел только одного), и бутылку они таки гашли. Позвонила охранница с вышки, видевшая, как перекидывали, и сообщила об этом, а мне только что рассказал стремщик, бывший очевидцем всего этого происшествия.

12.6.08. 4–08

4 утра… Всего–то часа 2 только и поспал этой ночью, – больше никак. Такое омерзение и отвращение душит ко всему, ко всей этой жизни, ко всем вокруг и к самому себе, да плюс еще дурацкие бытовые проблемы наваливаются, и не знаешь, как их решать, – и тут уж не уснуть никак. Будь оно все проклято…

Подонок Юра, мой бывший сосед по проходняку и весельчак, меня забавлявший, – вот уже неделю, мразь такая, не может выстирать мои вещи, хотя каждый день обещает. Позавчера было уже взял на ночь (днем – некогда, с утра до вечера торчит на стреме у калитки), – но утром вернул: мол, на улице лил дождь, сушить вешать некуда, завтра сделаю… И вот – с прошлой пятницы, с бани, прошу его, а завтра (13–го) – уже новая баня, уже за 3 недели накопится там вещей… И уговорить его, видимо, уже хрен удастся, так и будет отделываться пустыми обещаниями. Надо просить кого–то другого из “обиженных”, а кого? Все они – такая же ненадежная шваль…

Подонок “ночной” (ночной дневальный), “красная жужелица”, по определению своего бывшего соседа по проходняку, – вчера прошел УДО. Еще один уходит домой, а я

остаюсь тут, еще почти три года мне тут торчать... От одной этой мысли такая тоска и ненависть поднимаются в груди... А этот скот – непонятно почему – упорно не хочет доделать мне зимнюю куртку–телогрейку, в которую он вшил синтепон от 2–й куртки, чтобы была толще и теплее. Подкладка у него при этом оказалась короче, чем наружная ткань, и та собралась большой складкой внизу. Всего–то надо – отпороть и слегка удлинить подкладку, но вот – никак не хочет почему–то, тоже отделывается обещаниями. Еще в мае я просил, просил – никак! Потом я убрал телогрейку – говорили, что "Макар", мразь, требует их все сдать на лето на склад; вчера опять спросил у "ночного", – доделает ли он все же, доставать ли мне ее. Да–да, отвечает, только давай не сегодня. Еще, мол, 10 дней есть, успеем. Ничего, конечно, он делать не будет, это уже ясно, – тоже надо просить кого–то другого, или ходить так зимой... Противно до смерти.

Мать на днях порадовала: ездила, купила мне новый костюм ("рабочая одежда", другие здесь не пропускают), черный (сейчас ношу коричневый), а вчера говорит: он, оказывается, короче моего нынешнего, этот на рост 175, а новый – на 170... Что делать? Ехать снова туда, в магазин, и пытаться обменять? Сама вроде предложила, но неизвестно, захочет ли, поедет ли, будут ли силы и время...

Кончается все сладкое, с чем я пью чай, – и сукразит, и клюква в сахаре. 2 кг клюквы явно не хватит на месяц, хотя я кладу ее в чай только по утрам, вечером – сукразит. Но его больше сюда не пропускают, а надо чем–то подслащивать чай 2 раза в день, а клюквы и на 1–то не хватает!.. Что делать? Ума не приложу. Мерзко, оскорбительно и унизительно это: то ли пить несладкий, то ли по утрам вообще не пить, жевать бутерброды всухомятку... Тут нет достойного решения изначально, просто по самым условиям места, в котором находишься, – тут, в этом проклятом месте все, буквально все рассчитано так, чтобы намеренно унизить тебя, сломать, растоптать твое человеческое достоинство и волю к сопротивлению.

Вчера сказали, что мне пришла какая–то посылка. Ума не приложу, от кого, – мать и Е.С. точно ничего не посылали. Кто угодно мог послать что угодно (адрес–то в инете висит), скорее всего – это книги. Посылка обычная, со жратвой, мне положена только 29 июня, но книги в лимит не входят, их можно было бы и сейчас забрать. Но я не знаю, от кого, не знаю обратного адреса, а без этого здесь не выдают. Ходил вчера туда, в посылочную, после ужина (один, без "общественника", и потому крадучись, тайком, скорей–скорей мимо вахты и штаба, чтобы только не налететь на "мусоров", не привязались бы, – какое немыслимое, дикое само

по себе унижение, – вот так красться, оглядываясь!..) – и ничего не добился. СДиПовская сволочь в посылочной даже и разговаривать не хочет, им плевать: не знаешь адреса – отправим назад, и все!..

Невыносимое омерзение и отвращение ко всему. А еще же утром может быть шмон... Нет, лучше сдохнуть, чем так жить. “Не всякая жизнь лучше смерти”, – как писал Буковский...

8–20

Пришли с завтрака – новый сюрприз: нет света, а с ним и воды. Так что бутерброды есть таки пришлось без чая, – хорошо еще, был сок, купленный вчера в ларьке...

13.6.08. 7–15

Забавная ошибка, имеющая, м.б., провиденциальный характер: сейчас увидел на щите около кабинета отрядника график длительных свиданий на июль, где указывается статья и срок; и там мне вместо моей 280–й – написали 208–ю статью. Вместо “призывов к экстремистской деятельности” – “создание незаконного вооруженного формирования”. Следующий шаг, так сказать. :) Что это – случайная ошибка или побуждение к действию? Иди, м.б., тайное пророчество о моем будущем?..

14.6.08. 8–45

Наконец–то стало тепло, на улице – солнце, хотя и ливень с грозой был вчера к вечеру, и потом, уже к проверке, отзывался еще мелкими дождями. Но – уже реальная жара, настоящее лето. Теплое, солнечное лето в концлагере...

Все оказалось несколько лучше, чем я думал. Юрик все же постирал и выгладил мне вещи (хотя уже предложил свои услуги другой человек, – такой же, даже еще больший, страдалец по сигаретам). “Ночной” (на оставшиеся 10 дней он стал не ночным дневальным, а “пред. СППО”; что это такое – я не знаю) сам подошел только что после возвращения с завтрака, чтобы я отдал ему доделывать куртку. Только вот с посылкой так ничего пока и не решилось.

Но настоящий бич этого лета – комары! Их тут совершенно невообразимое количество, и нигде – ни в бараке, ни на улице, ни в столовой даже – невозможно ни одной секунды сидеть спокойно. Тучи комаров тебя буквально облепляют, лезут в лицо, в уши, садятся на шею на руки, на ноги... Все тело, особенно руки и ноги, у меня искусано сплошь, постоянно чешется, все расчесано уже местами до крови; толстая, вспухшая, как подушка, сплошная масса волдырей от бесчисленных укусов на руках и на верхней стороне стоп. В обшем, кошмар. Ни читать, ни писать, ни просто спокойно сидеть невозможно нигде ни одной секунды: надо постоянно отмахиваться от облепляющих тебя комаров. А по

вечерам над построившимися для проверки зэками вьется просто настоящий рой, от которого остается только отмахиваться шапками–“фесками”... Комары появились тут примерно с апреля, но настоящее бедствие от них началось только в эти дни, после недавнего похолодания, когда они все вдруг разом пропали, а теперь вот ожили вновь.

Пока писал – “ночной” принес полностью сделанную телогрейку. Еще один внутренний карман только попросил я его пришить – и готова одежка на зиму, хоть на волю ее с собой бери...

А “обиженный” старик Валентин Неустроев – умер. Известно это стало давно, еще 2 недели назад просто никак у меня не доходила речь до него. Били его все, кому не лень, издевались, не давали днем даже прилечь, целыми днями он торчал в туалете, моя и “проливая” его, даже спал там, сидя на трубе, потом ездил на “пятерку” лечить геморрой... И вот – умер. Жалкая смерть как итог жалкой жизни. Для чего мы все живем, и не такая же ли жалкая смерть ждет всех нас? Мне он навсегда запомнится, как этой весной, – уже было тепло, – он сидел на “продоле” напротив нашей калитки, прямо на земле, на полоске травы, растущей у “запретки”, привалившись кое–как к ней (к сетке–рабице, натянутой вдоль “продола”), – седой, изможденный, замученный, а часто, сидя там, и засыпал. Он был весь седой, морщинистый, выглядел лет на 70 минимум, но я помню бирочку на его кровати – там значился, по–моему, 55–й, что ли, год рождения. Ему не было еще и 55 лет, и в “обиженные” его перевели за то что из тумбочки “обиженных” он украл кусок хлеба, а до этого часто шпыняли за то, что собирает “бычки” во дворе барака или столовой, – он был нищий, никто ему ничего не слал и не помогал, а курить хотелось...

Дозвонился вчера своей Ленке, на дачу, на мобильник отца. Е.С. уже звонила им прежде, но т.к. мать хочет брать билеты на 29–е уже сегодня (хотела вчера, но Фрумкин, которого она просила их купить, не смог приехать), я счел нужным уточнить все детали. И наткнулся на неожиданное (вернее, просто позабытое за эти 2 с лишним года, т.к. почти не доводилось с ней общаться): “Я еще не знаю, смогу я или нет”. Впрочем, этого и следовало ожидать, – она всегда была очень тяжела на подъем, даже на принятие окончательного решения; надеюсь, она все же соберется и приедет вместе с матерью 29–го, – а если нет, то потом уже только в августе. “Ты такой простой!..” – заявила она мне в ответ на предложение записать № поезда, чтобы потом съездить за билетом...

Вчера вечером вдруг приперся “мусор”, часов в 6, и устроил

проверку по карточкам, нарушив все спокойствие летнего выходного вечера, – только из–за того, что 1 человек (блатной “обиженный”) ушел неизвестно куда, а его, видимо, искали или ждали на вахте “мусора”.

17–40 Дозвонилась не так давно опять Маня из Питера, – впервые с марта. Рассказывала про свое у

головное дело по 282–й статье – всего–то за ее тексты в ЖЖ, про бывший у нее 21 мая обыск. Говорит, между прочим, что ее следовательницу из прокуратуры зовут тоже Снежана Николаевна, – уж не Колобова ли это, мразь, сажавшая меня и в 2004–м, и в 2006–м, и на “Матроску” за мной как–то лично приезжавшая? Фамилия, говорит Маня, у нее другая, но фамилию можно и сменить, а вот имя это в России довольно редкое, а уж в сочетании со знакомым отчеством... На допросы по повесткам Маня пока не ходит, их было уже 3, и даже статус ее по делу неизвестен – то ли свидетель, то ли подозреваемая, то ли обвиняемая...

Сказала также (в ответ на мой вопрос), что и замуж вышла не так давно (о чем у уже слышал от Тарасова), и скоро будет ребенок (о чем узнал тут впервые). Видимо, надеждам моим, что из нее выйдет настоящий боец, можно будет совместно что–то делать, не суждено сбыться: помимо (и по причине) давления властей, на нее давит и собственная мать (перепуганная, видимо; боже, как это знакомо!), да плюс еще семья, ребенок, – уйдет она теперь в личную жизнь, в быт этот кондовый, семейный, и дай бог, чтобы – до лучших времен, а не навсегда. Ушел уже Миша Агафонов, теперь вот – Маня, лучшие, молодые, наиболее радикальные элементы тусовки...

Смутное, смурное какое–то ощущение на душе от этих ее известий. Где–то там, на воле, жизнь идет своим чередом, рождаются дети, сменяются зимы и весны, – а я все торчу здесь. Уходят лучшие бойцы в эту тихую заводь, в личную жизнь, и даже если выпустят меня вдруг прямо завтра – ждет меня одиночество, неприкаянность, отсутствие всякой опоры в дальнейшей борьбе. Так что, видимо, никакого будущего и на воле у меня нет...

Чем–то чуть–чуть, смутно, неуловимо, – Маня мне вдруг напомнила Лену Громову – активную, радикальную фанатку Милошевича и (во 2–ю очередь) коммунистку из РКСМ(б), общавшуюся со мной во 2–й половине 90–х. Где–то она теперь, чем занимается, интересно?..

20–40

Я многое понял, посидев здесь. Действительно, страна уродов, подонков и идиотов. И никакой надежды на исправление, и ничего не поможет – ни реформы, ни перестройки, ни

демократия, ни социализм... Агрессивная, мрачно–злобная варварская империя, засасывающая, как трясина, всех, кто хочет ее реформировать. Только полное ее уничтожение, ликвидация, стирание навсегда самого ее имени с карты мира, – иного выхода нет!..

15.6.08. 6–05

Острое, пронзительное чувство вдруг сейчас, перед подъемом: никому я на самом деле не нужен в этом мире, кроме матери. Ни Ленке моей (хоть и пишет она мне нежные, любящие письма, но – раз в полгода, едва ли чаще, и приехать что–то не особо спешит); ни друзьям, коллегам. Соратникам, – не бросили они меня совсем, конечно, ни никто из них ради меня не прервет размеренное течение собственной жизни, не бросит все дела, не будет мотаться ко мне каждый месяц, как мать... И, похоже, с тем, что я сижу, они уже смирились, – по крайней мере, решительного намерения меня как–то вытащить отсюда раньше 2011 г. я у них не чувствую. Много делала Е.С., и отношения с ней были уже не просто формально–правозащитными, недаром даже мать ревновала, – но вот он и предел, вот бросила, отступилась и Е.С... Грустно это – сознавать, что на самом–то деле нет у тебя никого близкого и надежного на свете (опять же кроме матери, но это ведь – не твоя заслуга, а сам ты вот – не сумел нажить)...

16.6.08. 8–40

Началось утро понедельника, будь он неладен!.. Отрядник, вопреки ожиданиям, на зарядку не пришел, но возвращаемся с завтрака – опять “мини–шмон” в бараке, 2 шконки у окна выдвинуты в проход, двое подонков в форме там роются. Ничего вроде не забрали, но, уходя, один из них, мелкого росточка, по кличке, по–моему, Полторашка, бросил мне: “Ты, главное, не забудь об этом написать!”. Знают, суки... Да еще, выходя из столовой, сцепился – на сей раз с отрядником 12–го, стоявшим на крыльце, из–за того, что вышел в дверь с табличкой “вход” (хотя и через нее выходит народ постоянно). Но, вроде, обошлось без последствий. Так им, мразям, важно, чтобы все выходили только в дверь с табличкой “выход” и маршировали строем...

Нет, не бывает “добрых”, “нормальных”, “хороших” “мусоров”; даже на 1% хороших – их не бывает. Хороший “мусор” – мертвый “мусор”! Так же как не бывает каких–то нормальных, умных, вежливых, порядочных, толковых, понимающих зэков, – нет, все они – быдло и мразь, отребье, тупые скоты, эгоистически занятые только собой, наглые, дебильные и хамоватые, – хуже животных, короче. Омерзительные насекомые. И не только зэки – русский народ и вообще таков. Сброд, а не народ. Свиньи. Мразь.

18–16

Жара, духота, комары… В общем, полный кошмар. Даже кошка Манька, бедолага, вся облеплена комарами. Их тучи, полчища, – еще больше, чем прошлые дни. С утра на улице – палящее солнце, после обеда – облачность, духота и глухие раскаты грома, перед ужином – несколько капель дождя – и все! Духота и комары все усиливаются, хожу весь мокрый, на улице невозможно просидеть минуты – липнут комары, остается только ходить взад–вперед по двору. Хоть бы уж, правда – раз с ужина уже пришли – грянула сейчас гроза с ливнем, прибила к земле комаров и освежила воздух… Хотя все равно – легче тут, в неволе, от этого не станет. Поневоле вспоминаются бессмертные некрасовские строки, – здесь и сейчас они очень кстати:

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли!
Чаша с краями полна.

17.6.08. 17–50

Все прекрасно знаешь и понимаешь умом: кто, что, зачем, почему, откуда, когда и сколько… А все равно временами наваливается эта невыносимая, неотступная тоска, это недоумение, как будто спросонья, – где я?! Как я мог сюда попасть?! Как это вышло так глупо?! Как теперь быть?! Как выбраться отсюда? И когда же все это кончится? Жизнь в полной бессмыслице и постоянном, неотступном, убивающем однообразии – как в кошмаре. Кошмарный сон, от которого никак не проснуться…

Вчера ночью это безумное, остервенелое животное Макаревич, дикий кабан, бешенство которого МОГУТ, но никак не хотят унять 2000 человек, – дежурил и совершал ночной обход. Стремщик загодя крикнул: “Макар к нам!” – поэтому я не удивился, услышав, как в “фойе” что–то загрохотало, падая, и как будто, по звуку, разбилось. А потом уже появилось с фонариком и это мурло, сопровождаемое “общественниками”. Когда он ушел, я вышел посмотреть, – оказывается, в “фойе” он походя смахнул со стола (нарочно, разумеется) возле розеток несколько банок и каких–то еще посудин, и одна стеклянная банка разбилась. При этом он смахнул туда же и стоявший там чайник, – видимо, кто–то кипятил его ночью… Обезумевший, до невменяемости свирепый дикий кабан, с которым один разговор, – пуля между глаз! Утром приперся и на зарядку, но тут все обошлось спокойнее, чем я думал.

А так – все то же, что и вчера. Жара, духота, комары… Только гроза была не после ужина, а после обеда, и ливень куда сильнее,

чем вчера. Вырубился в момент начала грозы и свет (вот только минут 10, как его включили), а на дорожке к воротам (как идти в столовую) разлилось еще более разливанное море, чем обычно. Да, и кормили сегодня в столовке еще омерзительнее, чем обычно, на завтрак и обед – сечка...

21.6.08. 10–21

Опять всю ночь не спал. Лишь под утро, после 2–х ч., начал вроде бы забываться какой–то дремой, и то – на минуты, видимо, и не поймешь даже, сон это, или просто что–то кажется, что–то грезится наяву...

Да, сон у меня за эти 2 с лишним года расстроился полностью. Здесь, в зоне, чуть лучше, чем было в тюрьме (2–3 часа в сутки, по ощущениям, – часов ведь не было); да и условия тут для сна не намного лучше, чем были на 1–й сборке. Свет хоть и гасят, но это условность: с нашей стороны – падает свет из коридора, в дальнем конце секции – горит ночник, весьма неслабый. Полбарака не спит, а ходит туда–сюда, топает (шконка трясется, когда просто проходят мимо нее, – так тут устроен пол), громко разговаривают по телефонам и между собой, в том конце еще и музыка играет (правда, приглушенно), под соседнюю шконку то ставят, то вытаскивают, то снова притаскивают ведра с брагой, соседи по проходняку как раз после отбоя садятся жрать, смеяться и громко разговаривать... А спит вся эта нечисть, которая колобродит все ночи напролет, – спят они утром, после завтрака и до проверки.

А я еще, видимо, не спал из–за нервов. Не только потому, что здесь сижу (так все опротивело и осточертело, что 3 дня не мог даже написать ни строчки), но и из–за Ленки моей. Очень хотелось, чтобы она приехала на свидание, но вот – нет от нее ни слуху, ни духу, а времени остается всего неделя, так что, видимо, уже она не приедет, увы... И дозвониться ей на дачу можно только через отца, и тоже не так это просто, особенно когда на телефоне постоянно нет денег, а по баракам постоянно ходят “мусора”...

17–58

Все же дозвонился своей Ленке недавно, перед ужином. И – она отказалась приехать, говорит, что никак не может. А ссылается на какую–то ерунду: типа, курс лечения какой–то сейчас проходит, и денег на дорогу может не быть... Я, честно говоря, не ожидал ее отказа и был не то что даже расстроен, а прямо–таки огорошен...

Ну что ж, – это еще одно подтверждение того, что ни на кого, абсолютно ни на кого в этой жизни нельзя положиться. Слабенькое утешение: сказала, что, м.б., приедет в конце лета, – как раз на следующую короткую свиданку. Но это – уже едва ли...

Не раз приводил ей в письмах, и сейчас опять вспоминается известная формула церковного венчания: быть вместе “в горе и в радости, в здравии и в болезни...”. Черта с два!.. И тошно, и обидно, и тоскливо, и мать теперь будет еще больше злорадствовать, – мол, “я тебе говорила”, предупреждала, советовала забыть... И все эти поездки на дачу, и костер во дворе, и как я подбрасывал дрова в печь, и собирали грибы в ближнем леске, и жарили картошку, только что выкопанную с грядки, и в волшебных, таинственных подмосковных сумерках, при свете фонарей и звезд, по вечерней свежести ехали на машине домой... – все эти последние, родные, дорогие воспоминания и картины воли теперь тоже придется забыть? Какая тоска...

22.6.08. 13–26

Видимо, это была кульминация. Высшая точка. Момент истины. Прошло 2 с лишним года. Сколько было за эти годы воспоминаний, грез, надежд, планов на будущее и более глубокого, запоздалого осмысления прошлого... Сколько ярких, как будто фото со вспышкой, дней, встреч, дат, прогулок, – 2 года 3 месяца стоявших ярко–ярко перед глазами... А теперь – всё. Всё это, все картинки, вся громада прошлого за 6 лет – рухнула в один миг. Одно дело – не общаться, не мочь никак (месяцами!) дозвониться, но при этом – знать, что там, в своем молчаливом затворничестве – любит и ждет по–прежнему. А совсем другое – дозвониться и услышать равнодушие во фразах, эгоизм в голосе. После этого – возврата назад нет. Не будет уже никогда того заветного, берущего за душу, той щемящей романтики, если даже снова когда–нибудь окажешься в тех же местах, на тех же дачах, пройдешь по той же траве, через поле к той церкви... Рухнуло все вмиг, и на душе – пустота. Состояние, в котором обычно (и мне раньше уже приходилось) рвут письма и фотографии...

24.6.08. 9–45

Последние дни комары зажрали так, что невозможно было вообще ничего делать: ни читать, ни писать, ни просто сидеть спокойно – ни в бараке, ни на улице, – а только постоянно махать руками, отбиваясь от них, облепляющих тебя со всех сторон. Сегодня, пока что, в бараке с ними чуть полегче – м.б., потому, что спецы из соседнего проходняка на какую–то старую, непонятную проводку, оказавшуюся тем не менее под током, ухитрились присобачить фумигатор.

Руки и ноги у меня покрыты немыслимым количеством укусов и расчесаны до крови, вообще – до жуткого состояния. Из–за этого вчера произошел анекдотический случай. После отбоя, уже легли спать, – приходит “мусор” с ночным обходом, как обычно, – не поздно еще, в 12–м часу ночи. Ну пришел и пришел,

фиг бы с ним. И вдруг приходит один из “козлов” и говорит, что “мусор” вызывает меня!..

Иду в полном недоумении, – с чего бы это я понадобился?! И в “козлодерке” (кабинет завхоза) вижу – не обычного “мусора”, “контролера” какого–нибудь, а – Демина, начальника санчасти. Уже само по себе странно, что ночью приперся именно он, – казалось бы, не его дело с ночными обходами ходить. И говорит более чем примечательную фразу: “Стомахин, хватит корчить из себя политкаторжанина!”. А что, разве не так и есть? – думаю про себя, спрашивая, в чем, собственно, дело. А он – требует подойти поближе к столу, показать руки и – спрашивает, почему я не иду в санчасть их лечить!.. Видимо, кто–то (завхоз?) уже ему настучал по поводу моих рук. Мрази и стукачи! Среди каких подонков жить приходится!.. Но когда я ему сказал, что это всего лишь укусы комаров, то он как–то сразу сник, и я пошел спать дальше.

А дальше – этой ночью была гроза с ливнем, облегчившая невыносимую духоту в бараке. Шумел ливень, сверкали через окно в ночной темноте молнии и порывы ветра ощутимо задували через открытую как раз напротив меня форточку. Какое это было блаженство!..

Хотел вчера написать своей Ленке письмо. Открытки у меня все забрали на майском шмоне вместе с бумагами, тетрадями и письмами, – так хоть в письме поздравить ее с близким уже днем рождения. Но, во–первых, абсолютно не давали писать комары, а во–вторых, – не лежит душа. Написал 1 абзац – и бросил. Ну что, в самом деле, еще раз объяснять ей прописные истины, – что раз уж она хотела, чтобы мы поженились и жили одной семьей, так и жизнь у нас должна быть общая, и помогать мы друг другу должны, и жертвовать друг для друга, если надо, покоем и комфортом (я же вставал ради нее сколько раз в5 утра...), а не так вот – раз в год не хотеть приехать, просто увидеться. Значит, такая вот “любовь” у нее. Ну и черт с ней, пусть живет как хочет, но без меня.

Дочитал “Красное колесо” Солженицына (начиная с 5–го тома и минус 8–й, – т.е. ровно половина 10–тимной эпопеи) и начал роман Улицкой, переданный, как сказала Е.С., ее мужем Станиславом. До сих пор Улицкую вообще не читал, только слышал. “Даниэль Штайн, переводчик” он называется. Не то что это уж такое великое произведение, конечно, – но достаточно сильное, и связано с нашей жизнью, с историей XX века, с крайне животрепещущей до сих пор темой Холокоста, – а уж чтобы просто читать и не замечать, не слышать и не видеть всей окружающей реальности (мерзости), – подходит просто идеально.

А старая мразь Сапог между тем продолжает каждый день

глумиться над забитым, зашуганным, безответным бедолагой Трусовым, “обиженным”, самым бесправным существом в бараке. Сапог бьет его ногами, пинает, издевательски командует ему то собирать окурки, то сторожить какое–то ведро с водой, то еще какой–то бред придумывает, – и пинает за то, что тот не бросается бегом эти окурки собирать. То нудно, часами командует ему издевательски: “Сделай личико попроще!”, то к нему, абсолютно никак Сапога не задевающему, начинает подступать с “грозным” вопросом: “Ты чего провоцируешь?!”. Провоцирует, на самом–то деле, конечно же, сам Сапог Трусова, и не будь тот таким забитым – давно надо было бы ему взять любую доску или палку и разбить Сапогу черепушку. Смотреть и слушать эти постоянные нудные представления омерзительно и невыносимо, так что даже кое–кто из зэков стали говорить Сапогу, чтобы он отвязался от Трусова, на что эта мразь только огрызается, что, мол, отстаньте от меня самого.

На самом деле, в выродке и дебиле Сапоге как в капле воды отразился пресловутый русский национальный характер, глубинная сущность этого народа, самая его изнанка. С теми, кто сильнее его, выше по положению (“козлы”, не говоря уж о “мусорах”, да и блатные), кто может реально разбить ему харю, – он обычно держится как бы приветливо (“Как оно?” – радостно кричит какому–нибудь знакомому издалека по дороге в столовку), старается рассмешить, неся какую–нибудь явную, но смешную ахинею, жестикулируя при этом, а иной раз – под музыку – чуть не пускаясь в пляс, – в свои–то 56 лет. Он льстив, он изображает клоуна, дурачка, юродивого, – и тех, кто реально выше его в этой мерзкой зоновской иерархии, он обычно обезоруживает (и даже располагает к себе) смехом и шутками.

А вот нашел более слабого, ниже в иерархии (“обиженного”), такого, кто точно не ударит в ответ, – и какое же злобное, жестокое издевательство! Куда делся недавний веселый клоун с его забавными шутками и жестами! На его месте – по–настоящему злобный, оголтелый садист, которому доставляет явное удовольствие мучить беззащитную жертву. А в том, что у этого выродка действительно есть такая постоянная потребность, я уже убедился, – за 10,5 месяцев, что я его наблюдаю, он постоянно, неотвязно цепляется то к одной жертве, то к другой, и если не бьет, то уж поминутно кричит ей что–нибудь глумливое и издевательское. Так было еще до появления у нас Трусова (его перевели с 6–го барака), да и сейчас он постоянно норовит задеть еще кого–то, – в основном тоже из “обиженных”, которые по самим правилам этой иерархии не могут ему ни ответить надлежащими словами, ни ударить.

Ей–богу, стоило сюда попасть, чтобы увидеть эту мразь и лично наблюдать – как солнце в капле воды – настоящий, без всяких льстивых прикрас, характер народа. Сапог может служить настоящим символом всей русской мерзости, прущей из самых народных глубин (как Богодул у Распутина в “Прощании с Матерой”). Да уж, веселенькое “хождение в народ” на 5 лет у меня получилось, приобретенного опыта хватит осмысливать надолго. Только вот как – зная все это – жить дальше в этой стране, среди этой мрази?..

17–08

По утрам мне кажется, что никакого будущего у меня уже нет, а к вечеру – появляется просвет, начинает казаться, что оно все–таки есть...

26.6.08. 6–50

Омерзительно и на душе, и вокруг. Просыпаешься – и вспоминаешь все это, – и лучше бы не просыпался...

Зарядки, м.б., не будет, т.к. всю ночь, со вчерашнего вечера, льет проливной дождь. Вся земля раскисла, по дороге в столовую – уже не просто лужи, а моря.

Со связью опять беда, и это убивает больше всего. По милости каких–то идиотов, которым ее поручили, а таким поручать ничего нельзя, – связи опять нет. М.б., наладится сегодня вечером (как этим лохам обещали), но 99%, что нет. Придется опять пережить все то же, что было в конце апреля – 1–й половине мая. А я–то так радовался, что хоть это наладилось, наконец. Теперь опять то же мрачное чувство оторванности, потерянности, что и всегда, когда нет связи: случись со мной что–нибудь ужасное, – мои долго не будут ничего знать...

Сегодня – “режимный” день. Или он был вчера, в среду? Короче, сегодня по ИХ расписанию – законный день для шмонов, и шмон вполне реально может быть. Выгонят всех под дождь?..

В ларьке вчера таки не оказалось белого хлеба, а у меня, даже сильно зачерствевший с той пятницы, он уже кончился. Придется завтракать черным, – омерзительная, почти несъедобная кислятина, выдаваемая в столовой в виде “пайки” 3 раза в день.
8–40

Выходили на завтрак, – дождь был совсем слабенький, еле капал. А обратно (всего несколько минут в столовке) – уже довольно сильный. А по коридору между 2–мя заборами, там, где глубоченная лужа во всю ширь дорожки – навстречу нам 12–й отряд, человек 180, или сколько их там. И по трем шатким дощечкам они почти все и поперлись переходить эту лужу, а нам пришлось ждать (многие ушли по забору, по его нижней перекладине, цепляясь за забор руками, – но не с моей больной

ногой и палкой в руке такие упражнения проделывать). Ждали довольно долго, – вернулся я в барак мокрый почти до нитки. И сейчас, слышно за окном, – льет как из ведра... 28.6.08. 11–10

Глубочайшее разочарование в людях, в жизни, в идеалах, в друзьях, в коллегах, во всем и во всех – вот итог 2–х с лишним лет моего пребывания в тюрьме и на зоне. Никого нет, ни на кого нельзя положиться, всем все до лампочки. Только мать, единственная, – но и с ней бывает порой трудно из–за ее склонности к истерикам и крику...

Ленка моя спрашивает у Е.С. по телефону: не обиделся ли я на нее, что она не приехала. Лучше б ее не было вовсе, чем вот так – после стольких лет, после стольких переживаний о ней, надежд и светлых воспоминаний уже в тюрьме. “Как поленом по лицу...” Лучше б, правда, не было. И теперь уже – ничего с ней не будет, это ясно. Зачем она мне – такая? Чтоб сбежала в первый же острый момент, как из Киева? Чтоб видеться только когда у меня все хорошо?

Ни письмо отправлять я ей не буду, уже написанное и лежащее почти неделю. Ни с днем рождения поздравлять. Умерло все...

Если не считать матери, – мне, в общем–то, и не нужна здесь, по сути, связь. Берешь телефон в руки – а позвонить–то и некому. Один ты на свете... 15–41

Какое, к черту, в самом деле, может быть “построение демократии”, о котором говорил Паша Люзаков в 2004 году на допросе по моему делу? Какая вообще, к черту, этому народу, в этой стране – демократия, о которой все мечтает с 1989 года Женя Фрумкин? По чести, по совести, от всей души – этот народ (сброд, быдло и мразь) достоин разве что газовых печей, крематориев, поголовного уничтожения на вечные времена!

Потому что, если перевернуть знаменитую народническую формулу XIX века (которой и по сей день поклоняются многие) – о “вине интеллигенции перед народом”, – то получается не просто, что народ виноват перед интеллигенцией (да еще как виноват, начиная с процесса 193–х, продолжая “философскими пароходами”, обструкциями на “собраниях трудящихся” Сахарова и Солженицына, и т.д. и т.п.) – я вот считаю и заявляю, что этот паскудный народ–сброд виноват И ПЕРЕДО МНОЙ ЛИЧНО! Да–да, именно так! Потому что мне (или нам – горсточке приличных, цивилизованных людей в этой стране, любящих свободу и имеющих человеческое достоинство) свободу в одиночку не отстоять. А эта мразь, эти “пролы” – не хотят. Более того, они – не просто преданные рабы всех этих путиных и макаревичей, покорные любой их прихоти. Они – еще и стадо стукачей у них на

службе, и не только тебе за твои права не помогут бороться – но сразу же тебя выдадут, настучат, как стучали на меня на воле, или сами накинутся рвать любого “вольнодумца”, если он появится среди них.

Именно из–за этого народа выродков и рабов я здесь сижу, в этом дерьме, и еще 995 дней мне тут сидеть. Этим мразям не нужны их права – и на мои они плевали тоже. Если уж родился в этом хлеву, то можно жить лишь по уши в том же навозе, что и остальные его обитатели. Или – уезжать, или же – спалить этот проклятый коровник вместе со всем его скотским населением к чертовой матери!

Действия (точнее, бездействие) этого проклятого народа по незащите и неспасению меня и всех таких, как я, от государственной расправы прямо попадают под статьи его же УК: “преступное бездействие” и “оставление в опасности”. Таким образом, русские (население РФ) – прямо и недвусмысленно ПРЕСТУПНЫЙ НАРОД.

30.6.08. 10–54

Самая грустная новость – СДиПовскую будку возле нашего забора доделали – и, как и ожидалось, тут же стали запирать “локалку”, т.е. калитку с нашего двора на “продол”. Сейчас, кроме времени проверок и походов в столовую, она постоянно заперта, просто так никуда не выйдешь, надо просить СДиПовца открыть.

Ночь с позавчера на вчера прошла почти без сна. Эти твари уголовники громко орали в “фойе”, носились с топотом туда–сюда, – в общем, колобродили вовсю, нисколько не смущаясь тем, что другие люди в этом же помещении спят. Главное же – они гнали брагу. Целая куча больших бутылей, железных и пластмассовых ведер с этим дерьмом, еще какая–то тара... Потом с ночным обходом пришли “мусора”, засекли как–то одно не спрятанное при их приходе ведро с торчащим из него кипятильником, хотели забрать (а кто–то из блатных, во главе целой толпы, упрашивал их не забирать, т.к. ведро ему привезли родители и оно ему нужно, а вовсе не брага), увели одного блатного с собой... Торчали очень долго в бараке. Потом пришли со следующим обходом – и торчали еще дольше, лазили по проходнякам, в том числе и в наш. Под все это, разумеется, спать было невозможно, – я спал, помнится, всего час или 2 в начале ночи, потом разбудили... Поэтому–то, видать, эту ночь спал уже крепко, почти не просыпаясь, и почти до самого подъема, а не до 4–х утра, как обычно.

А вчера было короткое свидание с матерью, приехавшей вместе с Женей Фрумкиным. Разговоры с ним стали для меня

большим разочарованием. Впрочем, он разочаровывал и год назад, когда приехал 1–й раз, – но все же не настолько.

Когда–то он был одним из моих ближайших друзей, и что бы ни случилось – первому я звонил ему. Было в нем что–то мне глубоко родственное, – радикализм ли его, “экстремизм” ли, бескомпромиссность, решительность, близость взглядов его к моим, – словом, не знаю, что именно. Мы не 1 и не 2 раза вместе с ним сидели в милиции после “несанкционированных” митингов и пикетов.

А сейчас – он как будто очень состарился, но не в физическом смысле, конечно, а в политическом. Стал очень умеренным, осторожным, консервативным. От былого радикализма, открытости, бесшабашности этакой подкупающей – не осталось и следа. Лишь по–прежнему наивные надежды (образца конца 80–х), что если побольше безоружного народа выйдет на площадь, на митинги, – все проблемы как–то решатся сами собой. На мои упреки, что кампания в мою защиту после 21 марта фактически свернута, он не нашелся ничего ответить, кроме упреков мне в ответ, что, мол, я сам виноват: не надо было снова начинать писать статьи.

Вот уж этого я от него не ожидал! Не ожидал, что, пока я сижу, он окажется единомышленником Леры и Е.С. против меня! Хотя сам помогать и не отказывается (пока!), ездит, таскает передачи, но – не понял кучу мест в том, вызвавшем скандал, тексте, приводил мне искаженные цитаты и извращенное их толкование, да еще и меня винил, что я, оказывается, так написал, что все неверно понимают.

В общем, Женя вышел в тираж. Пора ему на пенсию, в богадельню. Революционером он, видимо, никогда себя и не считал, но и как “просто” правозащитник – работал с этаким революционным, я бы сказал, запалом, лихо и весело, составляя радикальное крыло – и одновременно лучшую часть – всего этого ковалевско–пономаревского “правозащитного движения”. Все–таки старый ДС–овец, подписант “Письма 12–ти”... Где теперь все это? Ничего не осталось – одна засохшая шкурка, кожура от прежнего сочного апельсина... Жалко. Очень жалко. И очень тоскливо. Лучшие люди вчерашних дней выходят в тираж – а молодой смены им я отсюда что–то не вижу...

ИЮЛЬ 2008

1.7.08. 8–45

Я заканчиваю завтрак, споласкиваю кружку, ставлю ее на место – и начинаю погружаться в ужас бытия. Здешнего, лагерного бытия, – ждать очередного шмона, или обхода какой–нибудь комиссии, если она приезжает, или появления Макаревича... И так каждый день, – ну, м.б., кроме выходных (но бывают неожиданности и по выходным). Макаревич уже был сегодня, – на зарядке, недолго; и уже со вчера ходят слухи о какой–то сегодня как раз комиссии в зоне. Опять начнется: “СидорА убирайте в каптерку!”.

3.7.08. 6–40

Фантастическое событие! Впервые за почти год, что я тут нахожусь, на этой зоне, – “мусора” вообще не ходили сегодня во время подъема и зарядки по баракам! Не то что до нас не дошли, как порой бывает, – нет, вообще ни на одном бараке ни одного “мусора” не “пробивали”! Фантастика!.. Что бы это значило? Сама зарядка была, дождей утром не было... Должно быть, волк в лесу сдох.

14–50

Вернулись с обеда. Давали на 2–е пшенку – большая тут редкость, ее хоть можно есть. Вроде полдня прошло – пока без шмонов (больших и малых), без макаревичей, без каптерок, без всей этой мерзости. Но – тут надо ждать чего–нибудь такого каждую минуту, расслабляться нельзя.

Ушел домой сидевший за угон парень на костылях, без ступней обеих ног. Неплохой парень, неглупый, 1971 г.р., из Нижнего. Мы иногда разговаривали тут с ним, в том числе и на политические темы, хотя у него была склонность больше не к политике, а к бизнесу. Тут – он был из самых еще лучших. Я не спрашивал, но что–то вроде говорили, что ноги он потерял уже тут, в зоне...

Старая мразь Сапог, ежедневно и жестоко глумясь над несчастным Трусовым, то и дело называет его “Дездемона”. Интересно, понимает ли смысл этого слова Трусов, но еще интереснее, – читал ли Шекспира сам Сапог. По его виду, манерам и разговору, – едва ли.

Вдоль “продола”, со стороны заборов бараков (“локалок”) вся обочина дороги засажена цветами. У 8–го и 4–го аж лилии цветут у других – поскромнее. Дешевая показуха для начальства? Или – желание “подсластить пилюлю” самим зэкам? Вроде тюрьма, неволя, а – цветы, занавесочки шелковые, обои, мягкая мебель в

“культяшке” на 8–м (планируется), – дом родной, и о рабстве не думаешь, а? Впрочем, они и так не думают, – они рабы генетические, привычны к рабству веками, поротыми задницами прапрадедов...

То, что три дня назад, по слухам, было “комиссией” – на самом деле оказалось (узнала мать у Милютина) тем же самым Большаковым, приезжавшим на (вдруг! С чего бы это?!) собрание мусульманской общины (джамаата? :).

4.7.08. 8–38

4 июля. День независимости США. Праздник, с которым можно искренне и от души себя поздравить (больше здесь некого). Действительно великая страна, великая, потрясающая цивилизация, основанная на принципах Свободы. Образец для всего остального мира (который за это именно США и ненавидит). Пример того, как попросту НОРМАЛЬНО, по–человечески должны жить люди. Цивилизованные люди, граждане, обладающие всеми правами, уважающие себя, сознающие свое достоинство и не желающие мириться с рабством и несправедливостью. Только вот, увы... За Чечню они уже давно должны были бомбить Москву, как в 99–м бомбили Белград, Я требовал этого открыто в 99–м и требую сейчас: НАТО и США, разбомбите Москву за ее военные преступления и геноцид в Чечне и за фактическое восстановление тоталитаризма в самой России! Без этого, без готовности ежечасно и в любой точке мира отстаивать свою свободу от варваров и тоталитаристов, – великая американская Свобода девальвируется, ставит себя под удар и перестает не то что быть примером для остальных, а вообще чего–то стоить.

А Россия – это, увы, вообще антипример. Пример того, как НЕ НАДО жить. “Третий Рим” гребаный, будь он неладен...

А лето между тем пролетает, едва успеваешь его замечать. Уже почти середина лета. А, казалось бы, только вчера еще начинал снег таять, начиналась весна, за забором нашей “локалки” лежали сугробы (от уборки двора) высотой с сам забор... Лето всегда пролетает быстро, а тут, видимо, особенно. Дни пустые, ничем не занятые, кроме мыслей и чтения...

Хорошая новость: суд окончательно освободил Андрея Новикова от всякого “лечения” в системе карательной психиатрии. Год он провел при путинщине в психушках. Год жизни... Майсурян, сообщивший эту новость, говорит, что потихоньку, не сразу заметно – но все же “медведевская оттепель” идет, движется. Ну что ж, посмотрим...

12–40

СДиП – это капо, внутрилагерная полиция. В других зонах

они лютуют побольше “мусоров”, но вроде бы не здесь? Тем не менее – сейчас, сегодня, – опять происшествие с баней. Давно уже туда по одному не пускают СДиПовцы у ворот “нулевого поста”. А сегодня я собрался пораньше, вышел с пакетом во двор – и как раз наш 13–отрядный СДиПовец кого–то куда–то повел (в ту же баню, скорее всего). Уж с ним–то должны пропустить! – и я пошел за ними. Но этот выродок – сперва предупредив меня – сказал на “нулевом посту”, чтобы меня не пропускали. И не пустили, пришлось возвращаться. Хотя раньше себе такого ни это конкретное чмо, ни другие “общественники” не позволяли.

5.7.08. 8–30

Мерзость какая... Вчерашний день был “веселеньким” весь, до самого вечера. И вечером, как венец всего, – только я сел ужинать в 8 часов, – блатные собирают “общее собрание” (термин мой, не их), да еще практически принудительное, с особо строгой проверкой, не остался ли кто в бараке, всех ли поголовно согнали в “культяшку” слушать. И на этом собрании они начинают опять вдохновенно призывать, что надо всем обязательно вставать по подъему, ходить на зарядку и на завтрак, чтобы не цеплялись “мусора”. Т.е. вместо того, чтобы “мусорам” сопротивляться и звать к этому остальных – блатная сволочь работает у них на подхвате, агитирует за их “режим содержания” лучше, (или хуже) любых “общественников” и СДиПовцев. Вся рабская русская натура здесь как на ладони: не будем не то что пробовать бороться, а сами сделаем, что нам велят, добровольно, – чтобы хуже не было. Народ добровольных рабов и холопов... Мразь... Редко когда меня тут так выворачивало от отвращения к ним, как на этих их собраниях с агитацией за добровольное и сознательное хождение строем в столовую и поголовный выход на зарядку...

Да, и еще они смутно говорили, что это последний разговор, а если опять кто не послушается – будут “разговаривать по–другому”. Угроза мордобоем за невыполнение режимных требований? По–видимому, да. Причем от блатных. Забавно...

13–40

Быдло, быдло, быдло, какое же они тут все–таки быдло! Тупые скоты, а не люди, чернь, мразь, слякоть, биомасса, примитивные одноклеточные существа, тупорылые и ни о чем не имеющие понятия. Зачем такие вообще на свете живут, не пойму. Общаясь в Москве, в своем кругу, с интеллигенцией, – можно ли вообще вообразить существование на свете до такой степени тупых, примитивных, невежественных, неотесанных и хамоватых существ? Из породы тех, что не могут сесть на шконку – свою или чужую – просто так, как нормальные люди, – а обязательно с ногами, задрав ноги прямо на кровать (как мой сосед и по

прошлому проходняку, и – теперь, увы – по нынешнему). Абсолютнейшая нечисть, биомасса, одноклеточные существа, абсолютно недостойные зваться людьми, немыслимые в роли людей. Люди – это те, у кого образование и приличные манеры, как минимум. А этих – лучше всего на мыло перерабатывать, или на удобрения, сколько их есть.

14–34

Вернулись с обеда.

Отделить себя от этой мрази и жестко, решительно противопоставить ей – первое, что должен сделать приличный человек, попав в такую среду. “Понять закономерность совершающегося и найти в этой закономерности свое место – такова первая обязанность революционера” (Троцкий).

Среди них есть такие экземпляры, с которыми не то что рядом, в одном помещении находиться, – а даже просто в каком–то одном звании состоять, на равных (будь то звание зэка в ИК–4, гражданина России или землянина), – глубоко, непереносимо оскорбительно для всего твоего существа. Настолько они чужие и никчемные, нелепо неприменимые ни к чему не только в твоей жизни, но, кажется, и ни к чему на свете вообще, в жизни всего человечества. О защите прав таких существ, всей этой воровато–пьяноватой сиволапой биомассы просто так, ради них самих – не может быть и речи! Только попутно, мимоходом, – незаслуженным подарком от нас в ходе защиты НАШИХ прав. А их – лучше б и правда всех в переработку на мыло!

“Подварим, что ль?” “Покурим, что ль?” “Покурить–заварить” – вот их главные здесь заботы, мировые, космические проблемы их крохотной одноклеточной вселенной. Уже с первых минут рассвета, задолго до подъема, они бегут, несутся, скачут с топотом на “фазу” с кружками, банками и кипятильниками. “33–я” (кружка 0,33 литра), кипятильник, чайник – их сакральные предметы, можно их хоть на гербе изображать, как серп и молот. Чай и табак – их манна небесная, высшие святыни их бытия, предметы исступленных мечтаний и неустанных круглосуточных поисков. А к любой вопросительной фразе они – надо, не надо – прицепляют “что ль” или “что ли”, отчего фраза приобретает этакое пренебрежительное, сверху вниз снисходительное звучание. “Нитки есть, что ль?” “В ларек пойдешь, что ль?”.

7.7.08. 12–48

Проверка под ливнем... В 12, как раз перед проверкой, вдруг все жутко почернело, загремел гром, – в общем, ясно было с самого начала, что без ливня не обойдется, Ждали минут 15, – наконец, полил. Страшный, безумной силы ливень. “Контролеры”, числом 3, пережидали его на 8–м, – видимо, где застал их. Вроде

стал послабее, – один идет к нам. “Выходим строиться!”. Выходим, а он идет в барак – считать там “больных”. Ждем его – а ливень опять усиливается. Народ, чуть подумав и повозмущавшись, бежит обратно в барак и собирается в предбаннике.

Приходит тот же контролер и возмущенно выгоняет опять. Мол, “не сахарные, не растаете!”. Падаль такая... На просьбы посчитать здесь, в бараке – “не буду я здесь никого считать! Выходим строиться, я сказал!”. Построились, посчитал, а ливень – вполне приличный, затихать не думает. В результате – хорошо, что вместо летней куртки от костюма догадался одеть телогрейку, оставленную “ночным”. Но брюки, особенно внизу, – сплошь мокрые, как и казенная тряпичная шапчонка на голове. И – казенные ботинки, моя надежда на случай всех дождей, тоже – левый слегка промок.

10.7.08. 19–50

Ничего не происходит, 3 дня не о чем писать. Жара, изнуряющая духота, расслабленность и усталость. Сейчас вот, видимо, собирается гроза, тучи еще не черные, но уже густые (очень красиво!), сверкнула уже молния, – а в бараке все равно духотища, хотя почти из всех окон уже повынимали стекла и заменили марлей (до холодов стекла, естественно, не сохранятся, побьются, – осень предстоит веселая...).

Единственная новость – таки сломали наконец полностью прогнивший “плац” из поломанных досок во дворе барака. При этом в “локалку” навезли кучу битого кирпича, свалили прямо у калитки. Будут вместо досок мостить кирпичом? И когда, – в этом ли году, или не раньше 2009? Посмотрим...

За эти дни только одно и было принудительное построение у столовой – сегодня после ужина, каким–то мелким, никому даже по кличке не известным “мусором”. 13–й отряд, по его требованию и при закрытой “локалке”, построился, он велел открыть и выпустить. Но когда туда же сразу потянулся и 12–й, непостроенным еще стоявший здесь же – “мусор” было велел СДиПовцу закрыть калитку и не выпускать. Однако 12–й отряд на это просто не обратил внимания, всем потоком вылился в эту калитку, так что закрыть ее было просто невозможно, и пошел себе домой, не обращая на жесты и угрозы “мусора” ни малейшего внимания. Редкий (и слабый еще) пример того, как действительно надо себя с ними вести (если уж не убивать их).

11.7.08. 19–31

Выключают свет. После обеда на несколько часов, потом вроде включили, и вот, только собрался сейчас ужинать, – опять!!.

Жить здесь, между тем, становится все труднее. Гайки

понемногу, не сразу заметно, но закручиваются, быт становится все менее пригодным для жизни. “Локалка” теперь постоянно закрыта, надо звать СДиПовца открыть. Ни в какую баню одному, заранее, как зимой, – теперь нечего и думать. 3 (!) препятствия на пути вместо прежних 2–х.

Который раз уже (явно не первый) зашли сегодня в ларек – пусто, ничего нет, только хлеб. Даже тушенки, всегда бывшей, уже нет, а в тот раз – уже не было сардин, тоже прежде бывших постоянно и которыми и я питался нередко. Только остались хамящие продавщицы, да еще так идиотски устроен ларек: 2 окна – в одно с фамилиями на первую половину алфавита, во 2–е – на 2–ю. В одном какого–нибудь товара может не быть, а в другом – есть, но там тебя не обслуживают, и оттуда не возьмешь. Говорю сегодня в том (не моем) окне продавщице: “Вот у вас конфеты шоколадные есть, а в том окне – нет...”. Конфеты лежат прямо перед ней на прилавке. Она – грубым тоном: “Ну и что?! У меня тоже нет!..”.

13.7.08. 8–36

Мрачная годовщина. Ровно год я уже здесь, в Буреполоме, в этой проклятой зоне. Ровно год назад, 13 июля 2007, привезли сюда из Нижнего, – и этап этот был, наверное, самым тяжелым испытанием в моей жизни. Главным образом, конечно, из–за совершенно неподъемного баула, который мне приходилось переть с переломанным позвоночником и больной ногой, которая от такой нагрузки болела адски. Да еще 14 часов сидения в “столыпине” (7 – в дороге, но и 7 – до отправления, просто так, с 7 вечера до 2–х ночи), в переполненном купе, на жестком сиденье (адская боль от этого в спине), обливаясь потом от духоты, в насквозь промокшей от пота одежде, ни повернуться, ни облокотиться даже (не то что – лечь), зажатым со всех сторон. Приехали – первым делом получать форму, потом – многочасовое ожидание шмона в запертых прогулочных двориках ШИЗО, потом – шмон, баня и, наконец, размещение в карантине. Хорошо помню, что после этого кошмарного дня (и ночь перед тем не спал ведь), после таскания баула (даже и облегченного наполовину шмоном), – на вечерней проверке в карантине я не мог стоять, чувствовал, что позвоночник не поддерживает тело, и ноги отказываются, и палки нет, и опереться рядом не на что, – вот–вот упаду. Не знаю уж, каким чудом удалось все–таки удержаться на ногах.

“И познаете истину, и ненависть к ней сделает вас свободными”. Действительно, все истины, познанные тут, за этот год, и до этого еще по тюрьмам, – невозможно не ненавидеть. Знать эту жизнь – да, нужно и полезно, но принять ее – нет, это

совершенно невозможно! И – действительно – только ненависть к ней, ко всему этому окружающему тебя миру, ко всем его правилам, понятиям и законам, – дает ощущение свободы. Только открыто, ясно, четко и бескомпромиссно противопоставив себя зоне, уголовникам, быдлу, сброду–народу, всей этой кровавой империи–убийце, ее властям и ее населению, всем их ценностям и морали, – можно почувствовать себя не только свободным, но и сильным, – готовым сражаться со всей этой нечистью до победы или до смерти. Что бы там ни говорила Е.С. об ужасном действии ненависти на человеческую душу, – наоборот, все эти годы именно лютая, смертельная ненависть к врагу и придает мне силы, только ею я и живу, только она – источник, единственный и незаменимый, моих сил, надежд, оптимизма и бодрости (порой, и обычно – под вечер). Так же, как долгие годы и на воле, собственно, я жил одной только ненавистью, только ею дышал и держался, – не потому, что таков был мой сознательный выбор с самого начала, а просто потому, что с самого начала был острый недостаток любви...

“То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть”.

18–30

Какие же все–таки они все мразь – все эти правозащитники, законники, святоши ненасилия, какие они все дешевые ничтожества, чистоплюи и трусы!.. Сейчас вот звонила Е.С. – непонятно вообще, зачем, что хотела сказать. Письмо мое с фактическим обвинением в предательстве, в отказе полностью от моей защиты, – она получила, – и ничего, никакой реакции, никаких попыток хоть ответить, хоть возразить, и упомянула–то о письме случайно. Они все – не одна она – просто бросили меня защищать, предали, плюнули – и оставили так и сидеть дальше, до самого 2011. Не их взглядов – так и не надо защищать... Подонки! Будьте вы прокляты!...

14.7.08. 18–03

Что–то на удивление легко и спокойно прошел сегодняшний день, – понедельник. Лежа утром в постели в ожидании подъема, я внутренне готовился к худшему, ко всей этой привычной, но все равно каждый раз всю, душу переворачивающей мерзости. Но – не было ни обходов Макаревича по баракам, ни шмонов – больших и малых, – ни хамских принудительных построений у столовой, ни даже – вызовов в спецчасть (хотя этого я ожидал меньше всего). Только отрядник приперся утром на зарядку, так что пришлось выйти (иногда все–таки удается не выходить, и это – хоть малюсенькая, но все же победа над из “режимом”). Впрочем, – день еще не кончился, и не только отрядник, скорее всего, еще припрется попозже вечером, но и вообще – абсолютно любая

пакость может еще произойти...

16.7.08. 12–44

Разгар лета, жара стоит дикая, а тут еще вчера к вечеру вроде бы поднялась температура (по ощущениям, естественно, по щупанью лба, т. к. градусника нет). Жар, тяжесть какая–то, да еще – вопреки и жаре, и жару – аж подташнивает от голода, еле дождался времени ужина. Хреново было, короче. Лег спать – еще и кашель вдруг какой–то начался, и одеялом не накрыться (оно шерстяное, мать в том году привезла), и заснуть не мог до 1–го часа ночи, если не позже. Вот, думаю, чертовщина какая – разболеться в самую жару... Сегодня с утра вроде получше. Да еще схожу тут с ума от безделья, – прочел все книги, читать нечего. И – "приятная" коллекция предательств, разочарований и человеческой подлости не идет из головы: и "правозащитники", падаль такая, меня так–таки и бросили, это уже точно (прежде всего – Е.С. и Лера, но это именно они тормошили остальных, без них остальным вообще пофигу), и Ленки своей я таки лишился, как и подозревал еще 2 года назад, после ареста. Не лежит душа ей звонить или писать первым после ее отказа приехать, а от нее – нечего и ждать...

15–26

На застекленном стенде у столовой вывешено огромное, на целый лист, объявление: 11.7.08. Тоншаевским судом осуждены 2 человека из 12–го отряда по 321–й ст. УК – о "дезорганизации работы исправительных учреждений". Дали обоим по 3 года строгого режима, по 1–й части статьи (насилие над заключенным? Над СДиПовцами, что ли?), плюс неотбытые куски сроков, итог – обоих теперь на 6 лет в зону строгого режима.

Конечно, все читали возбужденной толпой. И, конечно же, все смолчали и будут молчать дальше. Зона не ответит на это ни всеобщим восстанием, ни разгромом и поджогом штаба и вахты, ни отрезанными головами макаревичей–русиновых–одинцовых–милютиных. А стоило бы! Увы, уголовники на такое не способны...

Смешно слушать их опасливые рассуждения, их рассказы–ужастики про режим на других зонах и про ОМОН, приезжающий карать за ослушание. Все – и "мусора", и по их выучке зэки – рассуждают об этих взаимоотношениях на зоне в категориях юридических, в категориях УИК и "правил внутреннего распорядка". Но "наша обязанность – превратить политическую ситуацию в военную", и этого – 100% – ни одна зона не выдержит, да едва ли – и вся система ФСИН. И с ОМОНом в зоне еще вполне можно подраться, позакидывать его камнями; а что такое гранатомет, с воли бьющий прямой наводкой по караульным

вышкам, вы себе представляете? Что такое, допустим, обстрел штаба зоны – из крупнокалиберного пулемета? И неужели же мы в России, стольким подонкам мира поставлявшей весь XX век высшие виды вооружений, не сможем смастерит такие же ракетные установки, из каких тупые нелюди арабы каждый день обстреливают Израиль? И выдержит ли зона ультиматум, предъявленный после 3–х дней такого обстрела?

А ведь еще, в принципе, и в саму зону сейчас можно затянуть взрывчатку, – ее не обнаруживает никакой металлоискатель, через передачи и свиданки это делается элементарно. Кого они будут судить, чтО они будут визжать в истерике после парочки предупредительных взрывов в их штабе? А потом им позвонят по телефону (через интернет, разумеется, чтобы не отследили) и объяснят, что к чему...

Вообще, целью войны з/к с администрацией зоны (при поддержке с воли, конечно) должно быть не смягчение режима, а полное прекращение функционирования данной зоны и возможность для всех з/к одновременно ее покинуть. Т. е. полный и окончательный разгром зоны.

17.7.08. 12–30

С утра было что–то совсем хреново – и температура, видимо, сильная (горело лицо и уши), и ломота во всем теле, и боль в голове, отдающаяся даже в глазах, в верхних веках, – давление, что ли? После завтрака – или после принятия той перед ним таблетки? – вроде полегчало. Позавтракал, вышел во двор (“локалку”), посидел на лавочке, походил из конца в конец, – а потом пошел в барак, лег на шконку и – невероятно! – уснул, почти на 2 часа! Никогда со мной такого не бывало, все эти годы мучила бессонница, ночью–то еще уснешь, не то что днем...

А так, вообще, – просыпаешься утром, еще до подъема, в бараке, – и начинаешь проклинать их всех. От всей души, – и всех, кто здесь же, вокруг, в бараке, и “мусоров”, и всю эту зону, и всю эту страну, и весь мир, все человечество. Будьте вы все прокляты!.. Когда же я сдохну?!. Но и это не приносит облегчения. Сидеть осталось еще 976 дней.

19.7.08. 6–46

И никакого тебе УДО!!!!!!!!! Даже и не мечтай!!!!!!!! Так и будешь до конца срока терпеть этого дебильного, тупоголового лося – соседа по проходняку, нагло лезущего каждый день напролом – по ногам, по головам, – когда ему надо у себя под подушкой что–то достать, или повесить шапку, или полотенце, или взять ложку... Впрочем, кажись, его срок кончается раньше, чем твой. А УДО не будет, да, это несомненный факт. Придется сидеть до самого конца...

8–50

Бесцельные прогулки утром, после завтрака, по залитому солнцем двору: туда–сюда, туда–сюда, сколько хватит сил. Надолго обычно их не хватает.

Вот и наступит скоро длительное свидание – прийти туда, в комнату, лечь на кровать, уткнуться в подушку и молчать. Ничего не говорить матери, как обычно, не раздражать ее, не обращать внимания, как бы они ни вилась вокруг... А просто молчать. На душе – опустошенность, ничего уже не хочется, и перспектив никаких, все бессмысленно. Еще в Москве, в тюрьме, пока шла кампания в мою защиту на воле, мне казалось, что все еще будет хорошо, что и сижу я не зря, потом это мне как–то возместится с лихвой, и возможности мои расширятся, и что–то еще я смогу сделать... А сейчас – и кампании никакой нет, все предали (не все, так большинство), и ясно уже, что сижу я зря, и перспектив никаких, и на воле все глухо, оппозиция умерла, а уж экстремистская, непримиримая, революционная – тем более; и сидеть мне еще долго...

11–50

Обидно, безумно обидно, что все так вышло. Вся жизнь впустую...

17–36

А жара все продолжается. Адское пекло, и начинается оно прямо с утра, еще до завтрака. На небе ни облачка, палящее солнце, от которого некуда скрыться. По ощущениям, далеко за 30°. А в июне казалось, что лето будет холодное и дождливое... А между тем, вот уже и пол–лета прошло. 3–е лето в неволе...

20.7.08. 15–00

Мое место в этой жизни... Я сейчас вдруг очень точно увидел его – в лагерной столовой, за обедом. Небольшое свободное пространство на скамейке (сдвоенной – на наш стол и на соседний) между задницами одного блатного и одного “козла” (“общественника”). Достойное место, нажитое 34–мя годами жизни...

А кормят так отвратительно, что на одной баланде (без передач и ларька) здесь выжить было бы совершенно невозможно. Совершенно несъедобные каши и утром, и в обед; да еще, твари, – в морозы, зимой, суп всегда давали чуть–чуть теплый, почти остывший, а вот сейчас, в самую адскую жару, – каждый день горяченный, только что с огня...

19–25

Хорошо бы сдохнуть прямо сейчас, и ничего этого больше не видеть... Такая тоска, такая усталость, такое глубокое, непередаваемое омерзение ко всему – и к этим окружающим

существам, и ко всем их порядкам, и к осторожно–благоразумным “друзьям” на воле, и к самой жизни...

22.7.08. 15–10

Только мерзкие события разнообразят эту тупую череду одинаковых дней. Только мерзкие, – других здесь не бывает. Завелись опять откуда–то вши в одежде – прежде всего в брюках от нового “рабочего” костюма, привезенного матерью меньше месяца назад. Пришлось вчера, ложась спать, все срочно снимать с себя (одну нашел и в футболке), а сегодня с утра – отдавать в срочную стирку–глажку мужику, взявшемуся – за регулярно ему даваемые чай–карамельки–курево – меня обстирывать. (111–я статья, работяга, не уголовник, и по характеру вроде бы не злой, – но страшно тупое и примитивное быдло, просто одноклеточное какое–то...). Постирал, повесил, когда выгладит – не знаю, а надо бы поскорее, – чтобы не ходить тут перед начальством у столовки в джинсах...

Одно блатное чмо (из самых мерзких, какие только тут есть) наехало вчера неожиданно, требуя дать ему “в долг” 500 руб. ларьком, а после моего твердого отказа – долго орало, материлось и чуть ли не с кулаками броситься пыталось. Но вроде обошлось. Как хорошо, что я не принадлежу к слабовольным людям, не могущим никому ни по какому поводу сказать “нет”. А как они тут “отдают в конце месяца”, я, слава богу, за год узнал уже хорошо...

Почти уже не надеялся вчера пообщаться с матерью, – не давали “трубу”! С этим стало совсем плохо: по целым вечерам она то занята (причем преимущественно одним–единственным персонажем со своей “симкой”, так что мать даже теоретически, даже на 2–ю линию прозвониться не сможет), то она на зарядке (старая и быстро разряжается), добиться почти невозможно. А если, как вчера, после нескольких часов ожидания все же дадут – то через 10 минут уже начинают торопить и требовать обратно. И, по–видимому, вся та же самая процедура предстоит сегодня, после ужина (если только мать не дозвонится сама).

А так – бесконечное, изматывающее одно и то же. Тоска и пустота на душе... Ежедневная жара весь день. Ежедневные горяченные помои в столовой, с огромными куриными костями и шматками курятины, именуемые “борщ”. Ежедневно несъедобное второе (которое к тому же все равно некогда уже есть – кладут нам очень долго, а отряд уже уходит). Почти ежедневная невыносимая вонь с огромной общелагерной помойки – прямо за столовой... Ежедневный, в любую свободную минуту, футбол во дворе барака, – ни походить, ни посидеть спокойно...

В ближайшие дни, как придет отрядник, буду подавать 2–й

раз документы на УДО. В новом отказе и на этот раз я не сомневаюсь...

15–50

Да, еще новость, которой уже несколько дней (точнее, ночей): как–то один из ночных “мусорских” обходов, говорили, застал кого–то за смотрением телевизора вместо сна. Они, недолго думая, забрали телевизор и унесли. Теперь даже новости, даже 1–го канала, нельзя посмотреть, изоляция от мира наступила полная...

23.7.08. 6–55

Ну вот. Отдал вчера ему документы. (Уже после того, как дозвонилась мать, еще до ужина, так что ходить клянчить “трубу” не пришлось.) Он, после нашего с ним последнего большого разговора (месяц или 2 назад), взял листочек, стал задавать мне вопросы и записывать мои ответы. Вину признаешь? Нет. И не раскаиваешься? В чем мне раскаиваться, если дело сфабриковано полностью? В общественность вступать не желаешь? Не желаю. Как считаешь, нужны ли в отряде вообще все эти секции и пр.? Я не уверен, что сама эта зона вообще нужна... И т.д. и т.п.

Все это он спрашивал для характеристики. Все это он в ней и напишет (если только матери не удастся как–нибудь воздействовать через начальство). Так что УДО мне в любом случае не видать, даже и мечтать нечего.

..Лучше умереть, чем провести здесь еще 2 года 8 месяцев. Сил нет совсем. Как будто ударили по голове поленом, и ходишь пришибленный. Выхода нет, но и остаться здесь, вытерпеть до марта 2011 – невозможно...

8–04

Я тяну и тяну свой воз. Как изможденная, замученная кляча тянет из последних сил, еле–еле переставляя ноги, – кажется, вот–вот упадет, – тянет воз, намного перегруженный, непосильный для нее. Но не падает, а делает еще маленький шажок вперед... Вот так и я. Уже давно за всякими пределами сил и возможностей, – тяну эту жизнь на себе, как перегруженный вдесятеро воз. И это видение, этот образ преследует меня постоянно.

24.7.08. 7–25

Мрази, как же я вас всех ненавижу! Всех, без единого исключения! Тупое, бессмысленное быдло! Будьте вы прокляты! И с этого начинается каждый день...

8–55

Вчера чуть было не сорвалась эта дурацкая подача на УДО. Этот мразеныш отрядник вечером вернул мне документы (после проверки в спецчасти, как и обещал): оказывается, нужны еще

отказ Тоншаевского суда на прошлую просьбу об УДО и кассационное определение по этому поводу. Хорошо, что я привык всегда оставлять и хранить в порядке все документы: я порылся в бауле и под матрасом, быстренько нашел обе бумаги, вложил в папку к остальным – и отнес ему опять. И опять еле уговорил взять: он все настаивал, что лучше “в конце месяца” (как будто сейчас начало). Но все равно все это – зря...

Тупая мразь, заселенная в проходняк, ведет себя все наглее и наглее, все бесцеремоннее и хамоватее, да еще собирает вокруг себя таких же. Опять становится, как было в том году в старом проходняке: не зайдешь, в проходняке на твоей шконке сидит это вонючее быдло и “чифирит”, или жрет, или просто сидит и трепется, а ты вынужден ждать, пока они разойдутся... Мрази.

Сегодня вполне возможен шмон, увы. Четверг – самый подходящий у них день для этого. Вчера в 10 шмон–бригада бегала куда–то на тот “продол” и, видимо, шмон был там. Сиди в нервном напряжении и жди: придут – не придут...

26.7.08. 19–03

Ненависть... Такая страшная, жгучая, нечеловеческая ненависть, – действительно, всю эту зону, все эти 2,5 тыс. зэков, – выжег бы напалмом, не задумываясь ни на секунду! Всех!.. До такой вот степени ненависти можно довести человека, если всего лишь, просто–напросто засунуть его в чужую, чуждую ему среду – и держать там насильно, без права ее покинуть и вернуться домой. Ненависть рождается из этого принуждения такая, что не то что зону – целые континенты был бы счастлив увидеть в море пламени... И пусть там Е.С. сколько угодно читает свои проповеди о том, как ненависть губит душу, – наоборот, это святая ненависть, выстраданная и потому праведная, и только в ней одной я черпаю силы всю свою жизнь.

Завтра начинается длительное свидание. Уже едут, наверное, мать и Фрумкин. Получить в руки “трубу” (хотел набрать матери, узнать, едут ли) последнее время стало почти совершенно невозможно.

30.7.08. 11–02

Ну вот. Вернулся с длительной свиданки с матерью. Куча впечатлений, но не от самой свиданки, а от возвращения. В прошлый раз без меня в моих вещах был персональный шмон, забравший все бумаги, а в этот – оказалось, что по баулам просто кто–то полазил ночью, в результате чего они все открыты и стоят не так, как я оставлял (а я, зная о такой возможности, замечал их расположение специально). Главная пропажа – это 2 баллончика сукразита, которые как раз недавно мать, после 2–х месяцев звонков и усилий, выбила из начальства (не хотели передавать, –

только через больницу, да и то “не положено”), да щипчики для ногтей. Плюс, конечно, 1 баночка гуталина из 2–х, 1 шампунь (тоже из 2–х), что–то из лекарств (их почти не осталось), остатки колбасы, видимо, и т.д.

Говорили, что видели одного новенького, молодого пацана, ночью лазившим в наш проходняк. Один из блатных, кому я рассказал о происшедшем, спросил у него, – тот, естественно, отпирается. И ничего сделать нельзя, и чем я буду месяц стричь ногти и с чем пить чай, пока не соизволят передать новый сукразит (мать привезла еще), – неизвестно.

На свиданке же все было спокойно, без ругани и скандалов. И была, как всегда, дикая тоска: через 2... через 1 день... вот уже сегодня, через час – возвращаться в барак, в этот ад, в эту жопу, к быдлу... И чувство глухого тупика, непробиваемой стены: осталось еще почти 2 года 8 месяцев, а ничего сделать, чтобы освободиться до их истечения, невозможно. Документы на УДО поданы, а что толку? Отказ неизбежен... Мать не так уже верит в это УДО, как в прошлый раз, и возлагает теперь все надежды на смену режима – с общего на поселок, – на которую можно будет подать после отказа в УДО. Я лично не верю и в поселок нисколько...

15–27

Когда–нибудь, конечно, все это кончится. Но пока – становится все хуже и хуже. Вымогательство царит страшное, – будь я чуть–чуть послабее характером, и половины баула у меня уже не было бы. И себе, и “на общее” – подходят и выпрашивают, вымогают кто что может. А денег в ларьке я все равно то и дело трачу на них больше, чем на себя. Расходы растут, а пополняется счет все меньше и реже. Да еще на место освобождающегося 15 августа верхнего соседа по шконке претендует всякая мразь, и опасность ее вселения весьма велика. Да и так уже соседи и справа, и слева – нечисть, не дающая спокойно ни жить, ни спать. И дневник вести, видимо, при новом пополнении проходняка будет уже невозможно...

15–45

Вот только что, пока писал это, 2 выродка подходили опять, требовать на всякие “нужды” (типа, не их личные, а общественные) жратвы, да еще читать мне свою “мораль” на этот счет пытались... Мрази!..

АВГУСТ 2008

2.8.08. 8–34

На фоне тоскливо–однообразной здешней жизни события вдруг рванулись, как бешеные кони. Хотя – вроде и не такие уж события. Позавчера, 31–го, где–то с обеда, у меня вдруг поднялась t°, да еще и понос одолел, и к вечеру дико разболелась голова, с левой стороны, как обычно. Да еще – эти дни, как вернулся со свиданки, началось нашествие вшей, дикое количество их ползло откуда–то постоянно, так что приходилось снимать и проверять майку и штаны по несколько раз в день. От головной боли я принял, ужиная, таблетку нурофена, – вроде голова прошла, но после ужина и чая вдруг почувствовал, что настолько плохо – сейчас начнет рвать. И точно, – стоило только зайти в туалет и сделать малейшее усилие горлом, – чай хлынул через рот и даже через нос (частично). Хорошо, что только чай, а не весь ужин...

На следующее утро, после бани, придя оттуда опять с температурой, дозвонился матери, рассказал. Это было большой ошибкой. Оказалось, еще накануне она звонила сюда Демину, нач. больницы, рассказала про кражу у меня сукразита. Он обещал меня как раз 1–го числа вызвать и (по словам матери, но явный бред) дать еще сукразита (откуда?..). А после моего дурацкого рассказа о плохом самочувствии, – мать позвонила ему еще раз, не застала, но через медсестру просила передать, что ночью я чуть не умер!..

Демин перед обедом и впрямь вызвал, но только уже выходя со мной из барака, “общественник” спросил, почему я не беру вещи, – ведь меня кладут (!) в больницу. Я испытал шок, – ведь это значит не только тащить туда все вещи, которых у меня тут набралось столько, что ни в один баул не влезут, не только разгромить и разнести вдребезги весь налаженный месяцами быт, – но и, самое главное, остаться без связи, как сидел я без связи целый месяц в этой же больнице в том году, – как раз весь август, с 31 июля. Да и – сразу подумалось – больно уж ярко все повторяется, – снова август, снова больница, снова тот же вид из окна и тот же ужасный (еще хуже, чем в бараке) больничный туалет. Даже стихи, там, в больнице написанные, сразу мне вспомнились. Нет, это не то прошлое, в которое мне хотелось бы вернуться!.. Еле уговорил, чтобы дали лечиться амбулаторно.

Дождался врача, невропатолога, который лечил меня и в том году. Он осмотрел меня, послушал, назначил амбулаторное лечение, – уколы, таблетки и капельницы! Никогда в жизни я их

не делал, но сразу вспомнилось, как зимой 2003 года возил мою Ленку на “Динамо”, в какую–то поликлинику, на эти капельницы, – по часу и дольше она там лежала, а я ждал ее в коридоре. Мне – сказали – будут капать где–то по полчаса, и 1–ю капельницу сделали прямо сейчас же, с ходу. В вену на одной руке, потом на другой (на той выскочила из вены игла, оба раза очень болезненные уколы, да потом еще 2 укола просто в мышцу (тоже на руках, хотя можно было и в зад) – тоже жутко больно было. Хорошо, что после всего этого я успел еще в ларек, – в 2 только пришел врач, потом эти процедуры, а ларек только до 4–х работает, и потом с 18–20.

Дали еще постельный режим, – на проверки и зарядку можно не выходить; в столовую – вроде бы тоже, но никто точно не знает, ни завхоз, ни (тем более) врачи, и – в принципе – к этому “мусора” могут “докопаться”. Дали его на 3 дня, а могут они – максимум видимо, – 3 раза по 3 дня, так что в понедельник велели идти на прием к врачу, – продлевать.

Ну и – каждый день с утра, до 11–ти, в т.ч. и по выходным, ходить на эти процедуры, на эти капельницы, будут они неладны!.. Так что вот сейчас, уже скоро, через полчаса где–то, – придется туда ползти... Да, Демин продиктовал заявление, и при мне его подписал, насчет “свободного хода” – право проходить через СДиПовские посты без “общественника”. То ли чисто на время этих процедур (где–то неделя, а лечь – врач советовал “дней на 10”, всего–то!), то ли удастся им пользоваться и дальше, – черт его знает!..

3.8.08. 17–27

Хожу на эти процедуры, на капельницы. Лежу, смотрю, как капает жидкость в гибкий провод–шланг. Философское зрелище... Вчера лежал целых 40 минут, сперва стало жарко, потом вдруг – холодно, озноб. Новая какая–то медсестра, – еще не видел ее здесь; пожилая, не злобная, вполне можно разговаривать, и это – уже большая редкость и большой плюс ей (всего–то отсутствие злобности и хамства, тут это редко–редко встретишь даже у вольных сотрудников). Всего этих капельниц назначено 7, до будущего четверга, – надеюсь, если в четверг будет шмон, я его не пропущу? :) Да еще уколы – витамины какие–то, нафига они нужны? Уколы в предплечья, очень болезненные. И эта “никотинка” в капельницах – мол, разжижает кровь, меньше боль в ноге, но надолго ли это? Да еще дают на день по 2 каких–то таблетки, 3 раза после еды, и я их аккуратно забываю принимать...

Надо постричься, чтобы не цеплялись “мусора”, – но не дозваться парня–“парикмахера” с 8–го. Некогда ему, или забыл?

Или этот уродец, мой 20–летний сосед, которого я посылал позвать, – по своему обыкновению, соврал, а сам и не ходил на 8–й? Но 5 сигарет у меня за этот поход уже выклянчил, стервец...

4.8.08. 8–44

Первая новость по утреннему ТВ: умер Солженицын... Тоска на душе не от этого, она была и раньше, но тут еще пасмурнее и сиротливее становится... Он нес последние годы ужасный реакционный бред, поддерживал чекистский режим, был вообще, по словам Шендеровича, “явно антилиберальных взглядов”. Но насколько же его история, его биография – больше этого жалкого периода, последних 15–ти лет... “Архипелаг ГУЛАГ”, “В круге первом”, “Один день Ивана Денисовича”, “Матренин двор”, “Жить не по лжи”, “Крохотки” – это все останется навеки, навсегда в багаже человечества. Он был величайшим русским писателем XX века, – деля этот пьедестал, м.б., только с Горьким (и то еще вопрос). Будь я на воле – я попробовал бы написать ему полноценный некролог (хотя бы у себя на сайте повесить), но здесь это не имеет смысла...

12–05

Вместо нормальной, осмысленной, разумной жизни – я вынужден месяцы и годы проводить здесь, тратить неизвестно на что, среди всей этой мерзости, в окружении тупого быдла!.. Будьте вы все прокляты!.. Будь проклята эта жизнь!.. Как я вас всех ненавижу... Скорей бы мне подохнуть!.. Загнали, твари!.. Законопатили!..

5.8.08. 9–12

Боже, из каких идиотов состоит этот народ! Какие дебилы вокруг, какие твари, и с ними приходится жить под одной крышей!.. Тупой быдляк, постоянно берущий у меня сигареты, постоянно – 2 раза в неделю, каждый поход в ларек – выпрашивающий купить ему то карамельки, то чай, то хлеб, а за неимением большего приладившийся еженедельно стирать мне вещи... Короче, из–за нашествия вшей, причем набираются в одежду во время лежания на шконке, – попросил его прогладить утюгом казенное одеяло, которым шконка застелена (для укрывания у меня свое). Долго не мог взяться, наконец сегодня утром пришел, взял... И повесил, дебил, во дворе на трубу, – пусть, мол, проветривается, а гладить его не надо, все равно тут не прогладится... Таких идиотов я еще не видел... То ли не хочет, – но тогда почему не сказать об этом прямо? То ли еще какая–то причина, мне неизвестная. Или уж и вправду такой круглый идиот – вместо прожарки от вшей вывесить на улицу и думать, что этого достаточно? Короче, кошмар, кто тут меня окружает...

11–00

Будни страны идиотов... Сейчас ходил в “санчасть” (больницу) на процедуры. То говорили: к полдесятого приходи, даже в выходные, а тут – прихожу, стучу – и санитар говорит: мол, никого нет, жди (на улице!). Жду в недоумении. Он открывает дверь еще кому–то – я снова подхожу и спрашиваю: НАВЕРХУ (2–й этаж, где собственно больница) нет медсестры? Он говорит: нет. Сижу, жду. Подумываю: не уйти ли плюнув на все? Терпеть я не могу этой неизвестности, непонятности, когда и узнать не у кого (санитар “через губу” разговаривает, да и то только когда на чьи–то долгие стуки отопрет дверь и выглянет), и то, что узнаёшь, не можешь понять (как это при стационаре нет дежурной медсестры? А если кому из больных плохо станет?).

Короче, открывают дверь и запускают с улицы всю толпу. Я тоже захожу и, пока внутренняя решетка в коридоре открыта, а санитаров нет, иду прямо на 2–й этаж. Там, конечно же, есть дежурная медсестра, она ставит мне капельницу (опять 2 раза, т.к. 1–й раз игла из вены вскоре вылетела). Я ее спрашиваю: Вы здесь были полдесятого сегодня? Она говорит: я тут с полдевятого. Я: а что же мне санитар говорил, что Вас нет, я ждал 40 минут на улице? Спускаюсь после капельницы, спрашиваю это у него самого. Он говорит: я думал, тебе сюда (на 1–м этаже тоже есть медсестра, делающая уколы, ее и правда до 10 часов могло не быть). Я: я же тебя спросил, НАВЕРХУ есть сестра, или нет? Он: ты про 2–й этаж ничего не говорил, я думал, тебе на 1–й... Идиот, короче. Как будто я не помню, ЧТО я ему говорил...

Одновременно сейчас вот, как пришел, – выяснилась утренняя ситуация с одеялом. Этот лось, который обещал и не сделал, – подошел и объяснил, что он хотел его прогладить, но было очень слабое напряжение (как тут обычно и бывает), не получилось бы все равно. А ему утром кто–то “поднял нервы”, как они говорят, – и он, типа, не мог мне сразу толком объяснить. Еще один идиот, короче... Вот с кем приходится жить годами... :(((

14–01

“И познаете истину, и ненависть к ней сделает вас свободными”. Все, что я вижу здесь вокруг себя, мне глубоко ненавистно.

21–05

Наглец этот тупорылый, который утром отказался мне гладить одеяло (хотя обещал) – сейчас, вечером, уже как ни в чем не бывало подходит за сигаретами...

6.8.08. 9–11

“На улице дождик и слякоть,/Не знаешь, о чем горевать...” Холодно, идет дождь, погода совсем осенняя. На душе тоска и пустота. Не от погоды, конечно, а от пребывания здесь. Скажи мне

сейчас, что можно ехать домой – любой дождь, любая погода ничего бы тут уже не значили... Нет сил представить: еще 2 полных года здесь – 9–й и 10–й, плюс конец 8–го, плюс начало 11–го... Сейчас вот – еде одну зиму тут зимовать, потом опять лето, потом опять зима...

Надо идти в больницу на процедуры. 2 капельницы еще осталось – сегодня и завтра.

13–23

При полном одобрении и поддержке стада мрази и быдла, называемого "13–й отряд", только что в раздевалке деревянной дубиной избили парня, татарина, не так давно "поднявшегося" с карантина. Били страшно – судя по тому, как он визжал, скулил по–собачьи во время экзекуции, а после нее так и остался лежать в углу, не в силах встать... Причину я точно не понял – вроде бы, поднявшись, он не объявил о чем–то таком, за что должен у всех этих мразей числиться в "обиженных". А теперь, вроде бы, с другого отряда кто–то увидел его и "разоблачил".

И еще, и еще раз, – навсегда, до смерти, вовеки уже не изменится это четкое, окончательное, продуманное и вызревшее решение: за свою лютую, тупую, мракобесную, дико–первобытную гомофобию, за нацистские погромы гей–парадов в Москве, а пуще всего – вот за эти вот избиения, за эту дикую кастовость в зонах, за эти "петушатники", за побои и адскую, грязную, каторжную работу в них, – этот народ не должен существовать! И власть тут ни при чем – она лишь пользуется, эксплуатирует темный, нутряной, генетический фашизм этого тупого быдла в своих целях, чтобы потрафлять ему – и легче править им, быть ему своей. А сам народ этот проклятый, фашистский, люто–гомофобский и вообще любые меньшинства, всех, кто слабее, насмерть затаптывающий, – на него и дюжину атомных бомб сбросить, и весь его в печах сжечь, или напалмом с воздуха, – за ЭТО вот – ничто не будет для него карой чрезмерной...

16–38

Грани мразей... Или: "среди мразей"... То старое, жирное, тупое чмо, с которым прожил 4 месяца в проходняке в том году. Шутник, остряк, юморист... "Как он сам о себе думает", по Райкину. Идет навстречу нам из ларька и на вопрос: "Много там народу?" – отвечает: "Никого". Через полминуты заходим – толпа такая, что к окошку вообще не пробиться. Почти 2 часа простоял из–за ерундовых покупок...

7.8.08. 11–00

2–й день осенний холод и сырость, дождливая морось. Кончились капельницы. Кончился и постельный режим, – надо опять выходить на проверки, в эту–то погоду. Подонок, который

мне стирал, а потом вдруг взбрыкнул на одеяле, – сейчас вообще отказался стирать, даже одежду. Показывает содранную кожу на руке, – типа, поэтому, но ясно уже, что и дальше не будет. Почему?..

8.8.08. 11–37

Ирония судьбы... Злая и жестокая ирония... Шел сегодня в баню – опять наткнулся на ту же мразь Зайцева, начальника 6–го отряда, что и в октябре того года, опять с ним не поздоровался, – и опять он меня остановил и прицепился к этому. Сука этакая! Та же ситуация, что были и перед подачей на УДО в том году, – с той лишь разницей, что сейчас документы уже поданы. Велел мне написать объяснительную, отдать нашему начальнику отряда – и чтобы он во вторник мог с ней ознакомиться. И надежд, что он забудет, нет, – это мразь такая, уже всем известная, этот свой "рапорт" напишет обязательно. Я, разумеется, никаких "объяснительных" писать не буду, – да и чтО я мог бы там написать? Что "представителей администрации" надо убивать, всей зэковской толпой рвать на части, а не здороваться с ними? Что я им смерти желаю, а не здоровья? Нет ничего в душе, кроме лютой ненависти к ним ко всем – и жажды их крови...

А перед баней была еще "проверка по карточкам", совмещенная с этаким шмоном–в–одиночку, – шмонал один "мусор", пришедший проверять, а остальные подтянулись уже к самому концу. "Проверял" тот же жирный тупой "остряк", что устраивал "проверку внешнего вида" после шмона в марте или апреле, не помню точно. Помню только, что от его тупых, дебильных "шуток" и "острот", от всей его хамской, наглой манеры держаться, – меня тошнило и хотелось самолично зарезать его и освежевать тушу... Так и сегодня, – видимо, он считал очень удачной шуткой называть год рождения заключенного – "годом выпуска", и постоянно это повторял... Убивать вас надо, твари, а не здороваться с вами и не "требования" наши выполнять... Вроде не так много уже осталось – 2 года и 7 с половиной месяцев, 954 дня, 136 бань... – но хочется выть от безнадеги и безысходности, от того, что целые полные годы еще предстоит провести в этой мерзости... И хватит ли на это сил, – кто знает? Судьба богата на неожиданности, – хотя подохнуть здесь не было бы для меня неожиданностью. Скоро день рождения, 34 года исполняется, – а я все больше жалею, что не разбился тогда насмерть, грохнувшись с 4–го этажа.

17–54

Самое омерзительное, самое тошнотворное, – ты выживешь, да, но во что ты превратишься за эти годы? Жизнь меняет людей,

а ТАКАЯ жизнь – может изменить вообще до неузнаваемости. Ты вернешься – но это будешь уже не ты, и внутреннюю твою суть, и, м.б., даже внешнюю форму нельзя будет узнать. И как старики вспоминают себя молодыми – 40, 50, 60 лет назад, – так и ты будешь с тоской вспоминать себя, каким ты был 5, 7, 10 лет назад – до ареста. И смотреть фотографии тех лет, не веря, – неужто это ты, еще ничего не ведающий, ничего не видевший, – ни бараков, ни этапов, и будешь с неизбывной тоской вспоминать – такие недавние! – лучшие свои годы. 1999... 2000... 2002... 2003... Это была вершина, пик, на который никогда уже не подняться; это было время, когда всё – и любимая работа, и здоровье, и сила, и неиссякаемая энергия, и налаженная, устроенная жизнь – у тебя было, только ты не ценил... А теперь – вся твоя жизнь лежит в руинах, и на эту неприступную гору, на эту заоблачную вершину надо тебе карабкаться заново, да только силы уже не те...

9.8.08. 8–42

Этот дебил, который то брался мне стирать, то отказывался, – все–таки взялся снова. Но так, что лучше бы и не брался: наволочку, лежавшую в одном пакете с одеждой, он вместе с ней и замочил; в результате она из белой стала вся синяя. Я ему, когда он спрашивал, не сказал, что там наволочка, – я только потом вспомнил про нее и положил туда. Сильно подозреваю, что, пользуясь этим, он решил мне, что называется, отомстить, – сделать эту пакость в ответ на мой ему выговор вчера по поводу того, что он, видите ли, стирать не хочет и советует мне этим заняться самому, а за куревом и чаем–конфетами–хлебом за мой счет в ларьке – продолжает подходить как ни в чем не бывало. Так что вполне мог устроить пакость и сознательно, – от этой публики ожидать можно всего...

А между тем – главная новость этих дней – началась война в Грузии! Сперва в Южной Осетии, а затем русские танки – 58–я армия – совершили агрессию против Грузии, да плюс русская авиация вчера бомбила грузинский аэродром. Дозвонилась вчера вечером Е.С. и спрашивала меня, что я думаю об этих событиях. Я, конечно, сказал ей, что всецело поддерживаю Грузию, что давно было пора покончить с де–факто российской аннексией Южной Осетии (в которой независимостью и не пахнет, – форменный вассал Москвы, хоть и официально не признанный даже самой же Москвой). С исключительным цинизмом 1–й канал ТВ показывает все эти слезливые репортажи из Цхинвали, разбомбленные дома, раненых детей, переполненные госпиталя и больницы, – как будто не было ни 94–го года, ни 99–го, не было русских варварских бомбежек Грозного и тоже – раненых детей, рыдающих женщин, оставшихся без жилья стариков на фоне

руин... Только тогда это была агрессия России против непокорной колонии – и все было ОК, это называлось “наведение конституционного порядка”. А теперь вроде как стреляют по захваченной самими русскими территории, по русским “миротворцам”–оккупантам – и сразу обличительный пафос и благородное негодование Медведева, Путина, МИДа, 1–го канала и всей этой имперской мрази...

10.8.08. 6–03

Дикая тоска и дикая ненависть сжигают душу. 952 дня еще сидеть!.. И за что? За слова... И не выбраться раньше никак, все надежды бесполезны и смешны, никакого тебе УДО и прочих глупостей. Наоборот, сейчас еще нарушение повесят, во вторник, и так–то не было никаких шансов, а тут можно будет вообще забыть...

Нет никакого другого способа разговора с любыми российскими официальными лицами, как только их физическое истребление. Этот принцип верен абсолютно, везде и всегда, он универсален для этой рабско–тоталитарной страны любых веков. 100 лет назад Сипягина, Трепова, Плеве, Боголепова, великого князя Сергея, Столыпина, – смогли убить наши предшественники, террористы, вечная им слава и честь. И хотя за 100 лет эта кодла обзавелась бронированными автомобилями и особо обученной, натасканной охраной, – центральный террор стал очень затруднен, но вряд ли уж невозможен полностью. А уж про абсолютную возможность (и – обязанность каждого честного человека!) уничтожения обычных ментов, прокуроров, судей, чекистов среднего ранга и пр. и пр. – нечего и говорить. Эта возможность открыта каждому желающему и составляет единственный шанс – не изменить это проклятое государство, но покончить с ним навсегда!

9–22

Солженицын пишет в 4–м томе “Красного колеса” о Ленине, о его швейцарской эмиграции (1916): “Это изводящее состояние, когда вытягивает все жилы к действию, когда сдвигал бы горы или континенты, столько накопилось, напряглось, а применения силам нет, нет применения от концов пальцев и к людям, не подчиняются партии толпы и континенты, но разнохарактерно и бестолково толкутся и кружатся, не зная куда – а ты один знаешь! – но зря вся твоя энергия, и замыслы зря, перегорает вся сила на убеждение полудесятка молодых швейцарцев в Кегельклубе”. Это ведь прямо обо мне! Только тут, в заключении, перегорает вся энергия еще более впустую, чем у Ленина – в эмиграции, но все же на воле. В моей киевской 2–хмесячной “эмиграции” в 2004–м хоть интернет был, не говоря уж о телефоне, ограниченном

только деньгами, а не “мусорами”, как здесь... Обидно до смерти: только вот 34 исполняется через пару недель, всего–то! И силы еще есть, и здоровье кое–какое все же осталось (вот только нога проклятая!.. Из–за нее добровольцем на войну я уже не гожусь, увы...), а уж энергии, и замыслов, и планов, и трудолюбия, и работоспособности... – хватило бы на 10–рых, но применения им нет... И будет ли когда–нибудь, хотя бы после (если доживу) освобождения – будет ли возможность что–то сделать, что–то изменить в этом мире, – черт его знает! Будет ли смысл жить дальше...

12.8.08. 8–35

Хочется начать писать прямо с площадных ругательств, я еле сдерживаюсь, – такая ненависть, тоска, отчаяние кипят в душе, так тошно просыпаться здесь каждое утро, проводить одинаковые день за днем (разнообразимые только лишь неприятностями), так невыносимо давят эти оставшиеся 950 дней срока. Выйти – и мстить ИМ, залить кровью, уничтожить дотла это проклятое государство!..

Вышел из изолятора юный мразеныш, который, по свидетельствам соседей–очевидцев, лазил ночью по моим сумкам и обворовал меня, пока я был на длительной свиданке. И что же? Когда – в самый день моего выхода со свиданки – его закрыли в ШИЗО, – вся эта “братва” подходила и говорила мне: вот он выйдет из изолятора – мы с ним поговорим, мы с ним разберемся, “будут заданы вопросы” и т.д. И вот он вышел – и что же? Никаких вопросов – по крайней мере, меня как потерпевшего никто ни о чем не спрашивает. Вся история давно забыта и похерена. За руку этого воришку никто не поймал, так что тем более и говорить не о чем...

К вечеру – а может, уже и утром, через час–два – жду продолжения пятничной истории с Зайцевым – та мразь в форме, с которой я не поздоровался уже 2–й раз. Написал ли он рапорт? Практически нет сомнений, что да. Впаяют выговор, а могут и в ШИЗО законопатить...

13.8.08. 11–46

Был шмон на 5–м. Чуть ли не 10 “мусоров” там было, – точно не расслышал, сколько. Суки, опять начали ежедневные шмоны, – вчера на 7–м, сегодня – на 5–м... Завтра у нас?

Отрядник вчера не вызывал по поводу нездорованья с мразью Зайцевым. Но это ничего не значит – он может вызвать и сегодня. Расслабляться рано, да и вообще – расслабляться тут нельзя ни на секунду...

Пришло письмо от Е.С. – ответ на мое, где я упрекал ее, Леру и пр., что кампанию по моему делу они де–факто бросили. Е.С.,

как всегда, нагло передергивая, обвиняет меня в ответ, будто бы я требую защищать меня одного и не защищать всех остальных. Это, конечно, ложь и чушь, но что ей еще сказать? Написал за 2 дня ей ответ, довольно резкий, но сумею ли сегодня отправить по пути в ларек – неизвестно. Скорее, завтра.

14.8.08. 8–43

Отрядник не вызвал и вчера. Вроде обошлось? Черт его знает.

Особых новостей нет – ни хороших, ни плохих, кроме мрачных известий из Грузии об агрессии России, фактически оккупировавшей уже не только Южную Осетию, но и часть самой Грузии. Показываемый в истерической антигрузинской пропаганде по 1–му каналу президент Саакашвили вызывает все большую симпатию и – не только чувство солидарности против кровавой Москвы, но и желание с ним – Саакашвили и его аппаратом – поработать. Мы могли бы быть друг другу полезны. Женя Карамьян тут высказал идею – обменять меня на российских летчиков (сколько уж их, не знаю), сбитых грузинами. Идея хорошая, сильная, но – увы, кто ж меня обменяет... Придется сидеть до конца...

Сегодня еще вернее, чем вчера, может быть шмон и у нас. Где–то в 10–11 часов, а еще нет 9–ти. О, если бы знал цивилизованный мир, какое это бесконечное унижение – сидеть и ждать, прислушиваясь, что вот сейчас ворвутся в твое жилище – и устроят погром, все вверх дном перевернут, разбросают по полу все твои вещи... Государство мразей, сперва лишившее меня свободы, а потом и в заключении топчущее ногами человеческое достоинство...

11–30

Шмон все же начался – видимо, на 8–м, основная часть “мусоров” пошла туда, а еще 2 – на 4–й. Всего на “продоле” – 12 (!!) “мусоров”. Непонятно только, почему так поздно начали – 20 минут 12–го, когда уже казалось, что ничего не будет – поздно, всего час или меньше остается до проверки... Выродки, твари, которых – только убивать, стрелять, резать и рубить на куски собственными руками!..

Нет, вот кричит стремщик: 12 на 8–м, 2 на 4–м! Значит, всего – 14! Столько на моей памяти за год с лишним еще ни разу не бывало. О, когда же наконец наступит время, когда я смогу лично прошивать этих тварей в погонах очередями из “калашникова”!!...

15.8.08. 8–40

Ну вот. Ушел Коля, живший надо мной на верхнем ярусе шконки. Освободился. Он был простой мужик, деревенский, работяга и пьяница, сидел по 111–й. Не вор, не грабитель, не уголовник, во всяком случае, а работяга. С ним я мог хоть

изредка обменяться парой фраз и мыслей о том, что происходит здесь, вокруг нас. Теперь общаться стало совсем не с кем.

С Нового года, как я переехал в этот проходняк, – постепенно разрушалась чуть ли не идиллия, так вдохновившая меня поначалу, – что здесь нормальные соседи. Один, другой, – они менялись, и каждый раз к худшему, и вот теперь уже весь верхний этаж вокруг меня и надо мной (вместо Коли) занят чисто уголовной нечистью и мразью, гоп–стопной уличной шпаной в среднем лет на 10 моложе меня.

10–07

В 9 утра вырубили свет, и вот – бани нет (а сегодня пятница, банный день). Если включат днем, то можно еще в 4 часа дня, – но там будет такая толпа, побегут все 100 человек отряда, – что лучше, ей–богу, не ходить, т.к. "леек" в бане всего 19. К тому же, после обеда надо в ларек (хлеб на выходные нужен позарез), а там сейчас всего 1 окно работает, 2–я продавщица в отпуске, так что дикие очереди. Придешь оттуда в полчетвертого, а то и прямо к 4–м – и сразу в баню? А поесть (я ведь и обед, кроме супа немножко, в столовке не ем) – некогда уже. А в 5 вечера – дай бог успеть прийти из бани – надо уже на ужин (который тоже не ем, но заставляют ходить). Так что 136–я баня от КОНЦА срока, видимо, будет сегодня виртуальной, – так, чисто для счета...

12–40

Нет, баня все–таки состоялась утром – свет включили в 10–30, и все тут же ломанулись толпой. 136–я прошла, осталось 135 бань до конца срока...

16–00

Да, жизнь не перешутишь, – вспомнилась фраза Шендеровича... Шли сейчас из ларька с новым мужиком, недавно "поднявшимся" на наш барак, – и напротив столовой опять встретили того же Зайцева, ту же мразь, что и неделю назад. Уж я, не узнав в лицо, но инстинктивно почувствовав, что это он, и отвернуться пытался, и наклониться – типа, ботинок поправляю, – все равно этот подонок докопался до нас обоих (но больше, правда, до шедшего со мной рядом мужика). Спросил, почему не здороваемся, прочел краткую мораль – и спросил фамилии. Уже потом я подумал, что можно было назвать вымышленную – но если он помнит меня в лицо, то могло получиться только хуже...

По субъективным ощущениям, – если уж он не написал на меня рапорт в тот раз, то вряд ли напишет и в этот. Но... Жизнь щедра на неожиданные сюрпризы, а уж на неприятные – и говорить нечего... В этом аду может случиться с человеком любая пакость в любой день и любую минуту...

16.8.08. 15–22

Офигенно крупное событие :)) случилось только что: после обеда вызвали к нарядчику – расписаться за отправленные в Тоншаевский суд мои бумаги на УДО. Отправлены они, как написано было в этой бумаге, 14–го. А в понедельник, как сказал мне “общественник”, вызывают к психологу. Это обычно делается тут перед судом по УДО, хотя меня в тот раз не вызывали.

Кстати, эта администрация, будь она неладна, нарушает свои же правила как хочет. И в тот, и в этот раз я не ставил дату на рукописном ходатайстве об УДО, – в тот раз меня прямо просил об этом отрядник, и не только меня, а в этот я не поставил и сам. Связано это с тем, что, как сказал в тот раз сам отрядник, в положенные от этой даты 10 дней он не успевает написать характеристику и оформить все бумаги. Но тогда, в декабре, оформив их, он меня специально вызвал – поставить на ходатайстве в суд дату. А в этот раз – не вызывал. То ли поставил сам, то ли бумага так и ушла без даты (что маловероятно), – но формальный порядок ведения документации они нарушают нагло и беззастенчиво...

Что ж, отсчет времени до нового отказа пошел. Я отказе я не сомневаюсь ни минуты. Увы, жизнь давно вылечила от легковерия и энтузиазма... “Так хочется на волю, да нельзя...” После этого отказа – если вдруг еще успею попасть на суд в конце августа – будет в феврале или, м.б., в начале марта.

17.8.08. 8–50

Какая там, к чертям собачьим, демократия – этим мразям, этому быдлу?! О чем там вякают, о какой “демократии” для России, жалкие остатки Демсоюза, и видели ли они этот народ вблизи? Я насмотрелся, кажется, достаточно. 2500 человек – достаточно репрезентативная выборка из народа, а 100 человек – из этих 2500. Причем это низы, так сказать, “социальное дно”, которое по своему количеству, агрессивности и наглости всегда забьет и затопчет любую интеллигенцию. И, судя по этой выборке из русского пьяного быдла, по 2500 буреполомским уголовникам, – этот народ не жалко было бы уничтожить и весь, ликвидировать, стереть с лица земли (не говоря уж – не мешать ему подыхать самостоятельно от водки и наркотиков). Потеря для человечества и впрямь была бы не то что небольшая – еле заметная. Зато какое облегчение!..

Русская агрессия в Грузии началась не 8 августа 2008, а длится с 1993 года, – почему мир этого упорно не замечал? Те же эстонцы, украинцы, латыши, поляки, которые поддерживают

Грузию сегодня, – они–то где были раньше?! Ведь смешно и нелепо даже предположить, что армия бывшей метрополии, вынашивающей вполне открыто (итоги выборов и соцопросов) хищные реваншистские планы, мечтающей вернуть под свою власть все “временно потерянные”, как привыкли считать русские, земли своих бывших колоний от Эстонии до Грузии, – что армия такого государства может быть “миротворческой” где–либо в этих бывших колониях! Она может быть там только оккупационной! Любыми путями – проталкивая своих оккупантов в “миротворцы”, раздавая свои паспорта или защищая “русскоязычных”т старых мигрантов и оккупантов эпохи совка, – империя эта кровавая норовит создавать себе “зацепки”, плацдармы в бывших колониях, бросать там любые якоря, якорьки и крючки – чтобы только зацепиться там, чтобы подготовить себе почву для реванша, для нового захвата, чтобы при малейшей возможности апеллировать к “международному праву”, – мол, в Цхинвали – “там наши граждане”, “защита граждан России”... Хотя если осетинам и досталось в Цхинвали из “Града” по жилым кварталам – то поделом: это хоть маленькое, хоть на 3% от их вины, наказание как раз за массовое принятие гражданства России, за потворство русским оккупантам – вековым поработителям Грузии, за участие в их подлом реваншистском замысле... И вот – русские танки уже стоят в Сенаки, в Зугдиди, в Гори... (Мало было им Грозного, Шали и Ведено!..) Но когда неизбежно развалится кровавая фашистская Русня – что стоило бы сделать грузинам с этими подонками, таскающими краснокожую русскую паспортину с двуглавым мутантом в кармане? По крайней мере – уже сейчас (в идеале, если бы хватило духу и военных сил) грузинам следовало бы не только разгромить из “Градов”, артиллерии и бомбардировочной авиации режимы в Цхинвали и Сухуми и взять эти территории под полный контроль, – но и всех граждан России, там проживающих, загрузить в товарные вагоны и вывезти в Россию. И пусть кровавая, мракобесная, фашистская и диктаторская Русня “защищает их интересы” на СВОЕЙ территории, а не на чужой – будь то грузинская или украинская, латвийская или эстонская...

РУССКИЕ ОККУПАНТЫ – ВОН ИЗ ГРУЗИИ!!!

18.8.08. 12–54

Опять избили “обиженного” Юру, моего бывшего соседа по проходняку. На этот раз – за то, что он ли, или еще кто из “обиженных”, стоя утром на стреме у открытой калитки, проглядели нашего отрядника. Вернее, кто–то из них (Юра?) крикнул: “Наш отрядник на “продоле”!” – но когда он был уже совсем близко – и 10 секунд не прошло, как на выходе из барака я

столкнулся с ним. Шло уже 7–е упражнение зарядки – и я надеялся сегодня не выходить вообще. Обошлось, – для меня, отрядник ничего мне не сказал; а вот для бедолаги Юры все это кончилось плохо. По лицу на этот раз не били, синяков нет, но руки опухли так, что он еле может работать, – а гоняют его (и прочих “обиженных”) с уборкой, стиркой, вывозом мусора и пр. – круглосуточно и весьма жестоко...

Ходил к “психологу”. Там был глупый тест из 44 вопросов – тот же, что уже заставляли проделывать в карантине, в том году. Плюс – небольшое напутствие от “психолога” (молодой девчонки) на тему, как обустраиваться в жизни, если отпустят по УДО, и что делать, если не отпустят. В последнем случае – отнестись философски, мол, вам еще и не время на волю, и через полгода подавать снова. А если отпустят – главное: не напиваться и не употреблять наркотики по дороге домой! А потом, слегка уже адаптировавшись на воле, – усвоить себе прочно, что денежный доход может быть только честно заработанным, и идти устраиваться на работу. Усвоят они, как же, – вся эта мразь и шваль, профессиональные с малолетства воры и грабители, даже и на зоне упорно норовящие пристроиться жить за чужой счет. Будут они на воле честно зарабатывать, – как же, ждите! Детский лепет, короче...

20.8.08. 6–00

За все эти подъемы, зарядки и шмоны, за весь ужас и тоску каждодневного лагерного бытия, – какое может быть на этом свете искупление? За хамство и тупость “контролеров”, за запредельно оскорбительные, втаптывающие душу в грязь баню и туалет? Залить эту проклятую страну кровью, стереть ее с лица земли, как мечтается после каждого очередного унижения здесь, стиснув зубы – вряд ли ведь удастся, надо быть честным перед самим собой. Что же остается, если зашкаливает и нет сил терпеть, смириться с этим оплеванием твоей души? Только проклясть, уехать – и забыть эту проклятую страну навсегда. Но и это тоже – едва ли получится, по многим причинам, в основном чисто техническим. Что делать в совсем чужой стране одному, без языка, без денег? Даже если там и найдутся друзья, помогут первое время... К тому же, я всегда представлял, что если и уезжать, то не одному, а вместе с Ленкой моей. А теперь и ее нет...

6–35

Да, ее нет, это уже окончательно и бесповоротно. Женя Фрумкин передал мне на днях информацию от Е.С., которая ей по моей просьбе звонила – и та опять отказалась приехать и на это, близящееся короткое свидание 29 августа. И опять – ссылаясь на

здоровье.

Ну что ж – умерло так умерло, как говорит мой сосед по проходняку. Отныне ни писем, ни звонков, ни поздравительных открыток с моей стороны больше не будет никогда. Проверку разлукой, как я и предполагал в самом начале, в первые дни ареста, она не прошла, – и надо забыть. А если любит – пусть сама... Пусть думает, как искупить свою вину.

7–15

Как раз в самый подъем началась страшная гроза с ливнем (хотя был сильный дождь и до этого, часов где–то в 5 утра), так что зарядки не было. Но дождь, хоть и ослабел, не кончился до сих пор, так что на завтрак, видимо, придется идти под дождем. Потом – побриться (если опять не вырубят свет) и ждать шмона...

10–05

Шмон начался! Ура, ура, ура!!! 8 – на 12–м, и двое – на 5–м...

21.8.08. 8–34

Вчера блатота собирала местное (13–отр.) быдло в "культяшке" уже в самый отбой, около 10 вечера, когда многие раздевались, а кое–кто уже и лег. Как и обычно, дело касалось режимных требований: было провозглашено, что ходить в ларек надо только в свои дни (среда и пятница для 13 отряда), и с продавщицами ларька не ругаться. Всплыл этот вопрос потому, что, действительно, многие ходят в ларек, когда им вздумается, платя тамошней СДиПовской охране покупкой банки "сгухи" или шоколадки. Из–за этого, когда там, в ларьке, что–то нужно блатным – их туда уже не пускают, и ради себя, любимых, они призывают всех остальных соблюдать режим.

Также было сказано, что в Шерстках (зона неподалеку от нас) сегодня (т.е. уже вчера, 20–го) был ОМОН, и назавтра (21–го) или вообще на этой неделе может явиться и к нам. С чего бы это? Абсолютно непонятно. На зоне все спокойно, никаких стычек с начальством, достойных ОМОНа, не происходит. Тем не менее, в этой стране идиотов, руководимой палачами, возможно все...

18–16

Лагерные слухи: что наш отрядник после своего отпуска в сентябре может к нам и не вернуться. Работа ли ему не нравится, зарплата ли мала, – причины называют разные. С одной стороны, хорошо, если этот подонок, любитель строго придираться к абсолютнейшим мелочам, уйдет. С другой – неизвестно, будет ли следующий лучше...

Одного из "общественников" 13–го отряда майор Степышев – отъявленная мразь – оказывается, спрашивал обо мне, даже просил показать. Интересно, зачем?

ОМОН сегодня так никакой и не появился, зато шмон был –

где–то на том “продоле”. Шмоны, ОМОНы, комиссии, макаревичи, степышевы, поборы “на общее” и “на выход” (из ШИЗО), – так проходит здесь жизнь... Осталось такой жизни еще 941 день.

22.8.08. 16–05

В ларьке опять абсолютная пустота, – уже 2–ю пятницу подряд, с тех пор, как из 2–х продавщиц осталась одна. Были, правда, когда я туда пришел, плохонькие, бледненькие помидоры, – но огурцы уже кончились, а маойнеза не было и вовсе, – даже салат не сделаешь...

Но главное событие дня – информационный прорыв, ни больше ни меньше, в виде пришедшего вчера от Е.С. номера “Новой газеты” с освещением войны в Грузии 8–9 августа. Вот что значит независимые источники информации! Русские свиньи полномасштабно бомбили Грузию, это – главная новость; в газете перечисляется ряд разбомбленных грузинских городов, прежде всего Гори, Поти, аэродром в Вазиани (близ Тбилиси), не говоря уж о русских бомбежках Цхинвали, полное разрушение которого грязная путинско–медведевская пропаганда бесстыдно сваливает на грузин. Подонки!.. И раньше, уже много лет, с 1999, с начала 2–й чеченской войны я знал цену 1–му каналу, еще когда там работал Доренко, – инструменту оголтелой, беззастенчивой и хамской имперско–реваншистской пропаганды Москвы. И вот вновь представился ярчайший случай убедиться и в зверстве русских агрессоров в Грузии. И в тотальной лживости русского ТВ. Все мои симпатии и вся моральная поддержка еще больше, чем в первые дни этой русской агрессии, – на стороне Грузии и грузин. Жаль, отсюда практически невозможно довести, донести до них эту поддержку...

18–03

Днем, во время проверки, лил дождь, а проверка была не в бараке, как вроде бы хотели, а все равно на улице. Но обошлось – сильно промокнуть вроде не успел. Зато всегдашний идиотизм повторился на ужине: выходили – опять накрапывал совсем мелкий, а вышел я из столовой – уже сильнее. Шли в барак по одному, не ждя “общественника” – в дождь это у них вроде бы разрешается. И вот за те 5 минут, что занимает эта дорога – хлынуло как из ведра, промок насквозь. Костюмная куртка, особенно на спине, футболка под ней (только что надетая сегодня в бане), брюки (они еще оказались почему–то ниже колен все в песке), промокли насквозь и мои старые мокасины (надел, дурак, – думал, с проверки уже все подсохло) и носки. Пришлось переодеваться в сухое – все, кроме носков. Но кошка Маня, пришедшая мокрой с улицы и немедленно забравшаяся ко мне на

колени, обещает промочить и переодетые только что сухие спортивные брюки...

23.8.08. 9–24

Омерзительное однообразие. Или однообразная омерзительность, как угодно. Но события не балуют ни разнообразием, ни, тем паче, приятностью. С самого утра – был определен в "петушатник" тот самый подонок, который обокрал меня, пока я был на длительной свиданке в конце июля. Сегодня ночью, где–то в районе 4–х, он, оказывается, лазил в проходняк блатных "обиженных" и рылся в их баулах. Из проходняка напротив (соседнего со мной) его увидел не спавший в это время зэк с нижней шконки, и поднял шум. В результате недолгого разбирательства в коридоре с участием самого высокого блатного "руководства" барака приговор был вынесен – и наутро приведен в исполнение. Совершенно идиотский, надо сказать, приговор, – исходящий из обожествления гнусной кастовой системы среди зэков и из их представления о том, что быть зачисленным в самую низшую касту – это хуже, чем просто быть битым за воровство...

А сейчас, несколько минут назад, самый блатной из "обиженных" опять избивал несчастного Трусова – за то, что тот выбросил какой–то его пакет. Но битье Трусова вообще в бараке считается явлением настолько привычным и обыденным, что никто и внимания не обращает (ну разве что кроме меня).

24.8.08. 8–40

День рожденья... Пустой и тоскливый день, и написать даже нечего. Все сказано, все написано, все перегорело в душе... Для матери, пока я сижу, – как она говорила, радость хотя бы то, что я живой ("Скажи еще спасибо, что живой!", прямо по Высоцкому). А меня давно не радует и это...

С утра был густой туман – впервые в этом году, по–моему. Паутинки на "запретке" – в мельчайшей росе. А скоро они будут – как и сама "запретка", и трава, и земля – по утрам в изморози. Начинается осень... М.б., к вечеру еще распогодится, выглянет солнышко, как вчера. Но по вечерам и – особенно – по утрам уже ощутимо холодно. Ситуация идиотская, но становящаяся критической:

9–04

Прервал звонок от матери с поздравлениями. Спасибо ей, конечно, большое! Она в расстройстве, вся в слезах, – но сделать с причиной ее слез, увы, ничего нельзя... Еще Банчик вчера передала ей по телефону пожелания мне от Буковского: силы, выносливости и удачи! Спасибо ему, для меня это честь; только вот – с выносливостью еще так–сяк, а насчет удачи я сомневаюсь...

А ситуация и впрямь критическая: в бараке становится холодно, временами ясно ощущается, как по нему гуляет ветер. Еще бы: в нескольких окнах до сих пор нет стекол! Этим идиотам, видите ли, было так жарко, что еще в начале лета они повынимали из окон стекла, затянув их марлей. Где теперь эти стекла?.. Вопрос риторический. Некоторые взамен повынимали стекла из зимних “вторых рам”, хранящихся в “холодной каптерке”. Так что в любом случае, к зиме барак будет еще меньше утеплен, чем в ту зиму. А предчувствие подсказывает мне, что зима эта будет лютой...

17–24

Все хуже и хуже становится ситуация в проходняке после заселения новых жильцов, особенно последнего, прямо надо мной. Личность он в бараке популярная, к нему постоянно кто–то приходит, не только свои, но и с других бараков, создавая давку и прочно закупоривая вход в проходняк – щель, в которую я могу пройти только боком. Связано это с тем, что данный персонаж – спец по татуировкам и подписыванию красивым шрифтом поздравительных открыток. Поэтому в проходняке вечно толпятся его клиенты, не считая просто друзей–приятелей. Хорошо еще, что они (пока!) не собираются всей кодлой “чифирить” прямо тут, в проходняке, а выходят со своим стаканом куда–нибудь в коридор, раздевалку или (пока тепло) на улицу.

25.8.07. 7–07

Удивительное дело! Сегодня, в понедельник, на зарядку к нам не пришли никакие “мусора”! Все тихо и спокойно с самого подъема. Я думал, припрется отрядник, как обычно, – нет, не пришел. И контролеры с 12–го так и не дошли до нас. Всегда бы так...

А вчера – как ни удивительно, но настроение под конец дня было даже неплохое. Чуть–чуть веселья среди этого океана тоски. Дозвонился сперва Григорьянц, хотя ничего особенного и не сказал, кроме поздравлений. Потом, полдевятого вечера, дозвонилась сперва Е.С., но только она успела меня поздравить и спросить, как настроение, – по 2–й линии пробился Женя Фрумкин, и пришлось переключиться. Их, человек 6, по моим подсчетам, только что выпустили из 108 отделения милиции (теперь ОВД “Тверское”) после запрещенного пикета по поводу меня. Все они меня поздравляли, Люда Евстифеева и Ольга Кашкарова даже спели хором “Happy birthday!” по–английски и на идише, – это было великолепно! Действительно, приятно, когда звонят и поздравляют, и желают скорейшего освобождения, и искренне о тебе беспокоятся, помнят, даже идут на задержание ментами и несколько потерянных часов в отделении, – приятно,

черт возьми, несмотря на все мои разногласия с этими людьми. Они на самом деле отлично меня поздравили в день рождения, очень сильно подняли мне настроение, и я им действительно от души благодарен.

А так, вообще, – на душе, конечно, грустно и тоскливо. Начинается осень, постоянные дожди, холодает по утрам, так что на принудительную зарядку, будь она неладна, надо будет одеваться все теплее, вплоть до телогрейки к концу сентября. Предстоит провести здесь осень, а потом и зиму – одну из оставшихся мне 3–х зим в неволе. Опять отключения света, хождения в потемках по бараку, кружки с водой под чифир на костерках во дворе, жутко дующий с окон холодный ветер, – словом, все как в прошлую осень. Началась новая неделя, и, значит, где–то на днях, в среду–четверг, непременно предстоят шмоны, – скорее всего, и у нас тоже. Так что настроение с утра отнюдь не радостное...

17–37

Помню, как–то весной, в апреле, что ли, строились мы на ужин у забора 10–го барака, как обычно. Ожидание, пока пойдем, долгое, и я наблюдал, как старый цыган с 10–го (с которым в августе 2007 лежали в одной палате на больничке) что–то сеет на газончике – узкой полоске земли между забором барака и водосточной канавой. Он щепочкой проводил в земле аккуратные бороздки и в них сеял семена. Любопытствующим отвечал, что это цветы, а не морковь или укроп.

Потом, я помню, показались из земли первые крохотные зеленые росточки – аккуратными рядками, как были посеяны. Потом – в уже набравшей высоту зелени этой вдруг вспыхнул, как огонек, первый ярко–оранжевый, огненный цветочек. Помню, он открывался не сразу с утра – мы выходили в 7–30 на завтрак, он еще был закрыт, – а вечером закрывался. Потом таких цветов–огоньков стало целое море, не сосчитать. Потом, кроме них, там выросли еще другие – красные, белые, розовые, фиолетовые, всякие, на больших, раскидистых, ветвистых стеблях, чуть не кустах...

И вот сегодня, выйдя строиться на ужин, я увидел, как 2 парня с 10–го охапками, прямо с корнями, вырывают все это цветочно–травяное великолепие из земли и кидают на дорогу. Да, многие цветы там уже отцвели, завяли, кустистые их заросли полегли, – но все же много было и еще живых, цветущих, по–прежнему радующих глаз... И лето даже еще не кончилось, – в том году, помнится, подобную же процедуру проводили уже в сентябре, когда все отцвело и завяло...

Прямо как человеческая жизнь, – подумалось мне. Жизнь этих

цветов я видел от самого зарождения, еще даже в виде семян, – и до смерти, до расставания с родной землей. Так же и каждому, вчера только родившемуся, уже можно безошибочно предсказать его печальный конец. Все дело только в сроке.

...Когда шли назад с ужина, вся вырванная зелень была уже собрана граблями в одну общую кучу. Прощайте, друзья!..

26.8.08. 13–33

Блатные избили вчера вечером несколько человек, подписавших какую–то коллективную жалобу на то, что зона (по мнению жалобщиков) слишком много вычитает из их пенсий за питание, форму и пр. Жаловаться на это, конечно, бесполезно, – но само “право” блатных решать за всех, можно или нельзя писать жалобы, никем тут не ставится даже под сомнение. А поскольку их постоянная позиция – что жалобы писать нельзя ни в коем случае, – то работа блатных на “мусоров” подтверждается еще и еще раз как факт абсолютно несомненный. Избили, по слухам, 4–х – старика, инициатора жалобы (постоянно воюющего с администрацией из–за этих вычетов) и трех молодых, из которых один ходит теперь с явной отметиной на роже. Впрочем, все четверо – отъявленные подонки и быдло, как и те, которые их били, и никакой жалости не заслуживают (тем паче, что сопротивляться избиению и давать сдачи даже и не пытались).

Утром никто из ”мусоров” опять не дошел до нас, на их вонючую “зарядку” можно было не выходить.

17–40

Эти мрази совсем уже достали со своими наколками! Делают их уже прямо здесь, в проходняке, на верху соседней шконки, благо невдалеке есть выход электропроводов под напряжением. А всякая нечисть еще то собирается наблюдать за процессом, то выяснять свою очередь, то – один особенно омерзительный выродок просто улегся наверху “мостиком” между моей шконкой и соседней, ни встать, ни сесть, ни подойти из–за него, и так лежал, наблюдал, наверное, около часа...

27.8.08. 12–45

Шмон был сегодня а 9–м бараке. В 10 часов примерно, – даже раньше, чем у них обычно бывает. Политика четкая и определенная: в среду и четверг у них шмоны. Хорошо, что хоть не всю неделю. Завтра четверг – вполне могут прийти и к нам.

Тем временем кремлевские бандиты вчера объявили о своем “признании независимости” Абхазии и Южной Осетии. Пришлось–таки – вчера вечером, после отбоя, благо свет опять не тушили почти до 11 вечера – писать короткий текст о моем отношении к происходящему, с изложением всей аргументации. Но дойдет ли он отсюда куда–нибудь, и какова его дальнейшая

судьба, – захотят ли его распространять люди, которых я об этом прошу, но заведомо с этим текстом не согласные, – неизвестно, и прогнозы на этот счет печальные. А самое обидное, самое горькое – сознание того, что вот опять начались там, на воле, большие события, кончилось затишье, подул штормовой ветер, – а ты сидишь тут, бессильный, и не можешь ничего сделать...

16–44

Твари проклятые, суки, мразь!.. Шел из ларька – попал под сильный дождь, промокли и брюки, и куртка форменная, и спортивная под ней – на спине. Брюки уже высохли на мне, а вот обе куртки – совсем еще сырые. И дать бы им просушиться до утра, как раз успели бы, – так нет, надо сейчас вот опять переться под дождем на ужин, который я и есть–то не буду! Выбор невелик: или одевать все то же, сырое, – или одевать сухое и промачивать уже его. Твари, придумали жизнь: 5 раз в день выскакивай на улицу, хоть в дождь, хоть в мороз, – им плевать...

21–03

Физическое уничтожение было, есть и всегда будет наилучшим способом разрешения любых самых неразрешимых противоречий. Прав Юра Нестеренко: “Не говори, что ты кому–то враг, когда ты не готов его убить” собственными руками. Я бы лично сейчас вот этих всех, которые вокруг меня, – с огромным бы удовольствием, с дорогой душой! Из автомата, из пулемета, ножом, топором, дубиной, на части, на куски, в мясо, в кровавый фарш...

28.8.08. 17–40

Вызывали сегодня опять к психологу. Причем не одного, а целую группу из отряда, но многие не пошли. Оказалось, это уже не УДО, а “профучет” (профилактический, видимо) по теме склонности к членовредительству и суициду. Угадали, суки!.. Казалось бы, откуда? Ну, я – еще ладно, а остальные вызванные, которые тоже говорили, что к суициду – ни сном, ни духом? “Психолог” (не та уже, что в тот раз, постарше) пыталась объяснять, что это якобы по результатам “разбора этапа” в карантине и задаваемых там вопросов ставятся на “профучет” склонные к алкоголизму–наркомании и к членовредительству–суициду. Но в том–то и дело, что никаких вопросов в карантине никому не задавали. Говоря короче, было в этот раз там 3 теста – 2 с вопросами и один цветовой – насколько я помню, знаменитый тест Люшера (выбор предпочитаемых цветов по убыванию), который я когда–то проходил сам для себя в компьютерном виде, а потом – на психиатрических экспертизах и в НПА, и в институте Сербского. За результатом, сказала она, можно в какие–то определенные дни после обеда в штаб, в их (психологов, что ли?)

кабинет, но я не пойду.

Завтра – короткая свиданка. Сейчас вот, через минут 20–30, мать и Женя Фрумкин должны уже выезжать с Ярославского вокзала. Фрумкин не обиделся на мои слова о нем (в письме к Е.С.) о том, что он вышел в тираж, стал слишком уж “умеренным и аккуратным”, и пора ему на – политическую, конечно – пенсию, в богадельню. Он продолжает ездить, таскать мне передачи. Ну что ж, спасибо ему за это большое! Но – тем тоскливее думать, что, увы, работать всерьез с этими людьми на воле я уже не смогу. Хотя – до воли еще надо дожить. Еще 934 дня.

Тоска и скука. Пустота в душе и какая–то расслабленность, усталость – больше душевная, чем физическая. Омерзение и прочная, лютая, ничем уже не переубедить, ненависть к окружающему и окружающим...

30.8.08. 9–01

Ну что ж, вот и прошло вчера короткое свидание. Продолжалось оно вместо положенных 4–х часов 2 с половиной, – сперва долго ждали, пока заведут, а потом – родителей начали выгонять даже не в час дня, как обычно, а в полпервого.

Самая хорошая новость, которую не привезла, а уже здесь узнала мать и сообщила мне, – уволился Макаревич! После отпуска он в эту зону уже не вернулся, а, говорят, перешел на соседнюю, в Шерстки. Что ж, новость отличная! Без этой озверелой мрази, дикого свирепого кабана в погонах, без его постоянных обходов и саморучного выбрасывания баулов из–под шконок – сидеть здесь станет все же чуть–чуть легче.

Женя Фрумкин неожиданно оказался почти что согласен со мной по грузинскому вопросу, соглашался так или иначе с большинством моих аргументов, – или только делал вид, что соглашается. Я, во всяком случае, ожидал от него более резкой реакции. Он обещал даже (впрочем, я не придаю этому обещанию большого значения) поговорить с Майсуряном, их реальным идеологом и автором заявления этой части ДС о грузинских событиях, считающим, что между “элитами” Москвы и Тбилиси никакой разницы нет. А т.к. газета их еще не вышла – есть мизерный, но все же шанс, что мое послание на эту тему успеет до них дойти и быть там если не опубликованным, то так или иначе упомянутым.

Самая большая радость от их приезда, кроме просто увидеться и пообщаться, – что привезли распечатки, прессу и книги. На этот раз распечатки отдали мне все и сразу (волк в лесу сдох!), прессы было мало (только “тусовочный” самиздат), а из книг мать привезла давно мною просимых Фрейда и Ницше (хотя совсем не ту книгу, которую я просил, а, по простоте своей, взяла

вместо нее то, что было, – “Заратустру”). И одну из книг Эдички Лимонова.

С вещами оказалось чуть похуже – привезла она мне новую “спортивную” куртку, которая оказалась и не особо спортивной, и короткой, и, главное, очень тонкой и почти не греющей, – а я–то именно для тепла и просил. Привезла также 2 пачки чая в пакетиках, – опять с бергамотом, который я терпеть не могу и много раз просил не брать...

Сегодня ровно год, как меня выписали из лагерной больницы после проведенного там месяца.

31.8.08. 17–05

Последний день лета. Жуткая, совершенно осенняя погода на улице: целый день дождь. Жуткий ливень с подъема и до завтрака, потом просто мелкий дождь. Потом – как раз к проверке, в 12 и в час дня – выглянуло солнышко. Потом, как раз нам выходить на обед (начало 3–го) – опять сильнейший ливень. Ждали–ждали, пока чуть утихнет, – аж до полтретьего. На “продоле”, перед воротами “нулевого поста”, – не лужи, а моря, хотя летом там и заравнивали, засыпали землей. Все равно – хоть на лодке переправляйся, ужас!.. Потоки, широкие и быстрые, перед столовой, и огромное прозрачное озеро на ее крыльце – к дверям подойти можно только по воде. Хорошо еще, шли обратно с обеда, – кто–то догадался положить через эти лужи на “продоле” несколько досок.

Унылый, тоскливый день. 133 недели еще таких осталось. Кроме сырости, на улице еще и довольно холодно; в столовку я ходил в старой телогрейке, оставленной ушедшим по УДО “ночным”, одевал ее прямо на футболку – и было как раз не только от дождя, но и для тепла. Сижу, читаю Ницше, отмечая сразу по ходу наиболее сильные места, которые могут пригодиться потом. Но вот опять, только что, вырубили свет, и уже не почитаешь. Хорошо, что совсем недавно успел сходить набрать в бутылку воды, – с их постоянными отключениями света это стало уже привычкой...

СЕНТЯБРЬ 2008

1.9.08. 8–43

Первый день осени. Вторые сутки льет; правда, дождь мелкий. Жуткая сырость, и стало реально холодно. Говорят, что сентябрь будет хороший, и на это вся надежда. А пока погода ужасная, да и настроение тоже.

В проходняке моем все хуже и хуже. Всякая сволочь – и с этого барака, и с других – собирается по 4–5 человек, взгромождается по 2–3 человека на каждую из верхних шконок, свешивая ноги в проход или ставя их на ребро соседней шконки (т.е. почти что мне на голову); а кто–нибудь при этом еще обязательно стоит внизу, в проходняке, полностью блокируя возможность войти или выйти. Основной темой разговоров и собственно прихода сторонних посетителей являются наколки, делаемые всем желающим моим новым соседом сверху, а основным занятием – регулярное (по многу раз в день) “заваривание” и коллективное питье чифира.

Местная зоновская врачиха обещала матери в пятницу что сегодня (в понедельник) вызовет меня за лекарствами, матерью привезенными, в т.ч. и за сукразитом. Жду, но чрезвычайно сомневаюсь в этом с самого начала, как узнал, с пятницы.

2.9.08. 9–45

Со вчерашнего дня мать в истерике: вчера дозвонилась Русинову, зам. начальника ИК–4 по воспитанию и кадрам, и на ее вопрос: “Как наши дела?” – он сказал (не дословно, но смысл такой): не надо было ничего писать; если он будет сидеть тихо и смирно, то в следующий раз и судья, и ФСБ его отпустят (по УДО). Писать – это, видимо, о дневнике, который забрали при шмоне в конце мая. Больше им в руки ничего не попадало.

Мать оценила это как признание, что в этот раз (суд должен быть где–то уже на днях) меня не отпустят, и стала биться в истерике, как обычно. Заодно – она приняла (тоже как обычно) фразу Русинова за чистую монету – мол, если не буду ничего писать и публиковать, то и впрямь отпустят в следующий раз – где–то в марте 2009. Наивная...

Ценно также открытое признание роли ФСБ в вопросе о моем УДО, – впервые за все пребывание здесь, особенно после того, как Большаков, полковник УФСИНа из Нижнего, врал мне в глаза в июне месяце, что ФСБ ко мне тут интереса не проявляет.

Вообще, из всего этого разговора можно было бы сделать этакую мини–сенсацию, опубликовав его: наглядное доказательство того, что Система заранее по своему произволу

решает судьбы политзэков, а их жалкий лепет: “решает суд, от нас ничего не зависит” – является чистейшим враньем. Тем более, что сам Русинов просил, чтобы разговор остался “между нами”, и сказал, что говорит только матери, а если б ему позвонила некая “Иванова” (видимо, собирательный абстрактный образ), – он бы ей ничего не сказал. Но мать в своем наивном страхе за меня не хочет и слышать о публикации, боится нарушить просьбу “хорошего” и “честного” Русинова.

Как они все легко попадаются на этот крючок, – люди, прожившие всю жизнь в Совке и никогда лицом к лицу не сталкивавшиеся с Системой! Как легко они заглатывают эту наживку, попадаются в эту ловушку для простаков: посадили – и сиди тихо–смирно, чтобы только досрочно выпустили! И даже предположить не могут заранее такого коварства: ты послушно просидишь тихо–смирно – до самого конца! Никто тебя раньше не освободит, но в век, когда есть сотовая связь, интернет и пр., когда голос узника доносится даже из тюрьмы и зоны – наивная надежда освободиться раньше будет самой надежной затычкой, которую ты сам же, добровольно, вставишь себе в рот!.. Так же, как и – у многих – надежда получить меньше, признав вину и покаявшись на суде.

А врачиха вчера не вызвала, конечно, и не подумала. Вот так им верить, даже в мелочах...

12–27

Проверка. Оглядываюсь вокруг. Все вы – тупая мразь, быдло и нечисть! Всех вас я сжег бы в печах, не задумываясь, одним махом, всю вашу толпу!..

14–38

Это быдло и чернь, вроде того мужичка, что мне стирает, – холопы, праправнуки крепостных. С ними не разговоры разговаривать, а – в старину (русскую старину, столь любимую русскими) их просто–напросто пороли бы на конюшне.

4.9.08. 6–32

Жесточайшая гомофобия и антисемитизм – вот подлинное лицо этого народа. Пещерное, варварское, преступное лицо, – и за это он, конечно, подлежит суровой каре. Если б только кто видел и слышал, какому издевательству, глумлению и насилию подвергаются тут несчастные “обиженные”, не считаемые этим быдлом вообще за людей! Существование “пидоров” всеми признано, впитано с молоком матери и не подвергается даже малейшему сомнению.

8–58

Четверг, “режимный день”, начался сегодня весело. На зарядке “мусора” до нас не дошли (только 12–й и 5–й бараки,

первые по “продолу”, судя по крикам стремщиков). Но пока стояли на улице, ожидая (кстати, дольше обычного) похода на завтрак, – вдруг на “продоле” появились 3 “мусора”. Мы уже двинулись, они повстречались с зэковской толпой, прошли дальше – и, оглядываясь, можно было увидеть, что зашли как раз к нам, на 13–й. Когда вернулись с завтрака – они все еще были здесь, очень усердно шарили в каптерке (где, как им, конечно, хорошо известно от стукачей, блатные прячут телефоны). Пошарили там, вышли, пошли куда–то – в “культяшку” или на “кухню”, но, слава богу, не в нашу секцию, так что можно было достать “заточку” (нож) и позавтракать. Потом, наконец, ушли. Но день только начался, – скорее всего, это еще не последние “веселые” приключения на сегодня...

5.9.08. 8–57

До чего же омерзительны здесь блатные, какими словами это описать!.. Наглые, тупые, самоуверенные скоты... Один – вроде бы так ничего с виду, чисто внешне, – но я внимательно посмотрел на него недавно, когда он сидел на корточках, ожидая очереди в ларек. “Жаба!” –подумалось мне. Другой – длинный и тощий, – если бы у вшей, которых тут постоянно ловят, можно было бы разглядеть “лицо”, оно в точности было бы лицом этого блатного... Третий – и по интеллекту, и по внешнему виду, и по манерам, – совершеннейшая обезьяна, шимпанзе или горилла. Человеком это назвать решительно невозможно. И из–за этой гориллы, на целые вечера забирающей себе “трубу”, моя мать, часами дозваниваясь, так и не может дозвониться (например, вчера вечером была такая история, и уже не 1–й раз).

13–35

Нет, чтобы СТОЛЬКО быдла и мрази сразу, – это же с ума сойти!!.

22–05

“За положение в лагере” они, видишь ли, беспокоятся, эти блатные твари!.. Падаль несчастная, самозванные командиры–начальнички... Выговаривали мне сегодня на своей “кухне”. А письма, значит, не дошли... Ужасно жалко и обидно, но это еще не смертельная потеря, все поправимо. А “забота о положении в лагере” у этих блатных мразей заключается в том, чтобы всегда ползать перед “мусорами” на брюхе, стелиться ниц, называть по имени–отчеству и чуть ли не ноги им целовать. И упаси тебя бог хотя бы задуматься о сопротивлении, об отношениях с “мусорами” наравне и с позиции силы...

6.9.08. 8–05

Эта зона, этот барак – просто–напросто клоака нечистот, разбойничий вертеп, где издеваются и глумятся над людьми (?),

как хотят. Причем не только “мусора”, но больше их – блатные, а также эти твари и быдляки – сами друг над другом, более сильные над более слабыми.

7.9.08. 9–39

Воскресенье. Пустой день. Осталось сидеть ровно 132 недели.

Вчера вызвали к нарядчику, вручили – даже не повестку, а – постановление судьи Тоншаевского суда о рассмотрении моего ходатайства об УДО 11 сентября. Итак, дата назначена. Но результат, увы, известен заранее...

Блатные подонки (с подачи все того же шимпанзе) изобрели новый вид глумления над несчастными “обиженными” (“пидорами”, как они выражаются). Вечером, перед проверкой нескольких из них (не блатных, разумеется, а работяг) выстраивают во дворе (в “локалке”) и заставляют плясать (или, точнее, приплясывать) под музыку, и без того целый день гремящую из динамика, специально вывешиваемого блатными на улицу. Бедолаги вынуждены “плясать”, деваться им некуда – пляшут, а мысль о коллективном сопротивлении подонкам им даже не приходит в голову.

Тупое животное, на которое я понадеялся со стиркой и которое теперь пьет чай и курит практически полностью за мой счет, – то ли оно издевается, то ли еще что, не пойму. Изначально уговор был – ВСЕ вещи не только стирать, но и гладить (только ради защиты от появления вшей). Но эта мразь все последнее время почему–то не только не желает гладить мне трусы, – но даже и снять их с трубы на улице, где они сохнут. Спрашиваю, почему, – мол, они еще не высохли. Пойди, говорит, сними их сам. Стесняется, что ли, что увидят его стирающим и гладящим мне трусы?.. Сейчас вышел, пощупал их – уже вполне сухие, висят себе в одиночестве... Но это еще не все: сразу после проверки этот урод принес мне снятые оттуда же 2 пары носков – влажные, не досушенные. Т.е., и их не стал гладить, отдал так!.. Говорю ему: что ты их мне принес, ты ж их раньше гладил? Нет, – говорит, – т.е. не гладил, мол, и раньше. Хотя я прекрасно помню, что постоянно он приносил их проглаженными. Осталось , фактически, ему гладить одну мою футболку. То ли ленится работать эта тварь, то ли еще что, – даже понять не могу, но от услуг его и от содержания такого быдла за свой счет, видимо, придется отказаться.

21–45

Блатное шимпанзе опять захватило “трубу”, и опять, значит, мать не дозвонилась мне сегодня вечером. Впрочем, она знает, что я знаю и об этом, и о причинах этого (вижу его с “трубой” в лапах). А сейчас, только что, оно устроило небольшой, но

шумный скандальчик насчет уборки в бараке. Чувствует себя здесь полным хозяином и нисколько не сомневается в своем “праве” орать, командовать и угрожать, карать и миловать...

8.9.08. 7–05

Опять утро... Опять в этом проклятом бараке... Понедельник. Началась новая неделя – 132–я от конца. Будь же проклято все – и этот барак, и это быдло в нем, и эта проклятая страна рабов, и этот народ, и это небо, и земля, и вся моя дурацкая, никчемная жизнь!.. Будь проклято на вечные!..

22–00

Ну что ж, этого следовало ожидать, и странно еще, что так долго. Только что, перед проверкой – яростное столкновение с шимпанзятиной (яростное с ее стороны, разумеется).по поводу того, что когда она (оно) стала, по новому обыкновению, выгонять всех из барака (даже не в 21–00, а в 20–50) якобы для уборки, – я отказался подчиниться этому наглому командованию, сказав что–то типа: “Успеется”. Ух, что было!!. Надо было слышать и видеть, как оно истошно верещало на весь барак, трясясь и подпрыгивая от ярости и маша перед моим лицом кулачищами. Несмотря на опасность (или как раз из–за нее?), сцена эта доставила мне подлинное наслаждение. Эти хриплые, гортанные крики, точь–в–точь обезьяньи!.. Прямо леса Бразилии какие–то, а не Нижегородская область... :) Вспомнилась с этаким выражением, с придыханием произносимая фраза Сани Лазарева из Москвы, из 509–й хаты: “Животный мир!”. Когда я все же вышел, вслед мне был сделан презрительный вывод (насмешивший меня еще больше): что я “мусорской” и что у меня “мусорская кровь”.

Затем, уже на улице, в темноте, среди гуляющего в ожидании проверки уголовного сброда, оно захотело пообщаться со мной еще, в присутствии нескольких своих единомышленников. Начало лопотать что–то об “уважении”, а на мои попытки что–то сформулировать чуть посложнее его уровня – хлопало на меня глазами в полном непонимании и орало: “Я же с тобой не говорю журналистским языком, не надо со мной по–журналистски говорить!”. У моей кошки Маньки явно больше интеллекта, чем у этого существа. На мои осторожные попытки выяснить, на каком основании оно командует (всем на улицу, и пр.) – оно, не сразу поняв вопрос, затем, искренне удивляясь моему непониманию, заявило: “Потому что я живу этой жизнью!” – а остальные, мол, просто мужики. Но на его советы “сидеть на жопе ровно” и настойчивые вопросы, понял ли я, – я, видимо, не изъявил нужной понятливости, ибо итогом встречи было энергичное приказание: “Иди отсюда...!”. На которое я тотчас ответил: “С

удовольствием!” – и немедленно отошел.

Это – даже не шимпанзе, там интеллекта нет вообще. Меньше, чем у кошки, во всяком случае. Большевики, суки, придумали вот ТАКИХ еще учить грамоте зачем–то... Попутно, в уличном уже разговоре, я убедился, что моего тонкого юмора, моей насмешки над ними – не только это шимпанзе, но и вообще все эта блатная нечисть не понимает совершенно. Конченные дебилы, тупая, тупорылая мразь, падаль, выродки, куски дерьма, по какой–то ошибке природы умеющие говорить... И вот такая вот нечисть владеет всем в этой жизни, командует и навязывает приличным людям, как им жить, машет кулаками и требует безоговорочного подчинения. А эти приличные – на воле, разумеется; здесь–то их нет, – эти бедолаги никак не могут объединиться и набраться достаточно боевого духа, чтобы дать этой мрази отпор и вовсе стереть ее с лица земли. И когда понимаешь, что в одиночку противостоять им невозможно, а союзников нет, опереться не на кого, – охватывает отчаяние...

9.9.08. 7–10

У политзаключенного и должны быть стычки с блатной сволочью, это нормально; Солженицын или Шаламов описывали еще и не такое. Собственно, даже думать об этом вчерашнем случае и об этой мрази – унизительно, умом я это прекрасно понимаю, а вот поди ж ты – почти всю ночь не спал...

19–46

Однако тронуть меня вчера это чмо все же не посмело. Очень хотело, несколько раз замахивалось, – но все же не посмело (хотя во многих других случаях оно себе легко это позволяет), – и это не может не радовать.

11.9.08. 18–22

Ну что ж, отказали сегодня в УДО, как я и ожидал, ничего нового. Ни малейших сомнений в очередном отказе не было уже задолго. Единственным “маленьким сюрпризом” оказалось, что эти мрази – “администрация” – на сей раз уже сделали мне отрицательную характеристику. Точнее, характеризовали “удовлетворительным”, а освобождение мое объявили преждевременным. Молодая сучка судья – Павилова С.Е. – радостно “присоединилась к их мнению”. А основные зацепки для отказа – непризнание вины и неучастие в “самодеятельных организациях”, т.е. в активе – мне еще накануне, а м.б., и за день, сказал один из наших “общественников”, трущийся как около меня, так и около зоновского начальства. На вопрос кто ему сказал (и это, и процитированную фразу обо мне – “за что его отпускать?”) – он фамилии не назвал, но сказал, что “из 2–го кабинета”. Т.е., скорее всего, это Русинов, – та самая мразь,

каратель и палач Чечни, который “словом офицера” обещал матери моей “хорошую характеристику” и про которого мать долго уверяла меня, что он “хороший”...

Что ж, предстоит еще одна зима здесь, среди всей этой нечисти и быдла, всей этой шимпанзятины и пр., в этом вертепе. Зима, которая уже начинается (на улице с утра очень холодно) и которую неизвестно, удастся ли мне пережить. А потом – еще 2 таких же буреполомских зимы.

Первой, как ни странно, мне дозвонилась после отказа не мать, а Е.С., не звонившая с 24 августа. Обещала использовать этот “информационный повод” и поднять максимальный шум по поводу меня. Но что теперь в этом толку? Это надо было делать раньше. Следующая подача – в районе 11 марта, а рассмотрение – еще примерно через месяц, т.е. в апреле. До тех пор может случиться все, что угодно...

12.9.08. 15–39

Все последние дни “мусора” во время зарядки до нас не доходили (что уже стали замечать зэки как ослабление режима), а сегодня приперлось их аж трое, в том числе отрядник 5–го который сроду сюда не заходил. Один из них, идиот по кличке “Пожарник”, увидел над дверью большой секции электропровод – и тут же откусил его носимыми с собой пассатижами. В секции погас свет. Этот дебил преспокойно ушел, а света нет до сих пор, и не видно, чтобы кого–то это беспокоило, кто–то вызывал бы монтера (есть такой, з/к, естественно). Так–то мне свет не нужен, ночью даже лучше, что его нет, а днем света из окна хватает, чтобы читать и писать. Но, учитывая, что темнеет с каждым днем все раньше – как бы не пришлось ужинать в темноте, на ощупь.

Блатная шваль все–таки начала ремонт в своей “культяшке”, на который собирала деньги, в т.ч. 200 рублей стрясла лично с меня, еще в июле. Я уж думал, что это очередное их жульничество и никакого ремонта не будет, – но вот все же начался. Телевизор, который там стоял, поэтому недоступен (унесен оттуда в более “блатные” помещения, куда я заведомо не пойду, ибо противно) уже дня 3–4. А когда сегодня, во время зарядки, на крик: “Пожарник к нам!” я, как обычно, пошел выходить на улицу через дальний выход в том конце барака, то в “культяшке” от какого–то блатного чма немедленно услышал окрик, что, мол, не надо здесь выходить, открывать дверь, и так все отваливается (они там клеят обои). Идиоты, которые не могли сделать это летом, в жару, как все нормальные люди.

Внутри и вне всех “локалок” повырубали вдоль заборов все кусты – в основном это был шиповник, – там, где они росли. У нас густые заросли были за забором, а на 1–м бараке – внутри, тоже

около забора. Хорошие, сильные, густые кусты, которым расти бы и расти еще многие годы – так нет, вырубили под корень. Более того, сегодня утром (10 утра, мы шли в баню) и с больших, раскидистых, уже желтеющих берез в “локалке” 1–го спиливали, забравшись высоко на ствол, все ветки, растущие ниже уровня забора (он метра 2 – 2,5). Состоит забор из частокола вертикальных металлических трубок, т.е. прозрачен для глаза, а кусты и ветви берез отчасти закрывали этот обзор. Такое впечатление, что администрация колонии боится партизан.

13.9.08. 13–10

Шел перед самой проверкой с 8–го – и на “продоле” налетел на “мусора”. Да и ходил–то туда зря, рванул по собственной глупости – из–за разборок с “трубой”, не мною начатых. Сказало вот то самое, на букву “ш”, – иди, скажи, что я (!) тебе “трубу” больше не дам – я и пошел. Как дурак. Идиот, блин, полный. А “мусор” пообещал написать на мои хождения рапорт – и “до встречи в ШИЗО!”. А тут как раз длительная свиданка на носу – 27–го. Законопатят, суки... Ну что ж, ждем...

14.9.08. 10–28

Оказывается, то юное существо, которое вело со мной разговор о моем “грузинском” письме неделю или больше назад, и все порывалось от мата перейти прямо к мордобою, – оказалось положенцем зоны, ни больше ни меньше! Вот уж не ожидал, – глядя на него, этого никак не скажешь. Скорее уж можно было это подумать про второго, постарше.

Сегодня с утра приперся отрядник, и тотчас же меня вызвал. Рапорт таки есть за вчерашнее. Суки! Никто не верит, но я абсолютно не удивлюсь, если он меня законопатит сразу на 15 суток в ШИЗО. Одно только хорошо, – что своим на воле сообщить я это уже успел.

15.9.08. 8–57

Понедельник. Начался он отвратительно. Еще до подъема, затемно, у меня невыносимо разболелся живот, боль просто адская. Потом приперся на зарядку отрядник, и пришлось в таком состоянии выползать на улицу. Потом он был и в столовой. Сейчас вот сижу и жду: законопатит он меня в ШИЗО по вчерашнему рапорту, или все обойдется устным замечанием. Если все же в ШИЗО – прикидываю, как быстрее собраться, что именно взять, не забыть бы чего. И куда бы подальше (но дальше баула некуда) спрятать эту тетрадь.

19–55

Ну вот, разрешилось, наконец. Пришел сейчас, вызвал и сообщил, что мне вынесен выговор. Расписываться я отказался. Весь разговор занял секунд 5, не больше. Что ж, это ставит и

формальный крест на УДО в апреле следующего года. Прокурор опять сможет ссылаться на мое “нестабильное поведение”. Ну ладно, наплевать, в любом случае УДО – это сказки для простаков, а захотят отпустить, распорядится ФСБ – мигом отпустят и так.

Особенно обидно сознавать, что вышло это все только из–за моей дурости и из–за той бешеной шимпанзятины. Жить в одном помещении с этой мразью становится все невозможнее: оно окончательно взбесилось, постоянно орет, всех задирает и при малейшем ему противоречии норовит сразу ударить. Но хотя бы – это результат хоть неверных, но сознательных моих действий (пошел зря на 8–й), а не того глупейшего случайного стечения обстоятельств, как было с этой нечистью Зайцевым что в том, что в этом году.

Тогда у меня было одно досрочно снятое взыскание и 2 благодарности – и администрация рекомендовала меня к освобождению. Сейчас – не было новых взысканий (до сегодня), но была новая благодарность – и администрация НЕ рекомендовала меня к освобождению. :)) Забавная ситуация. Эх, когда–нибудь, хоть в отдаленном будущем – выстроить бы все эту администрацию вдоль стеночки и лично, своими руками, расстрелять...

17.9.08. 7–06

Объявлена настоящая охота, и она продолжается. Сегодня почему–то “мусора” начали обход на зарядке с нас. Когда крикнули: “К нам!” – я, как дурак, вышел на улицу через главный вход, а не через задний – там ведь ремонт. Два подонка в форме ничего мне не сказали, но сейчас вот “общественник” сказал, что у него они спрашивали мою фамилию. Значит, рапорт будет написан, уже 2–й выговор обеспечен, а 3–е нарушение – это уже ШИЗО. Так что 2–я половина срока не только продлится до самого конца, но и, видимо, пройдет куда веселее, чем 1–я...

10–00

На воле вот так сидишь – и ждешь ареста, или еще каких–нибудь неизбежных неприятностей. Ждешь дни, недели – и все это время живешь как всегда, ешь, спишь, ходишь на работу, в магазин или гулять с собакой. Но можно все бросить к черту, уйти, уехать, сбежать неизвестно куда от этого ожидания, – если, конечно, хватит духу разом отказаться от налаженной, устоявшейся, привычной домашней жизни и всего этого размеренного быта с едой и сном.

А здесь – здесь тоже сидишь и ждешь, но убежать здесь уже некуда. Можно забиться в какую–нибудь щель и там сидеть хоть три дня – но покоя не будет, всю зону будет страшно лихорадить,

всех будут строить, считать и пересчитывать под вой тревожных сирен...

Здесь сидишь – и ждешь шмона (вот–вот, и среда сегодня как раз, ИХ день...), а потом – то ли вечером, то ли, м.б., завтра придет отрядник – и решится вопрос с этим сегодняшним новым рапортом, есть он или нет. Если есть – это еще один выговор, 100%, а м.б. – уже и ШИЗО. Нынче они не церемонятся. Но кто бы знал, до чего унизительно вот так вот сидеть и ждать, не в силах ни убежать, ни сопротивляться...

Вспоминается совет Андрея Деревянкина: больше думать о вечном. Да, действительно, это помогает. По сравнению с Вечностью, со всей мировой историей, со Вселенной, с ее звездами, галактиками и Млечным путем, – боже мой, какая ерунда все эти карцера, выговора, ШИЗО, лагеря, срока и прочий вздор!.. Как ничтожно и смешно все это выглядит на фоне величественной и бесконечной черноты Вселенной со всеми ее звездами! И на фоне ее – вечной, не ограниченной временем, – как жалко выглядят мои оставшиеся 2 с половиной года, 130 с половиной недель...

19.9.08. 8–55

Нет, вроде все обошлось, – рапорт, видимо, не был написан, так что второго выговора у меня пока нет, отрядник ни позавчера, ни вчера ничего не сказал об этом. К тому же – чудеса просто! – оба дня, среду и четверг, в зоне не было шмонов. Сегодня пятница, через минут 40 – надо будет идти в баню. (Где, кстати сказать, опять набирается постепенно всякая сволочь, из–за которой ни сесть на лавочку, ни одеться спокойно, без их замечаний, ни раздеться...)

А с “общественником”, который и сказал мне позавчера про возможный 2–й выговор, произошла любопытная история. Непонятно как, но вчера (нет, позавчера) вечером его вдруг разоблачили, что он стукач: живя в отдельной “красной” секции, временами заходил в большую (нашу) – типа, спрашивал закурить, или еще зачем, – а потом, оказывается, докладывал отряднику, кто спит днем, кто еще что делает, и т.д.

Как узнали – непонятно, но, по рассказам (сам я этого не видел, узнал только после всех событий), его, конечно же, стали бить, и кто же? Наше “любимое” шимпанзе, конечно! В результате этот маленький, щуплый 23–хлетнй стукач “сломился на вахту” (т.е. сбежал туда за защитой от расправы), а шимпанзе за эту расправу вчера вечером уехало на 15 суток в ШИЗО, слава тебе, господи, дав мне, да и всему бараку, возможность хоть немножко от себя отдохнуть.

18–09

Маленькое, но знаменательное событие. Когда заходили в баню – я точно помню, что одна из 2–х резинок, приделанных внизу входной двери для ее закрывания, еще была цела. 2 этих резинки прибили на 2–ю, внутреннюю входную дверь почти год назад, глубокой осенью 2007 г., когда уже было холодно, а дверь в баню не закрывалась, и в предбанник, голым, мокрым и распаренным, выходить приходилось фактически на мороз. 1–я, наружная дверь бани так и осталась открытой настежь, а на 2–й – к весне из 2–х резинок одну уже порвали. Инстинктивно я при каждом посещении бани еще с прошлого года взглядывал, проходя в дверь, на эти резинки – целы ли они еще. И точно! – сегодня, когда шли в баню, последняя резинка была еще цела, а когда я выходил оттуда – она уже была порвана. Без нее дверь не закрывается вообще, надо закрывать ее руками. В разгар "помывки", после 10 утра, входят и выходят через эти двери практически ежеминутно. Из всего этого уголовного сброда и быдла, там проходящего, 99% даже и в голову не приходит руками притворять за собой дверь, – они одеты, им тепло и так. Таким образом, то, что прошлой осенью было худо–бедно починено, этой осенью, к зиме, как раз к холодам, оказалось сломано, и починено, судя по всему, уже не будет (ведь порванную до этого резинку они так и не заменили с самой весны). И теперь баня в этой зоне, баня зимнего сезона 2008–2009 – это прямой путь к простуде, воспалению легких и т.д.

19–10 Картинки с выставки. "Обиженный" стоит на стреме – взгромоздившись у забора во дворе на большие водяные батареи из бывшей сушилки, подошвами стоя на довольно тонких вертикальных трубках, торчащих из них. В таком положении ему надо выглядывать за забор, на "продол", раз калитка закрыта, – а через забор даже с высоты этих батарей мало что видно дальше 10–го барака. Так вот, этот бедолага стремщик, стоя там, еще и бреется! В одной руке он держит зеркальце, в другой – "хозяйский" белый станок, и бреется насухую, а вместо споласкивания водой – просто стучит станком о забор. То есть, его так заездили всей этой бесконечной стиркой, уборкой, стремом и пр. и пр., что нормально, по–человечески, с использованием воды и мыла ему, видимо, катастрофически некогда побриться, – "обиженных" будят часов в 5 утра, еще до подъема, а ложатся они не раньше 11 вечера (скорее позже). Остается бриться, стоя на стреме, т.е. взгромоздившись на эти батареи и рискуя с них грохнуться. Так же, как во времена, когда "локалка" еще была постоянно открыта, – они вытаскивали за нее, на "продол", свои бадьи со стиркой и стирали, одновременно и следя за "продолом", т.е. стоя на стреме.

21.9.08. 17–05

Ну что ж, вот и полсрока. Осталось еще ровно 2 года и 6 месяцев, 130 недель. Весь день только ненависть и омерзение, жгучая ненависть к ним ко всем, к этим тварям, которые вокруг, которых видишь 24 часа в сутки возле себя, слышишь их мерзкие разговоры, мат и хохот, и отвращение ко всему миру. Твари, мрази, нечисть, падаль, отребье!.. Bastards, по Лимонову. С этими тварями, среди них, мне предстоит тут прожить еще 2 с половиной года, и вся эта блатная мразь, которую я далеко–далеко не считаю за людей, – эта падаль будет мне указывать, что мне делать и как жить, навязывать, непонятно по какому праву, свои порядки, законы и правила.

Антисемиты и гомофобы – вот коротко самая суть этого проклятого народа, этой нечисти – не только в бараке, и не только в зоне, а по всей стране, всех этих 140 миллионов, или сколько там этих тварей есть... То, что все они дикие, патологические и зоологические гомофобы (даже отдаленно не понимающие, впрочем, сути вопроса), – это сквозит в каждом их слове тут, в бараке, от подъема и до отбоя, буквально каждое, ну каждое второе их слово так или иначе посвящено этой теме. Мрази!!! А в том, что вся эта нечисть – и русские вообще, но об этом знал и на воле – еще и антисемиты, – тоже имел уже не раз случай убедиться. Трое мразей уже высказывались в мой адрес на эту тему, последний – вот только что. Выродок, 20–с–чем–то–летний ублюдок, собачий сын, нечисть, бременящая понапрасну собой землю и не имеющая вообще, за полной никчемностью, права жить на свете, – сейчас это чмо, явившись к моему соседу–татуировщику и встав в проходняке (т.е. перегородив его собой), начало гавкать... Злобная, абсолютно одноклеточная, без малейших даже намеков на интеллект, дебильная и тупорылая мразь, нечисть, падаль... И такие они тут все... Как ни дико представить – но тут нет нормальных, вообще нет. Тут ВСЕ – только мразь и нечисть. Bastards. Абсолютно все. “Если все идет хорошо – значит, вы чего–то не замечаете”. Так и тут. Если вдруг показалось, что кто–то из них нормальный и с ним можно хотя бы разговаривать, – это трагическая ошибка и начало пути к глубокому разочарованию, если еще не к проблемам... С каким бы наслаждением я переломал и повырывал им все, что можно, изничтожил бы всю эту падаль, выкосил бы одной тяжелой, густой, длинной очередью из крупнокалиберного пулемета... Твари, будьте вы все прокляты! Вот до чего можно довести человека просто одним тем, что его засовывают насильно в один загон, в одну клетку с этой нечистью, с этим абсолютно ему чуждым, как с другой планеты, уголовным сбродом, – и

заставляют годами жить с ним бок о бок, под одной крышей... Будьте вы все прокляты, твари!..

Осень, с дымками и костерками, на которых это отребье при отключении света варит себе чифир. Как я и предполагал. Осень, не холодно пока, без дождей, – и дымки в “локалках”. Пахнет дымом, и сколько романтических воспоминаний будит этот запах. Будь проклята ты, прежняя жизнь, которая никогда уже не вернется и только саднит долгими годами в памяти... А “плац” во дворе для построений, который начали было выкладывать кирпичами, – так и не доделан с лета, брошен на середине...

22.9.08. 9–05

Понедельник. С утра пришлось выскочить на зарядку, приперся отрядник (впрочем, я вышел раньше). Началась неделька... 130–я до конца.

В столовке некоторое время назад стали вдруг давать рисовую кашу, – не бог весть что, но все же лучше сечки и перловки. Да и макароны вроде стали готовить чуть поприличнее, чем год назад. Так что в ШИЗО я, по крайней мере, не умру с голоду.

Сидеть среди этого сброда и мрази, среди бандитов, – самое тяжелое, что было и есть за эти 2,5 года. Они навязывают всем свои порядки, свои правила, дикие и нелепые, и жестоко бьют за их неисполнение (вот как тех четверых, включая старика, – за написанную жалобу). Если плюнуть на зависимость от связи и открыто пойти им наперекор, – интересно, могут ли они убить? Впрочем, вряд ли; эти мрази трусливы, они храбры только против слабых и покорных. А этот народ (свиньи!) как раз от веку разобщен, рабски покорен и труслив. Каждый боится за свою шкуру. Никаких прав им и не нужно, они веками привыкли к плетке и очень ее любят. Так не пора ли нам – приличным людям, как говорит Лера – в интересах нашего выживания взять эту плетку в достойные, т.е. в свои руки7..

23.9.08. 8–45

Ну вот. (Что–то каждый день начинаю с этой фразы.) Осталось 908 дней. Всего–то ничего, да, мелочь какая? :))

Вчера было преодолено тяжелое испытание: ходил в спецчасть за решением суда об отказе в УДО. Там, как обычно, простоял от обеда почти до ужина – больше 2–х часов в очереди на улице, на ногах, внутрь не пускают. Но главная радость – что блатная нечисть в бараке вроде бы не заметила и не привязалась: у них, видишь ли, теперь “постанова”, что в штаб (даже в спецчасть за бумагами) нельзя ходить поодиночке, а надо брать с собой кого–то из “порядочных мужиков”, – типа свидетелем, что ты не заходил к оперу стучать, и т.п. Редкостный идиотизм,

глупее и трусливее нельзя и придумать. Как будто нельзя вместо опера настучать отряднику, который регулярно приходит и сидит в своем кабинете в самом бараке!..

Теперь все мысли заняты только предстоящим длительным свиданием – 27–го, в субботу, оно начинается, – и подготовкой к нему. Мысли и мои, и матери, и готовится, конечно, больше она, – все ходит, покупает что–то вкусненькое, спасибо ей от души. А я при одной мысли о свидании этом не могу отделаться от той смертной тоски, от того ужаса, предощущения беды, которым бывает там заполнен весь последний вечер, а уж про последнее утро, утро выхода – нечего и говорить...

11–35

Первая изморозь сегодня с утра – чуть–чуть на крышах бараков и – заметнее, больше – на стиранном белье, висящем во дворе. Первые заморозки, значит. И не тает до сих пор, – сейчас выходил, смотрел. Рановато, – в Москве в конце сентября еще нет изморози по утрам. Да уж, “в краю суровом” довелось поневоле жить...

25.9.08. 8–36

Вчерашний день выдался бурным. Главная политическая новость, – это, конечно, убийство Ямадаева прямо посреди Москвы. Просто супер!!! Разумеется, я не был знаком с ним лично. И, разумеется, он и его брат смертельно враждовали с кланом Кадырова, так что это. скорее всего, дело рук кадыровцев, а не борцов за независимость Чечни. Но все равно. По 1–му каналу про него говорили, что он не просто перешел на сторону русских оккупантов, будучи крупным командиром в чеченской армии, но фактически без боя сдал русским Гудермес. Короче, туда этой мрази и дорога, вслед за недавно разбившимся вместе с самолетом Трошевым. Есть, есть все–таки высшая справедливость в мире, и ни одна мразь не избегнет рано или поздно заслуженной кары, – будь то Милошевич, Хуссейн, Трошев или Путин. Так что вчерашнее известие вызвало полный восторг и подъем боевого духа.

А вот главная локальная, внутрилагерная новость, наоборот, совсем не обрадовала. Пришли книги, присланные по моей просьбе Маглеванной – сборник статей Литвиненко (в том числе его текст 2006 г. обо мне), недавно ею изданный, плюс сборник Корчинского “Революция от кутюр” на украинском, который я искал еще на воле, а потом уже отсюда, из зоны. Но вместо книг отрядник показал мне так называемый “акт” о том, что содержащиеся в бандероли книги (причем не названные) , оказывается, “запрещены к распространению на территории Российской Федерации”, в связи с чем, как указано в самом

типографском бланке “акта”, были “уничтожены путем сожжения”.

Вот так вот. Маглеванной я, разумеется, сразу же сообщил об этом, попросив, чтобы она попросила у украинцев еще экземпляр Корчинского и все вместе, + экземпляра Литвиненко, отправила моей матери. Из указанных в “акте” трех фамилий одну я вообще не помню (совсем незнакомая), вторая – наш отрядник, который говорит, что он вообще не в курсе и самих книг не видел; а третий – наш (13 отряд) опер Демин. Тот самый, который устроил шмон в моих вещах в конце мая, когда я был на длительной свиданке. Нет ни малейшего сомнения, что и эта пакость – целиком дело его рук. Что ж, забавно. На Литвиненко их ФСБ–шный нюх сработал верно, достаточно, видимо, было его полистать. Самое, однако, смешное то, кем же это вдруг только что вышедшая книга уже “запрещена к распространению на территории Российской Федерации”. “Одного факта запретности книги мне хватило бы для решимости свергнуть строй”, – писала когда–то Лера Новодворская о своей юности, и лучше тут не скажешь. В последние годы они возродили эту советскую практику, но – формальными решениями судов. Типа, такая–то книга признается судом “экстремистской” и запрещается. (Так же и с запретом политических организаций.) Но по этой–то книге, только что вышедшей, уж точно не было никаких судебных решений. Так что, получается, к распространению на территории РФ ее запретил лично оперативник ИК–4 Демин! :)) Забавно, ей–богу. Добро бы он на территории ИК–4 ее запретил, а то – всей России сразу!.. Как, впрочем, и книгу Корчинского с которой вышло еще забавнее. Там ничего уж “такого” нет, да и было бы – вряд ли Демин успел бы ее прочесть за 1 день, притом на украинском. И уж точно по ней тоже не было никаких судебных решений о запрете. И сам Корчинский последние годы, предав свой народ и вообще все на свете, терся за дугинской спиной поблизости от Путина. Но – не помогло, и его книгу Демин все равно запретил... :))

Еще прислала Маглеванная по моей просьбе полную распечатку всех стихов Нестеренко с его сайта. И вчера вечером я уже наслаждался, упивался ими, погружаясь в эту поэзию как в океан. Не обязательно прочитывать их все, там их несколько сот – но основные, 202–03 гг. в основном, да и 90–х еще, памятные мне по воле... Нет слов, чтобы передать эту глубину, это чувство штормового ветра, чего–то неназываемого и самого главного в жизни, ее потаенной стороны, которую понимаешь из его стихов. И – примешивается к этому мучительная горечь и недоумение: зачем я–то сам пытаюсь что–то кропать, какие–то убогие строчки,

и зачем вообще кто–то еще пишет по–русски стихи после Нестеренко?.. Глубже его в стихах эту жизнь, этот новый этап империи после 1991 г. не вскрыл никто. Вместо многих томов любой самой сильной публицистики про эту страну рабов – достаточно подобрать 2–3 десятка стихов Нестеренко.

И уж из второстепенных, мелких событий вчерашнего дня, – ну, опять выцыганили блатные 100 рублей при походе в ларек (точнее, еще перед тем). Якобы на ЛПУ, там сидит одно блатное существо (полнейшая нечисть), бывшее тут, на бараке (пока оно было тут), как бы самым главным, чьи распоряжения (почему–то) были обязательны для всех под страхом... уже не знаю чего, ибо существо было щуплое и росточка небольшого, я бы справился без особых проблем. Сначала хотели они 200 рублей, но я сократил эту сумму до 100. Сегодня утром, вот только недавно, передали мне от существа благодарность, которая нужна мне как...

Да еще – походы в ларек никогда не бывают вполне спокойными – сцепился я там с какой–то нечистью, которая, как вскоре выяснилось, была смотрящей за 11–м бараком. Я, как обычно, через головы толпы зэков у окошка пытался высмотреть, что там, собственно, есть, как вдруг оно повернулось и начало гавкать, что я, якобы, слишком близко к нему прижался сзади. Мерзкое 21–летнее (как потом выяснилось) чмо, ровно ничего из себя не представляющее, – и я отвечал как надо, решив не уступать и не поддаваться. Можно было еще и по морде стукнуть, – жалею, что не сделал этого. Потом были какие–то смутные разговоры, что оно вроде бы придет на наш барак со мной разбираться, – но вчера до самой ночи так и не пришло. Да мне и сразу не поверилось в это – инцидент был уж слишком ничтожен.

Настоящей пыткой зато стала жизнь в собственном проходняке...

Живущее тут долговязое чмо с рожей, как будто лимонов наелось, взяло моду целый день стоять в проходняке (узеньком настолько, что войти только боком; щель, пещера, нора, – но так живешь тут годами...), опершись на верх моей шконки и глядя, как там, надо мной, другой сосед что–то рисует или художественно подписывает открытки. Стоит и стоит часами – ни войти, ни выйти, каждый раз надо просить пропустить, как будто сам не видит, дебил! К тому же загораживает свет единственной жалкой слабенькой лапмочки, торчащей, словно в насмешку, в трехрожковой люстре, повешенной прошлой осенью (зачем?). Ни почитать вечером, ни поесть приготовить. К тому же это чмо постоянно ходит по ногам, лазя к себе в изголовье, под подушку и пр., и 20 раз в день лазит еще и в свой баул за чаем – чтобы “чифирить”, это у них тут у всех священный ритуал, с утра, после

сна до проверки, после проверки и еще много–много раз в день...

Замечаний я этой нечисти не делаю, – что толку? На любые малейшие замечания реагирует оно раздраженным хамством. Мразь, быдло, нечисть, никчемная и только вредная (сидит за грабеж). Прапрадеда его, небось, помещик на конюшне порол, и правильно делал, а этих – большевики выучили, дали все права (которые им и не нужны–то вовсе, но для понту как раз годятся), – так что теперь эти правнуки крепостных почувствовали себя тут хозяевами. В точности по Нестеренко:

В нелепой этой давке,
Где разум на мели,
Помоечные шавки –
Хозяева земли.

Вот борьбе с ними и с их господством–то, значит, и посвятил я свою жизнь. Стоило отдать 5 лет на реальное знакомство и близкое наблюдение врага. Омерзительное, конечно, зрелище, тошнит сильно, – но боевой дух внушает очень сильный, ненависть и желание уничтожить эту мразь во что бы то ни стало. И лучше Нестеренко об этом никто не сказал:

Они не сдохнут сами –
Щенков легко рожать.
Последней битвы с псами
Едва ли избежать.

9–45

Пока писал и листал Нестеренко – это чмо как раз прервало меня фразой: “Дай, я сяду, перекушу!”. Животное!.. Пришлось уйти на время. Да, опыта жизни в коммуналке, как у матери и покойной бабушки, у меня нет, но ЭТОТ опыт – о, он перекрывает коммуналку с лихвой! Там хотя бы есть у тебя отдельная комната, там вся эта мразь не сидит и не жрет непосредственно на твоей постели...

А зима тем временем явственно приближается. По утрам – время зарядки, 10 минут 7–го, да и позже – на всем уже изморозь, холодно даже в мои двух “тепляках” (как тут выражаются), надетых друг на друга. Хорошо, что есть и телогрейка (даже две, но вторая – более толстая, для зимы), и теплые штаны, а то, помню, в том году по утрам в это время я уже околевал от холода в одних джинсах и спортивной курточке под робу. А вот ноги будут мерзнуть все равно – даже сейчас они мерзнут, несмотря на шерстяные носки и стельки. Казенные же ботинки сами по себе абсолютно холодные. А тут еще баня (завтра туда опять!..) с

открытой настежь дверью... Короче, как и в том году на пороге зимы, первых холодов – стало вдруг казаться, что, может быть, этой зимы я и не переживу, что если не убьют уголовники, – все окажется еще проще, свое дело сделают простуда, обморожение, воспаление легких и т.д. Эта зима по всему судя, будет еще страшнее и холоднее предыдущей.

26.9.08. 8–45

Теперь все усложнилось, все изменилось к худшему, в т.ч. самые простые бытовые мелочи. Теперь надо с завтрака возвращаться не спокойно, не спеша, как обычно, – а скорей–скорей, чуть не бегом. Потому что это чмо в проходняке – оно не только шапку свою заходит вешать в проходняк, оно теперь и ботинки садится тут снимать, на мою шконку садится. Естественно, оно ходит быстрей меня и всегда обгоняет, я прихожу – оно уже тут сидит. И пока оно не переоденет обувь и не выйдет – в проходнячок–щель никак нельзя зайти, взять чайник и поставить его греться. А когда становится можно – всё, "фаза" уже вся занята, там из 6 розеток осталось 5, но из них 2 тоже испорчены так, что кипятильник в них можно включать, а чайник – нет. И приходится ждать, когда у всех этих закипят их кружки, банки и чайники, чтобы можно быть вскипятить себе чай. Вот такой здесь быт, убогий и выматывающий все нервы. А если еще и жить среди самого отпетого быдла, швали и дебилов, в самом тесном и непосредственном их окружении, – то и совсем тяжело становится. Почти уже до того уровня мерзости доходит, который был в том году в том проходняке. Отличий все меньше. И писать–то теперь можно только тогда, когда оно спит или, по крайней мере, лежит у себя наверху и не загораживает свет.

Мать, Матвеев и Зимбовский сейчас должны уже ехать ко мне на матвеевской машине. Как обычно, начинаю я нервничать, – не случилось бы чего... И поезда, бывает, сходят с рельсов, но на автотрассах катастрофы бывают еще куда чаще. Не дай бог... Остается сидеть, нервничать, самому успокаивать себя – и ждать, когда можно будет взять "трубу" и узнать, как там у них дела.

17–40

Тупорылое долговязое чмо вроде бы ушло играть в домино, так что можно надеяться, что на сегодняшний вечер, до моего ужина (через 2 – 2,5 часа) проходняк будет свободен. Все же какой молодец Нестеренко, как отлично сформулировал! Я ненавижу и считаю себя врагом этой косоглазой мрази настолько, что вполне серьезно обдумываю наилучшие способы ее физического уничтожения...

Но главная сенсация дня – это, конечно, баня, в которой таки починили дверь! Я глазам не поверил сегодня, входя: вместо 2–х

старых порванных резинок – натянута одна, тугая, а 2–я рядом с ней по–прежнему болтается. Я так и не понял: заменили они их совсем, или же вновь прибили одну из оборванных прежних. Но дверь закрывается.

Вообще, некоторый прогресс налицо. Они стали чуть получше кормить – и макароны поприличнее, и даже рис – рис! – вдруг появился в их меню (точнее, конечно, рисовая каша). Вместо невыносимо кислой “черняги” с лета стали давать то белый хлеб, то какой–то серый (тоже не бог весть что, но все же получше той кислятины). Они уже в сентябре вставили вторые рамы в окна столовой. Они даже зимние вещи выдают вот уже сейчас. в эти дни, – почти на месяц раньше, чем в том году. Прогресс? Может быть. Чуть–чуть. Но неволя все равно остается неволей...

Мать звонила сегодня дважды сама, – 1–й раз они проезжали Балашиху, 2–й – уже за Владимиром. Обещала звонить еще. Вроде стало от всего этого поспокойнее на душе, но все равно не до конца. И так быстро пролетают эти длительные свидания, и так горько кончаются!.. Их бы надо из длительных переименовать в мимолетные... Осталось мне еще 129 бань, или же 129 недель и 2 дня.

30.9.08. 10–00

Ну вот и прошло оно, очередное длительное свидание. Все обошлось хорошо, почти как надо, – больше всего я опасался, чем встретят в бараке, не полезут ли в вещи, не найдут ли этот дневник. Нет, не нашли, и даже не лазили, и даже воровать, как в тот раз, никто не пытался. Это наказание нервотрепкой, я уже давно понял эту простую истину: самое худшее, что может с тобой случиться, – не случается, но ты сполна наказываешь сам себя, изводясь ожиданием этого худшего и просчитывая, как быть, если оно наступит...

Почти и не ругались с матерью, только под вечер последнего дня ею овладело ее обычное злобно–истерическое состояние, и то ненадолго. Нет, все прошло хорошо, можно успокоиться теперь минимум на месяц (до короткого свидания 29.10.), а то и на 2 – до следующего длительного. Хотя, конечно, успокаиваться не на чем, там у них на воле все совсем не хорошо, полная апатия, распад и упадок движения, никто ничего не делает и не хочет делать. Грузию, по словам Тарасова, полностью поддерживают в тусовке трое: он, Гиляров и Козырев. И все трое к активной работе не склонны, а к самостоятельной – и не способны. А я, четвертый, кто способен, – сижу здесь и никак, ни на что не могу отсюда повлиять. (Ну разве что ради справедливости надо отметить, что Гиляров к самостоятельной работе все же способен, по опыту нашего с ним прошлого сотрудничества.)

19–00

Маразматики, блин! Только было я обрадовался, что хлеб в столовке стали давать белый, или хотя бы серый, вместо жуткой кислой черняги, – бац, и сегодня на обед опять черняга!.. М.б., и вчера, и позавчера тоже, но меня–то в столовке не было. Ничего не меняется в этой проклятой стране, несмотря на любые кажущиеся улучшения. “Внешняя иллюзия пути, а на деле сотни лет на месте”.

На принесенные сигареты эти уродцы, разумеется, накинулись как бешеные, – пачку одному, пачку другому, плюс блок на общее, плюс на заготовку... Из принесенных 4–х блоков к вечеру осталось дай бог 2,5.

ОКТЯБРЬ 2008

1.10.08. 8–45

Сегодня шмон на 1–м бараке начался почему–то аж в 8 утра! Едва дозвонилась мать – прямо сразу же, где–то в 8, – как наш разговор был прерван криками: “Шмон–бригада на большом!!!”. Естественно, пришлось закончить разговор тут же (ничего не успев еще узнать), а шмон–бригада чуть позже оказалась уже на 1–м. Пользуясь столь ранним началом, она может до проверки успеть прошмонать еще какой–нибудь барак, – наш, например.

Идиот, стирающий мне вещи и испортивший уже одну наволочку, как оказалось, за время моей свиданки испортил мне и вторую. Не так смертельно, как ту, конечно, но пятна появились и на этой, – он что–то там не так сделал при стирке, я даже не понял из его объяснений шепотом, что именно. А вот сейчас, после завтрака, он вдруг объявил мне – тоже, как всегда, шепотом, – что будет впредь стирать мне все, кроме трусов и носков. (Кроме них, там обычно бывают только рубашка и наволочки.) На мои просьбы объяснить причину он – не сразу – сказал, что это для него, видите ли, унизительно. Или, по крайней мере, если он и постирает, – я должен буду сам снимать их на улице с трубы, где они сохнут. Это вместо того, чтобы и то, и другое, как здесь делают против вшей, каждый раз тщательно гладить утюгом.

Видимо, от услуг этого идиота придется отказываться окончательно. Достал уже!!! Одновременно не нужно будет больше покупать ему хлеб, конфеты, чай, давать курить и т.д. Это быдло, видите ли, хочет что–то иметь, но не хочет при этом работать так, как положено, и зарабатывать, – это им унизительно, тО им не подходит, и т.д.; да при этом еще и портит регулярно вещи, – не мне одному; он сам мне говорил, что одному (полу)блатному, гладя брюки, тоже сжег их, и тот теперь требует с него за брюки деньги (а это чмо пыталось выпросить их у меня).

Дебилы, блин. Народ дебилов. Тупые скоты. И на воле ведь он такой, не только здесь... Боже, за что угораздило меня здесь родиться, среди них?!.

Untermenschen. Bastards.

2.10.08. 9–25

Постоянные стрессы, – мелкие, но сливающиеся в один большой. Жизнь среди нечисти, среди конченных подонков и мрази, по которой плачет крематорий и ямы с известью. Утро сегодня началось с того, что я заметил: мой баул с продуктами,

стоящий под соседней шконкой, почему–то расстегнут. Полез – и точно: нет пакета с сигаретами! Того, который привезла мать только что, и я вчера успел, в 1–й же день (нет, за 2 дня, sorry), раздать около 2–х блоков (в том числе 1 на “общее”), а еще 2 оставалось в этом пакете. Внаглую, пока я спал, залезли, расстегнули баул, точно зная, где лежит, и украли! Точнее, конечно, “украл”, это был один человек, и я сильно подозреваю, кто именно: судя по безошибочному знанию, где лежало, по тому, что не стали расстегивать вторую молнию (у меня там 2 клетчатых баула вставлены один в другой), – это кто–то из тех, кто живет рядом и постоянно видит, как я туда залезаю и откуда точно достаю. Видимо, это из живущих в соседнем проходняке, – та же нечисть, что уже лазила в висящий у меня над изголовьем пакет и тоже украла из него сигареты, еще зимой. (А еще ведь и до того, прямо из баула, стоявшего тогда в каптерке, сперли ни много ни мало – 10 нераспечатанных блоков!) Подозрения подозрениями, но доказать я, конечно, ничего не смогу, и никто не сможет и не найдет, так что шум поднимать бессмысленно. Но зато – о, как проясняют сознание такие моменты! Не первый раз, и даже уже не второй (обворовали баулы ведь и в июле, во время длительной свиданки), – тенденция, однако! О, как бы хотелось уничтожить без сожаления всю эту мразь, когда понимаешь, что это именно мразь, нечисть, ублюдки, пускающие тебе пыль в глаза, мило улыбающиеся и разговаривающие, а чуть улучат момент – норовящие тебя ограбить, обворовать, – и среди них ты принужден жить годами!.. Сдохните, твари!!! Пусть будет проклята эта страна и этот народ – сброд подонков, рабов и воров!.. Ненависть, ненависть, ненависть!!! Ненависть такая, что могла бы испепелить не только этот проклятый барак и всю эту воровскую нечисть в нем, и не только всю эту зону, – а выжечь всю эту проклятую землю, 1/7 суши, от Кенигсберга (entschuldigen Sie bitte, meine deutsche Freunden!) до Владивостока.

Я ничего не потерял, конечно, с кражей этих сигарет, мне–то самому они не нужны, я не курю, а раздавал их окружающим из тех, кто хоть чуть–чуть поприличней, – за работу и так. Мне их не жалко, но омерзительно жить среди воров – и быть в их полной власти, не имея сил ни предотвратить, ни наказать этих выродков, ни вернуть украденное. И значит – не этому бараку, а всему этому сброду–народу, – только коллективные наказания, не разбирая ничьей в подобных случаях индивидуальной вины. Воруете – получайте, твари! Невиноватых нет!

3.10.08. 8–48

Отношения с быдлом в проходняке все обостряются, особенно

с одним. Впрочем, все они – тупые скоты, не более. Вчера ночью какая–то из этих тварей, видимо, опрокинула в темноте банку со сгущенкой – туда, в щель за шконками, под “столик” (табуретку), откуда и не достать. Ночью еще я полез туда за своей бутылкой с водой, попить, – вся бутылка оказалась в чем–то липком, пришлось идти мыть руки. Нижняя часть моей палки тоже была в этом липком. А наутро, при свете, выяснилось, что это – сгущенка и что край моей постели с этой стороны – тоже в ней. Мрази... Настоящий “животный мир”, как говорил уголовник Лазарев в 509–й хате.

4.10.08. 11–03

Эти твари перемазали все сгущенкой так, что жить в проходняке стало совершенно невозможно. Мало того, что постель и бутылку за столиком, – даже на днище (!) моего висящего (!!) в изголовье шконки пакета с хлебом я вчера нашел сгущенку, а сегодня оказалось, что ею уже выпачкан и рукав моей новой спортивной куртки, которую я почти и не одеваю, а вчера вот решил надеть. Там, где ее мазнулось много, эта проклятая сгущенка не засыхает вот уже несколько дней, и, лазя за бутылкой с водой, теперь неизбежно пачкаешь ею правый рукав (а задрать его, подтянуть, как летом, не позволяет теперь застегнутый и подвернутый манжет рубашки).

6.10.08. 9–20

Вчера было воскресенье, пустой день. Писать не о чем, все спокойно. Хорошо, что связь с матерью 2 раза в день – утром и вечером – работает пока бесперебойно. Прочел вчера “Бессильные мира сего” Бориса Стругацкого, изданную им под псевдонимом “С. Витицкий” и присланную Майсуряном. Вещь очень сильная, просто замечательная, и фирменный стиль Стругацких сразу чувствуется, хотя писал он ее уже после смерти брата. Перечитать здесь всех Стругацких и всего Лимонова (все, что я у тех и у другого еще не читал) – вот поставленная задача на 2–ю половину срока, могущая помочь не сойти тут с ума.

Сегодня это чмо в фуражке, именуемое “начальник отряда”, с утра, как обычно, явилось на зарядку. Идя же с завтрака, узнал от одного знакомого слух, что приехал прокурор или даже “кто–то из Москвы”. Ничего хорошего этот слух не обещает , – опять начнется, м.б.: “СидорА убирайте в каптерку!!!”, не дай бог...

Надо стричься, – оброс уже, могут докопаться, но постричься иначе, чем наголо, тут большая проблема. Надо просить этих специалистов с машинками – тут такие есть среди зэков, зарабатывают этим “чай–курить”, но допроситься сложно, они стр–р–рашно заняты... Мне–то оно не надо, я бы и так походил, но подравнять самому тут тоже сложно, – ни ножниц, ни зеркала

большого, а так, когда все торчит в разные стороны – уже противно ходить и самому. Но и просить – как вообще кого–то и о чем–то, – смертельно противно.

7.10.08. 9–10

Сегодня с утра довольно долго не пускали на завтрак, – не открывали ворота “нулевого поста”. Оказалось, что со вчерашнего дня – новое распоряжение: ходить в столовку только вместе с завхозом (старшим дневальным) отряда. А его, разумеется, не было, – потому и не пускали. “Вчера говорили”, – ссылался СДиПовец, отказываясь открывать ворота. Где, кто и что именно говорили вчера – он не уточнил, а ворота в конце концов все же открыл. На кой черт придумали эту меру? Непонятно, но не исключено, что для воздействия на завхозов, которые, разумеется, ни в какую столовую не ходят, – зачем, если еду им приносят и готовят личные шныри?..

Вчера ничего особенного не случилось, день прошел спокойно. Пройдет ли так же спокойно этот день? Пока что все тихо, ничто не предвещает грозы, но – все неприятности тут обычно налетают неожиданно. А завтра – надо ждать шмона. Последний был в ту среду, неделю назад, и завтра как раз опять среда.

Все бы ничего, но круглосуточное пребывание среди этого быдла, среди биомассы, состоящей из примитивных, одноклеточных, лишенных всякого интеллекта существ, – совершенно убивает. Это самое страшное из возможных наказаний, – сидеть с ними, даже месяц, а не то что 5 лет. Это гораздо хуже любой одиночки. Писал, писал я уже об этом, – но о чем еще писать, если ничего другого (достойного упоминания) нет, а это – одолевает тебя круглосуточно, изо дня в день, месяц за месяцем, год за годом? Как оплевана душа, как она затоптана, осквернена, испакощена – и этим жутким, убогим бытом, жизнью в тесной щели, с табуреткой вместо столика и “очком” вместо унитаза, и – главное – беспрестанным обществом этой вот нечисти и подонков, их глумлением, домогательствами, попытками что–то с тебя стрясти, получить, нажиться за твой счет, да еще и навязать тебе свои порядки под страхом “разбития башки”, – все это никому не рассказать, не передать, не описать словами, и кто не был сам и не испытал на себе, – тот никогда не поймет...

Осень. Тоскливая, унылая осень. Пока еще тепло днями и даже вечерами (“бабье лето”), но скоро уже пойдет снег. Тоска на душе, – такая, что не передать, не описать. 894 дня осталось. Это еще очень много, – хотя, конечно, уже не 1280, как прошлой осенью. Это еще почти 3,5 года, 3 зимы и 2 лета еще. За это время

здесь можно умереть, – если не убьют блатные, то от болезни или еще от чего–нибудь. Но и выжить не лучше, – зачем???! На воле нет ничего, – ни настоящих друзей, ни любви, ни работы, ни готовности хоть в ком–то хоть что–то делать ради общего дела, – того, которому я посвятил всю свою жизнь и без которого существование теряет всякий смысл. Личных, телесных и др. удовольствий там, на воле, тоже будет не так уж и много, – если будут вообще. Так что стоит ли туда стремиться?..

А здесь, – деградация, самое ужасное, что может произойти с Человеком. Тупеешь, опускаешься, – под действием этого окружающего тебя быдла и до его уровня. Я ничего не могу уже давно написать – ни в стихах (толком, кроме жалких попыток), ни (особенно!) в прозе. Канал на волю, правда, крайне сузился, замедлился и пр. – но и такой канал пока что нечем загрузить. Осень и весна раньше, на воле, долгие годы были у меня временем творческого подъема, а сейчас – ничего...

Состояние опустошенности, тоски, усталости и крайнего унижения, как будто действительно прошлись, протоптались грязными сапогами по твоей душе. Не так страшна сама эта неволя, как оскорбительны ее условия. Но не только в неволе дело, и уж точно – не только в этой зоне. Непереносимо, оскорбительно до дрожи, до рвоты, до отвращения, – то, что ТАКИЕ, как сидят здесь, такие вот омерзительные насекомые, что меня здесь окружают (людьми их не назвать ну никак!) – что они вообще могут жить на свете!.. Что такая мразь и нечисть, отребье рода человеческого вообще живет – и процветает, даже здесь, в зоне, не говоря уж о воле. Или наоборот? Но –

Помоечные шавки –
Хозяева земли,

увы. И нет никаких сил драться с ними, дать им “последний и решительный бой”. Кому эта нечисть сумела заползти в душу – тот уже не боец, а – кому она еще не сумела?..

...Четыре подонка. Четыре тупых, абсолютно никчемных, примитивных, одноклеточных существа. “Друзья”, постоянно подкалывающие друг друга, грызущиеся и дерущиеся. Двое живут тут, в этом проходняке, еще двое – постоянно приходят и тоже тут трутся. Постоянно кто–то из них в этом проходняке еще и стоит, – ни войти, ни выйти. Одного из своих здесь, наиболее сонливого (не спит по ночам), они 3 раза в день яростно будят перед походом в столовую, – раз за разом тряся с силой шконку. Им абсолютно наплевать, что он (и они тоже) тут не один, что на нижнем ярусе той же шконки сидит/лежит еще один человек (я).

Нет, им надо разбудить того – они берут и яростно трясут, причем по многу раз (тот никак не хочет вставать). Тупые, наглые, примитивные, совершенно одноклеточные. Основные потребности в жизни – жрать, спать, пить чифир и курить. Да, еще колоть татуировки, – это у них одно заменяет все “духпотребности”, по Стругацким. Абсолютное быдло, потомки крепостных рабов, с сидящим до сих пор в генах рабством, скотством и свинством. Главный вопрос – для чего такие вообще живут и как пробиться достойному, талантливому, интеллигентному, интеллектуальному сквозь забившую все щели и поры толпу этого быдла, этой нечисти, гноя и смрадной слизи?..

Только книги тут и спасают, отвлекают чуть–чуть, но читать не дают как раз ЭТИ, – и так свет слабый, темнеет рано, а они еще стоят – и заслоняют последнюю, еле–еле светящую лампочку...

15–36

Очередная попытка вымогательства. Как говорится, неприятности приходят оттуда, откуда их не ждешь. Именно сейчас, когда мать чуть не каждый разговор в истерике бьется, что нет ни учеников, ни – соответственно – денег, – сегодня перед обедом вдруг “зовут” в их так называемую “кухню”, и там всякая блатная нечисть начинает промывать мне мозги на предмет того, что вот, мол, им на окончание ремонта не хватает, не могу ли я дать денег. И – с неописуемой наглостью – мол, чтобы в кухне было хорошо, красиво, чтобы ты же сам мог зайти, посидеть там, если гости к тебе придут, и т. д. Хамьё! – как будто не знают, что гости ко мне не ходят и в их “кухне” я не бываю практически никогда (2–3 раза за год с лишним – и тоже когда вот так вот “звали” для разборки и вымогательства), и как будто я не знаю, что они там постоянно играют в карты и вообще это их главное блатное “гнездо” в бараке. Т.е. делают чисто для себя, но хватает наглости денег на это просить у меня... (Да, от “кухни” там – только проведена вода, а так – просто небольшая каморка.)

“Футболистам”, видимо, опять стали давать мяч, да плюс им самим весьма хитроумно удается доставать его из–за заборов, смежных с запреткой, – он часто улетает в огороженное со всех сторон и никак ниоткуда не доступное пространство между запреткой и нашим двором. Коллективными сверхусилиями, при помощи палок, досок и т.д. – достают его каждый раз, а одного совсем молодого парня недавно за излишнюю ретивость в этом деле (забор он, что ли, перелез, или еще что? Точно не знаю.) закрыли в ШИЗО. Так что сейчас они всем стадом носятся по двору, взрывая его своими копытами, гоняют мячик. Ни походить, ни посидеть на лавочке... Будьте вы прокляты! А организатору всех этих матчей, уже пожилому, но активному, интеллигентному

(на фоне ЭТИХ...), бывшему хоккеисту и хоккейному тренеру в Москве, – никак не пойму, зачем ему это нужно, и играть в футбол, и вообще иметь дело с этой уголовной падалью...

8.10.08. 9–24

Мать что–то не звонит до сих пор. А скорее, конечно, – не может дозвониться, как обычно. Вчера, говорит, давление у нее было значительно выше нормы. Так что для тревоги есть все основания.

Последняя новость: вчера в больнице умер еще один зэк с этого барака. Неделю или две назад его забирали на носилках – идти сам он уже не мог, – после того, как проохал и простонал всю ночь. Чем он был болен, я не знаю, да и никто, похоже, не знает, – он ни с кем особо и не общался, не выходил никуда, ни на проверки, ни в столовую, – ему по болезни официально это разрешили, – и только в баню, помню, ковылял медленно–медленно, для него это было целое путешествие. Говорят, что не было ему и 60 лет, но выглядел он явно старше. А самое главное – оставалось ему всего месяца 2 или 3. Еще, по–моему, где–то в конце лета он сам сказал, что осталось всего 4 месяца... Вот так. Был человек – и нету. Место зато освободилось, шконка. И похоже, что самый омерзительный из моих соседей, специалист по браге, переехал на ПМЖ туда.

А бывшего моего соседа по проходняку Юру, еще весной загнанного в “обиженные”, бьют и бьют нещадно. Похоже, что из всех “обиженных” больше всего достается именно ему. Причем лупят в основном свои же – “обиженные”, и даже не только блатные из их числа, но и такие же по статусу, как он сам, только более энергичные и агрессивные. За украденные по пьянке с чьего–то двора мопед ценой в три тысячи – он попал на 4 года не только заключения, но и постоянных побоев и самой тяжелой, грязной работы (типа вывозит на тележке тяжеленную бочку с мусором на помойку). Пусть пьяница и быдло, но все же неплохой по характеру, добродушный, неагрессивный Юрик, – попал так, как не приведи господь никому и помочь ему теперь, не подставляя себя под удар (в одиночку об этом вообще нечего и думать) и не разрушая под корень всю эту кастовую систему и все блатные “понятия”, – увы, невозможно...

Мерзкая, отвратительная жизнь. Гнусный и убогий быт. Ежедневная борьба за выживание в среде отпетых подонков, – среде, абсолютно тебе чужой и при этом крепко спаянной против тебя, насмешливо–издевательской к тебе и при этом откровенно корыстной, только и смотрящей, что бы и как с тебя урвать, но при этом не испытывающей ни тени благодарности или – тем паче – уважения, когда ты на их просьбы соглашаешься и даешь

сам. Подстроиться под них и стать для них “хорошим”, “своим”, – для приличного, интеллигентного человека невозможно по определению; просто когда (если) ты отдашь им все и останешься с пустым баулом – ты станешь им неинтересен...

12–50

Подняться бы над всей этой суетой, – только как?? Да, наказание нервотрепкой, вытрепывание и выжигание твоих нервов, – главное во всем этом “наказании”, не указанное ни в каком приговоре. Вот только сейчас, до проверки, – сперва приперся отрядник, видимо (я не слышал), предупредил, чтобы все убирали, – и это быдло тупое, конечно же, покорно и ретиво поскакало, понесло все свои “сидорА” в каптерку. Потом, чуть позже, – сразу вся свистопляска: “3 “мусора” на наш “продол”!” с ними, по слухам, прокурор (тот самый, что приехал еще в понедельник и о котором я успел уже забыть), они на 12–м, на 5–м, на 8–м... Короче, до нас они не дошли, – но перед самым их уходом (минут за 20 до 12–ти) какая–то полублатная мразь увидела и заквакала мне: мол, чьи это “сидорА” у меня под шконкой? Слава богу, там (и под соседней) стояли не только мои 2, но и пара–тройка соседских. Услышало еще одно чмо (как раз на днях переселившееся на место покойника, о котором я писал вчера) – и тоже заквакало, чтобы я, мол, выносил “сидорА”. И тут как раз крикнули: “Мусора уходят с продола!”. Уф–ф!!!... Как в дурном сне, в кошмаре, и хорошо еще, что на этот раз пробуждение наступило вовремя. Зная эту уголовную мразь, ее набрюхеползательное перед “мусорами” усердие, – вполне тут реально под предлогом “комиссии” или “прокурора” остаться и вообще без вещей, уж для меня эти твари, с их теплым, дружеским ко мне отношением, постараются особенно. А коммунистического презрения к собственности, в т.ч. к носильным вещам, еде, бритвенным и пр. принадлежностям я, надо сказать, совершенно не разделяю. Достаточно и воспоминаний о здешнем карантине, в июле 2007, когда не было ложки и приходилось ждать, пока кто–нибудь, поев, из милости даст свою.

Но это было еще не все. Считал отрядник. После проверки, зайдя в раздевалку, я не обнаружил своих тапочек, которые уже год и месяц на этом бараке ставлю на одно и то же место, на верхнюю полку обувного ящика. Нет тапочек – и как хочешь, ходи целые дни в ботинках, пока из дома другие не привезут, тут кого попросишь о помощи? Но, слава богу, нашел их довольно быстро, – их кто–то зачем–то засунул в одну из ячеек этой же “обувницы”...

Как же подняться над этой, в сущности, мелкой, поганенькой

суетой? Каким аутотренингом заставить себя успокоиться, заставить расслабиться нервы, взвинченные до предела? Казалось бы, из–за чего тут нервничать–то? А вот поди ж ты... А это тоже, м.б., еще не все; сегодня после обеда еще идти в ларек (нужен хлеб), и в каком состоянии, придя, найдешь свои вещи и сумки, и найдешь ли вообще, – черт его знает... Физического и материального ущерба нет, но нервы взвинчены ожиданием неприятностей донельзя, – вот она, главная суть этой проклятой лагерной жизни. Расслабиться нельзя ни на минуту, и между блатными и "мусорами" ходишь постоянно как по лезвию бритвы. В таком режиме осталось мне прожить всего–то ничего, сущую безделицу – 893 дня.

9.10.08. 9–00

Но это было вчера еще не все. Потом, после обеда, был еще и ларек, в котором (и перед которым) они буквально одолели меня своим вымогательством и попрошайничеством, своим назойливым стремлением вытрясти ну хоть что–нибудь, хоть шоколадку, – откровенно для себя или же под всякими благовидными предлогами типа помощи сидящим в ШИЗО и т.д. Отбиваться приходилось как от стаи ос, причем там, в ларьке, разумеется, начали подъезжать с этой же темой и существа из других отрядов.

А потом, после ларька, было самое интересное, – обещанная "комиссия", смутные слухи о которой ходили еще утром, наряду со слухами о прокуроре. Так вот, отрядник привел в свой кабинет в бараке двух теток среднего возраста и вызвал по списку человек 10, в том числе и меня. Оказалось, это некая "аттестация" (кажись, ежегодная и, кажись, на предмет УДО, но точно я так и не понял): встал ты на путь исправления или не встал. Я со своим выговором не встал, конечно, что и было в их касающихся меня бумажках торжественно зафиксировано. При этом, пользуясь случаем, я спросил у отрядника, через сколько автоматически снимается этот выговор. Оказалось, через год, но, разумеется, начальство при желании может снять его и раньше, мне так и было сказано. Таким образом, то, что Милютин (начальник зоны) на тот же вопрос матери ответил, что через 3 месяца, может означать 2 вещи. 1–я, безусловная, – что, видимо, снять досрочно можно не раньше, чем через 3 месяца. 2–я, крайне сомнительная, – его собственное желание снять этот выговор через 3 месяца. Ну да и черт с ним, с выговором! Плохо только, что матери я до сих пор – ни вчера вечером, ни сейчас, утром, – так и не смог еще все это сообщить, – только успел на днях порадоваться наладившейся связи, как она опять разладилась... Не по вине техники, разумеется.

А вообще, – опять подумалось сейчас мне, – если понаблюдать, если вот так все обобщить, суммировать и сравнить, сделать выводы... В цивилизованных странах есть унитаз, он там – повсеместное, непреложное, не подвергаемое никакому сомнению достижение цивилизации. А здесь (в бараке, да и вообще у русского простонародья, там, где не грозит появление иностранцев или начальства), – здесь есть дыра в полу, в которую воду из ржавой бадьи льют “обиженные”, т.е. вполне официальные рабы, вполне официально не считаемые за людей, всеми признанные и привычные существа низшего сорта. Вот он – символ этой “новой”, “демократической” России, вот ее “план 2020” и вся прочая пропагандистская мишура. Дикость и рабство, как встарь. Русские застряли в XVI веке, когда весь мир уже давно живет в XXI–м...

Кстати, еще одна из ряда ярких иллюстраций к этому выводу. На барак откуда–то (с 9–го?) привели пару дней назад нового бедолагу, – вновь обретенного “обиженного”, потому–то и переведенного сюда. Это пожилой уже мужик с пышными усами, которого я уже видел мельком раньше. Вся его “обиженность” заключается в том, что он у какого–то другого “обиженного” (о чем он, видимо, и не знал) взял кусок хлеба и съел. От этого, по представлениям здешней нечисти и мрази, видимо, разом, в ту же секунду изменилась его сексориентация (на 5–м или 6–м десятке лет!), он вдруг потерял все человеческие права и перешел в низшую касту, в отверженные и неприкасаемые, в рабы. За один вот этот съеденный кусок хлеба!.. Эх, рассказать бы красочно и в подробностях цивилизованному миру, каким–нибудь шведам, немцам, датчанам или голландцам, что в “демократической” России нагло попираются права не только реальных сексменьшинств, но и людей, к ним никак не принадлежащих, но выдаваемых за представителей этих меньшинств, забитых, буквально не записанных, а запинанных по причинам типа вот этого съеденного куска хлеба! И ведь в последнем случае это творит уже не государство, не власть, а, так сказать, сам “народ” (сброд!). Поистине, эта страна со всей населяющей ее и управляющей ею нечистью не заслуживает ничего, кроме проклятия!..

10.10.08. 6–38

Все веселее и веселее становится здесь жить, среди всей этой мрази... Проснулся сегодня ночью, без четверти три, и вдруг заметил, что нет пакета с хлебом, висевшего у меня над изголовьем, на раме шконки. Сперва подумал, что оборвались ручки и он упал, – нет! Нигде нету. Сперли за те неполных 4 часа, что я спал. Прямо нагло зашли в проходняк, сняли с крючка и

унесли. Вот так вот… Там были остатки хлеба ларьковского и вольного (того, что привозит мать), начатая пачка масла из ларька и довольно приличный, по–моему, кусок колбасы. Колбаса–то есть еще, без масла можно и обойтись, а вот хлеба у меня больше нет, так что сегодня я, таким образом, остался без завтрака и вместо того, чтобы делать, как обычно в это время, бутерброды, пишу эти строки.

Нечисть, быдло, выродки, твари, подонки, мразь!!! Bastards!!! Ублюдки!!! С каким наслаждением, ей–богу, я бы всех, всех их лично уничтожил, перестрелял, сжег в печах, смолол живьем в какой–нибудь гигантской мясорубке!.. И за этот украденный пакет, и за недавний пакет с сигаретами, и за летний грабеж обоих баулов…Привыкли, выродки, на воле жить за чужой счет, воровством да грабежом, и здесь норовят так же. Суки! “Чтоб вы все передохли, твари!”

Ушло вот только что, освободилось наконец–то это тупое жирное чмо, с которым в 2007 я 4 месяца жил в одном проходняке. К сожалению, приходится констатировать, что чмо это было грузинское, – жаль, что в такой острый момент, когда Грузия подверглась кровавой русской агрессии, тут из грузин присутствовала только такая мразь. Тупое, жирное, абсолютно безмозглое старое чмо (впрочем, грузинское лишь наполовину: мать – осетинка, как оно само однажды призналось), покрывшее себя за этот (2008) год дебильными татуировками с головы до ног, с хамским, идиотским юмором (очень смешно – сказать, что в ларьке никого нет, когда в нем огромная толпа народу…). Очевидцы говорят, что всю ночь оно ходило пьяное (и харя сейчас, в момент прощания, действительно красная), и другие чмошники по такому случаю тоже, и мне почему–то стало казаться, что кража у меня пакета со жратвой как–то связана с проводами этой мрази. Наверное, проголодались ночью, решили подзакусить… Будьте вы все прокляты, твари!!!

17–38

И опять была баня, и опять был ларек, – сегодня пятница. Утром, перед баней, мать спросила по телефону, так ли там до сих пор разбито окно, – видимо, перепутала с дверью, я ей на длительной свиданке говорил, что дверь там плохо закрывается. И действительно: неплотно, остается щель, и немалая, при выходе из, так сказать, помывочного зала в раздевалку сегодня было очень холодно. Но после вопроса матери я специально посмотрел и на окна. Раньше, за весь год, тем более той зимой, такого хамства все–таки не было: в самом этом зале на 2–х (!) окнах маленькая верхняя четвертушка, типа форточки, просто отсутствует! Не то что разбита или треснута, а вообще ее нет!..

Так что, боюсь, воспаления легких в эту зиму не избежать.

А в ларьке эти блатные твари взялись за меня всерьез, – ходили кругами, нудили, выпытывали, выкруживали всячески, – и все–таки им удалось содрать с меня 3 пачки чая и конфеты (шоколадные, карамели не было) на свое якобы “общее”. Причем это делалось еще и с чтением мне проповедей о важности и пользе “общего”, с упреками, что я даю, только чтобы отвязались, с объяснениями, что сидящие в ШИЗО сидят якобы за мое “положение” в лагере, за то, чтобы я мог (якобы) свободно передвигаться, чтобы меня не выгоняли на улицу, и т.д. Ей–богу, более наглую демагогию редко приходится слышать, – за идиота, что ли, или за зеленого 18–летнего юнца они меня держат? Как будто на все зарядки–проверки не выгоняют и так. Как будто у меня нет выговора именно за перемещение с одного барака на другой. Как будто сидящие в ШИЗО за отсутствие бирки или за то, что не встали по подъему, сидят там “за мое положение”, а не за свою дурость. И как будто я обязан заботиться о какой–то, собранной здесь, в зоне, швали и мрази, уголовном сброде, абсолютно мне чужом, враждебном и ненавистном, и за свой счет должен этот сброд кормить конфетами и поить чифиром, от которого у них у всех, видите ли, зависимость. Хотя по мне, пусть выкарабкиваются сами как хотят, просят себе чай у родных, друзей, солагерников и т.д., а самое бы лучшее – пусть сдохнут поскорее и освободят землю от своего гнусного присутствия, освободят жизненное пространство для приличных людей!..

А утром сегодня был уже первый снежок, – когда вышли на завтрак, он еще лежал на досках мостика через арык перед калиткой и еще на каких–то досках во дворе, на земле уже стаял. Очень холодно, – в Нижнем, передавали утром в новостях, +4... +6, а здесь еще меньше, градуса 2–3 всего, здесь явно севернее, чем в Москве, и светает раньше (заметила мать на свиданке), и холодает тоже раньше. В ноябре будет уже настоящая лютая зима.

11.10.08. 9–27

Осень. Холодно. Тоскливо. Опять пришло время шнуровать ботинки 5 раз в день. На завтрак, обед, ужин, утреннюю и вечернюю проверки. Дома меня тоже раздражало зимой шнуровать обувь, но там это было максимум 2 раза в день, а не 5.

А какую музыку я здесь слушаю? Потом буду, м.б., вспоминать эти слышанные здесь песни (услышу ли их еще на воле? И будет ли воля?..).

Майка в полосочку, в клеточку штаны,
До утра по улицам гуляют пацаны.

Осталось еще 890 дней. Вроде уже не так много, но... 127 недель и 1 день. Даже в Новый год еще останется целых 116 недель...

12.10.08. 10–57

Воскресенье. Утро. На улице – дождь, холод, промозглая осенняя сырость, лужи и ветер. После завтрака теперь не погуляешь, как я привык летом, Что делать? Лечь спать? Перед каждым подъемом я мечтаю об этом, – что вот после завтрака сегодня лягу, согреюсь и засну... Но обычно это не получается. Сегодня вот лег, потому что делать было нечего совсем, ни читать, ни писать не хотелось, а мать дозвонилась рано, еще во время завтрака, ее можно было не ждать. Но только стал засыпать, – сперва вспомнил, что сегодня может прийти отрядник, где–нибудь часов в 10, а затем он и сам явился, – было всего 9–30! В секцию не зашел, прямо к себе в кабинет, но все равно – сон он мне сбил, уже снова так хорошо, блаженно не будет, как было до него, сразу после завтрака. Хорошо еще, что прошла сама собой голова, тогда же, после завтрака, начавшая непонятно с чего болеть, и не пришлось даже принимать таблетку.

Вчера у НИХ было что–то типа небольшого ЧП, – когда ходили на ужин, могли с изумлением наблюдать, как из высокой трубы, выходящей откуда–то из здания бани, вырывается пламя, а посередине этой трубы что–то типа дыры что ли, образовалось, и оттуда тоже летят искры. Сверху факел был очень похож на знаменитый факел капотнинского нефтезавода в Москве. Пожарная машина на наших глазах подъехала к зданию, постояла, отъехала к воротам зоны, на полной скорости вернулась обратно к бане... Дальше наблюдать не пришлось, – надо было возвращаться в барак. Да еще перед столовой сняли доски с обычно ими накрытой большой ямы, полной воды, – судя по торчавшему где–то на этих досках знаку, яма эта тоже имеет вроде как пожарное назначение. Что это было – непонятно. Главная забота – не накрылась бы теперь медным тазом баня. Правда, в том здании она не одна – там еще и “банно–прачечный комбинат”, и еще какие–то службы. И когда выходишь из бани – я замечал, что обычно вовсю дымит большая труба на крыше, над самым входом в баню. Т.е., печь, греющая для бани воду, расположена в этом месте, под этой трубой. А вчера искрила какая–то совсем другая труба, в дальнем конце здания. Но будет или не будет работать баня, – все равно сделать тут ничего нельзя (особенно при том, что блатные строго следят и запрещают передавать вовне информацию о том, что творится в зоне, т.е. и о подобных проблемах тоже), остается только надеяться на лучшее.

И еще на то, что осталось мне 127 недель, 889 дней, – когда–нибудь же пройдут и они, и все эти здешние нелепые проблемы исчезнут сами собой.

13.10.08. 16–00

Перед утренней проверкой опять избили обиженного Юру, моего бывшего соседа. Бил его один наиболее активный и злобный (недавно “поднялся” на барак) из своих же: якобы Юра что–то спер у омерзительного злобного старикашки, живущего на 1–й же шконке за “петушатником”, т.е. у своего фактического (через занавеску, сделанную из простыни) соседа.

“Фуфайку” ли спер Юра (они здесь так называют верхнюю казенную куртку, типа телогрейки), как я слышал мельком, и он ли вообще спер, или не он, – но били его, как обычно, жестоко, а до этого еще пару раз ударил (рукой, потом ногой, в их же “обиженном” проходняке) сам “пострадавший”. Старая эта мразь, чрезвычайно злобная, не упускает, как я заметил (благо живу прямо напротив него), ни одного случая обматерить “обиженных”, пригрозить им, показать им любым путем и по любому поводу свою силу (он и физически еще достаточно крепкий в 60 лет) и власть. Мотивы его совершенно очевидны и лежат на поверхности так же, как и у Сапога. На воле он был никто и звать никак, власть свою мог показывать в лучшем случае только над женой (и то с оглядкой, чтобы жене не надоело до степени, когда она сочла бы за лучшее уйти от старого дурака). Здесь же, на зоне, он видит около себя целую определенную категорию людей, которые как бы официально считаются людьми 2–го сорта, которых можно “законно” (по изуверским и преступным блатным “законам”) бить, как угодно притеснять, издеваться над ними и т.д. – и при этом они заведомо, официально по все тому же “закону” (будь он проклят!) не имеют права ответить, применить силу даже для явной самообороны (максимум, что они могут – это жаловаться блатным и просить защиты у них). Разумеется, видя такое, подлая русская натура (пресмыкаться на брюхе перед более сильным и безжалостно топтать ногами более слабого) тут же берет в нем верх над малейшим (если оно вообще было!) подобием совести и человечности, он впадает в раж, пьянеет от безнаказанности, – а тут таких почти 100 человек, ну 70 как минимум, и бедным “обиженным” всякое лыко начинает ставиться в строку, и любая проходящая мимо них шелупонь, дикая, тупая и похожая на человека только с виду, имеет “право” пнуть их, обматерить и послать убирать туалет...

Разумеется, усовестить, как–то по–доброму переубедить, доказать неправоту такого садистского, изуверского поведения

этим – не зверям даже, а злобным насекомым, – заведомо невозможно, так что все попытки бессмысленны. У них заложен в генах этот садизм по отношению к более слабому. Это не исправить уговорами и вообще ничем. Есть только один локальный путь: вооружать слабых, помогать им осознать их положение и сорганизоваться для отпора. (В любой подобной ситуации, а не только на зоне.) И один глобальный: безжалостное уничтожение народа, несущего в себе такие мерзкие, садистские наследственные качества; уничтожение всей его государственности, всей 1000–летней цивилизации, сформировавшей этот народ в виде народа–выродка и неисправимого садиста, подлеца и подонка...

Утром, как всегда, приперся на зарядку отрядник, к концу 5–го упражнения пришлось все же выйти. На улице уже ощутимо холодно даже в моих 2–х “тепляках”, а одевать телогрейку – долго, да и не хочется. Потом эта тварь торчала еще и у столовой на завтраке; хорошо бы, чтоб сейчас, после ужина, не приперлась опять. Я дочитал сегодня “Тотем и табу” Фрейда, а мать сообщила, что Гиляров и Тарасов по моей просьбе купили в переехавшем “Фаланстере” книги Поппера и Маркузе, до которых я долгие годы не мог добраться на воле. Сама мать купила здоровый том Стругацких, у которых я хочу здесь прочесть все, что до сих пор не читал. Так что чтением на ноябрь, слава богу, я буду обеспечен (правда, вечерами темно, лампочка очень тусклая, не почитаешь). Больше ничего интересного не было и хочется надеяться, что день – скоро уже – закончится спокойно, без эксцессов...

14.10.08. 10–03

14 октября. Идиотики в бараке празднуют “покров”. До завтрака только и было слышно разговоров об этом; общий лейтмотив – “сегодня великий праздник, – надо заваривать!”. Кто бы на воле мог подумать, что обычная, совершенно будничная процедура – заварить и выпить чаю, да пусть даже и чифира (тот же чай, но в 100 раз крепче) – поднимается здесь до уровня священнодействия, до ритуала не меньшей значимости, чем распитие водки у алкашей на воле!.. Хотя никто из этих отмечающих “великий праздник”, скорее всего, не в состоянии толком объяснить, в чем его смысл...

Чмо в фуражке, называемое “отрядник”, все же явилось вчера еще и вечером, уже ближе к 8 часам, да еще и вечернюю проверку успело само провести. Сегодня с утра его не было, так что с зарядкой обошлось – “контролер” дошел до нас уже после ее окончания.

Баня, видимо, работает исправно, уже сегодня с утра туда

перлась толпа с пакетами и тапочками в руках. Труба, в субботу пылавшая ярким пламенем, уже вчера дымила нормальным дымом. Так что, видимо, с баней все в порядке и страхи насчет ее долгой неработы не оправдались.

Завтра – мерзкий день. Раньше “мерзким” для меня днем была пятница – из–за бани, главным образом, да еще понедельник – потому что он вообще “день тяжелый”, случается много разных неприятностей. Но теперь мерзкой стала еще и среда – из–за ларька, а точнее – из–за связанного с ним вымогательства. “Ты идешь в ларек?”, “У тебя есть в ларьке деньги?”, и пр. – с такими и им подобными вопросами эти вонючие твари, как осы, подлетают и начинают виться вокруг. При этом они очень щепетильны, очень тонко чувствительны к твоему мнению о них самих, об их вымогательстве и целях этого вымогательства, очень заботятся и специально разъясняют тебе, чтобы ты, упаси бог, не подумал, что это выкруженное, вытрясенное из тебя они возьмут себе :))), и т.д.

На воле, в сущности, такая же зона, как и тут, только побольше. “Большая зона”, как прямо и говорили советские диссиденты 70–х об СССР. Там – сплошные законы об “экстремизме”, о “терроризме”, “регистрации”, возрожденная уже давно карательная психиатрия, проверки документов, наглая их возможность в любом месте и в любой момент объявить “режим контртеррористической операции”, чтобы всех похватать и избить... На такую “волю” не особенно и тянет, – особенно при полном отсутствии радикальной, активной, боеспособной оппозиции, при всеобщей апатии и опустошенности. Это государство, которое с первых дней августа 1991 объявило себя правопреемником СССР – и действительно им стало во всех самых худших и мерзких смыслах, – не заслуживает ничего, кроме безжалостного тотального уничтожения.

14–52

Сегодня “прошел суд” по УДО Рыжий – колоритная личность, старик под 60 лет, но еще крепкий и здоровый, из самого–самого, так сказать, простонародья. Деревенский. Абсолютнейшее быдло, без малейших признаков интеллекта (хотя от скуки – как многие тут – брал в библиотеке книги), примитивный и тупой как валенок, не имеющий вообще ни о чем понятия, кроме автомобилей и тракторов, на которых всю жизнь работал. Одноклеточное, простейшее, короче. Как раз из таких, которые выбирали Путина и вообще всегда голосуют “за” и поддерживают линию партии... Как таких земля вообще носит, – вот именно такое вот равнодушное ко всему, пустое, ничего не желающее знать быдло, безразличием и попустительством которого и

творится все зло в мире. Он не уголовник, нет, попал 1–й раз и чисто случайно: у бывшей жены забрал что–то из своих вещей в ее отсутствие, за что был обвинен ею в краже, или как–то так. В общем, здесь оно было все же приемлемее блатных, но на воле – именно такими населена страна, и от этого – все беды и весь ужас...

Почти год, еще с прошлой зимы, польза от Рыжего была одна, главная: в бане ему как–то удавалось всегда занимать вовремя одну и ту же "лейку", и он, пока мылился сам, пускал мыться меня, так что не приходилось ждать, пока большинство вымоется и уйдет (я ведь инвалид хромой, захожу в баню последним, долго раздеваюсь, так что все "лейки" уже давно заняты, а как освобождаются – под них быстренько ныряют другие, более наглые). В таком режиме осталась еще одна баня, максимум 2 (если через 10 дней, в пятницу 24–го он пойдет домой после бани, а не с утра). А потом – видимо, до конца срока баня для меня опять превратится в такой же сплошной кошмар, каким была прошлой осенью, год назад. Впрочем, если бы даже он и не прошел это чертово УДО, – все равно срок у него кончался бы в апреле 2009 г.

15.10.08. 9–13

Типичная буреполомская осень, – что в том году, что сейчас. На улице дождь и промозглая сырость. Свет вырубили еще в начале 9–го – хорошо, что я успел вскипятить чайник минут за 5 до этого, удалось хоть позавтракать. Еще с утра были разговоры, что свет отрубят на весь день, – успел запастись водой (странное сочетание, да?).

И вот оно – утро без света. Все повально спят. Не течет вода из сломанных, незакрывающихся кранов, не бурлит вечная стирка, никто не бегает с кружками и кипятильниками, не орет вечное: "Кто зеленый чайник ставил?!". Тишина. Покой. Мертвечина. В этом покое и тишине – а точнее, в гомоне, круглосуточном мате и бедламе, когда свет есть, – мне предстоит провести еще 886 дней. В то время, как какая–то мразь, шваль и шелупонь, абсолютно никчемная и бессмысленная, уходит по УДО...

15–25

Сегодня суд был опять, и "прошел УДО" еще один хмырь, – на сей раз уже вполне уголовный, криминальный и блатной, а точнее – шнырь блатных, живущих в "маленькой секции" (к сожалению, они живут там не все и приходится делить с ними и "большую секцию" тоже). Теперь это приблатненное, татуированное чмо, которое вместо изоляторов имеет почему–то одни благодарности, через 10 дней тоже пойдет домой, а я

останусь здесь, среди них...

Света так и нет с утра. На улице горят костры во всех “локалках” – быдло варит себе чифир или “поднимает вторяки” в железных кружках. Дождь, лужи, хмурое, мутное небо, голые деревья за “запреткой” и дым от костров, – вот он, колорит зоны, который, м.б., я буду вспоминать потом всю жизнь. Сейчас – проклинаю, а потом, через десятилетия (если они мне суждены), м.б., будет ностальгия по этим тучам, лужам, дождю и костеркам... Буреполомская осень – и эта, и прошлая, хотя их еще 2 предстоит – впечатана теперь в мою память так же навечно, как и мистическая – последняя – осень 2005 года...

В ларек я не пошел. Не хотелось, и ничего, кроме хлеба, в общем–то, не было нужно (а в столовке опять стали давать если не белый, то серый), и было до смерти противно представить, что опять облепят, как навозные мухи, ЭТИ, – с просьбами “купи...на “общее”, “купи...на “крест” и т.д. До такой степени противно, что решил не ходить, – заодно и сэкономить немного. Но когда вышел из столовой – лил вдруг [вот, пока писал, – сейчас, в 15–36, вдруг дали свет] сильнейший дождь, во дворе столовки уже никого не было, а выходя из ее ворот, я вдруг увидел, как несколько наших, во главе с тем “общественником”, который обычно водит в ларек (но скоро тоже уходит домой по концу срока), бегут под дождем обратно в сторону бараков. Т.е., возможно, он и не работал сегодня по случаю отсутствия света (а сейчас идти все равно уже поздно, там с 14 до 16, а потом уже открывается только в 18–20).

Вот такие дела. Мерзко, гнусно, тоскливо на душе. Был бы дома – опять переслушал бы, как каждую осень переслушивал по нескольку раз, “Что такое осень?” Шевчука. Но здесь это, увы, невозможно. Тоска, меланхолия и ненависть, – ко всему этому быдлу, сброду и отребью, которое тут окружает и которое, ей–богу, своими руками перестрелял бы поголовно или сжег в печах, – вот такая вот гремучая смесь. Татьяна Монахова прислала письмо – вчера получил, – где описывает какой–то пикет, на котором в качестве “випе–персон” были Трепашкин, Гефтер, кто–то еще, и пишет: “Когда вы освободитесь, Борис, вас тоже будут приглашать на мероприятия в качестве вип–персоны”. :)) Хм, не знаю, не знаю. Едва ли... Нужен я им, этим слюнявым “правозащитникам”, со своей пропагандой террора. Но точно я знаю одно: если мне суждено выйти отсюда, то я выйду крепче, чем был до этих испытаний...

17.10.08. 16–00

Просто обалдеть, с ума сойти! – ни одно блатное чмо сегодня не докопалось до меня в ларьке по поводу покупок чего–либо на “общее” и куда бы то ни было еще. В ларьке работали оба окна,

народу было совсем мало, часам к 3–м или чуть позже (я почти не смотрел, вопреки обыкновению, на часы) все покупки были сделаны. А еще до этого, в бане – те 2 окна, в которых, как я думал, нет четвертинок стекла размером с форточку, – оказалось, что это и были форточки, распахнутые настежь, так что издалека их практически не было видно. Я заметил, когда вдруг одна оказалась закрытой, – кто–то ее закрыл из мывшихся с той стороны зала. Я тут же пошел и закрыл 2–ю, – правда, закрыть их изнутри плотно не получается, остается приличная щель. В общем, со стороны опять может показаться, что жизнь налаживается... :))

Но это, конечно же, иллюзия. Вчера на зону прибыла газетенка местного УФСИНа, в которой некое чмо и нечисть под именем “сухобезводненский прокурор Махоркин” (видимо, прокурор по соблюдению законности в местах лишения свободы) официально разъяснял популярные слухи о зачетах за отсиженное в СИЗО. С его слов, в Думу этот закон так и не внесен, на сайте Думы его нет, а в феврале в интервью “Российской газете” чиновник Минюста обещал внести этот проект только еще в правительство, а не в Думу. Ну, и к тому же он ссылается на такой же закон (день за 2 для всех режимов), внесенный, но отклоненный 10 лет назад, в январе 1999 г.

Это ни о чем не говорит, конечно. В 1993 Конституционный суд отклонил указ Ельцина в котором упоминались “экстремистские элементы”, указав, что понятие “экстремизм” нее имеет четкого юридического значения, а в 2002 они (Дума) приняли знаменитый “закон о противодействии экстремизму”, несмотря на неопределенность этого понятия, – и ничего! Вносить в правительство просто так, не для того, чтобы внести потом через него и в Думу, – смешно. Если действительно пойдет “день за 2”, то у меня конец срока где–то в декабре 2009 г. Таким образом, у них, у этих тварей, остается еще год и 2 месяца, чтобы успеть принять этот закон.

Но рассчитывать и надеяться, конечно же, не стоит. “Все решают только пули”. Убивать методически, ежедневно и повседневно отстреливать эту мразь в форме, всех этих – всех, без разбора и без малейшего исключения!! – ментов, прокуроров, судей, чекистов, сотрудников Минюста и ФСИНа, любых, кто состоит на госслужбе и носит форму (впрочем, для ФСБ это не обязательно), – тотально и беспощадно отстреливать их, взрывать и сжигать! Только это может помочь. Только такой язык они понимают. Бесполезно чего–то просить у этого государства, – надо не только брать силой вместо пустых просьб, но и разрушать это государство совсем, уничтожать его, и тотальный террор

против госаппарата, беспощадное истребление всех “сотрудников силовых структур” прокуратуры и пр., разрушение и сожжение их офисов, захват их оружейных складов и пр. – единственная возможность и единственно действенный путь это проклятое государство разрушить. Наказание за тотальное попрание им прав человека (**МОИХ** прав!) может быть только одним: тотальное уничтожение самого этого государства!

Еще местные новости: оказывается, Шаклеин, знаменитый, свердловский правозащитник, работающий все последние годы на Пономарева и имеющий с прошлой зимы доверенность от меня на представление моих интересов, приехал в конце сентября сперва в Москву, а потом – и в Буреполом! Никого не предупредив, – ни мою мать, ни меня, ни кого–то из московских правозащитников, кто мог бы сообщить матери или мне.

И что же? Как сообщила мне вчера мать (от которой я и узнал обо всех этих новостях), его не пустили встретиться со мной, и кто же не пустил??! – Русинов!!! Та самая мразь Русинов, фюрер русских оккупантов и карателей Чечни, который у матери все был “хороший”, “честный”, давал ей “слово офицера”, а потом – уже заранее, за сколько–то дней или недель даже, сообщил ей по телефону, что я по УДО в этот раз отпущен не буду (так у них “все решает суд”, “от нас ничего не зависит”!..). Зато пообещал, что и суд, и ФСБ (!) отпустят в следующий раз, если я буду “тихо сидеть”. Мрази!.. Своими руками расстрелял бы эту нечисть в камуфляже, ей–богу. И мало их еще Хаттаб в Чечне расстреливал, вечная ему память и слава!..

Правда, и от посещения Шаклеина толку бы заведомо не было никакого. Он – законник, дотошный юрист–крючкотвор, виртуоз по части писания всяческих жалоб по любым поводам во все мыслимые инстанции. Помню, при единственной встрече – здесь же, 7 февраля, сразу после отказа в УДО, – он негодовал и удивлялся, что я не проявляю энтузиазма по поводу его советов писать жалобы туда–то и туда–то о том–то и о том–то. (Заведомо безнадежные и бесполезные, на самом–то деле.) Сказал, помню, тогда, что впервые встречает политзэка (или просто зэка?), так мало озабоченного своей судьбой. В смысле – равнодушного к попыткам ее изменить путем жалоб. Как будто не известно заранее, какие будут на них ответы и насколько вообще это бесполезно – пытаться бороться с Системой на ее поле, по ее правилам (законам, УК, УПК и пр.) и вообще – в рамках ее системы координат. Нет, “все решают только пули”, и лучшее средство правозащиты в современном мире – это гранатомет. Но старому законнику–крюкотвору Шаклеину мне и на воле–то вряд ли удалось бы это объяснить, не говоря уж – здесь, в зоновском

формате встречи – ограниченной по времени и в присутствии кого–то из “мусоров”. Так что о том, что не встретились, особенно жалеть не приходится...

18.10.08. 9–15

Осень. Утро. Барак. Писать, собственно, особо не о чем. С утра накрапывал мелкий дождик. “Вместо неба – тусклая тоска”. На завтрак, с недельным перерывом, опять дали традиционное уже (с лета) субботнее вареное яйцо.

Тупая мразь, долговязое быдло в проходняке по–прежнему продолжает хамить, – тупо, молча и сосредоточенно. То плюхается прямо мне на ноги, когда я лежу, а ему надо достать из–под шконки свой “сидор” и залезть в него (обычно за чаем, который это животное пьет 5–6 раз в день, не меньше, а вчера купило себе в ларьке еще и банку кофе). То трется жопой прямо перед моим лицом, когда я сижу ем, а оно лезет что–то срочно доставать (подождать ведь нельзя, горит!..) у себя под изголовьем или заправляет свою шконку. То чуть ли не на колени мне плюхается и затем грубо отпихивает – вместо того, чтобы попросить подвинуться. То, сидя наверху, как ни в чем не бывало свешивает ноги прямо перед моим лицом (уже получив летом за это замечание от случайно увидевшего блатного). И т.д. и т.п. Нечисть, быдло, тупорылая мразь с печатью вырождения на харе, чмо болотное. “Конь педальный”, как здесь традиционно ругаются.

Я не делаю этой мрази никаких замечаний, не пытаюсь усовестить, образумить, призвать к порядку. И уж тем более не претендую на уважение со стороны этого низшего, одноклеточного существа: настоящее уважение вырастает ведь прежде всего из понимания, а понять меня оно органически неспособно именно в силу своей одноклеточности. Была инфузория туфелька, а теперь у нас есть инфузория валенок сибирский... Это бессмысленное, тупое чмо (и всех таких, как он, а имя им – русский народ. Точнее, пардон, сброд...) не усовестить и не добиться их понимания. Эту нечисть можно пронять только железной палкой по башке, чтобы череп раскололся и мозги брызнули на стены. Этих тварей можно только убивать, убивать и убивать, ибо нормальных, интеллигентных, способных на понимание среди них нет, – как я и писал это абсолютно верно в марте 2005, сразу после убийства Масхадова.

Так что этому долговязому вырожденцу в нашем проходняке я ничего не говорю в ответ на все его выходки. Я молчу (как и он) но не исключаю, что в будущем возможность ударить так, чтобы сразу дошло, еще представится. А пока, в ожидании этого, нашел один небольшой, но забавный способ моральной компенсации как

раз в их стиле. :))

Большой проблемой стало, и так и стоит, выключение света на ночь. Ушел летом по УДО тот старый “ночной”, – и свет гасить вовремя практически перестали. Вчера вырубили в начале 11–го – это было потрясающее, почти фантастическое везение. А 3 дня назад – в начале 12–го, и это, к сожалению, теперь у этих тупых мразей норма. Они жрут и пьют свои чаи после отбоя, когда уже надо гасить свет и ложиться спать. Да и то – гасит опять–таки не “ночной”, которому сидеть осталось только до Нового года, и поэтому ему плевать на все, – нет, гасят они же сами, когда уже кому–то одному–двум уж слишком надоест ждать, ближе к полуночи...

А как они говорят!.. Можно составить целый словарь идиотизмов и коверканья русского языка в мире уголовной нечисти по одному только этому бараку. Например, говоря о времени, допустим, вместо “без пятИ десять” говорят: “без пятЬ десять”. Или, еще перл: “десять доходит”, даже если еще без четверти или даже без 20–ти. Слово “четверть”, кстати, вся эта деревенщина крепостная тоже не понимает: несколько раз в ответ на сообщенное им (по их просьбе) время получал вопросы: “Четверть – это 20 минут, да? Или 25?”...

Еще вместо “ПОзвали на обед” они почему–то говорят: НАзвали на обед”. Почему такое коверканье, непонятно. Называть бы их каждый день на обед – идиотами, а на ужин – тупым быдлом...

Вместо “проверяться”, в смысле проверять одежду на наличие вшей, говорят: “пробиваться”. У меня это даже сейчас, на 2–м году этой зоны, вызывает такие ассоциации, что на популярный вопрос: “Ты когда последний раз пробивался?” – так и хочется ответить: “В 41–м, с боями, из окружения”... При этом крикнуть (обычно кричат стремщики), что приближаются “мусора”, у них тут называется “пробить мусоров” Почему, откуда такое обозначение – тоже непонятно. “Тебе говорили пробивать в каптерку?” – обычный вопрос стремщику. Ей–богу, лучше бы они пробивали “мусоров” буквально, физически, начиная с их черепов и грудных клеток.

В общем, кошмар. Зверинец. Кунсткамера. День за днем, год за годом жизни среди мрази, нечисти, подонков и отбросов общества. А идиот Михилевич, как сказал Майсурян, еще и осуждает меня за требования раздельного содержания политических и уголовных. Сам бы посидел тут с ними, дебил!.. “Не по понятиям” это ему, видите ли, идиоту. Сидит себе в тепле и безопасности в своем Израиле, и еще поучает...

Жизни в таком мраке кромешном осталось еще 883 дня, 126

недель и 1 день.

19.10.08. 9–42

Все новости плохие, мрачные. Будь она трижды проклята, никчемная моя жизнь. Вчера с утра уже начался кашель, вечером – температура (небольшая, по ощущениям – не больше 37,2, но градусника–то нет!..). Удалось ее сбить таблеткой аспирина (хорошо, надавали мне его тогда в больнице, в августе, когда ходил на капельницы). Сегодня с утра – опять и кашель (очень болезненный), и t°; принял опять аспирин, но до конца, видимо, сбить ее не удалось, – то вроде лоб холодный совсем, то опять чувствую всем лицом и ушами характерный жар, довольно сильный. Кашель – это особенно неприятно, это минимум недели 2 мучений, особенно по ночам, если разыграется всерьез. Кроме пары видов леденцов от кашля, бороться с ним нечем, да и не берут его никакие лекарства, знаю по опыту...

Матери вчера вечером дозвониться опять не дали. Эти скоты придумали теперь новый способ: врут ей в трубку, что, мол, у нас в бараке “мусора”, позвоните потом. Хотя вчера весь вечер не только в бараке, но и на всем “продоле” никаких “мусоров” не было, я точно помню, а когда они есть (тем паче – в самом бараке), – никакой идиот не станет держать “трубу” при себе, да еще и отвечать на звонки.

Так вот, мать дозвонилась сегодня утром, когда я завтракал, и тоже “порадовала”, что вчера, около 9 часов вечера, у нее был, оказывается, сердечный приступ. Не такой сильный, как раньше, когда я еще был дома, но все же... Особенно тошно это слышать сейчас, когда я здесь, за 1000 км., и ничем не могу помочь, а она там совершенно одна.

Что еще? Погода на улице стоит мерзкая, осенняя, промозглая. Не так уж холодно вроде, но сыро, с утра идет дождь, все мокрое. Впрочем, для середины октября – это норма. На завтрак сегодня пошло рекордно низкое количество народу – из 90 или даже 100 человек в отряде пошли, м.б., человек 30–35. Остальные предпочли остаться спать в тепле и не вылезать под дождь, – тем более, что и зарядки с утра не было, и “мусора” до нас не дошли. Зато, вопреки всем моим представлениям, сегодня на завтрак опять дали вареное яйцо. 2 дня подряд давать яйца, и субботу, и воскресенье – это просто фантастика!!!...

Тупорылая мразь в проходняке, дорогой наш соседушка–дебил долговязый уже совершенно открыто ходит мне по ногам своими копытами. Sorry! – вспомнил, что ошибся: “мусора” таки сегодня утром до нас дошли, – как раз в это время, по этому поводу оно срочно соскочило со своей шконки и стало ее заправлять, в процессе чего и наступило мне на ноги всем весом

своей туши раз, наверное, 5, не меньше. В ответ на его тявканье (все же надо ведь что–то сказать, откровенно наступая соседу на ногу. Но это были не извинения, конечно, не подумайте!..) я прямо в лицо сказал ему, что оно – хамло и быдло. Возражений не последовало.

Сейчас вот, 35 минут 10–го (в эту минуту уже 10 утра) приперся отрядник, давно этой твари не было. Будет, видимо, и проверку проводить. Никак в отпуск не уйдет.

Рекордное количество книг должно прибыть в этот раз, – 6 штук, и все, как я понимаю, не тоненькие. Купил их в основном Тарасов, которому список передала мать. Все хорошо, конечно, но как я потащу их (вместе с 23 кг. основной передачи) со свиданки в барак, а потом, в ноябре, как мать повезет их обратно, – трудно даже представить...

21.10.08. 9–40

Самая главная, поистине офигительная :) новость, – они таки доделали “плац” во дворе! “Они” – это не администрация, конечно, а местные блатные. Дня 2 назад привезли и на месте “плаца” сложили целый штабель нового, не битого кирпича. А вчера утром его – фактически половину всего “плаца” за 1 раз – вдолбили во вскопанный лопатой песок 2 или 3 блатных. Среди них не было того, который еще летом начинал этот процесс и затем бросил на половине. Он пришел позже, к самой проверке, и только удивленно посмотрел, подойдя поближе, на доделанную без него работу. Кстати, и это, и физические работы по ремонту телевизионной и “кухни” (не закончена по сей день) блатные выполняют здесь сами, – им это типа разминки или физзарядки, что ли, черт их разберет. Но мыть полы и туалеты, убирать снег и т.д. они, разумеется, заставляют “обиженных” и колотят их почем зря, если сочтут, что убрано плохо.

Никаких особых новостей нет. На улице мрачно, сыро и холодно, – хорошо хоть, дождя нет. Отрядник не приходил ни вечером в воскресенье, ни утром в понедельник, как приходит обычно, – есть надежда, что, м.б., ушел наконец–то в отпуск. Осталась всего неделя до очередного короткого свидания, на которое вместе с матерью вроде бы собирается приехать и Паша Люзаков, но, увы, уверенности, что он точно соберется, нет.

Еще штришок к портрету этого сброда, то бишь народа, среди которого угораздило родиться и жить. Вчера после обеда какой–то хмырь, мне неизвестный, с другого барака, ходил по центральному проходу нашей секции взад–вперед и разговаривал по телефону. Лет 25, ну, м.б., и 30, но вряд ли. Простецкого, тупого, примитивного вида, – как говорят, лицо, не обезображенное интеллектом. Достойный представитель нашего

глубокоуважаемого простонародья, короче. Говорил он с женой, которую, как выяснилось по ходу разговора, зовут Маша, с которой он, видимо, официально расписан, т.к. очень упирал на то, что она замужем. Жену он, короче говоря, “воспитывал” по телефону за то, что она, как можно было понять из его слов, на несколько дней уехала к каким–то подругам и развлекалась там вместе с ними. Фразы этого персонажа были настолько примечательны, что я стал их за ним записывать.

“Тебе что, куража не хватает?”; Ты замужем – жди мужа и постись!”; “Забудь про гулянки, про подруг, раз ты решилась на этот шаг” (выйти замуж); дальше, говоря о времени своего возвращение после отсидки: “Если у тебя и будут куражи, то они будут только вместе со мной!”. После этого он вроде бы исчез, перестал ходить мимо меня. Но где–то, м.б., через полчаса возник снова, с тем же телефоном, и разговор продолжился. “Ты у меня самая святая, б..., в жизни”. После этого довольно неожиданного признания, однако, последовало вновь: “Ты осознанно пошла со мной вразрез”; “Ты изначально сознавала, что я это не одобрю, и все–таки это сделала”; “Ты осознанно игнорировала меня”.

Т.е., и в XXI веке их отношение к женщине – это чистый Домострой, как встарь, Вся современная европейская цивилизация с ее блестками и свежим ветром свободы, – вся свободная любовь, дискотеки, наркотики, косметика и мини–юбки, – все это только маска, мишура, видимость современной европейской цивилизации без ее сути, – как всегда у нас, как писал Герцен еще о “реформах” Петра I Да и эта видимость – только в крупных городах, больше в Москве, а на периферии, в глубинке, в глуши – вот он, чистый Домострой. Хуже, чем Kinder, Kuche, Kirche, от которого давно отказались немцы. “Пояса верности” вспоминаются... Ихлов в 2001, после 9/11, писал, что основа основ исламского фундаментализма – ненависть фанатиков к несомому ветром европейской свободы праву женщины самой выбирать себе партнера. Интересно было бы рассмотреть этот же вопрос применительно и к русской домостроевской патриархальщине, усиленно насаждаемой сейчас и на гос. уровне (плакат против СПИДа, виденный в метро Шендеровичем). Но он жив и так, и это не агитпроп его в народе насаждает (так же как и ненависть к США, вражду к Западу вообще, и т.д.) – нет, скорее это массовые вкусы и запросы самого населения формируют содержание и стиль этого агитпропа, который иначе не будет пользоваться спро сом. Спрос на тоталитарную идеологию рождает ее предложение, короче, только в основе ее теперь вместо коммунизма – православие и пр. средневековая дикость. Дикий, неспособный к цивилизации и

развитию народ, сброд, который в духовном смысле – только ломать безжалостно об колено...

18–15

Отрядник, сука, явился перед ужином опять. Значит, он все же пока не в отпуске. Скорей бы... Хоть чуть–чуть полегче будет, хоть на время.

Выродок, не дающий мне жизни в проходняке и ходящий по моим ногам, сговаривался днем с другим выродком – Сапогом – о том, что вечером они поменяются местами. Т.е., Сапог переедет сюда, в проходняк ко мне. Конечно, лучше и спокойнее жить от этого мне не станет. Из огня да в полымя, как говорится... Одно радует: Сапог через 2 месяца, 22 декабря, освобождается, а этому, нынешнему, – еще сидеть года 2. Но и кто ляжет после Сапога на его место – тоже неизвестно, и как бы жизнь в проходняке не превратилась в один сплошной кошмар, как в том году. (Помню, мне надо ужинать, лезть за едой в баул и готовить ее – а в проходняк набилось человек 10 подонков, из которых 4, кажется, играют в карты на табуретке, поставленной посреди проходняка, а остальные наблюдают за ними. Ни войти, ни выйти, ни встать со шконки, ни повернуться, ни шевельнуться. И когда закончат – черт их знает...)

22.10.08. 11–17

Обмен 2–х подонков местами и проходняками пока что не состоялся, – м.б., не состоится и совсем. Скорее всего, это был треп пустой. Так что молодое, наглое хамство в проходняке продолжается, цветет и пахнет вовсю.

Ничего, в общем–то, не происходит. С воли вести не слишком утешительные. Поедет ли Паша ко мне на свиданку, так до конца и не ясно, хотя он обещает. Может получиться накладка – ему надо еще успеть приехать в Москву из своего Торжка и купить билет.

Побрился. Положенных мною самому себе 10, даже 9 дней с прошлого бритья еще не прошло (положены они в целях экономии бритвенных станков), но 28–го, перед свиданкой, по любому надо будет еще раз бриться, т.к. идти небритым через вахту крайне нежелательно.

Кто бы знал, черт возьми, как здесь тяжко и тошно, как отвратно и тоскливо просыпаться тут, в бараке, еще затемно, по утрам, перед подъемом, – хотя уже вроде и попривык маленько, уже 3–й год заключения и 2–й – в этом самом бараке. Но тошно – сил нет!.. Омерзительно настолько, что не хочется жить, – лишь бы не начинать этот заранее ненавистный проклятый день, известный загодя уже наизусть, – кроме разве что возможных в любой момент неприятностей, выговоров, “закусов” с местными

дебилами (вроде как тогда в ларьке) и т.п. И больше всего мучает вопрос: будет ли за это какое–то воздаяние, компенсация, или это все зря, путь в никуда, и мне суждено унести в могилу память о пережитых здесь – в этом бараке и в этой стране – унижениях и мытарствах? Конечно, не от меня зависит воздать им всем по заслугам за это; но несомненно и другое: от моих усилий, от приложения всей моей энергии и сил для расплаты, для возмездия, для разрушения дотла, в пыль, этого проклятого государства, – тоже зависит не так уж мало. И я приложу для этого все силы, – даже и отсюда по возможности, но главное – когда выйду отсюда (если мне это суждено). Клянусь!

Сегодня предстоит опять ларек. Надо идти – хлеб нужен и лапша, а кроме этого – уж что будет, от консервов до сока. Раньше “предстояла”, как заведомо тягостное и неприятное событие, одна баня (ну, кроме шмонов, но они нерегулярны). А теперь еще и вот это тоже тяжело и неприятно “предстоит”, – очереди, попрошайки, духота, глупейшая, но с важным видом читаемая блатными мораль о святости “общего”, и т.д.

16–10

...Но на сей раз они буквально одолели!.. Началось это еще в бараке, до обеда, почти сразу после проверки. Одно такое молоденькое, прыщавенькое “общее” из высшей блатной категории подошло насчет чая и конфет. Я сказал, что не знаю, как там все сложится, видно будет на месте. Потом оно еще подходило и узнавало пару раз в самом ларьке. А под конец, встретив меня чуть ли не в самых дверях барака и узнав, что на сей раз у меня (как они говорят) “не срослось”, – поохало и грустно спросило, нет ли у меня конфет – попить чаю. У меня для него конфет не было (для таких вообще редко что бывает у нормальных людей). Разумеется, не подлежит никакому сомнению, что, как оно же уверяло меня и в этот, и во все прошлые разы (и не оно одно), купить что–либо оно просит никоим образом не для себя, не подумайте, а только и исключительно “на общее”...

А из дома меж тем тогда же, перед обедом, пришли вести очень мрачные. Единственный ученик, пока что найденный матерью, уезжает с 5 ноября на 25 дней в командировку. Так что, если не найдутся до тех пор новые, – кроме пенсии и остатков старых сбережений (уже почти истраченных), у нее не будет никаких доходов. И это в то время, когда на конец ноября, на длительную свиданку, ей надо будет везти не только передачу мне, но и жратву для нас с ней самих на 3 дня свиданки.

Почти полнедели 126–й уже прошло. Осталось 125 с половиной. 126 бань. 879 дней.

16–37

Кого тут, кстати, собрали, черт побери? Мало того, что ворье, жулье, бандиты, грабители, разводилы, всяческая шваль, привыкшая жить за чужой счет, – еще и наркоши, отребье наркоманское. Сидят, допустим, по 228, но на воле, конечно же, воровали, грабили и т.д. Как тот же Лазарев в Москве. И тут, по соседству, можно, как я слушал и в Москве по тюрьмам, наслушаться задушевных разговоров, как они “варили”, как кололись и какой у кого был “приход”. И, если честно, это рождает (точнее, еще больше усиливает) чувство превосходства над ними. А встречаются тут и молодые идиоты, которые на полном серьезе говорят, что надо в жизни попробовать все. Почему бы, непонятно только, им не попробовать прыгнуть с 9–го этажа. А некоторым я на свой личный счет купил бы дозу героина в 10 раз больше их постоянной нормы, – только с тем, чтобы они попробовали вколоть ее сразу...

Это с непередаваемой рожей существо, живущее в моем проходняке, кстати, воевало в Чечне (единственный сколько–нибудь значимый факт в биографии), а кроме этого – было тоже наркошей, и с таким же (постарше) соседом охотно обсуждает эту тему. Это полностью подтверждает то, что писал “Кавказ–центр” (и даже есть такая – не дословно, конечно – фраза оттуда в моем приговоре), что русская армия в Чечне – это сброд спившихся, обколотых наркотой, полностью потерявших человеческий облик выродков и бандитов.

23.10.08. 9–40

Опять ужасная, мучительная, злая тоска с утра. Как же все–таки тошно тут просыпаться... Тоска, ненависть, боль, обида... Когда пошла 2–я половина срока, уже целый месяц от нее прошел, – вроде стало мне полегче, повеселее, поспокойнее на душе. Все–таки к концу дело уже двинулось, забрезжил впереди чуть–чуть просвет, какой–то еще неясный, но уже возбуждающий надежду. А вот сегодня – опять... Ведь все–таки 878 оставшихся дней – это еще очень–очень много. Это 2 полных года, 9–й и 10–й, плюс еще 2 небольших “хвостика” – сейчас до Н.г., 2001 – от Н.г. до 21 марта. За это время еще может случиться все, что угодно. И выживание здесь, доживание до конца срока в этих экстремальных условиях вовсе не гарантировано. Я не боюсь смерти, видит бог (в которого, впрочем, тоже не верю :). Но постоянные унижения, из которых здесь состоит вся жизнь, постоянное чувство, что тебе плюют в душу и топчут ее ногами – это для нормального, осознающего свое достоинство человека гораздо хуже смерти...

За моей кошкой Манькой гоняются местные коты; один из

них – серый дымчатый Тихон – сейчас с воплями гнался за ней с улицы прямо до моей шконки, куда я и посадил немедленно бедную Маню, спася ее тем от этих злобных преследований... :))

Выработалась уже зависимость от звонков матери, от постоянной связи с ней – если не 2 раза в день, то хотя бы 1. Так же, как когда–то в 509–й хате на "пятерке" была зависимость от регулярных приходов адвоката Голубева с письмами от нее. Но вчера она вечером не звонила – это я догадался правильно, чутьем понял, – будучи в полном расстройстве от мрачной новости об отъезде ученика.

10–55

Вернулся из ШИЗО спец по наколкам и открыткам, живущий надо мной. Открытки и пр. он художественно "подписывает" прямо здесь же, на шконке, и опять целое стадо (первый – долговязый уродец–соседушка, о котором см. выше) собирается и завороженно следит за его работой, – наглухо перекрывая этим вход и выход из проходняка (узенького как щель, – Уже моих плеч!) и загораживая и без того слабенький свет единственной лампочки. Скоро выйдет оттуда же, из изолятора, еще один – дебил, даун, у которого это честно написано прямо на лице (был шок, когда в 1–й раз в том году, едва сюда приехав, его увидел), – и вся обычная теплая, дружная компания 4–х дебилов, постоянно тусующихся в нашем щелевидном проходнячке (т.е. начисто лишающая нормальной в нем жизни меня и др.), будет опять в сборе...

Да, осень уже в середине, зима приближается – и, видимо, она будет жуткая. Не только по холоду, но и по быту, по всем этим тягостным вечерам в тесноте и полутьме, по жутким выскакиваниям на ледяную "зарядку" в мороз, на верную простуду и пр. в 6–10 утра, по безденежью и прочим трагическим обстоятельствам дома... Перед наступлением зимы меня и всегда, с детства охватывал какой–то темный ужас, какие–то смутные, мрачные предчувствия, –но такого мрака на душе, как год назад, здесь же уже, да и как сейчас, – не было, по–моему, никогда...

Через несколько дней исполнится 20 лет со дня смерти бабушки...

24.10.08. 10–13

Жизнь среди грязи, мрази, дряни, слизи, вечной нечисти и погани вокруг. Как же я их всех, ВСЕХ ненавижу, господи!.. Если б кто–нибудь знал... Вечный шум, гам, бедлам... Беготня и суета вокруг, мельтешение сотни мерзких рож, их юркое снование туда–сюда, – в точности как у крыс, – не прекращающееся ни днем, ни ночью... Еще и с других бараков приходят... Опять в соседнем проходняке воняет брагой, прямо рядом со мной, – там,

под соседней шконкой, стоит 10–литровая бадья (пластмассовое ведро из–под краски, оставшееся от ремонта), и эти жуткие хари то и дело лазят туда, черпают эту вонючую белую (от сгущенки) бурду кружками и с наслаждением тут же ее выжирают. Новенький один особенно часто: 18 лет, огромный, выше меня, здоровенный, шумный, постоянно снующий и горланящий, – прямо по роже, прямо сразу видно, что даун... Туда–сюда, туда–сюда снуют весь вечер, таскают эти ведра с пойлом, чайники с кипятком, лохани со столовской соленой селедкой... Бедлам. Сумасшедший дом. Хочется одного: покоя и тишины, возможности “остановиться, оглянуться”, в тишине и покое прислушаться к себе, к своим мыслям, подытожить и проанализировать...

Но эту нечисть вокруг интересуют только брага, карты, сигареты, чифир, чай, “чай на чифир” и т.д. Мразь, грязь, слизь... Прямо по Нестеренко, только без кавычек. С матерью поговорить опять вчера вечером не дали, не подозвали. А зависимость уже чувствуется, дает себя знать.

25.10.08. 9–05

На улице до сих пор туман. Он был еще с подъема, – сперва в темноте, потом рассвело, и он стал виден яснее. Туман, не до конца еще занявшееся утро, и в тумане горят зоновские фонари. Увы, эти фонари тут подсвечивают и, можно сказать, определяют всю жизнь большую часть года, – кроме разве что лета, когда их поздно включают и рано гасят

Очень не хотелось, но пришлось–таки с утра, сразу после завтрака, сцепиться с этим дебильным чмом в проходняке. Я несу ставить под шконку свои ботинки – а оно нагло, как всегда, стоит в проходняке, закрывая возможность войти, и наблюдает, как дебил–татуировщик на 2–м ярусе надо мной колет машинкой какую–то надпись на ноге другому дебилу, молодому и только летом “поднявшемуся” сюда. (Колоть надписи на ногах, как и вообще любые наколки, может только конченный дебил и идиот, это совершенно несомненно.) Короче, я сказал ему прямо в лицо, что оно – быдло, и еще пару теплых слов. Оно в ответ проявило агрессию, а я – готовность эту агрессию отразить так, что мало не покажется. Засим дело не кончилось ничем, но пропустить меня туда–обратно, пока наверху кололись эти наколки, ему таки пришлось.

Жизнь среди грязи мрази, слизи... Жизнь среди нечисти... Ужас... Ни одного, абсолютно ни одного нормального среди них нет, все как один – мразь. Прикрываются этакой общинно–коллективистской, прямо–таки коммунистической моралью, а сами только и смотрят, как бы что урвать себе или просто

украсть. Призывают жертвовать на “страдающих за тебя” в ШИЗО “страдальцев”, а наутро просыпаешься – то пакета нет, то все баулы расстегнуты… Типа. не “пожертвуешь” добром – все равно, они так возьмут. Ничего нигде нельзя оставить – и в каптерке воруют из баулов, и под шконками. В раздевалке регулярно пропадают шнурки – хорошо еще, если только шнурки, а не сами ботинки. Ты хочешь спать, или болеешь, тебе надо лежать в покое и тепле, – а эти мрази снуют вокруг тебя туда–сюда, гомонят, ржут, усаживаются чуть ли не на голову тебе – пить свой чифир, или играть в карты, или лазят под шконку за своей вонючей брагой, попутно проливая ее на твою кровать и на тебя… Нелюди. Выродки. Свет ночью не дают по часу и по 2 гасить, – если кто и гасит, идут и включают снова. Хочешь ли ты есть, спать, пить чай, нужен ли тебе покой, тепло, тишина, – им всем абсолютно наплевать на тебя. Они заняты своими архиважными делами – картами, чифиром, брагой и т.п., – они при деле, они в своей тарелке, в родной и привычной среде, они все давно спелись, сдружились, связались между собой тысячей нитей, – против тебя! Они все тут против тебя!.. А ты один, и ничего против этой толпы швали и мрази, этого стада агрессивного наглого быдла не можешь сделать…

Нет, конечно, лагеря как места отбывания наказания надо разгонять и ликвидировать полностью, под корень. Места, где эти выродки только лишь наглеют, будучи собраны все вместе, в кучу, спаиваются, стакиваются между собой, обмениваются уголовным опытом и начинают “жить воровской жизнью”. Ради ликвидации одной только этой их поганой “воровской жизни” (“по нашей жизни” то–то и так–то, как они промеж себя с гордостью говорят) надо ликвидировать эти рассадники. Так же, как и рассадники государственного насилия – “красные” зоны, да и вообще весь ФСИН в целом. (Да и вообще все это государство в целом, разумеется.) Надо просто, прямо и открыто вернуться от дурацких идеек исправления и перевоспитания преступников трудом – к элементарной идее наказания за преступление, Только наказания, и ничего больше, без всяких попыток перевоспитать. А для наказания – особенно в простых случаях, типа воровства, – нет ничего лучше, чем кнут. 200 полноценных ударов – и свободен, никаких 2–х или 3–х лет в зоне. А особенно закоренелым, кто уже не 1–й раз, – выжигать на лбу клеймо, как делали встарь. Дикой, варварской стране с диким народом, живущим до сих пор в XVI веке, это как раз подойдет, – а на современной научной основе можно будет разработать такие способы клеймения, чтобы они уже никак и никогда не могли это клеймо ликвидировать.

Пока писал – Трусова в его проходняке опять избил один из

блатных “обиженных” – уже новых, их тут вместо одного ушедшего добавилось 2 или 3 новых. За что бил – я не понял (видимо, вынуждал уйти, т.к. в конце концов тот ушел), но под конец взял прямо за горло и чуть не задушил.

26.10.08. 12–35

Как среди гадов, ядовитых пауков, каракуртов, всяких червей, ящериц, навозных жуков, слизняков, мокриц, всякой прочей нечисти ядовитой и членистоногой, – сидишь среди них тут. Вот просто сидишь на своей шконке, после проверки (считал отрядник), ничего не делаешь, просто размышляешь, а они снуют вокруг тебя, занятые своими архиважными делами. Столик в проходняке весь густо засыпан сухим чаем – “заваривали”...

Двое молодых полублатных чмошников, те самые, что придумали двигать все шконки еще в мае, чтобы переехать к самой двери в секцию, – вчера опять выдумали переселяться (втроем теперь уже) в крайний от двери проходняк, т.е. соседний со мной. Мне–то, понятно, на хрен не нужны такие соседи, уже были они моими соседями в том году в проходняке старого жирного грузинского чма. Да переселяться–то – это еще полбеды, – они свои 2 тумбочки, одна на другой стоящие, целый комод, хотят тоже тащить сюда с собой, – т.е. мою и все прочие шконки и тумбочки по этой стороне секции придется двигать, разваливая весь устоявшийся, сложившийся, сросшийся в этой жуткой тесноте убогий наш быт... Зачем им обязательно жить около самого входа? А затем, что отсюда им будет ближе нестись в каптерку и прятать там телефоны, когда “пробьют мусоров”.

Свет единственной слабенькой лампочки, торчащей в нашем конце секции в роскошной трехрожковой люстре, по вечерам совсем слабенький, даже меньше чем вполнакала. Еще бы, – сеть перегружена, из окон света по вечерам уже нет, темнеет рано – так что тут, в этой щели–проходнячке, под навесами вторых ярусов, темно, как в пещере. Но зато, когда лежишь, из–за края второго яруса шконки постоянно бьет эта лампочка в глаза, еще больше усиливая общий дискомфорт и напряжение, мешая расслабиться. Еще один символ всей нашей дурацкой жизни, не только здесь, но и на воле. От чего должна быть польза, – хоть от лампочки, хоть от всего этого государства – пользы практически нет, зато вреда и помех – хоть отбавляй...

27.10.08. 12–48

Нет, никто никуда (пока) не переехал, никакие шконки, тумбочки и пр., не говоря (увы) о таких веселых персонажах, как мои соседи. Все пока на этот счет тихо и спокойно.

На улице резко похолодало. Уже ноги мерзнут (сейчас, на проверке) в “гадах”, как они тут называют казенные ботинки без

всякого утепления. Хотя и одеты теплые трикотажные носки, поверх – шерстяные, плюс 2 шерстяных стельки проложены. Надо уже доставать 2–ю, “зимнюю” телогрейку, утепленную весной ушедшим по УДО “ночным” и спрятанную в конце мая в клетчатом бауле за шконку (тогда как раз Макаревич требовал все зимние вещи на лето сдать на склад и грозился отобрать у тех, кто не сдаст). Надо доставать, она и больше, и теплее, и удобнее в ней, и шерстяной вязаный шарф только под нее можно одеть, а не под нынешнюю маленькую (тем же “ночным” мне оставленную), – но не хочется. Не знаю, почему. То ли лезть, все там вытаскивать, ворошить, вынимать все, что лежит сверху и рядом, потом опять убирать… То ли просто – отвращение ко всему и апатия… Тоска, в общем. Состояние, когда все уже, в общем–то, безразлично, все опостылело до смерти, обрыдло, кончились, угасли все надежды, все желания, – существование как во сне, а не жизнь. Существование по инерции.

Сегодня утром, где–то после завтрака, вдруг от чего–то (от чтения?) очнувшись, оглянулся по сторонам – и опять: господи! Сплю я, что ли, и все это снится мне?! Оглядываешься, смотришь – и никак не можешь поверить, что вот этот весь – даже не ужас, а просто абсолютная никчемность, ненужность, все вот это, чужое и глубоко безразличное тебе, никчемное тебе абсолютно, – что оно, увы, отнюдь не сон, а горькая, но неоспоримая реальность, и этому – тебе – чужому как раз до тебя–то очень даже есть дело… Находиться здесь, среди НИХ, среди всего этого ужаса и убожества – так дико, нелепо и бессмысленно, что на 2–м году пребывания, и дальше, видимо, – мне в минуты отстранения и какого–то особого ощущения этой отчужденности будет этот барак казаться просто–напросто дурным сном…

Огромный массив. Айсберг, необъятная ледяная глыба, с которой с мерной, спокойной методичностью, через равные промежутки времени, неторопливо падают капли, – как с сосульки по весне. 881 день… 880… 879… 878… 877… 876… 875… 874… Вот сегодня идет 875–й день до конца, осталось их – полных – еще 874. Огромный, неохватимый и непросвечиваемый насквозь взглядом, темный и загадочный массив, который надо вот так, капля за каплей, день за днем, прожить…

21–50

Только успел написать, дурак… Лучше бы и не писал ничего!.. Короче, только успели уйти после обеда освобождаться 2 УДО–шника из большой секции барака, – как те самые 2 дебила–шконкодвигателя (точнее, один из них, – второй в это время, видимо, где–то шлялся) тотчас устроили свое великое переселение. Разогнали полностью соседний со мной проходняк,

крайний от двери; перетащили туда свою здоровенную тумбочку; под эту сурдинку, правда, случилась большая радость – долговязое наркоманское чмо свалило из нашего проходняка, переселившись поближе к своим друзьям. Свалил к нему (рядом на верхнем ярусе через проходняк от меня) и художник–татуировщик, вечно собиравший тут толпы. Но – увы, на свое место он таки переселил Сапога, до этого только что переехавшего на верх соседнего со мной проходняка. Теперь эта мразь, нечисть, это животное, эта Дездемона (как он зовет Трусова) будет жить прямо надо мной, на 2–м ярусе моей шконки. Мерзко, конечно, просто омерзительно до тошноты. Но – продлится это только 2 месяца, т.к. 22 декабря это чмо наконец–то освобождается. Будет орать, ржать, глумиться над кем–нибудь (и надо мной тоже, как уже не раз было), сидя прямо у меня над головой. Выродок!.. Вот таких–то как раз в печь, не раздумывая, без разговоров, колебаний и сожалений!! Старая мразь... Но ничего – в конце концов, это все же лучше того чма (молодого), которое тут было до этого: Сапог, по крайней мере, не пьет чай по 10 раз в день, сидя именно в проходняке (обычно он это делает, стоя на “фазе”), к нему не ходят друзья с других бараков, не приходят наблюдать, как он что–либо делает (он не рисует и т.п., как мой бывший сосед сверху), он вообще не претендует именно тут, в проходняке, ЖИТЬ, иначе как на своей шконке, на верхнем ярусе. Так что – 2 месяца его волей–неволей придется потерпеть, а кого тут поселят после него, – черт знает...

Какой вселенский тарарам был в секции, когда все переезжали и таскали матрасы и тумбочки, – этого не описать словами. Полный бедлам. Я сцепился, конечно же, с тем полублатным уродцем–инициатором этих переселений. Он хотел и мою шконку подвинуть, как все, чтобы втиснуть свою тумбочку; я, лежа на шконке, сказал ему: надо тебе – двигай. А если двигать со мной (лежащим) тебе слишком тяжело – твои проблемы. Он разозлился и стал двигать соседнюю со мной шконку так, что проходняк наш, и так щелочка, сузился еще больше. Но потом, конечно, и мы с соседом слева подвинули его тумбочку и мою шконку, расширив наш проходнячок.

В результате жуткое чмо теперь в проходняке только одно – Сапог. Остальные соседи – более–менее, по мере убывания: в моем проходняке – получше, в соседнем – похуже (в т.ч. тот самый татуировщик, на воле – специалист по гоп–стопу). На верх нашего проходняка, кроме Сапога, подселили еще одного “старого” (54 года), сразу видно – конченного алкаша, пропойцу, пустое и бессмысленное существо, зачем такие на свете живут – вообще непонятно. Маленького росточка, и рожа пропитая

настолько, что издалека видать. Рассказывал, помню, что пьет с детства... Еще 2 соседа остались прежних.

Едва кончили переезжать – вдруг отрубился свет в секции, что–то сгорело в щитке или проводке.

Пока пишу, наконец–то вырубили на ночь свет, ура! Продолжу завтра.

28.10.08. 9–11

Вчера не успел дописать, в общем–то, уже мелочи. После всех этих перекладываний вдруг вырубился свет в секции, – в коридоре остался, “фаза” тоже работала. Что–то накрылось в щитке или (говорили блатные) в проводке на кухне, черт его знает. Пошли на ужин – не успели еще дойти до столовой, как и вообще весь свет на зоне вырубился. Остались только фонари на “запретке”. В столовой – кромешная тьма, а ведь заготовщикам сейчас разносить и раскладывать порции для следующих за нами отрядов...

Но только пришли с ужина в барак – свет включили, в том числе зажегся и в большой секции. Так что вечер прошел более–менее нормально.

Что в итоге? Весь вечер вчера, как ни странно, несмотря на все эти перестановки и полный тарарам, – было чувство удовлетворения. Даже благодаря им, если точнее. В общем–то, стало мне тут полегче, посвободнее, на своем месте. Сапог – это, конечно, старая мразь, которая любит философствовать, всех поучать сверху и над всеми ржать, как конь, сидя на своей шконке. Но по крайней мере садиться на мою и по 10 раз в день пить чай–кофе он не станет, надеюсь, как то животное, убийца чеченских детей. Пусть гавкает сверху, что хочет, – если начнут в мой адрес, то единственным ответом ему с моей стороны может быть только: “Пошел на...!”. И сегодня с утра – то же чувство облегчения, успокоения. Надо, да, побыстрее, придя с завтрака, хватать чайник и ставить, пока все розетки не заняли. Но уже не надо при этом выгадывать секунды – успеешь ли его достать и выйти из проходнячка, или этот лось вломится сразу за тобой и молча, хамски будет, сшибая тебя с ног, через твою голову пихать по местам свою шапку и ложку...

Зато теперь в нашем проходняке двое спят на 2–й верхней шконке по очереди, – молодой заготовщик, не так давно переведенный со 2–го отряда. и старый, маленький алкаш, пропитая грубая рожа которого выдает его с первого взгляда. Примитивное, архипростейшее одноклеточное. Мало сказать, – быдло, простонародье, без всякого не то что образования, а вообще представления о чем–то, кроме водки (я не говорил с ним, чтобы это выяснить, но это видно и так). Тоже типичнейший

образчик русского народа, кстати, – состоящего по преимуществу из таких вот непонятно зачем живущих алкашей...

Завтра – короткая свиданка. Паша Люзаков еще в Твери, проездом из Торжка, купил билет до Шахуньи и сегодня вечером вместе с матерью выезжает ко мне.

22–20

Опять как в бедламе, как в каком–то кошмарном зоопарке, среди животных. Среди их хохота, гогота, гомона, шума, крика, тупых пошлых "шуток", суеты, мельтешения беготни туда–сюда... Мрази... Твари... Чтоб вы все сдохли, околели, язвами покрылись с ног до головы за то, что я принужден с вами тут жить, с мразями, под одной крышей...

Беда не приходит одна. Я так и знал, ни секунды не сомневался, что эти 2 (3) выродка, переехавших вчера в соседний проходняк, будут ужасным соседством. Так и оказалось. Они быстро решили, правда (хотя бы отчасти) извечную проблему ледяного холода из входной двери барака приделав какую–то резинку для закрывания двери в секцию всегда и неизменно распахнутой. Стало и впрямь потеплее (вопрос, сколько продержится эта резинка под напором стада тупого быдла на нее и на дверь. Но зато они, суки, тут же протянули к себе в проходняк провод от ближайшего выхода электропроводов под током из стены – и добро бы только чтоб заряжать свои мобильники у себя в проходняке. Нет – они тут же, уже на 2–й вечер своего проживания на новом месте зажгли у себя там лампочку!.. А одеяло, которым они от нас отгородились, не доходит до конца шконки (т.е. до стены) на добрых сантиметров 60–70, там завешено только прозрачной тюлевой занавеской. Я прилег, попробовал, – если повернуться на правый бок, то сквозь тюль эта лампочка будет светить как раз мне в глаза! А я как раз чуть ли не больше всего здесь, в бараке, дорожу этой ночной темнотой (такой короткой!), этой возможностью хоть немного расслабиться, для чего темнота мне совершенно необходима. А теперь – и в темноте будет лампа, светящая в глаза! Будь проклята вся эта жизнь!.. И совершенно бесполезно что–либо говорить этим наглым тварям, – кроме глумливого хамства, от них ничего в ответ заведомо не дождешься. Разве что вломиться у ним неожиданно, без предупреждения, в проходняк – и всех их быстро отдубасить толстой палкой по башкам, а лампочку разбить. В общем, тоска и безнадега. 2 года 5 месяцев еще предстоит жить в этом аду, среди подонков, животных, нечисти и нелюди...

Паша Люзаков, как оказалось, купил билет не до Шахуньи, а только до Нижнего, – по незнанию, видимо. Теперь ему предстоит

ночью, когда у них будет получасовая стоянка в Нижнем, идти на вокзал и срочно покупать билет до Шахуньи. Дай бог, чтобы он успел и все удалось без проблем.

Дикий случай стал известен со слов заготовщика 12–го отряда посаженного в ШИЗО в одну камеру с моим (теперь уже бывшим) соседом. К этому заготовщику на длительную свиданку приехали мать и жена, и их вдруг разместили – мать на один этаж комнат свиданий, жену на другой. Самому ему рекомендовали остаться только с матерью, и хватит с него. Он пошел выяснять этот вопрос к Заводчикову, который из начальника оперчасти стал теперь вместо Макаревича зам. начальника по режиму. Тот сказал ему что–то врод[…]

29.10.08. 8–42

Позвонили в 8–10 с вахты – на короткую свиданку! Еще до этого, сразу после завтрака, успел я набрать номер Паши (у матери не отвечал) и убедиться, что все в порядке: они доехали и уже пишут заявления. А еще в это же время, до завтрака, ненадолго опять вырубали свет, и был страх, что из–за этого отменят свиданку: переговорные трубки ведь работают на электричестве. Но быстро включили.

Сейчас сижу, жду. Почему–то с вахты сказали: в 9–50 приходить. Но я все равно пойду пораньше. Болит голова, принял таблетку цитрамона. Болит почему–то правое предплечье, трудно двигать рукой. А мне ведь обратно груз тащить, кг 25, если не больше… Трудно, условия экстремальные, но все равно – ощущение победы, хорошо подготовленного, разработанного и отлично удавшегося плана! Торжество! Они приехали, сумели преодолеть все трудности, я сумел вовремя получить всю информацию об этом и сейчас не нервничаю, не мечусь в неведении и предчувствии беды… Здорово!

Вчера вечером опять погасили свет, и я не успел дописать про этого заготовщика с 12–го. Говорят, погоняло его Кувалда, – из–за того, что он здоровенный. Я его не знаю, хотя, м.б., и видел в столовой. Так вот, разбираться с проблемами со свиданкой он пошел к Заводчикову, а тот ему сказал типа: “Нечего тут б…й разных водить!”. За что Кувалда ударил его по морде и попал в ШИЗО.

Свет эти твари соседи все же жгли не всю ночь. Сперва он у них потух с выключением общего света в секции, и стало просто прекрасно. Но потом – я проснулся, а у них лампа опять горит. Наладили как–то по–другому, значит. Правда, чем–то они ее, должно быть, прикрыли, потому что прямо в глаза, как вечером, она не била. Но все равно – главные их свойства есть наглость и бесцеремонность, творят что хотят, ни на кого не обращая

внимания, и существовать бок о бок с такими наглецами и подонками день за днем – невыносимо.

22–05

Рано обрадовался, как выяснилось. Черт бы их всех побрал, тварей!.. Пашу Люзакова не пустили ко мне на свиданку – мотивировали “отсутствием родственных связей”, т.к. он в заявлении написал “друг”, а не “брат” или какой–нибудь еще родственник (как обычно пишет Фрумкин). Так жал его, так хотел увидеться, поговорить, так непросто, видимо, было ему выбраться... Вещи не пропустили вообще 0 меховую зимнюю шапку, спортивную куртку и черные штаны, которые мать однажды уже привозила, и лично Милютин отказался пропустить. Жратву пропустили всю, слава богу. Мать собиралась идти по поводу этих вещей и сегодня к Милютину после свиданки, хоть я и понимал, что это абсолютно безнадежно; собиралась также поговорить и с Русиновым (если он здесь), с теткой из спецчасти, и т.д., а потом прозвониться мне из электрички на Нижний и рассказать. Но прозвониться эти уродцы, “хозяева” телефона, ей, конечно же, не дали, как не дали “трубу” и мне, – целый вечер она была у них занята, трепались часами и не дали мне поговорить 10–15 минут... Но результат всех этих разговоров и посещений начальства, увы, действительно известен заранее. Придется и 2, зиму ходить тут в совершенно жуткой, убогой, набитой ватой тряпочной казенной шапке...

Вообще, новости плохие, и ст[…]

30.10.08. 9–00

“В лагере прокурор! Будьте все на фоксе!” – новость последних минут, выкрикнутая только что из дальнего конца секции. Опять, твари, потащат баулы (“сидорА”) в свою воровскую каптерку... Ненавижу!!!

До этого последней новостью было отключение света до 4–х часов дня, обещанное с 8 утра и состоявшееся где–то полдевятого. Хорошо, что успел вскипятить воду для чая и позавтракать.

А вчера... Что–то вдруг рано стали гасить на ночь свет – и это, м.б., единственная неплохая новость среди всех остальных, – плохих, даже ужасных. Из трех подонков, оккупировавших соседний проходняк, двух вчера утром закрыли в ШИЗО. Но оставшийся вместе со шнырем, живущим там же, а до этого – около меня (до сих пор свою вонючую брагу продолжает запихивать под соседнюю со мной шконку, хотя уже тут не живет, тварь!..), продолжают по ночам зажигать у себя в проходняке свет. Лампочку для этого шнырь ворует из люстры, висящей тут же над нами, – а там на 3 рожка это единственная лампочка, так что утром ее нет, в нашем конце секции полумрак, в глаза она не

бьет, – хоть что–то хорошее... Хотя ночью она создает достаточно сильное освещение – проходняк–то у них как следует не завешен – и здорово мешает спать.

Старого, маленького пропитого алкаша из нашего проходняка убрало вчера местное блатное “начальство”. Типа, он старый, нечего ему лазить “на пальму”, т.е. на 2–й ярус. Его положили через проходняк от нас на 1–й, а на его место прочат того новенького, здоровенного 18–летнего дауна. Жизни с этим шумным, буйным, запредельно бойким и веселым идиотом не будет никакой; это уже ясно. Недолго я отдыхал, опять начнется кошмар... Сейчас этого дауна нет – вчера прямо в барак за ним и еще одним, отпетым бандитом в 2 раза старше, пришли “мусора” и увели. Связано это, видимо, с брагой, которую оба делали и жрали постоянно и крайне активно.

Остался мне 871 день, 124 с половиной недели.

13–14

Наконец –то последние новости от матери (она прозвонилась только сегодня в 12–м часу). Они с Пашей вчера ходили к Милютину, начальнику зоны. Вещи он, разумеется, не пропустил, зато сказал, что они через Кировский (!) УФСИН читают обо мне все “с сайтов” в инете. (Вопрос только, со СКОЛЬКИХ сайтов, их ведь довольно много. Знают ли они все сайты?); что раз я политзаключенный, то он может своей властью перевести меня в зону в Магаданской области; что если Шаклеин всерьез за них возьмется (грозит им судом за недопуск ко мне), то они всерьез возьмутся за меня; что у отрядника лежит огромная “простыня” с перечнем моих... уж не знаю, чего. Грехов? Нарушений режима? Тогда где же рапорты и взыскания по ним? И еще: что в моих записях, конфискованных при шмоне в конце мая (дневник, черновики статей, стихи) будто бы есть “криминал”, только Милютин пока что якобы “не дает ему хода”.

Ах, добрый Милютин!.. При таком–то “независимом суде”, как был и есть от веку в этой проклятой стране, можно хоть из пальца ноги высосать любой “криминал” и за него посадить на любой срок, что со мной, кстати, уже и сделали. А так, по–настоящему, даже по их ПИСАНЫМ законам – там нет ни “ПУБЛИЧНЫХ призывов” к чему бы то ни было, т.к. все это лежало в 1–м экземпляре у меня в бауле; ни какого–нибудь “приготовления к совершению преступления”, т.к. слова на бумаге – это еще не действия и не подготовка преступления, особенно если их никто, кроме меня, не читал. Но легко – просто найдя лжесвидетелей из этого же 13 отряда – они могут состряпать на их показаниях любое дело по любой статье. А подонков тут, в 13–м отряде, увы, более чем достаточно.

Интересно, в дневнике или в статьях они нашли самый большой “криминал”? Мне кажется, что все–таки в статьях. Ну что ж, ладно. Милютины, русиновы, демины, одинцовы, наумовы, степышевы, заводчиковы! И прочие мрази в погонах! Если за оставшиеся мне 2 года 5 месяцев вы (что более чем возможно) будете читать и эту тетрадь с моим дневником, – что ж, открыто и с радостью сообщаю вам всем, что все силы свои приложу к тому, всю оставшуюся жизнь свою потрачу на то, чтобы организовать как можно более масштабное физическое истребление и вас, и всех вам подобных – всех, кто носит форму, звание, погоны и служит преступному российскому государству! Все силы и весь остаток жизни я потрачу на то, чтобы это преступное государство “Российская Федерация” было уничтожено полностью и навсегда, рухнуло, исчезло навеки с карты мира, распалось на части и предоставило наконец свободу оккупированным им народам и землям. И в этой войне против вас и вашего государства, давно ставшей единственным смыслом моей жизни, я не остановлюсь ни перед какими методами, – от призывов к общественному мнению Запада до ядерных взрывов на территории РФ. “Нет больше в этой войне запрещенных приемов”. На том стою и стоять буду!

31.10.08. 15–25

Последний день октября – неожиданно вдруг солнце и теплынь. С чего б это? И скоро ли – не дай бог, но, увы, не избежать, – снег и мороз?..

Прямо из бани – не успел еще дойти до барака, положить мешок с полотенцами и пр. – встретил “общественник” по дороге и повел в штаб, в 13–й кабинет. Как я и думал – получать ту самую посылку, очередную, от ФЕОРа, за которой (видимо) уже вызывали 28–го в посылочную, но я не пошел, а 29–го о ней же говорил матери моей Русинов, что будто бы мне ее уже отдали. 2 пакетика изюма по 200 грамм и приличная баночка меда. Изюм, положим, я не особо люблю, а вот мед – и хочется попробовать, и жалко, – здесь заболеть, простудиться – легче легкого, а при простуде как раз чай с медом будет очень кстати. Да и опасно – похоже, там баночка закрыта только крышечкой из фольги, оторвешь – потом нечем будет вообще закрыть, а хранить так, чтобы не текло, тут очень сложно.

После проверки “позвали” блатные, целая кодла. “Тут приходили люди, короче говоря, нужна колбаса и майонез “на крест” (то бишь в больницу). Ага, как же, прямо все зэки на больнице этой каждый день обжираются колбасой... Нужна она там кому–то из блатных, разумеется, – и при этом вся эта блатная нечисть и шваль ни секунды не сомневается, что раз у меня есть

что–то, какие–то средства в ларьке, то я должен ее (шваль) кормить... Короче, сперва обещал им купить за 44 рубля пакет майонеза, но потом (через минуты 2, не больше) подбежало омерзительнейшее (одно из самых) блатное животное, этакий тупорылый розовенький поросеночек, и начал вымогать, чтоб я ему там, в ларьке, выбил отдельный чек, но уже на 100 рублей!..

Вот сей момент, пока дописывал предыдущую фразу – подвалило уже другое блатное чмо, – то, прыщавенькое, хамоватенькое и наглое до беспредельности (или запредельности) и опять пыталось с меня что–то выдоить на ремонт их "кухни" (основного места блатных сборищ и игры в карты), особо упирая на то, что они же этот ремонт делают "не только для себя, а для всех, для всего барака"... Беспредельные наглецы, все пытающиеся меня (и не только меня) развести красивыми словами об "общем благе" и т. д...

Так вот, продолжим про ларек. Пришли на обед – и минут, наверное, 15, если не 20, стояли перед закрытыми воротами столовки, пока внутри "мусора" строили толпу из 2–х отрядов – 8–го и 11–го. Причем никого из начальства–то там не было, был какой–то один мелкий "мусор"–контролер, а толпа почему–то все эти 15 минут стояла во дворе без видимого движения. На моей памяти это, пожалуй, самое долгое построение за год и 2 месяца.

После обеда пошли в ларек – а там оказалось, что наш черед в нем отвариваться перенесен на завтра – субботу, но рабочий день. И сделано это в виде компенсации за нерабочий, видимо, понедельник 3 ноября, т.к. 4–го – новоявленный "праздник" всех фашистов, от Кремля до последнего подвала, – как бишь его, "день народного единства", что ли. Ну, короче, в честь победы орды рабов и холопов под руководством Минина и Пожарского над свободными европейцами – поляками и беларусами (литвинами); победы, ВМЕСТО которой, при польском короле на московском престоле, могла бы начаться новая история новой, европейской, **СВОБОДНОЙ** Московии. Увы, оказалось – не судьба. Вот и сидим по сей день, кукуем за "колючкой" – реальной и виртуальной, отмечаем все эти изуверские, смертоносные "победы" – 1612, 1812, 1945...

Короче, в ларек – завтра, в субботу. Выдаивание 100 рублей, отложенное на завтра волей обстоятельств, может завтра на 100 руб. и не остановиться...

НОЯБРЬ 2008

1.11.08. 9–20

Только хотел начать с фразы о том, что опять с утра отключили свет – как его сей момент вдруг дали. А до этого: все спят, кое–кто бегает кипятить кружки на костре на улице; а мне, поскольку я это не умею и не люблю, пришлось завтракать без чая...

Без света, вообще–то, конечно, уютнее, и если бы не было только его, но была бы вода работали бы розетки, – было бы еще ничего. Правда, и читать в темноте нельзя, а чтения у меня сейчас лежит – вагон...

Ночью эти подонки, захватившие соседний проходняк, уже включают не только свет, но и музыку. Не то чтоб сильно мешало спать, – но в тишине и полной темноте это, конечно, проще. Лампочку пока, к моему удивлению, по утрам вкручивают обратно в люстру без напоминаний, но надолго таких людей (?) не хватит.

Анекдот последних секунд: вот сейчас, пока писал про лампочку, позвонили завхозу, – из штаба, видимо, – и потребовали, чтобы он забрал у меня то письмо к администрации, которое прилагалось к вчерашней ФЕОРовской посылке. Я отдал, конечно. Сперва отдали его по недосмотру мне, затем требуют назад... :)

Характерный эпизод был вчера, но я забыл упомянуть. Вышел из больницы “обиженный” Юра, лежавший там с диагнозом “ноги гниют”, очень здесь распространенным. Но не успел бедолага Юра прийти в барак – как его опять начали бить. Било его одно блатное животное, – конченная мразь и нечисть, ничего не имеющая за душой, кроме безмерной наглости и хамства, и распоряжающаяся поэтому чуть ли не жизнью и смертью всего барака, особенно кто попроще, не блатных. Под лозунгом: “Помни, кто ты есть!” – выкрикнутым в самом начале, этот выродок нанес ему несколько ударов. За что же? Оказалось, за то, что Юра по дороге в барак помог кому–то (видимо, “поднявшемуся” к нам вчера новичку, – иначе откуда бы это стало известно?) донести ему баул...

Наружная дверь барака между тем, несмотря на приближающуюся зиму, так и стоит во дворе. Летом ее клали на скамейку и забор и на ней загорали, подстелив одеяло. А торчит она во дворе, сорванная с петель, кажись, с апреля. В бараке же осталась одна хлипкая дверь из холодного “тамбура” в “фойе”, не закрывающаяся плотно.

17–40

100 рублей – этим тварям на колбасу, которая стоила 83 – все–таки пришлось отдать. Хорошо, что баланс за прошлый месяц пока это позволяет – из 3–х тысяч удалось сэкономить больше тысячи, как я и ставил себе целью.

Но они “путаются в показаниях”. Днем, опять перед обедом, подошло другое блатное чмо, давно уже ничего с меня не вымогавшее. Говорит: “Купи майонезе и кетчупа в БУР!” (или оно сказало: “в изолятор”? Увы, точно уже не помню). Т.е., уже не “на крест”, как вчера, как вчера, а куда–то еще... Я молчу, не спорю, не пытаюсь разоблачать, т.к. прямых доказательств не имею (не вижу ведь, как и что они жрут–пьют), – и потому молчаливо считается, что я как бы верю их сказкам про БУР, изолятор, “крест” и т.д.

Жизнь среди мрази, нечисти, падали, отребья, быдла, швали и слизи. Среди воров, грабителей, “разводил”, наркоманов и пр. Сплошное омерзение, – единственная реакция на всю эту публику. Всю без исключения. Даже если и попадают сюда чуть–чуть поприличнее, – они очень быстро деградируют, опускаются до общего мразотного уровня. Что зэки, что “мусора”, кстати, – как доказывает эволюция за несколько месяцев новой приемщицы передач...

Что–то слишком теплые стоят дни, – а ведь это уже предзимье, не только здесь, но даже уже и в Москве. С утра, еще до подъема, каждое утро я выхожу – посмотреть, “проверить погоду”, – ни снега, ни мороза, до сих пор относительно тепло, только ветер холодный. Но что–то сегодня вдруг начало у меня все болеть и ныть, – и сломанная нога, и спина, и еще какие–то мышцы и суставы, преимущественно тоже в ногах. Обычно не болит так уж заметно, а тут... Сразу подумалось: скорее всего, это к перемене погоды. Посмотрим, не будет ли завтра уже снега. В отличие от большинства (и тут, и в стране, в средней полосе ее, по крайней мере), я этого совсем не хочу, одна эта мысль вызывает у меня отвращение и тоску...

2.11.08. 9–10

Утро началось вроде бы неплохо. Зарядки нет – воскресенье. “Мусора” с утра вообще (!) не ходили по баракам, – судя по отсутствию криков стремщиков. Лампочка в люстре была вкручена, но не до конца и не горела, – этакий приятный полумрак. Я вкрутил ее, лишь собираясь на завтрак. Выходил во двор перед подъемом – дождя не было, а потом он вдруг полил, – довольно сильный, судя по лужам. Но к выходу на завтрак как раз кончился. Правда, яйцо в столовке уже не дали, – хватит баловать яйцами 2 дня подряд, яйцо было вчера! Но зато есть свет, и я

позавтракал нормально, с чаем, а не всухомятку, как вчера.

Вроде бы все хорошо, да? Но расслабляться нельзя, само пребывание здесь не сулит уже ничего хорошего ни в какой момент, ни днем, ни ночью. Так спокойно начавшийся день вполне еще может кончиться ужасно, трагически... Пока что меня больше всего беспокоит, что не звонит мать. Скорее всего, конечно, "труба" стоит на зарядке и выключена, так было уже много раз. Но все равно, – непроизвольно, подсознательно, как и все последнее время, я начина волноваться за нее: как она там одна, все ли в порядке? Тем более, с этими участившимися сердечными приступами по вечерам...

9–37

Только успел дописать – позвали! Мать дозвонилась–таки. Все с ней было вчера в порядке. Вот теперь – спокойствие на душе и ощущение легкости как минимум до ужина (после которого она должна звонить опять).

22–00

Весь день лил дождь, мелкий и противный, а к вечеру пошел снег. Первый снег в этом году. Ясно видно, как он летит сквозь свет фонарей на запретке, ложится на все доски, крыши, колючку и сплетения проволоки на той же запретке. Зима... Никакой радости от наступления зимы я не испытывал никогда, а уж тут – и подавно. На душе – усталость, тоска и какое–то отупение...

Мать дозвонилась вечером. Все нормально. Плохо ей вчера не было. Отрядник не приходил, как обычно по воскресеньям. Может, все же ушел наконец в отпуск.

В общем, вроде бы все нормально. Пока... :) Только вот поясница сильно болит.

3.11.08. 3–52

Ночь. Спать бы... Но сна нет и в помине. До 2–х часов еще поспал как–то, несмотря на свет из соседнего проходняка. Но проснулся – и всё! Оказалось, там собралась чуть не половина всей этой блатной кодлы, горит свет, играет вовсю музыка, а эти твари обсуждают свои блатные и наркоманские дела. Сперва – кто, кому и почему не дал телефон позвонить, когда было нужно. Потом – что одного из захватчиков проходняка не встретили как следует из ШИЗО, потому что он донес "положенцу" на двух самых тут блатных, что они "обжаханные", а это тут "положенцем" строго запрещено. Сейчас уже часть их разошлась, остальные сидят и под музыку ведут какой–то общий пустой разговор, смеются и т.д. Свет горит. Музыка играет временами вовсю, временами потише. Они свято уверены, что если им хочется ночью обсуждать свои дела и слушать музыку, то никакие соображения о спящих вокруг других людях не могут им

помешать, – да что там, просто в голову не приходят! Наглецы, циники, подонки, мрази, твари, ублюдки, наглое, растленное уголовное отребье, недостойное жить на земле! Своими руками перестрелял б вас всех, выродки! Вот они, по–настоящему экстремальные условия тюрем и лагерей: сна здесь нет! Когда ночь за ночью такие вот выродки не будут давать нормально спать – силы быстро кончаются, и ничего не сделаешь... В тюрьме хоть днем спать не запрещали, но я не мог никак; а здесь – придет отрядник и запишет... Сволота проклятая, твари, чтоб вам околеть! Ненавижу! Уже 5–й час утра, в 5–45 – подъем; уже я и проголодался, т.к. ночь после ужина надо спать, а не слушать крики этих выродков и музыку. Вот сейчас они во весь голос спорят об истории чувашей (один из подонков в проходняке – чуваш), о Чингиз–хане, и т.д. Им плевать, что их слышно на полсекции, если не на всю, и что они мешают спать людям. А Пономарев, Ихлов, Е.С., Налетов и пр. еще и "права" этих тварей защищают, фонд специальный создали, журнальчик издают, дебилы... Все, пропала ночь, осталась бессонной, теперь и день весь насмарку... Хоть бы обход, разбежались б эти твари по своим шконкам и свет потушили хоть на время...

6–37

Пылающее море ненависти... Долгая жизнь в России во взрослом состоянии вызывает только одно желание: уничтожить ее вместе со всем населением.

4.11.08. 9–15

В эту ночь они не колобродили и я спал до 4–х утра! Просто поразительно... Эти сволочи (соседи) дрыхли после бурной ночи весь вчерашний день, и я думал, что ночью опять начнется. Нет! Даже лампочку из люстры не выкручивали. Но даже подумать страшно, что будет предстоящей ночью...

Мать дозвонилась вчера и сегодня. Никаких приятных новостей: ученик ее единственный сказал, что придет только в декабре (когда вернется из какой–то 25–дневной командировки, начинающейся 10 ноября). Так что денег нет совсем. Разве только то, что Тарасову еще удастся вытрясти из этой скотины Кантора, из украденной им тогда, 1 ноября 2006 г., у моей матери 1000$. Тварь такая!.. Нет, такое я не прощу никогда, – не только кражу, разумеется, но в 1–ю очередь отступничество. Предательство.

А доллар между тем, мать говорила, растет. Был по 26 руб., уже по 27. Рано хоронили Америку, да и доллар тоже, все эти записные "патриоты", вся эта сволочь от Проханова до Путина...

Единственной моей здесь отрадой, единственным источником положительных эмоций является кошка Маша, уже не раз упоминавшаяся. Манька. Муся, как называл ее живший еще в

нашем проходняке Юра. Солнышко мое. Прелесть моя ушастая, теплая, с большими зелеными глазищами. Прижилась у меня на шконке в начале года – и стала мне уже как родная. Приходит со своих прогулок и садится прямо возле своей баночки: корми, мол, меня! А бывает, когда я лежу, она забирается прямо на меня, проходит по ноге, ложится где–то в районе живота (а я стараюсь, чтобы она дошла до груди), закрывает глаза, а я ее глажу, чешу за ушами и по бокам головы, она ловит кайф от этого... Прелесть, в общем. Единственное здесь дорогое и близкое мне существо. За нее одну я отдал бы этих двуногих тварей, окружающих меня, – как минимум весь этот барак, если не всю зону. Чем больше узнаешь людей, тем больше начинаешь любить кошек, все верно.

Крикнули, что наш отрядник на “продоле”, сука! Когда же эта тварь наконец уберется в отпуск?!.

5.11.08. 9–11

Ночью выпал снег, покрыл двор, крыши и все вокруг, но сейчас уже почти весь стаял, – температура плюсовая. Сыро, промозгло, противно, холодно... Так постепенно, не сразу, ложится зима. Зима 2008–2009 годов...

Хорошо еще, что “мусора” ни вчера (“праздник”, зарядки не было), ни сегодня не ходили вообще с подъемом или не доходили до нас. Эти утренние выскакивания на зарядку зимой, на мороз, – губительны для здоровья. Одеться не успеваешь, да и все время кажется, что в 2–х “тепляках” я не замерзну, а потом – простуда, кашель, температура и пр. Пережить бы эту зиму...

Сегодня 20 лет со дня смерти бабушки. Мать, конечно, поедет на кладбище, а я – здесь... Я бы тоже поехал. Еще один повод задуматься о тщете и бренности человеческой жизни. Прошло 20 лет со дня смерти, – и кто ее сейчас на свете помнит, кроме нас с матерью? Ну, м.б., еще человек 10–15 – родни и сослуживцев прежних, кто еще жив... Живешь, суетишься, решаешь насущнейшие вопросы, зарабатываешь на хлеб детям, а вот прошло 20 лет после смерти – и пустота...

Зато определилось :) мое тогдашнее, неведомое и таинственное будущее. Тогда мы с матерью все мучились, не знали, как будем жить без бабушки. Теперь знаем, как, что с нами дальше было, все эти 20 лет; как полезно порой бывает оглянуться назад...

А здесь самое страшное, – это жизнь среди мрази, среди нечисти, среди подонков, которым абсолютно на тебя наплевать, – они непринужденно хамят тебе, не церемонясь и не извиняясь (уж конечно!). Даже не то что специально, осознанно хамят, а вот, просто, – лучший пример как раз с ночным сном этим. Тебе надо спать, ночь – единственное время, когда это возможно (днем тебе

из–за расшатанных нервов и бессонницы низа что не уснуть, да и ночью – с трудом. Сейчас, слава богу, засыпать я стал полегче.). А этим тварям, – им просто наплевать на тебя, они о тебе даже не думают, в упор не замечают. Им вот надо всю ночь жечь свет, врубать музыку и гомонить самим, – и они будут, ничтоже сумняшеся, а ты из–за них всю ночь не сможешь спать, и сделать ничего тут нельзя, и угомонить их ты никак не сможешь, потому что ты один, а их – целая кодла, и ты заранее точно знаешь, что любые твои попытки урезонить будут ими встречены глумливыми “шутками”, хохотом и матом (которым они, конечно, не ругаются, а разговаривают). Да еще – сентенциями на все случаи жизни, типа универсального: “В тюрьме сидим!”. И я не говорю только про этих вот подонков в соседнем проходняке, – нет, они тут все такие, да и не только тут. В тюрьме, в Москве, они точно так же не давали спать своим телевизором, – до утра его на полную громкость смотрели, а утром ложились спать… Хорошо еще, что телевизор здесь стоит в отдельном помещении, хоть его тут не слышно.

Чтобы как–то отгородиться от всей этой жути, остается только читать, занимать мозги чем–то серьезным и более приемлемым, чем здешние нравы. Прессу – “The New Times” и “Новую газету” – я читал дня 4 после свиданки, когда ее привезли. Теперь вот – Поппера, “Открытое общество и его враги”, книгу, которую много лет хотел прочесть на воле, но не мог добраться. Ницше, Фрейд, Маркузе, Стругацкие – лежат и ждут, и за оставшиеся до длительной свиданки 22 дня мне их, конечно же, не прочесть (а то мог бы отдать матери, чтобы она увезла, а то тут хранить абсолютно негде). А дома еще лежат Кафка, Махно, Корчинский, Литвиненко, Бакунин… Читать есть что, – вот если б еще условия тут были понормальнее, не отвлекала бы постоянная музыка, суета, разговоры, да еще свет был бы нормальный, особенно по вечерам…

16–05

Только успел дописать утром – погнали всех на взвешивание. Вес мой, оказалось, 106 кг – практически вернулся к тому, что был до ареста, даже на 2 кг. больше. Другой вопрос, насколько можно доверять точности этих здешних данных, если рост мой (тоже измеряли) оказался вместо обычных 175 см вдруг 176!

Перед обедом, как обычно, одолели блатные твари насчет ларька (сегодня среда). Видят, что что–то есть, что хожу в ларек регулярно, – и пристроились доить, выродки… В результате просимых (вымогаемых со страшной силой) чаю и конфет “на общее” пришлось купить этим тварям на 50 рублей. Сволота! Ворье, грабители, разводилы, бандиты и наркоши, первобытно

уверенные, что раз им надо, а у меня есть, – то я должен им покупать конфеты, чай на их вонючий чифир и пр. И как раз сейчас, что самое неприятное, вымогают, – когда доходы у матери упали до нуля...

На улице весь день дождь, то слабее, то сильнее. Зима пока еще не настала. Тоска, мрак и пустота... 865 дней еще осталось прожить в этом животном мире, среди этой нечисти и ворья. Такая тоска, что и стихи уже не пишутся...

6.11.08. 17–40

Зима, видимо, будет и впрямь ужасная. Вечером и утром уже мороз. Днем сегодня выпавший снег стаял. Сейчас ходили на ужин – мороза вроде еще нет, но жуткий, пронизывающий ветер. Вот когда оценишь двойную телогрейку, в которую еще весной бывший "ночной" вшил синтепон от 2–й "телаги". Она пока что непроницаема для ветра, но спереди задувает в щель между ее... полами? Бортами? Не знаю, как это назвать. Короче, то, что застегивается на пуговицы. Воротник там большой, можно спрятать пол–лица, – и это счастье. А вот в бараке – одно сплошное горе: единственная хлипкая дверь, постоянно открываемая настежь любителями проветриваний (они живут в глубине секции, им не дует...). Приспособить какой–либо механизм для закрывания двери в большую секцию жильцы крайнего к ней проходняка пытались уже не раз: одна (слабенькая) резинка перестала работать, 2–я (сильная) – лопнула. Вчера вечером приделали металлическую тяжелую гирю на пропущенной через блок веревке, чтобы под ее весом дверь закрывалась. Все работало отлично, но сейчас, придя с ужина, смотрю: эта веревка, уже без гири, валяется оторванная в коридоре. Видимо, оторвал сука отрядник, который опять здесь сидит, приперся еще до ужина.

Вчера вечером дозвонилась Е.С., сказала, что накануне ей звонила моя Ленка, спрашивала, как у меня дела, как мне позвонить, собиралась написать письмо... Да, пора бы, – последнее ее письмо было полгода назад, в мае. Я, признаться, часто думаю о ней, вспоминаю, – но с июня чувство при этих воспоминаниях такое, что этих отношений больше нет, все кончено, все осталось в прошлом, и лучше уж не травить душу, не вспоминать. Теоретически она еще могла бы вернуть все назад, сделать так, чтобы я простил ее и все забыл... Но в письме – едва ли. содержательную ценность ее писем я уже знаю... Это только лично, в повседневном общении, как у нас было раньше. "Годвин–брак" – вычитал я тут в "Российской газете" название того, что у нас с ней де–факто было. А я сам, – что я–то смогу утешительного сообщить ей, если даже она напишет или (вообще фантастика!)

позвонит? Что ждать меня придется минимум до марта 2011 г., раньше и думать нечего? Что в УДО опять отказали (впрочем, это она уже знает от Е.С.)? И как объяснить все перипетии и весь смысл этих вот странных, необъяснимых зигзагов собственной жизни человеку хоть и любящему, но бесконечно далекому от всего этого, от всяких поисков смысла и предназначения, даже не задающему себе никогда этого глобального вопроса: зачем он живет?..

7.11.08. 11–14

Похоже, я стал понимать, почему они так активно вымогают свои "чай и конфеты" по средам в ларьке, и явно меньше (а порой и вообще ничего) в пятницу. Видимо, им чай нужен, чтобы в пятницу, после утренней бани, куда ходит только часть барака (точнее, уже после проверки, но до пятничного похода в ларек) "заварить" себе пойло (чифир) для всего барака, как они обычно делают. Это у них типа традиция такая – пить коллективно чифир после бани (и плевать, что между баней и чифиром была уже проверка, т.е. прошло довольно много времени, да и в баню утром ходят не все). Ну, и карамельки они раздают на этом своем "ритуале" – типа, закусывать чифир. Т.е., я, который чифир вообще не пью, на эти сборища не хожу (хорошо еще, что хоть на них пока что не загоняют принудительно), должен для всей этой мрази, нечисти и быдла, блатного и неблатного, оплачивать это их быдляцкое угощение...

124–я баня прошла, 123 их осталось. Ходил и в баню, и обратно один – повезло, ни на кого не напоролся, ничего плохого (пока!) не случилось.

Ублюдок Сапог продолжает ежедневно глумиться над бедолагой Трусовым, только теперь он каркает свой бред, сидя, в точности как ворон на дубу, прямо над моей головой, на 2–м ярусе шконки. Подонок, скорей бы он ушел!.. Но в то же время ситуация в проходняке с ним пока (пока! Временно, в этом нет сомнений, увы...) стала легче, чем была с тем долговязым дебилом–лосем.

8.11.08. 13–04

Опять эти выродки собирают деньги – на Новый год, или уже не знаю, на что. Аж списочек мне показали, кто сколько дает, и одна из наиболее мерзких (а главное, агрессивных) блатных харь требовала от меня сказать, сколько я дам на их поганый бандитский "общак". Вопроса, дам ли я вообще, или нет, они даже не задают, – они уверены, что выжмут из меня хоть сколько–нибудь обязательно. Почему я не могу решительно отказать им, послать ко всем чертям и закрыть тему навсегда? Только ли из–за этой единственной тоненькой, но важной ниточки, зависимости,

которая меня связывает вообще с окружающей действительностью (точнее, нечистью)? Или просто духу не хватает? Нет, вряд ли. Я не боюсь их, и характера, чтобы сказать “нет”, мне тоже не занимать. Только эта зависимость, будь она неладна, и ютящиеся где–то там, на задворках сознания, доводы, что если послать совсем, – они мне тоже полностью перекроют этот канал (а других нет)... Вот так и спонсируешь всякую мразь, которую в душе ненавидишь, – то “мусоров” на их “подписку”, то вот этих, то вообще государство, просто платя налоги... Но опыт показывает, что все попытки от них откупиться – бесполезны.

Опять и опять мерзко воняет вокруг их брагой, и тот же 20–летний выродок–шнырь и грабитель, “бражник”, живущий уже с другой стороны от меня, – таскает и таскает из–под соседней шконки, туда–сюда, туда–сюда, баулы и бадьи с этим мерзким пойлом. Им это важнее всего, они все так увлечены процессом производства этого дерьма, что абсолютно не замечают неудобств, причиняемых соседям, и говорить им об этом, совестить, призывать к порядку – совершенно бесполезно. Эта мразь – как и та, государственная – понимает только силу. И все так же остро стоит мучающий, жгучий вопрос: как быть, если силы нет, а жить среди всего этого становится совершенно невыносимо?..

Зато хоть поставили на дверь секции железную пружину, точнее, две, соединенных проволокой. Дверь закрывается прочно и наглухо, в секции тепло, – а на улице холодина. Ветер, правда, сегодня стал меньше, но мороз несомненен. Однако все равно находятся дебилы, пытающиеся и эту дверь заложить чем–нибудь, чтобы “проветрить”. Особенно “хорош” и типичен один – старый идиот, берущий у меня книги – просто от скуки, не для просвещения, – с утра пораньше, затемно уже бегущий с кружкой и кипятильником на “фазу”, а потом яростно матерящий “обиженных” и трясущий каждое утро (!) их шконки, чтоб быстрее вставали. Ясно, почему: не уборка туалета и пр., о чем он вопит, его волнует, а кайф от демонстрации (в 1–ю очередь самому себе), что есть люди как бы “официально” ниже его, беззащитные, лишенные (непонятно кем!) права на ответ, – и он может безнаказанно и с упоением (это видно) командовать ими, показывать свою власть!.. На воле–то он никто, – ничтожество, люмпен и, видимо, забулдыга, откуда–то из мордовской глуши. Сидит 4–й, кажись, раз за грабеж, самому где–то полтинник; на ноге, внизу, на щиколотке, так, что не сразу даже в бане заметишь, вытатуирована свастика. Зачем? Бог весть. Но уж очень типичное существо: воровать, грабить и пить – главное в жизни; если находит кого–то “ниже” и слабее себя, то глумится и

куражится по полной, а перед более сильным, несомненно, будет ползать на брюхе. Тупая, бессмысленная мразь, животное, склонное причинять ущерб нормальным людям (грабеж). Абсолютно неясно, для чего таким вообще жить на свете, да еще знать грамоту и иметь права...

15–10

Кончился недолгий рис, и опять началась в столовке капуста, капуста, капуста... Как и год назад, – той жуткой буреполомской осенью 2007 года, разве что без "вискаса", то бишь кусков соевого мяса. Первый раз попробовал ее на днях – она была в миске совсем без воды, желтоватого цвета и по вкусу напоминала тушеную, которую делали когда–то дома для пирожков, – мне этот вкус отчетливо напоминает детство. А сейчас – с водой, вкус хотя и тот же, но есть эту бурду уже нет сил. И на первое капуста, и на второе; хорошо еще, бросают в нее большие куски картофелин, – все же картошка свежая, отличная пища... Но сегодня в "суп", помимо капусты и картошки, они еще зачем–то навалили перловки, – вкус и запах был такой, что есть просто невозможно.

На улице потеплело, земля оттаяла, – сейчас явно больше 0°. До вчера, по крайней мере.

Гвоздем, как всегда, засела в голове мысль об этих проклятых деньгах. Именно сейчас, когда самое бедственное положение, у матери ни учеников нет, ни денег, на лекарства даже ей не хватает, от сердца ее больного, – отдавать деньги тварям, сброду подонков, отребью на их поганые празднования Н.г., на их чифир, на их веселое прожигание жизни даже на зоне...

10.11.08. 18–10

На первое капуста, и на второе тоже. На обед и на ужин... В "первое" в обед, правда, кинули по кусочку вареного мяса. На завтрак была перловка, – казалось бы, сытнее, чем капуста, но именно перловку я есть не могу вообще – выворачивает от омерзения при одном ее виде...

Заводчиков, нынешний (вместо Макаревича) зам. нач. по режиму, бывший начальник оперчасти, оказался конченной мразью, не лучше Макаревича. Впрочем, хороший "мусор" – мертвый "мусор", это известно давно. Эту тварь я если вообще видел, то. м.б., всего 1 раз, и то мельком, – прошлым летом, когда только приехал на эту проклятую зону. Личного опыта общения, таким образом, нет, но хватает и его дел, чтобы составить мнение. Тогда, в прошлом августе, именно он отказался, несмотря на рекомендацию местной врачихи, выдать мне свитера со склада (и я хожу 2–ю зиму в донельзя обтрепанной и засаленной спортивной куртке). А тут, на днях, он вдруг ночью

поперся с обходом по баракам (в точности как Макаревич!), пришел и к нам. В секцию не заходил, но из коридора было слышно, как он сказал: надо сделать, чтобы они раздевались здесь, а не там (т.е. в общей раздевалке, где куртка легко может пропасть, а не в секции; я не цитирую его слова точно, но смысл был такой. На следующий день после этого уже отрядник, припершись утром прямо в секцию и показывая на куртки 3–х "обиженных" и мою (ближайшие от входа), тоже говорил, что "это надо держать там, а не здесь", – хотя никогда раньше, за целый год работы, не обращал на эти "телаги" в секции внимания. А сегодня оказалось, что идиот Заводчиков спятил и взбесился окончательно: оказывается, он велел на нашем дворе вырыть из земли 2 длинных толстых трубы, стоящих на "ножках" тоже из труб того же диаметра вдоль забора. Такие же трубы вдоль одной из сторон забора есть и во всех прочих "локалках" – это обязательный (до сих пор) элемент, носивший изначально, видимо (как я смутно догадываюсь), некое спортивное назначение, но давно уже приспособленный зэками под гораздо более важную функцию: сушит на этой трубе стиранное белье. Разумеется, ан тряпки всего отряда (даже этого, маленького, всего 100 человек или меньше) трубы не хватало, вешали еще кто где мог, но это место было основным. И вдруг – выкопать!.. Куда? Зачем? Бог весть. Заводчиков приказал... Короче, одну из 2–х половинок этой длиннющей трубы сегодня уже выкопали и как–то положили на вкопанный на ее место заборчик. Со 2–й половины еще днем велели снять все белье, вырыли у ее стоек ямы, но пока она стоит. Завхоз сказал, что ее куда–то перенесут, в другое место, но куда – пока я не понял. На других бараках – специально посмотрел по дороге в столовку, на обед – эти трубы стоят как стояли...

Ну что ж... Чего я жду, чем живу? Общее настроение? Осталось 860 дней. Ждем – комиссии, шмона, ОМОНа... Чего еще, какая там еще может пакость случиться? К постоянным, систематическим поборам на из вонючее "общее" и пр. я уже привык – это как фон здешней жизни, фон столь же постоянный, как снег зимой. А сколько может быть тут еще, к примеру, комиссий, – от нечего делать, на досуге, пытался просчитать. Ну, не каждые 10 дней же она приезжает, – значит, меньше 86–ти, это точно. Раз в месяц? Может быть, при определенных обстоятельствах. Осталось мне 28 с половиной месяцев. 28 комиссий? Черт его знает; но 20, по крайней мере, – это вполне реально. 20 раз еще "убирать сидорА" (будьте вы прокляты с вашим проклятым жаргоном, твари!..) в каптерку, 20 шансов лишиться разом всех вещей, или хотя бы части их, –

разворованных...

Пока писал, дозвонилась мать, – на взводе, в ярости, в бешенстве и истерике. Ездила к Ганнушкиной, просить денег на ближайшую поездку ко мне. Та обещала, – после своего возвращения из Германии, 19го, едет она туда 12–го. Но самое сильное бешенство у матери вызвала информация Ганнушкиной: оказывается, не так давно (по крайней мере, в этом году) у нее долго лежала сумма денег для меня – тысяч 5 или больше. Она звонила Фрумкину и Е.С., просила заехать и забрать, но они оба не нашли времени заехать, и после долгого лежания деньги были отданы кому–то еще. Мать в страшной ярости несколько раз повторила мне по телефону: “Вот так ты им нужен!” – и это, к сожалению, чистая правда...

Непостижимым образом в этой тетради, где я пишу, на обложке которой написано: “100 листов”, получается по счету и нумерации не 200 страниц, а всего 185. Я не вырывал из нее ни одного листка, нумерацию веду очень тщательно – а выходит не только меньше, чем должно быть, но еще и нечетное количество, хотя каждый лист – это 2 страницы, так что четным оно должно быть автоматически.

11.11.08. 7–10

Вот и сбылось пророчество: эти мрази в соседнем проходняке сегодня уже не ввинтили назад лампочку, выкручиваемую каждую ночь. “Мусора” утром не ходили, мрази дрыхнут себе, – а мне пришлось сейчас готовить себе завтрак почти что в полной темноте, на ощупь. И пишу вот сейчас тоже в темноте, едва различая выводимые строчки на белой бумаге.

Им плевать на тебя. И ничего с этим нельзя поделать, – только силой можно помочь этой беде, если сила есть. Но и своим тоже на тебя наплевать, – вот, не могли съездить, забрать деньги у Ганнушкиной... Ни на кого в этом мире нельзя положиться, вокруг – абсолютная пустота...

Снова приходит в голову старая мысль о суициде. А что? Зачем нужна эта пакостная жизнь, финал которой к тому же известен заранее? Может быть (и даже точно, а не м.б.), так и лучше, – сразу, одним ударом покончить со всей этой цепью нелепиц и фатальных неудач? Одним ударом, разом... Зачем она нужна, ТАКАЯ жизнь?.. Жаль только, что у меня не хватает и никогда не хватит духу на подобный поступок. Я глубоко презираю себя за это.

15–56

Лампочку эти выродки ввинтили на место только перед самой проверкой. Видимо, теперь часто придется готовить себе завтрак впотьмах, – до тех пор, пока мать не привезет уже

купленные 3 лампочки по 100 ватт, но и их едва ли хватит надолго. Их просто украдут из люстры, одну за другой...

Сейчас уже более–менее можно читать: не грохочет музыка. С переездом этих тварей в соседний проходняк житья не стало совсем: кроме проблем с лампочкой, они повесили у себя колонку, а у блатных “обиженных” прямо напротив них постоянно играет какой–то магнитофон или что–то подобное. Целыми днями (особенно вечером; ну и кроме часов от завтрака до проверки, когда и те, и другие спят) грохочут песни одна за другой, не давай сосредоточиться на чтении. Достает эта музыка не одного меня, т.к. подходят и выговаривают блатным “обиженным” за нее довольно часто.

2–ю часть огромной трубы во дворе выкопали, положили на землю и частично разобрали. Вешать стиранные вещи теперь некуда, в том числе и мои. Один тип объяснил идиотский приказ Заводчикова убрать трубу тем, что когда “мусор” идет по “запретке” мимо нас, то из–за густо висящего на трубе тряпья ему не виден наш двор.

На второе в обед было картофельное пюре, а на ужин ожидается винегрет (правда, кроме вареной свеклы и сырой капусты, в нем, по–моему, ничего теперь нет, в том году он был лучше).

Режим постепенно все усиливается и усиливается. Мало того, что поставили около нас СДиПовскую будку и закрыли на замок калитку. Раньше, по крайней мере, 2 раза в день перед проверками все “локалки” открывались заранее, можно было ходить из барака в барак, “продол” после 21–10 был заполнен гуляющими и общающимися зэками и похож на Бродвей. Сейчас, с этой осени, “локалки” перестали отпирать заранее, – только когда непосредственно в наш барак идет “мусор”, СДиПовец отпирает ему калитку, а по его уходе – немедленно запирает...

12.11.08. 10–10

Опять начались шмоны, видимо. Долго их не было, и вот сегодня, минут 20 назад – “шмон–бригада на наш продол!”. Шмонают, видимо, 12–й, и двое на 5–м, как я уловил из криков стремщиков. Завтра тоже могут шмонать – м.б., и у нас.

А незадолго до этого как раз дозвонился М., сообщил мне хорошие новости. Огромные усилия все–таки дали какие–то плоды, – лучше поздно, чем никогда. Значит, все это, весь этот кошмар – не совсем уж понапрасну, и это одно страшно радует, придает сил жить и бороться.

Лампочку вчера на ночь вообще не выкручивали. Даже удивительно. Сегодня?

После проверки ожидаются массированные домогательства,

как обычно, по поводу чая, конфет, а может, и чего–то покрупнее. Попробую отбиться.

17–35

Я ошибся: атака началась лишь по дороге в ларек, а особо массированный характер приобрела уже там. Но была успешно отбита, благодаря моей заблаговременной психологической подготовке. Тем паче, что в самом ее начале прозвучало предложение купить что–нибудь для… шимпанзе (!), которое, по их словам, сейчас уже не в ШИЗО, а в больнице – и, значит, увы, может скоро прийти сюда…

Но перед обедом вдруг возникла новая беда, откуда не ждали. Сволота, захватившая соседний проходняк, обсуждала там план, как захватить и граничащую с ними шконку в нашем проходняке, завесив одеялом, – словом, сделать точно так же, как напротив у блатных “обиженных”. Для этого, правда, им придется выселить с нее моего нынешнего соседа, – правда, тупое и примитивное до невозможности быдло, не блещущее никакими талантами, но в остальном – безобидного, тихого старичка (53 года, что ли), спокойного, неагрессивного. Правда, вшивого донельзя, за что его весь срок постоянно проклинают и угрожают ему все остальные соседи (кроме – пока что – нынешних новых). У него даже – редчайший здесь случай – есть порядочность: он единственный из всех, кто мне был должен, отдал мне с полученного перевода долг (за сигареты, которые, за неимением своих, долго брал у меня). Я кратко поговорил с ним: он вроде бы не намерен выселяться. А то ночной свет, музыка и гомон сборищ этих тварей приблизятся ко мне уже вплотную. Как и вонь от их браги, обильно напиханной под шконкой.

13.11.08. 15–12

Все больше и больше рвутся казенные ботинки, выданные год назад, в октябре 2007. Рвутся нитки, которыми пришита (прошита) подошва. Пришиваешь заново – а они рвутся дальше. Вырываются одно за другим металлические колечки для шнурков. А без них – я сильно затягиваю шнурки (на 2 размера больше обувь, как–никак), и дерматин, из которого башмаки эти сделаны, рвется. Сегодня вылетело еще одно колечко, и опять на левой ноге (здоровой. Лучше б на больной – там не надо так затягивать). Кое–как вставил его обратно, но будет ли держаться – очень сомнительно.

Настроение с утра весь день омерзительное и тоскливое. Никому на самом деле я не нужен. И Ленку тошно вспоминать, – вроде всплывает все время в душе надежда, что все еще как–нибудь образуется с ней, но ведь умом и опытом я знаю, что это не так. И даже моя кошка Манька ушла от меня, – приходит

только жрать, а поев, уходит куда–то, под чьи–то чужие шконки, на моей больше не живет и не спит. Сволочь... А ее место заняла, совершенно неожиданно поселившись у меня на днях, кошка Фроська из “красной” секции – такая же большая, но трехцветная, с не просто желтыми, а прямо какими–то янтарными глазами. Жрать она тоже приходила и раньше, но в руки не давалась, она жутко пугливая. А сейчас – спокойно прыгает ко мне на шконку и ложится спать на одеяле, на бывшем манькином месте. А если я лежу – забирается прямо на меня...

Матери вроде бы дали какую–то новую ученицу; так что, м.б., материальное положение хоть немного улучшится.

А в целом – будь оно все проклято во веки веков, вся эта жизнь1..

15–55

Вся эта страна – мразь и нечисть; страна выродков и мрази. Страдают ли они или нет, сидят по тюрьмам или их бьют менты на воле, – разве они сами лучше этих ментов? Если они сами – антисемиты, гомофобы (агрессивные притом), воры, грабители, хамы, подонки, алкаши? Зачем, на кой черт защищать их права, этих выродков? Защищать приличным людям надо СВОИ права, – притом как от государства, так и вот от ЭТИХ. От этих, ЧЬЕ это государство, – хоть оно их и бьет дубинками, но им, мазохистам, это нравится, а вот мы страдаем заодно с ними – ни за что, по принципу “в чужом пиру похмелье”...

14.11.08. 13–09

Три запредельно, фантастически наглых подонка (2 молодых, один постарше) минут 10 назад достали из–под соседней со мной шконки огромную пластмассовую бадью из–под краски, полную неготовой еще браги. Затем, не говоря ни слова, не спросив разрешения, не извинившись, – они плюхнулись на мою шконку (двое) и принялись озабоченно пробовать это мерзкое пойло – один из молодых утверждал, что оно кислое, – а также прислушиваться, “гуляет” оно или “не гуляет”. Типичная картинка здешних барачных будней. А вот сейчас, пока писал – они пришли снова (правда, заменив одного участника троицы) и устроили еще одну дегустацию...

Как я и ожидал, – сожгя почти все свои “барачные” чайники, из коих остался только 1, – они усилили атаку на мой маленький, всего пол–литра, чайничек, купленный год назад мне в подарок Аней П. и привезенный матерью. Едва не заграбастали его себе уже тогда, забирая через “мусоров” (иначе не пропускали); и вот сейчас – им не в чем кипятить свой гнусный чифир, и они идут ко мне, клянутся и божатся, что берут ненадолго, что сейчас же принесут назад, что им позарез надо, и т.д. Потом, разумеется,

бегай, ищи. В том году они додумались, когда я давал (по глупости), прямо в нем свой чифир и заваривать. Но самое главное, – я пользуюсь им уже год, а если он пойдет по рукам – судьба всех прежних “барачных” чайников постигнет его, м.б., уже через месяц. Одно из самых омерзительных здесь животных пообещало сейчас, после моего отказа, что специально будет караулить, когда я поставлю чайник на “фазе”, чтобы “как–нибудь коротнуть его, и он взорвался”.

22–20

Какая же все–таки они все мразь, падаль, нечисть, ублюдки! Ненавижу их! Не–на–ви–жу!!! День, прожитый здесь, среди этой мрази, – это как дерьма нажраться, – такие же ощущения! Выродки! Ублюдки! Сжечь напалмом вас всех, в одну огромную братскую могилу превратить всю эту зону, все эти бараки со всей этой вонючей мразью и падалью в них! Отребье, основной смысл и содержание которого – это дикая, беспредельная наглость и бесцеремонность!.. Ублюдки!.. Я бы своими руками вас в мелкий винегрет крошил и в топках сжигал – за это ваше хамство и наглость, за бесцеремонность, с которой вы творите все, что вам надо, как будто меня вообще рядом нет и мои интересы учитывать не надо!.. Мрази, ублюдки, нечисть проклятая, сброд подонков! Ненавижу вас!!!

15.11.08. 7–09

Вонючая брага, которую злобные животные нагло, без спроса распихивают под чужие шконки, а потом лазят за ней, трясут, нюхают, слушают и пробуют на вкус. Ублюдок Сапог, орущий со 2–го яруса шконки, что всех евреев надо уничтожить, потому что так написано в библии, и что он скоро приедет отнимать у Абрамовича его шикарную яхту (прямо так и говорит, без тени сомнения :). Шимпанзе, по телефону (!) угрожающее мне (!!) не давать больше телефон (!!!), если я не буду брать 2–ю линию, когда оно звонит. Такова была картина вчерашнего дня. И сегодня явно будет не лучше. Бедлам, от которого можно свихнуться. Нервы мои на пределе.

15–17

Только одна мелкая, но хорошая новость среди всей этой мерзости. Выродки, захватившие соседний проходняк, раздобыли себе где–то лампочку, поэтому больше не выкручивают из люстры. Хоть со светом я теперь от них не завишу, как раньше. А свою они жгут даже днем.

Злобный выродок (бандит, 162–я ст., 4–й раз) запихнул вчера баул со своим вонючим пойлом под соседнюю шконку уже прямо в нашем проходняке. Мразь и наглец. Утром оказалось, что из баула течет, весь пол мокрый и в грязи. Я выставил эту мерзость в

коридор, из–за чего пришлось лаяться с этим подонком. С удовольствием переломал бы ему своими руками все ребра и выпустил все кишки!

На обед капуста, на первое и на второе. В “первое” – капуста с водой – кладут немного мяса и картошки. Второе – чистая вареная капуста в сухом виде. Тоска… В условиях чисто зоновских, без пищи и одежды с воли, тут не выжить никак.

Прочел Поппера, теперь читаю Стругацких, “Хищные вещи века”, не читанные ранее. Это огромное наслаждение, и это огромная психологическая защита от здешней реальности. От здешней жути… Порой, все еще, до сих пор – я не могу до конца поверить в то, где нахожусь. Осталось еще 855 дней.

16.11.08. 10–30

Воскресенье. Свет вчера ночью опять погасили в 12–м часу. Всю ночь колобродили пьяные блатные мрази, обпившиеся своей браги – одни в захваченном проходняке возле меня, другие у себя, в конце секции. Там больше просто гомонили и орали, здесь – звонили своим девкам по телефонам, ржали, жгли лампочку и т.д. Слава богу, я все–таки успел немного поспать, – проснулся только в 15, что ли, минут 4–го утра.

После завтрака одно из этих блатных животных, самое агрессивное из имеющихся в бараке, увидело меня, когда я проходил мимо его проходняка (так и знал, что не надо было ходить!). Пьяное в стельку, но, увы, не настолько, чтобы лечь и уснуть, оно усадило меня рядом с собой и начало материться и угрожать по поводу того, что я якобы не даю им (не “уделяю”, как они это торжественно именуют) на их “общее”, на всякие их “святые места”, и т.д. и т.п. Сначала это был типа диалог, но через минуты две он – закономерно, иначе и быть не могло – перешел в истошный крик этого существа, – хотя рядом спали люди. Свои же, блатные, пытались как–то утихомирить его, но не тут–то было. На любые мои аргументы и попытки что–то возражать существо торжественно отвечало стандартной фразой: “А мне по…ую!”. Я уже было ушел, но потом оно все равно еще 2 раза приходило ко мне в проходняк и – с угрозами и матом – пыталось узнать у меня, понял ли я этот разговор и что именно я понял.

Ударить реально оно не пыталось, так что начинать первым не было смысла. Я в любом случае выше его, и крупнее, и вешу больше. Чмо это мелковатое, но злобности исключительной, и эта его ненависть ко мне продолжается (тихо тлеет, иногда давая вот такие вспышки) уже год минимум. Инстинктивная ненависть грабителя к тому, кого он не может просто взять и ограбить, да еще с избиением, как все они привыкли на воле. Ненависть

мрази, привыкшей на воле жить за чужой счет и здесь старающейся продолжать в том же духе...

Еще одну печальную новость забыл упомянуть вчера. “Обиженный” Юра, мой бывший сосед, оказывается, теперь работает в больнице – сказали, что дневальным, но м.б. и санитаром. Для него–то это, возможно, и лучше – если там его не будут так же постоянно и зверски бить, как били здесь, в бараке. Но мне теперь ни ботинки зашить, ни молнию на штанах починить будет некому. Он тоже не особо торопился выполнять эти просьбы, но тех, кто тут остался из умеющих что–то подобное делать, допроситься, как показывает опыт, будет вообще едва ли возможно...

17.11.08. 9–35

Вот кто, оказывается, спер вчера у меня шнурок из ботинка, стоящего прямо под шконкой. Тот самый юный подонок–шнырь, мой бывший сосед, на воле – грабитель, а здесь – “главный технолог по браге”. Вечером он сказал кому–то при мне: “Я вернул старому шнурок, он утром такой шум поднял!, или как–то так. А шнурок как раз утром у меня и пропал – между завтраком и проверкой. А этот ублюдок как раз лазит постоянно под соседнюю шконку за своими бадьями с брагой, возится там в проходняке, сидя на корточках, и мог видеть, что мои ботинки стоят рядом, а как он вытащил шнурок – никто бы и не заметил все равно.

Весь барак стоит на ушах с этой брагой, особенно по вечерам. Таскают эти бадьи и ведра туда–сюда, плещут, нюхают, слушают... Все кипятильники заняты под то, чтобы ее греть.

16–10

Неужели все это наконец закончится через 853 дня? Даже не верится, что этому всему будет когда–то конец. Начинает порой казаться, что этот барак, двор, секция, эти шконки, стены, лампы, это окно напротив, – навсегда... Но будет ли он на самом деле, в реальности, этот конец? Или потом, лет через 10 после него (если доживу), все это будет казаться смутным и жутким сном?..

Я деградирую здесь и теряю время. Теряю драгоценные годы, которые уже не вернешь потом. Прочел здесь кучу книг, да, и это, м.б., единственная польза. Но сколько можно было бы успеть сделать за эти годы... Или нельзя было бы, и это только иллюзия? И – главное – что удастся сделать теперь, на этом новом, жутком фундаменте, о котором я не просил, но который, тем не менее, оказался уже капитально заложен?..

18.11.08. 9–50

Вчера пришел с ужина, открыл дверь в секцию – и стальная пружина, от которой в этот момент оторвался крючок, отлетела и

с силой ударила мне в лицо, в верхнюю губу чуть левее носа. Опешив, я в первый момент подумал, что кто–то швырнул что–то тяжелое из секции, но потом увидел пружину на полу. Слава богу, зубы выдержали, да и видимых следов, похоже, не осталось.

Потом я сцепился с одним из подонков, захвативших соседний проходняк, с самым злобным из них, – именно он делал эту пружину. Оказалось, он не видел, как она сломалась, не знал, что она сломана и дверь открыта. Видимо, был занят чем–то очень важным. :) Не иначе, брагой. Заметил, по его словам, только когда замерз; но, видимо, ему сказали, что "сломал" я, потому что, починив пружину, он напустился на меня, что ни я, ни кто–либо еще ему не могли сказать о поломке, и что это мол, "иждивенчество". Как будто он делал эту пружину изначально для кого–то, а не для себя! Я ответил этой нечисти, как следовало, с тем юмором, без которого не могу общаться с этими существами, глядя на их бешеное самомнение и сознание своей важности, – тем большее, чем ничтожнее они на самом деле. И точно: даже не столько мои конкретные слова, а сам факт ответа, то, что я не молчу смиренно, в сознании своей глубокой вины перед этим сопляком (1986 г.р.), а улыбаюсь и отвечаю, а когда он пытается закончить беседу этаким резюме: "Дятел ты!" – отвечаю моментально: "Сам ты дятел!", – все это его просто взбесило, довело почти до истерики. Уже уходя, но услышав в спину мой ответ насчет дятла, это чмо вернулось, зашло в мой узенький проходнячок и стало бормотать что–то очень злобное, держа меня как бы "на мушке", вот–вот готовое ударить мне, сидящему перед ним, по лицу кулаком. По счастью, наученный недавним печальным опытом, я встал в проходнячке и беседу продолжал уже стоя. А оно, насекомое это 22–хлетнее, тоже, надо сказать, росточком не вышло, – мелкое, щупленькое, ниже меня и уже в плечах. Так что желание грозно махать кулачонками у этого существа (весом килограмм 60, вряд ли больше, тогда как я – 106, по последним данным) сразу отпало, остались только грозная матерщина и угрозы. И потом, я с удовольствием слышал, оно уже в своем проходняке долго и с возмущением описывало этот инцидент своим; особое возмущение, как я понял, вызвал именно тот факт, что я встал. :)))

Всю ночь эти мрази рядом со мной жгли у себя свет, крутили музыку (специально приносят к себе на ночь магнитофон из того конца секции) и "базарили" по телефону со своими девками, выясняя отношения. Девки, надо сказать, по всей видимости, такая же уголовная шваль и нечисть, как и они сами, – судя по непринужденности матерного общения с обеих сторон. Один из этих подонков с ночи продолжает еще эти разговоры до сих пор.

Вот только что, сей момент, в соседний со мной проходняк заходил еще один блатной выродок, конченный наркоман и бандит, – попробовать рукой сумку, которая неожиданно утром оказалась висящей над моим изголовьем, на торце шконки, между ней и стеной. Я пощупал ее с удивлением, заглянул внутрь, – конечно же, там были бутылки с брагой. Сумка, в которой они были, мне знакома, – принадлежит она, видимо, одному из самых мерзких здешних шнырей–брагоделателей, тому самому, который недавно запихнул протекающую бадью в наш проходняк.

Вот так вот! Как говорится, оцените! Эти наглые ублюдки просто пришли ночью – и повесили этот свой вонючий понос в бутылках над моей головой, не только не попросив разрешения и не предупредив, но и абсолютно плюя на то, что если бутылки взорвутся (при брожении ведь выделяется газ и давление в закрытом сосуде все время растет), то вся эта мерзость польется мне прямо на голову, на постель и на мои вещи, сложенные за шконкой. Мрази! Эти неописуемые, феерические, запредельные наглецы действительно постоянно, на каждом шагу ведут себя так, как будто они тут одни, как будто кроме их мерзких “интересов” типа браги, карт и т.п., ничего на свете не существует, а УВАЖАТЬ интересы других людей совершенно не нужно. Какие этим сверхнаглым мразям “права человека”, какие им “права заключенных”, какое уважение, и кто в здравом уме вообще согласится считать их людьми? Их надо истреблять и только истреблять, как бешеных собак!

Пока писал это, блатной подонок – видимо, заказчик пойла – зашел еще раз, снял свою сумку с крючка и унес. Но нет сомнения, что он принесет и повесит ее снова. И любые слова, любые мои просьбы и резоны – абсолютно бесполезны, не стоит даже тратить слова... Я поискал – странно, крючка, на котором висела эта сумка, я за шконкой не нашел.

Ну что ж. Завтра среда. Опять ларек. Опять с ножом к горлу будут вымогать и вытрясать деньги, требовать купить им чай, конфеты и пр. Обхохочешься: эти твари не только “доят” меня, – они меня еще и пытаются “воспитывать” на свой лад. Некоторые из них упорно пытаются читать мне проповедь о том, что эти деньги я должен, якобы, не “платить”, как налог, “чтобы отвязаться” или “откупиться”, а “от души”, добровольно, САМ хотеть и стремиться отдать их!.. :))) Поистине, глупости их нет предела, и только этот интеллектуальный опыт – наблюдения над быдлом и уголовной нечистью, этакие психологические зарисовки этой среды, – слегка развлекают при вынужденном общении с ними. А такого вынужденного общения еще осталось, увы. 852 дня...

19.11.08. 13–30

Мрази... Как тошно среди вас жить... Как я вас всех ненавижу... За что меня загнали сюда, к вам, в этот ад, в эту жопу? Вылавливать и давить каждое утро вшей в своей рубашке и носках – самое подходяще занятие для цивилизованного человека с высшим образованием в XXI веке...

Этот наглый блатной подонок снова повесил свою сумку с бутылками на мою шконку вот сейчас, только что. Если прорвет и зальет – все мои вещи и подушка будут в этом липком, вонючем дерьме... А ОНО, это чмо, и в этот раз даже не подумало мне что–то сказать или спросить разрешения. И вообще, оно делает такой вид, что как бы вешает это Сапогу, живущему надо мной, как бы с его молчаливого разрешения (уж этому–то он не откажет, этих он боится). Но потечет–то не на Сапога, а на меня...

Утром, как пришли с завтрака, какая–то наглая тварь выключила в секции свет. Как же, – они ложатся спать, значит, и ты сиди в темноте. Завтракал я и впрямь впотьмах, а искать вшей в одежде – частично ходил в раздевалку, где лампочка яркая, частью (в носках) – при тусклом свете из окна в секции. Только около 11 часов один из зэков все же включил свет.

Сегодня среда – день ларька. День растраты, как я стал его называть. :)) Требовать чай–конфеты etc. пока еще не приходили, – скорее всего, начнут одолевать уже в самом ларьке, а м.б., еще по дороге на обед.

Комиссии–прокуроры, ларьки–растраты, шмоны, бани да стрижки – вот самое неприятное и омерзительное здесь. Стрижка, положим, неприятна не сама по себе, а тем, что каждый раз надо искать, кто пострижет, чтобы не наголо (“официальная стрижка в бане). Баня омерзительна тем, что заняты все лавки и “лейки”, а идти заранее – можно налететь. Комиссии и прокуроры – САМОЕ неприятное – прятаньем “сидоров” в каптерку, того и гляди – насильственным со стороны блатных... Ну, а шмоны – переворачиванием всего твоего жилого места вверх ногами. Осталось мне этого ужаса и пакости еще 851 день.

22.11.08. 10–11

Вчера весь день так дико, невыносимо болел живот, что не было ни желания, ни сил что–то писать. Адские боли, которые бывали у меня порой и дома, но там – 2–3 часа, и то уже было много, а тут – весь день, с полдевятого утра и до ночи! Мать, как я и думал, была в шоке и панике, когда я сказал ей об этом (хотя, м.б., и не стоило говорить, но больше, увы, мне сказать о такой беде некому в целом мире...). Болело даже ночью, хотя не все время и не сильно. Когда я просыпался в 12 и в 2 часа, – боли еще были, а когда проснулся с 4 – все уже прошло, и наступило сразу

же ощущение блаженства. (Да, вот такой тут сон – каждые 2 часа просыпаюсь...)

Да, собственно, писать–то особо и не о чем. “Настоящая” ноябрьская зима, со снегом и легким морозцем, постояла буквально пару дней. Потом снегу навалило больше, но все начало таять. Капает и сейчас; снег мокрый, рыхлый, – t° явно плюсовая. На вечерней проверке вчера по такому случаю с 7–го барака (через забор от нас; другой конец нашего же здания начали, как часто бывало и прошлой зимой, обильно кидать снежки. Отсюда вся эта веселая и задорная уголовная молодежь, конечно же, начала отвечать. Апофеозом был массовый залп снежками сразу же, как только “мусор” сосчитал нас (на эту минуту, не больше, они кидать прекратили), и мне, хотя я стоял на противоположном конце двора от забора 7–го и в битве, разумеется, не участвовал, все–таки попали снежком прямо в лицо – где–то между правой скулой и ухом.

Особых событий пока нет. Вымогательство в ларьке носило на удивление умеренный характер, – в среду 35 рублей, в пятницу (вчера) 50. Вчера там не было сока, вместо масла – только маргарин, паштета тоже не было, – так что мои собственные траты оказались невелики и позволили отдать активно вымогаемый полтинник (хоть и жалко, конечно) этим подонкам.

Слышны были слухи, что комиссия таки есть, но на 8–й зоне, недалеко отсюда. Приехала вроде бы по чьей–то жалобе и обещала к нам заехать тоже. Значит, очередных “сидорОв в каптерку!” не избежать. Самое ужасное, что источник не знал точно, – то ли она до 1–го, эта комиссия, то ли до 5–го; но в любом случае, с 27–го по утро 30–го я буду на длительной свиданке, а ОНИ, эти блатные выродки, могут уволочь в свою “каптерку” оба моих баула сами, и некому будет их остановить. Даже попросить присмотреть за вещами теперь некого, – только старый вшивый дедушка, тихий, покорный, что велели – то и делает, целый день спит (а что ему еще делать?). Приду – притащу со свиданки жратву, но еще куча вещей, в том числе одежда, запасные часы, этот дневник и пр. могут просто пропасть или попасть в лапы блатных... Всю свиданку, как и 2 месяца назад, я буду нервничать из–за этого (даже больше, чем в тот раз, – тогда не ожидалась комиссия) и не находить себе места.

Зато хоть в проходняке сейчас стало свободно и спокойно. Мразь Сапога положили в больницу, и он надеется долежать там прямо до 22 декабря и уйти домой, не заходя уже в барак. Его шконка надо мной пока пустует. Заготовщика, поселившегося на месте того долговязого быдла, ходившего по моим ногам, на 10 суток посадили в ШИЗО; на его месте тоже пока никто не спит.

Вчера полублатные подонки, захватчики соседнего проходняка, вдруг заметили на его матрасе сразу несколько вшей. Результатом было немедленное распоряжение вынести на улицу не только матрас, но и сам щит (!), на котором матрас лежал. Так что, с одной стороны, теперь тут временно стало светлее, – писать, читать, готовить и искать вшей в одежде. С другой – в замкнутом сверху этим щитом пространстве было как–то уютнее, а теперь слишком часто видны в том проходняке эти наглые хари (снявшие щит), – стоит им только встать на ноги.

Вчера вечером 2 “мусора” неожиданно приперлись к нам в барак и долго лазили под всеми шконками в секции с фонариками, проверяли все баулы (в том числе и мои вытащил этот урод, который тут лазил, 2–й подошел позже). Открыли, глянули, пощупали, но ничего вытаскивать не стали. Видимо, искали бадьи и бутылки с брагой, которые эти твари точно так же прячут в клетчатые баулы и ставят под шконками. Но ничего не нашли, только забрали в “фойе” большой кипятильник – “киловаттник” без той части, где провода присоединяются к кипятильнику, – по их представлениям, все эти кустарно чиненные кипятильники и пр. пожароопасны.

Уголовная мразота из соседнего проходняка опять начала беспардонно распоряжаться, – вот только что, пока я писал, один из них велел “обиженному” вынести на улицу матрас Сапога. Но зато, правда, вернули на место щит заготовщика. Нет сомнения, что еще через некоторое время эти наглые твари доберутся и до меня...

24.11.08. 10–52

Весь день вчера снег таял, с крыш капало, было тепло и сыро. К ночи он стаял совсем, земля обнажилась. Но сегодня с утра снег выпал снова, и подморозило, – в общем, опять вернулась зима...

Понедельник, как обычно, начался с неприятностей. К 3–му упражнению зарядки явился отрядник. Я успел выскочить одним из первых и слышал, как он, войдя в “локалку”, спрашивал у долговязого моего бывшего соседа, что это такое и где остальные. На дворе в этот момент было человек 10, не больше.

Но этим проблемы не кончились. Блатные лохи оставили на виду зарядное устройство от телефона, которое он благополучно забрал. Таким образом, связь у меня опять оказалась под большим вопросом. Давно не было этой проблемы...

С утра после завтрака, по этой самой причине (как я понял), обстановка в бараке была нервная, почти истерическая, блатные орали, скандалили, слышны были постоянные крики и перебранки. Спрашивать о зарядниках и о связи при таком всеобщем нервозе еще бесполезнее, чем в спокойное время; да все

уже ясно и так.

Твари–соседи, устроившие у себя в проходняке переговорный пункт, всю ночь жгли свет и “базарили” со своими бабами на воле. Кстати сказать, из этих разговоров стало ясно, что их бабы не только матерятся так же, как и они сами, и считают разговор сплошным матом нормальным явлением, – но они еще и пьют ничуть не меньше своих мужиков” (пацанов 20–22 лет). По телефону эти алкаши, жрущие здесь литрами брагу и в разговорах мечтающие только о выпивке, уговаривают своих “жен и подруг” бросить пить!.. Все это было бы смешно, когда бы мне не приходилось годами жить среди них под одной крышей и бок о бок с ними.

Приезжает через 2 дня мать, но даже радость от предстоящего 3–хдневного свидания с ней омрачена тяжкими предчувствиями того, что можно найти, вернувшись оттуда после этих 3–х дней. От простого оттаскивания всех баулов в каптерку – через их разграбление – до обнаружения дневника и стихов... Да, тут вся суть “наказания” – именно в этой бешеной нервотрепке, по крайней мере, для меня. Пока все это кончится – хоть 3 дня свиданки, хоть 5 лет сроку – от неизвестности и жутких предчувствий ты изведешься так, что уже не будешь хотеть ничего, и отходить придется долго...

Какие все–таки они бесцеремонные хамы, наглецы и мразь!.. На днях я вдруг обнаружил, что сосед с другой стороны, старый алкаш и ворюга, стал вешать свои носки на мою шконку. Т.к. особо вешать там некуда, он их просто засовывает концами мне под матрас, и они висят оттуда. Обнаружив в 1–й раз, я даже не понял сперва, что это такое и чье оно. Естественно, что этот ... (человеком его назвать не могу, язык не поворачивается) даже не подумал сказать мне об этом, тем паче спросить разрешения. Хотя почему бы ему просто не вешать свои носки на СВОЮ шконку? Нет, – он молча, спокойно, уверенно вешает их день за днем на мою, как будто так и надо...

Я задумался тут, напряг фантазию, – прямо–таки гегелевская триада получается! Я боролся с этим проклятым государством как мог, не жалея сил, за его полное уничтожение, – это тезис. ОНИ меня за это посадили на 5 лет, – это антитезис. Каков же синтез? Видимо, он в том, что, отсидев этот срок и вернувшись (если, конечно, мне это суждено), я поднимусь на какую–то качественно новую ступень, возможности и горизонты мои расширятся, и эта борьба тоже вступит в новую, более высокую стадию, тоже поднимется на более серьезный уровень. Другого вывода из всего произошедшего со мной я не вижу.

16–03

Вернулся с обеда довольно поздно, многие уже были в бараке. И вдруг, чуть ли не с самого порога, вижу: эти твари опять вереницей тащат свои “сидорА” в каптерку, распахнутую настежь! Чрезвычайно зловещая картина! И, главное, никто не говорит, в чем дело, что случилось. Прокурор? Комиссия? Что–то еще? Черт их разберет, но не говорят, а я не спрашиваю. Сижу, жду. Все тихо, спокойно. Тут как раз дозвонился Карамьян, впервые за очень долгий период (говорит, никак не мог дозвониться, и это весьма правдоподобно по здешним условиям). Его было очень плохо слышно, все время прерывалось, а у меня нервы были на таком взводе, что совсем не до этого разговора было...

Сижу, жду, считаю время до ужина. Вечером, после пяти, уже можно никого не ждать. И вдруг меня осеняет, чтО это могло быть, из–за чего вдруг понесли баулы. Не так давно, когда их тоже выносили, уже после отбоя, в предвкушении ночного обхода Заводчикова, – не в понедельник ли прошлый это было? И не ожидается ли сегодня ночью такой же обход (в тот раз, кстати, его, по–моему, не было)? Но при этом свет должен быть погашен – так что мои–то вещи он все равно хрен увидит...

30.11.08. 17–37

Ну что?! Что написать? С чего начать? Типа, пережито еще одно крупное, тяжкое испытание, и можно этим гордиться? “Если выживу – стану крепче...”? Или просто – описать (но хватит ли слов?!.) эту дикую усталость, апатию и душащее, как ком в горле, омерзение ко всему и всем?..

Была длительная свиданка с матерью, с 27–го по 29–е, сегодня утром я с нее вышел. А до свиданки был шмон” – да–да, шмон, первый за долгое время (с весны, кажись) и – уже по каким–то новым правилам...

На свиданку с вахту позвали (позвонили) где–то в 9–25. Я позавтракал и спокойно, не спеша, собирался, как вдруг – шмон на 10–м! 2–й этаж над нами, – поэтому 2 “мусора” стояли и в нашем дворе, в том числе жирный отрядник 11–го – прямо в дверях барака, тщательно шмоная всех, кто хотел куда–либо уйти (в санчасть и т.п.) Я мог уйти уже тогда, но было рано, да и ждал – м.б., 10–й прошмонают и уйдут. Хорошо еще, что подождал...

После этого к нам вдруг приперся “сам” Заводчиков, нынешний зам. по режиму вместо Макаревича. Такая же мразь, разве что не до такой степени хамло в обращении. Велел всем идти на улицу с вещами (!!!). Прибежало 12 (по подсчетам моего соседа) “мусоров” и стали в присутствии владельцев шмонать каждый баул, вываливая все прямо на снег. Я пошел одним из первых – сказал им, что тороплюсь на свиданку, после шмона занес баул с тряпьем в барак, сунул под свою шконку и пошел

быстрее на вахту. Было ровно 11 часов утра – то самое время, когда я и хотел туда явиться.

Но 2–й свой баул – с остатками еды, нитками–иголками, бритвенными принадлежностями и пр. – я на шмон выносить не стал. И все 3 дня свиданки сердце у меня было не на месте – пошли ли "мусора" после шмона баулов шмонать еще и барак (до проверки оставался всего час). Если да, то оба моих баула они могли и опять прошмонать, вывернув на пол, и просто выбросить (типа, надо их хранить в каптерке), да и разворовать их тут могли...

Беспокоился я не зря. Сегодня, придя, я застал, правда, оба баула на месте, но в целом – картина полного разгрома и погрома, лишь слегка, кое–как прибранная моим соседом по проходняку. Спортивный баул, который уже шмонали, они, оказывается, просто закинули к нему на шконку, – не вытряхивая, с вещами. Тот, что не шмонали, они тут же вывернули на шконки и на пол. Более того – из–за торца шконки, из щели между ней и стеной, они повытаскивали все, что там было – баульчик с моей 2–й телогрейкой и обувью, мешок для бани, пакет с одеялом, и т.д. и т.п. Поначалу ни весь баул с обувью, ни свой чайник, ни крутящуюся открывалку я не мог найти, думал уж – пропали, но потом все же отыскал всё. Таким образом, шмон обошелся без реальных потерь; только возился я, прибираясь после него и перекладывая принесенную передачу, 2,5 часа – до пол–одиннадцатого.

Но были новости и похуже. С матерью мы договорились, что, как и 2 месяца назад после длительного свидания, как только я приду в барак, мы сразу же созвонимся и я скажу ей, пропали ли мои вещи. Но на мой вопрос было сказано, что теперь, по причине как раз этих шмонов, решено доставать "трубы" только после проверки. Т.е., наши традиционные спокойные, без спешки и напряга, разговоры с матерью по утрам, после завтрака, теперь накрылись медным тазом. А когда я подошел к "держателю" "трубы" после проверки – этот психопат, как всегда, начал орать на меня что–то невразумительное, как будто я чем–то смертельно задел его. Смысл этих бессвязных криков ("я здесь как в телефонной будке!" и т.д.), как я уловил, состоял в том, что "труба" разряжена, ее надо зарядить, а потом он меня позовет. И вот до сих пор (18–00), с самого утра, возможности позвонить матери он мне так и не дал, подонок этакий, псих и хамло! Страшно даже представить, что думает и как нервничает сейчас мать, едущая домой.

Фрумкин по пути сюда на этот раз тащил баул с передачей так, что оборвал у него обе ручки, пытаясь повесить баул на

плечо, на толстенную куртку. По наблюдениям матери, он сдал также и физически (а не только идейно, о чем я знаю уже давно), таскать такие тяжести он фактически уже не в силах. А баул без ручек, за неимением другого, мне пришлось сегодня утром переть в барак. Я надеялся, что, как обычно, кто–нибудь поможет по дороге. Но пришел, вызванный дежурным с вахты, один из наших "общественников" – новый, недавно у нас, молодой пацан, с неприятным, угрюмым, типично бандитским лицом. Малоприятное впечатление своим видом он производил и раньше, но до сих пор я с ним прямо не общался. А тут – вопреки моему обыкновению, пришлось просить его помочь. Он был удивлен, взялся с явной неохотой, долго ругался и жаловался, что ему тяжело, особенно тащить левой рукой (правой я хотел тащить сам). Так противно было слушать этот скулеж, что на полдороги я таки поменялся с ним, взяв левой сам. Но бурчать и скулить он не перестал, причем интонации, даже в ответ на мои попытки шутить, были явно хамскими. Не доходя до угла от ворот на наш "продол", я сказал ему, что лучше пусть он идет домой, а я уж как–нибудь сам. И он тут же ушел, несмотря на крики: "Помоги! Помоги ему!" – несшиеся со двора 12–го барака, где кто–то видел всю эту сцену. Тащить баул в руках, даже 2–х, я, естественно, не мог, и единственное, что оставалось, – просто волочить его за собой по талому снегу с водой (со вчера опять оттепель). Но даже так, волоком, мне было до того тяжело, что пару раз пришлось отдыхать.

Тоска, опустошенность, усталость, брезгливое омерзение ко всему окружающему (–щим). Какие же вы все–таки твари, ребятки, какая вы все же мразь, нечисть и быдло, все, все, и как же мне тошно и противно среди вас! Это – первые, единственные и естественные мысли что перед возвратом с каждой свиданки в барак, что после. Как будто в клоаку с нечистотами ныряешь...

На свиданке было неплохо, все как всегда – и споры, и ругань, и смех, и веселье, и мучительные раздумья, что же делать, как выбраться отсюда, и затаенная надежда, что когда–нибудь ведь все–таки оно кончится... И фрукты, и деликатесы, и сладости. "Как отдохнул?" – традиционный вопрос в бараке к вернувшемуся оттуда. Но какой, к черту, отдых, если в душе – тоска, тоска, тоска, отчаянье и пустота, если все в тебе сжато, как стальная пружина... Осталось еще 840 дней такой жизни.

Еще одна мерзкая новость, узнанная мной при возвращении – опять появилось шимпанзе. Сходство за это время еще больше увеличилось, а уровень шума не понизился нисколько. Остается только надеяться, что это несчастье, как и в тот раз, продлится недолго.

Говорят, что после шмона эти существа собирались – и порешили промеж себя запретить “ставить” брагу. Это очень хорошо – настолько, что даже трудно поверить. Слишком уж хорошо, и слишком просто было бы – вот так, разом избавиться от этой вонючей мерзости. Но ближайшее время покажет, так ли это.

Дикие боли в пояснице, начавшиеся где–то неделю–две назад, продолжаются. Вставать из сидячего и лежачего положения, да и вообще – начинать любые движения корпуса из состояния покоя невыносимо больно. Как бывало и год назад, на ноги я встаю весь скрюченный и некоторое время, делая первые шаги, не могу разогнуться.

Корчинский (на украинском) и Литвиненко на этот раз прошли беспрепятственно. Белобрысая мразь – тетка в белом халате поверх формы, принимавшая передачу, не настолько, видать, политически грамотна, чтобы знать, кто такой Литвиненко. А книгу Корчинского она все же понесла зачем–то на несколько минут в свою подсобку – видать, звонить оттуда начальству и согласовывать. Я уж думал, эту не пропустит – но она пропустила! Зато эта сучка, как и в тот раз, категорически не пропустила мне одежду – отличную кожаную шапку с мехом, шикарную, теплую спортивную куртку и черные брюки. Так до конца срока мне и придется тут ходить в засаленных отрепьях и жуткой, бомжи постеснялись бы одеть, казенной шапке из тряпок и ваты, – а специально купленное матерью на последние деньги из–за этих выродков будет ждать меня дома. Более того, эта белобрысая тварь подтвердила уже известный градус сумасшествия своего начальства, – оно теперь запретило пропускать даже черные футболки, которые еще весной мать привозила мне беспрепятственно и в которых (но далеко не только черных) летом ходит практически вся зона...

ДЕКАБРЬ 2008

1.12.08. 6–57

Понедельник. Сейчас приперся на зарядку отрядник и уже во дворе подошел и сказал мне, что Одинцов (опер) написал на меня рапорт за то, что я с ним не поздоровался. Вчера, когда мы только что вышли со свиданки и стояли у вахты (я, понятно, со своим баулом вышел последним и стоял от вахты дальше всех), – Одинцова я вдруг заметил на крыльце (и еще не сразу узнал), когда он всем скомандовал подходить к нему и записываться в какой–то список. Кто–то впереди меня спросил, за что он записывает, и я подходить не стал. Но эта мразь все равно уже узнала меня и записала. Сейчас зашел отдать отряднику заявление на следующую длительную свиданку, пока он не успел законопатить меня в ШИЗО. Он сказал на мой прямой вопрос, что в ШИЗО пока не закроет, но выговор мне будет. Еще один. С третьим уже можно ехать в ШИЗО. Видимо, надо готовиться. Самая большая проблема – на кого оставить на 7–15 суток мои тут вещи, в условиях постоянных шмонов, комиссий и пр. (Ходят слухи что как раз сегодня приедет какая–то комиссия.) Оставить абсолютно не на кого, и вещи будут заведомо разграблены, кроме тех, что я смогу взять туда с собой. Плюс – отрядник сказал еще одну забавную вещь: в ответ на упоминание мной слов Милютина, что у отрядника лежит на меня целая “простыня” с нарушениями, отрядник раскрыл секрет: оказывается, он до сих пор держит у себя тот рапорт, от 28 апреля, не подписанный Милютиным, когда 2/3 отряда раньше времени ушли с ужина, а он (отрядник) вдруг приперся и переписал оставшихся...

15–13

Комиссия! Комиссия!! Комиссия!!! Мы ждем ее! Сбор в “культяшке” (без меня) и крики шимпанзе, несущиеся по всему бараку. Оно же, проверяющее лично перед обедом, насколько все убрали баулы, “шкерки” и пр. “лишние вещи”, но моих баулов не заметившее. Оно же, бешено горланящее после выхода из столовой на далеко (как всегда) разошедшуюся толпу, – видимо, теперь эти блатные твари блюдут “мусорской” режим еще больше, чем до того. После обеда я вынес телогрейку и обувь в раздевалку (бегать, смотреть, не пропали бы), быстро расстелил свое спальное, красное одеяло, а баул с продуктами засунул под свою шконку, хотя обычно он стоит под соседней. Ну, и баул с вещами у меня там стоит, как всегда. Шимпанзе, слава богу, их не заметило, хотя баул со жратвой после вчерашней передачи со свиданки был огромный и вылезал с обеих сторон. Но его

заметила другая блатная нечисть, наглое животное (точнее, насекомое, – для животных такие сравнения оскорбительны). Ну, делать нечего, пришлось, под ехидные издевки насекомого–ключника–каптерщика, тащить в проклятую каптерку, на поток и... Это вынужденное подчинение насилию, точнее, даже его угрозе, – ясно, что на малейший шум, вызванный моими контраргументами, немедленно прибежит бешеное ш., и начнется тот же “базар”, что им в середине сентября. Правда, на сей раз, конечно, не может быть и речи о хоть каких–то разговорах и тем паче попытках аргументов в адрес этого бешеного существа...

Итак, ждем комиссию. 99%, что она не дойдет до нашего барака, даже если и будет ходить по баракам. Грустнейшие мысли о том, что после первого же попадания (уже явно неизбежного) в ШИЗО – придется начинать все сначала в смысле обеспеченности предметами 1–й необходимости. При первой же комиссии или шмоне (а они непременно случатся за время моей отсидки) вещи будут либо выворочены из баулов, как давеча, и разграблены, либо оттащены в каптерку и разворованы там... Ждем комиссию. Дотянуть бы только до ужина, – после него ждать уже не имеет смысла, но тогда встанет тяжелейшая задача – забрать баул со жратвой из каптерки. Насекомое–ключник глумливо до такой степени, что запросто может отказаться мне ее открывать, – придется ждать, пока полезет кто–нибудь другой... Тоска от всего этого страшная, какое–то невыносимое напряжение безысходности и безнадежности в душе. Тупик, глухая стена, – как ни мечтай, спокойно, без комиссий, шмонов, вымогательства денег и просто тупой агрессии дебилов тут жить не дадут. Ну 2, 3 дня, ну неделя спокойная – а потом опять!.. Единственный просвет на душе – что вот, осталось уже всего (всего!.. :) 839 дней, и с каждым днем остается все меньше, и каждые 100 дней теперь будет меняться первая цифирка в этом заветном числе... Тошно настолько, насколько это вообще можно представить, – еще хуже и тошнее, как обычно, было мне только в 3 дня свиданки, наполненные неизвестностью и – потому – самыми ужасными предчувствиями, во многом и сбывшимися. Хуже долгой неизвестности нет вообще ничего. Кто поймет, и кому это вообще расскажешь (кроме матери, но она плохой слушатель) – какая там охватывает тоска, на этих свиданках, когда телесно и мысленно отстраняешься от всей этой повседневной барачной жизни, смотришь со стороны – и понимаешь, какой же это ужас, повседневный, длящийся кошмар, и такого кошмара тебе предстоит еще 2 с лишним года, и надо как–то, любой ценой, выбираться отсюда, но кто тебя отпустит, и не выбраться тебе никуда, но и сил нет больше терпеть, и выхода нет никакого...

Там проходишь ты каждый раз все круги ада, все пытки и мучения, которые только бывают, – моральные, разумеется. Состояние полного и безнадежного тупика... Сейчас все же нет этой тягостной неизвестности , – да, еще один выговор, но не ШИЗО (если подонок отрядник не наврал, конечно). Да, баул там, в каптерке, и в каком виде получишь его обратно – черт знает... Но это все же легче. Проходить сквозь унижения, быть под непререкаемой властью бешеной шимпанзятины, ждать с неотвратимостью надвигающихся репрессий, ШИЗО, м.б., нового дела и нового срока – это моя судьба, да? Революция, борьба за свободу, за права... Против государства, – но его союзником неожиданно оказывается еще и это бешеное ш. Никаких слов, никаких доводов не только не воспринимается, но и просто не понимается (как показал сентябрьский опыт). Все равно что отстаивать что–то, споря с охраной Освенцима или Дахау...

Вернулся Сапог из больницы. Хотя уже, как он уверял, до своего освобождения 22 декабря не вернется. Мразота старая, когда ж ты сдохнешь...

А комиссии, пока пишу, разумеется, нет как нет. Уже 15–50. Но они, скорее всего, приехали на всю неделю, так что завтра все начнется по новой...

С лета (или с весны) сегодня был 1–й случай, когда блатное насекомое заметило мой неубранный баул и – непререкаемым тоном – приказало убрать. Ублюдок...

2.12.08. 17–45

Все–таки эти мрази впаяли мне свой “устный выговор”. Только что, как пришли с ужина, отрядник специально за этим вызвал к себе. Расписываться я, разумеется, отказался, – в знак протеста. Значит, и вчерашний телефонный звонок матери Милютину не помог... Давно я знал, что администрация ИК–4 состоит из подонков, а сейчас это подтвердилось еще раз и с особой убедительностью. Пространства для маневра больше нет: за следующую “провинность” неминуемо законопатят в ШИЗО, а что будет за это время с моими вещами и бумагами – бог весть...

Выцарапать свой баул вчера из каптерки и впрямь стоило больших усилий, в том числе – почти целого вечера ожидания, пока там то будет свободна “сушилка” (из которой дверь в каптерку), то еще что–нибудь, под глумливые перехихикивания наглых, циничных, омерзительных малолеток (21 год; по стене бы их размазал, честное слово!..). Сегодня 2–й день “комиссии” прошел спокойнее. Она, разумеется, не ходила по баракам, как и вчера, но вдруг утром обозначилась в местном ПТУ, – именно из–за нее моего соседа, 50–летнего алкаша, вызвали туда звонком с вахты. С самого утра, сразу после завтрака, я опять расстелил

свое красное одеяло (и сейчас сижу на нем), но сегодня такого “каптерочного” психоза у блатных уже не было, – все всё туда уже утащили вчера, сегодня только лазили что–то брать или класть. Хотелось бы, конечно, чтобы завтра уже от “комиссии” не осталось и следа; но увы, видимо, она в самом деле (как сказал тут один) просидит тут до пятницы, 5 декабря.

4.12.08. 9–38

Комиссия уехала еще вчера. После ее отъезда – еще до нашего обеда – вырубили свет, так что ларек не работал (вчера была среда) и потратить там деньги не на себя мне не довелось (о чем я вовсе не жалею). Зато с утра, пока комиссия еще была, – идем на завтрак мимо 5–го барака, смотрим – весь 5–й барак стоит во дворе, а у их калитки, снаружи, – несколько, типа, ОМОНовцев с дубинками, щитами (точно такими же, как на воле в 90–е годы, когда ОМОН разгонял анпиловцев, а те забрасывали его камнями) и в бронежилетах. Вот те раз, думаю! Что же вдруг случилось, ведь все было в зоне тихо–спокойно еще вчера вечером!.. Но на выходе из столовки встретил одного знакомого с 12–го, спросил его (они в том же здании, что и 5–й, с другой стороны),и он сказал, что это наши же “мусора” в бронежилетах и со щитами, – какие–то учения у них, что ли; короче, показуха. И точно: когда шел обратно из столовой, “мусоров” уже не было, двор 5–го был пуст, и только из дверей, ругаясь, выскакивали с пакетами отставшие и бежали в баню...

Сегодня на завтрак выходили под сильным дождем, – на дворе оттепель, весь снег сошел; обратно шли – дождя уже не было.

Мучительная, глухая, щемящая тоска не оставляет меня. Осталось сидеть 836 дней , – 2 года и 3,5 мес. Если так легко, с лету, можно тут огрести выговор, то чтО ждет за эти 2 года?..

6.12.08. 6–48

Утро. Суббота. Опять, уже не первый день, ужасная тоска, дополняемая на сей раз и тревогой: вчера вечером звонил матери, а она почему–то не брала трубку, и сама не позвонила, как собиралась (или не смогла потом дозвониться?). Так что с вечера мучаюсь всякими дурными мыслями и предчувствиями, – не случилось ли с ней чего.

Дозвонилась зато Е.С. Но разговор с ней был пустой, ничего, кроме как позвонить местному начальству, узнать, куда опять деваются письма ко мне, она не обещала. Да уж, бывший мне “близкий человек”, чем до сих пор корит мать... И сам я дозвонился своей (или уже бывшей своей?), сам не знаю, зачем. Думаю все время о ней, вспоминаю нашу с ней прежнюю жизнь, вот и набрал вдруг – благо, деньги на телефоне были. Она

подошла сразу, – говорит, у них дома накрылся определитель, и теперь она подходит на каждый звонок, не то что раньше. Но даже в голосе ее не чувствовалось особой радости от моего звонка, – с июня ведь не общались. Писала, что любит, и сейчас говорит, что помнит меня, обещает написать к Н.г. – а по голосу никакой особой любви что–то не чувствуется. Как всегда, занята какими–то делами, проблемами, настолько важными, что не до меня. Ей все равно, есть я рядом или нет, это совершенно очевидно. А что меня держит? Только мучительные, до глубины души пронзающие сладкой болью воспоминания о прошлом. Но этого прошлого больше нет, и вернуться в него невозможно.

7.12.08. 19–00

Воскресенье. Прошел еще один пустой день. Никаких событий, – ни хороших, ни плохих. Единственная хорошая новость – вернулся тот единственный ученик, что занимался с матерью, и на ее вопрос вроде бы обещал заниматься дальше, прийти в среду. Хоть какие–то деньги будут. На улице все еще оттепель, снега нет, но уже со вторника по ТВ обещали похолодание. Прочел “Улитку на склоне” Стругацких, взялся за мемуары Махно, но они – по крайней мере, вначале – какие–то не очень захватывающие. Еще полно лежит не прочтенных книг – здесь и дома.

Осталось 83 дня, ровно 119 недель. Тоска и пустота на душе, – как обычно, впрочем. Какое–то тоскливое оцепенение, чувство такой запредельной усталости и вымотанности, когда все уже становится безразлично. Унизительное, скотское существование в неволе, вдали от дома, среди подонков, жизнь по унизительным, идиотским правилам, – и их, и “мусорским”, они друг друга стоят. Дикое унижение на каждом шагу, – но к нему постепенно привыкаешь, тупеешь, покрываешься словно какой–то толстой носорожьей шкурой, – и оно перестает восприниматься как унижение. Выговора, ШИЗО (уже скоро, видать...), поборы, шмоны, “сидорА в каптерку”, наглое командование и грабеж, хамство и матерщина со всех сторон круглосуточно, убогий унизительный быт, постоянная угроза потерять связь...

10.12.08. 10–00

Дни идут, но писать почти не о чем. В понедельник, 8–го, был шмон на 5–м бараке, вчера – нигде (или стрем не знал и не сообщил?), сейчас – на “кечи” (или “кичи”? не знаю, как правильно), – так они все называют хоздвор, расположенный напротив столовой, вне зоны бараков. Надеюсь, что к нам они сегодня уже не пойдут, – потому и решился достать эту тетрадь, убранную вместе с другими в пакет, а пакет – в баул, и хоть что–то написать.

Дождь льет и льет, хотя временами принимается идти и снежок. Но уже заметно похолодало. По прогнозам ТВ, позавчера в Нижнем было +6...8, а сегодня – только –1...+1. Скоро начнутся морозы – никак не позже января.

Шаклеин с 11 по 15 будет в Москве и хочет в офисе у Пономарева собрать всех, кто "за меня", как выразилась мать. Дай бог, чтобы это хоть что–то дало.

Да, забыл, – вчера три "мусора" зашли в барак во время вечерней проверки и довольно долго рылись в чьих–то проходняках, пока бешеное шимпанзе, прямо при них, не начало орать на собравшуюся поглазеть толпу: ложитесь спать, чего смотрите!!!

Сегодня в ларек. Ау, "общее", где ты?! :)) Давно что–то я тебе ничего не покупал – чаю, конфет, сигарет и пр.

Отдал – впервые за почти полтора года в этой зоне – куртку и брюки постирать в "банно–прачечный комбинат, в баню. Один из "обиженных" отнес их туда вместе с пачкой сигарет – плата за работу. Постирать–то можно было бы и здесь, но вот сушить... До 2–го пришествия бы эта куртка сохла. А там у них сушилка или прожарка какая–то – не знаю точно, но к вечеру принесли уже сухое.

Тоска на душе ужасная, все внутри сжимается от тягостных предчувствий. Осталось 830 дней, меньше 110–ти недель. Вроде бы уже не так и много – но за эти 2 с лишним года (ужас!..) еще можно хлебнуть здесь всякого. Едва лягу – начинают слипаться глаза, хочется спать, но настоящего сна днем все равно не получается, а ночью – как раз в самое "сонное" время, под утро, проклятый подъем, зарядка и "мусора", лазящие по баракам, не дают заснуть. Чтобы не проспать этот проклятый подъем, порой приходится бодрствовать уже с 4–х или с полпятого утра, хотя встаю я только полшестого (одеваюсь, выхожу на улицу проверить погоду и снова ложусь). Вчера и сегодня, кстати, зарядка была, несмотря на дождь, – летом хоть на это совести у них хватало, не гнать под дождь. Видимо, наконец–то сон у меня несколько нормализовался по сравнению с тюрьмой, где больше 2–3 часов в сутки спать никак не получалось, – так теперь здесь этот проклятый режим и распорядок дня не дает спать. Днем тоже – если заснуть по–настоящему, то обязательно проспишь что–нибудь, – или проверку, или столовку.

Я не прекращаю в душе ненавидеть и проклинать все это, что вокруг меня, всю эту жизнь и свою проклятую судьбу. Ненависть, тоска и безнадежность. Депрессией (на которую жалуется мать) это уже не назовешь, это хуже. Это вообще уже по ту сторону. "По ту сторону отчаяния", как у Леры... А с матерью, кстати, опять не

дают нормально говорить по телефону, – вчера, например, только один раз вместо двух.

11.12.08. 10–12

Сам виноват – и слезы лью, и охаю:
Попал в чужую колею глубокую...

Действительно, идиот этакий, сам виноват! Отдал своими руками, дурак!.. Вчера пришло это блатное чмо, которое якобы “помогало” мне тут (как я сам себе врал, а на деле – какая там помощь, одно стремление что–нибудь урвать, как и у всех у них) и, надеялся я, может “помочь” в будущем, если очень понадобится. Короче, оно пришло с известием (хотя до него с этим же подходили и другие): одному суперблатному супермегачму, блатной нечисти высшей категории, перед которой тут чуть не на коленях все стоят, – нужен маленький (именно маленький!) чайник. Дело в том, что это существо (наглейшее и омерзительное, – знаю потому, что с прошлой зимы и до лета оно было у нас в отряде) сидит в БУРе (ЛПУ, и как раз с лета), а во сейчас перевели на неделю в больницу, там закрыли одного в больничный изолятор, – и, короче, ему на эти дни в больнице нужен маленький чайник! А маленький во всей зоне есть только у меня, больше ни у кого! О, конечно же, конечно–конечно – “с возвратом”!!! Это, которое пришло забирать вчера – о, как оно клялось и божилось, что само, лично, собственноручно, через несколько дней мне принесет чайник обратно и вот сюда (на наш “столик”–табуретку) поставит! Оно прижимало руки к груди и грозно вопрошало, уж не сомневаюсь ли я в его (в его!! в самого ЕГО!!!) словах?!

Короче, чтобы не рвать тут же полностью на весь оставшийся ему год отношения (от коих все равно, впрочем, никакого прока), я отдал. Ругая себя в душе последними словами за слабохарактерность. И – нет сомнения, что чайник пропал, о нем можно забыть, возвращен он не будет. Я не спорю, что этот тип, клявшийся мне, что лично принесет, – действительно захочет принести, но где он этот чайник, безнадежно пропавший в больнице, мне возьмет? “Мусора” ли его отметут, или санитары сопрут, или еще кто, – но год и месяц я этим чайником, купленным Аней П., пользовался, а теперь – всё!..

Этот блатной зато, в качестве компенсации “на 3–4 дня” здесь же, в бараке, всем сурово приказал: как только мне понадобится кипяток – чтобы “барачный” чайник мне давали сразу же, немедленно! Но это смешно: их всего–то осталось 2, этих еле живых чайника, постоянно ломающихся; за них тут ежеминутно вспыхивают жестокие потасовки и выстраиваются очереди. Да и

мне, чем у кого–то из этих тварей что–то ходить просить, – легче удавиться. Так что достал я из баула кипятильник, привезенный еще из Москвы, с 5–го централа, и стал на ужин кипятить себе воду в своей алюминиевой кружке 0,5 литра из местной столовки. Это очень неудобно, особенно после того, как за год успел уже как следует привыкнуть к чайнику как к атрибуту более высокого уровня жизни. Полная кружка не получается – часть выплескивается, когда кипит и когда несешь ее – и холодную, и потом горячую. Нести очень горячо, ручка кружки у меня была обмотана ботиночным шнурком в 2 слоя, но все равно горячо. А сегодня утром я, ставя ее на “столик”, пролил кипяток уже и себе на пальцы правой руки. Было очень больно, но все же крупных ожогов и волдырей не возникло, рукой можно работать. После завтрака я обмотал ручку еще одним шнурком, поверх прежних, уже в 3–й слой. Кроме этих неудобств, на мойку посуды (вечером) воды остается совсем чуть–чуть и, пока я ем, она остывает до едва теплой (а в чайнике, наоборот, оставалась слишком горячей, я разбавлял из–под крана). В общем, уровень комфорта без этого чайничка сразу резко снизился, – вплоть до ожогов...

И было на душе мерзко, а стало – совсем невмоготу, среди этих наглых тварей, круглосуточно занятых только своими делами и плюющих на тебя, как будто тебя тут вообще нет. (Соседи в соседнем проходняке, отгороженном только одеялами, продолжают денно и нощно, сегодня всю ночь напролет и во весь голос, трепаться по телефонам со своими бабами. Волей–неволей я вынужден все это слушать и быть в курсе всех их дел.) Твари, будьте вы все прокляты! Мрази, твари, ублюдки, нечисть, падаль собачья, вонючее отребье воровское!!! Ненавижу вас всех, ненавижу, до такой степени ненавижу, такой лютой ненавистью, – действительно, всю эту зону выжег бы напалмом, чтобы здесь ровное место осталось, усеянное вашими обгорелыми костями! До такой степени дошла ненависть и ярость в душе, до такого остервенения доводит эта жизнь, что сегодня утром, увидев свою прежнюю (еще вчера!) любимицу кошку Маню, которая прежде жила у меня на шконке, а теперь поселилась у одного урода под шконкой, на бауле а ко мне приходит только жрать, – при всей былой любви и нежности к ней, при всем еще вчера обожании, я поймал себя на внезапном желании пнуть ее ногой в голову, чтобы она отлетела и шмякнулась об стену. И не просто так, от злости, а за измену, за то, что эта тварь тоже меня предала, ушла от меня, и еще имеет наглость приходить ко мне жрать, – ей, как и всем на этом свете, нужно только что–то материальное урвать от меня, поживиться за мой счет чем–нибудь, а сам я – на фиг не нужен!..

12.12.08. 15–35

Господи, как же я вас всех ненавижу!!! Твари, суки, мразь!.. Не–на–ви–жу! Всех, – и тех, кто сюда законопатил, и всю здешнюю сволочь, с которой приходится жить под одной крышей, и начальство с выговорами, и весь этот мир!..

С утра сегодня опять ошпарил руку кипятком, неся кружку в свой проходняк. Он узкий, буквально как щель, – видимо, поэтому я именно на входе в него каждый раз расплескиваю эту проклятую кружку. И, видимо, это теперь моя судьба до конца срока – кипятить в кружке и ошпаривать пальцы правой руки. После этого никакие ожоги будут уже на всю оставшуюся жизнь не страшны. Хорошо, что есть пока масло – достал бутерброды, прямо с хлеба мазнул немножко на палец и намазал им обожженные пальцы. На этот раз кипяток попал на более нежные места, чем вчера. Но сейчас не болит, слава богу, и волдырей нет.

Утром, еще до бани (сегодня пятница) был шмон на 8–м. Идти одному в баню было опасно: ход–то хоть и свободный, но это для СДиПовских постов, а увидят одного на дороге “мусора” – легко могут прицепиться к чему угодно. Но рискнул, пошел – и туда, и обратно дошел без происшествий. А вода в бане на этот раз оказалась не “холодной”, конечно, как сказали мне уже на подходе к ней, но теплой, можно было бы и погорячее.

Ежепятничное послепроверочное собрание–чифиропитие в “культяшке” продолжалось у них на сей раз – охренеть! – больше часа, с 20 минут первого до полвторого. Чифир–то выпивается за первые 10 минут, – а остальное время, видимо, слушали пламенные речи шимпанзятины. Крик был такой, что через стену и всю секцию доносился порой до моей шконки. Больше тут так орать некому.

Существо, для которого забрали мой чайник, пока там, в больнице. К нему туда ходят, говорят с ним и – здесь – о нем, ссылаются на него. О чайнике – ни слова пока что. Что ж, ждем воскресенья, и тогда с утра попробуем что–то узнать...

Мать с трудом прозвонилась только после этого их собрания, за 15 минут до ухода на обед, через сутки (!) после вчерашнего нашего разговора. Как я и думал, вчерашнее собрание с Шаклеиным в пономаревском офисе обернулось полным ничтожеством. Все, что задумывается грандиозно и с пафосом, всегда так и оборачивается... Кроме матери и Шаклеина, были только Монахова , Агафонов, Тарасов и Гиляров, – последний, конечно, особенно близок все эти 2 с лишним года к делу моей защиты. Непонятно, о чем говорили, но ни к чему конкретному в итоге не пришли. Е.С. пришла туда же позднее, – видимо, специально, – когда этот состав собравшихся уже ушел. В общем,

нигде и ничего, никакого просвета. Отказали, по сведениям матери из Верховного суда, и там на надзорную жалобу. Никакого просвета, никакой надежды, никаких шансов выбраться раньше срока. Чудес не бывает. А сидеть мне остается еще 828 дней. Заканчивается 119–я неделя, осталось 118 бань…

Я проклинаю их всех постоянно, с утра до ночи, с самого момента пробуждения, проклинаю в бараке, на улице, в столовой… Проклинаю и ненавижу, желаю им самой лютой смерти, дождя серного и огненного, казней египетских… Я смертельно устал и душевно вымотался жить постоянно в этом напряжении, жить среди подонков, отребья и мрази, ежедневно ходить среди них как по минному полю… Да, прав был Андрей Деревянкин, – раздельное содержание политических от уголовников совершенно необходимо. Для приличных людей – это просто вопрос жизни и смерти в зоне…

В проклятом этом ларьке уже 2–й раз нет хлеба. А в столовой, как назло, опять дают мерзкую кислую “черняшку” (давно ли давали белый?..) Теперь этой гнусной кислятиной придется завтракать до среды включительно, если хотя бы в среду белый хлеб все–таки появится в ларьке…

Старый ублюдок Сапог продолжает каркать со своего 2–го яруса всякую блевотину по моему адресу, в том числе антисемитскую, а также о том, что я “написал статью” (об “убийстве ментов”, – он не читал меня, разумеется, но так воспринял мои слова на эту тему в том еще году, осенью, когда я имел глупость с ним о чем–то разговаривать), а также, что я глажу и кормлю кошек, – это его почему–то особенно бесит; кошек он ненавидит так же, как и меня. Я смеюсь над его гавканьем про себя, а когда он порой впрямую ко мне обращается, – спокойно посылаю эту “Дездемону” по всенародно известному адресу.

13.12.08. 7–10

Господи, какие же они все психопаты! Кошмар! Куда я попал?! Четкое ощущение, что находишься в сумасшедшем доме. Только в настоящих сумасшедших домах психов колют лекарствами, и они там тихие, спокойные; а тут их никто ничем не колет, тут они буйные и агрессивные. И от этого – ощущение какой–то кромешности, полной безысходности, безнадежности, обреченности жить до конца срока в этом психозе, бедламе, кошмаре, где спокойная, разумная, размеренная жизнь невозможна по определению, где ее не может быть ни дня и ни секунды…

Два старых идиота, живущих прямо напротив меня, сразу за “обиженными”, повадились – как раз к начавшимся вчера

морозам – открывать форточку. Один – “спортсмен”, бегает по утрам, до подъема, – выходя бегать, открывает ее где–то до половины. Второй замерз, т.к. был не одет, – это его разозлило, он оделся, открыл на всю ширь, да еще воткнул палку, чтоб с улицы закрыть было нельзя. Полсекции, в том числе и я, сразу замерзло, – с одной форточки несет холодом так, будто ты на улице, – а этот старый психопат сидит на своей шконке под окном, пьет чай и только ухмыляется на все просьбы закрыть. Но палку он все же убрал. Я пошел и закрыл с улицы. Через пару минут “спортсмен” опять вышел бегать и с улицы же открыл опять. Я пошел и опять закрыл. Короче, дурдом...

А каким истерическим смехом (про себя) встретил я вчера заявленное мне постановление этого их часового сходняка с чифиром, – чтобы отныне к отряднику, когда он сидит у нас в бараке, в своем кабинете, и вызывает к себе, не ходили по одному!.. Ей–богу, они сбрендили уже совсем, вся эта полоумная “братва” во главе с шимпанзе! Меня отрядник как раз вызвал вчера – оказывается, Юля Приведенная, “портосовка”, которую еще недавно саму вытаскивали из тюрьмы, прислала мне какую–то “портосовскую” литературу, – безумную, как и все у них, это заметно, как только берешь их творчество в руки. Отрядник при мне вскрыл конверт, показал все – и забрал в цензуру (точнее, конечно, в оперчасть), как обычно. А едва я оттуда вышел, – подбежала одна блатная вошь, возбужденно поинтересовалась, что я делал у отрядника, и на мое объяснение столь же возбужденно сказала, что “сегодня же был разговор, чтобы по одному к отряднику не ходить!” – и потащила меня разбираться к шимпанзе, к новому здешнему начальству...

9–15

Состояние, близкое к полному отчаянию. Кошмар! – еще 2 с лишним года среди этих психопатов, этой полушизы–полукриминала!.. От одной этой мысли можно сойти с ума... Лучше 5 лет просидеть в одиночке где–нибудь в Магадане (который мне обещал Милютин), чем с этими буйными психами – хотя бы месяц... И хотя не так уже регулярно и неотступно, как в тюрьме, приходит мне эта мысль о суициде, о том, чтобы на все плюнуть – и разом покончить со всем этим затянувшимся бредом, – но все же она приходит, и как раз это вот чувство отчаяния и безысходности, беспросветность ежедневной, целыми годами, жизни среди буйных психов и уголовников, – это мое отчаяние, с которым я по сей день продолжаю каждое утро тут просыпаться, лучше всего подводит к этому беспечальному концу. О, если бы у меня только хватило мужества!..

А как они будят несчастных “обиженных” каждое утро, эти

твари! Я лежу напротив и наблюдаю эти сцены: едва включают свет, а то и до него, человека 4–5 “начальничков”, подходя специально или просто идя мимо, начинают толкать и пинать ногами со злобой и руганью их шконки. Ту, что стоит отдельно прямо напротив моей, на которой спят уж самые забитые и жалкие из этих бедолаг, – пинают особенно яростно; тот злобный старикашка–психопат, живущий прямо за ней, что подпер сегодня палкой окно, – он регулярно наваливается на эту шконку всем корпусом так, что она прямо валится на соседнюю. Это злобное издевательство считается здесь абсолютно в порядке вещей, никому и в голову не приходит, что здесь что–то не так. Как же! – на воле они были никем и ничем, самыми низами общества, отбросами, пьянью, социальным дном, – а тут, в зоне и тюрьме, есть целая каста людей, стоящих официально (!!) ниже их, людей бесправных, которым запрещено давать сдачи, если их бьют и пинают... О, с каким наслаждением все это отребье будет пинать таких же, но при этом еще и официально бесправных бедолаг, будет не то что шконки их валить, – ногами топтать!..

Стал писать про то, что они буйные психи, – и вспомнил: ведь тут у некоторых в самом прямом смысле печать идиотизма на лице. Юные дауны, (недо)выпускники вспомогательных школ на воле...

Тягостно это вспоминать, но большинство тех, кто и на воле меня окружал, – тоже психопаты. Люди, не способные справиться со своими нервами, управлять своими эмоциями и настроением. Ты к нему обращаешься по делу (по которому, м.б., и не к кому тебе больше обратиться), а он, не дослушав тебя, начинает визжать и орать, впадает в истерику – и ни о каком деле уже речи быть не может... Начиная с матери – сколько вокруг меня таких! Почти все... Нормальных, выдержанных, спокойных, – по пальцам одной руки сосчитать. Но на воле я хотя бы не зависел от них до такой степени, как здесь, когда вот такая тварь откроет окно в мороз – и хоть околей, ей плевать на тебя...

14.12.08. 9–45

Как безумно, бесконечно долго он тянулся, этот вчерашний день!.. Казалось бы, вот уже обед прошел вот и с ужина вернулись, – а все равно, пока еще после этого сидишь, читаешь, ждешь СВОЕГО ужина и одновременно звонка от матери (вчера опять ей не дали вечером, твари, дозвониться!), потом носишь, по новому твоему жизнеустройству здесь, туда–сюда эти кружки с кипятком, – кажется, успеваешь прожить еще целую жизнь. Весь день вчера мне было тошно и мерзко, с самого утра, с этой истории с окном, и до самого вечера как ком какой–то в горле стоял, – только не в горле, а какая–то особенная мерзость была в

душе. И только сегодня утром, проснувшись, я понял, какая: нерешенный вопрос о том, как теперь быть, если вызовет к себе отрядник, а эти блатные выродки требуют докладывать им. Для меня это – тошно, мерзко до рвоты, внутренне совершенно неприемлемо, – признавать их тем самым за власть, за начальство над собой, выполнять их наглые требования; да и просто подходить к ним близко стоять рядом – физически омерзительно в высшей степени, особенно рядом с шимпанзе. А не пойти к отряднику тоже нельзя, – там всегда что–то важное, будь то почта или новый выговор. Конечно, время лечит все, и со временем сотрутся, поблекнут и эти их идиотские порядки, их гнусная слежка друг за другом и за мной. Да, м.б., и шимпанзе опять закроют в изолятор (вот было бы счастье, если бы в БУР на полгода!..). Но если сейчас, в эти дни, до Н.г., отрядник все же вздумает мне принести эти ПОРТОСовские материалы, – это будет плохо именно с этой вот стороны. После Н.г., мне почему–то кажется, станет легче, да и вряд ли он придет до конца праздников.

Пробовал сегодня узнать насчет своего чайника. Пока что тишина, никаких известий. Сказано мне было, что существо, для которого чайник этот и забрали, пока что в больнице, и чайником по–прежнему пользуется, и его вроде бы до сих пор не отмели. Последнее с такой же вероятностью может быть и враньем, т.к. там он явно “не положен”. Едва ли вернут...

Тишина, часть лампочек выкручена, свет приглушен, все спят. Время 10–00. Воскресенье. Лучшее время дня – утро, пока все они дрыхнут и можно спокойно заняться чем–то важным, пока никто не смотрит, не лезет и не мешает. А главное – спит шимпанзе, колобродящее по ночам. В общем, ситуация теперь здесь, в бараке, такая же, как была у меня в тюрьме, на 1–й “сборке” в 2007 году, когда свободно себя чувствовать в камере можно было лишь с утра, пока дрыхла эта мразь, за ней “смотревшая” – Сергей Галибов, 1982 г.р.

15–11

Такая тоска, просто с ума сойти. Тоска, одиночество, отчаяние... Еще 2 года в этом кошмаре, день за днем... И не у кого искать настоящей поддержки, и не к чему прилепиться душой... Вся жизнь – в руинах, и прошлая, и настоящая, а будущего – нет...

15.12.08. 18–05

Эти 2 старых хрыча напротив меня так и продолжают открывать окно в любое время дня и ночи, когда им вздумается. Когда немного, но чаще – нараспашку. Выхожу на улицу, закрываю оттуда, когда уж совсем невмоготу. Хорошо, что сегодня днем пошел снежок и несколько потеплело.

Сейчас перед столовой собрали большую толпу из 12–го и 13–го отрядов, одновременно пришедших на ужин. Какой–то “мусор” требовал построиться по трое. Из 12–го многие просто повернули назад, в барак. Оставшихся, и нас с ними, в конце концов запустили во двор столовой так, толпой, без всякого построения. Выхожу из столовки – во дворе опять стоит толпа, ворота закрыты. Но, вопреки ожиданиям и стоящему рядом с воротами “мусору”, выпустили тоже без построения.

Манька, сволочь, по–прежнему приходит только проверить свою баночку, посидит возле нее пару минут – и сваливает…

Ужасная тоска, усталость, полная душевная вымотанность и упадок сил. Мертвое состояние. Я – покойник, и смотрю на мир живых с того света, из преисподней. Осталось еще 825 дней; сегодня (понедельник) пошла 118–я неделя.

Вчера уже после отбоя, пользуясь звонком матери, дозвонился опять “своей” Ленке. Продиктовал ей здешний номер, которого у нее якобы нет. После этого говорю ей: сейчас не могу больше говорить, тратить деньги со счета, позвони мне завтра после часа (дня). Она отвечает: а почему обязательно завтра, разве нельзя в другой день? Да нет, можно, конечно; за 2 года можно еще успеть позвонить, торопиться и впрямь некуда. Можно и вообще не звонить, если нет в этом (т.н. во мне) внутренней потребности. Честно говоря, я аж опешил, услышав этот ее вопрос, нельзя ли в другой день. И, разумеется, до этого момента (7–й час вечера) она не позвонила. Видимо, прав я был еще летом: отношения эти умерли окончательно и навсегда, никакого возврата к ним быть уже не может.

17.12.08. 9–31

Сейчас идет шмон на 9–м бараке, на том “продоле”. Вчера, кажись, не было нигде. Позавчера (или все же вчера? Отшибает память…) – тоже на том “продоле”. Я уже не раз замечал по часам: последнее время крик: “Шмон–бригада на большом!” раздается ровно в 9–25. Хорошо: хоть не ждать до 11–ти, как раньше…

Абсолютно нет сил. Чувство вымотанности, измученности такое, что хочется только одного: сдохнуть поскорее. Думаю, такое постоянное, изматывающее нервное перенапряжение, если в нем жить годами, день за днем, – вполне может к этому привести. Невозможно жить в круглосуточном напряжении, ни днем, ни ночью не расслабляясь ни на секунду.

Вчера был безумный день, и тянулся он бесконечно, как опять стали тянуться тут дни. С утра, еще до зарядки, приперся – вроде бы – опер, и пришлось срочно выскакивать на улицу. Шимпанзе потом долго орало в секции, что надо всем с утра выходить на

улицу и “не шатать режим”, – хотя именно оно–то, если “мусора” не заходят, дрыхнет обычно до самой проверки, просыпая не только зарядку, но и завтрак.

Перед ужином стрем опять прозевал отрядника, который, никем не замеченный, зашел прямо в секцию. Я, начитавшись, лежал на шконке и ждал выхода на ужин, как вдруг увидел, как кто–то грубо сорвал занавеску, закрывающую вход в проходняк блатных “обиженных”. Это было так необычно, что я хотел приподняться посмотреть, кто ее сорвал, как вдруг увидел около этого проходняка рукав и бок камуфляжной пятнистой куртки, в которых ходят все “мусора”. Инстинктивно я сел на шконке, даже не успев еще спустить ноги на пол, как вдруг ОНО повернулось, сделало шаг в мою сторону – и оказалось нашим отрядником.

Ничего “запретного” он не забрал, – так, сорвал пару “шкерок” и оформил на сегодня в ШИЗО 2–х, явно спавших, которых сам же и разбудил. Потеря небольшая, но скандал был страшный, шуму было много, и шимпанзе, конечно же, визжало и билось больше всех. Быстро установили того “обиженного”, который должен был в это время стоять на стреме в “локалке”, но чтобы его били, я не видел, как и следов сегодня утром на его лице. Попутно выяснилось, что идущего по “продолу” отрядника не заметил стрем вообще ни на одном из шести бараков...

Уже разделись, легли спать, – как вдруг опять “новость”: сейчас, или через час, через 2 пойдет “комиссия” с Заводчиковым, так что убирайте “все лишнее”. Ну что ж, куртку я засунул за шконку, один баул (с едой) запихнул поглубже под соседскую шконку, другой постарался завесить одеялом, как всегда. Какая там “комиссия”, обычный ночной обход, какие стал практиковать Заводчиков на новой должности. Вещи–то прятать надо не от него, а от этой бесхвостой злобной твари, которая ведь не понимает ровно никаких слов и не принимает никаких аргументов, а только истошно орет и норовит ударить при самом малейшем неповиновении. Омерзительное и страшно трусливое животное, которое так боится “мусоров”, что норовит заставить всех силой выполнять любые их (“мусоров”) требования, только бы они его не тронули... Короче, спасение в случаях этих ночных обходов одно: поскорее гасить свет, без которого ни эта бесхвостая тварь, ни Заводчиков ничего не увидят. Но свет–то как раз эта мразь обезьяна гасить и не дает! Погасили было – где–то в районе пол–одиннадцатого, – а оно верещит из дальнего конца секции: “Включи све–е–е–ет!!!”. Включили. Я лежу, прикрыв лицо, типа сплю, полами одеяла прикрыв баул под шконкой (не полностью, увы) – и жду, будет ли оно сейчас ходить и дотошно проверять, все ли всё убрали, и если да – жду скандала и

истерики... Оно не ходит, только горланит и ржет в дальнем конце секции, а я лежу и жду. И вот это, видимо, был момент такого запредельного, максимального за весь день перенапряжения нервов, что отойти полностью от него я не могу до сих пор. Не гасят и не гасят свет, сволочи, хотя большинство народу уже спит. Короче, не знаю, что было бы дальше, если бы, обдумав все и прособиравшись некоторое время, я в 23–40 (!!) не встал сам и, выходя из секции, не вырубил его сам. Через минуту вернулся – все нормально, не включили больше! Ура! Можно не то что спать – какой тут сон, после такого! – а просто хотя бы расслабиться немножко.

Пока лежал так вот под одеялом и ждал – пришла мысль, что вот так же, наверное, я себя чувствовал бы, лежа живым в заколоченном и зарытом в землю гробу. Я попытался это представить, ощутить "наяву". Конечно, там нервный напряг был бы еще куда больше – но зато и вокруг не было бы всех этих тварей, опасных, ехидных и просто любопытных, и можно было бы начинать выбираться сразу, как только до конца осознал ситуацию, а не лежать, как здесь, не ждать, не просчитывать, не будет ли опять с кем–нибудь истерики, если я сам погашу свет...

А Заводчиков таки да, приперся еще где–то через час. Я уже успел поспать и опять проснуться. Эта сука пришла со своей свитой – предСДиП, нарядчик (он–то зачем? Но его кто–то в бараке опознал) и т.д., плюс наш "ночной" (вернее, нет, – тоже предСДиП отряда). Он тащил с собой большой фонарь и светил им по сторонам, по шконкам и лицам, в том числе посветил в упор и в мое лицо (я закрыл глаза), но под шконки не заглядывал.

И вот сегодня – отходняк от этого вчерашнего "веселья". Но реального отходняка нет – есть предчувствие новых ужасов, таких же и еще хуже. Сейчас, уже скоро, эти твари проснутся, придут "мусора", начнут созывать в "культяшку", ждать еще какую–нибудь комиссию, шмонать шконки и баулы, строить возле столовой, и т.д. и т.п. Все 33 удовольствия, короче, обещает наступивший день. Не знаю, как я проживу в таком кошмарном нервном перенапряжении, постоянном ожидании беды, еще 2 года 3 месяца. Сил нет уже сейчас; внутри все сжато, как пружина, вся душа дрожит мелкой дрожью в ожидании этих несчастий каждый день и каждую минуту. Вот такая здесь "веселая" обстановка. Удастся ли мне отомстить ИМ за все это?..

15–32

Разбаливается опять зуб. Уже довольно сильно, вчера начинал совсем слабенько. Только этого мне не хватало до полного счастья!.. Давно не болел... С лета, кажись. Принял таблетку, но пока не помогает. То у моего соседа, старого алкаша,

несколько дней болел один из последних 2–3–х оставшихся зубов, теперь вот у меня...

А пережитое мной вчера ночью, весь этот внутренний ужас, когда я лежал под одеялом и ждал выключения света или же визгов шимпанзе, – видимо, это не могло пройти так просто и бесследно. Сегодня выяснилось, что эту злобную тварь закрывают тоже в ШИЗО, вместе с 2–мя, спавшими вчера при отряднике. Ура! У–р–ра!!! Хоть 15 дней, а м.б., и месяц опять, и 2, как в те разы, удастся отдохнуть от этой нечисти. Сразу вспоминается анекдот, когда поп/раввин советует в переполненный, тесный дом ввести еще и козла, а затем – убрать козла оттуда: сразу та–а–акое облегчение!..

А сам отрядник, сволочь, сегодня опять каким–то образом просочился в барак незримо, как привидение, между проверкой и обедом. Но скандала на сей раз не было, – видимо, остальные все же откуда–то знали о его появлении; а я, спустя минут всего 10–15, как поговорил по телефону с матерью и М., – вдруг слышу крики стремщиков, что отрядник выходит из своего кабинета и прется в нашу секцию!..

Вымогательство в ларьке последнее время несколько снизилось. Похоже, ИМ самим пришли какие–то переводы, и они пока что на все свои “кресты” и “крыши” покупают все на свои. По крайней мере, в тот раз, в прошлую пятницу, у меня сложилось такое впечатление. Но радоваться этому, конечно же, рано, – еще потребуют, все еще впереди... А вот с чем в этом проклятом ларьке настоящая бедам – так это с хлебом! 2 раза на той неделе его не было, прихожу туда сегодня (среда) – хлеб кончился!.. Черт их возьми, тварей!!! Купил там паштет, которого давно не было и который я все ждал, – так до пятницы (в лучшем случае) его не с чем есть, кроме омерзительной, кислой столовской “черняшки”...

18.12.08. 18–12

Опять сегодня перед обедом – вдруг крик: “Мужики, послушайте!”. Опять якобы – сейчас какая–то комиссия с каким–то полковником, которая “еще не уехала” (а когда она приехала?!) пойдет по баракам, – короче, сделайте “все как всегда”. Опять баулы, каптерка, телогрейки... Но – шимпанзе нет, с его дотошными проверками, а без него легче. Я расстелил свое красное одеяло, как обычно теперь, и ничего убирать не стал. Некоторые сразу же начали делиться друг с другом, что сейчас по баракам пойдет прокурор. Не пошел, разумеется, никто. Все тихо и спокойно, и даже СДиПовцы на “продоле” – без красных повязок, как при недавней комиссии. Реально их (комиссий) меньше, чем пустых слухов о них, – но ведь злобным и

безмозглым выродкам в бараках не докажешь, что это только слух, – не докажешь потому, что они вообще ничего, никаких аргументов не слушают, а начальства боятся панически. По моим прикидкам (чисто от нечего делать, и поэтому больше юмористическим, а не всерьез), комиссии (и – главное зло – неизбежная вместе с ними каптерка) не могут быть каждый месяц, исключаются и новогодние каникулы каждый год, и период июля–августа (отпускА), и т.д. Месяцев мне осталось 27 (когда считал, было 28). Комиссия может быть, ну, допустим, раз 20 за это время. А если, как теперь выходит, в месяц она сама и слухи о ней будут по 2 раза, – это что, мне предстоит пережить тут еще 54 комиссии и каптерки?!.

Дверь, наружная дверь от барака, ведущая в него прямо с улицы, которая с марта валялась во дворе, а летом служила пляжным топчаном для загорающих, – больше уже не валяется. Сегодня осмотрел двор, – нету. Выбросили? На улице начались уже морозы, и в “фойе” барака, с одной не прикрывающейся до конца дверью, стоит дикий холод. Жду кружку – и мерзну. (О возврате чайника и помина нет.) Но комиссии и всех заводчиковых волнуют (якобы) “сидора” под шконками, а не отсутствие входной двери, да еще зимой...

Состояние душевное совершенно убитое, мертвое. Нет сил дальше тянуть этот архиперегруженный воз, и на 2 года с лишним этих сил просто не может хватить. Неоткуда им взяться. Лучше всего было бы прямо здесь упасть замертво, обессилев вконец, и околеть. Но нет, не берет меня смерть, проклятая... Жизнь через силу; существование в виде тени в загробном мире, а не жизнь. Оставшиеся 822 дня – это еще очень много. Слишком много...

Проклятая мразь отрядник приперся перед ужином уже 3–й раз за день, и теперь сидит у себя. Сука, когда ж ты сдохнешь?.. (Или хотя бы в отпуск уйдешь.) Из–за него поговорить с матерью я не мог до сих пор, а она должна была начать звонить в 13 часов, сразу после занятий. Сейчас вот думаю, пересилив себя, пойти, спросить, сделать попытку, но 100% уверенности, что она окажется неудачной...

19.12.08. 16–00

Пароксизм отчаяния и ненависти... Так тяжело, как эти последние недели, мне не было уже давно. Поневоле снова и снова всплывает мысль о суициде. Не зря же, черт возьми, я состою у них на профучете как суицидник...

Вчера поговорить с матерью так и не удалось. Сюда перевели – не знаю, с какого барака – еще одно животное, – тоже с Кавказа, донельзя блатное и – прямо на роже написано – донельзя наглое и бесцеремонное, как они все. Хамло и нечисть, – хотя, м.б.,

поспокойнее, чем шимпанзе. Но “труба”, которой я пользуюсь, теперь 90% времени в его руках. Вчера вечером мать таки прозвонилась сама, но только я успел с ней поздороваться, еще и минуты не проговорил, – вдруг “2–я линия”. Я глянул – опять из–под “крыши”, видимо, опять шимпанзе, которое оттуда звонит именно на этот номер. Чтобы избежать очередного скандала с ним, уже бывшего в прошлую его отсидку, я отдал, чтобы владелец “трубы” ответил на звонок, а матери сказал не класть трубку. И тот, ответив, отнес “трубу” говорить кому–то еще. Я просил меня позвать, как вернут, – этот подонок даже и не подумал! А когда вернули, ею опять немедленно завладел “новенький” до глубокой ночи. А мать ждала 20 (!!) минут, пока эти ублюдки трепались, потом закончили – и ее тоже отключили. Разобидевшись, она больше в тот вечер не звонила. А меня эта ситуация, да еще хамство, с которым “новенький” после этого отказал мне в “трубе”, привели в состояние такой исступленной ненависти к ним ко всем, к этим бесцеремонным наглым тварям, подонкам, уголовному отребью, что просто не описать словами. Ей–богу, если б была возможность – я бы с удовольствием выжег напалмом с воздуха всю эту зону, по периметру, чтобы тут кирпичи плавились, или сбросил бы на них бомбу такой мощности, чтобы осталась на месте этих бараков большая дымящаяся воронка... Ненависть и острое желание уничтожить их! Твари, ублюдки, наглое хамье, всех вас в крематорий!!.

Ночь я тоже не спал нормально, – отчасти из–за всего этого, отчасти из–за соседей, устроивших рядом в проходняке форменный переговорный пункт, сразу несколько человек сидят и болтают про телефонам, а один, самый мерзкий и наглый, 20–летний хлюст, – орет в полный голос, никого не стесняясь; с 12 ночи до 6 утра у него связь бесплатная, и он все ночи напролет треплется со своей девкой (сейчас, когда я это пишу, он тоже треплется с ней, он вообще не связи круглосуточно, как и все они, а вот я не могу здесь получить телефон даже на полчаса в день...); а когда наконец все–таки эта шатия затыкается и ложится спать, – уже остается час или полтора всего до подъема, и если я позволю себе заснуть (как особенно мучительно хочется в это время), то я просплю его. В результате и перед баней, и после нее, и весь день вообще, – стоило мне лечь, как глаза начинали сами собой слипаться, и я если не засыпал, то впадал в дремоту...

А так, в общем – все более или менее. Правда, сегодня вечером мать, скорее всего, не прозвонится опять. Через час на Пушке в Москве должен быть пикет, организованный “Ватаном”, – хорошо бы, кто–нибудь догадался прозвониться оттуда. Сходили в баню, на обед, в ларек (удивительно быстро там управился!..),

пришел, поел... Так и хочется расслабиться: всё, тяжелые дни прошли, впереди – 2 выходных, ни комиссий, ни шмонов, не нужно прятать баулы, в воскресенье и на зарядку не нужно... Благодать, казалось бы, – выходные, и вот еще одна неделя прошла, осталось их 117. Но, увы, – опыт жестко учит, что расслабляться тут нельзя никогда, ни на один день и ни на одну минуту, круглосуточно. В любой момент те или другие могут сотворить тебе любую пакость, ибо это не люди, а мразь и зверье...

Сосед, старый ворюга в проходняке рядом со мной, дал мне (временно, конечно) байзер на 0,8 литра, и воду я кипячу теперь в нем. О чайнике – нет, никто не говорит, что его отмели, он пропал, нет. Но и возвращать его никто не возвращает, хотя уже все сроки прошли. Мать уже присмотрела новый, тоже 0,5 литра, но покупать его – мало денег, да и в январе, пока праздники, мне его уж никак здесь не отдадут, так что только если к концу января, везти на длительную. С байзером я, по крайней мере, не ошпариваю руки кипятком, но закипает он, сволочь, раза в 2 дольше, чем прежний чайник, – чуть не 20 минут.

22–10

Итак, последние новости местного буреполомского идиотизма. Новенькое блатное чудо, оказывается, не наше, а с другой зоны, поблизости. Сменили режим и перевели сюда. И, как ОНИ мне сейчас подробно разъяснили, “труба”, которой мы все совместно пользовались, то ли сгорела сегодня утром, то ли что еще, – короче, не включается. Могут, конечно, и врать, – с этой подлой породы станется. Но правда или нет, – а звонить матери теперь придется с другого барака, как сегодня утром. Да, только вот писал: расслабляться здесь не стоит ни на секунду, любая гадость возможна здесь в любой момент.

На улице мороз, по прогнозам ТВ в Нижнем минус 6–8°, но снега нет. Окна в бараках уже частично покрываются наледью от мороза. Гасят свет, и в темноте я смотрю на окно напротив, освещенное снаружи мощным фонарем с запретки так, что кажется полностью замерзшим. Четыре половинки, одна из них – форточка, та самая, что все время открывают. Я гляжу на нее, “засыпая и просыпаясь”, по Галичу, – вечером, пока не заснул и лежу на спине, и утром, за час, полчаса, 10 минут до подъема. Есть в этом замерзшем, освещенном снаружи окне какой–то символ, только я не знаю, какой. Что–то философское, глубокое и настраивающее на мысли о будущем, о Вечности, на то, чтобы оглянуться на весь пройденный путь, оценить его с высоты сегодняшнего дня и, м.б., помечтать о завтрашнем. Задуматься, как ты сюда попал, как это все так сложилось, так глупо вышло, и

что теперь делать, и есть ли вообще какая–то надежда, и на что, и когда... Много, много таких вот раздумий, одновременно целый рой глубоких, хоть и невеселых мыслей рождает вид этого светящегося окна в темноте барака. Глубокое, философское, печальное что–то, – лежишь и думаешь, пока не заснешь... Наверное, это окно во тьме я буду помнить долгие годы после (если) освобождения, как символ прожитого и пережитого, как один из "этапов большого пути". Так же, как и – в ненастные, хмурые полдни осени и зимы – заснеженные крыши соседних бараков, видные из маленького окошка в туалете. Вид, который впечатывается в память навсегда, как фотография, как документ эпохи и судьбы, и значит для тебя очень много. Как и навеки памятные виды из окон СИЗО № 5 в Москве, – 509–й хаты и 1–й сборки, где вместо окна была только щель, наподобие бойницы. Повод вспомнить, задуматься, окинуть сверху взором сразу весь свой путь, не день за днем, а год за годом...

20.12.08. 11–03

Ужасы русской действительности... "Свинцовые мерзости дикой русской жизни"... Только сегодня я понял: эти твари вокруг меня – аборигены. Туземцы. Дикое племя каннибалов, совершенно чуждых нормальной европейской культуре и цивилизации. Хищное и опасное племя дикарей, – увы, не только здесь, в этой зоне, а шире – на 1/7 части мировой суши, от Кенигсберга до Сахалина. И Миклухо–Маклаем мне среди них, увы, не быть...

Матери позвонить не удалось и сегодня, – уж вообще по совершенно дурацкой и анекдотической причине. Теперь только завтра с утра (дай бог!), – если только эту "симку" все же куда–нибудь не поставят и она не сподобится прозвониться сама. Но это вряд ли. На чужие проблемы всем плевать, и, хотя в бараке полно "труб", но я без связи, и это почти что фатально, потому что просить я у них ни у кого не буду. Да и у кого просить? У этого дурачка, моего 20–летнего соседа, к которому все звонить и ходят круглосуточно и от глупейших ночных разговоров которого с его девчонкой меня тошнит? Всех–то он победит, изобьет, е...ло сломает, зубы выбьет, – та–а–кой герой!!. Глупая детская самоуверенность, – видимо, еще не получал хорошенько по башке, жизнь не научила еще ничему, включая и 10–летний срок...

Ладно, что поделать, это не смертельно, это только временно – проблемы со связью; так у нас с матерью уже бывало, – и на 5–м СИЗО в Москве, и на Нижегородском централе, и когда только привезли сюда... Это поправимо. Мать, конечно, изводится там, нервничает, куда я пропал, а я нервничаю здесь. Осталось 820

дней такой жизни. Этого ужаса и кошмара. Хочется верить, что это все когда–нибудь же ведь кончится, и я все время представляю себе этот еще, скорее всего, холодный, хмурый весенний день – 21 марта 2011 года, – когда я выйду за эту металлическую дверь, огляжусь вокруг, увижу эту "избу" для приезжих на свидания, а потом сяду – в машину или в поезд, неважно, – и поеду домой. И буду смотреть в окно, на рыхлые уже сугробы, на черные голые деревья, на черных ворон в небе, на облака и на придорожные столбы... Жить только верой в это и – ожиданием, что когда–нибудь ведь будет, обязательно будет, этого ведь не может не быть! Все на свете когда–нибудь кончается, и хорошее, и плохое, и этот ужас тоже когда–нибудь кончится. Не может не кончиться... Только этой верой и надеждой мне и предстоит прожить еще 820 дней. Больше нечем. А если нет? Ведь человеку не дано знать свое будущее. Черт его еще знает, как оно там сложится... Если нет – тогда я не знаю...

А пока что тут – все хуже и тяжелее жизнь. Лежу сегодня после завтрака, – двери и форточка напротив закрыты, но откуда–то явственно дует, и я мерзну. А на улице уже морозище приличный, окна и впрямь начинают замерзать. Догадываюсь, выхожу на улицу проверить – и точно, форточка открыта дальше, в середине секции, уже у (полу)блатных. Твари! Обычно всем этим существам, которые здесь зимой открывают, – им не жарко, нет, им, видите ли, запах не нравится! Они, видите ли, "проветривают". Я поддел еще один "тепляк" под спортивную старую куртку, чтобы не мерзла спина; но вот сейчас сижу, пишу, – и явственно чувствую, как тянет холодом по полу, по ногам, хотя они и в шерстяных носках. Если так будет продолжаться и дальше, то эту зиму я, скорее всего, не переживу, – просто замерзну тут и сдохну, скорее всего от простуды какой–нибудь. Вот потому–то я и не говорю никогда о своем освобождении как о будущем несомненном факте, а всегда добавляю "если". 820 дней – это еще очень много, это 2 с лишним года ежедневного ужаса и лишений. Скоро проверка, я, как обычно, выйду заранее, походить взад–вперед по двору, но – на душе у меня не будет спокойно, как лучше всего для этих прогулок. И читать не тянет, ничего не лезет в голову, – гложет в душе только одно, что вот опять нарушилась постоянная связь с матерью, и я не знаю, когда и как она будет восстановлена. Гложет, и сосет, и не дает покою, как ноющая, не острая зубная боль...

22–10

Опять жизнь моя тут круто меняется, опять делает зигзаг. Сколько их еще будет за оставшиеся 2 года... "Труба", как узнал сегодня вечером, сдохла безвозвратно. Будет ли другая, неясно, а

до тех пор (?) придется ходить снова на другой барак, как весной, рискуя выговорами и ШИЗО. Матери таки смог сегодня дозвониться, – конечно же, она была после 2–х дней без связи в истерике, даже сильнее, чем я думал...

22.12.08. 10–16

Понедельник. Шмон непонятно где: двое – на 5–м, а куда делась остальная шмон–бригада с большого “продола” – неизвестно...

Но бывают все же и здесь, хотя и чрезвычайно редко, приятные моменты. Фантастическое, потрясающее, почти мистическое событие: вчера мне отдали чайник! Обещали отдать еще в субботу, но реально принесли лишь вчера вечером. Я уже простился с ним навсегда и не думал больше увидеть, – почаще бы так ошибаться! Словами не описать, как это приятно –не возиться с байзерами, кипятильниками, кружками, не ошпаривать пальцы, не ждать по полчаса в холодном “фойе”, пока закипит твой чай, – а спокойно и без проблем получать нужное количество кипятка за 10 минут, в удобной посудине!..

Еще из приятного – завтра наконец–то, по всеобщей информации (которую никто не пытается оспаривать), уходит в отпуск наш отрядник. Есть надежда отдохнуть от него до середины февраля и не выскакивать по понедельникам в мороз на зарядку (эта тварь приперлась даже сегодня, в последний день). А еще – некоторое время назад исчезли вши! При ежедневных проверках одежды я перестал их находить в рубашке и носках. Скорее всего, это следствие того, что полублатные соседи, захватившие соседний проходняк, полностью переодели моего полностью завшивленного старичка–соседа, уже в моем проходняке, т.к. он спит вплотную к одному из них. Исчезло шимпанзе, исчезли вши, исчезнет завтра и отрядник, – и можно подумать, что вроде жизнь налаживается, а? :) Все не так уж плохо... Но, увы, это, конечно же, иллюзии. И первое опасение – как бы, в связи как раз с уходом в отпуск отрядника, шимпанзе не вернулось бы уже на днях, отсидев свои 15 суток...

Со связью по–прежнему ситуация сложная. После Н.г., может быть, удастся затянуть новую “трубу”, – но через другого посредника, нового, не того, что раньше, так что доверять ему (при его явной даже на глаз хитрости и жуликоватости) я пока что опасаюсь. Т.к. денег очень мало, я придумал отдать на это дело свой старый телефон SonyEricsson, валяющийся у меня дома со дня ареста. Сколько связано у меня воспоминаний с этим телефоном!.. Я купил его в июле 2004 года в Севастополе, где мы тогда останавливались, плывя из Киева в Одессу и обратно (та знаменитая “эмиграция”, когда я уехал от уголовного дела, по

которому и сижу сейчас, и, считая дни, 2 месяца ждал этого рейса в Киеве и Виннице). Я звонил с него своей Ленке и посылал sms–ки Надьке, той, с теплохода “Крылов”, в августе–сентябре 2004, ожидая, когда мне придет сообщение, что моя sms доставлена, то есть ее телефон с утра включен. Я боялся, не знаю сам, почему, что вдруг, повинуясь какому–то внезапному приступу сумасшествия, размахнусь – и с силой швырну его в воду с палубы теплохода, когда мы плыли летом 2005–го по маршруту Москва–Пермь–Москва. Мне звонил на этот телефон Михилевич из Израиля, и с ленкиной ближней дачи под Лобней я посылал ему осенью 2005–го sms–ки, что я за городом… Весь последний период, с “эмиграции” и до ареста, связан у меня с этим телефоном, и когда я падал с 4–го этажа – он тоже был у меня в кармане. Ну что ж, он верно послужил мне, и пусть под конец послужит еще немного, пока не спалится здесь. Он начал свою “жизнь” (не в смысле сборки, а в смысле покупки и пользования им) в Севастополе, а закончит ее в Буреполоме…

На улице морозище, градусов 10, но скорее еще больше (меньше) – а эти твари продолжают постоянно открывать форточки и двери. Из каждой двери, окна, щели, где открыто или не плотно заткнуто – видно, как уходит тепло в виде столба пара, что, по–моему (и по опыту прошлой зимы здесь), бывает только в сильные холода. Я мерзну – а этим сукам, этому сиволапому быдлу, видите ли, “нечем” или “невозможно дышать”. Изнеженные какие, прямо кисейные барышни… Поток ледяного холода на входе в барак сдерживает всего лишь одна плохонькая, не закрывающаяся плотно дверь, тогда как на других бараках их по три.

Опять вся эта нечисть стала гнать брагу, кипятить ее на водяной бане на “фазе” и т.д. – хоть это и было, как я слышал, им запрещено именно ввиду постоянных шмонов. Из–за их пойла и шмонают так активно перед Н.г. каждый год.

20–летний дурачок–сосед по ночам “базарит” со своими бабами по телефону так громко, что даже такие же, как он, наглецы делают ему замечания. Спать, естественно, под его треп невозможно.

Осталось мне 818 дней. 29–го на короткую свиданку едут мать и Миша Агафонов. Толпа будет большая, так что еще вопрос, пустят ли их.

21–40

Еще пара хороших новостей, забытых утром. Ушел сегодня старый выродок Сапог, живший последние 2 месяца прямо надо мной. Все свои претензии ко мне (что я написал статью “бить ментов”, а сам их не бью; что я кормлю колбасой кошек и глажу

их, и т.п.) эта падаль часто в своих витийствованиях на публику заканчивала фразой: “Ну, еврей, одним словом!”. Ничего более обличительного оно против меня найти не могло...

Меня долго мучил вопрос, какой новый ужас поселится на его место, когда эта тварь уйдет. И вот – совершенно неожиданно, еще последнюю ночь Сапог был здесь, но не ложился, – его место занял заготовщик, парень лет 24–х (?), уже живший в этом проходняке весной, но на соседней шконке, – когда Юру запихнули в “петушатник”, тот занял его место. Я и мечтать не мог о таком соседе. При всех возможных недостатках, – это, редчайшее здесь явление, парень вежливый и воспитанный. Что тогда, весной, что сейчас, – заходя в проходняк, садясь на мою шконку или залезая к себе наверх, он спрашивает, не мешает ли он, не побеспокоил ли, не надоел ли, и т.д. Слышать это здесь, среди стала злобных диких кабанов, так и норовящих сделать тебе какую–нибудь пакость, поглумиться над тобой, нахамить по мелочи, в быту, – слышать это просто дико. Золотой парень, хотя бы с точки зрения чисто внешней, чисто бытового общения. Добродушный, не злобный. Я не хочу сказать, что он не быдло, – по интеллектуальному уровню, по всем представлениям о жизни, ее целях и смысле, по всегдашней у русских рабской покорности любой силе. Но все равно – я безумно обрадовался, когда увидел его лежащим на шконке надо мной, и еще больше – когда утром на мой вопрос он ответил, что и впрямь будет здесь жить. Достаточно для контраста вспомнить ту мерзкую наглую тварь, того лося, который жил тут все лето и осень и изводил меня своим хамством, садясь мне на ноги и пр., чтобы понять мои чувства.

Зато от матери вести приходят мрачные. Миша Агафонов поехал сегодня за билетами – ехать ко мне 28–го, – и не купил их. Плацкартных уже не было совсем, а были только купе, подорожавшие с 2200 до 2800, и общие (сидячие). Пока что, как я понял мать, не куплено еще ничего (Мише вроде бы не хватило денег на купе), так что как уж и на чем, и за какие деньги они поедут, – пока все неясно, все под сомнением...

23.12.08. 22–00

Огромное облегчение: вот и еще один день прошел. Поскорее бы все это кончилось... День был не простой, а отмечен большим событием: шмоном. Явились в 10 утра, всех согнали в “культяшку” (из которой выход на улицу был открыт, но на улице, по данным Кировской редакции ТВ “Россия”, было в 7 утра минус 16°, а Киров отсюда совсем недалеко). Сидели, смотрели какой–то фильм по телевизору, потом новости, часть блатных перманентно переругивалась с “мусорами”, охранявшими (как

можно было подумать, но я не уверен) дверь в коридор. В начале 12–го шмон кончился. В коридоре – содран линолеум с пола, в секции – все разгромлено, шконки “обиженных” все выдвинуты, так что ни в дверь, ни по секции не пройти. У меня – вся шконка вверх дном, как всегда, разбросаны и перерыты все книги и бумаги под изголовьем матраса. Вытащили из–за шконки мешок для бани, все из него вытряхнули и – в припадке служебного рвения – свернутые клубком чистые носки развернули, дабы проверить, нет ли чего внутри... Баулы не трогали, ничего не забрали – просто устроили погром. Впрочем, прибрался я довольно быстро. И – интересная деталь – следующая за мной шконка и дальше, вся середина секции оказалась совершенно не тронутой. Еще с весны я заметил у них такое обыкновение – перерывать все в обоих концах секции, а середину не трогать. Тешу себя надеждой, что это последний шмон на какое–то время, – по крайней мере, до конца их дурацких “праздников”.

Вечером дозвонилась в полной истерике мать и долго визжала и орала на меня. Еще вчера дозвонился Карамьян и сообщил, что Зимбовский закинул ему набитый кусок моего дневника за январь–февраль этого года. Сказал, что хоть они и в ссоре с моей матерью, но зря я о ней так резко там написал, – ты, говорит, теперь как Маша Гайдар, которая своего отца назвала предателем и т.д. А теперь – матери кто–то сообщил, что Карамьян об этом разговоре со мной написал в рассылку, и у матери истерика по 2–м поводам: что я вообще с ним разговариваю и что он якобы “поднял как знамя” (или “на щит”? Точно не помню.) эти мои резкие слова о ней, а она поэтому заново, с новой остротой разобиделась на меня за них. Это уже 2–й пароксизм этой обиды, 1–й был в июне, и тогда она точно так же верещала по телефону, что больше ни за что и никогда не приедет ко мне. Приехала, однако. С большим трудом мне удалось добиться от нее 2–х новостей: что билеты, 2 купейных, Миша Агафонов вчера все же купил, и что она дозвонилась Трепашкину. Тот передал мне привет и сказал, что он большой спец по делам касательно УДО (как адвокат), так что пусть она возьмет для него в суде все отказы в УДО, он ими займется. Практически со 100%–ной точностью можно заранее сказать, что если он и впрямь займется (что не факт), то толку от этого не будет никакого. С этой Системой бесполезно разговаривать вообще о чем–либо на юридическом языке; она понимает только язык свинца, огня и тротила. “Все решают только пули”.

24.12.08. 9–55

Только что, 5 минут назад: “40 “мусоров” на большом!!!”. “20 на тот “продол”, 20 на наш!” “Мусора 12–й – 5–й!” М–да, этот

новый год будет явно веселее того. Завтра они вполне могут тем же числом пойти шмонать 8–й и 4–й (тоже одно здание), а в пятницу – к нам и на 10–й. Так что идти заранее в баню, видимо, не придется...

Все это, конечно, затмевает уже события вчерашнего вечера, – но вчера тоже было весело, ничего не скажешь. Жизнь между теми и этими мразями, в форме и в спортивных костюмах, как между 2–х огней... Достаточно сказать, что свет не выключали до 1–го часа ночи, когда погасить его потребовал один блатной. До этого тоже пытались несколько раз, но другой блатной – тот же, что и каждый вечер не дает гасить – то поднимал крик: “Включите свет!!!”, то один раз даже поперся к выключателю сам.

Уже раздевшись, сидели с моим новым соседом сверху, заготовщиком, на моей шконке, он рассказывал про свое дело, про свои глупые кражи телефонов по пьяни. Вдруг на “лепне” моего другого соседа, старика, уже спавшего (“лепень” висел на гвоздике), полублатной сосед–дурачок из соседнего проходняка заметил вшей. Боже, что тут началось!.. Рядом оказался один из наиболее агрессивных и злобных блатных подонков в бараке, 2–й по агрессивности после шимпанзе, большой любитель командовать и бить. К делу тут же привлекли его, плюс еще позвали старшего шныря – того самого подонка, бандита и конченную мразь, с которой я в 2007 жил в одном проходняке первые 4 месяца на этом бараке. Старика подняли с постели, раздели догола, вытолкали в таком виде в холоднющее “фойе” – проверять его одежду, а потом шнырь, с первых дней меня ненавидящий (впрочем, как и я его), взялся за меня. Он сдернул с меня одеяло, схватил мои висевшие на крючке вещи и потащил все это в раздевалку. Одеяло там он бросил прямо на грязный пол, я поднял его и унес обратно. Никаких вшей он у меня, конечно же, не нашел (т.к. их нет, я проверяю одежду каждое утро), но своему “начальнику”–блатному, конечно же, объявил, что “вшей нет, но гниды есть” (не показав при этом ни одной!), и тот велел завтра с утра гладиться. Затем эта блатная нечисть стала мне выговаривать, каким, по ее представлениям, должен быть журналист и как выгляжу я. А затем вдруг, неожиданно, это существо, хоть на сей раз и не пьяное, потянуло изливать мне душу и говорить со мной по душам. Оно стало подробно рассказывать мне про своих родителей, жену, ребенка, и как ему трудно доставать деньги (за счет бывших любовниц), как оно покупало, в основном за свой счет, жратву для барака на Н.г., а потом – в долг – домашний кинотеатр в барак (на хрена он тут нужен?), и т.д. и т.п. Длились эти излияния долго; потом оно вздумало показать мне свои фотографии, притащило 2 толстых

альбома и повело меня в сушилку – свою вотчину. Там был такой холод, что пришлось надеть телогрейку. Какое–то время я смотрел фотки с его комментариями (в душе проклиная и его, и всех их, и всю эту свою дурацкую жизнь); потом пришли другие блатные и стали искать 20–литровую емкость с брагой, чтобы “гнать” ее дальше. К их недоумению, браги нигде не было. Они перерыли всю каптерку – нет как нет. Мой собеседник, озабоченный, ушел, оставив меня досматривать альбомы одного. Я досмотрел, отнес их ему и лег в постель. А они все бегали, суетились, – видимо, искали. И, когда уже погасили свет, я услышал вдруг голос того самого шныря, эксперта по вшам, входящего в секцию: “...но я не “крыса” и эту брагу не брал!”. Сперва мне показалось, что он смеется, говоря эти слова; но из дальнейшего я понял, – нет, он плачет! Он самым натуральным образом плакал, повторяя на все лады клятвы, что он не “крыса” и брагу не брал. Двое блатных – тот, что показывал мне фотки и тот, что погасил свет – укладывали его спать, требуя успокоиться и грозя избить, “если из–за тебя кто–нибудь в бараке пострадает”. Немного спустя поднялась суматоха, что этот шнырь, оказывается, ушел по “дороге” в сторону 10–го барака. “А оттуда на тот продол и в контору”, – предположил кто–то (хотя чтО бы он мог рассказать в конторе, мне не совсем ясно). А еще чуть позже, выйдя из секции, я увидел его, сидящего в “фойе” на корточках, прислонившись к стене и закрыв лицо руками. Били ли его, я не знаю, но скорее всего били, конечно. Здесь не церемонятся...

А мой несчастный вшивый сосед так и лежит голый со вчерашней ночи. Ему дали чьи–то спортивные штаны, обрезанные чуть ниже колен, а всю его одежду забрали. Дали ему также другие матрас и одеяло, но забрали подушку. Когда вернут (и вернут ли вообще) – непонятно. В секции холодно, одеяло его тоненькое, “летнее” (байковое), и он лежит под ним с головой. На завтрак он не ходил, разумеется, лишь попросил меня принести ему хлеб. Непонятно, как он пойдет на проверку через полтора часа. Скорее всего, конечно, никак, – посчитают здесь, на шконке. Всем плевать, – эти твари умеют только командовать, а дальше – выживай как хочешь...

Последние дни пошли разговоры, что “мусора”, где видят, снимают с зэков “олимпийки” – спортивные куртки, в которых тут все ходят. Другие теплые вещи тут вообще напрочь “не положены”, а теперь еще и эти отнимают... Не только новую, отличную теплую куртку уже 2 раза не взяли у матери, – но и за свою старую, прошлогоднюю, потертую, облезшую, страшную, с полностью рваными манжетами рукавов, в которой хожу, я стал

опасаться. Кроме нее и “толстовки” с начесом от нижнего белья, – больше ничего теплого у меня нет, а зима, видимо, будет жуткая, лютая. Сижу, пишу – и в закрытой, с кучей людей секции у меня мерзнут ноги в шерстяных носках. А обилие “мусоров” и шмон сразу на 2–х бараках не обещают ничего хорошего, – обещают, например, очередное “построение”, шмон вещей в баулах (как уже был 27 ноября), просмотр и отъем всего “неположенного”, что одето под телогрейки... И деваться некуда, – если никто не сопротивляется, то они сильнее и все равно отнимут, в одиночку не отстоять. А за оставшиеся мне 816 дней будут ведь еще 2 новых года – 10–й и 11–й, будут еще лютые 2 зимы, и как их пережить совсем без теплых вещей, постоянно замерзая, и не сдохнуть. – непонятно...

15–35

И, наконец, последняя новость совсем добила: явилось опять шимпанзе! По всему бараку уже раздается знакомый сатанинский хохот. Это надолго – минимум до февраля, пока не выйдет отрядник. Лучше уж отрядник, чем эта тварь... Действительно, между НИМИ и шмонами – зажат теперь, как между молотом и наковальней. Новый год будет очень веселым. Особенно если с января опять поедут комиссии...

Эта мразь, главный спец по вшам, действительно спер у блатных брагу и был вчера ночью крепко бит за это. С появлением шимпанзе сегодня ему ожидалась добавка. На другого шныря – заготовщика, видевшего, как он утаскивал брагу и, видимо, выдавшего его, – он вчера ночью полез с ножом.

25.12.08. 18–05

20 “мусоров” с утра на наш “продол”. Шмон на 5–м и – вроде бы – на 9–м (тот “продол”). Постоянные хождения “мусоров” именно в этот барак весь день. Заводчиков, першийся, как думали, к нам, но оказалось – в СДиПовскую будку рядом с нами. Холодина на улице, – сильный бесснежный мороз, в то время как Москва и другие города, судя по ТВ, утопают в снегу. Весь день из дальнего конца секции, не переставая, несутся то злобные, безумно–яростные матерные вопли на кого–то, то все тот же истерический, совершенно психопатический смех, местами переходящий в визг. Днем, перед обедом, вдруг разболелась голова, но не левая половина, как обычно, а правая. Достаточно ощутимо болело. И замерз опять, как цуцик, – при таких морозах в бараке холодно, в одной спортивной курточке, как я хотел проходить всю зиму, не посидишь, надо поддевать “тепляки” от белья. И тут надо было с больной башкой собираться на обед шнуровать и завязывать эти проклятые ботинки; а тут как раз приперлись “мусора”, а после этого через убранную по случаю их

прихода “шкерку” начали опять что–то глумливое вякать ублюдки–соседи…

Все это, и еще многое другое, и еще остающиеся до Н.г. шмоны, и проблемы со связью, и сам факт, что я до сих пор тут нахожусь, в этой жопе, среди отъявленных подонков и нечисти, – вызывает такую дикую, злую тоску, такую ненависть к ним ко всем – и к тем, и к другим, в погонах и в “фуфайках”, такую смертельную ярость и такое чувство обреченности, нелепости, бессмысленности всей этой жуткой и дурацкой жизни, – что, ей–богу, или их бы всех сжег живьем, не пощадил бы никого, или самому пойти и повеситься – но жить среди всей этой смрадной блатной падали и под одной с ней крышей я больше не в состоянии…

Связи так и нет до сих пор, со вчера. Эта нечисть блатная, запасной вариант на крайний случай, – сегодня утром дрыхла, когда я зашел. Когда ходит на завтрак со всеми, видимо, – тогда не спит, а когда не ходит, то дрыхнет с самой ночи до 8 часов и позже. Будить не станешь, да и все равно бесполезно, и я ушел, понадеявшись, что есть у матери теперь аж 2 номера тут, в бараке, – авось как–нибудь дозвонится. Но ни одна мразь тут пока что не спешит ко мне с телефоном, хотя мать наверняка дозванивается с часу дня. Все возвращается на круги своя; повторяется ситуация конца 2007 года, когда просто (нарочно, естественно!) перестали звать к телефону, и все, сколько ни звони сюда, а идти просить тогдашнюю однорукую мразь самому было вообще немыслимо…

Завтра в баню, и надо, как всегда теперь, выйти бы пораньше, – а тут может явиться шмон, может вывернуть все баулы, забрать, увезти, – все, что угодно, так что не знаешь, идти вообще в баню, или нет. А после бани и проверки опять предстоит “общее собрание” (м.б., опять на час) с чифиром и “обезьяньим цирком” в качестве гвоздя программы. От всего этого так тошно и мерзко на душе, что абсолютно не хочется жить. Скорее бы сдохнуть, скорее бы это все закончилось… Что мне ваш Новый год, и чтО тут праздновать, – то, что и этот прошедший год весь провел в неволе, и наступающий весь пройдет здесь же, и следующий за ним… Никакой радости, – еще меньше, чем было у меня под этот ежегодный “праздничек” на воле. Там была тоска и пустота, а здесь уж вообще – загробное существование…

21–52

Дозвониться матери так и не дали, – в который уж раз за эти год с четвертью на этом проклятом бараке… Все как всегда. Это новое блатное чмо, с которым я поторопился связаться, оказалось ничем не лучше прежних (если не хуже). Странно подумать, что,

находясь здесь, в бараке, как будто бы на телефонном узле, где мои соседи и все прочие не слезают с телефонов круглосуточно, – я фактически лишен возможности позвонить матери на 5–10 минут в день, хотя бы просто узнать о ее здоровье... Что это? Плата за то, чтобы быть приличным человеком и оставаться им даже среди сброда подонков?..

26.12.08. 15–20

Все мерзее и мерзее здесь, все тошнее и тошнее у меня на душе. Мрази, хари и твари... Будьте вы прокляты вместе с вашим новым годом и со всем, что у вас только есть... Тоска, и омерзение к ним, и ненависть такая, что жить с ней невозможно, – пойти и удавиться сейчас, если нельзя одним разом удавить их всех...

Вчера, уже когда записал последний кусок в дневник и лег спать, – пришел–таки этот подонок, новое блатное чмо с "трубой", где на мою "симку" звонила мать. Ровно 2 минуты мы с ней смогли поговорить, – это чмо постоянно торопило, бормотало, чуть не ногами сучило от нетерпения. Сегодня позвонил с запасного "варианта" и узнал, что оно вчера несколько раз брало трубку, когда мать звонила, и отказывалось меня звать, – типа, само ждет звонка. Так что, без сомнения, в смысле связи "новый" год (2009) будет еще хуже и тяжелее, чем старый. Все с каждым годом становится в этой жизни все хуже и хуже, и лишь 2008–й в некоторых отношениях был почему–то редким исключением.

Шмонов сегодня, похоже, не было вообще, потрясающе! Вот уж не угадаешь... В баню пошел заранее, и там все – и 2–й отряд, который там уже был (не весь, несколько человек), и потом подошедший 13–й – ждали, наверное, минут 30, пока банщик придет и откроет воду (краны под замком). Такого за полтора моих года здесь еще не бывало. Полчаса, не меньше!.. И вода–то поначалу пошла совсем почти холодная; но зато потом стала даже слишком горячей.

"Чифиропитие" без меня тоже прошло удачно – всего 20 минут, что ли, и меня никто не хватился. Но – новые пакости. Сперва, до проверки, шимпанзе вдруг стало интересоваться, когда у меня свиданка и не могу ли я попросить, чтобы моя мать ему, шимпанзе, захватила из Москвы – от его брата, что ли – пару кг. каких–то сладостей. Этой мрази конченной, которая орала на меня, чуть не ударила по лицу, из–за которой я имею выговор... Я, однако же, сдерживаясь, сказал, что спрошу, когда буду говорить с матерью. Но хрен там! – после проверки вдруг подбежало опять то существо с моей "симкой" и вопросило, когда "симка" заблокировалась. То бишь, раньше pin–кода на ней не было, а сейчас вдруг появился. Потом оно так же стремительно убежало,

и мне показалось по этой стремительности, что “симка” у него как–то заработала; а когда выходили на обед, я видел его с прижатой к уху “трубой”. Так что надежда есть, но до конца не ясно, работает ли этот номер и может ли мать звонить на него. К вечеру, если не дозвонится, видимо, придется отлавливать эту нечисть и спрашивать напрямую. Отлавливать – т.к. идти к ней прямо в проходняк мне мерзко и непереносимо.

Тоска, тоска, тоска... Когда же это все кончится, этот затянувшийся нелепый зигзаг? Осталось 814 дней.

Утром – еще одно несчастье (точнее, еще с вечера). Вечером один из блатных “командиров” приказал заготовщику из нашего проходняка, взятому последнее время работать в столовую и потому приходящему в барак только на ночь, перелечь от нас на другое место. А именно – на место художника–татуировщика, который как раз не спит по ночам, а только днем. А на место заготовщика уже сегодня утром (как мы и подозревали с вечера) засунули чисто блатного дебила и подонка – длинного, как верста коломенская, 20–летнего, и притом наглого и глупого до чрезвычайности, что прямо написано на его совсем еще детской физиономии большими буквами. Оно лежит и спит весь день, да и вообще – вечно с сонной мордой выходит на проверку последним, когда уже все стоят и “мусор” считает. Оказывается, после того, как оно только на днях вышло из ШИЗО, где сидело довольно долго, – его место оказалось уже занято, и его кроме как сюда, класть некуда. Одна надежда, что освободится место поблатнее – переложат, т.к. ужиться с ним нормально в одном проходняке, с этой (когда не спит) ехидно–глумливой нечистью не получится никак, я это точно знаю уже заранее. И еще раз проклинаю их всех, среди кого злая судьба заставила жить: будьте вы все прокляты, твари! Сдохнуть вам всем в Новом году!..

27.12.08. 18–58

Наконец–то пошел снег – перед дневной проверкой еще небольшой, а к ужину уже крупными хлопьями, – и сразу стало ощутимо теплее. Но все равно, когда эти твари, “проветривальщики”, открывают настежь дверь в секцию, цепляя ее привязанной к столу “фазы” петлей за ручку, да еще если при этом открыта наружная дверь в барак (ее эти скоты специально закладывают камнем), – холод непереносимый! А они норовят открыть то и дело, при каждом удобном случае, а уж перед всеми зарядками–проверками и обедами–ужинами, да еще задолго, минут за 10–15, – это уж обязательно. Хорошо еще, что хоть окно напротив меня перестали открывать, – ссылаясь на то, что петли у этой форточки слабые, еле держатся, тот из стариков, что поадекватней, плотно забил ее в раму со стороны улицы.

Все обошлось. “Симка” моя работает и дальше, а вчера вечером, как выяснилось из разговоров, внезапно заблокировалась не одна она, а еще куча “симок” в бараке. Загадочное явление, которое, кроме прямого сотрудничества сотовых компаний с УФСИНом, на 1–й взгляд трудно чем–то еще объяснить...

Шимпанзе то ли забыло о своей просьбе, то ли нашло другой вариант, – вчера я так и не смог созвониться с матерью, а сегодня оно ни разу за весь день не спросило об этом. Ну и слава богу.

Мать и Миша Агафонов выезжают ко мне завтра вечером, в понедельник утром будут здесь. На этот раз, увы, связаться с ними в поезде и узнать, что все нормально, едва ли удастся. Постараюсь заставить себя не волноваться и без этого.

В столовке последнее время стали опять давать пшенку, – единственную из каш, которую я ем, и даже, пожалуй, с некоторым удовольствием. Но еще лучше было бы, если б она не была так сильно разварена и была бы холодной, – холодную пшенку я почему–то люблю больше горячей и в тюрьме обыкновенно оставлял ее постоять, остыть.

Лось, который осенью жил в моем проходняке и садился мне прямо на ноги, вчера в какой–то вольной куртке с пышным меховым воротником поперся на вахту – просить, чтобы пустили в больницу в неурочное время. В результате лишился воротника – там ему такое “не положено” то ли оторвали сами, то ли заставили отпороть его самого.

Старый подонок, алкаш и ворюга, мой сосед из соседнего проходняка, так и не делает мне жилет из телогрейки, который начал уже месяца полтора (если не 2) назад, причем в счет своего долга мне, т.е. бесплатно. Твердо обещал, что к Н.г. , но – лежит, дрыхнет с утра до вечера, или сидит и трепется со мной же, – почесать языком он такой же заядлый любитель, как и выпить. Между тем, в бараке реально холодно временами, а эта мразь Милютин на недавний очередной звонок матери ответил категорическим отказом пропустить новую спортивную куртку. Так что еще одна теплая вещь, хотя бы жилетка на синтепоне, в эти холода нужна позарез, и больше половины зоны уже ходит во всевозможных таких теплых жилетах разных фасонов и длины. Но алкашу я ничего говорить не хочу, тем паче, что кроме ворчливой ругани, отговорок и пустых обещаний, от него ничего не услышишь. Я скажу ему об этом не раньше 1 января, когда его обещание “до Нового года сделаю” окажется очевидным враньем.

Со связью по–прежнему полные кранты. Нечисть, пользующаяся моей “симкой”, дольше 3–5 минут говорить ни с кем не дает, торопит и требует денег на оплату телефона.

Приходится пользоваться в 8 утра (неудобное время) запасным вариантом, если только он не спит. Дозвонившаяся сегодня к вечеру Е.С. сообщила, что сегодня, несколько раньше, она говорила обо мне в прямом эфире радио “Свобода”.

28.12.08. 11–23

Тоска такая невыносимая, что буквально сжимается сердце. 2 полных года жизни еще в этом ужасе... С матерью связаться утром опять не удалось, и, вернее всего, до завтра, когда она уже будет здесь. Один блатной хмырь пошел на короткую свиданку сегодня – и оттуда (по телефону) информация, что народу очень много (завтра будет еще больше?) и что, поскольку очень много передач, свиданщица отказывается их принимать. Это что–то новенькое!.. А если завтра не примут у матери и мою передачу???...

А в том году в эти дни на короткой свиданке был шмон с раздеванием догола, – специальный, издевательский. Никогда не забуду, – за 3 года это был день самого острого, максимального унижения. Будет ли что–то подобное завтра?..

Будь он проклят, этот ваш Новый год...

29.12.08. 17–35

Прошла короткая свиданка с матерью и Мишей Агафоновым. Без происшествий она, как всегда, не обошлась. Часа за полтора до конца ее один парень изнутри нашего “загона” через единственную маленькую дырочку в перегородке, под самым потолком, выбросил что–то (не знаю уж, что) наружу, а его жена побежала подбирать. Суки–свиданщицы, 2 шт., которых в тот момент в зале не было, услышали, видимо, ее шаги и прискакали с криками: “Вы что тут бегаете?!” и т.п. Поорав немножко, эти твари вдруг вырубили переговорные трубки, и тем самым свидание было оборвано. Нам двоим, выходившим последними, несказанно повезло: выйдя на вахту, мы, по инициативе этого 2–го парня, просто взяли – и пошли “домой” (в бараки), никого не спрашивая, можно ли, и не дожидаясь никаких “общественников”. Те же, кто уходил раньше нас, а также и парень, выходивший втроем с нами, но ушедший первым, – оказывается, подверглись полному шмону с раздеванием, прямо как год назад! Хотя обычно шмон с раздеванием после коротких свиданок тут не практикуется, если только по самодурству начальства. Шедший вместе с нами налетел, как он потом рассказывал, на Степышева, и был этим недочеловеком обыскан лично.

Но главная мерзость этого свидания состояла в другом, крайне неприятном сюрпризе. Все распечатки, что не удалось передать в тот раз, плюс пресса и несколько книг, – все это свиданщица без колебаний забрала, сказав, что это пойдет через Демина, т.е. оперчасть. Тогда как распечатки Демину вообще

видеть абсолютно ни к чему; книги же и прессу – он отдаст неведомо через сколько месяцев, если отдаст вообще; к тому же, при тотальной власти шимпанзе и прочей блатной мрази лишние посещения штаба мне абсолютно ни к чему. К отряднику, и то не давали ходить спокойно...

Короче, на январь я остался без свежей прессы и без книг. Книги есть еще непрочитанные тут, в бараке, под матрасом, так что не беда, продержусь как–нибудь. Пресса – ладно, бог с нею тоже, все равно после новогоднего паралича на 10 дней вся эта прошлогодняя политика будет выглядеть уже устаревшей... Но если такой режим они установят и будут держать все 2 оставшихся года, – деградация, которой я больше всего боюсь и с ужасом ощущаю, еще больше усилится и станет, пожалуй, необратимой. В этой дикой среде, среди одноклеточных простейших, живущих куревом и чаем, вне своей профессиональной среды, да еще без всякой информации о жизни движения и о происходящем в стране (кроме 1–го канала ТВ), – пожалуй, можно и впрямь сойти с ума...

Миша Агафонов, с которым мы долго и хорошо говорили, и он рассказывал много интересного, – упорно не советовал мне ничего отсюда писать, аргументируя в т.ч. и тем, что здесь я вне информационных потоков и не могу должным образом реагировать на происходящие события, питаюсь крохами информации. Да уж, теперь – точно вне... Но зато, подумал я уже после свидания, я здесь нахожусь в мощном потоке пропаганды, обеспечиваемом телевидением. Какие–то большие мировые события, которые никак не объедешь (типа независимости Косова или русской агрессии в Грузии), это ТВ все же не может не показать – и этого мне хватит, чтобы их комментировать, чтобы, в сущности, просто высказывать свое отношение к ним. Пришла опять, в который уж раз, и мысль подписаться на тот же “The New Times”, и вот это как раз то, чем очень реально и ощутимо могла бы помочь Е.С. (по словам Миши, она очень сожалеет, что между нами как бы “пробежала черная кошка”, и хотела бы примирения. М.б., с этим она и дозванивалась мне пару раз в последние дни, – правда, оба раза говорили мы всего лишь считанные минуты, – когда мне дозвониться из–за испорченного телефона было уже практически невозможно). Если только по подписке получать 4 номера журнала в месяц не надо будет тоже через Демина.

...Шел сейчас с ужина по нашему “продолу” мимо бараков, и навстречу мне попался мой алкаш–сосед с палкой. И от этой встречи почему–то вдруг так ясно всплыло в сознании: эта прямая дорога с утоптанным белым снегом в свете фонарей “запретки”; и заборы бараков с распахнутыми калитками; и выходящие на

дорогу большими деревянными пристройками торцы бараков, отдаленно напоминающие избы; и этот зимний вечер, и, опять же, снег, и попадающиеся навстречу прохожие... Господи, да ведь это – деревенская улица, типично деревенская, сельская, эти деревянные 2–хэтажные пристройки, и калитки, и фонари, и снег... Уютная такая, добрая, мирная сельская улица!.. Пригрезится же такое... И кто бы мог, глядя на эту добрую новогоднюю картинку, представить, сколько за всем этим боли, и горя, и ненависти, и слез, – в частности, моих... И как будет потом оно вспоминаться, все это, и этот добрый вечерний пейзаж на заснеженной сельской улице? Вспоминается только Буковский: “Может ли быть ностальгия по сумасшедшему дому, тоска по тюрьме?”...

30.12.08. 15–55

Он тянется, тянется, тянется бесконечно, этот бесконечный, длинный, бессмысленный день. Предновогодний. Тоска на душе страшная, совершенно невыносимая, несовместимая с жизнью. Зачем я, в самом деле, и родился–то на свет?.. Как глупо все получилось... Сидеть вот теперь здесь еще 2 года с лишним, 810 дней... Зачем? Кому это нужно? “Не спрашивай, зачем, не спрашивай, когда. Сидишь – сиди, не предавайся горю...” Но тоска все усиливается, и с причинами, и без... Главная причина – это, конечно, полное отсутствие связи. Запасной вариант, сука, по утрам дрыхнет; зайти днем – шныряют постоянно “мусора” туда–сюда, вот как раз сейчас, когда шли на обед и обратно, а я после обеда как раз уже собирался зайти. Попробую сейчас, после ужина. Хотя это большой риск, и очень неприятно и глупо будет влипнуть тут опять из–за этого, как в сентябре... Но выхода нет, делать нечего, – попробую. А тут, в самом бараке, все настолько безнадежно и глухо, – некого и не о чем даже спрашивать. Эта новая тварь, с которой я, дурак, поторопился связаться, кормит только одними обещаниями при редких разговорах, а подходить и что–то просить я даже не хочу – и противно до тошноты, и ответ известен заранее. Сижу тут как на телефонном узле, посреди кучи подонков, болтающих круглосуточно со своими бабами, без возможности хоть на 10 минут позвонить матери. Грустная (или злая?) ирония судьбы... Что ж, видимо, я это заслужил. Не то, что вся жизнь была цепью сплошных ошибок, но главной, изначальной ошибкой было само рождение. Трагическая ошибка природы, исправить которую мне, увы, до сих пор не хватает духу...

31.12.08. 9–51

Вчера после долгой тоски и затишья к вечеру события опять понеслись вскачь. :) Пришли открытки “С Новым годом!” от

Эделева и Люзакова – из разных городов, но абсолютно одинаковые! – и письмо от матери, тоже с открыткой и проспектом теплоходной компании. Эх, были времена!.. Потом вдруг “общественник” передал, что вызывает к себе на 8–1 барак отрядник 8–го, который на время отпуска замещает нашего. И хорошо – хоть от глаз шимпанзе и прочей сволочи подальше. Пошел. Оказалось – пришло письмо от Айдара Халима, обещанное матери Миначевым, и книжечка Халима. Но не просто так – с меня требуется написать расписку, что я все это получил и претензий к администрации не имею. Я как последний идиот, пробежал письмо Халима, написал расписку – и только уже у себя в бараке, прочтя письмо еще раз внимательнее, обнаружил, что тот пишет о ДВУХ книжках, посланных мне! ЧтО стоило прочесть письмо внимательнее сразу?! Хотел было идти назад и спросить его, где вторая книжка, уже стал надевать ботинки, но понял, что бесполезно, она в любом случае у него не при себе, да и раз не пропустили сразу, да еще теперь у них есть моя расписка об отсутствии претензий, – теперь вообще не отдадут! Придется публиковать этот факт в таком вот виде, с моей дурацкой ошибкой – невнимательным первым чтением письма.

Тут приходит другой “общественник” и зовет идти в посылочную – еще за обедом мне сказали, что на мое имя пришла посылка. От кого? Кроме опять ФЕОРа, мне ничего в голову не пришло, хотя не должны бы – они ведь не отмечают Новый год. Что ж, пошел. Хорошо, что было не холодно, всего несколько градусов мороза (сколько точно, узнать тут негде) и народу у посылочной было немного – а обычно там стоят перед Новым годом бешеные толпы и посылки выдают аж с 2–х окон сразу – и со стороны посылочной, и с окна, выходящего внутрь ларька, как было в конце декабря 2007 года. В общем, оказалось, что это Эделев додумался послать мне еще одну открытку, но уже ценным письмом стоимостью 10 рублей, и это письмо пошло через посылочную. Сама открытка оказалась лучше, чем посланная простой почтой, и было мне, нет слов, очень приятно, что обо мне помнят, но все же – если бы пришлось стоять за ней 2 часа на сильном морозе?..

Все это мне удалось–таки в тот же вечер передать матери, прозвонившись ей аж 2 раза. Перед походом к отряднику как раз дозвонилась Е.С. – коротко, как всегда теперь, и я хотел сам позвонить ей тоже, т.к. проблемой неотдачи мне почты она озабочена сильнее всего, но уже не успел. Со связью, по самой последней информации, полный швах – новые “трубы”, которыми можно будет постоянно пользоваться, смогут не то что “затянуть”, а просто привезти из Нижнего не раньше конца месяца, 20–х

чисел. Разговор 2–х заинтересованных лиц об этом мне удалось краем уха услышать вчера вечером, после отбоя. Остается только запасной вариант, но и то не с утра, как мне удобнее всего, а только днем и вечером, когда то и дело шляются по баракам “мусора”.

Ну что ж, пришло время подводить итоги года. Долго я обдумывал, собирался, представлял себе, как буду это делать, и что именно напишу в этот последний день года в дневнике. Увы, итогов этих немного и в основном они грустные. Еще один год прошел в неволе, еще один оказался потерян в этой жизни навсегда. Год ненависти, омерзения и тоски… Следующий, увы, пройдет тоже весь здесь, так что особо радоваться Н.г. нет оснований.

В этом году мне 2 раза отказали в УДО, что, впрочем, отнюдь не стало для меня ни неожиданностью, ни разочарованием. Правда, я ни разу не попал и в ШИЗО, но это, без всяких сомнений, ждет меня в следующем году. Полностью и окончательно, видимо, распались отношения с моей Ленкой, – опять 6 лет впустую… Удалось опубликовать за год несколько текстов, а точнее – 7, кажется (точно уже не вспомню), – вот, собственно, и все положительные итоги года. Ах да, еще стихов некоторое количество написалось…

Не о чем писать, не о чем думать, скука и тоска. Лечь бы – но заснуть я не смогу, да и времени до проверки осталось не так много. Ночью уснуть бы на время подольше – пока эти твари будут там колобродить, отмечая “праздничек”. Тоска, усталость и пустота в душе. Написал вчера письмо с благодарностью Халиму, сегодня, последний раз идя в ларек до конца “каникул”, надо будет не забыть его опустить. И все. Год закончен. Праздники. Пустота и бессмыслица всей жизни, во всем мире, и тоска, тоска, тоска… Всё ни к чему, ни о чем, неопределенность и ненужность какая–то во всем. Расслаблено и пусто внутри (хотя, конечно, тут нельзя расслабляться). Дурацкая история со связью, – надо же было, чтобы вдруг сломался телефон, да еще так, что не починишь… В общем, никаких итогов года нет. Ах да, еще один итог я забыл: в этом году практически заглохла кампания в мою защиту, еще с весны. Е.С. встала в позу, а точнее – на дыбы, отказалась делать книжку и вообще что–либо – и всё! Теперь, как говорит Миша Агафонов, ищет какого–то примирения, – ну–ну!..

17–45

Ну вот, проверил… Будь ты все трижды проклято, вся эта жизнь… С запасного варианта позвонить тоже не получилось – огромный “минус” на счету и все “маячки” тоже истрачены, – ну да, уже вечер. Таким образом, без связи с домом еще как

минимум на сутки вперед, до завтрашнего вечера. Да и там – еще неизвестно... Кто с перепою днем 1 января будет класть деньги на телефоны?.. А тут, внутри у нас, – тут вообще не о чем даже спрашивать; тут и более блатным, более (и куда более!) авторитетным и значительным фигурам, чем я, нынче приходится со связью туго...

Хочется что–то написать такое, глубокое, важное в этот новогодний вечер, выразить наконец, нащупать и сформулировать что–то самое основное, излить душу в словах. Но не получается что–то, не идут слова, ничего нет на душе и в мыслях, кроме усталости, тоски и пустоты. Лучше бы, действительно, я разбился тогда, выпав из окна, точнее, сорвавшись, чем сидеть вот еще год, и еще год, и еще – здесь, в этом загробном мире, да еще без связи с домом. Если бы, как когда–то, не была вообще еще изобретена сотовая связь, – конечно, было бы не так обидно. А сидеть тут в окружении говорящих по телефонам малолетних дебилов, но самому без связи – убийственно и тоскливо...

ЯНВАРЬ 2009

1.1.09. 10–29

Что ж, вот и 2009–й... Все получилось не так, как в тот Новый год. Лег спать почти сразу после проверки, но уснуть так и не смог. И потому, что во вей одежде под одеялом все–таки жарко; и соседи мешали, собравшиеся “чифирить” прямо рядом со мной, в соседнем проходняке; да и общая суматоха, беготня, шум, свет...

Оказалось, что всяческую новогоднюю жратву, на которую они тут собирали деньги, закупали на воле и машинами везли сюда, – не пропустили! Так что на какое–то особое угощение рассчитывать и не приходилось, – не говоря уж о том, что от ЭТИХ я и не хотел ничего брать изначально. Не хотел идти на их застолье – “чифиренье” в их “культяшку”, слушать весь их бред... В том году думал: если проснусь к 12–ти – выйду на улицу, постою, посмотрю несколько минут в небо и вокруг, подушу морозным воздухом – вот и встретил, считай, Новый год. Но в том году я проспал, а в этом – заснуть не удалось, и именно на улицу я и вышел, проигнорировав их чифирное сборище.

На улице оказалось, что совсем близко, за забором зоны, кто–то запускает фейерверки, начиная с 0 ч. 0 минут нового года. Но, конечно, не с такой интенсивностью, как в Москве. Говорили, что и в том году их запускали точно так же, но кто – “менты” ли, или осужденные–“поселушники” (вот уж вряд ли), а скорее всего – вольные из самого поселка Буреполом, – я так и не понял. Постоял несколько минут, посмотрел, потом вышел еще раз совсем уж ненадолго – и можно было ложиться спать.

Свет потом, ночью, все же потушили. Мне удалось некоторое время поспать, а сосед мой, вшивый (до недавних пор) старичок, с вечера перепив чифира, не мог уснуть всю ночь. Но – в отличие от прошлого года – утром был подъем. Только сделали его на час позже, в 7 вместо 6, но “ночному” уже заранее было известно, когда включать свет. “Мусора” прошлись по баракам, будя и поднимая всех. В том году, говорили, вставать нужно было толь ко на проверку к 12–ти часам.

Настроение немного улучшилось после того, как с утра, после завтрака (год назад я на завтрак и не ходил, говорили: идут, кто хочет) удалось позвонить матери и Е.С. Никаких особенных новостей не узнал, а Е.С. сообщил последние свои (насчет почты). Пришел в барак поздно уже для завтрака, да еще наелся этой пшенки в столовой, плюс дали яйцо. А тут еще кошка Маня обезумела вдруг совсем: за это утро она трижды валила и выворачивала содержимое моей кружки, приготовленной для чая:

чайный пакетик и несколько горошин “клюквы в сахаре”. 2 раза я поднимал, на третий раз она эту кружку, стоявшую как раз на уровне ее роста, опрокинула уже без меня. Тварь этакая!.. и ведь, главное, сладкое–то (горошины эти сахарные) она не ест, что ей надо было, заразе серой, – ума не приложу. Пришлось все это хозяйство собрать с пола и выкинуть, а завтракать я так и не стал, хотя – проверил недавно по часам – миски каши и яйца мне хватило всего на час с небольшим.

Пустота жизни... Вечное круговращение на одном и том же месте. В секции играют, бросаясь друг на друга, коты – большой и маленький; и маленький, когда ему крепко достается от здоровенного Тихона, пронзительно мяучет.

21–15

Все такое волшебное, новогоднее, фантастическо–романтическое... Летит снежок и искрится в свете бесчисленных зоновских фонарей, все вокруг белым–бело, – наконец–то, после недавнего бесснежного морозища. Романтика... Вышел сегодня после ужина (бывшего на час позже, т.к. прохлопали пойти вовремя – в 4 часа, по выходному дню) из столовки, взглянул с высоты крыльца, – красотища! В этой темноте, оттененной белым снегом и освещенной фонарями – впереди больница, кусок здания ШИЗО, вдали – “дом свиданий”, бесчисленные заборы, заборы, заборы, колючка, слева – приземистое, низенькое здание бани с огромной дымящей трубой... Красотища... Как парадоксальна человеческая психика, – ну что красивого можно найти тут, в тюрьме, в зоне, в неволе, будучи узником? А вот поди ж ты... Белый снег, темнота ночи и яркий свет фонарей и из этой мерзости, оплетенной колючками по периметру, делают что–то романтическое... А точнее – это, конечно же, несовершенство человеческой психики (и моей в т.ч.), норовящей приспособиться ко всему, смягчить, смазать, сгладить острые углы и переживания – вместо того, чтобы всегда до самого конца, до победы или до смерти, стиснув намертво зубы, жить только одной лишь ненавистью и волей к борьбе...

2.1.09. 8–50

2–е января... Началось оно опять печально: со связью полный швах. На запасном варианте, видите ли, “телефон убран”. И на мои проблемы ему плевать, своих хватает... Когда теперь, – в обед? Едва ли. В ужин? – Может быть, но тоже опасно и тяжело. Всем плевать... Суки... “Люди вокруг меня, но не со мною”, – как говорилось в прошлогоднем психологическом тесте от начальства. Точнее не скажешь...

Сегодня пятница, и меньше чем через час пора в баню. Правда, есть легкие сомнения, будет ли она, – как–никак,

сплошные праздники...

22–18

Ощутимо холодает. В Москве завтра, по прогнозу ТВ, минут 10–12; здесь сегодня, похоже, уже все минус 15.

Мать дозвонилась сегодня по “основному варианту”. Это было чудо! Правда, под конец она перестала меня слышать, положила, видимо, трубку, и только я хотел проверить баланс и перезвонить ей, – крикнули, что идут “мусора”.

Кроме постоянных болей в пояснице вот уже больше месяца (ни лечь, ни встать), сегодня еще начала болеть нога в каком–то новом месте, где еще никогда не болела. Да так сильно – я еле дошел с ужина, и потом, пока ждал стрижки в “фойе”, еле мог передвигаться. Сейчас вроде прошло.

О “презрении русского народа к отхожему месту” писал еще Чехов в “Острове Сахалин” в 1890 году. Почти 120 лет прошло, а что изменилось? Ничего, по сути, поскольку их менталитет не меняется веками. Чистые туалеты в этой стране можно увидеть только там, где они предназначены: а) для иностранцев; б) для своего начальства. Даже коммерческие или в коммерческих заведениях – далеко не всегда на цивилизованном уровне. А уж бесплатные, муниципальные... А уж для зэков... “Ужас–ужас” (с) Шендерович. В туалете 13–го барака сегодня целый день потоп, пол (с некоторым углублением к воронке слива) постоянно залит по щиколотку, а воронка эта забита. Бедолаги “обиженные” – один возится в канализационном колодце на 10–м2–й вычерпывает воду в самом туалете. Через 2 или 3 часа все повторяется заново. И так весь день. Позорище и убожество, в котором живет это государство и этот народ всю свою историю...

3.1.09. 15–17

Перед завтраком на улице было минус 20, после обеда – минус 14. Один из зэков, понормальнее, с кем еще можно разговаривать, заходил оба раза на крыльцо 4–го барака и смотрел висящий там термометр. Холодина страшенная, пришлось опустить уши у тряпочной казенной шапки. В новых шерстяных носках в бараке, лежа, жутко замерзают ноги. И это еще только начало холодов...

Со связью опять маразм. Запасной вариант дрыхнет, в обед по баракам лазят “мусора”. Мать звонила на основной, мне об этом сказали и даже, вот только что, пытались при мне позвонить, но она якобы сказала что–то вроде: сейчас вот войду в дом, перезвоню, – и пока что тишина. А что “труба” не будет опять наглухо занята, когда она соберется перезвонить, нет никакой уверенности. Дописал утром почти до конца письмо Е.С., начатое вчера, – по ее настойчивой просьбе ответ на ее неполученное

мной и зачтенное ею по телефону письмо. Чего уж она хочет, не знаю, – особенное если еще учитывать то, что говорил о ее стремлении к примирению Миша Агафонов. Я и написал полностью в духе примирения и отказа от всех старых дрязг, ссор, споров и непонимания, но только – на почве ее полного возвращения к активной работе, к организации общественной кампании по моему делу, включая и (и начиная с, добавлю от себя) издания давно уже подготовленного сборника. Но 99% уверенности, что на это она не согласится, так что весь мой пыл и пафос в письме – напрасно...

Унылое, занудное, мучительное, постылое существование. Проблема связи, особенно если не удается связаться день и больше, сидит в моем мозгу как раскаленный гвоздь, отвлекая внимание от остального. Приходится хитрить, вынюхивать, настороженно прислушиваться и всматриваться, чтобы иметь возможность хотя бы 5 минут в день поговорить с матерью.

15–55

Вот сейчас, пока писал, она все же дозвонилась, – вся в ужасе и в истерике: от того, что набрал и попросил перезвонить не я, а чужой голос, ей вдруг стало казаться, что со мной что–то случилось, а то и вообще я умер... Истерика...

Так вот, о чем бишь это я? Тоска и маета здесь сидеть, но об этом я уже писал не раз. Веселее, увы, не становится. Пройдет зима, потом весна, потом лето, потом будет опять зима, – а я все буду здесь и здесь. А из политических новостей: оказывается, наконец–то (с 3–го раза) отпустили по УДО Буданова, палача чеченцев. Из 10 лет срока он оставил по УДО всего год, – что ж тогда говорить обо мне?..

В проходняке обстановка на удивление спокойная, фактически нормальная. Новый блатной сосед–малолетка, как я понял из разных недомолвок, вроде как потерял свою репутацию в местных блатных кругах, после чего и был из престижного дальнего конца секции под благовидным предлогом (место его после 55 дней в ШИЗО оказалось уже занято) сослан сюда, к нам. После почти полутора лет совместного проживания в одном бараке он наконец–то поинтересовался, по каким статьям я сижу, а также сколько мне лет, и в ответ на мое сообщение, что скоро (в этом году) будет 35, порадовал, что выгляжу я на “полтинник”.

4.1.09. 16–52

Мать накаркала–таки мне вчера насчет того, что будто бы мне плохо, и под вечер, уже после разговора с ней, мне действительно стало плохо. Съеденные в столовке обед и ужин, плюс немного еды, съеденной в бараке, встали в желудке тяжелым комом, и ни туда, ни сюда. Я думал, к 8 часам

переварится, – какое там! Поэтому ужинать я не стал, попил только чаю с печеньем, но и оно застряло где–то там же. Еле живой, на подгибающихся ногах, я еще смог выйти на вечернюю проверку, в лютую стужу, а потом, когда вернулся, быстро разделся и лег, – через некоторое время началась рвота! Что–то булькнуло у меня в горле, я, догадавшись, встал и пошел в туалет. И – рвота пошла фонтанами, как не было у меня, наверное, со школьных лет. 3 фонтана, и наступило вроде бы облегчение, но я заметил, что внутри осталось еще содержимое желудка. Пошел, лег. Все равно плохо, тяжело, не могу расслабиться и спокойно заснуть. Через часа 2, уже после 12–ти, едва дождавшись, когда “мусора” с обходом уйдут (даже не помню, заходили ли они к нам), пошел опять в туалет, и фонтаны рвоты пошли снова. На этот раз ее было еще больше, раз на 5 или 6 хватило... Пошел, лег опять с чувством на этот раз действительно облегчения в желудке. Но все равно эта ночь была абсолютно кошмарной. Из–за мороза на улице и своего болезненного состояния (явная и очевидная температура) я никак не мог согреться, особенно ступни ног были совершенно ледяные, как будто я лежал прямо на улице. К тому же их то и дело сводило – обе, но на больной ноге, конечно, чаще. Плюс, как всегда, адская боль в пояснице – ни лечь, ни встать, ни перевернуться. Плюс – жутко пересохло во рту, а за бутылкой с водой пришлось тянуться очень далеко, вылезая из–под одеяла на холод. Плюс – поскольку все съеденное из меня успешно вырвалось, то ближе к концу ночи начался жуткий, до тошноты, голод и вместе в ним – сильная слабость. На ощупь я нашарил в висящей над головой сумке кусок хлеба, съел от него немного и опять запил водой. Ночь тянулась долго, как никогда не тянется, когда ты здоров, и я уж думал, что весь отряд коллективно проспал подъем на час–другой...

Утром, еле двигаясь от слабости, пошел–таки в столовку, взял там хлеб и съел дома с крепким чаем, – хлеб вместо сухарей, которые с чаем рекомендовала, помню, еще бабушка. Целый день хожу в столовую и на проверки, но как возвращаюсь в барак – несомненная температура, озноб и т.д. Рвоты уже нет, но понос (одна вода) остался, держится вот уже сутки, и это очень неприятно. Не знаю, ужинать ли сегодня, или опять ограничиться чаем. Не встанет ли вся еда опять комом в желудке? От температуры то и дело слегка кружится голова.

5.1.09. 9–39

Есть понятие “низы общества”, а есть – “отбросы общества”, социальное дно, ниже любых низов. Вот эти, которых собрали здесь, 99% из них – это именно отбросы, нечисть, шваль и

отребье, не представляющее собой никакой ценности, а приносящее только вред нормальным людям своим воровством, грабежами, угонами и т.п. Ergo: их надо уничтожать. При поимке на месте грабежа или кражи право на жизнь на них не распространяется. А как еще привить уважение к собственности этому народу лихих воров–разбойничков? “Россия – левая страна”, как сказал Зюганов, и этот диагноз предполагает только один метод лечения: все их предрассудки – через колено!

А температура вчера вечером неожиданно прошла после разговора с матерью и того, как я, сняв все куртки и пр., полежал некоторое время в одной рубашке. Лоб покрылся холодным потом, и до ночи оставалась еще некоторая слабость, но сегодня с утра все уже нормально. Уходит болезнь, сиюминутные мучительные ощущения – и снова возвращаются в память глобальные, общие: еще 2 года здесь сидеть, в этой жопе, а точнее – сегодня ровно 2 года и 2 с половиной месяца.

12–28

Смертельная схватка приличных, цивилизованных людей с мразью и швалью, с подонками и агрессивно–уравнительным завистливым отребьем – вот суть нашей истории, нашей борьбы, и будущее зависит от исхода этой схватки. Об этом писал в 70–е Буковский, а в наши уже дни – Нестеренко. И именно об этом.

Страницы книг листая / И слушая эфир,
Мы чуем запах стаи, / Заполонившей мир...

6.1.09. 16–25

Проклятый желудок замучил меня настолько, что уже окончательно не мил стал и весь белый свет. После прекращения рвоты основной проблемой стал понос (вода), сперва мною едва замеченный, а сегодня – еще и боли в животе. Ужас!.. Есть не хочется совершенно, а на столовскую пищу я не могу даже смотреть. Но постоянно хочется пить – видимо, потому, что происходит обезвоживание организма. И как быстро! – вот бы за утро перед короткой свиданкой так... Сил нет, тоска, слабость, пустота и сознание полной, полной бессмысленности всего. Хорошо еще, что кризис этой желудочно–кишечный проблемы, видимо, был где–то вчера к вечеру, а сегодня – уже полегче, особенно вот сейчас. Иногда кажется, что все уже позади, но каждый раз вскоре эта непонятная и непонятно откуда вылезшая болезнь дает о себе знать.

Морозы стоят все более безумные. С утра, когда шли на завтрак, тот тип посмотрел, – 24 градуса! Пальцы правой руки, которой я держу палку, без перчаток быстренько отмерзают. Но перчатки доставать и надевать мне очень не хочется: палка, шапка, да еще перчатки – всех этих лишних предметов будет уже

слишком много в столовой, где надо все снимать и куда–то класть, или на улице, когда вдруг понадобится что–нибудь почесать, вытереть глаза или, скажем, оттянуть вниз куртку и все, что под ней... Но если холода еще усилятся, то перчатки придется–таки доставать, как было и в прошлом январе.

Со связью опять непонятно что. Утром удался запасной вариант – специально пошел после вчерашней бурной истерики матери, что она не может дозвониться по основному – не зовут! Вчера же и договорились с основным вариантом, что она будет звонить после трех, ему так удобнее. Мать утром сегодня и обещала попробовать позвонить после трех, но вот уже без 20–ти минут 5 – и ни хрена!..

Юная долговязая нечисть, заселенная в наш проходняк, начинает, как я и ожидал с самого начала, хамить, вовсю попрошайничать и вообще – вести себя глумливо. Мразь, падаль, нечисть, ничтожнейшее, совершенно бессмысленное отребье, с печатью вырождения на харе, учившееся во вспомогательной (т.е. для дебилов) школе... Нелепый результат того, что такую шваль и пьянь, как его родители, никто заблаговременно не стерилизует или не поит водкой на метиловом спирте... Назвать его животным – значит оскорбить смертельно всех животных; разве только насекомым, да и то самым мерзким, типа вшей и тараканов. Пустая оболочка в форме человека, лишенная всякого интеллектуального содержания, кроме способности глупо хихикать над своими дебильными “шутками”. И вот такая мразь, личинка, гнида – насмехается тут надо мной и – пусть в шутку – угрожает задушить ночью... И оно не одно тут такое, и не только тут, – нет, имя им легион. Вши на 2–х ногах, живущие непонятно зачем, но при этом мешающие жить нормальным людям. К изобретению для них соответственного их масштабу и количеству дихлофоса сводятся, собственно, все политические, идеологические, исторические и философские задачи эпохи.

“Они не сдохнут сами – / Щенков легко рожать...”

18–44

Ну что было надобности переться на этот проклятый ужин, в эту проклятую столовую, да еще как раз когда дозвонилась Е.С.? Можно было и не ходить, только вот шимпанзе что–то злобно–грозно квакало об ужине и оглушительно ржало, как всегда, в своем углу. Пошел, съел там рыбную котлетку... Но по дороге, уже позади почти всей толпы, у самого поворота за угол “продола”, уже пройдя ворота 12–го – в неглубокой накатанной ложбинке на дороге из плотно утрамбованного, скользкого снега поскользнулся – и грохнулся плашмя на спину, ударившись об землю затылком. Упал – палка вылетела из рук, и нет сил встать,

тем более, что для этого надо сперва перевернуться со спины хотя бы на живот. Что–то шедшие сзади не особо спешили меня поднимать – я это отметил еще лежа, – разве что один старик–“обиженный”, самый несчастный и забитый из них, которому я вчера вечером дал по его просьбе сигарет. Но зато блатной, тоже участвовавший в этом поднимании, пока я доплелся до столовой, успел там об этом рассказать, так что одна из этих омерзительных полублатных глумливых тварей, едва я сел за стол, подбежала и стала с радостным ржанием расспрашивать меня, правда ли, что я “п...нулся”...

7.1.09. 12–57

Как все–таки они болезненно, уморительно чувствительны, все эти мрази и твари без признаков интеллекта, к чужому мнению о себе, как идиотски зависимы от каждого сказанного о них слова, как глупо и смешно воображают что–то этакое напыщенное о себе, будучи никем, слякотью и швалью... День начался сегодня весело: пришел с завтрака, раздевался – и тут подошло одно особенно омерзительное и глумливое болотное чмо, постоянно подходящее все последние месяцы и старающееся изводить своими насмешками, наездами и оскорблениями, а чуть что – лезущее в драку. Мне–то плевать, я всю эту мразь ценю не дороже, чем она стоит, а вот оно... Короче, опять стало издеваться на одну из любимых тем (зная, что я политз/к): мол, Боря, ты же за народ... Я ему сказал, что если этот народ состоит из таких, как оно, то я бы такой народ напалмом выжег. Оно заквакало что–то на тему: да, народ – это такие, как я, у которых все просто... (Слишком даже просто, увы.) Из такой вот нечисти, – добавил я между тем. Ух, как оно тут же взъерепенилось, разъярилось – и кинулось с кулаками! Правда, налетало аж 2 раза, в секции и в “фойе”, громко орало, что зарежет меня, – но ударить так и не решилось ни разу. Обещало даже пожаловаться бешеному шимпанзе, когда то проснется, – но и этого не сделало, как видим. А вот только что, пока писал, эта нечисть продефилировала мимо меня и на чье–то донесшееся: “Бей жидов, спасай Россию!” – отозвалось: “Это точно!” – и еще что–то ругательное о жидах. Впрочем, все признаки антисемитизма оно демонстрировало и раньше, – как и каждый здесь, если чуть–чуть поскрести его, окажется вполне законченным антисемитом, даже если до сей поры молчал, а о “Протоколах сионских мудрецов”, м.б., и не слышал.

Мрази, твари, ублюдки, нечисть, шваль, погань, отребье... Когда же вы все передохнете, суки, как вас всех истребить, выморить, вывести с этой земли, которую вы захватили – и не даете жить и дышать нормальным людям?.. Каким напалмом вас

выжечь, каким дустом вытравить, чего вам намешать в водку, чтобы вы передохли сами, быдло, отребье, нечисть, ублюдки, пьянь и рвань, алкаши, халявщики, воры, русская слякоть и биомасса подзаборная? Да вы самогонку гнать начнете, вас и через водку хрен возьмешь... Но и жить в вашей удушливой, мерзкой, блевотной атмосфере, вашими ценностями и коллективистскими представлениями – невозможно и омерзительно. Будьте вы прокляты, твари!.. И здесь, и на всей этой земле, от Кенигсберга до Курил, сколько вас миллионов там есть, нечисти...

Живот так и не успокоился до конца, временами начинает пучить, и это дополнительно отравляет существование. Чуть потеплело, в завтрак было –12°. Но все равно: постоянно среди глумливых мразей, изнывая от желудочного беспокойства (а то и температуры), но регулярно 5 раз в день таскаясь по морозу на проверки и в столовку... Мерзко, тошно, противно, омерзительно, гнусно, – просто сил нет, как опостылело все это существование здесь. Хоть бы уж лежать, не вставая, – так нет, не дадут, да и шконка провалена, скособочена, – с одной стороны, там, где сажусь, 4 железных скобы лопнуло, а регулярно прикручиваемая мною проволока не выдерживает тем паче. И такого мерзкого, тоскливого существования осталось еще 802 дня...

18–54

И вот он кончается, этот еще один привычно–безумный день здесь. Кончается он – сперва истерикой матери по “запасному варианту” о том, что она не может дозвониться по основному, не будет больше мне звонить, не приедет ни сейчас, ни когда–либо вообще, и знать меня не хочет... А потом, едва успел вернуться в барак, – пришло 2 или 3 “мусора” с “локальным” шмоном, рылись под всеми шконками, светили огромным фонарем, общупали мой баул со жратвой, а из баула с вещами, открыв его, один вытащил пакет с тетрадями–ручками и прощупал тряпью внутри. А достав перед тем с этого баула свернутый пустой пакет с бельевыми прищепками (8 шт.), не удовольствовавшись разворачиванием и прощупыванием сквозь пакет, все–таки достал их и лично удостоверился, ЧТО там, в пакете... Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Впрочем, день еще не полностью кончен, в конце секции то и дело (весь день) привычно верещит эта бесхвостая тварь, и за оставшиеся до отбоя 3 часа еще многое может случиться...

8.1.09. 16–00

Еще один пустой, тоскливый лагерный день тянется, тянется... не хочется ни о чем думать, не хочется есть (хотя с животом вроде получше), не хочется жить... Кончаются

“праздники”, и скоро опять попрут одна за другой комиссии, опять “уберите все сидорА в каптерку!”. Тоска, уныние, усталость и пустота… Еще 2 года… Сегодня утром – не уверен, что именно сегодня, но явно не так давно и, видимо, по приказу шимпанзе – закрыли все–таки второй выход из барака, через “культяшку”. Сволочи… Замка в этот раз навесного не нашли – замотали проволокой, да еще снаружи доской подперли. Зачем? Кому мешало? Теперь, если утром прутся на зарядку в барак “мусора”, а тем паче отрядник после отпуска, – надо успеть выскочить в основную дверь, прямо им навстречу, раньше, чем они войдут, а то – “опоздал на зарядку”, полноценный повод для ШИЗО… Идиоты…

Трудно представить себе этот оставшийся срок – еще 2 года с лишним, сколько будет комаров в этом июне, какие будут холода в январе 10–го года и будет ли вот эта самая дверь закрыта в ту зиму. И не устроят ли эти блатные суки летом в бараке ремонт, выселив всех с вещами на улицу, под дожди… Тошно, и не хочется об этом даже думать. Единственная несомненная светлая веха, которой я подсознательно, кажется, уже начал ждать, – в августе этого года уйдет шимпанзе…

9.1.09. 15–06

Все нормально. Все хорошо… :))) Осталось 800 дней. Всего–то…

Утром сходили в баню. Очень удачно: и вышел раньше, и дошел без проблем, и лавки были все полностью свободны, и в кранах уже была вода, не надо было ждать. Я вымылся, вышел в предбанник вытираться – и в окошко увидел, как топает сюда “барак”: они только приперлись, а я уже помылся! Они ввалились с шумом, грохотом и топотом и, увидев меня, сразу же стали отпускать тупые шуточки и интересоваться, “как вода?” – любимый вопрос касательно бани, как будто они здесь на морском курорте…

И на завтрак, и на обед кормили гречкой, что совершенно удивительно, т.к. “праздники” уже заканчиваются. Только утром она была разведена в каком–то молоке, говорят, сладком, [а в обед?] – в чем–то типа какой–то подливы, даже с видимостью мяса, и это уже можно было есть.

10.1.09. 18–04

Опять безумные, трескучие морозы: утром и сейчас –25°, днем было –21. Холодина не только на улице, но и в бараке, – ноги приходится обматывать сложенным вчетверо одеялом, чтобы согреть. Хожу в 3–х штанах: сперва “термобелье”, присланное Эделевым; потом – финские спортивные брюки, купленные матерью в 2007 г. Вчера старый алкаш–сосед таки вшил в них

вечером новую молнию; ради этого на вечернюю проверку, на уже вовсю крепчающий мороз мне пришлось выйти только в “термобелье” под форменными брюками (сегодня они – уже 3–й слой), и я изрядно промерз. А молния сегодня утром, после считанных расстегиваний и застегиваний, уже лопнула, как и прежняя. Соседу говорить об этом я не стал…

Унылая, тоскливая пустота, темнота на улице, холод… Зима… Зима 2008–2009 годов… 799 дней осталось сегодня, и теперь – хоть одно хорошо – циферка эта первая каждые три с небольшим месяца будет меняться. Сейчас 7, с апреля будет 6, с августа – уже 5… Единственная маленькая радость.

С основного варианта связи с матерью практически нет – она меня не слышит. То хоть 2 минуты удается поговорить, то – сразу же. Причем, кроме Билайна, задействована уже и НСС–овская “симка”. То сплошной “поиск сети” –и той, и другой, одинаково – по полчаса. Это явно глюки самого телефона, ничто иное это быть не может. Так что с тем большим нетерпением жду другого – бывшего моего… Состояние тоски, тревоги, беспокойства, легко поднимающееся до градуса полного отчаяния, от этой безвыходности со связью, естественно, только усиливается. К хорошему быстро привыкаешь, и проще в этом отношении было нашим предшественникам лет 20–30 назад… Нет, не может быть никакого этого, как в книжках, супергероического, непреклонно–мужественного, лихого, с абсолютной уверенностью в себе все 24 часа в сутки сидения в тюрьме (и в зоне тоже). Да, я абсолютно уверен в своей исторической и политической правоте, ни от одного слова, мной написанного, я не откажусь, так же как и от дальнейших планов в отношении этого государства. Но – сидение здесь есть постоянное, ежедневное, ежечасное и ежеминутное выматывание нервов, поминутно возникающие проблемы совсем не исторические и не политические, а самые что ни на есть мелкие и мерзкие из бытовых (типа мороза, кражи вещей, вымогательства денег, глумящихся дебильных малолеток вокруг, и т.д. и т.п.). “Ведь срок есть восхождение на гору, с которой открываются года”, – написал когда–то Кирилл Подрабинек. Да, издали, в глобальном охвате это так. Но тут, непосредственно на месте, в разрезе мелко–бытовом, повседневном и поминутном – тут нет никакой горы, а есть только бесконечное вонючее гнилое болото, которое доходит тебе до самого рта, а иногда захлестывает и выше – и тебе надо год за годом медленно брести по нему, стараясь уберечь рот, нос, глаза и уши от этой мерзкой жижи…

11.1.09. 17–46

Только что, после ужина сразу – лекция этой бесхвостой

животины, со ссылками на “положенца”, о том, что надо обязательно всем ходить на проверки и в столовку. :)))))))))) Мол, кто больной – пусть идет в санчасть, а оно, мол, 1–й и последний раз объясняет словами, а дальше будет кулаками. (??!!) Анекдот в том, что это чмо само–то как раз абсолютно не ходит никуда – ни в столовку, ни даже на проверки (хоть туда–то прежде ходило), и еще несколько блатных – тоже, вместе с ним. И – как минимум утром эта обезьянья нечисть контролировать подъем и хождение в столовку не может, ибо дрыхнет сама – только ложится перед самым подъемом, а до того всю ночь колобродит, орет по телефону и просто так. Нечисть и мразь, кусок биомассы, лишенный малейшего смысла в своем существовании. Падаль, короче. Но наиболее забавно, что никто еще здесь из блатных не выполнял чисто СДиПовские функции с таким рвением и так открыто, практически не маскируясь. Противоположности сходятся, как всегда...

А дикие морозы между тем продолжаются. Утром было под 30˚, днем – вряд ли теплее 25–ти, вечером опять похолодает. На 8–м бараке, говорят, прорвало трубу отопления. Но есть эти трубы, или их вообще нет – безразлично, т.к. отопление в бараках этой зоны де–факто отсутствует. И в ту зиму батареи были, в лучшем случае, едва–едва теплые, а в эту, по–моему, они холодные постоянно. Тогда как в комнате длительных свиданий еще в ноябре, в последнюю нашу свиданку, на какое–то время батарея стала полностью горячей. Могут, суки, когда хотят!..

Единственная хлипкая дверь с улицы так обледенела со всех сторон, что перестала закрываться. Холод прямо клубами, как дым, прет в “фойе” (а наружу так же зримо глазом выходит тепло). Дверь потом все же обмотали по торцу тряпкой, чтобы закрывалась, но еще до этого, когда каждый подходил и несколько раз хлопал ею посильнее, пытаясь закрыть, – оторвали с внутренней стороны ручку; раньше она держалась на 2–х гвоздях (по концам ее), теперь – на 1–м. Мерзко, холодно, тошно, тоскливо... Впрочем, так же было и вчера. Правда, сегодня более–менее нормально удалось поговорить с матерью, и от этого на душе полегче. Оба варианта – и основной, и запасной – и у матери, и у всех, кому я еще звоню (Тарасов вчера, ради нового номера НСС), нагло вымогают деньги СМС–ками и звонками, причем основной вариант – особенно нагло, прямо от моего имени.

Дочитывая Фрейда, и все никак не могу дочитать. Лежит еще том Маркузе. А Тарасов, оказывается, нашел–таки мемуары Виктора Сержа, – я даже не ожидал...

18–30

И, главное, из этого тупого вонючего быдла ведь ни один не вякнул, не возразил: мол, что ты нас–то агитируешь в столовку ходить, когда сам не ходишь?.. Народ холопов, не народ а сброд, принимающий безропотно и с мазохистским удовольствием любую власть, которая только захочет ему себя навязать...

А дебильное долговязое (опять! :) чмо в проходняке у нас ведет себя все наглее, развязнее и глумливее. Хотя я уже успел понять, что на практике оно вполне безобидно и ни на что не способно, кроме словесного хамства. Животное...

22–05

И еще новости, самые последние. Увы, мерзость не заставляет себя долго ждать и в новом году: опять поборы. Впрочем, они были уже и в прошлом. Одна из самых агрессивных здешних блатных мразей купила перед самым Н.г. новый огромный телевизор и DVD – для себя и таких же, как она, постоянно смотрящих всякие дебильные фильмы. Но купили–то в кредит, а его надо отдавать – и вот теперь они “скидываются” по 500 рублей, которые и потребовали сегодня с меня. Не сей момент, а до конца месяца, – и то хорошо. За свой телевизор, по которому я смотрю исключительно новости, да и то – когда они не смотрят свой DVD, т.е. не каждый день и дай бог в день минут по 20. Мрази.

И еще фантастическая новость, только сегодня вспоминали: в бараке вдруг включили отопление, батареи стали более или менее горячими! Но, конечно, исходя из всего опыта – как лагерного, так и вообще долгой жизни в этой стране, – вряд ли это продлится долго, дольше чем до завтра или еще пару дней, в крайнем случае – до конца холодов. И еще, забыл написать раньше: вчера и сегодня по случаю морозов утром не было зарядки!.. Фантастика!!!

12.1.09. 12–45

Чего больше всего ждешь и боишься – то и случается? Черт его знает. (В “нули” на московской “пятерке” меня, во всяком случае, так и не засунули.) Только доделал одно важнейшее дело, пока все дрыхли, и около 11–ти тоже лег полежать, – вдруг, где–то около 11–30, крик стремщика: “Комиссия на том продоле!!!”. Вот она, родимая! Я думал о ней все новогодние праздники, постоянным рефреном всплывала эта мысль: “Пройдет Новый год – и поедут опять комиссии, одна за другой, опять “сидорА в каптерку”... И вот она – не прошло и 2–х рабочих дней!.. На том “продоле”, на 9–м, – и пока была общая суматоха, срочно мели пол и чередой, цепью в затылок выносили баулы, – стремщик крикнул: “Комиссия ушла на контрольную!”. Еще где–то без 15–ти 12 это было. Огромное чувство облегчения! – но эти–то психи,

то ли не все слышали, то ли уж такое у них усердие – продолжали тащить баулы, уже даже сейчас, после проверки, разбирать “шкерки” и пр. – в общем, по всему видно: ждут! Идиоты, она же не пойдет 2–й раз, кому нужны ваши затхлые бараки вообще! – но где–то там, вдали, грозно верещит временами шимпанзе, и, в общем–то, вполне реальна тут перспектива быть битым уже ПОСЛЕ ухода комиссии за ненадлежащую подготовку к ее несостоявшемуся приходу. Эту тварь ведь не вразумишь, тут слова бессильны... Никакой комиссии нет, стрем молчит, но обстановка сохраняется какая–то нервная, выжидательная, и будет такой как минимум до обеда. Нервы, как всегда, напряглись с этой комиссией настолько, что я даже забыл про проблему со связью, которой (связи) еще пока сегодня не было, и к вечеру ее тоже надо будет как–то решать... Одно радует: на улице стало потеплее, утром минус 17, сейчас уже выпал снег и стало еще теплее, вечером, говорят, будет 8–10 мороза. Но эти морозы были, увы, не последние, впереди еще более страшные – крещенские – в 20–х числах...

14.1.09. 9–09

Единственное вчера событие – весьма забавное, кстати, – произошло под самый вечер. Тотчас после проверки шимпанзе собрало “барак” в “культяшке” и обратилось с очередной речью, на сей раз короткой. Касалась эта речуга того, что не надо по телефонам обсуждать затягивание в зону наркотиков, да и вообще про наркотики говорить. Естественно, для выборочной проверки сотовых сетей эти слова, скорее всего, являются ключевыми, и, по словам шимпанзе, Заводчиков (который, точно сообщали, еще перед Н.г. уехал на пару месяцев) якобы вызывал на днях “положенца” и что–то ему внушал про эти разговоры на наркотемы.

Естественно, никому не под силу (или только уж ценой записи всех голосов на всей зоне и долгого, тщательного сличения) будет установить, кто именно отсюда звонил на эту тему, – слишком плотно набиты эти бараки людьми и телефонами.

[Пока пишу, шимпанзе и пр. что–то бурчат в дальнем конце секции про комиссию, слово “комиссия” повторяется угрожающе часто. Блин, неужели опять?!.]

Но самое смешное то, что, во–первых, легко и без усилий верится: да, таких идиотов, которые в открытую по телефону могли обсуждать затягивание наркотиков, тут немало. Вообще, количество идиотов и дебилов среди этого “спецконтингента” очень велико. Вырожденцы... Хотя и настучать начальству об этом могли вовсе не сотовые операторы, а слышавшие разговор

стукачи в самом бараке.

А второе, над чем я буквально ухохатывался вчера про себя, – это ораторские способности шимпанзятины. Этот позор джунглей смог выразить свою мысль разве что 2–3–мя ломаными, комканными, жеваными фразами, которые механически повторил раз 5 – для большей убедительности, что ли? Типа, “чтоб я не слышал в мой барак такие разговоры через телефон!”. А уж когда оно орало на случайно затесавшегося парня с 7–го барака, выгоняя его вон: “Я тебе русским языком объяснил!” – тут уж внутренний неудержимый смех стал помимо воли отражаться у меня улыбкой и на лице...

Да, удачно вчера вечером получилось воспользоваться и запасным вариантом – не после ужина, а до и – фактически – вместо него, благо “локалка” была открыта.

13–10

Зато сегодня события понеслись прямо чередой. Первым, самым приятным событием с утра было то, что эту проклятую бесхвостую тварь опять законопатили в ШИЗО. Огромная радость и облегчение! Хоть 2 недели (больше–то, увы, вряд ли) отдохнуть, чуть–чуть расслабиться. А я–то думал, что оно будет тут до самого отрядника, до середины или даже конца февраля. Но, видимо, это действует уже отрядник 8–го, заходивший к нам вчера вечером и сегодня утром.

Далее произошла – точнее, обнаружилась – вещь крайне неприятная и, надо честно сказать, на редкость идиотская. Ну почему всегда со мной все так глупо и нелепо выходит?.. Полез рыться в бауле – и оказалось, что лежавшая там, завернутая в отдельный пакет целая, неначатая бутыль средства для мытья посуды – вся вытекла!! Открылся проклятый клапан сверху на крышке, через который капают этим средством – и все, все к черту!.. Хорошо еще, спас отдельный пакет, да еще в нем там же лежали запасные губки для мытья посуды, – большая часть этой гадости впиталась в них, остальное растеклось по пакету и частично уже вне его (почему я и заметил). Жалко ужасно, я так был рад, что есть в запасе целая бутыль; а в прежней, тоже в свое время так же вытекшей, но наполовину все–таки, осталось уже совсем мало. Только–только хватит до свиданки – но теперь надо срочно сказать матери, чтобы она привезла еще, а со связью тут всегда проблемы.

Далее – кульминация. Зная, что тварь убрали на время из барака, я решился на нее вполне сознательно, не отрицаю, иначе бы не стал. Это долговязое чмо, не так давно заселеное в мой проходняк, все дразнило и дразнило, пело и пело свои песенки, лезло и лезло, а тут еще стало этак развязно тянуть свои ручонки

к моему лицу. Накипало у меня в душе давно, но если бы не утреннее нежданное закрытие, повторяю... Короче, этой мрази я высказал в лицо резкими словами все, что о ней думаю – и, как я и предполагал, мразь тут же побежала жаловаться на меня блатным. Те собрались всей своей мерзкой кодлой, суки этакие , – и "позвали" меня в свою "маленькую секцию", типа, свою официальную резиденцию. Пара человек из них еще пыталась что–то говорить и слушать, но большинство только злобно орало, что я "оскорбил" это длинное чмо, требовало "пояснить за слова" (половину придумали таких, каких я и не произносил) и, ясное дело, угрожали немедленным мордобоем, уже я был к этому исходу готов, потому что против такой толпы куда ж деваться, – но положение спас как раз один из спокойных (и старших по возрасту) блатных, который у них вообще при отсутствии обезьяны считается за старшего на бараке. Повел меня "в кухню" (правда, увязался еще один блатной, агрессивнее, но не с таким влиянием) и там решил дело разговором, без мордобоя. Я рассказал подробно, как меня дразнила эта тварь, и было выражено согласие, что это ненормальная ситуация. Второй тип еще пытался вякать какие–то угрозы, типа хребет мне за слова надо сломать (а он и так уже сломан, и сижу я именно за слова :)), но – обошлось. А этого малолетнего подонка тот же старший блатной начальник даже переложил от меня дальше, на соседнее с ним место, хозяина которого тоже сегодня закрыли в ШИЗО.

Кончились праздники, наступили будни и – ларек. Сегодня среда. Сейчас идти на обед, и запросов по поводу ларька мне уже поступила целая куча – от блатных и неблатных, это не считая "общего", про которое этот же самый старшой–блатной просто не успел сказать – пришел уже ко мне , сел, но отвлекли телефонным звонком: дозвонилась мать. Так что про средство для посуды я таки смог сказать, но в ларьке – если суммировать все, то вылететь сейчас может рублей 400, если не все 500...

17–40

Все обошлось вроде бы, как ни странно. И в ларьке – старичок–сосед наконец–то с пришедшего ему перевода вернул мне еще осенний долг за сигареты, которые долго брал у меня курить. Только вот этому блатному новичку пришлось–таки дать 100 рублей в долг, – выпросил все же, и я не стал обострять отношения. "В долг". Ну–ну, посмотрим... В ларьке, правда, на 300 рублей этих почти нечего было брать – ни сока, ни тушенки... А потом, после всего этого, еще дозвонилась и Лена М., с которой то ли вчера, то ли сегодня созванивалась мать. То–то был приятный сюрприз. И – обещает, что книжку обо мне, брошенную той весной в почти уже готовом виде Е.С., они таки берутся

сделать.

...Все обошлось? Бог его знает. Еще ведь целых 795 дней мне тут торчать. Что, какая сила вытаскивает меня каждый раз из этих передряг? Удача? Везение? Судьба? Я не знаю и сам. И в том году, когда был у меня шмон и забрали дневник, и позже, в сентябре, когда блатным показали мое “грузинское” письмо; и еще что–то было в таком опасном духе... А, когда эта мразь шимпанзе в сентябре уже тянулась меня ударить, когда я сцепился с ним из–за выхода на улицу после 21–00... Тянулся, но не ударил... Как и сегодня. Как и недавно, когда с другим животным, совершенно отмороженным, я тут сцепился, назвав его (косвенно) нечистью, каковой оно и является в действительности... Да, посадить посадили, загнали сюда, и еще в тюрьме, в самом начале, в апреле 2006–го эта грузинская мразь била ногой в лицо... Но сейчас вот, пока что – что–то меня спасает и держит на плаву. Что – я не знаю. Не то ли вечное, многие уже годы, каждодневное ожидание большой беды, какого–то самого последнего, окончательного и непоправимого несчастья, – не это ли ожидание, которым я подсознательно живу вот уже много лет? То ареста ждал, а до ареста – еще чего–то, уже не помню точно, чего, и сейчас вот – сейчас любые ожидания оправданнее, любая возможная беда реальнее, чем на воле, в 1000 раз.

А эти твари – да, четко ощущают себя властью, начальством над всеми прочими зэками, над их сном и едой, жизнью и смертью. Суки, мразь, нечисть, выродки, сброд подонков, – власть они, понимаешь ли, самозванная! Никем не избраны, но берутся всех и обо всем судить. И на полном серьезе, видимо, воображают, что весь мир, все люди, любой попадающий сюда по любой статье (в т.ч. и по политическим) человек – автоматически, изначально, как само собой разумеющееся принимает и разделяет всю эту их свинскую, варварскую, тоталитарную систему ценностей, взглядов на жизнь и “понятий”, тот особый, нелепо–извращенный смысл, который они придают любым словам по своему произволу. И, конечно же, признает и автоматически подпадает под действие их “права” бить любого, кто со всем этим не согласен и словам в разговоре придает иной смысл. Подонки–самозванцы, с какого–то бодуна возомнившие себя властью и вершителями судеб, демонстрирующие собой воочию известный принцип, что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. И – не знаю, как уж там на других зонах, на “красных”, но тут – вроде бы это и зона, место наказания (и “исправления” мифического) преступников; и в то же время каждый барак тут изнутри – это самый настоящий бандитский притон! Сидят подонки, ворье, грабители, громилы,

обворовывавшие на воле квартиры, магазины, вырывавшие мобильники из рук, угонявшие чужие авто – и только коснеют в своей наглости и в своих претензиях жить за чужой счет, красть и грабить чужое добро (да и здесь крадут и вымогают вовсю). Спеваются, обогащаются опытом, закаляются, наглеют, становятся тут, в своей уголовной среде, в зонах, еще наглее и опаснее, чем по малолетству были, отнимая первый в жизни телефон... Давить эту уголовную нечисть давить любой ценой и любым путем всех этих мразей, живущих тут “ЭТОЙ” или “НАШЕЙ жизнью”. Прав был Буковский – да, в лагерях сидят не какие–то особые, сверхзакоренелые преступники, а, в общем–то, обычные люди из народа, часть его. И эти подонки, эти лагеря – срез этого самого народа. 148–миллионного, наглого из наглых, хитрого, пьяного, вороватого и агрессивного. Таким образом, от чисто криминальных проблем – что делать с уголовниками, – мы опять возвращаемся к вопросам политическим: что делать с этим народом подонков? Сбродом, точнее говоря. И, кроме “давить”, никаких других ответов тут тоже не просматривается. Весь вопрос – КАК? И что могут сделать для этой цели, для защиты себя от нечисти и пьяной мрази 1% приличных людей, еще имеющихся в этой стране. И захотят ли они?..

18–43

Как бы там ни было – я опять одержал моральную победу над всеми ними. По–моему, она бесспорна. А учитывая еще и вести с воли о публикации на ЧП и в целой куче других мест – дела мои объективно не так уж и плохи, даже после почти трех лет заключения.

15.1.09. 18–35

Опять этот блатной начальничек, остающийся на хозяйстве вместо обезьяны, орет кому–то: “Здесь тоже подходить говорить надо! Голову разобьют!”. Это по поводу того, что кто–то, видимо, ходил по каким–то своим делам в штаб, не предупредив это вот блатное “начальство”. А с какой, собственно, стати их предупреждать, “ставить в курс”, как они говорят? Кто они такие, откуда у них власть, кто им дал право и полномочия командовать остальными зэками? И с какой радости этим наглым самозванцам подчиняться, выполнять их требования, даже по своим сугубо личным делам в штаб зоны ходить, видите ли, только с их разрешения? Уголовное отребье, вся эта блатная нечисть, мразь и шваль нагло и агрессивно навязывает свою волю, свои правила, свое командование. И никто не сопротивляется...

16.1.09. 16–15

Пустота. Тоска и бессмыслица. Все – ни о чем, ни к чему и никуда. Со связью дело сегодня, видимо, опять швах. Мать

звонила (еще до обеда, скорее всего, да и сейчас тоже), но – “трубу” надо зарядить, а потом этот наглый скот будет часами, как обычно, трепаться сам, а на меня плевать... Бедная мать, скольких усилий ей эта связь стоит и скольких нервов...

Ослепление, оглушение ненавистью, слепой яростью, как будто действительно – головой в воду нырнул и глаза, рот, нос, уши – все залито этой ненавистью как водой, и от ненависти нечем дышать. Мрази, твари... Эти блатные суки преподали мне (тогда, на днях, по поводу моего долговязого дебила–соседа) реальный урок, показали свою силу и власть. Их много, они – спаянная кодла, а я – один... Можно в ответ на угрозы мордобоем сказать: немедленно будут заявления начальнику зоны, в оперчасть, в прокуратуру по надзору, в УФСИН и т.д., плюс попытка (если получится) засвидетельствовать все побои в санчасти. А можно просто лечь прямо перед ними на пол и сказать: бейте, мрази, хоть убить здесь прямо можете, делайте со мной что хотите – а по–вашему все равно никогда не будет, я вас ненавижу и презираю, и власти вашей кулачной, насильнической, не признаю, и подчиняться ей, пока живой, не буду, и вообще пошли вы все на ... ! Но оба эти выхода – все равно ничто, они ничего не дают, ибо не дают главного: адекватного ответа возмездия! Они оба – лишь 2 стороны бессилия, моего абсолютного позорного бессилия что–либо капитально изменить в ситуации, с которой я столкнулся лицом к лицу. Поэтому–то и душит такая бессильная ярость, и эта ненависть – следствие унижения, которому тебя подвергли и за которое ты не можешь ничем отплатить, ничем его компенсировать. Тогда как единственной реальной и достойной компенсацией было бы собственноручное физическое истребление этих тварей, посягнувших на мое человеческое достоинство. Перестрелять их, или бросить в их сборище гранату, или связанных запихнуть в печь – все равно...

17.1.09. 16–03

Эх, проклятая эта жизнь, будь она неладна... Опять появились вши, – а только начало казаться, что хоть с этой напастью покончено. Сколько уж раз их изничтожали утюгом, кипятком, морозом; мой вшивый старичок–сосед по проходняку сутки пролежал на шконке голый, в одних спортивных штанах, кем–то данных, только в конце того года, – и все равно сегодня утром, проверяя одежду, я опять нашел вошь в рубашке, которую только вчера утром надел в бане, еще и суток не прошло. Заползла она, несомненно, ночью и уже успела напиться крови... Учитывая, что вот–вот грядут лютые крещенские морозы, придется одевать под низ трикотажные теплые штаны (белье) и в них спать, – ничего

приятного будущее и с этой стороны не обещает. У людей – XXI век, прогресс, цивилизация, наука, а у русских – вши... (да еще сами эти уголовники, которые ничуть не лучше и не выше вшей.) А процесс их выискивания в одежде – каждое утро после завтрака – очень трудоемок, долог и утомителен, да еще при здешнем скудном освещении.

Шимпанзе, говорят, дали всего 7 суток, так что оно может явиться уже в среду, 21–го. Как говорится, недолго музыка играла, недолго длился мой отдых. А я–то уж надеялся, что суток 15, не меньше, да еще там моя длительная свиданка в конце месяца, – январь как–нибудь протянем, и останется всего 7 месяцев мучиться...

Со связью вчера действительно было тяжело. – "труба" заряжалась и заряжалась, причем в выключенном виде, надежды не было никакой, а когда я с отчаяния решил попробовать запасной вариант – там оказался долг 300 рублей, все "маячки" израсходованы, а на "маячок" с просьбой пополнить счет мать, конечно же, перезвонить не догадалась. Но, когда все же дозвонилась, уже к вечеру, оказалось, что практически сразу ей это удалось, а до того, после обеда, она и не звонила, т.к. уходила куда–то! А я–то думал, что она там никак не может пробиться, нервничает, психует, как обычно, и опять начнет орать, когда, наконец, прозвонится...

18.1.09. 11–23

Ух, мрази, твари, суки, сволочи, как же я вас всех ненавижу!!! Аж трясет от омерзения и ненависти!.. Будьте вы все прокляты!.. Как я вас НЕ–НА–ВИ–ЖУ, если б кто–нибудь знал!!! До дрожи, до скрежета зубовного...

Встали, задвигались, зашевелились, суки, забегали с чайниками, – еще 11–то не было. Чего так рано? Хрен их поймет...

Есть 2 или 3 дебила, которые постоянно открывают дверь в секцию (она на пружине, так цепляют снаружи веревкой – куском от баула), и еще с десяток мразей делают это время от времени. Воняет, видите ли, им, "волокуша" их очень возмущает!.. Изобрели свой идиотский жаргон с какими–то "волокушами"... Только продрыхлись сегодня – уже раскрыли, растопырили двери, суки! Сперва в секцию (я закрыл – так загавкало это чмо, мой недавний долговязый даун–сосед), а сейчас – уже и на улицу. Явственно ощущаю, как тянет холодом по ногам. На улице холодает, утром было –13°; что будет дальше – страшно подумать. А эти bastards все открывают и открывают в любой мороз...

Из этих открывателей один, самый активный, спортсмен, уже под 60 лет, подрался вчера вечером с блатным, в 2 почти раза моложе. Как я понял, из–за телевизора – кому что смотреть.

(Спортсмен, как и я, обычно старается смотреть новости, особенно “Время” в 21 час, и, как и мне, ему это, похоже, не удается последнее время.) Сочные звуки ударов – неожиданно, после взрыва ругани и криков: “Поясни мне за эти слова!” в дальнем, блатном углу секции. Спортсмен, видимо, тоже как–то нехорошо :) обозвал этого блатного козла. Драка! Но вроде бы обошлось без последствий, по крайней мере, видимых.

Тварь–сосед в соседнем проходняке, алкаш и ворюга, так и не думает даже доделывать мне жилетку, которую начал перешивать из телогрейки еще 2 месяца назад. Сперва он божился, что к Н.г. сделает, оптом, вечером 1 января, на мой вопрос – начал юродствовать и пытаться типа отшутиться: мол, Новый год только 14–го, мы, православные, мол, не признаем нового стиля. До 14 января твердо обещал сделать. Начинал возиться – и каждый раз клянчил под это занятие сигареты. Но вот и 14–е прошло, уже 18–е – а воз и ныне там. Этот подонок спит целыми днями (и ночами тоже), как сал все это время. Я не напоминаю, не спрашиваю и вообще не разговариваю с ним(если уж только он сам не начнет приставать с разговорами – трепло он страшное) – противно донельзя. До дрожи. До омерзения противен и он, и все остальные эти твари вокруг...

Вшивый (до недавних пор, по крайней мере) старикашка–сосед в моем проходняке взял новую моду – курить прямо тут же, сидя на шконке. Раньше он всегда выходил и, по его собственному признанию, даже прикуривать в секции не решался. Теперь – дымит как ни в чем не бывало, особенно приходя из столовой, и ему плевать, что я в этот момент, может быть, пью чай, ем и т.д.; дым лезет мне прямо в лицо, я кашляю... Сволочь!.. Но делать ему замечания, что–то говорить – так же до дрожи омерзения противно (хотя он, скорее всего, перестал бы тут курить, если бы я сказал). Этим чувством омерзения, отвращения, брезгливости к ним я тут вообще совершенно парализован, и ничего не могу с собой поделать, ничем не могу его побороть. Омерзение и брезгливость парализуют настолько, что, кажется, даже инстинкт самосохранения перестает действовать: кажется, что легче умереть, чем даже для спасения жизни войти хоть в малейшие отношения, хотя в малейший контакт с НИМИ...

Впрочем, с их стороны отношение ко мне такое же, если не хуже. Тоже ненависть, почти не нуждающаяся себя скрывать, чаще всего выражаемая при случайных столкновениях в быту глумливой насмешкой. О каком бы то ни было уважении ко мне этих тварей, в том числе малолеток почти вдвое моложе меня, не может быть и речи...

Местные шуточки. Один (совсем уж конченный подонок, местный шнырь) дает другому (чуть получше) “сигарчушку”, которую тот у него просил. Они стоят в секции довольно далеко друг от друга, между ними проходит “обиженный”. “На, передай ему”, – протягивает шнырь “обиженному” сигарету. При этом и он, и просивший сигарету довольно смеются. Ну да, у этих психов, с этим их общим совершенно шизофреническим сознанием взять у “обиженного” сигарету и закурить ее совершенно немыслимо – при этом сам автоматически, так сказать, оскверняешься (“законтачиваешься”) и переходишь в ту же современную касту неприкасаемых, причем – без возможности реабилитации. Ритуально–мистический, абсолютно иррациональный подход, чистый бред – но они так живут, эти твари, вот уже многие десятки лет, и держат в рабстве, в совершенно скотском, подневольном, униженном и затоптанном (морально, а то и физически) состоянии тысячи и тысячи людей, заставляя их на себя работать и избивая по любому поводу...

Весь день продержалась эта тоска, настроение омерзительное, не хочется вообще ничего, и жить тоже не хочется. Лучше бы я разбился тогда насмерть... Во нашел днем распечатку статьи Кирилла Подрабинека о моем приговоре – перечитываю ее сейчас, единственное развлечение... Если ребята все же сделают сборник обо мне, как обещают матери, то она тоже туда войдет. Только они, скорее всего, не сделают – ведь на это деньги нужны, – а если даже и сделают, это, скорее всего, будет такой мизерный тираж и такое жалкое исполнение и распространение, что можно было и не делать вовсе...

Матери так и нет на связи, – наверняка она звонит минимум с 12–30, но меня, как обычно, не зовут. Вчера зато она 2 раза дозвонилась – днем и вечером (правда, вечером всего пару минут и дали поговорить). Опостылело все настолько, настолько все стало безразлично и ничего не хочется, – я уже с утра сказал себе, что сегодня, видимо, связи не будет вообще, и это пока оказывается правдой, и заранее решил, что не буду ничего по этому поводу делать, никуда ходить, никого просить, никакие запасные варианты (с их долгами) и т.д., не буду предпринимать никаких усилий. Опостылело. Надоело. Не хочу. Ничего уже больше не хочу, и пусть там оно будет как будет. Очень жаль только, что никчемную, опостылевшую эту жизнь нельзя просто и безболезненно отключить нажатием одной кнопки, как телевизор...

Остался мне 791 день, ровно 113 недель.

19.1.09. 9–53

Третий день уже кашель, насморк, вчера вечером уже была

небольшая температура, но потом, видимо, прошла. Особенно донимает кашель, – этот мой проклятый хронический бронхит, обостряющийся при каждой простуде. А простудиться тут легче легкого, когда эти суки в любой мороз то и дело открывают все двери настежь...

Мать все же дозвонилась вчера – уже вечером, после восьми, когда я, поужинав, собирался пить чай. Оказалось, что она дважды – после проверки и в районе 4–х часов дня – дозванивалась, просила меня позвать, – но эта тварь, у которой телефон, упорно ей отказывала, – мол, сейчас не могу, позвоните позже. Но по крайней мере это лучше чем когда предыдущие владельцы этого номера, не меньшие подонки, просто сбрасывали ее звонки по 25 раз за вечер...

Зона эта гребаная преподнесла еще один сюрприз: вечером, после отбоя, когда я уже лег, вдруг погас свет. Я жутко обрадовался, – не надо до 12–ти или около того ждать, пока погасят сами; но я не сомневался, что через час–другой электричество будет дано. Поэтому даже пошел – и в темноте тихонько щелкнул выключателем у двери, чтобы, когда включат ток, в секции среди ночи свет опять не загорелся. Не тут–то было! Света не было до утра! Я, правда, хорошо спал эту ночь, лучше, чем обычно. просыпался я всего раза 2; но для того, чтобы посмотреть на часы, пришлось на ощупь искать и зажигать спички. Оделся около 5–30, как обычно – и, одетый уже, накрылся снова одеялом и лег, а кошка Манька так всю ночь, с самого вечера (еще при свете) и проспала у меня в ногах на одеяле. Угрелся, так хорошо было лежать в тепле под одеялом, если бы еще не этот кашель проклятый... в общем, чуть не уснул опять, хотя, ложась, спать не собирался. Жрать себе на завтрак все равно ведь в полной темноте не приготовишь, телевизор не работает, – что еще делать? Лежи себе... Но тут крикнули: “Пойдемте на завтрак!” – мне как раз было интересно, соберется ли кто–нибудь хоть на завтрак вести среди этой всеобщей расслабухи (хлеще, чем в Новый год) и темноты. Встал, сложил одеяло, быстро собрался и пошел, – сам не знаю, зачем. С крикнувшим “общественником” пошло всего человек 10, да еще столько же пришло, когда мы уже были в столовке, – это из отряда под 100 человек. Жрать давали перловку, которую я на дух не переношу, и даже хлеба мне на сей раз не досталось: пока я, придя первым, сидел за столом один, заготовщик, проходя мимо, кинул мне пайку. Она осталась лежать на столе, и ее быстренько ухватил, подойдя вторым, мой сосед по проходняку и стал жрать. Когда же пришел третий – злобный старикашка, чуть не опрокидывающий шконку “обиженных” по утрам, – тот же заготовщик, снова

проходя мимо, дал пайку ему. Таким образом, без хлеба должен был бы остаться мой сосед, но фактически остался я, а на стол, где сидит 3 человека, было, как что–то совершенно нормальное, дано всего 2 пайки. И не то что мне нужен был этот хлеб (у меня был еще запас со вчера в бараке), но сам факт весьма примечателен, как пример здешних нравов и обычаев.

Завтракать пришлось всухомятку, без чай, что при здешнем грубом и кислом хлебе было особенно противно. Хорошо еще, оставалось полбутылки воды – запить (вода, как известно, отключается вместе со светом). Конечно, я понимал, что свет дадут, но ждать у моря погоды не хотелось (реально его дали только около 10–ти).

Мрази местные (один подонок из захваченного соседнего проходняка) опять начали делать свою вонючую брагу. Новогодний мораторий закончился?.. Опять пихают под соседнюю со мной (с другой стороны) шконку свои ведра и бадьи, опять это злобное чмо лазит туда по 20 раз в сутки, а сегодня утром оттуда еще и вода потекла – оказалось, какую–то свою бадью они как–то криво поставили.

Утром, одеваясь в темноте, надел и теплые штаны – “термобелье”, присланное Эделевым – под свои спортивные (финские). Но вышел – мороз на улице вроде не такой зверский, как я ожидал с вечера (пар уде валил из дверей и в двери). Конечно, все равно в трех парах штанов теплее, чем в двух, а на улице отнюдь не лето, – но если спать в этих трикотажных, то в них наползут вши, надо будет каждый день их снимать, выворачивать, проверять... Да, вши, – вот такие вот у меня здесь в XXI веке проблемы...

Еще подумалось – слыша, как юный сверхнаглый сучонок в соседнем проходняке, едва проснувшись, уже звонит кому–то из своих. “Мрази – на связи!” Типа лозунга, что ли, такого, отражающего реалии этой жизни: мрази – постоянно на связи, 24 часа в сутки, а я – постоянно в пролете и 10–15 минут пообщаться с матерью жду весь день как манны небесной. Да, мрази, подонки, отребье, кухаркины дети, потомки крепостных – захватили все блага, все лучшие места в этой жизни, все ценности (я не про зону, конечно, говорю, а про страну), а приличные люди – как всегда, остаются на бобах.

И что тебе, писатель,/Ум, гордость и краса –

Иди корми, приятель,/Помоечного пса...

15–58

Свет выключили еще раз – перед самой проверкой, без 10 минут 12, и включили вот только что, без 5–ти 4. Мобильники у всех разряжены, зарядников не хватает, за ними очереди, – так

что, весьма вероятно, сегодня мать не дозвонится мне вообще, или уже только поздно вечером, после отбоя. На улице вроде не такой уж мороз, но в бараке вдруг стало как–то пронизывающе холодно. Хорошо еще, если опять не вырубят свет и в 8 удастся нормально поужинать (тут для этого нужен кипяток). Настроение, правда, сегодня повеселее, не такое тоскливо–безнадежное, как вчера. Старый алкаш по соседству дрыхнет, но до этого довольно долго шил мне жилетку (я спросил–таки его вчера, уже лежа в постели, преодолев отвращение, – он сам завел речь о кошке Маньке, запрыгнувшей ко мне на одеяло). Скоро приезжает мать, и так–то уж она соскучилась, так радуется, что меня скоро увидит, – в ее сознании эта коротенькая радость заслоняет все, и мой оставшийся более чем 2–хлетний срок, а я только о нем и думаю, а не о скором свидании. Хотя о свидании тоже думаю, конечно, и радуюсь – но эта радость с привкусом горечи, когда, еще только выходя из барака и идя туда, уже по прошлому опыту явственно представляешь себе, как будешь через три дня по утреннему морозу топать обратно, в этот ужас, в свой опостылевший барак, да еще – таща на себе непосильный баул...

22–31

Мерзко и тошно так, что не описать словами. Мать так и не дозвонилась, – только Е.С., и то потому лишь, что ей послали СМС–ку. На завтра замглавнокомандующим блатным чмом опять провозглашена комиссия. Предыдущая была 11–го, – значит, при такой динамике до конца января возможна еще одна. По 3 комиссии в месяц? 78 комиссий до конца срока?..

Во “Времени” по 1–му каналу сейчас показали: в Москве сегодня застрелен адвокат Станислав Маркелов. Я знал его лично, в 2001 г. просил заняться моим тогдашним делом, он он был слишком занят и порекомендовал другого. Его знал хорошо Кантор по каким–то не то юридическим, не то социал–демократическим делам, и Кантор просил его обо мне, насколько я помню. Но особенно он мне памятен по самому первому своему громкому политическому делу – Андрея Соколова, которого судили в январе 1999 г. 10 лет прошло, но я хорошо помню его, совсем еще молодого, на пресс–конференциях соколовскому делу, на которых сидел к нему ближе всех. Знать бы тогда, что всего 10 лет ему еще отпущено и какой конец его ждет... От смерти человека, которого знал лично, хоть, м.б., и не так близко, – состояние подавленности и легкого шока.

Единственная хорошая новость – говорят, что шимпанзе продлили сегодня срок в ШИЗО, так что 21–го, очень надеюсь, эта мразь еще не выйдет. Еще одна комиссия и еще одни “сидорА в каптерку!” пройдут без нее. Когда 14–го, после ухода этой

нечисти и после предыдущей комиссии 11–го, только что, – я думал: мол, теперь никакая комиссия не страшна, пусть едут! :)) – я говорил это про себя с горькой иронией, отчасти и с юмором, и разве мог я подумать, что следующий потенциальный скандал из–за “сидорОв не в каптерке” может быть назначен уже на 20–е?..

20.1.09. 8–25

Ждали одного, а вышло совсем другое. Еще в подъема я расстелил свое красное одеяло, решил второй баул тоже убрать под свою шконку от местной блатной “комиссии” – но не успел еще доделать себе бутерброды на завтрак, как опять вырубили свет! Связи с матерью, видимо, не будет и сегодня: тут все телефоны разряжены, 1 зарядник почти что на весь барак, и за ним очередь. Наудачу хотел сейчас воспользоваться запасным вариантом – черта с два! Захожу – это чмо, лежа в постели, трепется со своей бабой по телефону. Минут 15 я сидел, слушал их сюсюканье, чтобы потом выслушать отказ: его “труба” убрана, а эта – чужая, и то на ней денег нет, только “маячки”. Слать матери “маячок” с незнакомого номера – без толку, едва ли она сможет перезвонить. Я ушел сразу и без дальнейших разговоров.

Света пока так и нет, пишу впотьмах. Опасность комиссии из–за этого временно отступила. Но включат свет – и она все равно может пойти. Или завтра. Эта опасность (как и все прочие) тут перманентна, и это самое омерзительное и изматывающее....

9–00

Ур–р–р–ра!!!!! Свет дали!!! Завтракаем – и ждем комиссию!!!!! :))))))))))))))) (Истерический смех.)

17–00

Конечно же, никакая комиссия по баракам не ходила, как и всегда, – но психоза и шуму было больше обычного, а нервы у меня оказались на сей раз истрепаны полностью, абсолютно, запредельно. Так тяжело мне бывало до сих пор разве что при наличии мерзкой обезьяны в бараке, а на сей раз и без нее. Что же будет, когда она опять явится?..

Эти тупые твари, покорные рабы, нечисть, мразь и быдло, – они опять цепочкой, как обычно, вынесли все свои баулы (но, правда, на сей раз кое–кто в нашем конце секции и оставил), задрали все “шкерки”, поснимали всю одежду со шконок. Чтобы не докапывались, одежду я снял тоже. Перед проверкой замглавнокомандующее чмо начало орать, – мол, “в лагере комиссия!” и “убирайте все лишнее!”. Тут же, с первого окрика потащили, ублюдки!.. Ждали до обеда, обед почему–то задержали на 40 минут (мы идем предпоследними, – значит, не все еще поели до нас); после обеда уже стало ясно и особо никто не ждал. На завтрак, вопреки буднему дню, дали яйцо, на обед – какой–то,

типа, “хороший” рассольник, даже с кусочками соленого огурца (!!) и картофельное пюре, опять омерзительно намешанное с какой–то дрянью типа крупы (сечка?). Я эту бурду есть не стал, да и из супа выловил только кусочки картошки и – малюсенькие – мяса, остальное там была мерзкая перловка. Но когда на ужин дали сечку (давно уже эту дрянь не давали), то поневоле стало ясно: комиссия уехала. :)) Но понимание пониманием, а как бы этот психоз не возобновился завтра с новой силой. У них комиссии и и по три дня могут торчать на зоне. Слава богу, дотошных проверяющих, чтобы сунуть нос под все шконки и под моей обнаружить оба баула, завешенных одеялом, не нашлось. Но выдержать и завтра, без отдыха, без перерыва такое психологическое давление, угрозу истерики, скандала и крика при их нахождении будет нелегко...

Мать дозвонилась–таки сама утром по одному из запасных номеров, специально для таких случаев мною ей данных. Я объяснил ей, на какой основной номер теперь звонить, при отсутствии прежней “симки”, и она обещала вечером попробовать. Но эта тварь и сегодня едва ли позволит ей...

Самая мрачная, почти трагическая новость дня, – когда пришли с обеда, то дверь в секцию оказалась распахнутой, а пружина, ее закрывавшая, – отсутствующей. Я сперва подумал, что комиссия таки побывала здесь в наше отсутствие и конфисковала пружину как “не положенную”. Но все оказалось проще: когда блатные, пришедшие с обеда раньше меня, открыли дверь, пружина отломалась от кольца, за которое была прибита гвоздем, и улетела. Почти как осенью мне в лицо, – только им, к сожалению, в их наглые хари она не попала. Теперь перспектива крайне мрачная: оставшуюся половину зимы мерзнуть с открытой дверью, если не найдется новой пружины. Через эту дверь поминутно все ходят – и едва ли 1 из 10 догадается ее прикрыть. А если она распахнута – на ее ручку с внешней стороны заготовщики начинают вешать свои сумки с байзерами, и закрывать с сумками становится уже неудобно. В общем, за психозом с комиссией эта история с дверью не вызвала большого внимания – но натерпеться бед и хлебнуть горя в ледяном, неотапливаемом, да еще и настежь раскрытом в мороз бараке мне еще предстоит... Пользуясь мимолетной возможностью, я наедине спросил у наиболее еще адекватного полублатного в соседнем проходняке, где пружина, и завязался короткий разговор, дошедший и до вопроса, откуда они эту пружину вообще взяли. Ответ был неожиданным: оказалось, с пружинной шконки!

21.1.09. 10–15

Ну что ж, комиссия, бесспорно, уехала, и зримым тому

свидетельством может служить начавшийся с четверть часа тому назад шмон на 4–м бараке. 4–й единственный, насколько я помню, оставался непрошмонанным перед Новым годом, – и вот его очередь пришла. Но лучше уж, ей–богу, шмон, чем комиссия, – какой бы отъявленной мразью ни были “мусора”, особенно мелкие, с ними и то проще, чем с уголовниками. Особенно если это простой шмон – без лазания по баулам, без построений, проверок формы одежды, прически, без попыток изъятия “вольных” вещей, и т.д. Ну, задерут матрас, перевернут все, что под ним (книги, тетради, бумаги и пр.) вверх дном, ну вытряхнут банный пакет; ну выдвинут с места несколько шконок в секции (мою еще ни разу не выдвигали). Все это, в конце концов, убирается за полчаса.

Смех сквозь слезы, – забавна все же эта диалектика здешней жизни (по крайней мере, моей). Перед шмоном надо все наиболее ценные вещи (бумаги) убирать в баул, ибо туда обычно не лазят. А перед комиссией, наоборот, надо их вытаскивать из баула и совать под матрас – ибо баулы может понадобиться все же тащить в каптерку, и после этого уже неизвестно, чтО в них сохранится. А могут и просто – оттащить сами, без меня, как один раз было, или вообще выкинут куда–нибудь (это сами зэки, а могут и “мусора” из каптерки забрать и увезти, как увезли баул моего старого соседа по проходняку 27 ноября).

По сравнению с вчерашним диким нервным перенапряжением, – сегодня, можно считать, день отдыха и расслабления, несмотря даже на шмон–бригаду на 4–м. Правда, предстоит еще ларек и попрошайничество до него и в нем, да и до конца дня еще далеко, – всякое может случиться... Но неприятно вспоминается начало прошлого года – зима и весна, где–то до мая, период сплошных, постоянных шмонов, в т.ч. и у нас...

22.1.09. 9–02

Увы, ожидания вчерашнего утра не подтвердились совершенно, и это еще раз – 1001–й уже, наверное – подтверждает давно известную истину о том, что расслабляться здесь не стоит ни на секунду. День был ужасный, хотя со мной–то лично (пока!!) ничего плохого не случилось – и, конечно, такого безумного количества нервов, как накануне, я уже не тратил.

Вопреки, казалось бы, очевидному, – нет, шмон на 4–м таки не означал отъезд комиссии! Она была!! Истерика “по комиссии”, как позавчера, началась перед самой проверкой. Я четко заметил и отлично помню, что всю истерику создало единолично вот то самое (сверхнаглое) “замглавнокомандующее блатное чмо”, – именно оно начало кричать, чтоб забрали (из “культяшки”) и

убрали все вещи, и т.д. – именно оно, как бы мимоходом, в потоке ругани про вещи и “шкерки”, крикнуло: “Комиссия на том продоле!”, а несколько позже – “комиссия на наш продол!”, или как–то так. От стремщиков ничего такого и близко не исходило, хотя за подобными перемещениями тщательно наблюдает стрем всех бараков обоих “продолов”. Этот подонок просто ВЫДУМАЛ приближающуюся комиссию, крикнул – и этого хватило для массовой паники. Впрочем, к радости надо отметить, что на сей раз такой уж массовой она не была: даже таких дебилов сложно каждый день ловить на одну и ту же удочку и пугать одним и тем же ужасом, который раз за разом не сбывается. Уже больше народу, проигнорировав все приказы, не понесло никуда из–под шконок свои баулы – особенно те, кто только накануне вечером, после предыдущего припадка “комиссионной” истерики, их забрал из каптерки. (А там, кстати, их реально прогрызают еще и крысы.) Но вопящее наглое чмо объявило, что комиссия будет в зоне 3 дня, так что сегодня, когда проснутся к проверке, возможно возобновление истерики в еще более тяжелой форме, и я опять заранее, с подъема, расстелил красное одеяло (вчера стелил скорей–скорей перед проверкой) и рассчитал, как, куда и что прятать.

Более тяжелая форма возможна из–за самого неприятного события вчерашнего дня: когда я вернулся после обеда из ларька – выяснилось, что все–таки явилось шимпанзе! Если бы не продлили, то должно было до обеда, но я знал, что продлили, и никак не ждал – и вдруг на тебе! Соседи в проходняке рядом шепотом делились, что будто бы оно порвало постановление о дополнительном сроке и вскрыло себе вены. В последнее мало верится, но, по крайней мере, вчера оно не буянило, как обычно, не орало и не ржало, а весь вечер смотрело по телевизору какие–то клипы. И совершенно непонятно, как же и на каких условиях его все–таки отпустили, имея уже подписанное постановление. Неужели так мало надо, чтобы сломить волю этой милютинской администрации?..

Кое–что прояснилось вчера и насчет самой комиссии. Пришедший из ШИЗО шнырь и “бражник” сказал, что к ним туда еще утром заходили “по правам человека” (существительное; кто именно “по правам человека” это был, он назвать, конечно, не смог), – спрашивали, нет ли жалоб. Т.е., скорее всего, приехали из аппарата “омбудсмена” Нижегородской области, – формальный чиновный визит для галочки, и уж конечно до зэковских баулов под шконками им не было и нет никакого дела. Уж точно это не режимная комиссия из УФСИНа, которую такие вещи еще волнуют – но тогда перед ее появлением в бараках всюду прошли

бы свои, местные “мусора” и строго–настрого приказали бы все убрать. Один тот факт, что комиссия зашла с вопросом о жалобах в ШИЗО, но даже не появилась в бараках, говорит сам за себя...

Возвращение этого самого шныря, между тем, привело к другой коллизии. Его место было занято тем самым подонком и дебилом, которого я 14–го якобы “оскорбил” и из–за которого меня хотели избить. Я думал, что шнырь просто ляжет на свободное место рядом с ним – в нашем уже проходняке, – но нет. Пришло то же главнокомандующее, посмотрело, понюхало, поспрашивало – и положило шныря на его прежнее место, дебила – через проходняк от меня, а того, кто жил там – на свободное место к нам. Это оказался старый знакомый – тот самый “стирочный мужик”, как я его в шутку стал про себя называть, который украдкой, в глубокой тайне берет у меня стирать вещи и из конспирации не желает мои высохшие (сейчас – замерзшие на морозе) трусы даже снять с веревки, принести в барак и отдать мне, не говоря уж – прогладить утюгом (как тут все делают от вшей). Тот самый, который летом психовал из–за моей просьбы вытряхнуть одеяло, испортил мне наволочку, но при этом не стесняется жить на моем обеспечении куревом, чаем и карамелью, да еще норовит полностью сесть мне на шею – выпрашивает то лапшу б/п, то хлеб, то мои пакетики с чаем (когда кончается купленный мной “обычный” чай), то – вообще уже обнаглел! – стал просить дать ему носки! В чем я буду ходить сам, как и то, что каждый раз, лазя по глубокому снегу снимать трусы, я набираю снега в тапки, промачиваю носки (и ему об этом говорил), – ему плевать! Короче, дебил конченный, тупой, как бревно и, временами, тоже психопат, способный взорваться и орать; на воле был работягой (пролетарий с корнями в деревне, прямо по Ленину, и о деревне все мечтает...) и запойным алкашом. Но так, обычно – он все же спокойный по характеру, и я рад хотя бы тому, что не подселили сюда какую–нибудь худшую мразь – агрессивную или глумливую, всяких тварей здесь уже хватало. (А 2 моих бывших долговязых соседа с этой шконки, летне–осенний и нынешний, пусть живут теперь вместе в одном проходняке, они как раз там рядышком оказались. Посмотрим, как уживутся... :) Этот новый сосед быстренько занял большую часть столика (и так крохотного, – тумбочки–то нет своими банками, кружками, байзерами и пр., в т.ч. даже с зубными пастами и кремами для бритья, которым уж совсем тут не место; напихал чего–то под столик и т.д., и даже за мою шконку, где я держу свои вещи, пытался что–то запихнуть. Он постоянно тут лазит, то пьет чай, то вытирается после омовений до пояса, и т.д. – в общем, проблем и неудобств создал много. Одно хорошо –

последнее время, чтобы не торчать в бараке (плохие отношения с блатными, а они постоянно стремятся его запрячь в шныри, т.к. он бывший уборщик и заготовщик), пристроился на склад при столовке – там нужно постоянно перебирать от гниения многие тонны картошки, лука и пр. . Туда он уходит прямо с завтрака из столовки и приходит около 6 часов вечера. Так что позавтракать утром я еще могу спокойно, по поужинать – уже нет.

Что еще? Погода стоит на удивление теплая – крещенских морозов нет до сих пор. Тем страшнее представить, какими же они будут, когда наконец начнутся. 27–го мне идти на длительную свиданку, и стоять у вахты может придтись долго...

Мать дозвонилась вчера – наконец–то! что–то давно не было!.. – в знакомом состоянии истерики. Повод все тот же: не может прозвониться весь день. Раньше ее просто скидывали по 25 раз за вечер; нынешняя новая мразь с “трубой” ей отвечает – решительным отказом позвать меня и советом позвонить позже. Позже – все повторяется по новой. Короче, вчера удалось со мной поговорить лишь с 4–го раза. Что с этим делать – неизвестно, жаловаться некому, а усовестить эту закоренелую уголовно–блатную мразь (которой я имел дикую глупость еще и подарить в пользование свой старый телефон) нет ни малейшей надежды.

Сложить пищевые припасы на день и вечер в отдельный пакет, баул с остатками жратвы завязать (молния верхнего из двух сломана) и засунуть под мою шконку, под завесу одеяла – и ждать, начнется ли к проверке очередное обострение “страстей по комиссии”, – вот чем я сейчас займусь. Больше ничего не остается. Ужас всей этой жизни, этого нелепого и опасного существования непонятно где и зачем, – порой отступает перед натиском чисто бытовых трудностей и нервных напряжений момента. Уже не думаешь: скорей бы домой! – думаешь: скорей бы на ужин, после которого уже никто не будет ждать комиссию...

А на ужин вчера пошли в полной темноте – часа в 4 дня опять вырубили свет, так что ожидание комиссии (и скандала из–за неубранных в каптерку баулов) закончилось на целый час раньше. Включили свет, когда я был уже у двери, выходя из столовой, так что только краем глаза, оглянувшись назад, я увидел, что на ужин была опять картошка (пюре).

Еще одной глобальной проблемой стала сломавшаяся вчера пружина на двери. Когда все ходят, дверь в секцию постоянно открыта, а в “фойе” с улицы и не закрывается плотно – ни сидеть, ни лежать на шконке совершенно невозможно. Главным образом мерзнут ноги, – становятся совершенно ледяные. Вчера в темноте, ожидая ужина, я в первый раз попробовал накрыть их телогрейкой, как это делают другие. Она теплая, холод не

пропускает, ноги согреваются, это да. Но – узко ногам, да еще мешают шапка и шарф, которые я обычно сую в рукав, – а вытаскивать их, класть куда–то отдельно – лень, да и некуда особо. Плюс там еще разные мелкие вещи в карманах, – опасение, скорее инстинктивное, чем реальное, что они выпадут... А некоторые наивные, живущие от двери даже дальше, чем я, теперь с наивным возмущением требуют, чтобы все ходили и закрывали эту дверь в секцию за собой... :)

Уже 10–14. Шмона нигде нет, а вчера начался в 10. И то хорошо...

15–37

Чего долго ждешь и готовишься – то, как правило, не сбывается. Днем отдыха и расслабления де–факто стал сегодняшний день (хотя он еще далеко не кончен). Баул я завязал, но запихивать под свою шконку не стал, – это дело одной минуты, всегда успеется, если будет нужно. (Вот вытащить его потом оттуда – куда дольше и труднее.) Но – не понадобилось! Истерики "по комиссии" не было и нет, никто ничего не снимает и не выносит. Слава богу, кончилось несчастье – на неделю–другую?..

Шимпанзятины абсолютно не слышно и не видно в бараке, вопреки всем обыкновениям, и есть соблазн пойти посмотреть – здесь ли она вообще, не забрали ли ее опять. Сейчас допишу – пойду. Дай бы бог...

Но вот столовая... Это просто ужас! Какая там, к черту, комиссия... При ней уж точно не бывает такого питания (наоборот, 2 будних утра давали яйца!). А сегодня в обед – хлеб опять черный, на первое – жуткий, давно уже подзабытый "борщ" из гнилой свеклы (правда, на сей раз в нем практически не было никакой свеклы – ни гнилой, ни нормальной – и вообще ничего, а почти что черного цвета одна пустая вода), на второе – в чистом виде сечка без всяких признаков мяса или чего–то подобного (я бы ее и с мясом не стал есть). Давно забытое меню осени 2007 года!.. Рис, гречка, тушенка, вплоть до новогодних чебуреков и рыбных котлеток, – все это сон, сказки, а реальность, вечная и неистребимая реальность этой казенной жизни в России – кислая "черняшка" и гнилая свекла... Если вдруг еще ларек оскудеет (вчера он был почти пуст; на мой вопрос о еженедельном завозе продавщица сказала, что пока зона не проплатит – завоза не будет), если там хотя бы лапшу к домашним консервам и хлеб нельзя будет купить – то здесь вообще не выжить...

23.1.09. 8–37

Немыслимая, фантастическая удача! Я думал об этом не раз, но не смел и мечтать о реализации... Вчера вечером один из шнырей на мой вопрос сказал, что еще позавчера шимпанзе

заБУРили на 3 месяца!!! Вроде бы и срок известен точно, так что когда эта мразь выйдет оттуда (если еще ей не продлят), останется всего 4 месяца ее здесь пребывания.

Между тем, новозаселенный дебил, “стирочный мужик” (ох, не перестал бы он быть для меня стирочным!..) доставляет–таки изрядные неудобства в проходняке. Я забыл упомянуть, что приходит он еще и на проверку днем, некоторое время тусуется здесь, но до обеда, кажется, не остается, – уходит на свой овощной склад (туда ему и дорога!). Главное неудобство от этого чма – его постоянные ритуальные чаепития не меньше трех раз в день, утром до завтрака, в обед и вечером. Причем оно не успокаивается одним стаканом чая, а, выпив его, тут же тащит следующий. Плюс выпрашивает у меня мой личный чай в пакетиках, когда кончается покупаемый ему мной же в ларьке. (Сигареты выпрашивать ему теперь тоже стало удобнее, не надо специально подходить.)Днем его чаепития меня еще мало волнуют, но утром они совпадают с моим приготовлением себе завтрака (как сегодня), а вечером – с ужином (как вчера, когда оно пришло со склада не к шести, а к семи). Уселось – уже после чая – жрать между моим ужином и чаепитием, пока я кипятил чайник и мыл свою миску. Когда я пришел с чайником, оно, правда, от столика отсело, пропустив меня, но яичную скорлупу и прочий мусор оставило...

15–28

Сходили в баню (пятница). “Все хорошо”... :) 113–я прошла, 112 их еще осталось. На входную дверь бани вместо прежней резинки поставили здоровенную железную пружину – о–о, это событие!.. Но – господи, до чего же омерзительна у них сама баня!! Зал выложен типа мозаикой из кафеля – стиль годов где–то 70–х, не позже. (Туалет на нашем бараке оформлен примерно так же.) Даже сегодня, в оттепель (сосульки капают, низкие хмурые облака, сырой голый лес за запреткой), с окон прет пар – видно прямо глазом, как просачивается сквозь окна в банный зал холод. Форточки плотно не прикрываются (или их некому пойти прикрыть снаружи), одно стекло частично разбито, отсутствует кусок стекла... В лютые морозы там все точно так же, – хоть околей ты в этой бане!.. Ржавые, сто раз латанные и все равно текущие трубы, осклизлые, грязные стены с вековой плесенью, поломанные душевые распрыскиватели воды, и, как венец всего – на одном из подоконников растет большая плантация настоящего зеленого мха!..

Пошел в ларек после обеда. Нет практически ничего, полки почти пусты. Какие–то шоколадки, печенье, дешевая карамель. Хлеб не особо свежий (себе и стирмужику, – выпросил–таки!..) да

несколько пачек лапши б/п по 6 руб. – вот и все, что взял. В бараке, услышав, что шуршу этой лапшой (мял ее чтобы больше влезло в пакет) – тут же подошло омерзительне, супернаглое блатное чмо и начало выпрашивать “2 пакетика на нужды”, выражая при этом искреннее возмущение, что у меня чего ни подойдешь, ни попросишь – я не даю... Мразь. Под конец снизили требование до одного пакета – там было их 11. Один я отдал, чтоб не страдало это чмо.

Уже додумались, спросили – не могу ли я 500 руб. За их новый телевизор отдать ларьком. Мрази наглые. За телевизор, который я почти и не смотрю, у них редко когда в 9 вечера не смотрят DVD и можно хоть раз в день посмотреть новости.

16–15

Какая тоска, какой ужас!.. Здесь, в этой мерзости, в этом аду, в этой жопе, среди этих наглых подонков, отребья и нечисти, почти что без связи с матерью, а тем более – с друзьями (а есть ли они?..) – мне торчать еще 2 с лишним года, 786 дней, 112 недель и 2 дня. Ужас, ужас... Вдруг охватывающая тебя всего дикая тоска, когда не хочется жить, нет никаких перспектив, вокруг один кромешный мрак... Это очень, очень много – 2 года и 2 месяца еще, это еще можно много раз успеть сойти с ума или умереть – от болезней ли, от простуды, от желудка (уже было недавно!) или быть убитым этими подонками. Какая тоска, боже мой!.. Никакая борьба, даже и отсюда, никакие мужество и стойкость не компенсируют вот этого вот одинокого тоскливого ужаса перед будущим, перед этими бесконечными днями, перед этими тоскливо–жуткими утрами и вечерами в этом мерзком, опостылевшем, каком–то сюрреалистически омерзительном бараке, среди совершенно бессмысленной, злобно–агрессивной слизи и нечисти... Какой кошмар!.. Вдруг охватываешь, пронзаешь одним взглядом всю эту толщу дней и ночей, месяцев и лет, пронзаешь насквозь, представляешь себе все это гнусное, что может быть, а в самом лучшем случае – унылое, бесконечное однообразие – утро, день, вечер, отбой, подъем, зарядка, завтрак... – и так сотни дней, 700 с лишним, 2 года 2 месяца, – и абсолютно нет желания сохранять жизнь только ради самой жизни, чисто физиологической, пронося ее (экое сокровище!..) через всю вот эту невыносимую мерзость бытия, через подъемы и отбои, проверки и зарядки... Зачем? “Нет, не всякая жизнь лучше смерти”.

24.1.09. 10–56

Самое лучшее, да и вообще единственно возможный выход следующий раз, когда (неизбежно) решат посадить снова, – это не даваться им в руки живым. Ни в коем случае не даваться! Пройти

все это, всю эту мерзость и общество подонков на годы – ну уж нет! (А в следующий раз, несомненно, будет хуже и тяжелее.) Такая жизнь совершенно не стоит того, чтобы за нее цепляться; ее с радостью нужно будет отдать – за Свободу!

Стирочный мужик стирку сегодня утром взял (сам, – теперь ему не надо меня просить, а где я кладу, он знает). Но, сволочь такая, он слишком много места занимает в этом проходняке, постоянно трется и топчется здесь. То пьет чай по 5 раз в день (еще имеет наглость, раз нет чая в ларьке, просить меня, чтобы моя мать привезла ДЛЯ НЕГО грамм 500 чая на свиданку!..), то приходит мокрый после свих омовений по пояс и начинает вытираться, то – вчера собирался в баню – расселся сам и разложил все свое тряпье на моей шконке, я не мог даже зайти поставить ботинки. То просто усядется ко мне и курит, дебил. Уж на что мразью был Сапог – но его хотя бы не было видно в проходняке, он мог зайти разве что подвинуть–поправить свой матрас, а остальное время – сидел себе наверху, как ворон на дубу... А этот – нет, этот, когда в бараке, практически все время проводит внизу, в проходняке, наверх залезает только спать. Короче, козел!..

18–03

Особое удовольствие эти дебилы и пьянь находят в том, чтобы всех кошек (именно кошек, т.е. женского пола), живущих в бараке, называть проститутками, курвами и соответствующими непечатными названиями. Казалось бы, ну какой в этом кайф – громко и публично обозвать кошку “проституткой”, кроме того, что демонстрируешь окружающим свое умственное убожество? Но нет – доходило до того, что самый старый зэк в бараке, мелкий и весь сморщенный старикашка 1943 г.р., встречая хоть на улице, хоть в секции бедолагу Фроську, буквально кидался на нее, бешено топая ногами, с криком: “У–у, проститутка!! Проститутка!..”, – от чего несчастная Фроська, разумеется, в ужасе убегала. Идиоты, прости господи...

А с Манькой, кстати, опять произошла разительная перемена. То ушла от меня жить под чужими шконками на баулах, – а последнее время вдруг опять вернулась ко мне! Кто бы мог ожидать... Заходит в проходняк, смотрит снизу вверх своими зелеными глазищами этак оценивающе несколько секунд – и прыгает на шконку, укладывается на свое прежнее место – на моем сложенном одеяле. Или, если я лежу, прыгает прямо ко мне на грудь.

18–35

Прервали, и последнюю фразу про Маню я дописывал уже после разговора с матерью. Принесли “трубу”, сказали, что она

звонила, предложили набрать ей и даже потратить на это деньги – как выяснилось, 6 рублей с копейками. Какая предупредительность!.. :)) После хамских отказов и ругани со стороны этого же лица – было очень приятно, но, увы, судить надо по худшим примерам, а не по лучшим. Хотя, надо признаться, пришел он очень вовремя – именно из–за отсутствия связи с матерью у меня начало еще с после обеда серьезно портиться настроение, усиливаться (и без того более чем обоснованная) тоска и лезть всякие мрачные мысли. Поговорили, слава богу; но, как и всегда, разговор оборвался с пропаданием слышимости в Москве, а больше она почему–то не перезвонила, несмотря на сбрасываемые гудки. Но все равно – мне, что называется, полегчало. Зависимость, что поделать...

25.1.09. 9–40

Вечерами наш новый “замечательный сосед” – уже когда я лег спать – плюхается ко мне на одеяло вытирать ноги после мытья, а утром, пока я еще сплю, заправляя свою постель, кладет подушку прямо мне на ноги! Правда, сегодня, когда он обернулся забрать ее, подушка почему–то оказалась валяющейся на полу. :)) Посмотрим, будет ли он класть ее туда в дальнейшем...

А крещенских морозов в этом году, м.б., не будет и совсем. На улице не так чтобы уж очень тепло, но явно не крещенский мороз, слава богу. Для Москвы и Нижнего вчерашний прогноз 1–го канала на сегодня: 0 ... +2.

14–46

Я закрываю дверь на улицу, а эти мрази тут же открывают снова и прижимают валяющейся скамейкой. Специально открывают, видя, что я подошел и закрыл. Ублюдки... По ногам в секции дует ледяным холодом, что лежа, что сидя, и согреть их невозможно. Даже когда одеваю ботинки, иду на улицу, хожу там – все равно ступни ледяные. А о закрытии двери в секцию нет и речи – постоянно ходят и открывают. 3–4 энтузиаста, орущих: “Закрывайте дверь!”, – совершенно бессильны. Хорошо еще, что мороз не сильный.

Вернулись с обеда. Через час опять переться – на ужин, – воскресенье. Опять начинается тоскливое ожидание и нервотрепка (внутренняя, снаружи не заметно) по поводу связи с матерью. По вопросу связи я завишу от какой–то мрази, от того, захочет ли она, соизволит ли позвать меня к телефону, или нет...

112 недель осталось, 784 дня. Тоска, тоска...

26.1.09. 8–38

Новый соседушка–дебил так и продолжает, между прочим, садиться ко мне вытирать свои копыта (хотя имеет собственную табуретку), а утром – пихать подушку прямо ко мне на ноги,

наглец. Ну ладно, погоди... :) Второй так и продолжает курить свои вонючие сигареты после каждой еды, после спанья, после чая и т.д. – в общем, по 10 раз в день. А третий – требовать (не просить, а именно почти что требовать, настойчиво так, неотвязно, прямо с ножом к горлу) у меня книги, журналы, газеты, вообще любое чтиво – не из любознательности, конечно, а просто потому, что ему тут очень скучно, чтобы за чтением время проводить. Хотя – сидит 4–й раз (за грабеж), абсолютный тупой дебил 50–ти лет, но – любит порассуждать громогласно о политике; а в моих книгах, в 2/3 их, он не способен понять ни строчки. Там ни образования, ни интеллекта, ничего – только 10 раз в день чай (чифир?) и поиски курева (в т.ч. у меня). Где уж тут Фрейда, Ницше или Поппера читать, – он мемуаров Махно–то не смог одолеть, дебил, вернул через день!.. А настоящую, нутряную суть его я уже описывал – как это чмо, будучи на воле никем, последней пьянью и рванью, здесь вовсю куражится над "обиженными"...

Все они тут – быдло, чернь, нечисть. Тупорылое, сиволапое простонародье. (Это еще в лучшем случае, а "книгочей" наш – тот уже не просто быдло, а отребье, активное и опасное: грабил людей.) Вас не держать на казенный счет в зонах надо, ублюдки, а пороть до смерти...

Долговязая малолетняя мразь, увидев сегодня с утра, что я бреюсь, говорит мне: "Что, на свиданку? Давай, хоть 3 дня твою рожу не видеть!". Тот самый ублюдок, бывший сосед, из–за которого меня чуть не избили блатные 14–го. Эх, суки, всех бы вас я сжег в крематории, чтобы уже никогда хари ваши не видеть.

Эти мрази инстинктом, нутром чуют, что я им – совершенно чужой, не такой, как они все, не их поля ягода. Чуют даже те, с кем я ни одного слова никогда не сказал.

Все эти полтора года в зоне, и все почти три года заключения вообще четко доказывают и подтверждают давнее мое понимание: "народ" (сброд) в России гораздо хуже власти, как вот эти уголовные ублюдки – еще хуже "мусоров" (хотя особой там разницы не заметно, особенно с младшими – "контролерами"). Казалось бы, куда уж хуже этой власти, – но есть, есть, увы! Ее фундамент, "носитель" и первоисточник, так сказать. Так что при Ельцине, особенно раннем, вполне оправданно , м.б., звучала эта знаменитая цитата Гершензона из "Вех" (если не учитывать, конечно, общей вековой омерзительности и обреченности России, о которой уже в 1993 писал и которую понимал уже тогда Нестеренко). Но при нынешней палаческо–чекистской власти – конечно, уже нет.

Обещают (зэки), что сейчас должны вырубить свет, но пока

что еще горит. Позавтракать успел; но из–за этого возможного отключения я и пошел сегодня бриться раньше, еще не было 7 утра, хотя обычно бреюсь только после завтрака.

11–44

Опять полно вшей ползает по этому старому уродцу, моему соседу. Опять, значит, рано или поздно – через месяц, через два – поднимут скандал ушлые полублатные соседи, прибегут к ним на помощь и блатные, его разденут, погонят стираться–гладиться, в прожарки и т.д., а вместе с ним – и меня, хотя я все регулярно проверяю и у меня их нет. Боже, как скучно жить на этом свете...

А свет так и не выключили до сих пор. Опять туфта...

17–33

Свет выключили только в 13–10, уже после проверки. Отключение его несколько голосов в разных местах барака встретили синхронным восклицанием: “Срослось!”. Включили через час, когда мы были в столовке на обеде.

Перед ужином подошло это новоявленное блатное животное, от которого теперь зависит связь, и стало, вызвав в темных холодный предбанник, говорить наедине... ну конечно же, стало вымогать деньги! Вы уже догадались, да? :) Эта хитрейшая лисица, у которой хитрость написана прямо на роже, клялась мне, что она – человек честный, прямой, всегда говорит как есть и вот так вот (извилистое движение рукой) делать не приучено. В общем, поток клятв и заверений в собственной честности, тем менее вызывающий доверие, чем более они пафосны. Предлог же был и, вроде бы, “благородный”, и вроде бы к моей же пользе: кого–то с 6–го якобы хотят “раскрутить” на новый срок за какие–то конфликты с “мусорами”, сейчас он в БУРе ждет суда, и со всей зоны (т.е. с родственников на воле) собираются деньги, чтобы ему помочь. Как тут можно помочь деньгами – непонятно; взятку, что ли, дать? А с другой стороны, эта лисица обо мне же печется: чтобы в блатных “анналах” было отмечено, что я давал деньги на общелагерные нужды, чтобы в случае чего можно было это предъявить “положенцу”, если тот вдруг решит запретить давать мне телефон. И все это мое счастье будет стоить от 300 до 500 р.

С самого начала мне было ясно, что это туфта и вранье. Просто у блатных кончилась жратва, и они хотят пополнить запасы в ларьке за мой счет. Понимая (я особо и не скрываю), как мне важна связь, эта мразь сразу зашла именно с этой стороны (совершенно обходя вопрос, почему, собственно, “положенец”–подложенец должен мне вдруг запретить звонить и откуда у него вообще такая власть – что–то кому–то запрещать). О том, чтобы найти деньги на воле (как с недавним, и все еще держащимся

требованием 500 р. за телевизор – но он–то хоть и вправду стоит в бараке!), не было и речи – сразу же о ларьке. Я, мол, дам им тут 300–500 (конечно, вымогать будут 500, а не 300), а на воле кто–то найдет и пошлет эти деньги из родни того, кому мой чек отдадут здесь. Ага, как же, так прямо я, лох этакий глупый, этому сразу и поверил!.. :)) Но проблема в том, что если я им впрямую скажу все это – у них начнется истерика и порывы избить меня за "недоверие" к ним, которое эти уголовные образчики бескорыстия и альтруизма уже само по себе считают преступлением. Так что самое омерзительное во всем этом – что, несмотря на понимание и омерзение к ним, деньги после свиданки таки придется им отдать. Не меньше 300 рублей, а вероятнее всего – 500...

А на улице между тем заметно холодает. Шел сейчас с ужина – уже приличный холод обжигает лицо. А завтра мне как раз стоять у вахты в тоненьких кальсонах (эделевское "термобелье"; спортивные штаны там требуют снять, так что лучше оставить их в бараке).

19–45

Этот стирмужик даун–то даун, дебил тупой, – а хитрый, сволочь, дай бог каждому. Пристроиться жить за мой счет он сумел, и только и глядит, как бы и что еще с меня стрясти, выклянчить – от чайных пакетиков до носков. Ударил сейчас, сволочь, бедолагу Маньку, по глупости (или просто обозналась?) вскочившую к нему на колени. Ударил с матерной бранью, хотя можно было согнать и без этого.

Правая рука болит так, что почти не могу писать, – опухло что–то.

31.1.09. 8–45

С утра на улице минус 24, но эти полоумные мрази, отмороженные на всю башку дауны – упорно продолжают с самого подъема открывать и двери, и форточку прямо напротив меня, еще недавно крепко забитую. Сейчас края и форточки, и рамы так обросли льдом, что закрыть ее полностью уже невозможно, и хорошо видно, как морозный туман потоком валит через широкую дверь в секцию.

...Жить в одном помещении с подонками, отребьем, бандитами – и во всем полностью зависеть от них, подавляющих количеством...

Еще вчера утром вернулся с длительной свиданки. Баул с передачей дотащил на этот раз волоком по свежевыпавшему снегу – как на санях, очень удобно и без особых усилий. Только ручка его на крепнущем уже вчера морозе больно резала пальцы; но был он на сей раз легче обычного – всего около 20 кг. На свиданке все было более–менее нормально – в меру нежности, в меру тоски и

грусти и в меру ругани и скандала (в основном вечером 2–го дня, уже почти ночью, из–за моих чисто бытовых замечаний мать устроила истерику). Омрачило все мероприятие по–крупному только одно: книги и прессу опять не пропустили. Распечатки я, слава богу, за 3 дня успел прочесть все, их оставили, как и всю вообще литературу, в комнате; 2 номера “The New Times” – тоже прочел, но во в зону их теперь, по особому приказу (только меня касающемуся) пропускают только через начальство. “Мы все отдадим Русинову”, – сказала одна из двух сук–свиданщиц, принимавших передачу. “А может быть, Демину?” – уточнил я. “Может быть и Демину. Кому–нибудь из них”, – с готовностью подтвердила она. По прошлому опыту уже ясно, что все окажется у Демина, получить у которого что–либо надежды практически нет. Я напишу Пономареву об этом, как советовала Е.С., но если эту тенденцию не удастся сломить в ближайшее время – я на 2 года остался тут без книг и без прессы...

И в день “заезда” на свиданку, и в последний ее день выключали свет, в том числе ненадолго – и в “доме свиданий”. Среда и четверг у этих мразей в форме – “режимные дни”, но я надеялся, что из–за выключенного почти до 12–ти света в последний день (четверг) уж шмона–то, по крайней мере, не будет. Ничего подобного! Назавтра мне сообщили: шмон в четверг таки был!! Шарили с фонарями по каптерке и раздевалке, выдвинули, как всегда, с места все шконки “обиженных”, но мой и соседний проходняк, к счастью, не тронули вообще. Просто повезло!.. Если бы свет был, они перевернули бы тут, скорее всего, все вверх дном, как обычно. Но даже без света – шмон проводился по новой методе, и метода эта впечатляет. С Нового года, видимо, у них повелось теперь и для обычных дней: шмон был одновременно в трех бараках! 12–й, 13–й и на том “продоле” – кажется, 3–й (рассказывавший мне это сосед–шнырь сам знал неточно). 17 “мусоров” сразу зашло на наш “продол”! И, похоже, теперь, как и год назад, по этой новой технологии они будут шмонать весь остаток зимы и всю весну...

Боли в спине адские, не только при вставании и посадке, но уже порой и при обычной ходьбе. На свиданке Миша, дневальный 1–го этажа, дал мне ипликатор Кузнецова, и я полежал на его острых шипах полчаса. После вставания – первые минут 10 боли не было вообще, потом она началась снова. Вчера, после довольно приличного перерыва, вдруг сильно начала болеть и нога – тоже при вставании.

Мне осталось тут 778 дней, 111 бань, 111 недель и 1 день.

Тупорылый соседушка, стирмужик, взял, слава богу, сегодня стирать мое тряпье. Но – нет пределов маразму: вчера вечером,

собираясь в баню, этот идиот как ни в чем не бывало поставил свой баул, стоящий под кроватью на грязном полу, прямо на мою шконку, где я в тот момент лежал! А расходов он стоит все больших, норовит содрать с меня, когда пойду в ларек (вчера не ходил, т.к. и он был пуст, и мне ничего особо не нужно)уже не 1, а 2 буханки хлеба. Стирая 2–3 тряпки мне раз в неделю, он намерен и дальше полностью жить за мой счет.

Сосед–алкаш так и не доделал мне жилетку из телогрейки, начатую еще в ноябре и обещанную к Новому году. Он дрыхнет почти все дни напролет, а в перерывах обещает мне ее теперь сделать к 8 февраля – своему дню рождения...

Наконец–то резинкой для трусов, привезенной матерью, я завязал и замотал вчера всю мою провалившуюся с одной стороны стальную "сетку" на шконке. Теперь матрас не проваливается – ура! ура!! ура!!! :))

15–28

"300 шагов к свободе". Это, видите ли, у них новейшая программа "объединенной демократической оппозиции", пик, вершина, предел их политической смелости и радикализма... Хорошо, что успел прочесть на свиданке и отдать матери назад, а то и эта брошюра сгинула бы "в печке господина Демина", как сказано было в одной из распечаток. Боже мой, какое убожество и какая мерзость!.. Дико видеть в предисловии среди фамилий людей, к этой программе причастных, среди всех каспаровых и белых фамилию Буковского. И после этого – такой жалкий, ничтожный текст! "Либералы" дешевые, трусливые системные ничтожества, рабы традиционной – "социальной" и тоталитарной – русской традиции и действительности. Мало того, что любая программа, подразумевающая сохранение РФ как единого государства, последней колониальной империи – уже по одному этому ни к свободе, ни к либерализму, ни к оппозиции никакого отношения не имеет. Но эти подонки, профанаторы несчастные (т.е., по сути, провокаторы), в международной сфере предлагают России, как и сейчас, добиваться ликвидации независимости Косова (!); в "социальной" – восстанавливать всем гражданам обесценившиеся советские сбережения (чем эта компашка тогда отличается от зюгановцев и анпиловцев?!); а в области "восстановления демократии" в сфере выборов – снижение порога прохождения партий в Думу до 3% – это вместо того, чтобы отменить его совсем! И грош цена их твердым обещаниям восстановить выборность губернаторов. "Восстановившая демократию" имперская Москва от своих щедрот дарует подданным право избирать себе губернаторов!.. О том, чтобы люди сами, именно в борьбе с московской метрополией и послав

ее ко всем чертям, завоевали себе СИЛОЙ право избирать себе глав регионов или же новых государств, – и речи нет...

Короче, это конченные люди. Легальные либералы... В случае революции, как советует Корчинский, первым делом надо уничтожать таких вот “легальных союзников”, стараясь, чтобы они выглядели жертвами режима. И совершенно невероятно и дико – не знаешь, что и думать – выглядит под всем этим бредом имя Буковского...

ФЕВРАЛЬ 2009

1.2.09. 10–38

Воскресенье. Осталось ровно 111 недель. На улице с утра опять минус 20 с лишним, а окно напротив меня так и стоит приоткрытое. Вчера его опять открывали настежь, так что нижний край рамы обледенел, покрылся сосульками – и теперь закрыть его вообще почти невозможно, щель в ладонь шириной. Единственное – верхний жилец, над тем старым дауном, что вчера начал открывать, привязал форточку изнутри веревкой, чтобы снаружи больше не распахивали. По ногам дует весьма ощутимо, даже при закрытой двери; а уж как спали ночь на шконке под самой этой форточкой бедолаги–"обиженные" (в т.ч. вернувшийся из больницы Юра, мой бывший сосед) – даже представить страшно...

Вечером 30–го, в день моего возвращения со свиданки, выяснился и ответ на один из актуальных вопросов моего грядущего суда по УДО. :) На доске у кабинета отрядника был вывешен приказ Милютина (начальник зоны) № 1 от 11.1.2009 (первый рабочий день после Н.г.). Этим приказом раздавались новые благодарности и снимались "ранее наложенные взыскания". Сняты они были в этом отряде у довольно многих – но меня в списке не оказалось. Таким образом, обещания Милютина моей матери и Майсуряну о том, что выговор от 15.9.2008 (полученный по вине этой мрази шимпанзе) будет в январе снят, оказались, как всегда, враньем. Что и требовалось доказать. Впрочем, это все равно ни на что не влияет, – подам ли я на УДО с выговором или без выговора, в 3–й раз или в 10–й, – результат известен заранее. Поговорил вчера с Пашей Л. – он полностью это подтвердил.

13–42

Скоро – вспомнилось тут вдруг – вернется Заводчиков со своей 2–хмесячной учебы, или где он там. Опять будет он ходить с ночными обходами по баракам, и раз в неделю, уже после отбоя, блатное начальство будет сообщать об этом и требовать снести опять все "сидорА" в каптерку, и все эти твари покорно, гуськом будут бросаться нести, и ко мне, к моим вещам любое чмо из них может в любой момент прицепиться и поднять скандал. Хоть этой напасти пока что нет... И вообще, чего там!! Ведь начался февраль, и мы ждем очередную комиссию!!! Если чутье меня не обманывает, она должна появиться уже на следующей неделе, – нынче ведь они ездят по 2, если не по 3 раза в месяц! "Мужики! СидорА убирайте в каптерку!" :))))))))))))))))))))))))))))

(Истерический смех.)

2.2.09. 9–14

Еще один – блатной “обиженный” в “петушатнике” – сейчас по телефону выговаривал своей матери, что она пьет и за 7 лет его срока даже ни разу к нему не приехала, хотя деньги на выпивку находит. До этого со своей матерью по поводу ее пьянства постоянно зло ругался мой полублатной сосед в захваченном проходняке. Вот они кто, это “поколение 80–х” – уголовная шпана, алкаши и дети алкашей, наследственная пьянь, генетически запрограммированная воспроизводить лишь такую же пьянь и ворье во всех коленах потомства. Впрочем, разве только в 80–х рождались такие?.. Лучше всего было бы травить их через водку или на худой конец стерилизовать, чтобы своим воровством, грабежами и “социальным” иждивенчеством не мешали жить нормальным людям...

Старый злобный подонок и даун, живущий под незакрывающейся теперь форточкой, все продолжает по–прежнему ее открывать. Старый подонок!.. Хотя его сосед сверху и привязал форточку веревкой, но все равно – на небольшое расстояние открыть дополнительно веревка позволяет. Он открывает и на это расстояние, хотя на улице по–прежнему 20–градусный мороз.

Другой старый подонок, алкаш в проходняке около меня, явно не испытывает ни малейших угрызений совести, что эту несчастную жилетку, начатую им в ноябре и обещанную мне твердо к Н.г., он не доделал и по сей день. Он дрыхнет целыми днями, а нет – идет смотреть телевизор. “Спать надо, спать! А чего еще делать?...” – говорит он вслух сам себе, заваливаясь опять на весь вечер дрыхнуть. При этом лежащее у него “чего делать” в виде недоделанной жилетки ему даже не приходит в голову. Я не напоминаю сознательно: до тошноты противно слушать сперва его лживые обещания и клянчение сигарет (уже сколько ему давал!..), а если чуть нажать на него – злобные крики, ругань и хамство.

Вообще, мерзко и противно с этими тварями до тошноты, до полного омерзения. Где их собрали, всю эту мразь и слизь?.. Людей, нормальных, не злобных, не тупых, не хитрых тварей, а просто людей – тут нет совсем... И командует всем этим парадом уродов сброд наглой блатной мрази.

10–35

Зарядки сегодня утром не было из–за мороза, но “мусора” в обычное время зарядки неожиданно активно шастали по баракам. Приперся один и к нам, но вскоре ушел. А когда об этом “пробили” и в захваченном проходняке возле меня воткнули на

зарядку телефон, – вдруг, полностью прохлопанный стремом, явился “мусор” по кличке “Веселый” и стал, как они все делают, внезапно зайдя, срывать “шкерки” в проходняке блатных “обиженных” возле самого входа и будить их самих, тряся шконки. Затем он прошелся по секции, зашел к завхозу и в маленькую секцию, потом опять вернулся сюда и стал балагурить, расхаживая по секции и разговаривая с самым старым стариком в бараке о том, что тот украл и ждет ли его кто на воле. Действительно, “веселый”, черт б его подрал! Пообещал, что до завтрака никто (на 13–м бараке) у него спать не будет (до завтрака оставался еще почти час), но вскоре ушел на 10–й.

Принесли мою “трубу” наконец–то, которую я через мать отдал одному из здешних блатных. Вчера уже говорил с нее. Сложные чувства испытываешь, держа ее в руках: как будто кусок твоей прежней жизни, многие дни и ночи, дома, в гостях, на теплоходах, твои друзья и любимые – вернулись к тебе мимоходом, спрессованные в этот прямоугольник пластмассы... Все время вспоминается почему–то, как летом 2005 г. , на теплоходе в рейсе Москва–Пермь–Москва я все боялся, сойдя вдруг с ума, или просто потеряв над собой контроль – размахнуться сдуру и зашвырнуть телефон далеко в воду. Хотя в глубине души, конечно, понимал, что потерять над собой контроль до такой степени мне вряд ли удастся. И одновременно – горько, что теперь этот телефон, в котором спрессовано столько твоих – и только твоих! – воспоминаний, находится в чужих руках, в этом мерзком месте, и ты лишь на минуты в день можешь получать его из этих ненавистных чужих рук...

Горько, тошно, тоскливо. Жизнь здесь проходит попусту, кроме трепки нервов, ничего не давая и не оставляя в памяти. Осталось мне еще 776 дней, 2 года и полтора месяца.

13–20

Тот же самый злобный старикан, что открывал напротив меня форточку – сегодня перед проверкой влез на кучу снега под этим окном, счистил с форточки и рамы наледь и каким–то кирпичом буквально вбил ее на место. Осталась совсем маленькая щель. Слава богу, хоть капля мозгов у него все же осталась, – лучше поздно, чем никогда! Но вот сейчас, пока пишу это – двери в секцию и на улицу раскрыты, я это знаю и не видя – по ледяному холоду, тянущемуся по полу и морозящему мне ноги.

3.2.09. 8–50

“Великое дело знать заранее!” – как говорил кто–то из персонажей Дюма. Как только вчера днем я услышал разговор, что вот это самое суперпуперблатное чмо, из–за которого у меня в декабре забирали чайник, опять положили из БУРа на больницу, –

я тут же понял, что они придут за чайником снова. И точно! Перед ужином явился сперва с уговорами новый владелец моей “трубы” – видимо, зная, как критически важна для меня связь, его теперь по всем вопросам посылают ко мне первым, для шантажа. Когда его обещания личной ответственности и восстановления в случае чего не помогли, явился самый агрессивный из блатных (правда, агрессии на этот раз не проявлял), а после него – самый наглый (которому под конец разговора я сказал это в лицо), домогавшийся получить чайник долго, хамски настырно. Видя явный отказ, под самый конец сказал, что с удовольствием ударил бы меня по лицу... :)) Я устоял на этот раз (чем страшно горжусь :), но эти мрази, конечно, могут за это отрезать мне связь, как было в конце 2007–го, когда они вымогали у меня камуфляжный рюкзак Е.С. – якобы, кому–то он нужен был везти жратву в ЕПКТ... Пока что (за вчерашний вечер) явного отказа в связи вроде бы не наблюдается (с матерью удалось поговорить с одного из местных запасных вариантов по просьбе владельца “трубы” – ему понадобился телефон канцелярии верховного суда). Но что уж там будет дальше – бог весть...

Дебильный стирмужик, между тем, оказался обучаемее, чем я думал. :)) Сегодня в начале 6–го утра (его будит в 5 другой хмырь, поумнее, с которым они вместе бегают кругами по двору каждое утро), заправляя свою постель, он уже кинул мне на ноги одеяло и простыни, хотел было кинуть и подушку – но не решился, бросил ее на шконку под собой, где спит малорослая старая вшивота и конец шконки свободен!!. :))) Ура!!! Подействовало!!! :))) Всего–то за 2 раза!.. :) Конечно, если со временем (м.б., уже и завтра) этот его полезный навык забудется – придется учить снова. Плохо другое – что тряпье свое он все равно кладет на меня, а скинуть его не так–то просто, особенно притворяясь спящим...

Последние данные стрема не так давно – на вахте собираются “мусора”, так что шмон возможен, увы. Однако ожидание шмонов было моим кошмаром той весны; кошмаром этой, видимо, будет ожидание комиссий. Шмон обычно хотя бы не трогает баулы, только разбрасывает все под матрасом. При комиссии же именно баулы могут пострадать в 1–ю очередь – и не от самой комиссии, конечно, а от тупорылых, наглых и привыкших командовать блатных животных (точнее, даже насекомых).

4.2.09. 9–56

“Шмон–бригада на большом!!! Шмон–бригада на тот продол!!!” – новость последних 15 минут. Какой именно барак там шмонают – пока неизвестно.

Вчера перед утренней проверкой вился отрядник 4–го, в

кабинете у завхоза вскрыл, просмотрел и отдал мне ту самую бандероль с книгами от Е.С., которая, мы уж думали, пропала навеки. Нет, не пропала, оказывается; отрядник 4–го (Быня, как его тут называют) сказал, что она, мол, валялась в кабинете у отрядника 8–го, тот просто не успел отдать. Тоже в отпуск, что ли, ушел? Сказал он это не на мой вопрос, а на вопрос завхоза об оставшихся неполученными заказных письмах, – но, похоже, говорилось явно для меня. Когда же я взглянул на штемпеля на оберточной бумаге – там стояло: Буреполом 26.11.2008. Два с половиной месяца она валялась тут, на зоне, у этих подонков!!. Были же в ней книга стихов и переводов Бунина (вот уж можно было не посылать) и книга Светланы Алексиевич "Чернобыльская молитва", с первых же страниц глубоко меня потрясшая. Я читал ее вчера весь день и вечер, почти не отрываясь. Я много слышал об Алексиевич, одной из крупнейших беларусских писателей, будучи в Беларуси, но вот читать ее до сих пор не приводилось. Только здесь, в зоне!.. "У войны не женское лицо", "Цинковые мальчики", – названия ее книг, перечисленные на обложке, стали крылатыми, а читать вот не доводилось. Книга – сборник монологов (записанных, видимо, на диктофон) очевидце, жертв, ликвидаторов Чернобыля, поселенцев в выселенной зоне на Беларуси, и т.д. И сразу вспомнилось их трепетное, мучительное, не передаваемое словами отношение к чернобыльской аварии: для беларусов это – национальная трагедия, именно Беларусь приняла на себя подавляющую часть радиоактивных осадков в первые же дни, загрязнено и непригодно для жизни 23% ее территории (в Украине, для сравнения, – 4%; цифры приводит Алексиевич). Короче, невместимый сознанием ужас... Книгу Алексиевич обо всем этом, совершенно документальную, – без слез читать просто невозможно.

Сегодня с утра освободился наконец–то один из местных блатных подонков, причем из наиболее неприятных. Здоровенный, накачанный, наглый, – помню, первое время, как я стал ходить в ларек, все вымогал у меня там деньги "на колхоз"... Другое блатное чмо, куда моложе и меньше росточком, с первых же минут его ухода стало бегать в его спортивном костюме, ношенном тем года 2, не меньше. Умора...

Сегодня – среда, день шмонный и ларечный. Шмон нас миновал, а вот в ларьке – бандюга этот уже спрашивал не раз – сдуру обещанные 300 рублей придется отдать. Забавно будет, если оно прямо тут же, сразу и побежит их тратить – ведь по легенде, для меня сочиненной, этот чек надо будет отдать кому–то, кто готов отдать эти деньги на воле – не благо бедного "раскручиваемого" парня с 6–го барака... :)))) Конечно, модно

потом тыкать данной ложью в нос и, по крайней мере, больше не давать, – но, увы, я завишу от их, в их лапах находящейся связи, и эта зависимость перевешивает все. Но, по крайней мере, можно попросить (потребовать бы, но бесполезно...) показать мне ту запись о моем “пожертвовании”, которую этот бандюга, по легенде, собирался показать “положенцу”. Интересно, как будет выкручиваться эта хитрая тварь...

А дебильное чмо в проходняке у меня все продолжает опять по утрам класть свою подушку и все тряпье мне на ноги! Вот сука!.. Подушка падает :), но эта мразь, ворча и ругаясь (я сплю :), пихает ее обратно. Сколько ни жило тут до него – и конченных ублюдков, и более–менее терпимых, – ни один не додумывался еще, заправляя кровать, класть свое барахло прямо на спящих людей. Идиот...

На улице стало потеплее. Дело уже потихоньку идет к весне. Еще 2 весны здесь, а на третью я пойду домой... Идет 111–я неделя с конца, осталось 774 дня...

16–37

Это чмо болотное само подошло ко мне еще до обеда с просьбой на мои 300 рублей купить одного чая и конфет. Я сказал: покупай сам. После обеда я сходил, там был только чай, хлеб и туалетная бумага. Да, перед обедом опять вырубили свет. Пришел, ничего для стирмужика не взяв – пошел он в жопу, тварь, животное тупое!.. Надавал мне заказов: чаю 2 пачки, конфеты (еще не знал что их не будет), хлеб... Понравилось, ни хрена не делая, жить за чужой счет... Вернулся – тут эта мразь блатная подлетает, пошли, мол, пошли!.. Хотя сразу сказал, что ничего там нет. Пошли. Кассирша очень удивилась, куда я буду тратить столько денег, на что. Эта мразь получила свои 2 пачки чаю (больше в одни руки не давали), блок паршивых сигарет, которые никто не берет, от хлеба отказалась – и все! Из моих 300–т рублей 162 пришлось вернуть в кассу. Но нет никакого сомнения, что оно, это чмо, будет требовать их и дальше, оно уже об этом 2–3 раза сказало, пока шли назад. Вообще, более хитрую, изворотливую и пройдошистую мразь трудно найти даже здесь. Как само собой разумеющееся шлет ребятам sms–ки от МОЕГО имени с требованиями положить немаленькие суммы ему на телефон!..

А чаю (и курева, так уж вышло) оно хотело взять, конечно же, я понял с первой же просьбы, не для одного себя, а на весь свой вонючий “колхоз”...

Лапши, по 2 пачки в день, мне хватит до понедельника, 9 февраля. Что я буду есть дальше, – точнее, с чем буду есть в ужин консервы, привезенные из дома, – неясно... Завоз, неопределенно

сказала мне кассирша в ларьке, будет недели через полторы. Идя туда, отправил “Обращение” к Пономареву насчет переписки и книг.

5.2.09. 9–25

Шмон–бригада на 8–м – 7 “мусоров”, плюс 1 на 4–м. Только что, 5 минут не прошло. Все как той весной...

Сейчас, после завтрака, одна из этих блатных нечистей – другой обо мне, в ответ на упоминание тою и – громко, демонстративно, чтобы я, проходя мимо, слышал:

– Потому что он жид, б...!

Вчера вымогатель моих 300–т рублей докопался–таки до меня еще и вечером – переться опять в ларек, всей толпой покупать на мои оставшиеся 162 рубля по 2 пачки чая в руки. Собрал всю свою блатную и приблатненную кодлу, пошли. Но не дошли еще до ларька – возвращаются оттуда и несут весть: чай кончился. Дошли – то же подтвердил СДиПовец у ворот. Вернулись. Зазвал меня к себе в проходняк – пить кофе и беседовать (речь в основном шла о том, кто где и с кем сидел). В гробу я видал эти блатные любезности, явно рассчитанные на продолжение дойки в будущем...

Омерзительное, тошнотворное чувство: в понедельник кончатся запасы лапши, и со вторника уже нормально, как я тут привык за полтора года, размешанными в лапше консервами не поужинаешь. К хорошему ведь быстро привыкаешь... Черт знает, что придется делать – с хлебом их, что ли, жрать... То у этих бандитов в погонах, у этого мразотного государства вдруг кончаются дрова для бани, то лапша и вообще вся жратва в ларьке, то вырубают свет и воду, и не знаешь, сможешь ли ты эту лапшу себе на ужин залить кипятком... Страна воров и дураков...

А в рубашке и носках опять каждое утро полно вшей. Развел–таки опять этот старый хрыч... Давлю их...

21–43

Омерзительнейшая новость последнего часа: бешеное шимпанзе опять здесь! Вот тебе и 3 месяца, вот тебе и радость... Преждевременная, как оказалось. Теперь одна надежда: что скоро уже выйдет отрядник (хотя это тоже мерзко само по себе) и ликвидирует хотя бы эту пакость. Ну а пока – не приведи господь комиссию! Пронеси...

6.2.09. 9–09

С утра – совершенно неожиданно для меня – опять морозище 25 или 26 градусов. По такой холодине придется переться в баню и назад (пятница). Потом – традиционный их мерзкий обряд: “Мужики, зайдите в культяшку!..” Эта мразь здесь... Обезьяна... Лапша... Морозище... Вши... Тупой даун сосед (задолбал уже,

когда дома – почти не лежит на шконке, постоянно трется в проходняке, сидит пьет свои чаи или жрет – на моей шконке. То ли дело был Сапог...), угроза комиссий, и т.д. и т.п. Отвращение, омерзение, депрессия и тоска такие, что совершено не хочется жить. Мать вчера еще дозвонилась, после отбоя уже: весь день эти местные ублюдки на разных номерах сбрасывали ее или молча клали трубку, когда она просила меня позвать...

18–05

В ларьке – только кофе, чай, "дальнячка", подсолнечное масло, да – вдруг, с какого–то бодуна – мандарины и бананы. Жрать нечего, лапши нет, чем я буду без нее ужинать во вторник и дальше – ума не приложу. Не столько даже голод, сколько несоблюдение привычного за год с лишним уже ритуала ужина – вот что особенно противно... Отдал там, в ларьке, этим мразям 160 рублей, который "должен" (! :) им со среды. И с плеч долой; но уж больше, впредь – ни копейки!!

Подходит одна блатная мразь, нечисть, которую я бы по стене растер – и просит чайник, клянется сейчас лично принести. Я, как идиот, даю – через некоторое время он уже гуляет в руках шныря по чьим–то проходнякам. Больше – ни за что!!! Подходит другая мразь, полублатная, и просит "каких–нибудь конфетюшек на разлом" – это у них здесь такой жаргон. Третий раз уже за 3 дня подходит – а все потому, что я, идиот последний, имел в 1–й раз глупость дать ему кусочек хорошего шоколада, завалявшийся у меня в пакете с давних времен. Опытным путем подтверждается в точности все то, что я и так знал до этого теоретически: дашь что–нибудь один раз, уступишь их "просьбам" (домогательствам) – и они мгновенно сядут на шею, эта кодла халявщиков и уголовников, с малолетства привыкших еще на воле жить за чужой счет. Эх, своими бы руками вас всех до одного перестрелял бы, выродки!.. Но больше уж – ни куска и ни крошки вам, не просите даже!..

Эта нечисть в проходняке, тупой стирмужик, жрет и пьет целыми днями, когда не на своем складе, как сегодня. Уходишь, приходишь – он все сидит за своими кружками. Приходит он – тут же садится чаевничать, по 10 раз в день, или жрать. Не отлипает от столика, если я лежу – чуть не на голову мне плюхается, сука!..

9.2.09. 10–10

Полтора дня не было никаких особых событий, но вчера к вечеру, увы, они начались. Был обычный "мусорской" обход перед ужином (на час раньше, т.к. воскресенье), к нам "мусора" зашли в самом конце. Один прошел по большой секции и забрал мой телефон у того бандита, который теперь им владел. Прямо у него в проходняке, – тот рассказывал, что при крике стремщика:

“Мусора к нам!” – он засунул телефон в трусы, и “мусор” сразу же полез к нему прямо туда. “Меня сдали”, – говорит. Все это, конечно, очевидное вранье, и теперь уже видно, что этот подонок опять пал жертвой собственного идиотизма. Идиот, без всякого сомнения. Одну “трубу” он “спалил” буквально, в смысле ее полной поломки, другую – “сдал” “мусорам”... Тем не менее, после ужина он подошел ко мне и стал просить 1000 рублей за “дорогу” для еще одной “трубы”, которая лежит у него в Нижнем. Это как–никак в моих интересах, это хоть какой–то вариант и надежда, что связь будет, – так что пришлось звонить и упрашивать мать, пробиваясь сквозь ее истерику и ругань. Будет она (“труба”) здесь только 12–го числа, а уж когда затянут – неизвестно. Так или иначе, если не начать опять бегать пользоваться “запасным вариантом” (тоже не испытывающим от этого никакого восторга), то со связью я опять завишу от этого скота–вымогателя, у которого у самого сейчас нет “трубы”, он сам должен будет ее у кого–то брать на время. Т.е., нормальной связи опять нет...

А зато есть и шимпанзе, и пустой ларек, и тупой сосед, и комиссии, и шмоны, ожидаемые в любой день (кроме выходных) и в любой момент... И со всем этим ужасом, со всем этим нервным перенапряжением годами приходится тут жить...

11.2.09. 10–10

Шмоны, шмоны каждый день... Сегодня – в ЛПУ (типа местного БУРа), вчера – на 8–м, видимо. Стрем “пробивал”: “мусора” 5–й, 8–й, 4–й; о шмоне именно на 8–м сказало одно местное блатное чмо, придя оттуда.

Самая гнусная новость вчерашнего дня – трое наглых ублюдков, захвативших соседний проходняк, вчера возились полдня, провели там опять провода, розетки, прицепили патрон – и опять, как осенью, суки этакие, взялись по ночам красть из близвисящей люстры единственную там лампочку и включать ее у себя. Давно этого не было, – вспомнили!.. Сегодня утром еще, положим, они вкрутили ее обратно, но если вскоре очередной шмон опять не выдерет все эти провода, то уже скоро я буду вынужден (тоже как осенью пару раз) утром готовить себе завтрак в полной темноте. Твари!.. Сегодня это было особенно неприятно: свет и так всегда пробивается из их проходняка, даже если он занавешен со всех сторон как следует; а тут они еще и сняли одеяло, отгораживающее их проходняк от нашего. Дело в том, что пару дней назад эти козлы докопались–таки опять до моего вшивого соседа. Но обошлось меньшим шумом и куда спокойнее, чем в тот раз. Заставили его опять выносить по утрам матрас, подушку и все тряпье, отдать одному из “обиженных” в стирку

всю одежду (поэтому сейчас он лежит на матрасе и под одеялом голый, со вчерашнего вечера), да заодно сняли и это одеяло–“шкерку”, возле которого он лежал, чтобы гладить его и т.д. Повесили вместо него пока тюлевую занавеску, а в изголовье – еще и большое полотенце. Так что наш конец секции оказался сильно освещен из–за этих тварей – куда сильнее, чем необходимо для нормального сна.

Другая гадость вчера – ужинать без лапши, кончившейся позавчера. Еда есть, но ложился спать я уже голодный, – слава богу, все же заснул. Несытно без гарнира, как ни крути; а в проклятом этом ларьке, говорят, крупная недостача, ревизия и т.д. и т.п., так что когда все же наладится завоз и продажа жратвы– совершенно неизвестно. Все говорят, что очень нескоро. Мать советует, раз нет лапши, есть консервы с хлебом – и, видимо, придется.

Другие новости и впечатления вчерашнего дня тоже омерзительны. Одно из них – почти весь день хотел я записать все это еще вчера, но проклятые соседи весь день сидели и таращились на меня, чуть ли не следили за каждым моим движением. Один – мерзкий наглый стирмужик – не сходил с места у столика на моей шконке, весь день напролет пил свои чаи, молоко, что–то жрал и т.д. Буквально каждый час! Другой – вшивый – просто сидел, глазел на меня и курил. Не то чтобы я считал их обоих явными стукачами; но вид меня, постоянно что–то пишущего, поневоле вызовет подозрение у любого здешнего тупицы (типа уже бывших вопросов стирмужика “Что пишешь?”) и шикарный материал для начальства, стоит ему только этих соседушек расспросить... С заселением сюда стирмужика вся письменная работа вообще очень сильно осложнилась, – последний раз такие же подозрения были у меня в декабре того года насчет Сапога.

Сейчас, пока писал последние строчки, соседи в завешенном тюлем проходняке уже заметили, что я что–то пишу, и принялись обсуждать, задавать вопросы и перешучиваться. Скорей бы опять повесили одеяло! Писать тут что–либо становится все опаснее и опаснее, но бросить – т.е. потерять последний смысл пребывания здесь – я уже не в силах.

С матерью связь опять через пень–колоду, кое–как. Эта блатная животина берет чужие телефоны, они бывают заняты, она торопит меня, и т.д. Но вроде раз в день на 10–15 минут связь пока есть. Каждый день это нервы – ждать, будет она сегодня или нет...

Мерзкий старикашка напротив меня, под форточкой, оставшись один в проходняке (второй сбежал от него тотчас, как

где–то еще освободилась шконка), продолжает постоянно открывать эту проклятую форточку. Старый идиот! В 6 утра, два только подъем, – уже все раскрыто настежь – и форточка, и все двери… Тупые, мерзкие, грязные скоты, среди которых просто находиться – мучение, даже если они тебя и не трогают. Хорошо еще, что на улице сейчас не очень холодно, да и вообще – дело идет к весне; утром, когда выходишь на завтрак, уже совсем светло. Но эти твари вокруг до того гнусны и омерзительны, особенно когда их много и они так и шныряют, так и снуют вокруг тебя, как крысы, – просто нет слов описать то чувство омерзения, тоски и острой досады, которое было вчера вечером от всех этих вместе вышеописанных обстоятельств (ужин, связь, лампочка, окно, хари соседей через тонкий тюль, бегающая и орущая (преимущественно матерщину) шимпанзятина, и т.д. Жаль, что не удалось описать это состояние вчера вечером, когда оно было острее всего, – пока не удалось поговорить с матерью, меня буквально трясло…

16–25

Маленькая, но все же радость. Перед обедом приперся Степышев – сегодня его смена, и он, как всегда, в обед обходит бараки – , – пошарил–пошарил – и в проходняке рядом со мной ликвидировал все это электрохозяйство, только вчера налаженное! :)) Хоть и редкая мразь этот Степышев, но тут и от него неожиданно вышла польза. :) Даже до шмона не дожила", – грустно шутили они сейчас в своем проходняке про все это утраченное. Он вообще большой любитель искать и обрезать всякую тайную электропроводку, этот Степышев, вечно ходит с кусачками. По крайней мере, можно надеяться, что сегодня ночью они лампу уже не зажгут.

Сходил в ларек после обеда. Только хлеб, подсолнечное масло и туалетная бумага. Обещают, впрочем – я специально спросил еще раз, – что снабжение наладится уже на той неделе. Верится слабо… Купил 2 буханки себе и одну – стирмужику, совершенно одолевшему своими просьбами. Животное тупое…

Начинается очередная нервотрепка и ожидание на тему, удастся ли сегодня позвонить матери.

12.2.09. 10–08

Чистый анекдот: сейчас вдруг вызвал начальник санчасти Демин – спросил, есть ли у меня заявление на выдачу свитера со склада. Я сказал, что было, но забрали на шмоне еще в мае того года, – том самом шмоне, который устроил его однофамилец. Он дал лист, и я тут же под его диктовку написал новое. Возник вопрос, кому его отдавать, – отрядника еще нет, а в штабе – я не знаю, кому отдавать (да и не безопасно, с обеих сторон, туда

ходить). Так что я попросил его отдать там самого, и он, хотя и удивился моей “простоте”, :)))) но заявление взял. Заодно поговорили с ним просто так – о жизни, о том, что я буду делать после освобождения, как у меня дела обстоят здесь, и т.д.

Вчера вечером вместо того, чтобы дать мне “трубу” – пригласили после проверки пить чай у них в проходняке. Пошел, попил, хотя, конечно, с людьми крайне мне неприятными, – удовольствия было мало, да еще и шимпанзе заскочило вдруг на полминуты... “Трубу” этому персонажу самому еле удается выпросить у кого–то, очень ненадолго, и с зарядкой постоянные проблемы, – короче, он тоже де–факто без связи, да еще и затянуть быстро вряд ли сможет, – узнал, что там уже ждут очереди 6 “труб”, и не все же сразу их понесут, и вряд ли его будет первой. От этого он был перед проверкой в бешенстве. После чая обещал, как пройдут “мусора” (как раз начался ночной обход), м.б., все же подойти ко мне с “трубой”, если удастся у кого–то ее взять. Но так и не подошел. Короче, хорошо, что послушался я внутреннего голоса и еще до всего этого, идя с ужина, воспользовался запасным вариантом (хотя тоже не хотелось и было противно, конечно, но пересилил себя...). М.б., так же придется сделать и сегодня (еще противнее...), если будет техническая возможность (т.е. там не будет закрыто).

Забавно будет, если к весне мне таки выдадут свитер со склада. :) Да еще эта тварь, сосед–алкаш, дошьет–таки теплую жилетку из телогрейки. Буду обеспечен теплыми вещами на следующую зиму, 2009/10 гг., если только ни при каком шмоне и ни при какой комиссии не пропадут эти вещи за лето и осень...

Сейчас на улице, слава богу, не холодно. Форточка открыта настежь, но я этого даже не чувствую. По утрам, когда выходим наг завтрак, уже совсем светло.

13.2.09. 12–35

Абсолютно ничтожное, плюгавое, омерзительное, ровным счетом ничего из себя не представляющее блатное чмо из захваченного соседнего проходняка, рожденное матерью–алкоголичкой, имеющее заведомо испорченную, дурную наследственность и недостойное никакого другого определения, кроме Untermensch, – командует тут как хочет всеми прочими, даже и старше его и (особенно!) не криминальной биографии! Пришли сегодня из бани (пятница) – и оно вдруг заявило моему соседу стирмужику, что тому придется перелечь со своего места на свободное с другой стороны от меня. На вопрос: “Почему?” – нервно заявило что–то вроде: “Ну я тебе еще причины должен объяснять, что ли?! Так надо!!!”. КОМУ надо – трусоватый и туповатый, с типично русским рабским (перед сильными и

наглыми) характером стирмужик спросить не догадался. Пару раз пытался смиренно упрашивать новоявленного “повелителя”–соседа смилостивиться, упирая на то, что только обосновался здесь, будучи переброшен волевым решением с прежнего места (он прожил в моем проходняке, с 14 января, месяц без одного дня), но тот был неумолим. Максимум что может стирмужик – вместо этого свободного места лечь на другое свободное. А плюгавый, ничтожный “повелитель” настоящие причины своего решения объяснил соседу по проходняку: “Он (про стирмужика) ложится спать и сюда жало свое точит! Тут по телефону разговариваешь, а он жало точит, смотрит, кто заходит в проходняк, что здесь делается” и т.д. Можно подумать, что ежедневные скандалы этого чма по телефону с женой и пьющей матерью составляют государственную тайну! Или что когда оно орет в полный голос на жену, уличая ее в том, что она какое–то время не брала трубку или не пошла на работу, а была где–то еще под видом работы, – эти истерические, бешеные крики не слышны вполне ясно на другом конце секции! Или что когда опять прибавится в отряде народу и опять не станет хватать мест, – рядом с ним не положат просто по этой причине такого же “подозрительного”, который будет так же – или даже еще хуже – “точить жало”...

Так или иначе, стирмужик очень удручен и всячески пытается избежать переезда, спихнуть на не нравящееся ему новое место кого–то другого, и т.д. Во всяком случае, перестановки неизбежны. А это ничтожное плюгавое полублатное чмо уже решительным тоном заявляет своим друзьям про другого соседа – вшивого старичка: “Все равно я его куда–нибудь переложу или спишу!” – “Куда?” – “На 1–й барак” Уголовная нечисть в этой зоне чувствует себя в такой силе, что берется вместо и помимо официальной администрации рулить переводами людей из одного отряда в другой.

С одной стороны, этот уродец за месяц проживания запредельно достал меня своим бесконечным чаевничаньем, сидя чуть ли не у меня на голове, вытиранием ног и курением, сидя на моей шконке, раскладыванием мне на ноги своих подушек и одеял, вечным лазаньем в изголовье – пока я ем – то за полотенцем, то за куревом, и т.д. и т.п. Но, с другой стороны, как всегда, самое худшее – неизвестность: кого–то сюда в проходняк еще поселят на его место?..

Мириться лучше со знакомым злом,

Иль бегством к незнакомому стремиться?..

После обеда опять идти в пустой ларек за хлебом, – дай бог еще, чтобы был. Опять нервничать, будет ли сегодня связь с

матерью (вчера принесли мне “трубу” даже раньше, чем я думал). И т.д. и т.п. Кончается в воскресенье 110–я неделя, осталось ровно 765 дней. Даже начальник санчасти Демин признал, что оставшиеся мне 2 года с хвостиком – это еще много...

16–40

Неожиданно оказалось. что в ларек привезли жратву! Моя “любимая” лапша в наличии, и даже не подорожала – 6 рублей, как и была! Но толпа в ларьке оказалась безумная – приперся именно сегодня почему–то чуть ли не весь 3–й отряд и в результате скупил почти весь товар. Продавщица в “нашем” окне наконец не выдержала и крикнула: “13–й отряд есть? Проходите без очереди!”. Передо мной “прямо”, т.е. непосредственно передо мной, стояло еще человек 5, да еще “сбоку”, где фактически стоит 2–я очередь параллельно с 1–й, еще большая толпа, когда я воспользовался приглашением и без очереди смог что–то купить. Было сливочное масло – ура!!! – но хлеб уже закончился. На завтра еще есть со среды, а с воскресенья по среду придется мазать этим маслом мерзкую и кислую столовскую “чернягу”.

Проходя без очереди, протискиваясь в этой толпе озверелых подонков к окошку, я допустил один глупый промах, от которого первое время меня просто трясло. Надо было развернуть большой пакет для покупок, а в руках у меня была палка, и некуда было деть ее, и у стола кто–то стоял, не давая поставить туда; а медлить с “отовариванием” в этой толпе и с этой продавщицей, вечно всех торопящей, было тоже нельзя. И я, как последний идиот, повернулся к одному старому (лет за 50, точнее не знаю) ублюдку с 13 отряда, который стоял за мной и первые минуты, как встал, даже пытался со мной о чем–то разговаривать. Повернулся, как дурак, и, будучи в отчаянном положении, попросил его подержать мою палку. Идиот! Кретин! Конечно же, эта тварь отказалась, да еще пыталась выразить то ли удивление, то ли возмущение моей просьбой, – вслушиваться было некогда. Правда, я не сразу сообразил, что это чмо однорукое, и в этой своей одной руке оно, кажется, держало чек. Но если захотеть – вполне можно было и прижать палку рукой к телу, и чек убрать в карман (как я), а палку взять, и т.д. Но, разумеется, данной твари все это было ни к чему, и я еще раз со стыдом и отвращением к самому себе убедился, как верна среди этих подонков формула: “Не верь, не бойся, не проси”.

Сегодня 13 февраля – 8 лет со дня первого шмона у меня дома, проводившегося ФСБ в этот день в 2001 году. Сколько воспоминаний!..

Совершенно слетевшее с тормозов бешеное шимпанзе весь день, с проверки, буянит в своем конце секции. Сразу после

проверки оно долго орало, разносило и било (по лицу?) стремщика, проспавшего что–то, – видимо, как раз контролера, пришедшего на проверку. Орет и буянит до сих пор, и никто даже не выражает малейшего намерения, даже мысли о том, чтобы его успокоить...

Шел сегодня в баню – и вспоминал свои записи о ней в дневнике той зимой, тоже в феврале, кажись, – в той части, что попала на волю. О том мучительном унижении, которое испытываешь, буквально крадясь туда тайком , чтобы не встретить “мусоров”, не влететь за “незаконное” хождение без “общественника”, и т.д. Прошел год, и все–таки кое–что изменилось тут в лучшую сторону. Есть (пока что, могут и отменить) “свободный ход”, можно идти спокойно, а не пробираться, крадучись и оглядываясь. Зато и калитку 13–го стали (еще с прошлой весны) запирать, а тогда было открыто...

15.2.09. 14–50

Света нет весь день, с 9 часов утра, хотя воскресенье, а по выходным раньше не выключали. Воды нет даже в столовой, хотя раньше там бывала всегда. Связи нет уже 2–й день, – вчера пришлось воспользоваться запасным вариантом, а сегодня не будет и этого, т.к. все телефоны разряжены, как только дадут свет (когда еще это будет...), их поставят на зарядку. Та мразь, которая отдала “мусорам” мой телефон, а потом обещала, беря чужие, подходить сперва ко мне, т.к. я с матерью говорю минут 15, не больше, – сделала так, кажется, дня 2, после чего начисто забыла о своем обещании, как будто меня здесь и нет. Мать прозвониться вчера тоже не смогла – все эти подонки то сбрасывали ее, то просили “позвонить попозже”. Сегодня я не жду никакой возможности поговорить с ней вообще, – в лучшем случае это будет завтра вечером запасной вариант. А шимпанзе и прочие

Свет дали, пока писал. Без 3–х минут 3 часа.

...прочие мрази трещат по телефонам непрерывно. Но т.к. дали свет, – м.б., все же я зайду, воспользуюсь запасным вариантом, если получится, и сегодня.

Мерзко, тоскливо, тошно на душе. Жизнь среди нечисти, мрази, сброда отвратительных наглых ублюдков, возглавляемых совершено ненормальной тварью. То шмоны, то комиссии. Все эти твари трещат по телефонам круглосуточно со своими бабами, – я не могу позвонить матери на 15 минут в день, хожу, высматриваю, разведываю, предпринимаю хитрые маневры, чтобы подойти и посмотреть, есть ли телефон и можно ли его попросить... Жалкая, унизительная жизнь!.. Можно быть крупной величиной в мире людей – приличных, образованных, цивилизованных людей, – и одновременно жить последним,

всеми презираемым объектом для глумления всех этих тупых уголовных ублюдков. Люди там, на воле, будут читать и обсуждать твои тексты, стихи и т.д. – а они здесь будут хитро виться вокруг, вымогая из тебя как можно больше денег, шоколадок и прочих материальных благ и злобно махать кулаками у тебя под носом, почувствовав в твоих словах хоть малейшее “неуважение” к ним – мразям, отродью, нечисти, достойной только плетей каждый день, а не уважения... Самое мерзкое, что тебе может сделать это проклятое государство – это не “лишить свободы”, а засунуть тебя в барак или камеру, жить годами посреди уголовного сброда, своей верной основы, преданного электората и верных прихожан своей церкви... Мрази, ублюдки, наглое хамье и быдло, будьте вы прокляты!..

Впрочем, если даже я и не позвоню сегодня матери, – ничего страшного, ибо ЧТО она может сказать мне нового? Жива, здорова (относительно) – и то хорошо.

Пришло письмецо от моей – точнее, теперь уже бывшей моей – Ленки. Зачем? Я так и подумал вдруг – в виде анекдота, не больше – что вдруг от нее будет письмо, увидев “общественника” с пачкой писем в руках. И точно! – тут же он мне его и вручает!.. Но зачем?.. Письмо полностью в ее стиле: поздравление и открытка с Новым годом, письмо датировано 28.12.2008, а московский штемпель на конверте, когда его вынули из ящика – 4.2.2009. Больше месяца оно у нее валялось, не могла отправить, хотя почта как раз напротив ее дома. Дерьмо!.. Я написал большой ответ, перечислил в нем все, что было – от памятной киевской истории до этого явного пренебрежения – месяц не мочь отправить письмо, – и, надеюсь, на этом исчерпавшее себя прошлое действительно будет закончено...

Завтра, скорее всего, припрется к зарядке эта мразь отрядник. Только бы он побыстрее закрыл другую мразь в ШИЗО, если придет, – терпеть их обоих вместе будет явно выше моих сил, ибо нервы и так истрепаны выше всякого предела...

16.2.09. 9–29

Ну да, зашел вчера к “запасному варианту”, превозмогая отвращение. Судя по встрече, скоро мне не будет ходу и туда. Денег, мол, нет, и все такое. Эта тварь стрясла опять с меня шоколадку и несколько пакетиков чая – хорошо еще, у меня остались старые запасы чая с бергамотом, который сам я не пью. Усиленно агитирует затянуть еще одну “трубу”, и, видимо, для постоянной связи иного выхода нет, я сам это понимаю. Но на это нужно 5 тысяч (одна – за “дорогу”), которые мать не хочет давать ну никак. Да и доверия особого к этим предложениям тоже нет, слишком уж заманчиво, быстро и легко все это обещается; а

потом – ничего нет легче сказать, что телефон “спалился” по “дороге”, и никак это не опровергнешь, ничего не докажешь и денег не вернешь...

А та мразь, которой мать уже отдала тысячу – 2–й день вчера не подходила, ни с “трубой”, ни без нее. Вечером, когда оно (на сей раз даже раньше меня) вышло гулять перед вечерней проверкой, – когда вышел я, так оно даже повернулось и пошло наравне со мной, явно ожидая, что я сейчас что–нибудь скажу или спрошу. Но я промолчал – и оно тоже, и быстренько отошло от меня. Тварь... Развести на деньги – и все, больше не нужен, никакие недавние еще обязательства, обещания и клятвы – как будто и не было их!.. Мразь...

Ну что ж, началась новая неделя, 109–я от конца срока. 762 дня осталось. Уже завтра–послезавтра ждем новых комиссий и шмонов. :)))

А что еще остается, чего тут еще ждать? Хорошего ничего не будет, не стоит и рассчитывать; и со связью, несмотря на все усилия, в этом году будет хуже, чем в прошлом, а уж про 10–й год и думать не хочется. Если эти мои дневники и прочие бумаги как–нибудь сохранятся у меня до конца срока – вот и отлично, и ничего лучше для меня быть не может.

18.2.09. 9–50

Мать все же отдала вчера 5 тысяч за новый телефон, хотя накануне, позавчера, я так и не смог уговорить ее, она упиралась, что денег нет, а с книжки снимать она не будет, и я вынужден был, потеряв всякое терпение, сказать, что тогда я не буду ей и звонить, т.к. не с чего, не буду никуда ходить, никого просить, ждать, нервничать, переживать и т.д. Пусть сидит без связи со мной, как хочет. Это ли подействовало, или что другое – не знаю, но вчера вечером мне вдруг сообщают, что она уже отдала деньги, – все сделали даже без моего ведома.

Правда, неприятно очень то, что опять придется иметь дело с этими же блатными и полублатными тварями в этом же бараке, с которыми уже его имел почти весь тот год, когда у одной из них была “моя” “труба”. Мать они сбрасывали порой по 25 раз за 1 вечер!..

Оказывается, на свиданку (короткую) она поедет не 28–го, а 27–го, – дозвонилась, по моему совету, и ей, как я и думал, сказали, что 28–го, в последний день месяца, не проводятся не только длительные, но и короткие свидания. Только бы эти твари еще приняли бы передачу, не прицепились бы к тому, что прошлая была 29–го, а эта – 27–го, – раз 2–х дней не хватает, значит, “не положено”...

Среда. С минуты на минуту ждем–с “шмон–бригаду на

большом”, но что–то пока нет, задерживается. :)

Ларечный день. Опять будут вымогать и вытрясать на общее, “на выход”, “на крест”, “на изолятор” и еще под десятками других предлогов. А тут

Пока писал, ровно в 10 утра опять вырубили свет. Суки! Мрази!!. Неизвестно, включат ли его до обеда, будет ли торговать ларек (точнее, будет–то будет, но только одно окно, и толпа, и товар не разглядишь, и т.п. “прелести”, как обычно). Задолбали уже эти постоянные отключения света. Вчера перед вечерней проверкой, пока я пил чай, тоже вырубали, но успели еще до проверки включить. Сейчас это, видимо, на более долгий срок.

А хотел до этого написать, что вот как раз вскоре опять буду связан теснее с этой блатной сволочью – по поводу нового телефона, а если ввиду этого дать им малейшее послабление по части ларька – то они мгновенно сядут на голову и выдоят все, что есть, до копейки...

Сегодня опять проснулся с жуткой тоской и отвращением. Снилась всякая чушь, как регулярно она снится мне под утро. Будь она проклята, такая жизнь, и на кой черт она мне нужна?! Скорей бы сдохнуть... Мысль о суициде возвращается снова и снова, как об избавлении разом от всех бед, – но, увы, я могу лишь презирать сам себя за неспособность на этот решительный шаг. Жить всю жизнь с сознанием полного своего ничтожества...

Тоска, усталость, отвращение ко всему, ко всем окружающим, к самой этой жизни. Глаза бы не видели всю эту двуногую слизь и слякоть вокруг!.. Нервы истрепаны до последнего предела, слова “шмон” и “комиссия” вызывают припадок истерического смеха, а ведь мне еще 2 года тут сидеть. Тут же, так же, и любое изменение всегда будет в худшую сторону. Осталось ровно 760 дней.

19.2.09. 9–47

Ситуация крайне неприятная: вопреки обыкновению, бешеное шимпанзе не спит сегодня с самого утра! Пол–утра оно шлялось по бараку, орало, буянило, материлось, пело, слушало музыку в “культяшке”, а сейчас там, в их конце секции, собрался целый сходняк “братвы” и поминутно доносится бешеный гогот. Этим животным все смешно. Видимо, приперлись с других бараков. Самое печальное, что нет покоя в единственный кусок дня, когда раньше он был: с завтрака до проверки. Остается надеяться, что завтра оно таки будет в это время спать, и традиция сохранится. Эх, скорей бы август!..

“Шмон–бригада на шушарку!” – “пробили” недавно стремщики. Шмон в столовой – это забавно само по себе. “Сейчас всю капусту отшмонают!” – тотчас же сострил кто–то.

Вчерашний день выдался бурным и безумным. Гнусное, омерзительное, прыщавое блатное чмо, взявшее на себя последнее время что–то вроде роли главного ларькового вымогателя (хотя сколько их там таких!..), вымогало и наседало так, что я еде сдерживал этот напор, чтобы не послать подальше и не привести дело до скандала, когда на меня навалилась бы разом вся блатная кодла. Идиотизма тоже хватало: сперва минут 15 стояли на “продоле”, ждали, когда “общественник” поведет на обед, а он все не вел почему–то. Больше половину ушло так, не дожидаясь его, как и обычно. (Потом оказалось, что почему–то гораздо позже пошел на обед 8–й, потому, видимо, не вели нас.) Надоело ждать, и я, плюнув, тоже пошел один, но не в столовку, хлебать их вонючую бурду, а сразу в ларек. И что же? Мог бы не торопиться: оказалось, что обеих продавщиц еще нет, никого в ларек не пускают, перед его калиткой стоит толпа. Вот в этой–то толпе прыщавое чмо насело на меня 1–й раз. Стояли 5–й, 13–й, кто–то и с 8–го, и с других отрядов. Я посмотрел на них, на эту толпу при дневном свете: сборище бандитов, подонков общества, отребья, которое не здесь шоколадками через ларек кормить, или перестрелять и засыпать негашеной известью в ямах! Боже, какие хари!.. На почти каждой – печать вырождения, хотя все они без исключения моложе меня. “Племя младое, незнакомое”... Зверье... Впрочем, я уже писал, что называть их животными – значит оскорблять животных. Нечисть, привыкшая жить на чужой счет и со злобой, с остервенением, под любыми предлогами добивающаяся для себя такого же положения на зоне.

Тетки–продавщицы пришли только около 3–х часов дня, и одна из них позже, уже в своем окошке, рассказала: они–то пришли на работу вовремя, но “мусора” почему–то отправили их назад (почему – я не понял, да и они сами, по–моему, тоже), и они гуляли по поселку, обошли там все магазины, пока, наконец, им не позвонили и не сказали возвращаться. А мы (я, во всяком случае) ждали их, – хоть было и не холодно, погода уже почти весенняя, но ноги у меня замерзли весьма основательно и, как бывает именно после хорошего зимнего замерзания, близкого к отмораживанию, – потом в тепле отчаянно чесались.

Но это уже потом. Не успел я, купив поест и выслушав злобное бормотание прыщавого чма, что я лишил их вожделенного чая с конфетами (которых, впрочем, и в продаже–то не было) и его назойливые, особо подчеркиваемые заверения, что оно требует не для себя, ты не думай, а исключительно для “мужиков”, чтобы в пятницу, как обычно, “заварить” и посидеть, пообщаться за чифиром (а сперва оно, еще на улице, клянчило “на выход” :) , – не успел я прийти в барак и снять обувь, как

“козел” сообщил мне, что меня вызывают в 15–й кабинет!

Конечно, не столько неприятного могли сообщить мне там (знаменитый “Агроном”, мерзкий и вечно пьяный майор Степанов, зам. по какой–то там “безопасности”), сколько было опасно, что пронюхает об этом вызове шимпанзе и вся его “братва” – и эта тварь опять же полезет драться за то, что я их не “поставил в курс” и не взял от них провожатого–свидетеля, как они навязывают. Но я не мог и впредь не буду никогда этого делать – слишком уж глубокое, непреодолимое, до рвоты, омерзение они у меня вызывают, и слишком гнусно было бы безропотно признать их власть и подчиниться их требованиям.

Пока пишу – эти мрази там включили музыку, и опять, как осенью, эта бесхвостая обезьяна, вызвав туда самого работящего из “обиженных”, заставляет его под эту музыку танцевать, горланя на весь барак: “Давай, Анжелика, давай, танцуй! Давай, Анжелика, давай! О–па! О–па!!!”. Сцена сопровождается их общим гнусным гоготом и – время от времени – аплодисментами.

А в 15–м кабинете оказался вовсе не подонок Агроном, а какой–то другой, вовсе незнакомый мне “мусор”. Перед ним лежали какие–то бумаги, показавшиеся мне смутно знакомыми. Спрашивать он стал про свидания в ноябре и декабре, – и попросил подробно рассказать о том, как и почему прервали на час–полтора раньше короткую свиданку 29.12.2008. Спросил фамилии бывших там свиданщиц, но я их по фамилиям вообще не знаю ни одну. Спрашивал, на сколько именно раньше прервали свиданку. Распечатки же, как я сразу понял, были с “моего” сайта – “За Бориса”. Мне показалось очень забавным, что они, прочитав в инете, ЧТО у них произошло в зоне, спустя почти 2 месяца вызывают меня и начинают разбираться. Типа, вот какова она, сила СМИ, сила электронного слова!.. :) Но все оказалось проще. Вечером я рассказал об этом анекдоте матери, чтобы она передала и сообщение повесили на сайт – и она сказала, что начальство явно проверяет се пункты ее жалоб, переданной через Ганнушкину прямо Лукину, а тем направленной в Нижегородский УФСИН. В пришедшем матери от Лукина извещении о судьбе этой жалобы даже говорилось, что проверка ее будет контролироваться Москвой. Хотя, конечно, Лукин – не бог весть какая контролирующая инстанция. Но все равно – и про невыдачу теплого свитера, и про прерванное свидание шла речь именно там, и теперь как раз по всем этим вопросам меня и дергают.

Эти подонки в конце секции выключили музыку, отпустили несчастного танцора, шимпанзе орет: “А где чифир, ... (мат)?!”. Оно совершенно бешеное, ненормальное, жить приходится годами в одном помещении с опасным психом, бросающимся на

людей не только в ярости, но и от хорошего настроения тоже. К тому же оно повадилось наведываться в захваченный проходняк около меня, а там тоже живут такие же бандиты и психопаты (если не все, то как минимум один точно). Жизнь в настоящем сумасшедшем доме, среди даунов и откровенно агрессивных психов...

Пока писал все это, прошел почти час, время уже 10–38. Только в это время, утром, позавтракав и выбрав всех вшей из рубахи и носков, удается взять ручку и что–то написать. Потом – просыпаются соседи и начинают пялиться, да и вокруг до поздней ночи бегают толпы любопытно–агрессивной мрази...

20.2.09. 10–58

Вчера после дневной проверки смотрю – блатота ходит по нашему концу секции, осматривает свободные места, спрашивает, кто где спит. Это всегда недобрый знак. Оказалось, "поднялись" двое "этапников" – один с виду старик, в очках, другой помоложе. Не знаю уж, кто и за что им дал такие срока, но оказалось, что сроку у них всего по 80 дней, и через месяц оба уходят (впрочем, насчет того, что оба, я не совсем уверен, но об очкастом это говорилось точно). И вот – в воздухе запахло паленым: это наглое блатное чмо, "замглавнокомандующее", подошло к одному з/к, 44 лет, тоже ходящему с палкой и вечно болеющему, с кровати–то встающему не так часто – и заявило ему, что он должен перелечь на другое место, причем на верхнее. Аргумент был все тот же, универсальный: "Так надо!". КОМУ надо, этот бедолага тоже почему–то спросить не догадался, но все же упрямство проявил (и то хорошо: из захваченного полублатными проходняка рядом со мной они осенью выселили именно его). Блатное чмо на его аргументы, что он весь срок лежит внизу, постоянно болеет, нагло заявило: "Ну что делать, настали перемены!". Удивительно, фантастически наглая бесцеремонная мразь!.. Но, видя, что намеченная жертва все еще не покоряется, она заявила: "Ну, раз ты меня не хочешь слушать, сейчас тебе по–другому объяснят!" – и тут же привела шимпанзе. Но, вопреки моему ожиданию, обычного скандала с бешеными криками и пеной из пасти не произошло. Не знаю уж, почему, но шимпанзе спасовало, не стало беситься и орать, видя явную непокорность своей воле. Должно быть, явно проявляемая твердая готовность к сопротивлению парализует их волю к насилию. Сопротивляться, да даже просто быть твердым, неуступчивым с врагом оказывается полезно всегда. Тот намеченный к выселению и шимпанзятине повторил сразу то же самое: "Я болею. Постоянно болею. Лежу целыми днями.". И эта животина куда–то еще пристроила нового старика (про которого зам. этой животины сперва аргументировал тем,

что он слепой, не положу же я слепого наверх!" (комендант хренов), но тот оказался вовсе не слепой, судя по тому, что вполне свободно ходит и по бараку и на улицу), – то ли на одну шконку с другим стариканом–алкашом в том же проходняке, то ли еще куда, не знаю. Но выселение не состоялось.

К чему я все это описываю так подробно? К тому, что вместо того типа жребий "Так надо!" свободно мог бы выпасть на меня. Подошли бы эти наглые твари и стали заставлять "перелечь", начать лазить наверх (куда мне и не залезть, и уж тем паче не слезть назад), животина подняла бы истошный матерный лай и крик, сала бы махать кулаками и норовить ударить, как в том сентябре, и, м.б., даже ударила бы. Что бы я стал делать? Хватило бы у меня воли и твердости для сопротивления, для того, чтобы в условиях этого обезьяньего питомника отстаивать и отстоять свое человеческое достоинство? Хочется думать, что да, но все же полностью в этом я не уверен. Интеллигентность и тонкий ум слишком часто в истории пасовали перед грубой силой, хамством и наглостью. Вся наша история – тому пример, и история всех наших революций XX века – в особенности. И в малом, в чисто личном, вроде эпизода матерной стычки в лагерном бараке – проявляются те же исторические, политические, психологические и пр. законы, что и в великих событиях...

Между тем, пришел я из бани (пятница). Предстоит: "мужики, зайдите в культяшку!".

16–40

Отбился, отвязался от них в ларьке сегодня удачно. Ур–ра, победа! :)) Стояли опять у ворот долго, было солнце, но ноги очень мерзли, – продавщицы принимали и раскладывали товар, и было сказано: пока не закончат, пускать не будут. Многие уходили, уповая на приход "вечером" (18–00 – 20–00); то позавчерашнее главновымогающее чмо тоже ушло, строго наказав мне купить несколько пачек сигарет. :)) Но "хороших" для них сигарет (Saint George) как раз и не было. Зато, завидев меня в толпе у окошка, старое уже, хитрое и ушлое кавказское животное сразу же оживилось и настойчиво, несколько раз предложило мне купить рулет "для БУРа". Не получая положительного ответа, оно возвращалось к этой теме несколько раз; стояло оно впереди меня и, выбирая товар в окошке и видя, что на что–то ему не хватает, очень резво, быстро и непринужденно предложило мне "добавить" ему эти 20 с чем–то рублей. Какие они все простые и быстрые, когда дело касается чужих денег!.. :))) Не хватает – я возьму у тебя, добавь мне; и на раздумья над ответом – считанные секунды. Однако, к глубокому разочарованию этой хитрой твари, я "добавить" отказался, сказав, что еще ничего не купил себе и

даже товаров пока не вижу (стоял так, что еще не мог заглянуть в окно). Оно на прощание расстроенно посетовало, “что я за человек” и поинтересовалось, не думаю ли я, что оно это все для себя? :) Я сказал, как обычно в таких случаях, что ничего не думаю. Вообще ничего. :)

21.2.09. 9–23

С утра на улице опять было минус 18°. Морозище. Самая подходящая, блин, погода для начинающейся весны. Солнце сияет уже совсем по–весеннему, небо чистое–чистое, синее–синее, днем на солнце все капает... А я все сижу здесь, – уже 4–ю весну не дома...

Вчера эта новоприбывшая блатная тварь дала мне “трубу” только в пол12–го ночи, когда мать уже спала, да и то всего на несколько минут. К запасному варианту я не пошел, – осточертело, надоело, и вечно там толпа народу, то денег на телефоне нет, то еще что–то, да и ждать, пока телефон освободится, там приходится слишком долго. В прошлый раз только–только успел оттуда выскочить, как на “продол” уже вперся Быня, отрядник 4–го. Но – знать бы все это заранее! – вчера “мусора” как раз совсем не шлялись по баракам, ни в обед, ни вечером, и можно было сходить.

Мать, между прочим, сказала, что звонила Люзакову, – вопреки своему обещанию, он в Москву на 23–е не приедет. Макет книжки обо мне, которую он взялся делать (год прошел, как от этой идеи отказалась Е.С.) он, скорее всего, тоже не сделал, но точно я этого из разговора не понял. Зато прямо и четко он сказал матери другое: деньги на эту книжку, которые они уже давно договорились собрать, так и не собраны! Подтверждается мое первоначальное мнение, инстинктивное и безошибочное, зная этих людей, их организационные способности, финансовые возможности: никакую книжку обо мне они, конечно же, не сделают, куда им!.. Эта задача им явно не по зубам; вот Санникова могла бы реально – но не захотела, скотина этакая. А эти – слишком мелко плавают, тираж газетки своей снизили с 500 до 300 (курам на смех!) и занимаются в ней сплошными перебранками друг с другом, да еще держат этого Старикова – как будто специально для создания эффекта “плюрализма в одной голове”. В 2000–м 2 или 3 месяца не могли съездить свою газету из типографии в Раменском забрать, пока ее ФСБ не нашло и не уничтожило. Теперь вот 15 тысяч собрать никак не могут. Ничтожества...

Суббота. Кончается неделя. Она обошлась без шмонов и комиссий. Осталось 757 дней.

16–05

Рано обрадовался, идиот!.. Написал с утра... Как и всегда – радость прежде времени...

Сразу после проверки пришли 2 “мусора”, быстро прошли по бараку. После их ухода шимпанзе тотчас собрало всю, без исключения, барачную шоблу в “культяшке” и грозно возвестило: 3 дня в лагере комиссия!!.

“По безопасности”. Приехали будто бы еще вчера (в ответ на уточняющий вопрос одного блатного: “С понедельника?”). Вчера была пятница, сегодня и завтра – выходные. Представить любое начальство тратящим свои выходные на такого рода рабочие поездки дико и нелепо; это едва ли может быть, да даже если и может – комиссия эта будет, скорее всего, сегодня уже пьяной и неопасной. Но бешеное–то шимпанзе опасно всегда, оно бешено орет матерщину и раздает оплеухи, ему ничего не объяснишь!.. Оно ничего не слушает, а если и услышит – неспособно понять... И вот эта тварь приказывает (именно так – тоном, не допускающим никаких возражений): все “лишние вещи” убрать в каптерку! И предупреждает: “Если я где у кого увижу “лишние вещи” – разговор будет другой”. И вот я сижу и жду – опять, в который уж раз – этого “другого разговора”, кулачного, расстелив свое красное одеяло, запихнув под свою шконку (убрав из–под соседней) баул со жратвой, сняв с крючков всю одежду, а телогрейку вынеся и повесив в раздевалке. Жду, но пока все спокойно. “Комиссия”, если она и есть, не подает признаков своего присутствия; бесхвостая тварь – тоже, разве что изредка громкими воплями из своего конца секции. Да, на сборище в “культяшке” она сказала, что о комиссии ей (или кому?) сообщили только что прошедшие “мусора”. Таким образом, “мусора”, как выясняется, де–факто настолько признают статус всяких “барачных”, “смотрящих”, “положенцев” и т.д., – что персонально им сообщают о приезде комиссий, с целью ИХ устами и руками (а не прямо от себя, от администрации), заставить зэков распихать “сидорА” по каптеркам и навести прочую показуху. Симбиоз...

Три “К” этой проклятой зоновской жизни, – сегодня пришло мне в голову. Комиссия, “культяшка”, каптерка. Все по одному и тому же замкнутому кругу, раз за разом повторяющемуся образцу. Своего рода блатной ку–клукс–клан уголовников, терроризирующих... меня.

23.2.09. 9–00

И вчера, и сегодня с утра на улице было минус 26°, по данным термометра на 4–м. С подъема снизу единственной входной двери в барак намерз уже снег; в распахнутые окна и двери – и внутрь, и наружу – валил густой пар. Сейчас стал

закрывать эту дверь (все время открывается) – ручка опять оторвана с одного конца. Дохлопались... Днем уже достаточно тепло, солнце греет все больше по–весеннему, но вчера дул сильный ледяной ветер.

Страсти по 2комиссии" вроде бы улеглись. Сегодня с утра я свернул красное одеяло которым почти 2 дня была застелена шконка. Теперь на ней обычное, серое, казенное... Надеюсь, эта истерика не начнется сегодня снова, – очень не хотелось бы все скорей–скорей убирать и стелить заново и опять сидеть, ждать скандала и расправы, сжигая нервные клетки...

Кстати, в этот их хваленый "праздничек", "день защитника отечества", эти твари из зоновского начальства не дали с утра в столовке даже простого вареного яйца, которое часто теперь дают по выходным. Никакого даже отдаленно "праздничного" рациона не оказалось – обычная мерзкая перловка на завтрак.

Еще позавчера вечером шимпанзе вызывали на вахту. Вернувшись оттуда, оно буянило, орало, ревело, ржало, голосило: "По...уй!! Полгода осталось!", а другое блатное чмо, тоже агрессивное, ходило по бараку со списком в лапах и пыталось вытрясти из прочих зэков носки, футболки, шампунь и т.п. Я подумал – не иначе, обезьяну наконец–то закрывают в БУР! Но – ничего подобного!.. Вчера вечером спросил мимоходом у другого блатного – того самого подонка и вымогателя, отдавшего "мусорам" мою "трубу" и вымогающего с меня теперь часть денег за новую, – ЧТО там случилось. Ответ был – шимпанзе хотят закрыть всего лишь в ШИЗО, но оно чует, что оттуда уже не выйдет до конца срока. Почему же не закрыли сразу, если хотели, – обычно ведь они не церемонятся? Нет, "в лагере комиссия". Ну и что? Как будто комиссия будет вызывать к себе каждую бандитскую рожу со всей зоны и отдельно разбираться с ней...

Так что пока оно, увы, здесь. Вся надежда на отрядника, которого нет до сих пор. Но все ждут его буквально со дня на день, даже сегодня с утра. Мне, кстати, самому очень не нравится, что этой мерзкой бесхвостой животине я посвящаю теперь столько места в дневнике, – как будто из всей этой жизни, и без того гнусной, больше не о чем писать. Но увы – видимо, из всех местных…

9–17

Прервали на полуслове, пока писал: наконец–то случилось долгожданное! Эти ублюдки, захватившие осенью соседний проходняк и разгоняющие тут регулярно всех соседей, наконец–то добрались до меня! Приперлись с предложениями перелечь на место вшивого старичка–соседа, передвинуть куда–то мою шконку, и т.д. Т.е., иметь их в соседях еще ближе, чем теперь. Я,

конечно, буду стоять насмерть, но, раз возникнув, этот план докопаться и до меня теперь уже вряд ли покинет их куриные мозги. Шимпанзе, его зам. и вся прочая мразь могут быть привлечены как тяжелая артиллерия...

13–06

Сейчас, перед проверкой, трое старых (от 50 до 55?) хрычей, двое из которых – мои соседи, в моем проходняке и в соседнем, отмечали чаем, карамельками и куревом “день защитника отечества”. Сидели, передавая чашку с чаем, одну на всех, прямо через меня, лежащего посреди них на своей шконке, с Маней на груди. Мерзостное, жалкое и одновременно поучительное зрелище!.. Алкаши, воришки, старые солдаты советской армии!.. Вот таких–то – пришло мне вдруг в голову – Ельцин в начале 90–х пытался превратить в граждан цивилизованного европейского государства, в приличных людей, называл “дорогими россиянами”... Зачем? Ведь они – старые, заскорузлые, неисправимые генетические рабы, совки, быдло, гордящееся своей рабской службой в этой карательной, изначально преступной, оккупировавшей столько стран на столько десятилетий армии как самым ярким – до седин, до пенсии! – событием в своей жизни. ЧТО они вспоминают, собравшись вместе в “застолье” хоть здесь, хоть на воле? Прежде всего – армию; следом – свои бесчисленные алкогольные похождения, как в армии, так и всю последующую жизнь, до последнего ареста. ЧТО они поют обычно за столом? “Ой, рябина кудрявая...” или (я встречал чаще) “Ой цветет калина...”. Жалкий и омерзительный совок, неисправимый, никчемный, несуразный – как и сама эта страна и этот народ на фоне нормальной, западной, цивилизованной жизни (хотя и та не вполне идеальна, конечно, – марихуана, эвтаназия и однополые браки легализованы еще далеко не везде). Но тут – такая глухая, советская, казенная (армейская, либо вот зоновская, как у меня) тоска, – сразу хочется умереть, как только почувствуешь ее, вдохнешь полной грудью... Один из этих соседушек – тот самый бедовый, запойный алкаш, который с ноября так и не доделал мне жилетку из телогрейки, – торжественно заявил: “Я служил в советской армии, а не в российской!” – и стал вспоминать сперва армейскую присягу, потом даже пионерскую припомнил, и т.д. Когда же мой сосед по проходняку стал мне (остальные увлеклись беседой и его не слушали) рассказывать какую–то очередную алкогольную историю своей молодости, как он у кого–то в гостях хватил чистого спирта, и я в ответ заметил, что все воспоминания юности сводятся к армии и алкоголю и на алкоголь переходят, о чем бы ни зашла речь, – другой сосед, тот самый пропойца, тут же

(абсолютно не в тему этих бесед) рассказал анекдот с легким антисемитским душком...

Жалкие, ничтожные, никчемные, пьяные совки, старые и молодые, с коммунистической ли, православной ли дребеденью в голове... Вот такими и населена эта страна. Что делать с ними и со страной? Они безнадежны, их не исправить, но горсточке приличных–то людей как между ними жить, – между этой пьянью и ворьем, чей девиз (как у вот этого алкаша, недошившего мне жилетку, но исправно просившего под это шитье у меня сигареты) – "Как прожить да не работать".

24.2.09. 17–33

Явился наконец–то отрядник после отпуска, – приперся перед дневной проверкой и сам ее и проводил. Непонятно, кой черт (осторожность? Перестраховка?) толкнул меня еще утром, в зарядку, надеть телогрейку и выйти "ждать" его – тусоваться в ледяной, темный фанерный предбанник. И еще пару раз до 23–го я тоже так делал, но он не приходил. Теперь до самого тепла, пока не откроют 2–й выход из барака, придется быть "на стреме" каждую зарядку...

Шимпанзе с появлением отрядника – точнее, с его физическими приходами в барак – стало аккуратно ходить в столовку и выходить на проверки... :)))

Еще три дня назад докопались блатные – купить им в Москве 100–рублевую карточку "Евросеть" или "Зебра". В том ли дело, что именно в Москве ее можно купить, или же в том, что именно с меня им хотелось сорвать эти 100 руб.? Скорее, конечно, второе. :) Как бы там ни было, позавчера дали "трубу", чтобы попросить мать об этом. Вчера – дали, чтобы еще раз напомнить утром, потом – чтобы узнать результаты вечером. Мать вчера карточку эту не нашла (на самом деле)обещала найти сегодня в магазине мобильников. Плохо, что ли? – 2 дня связь с домом за их счет и по их инициативе, ни ждать, ни ходить просить, унижаться не нужно?! :)) Но сегодня они, похоже, уже потеряли к этой карточке интерес – уже почти 6 вечера, а связь на предмет узнать о ее покупке так до сих пор и не предоставили. :) Правда, существенной помехой для этого является отрядник, – пред самым ужином он опять приперся в барак и сейчас здесь. Утром блатной главновымогающий по ларьку (с чьей "трубы" я и звонил) сказал мне, что мать звонила, но телефон был в то время выключен, он узнал только потом. И вот сейчас – уже начинаю волноваться, ждать, не так много времени осталось до ночи, а звонка все нет. Точнее, есть, но меня не зовут, конечно же.

План соседей переложить меня, передвинуть мою шконку и т.д. вроде бы пока заглох, больше они об этом не говорили. Но

все равно – расслабляться нельзя, надо быть постоянно начеку. В марте, по моим прикидкам, должно будет приехать никак не меньше 2–х комиссий. :))) Причем с самого начала месяца, с первой же недели. Таково предчувствие. Куда я при этом дену огромный, переполненный баул с передачей от глаз шимпанзе и вероятной гибели в каптерке – хрен знает...

18–18

"Трубу" все же принесли, и интерес к карточке проявили. Но все ограничилось банальщиной: если мать карточку не найдет (она не нашла), то просто пусть кинет те же 100 рублей на вот этот номер, с которого я ей звонил. Не то что карточка позарез нужна на какие–то их общелагерные и межлагерные воровские дела, как они часто подают это для понта; а просто – привыкли жить на чужой счет, под любым предлогом и любой ценой...

Опять одно и то же, постоянное, неизменное, вечное: дикая тоска, отвращение ко всему вокруг и к самой жизни. Особенно по утрам. Каждое утро просыпаться опять здесь, в этом опостылевшем бараке, среди этих мерзких, гнусных рож, только и ждущих поживиться за твой счет; каждый день втягивать голову в плечи в ожидании шмона, комиссии, поборов в ларьке, перекладывания на другую шконку или выбрасывания твоего матраса на улицу... Мерзкая, убогая, гнусная, отвратительная жизнь, недостойная и жизнью–то называться; унизительное прозябание... Когда же оно наконец кончится? Через 754 дня; по крайней мере, есть хоть надежда что уж тогда–то все–таки отпустят...

25.2.09. 15–38

День был тяжелый, да он еще и не закончился. В 10 утра "пробили" шмон–бригаду. Сперва все "мусора" пошли на 5–й, 1 – на 12–й; я, естественно, думал, что шмон будет на 5–м. Однако они вдруг по 1–2 человека двинулись дальше: 8–й, 4–й, 10–й, и, наконец, один зашел к нам. Зашел, велел всем одеться и выйти на улицу. То ли "проверка по карточкам", то ли шмон, то ли еще что – хрен поймешь. Встретив меня на проходе в секции, лично меня обшмонал. Очень большая честь! :) Правда, ничего не нашел. :)) Я посмотрел: на выходе из барака не шмонают – значит, не шмон. Оделся, вышел. (Старую спортивную куртку предварительно снял и наизнанку сунул под матрас – при проверке "формы одежды" теоретически ее могут отобрать прямо в строю.) Народу было на дворе уже прилично, у открытой калитки стоял один "мусор" и смотрел на нас. Через некоторое время он вдруг ушел, и СДиПовец запер за ним калитку! Что за ерунда?! Чего же эти твари хотят?!. Народ стал заходить обратно в барак, раздеваться. Я снял все, кроме ботинок, опять натянул спортивную куртку (без

телогрейки холодно), – как вдруг крик: “Один к нам!” (или как–то так). Зашел во двор 1 старый, гнусный, давно примеченный мною “мусор” с металлоискателем, но в барак не зашел, а стал бродить взад–вперед под окнами, как обычно бывает, когда в этом же бараке, но в помещении другого отряда шмон. По этому только признаку я и понял, что, видимо, шмон таки на 10–м, а нас сперва выгоняли на улицу просто для понта или чтоб помешать 10–му затащить что–либо к нам и тут спрятать. Где–то через час с небольшим, в районе начала 12–го, “мусора” ушли с 10–го и с “продола”.

Дозвонилась сразу после проверки мать, но в истерике швырнула трубку, когда я в очередной раз начал выражать изумление путаницей и неразберихой в ее голове по поводу моих дел (не помнит, на какой свиданке отдавала книги и прессу, на какой не отдавала, и т.д.). “Подняла мне нервы”, как здесь говорят. Перезвонить ей не было возможности: на счету этого телефона было 11 копеек. Но, в общем–то, не так уж и нужно было перезванивать. Главное – чтобы она дозвонилась завтра вечером, когда они с Фрумкиным уже будут ехать сюда.

В ларек я не пошел – уж полтора дня продержусь так, до передач. Наглое блатное чмо нагло пыталось вымогать опять 700 рублей за свою “трубу”, да еще другое, с другого барака, прислало просить что–то ему купить “на 2 сотки”. Так тут улетают тысячи в один миг...

26.2.09. 9–15

Опять нервы, опять психоз, до такой степени, что просто не могу... Мучительное ожидание несчастья... Вчера вечером вызвал отрядник – ознакомить с ответом на мое заявление о выдаче свитера, продиктованное Деминым. Резолюция чуть не на страницу: не положено, вольного образца, нательное белье, и т.д., все как обычно. Необычна подпись под этой резолюцией: Русинов! Он зам по кадрам и воспитательной работе, и совершенно это не его дело; это режимный вопрос, и я еще понимаю, если бы отказал Заводчиков, как в 2007–м... Но Русинов... Впрочем, ни малейшей загадки тут нет: только недавно его таки вызывали в какой–то там “следственный комитет”, по жалобе в прокуратуру Шаклеина, которого он лично не пустил ко мне в сентябре. Это просто мелкая, омерзительная месть со стороны этого чма в камуфляже. Мразь!.. С каким удовольствием – мечтал уже не раз за полтора года знакомства – я бы расстрелял этого карателя и палача чеченского народа собственными руками!

По поводу снятия с меня сентябрьского выговора отрядник сказал что не знает, надо посмотреть, а по поводу изъятия книг – что “они” имеют право забирать книги и прессу для цензуры. Ага,

забирать – и не возвращать вообще никогда, до самого конца срока. В общем–то абсолютно ясно, что это – тоже всего лишь мелкая, жалкая месть со стороны всех этих ФСБ–шных и прочих государственных гнид за то, что я не хочу заткнуться даже здесь. Но, конечно, 2 года просидеть без свежей прессы и книг будет не очень–то приятно, поэтому я сказал отряднику: передайте Демину (начальнику оперчасти) и пр., что за книги у нас будет с ними война! Вопрос только, что мы можем сделать, даже соединенными усилиями всех правозащитников, вместе взятых.

А перед самой проверкой блатной "телефонист", вымогающий с меня 700 р. за "дорогу", в ответ на мой вопрос о судьбе его свежекупленной, еще не доставленной по этой "дороге" "трубы"вдруг сказал: да пока жду; там комиссия за комиссией; вот завтра опять комиссия приезжает, "мусора" говорят.

Как снег на голову! Только этой напасти еще мне не хватало; ведь всего 3 дня прошло после "отъезда" прошлой (скорее всего, и не приезжавшей, – на выходные–то!). Короче говоря, самые решительные меры я надумал принять уже с вечера: предупрежден – значит, вооружен. Сахар в кружку для утреннего чая наложил заранее; собрал всю еду на завтра (сегодня) в пакет и выложил из баула; а сам пищевой баул, уже почти пустой, запихнул под изголовье своей шконки; дальше за ним, к ногам, поставил черный с тряпьем. Вынул заранее пакет с бритвенными принадлежностями, чтобы сегодня с утра побриться. Ну, и нынче с самого подъема завесил все это опять своим большим красным одеялом – чтобы, если опять поднимется каптерочная тревога сегодня, не стелить его на глазах у всей швали и не распихивать баулы под шконкой.

Плохо то, что сегодня же может быть и шмон. Но при шмоне надо все лишнее, особо ценное и пр. прятать в баулы, чтобы не разбросали; а при комиссии – наоборот, вынимать и распихивать под матрас и в другие места, не пропало бы там, не попало в чужие руки и т.д. Если вдруг во время ожидания комиссии приходит шмон (вот как может быть сегодня, уже по времени вот–вот) – значит, надо все это успеть быстро распихать опять по баулам. Какой маразм, какое унижение человеческого достоинства – суетиться, разрабатывать целые алгоритмы, как спасти свое добро от подонков – что блатных, что в камуфляже, – нервничать из–за этого... Хочу успокоиться, отрешиться от всех этих мелочных забот, подняться над этой суетой сует – и не могу, до того расходились нервы...

А тут еще сам себя я стал доводить до истерики: пришла вдруг в голову мысль, ЧТО будет, если завтра мать и Фрумкин

приедут на короткую свиданку – а тут опять вырубят свет, не будут работать переговорные трубки и свиданку отменят! Что тогда делать?! Назавтра – в последний день месяца, 28 февраля – ее тоже не бывает, значит, ждать 2 дня, до 1 марта? Догадаются ли они, согласится ли Фрумкин остаться, кто будет затаскивать 1–го баул с передачей, если он уедет, да и сама–то мать – согласится ли остаться? А у меня, как назло, почти вся жратва кончилась, и сахар, и сладкое на исходе... И вот что делать, если они не попадут на свиданку? А передачу можно отдать только на свиданке, иначе не берут. А мать, конечно же, не возьмет с собой зарядник, телефон у нее разрядится и связи с ней не будет, даже если она и дождется тут 1–го... От всех этих мыслей и дурных предчувствий тут можно сойти с ума...

Что ж, пока еще не сошли – сидим и ждем. Вот уже сейчас, минут через 10–20 – шмона, а потом, после 11–ти, или, скорее, после проверки, – комиссии. :))) Хотя, вполне возможно, не будет ни того, ни другого (исходя хотя бы из того, что блатные, выходит, уже вчера знали про грядущую комиссию, но не собрали весь барачный сброд и не сказали. Что ж, м.б., шимпанзе толкнет очередную пламенную речь об этом сегодня.).

15–20

Да!!! Шмон все–таки состоялся! Как и вчера: сперва – “шмон–бригада 12й–5й”, потом –“8й–4й”, и, наконец, к нам.

Вышли, погуляли по двору под мягким падающим снежком. Конец зимы, преддверие весны... Не холодно, идет легкий снежок, вдали чернеют верхушки леса... Романтика... Хочется дышать полной грудью, и всегда в это время, ранней весной, кажется, что вот–вот впереди ждет что–то захватывающее, что–то наконец самое главное в жизни. Но это – зона, увы, а до этого черные голые силуэты деревьев на фоне позднефевральского снега я видел из окна тюрьмы, из 509–й хаты в начале 2007 г. А самое главное предстоит только через 2 года...

Шмон оказался только для видимости, для понта. Даже не вытряхнули все пакеты, лежащие у меня за шконкой. Не разбросали книги под матрасом, и даже подняли, завернули мой матрас не с головы, а с ног! Да еще выдвинули с места тумбочку, служащую нам столиком, и сняли с нее верхнюю доску. Все!! Я поставил тумбочку на место, поправил матрас и лег отдыхать (не спать) до проверки.

Комиссии нет. По крайней мере, нет собраний в “культяшке” и грозных криков о ней с угрозами, как в тот раз. Разумеется, это не значит, что ее не будет завтра, но все же вероятность уже поменьше.

Дозвонилась после проверки мать, я сразу же сказал ей, что

надо продумать и загодя договориться, что делать, если завтра вырубят свет и отменят свидание. Кроме как оставаться тут до 1 марта, других вариантов, собственно, и нет. Само мое предположение и требование просчитать ее действия мать, конечно же, сразу очень “расстроило”, о чем она и стала раздраженно орать на меня. Что ж, при ее беспечности и легкомыслии, только увеличивающихся с годами, это не удивительно...

27.2.09. 18–13

Прошла утром короткая свиданка, приезжали мать и Женя Фрумкин. В бараке все обошлось за это время нормально – ни шмонов, ни комиссий (хотя утром, перед завтраком, зайдя к запасному варианту позвонить матери, получил там подтверждение, что комиссия таки здесь. После завтрака опять пришлось срочно расстилать одеяло и убирать продуктовый баул.). На самой свиданке тоже все было нормально (относительно, конечно), – кончилась она (для нас троих, оставшихся там последними) аж в начале 2–го, в отличие от прекращения на полтора часа раньше в прошлый раз. Мать тоже не закатывала истерик, не ругалась и не скандалила, как бывало не раз. И даже – почти чудо!! – принимавшая передачу какая–то новая молодая контролерша в полной форме приняла 2 привезенные книги. Обе!!! :)) Фантастика! А я–то инструктировал мать: начнет забирать “Русинову” – ни в коем случае не отдавать, тут же забрать назад! И распечатки, и книги – все прошло, а газеты и журналы Фрумкин в этот раз захватить забыл (в прошлый раз он забыл фотографии...). Все вроде обошлось хорошо. Но вот после свиданки...

Забирать нас троих пришел “мусор” лет за 40, погоняло, по–моему, Рыжий. Действительно, волосы и сама рожа этакие светло–рыжие. Уже с первых шагов стал нас (тех двух, – я–то с тяжеленным баулом и так еле двигался) придерживать, тормозить, держать всех вместе, в кучку, – и сразу с этакой омерзительной глумливой ухмылочкой говорить, что вот, мол, мы провинились (или виноваты в чем–то, – не помню), надо с нами разобраться, наказать и т.д.

Я еле–еле волоком тащил свой баул вниз по лестнице, и, когда подошли к выходу, те двое, почти не нагруженные, взяли его за ручки, чтобы донести до вахты. Я поблагодарил и пошел сзади, но буквально через секунду, когда переносили через высоченный порог на улицу – баул сбоку лопнул, сразу по всей высоте, и оттуда посыпались консервные банки! Вот черт!... Не везет. Кое–как, втроем, я за порванный угол, дотащили до вахту – и тут эта рыжая мразь (как я уже внутренне и ждал) командует:

“Идем к шмоналке!”. Отдельный маленький домик около вахту, где устраивают полные шмоны с раздеванием.

Нам его и устроили. Нарочито издевательски, глумливо, запредельно унизительно, – так же, как, по рассказам многих чеченцев, делали это выродки в форме с ними в Чечне, в своих “фильтрах” и других местах. Тех двух прошмонали быстро, и они ушли, я же, как всегда, остался последним. Сперва велели раздеться, как всегда, догола. Когда длительная свиданка – хоть есть с собой тапочки; а тут – прямо босиком пришлось стоять на голом, мокром, грязном полу, по которому эти ублюдки ходят своими сапогами. Прозвонили, поглумились вволю, поострили – стал одеваться, но не успел еще одеться, как потребовали все вынимать из баула (полчаса как все было тщательно просмотрено девчонкой–контролером, даже этикетки на всех консервных банках она надрывала). Глумливо, нарочито издевательски не давали мне как следует собирать в пакет уже ими просмотренное – мол, бросай все шоколадки прямо по одной в баул, пакет они еще не досмотрели, а убирать требуют быстрее (тоже как всегда при шмонах). Взял свой пакет из кармана, стал складывать туда, отвлекли (телагу, что ли, убрать, или еще что, не помню), поставил этот пакет туда, где лежало все еще не досмотренное, – взять уже не дают. “Ну и что, еще раз посмотрим!” По всему видно, что глумятся, издеваются нарочно, что этот шмон – просто месть за жалобы, ничего больше (излюбленный у них способ индивидуальной и коллективной мести, к которому формально не придерешься). Сказать им все, что я про них думаю (что расстрелять их обоих надо тут же, на месте; своими руками прошил бы очередью этих ублюдков!) – могут приписать неповиновение и законопатить в ШИЗО, эти твари на все способны... Да и что с ними разговаривать, слова на такую падаль тратить... Все равно, что бисер перед свиньями метать. И, должно быть, видя ненависть и отвращение, написанные на моем лице, – эта мерзкая рыжая тварь все повторяла мне этак глумливо: не нервничай, не надо нервничать...

Они забрали большие (Монахова зачем–то напечатала листами А–4) фотографии декабрьского пикета “Ватана” по поводу меня (те самые, что в тот раз забыл Фрумкин). Я успел увидеть их лишь мельком, пока рыжая мразь их перебирала и просматривала. Забрали и все распечатки, что принес Майсурян (мать сказала потом, что там были материалы планируемой ребятами книжки обо мне, но также и переведенный Банчик на украинский мой текст о Голодоморе. Не знаю уж – распечатка с “Майдана” или просто письмо от нее, но в любом случае – увидеть это мне было бы безумно приятно и интересно.).

Второй из этих выродков злобно зашипел, увидев книгу о Петлюре. Первый вопрос был – не с Украины ли я. Главная тема возмущения, – что это такое, из Петлюры героя делают!.. А почему нет? – ответил я. Животное в камуфляже не нашлось что ответить (или не захотело).

"Мышление" этих существ как было первобытно–примитивным, так и осталось. Увидят книгу о Петлюре – "Ты что, с Украины?". Узнают, что я чеченцев поддерживал в русско–чеченских войнах – "Ты что, из Чечни?", Нет, ребята, я–то из Москвы, просто чеченцы – единственные, кто отважно и решительно стрелял по МОИМ врагам (не только по своим). А мои враги – это вы!

Сказали эти свиньи все то же, традиционно–банальное, – заберешь все (распечатки и фотографии) у Русинова. Еще после шмона с папкой моих (ватановских) фотографий сходил в "дом свиданий" – видимо, выговорить новенькой свиданщице за то, что пропустила ТАКОЕ... Пропустила она – так были уже начеку, на стреме эти... В то же время их блеф по поводу Русинова подтвердился полностью и окончательно: идя на свиданку утром, мать видела Русинова и говорила с ним. Он четко сказал, что изъятых на длительной свиданке 29.1.2009 книг и прессы у него нет. Да и зачем бы они ему?.. Одновременно он сказал и то, что его "полностью оправдали" по жалобе Шаклеина, не допущенного им ко мне еще в сентябре. Разумеется, его никто не судил, а, видимо, прокуратура просто отказала Шаклеину в возбуждении уголовного дела. В чем, кстати, тоже я заранее почти не сомневался; было бы удивительно, если при таком режиме по заявлению правозащитника дело против подполковника из ФСИНа все же возбудили бы... Ни Милютина же, ни Демина (нач. оперчасти) матери после свидания застать уже не удалось. Сейчас они с Женей Фрумкиным, должно быть, тащатся электричкой (4 часа в пути) в Нижний, и только к 6–7 утра будут в Москве.

А я остался тут, в привычном этом ужасе и кошмаре, среди нечисти и мрази как блатной, так и "мусорской", действующих в тесном симбиозе. Еще 751 день тут...

28.2.09. 9–32

Мой рваный баул с передачей вчера мы с "общественником" (а потом со стирмужиком, взявшимся помочь уже у самого барака) тащили на редкость неудачно: весь барак (вся шваль) был на "продоле" и во дворе, ждал выхода на обед. Хотя по тому, сколько времени я после шмона простоял еще возле вахты, ожидая этого "общественника", можно было подумать, что все уже давно в столовой. Но нет – барак чуть не до полтретьего стоял на улице, в самом бараке опять что–то шмонали "мусора"

(обычный их обеденный обход) – и тут премся мы с баулом. Разумеется, вся блатная и не блатная сволочь к вечеру сбежалась ко мне – клянчить и вымогать как на “общее” (ха–ха!), так и на свое личное. На “общее” таки пришлось отдать блок сигарет (но их хоть не жалко), да еще тому омерзительному блатному поросенку (чисто поросячье рыло уже в самой ранней юности) дать пригоршню сигарет, хотя настоящий презент для него – только пуля, как и для них для всех. Блатному “телефонисту”, про...вшему мой мобильник, – шоколадку, выклянчил–таки, сволочь. А сегодня с утра приперся и “запасной вариант” и выклянчил еще одну. Хороший, дорогой шоколад “Осенний вальс” (правда, жесткий, а не пористый, как я люблю), – можно подумать, моя мать специально для этих вонючих уголовников покупала его на последние гроши и везла сюда, за 900 км!..

А “телефонист” поведал, кстати, что комиссия нынешняя приехала именно из–за того, что на “промке” “спалилось” зараз 13 “труб”. То есть, она должна расследовать “коррупцию” среди “мусоров”, которые их носят, а уж никак не ходить по баракам. М.б., потому–то и нет в этот раз привычной уже культяшечно–каптерочной истерики...

Ну что ж, день только начался, – новый, сегодняшний день в этом плену и аду. Который уже по счету... Последний день зимы, между прочим. Что он готовит, что принесет мне, этот день? Ясно, что ничего хорошего. Дай бог, обошлось бы без истерик, без “культяшек”, каптерок, без речей и рукоприкладства шимпанзятины, без шмонов (нынче суббота, так что по–крупному, во всяком случае, не должны бы), и т.д. Но нервы напряжены, как всегда, как уже стало привычно, – напряжены мрачными предчувствиями и ожиданием любых возможных бед и проблем в любую секунду. Такой беспросветной, не дающей ни на миг расслабиться жизни (?) осталось мне еще ровно 750 дней...

18–56

В наглую подходят и вымогают, мрази этакие. Один – что–нибудь поесть, причем не для себя, а для шимпанзе! Эта тварь стесняется, видимо, подойти сама. :) Эх, жаль, яду нет у меня!.. Другой наглый блатной ублюдок, на эту сверхнаглейшую рожу меня тошнит даже смотреть, зам. обезьяны, – вспомнил о “долге” за телевизор –поборы по 500 рублей, которые они тут вымогали с меня еще в прошлом году. Тогда я как–то отвязался, но эти выродки ведь ничего не забывают, если можно сорвать хоть малейшую выгоду! Ух, наглые ублюдки, с каким наслаждением бы вас всех засунул в печь крематория, или газом перетравил бы!.. Хотя и речи нет на самом деле ни о каком моем “долге” за этот их гребаный телевизор, – просто у меня, как всегда, не

хватило мужества отказаться сразу и решительно, когда они начали вешать это на меня. Проклятая нерешительность, проклятый страх, вызванный зависимостью от их связи, как всегда, победили. Итого получается: там 700 рублей, здесь 500, плюс на свое “общее”и т.п. фантомы они будут вымогать весь месяц... А на стенде у кабинета отрядника только что повесили здоровый список длительных свиданий на март, и я в нем – на 27–28–29 марта. Почему–то я с нетерпением жду этого свидания. Все было (точнее, обошлось, – почти до проверки не вызывали!) тогда так хорошо, прошло так удачно... Мне кажется, что удачно должно все пройти и в этот раз. Тем более – весна! Завтра начинается уже календарная весна, а 27 марта она будет уже в разгаре! Это время – романтическое, самое лучшее в году, – март, апрель... Оно притягивает, и волнует, и манит даже независимо от того, что ты в плену, на зоне, оно ощущается лаже в 4–х стенах тюремной камеры!.. Вот если бы еще освободиться этой весной, а не через 2 года... Впрочем, и в 11–м году освобождение именно в это время, ранней весной, будет особенно приятным. Апрельское пьянящее солнце по утрам в окно – я застану уже дома...

Пока я писал об этих вымогателях–подонках – дозвонился Тарасов, прервал меня, и мы говорили с ним, пока не разрядилась “труба”.Все–таки забавно, что вымогаемая ими карточка на 100 рублей обернулась – хотя бы временно – большим улучшением и упрощением дозвона и связи со мной. :)

МАРТ 2009

1.3.09. 16–30

Первое марта. Воскресенье. Первый день весны... На улице тепло и метет мокрый снег, начавшийся после обеда. Тоска, пустота, непереносимая усталость, какое–то отупение и полное безразличие ко всему, включая собственную судьбу...

Шимпанзе орет и буянит целый день, постоянно кого–то разносит. От самого пребывания в одном помещении с этой безумной тварью делается нехорошо, испытываешь почти физический дискомфорт, постоянное нервное напряжение и чувство опасности. Теперь я понимаю стирмужика, который жаловался на постоянное “давление” в его присутствии. Пора бы уже! – как–никак, с 5 февраля, почти месяц уже тут, все никак не уберут, а ведь когда–то казалось, что уже сложилась эта закономерность: 2 недели в бараке – 2 месяца в ШИЗО. Уже и отрядник почти неделю как вышел, – и все ничего...

Теперь, когда появляется отрядник, оно начинает весь день ходить в столовую!.. :))) Сегодня отрядник приходил перед проверкой и, скорее всего, явится сейчас, к вечеру, и завтра утром на зарядку. А вчера вечером, после отбоя уже, эти блатные твари в конце секции стали вдруг вслух упоминать мое имя и фамилию и громко ржать. Скорее всего, это было связано с тем, что я не дал этим тварям жрать из своей передачи. Уже погасили свет, но я сел на шконке, прямо не скидывая одеяла, и стал прислушиваться. Эта бесхвостая животина, по–моему, назвала мое имя, сказала слово “покушать” (я в ответ на домогательства отвечал ее посланцам, что мне надо питаться самому) и – если я смог хоть что–то разобрать из этого лопотания на отвратительном, исковерканном русском языке, то оно приказало не давать мне телефон! Не знаю точно и не уверен, что расслышал правильно. Сегодня при встрече утром в туалете оно как ни в чем не бывало оглушительно–весело проорало: “Боря, как дела?!!” – но это ровно ни о чем не говорит. А вот того нового телефона, который появился после истории с карточкой “Евросеть” и по которому мать теперь ежедневно быстро дозванивалась – сегодня действительно больше пока не принесли! М.б., это потому, что от проверки почти до самого обеда в бараке сидел отрядник; м.б., “труба” и разряжена, – но факт остается фактом: пока что связи нет. Подождем, появится ли она до наступления ночи...

Сижу, читаю сборник статей Петлюры, купленный Тарасовым и привезенный матерью. И чтение само по себе достаточно интересное и полезное, – и отвлечься от грустных мыслей, от

ужаса окружающей действительности. От ожидания беды каждую минуту…

2.3.09. 9–37

Мать, оказывается, всего 2 раза после проверки звонила вчера на тот номер, но он был выключен. Я узнал об этом, связавшись с ней с запасного варианта, явившегося прямо сюда, в барак.

Отрядник вчера вечером не приходил, но явился сегодня утром на зарядку. Я уже ждал его, одев телогрейку и выйдя в холодный предбанник; да и многие выходили заранее. Но шимпанзятина выползла последней, явно им разбуженная, и появилась надежда, что на этот раз он все–таки ее законопатит, куда положено.

Еще до завтрака опять вырубили свет, его нет и сейчас. Вскоре после 9–ит утра “пробили” шмон–бригаду – на тот “продол”, 3–й барак, 10 “мусоров”. Раньше они по понедельникам обычно не шмонали. Тем временем обезьянья мразь вместе со своей блатной кодлой после завтрака не легли спать, как обычно, а принялись в своем конце секции буянить, ржать и орать (тоже как обычно). Эта мразь, их предводитель, заорал: “Наталика!”, – как он теперь издевательски называет самого работящего, покорного и больше всех вкалывающего “обиженного” бедолагу. То ли хотел что–то от него по хозяйству, то ли еще что–то, но потом, видимо, ему пришла в голову мысль развлечься своим любимым способом: потребовал, чтобы тот вошел как стремщик и крикнул: “Наш отрядник к нам!” – это должно было бы вызвать в спящем бараке панику, очень эту мразь забавляющую. “Обиженный” отказался, за что мразь немедленно разбила ему до крови нос. После этого он все же вошел и крикнул: “Наш отрядник на продоле!”. Паники это никакой не вызвало, что удивительно, т.к. даже я сперва принял это за чистую монету и лишь потом из воплей: “Я тебе сказал крикнуть: “Наш отрядник к нам!”, а не “на продоле”!” – понял, в чем дело.

В общем, здесь и утром совершенно невозможно находиться – это чистейший бандитский притон, разбойничий вертеп, – все бандиты собраны вместе и предоставлены самим себе; грабят и вымогают они постоянно, а могут и избить, и даже убить (зависит от интенсивности избиения). Нечисть, мразь, отребье, зверье, подлежащее безусловному уничтожению, а не содержанию здесь за казенный счет. Даже чтобы сделать запись в дневнике, когда они не спят, приходится выбирать время, оглядываться и прислушиваться… Жизнь среди бандитов и подонков, жизнь как сплошной, непрерывный, день за днем, год за годом длящийся кошмар…

21–43

Пока ходил сегодня на ужин (капуста и соленые помидоры), эти хитрые блатные мрази, оказывается, уже договорились за моей спиной, что меня – вместе с ними, естественно – пустят в ларек прямо сегодня вместо среды и я отдам им – даже и не обещанные мной, но почему–то считаемые моим долгом – 500 рублей. Потому что, как объяснил мне “доверительно” блатной “телефонист”, на “колхозе” у них пусто, и если сверху спустится “по(д)ложенец”, то им всем будет плохо.

Ну что ж, спорить бесполезно – если только уж идти на скандал и полный разрыв. Пошел, отдал деньги этому мелкому поросячьему блатному чму, которое пошло со мной (да поперся зачем–то еще один полублатной, да “общественник”). И СДиПовцы ларьковые их действительно пустили, хотя обычно не в свой день никого не пускают. А в самом ларьке кассирша “обрадовала”, что денег у меня на счету ровно столько, сколько и выходило по моим подсчетам, а не больше, как она по ошибке насчитала мне в прошлый раз. Из жратвы было все, даже паштет (вот только сока, по–моему, не было, но специально посмотреть я забыл), но я не стал ничего брать себе, стоять в очереди. Возьму в среду. На душе было так мерзко и противно, но в бараке стало еще хуже: не успели эти твари с покупками на мои денежки вернуться, как мелкий свин прибежал ко мне требовать жратвы для них – ларьковских “макарон”, в частности. А когда я отказал, то приперся зам. шимпанзе (“комендант общежития” :) выговаривать мне за это, и даже обещал эти три несчастных (он сформулировал этот же смысл матом) брикета макарон отдать в среду в ларьке. Три я не дал бы им в любом случае.

Обезьяну отрядник так и не закрыл, вопреки своему обыкновению. Она орет, вычитывая кому–то за что–то, и сейчас, хотя уже был отбой. Свет горит по–прежнему. Отрядник сидел и почти весь вечер – часов с семи до проверки, которую сам провел и ушел.

3.3.09. 15–03

Что–то больно хороший был обед сегодня – щи с курятиной (я съел) и макаронные изделия (ушки, которые я не ем в принципе) с курятиной же. С чего бы это? Уж не комиссия ли опять какая, пронеси господи?!. Пришел в барака – тут лазит ”мусор” (Окунь), а едва он ушел и я хотел заняться делами – вдруг опять почувствовал, что весь этот суп стоит в горле комом, не проходя дальше, и сейчас опять может начаться рвота, как было в начале января. Кое–как, с большими усилиями, все же я справился с этой пакостью, протолкнул ее дальше в желудок, после чего попробовал вызвать рвоту – нет, не идет, нечем. Слава богу... Но ощущение мерзкое и крайне неприятное; дома со мной никогда

не бывало такого, а тут – уже 2 раза (в августе 2008 и январе 2009).

Утром на улице был сильный мороз, градусов 15, не меньше – судя по тому, что нос у меня сам слипался. Но потом вышло солнце – и стало тепло, уже совсем не холодно стоять на крыльце без телаги. Весна... Осталось 747 дней. Да, удивительно еще и то, что нигде не было утром шмона, хотя я так и ждал "шмон–бригаду на продоле". Что ж, будет завтра, скорее всего.

На днях можно уже подавать документы на УДО. Прошли очередные полгода, 11 марта будет ровно 6 месяцев. Результат известен заранее; да и "устный выговор" от конца ноября, как сказал матери по телефону Милютин, так и не снят, – якобы его должен снять отрядник. Но от отрядника этого ждать бесполезно; да и характеристику он напишет такую же, как в прошлый раз; но и независимо от всех этих мелочей – результат действительно известен заранее; это ясно ну хотя бы по первому разу, когда и характеристика была хорошая, и выговоров не было... Мрази! Лицемерные мрази... Разрушение дотла, полное уничтожение этого государства – единственная приемлемая плата за все, что они со мной сделали...

4.3.09. 18–05

Среда, ларьковый день. Отдал–таки 250 рублей этой вымогательской нечисти – за доставку "трубы", которой еще нет и неизвестно когда будет. Больше, кажется, никому ничего не должен". До тех пор, пока не надумают купить еще какую–нибудь технику, затеять в бараке новый ремонт и т.д.

Ларек полностью восстановился – есть сок двух видов, паштет, карамель и шоколадные конфеты. Но все заметно подорожало: паштет и сок – на 2 рубля, а карамель – аж на 9! Так что бедный стирмужичок (которому стандартный набор: чай + карамель – будет стоить теперь целых 50 рублей) сегодня, после всех ожиданий и надежд, в полном пролете и очень этим удручен. :))

Уже несколько дней забываю написать о новом жильце в нашем проходняке, на многострадальной верхней шконке над вшивым дедушкой. Теперь там спит шнырь, бывший санитар из санчасти. Даун настолько ярко выраженный, с такой четкой печатью умственной отсталости на физиономии, что, увидев его самый первый раз в санчасти (когда на 2 дня клали туда из карантина с опухолью лба), я был просто в шоке. Его уже при мне раза 2 брали и выкидывали из санитаров; на бараке же его призвание – ставить чайники и мыть блатным посуду. Но большой плюс его – что он или занимается этим (больше по вечерам), или бродит где–то, или спит. Т.е. в проходняке, внизу,

он практически не присутствует, есть–пить тут, как некоторые прежние жильцы, не претендует. Очень хорошо, удобно и спокойно. Фактически мы со вшивым опять в проходняке вдвоем, как было в декабре: шнырь–заготовщик, спящий надо мной, ест – и вообще живет – в соседнем проходняке, с другой стороны от моей шконки. Да и тот или в беготне с чайниками, или лежит наверху.

Опять похолодало, сегодня даже днем солнце не нагрело и не растопило так, как вчера. Утром я успел выскочить заранее – и вовремя: к последнему упражнению зарядки явился “мусор”. Сейчас в бараке сидит отрядник, припершийся перед ужином. Придет ли он завтра на зарядку? Знать бы заранее… А я с тоской думаю о том, что после бессмысленного суда по УДО, отказ в котором известен заранее, придется ведь неизбежно получать это решение суда об отказе. То есть – идти в спецчасть, то бишь в штаб; точнее – не идти, а красться туда, рискуя физической расправой шимпанзе, тайком от всей этой блатной мрази…

6.3.09. 16–13

Башка начала болеть еще до обеда – и до сиз пор (правда, пока был на обеде и в ларьке, забыл – и она прошла). Шли на обед по “продолу” мимо бараков – поскользнулся и грохнулся; там безумно скользко, накатано тысячей ног за обед. Хорошо еще, помогли встать, подхватили под руки. Спина болела так, что еле смог встать со шконки и собраться на обед, одеть ботинки. Болит, когда случайно прижмешь, эта пакость на спине, которую наконец–то рассмотрел сегодня утром в бане. Здоровенная горошина, вся налитая кровью, такого прямо багрового, кровяного цвета, болтающаяся как будто на тоненькой ниточке – на кровеносном сосудике, видимо. Жуткая на вид штука, и реальная боль, когда ее прижмешь. Что будет, если оторвется, даже думать не хочется. Мать все боится, что может быть рак, – где–то когда–то слышала или вычитала, что все эти родинки и бородавки могут вызвать рак, если их сдирать… Вообще, омерзительное чувство собственной немощи, разбитости; развалина в 35 лет…

Хотя отдал 500 рублей этим гадам на их нужды, плюс блок сигарет – еще 180 минимум, – все равно продолжают клянчить “на общее”, “на крест”, “на БУР” и т.д. В основном чай и карамельки; в сумме они стоят уже 50 рублей, что немало. Да еще я, дурак, просчитался и выбил рублей на 20 больше, чем надо, – деградирует и мозг, не только тело; уже даже несколько двузначных цифр в уме правильно сложить не могу. Хорошо, как раз на эту лишнюю сумму там была пачка вафель – плохоньких, видимо, местного производства; но все же сладкие и с ванилью,

так что есть их можно. Да еще один из блатных уезжает на “пятерку”, так на проводы его выклянчили у меня еще пачку чаю (потом стали просить вместо нее конфеты, но уже не хватало денег). Зачем купил им? Сам не знаю.

Письмо от Мани Питерской пришло мне вчера аж нераспечатанным! Да еще и отдали прямо в руки, хотя это было заказное письмо, а не обычное. Видать, зауважали после моих жалоб и протестов по поводу переписки. :) Сегодня днем отправил ей ответ.

Усталость, тоска, потеря смысла существования... Домой я не вернусь уже никогда. Никогда не стану прежним после всего этого, пережитого. Собираюсь подавать на УДО – зачем? Знаю ведь, что откажут... “...Но что–то делать нужно,/Чтоб не сойти с ума.” Жить не хочется, да и незачем. Впереди 2 выходных – не будет шмонов и, очень надеюсь, не будет комиссий. Но расслабляться все равно нельзя ни на минуту. В понедельник с утра, к середине зарядки, припрется отрядник. Все известно заранее... Скучно так жить. Тоска... Кончается 107–я неделя, остается их 106 и 2 дня. 744 дня всего. Ровно 300 дней до конца года. Не дотянуть...

7.3.09. 15–35

Какая–то новая истерия овладела всей этой барачной нечистью: убрать все лишние вещи! Блатной чмошник–поросеночек ходил и распоряжался, – лично мне, например, велел “убрать телагу”. Я вынул из рукава шапку и шарф, из кармана блокнот – и повесил ее в раздевалке; до ужина, думаю, не пропадет. Уже пошли разговоры о какой–то комиссии. Но “сидора” пока не волокут в каптерку. А 3 ключника–каптерщика даже вышли дружно гулять на улице. Похоже, все дело не в комиссии, а в бешеном шимпанзе, которое тут командует при полном попустительстве быдла, – как и во всей стране от веку, впрочем. Это животное сегодня на моих глазах лазило зачем–то в проходняк блатных обиженных” (лазит оно туда часто) и возмущалось тем, как “воняет”. А перед обедом орало, что, мол, надо убрать все (!) вещи, а то, мол, даже на обед уходят, а вещи висят, и “воняет, как дальняк”. (Вот сейчас, пока пишу, опять в конце секции кто–то орет: “Убери шмотки с дужки!”.) Видимо, в этом капризе данного представителя отряда приматов все и дело, ни про какую комиссию никто официально (в “культяшке”) не объявлял.

Ну, до ужина ладно. Ну, потом можно повесить и с внутренней стороны шконки, хотя не очень–то удобно. И что? Дальше, все 2 года, так и жить? Нет! Эта мразь и нечисть уйдет в начале осени, так что следующую зиму все равно будет полегче.

Второе такое уж не появится, я надеюсь. Эту, большую “телагу”, собственно, уже можно убирать, а вместо нее доставать ту, вторую, полегче, которую оставил ушедший “ночной”. Она и места занимает меньше.

Но пока эта мразь бесится, лютует, просто пеной исходит из своей пасти, и постоянно кого–то бьет. Звуки ударов, несущиеся под разъяренное лопотание и крики шимпанзе из конца секции, стали привычным явлением. И сегодняшняя “уборка лишних вещей”неоспоримо свидетельствует еще раз: расслабляться тут нельзя ни на минуту, ни на секунду, ни в выходные (сегодня суббота), ни в будни.

На улице уже достаточно тепло днем, хотя с утра был приличный мороз. Весна...

8.3.09. 9–26

Воскресенье, да еще “праздничек”, но с утра врубили зарядку. Я был поражен, случайно (!) услышав ее через окошко. “Мусора”, правда, до нас не дошли. А вот ужин сегодня, вне всякого сомнения, будет на час раньше – “по выходному”.

Спина адски болела большую часть дня вчера и болит сегодня. Справа, не по центру; когда долго сидишь, пишешь или читаешь, согнувшись, на шконке – потом невозможно ни встать, ни сесть; адские боли, когда уже встал и идешь, – прихватывает так, что, если не ухватиться рукой за стену или за что–нибудь еще, можно упасть. Зато бородавка на плече стала поменьше, кровь из нее вышла, а вокруг какая–то засохшая корочка, как будто поцарапано было. Сдирать ее я не рискую.

Пока проверял одежду на вшивость после завтрака и думал, ЧТО написать, – можно было еще (и хотел) написать, что все спят. Но взял тетрадь – и услышал резкие гортанные звуки из того конца секции. Тварь проснулась!.. Блин!.. Начинается веселый денечек... Дай бог, чтобы обошлось только одним выносом телогреек, как вчера...

Осталось мне здесь ровно 106 недель, 742 дня.

19–02

День прошел более–менее спокойно, без особых эксцессов. Ужин, да, был в 4 часа дня. Перед ужином, правда, эта блатная нечисть, собравшись в углу у шимпанзе, пробовала издеваться надо мной, крича мне оттуда и зовя якобы “к телефону” (один из этих выродков практикует время от времени такую “шутку” именно надо мной еще с осени 2007 года). Но я уже знаю, кто и каким голосом это орет; да и сама последовательность криков хорошо выдавала, ЧТО именно нужно этим мразям на самом деле. Голосами как будто перепившимися по случаю “праздника” (вполне может быть, хотя брагу вроде бы последнее время не

гнали) реплики следовали в таком порядке: “Боря Стомахин!!”; другой, тише: “Шоколаду!!”; тот же, опять громко: “К телефону!!!”; чуть погодя, тише: “Кто сказал, что в бараке нет сладкого?! (Громко) Боря!!! Стомахин!!!”. И т.д. Захотели, видишь ли, нажраться шоколаду за мой счет; когда блатным что–то нужно из жратвы – у кого же и взять, как не у Бори Стомахина? Ему мать покупает с пенсии и привозит за 900 км специально для блатных 13–го барака…

А так (пока что; день ведь еще не кончен) все более–менее спокойно. На улице опять холодно, весь день валил снег и дул сильный холодный ветер. Хорошо только то, что этот снег засыпал скользкий–прескользкий “продол”, стало гораздо легче ходить по нему. С крыши барака, покрытой снегом, свисают после оттепели длиннющие сосульки, достающие до окон второго этажа. Блатная сволочь испугалась, что они упадут на нее – и теперь, уже дня 2, на проверки отряд строится опять на футбольном поле напротив барака, как было прошлым летом. Но сосульки не падают и не упадут, пока не будет настоящего тепла.

Вокруг луны вчера вечером был (уже 2–й раз тут вижу) большой, светящийся круг. Скоро, в конце марта, как раз во время длительной свиданки, надо будет переводить часы на летнее время.

9.3.09. 9–20

Зарядку сегодня утром не включили. Отрядник не пришел, хотя я, как дурак, одел телагу и вышел его ждать; но увидев (услышав), что зарядка не воет и не скрежещет, зашел обратно. На завтрак яйцо уже не дали, хотя день считается выходной, – только гороховую размазню.

Самая забавная и одновременно радостная новость – та кровяная бородавка на моем плече, один слух о которой так перепугал мать, вчера отвалилась сама. Последний раз щупал – она была уже сжурившаяся и вся покрытая коркой, как будто кровь выходила прямо через кожу. Держалась едва–едва, словно на тончайшем волоске, но все же оторвать я не решился, хотя соблазн был огромный. И вот – ложась спать, полез рукой еще раз пощупать, а ее нет!! :))) Отлично!

Еще одна приятная новость – вчера вечером, перед самой проверкой, дозвонилась из Питера Маня, по новому, “евросетевому” телефону. (К вопросу о пользе покупки телефонных карточек для блатных. :)) Поговорили. Я вспомнил после ее письма, что ведь там, в дневнике за январь–апрель 2008, который ей недавно переслали, есть и о ней – после того нашего ночного разговора в марте 2008. Что ж, она молодец, и ее звонки всегда у меня вызывают искреннюю радость, и пусть она знает об

этом. Она сказала, кстати, чрезвычайно интересную вещь: оказывается, где–то в инете уже висит здоровенный список (пунктов на 300, если я правильно понял) всяких книг, прессы, даже отдельных страниц с разных сайтов, признанных по суду “экстремистскими”. И – с чего зашел об этом разговор – там, в списке, есть “Радикальная Политика”, тот 3–й номер за 2006 год, который в том (2008) г. признал “экстремистским” какой–то райсуд в Нижнем. Это большая честь – быть в их списках, хоть “экстремистских”, хоть “черных”, хоть на физическое уничтожение, :) даже если из всей газеты туда попал всего один номер.

10.3.09. 9–39

Шмон на 3–м. Причем “пробили” шмон–бригаду на большом” ровно в 9 утра – еще даже до “пятиминутки” у начальника зоны. И это уже 2–й раз – до этого шмон на 3–м был 2–го марта. Пришедший оттуда парень говорит (я сижу через 2 проходняка), что это уже и 3–й раз за короткое время. Это, разумеется, не просто так, это – месть. Месть за какие–то обнаруженные, но не отданные “мусорам” телефоны, что ли, если я верно понял этого парня. Разумеется, частые шмоны в одном месте никогда не бывают просто так, это всегда месть за что–то, способ потрепать нервы. Так же, как и “мой” шмон на вахте после короткой свиданки, о котором очень неплохо написала на “моем” сайте Е.С.

Подонки, захватившие осенью соседний проходняк, вчера опять вспомнили свою идею “переложить” меня, как они разогнали и “переложили” тут уже всех соседей. Самый младший из этих ублюдков, узнав от чуть более старшего (конченный бандит; только расстрел, никаких церемоний!) о том, что я уже раз отказался, сам стал выпытывать у меня, почему я не хочу поменяться местами со вшивым дедушкой, моим соседом, чтобы он лежал на моей отдельной шконке (типа, от него вши тогда не доползут до соседей), а я – бок о бок как раз вот с этим юным наглецом. Когда я решительно отказался переезжать ради его удобства, он стал грозить, что меня “переложат по–плохому”, т.е. насильно. Ну да, позовут бешеное шимпанзе, эту свою (до сентября) “тяжелую артиллерию”, вполне такое может быть. Мрази. Ублюдки. Полный барак ублюдков. Пока что свою угрозу они не осуществили, но она вполне реальна, и начеку надо быть не только по поводу вещей, но и спального места. Придешь, скажем, с длительной свиданки – а тебя уже “переложили”, матрас скрутили, все твои вещи выкинули...

Вшивый дедушка, между прочим, за прожитый напротив него год с лишним стал раздражать меня все больше и больше. Курить прямо мне в лицо, когда я ем или пью чай, я его вроде бы отучил,

хватило нескольких замечаний. Но свои тапки, укладываясь на шконку, он так просто, наивно оставляет прямо посреди проходняка, который по ширине Уже, чем мои плечи. Приходится мне самому задвигать их под его шконарь, а когда уж слишком одолеет раздражение – то просто запинывать. Потом, он пАлит! Как называют зэки слежку, высматривание чего–либо, и т.д. Он сидит напротив меня на шконке, молчит и внимательно наблюдает за всем, что я делаю, что я достаю – будь это банка консервов на ужин или тетрадь с дневником. Внимательно, неотступно наблюдает, сидя и даже лежа, пока не заснет. Я молчу, но, по правде говоря, раздражает это ужасно. Я каждый день, месяц за месяцем, год за годом делаю одно и то же, по заведенному распорядку дня, в одно и то же время достаю одни и те же предметы, хлеб, колбасу, режу ее, достаю лапшу и консервы, лезу в баул, и т.д., а если пишу что–то, то все равно он не может прочесть (видит одним глазом, и то лишь в очках, да и то только если сам залезет в мой баул или под изголовье, где лежат все бумаги). Но он наблюдает пристально и неотступно за каждым движением. Даже когда я берусь рукой за второй ярус его шконки у него над головой, чтобы подтянуться и встать (позвоночник болит, без этого я встать не могу), он каждый раз вслед за моей рукой поднимает туда глаза. Я берусь рукой за эту шконку год, 2 месяца и 11 дней, но он все равно каждый раз поднимает глаза вслед за моей рукой…

Тоска, ужасная безысходная тоска – просыпаться каждое утро тут, в опостылевшем, всю душу мою растоптавшем и вымотавшем бараке. Уже 3 года сижу, и все никак не могу смириться… Тоска, отвращение, желание умереть, отдать все, и саму жизнь, только бы этого всего не видеть. Жизни не жалко, потому что, пройдя эти сточные канавы, вывалявшись в этом дерьме, стал сам себе противен. Возмужал, да, и если это до конца выдержу – закалки и выдержки прибавится на дальнейшие испытания. Но тошно и тоскливо тут до такой степени – словами это не описать. Постоянная опасность, постоянное нервное напряжение, угроза потерять все – вещи, место, связь, деньги со счета… Жизни в этом доводящем до нервного истощения тоскливом ужасе осталось еще ровно 740 дней (если не намотают чего–нибудь еще). Как только придет отрядник – пойду подавать ему документы на отказ в УДО.

11.3.09. 9–06

Не комиссия – так прокурор! Час от часу не легче… Вчера приезжал суд по УДО, как обычно, и в этом суде, тоже как обычно, принимает участие прокурор. Суд этот кончается обычно к 12 часам, к проверке. Так вот, уже где–то полвторого главный

провокатор барака, зам. шимпанзе, вдруг крикнул, чтобы убрали все “лишние вещи”: мол, прокурор вышел в зону и сейчас пойдет по баракам. Ага, как же!.. Тем паче, что у штаба стрем точно не стоит, а с бараков выход прокурора никак не увидеть. Но, конечно, началась, как всегда, паника и вынос “сидорОв”. Я, как обычно, быстренько расстелил красное одеяло (все движения уже отработаны. Продуманы, просчитаны), засунул под него баул со жратвой (слава богу, уже где–то на треть разгруженный), телогрейку вынес в раздевалку. Шимпанзе быстро подключилось к командованию и, вместе со второй здесь по агрессивности блатной тварью, пошло по секции с инспекцией, бешено вопя при виде любой висящей тряпки – убрать, не важно, твоя, не твоя, – ВЫ ЖЕ ЗДЕСЬ ЖИВЕТЕ!!! Убойный аргумент!.. То есть, если отлучишься или зазеваешься, любой сосед по их приказу уберет или выкинет твои вещи, потом ищи их... Вторая мразь орала: что вы оставляете “сидорА”, уберите их в каптерку, потом заберете, а то я сейчас скажу их выкинуть!!! Кому он скажет? “Обиженным”, кому же еще, кто еще здесь ему беспрекословно подчиняется. Т.е., если отойдешь от своих баулов и их обнаружат – вполне могут и выкинуть; впрочем, я это знал всегда. Ну, положим, дальше “локалки”, а еще точнее – помойной бочки у двери барака, они не выкинут, но сам факт... Чердака, как на 5–м было, чтобы засовывать баулы туда, здесь, слава богу, нет.

Нервы, нервы, нервы... Состояние постоянно “ на взводе”, и выносить его очень тяжело. Слава богу, эти блатные твари мои баулы не обнаружили, не выкинули, а сами со всем бараком пошли на обед. Вернулся, лег, полежал, поговорил с соседями, съел компот баночный (из передачи). Было ясно, что прокурор не появится. Лежу. Вдруг приходит “общественник” и говорит: тебя вызывают в 5–й кабинет. Еще новость! Не прознала бы вся эта кодла... Иду, одеваюсь. “Козел” лежит на шконке и говорит: “Ты разве один не дойдешь?”. Конечно, дойду, так даже еще лучше, – нафига мне лишний свидетель для блатных.

Иду, захожу в 5–й кабинет. Сидит это чмо Агроном (майор Степанов) и прокурор – тот самый, Овсов, который дважды выступал против моего УДО на судах в 2008 г. Оказалось, он привез с собой жалобу моей матери по поводу запрета (де–факто) книг, которую она отправляла в Нижнем проездом со свиданки 27.2.2009 домой. Дошла, оказывается, жалоба, а то мать все хотела узнать ее судьбу и не могла дозвониться в это Сухобезводное.

Короче, он просто хотел взять с меня обычное объяснение, как всегда в прокуратуре (в ноябре 2003 по тому делу, за которое сейчас сижу, тоже...), и написал его сам, задавая мне вопросы по

жалобе матери, лежавшей перед ним на столе. Я подтвердил ему все эти факты и еще накидал дополнительно от себя, – и про письмо Приведенной с брошюрой, и про похищенную вторую книгу Айдара Халима, и т.д.

В середине разговора в кабинет вошел какой–то здоровенный, уже немолодой, с проседью, татарского в целом вида, одетый в зимнюю спортивную куртку и джинсы. С прокурором они, как старые знакомые, чуть не обнялись, здороваясь, и тот, незнакомый, сказал прокурору нечто вроде: ну, я тебя тут подожду.

Сидел, молчал, а когда я, уже подписывая прокурорское объяснение, стал подробнее говорить про книжки Халима, вдруг сказал: ну да, он одну мне прислал, а одну тебе. Только так я и понял, что это был Милютин, начальник зоны! Абсолютно незнакомое лицо, ни разу, по–моему, за год и 8 месяцев я его тут не видел.

Письмом Халима, где упоминаются 2 посланные мне книжки, это прокурорское чмо заинтересовалось (пока он писал, я смотрел на его седую голову и очки – и думал, что вот хорошо бы, действительно, выволочь его за ноги из его кабинета, поставить к стенке и расстрелять. И что с ним будет, какая у него будет физиономия, когда к его голове приставят ствол. Сами, лично, без своих бумажек, мундиров, кабинетов и подразделений ОМОНа эти твари очень трусливы, когда их вдруг берут за жабры. Словом. Представлял себе с участием этого старого хорька картины в духе “культурной революции” в Китае, или описанный Корчинским “наезд” УНСО на одесского прокурора прямо в его кабинете в 1993 г. Тот тоже был вне себя от страха… :) и послало меня принести ему это письмо, если оно у меня сохранилось. Я пошел, хотя 2–й раз тащиться в штаб мне очень не хотелось – по причинам “блатным”. Пришел в барак – все, включая шимпанзе, как раз выходили на ужин, я лоб в лоб столкнулся с ним в дверях. Ничего не сказало и не спросило. Потом – я шел обратно мимо столовой, все были внутри, но эта банда блатных стояла на площади, вне столовской “локалки”. Но, слава богу, и тут никто ничего не спросил, не крикнул, и я дошел благополучно.

Кончился разговор стандартными тупыми (солдафон, типичный Скалозуб) “наездами” Милютина на правозащитников – как конкретно Е.С. и Шаклеина, так и вообще. Даже Сахаров для него оказался не правозащитником, а только создателем известной бомбы. Но упоминанием Нобелевской премии Сахарова 1975 г. я сумел его заткнуть. :)

Прокурор под конец спросил, сколько мне осталось сидеть; я сказал, что 2 года, т.к. УДО мне не предоставляется, и напомнил

ему предыдущую встречу в этом же кабинете полгода назад. Он понес обычную околесицу (точнее, они оба): что я могу подать еще раз, а решает суд, и в каком порядке ходатайство об УДО подавалось раньше, в каком теперь, что бывали случаи, что и 5 раз оказывали, и т.д. и т.п. Прокурор спросил, есть ли у меня взыскания. Я сказал, что есть, и, поскольку он мне напомнил, спросил Милютина, снято ли хоть одно. Он сказал, что 1–й выговор таки снят, предложил зайти к Русинову, пусть тот покажет в личном деле. А 2–й, устный, он, мол, не имеет права снять, а только начальник отряда, который его и наложил. На мой последний вопрос, будет ли вообще как–то принято во внимание, что рапорт Одинцова, по которому это взыскание наложили, был чистой ложью, вразумительного ответа получено не было, и я распрощался с ними. По баракам прокурор так и не ходил. :)

Я успел рассказать все это подробно и под запись матери. Но бурный день еще не был кончен; на улице перед самой проверкой подошел блатной “телефонист” и сказал, что, мол, “мусора” угрожают “положенцу” большими неприятностями для барака (как я понял) если меня не лишат связи вообще. Но он, мол, телефонист, такой герой, молодец и честный человек, что и против “положенца” не побоится пойти, все равно будет давать мне свою “трубу” (правда, постоянно сидя рядом при разговоре), но для отстаивания моих интересов перед “положенцем”, шимпанзе и прочими начальничками я должен “уделять” на их чайно–карамельный “колхоз” рублей по 200–300. Остановились на 200, и я несколько раз подчеркнул, что хочу, чтобы по ходу дела эта сумма не увеличивалась. Но все равно – было заведомо ясно, что все это ложь и блеф. После последнего текст на “моем” сайте о “Рыжем” и шмоне после свиданки – “мусора” действительно могли озвереть и потребовать лишит меня связи. “Положенец” – непроходимый трус и дурак, ничтожество, всегда готовое поддаться на шантаж и пожертвовать интересами моими и моей больной матери. Но что уж точнее и несомненнее всего – так это то, что “телефонисту” просто понравилось меня “доить”, он увидел, что деньги у меня есть, что от связи я достаточно сильно завишу, и под предлогом ее отстаивания от (якобы) запретов “положенца” можно трясти с меня одну крупную сумму за другой. Банальная разводка. Но, тем не менее, прекрасно осознавая это, я на нее все же согласился, ибо выхода у меня нет.

А мерзкий и наглый “евросетевой” вариант передал мне вчера вечером привет от “запасного”, с которым он дружит и который просил меня зайти. Зашел сегодня утром – перед завтраком и, получилось, вместо него. Хотелось прежде всего узнать судьбу 5 тысяч, отданных этой швали матерью. Он сказал,

что “труба” куплена и лежит в Москве, но сейчас ее сюда “тянуть” нельзя и не надо: нет “дороги”, вводятся “ограничения” на “трубы” (блатные по баракам собирались, пересчитали все наличные “трубы”, “постановили” оставить несколько на барак, а остальные “отогнать” на “святые места”). Начал “кошмарить”: ожидается со дня на день страшная комиссия; кто–то прямо из зоны “сливает” всю информацию обо всем “движении” в зоне прямо в ГУИН (якобы из–за этого и забирали “лишние” “трубы”, а тот, кто отказался бы отдать, был бы сильно избит и стал бы считаться “сукой”, сливающей эту информацию в ГУИН; точнее, на нем было бы это “подозрение”); “хозяин” где–то недели 2 (точно не сказал) назад дал “положенцу” месяц на нормализацию обстановки в зоне (подъемы, зарядки, отбои, походы в столовку, и пр. и пр.), а иначе обещал ввести в зону ОМОН, который недавно уже тут был и даже хотел зайти под “крышу”... В общем, набор ужасов, стандартный и заезженный до того, что за год и 8 месяцев я лично уже перестал его бояться. В конце концов, ОМОНом они бить не посмели даже год назад, когда 8.2.08. тут был “кипиш”, битье СДиПовцев и уничтожение их будочек.

Пока пишу, уже говорят рядом: комиссия. Опять комиссия!!! Ну что ж, надо срочно стелить красное одеяло...

10–29

Что ж, застелил быстро, баул со жратвой убрал, отдельно сложил жратвы на 2 дня. Дело уже привычное... Каждое утро теперь, вставая и складывая еще затемно одеяло, я думаю о том, не придется ли его сегодня расстилать... Провокатор уже не спит. О комиссии знают уже даже “обиженные”. Да и вчера ночью кто–то говорил, что на 3 дня приехала. Как обычно... Ждем пробуждения зэков и предпроверочной истерики, выноса “сидорОв”, мата и угроз шимпанзе, и пр. и пр. Тоска, смертная тоска и отчаяние охватывают от этой уже знакомой перспективы. Когда же конец всему этому? Еще целых 739 дней...

15–30

То понос, то золотуха... Вечно что–нибудь случается... Про комиссию не орали, баулов не выносили, проверка прошла спокойно. После нее “телефонист” пришел ко мне с телефоном, я позвонил матери (которая уже звонила на его новый (!) номер, откуда–то узнала) и Е.С. (этот хмырь решил просить ее на моей старой “симке” поменять номер, для этого нужны ее паспортные данные. Типа, ему кажется, что она прослушивается, и т.п., хотя, как справедливо заметила Е.С., прослушать можно любой номер. Заодно наконец–то вспомнил и спросил ее, найдут ли мне адвоката (м.б., Трепашкина) на новое УДО.).

И пока я разговаривал, а хозяин “трубы” сидел на корточках

на шконке напротив меня, – прорвало вдруг трубу в каптерке! То все несли “сидорА” туда, а теперь кинулись и понесли оттуда! :))) От одной этой метаморфозы, глядя на нее со стороны и философски, можно было помереть со смеху! Лампочка в каптерке почему–то “накрылась” (позже принесли от завхоза другую, на время); вещи, висевшие в сушилке, облило грязной водой (в том числе постельное белье стирмужика, – из белого оно стало темно–коричневым :)))), из темноты валил густой пар; подбежавшее шимпанзе, как обычно, морщилось и орало, что “воняет как туалет!” (чувствительное какое! :)). В общем, веселье продолжалось. И в разгар этой беготни и пара кто–то кому–то (стремщику) крикнул нечто вроде: пойди узнай, где там прокурор! Как?! Неужели он еще не уехал?..

После обеда с этим вчерашне–сегодняшним гнусным вымогателем–“телефонистом” пошли в ларек – отдавать ему (на “общее”?) мои 100 рублей, на которых он, по его словам, сговорился с шимпанзе, что будет давать мне “трубу”. 100 на этот, плюс к уже отданным 2–го марта 500–м; а на следующие месяцы – 200. Реальная цена ежедневной связи для меня здесь, в условиях враждебности как “мусоров”, так и до смерти их боящегося “положенца”...

Заходили в “локалку” ларька – навстречу нам из штаба вдруг вышел вчерашний прокурор Овсов вместе с Агрономом и еще каким–то чмом в форме. Я специально остановился во дворе ларька – посмотреть, куда они пойдут, хотя был уверен, что к вахте. Ничего подобного, они поперлись вглубь зоны! Вот уж не ожидал!.. Но тут уж, как говорится, своими глазами увидел, и не верить им было бы глупо.

Отдал чек в 100 рублей, этот хмырь тут же отдал его “провокатору”, пришедшему туда еще до нас. Тот, прямо передо мной в очереди (впрочем, человека 2–3 всего) стал покупать на них рулет, конфеты, пакетный чай и т.п. На “общее”, ага! Как же, как же... Верим–верим!.. :))

Пошли “домой” в барак, только зашли в калитку на “продол” – навстречу нам оттуда выходит прокурор с одним из “мусоров”. Я спросил у первого же СДиПовца (кстати, все они сегодня с утра в красных повязках с надписью “СДиП” – очень плохой признак; верный признак комиссии или чего–то еще в таком духе), куда именно он тут лазил. Оказалось – на 12–й и 8–й, больше никуда. Захожу в барак – все спокойно, все “шкерки” и перегородки между шконками висят на своих местах; главное – моя одежда, которую я перед уходом не снял и не убрал (кто же ждал этого прокурора 2–й день!..), висит на месте! Я–то боялся, что ее, согласно вчерашнему рецепту шимпанзе, снимут и куда–нибудь денут, –

нет, обошлось.

Пришел, вытащил продуктовый баул из–под своей шконки (с большим трудом, как всегда, – он цепляется за крючки), выложил покупки, поел. Когда пришел. В сушилке что–то сваривали, видимо, в связи с прорывом трубы; во дворе, у входа, стоял уже знакомый мне сварочный аппарат, внутрь тянулся провод. Поел, пошел выбрасывать корки в туалет, – оказалось, он опять забился, в нем потоп, не войти. О–о, давно потопа не было в туалете!.. Проклятая страна, все в ней через жопу, то понос, то золотуха, то туалет затопит, то трубу прорвет. И все в один день...

Не в тему, но пока помню: вчера узнал, что у блатных, в их “маленькой секции”, уже 2 новых чайника. Один – тот круглый, белый, стоит наверху; 2–й, как мне сказал видевший его шнырь, они прячут в тумбочку. Слава богу, хоть не будут теперь приходить и требовать мой, который, увы, и без того уже еле работает, – контакт в соединении шнура с чайником пропадает, и нужно менять положение провода, включать его через другую сторону чайника, чтобы ток шел и лампочка на ручке горела...

Очень хочется надеяться, что это уже все испытания на эту неделю, не будет больше ни прокуроров, ни комиссий, ни шмонов (сегодня, кстати, их нигде не было). Но, увы, на спокойствие надежды мало, даже до выходных, а расслабиться тут нельзя ни на секунду...

12.3.09. 9–27

Осталось описать за вчерашний день лишь “вечер трудного дня”. Впрочем, ничего особенного: перед ужином приперся отрядник. После ужина я сразу пошел к нему подавать документы на УДО. Он заставил прямо в его кабинете переписать ходатайство в суд: там стояла дата 10.3.09., и он заявил, что 11–го числа с такой датой он принять не может! Я долго сидел в его кабинете, не столько переписывал эти 10 строчек, сколько разговаривал с ним. В основном разговор шел на больную тему: о письмах и книгах. Оказалось, прокурор и с него тоже взял вчера объяснительную, причем отнесся так (мне очень смешно было эти жалобы слышать :)), как будто отрядник эти письма украл, вместо того, чтобы вручить мне. :) После этого они придумали следующее: с этого дня (11.3.2009.) все приходящие мне письма, и простые, и заказные, будут записываться в специальный журнал (большая общая тетрадь) и при получении каждого из них я должен буду ставить число и роспись. Понятное дело, что эта мера никак не гарантирует о того, что некоторые письма будут опять перехватываться, не доходя ни до самого отрядника, ни до его журнала, ни до меня. Собственно, в том, что это так и будет, сомнений нет: под конец беседы отрядник спросил, показывать ли

мне акты изъятия писем, если такое изъятие в будущем будет происходить. Я ответил, что, конечно, показывать, так я хоть буду знать о судьбе этих писем, но лучше мне приносить сами письма, а не акты об их изъятии. Когда зашла речь о книгах, эта скотина пыталась прищучить меня статьей УИК о том, что з/к может иметь при себе только какое–то ограниченное количество книг, и была очень удивлена тем, что я не храню всю эту библиотеку при себе, а отдаю матери, которая их увозит.

Позвонил после этого разговора Тарасов; потом, когда отрядник уходил, пришлось, естественно, прерваться; а после этого я быстренько позвонил матери и успел все эти свеженькие новости рассказать ей. Надеюсь, сегодня все это уже будет опубликовано.

Что ж, начался новый день, четверг. Время 9–45. Ждем комиссию! :)))))))) А может быть, и шмон (вчера вроде нигде их не было, но сегодня тоже “режимный день”).

19–45

Ну вот все и определилось! КГБ, даже локальное, зоновское, как всегда, действует руками уголовников. Только что приходило какое–то незнакомое мне плюгавое чмо – видимо, с 10–го барака, вызвало меня на разговор в раздевалку и сказало: я знаю, что ты пишешь жалобы, кроешь “мусоров”, так вот, пиши про всех, только Демина не упоминай. На мое резкое возмущение, что именно из–за Демина (нач. оперчасти) у меня все проблемы – чмо заявило: если будешь продолжать, то просто у тебя не будет телефона; подумай. Да, и предложило подняться на 10–й, к “положенцу”, но я от общения с этой харей отказался. Таким образом, ясно теперь не только то, КТО именно показал этому “положенцу” в прошлом сентябре мое “грузинское” письмо, но и чьей вообще креатурой является этот “положенец”. На оперчасть, как всегда, и работают все самые блатные из блатных. Видимо, в связи с жалобой матери о книгах и моими объяснениями прокурору тот потревожил и Демина – объяснительную потребовал, или что еще похуже. Тот разозлился – и решил мне отомстить доступным ему “неофициальным” способом, через блатную нечисть, неявно работающую на него, им опекаемую – и одновременно контролирующую все вопросы сотовой связи в зоне...

13.3.09. 10–59

На улице с утра опять мороз, довольно сильный, и держится до сих пор. Небо почти ясное. “Мороз и солнце...” Вернулся только что из бани (пятница). До ухода успел (не ожидал, что смогу так рано) сообщить матери про вчерашний инцидент. Асимметричный ответ Демина, так сказать. Мать, как всегда,

плохо слышит и половину не понимает, а говорить приходится в присутствии хозяина телефона, внимательно все слушающего. Очень неприятно.

Затишье: часть в бане, часть еще спит. Командовать и буянить они начнут позже – после проверки, а особенно к вечеру. Прокурор, кстати, и сегодня, по всей видимости, здесь, т.к. у одного из з/к сегодня суд по смене режима на поселок. Но сегодня пятница – есть надежда, что эта сволочь пораньше уедет, в бараки опять не попрется, баулы прятать не придется. Трусливые твари!.. На них любой "мусор" чуть прикрикни, нажми – и они мать родную продадут, и пойдут в самое позорное, холуйское услужение, на брюхе поползут... А СДиПовцы все это время, кстати, так и ходят с красными повязками.

Очень мешают и беспокоят гноящиеся язвы внизу левой ноги. Сегодня посчитал их в бане – 10 штук!

14.3.09. 9–30

Пришел вчера из бани, лег – и дикий озноб колотит, никак не могу согреться. Все открыто, да, но даже зимой, при открытой двери не было так холодно. Потом дошло: температура! И точно, стало гореть лицо и уши. А надо переться на обед. Перед самым обедом, когда я уже одевался, явился вдруг этот мой "запасной вариант", сука, и стал просить дать ему "в долг" 200 рублей ларьком, а точнее – купить на них 4 пачки чая и 4 шоколадки. Зачем я это сделал, сам не знаю, – пошел, купил, ему занес (а его еще и в бараке не было, попался мне навстречу с другими такими же возле ларька). Мразь!.. И я идиот слабовольный, трус! Не хватило духу сразу и резко отказать!.. Как же – вдруг еще пригодится на тему связи... Но это еще не все: там, в ларьке, поросячье блатное чмо стало тоже выклянчивать шоколадку или, на худой конец, рулет. На шоколадку мне рубля не хватало, а на рулет (на 2 р. меньше) – как раз, плюс еще погасить 1 рубль долгу с прошлых времен. И вот – купил и отдал этой мрази! Вместо того, чтобы взять себе. Сам себе я был в этот момент так омерзителен, так гнусно на душе (да еще "телефонист" постоянно терся рядом, смеялся и шутил весьма тупо), что впервые за ровно (!) год и 8 месяцев в этой зоне забыл в ларьке свою палку. Спохватился только уже поравнявшись с ЛПУ, за первыми от вахты воротами, и с тяжеленным мешком пришлось переться за ней назад.

Пришел "домой" с двумя буханками хлеба, но при явной температуре даже боялся начинать есть – вдруг опять все станет комом в желудке и начнет рвать, как в январе! Но потом, уже полчетвертого, все же решился, поел хлеб с ларьковским же паштетом, запил соком, – вроде ничего, все нормально.

Делал этому тупорылому “телефонисту” жалобу, которую он собирается отправлять куда–то по инстанциям, обо всех безобразиях, творящихся в зоне, – барак, столовка, баня, и т.д. и т.п. Докопался до меня, чтобы я под эти факты искал ему в УИК нарушаемый администрацией статьи, ну и отредактировал заодно. Под это дело дал мне таблетку парацетамола, и вроде бы температура прошла, но было какое–то общее слабое, болезненное и странное состояние, – как будто бы я озираюсь по сторонам и никак не могу понять, где же я нахожусь. Но это было уже после ужина. А до ужина я провалялся с температурой, пытался было заснуть, но не заснул; и такое омерзение, такая ненависть к себе и ко всему окружающему душила – и за эти напрасно потраченные деньги (за 22 дней, со 2 марта – уже 1076 руб. Только на этих блатных мразей, на их нужды, почти что по 100 рублей в день!..), и за то, что так глупо попал сюда и так бессмысленно провожу здесь жизнь, теряю невозвратные годы, и вообще за все на свете, – что главной мыслью было: жаль, как безумно жаль, что я не разбился тогда, падая с окна! Ударился головой, сломал позвоночник, – и все–таки, блин, живой, непонятно зачем!..

С утра опять была температура, но от 2–й таблетки парацетамола вроде прошла.

15.3.09. 9–07

Вчера перед самой проверкой дозвонилась мать, и я только успел ей сказать, что мне получше, температуры уже нет, – как после проверки опять точно то же, что и накануне: дикий озноб, такой, что ноги в 2–х парах толстых носков я накрыл своей толстенной двухслойной телогрейкой – и все равно не мог согреть. Так вот, буквально трясясь от озноба, кое–как собрался и поплелся в столовку; съел там суп. Пришел – озноба уже нет, просто обычная температура, жар. Лежал часа полтора, до 4–х; потом вроде стало получше, смог даже перекусить. В общем–то, к вечеру жар прошел сам собой, без всяких таблеток; но то же самое “заботливое” чмо, что и накануне, когда уже он прошел, принесло–таки мне таблетку аспирина с наставлением выпить ее на ночь. Я оставил ее на сегодня – м.б., после проверки опять начнет колотить, тогда она пригодится.

По сведениям матери, “ребята” там, на воле, потихонечку, ни шатко, ни валко занимаются выпуском этой злосчастной книжки обо мне. Паша сделал макет, – это отлично. Но деньги так и не собраны, и даже обзвонить обещавших дать денег правозащитников никто не хочет и не спешит. Типографию пока тоже не нашли. Не говоря уж обо всем большом комплексе мероприятий, которые необходимо проводить с этой книжкой,

если даже она и выйдет. У этих товарищей она – экземпляров 400 из всех 500–т будет просто лежать где–нибудь, у кого–нибудь из них на квартире. Но я очень сильно удивлюсь, если вообще она будет напечатана...

Обидно, конечно, и грустно, что жизнь кончена в 35 лет. Но это так, увы, и ничего хорошего впереди уже не будет, – только тоскливое ожидание смерти. Скорей бы уж... “Нам рано жить воспоминаньями,/Какими бы ни были они,/Живем, как прежде, ожиданьями/Еще не встреченной зари...” Увы, это уже не обо мне. Жизнь кончена, да и была ли она вообще?.. Нечего вспомнить. Промелькнула... Для матери самые счастливые – это наши поездки на теплоходе, а для меня? Вспомнил опять Ленку... Все время ее вспоминаю, хотя все уже кончено. Возвращаться некуда. Люблю ли я ее до сих пор? Ее, или только прошлые воспоминания о ней, когда казалось, что все еще наладится?.. Жалко, что не удалась, не сложилась личная жизнь, но, с другой стороны, теперь ясно, что это вообще не для меня, что она мне и не нужна, так что жалеть об этом не стоит. Не сложилась... Никому не нужен, не был нужен никогда и никогда не будешь. По крайней мере, бескорыстно. А поживиться с меня нечем... Нечего и вспомнить, – вот как я лежал еще в 2002 г. у Ленки в комнате, на диване, вечером, перед сном, смотрел на люстру и думал, изумляясь, как я сюда попал и что я здесь делаю... А самые счастливые мгновения – единственное, что, м.б., можно вспомнить хорошего за всю–то свою непутевую жизнь, – это было уже давно, еще в 1997 г., и так мимолетно, так коротко, что и вспоминать–то, по сути, нечего.

16.3.09. 18–05

Отрядник, как и ожидалось, явился сегодня (понедельник) на зарядку, причем даже раньше, чем обычно: она еще не успела начаться! Но я все же успел выйти еще раньше его, буквально на какие–то секунды. Больше он с тура не появлялся, но, м.б., придет сейчас вечером. Побриться после завтрака, как уже несколько дней планировал сделать именно сегодня, я, разумеется, забыл. Не забыть бы хоть завтра – уже будет ровно 10 дней с последнего раза. Тупорылые мрази, и блатные, и не блатные, повадились теперь прямо с утра выключать в секции свет, так что для традиционной ежеутренней проверки одежды на вшивость мне приходится усаживаться на другую сторону шконки, в другой проходняк, куда падает свет из окна (но его то и дело кто–то загораживает).

На улице по утрам еще сильный мороз, днем вчера и сегодня было не так солнечно и тепло, несколько пасмурно и туманно, но не так уж и холодно. Достал вчера демисезонный шарф, но

сегодня уже не решился – а зря, днем в зимнем было жарковато.

Замучили эти проклятые язвы на ногах, да еще мизинец на левой, здоровой, где я в последнюю баню так неосторожно оторвал почти весь ноготь. Все это болит – и мизинец (особенно, хотя сегодня и послабее, чем вчера), и язвы, которые сильно сдавливает голенище зашнурованного ботинка. К тому же, и на правой ноге тоже 1 или 2 укуса вшей превратились уже в такие же язвы, адски чешутся и болят, когда зашнуруешь ботинок. Изнанка и длинных синтетических носков, присланных Глебом Эделевым, и финских спортивных брюк, купленных матерью в 2007 – вся в крови и засохшем гное и т.п. с этих язв. И я далеко не уверен, удастся ли стирмужику, при его лени и безалаберности, отстирать носки.

Пишу, а в том конце секции вот уже с полчаса раздается дикий, истерический, сатанинский хохот всей этой блатной “ботвы”. Над чем уж они там так ржут, не знаю, но местами смех доходит до тоненького, заливистого визга, практически женского (не отличишь на слух!) и кажется, что пора вызывать “скорую”... После обеда эта банда вдруг стала звать всех “мужиков” в “культяшку”. Я, не сомневаясь, что это очередная комиссия, пошел, чтобы убедиться в новом несчастье лично. Но нет – там на столе стояла банка с чифиром и поднос с карамельками. Я бы тотчас ушел, но они меня уже увидели... Короче, стали говорить, что у такого–то (имя и фамилия абсолютно незнакомые) сегодня день рождения. В помещении, м.б., и был один совсем новенький, молодой парнишка; но когда сказали, что “имениннику” сегодня исполнилось 45 лет, стало окончательно ясно, что это не из присутствующих, а из той воровской сволочи на воле, дни рождения (как, впрочем, и смерти иногда, но только в траурной, понятно, тональности) они порой тут отмечают. Хлебали свой чифир и дружно каркали: “Жизнь ворам!”. Звучало верноподданнически, почти как “Хайль Гитлер!”. А впрочем, какая разница?.. “Смерть ворам!” – единственное, что возникало при этом у меня в голове и чем я мог бы им ответить, но для чего? Зачем метать бисер перед свиньями, доказывать что–то заведомо уголовной сволочи, превратившей зоновский барак в бандитский притон? Нет, это надо будет во весь голос говорить, доказывать и реализовывать на воле (если доживу). Чифир их пить я не стал, как они (с подачи “телефониста”) ни пытались всей своей кодлой меня уговорить или же заставить...

Началась 105–я от конца срока неделя. Осталось мне ровно 734 дня заключения.

17.3.09. 15–54

Только успел наконец–то утром побриться, проверить одежду,

замотать взятым у соседа–алкаша бинтом язвы на обеих ногах и мизинец с содранным ногтем на левой, да смазать спину мазью, чтоб не так болела (ортофен вчера кончился) – ровно в 10 утра приперлась шмон–бригада! Шмон был очень тяжелый и неприятный, даже перед Новым годом такого не было. У меня расшвыряли все книги и бумаги под изголовьем матраса, сорвали и вывернули на шконку все висящие над изголовьем пакеты с хлебом, газетами, всякой прочей мелочью; вытрясли банный пакт и все, что лежало за шконкой; наконец, залезли в мой продуктовый баул и повыкидали оттуда в общую кучу половину пакетов. Вид был буквально как после погрома (а это он, собственно, и был)! Полчаса, если не больше, я раскладывали и развешивал это все по местам. Ничего не пропало, за исключением того, что эти ублюдки зачем–то (чтобы ближе добраться до моего баула?) сняли щит вшивого дедушки, моего соседа, и воткнутая в него запасная заточка, разумеется, пропала. Основная – на счастье, хотя раньше казалось, что это может плохо кончиться – выпала из тайника в том же щите, и ее подобрали соседи.

Самое же неприятное – у “телефониста” в самом же начале шмона отобрали “трубу”, уже 2–ю по счету. Ее вызвонили у него металлоискателем прямо в бараке, но он как–то сумел отдать ее соседу по проходняку. Тот же, по словам “телефониста”, отдал ее шимпанзе, и уже то отдало ее “мусорам”. Добровольно или нет, и если да, то зачем – я не знаю, сам этого ничего не видел, вся информация только с чужих слов. Но следствием этой неприятности стало то, что на этот номер в ближайшее время мать дозваниваться не сможет, – а на остальные это еще более проблематично Правда, буквально сегодня–завтра этому же блатному хмырю должны были принести новый телефон, купленный им на воле – тот самый, за “дорогу” для которого я отдал ему недавно 250 рублей. Бегает теперь, суетится, – ждет… А между тем, как он же сказал мне, от “ботвы” ему могут теперь вынести “строгий запрет” на владение “трубами” вообще, т.к. уже 2–й его телефон забрали “мусора”…

С перебинтованными ногами ходить стало легче, но все равно я еле ползаю. Особенно болит мизинец с содранным ногтем, на котором я сегодня утром, конечно же, выдавил волдырь и снял еще кусок ногтя, торчавший и сильно болевший. Язвы вроде бы в основном уже затянулись, не гонятся, но заживают ли они по–настоящему или нет – черт их знает. Я обмотал ноги бинтом, чтобы все подсохло за 3 дня (до бани в пятницу), чтобы не ранить и не причинять боль, ежедневно отдирая присохшие к этим язвам спортивные штаны и носки. Слава богу, носки эти тоже

синтетические, эделевские, длинные и с хорошей резинкой, так что вшей там нигде нет и не будет, надеюсь. Но вид этих язв действительно ужасный...

Шконку в соседнем (захваченном) проходняке “мусора” сломали, и эти хитрые ребятки, видимо, быстренько поменяли ее местами с соседней – шконкой вшивого дедушки. В результате верхний щит над ним теперь не лезет на свое место. Он и не нужен: шырь–даун вчера только перебрался отсюда (от вшей!) на место того мразотного долговязого дауна, из–за которого меня чуть не избили 14 января, а тот – перевелся на 1–й отряд. В смысле будущей здесь жизни отсутствие верхнего щита очень удобно: не положат на это место еще какую–нибудь мразь, сколько их уже было!.. Если только барак опять не переполнится сверх всякой меры.

19.3.09. 9–00

Еще позавчера вечером отрядник, явившись, отдал вдруг мне толстую пачку чистых конвертов, открыток, марок и т.п., сказав, что это со склада, из тех моих бумаг, которые забрали еще в мае 2008 и положили “на вещевой склад”. Одновременно он сообщил, что завтра (т.е. уже вчера 18–го) будет комиссия по УДО, и меня должны туда вызвать. Случайным это совпадением быть никак не могло, – видимо, в преддверии комиссии лазили в те мои бумаги, рылись, искали на меня “компромат” (Милютин ведь уже говорил матери с этакой обидой, что, мол, “он вообще хотел нас всех вверх ногами повесить” :)), а заодно милостиво вернули мне конверты.

Предупрежденный и морально подготовленный, я стал ждать. Но на комиссию эту вчера так и не вызвали. Зато “общественник” сказал, что завтра (т.е. сегодня, 19–го) в 11 утра надо будет идти к психологу. Вечером же вчера отрядник с 2–мя какими–то тетками, а также Наумов и Демин (!) приходили в барак в качестве другой комиссии – по “аттестации”, каждые полгода, на тему “встал на путь исправления или нет”. Я тоже проходил такую полгода назад, то ли до УДО–шного суда 11.9.08., то ли вскоре после, уже не помню точно. Но в здоровенном списке, с которым “козлы” ходили по секции и вызывали на эту комиссию, моей фамилии не оказалось.

В смысле здоровья вчерашний день был совершенно ужасным. Мало того, что болела спина и (с утра, как и сейчас, кстати) голова, – но окончательно невыносимы стали язвы на ногах. Даже в незатянутых, еле–еле зашнурованных ботинках я могу лишь с большим трудом ползти в проклятую столовку, а перед проверкой днем не было сил, как обычно, гулять туда–сюда по двору. Развалина, еле–еле, с палкой, на подгибающихся ногах, медленно

плетущаяся по льду... Жалко и противно. Хотя себя–то жалеть, конечно, не стоит, – но ведь всегда, всю жизнь, даже уже здесь, в зоне, мне казалось, что здоровье будет всегда, что это что–то вечное и неизменное, что уж тут–то я смогу, физически, если будет надо, выдюжу, несмотря ни на что...

Короче говоря, сразу после ужина я снял носки, намазал еще раз все язвы мазью (целестодерм), попросил еще раз у соседа бинт – там оставалось чуть–чуть, и только на одну ногу, и то не полностью. Обмотал ее, лег, и через некоторое время все язвы разом начали, видимо, подсыхать – и адски болеть! Просто я поздно сообразил, что, будучи закрыты полностью синтетическими спортивными штанами и носками круглосуточно, язвы не проходят, потому что к ним не поступает воздух. Одна на правой ноге еще гноилась до сих пор, и я выдавил гной. На вечернюю проверку, не застегивая даже штанины (на молниях внизу) спортивных брюк, надел только шерстяные носки под них и еле–еле зашнурованные ботинки. Вроде ходить стало полегче. Пришел – тут же снял. За вечер и ночь язвы вроде бы и впрямь подсохли, ходить стало полегче (на завтрак), но – не все. 1 или 2 еще были до сих пор мокрыми, когда я надевал носки утром.

21.3.09. 9–05

Вчера опять был безумный день. С 7 утра – опять на весь день дикие боли в животе, прямо как тогда, в ноябре того года, 16–го, что ли, или какого (не помню точно). Все очень просто и пошло: скопились газы, и не выходят, и давят на кишки, растягивают их изнутри. Болело оно не то что постоянно, каждую секунду в течение всего дня, а скорее приступами, время от времени. Но когда приступ – боль такая, что темнеет в глазах. К вечеру стало немного полегче, приступы стали пореже, а до того – я мог лежать на шконке только на животе, спиной вверх, – так меньше болело. На спину ко мне запрыгивала Маня и, судя по ощущениям, там устраивалась. А когда в столовке после обеда я (2–й день уже подряд) пытался выдавить из “хозяйского” тюбика зубную пасту через засохшее горлышко, чтобы помыть ложку (кладут вместо мыла всякую дрянь...), – никак не вылезала она, как ни дави, но в это время, пока я пытался, накатила вдруг такая боль в животе, что тюбик мгновенно лопнул у меня в руках, пониже горлышка...

В таком вот состоянии я лежал пластом на животе после ужина, где–то в 7–м часу, кк вдруг принесли “трубу” – звонили с другого барака и требовали срочно прийти! Что–то случилось... Идя, я перебирал в голове, ЧТО говорить этой очень “грозной” блатной швали в случае самого худшего: как раз недавно в “Свободном слове” и на их сайте опубликовали выдержки из моего прошлогоднего дневника по поводу кастовой системы в

зонах. Но оказалось совсем другое...

Оказалось, что туда дозвонилась мать, с которой я еще в этот день не говорил, в состоянии буйной истерики: ей звонили из Moscow Times и спрашивали, правда ли написана сегодня в ЖЖ (не знаю, в чьем),что вчера (19–го) меня сильно избили в зоне, а сегодня я умер!.. В это время (когда мы с матерью разговаривали) у нее сидел Женя Фрумкин, пришедший брать деньги на билеты для скорой поездки ко мне и сказавший, что ему тоже звонили с этим вопросом.

Мне в голову сразу полезли приколы, что, раз я умер, то надо заказывать гроб. :)) Но могла быть во всем этом и серьезная сторона, – это вполне могло быть и предупреждение от Конторы, нечто вроде попытки создать себе алиби... Хотя вряд ли, конечно. Как бы там ни было, мы поговорили с матерью, я успокоил ее, рассказал заодно про свой болящий живот, и все. А потом, уже на другой номер, дозвонилась Е.С., прочла само сообщение, появившееся, оказывается, не в блоге, а в ЖЖ–сообществе ru_opposition, и рассказала подробности. В сообщении говорилось, что накануне во время проверки меня избили три “мусора”, нанесли переломы, черепно–мозговую травму и т.д. Я был затем госпитализирован в лагерную больницу, где на следующий день скончался. Все было изложено очень спокойно и достоверно, таким же стилем, как обычно пишут правозащитники. “На этот раз они подделались под наш стиль”, – заметила Е.С. Кроме того, она сказала, что ей звонили, кроме прочего, с “Эха Москвы” и “Радио “Свобода”.

Вот такой вышел странный, мрачноватый прикол. А между тем, кроме живота, продолжали вчера и сегодня болеть и язвы на ногах. Вроде они слегка поджили; после бани я сменил синтетические носки на шерстяные (или х/б? Черт их знает!), но все равно – встаешь ночью, все расстегнуто (штанины от спортивных брюк), носков нет, и все равно чувствуешь резкую боль сразу во всех язвах на обеих ногах! И вот сейчас, пока пишу, боль такая же; носки прилипают к язвам, отдирать их больно. Не только на ногах – вообще, любая ранка, любая царапинка не заживает, а болит и начинает гнить. Та же ушастая сволочь по имени кошка Маня позавчера ударила меня лапой по руке (а всего–то – хотел взять ее под брюхо и убрать с колен; но ей под брюхо не нравится, и, если чуть зазеваешься, она успевает ударить обеими лапами по твоей руке). Всего–то – слегка надорвала кожу на внутренней стороне ладони, на самом сгибе, под мизинцем примерно. Царапнула и царапнула, я не придал этому значения. Но вчера вечером эта ранка, похоже, воспалилась и стала болеть, а сегодня с утра – еще больше, хотя я прямо сразу

же вчера вечером попросил у соседа пластырь и заклеил ее. Но даже палку как следует держать этой рукой теперь больно; и хорошо еще, что не мешает писать. Средний палец на правой руке тоже весь изранен, исцарапан, покрыт болячками и гнойниками, а теперь вот еще и это. Правой рукой теперь нормально пользоваться не могу.

Еще одна дурацкая незадача: вчера отдал Юре, “обиженному”, который носит в баню стирать постельное белье зэков, отнести туда же постирать мои форменные брюки от “рабочей одежды”, привезенной матерью еще той весной. До этого. В прошлую пятницу, они там за день без проблем постирали и высушили мои старые джинсы. А вчера вечером Юра пошел все забирать – приходит и говорит мне, что, мол, штаны мокрые, поэтому он сходит за ними завтра (т.е. сегодня) после завтрака. Возвращается сегодня – говорит, что там сказали прийти после обеда. Очень мне не нравится вся эта история, – уж не потеряли ли они их, или, м.б., порвали, испортили так, что уже нечего и отдавать?..

18–18

Вот уж действительно – то понос, то золотуха!.. Прошел только под утро живот – так уже днем начался острый, болезненный кашель, сильное раздражение где–то глубоко в гортани. Бронхит! Давно не было! Будь он неладен!.. Кашляю, никак не могу успокоиться, особенно лежа, а конфета “Halls” на этот раз показалась такой непереносимо горькой – я выплюнул ее обратно в пачку, едва ли дососав до половины. И вчера, и сегодня, по ощущениям, временами поднималась температура, горели лицо и уши, но измерить ее тут нечем.

На улице с утра все капало и таяло, но шел мокрый снег и дул довольно резкий холодный и сырой ветер. И так весь день, – настоящая метель, все опять побелело; зэки, конечно же, стали на все лады тупенько острить, что вот, мол, зима вернулась, или началась, и т.д.

В столовке – видел сейчас, выходя с ужина – на полочку, где вчера брал тюбик зубной пасты, положили–таки кусок хозяйственного мыла. Огромное достижение!.. :)

Юра ходил за моими брюками и после обеда – сказали прийти после ужина; пришел после ужина – сказали прийти в понедельник. Полное ощущение, что назад я их уже не получу. Значит, месяц ходить в старых джинсах, пока мать купит и привезет новый костюм–форму.

24.3.09. 15–43

Второй день постельного режима (выдан а 3 – с 23 по 25 включительно). Заболел еще в субботу под вечер – опять

температура, как всегда. Не очень большая. Перед сном за отсутствием аспирина принял нурофен+ (обезболивающее с жаропонижающим эффектом), и ночь спал нормально, жара не было. Утром он возник снова и за день достиг размеров угрожающих – за 39°, по ощущениям. В таком состоянии я весь день таскался на проверки и в столовку. Запомнилось, как картинка со стороны: иду, захожу, скажем, в столовку, иду между столами, или выхожу, – ползу медленно–медленно, опираясь на палку; в ушах одновременно и как будто ватой заложено, глухо, и в то же время какой–то шум; голова кружится; несколько раз было такое чувство, что сейчас упаду. Зачем ходил? Законный вопрос; стирмужик, по простоте своей советовал не ходить. Плевать на "мусоров", на отрядника, на шимпанзе и весь его БСДиП (Б – блатной), – ты просто скажи, что не можешь, и не ходи... Как все просто...

Короче, воскресенье было страшным днем. Мать, узнав, была в шоке. История истерик по дням: пятница – известие, что я умер; суббота – что у меня сильно болит живот; воскресенье – что высокая t°. Она очень настаивала, но я уже и сам собирался в понедельник в больницу – за аспирином и, м.б., уколом против температуры. Наивный...

К врачу я записываться не стал, зная, что таблетки выдают и так. Еще не было 10 утра в понедельник – погнали всех взвешиваться. Дело это недолгое, пошли где–то в 9–30, так что когда я узнал про свои 105 кг, народу на прием еще не было, за таблетками тоже, а времени было где–то 9–50. Подождав еще 2–3 минуты, я постучался в дверь к медсестрам, выдающим таблетки.

Зашел, сказал, что мне плохо, что температура. Куда там! "Это на прием к врачу!" (Кажется, я про укол помянул.) Но хоть таблетки–то можно? Не глядя, сунула 2 штуки аспирина. Пошел к врачихе, она была в кабинете. Начал говорить ей – даже не слушает: это к другому врачу, в другой кабинет, а я сейчас ухожу, и т.д.

Хотел было плюнуть да уйти с этими двумя таблетками, – вот и все их лечение! Но с чего–то вдруг надумал подождать, сел у того кабинета, который она указала. Первый в очереди, за мной уже еще двое. А врачиха эта, уходя, все же зашла к сестрам и сказала им про меня. Они тут же сменили гнев на милость, позвали меня опять в свою процедурную (или как там?), занялись мной. Главное – пользуясь случаем, отдали мне все лекарства, что когда–то привозила мать, и они там валялись. За исключением большого мешка с лекарствами для инъекций (еще с той осени), да некоторых просроченных (прекрасная вещь, – назальный спрей от насморка, в баллончике, то, что мне надо, – так он там, блин,

выпуска 2002 г., а срок годности истек в 2005! В какой аптеке матери его подсунули?..).

Они сделали мне укол анальгина + димедрола в задницу, отдали кучу аспирина, анальгина, цитрамона и – сука! – держала в руках пачку дифенина, спрашивала меня, что это такое, но потом в пакете я его не обнаружил! Забыла!.. Не переться же теперь специально за ним...

Дали они мне и этот постельный. Укол их мне не помог абсолютно. (Да, забыл: на ночь с воскресенья на понедельник я еще раз принял таблетку нурофена+, и еще одну ночь спал нормально. Но таблетка была, увы, последняя. Да, и еще забыл, идиот, самое главное: эти сестры первым делом измерили мне температуру. Оказалось 38,5°!) В бараке я разом принял 2 таблетки аспирина, и жар прошел, все стало нормально. Ни в какие столовки, проверки и пр. я больше не ходил. Вечернюю проверку проводил отрядник; увидев меня лежащим, он дружески заулыбался и стал спрашивать в духе: “Ну что, Стомахин?”, а услышав, какая у меня была утром t°, сказал решительно: “Надо лечиться!..”.

Все было очень хорошо до сегодняшней утренней проверки (хотя что–то вдруг сильнее стали болеть язвы на ногах; часть их наконец затянулась, но большинство мокрые до сих пор, носки за день присыхают к ним и отрываются вечером с ужасной болью). Перед проверкой – в 12 или еще раньше, не помню – эти мрази, как всегда, растопырили настежь все двери на улицу. Как же, как же, – священный ритуал проветривания; а то их всех сожрет страшный зверь “волокуша”!.. Лежа на своей шконке, я постепенно почувствовал, что меня трясет до того, что зуб на зуб не попадает.

17–34

Пока писал – прервал стирмужик, урод, усевшийся на мой шконарь курить, и любитель совать нос в то, что я пишу. Тоже учудил тут сегодня, чмо тупое...

Так вот, я окоченел до того, что накрылся своим красным одеялом, сложенным вдвое. В начале 3–го, когда они все свалили на обед, я выполз из–под одеяла, хотел тоже чего–нибудь пожевать, – опять температура!! Щупаю лоб – горячий (но не такой, как вчера, конечно). Сука!! Начал опять жрать таблетки – не сразу, но за короткий промежуток, 3 таблетки аспирина, 1 нурофена (не плюс, обычного), плюс еще какой–то порошок, который в больнице дали от себя и велели принимать после еды, капсулы с порошком. Тут же, съев 2 бутерброда, сел пить чай с медом. – вот он когда мне пригодился, еврейский мед, присланный еще осенью московской общиной ФЕОРа! Больше

полбанки его стояло у меня с октября, кажись, – а тут, с воскресенья начиная, я съел его с чаем почти весь, осталось разве что на завтра еще чуть–чуть. Хотя я не такой уж любитель меда, он для меня слишком приторный, а из сладкого я люблю, считай, один шоколад (в разных видах, естественно). , – но тут решил использовать, от полной безнадеги, как все–таки известное народное средство. Не знаю уж, ЧТО больше подействовало – мед или таблетки (последнее, конечно, вероятнее :), но жар опять спал, сейчас состояние вроде бы более–менее нормальное.

А стирмужик, дебил, белую наволочку – одну из двух, привезенных матерью месяц назад – повесил сушить в “культяшке”, и там ее облили чаем, или чифиром – хрен знает, короче, но получилось огромное чайное пятно посередине, прошедшее, кстати, частично и насквозь. Он сказал мне вчера этак смущенно об этом и обещал, что, конечно, перестирает. Сегодня – то ли перед проверкой, то ли сразу после, не помню; но скорее перед – притащил мне мою рубашку и эту наволочку, выглаженные. Глянув, я обалдел – прежде всего от размеров пятна, но и от его яркости тоже. Он явился снова, я напомнил ему его обещание перестирать; он ответил, что это уже перестиранное. Я сказал, что наволочка только на выброс, пользоваться ей в таком виде я не буду. Он ответил что–то вроде: как хочешь, дело твое. Я продолжил, что он меня достал, случай этот уже не первый, к тому же именно об этой наволочке я предупреждал (не вздумай еще мне испортить новую!), так что пора нам прервать отношения.

Он быстро, резко сказал мне типа: давай ее сюда! – схватил, забросил к себе на шконарь, полез под шконку за ведром и злобно забормотал себе под нос что–то обо мне. Я разобрал только 2 мысли: что он не господь бог и что я все время валяюсь (а он, типа, вкалывает). Потом “отошел”, уже минут через 5 улыбался мне, чуть не подмигивал и говорил, что все будет нормально. Еще попозже сказал, что постирал, пятно стало совсем бледное.

25.3.09. 17–52

Как всегда, важные события пришли неожиданно. Температуры не было сегодня весь день, по крайней мере, ощутимой. Но вчера, уже лег спать, и съеденный ужин опять встал каким–то комом в груди, еле протолкнул его. Поэтому сегодня я не пошел ни в ларек за хлебом (да еще был ли он там?..), не ел колбасу с утра, доедал пятничный еще ларьковский хлеб с ларьковским же паштетом, съел за день всю банку, вчера едва начатую (теперь не испортится за время свиданки, на завтра этого старого хлеба еще осталось чуть–чуть, но есть его не хочется вообще. Ничего, есть печенье.

Так вот, после легкого завтрака лежал утром – и тут приходит “общественник” с информацией, что кучу народу закрывают в ШИЗО. Забегали, засуетились, как обычно. И – через некоторое время пошли, но не кто–то из названных, а шимпанзе и “телефонист”! Ну наконец–то!! Месяц и 20 дней, с 5 февраля по 25 марта эта животина провела вне предназначенного для нее “питомника”, и вот, наконец! Ура! Ура! Ура! Но – грустная улыбка на моих губах – после всего пережитого за последние дни это событие как–то не прогремело в сознании, не взорвалось фанфарами, прошло спокойно и буднично. Вздох облегчения, и все. Эх, если бы месячишко назад... А сейчас – так вымотался, так устал от этой долгой болезни, что... Да и потом, произошло оно на фоне еще одного, куда менее приятного.

Незадолго до прихода вести о ШИЗО мой сверхнаглейший сопляк–сосед из захваченного проходняка рядом послал “обиженных” особо тщательно мыть каптерку. Я не придал этому значения. Но вскоре туда поперлось другое, еще более неприятное чмо – зам. главнокомандующей обезьяны – и начало там спрашивать, вымыли или нет. Тут уж я насторожился, а когда через пару минут один молодой парень поволок туда баул (я сперва подумал, что он едет в ШИЗО), а мой щенок–сосед ему крикнул, что там еще не вымыли, – все худшие опасения подтвердились.

Господи! Три дня не выходу на улицу, а до этого три ходил с температурой, чуть не падая; живу на таблетках; от холодного воздуха с улицы или от активного движения температура все время подскакивает, и нечем ее измерить, и не знаешь, как сбить; измотался, устал, – и за годы неволи, и за дни болезни, и нет уде сил, кажется, ни на что, все опостылело, все безразлично, и нет сил жить дальше, тянуть этот непосильный, перегруженный воз, вовсе уж выбиваясь из последних сил, – и куда, куда ж тут еще, в такую минуту, поверх всего, врасплох, совершенно неожиданно, еще та, обычная нервная перегрузка, которую для меня с прошлого ноября стало значит слово “комиссия”?!! Опять срочно все прятать и ждать, сжав зубы, расправы?! Господи, где же взять силы?..

И тут это вот чмо заорало, как всегда: мужики, убирайте сидора, снимайте все!.. А шимпанзе в это время уже собиралось в ШИЗО, и заниматься, как обычно, личным контролем исполнения не могло. И тут (или позже? Не помню точно, но примерно в это время, перед самой проверкой) стремщики начали выкрикивать передвижение комиссии по тому “продолу” – с одного барака на другой...

Короче, без долгих размышлений я снял всю одежду, вынес

телогрейку, остальное распихал, как обычно; застелил быстренько свое красное одеяло, а потом перетащил полупустой баул с остатками пищи под свою шконку, как обычно.

Все девальвировалось. То, что раньше было (для меня) огромной проблемой, страхом, трагедией, ужасом, – теперь стало легко и просто, пустяк какой. Вот так девальвируется в этой жизни все; так решаются все тяжелые проблемы, – но и то, что было гордостью и славой, тоже, увы, обращается в прах, в ничто...

Короче, комиссия побыла на нашем “продоле” на 5–м бараке, а потом пошла прямо к нам. Была страшная беготня и суматоха с выносом последних вещей, потом все поперлись на улицу – а комиссия постояла–посмотрела что–то в “локалке” с пару минут – и ушла. В барак не зашла. Я ждал ее лежа, с Маней на ногах, и вставать не собирался.

Перед ужином приперся отрядник, когда все ушли в столовку, явился в секцию и спросил всех оставшихся (довольно много народу), почему не в столовой. На мой (а м.б., и еще чей–то, т.к., ясное дело, остались все ТОЛЬКО с официальным постельным режимом) ответ заявил, что постельный режим не освобождает от посещения столовой. , но дальше развивать эту тему не стал. Теоретически, эта мразь может завтра закрыть хоть меня, хоть всех, кто не ужинал, в ШИЗО. Но т.к. послезавтра начинается длительная свиданка, думать об этом особенно не хочется. А если тех 2–х утром он закрыл вместо всех, о ком шла речь утром, то эта скотина нарушает закон просто–напросто в открытую.

Стирмужик таки отстирал испорченную наволочку более или менее прилично, хотя небольшой след все равно остался. Реабилитировался–таки на этот раз, паршивец!.. Посмотрим, надолго ли...

30.3.09. 16–08

Прошла очередная длительная свиданка, 3 дня. На этот раз мы практически не ругались с матерью, все было очень тихо и мирно. Много общались с Мишей, тамошним дневальным (были у него на 1–м этаже), он заходил постоянно в течение дня, а по вечерам, после проверки, приходил пить чай.

Тем не менее, вечер последнего дня и последнее утро перед расставанием настроение у меня было такое похоронное, на душе было так непроглядно–черно, что если бы я мог там же и тогда же умереть, если только было бы из чего застрелиться, – ей–богу, я сделал бы это тут же, незамедлительно! В самом деле, к чему мне такая жизнь, и почему я не разбился тогда, когда упал с 4–го этажа? Сейчас бы не было ничего этого – ни Буреполома, ни зоны, ни вышек, ни свиданок, ни этих мерзких рож вокруг, ни срока в оставшиеся еще 2 года, – больше, чем я уже просидел здесь... В

самом деле, зачем?! Зачем мне ТАКАЯ жизнь? Я отказался бы от не с легкостью, если бы только была техническая возможность, если бы был простой и безошибочный способ... Ненужность, никчемность и пустота всей мой жизни, нелепость всех ожиданий и надежд на лучшее, кромешный мрак, который все равно будет и после освобождения, предстают передо мной всякий раз на этих свиданках так ярко и живо, что дальше жить просто незачем. Чуть отстранишься от течения обыденных будней, чуть–чуть отойдешь в сторону, хотя бы только до вахты и только на три дня, и поглядишь на свою жизнь оттуда – и понимаешь, что жить незачем; что такая жизнь не нужна...

720 дней еще тут сидеть мне осталось. Вроде немного – но это почти полных 2 года, без 10 дней...

Притащилось тут же, утром, как пришел, блатное чмо и вытрясло из меня 2 шоколадки – сперва одну кому–то с 8–й зоны, привезенному сюда “на крест”; потом – просто этим тварям в их “маленькую секцию” – пить чифир, видите ли, с моим шоколадом. Хорошо еще, специально попросил мать купить несколько штук дешевого шоколада, специально для ЭТИХ, – и вот из 3–х таких шоколадок 2–х уже нет. Блатные и полублатные подонки, между тем, продолжают “подходить” и упорно клянчить сладкое. Чуть прояви слабину – и они в момент растащат все мои запасы.

Парень, подававший на УДО уже после меня – 16 или 17 марта – был сейчас в спецчасти и узнал, что его документы уже давно ушли в суд. На комиссию ни его, ни меня так и не вызывали; но – его уже и незачем, а что с моими бумагами – неясно. Надеюсь, тоже отправлены.

А до свиданки было тоже очень весело. Накануне, в четверг 26–го, где–то в 18–30 погас свет. Сперва я не волновался, т.к. до времени моего ужина (19–30) его всегда включали. Но – не тут–то было. Разнесся слух, что упала, оборвав провода, труба бани (!), плюс еще что–то случилось на “промке”, и т.д. В общем, света не было.

Было наплевать на все, и я лег спать, накрывшись впотьмах одеялом. Хотелось жрать, т.к. остался без ужина, но голод я на время заглушил. Больнее всего скребла мысль: будет или нет завтра свиданка, не отменят ли ее... С трудом я заставил себя встать на проверку, а многие так и говорили: ну ее; м.б., никакой проверки и не будет, не пойдем никуда...

Но проверка, конечно же, была. Запретка светилась, там свет был, как обычно. Стояли в темноте, на подмерзшем льду, в черных тенях, среди холодного ветра. “Превратности судьбы”, – пришло мне в голову. Да уж, действительно превратности... Ни

еды, ни тепла, ни света; загнали в какую–то дыру, черти где, на краю земли, и что еще тут со мной будет, за оставшиеся 2 года, – неясно. Мыкаться по бараку в полной темноте, держась руками за стены, ощупывая пространство вокруг себя, чтобы не столкнуться с кем–нибудь, не налететь лбом на дверной косяк (уже бывало)... Что может сравниться с этой вынужденной "романтикой", и смогут ли люди на воле, всего этого не пережившие, хотя бы вообразить эти ощущения, эту полноту чувств?..

"Обиженный" мужик под 50 лет, который постоянно живет на скамейке в углу раздевалки – его не пускают в секцию, часто даже на ночь, – когда я вышел из секции среди ночи, стал просить меня зажечь спичку, едва ли даже понимая, с кем именно говорит. Общее его рассуждение сводилось к тому, что, раз света нет, то "включите хотя бы спичку, пожалуйста!". Спичек у меня не было, но я спросил его, зачем ему это надо. Оказалось, он уже, по его словам, больше часа стоит тут босой, – не может найти в темноте ботинки, что ли, или еще почему, я толком не понял. Помочь ему я ничем не мог и ушел обратно, а он начал кричать в "фойе": "Помогите!! Люди! Помогите!!! Включите, пожалуйста, спичку!". Времени было, наверное, часа 2 или 3 ночи. И так крик этого бедолаги в полной темноте и тишине производил тягостное впечатление, а особенно потому, что я знал результат, и он не замедлил последовать. Кто–то из злобных молодых подонков вышел в "фойе", крепко обматерил старика (?), хорошо, если не ударил. Тот продолжал потом некоторое время скулить, обращаясь к случайным прохожим, выходившим из секции в туалет, но его все посылали, и в конце концов он затих.

Надо сказать, ту ночь я хорошо спал – было темно и тихо, не было обычной ночной беготни, музыки, трепотни по телефонам и т.д. Было именно так, как должно быть ночами.

На следующее утро, с трудом встав, я хотел было перед завтраком позвонить матери, узнать, как дела, здесь ли она (в этом я почти не сомневался) и нет ли отмены свиданий. Но запасной вариант, дерьмо, спал без задних ног. Я успел вернуться от него и еще сходит на завтрак, посмотреть странно сложившуюся в начале трубу бани. Света так и не было. На свиданке мы сидели без света весь 1–й день (хотя они его утром вроде включали на 10 минут). В зоне не было света практически сутки, его включили только к вечеру 27–го.

31.3.09. 18–13

Эх, зря не хотелось сегодня с утра ничего писать, хотя времени было полно. Но не о чем было писать, и я просто лежал. И вдруг, уже без 20 или без 15 минут 11 – шмон–бригада!! Половина к нам, половина на 10–й. И эта шмон–бригада заходит

в барак и приказывает всем идти на улицу с вещами! Причем, судя по ответам на наводящие вопросы зэков, брать абсолютно все вещи, включая полотенца и тапочки; а все, оставленное в бараке, по словам одного старого ублюдка–“мусора”, “уедет в сторону Гондураса”.

Баулы они на этот раз шмонали не во дворе, который весь покрыт водой и раскисшей глиной из–под стаявшего снега, а прямо в “фойе”, 2 или 3 человека всего. (Прошлый раз шмон баулов, если помните, был 27 ноября 2008 г., прямо перед длительной свиданкой, и тогда все вещи кидали во дворе на снег.) На этот раз вещи бросали на стол “фазы”. Я вытащил оба своих баула, да еще напихал в них всяких необходимых вещей, чтобы не пропали: чайник; мешок для бани; тапочки и обувь для лета (тоже типа тапочек); верх от нательного белья, единственный мой “свитер” для свиданок, и пр. Со всем этим барахлом я долго стоял в забитом людьми и баулами “фойе” – пока все не прошмонались и не ушли с вещами на улицу. “Мусора”, видя, что вещей полно, согласно решили шмонать меня последним. Да, прихватил я и красное свое одеяло в сложенном виде, заметив, что та же старая грубая мразь ходит по секции и собирает одеяла. И не зря: это чмо попыталось у меня его прямо с баула забрать. Я, разумеется, воспротивился, и оно говорит мне: пойди, покажи мне одеяло у тебя на шконке! Я говорю: мое одеяло здесь, я специально его взял. Оно: увижу на обходе 2–е одеяло – заберу! Т.е., если бы я не догадался взять красное одеяло с собой, эта мразь унесла бы его, и под чем бы я сегодня спал?

Короче, эти мрази шмонали меня не очень страшно: тряпье из вещевого баула все вывалили на стол, и я еле–еле потом утрамбовал его и застегнул сумку. А из баула со жратвой не доставали почти ничего – “мусор” порылся в нем совсем немного, пощупал, видимо, пакеты со жратвой – и бросил. В отделение вещевого баула с бумагами он даже не заглянул, не открыл его. Оба баула я оттащил в холодный предбанник и стоял там с другими, пока не ушли “мусора” – уже в начале 1–го. Взмок и вспотел я за время шмона и застегивания баулов так, что шапка мокрая до сих пор, хотя уже 18–30 вечера.

Но главное впечатление было от того, ЧТО эти твари устроили с моей шконкой в секции. Шконка выдвинута с места и стоит почти посередине секции, загораживая проход. Табуретка, служащая нам столиком, засунута между изголовьем шконки и стеной, верхняя доска с нее снята. Матрас мой загнут с 2–х сторон; все книги и бумаги, лежавшие под изголовьем, как обычно, расшвыряны. Из–за изголовья вытащен баульчик с запасной телогрейкой и казенными ботинками (откуда я заранее

забрал летние тапочки), из него все тоже вышвырнуто и валяется. На кровати, поверх завернутого с 2–х концов матраса, еще гора всяких вещей, вид как после погрома. Но самое сильное впечатление, как плевок в лицо, – матрас густо обсыпан пеплом, специально высыпанным мне на кровать из пепельницы; а из пакета с лекарствами, лежавшего за изголовьем, все бинты, таблетки и пр. сознательно высыпаны на пол и валяются под шконкой. Делалось это совершенно сознательно, нет никаких сомнений, чтобы унизить и оскорбить и чья шконка, они хорошо знали. По словам одного еще более–менее нормального з/к, обычно остающегося лежать в постели через 2 шконки от меня, подонок по кличке “Веселый” специально, называя мою фамилию (то ли спрашивая, где именно я сплю, то ли радуясь, что нашел, – я точно не понял), подошел к моей шконке и начал творить все вот это, переворачивать все вверх дном. Другой з/к сказал мне его фамилию – Тумаев Сергей Михайлович. Редкостная мразь. “Все время ржет” – как сказал Миша с 1–го этажа, поэтому и погоняло “Веселый”. За такие вещи, за оскорбления и глумление типа высыпанного на кровать пепла, надо мстить, и никто не знает, с каким наслаждением, с какой страстью и упоением я отрубил бы этому выродку топором его башку, подставляя лицо и руки под фонтаны брызжущей крови, и освежевал бы его мерзкую тушу, содрал бы с этой твари кожу...

Я не успел все прибрать до проверки. На улице лил сильный дождь. После проверки возился еще долго, раскладывая книги, бумаги, одежду и часть жратвы, пристраивая на место табуретку–столик, поначалу никак не хотевшую влезать. Сложил лекарства, собранные с пола соседом–алкашом, убрал обратно покрывшуюся, к моему изумлению, плесенью 2–ю телогрейку, – постирать бы ее, но “обиженного” Юру как раз сегодня должны были закрыть в ШИЗО, однако до сих пор еще не закрыли. Кое–как все прибрал, сложил, успел перед обедом еще немного полежать.

С начала шмона приперся и отрядник, походил по секции, потом засел у себя в кабинете, и туда к нему начали сносить из всех секций столики, полочки, картины со стен и т.п. вещи, про которые, кстати, абсолютно нигде не написано, что они запрещены. Пока ждал шмона – была у меня мысль пойти к нему и предупредить: если что–то из моих вещей (оставленных в секции) пропадет – жалобу немедленно пишу я и жалобы пишут с воли. Но разговаривать с ним было настолько мерзко – я лишь подошел к его открытому кабинету и полюбовался на груду рухляди в нем. А пока, опять же, стоял в “фойе”, ждал шмона и изредка заглядывал в секцию – я успел увидеть, как тот же самый старый подонок, шаривший в районе моей шконки, забрал из–под

соседней красное пластмассовое ведро, принадлежащее стирмужику, в котором он последнее время, как ему это ведро отдали, кипятил воду для стирки. Оно было с обломанным верхом и обмотанное скотчем (и все равно протекало), потому и забрали, видимо. Я посоветовал стирмужику написать на сей сюжет жалобу и с ней пойти на прием к начальнику, Заводчикову или еще кому. Но это тупое быдло, конечно же, испугалось и сказало, что оно от всего этого очень далеко. От отстаивания своих прав, то бишь...

Снег сошел, и “продол”, месимый тысячами ног 3 раза в день, превратился в месиво сплошной глины и воды. Ходить по нему в столовую, пока не просохнет, стало почти невозможно.

АПРЕЛЬ 2009

1.4.09 15–58

Нормальная, “спокойная” жизнь после шмона началась с вымогательства. Между проверкой и обедом, как ни странно, не подходили, хотя я ждал. А в ларьке, даже еще на подходе к нему, начали одолевать. После же возвращения дело приняло совсем уж офигительный оборот (я офигел): явилось наглейшее блатное поросячье чмо и стало клянчить, чтобы я рублей на 150 купил им сгущенки – они хотят ставить брагу, т.к. на следующей неделе выходит шимпанзе. Действительно, слов нет, одни эмоции... Еле–еле мне удалось отвязаться от вторичного похода в ларек сегодня вечером, – мразь милостиво согласилась перенести получение с меня дани на пятницу...

Матери, оказывается, пришли ответы сразу на обе ее жалобы. Жалоба сухобезводненскому прокурору, по которой Овсов вызывал меня здесь, признана обоснованной (о непередаче книг). Типа, прокурором внесено определение в Нижегородский УФСИН об административном наказании администрации. А более широкая жалоба в сам Нижегородский УФСИН, направлявшаяся через Ганнушкину–Лукина, признана там необоснованной!..

3.4.09. 16–02

Главной, фантастической и грандиозной – по местным меркам – новостью этого дня стало сгоревшее ЛПУ! Оно горело, видимо, всю ночь, и где–то около 4–х утра, когда отключили вдруг свет, кто–то в секции сказал об этом другому. Сперва не поверилось, конечно; а с отключением света, подумал я, накрывается медным тазом и чай к завтраку, да и баня тоже. Но свет еще до подъема включили, так что и чай, и баня состоялись.

Пошли на завтрак – около забора ЛПУ, напротив столовки, еще стояли пожарные машины, изнутри забора валил дым. Заглядывали в открытые ворота: крыши нет, остались обгоревшие бревенчатые стены, местами еще горело, да кое–где сверху валялись листы железа с бывшей крыши. Потрясающее зрелище, почти что исполнение моих сокровенных желаний, – чтобы тут у них все сгорело, обрушилось и провалилось до полной потери всех функций зоны, так что можно было бы просто переступить через обломки забора и пойти домой...

К сожалению, сгорело только здание ЛПУ, а находившиеся в нем особо наглые и злобные блатные подонки (особо злостные нарушители режима содержания) не сгорели; их повели сперва на 10–й, а потом, говорят, поселят в ШИЗО.

Когда перед самой проверкой, после бани, я, вспомнив, стал

рассказывать матери про этот пожар, – не успел я еще объяснить, что такое ЛПУ, только успел произнести это слово, как владеющее телефоном омерзительное, наглое бандитское отребье в соседнем проходняк без всяких объяснений всунулось ко мне через шкерку и потребовало отдать ему телефон. Я, решив, что это для каких–то технических целей, как дурак, отдал, не попрощавшись даже с матерью и это чмо с ним куда–то убежало. Через минуту прибежало зато другое чмо, старшее по должности (или по званию), полновластно рулящее тут в отсутствие шимпанзе, и заявило мне, что если я буду много болтать по телефону, то я его вообще не получу. Я попытался получить объяснения, на что это старшее чмо заявило мне, что оно орать во всеуслышание сейчас не будет, плюс что–то оскорбительное лично по моему адресу. Мне–то, конечно, плевать: чмо – оно и есть чмо. После же проверки и своего традиционного чифиропития оно вызвало меня в “кухню”, где уже находилось чмо настучавшее и телефонное, и еще одно – юнно–поросячье, меня лично и вызвавшее. Старшее произнесло мне исполненную миролюбия проповедь о том, что вот, было специально говорено (блатным начальством с 10–го барака, видимо), чтобы ничего “лишнего” о происходящем в зоне на волю не сообщать, а то оно не знает, кому я это говорю, надежному ли человеку; это может куда–нибудь просочиться, кто–нибудь напишет какую–нибудь статью, и т.д., и в результате всем будет х...во. В общем, обычные их детские страхи, неопределенные и нелепые.

Я сказал им только, что т.к. телефон их, то хозяин – барин, и я спорить с их правилами не буду. Но т.к. под категорию “что–то лишнее”, никаким четким списком заранее не определенную, может попасть все, что угодно, то лучше тогда вообще никаких телефонов не держать. Собственно, на этом суть разговора была исчерпана, но по ходу его мне было милостиво сказано, что я могу звонить без ограничений, никто не против. (Хотя вначале было сказано прямо противоположное.)

Потом, после обеда, пошли в ларек, где поросятина таки получила с меня 100 рублей на обезьяньи радости (алкогольно–бражного характера). Оно не против было стрясти с меня и 150 р., но тут уж я уперся (очень жалею, что дал и 100, крайне мерзко давать этим тварям хоть копейку).

Единственное, началось утро хорошо: не успел я доесть и допить чай, как, оказывается, персонально меня стричь явился парикмахер с 8–го, которого я вчера вечером просил постричь меня, но он уже торопился “домой”. Заодно он спросил меня, к кому я хожу на 8–й, и я сказал. Не знаю уж, этой ли информацией был вызван его визит с утра, или чем другим, – но знаю точно,

что ни имени, ни тем паче фамилии своей я ему не называл, но с утра местные блатные стали звать именно меня, т.е. он точно объяснил им, к кому именно пришел. Хоть одна проблема свалилась с плеч – проблема этой проклятой стрижки, которую я не знал как решить, хотел уже идти договариваться с парикмахером в бане (чтоб только не наголо, как там обычно стригут), и т.д. Три месяца, со 2–го, кажись, января, не стригся, и вот – как раз очень удачно: и перед баней, чтобы смыть все эти волосы, и перед скорым уже УДО–шным судом, чтобы там, в штабе, вся эта мусорская нечисть не придиралась, что внешний вид мой не соответствует их правилам.

4.4.09 15–56

Опять вырубили свет. Хорошо, набрал воды загодя, – вдруг опять сутки не будет. Блатные требуют шоколад, то один, то другой с ножом к горлу. Кому–то им якобы надо его загнать в ШИЗО. Обещают в понедельник отдать. :)

Последние новости по делу – оказывается, при пожаре ЛПУ таки погибло не то 3, не то даже 8 зэков! Вчера, вроде бы, блатные говорили, что 8, но потом кто–то с 10–го барака сказал, что всего 3. Сам я ничего этого не слышал, знаю только по рассказам, с чужих слов. Надо сказать, что жалости не испытываю по этому поводу ни малейшей, скорее наоборот. За 3 года я вполне достаточно насмотрелся на эту публику – уголовный "спецконтингент", – а если еще добавить, что это были из всех наиболее отпетые подонки, самые блатные из блатных... Короче, это были люди, на воле всегда готовые меня обворовать и ограбить, вскрыть квартиру, отнять мобильник, деньги и пр.; а здесь, на зоне, эти типы претендовали (просто по умолчанию, даже если я их лично ни разу и не видел) мною командовать, быть некой властью, и чтоб я этой их власти подчинялся. И по той, и по другой причине – ничего, кроме скорейшей смерти, пожелать я им все равно не мог, – как и всем прочим, оставшимся тут еще в живых.

Пока дописывал про них – включили свет.

А вот для администрации зоны случай такого рода, как гибель даже всего 3–х зэков на пожаре – это большой скандал и неприятности. В любом случае, так или иначе этот факт можно использовать против них. Поэтому запрет блатных на сообщение этой информации на волю и вчерашний их наезд на меня по этому поводу – не могут быть расценены иначе, как работа на "мусоров" и прямое пособничество им.

5.4.09. 9–18

Воскресенье. Утро. Писать пока не о чем, все спокойно (тьфу–тьфу–тьфу!). Но – как и всегда, как каждое утро, вот уже 4–й год

подряд, – с утра, как проснешься, встанешь, – на душе такая тоска, такая ненависть к ним ко всем, – действительно, ни малейших сомнений не может быть: в печах бы их всех сжег, перестрелял бы своими руками, передавил бы, утопил, дустом бы засыпал, напалмом бы поголовно выжег всех этих тварей вокруг, – только за одно то, что засунули сюда и приходится тут, среди них, в этом дерьме, жить день за днем и год за годом! Святая ненависть!.. Будь хоть малейшая возможность, – я бы даже пепла от вас всех не оставил, твари тупорылые, выродки, мразь, уголовное отребье!..

17–03

У одной блатной животины тут, оказывается, якобы умер отец. По такому случаю другая блатная животина (свинья) пришла сейчас – и вымогла с меня 3 пакетика чая. Хотела вымочь еще конфет, шоколада и пр. – но, увы, обломилась...

Самая мрачная новость: на будущей неделе все уверенно ждут возвращения шимпанзятины... :(((

7.4.09. 15–45

Только пришли утром с завтрака – опять понесли баулы в каптерку, побежали, поскакали цепочкой! Батюшки, опять комиссия?! Только вчера я думал, заходя в столовку на обед, что давненько что–то не было комиссии... И вот замглавнокомандующий провокатор говорит, что приехал какой–то (фамилия, которую я уже слышал раньше), большая, короче говоря, сволочь, которая докапывается до всего. Правда, позже от другого – полублатного подонка–соседа – я слышал фразу, что приехал этот начальник по поводу недавнего пожара, что гораздо более вероятно. Я, как обычно, быстренько завесил свои 2 баула одеялом и с завтрака до сей минуты (15–51) – все спокойно, никаких следов тревоги и хождения по баракам нет.

Что еще? Вчерашнее утро тоже было необычным, но в другом смысле. Сверхнаглое полублатное чмо из соседнего проходняка (другое) опять докопалось до моего вшивого соседа, т.к. у полублатного чма у самого тоже (опять!) обнаружились вши. Оно раздело старого вшивого догола, заставило его вымыться специально согретой водой в туалете, выбросило все его вещи и дало ему новые (но без телогрейки, так что на улицу старый не выходит 2–й день, тем паче, что сегодня на улице совершенно ледяной, пронизывающий морозный ветер). Все это действо сопровождалось снятием и выносом на улицу их и без того полупрозрачной тюлевой “шкерки”, щитов старого и полублатного, и т.п. Я все ждал, что этот юный наглец и подонок начнет на ту же неисчерпаемую тему вшей и “проверок на вшивость” докапываться и до меня, но на этот раз обошлось.

Весь день вчера и до 4–го часа сегодня не могла дозвониться мать: не звали меня или же телефоны были отключены. Дозвонилась сейчас, но ничего утешительного не сказала. По словам Майсуряна, переданным ею мне, Паша Л. В этой хваленой выпускаемой книжке обо мне решительно отказался исправить всего лишь 2 слова, заменить их одним, как я просил сделать (передавал через мать). О более масштабных правках, исходя из такого подхода, видимо, нечего и мечтать. Странно это как–то... Меня даже сейчас, на финальном перед сдачей в печать этапе не оставляет ощущение , что эта делаемая ими книжка будет полной халтурой.

9.4.09. 14–38

Пошли на обед, зашел в столовку, сел за стол, придвинул суп, полез рукой в правый карман телогрейки, где постоянно ношу “грибок” из–под сукразита с приправой (растолченный бульонный кубик с зеленью из ларька), – нет “грибка”! Вот так! Уже 2–й раз его просто, банально воруют у меня прямо из кармана. Ну, 1–й раз я, не вынув его, выносил “телагу” в раздевалку на время “комиссии” или “прокурора” (не помню точно), тогда он и пропал. Но вчера, помню точно, я сам положил эту приправу на постоянное место в карман, решив, что если опять понадобится выносить куртку, тогда и выну. Телогрейка висит у меня на торце шконки, прямо в проходе секции; подойти и незаметно вытащить из правого кармана не составляет никакого труда, даже когда я лежу на шконке и смотрю перед собой. Украли уже 2–й раз (после 1–го раза я за курево купил другой такой же “грибок” у своего вшивого соседа), это не случайно. Значит, кто–то уже проведал и пронюхал, что именно в этом кармане я держу хорошую, ценную для этих мразей вещь – приправу, которой можно на халяву поживиться. Больше “грибка” у меня нет, и взять негде, но если и будет (мать может привезти такой сукразит, 300 таблеток) – в этот карман уже не положишь. Близится лето, ходить я буду не в телогрейке, а в “рабочем” костюме, там карманов куда больше – можно надеяться, что там не так сразу обнаружат. Кроме всего прочего, каждый раз вместе с флакончиком “уходит” и немалое количество самой приправы, которая не всегда бывает и в ларьке (вчера специально спрашивал – не было) и без которой есть местные супы гораздо затруднительнее.

Случай этот, как будто специально подгадали, очень удачно лег на настроение, бывшее у меня с самого утра (и не только сегодня). Отвращение, омерзение, тоска, – как еще назвать это состояние, какие слова подобрать? 24 часа в сутки, круглосуточно я нахожусь среди бандитов, самых настоящих бандитов, среди подонков, отребья, нечисти, самых мерзких и зловонных отбросов

рода человеческого. Желание их поголовно, всех вместе, одной толпой уничтожить, перестрелять, сжечь в печах, засунуть в один огромный биореактор, в газовую камеру, в переработку на мыло, – это единственное желание, которое один уже только их вид во мне вызывает. И это желание меня буквально душит, не оставляет ни на минуту, пока я их вижу и слышу, с самого подъема и до ночи, и снова с первых минут пробуждения... Сжег бы вас, твари, всех, уничтожал бы...

Пока пишу, сосед из соседнего проходняка возится с лампочкой – она почему–то в люстре уже не горит. Она единственная, другой нет... То ли сама люстра сдохла, то ли что–то еще, но на данный момент я, как и они, остался без света.

Сегодня после проверки явилось из ШИЗО шимпанзе, и это самая мерзкая новость дня, наравне с кражей приправы. Неизвестно еще, что хуже. Хотя, пожалуй, “грибок”–то модно найти и новый, а с этой бешеной тварью жить тут, в одном помещении, еще полгода.

Сосед, ничего от лампочки не добившись, бросил все заботы о ней и пошел с кем–то курить. Будем жить в темноте?..

Комиссия ни вчера, ни сегодня ничем и никак себя не проявляла, хотя разговоры о ней все же были слышны (на вахте кому–то из “обиженных”, пришедшему за инструментами, даже сказали, что, пока в зоне комиссия, они инструментов не выдают). Тем не менее, я расстелил с подъема свое красное одеяло и вчера, и сегодня, засунул под шконарь баул со жратвой. – черт его знает, что можно ждать от всех этих тварей, и от тех, и от этих!.. Да и о выходе шимпанзе я знал заранее (хотя полной уверенности, что его таки выпустят, не было. Увы...). Зато утром, а районе 10–ти, были крики про “шмон–бригаду на наш продол”, в итоге оказавшиеся ложными, – удивительная история! Шмон бригады не было; был только долгий, нудный обход пол–утра силами 6–ти, что ли, “мусоров”, – “четверо на 12–м, двое на 8–м”, и т.д.

Мерзко, тошно невыносимо... Засунули в дерьмо головой, в самую выгребную яму, так что возможности дышать не осталось совершенно. Жизнь среди подонков, отребья, ублюдков и мрази... Главный шнырь, спец по вшам и по браге, опять, после довольно приличного перерыва, стал лазить пихать под шконку моего соседа–алкаша свои бадьи с брагой. Когда он рядом со мной стоит на коленях, пригнувшись и залезая рукой далеко под шконку, я испытываю непреодолимое желание со всей силы огреть его по затылку чем–нибудь железным и тяжелым, так, чтобы с одного удара проломить череп. Такие мрази не должны жить на свете, их надо безжалостно, беспощадно истреблять, давить, как чумных блох, и никакие права человека на этих

нелюдей не могут распространяться по определению. Не только на таких, как этот мерзкий шнырь, но и вообще как 99% собранных здесь – в бараке и во всей зоне.

Зато старый ворюга и алкаш–сосед неожиданно спросил меня вчера, что же это я его даже не поругаю за то, что он никак (с ноября!) не доделает мне жилетку! Типа, надо бы его усовестить, а то он никак не может заставить себя взяться. Я в ответ сказал, что совершенно не уверен, способен ли он в принципе испытывать угрызения совести.

18–12

Шли сейчас с ужина, и я подумал: живу как во сне в каком–то. В анабиозе. В забытьи. В коме. Не замечаю ни солнечного света, ни весны, ни того, как тает снег... Бессмысленное, механическое существование, а не жизнь. Бессмысленное здесь не больше, чем на воле, кстати. И завершится оно смертью. Рано или поздно, это уже детали. Смерть полностью перечеркивает всю жизнь и все, в течение ее сделанное, нажитое и прожитое. И нужны поистине совершенно исключительные обстоятельства и исключительное везение, чтобы суметь остаться в этой жизни и после своей физической смерти, чтобы человечество не забыло хотя бы твое имя...

А я, как я еще в 6–м году писал Е.С. из тюрьмы, – если отвлечься от политики и политических категорий, перейти к категориям чисто бытовым, житейским, – то я самый обыкновенный неудачник. Правда, обыкновенный по банальности этого звания, но не по масштабности всего, что послужило основанием к нему. Неудач было много, почти вся жизнь из них и состояла (а мать до сих пор думает, что если меня хорошо кормили и одевали в детстве, то это было все, что нужно для счастья. Да и детство прошло уже так давно...), а счастливых моментов – отдельных дней или коротких периодов, по неделе или месяцу, когда было бы чувство острого и полного счастья, я, пожалуй, сколько ни роюсь в памяти, могу припомнить от силы 2–3, в 1997 году, и связаны они были не с политикой, а с личной жизнью. Но и это счастье, увы, быстро кончилось, очень быстро, – по сути, оно оказалось обманом, иллюзией, и было много месяцев и даже лет боли после того (и оттого), как это понял...

А так, обычно, вообще – политические неудачи (сперва не столь очевидные, проявившиеся только в последние годы перед арестом и уже после него) органично дополнялись сплошными неудачами личными, из которых состояли, собственно, все 90–е годы, а в 2000–е – эта острота как–то потерялась, отошла на задний план, вместе со всей вообще личной темой. Ведь, помню, еще в 99–м, устав от поисков, я решил, что больше мне это не

нужно, пропади пропадом… Но потом поддался опять соблазну, – а неудачник, тем более заведомый, сам о себе это знающий, не должен ему поддаваться, он слишком хорошо наперед знает, чем все кончится… И вот – закономерный итог: эта последняя (хронологически) история с Ленкой; годы, проведенные в прогулках и чаепитиях с ней, ее “любовь”, ее стремление к браку и семье – и ее реальное отношение, выявившееся так наглядно сейчас…

Еще до ужина приперся отрядник, сейчас сидит здесь. Начинал писать эту фразу про него – прервали – прервали, принесли телефон: дозвонилась мать. Якобы по соображениям отрядника, то есть безопасности, принесший велел переться с “трубой” в “маленькую секцию”, говорить там. Но на деле это теперь так бывает и без отрядника, что говорить дают только там: это они желают слышать, что я не говорю ничего “лишнего”. А у блатных обитателей “маленькой секции” нездоровое оживление, глумливый смех, вскрики, выкрики, издевательские “шутки” и намеки, как правило, вызывает одно мое появление и мой вид в их секции (очень необычно и непривычно, я согласен. С ноября 2007 не приходилось там бывать, больше года.). Но мне плевать на этих мразей и на их глумливый смех. Холопы, мнящие себя элитой; быдло, потомки крепостных. Лучше уж так, чем как я хотел написать до звонка матери (сказавшей, что дозванивается сегодня с 11 утра): связи целый день нет, дозвониться матери не дают…

10.4.09. 7–27

Света, действительно, так и нет, вчера ужинал в полной темноте. Сейчас – спасает только солнце. Дожили, сломали–таки эти ублюдки лампочку, точнее – проводку к ней. И всем плевать, чинить, видимо, не собираются. Мрази… Ненавижу!..

11–22

102–я прошла… Утром, только стал собираться в баню – заранее, как всегда, – вышел в коридор, – а света нет! Я–то теперь, со своей сломанной люстрой, не вижу, горит вообще в секции свет или не горит.

Делать нечего, – улегся, прямо не снимая ботинок, на шконку – ждать 10–00, пойдут в баню или не пойдут, дадут свет или не дадут. Нет – ну и черт с ней, с баней, не вагоны, чай, я тут разгружаю, чтобы так уж сильно запачкаться. Подожду недельку, а уж после обеда не пойду точно – не хожу я в это время, нет привычки.

Но минут через 20, где–то без 10–ти 10, свет дали. Тут же я собрался и вышел первым из барака. Но не тут–то было – сволочь СДиПовец, сидящий в будке возле нашего забора, открыть

отказался. Выдумал, что должна быть якобы какая–то бумажка при себе на право свободного хождения. С самого прошлого августа хожу – никто никакой бумажки не спрашивал, а тут нА тебе ! Да и заявление прошлым годом подписано, – сейчас, это я уже не первый раз тут слышу, надо подписывать новое, на этот год. Что за идиотские порядки!.. Вот уж поистине, страна идиотов. “Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью”... В заявлении–то ведь ни слова не сказано о том, что оно действительно только на 2008–й год, вообще ничего о сроке действия его там нет, – по логике, документ, в котором эта информация ясно и четко не прописана, действует бессрочно. На обоих “постах” еще пропускают по старой памяти (знают в лицо?), но уже ясно, что это беда: этот свободный ход мне и нужен–то в основном, чтобы ходить в баню раз в неделю заранее до всей толпы; если не будут пускать и опять придется ходить с толпой, то повторится ситуация конца 2007 г.: ни “лейки”, ни скамейки, ни одеться, ни раздеться, с помывкой стоять и ждать, пока пустят... В общем, старая, глухая тоска, от которой за эту зиму и весну я уже отвык. Придется вылавливать как–то в больнице эту скотину Демина и просить его подписать мне такое же заявление еще раз; и еще неизвестно, согласится ли он...

Короче, в баню пришлось идти уже с кучей блатных, подтянувшихся к калитке сразу после меня. Хорошо еще, что этот дурак СДиПовец хотя бы им открыл калитку достаточно быстро, так что пошли, пока еще не успела собраться вся толпа. В результате скамья мне досталась именно та, что надо, – мое любимое место в дальнем углу; а “лейка” зато – крайняя, у окна, из которой еле–еле течет, почти капает, но я и тому был рад, хоть эта “лейка” была свободна, встал и мойся, не надо никого ждать, – тем паче, что первые несколько минут напор был еще более–менее приличным.

Язвы на ногах так и не заживают, несмотря на все бинты, пластыри, мази и т.п. На левой их изначально было больше, чем на правой; там большинство их уже зажило, но оставшиеся 3–4 не подсыхают никак и весьма неприятно и сильно болят при любой попытке их побеспокоить – например, снять или одеть носки. Но и на эти язвы, как и на все вообще вокруг – например, на отсутствующий теперь свет в моем конце секции, на испортившийся шнурок, порвавшиеся ботинки, на мелочи быта и на всю эту мою нелепую, никчемную жизнь – мне стало уже так глубоко и безнадежно наплевать, такое глухое безразличие охватило ко всему – и к этому “свободному ходу” тоже, кстати, – будь что будет, пропади оно все пропадом, я даже и думать ни о чем не хочу!..

Единственная хорошая новость: шимпанзятину, по разговорам, прямо вчера же опять убрали в ШИЗО (или куда там?). По крайней мере, еще вчера вечером она пропала и сегодня ее до сих пор не видно и не слышно. Что ж, спасибо судьбе и за это.

15–35

А тут и комиссия вдруг выпрыгнула, откуда (и когда – на 4–й день!) уже никто не ждал! Впрочем, может быть, это была уже какая–нибудь другая комиссия, фиг их знает... Подошли уже к воротам столовки (обед) – вдруг смотрим: вдалеке, у ворот больницы, целая толпа “мусоров”, и с ними – разглядели – поп в рясе. Как только расселись за столы, эта толпа прошла мимо столовки в сторону бараков. Большая толпа, в которой были и штатские, в т.ч., кажись, 2 (не меньше) женщины. И поп. Странная какая–то комиссия... Кто был в столовке на ногах – так и прилипли к окнам. Прошло немного времени (только успеть поесть) – и наш замглавнокомандующий провокатор вместе с еще одним, особо злобным блатным, выскочили из столовой.

Я прислушался, что подсказывает мне внутренний голос: спешно бежать в барак спасать вещи, которые эти твари (руками других, покорно–нерассуждающих) сейчас могут уволочь в каптерку или еще куда похуже, ожидая комиссию. Или же сходить перед тем в ларек, купить себе хлеба и сока, как я хотел изначально. Внутренний голос ясно советовал 2–й вариант и обещал, что с вещами все будет нормально. Прикинул: в ларек теперь одного может и н пустить эта СДиПовская сволочь в будке (вот от кого тут приходится зависеть!..), а идти вечером – лишняя морока, да и вдруг мат позвонит как раз в это время... Решил пойти в ларек.

Пошел, но там оказалось несколько дольше, чем я рассчитывал (хотя и в кассу, и в сам ларек – всего 2–3 человека впереди). Взял сок и хлеб, как хотел. Шли группой обратно – попавшийся навстречу “козел” сказал, что комиссия заходила к нам в барак (до того это же говорил “козел” на воротах столовки, нас не выпускавший, но ему–то откуда знать?). Ну и ну, чудеса! Поравнялись с “нулевым постом” – эта хваленая комиссия вышла из какой–то задней двери столовой, так что тут я имел возможность на ходу получше их рассмотреть. Пришел в барак, перекусил, спросил у своего (бывшего вшивого) соседа, заходило ли все это начальство сюда – он сказал, что нет, ничего не слышал о них ни у нас, ни на других бараках (стремщики бы крикнули обязательно)...

11.4.09. 9–40

А вот “обиженный” Юра говорит, что он сам видел во дворе,

как комиссия заходила к нам в барак. Кому верить – черт его знает...

Матери не дали вчера дозвониться весь день, я с ней так и не разговаривал. Похоже, что не дадут и сегодня. Повторяется ситуация прошлого лета...

Новое бедствие: еще вчера засорилась какая–то канализационная труба, общая для всех бараков. В туалете со вчерашнего дня регулярный потоп: “обиженные” бедолаги пробивают трубу, вычерпывают воду, но она то и дело набирается снова...

12.4.09. 7–04

Вчера туалет таки пробили, но сегодня с утра – и не прямо с подъема, а где–то вот недавно, незадолго до 7 утра – в нем опять потоп. Даже зная об этом и даже будучи а резиновых тапках–“сланцах”, я на выходе оттуда едва не промочил ноги. Самый работящий, услужливый и вежливый из “обиженных”, как и вчера, предупреждает всех входящих: “Осторожно, в туалете потоп”!. Вот, говорит, уже пробили. Недолго...

Так и живем без света, люстра над нашим концом секции не работает. Шпана в соседнем проходняке, которую это тоже раздражает, приладилась включать эту лампочку, цепляя ее прямо к проводам над своей шконкой, от которых они заряжают телефоны (и патрон у них откуда–то есть!..). Собственно, дни сейчас все прибавляются, днем нормально и без света; неудобств только два: утром – проверять вшей в одежде (но как–то еще можно приладиться, если снять всю одежду со шконки), а вечером – готовить ужин, точнее, вытаскивать все лишнее (хребты, кости и пр.) из консервов. Нот вчера как раз примерно в это время, когда я начинал есть, они и включили лампочку и, будем надеяться, сегодня будет так же.

12 апреля. Сегодня – НАШ с Ленкой день... Горько вспоминать об этом...

14.4.09. [время не указано]

Ничего особенного не происходит. Только что вот подходили блатные и пытались вытрясти с меня 500 (!) рублей ларьком на какого–то своего, тоже блатного, с 3–го барака, переведенного вот сейчас из ШИЗО в больницу...

Весна окончательно вступила в свои права. На улице тепло, солнце, даже по утрам уже нет мороза, на дворе барака – непролазная грязь, раскисшая глина с водой от стаявшего снега. Надо одевать уже летнюю форму, но никак не могу собраться, – то мысль, что по вечерам все–таки еще прохладно, то никак не могу куда–нибудь рассовать все вещи, что лежат по карманам “форменной” куртки. Но, м.б., сейчас, на обед, все же попробую

расчистить карманы и надеть ее. А вот летние ботинки, купленные еще в ноябре за блок сигарет у старого хрыча Пятака, как раз 10 апреля освободившегося, одевать пока еще явно рано – на “продоле” местами тоже еще грязь непролазная, да и около столовки тоже.

Мать сообщила, что говорила с Гефтером, – деньги на книжку обо мне дать только после их встречи втроем, – мать, Гефтер и Паша Л. Хотя макет в электронном виде Паша ему и так послал. Зачем еще встречаться? Чует мое сердце, что если даже (вопреки моим сомнениям) эта брошюрка и выйдет, то будет она всего лишь профанацией...

Вчера ужасно болели язвы на ногах. Большая их часть почти прошла, но меньшая упорно беспокоит. Впрочем, одна наиболее сильно саднившая вчера язва сегодня с утра вроде бы затянулась.

Так и живем без света. Пол–утра сегодня я ждал возможного шмона, но его так и не было.

17–31

Вспомнилось сегодня, как еще на воле я много раз думал: если бы меня спросили, каково мое самое заветное желание, чего я хочу больше всего на свете? Что бы я сказал? Что самое заветное желание – иметь возможность убивать своих врагов и точно знать, что мне за это ничего не будет, – никаких уголовных дел, тюрем, судов и т.п. Самое большое желание в жизни!.. Сколько бы уже полегло тварей и мразей, если бы оно исполнилось... Особенно актуально оно здесь, где среди тварей и мразей всех сортов находишься круглосуточно, целыми годами. Должно быть, потому и вспомнил...

Выходили на ужин – навстречу перся к нам отрядник. Сейчас пришли с ужина – сидит здесь, и, значит, с матерью мне сегодня едва ли удастся поговорить...

15.4.09. 16–26

Дела паршивые, мрачные. Отрядник вызвал меня вчера, как раз когда я говорил по телефону с матерью в “маленькой секции”, и я еще успел сообщить ей о вызове. Он отдал мне письмо от Журавлева, студента из Самары, моего читателя (хорошо, что мое к нему прошлое письмо все же дошло), а потом... Он достал большое отпечатанное объявление и дал мне ознакомиться. На основании ст. 95 УИК РФ администрация ИК–4 извещала, что отныне ни книги, ни газеты, ни журналы не будут приниматься ни через посылки/бандероли, ни через передачи, а при получении будут отправляться на склад личных вещей до освобождения.

Ссылку на ст. 95 мне долго и нудно разъяснял отрядник. 1–я часть этой статьи содержит, собственно, 3 позиции: з/к разрешается получать в посылках и бандеролях письменные

принадлежности, приобретать книги через торговую сеть и подписываться на СМИ за свой счет. Никаких запретов и ограничений в этой части статьи не содержится. Да, не написано, что можно получать книги через посылки–передачи, но на деле это постоянно было так, и, право же, чтобы на основании права приобретать через торговую сеть запретить получение книг через передачи, надо иметь очень уж буйную фантазию и совершенно выдающуюся наглость.

Расчет их ясен. Раз не удалось оставить без книг и прессы меня лично, как они хотели вначале, – они не остановятся перед тем, чтобы оставить без них ВСЕХ зэков, получающих книги и СМИ. Благо таких тут из всей зоны наберется десяток–другой, не больше. У остальных прямо на лицах написан такой сверхглубокий интеллектуализм, что, право же, вопрос о книгах и пр. (кроме “Плейбоя” и “СПИД–Инфо”, м.б.) отпадает сам собой. Не зря, оказывается, приходил еще 2, что ли, недели назад этот длинный москвич с 4–го и ругался, что из–за моих жалоб теперь всем не выдают прессу, и ему их отрядник не выдал ее из полученного заказного письма.

Что делать и как с этим бороться – неизвестно. Очень возможно, что год и 11 месяцев оставшегося срока мне придется провести тут вообще без книг. Что же касается подписки на СМИ, то я почему–то сильно подозреваю, что нужного мне “The New Times” не окажется в их подписных каталогах.

Со связью проблемы, похоже, стали перманентными. По такому поводу, как книги, хотелось, конечно же, сразу позвонить Е.С., попросить правозащитное сообщество напрячься и что–то придумать. Но идти просить это блатное наглое чмо, на чей телефон мне теперь звонят, было совсем невмоготу, а других – и вообще бесполезно, и я решил назавтра после завтрака воспользоваться запасным вариантом. Но – редкий случай, как будто нарочно! – их калитка была с утра заперта на замок. Потом я слышал, как местный владелец “трубы”, мой теперь “связной”, говорил кому–то, что отдал свою “трубу” на 2 дня на 7–й барак, кому–то. Потом я столкнулся с ним во дворе ларька, – он тут же пристал с просьбой купить шоколадку, а я, используя момент, спросил его, не звонил ли мне кто? Он сказал, что нет, но он сейчас придет в барак, включит и посмотрит. Значит, “труба” все же у него?! Черт разберет; это тварь настолько лживая, хитрая и верткая, что верить ей и полагаться на ее слова нет никакой возможности. Давно ли она нагло вымогала у меня, случайно увидев, пачку макарон?.. К тому же, сегодня это существо вляпалось на утренней проверке: трепалось вовсю, не заметив уже подошедшего считать “мусора”, и при этом еще и не имело

“нагрудного знака”, то бишь бирки на груди. За это ему было обещано сразу 2 рапорта, и в ближайшее время, скорее всего, оно уедет тоже в ШИЗО. Связь у меня на этом бараке, таким образом, прервется окончательно минимум дней на 10, а скорее на все 15.

Сейчас пора собираться на ужин, а потом, скорее всего, опять припрется отрядник. Так что возможности с кем–либо созвониться, видимо, не будет сегодня весь день, и дай бог, чтобы она была хоть завтра...

17.4.09. 8–34

Весь день вчера шел мокрый снег и было очень холодно – взглянешь, и полное ощущение, что вернулась зима, стоит ноябрь. Впрочем, мать говорила, что прогнозируется сильное похолодание. ЭТИ поздравляли друг друга (и меня) с Новым годом...

День прошел спокойно, но вечером, когда я собирался ужинать, поползли вдруг слухи и разговоры один другого мрачнее. Сперва – что 13–й барак раскидают, и кто–то якобы уже видел список, кого в какой отряд закинут. Кого откуда брали – видимо, туда и вернут. Я вспомнил 5–й, эти лестницы наверх (внутри барака – еще и без перил, я прямо никак подняться не мог), и эту тесноту, и как не имел там своего постоянного места, спал, где свободно... Ломать весь годами налаженный быт и со всем скарбом, со всем барахлом перебираться куда–то в другое место – это и вообще не дай бог никому, а если еще и знаешь, что там точно будет хуже, и лестницы, и теснотища, и ни поесть, ни полежать, ни поставить баулы, да еще и к тамошней шпане привыкать заново, и опять они будут стараться из тебя вытянуть на свое (якобы) “общее” все, что можно и нельзя... В общем, не дай бог!.. Одна мысль об этом вызывает тоскливый ужас и чувство полного бессилия что–либо изменить...

Но раскидывать барак – это все же надо начальству окончательно сойти с ума, да и зачем? Поэтому слух этот все же показался мне маловероятным (хотя кто знает!..). А затем, ближе уже к отбою, всплыл слух, что эти блатные твари опять затевают ремонт! Во это уже более вероятно – начинается лето, да и старый хрыч один, освободившийся в том июне, а вообще просидевший полжизни (33 из 60–ти, что ли), помню, уверенно предрекал, что этим летом в бараке будет ремонт...

Хотя он был только в 2007–м, и сейчас на фиг никому не нужен. Я вспомнил рассказы заставших его, как выносили шконки на улицу и жили на улице, и ночевали там же, открытые всем дождям и комарам. Вспомнил, как в карантине половину всего пребывания там спали вповалку на полу, на сложенных сплошняком друг к другу матрасах (не так–то просто мне было

вставать на ноги), потому что ту секцию, где спали вначале на шконках, при нас начали ремонтировать (скрести зачем–то стены), а из 2–й – шконки стояли на улице, на заднем дворе. Их, видите ли, надо было красить, а зэки в ожидании этой покраски пусть спят на полу...

Если устроят ремонт в большой секции, то опять, видимо, погонят жить и ночевать на улице. Мрази!.. Да еще, разумеется, начнут клянчить опять деньги – как же, ведь все эти ремонты тут проводятся силами зэков, вскладчину. Ну уж НА ЭТО денег я им точно не дам, пусть хоть сразу же и до конца срока обрежут мне связь. Денег на то, чтобы меня выселили жить на улицу, под дожди, я вам, ребятки, не дам.

От всего этого, да и от самой обстановки тоже, проснулся я сегодня (в 4 где–то, до того еще трижды за ночь) в настроении такого отчаяния, такой смертной тоски, что хоть прямо сейчас в петлю. А что, – может, и в самом деле пора?.. Легко утешать, поддерживать и ободрять со стороны, находясь дома, в привычном уюте, где ты сам себе хозяин, а не посреди толпы отпетых подонков, навязывающих тебе свои интересы и решающих за тебя, как тебе жить... Утешители, когда прочтете это место – представьте себя в этих условиях, в этом бараке, полностью беззащитными и бессильными что–то изменить, – а потом уж корите меня за слабость и отчаяние.

Тоска настолько невыносимая, что я мечтаю о смерти, молился бы о ней, если бы верил в бога... Тоска, отчаяние, безвыходность и безнадежность. Вот так вот я влип на целых 5 лет, и деваться некуда, и выхода нет, и хотя вроде бы осталось и не так много, год и 11месяцев, 702 дня – но и их надо еще пережить...

11–20

Что ж, вот и прошла она, баня опять по–прежнему, с отрядом, со всей толпой, когда доплетаешься до нее последним. Нет! Позади меня было еще 2 человека! И – главное счастье, везение, удача – удалось сесть на самый краешек скамейки, он был свободен! А уж пакет я бросил на пол, в угол, как раз рядом с собой.

Ну и, как обычно, минут 15–20 ждал, пока хоть под какую–то “лейку” можно будет встать, хотя бы только облиться водой. Встал – уже третьим – под ту самую, под которой мылся, приходя раньше всех. К тому самому тупорылому, бессмысленному животному, а не человеку – алатырскому чму (да какое там животное! Насекомое!!), которое нагло впиралось мыться со мной под этой лейкой каждый раз (а по утрам пинает шконки “обиженных”. Как хорошо, что в июне этой мрази здесь уже не

будет!..). Минут 15, если не больше, ждали еще, пока юное неизвестное чмо (со 2–го, видимо, отряда) само, поплещется, сполоснется по 10 раз во всех мыслимых местах; да потом еще минут 5 минимум (скорее больше) – пока оно здесь же постирает носки. Замерз я, пока ждал, жутко, стоял ведь уже мокрым; да и вода была на этот раз совсем не горячая, чуть тепленькая. Но все же кое–как помылся, и – главное – оделся сидя, с хотя бы относительным комфортом.

М–да, вот такая вот баня. И так будет теперь всегда, – если только в ближайшее время не отловить этого самого Демина и не выпросить у него еще раз этот “свободный ход”. Тогда – где–то до начала следующего года. Но он может еще и отказаться подписать...

Вот такая вот жизнь. 702 дня осталось. Раскинут барак, не раскинут, выселят летом на улицу, не выселят, сколько ждать в бане, хоть до самой проверки, и будет ли баня вообще; как и все–все остальное, – давно уже стало мне глубоко пофигу, абсолютно безразлично. Будь оно что будет и как будет, – мне наплевать. Я хотел бы только одного сейчас – умереть. Господи, когда же я сдохну? Когда все это кончится?.. Жаль вот только, что на суицид у меня до сих пор никак не хватает духу. Я глубоко презираю себя за это. Я ничтожество и дерьмо, трус, из одного лишь страха готовый терпеть все это и позволяющий всем ИМ над собой издеваться...

13–00

Просто нет уже сил ни о чем этом думать, переживать, бояться, пытаться представить, как это будет – как потащусь со всем своим барахлом на другой барак, к другой шпане, или как буду жить на улице... Вчера еще были душевные силы и психическая энергия на это, а сегодня – нет. Кончились. Иссякли. Нет сил думать вообще ни о чем. И бояться тоже нет сил. Есть же еще и шмоны, и комиссии, и скорое шимпанзе (24–го?), это опасности постоянные, но и они уже за гранью сознания. Все уже безразлично. Будь что будет. Самое лучшее – сейчас, немедленно – было бы – умереть.

18.4.09. 21–32

Слышал сейчас мельком кусочек из отчета шимпанзятине ее зама по телефону. Говорит, что решать вопрос о том, раскидывать 13–й барак или нет, “мусора” будут в понедельник, и тут ничего не поймешь. Я мысленно уже готовлюсь обратно на 5–й, думаю, брать ли с собой палку, если буду летом спускаться просто погулять по двору (без нее потом трудно будет ползти наверх). Поначалу – без своего места и с новыми соседями, какой–нибудь 20–летней шантрапой – конечно, будет ужасно. Но – может, черт

возьми, оно и к лучшему? Будь что будет...

19.4.09 8–40

Эту ночь почти не спал – урывками, просыпаясь через каждый час, ворочаясь и подолгу лежа без сна. Расходились нервы совсем, никак не унять. Все из–за этой, случайно услышанной вчера вечером фразы. Лежал – и представлял себя уже на 5–м, как там будет, в этой жуткой тесноте, среди наглых, глупых малолеток, и как я буду по вечерам выкраивать себе место на шконке и тумбочке – поесть, и что на завтрак там почти сразу после зарядки (это я помню), и т.д. и т.п. Самое тяжелое, конечно, там будет – каждое утро выскакивать на зарядку в любой мороз. А 5–й – он сразу за 12–м, 2–й по "продолу", и "мусора" туда заходят обязательно, там не отлежишься, как здесь. И постоянный постельный, чтобы хоть на зарядки эти не ходить, хрен дадут... А м.б., и не на 5–й засунут, еще на какой–нибудь, скорее всего – на тот "продол". И связь там надо будет опять налаживать с нуля...

Может быть, и заснул бы уже под самое утро, часов в 5, – но тут как раз и подъем... Мысли потом, как обычно бывает, растеклись, расширились, перешли незаметно на что–то другое, на глобальное... Зачем я здесь сижу и мучаюсь? Почему? За что?.. 700 дней еще осталось, ровно 100 недель (а м.б., и не ровно, стал тут вычислять день недели 21.3.11. – вроде это не понедельник, как я думал. Надо брать бумагу и считать точно. Еще один день к сроку...). Зачем вообще все это? Ведь, как ни крути, жизнь бессмысленна, все равно смерть разом перечеркивает все наши достижения, планы и мечты... Так зачем мне такая жизнь? Зачем мучиться тут еще 100 недель, зная, что и потом, на воле, тоже не будет ничегошеньки хорошего, будет тяжелая, тягучая, нудная, бессмысленная серая жизнь, ведущая прямой дорогой к смерти... Поездок на теплоходе, которые матери моей кажутся символом и апофеозом счастья, верхом мечтаний (в т.ч. и моих) – их, наверное, в этой серой жизни уже не будет, хватит, отъездились; а если и выдастся еще раз–другой – это еще ничего не значит, круиз на теплоходе еще не есть признак безмятежно счастливой жизни.

Почему я не могу ничего сделать с собой? Боюсь?.. Чем дольше я живу, тем все более и более суицид представляется мне единственным выходом и решением всех проблем, единственным разумным завершением этой никчемной жизни. Увы, даже на это я не способен. Ни одной попытки ведь у меня нет – но тем не менее здесь я состою на профучете как суицидник. Должно быть, они почувствовали это из моих писем домой, еще в 2007 г., как я сюда приехал.

Зачем она мне, эта дурацкая жизнь? Когда же, наконец, все это кончится? Когда же я сдохну?.. Отчаяние и тоска такая, что я

поневоле не могу сдержать слез..

13–02

Не выдержали нервы, пошел сейчас к отряднику сам (он приперся с утра и проводил проверку). Спросил насчет этих постоянных разговоров о раскидывании отряда. Он показал мне сперва список комиссии, которая недавно сюда приходила (общественность и правозащитники, в том числе “Солдатские матери” и НОПЧ). Как всегда, отговаривался полным незнанием, но сказал, что комиссия нашла отряд (барак?) в ужасном состоянии, так что речь зашла сперва о ремонте. Но он (отрядник) вроде бы им сказал, что никто (из зэков) ремонтом заниматься не будет, так что в итоге – в понедельник должен решаться вопрос, будут раскидывать или нет. Но вопрос этот, по–моему, уже заведомо решен. После этого он сказал, что слышал какие–то слухи, будто бы я “пробивал” перевестись на 4–й отряд. Я опроверг эти слухи, а его слова воспринял как намек, что, видимо, меня планируют кинуть на 4–й. Странно, но все последнее время, встречая их на “продоле” по дороге на ужин, я жал руки 2–3–м там знакомым и думал, что, м.б., мне еще суждено оказаться среди них. И вот, видимо, этот час настал...

Посчитал дни до освобождения. Да, 21 марта 2011 – это таки воскресенья, а я больше полутора лет считал почему–то, что это понедельник. Значит, на один день больше я тут просижу... Хотя все равно остается ровно 100 недель до конца, пойду домой 22 марта, вероятность, что из–за выходных отпустят раньше, в пятницу , 19–го, совершенно ничтожна.

Итак, – что ж. Прощай, 13–й барак! Сколько я познал горя и боли, сколько пролил невидимых слез и сколько раз пожелал себе смерти в твоих стенах, – не сосчитать!..

21.4.09. 8–37

Вчера мать звонила Милютину, и он сказал, что разгон 13–го отряда пока что обсуждается только теоретически, обдумывается и – по крайней мере, в ближайшее время – реально пока не планируется. Ну и слава богу! Отрядник вчера вечером, проводя проверку, тоже ни звука не произнес об этом, – хороший знак, значит, новостей нет. Разговор матери с Милютиным, как она сказала мне, был по принципу: начали за упокой, кончили за здравие, вопреки пословице. Насчет книг он тоже не сказал в категорической форме “нет” (что мать привезет их мне на короткую свиданку 29–го, о чем она ему сообщила), а что–то вроде: “Посмотрим, посмотрим”. Это ничего не гарантирует, конечно, так что успокаиваться рано. Кроме этого, сообщил, что, оказывается, прокуратура (якобы) сделала им какой–то втык за то, что они принимали книги и прессу в передачах/посылках,

тогда как в 95–й ст. УИК написано, что зэки имеют право “приобретать литературу через торговую сеть”. Но т.к. нигде – ни в УИК, ни в других местах – не сказано, что зэкам поэтому ЗАПРЕЩЕНО получать литературу в передачах/посылках, то это – явный бред и передергивание со стороны не только самого Милютина, но и – если верить ему – прокуратуры.

Теперь зато у меня новая головная боль: как бы этот проклятый суд по УДО не назначили на 29–е, когда приедет мать! Я, конечно, предпочту свидание, т.к. вердикт суда уже заранее и с несомненностью известен. Но все же ситуация может получиться крайне неприятная; а учитывая нынешнюю вражду с администрацией – никого и не попросишь пустить меня на суд самым первым, как было в феврале 2008–го...

17–38

Нет, все обошлось и на этот раз. Вызвали после обеда к нарядчику и вручили постановление Тоншаевского суда о назначении слушания об УДО на 27–е апреля, понедельник. Вот и славно. Самое забавное, что подписано оно судьей Костровым, – тем самым, что отказал мне в первый раз, 7.2.08. Если бы вдруг в понедельник он меня отпустил, то это выглядело бы чем–то вроде гегелевской триады: тезис – антитезис – синтез. Сперва Костров не отпустил меня, несмотря на хорошую характеристику, отсутствие взысканий , наличие адвоката и кучи ходатайств за меня, в т.ч. из США. Потом другая судьиха не отпустила при плохой характеристике, но без адвоката и ходатайств. А вот теперь, с 3–й попытки, тот же Костров отпустил бы, несмотря на отсутствие адвоката, наличие выговора и (скорее всего, 99,99%) плохой характеристики. Вот уж был бы синтез так синтез! :)) Но это ненаучная фантастика, конечно.

Блатные говорят, что с той “симкой”, с которой я теперь постоянно общаюсь с матерью и др., стало происходить что–то странное, похожее на постановку на прослушивание. Говорят, что так же было недавно с какой–то другой “симкой”, которой пользовались здесь люди, имевшие отношение к наркотикам, и теперь их, 8, что ли, человек, куда–то вывезли отсюда. Очень может быть, что и слушают, но не по инициативе местной администрации, а уж скорее московских товарищей в штатском: т.к. мой домашний телефон стоит на прослушке уже давным–давно, то нет ничего проще, как ставить на прослушку все те номера, на которые она мне регулярно звонит. Но это к делам местной шпаны не имеет никакого отношения, а эти блатные психопаты и ничтожества, естественно, тут же перепугались за себя и стали мне выговаривать, чтобы я был осторожнее в разговорах...

22.4.09. 9–30

Вчера весь день дул бешеный, пронизывающий, прямо–таки валящий с ног ветер. Мать говорила, что Москву засыпало еще и снегом, но здесь снега не было. Он пошел сегодня: выйдя во двор перед подъемом, как обычно, я увидел вполне зимний пейзаж: снег валил сверху, им уже была густо укрыта вся земля, и было по–зимнему холодно, явный мороз. По этой же метели и ветру ходили на завтрак. Холодина. Без огромного воротника моей зимней “телаги” мерзнет затылок, а воротник нынешней, “демисезонной”, и меньше, и едва застегивается.

Новости вчера вечером посмотреть так и не удалось – шпана смотрела какой–то фильм на DVD. Поэтому хорошо, что новость, прошедшую по всем каналам, мне еще перед (моим) ужином сообщила мать: принято решение все–таки освободит Бахмину! Непонятно, правда, почему она вдруг оказалась в “Матросской тишине” и решение освободить принимал, соответственно, Преображенский суд Москвы. Не иначе, как привезли ее участвовать в новом деле Ходорковского. Хоть что–то хорошее, хоть редкая (редчайшая), но приятная новость. Алексанян, теперь вот Бахмина... Но даже и год с лишним спустя, даже после освобождения Бахминой – обещанной “оттепелью” все равно даже не пахнет. Не далее, как в понедельник, 27–го, это еще раз докажет Тоншаевский районный суд Нижегородской области...

24.4.09. 11–00

Неожиданно вдруг очень удачно сходил в баню. Блатные собирались заранее, где–то в 9–30, специально приказали “общественнику” вести их, и он покорно ждал их в “фойе”. Услышав это, я быстренько натянул ботинки, телагу, шапчонку, вышел во двор – а калитка–то открыта!.. То есть, мне не пришлось под их насмешки и пересуды проходить, когда откроют, бочком–бочком за ними, – я спокойно вышел и пошел в баню вперед их!! Отлично! Но, конечно, каждый раз так удачно не будет. А этого козла Демина, начальника больницы, я пока что так и не могу поймать – не заносит меня к больнице раньше трех, когда он, видимо, сваливает на обед.

Воды, правда, сказал банщик, открывая вентили, всего полбака, но мне хватило.

Ублюдки, полублатные крысы, захватившие соседний (крайний) проходняк, опять подключили там свою колонку, теперь над головой у меня почти что постоянно играет музыка – ни читать, ни писать невозможно.

Предстоит после обеда еще ларек – и привычное, неотступное, наглое вымогательство в нем. А денег – я узнавал специально в среду – осталось уже явно меньше, чем я думал...

25.4.09. 15–27

Единственная пока хорошая новость – шимпанзе так и нет, и говорят, что его то ли заБУРили (хотя БУР–то сгорел), то ли куда–то вывозят, – не пойму пока, но на бараке этой твари нет – и очень я надеюсь, что уж больше и не появится... Хотя, конечно, черт его знает.

25–е апреля, а на улице стоит морозец, – точнее, около нуля где–то, и временами начинает идти снег. Ветер холоднющий, просто ужас. Весна... Я не могу решить, в чем идти в понедельник на суд, – если будет такой же ветер, то, понятно, только в телогрейке, но поддевать ли под нее казенную робу, или нет? Это зависит от того, заставят ли там перед входом в кабинет снять телогрейку, или нет.

В ларьке вчера то же самое юное прыщавое чмо, от которого я, увы, теперь завишу в смысле связи, опять пыталось вытрясти с меня, – на сей раз конфеты, но никаких вообще конфет там не оказалось. Тогда оно было попыталось опять вытрясти шоколадку (они–то были, но вообще ларек был полупустой), – 4–ю уже по счету за последнее время. Но тут, увы, его ждал жестокий облом. :))

26.4.09. 16–33

Наконец–то распогодилось, во время дневной проверки еще был прохладный ветер и некоторая хмарь на небе, но после нее и до сих пор – чистое небо, солнце и тепло! Погода отличная, земля тоже подсыхает; если завтра будет так же, как сегодня, то я просто одену на суд свой коричневый “костюм”.

Хороших новостей на самом–то деле не одна, а целых 2. Во–первых, шимпанзе, как подтвердил мне вчера осведомленный источник ходящие по бараку слухи, “закрыли” до конца его срока (6 сентября с.г.), так что можно вздохнуть посвободнее – орать и буянить здесь эта тварь, надеюсь, уже не будет. А во–вторых, на истекшей неделе у меня практически полностью прошли и зарубцевались все язвы на обеих ногах. Затянулись новой кожей, выделяющейся на фоне старой хорошо заметными пятнами, и больше ничего не чешется.

27.4.09. [время не указано]

Безумный день. Сперва, с утра, конечно же, отказали в УДО. На сей раз придрались, суки, к тому единственному не снятому до сих пор устному выговору – тому самому, по лживому рапорту Одинцова 30.11.08. В постановлении судьи (Кострова) фигурировало только это, а в характеристике отрядника – еще и, как в том году, ссылка на то, что я не признаю вину, поэтому освобождать меня преждевременно. Но я ничего другого от этих мразей и не ждал, так что бог с ним. Единственное важное

отличие от прошлых разов – прокурор на этот раз не присутствовал вовсе; да еще удачно получилось, что на этот раз я не ждал до 12–ти, как в прошлом сентябре, а уже в 11 утра вышел из штаба. Мерзкая, гнусная комедия, а не суд, – такая же мерзкая и гнусная, как и все в этом государстве.

Наступило, меж тем, настоящее лето, уже почти жара (правда, ветерок временами прохладный), земля почти высохла. Только пришел с этого суда (начало 12–го), посидел немного во дворе на солнышке и пошел лег на шконку, – приходят и зовут в "маленькую секцию", будь она неладна. Что такое, – думаю, – вряд ли мать так рано станет звонить. Что–то тут нечисто, думаю. Иду.

И точно! Вызывает вся эта блатная шобла на ковер. Оказывается, одного из них (едва ли не самого мерзкого в отсутствие шимпанзятина), по его словам, вызывали в штаб якобы по поводу "моих жалоб", но каких именно – оно, видите ли, не считает нужным мне сообщить. Я недоумеваю, что же тогда оно (это чмо долговязое) желает услышать от меня. Оно нехотя упоминает один эпизод из услышанного – о пепельнице, высыпанной мне на постель. Я понимаю (про себя), что это могло быть взято только с "моего" сайта, и говорю, что в жалобе этого не было, единственная жалоба была написана раньше. А говорю–то я не с ним одним, тут их целая кодла, и все говорят одновременно, забрасывают тебя репликами, – не успеваешь всей этой мрази отвечать. Начинаются угрозы физической расправы и демагогические вопросы типа: "Почему из–за тебя должны страдать мужики в бараке?", а на мою реакцию на угрозы (я не поддаюсь и не демонстрирую страха) – возмущение типа: "Ты чё такой наглый?!". После "страданий мужиков в бараке" и моего ответа на сей вопрос, – что он некорректен и ответу не подлежит, – нарастает такое возмущение ("Ты что тут, в суде?!"), что меня выгоняют (типа, слишком наглый, не понимает ничего, что с ним говорить...), и я с удовольствием ухожу. Да, с первых же слов этой выволочки начавшее ее блатное чмо заявляет мне, что я теперь пользоваться телефоном больше не буду, они мне не дадут. Я говорю что–то типа: "Ну и не надо, черт с ним!" – но в душе уже не очень верю в такую возможность. И еще, уже взявшись это писать, соображаю: когда же эту падаль вызывали в штаб, если я с 9 до 11 там был и ее не видел, а когда пришел – она, по всей вероятности, уже была в бараке (по крайней мере, не видно, чтобы только что пришла).

Так вот. Ухожу, опять ложусь. Через минут 5 приходит замглавнокомандующее чмо, тоже там бывшее, но говорившее меньше всех, и опять зовет. Иду, недоумевая. Оказалось – в

“культяшке” из окна–“дороги” торчит блатная харя с 10–го, мне уже смутно знакомая – именно она тогда, в феврале, приходила ко мне с ультиматумом: пиши жалобы на кого угодно, только не на Демина. Торчит, спрашивает, что происходит, сперва спокойно. Но, заведя любимую песню о том, что жалобы мои могут “отразиться на общем положении”, что могут “навернуть режим, как на “золотой ветке”” (не цитирую, но близко по смыслу), и видя, что я не соглашаюсь и не боюсь. – постепенно распаляется и обещает мне “сейчас влезть (в окно целиком) и поправить мне прическу”. Я ничего против его парикмахерских процедур не имею, так что оно влезает, подходит ко мне вплотную, но ударить не пытается (крепкое, плотное, но ниже меня ростом. М.б., я бы и справился, но вокруг набралась уже опять блатная кодла с этого барака и внимательно слушает.).Чуть позже эта 10–барачная нечисть сдвигает скамью, приглашает меня сесть, заказывает чифир (вместе с конфетами его вскоре приносят) и начинает со мной спокойно разговаривать, отдавая теперь должное: оно “видит, что я умный”. :) От странного эпизода с пепельницей разговор быстро переходит (как до того перешел еще и в “маленькой секции”) на жалобу о книгах, из–за которой (якобы) теперь всем перекрыли получение книг и газет. Я говорю, что это абсолютно незаконно и надо всем писать тоже жалобы. Эта харя в ответ пытается мне доказать правоту администрации: мол, если в 95–й статье УИК написано, что можно приобретать книги в торговой сети, то только так их и можно получать, а в посылках, передачах и пр. – нельзя. Вот таково и блатное, и вообще русское “правосознание”. Весь разговор я, впрочем, не помню; помню только, что в ответ на вопрос, надо ли было мне вместо жалобы просто сидеть молча без книг и прессы, – мне долго доказывалось, что надо было сперва “подойти к людям”, к “пацанам” и т.д. и попытаться решить этот вопрос через них, а уж если не выйдет – тогда писать жалобу. А также высказывались настойчивые пожелания, чтобы я вообще как–нибудь поднялся к “по(д)ложенцу и поговорил с ним о том о сем, и т.д.

Но это еще не все. Это пошло уже к концу разговора (разошлись, когда “мусор” с проверкой был уже на 5–м). А до этого, только сев на скамейку, это чмо стало объяснять мне, что если я не прекращу подвергать опасности “положение”, то ко мне тут придется применить жесткие меры, а потом, мол, можешь писать, сколько хочешь. Я сказал опять же, что не боюсь и что если меня кто пальцем тронет в этой зоне – вот тогда уж точно проблемы будут у всей зоны, и большие, ибо человек я достаточно известный, просто так избитого и покалеченного меня

тут не забудут и не оставят. Тогда этот бандит заявил, что, мол, вон сколько смертей зэков происходит (в день?) по зонам, и т.д. Короче, неприкрытая угроза уже не просто физической расправой, а убийством, да еще при толпе свидетелей. Но фамилию этого блатного чма я не знаю, и узнать ее здесь может оказаться очень непросто.

Побежали на проверку, а там, пока стояли, “общественник” вдруг говорит мне, что прямо сейчас, после проверки, срочно вызывают в 9–й кабинет. Т.е., к Демину. Идем. Выходим из калитки – то самое, уже якобы в штаб вызывавшееся блатно чмо орет на “козлов”. Ну как же – блатных не предупредили, что я пошел в штаб! Они желают меня сопровождать! Чуть не полчаса ждем еще и их. Выходят этот же и еще один с ним – главный (теперь) ларьковый вымогатель. Первый по дороге опять говорит мне, что теперь я с матерью и пр. по телефону общаться не буду, а только в письмах.

Заходим в штаб, я иду в 9–й кабинет. Там сидит Демин, и не сразу я замечаю еще какого–то хмыря в штатском. Блатная харя заглядывает вслед за мной, и Демин, ласково ее встречая, выходит к ней. Штатский садится на его место, начинает задавать мне вопросы, но на мой вопрос – отказывается представиться и назвать, откуда он и зачем. Заходит издалека, общими вопросами подводя к чему–то. Я нервничаю, жду самого худшего: ФСБ–шник, следователь, опять новое дело какое–[…]

18–23

Прервали: дозвонилась (с 3–го раза) мать, так что телефоном я все–таки пока пользуюсь. :)) Я рассказал ей о последних событиях, исключая только “наезды” и угрозы блатных, ибо говорил как раз в “маленькой секции”, в присутствии некоторых из них. Только закончил говорить с ней – новая суматоха: притащили новые тумбочки! Последняя комиссия увидела, что тумбочки в бараке есть не у всех (в том числе нет у меня) – и заказали их 12, что ли, штук. Бегали за ними на хоздвор, как я понял, и тащили на руках оттуда. До сих пор грохот по бараку: таскают их и перетаскивают, двигают и т.д., – меняют свои старые тумбочки (в том числе большие, широкие) на новые (совсем маленькие и узенькие). А ко мне в проходняк – померил полублатной сосед – она не влезает, совсем чуть–чуть не хватает ширины.

Так вот, этот в штатском у Демина – он оказался всего лишь каким–то сотрудником областного УФСИНа. К ним пришло представление прокурора по жалобе матери о книгах – вот он и приехал разобраться. Но свою фамилию, а в начале разговора и место работы он назвать отказался, так что я уж думал –

серьезные проблемы.

Спрашивал он, что какую–то женщину, журналистку (Е.С.?) якобы не пустили ко мне на свидание (но такого не было), и еще какую–то мелочь. Прозрачными намеками угрожал мне, что в случае дальнейших жалоб начальство зоны может “перекрыть мне кислород”. “Т.е. поступить со мной не по закону?” – спросил я прямо. Нет–нет, что вы, все строго по закону. Но по закону – это трудно, и у них есть еще средства воздействия на меня. Не помню сейчас уже точных выражений, но был весьма прозрачный, тонкий намек и на то, что начальство может натравить на меня блатных. Боюсь, правда, что я спровоцировал эту угрозу сам, рассказав ему сперва о “наездах” блатных только что в бараке, а потом – как Демин использует местного “подложенца” для пресечения жалоб на себя и т. п. вещей, т.е. явно рулит этими блатными как хочет.

Под конец неизвестный начальничек этот выразил желание как–то договориться, чтобы жалоб больше не было, и я решительно потребовал, чтобы он добился от администрации возобновления свободного приема книг и прессы. Он обещал “поговорить с ними” а я – что если книги будут приниматься свободно, то исчезнет повод для жалоб и их не будет. (Правда, он упоминал и возможность жалоб по другим поводам.)

Пришли в барак за 20 минут до обеда. А после обеда случилось уж неожиданное и самое, пожалуй, забавное за весь день. Только снял обувь и хотел поесть – прибегает наиболее агрессивный сейчас в бараке блатной с телефоном. Я подумал – мать, но почему вдруг на его номер? А это оказалось – шимпанзе!! Из–под “крыши” оно регулярно созванивается с местными властями и как ни в чем не бывало командует и решает внутрибарачные вопросы, приказывает, кого карать, а кого миловать, – это я знал и раньше. Оно спросило, как у меня дела, я рассказал про сегодняшний отказ суда; спросило, сколько мне осталось; а потом – что за жалобу я писал. Я сказал, что писал не я, но т.к. мне полностью перекрыли книги и прессу, то другого выхода не оставалось. И тут – я никак не ожидал! – оно сказало, что я написал все правильно, что я молодец, и т.д.!! Вот уж действительно – не знаешь, где найдешь, где потеряешь!.. Спросило оно и про то, что за угрозы мне были, и я кратко сказал и об этом. Оно сказало, что никто меня не тронет, а если что – чтобы я сразу звонил ему.

Вот так вот. И смешно, и грустно, ей–богу. Чувство усталости, но и облегчения, спокойствия и уверенности на душе. Похоже, мне повезло еще раз, из еще одной острой ситуации судьба меня вытащила буквально за волосы. Не так давно приходил один полублатной – совершенно ненормальный, полоумный и крайне

агрессивный отморозок, примитив, животное, но со странными попытками порой нелепо “философствовать” (с позиции “мужика”, т.е. уголовника, конечно). Надо мной это чмо глумится постоянно и весьма злобно, причем с активным использованием антисемитских мотивов, что очень для столь низкого уровня развития странно, – где уж набралось? В своей чувашской глухомани? Но тут оно вдруг пришло, этак кривляясь и актерствуя, как обычно – и пожало мне руку! (Вопрос, зачем я дал свою, как не побрезговал; но обострять отношения и опять выслушивать его безумные “наезды”, угрозы м хамство мне не хотелось – проще и спокойнее было подыграть). Сказало, что я так яростно отстаивал свою точку зрения, что оно меня хоть немного :))) зауважало. :))

29.4.09. 16–21

На короткой свиданке сегодня эти мрази опять не пропустили ничего – ни книги, ни журналы. Так вот “договорился” по этому поводу приезжавший из Нижнего 27.4. уродец, не назвавший даже своей фамилии. А на заявлении с просьбой передать книги, написанном по совету Эделева, Милютин наложил издевательскую резолюцию: только в случае передачи книг в библиотеку. Пусть, мол, читает там (а там чуть ли не у всех книг шибко культурным “спецконтингентом” выдрано по половине страниц).

Поговорили довольно долго и подробно с Мишей Агафоновым, приехавшим вместе с матерью. Увы, он в апатии, работать активно вместе со мной (если б я вот сейчас был в Москве) явно не склонен, отделывается уклончивыми фразами типа: “Ну, посмотрим”. Хотя, конечно, ситуацию 2011 года мы сейчас, загодя, не знаем, в этом он прав со своей осторожностью и выжидательностью.

Мать привезла новый костюм–“робу”, а формально – спецодежду из спецмагазина на эту тему. Она черная – это единственное ее преимущество, т.к. прежний такой же костюм был коричневый и на солнце сильно выгорал. Этот, впрочем, тоже выгорит, сомнений в этом нет. В нем слегка изменили количество и размер карманов, – к худшему, разумеется, хотя и весьма, на 1–й взгляд, незначительно.

Сижу и думаю, ищу и не нахожу решения, – что делать с книгами, как пробить этот хамский, безумный запрет. Информации тоже очень не хватает (Агафонов все говорит, что “The New Times” по событиям в Кишиневе в начале апреля сделал целый номер, благо у них там собственный корреспондент, – Наталья Морарь, уже прославившаяся отказом ФСБ впустить ее в Россию. Но без книг тут можно за оставшиеся почти 2 года просто

сойти с ума. Да и времени очень жалко, – все равно тут делать нечего; сколько уже я перечитал тут всего такого, до чего никогда не добрался бы на воле. И вдруг – такой облом! Взять их за горло, заставить отменить это дурацкое распоряжение – адски трудно, и столь же адски необходимо. Как и чем их взять, какими еще юридическими средствами, раз уж гранатомета у меня нет? Е.С. дозвонилась вчера после отбоя, в 12–м часу (я уже спал), спрашивала, как прошел суд, но про книги я – не то что даже забыл спросить, но все же очень надеялся, что их сегодня пропустят...

Вскоре, как началось свидание, вырубился свет, соответственно отключились и переговорные трубки. Я уж думал – все, поговорили (только и успел рассказать матери про пожар ЛПУ), но его довольно быстро включили. Народу было всего 5 человек. Пропустили всю еду, но ничего не лезет от расстройства и отвращения.

30.4.09. 12–25

Вчера ходили уже в одних футболках и робах, была почти жара, а сегодня с утра опять сплошной затяжной осенний дождь. Сыро и промозгло. Зарядку все равно включили, несмотря на этот дождь (хотя раньше так не делали); к завтраку он вроде бы прекратился, но потом пошел опять, вот уже несколько часов; только что под ним была проверка. Опять одеваю телогрейку – и новые черный форменные брюки, привезенные вчера матерью. Они, как и весь костюм, оказались коротковаты; сразу после завтрака я удлиннил их, отпоров подогнутый и подшитый “запас”, а бедный стирмужик, со вчерашнего вечера изнемогавший и исступленно клянчивший у меня сигареты, прогладил эту отпоротую часть. Хотя бы так, хоть за такую несложную работу, а то давать ему просто так, на халяву, смертельно противно.

В 9 утра 23 (!) “мусора” (как кричали стремщики, но что–то сомнительно) приперлись на 8–й и на 4–й бараки со шмоном. Судя по их количеству, по числу (конец месяца), по охвату сразу двух бараков, – видимо, это был шмон с вещами, с выносом на просмотр всех баулов, как у нас уже было при мне 31.3.09. и 27.11.08., а до меня – еще в марте 2008 г. Очень хочется надеяться, что нас (13–й отряд) эта пакость теперь не ждет хотя бы до осени, – но черт его знает...

Какой–то идиот в соседнем проходняке вдруг (тихо, в разговоре с кем–то еще) повторил от кого–то слышанное, что сегодня этот барак будут расформировывать. Нервы у меня тут же напряглись, и это напряжение не отпускало до самой проверки, да и сейчас еще не вполне. Все может быть, расслабляться тут

нельзя ни на секунду...

У блатных большое, 2–й день обсуждаемое ЧП. Сегодня последний день месяца – и, соответственно, их “расчетов” по карточным долгам (на что дается обычно 2 недели – в начале месяца – до 15–го, в середине и дальше – до конца месяца). Так вот, один из моих полублатных соседей в крайнем (захваченном ими) проходняке вчера попал “под крышу”, где еще не был за весь срок в этой зоне. Как–то так вышло, – около ларька, что ли, они стояли, а тут из штаба мимо них как раз шел Агроном, – не знаю уж, к чему прицепился (эта мразь повод найдет!..) и увел этого персонажа на вахту, откуда тот так и не вернулся. А потом как–то у них выяснилось, что он не только должен до конца сегодняшнего дня отдать долг (600, что ли, рублей, но для него это что–то маловато, там по 10 и больше тысяч долгу бывало), но еще и играл как–то от имени своего дружка–“семейника”, живущего в этом же проходняке; а тот об этом и не знал, а теперь, оказывается, должен оплачивать чужой долг... Вот такие они, блатные и полублатные друзья–товарищи.

Осталось мне тут еще 689 дней, 98 с половиной недель.

Один из зэков, малость поприличнее и мне вроде как симпатизирующий, рассказал, что был сейчас (перед проверкой) в санчасти и слышал, как врачи обсуждали между собой: мол. Стомахин написал про бунт, про санчасть, и т.д. Про санчасть не помню, а про бунт прошлогодний я нигде, кроме дневника за февраль 2008, не писал, и эта часть дневника не попала в руки “мусорам” при шмоне у меня в конце мая 2008 г. – она была уже до того, 23.2.08., отослана Е.С.. Откуда ж они узнали? Если только Маня вывесила в ЖЖ – но вряд ли тут этот ЖЖ мой, только недавно открытый, уже нашли и читают...

МАЙ 2009

2.5.09. 9–01

Не было времени за эти дни даже записать последние новости. Главная, пожалуй, из них, – позавчера вечером отрядник принес мне письмо от моей Ленки. Вот уж чего я не ожидал, хотя и думал о ней почти постоянно, – скорее ждал уж письма от Мани Питерской, которая сказала мне, что отправила, но что–то его долгонько нет.

Ленка не обиделась на мое прошлое письмо и написала, – ну что ж, это уже хорошо. Пишет, что любит меня по–прежнему, что очень ждет, просит ее простить за все (впрочем, довольно невнятно); жалеет, что я усомнился в ней и в ее любви (а как было не усомниться после стольких эпизодов, сколько я привел ей в том письме?!), что и вправду была очень больна в том году, в июне, когда не поехала ко мне (вот уж в это я совсем не верю, прости!); теоретически она вообще признает возможность того, что была (или может быть) неправа, – это что–то новенькое!.. Раньше сознание абсолютной собственной правоты был в ней абсолютно непоколебимо. Просит принимать ее такой, как она есть, – ну да, а что еще остается? Только не принимать совсем... Но, конечно, отношение мое к ней уже надломлено, отравлено всем этим, что было, о чем я писал ей в прошлом моем письме. Не та уже романтическая близость через все решетки и расстояния, не то беззаветное обожание, которое было в первое время в тюрьме. Увы, если это у нее и настоящая любовь... Я верю, что в глубине души она и впрямь меня любит, верю; это можно и раньше было заметить. Но эта любовь – что есть, что нет, ибо от человека любящего обычно бывает реальная, практическая помощь и поддержка в жизни, тем более в беде, в трудных ситуациях; уж как минимум, обязательно, непременно – бывает интерес к любимому человеку, тяга быть с ним рядом; а тут – ничего... Чтобы заставить ее писать мне ответ сразу же – надо было написать ей письмо настолько резкое, как в прошлый раз. И – все равно она неисправима: ее письмо начинается с упоминания, что на дворе март, а на конверте стоит штемпель почты напротив ее дома: 18 апреля!

Зато написала она, как помогли и поддержали ее те мои короткие звонки в декабре – когда я всего лишь диктовал телефон и просил перезвонить, а она ответила: а почему обязательно завтра, разве нельзя в другой день?.. Раз так, я снова вчера набрал ей, попросил перезвонить на тот же номер. Она сперва хотела отговориться, что сперва поужинает, но я настаивал; тогда

оказалось, что она пробовала звонить, но не получается, – набирает какой–то код города и т.д. (совсем как и мать моя раньше). Я объяснил, как звонить, но она в итоге, конечно же, так и не перезвонила. Что ж, пусть это тоже останется на ее совести…

Кошка Манька наконец–то окотилась. Когда она вчера не пришла утром к завтраку, я сразу подумал: ну вот, должно быть… И точно. Пришел из бани – под шконкой моей стоит какой–то неизвестный и непонятный клетчатый баул.

Пока писал (уже 9–26) – жизнь вмешивается и приносит новости, горячие в самом буквальном смысле. Кто–то пришел, сказал: горит баня! Вышел во двор – вдали, слева, за бараками, огромные клубы черного дыма, а под ними – пламя. Баня горит! Вот, только что, как и ожидалось, вырубили и свет. Бедная многострадальная баня! То у нее труба горела, то вообще падала, а теперь – и сама она сгорела! Как раз к лету, к жаре, когда нужна, – нет бы ей зимой сгореть! Или хоть вместе с ЛПУ месяц назад!.. Чертова зона, проклятая жизнь! Ни света, ни воды теперь может не быть долго, ни связи (“трубы” обычно все разряжены у них), да и когда саму баню починят – теперь не дождаться. Правда, есть какая–то баня на промзоне (еще, небось, меньше этой), – м.б., будут водить туда? Через вахту, – это вообще будет кошмар.

Нет, прогноз пока не оправдывается – свет только что дали снова.

Анекдот ведь: “поселок” (колония–поселение) прямо за вахтой – это пожарная часть, все “поселушники” там и работают. Когда света нет – машину пожарную подгоняют столовую освещать фарами. И вот – пожары каждый месяц, да еще такие, роковые, кошмарные пожары, – ЛПУ ведь сгорело дотла, и баня, видимо, тоже. Впрочем, пойдем на обед – увидим…

Да, а в клетчатом бауле оказалась кошка Маня с 3–мя котятами. Так до сих пор и живут там, только я передвинул баул под соседнюю шконку – там свободнее.

Хорошая новость, – практически полностью исчезли вши. Следствие того, что соседний проходняк полностью переодел моего вшивого соседа, заменил ему матрас, одеяло и пр. Но – надолго ли?..

Только успели вчера в эту баню сходить – и нА тебе! Что теперь делать? Мрази, ублюдки, – и начальство это зоновское, и государство: держат в неволе, и даже нормальных человеческих условий содержания обеспечить не могут…

А в баню меня вчера выпустили из “локалки” (в среду, идя на свиданку, я просил об этом одного, давно меня знающего СДиПовца, но выпустил другой – тот самый, что не выпускал

последний раз, 3 недели назад, кажись).Так не хотели пропускать на “нулевом посту”, где уж точно всегда я проходил без проблем! Там, видимо, посадили какого–то нового хмыря, который меня не знает, и он опять стал требовать бумажку на право прохода, которая якобы должна быть у меня с собой. Еле–еле я прошел. А Демин, начальник санчасти, с которым после свиданки 29.4. познакомилась мать (вместе ждали Милютина, что ли, но тот не пришел, скотина!) и который ей обещал меня завтра же, 30–го, вызвать и выписать этот “свободный ход” – конечно же, и не подумал этого сделать. Теперь опять вылавливать его (как?) после праздников. Хотя... Если бани долго не будет, – куда и ходить? Разве что в ларек...

16–06

Веселый выдался денек, уф–ф... Оказывается, полном порядке, никаких следов пожара, даже труба дымит. Стал спрашивать у тех, кто так уверенно говорил, что горит баня, – они говорят, что, оказывается, это горела баня в поселке, что ли?..

Но целехонькую баню я увидел только в обед. А еще до обеда опять вызвали в “маленькую секцию”. Я думал, что звонит мать, а это оказалось... Короче, один из этих полублатных, молодой и типа косящий под интеллигента (учился вроде бы в институте, потом сел по 159–й) стал из меня вытрясать: 7 числа у их “подложенца”, видите ли, день рождения, они хотят ему подарок сделать, или уж там не знаю, что – но нужны деньги! Конечно же, им с меня всегда нужны деньги!.. Рублей 500, а лучше – 1000. Очень въедливо и дотошно этот “интеллигент” выпытывал у меня, а хочу ли я сам, даже при наличии денег, потратить их на такое дело? Что тут скажешь? И мерзко, и противно, но откровенничать с ними – себе дороже. Они говорят, что ларек открывается только 6 мая, – странно, должен был бы раньше; боюсь, опять придется отдать деньги этим мразям, – да еще на такую тварь. Как тут рассказал один мне сочувствующий, “подложенец” якобы уже отдал приказ меня убить. (Тогда непонятно, правда, почему ж он до сих пор не выполнен... :) Мерзко, гнусно. Отвратно на душе.

19–30

Из длинного приватного разговора с “телефонистом” сейчас подтвердилось, что их “подложенец” действительно отдавал приказ меня если и не убить, то избить уж точно. Тот “наезд” блатных 27–го апреля – был по его приказу, теперь это ясно. “Телефонист”, конечно, хвалился, что это он за меня “потянул мазу”, сказал “подложенцу”, что “этого человека трогать не нужно”, они со мной поговорили – и все разрешилось. Но я только сегодня, спустя 5 дней, узнал, как на самом деле велика и серьезна была опасность. Я, значит, “держался героически”

(выражение матери) перед этими ублюдками, еще просто не зная, ЧТО они мне на самом деле готовят...

3.5.09. 8–44

Я думал об этом весь вечер и ночью, просыпаясь (уже ближе к утру) и почти сразу вспоминая. А утром, перед подъемом, решение пришло само собой, – спокойное, зрелое и обдуманное: не давать ни за что этим мразям никаких денег на их поганые “днюхи”, на их мерзкого “подложенца”, “мусорскую” подстилку. Для меня это, как я вчера и сказал телефонисту, неприемлемо по морально–этическим соображениям, – формулировка, пожалуй, исчерпывающая в данном случае. Тем более, что на вечерней проверке тот же “телефонист” сообщил и еще интересную информацию: оказывается, после дневного разговора на тему этих денег в “маленькой секции” блатная шваль уже распространяет информацию, будто бы я УЖЕ обещал дать на это дело “пятихатку”. Подлецы!.. Хотя я специально, и в присутствии минимум одного свидетеля, несколько раз настойчиво подчеркнул, что ничего не обещаю, потом будет видно...

Весь вопрос теперь, хватит ли у меня твердости характера выполнить в среду, 6–го мая, это принятое решение.

5.5.09. 17–30

Наступило настоящее лето. Тепло; на солнце жарко; блатная сволочь целый день загорает во дворе, в спортгородке (и на других бараках тоже).

Никаких особенных новостей нет. Вчера полдня сварщики под наблюдением “мусора” наваривали в нашей “локалке” дополнительные изогнутые держатели с глухой стороны забора, сверху, а потом натягивали на них, поверх забора, ржавую сетку–рабицу. Я прикалывался про себя, не по просьбам ли местных футболистов это сделано, у которых мяч то и дело улетает за этот забор, в глухую полосу “запретки”, и они по 3 раза за матч достают его оттуда при помощи длинных досок, палок и т.п.. Палки наварили по всей длине забора, а сетку натянули только до половины; остальная часть ее валяется под СДиПовской будкой, но сегодня почему–то натягивание ее не продолжилось.

Отрядник все дни, кроме пятницы и субботы, аккуратно приходит по вечерам – к ужину или часам к семи (а иногда и утром). Сейчас тоже сидит уже здесь, приперся, когда шли на ужин, так что до его ухода (да и вообще до завтра) поговорить с матерью мне вряд ли удастся. (А до его прихода опять, видимо, не пропускали.) Вчера вручил мне сразу 2 письма – от Мани Питерской и от Маглеванной (которая таки взяла на себя инициативу написать мне первой после того, как переписка прервалась еще прошлой осенью). Ответы им я писал сегодня

полдня, с 9 утра часов до 4–х дня, с перерывами только на проверку и обед.

Люстра надо мной так и не работает до сих пор, никто ее не чинит, никому это на фиг не надо. Шпана в соседнем проходняке включает иногда напрямую от проводов лампочку в самодельном патроне. Хорошо еще, что дни сейчас увеличиваются, до времени моего ужина (20–00) в солнечные дни солнце уже не садится, свету достаточно. В пасмурные дни ситуация бывает намного хуже.

6.5.09. 18–24

Эти подонки из администрации врыли 2 столба, намотали на них колючую проволоку и перегородили таким образом широченную тропу через газон, наискосок, мимо осветительной мачты с прожекторами. Как сошел снег и земля подсохла, по этой тропе зэки целыми отрядами стали ходить в столовую, т.к. она срезает путь и по ней ближе, чем по асфальту (хотя и не намного ближе, конечно). Хорошо, что, идя сегодня на ужин, я заметил, как впереди меня какие–то двое сворачивают и идут в обход, наткнувшись на эту “колючку”. Тропа была всегда, вот уже 3–е лето, что я здесь, но перегораживают ее, да еще столь варварским способом, впервые на моей памяти. Ну да, уж чего–чего, а “колючки” у них хватает, можно ею хоть в 10 слоев всю зону опутать.

Атаку этих тварей я выдержал! Как же, завтра же ведь 7–е мая, день рождения “подложенца” (что–то, кстати, стал я сомневаться, правда ли это). Атака была жестокой, один за другим приходили аж трое и уж как только ни пытались меня взять штурмом, каких только доводов ни выдумывали!.. “Телефонист” врал, что просит одолжить эту “пятихатку” лично ему, т.к. он обещал от себя, но у него нету, а “затянуть” до завтра он не успеет. Тот тип, который первым сообщил мне о близящейся “днюхе” (как они выражаются) и затем распустил слух, что я уже якобы обещал 500 рублей (хотя я несколько раз четко сказал ему: “Я ничего не обещаю!”), больше всех недоумевал, возмущался и требовал от меня объяснить причину отказа. Сидеть ему тут до 2013 года; что ж, в марте 2011, перед освобождением, я ему объясню... Мне показалось надежнее даже не ходить в ларек совсем, и я не пошел, оставшись на сегодня и завтра без сока (больше мне ничего не было особо нужно. Дай бог, чтобы он работал 8–го, – нужен будет хлеб на выходные.). Странно, но пока что никаких видимых последствий, скандала и пр. мой отказ не повлек (потому–то я и усомнился – правда ли этот д/р) и даже вечером еще раз затащить в ларек никто не пыта лся. Единственное, что они реально могут сделать – это обрезать

мне связь; перед самым этим тяжелым разговором с трубы “телефониста” (по его предложению) я звонил матери, но она почему–то не взяла трубку. После разговора, когда уже собирались на обед, он подошел и сказал, что мать перезванивала, – но в этот момент на 12–м был Степышев, так что говорить было опасно, и он, видимо, сказал матери перезвонить потом. И вот – до сих пор по обоим номерам она не дозвонилась (а по этому “телефонист” еще и при отряднике не дает мне говорить, а отрядник сейчас как раз недавно приперся). Они реально могут обрезать связь, и мысль эта очень неприятна; но – в любом случае в 2010 году связи, скорее всего, не будет, ибо в январе уходят оба блатных, которых я мог об этом попросить. Что ж, в этом смысле 2010 год может начаться для меня досрочно, вот прямо сейчас, в мае 2009 г., – только и всего. Смертельно ли это? Нет, не смертельно, хотя и очень неприятно.

На улице настоящее лето, жара. С ужасом жду вскоре нашествия комаров, как и в том году. Не дай бог еще раз это пережить! Послезавтра баня, и она опять ложится на сознание большой и нерешенной пока проблемой – идти ли заранее, зная, что если даже выпустят со двора, – могут не пропустить на “нулевом посту”, или же тащиться со всеми, точно зная, что придется полчаса ждать, чтобы помыться. Да и под той “лейкой”, где все последние месяцы (осень и зиму) я мылся напополам с мерзким алатырским тупорылым чмом, – теперь, вот уже недели 2–3, повадилось пристраиваться мыться какое–то молодое, крайне неприятное чмо со 2–го барака. В прошлый раз оно явилось раньше меня и повесило на кран “лейки” свою длинную мочалку, в знак того, что “лейка” занята. Мне (да и алатырской тупице) пришлось ждать то и дело, когда эта тварь вымоется. Как тошно, когда всю свою жизнь знаешь заранее... В пятницу эта тварь непременно припрется снова под ту же “лейку”.

Так и знал, когда писал на днях об исчезновении вшей, что рано радуюсь. И точно! – сегодня утром опять нашел одну в футболке. В то же время, по моему прежде вшивому соседу они пока что не ползают, – следовательно, их у него нет. Откуда взялась тогда у меня – непонятно.

8.5.09. 11–03

Очень удачно сходил опять в баню, – так, что даже сам не ожидал. (Теперь о каждой бане, видимо, придется писать отдельно, как о грандиозном событии). Тепло, настоящее лето уже, ждать в бане голым “лейку” теперь не холодно, – а просить опять выпустить раньше мне уже не хотелось. Выпустит СДиПовская будка со двора – а “нулевой пост” опять заартачится, как в прошлый раз, и не пустит, – что тогда, плестись, как дурак,

назад с пакетом, как уже, кстати, было один раз в прошлом году? К тому же, апатия и усталость от 4–года заключения уже такая, что давно все стало безразлично: ну и что, буду ждать эту “лейку” хоть полчаса, куда мне спешить–то? Решил идти со всеми, ждал во дворе, хотя можно было попросить “привратников” выпустить; а когда почти перед самым уходом сто–то другой стал их просить – выяснилось, что где–то там лазят “мусора”, так что “СДиП никого без “общественника” не выпускает. Хорошо, что я не стал просить и не нарвался на унизительный отказ.

А в бане получилось все удачно. И место я занял на лавке свое любимое, в уголке, – оттуда как раз на моих глазах ушел какой–то парень со 2–го отряда, уже помывшийся. И “лейку” я ждал всего минут 5, – того придурка из 2–го отряда, что все прошлые разы стирал тут и вешал свою мочалку на “мою” “лейку”, в этот раз не было почему–то. Вода была сперва несколько слишком горячая, но потом нормализовалась. Все было хорошо. Чувство свежести, как всегда после душа. Чувство спокойной уверенности в себе, в своей способности все это перенести до конца, выстоять – и победить.

“Все еще отболит,

Все само разрешится потом...”

Даже здесь, в узилище, среди грязи и мрази, иногда – очень редко, правда, – бывает такое чувство, что все хорошо, что силы еще есть, что еще есть какое–то, м.б., будущее впереди. Чувство победы – над собой и над обстоятельствами, над злой судьбой, в конце концов, черт возьми. Погода отличная, солнце, тепло, кутаться в шарфы и шнуровать ботинки теперь не нужно до октября; бань осталось всего 97 – и с каждым днем, с каждой неделей сроку моего остается все меньше, и вот уже – там, через 681 день еще – замаячило уже на горизонте освобождение. Это придает духу и бодрости, еще как! Да, и еще есть один источник этой бодрости, этого чувства победы, когда хочется петь. Я смог, я не струсил, не поддался ни на какие “разводки” и уговоры, я выполнил свое твердое решение – не дал этим блатным подонкам ни одной копейки на день рождения их “положенца”–подложенца. Смог, выдержал, победил!.. И они не лишили меня связи, не посмели, эти твари, я напрасно этого опасался. Все вышло замечательно – как и в тот раз, в январе или феврале, когда я отказался дать им уже вторично свой чайник – и ничего, связь осталась и после этого.

19–05

Все–таки они сумели испортить мне настроение, эти твари. Впрочем, я ждал этого. Перед обедом подошла животина из “маленькой секции”, строящая из себя типа “интеллигента”

(неудачная попытка высшего образования и 159–я статья) и интересующаяся типа “общаться” со мной. Все общение, однако, сводится исключительно к выдаиванию денег: именно эта тварь первой принялась стрясать с меня 500 рублей на д/р “подложенца” и потом распространяла слухи, что я будто бы их уже обещал. Сегодня, на следующий день после этого д/р (за который они вчера таки собрались в “культяшке” пить свой чифир – и я, дурак, тоже поперся, т.к. про д/р забыл, а думал услышать там опять какую–нибудь грядущую неприятность типа комиссии и т.п.), деньги были нужны опять: как же, скоро выходят из ШИЗО сидящие там блатные мрази, надо их встречать конфетами и чифиром! Сперва он попросил купить 2 пачки чая и пакет карамели – всего, значит, на 64 рубля, но затем стал требовать (“просить” – что вы, что вы, разумеется, “в долг”, “с отдачей”! :) уже 100 рублей. Поперся ради этого ларька на обед, ждал меня у столовки – хотя имеет постельный и даже в столовую не ходит вообще. Я хотел было купить на 64 р., как первоначально говорилось, – не тут–то было, эта “интеллигентная” вошь вцепилась в сумму 100 рублей так, как будто я их ей обещал (разумеется, об этом и речи не было). Подключилась и другая блатная мразь из той же “маленькой секции”, тершаяся рядом, и заявила, что чаю покупать не надо, а надо 2 пакета карамели (по 22 р.) и 2 – шоколадных конфет. Это получалось уже на 108 рублей, но эти существа, конечно, не настолько щепетильны, чтобы смущаться подобными мелочами. Но сложилось иначе: карамели не было, я купил 1 пакет шоколадных конфет себе и 3 – им, этим скотам, к их чифиру. Получилось 96 рублей, которые теперь этот “интеллигент” мне типа должен со своей пенсии; что ж, подождем.

При этом самое неприятное, что он сказал еще во время разговора перед обедом, – что на днях ожидается возвращение шимпанзе! Этого еще не хватало. Только на днях я думал: как хорошо, что хоть этой твари нет, хоть спокойно, тихо по вечерам в бараке и во дворе... Хотя, честно говоря, верится в его возвращение пока не очень, – то хмырь мог сболтнуть это нарочно, чтобы лучше сагитировать меня отдать им денежки.

Только что старый идиот, сосед–алкаш, выродок, “лишний” на земле по Ницше, – принес мне в сломанном виде мои щипчики для ногтей, которые я ему давал. Старая мразь! Чмо! Животное!.. Тупорылое отребье... Хорошо, что у меня есть еще одни, запасные.

11.5.09. 16–40

Лето, солнце, на солнце – уже жарища. Давно, еще 8–го (максимум 9–го) распустились листья на деревьях. Все вокруг, за забором, зеленое. Маленькие, нежные, еще сморщенные и чуть–

чуть клейкие (но уже подсохшие) молодые листочки на двух совсем юных березках возле столовой. Блатная публика вчера весь день загорала в спортгородке (за что обещал “наказать” выходивший из барака отрядник), а сегодня с самого утра, сразу после завтрака, они стали вытаскивать из секции щиты с матрасами, класть их на 2 табуретки и с полным комфортом отдыхают и загорают таким образом.

День, как я предполагал, оказался выходным – настолько, что даже зарядку утром не включали! Традиционно припершийся в 6–15 отрядник махнул рукой привычно повалившей на двор при известии о его появлении толпе и сказал, что, ваше счастье, сегодня зарядки нет – мол, можете заходить обратно. Ужин был тоже на час раньше, как в выходные.

От индометацина, который после нескольких дней перерыва, явные побочные эффекты: слабость, сонливость и – главное – приступ учащенного сердцебиения, начинающийся часа через 2–3 после приема таблетки и длящийся где–то полчаса, а то и больше. Не то что очень уж больно или опасно, – неприятно, не более того. Помню, в самый 1–й раз, когда это случилось, все, как стадо слонов, топали туда–сюда мимо моей шконки, от этого она тряслась, и эта постоянная тряска многократно усиливала тяжесть моего состояния. Сегодня хоть тряски такой не было, просто лежал, придя с обеда (начался этот побочный эффект еще в столовке). Впрочем, как я понял по опыту, если встать, выйти на улицу, погулять, подышать – становится легче.

Блатные кретины в большой секции уже вытаскивают из своих окон стекла, – причем даже не верхние, маленькие, как в том году, а прямо большие, основные. Между тем, после прошлогодних вытаскиваний в 3–м от входа окне (там жили 3 отпетых подонка, из которых 2 уже освободились, а 1 переехал) до сих пор нет обоих верхних стекол, рамы затянуты полиэтиленом. Ясно, что к наступлению холодов этих вынутых стекол тоже уже не будет в целом виде, – придется опять, как и в том году, ранней осенью ставить уже 2–е рамы...

Злобный старикашка, живущий сразу за “обиженными”, совсем обезумел. Мало того, что он злобно, пинками и матюками, поднимает их каждое утро, – но на днях и самого работящего, самого запряженного в работу (от стирки до массажа блатных, – тут и это тоже распространено!), который ложится спать в 3–4 часа ночи, и поэтому вынужден досыпать и днем, – короче, этот старый хрыч стал яростно выгонять его со шконки и вообще из проходняка (его, “обиженного” проходняка), советуя пойти лечь спать на улице, – мол, сейчас тепло. Мотивировка та же, привычно–безотказная: “вонища”, “воняет” и т.п. Чувствительный

какой!.. Бедолага–“обиженный” пытался отстоять свое право спать на своем месте словесно, но слова на злобного старика не действовали, а просто дать ему в рыло (как тот давно заслуживал), он не мог. Поэтому он побежал жаловаться заму главнокомандующего (и главному провокатору в бараке по совместительству). Тот прибежал выяснять вопрос, и я имел удовольствие наблюдать стычку двух подонков, старого и помоложе, – стОящих друг друга. Молодой напирал на то, что тот несчастный хочет лечь в СВОЕМ проходняке, и нечего его выгонять, он у себя. Старый орал (сипел, как всегда) в ответ, что, мол, если бы ты это понюхал, то иначе бы запел; я и так из–за их вони всю ночь не сплю. Мой сосед–алкаш вставил про себя: потому что спишь целый день. Главпровокатор ответил: хули мне нюхать! Ты все–таки, Коля, следи за своими действиями! Подраться не подрались, а после этого выговора старый хрыч, так и быть, позволил “обиженному” лечь, но только не на соседней с ним шконке, а на следующей – подальше от хрыча, – на которой этот “обиженный” спит ночью.

Сегодня полоумный старикан натурально лупил палкой (всегда стоящей неведомо для чего у него на окне) не только своих соседей–“обиженных”, торопя их вставать по подъему и убирать матрасы, но потом начал лупить той же палкой и своего соседа сверху, совсем не “обиженного”, – тихого, спокойного, неслышного и незаметного мужика без полступни, типичное тупое, серое быдло, примитивного и сиволапого донельзя, что ясно видно даже по его роже, – но при этом, видимо, добродушного, незлобного. Тот замешкался встать, за что, к своему полному недоумению, получил несколько ударов палкой (еще лежа с головой под одеялом) от соседа снизу вместе с порцией стандартных возмущений насчет “вонищи” и советом “заткнуть свое дупло”. Для всех, без исключения, этих подонков, блатных и неблатных, “вонь”, “вонища”, реальная или мнимая (чаще, конечно, мнимая) является здесь универсальным поводом как угодно глумиться над любым человеком, без ограничений лишать его всех естественных прав и топтать его человеческое достоинство...

Обстановка в бараке и во дворе летняя, солнечная, слегка обалделая от этого яркого солнца и возможности без ограничений гулять и загорать. Или это только мне так кажется, только я каждый год слегка соловею от этого солнца и лета, от зелени и жары? Помню, точно такое же чувство было у меня и в том году, особенно тоже в начале лета. Дверь в барак целый день распахнута, подперта камнем – и ее можно не закрывать! Еще и из окон стекла вынимают. По двору можно хоть гулять туда–сюда,

хоть сидеть (в это лето, пока что – на заборе из вырытой и положенной плашмя той осенью железной трубы на стойках–ножках). Видеть зеленый лес за запреткой, и широкую полосу зеленой молодой травы с др. стороны – это же вообще полный восторг!..

Между тем, слухи и разговоры о том, что барак могут раскидать, все еще вспыхивают временами среди зэков, хотя никаких явных к тому поводов нет, – и страшно, помимо воли, напрягают каждый раз мои нервы. Когда слегка остывает эйфория от наступившего лета и солнца – возвращается, и даже сильнее прежнего, знакомое (даже слишком знакомое!..) ожидание беды в любой момент, ощущение ее неизбежности и своей обреченности...

13.5.09. 9–08

Опять комиссия, уже 2–й день...

Вчера утром, после завтрака, тот же "мусор" с кучей СДиПовцев приперся к нам в "локалку". Не обращая внимания на загорающих в одних трусах, они достали из–под СДиПовской будки остаток ржавой сетки–рабицы и натянули поверх забора "локалки", выходящего на глухую сторону, на запретку, – часть успели натянуть еще до "праздников", часть – осталась на вчера.

Про комиссию – как обычно, незадолго до проверки – я услышал практически сразу же, как это слово было произнесено. Один из "обиженных" посылал других убираться в связи с приездом комиссии – я кинулся к своей шконке и успел засунуть под нее баул с продуктами и завесить срочно расстеленным красным одеялом даже раньше, чем от главного провокатора понеслись наглые, бесцеремонные команды "убрать все лишнее". (Вот уж чего–чего, а лишнего у меня уж точно ничего нет!..) Повесил телогрейку в раздевалку, старые–престарые, драные уже казенные "гады" сунул в свободную ячейку "обувницы" (потом вспомнил – пошел и вынул шерстяные стельки; а ботинки стоят там до сих пор). Все ОК. От провокатора донеслось, что приехал опять легендарный уже "Забурян", или как там бишь его – какой–то чин из областного УФСИНа, видимо. Но – нет шимпанзе, а почти вся блатная нечисть загорает целыми днями на улице, так что никто из них особо не проверял и не докапывался, кто что и куда убрал.

День прошел относительно спокойно, хотя от этой комиссии, от этого наглого блатного командования и возможных проблем мне стало опять так тошно, что хоть в петлю. Господи, когда же все это кончится?!. Почти 2 года еще... Комиссий, шмонов, командиров, блатных, каптерок, "положенцев", возможных раскидываний барака, и пр. и пр. и пр. – еще почти на 2 года!.. Но

весь день было все достаточно тихо. Сходили вчетвером по вызову в спецчасть (она работала во вторник вместо понедельника, который после “праздника” 9–10 мая, пришедшегося на субботу–воскресенье, был также объявлен выходным). Я получил очередной отказ в УДО из Тоншаевского суда и отдал сразу же кассационную жалобу на него, заранее приготовленную, чтобы не ходить 2 раза. Тетка, выдающая бумаги, удивилась, но взяла, сказав, что вызовут к нарядчику расписаться, когда она уйдет.

Вечером, уже после 9–ти, когда вся шпана смотрела в “культяшке” по DVD “Comedy club”, главный провокатор при мне получил прямо с “дороги” (со двора 10–го барака через окно) свежую новость: приехал Забурян! Кто же тогда приезжал перед утренней проверкой, или почему один и тот же Забурян приезжает в одно и то же место по 2 раза в день, – осталось загадкой; но еще до вечерней проверки это тупорылое наглое чмо начало орать, чтобы все всё убрали, и – вместе с другими блатными – распространять слухи, что “комиссия может пойти ночью!” :)))))) или же прийти на подъем. Я, уже перед ужином все достав и развесив (кроме “гадов”), но загодя убрав на завтра продуктовый баул опять под свою шконку (откуда его вытащить – целое дело, т.к. он цепляется за крючки пружинной сетки), ничего больше особо делать не стал, даже выносить телогрейку. Скоро погасили свет (а в нашем конце секции и так по вечерам полностью темно из–за неработающей по вечерам люстры), и все обошлось. Разумеется, ночью не было никакой комиссии (как и утром), а был – 1, кажись, раз всего – самый обычный ночной обход бараков всего одним “мусором”. Но – бдительная блатота в ожидании комиссии не разрешила еще перед зарядкой одному из шнырей – конченному дауну, на лице у которого крупно написан его диагноз – разложить во дворе на железной трубе на досках матрас для загорания. Заставили унести назад, и при мне эти же блатные, двое, строго наказывали блатным “обиженным” (прямо в их проходняк через “шкерку”), чтобы матрасов никто не выносил и в “локалке” было чисто. Ее и подметают с самой зарядки обычные, не блатные “обиженные”. После завтрака я вышел немного пройтись по двору – ни щитов, ни табуреток, ни матрасов, ни загорающих на них блатных, как было вчера и позавчера, сегодня не видно...

Мне до сих пор еще кажется, что он провокатор, но сейчас уже меньше, чем вчера утром. Он так и не показал мне остальные – только те 2, что я уже видел, первые, из восьми. Но уж их–то, по крайней мере, он увез с собой точно, я сам видел, как он пошел их “закидывать”. Сказал, между прочим, что еле влезли – зачем бы такие подробности, если все это туфта? Да и зачем бы ему

вообще делать мне подлость, работать на “мусоров”, предлагать мне заведомую провокацию – перед самым освобождением?.. Я еще понимаю, если б за это по УДО обещали отпустить... Странно все это как–то... Как я ни просил разбудить и показать (все 8, я думал и надеялся), – ни хрена!.. Он их, оказывается, “закидывал” частями – в 3 ночи, еще во сколько–то; и если бы я в 5 утра сам не встал, заслышав стук его палки в “фойе”, и не перехватил его, не увидел бы и этих 2–х, уже виденных. А закопаны (как он вчера сказал) были у него все 8 или только 6? И точно ли закопаны (и где??! Тут где закапывать–то?!), или же это была уловка, чтобы не показать мне, что текст не подготовлен к вывозу, а сдан “мусорам” или подготовлен к сдаче?

В общем, сегодня утром он ушел, пока что все тихо. Ждать и нервничать... Сегодня вечером – отзвониться, чтобы А. Там забрал, потом – ему же, чтобы узнать, было ли что забирать, или нет... Дня 3–4 еще мучительной, тягостной неизвестности. (А главное – очень, крайне просто, подозрительно было, когда подошел вдруг 1 апреля и сам предложил, ссылаясь на то, что слышал когда–то мой разговор с другим старым зэком (Полосатым), которого у нас на бараке нет уже больше года. А разговор с ним такой – да, был, я припомнил смутно, но сразу.)

16–15

Нельзя сказать, что беда пришла, откуда не ждали. Я ждал этого... Они таки начали раскидывать барак. Сегодня после проверки принесли список: 11 человек переводят на разные отряды. Услышав эти слухи, я пошел к завхозу, чтобы попытаться что–то узнать. В кабинете завхоза толпа блатных изучала список на маленьком листочке. Фамилии были написаны карандашом, а синей ручкой около них были проставлены цифры – номера отрядов, куда переводят. Моя фамилия в самом конце списка была той же синей ручкой вычеркнута, и цифра около нее не стояла. Той же ручкой ниже были вписаны еще 1 или 2 фамилии.

Итак, первый снаряд разорвался в нескольких шагах от меня, но не задел. Хотели перекинуть, но в последний момент кто–то не утвердил. Надолго ли? Через сколько дней (или, даст бог, недель) прилетит следующий снаряд, на этот раз смертоносный? Нутром, инстинктом я чую, что меня это коснется тоже, что эта беда приключится со мной обязательно. Впрочем, с постоянным ожиданием беды я жил сколько лет еще на воле... Вот такое чувство – смятения, кавардака в мыслях, невозможность сосредоточиться, ощущение, что все мысли и вся твоя как–то устоявшаяся, налаженная жизнь летит кувырком, к черту, – было у меня в тюрьме, на “пятерке”, когда сперва 27 марта 2007 г. с утра, на проверке, опер Загвоздкин сказал всем собираться с

вещами, но отговорили; а потом, 27 апреля, ровно через месяц, все же перекинул меня и еще одного парня, таджика, на жуткую и омерзительную “1–ю сборку”... Но и тогда, наверное, смятение мое было меньшим, поскольку меньше, чем здесь, ломался быт и налаженная жизнь.

Я успел (ценой покупки в ларьке чая и конфет “телефонисту”, которого перевели на 7–й, так что, видимо, в последний раз) сообщить все это матери, с идеей, чтобы она звонила Большакову, м.б., этот неизбежный перевод удастся еще предотвратить с его помощью. Но это едва ли. Узнал ее новости: говорила с адвокатом Сидоровым насчет участия в кассационном производстве по последнему УДО; тот просит 10 тысяч и обещает встретиться для подписания договора, когда 26–го мать с Матвеевым и Шамилем Шиабетдиновым (сенсация!!.) будут проезжать ко мне через Нижний. 10 тысяч обещает дать Пономарев, которому мать тоже – специально по этому поводу – звонила.

Весь день сегодня лошадь с телегой в сопровождении “мусора” возят к нам землю. “Обиженные” лопатами ссыпают ее с телеги на землю и носилками переносят в самый конец продола, к перегораживающей его торцевой решетке у СДиПовской будки. Грядки внутри и сразу за “локалкой” несколько дней назад блатные уже засыпали вот так же привезенной землей.

Из блатоты, кроме “телефониста”, переводят еще одного – весьма омерзительного. Переводят также подонка – моего бывшего соседа по бывшему проходняку в 2007 г., главного спеца по браге и эксперта по вшам.

14.5.09. 9–05

По дороге в столовую, на “большом продоле”, от будки “нулевого поста” и до открытой, с обвалившимися краями, пожарной ямы с водой (открыта она со времен пожара в ЛПУ 2–3 апреля) вчера к вечеру сварили забор. Зачем? Да только затем, чтобы – по словам одного блатного, которому, видимо, сказали “мусора”, – там, за этим (теперь) забором, в конце дорожки вдоль столовой, не собирался 13–й отряд. Он там привычно собирается уже 2–е лето, выходя из столовки. Теперь идти этой дорогой в барак будет нельзя – она перегорожена забором. Но весной, в самую распутицу и грязь, ВСЕ отряды, выходя из ворот, идут в столовую ТОЛЬКО по этой дороге, т.к. там асфальт, сворачивают сразу налево за СДиПовскую будку. Теперь, следующей весной, да и осенью тоже, в грязь и дожди – у них этой возможности не будет, и придется трижды в день (ну ладно, утром и вечером, бывает, подмораживает, но в обед–то точно) переть по непролазной топи и лужам “большого продола”, сроду не мощеного...

Тоска и апатия зашкаливают выше всякой нормы. Началась, по сути, жизнь на чемоданах – в ожидании неизбежного, это уже ясно, перевода на другой барак. Обдумываю, куда засовывать быстро все барахло, когда объявят, куда переводят, и не забыть бы чего. М.б., это будет уже сегодня, после проверки... Вчера, когда узналась эта новость, один из (полу)блатных из "маленькой секции" вдруг спросил, правда ли, что меня переводят на 1–й. Я спросил, откуда он это взял, но ответа не получил. Однако откуда–то же просочилась ведь эта информация, вряд ли он сам это придумал. А на 1–м – рассказал "телефонист" в ответ на мое упоминание, а сегодня по дороге с завтрака подтвердил полностью знакомый с 1–го (Полосатый), – на 1–м полные "вилы" со связью. Там всего 3 "трубы", и то с них не дают звонить, – ну, м.б., раз в неделю ты оттуда позвонишь, сказал "телефонист". Знакомый – в предвидении возможного моего туда перевода – обещал поговорить с владельцем одной из "труб", но – я давно его знаю, и психологически никакого доверия он и его обещания не вызывают. И здесь, на 13–м, 2010–й год наверняка был бы для меня "годом без связи" или с крайней ограниченной связью, но теперь, видимо, он начнется для меня уже сейчас, летом 2009. На 1–м, например, "мусора" просто могут приказать не давать мне "трубу" вообще, как это уже было в 2007 в "транзите" Нижегородского централа. И не дадут ведь... А уходить с 1–го на другие бараки – и даже просто "продолы", т.к. у него свой отдельный вход – будет очень сложно. А с января 2010 и не к кому будет ходить...

Сейчас, в 10 утра, надо идти в санчасть, ловить Демина, – мать вчера узнала, что вроде бы он сегодня с 9–ти должен быть на работе. Как раз пригодится этот "свободный ход", если Демин мне его даст, при всех этих переездах и перетрясках...

10–15

Сходил, блин, в санчасть!.. "Козлы" все спят, кроме одного, который играет во дворе в нарды. Вести никто никого не собирается, – не записан, что ли, никто сегодня к врачу на прием... А когда этого Демина поймаешь в следующий раз – бог весть... Человек предполагает (сегодняшний визит в санчасть, к примеру), а бог располагает...

Блатной, переведенный вчера на другой барак, но пришедший сегодня с утра, уверенно говорит по телефону, что сегодня ожидаются еще переводы. Что ж, ждем–с... Правда, говорит он, его самого и других перевели "по оперативным соображениям", но это вряд ли...

15.5.09. 6–21

Жить постоянно в ожидании разгона, перевода, встречать с

этой мыслью каждый наступающий день, – совершенно невозможно. Ненависть. Ярость. Остервенение... Нервы взвинчены до предела. Безумно хочется убивать их – это тупое быдло, которое легко могло бы изменить ситуацию – не в зоне, в стране! – но не хочет; а хочет только пить и воровать, жить за чужой счет. Отплатить им за все!..

Пишу это – а кошка Маня лезет на колени и мешает писать.

8–53

Среди подонков муссируются слухи, что из нынешнего состава на бараке останется всего 4 человека, и даже называются имена. Но меня, конечно же, среди них нет.

17.5.09. 8–56

Полночи, а то и всю ночь, колобродили какие–то подонки с другого барака в проходняке старого уголовника в середине секции. Я проснулся (очередной раз) в 4 утра – там разговаривали в полный голос, как на улице, и громко ржали. Голоса были незнакомые. Хозяин проходняка – старый подонок, конченная мразь и по манерам, и по сути (сидит уже 7–й раз, т .е. всю жизнь), и его сосед, недавно “поднявшийся” сюда, и почти земляк, тоже всю жизнь по зонам, – это уже не молодые пацаны, лет 20 с чем–то, как мои соседи и как вообще большинство здесь. Оба – за 50 лет, гость (гости), судя по голосу, тоже был не юн, – но уголовники есть уголовники, подонки есть подонки. То, что 4 утра, они сидят в помещении, полном спящих людей, и в полный голос гомонят и ржут, мешая другим спать, – просто не приходит, видимо, им даже в голову. Это не люди, это мразь и отребье, подлежащее не “исправлению”, а тотальному уничтожению. Они всегда держатся естественно, везде чувствуют себя “как дома”, раскованно и свободно, ничем не стесняясь, и не то сознательно хотят помешать вам спать, – нет, они вас просто не замечают и о вашем существовании даже не вспоминают, заливаясь громким хохотом над своими тупыми шутками в полуметре от вас в 4 часа утра... Сейчас, несмотря на раннее утро, в конце секции точно так же бесятся и громко ржут уже другие подонки.

Зацвела черемуха, и сразу резко похолодало. Здесь все связывают эти 2 события воедино, хотя я не уверен, есть ли между ними связь. Цветущие деревья даже видно издали через “запретку”, в поселке; а холод такой, что многие опять надели телогрейки. Я в своем “тепляке” от белья и тонкой курточке от Армани, купленной матерью в том году (тогда спортивные куртки еще пропускали...), замерзаю. Вчера еще проглядывало иногда солнце, и на солнце было нормально тепло. Но обычно – вот уже 2–й или 3–й день все небо наглухо закрыто хмурыми облаками и – главное – дует совершенно ледяной ветер. На улице – нет, а вот

в столовке сейчас, во время завтрака, я заметил легкий парок от дыхания.

Живу я по–прежнему, в тоскливом ужасе ожидая неизбежного переселения на другой барак, в большую толпу нового быдла и мрази (старая толпа стала маленькой, – всего 76 человек списочного состава осталось в 13–м отряде). Собирать в баулы все вещи, одежду из–под матраса, миску для еды, пакет с хлебом, все тряпье, все вещи, тряпки, бумаги, и т.д. и т.п. – и под насмешки (т.к. вещей слишком много, несколько баулов, а тащить их сам я не могу, а надо просить кого–то) переться, в несколько заходов, куда–то, и еще там ждать (небось до самого отбоя, как тогда, в 2007), пока положат меня куда–то, дадут место, да еще, небось, не постоянное, а временное, значит – вещи из баулов, даже ежедневно нужные, разложить будет нельзя... Короче, ужас. Темный ужас и мрак, сплошное унижение под хихиканья толпы юных глумливых подонков (и здесь, и там). Вот так я “страдаю за свои убеждения”, как сказала однажды (еще в 2007, кажись) Е.С. И только одно слегка утешает: что я знаю смысл этого страдания, что такова цена именно моих убеждений, от которых отказываться я не намерен. Да еще то, что все меньше и меньше остается: пока это страдание (на новом месте) как следует прочувствуешь, – а там, глядишь, и срок–то уже кончается. Осталось 672 дня, ровно 96 недель.

Один старый воришка, тоже всю жизнь просидевший по лагерям, сказал мне вчера, что раскидывать барак могут и в течение года. Перевели 11 человек, а через месяц – следующих, спешить им некуда, да еще когда место будет, куда переводить. Дай бог, чтобы было так!.. Мать в пятницу успела дозвониться Большакову и попросить его поговорить с Милютиным на тему моего неперевода с 13–го. Но поговорит он самое раннее в понедельник (завтра), а тем временем – завтра же могут уже и перевести. Да и вероятность успеха, если он и поговорит, – 1%, не больше. Этой мрази Милютину, как уже давно я убедился, верить нельзя.

Еще одна отвратительная новость: А. в Казани за 2 дня так и не смог поймать этого хмыря, который должен был вывезти отсюда мои бумаги. Не дозвонился, – видимо, мать отвечает, что его нет дома. Отмечает... Это еще не значит, конечно, что бумаги потеряны безвозвратно, но все равно – это неприятно и очень тревожно. А. вчера не мог мне перезвонить – не было денег на мобильнике, а лишь очень коротко сказал, что не может застать, займется этим после возвращения. Уезжает сегодня или завтра – не сказал, куда, но из города – на 2 недели, числа до 1 июня, что ли, и займется этим вопросом только после возвращения.

Неприятно все это. В том, чтобы переправить на волю дневник за июнь–декабрь 2008 года, больше чем за полгода, – тоже ведь был бы огромный кусок смысла моего здесь пребывания, безвозвратной потери целых лет жизни. Если удалось – значит, с июня по декабрь 2008 я промучился здесь не зря, в этих мучениях был смысл, а если бумаги пропали – то, значит, не было, все эти мучения были напрасны. Хотя, конечно, у меня еще остается оригинал, но – долежит ли он до освобождения, я сомневаюсь, а легально вынести его через вахту и шмон – нет и совсем никакой надежды. “Телефонист”, подонок, вчера опять заходил, я сказал ему, что мать (по его просьбе через меня накануне) положила на его (мой) номер деньги – и все равно эта тварь, отговариваясь тем, что торопится и постарается зайти попозже, – не дала мне “трубу”, чтобы попробовать дозвониться самому этому хмырю в Казань. Хотя – это, скорее всего, не удалось бы и мне так же, как и А.

18.5.09. 9–20

Понедельник. 96–я неделя до конца срока началась странно: отрядник не пришел на зарядку, как обычно. Я, как дурак, одевшись в “тепляки” и форму, прождал его в холодном предбаннике и на крыльце до конца зарядки, но зря. В столовке на завтраке его тоже не было. М.б., на больничном? Да, и вчера, в воскресенье, он не приходил даже вечером, что для него обязательно.

На улице уже потеплее, чем 2 последних дня, и даже солнце вроде бы слегка проглядывает, но все еще достаточно прохладно.

Тупорылый стирмужик “порадовал” меня сейчас, после завтрака, что вместо моей наволочки, отданной ему в стирку, сейчас перестирывает мне чью–то чужую, висевшую в другом месте и даже без прищепки. А где же моя? – Неизвестно! Пропала!.. Эта тупая дебильная тварь все кивает на бедолаг “обиженных”, которые, мол, могли перепутать и забрать ее (да и вообще у них стираемые вещи часто путаются и пропадают), да еще мне посоветовала все мои наволочки пометить (ага, ручкой написать “Б.С.”, чтобы смылось после 2–х стирок!..). А то, что сам, быдло тупорылое, ко всему относится безответственно, не уследил, вообще не особо затрудняет себя работой и ответственностью за нее, а только целый день сидит (на моей шконке), жрет и пьет свои чаи и кисели по 10 раз в день, – это он, конечно же, не виноват, и вообще он ни при чем... Мразь. Животное.

Одна хорошая новость вчера: мать дозвонилась А. в Казань и говорила с ним подробнее, чем я. Тот ей сказал, что он говорил с этим типом – Олегом, перевозчиком моих бумаг. Тот ему сказал,

что у него все нормально (т.е. он довез!..) и чтобы А. позвонил потом. Но потом А. его уже не застал, а вчера утром уехал, – мне говорил, что на 2 недели, матери – что на 10 дней. Сказал также матери моей, что "держит ситуацию под контролем". Что ж, значит, есть надежда, что через 10 или 14 дней бумаги все же попадут в руки А., если уж они не пропали до сих пор.

Постоянное ожидание беды. Вечное, непрекращающееся, вошедшее уже в плоть и кровь. Сперва – 20 месяцев в розыске и ожидании ареста; теперь, здесь вот – каждодневное ожидание если не шмона, то комиссии, если не комиссии – так (теперь вот) переезда на другой барак... Не жизнь, а сплошной кошмар. Единственное (слабенькое) утешение – что он кончится через 671 день. Но это еще очень много. А очередное испытание, и даже такое тяжкое и длительное, как переезд со всем барахлом в другой барак и устройство на новом месте, может грянуть уже и сегодня – через 2–3 часа, и даже раньше.

Сосед, старый хрыч, мразь, опять развел вшей. Еще одна глупая, скотская, бессмысленная животина, – даром что на воле был мастером по телевизорам и пр. технике. Пил так, что, видимо, и жена с детьми из–за этого ушла от него – здесь он неизменно курит, когда я ем и пью, таращится на меня, сидя напротив и следя за всеми моими действиями, и смачно, первобытно чавкает, когда жрет...

15–47

Никого не перевели вроде бы от нас, но "подняли" к нам 2–х человек – один с 6–го, с которым я был в 2007 в карантине, этакая ехидная погань; второй – не помню, с какого барака, но рожа тоже знакомая. Зачем?..

Мерзкий стирмужик не только потерял наволочку и хотел вручить мне чужую неотстиравшуюся, но и на мое вчерашнее предложение постирать мне брюки, пока я буду на длительной свиданке 27–29 мая, – вчера вроде бы согласился, а сегодня этак спокойненько посоветовал: знаешь что, ты лучше отдай их постирать "пидорасам", видишь, сейчас какая морока с этими тазами... То бишь, работать это чмо не хочет, и искать/караулить тазик для стирки моих штанов оно тоже не хочет. А хочет оно только жрать, пить чай с конфетками и курить за мой счет, и перед каждым походом в ларек, 2 раза в неделю в течение уже года, украдкой нашептывать мне: "Ты пойдешь в ларек? Купи чаю и конфет, пожалуйста...". Мразь. Тупое, пьяное, абсолютно безмозглое скотоподобное быдло. Инстинктивный, кстати, сторонничек социализма, совка, искренний почитатель всех советских "святынь" и "праздников" типа 7 ноября и 9 мая (с которым искренне поздравлял меня и в этом году, и в прошлом),

ужасавшийся слышанным про (присланную мне Маней) книгу Суворова, в которой тот будто бы “обосрал” Жукова, еще одну совковую “святыню”... Ублюдок, животное тупорылое, от которого толку в 1000 раз меньше, чем от коровы. Видимо, от его услуг по стирке придется все же отказаться (забавно, если вскоре после сегодняшнего инцидента меня или его все же переведут на другой барак. Получится, что свое он все же с меня получил, жрал–пил–курил за мой счет целый год, пока не раскинули нас...).

19.5.09. 9–20

Вчера, оказывается, кроме этого типа с 6–го, к нам “подняли” и 2–х этапников с карантина. Из этих наблюдений уже напрашивается вывод, что, м.б., все изменения в личном составе, перекидывания и пр., будут у них делаться по понедельникам? Хотя нет, 13–е ведь была среда, кажется? В общем, черт их знает. Во всяком случае, всех отсюда не выкинут, пустым барак стоять не будет, и теоретически вполне можно было бы остаться здесь. Но если даже Милютин и пообещает это Большакову, если тот за меня попросит, – все равно, нутром я чую, что это будет враньем, что потом, через какое–то время перекинут и после этого обещания.

Стирмужик таки нашел вчера мою наволочку – по его словам, куда–то перевешенную и завешенную чьими–то простынями, и отдал мне. Посмотрим, ЧТО он будет клянчить завтра, перед ларьком... В любом случае, вопрос о покупке ему хоть чего–либо будет зависеть от его согласия стирать мои брюки во время свиданки 27–29 мая.

Опять лето, солнце, опять жара... Похолодание кончилось. Можно опять, как тем летом, гулять после завтрака туда–сюда по двору. Но что–то не гуляется. И сил нет, болят ноги (больная, но не в месте перелома, а там, где ступня от перекоса сильнее всего трется об землю, натираются мозоли и больно наступать), да и тошно на душе, не хочется ничего, – ни этого солнца, ни лета, ни зелени вокруг... Осталось 670 дней, гораздо меньше, чем тем летом, а я... Тоска, короче. Все вспоминаю, как жил на дальней даче у моей Ленки, в Павлово–Посадском районе, как мы там гуляли по лесу, жгли костер, как я просто сидел на ступеньках в дом... Сейчас уже так не посидишь, – нога и спина сломанные , черт знает, дадут ли; а если сядешь, то уже, пожалуй, и не встанешь... Не могу понять, хочу ли я снова туда попасть – на эту дачу, в эти места, в ту прежнюю жизнь, о которой так тосковал и которая казалась мне такой сказкой , таким потерянным раем в первые годы заключения, в 2006–2008, особенно еще в тюрьме. Тогда – ничего так не хотел, как только вернуться, вдохнуть снова этот дым костра, увидеть это поле и купола церкви за ним, а

теперь – не знаю уже... Что–то надломилось с тех пор, и даже не что–то, а очень многое, и боюсь, – непоправимо...

Вчера и сегодня – показали в новостях 1–го канала – в Басманном суде Москвы читают приговор Николаю Карасеву, главе строительной кампании "Социальная инициатива", весьма известной в свое время, а также его жене и дочери. Столько воспоминаний сразу нахлынуло, когда только мелькнуло, на полсекунды всего, его лицо вчера в анонсе новостей... Фёдорыч, наш Фёдорыч!.. Я сидел с ним 10 месяцев вместе в Москве, на "пятерке", на том самом "спецу", в отдельном "продоле" на 1–м этаже "малолетки", он в 507–й хате, а я в 509–й. Нет, вру, не 10 месяцев, меньше – их с Пейкером и кем–то еще заселили туда не сразу, а где–то осенью, после того, как убрали оттуда угонщика Ермакова, прежде сидевшего (до 8.8.2006) у нас в 509–й, и еще какую–то шваль... Фёдорыч, Фёдорыч... Бывший генерал, чемпион (чего – не помню) по боксу, кажись, богатейший человек, глава крупной, прямо–таки огромной фирмы... Какие там "обманутые вкладчики"!.. Просто, видимо, был он со своими большими деньгами даже не то что нелоялен Путину и его режиму (открытая нелояльность уже тогда была огромной редкостью), а просто, видимо, неподконтролен, достаточно независим – и уже тем опасен! Вот и отобрали у него все и посадили и самого, и жену, и дочь (обе участвовали в руководстве "Социнициативы"), и сидят они все уже 4 года, наверное, как минимум, – их закрыли раньше меня, Зураб Зассеев, по–моему, упоминал, что сидел с Карасевым в "нулях" (01–04) еще зимой 2005–06 гг. Был финансово независим, не вполне, м.б., лоялен, – все в точности как у Ходорковского, вот и посадили. Мне уже не так много и осталось от моего срока, год и 10 месяцев всего – а ему только сейчас зачитывают приговор. Всю семью загнали за решетку, – да, эти подонки не церемонятся... Ау, правозащитники, где вы?!. И любопытно, – если ему суждено выйти когда–нибудь, Фёдорычу, в его–то возрасте (уже за 60 точно), и если останутся у него еще какие–то деньги, – можно ли будет на него рассчитывать в смысле денег на что–то радикальное? На вооруженную борьбу с Системой, раз уж судебную он сейчас проиграл вчистую? Хватит ли у него понимания этого? Есть ли у него после этих лет тюрьмы та же смертельная ненависть, что и у меня, и дозрел ли он до понимания, что одолеть эту систему по ее же законам, в ее же судах, прокуратурах, следственных комитетах, и пр. и пр., невозможно в принципе?..

Мать вчера дозвонилась очень удачно – с 1–го же раза после утренней проверки. Это очень хорошо, но только – если позже, к вечеру, что–то здесь случится, то она узнает об этом только

завтра (если я уж как–то не исхитрюсь у кого–то выпросить “трубу” и позвонить сам). Я сейчас дочитываю последнюю оставшуюся у меня книжку – сборник поздних работ Фрейда. 27–го надо отнести ее на свиданку и отдать матери.

15–53

Твари, суки, нечисть, мразь, ублюдки, слизь смрадная... Bastards. Знаю, что уже далеко не в 1–й раз пишу все эти проклятия им, – но такое омерзение, такую ненависть и тошноту вызывает все это здешнее окружение, вся эта мерзкая уголовная шваль, все это тупое быдло и наглое отребье, – ей–богу, всех, всех их, без единого исключения, всю эту зону целиком залил бы горящим напалмом, или бомбу ядерную на нее бы сбросил...

Утром вызвал Демин, – мать таки дозвонилась ему в 8–30, как собиралась. Как только завхоз сказал мне, что вызывают, – я тут же собрался и пошел, минут через 5 уже был в санчасти. А там санитар заявляет, что, мол, Демина нет, ушел минут 20 назад, – ждите. Пришлось ждать; хорошо, что еще дождался; смотрю – идет с вахты...

Он подписал мне “свободный ход” (и теперь, в отличие от того раза, это подписанное заявление придется таскать с собой, СДиПовцы теперь требуют его предъявлять), и даже вписал туда разрешение ходить с палкой, а то “мусора” могут и отобрать, – здесь такое бывало. На мой самый жгучий, заранее подготовленный вопрос – насчет переселения и ликвидации инвалидного 13–го барака, – он сперва, как всегда и все они, ссылался на закон, на прокуратуру, которая–де заставляет судимых не 1–й раз (причем с непогашенными предыдущими судимостями) держать отдельно от “первоходов” (и почему–то именно в помещении 13–го отряда это надо делать...), уверял, что этот вопрос не он решает, и т.д. Но под конец пообещал все же поговорить с “Михалычем” (Милютиным), хотя и предупредил, что не обещает результата. Я в результат, признаться, тоже не верю... Потом, пользуясь случаем, я зашел к медсестрам и попросил их отдать лекарства, привезенные мне матерью, особенно ортофен и дифенин, который уже хотели, но как–то необъяснимо не отдали в прошлый раз, в марте, когда я приходил с температурой. Одна из медсестер вдруг выдумала, что так просто его отдавать нельзя (хотя раньше отдавали, и не раз), а – сперва придумали: приходить мне в больницу его пить (ага, 2 раза каждый день!..); потом – позвонят врачихе (она в отпуске), узнают, можно ли, и только тогда отдадут. Приходите вечером. Так я опять остался без необходимого мне лекарства.

После обеда дозвонилась мать, сообщила о своем разговоре с Большаковым. Тот, справедливо рассудив, что по телефону

Милютин может ему пообещать, а потом все равно сделать по–своему, сказал, что на следующей неделе сам собирается ехать в Буреполом. А т.к. мать будет у меня на длительной свиданке, то он зайдет для разговора прямо к нам в комнату!.. Забавно, конечно, – в неофициальных условиях вести этот разговор будет легче. Но – бесполезно: хоть я и изложу ему свой взгляд на 1–й пункт 95–й ст. УИК, – но все равно, власть и возможность решать – не у меня, а у них, и сделают они все равно по–своему. А насчет оставления на 13–м – он уже даже сейчас, по телефону, замечает матери, что это, мол, внутреннее дело колонии...

Дай бог, чтобы его приезд прошел так же тихо и незаметно, как летом того года, а не как недавний “Забурян” с убиранием в каптерку баулов и выносом телогреек... Если эта истерика поднимется, когда я буду уже на свиданке – некому будет расстилать одеяло и прятать баулы, да и само это одеяло я обычно убираю за шконку перед уходом, – для большей сохранности. А шнырь, надо мной спящий, хотя я и прошу его всякий раз присмотреть за моими вещами, – заведомо не сможет противостоять хамскому напору блатных, которые ему же, как соседу, или кому другому просто прикажут уволочь мои сумки в каптерку, да и все тут.

Говорил с матерью, сидя в блатной “маленькой секции”, и, когда запищала “2–я линия”, по поводу которой много раз уже с 2007 были у меня с блатными скандалы, – хотел отдать кому–то из них, чтоб ответили. Но она коротко пискнула всего 2 раза, и тут же появилась надпись: “1 непринятый вызов”. Я выразил удивление этим фактом, а сидевший тут же один совершенно омерзительный блатной – отвратительная долговязая воровская гнида, – тут же ехидно заявил мне: “Ты специально ждал!”. Правда, через минуту 2–й такой же короткий звонок, когда “трубу” я успел отдать ближайшему, но вызов уже был пропущен, рассеял эти гнусные идиотские подозрения. Имей дело с мразью...

21.5.09. 15–52

Ничего особенного не происходит, и писать вроде бы пока не о чем. Хитрый подонок “телефонист” все последние дни нагло игнорировал меня, не замечал, не здоровался, даже – подходя вплотную. Вчера днем мне таки удалось обратить на себя его внимание, когда он был один (проходил мимо меня). Я спросил, даст ли он мне “трубу” – позвонить матери. Он ответил, что “труба” сейчас на зарядке, да и на обед скоро (через полчаса), а вот не могу ли я ему купить в ларьке (как раз была среда) коробку риса или гречки, а также пакетного чаю?.. Хитрая, наглая сволочь. Его телефоном я почти не пользуюсь, и за каждый звонок теперь, после перевода на 7–й 13.5.09., он умудряется из меня

что–то выжимать...

В ларьке меня постигло жесточайшее разочарование. Была, вопреки обыкновению последнего времени, довольно приличная очередь. Незадолго до меня в “нашем” окошке кончился хлеб. (Сейчас ем кислую столовскую “чернягу”, – и сегодня на завтрак, и завтра. Да и то старая сволочь – сосед по столу в столовой – методично оставляет одни горбушки, забирая куски из середины буханки себе, т.к. успевает из всех 3–х за столом дойти до стола первым.). Потом оказалось, что нет и традиционной лапши б/п по 6 рублей, – гарнира, которым я ежедневно питаюсь и без которого все консервы в передаче из дома разом теряют свою ценность. Я спросил, будет ли лапша в пятницу; продавщица раздраженно ответила, что не будет, ссылаясь на кризис и низкую покупательную способность... Не было и рулетов, – а я–то хотел хоть рулет съесть вместо 2–го на обед. :) Сок был только апельсиновый, который я не люблю. Короче, даже выбитых 200 рублей оказалось слишком много, и поэтому (только поэтому!) я без всякого напряга купил и все заказанное “телефонисту”, и даже еще вожделенную пачку чая реабилитировавшему себя стирмужику. :)

Но проблема осталась нерешенной. Лапши (по 2 пачки на ужин) мне хватит до вечера 25 мая. На 26–е есть еще 1 пачка – этого мало. 27–го я иду на длительную свиданку. Среду, четверг и пятницу будущей недели я буду там, то есть – оба ларьковских дня. Выйду в субботу, когда ларек закрыт, и до среды буду – как дурак! – при большом запасе консервов, но совершенно без гарнира, чтобы их есть. Что делать? Я попросил мать найти и привезти (если найдет!) несколько брикетов такого типа лапши; пришлось просить и соседа, мерзкого старого алкаша, у которого как раз сейчас есть в ларьке деньги, купить мне эту лапшу, пока меня не будет, а я потом верну ему долг. Он пообещал; но надежным этого хмыря никак не назовешь. Есть и еще один вариант: пойти как–то в ларек во вторник и все купить (если будет, конечно). Но охраняющая ларек наглая СДиПовская сволочь там на то и поставлена, чтобы “не в свой день” категорически никого не пускать.

Забыл еще упомянуть, что без четверти 2 “телефонист” все же принес мне “трубу”; я набрал матери, но у нее были занятия, она обещала позвонить только после 6–ти. Потом, к вечеру, приперся отрядник и сидел какое–то время, потом ушел. “Телефонист”, забравший уже все свои покупки, приперся ко мне с телефоном только после его ухода, хотя все это время был здесь же, в бараке. Но когда я уже начал набирать номер матери – вдруг из дальнего конца секции, как обычно, закричал мне владелец другого

номера, на который мать тоже регулярно дозванивается. Я пошел разговаривать с ней в “маленькую секцию”, а услуги “телефониста”, заранее щедро оплаченные жратвой и чаем, таким образом, не понадобились.

Мерзкий шнырь–брагодел и эксперт по вшам, мой бывший сосед в 2007 г., переведенный того же 13.5.09. на 9–й, так и не отдал мне вчера 200 рублей, которые, не имея возможности взять у него, взял у меня в прошлую пятницу “запасной вариант”, обещав, что шнырь отдаст в среду. Шнырь вроде бы и пошел со всеми в ларек (где трется постоянно и ежедневно, коммерсант хренов), но не дошел – стал звонить в больницу, говорить там о чем–то с санитарами, потом вообще исчез с горизонта. Ждать его я не стал и выбил свои 200 рублей. Потом, по дороге в барак, встретил эту мразь напротив столовой: она держалась рукой за щеку, изображая зубную боль, но сказала мне чтобы за долгом я опять приходил в ларек вечером, к 6 часам.

Я не пошел: и мать как раз должна была звонить, и в ларьке ведь мало что было, – ЧТО бы я там брал на эти 200 рублей? Шоколадки?.. Да и – не было уверенности, что хитрый и скользкий шнырь туда придет, не обманет опять, как он регулярно обманывает. Но потом бывшие там говорили, что он таки вечером был. А после отбоя, когда я уже лег было, но встал – привязать новую резинку взамен лопнувшей к пружинам шконки, – он вдруг появился сам, спросил, что же я не пришел, и когда в следующий раз, в пятницу или когда еще? Я сказал ему быть в пятницу после обеда. Посмотрим, будет ли на этот раз. Можно, по крайней мере, надеяться, т.к. и встреченный мною утром “запасной вариант”, и с его слов еще один блатной, с 13–го, интересовались у меня, отдал ли мне шнырь долг.

Сегодня мать дозвонилась перед обедом. Новости были хорошие: она только что была у Пономарева, и тот дал 10 тысяч мне по кассации УДО, а она ему – книжки обо мне для него самого, Ихлова и Налетова. Вчера звонил Глеб Эделев и сказал, что от 50 до 100 книг он возьмет на свой город. Плюс, пока мать ехала к Пономареву и ждала его, ей позвонили на мобильник из интернет–фирмы, куда она давно еще давала объявление, и дали ученика – готовить по литературе на журфак МГУ, до июля, живет на “Тимирязевской”, если все так и будет – то это 7,5 тыс. рублей в неделю. Первое занятие назначено на завтра на 13–00.

Манькины котята, 4 штуки, которым завтра исполняется 3 недели, еще не научились ходить нормально, а больше ползают. Тем не менее, вчера и сегодня они начали уже выползать (точнее, выпадать) из красного баула, в котором живут под соседей со мной шконкой. Орут и пищат они при этом оглушительно. Эти

дни я стал выносить их во двор, на солнце и тепло; ползать по голой земле им, видимо, холодно, но хозяева Фроськи из “красной” секции выносят в большой коробке единственного оставшегося фроськиного котенка, Гошу, как его назвали. (У Фроськи их тоже было четверо, но двух утопили сразу, а третьего уже кто–то забрал, т.к. они немного постарше манькиных.) Сама Маня, к моему удивлению, демонстрирует полное равнодушие к тому, где ее потомство. Сегодня она выходила на улицу, я взял ее на руки и поднес к малышам, – она тут же унеслась прочь. Зато функции матери полностью взяла на себя Фроська, и сегодня я с умилением наблюдал идиллическую картину, как лежащую в коробке Фроську сосут чужие котята, лазят по ней, вполне довольные, возятся между собой и с ее Гошей, а она их облизывает...

19–30

Оказалось, что уже после ужина, совсем недавно, то ли 8, то ли 10 человек переведены к нам с 4–го барака. Тусуют, тусуют, перетасовывают, и черт знает, кого здесь собирают то ли действительно с непогашенными прежними судимостями, но скорее всего – это полная туфта, как и все, что говорит это начальство. Но отвратительный грозный призрак опять встал передо мной, чуть было поуспокоившимся за последние дни, переселение опять стало казаться мне неизбежным...

А 10 лет назад, в 1999–м, я в эти дни собирался ехать в Питер...

22.5.09. 8–41

Началось утро очередного безумного лагерного дня: в столовке на завтрак вместо хлеба давали “хлебцы армейские”. Это 6 печений в полиэтиленовой пачке. Давали их по 2 пачки на человека вместо стандартного куска хлеба (пайки). Видимо, не испекли за ночь хлеб, что–то помешало (кончились дрова? :), – другого объяснения этому изменению в привычном рационе придумать просто невозможно. Интересно, будет ли сегодня в ларьке белый хлеб, – его ведь пекут вместе со столовским черным. Надеюсь, до 2–х часов дня успеют.

Сегодня пятница, через минут 40 мне уже в баню. Теперь, слава богу, есть возможность идти заранее, не ждать толпу с “общественником”. Вошло уже в привычку (дурную? :) – заходя в “локалку” столовой, или же (чаще). Выходя из самой столовой, взглядывать на трубу бани: дымит она или не дымит, работает баня или не работает. Многострадальная труба эта уже и падал, и горела, и ломалась, и снимали ее, и в самой бане аварии какие–то регулярно происходят... Но сегодня утром труба дымила вовсю, – можно идти смело!..

Вчера на вечерней проверке “мусор” зачем–то проверил по карточкам всех, переведенных с 4–го барака. Среди них уже был один, свалivший куда–то (играть в карты на всю ночь?) и приславший за себя другого, тоже с 4–го, для полноты счета. Заменявший не знал точно отчества того, кого он заменяет, чтобы назваться на вызов “мусора”, однако все сошло гладко. Тем не менее, “мусор” предупредил, что ночью они будут приходить и проверять наличие всех переведенных на спальных местах. Разумеется, это бред: никто ведь не знает, куда их положили, – ни завхоз, ни блатные, ни – тем паче– сами “мусора”, так что найти их в темноте, среди множества спящих, укрытых одеялами людей будет трудненько. Поэтому я не особо поверил в эту угрозу, мне она показалась скорее пустой страшилкой. Но – не успел я еще как следует заснуть, даже 12–ти еще не было – эти идиоты уже оказались в бараке (да еще стрем их, как я понял, прохлопал) и стали ходить, светить всем в лица синими фонариками и кого–то искать. Говорили, что они ищут как раз того типа, который прислал за себя замену на проверку. Мне тоже посветили 2–3 раза фонариком в лицо, но я лежал на животе (в своей любимой позе), плотно закрыв глаза, и “спал” мертвым сном, не реагируя не только на свет фонарика, но и на гам, топот и громкие разговоры этих подонков в форме с блатными и “козлами”.

А “хлебцы армейские”, кстати, такие же армейские, как и тюремные: их стандартно дают в наборах этапного “питания”, в стандартных картонных коробочках, всем, отъезжающим на этап. И везде, по всем тюрьмам и столыпинским вагонам, как и здесь, в зоне, – быдло упорно вместо “хлЕбцы”, как положено, называет их “хлебцЫ”...

13–47

Мрази!.. Твари!.. Суки!.. Я больше не могу... Когда все это кончится?.. Не могу больше среди этих животных, этих тупых, дебильных тварей, с их идиотскими разговорами, с их мерзкой блатотой, командующей всеми, в их непрестанных заботах о раздобывании сигарет и просьбах, вопросах, хитрых заходах, чтобы получить эти сигареты с меня, хоть в долг, хоть даром... Не могу больше вреди этих тварей, в этом сумасшедшем доме, в абсолютно чужой для меня атмосфере, пропитанной грандиозными проблемами курева и чая, да еще с неизвестным будущим, с постоянной нависающей угрозой перевода в другой барак. Боже, куда я попал?!. Уже почти 2 года здесь, и всё – куда я попал?!. Еще немного, и я сойду с ума от всего этого бреда и суматохи, тупости и дури вокруг... Ясно чувствую, как уезжает крыша...

23.5.09. 8–56

Вчера в обед дали уже нормальный хлеб, только что испеченный. В ларьке, слава богу, таки появилась лапша, но стоит она уже 7 руб. Продавщица справедливо заметила мне (знает, что я беру эту лапшу постоянно): пока сидишь, она и 10 будет стоить. Вымогать, на удивление, ничего не вымогали, – по крайней мере, днем. Но мерзкий шнырь–бражник, переведенный 13.5.09. на 9–й, конечно же, днем в ларек отдавать мне 200 руб. долга не пришел, а потом уже явился в барак и сказал мне, чтобы я обязательно–обязательно пришел в ларек и вечером, мол, отдаст тогда. Но перед ужином одно блатное чмо, до сих пор в вымогательстве не замеченное, спросило, пойду ли я в ларек, и я, дурак, имел глупость сказать, что пойду. Тогда оно увязалось со мной, только ради меня и пошло: как же, для ЛПУ (которое сгорело 3.4.09.!), оказывается, нужно 10 пакетов с ручками, и вот почему–то именно я должен их купить (хотя можно и не все 10, а поменьше). Шнырь, которого на этот раз в ларек не пустили, таки отдал долг, но, как и все, что он делает, с хитроумными выкрутасами. 100 рублей – чьим–то чеком, а еще 100 – моих в чеке на 350 рублей. Т.к. его не пустили, то конфет, чая и пр. на этот чек покупал мой блатной спутник (не зря пошел!), а я на свои оставшиеся там 102 рубля купил последнюю в ларьке банку тушенки, а на остаток – 7 пакетов по 5 рублей. Еще 100 рублей попросил кассиршу просто вписать мне на счет, благо это можно.

Ожидание неизбежного переезда на другой барак отравляет мне даже и выходные дни (сегодня суббота), когда можно не опасаться, что переведут прямо сегодня–завтра. На разговор с Большаковым я не возлагаю больших надежд, а пуще – сомневаюсь, что этот разговор состоится, что тот приедет, придет к нам в комнату, и т.д. Настроение отвратительное – тоска, усталость, апатия, отвращение к себе и к миру... Впрочем, и до появления угрозы переезда оно было таким – с самого ареста... Я не могу дождаться, не знаю, когда же все это кончится...

В бане вчера так и не было стекла в боковом окне, вынутого еще недели 2 с лишним назад. Всю зиму оно стояло с выбитым куском сверху; я думал, что вынули, чтобы вставить целое; но – вынуть легко, а вот вставить почему–то в этой стране всегда очень трудно, и не только на зонах, но и на воле... Так и стоит без стекла; второе из этих боковых окон тоже, оказывается, треснуто, хотя зимой я этого не замечал. А между тем, даже несмотря на яркое солнце, погода довольно прохладная, ветер холодный, а на вечерней проверке вчера изо рта явственно шел пар.

24.5.09. 8–30

Почти весь день вчера – весь вечер уж точно – и всю ночь шел дождь. Небо заволокло тучами, стало холодно и сыро до

промозглости. На ужин вчера, не выдержав, я одел телогрейку, и в ней же стоял потом на проверке – под льющейся с крыши мощной “капелью”. В подъем сегодня дождь еще был, но к завтраку прошел. Все в лужах, в дренажной канаве вдоль бараков стоит (около нас и 10–го) вода. Но стало посветлее в секции – похоже, небо потихоньку проясняется.

На завтрак опять дали “хлебцы армейские”, но не просроченные, как в тот раз. Тогда мой сосед – злобный, мерзкий бандит из соседнего проходняка – заметил, что 2–хлетний срок годности их истек где–то месяц или 2 назад, и я сразу подумал, что это не печка сломалась, а просто надо это просроченное печенье со склада куда–то деть, вот и раздают вместо хлеба. Сегодня оно не просроченное, но если, не дай бог, до 27–го, дня начала свиданки, придется жить вместо хлеба – пусть и кислого черного – на нем одном... Короче, ужас...

В тупике “продола”, перед СДиПовской будкой около нас, вчера разровняли ранее привезенную и сваленную там кучей землю, обложили досками, сколотили из досок же нелепый забор высотой более чем по колено мне, – что там будет, цветник или огород, черт его знает. Делали все это “обиженные”, в том числе и блатные, но указание, скорее всего, поступило от зоновского начальства. Одновременно устройством этих грядок (вчера и раньше), да плюс вытаскиванием старых досок, чтобы заложить новые (вчера; но их так и не заложили) нарушили безотказную до этого работу дренажной канавы, из–за чего в ней теперь и стоит вода после вчерашних дождей.

А пожарный водоем около столовки так и стоит открытый. Берега его уже сильно обвалились, часть бревен из внутренней обшивки стен плавает внутри. В теплую погоду он заметно мелеет, и только благодаря все тем же дождям, как я заметил, идя сегодня на завтрак, наполнился водой.

Жизнь в ожидании переселения в другой барак. Тоскливая, тревожная, беспросветная жизнь... Безнадега. Загробное существование. Все безразлично. День прошел – и ладно, нечего там загадывать на будущее, – стал я повторять про себя теперь по вечерам, – в точности как советовала когда–то мать, но на воле я так жить не мог (и не смогу, очевидно, впредь, если все же выберусь отсюда)...

Тупая мразь стирмужик и не подумал снять мои стиранные вещи с веревки, когда вчера пошел дождь. Вместо того, чтобы сохнуть, они дополнительно мокли 2 дня. А вот сейчас, пока писал о них – в “фойе” уронили утюг и, видимо, разбили, – будет ли он теперь работать, черт его знает...

9–20

Вчера после обеда вдруг явились 2 “мусора”–“контролера”, мелкого росточка оба, и прямо полезли под шконки через проходняк от меня. Торжествующе вытащили оттуда клетчатый баул с брагой и пошли ее выливать (здоровенные пластиковые бутыли из–под нее потом долго валялись в мусорной бочке). После этого они полезли проверять все баулы в соседнем со мной проходняке, и туда же из–под моей шконки вытащили и мой один – спортивная сумка с тряпьем, уж точно в таких никто не будет хранить бутыли с брагой, слишком дорога она для этого. Расстегнули, порылись – и так, не положив все обратно, не застегнув, бросили в том проходняке. (Оставил брагу под шконками тот самый мерзкий шнырь, что позавчера отдавал мне долг.)

И – по–прежнему, как в первые дни ареста (и даже еще задолго до него), – когда я вижу эту мразь в форме рядом, тем более копошащуюся, шмонающую, роющуюся, да тем более если в моих вещах – одно желание, смертельное, непреодолимое, захватывает все сознание целиком, парализуя все прочие мысли и чувства: бить их, убивать, уничтожать; лично, своими руками, прострелить ему башку в упор, или хотя бы раскроить со всей силы топором, чтобы кровь брызнула мне в лицо и на руки, на одежду, залила весь пол вокруг, чтобы он вдруг обмяк и мягко завалился, как кукла... Раз уж все равно вся эта жизнь абсолютно бессмысленна, раз целью, и смыслом, и финалом ее является неизбежная смерть, то самое лучшее, самое ослепительно–героическое, что можно сделать этой долгой дорогой на кладбище – истребить, физически уничтожить ИХ как можно больше – чекистов, “сотрудников милиции”, прокуроров, судей, военных, “мусоров” из системы ФСИН и всех прочих, любых других “представителей силовых (или “правоохранительных”) структур”...

Манькины котята теперь упорно пищат и вылезают из своего домика–сумки, особенно в отсутствие пушистой зеленоглазой мамаши. Недавно одного утащила Фроська, он нашелся у нее в коробке, вместе с ее единственным оставшимся – Гошей. Сегодня с утра их опять оказалось трое, где 4–й – неизвестно. Фроська приходила еще к подъему (думала пожрать :), и с ней было все нормально; когда же я пришел с завтрака, и она явилась опять, я прямо умер со смеху: вся ее белая мордочка была густо вымазана какой–то черной грязью. Видимо, лазила по помойкам...

25.5.09. 8–58

Понедельник. Утро. Началась 95–я неделя до конца. На улице опять дождь, сырость и хмурые тучи, хотя вчера весь день было солнце. На вечерней проверке уже ощутимо доставали комары.

Отрядник, вопреки обыкновению, вчера – уже 2–е воскресенье подряд – не появлялся весь день, но сегодня на зарядку приперся с самого утра, еще аж до ее начала, вместе с каким–то еще “мусором”. Он выбросил во двор и растоптал здоровенные жестяные банки из–под чего–то, служившие блатным в конце секции пепельницами. После этого со 2–м хмырем они стояли, как всегда, всю зарядку во дворе среди зэков и рассуждали о том, сколько должно быть в отрядах народу (от 70 до 100), какая должна быть зарплата у отрядника, если народу больше, и т.д. и т.п. Нет сомнения, что тема эта прямо связана с тусованием людей на 13–м – сюда и отсюда.

Пока я еще на 13–м. Но предчувствия самые мрачные, причем именно на сегодня. Дожить бы здесь только до свиданки, до 27–го, – а там, м.б., удастся все же через Большакова предотвратить этот перевод... А если нет – тащиться в другой барак со всей только что полученной передачей будет еще ужаснее, чем сейчас, когда ничего из жратвы уже не осталось.

Все время вспоминается последний Новый год, эта ночь, когда я безнадежно лежал одетый под одеялом не в силах заснуть, а потом выходил в самую полночь на улицу, смотрел “салют”, и т.д. О чем я думал тогда? Человеку свойственно стараться заглянуть в будущее, особенно на изломах своей судьбы, даже на таких малозначительных рубежах, как смена года. Я, конечно, подсознательно пытался представить, какую пакость мне готовит этот наступающий год, 2009–й. Стычки с блатными (они уже были), ШИЗО (пока не было, но еще не вечер...) – во, наверное, главное, что мне могло придти в голову. Ну, еще обнаружение дневника, но это тоже, по сути своей, одна большая стычка с блатными... Такого поворота, как раскидывание отряда и перевод на другой барак, я никак не предвидел. Предельно унизительно – сидеть и ждать, пока без тебя решат твою судьбу на ближайшие год и 10 месяцев. И ожиданию этому уже, наверное, месяц, – комиссия приезжала еще до пасхи, и как раз в эти же числа в апреле, и даже еще пораньше – пошли первые слухи о разгоне и переводе...

Омерзение. Тоска. Отчаяние. Ненависть. Я должен, просто обязан непременно отомстить ИМ всем! Но как?..

А пока единственное утешение – я считаю дни до конца и почти постоянно представляю, как я буду на воле, как буду вставать утром, ходить, встречаться и разговаривать со знакомыми... Даже во что буду одет, пытаюсь представить, – ЧТО надо купить, а ЧТО сохранится еще с прежних времен. Это отчасти помогает – постоянно повторять себе, что все это кончится, что уже не так и долго осталось, всего – сегодня – 664

дня, – но все же этого недостаточно.

Мать, Шамиль и Матвеев завтра в 6 утра выезжают ко мне на свиданку на матвеевской машине. Дай бог мне дожить без переездов до утра среды, 27 мая!..

12–35

Расходились совсем нервы...

Когда писал утром – вот уж чего не ждал, так это шмона. Вроде уж это, думал, кончилось, похоже, до осени, – давно нет, как и в том году... Но из всех возможных проблем пока случился именно шмон – правда, не у нас, а на 10–м. Но нас тоже слегка коснулось. “Обиженный” Юра, мой бывший сосед по проходняку, стоял на стреме, когда они приперлись на 10–й,а я ходил туда–сюда, на улицу и обратно в барак (нервы) и разговаривал с ним. “Мусора” лазили по раздевалке 10–го, откуда окно в наш двор, громили кабинет их завхоза (что тоже было видно через окно этого кабинета), сломали там штору на окне, разбили внутренний телефон (для связи с вахтой и штабом), и т.д. Юре кто–то из них (опер, по его словам)через окно раздевалки велел слезть со своего наблюдательного поста – пожарной бочки у нашего забора. Он слез и стал слушать так, но потом залез снова. И через какое–то время (уже около 11–ти, а на 10–м началось в 10) один из “мусоров”, молодой долговязый бандит по кличке Белоснежка, конченный подонок, судя по роже, уже давно мне печально знакомый по прежним шмонам, – спрыгнул с крыши нашей деревянной пристройки, куда выходят первые окна 10–го, и бросился за Юрой. А через калитку в это время вбежал (ему спешно кинулся отпирать СДиПовец) еще один. Они пробежали по большой секции и где–то в какой–то момент (я не видел этого) Белоснежка, мразь, ударил Юру (даже, кажись, 2 раза) по лицу, от чего остался явный след – покраснение, но еще не синяк. Да, на 10–й в начале шмона приперся Заводчиков. Вскоре после этих 2–х он, с большим фонарем в руках, явился и к нам – и прошел в кабинет завхоза. Потом явился Наумов, с ним еще какая–то мразь, они прошли всю нашу секцию и стали шарить где–то в конце ее, у блатных. Я уже думал, что шмона не избежать, – дай бог, если еще не с баулами, как 27.11.08. и 31.3.09. Белоснежка тем временем заявила, что во время погони за Юрой у нее выпала где–то в “фойе” заточка, и если ей сейчас ее не отдадут, то она заберет у нас все, что можно и нельзя. Но никто эту заточку не видел, да и я, когда эта мразь пробежала мимо меня, был как раз в “фойе” – и никакой выпавшей заточки не видел. Так что это была явная ложь с далеко идущими последствиями...

Наумов со свитой между тем прошел обратно, через всю секцию, в проходняк блатных “обиженных” и прямо с ходу забрал

у них из–под подушки телефон, который как раз зазвонил и тем обнаружил себя. Они потусовались там немного, и уже, похоже, собирались идти, когда к Наумову подошел замглавнокомандующий в бараке главпровокатор и стал ему жаловаться, что Белоснежка ударила Юру. Оба были тотчас призваны для разбирательства на месте. Сам разговор мне слышен не был, но из последующих повторений и мимоходом сказанных фраз я понял версию Белоснежки: якобы давно уже (как всегда) не бритому Юре она сказала: “Когда побреешься?”, – но тот бриться не пошел, и этим объясняется последующее нападение на него. Главпровокатор сказал в ответ что–то вроде: “Инцидент исчерпан” (?!!) и пошел к себе на место, по пути несколько раз спросив Юру, когда он побреется. Все “мусора” (Заводчиков чуть позже) сразу после этого ушли от нас; часть ушла с “продола” вообще, а остальные продолжали еще некоторое время громить 10–й.

14–55

Дождь, ливший с самого утра, сейчас стал ослабевать, но еще не кончился. Когда вышли на обед – разбитый телефон завхоза с 10–го, обычный советский дисковый телефон, валялся на “продоле”. Из него торчали обрывки проводов. Когда шли обратно – за эти самые обрывки кто–то привязал его к ржавой “рабице” – первому слою запретки с внутренней стороны зоны. Он – яркий, светло–желтый с красным – висел на ней, а отодранная трубка валялась внизу. Я дико пожалел, что нет фотоаппарата: какой кадр получился бы!.. Особенно если в него попали бы ряды “колючки” по верху запретки, а еще лучше– вышка с будкой часового невдалеке. Кадр, говорящий о подлинной сущности этого режима, с улыбчивым интернетовским лицом Медведева в кремлевском “видеоблоге”, больше, чем 100 страниц самого радикального текста.

27.5.09. 8–40

Примерно в 8–10, после завтрака, все–таки позвонили: на длительную свиданку! Слава богу!.. Я, как всегда, извелся и изнервничался, причем еще со вчерашнего вечера. Вчера днем, точнее, часов в 11 утра, мать дозвонилась, когда они проезжали Вязники и уже приближались к Нижнему. Я просил непременно позвонить еще и вечером, как доедут, но – тишина. Пришел “телефонист” (воистину бедолага, у которого новую шикарную “трубу” за 4 тыс. попросту... украли из кармана, пока он спал, и он взял где–то тут на время опять какую–то попроще), и я стал звонить от него сам: “маячок” до матери дошел и был принят, а сам телефон – недоступен. Выпросив у меня, как всегда, пожрать (отдал ему старую–престарую, с того еще года, банку соевой

тушенки, которую сам не ем в принципе), он ушел, обещал еще раз зайти после вечерней проверки, в начале 11–го. К моему большому удивлению, хоть и в 11 почти, но пришел. Звоню – опять недоступен. Что такое?!. Начинаю уже психовать. Билайновский телефон Матвеева (заведенный им еще в том году, чтобы, как он сам говорит, ездить в Буреполом) я не знаю. Что делать? К ужасу и возмущению "телефониста", доставшего только что где–то немного денег на этот телефон, звоню на домашний Асе, жене Матвеева (причем тоже не сразу дозваниваюсь, т.к., оказывается, туда теперь и извне Москвы надо звонить через код 499, а я, по традиции, через 495) и спрашиваю у нее. Звоню – но и телефон Матвеева недоступен! Всё!!. Нервы на пределе... Как я еще спал хоть сколько–то в эту ночь, удивляюсь. 30 рублей со счета бедного "телефониста" пропало ни за так... :))

А перед этим был еще повод для "нервяка", как тут это называют. Два ублюдка, мерзких выродка и бандита, два майора "внутренней службы" – Агроном (Степанов) и Стёпышев – вдруг надумали с чего–то вчера в 9 вечера шляться по баракам. Причем – когда я уже пошел смотреть "Время" по 1–му каналу в 9 часов – после 12–го поперлись сразу к нам. Слыша это, да и глядя на суету и мелькание самих зэков в бараке, я решил, что лучше одеться и выйти, типа, на проверку (хотя еще было рано, она только в 21–30 официально начинается). Одел ботинки, пошел относить тапки в раздевалку – и на выходе оттуда как раз столкнулся с этой мразью Агрономом, вошедшим со своей обычной мерзкой ухмылочкой и громогласными рассуждениями на тему: "В стране кризис!" (то, что я успел услышать). Его и толпу, шедшую с ним, я попытался было обойти сзади, но он заметил и накинулся на меня сперва с традиционным вопросом, учили ли меня здороваться (из "калашникова" бы я с тобой поздоровался с удовольствием, старый подонок!), а затем – прицепился к "нарушению формы одежды" – я был без робы, в верхней части от черного нательного белья, чисто для тепла надетой поверх черной же футболки. Брюки на мне были черные, форменные, как и всегда. Я сказал: "Я сейчас оденусь", – но ублюдок Агроном – можно подумать, что дома на диване он всегда сидит в форменном кителе с погонами – пообещал, что сегодня (т.е. уже вчера) выпишет мне выговор. Мне это показалось маловероятным, – он любитель пугать и грозить, этот козел агроном, да и не забудет ли он еще обо мне, пока обойдет барак, прицепится еще к десятку человек, попавшихся на глаза, и вернется в штаб? (После выхода из барака этот дебил – или это был Стёпышев? Точно не разглядел, но, по–моему, все–таки Агроном – полез еще и в СДиПовскую будку возле нас, и

победоносно вышвырнул оттуда чей–то баул.) Я не очень верю в реальность этого выговора, но – все может быть. С этих мразей станется, – тем более, что меня они терпеть не могут, т.к. не смогли сломать и знают как открытого врага их государства и их самих. Узнать об этом можно будет не раньше воскресенья, когда вернусь со свиданки я и припрется отрядник.

Впрочем, один из зэков уже уверенно говорит, что в пятницу (когда я еще буду на свиданке)начнут переводить отсюда на другие бараки. Так что куда придется возвращаться – неизвестно. Говорит он также (откуда такая осведомленность? Его даже к блатным не отнесешь.), что в основном решено всех закинуть на 9–й и 10–й бараки (ну да, 13.5.09. из 11–ти переведенных только двое, кажись, попали не туда. Оба – на 2–м этаже, т.е. – с палкой или без нее лазить еле–еле туда–сюда по лестнице. Выходить каждое утро на проклятую зарядку, в снег, мороз, дождь, ветер – т.к. при подходе “мусоров” уже не будешь, у них на глазах, сползать по этой лестнице. Тащить всю передачу, которую сегодня привезла мать, еще одним отдельным баулом туда, – это будет уже 5–й! Кошмар!.. Будь все проклято!.. Как я всех их ненавижу – и тех, кто сюда загнал, и тех, кто здесь командует и правит бал...

30.5.09. 14–54

Все–таки эта мразь Агроном написал–таки на меня рапорт. Я–то уж думал, что обошлось, – когда, идя на свиданку, встретил по дороге отрядника, спросил у него специально, нет ли для меня какой информации (про себя имея в виду именно этот возможный рапорт), – и он мне ответил, что нет. Но сегодня, придя утром (прежде он по субботам никогда не приходил, вызвал меня и зачитал эту писульку: что якобы 26 мая в 21–15 я был “задержан” (?) в помещении отряда с нарушением формы одежды (был в футболке, сказано там, хотя на самом деле поверх футболки я был еще в “тепляке” от нижнего белья), плюс “не приветствовал представителя администрации”. Спросил меня, что я скажу на это. Я сказал, что их “представитель администрации” – подонок, которому я лично с удовольствием разбил бы морду. Отрядник начал доказывать, что кроме 1 или 2–х часов “личного времени” в день, все остальное время я должен быть в робе. Я сказал ему, что это бред, который никто никогда не будет воспринимать всерьез, – чем очень его возбудил и завел. :)) В свою очередь я поинтересовался, не сдельно ли они работают, не зависит ли их зарплата от количества записанных и оформленных “нарушений” у зэков. Он возмущенно спросил: “Может быть, тебя вообще отпустить?!”. Я сказал: “Да, разумеется!”. На этом мы расстались, причем писать объяснительную я, как обычно, отказался. Но

минут через 5 он вызвал меня снова. Оказалось, сообщить, что наложил на меня “устный выговор”, – что ж, спасибо, что не письменный (хотя это уже прерогатива начальника). Расписываться за выговор я тоже отказался.

На свиданке все прошло вполне нормально, без ругани, скандалов, истерик и пр. Конечно, я извелся и изнервничался, ЧТО там без меня в бараке и какой пакостью встретят, когда вернусь: не перевели ли меня уже на другой барак; не перевели ли стирмужика и отдаст ли он мне мои 2 пары штанов, отданных ему в стирку; не было ли шмона (погрома) и найду ли я после него свои вещи... Ничего из этих страхов не сбылось, а у меня в первые минуты было чувство такого огромного, неописуемого облегчения, как будто гора с плеч свалилась. Как мало все–таки человеку надо для счастья!.. А потом случилась описанная выше неприятность с Агрономом и отрядником. Чего ждешь и опасаешься, тратишь нервы и отравляешь себе этими переживаниями встречи с матерью, – того не случается, а чего не ждал, думал, что уже благополучно миновало, – то пожалуйста!..

Из прочих новостей в бараке – мелких, – самая неприятная, – это открытие комариного сезона. Комары летали уже и на свиданке; последние дни мая они опять стали появляться в массовом количестве, и я с ужасом вспоминал июнь прошлого года, когда тучи комаров облепляли не только людей, но даже кошку Маньку. Сейчас начинается то же самое, – сижу в бараке, пишу или ем, а комары атакуют, садятся налицо, руки, ноги и жалят.

В том году они мешали мне читать, – одной рукой я держал книжку, а другой отбивался от комаров. Теперь мне это не грозит: на просьбу пропустить – в виде исключения хотя бы – 2 новые книги Новодворской, привезенные на эту свиданку (спасибо Тарасову и Гилярову, их купившим), встреченный матерью утром перед свиданкой 27–го, по дороге на работу, Русинов жестко заявил: “Только через мой труп!”. Аж 2 раза повторил, по словам матери.

17–50

Приходит наглая мразь “телефонист” и упорно, исступленно вымогает с меня жратву. Как же, – узнал, что я “вышел со свиданки”!. Первый раз пришел, пока я писал предыдущий текст. Сказал, что “трубу” оставил в своем бараке, там “мусор”, и т.п., а у меня стал настырно клянчить чай и сладкое. Я дал ему шоколадку, специально для таких вот вымогателей припасенную, и 2 своих (вот это зря!) пакетика чая “Ахмад”. Он убежал – сказал, что попьет пока чаю, “трубу” принесет попозже. Но принес буквально минут через 5 – она явно была здесь же, в этом бараке.

Но я не дозвонился никому – не отвечали ни номер матери, ни оба номера Матвеева. Эта мразь тем временем стала вымогать с меня просто “поесть”, клянясь и божась, что не ела сегодня ничего, кроме куска хлеба. Мол, я после ужина (нашего) зайду, ты приготовь что–нибудь... Наглое чмо!.. Ну ладно, я достал и приготовил старую, когда–то в ларьке купленную банку какой–то рыбы, жутко костлявой – поэтому я и не стал есть тогда, когда купил сразу 2–3 банки.

Это животное таки приперлось сейчас, после ужина. Сказало, что Матвеев в промежутке ему звонил, сказал, что едет, а пока что остановился где–то. На звонки, сказал он, возможно, отвечать не будет, т.к. занят – ведет машину. Звонил он с МТС–овского номера, – напрасно, значит, я ночью накануне свиданки звонил Асе, узнавал его билайновский номер. :)

И точно: я набрал ему – не берет трубку! И мать не отвечает, – недоступна. Так и не смог я с ней сегодня поговорить, видимо, – только завтра, или уж, в крайнем случае, поздно вечером, но это едва ли.

А этот наглый подонок “телефонист” тем временем начал требовать к банке еще и гарнир! Я сказал, что у меня лапши б/п нет, кончилась. Он долго елозил, буксовал, настаивал, говорил о душевном, человеческом, клялся, что я к нему всегда смогу обратиться, и т.д. Я стоял на своем. Он то порывался отдать мне банку и разобиженно уйти, то – начал, раз нет лапши, требовать (“просить”) колбасы! Вот что значит дать что–то один раз, поддаться, проявить слабость!.. Тут же эта мразь чует, что тут можно поживиться, привыкает, пристраивается доить – и буквально скандалы тебе закатывает, если ей в чем откажешь... Колбасы я давать ему не собирался в любом случае, хоть ты вообще не приходи никогда больше, – обойдусь. Все лучше, чем за пустяковую услугу – дать иногда позвонить (да и то я 2 дня подряд не дозваниваюсь) кормить постоянно эту уже привыкшую и постоянно наглеющую тварь.

Тут еще идиот стирмужик притащил и бросил мне на шконку мои бельевые прищепки, которые, кстати, брал для своих тряпок, т.к. я в эту пятницу (вчера) в бане не был и свое ему не давал. Симбиоз подонков и идиотов!.. Идиот бросил не глазах у подонка (“телефониста”), а тот тут же ухватил их и внаглую забрал 2 прищепки (сперва хотел и 3), – мол, ему для чего–то нужно, “для зарядника”. Наглая, хитрая, циничная мразь!.. Какие им лагеря, – их только и исключительно к стенке, без разговоров. Или в биореактор, – на удобрения.

Плюс он докопался сегодня до меня, что уже давно просит у меня блокнот, для своих телефонов, или хоть тетрадь. Я, как

последний дурак, полез при нем в баул, где лежат тетради, пакеты с письмами и пр. Он сразу навострился, чтобы одну общую, толстую тетрадь (!) я отдал ему. Но это явно было бы с него слишком жирно, – так же, как и жрать мою колбасу, даже старую, прошлогоднюю. Не настолько уж он мне на другом бараке нужен со своими услугами связи, да еще когда вечно нет денег, да еще вечно торопит, да еще пристроился уже де–факто жрать за мой счет (но при этом бьет себя в грудь и торжественно заявляет, что никогда себе такого не позволит!..). Я нашел для него маленькую тетрадочку, типа блокнота, одну из 2–х, еще в том году привезенных мне матерью, но так и не использованных. Вроде бы этим оно удовлетворилось, взяло опять банку и ушло, унеся также 2 моих прищепки, но уже не говоря, что придет вечером еще. Наглое чмо, подлежащее безусловной, безоговорочной аннигиляции, не имеющее никакого права на жизнь... Я с усмешкой буду наблюдать в обозримом будущем за попытками, которые он будет делать, особенно в ларьковые дни – вытрясти из меня еще какую–то жратву и сладкое. Особенно при том, что основной номер, по которому мне дозванивается мать, все–таки другой, он здесь, в бараке, и в услугах “телефониста” так остро, как накануне свиданки и сегодня, я обычно не нуждаюсь.

31.5.09. 16–31

Тоска и пустота на душе – как и всегда. Томительное, мучительное, до истерики доводящее ожидание переселения, – м.б., уже и завтра... С матерью так и не удалось поговорить, – ни вчера, ни сегодня, до сих пор с момента выхода со свиданки. Так что о моем новом “устном выговоре” она еще не знает. Правда, событие не настолько уж значительное, чтобы торопиться сообщить о нем миру, как мне хотелось в первые часы после его получения.

“Телефонист” уже на другом бараке, но теперь вместо него другая блатная поганка – из “маленькой секции”, самого их гнезда, – знавшая о том, что “телефонист” “договорился” со мной вытрясать из меня ежемесячно по 200 руб. на их чай и прочую хрень – пришла сегодня выяснять, не хочу ли я дать в среду в ларьке 100 руб. в счет этих 200–т, т.к. другие 100 руб. эта же поганка мне должна – за 3 пачки шоколадных конфет, купленных на их мерзкие “выходы” из ШИЗО, этих блатных подонков, лучше б они вообще оттуда не выходили... Смешно (и дико, но, тем не менее, факт) слушать, как они торжественно и напыщенно говорят о своих усилиях по (якобы) обеспечению всеобщего блага и довольства зэков в области курева, чая, карамели и т.п. Откровенно коллективистская, коммунистическая идеология,

ставящая интересы этой тупой толпы, их убогие коллективные интересы (“покурить–заварить”) выше интересов личности (моих!) и тем мне ненавистная и омерзительная.

На улице тепло, когда солнце, но с утра довольно сильный и прохладный ветер. Гулять он не то чтобы мешает (пол–утра я проходил по двору туда–сюда), можно было бы – но я, практически без всякой надежды, сижу в бараке и жду: вдруг позовут, вдруг все–таки мать прозвонится... Едва ли. А идти просить телефон самому у НИХ – мерзко, невыносимо, неприемлемо. Активные усилия начну уже завтра с утра, если сегодня до ночи связаться так и не удастся. Но мать говорила что ей отвечали: “Неправильно набран номер” по дороге сюда...

22–25

Все время вспоминается эта знаменитая цитата из Булгакова (неточно): “Никогда ничего не просите – сами предложат и сами все дадут”. Мать дозвонилась уже около 9–ти вечера “телефонисту”, который – ну прямо сама любезность! :)) – пришел сразу же (по его словам) ко мне и дал возможность коротко переговорить с матерью. Разумеется, пришел он не просто так: требования угощения начались сразу же, еще до разговора по телефону, а после него достигли кульминации. Шоколадку, 2 конфетки, 2 пакетика чаю, и т.д. и т.п. Явно и четко подтвердился мой (отчасти умозрительный до сих пор) тезис, что стоит проявить слабость и уступить хотя бы только 1 раз, – вся эта наглая уголовная нечисть тут же наглеет, привыкает, садится на шею и начинает требовать все больше и больше.

Мать сказала, что говорила с Гефтером, – по его словам, 25 мая был некий концерт в поддержку всех политзаключенных, и Гефтер дал туда “заявку” на меня. Собрано вроде бы 250 тыс. рублей, и он должен в обозримом будущем, видимо, встретиться с матерью и отдать ей “мою” часть этих денег. А завтра они встречаются тоже, – 10 книжек обо мне Гефтер хочет взять для своей правозащитной тусовки.

Одновременно, по глупости, мать рассказала “телефонисту” и о том, как я не хочу и опасаюсь неизбежного перевода. Тот, не будь дурак, начал – якобы с кем–то обо мне “говорил” – убеждать меня, что меня: а) никуда не переведут; б) переведут, скорее всего, к нему на 7–й, где тамошний главный блатной будет сидеть в ШИЗО, если я буду “х...вертить”; на мой вопрос, означает ли это, что он по требованию “мусоров” отрежет меня от связи, я получил и радостное подтверждение "телефониста", и – тут же – обещание, что он “поговорит” с тамошним блатным фюрером обо мне (после чего потребует много чаю, конфет, шоколадок и пр., разумеется). Ну и в) он заявил мне, что и здесь, на 13–м, я в

ближайшие же дни буду отрезан от связи и с местных “труб” позвонить не смогу вообще. По словам же матери, номер, на который она обычно звонит сюда, сегодня весь день недоступен, – видимо, “симка” вынута из аппарата и кто–то звонит со своих “симок”.

Единственное, что вспоминается в связи со всей этой его демагогией, попрошайничеством, угрозами и шантажом, – это “не верь, не бойся, не проси”. Угощать эту тварь я отказался наотрез, и она ушла, с плохо скрываемой яростью пообещав мне, что больше “х... зайдет”. Хотя – к своим блатным друзьям, не ко мне – заходит регулярно.

ИЮНЬ 2009

2.6.09. 9–06

Начало лета. Шикарная погода, – солнце, небо почти что безоблачное, ясное и синее; днем жара, с утра – еще нет 7 часов, а на улице уже не холодно в одной футболке. Запах нагретого дерева, точно как на даче, шум деревьев, вокруг свежая молодая зелень...

Тем ужаснее положение (еще удивительно, как это я вообще замечаю лето и пр.). Переезд на другой барак обсуждается и ожидается уже вот–вот, – один, "всезнайка", говорил, что на этой неделе (сегодня вторник). М.б., и сегодня. Я очень нервничал вчера, от проверки до обеда, но обошлось.

Плюс еще одна странная пакость. Телефон в бараке, по которому мать дозванивалась мне все последние месяцы (особенно после перевода "телефониста"), вчера и позавчера был целые дни напролет выключен. До этого, когда мать ехала на свиданку, она и Шамиль из машины набирали этот номер, – обоим было сказано, что номер набран неверно. Теперь вот он отключен... М.б., поменяли как часто здесь меняют через оператора сети, номера на той же "симке". Другого варианта я не могу придумать, а тем временем связь в бараке для меня исчезла. И единственный выход – пойти и спросить у владельца номера, но мне это – даже одна мысль об этом – омерзительна до дрожи...

Вчера успел поужинать – только поесть, – выключили вдруг свет, и чай пришлось пить уже после проверки (благо, считал отрядник, и не в 21–30 даже, как по их же "ПВР" положено, а в 21–25. В 21–30, как только закончилась проверка, свет зажегся.

Комары одолели совершенно, – точно такая же напасть, как и год назад я описывал в это же время, в июне. ("Погода – бомба!" – так формулируют свое отношение к ней окружающие высокоинтеллектуальные зэки. :) Кошмар просто. Все ноги на открытых участках между брюками и ботинками (тапочками) у меня уже покрыты сплошным, дико зудящим слоем укусов, особенно сзади. Руки пока еще не до такой степени, как было в том году (в 3 слоя, кошмар, даже на глаз), но, видимо, это еще впереди.

Мать виделась вчера с Гефтером, он взял 15 книжек обо мне, – видимо, для своей "правозащитной" среды. Что ж, и то хорошо, раз уж ни нормальный тираж, ни нормальную презентацию и рекламу никто из них сделать не сподобился...

13–00

Опять проверка под ливнем, – как и 7 июля прошлого года. С

утра была идеальная летняя погода, но уже к 12–ти, к проверке, потемнело, – появилась большая, во все небо, туча. Я думал, успеем, но мелкий дождь полил почти сразу, через пару минут превратившись в сплошной ливень. Пока ждали в холодном предбаннике, он вроде стих, потом опять стал сильнее; тут пришел “контролер”, пришлось выходить строиться, и как построились – опять полил вовсю, мощными крупными каплями, в пару минут промачивающими всю одежду насквозь. А пока стояли – оказалось, что кто–то из блатных договорился с “мусором”, что он посчитает в “культяшке” (телевизионной), и уже в мокром виде пришлось заходить туда!.. Там додумались строить по 10 человек (но в той последней, с краю, колонне, куда встал я, оказалось только 6 человек). Посчитали и разошлись . Новая синтетическая роба, привезенная матерью всего месяц назад, к счастью, еще сохранила свои изначальные водоотталкивающие свойства и не промокла совсем уж насквозь, – я заглянул, с изнанки она, как ни странно, оказалась почти везде сухой.

К владельцу “трубы” и “симки” я все же подошел после проверки – оказалось, действительно, его “симка” была вне аппарата последние дни, потому мать и не могла дозвониться.

13–25

Пока писал предыдущее – прервали громким зовом из конца секции: дозвонилась наконец–то мать. Все нормально. Маня просит 5 брошюр обо мне в Питер. Но на сайт обо мне сообщение о выходе этой книжки никто и не подумал повесить. Большакову и Демину (нач. больницы) мать дозвониться так и не может уже 2 дня.

Пока писал эту запись – вошло 4 (!) новых хмыря – с карантина, все в казенном. Набивают, набивают сюда людей, – но барак ведь не резиновый, это вообще самый маленький по жилой площади барак из всех. Значит, кого–то (меня!!) должны отсюда и перекинуть. Пока об этом еще не слышно, но – могут буквально в любой момент...

18–23

Сюрпризы продолжаются Явившийся перед ужином отрядник вернул мне доверенность на имя Глеба Эделева, отданную вчера на подпись Милютину. Сказал, что подписать ему отказались; долго и упорно разъяснял мне, что адвокат и так, без всяких доверенностей, имеет право в любое время ко мне приехать (а не адвоката, мол, с любыми доверенностями все равно не пустят, – по этому не произносимому вслух, но четко подразумеваемому я понял, что отказ в доверенности Эделеву – явное эхо прошлогодней неудачной поездки Шаклеина и последующего его

иска в суд). Так же настойчиво советовал он мне и пойти на прием к их юристу в штаб, – просто чтобы услышать еще раз тот же довод насчет адвокатов и пр., т.к. уж конечно юрист их мне эту бумагу не заверит печатью ФБУ ИК–4. И под конец, как еще одна жалкая попытка аргументировать – смех да и только! – было сказано, что в рукописном виде заверять доверенность нельзя, а только напечатанную на компьютере! :))) В общем, не знали уже, что и сказать. Мои ссылки на то, что 2 (на самом деле 3 – Е.С., матери и Шаклеину) были и в рукописном виде прекрасно заверены и отосланы, были проигнорированы полностью. Только лишь один и тот же настойчивый совет сходить на прием в штаб к их юристу...

А перед возвратом доверенности вручил он мне очень странное письмо из Донецка – только какой–то рисунок, что–то типа солнца с лучами и буквы “А” на нем. Он как–то несколько ехидно, пожалуй, просил объяснить, что это значит, но я понятия не имел. В Донецке я не знаю никого. Очень возможно, что вместе с этим странным рисунком было и письмо, но они забрали его и отдали мне один рисунок, – с них станется!..

4.6.09. 8–53

Ну вот все и разъяснилось, причем в самом ужасном смысле. Вчера полдня – с обеда – не было связи, не работал “Билайн”. И как только – уже после отбоя, в 11–м часу вечера – он заработал, – дозвонилась мать и передала сведения от Большакова. Он все же говорил обо мне с Милютиным, и тот сказал, что меня переведут на 1–й барак!

Мать от радости, что он на 1–м этаже, не хотела ничего слушать из того, что я ей пытался объяснить: что там не будет связи! Ей, как всегда, кажется, что все будет хорошо, и легче всего верится в то, во что хочется верить. Ну что ж, значит, последние год и 9 месяцев мы с ней опять не будем общаться, как не общались полгода в 2006, на “пятерке” в Москве. Дай бог еще, чтобы сохранилась у нее возможность приезжать каждый месяц.

Единственное, что там хорошо, на 1–м, – что почти все днем уходят на работу и до вечера барак пустой. Вот только это... Мать и это тоже вдохновило так, что она не хотела ни о чем слышать.

Отрядник вчера вызвал еще раз – ему дали специально под роспись ознакомить меня с правилами посещения зэков адвокатами в зоне. Анекдот!.. :))) Так напугались одного–единственного Шаклеина в том году, что теперь и доверенности не хотят давать – вдруг еще кто с такой доверенностью сюда приедет!.. :)) Подписываться, что ознакомлен, я отказался.

Отрядник долго говорил со мной “за жизнь”, как это уже не раз бывало (так что я даже припозднился потом с ужином), –

спрашивал о Лимонове, не хочу ли я создать свою партию, жаловался, что при коммунистах было лучше, а сейчас многие среди молодых зэков писать не умеют, читал мне вслух свои любимые ПВР, и т.д. Между прочим, сказал он пару интересных вещей: что отношение Милютина ко мне испортилось даже не после жалоб матери, а после заявления Шаклеина в прокуратуру; и второе – что идея о непригодности рукописной доверенности Эделеву и необходимости только компьютерной – это его личное мнение, а не слова Милютина, как я было подумал накануне.

Сообщила мать (а потом подтвердила и Е.С., которой после матери я со всеми этими новостями позвонил уже сам) и еще одну потрясающую новость: Елена Маглеванная, проигравшая Волгоградскому УФСИНу иск в 200000 рублей, оказавшись после этого каким–то образом в Финляндии, попросила там политического убежища! Вот так вот. Дай ей бог, как говорится, удачи и никогда не попадать в мое нынешнее положение, но – ряды борцов в самой России редеют. Рауш, теперь и Маглеванная; да еще этот НБП–шник Ганган из Самары, “декабрист” с условным сроком, оказывается, тоже получил где–то убежище... Грустно.

Дожди с грозами лили вчера весь вечер (почему, видимо, и не работала связь, и не только здесь, но, говорили, даже в Тоншаево), а сегодня – утро началось солнцем и ясным небом, но едва я сел завтракать – вдруг потемнело как ночью и полил дождь, загремел гром. Как раз удачно пришлось все это к моему архимрачному настроению от полученных новостей, и я уж думал, что опять будет лить целый день. Но – сейчас вот опять за окном солнце...

Мрачности к завтраку добавил и еще один факт. Я взял свой чайничек, хотел идти наливать воды – и вдруг заметил, что один из 3–х проводков, входящих из провода с вилкой в корпус чайника, оторван. Моментально возникло полное отчаяние: попил чаю, блин!.. Теперь ни чаю, ни еды – или опять кипятить в кружке, как зимой, и мать привезет другой только 29–го июня, не раньше, и не сразу его тоже получишь... Думал, идти ли – без всякой надежды, чисто символически – налить в него воды, включить и убедиться, что не работает, или же сразу лезть за кипятильником в баул. Решил все же – от отчаяния, неведомо для чего – попробовать включить. И – о чудо! – огонек зажегся, чайник заработал. Вскипятил чаю, позавтракал – но, увы, надеяться на то, что это чудо продлится долго, не приходится. Пока еще более–менее есть связь с домом – надо срочно просить мать купить новый и привезти.

Алеткин, сообщила мать, никак не может застать дома этого

хмыря с моими бумагами. То он на работе, то еще где–то, – короче, никак. Это я и предчувствовал – в самом еще лучшем случае – когда он еще был здесь, именно этого – после откровенного стукачества – больше всего и боялся. Теперь если Алеткин все же сможет забрать у него мои бумаги, – я буду считать это чудом.

Вчерашнее утро началось тоже с весьма неприятного и идиотского инцидента. Уже шла зарядка, и я слышал, как стремщик крикнул, что 1 “мусор” на 8–м. Блатные, как выяснилось, этого не слышали. Когда же он крикнул: “Мусор” к нам!” – я быстренько дошел до дальней запасной двери, но ее какой–то идиот примотал за ручку ремнем из клетчатого баула. (широко здесь распространенного), она не открывалась! Я стал пытаться развязать ремень, тут подоспели блатные, стали долбиться в нее задами, пока, наконец, один из них не принес “мойку” и не разрезал ремень. Один из блатных – мерзкая долговязая вошь – не упустил при этом случай поглумиться надо мной, что, мол, я “прилип” и побежал сюда (обычно в эту дверь я никогда не хожу, там ходят в основном блатные). Другое блатное чмо минут через 5 после ухода “мусора” вдруг спросило меня, знаю ли я, что на меня и еще 2–х, стоявших возле той закрытой двери, будет рапорт, – мол, о тех 2–х “мусор” спрашивал у завхоза. Я отреагировал спокойно, но в душе очень удивился, т.к. я точно помнил, что “мусор” не дошел до этой двери, пока ее не открыли, и не мог видеть, кто там стоял. И когда я хотел уже пойти выяснить этот вопрос у завхоза, – блатное чмо сказало, что оно пошутило!..

5.6.09. 11–03

Последние новости из бани (пятница): там еще в одном окне исчезла треть всего стекла. Одно боковое уже давно без половинки; второе рядом с ним теперь – без верхней (там внизу 2 вертикальные половинки, сверху одна горизонтальная). С утра, еще до завтрака, опять был мощный ливень, на улице хмуро, сыро, холодно, ветрено (вот только сейчас начало чуть–чуть проглядывать солнышко), и в это разбитое окно задувало все время так, что я весьма ощутимо мерз – и пока ждал включения воды, и пока мылся. Зато – видимо, в компенсацию этого – вода на сей раз оказалась совершенно невыносимым кипятком.

Посмотрел в бане график – когда ходит 1–й отряд. Написано – в четверг в 14–00 (ларек тоже открывается в 14–00, а обычно дни бани и ларька совпадают). Утром же в четверг – 11–й и 12–й отряды, не дай бог с этой блатотой вместе попасть!..

Мысленно я готовлюсь, приучаю себя к этой мысли – что на год и 9 месяцев “потеряюсь” для всех своих друзей (а есть ли

они?..) и ля матери, не смогу звонить с этого проклятого 1–го, останусь без связи. Мать и ребята будут, надеюсь, так же приезжать раз в месяц, так что совсем уж “потеряться” не получится; но будет безумно обидно, если, допустим, перед их приездом я не смогу позвонить и попросить привезти что–то срочно нужное.

Я страдаю за свои убеждения, как однажды сказала Е.С. Только это одно еще придает мне хоть каких–то сил и смысла – всему со мной происходящему, наполняет душу гордостью. Это – да еще и то, что все–таки мало–помалу, потихоньку, день за днем, неделя за неделей – а срок идет к концу. В июле начнется уже последняя треть, последние 20 месяцев.

Комариный сезон в разгаре. Вечером над построившейся на проверку толпой – осатанелый, разъяренный рой, бешеная стая, от которой ни на секунду невозможно прекратить отбиваться руками и топать ногами, чтобы не садились на ноги. Сейчас, в бараке – их тоже атакует одновременно столько, что я вынужден практически непрерывно отмахиваться всеми конечностями и лишь с огромным трудом могу все это писать.

7.6.09. 15–36

Так и не собрался написать ничего ценного за выходные. Да и о чем писать? Вчера было яркое солнце и жара, день тянулся бесконечно, безумно долго; сегодня целый день льют дожди (настоящие ливни!), сыро, холодно и промозгло. Кошку Фроську ее хозяева из “красной” секции вымыли шампунем, она стала (там, где у нее белые места, – в частности, морда) вся такая беленькая, пушистая и приятно пахнущая.

Вчера после разговора с матерью весь день было омерзительное настроение. Они там, видите ли, не могут разобраться с “моим” сайтом: Е.С. говорит Майсуряну и Люзакову, что мной и моим сайтом не занимается, поэтому рекламу книжки делать не будет, и т.д. Я говорю матери, что давно уже пора Майсуряну забрать у Люды пароль от сайта и делать его самому, а для этого кому–то сходить к Люде. Мать в ответ устраивает истерику: Люда–де ее “не любит” и ничего (пароль) ей не отдаст; Фрумкин ее “пошлет”; все они там “под каблуком” у Е.С., и т.п. бред. В результате сайт перестает обновляться, вызывая этим насмешки здешних “мусоров” (в частности, нашего отрядника) , и теряет смысл; публиковать информацию обо мне становится негде. Впереди – перспектива 1–го барака, год и 9 месяцев без связи, да и будет связь – ЧТО услышишь от матери, кроме этого глупого, трусливого, истеричного бреда и попыток оправдать свое бездействие тем, что, якобы, все равно ее все пошлют и никто ничего ей делать не

будет?..

Сегодня, идя с завтрака, по чистому наитию зашел к “запасному варианту” – и, как оказалось, очень удачно! Правда, мать не отвечала на звонки (спала; хотя, как потом оказалось, телефон лежал рядом с ней, – она его просто не слышала). Но я дозвонился Люзакову, – он оказался в Москве, хотя и собирался вроде бы сегодня уезжать. Я попросил его взять у Люды пароль, и он обещал, сказав, что давно надо было так и сделать (дать пароль Майсуряну), – но почему–то они год с лишним так и не могли на это сподобиться... А потом еще залезли в инет (я упомянул в разговоре с Павлом, и “запасной вариант” сам предложил) – посмотреть, вывесила ли Е.С. то, что я ее просил в последнем разговоре, по поводу Эделева, устного выговора и пр. Оказалось, что вывесила все, и еще воспользовалась той запиской с описанием последней поездки на свиданку, что мать передала Майсуряну (а тот, ясное дело, кинул в рассылку), причем сделала это Е.С. очень оперативно – в тот же вечер, что мы с ней разговаривали, 4 июня, уже после 22 часов, т.к. информация на сайте помечена датой 4.6.2009, и это единственная информация после 27.4.09 – отказа в УДО. То, что она вывесила, а я здесь смог прочесть, очень приятно, так что сегодня настроение несколько получше, чем было вчера. Все же есть там, на воле, еще люди, которых можно о чем–то попросить и на которых можно положиться. Но все равно – завтра начинается новая неделя, и уже прямо завтра могут перебросить на 1–й. Я жду “погружения во тьму”, по Олегу Волкову, – во мрак, безвестность и полное отсутствие связи с домом...

8.6.09. 15–18

Невыносимая тоска, отвращение, омерзение ко всему и вся, – впрочем, как и всегда. Уже 4–й... Невыносимая усталость... Правда, одно хорошо: вроде бы пока никуда не переводят, так что сегодняшний вечер, 2–ю половину дня, можно провести спокойно, более–менее расслабившись хотя бы на этот счет. Завтра с утра, а особенно с проверки – мучительное ожидание перевода, сбора и переноски вещей начнется заново, нервы снова натянутся как тугие струны... Ко всему прочему, ко всей усталости и запредельной вымотанности от 4–го уже года неволи – теперь добавляется еще и этот вполне конкретный каждодневный страх, точнее – темный мучительный ужас. Боже, как, наверное, нелепо и смешно все это выглядит уже сейчас со стороны – все эти мои страхи, треволнения, мучительно–безнадежные расчеты, как бы обойти все эти неминучие беды и опасности, – и как нелепо и смешно они будут выглядеть и в моих собственных глазах – когда–нибудь потом, на воле, когда я буду перечитывать все вот

это, что пишу сейчас, когда уже точно будет известно, ЧТО должно было случиться, ЧТО было мне предназначено – и ЧТО случилось со мной на самом деле... Если бы вот тогда, 21.3.06, знать, что за книжкой (“Теленок” Солженицына) в “Озон” надо ехать быстрее, выскакивать пулей, а не сидеть за компом и не читать почту, не верстать газету, что сейчас вот придет мент, и можно, и нужно еще успеть смыться из дома за 10 минут до его прихода...

Осталось мне сидеть 650 дней. Сегодня началась 93–я неделя от конца.

Матери пока что не дали прозвониться ко мне – ни после проверки, ни вот сейчас, после обеда, уже полчаса как минимум. Хотя – иногда у нее бывают, например, занятия, и она не звонит, пока не закончит – 2 или 3 часа.

Как дико, глупо, нелепо, одновременно смешно и трагически, устроен этот мир!.. Вокруг чего вся эта морока, все мои переживания о готовящемся переезде? Вокруг того, что на 1–м бараке не будет связи с домом, не будет телефона (точнее, мне его не дадут). Зачем он мне? Никакой “преступной деятельности” я с его помощью отсюда вести не собираюсь, а просто мне нужно каждый день узнавать, как там мать, как ее здоровье, да и вообще – жива ли еще... Что тут такое, самое главное, самое важное для себя вся эта блатная нечисть делает с помощью телефонов? Ну, иногда – “затягивает” наркотики, а это уже уголовная статья (хотя давным–давно пора все их полностью легализовать!). Ну, ищет деньги для “расчетов” по своим постоянным карточным долгам. Ну, собирает и “отвозит–завозит” деньги на “воровское” – там, на воле. Все это для них очень важно – но все же это не самое главное. Главное предназначение сотового телефона здесь – просто позвонить домой, проведать родителей, жену, детишек, узнать, как они там. Да еще при подготовке свиданок, при сборе передач и посылок сюда телефон практически незаменим. Простые, элементарные, самые обычные бытовые, семейные и пр. потребности, которые есть у всех, даже у самых отпетых уголовников. И когда появилась сотовая связь и несказанно эти нужды облегчила – какими же фантастическими идиотами и подонками, какими тупыми, абсолютно бездушными скотами, какими меднолобыми, тупо–упертыми держимордами надо было быть всем этим начальникам, большим и малым, в мундирах и без, из которых, собственно, и состоит государство российское, – чтобы запретить сотовую связь в зонах! Хотя бы только в зонах, где сидят уже осужденные, уже не подследственные, которые еще могли бы с помощью телефона повлиять на следствие! Если господа “правозащитники”, в том числе официозные, из всех этих

“наблюдательных комиссий” (типа приезжавшей сюда в начале апреля) не хотят полностью и категорически ликвидировать саму систему лагерей (впрочем, как и не хотят сносить до фундамента преступное и насквозь прогнившее российское государство), а хотят ее “реформировать”, – то их реформы должны начаться с полной, безусловной, стопроцентной и безо всяких ограничений легализации сотовой связи на зонах!.

Огромное впечатление произвело, кстати, вчерашнее “Воскресное время” по 1–му каналу, где было обо всем – от Петербургского экономического форума до празднования 210–летия Пушкина, но вот об убийстве на днях министра МВД Дагестана Магомедтагирова – без сомнения, главном событии всей прошедшей недели, – не было ни слова!.. Вот так! в текущих новостях того дня – еще сказали, а вот портить роскошную пропагандистскую картину за неделю – благостный Медведев, рассуждающий с иностранцами о борьбе с экономическим кризисом, благостный Путин, внушающий предпринимателям о “социальной ответственности бизнеса”, плюс очередной яростно антиукраинский “газовый” репортаж, – не захотели. :)) Между тем, убийство Магомедтагирова – это огромная для меня здесь радость! Просто праздник был на душе весь тот день, когда я об этом услышал, – что с 3–го захода его все–таки грохнули, да еще так красиво, артистично – с помощью снайпера, с крыши дома напротив, на свадьбе, когда он, скорее всего, и думать не думал... И при этом – абсолютно ничего личного, мне он был никто, я о нем и слышал–то только по телевизору. Но – смерть врага всегда праздник, особенно когда враг такого калибра – целый министр МВД (да еще такой республики, как Дагестан, который воюет против русской оккупации уже несколько столетий!), генерал... Это – огромная НАША победа, – всей настоящей, внесистемной, антиимперской оппозиции, и отличная, звонкая пощечина всему этому фальшиво–лицемерному, но по–прежнему изуверскому “либерально”–колониальному режиму Путина–Медведева. По крайней мере – подумал я, как только услышал новость по ТВ, – с кем с кем, но с Димой Тарасовым мы уж точно можем друг друга поздравить с этой справедливой казнью путинского кровавого сатрапа. Да и не с ним одним – с Маней вот, например, я уверен, тоже...

9.6.09. 17–44

Выключали сегодня 2 раза свет; сейчас свет есть, но – нет воды! Идиотский анекдот какой–то. Если не дадут воду до 19–30, то плакал мой ужин...

Мать дозвонилась вчера уже только после отбоя (до того весь день номер был недоступен), а сегодня – после обеда. Сегодня же,

после разговора с ней, набрал Алеткину, – не берет трубку, 1–й раз сбросил, как обычно, не перезвонил, еще 2 раза – просто не брал. Очень нехорошо и тревожно на душе от этого. Потеря уже вынесенных на волю дневников была бы для меня огромным обломом.

Выдали сегодня наконец–то “гуманитарку”. Сейчас, как и почти каждый вечер, у нас сидит отрядник.

Между прочим, без книг я тут постепенно схожу с ума. Отсутствие чтения очень сказывается. Придется, видимо, в субботу идти в паршивую местную библиотеку.

Пишу очень коротко, т.к. комары совершенно одолели, от них нет никакого спасения, целый их рой атакует меня и жалит перманентно, пока пишу, – ежесекундно приходится отмахиваться от них. Только это слегка компенсирует горечь от лишения меня книг, – все равно как минимум пол–лета читать спокойно они бы тоже не дали, по опыту прошлого года.

11.6.09. 9–05

Вчера случилось замечательное во всей своей немудрящей простоте происшествие. На обед в столовке был совершенно омерзительный на вкус и по запаху “перловник”, как я его называю, – типа суп, ни щи, ни рассольник, намешаны одновременно перловка и капуста; короче, есть это невозможно, и я обычно не ем. А на второе было картофельное пюре, которое как раз есть можно. Суп я не съел совсем, а мой сосед по столу (он же по проходняку, – то самое старое, вшивое, постоянно курящее и следящее за мной тупое чмо) похлебал немного – и отодвинул тоже почти полную миску. Так вот, новый заготовщик, переведенный с 4–го (говорят, был заготовщиком и там), увидев, что миски заняты, просто не положил нам второго! Третьему за нашим столом (старый хрыч, каждое утро будящий ударами палки “обиженных”), у которого миска была свободна, он положил – и ушел. Я думал – за мисками, и еще несколько раз оглядывался в ту сторону, пока не увидел, что он идет себе преспокойно обратно – не только без мисок, но уже и без бачка! Он и думать про нас забыл!.. Наши, 13–го барака, заготовщики, по крайней мере, никогда себе такого не позволяли, – они шли за чистыми мисками и приносили их, даже когда их не хотели давать.

Почему я не напомнил ему, не возмутился, не потребовал свою картошку? Должно быть, потому, что на 4–м году заключения мне давно уже стало все настолько безразлично, что... Абсолютно пофигу, короче. Я просто смотрю со стороны и про себя усмехаюсь, отмечая подобные факты. “...Пусть фиксирует факты...” К тому же, мне вообще, по любому поводу,

смертельно противно с ними разговаривать; этого типа я почти еще не знаю, но первое и естественное, наиболее вероятное, что можно услышать тут от любого – это какое–нибудь глумливое хамство. Брезгливость и отвращение к ним и ко всей этой их жизни пересилили желание поесть картошки, :) и я ушел без нее. Старый вшивый сосед тоже, еще раньше меня, молча встал и ушел.

Пошел я оттуда прямо в ларек. Еще по дороге главновымогающее по ларьку блатное чмо стало вымогать у меня на их "общее" чай и конфеты. Причем сообщение, что я вообще–то даю им и так 200 руб. каждый месяц, и на этот месяц уже отдал, – не произвело никакого впечатления: оно об этом не знало, разумеется, а узнав – и не подумало отказаться от своих требований. В конце концов я купил им 2 пачки чая и пачку карамели (на 64 рубля) – только потому, что – как я пытался оправдать это свое малодушие в собственных глазах – именно от этого чма персонально зависит сейчас моя связь, и злить его уж слишком, обострять отношения не хотелось. Другому я отказал бы без разговоров.

В ларьке опять не было хлеба, – оказалось, его сегодня (вчера) даже не завозили. Вот уже несколько дней ем на завтрак – с колбасой – черную столовскую кислятину (правда, сейчас она стала чуть посветлее и не такая кислая). Зато вместо недавнего апельсинового сока, который я не пью, был вишневый, и я взял его 2 пакета. Т.к. есть паштет (особенно хороший, чешский, из дома) со столовским хлебом не хотелось, то на обед на вчера и сегодня я взял 2 рулета (сладких; с шоколадом) по 27 рублей.

Пришел из ларька – и сразу же прозвонилась мать, а после нее я позвонил Алеткину. Оказалось, с этим подонком, увезшим (якобы) мои бумаги, он уже 2 раза назначал встречу – и ничего; видимо, тот обманывал; по крайней мере, ни одна встреча не состоялась. Бумаг по–прежнему нет. Я утешаю себя тем, что в начале 2008 г. по почте кусок дневника (за часть февраля 2008) шел отсюда к Е.С. 2 месяца (или больше?), и я уже тоже считал его потерянным навсегда (это ведь был оригинал, единственный экземпляр!), но все же он дошел. Но это лишь жалкие самоутешения; в душе я уже не сомневаюсь, что та отданная этому хмырю копия дневника за 7 месяцев 2008 г. пропала. Скорее всего, он здесь же отдал ее "мусорам" (хотя зачем человеку, уже освобождающемуся, делать такую подлость и работать на "мусоров"? Уму непостижимо... Постоянные мысли об этом и расстройство по поводу явной уже утраты рукописи даже перебило в последние дни в моей голове другое, тоже безумное по силе расстройство – по поводу готовящегося перевода на 1–й и

потери связи с домом.

Вчера целый день было яркое солнце и жара; сегодня – облачно, солнца нет, но не холодно. Комары вчера и на улице, и (особенно) в бараке атаковали целый день нещадно, всем этим комариным, осатаневшим, яростно жалящим и лезущим прямо в лицо роем. Руки и ноги все изъедены и чешутся безумно. Сегодня взялся написать все это только потому, что, ища вшей в одежде, заметил: вроде бы комаров стало поменьше, уже не так посекундно отбиваюсь от них...

12.6.09. 15–35

Началась адская жара. Пекло. На улице под прямым солнцем находиться невозможно. Ходили сегодня в баню, – "лейка" (другая, не та, что обычно) еле–еле текла. За одну только вот такую баню (окна, "лейки", и пр. и пр.) начальника зоны и всех его замов стоило бы публично расстрелять на площади, перед столовой.

"Поднимают" и "поднимают" этапников–"второходов". Уже кончаются свободные места в секции, коих одно время стало полно.

Вчера ночью, после 12–ти, была сильная гроза, а на 10–м (над нами) в это время был Агроном. До нас не дошел. Жара, ночные грозы, комары, – все повторяется на свете, повторяется и прошлое буреполомское лето, 2008 года.

Комары совершенно измотали и измучили меня. Они буквально атакуют, облепляют с головы до ног, целыми тучами, в бараке, а вечером – и во дворе. Ноги и руки у меня, как и год назад в это время, жутко чешутся, сплошь покрыты расчесанными до крови укусами. Пишу сегодня опять очень коротко, т.к. писать и отбиваться ежесекундно от комаров нет сил. Да и писать пока особо не о чем.

13.6.09. 9–14

Эту ночь опять почти не спал. С вечера была страшная духота и комары. Ждали ночной грозы, как накануне, но ее, по–моему, так и не случилось. Проснулся в 1–м часу ночи – комаров вдруг не было почти совсем; я хотел было даже что–нибудь записать, но было слишком темно, еле–еле падал свет из двери в "фойе". А потом, следующий раз, проснулся уже в четверть четвертого, – их было полно! Весь воздух звенел от них. М.б., я и задремывал на какие–то минуты после этого, но по–настоящему уже не спал. Комары не давали покоя, под толстым шерстяным одеялом было жарко (а вылезти – они вообще сожрут!..), проклятая шконка, узкая, проваленная с одной стороны, подвязанная резинками... Я ворочался с боку на бок, отбиваясь от постоянно звенящих над ухом комаров, думал о своем идиотском положении – 5 лет

торчать здесь, черт знает с кем, неизвестно за что и без всяких перспектив! – и не мог уснуть, т.к. уже близился подъем.

Вокруг опять набито народу, все пустые места заняты. В наш проходняк положили этапника из Уреня. 45 лет, уже далеко не 1–й раз сидящего. Вроде бы ничего плохого о нем и не скажешь, спокойный, в Москве работал (грузчиком, что ли? Я точно не понял...) в Южном порту. Но – тупорылый примитив, быдло быдлом.

О, мерзкое сиволапое простонародье!.. Тупые, примитивные, грубые, неотесанные, невежественные просто до изумления... Из всей высшей культуры прилипло к ним только – в совершенно гипертрофированном, карикатурном, смехотворном виде – только личная гигиена, привычка ежедневно (и не по разу) до исступления полировать щеткой зубы, спать непременно на простынях, да совершенно комическое отвращение к неприятным запахам, – можно подумать, что это быдло сиволапое в своих селах и городишках не бензин да навоз всю жизнь нюхало, а самые изысканные благовония!..

О, тупое, примитивное, сиволапое простонародье, быдло, чернь! Как же я вас ненавижу! Вы мешаете мне жить одним своим существованием, а уж тем паче – своей грубостью и хамством, своими наглыми бесцеремонными попытками отобрать у меня то, что есть у меня, а у вас нету, а вам хочется... Страна стихийных коммуняк. “Россия – левая страна”, по Зюганову. Особенно я ненавижу это быдло по утрам, просыпаясь здесь, в неволе, в бараке, вставая еще до подъема и видя первые эти тупые хари, вставшие еще раньше меня.

Сапог, говорят, уже подох, – и полгода не прожил после освобождения. Слух смутный, сомнительный, не знаю, правда ли это. Но – туда ему и дорога! Дай бог, чтобы правда. Туда вам всем и дорога, сиволапые тупари и быдляки по всей Руси, дай бог вам скорее спиться и подохнуть о вашей любимой водки (а еще лучше – попасть в ларьке на “паленую” вместо настоящей и сдохнуть от нее сразу же!..).

Вчера – очередной вопиющий идиотизм: на ужин ходили 2 раза! Т.к. был “праздничек” – “День России” (бывший день независимости РСФСР от СССР), то все было ясно: идти в столовку на ужин надо “по выходному”, т.е. на час раньше – в 16–00. Однако заготовщики то ли сами прохлопали, то ли им в столовке сказали: идти в 5, как обычно; я одного спросил об этом – он подтвердил. Пошли вдруг почему–то в 16–40, что сразу же меня насторожило: ни то, ни се! И точно: приходим – а там едят другие отряды, а заготовщики стоят уже на улице. Пришлось в 6 вечера, после всех бараков, идти опять, причем еще и сидеть не за

своими столами, а у окна (слева, как входишь).

Тупорылый дебил стирмужик опять отвратно выстирал мне наволочку, все пятна крови (от убитых комаров) на ней побледнели, но остались. Я сказал ему, что он плохо, халтурно работает, когда он, как ни в чем не бывало, клянчил опять у меня сигареты. Между тем, благосостояние его в последнее время неожиданно повысилось. :) Получил, во–первых, денежный перевод от друга – и тут же накупил себе чаю, печенья, конфет и пр. в ларьке; причем, как благородный, взял даже чай в пакетиках, который такому дремучему сиволапому быдлу пить как–то совсем не идет. :) А во–вторых – пошел опять на временные работы при столовке (“шушарке”) – мыть (втроем с другими з/к) мегатонны пустых 3–хлетровых стеклянных банок из–под кислой капусты и т.п. гнусной столовской снеди. В день–из тысяч и тысяч, скопившихся на складе за столовкой, – они моют где–то 300–400 банок, за что с “общего” получают чай, карамельки и курево (но последнего, по его словам, сейчас дают меньше, чем прежде, так что он еще и у меня добирает). Но самое трагикомическое в этой истории – то, ЗАЧЕМ они моют эти банки. По словам стирмужика, постоянные столовские работники–зэки затем берут вымытые банки, кидают их в большую железную бочку и там бьют. Типа, хотят потом растолочь стекло вообще до порошка и из него на заводе, расплавив, делать новые банки или что–то еще. Ну, труд мойщиков, положим, для государства бесплатный, но перевозка сырья на завод и изготовление из него, допустим, банки ведь стоит денег, и немалых. Кто их вложит? Уничтожать и из сырья все делать заново, вместо того, чтобы научиться утилизировать и использовать повторно, – как это по–русски, ей–богу!. Воистину, страна идиотов!..

14.6.09. 8–40

Омерзительные новости. Какой все–таки падалью и мразью он оказался, этот ублюдок, сам предложивший вынести отсюда на волю мои бумаги! Тварь... Вчера исполнился ровно месяц, как он ушел – и вчера же я узнал наконец уже давно подозреваемую правду. Накануне, 123–го, мать звонила ему 2 раза, и вечером, где–то пол–11–го, когда трубку опять взяла его мать, – моя мать услышала, как он на том конце провода говорит своей матери: “Скажи, что меня нет дома”.

Т.е., так и есть: этот ублюдок скрывался весь месяц от Алеткина, не приходил на назначенные уже встречи, и т.п. – намеренно, как я и думал. А это означает лишь одно: что моих бумаг у него нет. Отдал ли он их прямо здесь (на вахте перед самым уходом, или раньше?), или же куда–то дел по дороге, – но их, увы, нет. Грандиозное мероприятие, успех которого так меня

вдохновлял почти 2 месяца (потом уже появились подозрения), – провалилось! Обидно. Жалко. Не то что месяца с лишним каторжного труда (переписывать все это мелко–мелко) жаль, хотя и это тоже... Но безумно жаль, что вот еще один шанс упущен, еще один шаг сделан к тому, что эти – бесценные для меня – дневники так и погибнут здесь, на этой проклятой зоне, будут просто грубо отобраны при освобождении (если не еще раньше)...

Вчера весь день была дикая жарища, солнце палило с утра, “локалка” походила на пляж. Сегодняшнее утро – после завтрака, слава богу! – началось с грозы и сокрушительного ливня. Комаров вроде стало поменьше, но они все равно сильно донимают. Особенно мучительно, когда жалят в спину, ничем не прикрытую.

Новая коммунально–бытовая комедия на этой проклятой зоне: свет есть, а воды нет! Последнее время такие случаи участились. Оказывается, когда у них забивается канализационный колодец под бараком, они отключают воду! А забивается тут все время что–нибудь: то умывальник у нас на 13–м бараке, то туалет, а то – сразу целый канализационный колодец. И вот вчера вечером, около 9–ти – слава богу, я уже успел поужинать и выпить чаю! – воду опять отключили. Про то, что забиты все 3 колодца (под тремя корпусами бараков), мне сказал “обиженный” Юра, мой бывший сосед, который их и пробивает, как и все туалеты, и умывальники, и вообще – превратился тут уже в заправского сантехника. Сказал, что, м.б., часа через 3, как из колодцев уйдет вода, ее включат в кранах. Но – воды нет и до сих пор! Это было первое, что я проверил, встав сегодня с утра, – воды нет! Хорошо, что у меня был небольшой запасец – полбутылки, на кружку чая бы хватило. Но оказалось, что на других бараках вода есть, так что, вылив эту воду в чайник, я сразу после завтрака поперся с этой пустой бутылкой на 8–й барак – за водой.

15.6.09. 8–37

Дикая, изнуряющая жара и духота была вчера весь день после утреннего дождя и началась сегодня с самого подъема. В секции – буквально как в парилке, в бане; через полминуты я уже весь мокрый, пот ручьями течет по лицу; постоянно приходится бегать умываться. Кошмар...

Вчера перед самой вечерней проверкой на 12–й приходили их отрядник и Наумов, чего никогда раньше не бывало. Во время самой проверки кто–то сказал, что завтра оттуда переводят 12, что ли, человек. Куда – не было сказано, но кроме 13–го некуда. А тут и так все забито. Так что уже сегодня можно ожидать вполне реального перевода и отсюда, с 13–го. Меня – на 1–й, без связи... Суки!..

“Не верь, не бойся, не проси”, – вдруг вспомнилось мне вчера. Не верить, что переведут, и не бояться, что там будет хуже, что там не будет связи? Звучит, конечно, очень утешительно. :) Но к чему все это?.. Я выдержу, конечно, и это испытание выдержу, переживу, и мать, я очень надеюсь, тоже переживет, тем более, что не так уж много мне и осталось – 643 дня, 92 недели. Но чувство бессмысленности происходящего не покидает меня. Выйду отсюда – и буду чувствовать себя как побитая собака, особенно если не удастся вынести дневники. Обстоятельства оказались сильнее меня, я не смог одержать над ними победу, не смог даже извлечь пользу из того ужаса, который выпал мне на долю, не смог ничего, проиграл вчистую, – вот что будет самым мучительным на воле. Страдать по их вине – и так и не смочь им отомстить, родиться ягненком – и так и быть пущенным на шашлык, как тебе было предназначено, и не мочь ничего изменить в собственной судьбе – вот это самое ужасное. Проиграть, прожить зря отпущенную тебе жизнь, строить грандиозные планы – и видеть, как исчезает последняя надежда на их воплощение, и смириться с этим... Вот что самое ужасное. Я привык чувствовать себя победителем над судьбой, привык удачно выходить даже из самых тяжелых обстоятельств, не сдаваться, и все неудачи только разжигали во мне всегда азарт дальнейшей борьбы. Почему же вдруг сейчас такое мрачное уныние на душе, такое острое и горькое предчувствие, что освобождение в 2011 станет не победой, а поражением? Я заглядываю глубоко в свою душу, – видимо, это от позавчерашнего известия, что получить мои дневники из Казани от этого подонка больше нет никакой надежды. Это поражение, – еще не смертельное, но тяжелое.

Русские ужасы: в туалете – комары! Туча их набрасывается на тебя, как только заходишь (в секции вроде бы стало поменьше – обе двери из нее закрыты, но духота от этого усиливается) и не дают... Примитивный, брутальный, грубый быт, и символ его – вот эти сортиры повсюду на Руси, – без слива, грязные, железные или кирпичные, с вечным, с детства мне знакомым острым запахом хлорки, – на турбазах, на небольших станциях, в небольших городах, а теперь вот и здесь – на зоне... Символ русской провинции и провинциальной жизни. С комарами, крысами, вонью, грязью и пр. Страна, где никогда не будет на улице или на станции (кроме крупных вокзалов) нормального, чистого автоматизированного сливного туалета, а будет он даже не за деньги, а только в одном случае – для начальства, в высоких госучреждениях. Здесь, на зоне – другая, низшая крайность исторического падения этой страны, дно этой пропасти: здесь

воду вручную бадьями сливают “обиженные” рабы…

М.б., после 12–ти предстоит собирать вещи и переезжать (хотя не очень верится что–то уже). Это будет настоящей катастрофой…

16.6.09. 15–55

Невозможно писать ничего подробно – комары атакуют! Когда дверь в секцию открыта, как сейчас – они налетают неисчислимым бешеным роем; когда закрыта (специально повесили опять пружину, которую не могли найти ползимы) – их меньше, но духота сгущается до уровня настоящей парилки…

На улице – жарища, пляжный сезон, все ходят в одних трусах и постоянно обливаются водой. Все точно как в прошлом году, по уже устоявшейся формуле буреполомского лета: жара, духота, комары… А я сижу – и упорно долблю: переписываю опять свой дневник за тот год, как раз за июнь. Что ж, раз вариант с этим подонком (провокатором?) из Казани не состоялся, – будем пробовать другие варианты, пусть и более сложные, тяжелые, и опять весь мучительный труд переписчика – заново, да еще в жаре и комарах, чего не было в апреле–мае – но я все же очень надеюсь, что хотя бы в инете этот дневник будет опубликован, и в как можно более полном виде. Терпение и труд все перетрут, как нас всех учили еще в советской школе. :)

Последние новости от дозвонившейся вчера Мани: Кашапов в Челнах получил 1,5 г. условно по 282–й; Сергей же Крюков (которого я совсем не знаю, только слышал в инете) в Ульяновске вообще пропал, с 21.4.09. его местонахождение неизвестно, – он успел отзвониться как раз Кашапову и сказать, что к нему ломятся менты… Еще до этого ему была назначена психэкспертиза. По тому, что я о нем слышал еще на воле, – это был серьезный враг режима, так что легко отделаться ему теперь вряд ли удастся…

Деревянкин, Люзаков, Андрей Новиков, Романова, Петренко, отсидевшие свои срока при Путине. Я, еще досиживающий. Кашапов – с психушкой в 2003 и нынешним условным сроком. Низовкина и Стецура в Улан–Удэ со следствием по 282–й, Маня – в Питере по ней же. Рауш и Маглеванная за границей. Разумеется, я упоминаю далеко–далеко не всех. Но именно такова истинная цена лучезарной улыбочки “либерала” и “юриста” Медведева в “видеоблоге”.

По телефону (!), уже в полпятого, вызвали вчера в спецчасть – написать, точнее, заполнить бланк той расписки, которую требует теперь Тоншаевский суд для отправки моей кассационной жалобы по УДО в Нижний, – о том, что я ознакомлен со своими правами в кассационном рассмотрении. Северюхина, нач. спецчасти, так и

сказала (подтвердив мое недоумение, когда впервые мать сказала о какой –то расписке), что это выдумали в самом Тоншаевском суде, причем недавно. При подаче кассационной жалобы в феврале 2008 этого не было.

Один знакомый на 1–м бараке, которому я сказал о предстоящем переводе туда, спросил у нарядчика, и тот сказал, что, по его сведениям, “пока” разгонять 13–й отряд не будут. С 12–го так никого и не перевели.

17.6.09. 7–03

Вчера еще до ужина небо вдруг потемнело и заволоклось тучами, предвещая дождь. Все срочно потащили свои матрасы со двора в барак. Но ожидаемая мной настоящая гроза с громом и молниями разразилась – очень удачно! – вскоре после прихода с ужина. Ливень был бешеный, водяные потоки туда–сюда носило ветром, гром один раз тоже поднялся до уровня артиллерийского залпа. Когда вдруг ветер стал усиливаться и напоминать начинающийся ураган (как летом 1998 в Москве) – тут же погас свет. Я думал, где–то что–то оборвалось, но вскоре, когда дождь и ветер стали стихать, свет быстро зажегся снова, – похоже было, что его просто выключали из предосторожности. Но позже, уже к проверке, парень, переведенный с 4–го и пришедший с “промки”, рассказывал, что там света нет до сих пор, т.к. повалило какие–то столбы.

Дождь прекращался и начинался несколько раз за вечер. А выйдя перед проверкой, уже где–то полдесятого вечера, во двор, все (и я тоже – с изумлением) наблюдали потрясающую картину: колоссальных размеров грозовая туча, как стена, быстро–быстро выплывала откуда–то из–за наших бараков и косо надвигалась на поселок за запреткой. Передняя ее часть была белой, а дальше шло уже все почти черное, и, когда она накрыла нас, можно было, подняв голову к небу, видеть, как ветер крутит внутри нее клочья как бы отдельных туч и облаков, ее составляющих, – как будто бы внутри эта огромная махина вся бурлит. В общем, потрясающее зрелище. Пошел опять дождь, но несильный, промокания в этот вечер таки удалось избежать.

Словом, “необыкновенное лето” 2009–го – грозы, молнии, комары, солнце, переезды, телефоны, дневники и – нервы, нервы, нервы!.. Будет что вспомнить потом, на воле, если доживу. Несмотря даже на заборы и “колючку”, весь этот антураж природный – высокое небо с облаками и грозами, пышная летняя зелень, солнце и пр. и пр. – добавляет чуть–чуть ощущения, что ты проводишь лето на даче, на природе... :)

Эту ночь опять не спал как следует – очередной раз проснулся около 3–х, и дальше уже не мог уснуть, все ворочался

на этой безумно неудобной, наклонной теперь в одну строну шконке, да отбивался от полчищ комаров, которые с середины ночи уже начинают свою атаку. Иногда, видимо, я все же задремывал на какие–то минуты – и в одно из этих задремываний чуть не проспал “свой” подъем (5–20 – 5–25).

18.6.09. 9–24

Вчера опять – только успели прийти с ужина, как хлынул мощный ливень. Правда, по–моему, уже без такой грозы, как накануне, – только гром слегка грохотал. Сегодня с утра погода была на удивление пасмурной и прохладной, с этаким свежим ветерком, – безумно приятно после недавней жары.

Когда я собрался готовить себе ужин и пошел ставить чайник, – оказалось, что “фаза” не работает! Вот еще новости!.. Большего идиотизма не представить, но все розетки в “фойе” не работали – черт знает, что уж с ними случилось, – и, по совету соседа–алкаша, пришлось тащиться с чайником на “кухню” – главное гнездилище блатных, где розетки работали.

Там меня заметил сквозь открытую дверь, проходя мимо, “телефонист”, только что вышедший (как я и думал, давно его не видя) из ШИЗО. Эта тварь тут же бросилась ко мне и стала клянчить 200 рублей ларьком “в долг”, упирая на то, что у него через несколько дней будет “днюха” (д/р). Между тем, я прекрасно помню, что когда это сверхнаглое чмо еще жило на этом бараке и зазывало меня к себе в проходняк пить кофе – оно говорило при этом, что родилось в ЯНВАРЕ 1973 г. Потом, когда я вскипятил и унес чайник – оно пришло клянчить и ко мне в проходняк, божилось, что потом вернет эти деньги (плюс 100 руб., занятых у меня еще в марте), – в общем, теперь выходит так, что я вроде как бы обещал этой наглой блатной твари 200 рублей, и она попрется со мной за ними в пятницу в ларек. Ни в какой не в “днюхе” тут, конечно, дело, а в том, что жрать этой падали нечего, из дома, видимо, ничего не шлют (на фиг никому не нужен...), а жрать хочется...

Слава богу, “фазу” починили еще вчера же, специально ради этого вызывали элеткрика. Ходить на “кухню” постоянно было бы невыносимой мукой (к тому же, там меньше розеток, пришлось бы дольше ждать).

21–02

Дела омерзительные и ужасные. Матери не дали сегодня прозвониться ко мне (хотя владелец “трубы” и сказал мне, что приходили СМС–ки о ее звонках – т.е., номер был недоступен). После ужина вдруг появилось мерзкое шимпанзе, – я–то уж думал, не встретимся больше!.. Только недавно я вспоминал эту нечисть, бывшую главной проблемой барака всю зиму – и

легкомысленно думал: вот и нет теперь этой проблемы, сгинула, развеялась как дым, забылась – а зимой причиняла столько страданий! Вспомнить только, как я лежал под одеялом и ждал расправы в декабре… А она – вот она, эта проблема, целехонька! Опять выползла, мразь такая, обезьяна полоумная, и до 6 сентября мне , выходит, опять с ней мучиться? Этак, пожалуй, и на 1–й барак поневоле сам захочешь перевестись, – там хоть нет связи, но нет и таких бешеных тварей…

Естественно, в бараке тут же начался шабаш, собралась вся “ботва” со всех остальных бараков – и начали шумно отмечать выход этой хари из ШИЗО. Крику, гаму и громового ржания хватит теперь на всю ночь – на спокойный сон можно, увы, теперь не рассчитывать; а я и так что–то опять стал спать только по полночи, до 3–х утра, и то с перерывами…

Единственная хорошая новость – пришла вдруг открытка от Лены Маглеванной из Финляндии! Кратенько написала, что помнит обо мне и там, предлагает не терять связи и просит написать на ее новый адрес. Я тут же написал ей на 3 страницы, завтра по дороге в ларек отправлю. Написал дружески, да и вообще меня тронула эта ее открытка и то, что она помнит обо мне; но тем не менее, ее поступок (бегство) не осудить я не могу, т.к. люди нужны прежде всего для работы в России, – нас и так мизерно мало, а тут еще лучшие, наиболее близкие духовно, вдруг сбегают…

19.6.09. 8–32

Как я и предполагал, эта обезьянья нечисть колобродила в бараке всю ночь и все утро. В полчетвертого утра громким криком: “Королева! Королева!” – будила несчастного “обиженного” работягу Андрюху (который уже давно привык и откликается на любые женские имена и клички в женском роде) и требовала подать себе таз с теплой водой, а через 15 минут – забрать его. Уже после подъема распекала кого–то за что–то грозным матом, как всегда, и – как всегда же – с угрозами физической расправы. Самое поразительное, что не спит эта мразь и до сих пор, – пару минут назад ее голос был еще слышен.

Ощущение отчаяния и безнадежности. Еще и полсуток не прошло, как оно в бараке – и уже вернулось ко мне ощущение жизни под безумной, кровавой, садисткой, что угодно могущей вытворить диктатурой. Жизнь под абсолютным самовластным командованием бешеной обезьяны, которой ничего нельзя объяснить, потому что она из всех человеческих слов знает только русский мат…

Случилось еще одно великое событие: наконец–то пошел домой – Стас (выговариваю с омерзением), – старый ворюга.

Психологический тип этакого “веселого дедульки”, – 60 лет, вечно смеется, шутит (очень глупо), балагурит, – словом, жизнь удалась, фонтан веселья и юмора. Поджарый, спортивный, легко подтягивался на турнике, целыми днями ходил взад–вперед по двору и считал пройденные километры. В 2007 – в старом еще проходняке – мой сосед по шконке. Старый вор, который – по его тогда же, в 2007, словам – никогда в жизни не работал, а грабил (“бомбил”, как он выражается) – магазины, ларьки, квартиры и т.п. Домушник, короче. Профессиональный вор–домушник, и этого не скроют, не искупят и не замажут вовек никакие шутки, смех и веселье. Нечисть и мразь. Здесь ему исполнилось 60 лет, здесь он оформил пенсию, вставил себе целый рот позолоченных зубов и стал ходить ко мне каждые 2–3 дня – открывать банки со сгущенкой. Пенсия из налогов тех, кого он грабил на воле...

Пока писал о нем – эта мразь шимпанзе уже бьет кого–то и бешено орет в конце секции. “Ты мужик?! Когда успел мужика стать?!” – задается им фатальный вопрос, на который жертва не находит ответа. Бешеная мразь...

На место этого домушника тут же переехало другое чмо – самое старое в бараке, 1943 г.р., сидящее 1–й раз по 158–й, – фантастически тупое, сиволапое быдло с интеллектом на уровне коровы. А на его (или над ним? Короче, куда–то в тот проходняк.) бывшее место моментально перебежал – еще до подъема, как и все эти перекладывания сегодня – мой новый сосед по проходняку, – тоже быдло, но все же чуть поинтеллектуальнее. Сидит, по его словам, 6–й раз – сейчас по 222 за патроны, а до этого – все 5 раз, что ли – по 213–й. И, как уверяет, ни разу по 158–161–162, но верится как–то слабовато. Работал на заводе, в лесу и т.п. Местный, из “Уреня” (вы слышали про такое место?). Короче, русское быдло во всей своей красе; сиволапое ничтожество. Сбежал, испугавшись, мне кажется, не столько мучительной тесноты в проходняке (а ему уже на свиданку навезли различной снеди, в основном простецкой – зеленого лука, хлеба, но главным образом – сала в разных видах, даже через мясорубку пропущенного. Но в то же время – смешно – это животное имеет привычку пить по утрам кофе, – ну прямо как благородный!..), сколько вшей от своего соседа снизу – того самого старого, вшивого, курящего в лицо и следящего за мной чма.

Вшей и правда опять развелось полно. Вылавливаю их каждое утро из футболки, носков и пр., а потом еще днем – когда замечаю ползущую по одежде, подушке и т.д.

Бани сегодня (пятница) опять не будет, об этом “пом. предСДиП” объявил после завтрака в секции официально. В чем

дело – не объяснил; когда ходили на завтрак – труба бани, точно, не дымила (хотя стоит, не рухнула); а впервые узналось, что не будет бани, когда еще до завтрака принеси назад постельное тряпье, каждую пятницу с утра относимое в прачечную при бане. В общем–то, мне наплевать – не будет так не будет, мне же легче, не ждать там унизительно “лейки” после 2–3–х еще человек, не мыться под еле текущей, почти капающей “лейкой”, да не одеваться потом на холоде и среди тучи комаров.

Новости посмотреть теперь, с появлением шимпанзе, нечего стало и думать. Весь вечер вчера, и с утра сегодня – из “культяшки” грохочет музыка, раздается завывание песен – высшая в местной иерархии “ботва” изволит смотреть “клипы”. Всем остальным подход к телевизору закрыт наглухо – никто и в мыслях не берется спорить и требовать своих прав на информацию новостных выпусков или вообще на просмотр телепередач...

Тупые скоты, сиволапое, дебильное, скотское быдло, нечисть, мразь, отребье, рабы и подонки – вот они все кто. Терпят над собой беспрекословно власть самых отмороженных психопатов, маньяков, извергов – и даже пикнуть не смеют, не то что сговориться – и убрать эту власть. А оттягиваются, отводят душу, глумятся во всю свою животную скотскую сласть – над теми, кто заведомо слабее – над “обиженными” вот, например; или над евреями; над национальными, сексуальными и пр. меньшинствами, по своей численности не могущими дать отпор, короче.

Мать вчера так и не дозвонилась. Хозяин “трубы” то говорил ей, что он на другом бараке, то еще что–нибудь. Мне, когда я сам вечером спросил у него, он сказал, что она разряжена, заряжать надо батарейку напрямую, и т.д. Короче, никак. Сегодня после проверки 100% явится “телефонист” – стрясать с меня 200 рублей ларьком. М.б., удастся позвонить с его “трубы”. Он говорит, что лично Агроном говорил ему: “не ходи к Стомахину с телефоном” – но верится в это слабо. Чтобы набить себе цену, эта наглая мразь чего не выдумает...

9–40

Ну да ничего, – все это когда–нибудь кончится! И не так уж много ведь осталось, – всего 639 дней. Среди этой глухой, беспросветной, безысходной тоски, отчаяния, ощущения глухого жизненного тупика на годы вперед, – делаешься духовно сильнее. Если выдержишь это, то уж потом – сможешь выдержать все...

Прошел слух, что в бане “чистят печку”, потому баня нынче не работает.

На улице опять пасмурно, холодно и сыро – ночью шел

дождь. Я даже поддел “тепляк” под робу на завтрак – после того, как продрог в одной футболке на зарядке, – явился “мусор”, но я каким–то чутьем успел выйти за полминуты до того, как его “пробили” “к нам”.

Какую жизнь я буду вести на воле, после освобождения? Тихую, скучную и тоскливую, скорее всего; всем моим ярким мечтам не суждено сбыться. Найду себе какую–нибудь работенку по силам – за компьютером, скорее всего, – чисто для заработка, и буду страшно рад тому, что хоть есть на что жить; и буду вести тихое, незаметное и вполне бессмысленное существование после бурной молодости, – как и большинство бывших политических активистов...

17–30

Гнусной обезьяне вроде бы – о, счастье! – дали еще 15 суток ШИЗО. Как только это стало известно, блатные мрази забегали куда–то по одному, явно в штаб с целью отмазать эту тварь, уговорить начальство. Вся тяжелая блатная артиллерия барака пущена в ход, так что весьма вероятно, и отмажут. Надеюсь, до вечера это выяснится.

Ублюдок “телефонист” явился при полном параде – в “феске” и робе – перед самым нашим обедом, когда я уж его и не ждал (изумляясь про себя, куда это он делся от моих денежек и ЧТО им предпочел). Нет, явился, ждал меня одного во дворе столовки, со мной пошел в ларек – и я таки дал ему эти 200 рублей, выцыганил он их из меня опять – о, разумеется, “в долг”! :) – тем паче, что себе я купил только на 110 рублей (почти вдвое меньше!) 2 пакета сока и рулет, а хлеба опять не было. Эта хитрая мразь с самой первой секунды своего появления в бараке начала что–то невнятно лопотать о том, что телефон–де (очередной! :) уже у него, стоит на зарядке, сейчас мы вернемся из ларька, он переоденется, и тотчас, уже часа в 3, придет с телефоном ко мне, чтобы я смог позвонить домой. В ларьке я спросил, не слишком ли дорого будет за каждый звонок брать по 200 рублей, тем более, что я столько не трачу, а мать еще и кладет деньги ему на счет? Короче говоря, эта мразь обманула и тут: уже без 20 минут 6, но она так больше в 13–м бараке и не появлялась. По номеру здесь, внутри – мать тоже не дозванивается, т.к. меня не зовут. Кругом все круглосуточно болтают по телефонам, а я 2–й день не могу 10–15 минут поговорить с матерью, узнать, как ее здоровье...

19–47

“Телефонист” все–таки явился – уже около 7 вечер, сразу же после того, как мать дозвонилась мне по обычному номеру в барак и мы поговорили с ней. Дал еще раз свой номер и сказал, что если надо – мать может звонить ему, он ко мне придет. Цену

этим обещаниям я уже знаю... :)

Только собрался ужинать – минут за 10–15 до традиционного времени, когда я начинаю готовить (2 [запись оборвана]

20.6.09. 7–00

Вчера, пока я писал про отключение света, его как раз включили, и я тут же пошел ставить чайник себе для ужина, – дописывать было уже некогда.

Шимпанзе, увы, никуда не делось, так и осталось в бараке. Между прочим, не успев появиться, произвело здесь одну крупную и совершенно безумную "реформу": полностью сняло "обиженных" со стрема во дворе ("локалке") барака, где они то слушали стремщиков 10–го (видящих "продол" в зеркальце, выставленном из их слухового окошка), то сами залезали на пожарную бочку у нашего забора, чтобы видеть приближающихся по "продолу" "мусоров". В результате теперь стремщик сидит только у окна в "культяшке", и когда он оттуда "пробивает" что–нибудь в большую секцию – в нашем ее конце, у выхода, его почти не слышно, особенно если стоит обычный шум от разговоров, тем паче – если в том конце у блатных играет музыка. Уже вчера днем, войдя к нам во двор на утреннюю проверку, "мусор", увидев во дворе всего 3–4 человека (меня в том числе), удивленно спросил на ходу: "А где же проверка? Что, в бараке совсем народу нет?". А весь народ в это время еще лежал по шконкам – потому что о приближении "мусора" никто не предупредил (единственный оставшийся стремщик мог элементарно "прохлопать"). Побежали на улицу уже только после того, как "мусор" зашел в барак.

Сегодня во время "зарядки" "мусора" вообще не ходили по баракам, не проверяли подъем – но и стрема во дворе не было никакого. Оставаться в бараке во время зарядки теперь стало поистине "стремно", – надо, напрягаясь, прислушиваться, не крикнут ли из дальнего конца секции (точнее, даже из коридора), где "мусора", чтобы успеть, если что, выскочить в дальнюю запасную дверь.

17–45

Блатная кодла, в основном кавказская, собралась с разных бараков в наш двор, вытащила на мощеный "плац" круглый стол, расставили жратву и питье, – что–то отмечают? Выход шимпанзе из ШИЗО, что ли? Такое ощущение, что собрались к нему. Целая толпа; причем среди них есть 1–2 колоритные кавказские рожи, которые я ни разу не видел за 2 года пребывания на этой зоне (хотя ясно, что они приехали сюда отнюдь не вчера). Пока мы все ходили на ужин, они тут отдыхали и развлекались...

21.6.09. 6–45

О, как описать, как передать эту обстановку, саму эту атмосферу 13–го барака лета–2009 так, чтобы ее вполне прочувствовал и никогда не бывавший здесь читатель?!. Утро. В 5 утра – уже полностью светло, никакие лампы не нужны. Кто–то уже встал, но большинство еще лежит в постелях. Играет довольно громкая музыка в конце секции. По проходу между шконками ходит туда–сюда блатной и громко, во весь голос, со смехом, разговаривает по телефону. Он ходит так уже минимум полчаса, если не больше, и его совершенно не смущает то, что время раннее и кто–то, возможно, еще спит. О–о, смущаться такими мелочами, как интересы окружающих их людей, они не привыкли!.. Несмотря на ранний час, все двери – и на улицу, и в секцию – открыты настежь, и тучи комаров лезут мне прямо в лицо, пока я лежу. Слава богу, самый омерзительный и тупорылый “эколог”, который с самого подъема открывал их даже в лютые морозы, послезавтра уходит домой. Выхожу на двор – как обычно с утра, посмотреть погоду (погода ясная, встает солнце), – там под окнами одиноко стоит шимпанзе, чуть ли не приплясывая под играющую веселую музыку. Потом народу прибавляется, и оно начинает в паре с кем–то прогуливаться по двору, оглушительно гогоча. Сука, кто ж тебя выпустил из ШИЗО?!. Я б того своими руками прикончил бы...

Опять они колобродили всю ночь, а я почти не спал, просыпался раз 5 за ночь. Только перед подъемом удалось вроде бы поспать подольше, поосновательней, – час, не меньше, как мне показалось. Накануне вечером вышел после проверки чуть–чуть погулять по двору – и ко мне с разговором пристал блатной, который сейчас дает мне “трубу”, а до этого все пытался внаглую пристроиться здесь питаться за мой счет. Поговорили о жалобах, о судах, о том, как судили его и меня, о наркотиках (он сидит по 228) и кампании за их легализацию, о том, чем он занимался на воле (ничем, собственно), о прошлогоднем “бунте” в зоне (которого он, как оказалось, был одним из зачинщиков, пусть и невольных), и т.д. и т.п. Шлялись по двору туда–сюда и говорили долго, минут 40, наверное, но – ни к чему все это, и никаких выводов не последует, и никаких надежд, никакой пользы даже такое вот откровенное и углубленное общение с ними, увы, не даст. Частенько вспоминается мне совет Лимонова, четко и настоятельно сформулированный в “Другой России” – искать революционеров “на краю общества”, среди всевозможных отбросов, люмпенов, маргиналов, словом – вне не только респектабельной, но и классово–сознательной, упорядоченной среды. Что ж, я честно пробовал искать их здесь, и совесть моя чиста. Как минимум, пару таких попыток, с тайной надеждой на

возможный успех, я сделал за 2 года пребывания здесь. Увы, результат был настолько отрицательным, люди (?) эти – настолько безнадежно–тупыми, наглыми и алчными, настолько откровенно озабоченными лишь тем, чтобы стрясти с меня курево, чай и пр., – что я давно бросил эти жалкие, смешные свои надежды. Говоря вчера с блатным о жизни, о судах, о легализации, о борьбе с Системой и пр. – я уже ясно понимал: нет, революционера, сознательного борца из него не выйдет, нечего и рассчитывать. Разве что сырье для производства мыла...

Бани в пятницу не было, и наглый стирмужик, подонок (к тому же имеющий теперь отмазку в виде ежедневного мытья банок по целому дню на столовском складе), даже и не подумал меня спросить, не нужно ли постирать мне вещи, – хотя свои он стирал, а сегодня утром специально грел (моим кипятильником!) воду и стирал свое полотенце. Тем не менее, с вопросом, не дам ли я “штук 5” сигарет, эта тварь утром ко мне обратилась. Типа, если всего 5 штук, то можно и на халяву, – не зарабатывать, а просто выклянчить за так...

22.6.09. 8–39

Эту ночь спал вроде получше. Первый раз проснулся, как обычно, около 12–ти ночи сам по себе, а вот 2–й – где–то в час или в начале 2–го, – похоже, что от истошного крика, от которого, без сомнения, должен был проснуться весь барак – но все молчали, никто не протестовал. В темноте и ночной тишине разъяренное шимпанзе тоном оглушительного, истошного крика читало кому–то лекцию о том, что он (распекаемый, оставшийся мне неизвестным) – вовсе не “мужик” и не “порядочный”, как он сам о себе думает, а так – “мужичок”, “тракторист”, “пехота” и т.п. Да и вообще в бараке ни одного “порядочного”, кроме, естественно, самого шимпанзе, нет. В обоснование приводились, во–первых, цифры собираемых блатными в бараке денег и их распределение (6000 руб. в месяц, из них 1500 – на “воровское”, 4000 – вроде бы на “общее”, а уж куда еще 500 руб. – я не понял). Во–вторых, утверждалось, что “порядочный” “мужик” должен был бы после выхода шимпанзе из ШИЗО спросить у него, в какой “хате” он там сидел, сколько в ней человек, и пр.; кроме того, “порядочные” встретили бы шимпанзе в бараке (по выходе из ШИЗО) не пачкой “Винстона”, а – раз “дорога с волей есть” – анашой, гашишем, героином и пр., не говоря уж о кофе, шоколаде и т.д. (“А бабу резиновую не хочешь?” – говорят здесь в случае такого рода претензий, – но, ясное дело, бешеной обезьяне сказать это в лицо никто не посмеет.) Еще было любопытное утверждение: мол, в бараке все наркоманы (т.е., вся “братва” :) были очень довольны, что шимпанзе сидит в ШИЗО и хотели бы,

чтобы оно и дальше там сидело, а они бы тут отлично жили без него (типа, он, как он утверждает, против наркотиков категорически и не дает наркоманам колоться). В сопоставлении с фразой о том, что его должны были бы встречать анашой, гашишем и героином, – звучит все это просто уморительно...

В общем, совершенно ненормальная тварь – и без тормозов, и голова забита всяким бредом про “мужиков” и пр. Громогласная лекция, не дававшая всем спать посреди ночи, продолжалась не менее получаса и лишь после этого перешла на более спокойные тона.

9–25

Да, забыл еще упомянуть. Как я и думал, мерзкий наглый стирмужик, вернувшись вчера вечером с мытья своих банок и улучив момент, опять (я ждал этого!) тихонько спросил, не достану ли я ему сигарет попозже. В ответ на что я спокойно поинтересовался, заработал ли он их. Он, поморщившись, отвечал, что ему некогда и больше он стирать (мне) не будет. Ну что ж, сказал я, тогда пусть тебя и снабжают те, у кого ты так сильно занят. (А там курева с “общего” дают, но мало, он уже жаловался, что ему не хватает.) На этом разговор был закончен – и, надеюсь, все отношения с этим быдлом тоже. Остается еще забрать у него мои прищепки и “киловаттник” (кипятильник, которым он греет воду для стирки. Будешь опять, дружок, охотиться каждый раз за чайником, или уж грей чем хочешь, мерзкий халявщик! :)).

18–32

Все утро сидел и работал через силу – переписывал август–2008. Через силу потому, что заедали комары, – их вроде стало слегка поменьше, но все равно, когда дверь в секцию открыта – ни читать, ни писать невозможно, только отбиваться от них обеими руками. Так что периодически приходилось бросать работу и выходить гулять на двор – только чтобы уйти от облепивших комаров.

Еще перед обедом почувствовал какой–то небольшой легкий озноб. Пришли с обеда – уже полноценная температура, сперва небольшая, а потом – градусов, похоже, 38 и больше. Принял сперва аспирин + анальгин – эффекта никакого; позже – еще раз аспирин + нурофен + даже диклофенак, т.к. спина и нога тоже разболелись до того, что еле мог ходить. Тоже никакого эффекта. Лежу, отбиваюсь от комаров, проклинаю судьбу – давно не болел, целых 3 месяца. Пришел с обходом “мусор”, пришлось встать, взял для отвода глаз читать роман Эмара – и так увлекся, что прочел до конца 1–й из 2–х романов в томе (2–й – продолжение), – тем паче, работать с температурой, да еще отбиваясь от

комаров, было бы явно невозможно.

Пришли сейчас с ужина. Температура явно еще есть, но небольшая – лоб теплый, а не горячий; хотя временами появляется ощущение, что она прошла совсем.

Мать так и не прозвонилась пока сегодня, о t° тоже еще не мог ей сообщить. А позже, часам к 7–ми, должен прийти отрядник (по понедельникам он проводит вечернюю проверку), а при нем это будет сделать очень затруднительно...

23.6.09. 7–09

Ну вот: одно тупорылое пьяное быдло (мордовское), животное, конченная нечисть, "эколог", открывавший зимой окна и двери и матерно гнавший "обиженных" с утра пораньше на работу, – сегодня ушел домой.

Одной нечистью в бараке стало меньше (таких, как он, – уж точно только в переработку на мыло, больше от них на земле пользы не может быть никакой). Но после всех перекладываний – не на его освободившееся место, а к нам в проходняк, на свободное верхнее, приперлось другое такое же (но недавно с этапа) старое пьяное быдло, ничем не лучше – еще одно сиволапое существо, про которое его земляк, с ним постоянно общающийся, уже сказал кому–то, что тот "пил и на пилораме работал". Вот и все. Омерзительное, тупое, сиволапое простонародье, покорное любым властям пьяное рабское быдло, от имени которого путины и творят все свои преступления и в котором встречают лишь полное одобрение или безразличие, но не протест, не возмущение и не голос больной совести...

Огромная радость, просто праздник на душе: вчера утром было совершено покушение на Евкурова, марионеточного президента Ингушетии! Пока я сижу, война там, значит, продолжается, почва горит под ногами оккупантов и их приспешников! Магомедтагиров в Дагестане, теперь – еще круче! – Евкуров в Ингушетии. Правда, в отличие от того, этот, к огромному сожалению, все же остался жив. Сейчас в 7–частвых новостях показали, как вчера вечером его перевезли на лечение в Москву – и к нему в больницу приходил Медведев...

8–45

Повезло еще раз: шконка ушедшего мордовского быдла оказалась все же свободной, и русское этапное быдло быстренько уползло от нас туда. Его матрас не пролежал у нас и 20 минут. Правда, именно в моем проходняке теперь – единственное свободное место во всей секции, так что какая бы еще мразь ни пришла – сразу сюда...

Отрядник, полоумная мразь, вчера на вечерней проверке объявил о своих нововведениях: до сих пор на зарядку выходили

(по его ежепонедельничным наблюдениям) кто в чем – в майках, в спортивных костюмах, кто и с голым торсом, и т.д. Отныне он заставит всех выходит в полной форме, как на проверку (как будто предчувствуя это, я все последние понедельники, выходя заранее во двор, одевал робу). Между тем, зарядка – это типичное спортивное мероприятие, так что зэки имеют право выходить в спортивных костюмах – но ничего спортивного эта бандитская администрация не пропускает вообще…

Еще велел он, чтобы, пока все не поедят, никто не смел бы выходить из столовой на улицу. Это полнейший бред, невозможный для исполнения (я буду, что ли, следить, когда кто поест?..); но, к счастью, дежурит у столовки этот псих тоже только раз в неделю – утром в понедельник, как раз после зарядки.

17–37

Я, должно быть, везуч: наблюдаю все это вблизи,
Словно врач, изучающий редкую форму проказы,
Безусловно, рискуя, особенно в этой грязи,
Но зато проникая в глубинные тайны заразы.

Именно эти гениальные строки Нестеренко вспомнились, когда сегодня после обеда, в 4–м часу, шимпанзе – действительно как бешеное – пронеслось по секции с истошным, сатанинским воплем: “Мужики, все на улица, нах…!!!!”. За одно только такое обращение уважающий себя человек просто пристрелил бы эту мразь; но, тем не менее, безропотные “мужики” послушно потянулись “на улица”.

Я тоже пошел – во–первых, оно могло проверить и лично докопаться; во–вторых (и главных) – за информацией. Уже приходила мне на ум горькая шутка, что с появлением шимпанзе должны снова начаться комиссии и каптерки, – увы, все повторяется в этом мире…

И опять оказалось, что я ошибся. Во двор был вытащен круглый столик, на нем стояла 3–хлитровая банка с чифиром, несколько кружек, и лежали карамельки. Все быдло – и блатное, и неблатное – расселось вокруг этого стола, тоже по кругу, на корточках, лишь некоторые стояли. (Мой старый вшивый сосед по проходняку тоже было сел, но быстро завалился на землю и никак не мог подняться.) На скамейке сидело шимпанзе и еще несколько блатных.

Повозмущавшись, что народу так мало (в мероприятии не участвовали не только все 15 “пидоров”, имеющихся в данный момент в бараке, но и шныри (“помощники”), и “козлы” (“общественники”)) и тем, что все молчат, шимпанзе начало свою

речь. Это был обычный для него “поток сознания”, а точнее сказать – демагогии, в котором постоянно повторялись слова (своего рода обезьяний словарик :): барак, пачка чая, общее, воровское, игра, чистая душа, с чистой душой, если человек наш, пехота, мужики, лагерь, карточка, кто как живет, движуха, страдают, изолятор, поддержка, уважение, а после упоминания всего, что эту тварь не устраивает, задавался каждый раз настойчивый вопрос: “Почему ТАК?!”.

Не видел бы своими глазами – ни за что не поверил бы в этот дурной анекдот: существо с интеллектом меньше обезьяньего и с трудом, коряво изъясняющееся по–русски, позволяет себе обращаться к аудитории с речами на русском языке по полчаса и больше! Но это уже не 1–й раз… О чем? Да все о том же: и как встретили после 3–х месяцев ШИЗО пачкой “Винстона”; и о том, что никто не интересуется, кто там, в изоляторе, сидит, сколько их, что им нужно, и т.д.; о том, что оно, едва вышло – организовало на бараке карточную игру (этой ночью) с отдачей денег на “общее”, а без него в бараке не было ни игры (??!), ни таких вот собраний с чифиром, вообще никакой “движухи”; что надо “помогать” и “поддерживать” друг друга (интересно, чем все это быдло, не нужное под закат жизни никому, даже собственным детям, может поддержать, например, меня? :); и т.д. и т.п. Обычная наглая, хамская, уголовно–коммунистическая демагогия, когда грабители и профессиональные разводилы требуют от тебя “с чистой душой” отдать им все, что у тебя есть. Например, в форме регулярной покупки сока или майонеза “на крест”, где с “общего”, как всем известно, ежедневно раздаются (“разгоняются”) только чай и сигареты.

Самое интересное, что из–за азербайджанских песен я, стоя у него за спиной и привалясь к ограде, не все четко слышал – с теми, кто, видимо, не согласен и не будет впредь давать денег, покупать все, что им надо, в ларьке, играть в карты, кто вообще не желает “двигаться”, “общаться”, “уважать” и “поддерживать”, – эта тварь обещала впредь “разговаривать по–другому”, т.е. кулаком, – единственный доступный ему аргумент. Да, еще обещало на следующих таких вот сборищах разговаривать с “нарушителями” (термин мой и вполне иронический) по жесткой формуле: “вопрос–ответ”. Видимо, спрашивать, с кем общается, сколько дает на “общее” и что ест сам. То, что никто, в общем–то, не обязан отвечать на его вопросы, – этому существу – видимо, от большого интеллекта – даже в голову не приходило.

В общем, посидели и разошлись. Самое неприятное, что сказала уже под конец эта тварь – что теперь она никому больше “не даст повода” и будет оставшиеся ей 2,5 месяца жить на бараке

(а не в ШИЗО). Зная норов этого существа, звучит это более чем комично, и я жду не дождусь, чтобы его – очень все–таки надеюсь! – вернули обратно в обезьяник. Тем более, что поводы найти совсем не трудно; например – стало 3 раза в день ходить в столовую, да, но в спортивных штанах и кроссовках! :)

Через полчаса после того, как сборище закончилось, пришел отрядник. Жаль, что он не застал, – было бы забавно. Между прочим, в самом начале произошел один забавный эпизод: шимпанзе публично доложило о своем общении с одним 60–летним стариком (я видел и слышал это общение, оно было на днях, перед утренней проверкой, и происходило в крайне хамском, глумливом и издевательском тоне). Вот, мол, старый уже 3 года на бараке, а когда я его спросил, кто “смотрит” за бараком, он отвечает: Амир (отрядник), а ты – его помощник. Все заржали, и подавался этот ответ как высшая какая–то дикость, просто ужас какой–то. Один я подумал о сказавшем это старике: “А ведь он совершенно прав!”...

Последняя неприятная новость: опять не работает баня; в ней опять какая–то авария. Дым не шел из трубы сегодня весь день и вчера, по–моему, тоже. Есть мрачное предчувствие, что ее не сделают и к пятнице, т.е. с баней я (и весь отряд) пролечу уже 2–й раз подряд...

24.6.09. 17–43

Припершийся к самой утренней проверке отрядник огласил на ней новые распоряжения начальства: все зимние вещи сдать на склад! А если не будут сдавать, то применить силу! (Ага, как же – сдай, и потом, в осенние холода и дожди, дожидайся неделями и пиши заявления, чтобы выцарапать обратно...) Помнится, в том году, только почти на месяц раньше, подобное же приказывал Макаревич, обещал несданными “телагами” полы мыть, и т.д. – но ничего, обошлось. Сейчас такой приказ может исходить только от Заводчикова, которому и зимой, помню, активно не нравилось, что телогрейки висят в секции на шконках. Так что где–то между обедом и ужином блатота послала “обиженных” убираться и мыть пол в каптерке, – всегда тревожное событие, знак приближающихся комиссий и прочих поводов, по которым они заставляют всех сносить туда баулы. Но на этот раз (пока что!)потребовали убрать в каптерку только зимние вещи, – под тем предлогом, что ночью то ли отрядник придет, то ли “сам” Заводчиков, – разные блатные говорили по–разному. Очень неприятно будет, если потребуют убрать и сумки, – в присутствии бешеного шимпанзе кончиться это может плохо (слава богу еще, что у нас с начала апреля так и не работает люстра в нашем конце секции). Все повторяется в этой жизни, и конец 2008 года

повторяется вот сейчас...

Свою маленькую, “демисезонную” “телагу”, оставленную в том году “ночным”, я еще днем, только услышав слова отрядника, снял со шконки и засунул, вывернув наизнанку, под матрас, как раз посередине, где ничего не было. Лежать стало сразу намного мягче и удобнее. :) Что же до большой зимней телогрейки, то еще в марте или апреле где–то я убрал ее в клетчатый баул за торец шконки, где не видно и откуда (из того же баула) достал взамен эту, маленькую. Конечно, любой серьезный шмон все это обнаружит (хотя можно надеяться, что, м.б., не заберет; но от обходов Заводчикова, особенно ночных, эти меры все же как–то защищают.

Баня так и не работает, труба ее не дымит вот уже 2–й день, если не 3–й.

25.6.09. 16–25

Вчера вечером – новое обезьянье чифиропитие во дворе и общение “царя” с народом. Но я уже не пошел: наученный опытом, выглянул сперва в окошко возле выхода из барака, увидел стол и банку с чифиром – и повернул назад. Как раз дело шло к моему ужину, к полвосьмого, – зачем мне вместо еды стоять и слушать этот треп?.. Впрочем, продолжалось оно явно меньше, чем накануне.

Сегодня с самого утра, еще до завтрака – зловещий вой сирены; после 10 утра – шмон на 6–м, – 12 “мусоров” и 2 на 9–м (2–й этаж над 6–м). После проверки и до сих пор – отключение света (и воды, соответственно). Ждали, пока выпустят со двора столовки (калитку теперь постоянно держат на запоре, накапливая внутри народ, а я все забываю написать об этом) – видели, как на дорожке в баню, между больницей и столовой, монтер, забравшись на самый верх, перецеплял все провода со старого столба на врытый рядом новый. Теперь ясно, почему отключили. Почти 2 года я уже на этой зоне – и все 2 года они постоянно, регулярно отключают здесь свет именно по причине замены столбов. Это притом, что срок службы фонарного столба – не год и не 2, а много больше...

Зам. шимпанзе там же, в “локалке” столовой сказал по поводу разговора о недымящей трубе бани, – что бани не будет не только завтра, но и в следующую пятницу. Разумеется, не только у нас – ее вот уже неделю почти нет у всей зоны. Но они греют себе воду и моются в туалетах или на улицах, – им и горя мало. (А то и просто нагретой солнцем водой из бочек.)

17–35

Света так и нет до сих пор.

Опять начинается жара. На улице уже приличное пекло.

Ходили днем на обед – вдруг оказалась практически пустой, без воды, яма у столовой – бывший “пожарный водоем”, с самого пожара ЛПУ

[Свет дали сию секунду – 17–36.]

3.4.09. стоявший раскрытым и с сильно обвалившимися берегами. Утром он был полон воды. Что за чудеса?.. Сейчас шли на ужин – на склоне ямы уже лежит здоровенная бетонная плита (не новая, поросшая мхом. Из бывшего ЛПУ? :) и пара стальных балок. Забор же, поставленный между ямой и “нулевым постом”, чтобы 13–й отряд не ходил из столовой своим любимым путем в обход, – снят и прислонен за “нулевой” будкой к другому забору. Дело ясное – будут восстанавливать “водоем”, плиту положат на дно. Что ж, посмотрим, что у них выйдет... :)

По “большому продолу” как раз в это время, когда мы шли на ужин, шлялся Агроном. Слава богу, что как раз когда мы подошли к воротам “нулевого поста”, он пошел обратно в сторону штаба. Но бродившие в это же время на “том продоле” 2 “мусора” (в том числе наш “режимник” Пименов, с декабря 2008 я знаю его в лицо), выйдя оттуда, зашли во двор столовой, долго стояли молча, ждали, – но все же заставили толпу построиться перед выходом из ворот. Хотя забить и затоптать их обоих насмерть этой толпе зэков (трусов!) было бы совсем не трудно...

Шимпанзе, увы, хватило ненадолго – ходить в столовую оно сегодня уже перестало, пусть даже и в спортивных брюках и с чужой биркой.

“Обиженный” Юра впервые за год постирал мне сегодня 2 наволочки вместо мерзкого бывшего “стирмужика”. Этот, по крайней мере, ищет, спрашивает хоть какой–нибудь “калым”, работу, а не так тупо и нагло клянчит сигареты, как то тупорылое быдло, моющее теперь банки у столовой...

26.6.09. 17–27

Опять жарища. Опять нет с матерью связи весь день, – видимо, этот тип так и не доставал “трубу” с утра, как позавчера. На ужин была картошка. В ларьке не было почти ничего (спасибо, был хоть хлеб). В бывшую “пожарную” яму у столовой запихнули уже 4 здоровенных бетонных плиты, – оказывается, это не на дно, а стенки будут ими мостить вместо бревен. Я сижу и пишу целыми днями, но комары жрут так, что писать почти невозможно, особенно при открытой двери секции. “Обиженный” Юра выстирал мои вещи и быстро – не как вчера, к вечеру, после всех отключений света – погладил и принес (на солнце они сохнут очень быстро). Но за это – кроме обычного курева уже выклянчил у меня купить ему в ларьке пачку чая. Бани, как и ожидалось, не было.

Если отбросить все еще маячащую на периферии сознания мысль о возможном скором переводе на 1–й, то все вроде бы нормализовалось. Лето, солнце, жара. Но – во–первых, очень напрягают перебои со связью (как позавчера и – пока – сегодня); в во–вторых – если кажется, что все хорошо, то надо ждать новых несчастий...

27.6.09. 18–11

Адская жара. Пекло. Блатные загорают и тусуются во дворе в одних трусах. Ходить в столовку в полной форме невыносимо жарко. По всем прочим баракам и дворам – то же самое: толпы голых, а кто–то обязательно обливается водой.

Главная новость дня – от Алеткина: эта мразь Александров таки отдал ему мои бумаги. Но лучше бы, ей–богу, не отдавал!.. Из 59–ти листов он отдал только 12 – те самые 2 первых трубки, которые только и показывал мне. Но и те – я думал, там по 10 листов (отдавал ему в 1–ю порцию 20 листов, он из них сделал 2 трубки) – а оказалось, по 6; часть листов не вошла и туда, и в результате – куски с 4.6. по 19.7.08. (переписанный мелко в апреле 2009) и кусок с 15.8. по какое–то, не помню, но тоже, кажись, август, – более крупным шрифтом, переписанный еще тогда же, летом 2008, когда я собирался отдавать его через почту, но обломилось (и так 3 первых письма с кусками, начиная с 4.6.08., никуда так и не дошли).

Мразь, короче. “Мусорам” даже не отдал, а просто выбросил, видимо, мой труд. “Если ты, в натуре, писатель...” – как сказал он мне, делая 1.4.09. это интересное предложение. Зачем?.. Чтобы не отдавать копеечный (порядка 100 рублей) долг за чай и карамельки? Чтобы до ухода и – особенно – в последние дни – жирно пользоваться за мой счет, на халяву, тем же чаем и куревом, поскольку своего не было никогда ничего?.. Мразь, короче. Ублюдок. Выродок, как и все уголовники. Нелюдь. Нежить. Своими бы руками забил, переломал бы все кости, порезал бы всю его мерзкую тушу и выпустил бы на пол всю его кровь...

28.6.09. 6–20

Безумные дни и ночи... Вчера перед ужином (моим) вдруг ни с того ни с сего поднялась температура. Лег полежать – и знакомое, отвратительное, этакое слегка болезненное состояние: начинается озноб (в жару! в духоту!!), а после него – жар... Нажрался сразу же таблеток: 2 аспирина– не помогает, потом 1 анальгина, потом еще 1 аспирина + нурофен. В итоге к концу ужина, к 9 часам, температуру таки удалось сбить.

Отбой, легли спать, но блатные, понятно, не спят, гундосят в своем конце секции. Проходит некоторое время, уже идет по

баракам первый обход за ночь – и вдруг истошный крик: “Мусор в бараке!!!”. Стремщик его не видел, – значит, он опять перелез с 7–го, через высоченный, метра 3, забор с намотанной поверху “колючкой”. Как уж они там лазят, не знаю, но случай отнюдь не 1–й. Короче, в темноте (свет погасили срочно) он стал пререкаться с шимпанзе и прочей блатотой, – нельзя было точно понять, о чем, но шимпанзе орало, что “мне по...уй!” и что “ты меня на ногах не видел”, – типа, оно уже лежит, режим не нарушает; а “мусор” почему–то требовал, чтобы оно встало, – видимо, под себя успело засунуть телефон. Также речь шла почему–то о бейсболке, в которой эта тварь обычно ходит (типа, в бейсболке лег спать!.. :)), мусор пытался ее отобрать. Звучали даже грозные крики: “Пойдем на вахту!” – и я уже возрадовался было, надеясь, что оно оттуда таки не вернется, но – обошлось. “Мусор” ушел ни с чем, как я понял.

Но это было еще не все. Прошло некоторое время, в течение которого блатные возбужденно “базарили”, надо ли ставить задвижки на сходные двери и выставлять стрем, чтобы никто не лазил незамеченным с 7–го (обычный стрем смотрит в противоположную сторону, на 10–й и дальше по “продолу”). Вдруг стремщик сообщает: “Заводчиков на продоле!”. Опять начинается тихая паника, крики: “Уберите шкерку!” и т.п. Прямо с 8–го, сообщают, он идет к нам! Новый “ночной” (переведенный с 6–го) срочно будит “обиженных” и посылает снять с “локалки” (т.е. с ее забора) все, что там висит, – в основном это стиранные вещи, мочалки и т.п. хлам. Кому уж он мешает? Но тем не менее... Бедолагу Вольдемара, “обиженного”, постоянно живущего в раздевалке и там же спящего (из–за вшей), срочно загоняют в секцию, куда обычно категорически не пускают, и прячут на “обиженной” шконке. Потом еще раз посылают снимать и убирать со двора вещи. “Завод” тусуется в “локалке”, в барак не заходит, и за ним (через уже приличную темноту) наблюдают в окна. Наконец, так и не зайдя в барак, он уходит. Вскоре я все же засыпаю.

А просыпаюсь сегодня утром – как и почти постоянно теперь, с головной болью. Была она и вчера – и уже даже 2 таблетки цитрамона мне не помогли, не сняли ее; помог только нурофен, – но за вчерашний день, получается, я принял 2 таблетки нурофена – утром от головы, вечером – от температуры; что–то слишком быстро он расходуется, а есть его совсем не много. Вчера болела (причем очень сильно) левая половина башки, как обычно; сегодня – послабее, но уже вся голова, не только слева. Мать все волнуется, как мое здоровье; между тем, здоровье уже давно и ощутимо начало тут (и еще по тюрьмам) портиться, – учитывая,

что на воле головных болей у меня не было практически никогда, а здесь они стали настоящим бичом, от которого я страдаю едва ли не каждое утро...

9–52

Когда ходили на завтрак – "мусора" заметили, что что–то мало народу с 13–го (я слышал, входя в ворота столовки, как они говорили об этом). Видимо, прямо оттуда они пошли к нам в барак и навели здесь шороху :), переписали всю спящую блатную сволочь во главе с шимпанзе ("я никому не дам повода" :), пообещав рапорта – и, видимо, ШИЗО для кого–то...

15–03

Все веселее и веселее, безумнее и безумнее... Утром отправился в ШИЗО один из самых омерзительных и наглых блатных, похожий на долговязую вошь. Потом пришел отрядник – и вскоре, сопровождаемое большой толпой, само шимпанзе и еще один из блатных, почти такой же злобности и агрессивности, с баулами тоже проследовали к калитке и далее – в ШИЗО! Меня разбирал сильный внутренний смех, – типа, рецидив болезни оказался недолгим и не тяжелым, все опять обошлось! Но... радовался я, как оказалось, рано. Отрядник уже в 12–10 вышел считать на проверку, и я с изумлением услышал сперва знакомый гортанный голос этой бесхвостой твари, а потом увидел ее саму! Не посадили!.. :(Почему – непонятно, но, тем не менее, этот печальный факт неоспорим. Придется терпеть и мучиться дальше – до следующего раза или же до самого 6 сентября...

Дозвонилась мать и сообщила совершенно неожиданные новости от Алеткина, оптом я перезвонил ему сам и он подтвердил их. Оказывается, на его звонок и вопрос, где остальные мои бумаги, этот козел Александров ему ответил, что хочет денег, – пусть, мол, ему переведут 5 тыс. руб., и он отдаст, – якобы, вынес он все–таки все. Именно это – главный пункт, вызывающий сомнения, есть у него это остальное или нет. Да еще Алеткин, как всегда некстати, опять улетает куда–то (в Туркмению?) до 7–8 июля, как он мне сказал, так что когда выяснится точно, есть ли все остальное до декабря, и если оно реально есть, то переписывать дневники за 2009 г. останется мне времени всего лишь около 2–х недель. Правда, опыт уже довольно точно подсказывает (2 раза", как–никак, переписывал уже), что с моей работоспособностью и за это время успеть можно немало.

Живописная сцена была у столовки, когда заходили на обед. 2 "мусора" стояли в углу, около лестницы. Обычно они не выпускают с пакетами, в которых шныри носят блатным баланду в барак. А тут – "обиженного" с сумкой, набитой пустыми еще байзерами, эти "мусора" остановили и подозвали к себе еще на

входе в столовую, он еще и зайти туда не успел, не то что налить в емкости баланду. Один из “мусоров” очень живописно швырнул эту сумку на землю и пнул ее ногой, так что вся посуда вылетела и покатилась. До сих по такого они не делали, тем более с пустой посудой. Шимпанзе, бывшее тут же, очень взволновала эта сцена, и оно пустилось с начальством в бурные объяснения, громко лопоча и махая руками, а когда я вышел из столовки – их обступала уже целая толпа, но “мусора” не реагировали ни на какие доводы и уговоры, демонстрируя полное безразличие...

Вчера вечером “общественник” обошел всю большую секцию и переписал “расположение спальных мест” – кто где спит. Сегодня с утра над входом в секцию уже висел лист с этим списком. Ну да, в “ПВР” же запрещено “самовольно менять спальные места”, – только смешно подумать, зная всю эту местную жизнь, что кто–то здесь будет всерьез соблюдать это правило. Ну да, и при шмонах, и при проверках подъема записывать, зная, кто где спит, конечно, удобнее – но на моем спальном месте они и без всяких списков при каждом шмоне теперь устраивают погром... А еще же ведь в тех же “ПВР” полагаются на шконках таблички с данными! :) Эти таблички здесь на моей памяти последний раз вешали осенью 2007 г. в ожидании какой–то важной комиссии...

29.6.09. 18–05

Прошло короткое свидание с матерью и Фрумкиным. Прошло оно в каком–то смысле шикарно. Накануне и сегодня утром я почти не нервничал, как обычно: мать незадолго до отправления успела прозвониться из поезда и сказать, что все нормально, они оба сели (Фрумкин успел еще днем положить 79–летнюю мать в больницу и приехать к моей матери, о чем я собирался волноваться больше всего). Ждали у вахты не так уж долго. Ни на входе, ни на выходе вообще (!) не шмонали – даже перед самым входом в зал обычного охлопывания и проверки карманов на сей раз не было! С матерью мы практически не ругались.

Зато с этим козлом Фрумкиным я разругался до крика друг на друга. Причем еще почти в начале свиданки – он и до половины не досидел, убежал курить, как обычно, да и мать сама предложила ему спать (по ее рассказам, он в этих поездах заваливается спать и дрыхнет весьма крепко при малейшей возможности). Просто поразительно, как деградировал человек, причем буквально на глазах, пока я сижу, года с 2005 где–то, – начало этого процесса, увы, я застал еще на воле. Подумать только, что когда–то мы с ним очень тесно работали вместе, – сколько было этих ночных, в 12 и в час – звонков друг другу, этих согласований, поездок по начальству (по префектурам в

основном), этих митингов и пикетов – и отсидок в милиции после многих из них!.. Не верится даже, что это было... Сейчас любая работа с ним через полчаса заканчивалась бы скандалом и “матерным лаем”, по А. Толстому, – но, разумеется, ни о какой совместной работе с ним после моего освобождения не может быть и речи. Он впал в глубокий политический маразм.

Накануне вечером дозвонилась Санникова – непонятно, зачем звонила, тем более из деревни в Ивановской области, чего хотела. Я спросил ее насчет того, почему она не вешает на сайт рекламку книжки обо мне, – она стала ссылаться, что весь макет не выложен в сеть, а когда я сказал, что это и не нужно, только сообщение и адрес для заказов, – она заявила, что она против и продажи книжки (тут, слава богу, она помешать не может), и “коммерческой рекламы” на сайте!.. Лицемерное хамло! Дело не в рекламе, а просто – сама идея сборника была ее, затем, так и не сумев установить надо мной цензуру (т.е., заткнуть мне здесь рот), она отказалась его делать, но через год его все же сделали другие люди, – вот она и не хочет теперь даже упоминать на сайте то, что сделано вопреки ей, против ее воли. Спросил я также, не могла бы она для большей оперативности в работе “моего” сайта дать кому–то еще от него пароль, – она ответила категорическим отказом и возмущенным выговором мне, чуть ли не руганью, – но тут на “продол” пришли “мусора” – и “телефонисту”, с чьей “трубы” шел разговор, пришлось срочно бежать.

Насчет пароля я поднимал вопрос и раньше, так как те, у кого он есть – Е.С., а тем паче Люда – ничего не делают, почти не обновляют сайт. Е.С. тянет с каждым обновлением страшно долго, отказывается вешать то, что ей не нравится (про тот же сборник, например), и т.д. Поэтому взять у Люды пароль я просил давно. Мать со слов Майсуряна сказала, что тот не раз звонил и просил – она отказывается наотрез. Почему – непонятно. Короче, уже ясно понимая позицию Фрумкина по этому вопросу, я все же под конец упомянул и об этом. Он, ясное дело, тут же заявил, что Люда правильно не дает пароль, – мол, кто начал делать сайт, тот пускай и делает его. Я возразил, что тот, кто начал, теперь ни хрена не делает, и он начал орать, а я в ответ крикнул ему, действительно ли им всем на МОЕ мнение по данному вопросу наплевать, и что это за “защита” меня, не считающаяся вовсе с моим мнением, – защищают они или топят? На сем разговор прервался, и этот идиот убежал.

Сыр плавленый (“Виолу”) эти суки не пропустили, – “карантин”, видите ли, у них! 2 банки компота пришлось вытащить из–за превышения веса – 25 кг. Вместо 23–х. Варенно–

копченную колбасу – хорошо, что мать в этот раз не нашла: не пропустили бы тоже. Лекарства (нурофен, цитрамон, диклофенак и что–то еще) отказались принять под тем предлогом, что нет моего подписанного заявления на них. Фрумкин, дебил, – во–первых, не знал (до сих пор!), что ко мне не пропускают прессу; а во–вторых – не зная этого, уже на вокзале сказал матери, что забыл (!! Опять! В который уж раз!..) захватить мне журналы – “The New Times”.

Баул я тащил сам до “нулевого поста”, – еле–еле, отдыхая чуть не через каждые несколько метров. Там, как только втащил в калитку, мне предложил помощь какой–то здоровенный мужик с 10–го и донес до калитки 13–го. Из блатных тварей видела, как я входил с этим баулом в руках, разве только одна, и то не побежала трепать, просто счастье: ажиотажа и вымогательской очереди ко мне за конфетками–шоколадками и пр. нет до сих пор, ура! Большинство не пронюхало!.. :))

После переноски 23 кг. баула от “дома свиданий” до “нулевого поста”, через несколько часов, меня, как обычно, скрутило. Жуткие боли и в больной ноге, и где–то в тазу, там, где к телу присобачена 2–я нога, здоровая, :) и даже, похоже, где–то в пояснице.

В таком состоянии мне пришлось тащиться еще и в спецчасть – вызвали, информация о вызове пришла еще в субботу. Мать ходила к этой Северюхиной, нач. спецчасти, раньше меня, взяла у нее там справку о моем “местопребывании” (для пересчета дома коммунальных платежей), дозвонилась мне где–то полчетвертого (хотя обещала только после 6–ти) и подтвердила то, о чем я догадывался и сам: вызывают просто ознакомиться и подписать бумажку, что моя кассационная жалоба по последнему УДО ушла из Тоншаевского суда в Нижегородский областной. Ушла 19–го, как мне сказала уже сама Северюхина (в документе значится дата отправки). Почти 40 минут с палкой, с больной ногой и спиной я стоял там, – не могли уж и это прислать к нарядчику, у которого очередей не бывает никогда.

Мать в самом начале свиданки показала книжку обо мне. Исполнение, конечно, мизерное, кустарное, грубое, – листы А–4 пополам на ризографе, в середине скреплены, видимо, скрепками. Показала, как напечатаны стихи, – отвратительно! Достаточно того, что промежутки между строфами полностью отсутствуют, текст идет сплошняком. В каком–то стихотворении – успел увидеть – стоит подпись (зачем она там? И так ведь ясно, чьи стихи.), причем стоит она сплошняком с текстом, без отступа, без ничего. Идиоты!.. Уроды!..

ИЮЛЬ 2009

1.7.09. 15–05

Очередная комиссия с шимпанзе – надеюсь, таки уже последняя за оставшиеся ему 65 дней. Перед самой проверкой, минут за 10–15, эта животина собрала вдруг весь барак в “культяшке”, бешеным истошным криком загнала туда 3–х человек, ждавших проверки во дворе (в том числе и меня, – я вышел специально, думая избежать присутствия на “совете нечестивых”) и произнесло речь. Передать ее здесь, как и свое впечатление от нее, я не могу, – скажу только одно: хотелось смеяться в голос. Повод был не смешной: опять едет какая–то неизвестная, но грозная комиссия, так что надо, как всегда, “убрать лишние вещи”. Но попутно было сообщено, что все в бараке (именно множественное число) “живет как шерсть”, “нет свежий воздух” из–за того, что на шконках висят вещи, входишь в барак с улицы – “воняет как дальняк!!!”, и т.д. Неоднократно было повторено: если у тебя есть лишние вещи, телогрейки и пр. – “убери в каптерка”. Никто, конечно же, не спросил эту мразь, по какому праву она указывает другим, как им жить, и навязывает свои порядки; боюсь, и в голове эта мысль из всех присутствующих была у меня одного. Зато было авторитетно упомянуто, что по поводу комиссии, “лишних вещей” и пр. – это “положенец слово”, т.е. приказ их “по(д)ложенца”.

Я быстренько пошел, как всегда, передвинул баулы под свою шконку, расстелил свое красное одеяло, снял со шконки одежду и сунул под подушку. Принес вот сейчас из ларька полпакета брикетиков лапши – до вечера их некуда убрать, т.к. баул убран и на глазах всей этой мрази таскать его туда–сюда – небезопасно. Но, правда, на сей раз обошлось заметно легче: такой грозной (бешеной) проверки всех шконок в секции на отсутствие “лишних вещей”, как прошлой зимой, эта обезьяна сегодня не устраивала. Обошлось в первый, самый острый момент, – значит, обойдется и все 3 дня, до пятницы, которые придется держать одеяло расстеленным, а баулы – спрятанными.

В ларьке та же самая полублатная мразь, унаследовавшая ушедшему на 7–й “телефонисту”, аккуратно стрясла с меня очередные 200 рублей на их т.н. “общее”. Как же – месяц начался, сегодня 1–е, а я им как будто бы теперь должен эти 200 р. ежемесячно, это уже постоянный налог, и если я откажусь его вдруг платить – с полублатным радетелем “общего” будет истерика...

В “пожарной” яме с водой у столовки активно проводятся

какие–то работы. В дно набили стоймя старых рельс, между плитами положили горизонтально 2 толстенных бревна и несколько досок и что–то там постоянно делают со сварочным аппаратом – режут рельсы и трубы, куда–то их еще вбивают или приваривают, хрен поймешь... Общий замысел пока неясен.

Вчера это блатное чмо с “трубой” вообще не позвало меня, когда мать звонила, а ей сказало позвонить завтра: как же, последний день месяца, у них суета с “расчетами” за карточные проигрыши, с поиском и передачей денег на воле и пр.

2.7.09. 9–05

Вчера вечером опять подскочила температура – часам к 7–ми, как обычно. Опять пришлось ее сбивать: 2 таблетки аспирина + 1 нурофена. Вроде сбил. Когда ложился спать – все было нормально. Но часа через 3 проснулся – всего аж колотит, озноб жуткий, температура безумная и нет сил встать... Потом проснулся еще раз – вроде получше, озноба такого уже нет, но все равно – ясно, что болен. А к подъему – не поймешь даже, то ли есть t°, то ли нет, и башка вроде не болит, но угрожающе налита сильнейшей, свинцовой болью, и если резко двинуться или двинуть головой – эта боль слегка ощущается внутри...

Не придумал ничего умнее, как сразу сожрать горсть таблеток: 2 цитрамона, 2 аспирина и 1 нурофена. Чуть не подавился, когда глотал их. И – от них ли, или еще от чего – но стало все вокруг как во сне, как будто смотришь на знакомые предметы, людей, озираешься – и вроде узнаешь, но не можешь понять, где находишься; голова не кружится, но все как будто чуть–чуть едет перед глазами; видишь все как–то отчужденно, со стороны, – даже во сне зачастую куда реальнее воспринимаешь окружающее. В общем, тяжелое, очень неприятное состояние, и не знаешь, чем его объяснить. Давление не давление (но еще бы посильней – и уже темнеет в глазах, и можешь упасть), что–то мозговое, видимо; даже описать толком свои ощущения словами я не могу. Когда в 1989 стал принимать дифенин, сразу по целой таблетке 2 раза в день – оказалось этого слишком много и тоже было такое вот ощущение полной “отчужденности” от окружающего и темно в глазах...

Сейчас, когда пишу, стало вроде немного полегче, но еще не до конца. Лоб в испарине, t° нет. Переписывать 2009–й сегодня черт знает, смогу ли вообще, хватит ли сил...

3.7.09. 10–30

Чрезвычайно удачно сходил сейчас в баню – впервые после 2–х прошлых пролетевших пятниц, когда она не работала. Пришел – было только еще 9–40. При входе лежала на столике груда досок, – признак ремонта. :) Народу никого. Заглянул в “помывочный

зал” – ни стекла не вставили в окна, ничего... Все как было. 1 человек мылся под невыключающейся (точнее, она, конечно, выключается, но своим отдельным краном) “лейкой”, где обычно моются блатные. Пока я раздевался – он домылся и вышел, в зале не осталось вообще никого. Я вошел – и, не будь дурак, сразу пошел к этой вот блатной “лейке” (остальные–то все выключены до 10 часов), – пока не пришли наши и пр. блатные, хоть намочиться успею. Но я успел под ней полноценно вымыться, пока начал подтягиваться в баню 2–й (СДиПовский) отряд, в котором, как известно, блатных нет. :) Шикарно помылся, – благо, на этой”лейке” еще и стоит нормальный, несломанный разбрызгиватель, а не просто течет еле–еле струйка, как на половине “обычных” “леек”. И когда я уже вышел, вытерся и сидел одевался, – вот тогда только чуть не бегом прибежала часть 13–го отряда! Но было уж поздно: 2–й набился раньше, так что толкучка и нехватка “леек”, как всегда, получилась ужасная, – по трое–четверо под одной. Так, что двое новичков, не так давно “поднявшихся” с карантина (но сидящих уже не 1–й раз, – теперь на 13–й только таких и “поднимают”) сунулись было в зал – и вышли обратно, решив в раздевалке ждать, когда там станет поменьше народу. Я, очень довольный, первым из всех пошел домой.

Вчера же пришла еще одна замечательная новость: наш отрядник уходит в отпуск до 20 августа! Сказал об этом он сам на утренней проверке, так что сведения точные. :)) Боже, какое счастье! Не выскакивать по понедельникам в полной “форме одежды” на зарядку! Да и вообще – не видеть эту харю хотя бы полтора месяца... Хитрая бестия, – он ведь был в отпуске с конца декабря по конец февраля, и вместо того, чтобы только через год, как я думал, он через 4 месяца снова в отпуск, уже летом... Чтоб тебя убили, суку, в твоем Дагестане, как убили там Магомедтагирова, как почти ежедневно там отстреливают “мусоров” прямо на улицах, – чтобы ты не вернулся оттуда, паршивый мунафик, верой и правдой служащий оккупантам твоей родной земли!..

10–55

Кстати, все забываю написать: забавный у них обычай, у этих дебилов в бараке: накрывать подушку в наволочке сверху еще и полотенцем! Никогда нигде раньше такого не видел, а тут, как посмотришь днем, когда из столовки, скажем, еще не пришли, – все подушки на верхних шконках завернуты в большие банные полотенца. Зачем? Черт их знает... Варварский туземный обычай. Надо будет понаблюдать, снимают ли они полотенца с подушек хотя бы ночью, или так на них и спят...

18–55

Мать ездила сегодня днем к Ганнушкиной и стрясла с нее 5 тысяч – в зачет тех, что, по словам Гефтера причитаются мне из выручки за “концерт в защиту политзаключенных”. Всего–то!.. Оттуда мать звонила мне по мобильнику, ожидая Ганнушкину, и когда та появилась, успела дать ей трубку. Но та ни о чем особенном не спросила, – только как у меня дела и буду ли я еще подавать на УДО. Я сказал, что буду, но только в октябре. Мать же, дозвонившись адвокату Сидорову, узнала от него, что кассация в Нижнем по последнему (27.4.09.) отказу мне в УДО назначена на 21–е июля. Что ж, ждем–с... Ждем, как они выкрутятся на сей раз.

В ларьке блатное чмо, с чьей “трубы” я все последние месяцы звоню и куда мне звонит мать, таки вымогло у меня “на выход” двух блатных подонков, обитателей “маленькой секции”, из ШИЗО – шоколадку и пачку шоколадных конфет. Сперва хотело оно 100 руб. отдельным чеком, но я не успел вовремя сказать кассирше и она выписала один чек. Это блатное чмо сперва стояло рядом, ожидая, пока я куплю на 80 и оставлю ему 100 (!), но потом отошло, сказав купить конфеты и шоколадку. Для меня же это оказалось выгоднее, т.к. вместе они стоят всего 62 рубля, а не 100, и на оставшиеся я купил себе еще один пакет сока. Теперь его должно хватить на все выходные.

4.7.09. 18–18

И опять – 4 июля, День независимости США... И опять день независимости народа, показавшего миру величайший в истории пример того, как надо просто нормально жить, – я встречаю здесь, в одном из мест наибольшей концентрации русского антипримера... Сегодня тоже очень удачно решилась еще одна из мучивших меня последнее время проблем – со стрижкой. Того типа с 8–го, который стриг меня ровно 3 месяца и 1 день назад, 3 апреля, и которого я с тех пор неоднократно видел, когда не было нужно; а сейчас, когда стало нужно – только и думал, где бы встретить, – короче, его собственной персоной я увидел сегодня спокойно курящим во дворе 8–го, идя мимо с завтрака. Сказочная удача! Я тут же подошел к нему и попросил зайти к нам. Он согласился прямо сегодня, и хотел прямо сейчас – не было еще и 8 утра, но тут уж я отсрочил его приход до 9–ти, чтобы успеть позавтракать и проверить одежду на вшивость. Он постриг меня первым – а после меня, как всегда, уже “записалась на прием” целая очередь, так что он, бедолага, пахал тут до 12–го часа, почти что до самой проверки. За стрижкой он сообщил мне, что стал ходить на “промку” (совсем как тот, прежний “парикмахер” с 8–го же, освободившийся в конце 2008–го); что ему и у себя в

бараке хватает клиентов, так что если бы не я просил – он бы и не пошел к нам. Приятно, что я пользуюсь таким авторитетом :), но плохо, что с “промкой” он может ходить стричь только по выходным. В следующий раз, рассчитал я, это должно быть 3–4 октября – еще спустя 3 месяца, после длительной свиданки в конце сентября, где фотографироваться, конечно же, лучше с волосами (хотя и стрижка, естественно, совсем не наголо).

Шимпанзе беснуется и куражится вовсю, орет, гогочет, ходит гоголем по сей зоне во главе толпы “13 отряда” (в столовку), на все проверки выходит исключительно в спортивной одежде и бейсболке. Сегодня эта мразь неожиданно изволила вспомнить и про меня – и, как я и не сомневался в душе, под внешним “расположением” его ко мне (последнего времени (2009)) скрываются чувства далеко не дружеские. Одеваясь на обед, я вдруг услышал свое имя, произнесенное его голосом, – что–то типа короткого рассказа с моралью. Мол, Боря говорит, что он “мужик” (сроду я не говорил ему этого!); он не курит, а вот однажды он ушел на свиданку, а “мусора” полезли рыться в его бауле – и там оказались 10–15 блоков сигарет, колбаса и пр.!.. Мораль, конечно же, такова, что все это должно было оказаться у “мужиков”, т.е. у этой завистливой, но ничего своего в жизни не имеющей блатной кодлы и конкретно (особенно колбаса! :) – у этой вот обезьяны... :)) Так или иначе, выяснилось, что на мои горячие чувства эта тварь отвечает не менее горячими. :) А к чему, собственно, был весь разговор? Это выяснилось, как только я оделся и вышел во двор (обед сегодня на полчаса задержали). Ко мне подошел совершенно незнакомый мне парень и, не представляясь, поздоровался как знакомый, – таковы здешние нравы, это уже не 1–й раз со мной. Далее он спросил, не нужны ли мне деньги на воле и, не дожидаясь ответа, сообщил, что ему нужен “рубль” (т.е. 1000 рублей) ларьком – и что из всего 13 отряда его послали именно ко мне.

Помогать совершенно незнакомой уголовной швали, поверить ее обещаниям, не имея отсюда никакой возможности заставить ее отдать деньги на воле, в Москве, – было бы наивной глупостью, но и совершенно преступным легкомыслием. СтОите ли вы все, мрази, того, чтобы я хоть на копейку вам помогал, заслужили ли вы это? И я сказал, что денег у меня в ларьке нет, после чего оно отвязалось от меня.

5.7.09. 17–25

Сразу после ужина (в 4, т.к. воскресенье) начали бегать с чайниками – “заваривать на барак”. Услышав это, я уже был готов, чтобы не сделать всегдашней дурацкой ошибки, и не пошел, когда “мужиков” позвали “собраться в культяшке”. И так–

то осточертели до полной невыносимости ваши хари, еще собираться вместе с вами, швалью... Пробыли они там недолго, – судя по обрывку разговора кого–то из вернувшихся, опять отмечали день рождения какого–то вора...

Уже несколько дней – опять появились язвы на правой ноге. Не такие огромные, как весной, поменьше. Теперь уже они вырастают из комариных укусов, но по той же схеме: на месте расчесанного до крови укуса появляется темно–багровая засохшая корочка; потом под ней начинает гнить, ее окружает белое кольцо гноя, который, естественно, я стараюсь выдавить; затем, когда все прогнивает – верхняя корочка слетает тоже и остается открытая мокрая язва, которая может не засыхать, не затягиваться неделями...

Идиотизм русской жизни, и зоновской в частности, ярко проявился в том, ЧТО местное начальство сделало с ямой у столовой. В дно набили рельс, наварили к некоторым труб, чтобы получилась одинаковая высота – и, приварив к их верхам поперечный рельс, от него на 2 стороны (“берега”) наварили еще по несколько рельс, концы которых оказались на уровне земли. Получилось что–то вроде остова 2–хскатной крыши на избе. Бетонные плиты же по склонам ямы (их 4) ни ставить, ни приваривать, ни как–либо укреплять не стали – а просто по 4–м углам между ними набили стоймя в дно длинных свежераспиленных досок. И все? Поверху, без сомнения, тоже накроют досками, как было и раньше. Ни укреплять внутренние стенки, ни как–то ремонтировать полностью обвалившиеся берега, – ни о чем таком нет и речи. Главное – прикрыть, чтобы никто не видел, что внутри...

С матерью за весь день пока что не поговорил. Сегодня вышел из ШИЗО владелец “трубы”, которой временно пользовался другой блатной – тот, на чей номер звонит мать. Тот, скорее всего, свой телефон заберет, а у этого – свой сломан, и как теперь будет у нас с матерью со связью – неизвестно...

6.7.09. 12–40

Утром был шмон на 8–м – 11 “мусоров”. Не как в то лето, когда почти не было, – в это лето их шмонная активность гораздо выше. Прошлый шмон (на 6–м, что ли?) был только недавно – 25 июня. Хорошо, что длительная свиданка 27–го – в понедельник.

Перед самой проверкой, когда все были на улице – шимпанзе выползло и начало – уже без всякой “комиссии” – бешено орать про “лишние вещи”. “Аргументация” та же – мол, “нет воздуха” (ну 2–й Сапог прямо! :) и – “не видно, кто как живет!”. Этой твари, ясное дело, хочется все видеть и шпионить за всеми. Несчастному работяге–“обиженному”, которому весной ни за что

ни про что разбивало нос, оно тут же велело после проверки у кого что будет “лишнее” висеть – собрать и выбросить. Тот, ясное дело, покорно кивнул головой. Придя в барак, я снял свои спортивные штаны и “свитер” от нательного белья и засунул за изголовье шконки. 61 день, пока не уйдет эта бешеная мразь, придется, видимо, прятать их или там, или под одеялом, под подушкой, где–то еще... Перманентная “комиссия”...

Телефон таки вчера пришлось отдать пришедшему из ШИЗО владельцу, и не только я, но и мой “провайдер” временно остались без связи. Он сам же и сказал мне вчера об этом, первым, когда я уже подумывал, где бы и когда половчее подловить его, чтобы спросить.

Остался один вариант – запасной. :) Пошел к нему по дороге с завтрака, – ушел в баню! Еще без 15–ти или даже без 20–ти 8 – уже!! Будь ты неладен!.. Сейчас, сразу после проверки, пользуясь тем, что “локалки” и у нас, и у них открыты – быстро накинул “лепень” и пошел снова. Что вы думаете?! – не нашел его, обойдя весь их барак, хотя все говорили, что он здесь. Нету, – как сквозь землю провалился!.. Анекдот плохой, да и только... Смех смехом, но – и сегодня, уже 2–й день подряд, связи с матерью пока что нет и, скорее всего, так и не будет.

19–05

Шмон на 8–м “отмел” неожиданно 8 телефонов – событие по здешним меркам крупное. Но самое поразительное – что когда после шмона блатные с 8–го пошли в “контору” просить вернуть их “симки” (т.к. все “трубы” были забраны еще и вместе с “симками”) – им таки их отдали!.. Хотя “симка” здесь такой же точно “запрет”, как и сам телефон, ничуть не меньше. Кстати, чьего–то одного телефона там уже не оказалось – постарались то ли изымавшие “контролеры”, то ли кто–то из “мусоров” повыше рангом; назывались среди потенциальных воришек, в частности, фамилии Пименова и Демина (оперчасть). Блатные говорят, что в ближайшее время именно для поиска и изъятия телефонов готовятся шмоны по всем баракам.

Одно хорошо – закончились наконец–то комары. М.б., их добило недавнее похолодание на прошедших выходных, но сегодня уже редкий комар сядет на меня, пока я переписывал почти весь день январь и февраль 2009 г. Погода стоит уже не такая холодная, на солнце днем было вполне себе тепло; без солнца – прохладно, небольшой ветерок; солнце же часто закрывается облаками.

Самое мерзкое и тревожное – на мой вопрос насчет шмона вещей на 8–м было подтверждено, что и вещи заставляли выносить и шмонали. Вот это уже не дай бог; все, что угодно,

только бы не это!..

Остается лишь банально утешать себя тем, что все на свете кончается, проходят самые тяжелые времена, любые несчастья, – и, значит, когда–нибудь кончится, минует, останется наконец–то позади и весь этот ужас, все эти 5 лет... Осталось от них еще год и 8,5 месяцев, 622 дня...

7.7.09. 7–17

Июль, но безумие на зоне вдруг началось вполне новогоднее, – за 2 своих года здесь я такого не припомню. Вчера на вечернюю проверку – вдруг на все бараки приперлось по 2 “мусора”, к нам – в том числе Пименов, и стали проверять всех по карточкам. В обоснование Пименов что–то лопотал о “бригадах” – мол, кто в какой бригаде, и т.д. Ясно, что касалось это только работающих; в результате несколько человек, в основном работающих, остались неназванными – их карточки, видимо, где–то в другом месте.

Сегодня, едва началась зарядка, едва я услышал, сколько “мусоров” на наш “продол” – то ли 6, то ли 8, не расслышал точно, – я, не дожидаясь дальнейшего, выскочил на улицу. Еще никого не было. И точно! – трое явилось к нам, в том числе тот же самый Пименов! И он сразу же поперся во 2–ю, дальнюю дверь, откуда я обычно успевал выскочить раньше. Ладно, зарядка. Только зашли в барак, еще не успел я взяться резать себе колбасу – объявили “строевой смотр”. Нашли, суки, время... Выстроив всех в 5 рядов и разведя на широкое расстояние между рядами – стали ходить, осматривать, докапываться. Главным камнем преткновения неожиданно стали тряпичные тапочки, в которых летом ходит ползоны (и все блатные). Записывали беспощадно всех, и Пименов обещал назавтра устроить еще один такой же смотр – мол, успеете ли до завтра исправить эти нарушения? Докапывались также и до тех, кто не брит. Я стоял в таких же почти тапочках, только их кожзаменителя, и небритый, но один из “мусоров”, осмотрев меня, пробормотал: “Ну, вроде все пристойно!, – и не записал, прошел мимо.

10–57

2 лучших утренних часа прождал шмона, сидел и гулял по двору, – а шмона так и не было нигде, на всем “продоле”. Хотя бы лист, как вчера, успел переписать за это время. А с другой стороны, только разложишься, начнешь – припрутся...

А у Ленки моей сегодня день рождения. Юбилей, – 35 лет... Ну что ж, с днем рождения, зайчик мой! От всей души – с днем рождения тебя, раз мы с тобой опять вместе, раз ты любишь меня – так, как ты мне пишешь... И опять, увы, мы с тобой не вместе в этот день... Из 7 лет знакомства только лишь 2 твоих дня рождения я был с тобой – в 2002–м и в 2005–м...

12–38

Шмона не было, но “режимное” безумие продолжается: дневная проверка – только что – опять по карточкам! Пришел только 1 “мусор”, фамилии выкрикивал завхоз, и все прошло довольно быстро. Но – пришли в барак – и нет уже света, и воды я не успел набрать...

16–21

Новость последних минут: шмон–бригада на 12–м – 12 “мусоров”, и 1 на 5–м. Минут через 40–50 12–му отряду идти – сразу после нас – в столовку на ужин...

8.7.09. 15–30

Опять весь день дико болит живот, его пучит, газы не выходят совершенно. Дикая боль, такая, что глаза вылезают из орбит. 3–й раз уже здесь такое с прошлого ноября. Нажил... Началось где–то полпятого утра, а проснулся сегодня еще раньше, не было и 4–х утра. Но спать больше не хотелось (до этого еще просыпался, но опять засыпал), провалялся так, – в ужасе от предстоящего дня с этой болью в брюхе. Это – я уже знаю – на весь день, почти что на сутки; дай бог, чтобы следующей ночью побыстрее прошло. Весь день насмарку, – ни писать, ни читать, ни ходить, ни сидеть – ничего с этой болью делать невозможно. Весь день лежу на животе плашмя, спиной кверху, – единственная поза, в которой не болит, или хоть не так сильно. Перед обедом на спину ко мне вспрыгнула кошка Манька и там улеглась.

Шмонов не было. На зарядку опять явились трое – уже другие, чем вчера, 2 “мусора” и тот же неизменный Пименов. Мне было так плохо, что сегодня гулять во дворе я вышел задолго до зарядки (на утреннем холодке все же чуть полегче), так что бегать от него на сей раз не пришлось. Повторный смотр, который обещал вчера, он проводить не стал. Проверка в этот раз была тоже без карточек, – просто посчитали, как обычно. М.б., это их “усиление” уже кончилось? 2–х дней этого безумия было бы вполне достаточно...

Связи с матерью не было весь день вчера и нет сегодня. Когда будет – не знаю, трудно даже представить, и просить уже особо некого. Представляю, что там творится с матерью, как она нервничает и психует...

В ларьке потратил на сей раз 300 р. только на себя – обошлось без “общего”, “креста”, конфеток–шоколадок для блатных, и пр. Должно быть, это еще и потому, что, увидев в столовке полностью несъедобный обед, я пошел в ларек сразу же, вперед блатных, которые остались жрать столовские макароны. А в суп, совершенно жуткий, стали опять класть крупными кусками “вискас” – соевое мясо. Давненько этой дряни не было, – вот

опять вспомнили...

Пишу, корчась по временам от боли, поэтому, увы, придется коротко. Скорее лечь... Когда же все это кончится?.. Когда же я сдохну?.. Самое обидное, что пропал целый день для работы, – больше трех листов можно было бы успеть переписать...

9.7.09. 9–31

Полегчало, слава богу, но только сегодня утром! Всю ночь адские боли в животе не проходили, не разрешались, как в прошлые разы. Я уже не знал, что делать, сколько еще продлится этот ужас, и серьезно обдумывал, когда лучше пойти в больницу – прямо сейчас, еще до подъема, в 6–м часу утра, или же после завтрака. Не пришлось – вдруг все стало (в несколько приемов) проходить само.

На зарядку 3–й день подряд явился тот же неизменный Пименов, и с ним, как всегда, еще 2–е. Эта тварь, когда она не одна, сразу и целенаправленно идет прямо к той дальней двери, в которую я иногда выходил. Провел он таки и “строевой смотр”, обещанный еще позавчера, но к одежде и обуви на сей раз не цеплялся. Видно было, что это формальное мероприятие, для “галочки”.

Покорное и трусливое уголовное быдло не сделало, конечно же, ни малейшей попытки протестовать против такого давления “мусоров” и “наворачивания режима”. Не говоря уж о том, чтоб хотя бы попробовать запинать и затоптать насмерть этого Пименова, как регулярно хочется мне при одном только его виде. Вечерняя проверка вчера таки опять была по карточкам. Шимпанзе, видя это, уже пару раз громогласно обещало “выбросить все карточки в дальняк”, – но, разумеется, это оказалось пустым трепом, ничего оно никуда не выбросило.

Из–за постоянных потопов у нас в туалете собираются сейчас опять отключать воду, причем, как сказал мне “обиженный” “сантехник” Юра, сразу на 2 дня и во всем нашем корпусе – 13–й, 10–й, 7–й и 3–й бараки.

Только что – прямо с 9 утра – 2 “мусора” прошли с обходом по всем баракам. Может ли это быть предзнаменованием, что шмона сегодня не будет?.. Впрочем, теперь у них новая практика – приходить со шмоном где–то в 16–30, незадолго до ужина. Позавчера так шмонали 12–й, вчера – сразу 7–й и 3–й, из–за чего по 1–2 “мусора” сидели в “локалках” у нас и на 10–м.

11.7.09. 9–00

Очередное ЧП барачного масштаба. :) Утром, уже после зарядки, с обычным утренним обходом пришли 2 “мусора”, потребовали ключи от каптерки – и забрали оттуда сколько–то телефонов (но не все, т.к. уже слышны в секции телефонные

разговоры), 4 “симки” и “тачковку”, т.е. записи по поводу “общелагерного”. Трагедия!.. :)) Долговязая вошь тут же поползла упрашивать “вернуть симки”, хотя на штабе висит выписка из приказа Милютина: до 9–30 утра появление зэков в штабе без вызова категорически запрещается. Вернулась ни с чем – сказала на ходу шимпанзятине (как раз все выходили на завтрак), что их отдают в 15–м кабинете, – но то ли никого нет там сейчас (скорее всего), то ли еще что – в общем, не смог забрать их назад.

Шимпанзе, разбуженное, сходило зачем–то на завтрак (ушло со двора столовки очень быстро) и до сих пор, вот уже час, разносит в своем углу виноватых – блатных, полублатных и своего главного зама, как раз за “общее” отвечавшего: его вина в том, что он отдал “тачковку”, кому не надо было отдавать, и в результате она попала к “мусорам” (хотя, насколько я понимаю, ничего криминального, разглашения чего стоило бы всерьез опасаться, в ней не содержится). Об этой “тачковке” крику и истерики было вообще больше, чем о телефонах, “симках” и пр. В начале же “разбора полетов”, когда до главного зама речь еще не дошла, было явственно слышно, как эта животина кого–то, по обыкновению, бьет с криками: “Живет как шерсть!!!...”. Зама своего, уже говорят, оно хочет “разгрузить” от “общего”.

Вчера очень удачно воспользовался запасным вариантом, позвонил от него матери. Сегодня зашел, идя с завтрака, – увы, эта скотина дрыхнет. Забрал ли А. в Казани мои дневники, я пока так и не знаю, но 5 тыс. мать выслала еще позавчера.

9–29

Самые последние сведения: “ушло” 6 телефонов, а не 3, как думали вначале. Оказывается, не в ШИЗО, как все думали, а на “пятерку” (в Нижний) вчера отправили одного из местных подонков, пользовавшегося даже среди блатных очень дурной славой и неоднократно битого ими за обманы и жульничество. Вчера он уехал – и сегодня же утром пришли “мусора” и полезли прямо в “курок” с телефонами, – между этими фактами усматривается прямая связь... Впрочем, это у них обычное явление, точно так же было на “1–й сборке! 5–го централа в Москве, в мае 2007: как только уехал на этап прежний “смотрящий” (наркоман) – в тот же день, через несколько часов, “мусора” вломились в камеру и забрали – уже не помню, то ли все телефоны, то ли 1 все же остался, но точно знали, куда лезть и где искать... Подонки, сдающие подонков...

12.7.09. 9–25

Миновал безумный вчерашний день. Итоги его плачевны. С утренним обходом, часов в 10–11, “мусора” пришли опять вдвоем – и забрали еще одну “трубу”, прямо из проходняка, разломав

щит, в который она, видимо, была запрятана. Правда, как потом я узнал из разговора блатных, в том проходняке осталась таки еще одна “труба” – их там было две! Осталась она, к сожалению, и у моих полублатных соседей в захваченном крайнем от двери проходняке, – а очень жаль, ибо эти подонки упорно скидывали звонки матери, как только она просила меня позвать. Вообще, основное чувство, которое у меня вызвало вчерашнее ЧП (7 телефонов пропало!) – это, как ни странно, злорадство. Теперь и вы, твари, хрен куда позвоните, будете ждать, просить, – только вам–то все равно, даже и в такой ситуации, будет проще получить связь, чем мне. Вы – одна спаянная кодла, ворье и грабители, а я – отдельно... И вам я на фиг не нужен – только деньги и сладости с меня тянуть, а смогу ли я позвонить на 15 минут в день матери, узнать о ее здоровье, – вам плевать!.. Для меня–то еще задолго до вчерашнего ЧП связь в бараке практически стала недоступной, – с поломкой единственного телефона, которым я пользовался.

Дела, между тем, незаметно, между делом, приняли критический оборот – запасной вариант тоже сидит без “трубы”, которая (даже 2 – сперва его, потом с “общего”) “пыхнули” на недавнем шмоне. Я зашел к нему вчера перед ужином. Он таки стряс с меня пачку сигарет (они вчетвером, как всегда, играли там в карты, а курево кончилось) и посоветовал зайти вечером – м.б., он что–то придумает, найдет какой–нибудь телефон. Я решил, что забегу к нему сразу после вечерней проверки, как уйдут “мусора”, но еще до этого, около 7–ми вечера, надумал все–таки позвать “телефониста”, благо это куда ближе и проще. Главную роль сыграло то, что из всех блатных во дворе, в спортгородке тусовался только один, – идти и звать на глазах у всей их кодлы мне почему–то было непереносимо противно, хотя ничего запретного в этом нет, никто бы мне ничего не сказал. Блатной этот, увидев “телефониста”, тоже стал просить зайти к нам с “трубой” и дать позвонить (правда, у него своя “симка”). Так что со связью в один отдельно взятый вчерашний вечер получилось все–таки довольно удачно.

Зато крайне неприятны были новости от матери. Главная: Алеткин звонил этому подонку Олегу в Казани, сказал, что 5 тыс. получены и предложил встретиться и принести мои рукописи. Однако тот стал требовать, чтобы деньги ему выслали заранее, а он, типа, отдаст бумаги потом. Такое поведение почти не оставляет сомнений, что никаких бумаг у него нет и нести ему нечего. Соответственно, пол–октября, ноябрь и декабрь 2008 г. мне надо будет переписывать заново.

Упомянула мать и о деньгах – выручке от некоего концерта в пользу политз/к, бывшего вроде бы еще в мае. Собрали там, как

оказалось, 250 тыс. рублей, “моя” доля из них – всего 5 тыс., но и то – среди “правозащитников”, оказывается, раскол, давать ли их мне (и, по–видимому – пзк ли я вообще...), часть – за, часть – против. Подонки... Права Маня, которая тоже разочаровалась в правозащитниках после одного–единственного разговора с Рыбаковым. Увы, в наше время некогда жертвенно–благородное и величественное правозащитное движение выродилось в сброд подонков и трусливых ничтожеств...

Закинул я удочку и насчет того, как же быть теперь все–таки со связью, как выходить из нынешнего ахового положения. “Телефонист” сказал, что завтра (т.е. уже сегодня) его могут закрыть в ШИЗО. Сам–то я прекрасно понимаю, что (как он и стал сам тут же предлагать) кроме как заплатить еще деньги или же купить новый телефон для “затягивания” сюда, никаких других вариантов нет. Но – тоже как я и ожидал – мать отказала наотрез, заявив, что не даст больше ни копейки, т.к. телефоны “палятся” и ее деньги пропадают (в частности, ее февральские этого года 5 тыс., купленный на которые телефон, по недавней информации запасного варианта, “пыхнул” по “дороге” из “промки” в жилую зону, видимо (как я понял). Идти звонить стало практически некуда.

15–29

И вчера, и сегодня – опять дикая жарища, зной, пекло. В форме (робе) ходить в столовку просто невозможно, а через полчаса – опять (воскресенье)...

На правой (больной) ноге уже штук 10 язв, в основном огромных, но и засохших уже. Носок спущен, чтобы не присыхал к ним; штаны короткие; когда я лежу и кладу эту ногу на свернутое красное одеяло в ногах шконки – на его красном ворсе остаются белые следы. Самое неприятное, что одна небольшая, но весьма болезненная гнойная язвочка появилась уже и на левой ноге.

Полублатные соседи в захваченном проходняке, сидельцы хреновы, как и всегда – часами без передыху – громко рассуждают на тюремно–лагерные темы, сравнивают режимы разных зон, и т.п. Такое впечатление, что других тем для них просто не существует.

Наглый запасной вариант, которому понравилась вчера пачка халявных сигарет, данных мной, сегодня после обеда прислал того же своего пацана за новой.

Звонить не с чего, какие–либо усилия я начну предпринимать только завтра с утра (и то, скорее всего, безуспешные). Чувство потерянности, заброшенности, полной утраты связи с домом, с матерью, с друзьями (или кто они мне?..). Порвалась ниточка...

14.7.09. 15–18

Опять, опять, опять... Минут за 10 до обеда (только я закончил писать из октября–2008) – вдруг тихо, вежливо (благо, это было не шимпанзе, а поросенок) просят “зайти в культяшку”. Сперва я не хотел идти, думал – опять чифир... Но все же пошел. И оказалось (буквально!) – “приехало 8 режимников, пробудут 2 дня”, так что “просили отнестись с пониманием” (угадайте, кто): не включать музыку в “локалках”, не ходить там в шортах и “труселях” (местный жаргон), и т.д. Ну и, само собой разумеется, “убрать лишние вещи”. Как всегда. :)

Что ж, опять красное одеяло, опять продуктовый баул под свою шконку... Все знакомо, все отработано до автоматизма. Стирмужик же, в “культяшку” не ходивший (как и я, старается избегать блатных и их тусовок), услышав эти слухи, спокойно сказал, что это приехала ревизия. Шимпанзе же на сей раз не устраивало грозных проверок по “лишним вещам”, а наоборот – в своем углу насмехалось над тем, как все боятся “мусоров”, а ему, мол, на них плевать. Нечего и говорить, что музыку во дворе включили, как только вернулись с обеда, и все пошли туда загорать в одних “труселях”, как и до этого.

Жарища стоит дикая, совершенно невыносимая. Началась она сегодня прямо с утра, как шли в 8–м часу утра на завтрак.

Вчера опять была грустная годовщина – 2 года в этом проклятом Буреполоме, ровно, день в день, 2 года. Ходил в спецчасть, – час в очереди на улице, на этой жуткой жаре – только ради того, чтобы расписаться, что ознакомлен: 21–го в 10–00 в Нижегородском облсуде рассматривается кассационная жалоба по УДО. После обеда и 2–й раз – из спецчасти, в 5 вечера, зашел к запасному варианту. 1–й раз он был без “трубы”, т.к. теперь берет только у соседа (столь же блатного, как и он), а тот ушел с телефоном. 2–й раз “труба” уже была, и я позвонил матери. Говорить было, в общем–то, не о чем, а на мои попытки уговорить ее дать денег на новый телефон (запасной вариант, как я и думал, тоже стал тотчас предлагать ее “затянуть”) она отвечала яростным упорством и минут через 5 (или еще меньше?) разговора бросила трубку. Ну не хочет – и черт с ней, в конце концов! Буду, пока есть хоть какая–то возможность, звонить раз в неделю; какие–либо попытки позвонить ей начну теперь не раньше, чем послезавтра (в четверг). И не факт, что они увенчаются успехом... Запасной вариант обещал поговорить с ней вечером сам, но, вероятно, этого не сделал; результатов я пока что не знаю.

16.7.09. 9–30

Вчера на зарядку опять явился Пименов. Он был один и вошел в “главный” вход барака. Сегодня же (я наблюдал все это

со двора, т.к. с дней недавних адских болей в животе взял зачем–то моду выходить каждый день на зарядку. Пока тепло – чтобы хоть по этому поводу не бегать от “мусоров” и не рисковать “прилипнуть”, видимо.) пришли 2 обычных “контролера” – но один из них пошел в “главный” вход, а второй сразу же направился к запасному. Научились от Пименова? Очень неприятно, что теперь и осенью, в плохую погоду эта военная хитрость – уходить во 2–ю дверь при их приближении – не будет больше срабатывать...

Позавчера вечером, после отбоя, вдруг явился “телефонист”, которого я не звал и не ждал. Но ему дозвонилась Е.С., и он пришел ко мне. Еще до этого он рассказал ей, что я тут остался без связи, и стал тоже советовать “затянуть” через него (т.е., главное, оплатить) телефон. Она сказала об этой идее мне, и я горячо поддержал, сказав только, что надежнее было бы это делать не через данного персонажа, а через запасного варианта, который тоже настойчиво предлагает и доверие вызывает все–таки большее. После этого я успел еще набрать матери ненадолго, но “телефонист”, скотина, так торопил (ему надо было срочно бежать “домой”. На барак), что оба разговора оказались скомканными.

Вчера вечером, после ужина, я зашел к запасному варианту. Диаспора, как и всегда в это время, играла там в карты. Сам он, как и обещал, успел уже накануне позвонить моей матери и получить от нее столь же жесткий и категорический отказ в деньгах на телефон, как и я. Я набрал ей, поговорили об этом еще, и она сказала: м.б., осенью, когда появятся ученики, будет легче с деньгами. Что ж, м.б., это и к лучшему – по крайней мере, тогда не будет шимпанзе, тут тоже станет полегче, поспокойнее...

Но зашел я не за этим, а в основном ради того, чтобы позвонить Е.С., продолжить вчерашний разговор. Правда, попал неудачно: только что они все получили известие о похищении в Грозном известной правозащитницы Натальи Эстемировой (в 9 часов вечера во “Времени” сказали, что ее труп уже найден в Ингушетии), так что ей там, в офисе у Пономарева, было в этот момент не до меня. Но, тем не менее, мои предположения оправдались полностью. На мои слова, что мать денег не дает категорически, я сижу без связи и просто не знаю, что делать, – Е.С. и не подумала даже, как в прежние времена, предложить дать денег или купить телефон самой, а лишь сказала, что поднимет эту тему в рассылке. Дерьмо! Лицемерная скотина, и ничего больше!..

Безумное “усиление” прошлой недели вроде бы кончилось, сошло на нет еще к ее концу. Проверок 2 раза в день по

карточкам больше не устраивают. Я с удивлением заметил, как безумно долго тянулась та ужасная неделя – и как быстро и незаметно пролетает эта, сегодня уже четверг! “8 режимников” на этой неделе тоже ничем и никак себя не проявили, обычный жесткий режим “комиссии” де–факто никем не соблюдался, и сегодня с подъема я уже свернул свое красное одеяло, расстеленное на шконке почти 2 дня как символ “комиссионной” опасности. Продуктовый баул весь вчерашний день спокойно простоял на виду под соседней шконкой.

Умора просто, как они оборудовали эту “пожарную” яму возле столовки. Те 4 плиты по сторонам так и лежат свободно на склонах, их и не подумали никак укрепить. Углы между ними выложили кирпичом, тоже ничем его не закрепляя, до самого верха, и только внизу, по этим углам, навбивали в дно по нескольку длинных тонких досок, сделав из них нечто вроде мини–заборчиков, чтобы кирпичи не сползали в воду. И вот это потрясающее воображение чудо гидростроительства стали вчера к вечеру через шланг, протянутый из столовки, наполнять водой! Налили почти до краев; тем не менее, когда шли сегодня утром с завтрака, вода лилась снова. Да, забыл: ямины сверху, там, где осели прежние берега, просто засыпали землей. Остается лишь подождать, через сколько времени вода размоет и это нынешнее кирпично–земляное счастье...

Дикая жарища продолжалась и вчера, и, скорее всего, будет и сегодня. По кировскому ТВ “Россия” в 7 утра в Кирове было уже +17°.

Написал письмо Герману Рафаиловичу Дрюбину – мать таки продиктовала наконец–то его адрес. Посмотрим, как скоро он ответит и в каком тоне – насколько радостным от возможности пообщаться опять со мной – будет ответ. Как–никак, 86 лет ему уже будет в этом году...

Старый вшивый хрыч сосед вызывает все большее, почти непреодолимое отвращение! Сидит, сука старая, и часами чешется, хоть утром, хоть (особенно) вечером, перед сном. Ну да, весь вшивый, вши кусают, их у него полчища, – вот и чешется. Комары, впрочем, его кусали тоже (их опять тучи, атакуют со всех сторон, хоть и не столько, сколько было в июне), – но тем не менее таких жутких гниющих язв на месте расчесанных укусов, как у меня на ногах, у этого хрыча нет и в помине...

Все хорошо? На 1–й не перевели (пока), связь, хоть и с трудом, через другие бараки, но порой бывает, дневников переписано уже много и скоро они пойдут на волю... Все хорошо? :)) Нет, это только иллюзия. Любая пакость и любая беда могут тут случиться в любую минуту.

Да, Е.С. сказала, что поедет в Нижний по своим делам – а заодно зайдет и на суд по моему УДО 21–го июля.

12–45

О, как сладко, как упоительно, как прекрасно было вчера в ларьке тратить все деньги на себя, только на себя одного!!. Отказать всем блатным нахлебникам, не купить им ни одной шоколадки, ни одной даже карамельки, ничегошеньки, забыть про мерзкого стирмужика, который и виноват–то в этом сам; послать к черту всех нахлебников – и, ничего не взяв им, выкроить себе денег на лишнюю банку тушенки!..

Но длилось это счастье недолго. Главному вымогателю по ларьку, с чьего телефона со дня его поломки (еще до того, как забрали 7 “труб”) я больше не звоню – я больше и не покупаю ежеларечных шоколадок, несмотря на все его нытье вчера. Но – вот только что, сразу после проверки, позвали на 7–й. Разумеется, это был “телефонист”, кто еще мог оттуда звать; я так сразу и понял. Но с этой стороны забора сидел на корточках и с ним общался тот самый главвымогатель! При моем появлении ушел; а “телефонист” попросил меня завтра купить ему в ларьке пачку чая и карамель, – кто–то у них там выходит из ШИЗО якобы. Учитывая, НАСКОЛЬКО я теперь от него завишу со связью, – видимо, придется. Недолго музыка играла...

17.7.09. 8–34

Этакий легкий мини–шмончик неожиданно случился у меня вчера под вечер. Началось все с того, что где–то в 7–м часу выключили опять свет, из–за чего я сильно задержался с ужином – минут на 45–50. И вот, когда лапша уже стояла, запариваясь (5 мин. вместо обычных 10–ти, – решил я для скорости), – до нас дошел вечерний обход. 2 “мусора” прошли по секции, и 1 из них, увидев меня, громко и торжественно провозгласил: “Стомахин точка ру!”. Я только улыбнулся. Прошлый раз я слышал это – от него же, естественно, ибо 2 таких одинаковых идиота здесь быть не может – не столь давно у столовой. И вот это животное в камуфляже с двумя звездочками (лейтенант?) влезло в мой проходняк, выгнав сперва вшивого старичка–соседа, уселось на его место и спросило меня: “Ну что, будем искать, или добровольно отдашь?”. Было не знаю сам, почему, смешно до слез. Я спросил: “Что отдать–то?”. – “Телефон, с которого ты в интернет выходишь”. М–да, буреполомовские ФСИНовские лейтенанты, пользующиеся интернетом, – это что–то. :) Я ответил только: “Ищите, ищите, это ваша работа”. Он откинул матрас под изголовьем, пошарил под ним, перелистал пару лежавших там книг, но тетради с дневниками не тронул. Заглянул в миску с лапшой, пошарил под “столиком”–табуреткой, достал, открыл и

проверил коробочку с чайными пакетиками. Затем вытащил из–под шконки мой черный баул с тряпьем, открыл боковой кармашек, повынимал оттуда и осмотрел разные мелкие вещи (баночку с гуталином, в частности); хотел открыть основную крышку сумки, но не смог найти, где она открывается :), и, потыкавшись в закрытую молнию, открыл другое боковое отделение, где лежат письма и пр. бумаги, вынул пакет с письмами, подвигал и приподнял кипу старых драных тетрадок, и т.д. Попутно – в начале и в конце – пошарил он и по шконкам моих соседей – вшивого вначале, а заготовщика, спящего надо мной, – в конце. После чего, ни слова ни говоря, этот идиот ушел. Лапша, благодаря его неожиданному вторжению, запаривалась таки не 5 минут, а все 10 или даже больше. :)

15–34

Опять крайне неприятные, тревожные новости. Опять начальство начало тасовать отряды. После обеда вдруг узналось, что 2–х “обиженных” и 1–го работающего на “промке” переводят на 1–й барак! Позже я спросил у одного из блатных “обиженных” (который последнее время так и липнет, так и тянется со мной поговорить самым дружеским образом, не знаю уж, с чего), – оказалось, “обиженных” таки переводят на 8–й, а не на 1–й. Что ж, и то хорошо (одни из них был потенциальным стирщиком для меня на будущее, так что жаль). А со 2–го барака (СДиП) тоже вдруг перевели 4 или 5 человек, и одного – к нам: того самого долговязого и совершенно дебильного подонка, который в январе жил у меня в проходняке и из–за стычки с которым меня 14.1.2009 чуть не избили блатные. Он ушел от нас на 1–й (работать на “промку”), оттуда – на 2–й, а вот теперь – опять вернулся к нам, нечисть этакая. Сырье для переработки на мыло, на удобрения, – больше он никто.

Пятница, после обеда, – а они переводят людей с барака на барак!.. Вот уж когда и чего я не ожидал!.. Словно западня какая–то, специально расставленная, пока ты не ждешь, – и со всего размаху влететь в нее!.. 13 мая, 17 июля... Когда переведут на 1–й меня? С 3–й попытки? В сентябре? Не дай бог... Ужас... Все жуткие, трагические и мрачные предчувствия конца весны и начала лета разом поднялись со дна души, всплыли, и я, можно сказать, внутренне, мысленно, неподвижно – заметался в панике...

“Телефонист”, обещавший зайти вчера вечером, пришел сегодня утром – и еще, сказал, минут 40 ждал, пока я приду из бани. Вот уж тоже я не ждал (я видел его мельком, еще уходя в баню, а он меня не заметил; но если бы я остался с ним, то не смог бы уже помыться как следует – в бане все было бы занято). Я быстро набрал матери. А он – сказал, что Е.С. просила с ней

связаться, и набрал ей. От нее пришла СМС–ка, что она далеко от Москвы и не может перезвонить. Я думал – опять в деревне, но когда “телефонист” отошел, пришла еще одна от нее же: “Я в Чечне на похоронах Наташи” (Эстемировой). Вот так так!.. Позвонил также Мане, которая, мне говорили, сама звонила мне позавчера, но неудачно. Оказалось, на мое еще майское письмо к ней она так долго не могла собраться ответить – отправила ответ только меньше недели назад...

Мне осталось 611 дней (или даже 609), кончается 89–я неделя до конца...

18.7.09. 15–32

Света нет с 9 ч. утра, и – как ходили упорные слухи – его включат только завтра вечером, т.е. полных 2 дня и ночь будем без света. С “промки” якобы тянут какую–то новую линию проводов. Я, конечно, в 2 дня вот так просто, сознательной волей начальства, без света не верю (“не верь, не бойся, не проси”), – но там черт его знает!.. От этого начальства, как и вообще от этого государства, можно ожидать абсолютно всего, т.к. ему плевать на людей абсолютно. Люди же – не граждане, а подданные, которым тоже плевать на самих себя, и от этого – все проблемы...

Самое омерзительное будет, если и впрямь не включат вечером и я не смогу нормально поужинать. Не только в голоде дело, – ужин и вечерний чай для меня давно стали еще и неким ритуалом, знаменующим, что вот, еще один день прошел, и все худо–бедно, так или сяк, но еще терпимо (“нормально”, конечно, не скажешь).

Теперь опять каждый день, особенно понедельник, после утренней проверки с замиранием сердца ждать: не перевели ли уже на другой (1–й) барак... Будь оно все проклято!..

Позвонить матери из–за отсутствия света сегодня, ясно, не удастся. Даже если я сейчас пойду звать “телефониста”, обещавшего зайти, – он всегда отмажется, что телефон его разряжен, а света нет, зарядить нельзя...

Когда вчера после бани народ на нескольких натянутых в ближнем к калитке углу “локалки” (наискось между стенками забора) веревках развешал стиранное белье – перед утренней проверкой вышло шимпанзе, увидело это – и в ярости приказало немедленно убрать и белье, и сами веревки! Четкое выполнение требований Заводчикова! (Это он, я уже слышал, борется и с бельем, сушимым на заборе, и кусты вырубили недавно со стороны “продола” – у нас шиповника, на 5–м сирени, отличные были кусты! – ясно, что по его тоже приказу, чтобы ничто ни на сантиметрик не заслоняло обзор происходящего в “локалке” извне. Параноик... Тем не менее, шимпанзе, активно борющееся с

“лишними вещами” в секции, активно поддержало борьбу с ними и во дворе, – так что куда теперь вешать стиранные вещи, непонятно, имеющихся у “спортгородка” веревок явно недостаточно). А сегодня утром уже завхоз выскочил с ножницами во двор – и в том же углу, на заборе, лично обрезал все даже самые маленькие веревочки и проволочки, на которых что–то сушилось или могло сушиться. С ног до головы татуированный завхоз (во всю спину – огромный собор и рожа Христа, на ноге – большая свастика), которому осталось где–то порядка 20 дней до дома...

19.7.09. 8–56

Все–таки эти сволочи сделали то, во что мне даже не верилось: вырубили свет на полных 2 дня, не включив его даже на вечер и на ночь. С начала 10–го вчерашнего утра света нет; ни в 6, ни в 7, ни в 9, ни в 10 вечера, как ходили слухи, его не дали. Зато подтвердился слух, что около бани все провода сняты: сейчас ходили на завтрак – все не все, но часть проводов действительно висит со столбов вниз, а неподалеку торчит совершенно новый столб – с изоляторами, но без проводов.

Сейчас уже пошли слухи, что могут не включить и сегодня, оставить без света еще на день, а м.б., и больше. Что ж, с них станется... Они все могут, эти твари в погонах, ибо быдло покорно молчит, ходит в столовую за водой с бутылкам и пакетами из–под сока, варит из нее себе чифир на костерках – и не протестует. Тогда как, подумалось мне, даже из репортажей 1–го канала можно узнать, что отключение света в населенном пункте – когда, скажем, провода оборвало ураганом, – это ЧП, требующее немедленного устранения, вызова МЧС и т.д. А уж если еще и воды нет – так тем более, тут уж надо срочно начинать подвозить воду цистернами. Катастрофа... Вспомнить только их истерику по поводу разбомбленного, сидящего без света и воды Цхинвали в том году... А здесь, в самой глубине России, всего в 70 км. от районного центра, известного города Шахунья, – можно сколько угодно, хотя 2 дня, хоть 3, хоть неделями жить в каменном веке, без электричества, без воды, в лучшем случае – кипятить воду на кострах... А когда показывали в новостях старика–ветерана, который всю жизнь каждое утро за водой в Казани ходит к колонке, в доме–развалюхе водопровода нет, – так это в тоне истерики показывалось, чуть ли не с рваньем волос на голове. “Ветерану” сталинской карательной армии, значит, не положено далеко за водой ходить, а мне, сидящему на зоне абсолютно без всякой вины (по общечеловеческим, а не русским, конечно, меркам), – мне это нормально, хотя идти дальше, чем тому “ветерану”...

Поужинать вчера все же кое–как удалось, – но именно кое–как, скомканно, хотя и лучше, чем я думал. Нагреть воды на костре неожиданно предложил мерзкий сосед–алкаш в соседнем проходняке. Менее мерзким он, конечно, от этого не стал, скажу сразу. У него было 2 железных кружки, в которых он и поставил мне воду (частично свою, частично мою) – на ужин и чай. Получилось так, как я терпеть не могу: все готово одновременно, и пока ужинаешь, чай остывает. Пьешь его потом – а он уже теплый, а не горячий, какой–то прямо столовский, противный... Да и полной кружки не вышло, не говоря уж о том, какое это мученье – споласкивать миску без воды, когда остаток кипятка (чуть–чуть) уже давно остыл, а смыть пену от средства для мытья посуды вообще нечем (хорошо, что в “пожарной” бочке еще оставалось сколько–то воды, для питья, ясное дело, непригодной. Вчера вечером – полбочки, а сегодня утром уже надо было свешиваться в нее, чтобы зачерпнуть.).

Со связью, разумеется, полный швах – все телефоны разряжены, пока не включат свет, нечего и думать куда–то звонить. Рукотворная, управляемая катастрофа... В марте хоть авария была, труба бани упала на провода – и то сидели без света сутки, а тут – сами, сознательно отключили, и уже, считай, на полтора суток точно, а м.б. и больше. С ужасом и негодованием пытаюсь представить, что будет, если они надумают устроить такое и на следующие выходные: как раз когда все “трубы” будут разряжены, к вечеру воскресенья, мне позарез надо будет узнать, выехали ли ко мне мать и Фрумкин.

Тоска, безнадега, ужас... Здесь ни в чем нельзя быть уверенным, ни на кого и ни на что нельзя положиться... А еще – могут ведь перевести на 1–й, вообще оставить там без связи... Осталось 609 дней, 87 недель, – вроде бы немного, по я положительно не знаю, как дотянуть их...

19–30

Света так и нет. Вот сейчас бы как раз самое время ужинать... Самое ужасное то, что кончилась вода: в завтрак она еще текла в столовке из всех кранов, в обед – где–то 4 из 10–ти, не больше; в ужин, полтора часа спустя после обеда (воскресенье) – дай бог из 2–х. Воды нет... И теперь уже в слухах и пересудах датой включения света называется вторник, не раньше. Некоторые, правда, часа 2–3 назад говорили, что могут включить и сегодня, но – уже едва ли...

Ужина нормального не будет, – вчера все равно это был не ужин, а одна морока, все скомкано, все наспех, впопыхах, миску нечем помыть... Пожру что–нибудь всухомятку после отбоя, запью остатками воды – и спать. На завтра воды останется еще чуть–

чуть, около поллитра, наверное, и что делать – не знаю, и даже думать об этом не хочется... Тупая мразь, покорное , рабское, трусливое, тупое быдло – они молчат и жгут свои костерки, варят свой чифир, – вместо того, чтобы пойти и разгромить вахту, взять всех, кто там есть, в заложники и потребовать немедленного включения света. А я один не в силах это изменить...

Будем считать по неделям, очень удобно. 89–я – было безумное "усиление", построения и проверки по карточкам. 88–я – двое суток без света. Что принесет начинающаяся завтра 87–я?..

22–15

Свет все–таки дали сегодня, после 9–ти вечера уже, практически перед самой проверкой – сперва вдруг в темном умывальнике таинственно потекла из кранов вода (народ кинулся, естественно!), а потом и свет дали. Я – тоже перед самой проверкой – успел–таки и на этот раз поужинать и попить чаю, заботами все того же старого алкаша–соседа, взявшегося вскипятить мне воду. Вчера я дал ему за труды пяток сигарет, сегодня же он выпросил кусочек шоколадки. Ну да ладно, черт с ним, пускай!.. Чувства радости и восторга от появления света почему–то нет совершенно. Нет прежней детской радости, – вытравили ее, осталась в далеком детстве... Унижение, беспредельное унижение, чувство, что тебя топчут ногами эти власти, это государство, они могут сделать с тобой все, что захотят, могут лишить воды, света, воздуха, ты от них полностью зависишь, твой ужин, чай, здоровье и жизнь – в полной, безраздельной их власти, а вокруг – лишь покорное тупое быдло, которое это положение вполне устраивает, которое трусит бунтовать, да и в мыслях даже такой крамолы не имеет, – и оно уж точно тебя не защитит, а в одиночку отстоять свои права против целой Системы ты не в силах...

21.7.09. 17–54

Наглый (бывший) стирмужик приходит со своей "работы" (мытья столовских банок) – и нагло клянчит у меня сигареты теперь уже "в долг" до завтра, – им не хватает того, что дают с 12–го за их "работу". Завтра ему на суд по УДО, и скорее всего он уйдет домой. Я почти не сомневаюсь в этом. Такой же вот был Рыжий, что ушел в октябре 2008. Дуракам – счастье!

Наглый "телефонист" явился утром, перед завтраком, типа в поисках курева (говорит, что для понтов раздал недавно 2 блока, присланных ему, а теперь нет курить у самого). Пришел без "трубы", хотя в это время (7–30 утра) она и не была еще мне нужна. Посидев, потрепавшись, стал клянчить у меня чай в пакетиках. Я дал один, сказал, что больше нету; он сперва настаивал, сказал, что подождет меня с завтрака (я уходил и

сказал ему зайти попозже, причем с “трубой”. Он разобиделся так, вымогатель мелкий и дешевый, что и с завтрака меня не стал ждать, и до сих пор его нет. Таким образом, что решил облсуд в Нижнем сегодня утром, я не знаю до сих пор (хотя и так ясно, конечно), и была ли там, как собиралась, Е.С., – тоже.

Свет сегодня выключали опять, но совсем ненадолго, – на полчаса, м.б. “Водоем” у столовки полностью накрыли досками. На улице – прохладно.

23.7.09. 9–19

Слов нет, как безумно раздражает, как бесит этот тупорылый вшивый старикашка–сосед, этот бессмысленный кусок биомассы. Придет из столовки, усядется на шконку – и сидит, смотрит на тебя. Ничего не делает, просто сидит, смотрит; если ты начинаешь что–то делать, лезешь под подушку, в баул и т.д. – с любопытством начинает следить за тобой. Идиот... Или вот – только что лежал, спал вроде бы – вдруг вскочил, сел, как будто собрался идти куда–то. Но нет, никуда не идет, – опять–таки сидит и пялится на тебя, на расстоянии в полметра. Посидит–посидит, – довольно долго это может продолжаться, – глядишь, опять улегся и заснул. Чего вскакивал?.. Или вечером, после отбоя – разденется до трусов и чуть не целый час сидит на шконке, чешется. Причем не руками даже, а приспособил для этого расческу, этакий розовенький пластмассовый гребешок с ручкой, для девчонок. Сидит и сидит, чешется и чешется, сука старая, никак не уляжется, – ну да, весь вшивый, и я вынужден каждый день вещи проверять на вшей в основном из–за него, и самого его вши уже совсем загрызли, вот и чешется... Делать что–то под его этим пристальным наблюдением не то чтобы невозможно, но крайне неприятно, просто в самом деле бесит меня это его молчаливое любопытство. Дебил тупорылый, ничтожество, пьянь... Когда на улице была жара, солнце – порой подолгу торчал на улице, даже снимал там одежду и ловил своих вшей, а сейчас пасмурно, временами дожди, – целыми днями торчит в бараке, на шконке. Уходит он 13 декабря, уже скоро (если меня раньше не переведут на 1–й), но кого поселят на его место – боюсь даже думать. Писать что–либо, конечно, станет при любом новом соседе намного труднее...

“Телефонист”, подонок, таки пришел позавчера вечером, после ужина, принес “трубу”. Позвонил матери, узнал одну замечательную новость: Алеткин таки прислал матери куски дневника, вытрясенные из этого казанского подонка. Полностью с 4.6. по 19.7.08., обрывается в начале записи за 20.7., и кусок за август (неделя), переписывавшийся еще тогда же, летом 2008–го... Хоть что–то. И то хорошо... “Телефонист” же, подонок, уходя,

повесил уже на меня “задание”: “Завтра пойдешь в заведение [в ларек], – купи мне соку”. 39 рублей стоит пакет этого соку. – я беру по 2 пакета себе, когда есть, а тут еще на эту наглую алчную мразь деньги тратить. Ну, что делать, это еще все же не так дорого, – купил вчера. Этот хмырь уже с 3–х часов ждал меня тут, в бараке (а в ларьке, как и тем летом, работает только 1 окно, 2–я продавщица в отпуске; народ набирает на тысячи, и собралась большая толпа), когда я пришел – не успел еще выложить покупки, он уже тут как тут. Так что пакет сока, который я прекрасно мог бы выпить и сам, пришлось отдать этой твари. Он за это дал мне позвонить матери. За 2 года здесь я еще не встречал даже среди этого блатного отребья столь наглой мрази, которая практически за каждый (!), за редкими исключениями, звонок взимала бы плату, постоянно что–то требовала бы – от пакетиков чая до 200 рублей в ларьке “в долг”.

Вообще, подумалось мне там вчера, в очереди, ларек тут, в зоне, – это такой своеобразный центр, узловой пункт их (уголовников) алчности, хитрости и корысти, место, где сбрасываются маски и вылезает наружу их настоящее мурло, – стремление любой ценой что–то у тебя выкружить, что–то получить с тебя, выцыганить, “развести” высокопафосными разговорами о “святых местах”, где “страдают” мразотные “страдальцы” – грабители и воры; но хоть как–то, хоть что–то, непременно, обязательно с тебя получить. Видимо, не зря я инстинктивно, все эти 2 года, стоя там в очереди к окошечку, держу рукой в кармане чек, – с них станется просто вытащить его из кармана, спереть; хотя на нем и написана фамилия, – все равно, тут все отдают друг другу долги именными чеками.

На улице мрачно, хмуро, дождливо. Лампочка надо мной в секции так и не работает с начала апреля. Чтобы писать или готовить еду – снимаю в торца шконки все вещи, но все равно света еле–еле хватает (часть его загораживают еще и штаны и пакет соседа сверху, заготовщика, висящие там же). Через 3 дня, 27–го, в понедельник, я иду на длительную свиданку с матерью. Прозвониться ей, когда они с Фрумкиным будут уже ехать в поезде вечером 26–го, будет, пожалуй, самой трудной задачей. Ублажать “телефониста” и пытаться не разругаться с ним насмерть приходится в основном из–за таких вот случаев.

16–01

Как только освобождаются от постоянной, непрерывной работы (в данном случае от переписывания 2008 г.) руки и мозги, как только даешь себе день–два отдыха, оглядываешься вокруг, смотришь на эти хари, слушаешь их разговоры, – опять охватывают знакомые уже, постоянные здесь, вечные тоска и

отчаяние. Боже, какое быдло, какие тупые, бессмысленные, примитивные скоты, твари, жвачные животные, которых ни один язык – при здравом уме и внимательном взгляде – не повернется назвать людьми. Это – в основном по простых быдляках–“мужиках”, не о блатных. Те – поинтеллектуальнее, поразвитее, даже в интернет лазит кое–кто; но они обуяны одним всепоглощающим желанием, “одна, но пламенная страсть” владеет ими: поживиться за твой счет, урвать с тебя хоть что–нибудь материальное, хоть какую–нибудь выгоду.

Перед самым обедом, когда уже выходили со двора на “продол”, завхоз привел 3–х новых “этапников”. “Сейчас начнется, после обеда!” – подумал я. Странно, но до сих пор, вот уже 5–й час, процесс их размещения по бараку не привел к заселению кого–либо на верхнее пустое в наш проходняк, – на этом месте опять нет щита, положенного было одному этапнику в начале июня, но с тех пор уже опять выброшенного куда–то полублатными соседями из захваченного проходняка. Пока никого сюда не запихнули, и это очень странно. Но могут еще запихнуть в любой момент.

Еще и еще раз, снова и снова меня точно в самое сердце колет: до чего непереносимо, до дрожи мерзко и оскорбительно слушать эту буянящую полоумную тварь шимпанзе, да даже и просто находиться с ним в одном помещении. Оно разносит кого–то в своем дальнем углу, истошно орет матерщину, беснуется, бешеными криками – то “Наташа!!!”, то “Анжелика!!!”, то “Наталика!!!”, и т.п. – зовет несчастного “обиженного” работягу Андрюху, одного из своих личных шнырей (в смысле тазиков, горячей воды, стирки и т.д.). Пристрелить бы эту тварь, да и дело с концом...

Закрыв “пожарный водоем” у столовки досками, мразота в погонах теперь, конечно же, не забыла восстановить и забор между ним и будкой “нулевого поста”, незадолго до того врытый, но вынужденно снятый на время ремонта “водоема”, чтобы могли подъезжать машины. Все это время от него оставалась только калитка, приваренная прямо к домику “нулевого поста”; и вот сегодня, когда мы шли на обед, работяги–зэки врывали и сваривали там остальные куски этого забора – как всегда, из вертикальных прутьев выше человеческого роста. Посмотрим, куда они его на сей раз дотянут – только до своей ямы с водой, как было до этого, или дальше. Старый алкаш–сосед очень озабочен и удручен: 2 или 3 месяца ему не пишет его “баба” (как он обычно именует сожительницу на 10 лет старше его, т.е. 60 лет, в доме которой он жил последние годы до ареста). Он боится, не умерла ли она, т.к. в этом случае ему и возвращаться–

то (18 декабря освобождается) некуда, – с детьми ее, которым принадлежит дом, он в плохих отношениях. Но показательно другое: ни телефонов, ни адресов всей родни и соседей в своем селе он не помнит, а только помнит зрительно, где они живут. У “бабы”, естественно, в доме нет никаких телефонов; у самого алкаша тоже никогда не было мобильника (“он мне на ... не нужен!!!”); в результате – кому и написал с просьбой сходить и узнать, не отвечают, а остальным – не может и написать, не знает адресов, не помнит названий улиц. Несколько раз просил в письмах у “бабы” дать телефон ее дочери (той самой, на которую записан дом и с которой он в плохих отношениях), но та не дала: сама она не знает, а дочь ей, видимо, не дает... Короче, дикари, пещерные люди. Ни телефонов, ни адресов, ни на кого нельзя положиться, всем плевать... Итог жизни, прожитой в сплошном беспробудном пьянстве, воровстве, дебоширстве, в сплошном угаре...

24.7.09. 8–55

С вечера, после проверки, все начало заволакивать густым туманом, и сегодня утром, сквозь остатки этого тумана, при мягко, неярко светящем сквозь облака солнце – вдруг на запретке множество паутинок, покрытых росой и только потому заметных, и густая роса на траве. Помню, точно так же и в том году, ближе к осени, тоже я замечал эти росные паутинки на ржавой “рабице” запретки, – много–много их... Началось, считай, уже самое романтическое время в году – конец лета и ранняя осень, конец июля, август, сентябрь и до начала октября, до дождей. Самое романтическое время, особенно мне памятное по последнему, 2005–му году. Последнему моему году на воле...

Света опять нет. Еще вчера к вечеру пошли слухи, как обычно, а после отбоя завхоз, зайдя в секцию, официально объявил: “Мужики, завтра с 8 до 3–х света не будет!”. Ни счета, ни воды, естественно, – и ни бани (сегодня пятница). Ходили на завтрак – труба бани дымила вовсю; что, кроме котла с заранее налитой водой, там могли греть? Я хотел попробовать сходить – но вернулся один раньше меня пошедший полублатной хмырь с тапками и пакетом в руках – по его роже судя, вернулся он ни с чем, и я таким образом был избавлен от необходимости переться проверять самому.

С тоской думаю, как позвонить матери после свиданки, с которой я выйду 30–го. “Телефониста” звать – омерзительно; он потребует чуть не половину моей передачи, и шоколад, и чай, и колбасу, и банки, и т.д. и т.п. Боюсь, что его и звать не понадобится, – прибежит, сука, сам. Тогда я хоть позвоню, действительно, – с этого и начну разговор. Но после отказа в его

требованиях в ближайшее время пользоваться его “трубой”, увы, не придется...

25.7.09. 8–43

Голова начинает теперь болеть даже не с утра, а еще с ночи. Эту ночь я вообще плохо спал , – просыпался даже не 3 раза, как обычно, а не меньше 4–х. В какой–то из них, около 4–х утра где–то, уже ломило башку, как проснулся. Не то чтобы смертельно, но неприятно, каждый удар сердца отдается болью в левом полушарии. Решил не ждать, не мучиться, сразу же принять цитармон. Принял, лег, – вроде стало полегче, но не до конца. Еще и живот начал болеть. В таком состоянии все, понятное дело, раздражает до крайности, – и само то, что тут находишься, и соседи, и все вокруг. Например, то, что эта старая вшивота, сука–сосед в проходняке, норовит встать именно тогда, когда встаю я, – около 5–25 – 5–30. Если не спит – увидев, что я встал и одеваюсь, тоже подскакивает и начинает одеваться, нет чтобы подождать, пока я оденусь и уйду; нет, приходится в узеньком проходнячке, где и одному–то не повернуться, одеваться еще и вместе с этой тварью, ни встать, ни повернуться нормально не дающей. Ну да, эта вшивота и в столовку–то начинает одеваться, когда видит, что я одеваюсь (ботинки надеваю), и время целый день спрашивает, каждые полчаса, – рвань несчастная, ничтожество, своего ничего нет, ни курева, ни чаю, а уж о своих часах – и говорить нечего... Вшивые голодранцы, прожившие жизнь и на 6–м десятке, сидя в зоне, никому на этом свете не нужные – ни родне, ни друзьям...

Башка все равно болела, пришлось принять еще одну таблетку цитрамона, запить соком. (Вчера – диво дивное! – никто ничего в ларьке у меня не вымогал, даже слова не сказал, – и я купил только 2 пакета сока, на 78 р., больше ничего.)Только тогда она прошла. В ожидании этого – так плохо мне было, что и лежать я не мог, и в секции казалось душно, – пошел гулять на двор, еще до всякой зарядки. Удачно очень поймал наконец там этого роскошного кота с 7–го барака, – здоровый, серый, с белой грудью и брюхом, с зелеными огромными глазищами. Никак не дается в руки, только пару раз до сих пор мне удавалось его изловить, – а он такой красавец, такой соблазнительный с виду, прямо не могу, и очень на Маню похож. Он Маню и караулил, и не он один – 5 (!) котов стерегло ее, сидящую на какой–то дощечке, торчавшей из забора где–то на полметра от земли, а они – вокруг нее на земле. К этому соблазнительному котяре (даже имени не знаю) я тихонько подкрался сзади, замирая, когда он на звук шагов тревожно оборачивался. :)) Главное, что от поимки и от возни с ним у меня сразу же улучшилось настроение, совершенно ужасное с момента пробуждения.

Тупой бывший стирмужик УДО таки не прошел, вопреки моим ожиданиям. Банки мыть они с дружком–земляком тоже последние дни что–то не ходят, или совсем ненадолго. Сейчас, после завтрака, я слышал, как одному из недавно “поднявшихся” новичков он тихонько говорил, что хочет устроиться в “шушарку” (столовую). Как же – куда угодно, только бы не “торчать на бараке”. А на бараке ему не нравится потому, что здесь он считается у блатных шнырем (как бывший заготовщик, видимо), и его постоянно дергают что–то убирать, ставить чайники, таскать раз в месяц “гуманитарку” и т.д.

26.7.09. 16–46

Все повторяется, и не о чем писать. Опять дикая жара на улице. Опять едет ко мне мать, – вот сейчас должны уже они с Фрумкиным ехать на вокзал. Опять дозвонилась она сегодня, незадолго до ужина (т.е. до 16–00, т.к. воскресенье) на старый номер в бараке, но уже на новую “трубу” – впервые за эти 3, что ли, недели...

Опять сегодня ночью не дали нормально поспать. Где–то около 2–х часов, уже проснувшись, я услышал, как с того конца в секцию вошло мерзкое шимпанзе с кем–то из своих приблатненных “питомцев”, видимо, и стало громко, как всегда, раздраженным тоном и ничуть не обращая внимания на ночь и на спящих, читать ему лекцию. Все о том же – об “уважении”, “общении” и т.д. Причем уважения к тем, кого непосредственно эта истерическая речуга разбудила, не было заметно со стороны этой полоумной твари никакого. Речь у них шла о каком–то недавнем разговоре между тем, кому читалась эта лекция, и другим блатным, и шимпанзе раздраженно втолковывало свои великие откровения: что когда тебе человек что–нибудь правильно (именно правильно, – это особо подчеркивалось!) говорит, то нельзя в ответ говорить ему слово “нет”, потому что тогда получится, что он врет, и он должен будет тебя бить. (Как определить, правильно ли говорит этот человек, или и в самом деле врет, шимпанзе почему–то упомянуть забыло.) А также, если он тебе что–то ПРАВИЛЬНО говорит, то нельзя задавать ему вопросы, а надо сначала сказать: “Добро!”. Первое время я прислушивался к этой дичи, смеясь про себя и стараясь получше запомнить (все–таки обезьяньи поучения такого уровня – экзотика и редкость, чем–то напоминает книжку и мультфильм про Маугли... :), но потом надоело. Однако тут я обнаружил, что, увы, заснуть больше не могу, т.к., видимо, мозг мой вздрючен этими откровениями больше, чем надо. Не мог даже когда эта нечисть заткнулась и куда–то ушла, – времени оказалось уже около 4–х. М.б., поворочавшись, и заснул бы часам к 6–ти, но тут как раз

проклятый подъем (спасибо, хоть без зарядки – по случаю воскресенья). Хотя в принципе, наверное, можно было спать: “мусора” дошли до нас только около 7 утра...

27.7.09. 9–05

Ждал–ждал, нервничал–нервничал, как обычно, когда позвонят с вахты насчет длительной свиданки. Наконец нервы не выдержали, решил в 9–00 все же пойти хоть заглянуть к завхозу – обычно он в это время спит, будить неудобно, но если вдруг не спит – спросить, не звонили ли, если нет – попросить его самого позвонить узнать. Заглядываю – он не спит, но еще валяется в постели. “Не звонили насчет свиданки?” – спрашиваю. Он задумывается, как будто вспоминает. Да, говорит, звонили. Иди туда к 11–ти. К скольким идти–то, я и сам знаю, но примечателен факт: ему, завхозу этому, осталось до дома дней 10 или даже меньше. Раньше, еще 2 месяца назад, он, получив звонок насчет меня, шел и говорил мне; а теперь ему уже лень, на все плевать, – одной ногой уже дома...

Настроение с утра, даже с ночи еще, было какое–то радостное, чуть ли не праздничное, что исключительно редко со мной здесь бывает. Конечно, это не просто так, причина есть, и более чем конкретная: во–первых, с вечера удалось точно узнать, что мать едет, услышать от нее, что они с Фрумкиным уже сидят в вагоне, за 20 минут до отправления. Все–таки меньше нервов; даже из–за этого дебила–завхоза я сегодня утром нервничал поэтому все же меньше, чем если бы не было вчера этого звонка. А во–вторых – просто блестяще удались все мои технические планы, задолго готовимые и тщательно продумываемые. Именно из–за этой тщательности они и удались так хорошо. Я был просто в восторге ночь, как все удачно. Единственное только – опять, уже 2–ю ночь, не удалось нормально поспать...

А звонок в вагон поезда я сделал вчера с “трубы” “телефониста”, который, по моей еще накануне просьбе, пришел ровно в 6 вечера, когда я уж особо и не ждал его (после разговора с матерью, незадолго до того дозвонившейся самостоятельно). Лег и чуть не заснул, когда он стукнул меня слегка по ноге, чтобы разбудить. А когда я поговорил (чуть больше полминуты), он сообщил мне новость: его мать все–таки умерла! Он узнал об этом накануне вечером, уже после того, как заходил ко мне. 2 часа, говорит, ходил туда–сюда по двору, получив это известие. И – каким бы низким, хитрым негодяем он ни был (настолько, что даже здесь – таких еще поискать!), – меня аж передернуло всего от этой новости, и стало по–человечески его жаль. Видно, что для него это страшное горе, и нечем помочь... Мать он, по его словам, не видел с 1996 года, было ей уже 74, и с начала мая где–то (он

тогда рассказывал) она была парализована (инсульт?).

Во 2–й половине дня вчера снаружи, в поселке со стороны зоновской вахты поставили еще одну вышку сотовой связи. Огромная, красно–белая, она теперь видна сразу, как подходишь от бараков к столовке, и, так сказать, господствует над местностью. Правда, неизвестно пока, какая сеть будет работать через эту вышку, – даст бог, кроме нынешних “Билайна” и НСС, появится еще хоть одна.

Опять стали почти ежедневно давать в столовке пшенку. Это единственная каша, которую я ем, так что очень кстати. Ни колбасы, ни сахара (клюквы) сегодня на завтрак уже не осталось, так что я удачно позавтракал этой пшенкой (хотя ее там дают слишком разваренную, водянистую и теплую, а я люблю вообще холодное, застывшее, покрывшееся уже твердой корочкой пшено).

Кошка Фроська совсем обезумела от нежности: мало того, что, когда я лежу, она прыгает прямо на меня, громко мурлычет и порой трется об руку, когда я ее глажу; она лезет почти что мне в лицо своей забавной усатой мордочкой, ложится близко–близко, и сегодня утром таки сумела ткнуться мне в нос своим холодным и мокрым носом. :)

30.7.09. 10–13

“Утро туманное, утро седое...” Когда в районе 6–ти утра я выглянул из окна 4–й комнаты длительных свиданий на 2–м этаже, – зону окутывал густой туман (потом, правда, рассеявшийся). Этот туман и хмурое небо казались счастьем после изнурительной жары первых двух дней свидания, когда комнате невозможно было находиться, не обмахиваясь постоянно газетой, даже под открытым окном. Свежий ветерок от этого окна подул только утром 3–го дня, и то к вечеру опять стало жарко, – правда, уже не так адски, как первые дни.

Когда я вышел с баулом (передача) со свиданки, накрапывал мельчайший дождь, точнее, морось. Заревела вдруг сирена, и все спрашивать друг друга, что случилось (но никто не знал, разумеется). В шмоналку – домик возле вахты – на этот раз не повели, отпустили так, – а вчера я видел сам из окна, как вышедших с длительной свиданки заводили туда, как обычно и как меня самого в прошлое свидание, в мае. Тащить баул было очень тяжело, но неожиданно – не успел я еще пройти пост (ворота) около бани – ко мне туда завернул возвращавшийся из столовой заготовщик 12–го, Кувалда. Увидел, что я еле плетусь с баулом, и решил помочь, донес до самого 13–го. По дороге я спросил у него про эту прошлогоднюю историю, когда приехавших к нему на длительную свиданку мать и жену разместили на разных этажах, а самого его в результате

выяснения этого вопроса с начальством (Заводчиковым) закрыли в ШИЗО. Он подтвердил, что все так и было, и сказал, что “Завод” обосновал такое “оригинальное” размещение родственников Кувалды “оперативными соображениями”...

В бараке оказалось все нормально, и вещи все на месте, и не перевели никуда. Но слышавшие утренний рев сирены сразу определенно сказали мне, что сегодня будет шмон. Я даже не хотел из–за этого перекладывать до самой проверки принесенную передачу, но потом все же решился, – заняло это минут 10–15, не больше. И вскоре как закончил, в 10 утра – “Шмон–бригада на большом!!!”. Затем – “шмон–бригада на тот продол!” и: “9 “мусоров” на 3–м, 2 – на 11–м!”. Короче, шмон пока что на 3–м, а не у нас, но – забавно – по сирене он узнается заранее, так что можно планировать свое утро.

Как всегда – какими словами описать ту тоску, которая охватывает при конце свидания, этим последним утром, перед расставанием?.. Тоска такая, что впору повеситься... На этот раз я особенно долго махал матери рукой – сначала она смотрела из окна комнаты, как мы уже стоим у вахты, а потом – у дверей “шлюза” на волю. Будь все проклято, и моя непутевая жизнь в 1–ю очередь... И хотя умом, рассудком я понимаю, что просвет впереди уже есть, что не так уж много и осталось – 598 дней, год и 7 с половиной месяцев, и пребывание мое здесь ТЕПЕРЬ уже полно гораздо большим смыслом, чем до сих пор, что многое все же очень круто и победоносно удалось благодаря моей твердости, настойчивости и работоспособности, – все равно, каждое это расставание, и неизвестность будущего, чем встретят в бараке, что будет со связью и т.д. – наполняет душу на излете каждой такой свиданки тоскливым ужасом, который бессильны пересказать слова...

15–58

Опять безумный день, и никак он еще не кончается. На утренней проверке опять не сходилось количество людей, и кто–то громко объявил, что 1 человек (я) вышел со свиданки. Счет сошелся. Блатные твари узнали. После проверки они потянулись за шоколадками и пр. Первым вытряс из меня шоколадку тот блатной, чьей “ трубой” я постоянно пользовался, пока не сломалась. Т.к. в этот момент какую–то другую “трубу” он как раз держал в руках, я спросил, на связи ли он и можно ли позвонить. Он обещал после обеда. Отдал, обернулся – сзади меня на соседней шконке сидит “телефонист”, тоже с “трубой”. И спрашивает, как я “отдохнул”, – уже знает. Короче, сперва стал клянчить завтра в ларьке 200 рублей на чай и пр. – заварить чифир для всего их барака в память о его матери. Так, 200 – ему,

200 – на “общее”, те деньги их (нынешний) постоянный сборщик тоже, конечно, не забудет: послезавтра начинается август, а ближайший ларек – завтра, а потом только 5–го августа, в среду. А мать положила всего–то 1000 руб. в этот раз.

Позвонил матери с его телефона – недоступна. Едет в поезде, ясное дело. После этого он, подлец, выклянчил у меня еще шоколадку (но тут уж я планировал и не сомневался), несколько пакетов чая и ушел. Затем, после обеда, подошел тот самый сборщик, полублатной. Предложил написать заявление Милютину об освобождении от всех режимных мероприятий (постоянном постельном режиме), о котором мы с ним как–то говорили, – у него есть такой режим, и он взялся сделать такой же и мне, подписать у Милютина это заявление. Своим разговором он оторвал меня – я собирался перекусить, придя из столовки, и имел глупость сказать ему, что вот я сейчас перекушу и принесу ему написанное заявление. Он тут же стал клянчить у меня что–нибудь пожрать. Я поел, отдал ему бумажку, – он стал клянчить снова. Я сказал ему, что у меня не продуктовый магазин, что я еще могу понять, когда за шоколадками приходят, но просить просто пожрать – это чересчур. Этот хитрец тут же стал клянчить у меня шоколадку, которую таки пришлось ему отдать (уже 3–я за 3 часа! А ведь “своей” шоколадки, и не одной еще, потребует вскоре и “запасной вариант”!.. Подходил тут вот только что еще один полублатной, тоже клянчить, но уж этому я отказал со всей решительностью, – еще и такую шваль, уж совсем мне ненужную, шоколадом кормить!..).

Пока отдавал – пришел тот, первый блатной вымогатель шоколадки, с обещанной “трубой”. Я набрал с его номера матери: не берет трубку! Доступен, но длинные гудки, – не берет!.. Что бы это значило? Не случилось бы чего...

Пока 2 раза набирал и подолгу ждал – мимо пронесли большую банку с чифиром, и шимпанзе стало орать, чтобы все шли на улицу. Опять... Неймется... Сам не знаю, зачем я пошел, – м.б., из любопытства, а м.б., потому, что, пока я звонил (неудачно), оно видело меня близко и в упор, – могло докопаться. Пошел... Когда подошел, они уже пили свой чифир, стоя большим кругом вокруг стола и сидящего на скамейке шимпанзе со блатные товарищи. Оказалось вскоре, что это очередной день рождения очередного вора (сказали вначале, когда я еще не подошел, но, видимо, все прослушали). Поэтому шимпанзе прочло лекцию о том, “чё такое вор”, начав, по обыкновению, спрашивать об этом сперва у присутствующих, из коих никто не смог или не захотел ответить. “Чё такое вор”, оно, конечно, само тоже не сформулировало, а вместо этого очень возмущалось и

корило всех, кто называет себя “порядочными мужиками”, а сами даже не знают, “чё такое вор”, не подходят, не спрашивают об этом, не интересуются, а знают только жрать, да просить сигареты и чай. Слушать этот поток сознания было, как всегда, очень смешно; воспроизвести его здесь я не могу, увы; запомнились только пассажи типа: “2 слова – движение и общение; движение, общение – это жизнь!” и “у меня лицо угорает, а душа плачет” (над тем, что другие сидят в лагере, не знают, “чё такое вор”, а только жрут и клянчат сигареты). “Пехота!”, и т.д. и т.п. Видимо, не одного меня разбирал внутренний смех – мой сосед–алкаш и ворюга в раздражении бурчал некоторое время, придя с этого чифиропития, – его тоже задело, что вот это вот непонятно кто читает ему мораль и пытается как бы воспитывать... Животина, еле говорящая по–русски и ни о чем, кроме лагерно–воровских порядков и клипов западной поп–музыки по ТВ (типа Майкла Джексона), не имеющая понятия, пытается навязать эту лагерно–воровскую доблесть всем остальным...

31.7.09. 15–45

Все–таки оба этих подонка вытрясли с меня сегодня в ларьке – один 200 рублей просто так, на свой чифир в честь похорон; второй – 150 руб. якобы “в долг”, с другого полублатного, который должен этому 100 рублей. На себя я потратил в этот раз всего 140 рублей из почти 500–т, снятых со счета...

По дороге из бани увидел из своей “локалки” и зазвал к себе “запасной вариант” – пить кофе. Пытался предложить мне взять с собой банку их консервов, – за то, что я столько раз давал им (ка–а–акой благородный, а–бал–деть!!! :), но я отказался. Позвонил от него матери – мобильник опять доступен, трубку опять не берет. Я, уже в крайне нервном состоянии, звоню на домашний (хорошо, что были деньги!), – она берет трубку и отвечает, что, оказывается, у мобильника отключен звук!..

Жизнь в маразме, в кошмаре, в таком унизительно–идиотском, бессмысленно–нелепом положении, что невозможно поверить. Как само собой разумеющееся: у моего вшивого соседа на верхней раме шконки висит рубаха (зеленая, казенная), густо усыпанная десятками, если не сотнями вшей. У соседа с другой стороны, мерзкого старого алкаша–ворюги, прямо над шконкой, над его головой, висят на ниточке несколько столовских рыбин, – давно уже тухлых и распространяющих вокруг жуткую вонь. Он их типа сушит, как воблу. А как пришел со свиданки, еще до того, как это старое чмо повесило вшивую рубаху, – дикое нашествие вшей, ползущих, как саранча, сотнями и тысячами непрерывно. Говорить и тому, и другому, чтоб убрали, делать какие–то

замечания, тем паче поднимать шум, – мне противно до смерти, сама мысль о любых разговорах с ними на эти темы вызывает отвращение (не говоря даже о том, что вшивый, скорее всего, убрал бы без разговоров, а алкаш наверняка отказался бы и поднял хай).

АВГУСТ 2009

1.8.09. 6–55

Вот и 1–е августа... Скоро опять день рождения...

Некоторые штрихи к картине здешних нравов. Шимпанзе потребовало от моего соседа, шныря–заготовщика, ударить одного из полублатных – совершенно омерзительного отморозка, шпаненка 1987 г.р., известного вечным мухлежом в карты и жульничеством с любыми деньгами, попадающими в его лапы, – именно из–за каких–то денег у него и идет все последнее время разборка с шимпанзе. Шнырь, естественно, отказался. Тогда шимпанзе тут же приказало другому шпаненку – тоже 1987 г.р. и столь же омерзительному, но, правда, без мухлежа, – ударить шныря. Тот радостно ударил. Шнырь ушел, обиженный. :) Потом жаловался мне и всем соседям по шконке, как ему обидно и какие тут нравы... Тем не менее, всерьез уверен, что (как тут официально считается) для того, чтобы отлупить как следует ударившего его шпаненка (который против его габаритов – цыпленок), надо "брать разрешение" у блатных. Т.е., приняв заранее, изначально все эти гнусные "правила игры", теперь на них же и жалуется, когда они задевают его лично...

Между тем, у шимпанзе неожиданно обнаружились "претензии" и ко мне. Причем какие – совершенно непонятно. Позавчера в секции мимоходом, а вчера во дворе, перед вечерней проверкой, оно заявило мне (опять этот бред!), что оно меня "не видит" последнее время (хотя на самом деле видит каждый день по многу раз), а главное (без цитат, только общий смысл) – что, мол, раньше ему обо мне говорили хорошо, а теперь говорят плохо, и (видя, что я хожу с палкой взад–вперед по двору), чтобы я походил и подумал, в чем я "провинился". На эти нелепицы я ответил негромко (больше про себя, чем этой твари): "Понятия не имею", – на что оно тут же громко переспросило: "ПОНЯТЬ НЕ УМЕЕШЬ??". Животное... Вот мне не наплевать–то, кто что обо мне говорит... Но до своего ухода отсюда 6 сентября эта мразь может теперь докапываться до меня регулярно...

Кстати, кто мог обо мне "плохо говорить", я догадываюсь, хотя вариантов может быть много. Вчера случилась забавнейшая история. Один полублатной (или на 3/4 блатной, уж не знаю) обитатель "маленькой секции", тот самый, что ежемесячно вытрясает теперь с меня 200 р. на "общее", – короче, у него есть справка о полном постельном режиме по болезни, – без всех этих проверок, столовок, зарядок и пр., никуда не ходит. Некоторое время назад он сам (!) предложил сделать – через свои связи, т.к.

напрямую мне это никто не подпишет – подобную справку и мне, и очень интересовался, какое будет вознаграждение. Я сказал, что не знаю, да и в самой этой возможности очень сомневаюсь, и на том разговор заглох. Но позавчера он вдруг приперся сам и сказал такое заявление написать и отдать ему. Ладно, я написал и отдал. Он выцыганил еще и шоколадку, как я вчера описывал. А вчера, перед ужином, после ларька, он подошел опять.

Сперва сказал: я знаю, что тебе, мол, нужна связь, – есть ли у тебя московская "симка"? Мы, мол, тут как раз вдвоем с этим блатным, который в ларьке вытряс из меня 200 р., затягиваем одну "трубу" на двоих. Для приманки, для затравки, что ли, он это сказал?.. Я ответил, что "симки" у меня нет, а вообще отсюда дешевле звонить в Москву с нижегородской.

Затем он сообщил, что заявление мое уже отдал в санчасть. Затем – стал спрашивать про 200 р. на "общее". Я сказал, что эти 150, которые он мне теперь должен, пусть туда и спишет, а остальные 50 я отдам, как пойду в ларек. Он вдруг стал просить пойти сегодня же, "перед баней" (той, что в 19–00). Я сперва недоумевал, что за срочность такая, 50 р. – это 2 пачки чая, что, до среды с ними нельзя подождать? Тут он объяснил, что не 50 р., а 200 рублей он хочет у меня взять сейчас ("взаймы", как обычно у них всех), а после 15–го, когда придет пенсия – отдать и мне, и за меня те 150 на "общее".

В мои планы, однако, никак не входило тратить 700 рублей за 1 день, причем из них всего 140 на себя. А учитывая, ЧТО он мне говорил еще накануне (мол, в ларьке у него сейчас нет денег, поэтому жратву он клянчит из моей передачи), – ясно было, что 200 р. он хочет просто себе на прокорм. Я еще и кормить, оказывается, должен этих тварей за свой счет!.. Несмотря на его нытье, я категорически отказался и вообще идти в ларек, даже за 50 р., что я "должен", и– тем более – ссужать ему 200 рублей. Не занимался я никогда филантропией, и здесь не буду.

В ответ это чмо с некоторым изумлением сказало, что ему очень жаль, что я решил порвать с ним все (!!) отношения, – как же, мол, оно мне сейчас делает такую важную бумагу (о постельном режиме), которую только оно и может сделать, а я, мол, 200 р. не хочу ему одолжить... Бумагу сделает, не сделает, – хрен его знает, но, услышав это, закралась ко мне мысль, что, м.б., именно ради "дойки" меня на деньги, жратву и пр. и взяло оно у меня это заявление. Мол, пока его делают, можно доить, – я, типа, ему обязан.

Уходим на завтрак, допишу потом.

9–32

Так вот, продолжаю.

Возникло четкое ощущение, что всю историю с заявлением это полублатное чмо придумало лишь затем, чтобы трясти с меня деньги и жратву. Пенсию получает, из дома деньги шлют (само мне говорило) – и нету постоянно денег, уже не 1–й раз клянчит. М.б., будет тянуть и тянуть с заявлением, – проверить–то я не могу, ЧТО там и как, – а потом вернет и скажет: извини, мол, не вышло, не подписал Милютин. (Еще бы – он после жалоб матери и Шаклеина волком смотрит, – какой мне от него “постельный режим”?! Смешно...)

Короче, в ответ на недоумевающие попытки увязать 200 руб. в ларьке с “делаемым” заявлением я довольно резко сказал ему примерно следующее: ты ведь у нас верующий христианин, так? (Оно само мне это говорило еще в начале мая, когда вытрясало из меня 500 р. на д/р “положенца”.) Помнится, Христос говорил, что добро надо делать бескорыстно и тайно, а не ждать в ответ денег или чего–то еще в таком духе. Тайно тут уж, ясное дело, не получится, но бескорыстно – можно вполне.

Оно не нашлось, что ответить, и я ушел к себе. Но еще не успел ничем заняться, смотрю – оно опять маячит у входа в проходняк и зовет меня. Выхожу, говорю: хочешь обсудить этот вопрос заново, еще раз? Оно отвечает: нет, но давай считать весь разговор о заявлении как бы не бывшим? Не было никакого заявления, и все.(А заявление, по его словам, уже отдано в санчасть.) Я говорю: хорошо, как хочешь, тем более, что никаких гарантий (его подписания) нет. На том и разошлись. Мразь, короче. Но это не все: ждем, когда полезет опять ко мне за 50 р. на “общее”...

А жизнь в этом маразме, в этом параноидальном бараке (только не в том смысле, что другие лучше) продолжается. Совершенно параноидальная жизнь – на воле этого даже представить не смогут – в состоянии, когда тебя со всех сторон обложили тухлой рыбой. Буквально. Старый подонок–алкаш таки вчера вынес свою тухлятину, висевшую на шконке, после того, как я ему сказал, что меня очень напрягает запах (в ответ, правда, стал глумливо говорить, что ему так же точно мешает запах колбасы, которой я питаюсь. Но колбаса, в том–то и дело, не тухлая...). Вынес – но запах почти не уменьшился. Эта вонь стояла здесь весь вечер и была первым, что я ощутил, проснувшись утром. А когда вернулся с небольшой прогулки по двору в барак, то увидел, как вшивый сосед в проходняке как ни в чем не бывало вывалил на пол – кошкам – такой же кусок столовской рыбы, и от этого куска идет та же помоечная вонь тухлятиной! Вот, значит, откуда несло!.. Этот идиот частенько берет Маньке в столовке рыбу (иногда съедает ее и Фроська), но давать почему–то им ее

любит не сразу, как принес, – к вечеру, а то и на следующий день. И если рыба не жареная, а, как эта, не пойми какая (вареная?), то она буквально за день тухнет и начинает вонять. А у этого идиота (как и у алкаша – над головой) она лежала в пакетике из–под б/п лапши под подушкой (!) и ему хоть бы что, вони они не чувствуют... Зато зимой дверь открывать – “воняет!!!” – это пожалуйста, в любой мороз...

Кошки, разумеется, есть эту дрянь не стали, даже всеядная Фроська. Я закинул эту пакость подальше под шконку вшивого, после чего пришлось идти отмывать нестерпимо воняющие пальцы (хотя брал через салфетку и напрямую коснулся случайно, едва–едва). И только когда после завтрака уборщик вымел ее и пакет из–под нее из–под шконки, – вонь тухлятиной в проходняке наконец–то прекратилась. Надолго ли?..

2.8.09. 6–15

Утренние заметки о вечерних впечатлениях... Еще вчера вечером хотелось мне записать все это, – как проходят сейчас, летом 2009–го, вечера в том бараке, в том конкретном проходняке, где я живу, но было уже слишком темно.

Как же они проходят? После вечерней проверки мой вшивый старый сосед резвенько бежит в барак, – хотя вроде и еле ползает, до столовой доплетается последним, а тут – чешет с такой скоростью, что, если я не потороплюсь, он влезет в узенький проходнячок раньше меня и не даст мне даже повесить палку как следует. Затем, быстренько раздевшись до трусов, он садится на шконке и начинает яростно чесаться розовым пластмассовым гребешком. Руки, ноги, спина, живот, грудь, бока, – он чешет все тело без исключений, долго, тщательно, по многу раз одно и то же место. Я ухожу погулять на улицу, потом прихожу, – он все так же сидит и чешется, как сидел. Весь сплошь вшивый, с тысячами, наверное, вшей во всей без исключения одежде, – вот и скребется, что весь день, что – апофеоз! – по вечерам, перед сном. 5, 10, 15 ми нут может вот так сидеть и тупо скрестись расческой. Потом вроде бы убирает ее под подушку, – все процесс окончен! Можно ложиться спать. Лег, но через 5 минут – снова вскочил, сел, опять достал расческу и – все по новой!..

А тем временем, погуляв и покурив на улице, приходит другой мой сосед, с другой стороны, в проходняке старого алкаша, – бывший стирмужик, которого я последнее время стал про себя ласково звать “дебилушка”. Он тоже раздевается до трусов (“семейные” панталоны–тряпочки чуть не до колен, как тут носит все это быдло гомофобское), садится на шконку, задирает ноги – и начинает ковыряться рукой в пальцах ног! О, это сладострастное ежевечернее ковыряньe в ногах! – дебилушка

проделывает это не менее долго и тщательно, чем вшивый чешется!.. Он то ли чешет пальцы ног, то ли разминает их, и ковыряет там что–то, что–то щелкает у него там при этом, – в общем, этот захватывающий процесс тоже длится где–то до получаса. Бывает, что, залезши уже на свою верхнюю шконку, он не ложится сразу, а еще какое–то время сидит и упорно теребит пальцы на ногах...

Вот среди кого и как я здесь живу. Омерзение и ненависть оба вызывают за этим своим ежевечерним долгим чесом такое запредельное, что я сам бы, лично, своими руками, уничтожил бы их, – лучше всего просто отправил бы живьем в переработку на мыло или на удобрения. Этот абсолютно негодный, бракованный человеческий материал, на генном уровне могущий передавать потомству лишь алкоголизм, надо всячески истреблять, но желательно делать это рационально – не просто убить, а переработать на удобрения для с/х...

17–31

Пока никаких особенных происшествий. Сижу, переписываю конец декабря 2008 г. Воскресенье, после ужина много времени и пока (!) светло. Прошла 86–я неделя от конца, на ней было длительное свидание с матерью. Осталось мне тут 85 недель, 595 дней. Или 593, если отпустят на 2 дня раньше, в пятницу вместо воскресенья.

4.8.09. 9–47

“Поднялся” на днях на барак “новенький” с карантина, – сердечный друг–приятель моих полублатных соседей в захваченном крайнем проходняке. Сидит на этой зоне уже 2–й раз, – освободился с 8–го барака меньше года назад. Я помню его в лицо (отвратительную, тупую уголовную харю, точнее). После освобождения вроде бы работал, даже в Москву ездил; присылал моим соседям десятками кг. конфеты, ворованные с какой–то кондитерской фабрики. Постоянно созванивался с ними, – откуда я все это и знаю. Но кончилось все стандартно, как и следовало ожидать: не удержался, отобрал на улице у женщины мобильник. Она, не будь дура, тут же заявила в милицию, и его быстро нашли, – он был приметно одет. Теперь опять здесь, и т.к. прежняя судимость не погашена, – к нам, на 13–й. Соседи мои, как узнали, что его везут сюда, были рады–счастливы и сразу же решили положить его у себя в проходняке. Но – там уже живут четверо, все занято. Вчера приволокли щит к нам в проходняк, водрузили на 2–й ярус над моим вшивым соседушкой. Увидя это, еще один полублатной шпаненок, отморозок, годный разве что в биореактор, в переработку на удобрения, – тут же намылился туда лечь, т.к. после недавних “подъемов” с карантина остался

без шконки. От такого соседа можно было бы взбеситься, – но тут повезло: его очень резко отшил самый злобный из моих полублатных соседей (злобный настолько, что даже этот отморозок пасует перед ним, хотя сам такой же). Отшил, сказал, что на это место уже давно запланирован новенький. И они натянули на 2–м (!) ярусе этой шконки занавеску, отгородив его от нашего проходняка! Идиоты... Сделали "шкерку" не сдвигающейся, не снимающейся, – короче, до первых "мусоров"...

Вчера в 21–55 пришел "телефонист", от него я позвонил наконец матери. Она уже была в этом своем пансионате под Каширой. Сказала, что все нормально, но – если б знала, ни за что бы не поехала – берег там высокий, как в Константиново (ну да, Кашира ведь тоже на Оке. Или нет? Не помню...), вниз ведут 60 ступенек!!.

Утро опять было туманное, сырое, и сейчас тоже облачно, солнце не палит, – благодать, самая погода для прогулок по лесам и полям... Покрытые росой маленькие кружевные паутинки на воротах "локалки", недавно вновь "разваренных". "Мусора" сегодня, видимо, вообще не ходили во время зарядки по баракам – по крайней мере, до нас не дошли. Я гулял под "упражнения" зарядки по двору и вспоминал фразу помощника капитана норвежского судна, адресованную Савинкову: "Вы едете в Печеньгу?". Книга Савинкова вышла 100 лет назад, в 1909, и в ней описывается, как, в общем–то, несложно было тогда убить губернатора, министра, великого князя, даже царя. Выслеживай его карету на улице да кидай бомбу. Не было тогда ни бронированных лимузинов, ни ФСО, ни Интерпола, ни биометрических паспортов, ни шенгенских виз, ни компьютеров, ни камер видеонаблюдения... А как достигнуть своей цели нам, сегодняшним, 100 лет спустя, когда все это, увы, есть?..

15–02

Беда приходит неожиданно, как обычно. Сидел после проверки, писал письмо в Самару (ответ на полученное только что прямо из рук "общественника", без записи в журнал! :), – как вдруг оглушительная новость: переводят!! Ходили, толпой смотрели список на листочке, как и в тот раз; потом его повесили на стенде у кабинета завхоза. 15 человек разом переведены на другие бараки – 5–й, 6–й, 7–й, 8–й, 10–й. Меня в списке не оказалось. Уф–ф–ф!!! Я успел через головы, с трудом, очень бегло увидеть и тот первоначальный вариант списка, который таскали по рукам и где были несколько вычеркнутых фамилий. На 100% не поручусь, но, по–моему, меня не было и в вычеркнутых. В окончательном варианте списка – несколько блатных, из которых двое совершенно омерзительных, и мой сосед сверху, шнырь–

заготовщик. Его особенно жалко, т.к. на его место почти наверняка поселят какую–нибудь мразь, и житья в проходняке опять не станет.

Так почему же это беда? Потому, что за вторым разом будет третий. А м.б., и 4–й... С третьего раза посадили; освободить, правда, с 3–го не освободили. Переведут тоже с 3–го...

Правда, есть очень маленькая, очень смутная надежда, что если вычеркнули в 1–й раз и не упомянули во 2–й – то, м.б., не тронут и вообще. В это очень хочется верить. Но эта вера опасна, это – гибельное самоуспокоение, ведущее к потере бдительности и к захвату врасплох...

Горе горькое... Опять всколыхнуло это событие в душе все ужасы, весь мрак, что был в мае–июне, а потом вроде потихоньку стал рассеиваться (и то не до конца). Когда же все это кончится, господи?!. Как прожить, как протянуть эти 593 дня, или даже 591? Нет сил совсем... Нам не дано знать свою судьбу, а только лишь – что все когда–нибудь кончается, и хорошее, и плохое. Я все время представляю себе эти черные деревья, эти облака, этот снег, по которому я буду идти к вахте, потом – выйду за “шлюз” и поеду домой. Это будет через 591 день, в марте 2011–го. Никаких иных, более ранних вариантов освобождения – нет, не существует. По крайней мере, я не вижу их. И как прожить тут эти 591 день, как преодолеть все эти невзгоды (особенно отсутствие связи) – я не знаю. Паника, ужас, отчаяние... Кончается вдруг мужество, и ты весь дрожишь, и не у кого просить помощи и поддержки...

5.8.09. 7–08

Опять плохо спал сегодня ночью, постоянно просыпался. Опять расходились нервы... Опять ждать этого перевода, переезда, этого ужаса, полной потери связи, всех этих бессмысленных и нелепых проблем... Пока живой – значит, еще держусь как–то, но, боже, почему так нелепа и бессмысленна жизнь? А они еще талдычат что–то об идеальной гармонии, о красоте... Глупо, идиотски, архинелепо устроено все... “Почему так?” (с) ш. Бытовые проблемы, неудобства, неустройства, – вон, на 6–м троим, пришедшим с 13–го, не смогли вчера вечером найти шконки, они ночевали здесь (а на 6–й с разных, не только от нас, перевели вчера человек 12, что ли). А что уж говорить про меня, если мне нужна еще и непременно нижняя шконка? Когда я ее получу на другом бараке и где буду спать до этого?..

На улице пасмурно, сыро, моросит мельчайший дождь, но вот–вот польет и крупный. В секции темно, люстра надо мной так и не работает с апреля, да и лапочка в ней сгоревшая, – но всем плевать. Соседи полублатные приладились включать по вечерам

лампу у себя в проходняке, – свет слабый, до меня почти не доходит. Говорил завхозу, чтобы позвал электрика – тому тоже плевать, несколько дней до дома осталось. Всем плевать... Я не знаю, как тут выжить, как тут прожить эти проклятые оставшиеся 1 год и 7 с половиной месяцев.

А скоро опять день рождения... Будь все проклято... Почему я не сдох до сих пор?..

Место надо мной уже фактически захватил этот полоумный отморозок из психушки, который норовил его захватить еще зимой что ли, но тогда заготовщик решительно отбил все атаки. Теперь отбивать их некому а от такого соседства можно взбеситься...

8–33

Едва успел позавтракать – выключили свет. На улице – холодина. Скоро осень, опять холода и дожди... Это такой специфический буреполомский сюр, и ты не знаешь, то ли это все наяву, то ли во сне, в тяжелом ночном кошмаре: бродить по темному, холодному бараку без света и воды, натыкаясь в темноте на людей... Это неповторимо и не представить тому, кто не был и не пережил сам эти ощущения, глубоко мистические. Сплошной сюр... Но мне–то он хорошо знаком: наступающая осень будет для меня здесь уже третьей...

6.8.09. 18–03

Новая конфигурация быта: сегодня первый по–настоящему холодный день с весны, с остатков зимних еще холодов. С утра буквально весь барак жаловался и восклицал, как холодно и как они все замерзли. Подзабытое ощущение: ветер, задувающий в форточку напротив меня, от которого пробирает дрожь. Дело двинулось к осени, потом зима – и опять в любые холода, в любой ветрище будут эти проклятые твари открывать эту проклятую форточку, и опять в лютые морозы она от выходящего пара обледенеет так, что будет уже не закрыть... Впрочем, меня, скорее всего, зимой уже не будет на этом бараке... Я закрыл эту и соседнюю форточки, придя с завтрака, пока никого не было, и – удивительно! – они так и простояли до проверки. Но какая–то тварь перед проверкой, я видел, с улицы открыла ее и опять заложила чем–то (прежние “закладки” с обеих я выкинул). И не закроешь ведь у этого старого хрыча, живущего напротив, на глазах, и не попросишь его закрыть: еще по опыту той зимы я знаю, что этот псих только разъяряется и открывает нарочно, если видит, что кто–то хочет закрыть “его” форточку.

Живущий над ним даун, “поднявшийся” еще весной, бесит меня так, что, ей–богу, своими руками забил бы его насмерть, все кости переломал бы. Здоровенный, высокий, годам уже к 50–ти.

Мало сказать, что сиволапый, деревенский, примитивный, – нет, на роже явно написано, что он даун. Взглянуть только на этот вечно открытый рот, на этот задранный чуть не в небо огромный пористый нос… Рожа идиота. И вот этот идиот повадился, с самого почти что заезда сюда, стоять в своем проходняке. То он стоя что–то делает у себя на верхней шконке, то на тумбочке, то прикуривает, а то – и просто так стоит, совершенно без всякого дела. Я успел подсмотреть сегодня, как он, стоя во весь рост, терся лицом о свою постель, – чесалась у него рожа, что ли? – а потом вообще, так же стоя, положил голову на свой 2–й ярус, – типа, спит. Идиот конченный, короче. И мне было бы абсолютно наплевать на него, если бы он своей тушей не загораживал бы окно – единственный источник света в отсутствие лампочки! Как встанет там во весь свой рост, сука, – так у меня в проходняке темно, как сядет или залезет к себе и ляжет, – нормальный свет (или хоть какой–нибудь, если на улице пасмурно). Но что с этой тварью делать – неизвестно, т.к. формально он стоит в своем проходняке, где может делать что хочет, а не в моем. Мой сосед–алкаш, слишком примитивный, чтобы смущаться подобными правовыми тонкостями, когда что–то шьет или еще что–то делает в своем проходняке, прямо напротив их, – начинает злобно ворчать на этого дебила, и однажды, помню, тот так и ответил: мол, в своем проходняке стою, а не в твоем. Тихий, добродушный даун…

Неожиданно обзавелся телефоном этот ублюдок, мерзкий лось, убийца чеченских детей и наркоман с гепатитом, живший год назад в моем проходняке. Ненавижу я эту тварь и сейчас не меньше, чем ненавидел тогда, – хорошо, что я веду здесь дневник, который можно перечитать и вспомнить, как наяву, все эти былые мерзости… То он постоянно бегал звонить своей мамаше к моим полублатным соседям, а вчера вечером я впервые увидел в его руках новенький, красивый телефон и “родной”, без сомнения, зарядник к нему. Разжился, сука!.. Гнида этакая… Вот такая мразь обзаводится собственными телефонами, а я так и сижу без сколько–нибудь постоянной и стабильной связи с матерью. Это еще счастье, что он ушел от меня: за этот год количество его земляков на зоне увеличилось, к нему каждый день ходят и практически весь день сидят уже не только с 3–го, как при мне, но уже и с 12–го, и один еще “поднялся” недавно к нам. В общем, в проходняке у него не протолкнуться, вечно развеселая толпа. Двое жильцов нижнего яруса – старый насквозь пропитой забулдыга (не тот, что около меня) и молодой, добродушный быдляк, сбитый электричкой и из–за этого с трудом ходящий, – теперь, как я слышу через проходняк, находятся в очень

затруднительном положении, ибо этой толпой “земляков” наркомана постоянно заняты обе их шконки – ни сесть, ни лечь, на даже войти что–то взять...

Сверхнаглый полублатной мразеныш–щенок из захваченного проходняка, самый активный из захватчиков, постоянно обдумывая (вместе с остальными), как бы еще поудобнее обустроиться в этом проходняке за счет соседей, вслух (я мог слышать, хотя говорилось явно не для меня, а для своих) додумался сегодня до решительной мысли: когда я уйду на (длительную) свиданку, передвинуть мою шконку (типа, “переложить” меня, что ли). Не знаю уж, куда и как именно он хотел ее передвинуть, но он–то прекрасно знает, что добровольного согласия от меня ни на какие в его пользу переезды и перекладывания он не получит никогда. Другие, как ни странно, стали отговаривать его, говоря, что за это он может получить по башке. Имелось в виду, конечно, не от меня получить (хотя я–то бы с удовольствием...), а от своего же блатного начальства (что мне сомнительно).

8.8.09. 6–52

Холода продолжаются (особенно по утрам и вечерам), хотя, м.б., уже и не такие жуткие, как до этого. В бане вчера, при ветре и холоде, так и мылись – без стекол в окнах, плюс с открытыми форточками. Посмотрел – все же мох там с окон, похоже, соскоблили, – помогло, что писали об этом на “моем” сайте. Тупорылый носатый даун, загораживающий мне свет, сегодня утром, выйдя во время зарядки, немедленно полез открывать форточки – свою (прямо напротив меня) и соседнюю. Другой – старый тупорылый алкаш, живущий под соседней (тоже не так давно приехавший), стал заботливо подкладывать что–то под открытые форточки, чтобы не закрывались. Тупая мразь! Дебилы! Тупорылое, сиволапое простонародье, будь оно неладно!..

Зам. шимпанзе перед обедом вчера подкатил с просьбой – выбить в ларьке 100 руб. на “общее”, а то у них, бедолаг, там пусто. Я имел глупость сказать ему, что на “общее” может отдать 150 р., которые мне должен, тот хитрый подонок, отказавшийся делать мне справку о постельном режиме. Его тоже перевели 4 августа – на 7–й, в числе тех 15–ти. Получилось, как всегда, по–идиотски: я таки выбил этим тварям 100 рублей (сам не знаю, зачем, благо финансы позволяли), а вечером тот же обезьяний зам подошел и сказал, что давай, мол, те 150 р., которые он тебе должен, я тоже заберу “на общее”. Поскольку с тем типом уже заранее было договорено, что он отдает их “на общее”, и получить их с него живьем, а тем паче когда он сам теперь на 7–м, стало делом почти нереальным (разве что звать его, как

“телефониста”, к забору, требовать и договариваться о дате и времени, но мне с ним говорить о чем–либо категорически не хочется), то я согласился. Т.е., уже в 1–й же декаде месяца с меня на их туфтовое, мне абсолютно не нужное “общее” содрали уже не 200 р., как в прежние месяцы, а 250...

Зато, слава богу, не пришлось тратить 140 рублей на хлеб – 10 буханок –на д/р “запасному варианту”. В среду его коллективно отговорили закупать хлеб на 2–е суток раньше; вчера перед ларьком он так никого и не прислал ко мне по этому поводу, – я думал, что, м.б., купили уже накануне; а уже когда вернулся из ларька, подбежал его сосед, блатной (из высшей категории блатных в зоне) азербайджанец и на ломаном русском, еле–еле, передал от запасного варианта вопрос про хлеб. Я сказал, что хлеба в ларьке сегодня нет, с чем он и ушел. Как уж они там отметили этот великий праздник – 27–летие, – не знаю. Я не пошел (хотя он приглашал всего неделю назад), и даже при более настойчивых приглашениях не пошел бы, – он сам сказал, что они там заранее нагнали самогона, и надо было бы непременно пить за “именинника”, а пить, тем более эту гадость, я ни на каких праздниках не собираюсь.

Бандит–соседушка сверху с чего–то надумал дать мне вчера “трубу”, которую берет у кого–то – позвонить. Я никогда бы не стал его просить, он предложил сам. Под это дело уже перед обедом стал клянчить купить ему банку сгущенки в ларьке, но пока я не купил. Видимо, тоже будет пытаться пристроиться жить за мой счет...

9.8.09. 6–13

Почти всю ночь не давал спать этот проклятый архинаглый полублатной шпаненок–сосед из захваченного проходняка: жег лампочку и при ее свете шил (или, точнее, перешивал) себе штаны. Зажег еще с вечера, и мне чуть не с головой накрываться пришлось, чтобы не мешал этот свет. Потом проснулся ночью – темно, видать, погасил из–за обхода “мусоров”. А потом проснулся снова, уже к утру, к 4–м или началу 5–го – опять горит! И до сих пор она горит, и он там возится – я четко вижу его тень на белой простыне–“шкерке”.

Все спят, подъема не было, хотя уже 7–й час. “Мусоров” не слышно, зарядки сегодня нет (воскресенье), – можно спать. А мне – писать. :) День занят переписыванием (сейчас – март 2009), а написать что–нибудь свеженькое остается время разве что ранним утром. Да и лучше – не видит никто. Вчера после проверки, днем, полублатной кривоногий хмырь–азер, любитель во все совать свой нос и всех учить (тот самый, что вешал бутылки с брагой у меня над головой прошлой осенью, еще при Сапоге), докопался–

таки, и уже не в 1–й раз, ЧТО это я пишу целыми днями. Типа, с шутками, с юмором, но – дело серьезное: это мое занятие здесь так необычно, что и впрямь может привлечь их внимание и привести к попаданию дневника в их лапы. А на другом бараке, с другими соседями, м.б., ничего писать невозможно будет и вообще, так что надо побольше успеть сейчас, пока есть хоть какие–то условия.

На улице продолжаются холода. Не знаю, что делать, – так и тянет достать телогрейку (маленькую), как это уже сделали некоторые. Пока хожу в 2–х кофтах (тоненькой спортивной, а под нее – от белья), в шерстяных носках (уже зашивал их весной, и скоро начнут рваться опять при таком интенсивном ношении, а ведь они мне для зимы, а не для августа месяца...).

Уже пару раз сказал новому завхозу (бывший завхоз 10–го), чтобы позвал электрика – починить у нас в секции люстру. Дни сокращаются, по утрам и вечерам уже темно, готовить и есть приходится в полутьме, особенно если вечером на улице пасмурно. Вчера, на 2–е напоминание, он ответил, что сказал, и тот обещал вроде бы зайти, но когда – неизвестно. Когда вдруг перестала работать “фаза” в бараке – его вызвали срочно, и он тут же пришел и исправил, а тут...

А заходил я вчера к завхозу взять у него бумажку – кассационное определение Нижегородского облсуда по последнему отказу в моем УДО. Хорошо хоть, принесли ее сюда, не понадобилось стоять 2 часа в очереди в спецчасть. Ссылаются эти суки, судьи облсуда, все на то же, – на имевшие место3 взыскания, из которых хотя 2 и сняты, но тем не менее это, видите ли, свидетельствует о моем “нестабильном поведении”... Мрази! Жалкие твари, ублюдки, добровольные холуи КГБ и собственных тоталитарных предрассудков (государство всегда право против отдельного гражданина, государственные интересы важнее личных, как же, как же!..). Единственным разумным разговором с российским судом может быть не писание в него жалоб и пр. бумажек, а хороший залп их гранатомета по его окнам – другого языка Система и ее судьи просто не понимают.

Вчера эти суки отмечали годовщину своей агрессии против Грузии, которую они лицемерно именуют “агрессией Грузии против Южной Осетии”. Крутили специально сляпанные пропагандистсткие – против Грузии – фильмы для быдла – как раз такого, как вот здесь, сидит в “культяшке” и тупо смотрит телевизор. Я эти фильмы не смотрел, и даже новости вчера они посмотреть не дали – видел только пропагандистскую шумиху в новостях позавчера – и по поводу Грузии, и по поводу “войны с международным терроризмом” – 10 лет назад отряд Басаева

вошел в Дагестан по просьбе карамахинцев. Смакуют эти русские пропагандистские мрази свои победы, гордятся, глумятся над всеми, кто в 100 раз достойнее их – будь то Саакашвили или покойный Басаев, герой чеченского народа, самый успешный правозащитник современности. Общее ощущение от просмотра их пропагандистской стряпни, даже в новостях (не говоря уж о специально снятых фильмах), – море лжи!

Настроение тоскливое, мучительное, как и всегда здесь, впрочем. Идут дни, убавляются вроде бы; вот уже осталось их всего–то 588, ровно 84 недели, – а впечатление такое, что время стоит! Еще все равно огромный массив, непрозреваемая глазом толща впереди, – больше полутора лет!.. Все равно что никогда... Вспоминал вчера, какая дикая тоска и отчаяние были ровно год назад – 8.8.2008; как раз налетел тогда на этого Зайцева, и он мог опять впаять выговор, и в сентябре УДО все равно так и так не светило... И такая дикая, мучительная была тоска и боль в душе – вот это стихотворение, про д/р, написал именно тогда одним махом. Почему я, в самом деле, не разбился и не сдох тогда, упав с окна?.. Кому и зачем на этом свете я нужен? Для чего мне эта жизнь?.. Тогда, год назад, было еще 954 дня впереди, сейчас – уже 588, но все равно – это еще очень много. А впереди – холода, впереди – зима...

14–52

Дозвонилась вдруг мать из своего санатория, – сперва перед самой проверкой, когда уже шли “мусора”, а потом уже после проверки, когда таки удалось поговорить (дозвонилась на номер внутри самого барака). Оборвалось, хотел ей перезвонить, проверил баланс – 400 руб. с копейками! Поговорили, и я, пользуясь случаем, решил на несколько минут набрать своей Ленке, своему зайцу теплому ушастому :), о которой (–м) давно уже думал, хотел позвонить, но – откуда, если и с матерью–то я тут теперь говорю через день!..

Набрал. Подошла ее мать. Я не сразу понял по голосу, мать это или сама Ленка, а вот мать ее тут же меня узнала, по одному только “Алё!”, я еще и сказать ничего не успел. Заяц тоже оказался дома. :) Странно, я был уверен, что зря звоню, что они все на даче, как каждое лето. Ленка, оказалось, спала, – время 2–й час дня, но она сказала, что поздно легла накануне. Поблагодарила за поздравление к ее д/р, а потом я спросил, помнит ли она, что у меня предстоит вскоре. Не сразу, но все же она вспомнила, что тоже день рождения, и обещала написать в ближайшее время, чтобы успело дойти.

Говорили мы 3 с чем–то минуты, я посмотрел, когда клал трубку. Проверил опять баланс – 362 р. с копейками. Т.е., 38

рублей сняли за неполные 4 минуты. Пошел, отдал телефон владельцу номера. Через пару минут прибегает блатной шпаненок, который и принес мне “трубу”, когда звонила мать, – сама “труба”, м.б., и его, но “симка” точно не его (она “евросетевая” :), как я писал в марте, сейчас переписываю и одновременно перечитываю). Спрашивает, не звонил ли я в Москву. Я сказал: да, звонил. Говорит: ты знаешь, сколько у нас денег сняли со счета?! 108 рублей!!! Хитрые мрази, жулят даже здесь, как будто я баланс проверить не умею... В общем, отделался обещанием положить им денег, как мать 13–го вернется с отдыха (она в любом случае кладет регулярно).

10.8.09. 17–45

Кончается еще один безумный день. Вроде бы ничего такого особенного и не случилось, но – чувство такой безмерной, запредельной усталости, вымотанности – и моральной, и физической, – что просто караул!.. Впрочем, это у меня здесь с самого начала. Да плюс еще не сильная, но неприятная, ноющая, постукивающая головная боль в левом полушарии, – она была с утра, таблетки пить я не стал, к проверке вроде прошло, но где–то после обеда опять начало болеть.

С погодой черт знает что, – то холод, то жара! Сегодня с утра, на зарядке (никто не приходил, хотя понедельник) уже было тепло, а сейчас, после обеда и к вечеру, – на солнце уже, считай, жарко.

Ровно в 14–00, когда я уже одел тапки для улицы, чтобы идти на обед, – явился “телефонист” и буквально заставил меня прямо сейчас же, не подождав даже, пока я вернусь с обеда, звонить Мане в Питер – узнавать, послала ли она его “брату” в Нижний телефон.

Ну что ж делать, позвонил. Маня первым делом сказала, что ей приходят СМС–ки, подписанные мной, с требованием денег. Хорошо, что она и сама понимает, что исходят они не от меня, а от этой наглой мрази “телефониста”, и мне оставалось лишь подтвердить ей это. По поводу “трубы” она сказала, что отправила ее лишь в субботу (позавчера), так что дойти она еще и не могла.

Пользуясь случаем, набрал и матери. Та, конечно же, была в столовке этого своего пансионата, без бумажки с номерами телефонов для перезвона, плюс – у нее в телефоне опять отключился звук, и сосед по столу прямо там, в столовой, в это время его и делал, – он взял трубку, так что мне едва плохо не стало, когда я вдруг услышал мужской голос в трубке... Поговорили не больше минуты за счет “телефониста”: у матери, слава богу, все нормально.

Вскоре после этого “козел” сообщил, что в 16–00 вызывают в спецчасть. Черт бы побрал! Зачем?!! Ведь бумажку из Нижегородского суда с отказом в кассации по УДО уже вручили, завхозу принесли. Пошел, – к изумлению, у дверей не было толпы, как всегда, а стояло человека 2–3; один полузнакомый еще по карантину парень, теперь, видимо, работающий дневальным в штабе, дернул меня туда одним из первых, не стоя в очереди, как всегда. Оказалось – звали лишь затем, чтобы за эту уже полученную бумажку с отказом в УДО расписаться!..

19–22

Целый день бешеное шимпанзе буянит и орет, целый день его голосок был слышен в секции; в основном – остервенелая ругань на кого–то. Слышу (отрывками, не все), что требует жратвы и – денег, какие–то деньги они там ищут. То ли на жратву в ларьке, то ли еще на что, покрупнее, – не знаю. Раз или два мелькнуло слово “рубль” (так вся эта блатная сволота называет 1000 руб.). А почему это особенно интересно – целый день, часто, в этих разговорах в конце секции из уст шимпанзе и др. проскакивает мое имя. Называют меня и что–то обо мне там говорят, но что – не слышно. Но уже не раз, видимо, за день я у них “всплывал”. Ощущение такое, что хотят опять стрясти с меня денег (1000 рублей?.. :)), но понимают, что эти попытки бесполезны. :) Кстати, уже довольно давно вся эта блатная нечисть в конце секции (зам. шимпанзе, видимо, в 1–ю очередь) всех, кто приходит сюда с других бараков в поисках каких–либо денег (главным образом, в ларьке), посылают ко мне...

11.8.09. 6–54

Блатные выродки придумали новое утеснение: теперь, оказывается, после отбоя нельзя гулять в “локалке”! Почему – не объясняется; но нас с “обиженным” Юрой, как раз гуляющих в почти уже полной темноте в 10 вечера и позже, то гонял шнырь–даун, стоящий на ночном стреме и закрывавший на ночь изнутри запасную дверь; а вчера – полублатной архинаглец–дурачок из захваченного проходняка. Правда, вчера гуляли не только мы, а еще довольно много народу. Загоняя кого–то, мельче, видимо, себя, дурачок “грозно” спросил: “Что тебе не понравилось?!!”. Видимо, тот был недоволен, что загоняют в барак, не дают погулять. Мне, как всегда в таких случаях, хотелось ответить: Ты мне не понравился!”. И уже давно...

Старый дурак–“спортсмен”, прошлую зиму живший напротив меня, над старым злобным хрычом, аккуратно забирающий мои использованные чайные пакетики и потом заботливо приносящий моему вшивому соседу полкружки теплого чая, – этот идиот теперь продолжает “добрую” традицию утреннего открывания

дверей и окон. В 5 утра заниматься “спортом” теперь выходит он один (прочих уже нет – кто освободился, кто ушел на поселок); и я уже не раз видел именно его харю, подбирающуюся снаружи к форточке прямо напротив меня и распахивающую ее! Дебил... Ну ладно, пока еще тепло, но он и зимой будет так же открывать в 5 утра?! Того дебильного мордовского животного, тупорылой алатырской мрази Кудри нет – освободилась еще в июне, так теперь этот кретин вместо нее прется открывать окна–двери с утра!.. Убил бы вас, тварей тупорылых, своими руками!..

На зарядку неожиданно явились 2 “мусора” (в том числе Полторашка, низенькое, тупое и наглое чмо в камуфляже), едва я успел выйти. На завтрак у меня сегодня – бутерброды на кислой (даже мой сосед–алкаш, вообще “чернягу” любящий, плевался на днях, до чего кислая!..) столовской “черняге”. Белый хлеб из дома кончился вчера, а в ларек – только в среду, до тех пор – жри что хочешь...

Приготовил завтрак, пошел посмотреть новости, как обычно. Еще издали вижу: дверь в “культяшке” открыта, телевизор не слышно, но ходит там длинная знакомая фигура сверхнаглого обезьяньего зама. И точно: не успел еще дойти до двери, как это чмо (вместе с другими, как раз подошедшими) уже врубило DVD с музыкой и закрыло дверь.

Забыл написать: Маня при вчерашнем разговоре сказала, что таки приедет ко мне 20 августа на короткую свиданку.

12.8.09. 7–05

Вчера был большой информационный день. Накануне просил Маню положить “телефонисту” на счет немного денег. Она закинула 300 р., и вчера утром, часов в 10, он прибежал ко мне с давно уже обещанной возможностью полазить с его “трубы” по интернету.

Что ж, полазил. Очень неудобно – скорее всего, мне с непривычки, конечно. Даже эта Opera mini не дает адекватно увидеть весь сайт разом, а только частями. О неудобствах телефонной клавиатуры в роли компьютерной нечего и говорить.

Зашел на “КЦ”, где шла речь о покушении на Евкурова и ликвидации Магомедтагирова. Браво!!! – тем, кто это сделал; хотя жаль, конечно, что Евкурова до конца уничтожить не удалось. Посмотрел сайты “Примы” и “Свободного слова”, набрал себя в “Яндексе” и оттуда пытался войти на свой блог в ЖЖ, сделанный Маней. Увы, ничего, кроме обвинительного заключения по моему делу, там обнаружить не удалось.

Оставались еще деньги, и я просил у “телефониста” возможности позвонить своей Ленке, поговорить с ней. Набрал, – никто не подходит, но около 20 руб. этот звонок со счета “съел”.

Что за чудеса?..

Он пришел еще раз, вечером, как мы и договорились перед его уходом. Я еще раз набрал Ленке, и мы с ней – впервые за 2 года и 1 месяц в Буреполоме – проговорили почти 12 минут вместо разрешенных “телефонистом” 10–ти.

Она, оказывается, год назад, в конце лета 2008 г., упав на ближней даче с качелей, сломала себе бедро. И не хотела мне даже говорить об этом. Вот чем было вызвано, м.б., ее глухое молчание до февраля 2008 г. Но, тем не менее, отказалась приехать сюда ко мне в июне 2008 она еще во вполне целом и ходячем состоянии.

В общем, она была рада, что можно говорить со мной так долго. Сказала – на мой вопрос, – что ждет меня, “как договорились”. Но – за все удовольствия надо платить. Уходя утром, после инета, “телефонист” вытряс из меня 3 конфеты и штук 5 пакетиков чая, как обычно. Но это была еще ерунда. Вечером он был более конкретен: “Ты завтра пойдешь в заведение?” (так он называет ларек). Сказал, что в день питается всего 2–мя пайками хлеба – и все; и под это дело опять просит меня выбить ему в ларьке 150 р. – на жратву и сладкое. Типа, купить что–нибудь поесть. Уже, сука такая, 300 р. должен только “официально”, когда сам просил “в долг”. Но – так получилось, что после 2–х его визитов за день и таких важных услуг, как инет и разговор с Ленкой, у меня, дурака, не повернулся язык ему отказать... Так что сегодня припрется в обед...

13.8.09. 9–33

Побрился, сижу проверяю вещи на вшивость – а эта старая вшивая сука, маленького росточка, сидит прямо напротив меня, сантиметрах всего в 20–ти, не больше, и таращится, внимательно наблюдает за каждым моим движением. Время от времени принимается беседовать со старым алкашом напротив, за моей спиной. Если уж куда выползет, встанет, выйдет из секции эта вшивая тварь – то потом будет чуть не полчаса просто так сидеть на шконке и таращиться, прежде чем лечь. Я молчу, терплю, занимаясь своим делом, но внутри все кипит, – так бы и огрел эту тупую, бессмысленную тварь ломом по башке...

Вчера вечером поставил забавный эксперимент, засек время. Когда после отбоя пришел с небольшой прогулки по двору – это чмо сидело в одних трусах на шконке и чесалось розовым гребешком, как всегда. Когда я пришел, процесс уже начался и – не прекращался с этой секунды 17 минут! 17 минут непрерывного чеса и скребения по коже расческой и ногтями!..

Бывший стирмужик, приходящий теперь только к проверке, в 10–м часу вечера, из своей столовки, с мытья посуды, сидя тоже в

одних трусах, с упоением ковырялся в ногах, как обычно...

Вообще, какое же это бессмысленное, дебильное, тупое быдло, какие безмозглые скоты, как легко начальству их натравить на любого, кто этому начальству неугоден, как легко ими манипулировать!.. Один из 15–ти переведенных недавно, все равно по многу раз в день приходящий с 6–го к своим друзьям – моим полублатным соседям в захваченном проходняке, – вчера, явившись после утренней проверки, вдруг набросился на меня. Сказал, что он узнал, почему меня не отпускают по УДО, а на самом деле таким, как я, еще и добавлять срок нужно. Я спросил, в ч ем дело. Оказалось, отрядник 6–го в это же утро не отдал ему пришедшую в заказном письме газету со сканвордами, – сказал, что положит "на вещи"; а вообще – сказал, – есть у вас на 13–м отряде такой Стомахин, вот из–за его жалоб все и запретили.

Тот длинный хмырь с 4–го, приходивший с такими же претензиями весной, тоже, между прочим, узнал мою фамилию и отряд от своего отрядника. 2 случая – тенденция, однако! Видимо, отрядникам дано указание натравливать персонально на меня зэков, недовольных непропуском СМИ и пр.

Я сказал этому типу (между прочим, хоть и тоже алкашу на воле, но все же, как я заметил по долгим разговорам в соседнем проходняке, не лишенному некоторого интеллекта и здравости рассуждений), что лучше всего ему тотчас же написать по этому факту жалобу, и что, ссылаясь на 95–ю ст. п. 1 УИК РФ, "мусора" нагло лгут. Открыл и дал ему еще раз прочесть эту статью в подтверждение. Он по поводу жалобы сказал: ну да, чтобы спустились с 10–го и разбили башку; здесь есть "постанова" не писать на "мусоров" жалобы; это хорошо, что тебя не тронули...

К вечеру он пришел снова, сказал, что да, уразумел, что п.1. ст. 95 УИК РФ ЗАПРЕТОВ на книги и СМИ в передачах/посылках не содержит. "А почему же тогда они рубят?" Я объяснил: потому что им поставлена задача оставлять без книг и СМИ меня; а если одного меня нельзя – они не остановятся перед тем, чтобы оставить без них и всех зэков. Он сказал, что (опять, видимо) говорил об этом с отрядником 6–го, и тот сказал ему: "Пиши жалобу!". Очень верный совет!.. Но вместо жалобы этот бедолага хочет пойти на прием к "хозяину" (который все это и придумал) – вытрясать свои сканворды...

И как же они все примитивны, одинаковы, предсказуемы, банальны... После моего нового соседа–отморозка сверху, – вчера еще один тип, на сей раз с 10–го, мне едва знакомый (имя даже его не знаю), начал под вечер, около 7–ми, вдруг обхаживать меня: звоню ли я домой? Если хочешь, мол, я тебе отдам одну свою "симку", будет твоя, и буду каждое утро на час, где–нибудь с

8–ми до 9–ти, спускаться к тебе с “трубой” (а “труба”–то не его, он часто берет у кого–то, но своей у него нет, в том–то и фокус!), и будешь звонить, куда тебе надо...

Предложение явно слишком уж благородное и бескорыстное для уголовника; знаю я их натуру, насмотрелся за 3+ года... Поэтому я сказал: “Хорошо, приходи, если тебе это не будет трудно”, – отлично зная, что ничего этого не будет, а подоплека всего этого сверхблагородства совсем иная, гораздо проще и банальнее. И точно: получив мое согласие, что он будет приходить по утрам, этот тип тут же перешел к тому, не могу ли я, вот сейчас, вечером, прогуляться с ним до ларька и дать ему там 100 рублей. Я сказал, что не могу: и денег уже нет, и чувствую себя плохо (действительно, в это время как раз подскочила температура; я ее сбил, как всегда: 2 аспирина + 1 нурофен; но сегодня с утра, вот сейчас, она явно есть опять). Он, посокрушавшись, поохав, спросил, нет ли у меня чего сладкого, с чем чай попить. Увы, он обломался по полной... :) Вытрясти из меня деньги и сладкое под одни лишь сладкие обещания этому хитрецу не удалось (я–то был начеку, т.к. помню, что еще в конце 2007 этот тип, едва узнав в 1–й раз мое имя и пожав мне руку, тут же стал настойчиво, неотвязно клянчить у меня сладкое...

Забавно, что в качестве наживки они в основном используют ЧУЖИЕ телефоны, т.к. своих нет. Новый сосед сверху, 1 раз дав мне позвонить со своей “симки”, но “трубу” он сам берет у переведенного с 6–го “общественника”, и то не каждый день, – прицепился как клещ к тому, что я потратил с “симки” 20 руб. его денег (2 раза по минуте набирал Мише Агафонову на МТС, чтобы он перезвонил) – и теперь твердит, что эти 20 руб. я ему должен и назойливо требует купить ему в ларьке банку сгущенки (которая стоит 30, если не больше). Своих денег в ларьке у него нет, жрать ему нечего, а развести меня заманчивыми предложениями давать мне звонить и под это дело пристроиться питаться за мой счет, – тоже не получается, вот незадача!.. :)))

А вообще – там, в глубине души, под заносами и слоями свей этой окружающей мерзости, – я полон еще до сих пор моим позавчерашним 12–минутным разговором с Ленкой. Это так здорово, я почти счастлив, что мы с ней помирились и снова можем нормально общаться. Простая человеческая радость, – вот что я испытываю, и еще огромное облегчение на душе. Даже тогда, год назад, когда мне казалось, что эти отношения умерли безвозвратно и навсегда, и надо все забыть, – и тогда, наверное, я в самой–самой глубине души, тайком от самого себя даже, знал, что все еще будет, все еще наладится, что мы с ней нужны друг другу и нам суждено быть вместе... Черт его знает, суждено или

нет, и что там ждет дальше, и хватит ли этой переполняющей сейчас душу чистой радости до конца срока. Но очень хочется, чтобы хватило, – с ней в душе выживать здесь значительно легче.

Вчера уже после отбоя отдали мне открытку от матери с д/р, отправленную еще 3.8.09., в день отъезда. (А сегодня вечером она должна уже вернуться в Москву.) Первая в этом году... Посмотрим, сколько их на этот раз будет и от кого. И будет ли от Ленки, от моего зайца...

“Телефонист” после обеда вчера уже сидел, караулил меня во дворе ларька. Таки пришлось отдать этой твари так, ни за что ни про что, на его пропитание мои кровные 150 рублей...

11–00

Люстру сделали!!! Ура! Ура! Ура!!! :)) Наконец–то... С 8–го апреля не работала в нашем конце секции люстра, – и вот... Вчера шнырь–даун, тот самый бывший санитар в больнице, прикуривал от кипятильника, – и в результате перестала работать вся “фаза” (хотя прикуривают так здесь часть, спички – дефицит, но у других с “фазой” ничего не случается). Когда этот красавец с 10–го вечером соблазнял ежеутренним телефоном и просил 100 р. – как раз пришел электрик (с 1–го барака, как всегда) чинить “фазу”, и я сказал ему про люстру. Он слазил на верхнюю шконку, посмотрел саму люстру и провода в стене, и сказал, что придет чинить завтра. И вот – получаса не прошло, как действительно пришел, потыкался в эти самые провода в стене наверху, под потолком – и за 5 минут починил люстру, больше 4–х месяцев не работавшую. Но – теперь прощай полумрак после отбоя; свет гасят эти суки по–прежнему – ближе к 12–ти, если только раньше не пойдут “мусора” с обходом...

14.8.09. 8–47

Наглый, хитрый, мерзкий “телефонист” так и не пришел вчера после отбоя с “трубой”, хотя я не только просил его об этом 2 дня назад, но и специально напоминал вчера вечером, встретив здесь, в бараке. Конечно же, будет опять уверять, что ему помешал прийти “мусор” (отрядник) своим присутствием в бараке после отбоя. При этом ходить днем в ларек, получать с меня деньги себе на жратву ни один “мусор” из всей зоны этой твари не мешает. :) Хорошо, что мать дозвонилась прямо в барак на другой номер, “евросетевой”, и прыщавый главновымогающий по ларьку, владелец этого номера, 2 дня доканывавший меня попросить мать кинуть деньги ему на телефон, этак непринужденно сказал, чтобы я попросил 150 рублей!

До сих пор в подобных случаях суммы вроде бы не назывались, и, разумеется, ничего подобного я называть матери не стал, – по возможности (50 руб., от силы 100).

Фактически этим блатным мразям на их вонючее “общее”, на их бесконечный чай (для общих собраний – посиделок за чифиром, как они уверяют) я отдал в один день (!) 250 руб., – 100 выбил чеком и 150 неполученного долга тоже отдал этому главпровокатору по его просьбе. И что же? Вчера уже лег спать (не дождавшись “телефониста”, уже, считай, в 11 вечера) – прямо в проходняк является еще одна блатная рожа (хотя бы по виду и разговору, хотя бы 1–й взгляд не столь омерзительно–наглая, как они все) и начинает просить завтра в лавке купить им 500 грамм чая, а то у них на их “общем” совсем, мол, чая нету, заварить–собраться–посидеть совсем нечего. :) Я сказал, что вообще–то отдал уже 250 р., и это много, а 500 г. чая – это 5 пачек по 21 р., больше 100 рублей, и я не могу, – по крайней мере, ничего обещать не буду. Считают, видимо, они плоховато, т.к. на цифру 100+ руб. было некоторое удивление, и по ходу дальнейшего разговора цифра снизилась до 3–х пачек чая (63 руб., что тоже немало). Сказал я также ему в лицо и то, что никакой беды даже в полном отсутствии чая на их “общем” я не вижу, да и, видимо, постоянно и полноценно удовлетворять потребность в нем невозможно. Тем не менее, сегодня мне как раз позарез надо в ларек за хлебом на выходные (еще будет ли он?..) – и придется там яростно отбиваться от этих гнусных блатных вымогателей...

Погода на улице стоит хмурая и сырая. Время от времени, видимо, все равно подскакивает у меня t°. А сейчас, межу тем, надо переться в баню...

11–17

Мерзкий, наглый “телефонист” таки пришел сегодня утром, когда я вернулся из бани. (Окна там так и не вставили, суки!) В обоснование вчерашней неявки сказал, что его вчера после вечерней проверки утащили на вахту, т.к. он из–за плохого самочувствия отказался на эту проверку выйти. Дал мне позвонить матери, сказал, что поищет денег, чтобы я еще раз мог залезть в инет (я забыл посмотреть, повесила ли Е.С. что–нибудь на “моем” сайте об отказе Нижегородского облсуда в кассационной жалобе по УДО). Но – тут же стал опять клянчить, чтобы я купил ему сегодня в ларьке пачку чая и конфеты, – всего на 53 р., между прочим. Он, видите ли, “чифирит”, чтобы открыть глаза, прийти в себя, и т.п., и поэтому пачки чая ему хватает дай бог на день...

12–53

Только что, после проверки, прибегало уже лично замглавнокомандующее блатное чмо и лично вытрясало опять из меня 5 пачек чая (105 р.). Таким образом, совокупное вымогаемое :) составляет на сегодня (до ларька еще час с лишним, и оно

может возрасти) 158 р. При том, что себе я планирую купить, если там будет все мне нужное, еды–питья на 121 рубль...

15.8.09. 6–53

Вчера к ночи эти блатные мрази во главе с шимпанзе напились пьяные (нажрались, видимо, самогона) и больше полночи пьяно орали и буянили здесь же, в секции, где спит полно народу. Свет шимпанзе само (!) велело погасить достаточно рано, но музыку они слушали тут на полную громкость – и в 12 ночи, и в час, и в 2... Прекрасные, лирические, очень красивые, между прочим, песни Михаила Круга, со скрипкой на фоне оркестра; слушать их днем – большое наслаждение для меня; но ночью это была пытка. Я успел заснуть, и эти выродки меня разбудили, – еще не было и 12–ти ночи. Вовсю орала музыка; шимпанзе громко орало по телефону, просто так (разговоры с окружающими, которые орали и гомонили тоже), плюс – частые истерические, бессмысленные, бешеные пьяные вскрики, в том числе о том, что ему все “по...й!” (вплоть до криков стремщика о передвижении “мусоров”).

Когда, уже долго после 12–ти, первый обход дошел до нас – “мусора” тотчас заметили (вслух сказали), что тут все пьяные, а кто–то с похмелья; шимпанзе же, выключив магнитофон, строго говорило “мусорам”: “Тише, мужики отдыхают!”. Когда ушли – музыку включили снова на той же громкости, начались те же крики и гомон. Окончательно выключили магнитофон только тогда, когда розетка из–под него понадобилась, чтобы заряжать телефон. Но орала бесхвостая тварь временами еще и долго после этого. Я уже думал, что все, не усну больше до утра, но после полтретьего (последнее время, которое, помню, смотрел на часах) все же уснул – почти на 3 часа, остававшихся до подъема.

С утра, под сырое серое небо (ночью был дождь) вышел на зарядку, как все время теперь, – никого не было, а уже после зарядки явился Степышев. Не успел еще до конца приготовить себе завтрак – как эти полублатные ублюдки–соседи уже выкрутили лампочку из люстры и опять завалились спать; а из окна света почти никакого.

Не сломалось ли автоотключение у чайничка? Вчера один идиот его выключил раньше, и он потом что–то не отключался у меня автоматически. Приду с завтрака – проверю.

Этим блатным ублюдкам вчера в ларьке я купил–таки одну пачку чаю вместо пяти, – жалею, корю себя, не надо было брать и одну. Купил зато “телефонисту” все, что он просил. Но эта сверхнаглая мразь, позвав меня к “дороге”, стала клянчить еще и “какую–нибудь железку”, т.е. банку консервов, упирая на то, что оно несколько дней не ело ничего, кроме хлеба. (Прямо: “Месье,

же не манж па сис жур!” :) Я отдал одну маленькую баночку, мне сейчас не нужную (консервов до новой передачи хватит). Это животное пришло ко мне после отбоя, я залез в инет на “свой” сайт – посмотреть, обновляет ли его Е.С. Оказалось – да, даже больше, чем я думал: кроме сообщения об отказе в кассации по УДО 21 июля, там еще висит сообщение о короткой свиданке с матерью 29 июня. А в “свой” ЖЖ, заведенный Маней, залезть я так и не смог, сколько ни пытался. Позвонил еще раз матери, – связь все время пропадала, она меня не слышала, но все же успела сообщить, что Глеб Эделев по почте прислал мне в подарок к д/р мобильник. Вот уж я не ожидал!

Вчера же получилась заказным письмом открытка от Мани, тоже к д/р. Не с цветами, как обычно бывает, а – кошки, играющие с клубком. Рисунок типа карандашного. Молодец она, умеет выбирать не банальные, интересные открытки.

Ни малейшей попытки остановить бешеную обезьянью ночную вакханалию, музыку и крики, разумеется, никто в секции не сделал.

22–19

Жизнь абсолютно бессмысленна. Как ни спорь, ни отказывайся, а подогнать легковушку, до самой крыши нагруженную тротилом, к отделению милиции, или, скажем, к мэрии в небольшом городке, и взорвать, сидя за рулем, – это высшая точка, апофеоз, обретение высочайшего смысла всей твоей прожитой жизни. Смертник, погибший в борьбе против русского государства (любого века и формы правления), автоматически становится праведником.

Война на Северном Кавказе (Чечня, Ингушетия, Дагестан) не утихает. После всех жесточайших карательных мер, после окончательного торжества путинщины в России, после убийства Басаева, подлинного гения этой войны, – она не утихает настолько, что о ней почти каждый день вынужден сообщать феерически лживый 1–й канал! Магомедтагиров, Евкуров, регулярные взрывы в Чечне, убийства ментов в Дагестане, и т.д. и т.п. – война не утихает, и это самая хорошая, просто отличная политическая новость последнего времени.

Латыши выпускают прекрасную копченую рыбу – корюшку в консервированном виде. Просто прелесть. Что выпускают под именем “корюшка” на банках русские? В “Краснодарском крае” (земли истребленных шапсугов и полуистребленных, полувыселенных в Турцию черкесов) они не додумались ни до чего лучшего, как под этой маркой продавать прямо “неразделанных” (так написано на банке), с хвостами и головами (!), крохотных рыбешек в слабеньком, почти безвкусном

“томатном соусе”. Это – впечатления от ужина.

Слава богу, чайник отключается нормально, не сломался вчера.

16.8.09. 12–35

Только что прошла проверка. Во время нее наглое, невыносимо омерзительное шимпанзе в строй вообще не становилось, а в белой майке без рукавов, в спортивных штанах и без всякой вообще шапки разгуливало по двору, орало: “пойдем домой!” и на глазах у пришедшего считать “мусора”, повернувшись к нему спиной, разговаривало через щель в заборе с 7–м бараком. Так или почти так оно ведет себя теперь постоянно, на всех проверках, но – за это его давно уже не записывают, не выносят выговоров, не сажают в ШИЗО, даже не требуют пойти переодеться, как у других. Видимо, с ним у администрации достигнута какая–то договоренность о том, что под конец срока его трогать не будут, фактически ему будет позволено все. Осталось этой твари здесь всего 18 дней. Конечно, после ее освобождения обличать администрацию в сознательном нарушении для данного з/к установленного для всех порядка будет глупо и поздно, но тем не менее – это явное и открытое нарушение администрацией ее же собственных правил, обязательных для всех остальных. Т.е. – выборочное применение закона, как и всегда в России.

17.8.09. 7–00

Вчера опять весь день не было света. Я уж думал – не дадут и к ужину моему (19–30), но дали. У столовки шла бурная деятельность – валялись провода поверх забора “локалки”, их натягивали веревками с земли, монтеры лазили по столбам... Натягивали провода по всей линии от столовки до вахты, там штук 5 столбов по прямой.

А во дворах (“локалках”) опять весь день жгли костерки – варили чифир. Буреполом так и запомнится мне – с запахом дыма от этих костерков...

Удивительно, но не было сегодня с утра зарядки! Вышел за минуту–две до нее, как обычно, погулял, подождал, – ни самой зарядки, ни той музыки (песен), которые включают обычно перед ней, с 6 утра... К чему бы это, непонятно. “Праздника” сегодня уж точно никакого нет. И “мусора”, похоже, вовсе не ходили по баракам сегодня с утра...

15–04

Перед утренней проверкой, ближе к 11 часам, вдруг всех “обиженных” работяг погнали мыть и мести барак и двор. У меня сразу зародились нехорошие подозрения. И тут один из блатных “обиженных” (новый, недавно сюда приехавший и переведенный с

4–го) говорит одному из работяг, приказывая ему подмести двор: “... а то тут комиссия приехала”!!

Я сразу, пока все спали (особенно бандит–отморозок, мой сосед сверху), кинулся запихивать продуктовый баул под свою шконку и стелить красное одеяло. Быстренько все сделал, лег, довольный собой, :) и думаю: “Ну, сейчас начнется..”. Все как всегда – “культяшка”, каптерка, “сидора”, “лишние вещи”, бешеный вопли и личный контроль шимпанзе... Эх, не дотянули, чуть–чуть оставалось нам прожить без комиссий до его ухода, – всего каких–то 17 дней.

Но– нет, тишина! Ни до проверки, ни после – никаких собраний, криков, выносов, – ровно ничего! М.б., и правда (как мой злобный бандит–сосед из крайнего проходняка кому–то мельком сказал во дворе перед проверкой, если я верно расслышал) это просто выдумали “комиссию”, чтобы работяги энергичнее убирались?..

После проверки забрал я наконец–то недоделанную с прошлого ноября теплую жилетку у этого подонка, своего соседа–алкаша. Там оказался еще непочатый край работы: пришить с внутренней стороны всю подкладку, состоящую из трех кусков (бока и спина) и тоже обшитую с внутренней стороны синтепоном. Сам я за такую сложную работу не взялся бы даже дома, тем паче – здесь, на шконке, на коленках, в темноте, в тесноте, под их мешающий треп и чаепития через меня, без ножниц и пр. Кого прочить доделать, кроме “обиженного” Юры, я не знаю, – видимо, некого; но Юру допроситься будет не проще, чем того алкаша – его поминутно гоняют то убирать туалет, то что–то подметать в проходняках, то еще 120 видов работы ему находят. Он и захочет – ему некогда будет заниматься таким долгим, масштабным шитьем.

А старому алкашу через 4 месяца домой, и уже давно он перестал при напоминаниях даже обещать, что доделает мне эту жилетку. Отдавая, показывая, где что, – так и сказал: мол, ЧТО я, еще что–то шить, что ли, здесь буду? Мне уже все насто...ло.

Очень примечательна была процедура обеда – в своей типичной, безнадежной убогости, унылой совковости, проклятой этой тупой примитивности, – каменный век какой–то, ей–богу! Двигаю к себе миску с супом – их наливают на одном конце длинного стола, я сижу на другом. Миски – алюминиевые, штамповка, чуть не 50–х гг. по виду. Не знаю уж, почему, но у всех у них (т.к. сегодняшний случай далеко не первый) донышки – не плоские, как должны бы быть, не ровные, а какие–то деформированные, с выступами, что ли, какими–то, – миска стоит на столе не ровно, а накренена в сторону. Понятно, что если она

полная, да еще ее начать двигать, – с той стороны, куда она накренена, потечет. Так и случилось. Двинул к себе – потекло. На стол, с краю, а потом – если не отодвинуться, не заметить вовремя – с края стола польется мне на брюки, вот в чем главная опасность!.. Ну, кое–как вроде выровнял ее, достаю приправу, чтобы сдобрить эту баланду, – а миска опять накренилась, опять потекло, да много так!.. Еще раз выровнял, достаю, сыплю – а она опять!.. Сука! Уж я не знал, куда двигаться – на самый край стола или к середине, чтобы это море разливанное со стола не обрушилось водопадом мне на колени. Этого удалось избежать, но сам случай очень типичен – именно в этом своем казенном, уныло–безнадежном идиотизме. В этой проклятой стране, в этом вечном, махровом, безнадежном совке всегда будет так. Все, что здесь сделано, а особенно – бесплатно предоставлено тебе государством, – все будет портиться, ломаться, проливаться на брюки, и т.д. и т.п. Достаточно сказать, что на достаточно новой пружинной шконке, на которой я здесь сплю почти уже год и 8 месяцев – за это время с той стороны, на которой я сижу, лопнули, сломались все (!) 7 (!!) стальных (!!!) скоб, которыми сетка крепится к стальной же раме на ножках...

С утра были разговоры, что опять отключат свет – видимо, на весь день, как вчера, – но до сих пор так и не отключили.

Перечитывал, переписывая, этот свой дневник за тот год, за начало этого. Когда–то мне казалось большой проблемой – не позвонить матери или если она не дозвонится хотя бы раз в день. А теперь – ей особо дозваниваться некуда (номер в бараке включают редко), а я – сознательно отказываюсь, даже когда есть возможность, пользоваться ею КАЖДЫЙ день. До завтра, до послезавтра, если нет ничего срочного, я всегда могу подождать...

Пока пишу, долговязый хмырь–наглец, мой бывший сосед по проходняку год назад, по телефону говорит матери: “Комиссия в лагере”.

18.8.09. 7–08

Зарядки с утра опять нет. Феномен разъяснился просто: один полублатной, встреченный мной в это время во дворе (и весьма недовольный, как выяснилось из приватного разговора, давлением местного блатного начальства и его тесным сотрудничеством с начальством официальным), сказал, что “там” нет проводов – поэтому зарядку просто нельзя включить, не работают, видимо, динамики, через которые ее крутят.

Мучительные размышления: стелить или нет красное одеяло. Тревога по “комиссии” вчера так и не была объявлена, но она носится в воздухе. Как бы сегодня перед проверкой не оказалось уже поздно все прятать...

Огромное, оглушительное, феерическое впечатление от вчерашних новостей по ТВ: в Назрани подогнанной “газелью” со взрывчаткой разнесено местное здание УВД, 20 “мусоров” погибли, больше 100 ранено, здание УВД полуразрушено. Да, пока я здесь сижу, национально–освободительная война кавказских народов продолжается! Браво! Браво! Браво! Смерть русским оккупантам и их прислужникам на Кавказе! И – почему трусливые русские рабы не могут так же у себя дома?..

19.8.09. 18–09

Центральное событие дня: 2 подонка подрались из–за третьего. Точнее, не подрались, конечно, – односторонний мордобой нельзя назвать дракой. А просто шимпанзе в припадке ярости, под бешеные вопли и матерщину, на глазах целой собравшейся в конце секции толпы несколько раз ударило по лицу этого дебильного долговязого лося – моего год назад соседа, хамски садившегося мне прямо на ноги. И тот мразь, и этот, обоих бы (как и весь этот барак) – прямо в топку крематория живьем, или в переработку на мыло... Долговязый лось был бит за то, что “не дает жизни старине” – старому хрычу, переехавшему месяца 2 назад в проходняк напротив долговязого, у окна, через главный проход секции. Лось, на самом деле, не одному этому хрычу, а всем своим соседям (как и мне когда–то) не давал жизни, круглосуточно собирая у себя в проходняке толпу из 4–5 земляков, из того же городишка, что и он, причем большинство земляков приходят с других бараков и торчат тут целые дни напролет. Жаловался ли хрыч обезьяне, или просто упомянул в разговоре (шимпанзе любит поговорить добродушно, покровительственно тут со старичками) – но лось был бит раз 5 по роже – и сдачи, разумеется, не дал, хотя мог бы, он достаточно рослый и здоровый.

А зато вчера ночью, когда около 12–ти или часу, не помню, я проснулся от громких, как в лесу, криков этой твари, подпевавшей магнитофону, просто разговаривавшей с кем–то, и т.д., но оравшей при этом как бешеная, – так вот, вчера ночью впервые за целый год безраздельного господства этой бесхвостой нечисти в бараке кто–то сказал ей громко на ее крики: “Да утухни ты там!”. Это чмо тут же начало спрашивать: почему, потому что “отдыхают”, да? А тебе не спится? – и пр., но вскоре действительно заткнулось, или ушло куда–то.

Из других событий дня, – только вышел из столовой, спустился со ступенек ее крыльца и хотел идти, – сзади, как чертик из табакерки, вдруг выскакивает обезьяний зам, главпровокатор. И этак деловито говорит: “Ну что, Борян, сто рублей выбьем?” Пришлось отбиваться еще и от этой твари, и

когда я, сказав, что денег уже нет, пошел все же в ларек – тратить последние остатки, как я объяснил ему, – он язвительно сказал: “Последние 3 тысячи, ага!”. Дурачок, знал бы он... Слава богу, в ларьке его при мне не было, ЧТО я беру, он не видел, а когда, уже много позже меня, с другими блатными тоже пришел из ларька, через 5 минут “обиженный” пронес из того конца секции целую охапку пустых пачек из–под чая. Слава богу, нашли эти суки деньги на свой чай и без меня, обошлись!..

21.8.09. 17–20

4 дня возился бедолага Юра, “обиженный”, доделывая мне жилетку из телогрейки. Я забрал ее у этого старого подонка, моего соседа–алкаша, и отдал Юре. Кроме “только вшить подкладку”, как говорил алкаш, там было еще до фига работы, и несчастный Юра все эти дни как проклятый только шил и перешивал, проклиная старого алкаша, который то немногое, что успел сделать сам, сделал так безобразно, что пришлось многое распарывать и переделывать. Низ у телогрейки отрезал он тоже безобразно, кое–как. В результате “жилетка” получилась кургузой, кривобокой. Настолько кустарной, что смотреть противно. Как и всегда, подкладка оказалась короче, чем наружная ткань, и всю ее по бокам и низу тянет, края не висят свободно, как должны, а загибаются внутрь. Уродство... Но зато и мерзкий алкаш, и даже другой мой сосед, вшивый, уже задолго до конца работы одолели Юру: дал ли я ему уже за нее сигареты и если дал, то пусть он поделится с ними. Алкаш так и заявил мне: мол, я с Юрой договорился, ему дашь на пачку меньше, а эту пачку – мне. За какие заслуги – непонятно: недоделанная жилетка валялась у него аж с ноября, сделал он ее меньше чем наполовину, и то – безобразно. Дурачок Юра тоже – только я попросил его, в качестве последнего штриха, пришить петлю, чтобы вешать жилетку, но пришить не с самого верха, а пониже, – этот дурень тотчас же и пришил ее именно с самого верху, оденешь – а она торчит у тебя на затылке. Переделать эту петлю не соберется вот уже сутки. Зато сегодня таки выклянчил купить ему в ларьке пачку чаю. Вещи мои стирать после бани (пятница) тоже так и не взял – дай бог, чтобы завтра с утра...

А в остальном – пока все спокойно (кроме постоянно беснующегося и орущего шимпанзе, которому осталось 13 дней). В бане не только не вставили стекла, но и форточка – минимум 1 из 2–х – перестала вообще закрываться, я сегодня пробовал. Они обе и раньше не закрывались плотно, щель в 2 пальца шириной оставалась даже зимой. А тут – одна вообще никак, едва до половины. Зато на тех 2–х окнах, где нет части стекла, снаружи еще неделю с лишним назад приварили решетки. Очень

символично, не правда ли? Стекол это государство может и не вставлять, – простуживайтесь, болейте, хоть сдохните, – а вот решетку оно наварит обязательно, чтобы, упаси бог, кто не сбежал (хотя там и до этого были решетки, но поменьше). Мох почти счистили с подоконников, но на стенках глубоченных оконных ниш он весь остался. А в предбаннике/раздевалке в одном окне, где был какой–то вентилятор с дверцей в форточном проеме, сегодня оказалась зияющая пустота. Если не сделают до холодов, то в этот выстуженный, ледяной предбанник придется выходить распаренным прямо из–под душа...

В ларьке ничего не вымогали, – просто чудо! (Позже сегодня притащили 2 посылки, вечером должны еще одну. Чай и курево на "общем" будут!.. :) Но – вместо обещанного вчерашнего вечера сегодня после проверки явился "телефонист" – и таки выклянчил, сука, еще одну пачку чая себе. Купил ему, купил Юре – вот уже 42 рубля вылетели махом, ни за что ни про что...

За работу сегодня, считай, не брался – переписал меньше 1–й странички между проверкой и обедом. Хочу взяться после 6 вечера, но надежды мало. А кругом уже вовсю бродит всякая погань и мешает.

23.8.09. 9–07

Пришел сегодня с завтрака довольно рано – а шимпанзе уже проснулось! Уже орет, вякает и квакает, сука, из своего угла... Сейчас вся блатная мразь с этой обезьяной во главе собралась в конце секции, расселись на табуретках и, по всему судя, курят анашу или что–то в этом духе. То и дело – взрывы отвратительного, визгливого хохота. Начали праздновать... У них тут череда дней рождения – у одного сегодня, у другого – долговязой вши, 4–го числа переведенной на 5–й, – 25–го, и, м.б., придет отмечать сюда; у третьего – 30–го. Про свой день рождения, будь он проклят, даже вспоминать мне не хочется. Само это рождение было нелепой ошибкой природы. Родился, чтобы мучиться всю жизнь...

Сейчас, в 9, должны были отключить свет. Запаздывают что–то... Билайн", говорят, не работает еще с ночи. Так что связи с матерью сегодня, скорее всего, не будет. А вчера, в час или полвторого (полвторого, точно, я еще на часы взглянул, идя в "маленькую секцию") – только успели поговорить с ней минуту – прется Степышев, 5–й прошел... И оказалось – прямо к нам. Так и не поговорили толком.

Эти визгливые твари в конце секции громко вспоминают, кого еще можно позвать курить эту их дрянь, и громкими криками зовут. Велят будить, если спят.

Вот уже 2 года я наблюдаю их здесь, на этом бараке, этих

тварей. В тюрьме не было такого простора наблюдать, камера – человек 20 максимум (не максимум, сколько набивают вообще, а максимум для той 12–местной “1–й сборки”, где сидел я). А тут – сразу 100 с лишним. Русское пьяное быдло… (О блатных я вообще не говорю, только о быдле). Сиволапое, примитивное, абсолютно невежественное, ни о чем не имеющее понятия; знающее только одно в жизни – алкоголь. Водка, самогон, разные спиртовые настойки из аптеки… Животные. Нечисть. Пить – и воровать, или еще как–то пристроиться жить на халяву, за чужой счет. Работать не любят и не хотят, а если и работают – из рук вон, результаты обычно никуда не годны. И не только русское это быдло – все покоренные ими народы они тоже втянули в эту свою орбиту, тоже растлили, споили, оскотинили… Татарин, чуваш, аварец, азербайджанец, армянин – тут, в этой помойной, блевотной пьяно–сиволапой расейской среде отличий и у них не заметно или почти не заметно (разве что чуть–чуть у кавказцев. Но настоящие кавказцы, настоящие мусульмане – те воюют против русских оккупантов в горах Чечни, взрывают их ментовки в Ингушетии и Дагестане, а эти, здесь, внутри, – русские подстилки…). А уж как пьют северные малочисленные народы, как алкоголь стал оружием не только русского колониализма, но и геноцида (а газ, нефть, алмазы и пр. из их земли Москва забирает себе), – это уж и вообще притча во языцех…

Ясно одно: пьяное, тупое, бессмысленное (двуногие скоты с интеллектом меньше, чем у коровы) русское быдло само по себе является девальвацией прав человека. Не только отрицанием их, но и девальвацией, проституированием, втаптыванием в грязь. Если ТАКИМ давать все права, признавать их людьми наравне с ДЕЙСТВИТЕЛЬНО людьми, нормальными, цивилизованными, – то сами права обесцениваются, девальвируются, теряют всякий смысл. Кого могут избрать 99% тупого пьяного быдла, если им дать избирательные права, – КТО, как не их, по их образу и подобию, избранник будет властвовать и над 1% приличных людей в стране; кто, как не из таких же вот, да еще сознательно под их вкусы подлаживающихся депутатов состоящий парламент, будет принимать для нас, нормальных людей, законы? Такая же тупая падаль… Девальвация прав человека, отданных быдлу, – вот к чему мы пришли в итоге. Море мрази вокруг… Тупые ублюдки хохочут и визжат в конце секции… И что делать – неизвестно… Самым лучшим вариантом – но как его оформить, как реализовать на практике?! – была бы демократия по образцу древнегреческой, в которой рабы прав не имели. Вот и это пьяное сиволапое быдло надо бы вообще вывести из политики, – пусть пьют и работают на своих пилорамах и пр. Или шляхетская

республика в Польше, где был высочайший уровень демократии, было liberum veto, король избирался и смещался сеймом (или съездами шляхты?), – но хлопы во всем этом справедливо не участвовали...

13–15

Явился отрядник – 1–й день после отпуска, с 6 июля, и проводил утреннюю проверку. Черт бы его подрал. Жизнь опять усложняется. Завтра – в обязательном порядке марш–марш в робе на зарядку с утра. Пока он в бараке – и не поговорить по телефону...

Свет и вправду выключали в 10–м часу ура, но еще до проверки включили, сейчас он есть. Запасы воды, загодя сделанные не пригодились.

Маленькое, молоденькое и совершенно омерзительное уголовное чмо с тупой харей, уже 2–й раз “заехавшее” в эту зону – на сей раз к моим соседям, в соседний проходняк– за отобранный на улице у женщины телефон – , – замучилось, по его словам, “чухаться”: нашло у себя вошь. Ему, разумеется, объяснили, откуда она, подробно рассказали про вшивого старикашку под ним (уже в моем проходняке).Теперь, сидя среди своих в соседнем со мной проходняке, оно одержимо идеей выселить вшивого в “фойе”, для чего хочет даже “поговорить” с шимпанзе. А само при этом планирует лечь вниз, на место вшивого. Что ж, мерзкая обезьяна в последние дни своего пребывания здесь вполне может устроить и такую пакость, – отпора ей никто не дает и не даст. Дальнейший ход событий известен заранее: полублатные ублюдки–соседи захватят место вшивого, завесятся от меня занавеской – это бы дай бог, чтобы век их не видеть, хари эти гнусные! – но и мои вещи, мой продуктовый баул, стоящий сейчас (с 30.12.07) под шконкой вшивого, они тотчас и неминуемо выкинут...

24.8.09. 9–01

Опять комиссия. Уже 2–я за август, – когда, как мне казалось, из–за глухого летнего времени и сезона отпусков их не должно быть... Уже 14–я с ноября прошлого года, за неполный год.

Еще вчера, когда уже лег спать, залез под одеяло, – я слышал, как кто–то, ходя мимо меня по секции с телефоном (у них такая привычка говорить по телефону – ходя по узкому проходу секции взад–вперед и мешая пройти другим), говорил, что решено оставить всего по 2 телефона на барак, остальные спрятать, как и вольные вещи. Я сразу насторожился, но ЧТО было делать? Вскакивать и прятать баул из–под соседней шконки под свою?..

Утром, лежа в ожидании зарядки, я увидел, как один из самых злобных блатных вдруг протащил в каптерку 2 спортивных

сумки. Сомнений больше не оставалось: 2 факта – вчерашний и сегодняшний, – это те 2 точки, через которые можно провести только одну прямую, сделать только один вывод... После зарядки и отрядника в 6–15 (все как всегда!..), только зашли в барак – “мужиков” позвали в “культяшку”. Пришли не все, а примерно половина, и главный провокатор коротко сказал: приехала комиссия с 16–й, кто – неизвестно, “и по режиму, и по всему; будут ходить по баракам, наверное, зайдут и к нам”, так что надо убрать сумки и вольные вещи, одеть робы.

Откуда он знает, что будут ходить по баракам, тем более, что зайдут к нам, не сама ли эта неизвестная комиссия ему об этом доложила, – обо всем этом главпровокатор не сказал ни слова, и никто ему, разумеется, этих вопросов не задал, – поверили на слово... :) Я расстелил красное одеяло, засунул под шконку продуктовый баул, передвинул вещевой, – и вроде ничего, обошлось. Слава богу, что отморозок–сосед сверху, если и видел это, не поднял крик и не побежал доносить, – честно говоря, именно в таком духе поведения я ожидал от него, когда он сюда заселялся, но пока все обстоит несколько лучше, чем я думал.

Ужасная тоска, – как и всегда, а уж при “комиссиях” и прятаньи баулов – особенно. Хорошо еще, шимпанзе (видимо, в последние дни срока наплевав на все) не лазило лично проверять, все ли у всех убрано, как когда–то, той зимой...

Вот так вот весело я отмечаю тут свой день рождения! :)))))))))) Очень весело... 4–й д/р в неволе, 3–й – на этой зоне. Мама, роди меня обратно!..

А в голове у меня, после этих новостей, все утро звучит “Владимирский централ” Михаила Круга, и я тихонько напеваю про себя те строки, которые помню. Наверное, это самая лучшая песня и лучшая мелодия для таких глубоко, безысходно–трагических жизненных ситуаций, как эта, в которой оказался я...

А вчера тоже было прикольно. На обед все поперлись, как постоянно теперь, минут на 10 раньше срока; я вышел одним из последних, а вся толпа уже была в том конце “продола”. Но еще позже, когда я уже сидел за столом в столовке, – туда вдруг, неожиданно, явилось шимпанзе! Что за блажь пришла в эту обезьянью башку – пойти вдруг в столовую? М.б., потому, что как раз в это время опять (ненадолго) выключили свет? После же возвращения в барак эта тварь собрала всех в “культяшке” (нет, не на все ей еще наплевать за 11 дней до конца срока, вы подумайте!..) и опять произнесла очередную пламенную речугу о своих любимых предметах – “общении”, “движении”, “уважении” и т.п. Темой речуги было то, что эта тварь вот сейчас решила пойти в столовую – и увидела, что все идут по одному, не как

надо, не ждут друг друга. (На самом деле, когда оно только вышло из барака, все, должно быть, уже подходили к столовке, – КОГО уж оно могло там по дороге увидеть?..) Мол, нужно иметь уважение друг к другу, ждать друг друга и идти вместе, а то вдруг кто–нибудь – старый или больной – упадет, и его некому будет поднять; или "мусора" увидят, что кто–то идет один, "барак нету" – и "закроют" его в ШИЗО, и некому будет его отстоять. (То–то они офигенно так отстаивают, когда прямо в барак звонят с вахты и называют, кому идти в ШИЗО!..) "Общение – это движение, а движение – это жизнь!" – любимая демагогическая формула, мантра, повторяемая в любой речи, по любому поводу и по многу раз в день. И т.д. и т.п. Минут 10–15 чистой, наглой, глупой, феерической демагогии. Когда я это слушал, – как и всегда при этих обезьяньих речах под общее верноподданное кивание, – меня разбирал неудержимый внутренний смех.

25.8.09. 9–08

Вчерашний день опять был безумным. Никакая комиссия, разумеется, по баракам не ходила, но хватило и без нее...

Вышли на обед, – пока собирались, ко мне подошел вдруг главпровокатор. Эта блатная нечисть (вся, не он один) действительно следит за всеми и все замечает. Данная мразь вдруг докопалась до того, что после вчерашнего "разговора" (шимпанзе со всей прочей швалью) я ушел из столовой, не дожидаясь все стадо. О том, что у меня есть бумажка на право свободно ходить, оно не знало, и спросило, почему я не сказал об этом (хотя меня об этом никто не спрашивал). Я сказал, что, если и прицепятся ко мне "мусора", то я поговорю с ними сам, я умею с ними разговаривать. Да и не задавали мне "мусора" ни разу таких вопросов (почему хожу один), а задала первой вот эта тварь... – "С "мусорами" умеешь разговаривать, а со мной не умеешь. Дерзить начинаешь..." – "Было бы кому дерзить..." – ответил я. Разговор происходил спокойно, тихо, не повышая голоса. Это чмо пообещало, что если оно начнет ругаться, то я вспотею. – Я тоже могу начать, – ответил я. – Как начнешь, так и закончишь. – Так же, как и ты. – После этой моей фразы оно отошло от меня, и я почувствовал, и до сих пор чувствую себя в этой схватке победителем...

"Телефонист" пришел не после обеда, как обещал, а после ужина, и то не сразу, когда я его уже и ждать перестал, и сидел в омерзительном, тоскливом настроении, – все же и к матери этот д/р мой имеет отношение, это и ее праздник, а я даже позвонить ей не могу... Тут он пришел – а уже вскоре должен явиться отрядник, времени мало! – я позвонил матери; у нее как раз были занятия, но уже кончались. Ученица пришла без денег (2 тыс. р.).

но – у подъезда ее ждала мать, и, пока мы разговаривали, она вернулась и отдала деньги! Надо же так удачно! Тут ведь “телефонист” все вытрясал с меня эту 1000 р. – деньги за “дорогу”, присланные Маней вместе с “трубой”, он отдал, чтобы в Нижнем эту “трубу” поменяли на более тонкую, которую удобнее проносить в зону. “Дорогу” же оплачивать стало нечем, и он вот уже несколько дней тряс эту сумму с меня, а мать говорила, что денег нет, даже на лекарства ей не хватает. Я уж хотел – вполне безнадежно, понимая, что они не дадут, но для очистки совести и для демонстрации “телефонисту”исчерпания моих возможностей – звонить Е.С. и даже Карамьяну (!), – но тут мать наконец согласилась, да еще, чтобы успеть в Нижнем отдать эти деньги до 27–го, когда поедут сюда на свиданку к кому–то, – ей пришлось тащиться на почту отправлять их прямо сейчас же, в 7 вечера, под проливным дождем...

Мне было страшно неудобно, неловко говорить ей все это – опять просить деньги, нужные не мне, а этому наглецу; диктовать адрес, куда послать; торопить идти на почту прямо сейчас, сразу после занятий, не отдохнув, да еще под дождем... Так неловко, стыдно, омерзительно я редко себя чувствовал на воле, да и здесь – не так часто приходилось говорить с ней не от себя, а словно под чужую диктовку. Но поделать ничего было нельзя. “Телефонист” зато клялся, что и после своего освобождения в январе 2010 будет сюда звонить, звать меня к телефону, обеспечивать мне к нему доступ – через другого блатного, переведенного от нас на 7–1 4.8.09 и живущего в том же проходняке. Мол, и тот–то блатной (которому он намерен звонить с воли) ему будет нужен только ради меня. – А я зачем нужен? – Ну как же, ты мне сделал столько добра, я этого не забуду... Цена этим обещаниям – грош, это ясно с несомненностью уже сейчас; но я, слава богу, не столь наивен, чтобы поверить – и кормить его еще 4 месяца, до освобождения...

На закуску, под вечер, как финальный аккорд дня – с 20–30 до 21–00 была очередная пламенная проповедь бесхвостой обезьяны на любимые темы. Только успел поесть и вымыть миску, хотел идти ставить чайник для чая, – “Мужики, давайте соберемся!”. Я, идиот, тоже поперся, – вдруг еще какая–то беда, хотя уж хуже утренней комиссии и каптерки ЧТО может быть?..

Оказалось, собрало это быдло другое блатное отродье, совершенно отмороженный гопник, ходящий тут в блатных наивысшей категории. Тема – “игра” (в карты, естественно). Сообщение – сколько теперь будут стоить какие сигареты и чем еще можно рассчитываться за карточные долги – заняла ровно 2 минуты и вовсе не требовала присутствия 2/3 барака. Но – в

самом начале, еще до открытия этой темы – в “культяшку влезло через окно (“дорогу”) шимпанзе с телефоном в лапах. Оно тоже захотело что–то добавить насчет игры (почему в бараке так мало играют?..) – и тут его понесло...

Это было феерическое зрелище! “Я, должно быть, везуч, – наблюдаю все это вблизи...” Быдло и блатные сидели на скамейках и стояли вдоль стен по периметру комнаты, середина была пуста. И туда–сюда по этой пустоте ходили вместе, рядышком, как обычно здесь ходят по двору, эти 2 обезьяны – побольше и поменьше, “игровая” (та, что собрала барак) и “основная”, так сказать, – шимпанзе; и это шимпанзе вещало. Пена летела изо рта, пополам с матом через каждое слово, – так оно вскоре раздухарилось и разошлось. Сперва – почему в бараке мало играют, и как играли в лагерях раньше (оно–то это видело?..). Потом – что вот, Амир (отрядник) пришел, и кто будет ходить рассказывать ему, какие разговоры здесь ведутся, тот такой–сякой, и угрозы физической расправы. Потом – любимая тема: что нет “общения”, мало общаются в бараке между собой, все проходняки завесили уже даже не простынями, а одеялами, – должно быть, сексом занимаются. Друг друга по неделям не видят, встречаются случайно на проверке: “тебя еще не освободили?!”. А пришел Амир с утра – все “шкерки” убрали и все побежали на улицу. Потом – еще более любимый бред: почему никто не звонит в ШИЗО и БУР, не интересуется, кто там сидит и как у них дела? Если бы туда звонили, общались, интересовались, то у тех, кто там сидит и “страдает” без свежего воздуха, без ТВ и DVD, как у нас тут, то у этих “страдальцев” от поддержки звонящих “мужиков” душа бы возрадовалась и укрепилась так, что они хоть 10 лет готовы были бы там сидеть. (Даже домой позвонить – телефон не допросишься, то на зарядке, тот занят целые дни, не то что – звонить в ШИЗО незнакомым этим “страдальцам”. Даже если дадут тебе “цифры” “под крышей” – кого там конкретно спрашивать, если вообще никого из них не знаешь?..) “Я – это я, я один такой, Аллах только мне отдает душу”, “Кто не с нами – тот под нами!”, “Мужик – это до х... дела!”. “Чистый душа” и “горячий кровь”. “Покажем наш арестантский лицо!” Много трепа о “поддержке”, “уважении”, “общении”, “движении” (любимое: “Общение – это движение, а движение – это жизнь!”), назывании друг друга “братом”, вИдении лиц друг друга, и т.д. и т.п. Весь поток этого безумного, истерического, фанатического, совершенно не связанного с реальностью бреда я просто не в силах передать, и дико жалел, что нет при себе диктофона. Кстати, очень типичное состояние для неофита, лишь недавно приобщившегося к какой–либо

идеологии. Я–то помню, каким тихеньким и незаметным это чмо приехало сюда – где–то в ноябре 2007. Никаких громких речей о “воровском” и “чистой душе” оно тогда не толкало, вообще вперед не лезло, а раздухарилось уже потом – с осени 2008 г., после первой (кажись) долгой отсидки в ШИЗО…

Пока эту мразь несло, я пару раз украдкой (!) взглядывал на часы. Так просто ведь оттуда не уйдешь – оно лопнет от ярости, а мой стандартный план – попить чаю и до проверки посмотреть “Время” – горел синим пламенем. Полдевятого (начало)… Без четверти девять… Наконец, в 9 ровно оно выдохлось и закончило, все разошлись. А в это время ведь в бараке сидел отрядник, и проверку он начнет точно по графику, в 21–30. Новости уже начались (я зашел, глянул, – ничего интересного, главная мировая новость –огромные лесные пожары в Греции, подбирающиеся к Афинам). Был выбор: поторопиться с чаем сейчас, или же отложить до после проверки.

Я решил, что успею сейчас: выпит кружку чаю нужно всего минут 15, и еще минут 7–8 – вскипятить чайник. Но тут меня ждало еще одно веселье. Пока я ужинал, до обезьяньей речи, полублатные подонки в соседнем проходняке так бесились, боролись между собой и валялись по шконкам, что шконку вшивого старичка – их соседа вплотную, в моем проходняке, – провалили полностью (одна из длинных продольных железных палок, на которые кладется щит, там отломана, не приварена к раме, и если долго трясти шконку, – выпадает, и щит одним боком проваливается). Так вот, прихожу с чайником – а вшивый сосед, загромоздив весь крохотный столик–табуретку своими коробками (из–под “гуманитарки”) с разным барахлом, стоит на своем щите на коленях, пытаясь пристроить железную палку на место. Он мелкий, слабенький, а щит здоровый и тяжелый, – не получается. Я сажусь – и его жопа оказывается прямо перед моим лицом, а грязные подошвы ботинок – в сантиметре от моих брюк (колен). И вот в такой обстановке мне предстоит пить чай с хорошим шоколадом, – ежевечерняя процедура исключительно для получения удовольствия.

Еще раз был выбор, – подождать, отложить. Но – я решаю не сдаваться, не поддаваться обстоятельствам, не давать им так легко разрушить мои планы. Ежевечерний чай – это ритуал, и никакой старый вшивый хрыч, копошащийся здесь жопой ко мне, не заставит меня его отменить. Сижу, пью чай, ем шоколад, как ни в чем не бывало (только вот время поджимает, проверка…).

И я был вознагражден за свою стойкость! Вшивый хрыч таки сам, в одиночку (хотя сосед–алкаш сперва ему помогал, а потом бросил и советовал поручить работу “обиженным”) починил

шконарь, ушел, убрав перед тем со стола свои коробки, – и половину чай и шоколада, если не больше, я выпил нормально, спокойно, без его мерзкой вшивой жопы перед носом, успев еще немного, как обычно здесь за чаем, поразмышлять философски о вечном, о своей судьбе, о грядущей свободе – и о сегодняшнем моем 35–м дне рождения...

27.8.09. 9–23

Вчера после обеда случилось одно маленькое смешное событие: к нам таки явилась комиссия! На третий день, когда уже и думать забыли, и ждать бросили, ни слуху ни духу не было о ней, и я уже с утра не стал стелить красное одеяло (2 дня стелил – и попусту...), сложил его, расставил по местам баулы, – и нА тебе!..

Еще перед обедом, после проверки, вдруг опять крикнули всем собраться. Устав от пламенных обезьяньих проповедей, я на сей раз твердо и решительно не пошел. Однако собранные вернулись буквально минут через 5 и принесли весть: оказывается, у столовой стоит грозная комиссия и проверяет форму одежды, так что на обед всем идти при полном параде! Было 1 час времени, ровно час до нашего обеда; и я сразу подумал, что столько она там не простоит. Так и случилось: когда мы пришли в начале 3–го, никакой комиссии уже не было.

После обеда пошли в ларек. Только я встал в очередь к кассе – тут же подскочило замглавнокомандующее блатное чмо с дежурным вопросом: “Выбьешь 100 рублей?”. Я твердо ответил: “Нет, не выбью. Нет возможности.”, – и оно откатилось прочь. Но, в отличие от недавних тощих времен, вчера уже настали тучные: целая гурьба блатных и полублатных с 13 отряда отоваривалась на 600–700 рублей, а кто и больше. Так что обезьяний зам имел полную возможность выполнить приказ своего (лишь по недоразумению) бесхвостого начальства: непременно купить чаю (“чифирнуть!”) и сладкого! Чаю и карамели было накуплено с лихвой, не считая десятка банок сгущенки ясно для какой цели...

Пришли в барак – и тут я уловил первые признаки начинающейся суматохи в разговорах полублатных соседей – что, мол, комиссия будет придираться даже к тому, что стоит на тумбочке, надо, мол, убрать лишние кружки, и т.д. Не теряя времени, я переставил к себе баул с едой и застелил одеяло. И тут началось! “Мужики, комиссия, уберите все лишние вещи!” – закричала самая лишняя в этом бараке вещь. Они тут же покорно понесли сумки в каптерку (только недавно, в понедельник вечером, забирали их оттуда после утренней суматохи). Я снял с торца шконки одежду, кое–что убрал, а основной свой “лепень” с биркой надел на себя. И тут шимпанзе пошло с обходом по

секции. Разносило кого–то за висящие носки, полотенца и пр., а дойдя до меня – похвалило, что я “режимный человек” и пр., многократно употребив при этом слово “журналист”. Если бы эта тварь знала, что под шконкой у меня стоят 2 неубранных баула, то, наверное, лопнула бы от ярости, и я умирал про себя со смеху, слушая эти похвалы… :)

Вскоре от стремщиков понеслись известия: “Комиссия на наш продол!”, “Комиссия на 12–м!”, и затем вдруг сразу – неожиданно – “Комиссия к нам!”.

Я видел в окно напротив (специально встал посмотреть), как они прошли по двору, осматривая забор, выходящий на глухую сторону запретки. До десятка “мусоров” в камуфляже, какие–то здоровенные, жирные, как боровы, начальники в огромных фуражках, и с ними наши – Пименов, шедший позади; а кто–то говорил, что и Степышев присутствовал, но его я не видел, да и не вглядывался особо.

Долго стояли у этого забора во дворе, потом полазили по “спортгородку”, а потом – вошли в барак через дальний вход у “кухни”. Увидев это в окно, вся блатная шобла кинулась из своего конца секции в наш и дальше – в “фойе”. Я и еще некоторые в этом конце ждали, сидя на своих шконках. Стоя в “фойе” и через открытую дверь глядя в секцию, шимпанзе, бывшее на сей раз в веселом расположении духа, громко заявило: если будут спрашивать меня, то меня на бараке нет, я лежу в санчасти. К моему удивлению, это вызвало презрительную усмешку моего самого наглого полублатного соседа в захваченном проходняке (захватчики сидели тут же, у себя): до этого казалось, что более верного прихвостня у мерзкой обезьяны нет во всем бараке…

Потерлись в “культяшке”, потом через блатной конец секции зашли в большую секцию, пошли по проходу. Тут я встал и вышел: до омерзения противна была сама мысль, что сейчас надо будет здороваться с ними, да еще для этого вставать (политзаключенные, как известно, имеют право не вставать при приближении начальства), да и черт знает, к чему эти бандиты в форме прицепятся… Из “фойе” через открытую дверь я увидел, что, пройдя по секции лишь чуть–чуть, они сгрудились там, что–то рассматривая, а потом пошли назад и вышли из секции. Пошли в “маленькую” – донес кто–то из наблюдателей. Я опять зашел и сел на свою шконку. Потом комиссия прошла по коридору, зашла, говорят, и в наш жуткий туалет, остановилась в “фойе” у “фазы”, и один здоровенный, краснорожий “мусор”, стоя там лицом ко мне, спрашивал маленького, щупленького, тщедушного пацана–“общественника”, почему, мол, у вас здесь место для кипячения и пр. (не слышал точно слов, но смысл был такой),

когда у вас тут есть целое специальное помещение (“кухня”). Тот объяснял ему, что там всего 2 розетки, а “мусор” спрашивал, почему бы там не провести их еще, и почему там “не выдержит” (со слов “общественника”), а тут “выдержит”. Потом эта комиссия сунулась было в каптерку, но там не было вообще света (нет лампочки) – и она, со слов кого–то из очевидцев, в ужасе выкатилась вон (этого я не видел).

Озвученные уже по ходу осмотра барака выводы были – что нужно больше освещения (зачем?) в “культяшке” и что нужен ремонт. Понятно, что в нашем бараке состояние самого барака и потребность “ремонта” интересовали эту “режимную” комиссию куда больше, чем соблюдение режима и, в частности, нахождение баулов под шконками. Так что какие еще перспективы для зэков, в 1–ю очередь для меня, будет иметь это начальственное посещение , неизвестно, но вряд ли приятные. Не затеяли бы сейчас вдруг ремонт и не выселили бы как раз под осенние дожди со шконкой спать на улицу, как недавно выселяли одну из секций 10–го барака!.. Впрочем, свою судьбу я знаю, и хуже ее не будет ничего: моя судьба здесь – это 1–й барак и отсутствие связи с домом.

После ухода комиссии, не желая ждать, я тотчас сложил красное одеяло, расставил по местам баулы, развесил все вещи и лег отдыхать (не спать). Настроение было приподнятое. “Мусорские” комиссии – ничто, сущий пустяк по сравнению с постоянными истерическими “комиссиями” шимпанзе, которые, к счастью, уже 4 сентября должны закончиться для меня навсегда; и из всех жизненных передряг, вот и из этой тоже, я до сиз пор выходил и всегда буду выходить победителем!.. “Ми переможемо, бо ми переможці”, – звучало у меня в ушах...

18–09

После обеда вызвали вдруг в 9–й кабинет – к Демину (нач. оперчасти). Шел и перебирал, ЧТО может быть. Вернуть мои книги – это едва ли, а вот новое уголовное дело – это может быть. Хотя и маловероятно.

Да, действительно, – дело оказалось старое; то самое нижегородское дело от 6.6.07. о распространении “РП” в Нижнем в марте 2006 (последний сделанный мною номер!..). Следовательница – Гаврина Елена Владимировна из следственного комитета прокуратуры Советского района Нижнего Новгорода. И с ней молодой парень – видимо, сопровождающий.

Наконец–то я спросил то, что забыл в прошлый раз, в июле 2007 – дело оказалось только по 282–й ст. Ни подозреваемых, ни обвиняемых нет до сих пор. Было приостановлено, но сейчас возобновлено, в связи с чем – не говорит. Возникло подозрение (и

не у одного меня, как потом выяснилось), что они хотят это дело закрыть, в связи с чем и решили допросить еще раз.

Вопросов было всего 4. Что мне известно о распространении “РП” в таком–то офисном центре НН по улице Окский съезд, дом такой–то, в такое–то время (март 2006). Что мне известно о материалах и авторах, публикующихся в “РП”. Возможно ли, что группа лиц, публикуя материал в “РП”, подписывает его чьей–то фамилией без согласия владельца фамилии. И – самый интересный вопрос – знаком ли я с Пантелеевым В.Б. и какие у меня с ним взаимоотношения.

На все вопросы, как и в 2007 г., я отвечать оказался. Характер вопросов показывает, что, креме меня с 51–й ст. конституции, у них есть еще и Пантелеев, у которого в 2007 г. был обыск. Остается надеяться, что он, старый политзэк, показаний тоже не даст – и это практически полностью лишает ИХ материала для обвинения против кого–либо.

Пришел – у нас еще сидел отрядник. Позвал срочно “телефониста”, – и как раз почти сразу после этого отрядник ушел. Тот явился минут через 30 – и я не успел даже на ужин с разговорами по этому делу (тем более, что часто пропадала сеть). Е.С. обещала в течение часа повесить это на “мой” сайт. Позвонил матери, она дала телефон адвоката Сидорова в Нижнем, который 2 раза вел мои дела по УДО – в 2008 и недавно. Я набрал ему, спросил, не истек ли еще срок давности по этому делу (но там оказалось 6 лет, статья средней тяжести), и нет ли неофициальных каналов что–то узнать об этом деле. Он сказал, что знает эту Гаврину, на слова она весьма скупа, но что–нибудь узнать он попробует. Потом “телефонист” настоял (!), чтобы я позвонил еще кому–нибудь, пока есть деньги и в 12 ночи они не списались (он брал кредит на 3 дня). Я набрал Паше Л. Очень удачно, оказалось – он был до вечера еще в Москве и обещал сейчас же повесить эту мою информацию в свой ЖЖ. Поговорили с ним, как вообще дела, какие новости. Он тоже высказал мысль, что они хотят, видимо, закрыть дело. Удивительно умеет он подбадривать, разговоры с ним, его невозмутимое спокойствие и юмор очень поддерживают меня, – еще с тюрьмы, с 1–го после его освобождения в 2007 разговора я это почувствовал. И даже когда на коллективной открытке к моему д/р он написал: “Борис! Осталось немного! Держись, мы тебя ждем!” – это, наверное, были самые лучшие, самые ободряющие слова из всех полученных мной 15 открыток. Сказал он, между прочим, что идея распада России уже обсуждается открыто, витает в воздухе, – словом, уже не такое табу, как было раньше. И что когда открыто стала обсуждаться возможность распада СССР, он вскоре распался. :))

Вот это и есть тот убойный юмор, за который я так ценю Пашу. Разговоры с ним редки, но метки. :) Что ж, остается надеяться на лучшее. Жаль, что информации практически нет, – если дело и закроют, никто из нас официально извещен об этом не будет. .. Остается надеяться, что, как сказал Паша, все будет нормально.

29.8.09. 17–20

Прошла очередная короткая свиданка. Пустили Маню – это уже было победой, я опасался, что опять не пустят, как в том году Пашу Л. Но – пустили. Глупо, м.б., но я поздравил ее с этим.

Странно было смотреть на нее и говорить с ней о таких вещах, – вблизи, по лицу, голосу, улыбке, разговору она почти ребенок, что–то есть в ней этакое детское, трогательное. Мать, конечно, как всегда, обижалась, что она приехала типа как “для мебели”, а говорю я в основном с Маней. А говорили мы с ней обо всем – о борьбе с империей, об ингерманландском сепаратизме, о новом шикарном подъеме освободительной борьбы на Северном Кавказе, об общих знакомых и незнакомых – Михилевиче, Тарасове, Карамьяне, Шаву, Широпаеве, Рауше, Буковском, Маглеванной, и т.д. и т.п. Жаль, что сейчас она не активной фазе, – и жить вроде негде, переезжает с места на место, и ребенку всего год, и родственники ругаются, – она даже им не сказала, что едет ко мне, уехала тайком... Я очень надеюсь, что к 11–му году она сможет преодолеть все эти трудности и полноценно работать вместе со мной (работы – непочатый край, а настолько надежных людей днем с огнем не найти). Во всяком случае, общение с ней здесь стало для меня чистой и искренней радостью, я очень ей благодарен, что она нашла силы приехать.

Мать привезла письмо от “деда” – Германа Рафаиловича. Крупно, но плохо разборчиво. Дивно, что, просмотрев, письмо пропустили вместе с передачей. Надо будет написать ему ответ.

Как всегда, к концу свиданки я остался там один, всех прочих увели раньше. Вышел – долго ждал шмона у вахты (в шмоналке “мусор” вынул только всю жратву из баула и просмотрел, раздеваться, слава богу, не заставлял). Потом – долго в одиночестве жал “общественника”, – ДПНК, сволочь, велел ждать. А время было уже 2 часа, все на обеде. Забрал меня какой–то чужой, незнакомый “общественник”; я отпустил его, поплелся кое–как, с остановками, с неподъемным баулом сам – и тут меня нагнал вышедший из столовки наш предСДиП и взялся помочь за одну ручку. По дороге я догадался его спросить – и узнал самую мрачную новость: переводы с барака не только будут еще, но они будут прямо на следующей неделе – 1–й неделе сентября! Правда, про меня он сказал, что “они тебя уже боятся трогать” и скорее всего, процентов 70, оставят на 13–м, не будут переводить. Но на

это надежды, увы, мало. М.б., уже на следующей неделе придется собирать всю уйму вещей и как–то тащиться с ними на 1–й...

Новость мрачная, от нее сразу пропало все настроение.

Накануне болела страшно весь день нога (должно быть, к перемене погоды, было мрачно, хмуро и временами дождь), а под вечер разболелась еще и голова. М.б., и сама по себе, но скорее – от нервов. После ужина один новый здесь, недавно "поднявшийся" и уже полюбивший со мной общаться старичок (на 20 лет старше меня), "полуинтеллигентный" (кое–что знающий нетипичное для этого быдла) вор, сидящий здесь за то, что обокрал церковь (а до этого сидел и имел условные срока много раз), позвал меня погулять с ним во двор. Ну, интересно ему со мной общаться, – черт с ним, пусть, хотя сам–то он в основном несет пошлейшую обывательскую чушь, почерпнутую из телевизора. Я поднялся и пошел, хотя первое время вообще не мог наступить на ногу. Походили, поговорили, потом он замерз, и вернулись в барак. И тут только, вернувшись, я вспомнил: ведь в 18–20, как раз в это время, что мы гуляли, отправлялся кировский поезд с матерью, Маней и Фрумкиным, и мать могла звонить!..

Вот тут–то, наверное, от этого удара пыльным мешком, у меня голова и разболелась. "Телефонист", тварь, не только не пришел в 6 вечера, как я просил (уж он бы меня и во дворе нашел!), но даже и не известил, как обещал, что из–за отсутствия на "симке" денег прийти не может. Сука!.. Я стал ждать звонка по телефону в самом бараке, но напрасно. В 6, оказывается, не найдя меня на шконке, владелец ей сказал, что я пошел в баню! (Хотя баня в 4 и в 7, но не в 6.) А в 7 – она звонила еще раз, но ей сказали позвонить позже, меня не позвали. Она дозвонилась только после отбоя, в начале 11–го, – тем это было мне приятнее, на сон грядущий, что, оказывается, они почти 4 часа уже нормально, спокойно едут.

Показал мне тут шнырь–заготовщик вчера календарь на 2011 год. Оказывается, я неправильно посчитал тогда, в апреле, когда осталось 100 недель, что 21.3.11. – это воскресенье. Где–то у меня вкралась ошибка (в 2010) – это будет понедельник. Т.е., двойной счет с разницей в 2 дня, которым я жил эти 4 месяца, уничтожается, – он неверен. Мне осталось ровно 568 дней, 81 неделя и 1 день.

30.8.09. 15–05

Прошла 82–я неделя, отмеченная 2–мя важными событиями – приездом следователя с допросом по "нижегородскому" делу и короткой свиданкой. Осталось мне ровно 81 неделя, 567 дней.

Сегодняшний день (воскресенье) был весь посвящен разборкам местной бешеной гориллы по поводу телефонов.

Сперва, утром, перед проверкой, она “наехала” на моего нового соседа сверху, бандита–отморозка, тоже далеко не здорового на голову. Тот, стоя ночью на стреме, перед обходом “иусоров” снял с зарядки чей–то телефон и спрятал. Шимпанзе, узнав об этом, велело его разбудит и призвать на “разборку”. Главный тезис был: хорошо, что забрал телефон ты, а не “мусора”, а теперь принеси телефон сюда! Я тебя хорошо знаю: ты хочешь его продать. А если не принесешь, я тебя убью! В руках у этой мрази была большая деревянная палка, которой она несколько раз огрела бедного стремщика–отморозка, а до него – блатного “обиженного”, тоже вроде бы имевшего какое–то отношение к этому делу.

Полоумная тварь была в страшной ярости и орала действительно как бешеная. Мне наплевать на их разборки и телефоны (которыми я не пользуюсь), но вид этой черножопой азербайджанской бесхвостой гориллы, с дубиной в руке расхаживающей по бараку, был настолько брутален, настолько груб и омерзителен, что поневоле наводил на более общие грустные размышления. О, “высокая” русская цивилизация, которой их фашистская пропаганда так хвасталась 10 лет назад, в 99–м, для обоснования начинающегося нового витка геноцида “дикарей” – чеченцев, “спустившихся с гор”. Но почему–то так у русских, в безумном их государстве, все устроено, что, несмотря на “цивилизацию”, главенствующее положение у них с легкостью, в 1–ю очередь занимают вот такие вот совершенно дикие, первобытные, полоумные, совершенно “без тормозов” твари. Рабская покорность, генетическое рабство русских, не смеющих их не то что остановить, но даже просто одернуть, – вот тому настоящая первопричина. Рабство, оборотной стороной которого является извечное стремление затоптать, замучить, всласть поглумиться над более слабым (или более цивилизованным, чей разум просто не вмещает подобной изуверской дикости и потому неспособен адекватно обороняться). Цивилизация, материальная культура, искусство (предмет особой гордости) у русских – это все наносное, внешнее, не имеющее глубоких корней в этой болотной гнилой почве. А под этим наносным слоем чужой, в основном заимствованной культуры, – лежит древнее, дикое, безумно–свирепое русское Оно, глубины их национального подсознания, древние их инстинкты, заложенные палачами – Иванами, Петрами, Николаями и доведенные до кульминации их всенародно по сей день уважаемым и обожаемым усатым паханом...

Короче, перед самой проверкой шимпанзе только по этому поводу собрало барак, и мне в секции, на шконке, слышны были через стену его бешеные крики: “Где телефон??!!” и “Я тебя

убью!!!”. Воришка же, оказывается – до или после этого сборища, уж не знаю – побежал на 10–й к “подложенцу”, но был там как–то остановлен или перехвачен. Уже за минуты до проверки, когда уже и отрядник пришел, – часть высших блатных вдруг вышла с ним во двор – он показывал им, как залезть под ящик с песком у забора, – телефон, видимо, был спрятан там.

Пока описывал все это, дозвонилась мать, а закончить описание этого буйного воскресенья предстоит после ужина (сейчас уже почти 4 часа дня).

16–30

Итак, что же дальше? Воришка отдал украденное; до этого шимпанзе прилюдно говорило, что если отдаст, то оно его бить не будет; но при этом он получил несколько сочных (судя по звуку) ударов палкой. Зайдя с проверки в барак, я услышал, что разборка продолжается: тот же гортанный голос верещит в конце секции про тот же телефон и тому же адресату. Через несколько минут адресат подошел к моей шконке, – насколько хватало света рассмотреть, у него были синяки под обоими глазами; взял у себя на 2–м ярусе полотенце и пошел умываться...

После обеда разборка была менее драматичной, но не менее показательной. Оказалось, что у моего бывшего (год назад) долговязого лося–соседа по проходняку, убийцы чеченских детей, гнусная обезьяна забрала–таки телефон, который он с таким понтом недавно приобрел и которым пользовалась целая компания его земляков с разных бараков. Сперва тварь допрашивала одного из этих земляков (с 13–го): кто и почему сказал, что она (тварь) забрала телефон на “общее”? Когда земляк показал на хозяина “трубы” (лося), тот был немедленно призван и приветствован возгласом: “А, пехота!” (выражение крайнего обезьяньего презрения). Версия шимпанзе была такая: я забрал только потому, что ты его не можешь нормально прятать, а тебе сказал, что ты можешь в любое время подходить и пользоваться. Версия же “забрал на общее” опровергалась как гнусная клевета, с вопросами: “Почему ты врешь?!” и откровениями, что “общее – это до х... дела!”. За эту ложь и клевету долговязый тупой лось был, судя по звуку, тоже ударен минимум 1 раз.

Так недавно подтвердилось мое недавнее умозрительное понимание: что никому в бараке, не входящему в высший блатной круг, эта бесхвостая мразь не даст иметь свой личный телефон, она заберет его под тем или иным предлогом. Помню, эта мысль приходила мне не раз – в форме смутного удивления, когда я видел этого лося, счастливо и безмятежно вдруг начавшего пользоваться вместе с толпой земляков собственным телефоном. Как говорится, недолго музыка играла... Мрази осталось тут 4

дня.

31.8.09. 15–02

Последний день лета. Тоска ужасная. С утра был жуткий холод; я одел спортивную куртку поверх “тепляка” от белья, робу, форменную шапчонку, даже ботинки – и вышел встречать отрядника за 5 минут до зарядки. Но этот козел не пришел, хотя нынче понедельник, а по понедельникам он является на зарядку регулярно. У столовки в завтрак его тоже не было. Что ж, ждем к вечеру – вечернюю проверку по понедельникам тоже проводит он.

Переводов на другие бараки пока нет, – скорее всего, завтра или послезавтра. Тоска, дикое уныние, как в воду опущенное состояние у меня в основном вызваны именно этим. Не представляю, как потащусь...

Шимпанзе сегодня, видимо, призвали–таки к ответу за вчерашнее буйство – после проверки, я видел, зашел один блатной с 12–го барака, по возрасту, телосложению и блатному “весу”, я думаю, не уступающий этой твари. Но и до его прихода, я слышал, тварь кому–то громко (как всегда) рассказывала обе вчерашние “телефонные” истории, особенно подробно – вторую, когда она забрала телефон у моего бывшего соседа. Не знаю уж, к чему они там пришли (другие–то не орут так громко, их реплик не было слышно), но где–то по ходу разговора шимпанзе сказало фразу: “Я отдам, конечно, отдам!”. М.б., ему и велели вернуть “трубу”, но уже сейчас, после обеда, я слышал и видел, как этот долговязый лось, мой бывший сосед, заходил опять, как и раньше (до появления у него своей “трубы”, в проходняк моих полублатных соседей, объяснял, с какого номера ему будут звонить на их телефон.

Сегодня последний день месяца – и последний день “расчетов” этих тварей друг с другом по карточным долгам за прошедший месяц. Телефоны в такие дни бывают наглухо заняты координацией отсюда отвоза–завоза денег на воле, и под эту сурдинку матери, скорее всего, не дадут сегодня прозвониться ко мне, – как и месяц назад, когда ей просто сказали: “Позвоните завтра!”.

СЕНТЯБРЬ 2009

2.9.09. 9–02

Вчера смотрел “Время” в 10–м часу вечера, как обычно, – вдруг донесся рев сирены с улицы. Обычно она всегда ревет по утрам, и почему–то – все знают – означает, что в этот день где–то будет шмон. А вечером–то что, – неужели шмонать пойдут, или еще что случилось?..

Выхожу после “Времени” на проверку – народу во дворе мало: вечера уже ощутимо холодные. Гуляю, гуляю, как обычно, по двору туда–сюда, смотрю на часы, – уже без одной минуты 10 вечера! Что это так долго они?.. Но – бывало уже такое; гуляю дальше. Через некоторое время долговязый лось, мой бывший сосед, гулявший тоже с кем–то неподалеку, спрашивает время. Смотрю на часы, – батюшки, четверть 11–го уже!!. Что ж такое?.. Лось, а за ним и все немногие, кто был во дворе, уходят в барак. Я тоже захожу, первым делом спрашиваю “обиженного” Юру (который обычно в курсе всех местных дел), не знает ли он, что случилось. Он вместе с другим “обиженным” говорит, что что–то случилось на “промке”, “мусора” все там, и были слышны выстрелы. Сказал он также, что “промка не пришла”, т.е. работающие там, но это потом, по–моему, не подтвердилось. Захожу в секцию – шимпанзе орет кому–то по телефону, что был побег, трое пытались бежать!

Пока мы все тут сидим тупо и покорно, как бараны, – кто–то сделал рывок к свободе, рывок решительный и бескомпромиссный. Эх, если б не больная нога, – и сам бы я не сидел тут так вот, покорно и спокойно, уже 3–й год... Осуждать за это людей невозможно, хотя – наверняка это были сами по себе отпетые и достаточно мерзкие уголовники, 162–я статья какая–нибудь, наверняка...

Начались толки, пересуды, будет сегодня вообще проверка или нет (ага, не будет, как же! Ждите!..), шутки, что, мол, 1 сентября – школьники сбежали, в школу, и т.д. и т.п. Спать никто не ложился – понимали, что только ляжешь – поднимут и погонят на проверку. Но мне вот так сидеть, неопределенное время, в неизвестности, не раздеваясь, было тяжеловато, – я снял тапки (“ботинки”) и, не снимая и не расстегивая робы, улегся на шконку. А ведь еще перед ужином спать хотелось дико, прямо слипались глаза, – и не мог заснуть!.. Полежал немного – и вдруг стремщик кричит о появлении “мусоров”! Время – около 11 вечера. Встал, взял палку и пошел снова гулять. Через несколько минут пришел “мусор” и провел, как обычно, проверку – даже не

по карточкам, как многие ожидали по случаю побега. Окончилась она – я специально посмотрел на часы – в 23–10.

Напсиховался я вчера и днем, до обеда. Сам, конечно, дурак, виноват, сам взвинчиваю себе нервы до внутренней, тихой истерики, почти до безумия... Знаю, что виноват сам – но ничего поделать с собой уже не могу. Все ждал, будет перевод с 13–го еще людей, или нет, и попаду ли я в список, если будет. Зато какое расслабление, какое дикое, немыслимое, запредельное блаженство– вот прошло 5, 10, 20 минут после проверки, вот и завхоз уже вернулся с "движухи" из штаба – и ничего! Все тихо–спокойно. Нет суеты, суматохи, беготни, толпы вокруг "общественника" со списком переводимых на маленьком клочке, как в те 2 раза... Не переводят!!! Ур–р–ра!!!... Можно хоть немножко расслабиться...

Сейчас еще только утро. Такое же испытание нервов на прочность предстоит мне и сегодня после проверки, через 3 часа. Дай бог, чтобы и сегодня меня никуда не перевели...

3.9.09. 9–50

Опять бродит по зоне комиссия ("на тот продол"), опять лежит у меня на шконке красное одеяло – сигнал опасности, опять звучит у меня в голове "Владимирский централ" – сосед–алкаш напел, и пошло...

Свежайшие новости: не успела комиссия "уйти на контрольную" – "наш отрядник к нам". Всеобщий шухер в секции, пробуждение, расталкивание спящих и подъем.

Мерзкой обезьяне остался всего 1 день, до завтрашнего утра...

Беглецов с зоны оказалось не 3, а 2 человека, и их, конечно же, поймали. Комиссия вчера – как мне сперва показалось из слов главпровокатора – приехала именно по этому поводу. Какой черт носит ее сегодня еще и ходить по баракам, – хрен поймешь. На "промку" вот уже 2–й день никого не водят, все тамошние работяги торчат в бараке, толпы перед вахтой, в 8–м часу, когда идем на завтрака, нет.

Переводов пока не было, но я с тяжелым чувством и взвинченными нервами ожидаю их – м.б., даже и сегодня. Перестать ждать, расслабиться – нельзя ни на секунду, это висит над тобой как дамоклов меч. Все говорят (и предСДиП, и со слов завхоза "обиженный" Юра, ставший их с предСДиПом личным шнырем), что меня не тронут, оставят здесь. Чем увереннее это говорят, тем слабее мне в это верится. М.б., им просто дано задание усыпить мою бдительность?..

Общее глубоко тревожное ощущение, ожидание неведомой и неизбежной беды...

16–00

Долго хотел и не мог взяться, записать последние новости в дневник, да и сейчас еле–еле, – совсем одолели эти проклятые суки соседи. Пришли с обеда – полублатной соседний проходняк никак не опускает свою “шкерку”, – обычно опускают сразу, но иногда на них находит, и они валяются прямо так. Будьте вы прокляты!.. Вшивый дедулька сидит прямо напротив меня и таращится, по обыкновению, следит за каждым движением (как я ем); полоумный бандит–отморозок – на соседней шконке с другой стороны (а когда ссосед–алкаш на нее улегся, – так и на моей, в ногах), те полублатные сидят и лежат дальше. М.б., им всем и пофигу, ЧТО я пишу, – но я в таких условиях работать не могу. А так проходит время – и полчаса, и час, и больше, и вот только сейчас, когда соседний проходняк спустил, наконец, “шкерку”, вшивый завалился спать, а отморозок куда–то ушел, – я быстренько достал тетрадь – и тотчас пожалел об этом, потому что отморозок почти сразу же прибежал обратно...

Короче, отрядник на проверке сообщил поточнее, что эта страшноужасная комиссия – “приволжская”, т.е. с уровня “федерального округа”, а едет за ней еще страшноужаснее – “москвичи”. Почти сразу же после проверки на эту же тему блатота собрала всех в “культяшке” – едут страшные комиссии, убирайте вольные вещи в баулы, а баулы – в каптерку, и т.д. Некоторые опять сказали, что из той каптерки приносят потом свой баул распотрошенным, половины вещей нет, да и те приходятся по всей каптерке собирать, все раскидано. Самый злобный из моих полублатных соседей – типа, старший по каптерке :) – стал оправдываться, что, мол, “мусора” порой лазят там по баулам, открывают их – и не закрывают, а после них туда уже лезет кто хочет! Ага, ага, как же!.. Как будто это “мусора” украли у меня там из Е.С.–овского рюкзака и баула в 2007 10 блоков сигарет, кипятильник, 2 новых простыни, новые спортивные брюки и пр.!..

Один из блатных, открывая собрание, сказал, что с московской комиссией могут приехать “маски”, но точно это еще неизвестно. На самом деле, это явный бред, – но слух такой, насчет возможного скорого приезда ОМОНа (хотя на самом деле это спецназ Минюста), “масок” и пр. , блатные, как я заметил, пускают уже не 1–й раз. Такое впечатление, что делают они это специально – чтобы, запугав, держать здешнее быдло (“мужиков”) в большей покорности...

Надо сказать, что сборища в “культяшке” без шимпанзе – сущее наслаждение по сравнению со сборищами с его участием. Никто, по крайней мере, не орет оглушительно и не коверкает русский язык. Эта тварь сегодня целый день, как проснулась

(даже на проводившуюся отрядником проверку не вышла), веселится, буянит и орет у себя, в дальнем конце секции, вместе с блатными с этого барака и с других, – готовится к завтрашнему освобождению...

День, в общем–то, прошел без потерь – и не перевели, и вещи целы (т.к. не в каптерке, а у меня под шконкой), только вот поработать, переписать побольше из июня 2009 не давали, считай, весь день, – совсем немного успел до проверки. А за зимними и пр. казенными вещами, за которыми безуспешно водили на днях, больше так и не ведут...

4.9.09. 12–21

Очередной безумный день – комиссии, комиссии, комиссии... Психоз по комиссии, – иначе это не назовешь. Все прятать, убирать, снимать, выносить, – едет генерал из Москвы!.. "Прячьте всё и прячьтесь сами", короче.

С утра казалось, что главным событием дня будет, конечно же, уход мерзкой обезьяны. Всю ночь эта тварь пьянствовала с другими блатными у себя в конце секции, орала, как всегда, среди ночи во весь голос (я, помню, проснулся в 12 от этого) и говорила – мне запомнилось – что когда она "курнёт" или напьется, то "как будто акула проснулся". Акула хренова, хоть бы тебя загарпунили поскорей!.. Утром начали приходить чередой прощаться блатные с других бараков, и в 7 часов они всей большой толпой проводили эту мразь – кто до "продола", а кто и до вахты, видимо. Даст бог, навсегда, – не увидимся больше!.. Уф–ф–ффф!!! Какая огромная тяжесть разом свалилась с плеч – просто не передать. Спохватываешься еще, по привычке, что сейчас эта мерзкая тварь проснется, заорет, вылезет во двор, – а твари–то нет!.. :)

Собирался на завтрак – прибежал обратно из столовки шнырь–заготовщик и крикнул, что "в столовую без 20–ти 8!" (на 10 минут позже). Подождал, вышел погулять во двор, потом на "продол" – вдруг издали сюда идут 2 "мусора", да не в камуфляже, а в обычной форме. Прутся прямо на 13–й мимо нас. Батюшки!.. Комиссия!!! Я зашел за ними в секцию – они уже были в дальнем ее конце, там толпились блатные. Я – на всякий случай – быстро снял с крючка свои спортивные штаны и куртку, засунул с глаз долой за шконку – и вышел в фойе. Простоял там меньше минуты – те двое выходят из коридора, где "маленькая секция" и пр. – и идут к выходу. Один оказался местный – "Пожарник", узкоглазый (якутского, что ли, типа) и довольно редко появляющийся. Другой – это и была комиссия – жирный, вислогубый, вислощекий, похожий на бульдога. Прошел мимо, глянул на меня этак презрительно, – я не поздоровался с ним, да

вдобавок был давно не брит, но он, видимо, такими мелочами не интересовался, – не для того приехал. Ушли.

После завтрака пошел в баню. Знакомый СДиПовец в будке около нас первым сказал, что и эта комиссия сегодня не уедет, и какой–то генерал из Москвы ожидается сегодня же. Но выпустил со двора, спросил только: “Не прилипнешь один?”. Я сказал, что есть подписанное заявление на “свободный ход”. Но – неожиданно не хотели пропускать на “нулевом посту”! Сперва говорили, – каких–то новых туда посадили, кстати, – что сегодня им сказали: по...й на все “свободные хода. Но когда я упомянул про заявление, тот, что, видно, командовал на этом посту, заинтересовался и спросил, где это заявление, а когда я показал его, – пропустил.

Охренел я и в бане. Мало того, что не вставили, конечно же, стекла. Но в дальнем углу, около этих окон без стекол, самым натуральным образом вывалился кусок стены! Если считать, что стена толщиной в 3 кирпича, – то от потолка и где–то за метр до пола в стене образовалась огромная выемка толщиной в 2 кирпича. Просто большое углубление в стене, и сквозь оставшуюся тоненькую, в 1 кирпич, стеночку просвечивает улица! Нет сомнения, что: а) чинить не будут, пока не рухнет все; б) кладка в 1 кирпич долго не выдержит, рухнет весь угол; в) если все же этот остаток стены дотянет до зимы – холод будет поступать в “помывочный зал” не только через окна, но и через эту “нишу”. Что ж, посмотрим, что будет. При этом в бане как раз никакой суеты по поводу едущей комиссии совершенно не заметно...

Пришел из бани – оказывается, у нас сидит отрядник! До сих пор по пятницам его не бывало никогда, и вот – нА тебе! Оказывается, пришел, когда я был в бане, и сказал всем все убирать – генерал из Москвы едет инспектировать именно 13–й отряд! Это бред, конечно. Но суета опять поднялась с новой силой, – уже, кажется, все, что можно было убрать, убрали еще вчера, но опять что–то снимают со шконок, опять несут в каптерку еще какие–то баулы...

Самое важное, сокровенное, самое болезненно чувствительное для меня, – только вышел из дверей бани, а из какой–то соседней двери (прачечная?) выходит Демин, нач. санчасти! Я его сперва не узнал, пока он не спросил меня: “Сегодня банный день?”. Я сразу же, пользуясь случаем, спросил его: “Помните наш последний разговор?” – по поводу моего нежелания переводиться на другой отряд. Он сказал, что начальник в курсе, и что когда вся эта катавасия уляжется, он поговорит с Русиновым. Тот, видимо, как и в прошлом году,

замещает Милютина, а Милютин, небось, в отпуске. Не знаю, не будет ли хуже, если он напомнит обо мне, расскажет о моем больном вопросе Русинову, который после жалобы Шаклеина в прокуратуру в том году вряд ли питает ко мне теплые чувства...

Общее впечатление, точнее, настроение после всех этих комиссий, переводов, ожиданий, страхов и нервов, – да наплевать мне на все!.. Уже абсолютно на все наплевать!.. Даже на то, что можно простудиться зимой в бане без окон и куска стены. Провались оно все, пропади все пропадом, – что будет, то и будет , в конце концов, бояться я уже устал, а изменить все равно ничего не могу, – значит, остается плюнуть!.. Гори оно огнем!.. Осталось мне здесь 562 дня; через 2 дня, в воскресенье, останется ровно 80 недель. До ближайшей же длительной свиданки – всего 22 дня...

15–37

Хочется еще что–то добавить, но что? Да и надо ли? Никакая комиссия пока что не ходит. Перед обедом случились 2 события. Сперва без всякого моего приглашения явился “телефонист”. Я просил его быть завтра с утра для важного разговора – он, конечно, не упустил случая и приперся клянчить уже сегодня, чтобы я купил ему в ларьке пожрать, – несколько брикетов лапши, растительное масло, майонез и т.п. В общем, он пришлет своего дружка и, видимо, сотрапезника (тоже переведен туда от нас и живет с “телефонистом” в одном проходняке) в ларек после нашего обеда за чеком на 100 р., хорошо? Пришлось, стиснув зубы, согласиться, – связь мне нужна, и в основном, тем паче в экстренных случаях, вся надежда в основном на него.

Потом второе событие, перед самым выходом на обед, без 5 или 10 минут 2: на 7–м шмон–бригада! Они уже пообедали, до ужина времени достаточно... Опять, суки, как тогда, в начале июля, начинают шмонать не только утром, как обычно, но и в течение всего дня!

Охренеть!!! – в столовке ВСЕ миски сегодня были новые, пластмассовые, разноцветные!.. “Фирменных” старых, алюминиевых, кривобоких, с гнутыми донышками, из которых суп проливается на штаны, – не было во всей столовке ни одной!!! Вот что значит комиссия, особенно московская! Эх, показать бы ей баню...

Пришел в ларек, уже на 2 ступеньки крыльца из 3–х поднялся, – зовет поговорить мерзкий наглый главпровокатор, бывший обезьяний 1–й зам. Я, конечно, тут же понял, что ему надо: денег. И точно: опять просит 100 рублей на чай! Очень вежливенько, и божится, что в этом месяце ко мне больше не подойдет и другим скажет (вера ему, естественно, сами

понимаете, какая...). Ну ладно, черт с тобой... Зашел в ларек, посмотрел – все, что "телефонисту" надо, есть (и посланец его меня уже караулит), а что мне надо – нет ни хрена! Последний пакет сока забрали прямо на моих глазах, рулетов (мне вместо обеда:) нет вообще, – а больше я ничего и не думал брать. В итоге я потратил 200 р. (вместо планируемых на себя 127–130) и ни копейки из них на себя: 100 главпровокатору на "общее" и 100 "телефонисту" на частное...

Да, забыл еще: когда стояли на "продоле", ожидая отправки на обед, я еще раз заговорил с тем добродушным СДиПовцем, что сегодня здесь дежурит и пустил меня в баню без звука. Тот рассказал невероятное: что (уже) приехавший московский генерал приехал не из–за побега, а к Русинову по поводу "ветеранов" (Афганистана и Чечни, что ли?), а главное – что ходивший сегодня к нам утром в барак жирный полковник – это из нашего (нижегородского) управления "режимник" Большаков! Я так и ахнул!.. Налицо какая–то явная путаница: Большаков–то ведь не "режимник", а по воспитательной работе, и как раз он–то мог приехать к Русинову, своему подчиненному. Но главное – если это и впрямь был Большаков, утром, – вот, м.б., почему он так странно, пристально посмотрел на меня, проходя мимо. Я–то не удивительно, что не узнал его, но и он, если даже и узнал, – поговорить, тот раз, в июне 2008, что–то не вызывает. А позарез надо бы. И еще: если это Большаков, зачем бы ему могло понадобиться заходить к нам в барак?..

18–25

Самое смешное, однако, было под конец дня. (А запись–то разрастается уже до 4–х с лишним листов...) Вышли на ужин – и вот она, в начале "продола", долгожданная комиссия!.. Боже, сколько их уже было за 2 моих года здесь... Толстый, как всегда, жирный начальник–"комиссионер2 в фураге, – приезжее начальство (черт его знает, но, скорее всего, уже точно не Большаков); с ним – мелкий местный начальничек, не знаю фамилию; и замыкающий – Русинов.

Уходили на ужин – они у нас перед носом зашли на 5–й. Шел я назад – они выходят с 10–го (а я как раз к нему подхожу) и идут к нам. Сперва хотел я было задержаться, пропустить их вперед и погулять по дворе, пока не выйдут. Но русинов тоже отставал, с кем–то разговаривая, и получилось бы, что он сзади меня, – мне это совсем не было нужно. И я пошел вперед – в барак, а потом и в большую секцию вошел непосредственно вслед за комиссией, отрядником (встречал их во дворе и отдал честь! :) и завхозом.

Ничего особенного. По позднейшим рассказам, жирный начальник недовольно тыкал пальцем, что у кого–то на стене

висит “картинка” (затянутое в рамку изображение на полиэтиленовой сумке–пакете), у кого–то – еще с Нового года большая открытка в форме елки. Чем уж эта елка ему так помешала?.. Я лично слышал впереди себя, в середине секции, его раздраженные высказывания (близко к тексту): “где блатные, где “обиженные” живут, не поймешь”, “живете как чушкИ”, “я все зоны объехал, такого бардака нигде не видел” и т.п. Сленг, кстати, вполне уголовно–зоновский, – недаром ведь давно замечено, что тех и других переодень, поменяй мундиры и робы местами, – не отличишь!..

Долго торчали потом у отрядника. Когда ушли, он зашел на порог большой секции и коротко, раздраженно вякнул: типа, я же просил все снять, что там за “елка” у вас висит? Вот только что пришел “общественник” и – от имени отрядника, видимо – велел моим полублатным соседям в крайнем проходняке снять висящую у них “картину”. Вот и все. Никаких видимых потерь от “комиссии” пока больше нет. А меня по–прежнему гораздо волнует вопрос, не перевели бы меня куда, особенно на 1–й, чем все эти комиссии, вместе взятые.

5.9.09. 17–46

И еще один безумный день прошел в тихой истерике – в ожидании комиссии, уже другой, не той, что вчера. Мне не верилось, что такое бывает...

Началась эта истерика еще с утра, до завтрака – убиранием и срыванием “шкерок”, выносом еще каких–то “сидорОв” в каптерку мытьем полов и оконных рам, прятаньем в тумбочки всех кружек, и т.д. и т.п. Так и просидели/пролежали весь день – в пустоте, чистоте и бездействии ожидания. Секция с убранными со шконок занавесками стала видна вся насквозь, и от этого возникало ощущение именно какой–то пустоты...

“Телефонист”, сука, конечно же, не пришел ни в 8–30, как обещал, ни в 9, ни потом... У же я горько усмехался про себя и решал, что 2 раза обманул (28–го, накануне короткой свиданки, и сегодня), – больше копейки не дам и просить ни о чем не буду. Приперся отрядник, – все звонки стали в бараке невозможны (слишком опасно). Вдруг, в районе пол–одиннадцатого где–то, – зовет к забору. Сразу говорит, что, мол, 5 2мусоров” у нас на “продоле” – а тут на самом деле, по данным стрема, только отрядники, и то 4, а не 5, – на 12–м, 5–м, 4–м и у нас. Говорит, что специально просил себя разбудить в 8, но из–за “5 мусоров” все это время не мог прийти; а харя–то сонная–сонная. Ясно, – проспал. Обещал зайти все же вечером, после ужина, – вот сейчас пишу это – и жду... :)

Успел за день переписать совсем немного из июня 2009 г. Без

10–ти минут 5, перед ужином, дописываю уже – вдруг крик стремщика: “Комиссия на большом продоле!”. Уф–ф–ф–ф, наконец–то!!! (Вздох облегчения.) Через пару минут: “Комиссия на 1–м!”. Бросаю, не дописав всего несколько строчек (т.к. второпях это писать, увы, невозможно), одеваюсь и выхожу на двор, – на ужин. Из “локалки” сегодня в столовку весь день не выпускают, пока не соберутся все и не выйдет “общественник”. Народ гуляет по двору. Выходит и отрядник и тоже тусуется возле входа в барак. Стрем кричит, что комиссия 8–й прошла, 10–й прошла, – короче, идет к нам, и СДиПовец с ключом на “продоле” это подтверждает. Но – нету и нету. Ждем.

Наконец, открывается калитка, и все устремляются на “продол” – на ужин. И тут мы видим, наконец, комиссию. Толпа жирных “мусоров”–начальников в фурагах и форменных голубых рубахах стоит на “продоле” напротив 10–го, что–то обсуждает, машет руками, и т.д., а рядом стоит СДиПовец и, похоже, с ними тоже разговаривает.

По команде отрядника 13–й отряд начинает “разбираться по трое”, и тут комиссия... уходит по “продолу”! К нам они так и не зашли! Трус отрядник (в такие критические моменты подтверждаются наблюдения более спокойных минут, в том числе и о трусости этого хмыря, что я знал и раньше из разговоров с ним) придерживает нас и говорит: подождите, пока уйдут подальше, лучше им на глаза не попадаться. Это тебе, сука, лучше, а мне, хоть я и 10 дней почти не брит, – мне плевать!

Еще говорил он, что, мол, в столовку заходите строем, по одному и пр. – они там будут смотреть, снимать на камеру и пр. Но в столовке их не оказалось, да и вообще нигде – ни на том “продоле”, ни по дороге к вахте, – словом, как в воду канули. С ужина нам навстречу уже шел 12–й, который обычно ходит после нас, – мы слишком долго прождали. На ужин была гречка в тех новых, больших, разноцветных пластмассовых мисках. Они же были и в обед а в завтрак, когда комиссия еще не приехала, а только ожидалась, – были обычные кривобокие алюминиевые плошки. Подлецы, циники и лицемеры!..

Еще из забавных новостей дня, – с утра, после завтрака, мой сосед сверху, гопник–отморозок из психушки, – переехал в “красную” секцию”! Еще несколько дней назад стал его вдруг, уходя, будить даунический шнырь–заготовщик, – стал, видимо, ходить на заготовку. А теперь и в ту секцию переехал, – “косяк”, что ли, решил надеть, на путь исправления встать?.. :) Избиение обезьяной до синяков под обоими глазами на него, что ли, так повлияло?.. У меня (точнее, надо мной) он прожил месяц, – подтвердилось бывшее, когда он сюда переселялся, у меня

предчувствие, что это ненадолго...

6.9.09. 17–28

И еще один безумный день прошел – опять в ожидании комиссии!.. :)) Правда, уже не такой безумный, малость полегче, но все же...

“Телефониста”, тварь, обещавшего прийти сюда в 8 утра, я ждал до 10 минут 9–го, потом вскипятил чай, позавтракал – и пошел бриться. Было уже часов 9, процесс бритья был в разгаре, когда он вдруг явился! Ссылался, что у них сидит их отрядник, но – я думаю, он просто опять проспал. Я сказал ему подождать минут 10, пока я добреюсь. Добрился – и тут пришел наш отрядник! Я уж думал, все, накрылись все планы медным тазом, но “телефонист” таки не ушел – выставил в “фойе” стрем из “обиженных” (свой личный стрем вдобавок к основному), и мы долго говорили с матерью, – я стоял в фанерном предбаннике барака. Когда вдруг крикнули: “Мусор 5–й прошел!” – я отдал ему “трубу” и он убежал, а “мусор”, не дойдя до нас, вскоре ушел с “продола”.

После этого блатные вскоре заорали – мол, убирайте все, идет комиссия! Господи, сколько же можно?!. Это уже явно чересчур... Красное одеяло я с подъема не расстилал, продуктовый баул не убирал под шконку, равно как и одежду с торца шконки, – пришлось срочно все делать и убирать (сейчас сижу на этом одеяле).

Стрем пару раз кричал: “Комиссия на 12–м!” – потом сразу же “Комиссия ушла с продола!”, и еще с каким–то бараком была такая же история. Не ходила никакая комиссия, короче, сегодня по баракам, а кого уж там эти стремщики за комиссию принимали – бог весть. Зато “простые” “мусора” шлялись постоянно. После обеда вдруг пошли толки, что сейчас будет “шмон по лагерю”, и было дано всеобщее строгое блатное распоряжение : попрятать все телефоны! (Блатного “обиженного” подонка, который завтра уходит домой, долго крыли за то, что он не убрал, – он оправдывался тем, что ему ни вчера (когда их тоже убирали), ни сегодня никто об этом не сказал.) Тем не менее, шмона не было, а когда начался обход 2–х “мусоров” по баракам, дошедший на этот раз и до нас, – я сразу понял, что шмона не будет, шмон и обход одновременно здесь как–то не бывают...

Вот и все. Пока все тихо, спокойно, ни комиссий, ни шмонов. :) Один из друзей моего соседа–алкаша узнал в столовке (у работающих там з/к), что комиссия уедет только во вторник. Значит – завтра опять красное одеяло с подъема...

Однообразная, унылая жизнь, разнообразимая только таким вот приступами лихорадки – как сейчас, по комиссиям, или как

июльские вообще беспричинные проверки по карточкам каждый день... Прошла 81–я неделя до конца. Она была отмечена – огромным событием! – уходом шимпанзе, а также вот этой многодневной истерикой ожидания комиссий. Осталось мне тут, в этом дурдоме, ровно 80 недель, 560 дней...

8.9.09. 17–45

Пока никуда не перевели, – и это единственное, что радует. Настроение весь вечер вчера и все утро сегодня было отвратительное, – господи, когда же все это кончится, сколько еще мне сидеть тут, в этой бессмыслице, в этом сумасшедшем доме, среди быдла, подонков и прочих деградантов?!.

Ублюдок Юра, “обиженный”, с самой пятницы (а сегодня вторник!) так и не постирал мне вещи, снятые в бане. Сука!.. До понедельника у него была отмазка – в ожидании комиссий завхоз и блатные не давали вообще вешат стиранные вещи нигде во дворе – ни со стороны калитки, ни в “спортгородке”, и снимали, точнее, заставляли “обиженных” снимать уже повешенные. Негде повесить сушить – так что же, мол, их стирать?.. В понедельник это чмо с утра само подошло ко мне и сказало, что сейчас уберется – и возьмет мои вещи стирать. В результате – ни вчера, ни сегодня, и нет даже намека, что собирается. Я ничего не говорю ему, даже не смотрю, – не хватало мне еще бегать за этой алкогольной (на воле) падалью и упрашивать ее! “Помни, кто ты есть!” – это уже здесь. Я просто жду, когда у этой нечисти , как постоянно бывает, кончатся сигареты и она придет ко мне их клянчить...

Завтра, по слухам, ожидается уже новая комиссия, рангом пониже, – 17–я уже за неполные 10 месяцев!.. :) Значит, по отработанному уже до автоматизма алгоритму, – вечером собрать на завтра еду в пакет – и за шконку его; с утра – красное одеяло, один баул опять передвинуть, другой – завязать ручки и запихнуть под шконку... Будьте вы все прокляты, суки, – и те, и эти!..

10.9.09. 9–14

Ну что ж, вот и перевели... Вот и случилось то, чего боялся. Эти строки пишу уже на 11–м. На 11–м вместо первого...

Вчерашний день был сущим кошмаром, – недаром циферки так совпали: 9.9.09. Три девятки... По дороге на завтрак – у “нулевого поста” Заводчиков со свитой, рулящий потоками зэков с обоих “продолов”. Да, забыл: на зарядку неожиданно явился отрядник, в среду вместо понедельника! – но я таки успел выскочить, даже робу (с шапкой в кармане) успел натянуть еще, заслышав крик об отряднике. После зарядки – собрали в “культяшке”, как водится, и торжественно провозгласили

очередную комиссию, – с уборкой всех вещей, разумеется, как и всегда.

В 11–м часу утра на 13–й приперся шмон – 10 “мусоров” в камуфле, с ними Пожарник, Наумов, еще кто–то. Шмон без вещей, всех просто выгнали на улицу. Заглядывал несколько раз в окно – ничего особенного, просто подняли в изголовье матрас и, видимо, порылись под ним. Настроение было хорошее, – и не такие шмоны мы уже тут видели, это–то сущие пустяки, – как вдруг кто–то (Наумов?), выгоняя из барака немногих всегда там остающихся, сказал: сейчас будем зачитывать приказ, кого переводят, кто остается... И тут я понял, что это конец, что все рухнуло...

Построили, стали зачитывать. Подтвердился безумный слух, в который я не хотел верить еще недавно: переводят 49 (!) человек, 28 оставляют (всю блатную верхушку в том числе), и эти оставленные будут заниматься ремонтом, потому что от этого барака в ужасе все комиссии, дошло уже не только до Нижнего, но и до Москвы!..

Наумов называл группу из нескольких человек – все на такой–то барак – и заставлял ждать, пока те пойдут, соберут вещи и под конвоем “мусоров” уйдут на назначенный им барак, лишь после этого он зачитывал следующих. Когда назвали 6–рых на 11–й (один сразу отказался), я думал, что собирать вещи придется безумно долго, чуть не весь день. Но – благодаря тому, что бессчетное число раз с мая думал о предстоящем переезде, как о неизбежности, планировал, прикидывал, как и что будет быстрее и удобнее собирать, – сгреб все барахло очень быстро. Кроме 2–х постоянных баулов – продуктового и вещевого – получился еще один, огромный, с вещами из–под матраса и из–за шконки, плюс маленький баульчик с казенными ботинками и зимней телогрейкой.

4 тяжеленных баулища (ну, пусть 3),а я и сам–то еле хожу, не то что еще их переть. Отрядник на мой вопрос пустился уверять, что сейчас мне ребята помогут, повторил это оживленно так раз 10. (Я просил его оставить меня хотя бы до вечерней проверки, чтобы постепенно все перетащить.) Однако на самом–то деле помогать никто не спешил (кому я нужен?..). На счастье, в это время перед самыми воротами 13–го уже довольно долго стояла лошадь с телегой, неизвестно (я пропустил в суматохе, – не до того было...) когда приехавшая и что привезшая. Сперва предложение кого–то из “мусоров” (начальства) погрузить вещи на телегу и отвезти на 11–й я воспринял как издевку, но потом вроде бы и другие стали это повторять, спрашивать, кто возчик, зачем приехал и пр. Тогда действительно с одним из остающихся

на 13–м (земляк и друг по воле бывшего стирмужика) перетаскали мои 4 баула на телегу, и туда же остальные положили свои.

Что сказать о дальнейшем? Блатные 11–го позвали, побеседовали, но особого интереса и радушия не проявили, даже чаю не предложили, как было и на 5–м, и, по–моему, на 13–м. Поинтересовались, правда ли я журналист, есть ли у меня всякие полезные связи на воле, и сразу же предупредили, что прежде чем использовать эти связи, что–либо предпринимать (ЧТО – не сказали, все звучало крайне расплывчато), мне надо будет подойти к “людям” (т.е. к ним – других блатные за людей не считают), посоветоваться…

Обед, ужин (здесь в 18–30 только – на полтора часа позже, чем на 13–м) – а шконку все не дают. Сижу во дворе на лавочке, благо их тут 2. На соседней сидят тот злобный старикашка, что бил палкой “обиженных” по утрам и открывал зимой форточку, живя на 13–м напротив меня, и его дебил–сосед сверху, своей громадной тушей каждое утро заслонявший мне свет из окна. Их тоже перевели на 11–й. Они пили чай, заваренный в банке, по–простецки (как всё у них), угощали меня, – несладкая гадость. После ужина место все–таки показали.

Сначала они хотели остаться в том же проходняк, что и я (свое уже занятое в нем место старому хрычу уступил его полублатной приятель, тоже сюда переведенный). Но местное блатное начальство в весьма хамской форме выселило их обоих порознь куда–то в другую секцию (а жаль, – с ними, давно знакомыми и достаточно примитивными, но ко мне настроенными не враждебно, мне было бы жить тут легче).

Соседи оказались весьма так себе, но это еще не главная беда. Хуже, что тумбочки стоят одна на другой – их 2, место в них есть, но резать хлеб, колбасу, есть и пить оказалось не на чем! Сегодня для завтрака пришлось уже просить и брать соседскую табуретку, положив на нее принесенный еще вчера старым хрычом с 13–го лист толстого картона (забыл название; из него делаются задние стенки шкафов, а я таскал его своей Ленке для ее художественного училища еще в 2005, кажись, году).

“Обиженного” пацана, взявшегося постирать вещи, нашел очень быстро. С утра сегодня не было бани (тут она по четвергам, как и ларек, но в ней опять, говорят, прорвало трубу), так что отдал только вещи с прошлой бани, которые этот скот Юра (переведенный вчера на 7–й) так и не выстирал. Баулы та же наглая тварь–“комендант”, что распределяла вчера нам шконки, вчера же вечером заставила запихнуть в здешнюю каптерку, – мол, ожидается комиссия… Т же порядки, что и на 13–м… Кстати,

когда вчера переводимых посылали быстро собрать вещи, а каптерку в это время шмонали “мусора”, вытряхая все баулы и не давая их забрать, – я оценил, насколько правильно и мудро я поступил, что не стал убирать их туда... Но на 11–м у меня есть тумбочка – и пришлось запасти некоторое количество жратвы, на 2–3 дня, собрать в большой пакет и положить в тумбочку, а остальное – в каптерку. Если и не разворуют, то половину наверняка сгрызут крысы...

Осталось мне здесь 556 дней...

11.9.09. 9–10

11–е сентября... 8–я годовщина грандиозной трагедии в Америке 11.9.01. Но никто вокруг не вспоминает об этом...

Эту ночь спал лучше, чем предыдущую, – с 11 вечера до 5 утра проснулся только 1 раз, в начале 3–го. А первую ночь на этом бараке спал всего только часов до 2–х, и после этого уже не мог уснуть.

Бани вчера не было до вечера, и сегодня с утра она работает. Быдло бегает в баню, хотя день и не свой, – всем пофигу. У меня есть был?) соблазн сходить после 10–00, но сегодня пятница, – во–первых, туда, как обычно, набьется 2–й отряд, а во–вторых, видеть остатки 13–го, особенно всю эту блатную сволочь, очень не хочется.

Быдло тут вокруг ужасное, – еще не хуже ли, чем на 13–м (хотя точно определить трудно). Примитивные, грубые, тупые скоты вокруг. Блатных, м.б., не так много, или они не так активно и нагло себя ведут, как на бывшем 13–м, до начала разгона его в мае. Но общее ощущение ужасное. Хорошая, теплая, даже – днем – жаркая погода на улице, – бабье лето, но спуститься ли вниз, во двор, посидеть на лавочке, подышать воздухом, – каждый раз приходится принимать решение, после некоторых колебаний и взвешивания всех “за” и “против”. Если решил спускаться – надо идти в секцию за палкой, без нее мне эту лестницу не одолеть ни вверх, ни вниз.

Есть приходится 2 раза в день на табуретке (уже писал вчера об этом?), 2 тумбочки стоят одна на другой, место в одной пока есть (пока ее не забрали), но сверху на них не поешь...

Задача задач на ближайшие дни – выцарапать свои баулы (2 из 3–х) из здешней каптерки. Некоторых продуктов, что запас перед убиранием туда баулов, хватит только на завтра.

Зато, дурак, уже (на 2–й день, вчера еще!) сделал себе 3 бирки “11 отряд”, 4–я будет на той неделе. Будет забавно, если вскоре опять переведут куда–нибудь (на 1–й?)...

Переписывать оставшиеся дневники за 2009–й тут, видимо, будет или уже нельзя, или очень трудно (любопытные расспросы

быдла гарантированы), да и вести–то с трудом...

Записался сегодня на прием к Демину – попытаться поговорить с ним о постельном режиме, об освобождении от всех этих зарядок–проверок и пр. Идти надо в 10, но недавно опять вырубили свет (ненадолго вырубали перед подъемом), – по опыту 2–х лет здесь, это вполне достаточное основание, чтобы отменить прием врача в больнице...

12.9.09. 8–46

Быдло, быдло, быдло, быдло... Главная проблема Буреполома и всей России. Поселили не в блатной секции, и то спасибо, но – среди тупых, грубых, звероподобных каких–то заготовщиков и уборщиков. Быдло сиволапое, зачем же вы живете, место занимаете, тратите кислород, которого и так не хватает?.. С утра – новое несчастье: у соседа в соседнем проходняке (именно такого вот, как я описал), на чьей табуретке я ем утром и вечером, вчера после моего ужина забрали ее "на игру" (прямо в "фойе" сразу же после проверки уселись играть в карты) и до утра не вернули. Хозяин, с утра занятый в бараке стиркой и мытьем полов, в столовой – заготовкой, только вот сейчас, вымыв пол, обещает пойти искать ее. Завтракать мне пришлось на тех 2–х листах – оргалита (вспомнил–таки!) и фанеры, принесенных с 13–го барака. Просто положил их на шконку, и колбасу резал, и чай пил – на них. Чай пролился, но, слава богу, не сильно, постель не намокла.

Связи в этом бараке нет по–прежнему. Зашел вчера один блатной, прежде бывший на 13–м, принес "трубу" "телефониста", я набрал матери, – длинные гудки, не берет трубку. Я сразу в таких ситуациях начинаю нервничать, тем паче, что уж в 7 вечера она точно должна была быть дома. (А "телефонист" – в ШИЗО на 7 суток.)

Задача задач на сегодня – выцарапать–таки баулы из каптерки. Сердцем я чую, что это будет нелегко, если вообще удастся. Но – уже суббота, страшная комиссия со среды так и не ходила по баракам, да и уже должна была уехать, – сколько можно?! Вторая по важности, тоже весьма сложная задача – переться опять "дорогами" на другой барак, чтобы попробовать отуда дозвониться матери.

13.9.09. 9–27

К запасному варианту сходил вчера очень удачно, – после небольшого колебания рванул сразу же утром, как закончил писать. И дозвонился (мать говорит, что не было такого, что она накануне не брала трубку, – телефон, говорит, лежал рядом с ней и не звонил), и даже какао с сухим тортом меня там напоили. :) Вечером, похоже, наладилась (усилиями ближайшего наперсника

“телефониста”) связь уже и в этом бараке. Вещи свои тоже забрал из каптерки весьма удачно – разграблены они не были, похоже, тут все–таки каптерка понадежнее, чем была на 13–м. Пока (с вечера) никто еще не орет, почему у меня баулы под шконкой, а не убраны в каптерку.

Что ж, – вроде бы жизнь наладилась? :))) По крайней мере, теперь уже не будет этого тошнотворного, изматывающего, обессиливающего страха – да что там, ужаса! – что, вот, переведут, и как я буду там, на другом бараке, с другими людьми, обустраиваться, и как буду собирать вещи, и как тащить. Все самое страшное рано или поздно случается – посадили, отправили на зону, лишили надежды на УДО, перевели на другой барак. А я все это как–то выдержал, – надо же!..

Кончилась 80–я неделя здесь, на которой меня перевели с 13–го барака на 11–й. Осталось мне здесь 79 недель, или 553 дня.

18–15

Опять сборы в “культяшку” – она и здесь именуется так же, – опять ожидание какой–то предстоящей комиссии, опять уборка вещей со шконок и из–под шконок... Все повторяется... Только вчера достал, принес, успокоил нервы, – опять!.. Не потащу, да и все, – по крайней мере, пока лично не потребуют. Достали!..

Настроение невыносимо тоскливое, какое–то совершенно упаднические, да еще до ужина постоянно клонило в сон (да и сейчас тоже, но уже вздрючены нервы опять “комиссией”...). Тоска дикая. Я не страдаю от одиночества среди этих тварей, но – поговорить тут абсолютно не с кем, еще хуже, чем на 13–м (там хоть старый словоохотливый (даже слишком) алкаш был под боком). Вокруг чужое, настороженно–агрессивное, дебильно–примитивное быдло – и его блатные “начальнички”, как всегда (желающие быть и “начальничками” надо мной). Тоска... Пустота... Работать, переписывать дневник здесь едва–едва получается по чуть–чуть утром, когда большинство их спит, а увидев – они проявляют очень сильный и вполне беззастенчивый интерес к тому, ЧТО это я такое пишу; читать нечего, кроме Ницше, но это не такое легкое чтение, за него надо браться с соответствующим настроением и расслабленными уже нервами, для отвлечения и расслабления их он не годится. Так что – ни писать, ни читать; делать нечего совершенно, разве лежать целыми днями, бездумно глядя перед собой да на идиотика–соседа сверху. Но лежа – я засыпаю, точнее, проваливаюсь в какую–то болезненную дрему (особенно болезненную к вечеру) и долго потом чувствую себя как–то помято, плохо, как и вправду спросонья...

14.9.09. 8–45

Упорно выхожу каждый день на зарядку. Тоскливо, безнадежно, сжав зубы, гуляю туда–сюда по мощеным дорожкам здешнего двора, под песни, а потом – упражнения. Деваться некуда. “Козлы” ходят и будят с утра, выгоняют, так что даже захоти я остаться, не выходить, как на 13–м, – едва ли они позволят. Да и барак – 1–й по “продолу”, “мусора” заходят непременно. Выползаю заранее, еще минут в 5 7–го (зарядка официально начинается в 6–10), медленно сползаю по лестнице, тыча палкой в упоры между ступеньками, следя и стараясь, чтобы она не провалилась в щель. Пока тепло, или не очень еще холодно по утрам, – ничего, как–то еще терпимо. Что будет, когда начнутся морозы и снежные заносы по утрам, с ночи, – не хочется даже думать. (Впрочем, похоже, “обиженные” здесь убирают двор и утром, – м.б., заносов не будет.)

Осень. Сентябрь. Вся душа напряжена, натянута, как струна, и грозит лопнуть. Состояние отчаяния от своего бессилия – и лютой, смертельной, испепеляющей ненависти к ним ко всем, которые претендуют мной командовать, – и к тем, и к этим... Боже, как это унизительно – зависеть в самых простых, бытовых, повседневно–житейских мелочах, в каждом своем шаге от всякой мрази и быдла, от тупой, бессмысленной, животной нечисти, биомассы, подавляющей исключительно своим количеством. Поодиночке любой, даже самый здоровый из них для меня – не противник, что в споре, что в драке; но и там, и там они всегда, непременно набрасываются толпой... Унижение такое, и омерзение к ним и к себе (побежденному, забитому этой бандой ублюдков) такое, что нет слов описать и нет сил жить...

Баулы, оба, пока под шконкой. Никто ничего не говорит. Но это только пока. И – приказ местной блатоты я, значит, уже нарушил, и за это подлежу наказанию (на 1–й раз, возможно, небольшому). Вот если будет, как вчера обещали, шмон, то они, конечно, мне пригодятся – будет куда что убрать, да и в каптерке могут из всех баулов все вытряхнуть в одну общую кучу, как бывало на 13–м... Одна только мысль слегка утешает: если уж даже такую тварь, как бешеное шимпанзе, я как–то сумел объехать, обойти и ни разу, при всех его личных проверках, не “засветить” неубранные сумки, – м.б., и здесь, с этими, все же более спокойными, как–нибудь обойдется?..

Сколько их уже было, этих безумных, надрывных, черных, страшных, навеки памятных сентябрей в моей жизни... Каждая осень – как откровение, как сметающий все вихрь (отчаяния или радости, неважно, но обычно отчаяния), как отрицание всей нормальной, спокойной человеческой жизни. Из всех особо памятны мне 2 сентября – 88–го и 96–го годов... Началась 79–я

неделя до конца срока, осталось 552 дня.

17.9.09. 10–08

Наконец–то! Уф–ф!!! Нервы напряжены, мысли разбегаются, я не могу даже сообразить, что писать, с чего начать... На 3–й день наконец–то с трудом дорвался до дневника, – не давали взяться, суки!.. То одно, то другое!.. Задергали совсем... То не давала комиссия и боящееся ее до смерти быдло в бараке. Еще позавчера, во вторник, на 16–00 был назначен ее обход по баракам. Выносили в каптерку баулы, убирали “шкерки”, снимали полотенца и одежду с дужек, – все как всегда. Секция стала прозрачной, просматриваемой насквозь из одного конца в другой. Сидели, ждали. Комиссия не появилась вообще. Назавтра (вчера, в среду) повторилось все то же самое – тот уж психоз убирания и прятания, начиная с 2–х часов дня (сразу после обеда). Комиссия появилась “на большом” (“продоле”), зашла в столовку, потом пошла на наш “продол”. Но не к нам, а дальше куда–то – на 7–й ли, на 3–й, – толки ходили разные. Очень долго там торчала, потом ушла “на контрольную” (т.е. на вахту, по донесениям местного стрема, у которого из всех бараков самый лучший и дальний обзор, – до самой вахты). Я оба дня не убирал баулы, оба, из–под шконки, и даже одеялом тут, на этом бараке, не завешиваю, – просто задвинул поглубже. Никто из всего этого барачного быдла, ни блатные, ни козлы, ни завхоз, – не заметили и не докопались. Обошлось, хотя я ждал их истерик по сему поводу. Но, правда, никто таких персональных проверок, как шимпанзе на 13–м, тут не устраивает.

Черт его знает, будет ли когда–нибудь кому–нибудь, кому доведется читать эти записки, интересно, как именно я прятал вещи от комиссий, блатных и пр. на разных бараках и как именно трясся и нервничал, ожидая разоблачения. Нет, на самом деле, не будет, конечно, я это знаю с несомненностью. Но просто – тут больше по сути не о чем писать. Когда это происходит, когда приезжает очередная комиссия и начинается психоз и поспешная уборка и вынос вещей, подстегиваемая блатными и “козлами”, – все остальное, все прочие мысли отходят разом на 2–й план! Ни о чем другом не можешь все это время думать, кроме как готовить ответные реплики и мысленно уже отбиваться о наседающих, злобно матерящихся блатных, разъяренно требующих унести сумки в их проклятую каптерку... Об этом думаешь больше, чем о свободе, о работе, от смысле жизни... Это, без сомнения, показатель деградации от здешней жизни.

Еще больше, чем комиссии, мешал работать этот старый подонок – алкаш, мой бывший сосед по 13–му бараку. Сейчас он на 9–м, соседний с нами барак, и стал, не в пример прежнему,

когда на 13–м постоянно спал, бегать по баракам туда–сюда. В обе стороны – то на 7–й, там тоже его друзья с 13–го, то ко мне и еще к переведенному со мной одному блатному наглецу на 11–й. Животное, мразь, нечисть, мерзкая пьяная рожа!.. Коммерсант хренов!.. Вчера он приходил трижды!.. За сигареты таскает мне, что нужно и не нужно: хлеб из ларька (нужен, но сегодня я туда пойду сам, – если пустят, несмотря на комиссию); из чьей–то, своего дружка–земляка со 2–го, посылки – банку тушенки и пакет лапши б/п; то приходит толкать какие–то свои идеи, что он еще может мне найти, и т.д. и т.п. То берет 2 сигареты за яйцо из своей столовской диеты, – еще с 13–го он “продает” их мне по 2 сигареты за штуку. Я обычно беру эти 2 сигареты ему прямо в столовую, но теперь он и за ними может зайти отдельно... Проблема в том, что, во–первых, животное это очень грубое, хамоватое, бесцеремонно и беспардонно–наглое, и хоть в шутку, хоть всерьез – тут же начинает ругаться, шипеть, плеваться слюной, обижаться и еще по–всякому “колотить понты” (как тут говорят), как только с ним выразишь малейшее несогласие или хоть по мелочи его за что–то покритикуешь. А во–вторых, он просто тупо, пустое, дебильное трепло, у которого все темы на 3–й минуте съезжают на любимое – о себе, себе, родном и обожаемом, обо всех подробностях того, как он жил дома, как у него был там налажен быт, как и что он пил всю жизнь, о своей семье, родне, детстве, о матери, которую он не видел 20 лет (и по дороге с хоны в декабре хочет наконец заехать, повидаться), о бабушках которые его вместо матери воспитывали в детстве, и т.д. и т.п. до бесконечности. Старый дебил! Общение с ним поэтому занимает бесконечно, непереносимо много времени, мешая писать, есть, работать, жить... ненавижу эту тупую пьяную мразь, эту жалкую и никчемную пародию на человека! Один только вопрос: зачем такие вообще живут на земле, почему им позволяют жить – и мешать нормальным людям?! Вчера он приперся, едва я позавтракал, я вышел к нему отдать 2 сигареты за яйцо – и просидел с ним за пустым трепом на лавочке больше часа, почти все лучшее для работы утреннее время. А после обеда была комиссия, – и я ни строчки не написал и не переписал за весь вчерашний день!.. Потом, вечером, он приходил еще 2 раза – и держал меня в “фойе”, с закипевшим чайником в руках, своей болтовней (все о себе, о себе!..), не давая идти пить чай. Сегодня он впервые “зацепил” меня на ходу в столовую (9–й идет туда на пару минут раньше 11–го), потом я трепался с ним в столовой (он все обсуждал, возьму ли я у него за курево банку тушенки, и показывал ее), а я уже торопился в баню, заранее взял с собой в столовку пакет. Пришел из бани – эта харя уже ждет меня во

дворе барака, и была очень недовольна, когда я сказал, что времени у меня мало, надо повесить полотенца, выложить вещи в стирку и положить для следующей бани чистые, приготовить завтрак и поесть, и т.д. Более неподходящего времени для своего визита, чем сразу после бани, это чмо просто не могло бы найти. Оно, разумеется, тут же обиженно надулось, засопело и стало уверять, что курить себе всегда найдет и без меня . (Ага, как будто я не прожил с ним бок о бок год и 8 месяцев и не знаю, как оно обстоит на самом деле...) Быстро отсчитал ему 4 пачки сигарет и, не вступая ни в какой треп, пошел завтракать.

В бане, к моему изумлению, таки заделали тот огромный пролом в стене – он заложен кирпичами, сверху они замазаны цементом, рядом еще стоит тазик с этим цементом и песком. Ну–у, я не ожидал!!! :) Но стекол в 2–х окнах из 5–ти так и нет, и – осень, да еще раннее утро, 8–й час всего – ветер туда задувал весьма ощутимо, и ветер уже реально холодный. Сделают ли они эти окна хоть к началу морозов?..

Позавчера вечером выселили из нижней тумбочки (тут их 2 одна на другой), которую я, как перевели, занял фактически один. “Поднялся” этапник, и (якобы) хозяин тумбочки, живущий в соседнем проходняке, выселил меня в верхнюю (пополам с моим соседом сверху), а нижнюю отдал всю ему. Подходили разные хари (но все молодые) выяснять вопрос с этой тумбочкой весь вечер. Никого из них еще не зная даже по именам, я смотрел на них непредвзято, со стороны, – боже, какая нечисть, какое отребье, мразь, зверье, совершенно недопустимые в приличном обществе зверские бандитские хари!.. Таким пуля в голову, в затылок – еще награда, они стоят меньше, чем эти 9 грамм свинца, и переработать их живьем на костную муку – значит, придать единственно возможный смысл всему их жалкому существованию, напрасному с самого рождения...

В тот же вечер, позавчера, после проверки, я подошел в предбаннике, где входная дверь, к окошку на улицу, посмотреть в него и подышать (увы, из–за лестницы теперь это окошко заменяет мне ежевечернюю прогулку по двору 13–го). Тут же, из этого же предбанника ведет дверь в деревянную пристройку, где раздевалка, а дальше – каптерка. В раздевалке сидит круглосуточно стрем, и там же блатные запираются, особенно по вечерам, чтобы говорить по телефонам. Пусто там не бывает вообще никогда. Вдруг из–за закрытой двери этой раздевалки послышались дикие, какие–то нечеловеческие крики, – было похоже, что там кого–то бьют. (Из разговоров блатных я уже раньше уловил, что эта “тапочница” служит местом избиений и прочих расправ.) Кто–то вышел, дверь на мгновение

приоткрылась, и я успел увидеть кого–то из 2–х местных 18–19–летних “обиженных” пацанят (лицо разглядеть не успел), занятых, как и все подобные на всех бараках, стиркой, уборкой, “проливанием” туалета и пр. Он сидел голый на полу около этой двери. М.б., это его и били? Я не понял толком; было это позавчера вечером, а сегодня, после бани, подойдя к тому из них, кто стирал мне в прошлый раз, насчет стирки, я увидел – одна ладонь у него как–то страшно вспухла и на ней запеклась кровь. Перелом, – сказал он мне, – сейчас пойду в санчасть. На мой вопрос, кто это его так, он ответил что–то невразумительное, – то ли ударился обо что–то, то ли дверью прищемил, я толком не понял. Но перелом со вздутием в области ладони больше всего был похож на последствия сильного удара палкой по руке...

Позавчера же вечером, после этого эпизода, мне последний раз дозвонилась мать. Из–за комиссии все телефоны у этих тварей днем убираются, а вечером начинается вообще вакханалия телефонного трепа – блатные “решают дела”. Я не сомневаюсь, что мать звонила мне весь день и вечер вчера, но так и не смогла дозвониться.

18.9.09. 8–58

Мать вчера вечером таки дозвонилась. В истерике, конечно, как всегда: как же, 2 дня от меня нет вестей. Оказывается, она от отчаяния звонила запасному варианту, и тот, мразь (“Я – чистый человек!”), отказался прийти ко мне и дать телефон, чтобы я позвонил матери. Сказал, что, мол, “он сам ко мне придет и позвонит”. Ублюдок...

Другой ублюдок, не лучше – “телефонист” – вчера пошел на обед (!) и просил передать мне, чтобы я его подождал в нашей “локалке”. Очень заботливо спросил, звоню ли я домой, обещал сам позвонить моей матери, зайти вечером ко мне с “трубой” и т.д., и тут же дежурно спросил: “Ты пойдешь в заведение? Дай мне рублей 150”. Вот из–за чего просил его ждать, ублюдок!.. (Вчера был четверг – ларьковый день для 11–го. День растрат... :) Я согласился дать только 100, он за ними тут же прислал своего младшего блатного напарника, тоже с бывшего 13–го, и тот тоже говорил мне про “телефониста”, что “он тебя не забывает” и вечером непременно зайдет. Зайти тот, разумеется, и не подумал. И, как обычно, когда увидимся в следующий раз, будет, как всегда, отговариваться, что ему помешал “мусор” (отрядник), сидящий в их бараке...

Тапки из кожзаменителя, купленные еще в прошлом ноябре у старого хрыча Пятака за блок сигарет, совсем порвались. Такое дерьмо оказалось!.. Хотя я и не ждал чего–то выдающегося, – хорошо хоть, на один сезон хватило. И подошва вся потрескалась

и искрошилась, и верх потрескался, а в одном месте порвался – я зашил нитками, В чем буду ходить следующее, последнее здесь лето, – неизвестно...

Больше всего писать и вообще работать (над дневником особенно) мешает идиотик–сосед сверху, на 2–м ярусе моей шконки (а до моего перевода сюда жил на 1–м). Господи, за что мне такое наказание? На 13–м был старый идиот–сосед, вшивый, все сидел часами и таращился на меня; здесь – молодой такой же, только без вшей. С часов 11 вечера до проверки спит; потом – слезает, начинает жрать (занимая табуретку, когда мне надо ужинать), пить чай по 10 раз в день и пр, а поев и попив – хорошо еще, если сидит и смотрит часами, неподвижно, в одну точку, с отрешенным выражением лица, , – а то может, как все идиоты (и тот, что мне на 13–м окно загораживал, а теперь он здесь; и подонок "чечен", живший в моем проходняке год назад на 13–м), встать здесь же, в проходняке – и часами стоять, оперевшись о шконку. Безошибочный признак идиота! Мимо него могут 2, 3 человека поминутно ходить туда–сюда, в проходняк и из него, протискиваться, толкать этого придурка, просить выйти, сесть, подвинуться, – он все равно несокрушимо будет стоять, несмотря на все толчки и просьбы. Впервые я с изумлением наблюдал это (естественно, еще не понимая, в чем дело) в 1–й же вечер на этом бараке, когда мимо этого столбом стоящего идиота, протискивался туда–сюда сто, наверное, раз, таская из баулов, стоявших в "фойе", свои вещи...

9–45

Пока писал о нем – этого идиота как раз вызвали в штаб, в 6–й кабинет. Разбудили, подняли, он долго упирался, не хотел идти, нес какую–то околесицу, что, мол, все равно "мусора" придут на проверку и его заберут, и пр. В общем, действительно впечатление, что с головой не все в порядке. Уговаривать его и настаивать, чтобы он пошел, приходила вся блатная кодла. Наконец, с трудом, вроде увели. А почему я о нем так подробно, – вчера был забавный (но и плюнуть охота!) разговор. Оказывается, он еще до моего переезда сюда допустил "промах" (по местным, разумеется, понятиям): поставил какой–то "бокал" или кружку на какую–то (не понял точно, какую) полку "обиженных", т.е., как вчера ему тут говорили, "отдал пидорасам". Корили его этим то один, то другой из соседей в проходняках дальше, к середине секции. Один из них, какой–то полублатной, как я его воспринимаю, – вдруг и мне заявил, что, мол, хоть вы тут смотрите за ним... Я достаточно резко ответил, что я ему не нянька, и у нас с этим полублатным произошел небольшой "рамс" (как, опять же, здесь говорят). Оказалось, что еще один

(полу?)блатной, в том же проходняке, по виду матерый такой бандюга, примерно мне ровесник, это услышал – и захотел со мной пообщаться. Сказал, что того, который “наезжал” на меня, он вразумил (“довел” до него, что так обращаться к людям нельзя. :) Интересно, на сколько времени подействует...), а мне стал объяснять, что, мол, этот мой сосед и впрямь не в себе, за ним, мол, таки надо приглядывать. Я сказал, что, по моим наблюдениям, он вполне здоров, несмотря на внешние странности, – поесть–попить, покурить, поспать, сходить в баню, найти или попросить все, что ему необходимо, вполне способен и не забывает. За эти наблюдения я удостоился от собеседника комплимента, что я человек далеко не глупый. :) Но главная опасность, оказалось, в другом: этот бедолага может, оказывается, по недопониманию что–нибудь взять у “пидорасов”, и из–за этого “общество”, законы которого он этим нарушит, вынуждено будет его от себя оттолкнуть. Вот чтобы “не потерять его”, меня и просят присматривать за моим соседом. Я привожу тут всю эту демагогию не дословно, но весьма близко к тексту. Хотелось, конечно, мне ответить, что, м.б., этому “обществу” лучше было бы “оттолкнуть от себя” вот эти вот нелепые, дикие, преступные гомофобские предрассудки и отказаться от полностью надуманного, выдуманного из головы кастового деления людей по каким–то несуществующим различиям. Но – не стал: какой смысл? Это тупое, окостеневшее в своей гомофобии быдло не переубедить словами, тем более когда их тут толпа, а ты один. Не слова тут нужны, а другие аргументы, сила нужна... За дискриминацию по признаку сексориентации этот народ нужно наказывать жестко и беспощадно. Именно народ, а не государство даже.

19.9.09. 16–55

Вот он, вот он, этот идиотик – мой сосед со 2–го яруса шконки! Стоит в проходняке, облокотясь спиной о соседнюю шконку, то скрестив руки на груди, то подперев рукой подбородок и жеманно наклонив голову на один бок. Так он стоит уже несколько часов – по крайней мере, как пришли в 2 часа с обеда – и то смотрит куда–то вдаль туманным взором, то с любопытством поглядывает, ЧТО я делаю. Я за это время – под его присмотром и протискиваясь временами через него – достал из–под матраса маленькую “демисезонную” телогрейку, перешил на ней бирку (с 13 отряда на 11–й), достал оттуда же жилетку, с таким горем доделанную с прошлого ноября в этом августе, переделал на ней петлю, пришитую дураком Юрой на самый верх, переставил пуговицы, чтобы была она мне не так велика. Жилетку пока убрал обратно под матрас и все заново там переустроил,

чтобы без телаги удобно было лежать, было что–то подложено под поясницу. День сегодня холоднющий, – по временам солнце, но весь день ужасный, леденящий ветер. Без телогрейки уже холодно, даже трикотаж в 2 слоя (“тепляк” и тоненькая спортивная курточка от “Армани”) уже не особо греет. Обидно, – всего ведь середина сентября! Тем не менее, на ужин сейчас, по яркому солнцу, придется идти уже в телогрейке – попробую, обновлю этот сезон. А уж о проверке в полдесятого вечера нечего и говорить...

Этот долговязый, лет 25–27, но уже весь плешивый идиотик–сосед, странное дело, еще ничего сегодня не жрал, как обычно после его подъема часов в 12 или позже, не занимал табуретку. Попил только кофе с шоколадом. В столовку не ходит вообще, в ларек тоже – питается, видимо, с полученной недавно посылки (при мне, за вот уже 10 дней на 11–м, он никаких тюков не приносил, да и вышел только 1 раз – в штаб, в 6–й кабинет). Самое забавное, что здесь, в бауле под моей шконкой, он держит “растилку” и брикеты лапши б/п 9без упаковок – почему я и думаю, что это посылка, а не ларек), а что получше – консервы, шоколад, лимоны и т.п. – держит где–то у блатных в той секции, в самом ее начале, отделенном перегородкой, где живут самые наиблатнейшие из блатных. Сегодня недоеденные полшоколадки он отнес именно туда, а на днях оттуда раза 2–3 приходило самое старшее по блатной должности на этом бараке блатное чмо (из блатной верхушки уже общезоновской, но по возрасту, росту и всем прочим параметрам, в том числе интеллектуальным, весьма мелкое и ничтожное. На 2–й же мой день на 11–м, перед утренней проверкой, во дворе, при широком стечении блатоты, неспровоцированно наехало на меня из–за запрета книг и прессы якобы по моей вине.) и спрашивало у идиотика, полуспрашивая–полуутверждая, впрочем: “Я возьму у тебя половинку лимона?”.

То, что эта плешивая харя стоит и часами пялится (иногда, впрочем, сидит) – это еще полбеды. Настоящая беда в том, что она жрет и занимает проходняк и табуретку именно тогда, когда мне надо ужинать, – с полвосьмого до десяти вечера! Когда как, конечно, – порой оно успевает закончить и раньше. Но вчера я пришел с ужина – а оно уже все собрало, положило в мисочку, нарезало хлеб – и ушло кипятить воду! Блин!.. Время – 20 минут 8–го. Я мог (и хотел было), пока оно кипятит, а мисочка, хлеб на дощечке и все прочее лежат на верхней тумбочке, взять табуретку, поставить и как ни в чем не бывало начать готовить себе, – но ведь эта тварь же не успокоится, она найдет другую табуретку, усядется рядом (как однажды уже было, когда ей, видимо, надоело ждать, пока я поем) – и ни войти в проходняк,

ни выйти, ни сходить вскипятить чайник будет невозможно!.. Сука!!! Полвосьмого залила свою лапшу с нарезанным туда салом кипятком, открыла банку шпрот, месила, мешала, еле–еле, неторопливо, как во сне, все это, подливала еще водички в лапшу... 20 минут – с 19–30 до 19–50 – на одну только подготовку к еде; наконец в 19–50 где–то начала жрать, и к началу 9–го вроде бы закончила. Ура!! Чай можно попить и без табуретки, сидя или вообще на ногах. Я тут же быстро начал готовить себе. Сходил проверил в “культяшку” – смотрят не ТВ, а какой–то фильм по DVD, так что ко “Времени” в 21–00 можно не торопиться (да и все равно бы уже не успеть). Залил кипятком, стал ждать положенные 10 минут, – тут подходит местный владелец “трубы”, на которую мне звонит мать. Она уже звонила, и он обещал ей, что позже он даст мне “трубу” перезвонить ей. Но после ужина сразу явился–таки “телефонист”, и я звонил с его телефона. Местный это видел и спросил, нужно ли мне еще звонить, – ему надо было, чтобы я попросил закинуть ему на счет денег. Пользуясь случаем, я позвонил Мане, с которой не говорил с самого дня свиданки 29 августа. Говорили мы с ней довольно долго. Ей оказалось в среду (23–го сентября) к следователю по ее делу, и я просил сразу сообщить. Потом я быстренько поел, пошел кипятить воду на чай – тут идет обход! Пошли сперва в ту секцию, а когда я уже налил чай и выжимал ложкой чайный пакетик – через телевизионную из той секции прутся в эту, и одна из этих начальственных харь называет мою фамилию и спрашивает, с каких пор мне стало по барабану на администрацию, которую я не встаю приветствовать? Варианты ответов были: мне изначально было на нее по барабану; мне не по барабану, я очень враждебно отношусь к администрации, вплоть до желания ее физически уничтожить; а насчет вставания – я политзаключенный, имею право не вставать перед начальством (которое и не признаю за таковое, кстати). Я таки смолчал (за что жестоко презираю себя); эта харя прошла дальше; она делала на ходу замечания не мне одному, кто–то даже спал при ее проходе мимо, но только я удостоился замечания персонального, с фамилией. (Первое время я опасался, не последуют ли за этим рапорт и (как минимум) очередной выговор; не думаю, конечно, но в принципе в этом нет ничего невозможного. Отрядник 11–го сейчас в отпуске, его заменяет отрядник 1–го; узнать, есть рапорт и вправду, или нет, можно будет не раньше, чем он зайдет (больше не от кого – не идти же самому за этим в контору!), а он заходит не каждый день.) Закончил пить чай только к самой проверке, к полдесятого вечера.

...А этот кретин, пока я писал, так и стоит тут, скрестив руки.

:)) Время уже 17–42.

20.9.09. 15–54

Самое радостное, потрясающе событие этого дня, настоящий праздник, – мне принесли Маню! Вон она лежит на моем сложенном красном одеяле, как лежала на 13–м, – свернувшись, спрятав нос в шерсть на брюхе, спит, не спит, но она здесь!.. Еще на днях я сообразил, кого попросить принести ее, – не алкаша и не старого хрыча, переведенного сюда вместе со мной, а Юру, “обиженного”, – моего бывшего соседа, того самого! Они с другим таким же, его приятелем, переведены на 7–й и формально числятся там, но – на самом деле только отмечаются на проверках, а реально так и живут на 13–м, поскольку совсем остаться без их попечения, уборки, стирки, “проливания” туалета и пр. 13–й же не может!.. Говорят, что собираются переводить их обратно на 13–й. Но пока они на 7–м – после утренней проверки идут с 7–м на обед, а после вечерней – “дорогами" с 7–го на 13–й, т.к. нормальным путем – через ворота – не пускают. Так вот, сегодня после проверки, увидев за забором на “продоле” Юру, я вспомнил о Мане и попросил ее мне принести – на “свиданку”, просто повидаться. И жить она здесь не останется, да и он еще когда ее притащит...

Он принес ее через 5 минут! – только я успел подняться в барак, раздеться и повесить палку! Беру ее через забор (он принес под курткой и еще никак не мог достать оттуда), сажаю на плечо, иду к лестнице, – она начинает вырываться, норовит спрыгнуть на землю. Беру одной рукой под брюхо так, что ей никак не вырваться, – она, вся дрожа крупной дрожью от страха, начинает громко, жалобно мяукать. Но с одной занятой рукой (которой обычно я подтягиваюсь за перила) подняться по этой лестнице наверх – не так–то просто. Ладно, принес, кое–как снял телогрейку, положил ее к себе на грудь – она все так же дрожит всем телом и, прижавшись ко мне, испуганно озирается вокруг.

Гладил–гладил ее довольно долго, чесал за ушами и по горлышку, как много–много раз на 13–м, потом скормил ей по кусочкам из рук (банки–то нет!..) хвостик от колбасы, – съела с жадностью. Положил на это свернутое красное одеяло, так хорошо знакомое ей, в том числе по запаху. Меня она узнала, в этом не было сомнений, и в бараке уже вырываться не пыталась. Улеглась на одеяло, свернулась, я еще погладил ее. А уж когда я увидел, что и после возвращения с обеда она все так же лежит, на том же одеяле, не убежала, – восторгу моему вообще не было предела. Не знаю, что будет дальше, но если до сих пор не сбежала, то есть надежда, что и дальше не сбежит, приживется. Вечером (если не помешает плешивый идиот–сосед) надеюсь

устроить ей роскошный ужин их отбросов тушенки. Старый хрыч, которому я ее показал (он и на 13–м носил кошкам, Мане в том числе, жратву из столовой, всякие каши, макароны и пр.), погладил ее, пощупал и сказал, что она уже худая. Ну да, 11 дней разлуки со мной!.. :)

Вообще, пока что день неплохой, удачный. (Омрачает только предвкушение традиционной теперь задержки с ужином из–за этого идиота до 9–го часа вечера вместо традиционных 19–30.) После завтрака, повинуясь внутреннему инстинкту, сходил к запасному варианту, позвонил от него матери. Не раз бывало, что приходишь утром – он разговаривает сам, и ждешь, пока закончит и даст “трубу”. Но тут эта тварь, вальяжно развалясь на шконке, просто слушала по этому телефону музыку, перебирала какие–то мелодии, что–то там смотрела (аудиовидеофайлы, видимо, типа клипов музыкальных на DVD) – мне не показала, как бывало раньше, и не соизволила прервать свое прослушивание, чтобы дать мне позвонить матери, пока не перебрала все мелодии, какие ей нужно. Хоть я его знаю давно, и неплохо, и он вроде относится этак дружески, по–хорошему, – но и у него просить телефон немногим менее унизительно, чем было на 13–м или чем сейчас здесь, у едва знакомых и совсем незнакомых...

Пришел от него, побрился, переписал лист с небольшим из июля 2009, полежал около часа, – потом проверка, потом Маня, потом обед, а на ужин сегодня на час раньше. Одно только противно – знать, что этот плешивый дебил–сосед (который, встав, когда мы уходили на обед, во 2–м часу дня, уже 1 раз пожрал и, вопреки обыкновению, не сидит и не стоит в проходняке, а залез на свою шконку и валяется там) опять не даст поужинать нормально и вовремя, опять надо будет его ждать, судорожно поглядывая на часы и считая минуты...

Да еще непонятность – оказывается, на складе нет моего подписанного заявления на робу, шапку, ботинки, телагу и пр., которое было на 13–м. Отрядник 13–го, сука, как раз сегодня дежурит и весь день торчит у столовки, – если б я знал, то подошел бы и спросил у него в обед. Остается надеяться, что и в скорый уже ужин он еще не уйдет, можно будет спросить.

21.9.09. 6–35

Ну вот... Так и знал... Черт знает зачем – надумал вынести Маню с утра, во время зарядки, погулять. Нести по лестнице, на плече, прижимая рукой, – этого ей для смертельного испуга вполне достаточно. Только опустил ее с плеча на землю – она тут же сбежала, опрометью унеслась за забор. :((((Теперь остается только просить Юру (увижу его после дневной проверки, не раньше) принести ее опять...

Началась 78–я неделя до конца. Прошедшая, 79–я, была отмечена 2–мя событиями: Маней и похолоданием до такой степени, что пришлось одевать телогрейку. Сегодня ровно, день в день, полтора года до конца срока.

Не было бы сегодня шмона... Сегодня – и всю неделю, до пятницы. Со связью – опять полный нуль: после утреннего разговора сюда, на барак, мать за весь день так и не дозвонилась...

Тоска, тоска, тоска...

17–36

У местного блатного хмырька, с которым обо мне говорил (по его словам) запасной вариант, да и "телефонист" его знает, сейчас 2–й раз уже спросил "трубу" позвонить матери. 1–й раз был 10–го числа, на 2–й день, как приехал на этот 11–й и как запасной вариант сказал мне о нем. Но тогда у него днем "труба" была убрана до вечера из–за комиссии (хотя, говоря мне это, он сидел и по телефону разговаривал. М.б., и не по своему, верю... :), а вечером – оказалось, что там у него нет денег. Сегодня – на мой вопрос только что, минут 5–10 назад, не занята ли "труба", – оказалось, что, конечно же, занята. Всё. Этого мне достаточно, чтобы никогда не подходить больше и не спрашивать у этого типа. Вопрос наконец разъяснился, и я очень доволен, что благодаря моей активности (улучить момент, когда он пройдет мимо по секции, встать, пойти за ним и спросить), я узнал наконец реальное положение дел. Унизительно было, конечно, получить отказ, но я утерся, как всегда, – чай, не впервой...

Маню Юра принес сегодня даже раньше, чем я думал – еще перед проверкой: догадался сам, увидев ее утром на 13–м. Что ж, слава богу. Выносить ее на улицу больше я не буду, хочет – пусть ищет выход сама.

Отвращение, омерзение, тоска... Все обрыдло и осточертело. Непонятно, зачем я живу, без всякого смысла и цели, не жизнь, а одно мучение; но и прервать эту бессмыслицу, покончить с собой – мне не хватает духу. Ничтожество... Презираю и ненавижу себя. Дерьмо... Мне вообще не надо было рождаться на свет – такому нелепому чучелу, неудачнику в кубе, экспонату для кунсткамеры с самого детства, с первых же лет...

23.9.09. 10–43

"Планета без визы" была когда–то у Троцкого. У меня скромнее: всего лишь "барак без связи". Хорошо еще, что не вся зона, а только барак. Но он так капитально без связи... Целый день пробегал вчера по "телефонистам" и "запасным вариантам" – дозвонился от них матери аж 2 раза, тогда как накануне, позавчера – вообще ни одного. Но – в бараке глухо: в последний

разговор, вечером, мать успела сказать, что она дозвонилась–таки незадолго этому хмырю в барак, на чей номер уже дозванивалась мне несколько раз. Он, значит, все же поменял “симку” обратно, с НСС на “Билайн”. Мать, как всегда, умоляла его, объясняла, что она инвалид, что ей нужно каждый день слышать меня, обещала каждый день класть ему на счет деньги, и т.д. Сказал ей позвонить в 10 вечера. Но мне, когда я уже знал про этот их разговор, эта тварь не сказала ни слова, что, мол, тебе звонили. Ну, и в 10 часов вечера, после отбоя, – разумеется, тишина, хотя я прождал до пол11–го, – мы договорились, что мать попробует проверить это обещание, позвонит. Ни хрена! Подонки... До января – еще хоть как–то с других бараков (“телефонист”, впрочем, приходит сюда сам), а потом – вообще без связи?..

Тоска. Пустота. Усталость и нелепость всего происходящего, всего и всех вокруг. Вчера внезапно потеплело, – ну да, “бабье лето” ведь и должно начинаться именно сейчас, в конце сентября, после холодов, а не в начале. Зарядки утром не было по случаю дождя, было хмуро, пасмурно и сыро, но сейчас уже проглядывает сквозь облака солнышко.

Вчера вечером ждал чайник для ужина – и наблюдал колоритную сцену. Кабинет завхоза здесь выходит прямо в “фойе”, где “фаза” (впрочем, так и на всех бараках, кроме 13–го). Как и на 13–м, завхоз из кабинета звонком вызывает личных шнырей – нести ему жрать, или что там еще ему нужно. Звонит. Шнырь не идет. Через полминуты звонит уже долгим, раздраженным звонком. “Обиженный” пацаненок открывает дверь и говорит завхозу (со слов шныря в “фойе”), что шнырь сейчас идет. Как раз из секции в “фойе” выходит и другой шнырь, – оба молодые, невысокого роста, лет по 20 с небольшим. Еще секунда – разъяренный завхоз сам выскакивает из кабинета, видит обоих – и с налету бросается их бить, раздает мощные оплеухи по рожам, а одного даже бьет ногой, с криком: “Сколько я должен звонить??!!!”. В общем, барин, бьющий холопа, дворового человека, крепостного лакея, что чуть замешкался прибежать из “людской” на зов или звонок барина. Нравы XVIII, дай бог XIX века (русская классическая литература, ау!), несмотря на сотовые телефоны в руках и “бар”, и их шнырей. Идут столетья, человечество семимильными шагами движется вперед, а русские все так же живут, как в древности, по Домострою, окостенев в этой своей патриархальной дикости и кастово–иерархическом делении "общества” (если эту толпу быдла и рабов вообще можно так назвать)...

25.9.09. 9–10

Вчера с утра опять не было бани, – в ней, видите ли, не было

дров! Как шутил на 13–м Валера–москвич–спортсмен, “в лесу дрова кончились”. Разговоры о том, что бани завтра не будет, пошли еще накануне во время вечерней проверки, но точно было так и не ясно, я не знал, брать ли мне на завтрак в столовую банный пакет, чтобы сразу из столовки чесать в баню, или нет. Но утром, до завтрака, глядя в окошко напротив входной двери в барак, я увидел, как “обиженный” подонок Рома, тот самый, что лазил по моим баулам еще на 13–м, в июле 2008, когда я был на длительной свиданке, и обокрал меня, понес в прачечную стопку постельного белья (у 1–го барака баня тоже по четвергам). Я решил подождать, что будет. Минуты через 2 он вернулся назад с той же охапкой в руках: не взяли в стирку, а значит, и баня не работает! Потом я слышал разговоры, что дрова, конечно же, есть, но их не выпускают с “промки”, где они лежат; что 1–й воз с дровами “мусора” окружили и очень внимательно следили за разгрузкой (еще много раньше я слышал, что телефоны, заносимые изначально на “промку”, потом перевозятся оттуда в “жилку”, запрятанные в дрова, т.е. в щели, видимо, здоровых, еще не пиленных стволов деревьев). Так или иначе, но к вечеру баня заработала, и туда побежали. Я не пошел: как обычно, по вечерам там бывает столько народу, что не протолкнуться, а особенно если не работала утром.

Не было и шмона, хотя его все ждали: около 8 утра, когда я уже готовил себе завтрак, вдруг заревела сирена – верный признак, по которому знающие местные порядки зэки безошибочно определяют, что сегодня будет шмон. Обычно это оправдывается, и я с упавшим сердцем сидел после завтрака, не мог ничем заниматься, хотя лежало и ждало меня архиважное дело, и даже лечь боялся, чтобы не заснуть случайно. Но шмона не было! Не только у нас, но и вообще нигде на зоне – шмон–бригаду не “пробивали” вовсе.

И еще одно важное событие произошло вчера: была прорвана “информационная блокада”! После многих дней и бессчетных неудачных попыток мать после обеда еще раз, наудачу, без всякой уже надежды, позвонила на номер здесь, в бараке, – и хозяин номера принес мне “трубу”! Мы смогли спокойно, без беготни и долгих просьб, поговорить. Это было похоже на чудо, и вот как раз поэтому–то я вовсе не уверен, что оно повторится уже сегодня, не говоря про будущее...

Сегодня день начался с небольшого позора: я проспал свое обычное время подъема, 5–25! Последний раз смотрел на часы, даже спичку для этого зажигал, – помню, было ровно 5 утра. Лег просто полежать минут 20, чтобы потом встать и одеваться, как обычно, – и заснул, идиот! Проснулся только от крика: “Подъем!”

– в 5–50, когда уже горел свет. Расталкивать меня, понятное дело, не пришлось, я вскочил и стал быстрее одеваться, не придя еще спросонья в себя.

Тапки из кожзаменителя, купленные мною на лето еще в ноябре 2008 у старого хрыча Пятака за блок сигарет, порвались, считай, совсем. На левом – большая дыра спереди, где верх просто оторвался от подошвы (хотя Юра на 13–м и зашивал летом, – материал настолько дерьмовый, что тянешь нитку – и она рвет этот тонкий дерматин...), а на правом – так же точно оторвалась половина задника (заметил только вчера). Пара “летних” казенных ботинок, полученных еще летом 2008 (сейчас таких уже не выдают), лежит у меня в каптерке (если еще лежит и никуда не исчезла...); заявление мое, уже подписанное, на вещи, на казенные “зимние” ботинки в том числе, потерялось где–то на 13–м, – то ли оно у завхоза, то ли у отрядника, хрен поймешь. Завхозу тамошнему не до того (ремонт!), и дурачок Юра, которого я просил найти уже давно и спрашиваю каждый день (они вдвоем с другим “обиженным” ходят мимо нас отмечаться на проверки с 13–го на 7–й, а потом обратно, т.к. реально живут на 13–м), ничего толком узнать, а тем паче взять заявление и принести его мне, не может. Писать новое – как раз до самой зимы, до морозов, дай бог в этом году получить. К тому же те “летние”, что есть – неудобные, пару раз (меряя, когда получил, и на “строевой смотр” в июле) я натягивал их с трудом. В чем я буду ходить зимой – пока что непонятно.

Живу тут, в этом конце секции, среди тупых и злобных животных. Один – уборщик, уходит через 2 месяца, – настоящий фанат уборки, требует, когда он моет пол, вытаскивать из–под шконок и “поднимать” все баулы наверх, на шконки (закатывая матрас, а у меня под ним еще куча вещей лежит), и ворчит на меня, что я этого не делаю. Про другого соседа, прямо рядом со мной на парной шконке, он же вчера сказал мне, что тому всего 42 года; выглядит же он лет на 10, как минимум, старше. Кроме как запойным алкоголизмом, объяснить такой парадокс нечем, и весь его вид подтверждает это. Маленький, злобный старикашка (только что, матерясь, выпихивал мои баулы со своей стороны под шконкой ближе к моей, хотя они ему там абсолютно не мешают). Деревенский (кто–то спрашивал его про родную деревню, и он не только не спорил, но отвечал). Короче, пустейшее, примитивное донельзя, тупое, злобное, насквозь пропитое быдло. Не то что человеком такого не назовешь (а их – вся Россия!), но даже и животным; только одноклеточное простейшее, и никак иначе. Водка, чай, чифир, курево – вот не только все их жизненные потребности, но и единственный смысл

их жалкой, ничтожной жизни, их биологического существования.

26.9.09. 9–51

С утра – на зарядке – холодище и вся трава в инее. Первые заморозки... Помнится, в том году я тоже отмечал утро первых заморозков в дневнике, и было это тоже в сентябре. Все повторяется тут, в этом круговороте потерянных попусту лет, и писать–то, по сути, не о чем...

Быдло по соседству со мной ворчит и ругается на мою кошку Маню (Мусю :), – зачем, мол, я ее здесь держу...

Собираюсь, готовлюсь к завтрашней длительной свиданке. Они уже едут сюда – мать, Фрумкин и Матвеев на матвеевской машине. Дай бог, чтобы ничего не случилось, – часам к 9 вечера могут быть уже здесь.

Попросил вчера телефон у одного – соседа, напротив меня, который просил переписать “без ошибок” надзорную жалобу его “семейнику”, 1987 г.р., – а тому, видите ли, не понравился, когда я уже все переписал, мой почерк (как будто облсуд оценивает надзорные жалобы по почерку, а не по содержанию! Идиоты!..), и сегодня с утра они уже отдавали ее переписывать 2–й раз еще кому–то, чтобы отправить в понедельник (спецчасть). Я таки, переступив через себя, попросил телефон который владелец (тот, что просил меня переписать надзорку) держал в руках, – и что убран, и что занят, не скажешь, и сам по нему в это время не говорил. Он дал, я позвонил матери, она записала номер, – но далеко не факт, будет ли эта публика меня звать, если она сама позвонит сюда на их “трубу” уже сегодня...

30.9.09. 14–59

Прошла еще одна длительная свиданка с матерью, 13–я. Осталось их всего 8. Самой большой мерзостью этого раза было то, что – впервые за все мои 2 с лишним года здесь – на свиданку не завели до проверки и пришлось на проверку возвращаться в барак. Мать потом рассказала, что тетки–свиданщицы шмонали каждого из родственников (кто к кому приехал, по 1 и по 2–е) так долго, что никак невозможно было успеть. Родственникам тоже сказали, что теперь только после проверки; и пока мы ждали у вахты – и до проверки, и после, – мать, оказывается, видела меня в окно лестницы перед дверью в КДС 2–го этажа (и даже махала мне рукой, но я, увы, ее не заметил). Еще одним небольшим происшествием было внезапное отключение света вечером 2–го дня, во время сильного дождя, когда на улице было уже совсем темно. Предстоял ужин, готовить который без электричества было невозможно, и в ожидании, когда включат свет, я незаметно уснул. Мать думала, что я так и просплю до утра (ага, а как же проверка?! :); но я так же неожиданно и проснулся, – свет уже

горел! Зато, заметил я, при новой метле, то бишь новом дневальном 2–го этажа перестал после отбоя выключаться (точнее, оставляли только слабый, приглушенный на ночь) свет в коридоре.

А в остальном свидание прошло очень хорошо, – тихо, спокойно, без ругани и нервов, в том числе и моих. Чуть ли не впервые за все время, после перевода на 11–й я уже не волновался так безумно, чем и как встретят там, в бараке, не доберутся ли до дневников, стихов и пр. Здесь это казалось совсем уж маловероятным. Было 2 главных угрозы – что придет шмон и все мои баулы и вещи под матрасом и в тумбочке перевернет вверх дном; и что приедет очередная комиссия, и мои сумки утащат в каптерку, откуда их доставай потом, ищи ключ...

15–35

Пока писал – прервал визитом наглый “телефонист”, заранее обещавший сегодня зайти. Прежде чем дать мне позвонить матери, он стряс с меня банку кофе (заранее еще им через меня у моей матери выклянченную), шоколадку, баночку балтийских сардин (лежат у меня давным–давно и по одной отдаются ему), плюс еще – очень клянчил колбасы. Я предвидел это и отдал ему остаток батона, оставшийся у меня еще от завтрака 26.9.09, т.е. привезенный в прошлую (короткую) свиданку. Клянчил еще гарнир, но брикеты лапши у меня считанные, по дням, и тут обжору–наглеца ждал облом. :)

Да, так вот. Все обошлось хорошо, это была одна из самых спокойных и мирных свиданок, ей–богу. Конечно, было очень тошно расставаться, как всегда, уходить. Но и то – уже не так безумно и беспредельно все–таки, как раньше. Теперь, к счастью, во всем моем тут сидении, прошлом и будущем, есть глубокий смысл эти годы не были просто потеряны тут вообще впустую! Вспоминалось все время, как выходили со свиданки в марте этого года, и Миша, дневальный 1–го этажа, сказал: “Я знаю, что все это когда–нибудь кончится”, – в ответ на вопрос матери, как он выдерживает здесь... Что ж, с тех пор прошло уже полгода. Еще на 1/10 моего срока стал ближе конец... Осталось мне тут уже, считай, год и 5 с половиной месяцев, 536 дней.

С переводом на 11–й стал я ходить в столовку раньше, в самый разгар обеда всех отрядов с обоих “продолов” – и стал, считай, ежедневно попадать под муштру и хамское командование “мусоров” у столовки, на пути и туда, и оттуда. “Построились!”, “Разобрались по трое!”, и т.д. и т.п., и орут, и командуют, и ходят–смотрят, как “разобрались”, и не пускают дальше, пока не “разберешься”... Мразь!.. На 13–м все же мы шли предпоследними – нередко “мусора” уже уходили, не дожидаясь нас. Я уже говорил

отряднику 13–го, еще будучи там, что все эти построения у столовой есть унижение человеческого достоинства, – во сколько же раз это унижение возросло теперь, став ежедневным, и не по разу в день!.. Мерзко и тошно так, что сегодня, после окриков и команд на входе в ворота столовки отрядника 9–го и еще какого–то “мусора” – меня всего аж трясло от унижения и бессильной ненависти. Я бы убил обоих своими руками, хоть из автомата, хоть топором, но – быдло молчит, терпит, покорно строится... Мерзкое, рабское русское быдло, населяющее империю, из–за которого я и сижу здесь...

ОКТЯБРЬ 2009

1.10.09. 9–14

Действительно (“в натуре”, как они говорят), каждая баня здесь – событие, и о каждой придется, видимо, писать отдельно. Вчера вечером баня еще работала, но неясные предчувствия мучили, по–моему, не меня одного. И точно! – между зарядкой и завтраком разнесся “слух ужасный” – бани не будет, т.к. нет дров! Опять та же история, что и в прошлый четверг...

Но тут уже, посомневавшись немного и повинуясь своему внутреннему голосу, я решил загодя приготовленный банный пакет все же взять с собой на завтрак. Не тяжелый он, в конце концов, руки мне не оттянет; зайду из столовки, спрошу, будет – не будет, на месте сам все узнаю. К тому же и еще кое–кто выходил, несмотря на громкий слух об отсутствии дров, с пакетами, – не я один буду таким дураком...

Пока сидел в столовке, смотрел все время на трубу бани – с моего места в этом 11–м отряде она теперь близко и хорошо видна. Даже на фоне хмурого, серого осеннего неба было видно, что из трубы явственно идет дым, хоть и несильный. Это укрепило меня в моих планах, –как хорошо, что я послушался внутреннего голоса и взял с собой пакет!

Пришел туда. Передо мной проскочили еще двое, не знаю, с какого отряда. Заглянул в зал – один человек моется под “блатной” отдельной “лейкой”, включаемой прямо здесь, в зале. Те двое разделись, конечно же, раньше меня – и тоже рванули к этой “лейке”. Я – четвертый – стою чуть поодаль и жду. Сам не знаю, чего жду – то ли когда будет возможно тут хоть намочиться, то ли когда включат все “лейки”; но пришел я туда в 7–30, зашел в зал – минут 35 8–го всего, а включат–то (если включат) только в 8 утра...

Короче, я помылся под этой блатной “лейкой”, быстро, но вполне нормально, одним из 4–х. Больше народу не было никого. Когда вымылись и вышли, вот этот, мывшийся еще до нашего прихода, тоже стал говорить всем вновь приходящим, что бани не будет – нет, мол, дров, даже в стирку вещи не взяли (прачечная для постельного белья, имелось в виду).

Стекла, разумеется, в окна там так и не вставили, лишь один из пустых проемов снизу кто–то закрыл парой фанерок (не прибитых, а просто поставленных), но это примерно четверть или 1/5 проема, так что без толку.

Сейчас вот выглянуло робкое солнышко, но вообще – погода уже вполне осенняя. Сильный холодный ветер срывает уже

полностью пожелтевшую листву с берез и бросает в лужи от недавних дождей. Выхожу утром, в 6–05, на зарядку, – уже совсем темно. Осень... Еще не последняя, вопреки Шевчуку...

Юра, “обиженный” с 13–го, принес вчера вечером, перед проверкой, опять Маню, сейчас она у меня. У них на 13–м, говорит, ничего не ела, только спала. Здесь – набрасывается на все, что ни дашь; как только я за чем–то лезу, шуршу пакетами и пр. – как всегда, трется ушами об руку, лезет на колени и всячески просит, а завидев что–то съедобное – аж мяукать начинает!..

Болит вот уже 2–й день зуб, довольно сильно и притом практически постоянно, и это не может не беспокоить. Еще терпимо, но уже утомляет эта постоянная боль.

Ситуация ухудшается: блатные наглеют. Местные (полу)блатной хмырь, чьим телефоном я тут, в бараке, время от времени пользуюсь, вчера, когда я только пришел утром, выклянчил у меня сперва “к чаю” шоколадку (из тех, что подешевле, специально для них), плюс 3 пакетика чая. Потом, когда вечером я ждал чайник, чтобы пить чай, – эта же харя подошла опять и стала просить себе что–нибудь на ужин к гарниру. Я сказал, что возможности у меня нет (дай один раз одному – и этот повадится, и еще толпа любителей халявы набежит!..). Но после проверки он приперся опять – ко мне, “в гости” – долго клянчил, перемежая это разговорами о том о сем (о мобильном интернете, в частности, и о том, как он сидел в “красной” “хате” на централе в Нижнем) – и таки, чтоб отвязался, пришлось достать (баул из–под шконаря, еле–еле, став на колени и залезя под шконку, т.к. баул цепляется за крючки сетки) и дать ему банку тех же сардинок, что я давал “телефонисту” (и держал для него на будущее). Осталось еще 2 банки. Взяв, он тут же сказал нечто (я не вполне понял), что, мол, я кого–то могу “шуманути” по телефону, или меня сами “шуманут” (мать или еще кто–нибудь). Так подтвердилось в точности мое давнее понимание, что никто из этой швали, имея телефон и зная мою зависимость от связи, не упустит случая “подоить” меня по поводу еды, сладкого, чая и пр., а мой твердый отказ – поставит под удар и риск возможность матери дозвониться на номер этого конкретного блатного. Собственно, я все же дал ему банку именно по этой причине, чтобы не рвать “отношения” до конца.

17–07

Стоял сейчас в “фойе”, ждал своей очереди стричься (3 месяца не стригся, ждал свиданки) – прошло мимо, увидело меня и “наехало” мелкого росточка блатное чмо, заправляющее тут всем в бараке, – типа, главная фигура, общезоновского даже

значения. У фигуры этой явная мания величия, ибо сперва она спросила, какой у меня телефон (?!!!), с интернетом или без (я ответил, что у меня нет никакого), потом – с чьих телефонов в бараке я звоню (я назвал одного, о чем, кстати, жалею); а потом это чмо опять понесло что–то на тему о том, что от моего имени, без моего ведома пишутся какие–то статьи, я любитель писать всякие статьи, и т.п. (речь шла, без сомнения, все о той же зимней еще жалобе матери насчет книг, но сказано, насколько я помню, было именно "статьи"), и этим я затрагиваю такие темы, что ставлю жизнь непосредственно этого чма под угрозу со стороны "мусоров", – в общем, примерно так. Точно и дословно его бормотание я, увы, не запомнил, но ответил, что его жизнь мне вообще малоинтересна. Это животное (не много ли ему чести?..), как водится, пригрозило мне "другим разговором" и т.п.. Я сказал: "Очень страшно", – но, честно говоря, вместо страха соло этого существа по грудь мне ростом вызывало у меня только искренний внутренний смех. Я не боюсь его. Я не боюсь вас всех, блатные гниды!

Между прочим, подлинные взаимоотношения этих тварей с "мусорами" характеризует эпизод сегодняшнего утра с участием того же самого мелкого существа. После зарядки вскоре кто–то додумался опять погасить в секции свет; большинство народа спало, не собираясь, видимо, идти на близящийся завтрак. И тут это чмо, голое по пояс и обвязанное ниже пояса полотенцем, вошло в секцию и громко провозгласило (не дословно, но близко к тексту): "Мужики! Давайте сходим на завтрак! Там у столовой "мусора", они могут сейчас прийти сюда, в барак!..". Зажегся свет, и "мужики" начали вставать. Давайте опередим "мусоров", сделаем то, что они требуют, еще даже раньше, чем они успели потребовать, – сами, добровольно, а то хуже будет... Трусливая мразь...

Перед самым выходом на обед вызвал вдруг отрядник 1–го – к себе, на 1–й! Я так и думал, что за письмом. Пришла, оказывается, очередная "Русская правда" – грязный и совершенно безумный антисемитский бред, плюс к ней – 2–й уже раз – "возрожденное" Батоговым с благословения Жирика "Русское воскресение". После обеда и ларька мне хоть не было так скучно, как обычно – можно было поразвлечься и от души повеселиться, читая "Русскую правду", их заявление в прокуратуру о признании Ветхого завета "экстремистской литературой", бредово–антисемитское насквозь.

3.10.09. 21–46

Адски болит зуб, мучительно, невыносимо, ужасно... Вот сейчас – перед проверкой принял таблетку темпалгина, и вроде

сейчас чуть поменьше боль, но – я принимаю эти таблетки теперь, считай, каждый день, и действуют они уже очень слабо – зуб не проходит совсем, а лишь болит послабее, и то – недолго. Это самая большая беда, случившаяся со мной за все последнее время (хотя – снявши голову, по волосам не плачут; попав сюда на 5 лет – какие уж тут еще горше беды?..). Несильно, тихонько – он побаливал давно; сильнее, уже заметнее беспокоить стал – числа с 30–го, с того дня, как я вышел со свиданки; а сегодня вечером разболелся уже острой болью, до такой степени, что не стонать (тихонько) вслух я уже не могу. И – непонятно, где именно там, слева болит: верхний зуб, который болел давно, еще в 2007 (неделя нечеловеческой, до черноты в глазах, боли на 1–й “сборке”, в Москве, с 23 мая 2007, дня отказа Мосгорсуда в кассации на приговор, и до 1 июня где–то), или же – нижний, начавший болеть вот только недавно, этим летом или даже осенью (похоже, что все–таки летом, точно не помню). По субъективным ощущениям – болит скорее все–таки нижний, т.к. зажимаю крепко ухо (старый, испытанный с детства способ), – легче не становится.

День вообще был ужасный, одни беды и несчастья. Беды и горести чисто бытового неустройства, повседневной ужасной неудобности жизни, переходящие в настоящее, нешуточное мучение (да еще этот зуб!..). Только прилег в начале 12–го утра, после 2–х часов переписывания (плюнув на все, стал опять переписывать дневник эти дни, и утром, и вечером, ибо в следующий раз уже будет нужно – а нету, время поджимает. Закончил наконец–то июль и начал август.) – вдруг является какая–то злобная мразь, живущая в соседнем проходняке и уже мне отчасти знакомая – именно она вскоре после переезда сюда выселила меня из нижней тумбочки под предлогом, что тумбочка, видите ли, ее. Теперь “ее” же оказался и щит, на котором я спал, и мразь потребовала его освободить. Можно, конечно, было не отдавать, но – если б один на один, а этих ублюдков тут кодла целая, как всегда... Короче, я сказал: “Пропади ты со своим щитом! Забирай – и подавись!” – и стал собирать все вещи из–под матраса. Щит забрали, под ним оказалась сетка – не рваная, как я думал, а целая. Кое–как устроился. Лежать–то удобнее, слов нет, а вот сидеть – “как в яме” (по словам соседа–уборщика из соседнего проходняка). Есть с табуретки, брать вещи из тумбочки – слишком низко, встать – даже не за что ухватиться рукой (как за соседнюю шконку на 13–м), а главное – эти стальные скобы, которыми сетка прикреплена к раме, опять ведь все “полетят” с той стороны, где я сижу, опять надо резинку заказывать у матери (уже заказал). В общем, кошмар...

Но это было еще не все. Придя с ужина, стал думать, куда теперь прятать нож, который был очень удобно и доступно воткнут снизу в щит. Попробовал воткнуть его в железные части шконки с той стороны, где она соприкасается с тумбочкой. Вроде получалось, но вдруг нож выпал – туда, за шконку. Мелочь какая, да? Пустяк – вынуть что–то из барахла да достать его... Так вот, мы с соседом сверху, вытащив ВСЁ, что было под и за шконкой в этом углу, завернув мой матрас, сожгя полкоробка спичек – не нашли этот нож! Он как сквозь землю провалился! Вот он, ясно видимый угол пола и тумбочки, где стоит ножка шконки и где должен лежать нож, падавший вертикально вдоль боковой стены обеих тумбочек, одна на другой. Но его там нет!! Мистика какая–то... Неразрешимая загадка... В общем, я не знаю, что делать, кроме как искать уже, кто может достать другой нормальный нож (оставшийся у меня запасной – барахло, из очень тонкой, ломкой, быстро ржавеющей стали, да и опасно не иметь запасного ножа, этот при первом же шмоне могут “отмести”). Есть мысль поискать завтра еще, но – нет уже сил все снова вытаскивать, особенно если опять будет так зверски болеть зуб.

У матери тоже крупная неприятность: вчера отказалась заниматься ее единственная ученица, главный источник денег. Уезжая ко мне, мать, оказывается, сказала ей прийти в субботу, но не в эту (когда они весь день ехали), а в следующую. Та не поняла, зря проездила в эту субботу, дозвониться тоже вроде не дозвонилась – и вчера мать ее сказала, что они уже взяли нового преподавателя. Беда большая, и хотя, как показывает опыт, со временем, к зиме или даже после Н.г., скорее всего, появятся новые ученики, – но пока что опять с деньгами полный швах, кроме пенсии, доходов у матери опять нет, и она, как всегда, по этому поводу уже в полном отчаянии...

4.10.09. 9–15

Ночь была столь же ужасной, как и вчерашний день. Лег было около 11–ти (как раз погасили свет), но боль в зубе такая чудовищная, невыносимая, – какой уж тут сон!.. Дома давно бы уже криком кричал, орал в полный голос от такой боли, а здесь – не поорешь... Но лежать не могу, так и тянет встать, кажется, что будет легче. Сидеть даже на шконке не могу, так и хочется встать, походить. И правда, пройдешься немножко – вроде легче. Рукой не то что до больной щеки – даже поднести руку к голове близко не могу (хотя все время порываюсь), – ясно чувствую, как от приближающейся руки боль еще усиливается... И вот так вот ходил по проходу секции, от двери до своего проходняка и обратно, часа, наверное, полтора. Боль адская, в ухе и в костях лица все жутко, тупо колет; таблеток нажрался болеутоляющих –

всех, какие были (нурофен, темпалгин) – по одной, потом стал сразу по 2, но ничего не помогает. Тупик, западня. Впереди еще полтора года... такой вот боли??!!!...

Потом все же кое–как лег, накрылся, повернулся на бок. Все еще болело, кололо, но глаза стали слипаться даже сквозь эту боль. Угрелся, и – вопреки худшим моим ожиданиям – все же кое–как заснул.

Проснулся – время уже без четверти 6, скоро подъем Спасибо еще, воскресенье, зарядки нет! Не болит, но больной нижний зуб чувствуется, отзывается болью, если к нему прикоснуться верхним. “Мусора” до нас сегодня не дошли; пролежал то ли в полусне, то ли в дреме какой–то больше часа, а на мне лежала, угнездившись, Маня. На завтрак пошла народу всего горсточка, остальные спали (и спят до сих пор). Я пошел–то не за баландой этой, конечно, а – увидеть отрядника 13–го, дежурящего по воскресеньям и торчащего у столовки, спросить про мое заявление на вещи. Так этой твари не было! Когда не надо – он торчит целыми днями, “разбирает по трое” у той же столовки, а когда надо – его нет!..

Вернулся, стал пить горячий чай – опять сильно заболело! Я в ужасе... Что ж теперь – и не есть, и не пить? Но, слава богу, вскоре прошло, и сейчас почти не болит, только чувствуется чуть–чуть – совсем так же, как было с самого утра.

5.10.09. 8–48

Она – как божье наказание, эта зарядка по утрам, хоть я и не верю в бога. Как символ мучений и горьких мытарств этой жизни – наряду со здешними шмонами и комиссиями. В темноте, в холоде, на ледяном, пронизывающем ветру, под издевательскую веселую музыку (ее врубают ровно в 6, на 10 минут – до зарядки в 6–10). И – как вершина всего, апофеоз, терновый венец, – снег на перилах, за которые мне надо взяться голой рукой (я ведь и зимой не ношу перчатки, слишком хлопотно здесь с ними), а иначе – не сойти...

Сегодня снега на перилах не было, только сильный ветер. Но вчера – в воскресенье – изморозь не стаяла еще и к завтраку...

Сегодня понедельник. Началась 76–я неделя до конца. Прошедшая, 77–я, была отмечена идиотской потерей ножа под шконкой (так и не нашли!), чудовищной зубной болью, особенно вечером 3–го и в ночь с 3–го на 4–е (побаливает немного и до сих пор, особенно когда пью чай или ем что–то жидкое), а также – произведенным вчера днем беспощадным уничтожением оригиналов всех дневников, отданных уже на волю (4.6.08. – 11.5.09.).

21–47

Мелкий супер–пупер–блатной сучонок, заправляющий всем в этом (11) бараке, придумал еще вчера новшество, о котором и объявил перед вечерней проверкой на улице: чтобы отныне в 9 вечера все выходили из “культяшки”, дабы не мешать “обиженному” шпаненку (наглая, отъявленная мразь лет 18–20, об которую вот уж точно никакие палки сломать не жаль) там убираться. Т.е., весь день они смотрят свои фильмы, клипы и прочую хрень по DVD, а в 9 вечера, когда начинается “Время”, когда холь в общих чертах можно узнать, что делается в стране и мире, – телевизор недоступен вообще из–за уборки! И сегодня–таки эта архинаглая мелкая мразь выгнала нескольких человек (меня в том числе), пришедших смотреть в 9 ч. “Время”, и собственноручно выключила телевизор. Сидели там и блатные, и полублатные, и простые, – никто не протестовал, все покорно встали и вышли. Я тоже не стал в одиночку связываться с этой мразью, уже пару раз публично “наезжавшей” на меня, – боюсь, мне предстоит еще сцепиться здесь с ней по более важным поводам за оставшиеся мне полтора года...

6.10.09. 15–00

Только что прошли по бараку прокурор с Махнёвым. Говорили, что ходят прокурор с Агрономом, но Агроном пошел позже отдельно, им вслед по “продолу”, и к нам не зашел. Слава богу, баулы в каптерку не уносили, “велели” только убрать все с дужек – полотенца и пр. В ходе их визита последовала короткая стычка со шнырем, бегом носящимся целый день ставить чайники, готовить блатным жрать, и т.п. Это чмо, не зная даже, как меня зовут, через проход секции приказало мне, видите ли, разбудить моего дурачка–соседа сверху, мирно спавшего. Я сказал что–то на тему: возьми сам и разбуди. – А что, трудно, что ли??!! – Ну вот тебе легко, ты и разбуди. После ухода прокурора с Махнёвым шнырь еще прибежал отдельно выяснять отношения; но я отбивался хорошо, как надо, и он, ни в чем меня не убедив, сказал злобно, что я “деревянный” (а он – пластмассовый? :), и отвалил. Тенденция, однако: какие злобные твари эти шныри! Что на 13–м были, что здесь...

И еще одна забавнейшая деталь: когда “начальство” шло по секции, их вплотную сопровождал тот мелкий злобный сучонок, что рулит тут всем бараком. Обычно именно так должен сопровождать “общественник”, но его в этот раз не было почему–то, а вот этот – был! Что – для внимательного глаза – еще раз неопровержимо доказывает их тождество. Эти блатные де–факто исполняют здесь функции “козлов”, поводырей стада на бойню, т.е., в нашем случае – проводников воли “мусоров” и контроля за ее выполнением. Ублюдки...

7.10.09. 8–45

С вечера – смутные слухи, сегодня с утра – уже всеобщее твердое убеждение, точное и несомненное знание: сегодня (!) 11–й барак будут раскидывать!.. 50, что ли, человек, как сказал один мой сосед. “Оставят работяг и “красных”, – как сказал мне старый хрыч, переведенный сюда со мной с 13–го...

Опять!.. Опять?.. Бред сумасшедшего, маразм, темный морок какой–то... Зачем этот–то барак раскидывать? Ну, на 13–м – ремонт, там будут одни “второходы”, – ладно, понятно. Но здесь–то зачем, кому помешало?.. Говорят, что опять сюда вернут СДиПовцев, которые еще до 2–го барака, когда я только сюда приехал, были на 11–м. Но, учитывая “бунт” февраля 2008 г. – на 2–м им лучше, он отдельно стоит, там проще прятаться и баррикадироваться...

И никакие соображения – вроде того, что снаряд дважды в одну воронку не попадает, что мне теперь (после отдачи дневников) уже все равно, и т.д., – не помогают. В этой безумной стране, с этими безумными сверху донизу, вплоть до начальства зоны, властями – ожидать можно абсолютно всего!.. Нервы взвинчены до предела. Хочется работать, переписывать уже середину августа 2009 г., но – не могу, так тяжело и тревожно на душе. И – самое главное – связь на новом бараке придется опять налаживать с нуля, и когда еще она наладится... И – не перевели бы еще, чего доброго, на 1–й, как хотели недавно...

На душе мрак и отчаяние. Да уж, “хрипанул” я здесь... И еще почти полтора года продолжаться этой пытке...

8.10.09. 15–20

За полтора дня наконец–то – 1–й раз выдалось время что–то написать...

Меня таки оставили на 11–м. Пока... Пока? Или насовсем? Не знаю, но сомневаюсь.

Они приперлись вчера ровно в 11 – 5 “мусоров”. Выгнали всех на улицу, на построение (и – впервые за мой месяц на 11–м – даже моего “со странностями”, мягко говоря, соседа сверху, обрядив в чьи–то, явно чужие, “лепень” и “феску”). Объявили порядок: те, кого называют, идут собирать вещи и строятся у противоположного забора; там им скажут, кого куда переводят.

Я практически не сомневался, что тоже “поеду”, но особых сожалений об 11–м, надо сказать, не испытывал: опостылел он мне за месяц. Сверлила сознание только одна мысль: где найти быстро ключ от каптерки, если она закрыта, чтобы забрать свои вещи (зимняя “телага” и единственные ботинки!).

Но меня не назвали. Из всех, кто “приехал” месяц назад с 13–го, остались двое – я и тот тип, у которого в 2008 был “мой”

телефон (и он порой по 25 раз за вечер сбрасывал звонки матери). Кривоногое азербайджанское блатное чмо, вешавшее на 13–м над моей головой свои бутыли с брагой; старый злобный хрыч, швырявший по утрам соседнюю с ним шконку “обиженных”; носатый даун, живший на 13–м над хрычом и стоявший постоянно в проходняке, загораживая мне свет, – уехали, соответственно, на 12–й, 7–й и 8–й.

После окончания “перевода” началась великая “движуха” в бараке: было объявлено, что в этой секции (где живу я) будут жить СДиПовцы, их таки переводят сюда; поэтому отсюда надо переезжать в ту (блатную) секцию. Завхоз не то чтобы ПРИКАЗАЛ это, а сказал как–то так: мол, можете переезжать, кто вам не дает. Уже насмотревшись, что за редкой злобности мразь этот здешний завхоз, я собирался побороться за оставление на нынешнем месте, в этой секции, даже если бы он и приказал. Но не пришлось: все, от шнырей до блатных, ломанулись в ту, стали перетаскивать шконки (загромоздив ими и проход по “фойе”, и предбанник, и даже в раздевалке стояла одна) и тумбочки (тоже их везде стояло полно, вытащенных со своих мест, а особо шикарные, по личному заказу сделанные тумбочки блатные владельцы уволокли с собой на другие бараки). Естественно, всех та секция вместить не могла, там тут же возникли напряги с местами, даже верхними, и вопрос обо мне – если б кто и решил до меня докопаться и заставить переехать – отпал автоматически.

Видя, что связи на этом бараке теперь не будет долго, пока все не уляжется, как минимум, – я решил после обеда дойти до 7–го, сказать “телефонисту”, что прошу его зайти, по возможности срочно. Но он поступил неожиданно: уговорил СДиПовца открыть “локалку” и зазвал меня к себе в гости, пить кофе. Дал позвонить матери, продиктовал еще один свой телефон и – я транслировал матери его слова – пообещал, что если что, если будут со связью перебои – да–да, связь можно держать через него, он будет заходить, конечно–конечно. Связь нужна вот уже сейчас: с того разговора с матерью прошли сутки. Посмотрим, как он зайдет, если мать ему позвонит и попросит...

Сидел у него, как на иголках, нервничая, не выкинули бы куда вещи, матрас и пр. из секции, если там одни СДиПовцы. Как оказалось, нервничал не зря: матрас не тронули, но из 2–х тумбочек, одна на другой стоящих, утащили верхнюю, где были мои вещи, жратва, чайник (главное!) и пр. Их много таких “двойных” стояло по секции, и теперь для СДиПовцев их расставляли по одной в каждый проходняк.

На мое недоумение (близкое уже к отчаянию) подошел кто–то из “общественников” и сказал, что вот ему отдали 2 пакета –

“пищеблок”, т.е. жратву. И точно, это были мои пакеты! Но где же чайник?! Пропал?! Сперли???!!! Уже в состоянии начинающегося отчаяния я вдруг, проходя по секции, заметил знакомый пакет с чайником и еще какое–то барахло на шконке в соседнем со мной проходняке, – туда мою тумбочку и поставили, как оказалось. А бутылку со средством для мытья посуды и еще какие–то мелочи они так прямо в ней и оставили.

Я лежал на шконке и наблюдал за процессом подготовки к вселению СДиПовцев и пр. Их перевели к нам, по сведениям блатных по дороге на обед – 59 человек, по сведениям же завхоза (более точным, разумеется) – 69, от нас же – 39 человек.

Да, еще забыл про проверку: долго, нудно, мучительно дважды пересчитывали всех по карточкам, по бригадам (всех новоприбывших записали в целиком ликвидированную с уходом от нас 39 человек 113–ю; я в 114–й, как и был; где еще 112 предыдущих – неизвестно). Теперь проверки станут долгими надолго...

Заносили в секцию тюками казенные простыни (очень дрянного качества), одеяла (тоненькие, “летние”, хотя дело к зиме. Пока стояли утром, слушали список переводимых, – шел очень мелкий, почти незаметный, первый в этом году снежок...) и подушки (плоские, как блин, – наволочка наполнена процентов на 40 дай бог). Завхоз наказывал “козлам” бдительно следить, чтобы никто из переведенных на другие бараки не забирал, приходя сюда, свои матрасы, подушки и пр. А желающие были: один парень, “поднявшийся” на 11–й уже при мне, а сейчас переведенный на 8–й, все порывался очень настойчиво унести свой матрас, здесь выданный; а потом вдруг пришел с 5–го мой бывший идиот–сосед сверху, и очень недоумевал, что матрас не отдают. Он, сволочь, унес и данную мной почитать книжку – том из собрания сочинений Гюстава Эмара, что дал мне еще летом какой–то незнакомый блатной с 6–го и может потребовать назад. Но когда этот дебил вчера приходил за матрасом, про книжку я не вспомнил, а идти искать его на 5–й нет никакого желания.

Ближе к вечеру начали прибывать переведенные со 2–го. Не только СДиП, но и СОПиТ там оказался, – секция, оказывается, “охраны питания и труда”, как мне сказал мой бывший сосед–алкаш с 13–го, тоже вчера вечером зашедший. Много знакомых лиц – и СДиПовцы с постов, и СОПиТовцы из столовки, ларька и пр.

В мой проходняк, на соседнюю шконку, 2 человека пришло уже только около 9–ти вечера, когда я пил чай, и стали тереться жопами перед моим лицом, заправляя свои простыни и пр. хрень. Это бы еще ничего, я привык; но тут вышла и небольшая стычка с

завхозом. Я как раз поел, мою миску – и вижу, что в каптерке горит лампочка, – значит, каптерка открыта, ура! (Она находится в деревянной пристройке к торцу барака, в ней есть окошко, и это окошко, и лампочку за ним отлично видно через торцевое окно барака в “фойе”, около туалета.) Долго я откладывал, думал, что еще ничего, можно в драных летних “тапочках” еще походить, даже зашил их недавно в трех местах, – но вчера в обед одно зашитое место продралось опять. Значит, все, пора выкидывать, а из каптерки брать прошлогодние “летние” казенные ботинки, раз других нет, и одевать. Да и телогрейку зимнюю. Короче, помыл миску, отнес – и ломанулся в каптерку.

Жирный, омерзительно наглый, с лоснящейся щекастой харей блатной, один из заправил на этом бараке (обычно ключ у него и находится) как раз хотел запирать ее, я успел вовремя. Долго не мог найти свой голубой баул с завязанными ручками, думал уж – пропал?! Но потом нашел все в целости и сохранности и засунул до завтра (сегодня) под соседнюю шконку в проходняке.

Из–за этого задержался с чаем. Очень торопился, чтобы успеть ко “Времени” в 9 вечера, а оказалось – там смотрят опять DVD. Тьфу ты, пропасть!.. Пошел и лег на шконку.

Еще раньше, до ужина, я слышал, как завхоз говорил СДиПовцам, что, мол, особого “режима” наводить им не будет, но с понедельника (вчера была среда) будет заправка шконок “по–белому” (?!).Тогда же возникла мысль, не коснулось бы это и нас – тех, кто от старого состава остался в секции, в основном старики, да один полублатной даже из той секции переехал сюда, поселился напротив меня под окном. А уборщику, я слышал, он говорил: без 15–ти 9 выгоняй всех на улицу, – ну да, как было на 5–м в 2007, и вообще, самый “режим”! Ради уборки –полчаса, а то и 45, а то и 50 минут в любой холод, дождь и пр. труситься на улице. Ага, как же, сейчас!..

И вот я лежу, время 22–20. Уборка уже прошла, это чмо завхоз все ходит, ищет места СДиПовцам, кому не хватило мест, – в общем, весь в заботах. Но нам, в том числе и мне, говорит: почему, мол, лежите, давайте выходите на проверку. А до нее еще 10 минут. Лично мне: у тебя постельный? – Я: нет. – А почему не выходишь? Я: еще 10 минут до проверки, я успею выйти. Это чмо начинает мне внушать: мол, по “правилам внутреннего распорядка” ты должен в 21 час (или еще раньше? Не уловил точно...) быть на улице... И тут я смачно, от всей души ему говорю: “Чихал я на “правила внутреннего распорядка”!”. Какое удовольствие – сказать это вслух, твердо и прямо в лицо – если уж не “мусору” на сей раз, то хотя бы этой наглой мрази, их подручному. Он: “Почему?” – Я: “Потому что.” – “Почему?” –

“Потому что!” И так раза 3. Он к физической расправе (на которую весьма скор и ретив) прибегнуть не пытался (да и не здоровее он меня, разве что выше ростом; сдачи получил бы обязательно), но сказал: “Тогда я напишу на тебя докладную” – “Пиши”.

Не особо верилось, что он напишет, и до сих пор нет никаких признаков этого. Старый знакомый, еще с 5–го, за подкормку чаем–куревом–сладким все набивающийся ко мне в друзья (а осталось ему всего 5 недель) на мой приватный вопрос после проверки, на улице, во дворе барака тоже сказал: не напишет, ему на все по...ю.

Очень хорошо стало спать зато в секции ночью: свет гасят быстро после отбоя, никакой музыки, нет ночника в том конце, никаких иных источников света, никакой ходьбы, трепа по телефонам и пр. возни, все спят. Но зато – увы, стрем теперь сюда не “пробивает”,и о том, что идут “мусора”, можно узнать, только прислушиваясь, ЧТО они кричат в “фойе” и в ту секцию.

Сегодня событий было меньше. Очень удачно опять сходил в баню прямо из столовки, с завтрака, – слава богу, дрова были! Еще задолго до 8 утра, до включения всех кранов, вместе с одним всего человеком (СОПиТовцем, теперь у нас) помылся под “блатной” “лейкой”. Стекла в окна бани эти суки начальство так и не вставили до сих пор, хотя уже холодина, октябрь; лишь дальнее из окон снизу заставлено какими–то фанерками, даже не прибитыми; да в раздевалке тоже нет форточки в одном из окон.

Пока одевался, какие–то парни, тоже одевавшиеся, говорили, что процентов 80, что сегодня будет общелагерный шмон. Я занервничал, конечно, сразу, – во–первых, дневники (но они–то хоть не запрет, если не лезть их читать), а во–вторых – теперь некуда прятать обе “заточки”! Провались ты со своим шмоном!.. Со взвинченными нервами пришел в барак, живо убрал тетради в баул, позавтракал и занялся разбором баула, забранного вчера из каптерки. Ботинок казенный на правую ногу, на толстый шерстяной носок наделся еле–еле – думал, совсем не натяну, но потом пошло легче. Достал большую зимнюю “телагу”, пришил к ней бирку (оказалось – чересчур низко, после проверки пришлось перешивать), убрал маленькую “демисезонную” под матрас, распихал сигареты, сумки и пр. барахло между торцом шконки и стеной, как у меня было на 13–м (только тут щель значительно Уже, а шконка – я пробовал – не отодвигается), и т.д. Закончил около 11–ти – шмона нет. Ну, слава богу.

Потом опять была долгая, мучительная, неоднократная проверка на холоде, пронизывающем осеннем ветре и мелком дожде (или снеге?). Завхоз на вопрос мелкого архиблатного чма

сказал, что теперь проверки всегда будут долгие, т.к. СДиПовцев считают по постам. (Постов я по памяти насчитал в “жилке” 9 штук. А мелкое чмо вчера, во время построения и зачтения списка как ни в чем не бывало, без всяких признаков робы, шапки, бирки и пр., тусовалось на “балконе”, – до такой степени оно блатное!) Потом обед; с обеда я было пошел сразу в ларек – и тут у поста, который между столовкой и штабом, СДиПовец говорит: иди обратно, сейчас будет общелагерная проверка!

Что за черт?! Смотрю, весь народ действительно идет оттуда в сторону бараков. Будьте вы прокляты!.. Оказывается, после утренней проверки у них не сошелся счет, и вот – опять... Зашел, погулял по двору, народу во дворе еще мало. Поднялся в барак, отдал кошке Маньке (она, бедолага голодная, будет еще ждать их “проверок”!..) “вискас” из столовского супа (но мало было, увы). В бараке народу больше. Вдруг стрем кричит: “Шмон–бригада на большом!”. Кидаюсь опять убирать пакет с тетрадями в сумку, а то перед 1–й проверкой уже успел вытащить, думал – обошлось. Но это, видимо, была никакая не шмон–бригада, а шли считать, “проверка”. Думали – будут по карточкам, но – посчитали просто по пятеркам, как обычно, и – гораздо быстрее, чем в 12 дня. Оттуда сразу пошел в ларек – пришел в 14–30; там кто–то говорит, что вот, мол, есть всё, а продавщица отвечает: “Только покупателей нет!”. Быстро купил себе рулет и 2 сока, пришел в барак, съел рулет, попил соку, написал еще раз заявление на зимние вещи – отряднику 13–го, с которым о потере моего предыдущего заявления говорил сегодня в обед, и он сказал написать еще одно и передать лично ему. Потом достал опять дневник и пр. из баула и уселся писать вот это все. На описание этих полутора дней потратил 2 с четвертью тетрадных листа мелко по 1 строке на каждой клетке и полтора часа времени – начинал в 15–20, а закончил вот только что, в 16–51.

9.10.09. 14–32

Меня трясет, выворачивает от омерзения и ненависти к ним ко всем. Опять трясет, как уже третий год тут, как каждый день... Мразь завхоз проходит по секции, я держу на плече и глажу большую местную кошку Мону – а он говорит, не мне лично, а вообще, всем: выкиньте этих кошек, от них вонища! И приказывает открыть все окна в секции. Лучше бы тебя выбросить, злобный дебил!.. Входишь в столовку – в нос шибает дикая вонища: так пахнет местный “суп”. Помои... Мерзость... Мразь... Вокруг – тупое, примитивное, злобное быдло, существа, которые даже на животных–то не тянут. Злобные насекомые...

Недолго музыка играла: только я утром позавтракал и сел переписывать август 2009, – явился новый сосед по проходняку, –

СОПиТовец какой–то, на нижней шконке прямо напротив меня. Вчера их обоих, нижнего и верхнего, не было весь день до самого отбоя, а сегодня – пожалуйста, нате! Явился… Уселся сперва на своей шконке с кем–то играть в нарды, потом завалился спать, ближе к проверке вроде свалил. А я – писать начал вместо обычных 9 часов чуть не полдевятого, но вместо того, чтобы работать до 11–ти, вынужден был бросить в 10 – слипались глаза, буквально засыпал, сидя, не было сил продолжать…

Проверка была опять такая же нудная, тягучая, многоразовая, да еще под дождем, почти проливным: вдруг оказалось, что людей на одного больше, чем должно быть по счету. Не могут даже посчитать свое стадо, твари, пастухи тупорылые… Не знаю уж, как разрешилась у них эта коллизия, но стояли чуть не полчаса под дождем…

Башка разболелась вот… Черт бы побрал… А надо писать, добить эти 2 месяца, пока время и условия есть. Будьте вы все прокляты…

10.10.09. 18–55

Осталось 526 дней, 75 недель и 1 день. Все веселее и веселее… Мразь завхоз продолжает все сильнее “наворачивать режим”. Заявил сегодня перед ужином, что в этой секции (где СДиПовцы и я) “шкерок не будет”, кроме как у “обиженных” (одна, отделяющая их от остальных). У кого были – лично сорвал и бросил тем же “обиженным” на тряпки. Лично осмотрел все шконки, и у кого были веревки на торцах шконок – на них вешают полотенца и пр. – лично ножом обрезал. Докопался и до меня – чтобы “раздевался в раздевалке”, а то у меня телогрейка тоже висела на торце шконки, правда, с внутренней стороны (на 13–м она висела на шикарном крючке снаружи). Я сказал, что я ей укрываюсь, – тогда, мол, пускай не висит, а лежит. Висела на верхней дужке этого торца шконки (2–й ярус, где пока еще никто не спит) стиранная наволочка, досушивалась – тоже потребовал убрать, перевесить на другой торец, у стены. Но она уже почти досохла, и я надел ее на подушку.

От всех этих наворотов возникла в 1–й раз мысль, что с этого 11–го надо куда–то уходить, переводиться на другой барак, – но куда? Где будет лучше?.. То не давали житья (на 13–м, да первое время и здесь) эти блатные мрази, все норовили заставить убрать вещи, вымогали деньги, и пр. Теперь – видимо, настало время мне испытать на себе и ближе узнать другую, “красную” сторону этой зоны. Хотя – давно я убедился, что на деле никакой разницы между блатными и “козлами” нет. На 13–м блатные де–факто исполняли эти функции (одно шимпанзе с его обходами чего стоило!..), тут – да и в “красных” зонах вообще – “козлы”

командуют всеми и живут в полном довольстве, там они и есть блатные, у них все по блату, все “вась–вась” с “мусорами”. Парадоксы… Единство противоположностей… Из таких парадоксов и состоит вся жизнь…

Идти звонить сегодня пришлось – тоже перед ужином, как закончил переписывать огромное 25 августа 2009 – к “запасному варианту”. Никого у него не было, он сам торопился смотреть футбол, – очень удачно все, но вдруг куда–то по “продолу” поперлись “мусора” – пришлось бросать едва начатый разговор и уходить. А вчера уже после отбоя, светя в темноте телефоном как фонариком, явился ко мне “телефонист”. Оказывается, мать звонила ему, просила зайти ко мне, он обещал, но – когда я позвонил, она была в совершенной ярости: оказывается, 4 (!) раза, с 3–х часов дня, кажись, звонила ему, а он пришел только в 11–м часу вечера. Бегло сказал мне, пока я ждал перезвона, что опять были у него какие–то проблемы с отрядником, да еще он, оказывается, напился (м.б., потому они и были).

11.10.09. 16–30

Воскресенье. Ситуация ужасная, полная тоскливых предчувствий. Один из “общественников” уже сообщил всем, что завтра на неделю (!) приезжает комиссия. Опять… Давно не было… Но на сей раз, ясное дело, проверять убраность всего и вся в секции будет не та черножопая бесхвостая обезьяна, а другая – долговязая, с мерзкой мордой, но, увы, не менее злобная. Конечно, “козлов” с ней во главе тут поменьше, чем было не 13–м блатных, да и реально злобный, кроме завхоза, там еще только один; хуже будет, если к выносу баулов и пр. подключатся блатные из той секции (подключатся в этой, понятно). Правда – если под сдвоенную шконку поглубже запихнуть, то их вроде и не видно, но нет никакой гарантии, что эта мразь не начнет нагибаться, заглядывать и лично проверять (высматривала же она вчера лично, у кого веревочки натянуты на шконках). Какие–то баулы и коробки из той секции кто–то уже несет через эту в сторону выхода, – видимо, в каптерку. А мразь завхоз как раз проводит (по крайней мере, вчера) большую часть времени и трепа со СДиПовцами и пр. как раз в этой секции.

Вон, про склад говорят в “фойе”. То ли нести что–то туда, то ли наоборот, забирать. 2–й барак, похоже, личные баулы даже вообще в своем здании не держал, а сдавал куда–то, на какой–то “склад”… Я уже слышал что–то об этом.

В общем, придется привыкать к новому раскладу, приспосабливаться как–то к новым формам террора этих подонков. Красное одеяло тут уже не поможет… На 13–м хотя бы алгоритм всех действий, сам метод прятанья и маскировки, был

хорошо отработан и действовал. А тут – все заново, с нуля...

Одно хорошо – работа потихоньку подвигается, август 2009 переписан уже почти весь. Вчера – почти 4 листа, сегодня – 3...

Интересно, солнечным он все–таки будет, или хмурым, пасмурным, – этот день 21 марта 2011 года, когда я поеду домой. Мне почему–то кажется, что пасмурным. Но если будет солнце – – в 7 утра, когда я пойду на вахту, оно, наверное, должно уже начинать всходить, небо на востоке уже будет озарено нежно–розовым...

Я думаю снова и снова об этом грядущем дне. Это – единственная светлая точка во мраке, единственное, за что цепляется сознание в сегодняшнем беспросветном ужасе...

16–58

Да, действительно – кончил сейчас писать предыдущее, вышел в "фойе" – а там большая груда баулов и коробок из–под посылок, и как раз шныри берут из этой груды баулы и выносят на улицу –на склад!.. Час от часу не легче... До сих пор была только каптерка в самом бараке, хватало и ее, – а теперь вообще черт знает куда, откуда потом и не выцарапаешь свои вещи, сколько раз ни ходи – там всегда будет закрыто, знаем мы эти советские склады!.. Ужас какой–то. Мне и другим старикам в секции, правда, никто ничего на этот счет не говорил, – остается надеяться, что это все же вещи только СДиПовцев и СОПиТовцев, а не всех зэков в бараке.

Прошла 76–я неделя здесь до конца. Она была отмечена частичной раскидкой 11–го барака, переводом сюда большей части 2–го и безумным – по сравнению с тем, что было до сих пор и здесь, и на 13–м – ужесточением "режима" в области кроватей, телогреек, "шкерок" и т.п. Осталось 75 недель, 525 дней.

18–00

За 10 минут до ужина (на час раньше сегодня, в 17–30), узнав все это, я выскочил, пошел к "телефонисту", там оказалось открыто, зашел прямо к нему. Отзвонился матери, предупредил, что начинается очередное нашествие, связи может не быть неделю, кроме как по ночам, после отбоя (он обещал заходить, но я сомневаюсь). Первое, что увидел на улице, – с 6–го тоже выносят и грузят на тележку баулы. "Т." объяснил: оказывается, это ВОЛЬНЫЕ вещи загодя вывозят от грядущих шмонов на склад! Вопрос только, а кто мешает этой "шмон–бригаде" просто пойти на склад и выгрести оттуда все это?..

Я уже тут, на бараке, слышал, что на 16–й недавно были жуткие шмоны, все вверх дном. "Т." это подтвердил, сказал, что и на 9–й, и на "пятерке" тоже, – аж тумбочки ломали, искали "курки" для телефонов...

Одним словом, предстоит неделя “военного положения” (?).

“Вольных вещей” у меня – спортивные штаны на мне под форменными брюками, одна старая–престарая спортивная куртка – тоже на мне, друга, поновее, летняя, от Armani – в бауле. Отшмонают обе? Ну что ж, честно говоря, потеря не такая уж большая. 2 зимы, 1 лето, одна осень мне тут остались, – как–нибудь перебьюсь?

Жилетку из телогрейки теоретически тоже могут “отмести”. В том году перед Н.г. их изымали довольно массово...

“Т.” на мой уже повторный вопрос сказал, что блатное командование с 10–го барака просит его, освобождаясь, оставить ему “трубу” в качестве “общей”.

12.10.09. 9–23

Оделся я, как дурак, в 10 слоев одежды. Как капуста... И все из–за этих проклятых предстоящих шмонов, точнее, слухов о них. Футболка, потом рубашка, потом – та тонкая курточка от Armani, потом – то, что ношу обычно, уже 2–й зимний сезон: старая (2007) , ужасная на вид спортивная куртка (Городец, мать там купила) с поддетым под нее эделевским “термобельем”. Сперва возникла мысль спасти тонкую курточку, поддев ее под низ, потом – опасение, что и футболки ведь все могут тоже “отмести”, если будут шмонать баул. Их ведь уже год, по–моему, сюда не пропускают. Спасти хоть одну футболку, надев на себя... Но это тоже не гарантия, т.к. они ведь могут раздеть прямо на улице... А пока ходи, как дурак, всю неделю вот так вот, – толсто, неудобно, да и жарковато, хотя – на улице, считай, уже зима. С утра – морозец, на траве, досках, местами и на земле – снежный иней. Крупный снег пока не шел, а просто вода вымерзает таким вот снегом к утру. Ноги мерзнут даже в шикарных шерстяных носках (тоже Эделеву спасибо за них). А на зарядку я выхожу в тапочках, т.к. одеть, с огромным трудом натянуть (особенно на больную ногу) эти ботинки, когда тут, в проходняке, еще трое соседей заправляют свои шконки и ходят туда–сюда, не представляется возможным. (Надо мной, сверху, поселили–таки соседа, весьма малоприятного, который, помню, еще на 12–м был “общественником”). Если всю зарядку безостановочно ходить – ничего еще, ноги не так сильно мерзнут (хотя мороз чувствуют, конечно). Но стоять – не простоишь и 2–х минут...

Начинается самое тоскливое – сидеть и ждать беды, тяжелого и (как сейчас кажется) неизбежного испытания. Очередного кошмара, после череды которых можно сказать: да, действительно, я тут “хрипанул”...

13.10.09. 14–53

Комиссия лазит по зоне – перед обедом на тот “продол”,

после обеда – на 1–й, а к нам, только я успел с обеда зайти в “локалку” – Агроном. До этого он же, мразь, ходил с комиссией, а когда я шел с обеда – строил перед “нулевым постом” какой–то отряд, идущий из столовки в барак. Пока он торчал не 11–м, я и еще несколько человек гуляли во дворе, кто–то даже хотел уйти на тот “продол” – этому ублюдку на глаза лучше вообще не попадаться (если нет отчаяния забить его сразу и насмерть. Эх, почему тот отряд перед “нулевым”, состоящий из трусов и рабов, этого Агронома не затоптал наконец, не прикончил его всей толпой?..).

До этого комиссия ходила в санчасть, на “промку” и, говорят, лазила там по каким–то “сидорам” (откуда они там?), искала “вольные вещи”. Шмонов по баракам пока нет, но, говорят, могут начаться с завтрашнего дня. В 5 одежках, да плюс еще на улице телогрейка, я упариваюсь, не могу. Вчера часа в 4, а сегодня прямо после обеда, как зашел в барак, после ухода Агронома, снял все лишнее, сижу сейчас в одной рубашке и футболке под ней. Как назло, на улице сейчас тепло и сыро, все утро, с подъема до проверки был дождь, как проверка прошла – тут он и кончился. Зарядку же утром – включили в 6 утра, как обычно, песни, но когда я вышел где–то за пару минут до самой зарядки, до 6–10 – полил вдруг такой ливень, что музыку тут же выключили. Слез по лестнице, успел дойти (без телаги, жарко в 5 слоях...) до грибка и стать под него – и все зря: зарядки не было!..

14.10.09. 14–19

Комиссия, уже с утра сегодня уверенно ожидавшаяся, а потом торжественно объявленная “на большом”, дошла, однако, только до ЛПУ. Зашла, видимо, на стройплощадку (на том де месте, в той же ограде, где весной сгорело, сейчас из кирпича уже почти на метр от земли выкладывают новое здание ЛПУ) – и ушла обратно “на контрольную”. С тех пор о ней пока ничего не слышно. После обеда – я специально посмотрел – через пост в сторону ларька и штаба пропускали свободно. Шмонов нет. М.б., весь этот объявленный ужас, едущий к нам с разгромленных 16–й и “пятерки”, так и кончится ничем?..

...На улице тем временем стало солнечно и почти что жарко. Не лето, конечно, но в 5–ти слоях одежды, плюс на улице еще толстая зимняя телогрейка, – я упариваюсь страшно. Пришел сейчас с обеда, снял все, вплоть до рубашки – отдохнуть и просохнуть.

Завтра баня. Большой вопрос, идти ли во всех этих 5–ти слоях туда. (Да еще – будут ли дрова. Сегодня труба дымит, по крайней мере.) Я склоняюсь к тому, чтобы все–таки пойти – от шмона и от греха подальше, хоть, м.б., сохранятся эти вещи, если что...

“Телефонист” вчера, на удивление, пришел вечером, практически сразу после проверки, без задержек и проволочек – по просьбе, переданной после утренней проверки через его дружка–соседа (вместе с которым он и пришел). Дал мне прозвониться матери, – впрочем, отсутствие связи за двое суток никакой особой бедой не стало, благо я успел ее в воскресенье предупредить и никаких особо важных событий ни у нее, ни у меня за это время не произошло.

16–41

Кстати – все ли вообще комиссии, или только эта, – но обходятся они тут мне полегче психологически, чем на 13–м. Никто – ни завхоз, ни блатные – под шконки не лазили и выносить баулы в каптерку, как там, не заставляли; да под сдвоенной шконкой, в глубине, их особо и не видно. Красное одеяло, как на 13–м, стелить и сидеть на нем (протирая и пачкая поневоле) тут (пока!) не приходится...

15.10.09. 10–00

Весь вчерашний день и все сегодняшнее утро, пока уже шел из бани, – над зоной густой туман. Тепло, сыро, лужи, туман, жухлые листья на мокрой земле и мокрые, черные, голые уже деревья. Осень 2009 года...

Самым ярким событием вчерашнего дня был разговор с вышедшим накануне из отпуска отрядником 11–го – Палычем, как его тут все называют. Еще когда шли на обед, он встретился нам у ворот “продола” и сказал, что вечером отдаст мне письмо. И действительно – вызвал где–то после 4–х часов.

Я знаю его давно, он был еще на моем первом суде по УДО в феврале 2008. Знаю по коротким встречам, мимоходом, где–нибудь возле столовой или в штабе, как этакого грубоватого балагура и остряка, любителя пошутить и похохмить. Но злобным, жестоким человеком он при этом мне никогда не казался, – помню, когда еще на 13–м нас кто–то из “мусоров” строил по трое, чтобы идти из столовки “домой”, – он, стоя рядом, сказал вслух, негромко, – не нам, а как бы про себя, – что вообще не понимает, как инвалиды могут ходить строем...

Лицо грубое, и проще всего представить его себе красным от алкоголя; обычно навеселе такие люди начинают уже не просто балагурить, а буянить. М.б., и в самом деле он пьет, – не знаю, но предположить можно. Лет за 40 уже, но 50–ти явно еще нет. Майор внутренней службы, – по–моему, самое высокое звание среди местных отрядников. Заочно учится на каком–то юридическом факультете, и часто упоминал полученные там сведения и преподавателей. Спросил, что закончил я.

Он вручил мне письмо из Финляндии, от Лены Маглеванной,

что есть радость само по себе, – и проговорили мы с ним больше часа, почти до ужина. Он был, во–первых, поражен, что я попал к нему на 11–й, и не знал, что со мной делать. :) Во–вторых, его живо интересовало мое дело, и какую именно “рознь” я “разжигал” (он обо мне из всего слышанного, видимо, запомнил именно это). Ну и так, вообще, о политике и происходящем в стране.

Как ни странно, он оказался в целом весьма недоволен происходящим в стране. Начал с “суперпрезидентской республики” и права президента де–факто отменять решение суда (помилование). Я сказал, что самое мягкое из более–менее точных определений существующего режима – “полицейское государство”. Он достаточно критики высказал и по поводу законов об “экстремизме” (полез сперва за УК, чтобы там посмотреть юридическое значение этого термина, но УК не нашел), и новыми законопроектами о борьбе с коррупцией, и моим делом – тем, что посадили просто за высказывание своего мнения, за слова. Я видел, что и в моем деле, и в происходящем в стране он не все понимает, но то, что понимает – ему явно не нравится. Про меня он с улыбкой – не иронической, а скорее даже сочувственной – сказал: “политический” и, по–моему, “вольнодумец”, или как–то так, – в отличие от всех этих сатрапов, от Милютина и до Казиева, отрядника 13–го, – которые упорно и нагло, вопреки очевидности, отрицали всегда, что я политзаключенный. Поговорили мы с ним и о проблемах наркомании и легализации (последнее – с моей подачи :), коснулись и выборов – как получаются немыслимые проценты у “Единой России”, я припомнил еще выборы в Мосгордуму 2005 г. – последние, которые я застал на воле, – когда наблюдателей, пытавшихся протестовать, со всех участков тут же увозила вызванная избиркомовцами милиция... И еще много о чем, сейчас все не упомню. О диссидентском движении, например, об истории его подъемов, спадов и разгрома в начале 80–х...

Я видел, что ему интересно со мной говорить обо всем этом, – настолько, что он все не прерывает уже сильно затянувшуюся беседу и одного за другим выставляет из кабинета заходящих со всякими пустяковыми делами. Я видел, что он – наедине, по крайней мере, – вполне сочувствует мне, возмущается, что посадили не за кражу, грабеж или убийство, а за слова и мысли...

Я не знаю, насколько искренен он был (хочется верить, что полностью). Не знаю, во что выльется в дальнейшем, за эти оставшиеся мне год и 5 месяцев, его отношение – не будет ли он вдруг меня “прессовать” и сажать в ШИЗО, чего не делал даже Казиев, – но ведь всякое бывает...

Мне почти не приходилось с ним спорить, – он казался если не единомышленником моим, с моей остротой выводов и практических рецептов, то, по крайней мере, понимающим человеком, с которым можно говорить, которого можно убеждать дальше. Не таким тупым и упертым, как они все... Он сказал мне, что если я буду что–то – о политике, об этой стране и пр. – пытаться объяснить окружающим меня здесь, то 99% "спецконтингента" меня просто не поймет (как будто я сам этого не знаю!..). Он упоминал свободно по ходу разговора имена, которые здесь ни от кого не услышишь, – то Фрейда, то вдруг Старовойтову, то – когда зашла речь о чеченской войне – Дудаева. У меня было странное, слегка растерянное какое–то ощущение, что впервые за долгое время (как привезли сюда) я разговариваю с интеллигентным человеком. Не знаю, конечно, можно ли назвать вполне интеллигентным русского майора–тюремщика с лицом алкоголика и дебошира; но глубокое и серьезное отношение к своей заочной учебе на юриста, как и свободное упоминание в разговоре таких имен, как и глубоко критическое – в пользу свободы слова, честных выборов и пр.! – отношение к сложившейся путинско–медведевской действительности в России 2009 г., – говорят скорее в его пользу. (Хотя мимоходом, говоря о Ельцине, попытке импичмента 1999 г. и пр., пытался сказать эту банальнейшую глупость, – что, мол, Ельцин совершил преступление, "развалив" СССР...) Чувствовалось, что и ему интересно говорить со мной обо всем этом, ибо – как и они все, как и Казиев любил со мной в свое время покалякать у себя в кабинете, – с кем еще ему тут поговорить об этом, вообще о чем–то серьезном? Не с этим же примитивным алкогольным быдлом, которое тут сидит; да и коллеги не демонстрируют особого интеллектуального развития...

Словом, не знаю, не знаю. Только ли это видимость, обманчивая и смутная, или и вправду среди них есть еще более–менее нормальные, думающие, критически настроенные к действительности люди? Даже среди майоров внутренней службы... Вот она, беспощадная логика гражданской войны: ведь я знаю твердо, что он мой враг, какой бы он лично, в душе ни был критически мыслящий и вольнодумный; и когда я теоретически обосновываю необходимость их всех, без разбора, убивать – для того, чтобы разрушить это государство, из них состоящее, и выиграть эту гражданскую войну, – то в этом ведь нет ровным счетом ничего личного!!. Лично абсолютное большинство из них ничего плохого мне не сделали, а некоторые, как вот этот вот Палыч, еще и смущают сознание, испытывают на прочность мои убеждения и сложившуюся четкую картину мира. Критически

мыслящий интеллигент, тоже мне, в камуфляже и с майорскими погонами!.. Лично, по итогам вчерашнего долгого разговора, я к нему склонен относиться скорее неплохо; но в случае необходимости и представившейся возможности – моя рука не дрогнула бы... Так что самый лучший, самый дружеский совет, который я не дал ему вчера, но, м.б., дам в следующий раз, – снять к черту этот мундир с погонами, уйти с госслужбы, найти для себя в этой жизни другое место и другое занятие...

16.10.09 8–42

Вчера опять отдал 200 руб. ларьком мерзавцу “телефонисту” – выкружил–таки, гад! Сперва, еще на днях, врал, что кому–то там, с их барака, “на выход” из ШИЗО, но брал–то – я стоял сзади его и видел – майонез, лапшу б/п, лимон и т.п. Просто себе на прокорм 200 р., какой там, к черту, “выход”!..

Еще перед обедом вчера его дружок–сосед зашел ко мне напомнить, что тот ждет меня в 14 часов в ларьке. Прихожу – еще закрыто, перед калиткой стоит толпа. Ищу – нету! Что за чудеса?! За жратвой – и не пришел!!. Захожу, стою в кассу, выбиваю, покупаю, ухожу, –нету! Пришел в барак, снял телогрейку и один башмак, развязываю второй, – бежит, запыхавшись! Спрашиваю, откуда, где бегал, – оказывается, только что разбудили! И на проверку даже не встает, дрыхнет по полдня... Пришлось тащиться с ним в ларек 2–й раз – под клятвенное его обещание прийти вечером с “трубой”.

Пришел. Позвонил я матери. Все в порядке у нее. 2 новости – одна хорошая, другая плохая. Хорошая – с того, майского еще концерта в поддержку политз/к, с выручки от него, мне таки выделили 5 тысяч, занимается этим сейчас Кригер, сказала мать. Говорила не с ним – не помню, она называла, с кем именно, и ей обещали на днях все же эти деньги перевести на счет.

А плохая – Ганнушкина, оказывается, под заявлением в мою защиту, под которым сейчас там собираются подписи, отозвала свою уже данную подпись, когда получила его по e–mail’у для Ковалева и Алексеевой и прочла сама. Мать говорит, что Мане (которая ей и закидывала текст) она написала большое письмо о своем отказе; смысл его сводится к тому, что невиновным меня (как сказано в заявлении) она не считает, а, по ее мнению, я действительно разжигал “рознь”, просто дали мне слишком много. Вот дерьмо–то, прости господи, эта Ганнушкина! (Хотя и давала она деньги матери, за что та ей все благодарна и пытается защищать). Трусливая мразь... И не она одна. Гефтер еще раньше отказался подписать вообще – как же, он ведь “член комиссии по правам человека при мэре Москвы”, его со всей их “правозащитно”–сервильной тусовкой в духе Алексеевой даже в

Кремль приглашают, в круглых столах с Медведевым участвовать… Ничтожества. Падаль. “Правозащитники” хреновы, дешевка… Права на 100% была Маня, когда говорила мне, как сильно она в этих правозащитниках разочаровалась, хотя бы только после разговора с Рыбаковым о деле якобы готовивших покушение на Матвиенко – но, м.б., и не только…

16–30

Мрази… Ублюдки… Своими руками забил бы их тут всех насмерть, ноги бы переломал… Недолго музыка играла, недолго я нормально жил в проходняке, готовил себе еду и ел на тумбочке, как все нормальные люди. Сегодня после обеда, совсем недавно, у них вернулись из больницы (?) 2 “пидораса”, как они выражаются. “Красные” мрази по приказу завхоза затеяли очередную “перестройку”: к “петушатнику” придвинуть, кого–то куда–то с нее переложить… Я уже ждал, что и меня начнут перекладывать, и придется насмерть воевать с ними. Но не пришлось. Зато тумбочку из ликвидированного (вроде бы; я не понял точно их перестановки, да и не вникал) проходняка взгромоздили опять ко мне в проходняк – сверху, на ту, что уже стояла! (Точнее, верхнюю из соседнего – ко мне, а из ликвидированного – наверх в соседний.) Ублюдки, сволота… Осталось немножко пространства нижней – верхняя Уже и сдвинута назад; кружку с чаем еще поставишь, но готовить – места нет. На мой вопрос один из “общественников”, мразь, мне ответил, что в секции есть вообще не положено. Ну хорошо, 2 листа (оргалит и фанера), на которых я ел еще после переезда с 13–го, можно всунуть под дверцы верхней тумбочки – что–то типа небольшого столика получится, хоть колбасу порезать. Но в этой верхней тумбочке как раз хранится чайник этого самого упомянутого “общественника” – шнырь и он сам поминутно лазят то брать его, то ставить, и всю еду–питье, что у меня будет тут, на “столике”, лежать, могут просто скидывать на пол.

Правда, я могу и саму их тумбочку просто взять да и выкинуть вон из проходняка…

18.10.09. 18–35

Никаких событий. Пустые дни. Тоска, пустота, бессмыслица. Только мелкие, бытовые заботы. Вчера 2 раза ходил к запасному варианту, – сперва утром, сразу с завтрака, хотя не сомневался почти, что он дрыхнет. Нет – сидел, только проснувшись, в постели, зевая и спрашивая у меня, сколько времени. “Труба”, естественно, убрана. Явно собирался спать дальше, – сказал мне зайти после обеда (не после проверки даже!). После обеда зашел, нормально позвонил матери. У нее никаких новостей, кроме одной, приятной: по последним исследованиям, холестерин у нее

снизился значительно после летней биохимии. Что ж, и то хорошо!..

Вечером приперся бывший мой сосед по 13–му, тот 20–летний шнырь–бражник, спавший над старым алкашом в соседнем проходняке. Сообщил, что вместо утепленных спортивных штанов, которые я просил его найти, нашел мне “олимпийку” – так они тут называют спортивные куртки. Позже, когда я уже ужинал, он принес ее, – неплохая, но не утепленная (говорит, что теплая подкладка была, но он, идиот, ее выпорол!), не новая, местами явно потрепанная. Цена – 7 пачек сигарет. Это местная валюта, но для меня за сигареты – все равно что бесплатно, – ладно, взял. 3,5 пачки сразу, вчера, за остальными он пришел сегодня. Купил я еще недавно (тоже за сигареты) у старого алкаша хороший, теплый свитер (туда, на 9–й, отдал его один из “общественников” 11–го, на котором я этот свитер еще недавно видел), – если не “отметут” но новогодних и пр. шмонах, то последнюю четверть своего срока прохожу хоть более–менее прилично одетый. Бражнику еще на 13–м, в том году еще, я говорил, что хорошо бы мне он нашел тут “мокасины”, такие же, в каких я ходил последние годы летом в Москве и приехал сюда. Ему вчера вдруг отдали что–то похожее, и он сегодня притащил мне! Здоровенные, сильно поношенные чоботы, слегка напоминающие отдельными деталями декора мокасины, но, конечно, вовсе не мокасины на самом деле. На левом подошва оторвана, внутри тоже драное все, а главное – 43–й размер! А мне нужен 42–й! 43–й – померил – мне даже на шерстяной носок велик, а летом ведь не будешь ходить в шерстяных носках и с шерстяными стельками! Недорого: 8 пачек. Он уговаривал, что, мол, пригодятся, возьми, свободная обувь (на размер больше – свободная!..), и т.д. Я отдал ему, чтобы пришил или нашел, кто пришьет подошву на левом, и только тогда пусть приносит снова. Я еще раз обдумаю за это время, стоит или нет.

Еще в первый сегодня заход “бражника” я просил его передать “телефонисту”, чтобы тот зашел. Во второй приход – с ботинками – тот сообщил, что передал и что “телефонист” обещал быть после ужина. Что ж, ждем–с!.. :) Посмотрим, соизволит ли оно прийти хотя бы после проверки...

20.10.09. 9–10

Вчера утром, после завтрака, мелкое архиблатное чмо, рулящее тут всем бараком, раздавало сигареты всем “обиженным”, аж по 2 пачки в каждые руки. Но отношение к этим бедолагам тут все равно остается совершенно зверским, как было и на 13–м, как везде и всегда, где они могут безнаказанно пнуть слабого... Мало того, что при общем подъеме в 5–50 их

поднимают в 5 утра ровно, – так вчера утром был оглашен еще и приказ (строгий, но чей – осталось неизвестным. “Сказали...” – обычная тут форма приказа.), чтобы они (точнее, несколько пожилых, седых, самого последнего из них всех разбора дядек, уборщиков туалета, двора, мусора из “алёнок” (урн) и пр.) с самого подъема, еще до зарядки и даже “до первой песни” (начинаются они в 6 ровно, до зарядки) уже были на улице. По утрам сейчас уже холодно, да и вообще – к начинающейся зиме это распоряжение должно быть им особенно приятно...

Сейчас вот – из “культяшки” только что неслись музыка и топот, и кто–то сказал, что “танцует” тот самый “обиженный” пацаненок–малолетка, вернувшийся на днях из больницы после перелома пальца в 3–х местах (оказалось, по руке его ударили табуреткой). А вчера, пока кипятил чайник себе на ужин – один из этих пожилых дядек, стирающий мне вещи, постоянно моющий и “проливающий” туалет, вдруг оказался нуждающимся в медпомощи, – в том, чтобы ему перебинтовали голову. Наглый “обиженный” же малолетка забинтовал его, но из–под бинта все равно сочилась кровь, и вскоре он этот бинт снял. Догадываясь, ЧТО именно случилось (уж явно не с лестницы он упал!..), но не зная подробностей, я спросил его сегодня утром, сразу после зарядки. Оказалось, что, войдя накануне в туалет, он “не поздоровался” там с одним из местных блатных (до сих пор принудительное здорование практиковалось вроде бы только с “мусорами”), и тот ударил его по голове “мамкой” – большой, на литр, эмалированной кружкой, которые у них всегда стоят в туалетах...

Чайник у меня уже еле–еле включается, один из проводков к нему от вилки явно “отходит”, искрит, контакта нет, – и я хочу сегодня, как увижу и договорюсь, отдать его на 7–й, в ремонт тому пожилому умельцу (и тоже пьянь!), который был со мной на 13–м и обещал починить его, если что, а недавно я специально отловил его на “продоле” – и он подтвердил свое обещание. Главная забота – чтобы, если возьмет, то сделал и вернул сегодня в 7 вечера, а то кипятить воду для ужина мне будет не в чем.

Шнырь–бражник с 7–го опять принес вчера эти ботинки, – кожаные, наподобие мокасин, сильно уже поношенные, но теперь левый был прошит (после того, как в 1–й раз он принес с оторвавшейся подошвой и я велел сперва починить, а потом уже притаскивать мне всякое старье и рвань). 43–й размер, но – померил – на шерстяной носок и с шерстяными же двумя стельками (мерил с одной, правда) – ничего; и я взял. За 8 пачек сигарет, как договаривались раньше, да еще 9–ю он “выкружил” с меня под предлогом, что, мол, надо отдать ее за работу тому, кто

прошивал. Так что вчера вечером и сегодня утром ходил уже в них, – неплохо, удобно, из натуральной кожи обувь и вправду хорошая. Теперь решилась сама собой одна важная и неприятная проблема: долгое, мучительное, до стертой кожи на пальцах рук, натягивание по 5 раз в день казенных “гадов” и шнурование их (начинать их натягивать перед столовками и проверками приходилось загодя), да и на зарядку теперь можно выходить все–таки в обуви, а не в тапках. Всякого рода “прощайки” и пр. войлочно–текстильная обувь, если долго стоять на холоде, точно так же не греет, ноги абсолютно так же окоченеют и в ней, как и в этих осенних ботинках; но кожаные ботинки от дождя, снега, луж и пр. хотя бы не промокают так, как войлочные, так что лучше уж ходить в кожаных осенних ботинках всю зиму.

Вчера день был без связи, и сегодня, по всей видимости, будет то же. Если к вечеру не придет “телефонист” (его дружок–сосед вышел уже утром с длительной свиданки, и “телефонист” загодя обещал мне даже принести “что–нибудь вкусненькое”, хотя верится в это очень слабо), то завтра с утра пойду к “запасному варианту”, хотя там, скорее всего, – не раньше, чем после проверки.

“Телефонист”, все же придя позавчера вечером в 8, когда я готовил себе ужин (мать тоже звонила ему и просила зайти ко мне), сообщил потрясающую новость: ему “говорят” (кто – я не понял), что якобы ему еще год сидеть, домой не в январе 2010, а в январе 2011. Я был в шоке. Это, конечно, капитально решило бы мои проблемы здесь со связью на весь 2010 год, но – его ведь и привезли сюда с “восьмерки” в конце 2008, сменив режим со строгого на общий и скинув полтора года сроку, – я хорошо помню, он говорил об этом как о свершившемся и не подлежащем сомнению факте...

21.10.09. 22–30

Мерзкий, жирный блатной, с хомячьей щекастой харей, рассуждающий о том, что, мол, захотят “перекрасить” лагерь – поставят сверху одну подпись – и “перекрасят”. Ничего, мол, сделать нельзя, у них там все так продумано, предусмотрено и пр. Трусливая мразь!.. Мерзкие, трусливые, рабьи рассуждения, парализующие любую волю к сопротивлению, и свою, и чужую. Специально, видимо, “мусора” дают рулить толпой быдла таким вот блатным хомякам, чтобы они парализовывали и нейтрализовывали сякую даже мысль о сопротивлении, о борьбе, внушали, что всякое сопротивление бесполезно, мол, сейчас тут очень хорошее положение, а вот захотят “перекрасить” – и “перекрасят”. Суки! Мразь!.. Трусливое, рабское быдло, пусть вас на ваших “семерках” и пр. хоть убивают, хоть ногами топчут, хоть

на куски режут, – вы заслужили это своей трусостью, рабством, пассивностью, неумением и нежеланием отстаивать свои права. Значит, и не положены вам права, пусть с вами ваше же государство делает, что хочет! Поделом... Речь эту свою блатной хомяк произносил перед самой вечерней проверкой, когда уже построились, вот совсем недавно.

22.10.09. 15–06

Опять какая–то комиссия, не то генерал какой–то (но чем генерал – не комиссия?) то ли уже в зоне, то ли приезжает завтра, – хрен поймешь, короче. На 9–м, сказал мне старый алкаш, собирали барак и сказали (убирать "сидорА", в частности, и пр.). На 11–м, в СДиПовской секции – тишина, спокойствие, никто никого не собирает, ничего не говорит, коробки и баулы спокойно (пока!) стоят под шконарями. Но! – шел сейчас из ларька – навстречу в ворота "продола" шныри (заготовщики в основном) выносили кучу баулов и коробок, – видать, опять потащили вольные вещи на склад... Как раз сейчас, когда я вдруг тут обзавелся кучей вольных вещей за сигареты, – обидно, конечно, будет, если их все заберут. Но – в сущности – наплевать! 514 дней мне тут осталось, – проживу как–нибудь.

Маня упорно прыгает мне на колени и там кружится, укладываясь и умащиваясь поудобнее. На одной ноге – тетрадь, в которой я пишу, на другой – лежит она.

В ларьке потратил безумно много денег, но – ура!! – все только на себя; с переводом на 11–й вымогательство прекратилось; остался в качестве вымогателя только "телефонист". Тогда, не так давно, отдал ему банку консервов из передачи, – теперь 2–х не хватало, на 2 последних дня перед свиданкой (в тот раз мать привезла на 1 меньше, чем надо). Пришлось покупать 2 тушенки в ларьке, а они по 66 р. – вот и лишние траты...

В баню сходил достаточно удачно, сразу после завтрака, дрова были. :) Но стекол в 2–х окнах (и третье – в раздевалке) как не было, так и нет.

24.10.09. 14–50

Поработал, блин, на выходных (сегодня суббота), попереписывал октябрь 2009–го, чтобы уж скорее закончить...

Как и говорил вчера вечером один блатной, сегодня – впервые в выходной день за мои 2 года 3 месяца здесь – они устроили шмон. "Колонийский", как здесь выражаются, т.е. общелагерный.

Где–то около 10 утра в торцевое окно барака – в "фойе", у стола "дневальных" – сам вместе с другими наблюдал это нашествие "мусоров". Впереди целой толпой шли отрядники,

прочее начальство, дальше – еще большей толпой – “обычные” “мусора”. Незадолго до этого “козлы” начали будить всех спящих в бараке со словами, что сейчас будет “общелагерная проверка”. Но вид этой толпы камуфлированной нечисти, надвигающейся от вахты на бараки, наводил на мысль, что скорее это будет шмон, – для “проверки” столько не нужно...

Кроме Палыча (отрядник), к нам зашел Наумов, еще какой–то начальничек в синей форме и фуражке, и пара рядовых в камуфляже. Немного. Но – передалось тотчас через зэков – велели выходить всем с вещами! Вот это уже плохо, я даже не ожидал. Что ж, опыт 27.11.08. и 31.3.09. – шмонов с вещами на 13–м – у меня есть, начинаю собираться. Одеяло красное беру с собой, – не дай бог, увидят на шконке 2 одеяла! Вольные ботинки пихаю в двойной продуктовый баул, под днище внутреннего, – авось не заметят. Вольный свитер, недавно купленный, одеваю под недавнюю же “олимпийку”, сверху – робу, а еще сверху – телогрейку. Жарко неимоверно, пот так и течет, особенно от возни при сборах всего барахла. Теплые шерстяные стельки из вольной обуви – в баул (ботинки “отметут” – хоть стельки сохранятся), на ноги – “гады” вообще без стелек, – и на улице, пока ждал, ходил туда–сюда, – все равно, даже в теплых носках ноги начали замерзать. Сгреб все, но потом, уже вынеся 2 баула, забитых доверху (даже пакеты со жратвой из тумбочки туда запихнул), еще раза 3 ходил, забирал из–под матраса старые джинсы, “тепляки” и пр. барахло, – если и не отметут, то в неразберихе шмона и последующей уборки могут пропасть.

Вынес все, вышел сам, гуляю по двору и жду. Но шмонщиков больше не стало, кроме тех 4–х никто не заходил. Самая горячая тема – щиты (из досок, на этих щитах здесь всем почему–то нравится спать больше, чем на пружинных шконках. На 13–м–то хоть были пустые рамы шконок, без пружин, а тут – поверх сетки кладут эти щиты.). Еще пока я собирался в секции, Наумов ходил мимо меня туда–сюда и говорил, что, мол, у кого щиты подписаны – могут оставить, а остальные – выносите, или их будут забирать; в общем, как–то так. У меня щит забрали еще 3 октября, так что мне это пофигу, я даже не слушаю (мне вольные шмотки важнее). А народ бегает по двору, “продолу”, из барака и в барак – идет великое прятанье щитов. На “продоле”, напротив бараков, находится отгороженный забором хоздвор (“кечь” или КЭЧ, что это значит – до сих пор не знаю). Забор там такой же, как и везде тут – из вертикальных металлических палок; одна из них, прямо напротив 11–го, отодвигается, и сквозь забор можно пролезть. Они лезут туда, пропихивают сквозь решетку щиты и складывают их там – но почему–то рядом с забором и так, что с

“продола” они ясно видны. Прячут также и в большой кирпичный сарай, стоящий на территории “кечи”, но одним торцом выходящий на наш “продол”, как раз за СДиПовской будкой. Там большой дверной проем снизу чем–то забит, а верхняя его половина – пуста, или ее закрывают чем–то, что легко снимается, так что в этот сарай свободно можно лазить с “продола”.

Гуляю, жду. “Отметут” вещи, – ну и плевать, черт с ними! Не стоит о них жалеть, это чистая суета сует; как–нибудь оставшиеся мне 2 зимы и лето, 512 дней, прохожу и так. Главное – мои бумаги, дневники, и пр., но им вряд ли при таком общем шмоне грозит серьезная опасность.

Время от времени дальше по “продолу” раздается треск, грохот, я в открытую калитку выхожу посмотреть – там, видимо, с треском ломают щиты, на “продоле” видны валяющиеся их обломки, чьи–то раздербаненные баулы и куча барахла из них. Вдруг, часов в 11, кто–то из “козлов” выходит и с лестницы говорит “обиженным” идти убираться в секции. Все, шмон окончен?!

Поднимаюсь наверх. Да, “мусоров” в секции уже нет. Особого погрома тоже, впрочем, на этот раз нет. Матрас мой задран, и из–под него исчезла жилетка из телогрейки – та самая, что еще в ноябре того года начинал старый алкаш, а заканчивал в августе Юра. Один из соседей–“общественников” говорит мне, что ее забрали (он видел), но второй тут же сообщает, что он ее спас, и отдает мне ее. Больше они особо не рылись, – из–за торца шконки не стали даже доставать оставленное мной там барахло – пакет с сигаретами, сумку старых газет и журналов, пустые пакеты и пр. Обошлось?

Все, побежав наверх, прихватили с собой и свои коробки с баулами. Все, но не я: у меня их уже три; в третий от начинающегося дождя я спрятал одеяло и “тепляки”, вынесенные уже после выноса обоих баулов. Он легкий, его я могу вверх по лестнице тащить сам, а остальное – увы, нужна помощь. Прошу соседа из соседнего проходняка, здорового 28–летнего заготовщика и уборщика, мне помочь. Он нехотя, не сразу, но соглашается. Берет мою спортивную черную сумку и несет наверх, я – за ним с легким баулом. Но наверху в дверях стоит жирная блатная хомячатина и говорит ему: куда вы этот все тащите, потом ведь придется тащить обратно, в 12–10 будет проверка по карточкам и шмон личных вещей! – Вот так тАк!..

Что ж, возвращаемся вниз, ставим баулы на прежнее место. Я поднимаюсь в секцию и слегка навожу там порядок, укладываю хотя бы как следует матрас. До проверки еще минут 40–50. И постепенно мне приходит в голову, что странный какой–то этот

шмон: если помещение прошмонали уже и ушли, а баулы еще не трогали, – помещение ведь, по логике, не будут уже шмонать 2–й раз, верно? А значит, пока они ушли и не смотрят, из подлежащих шмону баулов можно кое–что занести обратно в секцию и там спрятать!

Так я и сделал. Быстро спустился, вытащил из баулов спортивную курточку от Армани, ботинки и старую спортивную куртку вместе с “термобельем”. Снял с себя “олимпийку” и свитер, в пакет их – и за тумбочки, поглубже вниз, благо двойную тумбочку и отодвигать труднее (у нас не тронули, а одиночные кое–где отодвигали). Ботинки – под шконку, тоже поглубже. Старую куртку с термобельем – на себя. Армани – свернул и засунул внутрь телогрейки, лежащей под матрасом (не тронули, расстегивать даже не стали). Вот так–то лучше. Только бы им не пришло в голову шмонать барак 2–й раз!..

Спускаюсь, жду. Вся эта сволота – Наумов и пр. – сидела в кабинете у отрядника, и в 12–05 спускаются вместе с ним. Те отходят к калитке, отрядник считает. Ждем. Отрядник говорит: а теперь поднимаемся в барак и наводим порядок. Всё?! Шмон окончен?!.

Это был, конечно, поверхностный, туфтовый шмон, для “галочки” скорее, а не чтобы реально что–то найти. М.б., чтобы убрать все щиты из бараков, все и затевалось? Ходят упорные слухи, что завтра или в понедельник приезжает какой–то генерал (а запасной вариант вчера утром говорил мне, что прокурор). Но уж чем генералу так мешают эти щиты, да и будет ли он лично обходить все бараки?..

Они – отрядник, Наумов, “мусора” и “козлы” – занялись сразу после проверки погромом в уличной “курилке”, где тусуются “обиженные”, и выбросом из нее всего скопившегося барахла. Штабеля досок оставили под лавками; оконные рамы со стеклами и без поставили почему–то к забору хоздвора, на “продол”; а всевозможные чьи–то баулы и коробки из–под посылок – не пустые, с вещами! – Наумов и прочие безжалостно пинали ногами и вышвыривали вон.

На обед я пошел во всем, в чем хожу обычно, – в частности, в вольных ботинках, которые гораздо удобнее “гадов”, их не нужно изо всех сил натягивать и шнуровать. У нас–то, кроме “курилки”, обошлось еще легко, без потерь; а с других бараков, и с того “продола”, и с этого, я видел, отобранное барахло вывозили возами, – с каждого барака, без шуток, лошадь с телегой, доверху нагруженной чьими–то вещами из распотрошенных, лежащих тут же баулов...

Куда же они ехали? Последний штрих сегодняшних событий,

весьма яркий, я наблюдал уже в столовой. Еще на подходе к ней был виден огромный столб черного дыма с помойки, которая сразу же за столовкой. Войдя, я, как и многие, прилип к окну: там, на этой помойке, прямо под столовскими окнами, валялось огромной грудой все это барахло, вывезенное из бараков, а чуть подальше, за деревянной высокой оградой, зэки – работники этой помойки, видимо – сжигали его на большом, ярко пылающем костре...

По разговорам "козлов" и завхоза между собой, еще до проверки, – завтра все то же самое будет проделано заново. Верится с трудом, конечно, – уж больно дико и бессмысленно, но – в этой проклятой стране возможно все.

25.10.09. 11–04

Ну вот и все. Все было и сегодня, но оказалось еще большей туфтой, чем вчера. Где–то в начале 10–го – "пробили": сперва "три "мусора" дальше по продолу", потом – "шмон–бригада на большом", потом – "шмон–бригада в отряд" (к нам).

Говорили, что их опять 4 человека (плюс Палыч, или, м.б., включая его). Один СОПиТовец, правда, сказал, что на всем "продоле" – 54 "мусора", но верится что–то слабо. "Козлы" и завхоз стали выгонять всех опять с вещами, как вчера, Что ж, основное было на мне надето уже заранее; быстро собрался, как вчера; "олимпийку" и свитер прямо заправил в брюки, чтоб не торчали.

Стоим на улице с вещами, ждем. Гляжу в окошко в заборе – 6–й по соседству гуляет точно так же, но ни одного "мусора" в их дворе тоже не видно. Вообще, когда во дворе нет "мусора", который бы следил за зэками, пока основная шмон–бригада в бараке, – это не шмон, а туфта. Постепенно становилось все яснее, что и на этот раз баулы шмонать не будут – для этого не 4 человека нужно...

Вдруг все толпой посыпались из барака на улицу. Что такое? Оказалось, там объявили, что сейчас будет "строевой смотр". Что ж, на мне все казенное, и даже под "телагой" застегнутый до самого горла "лепень" (роба). Пусть смотрят.

Но вскоре вышел – без верхней одежды, в одном... кителе, или как его, если это камуфляж? – Палыч, и с ним, таким же макаром, еще один "мусор". Отрядник объявил: сейчас поднимаемся все в секцию, наводим порядок; а то, хотите, будет строевой смотр еще на 2 час а? Никто не хотел, разумеется. Я спросил его: вещи брать наверх? Да, брать, но класть в каптерку, а не под шконки! Все, шмон окончен.

Тот самый СОПиТовец, видевший "54 мусора", говорил, что там, в секции, они зашли, походили, подняли несколько

матрасов, посмотрели постели, постельное белье – вот и весь шмон. Зато когда я с первым, самым легким баулом, поднялся обратно в секцию – бдительный "общественник" во исполнение начальственного указания тут же чуть ли не заорал мне: мол, все баулы в каптерку! Я отбился, сказав, что мне сперва надо разобраться, все выложить и т.д. Потом этот хмырь заснул и за мной уже не следил. Так что, м.б., на время приезжающего то ли сегодня, то ли завтра генерала мне предстоят еще – привет незабвенному 13–му! – арьергардные бои по поводу пресловутой каптерки.

14–22

На других бараках, по рассказам, они шмонали тоже еще меньше, чем вчера, в баулы нигде не лазили. Но на 9–м строили раза 4, в том числе 2 – на проверку, – отрядник, а потом еще и контролер, которому также захотелось их посчитать. По зоне опять бродит какая–то комиссия, и по этому поводу на 11–м был легкий переполох между заносом вещей назад в секцию и проверкой. Но комиссия (?) эта, не дойдя до бараков, ушла, как это часто бывает, назад на вахту. Однако ее появление все еще возможно в любой момент, а за ней, на горизонте, смутно маячит еще и с трепетом ожидаемый генерал...

2–й день я без связи. О двух известных матери номерах внутри 11–го барака нечего и думать, чтобы они позвали меня, когда включатся вечером и мать (вдруг!) сумеет–таки прозвониться. К "телефонисту" я ходил вчера вечером, между их ужином и нашим (нашел удобный момент на будущее ходить туда), он обещал вечером (тогда еще все было строжайше убрано, в 6 вечера!) зайти; но из его – если что, на всякий случай – извинений было ясно, что он не придет. Не пришел, понятное дело. Сегодня я уже через 2–х других передал ему приглашение на вечер, но, увы, результат на 99% тоже известен загодя. Сегодня же перед обедом я лично убедился в правоте его вчерашних слов: "правда, все "дороги" закрыты...". Действительно, маленькая калиточка от нас на 6–й в дальнем углу "локалки" с той стороны чем–то заложена (открывается она во двор 11–го). К вечеру, после вечерней проверки, м.б., ее и откроют, – путь к запасному варианту будет свободен. Но, скорее всего, и там все "трубы" будут после целого дня "отключки" загружены настолько, что придется ждать (да еще в большой кампании, вечно там собирающейся), а ждать, зная, что вот–вот начнется обход и не успеешь поговорить, – занятие малоперспективное...

19–02

Туфтовые, бессмысленные – но и безумные шмоны, охватывающие сразу всю зону, будоражащие массу людей,

подрывающие здоровье и нервную систему мне... Говорят, ожидается еще и завтра!.. Последний аккорд... А генерал, приезжающий на днях, – говорят, зам. начальника ФСИН. Крупная шишка!.. :)

Мне хорошо, я сейчас этак приятно расслаблен, в душе я могу торжествовать. 2 дня кошмарной этой суматохи – пока что без потерь. Более того, сейчас, после ужина – думал–думал и решил: ЧТО сидеть пассивно и ждать, под лежачий камень вода не течет! Я ведь всегда был активным, надо как–то шевелиться и здесь. Вышел, посмотрел – "дорогу" от нас на 6–й открыли, но с 6–го на 5–й (как и от нас на 5–й – есть там и "прямая" калитка) закрыта. Черт возьми!.. Но – сегодня днем вдруг начали красить коричневой краской ворота обоих "продолов", и они по такому случаю стояли нараспашку. Вышел на "продол", посмотрел – ворота закрыты, но открыты калитки (открывающиеся электрокнопкой из будки "нулевого поста"). Этого достаточно. Вышел, прошел на тот "продол", зашел к запасному варианту и позвонил от него матери. У нее – надо же! – улучшилась существенно кардиограмма. Отлично! Я хоть предупредил ее, что со связью такие проблемы, будет ли связь до 29–го, дня свиданки – неизвестно. Потом тем же путем ушел назад.

Вот так, наверное, учатся пофигизму. Кто на войне, под минометными обстрелами и бомбежками; а кто – здесь, на зоне, проходя через все эти шмоны и карцера (вот где я еще не был–то! Но, м.б., это предстоит за оставшиеся год и 5 месяцев...). Мне уже все пофигу. Ну, отберут вещи – черт с ними, наживу еще. Осталось немного. И – смешно, конечно, при моем–то мироощущении, настроении, склонности к суициду, черт возьми! – у меня (мысленно) блуждает после всех этих испытаний этакая плутоватая, с хитрецой, улыбка на губах; мне легко и спокойно, потому что глубоко в душе вырабатывают эти испытания, эта жизнь непоколебимую уверенность: все будет хорошо! :)

26.10.09. 17–15

К нам едет, к нам едет, к нам едет генерал!!! Сейчас – нечто новенькое! – в "культяшке" всех собирали уже не блатные, как обычно, а... Палыч, отрядник! Перед этим, проходя по секции, он сделал мне замечание – одеть х/б, чтобы не бросалась в глаза спортивная куртка. А на собрании он – с шуточками, как обычно – матом и жаргоном этих же зэков ("рамсить" и пр.) тоже призывал в связи с приезжающим завтра генералом "убрать все лишнее" (как будто тут бывает что–то лишнее!..), из–под шконок все баулы отнести в каптерку, подробно перечислил, что из вещей и продуктов может быть в тумбочке (интересно, где ж это перечислено так досконально?.. :) – 1 консервная банка

невскрытая, 1 ручка и тетрадка, книга, полученная в библиотеке, и т.п. :) Щаззз, как же... Призывал не курить в секциях. Сказал интересную вещь, что генерал, оказывается, приедет завтра в 4 утра! Тем же кировским поездом едет, что ли, что и моя мать на свиданки? Зам. начальника ФСИН – или только Приволжского окружного управления? Точно я не понял. Да и зачем мне это? Слишком много чести этому генералишке, чтобы я даже просто о нем думал – не то что из–за него вещи убирать в каптерку, потом их хрен заберешь оттуда... Вот пришло в голову, из старых книг "о войне": когда партизаны узнавали, что в оккупированный немцами город приезжает какой–то генерал или другое высокое немецкое начальство, – так они старались этого генерала или убить, или захватить. А это, местное быдло – трястись будет от страха и баулы покорно выносить... Палыч говорил – в ответ на чей–то вопрос только что на сборище – что изначально все это нашествие комиссий – из–за побега, да, – того, в начале сентября. И, типа, сочли, что у нас тут режим ни к черту...

А до этого было еще одно интересное событие. Пришел с обеда, только сел перекусить – вдруг вызывают в 11–й кабинет (штаба). А я и не знаю, что там такое, – хорошо, что не в 9–й, не к оперу, и только. Иду. Оказывается, там 2 "психологини" в погонах, обе старшие лейтенантши – местные зоновские психологи И одна из них сообщает мне, что пришел какой–то запрос провести со мной психологическое исследование на предмет возможности привлечения в качестве свидетеля по уголовному делу.

ЧТО за запрос, какое именно дело, кто ведет – она ничего не знала (или говорила, что не знает). Что ж, я не стал отказываться. Все исследование заключалось в тесте из 104 или 105 вопросов с вариантами ответов, – все как обычно. Заодно, по моей просьбе, она зачитала мне и подробные результаты моих прошлых тестов, – в целом, оказалось, их выводы соответствуют действительности. Обещала вызвать – чтобы точно пропустили через все эти комиссии и пр. – в четверг или пятницу за результатами – и заодно, м.б., узнать что–то и про уголовное дело. Хотя я почти не сомневаюсь, что это то самое дело, ведомое вот уже 3–й год прокуратурой Советского района Нижнего Новгорода по поводу последнего номера "РП" – мартовского за 2006 год...

27.10.09. 8–47

Вчера вечером, между отбоем и тушением света, это зверьё с бывшего 2–го барака подралось прямо здесь, в секции. Началось с какой–то (я не вслушивался) перебранки по поводу чьих–то "сланцев" (резиновые тапки, в которых тут все ходят), которые один из них уже неделю, что ли, не может отдать другому, и т.д.

В общем, чисто бытовая мелочь, пустяк. Но – слово за слово – один вдруг бросился на другого, в проходняке напротив себя, через проход секции. Тот, что бросился, был и старше, и физически здоровее, а второй – явно моложе и более хлипкий, еще почти подросток. Здоровяк реально ударил его несколько раз, повалив на его же шконарь; началась свалка. Через минуту подошел один из промежуточных начальничков в этом же СОПиТе, кажись, – не председатель секции, а другой (тоже, по–моему, бывший прежде санитаром в местной больнице), – невысокий крепыш с явно бандитской физиономией. Накинулся он сразу же на пострадавшего, и стал строго спрашивать, почему тот якобы – я не помню точных выражения – ну, типа, затеял эту драку. Тот возбужденно отвечал, что это не он (и вокруг стояла толпа свидетелей, видевших все развитие событий), но, тем не менее, этот прмежуточный начальник тут же, не утруждая себя дальнейшими расспросами, несколько раз (раза 3, если не 4) ударил по лицу и так уже битого парнишку – под предлогом: “не повышай на меня голос!”. Нашел, к чему придраться. Тот, естественно, и не подумал дать сдачи.

Через минут 5 после этого скандал дошел до сведения живущих далеко отсюда, в “приемке”, блатных, и к нам лично явилось мелкое архиблатное чмо – разбираться. Меня это несколько удивило – я не думал, что оно будет лезть и во внутренние конфликты “красных”, тем более в их же секции; но оказалось, что его епархия простирается и сюда. Впрочем, оно никак не наказало ни первоначально напавшего, ни того который потом бил жертву по лицу, а лишь попросило этого второго”не распускать руки”; да кроме того, посоветовало впредь в случае конфликтов обращаться к нему (тоже мне, авторитетный арбитр!..).

Тем временем, “день генерала” на зоне уже начался. Приехал, как я узнал только что из надежного, близкого к “мусорам” источника, :) зам. начальника ФСИН по вопросам конвоирования и охраны – ну да, как же, здесь ведь был побег, это как раз по его части! – и с подъемом обошел по периметру “запретки” всю “жилку” (или вообще всю зону, я точно не понял). Но самая радостная новость, полученная мной из этого источника, – генерал этот должен уехать уже в обед! По баракам, значит, ходить он, скорее всего, не будет... :)

14–30

С утра, после завтрака, пошел густой мокрый снег – и вот до сих пор почти, еще не совсем прошел. Деревья, крыши бараков, земля, жухлая трава, – все на улице белое. Зима... Снег мокрый, разумеется, и не сегодня–завтра стает, так рано зима вряд ли

уляжется. Но, – с первым снегом – новое ужесточение режима: обувь оставлять только в “обувнице” (раздевалке), у кого “гады” будут замечены под шконкой – безжалостно велено (“обиженным” уборщикам) выкидывать. Персонально мне не было сказано еще, но это не за горами. Командовало одно животное–“общественник” (вот уж воистину – козел!..), но, естественно, при полной поддержке завхоза, если тот услышит или его на эту тему спросят. Между тем, всем отлично известно, что (как и на 13–м, да и на всех бараках) обувь пропадает, и с этим ничего нельзя поделать: встаешь утром – а твоих ботинок там нет! Потому–то и держат их многие под кроватью – иначе в чем выйти–то, в тапочках? За тапочки, кстати, “нарушение” могут записать, если у столовой где–нибудь увидят. У меня, к счастью, сейчас 2 пары обуви – прошлогодние летние “гады” и летние же вольные, купленные недавно за сигареты. Для меня пропажа одной пары не будет такой уж катастрофой, но все равно – тут не бывает “лишних” вещей. Поэтому приходится поневоле думать, как отбиваться, когда начнут докапываться уже до меня лично. Только четкий, категорический отказ подчиниться и – если понадобится – просто надеть ботинки и ходить по бараку в них. Снимать только на ночь и прятать за торец шконки, к стене...

Баулы под шконками тоже, разумеется, по–прежнему под запретом (даже еще более строгим, чем на 13–м, – там хоть только на время комиссий требовали убрать, а тут – вообще). Уходя в столовку, я как и там, каждый раз рискую их не найти под шконкой – выкинут, да и все (только на 13–м особо некуда было выкидывать, там был глухой тупик “продола”, а тут есть куда)... Сейчас продуктовый баул почти пуст, занимает мало места, спрятать его глубоко под шконкой не так трудно. А через 2 дня, когда мать привезет передачу (послезавтра – короткая свиданка), – он будет набит доверху, и как его ни запихивай, ни прячь – все равно с обеих сторон шконки, даже сдвоенной, виден...

А начальство никакое сегодня так себя и не проявило – ни по зоне не ходило, ни у столовки не стояло, ничего. Да и зачем мы этому генералу?.. Сейчас он уже, надеюсь, уехал, а к вечеру, м.б., и остальное начальство. Все обошлось и на этот раз?..

28.10.09. 14–55

Второе дыхание, что ли, открылось, но только – заметил я – стало мне малость полегче; нет уже того чувства невыносимой, давящей, свинцовой усталости, которое было у меня почти с самого начала – и осенью 2006 года, еще в тюрьме, и в 2007–м, и год назад, в 2008–м, и даже еще этой весной... Полегче стало. На все уже стало плевать, – еще больше, чем раньше. Связано это,

видимо, с тем, что появился просвет впереди, – все меньше и меньше остается мне сидеть; вот уже всего 508 дней осталось, год , 4 месяца и одна неделя... Да еще с тем, что уже большой – бОльший из всего пока написанного – кусок дневника сумел отдать я на волю. Как бы там ни было – не пропадут мои здесь мучения безвестно, не канут в Лету; останется память...

А новости довольно мрачные. Пришел сегодня Палыч – и сразу же вызвал меня к себе, вручать очередное письмо от Стаса Журавлева из Самары. Очень удачно получилось: я зашел, как только он открыл свой кабинет, а вслед за мной туда ломанулась толпа блатных – забирать свои матрасы, одеяла и пр., коих в его кабинете была навалена целая беспорядочная груда. И тут–то (при мне) он им и говорит: выйдите все отсюда, никто ничего не заберет, потому что в понедельник все начинается сначала – приезжают опять те же самые!..

Тот же самый генерал, 2–й раз? Невероятно! Поэтому, конечно, поверил я словам Палыча с некоторой оглядкой. Но все равно – он тут работает, знает все точнее, чем зэки по смутным слухам; да и кто–то из других, не генералов, здесь бывших, могут ведь и впрямь приехать опять... Значит – опять эта истерия, опять прятать одеяло, баулы, одевать “гады” на обед, опять, не дай бог, шмоны, опять сгребать скорей–скорей все вещи в баулы и переть на улицу... Тоска охватывает смертная при одной этой мысли.

Потом – уже по слухам среди зэков – услышал я версию, что приедет Большаков. Это, конечно, совсем другое дело; но – истерия “козлов” в секции по поводу уборки и прятанья (а не то – выкинут!) всего и вся будет такая же, как была сейчас, перед “генералом” (и такая же, кстати, как у блатных, заправляющих на других бараках. Здесь, в этой секции, в роли блатных, всем командующих, – “козлы”).

“Прячьте всё и прячьтесь сами!”

30.10.09. 8–25

Все тает и капает, но снег идет вот уже больше суток, со вчерашней зарядки. Опять все вокруг белое – земля, крыши, деревья; пейзаж совершенно зимний. За перила и вверх, и вниз со 2–го этажа, из барака на улицу – голой рукой за лежащий на них снег...

Вчера был обычный день, обычная суета. Обычное вымогательство... Сходил на короткую свиданку – приезжали мать и Фрумкин. С ним мы даже не поругались, как в тот раз, :) но он, как обычно, быстренько убежал, – курить...

Передачу, все 23 кг, на этот раз волок полностью сам, весь путь от вахты до барака, и самому же пришлось втаскивать наверх, в барак, – никто и не подумал помочь. И – видимо, во

время проверки было вслух объявлено, что я на свиданке. Первым, сразу после обеда, пришло чмо, на чей телефон иногда в барак дозванивается мать. Начало оно с того, почему ж я вчера не сказал, что мать едет на свиданку, и она тоже не сказала, – вы сговорились, что ли? Я бы, типа, дал “трубу” по–другому, – быстрее, что ли, приоритетнее :), или хрен его знает, что оно имело в виду. Сидит за квартирную кражу, через 4 месяца уже домой, и стало мне объяснять, что, мол, красть – это нормально, это работа такая, а деньги дают возможность свободной жизни, независимость, комфорт и т.п. Нечисть конченная, короче. Но я–то понимал, зачем это чмо пришло, и вскоре оно подтвердило: дай, мол, чего–нибудь пожрать, угости! Меня разбирал внутренний смех, перешедший тут уже, по–моему, и во внешний.

Пользуясь случаем, я с его телефона позвонил матери – они все еще сидели тут, около зоны, ждали вечернюю электричку в Нижний. Но тут – не успел я ничем еще “угостить” его– заявился “телефонист”, тоже большой любитель угощений, да еще со своим дружком–соседом. Оказывается, он заходил после проверки, меня не нашел – и словоохотливые соседушки ему, разумеется, сообщили, где я. Черт бы побрал!.. Вот уж не повезло, – со всех сторон обложили. Тоже начал клянчить жратву, а я спросил его про интернет, – оказывается, он уже все наладил. Стал еще клянчить и чай “рассыпной” на чифир – типа, отметить завтра полгода со дня смерти его матери (хотя прошло не полгода, а всего 3 месяца, позже он таки сообразил). У меня такого чая не бывает, – значит, надо идти в ларек (сегодня как раз наш день, четверг. А баня опять не работала. :) Торопился бежать к себе в барак, и стал звать меня к себе, пошли мол, посидишь у нас, полазишь по инету, а потом пойдем в ларек. Я подумал, согласился, и примерно с 4–х до 6–ти вечера сидел у них, лазил по инету, заодно (что редко бывает) позвонил еще Мане и Павлу Люзакову. Свой “блог” увидел впервые (с десятой попытки и после звонка Мане – уточнить слово rossia в адресе). Сервер Михилевича marsho.net не работал почему–то.

Пошли в ларек. Подождали еще его открытия в “курилке” у штаба. Эта тварь так, заранее, на чай и конфеты выклянчила 100 рублей, а в ларьке захотела еще и сок – еще 42 рубля пришлось потратить на нее. Потом хотела на обратном пути зайти ко мне уже за моей жратвой – еле уговорил хотя бы отложить на потом, чтобы глаза не разгорались, пока я буду лазить доставать. Обещала в 8 прислать своего дружка–соседа, реально прислала почему–то шныря–бражника. Так, значит, – кусок колбасы (со старой еще передачи, остатки) и шоколадка. Но еще до бражника явился опять тот ворюга квартирный, что клянчил днем. Так, –

еще кусок колбасы (той же), 2 пачки лапши б/п (теперь у меня в обрез до следующего ларька в четверг 5.11.), плюс – тоже шоколадка, но уже хорошая, “Осенний вальс”, вовсе не для этих тварей купленная. Насилу отвязался: банку бычков в томате это чмо, видите ли, есть не захотело, вместо них потребовало колбасу. Мразь, нечисть, отребье, слякоть...

Таковы итоги вчерашнего дня.

Да, мать привезла документы на УДО и доверенность от Эделева. Придет Палыч – надо будет написать ходатайство об УДО и нести все это подавать ему.

14–12

После завтрака сразу пришел “обиженный” Юра, опять с 13–го, – зашивать мне “новые”, купленные у подонка–“бражника” ботинки. Мы посмотрели внимательно – обе подошвы сзади, на пятках, оказались треснуты, и все стельки сзади – сырые (выходил в этих башмаках с утра на зарядку и завтрак). Пощупал носки – тоже. Прошить подошвы вокруг и зашить (стянуть) “капронкой” эти трещины – вот план работ. Юра сперва, как всегда, сидел на корточках (“обиженным” по этим блатным “понятиям”, видите ли, не разрешается садиться на шконки всех остальных, не “обиженных”!), но потом, в процессе работы, все же сел на соседнюю со мной шконку в моем проходняке. Все ходили мимо, шныри поминутно заходили в проходняк и лазили в свою тумбочку – никто слова не говорил. Но пробегало мимо какое–то юное мелкое чмо, которое в этой секции даже и не живет, – кто–то из большой толпы местных стремщиков, по–моему. Увидело – остановилось на бегу, дало задний ход и докопалось до бедного Юры, стало его разносить. Ушло, потом через пару минут вернулось – и понесло уже на меня (причем непонятно, в чем конкретно я обвинялся, – похоже, просто в том, что не согнал его со шконки во имя безумных кастовых предрассудков всей этой швали, не соблюл, так сказать, их традиции). Но со мной было труднее: я неплохо умею огрызаться и отбрехиваться от них. :) Угрожало подойти сейчас к “людям” (а вокруг нас при разговоре, значит, были не люди, да и сам я – не человек; ну да, “людьми” вся эта блатная мразь считает исключительно себя), и те мне “объяснят” (а я прямо сразу им поверю и приму их гомофобские “объяснения” за истину в последней инстанции :). Но никаких последствий инцидент пока что не имел.

31.10.09. 14–24

Вчера вечером таки приходило вот то самое телефонно–воровское чмо, что клянчило у меня накануне жрать, – песочить меня насчет того, что, мол, в тюрьме существуют свои правила, и низ–з–зя сажать “пидоров” на шконку. Поговорили спокойно, без

крика, но я стоял на своем. Разошлись мирно.

Сегодня в обед, только что – новый сюрприз: сижу за столом в столовке, жду обед. Уже только зайдя, увидел, что и суп – дерьмо, рассольник с перловкой; и на второе – что–то типа той же перловки или сечки, намешанной, как все время теперь стали делать, с килькой. Хотел этой бурды взять для Маньки, она это ест на ура. Хлеб и раньше часто забывали давать, чуть не раз в день; а тут, смотрю, – вообще ничего, а все уже вовсю едят! Ну ничего себе!.. Спрашиваю одного из заготовщиков, в чем дело; он говорит: мол, вон есть окошко, пойди и возьми.

Сперва я подумал было, что это последствия вчерашнего инцидента с бедолагой Юрой. Тут, уже собирался выходить, один из шнырей спрашивает: не дали ничего, да? А ты подойди к “людям” (блатная кодла, считающая людьми только себя. Забавно, что и себя этот шнырь, видимо, человеком не считает).

Вместо этого, вернувшись в барак, иду спросить у завхоза. Тот выслушивает вполне спокойно и обещает поговорить вот с тем мелким архиблатным чмом. Почему и к чему именно с ним – тайна сия велика есть. Официальная власть тут сильно зависит от неофициальной. :)

Минут через 5 прибегает целая толпа шнырей, заготовщиков и “козлов”. Спрашивают, чем я недоволен. Объясняю. Начинают орать, что, оказывается, я не “уделяю” им ничего на их заготовку, и они, мол, не обязаны мне носить эту их баланду. Оказывается, только сегодня отозвался этим отказом в пище :) мой отказ еще позавчера, как пришел со свиданки, дать сигарет этому чму, совершеннейшему дауну, который живет в соседнем проходняке. Он и заготовщик тоже, но основное его амплуа – уборщик, причем в той, блатной секции, и я уже не помню, на заготовку он клянчил, или на уборку; но в любом случае всерьез я его не воспринимаю, а поскольку это чмо в последнее время начало еще и пытаться меня этак весело, громогласно, со смехом задирать (вот только сегодня между проверкой и обедом, но и тогда тоже), то о даче ему чего–либо вообще речь не шла принципиально (сегодня оно уже колбасу клянчит :). И вот – это чмо нажаловалось, видимо, другим заготовщикам, а те, м.б., и блатным, – не знаю уж, кто принимал решение.

Когда все это выяснилось, отношение мое к происшедшему (вот сейчас, пока пишу это) стало скорее юмористическим. Это смешно, господа! Я не умру с голоду без их баланды; если даже не будет передач из дому – я могу питаться с ларька (вот только если там не будет хлеба, тогда плохо). Шныри ушли, а мерзкий, злобный “козел”, живущий в этой секции, еще долго возмущался и бормотал обо мне всякие гадости, угрожая составить для меня

график уборки секции, чтобы я с “клюшкой” ее убирал, и т.п. :)))

Не знаю, имеет ли смысл говорить об этом с отрядником. Шныри, конечно, взахлеб уверяли, что он и слушать не станет. Но выслушать–то, я думаю, выслушает по–любому...

15–22

Забыл еще кое–что: свеженькие слухи–ужастики. Вчера вечером – что со 2–го ноября будет не 2 проверки в день, а 3. Еще одна – видимо, утром, в 7–30. (Число и время называл завхоз.) Сейчас вот, после обеда – что отключат на двое суток свет (и воду, ясное дело, тоже). Шныри уже вовсю запасают воду бадьями и носят ее куда–то. Куда? Разве что в пластиковые бочки на улице. Но – сегодня, точнее, даже вчера вечером, подморозило, на улице уже настоящая зима (надеюсь, еще растает, а пока – надел уже зимнюю шапку, казенную). Так что как минимум эта вода покроется там ледком.

“Лишались огня и воды”, – написал когда–то Троцкий о своих последователях, разосланным по сталинским ссылкам в Сибирь. Теперь вот то же самое и со мной.. Сижу здесь, лишенный воды в самом прямом смысле слова. Не было летом и, скорее всего, в ближайшее время тоже...

НОЯБРЬ 2009

1.11.09. 11–20

Воскресенье. Палыч пришел и сейчас здесь. Я пошел было к нему с бумагами на УДО, доверенностью от Эделева и своим вопросом про столовую, но он, спросив, ЧТО за бумаги, сказал: давай я сегодня отдежурю в санчасти (ночью), приду во вторник утром, вот тогда. Что ж, ждем до вторника.

Тем временем, поразмыслив, я все больше прихожу к выводу, что отказ заготовщиков меня “кормить” – это козни блатных, а вовсе не самих заготовщиков, и мой отказ дать сигареты этому дауну, одному из них, – только предлог. Настоящей причиной может быть и мой резкий ответ их посланцу позавчера насчет “обиженного” Юры и мерзости их кастовой системы. Тот самый “посланец” вчера принес мне “трубу”, звонила мать, – слава богу, эту возможность еще не перекрыли; мне это куда важнее баланды и пр. Сегодня утром за завтраком они дали мне яйцо: ну да, их выдают по списку на весь отряд, и сам я его уже никак не получу; но ни хлеба, ни баланды, как и вчера. Плюс – когда вчера после обеда подходили заготовщики и этот злобный “козел” – он больше всех гавкал, что, мол, за уборку и заготовку надо платить – ну да, “уделять”, как они называют. А то, мол, сам будешь тут убираться, в проходняке. Я ответил, что, если надо будет, уберусь и сам. Это животное тут же громко крикнуло в сторону “32–го квадрата”, т.е. двух “обиженных” проходняков у входа в секцию: “В этом проходняке больше не убираться!”. Я не был уверен, что все уборщики на месте, всё услышали и всерьез восприняли. Но – и вчера вечером, и сегодня утром, пока я мог наблюдать за подметальщиком и мойщиком полов – они и впрямь, метя и моя все проходняки подряд, этот пропускали. :) Было ли им дано еще и указание на этот счет от блатных? М.б., не знаю. Но вполне возможно, что хватило и грозного приказа “козла”. В общем, вялотекущий конфликт с блатной нечистью, причиной которого были в 2008 мои “грузинские” письма и участие отсюда в политике, а в 2009 – жалоба матери в прокуратуру, опять обострился; как мне кажется, на сей раз причиной обострения стало мое открыто высказанное отвращение к их кастовой системе. Что ж, посмотрим, что будет дальше.

14–04

Долго думал, идти на обед или не идти. Но по секции терся завхоз с телефоном, у столовки мог стоять Палыч, – решил не рисковать, сходить (Палыча не было). Прихожу. На 2–е – горох, одно из немногих съедобных здесь блюд. Но мне, ясное дело, его

не принесут. Что ж, чуть поразмыслив, иду сам к окошку. “Дай мне гороху”, – говорю раздатчику. – А во что?” – спрашивает он. Оказывается, миски–то не у них, они где–то в другом месте. Сажусь обратно за стол, решив, что мое право на казенное питание в этой зоне теперь превратилось в фикцию, что ли?! Но потом вспоминаю, что еще на 2–х окнах в конце столовки написано: на одном – “окно для грязной посуды”, а на другом – “окно для чистой посуды”. Иду в это последнее, спрашиваю там миску, получаю ее, иду за горохом, несу его в миске за стол и ем. Победа!! :)))

Не знаю, – скорее, из всех моих попыток так ничего и не выйдет, кроме нового обострения конфликта с блатными. Но, по–моему, это вполне материал и для жалобы начальству (не местному, конечно, а выше), и для прессы. Окно хлеборезки находится в одном конце столовой, окна посуды и раздачи – в другом. Инвалид с палкой в руках вынужден делать концы по переполненной столовой, по скользкому полу, лично нося в руках миски и рискуя их выронить и остаться без еды, в то время как чуть не десяток здоровых молодых заготовщиков – по наущению начальства, несомненно! Это – новый акт давления на политзаключенного! – не изволит поставить ему эту миску на стол, как всем остальным!..

3.11.09. 8–43

Настроение с самого утра, а точнее – еще со вчерашнего вечера, отвратительное, ярость и омерзение ко всей этой их жизни, к этому тупому быдлу, к этой гнусной стране рабов просто душат. Со вчерашнего дня – понедельника как раз – эти суки в погонах таки сделали тут для всей зоны третью проверку в день!.. Твари!.. Но устроили ее не в 7–30 утра, как я думал, а в 19–30 вечера – в то самое время, когда я начинаю готовить себе ужин!.. Суки, убил бы вас всех своими руками!!! Теперь ни поесть нормально, ни хрена: где–то без 15–ти, без 10–ти 7 приходим с ужина, с 19–30 до 20–00 (по новому “распорядку дня”, вывешенному официально на стенде) – проверка, потом только можно идти готовить. А у меня еще эта дурацкая привычка – все мне хочется в 21–00 “Время” посмотреть, закончить с ужином и чаем к этому времени. Да и “козлы” (вот уж действительно!..) начинают в 9 вечера уже выгонять на следующую проверку, которая только в 21–30 по графику (хотя меня, конечно, хрен выгонишь, мне на них плевать...). Так что есть теперь – скорей–скорей, второпях, впопыхах, чего я терпеть не могу с самого детства, в промежутке между двумя проверками и новостями по ТВ. Да еще вчера эта новая проверка проводилась по карточкам – уж не каждый ли день они теперь так будут считать?! – хотя

“козел” перечислял фамилии довольно быстро, и в секцию я поднялся (засек по часам)в 19–45.

Ларек, работавший по вечерам с 18–20 до 20–00, вчера, по рассказам, где–то после 7 вечера уже не пробивал чеки, – проверка! Т.е., реально он работает теперь с18–20 до 19 ч. – меньше трех часов в день, если считать еще и 2 часа с 14 до 16. В “школе” местной для 20+летних балбесов занятия, по распорядку дня проводимые вечером, тоже падают теперь на время этой новой проверки, и, как рассказал сегодня один из “учеников”, учительница обещала договориться, чтобы их не снимали с занятий, а считали прямо там, в школе. Но это вряд ли, конечно, – проверка “мусорам” важнее, чем эти заведомо пустые, туфтовые “занятия”...

Пока писал все это, отключили свет. Вчера его тоже отключали, – как обычно: вырубают где–то около 9–ти утра – включают после обеда, в 4–5 вечера. Сегодня, видимо, будет так же. Хорошо, успел позавтракать и запастись водой. Обещанного отключения на двое суток пока нет, но в любые выходные оно может произойти.

Отрядник заходил, говорят, сегодня на зарядку, – приперся после выходного на работу прямо в 6 утра, неизвестно зачем? Я его не видел; но, согласно его же обещанию, он должен прийти вот сейчас, с утра, и я пойду к нему с документами на УДО, доверенностью на имя Эделева и вопросом о заготовщиках, отказавшихся меня обслуживать.

12–27

Свет включили еще до проверки. Палыч, сука, пришел только на проверку и тотчас ушел; теперь ждать его вечером, чтобы отдать наконец–то эти проклятые бумаги. Он принес главную новость: начальником зоны таки назначили Макаревича, этого бешеного дикого кабана! Реакция в моей душе на эту новость такая, такая ярость и остервенение, что, ей–богу – давняя мечта! – залил бы всю эту зону, прямо по периметру “запретки”, горящим напалмом, чтобы тут вообще никого живого не осталось, чтобы кирпичи плавились в стенах бараков...

4.11.09. 12–50

Сходил вчера вечером, отдал документы на УДО. Поставил дату 9 ноября по просьбе отрядника, – тут практикуется та же система фальсификации сроков подачи документов, как и на 13–м. Но эти–то он хоть взял, а вот доверенность на имя Эделева – отказался брать вообще, послав меня, как и Казиев на 13–м весной, к этому их юристу в штабе. Но если Казиев говорил мне, что она, мол, мне все “объяснит” (что эта доверенность на самом деле мне вовсе и не нужна :), то этот сказал, что она, мол,

возьмет, чтобы заверить у начальника (Макаревича :) и послать Эделеву. Явное вранье. А про заготовщиков я даже и спрашивать не стал, – этот хмырь явно был не расположен, как тогда, к долгим обстоятельным беседам, да за дверью ждал очереди еще кто–то, и по роже Палыча было ясно, что обращаться к нему с этим вопросом совсем уж бесполезно. Ладно, поищем другие методы...

Зарядки с утра не было, – как же, сегодня “праздничек”. День народного паскудства. :) Праздник – день, когда русское ополчение под руководством Минина и Пожарского победило возможность свободного и цивилизованного европейского развития своей страны под польской короной, предпочтя ей привычную дикость a la Иван Грозный. День победы русских над свободой. Не единственный, увы, – 1612, 1812, 1945...

15–02

Дела отвратительные, и настроение отвратительное тоже. Начал опять болеть зуб, – это самая большая беда. Вчера только я вспоминал, как ровно месяц назад, в ночь с 3 на 4 октября, не мог больше полночи даже лежать от боли, какой это был кошмар... И вот сегодня – опять!.. С утра он только начал чувствоваться, сейчас – болит уже довольно заметно, но еще терпимо, что будет к ночи – мне противно даже подумать...

Пошел сейчас в столовке опять брать самостоятельно горох в окошке на обед, – а раздатчик говорит: получишь у заготовщиков, они тебе дадут! Насилу объяснил ему, что заготовщики–то как раз не дадут, а то он ведь не хотел давать мне этот проклятый горох. В конце концов, правда, дал, но сигнал сам по себе тревожный. У всех этих мразей, уголовников, наглых, злобных и тупых, хрен что получишь, даже положенное тебе по закону. И это ведь я еще не пытался за все эти дни, с 31 октября, получать хлеб в хлеборезке самостоятельно...

Единственная радость – переписал сегодня весь дневник, до вчерашнего дня. Гора с плеч; теперь можно переписывать его прямо по ходу, как он ведется.

5.11.09. 10–15

До совершеннейшего исступления довели за вчерашний вечер и сегодняшнее утро все эти мерзкие мелочи, незначительные на 1–й взгляд, каждое в отдельности, неудобства и нелепости; почти до безумия. До того, что лично, своими руками, перебил, перестрелял, уничтожил бы всех этих тварей, что вокруг...

Проверка в 19–30 вчера шла мучительно долго, нудно, бесконечно; идиот–“мусор” перебирал карточки и так, что ни хрена не было слышно, называл фамилии. Казалось, это не кончится никогда. В барак я поднялся только в 4 или 5 минут 9–

го, сразу взялся за ужин – и таки успел еще к 9 вечера, к новостям. Но это только потому, что консервы попались такие, – нечего там было выбирать, тратить время. Иначе не успел бы никак.

Утром, после “завтрака” (который мне не подают), пошел в баню. Она таки работала! :)) Но – я уже и не сомневался, реагировал только этаким нервным смехом на предчувствие и на реально увиденное там сегодня, – стекла так и не вставили! Уже настоящая зима, снег и мороз на улице – а там в зале 2 окна частично без стекол и в раздевалке в одном нет форточки. Под блатную “лейку” я сегодня не попал было там постоянно занято, пришлось полчаса ждать включения остальных “леек”. Холодина в бане из–за окон без стекол была страшная, я чуть не окоченел, хотя стоял в середине зала, где еще были свободные “лейки”, когда я пришел, дальше от окон, чем обычно. Дай бог не заболеть после этой бани!

Вышел, стал вытираться, одеваться, – заходит вдруг “мусор” и начинает докапываться до всех, бывших на тот момент в раздевалке, кто с какого отряда, – типа, не в “свой” день пришли. Сегодня банный день у 11–го, 12–го и 1–го, но, понятное дело, если день, когда баня вообще работает, стал тут редкостью, – то дров нет, то воды, то света, то водопроводная труба лопнула, то печная сгорела, и т.д. и т.п. – ясно, что народ ходит, когда баня работает, невзирая на “свои” дни. И до сих пор с этим тут было довольно свободно, пускали всех, СДиПовский пост на воротах бани, слава богу, еще не додумались сделать, да и вообще “мусора” заходили в баню редко. Теперь – ходят, записывают, кто не в “свой” день. (Докопался он и до меня, причем сразу назвал по фамилии, т.е. знает в лицо, но я, к его удивлению, оказался в “свой” день, меня он не записал. :) Да еще третья проверка в день. Во всем этом ужесточении режима сразу чувствуется рука этой мрази Макаревича...

Шел в барак – с “продола” “нулевой пост” не хотел никак выпускать каких–то зэков, шедших работать на овощной склад. У ворот бани стоял “общественник” 11–го – пришел забирать своих из бани, т.к. (сказал мне) 1–й пост не пропускает без него. Еще одно подтверждение только что сказанного о режиме. Но меня и там, и там пропустили без проблем.

Пришел – а тут у них опять генеральная уборка, как эти твари любят устраивать по банным дням. Тумбочки (одна на другой) из моего проходняка, слава богу, вытаскивать не стали, зато вдруг вижу – оба моих баула, продуктовый и вещевой, вытащенные из–под шконки, стоят в проходе секции. Я тут же убрал их обратно. Тут прибежало это чмо – сосед–даун в соседнем проходняке,

полоумный, конченный идиот, фанат уборки, остервенело долбящий со стуком почти лысой шваброй одно и то же место на полу десятки раз, когда там уже ничего и нет. Официально он убирается в той (блатной) секции, но “для себя” чуть не ежедневно устраивает такие вот долбления шваброй по полу и здесь, в своем проходняке и в соседних. Меня он ненавидит за то, что от меня ему не перепадает халявной жратвы, курева, чая; когда эта завистливая тварь видит, как я ем колбасу, ее аж корежить начинает; ну и за то, что я не “поднимаю” (взгромождаю) баулы на шконки ради ее остервенелой “уборки” каждый день. Без сомнения, это чмо и вытащило мои баулы. Прибежало, завопило – мол, там еще не мыли, зачем ты их опять убрал?! Но мне плевать на твое мытье и прочую уборку, мразь полоумная!.. Молчу, занимаюсь своими делами. Чмо–“общественник” (не тот, что был у бани, другой) вякнуло, что, мол, “Боря, все “сидорА” в каптерку!” – но само–то оно свою сумку держит далеко не в каптерке, а тоже под кроватью.

В довершение всего – зуб. Вчера под вечер он болел уже довольно мучительно, но все же не так, как месяц назад, так что ночь я спал относительно нормально. Сегодня – уже не болит, но сильно чувствуется, особенно если прикоснуться к нему верхним (над ним) зубом. Сел после бани завтракать – не могу жевать! Даже здоровой стороной не могу: как только начинаю жевать – верхний зуб с силой бьет по больному нижнему, боль адская. Кое–как поел, пережевывая бутерброды и чеснок кое–как, далеко не так, как надо. Сейчас зуб этот проклятый опять немного ноет.

Написал вчера после обеда письмо матери с подробным описанием всей истории с отказом заготовщиков меня “кормить”. 99% вероятности, что оно до нее не дойдет, – я и писал–то больше для оперчасти, читающей все мои письма, чем для нее. Если до ее приезда 27–го это письмо здесь, на местном уровне, не подействует, начальство не попробует вмешаться и уладить вопрос, – что ж, после свиданки это надо будет публиковать и на “моем” сайте, и вообще максимально широко. Пока писал – она как раз дозвонилась, точнее, хмырь–домушник принес телефон, набрать мне самому, т.к. мать уже звонила раньше, – и я сказал ей о письме, чтобы ждала, а после ужина сразу пошел и опустил его.

16–05

Зуб болит ужасно, невыносимо целый день, со времени проверки еще. Ходил в ларек – там мозги заняты, вроде боль послабее. Вернулся – опять. Кошмар… Страшно подумать, что еще ночь впереди.

6.11.09. 11–02

Только хотел бриться после завтрака – звонит с вахты Палыч и командует: всех к 9–00 на “флюшку”. Пошли. Там еще ждали полчаса под дверью, на улице. Сделали. Постучался в кабинет к Демину, к медсестрам, которые лекарства выдают (хотел забрать свои, что мать привезла еще летом), – везде закрыто. Пришел в барак, лег; бриться уже не было настроения, лучше завтра с утра. В 11 опять команда от Палыча: всех, включая “ночных”, разбудить и выгнать на улицу. Что за черт?!. (Тут как раз слух на днях мелькнул, что и 4–ю проверку, утром, в 10, хотят сделать.) Одеваюсь, выхожу одним из последних. И – так я и знал! – эта скотина Палыч начинает, громогласно матерясь, выяснять, кто не прошел “флюшку” и гнать их прямо сейчас же, со двора, в санчасть. Вот тварь, а?!! Стоило из–за этого поднимать меня со шконки, заставлять еще раз с трудом натягивать ботинки, одеваться, сползать еле–еле по лестнице... Да уж, хороший “мусор” – мертвый “мусор”!..

9.11.09. 14–29

Вчера не было совсем сил писать, да и не о чем. За весь день – только 2 события: весь день, с утра, валил густой снег, все завалило, намело везде сугробы; и – весь день же, с утра, меня дико болело правое плечо – где–то ближе к шее, так что ни рукой двинуть, ни голову повернуть, даже 2–й рукой трудно было двигать. И сильнее всего болит, когда лежишь!.. Насилу прошло к вечеру.

Сегодня с утра мать дозвонилась–таки Демину в санчасть. Он поручил вызвать меня Тамаре Дмитриевне, врачихе, а сам куда–то ушел. Она стала звонить в барак, вызывать, но дурак “дневальный” вместо “санчасть” услышал “спецчасть”, и мы с “общественником”, недоумевая, потащились туда. Разумеется, там никто ничего не знал, да и сама спецчасть работает в этом кабинете (12–й, в штабе) по понедельникам (сегодня понедельник) только с 16–00.

Конечно, я догадывался, что это Демин вызывает, а не спецчасть, но – больница была пуста и наглухо закрыта; нечего даже и звонить, все равно санитары дрыхнут и не откроют. Так и было, когда, еще в 8–30 где–то, позвонил Палыч и велел всех гнать на взвешивание. Некоторые пошли – и тут же вернулись ни с чем.

Взвешиваться погнали только в начале 11–го. После этого я постучался, как всегда, в кабинет Демина, – закрыто. Поднимаюсь в барак – и еще с лестницы слышу, как тот же “дневальный” по тому же телефону называет мою фамилию. Оказывается, опять звонит врачиха и вызывает меня. Даже не раздеваясь, иду в больницу снова. Спрашиваю, в чем дело? Она отвечает – так и

есть! – звонила ваша мама, что вы плохо себя чувствуете.

Она, понятно, дает постельный лишь на несколько дней и отослала меня к Демину, посоветовав его подождать, а если нет – она сама ему потом скажет. Я подождал, хотел было идти уже в барак. Выхожу из бокового выхода в торце больницы – и вижу, что Демин как раз подходит к главному входу! Я обратно, жду его, а он сперва поперся на 2–й этаж, в саму больницу.

Короче, как я и думал, он сказал мне, что ничего обещать не может; что его “не поймут”, если он даст мне постоянный постельный режим; что на других, у кого он есть, не обращают внимания, а на меня обратят. И, как и Тамара Дмитриевна, спросил: может, лучше тебя перевести на другой барак, на 1–й этаж? Ага, лучше, как же!.. Сошлись на том, что Демин обсудит это с новым начальством (Макаревичем!) и в воскресенье, когда будет дежурить, вызовет меня и сообщит ответ. Не только надежды на “постельный” нет, но и все эти дни до воскресенья я буду теперь нервничать, как бы им и впрямь не пришло в голову перевести меня куда–нибудь. Особенно Макаревичу, черновик моей (так и не опубликованной!) статьи о котором попал ему в руки после шмона в моих баулах и вещах в мае 2008, когда он еще работал здесь. Эта тварь такого мне не забудет и н простит, можно не сомневаться...

10.11.09. 8–47

Антисемитизм процветает в этом пьяном тупом быдле, именуемом “русский народ” (“мы, многонациональный народ Российской Федерации”...:)) так же, как был всегда, исстари, еще до эпохи погромов типа Кишиневского(т.е. эпохи, эти погромы и породившей, из нее они и выросли). “Еврей, пора в Израиль!” – говорит мне в спину тот даунический уборщик–заготовщик в соседнем проходняке, из–за которого (якобы) мне и перестали приносить баланду в столовке. Иначе как “еврей” это чмо меня давно уже не называет – с тех пор, как поняло, что делиться с ним колбасой, чаем, сладким, куревом и пр. я таки не буду. :) А с какой, собственно, стати? До него были Сапог, тоже исходивший слюной от запаха колбасы, дебильный стирмужик Шум и др. (Вот, пока пишу, это чмо опять ворчит за моей спиной: “Колбасой, сука, не угощает!.. :) Мразь, быдло, животные... Животными даже не назовешь, – насекомые!.. Мразь... Народ гомофобов и антисемитов. ФЕОР – в роли юденрата де–факто, со своими объятиями Берл Лазара с Путиным и новоообретенным членством Бороды в “Общественной палате”. Уговаривают, усыпляют, убеждают своими сладкими песнями, что, мол, государственного антисемитизма в России уже нет. Но в толще “народа” (быдла)–то он есть; а путиных и всех прочих – избрало, востребовало именно

это быдло. Есть КГБ, есть антисемитское быдло, – чего не хватает для погромов? Равнодушный, на кремлевской нефтегазовой игле сидящий Запад простит и это...

Концентрированно, сжато, по сути сформулированная проблема России – это быдло.

11.11.09. 12–33

Наиболее злобный "козел", живущий в крайнем проходняке у входа в секцию, у стенки, обнаружил сегодня вдруг мою кошку Маньку у себя под шконарем. Он яростно матерно разорался сперва на нее (она спаслась бегством, естественно :), а потом и на меня – пообещал, что, если она еще там окажется, то он отрежет ей голову и бросит мне под шконку. (Это, кстати, тот самый подонок, который уже несколько раз приказывал не подметать у меня в проходняке.) Не менее злобный мелкий старикашка с насквозь пропитой рожей, мой сосед по шконке, тут же пробормотал: "Давно пора!". Среди вот таких вот злобных мразей, выродков, которых за одну эту кошку я отдал бы десятки тысяч, я и живу тут годами...

Тоска, пустота, опустошенность какая–то на душе. Одиночество. Поговорить тут абсолютно не с кем, даже о каких–нибудь житейских пустяках... На днях было особенно острое ощущение, что это театр абсурда какой–то, что все происходящее вокруг меня совершенно нереально, как во сне, и таких жутких вурдалаков, которые меня тут окружают, в реальности просто не может быть...

Но, м.б., это ощущение возникает, когда все вокруг тихо и спокойно. А тут жизнь опять забурлила. Комиссия уже 2–й день, – кто говорит, что сегодня уедет, кто – что будет до конца недели. Вчера к нам заходил Большаков (!) с Русиновым (обо мне эта тварь Большаков не вспоминает с прошлого лета; только на 1 разговор и хватило). Вчера же "комиссия" (их там полно еще, кроме Большакова) лазила по обоим "продолам", но к нам не зашла. Сегодня, после 10 утра – 2, 3, потом еще 6 "мусоров" на "большом" – все на тот "продол". Уже ясно, что это шмон. Потом еще 14 (!) – на наш. "Дальше по продолу." Стрем сообщает, что они якобы разошлись по всем баракам, кроме нашего (их там еще 4; по 3,5 "мусора" на барак? :). Перед их появлением "на большом" к нам зашел только 1 "мусор", обошел секции и ушел. На проверку явился, как всегда, Палыч. Выхожу во двор – и стремщик – "обиженный" пацаненок – говорит, что, оказывается, все 15 "мусоров" на 7–м, шмон только там. В конце "продола", как обычно, стоит лошадь с телегой, на нее грузят множество выносимых с 7–го щитов. Дались им эти щиты!.. Что за "запрет" такой, кто и почему запретил на них спать?.. Никто, конечно, но

это быдло ведь не догадается спросить, как и не понимает, что все, что прямо не запрещено – разрешено. Тот же стремщик говорит мне, что на том “продоле” шмон был на 12–м. Пока стоим на проверке – телега со щитами и еще каким–то барахлом сверху проезжает мимо нас, и кто–то говорит, что это, мол, еще ерунда, а вот с 12–го они вывезли гораздо больше (щитов?) – и показывает руками, сколько

А пока проверка еще не началась и телега еще не проехала, – туда, вглубь нашего “продола”, прошла опять “комиссия” в составе 2–х “мусоров”, один из которых – пожилой, седовласый, в синей форме, фуражке и очках – был, как мне сказал тут же один из близких к начальству бывших второотрядовцев, “у них по питанию”. За каким хреном начальнику “по питанию” понадобилось идти в бараки – хрен знает. (На тот же вопрос про Большакова этот ж парень вчера мне объяснил, что Большаков, как зам. по воспитательной работе, изучает в бараках “наглядную агитацию.)

Перед проверкой, по приказу пришедшего Палыча, считали в бараке шконки и спальные места. На хрена? Слава богу, пока ни Палыч, ни “козлы” не докапываются еще до моих баулов под шконкой (тьфу–тьфу–тьфу!..), а одеяло красное я каждое утро, вставая, прячу под изголовье матраса. На 13–м это было только эпизодически, когда шел отрядник; на 11–м я дожил до необходимости прятать 2–е одеяло каждый день, чтобы не забрали...

14–26

Свеженькие впечатления с обеда. :) На “продоле” встретил старого ворюгу, обокравшего церковь, – знаю его еще с 13–го, а сейчас он на 7–м. Говорит, шмон был такой, что все вверх дном, – даже его 2 кипятильника забрали. К столовке пошел вслед за 9–м, не стал ждать, пока 11–й “разберется по трое”, – и там, у ворот, пока проходил 9–й, другой “козел” – столь же мерзкий, хотя не столь открыто агрессивный – сказал мне этак ласковенько: мол, готовься в ШИЗО “на месяцок”, – как же, строем не ходишь; а еще – эти слова я точно запомнил – “...подъемы, зарядки...”, – ах ты, мразь, это не я, что ли, значит, встаю каждое утро в полшестогого, затемно, и первым сползаю по вашей проклятой лестнице на эту проклятую зарядку?! Мразь... Сейчас, говорит, поговорим с Палычем. М.б., и даже наверняка, номер не пройдет – но на ложный оговор эта тварь способна вполне и не постесняется так и сделать – наврать, будто я не хожу на зарядки...

“Рагу” из перловки я и брать не пошел, а суп – вроде более–менее с виду, но мне–то не приносят, а самому таскать – да ну его

на фиг, еще разольешь... Поднимаюсь в барак – новый сюрприз: матрас завернут с изголовья, лежавшие под ним одеяло и свитер выкинуты, – короче, погром; а в соседнем проходняке шконка выдвинута от стены в проход. Я, честно говоря, сперва подумал, что это "козлы" лазили и утащили из–под шконки мои баулы. Проверил – нет, на месте. Спросил одного тут – говорит, это Палыч рылся. Ни хрена себе!.. Вот тебе и "интеллигент"!.. Ну что ж, спасибо еще, что одеяло и свитер не забрал... Сейчас, вот только что, прошел по секции к себе и еще спросил, скотина: "А что, эту кроватку на место я, что ли, буду двигать?"...

15–10

И еще одна новость, последняя. Совсем добившая... Пришли двое, попросили нож, я полез рукой под раму шконки, где он очень удобно хранился, прикрепленный магнитом, – а ножа нет! Эта сука Палыч, значит, забрал его!.. Ах ты, тварь!.. Так обидно это, слов нет, столько он у меня держался, столько шмонов прошел – и вот... Сука!.. Тварь! Будь ты проклят!.. Остался маленький запасной, но и это, понятно, ненадолго; да и – плохонький он, из очень тонкой стали, сломаться может в любой момент, и ржавеет быстро... И негде взять новый, сейчас тут весь барак бегает за этими заточками, у меня одна из последних оставалась...

А м.б., "сдали" просто ему, выдали эти твари место, где я хранил? Сверху ведь его видно не было. Что ж, все может быть...

Первая крупная потеря при шмоне за полтора года – с тех пор, как в мае 2008 г. выгребли мои бумаги и дневники...

12.11.09. 10–52

Четверг, банный день. "Генеральная уборка" началась с самого утра, еще до завтрака. Она у них так же похожа на погром, как и шмоны, – погром тщательно спланированный и организованный. Все тумбочки из проходняков вытащили в главный проход секции, все баулы и коробки посылочные из–под шконок позатаскивали на шконки, туда же и табуретки кверху ножками... Сильное зрелище, я вам доложу!.. :) Драили пол с мылом, а потом вытирали насухо. В "фойе" сняли со стены огромную, чуть не во всю стену, "картину" (мазня), все прочее, поменьше, что там по стенам висело, – и заставили "обиженных" остервенело драить эти стены и, кажись, даже потолок. То же – в маленьком предбанничке, где дверь на улицу. Идиоты, можно подумать, здесь печи по–черному топятся, или костры жгут, на стенах как будто тонна грязи... Я еще могу понять – делать такую уборку раз в год, но драить тряпками стены и потолки каждую неделю!.. Психоз чистоты, короче; и он тут у очень многих.

До меня тоже сперва пытались докопаться, – мол, выдвигай

тумбочку (–ки), пусть там вымоют. Потом мразь–“козел” заблеял опять: мол, все “сидора” и коробки убирайте в каптерку, “Палыч сказал”! Я сижу, готовлю себе завтрак, потом ем, пью чай, – а в рот не лезет ничего, нервы напряжены, жду, что они поволокут первое – тумбочку с моим завтраком на ней или баулы из–под шконки.

Но все как–то обошлось. Вопреки всем строгим запретам, в проходняке моем даже подмели и помыли. :); правда, мели очень плохо, – вон, горелая спичка и еще какой–то мусор так и валяется под соседней шконкой. Народ поубирал свои сумки и коробки опять под шконари, и есть слабенькая надежда, что и на этот раз их выносить/выкидывать все–таки не будут.

В баню сегодня не пошел, – пока там не вставят стекла, буду ходить через раз, не чаще. Те, кто пошли сразу из столовки, после завтрака, – помылись, а кто пошел позже – вернулись ни с чем: говорят, “нет воды” (типа, насос ее не качает, технические проблемы там какие–то). Когда перевели на 11–й в сентябре, я сперва радовался, что можно ходить в баню сразу после завтрака, потом весь день свободен. Но если и дальше будут такие вот погромные “генеральные уборки” под командованием “козлов” и с угрозой потери всех вещей в баулах – то в это время надо сидеть тут, на шконке, и охранять их. А позже, – кончается вода. И как быть, как выйти из этой ситуации – неизвестно...

Надо будет попробовать сегодня после обеда зайти в штаб, к этому их “юристу”, и все же еще раз попытаться оформить доверенность на Глеба Эделева.

17–26

Ну ж был денёк! Обед – дикое, немыслимое унижение (для того, кто способен его понимать и чувствовать). На второе давали картошку, и я пошел за тарелкой, чтобы взять поесть. Но – идут и идут заготовщики с разных отрядов, берут и берут огромными стопами, забирают всё, что успевает намыть какой–то дряхлый старикашка, которого поставили на эту мойку. Прошу раз за разом: дай мне одну, одну! ОДНУ!!! тарелку, – нет, не реагирует, упорно складывает их, чистые, в стопы – и отдает все заготовщикам. На меня – ноль внимания.

Минут 20, наверное, стоял, ждал, уже несколько отрядов успели за это время получит свои миски. Унизительно же так вот стоять – ждать и ждать бесконечно эту несчастную, по закону тебе положенную миску баланды. Плюнул, ушел. Так и не поел я сегодня столовской картошечки, – не судьба!.. :)

Пошел сразу в ларек. Накупил всего, потратил слишком много денег, но – все на себя. Возвращаюсь – звонит (!) по телефону “телефонист” и говорит, что умирает без чая (чифира),

пойди, мол, хоть пачку чая купи, пока открыто, до 4–х часов. Но уже понятно было, что пачкой чая тут не обойдется… Да еще один, сосед напротив, у окна, за грабежи и убийства сидящий уже почти 30 лет, но – по виду и обращению – хотя бы мало–мальски интеллигентный, – тоже стал просит пачку чая и карамели, – мол, д/р у него послезавтра, а нет ничего. Вдруг еще что понадобится мне, а обратиться вокруг ну совсем не к кому, – пусть хоть этот будет, хоть с кем–то какие–то более–менее человеческие отношения (хотя какие они люди, конечно, грабители эти…). “Телефонист” прислал своего дружка–соседа – конечно, тот просит 100 рублей! Пошли с ним, потратил я на этого и на того еще 151 рубль – в сумме за день, значит, 582 р.! Охренеть…

Пришел в барак, полежал, хотел уже собираться в штаб к “юристу” – вдруг звонит из штаба Палыч, вызывает срочно на комиссию по УДО. Вот это да, как все совпало. Одеваю под телогрейку робу, иду.

Юриста, узнал там, сегодня не будет (почему, неизвестно. Не утруждают они себя работой, с ног не валятся от перегрузок…), только через неделю. Весь коридор штаба забит зэками в робах, вызванными на комиссию, и – отрядниками. Чуть не всех отрядов начальники тут, и все они, кроме отрядника 6–го, – в синем новеньком камуфляже с ног до головы и в “меховых” офицерских шапках. По фильмам ли каким, по теленовостям, и пр. – но сразу при виде людей в камуфляже и тельняшке под ним приходит мне на ум Чечня, как будто я сам там был и их там видел – вот этих палачей и садистов в камуфле и тельняшках, проводящих “зачистку” женщин и детей в разрушенном селе… Такая глухая, утробная, инстинктивная ненависть к ним от одной этой мысли поднимается со дна души, – ей–богу, своими руками, лично расстреливал бы их, косил бы очередями… А тут как раз они кругом, в камуфле – отрядники эти. Ладно, стою.

Прекрасно я понимал, идя туда, что все это – и их “комиссии”, и их “суды”, ходатайства, характеристики, все их бумажки и процедуры, – все это чистая туфта, комедия, фарс с заранее расписанными ролями и заранее же известным результатом. Понимают это прекрасно и они, тем более – во главе комиссии и стола сидел Макаревич. Он встретил меня достаточно нелепым (сказать, что ли, нечего больше было?…) замечанием, что я несколько похудел с тех пор, как он видел меня последний раз. (Ну да, если в столовке кормить перестали, миску картошки – и ту получить не могу, – так и не удивительно!..) Мразь Одинцов, опер, сидевший тут же, моментально, как только я оттарабанил “доклад”, спросил, почему это я небритый, вид такой неопрятный. Бриться я собирался только через 4 дня, 16–го, да и вызвали

“срочно”, все равно бы не успел, – и, посмотрев там, в штабе, в зеркало, не сомневался, что они к этому придерутся. И срезал заранее подготовленным вежливым контрвопросом: “Извините, а станки кто–нибудь выдавал?”. И не только станки, а всю эту несчастную “гуманитарку” – “гигиенические наборы”, положенные по УИК и не выданные в этом году уже 2 раза – в апреле и в октябре. “Я вам завтра из дому принесу”, – стандартно ответил Одинцов, но другие (“Макар” в том числе, кажись) зашушукались между собой на мое замечание, что 2 месяца уже не выдают, – мол, надо будет начальнику по тылу сказать... Что ж, и то польза от моего посещения их “комиссии”. :)

Сам же разговор по существу был очень коротким. “У вас есть непогашенные взыскания?” – то ли сообщил, то ли спросил “Макар”. “Есть”, – подтвердил я. – “Поэтому администрация не поддерживает ваше ходатайство”. Дальше несколько ритуальных фраз, что, дескать, остальное все зависит от суда и решать будет суд. И все. Finita la comedia. Можно идти в барак. :)

13.11.09. 9–15

Свет вырубили еще до всякого подъема, в 5–15 утра. Зарядки, естественно, не было, но завтрак был, пришли даже блатные, которые никогда не ходят. Я позавтракал, как обычно, бутербродами с колбасой, только вместо чая пришлось пить вчерашний ларьковский сок, “мультифрукт”. Обновил, кстати, новый нож – большой, из гибкой металлической полосы, с деревянной толстой ручкой, – и пользоваться неудобно, и прятать; барахло, короче. Света не будет – кто говорит, до часу дня, а кто – до вечера. Во дворе уже жгут костер, загородив его от ветра двуручной дворницкой снеговой лопатой и фанерными листами.

15.11.09. 8–54

Воскресенье. Прошла 71–я неделя до конца. Отмечена она была 2–мя событиями: смешным отказом “комиссии” насчет УДО и – исчезновением кошки Маньки. Вот уже 3–й или 4–й день ее нет, и это неспроста. Позавчера, в пятницу (ее не было весь день, с ночи четверг/пятница, кажись) наиболее злобный “козел”, бесноватая мразь, закатил тут чуть ли не целую истерику – искал Маню по секции, под шконками, в “фойе” и т.д., чтобы убить. Настроен он был очень решительно, если бы она в этот момент попалась ему в руки – он убил бы ее, сомневаться в этом не приходится. Все его подголоски, включая другого злобного “козла” (обещавшего мне “месяцок” в ШИЗО :), дауна–уборщика в соседнем проходняке и даже мелкого злобного пропитого старикашку, моего соседа по шконке, – конечно же, активно поддерживали идею убийства несчастной Маньки и даже

помогали ее искать. Предлог был выбран очень простой: утром того же дня эта “козлиная” братия получила посылку, там была и колбаса; а вечером 1 батон колбасы оказался (якобы) погрызен кошкой.

Логическими рассуждениями и поиском реального виновника они себя не утруждали. Кошка сожрала?! Погоди, какая кошка?! Ага, стомахинская!!! Убить ее!!!!! И начались поиски и остервенелая ругань по адресу не столько кошки, сколько меня самого. Типа: я ее выброшу отсюда; и его самого бы выбросил с удовольствием!.. Только вот ручонки коротки; приходится отыгрываться на кошке.

Но нельзя не подивиться природе, ее возможностям, – в частности, тем, что она заложила в обычную кошку, в Мусю. :) Еще вечером накануне этого скандала, точнее, в ночь, она ушла – и вот не появляется 3–й день. Бывали у нее загулы и раньше, но все же не такой длительности, да и то чаще весной. (А если за ней гнались коты, так она именно ко мне на 13–й, на шконку, под мою защиту, и прибегала.) Вчера вечером старый алкаш, иногда еще носящий ей “грев” из столовой, пришел с известием, что Маня живет на 10–м, ее видели там. Теперь я уже не сомневаюсь, что каким–то своим чутьем, кошачьим “6–м чувством” она заранее почуяла опасность для себя – и ушла, и не появляется, пока эта опасность остается. Жаль только будет, если получится так, что она ушла насовсем и больше нам с ней не быть вместе. :)

15–49

Животное, которое живет в соседнем со мной проходняке, тот самый даунический уборщик–заготовщик, – это как раз та самая “тетя Мотя” у Стругацких, классический ее образец. Страшно завистливое, любящее халяву (меня и ненавидит за то, что я на халяву колбасой не “угощаю” :) , страшно же наглое, самолюбивое, хвастливое, – будучи ничем, абсолютным нулем, пьянью, дауном, люмпеном, мнит себя пупом земли и постоянно это подчеркивает. Давай какую–нибудь мелочь, хоть кусок столовского хлеба, кому–нибудь, обязательно громко и торжественно добавляет: “Пока я добрый!”. Кто–то что–то хорошо приготовил (на бараке, но из убогой столовской снеди) – “Умеет готовить и умеет МНЕ угодить!”. И ржет, наглая тварь. Самой смешно. При малейшей возможности – о себе, громко и пышно. Вот они – кто был ничем и стал всем. Такие руководили комбедами в 18–м и раскулачиванием в 30–м... Мрази...

А ЧТО вспомнил Стругацких – эти 2 быдляка, даун и старый злобный алкаш, мой сосед по шконке, заядлые любители смотреть фильмы в “культяшке” (делать–то нечего, скучно), друг у друга часто интересуются, ЧТО там идет. Даун пришел после

обеда, спросил хрыча. “Да мура какая–то!”. Тот не расслышал или не понял, пришлось повторить: “Мура! “Обитаемый остров”...”. Даун, слышавший, видимо, только про “Необитаемый остров” (читать, конечно, не читал, но фильм мог смотреть), тут же громко и презрительно возгласил: “Они бы еще “Дети капитана Гранта” Жюля Верна смотрели!.. Кого сажают!.. Дети!..”. Пошел все же посмотреть, вскоре вернулся и так же презрительно сообщил: “Сказку смотрят! Детский сад!..”. Что остается сказать нам Борису Стругацкому, еще живому соавтору одного из крупнейших произведений русской литературы XX века, повести “Обитаемый остров”? Только процитировать гениальные строчки Нестеренко, они как раз буквально сюда подходят:

“И что тебе, писатель,
Ум, гордость и краса?
Иди, корми, приятель,
Помоечного пса.”

16.11.09. 18–50

Зима. Мороз. С конца октября – все зима, снег, лед, лишь несколько дней оттепели было. В темноте, в 7–м часу вечера, по сплошному катку “большого продола” (что–то типа площади небольшой) нестройной цепью подходим к столовой – на ужин. Горят фонари, но неяркие, в “локалке” столовой. Ворота открывает здоровенный парень из СОПиТа. Напротив, дальше за столовским двором, в темноте дымит высоченная труба бани, и дым стелется низко, параллельно земле. “Мусора” стоят на крыльце столовки, один, кажись, кого–то шмонает на выходе.

Это – зима 2009/10 в Буреполоме. Здесь, в уголовном лагере, я жил эту зиму, как и прошлую, и следующую, и каждый день входил в эти ворота, по этому льду, мимо знакомых уже давно в лицо “мусоров”, и смотрел, дымит ли труба бани. Этот лед, дым, темнота, это ощущение опустошенности, потерянности и безмерной усталости, общей бессмысленности и никчемности всей жизни – останутся со мной навсегда...

17.11.09. 14–20

Что ж, поймал сегодня наконец этого хмыря Палыча, когда он был один в своем кабинете. Сказал ему про столовую. Он что–то писал в это время и слушал меня с явным безразличием. Я спросил, может ли он как–то урегулировать сложившуюся ситуацию. “Урегулируем”, – сказал он тихим и совершенно бесцветным голосом. Я вышел, а он через несколько минут ушел с барака. Разговор был перед утренней проверкой. В обед – все то же: ни хлеба, ни баланды: хорошо, после довольно долгого стояния удалось–таки взять в окошке миску и поесть столовской

картошки. :) Что ж, посмотрим, как он “урегулирует”...

18.11.09. 6–39

Все–таки, надо отдать должное, он попытался вчера урегулировать проблему столовки. Проходя вечером по секции и видя, что я ем (как раз был мой ужин между двумя проверками), спросил: “Стомахин, вам выдали сегодня на ужин?”. – “Нет”, – сказал я. Палыч тут же, при мне, выговорил что–то двум стоявшим как раз около него заготовщикам. Но перед самой проверкой, когда я гулял по двору, из там же гулявшей под руку троицы заготовщиков их типа “старший” (по возрасту в том числе, и он же старший шнырь блатных на бараке) издевательски сказал мне при встрече: мол, ты жалобу прокурору напиши. А после моего ответа, что обязательно напишу и прокурору, и всем, кому только можно, заявил: все равно будешь сам себе “снимать” (так они называют получение хлеба, баланды и пр. в окошках), это я тебе говорю!..

Я и не сомневаюсь в этом: шнырей, эту наглую мразь, да еще получившую жесткий приказ от блатных, так просто даже администрацией зоны не взять. Через полчаса это, несомненно, подтвердится на завтраке. Что ж, будем бороться дальше...

А безумная зима все продолжается. Первое, что увидел, выйдя на зарядку, – столбы пара из окон. Нос слипается от вдоха – значит, мороз градусов 15, а то и больше. Страшная, тяжелая, голодная и холодная буреполомская зима...

Осталось мне тут 487 дней.

15–55

Нет, к полному моему удивлению, Палыч таки наладил мне столовую, прямо с первого же раза! Утром уже подали завтрак (перловку), – я, не веря глазам, решил подождать до обеда. :) Обед тоже подали! Весь!! :) И хлеб, и суп (довольно приличные щи, я съел), и второе (опять та же перловка, но с намешанной килькой, – отдал соседу по столу, как и утром). Итак, проблема решена без боя и потерь?.. (Что–то слабо в это верится.)

На улице потеплело, нос у меня при сильном вдохе уже не слипался. В 11–м уже часу утра был шмон на 3–м, – в окошко предбанника я видел опять это нашествие “мусоров” в голубом камуфле на “продол”. Очень неприятное, жутковатое, прямо скажем, зрелище. Легкое нервное потрясение переживаешь каждый раз, – ведь неизвестно, куда они попрутся, и поневоле ждешь, что сюда. Выкидывали тоже с 3–го, говорят, щиты. Будут шерстить дальше по “продолу”, дойдут и до нас? Несомненно, но очень хотелось бы знать, как скоро.

Постепенно, понемножку, незаметно начал задалбывать, и сильно, сосед на 2–м ярусе шконки, он же и по столу. Цыган, 20

лет, были предСДиПом 12–го, потом бригадиром мучного склада (зачем мучному складу бригадир? :). Дал мне сегодня прочесть свой приговор. 162–я статья; летом 2007 в Нижнем, пьяные, втроем с девчонкой 1983 г.р. (2–е детей на тот момент уже) и парнем моложе (этому 17, тому – 14, но более младший приходится моему соседу родственником – ...дядей!.. :) напали ночью на улице на женщину, били ее пивными бутылками по голове, сбили с ног, пинали ногами и т.д., чтобы отобрать сумку; в сумке были 2 мобильника и 500 р. денег. Вот такая вот мразь. Только и способны – пить да нападать толпой на слабых, на женщин и пр., чтобы ограбить и награбленное тоже пропить. Нечисть. Не сажать сюда, на казенный кошт, а аннигилировать сразу же таких надо...

Так вот, этот мой соседушка (вроде не дебил, но довольно агрессивный) дружит с другим цыганом, 25 лет, который до раскидки 7.10.09. был тоже на этом бараке, сейчас числится на 8–м, но реально живет все равно здесь, на 8–й ходит только на проверки. У этого второго есть свой телефон. И вот они вдвоем забиваются в мой проходняк (где младший формально тоже живет, и захочешь – не выгонишь) и часами, днями, сутками напролет трещат по этому телефону со своими девками! И знакомыми с воли, и с теми, с кем познакомились по телефону отсюда, чтобы разводить на деньги, другими именами даже им представляются. Трындят и трындят часами, с одной, с другой, с третьей, по–русски и по–цыгански; сил нет!!. Трубку при разговоре то и дело передают друг другу; кто–то что–то не то сказал (а то и просто так, когда не на проводе) – начинают драться, тузить друг друга (в шутку, конечно, без повреждений), валяться и кататься, сцепившись, по шконкам, и т.д. Сюда же, к весьма популярному этому цыгану с телефоном, приходят постоянно другие – от блатных до шнырей – просят его дать позвонить и тоже норовят усесться болтать здесь же, в моем проходняке.

Ладно, что они своим постоянным трепом и возней не дают мне ни работать толком (работы сейчас мало, дневник переписан весь еще 4 ноября!), ни читать (кроме Ницше, читать сейчас нечего), ни есть утром и вечером. Прежний сосед по проходняку, СОПиТовец с нижней шконки, от этого “табора”, как он выразился, перебрался на другое место, вглубь секции. Пришедшего на его место “табор”, оказывается, знает. Вместе усаживаются “чифирить” как раз когда я ужинаю, между проверками (вчера). Или – его нет (он СДиПовец и весь день на работе), но приходит еще один – тоже дружок моего соседа, русский, тоже лет 18–20 пацаненок, подметальщик полов в

блатной секции, примитивный, простецкий, быдло быдлом, своего нет ничего – ни курева, ни чая, вообще ничего...

Так вот, из всех их мой юный сосед – грабитель – самый наглый и беспардонный. Сперва стал клянчить потихоньку сигареты, т.к. больше нигде найти не может (своего тоже нет ничего). Ладно – сам не курю, не жалко, – даю. Но дальше – больше. Вчера (вечер) “чифирят” – “дай нам что–нибудь сладкое, “разломиться”” (заесть свой горький мерзкий чифир) – клянчит это наглое чмо. Ладно, даю, – а кроме хорошего шоколада, ничего сладкого больше нет. Для них, подонков, мать этот шоколад покупала!.. Сегодня с утра – опять клянчит “разломиться”. Говорит, что “последний раз”! :)))))) Обещает давать мне звонить с телефона своего дружка – а как раз нужен еще один постоянный вариант, т.к. это наглое чмо, домушник, на чей номер мать постоянно звонила, не только отказалось меня позвать, но и хамски облаяло ее... Ладно, скрепя сердце, даю еще кусок шоколадки, – не целую же им давать!..

И вот – час, или около того, после обеда сидели, трындели тут с какой–то цыганкой по телефону. Потом их стали выгонять и ворчать “козлы” – ушли трепаться в “курилку” (предбанник) или уж не знаю куда еще. О том, чтобы дать телефон мне, не возникло даже речи...

19.11.09. 9–45

Четверг. Бани опять нет, – как же, вечная экзистенциальная проблема: нет дров!.. :) Ну и черт с ней, с баней!.. Зато есть традиционный теперь по четвергам погром – т.н. “генеральная уборка”. Будьте вы все прокляты, суки!.. На этот раз они вытащили и “мои” 2 тумбочки, едва я успел порезать остатки колбасы себе на завтрак. Вытаскивал шнырь–“дневальный”, по 100 раз в день лазящий в верхнюю тумбочку за хлебом, чайником, ложками своих хозяев–“козлов”, и пр. Слава богу еще, что он же и впер их потом на место: я попробовал было подвинуть свою, даже вынув верхний ящик, – тяжелая, сволочь!..

Еще новшество: всех из секции “козел” и (вначале) завхоз выгоняли на время уборки в “культяшку”! Спасибо еще, что не на улицу!.. Меня, правда, ни тот, ни другой выгонять даже не пытались, понимая, должно быть, что я все равно не пойду. :) А когда один из стариков тоже пришел и лег на шконку, как лежал я, – “козел”, выгоняя его (но безуспешно), пригрозил ему следующим: “сейчас, мол, я вообще остановлю уборку и пойду “подойду” к блатным...

Вообще же, режим все ужесточается, это заметно во всем. С сегодняшнего дня СДиПовцам предписано выходить на зарядку (и делать ее, видимо!), со двора на работу их теперь выпускают

(СДиПовцы же, но ночные) только в 6–20, после зарядки. На зарядку приперся Палыч, и под его строгим оком СДиПовцы таки начали делать некое подобие зарядки, да и “обиженные” тоже. Большинство, разумеется, не делало, но – при начинающихся новых порядках именно “упражнения” зарядки, которые я делать не буду никогда и ни при каких обстоятельствах, видимо, могут стать тем камнем преткновения, с которого закончится мой “облегченный режим” с ежемесячными свиданками и начнутся отсидки в ШИЗО. Что ж, пусть...

Сейчас, в 11, надо идти к “психологу”, как всегда перед УДО. Но свободно можно и не ходить, т.к. результат “суда” я знаю заранее. А в 16–30 – опять к “юристу”, которого (–й) не было неделю назад, – безнадежно пытаться заверить эделевскую доверенность...

Созвониться с матерью вчера так и не удалось за весь день.

15–58

Опять безумные гонки по вертикали... К психологу не пошел, и никто даже не вспомнил об этом – ни “козлы”, ни сами психологи. Но – после 11 утра случился обход Макаревича со свитой по нашему “продолу”. Сам “Макар”, Русинов, Демин (нач. санчасти) и еще какая–то шваль – толпой. Начал он на 11–м с того, что сломал дверь в каптерку (я потом заглянул – дверь вынесена, ее нет); в нашей секции – сразу как вошел – поперся в чей–то проходняк, нашел там пакет с какими–то вещами – и лично пинал его ногой по всей секции с криком, почему, мол, вещи хранятся под шконками и мешают “наведению порядка”. Будет теперь с чьего голоса петь всем этим подметальщикам и “козлам”!.. Моих вещей под шконкой, к счастью, не заметил, да и вообще на меня не обратил внимания. Зато в крайнем у двери проходняке “козлов” нашел что–то (лампочку, или проводку, или еще что–то такое – я не понял точно) и опять разорался. Видимо, на чье–то замечание, что тут уже обыскивали, или что–то такое – орал, что, мол, лучше, чаще надо искать и – цитата! – “Начинайте свой рабочий день с обыска!”. Прямо золотыми буквами можно это писать на лозунгах и знаменах, как когда–то сталинские изречения. Мразь!.. Животное; бешеный кабан, с которым пуля между глаз – единственно возможный разговор...

Очень тяжелое чувство и от появления этой хари, и вообще от всего происходящего. Макаревич с его вечной борьбой за вынос сумок в каптерку; блатные, “козлы”, заготовщики (хоть с ними пока и уладилось)... Общее ощущение: обложили. Вокруг – кольцо ненависти. Мне не привыкать, я со школы так живу, там тоже портфель все время держать и сторожить приходилось; но все равно это тяжело. Дышащая, утробная ненависть – их ко мне и

моя – к ним. Как ответ. Напалмом бы выжег, перестрелял бы их всех. Трусливое быдло, рабы, падаль. Топтать слабого – это все, что они могут. Такое чувство, что еще немного – и я не выдержу; если “Макар” хоть что–нибудь мне скажет про вещи про вещи под шконкой, или еще про что – я просто брошусь на него, ударю своей (эх, жаль, деревянная!..) палкой; уж по крайней мере – скажу ему в лицо все, что я о нем думаю и что с ними со всеми надо сделать... Последний год просижу под “крышей” – ну и хрен с ним. Я уже начинаю даже сам хотеть этого. Наступает момент, когда чаша переполняется и ненависть потоком хлещет через край...

Сходил к запасному варианту сейчас, после ларька, за двое суток впервые позвонил матери. Сейчас пришел – “козел” (мразь, любит командовать и “наворачивать режим”) говорит, что в 5 часов придет опер Демин с обходом (ему–то зачем?..) – мол, быть всем “по форме одежды” и сидеть в “культяшке”, не мозолить глаза. А пока пишу эти строчки – “мусора” прутся и прутся один за другим на наш “продол”, “дальше по продолу”. “Облава, что ли?” – говорят около меня быдляки... Демина, надеюсь, я не застану – сейчас, в 16–30, пойду в штаб к “юристу” с эделевской доверенностью.

17–17

Сходил, отдал. На удивление, взяла она без слова, обещала, если начальник подпишет, отправить. Но подпишет ли он – большой вопрос. Если нет – обещала мне сообщить.

Демин был там, в штабе. Пришел в барак, разделся, еще не успел ботинки снять – всех принудительно завхоз и “козел”– ночной сгоняют в “культяшку”. А там – Палыч, а Демин – по данным стрема – тоже к нам на “продол”, но дальше. А Палыч – с лекцией, – я так и думал, что начесал ему сегодня холку Макаревич, встретив после обхода на улице. Думал – ну, сейчас опять начнется про “сидорА” и каптерку, побегут гуськом, как всегда, понесут... Но – нет: Палыч прочел сперва вслух раздел из ПВР об “обязанностях осужденных” и сказал, что ни одним из присутствующих они не выполняются. А про “сидорА” в этом разделе не сказано! :) Про зимние шапки, у кого их нет; про школу; про уборку территории; про какие–то срезанные плафоны в предбаннике, и т.д. В общем – объявил – с понедельника начинается новая жизнь. Роман Адольфович, мол, мне (Палычу) на ушко нашептал, что я должен работать с 6 утра до 9 вечера. А вы, мол, будете тогда все это время, кроме завтрака, обеда и ужина, здесь, на бараке, и не дай бог на каком–то другом, и спать ложиться только в 9 часов (в 10, наверное, хотел сказать :). Вот так–то вот. Новая жизнь. :))) Удивительно она почему–то

напоминает старую, советскую. Как жаль, что мне есть что терять – от свиданок до вещей, – все это камнем висит на шее и не дает повоевать с этими макаревичами здесь, как они того заслуживают...

21.11.09. 6–45

Все туже и туже сжимается кольцо, уже нечем дышать... Блатные, "козлы", макаревичи и пр. – обложили со всех сторон, и деваться мне некуда. Режим, режим... Вчера уже не только завхоз, но и блатные сами себя :) и прочих, кто там был, выгоняли в 10–м часу вечера из "культяшки" на улицу – как раз когда шло "Время", а за весь день новости там не посмотришь – с утра до вечера фильмы и клипы по DVD. Выключили, как обычно, телевизор, беспардонные твари... Я пошел, лег к себе на шконку – времени не было еще и 15–ти минут 10–го. Но одна из этих блатных мразей – старше меня, здоровая, драться с ней было бы трудно – пошла и в эту, "красную" секцию и стала уже тут (где сама и близко не живет, – казалось бы, ЧТО тебе...) докапываться до всех, у кого есть постельный, у кого нет, – чтобы все, у кого его нет, тоже бежали на улицу.

Докопалось это наглое чмо и до меня. Я, как обычно, сказал: "Успеется". Чмо, естественно, взбесилось и поперло на меня. Повторилась в общих чертах сцена сентября 2008 г. на 13–м, когда бешеное шимпанзе тоже выгоняло всех в 9 вечера на улицу, – с той только разницей, что это чмо по–русски все же говорило и понимало нормально и агрессивно было все же не до такой степени. И – как и при наезде блатной мрази с 10–го 27.4.09., – на мой спокойный, вежливый отказ беспрекословно подчиняться любым приказам блатных оно отреагировало стандартной фразой: "Ты чё такой наглый, а?!". То есть, любой отказ беспрекословно повиноваться их диктату, любая попытка отстоять свои права кажется этим бандитам неслыханной наглостью. Как на высший, непререкаемый авторитет оно ссылалось на то, что вот, мол, барак собирали в "культяшке" (не знаю уж, когда, меня никто не звал и я на этом их сборище не был) и там "говорили за" (не "о", а "за" :) то, что вот, мол, надо всем выходить в 9 вечера на улицу, чтобы можно было убрать и проветрить. Чем я мешаю проветривать, лежа на шконке, правда, непонятно. Вот, мол, "все" решили и выходят. Мой вопрос: "А ЧТО мне все?" – привел эту животину в ярость, но и в замешательство – ответить на него внятно она не смогла. Зато, конечно, угрожала, что со мной будет "другой разговор", как обычно. Т.е., будут бить морду. :) Ну что ж, пусть. Я разговаривал лежа, а эта тварь – стоя у проходняка; под конец она проявила агрессию, влезла в проходняк и нависла надо мной, заняв удобную позицию, чтобы в любой момент ударить по

лицу. Это когда в ответ на угрозы “другим разговором” и навязывания типа: “как тебе ЛЮДИ (:)) скажут, так и будешь здесь жить!” я не поддался и мягко и заметил, что у меня тоже найдется чем ответить. Тварь приняла это за угрозу, взбеленилась и поперла на меня. Что делать, пришлось встать. Хоть она и здоровая, тяжелая, повыше меня, но все же стоя на ногах – это совсем другой разговор :), чем нависать над лежащим. Так что, ворча свои угрозы, тварь быстро убралась восвояси.

Хуже, если они вместе – блатные и “козлы” – будут так вот, массированно, выгонять каждый вечер. Добавьте к этому еще и погромные “генеральные уборки” каждый четверг. В общем, не то что комфортное, а хотя бы просто мало–мальски спокойное существование в этом бараке становится невозможным. Хорошо еще, вчера опять потеплело, все капает, а как труситься каждый вечер по полчаса, плюс 15 минут сама проверка, когда будет градусов 15–20 мороза? И как уберечь свои вещи от разгрома и выкидывания невесть куда, уходя утром четверга в баню?..

14–19

Война, война, война. Ненависть, слепая и яростная. Кольцо сжимается, душит, цепкие когтистые лапы тянутся к горлу... Это мой бой в окружении, – в который уж раз здесь? и за всю мою непутевую жизнь? Сегодня перед обедом пришел домушник с телефоном, сказал, что мне звонили. Сидевший в этом проходняке цыган с телефоном, услышав это, взял его за руку, отвел в сторонку и стал что–то говорить. Все тут же стало ясно, мать вчера говорила, что он постоянно сбрасывает, когда она звонит. Вернулись, и домушник прямо при мне сказал цыгану: “Ну, я даю потому, что меня просят” (просит его телефонист”).

Когда я отзвонился и домушник ушел, я прямо спросил цыгана: “Что, сказали мне телефон не давать?”. Он смущенно подтвердил. Кто? – спросил я. – Люди. – Когда? – Позавчера. Т.е., это было еще до вчерашнего вечернего инцидента с блатным бандюгой, выгонявшим меня на улицу. Это было 19–го – и может вполне быть ответом на то, что с утра 18–го шнырям таки пришлось снова давать мне в столовой баланду. ОПГ “Люди”... :)))

23.11.09. 8–35

Хотел с вечера, после проверки, ни никак не удавалось, – все время тусовался там кто–то. Сколько их ждать? да и подозрение это вызывает... Сходил утром, в начале 6–го, пока все еще спали, очень удачно загрузил, как мне кажется. Ну что ж, теперь – 4 дня диких нервов и тряски. “Нервяка”, как они говорят. Все время вспоминаю Пашу Л. И его слова, что все будет нормально.

Сосед по проходняку у меня опять сменился, уже несколько дней. Вниз переложили бывшего (теперь уже) СДиПовца со

сломанной рукой, – того самого, что часто стоял на “посту” возле 13–го барака, так что мы с ним там были знакомы и разговаривали иногда. Когда СДиП перевели на 11–й, он спал наверху у окна, напротив меня. Потом исчез – говорили, что на санчасти. Вернулся – левая рука в гипсе. На первый мой вопрос отшутился: “Производственная травма”, – но потом рассказал, что, оказывается, избило его свое же СДиПовское начальство. За что? “За открытые локалки”. Действительно, на том “продоле” в том числе и на 13–м, да и тут на 7–м, часто бывает, что замок просто продет в петли калитки, но не заперт – издали не видно, а если идут “мусора”, СДиПовец успевает его снять. Били втроем, так что шансов отбиться у этого бедолаги было мало, хотя уже не мальчик, под 40 лет. После этого, сказал, в СДиП уже не вернется, а сидеть еще долго – до 16–го года...

Наглые, тупые, отвратные цыгане – сосед сверху и его дружок – все так же бесятся, дерутся, задевая меня ногами, так же весь день трындят со своими девками по телефону, и все время норовят этак невинно, по мелочи, взять у меня что–нибудь, – нож, салфетку, кусок хлеба и т.д. Старший, хозяин “трубы”, включив ее после ухода Палыча, лезет смотреть, кто за это время звонил, видит незнакомый номер, перезванивает туда и спрашивает: “Вы звонили на этот номер? Кого бы ты хотел услышать, земляк? У тебя кто–нибудь сидит в Буреполоме?”. Мужской голос называет ему мою фамилию, – я частью даже слышу ее из динамика, частью догадываюсь. В ответ эта харя говорит: “Я тебя понял, земляк!” – и разъединяет, ничего не объясняя “земляку” на том конце провода и, естественно, ни слова не говоря мне. Все это происходит прямо в моем проходняке. Здесь же это чмо тусовалось вчера уже и ночью, когда все, в том числе его дружок, уже легли спать, в 11–м часу. Дружку позвонила его девка, и этот принес тому телефон в постель. Пока говорили, пробилась 2–я линия; старший взял “трубу” у младшего, посмотрел, сбросил ее (2–ю линию) и отдал снова тому. Я не сомневаюсь, что это мне звонила мать, – за весь вчерашний день она так и не дозвонилась и еще не знает, что этому подонку “люди” запретили давать мне телефон.

Началась новая неделя, 69–я до конца. Осталось мне тут 482 дня. Прошедшая, 70–я, не была отмечена ничем особенным, кроме продолжающейся “тихой” (подспудной) войны с блатными, – я победил их в столовой, они в ответ обрезали мне наиболее доступную и простую связь (через цыгана). Началась 69–я – я жду шмонов, особенно в среду, и обдумываю, как же все–таки теперь быть с баней и ежечетверговым генеральным погромом. Убрать все наиболее ценное (столовую доску, скажем, и чайник) на

шконку, уходя на завтрак и оттуда сразу в баню? Или же просто сходить помыться в среду? Но утром в среду как раз возможен шмон, а после обеда – там толпа...

25.11.09. 16–35

Событий все не было, не было, и вот они, наконец, начались. Сперва – как я и ждал в среду – случился шмон. Слава богу, не у нас, а на 12–м. 14 "мусоров" рылись там на удивление недолго – всего час, с 9–30 до 10–25, но – как я узнал только что на другом бараке, там "пыхнуло" 3 телефона.

Ну, а потом, после проверки – ох, долго мы ее ждали! – случилась–таки ее величество Каптерка. Приказ завхоза в "культяшке" (где я не был) – и ублюдок–"козел" начинает лично вытаскивать из–под всех шконок баулы и коробки. Обоснование – что у него, что у завхоза – пойдет с обходом Макаревич; в то же время другие мрази ссылаются на некую опять "комиссию" (23–ю уже по моему счету с 14.11.08). И вот только что у "телефониста" мне сказали, что якобы совсем недавно комиссия эта уже ходила на тот "продол" – странно, я ни в бараке, ни на улице ничего об этом не слышал. Не туфта ли все это?.. :)

Чтобы мои 2 баула просто не выкинули куда–нибудь, я сам отнес их вместе с прочими в каптерку. Это тот случай, когда сопротивляться невозможно – требовалось бы сидеть на шконке и охранять их круглосуточно или, по крайней мере, очень долго.

Ну, отнес и отнес. Ключ, чтобы потом забрать, конечно, придется искать долго, но – завтра с утра генеральный погром, послезавтра мне на 3 дня на свиданку, – м.б., и сохраннее они будут там, в каптерке. Почти все срочно нужное на сегодня и завтра лежало у меня уже не в баулах, а в тумбочке, или за шконкой, или под матрасом. Но – как последний идиот, я забыл вытащить пакет с дневником и стихами, как всегда, срочно засунутый в баул при появлении шмон–бригады (я ждал и вторую – к нам). Так что теоретически дневники теперь могут пропасть; но – на самом деле неизвестно, где они 3 дня моего отсутствия сохранятся лучше, в каптерке или у меня под изголовьем.

Прихожу обратно в секцию – а мразь "козел" сидит и дербанит вещи у меня за торцом шконки, уже выволок банный пакет и активно тащит остальное. Я начинаю протестовать, он орет в ответ, что, мол, Макаревич вообще будет "весь барак поднимать", или как–то так он выразился, и это все, мол, тоже надо убрать. Ага, 10 разрозненных пакетов "убрать" – ищи их потом. Просто выбросят, и все... Я отнимаю у него банный пакет и прочее, маленько прикрикиваю на него, он бежит к завхозу. Прибегает завхоз и спрашивает, что мне, трудно до вечера убрать вещи? Я говорю, что уже убрал; а этот пакет – для бани; я ставлю

подушку стоймя, она закрывает все, что лежит за торцом шконки, да и в любом случае не полезет Макаревич туда. (Я тут сижу и не дам ему полезть, даже если он захочет.) Эта сука завхоз в ответ заявляет буквально следующее: ну ладно, но если Макаревич мне что–нибудь скажет – “я съеду, но все наши с тобой отношения в рот вы...тся!”.

Надо же! А я и не знал, что у нас с ним есть какие–то отношения! :)) Тем более, что “козлы”, упорно норовящие то убить мою кошку, то поднять меня со шконки и погнать работать (но этому не бывать! :) успешно заменяют вроде бы поутихшие малость после вмешательства телефонистова дружка–соседа придирки самого завхоза.

Но отдавать банный пакет мне было совсем не с руки: я как раз хотел сходить в баню! “Наш” день завтра; но, во–первых, она может завтра с утра опять не работать, как не работала сегодня утром; во–вторых же – хоть баулы и убрали, но все равно при утреннем четверговом генпогроме лучше присутствовать лично, – тут еще немало есть что громить. Так что надумал я сходить в среду (сегодня) после обеда, когда опасность шмона минует.

Перед обедом труба бани как раз задымила вовсю. Из столовки я пошел туда: работает только одна (отдельная, “блатная”) “лейка”; под ней моется куча народу, и одновременно со мной пришли еще трое с пакетами. Остальные “лейки” не работают.

Иду в барак, по дороге раздумывая: рискнуть сейчас (и ждать в этой толпе у “лейки” своей очереди, а Макаревич, м.б., тем временем и пройдет по бараку без меня, “не увидимся” :), то ли уж подождать до завтрашнего утра. Но внутренний голос, которого я последние годы привык слушаться, подсказывает: иди сейчас!

Пришел в барак, поразмыщлял еще немного, взял пакет, пошел. Как пригодился “свободный ход”, подписанный Деминым еще в апреле!..

Прихожу опять в баню, заглядываю в зал, – все “лейки” работают! Вот это удача!.. Пар такой, что ничего не видно, но народу вроде бы немного.

Начинаю раздеваться, и тут обнаруживаю, что я, идиот, забыл дома тапки (резиновые “сланцы”, как раз для бани). Несколько секунд думаю: тащиться опять в барак за ними или же идти мыться так. Внутренний голос подсказывает: черт с ними, с тапками, иди так! И правда: что я, не стоял сколько раз босиком на мокром полу в их грязной “шмоналке” во время шмонов? Вряд ли здесь пол грязнее; оботру потом ступни полотенцем, да и все.

И я первый раз за почти 2 с половиной года здесь пошел

мыться босиком, без тапок. Результатом этого стало то, что я первый же раз за все это время упал в бане, поскользнувшись на мокром полу, когда, стоя на одной ноге и упираясь рукой в колонну, поднимал вторую ногу, чтобы намылить.

Вопреки многочисленным уверениям и чуть ли не общепринятому здесь мнению, встать мне никто не помог, хотя на мокром скользком полу это не так–то просто. Перевернулся на колени и кое–как встал сам, хотя народу было человек 5–7, не меньше. Впрочем, в густом пару я не различал их лиц, и они тоже (кто меня знает) вполне могли не узнать. Ну и черт с вами, твари! Сдохните все поскорее, ублюдки, отребье уголовное!..

Ну и все, собственно. Вытерся, оделся, пошел в барак. Прихожу – все тихо, никакого начальства не слыхать. (Это когда ж они успели “на тот продол” – пока я был полчаса в бане, что ли?..) Съел рулет, купленный вчера за сигареты у одного старого курильщика, бывшего со мной на 13–м, сейчас он на 9–м. Жаль, в декабре освобождается, а то мог бы и дальше за сигареты покупать мне в ларьке жратву на свою пенсию.

До сих пор мне везло, все получалось удачно. Удачный день? Шило кололо в заднице: сходить к “телефонисту”, позвонить матери, а то когда еще она сама дозвонится сюда на единственный номер?.. (Владелец его после меня как раз тоже пошел в баню.)

Сходил, позвонил, попил у них с соседом кофе, поговорил. Отрядника их с утра не было, но был в столовке, как сказал друг–сосед. Иду обратно по “продолу” – и 1 “мусор” как раз заходит на “продол”, идет мне навстречу. 1– это не обход, да и по виду не похоже... Проходя мимо, я поздоровался с ним. Он нес что–то вроде папки, и, насколько я помнил их отрядника, виденного всего 1 раз мельком, на днях, – это он и был! Если так, то мне еще раз повезло – я успел выйти с его барака буквально за полминуты до его появления и не огрести новых рапортов, выговоров и пр...

30.11.09. 15–50

На улице – полная оттепель, грязь, почти весь снег стаял. Пейзаж совершенно мартовский или даже апрельский.

Дикий мордобой и драки в секции: “красное” зверье сегодня целый день лупит друг друга. Того 19–летнего здоровенного дауна (“шумоголового”), что был с нами еще на 13–м (и дразнил Сапога), потом на 2–м, а теперь здесь, “списали”, видимо, с посылочной, где он работал. Он теперь “сидит на бараке”, и начальство СОПиТа вознамерилось заставить его стать мойщиком полов в секции, да еще не шваброй мыть, а прямо руками. Тот сперва отказывался, но на него налетели председатель и бригадир СОПиТа – оба чудовищно, неописуемо злобные

отморозки не намного старше его, типичная уличная гопота. Стали его бить, и он сразу же согласился.

Пока я 3 дня был на свиданке, мой сосед сверху, 20–летний цыган–гопник, бывший уже предСДиПом на 12–м, надел этот же (вакантный) “косяк” и здесь. Моментально, уже сегодня после обеда, он начал показывать всем свою власть, ходя по секции и требуя от одного – натягивать “заправленные” одеяла на пустых шконках, от других – убрать в раздевалку все “тележки”, у кого они были на шконках, в том числе и у меня. Я отказался сразу и прямо ему в лицо. В конце концов пришел завхоз и – на его жалобы, что убирать не хотят – как–то умерил его бурную активность, разрешив 2–м старикам (а тем самым – и мне, хотя обо мне он не сказал прямо) лежать на заправленных шконках, накрывшись своими телогрейками.

Когда новый мойщик полов домыл секцию, новый предСДиП начал проверять его работу, тут же придрался что под шконками напротив меня тот плохо вымыл – и приказал перемывать все заново! Мойщик–даун то ли отказался, то ли не сразу изъявил готовность, то ли не захотел перемывать все целиком – но после минуты пристального смотрения друг на друга низенький цыган кинулся на здоровенного дауна.

В этот раз, в отличие от предыдущего, даун активно отвечал, вместо избиения получилась драка. Их быстро разняли и позвали обоих в “козлодерку”. Пока даун–уборщик (новый) искал под шконками потерянные в пылу битвы тапки – явился сам завхоз, решивший, что даун его “игнорирует”. Он в грубой форме наехал на новоявленного уборщика – видно сразу, что у всей верхушки “козлов” он считается тут существом презренным, и перевод в уборщики еще больше это презрение к нему усилил. “Руки стал распускать?!” – было одно из обвинений завхоза, как только жертва посмела ответить на нападение.

Этот же мерзкий завхоз прицепился сегодня утром как клещ – выклянчил–таки кусок колбасы из принесенной мной передачи. При этом уверял, что сам он относится ко мне нормально, а заставлять убирать вещи из–под шконок его, мол, заставляет Макаревич. Я сказал ему, что Макаревича с такими претензиями пусть он сразу посылает прямо ко мне. По крайней мере, после декларации его “нормального отношения”, выпрошенной сперва колбасы, а потом и сигарет (через дневального) остается хотя бы гипотетическая возможность обращаться к нему, чтобы он утихомирил своих не в меру ретивых шавок–“козлов”.

Да, свиданка сегодня, увы, закончилась. Прошла она неплохо, завели вовремя, не поздно, где–то к 11–30. Но – идиотизм редкостный! – утром 3–го дня, в 9 ч., велели всем со 2–го этажа

переезжать вниз, на 1–й. Мол, какая–то комиссия приехала, про пожарной охране, или что–то такое, и им надо освободить этаж. Даже дневального 2–го этажа выгнали тоже на 1–й

При этом – свиданка прошла в сплошном угаре: все три дня – чуть не круглосуточно, до усталости, до изнеможения – я читал номера The New Times, сперва – привезенные матерью, а под вечер 3–го дня, на 1–м этаже – еще и старые, за март–апрель 2009, данные Мишей, дневальным 1–го этажа. Плюс – читал 1–й том двухтомника Широпаева, по “наводке” Мани купленного в Москве Тарасовым.

Бред, конечно, нацистский, – 90% впечатления от прочитанного. Старые его статьи из “Я – русский”, 90–х еще гг., где он все поносит “чеченских террористов” и заявляет, что, якобы, чеченцы на самом–то деле вовсе не хотят отделяться от России, а хотят – “в составе” РФ грабить русских, тянуть побольше дотаций из Москвы, и т.д. Угу, это после всех “зачисток”, ковровых бомбежек, “спецопераций” и пр. Бред редкостный!..

Рациональное зерно, единственная интересная тема у Широпаева (чем он заинтересовал Маню), 10% смысла в его бреде – это то, что русские – изначально северный, нордический народ, родственный северным народам Европы, и т.д. О полном тождестве архангельских и шведских прялок он говорит, и т.п. Последовательно выступает на этой основе против империи, великодержавности, евразийства, Дугина и пр., – за отделение “государства Русь” от современной российской империи; государство это должно включать северные и северо–западные области, от Архангельска до Кенигсберга где–то, со столицей в Новгороде.

В общем–то, одно–единственное рациональное зерно во всем этом – то, что ради создания этого “русского арийского государства” можно и нужно выступать против “территориальной целостности РФ”, за свободу отделения от нее этой самой “Руси”. Но – это и всё. Про то, что изначально русские – арийцы, северный народ, язычники, варяги, “солнечные” люди и пр. – все это, конечно, лишь красивые сказки и сусальные пряничные мечты, ибо на самом деле ничего этого в реальности нет уже лет этак 400. Были “нордические русские–арийцы”, да сплыли после того, как татаро–византийская Московия уничтожила, проглотила, сожрала Новгород как бифштекс с кровью... Утопия, красивая сказка, сон о далеком и потому уже смутно–неразличимом прошлом. Но – если “нордические русские” на северо–западе РФ хотят отделиться, а имперская путинская Москва им не дает – что ж, их можно поддержать . :)

Еще, кстати, любопытно отметить про себя, что об этом же древнем “нордическом”, новгородском прошлом русских как нации пишет частенько и Новодворская. В чем–то они с Широпаевым стали симметричны, придя с разных сторон к этой теме. Но – конечно, Лера больше акцентирует на вечевой демократии Новгорода, на равных входившего в Ганзу; и на близость этого Новгорода XIII века НЫНЕШНЕЙ, либеральной (а также во многом и левой, увы) Европе, а не “Европе Ле Пена и Хайдера”, как Широпаев. И уж конечно, ни открытый национал–социализм его, пассажи о национальном социализме, о принадлежности основных отраслей экономики государству, как и идея о запрете в будущей новгородской “Руси” смешанных браков как “угрожающих праву русской нации на жизнь” не являются приемлемыми абсолютно.

Пока писал все это, пришел с обходом Окунь (“мусор”) и забрал с собой новоявленного уборщика–дауна, битого сегодня, на “контрольную”. Видимо, уже донесли о недавней драке?..

А какая тоска, какая душевная боль, мУка и стремление прервать сою опостылевшую, ненужную, бессмысленную жизнь были у меня сегодня с утра, перед выходом со свиданки и расставанием с матерью, – об этом я не буду даже писать. Об этом я и так пишу здесь практически после каждой длительной свиданки.

17–51

М–да, оказалось все не так безоблачно. :)) Оказалось, меня опять обокрали, пока я был на свиданке! :))) Еще когда пришел – сразу заметил, что и под изголовьем, похоже, рылись, все лежит кое–как; и хлебный пакет висит над изголовьем не на том крючке, на который я всегда вешаю, и на одной ручке–петле вместо двух. Но как–то забыл об этом, не придал сразу значения.

Однако дальше – больше. Порылся сам за изголовьем, где много чего лежало – сперва, смотрю, пропал рулон туалетной бумаги, а пустой пакет, в который он был завязан, валяется, развязанный, за тумбочкой. Потом, постепенно, выяснилось, что пакет с 4 или 5–ю блоками сигарет, привезенный матерью еще на прошлую свиданку, украден весь полностью. Пакет, вдвое обернутый, где лежали 10 “Биг ланчей” из ларька, прогрызен как будто крысой, и через эту здоровенную прореху бесследно испарились 2 пачки лапши. А уж когда я увидел в лапах нового предСДиПа–цыгана свои щипчики для ногтей, те, что побольше (из 2–х) – я при “телефонисте” (явившемся, разумеется, за своим кофе, моей колбасой и пр.) полез туда, где их держал, – нету! Я тут же, при “телефонисте” же, спросил цыгана, где он их взял – он сказал, что у второго цыгана. Пришел тот, я спросил и у него, –

он сказал, что, мол, спроси кого хочешь – они уже год у меня! Но, разумеется, двух совершенно одинаковых щипчиков в этой секции быть никак не могло, таких случайностей не бывает. Т.е., теперь совершенно ясно и несомненно, что обокрала меня эта цыганская мразь, мерзкий “табор” (как их тут часто называют) из 2–х подонков–уголовников, настолько глупых, чтобы украденные у меня щипчики спокойно вертеть в руках перед моим носом. Но – может, и не столь глупых, а скорее наглых: ведь никто не видел, как они у меня крали, меня вообще в бараке не было; за руку этих тварей никто не ловил, так что они вполне могут теперь у меня на глазах крутить в руках мои щипчики, курить мои сигареты, жрать мою лапшу и подтираться моей “дальнячкой”. Мразь, ублюдки, выродки, нечисть, падаль, которую я не то что расстрелял, а с наслаждением размазал бы по стене собственными руками!..

ДЕКАБРЬ 2009

1.12.09. 8–54

Первое утро календарной зимы выдалось веселое. Во–первых, я опять проспал, – только хотел было посмотреть на часы, как услышал из “фойе” чей–то голос, спрашивающий “ночного”: “Ты кричал: “Подъем!”?”. Немедленно вслед за этим зажегся свет – было уже где–то без 10–ти 6 вместо 5–25, как я обычно встаю. Вскочил, оделся, сложил и убрал одеяло, – все скорей–скорей.

На зарядку зашла в барак какая–то харя в синем начальственном мундире, я видел ее только со спины. Оказалось – это Макаревич!! То–то один из СОПиТовцев вылетел уже к концу зарядки из барака и сбежал по лестнице пулей, в одной спортивной куртке, даже не одевшись, как будто ему под зад дали хорошего пинка. Впрочем, Макаревич мог...

По дороге на завтрак ожидал новый сюрприз – Заводчиков, гуляющий по “большому продолу” вместе с кем–то еще из “мусоров”. Видимо, он был с ночного дежурства, потому что ночью ходил с обходом (в 1–м часу) по всем баракам, светил фонариком мне в лицо и докопался до того, что некоторые СДиПовцы или СОПиТовцы недалеко от меня спали, поверх тонких летних одеял накрывшись телогрейками.

Колонну он строить не стал – она и так уже построилась, сама, заранее. Остановив колонну, он велел “козлу” пересчитать зэков, увидел, что их число меньше списочного состава отряда – и приказал разворачиваться “кругом”, возвращаться в барак – и снова выходить на завтрак уже в полном составе!

Не ходят на завтраки и пр. в основном СДиПовцы – ночные приходят к 6 утра и ложатся спать до 15–30, дневные – на постах. Да еще СОПиТовцы питаются как–то отдельно, не с бараком. Если честно, у меня мелькнула мысль, что, м.б., хотя бы сейчас, в ответ на такое хамство и унижение, быдло взбунтуется, хотя бы тихо, – и 2–й раз на завтрак уже никто не пойдет. Но куда там!.. Заходить в барак я предусмотрительно не стал, подождал развития событий во дворе. Не прошло и 5 минут, как они начали опять скатываться по лестнице, на сей раз уже и СОПиТовцы тоже. Количественный состав возрос, и на сей раз Заводчиков милостиво разрешил пройти в столовую.

Да, вчера забыл еще написать, что в четверг, последний день перед свиданкой, на 11–м бараке полностью раздолбали туалет. Дико, но это факт! У них там откуда–то текла все время вода, протекала, видать, труба где–то. “Обиженные” днем и ночью вытирали эту воду. Но вот решили капитально разобраться с этим

вопросом – пригласили какого–то мастера с “кечи”, и он, ничтоже сумняшеся, велел... раздолбать цементное возвышение, в которое были вмонтированы железные “унитазы” (примитивные раковины прямо в полу, конечно), чтобы посмотреть, где течет труба. “Обиженная” молодежь быстренько раздолбила и кирпичные, до пояса, перегородки между этими “унитазами”, и само возвышение, в которое они были вделаны. Из4–х “унитазов” оставили только один – 2–й от входа, остальных – нет и в помине, валяются во дворе, в “курилке”, вместе с горой битого кирпича и цемента. Пользоваться туалетом формально вроде бы можно, но – постоянные очереди, т.к. народу больше 100 человек; там и раньше–то, когда мест было 4, по утрам и вечерам нередко бывало все занято; что уж говорить теперь!.. Ситуация фактически вернулась к положению переполненной тюремной камеры с единственным “дальняком”. Альтернатива – или на улицу, или на соседний 6–й. Между тем (хоть вчера ночью это счастье показали уже и Заводчикову) нет не только малейшего намека на ремонт и восстановление туалета, но – по вчерашним словам завхоза – так и не нашли еще даже, где же протекает труба. По старой русско–советской традиции, сломать легко, починить же – проблема почти неразрешимая. Похоже, вопиющее это положение с туалетом будет продолжаться не только до близкого уже нового года, а как бы и не до следующего...

2.12.09. 14–56

Как среда – так у них обязательно шмон! Ждал я и в этот раз не зря. Шмон был на 6–м, через забор от нас, – 14 “мусоров”, отрядники, еще какая–то шваль, всего человек 19 или 20. Шмонали часа полтора; на подводу, как всегда, выносили и грузили щиты со шконок (потом по “продолу”, я видел в окно, выехало аж 2 подводы, но 2–я почти пустая). В окно секции и туалета все было неплохо видно; народ там стоял беспорядочной толпой, баулов и – тем более – шмонающих их “мусоров” во дворе видно не было. Но встреченный в обед старый хрыч, бывший со мной на 13–м (у окна напротив меня) и на 11–м, на мой вопрос сказал, что баулы, да, выносили и шмонали. Приглючилось ему, что ли?..

Старший из “табора”, с “трубой”, в ночь с 30–го на 1–е “закрылся” в ШИЗО, т.к. не мог отдать карточный долг – 4000 р. Красная “олимпийка” и “симки” перешли по наследству к младшему (а телефон у старшего, я смутно слышал, отобрали). Младший вчера, к моему большому изумлению, сказал, что мне на этот “цыганский” номер звонила мать, а потом, когда ушел Палыч, даже дал перезвонить. Но – он, видимо, сделал это просто по незнанию запрета, о котором предупредили его старшего

друга. Уже сегодня за обедом, когда мы сидели с ним в столовке за столом, одни, лицом к лицу, он тихо поведал мне, что вчера к нему “подходили” и “авторитеты”, и “козлы” на мой уточняющий вопрос: “Кто?”) по поводу того, чтобы он не давал мне звонить. Следят, суки, – уж что–что, а слежка у них поставлена на славу!.. Сам он, как и всегда, считал запрет справедливым и во всем винил меня, – мол, сиди тихо, не надо писать всякую ...ню. “Какую? – спросил я. – “Ну, например, о Макаревиче”. При этом он авторитетно заявил, что “об этом говорит весь лагерь”. Е.С. может гордиться такой популярностью ее заметок в Буреполоме! :) Хотя – какой там весь лагерь!.. Привезенные матерью распечатки, в том числе и эту, свиданщицы отобрали у матери на входе и пообещали показать самому “Макару”. Когда в 3–й день сдавали передачу, – распечатки вернули, сказав (на вопрос матери), что, мол, “Макару” очень понравилось. Вот откуда, должно быть, пошла информация об этой заметке, – от начальства, как всегда и бывает, а не от блатных, которые “мой” сайт читают тоже далеко не каждый день. Как бы там ни было, – проблема одна: позвонить отсюда домой становится мне все сложнее и сложнее...

3.12.09. 16–15

Еще вчера на вечерней проверке Палыч приказал: мол, завтра банный день, можете утром зарядку не делать, но чтобы вытрясли все одеяла! Сегодня утром приперся на зарядку – и тут же начал опять орать про это СДиПовцам и СОПиТовцам. Побежали, затрясли под дождем своими одеялами, а заодно и кое–кто из прежнего (быдловатого) населения секции тоже. До меня, слава богу, никто не докапывался, и меня эта идиотская напасть миновала.

Погода – целый день дождь, промозглая сырость, слякоть и грязь. Весь снег полностью стаял; черная, мокрая земля и голые ветки деревьев. Не холодно, но сыро. Весна... :) Но я такую погоду люблю больше, чем “традиционные” (в детстве моем) для этих месяцев снег и мороз...

Чуть–чуть полегчало: генеральный четверговый погром теперь передвинулся на время от зарядки до завтрака, поскольку оба “обиженных” генуборщика теперь работают на “кечи” (за зарплату аж 2000 р.!.. :), и после завтрака их не бывает. По приказу “козлов” опять выволакивали тумбочки из проходняков, грузили на шконари баулы (впрочем, их ни у кого уже почти не осталось). Меня тоже пытались заставить вытащить, но у меня сломан позвоночник, куда уж мне такие тяжести!.. :) В проходняке со мной – СДиПовец со сломанной рукой, тоже не может. Он просил было, видя эту приказную суету, полоумного

дауна–уборщика, переселенного теперь в наш проходняк (спит это чмо прямо надо мной, но осталось ему всего 6 дней!) вытащить “наши” тумбочки. Тот сперва вроде сказал: потом, позже, я пока занят; потом же выяснилось, что он и не собирается вообще, – это животное пыталось мне объяснить, что, пока я ему не дам “чай–курить”, оно мои тумбочки (“неприподъемные”, как оно выражается) таскать не будет. Вот и отлично! :) Мне только того и надо. :)) Тумбочки так и остались невытащенными , погром в моем проходняке не состоялся.

Ближе к проверке этот идиот Палыч приперся опять – и стал ходить по секции, отодвигая на 10–20 см. от стены все тумбочки и светя туда, за них, фонариком, – типа, выметено ли там. Вот уж кретин, действительно!.. Какой бы подонок ни был Казиев на 13–м – но я и представить не могу, чтобы он интересовался мусором за тумбочками, искал его с фонарем!.. И это в то время, когда туалет так и стоит разгромленный, разнесенный – вот уже неделю, с 26–го ноября! И никто даже близко не подходит к нему из тех, кто должен его восстанавливать, никакого даже намека на ремонт нет. Огромный провал на месте 2–х разбитых сидений накрыли вчера здоровенным железным листом, содранным с крыши барака (в ноябре их меняли, перекрывали всю крышу – и тоже не доделали до конца, бросили, и теперь над входом в барак в крыше зияет здоровенная дыра). Наглая, самодурственная и самодержавная расейская бюрократия (да еще в погонах) во всем своем великолепии!..

Поговорил по поводу связи (уже какой раз, – но кроме обещаний, ничего!) со старым хрычом, хитрым пройдохой Полосатым, отсидевшим в общей сложности лет 30, бывшим когда–то, до марта 2008, со мной на 13–м, потом на 11–м, потом на 1–м, потом на 2–м, а сейчас опять на 1–м. Он, оказывается, спросил у кого–то из своих блатных знакомых по 11–му (назвать отказался, но мне кажется, это тот, что налетел на меня недавно по поводу выхода в 21–00 на проверку) – и тот подтвердил ему, что, да, при казано мне телефон не давать вообще. Конечно, телефонами тут распоряжаются блатные, но собеседнику моему показалось, что приказ исходит от “мусоров”. Догадка настолько очевидная и лежащая на поверхности, что трудно не согласиться!

Мерзкий домушник, принеся мне вчера телефон, ловко так под это дело начал вчера клянчить “2 конфетки” к чифиру, а потом, ловко так, незаметно перейдя, – уже полшоколадки! Я отказал, хотя он приходил ныть и клянчить несколько раз. Еще лишний повод ему тоже оказать мне в связи, – и запрещено, и личный мотив, вот он, пожалуйста.

Мать звонила Большакову и говорила с ним о переводе меня

на 8–й. Он обещал “поговорить”. С этого проклятого СДиПовского барака надо сваливать в любом случае.

Настроение уныло–безнадежное, огромная, жуткая, давящая усталость. Не будет теперь нормальной связи с матерью, – а впрочем, когда она была, НОРМАЛЬНАЯ–то?!. Что ж, мы переживем и это, я надеюсь; и не такое уже здесь видали. Тяжелая штука эта жизнь, одни опасности, “наезды” и тоска... Самое обидное – что все это зря. Это не восхождение куда–то, за облака, это всего лишь путь в никуда, в пустоту...

Осталось мне 472 дня, год и 3,5 мес.

4.12.09. 8–50

Утро пятницы. Опять Заводчиков с самой зарядки на “большом продоле” контролирует прохождение всех отрядов, в полном составе и строем, на завтрак. Палыч тоже ходит туда–сюда с самого утра, вот только что – повел лично всех “школьников” в школу. ““Макар” создает проблемы только своей администрации”, – как сказал мой сосед со сломанной рукой. Заставляет их наворачивать режим, лично водить, ходить, контролировать. Правда, Большаков сказал матери, что еще неизвестно, останется ли Макаревич постоянно...

10–04

Пятница, но у них опять шмон – на сей раз на 9–м! Там 10 “мусоров”, включая Палыча и отрядника 5–го, у ворот 9–го стоит телега с лошадью, а по двору 6–го, как всегда, гуляет 1 “мусор” – следит за окнами 9–го на 2–м этаже. Суки!.. Долгое время у них не было по пятницам шмонов, и я, помню, все успокаивал себя этим, ходя с 13–го по пятницам в 10–м часу утра в баню. Но при Макаревиче – “Начинайте свой рабочий день с обыска!” – шмоны будут в любой день, независимо от праздников и выходных...

6.12.09. 8–45

Воскресенье. Все спят, – вся секция и вся зона. Настроение 2–й день ужасное, тоска, отчаяние, боль и ужас такие, как были в начале, когда только привезли сюда, – в 7–м году, в начале 8–го... Ощущение, что загнан в угол и деваться некуда, а впереди еще год с лишним... Почему? Откуда это? Не знаю... М.б., потому, что уже практически несомненно: в среду (если не раньше!) опять будет шмон; скорее всего – у нас; и 100% при этом шмоне у меня отберут мое личное красное одеяло, 2 года мне верно прослужившее... Теперь тут такая система, что по 2 одеяла иметь нельзя, – никто этого запрета вслух не объявлял, но 2–е одеяла стали тут же отбирать, если замечают. И причем, суки, мрази, ублюдки, не казенное ведь норовят забрать (узенькое и тоненькое, как тряпочка), а свое, хорошее; тогда, при шмоне 31 марта на 13–м, старый подонок–“мусор”, животное, уже пытался

отнять, но я не отдал. Сейчас, если оставлю в бараке и найдут – все равно, под матрасом или сверху, – оно точно пропадет, потом уже не вернуть. Лучше бы уж, действительно, шмон с вещами устроили, – я бы его в 3–й баул, на самое дно засунул, как тогда, в конце октября, и, по крайней мере, имел бы хоть какой–то шанс сохранить... А так – спи под телогрейкой, пока привезут из Москвы новое (да еще добраться бы до телефона, чтобы позвонить матери и заказать)...

А м.б., еще и потому такая дикая тоска, что зима опять, опять бесснежный лютый мороз, как было и в том декабре, год назад. Снега нет, от холода я околеваю, сегодня вышли на завтрак – нос у меня слипается при вдохе; значит, градусов 15 мороза есть... Сосед со сломанной рукой – высококлассный сапожник, говорит, что из “прощаек”, которые у него лежат в бауле без подошв (42–го размера, – как раз мой!), может сделать “коты” – надо только найти подошвы от “гадов” и казенную шапку на опушку “котов” поверху мехом. Да еще – чтобы у него гипс сняли и рука не болела работать. Я ему сказал вчера, чтобы с этими “котами” имел меня в виду, но в любом случае скорого их изготовления не ожидаю. В них, когда постоишь на проверках, все равно точно так же будут мерзнуть ноги, как и в “гадах”... Да и хранить столько обуви негде.

Одна–единственная радость – вчера к вечеру “обиженный” Юра с 13–го опять принес мою Маню. Муську. :)) И опять она, как прежде, спит у меня в ногах и умильно трется головой и ухом об руку, прося есть. Родное мое, любимое существо, к которому я уже душой прирос, – опять она со мной. Надолго ли? Бог его знает... “Среди такого зверья животному не выжить”, – как казалось мне еще недавно. Но – пока никто ее не трогает; тот мерзкий “козел”, что тогда распоряжался искать ее под шконками, чтобы убить, – увидев, даже погладил и ласково потрепал. (Правда, вчера ему было не до кошек, – этот идиот перед утренней проверкой оставил на минуту на шконке чужой телефон, и тот исчез; искали и выясняли, кто взял, целый день, а мелкое наглое чмо, всем тут рулящее, лично приходило в секцию и распоряжалось, чтобы никто тут этому “козлу” телефон больше не давал ни под каким предлогом.)

Воскресенье. Утро. Затишье. Недолгое затишье перед очередными бурями начинающейся завтра недели: комиссиями, шмонами, обходами макаревичей и заводчиковых (эх, перебить бы, передавить бы всю эту мразь!..) и т.д. и т.п. Тоска... Я знаю, что мне не так долго уже осталось; что теперь уже довольно высока вероятность моего здесь выживания и благополучного возвращения домой; что все это – суета сует, и ни о чем не стоит

беспокоиться... умом я все это знаю, – но не могу подавить в душе это отчаяние и тоску. Сердце сжимается...

Прошла 68–я неделя, ничем особенным не отмеченная, – разве что возвращением Муськи. Осталось мне здесь ровно 67 недель – 469 дней, или год и 3,5 мес.

7.12.09. 15–21

Понедельник. С утра, после завтрака, ждал шмона, но его не было. Ждем до среды?.. Кошка Манька, сволочь, вчера ночью опять сбежала – и не пришла до сих пор. Не хочет здесь жить, это уже ясно. Выжили, суки... Я попрошу Юру принести мне ее еще раз, – последний... Сосед–сапожник с утра весь день делает мне "коты" из "прощаек", к ужину они уже могут быть готовы. Неказистые с виду... Мороз на улице по–прежнему дикий, снега нет, тупой, лютый бесснежный мороз. Ноги отмерзают – и в ботинках и выше.

Тоска, усталость, отупение какое–то, отвращение к себе и к миру. Здесь побывав, вываривишись годами в этом котле, – все, что любил прежде, поневоле начинаешь ненавидеть. Кошек, например... Или любые отношения с противоположным полом... Отвращение такое, что тянет блевать...

8.12.09. 16–18

Вторник. "Официального", как он обычно бывает, шмона не было, но – за час с небольшим до утренней проверки явился Палыч, раздал сперва письма – и пошел лично шмонать секцию! Опять заглядывал за все тумбочки с фонариком, лазил в них, поднимал подушки и матрасы, рылся в постелях... Идиот! Прошел ту сторону секции, у окна – и пошел–таки по нашей. Выгнал нас с соседом–сапожником из проходняка, пощупал мой пакет с лекарствами, висящий над изголовьем, откинул подушку, матрас, лежащее под ним сложенное одеяло, пощупал по очереди все тряпки ("тепляки" и пр.), лежащие еще ниже... Оскорбительно все это мне было – до последней степени. Про пакет с лекарствами заметил, что "надо убрать"; еще по поводу чего–то – "чтобы мне за вас не приходилось краснеть". Из этой фразы мой сосед–сапожник заключил, что завтра будет шмон. Сам я в этом практически не сомневаюсь. Волнует меня при этом только судьба одеяла, – Палыч–то его уже 2–й раз не забирает, он все же не настолько оголтелый, а ЭТИ – заберут...

А холода продолжаются. Лютый мороз на улице. В секции тоже холодно, по ногам тянет как с открытой двери или окна, хотя я посмотрел – все закрыто. Нос и ладони тоже мерзнут.

Попалась недавняя "Российская газета", и в ней – большая статья про недавний взрыв "Невского экспресса". Пишут об этом Павле Косолапове, о котором недавно впервые говорила мне

Маня, – раньше я этого имени вообще не слышал. Если все это правда, если такой человек действительно есть и воюет против русской империи вместе с моджахедами Кавказа (и всеми прочими, кто с ними солидарен), – то это очень здорово, и человек этот – герой! Весьма вероятно, что теперь его начнут раскручивать российские СМИ – и со временем он станет "врагом №1" этого государства, как был им при жизни Шамиль Басаев... Во всяком случае, моя личная поддержка любым доступным мне способом, начиная с моральной, из тюрьмы и на воле, ему гарантирована.

Но гораздо вероятнее, конечно, вторая версия, тоже приведенная "Российскими газетчиками" в конце статьи. О том, что гибель во взорванном 2–м вагоне сразу всего руководства Автодора не может быть случайностью в свете готовящегося назначения в его южный филиал нового начальства и выделения этому филиалу огромных бюджетных средств на строительство дорог на Северном Кавказе...

В любом случае, в нашем (радикальной оппозиции) положении этот взрыв "Невского экспресса" нельзя не приветствовать, кто бы его ни устроил – наши ли братья и союзники–моджахеды, или ФСБ, или еще какие чиновники, делящие бюджет... Можно искренне аплодировать!.. Во–первых, такие события в любом случае освежают мертвящую, затхлую, гнило–застойную атмосферу этого путинско–медведевского болота, вливают в нее свежую струю, заставляют зловонную трясину колыхаться. Во–вторых же – это нормально, если в головах "простых граждан" РФ отпечатается как аксиома, что они под постоянным прицелом, под ударом, что ни днем, ни ночью, дома, на работе, в транспорте – он ни одной секунды не могут быть вполне спокойны за свою жизнь, уверены в своей безопасности. Это вполне заслужено ими, – как и время от времени реальные удары, эти жизни уносящие. После всех преступлений этой империи хотя бы только за годы путинщины (а ведь еще были и сталинщина, и монархия, которым современная РФ вполне официально правопреемственна, т.е. отвечает и за их грехи полностью!) население ее как минимум за свое молчание, т.е. молчаливое соучастие в этих преступлениях, за поддержку этой преступной власти – заслужило любой, самый жестокий, массовый и неизбирательный террор! Они думали, что они–то ни в чем не виноваты, им уж точно ничего не грозит, они просто голосуют за Путина ("А за кого еще??!!"), а на этих чеченцев в их горах давно пора ядерную бомбу сбросить, – ну что ж, пусть получают за такое поведение хотя бы изредка взрывы, где и на кого бог пошлет!.. Вполне заслужили. Этот взрыв так же точно по

отношению к населению РФ “оправдан, естественен и законен”, как и все предыдущие.

10.12.09. 10–42

Четверг. Вчера потеплело было слегка на улице, пошел густой снег, можно стало закутывать шарфом только шею, без подбородка, – и вот сегодня опять замерзли все окна, опять злой, колючий, омерзительный мороз...

Шмон вчера таки был, но не у нас, а на 7–м и на 6–м – там шмонали и в прошлую среду! Еженедельные шмоны – это сильно... Но еще круче получилось на 7–м: там, видимо, “сдали” “курок”, и “мусора” забрали все телефоны, или, по другим сведениям, почти все.

Я узнал об этом от “телефониста”, который прибежал, запыхавшись, едва шмон–бригада ушла от них. Стал просить меня – понятно, в моих же интересах, я ведь от него и связи завишу – дать денег на новый телефон, т.к. его “трубу” тоже забрали. Нашел быстро “трубу” здесь, на 11–м, принес мне. Что делать, спустились во двор, стал я звонить матери. Против моего ожидания, она согласилась, хотя и в расстройстве, конечно, от моих новостей.

После обеда опять “не в свой день”, нарушая “режим”, пошел в баню. :) Помылся нормально, и наконец–то осмотрел ее как следует. Обалдеть! – баню практически довели до ума, отреставрировали, она стала почти нормальной! :) В “помывочном зале” и в раздевалке застеклили все окна; в зале еще и вторые рамы вставили – вообще чудеса!! – с улицы, как никогда я не видел (обычно их ставят внутри). На те “лейки”, где годами, с моего приезда в 2007, не было разбрызгивателей – их сделали новые и поставили, по форме они сильно отличаются от старых, их сразу видно. Но – бочка меда без ложки дегтя не бывает: когда я пришел, бОльшая часть раздевалки, наиболее комфортная, где и я привык раздеваться, была уже занята. А в другой, где мне пришлось на свободной скамейке раздеваться – в набитых на стену панелях–вешалках практически не было гвоздей или крючков, всю одежду пришлось класть на скамейку. Да вдобавок еще и поминутно капало (чуть не ручьем лило) мне на голову с потолка, как раз недавно, осенью, чиненного, точнее, практически полностью замененного на новый.

Пришел в барак – ждет меня другой человек, тоже обещавший “затянуть трубу”, – наконец затянул, но тоже нужны деньги, вскладчину отдать, чтобы ее не забрали на “общее”. На “симке” у него были копейки, поэтому договорились, что он с другой “симкой” придет сегодня днем, чтобы я позвонил матери и попросил еще денег. Боюсь, что ответ будет отрицательный сразу

же и вообще разговор не получится. :)

Вечером – очередная стычка с “козлами” из–за того, что я не выскакиваю на проверку в 21–00, как все “мужики”, которых они бесцеремонно выгоняют (и те, рабы покорные, не рыпаются, выходят),а выхожу позже, когда мне надо. Трое самых активных “козлов” подобрались, как нарочно – один другого отвратнее. Один – тот, что был еще до меня, второй – цыган–предСДиП, еще недавно спавший надо мной (дай ничтожеству власть – и оно в тот же день начнет куражиться, топтать всех вокруг, показывая себя и упиваясь этой властью...), и еще один, тоже откуда–то переведенный. Когда я в лицо им заявил, что если им не нравится – я могу и вообще ни на какие проверки не выходить, просто лежать на шконке, – этот последний “козел” предложил остальным составить какой–то заговор против меня. Я слышал только начало 1–й фразы: “мы его не замечаем”, или “не обращаем внимания”, как–то так. Уже хорошо! :)) Точнее, даже отлично. :) Поразмыслив немного перед проверкой, я при шел к мысли, что кроме писания на меня “рапортов” Палычу, ничего они мне сделать не могут, особенно если сознательно откажутся от замечаний, приказов и прочих “наездов” лично на меня. Ну что ж, пусть пишут. :))

Даун–уборщик, это антисемитское чмо, спящее последнее время уже надо мной, сегодня с утра пошел наконец–то освобождаться. Честно говоря, я вздохнул с облегчением, да и, думается, не я один. :) Но – этот идиот вдруг вернулся обратно, пока я завтракал! Оказалось – ему не успели сделать фотографии на справку об освобождении, т.к. фотографироваться он ходил не загодя, как положено, а всего лишь вчера. Теперь, как я понял, ему велено ждать еще 3 (!) дня, до понедельника. А мне – морщиться, как всегда, от отвращения каждый раз, когда это дебильное чмо заходит в мой проходняк или начинает часами, по 1000 раз в одном и том же месте, поправлять и разглаживать свою шконку.

17–13

Небольшие поправки к утренним заметкам. Дауну, оказывается, сказали ждать не 3 дня, а всего лишь до 16 часов сегодняшнего дня, и вот сейчас – ура!! – его уже нет. Освободился... На улице вроде опять чуть потеплее. Ублюдки–“козлы” таки настучали на меня Палычу – видимо, не столько о моем позднем выходе на проверку, а больше о том, что вчера как раз к 21 часу ко мне заходил старый алкаш, бывший сосед с 13–го, – приносил мне за сигареты свое “диетическое” столовское масло. Мы с ним говорили, стоя в большом проходе секции, как раз когда эти твари начали всех выгонять, и это стало

причиной их истерики: мол, мы своих выгнать не можем, а к тебе еще и чужие ходят. Утром, перед проверкой, Палыч по итогам их доноса сделал мне замечание: мол, когда к тебе опять придут гости, зайди ко мне и скажи мне об этом.

А тот, второй затягиватель телефона, вопреки ожиданиям, после обеда так и не приходил, хотя время уже близится к ужину, а он, как я понял, сам очень заинтересован в моих деньгах, чтобы эта "труба" в ближайшие же дни не уплыла из его рук на "общее"...

12.12.09. 8–53

День мой здесь и сейчас, на 11–м отряде Буреполома зимой 2009/10 гг., начинается и заканчивается прогулкой, – утром зарядка 10 минут (у меня 15, т.к. из–за долго сползания по лестнице выхожу раньше), вечером – сперва принудительная прогулка ДО последней проверки, а после нее я еще немного гуляю уже добровольно, если только мороз не очень сильный. Утром – смотрю по будням в 6–30 по 1–му каналу 5–минутный выпуск новостей, потом можно немного полежать, потом – на завтрак. Ложусь, закрываю глаза – и начинаю тут же засыпать, ибо недосып хронический: где–то в районе 4–х утра, даже раньше порой, я просыпаюсь – и уже сам стараюсь, принуждаю себя бодрствовать, не заснуть снова, хотя прекрасно мог бы, – чтобы только не проспать проклятый подъем! Встаю в 5–25, 5–20, даже 5–15 уже порой, – все раньше и раньше... Мог бы спать прекрасно уже и после этого – все равно ведь лежу, одевшись и убрав одеяло под матрас, жду включения света в 5–50, но... Недосып, и весь день, тут ли отрядник, или его нет, только лягу – глаза начинают слипаться... А надо тащиться на проклятый завтрак, абсолютно для меня "беспонтовый" (как ОНИ говорят), – все равно все эти молочные каши (перловка, овес и пр.), ежеутренне теперь там даваемые, я не ем. Разве что по выходным, как вот сегодня (суббота) дадут вареное яйцо.

Прихожу из столовки, завтракаю где–то до 9–ти, до 8–50 утра – и, если это будний день, начинаю ждать шмона. Писать особо нечего, дневник переписывается в режиме "реального времени"; читать вообще нечего, кроме Ницше; так что – или спать, но тогда проспишь Палыча или шмон, или же – маяться, томиться, лежать без сна и бегать к окошку на "большой продол" – смотреть, не идет ли шмон–бригада...

Куда вы меня загнали, суки?! И за что?.. И какой ненавистью, какой кровью я отплачу вам за это когда–нибудь, если только смогу!.. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ваше проклятое государство навсегда провалилось в тартарары, желательно – вместе со всем населением...

Осталось мне сидеть 463 дня, 66 недель и 1 день, чуть больше, чем год и 3 месяца.

А туалет в бараке так и работает – на четверть своей мощности; остальное стоит по–прежнему раздолбанное и прикрытое железным листом. Туда постоянно очереди, попасть почти невозможно; но – все это быдло уже привыкло, о ремонте, о том, чтобы как–то расшевелить начальство, ускорить этот процесс, восстановить все–таки туалет в нормальном виде, как он был раньше – никто даже не заикается...

Позавчера, в четверг, “день растрат” в ларьке, наглый “телефонист” таки стряс с меня опять 200 рублей. И – чудо! – впервые не обманул: сказал, что надо отдать кому–то долг, эти 200 рублей – и действительно, получать с меня чек пришел вместе с телефонистовым дружком–соседом совершенно незнакомый мне парень. А насчет “трубы” – мельком видевшись вчера на бегу, обещал зайти попозже, рассказать, как там у него обстоит, но – и не подумал даже...

13.12.09. 6–25

Воскресенье началось очень весело: пришли на подъем “мусора”, я сел на шконке, и смотрю – сумка с хлебом и колбасой, висевшая у меня над изголовьем шконки, валяется внизу, на пакетах, а не висит, как ей положено. Сама упала? Беру ее в руки, – что–то она подозрительно легкая. Лезу внутрь – ну точно!! Хлеб на месте, а пакета с колбасой нет и в помине! Мрази!.. Ненавижу вас всех!!! Целый батон, наверное, там был, если не полтора, – я специально старался держать там побольше, чтобы пореже лазить в баул под шконкой, да и в каптерку его могут утащить в любой момент... Мрази!.. Продолжают, раз повадившись, таскать у меня вещи и жратву, – уже даже при мне, ночью, пока я сплю! Украли, а зацепить пакет обратно, как я всегда вешаю, не смогли – так и бросили. Скорее всего, это опять цыгане, конечно, тем более что младший из них, ублюдок–предСДиП (кто–то вчера уже метко обозвал его обезьяной) не спал всю ночь, шарахался с телефоном туда–сюда; но полной уверенности, увы, нет. Да и знать бы точно, кто, – ЧТО сделаешь? Идти к блатным, что ли, жаловаться?..

Самое обидное, что оставшихся трех батонов мне в любом случае не хватит до 29–го, когда приедет мать. Как тонко ни режь – дня на 4 точно не хватит. Суки!!! Ублюдки! Все повторяется, – в октябре 2008, на 13–м, тоже украли, помню, зеленый пакет с хлебом, маслом и колбасой, висевший над моим изголовьем. Тогда хлеба больше не было, и я остался без завтрака; сейчас – последствия будут еще тяжелее. И хуже всего – что оставлять ничего нельзя, эти выродки, раз повадившись, будут таскать и дальше...

7–02

Пока писал об этой колбасе – вдруг прибежал опять “телефонист”. Опять ему не хватает 500 рублей на телефон. Просит ларьком... Я отказал, и он зовет после завтрака к себе – звонить матери, просить эти 500 рублей...

14.12.09. 10–30

Утро понедельника. Началась 66–я неделя до конца. На улице совершенно безумный, чудовищный мороз, – говорят, что с самого утра по ТВ передавали, что в Кирове минус 30°, значит, и здесь столько же. Еще с вечера все окна в бараке, на обоих этажах, густо покрылись не то что ледяными узорами, а уже поверх них – снежным инеем. И тем не менее – в такую погоду сегодня с утра была зарядка! Радостно играла музыка, и знакомый голос отсчитывал “упражнения”, как всегда. Подонки... Правда, “мусора” сегодня, на удивление, прошли мимо нас, в барак не заходили – и на зарядку вышла буквально горсточка, считанное количество народу, в основном СДиПовцы и СОПиТовцы.

Сейчас в бараке спокойно, все спят; но весь день вчера меня не покидало ощущение, что я в каком–то бреду, в бедламе, в сумасшедшем доме в каком–то... Нахожусь один среди толп совершенно чужих и чуждых мне людей, 99,99% из которых – точно известно – совершенно отпетые, отъявленные подонки. О, как это тяжело, может ли кто–нибудь представить – быть постоянно среди чужих, среди всякой нечисти и зверья, с которыми нельзя даже словом перекинуться – из каждого твоего слова они обязательно сделают или глумливую насмешку над тобой же, или просто тебя зло обхамят, или будут тупо, не понимая, моргать на тебя бараньими глазами, и потом, злобно бормоча про себя, отойдут или займутся своим делом. О боже, какая нечисть вокруг!.. И какая пытка – среди них находиться...

Особенно “поднимает нервы” уже не только мне, но и всей секции эта мелкая красножопая цыганская обезьяна с “косяком” предСДиПа. Эта конченная мразь, прошедшая до приезда сюда “малолетку” и целиком сохранившая тамошние привычки, то глумится, куражится, “наезжает” на одного, другого, третьего, а при малейшей попытке отпора норовит моментально использовать для отместки свои “официальные” полномочия. Кто этой тварью хоть в чем–то недоволен – будет вскакивать строго по подъему в 6 утра (или в 15–30 для “ночных”), как же! Иного способа отомстить у таких тварей, заимевших хоть маленькую, но власть, как правило, не бывает. Драться всерьез оно, видимо, боится, – рассказывало как–то само, что однажды, на 12–м еще, с кем–то пробовало и, видимо, было больно бито за это (но подробностей я не знаю). В общем, гнусная мелкая обезьянка –

пародия на ту большую и злобную обезьяну, что была на 13–м, но не имела столь откровенного “косяка” предСДиПа (мелкая, кстати, если заходит речь, вспоминает о той с огромным уважением, чуть не преклонением). В общем, мерзость, мерзость и мерзость вокруг. Описывать все детали и разговоры долго (например, как эти “козлы” бешено грызутся между собой, перекладывая друг на друга обязанности будить, выводить и пр.), но общее впечатление – удушья, когда горло сдавливают уже настолько крепко, что нечем дышать... 461 день еще предстоит провести в таком вот ужасе.

Мать звонила вчера вечером на номера местных блатных, и один из них, пока я ждал чайник – пить чай – вдруг сказал мне: тебе звонила мать, просила перезвонить, возьми у кого–нибудь “трубу” и набери ей. Это был тот самый, что на днях, когда мать звонила, раза 2 сам приносил мне телефон, и от такого совета я слегка опешил. Потом, когда я сказал, что вряд ли кто здесь даст мне телефон, это чмо еще и прочло мне этак полуиздевательски лекцию о том, что, мол, чтобы тебе охотнее давали, ты почаще проси класть денежки на те номера, с которых звонишь. Как будто мать не кладет и так, постоянно, и на 13–м, и здесь, – и как будто после этого ее звонки не скидывают постоянно, а то и вообще – запрещают всем давать мне телефон!.. Внутри я весь кипел от этой лекции, от этого наглого, поучающего тона; особенно взбесила меня фраза этой твари: “здесь живут так, что каждый сам за себя” (не дословно, но смысл такой; имелось в виду – кто тебе будет просто так, задаром давать телефон). Ах ты, мразь, – сам за себя каждый, говоришь?! Ну да, свою “трубу” дать они так просто не дадут ; черт с ними, это их право. А почему же тогда другое блатное чмо еще недавно, в ноябре, угрожая физической расправой, командовало мне выходить на проверку в 9 вечера – потому, видите ли, что они – без меня! – собирались в “культяшке и так решили??!!! Они, видите ли, без меня и за меня решили, что я обязан выходить на проверку в 21–00, на полчаса раньше, чем надо, – и вот это положение местные блатные мрази (от имени которых тут и рулят “козлы”) не стесняются именовать “каждый сам за себя”! Эх, если бы, если бы каждый (я в том числе) мог жить действительно “сам за себя”, а не по навязываемым мне совместно блатной и “красной” сволочью правилам...

Пишу все это – а ноги коченеют и отмерзают в шерстяных носках...

14–55

Везет как утопленнику... Дикий мороз продолжается, третьи штаны пришлось поддевать (эделевское “термобелье”) – а тут после утренней проверки приносят вдруг повестку на проклятый

этот суд по УДО – на завтра! Будь все проклято трижды!.. Зная заранее результат – стоять завтра дай бог еще час, а то и 2, на улице, на этом страшном морозе, в курилке возле штаба!..

15.12.09. 15–10

Ну что ж, сходил. Единственное счастье – стоять на улице, слава богу, таки не пришлось – пустили в штаб. Когда я пришел, все были уже там – и я, помню, слегка изумился, увидев пустую курилку. Но – пока стоял и ждал (а в списке я был, как всегда, последним) – и в самом штабе ноги окоченели так, как будто босиком на льду.

Ни малейших иллюзий по поводу вердикта этого "суда" у меня не было, поэтому и очередной отказ ни неожиданностью, ни разочарованием не стал. Все нормально, закономерно, все обусловлено: эта система цепко держит тех, кого ей удалось захватить живьем. Но и я воюю с ней не на жизнь, а на смерть... Формальным основанием для отказа, как я и предвидел, послужило то единственное "неснятое и непогашенное взыскание" – устный выговор от 30.5.09. по доносу Агронома, да еще вопрос судьи о том, признаю ли я вину и раскаиваюсь ли.

Что ж, жизнь продолжается, все идет своим чередом. Следующая подача – начиная с 15 июня 2010–го, и поэтому следующий суд по УДО – где–то в июле, м.б., в августе. Сейчас лютый мороз (минус 37, говорят, было в подъем!), а тогда будет, наверное, зной и пекло...

Пока ждал, почитал там, в коридоре, висящие на стене "Правила внутреннего распорядка". Каждый раз, как жду там, в этом конце коридора – суда ли, или какого–нибудь начальства, – читаю от нечего делать эти "правила", но так – связно, четко, пристально – осознал их смысл впервые. Мерзость совершенно невозможная! "Права" зэков и запреты для них сведены вместе в одну главу – III–ю; и список запретов там совершенно издевательский, гнусный, драконовский, такой, жить по которому, выполняя его весь и буквально, совершенно невозможно. Там не только "занавешивать и самовольно менять спальные места" запрещено, что мне зачитывал Казиев еще на 13–м. Там запрещено самовольно, видите ли, вешать на стены фотографии, репродукции, открытки и пр.; держать животных (бедные Маня, Фрося, Мона и др.!) и даже декоративных рыбок; запрещено принимать пищу в неотведенных для этого местах (то бишь я не только баул со жратвой хранить под шконкой не могу – я и вообще есть в секции ничего не могу, это нарушение!!!); запрещено выносить продукты питания из столовой (выношу в кармане хлеб – нарушение!); запрещено находиться на спальных местах в неотведенное для сна время – т.е. не только лежать, но

даже сидеть на шконках от подъема до отбоя, 16 часов! А где, позвольте спросить, находиться все это время?! Т.е., становится ясно, что все мерзости о самых свирепых “красных” зонах, что я читал еще на воле или (в 1000 раз больше) наслушался уже здесь, типа наказания за вынос хлеба из столовой или принуждения весь день сидеть только на табуретках, а на шконку сесть запрещено, – это не какие–то личные “навороты” и отсебятина “мусоров”. Нет, – это всего лишь строгое и доскональное соблюдение драконовских запретов, содержащихся в этих самых правилах...

Принято сие творение карательно–бюрократического разума, между прочим, в 2005–м, дополнено в 2006, – как раз самый разгар путинщины. Карательный документ, достойный быть лицом этой людоедской эпохи, – эпохи реставрации Совка на базе новейших компьютерных технологий. И, конечно – наперекор всем стенаниям всех правозащитников, жалобам и сетованиям Е.С. о моей кровожадности и пр. – адекватным ответом на такой документ людям, проводящим его в жизнь, могут быть только пули!..

16.12.09. 8–38

Ужас. Безумная эта зима все длится... На улице с утра не только за 30, но, говорят, уже и за 40°. Зарядки нет. “Козлы” свирепствуют, выгоняя всех на мороз – вчера с 21 часа на проверку (которая в 21–30), а сегодня с утра один из этих подонков попытался моего соседа–сапожника со сломанной рукой и постельным режимом выгнать вместо (отсутствующей) зарядки на “прогулку”... В бараке, правда, потеплее, чем было вчера, когда я буквально околевал, час почти не мог согреть ноги в 3–х парах носков (2 – шерстяных), укутанные телогрейкой. Изо всех бараков, из окон, дверей и щелей – огромные столбы пара, особенно заметные и впечатляющие вечером, в темноте. Из труб столовой, “промки” и – сейчас шел на завтрак, посмотрел – бани – тоже огромные толстенные столбы не столько дыма, сколько пара, вертикально упирающиеся в небо...

Зона, можно сказать, вымерзла, окоченела, жизнь в ней во многом замерла, как замирает птичий щебет и всякое видимое движение в скованном морозом новогоднем лесу. Вспоминается раннее детство, детские сказки про зиму и Новый год, эти прогулки по окоченевшему, заснеженному лесу (впрочем, в последние до ареста годы их тоже было немало – с зайцем моим :). На завтрак выходят несколько человек – и не стоят даже минуты за воротами “продола”, где обычно их всегда останавливают подтягиваться и “разбираться по трое”. Опоздавшие потом доходят до “шушарки” сами.

Палыч, черт бы его драл, дежурил эту ночь – и опять всю ее,

оказывается, провел в бараке. А утром начал ходить туда–сюда. Недавно опять ушел – и, хочется верить, уже окончательно, пойдет, наконец, домой спать, и сегодня его уже не будет.

Среда. Тягостное, мучительное ожидание шмона – даже несмотря на мороз. В это же время, м.б., на неделю позже, – в том году и при меньшем морозе на улицу не гнали, а загоняли в "культяшку" на 13–м, но шмонали все равно. Мучительные раздумья, как быть с одеялом – то ли застелить им соседнюю чью–то шконку, где одеяла нет, то ли в маленьком баульчике поставить под шконку (авось не полезут?), то ли – в том же баульчике взять с собой. Последнее кажется мне самым надежным. Такую ценность в этих жутких условиях просто нельзя выпускать из рук, тем паче, что греет одеяло прекрасно, даже в такие лютые морозы под ним идеально тепло.

Какие потрясающие византийско–азиатские, непредставимые для воображения среднего европейца сцены видишь здесь на каждом шагу! Ей–богу, рассказали бы – ни за что б не поверил!.. Вчера, после отбоя уже, подхожу к туалету, – дверь открыта, оттуда столбом валит пар. А, понятно, – двое "обиженных" моют единственное оставшееся там место горячей водой из шланга, подключенного к системе отопления. После этого один из них говорит мне типа: пока сюда нельзя, – и становится снаружи у двери, не давая ее открыть. Спрашиваю – он объясняет, что сейчас сюда пойдет вот то самое мелкое архиблатное существо, самодержавно рулящее бараком. (А до этого, пока я ужинал, а обход "мусоров", целенаправленно обшмонав "козлинный" проходняк в нашей секции, забрал телефон, – оно потом приходило и ругалось на "козлов", угрожая лично у них все прошмонать и забрать все "трубы", раз они "сдают" друг друга и так легко отдают телефоны "мусорам".) Я специально встал у стенки – посмотреть, как народ будет ломиться в туалет и реагировать на запрет и на "высочайшее" имя. Прямо, ни дать ни взять, его величество китайский император, – для него верные рабы и моют отдельно, и дверь держат, и народ отгоняют, когда там и так в туалет попасть невозможно, весь день очередь. На вялікі жаль, народ именно в этот момент почему–то и не подходил особо. Дверь держали под охраной долго, минут 5 – пока, наконец, это мелкое чмо не высунулось из двери секции, спросило, свободен ли "дальняк" – и начало орать на "обиженных" мойщиков, почему они ему не сказали, что свободен (хотя один из них при мне ходил в ту секцию и говорил). И, наконец, гордо прошествовало туда, говоря с кем–то по телефону.

...Что славен кличкой подзаборною,

Что дерзких не отвел очей,
Когда он шествовал в уборную
В сопровожденьи стукачей...

17.12.09. 16–35

Самое главное: шмонов не было ни вчера, ни сегодня. Из–за морозов, конечно. Завтра? Или эта неделя таки обошлась?.. Следующая – последняя перед Новым годом.

Вчера в обед случился, правда, маленький такой шмончик в секции – в основном у меня на шконке, подняли матрас и у соседа сверху, да еще где–то дальше, кажись одну тумбочку выдвинули. Когда уже собирались на обед, в барак явились 3 “мусора” – Окунь и еще какие–то двое. Прихожу с обеда – матрас в изголовье у меня откинут, все книги и бумаги, лежавшие под ним, взрыты и валяются в беспорядке – видимо, эту груду тоже откинули назад тем же движением, что и матрас с подушкой. Одеяло свернутое, лежавшее под матрасом, не забрали, что очень приятно. А до пакета с дневником и не добрались даже, – он слишком глубоко лежал, почти в самом низу.

Сегодня ларек – еще до обеда сосед “телефониста притащил от него записочку: “трубу” обещают принести сегодня, но – просят “в благодарность” (за что??!) кофе и шоколадку. Ясное дело, он просит меня все это купить в ларьке. Мерзость какая... Кого он хочет надуть, этот идиот ? Я же прекрасно понимаю, что кофе и шоколад он весьма любит сам, а за “трубу” дают деньги (за “дорогу”), а не кофе... Кого он этой детской уловкой хочет провести? А если я тки не куплю – что, он без оплаченного уже телефона останется?.. Короче, ему опять повезло: я выбил 450 рублей, но не было хлеба, еще, видимо, чего–то (не помню уже, чего и хотел!..), так что 102 на кофе и 30 на шоколадку у меня остались – и даже еще 20 рублей, свешали мне на них печенье в шоколаде. Еще 132 рубля в ненасытную пасть этой хитрой скотине...

А самая потрясающая новость, почти невероятная, – вчера таки начали восстанавливать туалет! Уже несколько дней постепенно собирали в “фойе”: сперва – гору песка на железном ржавом листе, снятом с крыши; потом – в этот песок побросали груду кирпичей; и наконец – вчера утром появились рядом 2 мешка цемента. И вечером работа наконец закипела! Несколько “обиженных” – двое молодых и один старый – возятся, кладут там эти кирпичи, восстанавливают разбитое вдребезги.

Палыч и Демин (опер) собирают в “культяшке”.

17–33

Пришлось прерваться из–за этого подонка Демина – какую–то социально–правовую что ли, учебу пришел он проводить. По

поводу “осенних событий” – побега 1 сентября и того, что теперь администрация пытается ужесточить на зоне режим (а то так незаметно!..); по поводу уголовных статей за побег и за “дезорганизацию работы” “исправительных” этих учреждений. А еще – о том, что надо уважать себя – в виде опрятности, чистоты, внешнего вида и пр., а то, мол, по сравнению с другими зонами, где он работал, здесь этого очень не хватает, – бормотал он себе под нос. Я слушал и думал: как хотите, а по–моему, уважение зэков к самим себе в 1–ю и главную очередь проявляется в их готовности убивать представителей администрации! Вот так вот, просто: увидел “мусора” – убей его! Запинать насмерть того же Демина, Агронома, а то и самого Макаревича всей толпой в 200–300 человек где–нибудь на столовском дворе, – вот это и было бы настоящее самоуважение...

А туалет делают и сегодня, никак не сделают. По–прежнему очереди. Старый алкаш с 13–го завтра уходит домой, – все бегает со своими вещами с посылок, деньгами, ларьком и прочим барахлом, забегает ко мне, стреляет сигаретки... Выпросил у меня домашний телефон, взамен дал свои адреса в Нижегородской области. Только вот захочу ли я это насквозь пропитое чмо слышать, а тем паче видеть на воле?..

20.12.09. 15–43

Никаких особенных событий не происходит, писать 3 дня было практически не о чем. Позавчера мать не смогла дозвониться через местных блатных, пришлось мне на следующий день (вчера) идти сразу после обеда к “телефонисту”.Сегодня пока что тоже – никто с телефоном не приходит. Опять решили не давать?

Тоска, пустота, усталость, бессмыслица... Давно не было так тошно на душе – от жизни день за днем среди этой нечисти и мрази, этого злобного, тупого, остервенелого, бессмысленного зверья, которое тут вокруг... “Козлы” свирепствуют, “наворачивают режим”, выгоняют в любой самый лютый мороз на улицу; нормальным зрелищем стало, когда завхоз, или красножопая цыганская обезьяна, или еще кто–нибудь из них ходят по секции с палкой... Яростно, зверски, абсолютно плюя на все резоны, командуют несчастными “обиженными”, то и дело грозя физической расправой и норовя ударить. То “на территорию!” (убирать снег на “большом продоле”, у посылочной и т.д.), то таскать кирпичи для туалета, то еще что–нибудь. То – сегодня – почему спят после подъема?! Чуть не поубивали их за это... Командуют безответными СДиПовцами и СОПиТовцами. Но это бы еще ладно (сами виноваты, что молчат, их достаточно для отпора!). А сегодня после утренней проверки эти мрази “козлы”

вздумали вдруг не впускать идущих с улицы зэков в секцию: мол, там уборка. “Дайте им убраться!” – мантра, заклинание, ежедневно по 1000 раз повторяемое, главный и безотказный аргумент, оправдывающий любое насилие: выгонять на улицу в мороз, или не впускать с мороза в секцию, держать больных людей, инвалидов, на ногах, не давай им раздеться и сесть... Хотел было пройти – цыганская мразь не пустила! Я не понял точно: то ли “обиженные” не успели убрать секцию до завтрака, как обычно; то ли – это еще одна уборка, 3–я уже за день, как было их 3 на 2–м бараке. Но похоже, что третья, и что издевательства, насилие и палочный режим будут не только продолжаться, но и нарастать. Надо бежать с этого барака, но куда? И как?.. Осталось мне 455 дней, ровно год и 3 месяца. Завтра, 21–го, в понедельник – отсижены будут уже 3/4 моего срока, останется последняя четверть, ровно 15 месяцев из 60–ти...

Лютые холода продолжаются. Кончилась 66–я неделя до конца, отмеченная главным образом этими холодами. Ноги коченеют и в бараке, на проверке, пока стою, несмотря на “прощайки”–“коты” и 3 пары носков, – точно как босиком на льду. Когда потеплеет, неизвестно.

Туалет на 2/3 сделали – 2 из 3–х разбитых мест. Но как запретил еще несколько дней назад завхоз – так никто и не пользуется ими. Обмазали кирпичную перегородку цементом. По–прежнему очереди по полчаса и больше...

Скоро Новый год. Радости никакой, одно отвращение и тоска. Будь все проклято – и Новый год, и жизнь эта дурацкая, и все эти твари, что вокруг... Написал сейчас, после обеда, поздравительную открытку Ленке, своему зайцу :), и после ужина хочу (тайком от “козлов”, и если еще пропустит 1–й пост) сходить кинуть вместе с ответом Журавлеву в ящик – на завтра. Уж н знаю, нужно ли ей это, – мои поздравления... Надеюсь, что еще помнит. Нужно ли это мне? Не знаю тоже. Но это пока что единственная, хоть и очень далекая, теплая точка в этом океане холода, в этой бесконечной лютой зиме...

22.12.09. 9–54

Вчера вечером наконец выпал обильный снег, все замело, прекратились, как отрезало, эти безумные морозы – и, как я и думал, сегодня с утра начались шмоны. Минут 10–20 назад, в 2 приема – сперва 12 человек, потом еще 20, по не особо точным подсчетам стремщиков, проследовали на тот “продол”. В том числе отрядники – 8–го, кажись, и наш Палыч. Припрется потом сюда, на проверку, небось. Всю неделю, до пятницы, надо ждать повальных шмонов – будут наверстывать упущенное в морозы время, и что эта напасть минует 11–й барак, нет никакой

надежды...

Говорил вчера вечером с Маней от “телефониста” (он зачем–то днем сам набирал ей, – видимо, хотел опять стрясти денег, а она потом перезванивала). Оказалось, она опять выступила непрошеным редактором моих текстов (ответа Ганапольскому, в частности), и это меня еще дополнительно... не то что расстроило, а прямо–таки подкосило. Как нож в спину! – когда и здесь на знаешь, куда деваться, только и держишься тем, что, к счастью, есть у тебя на воле надежный тыл, есть друзья... Друзья, мать их!.. Еще спрашивает, когда я ей сказал, что я в шоке от ее действий: “Ты обиделся?”...

23.12.09. 15–41

Ну что ж, вот и мы “отстрелялись” – шмон был сегодня на 11–м! Не только на 11–м, далеко не только – но и мы дождались...

Нервы были напряжены так невыносимо, что где–то минут в 15 или 20 десятого я не выдержал и пошел сам к окошку в “курилке” напротив входной двери в барак, – следить за “большим продолом”, не появятся ли “мусора”. Грея руки о горячую батарею, простоял там до 9–50 – никого! С каждой прошедшей минутой, понятно, вероятность шмона уменьшается, и без 10–ти 10 я пошел, лег и с удивлением стал думать, как это они вдруг, почти накануне Н.г., пропустили целый будний (!) день, не прошмонав еще все бараки...

И в 10 или в самом начале 11–го – “Шмон–бригада на большом!”!!! Вот оно, долгожданное, начинается... 18 “мусоров” на наш “продол” и дальше по “продолу”, потом еще 10, потом еще 8, потом еще 7, и так без конца. Нашествие... На этот раз у окошка я уже не стоял, хватило и того, что “пробивали” в секцию.

Короче, они все дальше по “продолу”, на тот “продол” я не слышал, чтобы кто–то шел; а после них – Палыч и еще какой–то “мусор” “на большом”. И вот эти – к нам, “в отряд”!

Короче, они зашли, сказали всем выходить на улицу. Разбудили даже спящих “ночных”, которых здесь полно. Но вещи брать не сказали – что ж, это уже легче, хоть не таскать тяжести...

Великое дело продумывать все заранее, меня это сколько раз выручало... В большой красный пакет с надписью “Реалист” (реклама магазина мужской одежды), заранее приготовленный, я быстро запихнул одеяло из–под матраса, пакет с конвертами, марками, открытками и пр., большую охапку писем в драном пакете, фотоальбом и – главное – достал из баула пакет с дневником и стихами и сунул туда же. Оделся – и с этим пакетом пошел на улицу.

У самого выхода, перед лестницей, выходящих шмонали 2 “мусора”. “Ну что, будем шмонать?” – сказал я одному, когда

предыдущий шмонаемый вышел. “Будем”, – беззлобно ответил он и полез ко мне в карман телогрейки. Вынул оттуда несколько сложенных пустых пакетов, посмотрел их, сунул обратно. Охлопал меня по рукам, ногам, спине, груди, остановился было на блокноте во внутреннем кармане, но, поверив, что это блокнот, вынимать не заставил. Не потребовал, как обычно, расстегнуть телагу, снять шапку, размотать шарф, вынуть все из карманов брюк... А про пакет даже не спросил и не попытался заглянуть туда. Уже из этого его отношения я понял, что шмон и на этот раз будет “туфтовый”.

Так и вышло. Народу на улицу они выгнали не так много, явно не всех; “мусоров” в бараке тоже было всего несколько человек. Потусовались по двору, я поставил пакет в угол, на снег; еще не было 11–ти, когда народ стал потихоньку подниматься обратно в барак.

Я пошел туда не сразу, а погодя еще какое–то время, – с пакетом обращать на себя внимание начальства было нежелательно. Да, забыл еще: только вышли и встали у забора – гляжу, по “продолу” прошествовал мимо нас, вглубь, Макаревич, нахмуренный, как всегда бровастый. Чем–то похожий на филина или сыча, в сопровождении еще какого–то “мусора”. Пока еще мы стояли, он с тем же сопровождающим прошел обратно, – к нам, к счастью, не зашел.

Поднялся в секцию – “мусоров” уже нет, подметают. Подождал, зашел. Особого погрома и впрямь нет, шконки все на местах, лишь из соседнего проходняка вытащена тумбочка – одна на всю секцию. У нас – тумбочки открыты, ящики выдвинуты, один валяется на шконке. Как я оставил свой матрас откинутым, доставая одеяло и пр. – так и лежит, больше там не рылись. Да еще у соседа–сапожника из–под шконки достали баул, расстегнули, вынули оттуда коробку с инструментами, открыли ее – и ничего не взяли! Ни крючки, ни резаки, ничего! В общем, нестрашный был шмон, и длился меньше часа. Навели порядок, и я успел еще полежать до проверки.

На 8–й, как сказал мне один знакомый оттуда (наследник запасного варианта), они тоже заходили (я только слышал, что они уже возвращаются с того “продола”), но шмонали тоже поверхностно. А вот на 5–м, как услышал потом, недавно только, в бане, – вывернули и разгромили все так, как будто “ящик гранат взорвался”.

Да, сегодня после обеда опять “не в свой день”, контрабандой, поперся в баню. Но с каждым разом эти вылазки удаются все хуже и приносят все меньше удовлетворения. Сперва не хотели пускать через посты – на нулевом пришлось показывать

бумажку на свободный ход (не дать читать, а просто показать, что она есть); ну, а на 1–м теперь собирают с обеих сторон калитки большие толпы постоянно. Пришел в баню, – хотя труба дымит вовсю, – воду включат только в 14–30 вместо 14–00; хорошо, что уже было минут 25 3–го. Пришлось ждать. Народу – полно, и все прибывает и прибывает, не как в те разы (особенно первый). Включили, разделся, пошел, – естественно, толпа, свободных "леек" нет и не предвидится. Ждал (и не я один) довольно долго, пока удалось – трое под одной "лейкой" – помыться. Да еще – расположился в раздевалке на скамейке в самом дальнем углу, где еще было свободно; вышел – а там уже тоже полно рядом чужих пакетов, все плотно занято, сесть вообще некуда, а на полу, как раз около меня – выбоина, и в ней приличная такая лужа грязной воды с обуви – как раз окунать в нее штанины, когда одеваешь брюки... Тьфу, мерзость, проклятый этот Буреполом, будь ты трижды неладен!..

24.12.09. 9–10

Местные "козлы" – просто буйные психи, полоумные злобные отморозки, постоянно ищущие, на ком сорвать душащую их злобу, над кем (безответным, естественно, кто заведомо не даст отпора) покуражиться. С утра двое были в бане, один занимался какими–то своими делами; за это время я беспрепятственно успел позавтракать, а двое "обиженных" подмели и вымыли секцию, как положено (причем мыльной водой). 2 полоумных "козла" пришли из бани, посмотрели – и заорали на этих "обиженных" бедолаг, почему ничего не убрано?!! Начали орать, беситься, злобно поносить и угрожать (основная тема и ругани, и угроз, и всего прочего глумления над ними и друг над другом – злобная, глупая, примитивная гомофобия). Пораскрывали все форточки, – по секции сразу понесло холодом, ноги начали мерзнуть. Один сказал закрыть – второй закрыл. Третий через минуту пооткрывал снова. Несчастных уборщиков заставили перемывать все еще раз, с мылом. Каких–то двух парней, зашедших в секцию, один из которых никак не мог найти свою шапку, полоумно–злобный новый предСДиП (уже не цыган, тот теперь в помощниках у нового) избил – нанес несколько мощных ударов кулаками в живот, выгоняя из секции. Хождение по ней "козлы", естественно, тут же перекрыли: "Уборка идет!!!". Это священный лозунг, мантра, великий девиз командования и всемогущества "козлов"!.. Цыгана они взяли в подручные, на него тоже орут и угрожают, а он служит цепной собакой для "обиженных" и всех остальных, кто не входит в число командующих "козлов". Сейчас вот они, как надсмотрщики, стоят и ходят взад–вперед по секции, а несчастные "обиженные" – молодой пацан и постарше – елозят на

коленях: один мыльной тряпкой моет пол, а второй подтирает за ним...

9–59

Всё моют и моют – уже не проходняки, а “взлётку”, как говорит один из “козлов”, т.е. центральный проход. На “большом” уже шмон–бригада, – куда она пошла, неизвестно, видимо, на тот “продол”. Двое избитых СОПиТовцев пошли на 10–й – видимо, к “положенцу”, жаловаться. “Козлы” до сих пор бурно обсуждают, ЧТО теперь может быть с избившим их, правильно или неправильно “черным” решать проблемы “красных”, можно ли жаловаться, если теперь предСДиПа самого будут бить за “распускание рук”, и пр. Настроены они воинственно, даже по отношению к “положенцу”, т.к. – ясное дело – деваться им уже некуда. Цыган настроен менее решительно, чем прочие, – уже имеет опыт, когда на 12–м бараке его били за то, что сам он избил другого “общественника” (того самого Кувалду).

10–25

Безумный спектакль–трагикомедия “Генеральная уборка” наконец–то закончен.

Еще 64 таких спектакля до конца срока?..

25.12.09. 12–32

Новый год, новый год, будь ты неладен!.. Опять – день сплошных повальных шмонов по всей зоне. 25 “мусоров” – на тот “продол”, 25 – на этот. Потом – нашествие каких–то в масках, – среди зэков поднялась паника, что это, мол, приезжий ОМОН и сейчас будут бить. Но это, без сомнения, свои – кто поосведомленнее, говорили, что это “рота охраны” (периметра, те, кто на вышках, и пр.), м.б. – с Шерстков (соседняя “строгая” зона, считается самой мягкой из “строгих” в области). А маски, естественно, ничего им не добавляют – одеты просто “для понта”, для психологического впечатления, чтобы напугать. Завод и Агроном, лазящие по “продолам” вместе со шмонщиками... Бить вроде бы никого не били; 6–й барак, на который выходят окна нашей секции, выгнали весь на улицу и шмонали тоже – 3–й раз за 3 недели. Но без вещей. Нет сомнения, что 7–й шмонали тоже – его шмонают всегда.

Не шмонали, похоже, только 11–й. Как ни мерзко здесь, как ни тошно смотреть на эту палочную дисциплину и мордобой – но здесь, похоже, шмонают реже, чем в других местах, а если и шмонают, то не очень страшно – вот как на днях. Я очень хочу отсюда уйти, от этих зверей–“козлов” – но, м.б., это реальный аргумент за то, чтобы остаться, тем паче, что лично меня “козлы” пока не трогают или не очень трогают?

Впрочем, судя по тому, что начали в 10, а уже где–то без пяти

11 бОльшая часть шмон–бригад с обоих “продолов” ушла на “контрольную”, – скорее всего, и там шмонали не слишком жестоко. Хотя я могу, конечно, и ошибаться.

Вчера “порадовал” от души “телефонист”. “Труба”, на которую он заставил меня выпросить 3000 р. у матери, по его словам, лежала уже где–то “здесь”, пережидая шмоны. И вот – вчера ему сообщили, что на “промке” был шмон, забрали сразу 14 (!) “труб”, в том числе, конечно, и эту! Представляю, в какой ярости будет мать, когда я сообщу ей о пропаже ее очередных 3–х тысяч!.. Но это еще ничего, – по словам “телефониста”, там была и “труба” одного его (блатного, разумеется) знакомого за 13 (!!) тысяч!..

А эти, которые вокруг – впечатления не только вчерашнего и сегодняшнего дней, но целых лет здесь, – какое же они все–таки тупое, примитивное, дебильное, глупое, омерзительное гомофобское быдло! Рассказали бы – ни в жизнь бы не поверил... Они грызутся постоянно между собой, а “обиженных” и вовсе не считают за людей, пинают, бьют глумятся над ними как хотят. И во всей этой грызне и глумлении самым оскорбительным, самым позорным – у них считается называть противника в женском роде! Типа, это кажется им очень обидным – назвать; а названный, со своей стороны, впадает в бешенство. Идиоты... :)) Помню, самый злобный из моих полублатных соседей на 13–м читал на стенде график длительных свиданий на месяц, где по какой–то дури полные ФИО зэков были не в именительном падеже, а в родительном – Иванова Ивана Ивановича, например. Видимо, просто списывали с заявлений, которые адресуются начальники “ОТ Иванова Ивана Ивановича”. Но этот идиот счел, что это женский род – и страшно негодовал, бегал показывал всем возмущенно, что вот, мол, его – ЕГО!!! – в женском роде тут написали. (Жену свою он, помнится, материл по телефону постоянно, угрожал ей и вообще за человека не считал.) А высшая точка, высший пилотаж идиотизма – это сегодняшние реплики нового предСДиПа по поводу подъема к СДиПовцам и СОПиТовцам (не совсем дословно, но близко): встали и побежали на улицу в своих халатах и колготках (или он сказал: юбках? Не помню; имелось в виду, что долго встают и одеваются). Долго вы будете там краситься?! И т.д. и т.п. Ему, дураку, кажется, что это очень–очень обидно и унизительно, что хуже, чем приравнять к женщине (а точнее – к пассивному гею, конечно, который, в свою очередь, приравнен к женщине; а к пассивному гею приравнивается у них любая жертва изнасилования. Отродясь не имевшая к геям отношения...), ничего и быть не может. Идиоты... Господи, откуда столько дебилов, кретинов, недочеловеков–

выродков с недоразвитыми мозгами в этой стране? И общий их отличительный признак, их диагноз ясен и понятен с первых же произнесенных ими фраз: гомофобия!..

14–14

Небольшое продолжение банкета: сейчас, перед самым тем, как нам выходить на обед – вдруг еще человек 10 “ОМОНовцев” в черных масках и зеленом камуфле, с ними – Завод и еще кто–то из местных начальничков в голубом – на тот “продол”. Шмон нон–стоп?.. Выходили из столовки – еще двое в зелено–черном и двое в голубом – туда же. Интересно, хоть в выходные–то (завтра суббота) они уймутся? “Колхозный ОМОН”, как сказал один из местных полублатных.

А я все утро, отвлекаясь только порой на шмон– и ОМОН–бригады, писал ответ на письмо Майсуряна, пришедшее вчера и на полемику Ильи Романова – тоже политз/к, только сидит в Украине за взрыв – со мной, цитируемую Майсуряном в этом письме. Он там цепляет интересную тему, я и сам о ней думал не раз: с одной стороны, Стомахин пишет о народе как быдле, биомассе и пр. (т.е. заведомо безнадежной субстанции). С другой – цитирует фразу Троцкого: “Кризис человечества есть в последнем счете кризис революционного руководства”. Как это примирить? Какое революционное руководство нужно биомассе, и нужно ли оно ей вообще, – или лучше критиковать не ее, а себя за негодное ею “руководство”?

Да, это главный, глобальный вопрос современности для России, и ответа на него нет. Как, какими силами всколыхнуть это гнилое насквозь, тухлое, стоячее болото? Как очистить жизнь, ликвидировать, вымести вон из нашей, приличных людей, жизни – их всех: быдло, уголовников, гомофобов, “мусоров”, чекистов, тупых, звероподобных скотов – тысячи командующих и миллионы подчиняющихся? Как, какими силами, каким зарядом взрывчатки (хоть виртуальной, хоть настоящей) уничтожить, взорвать, разнести в клочья все это гигантское, на 1/7 суши, мерзкое болото, раз оно не поддается никакому реформированию, исправлению, оздоровлению, никакой ирригации? Увы, ответа на этот главный, мучающий и мучительный вопрос нет до сих пор. Что делать с этим государством и населяющим его быдлом... и какими силами.

Страницы книг листая
И слушая эфир,
Мы чуем запах стаи,
Заполонившей мир...

26.12.09. 15–34

Самое важное, потрясающее событие и вчерашнего (после шмонов), и сегодняшнего дня – туалет наконец–то работает почти в прежнем режиме! Сегодня как раз ровно месяц, как он был разбит и разнесен по кирпичику. Вчера восстановленные 2 “унитаза” были, наконец, открыты, все преграды и заграждения, выставленные на пути к ним, убраны. Планируется вроде бы еще обкладывать их плиткой, но пока и без этого, в чисто цементном оформлении, они работают прекрасно, проблема с очередями отпала, и, по–моему, никакая плитка вовсе и не нужна, т.к. опять прервет нормальное функционирование туалета. Крайнее от входа место еще не готово, но часть кирпичей для него уже положена.

“Мусора” носятся туда–сюда, пока я пишу: только что ушел один обход из 2–х человек, как уже “в отряд” приперлись еще двое (в том числе некий Лушин – жирная, щекастая мразь, требовавшая от меня в тот раз, несколько дней назад, чтобы я при ее прохождении мимо приветствовал ее – “администрацию – вставанием).

Ну что ж, вот и прошел 2009–й год. Пора подводить его итоги. (“Мусор” что–то выясняет в толпе посреди секции”.) Итогов этих немного. Главным отрицательным событием года стал перевод с 13–го барака на 11–й – и та безумная нервотрепка, то изматывающее до бесчувствия ожидание этого перевода, которое меня совершенно вымотало за 4 с половиной месяца, с апреля по сентябрь. И однако же я пережил этот перевод! Как ни мерзко сейчас здесь, на 11–м, среди злобных ублюдков–“козлов” , – но я пережил все это, вынес. Хватило сил...

Другие события были скорее положительными, и главное из них, самое радостное – передача большей части моего дневника на волю! Я веду его вот уже 2 года (исполняется 1 января), и из них на волю удалось передать сперва, в 2008, лишь около 4–х месяцев – самое начало дневника, за январь–апрель 2008 же. После этого – с конца апреля по конец мая, чуть больше месяца – кусок дневника был забран “мусорами” на шмоне у меня во время длительной свиданки в мае 2008, и вопрос с передачей на волю временно заглох. И вот – этим летом, благодаря тому подонку–наркоману из Казани – прорыв! В итоге почти всё – с июня 2008 по начало октября 2009 – сейчас уже на воле. Очень надеюсь, что оно сохранится там до моего освобождения, еще год и 3 месяца.

Еще из положительных итогов года – восстановились мои отношения с Ленкой, которые я считал уже безвозвратно законченными после ее отказа приехать в июне 2008–го. Это хорошо, конечно – хотя я еще не знаю, ЧТО выйдет из этих отношений на воле, через год и 3 месяца.

Ну и – удалось опубликовать за этот год несколько текстов, в основном в интернете, штук 5, что ли (точно не помню). Это очень мало, конечно, но – условия не позволяют...

Ну вот, собственно, и все. Ничего больше не вспоминается из заметных итогов 2009 года. Ах да, еще 2 раза мне отказали в УДО! :)) Что ж, этот год останется в моей биографии таким же пустым, бессмысленно прожитым, потерянным годом, как и прошедшие до него 3 – с 2006–го, и как наступающий вскоре 2010–й.

А может быть – как и вся моя жизнь?..

27.12.09. 14–33

Заходил вчера (суббота) вечером к "телефонисту" – он родил очередную "гениальную" идею: в понедельник пойти нам с ним вместе в ларек, чтобы он мог там стрясти с меня рублей 250 – типа, на накрытие новогоднего стола. Провались ты, урод, со своим столом!.. Сегодня явился вдруг после утренней проверки – напомнил про это, а заодно и звал вечером к себе – звонить Е.С. Правда, могут быть непредвиденные варианты: 1) как обычно, в понедельник после 2–х часов дня – привоз и разгрузка, т.е. ларек закрыт; 2) ларек открыт, но привоза нет, т.е. он пуст; 3) в обоих этих случаях – СОПиТовские ключари ни его, ни меня не в "свой день" могут не пропустить. Но идти туда с этой тварью, без сомнения, придется.

Одновременно он сообщил, что приезжавший на днях ОМОН, никого не тронув в самой зоне, "уронил", т.е. избил, некоторое количество человек "под крышей", т.е. в ШИЗО. В том числе и одного жирного, немолодого уже блатного с 10–го – он был как–то в этом году со мной на длительной свиданке, оттуда я его и помню. За что били – непонятно, т.к. едва ли можно предположить, что кто–то из них сопротивлялся или активно протестовал – они не делают этого и в бараках, где это куда проще, не то что в тюремной камере. Также сообщил, что по всей зоне (жилка, промка, "объекты" и т.д. – забрали около 150 (!!) "труб". Честно говоря, в такое число мне не верится.

Мать вчера орала, закатила настоящую истерику (из ее криков я едва мог разобрать 1/10 слов) – прочла в предыдущем куске дневника, что я опять общаюсь со своей Ленкой. Хаяла как могла (почти совсем не зная, видев раза 2–3 всего в жизни), крыла меня, угрожала, что, мол, "будешь выбирать между мной и ей!", и т.д. Настроение у меня было после этого испорчено на весь вечер. Как просто и ясно, какой черно–белой, без полутонов, вся эта ситуация представляется ей со стороны – и как непросто, неясно смутно и неопределенно это все на самом деле... Эти наши странные отношения, эти недостатки, проистекающие из

достоинств, эта память, таким теплом манящая и такой сладкой болью отзывающаяся в душе отсюда, сейчас, вот уже почти 4 года... А что и как будет ТАМ, как оно сложится на самом деле через оставшиеся мне год и 3 месяца – неизвестно...

По всей зоне сейчас, после обеда, начался ажиотаж с какими–то подарками, которые надо идти получать на вахте – не по одному, а тащить для раздачи в бараки, видимо. Еще до обеда один из СОПиТовцев и впрямь принес запечатанный бумажный кулек, на что–то подобное похожий – внутри там, как я понял из разговора, были конфеты и что–то такое, сладости, в общем. Короче, решили к Н.г. порадовать зэков, как детей на новогодних елках – раздачей конфет... Подсластить пилюлю, так сказать. Провалитесь вы со своими подарками, суки, и верните свободу!.. Цыган–начальничек повел было с обеда несколько человек на вахту – брать и тащить, – но потом, быстро вернувшись, рассказал: там собралось чуть не поллагеря с “сидорами”, а Штыров (“мусор”) “угорает” (смеется): мол, чего вы пришли?! Так что где эти хваленые “подарки”, и будут ли они вообще, – пока неизвестно.

30.12.09. 8–35

Осталось 446 дней. 64–я неделя... Вчера была короткая свиданка. Фрумкин, как всегда, убежал, не просидев, по–моему, и часа. Ну да и черт с ним, суть не в этом. Самым возмутительным, просто потрясшим меня – было то, что не работали “телефоны” (переговорные через стекло устройства с 2–мя телефонными трубками по обе стороны стекла)! Еще 13–го декабря на короткую свиданку ходил ночной дневальный 11–го – и под конец свиданки даже выдавил там это стекло (крайнее из 3–х, ближе к окну, – оно до сих пор в трещинах) – в знак протеста против невозможности общаться при неработающих трубках, за что и получил выговор от начальства. Больше полмесяца прошло – ситуация та же: из 10 трубок кое–как работают всего 3; свиданщицы говорят, что это какая–то “профилактика”, и продлится она до Н.г., а после – поставят якобы новые трубки, уже привезенные (последнее – слух среди зэков). А между тем, накануне, 18–го, приехало аж 37 (!) родственников, на свиданку вызвали 30 (!) зэков – и пришлось заводить в 2 смены, с утра и после утренней проверки, вывели 2–ю смену только в 4 часа дня.

Вчера народу было поменьше, всего 9 з/к вызвали. Поначалу мы с матерью, сидя с самого краю у двери, общались кое–как через стекло, в общем гаме почти не слыша друг друга. Потом, по мере того, как народ стал расходиться, сперва одна, а потом и другая (где лучше слышно) работающие трубки достались–таки нам, и мы смогли поговорить нормально. Планировалось, что, как

всегда, мы – последние из всех – останемся до 14 часов, т.к. начали свиданку только в 10 утра. Но, когда около часа дня выводили всех остальных, тоже решили прерваться, т.к. говорить было уже особо не о чем. Свиданка прошла тихо, мирно, спокойно и без эксцессов.

Поскольку прервались раньше, я успел еще постоять у вахты в ожидании "общественника" (цыгана :), оттащить волоком по снегу свой баул с передачей до барака, в одиночку втащить его (23 кг. – со сломанным позвоночником!) на 2–й этаж, сходить пообедать (обед был нормальный – суп и картофельное пюре с нарезанной в него сосиской; лучшее, на что способна местная столовая!.. :) – и успел еще сходить в ларек с "телефонистом", уже поджидавшим меня на "большом продоле". Ходили, собственно, и вчера, но – машина, как я и предвидел, разгружалась, так что с 2–х до 4–х ларек не работал. И вот – вчера дело удалось: этот ушлый хмырь сумел и в "локалку" ларька пройти, преодолев сопротивление СОПиТовца (день–то был их, но меня пускать не хотели, и он провел, поговорив с СОПиТовцем минуту наедине), и в сам ларек (из–за большой толпы тоже пустили не сразу), и в окошко без очереди (хотя и без очереди пришлось толкаться там и ждать довольно долго). Но – под то, что вот, мол. Н.г., праздник; и особенно под то, что накануне через "запретку" ему таки перекинули – ожидавшиеся им – аж 2 телефона сразу, – он стал разводить меня, чтобы вместо прошенных ранее 250 р. я дал ему уже 300. Спорить и торговаться не хотелось, – праздник, толпа, зависимость от связи, да и мать положила после свиданки опять деньги на ларек, а работать он не будет теперь до 10–го января, я же в него попаду только 14–го (четверг), за полмесяца прилично сэкономлю, – черт с ним, я согласился. Накануне был привоз, вроде еще полно товара – и я выбил 350 р. также и себе; но и колбаса, и бананы (особенно хотелось, хоть пару штук!) кончились прямо при нас, пока он со своим и моим чеками стоял в безумной, давящейся огромной толпе к окошку (не с хвоста, а сразу в голове этой бесформенной очереди). Если бы я знал, не стал бы выбивать себе так много.

Все вроде прошло нормально, весь вчерашний день. Пришел, разобрал всю передачу, сменил оба баула (один в другом), куда ее кладу (под соседскую шконку еле влезает, цепляется постоянно за крючки и рвется), поел, попил соку, полежал. Голова вот только слегка разболелась после всего этого.

После ужина зашел к "телефонисту", посмотрел его "новый" (2005 г.) свежеприобретенный телефон. Позвонил с него матери – она была в этот момент в Шахунье. Оказалось, вечерняя (6 часов) электричка до Нижнего по вторникам не ходит – они доехали до

Шахуньи и ждут московского поезда там.

Потом позвонил наконец Мане. Она так и не восстановила в моем ЖЖ этот текст, порезанный ею – мой ответ Ганапольскому, – как я ее просил в прошлый раз. Все обещает исправить, но не исправляет, да еще говорит, что сделала это (редактирование, совсем мною не прошенное и не нужное) для моей же пользы. Охренеть!..

Да, вот и первое разочарование... Черт ее знает, Маню, каково будет с ней работать на воле, удастся ли это сотрудничество, вроде еще недавно казавшееся совершенно неизбежным, способна ли она воспринимать аргументы и слушать кого–то, кроме себя... Острое, пронзительное чувство одиночества, – ни на кого, абсолютно ни на кого в этом мире нельзя полностью положиться, ни в ком быть уверенным, не ждать внезапного непонимания, предательства, подвоха... А один много не навоюешь. Она говорит, что где–то там, в инете, где она тусуется, бывает постоянно и Кантор (еще одно болезненное воспоминание...), и Рамендик – старый, еще фидошный мой знакомый, "либерал" несколько заумного и весьма законопослушного, совсем не революционного толка, но сам по себе парень не глупый. Он тут как раз напомнил о себе: на мать вдруг неожиданно вышла Аня Петренко, не звонившая уже, наверное, с год – и передала письмо мне от Рамендика, где тот, как смутно поняла мать, полемизирует с какой–то моей статьей. (Разумеется, через свиданку вчера это письмо не пропустили.) Странно, что передает через Петренко – с каких это пор Рамендик стал дружить с левыми? :) Помню, как плевался от общения с ним в фидо Исайчиков еще лет 10 назад... Но когда я назвал эту фамилию Мане, она сразу, без размышлений, отозвалась о Рамендике словами совершенно непечатными. :))

Я предложил ей в следующем году опять приехать ко мне на свиданку. Она вроде бы не против. Поговорим, обсудим. С ней интересно общаться, я ощущаю ее как коллегу и духовно близкого мне человека, но... Проблем с ней, видимо, будет немало, и получится ли еще эта совместная работа – бог весть...

На улице вчера был приличный мороз, в Шахунье утром – минус 14, днем потеплее. Сегодня, похоже, дело опять идет к оттепели. Низкий, несомый ветром вдоль земли густой дым из трубы бани...

31.12.09. 10–30

Ну вот и все. Кончается год... На улице – вовсю густой снег, его расчищают с самого утра, а он все падает и падает. Только что прошла очередная психиатрическая акция "Генеральная уборка". На этот раз – хоть не с самой зарядки вспомнили, как обычно –

вытащили мою тумбочку вместе с остальными, – хорошо, дали хоть время позавтракать, я как раз налил чай, когда им пришла эта “гениальная” идея. Мрази, твари, скоты... Злобно, чуть не пинками, подгоняя “обиженных”, как всегда, заставили их тереть мыльной мочалкой, а затем вытирать досуха пол – абсолютный идиотизм, совершенно никому не нужный, достаточно было бы просто подмести. Ненавижу их!.. И всей этой проклятой зоне со всеми, кто в ней есть – “мусорами”, “козлами”, блатными, “обиженными” и всей, всей прочей сволочью – от души желаю в этот Новый год провалиться сквозь землю прямо в преисподнюю, в тартарары!..

Вчера – уж не знаю, звонила мать или нет – но дозвониться в барак ей не удалось. Что ж, после ужина сразу пошел опять к “телефонисту”, но – только зашел в барак и за мной СДиПовец запер “локалку” – “пробивают”: 3 “мусора” на “продол”! И, судя по беготне и суете, прямо сюда, на 7–й! Пошел, сел с другими в телевизионной перед телевизором, – там полумрак, я сижу у дальней от дверей стенки, – авось, проходя с обходом, не обратят внимания. Сижу, сижу, жду, кошусь на двери, – нету! Выхожу в секцию, спрашиваю у “телефониста” – оказывается, “мусора” на 6–м! Так чего же я время теряю, спрашивается?! И этот гад не зашел, не сказал ничего. Короче, о звонках в такой ситуации не могло быть и речи, и я свалил оттуда. 2–й раз повезло: и при выходе, как при входе, СДиПовец открывал “локалку”–то не мне, а местные, с 7–го, входили и выходили, и я оба раза удачно проскочил с ними. Дошел без происшествий, а потом, уже гуляя по двору перед самой проверкой, увидел этих троих: они только тогда ушли с 6–го, таща в руках 2 пластмассовые канистры с налитой до половины какой–то жидкостью – очевидно, конфискованным самогоном.

ЯНВАРЬ 2010

1.1.10. 9–25

Вот и 2010–й. Пролетают года, проходит жизнь...

"Убожество" – вертелось почему–то у меня в голове весь вечер лейтмотивом этого их ночного "праздника". Какое убожество!.. Стоило ли родиться и жить, делать что–то, писать, печатать, звать к чему–то людей, думать о жизни, формулировать цели, прокладывать пути – чтобы встречать теперь Новый год вот в этом убожестве, мерзости, бессмыслице, среди этих абсолютно чужих тебе – злобных, наглых, омерзительных тварей...

Отбой в 2 часа ночи, подъем – в 7 утра (а не в 6, как обычно). После проверки я сразу лег – не раздеваясь, не доставая одеяла – и пролежал до часу ночи. Не спал (при свете, да еще среди их беготни, гама, музыки и пр. – заснуть мудрено), м.б., только задремывал иногда на какие–то считанные минуты. Сонная одурь какая–то навалилась, как всегда, – не сплю, слышу все, что вокруг, но сил нет разлепить глаза. Я слышал, как били где–то (радио? Телевизор?) куранты в 12 часов, и как наряжали "обиженного" пацаненка, худенького и дохлого, Снегурочкой (открыл даже с трудом глаза – глянуть, когда он проходил мимо. Убожество, и не Снегурочки совсем это наряд – просто что–то типа платья, сверху нечто вроде кокошника, все это в мишуре и блестках); слышал, как один злобный, годам к 50–ти, полублатной хмырь начал орать на всех и угрожать (изнасилованием, как всегда, других мер он не знает, хотя на это едва ли способен), что, мол, нарядили инвалида, не надо его трогать, полно есть других, здоровых (ишь, жалостливый какой! А по кошкам стрелять из рогатки, да и мою Маню в октябре он пинком буквально скинул с крыльца... Подонок старый, одним словом.) – и они нарядили кого–то другого... Все это проходило мимо меня, как во сне, не волнуя и не задевая сознание. Будь это 1–й этаж, я, м.б., заслышав бой курантов, еще вышел бы на улицу – постоять, подышать, встретить лично для себя Новый год, как было в том году на 13–м. Но здесь – брать палку и опять сползать по ступенькам, 8–й раз за день (да еще в густой снег внизу) – совершенно не хотелось. Где–то к часу ночи проголодался, встал и начал грызть сухарики, привезенные матерью в передаче. Свет погасили даже раньше двух ночи – без четверти где–то, и предСДиПы, оба, еще погавкали немного, как обычно, заставляя всех улечься спать.

А днем тоже был небольшой, но все же, нервный напряг. С обеда сразу пошел в баню (в "свой" день наконец–то!) – ждать там

долго не пришлось, но из моей и соседней “лек” вода еле–еле, тончайшей, еле живой струйкой, – так и не довели до ума, несмотря на вроде бы ремонт леек и общее некоторое обновление бани при Макаревиче. Смывать мыло под такой струйкой – занятие нудное и долгое... Пришел в барак – сперва “козел” (ночной) сказал мне, что звонила мать (но перезвонить не дал – трепался уже сам, да и круглосуточно телефон у него кем–то занят); через 5 минут с той же информацией прибежал “телефонист”.

Он стал звать к ним, но – “мусора” бегают, то и дело ходят туда–сюда, уйти с 7–го незаметно очень трудно. Я спросил его, не может ли он принести мне “трубу” сюда. Он был раздосадован, ответил что–то неопределенное и ушел, но минут через 15 вернулся и позвал вниз, во двор.

Спасибо ему, конечно, но разговор с матерью не получился. Она была еще под впечатлением – и кинулась мне живописать все ужасы их с Фрумкиным дороги со свиданки домой: как они едва не отстали от поезда, проводнику пришлось дергать стоп–кран; как она не могла влезть в вагон, проводник с Фрумкиным ее втаскивали; как еще в Буреполоме, сразу после свиданки, они с Фрумкиным опять разругались – из–за Карамьяна! Не много ли ему чести?.. :) – вплоть до взаимных заявлений, что они друг другу отвратительны, и больше мать с ним ко мне ездить не хочет ни за что... Мерзкие, глупые, пустые дрязги, которыми они живут и развлекаются там, пока я сижу здесь. Мне бы ваши проблемы, ребята... Под знаком этих вот скандалов, дрязг, жалоб и истерик матери и прошел для меня здесь этот Новый год.

3.1.10. 9–40

Тоска, пустота, бессмыслица... Пустые дни, и не о чем писать. 2010 год... “Мусора” бегают, носятся то и дело (в т.ч. в буквальном смысле) туда–сюда, – похоже, и впрямь стали каждые 2 часа, как им формально положено, ходить с обходами, если не чаще. Вчера утром обходом приперся “сам” Агроном, будил здесь, на 11–м, спящих, но никаких “оргмер” к ним вроде бы не принял. Вечером он, по данным стрема, ходил уже вместе с Макаревичем, а сегодня утром, после подъема – уже один Макаревич, по нашему “продолу”, на 7–й, потом на 6–й. Не сидится всей этой сволоте дома в праздники, в выходные, да еще и время – то 7–й час вечера, то утра...

Несмотря на беготню “мусоров”, пошел сейчас, в 10–м часу утра, на 8–й – к тамошнему парикмахеру, стричься. Вчера видел его по дороге с обеда, просил зайти, но он сказал, что, мол, лучше ты сам зайди – у нас, мол, там в “фойе” уже свет налажен (а в “фойе” 11–го вечно полумрак). Зайди, мол, в любое время. Ага, в

любое!.. Пришел – везде погашен свет, все спят, его шконка – крайняя от двери в секцию, если не переехал – плотно задвинута занавеской. Когда теперь идти? Черт знает... После обеда разве что. Но активность “мусоров” тогда будет еще больше. А завтра наверняка уже припрется Палыч...

Связи для меня на этом бараке опять нет, вот уже 3–й день, похоже. Вчера и позавчера между ужином и проверкой ходил на 7–й к “телефонисту”. Помню, как год назад, в эти же дни, в январе 2009, я с той же целью после ужина заходил к “запасному варианту”, на 8–й. В темноте (но при мощном свете фонарей), идя медленно–медленно, надо было постараться пропустить вперед себя всю толпу, прущую с ужина, особенно всю эту блатную сволочь, – и не доходя до конца “продола”, до 13–го, свернуть на 8–й, посередине. Теперь – и я не там, и хожу не туда – “продол” другой, и мне, наоборот, надо в самый конец его, так что пропускаю я кого–то вперед или обгоняю – не так важно. Другое дело, что “локалка” 8–го была почти всегда открыта а на 7–м – последнее время ее стали запирать, и попасть туда – дело случая: пару раз мне везло, кто–то с самого 7–го приходил–уходил – и я проникал туда в открываемую для них, а не для меня, калитку...

4.1.10. 9–46

Зашел вчера сразу с обеда 2–й раз на 8–й – и все–таки постригся. Очень коротко, увы, – хотя и просил, как обычно, оставить спереди побольше. После этого зашел, конечно же, навестить “запасного варианта” – ему оставалось вчера всего лишь 9 дней до дома. Он с восторгом рассказал, какой шикарный был у них тут стол в этот Новый год, – еще круче, чем в том году; на этот раз было ВСЁ, решительно ВСЁ!!! – и предложил попить кофе. Один полублатной с 4–го уже сидел у них, когда я пришел, а тут как раз стал подтягиваться еще народ – армяне, соплеменники “запасного варианта” и участники того новогоднего пиршества. Под восторженные рассказы о том, какие огромные 3 торта были у них на Новый год, кто–то придумал в шуту лозунг: “Жизнь тортам!” – по аналогии с “Жизнь ворам!”, который произносится у них после чифиропитий, при закрытии их сходок–собраний и во всяких прочих торжественных случаях. Так и пился кофе под это постоянное: “Жизнь тортам!”, очень раздражавшее явившегося последним старика–армянина с 7–го. Уйти оттуда я – опять повезло – успел почти беспрепятственно, когда уже начался обход и “пробили”, что 2 “мусора” на 12–м.

Вчера к вечеру уже начало холодать, сегодня с утра мороз явно за 20°. Опять пришлось поддевать третьи теплые штаны. Если снова завернет морозище, то баня 7–го, в “праздник”, накрывается медным тазом. А м.б., все–таки пойти и в мороз?..

Из–за “генеральных уборок” с утра и единственного ларечного дня после 14–00 четверг для меня после конца “праздников” опять не банный день, не до того; а в другие дни – даже с подписанным, но прошлогодним заявлением на свободный ход одного через посты меня могут уже не пропускать...

11–13

Что еще забыл упомянуть? Что прошла вчера 64–я неделя, отмеченная 2–мя событиями – короткой свиданкой с матерью и Новым годом, и началась сегодня 63–я неделя до конца моего срока. Осталось 440 дней.

5.1.10. 8–48

Холода стоят безумные, все окна и даже двери опять обледенели, покрылись снежным инеем изнутри. Открываешь – и валит пар, а в “фойе”, как нарочно, сняли зачем–то внутреннюю дверь в предбанник (“курилку”), и она стоит там, прислоненная к стене. В секции холодина, изо рта опять легкий парок, а эти твари “козлы” еще и форточки открывают. На улице нос слипается от малейшего вдоха. Градусов 25 мороза, а то и больше.

Связи нет как нет – словно ножом отрезало этот проклятый барак, а ведь недавно еще все блатные приносили мне “трубу”, когда звонила мать, или хоть говорили, что она звонила. “Телефонист” приписывает такой временный прогресс, естественно, себе, своим разговорам (и уговорам) с местными блатными, а внезапное вновь де–факто лишение меня связи (мать говорит, что сбрасывают тотчас, как она звонит) – происками 10–го барака (где, как всем известно, “подложенец”). Еще неприятные известия: из 2–х перекинутых ему (“телефонисту”) через забор “труб” одну у него уже, оказывается, забрали на тот же 10–й, а 2–ю – собираются забрать в ШИЗО: туда, говорит, вчера закрыли 7–рых наших, у них в “хате” нет вообще “трубы”, поэтому, типа, им нужнее. Ну, до конца месяца, говорит, оставлю ее себе, а потом... Поэтому – дошла наконец–то очередь и до эделевской “раскладушки”, лежащей у меня дома, – когда поедет на свиданку мать, этот хмырь просит ее привезти и отдать (вместе с 1200 руб. за “дорогу”, естественно) в Нижнем. Чтобы через неделю–другую она у него “пыхнула” опять, как происходит с ним постоянно...

Как же здесь тошно и мерзко, – я писал уже об этом не раз и не два, но отвращение и омерзение буквально душат меня, не дают дышать; омерзение и отвращение к этим тупым, злобным, примитивным, совершенно бессмысленным, но при этом нагло–агрессивным тварям, что вокруг. Ко всей этой сволоте, которая любит командовать – МНОЙ командовать!!! (Хотя, тьфу–тьфу–тьфу, пока держится еще это хрупкое спокойствие – “козлы” меня не трогают, я делаю все, что им надо – хожу на проверки,

зарядки, столовки и пр. – сам, но не за полчаса выхожу на лютый мороз, а за 5 минут). Ей–богу, прав, тысячу раз прав Нестеренко, и никто еще не сказал лучше его: “Не говори, что ты кому–то враг, когда ты не готов его убить”! Всех их, всю эту мразь и нечисть, я лично, с огромным наслаждением перебил, перерезал, перестрелял бы собственными руками!..

Страна идиотов вокруг, и идиотизм в ней – на каждом шагу. Вчера весь день шла уборка и вывоз снега после недавних обильных снегопадов. Ну ладно, “продолы” – большой и малый, ладно дорожки в “локалке”, место, где строятся на проверку, и пр. Но 80% двора 11–го – это огромное поле, летом постоянно вскопанное, ни погулять, ни походить, не говоря уж о футболе. Зачем этот идиотизм – постоянно вскапывать его, – непонятно; но зимой–то зачем с него убирать и вывозить весь снег??!!! Идиоты!! Как будто зимой по нему кто–то активно гуляет, раз летом не дают... Там по колено снега, и вот вчера “обиженные” весь день сперва кидали и сгребали его лопатами в этакие высокие холмы (курганы :), а потом – вывозили со двора прочь. Зачем? Бьюсь об заклад, ни одному из них, ни кому–нибудь из наблюдавших за их работой, кроме меня, не пришел даже в голову этот простой вопрос.

Пока писал – за замерзшим окном показалось солнце, окрасило непрозрачную пелену окна розоватым оттенком. Значит, мороз еще усилится. Будь все проклято – и это солнце, и мороз, и вся моя дурацкая, никчемная жизнь! Сегодня по дороге на завтрак вдруг опять пришла мысль, что, хотя вроде бы и немного осталось сидеть, чуть больше года, – но эту страшную, лютую зиму, которая еще до половины не дошла, я могу ведь и не пережить. Или следующую, – последнюю...

10–07

Подтверждается снова и снова все то, что я знал и понимал умозрительно, со стороны, еще на воле. Подтверждается конкретными фактами, судьбами, биографиями... Один из самых омерзительных, запредельно наглых “обиженных” – пацаненок лет 20–ти, типичный гопник–налетчик по всем повадкам, на днях рассказывал кому–то о себе. Отец, говорит, отсидел 20 лет, а мать – сидит сейчас, и если освободится по “звонку”, то всего у нее получится 18 лет отсиженных. Меня, говорит, мать в 1–й раз взяла с собой на “дело” в 4 (!) года. Они грабили какой–то ларек, и туда никто бы не пролез, кроме 4–хлетнего ребенка. Она меня просунула туда и стала говорить, чтобы я передавал оттуда что поценнее – сигареты и пр., а он ей совал какую–то ерунду, вроде чипсов. В другой раз, говорит, я просто наблюдал (с улицы), как огни “выставляли” чью–то квартиру. И т.д. и т.п.

Вот в кого они такие. Наследственность, однако... Не сами от себя – от родителей, от поколений дедов и прадедов в них это все. И рабство, и скотство, и любовь к халяве, к воровству, грабежу, к насилию над слабым, и холопство перед сильным...

Мразь. Нечисть. Если уж не сжигать в печах – то хотя бы стерилизовать обязательно надо. Чтоб не плодились.

14–32

Еще одна веселуха: почти сразу после утренней проверки подрались 2 “козла” – низкорослое цыганское отродье и тот, прежний, бывший здесь “козлом” еще до всяких раскидываний и переводов. Из–за чего пошел у них “базар”, я не слышал (скорее всего, из–за перекладывания друг на друга “козлиной” “работы”, как всегда), но 2–й “козел”, по словам цыгана, “вымогал” у него, т.е. говорил об этом животном в недостаточно почтительном тоне. Известно же: чем мельче вошь, тем сильнее она надувается важностью и самомнением, требуя всеобщего уважения от окружающих. На слова обидчика цыганская обезьяна уже 2 раза подбегала, сжав кулаки, к его шконке, где тот спокойно сидел, не выказывая ни агрессии, ни даже готовности к силовому отпору. Но когда он сказал, что цыгана “пидарасы” чуть не на ... посылают (что, конечно же, неправда) – тот взбесился окончательно, подскочил в третий раз и набросился с кулаками. Собственно, это была не драка, а избиение, т.к. обезьяна обхватила сидящего противника (почти на 10 лет старше и выше ростом, кстати) за голову, сумела стащить со шконки – и, держа в нагнутом положении, стала бить кулаками по голове и лицу. Успела нанести несколько достаточно сильных ударов и, по–моему, даже садануть его головой об колено, пока растащили.

Пока что (уже после обеда) все это обошлось для обезьяны без последствий – и со стороны блатных, и от завхоза как непосредственного начальства.

Что тут сказать? И так ясно, что все эти животные абсолютно несамодостаточны, ничтожны, лишены всякого смысла, что до мудрости им – как до Луны пешком. Вместо того, чтобы лишь усмехнуться на ругань или любые обидные слова – они в ярости кидаются бить того, кто их произнес. Попытка физической силой заткнуть рот неизбежно в своем логическом развитии влечет за собой попытки контролировать мысли, ибо если кулачной силой можно заткнуть обидчику рот, то думать о себе лучше или как–то иначе его этим не заставишь. И почему, действительно, русскими всегда “рулят” всевозможные обезьяны?..

Все подтверждается еще и еще раз, снова и снова. Нечисть, слякоть, мразь, гнусное отребье. Планктон. Биомасса. Если бы еще просто биомасса, ну живет себе и живет, никого не трогает, –

ну, черт с ней, пусть живет. Но она именно что мешает жить другим, – достаточно вспомнить, что вся эта мразь сидит здесь за кражи и грабежи.

Какое там “революционное руководство биомассой”, о котором пишет Романов!.. Революционное руководство необходимо выковать ля маленького меньшинства приличных людей в этой безумной, больной стране – чтобы под его руководством они навсегда очистили землю от этой мерзкой биомассы!

6.1.10. 14–30

Опять эта мелкая архиблатная гнида навязывает тут, в бараке, “мусорской” режим: после утренней проверки было торжественно объявлено (“доведено”), что банный день у нас – четверг, и в баню ходить всем – только в четверг, ни в какие другие дни; а если уж кому невтерпеж – есть тазики. (Само это чмо моется обычно в туалете, занимая его на это время весь для одного себя, при помощи личного шныря, поливающего его “величество” из большой кружки. Ходящим в баню я не видел его, по–моему, ни разу.) Всё, абсолютно всё – баня ли это, ларек, проверки, столовки, зарядки и пр. – всё и всегда эта мразь своим “авторитетом” заставляет делать именно так и тогда, как и когда велят “мусора”. Но если сказать ей это в лицо – начнется истерика и (м.б., не сразу, но зато целой кодлой на одного) физическая расправа...

Объявление это было сделано сразу после выслушивания мелким чмом устного доклада (доноса) злобна молодца предСДиПа о том, какая история произошла утром с завтраком. Ерунда полнейшая: стремщики “пробили”, что “10–й вышел” (из столовки), а один из шнырей–“дневальных” не донес эту информацию вовремя до предСДиПов, переврал (сознательно или нет – неясно) время – “без 20–ти 7” вместо “20 минут 7–го”; блатная секция, к тому же, очень долго собиралась на завтрак, а некоторые и вообще не встали, – в результате, когда 10–15 человек все же дошли до столовой – на столах, где ест 11–й, уже было накрыто все для 12–го, который приходит последним. Вернулись, не солоно хлебавши, без завтрака, и один старик – лет 60, но еще крепкий, задиристый, постоянно в шутку борется – “сикелится”, как тут это называют – с молодыми, да еще и в ларьке каким–то подсобником работает – разорался, что, мол, безобразие, дайте есть, друг на друга валят (кто именно виноват в срыве завтрака), подъем, мол – давай, а жрать – хрен, и т.п. Абсолютно правильно, между прочим, говорил – но, несмотря на его и старость, и крепость, – оба предСДиПа, злобный молодец и его низкорослый подручный–цыган (парочка, кстати, прямо как у

Соловьева в “Ходже Насреддине”, в тамошней подземной тюрьме; только вместо цыгана там был, если не ошибаюсь, афганец), стали угрожать старику немедленной физической расправой, если он не заткнется. Любая критика, даже по мелочи, однозначно воспринимается ими как повод для физической расправы над критикующим.

Забавна, кстати, реакция мелкого архиблатного чма на эту информацию. Оно сказало – мол, разберемся, и вообще – в таких случаях надо подходить ко мне, будить меня. Т.е., надо разбудить его, чтобы оно своим охрененным “авторитетом” разбудило “мужиков” (обычное его к ним обращение) и погнало в столовую. А если его не разбудят специально для этого – то оно тоже никого не разбудит, т.к. в столовку на завтрак оно почти никогда не ходит и обычно в это время спит. Чтобы будить других – надо, чтобы сперва разбудили его самого!.. :)))

Ну, и все как обычно, ничего нового. Поразительно, правда, что на обед дали сейчас уже не 1, а целых 2 (!!) сосиски. Но – режим свирепеет, из “локалок” и через посты не пропускают, и, несмотря на очень приличный, явно за 20°, мороз, отрядник 12–го и с ним еще какой–то “мусор” держали сейчас всю толпу у столовой, не выпуская, минут 10, а то и 15, и под конец перед открытием “локалки”, как всегда, начали обходить и строить всю огромную толпу в колонну по трое. Дикая бессмыслица этих ритуальных построений так и не стала мне ясна за 2 с половиной года на этой зоне: как только ворота открылись, вся с такими усилиями построенная колонна моментально смешалась и именно толпой, задние в обгон передних, повалила в них...

8.1.10. 8–25

Опять эта злобная мразь пооткрывала почти все форточки в секции, несмотря на лютый мороз на улице (вроде чуть послабее вчерашнего, но все же...). Плевать, что кто–то спит, кто–то болеет (у меня с позавчера опять этот ужасный, мучительный кашель – бронхит), и т. д... Этой мрази “воняет” – и она заморозит всех, вместо того, чтобы пойти жить на улицу самой...

До этого, как всегда, был подъем – с руганью, криками, трясением шконок и выкидыванием какого–то молоденького, тщедушного пацаненка вручную – сперва со шконки, а потом и из секции...

...Зажигается свет, раздаются злобные крики и ругань, трясутся шконки... Народ встает, молча переглядывается между собой – человек хотя бы 10 из 70 или около того в секции. Молча натягивают штаны, снимают со шконок толстые железные дужки – и с ними в руках, всей толпой, подходят к тому, кто больше всех орет и трясет шконки. Он здоровый, физически развитый,

занимается спортом, отжимается, подтягивается... Но против десяти – да даже и пяти – с железяками в руках ему не устоять. Они окружают и забивают его, лупят дужками безжалостно, в полную силу, по чему попадут – по голове, рукам, плечам... Ломают руки, ребра, ключицы, разбивают голову. Потом прибегают санитары с носилками и утаскивают его в больницу (а если забили сразу насмерть – то в морг). Если он выживет – то до конца своего срока потеряет охоту быть предСДиПом, и вообще кем–то из зэков командовать. На следующее утро из оставшихся "козлов" желающих "делать подъем", орать и трясти шконки не находится. Включается свет – и тишина...

Что, уже и помечтать нельзя?.. :))

Мерзкое, рабское, трусливое, покорное быдло позволяет как угодно глумиться над собой любой швали, кто понаглее. Максимум, что они могут – пойти пожаловаться на злобного "козла" в штаб. Это при том, что у них многократное (!) численное превосходство над жалкой горсткой "козлов", да и руки не пустые (те же дужки, да и всяких палок, деревянных и железных, полно). Они, ублюдки трусливые, могли бы успокоить любого в 2 счета – но они не то что (и не только) побоятся, а сама эта мысль даже не приходит в их головы.

Покорное, рабское, тупое, трусливое быдло, которое не сопротивляется само и не защищает нормальных, понимающих свое достоинство людей, среди этого быдла оказавшихся, – главная проблема что зоны (и всех вообще зон!), что страны. На всех этих страшных, легендарных здесь "золотых ветках", на всяких этих жутких "семерках" и " 14–х", о которых по всей области ходят жуткие слухи о тамошних зверствах, – и там отряду в 100 с лишним человек ничего не стоило бы успокоить 2, 3, 5, 10 "козлов", заставляющих по целым дням "труситься в локалке", не дающих даже в секции никому сесть на шконки и т.д. Просто забить всей толпой, запинать этих "козлов", зайти и лечь, а этих – связать и засунуть под шконки с кляпами во рту...

Но трусливая, тупая мразь, рабское гнусное быдло, которым на 99,9% населена Россия, ни на что подобное не способно.

9.1.10. 15–58

Пошел сразу с обеда на 7–й – позвонить матери – и нашел там Маню! Ощущение счастья... Выходим с "телефонистом" на двор, он меня провожает, как обычно, зовет СДиПовца открыть калитку – и тут вдруг со стороны "продола" через забор вбегает... Он сперва было подумал, что это местный, с 7–го, тоже с роскошным мехом, большущий кот Катафосик, стал звать, – но у того–то лапы белые, я сразу заметил, и сердце ёкнуло: неужели Маня?!! Взял ее, засунул под телогрейку и понес "домой", на 11–

й. Она и не вырывалась особо, наоборот – мурлыкать, по–моему, начала еще на 7–м, как я взял ее на руки, а “дома”, как и раньше, стала тереться о мои руки головой, – рада встрече...

А уж как я–то был рад!.. Принес, накормил – и вот она сидит, облокотясь на мою ногу, прижмурилась и блаженствует; а местный кот Васька, при одном виде Мани тут же сошедший с ума, неотступно сторожит ее внизу, на полу, делая по временам настойчивые попытки залезть на шконку и подобраться поближе.

16–18

Едва успел дописать про Маню – вдруг крик и беготня стремщиков: 4 “мусора” с “варочной” (тот конец столовки, где варят; там отдельный выход) к нам на “продол”. Но – не в конец, на 7–й, как обычно, а к нам, “в отряд”! Один по нашей секции, другой – по “маленькой” (блатной), еще 2 – со стороны “балкона” (2–й выход из телевизионной). Тот, что пошел к нам в секцию, долго шарил по проходнякам в том, блатном ее конце – и, как теперь ясно из разговоров, забрал–таки телефон у одного из самых видных СОПиТовцев, работающего в посылочной. 2 раза, пока он искал, вырубался свет – теперь по вечерам, а нередко и по утрам стало “вышибать” “пакетник” в “фойе”. И – финальный аккорд! – все четверо торжественно прошли по нашей секции мимо меня и засели в “козлодерке”. Типичное маленькое происшествие, от которого тут едва ли убережешься... Пока шел шмон и гас свет, я успел на всякий случай засунуть подальше тетради – дневник и стихи.

А пока ходил днем на 7–й, мне повезло. Идя туда, как обычно, спросил у стремщика 6–го барака: есть ли кто на “продоле”. Он ответил: нет, но на “нулевом” (посту, где начинаются оба “продола”) 3 “мусора”. Ясно, что сейчас пойдут с обходом, но я решил все же рискнуть. Только зашел на 7–й – их стрем “пробивает”: 3 “мусора” зашли на 11–й! Если пойдут дальше – я могу столкнуться с ними на “продоле” и “прилипнуть”. Значит, надо ждать, – если пойдут на 6–й (следующий после 11–го по “продолу”), то я скорей–скорей на 11–й; если прямо сюда, на 7–й, – прятаться где–то здесь и выскакивать, как только они зайдут в секции. Успел позвонить матери, поговорить с “телефонистом” (опять денег просит, еще 500 р. на затягивание еще одной “трубы”!..), осмотреть даже их “дорогу” (окно, пролезть в которое вполне можно, но оно высоко и со стороны секции, и со стороны улицы. Но, если будет позарез надо, пролезть в него я смогу.) – “мусора” все торчат на 11–м. И вдруг – стрем – “мусора” с 11–го на “контрольную” (вахту)! Так что я, поймав еще и Маню, вернулся на свой барак совершенно спокойно и беспрепятственно.

10.1.10. 8–38

Они приходили вчера и еще раз – я вхожу в калитку 11–го,а 2 “мусора” как раз выходят и идут дальше по “продолу”. Поднимаюсь в секцию – на моей и всех соседних шконках матрасы и подушки откинуты, – рылись, но у меня ничего не взяли. Общие потери на бараке, по слухам, равны трем телефонам за этот день – 2 в “красной” секции, один в блатной. Там и там по одному забрали, видать, уже в этот вечерний заход. Но я ими не пользовался, так что мне плевать. Так вам и надо, наглые, злобные уголовные суки!.. “Мусора” забегали и ночью, шастали с фонарем туда–сюда по секции где–то около 4–х утра – но вроде без последствий.

Маня, солнышко мое усатое, все еще здесь, провела со мной ночь, и все пыталась, зараза, из открытого отсека тумбочки, в который она любит залезать, выволочь зубами на пол пакет с оставшимся сандвичным хлебом (3 упаковки из 6–ти). Есть–то она его, понятно, не будет – а, видимо, чтобы было побольше места, и устроиться поудобней в тумбочке. Но – увы, теперь, по прошлому горькому опыту, я уже почти не сомневаюсь, что еще день, ну два от силы – и она опять уйдет, не станет здесь жить, как жила в октябре. Ну, а пока она тут, со мной – это счастье...

А вчера все утро, и после проверки, до самого обеда, я лежал – и вспоминал почему–то свою Ленку. Как нахлынуло что–то – десятки, сотни сцен прошлых лет, где мы с ней вместе; и как я сижу и держу ее на коленях, у нее дома, около новогодней елки, а ее мать нас фотографирует (эта фотография у нее сохранилась), и март 2004 года, как я приносил ей в подарок розового плюшевого зайца, и день св. Валентина в 2003, как я приехал и ждал ее с капельницы на “Динамо”, и как мы с ней в Виннице, и я звоню ее отцу из автомата, что она доехала и все нормально, и самые первые кадры – знакомство... И как ходил к ней – зимой ли, весной, в рано темнеющий, сырой, оттепельный февральский или мартовский вечер, по знакомым до боли, до мельчайших уже подробностей дворам и улицам – каждый шаг свой, каждый дом, магазин, остановку, каждый запечатлевшийся в памяти снимок, вид, пейзаж бибиревских домов и улиц, весь этот путь, от своего подъезда до ее – пытался мысленно, не закрывая глаз, вспомнить воочию, представить, пройти заново... Смотрел опять ее фотографии – особенно какая она вдруг неожиданно красивая на последней, прошлогодней; перечитал заново –не поленился достать – ее последнее письмо...

К чему бы это все? Я не знаю. Разобрало вдруг, грусть какая–то нахлынула, светлые воспоминания. Плохое ведь, как известно, забывается, и остается лишь хорошее. М.б., она вчера утром, в это

самое время, тоже вспоминала и думала обо мне? Может быть, конечно. Хотя – по опыту – едва ли...

12.1.10. 9–05

Все повторяется, вся жизнь – по кругу. Бессмысленные, идиотские, пустые дни в этом бессмысленном, злобном, нелепом гадюшнике... Вчера после обеда вдруг сгорела лампа в секции, прямо над моей шконкой, – газосветная трубка, одна из 4–х в секции. И – вот уже следующий день, но света так и нет. Ужинать и завтракать, когда нет света из окон, приходится в полумраке, читать в это время – почти невозможно, писать – ненамного легче. Повторяется идиотская ситуация на 13–м, где 4 месяца жили без лампочки, – но хоть лето было; да и – вызвать монтера сюда было бы проще, чем найти такую вот лампу...

13–й вообще повторяется постоянно: сегодня опять должны массово переводить отсюда, с 11–го, на другие бараки. Из той, блатной секции – кто говорит, что только 10 самых блатных и архиблатных, но, м.б., и больше. Типа, барак хотят сделать весь "красным", а "черных", соответственно, переводят. Но, в отличие от 13–го, – меня–то, конечно, оставят здесь, а мне как раз очень хотелось бы свалить на любой другой барак от местной палочной "дисциплины"...

Все повторяется, как круговерть, кружится тупо и бессмысленно одно и то же... Полоумное цыганское отродье так же кидается на своих и чужих, с этого барака и не с этого (как сегодня утром) – бить морду за каждое кажущееся ему обидным слово. Жизнь в одном вольере с дикими зверями, – какая тоска... Другое животное – злобный молодец предСДиП (тупая, бессмысленная, злобная мразь – несмотря даже на активно читаемые книжки, шахматы и будто бы получаемое тут заочно аж высшее (!) образование) – так вот, одну из его книг дал мне позавчера, что ли, его дружок – мелкий стукачок с 13–го, бывший там любимым, доверенным стукачом отрядника и за это едва не убитый злобным шимпанзе в сентябре 2008 (с 13–го бежал, чуть не сшибя кого–то в воротах). "Истинная правда" Николая Козлова, известного психолога, создателя клуба "Синтон", – ни одну из его книг я так и не сподобился прочесть на воле, хотя желание было. Хорошо, что читаю я быстро, да и написана она легко, – за пару дней уже 2/3 прочел, думал сегодня закончить. Но это злобное чмо вдруг перед завтраком послало одного из СДиПовцев – само даже не изволило подойти! – забрать у меня эту книгу. Типа, само, что ли, решило ее читать, я толком не понял (хотя вряд ли не читало само прежде, чем давать другим). Что тут скажешь? Остается только плечами пожать: хамло есть хамло, быдло есть быдло, и тут уж никакие книжки не помогут...

Элементарно спросить, не дочитал ли я, сколько мне осталось, подождать хоть день–два – этому тупому злобному животному не пришло даже в голову. Ну и подавись!.. Все равно свое мнение о самой книге и об авторе я уже успел составить.

Другое животное – сосед по проходняку, сапожник, бывший СДиПовец, – чтобы кормить своего кота (принес кто–то с улицы подросшего котенка, месяцев 6 где–то, он у нас прижился и очень понравился этому соседу), повадился таскать в столовую консервную банку, из которой я кормлю Маню (Маня, слава богу, пока еще здесь). Кормить кота из моей банки я ему разрешил, а другой банки – с крышкой, чтобы из столовой носить кашу коту – у него нет; так он не придумал ничего лучше, как эту брать туда, чтобы с завтрака и обеда эту кашу таскать. Вчера после утренней проверки хватился – нет банки! Все облазил, под все шконки заглянул (бывает, кошки ее туда затаскивают), – нигде нет! Вдруг является этот дурак из столовки – уже пообедал, и несет эту банку с кашей своему коту. Хоть бы спросил разрешения, идиот! Быдло пьяное, сиволапое, уголовное, 3–й раз сидит... Сегодня после зарядки – хотел было порезать и почистить колбасу себе на завтрак заранее, чтобы придя из столовки – сразу вскипятить чай и начать есть. Так не во что чистить, – этот идиот опять банку в столовку утащил, не сказав ни слова! Припер опять свою кашу, накормил кота – а я из–за него вынужден был резать и чистить только после столовки, потерял уйму лишнего времени на это...

Вот такая идиотская жизнь – среди мрази и быдла. Никто не поможет, ничто не спасет ситуацию, – они совершенно неисправимы, их можно (и нужно!) только аннигилировать. Ну, или на мыло переработать... Миллионы двуногих тварей, тупых, бессмысленных, злобных быдляков, умственно недоразвитых, ни на что не годных, способных только пить всю жизнь, воровать, что плохо лежит, да оттягиваться на более слабых. Такая мразь вокруг меня здесь – и ею же населена страна. Мерзкая, зловонная биомасса под названием “Россия и русский народ”...

14.1.10. 7–52

Итак, я жертвую сегодня своим завтраком ради их “генеральной уборки”. Но есть и не хочется – омерзение к ним ко всем такое, что ничего не лезет в рот. Лампа надо мной так и не горит, пишу в полутьме. Еще до завтрака “дневальный” шнырь вытащил из моего проходняка свою – верхнюю – тумбочку; мою же – нижнюю – он вытаскивать отказался. Она так и стоит на месте, но – только начнешь резать и чистить колбасу, нальешь чай – налетят и поволокут; лучше уж и не начинать. Сейчас эта банда самых злобных “козлов” ушла в баню, но за то время, что они там, я не успею, да и есть, и готовить второпях не хочется, а

придут – начнется свистопляска... Так что с завтраком сегодня я "пролетел".

Какой там завтрак после того, как они выкинули Маню?! Уже 2–3 дня злобная "козлиная" мразь объявила им войну. Вчера вдруг пропал кот моего соседа–сапожника, которому тот носит еду из столовой. Куда бы он мог деться сам, без их помощи?.. А сейчас – пришел из столовки, Маня еще лежала на шконке. Я хотел прикрыть ее полами своей телогрейки, слыша злобные угрозы этого животного предСДиПа, но она, глупая, вылезла из–под нее, задвигалась, уселась на шконке... Вышел буквально на минуту из секции, прихожу – телогрейка моя явно и далеко сдвинута, а Мани уже нет... Мрази...

Окна, как всегда, открыты, по ногам несет ледяным холодом, и сам я мерзну, даже свитер не спасает. Темнота, голод холод... Маня... Да, за свои убеждения приходится страдать вот так – от мерзких уголовных подонков–недочеловеков... Я бы уходил куда–нибудь на эти четверговые утра, с их психиатрическими "уборками" – хоть в баню, хоть на другие бараки – если бы не вещи мои под шконками, в и на тумбочке и т.д. Вернувшись, всего этого можно просто не найти...

9–00

Зашел ненадолго Палыч, прошел по секции, велел выдвинуть ВСЕ абсолютно тумбочки из проходняков – и мою тоже вытащил один из остававшихся здесь "козлов" – поспокойнее, не столь злобный. А те 2 полоумных злобных подонка – предСДиП и еще один такой же, если не хуже – пришли, посмотрели, погавкали еще немного свои угрозы кошкам ("выкину на улицу!" – дурак, как будто она не поднимется снова в барак через час, если она местная. Но Маня, увы, не местная и сама не придет...), порычали, как всегда, на "обиженных" уборщиков – взяли тапочки и ушли в баню! А я–то думал, что они только что оттуда пришли... Ну что ж, слава богу – хоть полчаса еще пробыть тут без этих выродков...

11–25

Все тапки, как всегда, в "обувницу" (целыми баулами), всех кошек – на улицу (кота Васю одна из этих двух злобных тварей ловила и вышвыривала лично на моих глазах, уже вернувшись из бани), все форточки – опять нараспашку, в том числе – прямо около голов спящих на 2–м ярусе под окнами "ночных"... В общем, очередная "генеральная уборка" состоялась. Для меня единственной ее жертвой стала Маня – до слез жалко ее, но увы... Она здесь, в этом бараке, вообще чужая и приживалась с трудом; а сейчас вон – опять пришел только что Палыч, пожаловался, проходя по секции, что в ней "тяжелый дух" (хотя все окна до сих

пор открыты) – и какая–то мразь из того конца секции сразу же радостно заорала: “Задавите всех кошек! Всех кошек задавите!!”. Всех бы вас задавить, недочеловеки, мрази, уголовное отребье…

Тумбочку свою мне таки пришлось задвигать на место самому – бог весть, кто и когда взялся бы это сделать. А то и – простое решение в их любимом стиле: не ставишь ее на место – значит, тебе тумбочка не нужна, и мы ее сейчас выкинем!.. Животные… Кое–как, не поднимая, а потихоньку двигая то один угол, то другой вперед, затащил ее в проходняк. Еще и потому взялся, что, пока она не стоит на месте, есть опасность потери и ее самой, и особенно содержимого (да и дверец ее, из которых одна уже вместе с петлями отваливается, едва тронешь, – шурупы этих петель не держатся в ДСП, в своих старых, разболтанных дырках). Время уже подходило – пошел к 10–30 в баню. С “нулевого” поста выпускать не хотели (с “продола”, точнее) – опять приехала какая–то комиссия, вроде бы еще вчера! 25–я уже с тех пор, как я их считаю, с 14.11.08 г. Но выпустили все же, пошел – народу мало, сразу же нашел себе свободную “лейку” и быстро помылся. Да, при этой проклятой жизни каждая баня и “генеральная уборка” становятся большими событиями…

Анекдотическое событие: вот только что злобный молодец предСДиП, войдя в секцию, сказал: “Б…, что ж здесь так холодно–то?!” – и полез закрывать форточку. Чудо из чудес!.. Все–таки эти злобные твари иногда замерзают – и тогда всем остальным тоже можно немножко погреться, оттаять от их вечного “проветривания”…

12–55

И во последние новости – радостные и совершенно неожиданные. Это животное, эта злобная, наглая, свирепая мразь, еще так недавно ставшая здесь новым предСДиПом –переведена работать в карантин (где уже работала, когда я приехал сюда и сам сидел в карантине в июле 2007) и только что, собрав вещи, свалила с 11 барака!

Отлично! Хоть маленькая, но радость. Только утром эта мразь выбросила мою кошку Маню – и вот ее нет! Вопрос только в том, кто придет ему на смену – скорее всего, еще более злобная и агрессивная мразь…

А в зоне, кстати, тоже новости, причем довольно идиотские. СДиП, типа, ликвидирован; на его месте теперь СПБ – Секция Пожарной Безопасности, которой доселе не было. На самом деле, конечно, это просто переименование: на тех же самых СДиПовских будках–“постах” закрасили надпись “СДиП” и написали “СПБ”, а сегодня на проверку некоторые из СДиПовцев, постоянно носивших на рукаве красные повязки с

соответствующей надписью, явились уже с совершенно новыми повязками, на которых белели большие буквы: “СПБ”. Какое отношение “пожарники” имеют к открыванию–закрыванию “локалок” и “продолов” – никто, конечно, и не подумал объяснить. “Реформа” вполне в русско–советском духе, – чистейшая показуха.

А между собой вся эта шваль теперь называет друг друга “дичь”, прибавляя всякие, конечно, эпитеты. Это – страшное ругательство, за которое некоторые особо буйные кидаются в драку. “Дичь!”, “Дичь!!”, “Дичь!!!” – только и слышно со всех сторон; это словечко заслонило собой временно даже их любимые слова на букву “п”. Видимо, они эту “дичь” выводят из слова “дикий”, или какая–то такая этимология, и о том, что так в русском языке называют только животных, на которых охотятся, многим из этих животных, похоже, неведомо. Впрочем, подобной дичью едва ли соблазнится хоть один нормальный охотник!..

15.1.10. 8–41

Палыч приходил вчера, как обычно, чуть не 10 раз за день. В один из этих приходов, в 5 вечера, он собрал всех в “культяшке” и объявил следующее. Барак будет полностью “красным”; так что кто хочет – пишите и отдавайте мне в воскресенье заявления, кого на какой барак переводить. А также с понедельника начинаем ДЕЛАТЬ зарядку! (Ага, щазззззз... :)

Я, конечно, напишу ему заявление, чтобы перевели на 13–й. Как запасной вариант еще остается 8–й, на самый уж крайний случай – 6–й. Но – я практически уверен, что меня никуда (добровольно, по крайней мере, без давления и борьбы) не переведут. Всех, до одного, не “красных”, кто тут еще остался, – переведут, а меня – хрен!.. На 13–м, говорят, ремонт уже закончен – по крайней мере, в большой секции уже живут. Ну что ж, попробуем!..

Также Палыч разочаровал публику, исступленно ждущую амнистии (даже в письмах им об этом с воли пишут, там тоже ждут и верят :) и заодно сообщил, что ликвидация СДиПа – это приказ Реймера, нового начальника ФСИН, в рамках обсуждаемой сейчас широкомасштабной, до 2020 года, реформы всей лагерной системы. Ликвидировать зоны, вместо них ввести тюремное содержание и колонии–поселения, и т.д. и т.п. Очень много треску и шуму на этот счет; и чуть ли не сам Медведев, по слухам, выступил с этой темой по ТВ.

Однако то, КАК это выполнили здесь, в Буреполоме, лишь подтверждает то, что я умозрительно, теоретически знал и ранее. Любые попытки реформ, европеизации, гуманизации в этой дикой, тоталитарной, полностью замороженной стране всегда

были и будут вот именно такими – жульничеством, надувательством, показухой. Сменой вывески, в лучшем случае – какими–то вешними, косметическими изменениями, не затрагивающими сами глубины, саму суть этого вселенского Зла, на котором, как на фундаменте, стоит Россия. Будь это разделение КГБ на отдельные части и переименование в ФСБ – вместо полного его упразднения (сейчас эти части опять благополучно срослись обратно, включая даже погранслужбу). Будь это простое переименование СДиПа в Секцию Пожарной Безопасности (поистине, святая простота!) с сохранением за ней всех тех же функций (не пускать без "общественника" ходить по зоне).

Все это в точности то самое, что описывает Нестеренко в своей шикарной "Эпитафии пассеизму" (1996 г.), говоря о России и о результатах "перестройки" и ельцинских "реформ" в ней:

Она под декларации
Про некий новый путь
Сменила декорации,
Но сохранила суть.

16.1.10. 9–02

Вчера после обеда случилось маленькое чудо: кошка Манька, выброшенная накануне (и, видимо, в окно), пришла ко мне сама!! Я аж глазам не поверил, когда сидел, читал – и вдруг заметил ее на полу в проходняке – холодная, чуть влажная (с улицы!), озабоченно вертит головой и оглядывается в поисках пищи. Я накормил ее, конечно, погладил, приласкал – сам был на 7–м небе от счастья, что она явилась, – и она, довольная, улеглась на свое место.

Но – недолго музыка играла. Пошел на ужин, оттуда – к "телефонисту" (удачно), потом – сразу на проверку. Поднимаюсь в барак – Мани уже нет. А сосед–сапожник, которого я спросил, говорит: да, вон там (в "козлином" углу) говорили про какую–то кошку, что ее за ноги и об стену...

Даст бог, она все же живая и еще, м.б., придет. Или я сам потом найду ее. А пока – моя жизнь день за днем, год за годом протекает среди выродков, мутантов, недочеловеков...

А потом началась опять уже подзабытая было мной война. Вместо ушедшего (завхозом!) в карантин злобного идиота–предСДиПа назначили нового – не такого злобного, но и не больно умного; еще недавно он работал в посылочной, имел свой телефон и был одним из самых видных СОПиТовцев. На второй день своих новых обязанностей это чмо уже сильно заинтересовалось тем, почему это я не выходу "на проверку" в 9

вечера, “как все” (хотя проверка в 9–30). Прежний знал и не трогал, и другие “козлы” тоже, – вроде бы через завхоза “телефонист” немного прочистил им мозги (по его, правда, информации). Этот – стал докапываться, почему я не выхожу; чем я отличаюсь от всех; что я, самый умный, что ли; и т.д. и т.п. Я неплохо отвечал на все вопросы, причем лежа, не поднимаясь (почему–то, я заметил, все такие самые важные разговоры–конфликты я здесь веду лежа :). Мы еще поспорили с ним, буду ли я выходить, как все, или нет: он говорил: “Будешь”, – а я: “Нет, не буду, и не заставишь!”. Из стоявшей с ним толпы “козлов” только цыганенок советовал этому новичку не трогать меня – видимо, еще помнит, что ему обо мне говорилось. Под конец новый долговязый предСДиП сказал мне (дословно): “Тебя можно только убивать!” – и отошел, ничего не добившись (хотя до этого обещал, что если я не буду выходить “вместе со всеми”, то меня будут “выносить”). Независимо от того, было ли это желанием меня уничтожить или же признанием того, что меня убить можно, а сломить нельзя, – я считаю, что этот раунд я выиграл.

Потом были уже вроде бы сущие мелочи. Я немножко подождал заходить после проверки, но все равно – на входе в секцию еще стоял поставленный там “козлами” “дневальный” шнырь и пытался воспрепятствовать зайти в одежде и обуви. Меня он спросил: “Где обувь?” – я показал на свои ноги в “котах” и прошел, не обращая на него больше внимания. Потом цыганское чмо вдруг вздумало – так, полушутя пока что – докопаться, мою ли я ноги (СДиПовцев и прочих они заставляют перед сном мыть – пихать ноги по очереди в высоченный, выше метра, умывальник, что для меня физически невозможно, да еще и под холодную (!) воду. Потом, когда уже погасили свет, они начали – эти дни у них и на сей счет очередное обострение – заставлять всех, у кого были при себе телогрейки (ими народ накрывается поверх тоненьких одеял), относить их в раздевалку. Под нелепым предлогом, что “телажки не должны здесь быть” (почему не должны? Кто это определил? Кому помешали??! Нет ответа – только традиционное “Не положено!” и классический “административный восторг” по Достоевскому) – они, если сам не уберешь, могут просто забрать ее ночью, пока ты спишь, и выбросить – хорошо еще, если в раздевалку, а не на улицу и не в помойную бочку...

У меня “телага” висит внутри пространства шконки, да еще на таком хитром проволочном крючке – хрен снимешь, если не знать, да еще в темноте, – проще уж оторвать петлю. Мне вроде по этому поводу и не говорили ничего, но я никак не мог заснуть, часов до 12–ти, и все, уже в полудреме, поднимал голову

посмотреть – не утащили ли. Просыпался и еще раза 2–3 за ночь, а с 4–х утра – уже не мог заснуть и лежал, время от времени зажигая спички, чтобы посмотреть на часы. М.б., все же и заснул бы часам к 6–ти – но тут уже подъем, надо вставать, одеваться, прятать одеяло... Спал дай бог 4 часа за ночь, а то и меньше – прямой итог всего "веселья" предыдущего вечера, плюс ночных мыслей о том, что, видимо, и сегодня вечером опять предстоит эта война с "козлами" за 20 минут лежания на шконке, за нахождение одежды и обуви ночью при мне, и т.д. Борьба эта может ведь с каждым днем еще и ужесточаться, свирепеть, и на сколько меня так хватит – неизвестно...

Утром – мороз явно за 20°, а м.б. – и к 30–ти уже, но включили зарядку – пришлось выходить (а ни один "мусор" к нам не зашел, все – мимо). Начинаются крещенские морозы; в Москве, говорит мать, обещают до 30°, ну а здесь – могут дойти и до 50–ти...

15–38

Новая напасть: выключили еще утром свет. Авария, короче: какие–то 2 автомата у них там сгорели, – в общем, свет включить администрация не может, надо эти автоматы менять, а их нет. Все это – по слухам и разговорам, естественно; но, тем не менее, с утра, часов с 10 примерно – ни света, ни воды, а на улице – морозище за 20°. И неизвестно, дадут ли сегодня свет вообще...

17.1.10. 8–35

Короче, масса впечатлений!.. :))) Света не было вчера весь день, до 11–ти или 12–ти ночи, а на 11–м и 1–м бараках (м.б., и во всем корпусе – также на 12–м и 5–м) его нет до сих пор. Нет и воды – вообще нигде (только что ходил на 6–й проверить – свет там есть, но воды нет), включая столовку – почти все краны там вообще скручены...

Вчера, когда стемнело так, что уже нельзя было читать, после 4–х вечера где–то, я лег, укутав ноги телогрейкой, чтобы не мерзли – и так пролежал до самой 7–часовой проверки, не пошел даже на ужин (да и не я один не пошел). Было так здорово: главное – тепло ногам, отчасти даже жарко, и от них тепло всему телу. В такой мороз это просто счастье – ноги в тепле, живые, не замерзшие, как льдышки, как тут обычно бывает...Ну, и темнота, конечно, – такое счастье... Конечно, носились и бесились в темноте, как и при свете, эти мрази, малолетние ублюдки, тузя друг друга, катаясь и валяясь по полу и по шконкам. Есть тут одно совершенно невменяемое, но при этом, как обычно, физически хорошо развитое животное, лет, говорят, 23–х. Единственный рефлекс – бить тех, кто слабее (шнырей и пр.), – оно так развлекается. Бьет, типа, в шутку, но весьма

чувствительно, судя по воплям жертв. Вот эта тварь в темноте носилась и кидалась на всех, а они от нее бегали, едва не сшибая и не валя на пол шконки. Изредка кто–то зажигал свечку, а больше – ходили с фонариками да жгли спички.

Была наивная надежда, что не будет и проверки в такой темноте. Но нет – погнали, причем проблему решили просто: всех, у кого “постельный”, тоже выгнали на улицу, чтобы все 100% народа считать там.

Быстро оделся, обмотался шарфом, вышел. Холодина, небо – черное, бездонное, усыпано тысячами ярких звезд. Темнота какая–то мертвая, света нет нигде, и только далеко, на запретке, где–то у карантина, горит фонарь. Черное небо, звезды и столбы белого пара из бараков... Нетривиальное зрелище, где на воле такое увидишь, тем паче в Москве?..

Посчитали, зашел в барак – вроде уже не так холодно, укрываться уже не стал, просто лег. На 2–ю проверку выгоняли заранее, не как на предыдущую – в последний момент. Вышел – и не узнал знакомый пейзаж! Небо уже вовсе не черное, как 2 часа назад, а какое–то бледно–бледно–темное, туманное, как бывает летними ночами. Со стороны “продола” и “кечи” (хоздвора) за ним оно озарено большим красным заревом, непонятно откуда. Со стороны того “продола”, 5–го и 8–го бараков – зарева поменьше, но почти все небо красное, и звезд никаких нет. У нас во дворе горит костер, и только поэтому, м.б., я понял: зарева эти – тоже от костров, в полной темноте их свет достает аж до неба. И лишь позже, попристальнее приглядевшись, над нашим двором, где зарева не было, увидел, наконец, и звезды, но – бледные–бледные, их было буквально еле видно, только если приглядеться как следует.

Что ж, света нет, день окончен – и слава богу! Пришел, вместо ужина съел последний рулет из ларька, купленный еще в четверг, запил чуть–чуть водичкой (хорошо, еще до отключения света успел налить бутылку) – и лег спать. Тут как раз явился завхоз с известием, что сейчас (!) свет дадут, но в секции его включать не будут – идите умывайтесь, мойте ноги и пр., если хотите.

Я не стал ждать, но просыпаюсь ночью – никакого света нет ни в “фойе”, нигде. Раз проснулся в 12, потом еще... И вдруг – где–то часов около 4–х в “фойе” зажегся свет. Уж обрадовался – нормально хоть позавтракать – но он вдруг, через минуту примерно, погас. Что за ерунда?..

Короче, подъем в темноте, в холоде ужасном, потом поплелись в “шушарку”. Там свет есть, воды – нет, краны скручены. Пришел, позавтракал всухомятку – чем мыть руки?

Снегом, как в том году раз, уже здесь, на 11–м. Вышел, не одеваясь, натер, помылил, натер снегом еще раз, и заодно пошел на 6–й – там свет есть, но воды нет. Мизинец на левой руке в результате чуть не отморозил – когда пришел в барак, он уже потерял чувствительность, одеревенел, а потом начал ужасно болеть.

Сижу, пишу все это – подошел ночной, любитель моей Мани, которую он за пушистость прозвал Белка. Рассказал: оказывается, вчерашнюю аварию не исправили до сих пор, а свет – это просто "накинули" тонкие провода с воли. Но на водокачке света нет, она не работает, а воду для столовой возят пожарными машинами – скорее всего, с "промки", там есть своя водокачка, а м.б., и с воли.

В общем, опять жизнь в режиме ЧП, причем в мороз, и воды нет, пить нечего – это самое неприятное. И хотя все надеются, что починят сегодня, сколько это реально продлится – неизвестно...

10–45

Сидел, переписывал все это (предыдущее), – ноги опять ледяные, надо греть... Пришел утром Палыч, я пошел, отдал ему заявление о переводе на 13–й. Разговор был в "козлодерке", где завхоз еще лежал в постели, а Палыч сидел за его столом. Взглянув, сразу сказал, что меня никто на 13–й не переведет. Я ответил, что пусть он все же там спросит, а у меня есть и другие варианты, если надо – я другое заявление напишу. Тут же он сказал завхозу "пока накапливать" эти заявления – как я и думал, я принес свое первым из всех.

18.1.10. 8–35

Свет все–таки включили вчера после обеда, несмотря на все мрачные слухи. Но – воды на 11–м бараке нет до сих пор! То ли, говорят, трубы замерзли, пока сутки не было света, то ли аж сама водокачка. Тем не менее – сразу с обеда вчера пошел к "телефонисту" звонить матери – смотрю, а у них там народ толпится возле умывальника и набирает воду! Отзвонился (оказывается, она сама прозвонилась–таки накануне часов в 8 вечера, в самое тяжелое время – и "телефонист" успел–таки ей сказать, что света нет. Ну ладно...) – и на 11–й за бутылкой, и опять на 7–й за водой. Набрал полную бутылку – обеспечил себе нормальный ужин и чай. Но вода на это ушла вся, до капли. Народ в это время, перед последней проверкой, уже начал ходить за водой куда–то в баню, точнее, в прачечную при бане. Я там ни разу не был, а лазить тут по всяким незнакомым местам и натыкаться на всяких злобных хамов – дело малоприятное. Поэтому решил после чая, в начале 10–го, сходить еще раз на 7–й – вдруг там вода еще не кончилась. И точно! – сходил, удачно

набрал еще целую бутыль, из которой пил чай вот уже сейчас, на завтрак. А с утра – оказалось, что дали воду и в столовке! Чудеса... Так что, если не будет на 11–м воды до обеда, я возьму с собой на обед, в длинном внутреннем кармане "телаги", эту бутылку: так я хотел опять сразу с обеда идти за водой на 7–й,а теперь – налью прямо в столовой...

Вот такие дела. Год за годом, летом ли, зимой, осенью – нормальный быт, приемлемые условия жизни, самые элементарные, они здесь обеспечить не могут. То специально отключают свет на пару суток, снимают провода, меняют столбы, и т.д. То – зимой, в лютый мороз!! – электрообеспечение сгорает, а водопровод замерзает! То баня ломается – котлы, трубы, дрова и т.д. – я уж про нее и не говорю... Каменный век, короче.

Кончилась 62–я неделя до "звонка", отмеченная вот этой крупной аварией. Началась 61–я, сегодня понедельник. Кстати, зарядку, вопреки наказу Палыча, сегодня утром никто не делал, более того – часть СДиПовцев добилась открытия калитки и свалила еще до ее (зарядки) начала.

В Москве – крещенские морозы до 30°, а здесь – неожиданно стало теплее! Уже вчера вечером, на последней проверке, шел легкий снежок и было вполне нормально – градусов 15, не больше (если, конечно, мороз можно назвать чем–то "нормальным"!.. :). Сегодня утром тоже, – было даже не очень внапряг гулять на этой проклятой "зарядке"...

14–15

Попер вдруг, типа, сплошной позитив. :))) Аж самому смешно. Воду таки дали утром, где–то часов в 10–11. Мой сосед–сапожник принес обратно с улицы (еще вчера возле барака им замеченного) своего молоденького кота. Еще и года нет; такой прелестный, просто чудо! Вон, лазит сейчас по шконке и тянется на задних лапах к тумбочке, к куску хлеба, пока я пишу. Небольшой, серый, пестренький такой – похож одновременно и на совенка, и на песца, и на хорька, видимо (хозяин–сапожник так его ласково и зовет: "Хорек"). Выкинули его, разумеется, сволочи – уже несколько дней, как пропал, и лишь вчера нашелся, а сегодня – уже дома.

А с Маней–то какие чудеса творятся! Она – потрясающе! ни больше, ни меньше! – научилась приходить сама ко мне, в еще недавно чужой для нее барак!! До сегодняшнего дня ее выкидывали, считай, каждый день, но – она уже трижды возвращалась. Теперь я за нее спокоен: если и выбросят опять – она придет. Дорогу она запомнила. А молодому серенькому "совенку" только предстоит еще этому учиться...

Ну и наконец – пришел только что с обеда – обед был вполне

приличный! И 1–е, и 2–е можно было есть!!! :) Суп – типа “борщ”, с приличным количеством овощей, – только кинуть для вкуса пол–бульонного кубика – и можно есть, да еще горячий, не остывший! И на второе – картофельное пюре с нарезанной в него сосиской, причем сосиски было реально много!!! Чуть ли не столько же, сколько картошки!.. Просто потрясающе!.. Кто бы осенью–зимой 2007 года, в эпоху ежедневной тоскливой капусты с водой и сечки сказал бы мне, что придет время – и в Буреполоме зэков будут сосисками кормить, причем не только по праздникам, но и в будни, – я бы ни за что не поверил, хоть убей... Вот только кошкам ничего не принес – придется кормить их своими домашними запасами.

...Позитив позитивом, но расслабляться, конечно, нельзя. Беда таится где–то в темноте за моей спиной и не заставит себя долго ждать – она сама только и ждет, чтобы я блаженно расслабился и забылся...

Мне осталось тут 426 дней, или год и 2 месяца.

20.1.10. 14–15

...До дрожи, до омерзения... Аж выворачивает, как вспомнишь это все... Эта жизнь среди зверья... “Жжживотный мммирр!..”

В 5 утра, до подъема, стало вдруг плохо мужику на верхней шконке напротив меня, недавно только выписанному из больницы и там поселенному. Годам к 50–ти, высокий, черный, угрюмый, без признаков какого–либо образования или выдающегося интеллекта. Типичное никчемное, примитивное, как трава, алкоголизированное быдло, которым и населена Россия. Помню, 1–й день как пришел – все сидел в “фойе” на табуретке, почти весь день; дали верхнее место – “как памятник” (по выражению его соседа) часами сидел на нижнем; и уж, видимо, совсем изнывая от скуки, просил у меня газеты почитать...

Короче, у него начался приступ эпилепсии – судороги и жуткие стоны вначале. Я уже не спал, собирался вставать – и поймал начало этого процесса. Темно, все спят. Первым обратил внимание последний из оставшихся по–настоящему злобный “козел” со 2–го барака – позвал “ночного дневального”. Тот – 20–летний, огромный, “шумоголовый”, ярко выраженный даун (причем даун злобный!), живший в соседнем со мной проходняке на 13–м еще в 2008 г. и доводивший до белого каления Сапога, – подошел, посмотрел. Пошел, вызвал санитаров из больницы. Когда они пришли с носилками, больной уже очухался – включили свет, и он смотрел на них, уже будучи в сознании. Они не стали его забирать. “Ночной” даун до подъема подходил еще 2–3 раза – убедиться, все ли нормально.

Что сразу поразило, и из–за чего я вообще этот эпизод так

подробно описываю, – поразила откровенная, неприкрытая злоба, почти ненависть к этому бедолаге всех тех, кто “по долгу службы” (“козлиной”) должен был с ним возиться. “Ночной” даун сказал что–то несколько раз в том духе, что хорошо бы его сильно ударить, избить и т.д. (разумеется, выражения он при этом употреблял куда более эмоциональные). Потом тот злобный “козел”, выгоняя всех на зарядку, стал тоже с какой–то утробной ненавистью сгонять его со шконки – мол, иди в больницу! (Мог ли он уже сам идти в это время?..) На зарядку пришел Палыч, постоял в секции, посмотрел на все это, поговорил с очевидцами – и велел отвести в санчасть, сказав, что 3 приступа за ночь – это чересчур (до подъема с ним случился еще один приступ, послабее первого, вследствие чего, по–моему, точно уже не помню, и вызвали санитаров, но трех я не видел).

После завтрака – возвращается этот бедолага: не взяли в больницу! Мест, что ли, нет, или еще что, – я толком не понял. Уложили его на шконку “дневальных” в соседнем со мной проходняке. В 9 утра – звонят из больницы, чтобы его срочно вели туда. Повели. Полчаса не прошло – опять возвращается, ложится на то же место. Таблеток ему, что ли, каких–то там дали, судя по разговорам.

Пролежал он недолго, – опять приступ! Кошмар, – судороги, аж колотит всего. Опять вызвали санитаров, которые, однако, явились со своими носилками вовсе не сразу. Сперва его загрузили на эти носилки, потом – видя, что он опять пришел в сознание – стали с них поднимать, чтобы вести в больницу так, пешком. Понятно, что ни идти, ни стоять он не может, даже если и в сознании, и глаза открыты. Но санитарам это пофигу, они его поднимают пинками! Один, а то и 2 раза его точно пнул один из них, а вся собравшаяся вокруг и наблюдавшая издали со шконок барачная публика осыпала его в это время руганью. Пришедший из штаба (он сейчас там “дневальный”) злобный “козел”, грозившийся в том году убить мою кошку, тоже посоветовал избить этого несчастного посильнее, – мол, у него сразу все пройдет... Что–то на тему избиения, очень злобное, бросил и завхоз, проходя мимо. Единственный мотив, почему они вообще вызвали санитаров и вообще как–то обращали внимание на этого несчастного эпилептика – “еще подохнет тут, отвечай потом за него...”.

Незабываемая сцена: санитары, подгоняя пинками и вцепившись в одежду, поднимают больного с носилок, чтобы топал в больницу сам (им неохота его тащить), а он валится, как куль, не может стоять... Где еще такое увидишь?..

Мораль проста: это жизнь среди злобного, свирепого,

конченного отребья и мрази; человеческого в них нет ровно ничего, и если тебе доведется среди них умирать – не только помощи от них не дождешься, но еще и ногами будут тебя пинать, чтобы подох скорее... Стоило потерять 5 лет жизни и спуститься в этот ад, чтобы воочию убедиться, что такое бывает. И ЧТО после этого все заклинания записных гуманистов и человеколюбцев, типа Е.С.? Чего стоят их прекраснодушные разглагольствования о гуманизме, добре и всеобщей любви к ближнему? Не говоря уж о попытках помогать и всячески облагодетельствовать этих тварей, это двуногое зверье, потому что из наивных гуманистов–правозащитников и прочей подобной публики эта порода двуногих всегда умеет выдавить слезу, прикинуться несчастными жертвами произвола – и развести на деньги или еще какую–то выгоду для себя. Наедине беседуя или переписываясь с такими "благодетелями" с воли – о, они все хорошие, добрые, совестливые такие, – ну прямо ангелочки!.. И лишь спустившись к ним, в их преисподнюю, проведя бок о бок с ними годы – можно воочию убедиться, какая это хитрая, злобная, подлая мразь и нечисть – уголовники, и какой – их отцами, матерями, братьями и ими самими после освобождения! – мразью населена Россия!..

21.1.10. 15–23

Четверг. На этот раз все обошлось удивительно тихо, спокойно и удачно, – вся эта их "генеральная уборка". Пока большинство животных во главе с наиболее злобным "козлом" было с утра в бане, – другие животные, "обиженные", вдвоем быстро вымыли здесь с мылом и вытерли весь пол, так что вернувшийся злобный "козел" – чудо, да и только! – на них не орал и перемывать не заставлял. Тумбочку мою сегодня, слава богу, выдвигать никто даже не пытался и не предлагал мне; боюсь, что они займутся этим в следующий четверг, когда я буду на длительной свиданке. Из–за расширения "32–го квадрата" (пришел еще один парень с 3–го барака) вчера моего старого злобного соседа по шконке переложили наверх напротив меня, а на его место лег "ночной" – не тот злобный даун, о котором я писал вчера, а другой, более–менее нормальный. Он и злобный даун над ним – днем, 2 дневных "дневальных" на этих же местах – ночью. Так что после подъема в соседнем – крайнем от "петушатника" теперь – проходняке спят "ночные", и выдвигать там тумбочку – некому...

Завтракать, правда, я опять не стал – никто не знает, в какой момент им вздумается налететь и поволочь тумбочку. Удовольствие мазать белый хлеб маслом я оставил себе на завтра (тем паче, что свежий хлеб только сейчас, после обеда уже, купил в ларьке). Съел только 2 банана – последние из 4–х, купленных

там же еще во вторник, когда ходил туда с “телефонистом” и опять отдал ему чуть не 300 рублей – на его день рождения, видите ли...

После 10 утра пошел в баню. Мороз на улице безумный, градусов 30, не меньше, – “крещенские морозы”, будь они прокляты вместе с “крещением” и самим Иисусом Христом! Пока дошел, держа в одной руке палку, в другой – пакет с полотенцами и пр., – пальцы почти совсем отмерзли, а идти тут пару минут всего. Народу в бане было всего несколько человек – 2 с 11–го, остальные с 12–го, самого блатного барака, т.к. сегодня и их день. Быстро помылся, оделся, пошел обратно в барак. Потом – обед, и опять мерзкая пустая перловка с накрошенной в нее морковью на второе, в новейших – вчера только впервые увидел – мелких пластмассовых тарелочках. Для супа глубокие, для второго мелкие завезли, – прямо ресторан получается!.. :))

Захватил этой перловки для Мани, – она так и живет у меня, пока ее не выкидывают. (Прихожу с проверки или откуда еще, – ее нет. Ну, думаю, опять выкинули. А она вдруг из–под шконки вылезает... :) В ларьке был аж сыр – купил небольшой кусочек, на 1 раз поесть. Но Маня, сволочь ушастая, понюхала – и не стала есть перловку (явно ей запах не нравится, – м.б., это из–за моркови? Раньше она перловку ела.), а когда я предложил ей сыр – вроде бы стала, но и сыр у нее как–то не пошел. Пожует – и он выпадает у нее изо рта, и она не спрыгивает его подбирать. Чем ее, паразитку, кормить – хрен знает...

Осталось мне 423 дня, РОВНО 1 год и 2 месяца, 60 1/2 недель...

22.1.10. 12–25

Холода ужасные. Совершенно отмерзают руки, когда гуляешь перед проверкой. Ноги – ледяные...

Маню опять вышвырнули. Как и в тот раз – перед самой проверкой она опрометью, откуда ни возьмись, пробежала по двору и – через забор – на “продол” в сторону 7–го. Надеюсь, придет.

Очевидец в бараке потихоньку сказал: заставляют ее выбрасывать “петуха”. Заставляет тот самый злобный “козел”, мразь. Я, если честно, думал на другого... “Чтобы ни одной кошки в отряде не было”.

...Вот они стоят, рядом со мной, на проверке, только руку протянуть, – этот “козел” и тот, на которого я думал. злобные мрази, настоящие выродки. Злобные настолько люто и беспредельно – кажется, что эта злоба исходит из них тихим гудением, как гудят под высоким напряжением провода. И едва дотронешься хоть кончиком пальца – эта злоба испепелит любого.

Нелюди, выродки, нечисть... Я смотрю на них, на их тела и самодовольные хари – и мне нестерпимо хочется превратить их живую плоть, целиком, с обувью, одеждой и черепами, в кровавый, сочащийся кровью фарш...

24.1.10. 8–25

Проснулся ночью ровно в 3 часа – и уже не мог уснуть до самого подъема. (Просыпался, естественно, и до этого пару раз.) Тошно, отвращение, омерзение ко всему буквально давит и душит, не дает дышать. Опять эта едкая, злая тоска, как была она и в 7–м году, и в 8–м, когда сидеть еще было долго, впереди были годы неволи. Сейчас вроде срок к концу, и все равно, – еще год целый среди этой нечисти, мрази, быдла, этих животных??!!!... Просыпаешься – и не хочется жить...

Начинаешь копаться в себе, анализировать – и среди этого океана тоски всегда оказываются какие–то более конкретные, материальные причины, как подводные камни. Из–за чего, из–за кого же я опять не сплю ночами?

Из–за этого мерзкого малолетнего ублюдка, щенка–"обиженного"? Которого тут все бьют, пинают (даже руку в том году сломали, на "пятерку" ездил) – и, как теперь выясняется, не зря? Выпросил сам (сам!!), мразь такая, еще в четверг, сразу, как я пришел из бани, вещи стирать – "вот прямо сейчас выстираю!" – и уже 4–й день они валяются на батарее в "фойе", он и не думает их стирать! То – на мои вопросы – говорит, что тазик занят, как освободится – он сейчас постирает. (Тут, как и на 13–м, началась та же беда – нет тазиков для стирки, всего 1 или 2.) Освободился – а этот хмырь тем временем свалил "на территорию", чистить снег где–нибудь около посылочной (это тоже его здесь "обязанность"). Или еще хуже – эта тварь начинает в глаза мне врать, что уже постирала, где–то там повесила, – подхожу, смотрю на батарее – все как лежало, так и лежит. Сперва в пакете, потом этот ублюдок выклянчил под какие–то свои нужды и мой пакет – мол, как постираю, пакет сразу отдам. И пакет теперь, скорее всего, пропал, и вещи мои – валяются, как куча какого–то ненужного тряпья, того и гляди – упадут на пол, и их выметут, выбросят, – мало ли тут бесхозного тряпья валяется; один носок упадет – и все, второй тоже не нужен! А наглая эта мразь, лет 20 ей, знает только одно: жрать, жрать, жрать! Когда стоит около туалета – дежурит, чтобы его "проливать" – жрет беспрерывно, круглосуточно. Пока не обманула (фактически) меня в четверг со стиркой – регулярно, по многу раз в день, подходила ко мне клянчить хлеб, и я, бывало, весь столовский хлеб отдавал этому чму, когда у меня был ларьковский или вольный (сандвичный). Ну, подойди только, мразь, теперь!.. А

вещи, если не выстирает сегодня до вечера, придется забирать вместе с пакетом и отдавать кому–то другому...

А может быть, я не сплю из–за своей Ленки? “Своей”!.. Стал вспоминать недавно – с августа, когда она прислала собственного изготовления открытку к моему д/р, от нее не было ничего. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, вот уже почти весь январь прошел, – ни звука! И дозвониться ей не получается, она не берет трубку. В том году, как я и писал ей в том, где всё от души высказал, письме почти уже год назад, в том году она прислала мне 2 письма, из коих одно – запоздалое поздравление с Н.г., написанное еще в декабре 2008, а отправленное только в феврале 2009–го; второе – ответ на мою резкую реакцию по поводу этого письма; в этом ответе она писала, что любит меня по–прежнему, и просила принимать ее такой, какая есть, даже если она в чем–то неправа (раньше такого допущения даже нельзя было от нее и ожидать!). Плюс – открытка к моему д/р. И все! В этом году – пока нет вообще ничего. Будет ли хоть 2–то от нее письма за 2010 год? В советские времена на строгом режиме было ограничение – 2 письма в месяц, но, если бы у меня не было никого, кроме нее, – для меня и это было бы слишком, слишком много. В месяц 2 письма, а тут – в год!..

Интересно, если я в 2010, последнем году моей отсидки, не буду вообще писать ей, поздравлять ни с 8–м марта, ни с днем нашего знакомства, ни с ее д/р, ни с новым (2011) годом, – она потом, в 2011–м уже, хотя бы вспомнит, что я вообще–то должен был уже освободиться? Если я, вернувшись домой, не буду ей сам звонить, не пойду к ней (т.к. трубку она не берет) лично и пр. – она хоть вспомнит, что срок мой уже должен был кончиться? Хоть попробует что–то узнать, где я, что со мной, как–то напомнить о себе? Через свою любимую Санникову хотя бы?.. Я сильно подозреваю, что нет, и что, не появись я сам, по своей инициативе – она будет “любить” и “ждать” меня до конца жизни, даже не вспоминая, не интересуясь, где я и что со мной...

На улице все такой же страшный мороз, явно за 30°, по крайней мере, с утра, когда ходили на завтрак. Кончики пальцев на правой руке, которой я держу палку, за 2–хминутную дорогу успевают замерзнуть до того, что потом сильно болят, – еще немножко, и обморожение. Кошмарная, страшная, жуткая зима, и никак она не кончается... Думал, что страшной будет та, прошлая, готовился морально, мучился, писал об этом в дневнике, ждал – а она оказалась не такая уж страшная (в смысле холодов, по крайней мере). Страшнее была весна 2009 – и болел, и язвы на ногах жуткие, ходить почти не мог... А к этой зиме – с переездом на 11–й, с устройством тут “козлятника”, с “наворачиванием

режима", выгонами в 9 вечера на проверку и пр. – некогда было особо готовиться, думать о ней, бояться – какая она будет, эта зима2009/10. И вот – нА тебе, пожалуйста!..

А Маня, кошка, так и не пришла. Рано я обрадовался, что она научилась сама приходить, дорогу запомнила. Вот уж скоро двое суток, как нет ее, мерзнет где–то на улице... Мрази, злобные твари, кто ее выкинул, – будьте вы прокляты!!!...

14–18

Вверх–вниз, вверх–вниз целый день, туда–сюда, да по лютому морозцу! Из барака и в барак. Вверх–вниз, туда–сюда.. Зарядка–завтрак–проверка–обед–ужин–вторая проверка–третья проверка... Пришел утром Палыч, сказал, что мороз на улице 35°, отопление не выдерживает... Палка соскальзывает с обледенелых – крохотных совсем! – плоских перекладинок барачной лестницы; я подолгу нащупываю на них упор, прежде чем спуститься на каждую следующую ступеньку. Нередко при этом палка таки соскальзывает – лишь каким–то чудом я еще не грохнулся с лестницы ни разу...

Невыстиранные вещи так и лежат на батарее – уже почти 4 дня. Что делать? Брать палку и идти бить эту мразь?

С обеда зашел к "телефонисту". Очень удачно: вчера, только к нему сходил, вернулся в барак – кричат, что горит (!) 7–й СДиПовский пост (пардон, теперь СПБ–шный :), как раз открывающий их "локалку". Сегодня: пост пустой и без крыши (она – деревянная – видимо, сгорела), "локалки" все открыты. Ни Палыча, ни их отрядника, все тихо. Очень удачно! Захожу, а эта мразь... спит! 3–й час уже, обед прошел – это чмо спит себе, а второго его соседушки – нет... Сходил, называется...

Опять, пока пишу, перекладывают – омерзительного старого чмошного хмыря, у которого, говорят, вши, – надо мной, а теперешнего СОПиТовца – на его место. Опять будет та же морока, что на 13–м. Собственно, она уже и есть: я сплю в самом начале секции, около "32–го квадрата", и около меня, надо мной – кладут всяких самых мерзких, вшивых и чмошных. Ко мне – можно, меня им как–то не жалко, – тем, кто кладет. Точнее – им на меня наплевать!

26.1.10. 6–50

Это просто кошмар какой–то! Как в сумасшедшем доме!.. Ей–богу, больше похоже на психбольницу, чем на лагерь, особенно по ночам. Сосед по шконке, шнырь–"дневальный", полночи стоял и кряхтел, не знаю уж, от чего. Успокоился он – начал орать во сне что–то невнятное, просто вскрикивать тот эпилептик, которого недавно пинками оттаскивали в санчасть; на днях он вернулся – его положили надо мной. (Наглые малолетки, 1988 г.р., новые

“козлы” в бараке, распоряжаются тут так же беспардонно, как и их ровесники на 13–м.) А м.б., и еще кто–то кричал, дальше от меня, – я не разобрал толком. Мерзкого, вшивого (говорят) инсулинщика, бледную немочь, положили в мой же проходняк над сапожником, – теперь это чмо будет постоянно лазить туда–сюда, топтаться, расправляя по 2 часа свою шконку, а по утрам – вставать одновременно со мной, плюс–минус 5 минут, не давая мне нормально встать и одеться, – тоже в точности как было на 13–м. Все повторяется... А холод в бараке такой – больше 70 человек в секции за всю ночь не могут ее нагреть, надышать так, чтобы было потеплее, – даже в одежде из–под одеяла невозможно вылезти, пар изо рта – столбом...

Начался новый день. А с вечера была новая веселая “примочка”: объявление от завхоза, чтобы сегодня все вешали бирки на свои баулы – и тащили их на вещевой склад, в отряде оставляли “по минимуму”. Я не понесу, конечно (зачем мне вещи на складе, как ими оттуда пользоваться? За каждой парой носков бегать – через все посты – на склад, упираясь там в пудовый замок?), – но завтра мне на свиданку на 3 дня. А вещи эти ублюдки могут и просто выбросить, тем паче в мое отсутствие, – здесь не церемонятся...

Идет 60–я неделя до конца. Мне осталось тут 418 дней.

9–18

Смена Окуня, Гриши и др. “мусоров” – это всегда весело. В частности, они любят внезапно и незаметно проникать в бараки, заставая всех врасплох. Смена их была весь день вчера и закончилась сегодня в 8 утра. Но вчера вечером они, зайдя на 11–й, “отмели” (нашли в тайнике?) здесь 2 зарядника, а сегодня утром – аж 4 телефона! Спрятаны они, я слышал, были где–то под “балконом”, хотя велено было зарыть их в байзере в землю...

Между тем, матери я не звонил вчера (на 7–м после ужина торчал отрядник), и сегодня это тоже будет проблематично. В 18–20 они с Мишей Агафоновым выезжают ко мне на длительную свиданку.

15–37

И вот – итоги дня (пока промежуточные). После обеда дали “гуманитарку” (!), но выключили свет. Вода течет, и “фаза” тоже работает, а вот света в бараке нет, пишу в темноте. Надеюсь, завтрашнее свидание не отменится из–за перебоев со светом?

Баулы тащить тоже никто никого не заставляет, тишина. И на улице вроде стало маленько потеплее, мороз уже не такой безумный.

Все хорошо?.. :)

30.1.10. 14–50

О, каким кошмаром оказалось оно, это очередное длительное свидание с матерью – январское за 2010 год! Три дня прошли спокойно, без эксцессов, в чтении, разговорах и поедании вкусностей, – но холод, холод!!. Завели неожиданно быстро – на свиданку в тот день, 27–го, приехали всего к 4–м человекам, и мне даже звонили минут 20 11–го в барак, чтобы я шел срочно, – я–то собирался, чтоб поменьше стоять на холоде, выйти только в 11 утра. Первое, что я увидел на площадке 2–го этажа, у входа в коридор КДС, – батарея срезана сваркой и снята (видимо, лопнула), на полу – застывший в лед поток воды, текшей из этой батареи. Хорошо еще, кто–то из шедших со мной сказал, поднимаясь туда, что на 2–м этаже холодно, – этого оказалось достаточно для разрешения мучивших меня сомнений, и 2 пары шерстяных носков я взял с собой. Но носки не помогали. Сидя в комнате, мы буквально замерзали, околевали от холода. Батарея почти не топилась – или совсем холодная, или чуть–чуть теплая, лишь изредка она на полчасика становилась слегка погорячее. Согреться можно было только лежа или сидя под тремя (!) одеялами (хорошо, что матери удалось выпросить у дневального одно лишнее, да к тому же шерстяное, хотя и изрядно протертое посередине). И ночью спать, и днем сидеть под ними же, – иначе полное замерзание, ноги у меня обледеневали. И другой способ – идти греться в кухню, где была постоянно раскаленная плита.

Прессы было мало, распечатки, переданные Майсуряном, опера, видишь ли, не пропустили в комнату вообще (даже в 3–й день), и я успел прочесть на этот раз весь (!) 2–й том Широпаева (1–й мать привозила 2 месяца назад на прошлую свиданку). Испытывал местами огромное удовольствие, читая. Вся его критика Системы, все, что он пишет о византийско–ордынской, рабской парадигме Московии, идущей еще от времен Орды, от коллаборационистов и агентов Орды типа Александра Невского и Ивана Калиты, – все это безусловная правда, как и все слова о необходимости сломать эту парадигму, покончить с Россией – страной рабов и кровавых тиранов. Но... Все, что он говорит, что, дескать, русский народ уже пробуждается, уже осознает необходимость вернуться в Европу, к той свободной, цивилизованной, европейской Руси, олицетворяемой Новгородской республикой до ее уничтожения Московией... Лишь в одной из статей сборника, по–моему, автор ставит самому себе вопрос, созрели ли русские для этого возвращения в Европу, хотят ли они прочистить свое сознание от идеологии тоталитарного азиатско–византийского “патриотизма” и “государственничества”. И не сказать, что так уж прямо автор уверен в этой их готовности. В других же статьях эта готовность

подразумевается как бы сама собой и как отдельный вопрос даже не формулируется.

Между тем, русский народ, в том числе и чисто русский по крови (основная забота Широпаева – именно о чистоте этой крови), остается, как был веками, пьяным, тупым сиволапым сбродом и рабским быдлом, отнюдь не демонстрирующим готовности принять идеи возвращения в новгородско–европейский период своей истории. О самом Широпаеве и его "национал–демократии", увы, это быдло даже не слышало, и голова его слишком прочно забита вековыми мифами – от необходимости "великой державы" на чужих землях до несомненности "великой победы" 1945 г. (Но как точно Широпаев формулирует, что эта "великая победа" есть последняя идеологическая подпорка Системы, и если ее вышибить – вся конструкция завалится! Это не только абсолютно верно – но и сам я, совершенно независимо от Широпаева, сформулировал здесь эту мысль в каком–то из текстов еще 2008 года, – в "Добровольном рабстве", по–моему.) Пить и воровать, ползать на брюхе перед тем, кто сильнее, и оттягиваться на тех, кто слабее, – вот он, русский национальный характер, сформированный веками истории развития этой империи уже после каннибальского убийства ею Новгорода. Как, каким путем все это переломить, преодолеть эту вековую архиреакционную и супертоталитарную дремучесть русских – Широпаев не объясняет, приводя из всего практического инструментария лишь какие–то абсолютно легальные меры по развитию регионализма да мирные уличные акции типа "Маршей несогласных".

Короче, есть сильный идеолог и определенная интеллектуальная среда вокруг него, "группа поддержки". Вот и вся "национал–демократия". Для меня лично – по основному вопросу о ликвидации империи – они союзники, несмотря на их местами весьма брутальный расизм и прочие прелести. Но если, например, якутский национализм о котором Широпаев писал после поездки в Якутию, – реально есть, достаточно силен и динамичен, как и татарский, скажем, не говоря уж о де–юре независимости Имарата Кавказ, – то вот ТАКОГО, антиимперского и проевропейского русского национализма, почитающего героем генерала Власова вместо маршала Жукова, – его нет в природе. Точнее, нет его в головах сколь–нибудь заметной части населения России, а только и исключительно в голове самого Широпаева и его друзей. Но, похоже, в отличие от меня свою идейную изолированность среди миллионов этого быдла "национал–демократы" признать не готовы. Как же, они ведь даже настоящее "Вече" в Новгороде уже провели в начале января 2007,

оказывается!.. :)

В остальном же – все как всегда. Пришел в барак – вещи на месте, все нормально, шмона не было. Тумбочку, правда, накануне таки выдвигали и дверцу оторвали, хотя я специально привинтил ее шурупом. Резинку, которой туго, внатяг обвязал эти дверцы, чтобы не открывались, – оторвали, но украсть из тумбочки ничего не украли. М.б., кому–то понадобилась для штанов сама резинка? :) Сосед–"ночной", регулярно просящий у меня теперь сигареты и настроенный (пока!) вполне дружески, быстро прибил мне оторванную дверцу к тумбочке и дал телефон. Я набрал матери: как всегда, с ней одни недоразумения и несчастья! Она, оказывается, умудрилась В Шахунье сперва сесть не на тот поезд – в другую сторону (к Кирову)! И даже потерять, видимо, там варежку. Но, к счастью, когда я позвонил, она, тяжело дыша и отдуваясь, ехала уже в правильном поезде – в Москву.

31.1.10. 8–37

Воскресенье. Прошла 60–я неделя до конца, ознаменованная длительной свиданкой с матерью. Осталось 59 недель, 413 дней. Истек и 1–й месяц 2010–го– последнего здесь! – года...

Неожиданно осложнилось положение со стиркой моих вещей на этом проклятом бараке. Тот мелкий ублюдок в конце концов так и отдал мне мои вещи нестиранными, но сделал вид, что постирал и высушил их. Я не стал разоблачать его и скандалить – если бы мы были с ним тут вдвоем, тогда да; тут– целая толпа мрази, которая сама его целыми днями пинает и всячески глумится, но ПРОТИВ МЕНЯ – непременно возьмет под свою защиту. Проще мне показалось отдать их – вместе с "олимпийкой" и штанами – другому "обиженному", поприличнее, "поднявшемуся" сюда уже при мне. Бывало, он сам в банные дни спрашивал меня, нет ли стирки; несколько раз я давал ему, он делал се нормально и быстро; я платил ему за это куревом. Потом, зная, что курево у меня есть, он как–то попросил в 1 день 3 пачки сигарет в долг (отдать за что–то кому–то), обещая отработать. И – с того дня его охоту мне что–то делать как рукой сняло!

Уходя на свиданку, я за день–два сказал ему, что на 3 дня хочу отдать вещи. Однако оказалось, что – при стоящем на улице диком морозе – лопаются котлы в котельных этой проклятой зоны, остался всего 1 котел – и потому накануне ночью "мусора" приходили и запретили впредь брать воду из "системы" (отопления) – в целях сохранности котла. Вода эта не то что горячая, но теплая, и ею стирали; так что этот тип сказал мне, что нечем стирать, надо греть воду, но тоже нечем, – вот если бы

моим чайником... Я согласился, но тогда он сказал, что проблема еще и найти тазик.

Короче, перед моим уходом на свиданку он ничего не постирал, где–то бегал, в барак забегая чисто эпизодически; только уже выходя, я сумел все–таки поймать его и отдать – сказав четко, что на 3 дня; времени, казалось бы, достаточно! – пакет со стиркой.

Прихожу, спрашиваю – опять оправдания, что нет горячей воды и тазика; короче, он ничего не постирал. Пакет засунул мне под шконку, на стоящие там чьи–то коробки (чтобы "мусора" при первом шмоне или обходе выкинули!). Воду согреть своим чайником я ему согласился – он отмазывается, что надо еще и тазик ему дать. Сам, типа, найти не может...

Между тем, вчера и сегодня – другим он стирает, и тазик есть! Как наехал на него блатной (я слышал его ругань) за плохо постиранные простыни, заставил срочно перестирывать, – тазик тотчас нашелся! Сегодня, только что, после завтрака – опять стоит, стирает в тазике. Спрашиваю – оказывается, тазик уже забирает после этой стирки один тип с той (блатной) секции. Постирал, понес туда. Короче, кто хочет – ищет способ, кто не хочет – ищет причину, и что делать мне теперь со стиркой – неизвестно...

К тому же, и помимо этой проблемы застал я в бараке немало неприятного. Оказалось, что Макаревичу позвонили из управления (из Нижнего) и велели убрать из карантина этих двоих – злобного молодца (я последнее время про себя стал звать его молотобойцем – за глупую силу, то, что зовется "со всей дури") и его дружка – мелкого стукача с 13–го, любимца Казиева. Оба опять здесь, на бараке, но – слава богу! – вроде бы без должностей. Стукачок–то еще ладно, бог с ним (здесь он отчасти клоун); но вот с полоумным, неадекватным психопатом–"молотобойцем", способным выкидывать кошек или в лютый мороз открывать окна, да и просто развлекаться, цепляясь ко всем, жить в одном помещении крайне некомфортно.

А заправляет в секции теперь нечисть из бывшего (?) СОПиТа, ныне ставшая барачными "козлами". Моментально, не спрашивая и не предупреждая, перекладывают кого хотят на другие шконки, как им вздумается, – освобождают местечки получше для себя, обустраиваются, – даже если человека нет, он на работе, просто скручивают его матрас ("рулет") и перекладывают. Сейчас вот только, пока я завтракал, один из них – глупый долговязый предСДиП (?), прежде работавший в посылочной, выбросив вещи и матрас другого человека, переехал на его место, в соседний со мной проходняк. Еще одной мразью рядом больше – от слежки за

тем, ЧТО я пишу, до лазанья по сумкам, тумбочкам и кражи продуктов – ожидать от таких можно всего. Начали эти ребятки с того, что, переставляя вслед за этим переехавшим дурачком его тумбочку, сдвинули свои шконки в мою сторону так, что мой проходняк сузился, а вчера как раз прибитая левая дверца тумбочки перестала открываться полностью. Но, задвинув в проходняк свою тумбочку, эти уродцы и не подумали передвинуть шконки в прежнее положение, а – легли спать!

14–55

Да, блин, поработаешь тут теперь, попишешь!.. Будьте вы прокляты!.. Сразу после утренней проверки эта мерзкая кодла “козлов”–СОПиТовцев переложила и моего соседа по проходняку, сапожника, с которым мы так хорошо, мирно жили месяца полтора, говоря в основном о кошках да о его работе, и то когда он вечером с нее приходил. На его место лег один из этих подонков, 22–х лет, глупый, бесцеремонный и мерзкий (хотя, м.б., еще не самый худший из них всех). Вшивого инсулинщика, которого они же на днях только сами положили над сапожником, он немедленно переложил куда–то еще – за последнее время его перекладывали уже раз 5, не спрашивая. Единственная радость – что это чмо с моей стороны шконки повесило “шкерку”–оделяло и жить, похоже, собирается в том проходняке, соседнем, где теперь собрались они все. Ну что ж, если так, если не видеть эти хари – еще куда ни шло; а иначе будет совершенно невыносимо. Это животные из той же наглой, бесцеремонной породы, что были и на 13–м моими соседями – гнездо полублатных, а до них, в 2007 – старший злобный шнырь–заготовщик. Например, при малейшем, даже микроподозрении, что у соседа могут быть вши, эта публика тотчас же, ничуть не смущаясь отсутствием соседа, озабоченно переворошит всю его постель, одеяло, одежду в поисках этих вшей.

...А со стиркой по–прежнему ничего. Подонок–“обиженный” активно стирает, вместо маленького тазика у него уже большое корыто, а тазик занят кем–то другим. Мне он не говорит ни слова, как и я ему, – дальнейшие разговоры с моей стороны на эту тему были бы упрашиванием и унижением. Сказал другому, он вроде бы согласился, но когда, и будет ли он делать вообще, и освободятся ли вообще когда–нибудь тазики – неизвестно... Пришло на ум, что не только долг в 3 пачки сигарет это чмо теперь не хочет отрабатывать – но, м.б., ему и просто сказали (т.е. приказали, – эта публика никогда не спорит!..) мне не стирать, уклоняться под любыми предлогами. Как говорили в том году заготовщикам нбе подавать мне баланду на стол. Или как на 13–м, еще осенью 2007 года, здоровенный “обиженный” Вова

Андреев, в 2008 освободившийся, а тогда только и занятый круглосуточной стиркой на весь барак, – после одного или 2–х раз вдруг стал упорно отказываться брать у меня вещи: мол, не могу, некогда, занят, загружен стиркой – и все тут! Длилось это так долго и с таким упорством, что Полосатый резонно предположил: видимо, ему сказали у тебя не брать. И сказать могли даже не блатные, а, к примеру, тот же самый старший шнырь…

А братцы–“козлики” вчера, похоже, залезли ко мне вечером в хлебную сумку и отрезали немножко варено–копченной колбасы. С утра ее было явно меньше, чем я оставлял вчера, и резинки на упаковке не оказалось, которую я надевал; а когда этот хмырь переезжал в мой проходняк, кто–то из этой кодлы в шутку сказал ему: вот, будешь теперь вареную колбасу у Бори есть…

ФЕВРАЛЬ 2010

1.2.10. 8–46

В общем, получилось ужасно. После отбоя вчера, проходя по секции, завхоз увидел “шкерку”, повешенную моими соседями – и велел убрать. Они, разумеется, тотчас убрали – и теперь придется любоваться круглосуточно на их рожи и делать все у них на виду? Пока готовил завтрак (зарядки не было, так что не выходили) – слава богу, они дрыхли (заваливаются вновь после подъема, разбудив всех остальных). Жратву разворовать ночью не успели, слава богу, –скорее всего, это еще впереди. Торцы своих шконок еще вчера завесили полотенцами – теперь даже утренний свет из окна ко мне еле доходит, а лампа надо мной так и не работает. Все в точности как было на 13–м! И, пока спит сейчас этот новый сосед в проходняке, я не могу достать из–под его шконки свой продуктовый баул – сосед своим весом придавливает пружинную сетку шконки вниз, и достаточно туго набитый, цепляющийся за крючки сетки баул вообще не выдвигается из–под нее. А если достать, когда они встанут, – разумеется, тут же начнут совать туда свой нос, клянчить все, что увидят, и тупо глумиться (“шутить”, “угорать” и т.д.).

2.2.10. 8–51

Сразу после обеда вчера, прямо из столовки, погнали в санчасть – на прививку от гепатита. Проторчал там 2 часа, почти минута в минуту; второй, добровольный укол – от “свиного гриппа” – делать не стал; но и с гепатитом медсестра “обрадовала”, что нужно будет приходить еще 2 раза, через месяц (1 марта?) и через полгода.

Пришел оттуда “домой” – смотрю, на “продоле” у забора 11–го сидит на снегу Маня. Пришла–таки! Я ее позвал – она вскочила и побежала мне навстречу; глажу ее прямо тут, а она мурлычет и трется об мою руку – узнает меня, радуется встрече, и это мне безумно приятно. Грязная вся, хвост полон какого–то мусора, брюхо тоже, – как потом оказалось, это опилки, и из этого двое местных кошатников сделали однозначный вывод, что она лазила где–то на “кечи”.

Занес ее в барак, дал ей поесть, погладил – и пошел на 8–й, звонить Гоше – бывшему моему “запасному варианту”, ныне освободившемуся и пребывающему в Москве. Дружок его и, можно сказать, “преемник” сказал мне еще накануне, когда после обеда, как обычно, толпились на запертом дворе столовки, что Гоша звонил и спрашивал телефон моей матери. Сразу же и с несомненностью я понял, что он хочет как–то развести ее на

деньги (тем паче, что, как сказал “преемник”, в Москве он сидит сейчас без денег). Отказаться неудобно – мало ли что еще может понадобиться мне здесь от этих людей за оставшийся год с небольшим; но мать я в тот же вечер предупредил, звоня от “телефониста”. Потом сразу пошел на 8–й – там сидел отрядник, так что облом–с. Вчера – “мусоров” не было, но не было и денег на “симке”, с которой звонили. Скинули ему гудок – не перезванивает; но потом я позвонил домой, и телефон остался в памяти.

Ничего не случилось больше важного, ни вчера, ни сегодня. Приперся, правда, неожиданно вечером “телефонист” со своим дружком, и я набрал с его “трубы” Мане – сообщить ей, что ее заказного письма, отправленного еще в декабре, так и нет. Она поразила меня тем, что, оказывается, на сайте “Почты России” теперь можно отслеживать прохождение заказных писем по номерам квитанций, и она, таким образом, знает, что до Нижнего ее письмо точно дошло (а потом квитанция, что ли, потерялась). И весь день, с утра и после больницы, читал книженцию Акунина “Пелагия и белый бульдог” :) – чтиво, не читанное мной на воле, а здесь подсунутое вчера утром мелким стукачонком – любителем Акунина. Забавно читать все это описание кондового провинциального благолепия годов этак 70–х XIX века, – хотя и несколько сусальное, но написанное в конце века XX–го – со всем его печальным опытом и с долей юмора (“руководящая и наставляющая сила” православия :). И вспомнить, как славно бомба Гриневицкого разнесла в марте 1881–го все это благолепие и всю “святую Русь” к черту!..

А так скучно и грустно, пусто и тоскливо. В подъем сегодня – удивительно! – никто вообще (!!) не орал и не тряс шконок. Зарядка была, но “мусора” к нам не заходили – и вышло на зарядку эту всего человек 5, я в том числе. Пока я завтракал, приходил Палыч, но уже ушел...

Пусто, скучно, тоскливо... Осталось мне год и полтора, 411 дней. Уже февраль – больше света, длиннее дни, дело явно идет к весне. Еще одна весна здесь, а потом еще одно лето – последнее... Устал я страшно... Вымотался, истрепал все нервы, – и еще не кончено это испытание, хотя и появилась уже привычка, нечто вроде 2–го дыхания. Но сил уже нет... Я писал об этом, хорошо помню, и в 8–м году – что устал страшно и сил больше нет. Как уж протянул еще 2 года в таком состоянии – сам не знаю... Смертельная усталость и апатия...

16–40

Окунь, Гриша, обходы, шмоны... Приперлись сейчас втроем, и какая–то из этих мразей, мне незнакомая, принялась усердно

шмонать тумбочку “обиженных”, дотошно называя все то, что из содержимого тумбочки, по ее мнению, “запрещено”: ножницы, стальные ложки, фарфоровый “бокал” и т.п. Новый “обиженный” 25 лет – тот самый, что постирал–таки вчера мне вещи – имел неосторожность сказать, что “бокал” разрешен – ему подписал заявление на этот “бокал” Вячеслав Иваныч (Агроном). На это животное в камуфляже тут же заявило, что ему наплевать на то, что там разрешил Вячеслав Иванович, – можете, мол, прямо сейчас пойти и передать ему это; или принесите мне подписанное им заявление – и я его изорву! Вот так...

При этом никто даже не удосужился спросить, где же это конкретно сказано, что “запрещены” стальные ножи, ложки, “бокалы” и пр., и попросить предъявить соответствующее место в правилах. Наоборот, все злобно накинулись на несчастного “обиженного” с руганью (я уж думал, что и ударят, но, м.б., присутствие начальства их сдержало): ты что, хочешь, чтобы у всего барака сейчас эти “бокалы” отобрали (наглый “мусор” это пообещал)?!! Подлые, трусливые твари, способные наброситься на одного слабого, который сказал, но при многократном численном превосходстве чуть не на брюхе ползающие перед всего–то тремя (!) подонками – вместо того, чтобы собраться и успокоить их... Слава богу, дальше шмонать эта мразь не полезла, до меня не добралась, – ушла. А то в ответ на ее: “Запрещено? Запрещено!!” – так и хотелось сказать ей: а ты сам–то не запрещен, нет? А то ведь можно собраться сейчас всем бараком – и прямо тут тебя запретить, раз и навсегда, – м.б., прочие после этого по тумбочкам будут аккуратнее шарить, да и вообще – предпочтут пореже появляться в бараке, среди зэков...

3.2.10. 9–30

Короче, новая чума: будут вывозить!!!!! Со вчерашнего вечера вся зона гудит, обсуждая самые невероятные слухи и версии вокруг одной главной темы: с Буреполома зэков повезут этапом на 11–ю зону, около г. Бор, почти рядом с Нижним. Даже цифры уже называются: вывезти якобы решено 740 человек до 1 мая. И вчера вечером, и сегодня утром – только об этом и разговоров в бараке. Основная, преобладающая версия – что вывозить будут “второходов”, тех, у кого больше одной непогашенной судимости. То их тем летом собирали на 13–м, потом раскидали; вот только на днях, в январе, пошли слухи, что таких всех соберут уже на 6–м и 9–м бараках, или же только на 9–м, – и сейчас еще эти планы не отменены, переводы ожидаются вот–вот; но прикол в том, что 740 человек не поместятся ни в 6–й, ни в 9–й... :)

В общем, такие дела. То ли “второходов”, то ли всех подряд, – хрен поймешь. Если только “второходов”, то я не попадаю, – и это

счастье! Досидеть оставшийся год спокойно, на одном месте... Но “телефониста”, например, запросто могут увезти, или еще кого из нужных людей. Вон, пока пишу, за спиной делятся: 7–го числа уже 1–й этап, – сперва соберут на 9–м бараке и отправят, потом – 13–й... В общем, надвигается очередной кошмар, темный ужас, и еще неизвестно, выдержу ли я его – это очередное испытание. Последний год до дома может оказаться таким же страшным, как 2007–й – и будет так обидно подохнуть, не дожив всего нескольких месяцев...

9–43

Короче, последние новости. На 9–м – какое–то построение с вещами; дальше по нашему “продолу” уже прошла и шмон–бригада, и куча “мусоров” небольшими группками. Видимо, на 9–й, куда же еще. И, видимо, 9–й таки раскидывают, – тамошних “первоходов” оттуда, со всех прочих бараков “второходов” – туда. Тусуют, тусуют... Покоя – нет... Пришло на мысль, что, если здесь, на 11–м, тоже будут переезды сюда–отсюда, то и свою шконку в секции я могу не сохранить, – заставят перекладываться, сволочи...

А завтра здесь – очередная “генеральная уборка”. Ждем–с...

4.2.10. 9–16

Ну что ж, вот и... :) Вчера, говорят, уже отправили 1–й этап куда–то (говорят, повезут не только на 11–ю в г. Бор, но и на 9–ю зону – в Дзержинске). 9–й барак раскидали, из него на 11–й, в частности, попал мерзкий злобный шнырь – мой сосед по проходняку в 2007 на 13–м, нечисть, известная всей зоне и в том году, говорят, крепко битая Гошей–армяном за не отданный мне вовремя долг. :) С других бараков – с 6–го, с 12–го и пр. – говорят, перевили на 9–й по 16, а то и по 26 человек, и теперь там одни блатные. С 11–го туда перевели всего 8–рых, хотя завхоз с утра говорил про 18 человек. Одного шныря–заготовщика, кого–то из “красных” со 2–го барака, 1–го стремщика и прочую мелочь.

С утра сегодня было нашествие мусоров” во время и после зарядки, я сцепился с Агрономом, заработал от него очередной выговор. Когда эта мразь вошла в секцию – не “пробили”, я не успел заранее встать, да и, честно говоря, не узнал сперва эту харю в зимней шапке и издали. В бараке к тому времени уже были какие–то “мусора” – прошли по секции и засели в “козлодерке”, как обычно, так что я просто не ожидал – прилег, как обычно, полностью одетым на застеленную кровать, да еще ноги свесив на пол – в общем, ясно и четко видно, что я не сплю. Эта харя прется слева от двери, доходит до меня:

– ...Стомахин!..

– Я не сплю.

– А чего лежишь? (Ну, примерно так, не дословно.)
– У меня спина болит!
– Для этого есть табуретка! (Ничего себе!..)
– Она мне не поможет. Да и нет ее у меня, где Вы ее видите?
– Подъем был?
– Был, ну так я и не сплю.
– Я тебе выпишу выговор.
– Давай, пиши.
– Объяснительную принесешь ко мне в кабинет.

Ага, щаззз, как же. :) И не подумаю писать никаких объяснительных. Палыч потом, ведя (конвоируя?) отряд в столовку на завтрак, сказал мне, что Агроном орал, что вот, мол, все лежат, – и про меня тоже. Сам Палыч, кстати, тоже, видимо, настроен хоть отчасти да оппозиционно к собственному начальству: когда отряд вышел с "продола", я слышал, как он недовольно выговаривает Заводчикову, что вот, мол, оттащили на вахту и там раздели "обиженного" подметальщика с 11–го, убиравшего с утра пораньше "территорию". Мол, какая разница, во что он одет, лишь бы метлой махал (что нельзя не признать справедливым). А саму картину надо было видеть: отряд, загодя построившийся по трое, под командованием отрядника выходит с "продола" в столовку – а сразу за воротами "продола" стоят, как 2 истукана – слева Демин, нач. оперчасти, а справа – Заводчиков. Два подонка...

Соседей по проходняку у меня меняют каждый день (тьфу–тьфу–тьфу, меня пока не трогают). Сверху сейчас нет никого, и туда хотят положить старого, бывшего еще до всех перекидок "козла", на которого с утра налетел с кулаками завхоз за то, что тот лежит и не идет будить всех.

М–да, вот она, азиатчина во всей своей красе, – та самая, о которой читали мы в книжках. Когда завхоз, подобострастно именуемый своими шнырями–"дневальными" и пр. клевретами "батька", лупит их в хвост и в гриву, руками и ногами, кидает и перекладывает как хочет: в общем, местный царек, этакий микродеспот, владелец живота и смерти своих холопов. А еще же ведь тут, у этого мерзкого "народа"–сброда, существует в лагерях кастовая система, и старика–"обиженного", лет около 60–ти, годящегося ему в отцы (хотя и несколько с придурью, слишком живого и шебутного, конечно) этот же завхоз каждый день бьет палкой – в "курилке", а когда тот забежал от него в секцию – то и в секции прямо, повалив на пол. Лупил здоровенным деревянным дрыном, типа скалки, раз за разом, а старик только орал – больше, думаю, от страха, чем от боли – и причитал: "Простите, бога ради! Простите, бога ради!" – и так без конца. За что? То за

таскание в барак какого–то барахла с помоек, то – за то, что пошел с вещами (с какими–то пакетами) в санчасть, уселся там, говорят, у входа и стал просить, чтобы его положили...

Дикая, омерзительная азиатчина, одним словом. XVI век... Народ подонков и рабов...

10–40

День выдался неудачный с самого утра, – вот и "генеральный" погром сегодня оказался тяжелый, жестокий. Тупо командующие злобные "козлы" – с "косяками" и без, включая самого завхоза, мерзкое тупо–агрессивное животное – подозрительно цепляющиеся и переспрашивающие на каждый изданный звук, не то что сказанное слово, сразу подтягивающиеся, если с кем–то из них (или даже без них) где–то затеялся какой–то "рамс", хотя бы из двух–трех фраз всего. А хуже всего – после уборки уже, когда я хотел идти в баню, нынешний предСДиП, омерзительная въедливая гадина из бывшего СОПиТа, идиот, татуированный с головы до ног и в качестве "словесной агрессии" и обороны от окружающих (таких же) использующий сплошную, очень тупую гомофобию, – так вот, эта мразь докопалась–таки до моего баула под шконкой, потребовала тащить его в каптерку (от других этого же требовал и завхоз). Давно я этого ждал... Еле отбился на время – сперва, что, типа, полез что–то из него доставать; потом – что сломана на нем молния (это, увы, правда) и надо отдавать в ремонт, – короче, пока стоит под шконкой, но в любой момент могут опять вспомнить и вытащить силой, особенно когда меня нет. Продуктовый баул я, уходя в баню, перетащил из–под соседней шконки под свою, – эти ублюдки еще просто не видели, что там стоит какой–то баул! Увидели бы – тут же уволокли бы в каптерку, а узнай они заранее, что это мой – тут же раздербанили бы из него всю жратву...

И все же – нет худа без добра. Если бы не эта тревога из–за баулов – я ушел бы в баню раньше, успел бы там раздеться догола... А так – едва снял куртку–шапку–ботинки и начал стаскивать шерстяные носки – слышу за дверями, в подсобном каком–то помещении, громкий вопрос: "И когда она нагреется?". Уже тревожно, правда? :) И точно – выходит банщик и объясняет, что вода не нагрелась, включать ее нет смысла, нагреется часам к 2–м, тогда и приходите... А в это время из трубы валит дым, дрова горят вовсю. Теперь придется использовать самый неудобный и идиотский вариант: после обеда сразу в баню (воду теперь включают только в 14–30), а оттуда – в ларек, побыстрее, чтобы успеть, пока он в 16–00 не закрылся и весь товар не разобрали. Да, а еще там, в ларьке, может быть как раз в это время завоз,

ларек закрыт... Суки, мрази, нечисть окаянная, будьте вы прокляты! Мог бы отлично сходить в баню после завтрака – нет, из–за их проклятых "генеральных уборок" не могу, приходится сидеть, охранять вещи, чтобы не выкинули, не раздербанили, не сволокли в каптерку... Будьте вы прокляты!!.

16–42

Ну и вот, – конец дня. После обеда – в баню. Повезло – воду включили минут на 10 раньше положенного, и ждал "лейку" не очень долго. Посмотрел по часам: вместе с этим ожиданием 20 минут мылся – и столько же одевался; из бани вышел ровно в 3 часа дня. По дороге к ларьку еще и грохнулся, поскользнувшись, на спину, во весь рост. Пришел в ларек – а там пусто! Лапши б/п, из–за которой я, собственно, и пошел – редкий случай, но нету!! А у меня ее только на 4 дня осталось, до воскресенья, а надо – до следующего четверга! (Из того, что заказал "телефонист" (его дружок–сосед догнал меня уже по дороге в баню и вручил записку), тоже было далеко не все; но то, что было, я честно купил, т.к. для меня тоже было мало что – на одном соке 80 с лишним рублей сэкономил.

Пришел в барак, разобрался, поел, – пока есть время и нет "мусоров", думаю, надо смотаться к "телефонисту" – позвонить и домой, и Е.С. – по поводу утренней стычки м Агрономом. Пошел, отдал все купленное ему в ларьке; хотел начать с Е.С., но потом все же позвонил сперва матери – и как раз удачно, ей минут 20 до начала занятий оставалось. Потом набрал Е.С. – не берет трубку, оба мобильника включены, но она их не слышит, как это с ней часто бывает. Что ж, ладно, полез в интернет, благо мать положила на эти цели 200 рублей. "Мой" ЖЖ – недоступен, что странно, 2 раза пробовал. Полез на marsho.net – да, страничка с моими старыми текстами доступна, а сам сервер – нет. Думал позвонить (безуспешно попробовать, точнее) своей Ленке, набрать еще раз Е.С. – и вдруг крик: "Агроном на продоле!".

Общая небольшая паника. Ждем – куда пойдет. Только бы не сюда. Нет, зашел на 9–й, – ну да, там теперь собрали всех блатных "второходов", они бузят, на подъем сегодня никто не встал, отрядника посылают подальше, днем тусуются на своих старых бараках, и т.д. Я быстренько дошел "продолом" до 11–го, поднялся – "пробивают" всех с 9–го "домой", там проверка по карточкам. Не прошло, кажись, и пяти минут – один из местных, мелкий стукачок с 13–го, тоже переведенный на 9–й (но реально жить остался на 11–м) возвращается и докладывает: там кто–то (не Агроном?) собрал зэков в "культяшке" и объяснял им, "как надо жить", а они ему отвечают: нам пофигу, мы все равно скоро отсюда уедем...

5.2.10. 14–38

Из хороших новостей только одна – в ходе постоянных, циклических, видимо, перекладываний – вчера на нижнее место в мой проходняк вернули сапожника, бывшего СДиПовца, выброшенного от сюда всего лишь несколько дней назад. Из всех возможных здесь, в этой секции, соседей он, вполне возможно, лучший или один из лучших – и спокойствием, и отчасти схожим с моим отношением ко всему происходящему вокруг, к этой муштре, злобе, истерикам по “режиму”, подъемам, отбоям, “генералкам” а la 11–й “красный” барак, да и к самому режиму. Еще тем, что он кошатник – не ругается на Маню, когда она здесь, сам пытался держать кота, но выкинули (а дома держал сперва 7, потом 4–х). Общим отсутствием злобности и любви к командованию, этой широко распространенной здесь агрессивности, заносчивости и глумливости. А кроме всего этого – тем, что отсутствует весь день, с зарядки и до 1–й вечерней проверки (а порой и после нее). Правда, в виде ложки дегтя – обратно на 2–й ярус надо мной вернули и того эпилептика, не особо осмысленного и в здоровом–то состоянии, которого убрали отсюда тоже какие–то считанные дни назад.

Главное событие дня – эти злобные мрази в секции дерутся уже не в шутку, как всегда, а всерьез, месят друг друга. Сперва, незадолго до утренней проверки, злобный дебил “молотобоец” набросился с кулаками на какого–то пацаненка из “красных”, со 2–го барака – плотного, но ростом ниже и не такого здорового, как тот, тоже примерно 20 с небольшим лет. Набросился чисто за слова – тот его, как они говорят, “провоцировал” (т.е., бить, если не нравятся чужие слова – это норма, а словесными аргументами тут пренебрегают). Бил сильно, ногами, руками. Сперва обхватил, жертва пробовала было сопротивляться, дебил этот рукастый повалил ее на пол... Разнимать кинулись не сразу, первые несколько секунд все просто смотрели; а когда кинулись, вышел новый казус – одному из разнимавших, долговязому гнусному предСДиПу, “молотобоец” тоже со всей силы заехал в рыло. :)) Тот аж присел, скривившись от боли.

Завхоз пришел почти сразу, как растащили, ходил туда–сюда, курил с очень озабоченным видом, как будто действительно ответственная персона. :) Сразу после проверки, когда я поднялся в секцию, разгорелся новый конфликт. Та архизлобная мразь, которая выбрасывала мою кошку, тоже участвовала в разнимании – и другая такая же безумно злобная тупая тварь, но помоложе и поменьше ростом, обвинила ее в том, что она не разнимала, а наоборот – то ли держала жертву избиения чтоб ее удобней было бить, то ли даже била сама. Животное постарше, разумеется,

возмутилось таким наветом, словесный “базар” продолжался недолго, и – т.к. происходил он в дальнем от меня конце секции – сцепившиеся зверьки эти аж вылетели кубарем в “культяшку”, вынеся дверь. Там их тоже довольно быстро разняли; с еще более озабоченным видом прибежал завхоз и при мне спрашивал–выговаривал старшему драчуну, а тот сваливал всю вину на второго.

Некоторое время в воздухе носились разговоры о “снятии побоев” и написании заявлений. Но “молотобоец” сказал, что он ходил сейчас в санчасть – говорить с тем врачом, кто “снимал” (фиксировал) побои у его жертвы – и тот сказал, что ничего серьезного там нет. Завхоз сказал, проходя мимо, что в штабе никаких заявлений нет, никто не в курсе, все тихо (не дословно, но смысл такой), а сам он сказал (скажет?), что ничего не видел и не слышал. Из этого легко заключить, что заявлений о происшедшем, да еще с медицинской справкой о последствиях избиения, эти твари очень боятся, ибо это повод как минимум для следственного и судебного разбирательства, а то и для нового срока (хотя так далеко вряд ли бы зашло, конечно).

Итак, яснее ясного. Я писал об этом уже 100 раз, наверное. Простонародье, социальные низы, среда уголовного отребья, подонков и смрадных отбросов общества (хотя есть ли оно у нас, общество–то?..). Мир тупых, злобных, полоумных, совершенно отмороженных ублюдков, с мозгом не крупнее грецкого ореха, но зато с накачанными мышцами. Все взаимоотношения между собой у них построены на лютой, пещерной, и притом очень глупой гомофобии (латентны гомосексуалисты? :) и физической силе. Что ни слово, то гомофобия, а всё, что не слово – то удар или захват, зажим головы противника. И по уровню интеллекта, и по всем прочим показателям не то что людьми, даже животными их не назовешь. Только насекомые, пауки–каракурты какие–нибудь ядовитые. Пауки в банке...

Главная проблема – что нормальным, приличным людям приходится жить если не под их властью (здесь они “козлы”–начальнички), то как минимум рядом с ними, и подвергаться опасности если не прямо от их власти, то как минимум косвенно – могут задеть, молотя друг друга. Поэтому главная задача для нормальных, приличных людей, сколько их есть в мире и особенно в этой стране, сводится к максимально возможному истреблению этой быдляцкой тупой нечисти и мрази, к освобождению для себя от нее жизненного пространства (Lebensraum, да–да!). “Последней битвы с псами едва ли избежать”. Программа по борьбе с быдлом, да уж... Ей–богу, я был бы просто счастлив, если бы сегодня в этой секции одна из этих

тварей, все равно какая, убила бы другую насмерть. “Пусть нечистая кровь оросит наши нивы!..”

6.2.10. 16–49

Только обрадовался было вчера, что сапожника переложили обратно ко мне в проходняк – его сегодня днем убрали опять, кого–то еще на это место. Его нет, он про новый переезд еще не знает. А вся эта очередная волна перекладываний – из–за этого подонка надо мной, которого теперь переложили вниз рядом со мной – соседом по шконке вместо шныря–дневального.

Днем уже солнце не только светит, но и греет, совсем тепло на улице. Пахнет весной все явственнее... Может быть, из–за этого – тоска особенно острая, мучительная, невыносимая. Господи, что я здесь делаю?!. Еще год с лишним этого ужаса и бессмыслицы... Особенно отравляют душу и мучают эти разговоры, что, м.б., и “первоходов” типа меня тоже будут куда–то вывозить. Не дай бог! Страшно даже представить – до содрогания, до жути – как я опять поеду в “столыпине”, часы и часы на жестком сиденьи, как потащу неподъемный баул (для меня неподъемным будет любой...).

Дозвонился от “телефониста” своей. “Своей”?.. :) (Грустная улыбка.) Впервые с августа услышал ее голос – и так ей и сказал: это большой праздник, что ты подошла к телефону. Она была недовольна моими “упреками” и вообще – по голосу не слишком–то рада моему звонку, хотя на вопрос, конечно, сказала, что рада. Готовится к устройству на работу, к сдаче чего–то художественного по учебе, хотела оформлять инвалидность (с чего бы это?!) – в общем, все как всегда. Вчера допоздна читала Джека Лондона, поэтому сегодня не встала еще, когда я звонил – после 3–х часов дня. Жалуется, что очень не хватает времени – даже отправить мне письмо, давно уже написанное и валяющееся, хотя почта напротив дома, – нет, ее не переделаешь! Хотя за открытку к Н.г. благодарит, помнит (но сама не удосужилась...). И я не знаю, как сказать ей, как объяснить (да еще при сидящих рядом и все слушающих), что я все время думаю ней, вспоминаю ее и нашу с ней прошлую жизнь... Не знаю, надо ли это вообще говорить, нужно ли это ей. Писала, что любит, и на воле, когда общались, я это чувствовал, а по телефону, каждый раз – как чужая... И от этого – еще больше и сильнее тоска...

8.2.10. 8–31

До чего тошно и мерзко на душе – не передать словами... Второй день в секции избивают моего нового соседа сверху – парнишку лет 25–ти, невысокого и, видимо, по характеру не злобного, с широким добродушным лицом. Вчера ближе к вечеру завхоз и мелкий цыганенок привели его и стали заставлять

убираться в секции, настойчиво вручая швабру. Завхоз при этом бросил фразу: мол, ты тут ходишь в “гадах”, поэтому будешь убираться, и я думал, что в виде наказания за хождение в обуви его хотят заставить убраться один раз, показательно. Он отказывался, и цыганенок ударил его раз–другой, потом его позвали в “козлодерку” и, видимо, били там. Он пришел, взял швабру и начал подметать, а мыл за ним пол кто–то другой (тоже из новых, прежде убирались тут “обиженные”). Но, оказалось, я ошибся: этих же двоих заставили убираться и вечером, перед проверкой. А сегодня, только что, когда я завтракал, – соседа моего опять стали звать убираться, но он сказал, что не будет. Его настойчиво заставляли взять швабру, но он упорно отказывался, – сказал, мол, уже завхозу, что убираться не буду. Тогда цыганское отродье набросилось на него, ударило по лицу, потом еще, повалило на пол, швырнув несколько раз перед тем о торец моей шконки, – она вся тряслась. Когда несчастный поднялся, эта злобная тупорылая цыганская мразь схватила табуретку, замахнулась и хотела уже ударить, но до этого все же не дошло. Парень был уже сломлен и готов убираться, взял, кажется, даже швабру, – но тут (или чуть раньше? События смешиваются в памяти...) на него налетел кто–то еще из “красных” со 2–го барака – но не из “козлов” 11–го, мне почти незнакомый, – и тоже начал бить, достаточно сильно и злобно. Потом вывел куда–то – в “курилку”, видимо, – и там, почти не сомневаюсь, добавил еще.

Сломать моего соседа, демонстрировавшего поначалу – что вчера, что сегодня – все же некоторое человеческое достоинство, оказалось нетрудно. Избили – и он без звука стал убираться. Когда ему навязывали швабру, он сперва отказывался ее брать, но потом взял и начал мести. Не знаю уж, вообще ли ему в голову не приходила мысль, что можно взять швабру – и этой шваброй начать бить этих выродков, бивших его, или он просто побоялся, что потом его убьют совсем. Но – зная местную мразь – я думаю, что, прояви он твердость и готовность к отпору сразу – от него бы отстали...

Не лучше и остальные новости. Вчера Палыч сообщил, что сегодня опять приезжает какое–то начальство, – комиссия, короче (кто именно и зачем, он не сказал). Так–то мне, конечно, плевать, – но как бы не вспомнили и не поволокли бы в каптерку вещи! Или пуще того – на склад! По той же причине с тоской, омерзением и ненавистью жду четверга – их “генеральной погромки”, когда они, ломая, выволакивают мою тумбочку и подбираются к баулам, а я сижу без завтрака...

Тошно, мерзко, невыносимо... Разве что одна хорошая новость: в ночь с позавчера на вчера (с субботы на воскресенье) у

них на “промке” опять случился пожар, причем очень крупный. Я слышал из разговоров, что сгорели какое–то депо (?), гараж и ЦРМ (центральные ремонтные мастерские), м.б., и еще что–то. Так вам, суки, и надо! Желаю вам всем от души – и господам, и рабам – чтобы у вас тут сгорело вообще все, включая вас самих!

Прошла 59–я неделя до конца, отмеченная разве что мерзким казусом с этим моим бывшим соседом сверху, да еще этим пожаром. Началась 58–я, сегодня понедельник. Мне осталось 405 дней, и 19 до ближайшей короткой свиданки.

Да, забыл еще один казус сегодняшнего утра. Получилось так, что я опять прохлопал, когда все эти твари ушли на завтрак. Оделся, вышел – на “продоле” уже никого. Сперва я не был уверен, ушли ли они уже, или еще не вышли (часто бывает, что по часу собираются и тянутся один за другим). Но решил дойти до столовки, узнать. Подхожу – “локалка” заперта, внутри строят “по трое” какой–то отряд (10–й?). Ну, это надолго, знаю по опыту. Спросил одного знакомого – да, 11–й уже там, внутри. Ну, не ждать же мне у закрытой калитки из–за перловки, которую я не ем, и пайки гнусной “черняги”. Ушел, вернулся в барак, вскипятил чай и стал завтракать сам. Так, вернувшись после меня, эти ублюдки – человека 3, если не 4 – пока я ел, спросили у меня, почему это я не хожу на завтрак. Замечают, мрази, стоило всего 1 раз не появиться. Следят? :) Ну ладно цыганское отродье – оно со мной за одним столом и без меня не получает лишнюю порцию каши (сжирает регулярно мою). Но остальные–то? Заметили, суки... :)) Я, правда, отговорился, что был, в доказательство сослался на того знакомого, у которого спрашивал про 11–й, – вроде отстали. Но тут надо учитывать еще, что эта банда “козлов”, живущая около меня, постоянно у меня что–то клянчит – конфеты, сигареты, колбасу :) и пр. – и очень раздражаются, что я не даю (они вызывают у меня такое отвращение своей наглостью, высокомерием и постоянными попытками командовать, что для меня лучше выбросить, нежели дать что–то им. Тем паче, что в воровстве колбасы из хлебной сумки, висящей на моей шконке, эти ублюдки уже были мной замечены). Так что нет сомнения: если бы эти твари располагали полноценными доказательствами, что я куда–то не пошел или что–то еще нарушил – они писали бы на меня донос за доносом... По сути, это еще дети, отставшие в развитии 20–25–летние малолетки, которым сам зоновский “режим”, их в нем должности и “косяки” вполне откровенно служат для игр и для сведения личных счетов. Например, в шутку, не всерьез повздорив промеж собой – не дают кому–нибудь из своих утром, после завтрака, спать, трясут шконку. А ненавидят меня за то, что я не даю им на

халяву конфеты, – не сомневайтесь, они используют все “режимные” возможности, чтобы мне отомстить...

10.2.10. 8–20

Новые фокусы и приколы от здешней оперчасти, да такие – я до сих пор под впечатлением, со вчерашнего вечера...

Все последнее время я ждал 3 письма: 1–е – от Мани из Питера, самое раннее, отправленное еще в декабре заказным; мать говорила, что послал какое–то письмо с фотографиями Эделев; последнее – от Майсуряна, отосланное 22 января.

Приходит вчера вечером Палыч, вызывает. Захожу в “козлодерку” – у него на столе, кроме груды прочих, лежит письмо от Мани – я издали узнаю ее мелкий аккуратный почерк на конверте. Заказное, – Палыч при мне ножницами отрезает правый край конверта, достает письмо, отпечатанное на принтере. Я сразу вспоминаю, что я сам ей советовал так делать, но она отвечала, что принтера у нее нет. Просмотрел, отдал.

Иду к себе, начинаю читать, – что за черт?! Это письмо от Майсуряна! Которое я тоже жду, но – при мне извлеченное из конверта с маниным питерским адресом. Как такое может быть? А письма от Мани – нет...

Сходил еще раз к Палычу, спросил, – точно ли он мне все отдал. Да, все, – даже с некоторым раздражением.

Короче, я понял. Версия, хоть и совершенно экзотическая, поневоле оставалась всего одна. На конверте манином стоит штемпель: Буреполом 26.12.2009; на письме Майсуряна – рукописная дата: 20 января. Короче, они вскрыли манино заказное письмо, которое по идее должен вскрывать при мне отрядник, – просто аккуратно отклеили клапан конверта, не оставив следов. Вскрыли, прочли, решили письмо мне не отдавать (что уж там “такое” было?! :) – и оно так и валялось у них с декабря. Недавно пришло майсуряновское письмо, его признали годным к выдаче, заклеили в манин конверт – и отдали Палычу, чтобы при мне вскрыл. И то, видимо, только потому, что манино письмо было заказное, его путь можно проследить вплоть до зоны и поднять шум, если оно тут официально получено, а мне не вручено. Вручили!.. :)))

Вот такой он подонок, этот Демин, начальник оперчасти!..

Друг “телефониста” заходил ко мне по моей просьбе с “трубой” – как раз только я успел взять эти письма у Палыча, еще и прочесть не прочел. Но, прочтя и увидев такое, решил попробовать прямо сразу же, не откладывая, позвонить Мане – сообщить, а заодно попросить обнародовать этот факт в рассылке и написать Е.С., чтобы она повесила на сайт.

С ужина, как обычно, иду к “телефонисту”. СДиПовец,

который и раньше пускал неохотно, даже внушения самого “телефониста” ненадолго помогали, теперь пускать наотрез отказывается – мол, с соседнего поста ему так сказали. Что там за начальство такое сидит, на соседнем посту?.. “Локалка” закрыта. Что делать? Хорошо, открыты были ворота (!) соседнего барака – и оттуда пришлось влезать в окно (“дорогу”) – впервые за 2 года 7 месяцев здесь. Влез с трудом, особенно трудно было подняться на очень приличное возвышение под этим окном с улицы.

И ради чего все это? Манин мобильник почему–то был отключен, домашний наглухо занят; дозвонился Майсуряну, рассказал, – его ведь эта история тоже краешком касается. Да еще “телефонист”, сволочь, опять начал трясти с меня 1000 р. – ему купили на воле “трубу” вместо разбитой здесь (на которую тоже и моя мать, и Маня давали деньги), но 1000 руб. на “дорогу” будут лишь через месяц и, не желая ждать, он начал клянчить их у меня – срочно, но с обещанием (якобы) возврата через месяц. Пришлось звонить матери, опять просить...

17–03

Утром ожидался “какой–то обход” (слова завхоза), – поснимали все с дужек и опять поволокли вещи в каптерку. Старый, “добрый” обычай!.. Я не поволок, задвинул поглубже; от въедливой долговязой мрази предСДиПа, который специально наклонялся и заглядывал под мою шконку, отмазался: надо в баню на завтра все достать, башка болит (лежал), а если кто что будет говорить – “съезжай на меня”. Как ни странно, после этого он отвязался. Если бы я убрал – потом жуткая проблема была бы достать обратно (даже если не разворуют).

Реальный обход был: Заводчиков и Русинов (?) – на “нулевой” (пост, т.е. зашли в будку), какие–то “мусора” и с ними Палыч – дальше по “продолу” (на 9–й?). На 11–й никто не заходил, вся суматоха была понапрасну.

Кстати, безумие у них усиливается: кроме прежних 2–х уборок, утром и вечером, на этих днях ввели еще одну – после обеда, где–то около 3–х часов дня. Подметают и моют. Что уж там мести 3 раза в день?!.

А между тем, завтра – “генеральная уборка”! Они – выдвигают (ломая) мою тумбочку и опять покушаются на баулы под шконкой, я – без завтрака...

11.2.10. 15–21

Ну что ж, на этот раз все обошлось неожиданно удачно. (Чем больше нервничаешь и готовишься к худшему – тем легче обходится на самом деле?) “Уборка” утром была сперва без обычного намыливания, поэтому прошла быстро, и мой сосед сверху, через мордобой крещенный недавно в уборщики, сразу по

ходу мытья задвигал назад в проходняки все тумбочки. (Надо было видеть, как он и выдвигал – из моего проходняка – по неопытности: ОБЕ СРАЗУ, одна на другой!! Но когда они застряли при выезде из проходняка, естественно, пришлось верхнюю снять.) Так что я смог даже позавтракать (ларьковской колбасой, которую не нужно долго чистить), пока не пришли “козлы” из бани, а цыган не очнулся от каких–то своих дел – и не заставили несчастных уборщиков мести и перемывать все заново.

В баню сходил тоже очень удачно, и “лейку” сразу занял свободную. Пришел – а “обиженный”, стиравший мне последние недели, как раз стирает кому–то в тазике – ура, не надо ждать, когда он “поймает” свободный этот чуть не единственный на весь барак тазик! Отдал ему сразу стирать вещи и наволочку.

После обеда шел в ларек – навстречу прется Агроном! Остановил меня и шедшую сразу за мной группу “школьников” с 8–го – они шли в школу, и он их разнес за то, что они идут туда без “общественника”. Мне не сказал ни слова, и Палыч предыдущие дни тоже, – видимо, последняя угроза Агронома насчет выговора мне на той неделе так и не реализовалась! Поразительно, но факт!..

Сок, правда, в ларьке кончился, как всегда, прямо перед моим носом. И народу–то было немного, не такая толпа, как во вторник. Зашел, смотрел в окошке, что там есть – сок еще был; достоялся с чеком до этого же окошка – его уже нет! Тьфу ты, пропасть!..

Палыча не будет завтра и послезавтра. Шмонов вчера и сегодня нигде не было, вряд лит будет и завтра. Все, кончилась неделя? 3 дня спокойного отдыха – пятница и суббота без Палыча, воскресенье без зарядки?.. :)

Единственная неприятная новость – “телефониста” вчера вечером таки закрыли в ШИЗО на 10 суток. “Трубу” мне вечером давал уже его дружок–сосед; он даст и в будущем, это несомненно; но с попаданием на их барак – проблемы; если “телефонист” одним своим окриком мог заставить тупого, упрямого СДиПовца (sorry, “пожарника” :) открыть мне “локалку”, то от дружка такого ожидать трудно. Будет она открыта сама – нет проблем, а если нет – связь с матерью эти дни может быть нестабильной.

Мне осталось сидеть здесь 402 дня. Ближайшие важные рубежи – 399 и 365. :)

12.2.10. 14–10

Первый этап, оказывается, будет только завтра, – это были всего лишь слухи, что он уже прошел в начале февраля. Вместо обсуждавшейся ранее 11–й везут на 9–ку – в Дзержинск. Ничего

хорошего об этой зоне никто не говорит – “красная” и ужасная, как все “красные” (а есть ли другие–то?) зоны. Одна надежда – что “первоходов” никуда вывозить не будут, а на Буреполом, ходят слухи, со временем обещают сделать “строгий” поселок. Надеюсь, я успею освободиться отсюда до этого.

Палыч, дебил, сегодня приперся опять – на зарядку, а потом и на утреннюю проверку. Вот тебе и выходные!..

На улице холодно, но не так уже, как было, не 30˚, – м.б., около 20–ти. Но зима явственно идет к концу – наконец–то эта проклятая, чудовищная, безумная и бесконечная зима! Все раньше светает, все длиннее дни, на солнце уже вполне тепло – в воздухе явственно пахнет весной.

Сидел все утро, писал ответ на письмо Ильи Романова, пересланное мне Майсуряном. Оно большое, почти 2 листа мелкого печатного текста (письмо самого Майсуряна – и одного полного листа нет), и я устаю, конечно, – рука устает писать, спина и все тело – сидеть. Рука с гелевой ручкой явно не поспевает за мыслью. Не знаю, надо ли вообще ему отвечать – Маня говорит, что Майсурян уже закинул в рассылку слова Романова, что тот со мной больше дискутировать не хочет. Нечего сказать? :) Но черт с ним – не хочет, и не надо! – я все же добью этот ответ, не сегодня, так завтра, – ради одной лишь добросовестности, любви к поиску истины, ну и ради репутации, – чтобы никто не подумал, что нечего сказать мне.

Усталость, апатия, какая–то вымотанность, изможденность, – впрочем, она была и 2 года назад, я хорошо помню. Весна действует, и, разумеется, “обстоятельства места”. Вокруг – чудовищно злобное зверье, с юной неутомимостью грызущееся и гомофобски “угорающее” друг над другом все дни и ночи напролет. Существа лет по 20, по 21–му году, у которых прямо на лбу написано, что их единственное предназначение – туда, в котел, на переработку в мыло, в качестве сырья, ни на что другое они уже никогда не будут пригодны, хоть до 40, хоть до 60 лет доживи. Приходится ходить как по очень грязным улицам весной – чтобы не запачкаться, чтобы брызги от их мерзких “шуток” и “серьезной” грызни не попадали на меня. Уворачиваться. И это утомляет и выматывает больше, чем все 7 раз по лестнице вверх–вниз, больше, чем зарядки–проверки, больше всего...

Остался 401 день...

13.2.10. 16–40

Да уж, это “красное” зверье еще хуже блатных... Полоумные, немыслимо злобные твари, прямо какие–то сгустки злобы, остервенелая мразь. На воле они – уголовники, грабители и ворье, здесь – “козлы”, навязывающие “режим” и использующие

его прежде всего для сведения личных счетов промеж собой. Они – “красные”, они служат “мусорам” и через них – режиму Путина. Я же, не будучи “красным” и ненавидя их, режим и Путина – вынужден вот уже 5 месяцев жить на этом проклятом бараке, среди всей этой злобной мрази. Я ненавижу их всех так, что ни на секунду не задумался бы всех их, до одного, сжечь, перестрелять, уничтожить, если бы получил для этого хоть малейшую возможность. Эй, “красные” мрази, вы слышите меня?!.

18–00

С утра один из этих подонков – бывший СОПиТовец, ныне барачный “козел” – развлекался тем, что не давал спать другому – тоже со 2–го барака, но не “козлу”. Причины нашли быстро: тот не выходит на зарядку, много спит днем, не состоит в секциях, и т.п. Тот, бедолага, уже и на вахту ходил – там не оказалось никого, и просто лежал, не спя, и отговариваться как–то пытался, ссылаться, что та секция спит вообще вся, ее никто не будит, – все без толку! Желание поглумиться оказалось сильнее любых доводов разума, а в драку этот, кому не давали спать, лезть не стал, хотя он взрослый уже дядька, явно старше и солиднее 25–летнего глумливого щенка–“козла”, трясущего все утро его шконку...

14.2.10. 9–01

Воскресенье. Утро. Все эти мрази спят, никто никого (после завтрака) не будит, не орет: “Подъем был!!!”, не трясет остервенело шконки...

Не спит одна только мелкая черножопая мразь – второй день чинит магнитофон (вчера сделала, но за ночь сломали опять). Кидается на меня – вчера не тем, видишь ли, тоном ответил, когда она, выдрав прут из торца моей шконки, хотела повесить обратно на место мою телогрейку. Сегодня – не нравятся этой твари “мои кошки” (а была одна Маня, да и та уже неделю носа не кажет), и это чмо грозится их убить, а заодно и меня. Я ответил: “Попробуй!” – эта мразь тут же “грозно” подлетела ко мне: “Ты сомневаешься, что ли?!!!”. Хорошо, что я успел быстро вскочить на ноги – я и ростом выше, и вообще, стоя в проходняке, отбиваться легче, сидя же – как раз подставляешь ему физиономию для удара. Эта ненависть – глухая, подспудная, но вполне ощутимая – у этой черножопой твари ко мне уже давно, еще с конца прошлого года, я хорошо помню – с тех пор, как это животное, пока я был на свиданке, надело косяк предСДиПа и начало тут командовать. Если что – придется драться, конечно. Шансы у меня есть, я и выше, и вешу больше, и на 15 лет старше, в конце концов. Но и с дракой, и без драки – я постоянно, при каждом взгляде и звуке голоса ощущаю острое желание убить эту

мразь, уничтожить, задавить ее, разнести ей тяжелым ломом башку, перерезать горло...

9–53

М–да, если спасение есть, то оно уж никак не в пролах. Оруэлла придется немного перефразировать... Построить демократию для всех, дать всем равные права, равное участие во власти – эта попытка безусловно провалилась. В Европе теперь судьбу Германии, Франции, Англии решают турки, арабы и индусы, расплодившиеся там в немыслимых количествах. А у нас – у нас быдло... Мерзкое, тупое, бессмысленное, пьяное простонародье, биомасса, которой тут 99%, которой населена, собственно, Россия, – эта мразь давит, душит, не дает дышать, говорить, двигаться... Нечисть, среди которой – что в лагерях, что на воле – вынуждены мучиться нормальные, приличные и порядочные люди...

Необходима демократия по образцу древней Греции, или шляхетской Польши, или южных штатов США до Гражданской войны. Вся эта удушливая нечисть, пролы, плебс, полуживотные, бессмысленное стадо двуногих скотов – должны быть там, под чертой, вне зоны доступа к власти. И ни в коем случае не учить их грамоте и не лечить бесплатно, даже на самом минимальном уровне. Пусть вкалывают грузчиками и подметальщиками, жрут свою дешевую водяру или самогон – и подыхают поскорее, как можно более массово, освобождая для нормальных людей жизненное пространство и сберегая кислород. Республика элиты, чистых, трезвых, образованных, приличных, благовоспитанных людей – должна стоять, как здание выше подвала, выше этого слоя биомассы и ни в коем случае не допускать эту подвальную сырость просачиваться на верхние этажи. Интеллигенции не хватает сознания себя новой шляхтой – не по рождению, но по воспитанию и образу жизни – и готовности взять в руки кнут против “хлопов”...

Какие звероподобные хари, какая жуть – толпа в описаниях Шульгина (“Дни”) и Бунина (“Окаянные дни”)! Эта толпа двуногих животных больше никогда, ни в коем случае не должна допускаться ни к какой власти. Против этого восстает не только разум, но и чисто эстетическое чувство – при одном взгляде на них, не изменившихся со времен Бунина и Шульгина...

15–33

Этапы, этапы... Продолжается это безумие... Перед обедом позвонили с вахты, позвали предСДиПа – и дали ему фамилии, кого прямо сейчас, после обеда, с вещами вызывают на вахту – сперва закроют в ШИЗО (зачем??), а уже оттуда они вечером поедут... Готовят сейчас вещи, пакуют баулы... На 9–м Лялин в

проверку зачитывал список, кто едет. Пошли разговоры, что теперь этап будет в Кировскую область, а потом и тех, к кого погашены старые судимости, т.е. юридически несудимых, будут тоже вывозить – в Мордовию... Между тем, сегодня мне осталось 300 дней до конца. Пошла уже “троечка” – каждые 100 дней меняется 1–я цифра в числе оставшихся дней. Все ближе и ближе к дому, – но какими еще ужасами, кто знает, будет наполнено этот последний год?.. М.б., и мне еще (не дай боже!!) придется ехать куда–то, сидеть на жесткой доске в переполненном купе “столыпина”... Хватит ли сил все выдержать? А пока что – близится весна, а потом – лето... Последнее лето неволи... И дней все меньше и меньше. Скоро я “разобью” год. Год до дома...

15.2.10. 8–20

Этап в 40 человек ушел на Киров сегодня утром (вот тебе и закон о содержании з/к по месту жительства!..), а взамен с “девятки” сегодня утром приехало 25, что ли, человек. Все ли они “первоходы”, я пока не знаю, и спросить некого.

Всю ночь они били палкой того “обиженного” старика, которого недавно еще избивал завхоз. Старик спит на верхнем ярусе и храпит, – как только начинает храпеть, его то просто будят, то – лупят палкой, он орет. Звонкие такие звуки – можно подумать, что это трубка из плотно свернутых газет, но увы – тут такие нежности не в ходу...

Меня тоже разбудила эта низенькая черножопая мразь, не было еще и 12 ночи, – якобы я храплю. Хотя как можно храпеть, лежа на животе и уткнувшись мордой в подушку? И вряд ли он мог перепутать, – в темноте, бывает, не сразу поймешь, кто именно храпит, но тут не тот случай. Что ж, война продолжается... Хорошо еще, смог потом уснуть – боялся, всю ночь проваляюсь без сна, как бывало за эти 4 года уже не раз...

Вечером, выходя на последнюю проверку, сцепился опять с “козлом”, любителем трясти чужие шконки, а потом к разговору подключился и тощий предСДиП (идиот, татуированный с головы до ног). Спрашивали, “что я за ферзь такой парламентский” (не выхожу в 9 вечера, как “все”). Я попытался коротко объяснить, – сказал “козлу”, что у меня хватит духу – я лучше умру прямо здесь, но не буду подчиняться их приказам. Они в ответ советовали мне написать заявление о переводе на другой барак, – наивные!.. :) Объяснил, что уже написал, и могу написать еще, – но кто ж меня переведет, не для этого меня сюда засунули, на этот “режимный” барак. Сказал, что с удовольствием готов хоть завтра на любой другой, кроме 1–го и 2–го. И все же – как трудно иметь дело с идиотами! После этой довольно долгой беседы, уже выходя в “фойе”, слышал, как они сзади обмениваются мнениями:

мол, да что с ним говорить, он все равно сам никуда не пойдет!.. (В смысле, переводиться на другой барак.)

16.2.10. 8–35

Опять какая–то комиссия... Сосед "телефониста" не пришел вчера с "трубой", как обещал, и только потом, после ужина, когда пришел другой хмырь, с 10–го (берет у меня столовский хлеб) и рассказал, я понял, почему: "дороги" были днем забиты! То–то перед утренней проверкой кто–то перебирался с 5–го на 11–й по "балконам" 2–го этажа – с одного на другой, через забор. Эти суки, блатота, командующая здесь всем в интересах "мусоров", опять распорядилась забить калитки "дорог" – верный признак комиссии, которой они боятся и перед кокорой выслуживаются вместе с "мусорами".

Правда, к последней проверке "дороги" все же открыли (из калитки от нас на 6–й явственно торчат свежие гвозди), но этот ленивый наглец (или наглый лентяй?) "трубу" принести, естественно, и не подумал. И теперь большой вопрос, как все–таки позвонить матери, чтобы она не сходила там с ума, куда это я пропал. Забитые "дороги" – это, видимо, до выходных, не меньше (а сегодня вторник), прийти он не может, – а после отбоя, небось, и в голову не приходит. Чтобы всего лишь подать ему эту идею (вовсе не факт, что он ею воспользуется), придется сегодня ждать и ловить эту тварь после утренней проверки, когда они пойдут на обед.

17.2.10. 9–41

Вчера, после отбоя уже – вылазка–экспедиция на 8–й, откуда только и осталось возможным позвонить домой. После ужина зашел было к телефонистову дружку, – калитка открыта, но его нет: говорят, в бане! Будь ты неладен... После отбоя тоже его нет. Уже погасили свет; думал–думал, колебался сперва – и все же решился. Одел только ботинки и "телагу", взял палку – и вниз по лестнице. Как романтично было – пролезать сквозь эти узкие щели в деревянных заборах, в темноте, на предвесеннем ночном морозце, так приятно ощущаемом головой без шапки! Дошел. Наследник "запасного варианта" сперва лежал лицом вниз на шконке и сам говорил по телефону, меня не видел. Я уж хотел уйти – но, к счастью, не успел, разговорился в "фойе" с одним знакомым. Тот, кто мне нужен, вдруг тоже вышел в это же "фойе" (сказали ему обо мне?), поздоровался, понял, что мне нужно; вскоре закончил разговор и дал мне телефон. Позвонил, – мать в панике, как я и думал, что 2 дня нет от меня вестей. Успокоил ее, поговорили нормально – и довольно долго; как ни удивительно, хозяин "трубы" даже не торопил. Вернулся без четверти 11 в барак, где–то без 2–х минут 11 лег спать – и тут вдруг стрем

“пробивает”: 3 “мусора” на тот “продол”! Поразительно, как удачно и вовремя я успел сходить и вернуться!..

15–28

Сперва хотел начать: “Мерзко...”, но теперь, пожалуй, – “Прикольно...” :). Полдня прошло спокойно–сонно, вдруг – только пришли с обеда – истерика: “Там комиссия пошла в сторону бани!!!”. Ну да, та самая комиссия, в честь которой вот уже 3–й день заколочены все “дороги”. Потом, естественно: “Комиссия на большом!!!” – и ну бегом убирать все с дужек и из–под шконок!.. Грустная ирония судьбы: вынос баулов в каптерку громогласно объявляла и им распоряжалась тоже обезьяна, как и на 13–м. :–\ Только помоложе, поменьше росточком и – другой национальности, но злобности почти такой же. Сперва это чмо было одно – ничего; потом приперлась (куда–то ненадолго уходившая) вся шваль со 2–го барака – ныне здешние барачные “козлы”. Этим, как всегда, все надо: заметили, что под соседней со мной шконкой, в соседнем проходняке, что–то валяется, коробки, хлам какой–то, долговязое чмо стало выгребать шваброй, заодно зацепило мой продуктовый баул, заметило вещевой и докопалось до него.

Короче, эти мрази собрались все около моей шконки и хором завыли свою вечную песню: про “чертовник”, грязь, раздевание в “обувничке” (нашли мои ботинки под шконкой) и пр. Я мог бы просто послать их всех (особенно злобную черножопую обезьяну, лезущую везде, сующую нос в каждую щель и бегущую на каждый звук – совсем как та!.. :) Но – вещи они, как уйду, все равно выволокут (а то и при мне – их ведь больше, а я один), еще закинут нарочно куда–нибудь. Вынул шмотье для бани – положить завтра в пакет, на следующий раз, – и унес оба баула в каптерку, будь она проклята.

Они там все вымели, выгребли; полаялись заодно и на моего соседа–сапожника, что у него под шконкой тоже что–то валялось (а сам он на работе, приходит только ночевать, – плевал он на вас, ребята!..).

Комиссия в это время уже (довольно давно) была на том “продоле”. Стою в “курилке” (возле каптерки), разговариваю с бывшим СДиПовцем, тоже перешедшим в барачные “козлы” (вроде не очень злобный), – и тут сообщают: комиссия ушла на контрольную! Ур–р–ра! И каптерка вроде бы открыта...

Корче, я, поговорив с ним, заскочил, пока она открыта, и свои баулы вытащил оттуда в раздевалку, поставил там. В ней постоянно тусуется народ – стремщики, при них дербанить не станут. Немного рассосалась в секции эта шваль глумливая, охотники на “чертей” (как они убогим своим умишком понимают

это слово) – а в раздевалке как раз стоял “ночной”, которого безотказно я угощал сигаретами, когда у него не было своих, – не выше общего уровня, конечно, но все же не самый худший парень здесь; главное – добродушный, не злой, хотя, м.б., и вспыльчивый. Как–никак 3–й срок сидит... Короче, я попросил его (хотя ненавижу просить!) – и он мне разом оба баула занес в секцию. Вещи опять при мне, и унизительно ходить, клянчить и разыскивать ключ, чтобы их достать, не пришлось. Хотя – завтра их проклятая “генеральная уборка”, опять могут начать визжать...

Много интересного почерпнул из беседы с этим бывшим СДиПовцем. По его словам, уже 1 марта должны убрать “локалки”, а к сентябрю – сделать здесь из зоны “строгий поселок”. Кого уж на нем будут держать, что придется делать, можно ли будет жить, не работая (на поселке ведь не кормят за гос. счет) – фиг его знает, но новость очень тревожная: опасность вывоза меня куда–то в другое место повышается многократно.

Прикольно было послушать и про амнистию: в “Российской газете” этот парень (еще на днях, я слышал обсуждение этой темы) вычитал, кого готовятся амнистировать к 65–летию их “победы”. Малолеток, ветеранов Чечни и пр. и – думали, что к малолеткам только относится, судя по построению фразы, но он говорит, что Северюхина в спецчасти их разубедила, – всех, кто сидит 1–й раз и срок до 5 лет. С трудом верится, что кроме малолеток и “ветеранов” вообще кого–то эта амнистия коснется, как было и 5 лет назад. Но я буквально катаюсь и валяюсь от хохота при одной мысли, что меня – меня! Меня, заклятого и давно им известного врага их государства!!! – они вдруг отпустят по амнистии!! :))))))))))))

А еще прикол – что о выносе баулов в каптерку я тоже, в общем–то, не очень грустил, т.к. ничего уж такого позарез срочно нужного там не было, а жратву из продуктового баула я всю давно вытащил и почти всю уже съел. :)

19.2.10. 8–10

Все обошлось вчера более–менее, без потерь, – и “генеральная уборка”, и баня, и ларек, и позвонить домой. С уборкой, правда, “обиженные” мальчишки сильно затянули, время было уже 9 утра, и черножопая обезьяна подгоняла их, бродя по секции, ударами брючного ремня, намотанного одним концом на руку. И утром, в уборку, и вечером – выгон в 9 на “проверку”, которая только в 9–30, – как некий мрачный символ места и времени, эпохи и судьбы (моей и этого “народа”–сброда), разгуливает здесь эта низенькая, чудовищно злобная, свирепая обезьяна. Полуголая или в какой–то маечке, так что видны все наколки (как раз сейчас активно делаемые – перед концом срока, как и всегда у этих

идиотов), в надвинутой на самые глаза черной спортивной шапке, с ремнем ли в руке, с палкой или с длинными четками, размахивая ими, – ну точь–в–точь как та шимпанзятина на 13–м!.. М–да, колоритный персонаж... Имея какой–то жиденький, второстепенный "косячок" – фактически работает здесь вышибалой, в таком качестве воспринимается остальными "козлами", да и сам активно сует нос в каждую щель, бежит на любой спор или ругань. Конченная мразь, короче, нечисть. Подлежит безусловной аннигиляции – жить с такими под одним небом, не то что крышей, совершенно невозможно.

Выяснилось, что накануне (позавчера) эти мрази, выгребая все из–под моей шконки в ожидании так и не пришедшей комиссии, – выгребли, суки, и стоявшие там в самой глубине мои казенные ботинки – "гады", полученные еще летом 2008–го и в которых проходил я почти всю очень 2009–го. В предвидении шмонов, погромов–уборок, комиссий и пр. – не так давно специально связал я их шнурками, чтобы хоть не растерялись по одному. Нет теперь обоих! Суки!.. Пошел в "обувничку", куда обычно выкидывают всю найденную обувь из секции, – нет 2–х связанных и там... Хорошо, если сосед–сапожник (которого на днях опять эта "козлиная" молодежь переложила, не спрашивая, – теперь он спит точно напротив меня, под окном) сделает мне хоть одну из двух пар вольных ботинок – одна моя, и я очень вовремя, буквально за день до "комиссии", отдал их ему на работу – там целее будут; и одна пара – его, хорошая, но пока без подошв (40–й вроде размер, но мне налезают, удивительно!). Теперь вся надежда на него, иначе с весны вообще не в чем будет ходить...

Телефонистову дружку–соседу, как дурак, набрал вчера всего в ларьке аж на 158 рублей, чего он просил, – мол, надо "телефонисту" на выход из ШИЗО и поесть, и сладкого, и чаю на чифир, а ничего вообще нет. А прихожу после ужина – его нет в бараке. Хотел уже уходить – вдруг он заходит с пакетами: претя из ларька – нашел еще где–то деньги (своих–то нет, понятно, надо каждый раз искать!). Слава богу, успел до проверки позвонить, попил даже у него там чаю, а за купленным он прислал потом шныря. И – главное счастье! – таки была в ларьке эта несчастная лапша б/п, без которой мне, как без гарнира, не с чем есть все привозимые из дома консервы, и они теряют смысл. Вообще, удивительно – четверг, а в ларьке было вчера еще полно товара, даже рулет были – шоколадные, аж 2–х видов – по 25 руб. и по 34. Видимо, спрос ограничивается отсутствием денег у зэков – переводов, пенсий, зарплат и пр. :) Поразительно, что в том окне, где я покупаю (идиотизм: 2 окна – как 2 разных магазина, ассортимент часто не совпадает) были на развес конфеты

“Лещина” – длинные, украинские, шикарные конфеты, шоколад с орешками, которые впервые попробовал я когда–то в гостях у Жени Фрумкина, а сейчас мне понемногу, по полкило, привозит их сюда мать. Но для этой зоны, для этого быдла и черни, для всего этого дремучего, глухого совка с его “колючкой” и вышками – хорошие украинские конфеты – это, по–моему, слишком уж шикарно, они этого никак не заслужили...

Один из самых злобных “козлов”, мразь со 2–го барака, которая (почти наверняка именно она) приказывала выбросить в окно мою кошку, – убрана наконец–то из барака: возвращена в качестве завхоза (!) на 2–й. Остервенело злобная нечисть... Без нее хоть чуть–чуть полегче – и сразу вспоминается анекдот, где поп советует мужику сперва ввести козла в дом и жить с ним, а потом – убрать...

Сегодня освободился наконец–то Михалыч – старенький, сморщенный, как печеное яблоко, дедулька – ворюга, 1943 г.р., бывший, видимо, самым старым на этой зоне. Кражи какого–то колхозного масштаба – мешок комбикорма (или чего–то такого, не помню точно), мотор с какого–то механизма трипа лесопильного... Не ювелирный ограбил, короче, – так, в родном колхозе по мелочи тянул, что надо было. Сперва условная судимость, потом реальная + кусок от условной. Короче, 5 с половиной, кажись, лет; на 13–м был еще до меня, до 13–го – 6–й, 10–й; в 2009–м раскидывали 13–й – его кинули на 9–й; раскидывали на днях 9–й – его на 1–й, оттуда и пошел. Юморной, балагурный такой старичок, маленького росточка, дряхлый уже, но бодрый – все ходил кругами по двору, что на 13–м, что на 1–м; все кричал мне этак с ехидцей, со смешком, и махал приветственно рукой при встречах по дороге из столовки всю эту зиму... Юмористический, короче, персонаж – их таких было 4 деда–балагура (по временам) на 13–м, когда я “поднялся” туда: из этих 4–х Михалыч освободился последним, а Сапог уже помер, говорят.

Пока писал, вдруг, непонятно с чего, начала болеть башка – слева, как обычно...

Погодка уже вроде и весенняя, днем солнце, – но что–то вчера даже и на солнышке было не особенно тепло, – не капало с крыш, как на днях. Вечером – минус 20, но сильного холода я не ощущал, – привычка, наверное, уже: не знаешь точно, сколько на улице, и кажется, что –20 – это еще ничего, не холодно. Зато с утра сегодня – вышел на зарядку – все 30° мороза по ощущениям. Поднялся в барак с этой проклятой зарядки – а тут тихая паника, завхоз стоит в телогрейке и тапках на босу ногу (сроду он так рано не вставал). Вхожу в секцию – впереди удаляется чья–то

синяя мундирно–суконная спина. Думал, может Демин, нач. санчасти (вчера он ходил с обходами), или еще кто; не придал значения. Оказалось – Макаревич!! Самое поразительное – откуда он взялся: гуляя всю зарядку по двору, я не видел, как он вошел; видел только 2–х “мусоров” в камуфле, идущих будить, как обычно, тех, кто еще не встал. И – при внезапном визите “Макара” ничего из–под шконок убрать, конечно, не успели (а там не у одного меня уже опять стоят сумки) – и ничего, обошлось! Ничего он не выбросил, даже не заглядывал при мне туда. Очень жалею, что не предоставился и на сей раз случай ударить эту мразь моей палкой по башке...

А вчера, пока я был в бане – стрем опять проворонил обход в 11 утра; “пробивают”, что “мусора” “в отряд” – а “мусор” в это время уже стоит в секции и смотрит (на “обиженного”, который потом целый день это всем рассказывал). В результате – как всегда: “пыхнули” 2 телефона – один у этого самого “обиженного”, другой – в той (блатной) секции.

Сосисочное счастье в столовке, увы, закончилось, и опять пошло то же, что всегда: сечка, перловка да слипшиеся до клейкого теста разваренные “макароны”. Вместо сосисок эти дни кладут туда, во все эти сечки–перловки, мелко–мелко нащипанные кусочки и волоконца курятины, которые оттуда даже не выберешь толком, как выбирал я кусочки нарезанной сосиски...

И еще хохмочка. Наглый тупой “быдлован” (выражение Ильи Романова), бывший мой “стирмужик” с 13–го... Он и сейчас там, по–прежнему заготовщиком, – и я частенько его вижу на обеде, мы уже уходим, а он только приходит на заготовку. Подходит, дружески так здоровается, охотно разговаривает, скотина... Я и не сомневался, зачем: вчера, конфиденциально так, полушепотом: ты пойдешь в ларек? Купи мне там, пожалуйста, по возможности, пачечку чайку... Чаю захотел, ага!.. :)) Хлебал его год назад, живя в моем проходняке, чуть не каждый час; а теперь меня–то нет, никто не купит “пачечку чайку”, а своего нет вообще ничего – то другу позвонит, то тетке, но много они не шлют, хватает ненадолго. Хитрая, наглая, ленивая мразь, типичный совок–халявщик, год клянчивший у меня чай–курево–сладкое и при этом ленившийся, еле–еле бравшийся раз в неделю постирать мне вещи, портивший одну за другой наволочки, да еще при этом вравший мне прямо в глаза, будто уже перестирал испорченное... Теперь это чмо не делает мне вообще ничего, даже не предлагает, живет вообще на другом бараке – но не стесняется нахально клянчить у меня и дальше на халяву чай!.. Воистину, совок как социально–психологический тип – неисправим и подлежит обязательной постановке в такие жизненные условия, когда,

будучи полностью лишен всякой халявы, он или приспособится зарабатывать себе сам – или вымрет от голода, и жалеть о нем никто не станет...

20.2.10. 8–38

Холод опять безумный: вышел на зарядку – пар из дверей столбом, на улице не меньше 30° мороза, по ощущениям, – быстро отмерзают пальцы правой руки, которыми я держу палку. “Мусора” прошли мимо нас по “продолу”, к нам никто из начальства так и не зашел, – можно было не выходить...

Около бани, снеся часть ее забора, уже несколько недель строят какую–то избу не избу – короче, сруб из бревен, типично деревенский по виду. Привозят на телеге бревна с уже выдолбленными пазами, сваливают на землю (в баню теперь еле пройдешь из–за них) – и потом укладывают; вместо строительных лесов у этого сруба стоят несколько двухъярусных шконок. :) Пока еще он не так высок, до крыши далеко, и последнее время вроде работа стоит, не видно, чтобы здание росло. Самое интересное, однако, можно рассмотреть только вблизи: сруб этот не только не укреплен на каком–либо фундаменте, но и но и вообще стоит не на земле, а на специально сложенных из кирпичей этаких подставках по периметру, до земли там еще приличная щелью Зачем бы это? Хрен поймешь. Готовый сруб, тяжеленный, из мощных толстых бревен, потом едва ли сдвинешь с места даже лошадьми. Куда и зачем? Теряюсь в догадках... :)

Одновременно вроде бы разморозили брошенную с осени стройку – восстановление сгоревшего в апреле 2009 ЛПУ, где выложены из кирпича пока только самые низы стен. Не туда ли этот сруб предназначен? Хотя – вряд ли... Самое замечательное – что убрали не так давно, с месяц примерно назад, , ветхий, уже заваливающийся дощатый забор, которым территория бывшего ЛПУ отгораживалась от территории “кечи” (как бы обступавшей участок ЛПУ с трех сторон). Теперь с нашего “продола” беспрепятственно видна вся основная часть зоны – штаб и за ним постройки: магазин, посылочная, большой амбар, в котором склад униформы, нарядная (где работает и живет нарядчик), “художка” и “швейка”, дальше – карантин...

Основное событие вчерашнего дня – приговор Евсюкову, майору милиции, бывшему начальнику ОВД “Царицыно” в Москве, за двойное убийство и стрельбу в супермаркете в апреле 2009 г. Пожизненный приговор и запрашивали, и вынесли. Да, сурово, я не ожидал такого. Но эта мразь в погонах не заслуживает, конечно, никакой жалости, – пусть даже, будучи изгоем и заранее предназначенной на заклание жертвой, он не раскаялся ни в чем и признал только одно убийство, снятое

камерой наблюдения в магазине. Хотя – понимал ли он, что уже обречен стать очистительной жертвой, сидя в тюрьме? Хватало ли информации – и мозгов, чтобы ее осмыслить? Мне – именно прецедент Евсюкова и начатую под этим знаменем “борьбу” с подобными вещами в МВД Майсурян в последнем письме назвал одним из признаков идущей уже, по его мнению, “медведевской оттепели”. Показательный суд по “всколыхнувшему все общество” делу, показательно суровый приговор, Медведев, на коллегии МВД объявляющий о коренных реформах в ведомстве, сокращении его на 20% (всего–то?! Почему не на 60–70??!) и введение жесткой ответственности за неисполнение сотрудником МВД приказа начальника. Последнее, кстати, к случаю Евсюкова и ему подобных не имеет никакого отношения, – примерно та же логика, что и с отменой губернаторских выборов после Беслана. Но – именно с молчаливого неповиновения казаков, посланных разгонять толпы на Невском, началась 93 года революция в Питере. Похоже, это все–таки не оттепель, зря Майсурян торопится: похоже, это все та же тактика – отмобилизовать все силы и построить их в боевой порядок под любым удобным и неудобным предлогом. После Беслана – отмена губернаторских выборов, после Евсюкова – ужесточение ответственности “мусоров” за неисполнение приказа... А наивные будут думать, что это всем – “реформа МВД” в сторону его более человеческого лица, недопущения зверств и отсеивания всяких “отмороженных” кадров, типа Евсюкова. Показательно посаженного, когда уже нельзя его спасти и вытащить, – брошенного “правозащитникам” как кость собаке. Вспоминается, как Буданова, который был им нужен и убивал Кунгаеву не под камерой видеонаблюдения, дважды оправдывали присяжные... Не помогут никакие реформы МВД, сокращения на 20% и пр.: Система (не только МВД, а все государство как таковое) должна быть безжалостно разрушена вся, целиком, до самого основания. Всякий иной расклад, любые попытки “реформ” сверху, наивно–радостно приветствуемые “обществом” (либеральной, но очень умеренной в своем либерализме интеллигенцией), будут заведомой туфтой, очередной “перестройкой” a la 1985–91, и кончатся тем же – не 91–м годом, а последовавшим за ним 2000–м, закономерным воскресанием недобитого КГБ–шного “порядка” и “государственничества”, т.е. – еще одним витком все по тому же замкнутому кругу русской истории...

15–24

И забавно, и в то же время омерзительно, кстати, наблюдать эту их кастово–иерархическую систему здесь, на “красном”, режимном 11–м бараке. Мало того, что она кастовая, и касты

выстроены в иерархическом порядке: блатные (начиная с рулящих всем существ на 10–м бараке – теперь там оба, в том числе и то мелкое чмо, что рулило здесь), потом “красные”, в самом низу “обиженные”, которых вообще за людей никто не считает. Но и внутри самих каст – тоже строгая иерархия, и ярче всего она видна именно здесь, среди “красных”. Колонические” “козлы”, всякие СДиПовцы, СОПиТовцы и пр., стоящие целый день на постах, пропадающие на работе и приходящие в барак только ночевать – считаются здесь низшим сортом, “пехотой” – это еще наиболее вежливое выражение в их адрес. Им строго запрещено, например, курить в секции, ходить (точнее, не лежать) после отбоя, они обязаны выходить на проверку за полчаса до времени ее формального начала, и т.д. (теперь и на 7–часовую стали выгонять в 7, максимум в 7–15 вечера, хотя никакой уборки, которой это мотивируют после 9 вечера, после семи в бараке нет). А вот “козлы” барачные (из которых здесь сейчас большинство – из тех же СДиПовцев и СОПиТовцев, ушедших с прежней работы) – те как бы автоматически считаются элитой, высшим сортом, белой костью. Они могут командовать, могут открыто нарушать те же самые правила, которые заставляют соблюдать “пехоту” – и ничего, все нормально! Ну представьте, как если бы за курение в секции вам строго выговаривал бы “козел”, сам преспокойно дымящий в это время сигаретой, – здесь же, в секции! Такое тоже бывает, и если ему ткнуть в эту очевиднейшую несообразность, несоответствие его слов и дел – то он ничуть не смутится, а спокойно ответит вам: мол, мне – можно, потому что я – общественник! То же самое – с выходом (выгоном) на проверки: “низших” истерическими воплями выгоняют за полчаса, сами – выходят перед самой проверкой, часто когда уже “пробьют” “мусоров”. На все вопросы и упреки – ответ примерно тот же. Т.е., тут у них отсутствует даже самое общее представление о том, что правила должны быть одни для всех; буквально, откровенно и совершенно легально считается, что для “низших” (“пехоты”) – все правила обязательны, во всей их строгости, а “высшие”, которые следят за их выполнением “низшими”, сами соблюдать их не обязаны, вот прямо так в открытую и считается, что не обязаны, – раз, мол, они “общественники” (в отличие, допустим, от меня), то могут делать что хотят! Де–факто, они одни только, эти “барачные “козлы”” и живут здесь нормально, с минимумом “режима” – так же, как на других бараках блатные...

22.2.10. 8–20

Зарядки с утра не было, – и морозище безумный на улице, и “праздники”. 22–е и 23–е – понедельник и вторник – объявлены

выходными в честь Красной армии...

Низенькая злобная цыганская обезьяна, не вставшая, вопреки обыкновению, с ночи до самого завтрака, когда уже объявили: “Выходим на завтрак!” – вдруг, услыхав чьи–то слова о ком–то, выскакивает спросонья в одних трусах из своего проходняка и “грозно” рычит: “Ну, кто тут не встает с самого подъема??!!!”...

Мороз все эти дни стоит действительно чудовищный, позавчера вечером – сапожник посмотрел термометр на 4–м – было минус 32°! В Москве даже представить нельзя в конце февраля такие морозы. Вчера – днем вроде стало чуть потеплее, окно в туалете, полностью замерзшее, даже начало таять; но вечером – опять... Сегодня, видимо, будет то же самое. Прихожу с завтрака минут 35 восьмого – и уже практически светло, и темнеет гораздо позже, где–то ближе к 6 вечера. Яркий свет, солнце хоть и не греет в такой мороз, но сияет – день будет яркий, солнечный. Глядя в окно на это озаренное солнцем небо и крышу соседнего барака, поднимается настроение. Все–таки, как–никак, а – весна! Пережил я и эту страшную, лютую зиму, выдержал. Вылез потрепанный, но живой, из всех этих каждодневных, со стороны вроде бы даже и незаметных испытаний. Третья весна уже начинается у меня здесь – лучшее время в году, и от этого особенно радостно. Последняя... Следующей весны я застану здесь лишь начало, неполный месяц, 20 дней, а на 21–й пойду домой. Началась сегодня 56–я неделя до конца, мне осталось 391 день, или год и месяц.

Вчера утром ничего записать не смог – разговорился надолго с соседом сверху, тем самым, которого обезьяна битьем заставила стать подметальщиком в секции. Ему, оказалось, всего 22 года, он москвич из Ново–Косино (это я знал и раньше, только он говорил про Новогиреево – вроде там тоже жил); к моему удивлению, оказалось, что он был со мной в карантине, вместе приехали сюда в 2007 г. Я его там абсолютно не помню. Здесь он был на 10–м, пытался даже на 13–й перевестись (уже осенью 2009, когда меня там не было), а в декабре 2009 перевелся сюда, – так что он не со 2–го барака, как я думал раньше.

Но и это все он рассказывал мне еще раньше, а вчера, тайком, шепотом и оглядываясь – рассказал, что работал на “промке” в теплице, это объект Демина , нач. оперчасти, и он про Демина знает всё, вообще всё. Слухов о нем и его делишках я слышал много; мелкий стукачонок с 13–го, тоже близко его знающий, все обещал тоже рассказать весь компромат на Демина, но боится, трус несчастный (хотя все равно уезжает скоро на “девятку” как “второход”). А этот вот – не побоялся; осталось ему сидеть всего 5

месяцев.

Но весь ужасный компромат на Демина оказался ерундой, не вызывающей у меня ни ужаса, ни возмущения. Стукач говорил, что он курит анашу с приближенными из зэков и сам носит им телефоны, – ну и пусть их, я решительно против запретов на то и на другое. А вчерашний москвич рассказал про телефоны подробнее: мол, люди Демина, т.е. те, кто работает на “его” объектах, все в курсе. Представьте, например, такой финт: одному из этих “его” людей приходит посылка, набитая телефонами. По правилам, посылка вскрывается в посылочной только при выдаче, в присутствии получателя. Но Демин, узнав, что она пришла, звонит в посылочную и говорит: этот человек (получатель) находится у меня в оперативной разработке на предмет наркотиков, так что несите–ка посылку сюда, мне в кабинет. Ему приносят, он вскрывает, отдает зэку телефоны, тот их здесь, на зоне, нелегально продает другим з/к, прибыль они делят с Деминым пополам.

М–да, вот тебе и Демин Сергей Витальевич, начальник оперчасти ИК–4! Герой, однако... Но, как уже было сказано, против телефонов в зоне, которые, пусть и запрещены, можно, не мучаясь, прямо тут купить за деньги, я ничего не имею. Мне тоже, как персонально мне ни запрещай, перепадает иной раз позвонить с них, особенно когда надо это срочно. В общем, как раз тот случай, когда коррупция полезна и помогает элементарно выжить под бременем безумных и изуверских официальных запретов. А вот начальство и прокуратура вполне могут Деминым сильно заинтересоваться... :))

Еще кое–что интересное рассказал он про Демина. Полностью подтвердил, в частности, мои личные наблюдения, что именно Демин рулит блатными во главе с их “по(д)ложенцем”. В том году, как раз год назад, его посланец (уже, говорят, вывезенный отсюда) приходил с этой темой ко мне, а тут сосед мой рассказал такую историю. Прошлым летом затянул он телефон в обход Демина, сам, и звонил с него тайно, ночью, ЛЕЖА в беседке во дворе 9–го барака. Однако Демин как–то узнал его номер, позвонил (или кого–то из “мусоров” попросил позвонить) и попробовал телефон принести. Тот отшутился: мол, еще раз позвоните, я маме скажу, она милицию вызовет, – и номер сразу же поменял. Однако через пару дней “близкий” “положенца” (я этого “близкого” не знаю)подозвал его и спросил: “Говорят, у тебя телефон есть?” – “А кто говорит?” – “Те, кто у тебя его видел”. А т.к. парень звонил ночью, лежа, на улице, да еще в беседке – видеть его не мог никто, и информация эта могла поступить к блатным только от Демина. Короче, телефон этот блатные у него

все же забрали.

Еще говорил он что–то – как я понял, о том, что есть и другие каналы поставки “труб” на зону, помимо Демина – и он, видимо, их старается прикрыть, т.к. для него они конкуренты. Короче, яркий образ из этого рассказа: на “промке” есть вышка, и с нее часовой может сбросить тебе мешок с телефонами… Не знаю уж, правда это или нет, а уточнять – и народу много всегда вокруг, да и подозрения вызывать не хочется.

Когда же я упомянул слышанное от “телефониста” – что телефоны на зону поступают через Заводчикова, а не через Демина, – сосед сказал: нет, через Заводчикова в основном идет наркота. Но это, конечно, не исключает того, что и тот, и другой могут проносить в зону и то, и другое, – просто у каждого своя преимущественная специализация…

Надежды мои, увы, не сбылись: пока я писал про Демина, приперся отрядник. Я–то уж думал, что его не будет оба дня “праздников”, но увы…

15–08

Забыл еще упомянуть утром: вот уже несколько дней, как в санчасти умер “обиженный” Медведев, которого все называли “Медведь”. 48 лет, совершеннейший доходяга. “Мутация”, “чудовище”, “дичь”, – как только его тут ни называли, и действительно, вид его был страшен. Весь грязный, заросший, с каким–то мертвым выражением лица, и сам как деревянный, еле двигающийся; постоянно болел, кашлял, говорить почти не мог – еле–еле слышно сипел что–то, когда к нему обращались, обычно отвечал далеко не с первого раза. Ходячий покойник, живой труп, короче. Работа его была – убирать снег, мести лестницу и двор, выносить “алёнки” (урны) из барака, вывозить бочку с мусором на свалку, и т.д., – поэтому вид и чистота одежды соответствующая. Спать его обычно пускали в секцию только на ночь, а остальное время он трусился где–нибудь в “курилке” (по крайней мере, осенью, которую я провел на этом бараке, точно).

В четверг в бане, рассказывали, ему стало плохо, его еле дотащили оттуда, сам идти он не мог. Да еще и раньше у него было что–то с ногой – кто видел, говорили, что она вся синяя, жуткая, чуть ли не гангрена. Уложили на 2–й ярус (он еще нашел силы туда забраться), но вскоре, к вечеру, решили вести все же в больницу, – так, видимо, плох он был с виду. Отвели – и там он скончался.

Я не к тому, что мне его очень жалко, – потеря для нормальных людей (и не здесь, а на воле, более того – в цивилизованном мире), прямо скажем, небольшая. Медведь–то – это биомасса, конечно, кусок дерьма, бессмысленная тварь, всю

жизнь рабски работавшая на кого прикажут и не пытавшаяся даже вспомнить о своих правах, отстоять их, почувствовать себя человеком... Проблема в том, что ЗДЕСЬ и цивилизованные люди находятся тоже далеко не в цивилизованных условиях, а загнаны в одну помойку с такими вот тупо–бессмысленными рабами и агрессивными подонками – под власть последних, и все вместе – под власть “мусоров”, т.е. государства. И обе власти эти таковы, настолько тупо–безжалостны и свирепы, настолько “по ту сторону добра и зла” – что подохнуть вот так, жалким, изможденным, грязным доходягой с лагерной помойки здесь вполне может и достойный, нормальный, цивилизованный человек. Система не делает ни для кого различия, и мы – катимся тоже туда, по тому же желобу, под тот же жернов, что и Медведь... Достаточно вспомнить двух великих поэтов – Мандельштама и Стуса, гордость русской и украинской литератур, – умерших в лагерях, один еще при Сталине, другой уже при Горбачеве...

23.2.10. 8–55

Мерзкая злобная обезьяна накинулась на меня вчера перед 7–часовой проверкой, когда я уже встал и собирался одеваться на выход, – именно за то, что я, по мнению этой твари, должен был выйти раньше (ублюдки выгоняют теперь и в 7, самое позднее в 7–15, хотя проверка в 7–30), да плюс – не трясся от страха, а спокойно отвечал на ее вопросы типа: “Ты что, не мог раньше?!” – “Нет, не мог”. Набросилась эта злобная тварь пока что не с кулаками, но обещала “выбросить из секции” – в спину, когда я уже выходил; и ясно видно, что эта тварь ненавидит меня особо, персональной, лютой ненавистью. Я тоже; после этой стычки, если говорить честно, меня долго трясло, – “подняли нервы”, как здесь говорят. Даже описать не могу, с каким наслаждением я забил бы эту черножопую злобную тварь ломом или палкой от шконки, лежащей у меня под матрасом, или чем угодно еще, – забил бы насмерть, калечил бы ее ломом, ломал бы кости, стоя в луже ее крови, пока это животное не испустит дух...

Вчера после обеда “поднялись” с карантина 3 новых СДиПовца, и после 7–часовой проверки другая злобная мразь – завхоз – устроила еще одно веселье. Хотя в секции было несколько свободных мест (освобожденных уехавшими на этап), но по мановению руки этой твари началось очередное “великое переселение СДиПовцев” – на сей раз к стене, на мою сторону секции. Я хорошо помню еще, как прошлой осенью он своим начальственным велением переселял их всех разом к окнам. Я еще радовался: хоть не погонят меня с моего места, чтобы освободить для них. А вот вчера нервы у меня напряглись – на эту же тему – настолько, что об ужине, для которого только и есть

этот перерыв между двумя проверками, даже думать не хотелось, хотя не обедал вчера – нечем было, все кончилось. Но – только высыпешь из пакетов эту лапшу в миску, – налетят и погонят с места со всеми вещами, с матрасом и пр., на ту сторону секции; и поесть все равно не успеешь, и куда потом ее девать, как не просыпать из миски до следующего вечера? Сидел, тупо ждал, ЧТО будет, – погонят или не погонят. Но вроде обошлось; не только меня, но и весь этот угол (я, новый подметальщик надо мной, дневные и ночные дневальные – в следующем проходняке, а дальше – "32–й квадрат") не тронули, более того – даже дальше, в центре секции, некоторые из прежних обитателей этой стороны сохранили свои места, оказавшись среди СДиПовцев. Было уже начало 9–го, когда я решил, что без ужина оставаться все же глупо, – поставил чайник, и за час успел и поесть, и выпить чаю.

Еще утром вчера "телефонист" вернулся в свой барак – из ШИЗО, после которого еще на 2 дня ложился в больницу. Его друг–сосед, надо отдать должное, приходил ко мне все эти дни с "трубой", кроме тех 2–х или 3–х, когда были забиты "дороги". Приходил и вчера; но все же, выпив чаю, в эти полчаса до проверки я решил сходить к нему – типа, проведать, поблагодарить за телефон, узнать о здоровье, и т.д. Тем более, что злобная цыганская обезьяна в 9 начала опять выгонять всех "на проверку" (за полчаса), а в "козлодерке" у нас сидели Окунь и Гриша, вчера опять была их смена. Во–первых, тоже могут начать выгонять; во–вторых, пока они здесь, по крайней мере, не забегут неожиданно на какой–нибудь другой барак.

Сходил; "локалка" там была закрыта, естественно; я вызвал его на улицу, и мы говорили коротко, всего пару минут. Я рассказал вкратце, как одолели меня опять "козлы"и конкретно черножопая обезьяна, ему уже известная. Он обещал сегодня зайти разобраться, – и я с нетерпением жду, как этот блатной, живущий во многом или даже в основном за мой счет, выполнит свое не столь давнее (перед Н.г.) обещание: "Пока я здесь, тебя никто не тронет"...

Вечером вчера пошел снег, и сразу потеплело, морозы спали. Мягкий снежок, морозец, конец зимы, предвестье весны... Еще одна весна в неволе...

И тут еще этот праздничек 23 февраля, будь он неладен!.. Сразу вспоминается, как еще на 13–м, год назад, вокруг меня в 2–х проходняках, моей шконкой разделенных, сидели вшивый Витя Глушков, мой сосед по проходняку, бедовый алкаш Толик Корсаков и балагур–остряк Соловей, пили чифир, передавая прямо через меня кружку, и вспоминали свою службу в Красной Армии (которую, конечно, они вовсе не считали призывным

рабством, где им...), а я гладил Маню, лежащую у меня на груди. Ныне все они уже дома – первым ушел Витя, через несколько дней после него, еще в декабре 2009, Толик, в начале февраля этого года – Соловей. А я все сижу здесь, как дурак; и даже Маня сбежала куда–то – и так и не появляется вот уже недели две...

А про Медведя, помершего на днях, сапожник сказал мне, что помер он, видимо, от гангрены, – действительно, его еще в том году несколько раз клали в больницу с этой ногой, которая в последние дни была уже вся синяя. И сказал еще – самое главное, от чего поневоле продирает мороз по коже, хотя я знал это примерно и раньше, только забыл написать вчера: до освобождения этому бедолаге оставалось всего 20 дней...

...Вдруг выключили свет во всей зоне. Праздник, блин... А в крайнем у двери проходняке с утра, даже чуть не с ночи еще, гомонит цыганский табор, собирающийся теперь часто к злобной черножопой обезьяне. То ругаются, то смеются, и только из–за отсутствия света не крутят сейчас на магнитофоне музыку – навязшие уже в зубах одни и те же несколько песен цыганских и несколько блатных... А по зоне все утро туда–сюда, на “продолы” и обратно, беспрерывно шляются “мусора”.

11–08

Еще того не легче!.. Сейчас вызывал Палыч, – он опять здесь. Я думал – письмо, а оказалось... Оказалось, он составляет график длительных свиданий на март, и “инспектора” (свиданщицы) сегодня сказали ему, что в одни и те же числа предоставлять свиданки нельзя, – мол, это нарушение закона, т.к. месяцы якобы считаются со дня выхода со свиданки. Бред какой–то! 2 с половиной года все было нормально, в одни и те же числа (только 1 раз сдвинули) – и вот нА тебе! Трудно представить, какая это будет морока – сообщать каждый раз матери, на какие числа брать билеты, переносить занятия, тому, кто едет с ней, – отпрашиваться с работы... Одно дело – стабильные, одни и те же числа; другое дело – каждый раз эти свиданки будут двигаться на 3 дня, а т.к. они и так в конце месяца, – то, значит, на следующий месяц. Обалдеть можно!.. Правда, сказал он, что на март пока оставит так, как есть, – на те числа, что я указал в заявлении; да и на май тоже, потому что в апреле Палыча не будет (в отпуске? Ур–р–ра!!!). Но все равно, новость очень тревожная. А короткие свиданки, – передача–то должна сдаваться раз в месяц, и если день не будет совпадать с днем, когда сдавали на длительной месяц назад, то эти суки свиданщицы могут и не принять, прицепившись к любой ерунде...

24.2.10. 8–21

“Телефонист” таки приходил вчера, около 4–х дня, вместе со

своим дружком–соседом. Тот дал мне “трубу”, и, пока я говорил с матерью, “телефонист” пошел разбираться со злобной обезьяной (разбудил ее, т.к. после веселой ночи под музыку эта животина завалилась спать после обеда). Поговорил, подошел ко мне, спросил поточнее, что именно “не нравится” этому и другим “козлам” (что держу баул под шконкой, “телагу” и ботинки тоже в секции, а главное –что не выхожу на проверку за полчаса, как они требуют). Высказал мысль, почему бы мне не переехать в ту (блатную) секцию (прежде всего потому, что там едва ли есть свободные места). Пошел туда выяснять эту возможность, но, вернувшись, тему эту больше не продолжал. Обезьяна при мне (часть разговора была стоя в “фойе” при мне) сказала “телефонисту”, что в ту секцию меня “не возьмут”. Почему, правда, не объяснила; после этого они пошли к ней в проходняк и говорили наедине еще несколько минут, друг–сосед стоял при входе в проходняк (лишний свидетель и поддержка, если что). Стряся попутно с меня очередную шоколадку (за все услуги – что связь, что охрану – надо платить, увы :) – они ушли. Животина после этого меня не трогала, да и вообще на обе проверки сама не выгоняла, орали другие “козлы” (и не так злобно, естественно). Да и вообще, у злобной твари вчера был неудачный день: на нее опять (уже 2–й день подряд, как выяснилось) “наехал” не менее здоровый и злобный “молотобоец” – даже в другом конце секции его достает громкая цыганская музыка (которую он не переносит, – хотя вообще–то музыка очень красивая, я слушаю с удовольствием) и топот плясок собирающихся у злобной обезьяны с других бараков цыган. К сожалению, они так и не подрались, это было бы феерическое зрелище!.. :)

25.2.10. 10–30

Четверг. “Генеральная уборка” прошла на этот раз удивительно мирно и тихо, без погрома. Черножопая обезьяна слушала музыку, общалась по телефону и со своими соплеменниками у себя в проходняке, другие “козлы” мирно лежали, завхоз дрых, тощий предСДиП, видимо, тоже – его вообще не было видно. Самый забитый из “обиженных”, пацаненок–заморыш, быстро вымыл мылом секцию – без понуканий, пинков, палок и ремня на сей раз, что удивительно. Тумбочку мою никто не выдвигал, на баулы тоже не покушался, – лепота!.. :)) Закончили часов в 9, стали задвигать другие тумбочки на место, – знак, что уборка окончена. Тут я, после небольших колебаний, решил все же позавтракать, хотя уже заранее настроился, что сегодня я без еды до обеда, а точнее – до ларька. Быстро сделал себе бутерброды, вскипятил чаю, – но клюква в сахаре кончилась на днях, а с этим сукразитом чай такая

гадость, и почти совсем несладкий, – в общем, такого удовольствия от завтрака, как было бы с нормальным сладким чаем, да еще с белым хлебом, а не с этой столовской дрянью, я не получил, увы.

Поел – уже время к 10–ти, пора в баню. Пошел. Прихожу, – там уходят двое последних помывшихся, и будет ли баня – они не знают, – а я теперь, имея горький опыт свой и чужой, всегда заранее спрашиваю, прежде чем раздеваться. Ушли, и никого. Потом приходит заготовщик с 11–го и идет узнавать. Сперва никого не может вообще найти, но потом ему все же сообщают: кончились дрова! Ах, будьте вы неладны, суки!.. Десятки лет стоит эта зона среди лесов – и дров у них, видите ли, нет. Идиоты! Нет, действительно, это страна идиотов, другого определения нет!.. Выхожу – и точно: труба, вовсю дымившая, пока я заходил, уже почти не дымит, лишь остаточная тоненькая струйка дыма идет. Хорошо, что я предусмотрительно не стал раздеваться весь, пока заготовщик узнавал, а только до рубашки, да снял еще ботинки и шерстяные носки.

А возле бани возобновились работы у того самого сруба из бревен: подвезли груду кирпичей, и работяги укладывают его недалеко от сруба в штабель. Уже пару раз от разных людей – так что нет оснований не верить – слышал я дикий совершенно слух: что нынешнюю баню администрация зоны хочет сломать, а этот сруб строится под баню временную. Охренеть!!! Сруб, который и на земле–то даже не стоит, а на штабелях кирпичей! Ну, положим, летом, в жару, в нем еще можно будет мыться... холодной водой?!! Ибо как они подведут горячую? Да и холодную–то в бревенчатый сруб хрен подведешь, – ведрами носить придется и ковшиками поливаться, как моются на бараке, в туалете? Так для этого и баня не нужна...

“Телефонист” приходил вчера вечером опять со своим дружком, спросили, все ли у меня нормально (с обезьяной), дали мне телефон – и хитрая бестия эта тут же стала спрашивать: “Ты пойдешь завтра в заведение?” – и заказывать “шоколадку” или “рулетик”, причем, как всегда, не для себя, упаси боже, а для кого–то там, на больнице, пойти навестить больного... Хитрая, наглая сволочь!.. Я не стал отказываться, что пойду, и эта животина решила увязаться за мной; так что в любом случае я в баню сегодня после обеда уже не попадаю (разве что очень уж быстро куплю все в ларьке, а нужно мне там для себя многое), – ну и гори она огнем!..

Вроде бы все не так и плохо, и бань–то осталось всего 55, всего 388 дней, – но зверье есть зверье, и даже просто находиться среди него – пытка. Утро, еще до завтрака, началось с очередного

избиения моего соседа сверху, подметальщика. По каким–то своим делам он бродит всю ночь по другим баракам (был на 13–м, в частности, и хочет вскоре туда переводиться), всю ночь не спит. После зарядки просит меня разбудить его на завтрак, залезает к себе наверх и засыпает. Но жизнь у него здесь тяжелая, его здесь целенаправленно ненавидят – не только завхоз, но и "козлы" со 2–го барака, троица обнаглевших подонков, бывших СОПиТовцев, ставших тут "козлами". Один моложе его на год (подметальщику всего–то оказалось 22!..), второй – такой же, третий на 2 года старше. Дело не в том, конечно, что он им что–то сделал – просто так проявляется во всей своей красе их комплекс неполноценности. Типичнейшая картина, – ничтожные, внутренне ущербные твари, получив власть, начинают вовсю глумиться над теми, кто в их власти, кто от них зависит, кто заведомо слабее и не даст отпора. Просто таким образом они компенсируют эту свою неполноценность, которую не сознают рассудком, но подсознательно чувствуют, видимо, очень остро – судя по интенсивности глумления над окружающими. Пытались одно время задевать и меня – я дал отпор, пока словесный, но достаточный, они поняли, что я их сильнее и морально, и физически. А этот парень – небольшого роста, щуплый, явно не богатырь, в драку не лезет, сдачи дать даже не пытается. – ЧТО бы его не мордовать?.. Да плюс, видимо, дана такая негласная установка от начальства, – м.б., от Демина, с которым тот работал, а потом ушел и много про него знает... Сперва "припахали" убираться, мести полы, да и просто – жизни не дают, в чисто бытовом смысле. Спать, даже просто лежать днем – стараются эти три "козла" ему не давать, когда замечают. А сегодня он заснул и, как на грех, захрапел, – один из "козлов" подошел, ударил, разбудил, потребовал слезть со шконки. Второй – самый старший и здоровый – потребовал – за 5 минут до ухода на завтрак – начать выдвигать все тумбочки для уборки, это тоже как бы его "обязанность". Уборщик мирно, спокойно сказал, что сейчас не будет – вот придем с завтрака, тогда и сделаю. Здоровенный (по меркам 20–летних) "козел" гавкнул свое требование еще раза 2, а потом вскочил – и рванулся бить этого несчастного подметальщика, стал наносить ему довольно чувствительные удары прямо на шконке, надо мной. До крови и синяков не дошло, но все же... А уборщик, с которым я уже не раз дружески разговаривал и пользуюсь его доверием, все уповает на одно: он–де пойдет в "контору" и через "мусоров" накажет своих обидчиков, столкнет их лбами с "мусорами", подведет еще какие–то хитрые интриги и козни так, что им станет очень плохо. Считает себя, короче, мастером закулисных интриг и всецело

надеется на свой в них талант. Но пока что его бьют, заставляют убираться, не дают спать днем; и до конторы идти вроде недалеко, – а перемен в его положении и справедливого возмездия обидчикам что–то не видно и, похоже, не будет до конца его срока (через 5 месяцев). Вот то, что он от этих подонков с их уборкой просто переведется на 13–й, где у него лучше отношения с “козлами”, – вот это может быть.

Забавная мысль пришла, кстати, вчера: неплохо было бы хоть под конец жизни, хоть годам к 50–60–ти, если доживу, – умудриться стать для этого государства ГЛАВНЫМ, центральным врагом! Главным врагом России. :)) О, у нее всегда было много врагов – это вообще были все те, кто просто осмеливался критиковать начальство, будь то Андрей Курбский или Андрей Сахаров. Но порой возникли и такие вот, особо, предельно ненавидимые “враги” – никто не объявлял их таковыми, естественно, но и без слов было понятно, – точнее, как раз по словам, по безумию обвинений и “разоблачений”, зашкаливающих за все разумные пределы. Потому что быть таким врагом для НИХ – это очень высокая честь – но и практически верная смерть, раньше или позже. (Ну и что же?! Смерть все равно неизбежна, в любом случае, но смерть в бою почетна и является поводом для гордости потомков. "Так лучше, чем от водки и от простуд...") Четких примеров, м.б., можно выделить не так уж много, но они очень яркие. До II Мировой войны, в 20–е и 30–е гг., главным, смертельным врагом для них бы, конечно, Троцкий, особенно уже выдворенный за границу, – по ненависти, которая к нему пропагандировалась, и его роли вдохновителя и первоисточника всевозможных “заговоров” и “шпионских центров”, с ним просто некого поставить рядом. После войны – определить сложнее; в первые годы, м.б., Бандера? Его, во всяком случае, убили, да и представлял он огромную потенциальную силу – украинскую нацию, особенно в диаспоре, в эмиграции. Потом уже фигур ТАКОГО калибра ни у кого не было до появления Дудаева (ну, м.б., еще Стецько, доживший до 1986 г.)В 70–80–е, до “перестройки” – м.б., Солженицын? Трудно определить точно, но удар с публикацией “Архипелага” ИМ был нанесен страшный, непоправимый. Никакие правозащитники никакими письмами и апелляциями к советским законам не могли бы так подорвать разом устои этого режима. В 90–е годы – по–моему, не было таких уж значительных фигур – но они, в своих “лучших” традициях, убили Дудаева. С 1999–го по 2006 главный “враг России” был ярко и четко выраженный, несомненный: это был Басаев. И они убили его. И вот после этого, в самые последние годы, пока я сижу, года с 2007 или с конца

2006 даже, главным врагом явно стал Саакашвили. Накал личной ненависти к нему и глумления над ним в русской пропаганде после нападения Русни на Грузию, весь конец 2008 и 1–ю половину 2009, даже вообразить трудно, если бы я не смотрел сам тогда 1–й канал. Правда, Саакашвили несколько выбивается из общего ряда “главных врагов” – прежде всего тем, что он еще жив. :) (Но это – увы, дело для ФСБ РФ поправимое…) Потом еще тем, что он все–таки не революционер, не “террорист”, не писатель, – словом, не человек из подполья, из андерграунда: он – действующий президент целой страны, крупная, известная и международно признанная персона. Впрочем, и с Дудаевым, и с Масхадовым Ельцин когда–то подписывал официальные договора…

Так вот, я считал бы свою миссию выполненной, а свою жизнь – прошедшей не зря, если бы когда–нибудь удалось хоть ненадолго, хоть на год–другой, занять это почетное место – главного, признанного и максимально ненавидимого врага этой Системы, того, кого они ставят себе целью убить любой ценой, ибо иначе обезвредить такого врага невозможно. И пусть бы они меня и убили – на этом почетном “посту”…

26.2.10. 14–20

Главная новость дня – завхоз 11–го ходил на суд, и его отпустили по УДО. Через 10 дней уйдет; проблема в том, что на его место, по всей видимости, назначат еще более злобную мразь, – ту самую, что первой, еще в том году, искала мою кошку по секции, чтобы убить. А что такое здесь злобный завхоз, я уже знаю, – насмотрелся, увы. “Телефонисту” придется заново его обрабатывать, беседовать с ним обо мне; но это вряд ли поможет. Будут перекладывания с места на место, недопуски в секцию в одежде–обуви, выкидывания ботинок, телогрейки, сумок, выгоны на все проверки строго за полчаса… В общем–то, ничего мне эта падаль сделать не может, бить – вряд ли осмелится; но вещи мои будут страдать немилосердно.

“Заказывают” и “заказывают” на этап, практически через день. СДиПовцы уезжают, их шконки освобождаются…

Весна, солнце, капель, а у меня тошно на душе и стоит комом в горле отвращение ко всему, к миру и к людям, ко всей этой дурацкой жизни. Год с лишним еще до освобождения, – а меня все сильнее мучает эта мысль: зачем мне освобождаться, что я там буду делать, на воле? Да, там будет куда лучше в смысле чисто бытовом, да в плане личной свободы – пиши, звони кому хочешь, выходи из дома когда угодно и иди куда пожелаешь… Но и только. Тут–то я, по крайней мере, знаю, что вокруг меня – подонки, отребье, глубоко враждебная мне по своему духу и

ценностям биомасса. “Запах стаи, заполонившей мир”, – вот что здесь, в полную силу. А на воле будут милейшие люди, близкие, очень мне сочувствующие, называющие себя друзьями – но пользы от них не будет никакой, все они погружены без остатка в личную жизнь, в работу, быт, семью, у всех дети, и никто не хочет всем этим рисковать, наживать себе неприятности, попадать вот так, как попал не 5 лет я... Вот как Миша Агафонов, например, обзаведшийся за эти годы большой семьей – и глубокой апатией в общественных вопросах, служащей ему оправданием для того, чтобы ничего уже не делать, как делал он еще в пору нашего знакомства. Все равно, мол, без толку... Спасибо еще, ко мне ездит, матери помогает, – как раз вот завтра должны они прибыть на короткую свиданку, сегодня вечером выезжают.

...А меня ждет пустота, одиночество и вольное, но бессмысленное существование на воле, дома. в комфортных условиях московской квартиры – после 5 лет камер и бараков...

28.2.10. 8–46

Последний день зимы. Кончилась наконец–то эта страшная, безумная, чудовищная зима 2009/10 годов, навеки памятная...

Вчера была короткая свиданка с матерью и Агафоновым. Все прошло хорошо, только ждали мы, пока заведут, до 10 часов – в это время как раз уезжал очередной этап “второходов”, их шмонали и грузили за вахтой, и, конечно, не могло быть и речи, чтобы нас – толпу в 10 человек на свиданку – повели мимо их толпы, дали бы соприкоснуться. Было не холодно, но ноги у меня за час стояния у вахты замерзли просто ужасно. Да потом, в конце, когда мои уже ушли (их к часу дня ждало уже такси до Шахуньи) – чудовищно долго еще принимали у оставшихся передачи, грузя в чей–то недовес часть чужой передачи, которую не “подписал” заранее Макаревич, переливая сгущенку из огромных “бай зеров” в целлофановые пакеты, разбираясь с какими–то грузами на “общее” – их просто попросили, как обычно бывает, захватить, и ни женщина, сдававшая их, ни парень, к которому она приехала, не имели понятия, ЧТО в них. Тянулась эта бодяга не меньше часа, так что вышли мы со свиданки только в 3–м часу. Да еще, расписываясь за передачу, увидел я новшество – отдельный листок с грозными печатями и текстом, предупреждающим родственников об ответственности по ст. 228, если что–то такое будет обнаружено в сдаваемой передаче :) – и родственники должны это подписывать, что ознакомлены.

Очень хорошо поговорили с Мишей, он рассказал мне, в частности, про кучу новых книг, которые я тут же ему и заказал. :) Вообще, общаясь с ним ли, еще с кем–то из ребят – мучительно ощущаешь, как дико отстал за эти годы от жизни, сколько

появилось лиц, явлений, организаций и пр., о которых не имеешь понятия. Под конец разговор сам собой вышел на будущую работу на воле – нужна ли она в нынешних условиях отлива и реакции, и какая именно, если нужна. По крайней мере, на этот раз Миша сказал нечто обнадеживающее: что период, когда он был полностью загружен на работе (в одной фактически совмещая две) и голова вообще не работала, не мог даже ничего написать, прошел, теперь он вроде бы оживает постепенно. Что ж, посмотрим, что ждет его и меня в будущем; я так и сказал ему под самый конец: ты – один из лучших людей, какие есть (в этой стране), и если ты меня не понимаешь, то кто же вообще меня поймет?!. Мне почему–то кажется, что я смог его убедить.

Что ж, закончилась 56–я неделя до конца, ознаменованная вот этой свиданкой, осталось их 55 всего, или 385 дней. Завтра начинается весна. Говорят, что в этом году она будет ранней...

МАРТ 2010

1.3.10. 8–27

Весна...

Обстановка в бараке тяжелая, ужасная, как будто сам воздух напоен, пропитан весь этой свинцовой злобой, лютой ненавистью, звериной жестокостью отребья, всласть командующего таким же отребьем, но послабее, и остервенело грызущегося поминутно между собой. “Свинцовые мерзости дикой русской жизни”...

Забыл написать: еще накануне свиданки, вечером 26–го – иду с ужина – вдруг вижу: завхоз 11–го, как раз недавно прошедший УДО, идет куда–то мне навстречу по “большому продолу”, покуривает. Еще подумалось: куда бы это он? Прихожу в барак – и минут через 10 из “фойе” вдруг раздаются истошные вопли, вой и звуки ударов. Все сбегаются, я тоже выхожу: завхоз толстенным рулоном чего–то, типа синтетической пленки какой–то, избивает сидящего в углу на полу “обиженного” пацаненка, самого забитого и бесправного из них из всех – того самого, сволочь, который обманул меня в январе со стиркой, взял стирать вещи и отдал, соврав, что выстирал–высушил, а на самом деле и не подумал. Т.е., я уже знаю, что это за хитрая, жуликоватая мразь, и мне его, во всяком случае, не жалко. А завхоз, называя его исключительно в женском роде, орет, что, мол, сколько ты еще будешь бегать на вахту, шлюха, я тебе сейчас ноги переломаю, чтобы ты не бегала, – и бьет этой толстенной трубой целенаправленно по ногам. То ли от постоянных и так избиений, то ли по какой другой причине тот сбежал на вахту, уж не знаю, – но оттуда, видимо, просто позвонили, сказали прийти и забрать; вот туда–то он и шел, когда я после ужина его встретил. Жаловалась овечка на волка вожаку волчьей стаи... Пару дней после этого избитый заметно хромал – одну ногу завхоз таки ему повредил; да еще на морде до сих пор остались синяки.

В эти же дни, вчера–позавчера, нашла вся эта “красная” банда себе новую жертву: бывший еще до переезда сюда 2–го барака предСДиПом парень, 30 лет, бывший десантник, воевал в Чечне, был контужен, один глаз вроде не видит у него, в ухе слуховой аппарат, – все последствия контузии. Инвалид, короче; болезненный даже с виду, толстый, одноглазый, со странной такой походкой, наподобие утиной. Но мне, помню, как–то в разговоре утверждал, что ВДВ – это, мол, “гордость” (не знаю уж, чья). Оба глаза, что ли, и уж не знаю, ЧТО еще должны такие потерять, чтобы излечиться от этой “гордости” карателей, бывших и действующих. Так вот, снял его Палыч из предСДиПов, он

пошел на ночную работу в столовку (кур щипать, картошку чистить и т.п.), днем спал, его и видно не было. Потом куда–то вообще пропал – и вот на днях вернулся, теперь постоянно на бараке с постельным режимом. И вот – вся кодла набросилась на него. Строго–настрого запрещали ему вчера все эти барачные “козлы” что–либо здесь “мутить”, куда–либо ходить вообще с барака, наказывали сидеть на бараке тихо–смирно, и т.п. (Он и в штаб, видимо, уже жаловался, ибо штаб тоже мельком упоминался.) Тот в ответ говорил, что ничего и не “мутит”, но вообще – он все же не такой безгласно–трусливый, как эти СДиПовцы и пр., он все же огрызался. Десантура, где ж твой гордость?! Почему тебя всякая мразь без боя зашугала, одними угрозами?.. Подходила злобная обезьяна и “грозно” спрашивала: ты, мол, почему с 1–го раза не понимаешь, когда тебе говорят?.. Потом пришел завхоз – последние дни досиживает, но злобен и “грозен” по–прежнему, вот не все равно ему, кто куда ходит с барака! – злобно ругался и грозил сквозь зубы (неясно, чем, – ну, избиением, как всегда, чем они еще могут?..), но из его ругани я хоть понял: несчастный одноглазый, оказывается, ходит на 1–й барак (1–й этаж под нами) делать себе наколки.

Ну и самая мрачная новость. Вчера перед ужином пришел новый дневальный штаба (не тот, что был из “козлов” 11–го барака, злобная мразь, – этого, уже нет сомнений, прочат нам сюда в завхозы), велел отправить народ кидать снег у штаба. Погнали на эти “хозработы”, как обычно, всех, кто физически в силах и не состоит ни в каких секциях, не работает и пр. И один из них – мой сосед–подметальщик – вернувшись, сказал мне: завтра комиссия, потому и погнали убирать снег.

Опять комиссия!.. 28–я уже, по–моему, с тех пор, как я их считаю (с 14.11.2008). Опять, значит, “сидорА” в каптерку! А потом их оттуда хрен достанешь, ключ тут вообще неведомо у кого! И ЧТО сделаешь, если хитрая, въедливая долговязая мразь предСДиП (во всю спину наколот волк за “колючкой” и надпись готикой (идиот!): Homo homini lupus est; но сам–то он по характеру похож совсем не на волка, а на шакала или гиену) специально нагибается пониже и заглядывает под мою шконку? Как далеко ни запихивай баул – он нагнется, увидит, поднимет визг, на который сбегутся остальные “козлы” и злобная низенькая обезьяна–вышибала... Что делать? Куда деваться?..

Сейчас пока, утро, паники “по комиссии” еще нет (хотя неприятный признак – Степышев и 2 “мусора” с ним во время завтрака стояли у выхода с “продолов” (где “нулевой пост”) и строили лично все выходящие отряды). По опыту знаю – паника, вынос баулов и скидывание вещей с дужек может скорее начаться

после обеда, часа в 3–4. И даже не обязательно сегодня – м.б. и завтра–послезавтра. И все это время ты будешь жить в состоянии тоскливого, тягостного ожидания, мучительно прислушиваясь к каждому звуку...

Вроде говорили, что уже 1 марта должны снести все “локалки” – как же, “реформа” с самого верху ФСИНа, уже ведь и СДиП “ликвидировали”. :)) Однако пока что никаких признаков, – “локалки” по–прежнему стоят и по–прежнему накрепко заперты...

2.3.10. 9–26

Вчера вечером, между 2–мя вечерними проверками, избили инсулинщика, – тихого, спокойного парня 30 лет; был он здесь еще до меня “общественником” 2–го ряда, не из главных; потом, недавно, на какое–то недолгое время устроился в столовую – стоять на воротах с ключом. Должен был ехать на “пятерку” – вчера после 7–часовой проверки велели нести вещи на вахту, а сегодня с утра, видимо, уже он уехал.

Я готовил себе ужин и не знаю уж, ЧТО у него там произошло, в дальнем, “блатном” конце секции, с кем он там сцепился (м.б., с “молотобойцем?) и из–за чего. Некоторое время, минуты 2–3, оттуда доносилась какая–то перебранка, стал подтягиваться любопытный народ. Собралась уже небольшая толпа, и когда инсулинщик проходил сквозь эту толпу в мою сторону – с другого конца секции, от себя, на него налетела злобная цыганская обезьяна, до того явно не участвовавшая в конфликте. Тем не менее, с места в карьер, с каким–то злобно–“грозным” рыком (попытка что–то типа “спросить” с инсулинщика) она толкнула его обеими передними лапами в грудь с такой силой, что тот упал. Но тотчас же поднялся и с криком: “Цыган, я объясню, отвечаю, я объясню!!!” – пошел дальше – очевидно, в “козлодерку”. Злобная обезьяна и еще несколько человек последовали за ним. Через несколько минут инсулинщик прошел обратно – было видно, что там его избили достаточно крепко, он держался рукой за бок, и на лице его, мне показалось, был синяк. Однако, м.б., и правда показалось, т.к. потом – после проверки и сегодня утром – я присмотрелся к нему внимательнее, – он ходил как всегда, спокойно, и на лице его не было видно ничего особенного (мне показалось, или он чем–то замазал следы избиения?..). А из–за чего произошел конфликт – я спрашивал потом, после отбоя, у одного тут, которому доверяю; но он не знал, а скорее, мне кажется, не захотел сказать, отговорился незнанием...

16–00

Опять забивали кого–то... После обеда пришел – с опозданием, как всегда, и потому прямо в барак – “телефонист” –

вести меня в их день в ларек, покупать ему чай–конфеты. Я одеваюсь – он пошел ждать внизу; я выхожу на лестницу – он идет к калитке, чтобы ее открыли. Я по лестнице очень медленно вниз; меня обгоняют черножопая обезьяна и кто–то еще, спустились – и лезут в окно 1–го барака. Мы с "телефонистом" вышли уже из калитки – вдруг сзади какие–то крики, мне запомнилось: "...в локалку!!!". И за нами выскакивает какой–то парень с лицом, по–моему, уже окровавленным, а обезьяна и еще пара человек (мне незнакомых) – за ним. Тот на всем бегу орет "нулевому посту" что–то типа: "Открывай скорей!" – выскакивает в калитку, но преследователи за ним. Тут, около выхода с "продола", они его настигают, вцепляются в одежду, а черножопая обезьяна, подпрыгнув, бьет его сбоку кулаком по лицу. Кто уж дал команду остановить бойню – я не понял; возможно, завхоз 11–го – мразь, домой никак не уйдет! – он, как оказалось, выскочил тоже следом за этой погоней и вместе с кем–то незнакомым (точнее, я не успел его рассмотреть) идет в ту же калитку, покуривает. Из этого легко заключить, что команду на расправу дал именно он – но непонятно, почему, если избиваемый был с 1–го барака (по–моему, не с 11–го, точнее я, опять же, не успел разглядеть). Кончилась сцена тем, что жертва, крикнув еще раз: "Открывай скорее!" (или как–то так), убежала в открытую ей специально калитку, ведущую в библиотеку, преследовать его уже, по–моему, не стали.

4.3.10. 9–58

События бурного утра... :) Может быть, когда–нибудь эти твари, эти животные все же научатся отстаивать свои права, сопротивляться властям? Сейчас они умеют это примерно на одну тысячную процента (сегодня наблюдал). Сколько веков потребуется, чтобы дошло до 100%?..

Так вот. Идем на завтрак – в "локалке" столовой стоит отрядник 13–го, мразь. Выхожу из столовки – на дворе вдруг большая толпа, у ворот – тот же отрядник 13–го и "Пожарник". А, понятно. Не пускают, "разбирают по трое". Стоим, ждем – 8–й, 9–й и 11–й, больше всего с 8–го, по–моему, остальные отряды не целиком, особенно 11–й. Некоторые поблатнее пререкаются с "мусорами" – отрядник 13–го орет: разбирайтесь по трое, и все тут. Только после этого, мол, пойдете. Голова колонны как обычно, стоит более–менее "разобранная", сзади и сбоку (где я) – вразброд. Все больше и больше народу на дворе, уже все из столовки вышли, – не пускают, и все тут! Уже пришел на завтрак 13–й барак, стоят за воротами. Еще кто–то – по времени это мог быть только 12–й, они едят последними, но тогда их было как–то явно мало – подошли к воротам, постояли – и пошли назад. Ропот

в толпе во дворе при виде этого слегка усилился – но без толку. “Мусора” не могут теперь уже “потерять лицо”, согласившись все же отпустить всех так; ну, а толпа даже не думает снести ворота (сил бы хватило вполне!) – и уйти так, без их разрешения.

Наконец надоело стоять – часть со двора вдруг пошла обратно в столовку, часть разбрелась по двору. Даже та, построенная и долго так стоявшая часть колонны распалась. Думаю, что “мусора” были этим несколько обескуражены, но тут положение спасли “козлы” 11–го! Именно они, когда вся толпа разбрелась, стала звать: “11–й, пойдемте!” – типа, строиться. 11–й, сколько было, подтянулся, образовал лишь слабое подобие колонны “по трое” – и ворота тут же открылись! А что этим дебилам еще оставалось делать?! – не до обеда же стоять! Естественно, ушел не один только 11–й, а все.

На прощанье “Пожарник” пообещал на обед то же самое, на что многие ответили, что на обед не пойдут. Но особенно возмутил меня один из, так сказать, полублатных с 8–го, – был на 13–м, причем таким вполне себе блатным, а потом ушел на 8–й – и стал ходить на “промку”. Гоша–армян, помню, коротко охарактеризовал его еще в 2008: “Он черт!” (имеется обычно в виду, что грязный, как черт, нечистоплотный). Так вот, этот “черт”, с одной стороны, больше всех пререкался с “мусорами” на тему: “Когда домой–то пойдем?!” – а с другой, громко возмущался: мол, те, кто тут не в строю, а сбоку стоят – им что, неприемлемо в строй встать? Тогда пусть пойдут и “мусорам” скажут, что им неприемлемо! А “мусора”, мол, “требуют свое”!.. Трусливая мразь, которая только гавкать может из подворотни, как шавка (хотя и сама далеко не в строю стоит): выворачивать дело так, что, мол, все стоят–ждут по вине тех, которым “неприемлемо” строиться; а насчет “мусора свое требуют” (что меня особенно возмутило) – вместо того, чтобы отучать “мусоров” от этого “своего” (заставлять их, раз за разом, хотя бы из той же столовки выпускать без всяких построений; заставлять силой, если понадобится), – эта нечисть, наоборот, легализует их требования, признает их как бы “законными” и – непонятно, чего тогда и спорит–то с “мусорами”! – пытается, как здесь принято, де–факто за эти “мусорские” построения агитировать зэков, делить их на тех, кому “приемлемо” и кому нет – вместо того, чтобы агитировать за “неприемлемость” построений для всех! Мразь, короче. Быдло тупое под управлением трусливых и лукавых, реально служащих “мусорам” блатных “вождей”...

Минут 15, не меньше, стояли, дог барака дошли только без четверти 8, а из столовки, по–моему, вышли в половину. Пришли, повыдвигали тумбочки (сегодня четверг!), начали “генеральную”,

будь они неладны, дебилы! Мою тумбочку вроде не волокут, все спокойно, и мыть обиженные пацаны взялись довольно быстро. Думал, все уж обойдется – и без завтрака, как дурак, сиди до 10 часов.

Вдруг является Палыч – и один из “козлов” провозглашает очередную его безумную идею, которую еще вчера вечером он объявил на проверке: мол, сегодня в 8–30 все, кто в бараке, выходим – и строем идем в баню! Я думал – очередная блажь у него, идиота, и как–нибудь я уж сам в баню схожу, без строя. Но нет – лично явился, и от его имени выгонять всех из секции взялась злобная обезьяна. Вот и еще повод с ней полаяться и подраться, если что.

К счастью, пока он выгонял, домыли уже до моего проходняка – его мыли при мне, хотя последнее время они стараются у меня тут мыть как бы “забывать” – как же, сигарет им не даю! И в это же время долговязый мерзкий предСДиП на вопрос обезьяны вдруг сказал, что сейчас уходит на свиданку (короткую). Ну что ж, раз заглядывать под шконку и покушаться на мои вещи будет некому, да и уборка фактически уже кончена, большинство тумбочек задвинули назад, – почему бы, в самом деле, не сходить в баню сейчас? Время как раз 8–30. Взял пакет, сунул в него тапки, пошел. Палыч и правда ждет на улице, но народу собралось – и десятка человек нет. Пошли. В бане, естественно, народу – толпа, ни сесть, ни встать, ни раздеться, и эти мрази еще возмущаются, гавкают, если пытаешься хотя бы на минутку влезть под “лейку”, пока они мылятся и “лейка” свободна. Да еще поразило меня, что провели по внутреннему периметру всей бани – и раздевалки, и собственно зала – две тонкие трубы отопления, и они горячие, в зале стало теплее. Хотя – сейчас уже плюсовая t° и на улице, нет бы это отопление было провести где–нибудь в ноябре! Но, по крайней мере, если ставят новое отопление, да еще в зале подпорки из толстых бревен для потолка, – так, м.б., все–таки не будут они сносить эту баню?! Иначе на кой черт делать в ней отопление?..

По дороге, шли рядом последними, Палыч одному мне рассказал: вчера, говорит, читал инструкцию Кошкина, нового начальника Нижегородского ГУФСИНа. Тот, похоже, УИК вообще не читал. В одном пункте он ссылается на какое–то еще 80–х, кажись, годов решение Верховного суда, что ли, – что те, у кого судимости погашены, считаются юридически несудимыми. Но через несколько пунктов в той же инструкции пишет, что и такие все равно подлежат тоже этапированию.

Что ж, – главное, что я с одной–единственной судимостью не подлежу, тьфу–тьфу–тьфу! Но – из таких “погашенных” увезут,

значит, и некоторых нужных мне людей, среди всякой прочей мрази. Как забавно, что матерый уголовник “телефонист” тоже судим, как он говорит, всего 1 раз, тоже реальный “первоход”, – хоть его–то не увезут!..

5.3.10. 10–26

Последние новости. “Телефониста” вчера опять закрыли в ШИЗО, на сколько – пока не знаю. Пришел к нему вчера вечером – его уже нет, а его дружок–сосед ушел на 13–й, куда часто ходит. Поэтому матери позвонить вчера так и не удалось, – зайти ко мне “сосед” и не подумал, конечно, сволочь...

Ушел утром домой завхоз 11–го – злобная, наглая мразь, нечисть. Таких нужно убивать и только убивать, а не держать по лагерям. Как–то все никак точно не определится – или это я просто не в курсе? – но, похоже, новым завхозом будет мразь еще более злобная, та, что хотела убить Маньку в том году, – вчера эта злобная тварь вернулась жить на барак.

Бывшие шныри–бражники с 13–го – молодой и постарше, бывший мой сосед по проходняку в 2007, тоже злобная мразь (сейчас он на 11–м) наперебой подсовывают мне всякое барахло – им нужны курево и деньги ларьком. Молодой принес спортивные штаны, – еле налезают, но все же носить можно; рвань, конечно, б/у, но других здесь не достать, увы. Другой подонок, бывший мой сосед, вчера стал клянчить 200 р. ларьком, и под это дело всучил мне ботинки на лето – хорошие, кожаные, на толстой подошве; ношенные, правда, но состояние еще приличное. Одна беда – они коричневые, а здесь нужны черные; говорит, мол, закрасишь гуталином, будут черные. Сегодня с утра попробовал – ни хрена не красятся они, гуталин только размазывается тонким слоем, и сквозь него, чуть более темного оттенка, все равно ясно виден этот коричневый цвет. Надул, мразь, как всегда; зачем я только связался с этой падалью, с этим заведомым жульем, известным всей зоне... Правда, гуталин у меня очень плохой, китайский, – м.б., поэтому он и не ложится. Но найти сейчас в Москве нормальный гуталин – проблема.

Вообще, быт достает сильно. Как я и думал, теперь проблема – кому отдать постирать вещи после вчерашней бани. “Обиженного” уродца, который недавно был у нас, стирал мне и без конца клянчил закурить и пр., я вчера вызвал с 6–го – теперь он там – к их “локалке”. Все вышло именно так, как я и думал: эта тварь обещала зайти ко мне попозже, в 16 ч. – и, разумеется, не зашла. Я и не сомневался, что она не зайдет, когда слушал эти клятвенные обещания зайти. Вопрос, что делать теперь. В обед или после обеда опять придется идти звать эту нечисть с 6–го, потому что на этом бараке отдать постирать тряпье – чтобы

действительно постирали, а не обманули – некому...

14–08

Черножопая злобная обезьяна опять докапывается до меня, – видать, увещевания "телефониста" не помогли. :) Выходит барак на обед – жалкая кучка, "строятся" за воротами "продола" и ждут отстающих. Я, как и большинство (полу) блатных из той секции, в строй ("обиженные" впереди, 2–3 старичка из нашей секции за ними) не встаю, просто жду, стоя чуть поодаль. Обезьяна, типа, "ведет" барак, поэтому стоит лицом к "толпе"; некоторые уже, плюнув ждать эту горсточку, пошли к столовке сами, кто–то стоит и за спиной у обезьяны. А она – когда уже тронулись – вдруг мне (!) кричит: "Ты что, чем–то отличаешься от других?". Правда, ответил я без промедления, на автомате: "очень сильно, да!". Так эта злобная тварь – благо сидим за одним столом – еще и в столовке стала выпытывать у меня, почему это я не встаю в строй, что мне, трудно, что ли, и т.п. Агрессии, правда, не проявляла; и на мои доводы, что ей осталось всего–то 100 дней, можно уже на все плюнуть, да и я могу вообще на эти обеды не ходить, т.к. всю эту перловку не ем, – быстро сникла и отвязалась, занявшись как раз пожиранием перловки. :)

6.3.10. 15–05

Скука. Тоска. Бессмыслица. Смена Окуня–Гриши–Лялина. Уже вовсю они лазят, носятся по баракам в поисках телефонов, как обычно, – еще с утренней проверки. А я жду их, сидя в секции, среди бессмысленных, каких–то прямо сатанински злобных тварей, то и дело грызущихся между собой да болтающих по телефонам – сколько окуни–гриши ни забирают "труб" в каждую свою смену, впечатление такое, что их становится только больше. Излишне и говорить, что – еще жестче, чем было на 13–м – для меня пользование этими "трубами" немыслимо в принципе, недоступно абсолютно и категорически, – никто не даст, даже если я попрошу; но я, зная это, не буду просить. Я буду ходить на другие бараки – раз в день на 15 минут позвонить матери. Что ж, "мрази на связи", как обычно, – всё, всё повторяется... Не ставший завхозом спал сегодня до обеда, а все остальное время общается по телефону, да лается, что никак не сделают ему зарядник.

Одна–единственная хорошая новость – эту злобную мразь все же не назначили завхозом. Завхоз теперь какой–то новый, мне вовсе незнакомый, – раньше я его на этом бараке не видел; похоже, перевели специально. Общаться я с ним еще не общался, но, судя по виду и разговору, он не такой злобный, как прежний и как тут многие. Вроде спокойный, вменяемый парень; никаких широковещательных изменений в жизнь барака, по крайней мере, пока вносить не стал. Но – мое впечатление может быть и

обманчивым...

Мрази “козлы” все пишут свои графики и вешают их на доску возле кабинета завхоза. Первым – на днях – там появился “график развода” на март. Когда меня сюда только перевели, осенью 2009, это счастье называлось “график дежурств”: каждый день месяца – 4 дежурных: по “общежитию”, что ли, по “локалке” (двору) и по обеим секциям. Записывали туда, не спрашивая, разумеется, согласия, и меня тогда тоже вписали. Реально никто, конечно, нигде не дежурил, а на “развод” вечером “козлы” водили одних и тех же 2–3–х “обиженных”, – простая формальность, не более; но все же, на кой хрен она нужна? Самое любопытное – что на зиму этот график исчез, с ноября, по–моему, его не вешали, я уж и забыть успел; и вот – нА тебе: “график развода”! Как говорится, еще свадьбу сыграть не успели, а уже развод... :)

А сейчас вот один из самых мерзких “козлов”, сидя наискось напротив меня, пишет еще и “график уборки”, куда вписывает даже СДиПовцев (пардон, СПБ :). Надеюсь, реально мести пол они меня заставлять не будут – для меня это абсолютно неприемлемо”, но отбиться от такого количества злобной мрази будет очень сложно.

Между тем, мой сосед0уборщик сверху бросил уборку. т.к. – неожиданно для меня – перешел в “дневальные” (шныри). Хотел было в ночные (наряду с тем. который и так уже есть). но тут ушел вдруг из “дневальных” (шнырей) мой сосед по шконке. которому осталось сидеть меньше 2–х месяцев. – 21–летнее существо, в этой жизни годное только для одного: послужит ь сырьем для производства мыла, или костной муки; кусок дерева, а не человек. Бывшему уборщику пришлось поэтому идти в “дневальные” дневные. Такие вот мелкие “козлиные” перестановки.

Со стиркой тоже вопрос так и не решается пока. Идя с обеда, дошел опять до 6–го, вызвал эту мразь, “обиженного”, – тот стал врать, что, мол, на их барак (!) приезжает 8 марта (!!) какая–то якобы “комиссия” – и ему по этой причине надо вывозить снег со двора, он, типа, занят. Но все же обещал, что вечером зайдет, заберет у меня вещи. Во–первых, на третий раз уже вполне ясно, что он не зайдет; а во–вторых, даже если б и зашел – не может быть и речи, чтобы отдать ему мои вещи туда, на 6–й, – это то же самое, что просто выбросить их в помойку; возвращены оттуда они не будут уже никогда.

Это тоже унижение, и еще какое – вчера ждать эту мразь минут 40 на нашем дворе, позавчера и сегодня – ходить к калитке 6–го и ждать там, пока выйдет... Тоже унижение, но кто на воле, да и здесь, способен это понять? Так же, как непереносимое,

саднящее, ежедневно привычное уже унижение – молиться про себя, только бы не вздумалось всей этой кодле меня “переложить”, не спрашивая, куда–нибудь на другую шконку, скрутив моментально матрас, выбросив или небрежно побросав– растеряв все вещи... Или как проверять каждое утро, спохватываясь: не выбросили ли они ночью мою телогрейку, висящую в ногах. Повседневные, привычные уже, почти уже не замечаемые даже унижения; и хуже всего – что воздаяния за них, похоже, не предвидится...

“Телефониста”, выяснил вчера, закрыли на 15 суток, т.е. с 4–го по 19–е.

18–42

Не после обеда, когда ждал, а перед ужином – Окунь и Лялин влезли–таки с “кечи” на 11–й. “Ночного” (которого я все подкармливал сигаретами, а он последнее время, похоже, стал врать мне, что “труба” у него не своя, свою никак не затянет, а берет якобы у кого–то) стали шмонать прямо возле его проходняка – соседнего с моим. Вдруг тот вырвался и побежал к дальнему выходу из секции, в сторону “дороги”. Лялин тут же объявил, что, мол, я за ним бегать не буду, а будете страдать вы все, – и пошел шмонать ту сторону секции, что у окна, а Окунь – другую. Нет бы их двоих здесь же прямо дужками от шконок забить, – нет, местное быдло с обезьяной во главе злобно зашипело на убежавшего, – мол, привести его сюда, пусть отдает, а “мусоров” стали уговаривать подождать со шмоном. Те ушли в “козлодерку”. “Ночной” пришел, быстро обмотал скотчем какой–то зарядник – видимо, тот самый, негодный, из–за которого была ругань вчера, – и пошел отдавать. Но “мусора”, не удовлетворившись этим, пошли шмонать снова, уже с моего конца секции. До меня, впрочем, не дошли – Окунь только посветил в проходняк фонариком да выдвинул ящик у моей тумбочки, ничего из него вынимать не стал. Ну да, ему не доносят, что у меня есть “труба”, т.к. ее нет, а рукописи мои его не интересуют. :) Что уж там отдали им еще – не знаю, но вскоре они ушли, а я, придя с ужина, спросил тихонько “ночного”: “Забрали “трубу”?” – “Ничего они не забрали!” – ответил он так же тихо.

Шел с ужина – было ясно, что эти двое где–то на “продоле” и мне уже не позвонить сегодня. Но – прохожу все– таки открытую калитку 11–го, иду к воротам 6–го, чтобы спросить там стремщика, как обычно: где “мусора”? Но едва прошел калитку 11–го – эти твари выходят с 6–го и идут дальше. Вглубь “продола”. Мог бы “спалиться”, но, к счастью, мной они не заинтересовались, а я тотчас повернул обратно. Сегодняшний

вечер потерян...

А местное зверье не дремлет. Главный теперь тут блатной вместе с наиболее злобным “козлом” (тем самым), сейчас слышал, собираются что–то забирать у “ночного”, когда он придет с ужина. Что, интересно, если не телефон, таки им спасенный от шмона?..

7.3.10. 14–43

Безумная проблема со стиркой разрешилась сегодня легко, почти шутя: когда этот щенок, ежедневно тут избиваемый “обиженный” пацаненок, что обманул меня с той же стиркой еще в январе, мыл утром пол у меня в проходняке, я спросил его – и он неожиданно легко согласился. Я переписал все вчерашнее (почти полтора листа), вышел в “фойе” – оба жестяных тазика, недавно сделанных на “кечи” специально для барака, были свободны, наш герой – на стреме, т.е. здесь же (они совмещают стрем со стиркой), вода в “системе” (отоплении) – не горячая, но достаточно теплая, мыла – круглого – сколько угодно, – вчера давали “гуманитарку”. И он выстирал мне все очень тщательно (видимо, чувствуя за собой все же вину за тот раз), под моим теперь уже неотлучным присмотром.

Ну что же, все снова хорошо. :) Неразрешимых проблем, как оказалось, не бывает (включая даже проблему, как выбраться отсюда, – надо только дожить до конца срока). Посеянная во мне вопреки моему всегдашнему пессимизму вера в то, что все будет хорошо, все будет в конце концов нормально – посеянная сперва Е.С., а потом и Пашей Люзаковым, – еще раз сработала, дала свои плоды. Зная, что тот, с кем вчера говорил, “обиженный” переводится на 6–й и стирать мне здесь будет некому, – я в глубине души уже надеялся, что в какой–то момент эта неразрешимая проблема разрешится легко, как бы сама собой. Так сегодня и вышло.

Правда – это не значит, что так же легко это будет происходить каждый раз и дальше.

А тем временем – прошла 55–я неделя до конца, не отмеченная на сей раз ничем особенным. Завтра, в понедельник, 8–го марта, начинается 54–я. Осталось ровно 378 дней, год и 2 недели.

Обед был сегодня совершенно несъедобный, как в “добрые” старые времена. Дикий этот их суп – “фирменное”, типа, блюдо: рассольник с перловкой и солеными огурцами, но туда зачем–то кладут и капусту. Получаются щи не щи, рассольник не рассольник, а не пойми что. Ну, и на второе – сечка. Я не стал все это есть.

8.3.10. 14–30

Писать особо и не о чем. На улице солнце, но ветер холодный, почти ледяной. На обед опять была перловка – и на первое, и на второе. Остервенелое зверье в секции весь день ходит гоголем, куражится, то бьет несчастного “обиженного” пацаненка – он у них вообще вроде куклы для битья, – стрем ли не “пробьет” вовремя, или просто мимо он проходит – его непременно пнут ногой; то просто нагло–весело гуляют туда–сюда по секции, мотая четками, тряся шконки спящих и выискивая, к кому бы прицепиться. Излюбленная “шутка” – с утра все поздравляют “обиженных” и друг друга с 8–м марта. Особо злобных, совершенно отмороженных и притом активных мразей тут всего 2, но они не дают жизни всем; еще 2 – тоже злобных, но все же поспокойнее, так активно они не лезут (тем паче, один постоянно, когда не спит, висит на телефоне). В общем, действительно все повторяется: здесь – зайдешь, взглянешь со стороны, непредвзято – такой же 100% бандитский притон, как был и на 13–м. Только эти бандиты, в отличие от тех – “красные”, – в зависимости от ситуации ссылаются то на “понятия”, то на “правила внутреннего распорядка”; в обоих случаях они тебя учат, командуют и бьют. Остервенелое зверье – и ты в их полной власти, благо они могут кулаком оглушить, многих даже сбить с ног. Качки, как же, ходят “заниматься” в “спортгородок”. Куски мяса, бесцеремонно и беспрекословно навязывающие свои порядки, – а если им скучно, то они начинают глумиться просто ради развлечения. Отпор от одного человека не так уж страшен, а коллективного отпора они тут не встречают...

9.3.10. 14–15

С утра позавтракал и лег – ждать неприятностей: не верилось, что этот пустой, будний день будет тихим, спокойным, свободным и ясным. И точно!

Сперва позвонил в барак Палыч: гнать всех на повторную прививку от гепатита в санчасть. Я сразу вспомнил: ну да, когда в тот раз делали, и я 2 часа прождал в этой проклятой санчасти, – коловшая эти уколы медсестра ведь говорила: еще по разу через месяц и через полгода (в августе, значит). Вот месяц и прошел. Но это не неприятность, конечно, – так, просто докука и “нудьга”, как пишет Солженицын.

Пока “козлы” составляли списки для этой прививки, пришел в секцию новый завхоз и распорядился (этим же “козлам” сказал) убрать все “сидорА” в каптерку. Я сперва подумал, что опять комиссия, – но нет, про это он ничего не сказал, а просто: убрать, и все.

“Козлы” ретиво взялись за дело: стали выгребать из–под всех шконок сумки и коробки прямо на середину секции, не

дожидаясь, пока достанут и унесут сами хозяева. Сразу же один из “козлов”, а потом и сам долговязый предСДиП–ехидна стали докапываться до меня, чтобы я тоже уносил “сидора”. Я сижу, вовсе не кидаюсь выполнять их идиотское приказание. ПредСДиП, как обычно, нагибается до самого пола, заглядывает под мою и соседнюю шконки – ага–а, так и не вынес! Выноси “сидора”!!! – начинает визжать. Я спрашиваю, зачем. Эта мразь отвечает: чтобы не воняло (?!) в секции, – и поливает пол в проходняках, по–моему, шампунем, но во всяком случае чем–то, для мытья пола вовсе не предназначенным, а “обиженный” со шваброй моет за ним.

Один раз сказал, другой, третий, – тут я высказал ему кое–что (очень немногое) из того, что я думаю об их каптерке, о вечных поисках ключа к ней и о нем самом. Он побежал жаловаться завхозу, который как раз опять зашел. Тот подошел ко мне и начал мне вычитывать, что, мол, есть часы работы каптерки (где они есть? Даже для виду расписание не висит, как на некоторых других бараках), оно есть даже по УИКу (и близко в УИКе нет ни слова ни про какие каптерки), а на мои попытки возражать, – мол, тогда оденься в робу! (Сам ходит в спортивной куртке, “олимпийке” на местном жаргоне, как и я.) С тем и отошел.

Потом предСДиП приперся опять, нагнулся: “Ты так и не вынес??!!! Ты будешь выносить или нет?!!”. Тут, сказав ему в сердцах: “Да пошел ты!..” (на что его заколбасило), я полез в сумки – доставать все необходимое из еды и вещей, без чего не обойтись и чего из этой их каптерки будет в ближайшее время уже не достать. Беда только, что класть все это некуда, в тумбочку не лезет. Достал – а эта харя пока опять отошла куда–то – и сумки опять задвинул под шконки. Думаю, еще раз завизжит – придется тащить.

Тем временем стали выгонять всех на прививку. Я думал – как бы остаться подольше, задержаться в бараке, а то уйдешь – тут–то они вещи и выбросят (один из “козлов”, слыша наши перебранки, уже советовал этак лихо: “Да выкиньте всё на “продол”!”). Тяну время, но тут мимо проходит завхоз – и каким–то уже другим, более нормальным тоном спрашивает, пойду ли я на прививку. Говорю: “Ладно, сейчас!” – одеваюсь, выхожу. Никого уже нет, иду один. По дороге встречаю одного бывшего СДиПовца – сейчас он “колонический общественник”, парень серьезный и не глумливый, и пару раз мы с ним нормально разговаривали (как раз про амнистию он рассказывал во время предыдущей каптерки), отношения в целом неплохие – несмотря на то, что он воевал в Чечне. :) (Он просто не знает, как я к этому

отношусь.) Так вот, встретились, он посочувствовал, как меня достали эти твари (живет напротив меня и все слышал),а потом вдруг говорит: типа, я им сказал: не трогайте его, не связывайтесь, это журналист, он про все это напишет – и из–за одного вашего “козла” “хрипанут” все. Так вот чем объяснялась перемена тона завхоза (т.к. говорил он, скорее всего, завхозу, который меня до назначения таковым вообще не знал)! Ну что ж, спасибо! Прививку на сей раз сделали довольно быстро, пришел, лег, потом проверка, обед – вроде все спокойно, сумки мои больше не под угрозой. Забавно, но из всей секции неубранными остались только мои две – я сумел их сохранить, но сколько нервов потратил на это, сколько крови они мне опять выпили! – да одна или две у “обиженных” под шконками.

А вчера вечером захожу с последней проверки – и омерзительная мелкая гнида, нечисть, совершенно конченное отребье, “дневальный”, а недавно еще – личный шнырь и прежнего завхоза, и мелкого архиблатного чма, что ныне на 10–м, – мне кричит: мол, “телаги” в раздевалку! Я говорю, как обычно: с какой, мол, стати? Оно спрашивает – стандартно – чем я отличаюсь от других. Я – тоже стандартно – отвечаю, что отличаюсь очень сильно. Тут злобная животина, не ставшая, к счастью, завхозом, слыша это, глумливо этак басит: “Он политический, и напишет в интернете!..” – далее следует в мой адрес открытая ругань и советы, ЧТО именно там написать (столь же глумливые, конечно). Я молчу, этой мрази не отвечаю принципиально (как и никогда вообще слова плохого не сказал, не задел ничем абсолютно ни разу, – за что такая ненависть?.. Чуют, суки, чуют, что я не такой, что я абсолютно всем отличаюсь и абсолютно чужой среди них...). Смешно, но ответ “он политический” мелкого шныря вроде бы удовлетворил. :) Но настроены они были так злобно, и было их так много, что – впервые за полгода на этом бараке – телогрейку я, когда погасили свет, перевесил в изголовье шконки, в угол между ее рамой и тумбочкой, где ее и не видно вообще, а главное – не утащат, пока я сплю, незаметно, и не выбросят эти мрази. Телогрейка здоровая, толстая, ее приходится долго впихивать и уминать, она мешает нормально лечь, – но, с другой стороны, неожиданно оказалось, что, когда поворачиваешься на правый бок, т.е. спиной к соседу по шконке, – в “телагу” эту можно уткнуться лицом, и это как–то уютно и в целом неплохо. Нет худа без добра. :) Всю зиму провисела она на крючке у меня в ногах – никто не тронул, и я как–то особо не боялся; но вот настала весна – и что–то показалось мне безопаснее вешать ее теперь в изголовье. Нарочно ведь уволокут, суки, из одной только этой их ненависти ко мне и

желания напакостить, поглумиться. А мне в этой телогрейке ведь ходить тут еще одну зиму, последнюю...

10.3.10. 14–45

В 9–15 утра шмон–бригада – 7 человек – пошла на наш "продол". Я так и думал, – предчувствие подсказало, что сегодня, раз нет этапа (был вчера), то будет шмон. За ней, спустя 5 минут, – вторая, на тот "продол". Шмонали они, как я выяснил уже в обед , 3–й и 8–й, и на 8–м ободрали всю проводку (нелегальную, чтобы держать розетки прямо в проходняках). Это, как сказал знакомый с 8–го (наследник "запасного варианта"), там главная потеря, – "трубы" там, видимо, не пострадали.

Потом, чуть позже, опять последовала атака на мои "сидорА", так и не убранные. Убирали сумки еще одного типа, вчера переведенного (возвращенного) на 11–й, в эту секцию. И вот, по дороге с ним в каптерку, долговязая ехидна предСДиП и недавний шнырь 2–х господ – оказывается, это теперь помпредСДиП!!! :)) – навалились опять на меня. Мол, давай, убери в каптерку, потом заберешь (легким этаким тоном, – мол, ерунда какая, всего–то делов – потом забрать!) – Зачем? – Комиссия приехала!!! (Чуть не с придыханием.) – Ну и что? Приехала и приехала, и что дальше? Сколько их уже было, этих комиссий, – и ничего, все живы, всё спокойно.

Я это все говорил в лицо долговязой швали – тихо, спокойно, не повышая голоса, да притом еще лежа, – как известно, в этом положении у меня лучше всего получается. :) В ответ эта мразь раздраженным тоном выразила желание ударить меня – и ушла, ушла ни с чем! Что–то насчет "убери сидорА" вякнула из своего угла и обезьяна, – это было уже значительно хуже, и я, встав, пошел типа посмотреть, открыта ли каптерка. Ура, она уже закрыта! Вышел, вернулся, – обезьяна ничего больше мне не вякает; вышел опять, постоял минут 10 в "курилке", у выставленного уже окошка, у горячей батареи, – возвращаюсь в секцию (куда еще деться?) и жду продолжения атаки. Но все тихо. Ехидна смотрит на меня, проходит вплотную мимо меня – и молчит! Отвязался?! Я победил???!!! :)))))

Так и стоят 2 мои сумки под 2–мя шконками в проходняке. Есть ли комиссия, нет ли ее – черт разберет, но вообще–то вряд ли, т.к. ничего о ней не слышно, да и отрядники не водят лично свои отряды в столовую, как теперь бывает при комиссиях. Не знаю, что будет дальше, – скорей всего, ничего хорошего. Уже продрыхлась и начинает колобродить по секции, орать и угрожать злобная черножопая обезьяна. А осталось мне тем временем всего 375 дней...

11.3.10. 15–35

Четверг. “Генеральная уборка” сегодня была тяжела и опять похожа на погром – судя по внешнему виду секции. Тумбочки все выволокли, табуретки – на кроватях кверху ножками. “Мои” 2 тумбочки на этот раз остались единственными, которые никто так и не выволок, слава богу. Сумки из–под шконок тоже никуда не убрали, так что – без потерь. Но докапывались долго и тяжело. Самое неприятное – Палыч приперся, как обычно, около полдевятого и, видя, что я не выхожу со всеми в баню, лично приказал “козлам” меня туда отвести. Зашел и сам в секцию; я сказал ему, что, мол, можно я попозже, сейчас не могу идти, голова болит. Он сказал: можно, и – “козлам” – отведите его после обеда. А на мое напоминание, что вообще–то ход в баню у меня свободный, – заявил, что все равно ходить, мол, надо с отрядом. Ага, как же, щазззз!.. :)) Как раз накануне я вспоминал и думал: не погонит ли он опять всех в баню строем, как на той неделе. Строем не повел, но обо мне позаботился, урод...

Зато очень неплохо, что тощая долговязая мразь предСДиП, похоже, махнула уже на меня рукой. :))) Пока мыли полы в секции – это чмо рулило тут всем процессом и кривлялось, ломало комедию вовсю, – оно вообще любит играть на публику, балагурить и веселить окружающих; наедине с собеседником такие люди говорят совсем по–другому, спокойно. Это животное помнило, что у меня вещи под шконками, говорило вынести сумки кому–то еще, – а мне больше не пыталось, видимо, поняв, что без толку. :) Отступилось–таки!.. :))) То же и с телогрейками – своих соседей и друзей это чмо призывало к порядку, мол, вынеси “телагу” и накройся одеялом, а про меня лишь бросило издали: хорошо бы его тоже “приобщить” (к их вшивому “порядку”); когда же наступит лето и он (я) вынесет отсюда свой тулуп?!. :) Заставить вынести сейчас уже не надеется, ура!!! :)))

В общем, в 9–30 уборка эта уже закончилась. По ходу ее издевались над тем самым забитым пацаненком из “обиженных”, – он и подметал, и мыл. Его уже, видимо, давно приучили к этой хохме, и на вопрос: “Фамилия, имя, отчество?” – он без запинки называет свою фамилию, но в ЖЕНСКОМ роде, а имя–отчество – Маргарита Владимировна (реально его зовут Роман, а отчество я не знаю, – Владимирович, скорее всего). Очень это всех потешало, так что спросили его про это ФИО за утро раз 10, не меньше.

В баню я пошел в начале 11–го, не дожидаясь ни обеда, ни “козлов”. Труба дымила вовсю, в баню шел народ с 12–го, а едва я, сев на лавку, стал раздеваться, – из внутренних помещений бани вышли 2 “мусора” и дверью стукнули по лавке так, что сшибли мой шампунь. Я думал, сейчас докопаются, почему я с 12–м моюсь (время для 11–го – видите ли, всего час с 8–30 до 9–

30, как раз во время этой проклятой уборки). Но нет – они всего лишь сказали, что все работает, в 10–30 включат все “лейки”, и идите, мол, мыться. Я радостно поспешил с раздеванием – и как раз успел занять свободную “лейку”. А кто–то с 12–го сразу после их ухода рассказал, что сейчас эти же 2 “мусора” заходили к ним на барак, зашли в “культяшку” (но собирали там народ, или просто тем, кто уже там был, я не понял) и стали напоминать, что сегодня у вас, мол, банный день, идите мыться. Забавно само по себе, никогда тут такого не было; ну, а во сопоставлении с небывалой тоже до сих пор активностью Палыча по отправке своего отряда в баню, – видимо, это начальство дало какие–то указания на этот счет, что–нибудь типа усиления мер санитарии и гигиены. :) Забавно. Хорошо хоть, что в бане сделали отопление под эту сурдинку (я посмотрел сегодня – оказывается, пока не провели там эти новые трубы пару недель назад, отопления в “помывочном зале” не было вообще!!).

Палыч, к счастью, уходит 25 марта в отпуск и вернется не раньше, чем после майских “праздников” – как раз 45 с хвостиком суток получается. Так что пережить как–то его активность в следующую баню, через неделю, – и потом на целых 7 бань я свободен от его попечения (жаль, что не от “генеральных уборок”...).

Нормально помылся, пришел – “обиженный” пацаненок тут же взял у меня вещи и при мне стал стирать. (Хотя во время уборки, когда завхоз ткнул ему на невыметенные “бычки” под моей шконкой – этот сучонок стал жаловаться ему, что, мол, я, выходя со свиданки, не даю им ничего “на уборку” – на что завхоз, сказав: “Ну и что ж теперь, не мести, что ли?!” – дал ему пинка и заставил все вымести.) После проверки мимо меня прошел на обед друг–сосед “телефониста” – их сосчитали быстрее нас и они уже шли, не пришлось его долго ждать, как обычно. Вчера матери я так и не позвонил, но дело не в Окуне и К – эти–то как раз были менее активны, чем в предыдущую свою смену. Друг–сосед не пришел ко мне вечером, как обещал – и после ужина, рискуя налететь на Окуня и пр., я пошел к нему сам. Что ж вы думаете?! Он преспокойно дрых себе, с головой накрывшись одеялом! Он и раньше любил так дрыхнуть днем или вечером, и шнырь в их бараке (бывший бражник с 13–го) подтвердил мне: он проспал и ужин их отряда (время, когда заходит обычно ко мне). Короче, эта скотина все проспала. А 8–й как раз в это время тоже ушел на ужин, да и – с появлением “мусоров” “дороги” между “продолами” обычно закрывают, – потом еще хрен вернешься в свой барак. Так и не позвонил вчера.

Тем не менее, при короткой встрече сегодня это сонливое

чмо, пообещав нынче вечером все же прийти, не постеснялось тут же попросить меня купить ему в ларьке майонез и 3 шт. лапши б/п.

Выхожу из столовки, иду в сторону ларька – окликает сзади тот самый, с 8–го, наследник “запасного варианта”, к кому я не пошел вчера, а в феврале один раз ходил звонить. Окликает и спрашивает, не могу ли я купить ему чаю–конфет–сигарет в ларьке рублей на 100? Мол, у нас в бараке вообще “голяк”. А я, мол, как придут деньги, тебе эти 100 р. верну.

Не иначе, Гоша звонил и посоветовал ему стрясти с меня эти 100 р. чаем–конфетами, – тут же подумал я. Гоша ведь практиковал это если и не постоянно, как “телефонист”, то достаточно часто, особенно пока я был еще на 13–м. А это, его наследничек, – ни разу. И вот – премьера... Премьера нового вымогательства, начало новой “эпохи растрат” :) (по Корчинскому), – но, пожалуй, он пригодится мне еще не раз за оставшийся год; так что я взял все, что просили тот и другой.

Последним, уже по дороге из ларька, привязался злобный шнырь с 13–го (теперь на 11–м), мой бывший в 2007 сосед по проходняку. Тот, что подсунул мне за 200 руб. эти коричневые ботинки. Теперь ему нужно 100 руб. ларьком – и за это он клянется–божится ПОСТОЯННО давать мне звонить с ЕГО “трубы”, которая у него теперь откуда–то завелась на двоих с кем–то с 6–го барака. Типа, дам я ему сейчас 100 р., и до конца срока смогу пользоваться этой “трубой”.

Это жулье, известное всей зоне, и я, конечно, не строю ни малейших иллюзий – ну, позвоню 2–3 дня, ну, пару раз дозвонится мать – и все. С другой стороны, 100 р. – деньги небольшие; но пока я ему их не дал, а он так и не принес этот обещанный телефон – якобы уже сходил на 6–й, сказал, чтобы принесли, но пока что нету. Что ж, ждем–с. :))

17–40

Кончается день довольно забавно. :) Пошел вдруг с обходом Заводчиков. Перся со стороны “культяшки” по секции, а перед ним в панике, как всегда, уносили бегом сумки–коробки, сдергивали с дужек вещи. Мой продуктовый баул заметил под дальней шконкой еще издали – а скорее, донесли ему мрази “козлы” заранее – остановился, потребовал, чтобы шнырь достал. Я остановил шныря, и пришлось мне разговаривать с Заводом – он стоял посреди секции, окруженный толпой “козлов”, а я – в проходняке.

Сам разговор не заслуживает подробного пересказа. Я: у меня пропадали вещи в каптерке, и не раз, и не только у меня. Он: Вы ставите под сомнение весь отряд? Я: весь мир, а не весь отряд.

Он: у Вас есть выбор: или отнести в места хранения, или... Я: или что? Он: ну, Вы знаете, что бывает с теми, кто нарушает... Я: да ничего страшного не бывает. Он: ну, в Вашем положении это страшно. Я ответил что–то, отрицающее эту "страшность", точно не помню. Потом – самое главное. Я: держите здесь насильно, под охраной, так чего можете требовать после этого?! Я к вам сюда не просился. (Ну, как–то так, м.б., не совсем дословно.) Он, конечно, слегка опешил: я Вас не держу. Я: тогда давайте, я пойду домой прямо сейчас! В толпе, естественно, смех. Он забормотал что–то, не слишком вразумительное и не особо мне запомнившееся, – в свое оправдание; запомнилась фраза: "Я Вас не держу, я исполняю Ваш приговор". Исполняю то, что вам предписано. Я: мне предписано дома быть давно уже. Значит, держите. (Последовательность фраз несколько путается, но точнее я уже не восстановлю.) Кончилось его финальным выводом: да–а, за последнее время у Вас голова еще больше простыла. Я: голова у меня в порядке. Он на ходу пробормотал что–то вроде: "Я сомневаюсь" – и торжественно проследовал дальше по секции, а потом и по "продолу". Самое забавное, что 2–й мой баул, стоящий под моей шконкой, он не заметил. :)

Не думаю, что он закроет меня в ШИЗО за это. По крайней мере, намерения такого под конец разговора он не высказал. Но – посмотрим. Все может быть. "Козлы", конечно, заулюлюкали на меня, но – и это сухой остаток от моей смелости, от прожитой мною жизни, от того, что я не боюсь говорить начальству правду в лицо! – человека 2–3 даже среди этого сброда уголовников меня поддержали, подошли после ухода этого хмыря и высказали, что согласны и поддерживают!..

12.3.10. 10–10

Война, война... Но пока что временное затишье, – утро идет спокойно, впереди – выходные (сегодня пятница). "СидорА" мои так и стоят под шконками, но в любой момент могут "отъехать" в каптерку: Палыч вчера вечером на проверке сказал, что всю следующую неделю сюда будут ездить какие–то "большие звезды". Сумки некоторых особо блатных "козлов" стоят в "козлодерке", прямо под кроватью завхоза (которой, разумеется, там и самой быть не должно), и их сразу хорошо видно, как заходишь, – прятать их там негде. :))

А между тем, жизнь в бараке идет своим чередом, не только в связи с этими сумками, уборками и начальством. Вчера, как раз во время генеральной уборки , один из СОПиТовцев – молодой пацан, лет 20, невысокий, худощавый, но, видно, достаточно сильный, вдруг, сняв дужку со шконки, побежал в проходняк к черножопой обезьяне. Та не спала, но лежала в кровати – и

парень стал призывать ее встать и выйти для серьезного выяснения отношений. Обезьяна не пошла, но вышла, м.б., через полчаса и стала издевательски так звать: “Ну, иди сюда, разбей мне голову, иди!..”. Тот опять снял дужку и с самым решительным видом пошел – но был, конечно, по дороге остановлен другим “козлом”, постарше и посильнее, – тот просто поймал его за руку и не пустил, а другой рукой отобрал дужку. Из–за чего уж они там поругались у ворот столовой (рассказывала потом обезьяна), – не пускал он, что ли, эту тварь вместе с заготовщиками в столовку, да еще сказал при этом что–то обидное, так было, или не так, или что–то в этом духе, – но в 1–й раз я видел здесь столь серьезное и решительное поведение по отношению к этой злобной твари, – хоть и накачанная, а, видать, оценила опасность по достоинству и, увидев бегущего с дужкой пацана, сразу стала орать: “А что, руками слабо, да?!.” :)

А сегодня утро началось с целого града палочных ударов, – я аж обернулся на звук, снимая обувь после зарядки. Один лет 50–ти полублатной подонок из той секции, омерзительный, наглый и запредельно высокомерный тип (послушать только, как он разговаривает со шнырями!), тот самый, что пинком сбросил прошлой осенью мою кошку Маньку с крыльца, а вообще стрелял все лето по кошкам из рогатки, – так вот, эта мразь с остервенением лупила длинной палкой кого–то в “обиженном” проходняке у самой двери. Лупит и орет, что, мол, там – бардак (где – я не понял), в “парашу” зайдешь – не убрано ничего, и т.д. Кто, мол, убирается, почему ничего не убрано, и т.д. – истерика, короче, на тему уборки, как всегда. Казалось бы, кто тебе обязан–то? Надо тебе – ну и возьми сам швабру, уберись, вылей ведро воды в туалет, и т.д. Так нет – он лупит “обиженного” пацана, дежурившего ночью, недавно только “поднявшегося” на барак. Отлупил его, замахнулся и на обезьяну, как раз стоявшую напротив, в своем проходняке; отлаял заодно обезьяну, да и прочих “козлов”, что совсем не смотрят за уборкой, чистотой и пр.

Последствия этого поступка были громкие. Обезьяна, не посмевшая, естественно, ни оскорбить словами, как обычно, ни тем паче ударить эту полублатную тварь (только, угодливо смеясь, уклонялась от палки), пошла срывать свое возмущение – как же, ее чуть не побили за кого–то другого!!! – на “ночных”. Те, мол, не смотрели за уборкой ночью (как будто ночь для уборки, а не для сна!..). Первым попал под раздачу “ночной” с бывшего 2–го барака – дружок обезьяны, мерзкий подлец и стукач, тот самый, что вчера “сдал” мой баул под шконкой Заводу. Этот “ночной” немедленно донес обезьяне на второго, которого я подкармливаю

сигаретами, что он ночью спал за своим столом. Животина тут же в грубой форме растолкала его, уже легшего спать, и повела в “курилку” разбираться. Я пришел с завтрака, спросил – тот говорит, что выяснение прошло мирно, без битья, – просто, мол, постояли, поговорили. Я в это не очень–то верю, – тем паче, что после этого “поговорили” “ночному” этому уже не спалось, после моего завтрака он пришел ко мне в проходняк – и мы с ним проговорили о всякой всячине почти 2 часа, так что переписывать вчерашнее, как планировал на это утро, я еще и не начинал.

А тем временем, пока ждал чайник для завтрака – завхозу позвонили с вахты и вызвали. Как раз в это время пришедший в барак “козел” из прежних сообщил, что избитый “обиженный” уже там. Молодец пацан, не растерялся! Завхоз пошел, ног пробыл там недолго, а потом пришел в барак и избитый. Водили ли на вахту избившую его мразь и чем кончилась вся история – я пока не знаю.

13.3.10. 8–11

Последние новости. Вчера вечером “дорожник” крикнул соседнему бараку, что подонка, бившего утром палкой “обиженного”, закрыли “на сутки”. Неужели только на одни?! Невероятно... Но, по крайней мере, совсем без реакции со стороны начальства эта гнусная история не осталась. Хотя до цивилизации и победы над рабовладением среди русских зэков этому начальству – от Макаревича до Путина–Медведева – увы, еще очень далеко.

Ночью опять шлялся с обходом Заводчиков. :) Светил фонариком, в том числе и мне в лицо (я “спал” очень крепко :), зайдя в проходняк. Я думал, что его интересует, убрал ли я все–таки сумку из–под шконки, но “ночной” утром сказал: нет, он искал, есть ли кто с других бараков. Ну да, тут ночи напролет играет в карты всякая блатная шваль с этого, но больше – с других бараков; и когда после ухода этого хмыря я вышел из секции – в глаза сразу бросилась азербайджанская харя, хорошо памятная еще по 13–му. А Завод, – все же полезно убедиться своими глазами и ушами, что такие идиоты бывают. Перед его приходом “ночной” лихорадочно, бегом скидывает все вещи с дужек, все, что висит на шконках, там, где “не положено”. И все равно – когда тот же “ночной” (стукач, “сдавший” мой баул) сопровождал Завода по секции, – тот где–то все–таки заметил и зарычал: “Убери полотенце!!”. Полотенце чье–то, висящее на шконке ночью, в темной секции, видите ли, ему помешало!.. И хоть бы кто ему, идиоту, объяснил, что после его ухода все равно все всё опять повесят, так уж устроены люди, не могут они жить совсем без комфорта, в голой казарме, – но, впрочем, вряд ли он

уж такой конченный идиот, чтобы самому этого не понимать...

А “козел”, самый давний здесь, на бараке, после вчерашнего инцидента с избиением палкой, с самого утра, часов с пяти, заставляет несчастную, забитую “Маргариту Владимировну”, ту самую, мыть с мылом туалет, чтобы не пахло. Но несчастного пацана в то же самое время постоянно дергают и другие, каждый по своему делу, то сходить куда–то, то где–то подмести, и т.д. Он не может ни разорваться, ни отказаться от чьих–то поручений – и за невымытый еще туалет “козел”, когда выходили на завтрак, уже лупил его палкой в “курилке”, тот орал, потом вырвался и убежал. Сейчас в туалете аж опилок насыпали – и этот бедолага мыл там все с мылом. Сразу, как пошли эти разговоры о мытье, вспомнился мне Шендерович, – в одной своей статье он писал о демократии и о том, что при демократии в Европе пахнет в туалете цитрусовыми, – мол, одно из наглядных ее преимуществ. Где–то в аэропорту, на пересадке, по–моему; точную цитату я не помню. А в России, которая называет себя “цивилизованным демократическим государством”, состоит в Совете Европы и имеет постоянное членство в СБ ООН с правом вето, – в этой самой России для ликвидации вони в туалете (имманентно присущей этой стране) колотят палкой и так забитого, совершенно бесправного и бессловесного мальчишку, фактически – раба... И я благодарен судьбе, давшей мне возможность увидеть это своими глазами, чтобы сравнить, сделать выводы – и правильно понять суть вещей. Суть этой чудовищной, дикой страны, лезущей сейчас положить ноги на все европейские и американские столы, в которой меня догадал же черт родиться...

14–11

Один “обиженный” все утро мыл туалет, другой – был “на территории” (убирал снег на улице). Поэтому мыть с утра секцию было просто некому. Напряг на эту тему возник еще перед утренней проверкой, а развился – уже после. “Козел” из прежних, нагло–хитро–злобная мразь, решил опять избить палкой “Маргариту Владимировну”. Велел задрать “телагу” на заднице, уже нанес было один удар, – когда другой, еще более злобный, несостоявшийся в том году убийца моей Маньки, придумал издевательство получше. Он заставил худенького, дохлого пацаненка проползти под всеми шконками на их стороне секции (у окон) на брюхе. Типа, армейский метод узнать, чисто ли убирались. Ну да, раньше эта тварь служила в ВДВ (срочную, видимо, не более того), и татуировка на плече – череп в каске, что–то наподобие парашюта и буквы “ВДВ”. Армейские и тюремные методы издевательств в России скрещиваются, пересекаются и взаимно дополняют друг друга. Затем пацаненок

снова поступил в распоряжение “козла”–палочника, и тот заставил его мыть его и соседний (ВДВ–шника и обезьяны) проходняки. О, какое это было зрелище, какой спектакль, какой трагифарс!.. Пинками, постоянным злобным матом и угрозами “козел” заставлял его сперва мести под шконками шваброй без ручки, залезая туда опять полностью на брюхе; потом – в таком же положении мыть полы под шконками мочалкой, налив сперва на пол дез. раствор (недавнее новшество – стали его приносить из бани, где, видимо, готовят, и ставить в 2–х больших банках в туалете; 2 с половиной года я тут никаких растворов не видел). Видимо, так били и унижали чернокожих рабов в Штатах когда–то – во времена “Хижины дяди Тома”, там это описано; но и там были приличные, цивилизованные рабовладельцы, тот же Сент–Клер. Где теперь Америка (попробуй там задень негра!..) и где мы... Заодно этот подонок ударил с силой кулаком и кота Васю, мирно сидевшего на “обиженной” шконке напротив. Тот вскочил и убежал в ужасе.

Я лежал, смотрел на этот спектакль (пацана не пустили даже на обед, я пришел – он все еще моет) – и думал, что за такое поведение надо наказывать. Не того, кто плохо убирается – а тех, кто убираться заставляет при помощи палки, унижает, издевается и глумится. И не только одних этих “козлов”, конкретно и поименно – а эту страну и этот народ (точнее, сброд). Коллективное наказание, да–да. А что еще делать? Добро должно быть с кулаками. Цивилизованному миру, если б он озаботился положением меньшинств в России (и сексменьшинств в частности, – я писал обо всем этом год назад в “Рабовладельцах”), стоило бы предпринять любые меры – от банальных санкций (но наглухо, – не покупать ни нефть, ни газ; а чем их заменить?..) до ковровых бомбардировок, до того, чтобы вбомбить на метр в землю все их города, оставить одни руины... Все было бы оправдано. Христианам Европы и особенно Америки стоило бы вспомнить библейский миф о Содоме и Гоморре. Сперва серный дождь, потом огненный, – ибо надежды на исправление тут нет ни малейшей.

Пока писал это – упомянутые 3 мрази обсуждали в своих проходняках, кого еще погнать “на территорию” (убирать снег) – и как раз “козел”–палочник радостно советует взять и меня среди прочих. Хотя я хожу с палкой, хромаю, явный инвалид – и до сих пор таких попыток всерьез никто не делал. Ну что ж, мразь, ладно, – наши с тобой чувства вполне взаимны; даст бог, еще поквитаемся...

...А по улице, по дворам бегают мартовские коты, гоняются за кошками (за рыжей Машей, в частности). И это единственная

радость, единственная возможность чуть–чуть расслабить душу, – подманить эту пушистую прелесть и гладить, чесать за ухом, разговаривать с ней... Весна...

15.3.10. 10–08

Вчера, в воскресенье, перед ужином – на час раньше, т.е. без чего–то пять вечера – явился в барак Окунь, и с ним еще один "мусор". Долго, занудно, с какой–то дурной дешевой клоунадой шмонали эту секцию, где я живу. Выдвигали тумбочки, рылись в них и за ними, задирали матрасы на шконках, прощупывали подушки, проверяли всякие "старые курки" (как они выражались), Окунь залез даже и проверил, нет ли чего на большом деревянном карнизе для штор над одним из окон. В конце концов где–то под подушкой или под матрасом нашли зарядник – уррра!!! :)

Слава богу, шмонали они не всю секцию, а все же преимущественно ту ее сторону, у окон, напротив меня. По этой стороне – только где–то в самом начале, у наиболее блатных "козлов". Тем–то и омерзительны эти их шмоны – ничего и не заберут (разве что одеяло или спортивные штаны, лежащие под матрасом), но перевернут все так, что возись потом 2 часа, собирай...

Сейчас, с утра, приперся Палыч. Ждем уборки–выноса и тревожной беготни, как всегда, по случаю новой комиссии...

16.3.10. 16–27

Вчера не было вообще ничего, отрядник быстро ушел, день прошел спокойно. Только вот мне стало плохо под вечер от принятой после долгого перерыва (и недолгих раздумий) таблетки индометацина – чтобы не болела спина. Спина прошла, но с 7 часов, как вернулись с ужина, и до отбоя – состояние фактически предобморочное; сильная слабость, головокружение, все "едет" перед глазами, усиленное сердцебиение, и т.д. Те же симптомы, что и в том году, только сильнее и дольше. Ближе к отбою стало сильно клонить в сон, так что эту ночь хоть выспался неплохо. Утром все прошло.

Сегодня с утра поползли опять слухи о комиссии, начали убирать матрасы–одеяла, кровать и пр. из кабинета завхоза. Но – большого общего психоза не было, мне про мои 2 сумки под шконками (плюс еще у 3–х человек там сумки – двое около меня, один подальше, через 2 проходняка) никто ничего не говорил, выносить не заставлял. Говорили, что комиссия где–то ходит (в санчасти?), дико переживали уже какой день, что "на территории", на "большом продоле" не убран снег, не вычищена сбоку "продола" дренажная канава; обезьяна аж сама утром сегодня, во время зарядки, побежала проверять (чтобы в случае

малейшего повода зверски избить “обиженных”, там убиравших снег, – это ее реальный мотив, хотя и бессознательный; а то зачем бы ей за 88 дней до освобождения какие–то дренажные канавы в зоне...) – но все оказалось сделано. А комиссия до нас – вообще до бараков – так и не дошла.

После обеда сразу пошли с дружком “телефониста” в ларек – покупать “телефонисту” что–то там “на выход” из ШИЗО (19–го). Дружок выпросил 200 р., а потом жаловался, что не рассчитал, не хватает. Шли туда – вдруг с вахты выходит Палыч, видит меня (вдвоем с этим вымогателем) и спрашивает, куда я иду. Я шутливым тоном ответил что–то невнятное – мол, тут поблизости, – и думал, не докопается ли он всерьез до этого “нарушения” – идти в ларек не в “свой день”. Но все обошлось, он ушел, а потом в ларьке оказалась половина 11–го барака. Там же, в ларьке, слышал разговор, уже не 1–й раз, что комиссия приехала специально и конкретно на 6–й барак. Как это может быть и зачем, не знаю.

Да, узнал еще, что этому полублатному подонку, избившему на днях палкой “обиженного”, дали вроде бы 15 суток. Но в ларьке уже сегодня ему тоже брали что–то “на выход”, и о выходе этом говорилось что–то слишком уж близко, чуть ли не завтра, – м.б., ему дали 5, а не 15 суток?

Завтра среда – шмонный день. Шмон и комиссия возможны в равной степени. :) Послезавтра четверг – без завтрака...

17.3.10. 15–16

Страна идиотов!.. Действительно, это страна конченных идиотов, воплощение вселенской тупости и идиотизма, совершенно невыносимая в своем зато высокомерии, с каким она учит весь мир, как надо жить. И чем больше тупости – тем больше высокомерия...

На утреннюю проверку явился Лушин – наглая, хамоватая (“упали все в строй!” и в таком духе) мразь – низенькая, толстенькая, которую мне нестерпимо хочется каждый раз засунуть прямо головой в канализационный колодец у нас во дворе. Стал считать – не сходится 114–я бригада, где я. 15 здесь, 4 наверху, еще одного нет, должно быть 20. Стал пересчитывать 113–ю (СДиП, СОПитТ и пр.) – вроде тоже не сходится.

Недолго думая, устроил проверку по карточкам. Не нашел, кого нет. Стоял, думал вместе с завхозом и “козлами” – решил (по чьему–то совету) идти на вахту, м.б., кто–то есть там. Ушел.

Я поднялся, разделся, сел читать книжку; проходит минут 10–15 – орут опять: выходим все на проверку! Теперь уже гонят и всех “постельных”, будят всех “ночных” – короче, полностью весь барак выгнали.

Теперь уже не один Лушин, а полно “мусоров” – в какой–то момент я насчитал 6 человек (Штыров, в частности). “Вся смена у нас”, – сказал кто–то. Опять по карточкам – без толку. Придумали считать по алфавиту – вызывать по списку отряда. Пересчитали по списку – все равно не хватает; кого–то нет, и “мусора” ругаются с “козлами” и завхозом из–за неразберихи в списках и карточках: кто–то на больнице, кто–то живет прямо на вахте (дневальный?) и отмечается там, в отряд на проверки не ходит, и т.д.; плюс еще – все время переводят туда–сюда людей, увозят на этапы, – естественно, у этой бюрократической машины (далеко не немецкой пунктуальности) возникают сбои в ее бесчисленных бумагах. Мне к тому моменту – да и не мне одному – стало уже ясно, что это в списках они что–то напутали; а из рации Лушина в это время доносится приказ: “Провести проверки по карточкам во всех отрядах, все рапортички – на контрольную!”. Вот те на!..

Короче, стояли они долго, в окружении толпы разбредшихся зэков, – ругались, думали, чесали в затылках. Пришел Палыч, пересчитал, стал орать на Лушина по поводу того, что кто–то на больнице, кто–то не приходит отмечаться, – что вы, считать вообще, что ли, не умеете???!!! Пошли наверх, в барак (и до этого периодически туда поднимались и спускались; бригады, кроме СДиПовской, уже давно бродили по двору, и вдруг блатные и полублатные пошли в барак. Остальные (кроме так и стоящих по 5 человек СДиПовцев и пр.) за ними, я тоже. Но только поднялись – Палыч и прочие, сидевшие там в “козлодерке”, стали выгонять обратно: “А что, проверка закончилась???!!!”. Так и хотелось сказать: “Да–а!!! И давно уже!!! А сошлось у вас или нет, нас абсолютно не волнует!”.

Спустились обратно, стали бродить и топтаться по двору дальше. Как назло – холодно, последние 2–3 дня опять как зима вернулась – морозец, снежок легкий идет, небо в облаках, а если и выглянет солнышко, то не греет. Сам я не особенно замерз – во всем зимнем, включая даже свитер, – но ноги совершенно окоченели, причем не только у меня, а, судя про жалобам, прыжкам и постукиваниям – практически у всех.

Стояли–стояли, спускаются Палыч с “мусорами”, в 125–й раз Палыч идет просто считать по бригадам – и у него все сходится! Все на месте, всё совпадает! Кого уж там не было, кто был на больнице, из–за кого стояли столько времени, – но только 2–я эта проверка закончилась в 14–15! Если считать, что 1–я начинается в 12–10 – занял этот клинический идиотизм и тупость “мусоров” и “козлов”, не могущих даже как следует составить свои же списки зэков, 2 часа, с небольшим перерывом.

Как ни странно, после всей этой катавасии был еще и обед –

про него, чуднО даже, не забыли! 1–я смена – 3–й и 7–й с нашего “продола” и, м.б., 4–й и 5–й с того – успели поесть между этими 2–мя проверками, остальные – пошли уже после, получилось практически то же самое время, но только на час позже. Излишне говорить, что обед этот – перловый суп на первое, сечка на второе – я не ел, мог бы и не ходить.

Про комиссию сегодня целый день было еще больше, чем вчера, разговоров, но самой ее не было до сих пор видно, до паники не доходило. Злобная обезьяна в секции утром сильно избила опять того же “обиженного” пацаненка–уборщика – под предлогом того, что плохо убирается; но ясно, что для этой садистской мрази годится абсолютно любой предлог. Била так, что другие побежали оттаскивать. Палыч приходил ненадолго утром, полазил по секциям, позаглядывал в пепельницы, но про уборку вещей, комиссию и пр. ничего не сказал. Приходил на проверку; сейчас вот, после обеда, приперся опять и сейчас здесь. Лушин, мразь, с обеда и до сих пор сидит на “нулевом посту” и никого не выпускает с “продолов” без “общественника”. Да, еще утром был шмон на том “продоле” – говорили, что на 10–м, но недолго.

18.3.10. 13–30

Какое там “без завтрака”!.. Если бы только это... Они устроили на этот раз такой погром, какого я не видел здесь за все полгода, на этом проклятом 11–м бараке.

Сегодня – объявил вчера Палыч – приезжает Кошкин, новый начальник Нижегородского УФСИНа. Цинизм Макаревича и его “администрации” не имеет себе равных: т.к. официально СДиП ликвидирован, а реально это здесь теперь “СПБ” – они еще вчера после обеда отправили всех СДиПовцев со всех постов, кроме нулевого, в барак (сюда, на 11–й, они все числятся здесь), “локалки” все открыты, свежие надписи “СПБ” на всех будках замазаны (!!), а на “нулевом” уже 2–й день со СДиПовцами постоянно сидит “мусор”. Так они изображают выполнение приказа начальства о ликвидации СДиПа, “локалок” и пр.

Так вот, появление СДиПовцев днем в бараке вызвало у барачных “козлов” взрыв ликования и глумливых обсуждений, кого из них поставить теперь на стрем, на мытье полов и пр. Весь вечер вчера только это и обсуждалось, да искали им шконки. Ну и, конечно, у этой мрази – барачных “козлов” – с увеличением пасомого стада бессловесных “красных” резко возросла активность и желание командовать и распоряжаться.

Поэтому с утра сегодня я был очень рад, еще до включения музыки (6–00) от их истошных криков в секции: берем с собой одеяла (трусить, – давно об этом не вспоминали) и закатываем

матрасы (вчерашнее распоряжение Палыча на вечерней проверке). Одеяло я оставил, матрас не закатал, отгулял на утреннем морозце 20 с лишним минут. Возвращаюсь – меня в “фойе” встречает сосед по проходняку, – тот самый, что был еще недавно подметальщиком и жил надо мной, а теперь – внизу около меня, в том же проходняке. Встречает и говорит: они там всё разгромили, пойдем покажу; а баулы надо бы убрать в каптерку.

Захожу в секцию – там форменный погром, просто кошмар. “Мои” 2 тумбочки они уже, пока шла зарядка, выволокли – но не просто в проход секции, как обычно, а – задрали со стороны ног мой матрас, сгребя в кучу все лежащие под ним вещи, и на железную сетку шконки взгромоздили мою тумбочку! На шконку соседа – верхнюю, “тумбочку дневальных”. И так везде. Вот для чего Палыч, видимо, велел задрать матрасы!.. Вид в секции совершенно дикий – везде матрасы задраны, тумбочки и табуретки торчат на шконках, все валяется, кругом бардак. Погром да и только!..

Самая большая подлость, конечно, в том, что поволокли всё еще во время зарядки, когда меня не было рядом и я не мог контролировать процесс, вовремя подхватывать все, что падает, и убирать все валяющееся. Доски – столовую, из–под тумбочки и 2 фанерки – хорошо, сохранил этот сосед, а то могли бы пропасть. И – тут же, рядом и в самом проходняке ходит, трется тот мерзкий “козел” из прежних, до 2–го барака еще, – явно это его работа, этой мрази, она и приказала все это вытащить, выворотить, разгромить и взгромоздить тумбочку мне на шконку, ехидная гадина! Да еще пропал стальной прут от чьей–то шконки, лежавший у меня под матрасом.

Прут мне, правда, вскоре нашел этот самый сосед, бывший уборщик, а ныне что–то вроде дневального, дежурит весь день за столом около кабинета завхоза. Еще до этого мы с ним перенесли мою тумбочку с моей шконки на его (он все равно не спит весь день), я расправил свой матрас и лег. А еще до этого он и свой, и мои 2 баула вынес в “фойе”, нашел ключ, отнес в каптерку – и там запер, по его словам, в какой–то ящик, ключ от которого теперь будет только у него.

Счастье еще, что они не полезли выволакивать все сумки, пакеты и вещи, что лежат за торцом шконки! (Идиот сосед этот, до смерти тоже напуганный грядущей “комиссией”, – тот вообще хотел и склад моих книг и бумаг под изголовьем тоже вытащить и убрать, но я не дал.) Лежу, смотрю, что происходит. Тот же самый “обиженный” пацаненок подмел еще до завтрака. Я боялся, что, пока все ушли на завтрак, они таки раздербанят у меня все

остальное за шконкой, – но обошлось, “козлы” сами пошли со всеми в столовку.

Короче, дальше уже ничего особенного. После завтрака тот же уборщик вымыл пол с мылом, как обычно. Пытались запрячь в уборку и СДиПовцев, но – увы. Они не отказывались, но возились так долго в каждом проходняке, что от их услуг пришлось отказаться. Поставить тумбочку я все просил – раза 2 – этого же соседа, “дневального”, но он все говорил: не торопись, пускай другие начнут ставить, и т.п. В конце концов, попросил живущего над ним 22–летнего СДиПовца, который раньше приходил только утром и ложился спать – “ночной” с поста возле посылочной. Кривовато, кое–как, но поставил и ничего не сломал, – обошлось без потерь, если не считать сумок в каптерке.

Поставили – пошел в баню к пол–одиннадцатого. Как я и думал – на “нулевом посту” сидел “мусор” и СДиПовцы пропускать не хотели. Показал им прошлогоднюю бумагу, подписанную Деминым – СДиПовец прочел сам, передал вышедшему из будки “мусору”, тот тоже прочел, покрутил в руках и с этаким равнодушным видом пожал плечами. Не сказал: “Пропустите!” – а просто изобразил этакое безразличие на лице, – но меня пропустили. Только вышел из ворот – прется Палыч, но, спросив, куда я, насчет “ходить с отрядом” ничего мне не сказал.

Вода в бане – первые минуты шла очень горячая, почти кипяток, но потом отрегулировали так, что стала чуть теплая, – все были недовольны; а в бараке про то, что вода холодная, говорили и те, кто ходил до меня. В бане был еще до меня пришедший долговязый предСДиП–ехидна – и я как следует смог рассмотреть наколки, которыми он покрыт с ног до головы. Мое мнение, что он идиот, от этого только укрепилось: на спине – “Homo homini lupus est!” (готикой! Почему не славянской вязью, придурок?..), а на груди – богородица с младенцем. Нет уж, ребята, что–нибудь одно: или христианская любовь к ближнему, или “Homo homini...”. Интересно, читал ли этот идиот хоть евангелие, какую из своих взаимоисключающих наколок он наколол раньше и понимает ли сам хоть в свои 32 года (недавно исполнилось), что они взаимоисключающие?..

Еще одна побочная тема в сюжете дня – черножопая цыганская обезьяна перегрызлась наконец–то со своим новым соседом по проходняку – бывшим десантником, запредельно злобной тварью, ненавидящей меня и хотевшей в том году убить Маньку. Точнее, ненавидят меня оба этих подонка, только десантник – в открытую, а тому “телефонист” уже слегка прикрыл рот. Но в любом случае – когда они грызутся между собой, а не гавкают на меня, я в выигрыше, и поэтому их стычка вызвала у

меня буйный восторг и внутренний смех. :)))

Разругались они из–за магнитофона – обезьяна ночью или под утро включает его громко, когда вторая тварь спит. Начали ругаться еще вчера, но кульминация была сегодня. Оба – здоровые качки и драчуны, отморозки, но десантник старше на 9 лет и, очевидно, сильнее. Сперва он говорил обезьяне: не надо со мной “кусаться” (та первой употребила это выражение), у тебя не хватит зубов, я тебе их вышибу, у тебя вся челюсть выпрыгнет, и т.д. Тот только, набычившись, сопел и мрачно говорил: это кто мне вышибет, ты? Ну так делай! Но пот ом десантник все же сказал: “кусаться” со мной у тебя ума не хватит (чистая правда!), а мериться с тобой силой – я не в том месте нахожусь, здесь это не приветствуется. И закончилось все большой воспитательной беседой десантника с обезьяной: куча претензий, что та всю неделю (как живут вместе в проходняке) громко и не вовремя (по ночам?) включает музыку; но это бы еще ладно, а кроме того – сегодня опят придет табор, они ходят к тебе (к обезьяне и впрямь часто собираются цыгане со всей зоны); они сидят в моем проходняке и мешают – мешают только одним: дальше это животное изобразило их речь и объяснило, что мешают они ему тем, что у него в проходняке говорят между собой (!) по–цыгански. Последовала замечательная фраза (не дословно, но близко): вы пришли в русский проходняк (!) – и говорите по–русски! Мне сразу вспомнились разделы Польши, запреты украинского, польского, беларусского языков... 120, 130 лет прошло – но русские не меняются! Их шовинизм остается с ними как наследство от предков, как превалирующая во все времена и во всех слоях этого народа черта: шовинизм, ненависть к “инородцам”, спесивое высокомерие (как будто русские, эти генетические рабы и холопы, чем–то лучше любого из покоренных ими народов!..) и желание все, что им непонятно или незнакомо, непривычно их глазу или уху, запретить, затоптать, уничтожить, предать анафеме... Любопытный образчик русского пьяного тупого быдла – какой–то бывший десантник, ныне уголовник из каких–то заштатных Шатков – и весь народ (сброд) в нем как на ладони...

Что ж. Сейчас на обед, оттуда – в ларек. Ждем комиссию... :)

19.3.10. 12–40

Пока все спокойно. Никакая комиссия, конечно же, никуда не ходила – ни вчера, ни сегодня, но слышал я, что еще позавчера какое–то приезжее начальство заходило “под крышу”. СдиПовцы сидят на нашем бараке (в т.ч. один – в моем проходняке и пялится, мешая мне писать; впрочем, он молодой, 22 года всего – с ним интересно побеседовать, типичный представитель

современной молодежи), “локалки” стоят открытые, надписи на будках вчера закрасили тщательно и полностью, а на “нулевом посту” так и сидят, меняясь, “мусора”, собирая у ворот (особенно чтобы войти на “продол”) большие толпы. Заходишь в столовую на завтрак или ужин – ворота настежь, охраны нет. Выходишь через 5 минут – ворота уже закрыты, возле них стоит “мусор” в форме и лично их открывает–закрывает, – раньше это делал зэк–СОПиТовец. Смех и грех!..

С утра – новая пакость. Оставшийся здесь, на бараке, наверное, самым блатным хмырь вдруг решил со мной “поговорить” – сроду не разговаривал. Оказалось, он видел, как я, когда приходит дружок “телефониста”, а в бараке сидит Палыч, выхожу во двор и разговариваю, стоя возле “дороги” на 6–й. Мол, там тебя видят СдиПовцы, “тачкуют” (записывают) и, якобы, каким–то образом это отражается на всем бараке, но как – не объяснил (а я не успел спросить – пришло к нему с 10–го мелкое архиблатное чмо и прервало нашу беседу). Сказал он – самое интересное –что его (!) даже вызывал вчера Палыч и выговаривал по поводу моего (!!) пользования телефоном. Меня это возмутило до крайности – если это правда, то блатные, этот в частности, за меня никоим образом не отвечают; но мне все же показалось, что он врет. Это тот самый идиот, у которого Палыч хотел недавно отобрать “трубу” у самого: блатной стоит в нашей секции, говорит с предСДиПом–ехидной, мимо идет Палыч – и в этот м момент телефон в кармане у блатного начинает звонить!.. Орал он потом на ехидну так (за то, что остановила его какими–то пустыми разговорами), что было слышно на улице. Но вряд ли после такого Палыч будет ему выговаривать что–то по поводу МОЕГО пользования телефоном. В любом случае, “телефонист” сегодня вечером выходит из ШИЗО – это тоже вопрос для него, пусть разбирается со своими блатными “коллегами”, так же как и с завхозами и “козлами”.

Пришел Палыч, принес мне 3 письма. От Майсуряна дошли–таки заказным старые распечатки, которые я уже видел – Палыч вдруг заржал, внимательно их читая. Письмо от того же Майсуряна – огромное, в продолжение нашей с ним дискуссии, на котором расписались Паша Л. И все, кто был на Онежской. Страшно утомительно писать ему длинные ответы рукой на такие письма, да еще с цитированием. Ну и от Мани – очень вроде бы теплое, но пишет она такую хрень и мерзость, что даже отвечать ей я не буду, и о чем говорить с ней, если она приедет еще раз летом (а она хочет приехать) – совершенно не представляю. Только испортила мне враз все хорошее настроение, бывшее у меня с утра (и так редко здесь бывающее!) этим своим

письмецом... И не такая ведь она дура, чтобы ничего не понимать... Или это просто по малолетству? “Прости им, господи, ибо не ведают, что творят...” Или это просто эпатаж такой?..

21.3.10. 12–45

Вот и остался мне ровно год. 364 дня, если точнее. 21 марта 2011–го мне домой...

“Главная новость – остался мне ровно год до конца срока, как раз сегодня исполняется. 364 дня осталось... :) Но радости никакой я не испытываю от этого, настроение грустное, в душе тоска и опустошенность. Пусть я и неплохо провел эти годы, продержался, сломать они меня не смогли и не смогут, – но все же мерзко сознавать, что они оказались–таки сильнее. Засунули на 5 лет в эту помойку, в эту сточную канаву – и до сих пор не выбрался я отсюда, еще целый год сидеть в этом дерьме... А еще того хуже – думать о том, что ждет меня на воле. Насколько я вижу и слышу отсюда, читаю письма, говорю с приезжающими ко мне сюда, – там тоже пустота. Все заняты своими личными делами, или ушли в глубокую апатию, как Тарасов, или вообще неизвестно куда их унесло, как Маню; тебя вообще в России нет... Нужна команда, – и я мог бы еще многое сделать, сил и энергии мне еще хватило бы, и лет еще не так много, – но команды нет, а в одиночку много не навоюешь... Вот такие вот печальные дела. Просидеть 5 лет – и, вернувшись, не найти себе применения, оказаться у разбитого корыта, вернуться – в пустоту, – что может быть горше?..

Ты прости, конечно, что письмо такое грустное у меня получается. Я не нарочно, не хочу тебя расстраивать. Если тебе такая моя откровенность не нужна, – ты напиши прямо, и я больше не буду. Не буду тебя грузить этой своей тоской. А так, если честно, – любые даты, юбилеи, праздники, вехи в собственной жизни, даже Новый год каждый раз, – у меня уже много лет, еще с воли, вызывают не радость и не веселье, а только тоску и желание, чтобы он поскорее прошел, этот праздник, а пока не прошел – забиться куда–нибудь, в какую–нибудь щель или нору, чтобы никто меня не видел и не трогал. Вот, вроде, радостный день сегодня, год мне всего остался, радоваться бы надо, а я – не могу... Помню, переписывались мы с Санниковой, еще в тюрьме я был, в Москве, где–то зимой или весной 2007 года, – и я ей как–то написал, что, если отвлечься от всей политики, от идей, от борьбы и пр. и взглянуть просто, по–житейски, – то я просто–напросто обыкновенный неудачник, причем достаточно тяжелый и неизлечимый. Ну, она спорить начала с этим, конечно, хотя – говоря откровенно, это именно так и есть.”

Это все – из письма Лене Маглеванной, которое я написал сегодня утром. Зачем что–то еще добавлять от себя?.. Если все будет нормально – после ужина схожу и брошу его вместе с письмом Майсуряну в ящик.

Сумная гадавіна...

14–18

А ситуация меж тем не меняется. СДиПовцы все так же сидят на бараке (и в моем проходняке – верхние “пассажиры” из соседних, очень мне мешают и не дают спокойно писать), “посты” их стоят пустые, “локалки” все так же открыты, а на “нулевом посту” все так же меняются “мусора”. 2–3 зэка там тоже сидят, один жмет на кнопку, другой ходит открывать толпе ворота, а “мусор” – рулит всем процессом. Все так же собирают они толпы идущих из столовки у этих ворот: ну да, раньше всю эту толпу держали в “локалке” самой столовой, ждали, пока оттуда выйдут последние и все вместе пойдут в бараки. Теперь ворота столовой в основном стоят нараспашку – так эти идиоты устраивают “накопитель” прямо у входов на “продолы”. Только “1–й пост” вроде бы возобновил работу – ворота закрыты, а в будке кто–то сидит. Ну да, полной вольницы и свободного хождения зэков по всей зоне эти твари допустить не могут никак, это органически противно и невыносимо всему их существу, – вот и пытаются эту свою сущность (“тащить и не пущать”) как–то сочетать с приказами начальства, изображающего “реформы” во ФСИНе. Забавное зрелище...

Барачные “козлы” лютуют над СДиПовцами – не дают им спать, лежать, ходить, сидеть... Вчера с утра они – что самое интересное, вместе с полублатными из той секции – устроили руками безработных СДиПовцев “генеральную уборку” в “фойе” и “культяшке” (хотя за пару дней до этого, в четверг, очередная “генеральная уборка” уже была) – мыть стены, потолки, сдвинули в “фойе” всю мебель, терли зеркало и умывальник... Орали, что тех, кто не хочет “помогать” убираться в “культяшке”, больше не будут туда пускать смотреть телевизор. В общем–то, было ясно, что никакой надобности в “генеральных уборках” каждые 2 дня нет, а – в традиционной совковой манере – это делается просто чтобы чем–то занять СДиПовцев, не давать им сидеть в бараке без дела.

Сегодня это получилось лучше: за утро опять выпал густой снег – и после завтрака завхоз велел предСДиПу–ехидне “выгонять всех на снег”. “Обиженных” в бараке почти не осталось (два “дневных”, один “ночной”, да один блатной, работает в штабе) – и убирать снег радостно погнали этих же самых покорных СДиПовцев...

Что же до “комиссии” (слово произносится с придыханием, как нечто мистическое и неотвратимое, как Судьба... :) – говорят, она еще так и не приезжала. Значит, следующая неделя тоже пройдет под знаком ее ожидания? Знаю одно: второго такого погрома в четверг со взгромождением тумбочки на шконку я не выдержу... А вещи мои так и стоят в каптерке, и неизвестно – целы ли, или нет.

22.3.10. 9–09

Опять какая–то привилегированная мразь занимает туалет в бараке для одной себя. Двое “обиженных” пацанят мелкого росточка грудью стоят на страже и не пускают никого. Наверное, опять это мелкое архиблатное чмо, что раньше здесь рулило, – оно теперь на 10–м, но сюда часто приходит. И никто не протестует против такой наглости, – это считается как бы в порядке вещей, что есть неофициальные “начальники”, которым позволено всё; а в случае конфликтов к ним можно “подойти” – они, видите ли, еще и третейские судьи. Неизвестно откуда вылезшие, правда...

Забавно, что Надя Низовкина в том письме от Майсуряна, где и прочие что–то добавили от себя, советует мне “больше верить в население”, – это, мол, “не противоречит либерализму”. :) Вот уж действительно... На “население” это я насмотрелся за 4 последних года – по самое некуда. Нет уж, хватит иллюзий! Последняя по времени, дошедшая до меня, – идея Широпаева и К° создать на землях бывшей Новгородчины чисто русское государство, по расовому признаку, даже с запретом межрасовых браков. Идея, которую Миша Агафонов на последней свиданке здесь назвал сугубо реакционной. Как клин вбиваемый русскими “национал–демократами” в империю – это годится, да. Но – из этого пьяного, тупого, скотского быдла, генетических рабов на протяжении столетий и поколений – ЧТО можно построить? Чистейшая утопия это, г–н Широпаев, хоть я Вас и поддерживаю.

Нет уж, – именно отношения между “обиженными” и прочими “мужиками” здесь, на зоне – больше всего убеждают, что русские неисправимы вообще, в принципе, и должны быть списаны совсем, сброшены со счетов истории вместе со всеми надеждами их исправить, переделать, перевоспитать, вытащить из рабства, европеизировать. Русские неисправимы, их надо списать совсем, навсегда, отправить на склад сырья для мыла, – да–да, господа гуманисты, жрите эту неприятную правду ложками! Когда одни вовсю, всласть глумятся, потому что знают, что за это им ничего не будет, отпора не последует; а другие – ползая на коленях и получая пинки, лишь подобострастно лижут пинающий их сапог, рады стараться и даже не помышляют о мести, о бунте,

о сопротивлении хотя бы пассивном, не имеют даже намека на человеческое достоинство, а наоборот – злобным битьем и пинками еще и учат друг друга соблюдать эти навязанные и м правила, лучше, тщательнее служить барину, “мужику”– рабовладельцу, – значит, мразь и те, и другие. Рабская, покорная, липкая слизь, падаль, слякоть, – хоть вы ползайте и глумитесь, хоть перебейте друг друга палками, хоть все вены себе вскройте!.. Нет человеческого достоинства – значит, нет и человека, а одна только оболочка, кусок биомассы с 2–мя руками и 2–мя ногами. Невозможно говорить о свободе (и бороться за освобождение) для народа, который сам свободы не хочет, не знает даже, что это такое, а лишь бьет более слабых и одновременно гнется перед более сильным, на все готов и в том, и в этом случае. Мразь!!! Не “верить” надо в эту “нечисть”, в это быдло, именуемое “русский народ” – это стадо рабов надо действительно вычеркнуть навеки из истории и перестать печься об их судьбе. Хоть всех в крематорий, хоть на мыло, – такую нечисть не жалко...

23.3.10. 8–15

Вчера весь день все таяло, текло со всех крыш, снег под ногами стал рыхлым, – а к ужину пошел сильный дождь. Пробираясь к “телефонисту” с ужина – “продол” покрыт толстым слоем льда, а поверх залит водой; типичная весенняя картина – поскользнулся; хорошо еще, не упал в эту воду, но обе ноги в тряпочных “котах” промочил основательно.

Мать говорила, что в Москве объявлено штормовое предупреждение. И точно – здесь тоже с утра поднялся такой ветер, что все недоуменно спрашивали друг друга в подъем: чё так холодно? Все замерзли, – ну да, хоть одно окно в секции да открыто в любое время, хоть днем, хоть ночью. “Коты”, стельки в них и шерстяные носки – со вчера насквозь сырые; пришлось носки положить сушить на батарею, а ботинки одеть уже летние, к которым “гадские” подошвы недавно все–таки пришил мне сапожник. Одел, хотел идти уже на зарядку, – вдруг погас свет! Я уж решил, что опять начинается прошлогодняя катавасия, когда в марте, в последние дни перед длительной свиданкой, падала труба бани. рвались провода, гас на сутки свет, и т.д. На зарядку, раз нет света, идти нет смысла, – ее тоже нет. Один “мусор” прошел по “продолу” мимо, к нам не зашел. А свет минут через 10–15 включили.

Еще вчера “козлы” докопались вечером до парня–“первохода”, недавно приехавшего с пораненной еще с воли ногой, – хромает, нога забинтована и ходит на перевязки в санчасть. “Козел” из бывших здесь до 2–го барака накинулся на него за то, что тот куда–то ходил по “дорогам”, – почему бы ему

было не сходить, я из галдежа этого “кола” так и не понял. Говорили раньше, что запрещено ходить по “дорогам” “красным”, – но парень вроде не “красный”, никакого “косяка” у него нет, хоть и поселили его в эту секцию. Еще запрещали на время комиссий, – но и комиссии вроде как нет, она не то уехала, не то вообще не приезжала, – и уж, по крайней мере, никто не забивал “дороги” гвоздями, как это было не так давно. Т.е., к парню этому прицепились совершенно безосновательно – и, похоже, не ради него самого, а чтобы через него докопаться до другого “козла”, ныне ставшего председателем физкультурно–спортивной секции, у которого этот парень живет в проходняке и типа как бы дружит. А чем уж им не угодил тот – тоже бывший СДиПовец, – я не знаю.

Способ “ломать” они используют здесь стандартный, я наблюдаю его уже 3–й раз за полгода (и по тюрьмам еще много слышал об этом же способе на других зонах): заставляют убираться. Еще вчера это объявили парню, а сегодня с утра тот же “козел” стал домогаться до него, чтобы тот взял швабру и стал подметать секцию. Тот и ходит–то с трудом, и сперва отнекивался, ссылаясь на справки и освобождения из санчасти. “Козлу”, поставившему себе целью затравить человека, было на любые справки, разумеется, “по...ую”, он так и заявил. Мол, если не будешь убираться, я тебя отведу в “ту секцию” (к полублатным), там тебя изобьют за “игнорацию” слов “по(д)ложенца” (непонятно, каких и о чем) – и один ... ты будешь убираться! И – главный довод – “ты ОБЯЗАН убираться!!!”. С какой стати?..

Сломать парня оказалось легко, – он не додумался сказать, что, мол, если вы меня хоть пальцем тронете, то уж точно не буду, а на вас напишу кучу заявлений. Самое простое было бы, конечно, взять предлагаемую швабру – и этой шваброй тут же, на месте, отколотить назойливого “козла”. При решительном поведении удается многое, и наверняка вопрос о том, будет ли этот парень мести здесь полы или нет, был бы решен раз и навсегда. Нор – увы, парень смелости и твердости характера не проявил, а – после угроз “той секцией” и пр. – покорно взял швабру и пошел мести пол...

15–18

Все выяснилось с этим парнем, и довольно неожиданным образом. Оказалось, он в карантине еще написал заявление – уж не знаю, в СДиП или в какую другую секцию, но стал считаться “красным”, и его поселили сюда – а он потом отказался от этого намерения. А узнал я все это, когда перед обедом к нему пришел парень оттуда, они посидели–поговорили – и оказалось, что он переселяется туда, в блатную эту секцию, т.е. “красным” больше

не считается. Угрозы “той секцией” со стороны “козла” сбылись с точностью до наоборот...

Несколько дней назад “мусор” Веселый (которого, кстати, стремщикам теперь велено “пробивать” как Смешного, – видимо, из–за совпадения с кличкой “по(д)ложенца”), ожидая, пока все соберутся и можно будет открыть ворота “продола” сказал: мол, еще несколько дней назад я примерно знал, где я работаю. Среди осведомленных “козлов” тоже пошли слухи, что, дескать, эта зона – уже не зона, а “поселок усиленного режима”, или что–то вроде того; что до 2011 года здесь все обвешают камерами – в “локалках”, на большом “продоле” и т.д., вахту сделают там, где сейчас “нулевой пост”, штаб заколотят (хотя там и начальство, и спецчасть, и – главное – оперА, без них уж точно никакой поселок не обойдется :), и т.д. Звучит вполне фантастично, т.к. при всем громадье планов “реформы” ФСИНа под нее нет еще никакой законодательной базы, в УИКе прописано совсем другое. Можно годами не практиковать то, что есть в законе (домашний арест, скажем, или ограничение свободы в УК), – но как практиковать то, чего в законе еще нет вообще? К тому же, если здесь –УЖЕ поселок, – то на “девятке”, куда повезли отсюда “второходов”, должна быть УЖЕ тюрьма с 4–хместными камерами, предписанная тоже планами этой “реформы”. Но вряд ли она там есть на самом деле. Главное же – чтобы не вздумали вдруг в связи с этими грандиозными планами и меня вывезти куда–нибудь с этого “поселка”...

Что ж, осталось мне уже меньше года, 362 дня. Идет 52–я неделя до конца. Не верится, что это все вот так, просто, само по себе возьмет и кончится в следующем году – без борьбы уже, без героических усилий, без жертв; просто приду на вахту, просто возьмут – и отпустят, тихо–мирно, как будто и не было ничего, не было этих пяти лет, этих камер и бараков, этой грязи и злобы, ненависти и отчаяния... Просто приеду домой – и все с нуля, вся жизнь заново, с чистого листа, – в 37 лет уже...

А пока что – на дворе опять весна, и, м.б., поэтому–то особенно тяжела, мучительно невыносима порой эта мысль, это ощущение: опять всё заново, опять по кругу... Скоро опять лето, опять будет жара, комары, зелень на деревьях, рассвет в 4 утра, когда в подъем уже совершенно светло... Все это уже было, и в 7–м, и в 8–м, и в 9–м, и вот – опять... Вместо того, чтобы сейчас вот, сегодня, ЭТОЙ весной, а не следующей – домой, – опять то же самое, еще одно лето здесь, еще один круг... Мучительна эта бессмыслица, это неотвратимое упорство повторений одного и того же, мучительно нелеп, когда пропускаешь его день за днем через себя, этот бег по замкнутому кругу. Еще одно лето, еще

одна осень, еще одна зима...

25.3.10. 11–19

Ну что ж. Шмон на 12–м и на 5–м – последнее событие этих последних полутора дней (вчера ничего записать не дали постоянно торчащие в проходняке типы из СОСЕДНИХ проходняков). И важнейшее.

“Генеральная уборка” на этот раз прошла на редкость спокойно и тихо, тумбочек выдвинули 4–5 на всю секцию. Никто особо не орал; мели и мыли уже бывшие СДиПовцы; правда, резать себе колбасу и готовить завтрак я все же не решился, – мало ли, какая шлея им через минуту попадет под хвост...

Убрались, и я уже намыливался идти в баню, – вдруг “шмон–бригада на большом!!!”. Ну вот!.. А еще в 8 утра – забыл написать – завыла сирена, и все сразу насторожились насчет шмона. Потом земляк и сосед, ныне дневальный (тот, что сделал мне цепочку, – он вообще мастер по ним) объяснил, что сирена означает сбор и построение всех “мусоров” в поселке, за зоной.

Открылись ворота зоны (видные вдали из торцевого окна барака, у которого стоит стол дневального). Въехала зачем–то пожарная машина, а за ней – я еле различал, так далеко было – виднелась целая толпа “мусоров” со щитами! Машина въехала, они вошли, – но дальше не пошли, машина свернула направо (к штабу?), развернулась и уехала, “мусора” тоже ушли за ней восвояси, ворота закрылись. В окно было видно, как за зоной эта “пожарка” заезжала в здание – типа пожарной части что–то, видимо.

Все решили, что это были учения, и успокоились. Я уже одевался в баню – вдруг опять крик про “шмон–бригаду на большом!”. Что за черт, сколько же можно?!

На этот раз к баракам шла целая толпа без щитов. Все узнавали знакомые рожи (например, отрядника 13–го), а замыкающим, чуть поодаль остальных, перся Заводчиков.

Поколебавшись, решил я все–таки в баню пойти. Раз уж они все (28 человек, как потом услышал в бане) ушли на тот “продол”, – это не на один барак, конечно, а минимум на два; но, м.б., все–таки на этот уж не сунутся, да и времени до проверки всего 2 часа осталось. А главное – ценное, чем я рискую БЕЗВОЗВРАТНО, – это дневник за 1 (!) день, позавчера, 23 марта. Остальное или надежно убрано :), или восстановимо.

Пошел. Выпустили на “нулевом” без разговоров. Даже “лейку”, когда включили воду, таки нашел себе свободную, с краю, – хотя, казалось, все уже занято. Но главное – 12–й отряд в бане делился впечатлениями от шмона, т.к. вся эта банда приперлась к ним и на 5–й. Только, мол, вышли идти в баню, – и

“мусора” идут! Но те, кто приходили уже после меня, рассказывали (один как минимум), что шмон поверхностный, в его проходняке ничего не тронули, а самого выпустили, даже не обшмонав. Ну, “Пожарник”, говорит, ходит, как обычно, обрывает провода...

В общем, “поселок” “поселком”, “реформа” “реформой”, СДиП отменили, “локалки” открыли, но шмоны продолжаются по–прежнему, хотя, м.б., и стали несколько мягче.

А на 11–м уже 2–й день нет воды. Вроде бы она отключена во всем этом корпусе –1–й, 11–й, 12–й и 5–й бараки. Причина – весь день вчера “обиженные” с 1–го барака пробивали в нашем дворе 2 канализационных колодца, забитых и полных воды, реками разливающейся по двору. Вычерпывали воду ведрами, вызывали подкрепление (с “кечи”?) со специальными трубами и стальным тросом для пробивки, и, естественно, воду отключили. Тем не менее, и сейчас еще (как шел из бани) ближайший ко входу на 11–й колодец наполовину заполнен водой, трубы для пробивки валяются рядом, а воды в бараке так и нет. Приходится ходить за ней на 6–й.

В связи с этим 6–м вчера вечером произошла дурацкая история, ярко характеризующая уровень идиотизма здешнего быдла и отребья. Большой жестяной бак для питьевой воды, недавно сделанный на “кечи” и постоянно стоявший в “фойе” на тумбочке, двое каких–то СДиПовцев, совсем молодые, из “пехоты”, как здесь таких именуют, понесли на 6–й налить воды. Там его под кран не подсунешь, пришлось взять лежавший здесь же, у умывальника, ковш. Кого–то, кто был поблизости, они спросили, можно ли взять этот ковш, и тот сказал, что можно. А когда они уже налили весь или почти весь бак – вдруг увидел кто–то другой и заорал: “Вы что, ... , мы в этом ковше моемся, бреемся и т.д.!!”.

Те пришли на 11–й, рассказали эту историю. Наиболее авторитетный “козел” (несостоявшийся убийца Маньки) и пара оставшихся здесь блатных стали судить и рядить, “законтачен” ли теперь бак, или не “законтачен”, что теперь с ним делать, можно ли им пользоваться, или же отдать “пидорасам”, да и все. Сперва вроде решили, что все с баком нормально, т.е. разум вроде бы возобладал. Но попозже когда я вышел в “фойе” – бака уже не было, а среди местной биомассы шли разговоры и пересмеивания, что, мол, бак “сломили”. Вот таковы они, эти идиоты!.. Излишне, конечно, и говорить, что баку–то ничего не сделается, каким ковшом в него воду ни налей – ну, в крайнем случае можно сполоснуть, – а все дело в диких, совершенно нелепых и абсурдных предрассудках всей этой швали: “законтачили!..”.

30.3.10 15–54

Это было самое жуткое, самое чудовищное из всех наших свиданий за все эти годы. Я знаю, что за оставшийся год страшнее уже не будет, и все прежние беды – жара, холод, то, как я нервничал, что долго не заводят, – не идут в сравнение.

Такой ужас, что даже вспоминать неохота. Впрочем, было ли это все, или просто мне приснилось? Живот прихватило еще в 4 утра 27–го, в 1–й день той свиданки. Очень неприятно, конечно, но – до сих пор такая беда у меня продолжалась сутки; м.б., и на этот раз через сутки пройдет?

Завели на удивление быстро, – было всего 3 человека, и даже специально звонили с вахты, где–то в 10–25 – торопили. Благодаря этому 1–й день получился длинный, практически полноценный, а не с середины, как обычно бывает.

1–й день болело еще не так сильно, хотя неприятно. Я еще мог читать привезенные журналы. К ночи – хуже (да и предыдущую ночь я спал всего часа 3). Забылся сном, м.б., только под утро, ненадолго.

2–й день – не проходит! Боль все мучительнее, все больше заслоняет собой весь мир, сознание отключается, свет в глазах меркнет. Превращаешься в обезумевшее от боли животное, мечущееся со стонами взад–вперед по крохотной комнате, как по клетке.

Идея возникла уже на 2–й день, но только на 3–й боль стала уже до того невыносимой, что я решился просить, чтобы отвели в больницу или вызвали оттуда кого–то сюда. Тем более, что это уже был понедельник, и время уже больше 10 утра, в больнице начался прием, а первые 2 дня были выходные.

Вопреки моим ожиданиям, по звонку свиданщицы “мусор” с вахты явился очень быстро и повел без всяких шмонов. Завел без очереди на прием к тому новому, молодому врачу. Тот послушал (в это время у него еще кто–то сидел), хотел было сперва дать лекарства с собой, а если не помогут – завтра на промывание. Но потом сестра, выдавая лекарство (горький раствор, который я выпил прямо здесь же), сказала, что и промывание он назначил тоже сейчас. Что ж пошли на 2–й этаж, в процедурную – вместе с ожидающим меня “мусором”.

Промывание не помогло вообще, но от выпитого лекарства через пару часов, как вернулся, стало мне полегче. Я уж думал, что все, кончились мучения, и сладко заснул после 3–х бессонных ночей. Но увы – после пробуждения адские боли возобновились, еще сильнее прежнего. Да что за черт??!!!

Сжав зубы, пришлось проситься в больницу снова. В конце концов, боли такие адские, что я имею право их побеспокоить,

тем более, что обращаюсь отнюдь не часто. А утром, кстати, к болям добавилась еще и рвота – хоть я ничего почти не ел – и общая слабость, очень мучительная.

Пришел уже другой “мусор”, помоложе, и повел меня снова, расспрашивая по дороге, какая у меня статья, почему хожу с палкой, и т.д. Врачей, естественно, уже не было, и пошли прямо наверх, к дежурной по стационару медсестре.

Рецепты на этот раз были уже другие: она сделала мне укол ношпы, дала с собой таблетки – ту же ношпу, активированный уголь и панкреатин, объяснив, как их принимать. За вечер я выпил их (по настоянию матери) довольно много – и опять началась рвота (хотя с утра я не ел вообще ничего, – не лезло, не было совершенно сил, на еду даже смотреть не хотелось, – и желудок был абсолютно пуст). Панкреатин я пил и утром – дневальный по этажу дал его матери в ответ на ее просьбу еще до первого моего визита к врачу, и я догадался, что рвоту вызывает именно он.

В общем, после этого визита тоже ничего не изменилось. В ужасе и изнеможении я прикидывал уже, что делать мне завтра, выйдя со свиданки. По всему выходило, что после 3–х суток таких мучений и бессилия всех лекарств надо ложиться в больницу, – просить, чтобы положили. Но – и больница эта у них туфтовая, это я знал давно, а тут как раз еще раз убедился на собственном опыте. И тоскливо прикидывал, сколько всего надо будет тащить с собой в больницу, чтобы мало–мальски нормально там устроиться, кто все это потащит, а место мое в бараке тем временем, естественно, займут, все вещи, бумаги, книги и пр. выбросят...

Но всему на свете бывает конец. Конец – безумный, феерический, несказанно счастливый для меня, которого я уже и не ждал – вдруг наступил для меня в 4 часа этой, последней на свиданке ночи, накануне расставания. И, наверное, человека счастливее меня не было в тот момент не то что во всем Буреполоме, а во всем мире...

Отступила сразу мучительная, давящая, тупая боль, исчезла как будто свинцовая гиря, лежавшая 3 дня в животе – и я легко и спокойно заснул на оставшиеся до подъема 2 часа. Заснул, словно вернувшись – если уж не с того света, то из той, неведомой мне еще доселе реальности, в которой болезнь полностью сковывает, парализует человека, отменяет все его планы и заставляет проводить недели, месяцы, годы в больницах. Недаром болезнь, помню, Карамьян назвал когда–то вместе с войной и тюрьмой, приводимыми мной как самые тяжелые испытания в человеческой жизни. И только заглянув в этот жуткий, мрачный подвал, в эту

мне немыслимую, а для кого–то – единственную жизнь, – сразу же понял я, что цепляться за такую жизнь точно не стоит, что полуживотное, в адских каждый день муках существование – неприемлемо, непереносимо и унизительно для человеческого достоинства. Дай бог мне умереть сразу, без болезней и мук, избегнув такой судьбы...

31.3.10. 15–07

Среда. Утром, после 10 уже – прется с обходом Макаревич (обход был неофициально обещан еще вчера, но не состоялся). Поднимается обычная суета, убирание вещей, снимание с дужек и т.д., но баулы, слава богу, не тащат. "Макар" заходит в барак, но через минуту – уже дальше по "продолу". Во входную дверь я вижу, как он точно так же на минуту заходит и на 6–й. И дальше – видимо, во все бараки так, не дальше "фойе".

Еще он на "продоле" – ровно в 11 часов прется шмон–бригада – 9 человек, 1 на тот "продол", остальные на наш. Ну да, ровно год назад, 31.3.2009, они тоже приперлись на 13–й в 11 уже, если не позже, и устроили шмон с вещами – чудовищный погром, навеки мне памятный... Идут дальше, мимо нас. После обеда я зашел к "телефонисту", коротко позвонил матери (вчера в 5 вечера, пока она ехала, мобильник ее был недоступен), и он сказал, что они были на 7–м, но недолго, потом "убежали" на 10–й (через "дорогу" ясное дело).

На 11–м опять полный тарарам во дворе, еще до проверки опять отключили воду –всё делают и делают канализационный колодец во дворе. Кирпичи в нем давно все отбили и выгребли, – теперь придумали забить внутрь сколоченный из досок прямоугольник, типа – каркас для этого колодца, чтобы земляные стенки не осыпались. Интересно, за сколько сгниют эти доски, – думаю, до следующего года уж точно. :) Во время проверки один "обиженный" – видимо, с 1–го, но точно не с 11–го – маленький, лет 18, в длинных болотных сапогах, залез в эту яму и ведром вычерпывал со дна воду, выливая ее в дюжину стоящих на краю ямы и регулярно выносимых его коллегами ведер. (Не дюжину, конечно, штук 5–6.) Зачем уж это надо, не знаю –вычерпывать воду, когда ясно видно, что она все равно течет понемногу и из сточной трубы (хоть вода в бараке и перекрыта), и набирается из земли, как тут повсюду, в любой ямке. Погром довершается еще и массовой расчисткой снега – выкидывают лопатами снег из старых, слежавшихся сугробов, в которые скидывали его, чистя двор от снега всю зиму. Снежные комья валяются по всему двору, сквозь толстенную ледяную корку текут по уже давно проложенным руслам канализационные "речки", всё везде разбросано, вытащено, разворочено, – в общем, весна и полный

разгром, какого не увидишь обычно в городе в эту пору. Старые сугробы так же методично раскапывают и выкидывают по всей зоне, хотя на кой это хрен, почему бы этому снегу не лежать и не таять спокойно по углам и обочинам – непонятно. Ждать этого недолго: на улице уже тепло, солнечно, погода превосходная; на всех "продолах" страшная грязища и местами постелены доски. Последние слухи – после обеда, говорят, взялись ломать "11–й пост" – бывшую СДиПовскую будку неподалеку от нас, откуда еще недавно кнопкой открывалась калитка 11–го; но этого процесса я пока не видел.

Самые сильные впечатления последних дней у меня – от новости, сообщенной еще по дороге в барак двумя, взявшимися помочь донести баул: взрывы в московском метро! 29 марта, т .е. накануне, утром, на станциях "Лубянка" и "Парк культуры". Кто–то, не помня точно, сказал поначалу: "Парк Победы" – и я подумал, что – вместе с "Лубянкой" – м.б., это символический подарок ИМ к их предстоящему в мае "праздничку". Но даже если нет, – горячо одобряю, поддерживаю и от души аплодирую все равно!! Как там у меня в приговоре было написано? – "Стомахин, одобряя преступников и террористов..." :)) Вот–вот, одобряю полностью. И, конечно, не потому, что мне лично что–то сделали эти 37 или 39 погибших, – нет, отнюдь. Просто все это государство, "современная российская государственность", возникшая в 1991 г., с 1994–го стоит целиком и полностью, однозначно и безоговорочно на чеченской крови. То, что было сделано этим государством – полномасштабный и чудовищный по жестокости геноцид чеченского народа, гибель более чем каждого четвертого чеченца, – это не может быть забыто. Это – та почва, из которой растет и будет расти справедливое возмездие; и самая справедливая его форма – это вот именно такая, просто в метро, в толпе, по формуле "на кого бог пошлет" – так же точно, как они бомбили чеченские города. Никакого искупления, никакого раскаяния Москва за все содеянное ею на Кавказе не проявила до сих пор ни на йоту, зато очень возмущалась грузинским "геноцидом" мифического "юго–осетинского народа" в 2008 г. Что ж, значит, все справедливо, – если учесть размер этого "скелета в русском шкафу" и его зловоние. Причем эта глобальная суть произошедшего совершенно не зависит от того, кто и как конкретно организовал вот эти конкретные взрывы (м.б., вовсе и не чеченцы). Уже почти 4 года нет Басаева – но дело его живет и побеждает русских чекистов, прокуроров и ментов! И слава богу!.. Геноцид не может остаться без таких вот долговременных последствий, эта кровь прорастает сквозь любой асфальт, под который ее пытаются закатать, чтобы заставить всех

всё забыть, – как будто ничего и не было – никакой войны, никаких ковровых бомбардировок и “зачисток”... Эта правда будет адским огнем возмездия прорастать и дальше, расцветать взрывами в русских городах, в метро, в школах и театрах – и это в большом историческом смысле справедливо, иначе и быть не может. Те “невиновные”, “невинные”, “мирные” москвичи, которые там погибли – они были пусть молчаливыми, пассивными, но соучастниками этих преступлений кровавой русской военщины, ибо все зло в мире совершается с молчаливого попустительства равнодушных. Они голосовали за Путина, да еще 2 раза – этого, в принципе, уже достаточно; но еще важнее – они просто НЕ ХОТЕЛИ знать правду, не только не интересовались ею – что же это там на самом деле творится в Чечне и почему? – но активно отпихивали ее от себя, когда вот такие, как я, пытались им ее совать прямо в руки, чуть ли не насильно – той же листовкой или самиздатской газетой на митинге или в переходе... Ну что ж, не хотели знать, не интересовались, отталкивали от себя правду, давали безоговорочно карт–бланш Путину, даже сами не зная, на что, – что ж, получите сполна теперь, господа “мирные и ни в чем не повинные москвичи”! Аллах акбар! :)

Да тут еще эти сегодняшние 2 взрыва в Кизляре!.. :)) Ну прямо один к одному, – удары чередой пошли, как из пулемета. Но Кизляр, Дагестан – это все же территория самих кавказских народов, там они у себя дома и бьют своих мунафиков :), – а вот взрывы в Москве – это отличная, звонкая, хлесткая пощечина и Путину, и Медведеву со всей их хваленой “борьбой с терроризмом”, с их “модернизацией”, с их мифической “оттепелью”, с их всемирно–фанфарным очередным “юбилеем победы” в мае, со всей этой их хренью и мерзостью – современной российской государственностью. Пощечины отличные, прозвучавшие на весь мир, – и ничего вы, господа хорошие, сделать не смогли и не сможете против такого способа борьбы никогда , – сколько ни хорохорьтесь, и прилюдно обо...сь вы опять! И это замечательно!! :)) Да, 4 года уже нет Басаева, вашего главного врага, вашего ночного кошмара, – но, впрочем, где–то (в инете?) я мельком слышал еще в том году, что его батальон шахидов “Риядус Салихийн” восстановлен...

И еще забавно: мужичка с 10–го, полуцыгана, лет на 10 меня старше, ходящего ко мне за моим столовским хлебом и так, вообще, потрепаться по душам, – я вчера достаточно быстро и легко убедил в этой своей точке зрения на эти взрывы. Он–то как раз сторонники того, чтобы жить тихо–мирно, своей семьей, домом и пр., никуда не лезть, никакой борьбы, жизнь для удовольствия, – она ведь одна, и пр.; одним словом, обыватель из

обывателей, ничтожество полнейшее. Сперва он было понес, что, мол, вот, люди погибли, ни в чем не повинные, какие сволочи эти террористы (–ки), хорошо бы к ним вообще смертную казнь применить (идиот! :)... Но когда я ему вкратце объяснил, откуда вообще все это берется, из какой почвы растет, и что в Чечне вообще–то был геноцид, и что граждане отвечают за преступления своего правительства, и что это, по сути, возмездие, – он быстро заткнулся и, если и не проникся, то по крайней мере молчал сочувственно, спорить не пытался. Нет сомнения, что эти элементарные вещи он услышал от меня впервые за всю свою жизнь.

АПРЕЛЬ 2010

2.4.10. 8–15

День вчера был длинный и безумный. Генеральная уборка, четверг... Но начинался он неплохо: пока уборщики из бывших СДиПовцев подметали и переподметали пол (не все выдвинули заранее тумбочки – так потом заставили, видите ли, мести по новой!..), ждали для мытья пола ведро из той секции (с этим недавним вычерпыванием колодца ведрами – оказалось, 2–е ведро пропало!.. :) – я успел быстро позавтракать! Уже удача, черт возьми!.. :)) Тумбочки не выволакивали, все прошло спокойно. Потом – удачно сходил в баню, потом – обед и ларек, все как всегда. На улице – весенняя распутица, грязища, потоки воды; в ларек пришлось шлепать по этой грязи на всем "большом продоле"; а теплынь такая, что в "телаге" уже было жарко, полно народу – уже в "лепнях". Купил все быстро, пришел, поел; написать – хотел было – ничего не дали трущиеся вокруг и галдящие соседи по проходнякам. Где–то полпятого решил сходить к "телефонисту", позвонить матери.

Тут уже все пошло не так гладко. У них мало того, что сидел отрядник, – но этот урод "телефонист" еще и вполне искусственно паниковал, что вот, мол, "мусора бегают", – только что обход, дошедший до них, перелез на 10–й. Ну и что, казалось бы? Все равно, и отрядника совершенно достаточно, чтобы "трубу" не доставать, – потом, мол, зайдешь, попозже.

Но зато – несмотря на их отрядника – самое время оказалось, чтобы усадить меня и завести разговор: ты знаешь, в воскресенье уже пасха, а у нас даже чая нет. Ну прямо беда; подумать только, – нет чая!!! Без чая–то, ясное дело, никому не выжить, всем кранты, а уж тем паче – если чая нет (страшно даже вымолвить) НА ПАСХУ!!! Ужас–то какой...

Короче, эта мразь, как я и думал, тут же начала, пользуясь тем, что это "ларьковый" день 11–го барака, клянчить у меня чай и пр. Да не просто клянчить, а довольно–таки напряжно: чтобы я после шести вечера поперся в ларек 2–й раз и купил там – нет, вы не подумайте, что только пачку чая, и все, никоим образом! – а рублей на 100, не меньше: пачку обычного чаю (21 руб.) – на чифир к пасхе; пачку чая в пакетиках ("чаю попить", – это они тоже любят, не все же один чифир глушить) – 25 руб.; пачку шоколадных конфет – причем именно шоколадных, к карамели (даже если шоколадных не будет в продаже) отношение очень скептическое, – 30 руб.; ну, и масла подсолнечного – чтобы эта харя могла им поливать хлеб и есть, а то ей больше нечего, – если

маленькая бутылочка, то тоже рублей 30. Что–то около 110 рублей.

Получалось, что я зашел к “телефонисту” неудачно для себя – исходя из своего намерения позвонить, – но зато исключительно удачно для него, исходя из его намерения в очередной раз затариться чаем–сладким и пр. за мой счет. А ведь, когда я на входе в барак услышал, что их отрядник здесь, внутренний голос ясно предупреждал: раз я не смогу прямо сейчас позвонить, то и идти сейчас незачем. Жалею, что не послушался...

Проклиная свою глупость, я пошел–таки в 6 вечера опять в ларек, наплевав на ужин (благо, цыганская обезьяна давно, уже с месяц, наверное, перестала вообще ходить в столовку и там меня контролировать) и купил мерзкой наглой твари все, необходимое ей для встречи пасхи. :) Когда возвращался, 11–й барак как раз шел навстречу мне на ужин, но никто ничего не сказал. Пошел прямо к наглой твари опять, не заходя на 11–й – и удачно: отрядник уже ушел.

Тут мне хоть дали телефон, слава богу, и я набрал матери. Она огорошила меня возмущенным истошным визгом: ей только что звонил Матвеев и спрашивал, я ли это написал вместе с Михилевичем некий текст в поддержку недавних взрывов в Москве, выдержанный целиком в исламских тонах и висящий в инете за подписями моей и Михилевича?

И у самой матери, и – с ее слов – у Матвеева лейтмотив был один: как это можно радоваться, когда погибли ни в чем не повинные люди?!! Мать одновременно и пыталась – вполне прокурорским тоном – выяснить, действительно ли я инициировал сам этот текст и свою подпись под ним; и одновременно – выяснить, почему я радуюсь гибели людей; задавала много вопросов истошным тоном, но ответов не слушала и, как всегда, не давала мне вставить вообще ни слова. Истерика ее и визг в трубку были такими громкими и истошными, что мне пришлось громко, при всех сидящих вокруг блатных, тоже заорать, обозвать ее дурой, послать к черту и т.д. – и только таким экстремальным способом заставить выслушать то, что она сама же так дотошно выспрашивала в начале разговора. А именно – что я от нее впервые слышу об этом тексте и своей подписи; что, судя по целиком исламской риторике – он и впрямь принадлежит Михилевичу, таков его стиль; ну и – что я, конечно же, его поддерживаю и очень рад, что он, помня обо мне и моей всегдашней позиции, поставил и мою подпись.

После этого я набрал Паше Л. – и так давно собирался, а тут такой повод! Тот сказал, что текст этот появился только в ЖЖ Михилевича, больше нигде; и когда того стали спрашивать, с

какой стати он поставил мою подпись, уполномочил ли я его – тот в сердцах плюнул и подпись мою снял. Сейчас там еще подпись Маглеванной, которая, по словам Паши, вроде бы с этим согласна. А Михилевич, мол, вообще пишет ерунду, нельзя такое писать, оправдывать гибель людей; самое же главное – они там все (в рассылке, мне посвященной) жутко боятся, что за такие тексты с моей подписью мне намотают еще срок – типа, за "оправдание терроризма". Они там вообще решили, что убрать подпись Михилевичу велел я. Паша был очень удивлен, узнав, что это не так.

Говорили мы с ним долго – минуты 23 где–то, пока набившиеся в проходняк "телефониста" блатные пили чифир из принесенного мною чая. Собственно, эту беседу я считаю главным, важнейшим событием моего вчерашнего дня. С Пашей спорить одно удовольствие, потому что он не орет, не бьется в истерике, а говорит спокойно, слушает мои аргументы, приводит свои, и тон любой, даже острой с ним полемики у нас всегда остается доброжелательным. Но с его аргументами – что, мол, нельзя опускаться до уровня своего врага (русских, бомбивших чеченские города), надо оставаться благородным противником; да и погибшие 20–летние девчонки не отвечают за этот геноцид, они были еще детьми, когда все это начиналось, – я, конечно же, согласиться не могу. Что поделать, война – жестокая штука, и не мы ее начали. Что революции не делаются в белых перчатках, сказал еще Ленин, и к войнам это относится точно так же; к тому же, вполне логично, что люди, не жалеющие свою собственную жизнь, мало склонны жалеть чужую, – а ведь те, кто взорвался в толпе на этих 2–х станциях, как само собой разумеющееся отдали при этом и свои жизни – но об этом почему–то никто не вспоминает. Сказал я Паше, что, в общем–то, моя позиция не изменилась с 2004 г. – я писал тогда о февральском взрыве на перегоне "Павелецкая" – "Автозаводская", и фраза той статьи – "Взрыв в московском метро оправдан, естественен и законен" – даже вошла в мое обвинение, а потом в приговор, по пути послужив предметом моих вопросов к "эксперту" на суде (я хорошо помню свой вопрос: "Побуждает ли эта фраза кого–либо к чему–либо?" – т.е."призыв" она или не "призыв". Он ответил, что нет.). Жаль, сидело вокруг много народу (швали) и не мог я подробно разжевать Паше свое общее, В ЦЕЛОМ, отношение к подобным вещам, бывшее у меня как в 2004, так и сейчас. Что–то вроде: да, конечно, пойти взорвать отделение милиции лучше, чем вагон метро, кто бы спорил. Но поскольку мы – русская антиимперская оппозиция, радикальные либералы и демократы Москвы, Питера и т.д. и т.п. – САМИ не можем этого сделать; не

можем пойти взорвать ни ментовку, ни метро, ни просто убить “мусора” на улице, и неважно, почему, – боимся ли мы, или у нас нет оружия, или еще какие–то причины нам мешают, – то уж в этом случае мы как минимум не должны осуждать тех – представителей национально–освободительных от “нашей” империи движений – которые не боятся, а уверенно держат в руках оружие и во многом делают нашу работу за нас! Ладно уж, никто нас самих ничего взрывать не просит, – куда уж нам, сопливой детворе, мы еще просто не доросли до таких вещей, до серьезной войны с властями! Мы только и можем, что трындеть в интернете (и то больше между собой), да самиздат печатать мизерными тиражами, – но уж по крайней мере тех, кто не боится, а делает, стреляет, взрывает – надо не поносить, не осуждать, не отмежевываться, не слезы и сопли эти по “невинным жертвам” разводить, – а всячески поддерживать каждый их выстрел и каждый взрыв! Уж это–то мы, по крайней мере, можем?! – твердо и достойно вести себя, без слез, слюней и соплей, не осуждать и не поносить тех, кто взвалил на себя все, что мы должны были делать сами – но по трусости ли своей, слабости ли, неумению, неспособности, ничтожности нашей вообще – не делаем?!! Или мы вообще такие уж конченные ничтожества, что способны только свысока поучать тех, кто что–то реальное делает, и “моральные” эти слюни разводить? Да, взрыв ментовки лучше взрыва в метро – но сами–то мы ни там, ни там взорвать ничего не способны по определению по общему нашему ничтожеству, трусости, слабости, глупости и пр. – и уже сам этот факт жестко обязывает нас поддержать то, что реально делают другие, более достойные (да еще ценой собственной жизни), ДАЖЕ если нам кажется, что они делают это не так или не совсем так, как надо. Не так, как сделали бы мы, ага :) – но в том–то и штука, что МЫ–то как раз неспособны сделать вообще ничего. И в таком положении осуждать и поносить делающих нам точно не пристало.

14–48

Да, а будку возле нас на “продоле”, бывший 11–й СДиПовский “пост”, они таки уничтожили в тот же день (позавчера?). Вышел – на ее месте лежит только груда распиленных деревянных остатков – досок, брусьев и т.д. – да солидная куча опилок. Потом еще была морока: по распоряжению коменданта зоны гоняли тех же бывших СДиПовцев с 11–го перекидывать эту кучу обломков через забор на “кечь”, а опилки раскидали по всей этой половине “продола”, отчасти загатив ими невероятную сейчас тут грязь и слякоть. Вторая будка на “продоле”, между 3–м и 7–м бараками, еще стоит, – она

кирпичная, белёная, и ее разломать, видимо, не так просто. На том “продоле” обе будки – деревянные, но стоят они на высоченных конструкциях из железных труб (в дальнем конце, около 13–го барака, ее ведь ставили при мне, в мае–июне 2008...), и судьба их мне пока неизвестна.

4.4.10. 9–11

Воскресенье. Пасха. :)) Великий “праздничек” у НИХ. (А скоро будет еще более офигенно “великий” – через месяц и 5 дней...) На завтрак по такому поводу давали КРАШЕНОЕ яйцо и традиционный уже здесь “праздничный” чебурек.

А у меня на душе – тоска, усталость, пустота, ощущение все той же бессмыслицы, нелепости, никчемности, что и год назад, и 2, и 4... Где я?! Как я сюда попал?! Что я здесь делаю???! Вот вроде уже 4 года сижу, а все равно – иной раз как оглянешься вокруг, встряхнешь, словно проснувшись, головой, протрешь глаза – и не можешь поверить... Тоска, пустота, бессмыслица... Но теперь – она еще и усиливается с каждым днем приближения к свободе, ибо давно понял я, что кроме той же пустоты, одиночества, отчужденности – ничего меня там не ждет. Ну да, бытовые удобства, комфорт, отдельное помещение, домашняя пища, свобода передвижения – это все да, конечно, это несомненные и громадные преимущества. Но – построить свою жизнь так, как мне надо, добиться в жизни того, о чем я мечтаю, чего хочу, просто реализовать себя полностью в этой жизни – я не смогу, и я заранее знаю это, и потому не жду этого освобождения так, как ждут его обычно – даже те, у которых там и нет никого, на воле. Да и меня, по сути, там ждет одна только мать, и то – совсем не для того, чтобы понять мои стремления и хоть посильно помочь им; наоборот, от них она каждый раз приходит в ужас и принимается выть, что меня опять посадят... Она ждет эгоистически – чтобы я был при ней и жил так, как она считает правильным; а всем прочим “друзьям” вообще плевать...

Смена Окуня–Гриши и пр. за вчера и сегодня буквально задолбала всех. Все было в “лучших” традициях: на 11–й барак они являлись за вчерашний день трижды: в 11 утра, незадолго до ужина и перед последней проверкой. Первые 2 раза просто светили везде фонариками и тыкали маленькими зеркальцами на ручках: в “фойе”, в “курилке”, в “культяшке”; короче, совали свои носы в любую щель. Последний же раз они – тоже в “лучших традициях” – забежали на “продол”, в барак и в нашу секцию бегом (буквально, без всяких шуток) – в надежде поймать что–или кого–нибудь. Любого, кто при их появлении в секции шел, двигался или сидел/лежал на месте, но имел встревоженный вид, – они тщательно обыскивали. “Пыхнуло” ли что–нибудь, я не

знаю, но по–моему, нет. Однако и это было еще не все: сегодня утром они таки сумели проникнуть в барак незамеченными, никакой стрем их не увидел и не “пробил”; я, полулежа на шконке и свесив ноги на пол, как всегда, вдруг увидел только, как молоденький “мусор”, не так давно здесь появившийся, идет по секции – смотрит, кто спит, и будит их. Я успел встать, но он бы меня все равно не тронул, – я его уже знаю, он не злобный, добродушный такой. Но его абсолютно никто не “пробивал”, он появился совершенно неожиданно; а потом уж из разговоров выяснилось, что по “культяшке” и по той секции рыщет Окунь...

Да, вчера еще я постригся, как и собирался – раз в 3 месяца, ибо оброс уже порядком, а самому тут стричься – нет ни ножниц, ни зеркала нормального. Пошел после обеда на 8–й, 3 раза чуть не утонул в грязи на их дворе, полностью оттаявшем, но постригся очень коротко опять, как всегда стрижет меня этот дурак, тамошний парикмахер, хотя я каждый раз и прошу оставить спереди побольше.

Что ж, осталось мне постричься тут, на зоне, еще 3 раза – и все, домой! Перед освобождением я уж стричься точно не буду, – наоборот, хорошо, что с начала января волосы успеют отрасти. Мне осталось сегодня ровно 50 недель, или 350 дней.

5.4.10. 14–15

Ну что ж... О чем писать? Не знаю даже. :) Понедельник. Началась 50–я неделя до конца. Пока все тихо, спокойно, – даже удивительно, но опытом почти 3–хлетнего здесь пребывания я уже знаю, что затишье это временное. С нетерпением жду очередной комиссии и сильно удивлен, что ее до сих пор нет. :)) М.б., завтра? Ни недели без комиссии!!! :))) Утащим баулы в каптерку – и забирать не будем принципиально, никогда, до конца срока – пусть там и пропадут!!! :)))

Но это мрачный юмор, конечно, – просто уже не выдерживают нервы. А вообще–то – мерзость, мерзость и мерзость вокруг! Господи, кто бы знал, как я их всех ненавижу – этих тварей, толкущихся вокруг меня 24 часа в сутки! Всех, всех их без разбора – ненавижу до такой степени, что своими руками выкосил бы из пулемета или отправил живьем в крематорий, – всех, до единого! Мерзкие, злобные, тупые, наглые, примитивные, бессмысленные твари!!! Впрочем, я писал уже об этом не раз еще в 2008–м, на 13–м бараке, помню. Но лучше с тех пор не стало. Тут есть несколько тварей, не столь злобных, как остальные, – с ними хотя бы можно общаться, о чем–то спросить чисто по бытовым вопросам. Но – увы, примитивны и бессмысленны они столь же, как и все прочие, т.е. какого–то делового, осмысленного, тем паче с перспективой – общения не получается. И их я тоже не пожалел бы, вместе со

всем быдлом – в туже печь...

Последние веяния в бараке – эти ублюдки, все вместе, опять стали задалбывать меня своей уборкой. Не то чтобы против меня лично это направлено, но – уборки этой так много, она настолько назойливая, настолько шизофреническая, что поневоле задевает и мешает. Метут и моют теперь бывшие СДиПовцы, и один из них – 40–летняя обезьяна (по интеллекту – уж точно), 6–й раз сидит, обезьяна вроде бы азербайджанская, а сама она говорит, что даже иранская, но живет уже много лет в Нижегородской области, – короче, вот это существо настолько всерьез восприняло свою миссию по уборке в секции, что стало поднимать постоянный визг, завидев, что кто–то вошел в ботинках (а во время самого процесса – и вообще прошел по секции). Самое забавное, что и другие уборщики, прошлые и настоящие, ненамного лучше – не раз напоминали этой обезьяне, что еще недавно, когда здесь убирались другие, ей тоже делали многократные замечания – не заходить в обуви в секцию, но она их игнорировала. Теперь же она вошла в раж и свирепствует: орет на всех, гонит из секции снимать обувь, предлагает ночью собрать все ботинки под шконками и выбросить (очень свежая идея! :), а вчера после последней проверки встала стражей у входной двери, вместе с долговязой вошью–предСДиПом – и сделала замечание насчет ботинок даже мне, хотя вообще ко мне вроде бы относится в целом неплохо – подмигивает, шутит, чуть ли не другом своим называет, да и вскоре, как поднялась сюда с этапа, еще в СДиПе ночами работала, – первой подошла знакомиться. ЧТО уж этой животине во мне, не знаю, но давление насчет обуви, эта идиотская прямолинейность – как будто если все будут ходить только в тапочках, то это чмо сможет перестать мести и мыть! – очень неприятны, и уж эту обезьяну бессмысленную, только воровать, грабить да сидеть за это умеющую, я бы точно не пожалел, – в печь!.. :)

А злобный дебил–“молотобоец”, отставленный вроде бы наконец от всяких здесь должностей – сразу после утренней проверки вдруг разорался, что ему, видите ли, грязно, – чтобы те же двое уборщиков (обезьяна и ее сосед по проходняку) опять начинали убираться – хотя они мели и мыли как положено утром. Даже тумбочки выдвигать было хотел, но – не прокатило; а главное – эта мразь командным безоговорочным тоном заявила: все вон из секции, у входа поставить охрану и никого не впускать! Как же – идет уборка!! Священнодействие, сакральный процесс – УБОРКА!!! Мрази... Культ уборки такой безумный, такой шизофренический, что в одном помещении с этими психами просто опасно находиться, – и даже с хваленой блатной

протекцией “телефониста” я все равно хожу по самому краешку, я это ясно чувствую, – на грани того, что меня тоже начнут силой выталкивать из секции во время уборки, а вещи мои – выкидывать.

Ну и “телефонист” – тоже мразь еще та, конечно. Впрочем, и об этом тоже я писал уже не раз. :) Вчера я не ходил к нему, как обычно – у них сидел отрядник, не было смысла. После 1–й вечерней проверки, когда я готовил себе ужин – вдруг, для меня неожиданно, приперся его друг–сосед с телефоном. Я набрал матери, поговорили. Но – любезность оказалась, конечно же, отнюдь не бескорыстной: посланец вытащил записку от этого чма. В записке говорилось, привожу близко к тексту: “нет ничего” (т.е. у них, как всегда, нет ничего пожрать, – вот беда–то!.. :), дай чего–нибудь, хоть кусок колбасы, и сладкого. Корю себя, что сделал второпях глупость: колбаса лежала у меня близко, а шоколад – в бауле, засунутом глубоко под шконку; я отрезал кусок колбасы, а про сладкое – сказал, что осталось всего полшоколадки; но т.к. шоколада у меня довольно много, а колбасы – в обрез до новой передачи – надо было, конечно, сделать наоборот.

8.4.10. 12–35

Третий день писать, считай, не о чем. На улице жара, снег весь сошел, уже почти лето. Утром и вечером, правда, еще прохладно. Злобные “козлы” бесятся, колобродят, носятся целые дни с телефонами и слушают музыку (только вот сейчас нет ее, прямо дивно...). Комиссия какая–то то ли есть, то ли нет, но суматохи с уборкой и выносом вещей, слава богу, нет, все спокойно (вот что значит ждать этого в состоянии мрачной обреченности, как я в начале этой недели). Шмонов не было ни в среду, ни в четверг (сегодня). Вот, считай, и кончилась 50–я неделя до конца...

Настроение пока что удивительно хорошее, просто на редкость (надолго ли?.. :), ибо сегодня все вышло очень удачно. Памятуя опыт той недели, решил я не мучиться, а взять – да и позавтракать утром, несмотря на их “генеральную уборку”. Представляю себе, как дико и смешно это будет потом читать кому–нибудь на воле – но здесь, да, жизнь такая дикая и нелепая, что элементарнейшие бытовые вещи, типа позавтракать, или (еще недавно) зайти в соседнее здание, вырастают до планирования их как спецоперации и – если она удалась – до размеров подвига! Между зарядкой и завтраком все было спокойно, тумбочки никто не выволакивал, “козлы” спали, а черножопая обезьяна была всецело занята телефоном. Я быстро приготовил себе завтрак; потом, придя из столовки, быстро поставил чайник – и, пока

другая обезьяна, которая метет полы, собиралась начинать, я уже позавтракал и выпил чай! Ур–р–ра!!! :))) Уложился в 20 минут. Да и весь процесс сегодня прошел на удивление легко и гладко, погрома фактически не было, “козлы” по–прежнему спали, никто не командовал и не орал, даже тумбочки выдвигали не все, а только те, кто сам, без приказа, этого хотел. Я лежал, смотрел на все это, временами проваливаясь в дрему. Потом пошел в баню, – работает, несмотря на то, что пришедшие перед моим уходом принесли какие–то слухи (или приколы?), что, мол, вода там кончилась, теперь баня будет только после обеда.

Удачно сходил в баню, одел – впервые с осени – футболку вместо рубашки (уже, считай, лето!), погода прекрасная, чего еще надо? До дома осталось 346 дней, 49 с половиной недель. Дай бог, ларек будет не пустой после обеда, хоть соку себе куплю, попью... Да еще вот жалко, что тут 2–й этаж, в этом проклятом бараке – нельзя выйти запросто, погулять на солнышке, как я гулял по двору 13–го каждое лето...

15–10

Ну, что еще? В ларек сходил тоже удачно, но опять потратил слишком много денег: аж 517 рублей. “Телефонист” на этот раз не докапывался, но 100 руб. из этих денег выклянчил “в долг” (ага, как же!.. :) Юра – тот самый “обиженный” с 13–го, теперь он санитар в больнице (и, говорит, до конца срока). Встретил я его еще по дороге в баню, – он окликнул меня от торца больницы. Но долго говорить мне с ним было некогда, и он ждал (!), пока я помоюсь, выйду – и снова начал клянчить эти 100 руб. ларьком. Про Мусю, мое солнышко усатое :), сказал, что она живет у “обиженных” на 10–м, и обещал брать мои вещи в стирку в баню – он там, в больнице, и этим, видимо, занимается; но посылать “обиженных” с 11–го отдавать, а тем паче – забирать у него мои вещи будет, я предвижу, морокой ужаснейшей.

А в столовке, придя на обед, встретил опять бывшего стирмужика, тоже с 13–го. :) Эта гнида, как я и думал, тут же стала опять клянчить у меня, чтобы я купил ей чай в ларьке. Осталось ему сидеть только до середины июня, но все мается по чаю, никак не может напиться. :) Так вот, он тоже – первым делом, опережая мои вопросы – сказал, что кошка моя бегает где–то там, на 13–м, но – убежала, когда он хотел ее погладить. Короче, все эти уроды совместными усилиями довели животное до полного одичания...

Прикольно, если “телефонист” до 6 вечера проявит инициативу – мне сходить в ларек еще раз, купить ему что–нибудь... :))

9.4.10. 9–00

Все хорошо, да. :) Но спать ночью эти мрази не дают совершенно. Вот уж с чем стало последнее время отвратительно – так это со спокойным сном ночью, в темноте и тишине. Ублюдки–“козлы”, старые и новые, но одинаково запредельно злобные, в 2–х крайних от входа проходняках, наискось от меня – провели тайную проводку, сделали розетку в тумбочке 2–го проходняка – и повадились жечь там ночью лампу, причем довольно мощную! Хорошо еще, если позаботятся ее хоть чем–то завесить, но сегодня я проснулся где–то в полпервого ночи – лампа висела просто на раме шконки и била мне прямо в глаза! Просыпался я за эту ночь раза 3–4, – под утро мразь из прежних еще “козлов”, недавно дней на 5 (всего–то!..) отъезжавшая в ШИЗО, лежала на своей шконке, лампа была чем–то завешена, и эта нечисть трындела с кем–то по телефону, как и всю эту ночь! Зачем уж для разговоров по телефону в постели нужен обязательно свет – мне не понять, но свет горел у этой мрази всю ночь, существенно мне мешая, – даже когда лампочка и завешена, все равно уровень освещенности в этом конце секции значительно выше, чем нужно для комфортного и спокойного сна. Я уж не говорю о том, что обычно эти выродки в углу всю ночь слушают еще и музыку, специально повесили у себя там колонки и, бывает, врубают чуть не на полную мощность среди ночи. Слава богу, хоть музыки сегодня не было. Включили свет, объявили подъем, и эта мразь – “козел” – отложив телефон, занялась другим любимым делом: пошла по секции трясти шконки и орать: “встаем, встаем, давайте!..” и т.д.

А с “телефонистом” тоже получилось вчера прикольно. Я предусмотрительно пошел к нему только после ужина, минут 35 7–го, когда бежать в ларек уже не было смысла. Он и его дружок–сосед сперва встретили меня шуточкой – мол, знаешь ли ты, что сегодня из–за комиссии проверка на час раньше? – в расчете, что я, м.б., засуечусь и побегу, приняв эту чушь всерьез. Но меня не так–то просто развести подобными приколами, тем паче, что, когда я к нему пришел, уже и было это “на час раньше” – 18–35, а проверка в 19–30. Позвонил домой. Хотел уже идти, но эта наглая харя усадила меня опять и завела разговор... ну конечно: ходил ли я сегодня в “заведение”!!. :))) Я угадал абсолютно точно. Посыпались вопросы, нет ли чаю, конфет и пр., жалобы, что у них нет вообще ничего, и "телефонист", бедняга, с голоду чуть ли не падает, и т.д. В конце концов он настоял, что пришлет попозже ко мне своего дружка–соседа за банкой – уж хоть одну банку–то он выклянчил, и я, вернувшись, уже ее им приготовил; но дружок–сосед почему–то не пришел....

15–25

А в остальном – бывшие СДиПовцы постепенно находят себе работу, – кто в столовке, кто на “кечи”, кто еще где. “Первые пост” то работает как обычно – с закрытой калиткой, то калитка стоит открытая, но в будке сидят зэки; а последние 2 дня – опять ворота настежь. На “нулевом посту” так и сидят “мусора”, иногда даже по двое; они меняются там каждый час и все так же собирают у обеих калиток на “продолы” толпы идущих из столовки. Иногда некоторые, наиболее ретивые “мусора” (как, например, вчера или позавчера отрядник 5–го, самый тупой из всех отрядников, бревно бревном) продолжают собирать толпу и во дворе самой столовки, становясь грудью на защиту ворот, уже не запираемых, как раньше, на замок.

Новость самого последнего времени: сегодня Думой в 1–м чтении рассмотрена долгожданная амнистия к 65–летию “победы”. Сколько здесь было – и есть еще до сих пор – страстных мечтаний, надежд и упований на эту амнистию, на то, что уж теперь–то, к такому великому “празднику”, просто не могут не устроить настоящую, большую амнистию, которой не было целых 10 лет; уже ходили и точные слухи, что отпустят всех “первоходов” со сроками до 5, а то и до 7 лет... O, sancta simplicitas! Они просто забыли – или вообще никогда не задумывались – в какой стране они живут. И вот – момент истины, конец всех надежд, всех радужных иллюзий, всей наивной, светлой веры в то, во что так хочется верить!.. Сухой остаток от 1–го чтения в Думе– сейчас, в 3–хчасовых новостях по 1–му каналу: амнистия коснется ветеранов 2–й Мировой, тружеников тыла, узников концлагерей (не советских, естественно), и то – кроме убийств и т.п. тяжких преступлений; общее число – амнистия коснется от 100 до 200 человек. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!..

Хотя – что ж: какая “победа”, такая и амнистия...

10.4.10. 12–35

:)) Забавно, конечно, но новости неприятные. Зазвал сейчас, перед проверкой, к себе новый завхоз, увидев, что я стою в “фойе”. Я думал, что там опять неприятности с длительной свиданкой в мае, а он вдруг говорит: ну, так ты обо мне тоже напиши! И “молотобойцу”, который тоже там сидел, рассказывает: он (т.е. я) принес заявление на свиданку, а я в это время говорил по телефону с женой; она спросила, кто это (ну да, увидев это заявление, завхоз стал довольно раздраженным тоном выяснять, положена ли мне эта свиданка, почему я так часто хожу, и т. д.) – и, услышав мою фамилию, сказала мужу, что она обо мне слышала, что меня посадили, и т.д. И про сайты в инете – что их там, “моих”, мол, целых 3 штуки. Представляю, как

неожиданно ему это показалось – здесь сидит человек, о котором знают на воле – заочно, никогда не видев, читали в интернете!.. :)

Ну вот, выполняю здесь его пожелание – написать о нем. :) Правда, что писать, особо не знаю – работает он завхозом недавно, но стиль довольно грубый, командный, как и у прежнего. Ничего хорошего, короче, – да и вообще, среди них это обычное дело – среди этого зверья, которое на воле грабило в стиле гоп–стоп, а здесь надело “косяки” и стало помогать “мусорам” держать под контролем стадо таких же злобных уголовников, как они сами. Тут уж, да, не до сантиментов – в ход идут злобный мат, мордобой и палка; и выясняется, что в XXI веке в самой большой стране мира, члене G8 и постоянном члене СБ ООН с правом вето – т.е. стране, претендующей рулить и решать судьбы мира – вовсю процветает рабовладение, при котором бессловесных, забитых, еле на ногах держащихся рабов заставляют вкалывать по 18–20 часов в день на тяжелых работах и избивают палкой за малейшую провинность или недоработку...

А другое, более серьезное, зачем он, видимо, меня и позвал, – мол, когда пойдет комиссия, ты все–таки убери в каптерку сумку, которая у тебя под кроватью стоит; тебе ее потом сразу принесут, как уйдет комиссия (ага, как же!..); а то, понимаешь, тебе–то они ничего не скажут, а все высказывать насчет сумой и пр. они будут мне (т.е. завхозу).

Ну, я в ответ посоветовал ему сказать любой комиссии на ее претензии: мол, Стомахин меня не слушается, я повлиять на него не могу; ну и – я сам поговорю с любым начальством, если надо, и, поверь, найду, что сказать. А также описал вкратце и вообще свое отношение к этому начальству: что самое лучшее было бы взять его всей толпой за ноги и выкинуть со 2–го этажа в окошко; и что раз они меня тут держат насильно, под охраной, то о каких–то требованиях с их стороны и речи быть не может, а единственная моя обязанность – перед своей совестью, – это воевать с ними и пытаться отсюда свалить любым путем, включая побег, восстание, убийство начальства и пр.

В общем–то, особых возражений со стороны этих двоих я не встретил, да и какой смысл таких завзятых “козлов” агитировать. Но неприятна оказалась фактическая информация: во вторник (а сегодня суббота) опять приезжает какая–то комиссия! Опять, значит, побегут, засуетятся, потащат баулы... Идиоты!.. Какой–то Масленников (я не помню, кто это – то ли зам. нач. Нижегородского УФСИНа, то ли еще кто) приезжал–таки на истекающей уже неделе, ночью (?!!) ходил в ШИЗО, в столовку и т.д. и вчера уехал; а на той неделе приезжает кто–то еще – и Большаков! Я, конечно, попросил завхоза напомнить Большакову

обо мне, но – едва ли... А закончил беседу пожеланием не поднимать панику при появлении комиссий, да и вообще не бояться их – а сделать так, чтобы это они побаивались сюда (в барак) заходить...

11.4.10. 8–11

Страшная, чудовищная трагедия с польским самолетом, разбившимся в лесу под Смоленском вчера утром... Я до сих пор в шоке, – не могу отойти с тех самых пор, как узнал еще вчера об этом от матери, звоня ей от "телефониста" где–то в районе 16 часов. (Это животное накануне таки выклянчило у меня не только еще днем раньше приготовленную банку, но еще и 2 брикета лапши б/п.) Мрази на 11–м весь день смотрели DVD, посмотреть новости не удавалось никак, – я заходил и в 12, и в 3,и в 5 (уже зная о трагедии), и в 6, – сплошные фильмы, фильмы, фильмы по DVD... Всем на все плевать, кроме своих развлечений... Новости удалось посмотреть только в 9 вечера, и, несмотря на то, что блатота поначалу пыталась, как обычно, всех выгонять, – новость была такой чудовищной, что очень скоро набилась полная "культяшка"...

Погиб Лех Качиньский, президент Польши, его жена, еще 97 человек высшего руководства Польши – военного, католического, деятели культуры, ветераны II Мировой... И, конечно же, сразу, автоматически, у любого, хоть чуть–чуть знающего эту жизнь и эту страну (даже у некоторых быдляков постарше вчера при просмотре новостей) возникают серьезнейшие подозрения, что упал этот самолет не просто так, что не только в тумане тут дело, – тем паче, что не дотянул он совсем чуть–чуть, летел уже совсем низко и над лесом... Даже я сам, проезжая тогда с дачи мимо аэропорта "Шереметьево", думал, что тут очень удобно снижающийся почти до земли самолет чем–то сбить. Но то "Шереметьево", а представьте – в лесу... Под сильнейшее подозрение автоматически попадают и Лубянка, и военные спецслужбы типа ГРУ, – о, все эти господа никогда не стеснялись в средствах, будь то политические убийства (только из последних – Яндарбиев, Литвиненко, неудачное покушение на Ющенко в 2004), не постеснялись взорвать 2 дома в Москве, убить сотни человек во имя своих целей... А тут принцип "Qui prodest" полностью себя оправдывает, расклад был исключительно удачным для Москвы (они только не знали, что Ярослав Качиньский не полетит "из–за болезни матери", как сказали по ТВ): Качиньские, непримиримые противники московского реваншизма, погибают, а премьер Дональд Туск, с которым Качиньский боролся в 2005 во 2–м туре за президентский пост и с трудом выиграл, – он уже прилетал в Катынь парой дней раньше,

он не летит в президентском самолете – и остается жив. Остается де–факто главной фигурой в новом политическом раскладе Польши – без Качиньских; де–факто – первым и почти несомненным кандидатом в президенты. А он – известный сторонник дружбы и “сотрудничества” с Москвой, открытой промосковский политик, за это почти что в открытую поддерживаемый Москвой еще в 2005 и все эти годы – в противовес Качиньскому. Ющенко убран; теперь убран и Качиньский; Москва последовательно, тем или иным путем, но избавляется от всех своих наиболее сильных противников; остался, собственно, один Саакашвили, и в ближайшее время надо ждать, не случится ли с ним какой–нибудь катастрофы… Чудовищно… И главное – никто ничего не в силах поделать, особенно я, сидя здесь… Я не сомневаюсь, что все всё прекрасно понимают, и такие же обоснованные подозрения возникнут у всех мало–мальски приличных людей, знающих, что такое Лубянка. Точнее, у меня это уже уверенность. Так же, как в сентябре 2001 уверенность в авторстве Лубянки в нью–йоркской трагедии возникла одновременно у меня, у Басаева и у Зянона Пазьняка… Катынь настигла поляков и спустя 70 лет – когда они, наивные, думали, что все уже позади, и летели отмечать мрачный юбилей, возлагать цветы. Хотя – Леха Качиньского как раз наивным не назовешь; потому его и убили. Польша для нас для всех – антисоветчиков, диссидентов, либеральных революционеров – что конца 80–х с ее “Солидарностью”, что 2000–х, когда там на достаточно официальном уровне поддерживали чеченцев – Польша для нас для всех неофициально, подсознательно, на уровне чувств была пристанищем, родиной, “крышей”, чем–то вроде общего дома, где всегда поймут, где можно, по крайней мере, сказать – и услышат, и помогут донести до мира… А еще ведь беларусские националисты, да и украинские тоже, – несмотря на давнюю историческую вражду, Польша была чем–то вроде такого дома и для них; для беларусов–то уж точно. Пазьняк жил в Польше, – достаточно одного этого. Они давали деньги беларусам, принимали у себя чеченских беженцев, пресса и даже часть Сейма, я помню в общих чертах, всегда активно сочувствовали истребляемому чеченскому народу и русским жертвам политических расправ путинщины, – таким как я… Помню этот плакат на польском, привезенный Подрабинеком оттуда и висевший в 2001 у него в редакции: портрет Путина и подпись: “Разыскивается опасный преступник” (не дословно, м.б., но как–то так). Да, Польша –это авангард нашего общего фронта, нашей общей борьбы против кровавой Московской Орды, против кровавой русской империи, убийцы народов. Польша, помнящая

русский сапог и окровавленный штык и 1772–го, и 1830–го, и 1863–го годов, – именно тогда русский солдат с наколотым на штык польским младенцем надолго стал для Европы зримым символом русского изуверства и варварства... Польша растерзанная, окровавленная, расстрелянная, сосланная – недаром это “от Чикаго до Тобольска” в гимне Полонии, – и Польша борющаяся, Польша сопротивляющаяся и непокоренная, – Польша Тадеуша Костюшко, Калиновского, Пилсудского, Валенсы, Леха и Ярослава Качиньских... Как это по–польски, – я точно не знаю – “nech zhyve Polska!” – как–то так, но, по–моему, все же написал с ошибками. Вечная память Вам, господин президент!..

12.4.10. 14–07

Очередной безумный день. “Строевого смотра”, о котором пошли слухи накануне вечером, пока не было. Если будет – я в вольных ботинках (“гадов” нет, они пропали при уборке к очередной комиссии) и в своих старых джинсах – так и хожу со времени свиданки, с конца марта, ибо мои “форменные” брюки ни одна “обиженная” сволочь в бараке так и не постирала.

Зато сразу после утренней проверки начался вынос баулов из секции, уборка телогреек и прочих вещей. Пошли сразу слухи о приезде комиссии, хотя завхоз обещал ее только завтра. Похоже, ехидна–предСДиП надумал вынос “сидоров”, как уже бывало, просто для того, чтобы удобнее было мести под шконками. В ответ на его требования убрать сумку и “телагу” я просто посмотрел на него и спокойно, тихо пробормотал несколько слов сквозь зубы (причем слов вовсе не ругательных) – это чмо тотчас же отвязалось от меня и потом, я слышал, другим тоже говорило меня не трогать. :)

Потом – неприятность куда крупнее. Тогда же, до обеда еще, пришел завхоз с графиком длительных свиданок на май: оказывается, Вася–козел, отрядник 1–го, заменяющий сейчас Палыча, всем, не только мне, исправил даты свиданий; в частности, мне сдвинул на день вперед, с 27–28–29 на 28–29–30. Но 30 апреля – последний день месяца, в этот день свиданок не бывает. Сперва была идея пойти к Васе–козлу и узнать; потом завхоз сказал, что он сам даст нарядчику все равно числа 27–28–29. Но дело в том, что копия списка отдается и в комнаты свиданий, и если туда отдадут уже переправленную, – черт его знает, пустят ли мать раньше этого их графика. Идиотская ситуация, когда я действительно не знаю, что делать – а эти свиданки – самое важное, что у меня здесь есть, кульминационные моменты этого моего загробного бытия; их всего–то осталось 5 штук.

А спать по ночам эти мрази не дают никак. Ночи превратились в сплошной кошмар. Жгут лампу и слушают музыку, слава богу, теперь не всю ночь, а только в начале; да еще вчера долго, чуть не полночи, возились и дрались “обиженные”, их все возмущенно унимали, включая цыганскую обезьяну. А сверхзлобная тварь, прошлогодний кандидат в убийцы Маньки, часа 2, уже долго за полночь, во весь голос, временами грозно вскрикивая, говорила по телефону с бывшей женой – на тему ее курения; он настойчиво объяснял ей, что “никакой человек женского пола, живущий со мной, не курит” и курить не будет – он, видите ли, не позволяет жене курить; а если той не нравится – “найди себе другого лося!”. :))) О себе он еще говорил, помню: “я – мужской пол!” – и чувствовалось, что он очень этим гордится (т.к. больше гордиться, увы, нечем...). И вот эту курительно–половую тематику эта тварь во весь голос и на крик развивала чуть не полночи, не давая мне спать, – тварь не заставило прекратить даже внезапное насильственное вторжение “мусора” Гриши с “кечи”. Гриша, не видимый с этой стороны стремом, сломал заложенную изнутри входную дверь и ворвался в барак. Но в эту секцию он не заходил, а после его ухода разговор этой мрази про запрет на курение жене продолжился. В результате я спал за ночь, наверное, часа 3, не больше, и встал утром без сил, почти ничего не соображая...

Что ж, ждем комиссию – и следующую волну наката на мои баулы. Слава богу, всю жратву оттуда я уже вытащил и рассовал по тумбочке и пр.

13.4.10. 9–58

Главное событие вчерашнего дня – я нашел–таки наконец опять Маню, свою любимую кошку! Шел от “телефониста” по “продолу”, смотрел по сторонам, и вдруг – впереди, у ворот 9–го, очень похожая серая спинка и хвост. Она! Сколько было радости, мурчания, как она терлась об мои руки!.. Но – в ужасном состоянии: вся шерсть свалялась, и по бокам, и на шее, и на брюхе – огромные комья слипшейся, спутанной шерсти; даже на спине, и то немножко было. Я принес ее, выдирал весь этот ужас 2 дня, сейчас, кажись, уже выдрал весь. Лежит на моей шконке, спит. Все как всегда, в знакомом уже месте: ночь провела в открытом отсеке тумбочки, залезая временами с мурлыканьем ко мне на шконку, а утром, когда я стал готовить себе завтрак упорно лезла на колени, не давая мне ничего делать. Все как всегда. :) Правда, заметил я, что брюхо у нее теперь почти совсем голое, розовое, без шерсти, – то ли это я столько выдрал этих комьев, то ли что еще, не знаю, но вид ужасный. Пока что ее никто не выкидывает и даже не орет, но это, без сомнения, еще

впереди.

Про смотры, комиссии и пр. пока еще ничего не слышно. Но я жду вот–вот, – скорее всего, сразу после проверки. По милости этого долговязого подонка предСДиПа пришлось–таки мне вчера убрать под матрас и “демисезонную” свою телогрейку – чтобы он не гавкал все время “убери” да “убери”. По утрам и вечерам все еще холодно, утром даже лужи покрыты ледком – но вчера и сегодня приходится ходить на все эти зарядки–проверки, одев под спортивную куртку еще верх от нательного белья, сверху робу, а горло закутав демисезонным шарфиком. Только шарфик и выручает, иначе бы я вообще околел; но в любом случае и вчера вечером, и нынче утром в таком наряде мне было хоть и терпимо, но все же достаточно ощутимо прохладно.

Забавно, но все эти местные (буреполомские) обезьяны, оказывается, знают друг друга по воле. :) Та, что убирается в секции (ко мне до сих пор добродушная и улыбчиво–подмигивающая), на мое упоминание сказала, что, оказывается, знает по воле мерзкую шимпанзятину, освободившуюся в том году с 13–го. Говорит, они земляки, с одного района (в Азербайджане, видимо, имелось в виду) и потому знакомы.

А ублюдок “козел” из прежних (еще до 2–го барака), живущий наискось от меня, жег лампу всю эту ночь, и одно время она даже завешена как следует не была, била прямо в глаза. Всю ночь с км–то еще сидели с телефоном в руках, пялились в него, лазили с него по интернету (на тему развлечений, разумеется, поиска каких–то девок, знакомств и пр., а не чего–то серьезного, упаси бог!..). В результате сейчас, с утра, после завтрака, я еще более разбитый и сонный, чем вчера – выспаться эти твари не дали и в эту ночь...

15.4.10. 8–07

Вчера комиссия начала вместе с Макаревичем лазить по тому “продолу” только около 6 вечера, перед самым нашим ужином. Слухи же о ее скором появлении и лихорадочная уборка всего и вся с дужек начались еще перед обедом. Штаны с рамы шконки я снял, но баулы так и остались стоять под шконками, – “козлы” то ли забыли про них, то ли я так хорошо их замаскировал. :) Но точнее всего – “козлы” просто уже ничего не могут со мной сделать.

Матери вчера я так и не позвонил. Хотел пойти после ужина, поперся уже было, – но у них там, оказалось, сидит отрядник. Была мысль сходить после отбоя, когда “пробили”, что “все со всех”, – но еще до ужина, кажись, у меня вдруг прихватило спину, причем не поясницу, где был перелом, а почему–то выше, где–то между лопаток. Боль не сильная, но неприятная, прямо в

позвоночнике, отдается каждое движение руками и даже головой, причем особенно когда лежишь. Проверка кончилась необычно рано, я пришел, завалился на шконарь, и от этой боли, да и вообще от всего – навалилась вдруг такая усталость что одолело какое–то тупое безразличие ко всему, и я подумал: ладно, ничего страшного, позвоню завтра...

И вдруг – в барак прется “мусор” и начинаются разговоры о новой проверке! Вот хорошо, что я не ушел никуда, – то–то был бы скандал то–то истерика у всех этих “козлов” и обезьян, если б меня на новой проверке не оказалось, и никто не знал бы, где я (хотя некоторые уже успели свалить на 9–й, и за ними побежали). Но – опять–таки вставать, одеваться, выползать...

Однако – диво дивное! – на этот раз на повторную проверку выгонять не стали, а дали, наоборот, команду типа: “падайте все по шконкам!” – оказалось, “мусор” будет считать прямо тут, в бараке, на шконках. Видимо, потому, что отбой уже, – но в 2008, я помню, не постеснялись выгнать как–то еще раз на улицу уже после отбоя, да и еще раз как–то было. Хотя – имеется ведь полная возможность всегда – 2 ли, 3 ли, или сколько там раз в день – считать зэков именно так, на шконках, а не на улице выстраивая, под дождями или на морозе...

Сейчас пишу во время “генеральной уборки” (сегодня четверг). Начиналась она очень спокойно, никто не орал, “козлы” спали, и, пока обезьяна мела пол, я опять успел позавтракать. :) Но сейчас – проснулась долговязая ехидна и ходит, поливает пол шампунем, а одновременно выяснилась и ужасная коллизия: пол некому мыть!.. :) Ужас–ужас... :) Недавно приспособленный мойщик устроился уже работать; сама обезьяна мыть, видимо, не хочет, и теперь они кого–то ищут и ждут, а пол с шампунем так и стоит пока невымытым, тумбочки –незадвинутыми. Мою, слава богу, выдвигать и на этот раз никто не покушался.

А Маня, кошка, опять пропала. Прожила 2 с половиной дня, вчера залезла ночевать ко мне на шконку, всю ночь лежала в ногах, а под утро – опять ее нет, вот до сих пор (8–30 уже). Сбежала опять, сволочь ушастая. И не знаешь, грустить или радоваться: м.б., вечером ее опять начнут искать, чтобы убить...

16–15

Безумие комиссий, череда и чехарда комиссий... Паника, суета, беготня... Перед обедом сегодня комиссия опять пошла шляться по зоне – сперва в “варочную”, оттуда на 1–й барак... Кто–то из “красных” идиотов, стоящих на стреме для этой секции, увидев большую толпу “мусоров”, “пробил” ее как шмон–бригаду! То–то паника поднялась!.. :) Конечно, всякое бывает, и здесь тем летом тоже бывали и вечерние шмоны, часа в 4, но шмон в обед, в

час дня где–то, в самый разгар движения зэков по зоне? Мне это сразу показалось странным, – и сколько же было смеху, когда выяснилось, что это не шмон–бригада, а комиссия!.. :))) С 1–го ждали ее уже точно к нам, снимали все с дужек, потащили оставшиеся баулы (мне никто ничего даже не говорил :), сам завхоз, обряженный в робу, деловито ходил и осматривал, где что еще лежит, что можно убрать... а комиссия с 1–го ушла сразу на "контрольную", дико всех разочаровав!.. :))))

Но зато уж после этого, в "локалке" столовой всех ждало величественное зрелище: человек чуть не 10 "мусоров", из которых, кроме 2–х "контролеров", остальные – отрядники.

В баню сегодня я не попал – когда пошел, как обычно, к 10–30, то оказалось, что "нет воды" (кончилась? :). Но уже утром, по дороге туда, я увидел ИХ оригинальную задумку: не только на "нулевом", как теперь постоянно, – но и "первый пост" снова работал, да еще как! Зэков в будке не было, "мусор" стоял с той (штабной) стороны калитки и лично отслеживал всех проходящих; а кнопка открывания калитки была на длинном проводе вытащена в форточку будки и торчала снаружи, так что "мусору" было удобно нажимать ее прямо с улицы! Охренеть, до чего они додумываются, чтобы только угодить начальству и выслужиться перед ним!..

Ходил в ларек, – сперва ждали (на улице), пока придет одна из кассирш, ходившая за переводами; потом я еще очень долго ждал, чтобы добить в кассе не хватавшие мне 59 рублей, а кассирша безумно долго искала чью–то карточку (из тех, кто стоял впереди меня) и собрала этим целую очередь. Зато попутно, пока ждали на улице, увидел, что СДиПовскую будку, поставленную в том году напротив посылочной и склада, снесли.

Мразь "телефонист", несмотря на просьбы матери, так и не пошел ко мне сегодня с телефоном – я сам поперся к ним после ларька и короткого перекуса, пока их отрядника не было. Именно из–за отрядника не стал ждать времени после ужина, когда уже закроется ларек и нельзя будет меня туда отправить за чаем–сладким, майонезом и пр. Сам "телефонист" был чем–то занят и сидел даже не на своей шконке; но его дружок–сосед, когда я уже уходил, спросил меня, не пойду ли я в ларек. Я все угадал верно!..

17.4.10. 8–46

Боль в позвоночнике, не такая уж сильная, еще вчера переместилась постепенно в левое плечо, и уже вчера оно болело адски, так что иногда я не мог сдержать стон. Сегодня с утра – еще хуже, если только это возможно. Лежать я не могу совсем, даже на боку; сидеть – и то с трудом. Когда на ногах, то болит вроде меньше, а если чем–то важным отвлечься, занять голову, –

вроде на время перестаешь чувствовать и эту боль. Но только на время... Болеутоляющие – темпалгин и нурофен – принятые и вчера, и сегодня с утра, практически не помогают. Ортофена же нет, да и неизвестно, поможет ли даже он.

Голову заняло мне с самого утра очередное покушение на Мусю, мою любимую кошку. Тогда, позавчера, с прогулки она пришла сама и сидела во дворе; я занес ее на руках в барак. Сегодня, только я успел выйти на завтрак, как одна из этих мразей–"козлов" с бывшего 2–го барака, еще с ночи точившая на нее зубы, тут же выволокла кошку из–под моей шконки и выбросила в окно! Я понял это, увидев кошку мою вдруг уже во дворе, да еще довольно далеко от входа, – он бросил ее из окна где–то в середине секции. Она, надо отдать должное, уже не так опрометью, в ужасе умчалась, как бывало зимой, а шла в сторону "продола" довольно спокойно, я даже успел ее погладить. Конечно, надо было сразу ее хватать и тащить обратно, но уже шли на завтрак, – у меня мелькнула смутная надежда, не погуляет ли она тут эти минут 10–15, заберу на обратном пути. Но она, конечно же, имела другие планы и стала – не убегать, но – уходить достаточно быстрым шагом, причем через забор из вертикальных прутьев зашла на территорию "кечи", оттуда мне ее было уже не достать.

Что ж, пошел я на завтрак, обдумывая, когда лучше пойти поискать ее в конце обоих "продолов" – на 7–м, 13–м, 10–м и т.д. – сразу же сейчас, или зайти сперва в барак, позавтракать. Решил на 7–й сходить сейчас же, по дороге из столовки, – тем паче, что они на завтрак уже сходили и сейчас дрыхнут; а на 13–й – после моего завтрака, т.к. (но не только поэтому) они в столовку еще не ходили.

Дошел до 7–го, осмотрел двор – никого; в мусорной бочке рылась большая кошка, я сперва подумал – моя, но она была черная и быстро ретировалась при моем приближении. Заглянул в хорошо знакомую мне щель в заборе и на 13–й – там как раз выходили на завтрак. Двор виден не весь, только кусочек, и Муську не видно тоже. Пошел обратно, по пути уже привычно оглядывая "продол" и все окрестности – и вот, пожалуйста, вот она, наша родная Маня, – сидит у ворот 9–го, на самом краешке их двора, как ни в чем не бывало! И в тот раз, на днях, нашел я ее тоже на 9–м, – вот где она, видимо, полюбила бывать. Я зашел туда, взял ее на руки и принес опять на 11–й; причем почти никто и не видел – народу было мало, еще не пришли с завтрака. Того же "козла", что выкинул ее, нет и до сих пор, – для него это будет наш с Мусей маленький сюрприз!.. :)))

М–да, нечисть, однако... Жизнь среди грязи, мрази, слизи...

Впрочем, об этом я уже писал. :) Мерзкая, злобная биомасса, именующая себя очень громко – “людьми” и претендующая мной командовать. Не только здесь, на зоне, – и на воле тоже. Страна населена мразью, нечистью, сырьем для мыловарни... Собственно, все наши – радикальной, точнее сказать, революционной оппозиции, Сопротивления этому режиму, врагов этого государства – проблемы сводятся к тому, чтобы найти способ утилизации этой окружающей нас биомассы. А ее – 90% населения, как минимум... И, как часто бывает, я сформулировал это для себя так четко и удачно, объясняя вчера эту мысль другому человеку – тому типу, что приходит ко мне с 10–го забирать хлеб и делиться своими горестями и тяготами лагерной жизни...

18–43

Дикая эта боль в плече вымотала меня сегодня совершенно. Целый день как будто раскаленное шило торчит в лопатке, ни сесть, ни (особенно) лечь. В таком состоянии поперся после обеда к “телефонисту” – дрыхли оба, твари, вместе с дружком–соседом, хоть времени уже было около 4–х дня. Подумал – и пошел на 8–й к тамошнему теперь запасному варианту. Позвонил от него (он как раз смотрел футбол, когда я явился, и подошел позднее; впрочем, у него там тоже есть друг–сосед :), а заодно – как давно хотел – спросил, нет ли чего почитать. Дали мне толстенный том какого–то американского фантаста, – ну ничего, пойдет и это на безрыбье. Примерно такой же (даже чуть больше) толщины том фантастики я прочел на днях – он валялся в бараке без четко выраженного хозяина. Роман Злотников, “Берсеркер”, дилогия в одном томе. Ничего, неплохо, только вот в 1–й части этой дилогии не хватало изрядного количества страниц, явно выдранных для совсем других целей. Но ничего, общий смысл я вполне смог понять и так.

В целом день прошел спокойно. Даже Маню никто больше не выбрасывал и не орал на нее. Только вот боль эта в плече совсем замучила.

Мне осталось тут 337 дней, или 48 недель и 1 день. 11 месяцев...

18.4.10. 6–43

И вот – итог вчерашнего дня. Маню все–таки выкинули и 2–й раз, – видимо, та же самая мразь, что и утром. Когда после 1–й вечерней проверки я поднялся в барак – почти вся толпа уже была здесь, а Мани уже не было. Пользуясь тем, что времени на ужин в любом случае хватало, я почти сразу вышел, прошелся до 9–го, внимательно осматривая “продол”, “локалки” и все вокруг – но ее уже нигде не было...

Забить бы двери в этот проклятый барак, залить внутрь бензин – и поджечь! Если хотят жить – пусть эти ублюдки как минимум прыгают из окон, со 2–го этажа. Как я их ненавижу, эту слизь, что 24 часа в сутки меня здесь окружает, – не передать никакими словами. В мыловаренный котел, в крематорий, в любой агрегат, где их живьем мелко–мелко раздробили бы, я отправил бы их всех с удовольствием, и рука бы не дрогнула. Не говоря уж о том, чтобы лично перестрелять их всех, переломать ноги, порубить на куски... Так ненавижу их, что единственным смыслом моей жизни стало уже давно – уничтожение этой мрази, слизи и нечисти, а ее – 90 с лишним % населения страны...

Плечо болит по–прежнему, хотя, м.б., чуть слабее. Сил нет совсем. Сегодня воскресенье, зарядки нет, но все равно... Я – мертвый; с такой запредельной, нечеловеческой, годами копящейся усталостью, вымотанностью, полным истощением всех духовных и физических сил люди не живут... А ведь еще недавно – подумать только! – мне казалось, что у меня открылось что–то вроде "второго дыхания", что уже не так долго мне сидеть, и сознание этого будет меня поддерживать весь остаток срока, и вообще – все более–менее нормально. А вот оказалось – ни хрена не нормально!..

19.4.10. 15–23

Света не было с самого утра – хорошо еще, успел позавтракать. Дали вот только что, минут 10 назад. Воды еще нет. После обеда, без 10 минут 3, решил сходить к "телефонисту", спросить, все ли у него полностью разряжено. По дороге – судьба! – во дворе 9–го прямо около ворот и мусорной бочки заметил знакомую серую меховую спину. Муська! Ура! Она сосредоточенно наблюдала, как двое парней с 9–го разводили костер (сегодня, как всегда, опять костры и дымки по всему Буреполому...) . Я зашел, она глянула, прижавшись к земле, огромными зелеными глазищами – и коротко, пронзительно мяукнула, подала голос. Нервно так, призывно и опасливо одновременно, – она меня очень хорошо знает и, можно подумать, приветствует этим коротким звуком, но в то же время в глазах ее и в самой позе каждый раз я вижу как будто и страх, и какое–то напряженное ожидание, – как будто она боится, что я могу вдруг ударить ее. Я взял ее на руки, вышел на "продол" – и стал думать, куда идти – куда хотел, на чужой барак, с кошкой на руках, – "телефонист"–то будет не против, но остальным там это может показаться странно; или же занести ее на 11–й, но уйдешь – и ее тотчас могут выбросить снова. В конце концов пошел на 11–й, – будь что будет. Повезло: "обиженный" пацаненок – тот самый, нещадно битый, "Маргарита Владимировна" (только сегодня

утром вспоминали и требовали от него так назваться) сидел в “курилке” на улице. Я оставил кошку ему – и пошел к “телефонисту”. Он сказал, что все разряжено, но минуты на 2 может мне дать, и спросил, срочно ли мне надо. Я сказал, что нет, и он посоветовал зайти после 7–часовой проверки. Поскольку свет включили, и он успеет зарядиться, – я зайду к нему после ужина, если получится. Все осложняется тем, что сегодня – смена Окуня, и сам он, пока я ходил, сидел на “нулевом посту” (т.е. в нескольких секундах бега, как он любит перемещаться, до любого барака).

21.4.10. 10–37

Утро началось сегодня с того, что, когда я вышел на зарядку и стоял под грибком, прячась от дождя, на почти пустом дворе барака, – Маню опять выбросили в окно. Она тяжело шлепнулась на лапы и побежала, несмотря на то, что я сразу стал звать ее. Видимо, для нее это большой стресс, она перепугана – и не подпускает к себе даже меня в эти минуты. Не то чтобы очень быстро бежала, но все же, – и прямиком на 9–й! Тут уж я хотел ее схватить, – смотрю, она лезет от меня в железную обшивку каких–то труб, проходящих под стеной 9–го барака снаружи. Вот, оказывается, где местечко себе облюбовала!.. Влезла вся, только кончик хвоста еще торчал, пришлось мне (прости меня, Муська!) вытаскивать ее оттуда за хвост, иначе не достать уже никак. Вытащил – а у нее все брюхо в опилках, как было когда–то зимой, когда я впервые за долгое время нашел ее. Хоть знаю теперь, где у нее постоянное логово.

Подождал конца зарядки, гладя и успокаивая ее тем временем как мог – и понес наверх, опять в барак. Она забилась в угол под шконку, на свое место, и даже банку с едой я ей поставил прямо туда, чтобы хоть поела.

Но это было еще не все. Пришел с завтрака, пошел в “фойе” кипятить себе чайник. В это время выползла мерзкая цыганская обезьяна и тоже стала мне что–то злобное, угрожающее бормотать насчет моей кошки (хотя выкидывала в окно, скорее всего, не она). Я отвечал что–то сквозь зубы, только чтобы была видимость какого–то ответа, не имея ни малейшего желания говорить с этой тварью, – слов эти обезьяны все равно не понимают, только удары ломом по башке, желательно не в одиночку и когда спит, чтобы не могла сбежать. Где–то через минуту, заглянув в секцию, я увидел, как эта злобная тварь держит Маню в руке, подкидывает ее – и со всего размаха бьет по ней ногой, как по мячу. Бедное животное упало – и опрометью бросилось куда–то под шконки.

11–03

Дописывал предыдущее – и еще раз, без всякой надежды,

только для очистки совести, заглянул под шконку, – а она там! На своем месте, лежит на подстилочке из моих старых спортивных штанов! То–то после этого избиения – я ждал, но не видел, чтобы она выскочила из секции в “фойе”, бежать к двери; думал – нашли и опять в окно выбросили. А она тут...

Сходил сейчас же к “телефонисту” – дрыхнет. Да и чем он поможет, – за меня и то впрягался так себе, без особого скандала и мордобоя, исключительно словесно, а тут – за кошку... Когда вчера у него я упомянул, как Маню выкидывают в окно, – другой грузин, не так давно приехавший и сидевший в этом же проходняке, выразил возмущение, спросил, в какой именно секции я живу, и пообещал зайти. Но – до сих пор не зашел, да я и не ждал всерьез. Теперь, раз Маня здесь – она фактически на нелегальном положении, ей и вылезти–то нельзя: эта обезьяна увидит ее – и снова начнет бить?..

А что до самой обезьяны – о, это отдельная песня! Никакими словами не передать, с каким наслаждением я забил бы эту мерзкую тварь лично, своими руками, разнес бы ей череп тяжелым ломом или молотком, когда она спит, – здесь же, в секции, совсем близко от меня, – расколол бы на осколки башку, так, чтобы брызнули мозги, выколол бы глаза (на тот случай, если вдруг выживет), перерезал бы острой заточкой горло!.. Какой кайф даже просто представлять это, – мозгом врага заляпаны стены, постель и мои руки, его зловонная кровь течет на пол, образуя целое озеро, и я могу зачерпнуть – и умыться этой кровью, или хотя бы омыть в ней руки... Ничего другого в жизни я не хочу уже много лет так сильно и страстно, как этого, – убивать врагов своими руками и ощущать их кровь на руках, видеть их агонию... Увы, останавливает, как всегда, только одно: за эту мразь, если ее прикончить прямо здесь и сейчас, накрутят мне еще несколько лет, – мать этого не вынесет, да и я смертельно устал, куда мне еще, и даже без передыха, и не по политическому делу, тем паче... Остается только мечтать, – м.б., и настанет когда–нибудь время, когда можно будет пролить не ручьи, а океаны ИХ крови, всей этой тупой мрази и быдла, в форме и без – и считать, что жизнь прожита не напрасно...

14–48

Чем же все закончилось? Я вышел чуть пораньше на “продол” – ждать, когда погонят на обед, – и через некоторое время та же тварь, что и все эти дни, опять выбросила Маню в окно. Та же самая, – судя по глумливой улыбочке, с которой тварь мне что–то говорила, спустившись после этого тоже на “продол”. Я захватил в столовку “ее” (муськину) баночку с крышкой, еще заранее, и все–таки набрал ей перловки с мясом, – вдруг увижу возле 9–го,

хоть на месте покормлю. Но ее нигде не было. Искал я ее по дороге опять к “телефонисту” (прямо с обеда) и обратно, – эта тварь все еще спала. А в своем проходняке, придя, я увидел аккуратно выставленные из–под шконки мои тапочки, – выставленные специально, чтобы добраться до нее...

У ворот столовки стоял и строил всех – и входящих, и выходящих – безумный Зайцев, бывший отрядник 6–го, а ныне – поселка. Самая грубая, тупая и злобная мразь на всей зоне, даже хуже Макаревича, – но эти–то гниды, ублюдки, генетические рабы, стоя целой толпой (вслед за нами подошел вплотную 8–й; 11–й уже поел и вышел – а он все еще строил 8–й по трое и не пускал в столовку...) перед ним одним – даже попытки не делали не то что убить его, как он того давно и однозначно заслуживает, не то что ударить, повалить, хотя бы просто оттолкнуть с дороги – под сотню молодых здоровых мужиков против ОДНОГО!!! – и не слишком–то молодого, – ничуть! Эти твари лишь препирались с ним словесно – как всегда, уговаривали пустить и уверяли, что они уже построились и у них все нормально. Гнусная, слякотная, мерзкая нечисть!!! Перед одним, даже мелким, но злобным начальничком – они трясутся и готовы на коленях ползать; а отыгрываются – на кошках, да еще на “обиженных”, запряженных ими в рабство... Мразь...

Что еще? Погода теплая, но ветреная и сырая, с утра шел дождь, на улице грязь. Ходить мне толком не в чем: в шерстяных носках уже жарко, но ботинки кожаные (вольные) мне велики и без носков очень уж болтаются на ногах; а в тряпочных тапочках 42–го (моего) размера – еще холодно, да и промокают они на дожде. Искал–искал нормальную обувь себе на это последнее лето – да так и не нашел...

Что же остается делать? Увы, немедленно, сейчас – ничего сделать нельзя без неприемлемого риска для себя (лет 8, я прикинул, могут дать мне за эту мразь, хотя грохнуть ее тут вышеописанным способом – пара пустяков). Омерзительно это и противно до дрожи – чувствовать себя трусом и ничтожеством, отказывающимся мстить врагу, защищать свою честь – просто из страха, что посадят за это (хотя и так сижу!). Омерзение к самому себе, – что ж, с ним я живу уже многие годы, еще с воли, а особенно – с того времени, как зимой 2008 года пытался назначить себе сам дату смерти, и способ даже обдумывал – но при этом уже знал в глубине души, что не смогу, что страшно... Я ничтожество и трус, – и ничего не поделаешь, придется с этим жить. Жить и дальше, – раз уж трусость эта так велика, что не дает даже по своему выбору и в выбранный срок умереть...

Жить – и копить ненависть! Как когда–то, в 2002, советовала

публично Лера, как писал потом и я – и эта цитата даже вошла в мой приговор, чем я горжусь. Копить ненависть к ним ко всем, вести списки, документировать их злодеяния – и готовить месть! Месть ведь – это блюдо, которое надо подавать холодным... :) О, может быть – настанет еще день, когда я смогу реабилитировать себя в собственных глазах – ИХ кровью смыть свой позор и трусость, жить дальше, убив ИХ всех, или уж сколько получится, – и не считать себя больше ничтожеством...

22.4.10. 19–00

С утра Макаревич лично поперся на зарядку на тот "продол" – на 8–й, как я позже узнал. Потом он долго тусовался между столовой и воротами "1–го поста", прогуливаясь туда–сюда по площади и наблюдая за идущими с завтрака и на завтрак. Он не орал, и вообще не лез ни к кому, гулял сперва со Степышевым, потом один, молча, – но еще на "продоле" завхоз и "козлы" начали строить отряд по трое, а потом еще останавливали раз по дороге – чтобы только, изображая истовое, на совесть, исполнение "режимных требований", затаив дыхание, промаршировать перед "Макаром".

"Генеральная уборка" (сегодня четверг) была уж совсем мирной, быстрой и почти незаметной. Черножопая обезьяна дрыхла, – это уж потом, перед самой проверкой, она что–то заметила – и подняла истошный визг, что якобы плохо убрали (с угрозами физической расправы, как всегда). Завтракать я не стал – не из–за уборки даже, а – не было нормального хлеба; в столовке опять пошла невыносимо кислая черняга – и я накануне вечером отдал ее всю тому типу с 10–го. Но т.к. убрали очень быстро и опасности моим вещам не было – решил пойти в баню в 8–30, а не в 10–30, как обычно (вдруг опять "не будет воды", как в ту неделю!).

Идиоты "козлы" увели всю толпу в баню – еще и 8 утра не было. Но воду–то теперь включают только полдевятого, и когда я пришел где–то минут в 20 – они все сидели на лавочках, частью и в зале у "леек", и ждали. Скамейки для раздевания оказались все наглухо заняты, – пришлось раздеваться, а потом и одеваться, стоя у окна и положив вещи на широкий подоконник (точнее, деревянный кожух батареи). "Лейку" тоже ждал очень долго, – и вспоминались мне в связи с этим унижения и беспросветность первых месяцев здесь, осени 2007 г., когда я – вечно последний в толпе, бегущей в баню с 13–го, и ни скамейки уже свободной, ни крючка, ни "лейки" – ждешь, толкаешься в толпе этих подонков, одеваешься стоя, или присев на самый краешек, кое–как. Да, это несомненно, – для кого как, а для меня лагерная баня этих 4–х лет Буреполома останется в памяти прежде всего как унижение...

Пришел, лег, пытался даже уснуть, но – не получается. На улице уже почти жара. Хорошо еще, прекратились шмоны, не было ни в среду, ни в четверг, ни на этой неделе, ни на той.

В ларек еле пробился – мрази из СОПиТа, переименованного теперь в КОП (кружок общественного питания?), собрали толпу уже не только у крыльца ларька, как раньше, но и у ворот, и – пропускали других, а мне одна из этих наглых мразей упорно говорила: “Подождешь!”. Люди были и из других бараков, чей “день” не сегодня – и когда толпа начала возмущаться, а один резко рванул воротину, удерживаемую этим подонком из КОПа, и проскочил, – тот послал второго на вахту за “мусорами”. Такого на моей памяти еще не было, – “козлы” обнаглели уже настолько, что их действительно надо бить. Наконец, с трудом, прорвался в ларек – там работало только одно окно и не было почти ничего. Продавщица объявила, что завоз будет завтра, – интересно, с каких это пор завоз стал по пятницам, когда был всю жизнь по понедельникам...

Перекусил, поговорил с парой знакомых, пришедших с других бараков – и пошел к “телефонисту” звонить матери. Этот хмырь уже не говорил, что он пойдет на 11–й разбираться насчет моей кошки, – а мать сказала, что ей он опять звонил утром, опять требовал положить денег на телефон – и заодно пытался вымогать 1000 руб. за то, что он тут с кем–то разберется (т.е. придет, выслушает их – и передаст мне то, что они ему говорят).

23.4.10. 8–18

Но если вы думаете, что вот так, мирно и спокойно, вчерашний день и закончился, – то ни фига подобного! Как раз когда я писал вчерашнее, где–то в начале 8–го вечера, перед проверкой, – в том конце секции проснулось существо, которое я называю за физические габариты и силу “молотобойцем”. Бывший дневальный штаба, кроме всех прочих должностей (одно время этих бывших дневальных штаба в этой секции собралось аж 3 человека; последнего вчера только перевели обратно на 2–й). Совершенно бессмысленная (несмотря даже на чтение книжек), но безумно злобная тварь, которую ее ныне уехавший дружок – мелкий стукач с 13–го, поклонник Казиева–Макаревича – недаром называл за глаза “шумоголовый”. Здоровенная, накачанная тварь, которая ни минуты не может находиться среди других – “красных” – зэков без того, чтобы не начать “в шутку”, как бы играючи, кого–то бить, пинать ногами, а чаще – самое любимое – этак легонько, но крайне глумливо, хлопнуть ладонью по лицу. Так вот, это животное, проснувшись, сперва спросило: сколько времени, 2 часа? Потом было очень удивлено, – 7 часов, а я думал, что 2!.. В таком вот состоянии оно вдруг что–то учуяло

(это глюки, естественно, а не реальные ощущения) и заверещало (не цитирую, но смысл точный): а почему не убирались в секции???!!! (Утреннюю уборку эта тварь, естественно, проспала.) Воняет пидорасом!!! В секции воняет пидорасом!!!!! (Короче, это была уже настоящая истерика, в состоянии совершенно невменяемом.) Ко мне приходят с других бараков, и мне стыдно, что тут, где я живу, так воняет!!! (Никто вчера не приходил, тварь весь день дрыхла.) И т.д. и т.п.

Поскольку мышцы очень накачанные, кулаки пудовые, а в башке совсем нет тормозов – в общем–то, это тоже своего рода обезьяна, даже чуть–чуть на физиономию, – никто с этой тварью спорить здесь не рискует. Чуть ли не на ура, по крайней мере, без малейшего протеста был воспринят ее тут же отданный приказ (сперва она призвала уборщиков и приказала им, а потом, уже на улице, построившимся для проверки "красным"): сейчас, как приходим с проверки – все выдвигайте свои тумбочки, баулы поднимайте на шконки, и будет уборка!! (Чтобы не "воняло пидорасом"... :)

Только сойдя вниз, на проверку, я сразу почувствовал, как у меня заломило левую половину головы. Видимо, от этого известия, – больше не от чего; внешне я остаюсь спокоен, просто начинаю лихорадочно прикидывать, что мне делать, – но то, что в обиходе называется "нервничать", дает о себе, видимо, знать вот этой головной болью.

Прикидывать, что делать, я начал потому, что промежуток между двумя вечерними проверками – единственное у меня время для ужина. А алгоритм "уборок" у этих полоумных злобных тварей таков: выдвинуть тумбочки, задрать все сумки и табуретки на шконки – и свалить из секции в "культяшку" или на улицу; да еще, бывает, на дверях в секцию ставят охранников–вышибал и никого не впускают; и уж точно ходить по мокрому полу не дают, а розетка, чтобы вскипятить чайник – в коридоре ("фойе"), да и кран с водой там же. В такой ситуации мой ужин оказывался под реальной угрозой; а после отбоя тоже не поешь нормально – ходят и гавкают, чтобы все ложились спать, да и "мусора" могут прийти с обходом очень быстро после отбоя.

Зашел с проверки в секцию – почти все тумбочки уже выдвинуты (2–й раз за день, по приказу какой–то одной полоумной твари 22 лет от роду – и ни звука протеста ни от кого!), народ активно выгоняли, и он покорно шел вон из секции. Сел, огляделся – ко мне вроде никто не лезет, выволакивать "мои" тумбочки не покушается, "молотобоец" гуляет в том конце секции и следит, как там метут. Вроде все спокойно – и, чуть подумав, я решил рискнуть. Достать всю заранее подготовленную

посуду, лапшу и пр., пойти поставить чайник, – словом, ужинать как всегда, как ни в чем не бывало. Вот только не поволокли бы тумбочки, когда я в “фойе” жду чайник.

Я все время заглядывал оттуда в секцию, но обошлось. Выпихнули только из–под соседней шконки, с той стороны, мой почти пустой продуктовый баул и потребовали поднять его на шконку. Я не стал спорить, поднял, – тем паче, там уже стоял баул соседа по проходняку.

В общем, нормально поел, попил чаю, – все как всегда, – и был этим страшно горд и доволен. Да, я знаю, что там, на воле, все, кто это прочтет, да и я сам – будут воспринимать это как нечто невероятное, комическое, нелепое, – но то в жизни обычных людей, в обычных условиях. А здесь и сейчас, – в этом аду, в этом загробном мире, где я сейчас нахожусь, в этой – без вывески, но де–факто – психбольнице для особо опасных буйных психов, истерически злобных тварей, – здесь, да, это событие вырастает до масштабов настоящего подвига! Это здесь настоящее торжество – просто поесть и попить чаю в обстановке остервенелой злобы, беспрекословного подчинения любой бешеной обезьяне с головным мозгом величиной с орех, – когда ей вдруг покажется, что “воняет пидорасом”, и потому она бесцеремонно прикажет всем выдвинуть тумбочки и навести погром в своих проходняках, а самим – выкатиться вон на час или больше, пока она соизволит впустить. А за малейшее открытое недовольство, за любое слово протеста – она изобьет любого своими пудовыми кулаками и ногами, и потому все молчат и покоряются (хотя всей толпой – навешать этой твари могли бы легче легкого). Это – настоящая атмосфера террора, когда постоянно ходишь как по лезвию ножа среди этих злобных обезьян, и в такой обстановке даже просто, буднично поужинать или позавтракать, когда они принудительную, общеобязательную “уборку”–погром, – это уже большая победа!

Сегодняшнее утро началось еще бурнее, чем вчера, – “Макар” не появлялся; но на 1–й барак и по нашему “продолу” лазили Заводчиков и Агроном. На 11–й не заходили, но все равно – все шли на завтрак строем, 9–й – как обычно, под предводительством своего отрядника; кого–то строил и “мусор”, дежуривший на “нулевом”, а когда уже позавтракали 9–й, 8–й и 11–й – в “локалку” столовой, где уже был Пименов и еще какие–то “мусора”, явился Завод и лично начал всех строить, – сперва в огромную общую колонну по трое, а потом 9–й вдруг начал массово отходить из нее в сторону, – построенным пошел в ворота один 8–й барак, но т.к. никто не препятствовал, ворота вовремя не закрыл, – 11–й почти что весь просто пристроился в хвост 8–му

и ушел так, избежав нудной и (для меня, не для этого быдла) унизительной процедуры построения.

Позавтракал, разговорился с азербайджанской обезьяной, метущей пол, – живет в соседнем со мной проходняке и постоянно лезет с какими–то шутками, разговорами и пр. Она сказала: мол, погодите, вот после майских “праздников” “мусора” навернут тут режим такой же, как было раньше. На мой вопрос (рожденный ТОНОМ того, как это было сказано): “Тебе что, это нравится?!” – отвечала, что, мол, да, это лучше, чем бардак. У меня, мол, и дома бардака никогда не было. Ну да, для этой мрази свобода – это бардак, по–другому они, генетические рабы, правнуки и праправнуки рабов, свободу себе и представить не могут; и не зря я писал еще дома, что все народы, попавшие в их ярмо, в орбиту их колониализма, русские спаивают и развращают духовно. Вот он, перед нами, типичный пример этого развращения: 40–летний азербайджанец, с 1986 не бывавший в Азербайджане, просидевший полжизни по русским лагерям – и теперь рассуждающий, что, мол, пусть лучше “навернут режим”, чем будет “бардак”, а на мой вопрос – тебе нравится, когда тобой командует всякая мразь и шваль? – отвечающий стандартно, как у всех этих русских рабов и быдляков, по одному шаблону: “Это их работа”. Что тут сказать? Одно слово – мразь. Да, стадо рабов и быдла, которое терпит насилие и произвол покорно, а не сопротивляясь, хотя имеет к тому все возможности, – виновато перед такими, как я, загнанными насильно в общий загон с этим стадом, куда больше, чем власть, которая меня сюда загнала. А сами они – не заслуживают иной участи, чем глумление и насилия этого начальства (“это их работа”, как же!..), а когда в толпе этой рабской мрази, где–нибудь в вагоне метро, вдруг взрывается бомба и убивает произвольно любых из них, – то им только поделом это за их рабскую покорность и безразличие к злодеяниям, творимым от их имени...

24.4.10 15–26

2–й день не могу позвонить матери. Вчера заходил дважды к “телефонисту”, вскоре после обеда и сразу с ужина. Это чмо спало без задних ног, причем 2–й раз – даже накрывшись с головой одеялом. Сегодня, в 3 часа дня, пошел снова – опять дрыхнет! Грузин, сидящий рядом (был раньше на 11–м, теперь на 10–м) говорит, что, мол, не спал всю ночь.

Хожу теперь по “продолу” – оглядываюсь вокруг, кручу головой в поисках Мани. И – зайдя на 7–й, там ее сегодня и увидел, – ела что–то у мусорной бочки вместе с другой кошкой. Я подошел – та, вторая, убежала, а эта была так поглощена едой, что меня, видимо, не узнала, – не обратила внимания, даже когда

я погладил ее. Внутри я пробыл меньше минуты, вышел – она уже на бочке, что–то нюхает внутри (бочка полная). Я не смог уйти так просто, подошел опять – и вот тут она, увидев, меня узнала, спрыгнула, издав свой обычный звук голосом; я стал гладить ее, а она – тереться об мои руки и даже о палку и мурлыкать. Словом, все как обычно.

Сердце у меня разрывалось, говорю это вполне серьезно, без всяких шуток и преувеличений. Солнышко мое усатое, что же мне с тобой делать? В другое время я бы тотчас посадил тебя, как всегда, на плечо, принес в барак, начал бы кормить и расчесывать. Но сейчас – куда я тебя понесу? В этот ад, чтобы эта злобная полоумная черножопая обезьяна опять била тебя ногами, как футбольный мяч в воздухе, а другая, почти столь же гнусная и наглая мразь, выволакивая из–под шконки, выбрасывала по 2 раза в день в окно со 2–го этажа? Нет, в этом уже нет смысла, – ненавидят–то они меня, это ясно, а отыгрываются на тебе; и пока хотя бы эта черная мразь, бесхвостая обезьяна, не освободится (в середине июня, уже скоро) – придется тебе так и жить на улице, лазить по помойкам, отыскивая себе пищу, а мне – лишь изредка встречать тебя, – и каждый раз плакать, выть про себя от боли и бессилия... Прости меня, кошка Маня, если сможешь... Смешно, но никого ближе и дороже тебя у меня здесь, в этом проклятом лагере, нет – и, клянусь, я бы отдал всю эту двуногую мразь, которой он населен, всю без остатка, до последнего гопника и карманника, за одну тебя. Отдал бы на уничтожение, в печь или в мыловаренный котел...

Пришел, оставив ее недоуменно глядеть мне вслед, взял книжку, данную мне на днях “запасным вариантом” на 8–м – сходить отдать, а заодно и позвонить от него. Стремщики тем временем перекрикивались на том “продоле”, и из их криков я понял, что на 8–м вроде бы торчит сейчас отрядник 12–го. Что уж он там делает, не знаю, но рискнул все же пойти. Зашел в секцию – самого “запасного варианта”, как всегда, на месте нет, на его шконке сидят какие–то трое, на соседней – спит его друг–сосед. Хотел было пойти поискать – но дверь из секции в “приемку” (а дальше из нее – в “культяшку”, где он в тот раз, когда я приходил, смотрел телевизор) заставлена табуреткой, – так эти блатные делают всегда, когда не хотят, чтобы к ним кто–то входил с этой стороны. Может быть, у них там совещание по вопросу сбора денег на “общее” и “воровское”... :)) Ясно одно – рад моему появлению никто не будет, в том числе и тот, кого я ищу. Да еще и “мусор” этот где–то здесь... Я плюнул и вернулся на свой барак.

Что дальше, не знаю. Можно еще раз зайти к “телефонисту”,

попозже, м.б., опять с ужина (если не будет обхода или их отрядника). Успеха это, правда, не гарантирует. Можно и на 8–й еще раз, и одного знакомого типа поискать на 3–м... Мать явно уже волнуется, все ли со мной в порядке, и волнение это будет – я явственно ощущаю даже отсюда – все сильнее не то что с каждым днем, а с каждым часом...

25.4.10. 18–00

Зашел сегодня днем к "телефонисту" – он сидит с раскладной "трубой", явно не его (соседа–грузина?) и предлагает мне залезть с нее в инет. Я не готовился, ничего и нужно–то особо не было – и я решил, пользуясь случаем, залезть на "Кавказ–центр". Залез – и там сразу целая куча материалов по падению польского самолета, 2 недели назад.

Так подтвердилась полностью моя интуитивная догадка, что самолет не мог упасть сам, что это – дело рук Лубянки. Прочесть я успел очень немногое, далеко не все, но и этого хватило. Самое авторитетное – историк Виктор Суворов уже выступил с обвинениями в адрес ФСБ и требованием независимого расследования, – еще до выяснения многих подробностей, подтверждающих "лубянскую" версию. Из того, что успел прочесть – многих, возможно, добивали уже на земле, потому–то и возможно оказалось опознание только через экспертизу ДНК, – от них остались куски мяса, а не тела... Пистолеты охраны Качиньского, по официальной версии, "пропали" – т.к. любая экспертиза выявила бы, что из них стреляли, т.е. что охрана Качиньского отстреливалась от чекистов. Но пистолеты вроде бы были у охраны неофициально, поэтому шума никто не поднимает. Ну и – самое главное, о чем я тоже подумал, глядя новости еще в тот, 1–й вечер, 10 апреля: "черные ящики" самолета были тотчас же после крушения захвачены ФСБ! Смешно подумать, что их показания не будут "исправлены" в нужную Лубянке сторону. "Независимое" (от российского) расследование трагедии польскими следователями", про которое тоже в те первые дни говорили по ТВ, – сплошная туфта, о чем тоже мелькнула у меня тогда мысль.

Вот так вот. "Режим Путина – это уголовный режим", как правильно написал Суворов. Дома в Москве в сентябре 1999, неудавшийся взрыв в Рязани, чудовищный геноцид в Чечне, сотни убитых русской солдатней в "Норд–Осте" и Беслане, агрессия против Грузии в августе 2008 г., теперь вот – организованная ими гибель польского самолета. Дудаев, Масхадов, Яндарбиев, Басаев, Радуев, Юшенков, Политковская , Щекочихин, Литвиненко, теперь вот – Качиньский... И еще 95 человек с ним. В самом деле, невозможно представить, чтобы при падении со столь низкой

высоты, уже почти над самой землей, катастрофа была столь чудовищной, что из 96 человек не выжил НИ ОДИН!!! Но ФСБ, как известно, не оставляет свидетелей...

26.4.10. 14–20

Понедельник. Началась 47–я неделя до конца. 48–я прошла без особых событий, более–менее спокойно, если не считать, сколько раз выбрасывали и били Маню. Новость последних дней – дикий холод; предыдущие дни среди порывов ураганного ледяного ветра изредка все–таки хоть проглядывало солнце, сегодня нет и этого. Лютый ветер, снег (!), не крупный, но явственно пошедший где–то между завтраком и проверкой; дошло до того, что ноги у меня, причем не только ступни, начали явственно замерзать уже и в бараке, чего не было, кажись, с январских холодов. Пришлось после утренней проверки, как и тогда, греть их, обмотав телогрейкой. Еще вчера вечером я опять достал ее из–под матраса – не околевать же! – а сегодня утром присобачил к ней ту белую печатную бирку, какие всем здесь выдали с недавним преобразованием зоны в типа “поселок”. 11–му отряду – с уже напечатанными фамилиями (в которых допущена куча ошибок – такое впечатление, что вбивали их в компьютер на слух, под диктовку), а некоторым другим – указан только отряд и – выше линейка, чтобы вписать фамилию от руки. Теперь они заставляют носить не просто бирки, а именно эти бирки, белые с черным текстом; и то, что к “телаге” у меня эта новая бирка пришита не была, и было одной из причин того, что я с начала этих холодов сперва не хотел одевать “телагу”. Более того, не только бирки – и все “косяки” у всех “козлов” , вплоть до завхозов, дневальных штаба, председателей секций (ныне типа как бы упраздненных – теперь это “кружки” :) и др. – тоже переделали себе “косяки” с черных с белым на белые с черным текстом – как будто это имеет какое–то принципиальное значение!.. :)))

Новость буквально сегодняшнего утра – вернулся и вышел на работу Палыч. Не мог, старый дурак, уж погулять до конца “праздников”, до 10 мая. Теперь опять задолбает ходить туда–сюда, с барака и на барак, по 10 раз каждый день...

Мозг мой все еще загружен вчерашними подробностями убийства Качиньского. Главный вопрос, который выкристаллизовался еще вчера и на который я не нахожу ответа: хорошо, будь я сейчас, и 10–го апреля тоже, на воле – ЧТО я и мы все, вся радикальная (по пальцам сосчитать) оппозиция могли бы сделать, узнав об этом убийстве, о новом чудовищном преступлении Лубянки? Ну, узнали, и что дальше? Что мы можем им противопоставить? Ровно ничего, увы... Даже выражать

соболезнование полякам не было бы яркой и оригинальной реакцией, – в те дни его выражали по ТВ все, начиная с Путина, а народ нес к посольству цветы… Чувство бессилия, полного собственного бессилия, то самое, о котором писал еще Буковский. Мне вспомнилось в этой связи, как было у меня такое же вот горькое, мучительное чувство бессилия, невозможности никак вмешаться и повлиять на ситуацию, когда я читал в 2003 “Лубянскую преступную группировку” Литвиненко – книгу обо всех злодеяниях Конторы, виденных им лично, – еще не зная, что через 3 года стану персонажем статей Литвиненко в качестве “образца мужества и героизма”…

28.4.10. 14–46

Колобродят, бесятся злобные твари… Как всегда… Все с головой погружены в свои архиважные “козлиные” функции, пишут списки и графики, убираются, очень, о, очень–очень–очень пекутся о чистоте в бараке (который называют исключительно “отряд”), все в деловой суете. Карточки, журналы, списки, выводы на работу, уборки, генеральные уборки, – о, они все в заботах, в делах, все погружены с головой в то, что они высокопарно называют “работой”. Они, типа, в этом “отряде” “работают” со всеми этими карточками, выводами, журналами, списками и пр. Исполнены сознания собственной огромной значимости. “Работают” эту свою туфтовую мусорскую “работу” – и при этом посекундно сцепляются друг с другом и – на каждое буквально слово – отвечают друг другу самыми нелепыми и примитивными гомофобскими типа “оскорблениями” (как им кажется). Типичное из этого их “фольклора”: “Я же тебя в мужской род не ставлю, и ты меня в женский не ставь!..”

Мрази!.. Ненавижу!… НЕ–НА–ВИ–ЖУ!!!

Эти 2 дня, со вчерашнего вечера, стояли на ушах по поводу уборки. Культ уборки и всяческого поломойства достиг своей поистине заоблачной вершины после того, как вчера, около 6 вечера, Макаревич и Демин – нач. санчасти – поперлись с обходом по всему этому “продолу”, начиная с 1–го барака. Ходили и здесь, как же, – только я было хотел посмотреть в 6 вечера новости (про торжественную ратификацию Верховной Радой Украины и Госдумой России договора о продлении до 2042 г. пребывания в Крыму российского Черноморского флота, чтоб ему затонуть!..) – приперлись. А при таком буйном начальстве лучше быть около своих вещей, – я натянул “телагу” и остался.

“Макар” по этой секции не пошел, только Демин. Ворчал: “почему не убираетесь”, мол, грязно, пыльно, и т.д., все ему не так. По дужке шконки провел пальцем – и попытался вытереть о черную форму идущего чуть впереди завхоза, – типа, дужки

пыльные, почему не протираете? Идиот, если бы вы сами не запрещали, неведомо почему, вешать туда вещи, там бы никакой пыли никогда не было в помине! Поворчал, меня вообще не заметил (как раз поравнявшись со мной, полез обтирать эту дужку пальцем на той стороне секции, у окон), вышел из секции – и в “фойе” они с Макаревичем стали вместе заглядывать в туалет. Инспекторы хреновы!.. Результат, видимо, тоже не удовлетворил, судя по доносившемуся злобному ворчанию и бормотанию “Макара”. Пошли от нас дальше, – мы уже возвращались с ужина, а они все еще были на 7–м. Как хорошо, что сходить позвонить я успел раньше!

Дальше пошло все, как я и думал. Палычу они, несомненно, накрутили хвост – и он на последней проверке вечером “довел” до каждой “бригады”, чтобы все непременно убрали вещи из–под шконок, а кто не уберет – он завтра с самого утра придет и сам все выбросит.

Ночью было холодно, под утро я даже под шерстяным одеялом так замерз, что пришлось одевать “тепляк”. Мразь “козел” напротив почти всю ночь опять жег лампу; так что холод, свет и безумно ранний (5–45) подъем и на этот раз не дали мне выспаться. Думал, что делать: вдруг эта тварь и вправду явится на зарядку и, пока я на улице, выбросит мои сумки, или велит отволочь в каптерку – а я и знать не буду, куда их дели?! Хотел уж было не выходить, пересидеть как–нибудь эти 10 минут в бараке, но, когда Палыч показался “на большом”, плюнул и решил все–таки выйти – будь что будет!..

В этот 1–й за день заход (то ли дежурил где–то всю ночь, то ли в 6 утра уже пришел, т.к. рабочий день у них официально начинается в 8) он не шлялся по этой секции и не заглядывал под шконки. Я уж думал, он после дежурства домой, хоть до вечера не увидимся; но только я успел позавтракать и хотел бриться – эта скотина прется опять!!!

На этот раз он именно поперся по секции, везде лазя, заглядывая и всех разнося своим трубным голосищем. Проходя мимо меня, нагнулся, заглянул под соседнюю шконку – там ли мой продуктовый баул, который позавчера, пока я был на ужине, он уже вытаскивал, и ему тут же донесли, что это мой. Увидел, что баул там, спокойно, ровно, негромко – мне, а не на окружающую толпу – сказал: “Клетчатый “сидор” убрали” – и пошел дальше, а через секунду уже вовсю орал на “обиженных” за то, что у них под шконками стоят сумки и валяется всякое барахло, приказывая все убрать.

Это не к комиссии какой–то, нет – по крайней мере, о ней пока не слышно. Это просто “Макар” разнес его по своей любимой

теме – чистота, уборка, сумки под шконками, – и он теперь “наворачивал” тут. Я ничего никуда не потащил, а поскольку сказал он мне негромко – остальные не обратили, видимо, внимания; баул же засунут глубоко, не нагнешься – его и не видно; так что, кроме новенького этапника–уборщика, 1990 г.р., которому один из “козлов” тоже беспрекословным тоном командовал (после ухода Палыча) убрать “куда хочешь, мне по...ю!” его баул, ко мне никто с этой темой и не цеплялся. А уж уборщика, когда он мыл мой проходняк и говорил мне это, я тихо, не привлекая внимания, отбрил сам. Так что на этот раз обошлось. Палыч ушел еще до проверки, по секции больше не ходил и под шконки не заглядывал.

Зато он, приходя, много занимался и двором барака, осматривал, давал руководящие указания. На улице сегодня солнце, уже довольно тепло, хотя ветерок еще прохладный. (Зато в бараке ледяной холод, он не прогревается, да еще с утра здесь теневая сторона – и я весь день в нем дико мерзну, руки и ноги буквально окоченели). ЦУ Палыча материализовались в том, что перед утренней проверкой началась – впервые с осени – вскопка двора, огромного земляного участка посередине его. Я уже, помню, писал об этом в прошлом году; ровная земля, по которой гулять бы, или в футбол играть – но эти идиоты упорно, много раз за лето, заставляют “обиженных” перекапывать ее. А зимой они не только сгребали с этого участка снег, но и вывозили (!) его со двора. Поистине, страна идиотов!..

Завтра должна быть короткая свиданка – приезжают мать и Фрумкин. Но завтра четверг – самый ужас будет, если они, после всех этих последних “уборочных” наворотов, выволокут–таки мою тумбочку – и до моего ухода к 9–00 не успеют поставить обратно...

Да, еще забыл. Палыч что–то такое смутно бросил, лазя по секции, мол, “сейчас, в 9 часов, придут...”. Кто придет – я не разобрал, но оказалось – шмон. “Козлы” ожидали шмона настолько уверенно, что долго и громко спорили, как и где сейчас идти закапывать телефоны на глазах у всех, и закапывать ли вообще. К чему пришли, не знаю, но потом было еще сообщение стрема: “на вахте собирается шмон–бригада”. Жду–жду, нервы напряглись, – шмона нету. Потом оказалось, что он таки был, но – в “художке”. Она где–то там, около штаба, или за баней, не знаю уж точно (скорее у штаба), так что шмон–бригада по “большому” не проходила и паники не вызвала.

15–43

И еще, самый последний прикол. Тот “козел”, ублюдок, мерзкий активист, что выбрасывал столько раз в окно Маню (ноги

бы ему переломал за это!) – он тут отвечает за “досуг” на зоне. И вот он сейчас сидит напротив меня – и я слышу, как он готовит к “праздничку” 9 мая какую–то “викторину” по 2–й Мировой войне! :))) Ну Русинов, ну “зам. по воспитательной работе”!.. Вот так придумал!.. :))) Если бы еще они правдивую историю войны, по Суворову, преподносили бедным зэкам...

30.4.10. 9–06

Хотел с утра расписать в подробностях вчерашний день, но все сбила эта полоумная мразь – “молотобоец”. Сидел, завтракал, придя со столовки – а эта тварь, необычно рано проснувшись, уже начала колобродить. Для начала – стала сбрасывать на пол матрасы с верхних пустых шконок – их сейчас в секции много, по стене верхний ряд почти весь пустой. Не знаю уж, чем помешали матрасы, но тварь поскидывала их – и распорядилась унести в каптерку. Затем – выдвинула до середины центрального прохода секции свою шконку и – стала одну за другой выдвигать следующие от своего угла к центру, по моей как раз стороне секции, у стены. Одна, другая, третья, четвертая... Понятно, для чего: мыть за ними, у самой стены; но я в ужасе представил себе, как посыпется, полетит все, что у меня сложено между торцом шконки и стеной, если эта тварь доберется сейчас до меня... И ведь не остановишь, не объяснишь, что мне это не надо, что мне и так чисто и хорошо, и я совсем не нуждаюсь в ваших бесконечных, безумных, погромных уборках. Тварь ведь совершенно полоумная, безмозглая, невменяемая, но с пудовыми кулаками и накачанными мышцами; и в случае чего ответ на все мои претензии будет один: воняет!!! Этой твари, видите ли, от неметенного пола почему–то воняет. “Воняет пидорасом!!!”. :)))

Но – выдвинула 5, что ли, шконок – и остановилась, до меня не дошла. Слава богу, пронесло и на этот раз.

Потом явился Палыч, как всегда, еще и 9 часов не было. Сука ты старая, когда ж ты будешь отдыхать уже, когда хоть пару выходных себе устроишь, чтобы не видеть тебя здесь, не приходил бы ты по 10 раз в день на барак...

А вчера тоже было весело. Свиданка прошла даже лучше, чем всегда, – приехали всего к 2–м человекам; ко 2–му – какой–то недавний здешний зэк, рожа его мне показалась знакомой; а мать слышала, как еще до свиданки он говорил, что тоже был здесь на 11–м. Эти двое быстро ушли – и мы с матерью сидели почти 4 часа одни, так что хоть смогли нормально, свободно поговорить. Фрумкин, сообщив мне то, что меня больше всего интересовало – всякие “демократы” и редакции типа “The New Times”, радио “Свобода” и пр. ни слова не говорят о том, что Качиньский был убит ФСБ, что самолет упал не сам; на эту тему там полное

молчание, да и сам Фрумкин считает, что это была реальная авиакатастрофа, – ушел, не просидев на этот раз даже часа.

Ну, пришел, приволок передачу – тут же налетели: дай (“удели”) на уборку, заготовку, стрем и т.д. Немножко полаялся с ними на тему, как меня задолбали их уборки, – я не сказал им и 1000–й доли того, что про них думаю в связи с этой темой, но обличать и уличать меня, уж не хочу ли я “жить в грязи”, тут же набежала целая разъяренная толпа, человек 5, не меньше. Порадовался, насколько хорошо сидит привезенная матерью новая форма, – все, последняя здесь, проходить мне в робе осталось только это последнее лето и часть осени, ну а в брюках – еще и зиму...

Палыч таки докопался до меня перед 1–й вечерней проверкой – мол, убери сумку из–под шконки. (Весь разговор проходил в “фойе”, перед самым выходом на улицу.) Я сказал ему: Алексей Палыч, я продуктовые передачи из дома для чего получаю? Чтоб в каптерке валялись? – Продуктовую передачу сложите в тумбочку. – Она не помещается в тумбочку. Оставьте, пожалуйста, я Вас очень прошу. – В ответ он громко (на окружающую толпу, чтоб те слышали) сказал, что он, типа, не против, но Роман Адольфович ее выбросит. Я пообещал, что с Романом Адольфовичем, если что, я сам поговорю – и он, надеюсь, хотя бы на ближайшее время отвязался от меня с этой сумкой (а там ведь еще и 2–я стоит... :). Но – на самой проверке он объявил свои новые “навороты”, за 3 почти года на этой зоне мной еще не слыханные. Во–первых – убрать все “лишнее” из тумбочек, оставить там только зубную пасту, мыло, щетку, пачку сигарет, платок, и т.д. – короче, по минимуму. Хотя нигде, даже в их любимых (садистских) “ПВР”, ни словом не регламентировано, что должно и что не должно лежать в тумбочке. А во–вторых – еще круче – мол, сами уберите все “лишнее” из–под матрасов, не устраивайте там склад. А у меня как раз там склад и есть – 2 “телаги”, одеяло и кое–что из тряпья – чтобы хоть не вообще всего разом лишиться, если вдруг пропадет вещевой баул. Ну и книги–бумаги, конечно, эти вот тетради с дневниками в том числе. Ну и, конечно, нигде точно так же нет запрета что–то держать под матрасом.

Короче, общая линия этих подонков – и “мусоров”, и их подручных исполнителей –“козлов” – ясна. Под видом заботы о чистоте, гигиене, санитарии, постоянными безумными погромами–уборками, проветриваниями (в мороз!), выкидыванием всего и вся, от сумок под шконками до матрасов со свободных шконок, – не дать жить! Замучить, затравить, загнать в угол, оставить только в том, что на тебе, заставить простуживаться, болеть, а м.б., и подохнуть от этой болезни – не

одного меня, нет, а всех мало–мальски нормальных людей, попадающих сюда, в эту психушку без уколов. В общем–то, это не новая выдумка – точно так же на воле в любую фирму, редакцию, телеканал, любую контору, которую надо прихлопнуть или хотя бы потрепать нервы – явится не ФСБ с обыском, упаси бог, даже не менты, а – СЭС! И закроет, опечатает помещение за “нарушения” своих санитарных норм, – а эти нарушения найти в любом углу любого рабочего помещения так же легко, как и просто выдумать из головы. А если офис с компьютерами, документами etc. опечатан, то, понятно, какая уж тут работа… Так и здесь: есть и чай пить будешь только в столовой, ходить – только в том, что на тебе; больше ничего – ни вещей, ни еды – тебе держать не дадут, сумки выбросят или забросят в каптерку, а там их разворуют; а в секции тебе не дадут не то что есть–пить, а просто зайти и сесть: там перманентная уборка!

Еще одно “грандиозное событие”: сменился завхоз 11–го! Того, прежнего, видимо, как–то подсидели, “ушли” какими–то интригами, – так, по крайней мере, я понял из слухов. “Козлы”, недовольные этим, вчера днем разгромили всю “козлодерку” – выволокли оттуда всю мебель, разломали оконные рамы, содрали занавески с окон и двери, даже обои частично ободрали – а клеили их, и делали все это новое оформление в “козлодерке” совсем недавно, к приходу этого, ныне снятого завхоза. Раз они несогласны, что его сняли – пусть, мол, новому достанется пустой, разгромленный кабинет с ободранными стенами.

Главная проблема – музыкальный центр с колонками, стоявший там, они вытащили в секцию и поставили в проходняке черножопой обезьяны, а колонки повесили под потолком на торцевую стену. Техника мощная – и вот уже 2–й день, с утра, глушат всех музыкой, врубаемой “на полную”, так, что стены трясутся, а я перестаю вообще что–либо соображать, – и под эту безумную музыку я как раз начинал все вот это, сегодняшнее, писать – пока они не сделали все же потише…

МАЙ 2010

2.5.10. 8–17

Все–таки они устроили мне вчера погром, эти мрази “козлы”, – то, чего я так боялся, все же случилось. И не только сами устроили, но и Палыча натравили; выволокли все тумбочки, шконки, едва не выбросили и мои вещи, – ублюдки...

Первое мая, да еще и суббота, выходной и праздник одновременно, – казалось бы, что не отдыхать, не сидеть спокойно дома, или с семьей поехать куда–нибудь на природу, на шашлыки? Но нет – начался май, и “мусора” носились по зоне туда–сюда, словно майские жуки. Агроном, Пименов, Окунь, Палыч, другие отрядники, – короче, вся эта свора, вся мразь. Палыч, вопреки моим ожиданиям, что хоть на “праздники” его не будет, шлялся туда–сюда, как обычно. После обеда начался традиционно принудительный “субботник” – прочищать дренажную канаву на “продоле”, вскапывать “локалку”, а в бараке поснимали в “фойе” все со стен и начали внепланово – не в четверг, а в субботу, но они в любой день рады этим заниматься – драить с мылом стены.

Этот урод Палыч все торчал и торчал, придя, где–то во дворе, руководил “работами” по вскопке и пр. А я, как только с того “продола” ушел дневной (послеобеденный) обход, хотел рвануть к “телефонисту” – но идти пришлось бы мимо этого урода Палыча, а он всегда интересуется, куда я и откуда. Ладно, пошел – типа, подышать воздухом, почитать газетку, вывешенную на стенде у входа, и т.д. Вышел – а он как раз мне навстречу, заходит в барак. Наконец–то!

Дошел до “телефониста” – того опять нет на месте. Думал, опять облом, но потом увидел – он в “фойе” гладит себе штаны. Говорил с матерью, стоя около него – ввиду быстробегающей “смены Окуня”.

Возвращаюсь на 11–й – а в калитке уже стоят “козлы”, самые мерзкие, и ехидно так говорят мне, что, мол, меня звал Палыч что–то там “у себя убирать”.

Поднимаюсь – в секции полный погром! Шконки по стене от середины секции до моей включительно отодвинуты от стены, тумбочки тоже, а “мои” две – так вообще вытащены в центральный проход. Палыч прется туда – и с возмущением мне показывает – мол, это что такое?! И мне ясно, что его возмущает не столько грязь за шконками или что–то еще, сколько склад пакетов с вещами за моей шконкой – они каким–то чудом не развалились, когда все двигали и волокли, и лежат

аккуратненько, как я сложил.

Я высказываю большое недоумение, зачем вообще понадобилось все это двигать. Он: чтобы запах был приятный. Я: но запах не стоит того, чтобы тут все выворотить, устроить этот погром. Он: ах, погром?! Ну, я Вам устрою погром! (угроза!) Я: да Вы уже устроили! Да еще где–то по ходу этого разговора я сказал: мол, стоит на 5 минут выйти – и начинается... Он тут же ответил: ну, я бы и при Вас все равно выдвинул... Да уж, не сомневаюсь!...

В общем–то, очевидно, что его натравили эти мрази “козлы”, пользуясь моим отсутствием. М.б., разговор опять пошел о запахе в секции (которого нет) – они ж тут все любители принюхиваться, от этого даже майорские погоны не лечат. И тут же они, эти ублюдки, свалили все на меня – мол, грязно, не убрано, и т.д. Но Палыч – не знаю уж, сам ли он выдвигал шконки, или нет – больше ничего у меня трогать не стал и, приказав, чтобы сумки мои были убраны в каптерку – удалился наконец из барака.

И тут на меня напали всей сворой уже “козлы”! О, что началось, – не описать словами! Их как будто истерика охватила, и они орали на меня всем хором – 2 ублюдка–“козла” еще прежних, “коренных” на 11–м, долговязая ехидна–предСДиП, которая старалась больше всех, и основная часть моих дискуссий была персонально с ней; потом еще подключилась цыганская обезьяна, за ней – “молотобоец”, да еще все время тявкал и подвизгивал угрожающе какой–то малолетний злобный сучонок из СОПиТа (который теперь КОП :), работающий в ларьке и тоже перешедший сюда со 2–го барака той осенью.

Бой был хоть и словесный, но жестокий! Сперва они всей кодлой насели на меня, чтобы я лично взял швабру и начал убираться там, за выдвинутыми шконками. Я категорически отказался, и только сложил свои пакеты оттуда на шконарь. Сколько ехидна и прочие ни гавкали, ни приказывали, ни понукали (а наиболее злобный из старых “козлов” 11–го, хотевший в том году убить мою Маньку, как обычно, громко орал всем, чтобы у меня там никто не убирался, т.к. Палыч сказал, что убрать должен только я сам, – что было, естественно, ложью), – заставить меня словами они оказались не в силах, а бить не посмели! Под конец призвали все–таки самого забитого пацаненка из “обиженных” со шваброй и совком – и он там быстро все вымел.

А до этого, да и после – они все наскакивали, визжали и лаяли на меня! О, как они визжали, радуясь поводу выплеснуть всю свою застарелую, с сентября 2009 еще, ненависть ко мне, порожденную элементарной завистью (как же – ем все время колбасу у них на глазах, а им не даю...), но в итоге вся эта их

истерика доставила мне (особенно когда я понял, что вещам моим ничего не угрожает) немалое удовольствие: оказалось, что я могу еще держать удар! Что я в состоянии по–прежнему отбрехиваться в одиночку от целой стаи этих разъяренных шавок, да и физически они мне не так уж страшны – один из старых “козлов” 11–го, потеряв терпение заставлять меня убираться, заорал было что–то угрожающее, о намерении меня ударить, возникшем у него. Но когда я спокойно ответил: “Давай, попробуй. Иди сюда...” – эта тварь заткнулась, и продолжения не последовало. Та самая тварь, что чуть не ежедневно лупит палкой “обиженных” работяг – и молодого, и старого – за плохую (якобы) уборку и пр., зная, что уж те–то точно отпора не дадут, что их МОЖНО бить...

Конечно, все, что они мне орали и визжали, я уже не вспомню, да это и не нужно. Больше всех, повторюсь, орала, “воспитывая” меня (и начав с того, что объявила мне: “Ты – черт!” :), долговязая ехидна; но она уж слишком слаба со мной как спорить, так и драться (единственное преимущество – высокий рост). Очень нервно среагировала, когда я сказал: “Ты – идиот конченный!” и обосновал тем, что стоит только раздеть и посмотреть на наколки. Под конец убийца Маньки и “молотобоец” хором заорали, что, мол, Палыч им обещал по выговору за плохую уборку секции, и “молотобоец” заявил, что если ему и впрямь вынесут этот выговор, то он меня... не помню точно, не то на улицу выкинет вместе со шконкой, не то в “фойе” выселит, и т.п. Это, кстати, несмотря на то, что не трогать меня ему персонально еще зимой говорил “телефонист” (со слов “телефониста”, конечно). Но тут уж я применил другую тактику: когда “молотобоец” со своими угрозами подошел ко мне близко, я пригласил его сесть и стал ему объяснять, что и как. С первых же слов его враждебность удалось почти преодолеть: он–то (со слов другой “козлячьей” мрази) думал, что я не “даю за уборку” (т.е. курева уборщикам), и сразу смягчился, когда я сказал, что дал только позавчера пачку 2–м уборщикам секции. Затем я стал растолковывать ему, что выговора не по делу есть повод для жалоб; что выкинуть меня по своему произволу никто никуда не сможет – я устрою с воли такой поток жалоб, исков, публикаций в СМИ и т.п., что для виновных зэков дело кончится как минимум изолятором; что вообще–то уборка не должна мешать жить, постоянно не давать ходить, сидеть, хранить вещи, и т.д. и т.п.; рассказал историю, рассказанную мне еще в том году соседом–сапожником, бывшим СДиПовцем (сейчас он на 1–м бараке): что, бывало, с будки–“поста” приходишь на 2–й барак в туалет – а там вечно уборка, как ни придешь, и не пускают в туалет! Рассказал и

старый советский анекдот про армянское радио: “Войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется”. Мне кажется, его проняло: достучаться до его куриных мозгов (все ушло в мышцы :) я все же смог – особенно судя по реакции на анекдот. По край ней мере, орать и угрожать он перестал и отвалил уже в спокойном состоянии.

Чем все кончилось? Да в общем–то ничем. После того, как “обиженный” подмел, никакого мытья не последовало, все стали задвигать шконки–тумбочки; я, не в силах сам, попросил соседа – обезьяну–уборщика; хотел было “ночного”, постоянно живущего на моих сигаретах, и даже заранее, в самом еще начале скандала, попросил его потом помочь; он согласился. Но на него тоже начали “наезжать”, сравнивать со мной, обвинять в том, что он тоже “черт”, не моется, и т.д. – и он, взяв ложку, пошел в 16 часов на обед для “ночных” – и пропал, появился только в 8–м часу вечера, перед проверкой. Я уверен, что это не случайно, что он специально свалил, чтобы не слушать эти “наезды”, не помогать мне и не быть приравниваемым ко мне. Что ж, “друг” познается в беде...

В сухом остатке все получилось даже лучше, чем было. Шконку придвинули не так почти вплотную к стене, как раньше, а немного посвободнее, и мои вещи, которые я опять туда, за торец, сложил, теперь держать там удобнее, больше места. К тому же, с 2–х сторон этот “погреб” я выгородил дощечками, чтобы ничего не уезжало под кровать. Верхнюю тумбочку со своей посудой и пр. “козлы” не стали ставить назад в мой проходняк, а воткнули в соседний, где как раз на днях не стало верхней тумбочки. Сумки так и стоят под шконками – никто после ухода Палыча больше не заикался о каптерке (хотя сама эта тварь придет – и опять будет наседать, конечно...). В продуктовом бауле остались лишь несколько банок и шоколад, а если никто не будет докапываться до самого 10–го мая – то не останется ничего, все уберется в тумбочку. В общем, все не так уж плохо пока, и из вчерашней бури и грозы я вышел сильнее и увереннее, чем был до нее. :)))

3.5.10. 8–38

По сравнению с предыдущим – вчерашний день был довольно спокойным. Главным событием дня стал обход бараков Макаревичем, о чем Палыч возвестил еще на утренней проверке. Обещал приход “Макара” в 2 ч. Дня и сказал, что, мол, вещи из–под шконок лучше уберите сами – м.б., имея в виду меня. Но особо не свирепствовал, не докапывался до моих баулов, да и такой безумной суеты и беготни, как обычно, в этот раз не было – у всех и так все убрано, ЧТО еще убирать–то? Суетился и показушничал зато сам Палыч – после проверки велел срочно

тащить ему с 6–го стенд с бумагами – типа, в каждом бараке должна быть такая “доска объявлений” от начальства.

“Макар” поперся не в 2, а где–то около 4–х только, и то сперва на тот “продол”. Шлялся там очень долго; потом таки поперся на наш – и сразу “дальше по продолу”, в конец. Палыч, поджидая его, гулял по двору 11–го. А подходило уже время ужина (17–20 где–то – по воскресеньям–то на час раньше), и я боялся, что если эта харя в погонах явится сюда, когда все будут в столовке – Палыч ей специально настучит, и она выкинет мои вещи. Но все обошлось – буквально минут за 10 до ужина Макаревич с Махневым вернулись, не зайдя на 11–й, но прихватив с собой Палыча, поперлись с “продола” в столовку. А когда туда пришли мы, “Макара” уже не было и там – свалил, слава богу.

А между тем, уже, считай, лето. Дожди, сырость – и первая зелень, которой покрылись пока лишь кусты во дворе, и цветущая, с сережками, но без листьев еще, береза во дворе 1–го барака, под окном “курилки”... Свежесть, лето, жара, дожди, зелень – последнее лето здесь. Так заманчива эта пора, так ясно, живо вспоминается каждый раз, как мы куда–то ездили с матерью, гуляли по лесу с Ленкой, так тянет пройтись тем лесом еще раз, вдохнуть эту свежесть, этот сырой, после утреннего дождя, воздух, ощутить эту зелень, эти деревья, прелесть этого старого деревянного домика у Ленки на даче, когда приезжаешь туда первый раз в году... Столько воспоминаний, столько предчувствий и грез будит в душе эта пора, эти начинающие зеленеть деревья, кусты, дожди и облака... Все было – но вот будет ли что–нибудь? Если выпустят отсюда, дадут вернуться домой – то все с нуля, все с самого начала, на пепелище... Ну да ничего, в следующем году в это время я уже буду дома, и березы под моим окном уже будут зеленеть – в Москве они ведь зеленеют раньше...

Началась 46–я неделя до конца, сегодня понедельник. Мне остался тут 321 день, 10 с половиной месяцев.

15–52

Короче, великий субботник, растянувшийся на несколько дней и чуть запоздавший. Двор уже вскопали, теперь красят забор “локалки” и пожарный щит, прибитый только сегодня в “курилке” на улице (раньше висел на стене самого барака). По всей зоне, по всем дворам –вскопка–уборка–покраска заборов и т.д. Палыч, естественно, опять здесь, но мои сумки пока что не трогает.

Только что долговязое, омерзительное на вид наркоманское блатное чмо, типа “смотрящего” за этим бараком, приходило в эту секцию разносить “молотобойца” за то, что у него завелась

“труба” (довольно давно уже), а он и сообщить этому “наркоше” так и не подошел, и – главное – “пользы” от него нет, и от того, что у него эта “труба” – типа, лежишь ты тут балластом, и все. Короче, ругались 2 подонка, и послушать (на нормальной громкости) все это было очень забавно. “Молотобоец” при блатных (даже 2–х) тут же утратил всю свою обычную наглость, кулаками не махал, по мордам их не хлопал, а говорил, как бы оправдываясь. Мол, польза есть: всем даю звонить, кто просит (наркоша как раз напирал, что, мол, давай другим звонить – вот и будет “польза”); проиграл тут приличную сумму – а с проигрыша ведь 20% идет на блатное “общее” (наркоша тут же ему отвечал, что это, мол, твое личное – сел поиграл; тебе захотелось проиграть – ты проиграл); с другой стороны – “молотобоец” высказывал жуткую обиду, что ему тут не дают заниматься “железом” (видимо, тягать гири, штанги и пр.) в “спортгородке” – он на это жутко обижен и ничего делать не будет. Блатной наркоша ему на это отвечал, что, мол, раз от тебя нет “пользы”, то тебе никто и не даст “железо”. В общем–то, блатное это чмо несло обычную, уже хорошо мне знакомую блатную демагогию о мифической этой “пользе”, – вроде как всё, что у тебя есть, отдай типа на “пользу” всем; но реально всё, кроме дешевых сигарет, карамелек и чая, пойдет одним лишь блатным. Хотя оба – конченные подонки, но “молотобоец” в этой демагогической дискуссии ни о чем и то выглядел приличнее.

Задело это наркоманское чмо походя и меня. Пеняя “молотобойцу”, что, мол, вы (“красные” со 2–го барака, где тот не был, кстати) живете в этой секции полгода – и превратили ее черт знает во что (и близко нет ничего подобного в реальности) – из дальнего угла, где сидел, стал тыкать пальцем в мою сторону: Стомахин, мол, у себя там грязь развел (или как он точно сказал? – не помню. Отголосок позавчерашнего скандала. :) и спрашивать, хожу ли я “хоть” в баню. Я не стал отвечать этой нечисти – тем паче, орать издали; если б подошел поближе, вполне можно было бы осведомиться: “А тебе–то какое дело?”. Но главная претензия ко мне у наркоши была другая, он ее уже мельком озвучивал и раньше: мол, я там, в интернете, все время что–то пишу “за лагерь” (слышали, но не читали. :)) А почему бы мне и не писать, собственно?). Пообещал: мол, кто–то из его друзей найдет “мою” страницу в инете – и, типа, запустит туда вирусы. :) Очень–очень страшно. Ну, а “молотобойцу” это животное, естественно, пообещало забрать “трубу”.

Сел писать – эти твари заметили, причем уже “козлы”, в отличие от “молотобойца”, блатными одобряемые. Заворчали, заскрежетали зубами. Сейчас вот, только что, приходил один –

тот самый сучонок из ларька, 19 лет, как оказалось, от роду, и пытался задавать мне вопросы и проводить со мной что–то типа воспитательной беседы. :))) Почему, мол, я такая проблема для всех – с одной стороны, пишу–пишу, и из–за меня (!) приезжают комиссии; с другой – не моюсь :), не убираюсь, и т.д. Но воспитательная беседа у него получалась плохо, т.к. ответить на мои контрвопросы он не смог, назвать источник своих “сведений” – тоже; и когда я сказал, что их многочисленные претензии у меня вызывают лишь здоровый смех – вынужден был уйти ни с чем. :)

4.5.10. 8–23

И вот – опять беда, откуда не ждали! Грядет новая чума, и прятаться от нее некуда: вчера узналось, что твари во главе с отрядником затевают в бараке ремонт!!

А это значит – шконки будут сдвигаться, передвигаться, выноситься – в “фойе”, ту секцию, в “обувничку” и хорошо еще, если не на улицу, как жил 10–й барак тем летом на улице, под дождями. Тумбочка моя – будет уже не при мне, хранить жратву будет негде, вещи, что за и под шконкой – тоже (только собрать в большой баул, как тогда, при переезде на 11–й). Ни поесть толком, ни поспать, ни лечь, ни встать... В общем, грядет кошмар.

Вчерашний вечер тоже был сплошным кошмаром – уборочный психоз у всех здешних психов опять обострился до предела. Часов в 5, еще до ужина – затеяли вдруг отодвигать все шконки от окон, по той стене секции, что–то там мыть за ними, а заодно – швабрами отшелушивать со стены краску (которая давно уже шелушится) – типа, в преддверии ремонта. Выдвинули шконки на середину секции – ни пройти, ни проехать – и сходили так с ума до самого ужина.

После 7–часовой проверки – еще хуже. Вдруг уже от стены без окон, с моей стороны секции, начали опять отодвигать шконки. Позавчера ж только отодвигали – опять?! Слава богу, за одну всего шконку до меня остановились, а то я уж думал – всё, плакал мой ужин! Мыли пол под шконками, драили тряпками крашенный низ стены (примерно метр с чем–то от пола, – здесь на всех бараках так делают: низ – крашенный, а выше, до потолка – обои), а сами обои выше – тоже усердно протирали тряпочками (причем обои, конечно, не моющиеся, а обычные, бумажные, дешевенькие). Идиоты!..

Начался новый день – и в полдевятого в барак уже приперся Палыч. Сегодня, видимо, будет не менее весело, чем вчера...

6.5.10. 10–09

2 дня прошло относительно спокойно – и вот... Очередное нашествие, короче. Утром, еще и 6 не было, минут где–то без 5–

ти – вдруг крик: шмон–бригада и “маски–шоу” прутся по “большому”. 22 человека во главе с “Макаром” – на тот “продол”, на 10–й. Пробыли они там где–то час, и из–за них 10–й пошел на завтрак позже – когда уже собирался на улице 11–й.

В начале 8–го завыла вовсю сирена – значит, еще не конец. Уборка (четверг, “генеральная” :) была по минимуму, – еще бы, все взбудоражены “масками”. И в баню я рванул как раз к полдевятого, как включают воду.

Еще радовался, дурак, что хорошо сходил, что все тихо–спокойно... Пришел, проходит минут 20 – прутся сперва 6 “мусоров”, 3 на наш “продол”, 3 на тот. Я как раз смотрел в окно, увидел их сам. Подумал – м.б., обход такой?.. :) Куда там, – за ними, минут через 5 – целая туча этой нечисти в погонах!.. И “маски” опять (черные маски–шапки на головах, камуфляж зеленый, а у местных у всех голубой, – видать, приехали откуда–то), и “Макар”, и отрядники, и всякое начальство – человек 100, не меньше!

Большинство ушло опять на тот “продол”, поменьше – на наш, и последним сюда – “Макар” со свитой. Зашел на 6–й. Мне как раз хорошо видно в окно секции, напротив меня – весь 6–й выгнали на улицу с вещами, построили, “Макар” что–то долго вещал перед ними, махал руками, здесь же говорил по мобильнику, потом ушел, с ним еще трое. 6–й весь разбрелся по двору, поставив сумки на землю – и сумки, как я их вижу из окна, не шмонают (по крайней мере, пока). В дверях барака стоит их отрядник, никого не пускает, а к их воротам подъехала лошадь с телегой и стоит – что–то будут грузить и увозить.

Самые последние слухи в секции, среди “козлов” – что сейчас еще “пойдет прокурор”, что ОМОН приехал нижегородский и что сейчас эти “маски–шоу” скоро придут к нам, на 11–й. Время – 10–20, до проверки еще далеко. Шмон вовсю идет по обоим “продолам”, – 6–й, 8–й, наверняка 7–й, и т.д.

10–40

В 10–30 эта лошадь с телегой вывезла уже с 9–го штук 10 деревянных щитов со шконок, изымаемых тут с прошлого года неукоснительно на всех шмонах. С телегой ушла и толпа “мусоров”, человек 15–20, в т.ч. несколько “масок”. Несли они 2 баула, больше ничего. Еще через минут пять 8 “мусоров” вышли с 6–го, не неся вообще ничего – и народ там бросился заносить внутрь свои сумки, которые так никто и не шмонал. Итого, на 6–м и 9–м шмон длился час (где–то около 9–30, минут 25, что ли, 10–го пришли – и до 10–30) и не ознаменовался никакими существенными потерями, кроме щитов на 9–м. Только что – двое с того “продола” пришли на наш, пошли дальше по “продолу”.

Время 10–45, и с того “продола” еще никто не уходил. (Эти двое – только что, пока пишу, уже ушли с “продола”.)

Советская, хорошо известная манера – повальные шмоны и общее усиление террора перед праздниками. В совке это были 1–е мая и 7–е ноября – основные; сейчас это Новый год и 9 мая – стержневой праздничек режима, держащегося на главном своем мифе – что, мол, несмотря на все репрессии, террор, геноцид и пр., “мы” (их Сталин и его наследнички – путины и пр.) победили фашизм, спасли Европу, мир и т.д. – и потому, дескать, наше государство, прямо и официально правопреемственное сталинскому СССР, таки имеет право на существование. Если же огласить правду – что эта красная сума была куда хуже и страшнее фашизма, и жертв в разы больше – то оно это право автоматически теряет, вся конструкция “РФ” рушится в идеологическую пропасть...

На 9 мая назначена “спортакиада” (так она названа в объявлении, висящем на стенде у столовки), на 10 – викторины о войне (?! :) и о Нижнем Новгороде. Представляю себе этих энтузиастов–спортсменов, лихо гоняющих мяч и пр. – после оскорбительных повальных шмонов, перевернувших внутри все бараки вверх дном. Или энтузиастов, думающих над вопросами викторины и тянущих руку (чтобы повторить очередную пропагандистскую туфту о войне).Минимальным, наиболее еще мягким ответом “Макару” на ОМОН, вызванный без всякой надобности, и эти хамские шмоны, мог бы стать всеобщий отказ участвовать в этих его “праздничных” показушных мероприятиях. Но увы – это быдло ни на какой организованный протест неспособно (тем паче, что за участие в “спортакиаде” дают поощрения).

7.5.10. 8–40

Основные события я все же успел описать вчера. После 11 утра “мусора” быстро ушли и с того “продола”. Итого, прошмонанными оказались 6–й, 9–й, 3–й, 10–й, 8–й и 4–й. Да, еще забыл: утром, уйдя с 10–го, толпа “мусоров”, видели в окно, пошла в ШИЗО.

Только закончился шмон – оказалось, что опять “в лагере комиссия”, и “козлы” опять начали вякать насчет “убирайте лишние вещи”. То есть, комиссия, шмон и ОМОН – всё вместе, все 33 удовольствия разом, в один день и в одном флаконе. :) Но больше вчера, несмотря на ожидания и слухи, шмонов нигде не было. Зато после обеда, видимо, произошло еще одно заметное событие: током от сварочного аппарата убило сварщика – молодого парня 22–х лет с 1–го барака. Насмерть.

Для меня чуть ли не главным событием дня стало, когда

Палыч на утренней проверке, пожурив для начала, как всегда, школьников, вдруг заявил: все эти обыскные мероприятия проходят потому, что Реймеру кто–то принес опубликованный в интернете (!) неизвестными авторами (!!) материал о том, что в Буреполоме вся подготовка к московской комиссии (какой именно?) оказалась показухой, и у каждого в зоне по 5 телефонов. Дословно не помню, но как–то так. Насчет "неизвестных авторов" он еще этак выделил голосом, подчеркнул. Иначе как натравливанием и подлостью, это назвать нельзя – и сработало: вся шваль тотчас набросилась на меня. Впрочем, в лицо спросить, не я ли писал, решился только один (злобный шнырь–бражник, с которым в 2007 я жил на 13–м в одном проходняке); "козлы" прямо ничего не говорили и не спрашивали, но специально громко обсуждали это между собой и поносили меня, проходя мимо моей шконки. Несмотря на тревожность и общую омерзительность ситуации, это доставило мне немало удовольствия и неплохо позабавило. :))

Сегодня утром у столовки встретил знакомого с 8–го (привезли недавно сюда с 9–ки досиживать 2 месяца; сам из Якутска), и он мне поведал: ты знаешь, почему эти шмоны, "маски" и пр.? Это, говорит, в "Комсомолке" (видимо, нижегородский выпуск) вышла статья про Буреполом – в частности, тоже упомянул, что "по 5 телефонов", или что просто полно телефонов тут у каждого, – это в статье точно упоминалось; вот, мол, и прислали "маски–шоу" из Нижнего – искать эти телефоны. Конечно, версия про "Комсомолку" гораздо правдоподобнее, чем про меня :), но все равно – статьи этой никто в глаза не видел и не читал, циркулируют одни слухи, тогда как шмоны перед праздниками в лагерях были всегда.

Перед отбоем пошел густой слух, что сейчас, после отбоя, "маски" пойдут именно к нам, на 11–й, но не пошли, конечно.

Утро сегодня началось с визита Макаревича опять на 6–й. Я воспринял это как добрый знак: раз он шляется один с утра по зоне – значит, подготовкой такого нашествия, как вчера, не занят, – м.б, продолжения сегодня не последует. Хотя это лишь интуиция и предположения, конечно. Постоял, возвращаясь, около калитки 11–го, но заходить не стал, ушел.

С утра, пока я брился, позвонили – оказывается, опять собирают в школу школьников. Палыч уже приперся – сейчас торчит на 1–м, до нас еще не дошел. В общем, пока все тихо–спокойно. Время 9 часов без одной минуты.

14–29

Идиотизм и полные вилы! Пошел сейчас прямо с обеда – "телефонист" сидит на "продоле", курит и говорит мне, что, мол,

“трубы” все убраны, ждем сейчас страшного шмона, после “праздников” приедет комиссия из Москвы, и все прочие ужасы. И спрашивает, не я ли в самом деле написал то “в интернете”, из–за чего приехала комиссия? (Шмон, точнее.) Мол, Агроном вчера заходил и опять его спрашивал, зачем он дает мне звонить. (Не верю в это абсолютно, хотя слышу не 1–й раз.)

Пошел на 8–й – дружок тамошнего “запасного варианта” стоит прямо во дворе и говорит, что, мол, все убрано, достаем только ночь, после 10, и продолжаться все это будет месяца 2, пока устаканится.

Зашел напоследок еще к одному – “красному” – чмошнику на 3–й; с ним когда–то мы были вместе на 13–м, а потом, уже я был здесь, он много чего обещал. Он сидит, чинит свой телефон и говорит, что, мол, сломан, – это я и сам вижу, но тоном далеко не любезным, даже не секунду не желая оторваться от дела, а ряжом сидят какие–то люди, при которых я говорить не хочу.

Короче, со связью опять вилы, и сколько они продлятся, неизвестно. Пока – вот уже 2 дня.

17–10

Никаких шмонов, конечно же, нет, все спокойно. Зато есть Палыч, чтоб ему сдохнуть, – опять прется “в отряд”.

Неприятная перспектива лазить сегодня ночью “дорогами” по баракам, прислушиваясь и удирая от обходов (хотел написать – патрулей. :)

8.5.10. 8–46

Ну что, сходил вчера... Свет еще выключали на полдня – с 4–х где–то и до полдесятого вечера. Так что поужинать еще успел до проверки, как обычно, а чай пришлось пить уже после отбоя. Попил, пошел...

Сперва к “телефонисту”, конечно. Эта мразь лежит с “трубой” на шконке и с этаким трагическим видом говорит: мол, сегодня не получится, завтра я приду и тебе все объясню. Не дает, то бишь, позвонить матери. И еще добавляет: мол, если “это” подтвердится (типа, страшные слухи обо мне и “масках” :), то и вообще он, типа, не сможет мне “трубу” давать...

Я сперва подумал, что он просто напуган до смерти, но оказалось – нет. Пошел на 8–й – а там как раз только что “запасной вариант” с матерью моей говорил, перезванивал ей, включив телефон, узнавал, чей номер, как обычно здесь делают. Так что меня, считай, на 8–м уже ждали.

И мать рассказала, как она весь день ругалась по телефону с “телефонистом”. Оказывается, еще утром, несмотря ни на какие ожидания шмона, он ей звонил и спрашивал, послала ли она ему (кому–то из его друзей, видимо) деньги, обещанные якобы за

безлимитную “симку” – что–то около 2000, по крайней мере, не меньше полутора. А когда она ему, как мы и договаривались заранее, сказала, что у нее изменились обстоятельства, пришел большой счет за квартиру и она послать деньги не может – он заявил, что тогда он и “трубу” давать мне не будет. И не дал, ублюдок – но только мне–то он про свое вымогательство не говорит, а прикинулся, будто боится из–за всех этих шмонов, статей (якобы) в инете, и т.д.

Вот такая вот мразь. Своими руками всадил бы ему в брюхо очередь из “калашникова”, ей–богу! Такие гниды на свете жить не должны. А что делать теперь с регулярной связью – неизвестно; кроме “запасного варианта”, не очень–то любезно настроенного (меньше, чем предыдущий, по крайней мере), больше никого и нет...

9.5.10. 8–23

Вчера перед самым отбоем, пока еще горел свет, избили шныря, моего теперь нового соседа по шконке – здорового, высокого парня 26 лет, с чисто грузинской внешностью, но русским именем, фамилией и говорящего без всякого акцента. Бывший СДиПовец и, судя по поведению, реакциям и т.д. – явное отставание умственного развития; просидел где–то полгода из своих 3–х лет. СДиП ликвидировали, он перестал на весь день уходить на работу – и быстренько стал здесь шнырем, его запрягли кипятить чайники, мыть посуду, таскать “козлам” из столовки жратву и т.д. Тихий, забитый, безответный – а тут полно желающих воспользоваться на халяву услугами шныря, хотя бы и чужого. И вот вчера этого бедолагу затащили в тот самый “козлиный” проходняк, где по ночам зажигают лампу – и стали выпытывать сперва, где он был до проверки, не в той ли секции убирался (были попытки его запрячь там убираться, в блатной секции), а потом – почему он кому–то что–то из той секции стирает. Больше всех лупила его мерзкая цыганская обезьяна – сперва (подпрыгивая из–за своего низенького роста) ладонью по голове, сбоку, повыше уха – раскрытой ладонью, не кулаком, но с такой силой, что тот только качался всем телом от каждого удара; потом начала месить кулаками в живот и по спине. Между ударами тварь проводила со шнырем “разъяснительную беседу”: мол, ты понимаешь, что из–за тебя здесь был “рамс” (ну да: это наш шнырь, а не ваш, и не загружайте его работой еще и а вашу секцию! :), зачем ты им стираешь и – главный тезис! – будешь теперь всем стирать в этой секции. Еще какое–то чмо (тоже бывшее СДиПовское) , которое тоже охотно било шныря, в основном по лицу, пыталось всучить ему здесь же в стирку носки, но он их брать не хотел, стоял молча, не отвечая на весь поток

брани и обвинений – и за это его тоже били: “что ты молчишь?!!”.

Вообще, давят, душат, жмут, стиснули уже так, что трудно дышать. (Помню, писал так же про них и осенью, но – что поделать, если все повторяется?..) Ненависть ко мне “козлов” принимает порой совершенно комические, гротескные формы. Мне они мало что говорят, но между собой – громко и глумливо меня обсуждают. Например (вчера) – сколько именно человек нужно, чтобы выкинуть меня из окна (раз я не выхожу на проверку за полчаса, “как все”), а потом все присутствующие с удовольствием подтвердят, что я, типа, мыл окно и сам выпал. Или – что я “не даю за уборку” и поэтому не надо у меня в проходняке убираться, – “пусть живет кем жил” (традиционное здесь выражение). Но, видя, что я ем что–нибудь, – живущая наискось от меня наглая гнида, тот самый 22–хлетний “активист”, что выбрасывал в окно мою кошку еще недавно, – начинает – тоже этак глумливо – клянчить все, что у меня видит.

Разумеется, я никак не реагирую на все их глумление, нервы у меня достаточно крепкие, я видел/слышал еще и не такое. Смеюсь от души про себя, а внешне – продолжаю спокойно заниматься своим делом. Вся эта мразь и шваль не стоит того, чтобы их даже слушать, не то что им отвечать.

Хуже другое – они моментально летят на подмогу, как только становится заметным малейшее давление на меня “мусоров”. (На подмогу “мусорам”, разумеется.) Вчера Палыч на утренней проверке объявил очередной приказ: все зимние вещи упаковать и вывезти на склад. Объявляя это 114–й “бригаде”, где я, специально добавил: “Стомахин, Вас это тоже касается!”. Пара злобных шнырей–заготовщиков, ненавидящих меня (в том числе тот самый, с 13–го, бражник–картежник) обернулись и посмотрели на меня с этакими злобно–глумливыми ухмылками.

Я так и не понял толком, только ли “телаги”, или вообще все сумки с вещами приказано было везти на склад, но зимние вещи паковали и грузили на телегу, специально приехавшую, по всему этому “продолу”, т.е. и по всей зоне. Спортивные сумки там тоже были, но – трудно поверить, чтобы все так вот легко согласились отправить свои сумки с носками–трусами и пр. на склад, откуда потом хрен что достанешь. Я, по крайней мере, оставил оба баула стоять под шконками, как стояли. Обе “телаги” у меня давно убраны под матрас, их снаружи не видно – и увозить их я тоже никуда не собирался. Снял только шапку, висевшую на видном месте, на раме верхнего яруса моей шконки.

Но – вчера Палыч во все свои бесчисленные за день приходы особенно активно лазил по этой секции, шмонал ее, совал во все свой нос. Покраска ворот и забора, изготовление и развешивание

новых стендов с “информацией осужденным”, и т.д. – и так ясно, что он готовит всю эту показуху к осмотру каким–то начальством – то ли “Макар” пойдет, то ли комиссия опять приедет (второе скорее). А уж когда перед ужином он начал в секции лично, отобранной у кого–то заточкой, резать веревочки, которыми некоторые шконки были связаны по две, чтобы не шатались, – все сомнения отпали окончательно. Ну и, конечно, докопался до меня. Уж не знаю, в курсе ли он про мои телогрейки под матрасом (и что сказал бы, если б узнал :) – но мою вещевую черную (!) сумку глубоко под шконкой он таки разглядел, спросил, моя ли – и сказал, этак мягко, правда, что надо бы убрать. А кроме того – это уже что–то новенькое! – убрать и вон те вон “кульки” (висящие у меня над головой на торце шконочной рамы – сумка с хлебом и пакет с лекарствами). До этих пакетов у меня над головой за почти 3 года здесь редко кто докапывался, и стало ясно, что Палыч хочет навести совершенно идеальную показуху в секции, без сучка без задоринки, – ясно, что для начальства. На мое негромкое замечание вслед, что как, мол, пользоваться вещами, если все убрать? – ходившая с ним даже не обезьяна уже, а цыганская цепная псина тут же загавкала яростно: “Но мы же убираем всё, – чем ты лучше нас?!!!”. (Замечательно типичная для них постановка вопроса, когда они встречают того, кто действительно лучше их.) Палыч же сказал, что, мол, вопросы–то будут задавать ему (по поводу моих сумок, якобы), а ему не хочется на них отвечать. “Я сам отвечу, если надо будет”, – сказал я, и он вроде как удовлетворился этим ответом. (Цепной псине, понятно, я отвечать не стал вообще.) Но когда случайно встретились при выходе из барака, я хотел было его спросить, как все–таки с переводом обратно на 13–й, а он, не поняв сначала, о чем это я – этак доверительно, негромко, без злобы, но все же... – сказал мне: “Убери сидорА”...

Ясно, что он не отстанет – он уже знает, где и что у меня стоит, и ему мои сумки мешают. Ясно, что “козлы” полностью на его стороне, готовы на все, чтобы только напакостить мне, и он предпочтет действовать не лично, а через них (тем паче, что он может их даже шантажировать получением “из–за меня” выговоров, как было недавно с уборкой). Ясно и то, что с его любовью лазить и шмонать – до зимы он еще успеет залезть ко мне под матрас, найти “телаги” и все остальное – и я не думаю, что он все там так и оставит лежать (хотя сверху и не видно) – учитывая, что уже 2 раза он на проверке требовал от всех убрать все “лишнее” из–под матрасов и не устраивать там “склад”.

Самое обидное, что осталось мне пережить здесь последнюю зиму – и пропаду как раз зимние вещи, их сейчас на себя не

наденешь, чтобы спасти. Телогрейки, теплая спортивная куртка в сумке, зимняя обувь (за шконкой), м.б., и свитер, висящий на самом виду, но спрятанный так, что не видно, если не рыться. А между тем, эта последняя зима осталась в моей душе таким шоком, – одно воспоминание о том, как в декабре–январе я буквально околевал здесь, в бараке, от холода, грелся чаем, что мне совсем не свойственно, не мог согреть ноги,ь одетые в 3 пары шерстяных носков, даже обмотав их телогрейкой, – вызывает у меня теперь какой–то подсознательный ужас. За 2–3 месяца до дома – неужели мне предстоит следующей зимой еще раз пережить все это? А если еще и теплых вещей не будет – того же свитера, допустим, который буквально спас меня в эту зиму... В общем, я не знаю, что делать, но твердо знаю одно: борьба против их каптерок, складов, уборок, их казарменной голой чистоты всего и вся – это для меня борьба буквально за жизнь, за то, чтобы не свалиться с температурой, не обморозиться, не околеть здесь в эту последнюю зиму...

После обеда вчера неожиданно явился дружок “телефониста” (но не сосед уже – переселили, освободив местечко для другого грузина, еще более блатного :). Принес “трубу” и спросил, буду ли я звонить. Палыча в этот момент не было, но т.к. главным для меня событием дня был готовящийся вывоз вещей – говорить об этом здесь, при “козлах”, привлекать их внимание было бы просто глупо. А на дворе – уже гавкали на меня за это местные блатные. Пошли на 6–й, в каптерку. Через пару минут – туда прется их отрядник. Ушли опять на 11–й, к “дороге”, там я встал так, чтобы за висящим бельем голову не было бы видно – “активист”–кошкофоб увидел и вот уже 2–й день глумится надо мной еще и за это (мол, “это тебе на за бельем звонить”; спрятался, мол...). Мать была на улице, перезванивает – и не слышит меня вообще. Отрядник 6–го ушел – пошли опять в их каптерку, благо она открыта. Но – на 1–й идет “мусор”, дальше с 1–го на 11–й... Короче, ждать его мы не стали и с 6–го разошлись по “домам”. Мать перезванивала несколько раз, но толком так и не поговорили, я еле–еле успел ей объяснить, что вывозят вещи.

А дружок “телефониста” сказал попутно мне, что, мол, на того “из–за меня” наезжают земляки, приходил кто–то из “земляков” с другого барака (хотя и на этом их полно) – и пока к нему, мол, не надо ходить, “дружок” будет приносить “трубу” сам (ну да, в удобное ему, а не мне, естественно, время), а м.б., “труба” будет убрана вскоре вообще. Ну да, ждут “московскую комиссию” :); но уж себе–то по–любому будут на ночь доставать, какое там “убрана”. Но – факт налицо: посланные позавчера матерью 2000 руб. дошли – и связь по этому каналу

возобновилась; а если бы она их не послала – не только не принесли бы мне телефон прямо на барак, но и вздумай я пойти опять сам (а я не собирался после одного отказа ходить клянчить еще) – наглая хитрая тварь “телефонист” сказала бы мне, что из–за общего возмущения блатных “земляков” (которое в принципе действительно может быть, – ведь эти тупые, невежественные, примитивные скоты не будут, да и не способны, разбираться и вникать – кто и что писал и писал ли вообще) он, увы, не может давать мне больше телефон (несмотря на свои бесчисленные прежние заверения, что пока он здесь – связь у меня будет всегда). :)

Сегодня “праздничек”. Мразей “козлов” пока что нет – ушли на “спортакиаду”: одни участвовать, а другие, оказывается, в жюри. Не сомневаюсь, что и Палыч сука, припрется даже в “праздник” никак не позже обеда. Главный вопрос: как сохранить свои сумки и вещи от каптерки/потери/выкидывания?..

10.5.10. 9–07

Понедельник. Закончилась вчера 46–я неделя до конца, ознаменованная повальными шмонами с участием “маски–шоу” и потерей стабильной связи. Началась 45–я. Что принесет она?..

Уже лето, но я его почти не замечаю – такая тяжелая, гнетущая, душная, порой накаленная атмосфера вокруг. Так тяжело каждый день, час за часом, дни и ночи – среди этих подонков, среди отъявленной нечисти и швали, с которой меня держат. Держат вот уже 5–й год... Только по начавшейся жаре после недавнего похолодания и дождей – очнешься вдруг, оглянешься по сторонам, как спросонья: ба, уже лето!.. А я и не заметил – то уборки, то шмоны, то Палыч... На сегодня кировское радио опять обещало жару – а здесь пляжный сезон уже давно открыт, все загорают...

Дни тянутся бесконечно, длинные и нудные. Последняя новость: сюда опять прется Палыч, зашел пока на 1–й. С 26 апреля, как приехал, он приходит ежедневно, не пропустил еще ни одного дня...

14–38

Чутье не обмануло меня: уже завтра (1–й рабочий день) ожидается комиссия. В преддверии ее старшим, наиболее злобным и доверенным у Палыча “козлом” велено было снять занавески с окон. Чем помешали?..

Показушный ремонт и покраска всего и вся во дворе принимает уже комические формы. Вчера заложили кирпичами и замазали цементом большую выбоину в стене барака, у самой земли. Сегодня эту стену весь день, с утра, штукатурят; вся лестница в побелке, так что я испачкал рукав, поднимаясь с

проверки. Покрасили также в красный цвет 2 синих железных бочки для воды, стоявших под окном туалета (вода наливалась оттуда через шланг). Теперь это не простые бочки, а пожарные. :)

Самый грустный факт: новый завхоз, не найдя никого толкового из своих, решил вдруг у меня поинтересоваться, какая примерно ширина потолка в “приемке” и “культяшке” (такая же, как и в секции – это просто их торцевые помещения, отделенные стенкой). Значит, ремонт уже на носу, к нему эти твари готовятся, меряют, считают – и, конечно, “приемкой” и “культяшкой” он не ограничится...

Матери вчера не звонил, хмырь с “трубой” “телефониста” так и не пришел, да и сегодня – едва ли. Остается пойти к “запасному варианту” после отбоя, но рискованно: сегодня – смена Окуня... А завтра – комиссия, и все “трубы” могут быть вообще зарыты, все “дороги” заколочены наглухо...

11.5.10. 8–55

После 9–часовой проверки вчера, не заходя в барак, поперся прямо к “запасному варианту”. Иду по их двору, оглядываюсь – так и есть: сидят вместе с дружком–соседом на скамеечке, с самой проверки, прохлаждаются. “Трубу”, значит, еще и не доставали. И “запасной вариант” говорит мне, что, мол, сегодня не получится – сейчас набежит целая толпа, как достанут, потому что целый день, считай, никто никуда не звонил: на бараке оставлено всего 5 “труб” на 70 человек (что–то мало стало народу, раньше и по 170 бывало), и то у тех, кто “занимается делами”, а остальные убраны. Нет, никак не получится.

Ах, будь ты проклят!.. Иду “домой” в упадническом настроении, думая, что теперь уже все мои возможности исчерпаны и сделать ничего нельзя – остается только ждать, когда случай представится сам (а как скоро это будет, неизвестно). Но спать еще не лег – и тут меня начинает разбирать мысль – что, если, несмотря на все мое отвращение и просьбу не приходить, отправиться сейчас все–таки к “телефонисту”, наудачу – вдруг да получится что? Недолго думая, беру палку и иду.

Короче, он дал–таки мне позвонить матери, хотя все время торопил. Потом вывел поговорить на улицу и сообщил, что с ним разговаривали “блатные” с 10–го, он сказал им, что телефон мне дает он, и у него отдать эту “трубу” на 10–й, а самому брать пользоваться только на время. Потому, мол, сейчас и торопил, что надо ее туда “отгонять”. Честно говоря, в эту версию я не поверил совершенно, но спорить без доказательств и опровержений не было смысла. Ко мне твердо обещал раз в день засылать своего дружка с телефоном – но тот и сам обещал заходить, и после этого 2 дня не появлялся, так что надежды

мало. Сказал, что “точка еще не поставлена”, так что где–то через неделю выяснится окончательно, заберет у него блатное “начальство” с 10–го этот телефон, или нет.

А насчет моей якобы “вины” во всем этом – сказал, что якобы 29 апреля в “МК”, и не в нижегородском, а в московском, была какая–то статья про Буреполом – и якобы на “моем” сайте тоже, но это я решительно отверг сразу, а он не мог показать – говорит, “с 10–го” теперь вообще запретили лазить в инет. Попросил, чтобы я сказал своим в Москве найти номера “МК” с 29.4. по 5.5. (почему–то) и привезти сюда, на свиданку. Найти–то можно, но я больше чем уверен, что ни в каком “МК” о Буреполоме никогда не было ни слова. Скорее уж, эти слухи и натравливание – ответ оперчасти на мое последнее письмо Маглеванной, довольно резкое по отношению к путинскому режиму, – там говорилось, в частности, о несомненном убийстве Качиньского...

12.5.10. 15–50

Комиссия, комиссия... :) С утра, сразу после завтрака – очередные “страсти по комиссии”, уборка–приборка опять всего и вся, впрочем, не особенно интенсивная, т.к. убирать уже особо и нечего. Висящие на нижних перекладинах шконок носки, чья–то забытая на тумбочке зимняя шапка, чья–то висящая в изголовье жилетка из телогрейки – все было “сметено могучим ураганом”. Откуда–то приволокли и расставили чуть не у каждой шконки десятки старых разнокалиберных табуреток. Мелкая мразь – 20–летний уборщик, мывший пол, недавно приехавший “этапник”, уже показавший мне себя конченной нечистью и чрезвычайно быстро вписавшийся в здешний образ жизни – наткнулся своей шваброй под шконкой на мой продуктовый баул и затявкал что–то; тут же долговязая ехидна–предСДиП со своей шконки, не вставая, приказала мне убрать “сидорА” в каптерку. Ага, как же!.. :) Моментально подключился и мелкий сучонок из ларька, чрезвычайно злобный. Ему я ответил только вежливой просьбой не мешать мне есть (как раз начинал завтракать в этот момент), и был удивлен, как быстро на сей раз эти твари от меня отвязались. Продолжения не последовало даже после того, как я закончил завтрак, хоть я и ждал новой атаки.

Да, забыл еще упомянуть такую параноидальную мелочь – подъем эти твари сегодня устроили аж в 5–40 – и поставили себе целью выгнать на зарядку из секции абсолютно всех и каждого, даже “постельных”. С “постельными”, впрочем, это удалось легко, сложнее было поднять и выгнать меня раньше 6 часов, когда еще и музыка–то не начала играть (обычно я выхожу где–то в 6–05, не раньше). Ларьковский сучонок попробовал было – ему это не удалось, и он, тявкая что–то очень злобное, убежал. :)

Все утро таскался туда–сюда Палыч, а во дворе красили низ здания барака, недавно побеленного. Красили черной краской, разведенной, видимо, в бензине, и несло бензином по всему двору страшно. Тем не менее – впервые с февраля, по–моему, когда солнышко только–только начинает пригревать – строиться на проверку решили именно под этой крашеной стеной – напротив, на солнце, уже слишком жарко. А я все утро сидел, читал книгу – новый завхоз ни с того ни с сего (“все время вижу тебя с книгой”), без всяких моих просьб принес мне том с 4–мя американскими романами (или повестями?), изданный “Ридерз дайджест”. Пришлось очень кстати.

И вот после обеда – сперва слухи: “Сейчас пойдет прокурор”. Потом, вскоре – процессия “на большом”. На 1–й, а потом – к нам.

Надо сказать, что заядлый показушник Палыч в ожидании визита начальства обвешал “фойе” чем только мог. Большая стенгазета “65 лет Великой Победы”, рукописно–рисованная и с орфографическими ошибками. Графики проветривания обеих секций. В рамочке – большой план эвакуации при пожаре. И венец всего – на стенде 3 больших листа с графиком “хоз. работ” на май, подписанный Палычем и “Макаром”, все чин чинарем – список на 102 фамилии, весь отряд, и в нем, конечно же, я нашел и свою фамилию. :) В “культяшке” он навешал всяких информационных стендов, в т.ч. и с ПВР. А в секции, на видном месте – термометр, и оборудовал что–то типа “радиоточки”, – теперь целый день работает радио, – и каждые полчаса новости на “Маяке”, “Русском” или кировском радио, не так зависишь от 1–го канала ТВ.

И вот – заходят цепочкой. Впереди – прокурор Овсов, старая мразь – тот самый, что дважды был у меня на судах по УДО и в конце прошлой зимы брал с меня показания по жалобе матери. Хорошо, что я не пошел в “культяшку”, куда сгонял всех старший , наиболее злобный “козел”, почти убийца Маньки в том году. Прокурор, за ним Палыч – остановились на входе, потом идут дальше, ко мне , и еще издали Палыч предлагает мне встать. Я встаю, как был, с книгой в руках – слышу, как Палыч демонстрирует прокурору термометр, радио – ну да, уж наличие сумок под шконками прокурора точно не может интересовать – и вся процессия проходит мимо меня. Прокурор, Палыч, дальше Русинов, еще кто–то (Махнёв?) – и в самом конце, чуть отстав – Макаревич. На меня он даже не посмотрел – проходя мимо меня, как раз рассматривал что–то на противоположных шконках, у окон (а там как раз одной таблички нет, а вторая криво висит!.. :)). Но он промолчал. А мне уже 2–й раз так везет, что они от меня отворачиваются – недавно так же было и с Деминым. Или

это они специально? :)

Прошли, моих сумок под шконками даже не заметили (как я и думал); и только дойдя уже до середины секции, “Макар”, еще больше отставший, вдруг поперся куда–то в проходняк у стены. Секунда – и он уже с хрустом и треском ломает, срывая со стены, полочку, висевшую в проходняке и долговязой ехидны и ее стукача–соседа, оба со 2–го барака. Небольшая такая, совершенно невинная полочка висела на стене, на уровне человеческого роста, между шконками; стояла на ней всякая парфюмерия – шампуни, пена для бритья и т.п. Все это, разумеется, полетело на пол, и – как вернулись из “культяшки” после ухода этой чумы – хозяева молча, без обычных острот и “веселого” юродства, кинулись собирать все это хозяйство с пола...

Ну что ж. Первый удар я выдержал. Первый раунд за мной. :)) Но опыт и предчувствие подсказывают мне, что он не последний – сегодня среда, а комиссия, говорят, пробудет здесь до самых выходных, так что возможны еще визиты.

Связи с матерью нет опять вот уже 2–й день. Друг “телефониста” не приходит, идти напоминать в такой обстановке рискованно и бесполезно, а просить кого–то еще (“запасной вариант” хотя бы) – тем паче.

16–56

Память совсем подводит... Забыл упомянуть еще одно событие – единственное по–настоящему радостное, просто праздник! Вчера вечером мерзкую цыганскую обезьяну, эту нечисть, которая не должна вообще жить на свете – закрыли опять в ШИЗО! И, говорят, уже до конца ее срока – а ей оставалось на вчерашнее утро, она сама говорила, 34 дня. Судя по тому, что один из прежних “козлов” 11–го тут же переехал на ее место, и даже тумбочку свою перетащил из своего проходняка в тот, – это правда. Ну что ж, как в том анекдоте: вывели из дома осла – и насколько же легче сразу стало! М.б., и сегодняшняя маленькая победа, когда Макаревич прошел мимо моих сумок под шконками, даже не заметив их, была бы невозможна, если бы эта “мусорская” цепная псина была бы здесь и гавкала, как обычно.

13.5.10. 16–55

С утра, часов с 11–ти, пошли слухи, что сейчас “пойдет прокуратура”, “убирайте все лишнее”. (До этого успел очень удачно сходить в 8–30 в баню, после чего – в 9–30 – позавтракал, и до проверки успел переписать все вчерашнее.) Палыч на утренней проверке подтвердил – сейчас, мол, Овсов пойдет “на второй почетный круг”. Зачем? Идиот он, что ли?!. М.б., на тот “продол” – там он вчера не был. Говорили и о том, что пойдет “московская комиссия” – опять же, все убирайте.

Но вот уже 5 часов вечера – так до сих пор и не пошел никто никуда. Все тихо. “Макар” вышел из штаба, когда я в 2 часа из столовки шел в ларек...

Ого! Вот сейчас, пока писал, крикнули: “Комиссия в сторону бани!”. Как я вовремя, черт возьми!.. :)))

В общем, “Макар” с 2–х до полтретьего тусовался у вахты, ходил туда–сюда, потом с ним тусовались уже и другие “мусора”. Что будет сейчас – посмотрим.

Самое ужасное, что вот уже 3–й день я без связи. К “телефонисту” идти противно, – но, видимо, если все будет тихо, сегодня после ужина (если не будет комиссии) или же после отбоя придется пойти. Не факт, что это принесет успех. И не факт, что нам с матерью будет так уж много о чем поговорить – у меня, например, кроме этой комиссии, новостей нет. Но – когда долго нет связи, дня 2 и больше, я поневоле начинаю нервничать...

14.5.10. 8–24

Никто, конечно, вчера не ходил, никакие комиссии и прокуроры. Сейчас, сразу после моего завтрака, у них тут, в секции, очередной психоз: убирание из тумбочек пепельниц, стеклянных банок–склянок и вообще всего. Им сказали, что полезут в тумбочки. :)

Вчерашний вечер – собственно, только 2 события. После ужина, когда комиссия, осмотрев баню и постояв во дворе столовки, ушла восвояси, а прокурор Овсов посетил только “варочную”, – я все–таки пошел к “телефонисту”. С отвращением, но пошел. Это чмо лежало на шконке и трепалось по телефону; пока дошел до него, от самой входной двери в барак встретил еще кучу народу с телефонами. Это чмо закончило трепаться, дало мне – очень коротко и все время торопя – позвонить матери, а потом объяснило, что “пока комиссия”, оно не может ни приходить ко мне, ни присылать своего дружка. Злобно зарычало, когда я сказал, что полно телефонов в бараке – мол, нет, всего 3 “на верхах” (явная ложь). Когда же я спросил, почему нельзя зайти ко мне ночью – стало врать, что, мол, ты знаешь, что тут вчера ночью творилось??!! Настоящая облава!!! Ясно ведь, что ложь, придуманная на ходу – но как ее опровергнуть? Вернувшись на 11–й, я спросил ночного стремщика, были ли прошлой ночью “мусора” на “продоле”. Он, естественно, сказал, что нет, вообще не появлялись. Когда и как идти к этой твари в следующий раз, когда и как я теперь услышу мать – я не знаю.

Второе событие – это Палыч, на 7–часовой проверке сказавший буквально следующее: “Прокуратура проводит досмотр вещей и обыскА осужденных”. Поэтому, мол, убирайте

все вольные вещи, телефоны, “симки”, сковородки, самодельные плитки, героин, метадон :) (это у него такой юмор), наведите порядок в тумбочках, и т.д. и т.п. А тем, кто “прилипнет”, типа, потом воздастся по заслугам (как–то так или почти так).

Поразмыслив, я укрепился в своем первоначальном мнении, что Палыч лжет, блефует. Какая прокуратура? Овсов? В функции прокуратуры по надзору (а тем более любой другой) никак не входит контроль за соблюдением зэками режима, содержимым тумбочек и пр. – это обязанность администрации зоны. Прокуратура по надзору следит, насколько сами “мусора” исполняют закон в отношении зэков – и только. Тумбочки тут ни при чем. Другое дело, что с тем же Овсовым по баракам ходит Макаревич – и вот от него–то, действительно, все надо прятать. Так что – ложь и блеф, как всегда. А в секции, пока я это пишу, развивается обычный психоз – всё выносят, убирают и прячут уже с самого утра...

Цыганской обезьяны не стало – и функции самозванного командира как–то сами собой перешли к ларьковскому сучонку (в меньшей степени они были и остались у “молотобойца”). Эта тварь ходит и безапелляционно командует, кому что убрать; по многим тумбочкам прошарила сама – и забрала, что хотела (банки и пр.). “Молотобоец”, как всегда, приказал “влажную уборку” еще раз под шконками (только что уже была обычная, утренняя), но – озабочен телефонными разговорами, сидит, звонит и боится появления Палыча. :) Все они на воле куда–то возят, перевозят, кому–то постоянно отдают и забирают деньги, и это – главное содержание самых важных их звонков.

Палыч только что ушел “на контрольную”.

Да, вот такое вот оно – тупое и пьяное русское быдло. Нечисть. Мразь. Животные. До смерти боятся любого начальства – но готовы с удовольствием затоптать любого, кто не боится и не хочет пресмыкаться. Сами еще от предков, с генами усвоив манеру ползать на брюхе – не дают поднять головы никому в своей среде, кто бы и захотел ее поднять. Путины и макаревичи правят и держатся только покорностью этого быдла. Путины и макаревичи виноваты в своих злодеяниях меньше, чем это покорное, тупое, рабское быдло.

15.5.10. 8–23

О, каким он был длинным, тягучим, бесконечным, этот вчерашний день!.. Как будто целую жизнь успеваешь прожить за один такой вот длинный, конца–краю не видать, летний день – от подъема в 5–15, когда уже совсем светло, до выключения света в секции в 22–00, когда на улице все никак окончательно не стемнеет...

Вся паника с комиссией и тумбочками оказалась, конечно же, зря. Когда слегка улегся утренний переполох, я еще успел до проверки все вчерашнее переписать, чтобы быть готовым к дальнейшему и не оставлять работу на потом. А какое–то стоящее внимания событие произошло только где–то часа в 4 или 5, после обеда. Агроном, Русинов, Махнёв и с ними еще каких–то 2 “мусора”, все в летней форме, прошли по нашему “продолу” куда–то дальше, были там довольно долго, потом вернулись. К нам не зашли ни на пути туда, ни на обратном. Вот тебе, как выяснилось, и вся комиссия, то, чего ждали с таким ужасом, трепетом и суетой–беготней, пряча все и вся!.. В общем–то, опять получилось по схеме знаменитой триады Гегеля: в 1–й день – прокурор и “Макар” прошли по нашему бараку; во 2–й – их обещали вновь, но они даже не появились; наконец, в 3–й – прошли не те и не туда, к нам вообще не зашли. Тезис, антитезис, синтез. :)

Сегодня суббота, пока в бараке все спокойно, кое–кто даже спит, суеты, беготни, паники в ожидании чьего–то прихода не наблюдается. Даже Палыча до сих пор нет – неужто он все же решил взять себе выходной, впервые с 26 апреля?!. :) На улице, в отличие от вчера, как–то пасмурно, солнце не палит, а возможно, даже соберется дождь.

8–55

Увы, надеждам не суждено было сбыться... Урод Палыч таки приперся, пока я переписывал предыдущее.

А про вчера еще забыл добавить, как вечером, но еще до ужина, откуда–то со склада притащили часть собранных утром 4–х пакетов с их банками–склянками, стеклянными кружками–“бокалами” и пр. А остальное – уже где–то в отбой, и раздавали, прятали опять по тумбочкам. Теперь если что – опять собирать?.. :)

15–32

Где–то в обед, или чуть после – охватила вдруг такая острая тоска, такое отчаяние, что хоть вешайся! Обычно я держусь, да и привычка уже – 3 года почти здесь, как–никак, – но иной раз все же прорывает. Уж такая запредельная, фантастическая, неописуемая мразь и нечисть вокруг, такие они все подонки конченные, такие животные, – терплю–терплю, но вдруг количество резко переходит в качество, и меня начинает клинить. Забрало падает... :) Острая, мучительная тоска – просто от окружения, от того, что живешь день за днем, круглосуточно находишься среди такой запредельной мрази, таких ублюдков и скотов, само существование которых на свете оскорбляет мой разум и поганит душу...

А тут еще вдобавок – эти ублюдки после обеда как раз начали “шевелиться” – готовить к отправке сюда с воли машину со стройматериалами. Нужно им было всего–то 250 руб. на бензин, но – не могли найти. Самый злобный из “козлов” еще прежнего 11–го, искавший той осенью чтобы убить, мою кошку Маню, – спрашивал всех, т.к. именно он тут “командует парадом”, то бишь ремонтом, и Палыч на него во всех своих планах опирается больше, чем на завхоза. Я уж думал, он выдержит свой принцип и ко мне обращаться не будет (он меня люто ненавидит с самых первых дней здесь, на 11–м, уж не знаю, за что. Еще до эпизода с Маней, во всяком случае.). Но он вдруг обратился за этими 250 р. и ко мне!

Дискуссия, разумеется, тут же приняла общесекционный, коллективный характер, – говорил я только с ним, а со всех сторон тявкало и подвизгивало еще сколько–то шавок – штук 5, не меньше. Я просто изложил свою позицию: мне этот ремонт не нужен, а только добавит бытовых неудобств с переездами, жить на улице (он сперва пытался спорить, что в “приемке” или той секции), ни поесть, ни поспать, ни покоя, ничего, – так с какой стати я буду это еще и оплачивать? Их “аргументы” в ответ были мне давно и хорошо знакомы: “чертовник”, “помойка” (и вообще барак, и конкретно мой проходняк), сейчас это твой дом, ты здесь живешь; если не хочешь ничего вкладывать, так тебе придется не ходить по полу, а летать, или мы тебя выселим в “локалку”, и т.д.

Драться, надо отдать должное, это чмо на сей раз не лезло, говорило спокойно. И все никак не могло осознать мой главный аргумент: я как–то абсолютно не замечаю состояние краски или обоев на стенах, наличие/отсутствие мелкого мусора на полу, и т.п. – должно быть, потому, что у меня достаточно внутреннего содержания и оно во мне превалирует, чтобы обращать пристальное внимание на такие чисто внешние, десятистепенные детали. Рассказывал, как он у себя дома каждый день замечал, убрано или нет – и бил жену, если она не убралась как следует...

В общем, в деньгах я им отказал – мразям, не стесняющимся после 8 месяцев беспрерывных, каждый день, оскорблений и издевательств просить у меня деньги. Зато показал им свое слабое место, и, уже закончив говорить со мной, этот архизлобный “козел” резюмировал для своих: на время ремонта (мою) шконку вынести на улицу.

Расходились еще больше нервы от этого разговора, хотелось чего–то, чем–то прикрыть, компенсировать себе это унижение и поражение (а то, что они с моей шконкой, тумбочкой и вещами сделают на время своего ремонта – это, конечно, поражение в любом случае). Поел, пошел – думал, к тому хмырю, бывшему

когда–то на 13–м, с которым последнее время только и говорю о его “трубе” – когда–то он мне обещал помочь, если будет надо. Заходил к нему тогда неудачно на 3–й, потом – на днях – говорил с ним на “продоле”, случайно встретив – тоже вроде обещал. Подхожу к 3–му – стоит в “локалке”. Поздоровались, поговорили я спросил. “Убрана? –Да, убрана. Но вообще–то она в кармане у меня лежит.” Достает, показывает. Мол, это только потому, что я занимаюсь “общелагерными делами” –за 2–то месяца до освобождения, идиот! А так – на бараке всего 2 “трубы” из–за комиссии; если я сейчас тебе дам – ко мне могут подойти, сказать... Трусливая мразь и трепло, короче. Обещал дать попозже вечером – но теперь я уже знаю, что это пустые слова.

Делать нечего, пошел к “телефонисту” – какая, в конце концов разница, сегодня или завтра (сперва хотел идти к нему только завтра). Поговорил на этот раз не с таким напрягом, как в прошлый, и без спешки. Но – это чмо просило в связи с комиссией до вторника не приходить, напоминать через шныря, чтобы оно присылало своего дружка с “трубой” (как будто само не знает, надо напоминать!..), мол, ждем внезапного шмона (в воскресенье, ага!..) – и тут же принялось вдохновенно врать мне, что, мол, все дороги сейчас закрыты из–за комиссии. Я рассказал ему, как вчера вечером Лушин (“мусор”) от нас лазил по этим “дорогам” на 6–й, оттуда на 5–й, и т.д. Это чмо сделало удивленный вид – прокололось–таки со своим враньем! :) Рассказало, что вчерашняя комиссия с Русиновым, Агрономом и Махнёвым – 2 ФСИНовца из Москвы, они заходили на 7–й (и на 3–й), лазили по тумбочкам, и т.д. Но выходил с их барака – знакомый разговорил меня во дворе и сказал (на мой вопрос), что никуда они особо не лазили, так – прошли, посмотрели, все ли нормально, “стандартизировано”, как он сказал. Ничего страшного, как я и думал. Правда, сам он во время этого обхода находился не в секции, а в “культяшке” или где–то еще (там тоже сгоняют, что ли?!.). Но, по крайней мере, “Макар” с этой комиссией лично не пошел, пошли замы – хотя бы по одному этому уже можно судить о ее статусе и опасности...

17.5.10. 9–16

Понедельник. Вчера был пустой день, писать не о чем. С утра – ливень почти до самой проверки, к вечеру уже выглянуло солнышко. Жара спала. Палыч приходил только с утра, еще не было 8–ми, но 2 (!) раза обошел по кругу обе секции, порылся под матрасами, разбудил всех спящих, поострил, побалагурил, – все как обычно. Сидел довольно долго, но зато потом весь день его не было. Неужели кончился этот период его безудержной послеотпускной активности?!. :)

Лишь под вечер опять их переклинило. Придя с ужина (на час

раньше по случаю воскресенья, т.е. было где–то полшестого), я увидел, как “молотобоец” (на ужины не ходящий) вытаскивает свою шконку в проход. Потом тумбочку, потом следующую шконку, и т.д. Опять приступ “психоза чистоты” (как я стал это называть)!..

Мелкий злобный старикашка–алкаш, бывший некогда мой сосед по шконке, придя позже меня с ужина, увидел эти выдвинутые шконки и недовольно пробормотал: “Начинается!..”. Т.е., явно большой радости он не испытывал, – не такой псих, как молодые, видимо; но, тем не менее, его шконку тоже, не спрашивая, выволокли вместе с остальными, и он, ни словом не протестуя, делал все, что прикажут. Остановились сперва на соседнем от меня проходняке, потом – уже в процессе – явились его обитатели и тоже выволокли свои шконки–тумбочки; чума эта уборочная остановилась всего за 1 (!) шконку от меня – соседнюю в моем проходняке; да и ее нарочно сдвинули сюда, в проходняк, полностью закрыв мне выход – чтобы им удобнее было самим лазить со швабрами–тряпками–ведрами.

Я лежал и наблюдал этот их психоз (под конец наблюдений у меня таки разболелась голова). Полоумный “молотобоец” сперва долго, яростно и бессмысленно тер по мокрому шваброй доски пола в своем углу. Ну да, гиперактивность, излишек энергии, не находящей себе выхода – вот они и бесятся: то дерутся, возятся, валяются, сцепившись, то и дело; то вдруг одному стукнет в башку – тут же выволакивают свои и (главное!) чужие шконки и затевают эти остервенелые, совершенно идиотские уборки, часами долбя по одному и тому же, и до того совсем не грязному, месту швабрами и тряпками. Потом этот дебил передал швабру долговязой ехидне, живущей ближе к середине секции, и пол усердно терла уже она. Потом подключились и другие, таскали ведра, кидали (через выдвинутые шконки, где не пройти) швабры, мыли, терли, суетились вовсю. Хорошо хоть, обои мыть тряпками на сей раз не додумались... :)

Вместе с “молотобойцем” суетился и заправлял всем процессом его теперь верный помощник – мелкий ларьковский сучонок. Вместе с этапником–уборщиком (которого тоже запрягли мыть, хотя он делает это крайне халтурно) эти насекомые не упустили, конечно же, случая поглумиться надо мной за то, что я не участвую в их шабаше, в этом их коллективном психозе вместе со всем стадом. Но что поделать, если я не гиперактивен, а пол вполне чистый, смывать с него тряпками просто нечего... :)

Сегодня тоже пасмурно и нежарко. Дождя и Палыча нет – особенно радует второе. :) Неужели и сегодня я отдохну от его постоянных лазаний под матрасами? Не верится что–то...

А ремонт приближается, надвигается. Из разговоров наиболее злобного “козла”, ходящего с “трубой” туда–сюда по секции, уже известно, что они закупили сколько–то рулонов обоев – 20, что ли, или около того. Куда так много, если их клеят не с пола до потолка, а только за метр с лишним до пола? И то только по одной стене. Идиоты... Но – обои наклеены как раз по стене, где моя шконка, так что ради этого идиотизма ее выволокут, тумбочку тоже, а все вещи надо будет спасать, чтобы просто не выкинули...

Прошла 45–я неделя, отмеченная “московской комиссией” и прокурором. Началась сегодня 44–я. До дома осталось 307 дней.

17–03

После обеда пошел с обходом Агроном; у нас в секции пошарил по верхним ящикам тумбочек (по той стороне, у окон), велел собрать всех в телевизионной и объявил: “в нашу сторону” едет какая–то очередная страшноужасная комиссия (какая именно – в самом начале речи – я не слышал, пришел чуть позже). Поэтому – вечная теперь уже бодяга: в верхних ящиках тумбочек – только щетки, паста, мыло, письма, приговоры и т.п. (“мыльно–рыльное”, короче; хорошо хоть, не вообще во всей тумбочке); у кого увижу вещи под шконками – выкину на помойку; спортивные костюмы убрать; в сумках должна быть опись, а на сумке – бирка; и кое–что новенькое: все лекарства собрать, сдать старшему дневальному, т.е., если что – за каждой таблеткой бегать к нему... Даю, говорит, сутки, чтобы “навести порядок”, а потом пускаю контролеров – видимо, шмонать тумбочки...

Меня от этих новостей “тряхануло”, как здесь говорят. Нервы моментально оказались взвинчены до самого предела. Что ж это такое, что за наглость – планомерно и упорно норовят отобрать все вещи, буквально ничего при себе держать не дают, а как все сохраняется в их каптерках и на складах – мне тоже уже хорошо известно!.. Суки!!! И ведь близко ничего этого нет в их же родных “ПВР” – никакого “списка разрешенных предметов”, кроме которых, оказывается, ничего нельзя держать в тумбочке, или никакого запрета на вещи под кроватью. Давят и давят, твари...

Разнервничался и распсиховался мгновенно так, что решил, несмотря на просьбу до завтра не появляться, пойти все–таки к “телефонисту”, сообщить хоть матери это все, а то потом когда еще позвонишь... Так тут то Агроном на “продоле”, то Окунь... Пока ждал, убрал все из ящика тумбочки, кроме “разрешенного” ими, остальное (в т.ч. пакет с лекарствами, висевший на торце шконки еще с марта 2009, с 13–го) и большой кипятильник – в пакет и туда, за торец, к стенке (не полезли бы еще туда!!.).

Продуктовый баул, уже почти пустой, засунул было за тумбочку, там много места – так оказалось, что его там отлично видно, если идти со стороны “культяшки” (а начальство обычно так и ходит). Пришлось вытащить назад, под шконку – пускай Агроном выбрасывает!!. :)))))))))))) (истерический смех).

Пошел, позвонил – потом “телефонист” стал чесать мне, что, мол, именно сегодня вечером он опять пойдет на 10–й – говорить по поводу моего пользования “трубой”, т.к. ОМОН, якобы, приезжал из–за меня. И, типа, вопрос решится: или “да”, или “нет”. Если нет – ему, типа, запретят давать мне звонить; но в то же время он и сам намекает, что ему чихать на это – кто, мол, что мне может запретить?!. Да и запрет этот по поводу меня, вообще–то, есть уже давно, минимум с ноября 2009, и до сих пор ему не мешал... В общем, полное ощущение, что он просто набивает себе цену, но – теоретически и вправду могут перекрыть связь так, что не даст даже он...

Тревога, тоска, отчаяние, комиссии, ремонт, зима, беспросветность... 10 месяцев всего осталось – но как их пережить?! Будь сейчас уже зима – было бы легче, – все ценное надел на себя, а остальное – хоть выкидывайте!.. Но сама мысль о том, чтобы потерять все, подготовленное для последней зимы, летом, а зимой потом околевать здесь, трястись на всех этих проверках–зарядках от ветра и мороза, мне абсолютно невыносима...

Под конец “телефонист” опять – следующие 2 дня, вторник и среду – просил не приходить. Типа, он сам матери моей позвонит, или ко мне сам вечером зайдет... Поганое, лживое, наглое трепло!..

18.5.10 12–25

Комиссия, комиссия... И паника “по комиссии”... :) Палыч ни утром, придя в барак, ни сейчас на проверке, придя 2–й раз, ни слова о комиссии не сказал. Но часов в 10 утра – вдруг зовут в “козлодерку” (которую один даун 24–х лет, недавно “поднявшийся” и уже поставленный на стрем, сегодня под общий хохот назвал “козлодойкой”). И кто же? Там стоит один из самых наглых местных блатных, известных всей зоне, ну и сидит завхоз.

Оказывается, эта мразь Палыч, не сказав мне ни слова, к этому блатному (нашел к кому!..) обратилась, чтобы он повлиял на меня по поводу сумок под шконками, вроде бы намекнув, что иначе сидеть будет он (блатной), а не я. Наглость и хамство неслыханное, но ведь это блатное ничтожество (как и все они) отнюдь ни недовольства, ни протеста по этому поводу высказывать не собирается, тем более – писать жалобы. Они готовы, видите ли, “страдать” за чужие грехи, но зато уж, чтобы

этого избежать, инструментом прессинга и давления на непокорных (вроде меня) они оказываются отличным. Как это было на 13–м, так это и здесь...

Благодаря тому, что блатной этот – уже 40–летний дядька, разговор проходил достаточно уважительно, без хамства и угроз (а начал он даже с комплиментов моему уму и т.п. :). Говорили долго, уходя в обсуждение порой даже несвязанных с моими сумками тем – например, ситуация с зоновским магазином, куда "мусора" разрешают ходить только раз в неделю – блатная верхушка с этим соглашается, проводит эту же линию уже от себя и называет "поиском компромиссов" с "мусорами", то ли сами не понимая, то ли думая, что быдло тупое и не заметит (что, кстати, так и есть), насколько гнилы эти мнимые "компромиссы" и насколько они всегда играют на руку одним лишь "мусорам".

Короче, вещи он мне предложил поставить в каптерке не просто так, а в отдельный ящик с дверцей – типа, там не разворуют; только вот "мусора" просят не запирать этот ящик (а надо бы, благо петли для навесного замка имеются). Пошли, посмотрели этот ящик, часть вещей в нем он переставил – типа, это его, что ли. Я достал из сумки смену белья для бани – и отнес ее туда, скрепя сердце. Эх, будь ты все неладно!.. Опять ее величество Каптерка!.. :) А как надо было поступить? Отказаться наотрез? Не знаю... Виноват сам, духу не хватило... Продуктовый баул – сперва блатной этот мне советовал сложить жратву, не лезущую в тумбочку, в пакет и убрать в ИХ блатной холодильник. Я в гробу видал, чтобы они потом на меня косились и шипели, видя, что я лезу в их холодильник. Когда же убрал вещевой баул – про продуктовый он сказал что–то типа: ладно, бог с ней, жратва и жратва! – и махнул рукой. Только, говорит, убери подальше, чтоб не видно было – ну, уж этому меня учить не надо!.. :)

Уедет ли эта комиссия хоть, когда 31–го я выйду с длительной свиданки?

19.5.10. 15–24

Среда. Все тихо. Шмонов сегодня не было. Комиссия...Палыч сказал на утренней проверке, что приехала "женщина, товарищ подполковник". Раз женщина – ясно, что что–то второстепенное, на основных направлениях во всех "силовых структурах" мужики. И точно – выяснилось, что это что–то типа СЭС; по крайней мере, в ларек, как рассказал на проверке же работающий там старик приходили проверять моющие средства, тряпки–швабры и пр. Вот тебе и вся "очень серьезная", с замиранием сердца и прятанием всего в каптерку ожидаемая комиссия!.. Кончилась она пшиком даже еще большим, чем я думал.

Во дворе эти полоумные твари (Палыч, видимо, придумал)

велели по одной стороне двора выковырять всю брусчатку, которой двор выложен, видать, с незапамятных времен. Всю ту сторону, что примыкает к стене барака, засыпали специально привезенным на телеге песком – и все утро двое бедолаг выковыривали лопатой и руками эти булыжники из песка. Зачем?!. Один из них, живущий моем проходняке (раньше приходил только ночевать, и то не каждую ночь, но вчера, говорит, с работы “списали”, и сегодня весь день торчит на бараке, в том числе в моем проходняке), сказал, что вроде бы решено перекладывать заново, т.к. криво лежали. Идиоты такие, что у меня нет слов!..

Вообще, очень тяжелое чувство, еще хуже, чем было на 13–м. По всему и вся, по всем разговорам и контактам между собой, по малейшим даже, мимолетным касательствам их ко мне – это такие твари, такая мразь, нечисть, слизь, гадость и погань, вот эти все, что тут вокруг меня, – такая запредельная, неописуемая, безнадежная дрянь, мразь и нечисть, повторюсь, – что просто не могу выразить это словами. Они гнусны до дрожи, до отвращения, до рвоты, все и всегда, днем и ночью, поодиночке и толпой, гнусны и омерзительны все и во всем. Тупая, глупая, бессмысленная, зловонная биомасса; нечто настолько запредельно омерзительное, чему просто нет названия в человеческом языке. Общее, собирательное (нейтральное, но мы уже знаем, какая все это мразь) – простонародье. Aka быдло.

Вещи мои с прошлой бани, с четверга, так и лежат нестиранные, и я не знаю, кто и когда их постирает. Ни один из этих “обиженных” рабов, мерзких хитрых наглых подонков (они не менее мерзки, чем те, кто их лупит палкой чуть не каждый день) не стирает, хотя все обещают от раза к разу, изо дня в день. А завтра уже снова баня, и если я в нее попаду, то стирки прибавится.

После проверки дождался – и выцепил наконец–то из идущей на обед толпы телефонистова дружка. Попросил зайти. Тот не проявил, естественно, ни малейшего энтузиазма, мялся, колебался, сомневался, раздумывал – но все же на сегодня вроде пообещал. Ждем–с! – но я практически уверен, что он не придет, обманет и на сей раз. Обещал поговорить с “телефонистом” – и по его тону было ясно, что тот, несмотря на все свои торжественные обещания мне, своему дружку, коего он обещал ко мне регулярно присылать, не сказал об этом ни слова...

21.5.10. 8–18

Паника “по комиссии” поднялась вчера после обеда, часа в 4, когда я было уж решил, что день кончился и все спокойно – пришел из ларька (четверг), разобрал все покупки, поел; а утром

еще удачно сходил в баню, несмотря на затянувшуюся “уборку” и не вовремя явившегося Палыча. Но – вдруг заговорили, что “сейчас пойдут” – и побежали, понеслись все сметать не только с дужек, но уже и с табуреток...

Никакая “комиссия”, конечно же, не “пошла” – никакой и нет, кроме той подполковницы из Нижнего по части санитарии. Прошла по “большому” группа начальников – смотрели в окно. На тот “продол” пошли Маяков (“Пожарник”) и Русинов, а на 1–й и к нам – Заводчиков.

Смотрел раздолбанный (для “ремонта”) балкон в “локалке”, потом влез в сам барак; в “фойе” я разобрал его слова: “пойдем посмотрим” – и он поперся в ту (блатную) секцию.

Торчал там невыносимо долго – я уж устал его ждать, сидя на шконке с книгой (Ал–др Мень) в руке, в застегнутой на все пуговицы робе. Шедший оттуда полублатной – последний здесь с 13–го – сказал, что Завод там роется в тумбочках. Ну–ну. :) (В секции – я и еще двое стариков, остальные сидят в “культяшке”.) Наконец оттуда – впирается к нам, в дальний от меня вход в секцию.

Сразу же прется в крайний от двери проходняк – к “молотобойцу” – грузно садится на шконку и начинает рыться в тумбочке. Вместе с ним – свита :) – явились новый завхоз и блатной наркоша–“барачный”, омерзительное чмо, везде сующее свой нос. Завод первым делом достает из тумбочки большой электрочайник “молотобойца”, работающий, но без крышки –и я слышу, как он говорит завхозу: “Это не должно здесь быть, а тем более – в тумбочке. Забирайте!”. С собой он чайник точно не унес, так что, м.б., все его лазанье и не так страшно; но почему же вдруг “это не должно здесь быть” – объяснить не соизволил, и никто не спросил. Верхний выдвижной ящик – вытащил и перевернул над кроватью; потом во всех других тумбочках выворачивал эти ящики столь же хамским образом. Встал, пошел в проходняк напротив – там в тумбочке докопался до небольших пластмассовых бутылочек, из которых во время занятий спортом хозяин их пьет воду. Чем они помешали?.. А на шконке “молотобойца” я потом, когда Завод ушел, видел валяющиеся стальные миски и ложки – типа, это тоже “нельзя”, и из разговоров я уловил, что вообще ничего из посуды – ложки, миски, тарелки и пр. – в тумбочке держать якобы “нельзя”. Хотя в правилах никаких подобных запретов и близко нет.

По всем тумбочкам, естественно, он не полез, зашел выборочно еще в 2–3 проходняка. Проходил мимо меня – я поздоровался с ним, встал – он ответил, остановился на пару секунд, посмотрел на мою тумбочку, где в открытом (дверца

отломана) отсеке виднелись пакеты с соком, только что купленные в ларьке, – и не полез, прошел мимо. :)) За своей спиной через пару секунд я уже слышал, как он приказывает “обиженным” навести в тумбочке порядок. Мой продуктовый баул под шконкой он тоже не заметил.

В общем, опять обошлось. :) Вроде бы, говорили, обещал сегодня с утра пойти опять – но я сомневаюсь. После его ухода наркоша–“домовой” :), я слышал, приказывал очистить тумбочки совсем, чтобы в них не было вообще ничего. Жратва, не жратва, что угодно, – все тащи в каптерку! :) Вот так и рождается рабство, неволя, массовые истерии рабов и восторг покорного стада, аплодирующего любым издевательствам над собой – усилиями таких вот преданных, полных страха перед начальством, подобострастных и безмозглых надсмотрщиков. Этакие блатные капо. :) Туземная администрация из местных на службе у оккупантов, – будь то Иван Калита или Рамзан Кадыров; этот исторический тип присущ рабской России настолько, что проявляется даже в мелочах – в вопросе о содержимом тумбочек в лагерном бараке...

Завод пошел дальше по “продолу” – начал с 1–го где–то в 4 примерно, но еще и после нашего ужина, часов в 7, он не ушел с 7–го. Я хотел сходить к “телефонисту”, позвонить матери – 3–й день уже не звонил все–таки, – так нет, эта сволочь на “продоле”, куда пойдешь... Рванул было после отбоя – оказалось, у них сидит отрядник, и будет, видимо, сидеть всю ночь, т.к. сегодня он “ответственный”.

В полном расстройстве вернулся в барак, лежу, еще не достаю одеяло, не раздеваюсь – вдруг в темноте вижу знакомый профиль. “Телефонист” пришел сам!!! Я глазам не поверил. Поговорил с матерью – она говорит, что Эделев собрался–таки приехать сюда 27–го, как раз накануне свиданки. Отлично! Только бы его пустили...

Поговорил потом с “телефонистом” – он сетует, что, мол, не только в “мусорах” дело, но и “братва” так называемая – тоже постоянно собирается у него там, на бараке; типа, при ней тоже нельзя. Типа, он сам будет ко мне приходить – а я ждать, ага, пока он вспомнит, раз в неделю дай бог...

Пока что все “нормально” (насколько это здесь возможно :); только что пришел Палыч, прохлопанный стремом (точнее, стрема в тот момент и не было). Но, хотя сегодня пятница, на душе у меня – тревожное ожидание: какая–нибудь очередная пакость готовится!.. Сперва Агроном про эти тумбочки, вчера – Завод; не к добру это, ох, не к добру! Куда прятать чайник, да и миску с кружкой, если эти твари начнут докапываться всерьез –

тем паче, если не местные, а приезжие?..

К концу идет 44–я неделя до конца, осталось их 43 всего, 303 дня...

22.5.10. 8–33

Суббота, но – комиссия!!!!!! :)))) Паника... :)) Еще до завтрака поползли слухи: приехала комиссия (кто–то сказал – аж 8 человек!.. :), поэтому в "промку" не выводят. Точно, все остались. Сразу после завтрака забегал, засуетился завхоз; в самом начале 9–го, только на работу придя (к 8–ми), прибежал Палыч; сейчас уже свалил на 1–й. Интересно, раз 10 за сегодняшний день он сходит туда–сюда, на 11–й и с 11–го, , или меньше? :) В общем, обычная паника, суета, беготня, уборка–прятанье всего и вся...

Мне на комиссию плевать. И чем ближе к концу срока (сегодня уже 302 дня осталось), тем больше. Да и вряд ли она вообще сюда зайдет. По крайней мере, после того, как сумка с вещами моя оказалась в каптерке (уже несколько дней) – стало окончательно наплевать. В продуктовой – несколько шоколадок да пачек пакетного чаю, – все, что осталось. Не жалко и потерять, если уж до этого дойдет.

А за комиссией грозной тенью нависает ремонт! Последние дни самый злобный "козел" и его новый дружок, приехавший с "9–ки" верзила, были очень заняты: звонили и искали, кто бы им по дешевке отвез из Нижнего сюда стройматериалы: гипсокартон, линолеум, обои, цемент и пр. Да еще 3 люстры зачем–то, – в эту секцию 3–х явно мало, так что черт их знает... Мрази... По дешевке у ни, видать, никак не получалось, они извелись уже, а фирма грузоперевозок запросила, как я понял, 8 тысяч! :) Вчера в их разговорах промелькнуло, что разрешение на въезд машины со всем этим барахлом в зону у них уже подписано на воскресенье, 23 мая, т.е. в другие дни ее уже не впустят, – а машины все нет! :) Слышал, как блатной наркоша–"домовой" сказал, что ремонт стоИт только из–за этой машины, – как только все привезут, сразу начнется ремонт в той секции. Хоть бы не в этой, черт вас возьми, твари!..

Насекомые. Все они насекомые, – эта мысль последнее время отложилась, отлилась у меня в сознании с особой четкостью. Я знал и раньше, но сейчас непроизвольно повторяю все время про себя: все они – насекомые, все до одного! Вот стадо насекомых прошло (или толпа) – единственная мысль, когда мимо меня на "большом" проходит в столовку какой–то отряд. Мразь, нечисть, отребье, никчемные, бессмысленные, вредные твари. Насекомые...

Утро, 8–48. Ну что ж, ждем комиссию... :)))

8–45

Да, забыл еще одно из проявлений этой их мерзкой

показушной суеты. Завхоз в ярости посылает ехидну на соседний 6–й – там в телевизионной висит “график просмотра телевизора”, надо его срочно переписать и повесить (ну да, 2 часа в день по нему всего–то можно смотреть телевизор!..). А на новенький стенд из реек “Документация” вешают распечатанную на листах А–4 мелким шрифтом конституцию РФ! :) Другой “документации” не нашли, кроме этой 100 раз уже растоптанной за последние 10 лет конституции...

14–33

О, великий день комиссии!.. :))) Палыч на утренней проверке объявил: сейчас подниметесь в секции – натяните шконки, все поправьте и сядьте все в “культяшке”! Ага, сейчас, как же... :) Никто особенно не прислушался к его словам, я – тем более. Не очень–то верилось, что кто–то явится прямо сейчас (перед проверкой, говорили, комиссия пошла в санчасть). Но – вдруг действительно поперлась какая–то группа в камуфле к нам на “продол”.

Два здоровенного роста, даже выше Палыча, мужика, из которых один (второго я не рассмотрел) уже седой, совсем старый с виду, годам к 60–ти. Зашли в секцию, на меня и тумбочку не обратили никакого внимания (а нас–то пугали!..)

15–14

Начал было писать, но прервала 2–я серия этой комиссии, будь она неладна! И, кстати, по слухам – я неправильно понял – их оказалось на 8, а 28 (!!) человек!!! :)))

Так вот, 2 мужика и женщина. Зашли, старый сразу сказал: “Табуреток не хватает” – и стал что–то записывать. Палыч ответил: “Закажем на кечи”. Дошли до телевизионной, побыли там с минуту – возвращаются опять по этой секции. Заглянули в туалет, потусовались, ушли. Через некоторое время Палыч стал выгонять лично на обед, – “в бараке никто не остается”, строго подчеркивал. В это время зашел отрядник 2–го барака (где теперь бесконвойка), и я слышал, как Палыч жалуется ему на плохой отзыв комиссии о бараке: не хватает табуреток, унитазов (?! Их тут сроду не было!..) и хреновая документация.

На обед и с обеда Палыч лично всех строил и сопровождал – прямо как отрядник 9–го обычно. Я плелся в самом хвосте, как всегда – что поделать, иди < осинкразия на хождение строем. >

17–10

Продолжал было дальше – но прервали на сей раз уже эти насекомые, что вокруг меня тут, в секции. Видя, что я пишу, некоторые из них, особо злобные, поднимают теперь гвалт, визг и писк, как настоящие насекомые, обмениваются между собой глумливыми “шутками” по моему адресу; а один из них –

ларьковский сучонок (который, впрочем, по–моему, в ларьке уже не работает) – подскочил ко мне и пытался заглянуть, прочитать, ЧТО я пишу. Верещал даже что–то про “слив информации” (как будто он знает, что такое информация... :). Поневоле пришлось прерваться на полуслове и убрать дневник под матрас. А там уж, дальше – помешали “мусора”.

В общем, после описанного выше было еще три серии. Перерывы между ними были где–то примерно по полчаса, м.б., больше или меньше, я не следил по часам; но часа, по–моему, ни один перерыв не достигал. Самое досадное, что эти суки с их комиссиями не давали мне даже нормально поесть – придя со столовки, съел только 2 яйца, купленных у злобного шныря за сигареты, потом – началось... Сидишь в робе, как дурак, наготове, и ждешь... Съел 3 бутерброда только вот сейчас, в 5 часов, когда все (вроде бы) закончилось.

После обеда пожаловала – с 6–го, кажись – еще одна часть все той же комиссии, –это, видимо, похоже на гидру со множеством голов, сующихся в барак по очереди. :) Прошли в ту секцию. С этой, естественно, все – в “культяшку”, сгоняемые наиболее злобными “козлами”. Я сижу. Из той секции приходят и говорят, что там “все тумбочки в рот вы...ют”, мол, убирайте все из тумбочек! И – это надо было видеть!!! – из “культяшки” вся толпа бросается обратно в секцию и начинает лихорадочно все вытаскивать из тумбочек и метаться со всем этим барахлом в руках, не зная, куда его спрятать. Кто–то сказал, что комиссия в той секции проверяет, у кого по 2 одеяла (иметь которые нигде не запрещено, кстати), – так долговязая ехидна (и кто–то еще, по–моему) стала лихорадочно сдирать со своей шконки одеяло и все перезаправлять. В общем, зрелище действительно было в высшей степени комическое – апофеоз человеческой глупости, ничтожества и стадного чувства, так легко оборачивающегося паникой всего стада... Пока они бегали, метались и думали, куда все спрятать – комиссия дошла до “культяшки”, и мне в открытую дверь было видно, как они – тоже в камуфле – ходят, ее осматривают. Думал – сюда, но потом оказалось, что они зашли в кабинет к Палычу, посидели там, а потом – опять по той же блатной секции на выход. Ушли. Уф–ф–ф–ф!!! :))

Проходит какое–то время – еще откуда–то идут к нам (а “комиссии” – головы гидры – эти повсюду: и в бане, и в столовой–“варочной”, и на 1–м, и на нашем “продоле”, и на том, – их было столько что они пошли всюду сразу и перемещались с одного “объекта” на другой). Зашли; кто–то сказал, что там “по санитарии”; тоже поперлись в ту секцию, но быстро ушли, даже до телевизионной не дошли, по–моему.

Прошло времени побольше (а они и на 1–м, и на 6–м, и на том...) – стрем сообщает, что идет Маяков (“Пожарник”). И вдруг – кто–то объявляет: “Все на улицу!”. С какой бы это стати? Я сперва подумал, что это новый, более радикальный вариант недавнего: “Все в “культяшку”!” на время комиссии – и хотел остаться. Но бежит завхоз (лицо официальное :), всех торопит выходить, а с ним прется Палыч – и тоже. Типа, официально всех гонят на улицу. Зачем? И тут от входа в барак я слышу что–то типа: “У нас вводная – пожар на 11–м отряде”.

Короче, понятно – учения. Я спускаюсь по лестнице, а всех уже гонят из “локалки”, открыв ворота, “в сторону 9–го”. Подъезжает пожарная машина, шланг разматывают и тянут в барак.

Оттеснили к 6–му, не к 9–му, велели построиться по бригадам (долго, с неразберихой, но все же построились), Палыч пересчитал. Потом Маяков сказал, что это ФСИН России проводит учения, и если вас, мол, спросят, как пользоваться огнетушителем, то не теряйтесь, а объясните – и сам кратко рассказал, как им пользоваться. Подождали еще, машина выехала с “продола”, поднялись в барак. Один рассказал, что из пожарного шланга “пролили” “дальняк”, да так, что во дворе снесло крышку канализационного колодца.

Вот и все. На этом великий день (пока?) вроде бы закончился. :)) Ждем, что будет завтра, – комиссия, говорят, и воскресенье проведет здесь.

Пока дописывал это – опять подбегал злобный сучонок, лез в тетрадь, пытался угрожать – типа, “пока он жив”, он мне писать не даст. На это я ему спокойно сказал, что он жив не будет, если надо, – он, видимо, этого не ожидал, взбесился, но виду не показывал, только шипел мне: “Делай! Делай!..”. Потом с ругательствами убежал. :)))

23.5.10. 9–34

И вот – последние утренние новости: на вахте – комиссия!!! :)))))) То ли это часть вчерашней, то ли уже новая (московская) – хрен поймешь, но прибежал завхоз и поднял панику, стал всех будить. Как же – “сейчас пойдут!!!”! :)))) Поднялась обычная паника, – правда, поменьше, чем вчера. У меня уже, ей–богу, нет сил смеяться, я тихо кисну от непрерывного внутреннего смеха, глядя на них...

А матери не звонил опять уже 2 дня; задача задач сегодня – позвонить ей; но если весь день опять комиссии, а вечером – еще и чемпионат мира по хоккею (все это происходит на его фоне, насекомые “мажут” друг с другом на деньги, кто выиграет) – опять едва ли...

Кстати, забыл: бывшему завхозу, ушедшему по УДО, его дружок, самый злобный “козел”, убийца Маньки, вчера перед последней проверкой говорил по телефону, что комиссия приехала в количестве 60 человек на 2–х автобусах!!! :)))))))

14–10

Пока все тихо, никто никуда не “пошел”. Зато, увы, привезли–таки “стройматериалы”. Но что–то я не заметил, чтобы их там было много, на целую “газель”. И, похоже, из–за них у “козлов” уже начинается какая–то свара с блатными из той секции.

А я пришел к забавному выводу – по итогам вчерашнего дня, да и всего опыта всех проведенных здесь лет. Комиссия – это как бешеная собака: если ее не бояться, по крайней мере, не показывать ей этого – она тебя не тронет. :)

24.5.10. 14–30

Все хорошо. :) Просто поразительно, какой тихий, спокойный выдался день, – отходняк после недавнего шума–гама, комиссий–учений и пр., не иначе. Не только у меня отходняк, даже не только у зэков, но и у начальства! Палыча нет! – это просто поразительно!!! Вчера с утра он еще приходил – на 1–й, на 5 минут, даже к нам не зашел. Сегодня – нет вообще! Наконец–то!.. Блаженная расслабуха... :))) И даже о ремонте ничего не слышно.

Подготовка к свиданке, 1–й ее этап, у меня тоже прошла успешно, и это тоже добавляет мне блаженства и кайфа. :) Правда, впереди 2–й этап, еще более сложный, неприятный и опасный. То ли завтра с утра, то ли уже сегодня вечером.

Что ж, миновала 44–я неделя до конца, ознаменованная страшноужасной огромной комиссией (из Москвы?), шарящей по тумбочкам. :) Началась 43–я, сегодня как раз понедельник. До дома мне осталось ровно 300 дней. Завтра уже начинается “двойка” – 100 ближайших дней число оставшихся мне здесь дней будет начинаться с цифры “2”.

25.5.10. 15–22

А я–то, дурак, хотел с утра еще написать, что день опять выдался тихий, спокойный, единственное – Палыч приходил 3 раза до проверки и 1 раз после. В 1–й же его приход я отдал ему заявление о встрече с Эделевым и его адвокатом.

Но тут после обеда грянуло грандиозное событие – насекомые таки начали ремонт! Слава богу, меня впрямую пока не коснулось: из телевизионной вынесли на улицу скамейки, и туда въехала часть блатной секции – те шконки, что у стены. У окна – видно в дверь их секции из “фойе” – шконки еще стоят. Неудивительно – телевизионная крохотная даже по сравнению с их “маленькой” (по сравнению с этой; минус “приемка”) секцией. Всех разом туда вселить никак невозможно; видимо, сперва

оклеят обоями одну стену, потом этих вселят обратно, выселят тех, что у окна, и стену с окнами будут красить. Лично я других вариантов не вижу. Заодно из блатной секции выволокли холодильник, какое–то подобие рабочего стола для кухни, еще что–то в этом роде – и расставили по “фойе”. Даже если в той секции – все равно, ходить через ремонт, грязь, баллоны с краской в “фойе” и т.д. и т.п., через весь этот разгром и бивуак будет крайне неприятно. (И через злобных, матерящихся насекомых, которые делают этот ремонт и которым, естественно, все прочие, просто живущие, без ремонта – мешают.)

Вроде бы – тьфу–тьфу–тьфу! – восстановилась худо–бедно связь через “телефониста”. Вчера он отвел меня звонить в угол у входа в их секцию, у окна, в простенок между стеной и крайней шконкой – типа, чтобы поменьше нас видели, что ли. Но о “братве” и о запретах с 10–го ничего уже не говорил. А Майсурян по просьбе матери (т.е., моей, через нее переданной, конечно) – номера “МК”, о которых говорил “телефонист”, с 29.4. по 5.5.2010, не искал, но в инете (на сайте “МК”?) их посмотрел, – конечно же, о Буреполоме там ни слова.

26.5.10. 8–44

Нет, все оказалось настолько иначе и так неудачно, что я в сердцах даже перечеркнул вчера написанное про ремонт. Они таки начали ремонт именно в той секции, где жил я, в “красной”! Часть блатных из блатной секции переехала в “культяшку” (самые блатные), остальные шконки в блатной секции растасовали – и начали затаскивать из “красной” секции!

Боже, что это был за погром! Обои тут же ободрали – где руками, остальное шпателем. Шконки разбирали и выносили – иначе они не пролезали в дверь той секции, но потом дверь сняли. Матрасы все приказали скручивать и сваливать на одну шконку. Командовал всем процессом злобный мелкий сучонок, бывший ларьковский. На меня он сперва кидался с особенным остервенением (он вообще давно меня ненавидит): переезжать мне некуда, все места в той секции тут же оказались заняты, а в “приемке” поселились все самые блатные из “козлов”. Памятуя обещание самого злобного старшего “козла”, я думал сперва остаться здесь, в секции, и как–то прожить прямо в этом ремонте – пусть сами двигают шконку и тумбочку, если им надо красить, клеить или что–то еще. Несколько бедолаг, которым тоже не нашлось места, хотели было тоже остаться, – здесь спокойнее, без всей этой мрази и швали, да и куда ехать, если все занято? Но им велели скручивать матрасы – и они, конечно, безропотно подчинились. Я застелил газетами пустой 2–й ярус моей шконки, положил сверху доски, чтобы газеты не разлетались – и ужинал

после 7–часовой проверки в таком положении. А эти твари взялись тотчас – злобный сучонок отдирал шпателем обои со стен (в том числе стоя на 2–м ярусе моей шконки, у меня над головой, и на моей тумбочке, пока я пил чай, и обсыпая меня сверху отшелушенной известкой), другие зачем–то шваброй с железной щетиной терли потолок, шелушили его и расковыривали, “зачищая”, швы между балками потолка. Разобранные шконки, не влезшие в ту секцию, и тумбочки переехавших свалили большой грудой в “курилке” на улице, где они сейчас и валяются. Меня “козлы” по указанию завхоза (он воспылал ко мне каким–то странным, неожиданно доброжелательным интересом, вполне могущим скрывать подвох, и как раз перед самым началом этого погрома в секции даже зазвал к себе в кабинет пить чай) несколько раз водили в ту секцию – типа, они там нашли для меня свободное место недалеко от входа. Действительно, шконка была без матраса, но каждый раз соседи заявляли, что здесь уже кто–то спит, а оставшаяся в секции сволота из прежнего ее населения поднимала хай, что, мол, они не хотят, чтобы я переезжал к ним в секцию. Я, признаться, этого тоже совершенно не хотел; лучше жить среди побелки, краски и пр., но одному, чем среди этих мерзких насекомых, да еще и набитых теперь в секцию плотно, как сельди в бочку. Пару раз я так и отказался переезжать, – мол, раз говорят, что место уже занято, значит, занято. Но было уже ясно, что здесь меня не оставят – по недовольству, с которым посмотрел на мой “обитаемый остров”, обвешанный газетами, зашедший в секцию завхоз и по упорству, с которым он взялся искать мне место в той секции, подключив к этому блатных и даже наркошу–“домового”. Уже перед самой 9–часовой проверкой место все–таки нашли – в том же проходняке, но с другой стороны – и сказали, что оно уж точно свободно. Предлог не переезжать (отсутствие свободного места) отпал – и я стал сгребать свои вещи, закручивая в матрас все, что лежало под ним, а остальное сгребая в большой клетчатый баул.

В общем, это был нелегкий труд. Такого полного разгрома мой налаженный барачный быт не знал с самого 9.9.2009, дня переезда сюда с 13–го. Еще с час, наверное, после последней проверки я укладывал под матрас вещи, развешивал и раскладывал, вынимая из баула, что только можно было куда–то пристроить (и найти в бауле в темноте, ибо свет, слава богу, и здесь выключили ровно в 22–00). Уже лазили по бараку “мусора”, то и дело уходил и возвращался с фонариком Окунь, потом отрядник 5–го с кем–то еще – не только я, вся секция не спала, устраиваясь на новых местах и вслух обсуждая – не ремонт и не переезд, нет, а всякую ерунду. Сосед – сверху, доходяга–

инсулинщик из Москвы, не имея никаких вещей, устраивался еще дольше меня – с пола, не давая мне лечь; и оказалось, что его шконка одним углом – справа над моей головой – проваливается, не держится на своем крюке. Вечером он зацепил ее за крюк – утром она оказалась опять отцеплена (точнее, он – угол) и накренился надо мной еще ниже, чем вечером.

Счастье еще, что переселявший меня "козел"–стукач сам догадался (раньше, чем я успел сказать) перетащить и мою тумбочку. Ее поставили вниз, а уже стоявшую в проходняке – на нее сверху, так что хоть в этой части привычные для меня условия быта не изменились. Проходняк тесный, узкий; соседи еще более–менее, но – метет секцию теперь тот недавний этапник, тоже сучонок, который меня ненавидит – и из этой ненависти будет теперь каждый день по 2 раза докапываться до моих сумок под шконкой (видите ли, они мешают ему убираться). Половину того, что надо тут написать, я, конечно, забуду, но что поделать... Да, – шконка, конечно же, придвинута к стене вплотную, и сделать за ее торцом, у стены, такой же склад постоянно нужных вещей, как у меня был в той секции, пока не получается. Это, пожалуй, главное неудобство этого переезда.

А эти идиоты что–то там делали в секции всю ночь, – отскребали, видать, остатки обоев, сняли все плафоны для ламп, и т.д. Теперь она стоит – большая, голая и пустая, лишь 2–3 шконки и тумбочки, на которые они залезали, чтобы достать до потолка, остались. А сами насекомые–"ремонтники" с наступлением утра завалились спать (один из них – мой сосед по шконке, которого не было всю ночь), так что именно утром – в самое, по логике нормальных людей, подходящее время – никакие работы там не ведутся...

Да, еще вспомнил забавный момент: "козлы" эти дни все искали пропавшие рулоны обоев, звонили тому, кто отправлял сюда эту "газель", шоферу и т.д. Не могли найти; а завхоз во вчерашнем разговоре в его кабинете сказал мне, что эти 15 (!) рулонов обоев спер Палыч. :))

9–40

Да, вот еще вспомнил, пока переписывал: "обиженных" поселили прямо в "фойе", поставив их шконки к стене торцами; а рядом – шконку "мужиков" – старика с палкой и эпилептика над ним (они и раньше жили в одном проходняке и беспрерывно ругались). "Фойе" таким образом оказалось загромождено полностью – только узкие проходы к "фазе" (под которой теперь стоит еще и холодильник), кранам и туалету. Пока ждешь, например, чайник – гулять по нему, как раньше, или даже просто у стенки стоять – хрен, негде, все занято! Ожидая чайник для

завтрака, я поневоле выходил сегодня погулять–побродить... в нашу пустую бывшую секцию!.. :))

27.5.10. 15–04

Короче, эти суки не пустили ко мне ни Глеба Эделева, ни его адвоката. Ждал сегодня с утра, придя из бани уже в начале 10–го (сходил очень удачно, а “генеральной уборки” с выволакиванием тумбочек в этой секции сегодня не было вообще – просто подмели и помыли, как всегда), пошел после проверки к “телефонисту”, набрал матери – они уже едут, Глебу – мобильник его отключен. Но с вахты до сих пор не звонят – значит, не пустили. А Палыч только что, как я пришел из ларька, вернул мне мое заявление о встрече с ними – с резолюцией Русинова: при наличии необходимых документов – ордер, удостоверение и паспорт. Но резолюция от 25–го числа, а сегодня 27–е. Вполне возможно, что дата на резолюции липовая. Что ж, пусть теперь Глеб судится с этой ИК–4, используя все свои возможности, как он того хотел и обещал.

А ремонт идет довольно быстро. В 1–ю же ночь побелили потолок, во 2–ю – наклеили обои, сегодня весь день – покрывают каким–то раствором стену (чтобы красить?), красят в белый цвет оконные ниши, уже ободрали линолеум по центру пола... Самое неприятное – если они закончат ремонт за те дни, что я буду на свиданке – она начинается уже завтра. Если эта секция будет переезжать в ту, отремонтированную, без меня – все мои вещи, и под матрасом, и за шконкой (все–таки я их распихал! :) рискуют пропасть или быть раздербаненными.

Самая омерзительная вчерашняя новость – из ШИЗО таки выпустили черножопую злобную обезьяну, и она, видимо, до конца срока пробудет здесь, в бараке. Но пока что так, как прежде, уже не буянит – публика в секции все–таки не та...

А в той секции – только что услышал – уже красят стену...

ИЮНЬ 2010

1.6.10. 8–50

Первый день лета. Лета 2010 года...

Прошла очередная длительная свиданка с матерью, прошел еще один день после нее... Но вчера – то ли из–за начавшейся жары, то ли из–за почти бессонной последней ночи на свиданке, то ли еще почему, – но состояние было какое–то болезненное, почти даже изнуренное, ужасно клонило в сон, было как–то плохо, тяжело, – вроде ничего не болит, но и делать ничего нет сил, так что описывать свиданку вчера я не взялся (хоть и надо было, конечно).

Но главным событием этих дней стала даже не свиданка, а – накануне ее – визит Глеба Эделева и его адвоката, таки прорвавшихся ко мне!!! Это было грандиозно – а я опять поторопился, увы :) – написать в дневнике в тот день, что их так и не пустили. Потом я узнал от Палыча, что уже в 2 или в 3–м часу дня они были здесь – и от них самих, что они долго боролись с Заводчиковым, не желавшим их пускать, но потом все же ему пришлось; только вот сотовые телефоны у них все же отобрали, несмотря на все их протесты и ссылки на разрешение Верховного суда по этому поводу.

Мне позвонили с вахту только около 5 вечера, и я сразу рванул туда. Выхожу – а на улице ливень, и за 2–3 минут ходьбы до вахты я промок почти насквозь. На пути и туда, и оттуда прошмонали – раздели догола в “шмоналке” – и я вдоволь мог поругаться на эту тему и с Гришей, и с тем “мусором”, что шмонал на выходе – потому что вполне достаточно просто ощупать руками поверх одежды, а не раздевать.

Глеба я сперва не узнал – когда они зашли только в закуток свиданщиц и он, стоя в профиль ко мне, выкладывал, как обычно там, все из карманов. Не сразу до меня дошло, что это, должно быть, все–таки он (тем более, там еще в 5 вечера передачи принимали почему–то), да и то – больше по очкам, которые он всегда носил. Он сильно изменился – стал прежде всего совсем седым; да и сам – как–то плотнее, солиднее; но узнать, конечно, можно. Вот радости–то было, когда наконец он вошел в тот закуток зала, где сидел я, и мы пожали друг другу руки!! Настоящий праздник! – мы не виделись, по его словам, лет 7 или 8, с моего приезда из Киева уж точно, и я так его ждал, столько времени, еще с того года, когда впервые он сказал об этой возможности – приехать ко мне. Он один из лучших людей, кого я знаю в этой стране, и встреча была – я думаю, и для него, а для

меня–то уж точно – настоящей, искренней радостью.

К сожалению, пропуск им выписали только до 18–00, так что времени у нас было на разговоры всего около часа. Я успел только подписать заранее подготовленные для меня бумаги – для жалоб в суд, но, если честно, точный повод этих жалоб я уже не помню :) – да рассказать ему вкратце, что творится на зоне, какое оказывается на меня давление через блатных, из–за чего и жалобы писать здесь опасно, и даже по телефону я не могу говорить свободно. Поговорили мельком обо всяких мелочах; он в очередной раз рассказал, как они уже “построили” всех в зонах своей области, о том, что на здешние порядки (в частности, отбор телефонов, как и непропуск ко мне литературы) они тоже намерены жаловаться (причем в екатеринбургский суд); упомянул Глеб вкратце и о деле Алексея Соколова, которым был занят все последние месяцы. В общем, поговорить толком, без спешки, нам не дали, – осталась только радость от самой встречи, ощущение тяжело доставшейся, но тем более дорогой победы.

На местное начальство появление Глеба и адвоката тоже произвело заметное впечатление – это я почувствовал в ближайшее же время, как вышел со свиданки.

На свиданке, как еще идя туда к Глебу, я увидел – тоже ремонт! Совсем обалдели, как лето – везде ремонты, всюду краска, штукатурка, не пройти, не измазавшись. На 2–м этаже к вечеру предпоследнего дня, когда нас осталось всего трое – новые дневальные тоже затеяли ремонт в дальних, пустых комнатах, расставили по коридору все свое ремонтное барахло, откуда–то вытащенное, тоже затруднив проход.

Свиданка прошла на этот раз хорошо, – как я и надеялся, после двух последних – с лютым холодом в январе и с дикими болями у меня в животе в марте – получился настоящий маленький праздник. Мы почти не ругались с матерью; правда, когда сдавали передачу, произошел небольшой инцидент, имевший, как потом выяснилось, последствия.

Вышел со свиданки – и за забором, в толпе ждущих вывода на работу, вижу вдруг азербайджанца с 11–го, бывшего подметальщика, того, что все мне подмигивал и называл своим другом. У него я тут же и спросил, не переехали ли еще из блатной секции в отремонтированную (при каковом переезде без меня могли бы пропасть все мои вещи). Он сказал, что нет, а затем удивил меня безмерно: оказалось, он пришел не вывода на работу ждать, как я думал, а – встречать меня; более того, приходил с той же целью, перепутав дни, и вчера утром! Вот уж не ожидал я от него! – но, тем не менее, был ему за такую заботу искренне благодарен, и он на своем богатырском плече :) допер

мой баул прямо в барак, до моего проходняка.

Ремонт, оказалось, еще далек от завершения: одновременно красят пол и кладут посреди его линолеум – ни тот, ни другой процесс не закончены, осталось еще где–то четверть секции. Плинтуса тоже положены не все, светильников нет вообще, и на их крючках висят гирляндой удлиннители, подключенные в розетку “фазы” в “фойе” (из 6–ти розеток там теперь 2 постоянно заняты – холодильником и этим удлиннителем). Самое же загадочное и, похоже, безумное – в торцевой стене секции, со стороны “фойе”, пробивают на уровне пола какие–то дыры – по слухам, хотят вроде бы провести трубы и поставить умывальник в самой секции. Зачем???!!! Но насчет переезда и потери вещей нервничал я на свиданке, как всегда, напрасно.

И еще 2 интересных события случились вчера. После обеда, в начале 3–го, вызывают вдруг в штаб, в 12–й кабинет – завхоз говорит, что, мол, там от тебя социальным работника что–то надо. Иду. Там сидит тетка в форме, при погонах, лицо знакомое, но как зовут – не знаю. И говорит мне: вот, мол, тут все вокруг только и говорят про Вас и Вашу инвалидность; а получаете ли Вы, мол, пенсию? :)) Я внутренне рассмеялся: “все говорят” вдруг – это несомненное эхо приезда Глеба, до этого обо мне тут уже давно не говорил никто. Я вкратце объяснил ей ситуацию с несуществующей моей пенсией, инвалидностью и ВТЭКом января 2008 г.; поговорили мы и про то, куда я поеду после освобождения; когда мне наконец оформят тут паспорт – по заявлению еще июля 2007 г., и т.д. Я расписался по ее просьбе в журнале – о том, видимо, что беседа, то бишь “социальная работа”, со мной проведена и местожительство мое выяснено – и на том мы расстались.

А вечером, между ужином и проверкой, вызывает к себе Палыч. И – т.к. мать перед свиданкой успела познакомиться с ним и поговорить обо мне – спрашивает сперва про рассказанный ею эпизод с кражей у меня колбасы. Эпизод давний, прошлогодний еще, ноябрь, по–моему, – но мать–то рассказала ему так, как будто это произошло недавно. Я сказал, что это было давно и я в принципе знаю, кто это сделал, но называть не хочу. (Да и ЧТО он им сделает, даже если я назову? Выговор вынесет? В ШИЗО отправит?..) А потом он спрашивает меня, ЧТО такое произошло там на свиданке, из–за чего на меня написали рапорт?

Значит, эта старая сука свиданщица, мразь, все же написала его, как обещала! Зовут Нина Васильевна (выяснила мать), немолодая уже, явно за 40 – и, как она сама нам рассказывала еще несколько свиданий назад, долгое время работала тут в охране периметра (т.е., видимо, стояла на вышке).

Написала–таки, тварь! А дело было так. Вот уже почти 3 года мать возит на эти свиданки шоколадные конфеты – суфле и “Лещину” – в пакетике, и до позавчерашнего дня все было нормально. Свиданщицы–контролерши просто тыкали их в пакетике прямо, не вынимая, выборочно, своими щупами – и все. Однако вчера эта старая сука увидев кулек, неожиданно заявила, что все обертки с конфет надо снять!

Я кратенько (причем без ругани, вежливо) ответил ей, что 3 года почти возили так, с обертками, и было все нормально – и отказался снимать эти фантики. Мне казалось, что проще не класть эти конфеты в передачу, чем заниматься столь явной и унизительной ерундой по приказу этой наглой твари! Однако мать взялась все–таки ободрать все конфеты – и та отдала ей кулек, сказав, что, мол, у себя в комнате сделаете, тогда и принесете. Мать сделала, отдала – и в результате, оставшись без оберток, почти все суфле уже засохло.

И вот, когда я спорил с этой старой сукой, отказываясь снимать обертки, она и заявила мне: “Не пререкайтесь со мной! Я сейчас на вас рапорт напишу!”. И написала–таки – что я “препятствовал приему (или досмотру, как–то так) передачи”, как мне сообщил Палыч.

Расспросил, что случилось на самом деле; сказал, что сегодня (точнее, это явствовало из его слов), еще до разговора со мной, сам ходил туда, в КДС, узнавать, но внятного ответа не получил – и свиданщицы, и их начальник Степанов молчат. Сказал, что еще будет разбираться с ними по этому рапорту, а мне грозит максимум выговор (я и так это знал). Я рассказал про 3–хлетнюю предысторию – и предположил, что это тоже эхо приезде Глеба; он согласился со мной, но несколько иначе: мол, из–за его приезда одну из свиданщиц (не эту, а маленькую, белобрысую и еще более злобную) попросили остаться до 6 часов – м.б., это их мелкая месть... Что ж, может быть.

Зашел, как всегда, у нас с ним разговор и об общих вопросах – от планов постройки тюрем на месте зон (я напомнил, как писали в “За волю” Паша Л. и Аня Петренко, про Штаммхайм и судьбу лидеров RAF в нем; для Палыча все это было новостью) до судеб России, менталитета ее населения, и т.п. То ли он хотел выспросить меня об этом, то ли что еще – но мать поразило, что в беседе с ней Палыч о моем якобы “разжигании розни” говорил совсем не таким сочувственным тоном, как в том году со мной (что, мол, я и впрямь сижу ни за что), а скорее наоборот. В ответ на мой, давно созревший и наконец–то удачно ввернутый в разговор вопрос рассказал он и кое–что о себе. Сказал, что работает “мусором” на зоне только 16 лет (с 94–го?),а до того был

инженером в области сельского хозяйства. И, 16 лет назад, на каком–то собрании в Тоншаеве, будучи представлен тогдашнему губернатору области Немцову как самый молодой инженер в этой сфере, подвергся с его стороны разносу и заявлению, что он ничего не смыслит в с/х. После чего, видимо, был уволен (детали этого рассказа я, увы, не запомнил). Видимо, пошел в зону по тем же причинам, что и та свиданщица (она тоже успела затронуть эту тему в "пререканиях" со мной :) – другой работы не было... Что ж, добился немалого – стал аж майором, здесь их не так уж много; но, ей–богу, лучше бы он избрал что–нибудь другое в жизни, хоть и уехав из области. Я, по крайней мере, искренне посоветовал ему бросить эту работу.

Да, заодно, говоря о моих вещах, что их не надо трогать, стояли и будут стоять у меня под шконкой, и об ужасах прошедшей зимы, – зацепили мы с ним наконец и вопрос о том, ЧТО должно быть в тумбочках. На мой вопрос он наконец–то назвал источник этого "мыльно–рыльного" идиотизма: оказалось, это приказ по ФСИНу, причем секретный – "для служебного пользования", т.е. для меня заведомо недействительный. При этом Палыч этак сочувственно рассмеялся на мои слова о том, что есть в "ПВР" "список запрещенных предметов", с которым я не могу согласиться, но могу хоть как–то понять; однако нет и не может быть никакого списка разрешенных предметов.

2.6.10. 8–25

Проснулся в 4 утра – на улице ливень; и до сих пор хмуро, облачно, сыро, без света в секции темновато; мелкий дождь то начинается, то утихает. Душно, даже несмотря на отсутствие солнца, хоть я сижу в одной лишь футболке.

Мразь "телефонист" придумал новый повод вымогать с меня деньги. Еще позавчера, как я вышел со свиданки и он приперся (уже в 2 часа, сразу после обеда – и, по его словам, страшно голодный) за жратвой из моей передачи – уже говорил, что у него ко мне назавтра будет "серьезный разговор". Я сразу сказал, что денег нет. Однако вчера он все же поведал мне очередную историю: оказывается, он играл недавно в карты, типа, отыгрывался за своего проигравшего дружка – того, что ходил ко мне, или что–то такое, – в общем, тоже проиграл и теперь должен к 15–му числу 3000 р. (или 3500?). Типа, полторы тысячи у него где–то есть, но еще полторы – он вытрясает с меня, умоляя найти для спасения его "чести". И плевать бы мне, откровенно говоря, на "честь" этого гнусного насекомого – но оно, зная мою зависимость, подводит так: если ты не найдешь деньги, то я вынужден буду отдать за долг телефон. Т.е., опять, как и всегда: если я не дам ему деньги, то я не смогу от него звонить, и причем

не по его нежеланию и алчности, отнюдь, а как бы по объективным обстоятельствам (то его “трубу” забирают на 10–й, то он отдает ее за долги, и т.п.).

Вся эта история в принципе может быть и правдой. Но мне от этого не легче. Я четко и ясно сказал ему сразу, что денег для него ни у меня, ни у матери больше нет. Тогда он стал агитировать меня позвонить Мане (!) и развести ее на эти деньги – соврать, что, мол, опять нужны на телефон. Я отказался тоже, и закончился разговор его настоятельной просьбой мне “подумать”, где взять ему денег, – хотя думать тут абсолютно не над чем. Мифическая “безлимитная симка”, на которую он вытряс из матери последний раз 1700 рублей, и это совпало по времени с ОМОНом месяц назад, – по его словам, все еще “в пути” сюда. :))

Зато неожиданно прояви ко мне сегодня рано утром (когда все спали и никто не слышал) интерес тот блатной с 11–го, которого Палыч натравливал на меня по поводу моей стоящей под шконкой сумки. Увидел – стал спрашивать сперва, как я сам, не душно ли в секции; потом – не слышал ли я, какие поправки вышли – к 73–й и 74–й ст. УК (условное осуждение и его отмена). Я честно ответил, что 1–й раз об этом слышу. Он стал спрашивать не могу ли я позвонить своим и узнать – и в какое время мне дать телефон для этого! Ничего себе!!... :))) Что–то сдвинулось, видимо, здесь в последнее время – в связи с приездом Глеба, видимо; и вот уже те, кто не давал матери осенью прозвониться ко мне из–за запрета с 10–го – теперь сами предлагают мне “трубу”, да еще спрашивают, во сколько мне удобно!..

Но, тем не менее, я совершенно не уверен, что после он вообще вспомнит об этом и “трубу” мне действительно принесет. А сам я напоминать и просить, разумеется, не пойду (хотя это как раз удачный шанс сообщить матери о новом вымогательстве “телефониста”, она еще не знает). Что ж, подождем, посмотрим...

3.6.10. 10–05

Длинные, тягучие, невыносимо мучительные дни... Вчера был настоящий кошмар, – среди этих тварей, среди их безумной суеты и беготни – как в сумасшедшем доме, ей–богу! Весь день лил дождь, то затихая, то начинаясь снова; сегодня с утра – тоже, но после завтрака выглянуло наконец солнце. Вчера, конечно же, как я и думал – это кривоногое блатное чмо не подошло ко мне с “трубой” ни после обеда, ни после ужина, ни после отбоя... :)) Зачем было трепаться, бросать слова на ветер, интересно? А к “телефонисту” я вчера не пошел сам, хотя и можно было – но из–за дождя, из–за Окуня, а пуще всего – из–за своего омерзения к этой твари и отвращения при одной мысли о том, чтобы увидеть ее снова и услышать эти наглые требования “подумать” и где–то

найти ей очередные 1500 р. Если так нужно – пусть идет ко мне сам, я могу и 3 дня не приходить!.. Хотя знакомый с их барака сказал вчера мне – на мой осторожный вопрос – что да, в последнее время видел это чмо играющим в карты, чего раньше никогда не бывало.

Четверг. Позавтракал, как всегда, сходил к 8–30 в баню – там, к моему изумлению, не только не было толпы, но даже не все "лейки" были заняты, так что помылся очень быстро и удачно. Пришел – и вот пишу...

Так и живу пока что в этой блатной секции, пока в той ремонт, – больше недели уже. Обстановка здесь еще хуже, нервознее, злее, чем была в "красной" секции (если это вообще возможно) – командуют одновременно и блатные, и "козлы" (хотя меж собой они дружат). Последние заняли конец секции, у выхода – и здесь опять командует, покрикивает, раздухарившись, черножопая цыганская обезьяна, мразь, да жжет по ночам опять лампочку – вообще, ведет ночной образ жизни, а днем дрыхнет. Но орет она исключительно на своих, "красных", в этом конце секции. Очень забавно было сегодня утром глядеть, как один из давних "козлов" 11–го, тоже мразь, будил утром спящих, – ходил, вглядываясь и сдергивая одеяла исключительно с "красных"; если же из них кто–то спал в том конце секции, над блатными, тоже дрыхнущими без задних ног, – грубо будил "красного", но к блатным даже не прикасался (как не будят они никогда и самых блатных из самих "козлов" – тех, что сейчас живут в "приемке").

Тесно, душно, тошно, омерзительно... Среди насекомых, бессмысленных, примитивных существ, абсолютно чуждых тебе, с их чужими и пустыми разговорами, драками и интригами, деланием документов для Палыча, карточными играми и вечным поиском/перевозкой денег на воле – разве это жизнь? Тоска... В самой секции тесно, проходики узкие, народу полно, не протолкнуться. Очень раздражает, что из 3–х соседей двое имеют стойкую привычку жрать и чаевничать тогда же, когда я вечером ужинаю, а один – и утром, после зарядки, когда я готовлю себе завтрак. Мешает он ужасно, занимая своими крУжками пол–доски, на которой я это делаю; сама доска, воткнутая тоже между 2–мя тумбочками, здесь шатается и качается, чего никогда не было в той секции, – приходится выдвигать под ней ящик тумбочки для ее поддержки. Да еще вся эта молодежь, 1990 г.р., не живущая в самом проходняке, но держащая (еще с той секции) вещи в верхней тумбочке – постоянно тут из–за этого торчит, лазит поминутно в тумбочку – брать–класть ложки, хлеб, свои папки с тетрадями (у одного, еще мало–мальски нормального), тряпье, мочалки и т.п. (на что ругался уже живущий здесь

старик). Один из этих “пассажиров” видит здесь – пишет, второй подсаживается и начинает к нему лезть, “шутить” – в результате они сцепляются и начинают драться, точнее – тоже “в шутку” возиться (“угорать” или “сикелиться”, как здесь говорят). Т.е. – ни минуты покоя и минимум свободного пространства. Поневоле вспомнишь, как в той секции еще недавно, в мае, я сидел в своем широком проходняке один, с единственной своей тумбочкой, и в свое удовольствие пил вечером чай… При виде этих непрошеных и крайне беспокойных соседей, уже порядком мешающих мне жить, – вспоминается известная старая поговорка (из какого–то фильма или книги): “Меньше народу – больше кислороду!”.

Вчера “поднялись” 3 этапника – молодые парни, из которых один “красный”. Места в секции были, но – верхние. Обычно этапники, особенно молодые и здоровые, не как я, ложатся сперва на свободные места, и потом уж перемещаются, в процессе, когда освободится место получше. Но тут местная блатота (очередной самозванный “комендант” 1988 г.р. из их числа) волевым решением согнала с 3–х подряд нижних мест своих же шнырей–“заготовщиков”, “подкинула” их на 2–й ярус, дабы на нижних местах, да еще рядом друг с другом, разместить этих новичков…

4.6.10. 15–35

Длинные, безумно длинные, пустые, бесконечные дни… Лето… Дикая жара на улице и духота в секции – что днем, что ночью; эту ночь и даже утро – все равно весь мокрый, даже под утро не становится прохладнее. Заняться совершенно нечем, – а какие тут еще могут быть серьезные занятия, кроме чтения? – но читать нечего, даже Ницше я недочитанным отдал матери на последней свиданке – и вот лежу, обмахиваясь журналом, поминутно утирая пот и тихо сходя с ума…

Хуже всего положение со связью. Мразь “телефонист” вчера объявил, что с 5–го числа “связи не будет” – он (якобы) отдает телефон в счет долга, а сам будет (тоже якобы) брать у кого–то. Пошел сегодня, часа в 3 где–то, – дрыхнет. Ходил вчера дважды к “запасному варианту” на 8–й, а том числе после отбоя, – оба раза так и не застал. По результатам моих поисков и расспросов вроде бы наклевывается еще один вариант, но настолько смутно и маловероятно, что я пока не принимаю его всерьез. Со связью – тупик. Опять тупик…

А осталось мне всего 289 дней. Кончается 42–я неделя.

Вчера поперся в штаб к “юристу” – отдавать доверенность на имя Романа Качанова, эделевского адвоката, чтобы заверили и отослали. Сперва, в коридоре штаба, докопался до меня “Макар” (как я и думал) – почему, мол, я небрит, и мы очень забавно,

“дружески” :) с ним поговорили о том, что я хочу отпустить бороду, а он считает, что “не стоит экспериментировать” и “выделяться” (как будто я на все 100% не выделяюсь и без бороды из этой толпы быдла!..). А “юристом” вместо Васенёвой, бравшей у меня эделевскую доверенность в том году, оказался... Милютин! Вот уж я не ожидал увидеть!.. Бывший начальник, в звании полковника, ведет прием зэков в качестве юриста... Да, судьба... Узнав, что у меня “утерян” паспорт – не хотел, тварь, еще и брать бумагу, – мол, только паспортом удостоверяется личность, таковы правила составления доверенностей. И лишь когда я сказал: на каком же основании вы меня тут держите без паспорта, – может, это вовсе не я и надо сейчас же отпускать?! – только после этого он нехотя согласился передать бумагу “Макару”...

...Все время вспоминается Ленка, хотя что теперь ее вспоминать, после всего...

6.6.10. 14–28

Воскресенье. С утра на улице – то и дело дожди и сильный ветер. С утра, несмотря на солнце, было так холодно, что я живо вспомнил июль 2007–го, карантин, и как я околевал там каждое утро на зарядке...

То была скучная жизнь, целыми днями не о чем было писать – и вдруг настала интересная, с конспирацией, облавами, чуть не погонями. :)) Как вот, например, сегодня. Дело в том, что, вопреки ожиданию, пару дней назад таки сработали оба моих варианта со связью взамен “телефониста”. Но один, на 6–м – на 1 раз, эпизодически, хотя, судя по тому, как я был там рекомендован постоянным тоже пользователем тамошней “трубы” с 11–го, можно будет заходить и впредь – но едва ли каждый день. А 2–й вариант – тот, что здесь, на 11–м, по моей просьбе (еще майской) взялся организовывать постоянный любитель моих сигарет, один из немногих более–менее (на общем фоне) нормальных, с кем я здесь общаюсь, довольно тесно и дружески сойдясь на почве сперва моей кошки (“Белка” :)), а потом тех же сигарет и всего прочего (чай, сукразит и т.п.). За этот вариант матери таки придется (завтра, когда откроется почта) заплатить очередные 3000 р. – а что он долго продержится, не факт. Но вчера, как только с этим парнем мы вышли на двор 11–го, чтобы не звонить на глазах всех этих “козлов” – первый же пробегавший стремщик, увидев меня с “трубой” и его, стоящего рядом, начал на него орать – мол, “кто в курсе?!” и “у него вообще запрет” (у меня то бишь). Очень убедительное доказательство моих предупреждений, что так и будет – на этом бараке, видя телефон в моих руках, на любого его владельца тотчас начинается бешеное давление, первоисточником своим имеющее штаб ИК–4.

Что же делать?

Любитель моих сигарет и его закадычный дружок, давний шнырь блатных на 11–м, еще во время моего сюда “заезда” в сентябре 2009–го, злобный, примитивный и тупой, с которым довольно много я тут ругался, последний раз – по поводу ремонта (оба на этой зоне старожилы – один сидит тут уже 2–м сроком, другой – первым, но уже 10–й год!), ходящие постоянно по всей зоне, несмотря ни на каких “мусоров”, придумали следующее: я буду ходить звонить в... школу, а они в это время будут стоять на стреме. Беда только в том, что школа находится в одном здании со штабом, и вход в нее – из штабного же внутреннего дворика, а внутри есть еще и сквозной проход.

И вот сегодня, после утренней проверки, где–то в час дня – любитель сигарет приходит и говорит, что договорился там, в школе, и я пошел туда. Он ждал меня за распахнутыми воротами бывшего 1–го поста, на улице, и мы обошли штаб задами – но все равно, из–за довольно высокой металлической ограды внутреннего двора штаба, где разбиты клумбы и цветники, ко входу пришлось идти через весь дворик. Зашел туда один – там ждал шнырь, а 2–й остался на улице. И еще был незнакомый парень – видимо, тамошний дневальный.

Шнырь дал мне “трубу”, провел в класс и сказал: сиди здесь, звони, а если пойдут “мусора” – я (он) быстро выброшу “трубу” в окно, а его друг, что меня привел, ее там поднимет. Вышел, но не успел я еще даже номер набрать – вдруг забегает тот, незнакомый, и говорит, чтобы быстро уходили – и показывает уходить в ту дверь, которая ведет в штаб. То есть, кто–то вошел в школу с улицы. Шнырь забегает, быстро кидает “трубу” в форточку, я выхожу из класса, иду к внутренней двери в штаб, она чуть приоткрыта – и я в щель вижу, что за ней тоже “мусора”, виден их камуфляж. Т.к. я шел совсем не быстро, спокойно, – торможу, останавливаюсь. Тут сзади ко мне присоединяется шнырь, а спереди заходит “мусор” – Рыбий Глаз, спокойный, немолодой уже. Спрашивает, что случилось, и шнырь начинает с ним шутить и смеяться (обычная тактика), а из штаба высовывается голова тамошнего дневального – давнего и тесного дружка этих двоих, который тоже, безусловно, в курсе, и спрашивает меня, что случилось. Я говорю, что не знаю. Тут оказывается, что через вход в школу вошел Окунь, а из штаба в нее же заходит Наумов (никак не пойму за 3 года, что он за начальство такое, – не просто “мусор”, а какой–то мелкий начальничек). Шмонают сперва шныря, потом берутся за меня (шнырь остается ждать, отойдя назад в отсек школы и выглядывая оттуда с вечными шуточками). Прошмонали руками, потом

Наумов берет где–то (у Окуня?) металлоискатель и начинает меня “прозванивать”. Проверяет все “звенящее”, вплоть до ложки, но ничего не находит. :) Засим меня отпускают, я иду назад в барак – и как раз за эти 2 минуты ходьбы начинается сильный ливень, я успеваю опять изрядно вымокнуть (вол везет мне!..).

Никакого “нарушения” их правил в том, что я оказался в школе, разумеется, нет. Но – видимо, кто–то видел, в окно штаба или с улицы, как я туда заходил, и сразу же прибежал Окунь, а потом и другие – слишком уж необычно было мое там появление. (Первая фраза Наумова была: “Вы к нам учиться пришли?” –“Да!” – радостно ответил я. :)

То есть, гениальный план двух друзей провалился с первых же минут, и надо искать другое убежище для безопасных звонков. Но какое? Пока не знаю, что они придумают.

В обед – из–за начинающейся грозы и ветра, видимо – вырубили свет. Опять сидим – ни света, ни воды...

17–10

И последнее сообщение от любителя сигарет – вот только что заходил ко мне за чаем. Говорит, что нас точно “сдали” и “мусора” уже ждали нас с телефоном; шныря потом, после моего ухода, еще раз шмонал Окунь и спрашивал, где телефон. “Сдать” мог только этот дневальный школы, что там был, больше некому.

7.6.10. 16–13

Ну что ж, вот все и разрешилось – но, увы, не без потерь, вопреки моим ожиданиям. С утра сегодня, только успел позавтракать – вдруг совершенно неожиданно явился “телефонист”, вызвал поговорить во двор – и стал уговаривать, упрашивать, чуть не в ногах валяться. Короче, его расклад с его же слов: 2000 он вчера отыграл, а тысячу рублей ему теперь надо ларьком! Вот сука, а?! Сперва я отказался наотрез, но он клялся и божился, что к 20–му мне эти деньги здесь положат обратно на счет: якобы к парню, который должен ему 2000, едет кто–то 17–го на свиданку и мне здесь положит. Ну что ж, посмотрим... :) Короче, зашел к нему после обеда, позвонил заодно матери (“трубу” он, разумеется, никуда не отдал и не хочет отдавать – как же он потом сам без “трубы”–то!..) – и пошли в ларек, я отдал ему эту тысячу, купил на целых 400 р. себе (чересчур!), да еще эта тварь стрясла там с меня пакет сока!..

А потом, как пришел с ларька – повели меня ребятушки, которым оплатила мать как раз сегодня (или вчера? В воскресенье? Хм...) “трубу”, звонить конспиративно, как у нас тут теперь заведено. :) Три года тут сижу – такого не видел, но – вот что значит “запрет” от блатных с 10–го барака (запрет давать мне телефон). На этот раз, не как вчера – все удалось отлично.

Пришел в пустую столовку, там двое из трех уже ждали, показали зайти в маленький закуток в углу – там, м.б., кто–то и ночует, а днем, как оказалось, заходят протиральщики столов. 3–й – любитель моих сигарет – принес “трубу”, я нормально поговорил с матерью (в отличие от разговоров у “телефониста”, вечно все очень внимательно слушающего), все вот это, сегодняшнее, про 1000 р. и пр., рассказал ей. Любитель сигарет в это время стоял рядом с закутком на стреме у окна. Все получилось отлично. Только вот одно неудобство: с их конспирацией, хождением куда–то с барака – надо выходить через “нулевой пост”, а когда там сидит “мусор”, то вполне может спросить, куда это я.

Ремонт так и не кончается – завис. Ничего не происходит. Последнее – пробили дыры в стенах и долго сваривали трубы, чтобы из “приемки” сделать слив воды в туалет – из раковины, которой там еще нет, слив воды, которая еще не подведена даже близко. Часть шконок покрашена в синий цвет и расставлена вдоль стен (в том числе и мое прежнее место) – и тишина.

Понедельник, но Палыча сегодня нет, что совершенно удивительно. Лазил в каптерку – моя сумка там так и стоит, в шкафчике, но сама каптерка забита таким количеством хлама, что не повернуться, и я, добираясь до сумки, больно ударился о стенку шкафа лбом.

9.6.10. 14–40

Среда. Опять был большой шмонный день. А у меня еще накануне было предчувствие, что вот – спокойно, спокойно вроде все, и вдруг как грянет... Точно! – в начале 10–го прутся шмон–бригады: 13 на тот “продол”, потом 11 на наш, еще 10 на тот, еще сколько–то к нам, потом еще... Началось, завертелось, короче. В окно той, где ремонт, секции я видел, как стояла толпа “мусоров” в “локалке” 6–го, у ворот – и потянулись по одному из дверей барака зэки с сумками. Значит, шмон с вещами! Господи, пронеси... :)

Вещи у 6–го шмонали, м.б., и не у всех – по крайней мере, у первых точно, а остальные, по–моему, просто составили их, как обычно, под стену барака. Через час, где–то в 10–25 – 10–30, уже начали уходить группами с того “продола” – и довольно быстро ушли, по–моему, все. Потом потянулись с нашего, но явно медленнее. А потом – еще не все с нашего, кажись, и уйти–то успели – произошло самое поразительное. Время уже 11–30, дело к проверке – а по “большому” прется еще одна шмон–бригада! Прется в нашу сторону! Ладно еще, когда 31.3.2009 они на 13–й изначально приперлись в полдвенадцатого, но – вторым заходом?! Зачем?.. короче, большая часть – на тот “продол”, меньшая – на наш, говорили – на 3–й.

Странно – потом узнал – что они не зашли на 9–й. Они перевернули вверх дном даже 1–й, “красный” из “красных” барак; а уж блатные – 6–й, 3–й, 7–й и на том – 12–й, 13–й, не знаю, какие еще, – это уж само собой. Я подумал сперва, что вообще повальный шмон по всем баракам... кроме 11–го. К нам опять не зашли!.. :))

В общем, спокойствие (относительное) продержалось месяц – с “масок–шоу” 6 мая. Помнит ли кто–нибудь, кроме меня, эти даты?.. Из разговоров в бараке, к моему удивлению, стали всплывать и причины этого повального сегодняшнего шмона. Первая – удивительная: будто бы (когда? вчера?..) бесконвойщики косили тут траву – то ли за зоной, вокруг “запретки”, то ли на самой “запретке”, я не понял – и и их с зоны закидали кирпичами или камнями, не знаю точно. Ну да – типа, это “красные”, “мусорские” подстилки, им так и надо, собственно, – но такой реальной, настоящей вражды к ним, чтобы камнями кидать, я никогда тут не видел. Наоборот, обычно тут тесная дружба и сходство до степени смешения. И вот... Типа, “спровоцировали” “мусоров”, как сказал, рассказывая мне об этом первым, любитель моих сигарет. Вторая причина прозаичнее: другой пацаненок сказал (и первую он тоже подтвердил), что всю ночь выла сирена и были вбросы (с воли через забор), что–то типа: 20 на один “продол”, 10 на другой, – и все их поймали те, кому они предназначались. Мусорам”, типа, не досталось ничего – вот они и озлились, пошли шмонать, твари... Что ж, может быть. Но я ничуть бы не удивился, если б оказалось, что был этот шмон просто плановым, без всякой особенной причины – тем более, что “режимный день”. Нигде ничего особенного не забрали (на 6–м – несколько пустых канистр для браги), но, по отзывам очевидцев, перевернули все в бараках буквально вверх дном.

Пошли на обед – небо уже угрожающе темнело, и за ровно 1 (или 2?) минуты хода от барака до столовки уже начало капать. Зашли, сели – и полилось, как из ведра, а потом и гром загрохотал – такой, что, казалось, столовка вся развалится от такого удара. Пришлось пережидать, пока утихнет – есть почти ничего не ел, а потом еще стоял у окна, смотрел на этот ливень, на задний двор с сараями, помойкой, на трубу бани напротив... Дождь слегка стих – и я почесал сразу, не заходя на 11–й, к телефонисту – отзвониться матери. (Слава богу, сегодня он не спал весь день, как вчера, когда я заходил и после обеда, и после ужина – без толку, а отзвониться удалось только после отбоя, когда я уж и сомневался – идти ли, не спит ли мать? – но послушался настойчивого внутреннего голоса, и не зря.) Промок все равно почти насквозь – и штаны, и “лепень” – пока дошел.

Захожу – а в “фойе” у них стоят несколько сумок и клетчатых баулов – отголоски утреннего шмона... Отзвонился, да еще так удачно вернулся в барак – Палыч еще сидел, пережидал тоже дождь, а ушел через пару минут после меня, мне повезло не столкнуться с ним во дворе или – еще хуже – на “продоле”.

Пришел – а тут крутят Круга, и он пронимает меня насквозь, до слез, как всегда, всю душу переворачивает, и я не могу нормально писать – больше слушаю Круга, чем думаю, что пишу...

11.6.10. 9–00

Две новости – хорошая и плохая, как обычно. Плохая – закрыли вчера днем в ШИЗО “телефониста”. “Трубу” он оставил своему дружку, и тот обещал мне вечером (днем я его не нашел в бараке), что ею можно будет пользоваться. Но – в том–то и дело, что это существо найти и застать на месте бывает довольно трудно – куда труднее, чем “телефониста”, который, по крайней мере, хоть сидел обычно на своем месте. Или же – остается тот вариант у двоих друзей, оплаченный мною, но лимитированный по времени (только с 3 до 4 дня), что очень неудобно.

А хорошая новость – ушла наконец–то сегодня утром мерзкая злобная цыганская обезьяна!!! Уф–ф–ф!!! Какое это счастье и какое облегчение – знать, что нет здесь больше этой твари, прибегавшей махать кулаками на каждый спор или ссору, даже самую мелкую. Страшно жалею, что не прикончил тут эту нечисть своими руками и она ушла живая, на своих ногах. Эх, если б знать, что не намотают за него еще срок, – сделать это было бы проще простого и возможностей (молотком по виску во сне) больше чем достаточно.

Тварь должна была уйти 14–го, но из–за “праздничка” (“День России”) 12 июня, падающего на субботу, понедельник (14–е) объявили тоже выходным и всех, кто должен был освобождаться 14–го, отпустили сегодня. В том числе ушел и бывший мой “стирмужик” с 13–го, – наглая, тупая, ленивая, бессмысленная тварь, с которым столько мучился я на 13–м по поводу стирки. Перед освобождением, последние дни, эта тварь – подумать только! – повадилась приходить сюда, на 11–й (где ее до этого и близко не бывало), то к каким–то землякам, то к последнему полублатному из тех, кого 9.9.09. переводили сюда со мной (ему тоже меньше 2–х месяцев осталось), а встречая меня на обеде в столовке (как был заготовщиком 13–го, так и остался до последнего дня) – усиленно клянчить, чтобы я, пойдя вчера (как раз четверг, а у этой твари последний день в зоне) в ларек, купил ей там чаю – поить, мол, “мужиков” на 13–м в честь своего освобождения. Подсаживается прямо ко мне за стол – и клянчит, наглая тварь, все пытается даже в последний день что–то поиметь

с меня на халяву, забыв, как еле–еле, нехотя, со скрипом, недовольным ворчанием, а то и со злостью бралась кое–как постирать мне вещи на 13–м, портила наволочки, а потом и вовсе бросила – и пришлось мне мучиться, искать кого–то другого. Излишне говорить, что никакого чая эта тварь от меня не получила, хотя приперлась на 11–й, ко мне и еще к кому–то, аж вчера около 9 вечера, под самый занавес...

"Макар" приперся вчера на 11–й – видимо, смотреть ремонт, т.к. в жилую секцию не зашел, несмотря на всю панику и суету в ней. После его посещения ремонт сразу опять ожил, активизировался. Под потолком на всех стенах наклеили какие–то бумажные узорчатые ленточки, совершенно ненужные. Потом притащили 2 мешка цемента – и за ночь заделали и замазали цементом все дыры в стенах, пробитые, чтобы вывести сливную трубу из "приемки" в туалет. Не дай бог, скоро там все закончат и придется опять переезжать, тащить все барахло...

Кончается 41–я неделя, осталось мне на сегодня 282 дня. Недавно я поймал себя на том, что, просыпаясь рано утром, в 4 или 5 часов, и при полном июньском утреннем свете видя ряды лежащих и дрыхнущих этих тварей, бессмысленных злобных насекомых – я уже не проклинаю их про себя, как проклинал каждое утро на 13–м и искренне желал, чтобы они все передохли. Почему? Нет, конечно, эти твари, на 11–м, ничем не лучше тех, и я , в принципе, уже замечал, что не одну только цыганскую обезьяну – всех или почти всех их можно было бы без труда перебить в этот сонный утренний час, если, скажем, ходить – и протыкать им грудь или брюхо длинным и остро заточенным стальным штырем. Представляете, целая секция трупов?.. :)))) Но обычно я теперь даже не проклинаю их, даже не думаю о них вообще, и объяснить это можно только одним: мне все более и более становится наплевать на них по мере того, как приближается освобождение; наплевать на этих насекомых, на весь их мушиный рой, я просто–напросто перестаю их замечать. Все больше и больше, почти постоянно теперь – я думаю о том, как приеду домой, как меня встретят, что там будет и как в 1–й день, во 2–й, как пройдет первая встреча с Ленкой, и т.д. и т.п.

10–22

Еще одно событие – мелкое, забавное и уже ставшее, увы, привычным. Знакомый с 8–го, зайдя сейчас ненадолго, рассказал: оказывается, "по(д)ложенец", мерзкая "мусорская" тварь, в открытую работающая на штаб и оперчасть, приходил сейчас на 8–й (а м.б., и не только туда), собирал всех – и говорил опять (какой уж раз!..) "за" зарядки, обеды, даже "шкерки"... Понимаете, то есть, ЧТО он говорил? Что надо всем непременно ходить на

зарядки, в столовку, и – даже, что меня особенно возмутило! – что “шкерки” не должны висеть, т.к. они – постоянный объект войны со стороны “мусоров”, да и правилами, в принципе, запрещены. Т.е., эта мразь упорно продолжает проповедовать и навязывать чисто “мусорские”, режимные порядки и правила от имени своего блатного “авторитета” – и никто ей не осмеливается возразить, тем паче – разоблачить прямую агентуру деминых–макаревичей...

12.6.10. 15–08

Суббота. “Праздничек”. Зарядки с утра не было. В секции играет “Сектор Газа”, а на улице ливень, гроза с громом и молниями. И весь день погода была хмурая, предгрозовая, шел мелкий дождичек, дул ветер и нависало низкое, серое, затянутое тучами небо. Первый матч с размахом задуманного, на целый месяц рассчитанного “турнира ИК–4 по футболу” (график на стенде у столовки на большом листе ватмана, с подписями Русинова и “Макара”), начавшийся сегодня в 15–00, как раз попал под этот ливень... :)

Событие за день пока только одно: утром в “приемке” подрались “молотобоец” и старший, наиболее злобный “козел” еще прежнего 11–го, потенциальный убийца Маньки в том году. Они друг друга недолюбливали давно, из громких разговоров (со своими) старшего “козла” я это знаю, кажись, еще с того года. Сегодня где–то в начале 9–го, когда я завтракал – сперва у них была там, в “приемке”, короткая схватка, которую я со своего места толком не видел. Потом они стали ругаться, и старший “козел” припомнил “молотобойцу” какой–то случай, когда тот “ломился на вахту”,а тот, естественно, это отрицал. Потом – я вышел в “фойе”, успел обернуться сразу за их дверью – и мне хорошо был виден следующий акт “драмы” (трагикомедии, точнее). Как ни странно, “молотобоец” оказался сильнее или ловчее, уж не знаю, хотя он на 7 лет моложе (22 против 29) и не служил в десанте, как тот. Просто мощно накачан, да и сам крупный, здоровый, 22 никогда не дашь, можно дать и 30. Они не дрались, просто сцепились и стояли в такой позиции, держа друг друга. “Молотобоец что–то выговаривал своему противнику, а тот в ответ повторял, как заводной, только одно: “Убери руки!”. “Молотобоец” после этого сразу же пошел в телевизионную – “ставить в курс” блатных, которые сейчас живут там, и я слышал попозже, как он говорил одному из них (наркоман, давивший на меня по поручению Палыча из–за стоящей под шконкой сумки), что тот, его враг, “получил по ...”. А надо еще упомянуть, что на днях тут сменился “домовой”: тот гнусный долговязый наркоша уехал на “девятку” – туда опять стали вывозить оставшихся “второходов”. Так вот, сейчас вместо него – здоровенный блатной

лось, еще выше и накачаннее “молотобойца”, –26 лет, и до раскидываний прошлой осени был здесь же, на 11–м, потом убран на 6–й, а недавно – не знаю уж, почему – вместе с еще одним здешним блатным, проведшим зиму на 8–м, возвращен обратно. Так вот, уже днем, перед обедом, в “фойе” я слышал, как перед этим блатным лосярой старший “козел” оправдывался за свое утреннее поражение: “не успел”, мол, – “молотобоец” схватил его за горло и стал душить (действительно, примерно за горло и держал). И обещал, если тот еще раз “дерзанёт”, взять дужку и (непечатно) его, “мотолобойца”.

Ну что ж, 2 подонка подрались – замечательно! :) Если они убьют друг друга, или хотя бы один из них проиграет эту войну и будет убит или покалечен, я лично порадуюсь от всей души. Поделом вам, мерзкие злобные твари!..

15–58

Пока переписывал это все – не просто шел дневной обход по баракам, но на 9–м, а потом на 4–м вдруг, неведомо с чего, устраивал проверки по карточкам, всех с этих бараков оповещали “по лагерю домой”. К нам на 11–й только что приперся Степышев и тоже объявил: выходить и строиться. Тьфу, будь ты неладен!.. Но не успел я еще одеться – Степышев ушел на “контрольную” и стали говорить, что проверки вроде не будет. А гром тем временем, после короткого перерыва, когда не было дождя, – грохочет еще яростнее...

13.6.10. 8–43

Вечер вчера выдался неожиданно веселый. :) После ужина, где–то минут за 40 до 7–часовой проверки вдруг так жутко и безнадежно потемнело небо, что стало ясно: сейчас хлынет! И действительно, вскоре пошел не просто дождь – ливень, сплошная стена воды; по–моему, в этом году такого еще не было. Вскоре началась и гроза – опять! – загрохотал гром, засверкали молнии. Почти тут же вырубили свет, как они тут, я заметил еще тем летом, всегда делают при сильных грозах. Нет света – нет и воды, как обычно. И дождь льет. И проверка скоро.

Что делать? Я был уверен, что погонят прямо под этот водопад, на улицу – и все покорно поползут, никто даже посчитаться в той, пустой секции, сдвинув к стене все банки с краской и пр., не заикнется. Была мрачная уверенность и тяжелые размышления о том, остаться ли в мокрых майке и штанах, пока высохнут, или, придя, сразу переодеваться.

Но случилось чудо, нечто совершенно непредвиденное и до сих пор немыслимое: они не стали проводить эту проверку! Вот так!!! – “мусора” просто не пришли вообще, никто никого никуда не выгонял; даже в 9–м часу, когда дождь уже кончился и даже

выглянуло чуть–чуть солнце – никто не пытался наверстать упущенное. Поразительно, но у них хватило ума, во–первых, не раздражать зэков проверками под проливным дождем (но на это–то им плевать!); а во–вторых – понять, что из 2–х проверок, разделенных всего 2–мя часами, вполне достаточно провести одну, – никто за эти 2 часа не убежит. Теперь, конечно, разумным и логичным следующим шагом было бы – отменить эту 7–часовую проверку совсем, за ненадобностью – побаловались ею 8 месяцев, со 2–го ноября, и хватит! – но это вряд ли... :)

Неожиданности, впрочем, продолжались: вдруг явился Палыч, которого не было весь день! И не просто явился, но выгнал на 9–часовую проверку всех, включая "постельных"Ничем особенным такая чрезвычайщина не диктовалась, их вполне можно было посчитать и в кроватях, сейчас не зима, когда была темнота, холод, ни света, ни воды, ни тепла; подумаешь, какое ЧП – из–за дождя одну совершенно ненужную проверку не провели, так уже всех выгонять. Но он выгнал всех; после проверки ушел, после отбоя, в 11–м часу, вернулся, а сегодня – на подъем: оказывается, эту ночь Палыч дежурил в санчасти.

Свет включили только где–то без 10–ти 9. Хорошо, что у меня был запас воды – я тут же вскипятил чайник и успел до проверки поужинать, т.к. уже хотелось есть. Воду не включали очень долго (пока там еще водокачка накачает!..), и я после проверки уже вылил в чайник остатки своих запасов, чтобы вскипятить чай, который обычно тоже пью до проверки, – как тут вдруг дали воду. Свет эти уроды погасили, только когда "на большом" "пробили" Палыча, – со светом беда, зря я радовался в 1–й вечер, что его тут тоже погасили ровно в 22–00. Теперь тут как на всех блатных бараках: гасят где–то в 11, не раньше, да и тогда нередко кто–нибудь начинает орать: "Включите свет!!!" – и ему немедленно и безоговорочно включают...

18–00

Уже 2 раза заходил к этому уродцу, телефонистову дружку, – нет на месте! Сука... После обеда и вот сейчас, после ужина (воскресенье, на час раньше). В перерыве, в 4, как я хотел, не получилось: приперся с обходом Штыров и с ним 2–й "мусор", еще меньше росточком; бегали, что–то (телефон?) тут вылавливали, внезапно ворвавшись; потом пошмонали тумбочки и матрасы в секции – и после этого час, наверное, целый сидели в "козлодерке"...

Жара и духота сегодня страшная, после вчерашней грозы. Сижу и пишу – весь мокрый, расслабленность, вялость, от духоты в секции нечем дышать.

Сегодня осталось мне – забыл упомянуть утром – ровно 40

недель, 280 дней. Знаменательная дата, почти юбилей (только грустный): когда я начинал считать эти дни –17 сентября 2007, я хорошо помню, недавно только сюда приехав и в страшной тоске от предстоящих трех лет здесь, – их было 1280. 1000 дней я отсчитал, ровно 1000 (а здесь нахожусь еще дольше), и вот он – кончается срок, осталось 9 месяцев и неделя. Надо бы радоваться, а я – не могу; должно быть, убивает, вытравливает эта неволя, это беспредельное унижение из души всю радость настолько, что даже когда это наконец заканчивается – ты уже не радуешься, тебе уже все равно, и в душе – пустота...

14.6.10. 8–58

Вчерашний вечер – опять гроза с ливнем и ураганным ветром – таким, что на 7–м бараке, говорят, даже сорвало или задрало крышу.

Начал писать – а тут говорят: “Шмон–бригада на большом”!!

9–01

Оказалось, это 7 человек “мусоров” на 2–й барак, – выяснилось, что сегодня там побили (не знаю уж, как сильно) завхоза – того остервенело–злобного дебила, что жил одно время, этой зимой, на 11–м, пока не ушел туда завхозом, да еще и заведовал местным клубом карателей “Блок–пост” (сейчас оттуда его тоже сняли). Так что это – не поймешь – то ли шмон–бригада, то ли карательный отряд. Но, во всяком случае, любой отпор тамошних зэков этому подонку–завхозу можно только приветствовать.

Так вот, гроза с ливнем вчера была аккурат между 2–мя вечерними проверками. Свет не отключали (м.б., и прав мой нынешний сосед по шконке, что это он отключается сам от попадания воды в щиток), так что я смог нормально поесть и попить чаю. На улице, да даже и в “курилке”, продуваемой с 2–х сторон насквозь, было просто шикарно, – свежо, пахло озоном; гроза разрядила эту накаленную за день атмосферу, духоту и сонное это, потное, душное марево. Такие дни и должны заканчиваться под вечер грозой, так обычно и бывает. Тем не менее, эти идиоты позакрывали, когда началась гроза, не только все двери в секцию, но, по–моему, и окна, так что здесь, в наполненном людьми (?) помещении, липкая эта духота продолжалась еще долго. Сегодня с утра – тучи, ветер, прохлада, в одной робе я слегка даже замерз. Но дождя (пока?) нет, и иногда сквозь эти тучи – солнце.

С 3–го раза, в полседьмого только, застал наконец вчера этого хмыря, телефонистова друга–“семейника”. Позвонил матери, долго говорили с ней, потом хотел попробовать набрать и Ленке (без особой надежды на успех) – а тут вдруг опять прутся

“мусора” с обходом, те самые двое – Штыров и 2–й, еще мельче, и прямиком сюда, в конец “продола”, на 7–й. Успел (шли очень медленно, демонстративно) выйти во двор и зайти за угол крыльца – там не видно от ворот и входа в барак, если специально не заглянуть. Вошли, не заметили. Ушел.

С утра – хорошо, что позавтракать успел – вырубили опять свет и воду. Суки!.. Давно не было... Сколько так сидеть (а воды чуть–чуть, утром я забыл сходить налить) – хрен знает, дай бог, чтобы хоть к ужину моему, к 19–40 где–то, включили...

15.6.10. 8–21

Новый идиотизм, совершенно непредвиденный и нелепый: вчера весь день не работала связь! Ни “Билайн”, ни “Мегафон”, только НСС вроде бы работал; но к вечеру, по слухам, начались перебои и у него – то работает, то не работает. К тому же, дружок “телефониста”, разумеется, сказал мне еще днем, что НСС–овской “симки” у него нет, – я в этом сомневаюсь, но проверить, естественно, не мог. Так и не позвонил вчера матери, и самое неприятное – неизвестно, заработала ли связь хотя бы сегодня. Впрочем, до обеда еще время есть.

Очередное ЧП общезоновского масштаба :) (слава богу, меня совершенно не касающееся). Двое здоровенных 20–летних (один – точно 20, другой – примерно столько же) дебилов, один был когда–то в 2008 со мной на 13–м, другой – на 12–м, – избили вчера вечером или ночью где–то на зоне (но не бараке, – я не видел и не слышал шума) 28–летнего нынешнего председателя СКК (“Совет коллектива колонии”, показушная бутафория коллективизма и зэковского самоуправления, оставшаяся еще с советских времен). За что? Вчера в 5 вечера, я слышал, Заводчиков собирал у себя всех этих “козлов” – “колонических”, как они сами себя называют, т.е. общезоновских. А они все в основном на 11–м и есть. Когда (уже где–то в полшестого) они оттуда вернулись – все были в ярости, что Завод, типа, всех их поснимал с должностей, или что–то такое. Подробности я из этого их возмущенного ропота не понял, но все злобно говорили, что во всем виноват вот этот самый парень, предСКК, мол, все эти изменения по его инициативе. А между тем, этот парень был здесь еще не худший – и уж явно подостойнее тех, кто тут на него гавкал. Приехал с Шерстков и был здесь СДиПовцем на 2–м бараке; вспоминал даже, как однажды, в августе где–то 2009, сидя на “нулевом”, не пускал меня из–за комиссии в баню (но потом все же пустил, я помню). Самое главное, что парень явно не криминального склада, на воле, по его словам, работал; серьезный такой парень, и у меня были с ним в целом нормальные отношения, лучше, чем тут со многими. Со

вчерашнего вечера, однако, ни его, ни тех двоих в бараке нет.

Конечно, описывать их здесь всех и каждого – не хватит никакого места; но больно уж колоритен мой нынешний сосед по тумбочке, а в той секции – и по проходняку. 24 года, сидит по редчайшей 260–й статье – за “незаконную вырубку леса” (на продажу срубил несколько деревьев). Приехал недавно – и сразу же стал тут шнырем, от чайников и посуды до стирки и поливки грядок и цветников одному здешнему блатному дебилу. Улыбка до ушей, рожа вся в угрях. Кроме того, “молотобоец” с первых же дней приезда поставил его на стрем, – больше некого было; и вся секция, да и весь барак потешались над тем, как натужно, с трудом, густо “окая”, постоянно запинаясь, тормозя, забывая слова, он “пробивает” в секцию то, что видит в окно. То есть, как откроет рот – сразу становится ясно, что этот парень – даун. Такой умственно отсталый парнишка, хотя, по его рассказам, и работяга: в своей деревне был трактористом, да и здесь вкалывает (последнее время еще и убирается в секции).

Конечно, ничего своего у него нет, особенно курева; голь перекатная, как они все. Но – надо было видеть, как он набросился на мою тумбочку, когда, без всякой задней мысли, я пустил его с его “мыльно–рыльным” в верхний ящик. О, это оказался настоящий экстаз! Он дневал и ночевал в тумбочке одно время, набил свою половину этого верхнего ящика туже, чем у меня, – кроме станков, мыла и пр., еще толстенный пакет из–под чего–то, плотно набитый (так, что уже не лезут) письмами из дома, фотографиями и какими–то бумагами; еще какое–то барахло, – в общем, ящик уже не закрывается, дно вылетает, т.к. прибито плохо, и т. д. Но это существо, не спящее и по ночам, не только с самого раннего утра уже лезет в ящик, – оно и в нижние прежде только мои, отсеки стало пихать свое барахло. В открытый, с отломанной крышкой отсек сперва пихнуло свой рулон “дальнячки” – ну, это бы ладно еще, хотя у меня он только для еды. Но потом оно – сперва на свободное место, где я ставлю чайник, когда ем, а потом (когда я не позволил) – прямо на мой пакет с вольным хлебом – запихнуло свой здоровенный пакетище с... пустыми сигаретными пачками! Будь ты неладен, урод! – но он стал клясться и божиться, что скоро пойдет на свиданку, ему привезут сигареты – и он будет распихивать их в эти пачки, заберет свой пакет. До сих пор все обещает и собирается на эту свиданку.

А что я, собственно, вспомнил о нем и написал так много? Дело в том, что достает из ящика тумбочки, из набитого пакета и всем с удовольствием показывает 2 или 3 фотографии: его жена с 3–м (!!!) ребенком на руках! Во как! – в 24 года у этого дауна их

уже трое. Вряд ли жена намного лучше его, раз пошла за такого явного дауна; а что они оба алкаши, сомневаться не приходится просто потому, что алкоголь – единственный смысл деревенской жизни, особенно сейчас, когда колхозы развалились и всепоглощающей каторжной работы, как раньше, нет. Короче, их стерилизовать бы надо, по–хорошему, эту бессмысленную нечисть, мешающую жить нормальным людям, обворовывая их и отнимая у них кислород, – а эти твари, наоборот, плодятся как кролики. Учитывая любимую нынешнюю политику путинцев – подкуп и задабривание такого быдла бесконечными выплатами, компенсациями, пособиями и прочими "материнскими капиталами", – можно себе представить, сколько денег получила (ни за что! И из чужого кармана, из налогов работающих...) его жена за третьего ребенка, да и за всех трех вместе...

14–50

Узнались из разговоров еще кое–какие подробности происшествия с избиением предСКК, – только вот зачем они мне? :) Те двое, оказалось, сейчас в изоляторе – получили по 5 суток. Били они его вроде бы все–таки в бараке, не то ночью, не то уже утром, во время зарядки. Причем били, как говорят, вопреки запрету нового "домового" (накачанного лося), который еще загодя запретил трогать этого человека. Они не послушались – и теперь их, видимо, ждет после отсидки в ШИЗО еще и расплата в бараке (тем более, оба – "красные", т.е. существа для блатных лосей презренные). Никто не говорит только – в чем же был виноват избитый, за что конкретно на него ополчилась вся стая. Только общие слова, – как сказал мой сосед по шконке, тот "посдавал всех", "совал везде нос" и т.д., даже на 12–м якобы умудрился кого–то "сдать". Но у этого соседа на того типа зуб, – они ругались, еще когда жили в той секции в одном проходняке.

Говорят, связь плохо, но как–то заработала, – конкретно "Билайн", который нужен мне. Поперся, переждав Палыча (уже ушел) к дружку "телефониста", – он, видимо, свалил в баню, в бараке его опять нет, а сегодня ук них банный день. Будь все проклято, 2–й день не могу позвонить домой по причинам самого разного характера, – все как сговорились против меня...

16.6.10. 5–19

Омерзительнейшее настроение с самого утра. Просыпаться здесь, среди них, так же тошно, как было и в 2007 году, и в 2008–м... Мразь, нечисть, слякоть... Погань, которую на кострах только сжигать... Облить бензином, как муравейник, и поджечь... Ух, как же я вас всех ненавижу, биомасса вы вонючая!.. В секции духотища, с утра уже весь мокрый. А на улице опять хмуро, вот–вот польет дождь. Идиот сосед, мерзкий доходяга, встает раньше

меня и начинает лазить, трясти шконку, заправляться и т.п., мешая мне спать, а вот сейчас – писать. Ух, суки, зачем же вы на свет–то родились?.. Нечисть никчемная, всех бы вас в одной печи сжечь!.. К тому же и вчера было испорчено настроение с 4–х часов, – дозвонился–таки, все думал, пытался, готовился – и вот!.. И каждый раз – тошно, блевать тянет потом, но проходит время – и тянет позвонить еще, узнать, как там дела... Наркомания какая–то... Сука, дерьмо, ничтожество, – а вот поди ж ты... Не слышно было ничего, еле–еле, ничего не разобрать, а вокруг еще шум. Но я знаю, что ей плевать, это – первое и самое сильное впечатление от любой попытки контакта, хоть устной, хоть письменной. Ну и черт бы с ним!.. Сегодня, если получится и позволят деньги, позвоню и еще – растравлю себе душу уж до конца, до упора; заодно хоть, м.б., будет лучше слышно, хоть что–нибудь да скажет мне, равно как и я ей... Но от этой бессмыслицы всех надежд, от явного этого безразличия каждый раз, отсутствия всякого тепла – ведь сколько лет не виделись, – я фигею! Омерзение, ступор какой–то, и тоска... И не с кем всем этим даже поделиться, – вокруг одна мразь бессмысленная... Ведь половину того, что мог бы, того, как вся эта мразь на меня гавкает и врет, я здесь не пишу, – просто забываю, или не хватает времени, да и переписывать долго. То этот проспиртованный насквозь старый мелкий сучонок, бывший в 2009 сосед по шконке, злобно тявкает на меня, в столовке ли, сидя прямо напротив, на лестнице ли барака, – я в ответ стандартно посылаю его на... То “козел” из прежних 11–го норовит меня построить вместе со всем быдлом по дороге на обед, – я уж думал, что он давно оставил эти попытки, еще с того года, потому что добровольно в строй я не встаю и не встану никогда. То мелкая мразь, бывший подметальщик, ходит клянчит сигареты и чай и злобно тявкает на меня, – я ведь ему не даю и не дам никогда, этой бессмысленной мрази, умеющей в жизни только в карты играть. То нынешний сосед по шконке, отслуживший в армии по контракту, здесь – шнырь, но вроде бы такой, здравомыслящий, потолковее большинства этой биомассы – взял привычку во сне раскидываться, рук и ноги, а то и голову кладя уже и на мою шконку, – типа, места ему мало, урод, громоздкий какой... Сегодня вот, под утро – выставил колени так, что половину моей шконки занял, – и дрыхнет, дебил!.. Т о старый хрыч в проходняке – вечно жрет и чаевничает тогда же, когда и я, утром и вечером, и бесцеремонно сдвигает все мои вещи на столике, миски–кружки, когда ему надо, видите ли, залезть в тумбочку, задвигает саму доску, идиот...

В общем, тоска, омерзение и отвращение ко всем и всему окружающему просто душат. Бомбу бы скинул на всех них, не

задумываясь, напалмом бы сжег, – подыхайте, гады, бессмысленная, тупая чернь, умеющая только пить да воровать!... Ненавижу вас всей душой, – так же, как в первые дни, как и все эти 5 лет!.. Плюю вам в лицо и кидаю в него свою раскаленную ненависть – нате, суки! А бараком сейчас уже вовсю правит здоровенный, накачанный блатной лосяра – и может пудовыми кулачищами безоговорочно навязать всему этому трусливому быдлу любой свой глум и унижения, любые порядки, какие захочет...

8–34

Избитый герой вчерашнего дня сегодня, через сутки, уже вернулся – пришел после подъема, к зарядке, ходил со всеми в столовую, сейчас спит. Эти сутки, говорили, он провел в “нарядной” (где нарядчик). На лице его заметны мелкие царапины и ссадины – следы избиения, а под глазом красуется большой синяк.

Погода мрачная, дождевая. Солнца нет, небо закрыто сплошной пеленой облаков, – похоже, без дождя не обойдется.

Сегодня среда – “режимный день”. Ждем Палыча и шмон–бригаду...

Улыбчивый даун, хранящий в моей тумбочке свои сигаретные пачки, сегодня опять не пошел на свиданку, хотя точно собирался. Говорит, теперь 20–го. Такое ощущение, что к нему не приедут никогда, а пачки его дурацкие будут лежать в моей тумбочке до конца моего срока...

18.6.10. 8–35

Пятница. Погода опять сырая, промозглая, холоднющий ветер и мелкий дождь с самого утра (впрочем, не такой уж мелкий). Кончается 40–я неделя, осталось мне тут 275 дней.

Жизнь эта здешняя порой напоминает сафари, – бешеные скачки вдруг начинаются по бездорожью. Вчера началось с того, что на утренней проверке сцепился с каким–то полублатным чмом – 20–летний глупый и исключительно задиристый малолетка, психопат, кидающийся на таких же, как он, по малейшему поводу и без повода; конченная мразь в 20 лет, для которой самое большое удовольствие в жизни – глумиться над более слабыми и безответными (над моим соседом–доходягой почти на каждой проверке, например). Ну да, я слегка толкнул его, протискиваясь сквозь довольно плотную толпу на свое место, когда уже строились на проверку. Это чмо взвыло и стало, естественно, мне угрожать. Я с некоторым юмором сказал: “Попробуй!” – животное (насекомое, точнее!) еще громче взвыло, как обычно, что–то о “провоцировании”, но ударить, конечно, не решилось. Зато придумало другой, асимметричный ход: мол,

сейчас скрутишь свой “рулет” (матрас) и уедешь из секции в “фойе”, да еще и на “пальму” (верхняя шконка), мы тебя сейчас выселим! Я сказал что–то типа: “Ага, щас, размечтался!..” – и юное это чмо поняло, что обломалось еще раз, тем паче при всех, слушаться наглых приказов любого глупого малолетки я тут совершенно не собираюсь. Поднялось в барак и, в ярости, сперва накинулось еще раз на меня – уже наедине, без публики, но с тем же результатом, – а потом, слышу, принялось сговариваться с другими такими же, полублатными, да еще и науськивать шнырей, – мол, когда он (я) уйдет, скрутите его матрас и выкиньте в “фойе”.

Дело принимало достаточно серьезный оборот, – эта разъяренная, отмороженная глупая мразь, судящая обо мне по себе и не задумывающаяся о последствиях (я в последней словесной стычке в секции мимоходом упомянул ШИЗО, чем вызвал ее ярость, – боится... :), способна на все. Поэтому я счел за лучшее опередить ее – пойти сказать об этом Палычу, который с проверки не ушел, а остался сидеть в “козлодерке”. Ни малейших “моральных” сомнений и угрызений совести я по этому поводу не испытывал, как и в случае со шнырями–заготовщиками в ноябре того года: т.к. и ту, и другую шваль, и “мусоров”, и уголовников, я ненавижу и не считаю за людей одинаково (последних даже побольше, пожалуй), то использовать их антагонизм (впрочем, весьма призрачный и зыбкий, – больше миф, чем реальность) я имею полное право. Да и “мусора” пусть хоть чем–нибудь оправдают свое существование (как я ответил тогда, в ноябре 2009, цыганской обезьяне) – позаботятся о моих законных правах и безопасности, раз я из–за них вынужден жить среди уголовной мрази и сброда. Пусть зэки убивают “мусоров”, “мусора” пусть сажают в ШИЗО зэков, особенно если тронут меня :) – но, к сожалению, ни того, ни другого не происходит.

У Палыча в “козлодерке” сидело, как всегда, полно народу, а говорить, естественно, надо было конфиденциально. Поэтому я довольно долго ждал, пока “козлы” уйдут, зашел и уже начал было – но тут приперся опять один из “козлов”, да и завхоз тоже сидел здесь же. Пришлось опять ждать – и наконец он отвел меня в свой кабинет. Я объяснил ему суть проблемы, он отнесся сочувственно и даже спросил, не выкинуть ли того хмыря, что мне угрожал выселением, самого. Потом, как обычно, разговор с ним уехал у нас в далекие дебри – как всегда, с его юридического образования (любимая тема) во Владимирском юридическом институте (специально для работников ФСИН) и до сталинских расстрелов, борьбы с “космополитами” и пр. Проговорили до самого обеда, и под конец, когда я напомнил еще раз о том

вопросе, по которому пришел, он пообещал поговорить – видимо, с тем самым хмырем.

По ходу разговора сказал он, кстати, что до переезда обратно в отремонтированную секцию осталось всего 2 дня. И правда, вчера под вечер там докрасили пол, прибили остаток линолеума, даже застеклили окно (!), стоявшее после падения рамы от ветра на пол без единого стекла, – как раз напротив меня. Трубу, выведенную в туалет, замазали цементом. Осталось только доделать лампы на потолке – и все, можно переезжать. Но – и Палычу, и потом завхозу сказал, что надо поменять мне там сломанную, без изголовья, шконку на другую, – никто пока так и не подумал ее поменять.

После обеда быстро сходил в ларек, пришел – и получил подтверждение, что Палыч таки провел работу :) – проходя мимо меня, эта глупая злобная тварь что–то злобно пробормотала насчет “мусорской сучки”. Я только усмехнулся про себя: попытки и всякие разговоры о том, что я сейчас “скручу рулет” и в “фойе”, сняло зато как рукой!!. :)))

Еще до того, как получил это подтверждение – просто чутьем почуяв, что эта опасность тоже миновала – срочно занялся после прихода из ларька другой темой: позвонить домой, т.к. накануне не звонил по причине опять неработающего “Билайна”. Что ж, пошел к дружку “телефониста” опять – и опять мне эта тварь заявляет, что “Билайн” не работает! Ясно уже, что врет, спекулирует на недавних технических проблемах в своих личных целях. И “симку” билайновскую вставить, показать мне, чтоб я проверил, работает или нет – никак не хочет: мол, только недавно вставлял, 20 мин. назад, и не было. А на его мегафоновской “симке”, мол, ни денег, ни “маячков” нет (а вчера еще к этому говорил, что ждет звонка на нее). Хитрая, наглая тварь! – и я даже знаю причину столь хамского поведения: как “закрыли” “телефониста”, эта сучка начала клянчить у меня тоже деньги ларьком, теперь уже лично себе на прокорм – сперва 400 рублей, потом хоть 200. Я отказал – сказал, что нету, все отдал в долг “телефонисту”; вот если он вернет, как обещал, 17–го, тогда пожалуйста. По крайне пренебрежительной реакции на упоминание “если вернет” я еще раз убедился, что возвращать мне эти 1000 руб., как клялся и божился “телефонист”, и не предполагалось с самого начала. И вот теперь эта хитрая мразь мне мстит за отказ ее кормить: мол, она и рада бы мне дать позвонить с “трубы” “телефониста” и с его же “симки”, да вот беда – “Билайн” не работает! И не будет, видимо, работать на 7–м бараке, в отдельно взятом проходняке у этой твари до самого 25–го, когда выйдет из ШИЗО “телефонист”...

Ну что ж, раз такое дело – ничего не остается, как идти к любителю моих сигарет, просить “трубу” у него – как раз для таких крайних случаев я ее и задумывал, и оплачивал. Пошел в будку, бывший “1–й пост”, где они все – 3 друга теперь сидят, открывают ворота машинам и лошадям (калитка пока стоит постоянно открытой). Сперва там сидел только шнырь, его друг; я спросил – говорит, тот в бане. Пошел я в барак, лег, думал – следующая попытка только после ужина. Вдруг вижу – и 5 минут не прошло – шнырь уже в бараке и кипятит себе чай. Не бросил же он будку пустой! – иду туда снова. Точно – любитель сигарет и 2–й его друг, тоже крайне неприятный, уже там. Объяснил суть проблемы. Он зазвал меня внутрь, в будку (в 1–й раз за все 3 года там побывал).

(Сволота какая, мразь!.. Завхоз этот новый, который одно время ко мне чуть ли не подлизывался – сейчас там, в большой секции, заклеивает скотчем щели в застекленном окне. Подошел, напомнил еще раз насчет шконки, чтоб поменяли, – ворчит что–то раздраженное, типа – тебе прямо сегодня, что ли (переезжать? Нет, не сегодня, но потом, в суматохе переезда, будет вообще не до этого, никого не допросишься, да и шконки все займут...) – и не меняет. Нечисть, отношением которой – от ласкового до раздраженного – рулит, видимо, Палыч, и какую команду даст – таким тоном этот мелкий мыльный пузырь со мной и разговаривает.)

Так вот, зазвал внутрь будки – и достал “трубу”, она у них была, оказывается, прямо там (тогда–то no problem, конечно!). Дверь изнутри была завешена какой–то большой тряпкой, типа покрывала. Любитель моих сигарет быстро прибил к стенам будки “штапики” (от окон?), натянул веревку, на нее повесил это покрывало – и пространство между дверью и покрывалом сразу же существенно увеличилось. Я стоял там, за этой тряпкой, не видимый никем снаружи в большие окна будки, и разговаривал, а дверь за моей спиной была закрыта на крючок. Это было и необычно, и экстремально, и романтично, и слегка щекотало нервы – говорить по строго запрещенному здесь телефону, прячась в будке прямо на “большом продоле”, по которому постоянно ходят и “мусора”, и зэки, в т.ч. стукачи... Но, надо отдать должное, изобретательность этого парня сильно упростила мне жизнь, тем паче в такой архиважной ее области, как связь. Так что еще раз я убедился, что своим куревом, чайными пакетиками, иногда и хлебом (ночью за неимением столовского даже отрезал ему горбушку от неначатой еще белой ларьковской буханки) я кормлю его не зря...

19.6.10. 8–15

Почти всю ночь не спал, боялся, что не засну вообще, но под утро все же удалось – часа на 2 или 3, не больше. Свет вечером погасили только около 12–ти, но еще 2 часа, до без четверти 2, точно не спал – помню, смотрел на часы. Причина проста – перенервничал днем, видимо; весь вечер прошел во взвинченном состоянии, когда ждешь больших неприятностей и не можешь решить, что же тебе делать, как их избежать, – а после этого какой же сон?..

После обеда вчера насекомые 11–го барака начали переползать обратно, в отремонтированную секцию. Первыми ушли блатные “козлы”, жившие в “приемке”, – вернулись обратно, в свой дальний блатной конец, уже давно полностью готовый. Я бы тоже поехал – но эти твари так и не поменяли шконку, а на такую переехать – значит жить на ней до конца срока. К тому же, как выяснилось, “козлы” эти установили для остальных следующий порядок: сперва из этой, блатной секции дергать шконки, красить их (а где тем временем будут спать выселенные с них люди – наплевать) и затаскивать в ту секцию; а уж когда она вся будет “забита” шконками – тогда только переезжать остальным. Только вот не заняли бы тогда уже мое место – это и есть главная опасность. Хотел было договориться с любителем моих сигарет, чтобы он с утра помог мне поменять шконки да переехать – но, во–первых, оказалось, он на своем посту так занят, что может только после проверки; а во–вторых – он вчера же, вечером, пошел обсуждать этот вопрос с уже переехавшими “козлами” – и наиболее злобный из них как раз и сказал ему, что, мол, пока не надо мне переезжать, а надо ждать, пока вся секция будет готова. Злобный ларьковский сучонок (который, кстати, опять работает в ларьке) то же самое ответил другому парню, который – после разговора со мной об этом переезде – тоже пошел туда к ним выяснять.

Таким образом, шконку не поменяли, переезжать некуда; а то бы я не посмотрел на их запреты. Остается только ждать, пока они доберутся до моей шконки, чтобы меня с вещами выбросить неведомо куда, а ее волочь красить – и тогда уж упереться со скандалом, что или мне в той секции меняют шконку и я сразу еду туда – или я остаюсь до конца на этой, но переезжать куда–то на другую шконку в этой (блатной) секции я отказываюсь категорически. Да и то – в любом случае я с ужасом думаю, сколько времени и сил отнимет укладывание заново всех вещей под матрасом и за шконкой и кто потащит тумбочку...

20.6.10. 8–23

Ну что ж, переехали еще вчера в эту, отремонтированную секцию. Сижу, пишу уже здесь. 24 дня занял ремонт – 25 мая

выезжали вечером в ту, вчера вернулись. Самое поразительное – что со вчерашнего вечера, с после обеда где–то еще, и до сих пор – хорошее настроение, радостное какое–то, оптимистическое :) – потрясающая редкость для меня вообще, а уж за эти годы неволи – особенно. Но – какая–то радость, что–то хорошее все равно есть на душе (хотя я понимаю, конечно, как быстро мне эту радость здесь испортят). М.б., потому, что в секции стало светло, солнечно, – стена с окнами вся, до уровня батарей, покрашена в белый цвет, а на улице и вчера, и сегодня – солнце, и это создает такой эффект – просторного, светлого помещения. Да и то, что все же устроился тут как–то, не так уж и плохо – несмотря на то, что шконку дали очень неудобную, сперва я пришел в ужас, – и это, надеюсь, уже последняя крупная перетряска за оставшиеся мне 9 месяцев, больше никаких переездов и потрясений быть не должно (?). Еще то, что пока в этой секции не сделали свет, и не надо вечером мучительно ждать, пока его выключат, – просто темнеет, и все...

Утро. Вся секция повально дрыхнет. Тишина и покой. Палыч дежурил в санчасти, шлялся тут, по бараку, и после отбоя, и перед подъемом, был у столовки, потом свалил – и, надеюсь, сегодня его уже не будет.

А вчера, когда он пришел, – я перед этим, незадолго как раз, пошел проверил – шконку мне таки поменяли – хотел спросить у него, можно ли переезжать, невзирая на “козлов”, – а в его кабинете первым увидел завхоза, который меня же (!) попросил позвал позвать старшего “козла” (убийцу Маньки в том году) и строго ему наказал при мне, чтобы меня положили на то же место, что и раньше. Вскоре тот скомандовал мне тащить свою тумбочку – они тут двигали шконки, равняли проходняки по ширине тумбочек. Так что, получилось, после всей этой козлятины я переехал в эту секцию первым из всех остальных.

Спокойно, не торопясь (наконец–то!) перетаскал еще до проверки свои вещи, разложил все, обустроился. Шконку дали с низкими торцевыми спинками, а прежняя у меня была в высокими; их них торчал между ножек шконки, у пола, и помогал держать вертикально дощечки, которыми я отгородил свой тайник между торцом шконки и стеной, набитый всегда доверху. Низкая же спинка туда, вниз, не продлена, только до уровня самого “панциря”, и дощечки еле держатся, самым краешком только достают до этого уровня. Да и подушке, которая у меня обычно стояла на большом возвышении из книг и пр. и опиралась как раз об эту спинку, теперь опереться не на что, – для частичной хотя бы компенсации пришлось привязать за ней для упора веревку. Так что со шконкой вышло главное огорчение и

расстройство – но даже и на такой шконке я все же худо–бедно обустроился.

После обеда начали заносить крашеные шконки, ставить – и завхоз со старшим, самым злобным “козлом” начали раскладывать на них тех, кто жил в секции раньше. Я и вообще–то абсолютно не понимаю, почему эти места должен кто–то распределять, а не дать просто всем лечь, кто где хочет, – но эти двое раскладывали “красных” по секции не просто в злобном, грубом и хамском тоне, а я бы даже сказал – свирепо. Злоба перла такая лютая, что я просто диву давался. Особенно старался, конечно, старший “козел”, но и завхоз ненамного отставал. Раскладывали по своей прихоти, маскируемой, как всегда, какими–то высокими соображениями (типа, у окон будут спать только работающие, и т.п. бред); по–моему, главной их задачей в этой процессе раскладывания было – показать свою “крутизну” и власть (“административный восторг” по Достоевскому) и ни за что не дать никому лечь там, где он хочет и где (как правило) спал до ремонта. Вот тогда–то, наблюдая это лютование двух злобных дебилов, я, наверное, впервые порадовался – тому, что уже устроился, переехал, что мое право спать на моем старом месте официально признано высшей здесь “инстанцией” (завхозом) и мне все эти перетряски, новые переезды и насильственные выкидывания матраса со шконки, как у других, уже не грозят.

Потом, до ужина, 2–3 дебила еще начали делать порог на входе в секцию – заложили там глубокую выемку в полу кирпичами и сверху намазали еще толстый слой цемента. Злобно гавкали на всех проходящих, чтобы не наступали на подогнутый ради этой работы край линолеума (как будто ему что–то будет от этого!). А тут было уже не до того, чтобы выбирать, куда наступить: цементный порог получился довольно широкий, приходилось через него прыгать, пока наконец не догадались соорудить мостик из досок, положенных с обеих сторон на кирпичи и что–то еще. Самое поразительное здесь – идиотизм этих дебилов – извечный расейский идиотизм – зэков, делавших тут ремонт: они могли сделать этот порог раньше, когда секция долго стояла пустая, никто не ходил и никакие другие работы тоже уже не велись...

9–40

Вот оно, и часу не прошло!.. Всегдашняя здешняя мерзость... Видя, что все спят – приказ завхоза “козлу” всех разбудить! Не потому, что что–то конкретное нужно, а просто – чтобы не спали. Из вредности, короче. Ну и – пусть идут, мол, “на территорию”, мести ее, – удобный всегда способ запрячь, только чтобы не дать

спать или заниматься своими делами… Мразь…

22.6.10. 8–23

Важнейшее событие сегодняшнего утра – выход со свиданки моего соседа, многодетного дауна. Ждали его все 3 дня свиданки всем бараком, буквально затаив дыхание (и даже с других бараков приходили, – знакомый еще по карантину, в частности). Ждали, разумеется, не его самого, а его передачу, чтобы тут же, как принесет, ее раздербанить, – ожидалось большое количество сигарет и всего прочего. Однако халявщиков ждал жестокий облом, – сигарет, хоть и “хороших” (“LD”), оказался, похоже, всего 1 блок. Даун пришел и сел в моем проходняке, только недавно, когда я завтракал – и, тут же налетев, окружающая шпана вытрясла и выклянчила у него едва ли не половину этого количества. Не прояви он (совершенно неожиданно для меня) некоторую твердость характера – у него не осталось бы вообще ничего…

А главным событием утра вчерашнего был местный алкаш–эпилептик, у которого регулярно случаются припадки – да не по одному, а целыми сериями, так сказать. Вчера за утро (начиная еще с до подъема) у него их было штук 5, дважды прибегали санитары с носилками, но с носилок этот тип, будучи на них уложен, норовил встать – поэтому в 1–й раз, во время зарядки, его не забрали. Но после еще 2–х приступов – санитаров вызвали снова, и, хотя уже к тому времени пришедший малость в себя эпилептик опять начал подниматься, только его уложили, – носилки с ним унесли, просто прижав его к ним, обратно в лежачее положение – а на весу, на несомых по улице носилках, не очень–то и встанешь.

Вторник. Утро. 39–я неделя до конца идет. Сегодня с утра облачно – есть надежда, что не будет такой ужасной жары, как вчера.

Приехала какая–то комиссия (№ 35 уже по моему счету). Какой–то Мурзин, из Нижнего, кажись. Вчера после отбоя приказывали все убрать с дужек и сбрасывали принудительно у тех, кто не убрал.

В остальном же ничего особенного не происходит. Но, тем не менее, от недавнего моего столь хорошего настроения остались вчера уже лишь горькие воспоминания. Обстановка страшно тяжелая, мучительная, невыносимая. Вокруг – такая злобная, тупая, бессмысленная мразь и нечисть, такое конченное, запредельное отребье, что, находясь среди них, буквально трудно дышать – от ненависти и отвращения к ним. Злобная, тупая, бессмысленная нечисть – даже тогда, когда она колобродит вокруг, не задевая непосредственно меня: чувствуют эти ублюдки,

не разумом, но инстинктом чуют, что я им чужой, не их поля ягода... А задевать меня и командовать мной самым хамским образом они пытаются регулярно.

9–14

Поговорил сейчас немного с дауном, своим соседом. Я почти угадал: в барак он принес только 1 блок сигарет, а всего ему привезли 3 – остальные 2 не донес даже до барака. Говорит, что отдал долги за 3 “фески” (здешний самодельный головной убор) – свою, своего друга–шныря и нынешнего “ночного”, с которым тоже постоянно трется. Но говорит, что отдал только половину долгов – еще 3 блока остался должен.

15–50

Нет, все равно жарища дикая, совершенно невыносимая, как и вчера. Пятое лето в неволе, и вся природа, вся июньская зелень и дыхание ветра – только из окна “курилки”...

Блатную секцию ремонтируют – точнее, пока вытащили из нее все шконки и тумбочки, она стоит пустая. Те, кто не переехал из нее в эту секцию, разместились в “приемке” (и весь ремонт будет ходить и все носить через них), а самые блатные так и живут в “культяшке”. (Одного из них, самого нагло–спесивого и омерзительного, старого идиота, развлекающегося каждое лето стрельбой из рогатки по кошкам, закрыли сегодня за что–то в ШИЗО.) Вход туда сделали вот сейчас, только что, через “нашу” (тьфу!..) секцию, – видимо, просто передвинули внутри шконки, т.к. раньше эта дверь была заставлена изнутри шконкой, единственный вход был из той секции.

Последняя “горячая” и глобальная (для меня) новость – многодетный даун притащил и засунул мне в открытый отсек тумбочки коробку от посылки – не такую большую, но она заняла больше трети отсека, он впихнул ее как раз на то место, где я, когда ем, ставлю кружку, чайник, пакет с хлебом, кладу шоколад... Я передвинул ее попозже на другую сторону, освободив хотя бы отчасти это место – но это лишь на неделю, пока мать не привезла пакет с пачками сэндвичного хлеба, – больше, кроме этого отсека, класть его некуда, хлеб очень легко мнется, а с этой коробкой он не влезет точно, не говоря уж о чем–то еще, хотя бы кружке. На все мои первоначальные протесты это ублюдок держался твердо, – даром что даун, а в быту–то он соображает хорошо. Я бы настоял и просто выкинул бы эту его коробку из тумбочки, но – услышав скандал, тут же повернулась и затявкала вся окружающая мразь, молодая и старая, все эти недочеловеки, инстинктивно ненавидящие меня самой лютой ненавистью (вот уж точно – иная раса, и высшая по сравнению с ними, с этой нечистью!..). Тут же стали тявкать мне, что, мол,

тумбочка не на меня одного, заступаясь за своего собрата (хотя в первые месяцы на этой зоне, как сейчас у этого уродца, я хранил в тумбочке на 13–м, у старого грузинского чма и злобного шныря–бражника в проходняке, только миску для еды и то, что умещалось в нее. А это насекомое уже давно заняло у меня половину верхнего ящика). Одному против всей этой мрази скандалить не было смысла, только внимание привлекать, и пришлось – хоть временно – смириться с этой проклятой его коробкой, загромоздившей полтумбочки. Разумеется, даун начал прибегать и лазить в нее каждые несколько минут, как до этого в ящик – и я посмотрел, ЧТО, собственно, в этой коробке. Оказывается, это существо, выйдя утром с длительной свиданки, сходило уже в обед в ларек (не в свой день – но его–то пустят, не то что меня; да и денежки, как выяснилось, у этой алкоголизированной швали водятся, – потратило, по моим подсчетам, рублей 150, не меньше, а то и 200), купило рулет, конфеты, чай, банку кофе и пр. – сперва, я видел, внизу сидели, пи ли чифир, насыпало в большую кружку кофе, набрало конфет... Смешно до колик, смешно и дико – наблюдать, как все эти туземцы, вся эта дикая, лесорубная и лесопильная пьянь и шваль, примитивные до даунизма существа, полуживотные (даже те, что на воле) здесь, на зоне, попивают кофе с шоколадными конфетами, словно благородные господа, поровшие их прапрапрадедов на конюшнях лет этак 150–200 назад (и правильно делавшие). Но когда вспомнишь, каких размеров эта шваль теперь получает от Путина, их кумира, “материнские капиталы” за то, что наплодят как можно больше своих даунят и генетических уголовников, – то удивление переходит в омерзение и острое желание уничтожить их всех!..

23.6.10. 15–00

Та же жарища, тоска и скука, как и вчера. Проклятое лето!.. Хоть бы оно скорее кончилось, – то жара, то дожди; еще 270 дней мне осталось...

Утром был шмон на 7–м. Где–то час всего, с 9–15 до 10–15; в окно “фойе” я насчитал 18, что ли, “мусоров” и думал сперва, что они на оба “продола”, оказалось – только на 7–й. Но там, потом узнал, все обошлось нормально, без тяжелых потерь.

Другое заметное событие – сегодня, впервые после написания каких–то специальных новых заявлений по предложению Палыча, на “промку” с утра вывели аж 25 человек! Сразу же начались проблемы с утренней проверкой – неразбериха, кто где, кого вывели, кого нет, где чьи карточки и т.д. Потом и на обед вышла всего кучка. Зато в секции сейчас тихо, спокойно и – жаль, что не полностью, но – почти пусто. Самый злобный “козел” и

большинство заготовщиков, к моему изумлению, вдруг тоже ушли на “промку” – о, какое наслаждение не видеть их хотя бы с утра до 7 часов вечера!.. К великому сожалению, активная злобная мразь с этого барака, коей здесь множество, на “промку” ушла еще далеко не вся.

Вчера перед ужином Окунь и Рыбий Глаз опять устраивали тут, на бараке, детектив с погонями и перестрелками. :) Незаметно, как всегда, проникли (через балкон, что ли?), Окунь погнался за кем–то, со всей силы пнул ногой закрытую дверь телевизионной, вломился туда... В ответ раздались вопли, что мы, мол, делали тут ремонт, а вы – ногами, и что теперь (как–то так, дословно не помню), если вы бегаете, то и вам будут бегать навстречу (зэки, имелось в виду). “Тогда я буду их выхлестывать!” – тут же радостно заявил Окунь. В ответ ему “молотобоец” (солировавший в этом хоре голосов, но не в лицо Окуню, а в спину, когда тот уже прошел мимо) пообещал ему что–то типа, что “выхлестывать” будут его самого. Понятное дело, зэков–то больше. Вдруг раздался страшный грохот, как будто падает что–то большое. Оказалось, кто–то из “мусоров” (я был в секции и сам этого не видел) ударом со всей силы расколол толстое стекло, которым был накрыт рабочий стол для готовки пищи, еще с начала ремонта стоящий в “фойе”, у выхода. Зачем уж понадобилось его разбивать, не знаю, но по виду этот поступок похож на всплеск злобы и досады –м.б., от неудачи их забега на 11–й, не знаю.

Дружок “телефониста” нашел еще одну “отмазку” насчет “трубы”: вот уже 2–й день я захожу к нему после обеда – а он как раз прилаживает к ней провода от зарядника (не родного, естественно, и без штеккера). Вот, мол, говорит – только что взял зарядник, телефон полностью разряжен, и говорить с зарядки не дает тоже. Сегодня еще, как дурак, попался, идя туда, на глаза Палычу – он раньше всех ушел со столовки после обеда обратно в барак и уселся в “беседке” во дворе, как раз у забора на “продол”. Я понадеялся, что проскочу – м.б., он сядет к забору боком, будет с кем–то разговаривать, да и “беседка” уже почти вся заросла вьюнком – но он, конечно же, спросил через забор, куда это я и – где головной убор? Я вынул из кармана и показал (снимаю эту мерзость, как только вхожу на “продол”), а насчет “куда” – сказал, что повидать одного человека и через 2 минуту вернусь. По иронии судьбы, я пробыл у дружка “телефониста” действительно не более 2–х минут и вернулся; Палыч, без сомнения, это видел и засек. Теперь – тащиться туда опять после ужина...

...А вокруг – мерзкая, злобная, тупая, ничтожная,

бессмысленная мразь, слякоть, нечисть и дрянь, не имеющая вообще никакого права на существование...

15–29

Да, забыл, как всегда, дописать. На 7–часовую проверку вчера явился Лялин – еще одна мразь из команды Окуня – и перед строем стал предлагать тем, кто угрожал "инспекторам, которые приходили вечером), типа, поединок один на один – только, мол, я форму сниму, чтобы погоны никого не смущали... Спрашивал, кто, мол, такой смелый – говорил что–то Окуню; "молотобоец", разумеется, промолчал, да и остальные тоже. Лялин закончил интермедию тем, что, мол, раз все сейчас молчат, то и тогда тоже нечего было выступать... О том, чтобы не один на один драться, а просто забить одного или 2–х "мусоров" всей толпой, мне кажется, не подумал не только он, но и ни один из присутствующих, кроме меня...

16–27

Еще картинки, зарисовки из этой "жизни"... Мой сосед – многодетный даун, пьяное, тупое, сиволапое деревенское быдло – сегодня снова ходил в ларек! Денег у него там, как я уже слышал, много – несколько тысяч, больше 4–х, потому что на 4 тыс. его уже кто–то пытался развести, но тот не поддался. Так вот, в магазин теперь – каждый день; и, выжрав за сутки практически целую банку кофе за 55 руб., это чмо сегодня уже купило новую, за 100 с лишним, и уже другие шоколадные конфеты – и опять блаженствует, хлебая это кофе, как я вчера уже убедился, по 20 раз в день, чуть ли не каждые полчаса...

25.6.10. 8–15

Пятница. Самое поразительное, что вчера, в банный день, с утра не было не только "генеральной уборки", но и вообще никакой! По крайней мере, пока я, спокойно позавтракав, не ушел в баню к 8–30, пол никто не мел, да и пришел – следов подметания не было видно. Сейчас тоже пока никто не метет. Все ушли на "промку" – и прежний интерес к уборке, доходивший до паранойи, вдруг резко ослаб, что не может не радовать. :)) Вообще, после ухода 25 "человек" (насекомых) на "промку" из наиболее злобных недавних ревнителей уборки в бараке днем остаются только двое: "молотобоец" (но и он стал по утрам, до самой проверки, куда–то исчезать) и долговязая ехидна. Я уж опасался было, что полоумный "молотобоец", проведав, что уборки не было утром, закатит ее вечером, как уже было не столь давно. Но нет – обошлось, а приходящим где–то в начале 6–го (увы, не в 7 и не в 9!..) вечера с "промки", видимо, вообще не до этого. Они весь день колотят какие–то "поддоны" из досок, и их трудовой энтузиазм держится на том, что их "промку" кто–то

(говорили, ГАЗ) выкупил, и работягам обещали “закрыть” зарплату (со всеми вычетами уже) за этот месяц – 5 тысяч руб., а за следующий – аж 11 тысяч!!! Но мне в такое их счастье верится очень слабо.

В бане на меня набросился тот мерзкий блатной сучонок 1990 г.р., глупый и неуравновешенный малолетка, что собирался недавно выселить меня из секции (еще из той, блатной), а я предупредил Палыча. Придя последним в баню, когда уже включили воду и все мылись, я поставил пакет на свободное место, как раз свое любимое, в уголке – и вдруг увидел, что рядом висит одежда с биркой этой твари. Я так и понял, что ничего хорошего от подобного соседства ждать не приходится – но такой отчаянной наглости все же не предполагал! Тот факт, что о ее планах я тогда сообщил Палычу, а тот высказал ей – дал теперь этой твари роскошную почву для обвинений и инсинуаций! Под крики: “Ты кумовка!” (почему не шумовка? :), “Кумовской!” и пр. – это существо потребовало, чтобы я – не больше не меньше – тотчас собрал все свои вещи и ушел одеваться куда–то на другую, дальнюю лавочку (а они еще и все заняты были). Мол, оно не хочет рядом со мной одеваться, т.к. я “всех сдаю” (или как–то так оно вопило), и т.д., а оно, типа, носитель секретов и, одеваясь, их тут с кем–то обсуждает. :))) Наглое, глупое, ничтожное отребье, нечисть, кусок дерьма, умеющий визжать и в ярости выпучивать глаза... :)) Все это сопровождалось истошным визгом по поводу меня, потоком ругательств (работа на публику в чистом виде, но публики было маловато и она не очень–то поддерживала), угрозами меня сейчас же ударить (как она там это называла, не помню...) и т.п. Но уйти с места я и не подумал. Когда в какой–то момент я, отложив все (еще даже не одевшись), выпрямился и предложил ей начинать бить – тварь, все так же визжа, не сделала, конечно же, как я и думал, никакой реальной попытки – и соотношение сил (комплекция + возраст) не равно, да и статус все–таки – пусть они меня ненавидят, совершенно не уважают и глумятся, но ударить в открытую все же подсознательно побаиваются – понимают еще не пропитыми остатками мозгов, что ударить меня – это не то что бить своих шнырей и “обиженных”, это чревато реальными неприятностями...

Вот подмели наконец–то пол, следом идет мойщик. Уборка все–таки есть. :)

Пошел в ларек – никто, разумеется, даже не подумал вернуть мне на счет 1000 руб., данные “в долг” “телефонисту”. Поэтому из всего большого списка, данного мне его дружком – что купить “телефонисту” на сегодняшний выход из ШИЗО – я купил только пачку чаю, да от себя добавил старую, из специально для него

покупаемых, дешевую шоколадку – и то жалею, слишком жирно для этой наглой твари.

Самое неприятное – “подняли” вчера на барак 4–х человек с карантина, перевели одного или 2–х с 1–го барака, – в общем, опять начинают набивать! Блатная секция на ремонте, мест явно не хватает, и вчера весь вечер, особенно после отбоя уже, самозванные блатные “коменданты” и пр. шваль долго тасовали, раскладывали и перекладывали всех, меняли местами так и сяк; говорят, что еще сколько–то народу вскоре должны перевести опять с 1–го, да этап вчера приехал – 62 человека. Я видел этот этап, когда он весь, под охраной “мусоров”, сидел на корточках (или просто на земле?) возле бани – было очень похоже на то, как рассаживаются для групповых фотографий, – а я как раз выходил из столовки с обеда. Так что в секции становится все более тесно, как бывало в прежние времена на 13–м.

Да и в проходняке дела все хуже – давно такого не было. За зиму и весну я привык, что в проходняке я практически один, все прочие либо на работе, либо спят, а весной, до ремонта, оба верхних места были вообще пусты. Ничто не предвещало беды, когда сюда переселяли этого многодетного дауна–шныря, сиволапое тупорылое быдло с первого же взгляда. Но теперь у шныря завелись денежки в ларьке, и он стал ходить туда каждый день – вчера опять ходил, 3–й день подряд, и накупил еще больше, чем в первые дни. Забил в моей тумбочке пол–ящика, пол–верхнего отсека – коробка с чаем–кофе–печеньем–конфетами–рулетами и пр., в которую он лазит чуть не каждые 5 минут, по 150 раз в день – а вчера, накупив еще и жратвы (пакет с сухой картошкой, в частности), засунул его уже за тумбочку, благо она довольно прилично отодвинута от стены, а в самой тумбочке его лимит площади уже давно исчерпан. Да и кроме постоянных лазаний в тумбочку, эта тварь создает в проходняке изрядный напряг – многолюдство: к ней постоянно кто–то приходит, то блатные и пр. – послать что–то сделать, то друзья–шныри и всякая такого рода шваль – для коллективных чае– и кофепитий, то еще кто–нибудь зачем–нибудь – этот тупой, бессмысленный, но самодовольный прыщавый шнырь нужен всем. Зато вчера с довольным смехом и гордостью рассказывал мне вести из дома, полученные на недавней свиданке: без него там всё, буквально ВСЁ (!!) встало, не заводятся ни его трактор, ни машина, тесть уж на что опытный тракторист – и то не может трактор завести (тесть – тоже старый алкаш, из–за которого, когда он напился и не мог везти родственничков в Буреполом, у шныря один раз сорвалась эта недавняя свиданка, сперва предполагавшаяся в более ранний срок), и даже корову, чтобы

подоить, теперь приходится привязывать за рога и задние копыта!.. :))) Что ж, да, я поверю, что это умственно отсталое быдло можно обучить даже ездить на тракторе и разбираться в нем. Но вот повторить четко и быстро, с лету, фразу из 4–5 слов оно, будучи стремщиком, не могло ну никак – неизменно запиналось максимум на 2–м слове. Речь затруднена, – сказывается дефицит интеллектуального развития...

Все вокруг омерзительно и постыло, с каждым днем все больше – а их остается уже только 268. С утра еще ничего, но после обеда начинается форменное пекло – и на улице, и особенно в бараке. Окна этой секции выходят на север, по–моему, – короче, солнце начинает прямо светить в них только ближе к вечеру, слепя меня с левой стороны, когда я лежу после вечернего чая, – так же точно было тем летом на 13–м. Но – в отличие от него – с вечерних проверок в секцию входишь буквально как в парную, – 2–й этаж нагревается заметно сильнее, видимо, из–за нагрева крыши. Поминутно обмахиваюсь журналом (ФСИН–овским :) – и все равно весь мокрый, пот так и льется по лицу. Придя с последней проверки, одеваю купленные весной за сигареты спортивные штаны и в одной футболке выхожу на улицу. Там в это время уже вечерняя свежесть, жара спадает, но одолевают комары, когда я сажусь во дворе, у забора с 6–м, на скамейку, смотрю на небо, на барак напротив и дышу этой вечерней прохладой. О, дивные летние эти вечера! Если бы не видеть проклятый барак – можно было бы и впрямь думать, что я на даче. Как чарующи и обольстительно–прекрасны эти свежие, прохладные июньские вечера... даже в неволе! Это тоже останется со мной навеки, в моей памяти, – мне не забыть эти июньские вечера, это лето 2010 года, последнее лето... Приходят цыгане, и я сижу, разговариваю с ними на этой лавочке, покуда у старшего хватает сил выдерживать комаров. Тогда они встают, но перед уходом младший еще поднимается ко мне за столовским хлебом. После этого еще, бывает, приходит любитель моих сигарет – за ними, конечно, но при этом и так просто поболтать со мной, рассказывает всякие полезные ухищрения из своего богатого лагерного опыта (вроде того, как глотать иголки, чтобы уехать на другую зону на больницу, без вреда для здоровья: иголка запаивается в кусок стержня от ручки, но этот прозрачный пластик при рентгене не виден, а видна только сама иголка в желудке) и т.д. Мы сидим, разговариваем, я с ужасом думаю, как же спать в этой духоте (но постепенно, помаленьку все же к ней привыкаю) и смотрю, как окончательно гаснет за окнами барака летний вечер...

27.6.10. 8–35

Феерия жары... Неделя мучительной, невыносимой, убийственной жары на улице и духоты в бараке... Вчера, говорят, в тени было под 40, а на солнце – и все 50°, даже больше. Охотно в это верю, хотя мать говорит, что по телепрогнозам в Нижнем всего +31°. Вчера и сегодня – с самого утра уже весь мокрый, хотя до этого сильная духота начиналась только после обеда.

Событий пока никаких – только вот сейчас узнал: опять приезжает Мурзин! (Какая–то шишка из облУФСИНа.) Опять, значит, начнут все выносить и прятать!.. А я как раз только вчера достал наконец–то свой вещевой баул из каптерки, где он простоял месяц или больше – еще до той страшной комиссии в мае его туда закрыли. :) И, оказалось, нервничал я не зря. Беру у завхоза ключ, захожу – а на встроенном шкафу, куда я, по настоянию того блатного чма, поставил тогда сумку, висит замок! А оно, помню, говорило, что, мол, “мусора” просят туда замок не вешать, и его не вешают; да и сам лазил не так уж давно – было открыто. На всякий случай осмотрел все полки – моего баула нигде не видно. Иду выяснять, – говорят, что ключ от этого шкафа у одного из блатных, возвращенных на 11–й после прошлогодних осенних раскидываний. Иду в “культяшку”, где сейчас живет вся блатная шваль, – все дрыхнут! (А тот, что мне посоветовал поставить в этот шкаф, вообще сейчас в ШИЗО.) Пришлось ловить его после проверки – а он (я так и думал!..) говорит: там твоей сумки нет, оттуда (из шкафа) все убирали! Я говорю: пойдем посмотрим. Пошли. Точно, в шкафу ничего нет. Я говорю: куда ж она делась?! Он встает на стул, начинает рыться на самой верхней полке – и точно: там я в конце концов и нахожу свою сумку, запихнутую за все коробки и клетчатые “сидора”. Слава богу, все цело.

28.6.10. 15–30

Писать все так же не о чем. Вчера перед 7–часовой проверкой наметилась было гроза, задул ветер. Все замерли в радостном предвкушении, – наконец–то кончится этот зной! Не тут–то было: лишь прогремело несколько глухих раскатов грома, да прошел небольшой дождик – минут на 10, не больше; грибной, т.к. и солнце светило, тучи не закрыли все небо, как при настоящей грозе. До проверки он уже кончился. Сегодня с утра – вышли на завтрак – вдруг опять черное, грозовое небо и раскаты грома. И опять – ничего больше, ни дождя, ни настоящей грозы. Но, слава богу, стало немножко попрохладнее; жара, собственно, еще не кончилась, но градус ее все же понизился.

А вокруг – все то же, все та же мразь и нечисть, все то же убожество и бессмыслица. В соседнем со мной проходняке, на верхней шконке, поселился со въезда обратно в секцию тот

мелкий злобный сморщенный старикашка, алкаш из алкашей (видно четко по физиономии), что был моим соседом здесь, на 11–м, еще в том году. Он и в столовке сидит напротив меня, за соседним столом, прямо у меня перед глазами, а теперь и здесь та же позиция – прямо впереди, в 2–х метрах. Старикашка этот меня ненавидит (инстинктивно; даже нет смысла спрашивать, за что. В лучшем случае, можно докопаться до того, что я ем колбасу, живу вообще по–другому, лучше его, сильно отличаюсь, и т.д.

[Запись оборвана, скобка не закрыта.]

16–05

Прервал многодетный даун, явившись с полной сумкой из ларька. Понедельник – и он уже снова сходил туда! :) Накупает с каждым разом все больше и больше, все подряд, особенно сладкое; кофе уже несколько банок за раз. Очень интересно, на сколько еще ему хватит денег, и что будет, когда они кончатся... :)

Да, о старикашке. Злобная эта тварь теперь следит за мной и в столовке, и в бараке, когда только не сидит ко мне спиной, не спит или не читает случайно попавшуюся газету. Исключительно, непередаваемо злобная нечисть, и на всех–то рада погавкать, побормотать себе под нос ругательства; но уж на меня – это, похоже, стало смыслом ее жизни. В столовке эту мразь бесит мое отношение к баланде – еще в том году, заметив, что я нюхаю миску с капустой, уже стала злобно ворчать и бормотать что–то себе под нос. С тех пор – стоит мне скептически покачать головой, увидев уж особенно мерзкую баланду, как это существо начинает исступленно–злобно что–то вякать мне через 2 стола. Я в ответ посылаю его куда подальше. А тут еще и на бараке – это чмо буквально следит теперь за мной – ем ли я, пью чай, обмахиваюсь журналом от жары – следит, следит пристально и, случайно встретившись взглядом, норовит успеть пробормотать мне что–нибудь оскорбительное (как будто насекомое, типа вши или таракана, может меня оскорбить!.. :); а поскольку с некоторых пор встретиться со мной взглядом у него практически перестало получаться :) – то все гадости обо мне, которые “видит” глазами, тут же сообщает находящимся ряжом соседям.

А ненависть у этой твари – да, инстинктивная. Бессознательная. Другая порода, другая раса, другой образ жизни... Колбаса, или моя фигура, над которой вовсю и постоянно вся эта мразь тоже глумится (а мне плевать! :) – это только предлоги, только внешнее...

Опять грохочет музыка в секции, не давая думать и писать. Поставили мощную колонку на стул, подключили к “шарманке” у

блатных в “культяшке” – и сегодня подъем впервые происходил не в виде криков и трясения шконок – а под вдруг заигравшую громкую музыку тут же встали почти все. “Ночной” сказал мне, что это блатные, после того, как накануне вставали долго и плохо (воскресенье все же было), решили заставить все вставать по подъему таким вот образом. Блатные здесь навязывают всем остальным “мусорское”, то есть режим, постоянно и упорно, никого и ничего не стесняясь для осуществления этой цели. И 2–х прежних блатных (оба – здоровые, но один – просто лось, громила!) вернули сюда, несомненно, для этого же: чтобы они своим блатным авторитетом “пацанов” держали в кулаке и в подчинении администрации барак, который так и не удалось (пугали прошлой зимой!..) сделать “полностью красным”...

Прошла 39–я неделя, ничем особенным не отмеченная, началась 38–я, сегодня понедельник. Завтра – короткая свиданка с матерью и Мишей Агафоновым. Осталось мне 265 дней.

ИЮЛЬ 2010

1.7.10. 9–30

Очередная безумная неделя... Уф–ф–ф!!! Только что пришел из бани (четверг). А описывать надо столько, не забыть бы половину, как обычно...

Подхожу к “нулевому” – впереди, спинами ко мне, стоит комиссия (человек 10)! Очередная!!! :)))) Она таки приехала еще во вторник и была 1–й новостью, которую я узнал, выйдя с короткой свиданки. Опять тот же Мурзин (?) и кто уж там с ним еще, не знаю. Вчера они бродили утром по тому “продолу” (здесь, на бараке, разумеется, паника, вынос и прятанье всего и вся, как обычно; ожидалось даже какое–то “построение”, но не состоялось), была в “варочной” и вроде бы в бане. Говорят, разнесла местное начальство – и сегодня, к моему изумлению, впервые за мои 3 года здесь в бане появились тазики – жестяные тазики производства местной “кечи” с надписью на боках “БПК” (банно–прачечный комбинат). Так вот, иду – вижу их впереди, у “нулевого”. Блин, а мои–то сумки из–под шконаря, небось, уже выкинули в общей панике?!. Тут комиссия заходит на 1–й; я иду в барак – сумки на месте! Уф–ф–ф!!!... Пока доставал на следующий раз чистые вещи, доставал грязные из пакета в стирку и пр. – “комиссия на контрольную!”. :)) Обошлось. Повезло еще раз... :))

Вчера ничего написать не дали, хоть я и хотел – целый день вдруг сплошные разговоры, болтовня с окружающей швалью, что вообще–то бывает нечасто. Первым – еще с утра, во время паники “по комиссии”, прицепился мерзкий активист, выкидывавший в апреле мою кошку в окно. Мразь из мрази, нечисть – и дурак, 22–хлетний молодой дурачок, бессмысленная тварь – смысла никакого, но понтов хоть отбавляй. Прицепился к моим сумкам под шконкой, я ответил довольно резко, он взбеленился, уселся у меня в проходняке и стал со мной ругаться. Я лежу (все самые лучшие “базары” – только в лежачем виде у меня :), он сидит, вокруг стоят зрители – и он старается для них. Все норовил, в меру своего понимания оскорбительного, назвать меня в женском роде. :) Я в ответ, в общем–то, сказал ему все, что хотел. Не только о нем одном, разумеется: вы насекомые, ребята (он мне в ответ все твердил, что я, мол, животное и веду животный образ жизни – все лежу, мол... :), совершенно бессмысленные твари, живущие только простейшими инстинктами, вы – как муравьи в муравейнике; у муравья нет ни имени, ни личности, он неотличим от тысяч таких же, населяющих муравейник, и когда

он помрет – никто там плакать о нем не будет, народятся тысячи новых – и так по кругу. И главный вывод – эх, поджечь бы ваш муравейник, ребята! (Не только этот, мелкий, зоновский, – и весь бы, размером в 1/7 земной суши, я бы не пожалел; хорошо бы хоть одну АЭС как–нибудь взорвать, да поближе к Москве. Но до этого разговор не доходил, это просто мысли за кадром, за кулисами этого разговора.) Когда зрители, устав, разошлись, разговор быстро иссяк: я кратенько объяснил этой чуме (а в разговоре один на один ей уже не перед кем кривляться – поневоле приходится слушать), что нормальные люди в мире судят обо мне по написанному мной (а его, написанного, за 16 лет уже много :), а не по фигуре и объему тела (излюбленный конек глумления этой твари), и спросил, ЧТО есть за плечами у нее. Она раздраженно взвизгнула: ну почему обязательно за плечами?! – но перечислить, что там, за плечами, есть, ничего не смогла, и на этом разговор закончился сам собой.

Еще одна интересная беседа была позже, после обеда, с мужиком, недавно переведенным сюда с “девятки”. Оказалось, он всего на год меня моложе, сидит уже 6–й год, осталось ему год и пять, и на общем местном фоне гопников он выглядит очень прилично: имел свой бизнес, достаточно крупный, что–то связанное со швейным делом, с мастерскими по пошиву, что ли (точно не помню), в разных городах, и т.д. 8 (!) лет был в розыске, открывал, как Остап Бендер, всякие конторы типа “Рога и копыта”; потом его компаньон, чтобы забрать какую–то крупную сумму денег, ударил его топором в спину (буквально!), и, наконец, посадили. Сидит по 159–й ст. (“Мошенничество”), тем более ч. 3 и 4, особо крупный размер и т.п. В общем, достаточно на этом фоне развитой интеллигентный парень, и был очень удивлен, узнав, за что сижу я, отнесся вполне сочувственно.

Вчера же были еще и переводы – 7, что ли, человек перевели отсюда на разные бараки, 11 – сюда. Старую блатную мразь, что стреляла тут из рогатки по кошкам и спихнула пинком мою Маню с крыльца прошлой осенью, перевели на 13–й. Бедный 13–й!!! Теперь он взвоет! Бедный Юра Горохов, его как раз опять списали с больницы, из санитаров опять на 13–й, хоть он и собирался на 1–й, – эта тварь теперь его заездит, забьет еще хуже, чем здешних “обиженных”...

Сюда перевели с других бараков по признаку – кто работает на “промке”. Но вчера же вечером возникла паника – “промку” закрывают! Сегодня туда уже никого не “вывели”, все работяги торчат на бараке. Кто (большинство) говорит, что это только на время комиссии (мол, и в прошлую комиссию было то же самое); кто рассказывает всякие подробности, что, мол, те, кто “выкупил”

недавно “промку” (кто это конкретно – версии самые разные, от нижегородского ГАЗа до московского Газпрома :), разорвали контракт, ничего не заплатили, вся готовая продукция (какие–то “поддоны” из досок, не знаю, под что) осталась невывезенной, теперь надо ждать, пока “промку” купит кто–то еще, все вывезет, заплатит деньги. В общем, как обычно, феерическое разноцветье слухов и версий, из которых, как правило, ни одна не имеет ничего общего с действительностью.

Что еще? Позавчера, во вторник, было короткое свидание с матерью и Мишей Агафоновым. Прошло оно хорошо, гладко, спокойно, без эксцессов, даже завели туда почти что в положенные 9 утра, без обычных задержек. Но – Миша рассказывал кучу новостей и деталей нынешней жизни, в основном тусовочной, новости андерграунда, так сказать – какие появились новые имена и направления не только в политике, но и в искусстве, какие–то новые группы художников–акционистов, и т.д. – и я испытывал – как и в прошлые такие разы, но еще острее – горькое чувство, мучительное ощущение того, как сильно я отстал от этой жизни, как далеко ушли вперед события и люди – и каких трудов мне, если я таки выберусь отсюда, будет стоить догнать их...

Вот, в общем–то, и все основное. Матери я не позвонил не только в день свиданки, но и вчера, – пришел было после обеда к “телефонисту”, а он говорит: мол, ты знаешь, сегодня комиссия, зайди лучше в 4 или после ужина. Я договорился, что после ужина, в полседьмого примерно, зайду, – а у них в это время сидел их отрядник, так что облом–с!.. А поскольку вчера была смена Окуня, причем он дважды приходил на 11–й (после обеда долго шмонал во дворе “спортгородок”, изучал все щели в заборе, брусчатку, топтался по вскопанной земле, ища, не зарыты ли телефоны, и т.д., а к вечеру явился немного пошмонать и в секции, под матрасами и в тумбочках), то и после отбоя идти я не рискнул, – в конце концов, говорить действительно особо и не о чем, коротенькое подтверждение, что у меня все нормально, не стоит такого риска. По паре фраз, которыми после обеда вчера успел обменяться с “телефонистом”, я понял, что он о недавней моей свиданке таки не знает :) – т.е., просить жрать не будет. Надо идти к нему сегодня после ларька.

Главная бытовая проблема теперь – постричься. Уже прошло 3 месяца, оброс я сильно, а подравнять тут ничего нельзя – нет ни ножниц, ни нормальных зеркал. Значит, надо стричь – а парикмахер с 8–го, стригущий меня уже больше года, устроился работать куда–то в теплицу и теперь бывает на бараке неизвестно когда – видимо, только по вечерам, так что его нужно

вылавливать...

Многодетный шнырь–даун, живущий в моем проходняке, быстро становится самой популярной личностью в бараке – он нужен всем, его все постоянно зовут, дергают, приходят будить, просить у него чай–конфеты и пр. – в общем, в проходняке постоянно толпится народ; да еще и коллективно “чифирить” здесь собираются, – в общем, все так же, как было тогда, в конце 2007, на 13–м, в проходняке у злобного шныря–бражника, где я тогда жил. А этот, видимо, действительно сильно не дружит с головой: 24 года, простой работяга–тракторист в колхозе “Путь к новой жизни”, алкаш с 4–мя классами образования (школу бросил) – но я слышал на днях, как он шепотом рассказывал на ухо “ночному”, своему другу, следующую историю. Когда его жена и теща с маленьким сыном (2004 г.р.) уехали как–то раз в Москву, а ему ничего не сказали, у них не отвечали мобильники и он не знал, где они – он позвонил “ребятам” (или “пацанам”? Не помню точно...), – и они не только через полчаса уже сообщили ему, где его родня, но – он поручил им (“ребятам”) охранять его сына, не дай бог с ним что случится, – и автобус, где ехали его жена, теща и ребенок, до самой Москвы (а затем и их самих по Москве, как я понял) сопровождали 6 (!!!) машин... :)))))

2.7.10. 8–20

Совершенно потрясающее, фантастическое, невероятное событие, до сих пор не укладывающееся у меня в голове: вчера они отменили 7–часовую вечернюю проверку!!! Сперва пошли какие–то смутные слухи (еще накануне, по–моему), а вчера, около 19–30, когда эта проверка должна быть – просто позвонили с вахты и сообщили, что ее не будет! Обалдеть!..

Потрясло меня это в основном потому, что не укладывается в столь хорошо знакомую нам логику Системы: все знают, как легко ввести что–то, еще больше ущемляющее права, ужесточающее режим (хоть на воле, хоть здесь, – одинаково) – и как трудно отменить, сделать хоть маленький шажок в сторону увеличения Свободы и ослабления диктатуры. Тут этот шажок, и довольно приличный, был сделан, видимо, под влиянием все той же комиссии, – за очевидной бессмысленностью проводить проверки каждые 2 часа (19–30 и 21–30) более “молодую” из них таки решили отменить. Причем – что опять–таки очень характерно для России – чисто решением “сверху”, без всякой борьбы самих зэков за свои права. 7–часовая эта проверка была введена 2 ноября 2009 г. и просуществовала ровно 8 месяцев.

А так – дела не очень–то приятные. В “промку” так никто и не ходит, говорят, что теперь туда будут водить одних “бесконвойщиков” со 2–го барака. Утро опять начинается с того,

что безработную “красную “ молодежь поднимают бешеным трясением шконок и чуть ли не пинками и гонят “на территорию” – убираться, мести “продолы” и двор барака. Главная угроза “козлов” теперь – вот, мол, сейчас вам из “культяшки” выйдут, скажут – и вы побежите... В “культяшку”, как известно, на время ремонта заселилась вся самая блатная сволота, безоговорочно командующая и “красными”, и всеми остальными.

Любителя моих сигарет и его друзей комиссия вчера таки выгнала окончательно с 1–го поста. Сказали, что, мол, зэки там сидеть не должны, а только “мусора”. Ну–ну... :) Увы, романтике звонков моих в этой будке, за занавеской, когда мимо то и дело ходят и “мусора”, и стукачи–зэки, видимо, пришел конец.

В проходняке тоже наступила сплошная тоска. Азербайджанская обезьяна, прежде убиравшаяся в секции, окончательно заселилась сюда (после переезда из той секции 19 июня ее сюда поселили как бы временно, с надеждой попозже вернуться на свое старое место, в следующий проходняк. Теперь надежда эта утрачена, место занято новопривезенными с “девятки”, а ее друга по бывшему СДиПу, с кем они в соседнем проходняке и жили, вчера перевели на 2–й барак). Теперь из–за этой обезьяны еще больше, чем из–за шныря–дауна, тут постоянно толпится народ: приходят то земляки–азербайджанцы, то русские друзья со 2–го (вот этот, вчера переведенный, плюс еще один, тоже раньше был на 11–м), то с 6–го – и чифир заваривается и пьется заново с каждой новой порцией гостей, они засаживают все шконки, болтают, проливают свое пойло на тумбочку, уже заставленную их кружками, банками, самодельными ситечками и серебристыми пакетами с чаем... Не верится, что еще 2 месяца назад я жил в этом проходняке практически один, спокойно пил чай по вечерам, а единственный сосед, беззлобный молодой пацаненок (он есть и сейчас), приходил только ночевать – долго спустя после отбоя, часов в11...

Кроме этого быстро осточертевающего вечного чифирного многолюдья в проходняке – азербайджанская обезьяна, примитивное существо, 6–й раз сидящее и готовое часами рассказывать мне о своей родне и подробностях жизни в нижегородской деревне (на родине не бывало с 1986 года!..), отличается и тяжелой формой паранойи по поводу уборки и чистоты. Чистюля, блин!.. Это грозит мне – несмотря на ее пока подчеркнутую симпатию и вроде бы доброе отношение – тяжелыми скандалами в будущем по поводу уборки, выволакивания тумбочки, выноса “сидоров” из–под моей шконки и пр. – психозы этих чистюль я за 3 года тут изучил уже досконально. То и дело, как все они, жалуется на запах

(несуществующий, разумеется). Но – хоть маленькая еще радость и возможность расслабиться – безумие “генеральных уборок” этой зимы и весны, похоже, реально сошло на нет после ремонта и переезда. Вчера опять просто подмели и помыли, без всякого мыла и шампуней, и тумбочки не вытаскивали (вякнул было раз на эту тему мерзкий активист, уходя в баню, – но не только никто его особо не слышал, а даже и сам он, вопреки своей прежней постоянной манере, свою же тумбочку выволакивать тоже не стал. :)))).

19–30

Длинная, невыносимо длинная, бесконечная эта пятница, полная солнечного света, жары (опять!), беготни вокруг, суеты, бесконечных этих чифиропитий в проходняке, послеобеденной сонной одури, – заснуть не можешь, как всегда, но глаза слипаются, проваливаешься в какую–то дрему, всего–то на минуты какие–то – но потом долго ничего не соображаешь, с трудом приходишь в себя и лишь испуганно смотришь сразу на часы – сколько времени?! не проспал ли ужин или еще что–нибудь?!! Почитать абсолютно нечего, нечем занять голову – и ее забивают до отказа, до полной перегрузки окружающая всеобщая суета, беготня шнырей, обрывки разговоров и ругани, солнце и чифир...

3.7.10. 8–38

Нет, так просто вчерашний вечер не кончился, не думайте; они вдруг начали двигать шконки! Едва я успел поужинать, еще допивал последние глотки чая, – вдруг понеслось!.. Из “32–го квадрата” выволокли одну шконку, поставили в “фойе” – и самому забитому пацаненку из “обиженных” сказали, что теперь он живет там (один; верхний ярус шконки пока пустует). Вслед за этим все шконки по стене секции (т.е. где я) начали сдвигать в сторону двери – чтобы где–то ближе к тому концу втиснуть еще одну, по частям принесенную с улицы. Типа, для все время “поднимающихся” новичков не хватает мест в секции – вот они и придумали ее впихнуть. Командовал всем процессом старший и наиболее злобный “козел”, – даже уйдя в работяги “промки” и тем самым автоматически потеряв статус барачного “общественника”, эта мразь продолжает беспрекословно тут всем командовать. Впрочем, командует она по преимуществу шнырями и разной “красной” молодежью, мелкой, недавно сидящей, робкого (относительно) нрава, не выдающегося телосложения и в принципе неспособной дать отпор ее кулачищам...

Проблемы, как всегда, начались со мной: обнаружилось, что у меня за головным торцом шконки “опять целый склад”, и вся окружающая нечисть тут же принялась орать про “петушатник”, –

мол, я “опять развел петушатник”, и т.д. :)) Всякое грязное, неубранное место, всякий беспорядок и т.п. они стандартно именуют “петушатником” – но в то же время от обитателей настоящего “петушатника” требуют, чтобы у них была идеальная чистота и порядок, заправлены кровати, под шконками и на тумбочках не лежало бы ничего “лишнего”, и т.д. Противоречие, однако... :)

Так вот, мою шконку начали двигать – и что–то из лежащего за ее торцом помешало плотно придвинуть ее к соседней. По команде злобного “козла” исполнители с явным удовольствием стали просто вышвыривать мои вещи из–за шконки, – бросали, не глядя, куда попадут, и все это разлеталось по полу, под соседние шконки. Банный пакет вышвырнули так, что зеленое полотенце для головы, лежавшее в нем сверху, вывалилось прямо на грязный пол. Большую доску, вставленную за торец шконки, чтобы все барахло не съезжало под шконку, выволокли вместе с маленькими фанерками. А уж как они двигали мою тумбочку!.. Наполовину придвинули к стене, а доска, на которой она стоит (чтобы удобно закрывались дверцы), наполовину осталась торчать слева из–под тумбочки, подвинутой сантиметров на 50 вправо. Еле–еле мы с “ночным” поставили ее ровно, отодвинув от стены и пододвинув под нее как следует эту доску – а потом еще, почти до самой проверки, вместо того, чтобы полежать после ужина и чая, я собирал все расшвырянные этими подонками вещи и распихивал по местам за шконкой...

Одно только приятное событие сопровождало этот погром, – верно говорят, что нет худа без добра. :) Азербайджанская обезьяна пришла, когда мы уже выровняли тумбочку, посмотрела на нее – и решительно наконец–то вытащила из тумбочки эту проклятую коробку многодетного шныря–дауна, запихнув ее под свою (и его – сверху, на 2–м ярусе) шконку. Ура! Шнырь, давно уже обещавший мне сам убрать эту коробку под шконарь, пришел, увидел – и ни слова не сказал! Так что хоть от этой чертовой коробки, занимавшей полтумбочки, наконец я избавился.

Палыча не было вчера и пока что, странно, до сих пор (9–00 уже) нет сегодня (суббота). Неужели таки 2 выходных подряд?!. :)))

5.7.10. 8–25

Усталость, вымотанность, нервное истощение такое, что совершенно нет сил. Да еще эта жара опять – весь мокрый, потный... Хорошо хоть, пока еще не такой жуткий зной, как был недавно.

Понедельник. Началась 37–я неделя до конца. Прошедшая

38–я ознаменовалась короткой свиданкой во вторник, да еще тем, что вчера я наконец постригся. С утра, пока все спали, , и Палыча до 11–го часа не было, – смотрю, местный специалист–парикмахер стрижет тут одного из новеньких стремщиков, недавно приехавшего. Ну, я к нему – и он без споров постриг и меня, причем лучше, чем тот уродец с 8–го барака. А он – ходил к нему позавчера вечером, после отбоя – отказался меня стричь: мол, “нет насадок” к его машинке. Странно, – столько лет были, и вдруг нету! Куда ж они делись–то?! Я так понял, что дело в другом: просто этот тип устроился работать в теплицу, целый день его нет на бараке – и после рабочего дня ему просто неохота возиться еще и со мной, со стрижкой. Сволота… Одно радует: осталось мне тут всего 2 стрижки – в начале октября и в начале января 2011 – и домой!..

Местное блатное чмо (теперь самое здесь блатное), то самое, что в мае по поручению Палыча давило на меня по поводу моей сумки и каптерки – повадилось теперь, сука, пользоваться моим “киловаттником”! Шныри, разумеется, сообщили – один из них, самый злобный, бывший мой сосед на 13–м, позавчера сперва сам приходил и просил – типа, для себя. Я отказал. Позже, только я сел ужинать – явилось это блатное чмо и начало клянчить. Мол, под его ответственность, оно мне ручается, если что – само “затянет” мне новый, и пр. (а до тех пор ни постирать, ничего…). Эта чума наркоманская, постоянно ходящая обколотой (и все знают!), имеет моду мыться каждый вечер в туалете – вот для того, чтобы нагреть воду, ему мой кипятильник и понадобился. В баню не ходит – моется только здесь. Была тут у блатных куча больших чайников, которыми они грели себе воду, в т.ч. для мытья, – так сейчас, оказывается, почти все их сожгли, и до моего единственного кипятильника добрались… Да еще ладно, позавчера блатное чмо это хоть само пришло просить “под свою ответственность”, – вчера после отбоя оно уже просто прислало за моим кипятильником шныря, тот нашел меня во дворе. Да еще какого! – недавно приехавшего 19–летнего полного раздолбая, растяпу, которому ничего нельзя доверить – и постоянно получающего за это от всех по башке. Я дал, скрепя сердце, – обошлось и на этот раз, не сожгли. Но больше, а тем паче шнырям, хоть этому, хоть другим, я “киловаттник” не дам. Тем паче, что пользы мне с блатных никакой, да и единственная, какая могла бы быть – телефон, но на этом бараке мне никто из них телефона не даст…

Вообще, “хождение в народ” на эти 5 лет получилось у меня замечательное, очень поучительное. Я уже писал об этом, но повторение – мать учения. Сходил, съездил, посмотрел, убедился.

В том, что вокруг – быдло, быдло и быдло. Серые, тупые, примитивные, одноклеточные организмы (жаль, что не “микро–”...). Нечисть, короче. “Чьи цели в жизни – выпить и украсть”. Больше их ничего не интересует – ни на воле, ни здесь (ну, здесь – еще чай и сигареты, как же без них!..). Твари тупые... И даже лучшие из этих здешних, с кем я еще хоть как–то могу общаться, хоть поговорить о чем–то, – увы, такие же, и говорить мне с ними, по сути, не о чем. Вот приходят каждый вечер цыгане (те, что раньше приходили к этой мерзкой злобной горилле, своему соплеменничку, а старшего из них я знаю еще с 13–го, он приходил туда к старому хрычу, жившему напротив меня). Вот любитель моих сигарет заходит каждый день, и не по разу – в основном за сигаретами, но бывает и так просто, поболтать, посидеть. Но говорить и с ним тоже мне совершенно не о чем, хотя вообще он парень и неглупый, и с характером, не трусливый, даже отчаянный, если надо. Это было одной из причин, почему я обратил на него внимание, – как он выдавил тогда, зимой, стекло на короткой свиданке, или послал подальше отрядника 12–го у столовой (еще будучи “ночным”), или убегал от “мусоров” с телефоном в кармане... Но и он тоже – полукриминальный тип, любитель на воле выпить и покуражиться, погонять на мотоцикле по округе, да еще музыку включить на максимальную громкость, и т.д. Этакая разгульная, лихая (в пьяном виде) пустышка, имеющая, правда, профессию маляра–штукатура. Но говорить мне с ним, по сути, не о чем, – он так же, как и все они, замкнут в своем мирке, в своих девках, мотоциклах, машинах, родственниках, гулянках и водке... Ни интереса к глобальным, внеличным вопросам, ни каких бы то ни было убеждений, общетеоретических взглядов на жизнь, ни моего неуемного желания повоевать с Системой, ни моей ненависти к ней – хотя он сидит уже 3–й раз, с малолетки еще, почти половину из своих 27 лет – в нем нет и в помине. Скучно страшно, вся жизнь – один быт, гулянки, водка да бабы, и говорить с ним решительно не о чем. Так же и с цыганами, хотя старший из них много ездил, повидал, на воле (по его словам) к криминалу не относился, жил цивилизованно, работал... Но с ним – в общем–то, еще меньше есть тем для разговора (кроме разве что тех мест и городов, где бывали и он, и я). Второй – молодой квартирный вор – цыган, сидящий уже 5–й, что ли, раз, – вообще одноклеточный, и только лагерь и зэков в нем знает хорошо, в отличие от 2–го. Они приходят – и вот уже 2–й вечер в моем проходняке пускаются в длинные беседы не со мной, а с азербайджанской обезьяной – про Дальний Восток, где та долго жила и хорошо знает, а эти двое вообще не бывали. Мне, честно говоря, эти рассказы, как куда там

проехать, и по какой дороге, и где в какой город (Находка, Большой Камень и пр.) сворачивать – не только не интересны, но даже раздражают. Про эту обезьяну, тоже любящую покалякать со мной, даже и говорить нечего, – примитивная тварь, кроме бесконечных рассказов про свою жену на 10 лет старше, про свою деревню, хозяйство, скотину, ферму, трактор, рыбалку и т.п., ни о чем более мне интересном говорить не способная в принципе.

Зато в проходняк это чмо привадило всяких таких же, как само. То злобный старикашка, вечный сокружечник по чифиру, придет, сядет – и сидит, сука! То они готовятся вместе пить чифир – чуть не полчаса, пока он у них настаивается, сидят здесь, ждут. Пьют его 5 минут, но сидит здесь вся эта шваль по полчаса и больше. Злобный же старикашка – в своем соседнем проходняке – верхний пассажир, а внизу там живут двое приехавших с “девятки”, да еще другие двое, приехавшие вместе с ними, постоянно приходят в гости, – понятно, старикашке с ними сидеть неуютно, они все друг другу свои, а он вроде чужой. А все время лазить наверх, на свой шконарь, тоже неохота – вот он и трется весь день по чужим проходнякам. Плюс еще один стал приходить – жрать с азером, да и чаевничать тоже – бывший контрактник в армии, 24 лет, отслуживший в танковых войсках по контракту после срочной еще 4 года, имеющий звание старшего сержанта, а тут быстро ставший шнырем блатных и – по совместительству – заготовщиком. В общем, весь день, особенно к вечеру, проходняк забит этими чифиристами и чаепитчиками, никакого покоя нет...

Не высыпаюсь тут постоянно, и постоянно слипаются глаза, хочу спать ужасно, мучительно, особенно когда только лягу, – и все равно никак не могу заснуть...

7.7.10. 14–42

Я – в жарЕ. Не хочу писать “мы”, хотя всех остальных, конечно, тоже касается. Тот были в зиме, в лютом этом, сатанинском ядреном морозе (руки отмерзали, пока дойдешь до столовки),а теперь вот – в жаре. Опять. В жаре – как в тоннеле: я внутри нее, а она – со всех сторон, как тоннель. Вход уже давно пройден, процесс уже в самом разгаре, не остановить, не соскочить. И лишь где–то далеко впереди угадывается выход из этого тоннеля. Я – внутри жары. Чудовищное пекло на улице, духотища в бараке, с утра опять я уже весь мокрый. Кошмар... В довершение всех бед (чего не было все–таки в прошлый заход, 2, что ли, недели назад) вчера мне страшно натерло трусами и брюками ноги, как бывает каждое лето в жару, вечное это мое летнее бедствие. Ходить страшно больно, да и сесть, даже лечь – надо непременно все поправлять, отодвигать с больных мест – как раз очень удачно порвались аж в 2–х местах в самой середине

брюки. В общем, мучение. Если бы не это, не эта боль, не красные рубцы на ногах (вспоминается ужас 2005 г., в Перми – вот уж там натерло так натерло, я вообще не мог ходить, даже без штанов) – все было бы намного проще. А так – лежу целый день разморенный, только эта сука Палыч без конца ходит туда–сюда – и надо вставать, когда он проходит по секции в свой кабинет. В Нижнем, говорят, +33° и – сказала сейчас мать по телефону – по области горят леса, так что весь центр Нижнего в дыму.

Так что писать много не могу – даже не столько писать, а дай бог спокойно и нормально по качеству ПЕРЕписать хотя бы это, хватило бы сил. Работяг так и не выводят в "промку" – а я уж так надеялся, что сегодня наконец–то их всех опять весь день не будет, и столько было среди них самих надежд и разговоров про это, и утром вчера водили всех в 15–й кабинет – писать какие–то заявления на работу... Бизнесмен–"мошенник" с "девятки", оказавшийся любителем поэзии "серебряного века" (полюбил–то на зоне, на воле, говорит, было не до этого... :), читает мне наизусть Пастернака, Мандельштама, Блока – помнит он много стихов, в т.ч. таких, которые я и не слышал!.. Я в ответ читаю ему Нестеренко, о котором не слышал, разумеется, он. Это практически единственная отдушина во всем этом здешнем быте, не считая разговоров еще с любителем моих сигарет, который с интересом слушает мои рассказы об известных террористах и их действиях – от Губкина до Ильича Рамиреса Санчеса. :)

Ну что ж, с днем рождения, зайчик мой дорогой!!!

9.7.10. 5–15

Вчера – очередной пароксизм бреда, безумия, того маразма, в котором я живу уже 3 года только в Буреполоме... Вечером "подняли" на барак еще 11, что ли, не то 14 человек – толком я так и не понял. 7 перевели с 1–го барака, это точно. И еще 7, не то сколько – с карантина, а сами они – с кем успел перекинуться словом на проверке – с "девятки". И один из барачных "козлов" – слава богу, уже не тот, архизлобный, а другой, со 2–го барака, 23–хлетний, тщедушный, пучеглазый, светловолосый, с этакой явно угро–финской физиономией, раньше постоянно сидевший на 1–м посту – занялся их размещением...

С улицы велел принести и собрать в "фойе" 3 шконки. Стоявшую уже там шконку самых бесправных "обиженных" работяг – развернуть торцом к стене, 3 новых поставить рядом с ней. "Фойе" оказалось опять забито – сильнее, чем недавно во время ремонта в "красной" секции.

Но нет бы просто новых людей положить на новые шконки – ничего подобного! Эта пучеглазая чума стала тасовать, как карты в колоде, и тех, кто уже давно тут жил и имел свое место. Весь

“32–й” переместили в “фойе” – на ту шконку, что уже там была, плюс одну из вновь принесенных. На остальные – выселили из секции самых последних, малоуважаемых, почти не считаемых тут за людей, – эпилептика, например, недавно только выписанного из больницы, или любителя моих сигарет (местная “краснота” давно его невзлюбила и всячески постоянно пытается унизить – не знаю только, за что), плюс – всех 3–х шнырей, или 2–х–то из них уж точно. В секции на освободившиеся места в углу по стене тоже стали сложно, хитромудро перекладывать–тасовать – “ночного”, который спал надо мной, и на одной с ним шконке – пацана–дневального “кечи” поселили в самый угол, а на их место надо мной – дневного дневального, привезенного с “девятки”. Шныря–контрактника, отслужившего до ареста в армии 4 года по контракту, дослужившегося до звания старшего сержанта, а здесь быстренько ставшего шнырем блатных с правом приготовления им жратвы – положили в мой проходняк (далеко не лучшее соседство), над азербайджанской обезьяной, на место другого шныря – многодетного дауна, выселенного в коридор. Саму обезьяну, увы, оставили на месте.

Когда не ждешь, тогда и случается! – пока я кипятил чайник в “фойе”, пить чай, пучеглазый “козел” вдруг докопался и до меня на тему чтобы я переехал в самый угол, на крайнюю у стены шконку. Еще не хватало! Мало того, что кучу вещей под матрасом, за шконкой, плюс тумбочку тащить, – но потом ведь все равно придется и обратно, т.к. этот угол здесь всегда был занят “петушатником”, кончится ремонт – их вернут непременно именно сюда, больше некуда, а мне придется опять выезжать со всем барахлом. Так что я отказался сразу и категорически – а “козел”, я заметил, с самого начала мне не приказывал, как другие бы на его месте, а этак – как бы спрашивал, прощупывал почву, соглашусь я или нет. Понимает, видимо, что тут хрен прикажешь, не в его силенках меня заставить что–то делать против воли. Запомнилось, как я разговариваю с ним из уже загроможденного “фойе” – я стою там (жду чайник), он – в секции, недалеко от выхода, и вся толпа “козлов” и всякой швали (включая даже азербайджанскую обезьяну) стоит рядом с ним и молча, повернувшись ко мне лицом, слушает наш спор.

Все разрешилось достаточно легко и просто. Когда он на мои отказы сказал, что, мол, “мы сейчас перенесем”, и всё (мой матрас) – я сказал, что если, мол, тебе нужны неприятности, то они у тебя будут, отключил как раз вскипевший чайник – и пошел к завхозу. Тот у себя в кабинете что–то писал. Я кратко рассказал суть, он произнес свое неизменное: “С … ли?!” – и попросил этого пучеглазого “козла” позвать к нему. Я вышел, захватил чайник –

и, зайдя в секцию, тому немедленно передал. Потом, через пару минут, напомнил еще разок – “козел” раздраженно сказал типа: “Сейчас зайду, подожди!” – но от меня тотчас отстал. Подействовало. :) Кому–то, я слышал, он вполголоса сказал, что, мол, “такой кипиш поднимет” – это про меня, если начать, мол, насильно переселять. Подействовало!!! Я отбился!!! :)))

Расселили как–то. Толпа народу, яблоку негде упасть, в секции и так духотища, а тут набивают и набивают народ... Сразу же после проверки, как обычно, я переоделся и пошел гулять – дышать воздухом. Сижу на лавочке, как обычно, а насекомые идут в трусах и с полотенцами обливаться из бочки в углу, у “спортгородка”. Еще и “мусора”, считавшие проверку, не все ушли. Вдруг какая–то легкая паника, и кто–то из чешущих прочь от бочки на ходу говорит мне: там, мол, Макаревич смотрит! Где?! – А с балкона 5–го барака, т.е. через забор, но двор 11–го оттуда как раз видно.

Я смотрю на балкон 5–го – никакого Макаревича не вижу, но во дворе 11–го уже полная паника, все побежали прятаться в барак. А блатная наркоманская мразь (та самая, бравшая у меня кипятильник, а до того давившая на меня по поводу сумки–каптерки) стоит на балконе 11–го, на верхней ступеньке лестницы, и орет всем вниз, чтобы шли, мол, в барак! Ничего себе!!! (А слова этой твари здесь автоматически воспринимаются как приказ.) В том числе и мне тоже орет, персонально. Тогда как, в общем–то, ничего такого криминального во дворе не происходит: я сижу на скамейке, другие вроде тоже не героином колются, не самогон пьют, а всего–то – из бочки обливаются по случаю сильной жары, да и времени еще – десяти даже нет, не отбой еще даже... Почему же вдруг всем надо срочно разбежаться и спрятаться? Нипочему, но блатная эта мразь предпочитает перестраховаться: если вдруг что, если начальство будет чем недовольно – то привилегии блатных пострадают первыми, им не дадут уже так вольно жить, колоться наркотой, заставят еще, чего доброго, 3 раза в день ходить в столовку, и т.д.

Короче, разогнали. Азербайджанская обезьяна в трусах еще выскочила было и почесала в бочке – блатное чмо с балкона так цыкнуло на нее, что она, не пройдя и треть пути, без памяти обратно!.. :) Разогнали, а потом, когда уж ушел “Макар” – можно было выйти, конечно, снова, но – отбили все настроение, и я уже не пошел. И долго еще, весь мокрый, лежал в этой духоте, в почти горячем воздухе этой проклятой секции, обмахиваясь, поминутно утираясь, и пытался уснуть среди этого гомона и всеобщей беготни. Самое поразительное – это то, что каждую ночь, ложась в такой безумной духоте, как в парилке, – мне все же, вопреки

ожиданиям, удается заснуть хоть на сколько–то...

8–18

Утро началось с прохода Макаревича дальше по нашему “продолу” – как всегда, всеобщая паника и массовый выход на зарядку. Плевать на “Макара” из всего барака было, похоже, только мне. :) Поднимались наверх – он как раз прошел обратно мимо нашей калитки. Не зашел. :)

Вышел из столовки – как раз большая колонна по трое, где 8–й, 9–й и часть 11–го, выходит в раскрывшиеся ворота. Но, видя меня, Пожарник (Маяков), стоящий в воротах один, тут же говорит (мне): 11–й.ю мол, стоим, ждем свой отряд. Я отвечаю ему, что у меня вообще свободный ход. Он требует показать бумагу. Показываю. Он – впервые за полгода с лишним! – докапывается, что, мол, бумага датирована 9–м годом, а сейчас уже 10–й, надо, мол, делать заново. Но, пока мы с ним препирались, колонна уже вся прошла, и он задерживать меня не стал. Мразь. Расстрелял бы эту косоглазую гниду собственными руками!..

Забыл еще упомянуть всякие слухи, циркулирующие по бараку. Новые соседи сейчас, пока я ел, говорили – видимо, со слов завхоза – что на следующей неделе будут “тусовать” еще 20 человек, но сюда или отсюда – неясно. А вчера вечером шнырь–контрактник со слов Палычас абсолютным знанием дела говорил, что будут 3 рабочих отряда – 1–й, 2–й и 11–й, и 11–й будет – 400 (!!) человек, со шконками в 3 яруса. Бред абсолютный, даже если такое и говорил Палыч.

Живу я теперь в окружении работяг, совсем простых таких, примитивных ребят с “промки”, с 1–го барака, да и здешних прежних – азербайджанской обезьяны, например. Простонародье, будь оно проклято!..

Таинственным образом уже 2–й раз из открытого отсека тумбочки пропадает у меня консервная банка, только вчера оставленная после ужина. Стояла она в глубине, так что снаружи не видно. В нее я чищу колбасу по утрам, а шкурки скармливаю иногда кошкам, если они заходят. Взять мог только кто–то из соседей, кто знал про эту банку; а вчера все соседи в проходняке как раз сменились, кроме азербайджанской обезьяны. И мотив у нее как раз есть: по дурости в пакете под шконкой, даже не убрав в пакет для бумаг, оставила не так давно документы на УДО – и кошки, забравшись, испортили их, пришлось заказывать новые. Так что эта тварь теперь тоже против кошек и того, чтобы я тут, в проходняке, кормил их – и как раз пропадает уже дважды моя баночка, для этого предназначенная...

11–15

Какое это счастье, что я не поехал в тот угол, куда вчера хотели переселить! Не знаю, почему вдруг – но проходняки там теперь сделались узенькие, как был у меня на 13–м, по ширине табуретки. Табуретки там и стоят, в обоих проходняках, вместо тумбочек; а тумбочки вытащены – и стоят у торцов этих шконок в центральном проходе секции. Словом, было бы мне ни достать что–то, ни положить, ни поесть–попить нормально...

Большое событие – вчера вдруг убрали забор с калиткой, шедший от будки “нулевого поста” до осветительной мачты перед столовой. Тот самый, что первоначально ставили в том году, чтобы 13–й барак не собирался весь у “варочной”, выйдя из столовки. Долбили землю, ставили сваи, сваривали, красили не раз – и вот вчера наконец убрали. Год простоял... Добрый знак?..

10.7.10. 19–10

Такого тяжелого, мучительного лета не было у меня здесь, наверное, с 2007 г., с этапа сюда. Зной страшный, жарища, духотища, далеко за 30°. Весь мокрый постоянно, то и дело, с утра до ночи умываюсь холодной водой из–под крана – и на бараке, и в столовке, когда прихожу туда. Какая тоска!.. Колобродящие по двору мрази, и блатные, и “красные”, дружно весь день обливающиеся водой из одних и тех же бочек, с их посиделками во дворе, загораньями и пр. – куда–то дели сегодня скамейку, на которую я садился, выходя по вечерам, после отбоя, подышать и остыть. Теперь садиться не на что, другая скамейка, хоть и лучше, стоит возле самой их бочки – и так быть вблизи от них непереносимо омерзительно, да еще и брызги все от обливаний будут лететь на меня...

В проходняке совсем не стало жизни. Мало азербайджанской обезьяны с ее чифиропитиями (сегодня весь день спит) – еще и этот шнырь–контрактник, заметно отупевший, деградировавший за те несколько месяцев, как стал шнырем. К нему постоянно приходят другие шныри, в том числе его дружок, 20–летний дебил, нюхавший клей, а здесь служащий всем чем–то вроде груши для битья. Абсолютный идиот, таких только на мыло перерабатывать; нечисть, слизь, биомасса самого низкого качества. Залезает, сука, на 2–й ярус надо мной и, разговаривая со своим дружком–контрактником – бешено жестикулирует, возбужденно объясняя тому что–то, весь дергается, аж подпрыгивает – шконка ходит ходуном! Будьте вы все прокляты, твари!.. Приходят другие шныри, лезут драться, бороться, веселье и прыганье по шконкам, проходняк загроможден ими, все трясется и дрожит... Приходят господа шнырей – блатные – то с поручениями, то с претензиями, что что–то сделано не так. Влезают в проходняк к своим шнырям абсолютно бесцеремонно,

как будто больше тут вообще никого (меня!) нет. Беспредельная, фантастическая наглость и бесцеремонность – основное свойство всей этой мрази, собранной здесь, абсолютно всей – и уж конечно не только на этой зоне собранной, а на всех.

Фантастическое известие от матери, вчера и детали сегодня: десятерых пойманных и осужденных в Америке русских шпионов на днях обменяли – на Сутягина, Запорожца (тот самый генерал КГБ, бежавший и выкраденный из США?) и еще каких–то двоих. Подробностей я, естественно, не знаю (ТВ с 25 мая не смотрю вообще), но сам факт, конечно, впечатляет. Все восстанавливается, и опять та же практика обменов политзаключенных. Совок, совок, родимый, и атмосфера все та же, как будто опять 70–е года... Сутягину оставалось еще 4, что ли, года, он сидит свою 15–шку аж с 1999–го – и, безусловно, имеет право на такое освобождение. Мне осталось 8 месяцев и 10 дней, и меня обменять на кого–либо не пришло даже ни в чью голову...

Какое грустное зрелище – сейчас на “продоле” встретил знакомого кота, Катафосика, с 7–го. Лежит, бедняга, в пыли, изнемогая от жары (в его–то шубе!), аж язык высунул. Когда–то, еще недавно, был он хозяйский, холеный, лоснящийся, и мисочка всегда стояла под шконкой хозяина – зелененькая такая, помню. И все 2 года на 13–м я ловил его, когда он пролезал в щель забора с 7–го и пробегал через наш двор – ловил, а он все не давался, всего пару раз удалось–таки поймать. Но хозяин освободился, уехал – и вот бедняга Катафосик лежит на дороге, в пыли; я взял его на руки – он худющий, как скелет (а какой был!..), шерсть свалялась большими комьями, вид жалкий, ужасный. Он не сопротивлялся, не пытался убежать от меня, не то что раньше... Грустно все это, и как символ всей тщеты жизни для меня – этот кот. Ни в чем он не виноват, а просто – прошло время, уехал хозяин и кончилась сытая жизнь... И у моей Мани тоже, хоть я–то еще здесь... Пишу – и аж слезы на глазах... И только единственное, что вызывает улыбку – на 7–м, как зайдешь, давно стоит коробка с котятами; они уже подросли, носятся там по коридору, играют. И у одного, что побольше – я сегодня рассмотрел – знакомая до боли этакая заостренная мордочка, темно–серая с белым шерстка и зеленые глаза. Вылитый маленький Катафосик!.. :)

11.7.10. 5–15

Злобный шнырь, дебил, бывший мой сосед по 13–у, явился аж в 3 часа ночи! – забирать у меня пакет с яйцами, которые его дружок, тоже шнырь–заготовщик, украл из полученных в столовой на весь барак накануне яиц и продал мне. 7 штук, по 3

сигареты за яйцо – выходит 21 сигарета, больше пачки. Втянул его в это, разумеется, злобный шнырь – тот бы и не знал, кому он продает эти яйца, но теперь об этом знают уже 2 человека. Так вот, прибежал в 3 ч. Ночи, – мол, тот, 2–й, который в столовке эти яйца получает, “спалился” – видимо, блатные требуют свои яйца, а он их уже продал, и взять негде. Я отдал назад весь пакет (думал съесть их сегодня после обеда, ну да черт с ними!), и теперь этот злобный ублюдок, инициатор всего дела, должен мне, получается, эти 7 яиц, за них сигареты–то он вернуть и не подумал. Что ж, посмотрим, когда и как это чмо мне их (яйца) отдаст...

Да, не было еще такого тяжелого лета. Дикая жара, тропическая духота по вечерам (да и днем!) в секции – как фон. Мучительный фон, на котором вся жизнь предстает одним сплошным страданьем. А вокруг – тупое, бессмысленное быдло, дюжие здоровяки с “девятки”, покрытые татуировками: христы, купола, богоматери и пр. хрень во всю грудь и спину. Серые и бессмысленные существа – работяги с 1–го барака, зачем–то переведенные сюда. Вчера вернули обратно и эту злобную из злобных мразь – того “козла” со 2–го барака, который куролесил тут всю зиму, свирепствовал во время памятных “генеральных” погромов (сейчас они вроде бы сошли на нет, тьфу–тьфу–тьфу!), а весной был переведен обратно на 2–й завхозом. Не справился, видать – его поперли и из завхозов, и из председателей клуба “Блок–пост” (тоже воевавший в Чечне каратель) – и опять вернули сюда, на 11–й. Пока, первые дни, он особо не буянит, не командует, да и вообще, самые злобные “козлы”, бывшие и нынешние, стали по сравнению с зимой вести себя потише. Но это, конечно, не потому, что переполненная секция (кстати, и не их одних “красных” теперь состоящая) может в случае чего дать им отпор. Не может она ничего, в том–то и дело, – рабы есть рабы, как их ни назови и ни рассели. Лето вроде более–менее определилось, и я с нетерпением жду, какой режим будет здесь следующей зимой – хотя бы начиная с первого снега и слякоти на улице, когда прозвучат первые грозные команды, что, мол, в обуви в секцию никому не входить, оставлять ее в “обувничке”...

Да, тяжело, мучительно и тошно. Одно счастье – свет в секции так пока и не делают (говорят, нет проводов каких–то), уже почти месяц, как кончился ремонт – и не надо по вечерам ждать, когда же, наконец, его погасят, а просто темнеет за окнами, и естественная темнота, все раньше с каждым днем, накрывает это сборище подонков и швали, дает мне хоть какое–то успокоение, какой–то шанс заснуть. Вечерняя прогулка вчера, разумеется, не вышла – я походил туда–сюда по каменистому

краю двора, но там ходило, бегало, прыгало и тусовалось столько нечисти, и до такой степени омерзительной, как дома себя чувствующей, обливающейся из бочек, разгуливающей с рогаткой и пр., что даже просто проходить мимо них туда–сюда по узенькой дорожке мне было невыносимо противно. Постоял какое–то время у ворот, прислонившись к ним, понаблюдал за всей этой швалью, посмотрел на вечернее небо, изумительной красоты, с отблеском красного заката и редким подобием облаков, – но что это за прогулка, если не только все время на ногах, но даже и ходить нельзя, только стоять?! Уже в начале 11–го пришлось подняться в эту парилку, в барак, и лечь. Заснул я, разумеется, далеко не сразу.

Вся жизнь среди быдла, черни, мрази, бессмысленной, примитивной нечисти – и выхода нет. Даже отвлечься нечем. Бизнесмен с “девятки” дал мне, по моей просьбе, “Портрет Дориана Грея” Уайльда, взятый в здешней же библиотеке, – я прочел его за один день. А “телефонист”, мразь, в обед вчера занятый писанием СМС–ок, велел прийти вечером – на 5 минут всего–то набрать матери – да и то стал глумиться: его, мол, опять закроют в ШИЗО, а “трубу” он на это время отдаст на другой барак – и как, мол, я тогда буду? О долге мне (1000 руб. ларьком) эта нечисть даже не вспоминает – но зато, вспомнив о моей скорой свиданке, позавчера как ни в чем не бывало стала клянчить, чтобы моя мать опять привезла ей банку кофе...

8–23

Замечательнейшая новость: погода наконец–то изменилась! С утра на улице – довольно приличный ветер и небо затянуто облаками; обычная картинка перед грозой, но ни грозы, ни простого дождя пока нет. А у меня опять – практически за одно сегодняшнее утро! – натерло ноги трусами, опять я еле хожу...

12.7.10. 17–25

Главное событие вчерашнего дня – я нашел Маню!!! На 7–м, куда ходил к “телефонисту” вчера трижды, но так и не смог позвонить. То “мусора” на 11–м (после обеда), то их отрядник (после ужина), то этого подонка самого нет (после отбоя).

Боже, во что она превратилась! Кожа да кости... Страшно исхудала за эти 3 месяца, что не жила у меня – от “туши”, как я ее некогда звал, и тем паче “овцебыка”, не осталось и следа. Скелет, обтянутый шкурой (но шерсть, к счастью, нигде не спутана). Это была настоящая трагедия, страшная душевная боль для меня: она лежала в теньке разморенная, я увидел, позвал, она узнала, вскочила – и кинулась ко мне с жалобным... не мяуканьем, нет, а какими–то резкими, истошными криками – это Маня–то, лишь в совершенно исключительных случаях, и то очень коротко,

отрывисто подававшая голос!.. И так таращилась на меня своими огромными зелеными глазами, – то ли умоляла забрать с собой, то ли просто есть просила, не знаю...

С первого раза я, мучаясь в душе, опять не взял ее, – куда?! Под пинки и полеты в окно?.. Она побежала за мной на “продол”, но там на нее кинулся местный кот с 7–го, она шарахнулась в сторону, остановилась – и я, со стыдом в душе, пользуясь случаем, ушел. Но пришел после отбоя, снова увидел ее на том же месте, та же реакция, те же крики, мольбы и пронзительный взгляд – и я не выдержал. На плечо ее – и “домой”, на 11–й! Двое цыган, как раз собиравшихся ко мне с 7–го, сопровождали нас.

Сейчас мое усатое солнышко пока лежит на своем старом месте – под шконкой, в уголке, на моих ботинках. Уже получила и пинка от самого злобного “козла” (тот самый, что хотел ее убить в том году), и обещание вылета из окошка – от мерзкого “активиста”... Пока она со мной – надолго ли в этот раз?..

В 4 часа ожидался обход прокурора Овсова с Макаревичем по баракам. Еще перед обедом – опять массовый вынос сумок, убиранье–прятанье всего и вся, снимание с дужек и т.д. Но вот уже время за полшестого – ни “Макара”, ни Овсова пока не слышно. Как же, ага – сумки под шконками, видите ли, стоять не должны (хотя нигде не запрещено!), а вот сами шконки в “фойе” стоят на проходе, в постоянной суете, ходьбе, многолюдной толкучке и с невыключаемым на ночь светом, – это ничего, это нормально! Шконки убрать к обходу “Макара” почему–то никто не предложил.

На 8 вечера блатной наркоман – самый теперь блатной здесь, тот, что брал у меня “киловаттник” – объявил какое–то всеобщее собрание, прямо здесь, в секции. Если здесь – еще можно послушать, но в их “культяшку” я уж точно не пойду, – довольно было мне и на 13–м этих собраний с говорящей обезьяной. Да и ничего неожиданного у них не случается: тема – или опять страшная комиссия едет, или ремонт (в той секции, зависший), или же – просто агитация за соблюдение режима, подъемы–зарядки–столовки и пр.

13.7.10. 8–40

Собрание таки состоялось вчера, но не в 8, а сразу после отбоя. И – да, такого накала, такого размаха демагогии, самой наглой и беспардонной, я не слышал со времен 13–го барака.

“Культяшка”, естественно, всех не вместила (списочный состав барака сейчас – 135 человек), в этой секции тоже не стали собираться – надумали пойти в ту, блатную, сейчас пустующую из–за ремонта. Пришли – там ободраны стены, с пола содран линолеум, на полу – кучи строительного мусора, и даже потолок

раздолбан в нескольких местах до самой дранки. Лампы сняты, так что сгущавшаяся за время разговора темнота очень кстати мою едва сдерживаемую улыбку.

Главным оратором был тот самый кривоногий блатной наркоша, что брал у меня кипятильник, в мае по просьбе Палыча (перед комиссией) заставлял меня убрать сумку в каптерку, и т.д. Теперь это чмо осталось тут самым старшим – и по возрасту, и по “авторитету” – из всех блатных, а второй, помоложе, возвращенный недавно с 8–го – м.б., и есть формальный “домовой” :) по статусу, не знаю, но значение его явно поменьше. (Лосяру же закрыли в ШИЗО до близкого уже конца срока.) Уж не знаю, укололся ли он перед сходкой, но красноречие из него так и перло. :)

Не угадал я только с комиссией – она пока не едет. :) Июль, отпуска, что поделать. :) А так – был и ремонт, и режим. Начал кривоногий наркоша с того, что, мол, надо непременно вставать, когда идут “мусора”.

Прервался на несколько минут, пока они гомонили и бесились в секции – не собраться с мыслями. Да и соседи пялятся...

Так вот, основной посыл: вам что, трудно встать (из лежачего положения в сидячее), когда идут “мусора”?! Трудно проявить уважение?!! (Уважение к “мусорам”!..) Они, м.б., вам ничего и не скажут, но потом подтянут нас (“пацанов”, т.е. блатных) и будут говорить нам. И закроют, если что, тоже нас, а не “красных”. Я не цитирую эту мразь, но смысл был точно такой. О том, какие привилегии отрабатывают блатные “пацаны” таким вот образом, никто, естественно, не сказал ни слова, хотя большинство знает, что они колются здесь, – они особо и не скрывают. Самым омерзительным было слышать от кривоногого агитацию на тему: мол, вам шныри носят пожрать, но будьте любезны дойти до “шушарки”! Омерзительно слышать это от мрази, которая дай бог раз в неделю ходит со всеми на обед – и то когда Палыч выгоняет всех лично, или какая комиссия едет. И то – только на обед, на завтраки и ужины – никогда. Сегодня, когда выходили на завтрак, я специально посмотрел: вот уже весь барак вышел, стоит на “продоле”, ждет открытия ворот – и из калитки барака наконец–то выглядывает эта тварь, в голубой футболке и спортивных брюках. Идти в столовку она и не собирается, несмотря на свою же вчерашнюю агитацию, а просто надзирает, как идут остальные...

Еще одной глобальной темой был, разумеется, ремонт. Собственно, главному оратору помогало еще несколько – тот возвращенный блатной и пара–тройка “козлов”, самых злобных и

отмороженных. По поводу ремонта, кроме кривоногого, солировал также и недавний завхоз 2–го, мразь из мрази, на днях тоже сюда возвращенный. Демагогии у всех ораторов было столько, что все пересказать тут нет возможности (собственно, из демагогии вся их речь и состояла), но главным, конечно же, был традиционный посыл кривоногого наркоши: мол, мы все в этом доме живем – неважно, “красные” ли, “черные”, – барак один, и давайте его отремонтируем! Кроме блатной секции, “красных” он еще пытался развести на деньги упоминаниями о “приемке”, “культяшке” и “фойе”, которые тоже (якобы) надо ремонтировать. Была ругань по поводу того, как живут “красные” в своей отремонтированной секции (курят, например – так что потолки скоро пожелтеют, а линолеум через 2 месяца протрется опять до дыр, т.к. все шаркают ногами :), традиционная для блатных угроза “разговаривать по–другому”, бурное обсуждение того, по сколько всем надо скинуться (суммы назывались гот 100 рублей до 1000), рассказы наиболее злобного старшего “козла” 11–го о том, как на ремонт “красной” секции он тоже собирал деньги, а все ему отказывали, и бывшего завхоза 2–го, как он там за свой счет красил лестницу и т.д. Была ругань, как всегда, по поводу того, что никто не хочет высказываться (а значит, типа, все согласны с произносимым), но основная масса, как всегда, упрямо молчала. Фактически это был междусобойчик просто блатных и старших “по званию” блатных “козлов” внутри круга молчащего, тупого и покорного быдла. “Я, должно быть, везуч – наблюдаю все это вблизи...” – вспоминался мне опять Нестеренко.

Завхоз 2–го обещал составить список и обойти с ним всех – кто сколько даст на ремонт. Я не дам этим ублюдкам за их хамское отношение ни одной копейки. Был разговор и о “трубах” – что, мол, имеющие их должны “приносить пользу для барака”, а не болтать просто так. Тоже знакомая еще по 13–му наглая, хамская постановка вопроса – и еще более наглое заявление кривоногого наркоши, что, мол, мы “не требуем” (добрые какие – абалдеть!! :) от “затягивающих” телефоны еще одну “трубу” на “общее”, а на других бараках требуют. Эти хамские, почти криком, реплики кривоногого – он хочет о чем–то конкретном спросить, но не говорит сразу, о чем именно, а – “Расчувствовались, что ли?!!!”. Повтор еще раз запрета выходить на “продол” в шортах, футболках, без формы, словом (это чмо только так и выходит постоянно, да хоть сегодня утром) и уверения в том, что, мол, есть “дороги”, они для вас для всех, безразлично, “красный” или “черный” – ходите на другие бараки по “дорогам”. Давно ли?! – только прошлой зимой озвучивалось тут распоряжение “положенца” о том, что, мол, “дороги” – это

“черный ход”, а “красным” по ним ходить запрещается! Быстренько у них все меняется под потребу “мусоров”, однако! :) Не говоря уж о том, что калитка “дороги” может в любое время, с любой стороны быть и без всякого объяснения причин оказаться закрытой (как со мной и бывало не раз), в отличие от не запираемых теперь никогда “локалок”.

В общем–то, подоплека всей этой демагогии, да и самого собрания, была ясна как день, несмотря на сгущающуюся в секции темноту. :) В “красной” секции ремонт как следует подготовили – и сделали; в блатной – он стоит вот уже почти месяц, т.к., по типично русской традиции, начат без должной предварительной подготовки, без стройматериалов и без денег на них. Не запасли, не подготовили – ремонта нет, только секция пустует с ободранными стенами, полом и потолком; а народу в бараке все прибывает, класть его негде. Палыч торопит (вчера впервые о грядущем вечернем собрании кривоногий возвестил сразу же после появления Палыча и, видимо, короткого разговора с ним), а его самого, скорее всего, торопит с ремонтом Макаревич. Тупик, выхода из которого нет – вот и приходится собирать покорное быдло и чесать ему, ездить по ушам насчет “нашего дома, в котором мы живем” – барака, отрабатывая привилегии, возможность колоться и не ходить ни в какую столовку. Увы, к сожалению, никаких записей я там вести не мог, а тем – и наглой демагогии по каждой из них – было столько, что я лишен возможности воспроизвести тут хотя бы минимально тот бред, который все эти подонки несли. Повествование мое остается неполным, увы. А сегодня вечером – уже было объявлено вчера же – предстоит еще одно собрание на ту же тему, с обсуждением результата сбора пожертвований. :)))

А время меж тем не стоит на месте. Сегодня знаменательная дата – ровно 3 года, как я в этом проклятом Буреполоме, как привезли сюда. Идет 36–я неделя до конца, мне осталось 250 дней, или 8 месяцев и 1 неделя.

10–15

Писал–писал предыдущее – и чувствую, что засыпаю, не могу больше – глаза слипаются, голова падает, теряю мысль и уже ничего не соображаю, о чем пишу. Пришлось лечь, полежать немного, закрыв глаза – все равно не заснул, конечно, но все же чуть полегче. А еще ведь переписывать все это...

Тем временем жара спала!!! Это просто счастье! Уже вчера поднялся довольно приличный ветер – я перестал потеть, исчезла эта жуткая духота в секции (особенно вечером, после собрания). Сейчас – ветер еще, видимо, усилился – в открытые, одно вообще полностью вынуто, окна секция продувается так, что мне уже

ощутимо прохладно.

14.7.10. 8–17

Ну что ж, вот и отметил вчера юбилей – 3 года здесь... Отмечание вышло достойное, ничего не скажешь: получил по морде от их вонючего “положенца”–подложенца. Мразь... Ублюдок... В первый раз за эти три года, ровно день в день, получил тут по физиономии... Что ж... Тошно и противно на душе – не могу просто, и до сих пор в ступоре каком–то, хотя вот уже и новь прошла, поспал...

Описывать, собственно говоря, особо нечего. Около 4–х дня, без 20–ти где–то, пришел вдруг блатной – нынешний здесь “домовой” все–таки, видимо – и позвал к ним в телевизионную. Захожу – показывают на какую–то незнакомую рожу в уголке, причем без очков. И эта рожа начинает сразу таким тоном, что у меня уже сразу мелькает догадка, но я еще не уверен. Спрашивает какой–то бред, уже не помню; запомнилось только: “В интернет лазишь?”. Не лазил, кажись, с апреля, с убийства Качиньского; говорю: “Нет”, – но эта тварь не верит, отвечает: “Врешь!” (не так, а матом, естественно). Пытаюсь спросить, откуда такие сведения – злобно, в крайне хамской форме отказывается что–либо объяснять. Традиционная манера уголовников: задавать нелепые вопросы и требовать на них ответа, не давая ни малейших пояснений и психологически подавляя хамством и грубой руганью. Да еще их – целая толпа здесь, все местные блатные... Знаете, это как если в подворотне шпана попросит у вас закурить – ее цель ведь не курево, а ваш кошелек, и ваш ответ их совершенно не интересует – будут бить в любом случае, даже если им тотчас целую пачку сигарет достать... Так и тут. Спросил еще, помню: “На 3–й ходишь?”. Я честно сказал: нет (был там всего 1 раз, и то без толку) – не верит! :) А это, видимо, ему местные рассказали, что видят меня регулярно ходящим куда–то в тот конец “продола”, – но уж точно не на 3–й. Хотя, с другой стороны, по словам “телефониста”, эта тварь про него хорошо знает, а он–то ведь не на 3–м. Короче, не верит ничему, разговаривать не желает, зачем вообще звал – непонятно. Злобным тоном, сквозь зубы, читает мне мораль: мол, освободишься – тогда и двигай (или “крути”?) свою политику, а здесь лагерь... Мразь... Как будто я не знаю, ЧТО здесь. А у меня, видимо, как всегда, невольно на лице отражаются мои чувства и отношение к этой мрази, – так всегда было, еще и на 13–м, когда бесилось шимпанзе... Я стою, молчу, смотрю на эту тварь – а она вдруг говорит: “Что ты ухмыляешься?” – встает, подходит и с размаху дает мне оплеуху по лицу – по левой стороне, в основном на ухо пришелся удар.

Я сплоховал, конечно, и до сих пор виню себя и презираю – не ответил ударом на удар, не кинулся на эту тварь. Но, во–первых, удар по лицу всегда сперва выбивает из колеи, на какое–то время просто теряешься. А во–вторых, все равно бы не дали, – их там целая кодла, человек 10. И тоже за спиной, слышу, злобно потявкивают в мою сторону, – нет бы эту тварь, своего начальничка, хоть маленько поуспокоить, как приличные люди делают в таких случаях. Нет, эти – на меня же, хотя с любым из них я мог бы разговаривать более осмысленно и успешно, словами, а не кулаками. Ну, а эта тварь – живое воплощение известного правила, что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно.

Ударил – и стал мне объяснять их любимую теорию, которую я здесь, на 11–м, уже слышал от мелкого архиблатного чма, “2–го человека на зоне”. Запомнилась фраза (близко к тексту): “ты так тут всем надоел, что “мусора” меня выгородят, а про тебя просто напишут, что пропал без вести, и все”. Мол, пал жертвой “мусорского” произвола, как ты сам писал, что тебя здесь убили (эти идиоты всё думают, что это я писал!.. :). По себе судят, – они–то все на воле никто и звать никак, никто за них начальству по шапке не даст, – вот и надеются, что и меня удить и м с рук сойдет. Только сойти не сойдет, все же не зря я свою жизнь прожил и чего–то в ней добился, а эти твари – не убьют, кишка у них тонка и руки коротки!..

Заявление на имя “Макара” я отдал Палычу сразу, как он пришел, часа через 2 где–то. (Пока его писал, еще подбегала мелкая блатная мразь из бывших при экзекуции и требовала показать, ЧТО это я там пишу – не заявление ли.) Спросил, ЧТО он намерен предпринять для обеспечения моей безопасности. Он сперва сказал, что отдаст заявление операм и пусть думают они, а под конец разговора – что отдаст лично Макаревичу, но завтра, т.к. сегодня его нет. Ну что ж, посмотрим, какое действие это возымеет... А матери смог вечером, после отбоя, от “телефониста”, лишь коротко сказать о сути случившегося (она заахала, заохала, конечно), без всяких фамилий и подробностей (а я–то хотел дать ей материал для сообщения на “мой” сайт) – среди сидящих вокруг блатных говорить это вслух было немыслимо, да и об ударе по лицу тоже – только внимание привлекать. А любитель моих сигарет, сука, меня подвел: когда пришел с очередной своей работы, идти с “трубой” было уже некуда, и на “нулевом”, точнее, около него бродил “мусор”. Обещал, тварь, взять у кого–нибудь для меня “трубу” в 4 или 5 утра – и проспал все, конечно, т.к. не спал всю предыдущую ночь – звонил сам...

Сразу после удара по лицу выяснилось, что Маню уже тоже выкинули – кто–то из ублюдков в секции (кто – я издали не разобрал) с гордостью отрапортовал мне об этом своем подвиге. Вечером, идя на 7–й, я встретил ее сидящей на ящике возле ворот 9–го – она страшно обрадовалась и побежала за мной на 7–й буквально как собачонка. Дождалась меня во дворе 7–го, я взял ее на руки, засунул под "лепень" и отнес обратно на 11–й. Пока она у меня – до следующего выкидывания...

12–31

В 11–м часу утра вызвал "Макар". Палыч таки отдал ему мое заявление. Довольно долго ждал за дверью: очередь из з/к и череда "мусоров". Зашел. Он спросил, мое ли заявление. Я сказал: мое. Он, как дополнительное подтверждение, сказал, что узнал мой почерк. :) Спросил, есть ли следы от побоев (нет, естественно). Были ли свидетели? Были, но все они против своего блатного начальничка свидетельствовать, естественно, не будут. Вопрос "Макара": стоит ли при таких обстоятельствах затевать официальную проверку, уголовное дело и пр., если ясно, что материала для них нет? Естественно, на уголовном деле я не настаивал. Жалею, что забыл спросить про вариант с ШИЗО для этого подонка, а только: есть ли какие–то неофициальные методы воздействия? "Макар" сказал: я с ним поговорю, чтобы он от тебя отстал. Но за что он тебя ударил? Не просто так же? (!!) М.б., есть какая–то причина, о которой ты не хочешь говорить? Типа, "положенец" (?! Официальное государственное учреждение официально признает уголовных "положенцев", как видим!..) не может зря ударить... (Ничего себе!..) Я в ответ вкратце сказал, что вопросы были заданы очень невнятные, а ответы не выслушивались вовсе. Давайте, говорю, мы с ним встретимся у Вас в кабинете – вызовите обоих и устройте очную ставку. "Макар" в ответ сказал, что ему не очень–то хочется лишний раз разговаривать с (с этим хмырем, короче), – типа, это тяжело. Это начальник колонии так относится к своим прямым обязанностям – в том числе обеспечивать безопасность з/к на своей территории! Обещал только переговорить, чтобы оставил в покое – и еще хрен знает, не повлечет ли это новую вспышку ярости со стороны этой блатной твари. Фразу о том, что ""мусора меня выгородят", я ему процитировал, – ничего не ответил. А когда, еще в начале разговора, я выразил твердую уверен<ность>

[текст не дописан, оборван буквально на полуслове.]

16–27

Опять события вскачь, опять вдруг вспучилась, обострилась эта жизнь – и опять на сердце тоска: что будет дальше? В общем–

то страха нет, а скорее именно тоска, и самое неприятное – это не если убьют, а если останусь окончательно без связи... :)

Писал предыдущий кусок – прервали, позвали опять к себе в “культяшку” блатные. Оказалось, уже узнали, что я был у “Макара” – “бегал” к нему, но не знали, что это он вызывал. Он сказал тому подонку, а тот сообщил этим (счастье хоть, сам опять не пришел), – опять разборка! Один доказывал мне, что за меня больше года не дадут; другой объяснял, как всегда, что я “шатаю положение в лагере” (мифическое, несуществующее “положение”!..), и т.д. И глумливо этак спрашивали: кто это тебя здесь бил?! Никто тебя не бил! Приснилось, типа... (А один мелкий блатной сучонок мне объяснил: если бы “положенец” хотел тебя побить, он взял бы палку. :) Спокойнее всех разговаривал кривоногий наркоша – самый старший в этой банде – и, пользуясь случаем, пытался втянуть меня в благое дело финансового участия в их ремонте. :)

О сути вчерашнего наезда зашла наконец–то речь подробнее – и тут как–то смутно прозвучало, что, мол, я (или от моего имени) что–то пишу в интернете, “лезу в интернет”. “Не лезь в интернет!” – убеждал меня кривоногий. :) Объяснения, что я не лезу, что вообще с телефона невозможно что–то писать в инете, а только читать – влекли за собой догадки, что я, видимо, диктую все это по телефону – и запреты ходить на другие бараки (впрочем, кривоногий заметил тут, что запретить это нельзя). Врали, что якобы “подложенец” приходил вчера исключительно ко мне – и прямо от Макаревича, который его и загрузил моими якобы писаниями в инете. Явная ложь, т.к. мне сегодня “Макар” ничего не сказал об этом, ни слова. Хотя, конечно, он прекрасно мог действовать вот так вот, закулисно – через эту тварь, ибо впрямую предъявить мне нечего. Но главное – на этот раз обошлось без мордобоя. Отчасти я, как мне показалось, даже их перехитрил, переиграл – как доказательство того, что я не лажу в интернет и не надо мне приписывать, взяв ту памятную историю с сообщением 20.3.2009 о моей гибели – эти идиоты до сих пор верят, что его написал я сам! Ублюдок–подложенец вчера на этом закончил беседу, я уцепился сегодня за это – и, надо же, оказалось, у меня есть еще и какие–то актерские способности! Говорил об этом я долго, проникновенно, с жестикуляцией – и нутром почувствовал, что после этого монолога ситуация переломилась в мою пользу, агрессия аудитории заметно убавилась. :) Я сумел их “разговорить”, что категорически не удалось вчера.

Самое омерзительное – дважды подвел уродец – любитель моих сигарет. Я сказал вчера вечером матери, что позвоню завтра

(сегодня) в 4 или 5 утра – так этот урод обещал мне. Но он рассчитывал взять для этого чужую “трубу”, на бараке, а ему не дали; его же собственная – почти разряжена, и заряжать ее пока негде, нет проводки. Я выговорил ему за это перед проверкой – и он клятвенно обещал, что после обеда, в полтретьего где–то, поведет меня в столовую, как однажды. Однако так и не появился – и, видимо, надежды на него тоже больше нет. Это – самое печальное во всей ситуации, самая большая потеря.

Уже хотел было идти к “телефонисту” – вдруг от него прибегает шнырь и говорит, что тот зовет срочно к себе. Иду. Оказалось, мать, обманутая моим обещанием насчет 4–5 утра, с 7 утра звонит ему в панике и требует, чтобы он пошел ко мне – а тот, естественно, только обещает, просит денег, но не идет. Вот, прислал шныря (и врет, что уже 3–й раз). Еще неприятная деталь – он уже что–то слышал о разборках со мной, но не знал сути, главного – о мордобое и о “подложенце”. Когда я, дурак, имел глупость после разговора с матерью сам сказать ему об этом, да еще и о том, что мне запрещают ходить по баракам – он явно испугался, это было видно даже по лицу, и стал говорить, что, мол, лучше пока не ходи, не надо, я, типа, сам зайду (ага, как же!..). Еще, тварь такая, не даст теперь “трубу”, если и придешь... В общем, полные вилы, тоскливая и тревожная ситуация, – связь опять разом обрывается сразу по всем вариантам, основным, запасным и суперзапасным... Радует лишь только то, что осталось мне всего 249 дней, 8 месяцев и 6 дней, – но их еще можно и не дожить...

Кошку мою одна из этих тварей выкидывала сегодня прямо на моих глазах, когда я выходил утром – идти к “Макару”. Сейчас, идя к “телефонисту”, я опять увидел ее на 7–м, на обратном пути уже перешла на двор 3–го, там я подобрал ее и опять принес. Это вызвало очередной взрыв ярости всей этой швали – как же, выбрасывают–выбрасывают, а я все приношу и приношу. Обещают кошку убить...

В “культяшке” и вчера, а особенно сегодня, по ходу длинного разговора я присматривался к этой банде блатных. Увы, ничего нового по сравнению с 13–м, с тем, что я знал раньше. Насекомые. Не люди, не животные даже – хотя новый знакомый мой с “девятки” в связи с тамошними своими отношениями с подобной публикой вспоминал телепередачу о порядках и нравах в стае обезьян. :) Конченая, тупая мразь – и при этом агрессивная, нагло уверенная в своем превосходстве – не интеллектуальном, не моральном, нет, а просто силовом; в том, что их тупые примитивные понятия совершенно достаточны для жизни – по крайней мере, для жизни здесь, в зоне, – и поэтому любая более

высокая мудрость, философия, истина, любой ум вызывает у них (своей непонятностью их примитивным мозгам) злобу, презрение, отторжение – и целый букет всяких глумливых матерных кличек. Разговаривать, объяснять, спорить словами, аргументами – они не могут, ибо аргументов нет, подкрепить свои наезды – нечем, а все, что есть, не выдерживает критики. Поэтому гопота эта, как и на 13–м, и любая другая, и норовит уже в ответ на слова, на попытку что–то сказать, спросить, объяснить – ударить тебя, а самое лучшее – без дискуссий и аргументов попросту навалиться всей сворой...

15.7.10. 5–00

Омерзительные выродки, нечисть, ублюдки!.. Ей–богу, с каким бы сатанинским наслаждением я поджег бы ваш проклятый барак – вот прямо сейчас, пока вы все безмятежно дрыхнете, просто разлив бензин по секции, под вашими шконками!.. Или же, пробравшись на кухню, всыпал бы вам чего–нибудь в котел, в вашу вонючую баланду, чтобы где–нибудь часа через 2 после обеда – вдруг 500 трупов!.. Ненавижу! Ненавижу!! НЕ–НА–ВИ–ЖУ вас, ублюдки, гнусная уголовная мразь, отребье, назвать которое животными – значит оскорбить животных!!!

Вчера вечером выяснилась и причина, по которой так подвел меня любитель моих сигарет. Оказалось, когда в 3–м часу, как обещал, он с “трубой” вылезал из “нижней каптерки” (каморка под наружной лестницей в барак), где хранил ее, – его уже ждал во дворе тот самый здоровенный блатной ублюдок, недавно сюда возвращенный с 8–го (?), что больше всех угрожал мне на вчерашней разборке и уверял, что больше года за меня не дадут. (Не такой здоровый, высокий и накачанный, как тот блатной лосяра, закрытый в ШИЗО, но тоже приличных габаритов.) Ждал, естественно, не просто так, а уже зная, зачем и ЧТО тот несет с собой. Быстренько обшмонал его по всем карманам, как настоящий “мусор”, и не только по карманам, – “труба была сзади за поясом, он тотчас нашел ее, отобрал, повел несчастного сигаретчика в пустую ремонтируемую секцию на разборку, там ударил его по лицу (а м.б., и не только по лицу), да еще обещал, что после отбоя потащит его разбираться на 10–й, все к тому же мерзкому ублюдку “подложенцу”, что бил меня. Но вечером, минут 25 11–го, неожиданно приперся Палыч – сперва на 1–й, потом к нам – и потому поход их на 10–й сам собой отсрочился – должно быть, до сегодняшнего вечера.

Таким образом, и запасной, на самый крайний случай, мой вариант, на который я столько надежд возлагал, за который мать отдала 3000 р., тоже оказался внезапно потерян. Опять остался один хитрый ублюдок “телефонист”, который захочет – даст мне

“трубу”, не захочет – не даст, да еще он напуган, что меня ударила эта мразь (зачем я, дурак, сказал?..), а еще он норовит постоянно вытрясти из меня хоть что–нибудь, начиная с пачки чая (уже закидывал удочку на днях), да еще очень внимательно слушает все разговоры, так что при нем ничего важного и не скажешь – вот, даже сообщение для сайта о произошедшем со мной я так и не смог продиктовать матери, как собирался; хотя, конечно, это не поздно будет повесить и в начале августа, когда она вернется со свиданки...

Переписывать мне накопилось уже 3 листа с маленьким хвостиком...

15–20

Ну да, подтвердились все худшие вчерашние опасения. :) Ходил сейчас к этой мрази “телефонисту” – сперва вообще не хотел давать мне “трубу”, никак. Ну да, говорил вчера с этой сукой “подложенцем”, – потом сам подтвердил. Все же, “только из жалости и из уважения” (настойчиво подчеркивал) к моей матери – включил на громкую связь. К уху поднести невозможно – режет бешеный крик ; говорить, держа у рта как микрофон, тоже неудобно. Ушли с ним подальше от блатных, в начало секции, на чьи–то пустые шконки. Мать рассказывает, что Большакову она вчера не дозвонилась (или сегодня? Наверное, все же сегодня.), но продиктовала весь материал человеку из его аппарата. Зато потом дозвонилась Макаревичу, наорала на него, пообещала максимальную огласку и скандал – а он в ответ уже начал орать на нее. И все это мать рассказывает по громкой связи, “телефонист” слышит – и этак обличающе указуя перстом, спрашивает меня: “ЭТО – нормально?” – “Да”, – невозмутимо киваю я в ответ головой. :)

Хорошо, что я успел ей сказать, что эта тварь хочет обрезать мне связь, – хоть не будет психовать, куда я делся. А “запасной вариант” на 8–м – последнее, что осталось, – тоже вариант крайне сомнительный. Она сперва не могла понять, почему; я предложил твари объяснить ей, почему, – сперва отказалась, потом мать, кажись, стала спрашивать сама, – это чмо взяло–таки трубку и стало ей растолковывать, что, мол, оно мне “20 раз говорило”, чтобы я не писал ничего про “эту ... (матом) зону” и “этих “мусоров””. Версия более упрощенная по сравнению даже с “будешь двигать свою политику, когда освободишься” и моим предположением, что эта нечисть наткнулась на мой ЖЖ (или, скорее, “мусора” показали).

В общем, поговорили в последний раз, – по крайней мере, до 28–го. “Телефонист” что–то еще принимался говорить, что, мол, он со своим блатным начальством с 10–го поговорит еще раз

сегодня вечером, что, мол, “пока” не надо приходить – с надеждой, типа, на будущее; но, по–моему, это все туфта. Нёс со слов “подложенца”, что я, якобы, “подрываю положение в зоне”. Когда мать отключилась, я высказал этому ублюдку все – и про его клятвенные обещания не раз, что пока он здесь – связь у меня будет; и про то, что во все его телефоны здесь, на этой зоне, я вкладывал деньги – или полностью их оплачивал, или значительную часть; и про то, что, м.б., как всегда, ему надо дать еще денег, чтобы он “смилостивился”. А мать, кстати, вчера еще сказала ему, что за последнее время (не помню, какое – м.б., за 2010 год?) послала ему 11 с лишним тысяч – на что он изумлялся и не мог поверить – и предлагала дать еще, если он кому–нибудь из тех, кто ко мне здесь “пристает” (ее любимый термин) даст по морде. :) Отговорился, ублюдок, спустил тему на тормозах. Так что пока что со связью полный швах. Беда не приходит одна – и это всё, и ту “трубу”, уж вообще тайную, вчера забрала эта мразь... Что делать, я пока не знаю.

А с “Макаром” (вчера не дописал про это) я в начале еще разговора сказал ему, что по моим очень ясным ощущениям этого т.н. “положенца” водит на поводке администрация, да и вообще он – креатура т. Демина (нач. оперчасти). Тот сказал: “Ну так это же хорошо!” (т.е. и не отрицает даже!) – “Чем же?” – “Он помогает воздействовать на отрицал...” Ага, оно и видно, только этим и занимается. В ответ я попросил “Макара” оградить меня от этого “воздействия”, а на остальное мне плевать.

Пользуясь случаем, встречей и личной беседой – поднял я под конец и вопрос о книгах, важнейший для меня. Пока мы говорили, постоянно заходили разные “мусора”, и у одного из них он спросил: “У нас книги запрещены, да?” (в своем хозяйстве – и не знает ни хрена, а ведь уже 9–й месяц работает!..); про прессу – они вдвоем (с кем – не помню) долго и нудно объясняли мне, что ее можно выписать за свой счет; а про книги – вроде он сперва сказал: “Художественные” (их пропустят, что ли?). – “Художественные, исторические, публицистические...”, – начал перечислять я. Он что–то вставил типа: только не книги наших врагов (не цитата, но смысл). В ответ на мои – тотчас! – иронические попытки узнать, кто же такие эти “наши враги” – с некоторой заминкой, не сразу, он выдал: Бжезинский! :)))) Пещерное советское мышление, короче. Я просветил его, что книги Бжезинского свободно продаются в Москве в книжных магазинах и на лотках (хотя сейчас – уже не знаю, м.б., их и вправду запретили). Закончили дискуссию тем, что он посоветовал: “Стомахин, освободишься – и читай какие хочешь книжки! – а я возразил, что на воле–то как раз на это не будет

времени, а здесь его полно – и пропадает зря. Т.е., насчет судьбы этого хамского запрета – отменит его или нет – он ничего не сказал, но – пока не даст прямого указания подчиненным (что едва ли), запрет считается действующим. А я, уже потеряв сегодня связь – не успел, забыл сказать матери, чтобы на пробу привезла еще какую–нибудь книжку...

17.7.10. 5–02

Вчера опять началась жарища – это было главным содержанием вчерашнего дня. Кошмар, беда, несчастье... Дикая духотиша в секции, особенно вечером. Весь день, с утра – постоянно мокрый, то и дело приходится умываться холодной водой, в т.ч. в столовке – при входе туда и при выходе. В общем, все, как было недавно, и опять – ни ветерочка, воздух совершенно неподвижен. Сегодня, судя по всему, будет то же самое.

С утра вчера ждали опять какую–то комиссию, пучеглазый дурачок–"козел" с самого подъема долбил: "Убирайте лишние вещи! Убирайте лишние вещи!" – и очень переживал, что все спят (после завтрака) и чихали на его призывы. Но с помощью других "козлов" и блатных таки удалось устроить опять массовый вынос–прятанье; опять потянулись вереницей, с коробками и сумками, в каптерку. Я никуда ничего не понес, и на этот раз никто меня персонально не заставлял. Никакая комиссия, естественно, не появилась не только на бараке, но и вообще на горизонте.

"Телефонист" неожиданно явился, когда я готовил себе ужин, около 8–ми. Вызвал меня на улицу и сказал: звонила мать, спрашивает, как ты тут; что ей передать? Я сказал: передай, что у меня все нормально, только очень мучаюсь от жары. "Трубу" он с собой, разумеется, не принес – и все повторял, что, мол, ПОКА не приходи, я буду к тебе заходить сам, – даже накануне свиданки. Длительной, до которой осталось всего 10 дней.

А вокруг – тупая, злобная, глумливая, бессмысленная нечисть. Твари, которые могут самоутвердиться только с помощью физической силы, с помощью кулаков – и с утра до вечера, понарошку, а иногда и всерьез, они тузят и молотят друг друга, гоняются друг за другом, валяются и трясут шконки...

От жары опять все ноги натерты с внутренней стороны, еле могу ходить.

Палыча вчера не было весь день – и насколько же свободнее дышалось! Особенно учитывая, что все ожидания комиссий и прятанья "лишних вещей" именно он всегда подстегивает своими распоряжениями и придает им наиболее панический характер.

Иногда – до сих пор еще – бывает ощущение, что это сон, что мне снится, кажется все это – шконки, окна, стены и снующее быдло; что это не наяву, не может быть такого ужаса наяву...

15–55

Подохнуть бы скорее, чтоб не мучиться... Бессмысленная, дурацкая жизнь, невыносимо жаркое это лето... Зимой околевал здесь от холода, летом – маюсь от духоты, – такая судьба... Как глупо и бессмысленно все...

Жара дикая, как и вчера. Весь мокрый. Нет ни света, ни воды: надумали зачем–то будку бывшего “5–го поста” СДиП перетаскивать с того “продола” на наш (а она здоровенная, везли на лошади) – ставя здесь на землю, зацепили, говорят, столб, оборвали провода, – все, света нет! Ни света, ни воды, в самую жарищу – ни попить (немножко воды и чуть–чуть соку у меня осталось), ни умыться!.. Хоть бы сделали к вечеру, но это вряд ли – это ведь не плановое отключение, а аварии можно чинить сколько угодно.

Повинуясь внутреннему голосу, пошел в 3 часа дня к “запасному варианту” на 8–й (в обед, выходя из столовки, видел его, и он спрашивал про свой долг мне ларьком – насколько срочно мне нужны там деньги). В тот раз помешало, что там сидел их отрядник; в этот – что нет света (только что выключили – и я пришел), телефоны не успели зарядить, и т.д. А рядом с ним в их “приемке” сидит еще какой–то тип – и спрашивает: а что, у вас на бараке нет телефонов? Почему бы тебе там не спросить? И настойчиво так, ждет ответа, переспрашивает... Что ему ответить?.. Не знаю уж, дошел ли уже и туда запрет “подложенца”, но с некоторых пор с телефоном у меня там фатально не получается – с мая, эта попытка была уже 3–я, и стоит ли вообще ходить туда дальше – я очень сомневаюсь... Таким образом, я остался полностью без связи и всецело завишу от милости и любезности “телефониста” – захочет ли он прийти ко мне, или позовет к себе, и сколько денег за это потребует (не говоря уж, чтобы вернуть мне 1000 рублей долга)...

С другой стороны, и говорить–то с матерью – действительно особо не о чем. Стоит ли пустой 5–минутный (да даже и 15–ти...) разговор таких усилий? На 8–й я пошел, подчиняясь своему внутреннему голосу – и, как видим, зря. Было время здесь, когда без связи с матерью я страшно нервничал, даже 1 день пропустив, а уж 2 – и говорить нечего. Но последний год (с тех пор, как в июле 2009 выгребли разом все телефоны на 8–м, потом на 13–м) это перегорело, отболело, и сейчас (очень жаль!) так неистово переживает по этому поводу только мать.

Переводы, переводы... После проверки узналось: 10 или больше человек переводят отсюда на разные бараки – 10–й, 4–й и др. Из блатных – только одного, не самого важного, очень агрессивного, накачанного и тупого. Из “красных”, кроме прочих,

говорят, переводят “молотобойца” – какой счастье! Меня вроде бы не переводят никуда...

18.7.10. 18–50

Вчера ночью была гроза. Сразу после отбоя пришли цыгане, я сидел с ними на скамейке во дворе – и почти что на глазах (началось, правда, еще до проверки) небо затянуло тучами, потемнело, подул ветер и начали вспыхивать молнии. Разошлись, я еще какое–то время стоял в дверях барака, наверху, и смотрел за происходящим. Полил дождь, молнии были такие, что порой освещали всю округу как днем. Свежесть, свежесть, свежесть! В секции было шикарно – свежий ветер из раскрытых окон и полностью темно – небо черное, без всяких долгих отсветов заката, как обычно, да еще перед началом дождя, тоже как обычно, погас свет. Вообще великолепно! Утром свет уже был, а после обеда разошлись опять облака, засветило на чистом небе солнце, – не такая жара, как была последние дни, но на прямом солнечном свету – жарковато.

Неожиданно сдвинулась с места и главная проблема этих дней: прихожу с обеда – во дворе барака, в “беседке”, меня ждет “телефонист”! Сказал, что сегодня опять говорил обо мне с “подложенцем” – и, мол, можешь зайти сегодня, позвонить домой (смилостивился–таки!.. :), но если ты еще что–нибудь напишешь про эту зону, то телефон (его) больше не получишь до конца срока (опять же его). Разубеждать его в этом бреде бесполезно – так искажается информация, проходя через 3–4 передаточных звена. Те, кто реально эту травлю организует, думаю, скорее имеют в виду мои политические материалы в инете (очень редкие), и “подложенец” мне тогда на это и намекнул; но вот этот дебил понимает только “про зону”, а отвлеченные темы для него вообще не существуют.

Плюс еще закидывал удочку: “подложенец”, мол, сказал ему, что надо пополнить “общее” – и “телефонист” сразу вспомнил, как на 13–м, зимой–весной 2009–го, он тряс с меня каждый месяц по 200–300 рублей – типа, на “общее” и типа чтобы меня не трогали. Я в ответ сказал, что за такое отношение, за их хамство, а тем более битье по морде, не дам ни копейки! Совершенно не уверен, что он пытался стрясти с меня что–то действительно на “общее”, а не себе в карман.

Договорились, что я зайду позвоню после ужина (на час раньше – воскресенье) – зашел сейчас, а там у них сидит отрядник! Хотел ведь пойти сразу же, после обеда, вместе с этой тварью, когда стояли с ней, разговаривали, – нет, давай потом, попозже! Сука!.. Что теперь – идти после отбоя? Придется попробовать.

Хорошо еще, что любителю моих сигарет вернули его “симку” блатные с 10–го, которым отдали его телефон (хотя пользоваться им они так и не могут – “труба” запаролена, а про пароль он им говорит, что не знает :). Он пошел на 6–й, к какому–то своему блатному земляку, позвонил оттуда своей матери (она скоро, 23–го, тоже едет к нему на свиданку), а заодно – я просил – и моей. Сказал хоть, что я вечером позвоню, чтобы мать не так сильно нервничала.

А барак все набивают и набивают, “поднимают” все новых людей (насекомых). Мест нет, суета, толкотня, духота... Бедлам... После вечерней проверки надо идти звонить – а вдруг тут в это время, пока меня нет, “козлы” на мою шконку поселят еще кого–нибудь а меня перекинут, куда им захочется... Эти твари способны на все. А ремонт в той секции так и завис – эти насекомые все собирают, пересылают и везут деньги на обои, побелку, краску и пр... :) Самое удивительное – привезли назад с “девятки” старого хрыча в очках, татарина, который в 2009–м был со мной на 13–м, а после раскидывания 9.9.2009 – на 7–м. Сегодня он приперся ко мне – и я сперва глазам своим не поверил, увидев его: в марте, кажись, его со всеми увозили на эту “девятку” как не 1–й раз судимого (всю жизнь сидит). Теперь же – привезли назад, и он говорит, что скоро всех, прежде увезенных на “девятку”, повезут назад!.. Совсем, короче, обезумели.

Осталось мне здесь ровно 35 недель, или 245 дней...

19.7.10. 4–55

Ну да, сходил вчера, как же, ага... Поговорить нормально не удалось: у матери, вдруг оказалось, не работает межгород на домашнем телефоне (выключили?), а на мобильнике нет денег. Так что – меньше 2–х минут отсюда, за счет “телефониста”. Но за это время мать успела сказать, что опять разругалась с ним: этот ублюдок условием пользования мной телефоном поставил не только “не писать ничего за эту зону”, но и – чтобы мать прислала ему опять 1600 р. А мне, когда я закончил, стал горячо твердить: завтра, мол, не приходи, подожди, я сам к тебе приду (послезавтра, или уж там когда; на днях, короче). Замысел ясен: если деньги от матери ему придут (а она отказалась посылать наотрез, и правильно сделала), то и он придет с “трубой”; если же нет – будет мне врать, что опять говорил обо мне с “подложенцем”.Ю и “подложенец” ему якобы запрещает давать мне “трубу”. В рассылке же, по словам матери, все считают (и Паша Л. это озвучивает), что, мол, зона “черная”, и поэтому жаловаться на уголовников (что ударили) не надо было. Ага, а что надо было делать? Молча сносить их глумление?!.

А барак все набивают и набивают. Как я и думал – вечером,

после отбоя, когда уже и я пришел от “телефониста” – началось разруливание и раскладывание новичков по (найденным с таким трудом свободным) шконкам. Было решительно заявлено: все, у кого есть шконки – упадите на них и лежите, а то на ваше место сейчас положат другого... Что ж, вместо того, чтобы спуститься погулять, подышать воздухом – пришлось лежать (потом все же вышел ненадолго, постоял на крыльце). Самое забавное, что очередной самозванный “комендант”, ведавший здесь этими рас– и переселениями, – один из (полу)блатных, сам переведенный на днях отсюда, но, видимо, упорно не желающий переезжать на 8–й...

Что ж, главная проблема этого лета – жара, главная проблема зоны и барака – очередное переполнение (“телефонист” сказал. что якобы 300 (!) человек повезут с “девятки” обратно сюда), а главная моя проблема – телефон. Вчера вечером все искали, перебирали: кто поблатнее, по–“мужиковее”, – переезжает к блатным в “культяшку”; пониже рангом – в “приемку”, на освободившиеся места; ну, а совсем уж “пехота” (или “чесотка”, “чесантины”, как они еще говорят) остается здесь, в секции. В результате на место уехавшего в “приемку” полублатного, прямо напротив меня, улегся злобный даун–заготовщик, ходячий и разговаривающий кусок биомассы, бессмысленная тварь, ненавидящая меня тем лютей, чем инстинктивней (т.к. какая–либо реальная причина для этой ненависти отсутствует напрочь). При встрече в коридоре ли, или стоя около меня на проверке – не осмеливаясь ударить, постоянно норовит сказать что–нибудь глумливое, хамское, а то и угрожающее (не мне – т.к. я обычно игнорирую эту тварь, а своей кодле, всегда ее окружающей, ОБО мне). Теперь жизнь здесь, с этой тварью напротив, вечно пялящейся на меня, станет еще невыносимее...

А к “телефонисту” я ходил ведь еще и до проверки вчера, сразу как попил чай, где–то без пяти девять. И что же? Его дружок–сосед (теперь уже не сосед, правда) сказал мне, что его нет – ушел на какой–то другой барак знакомиться со вновь “поднявшимся” земляком. К чему я это? К тому, что, допивая еще чай, я сам спрашивал себя и прислушивался к себе: стоит ли идти сейчас, или уж подождать до после проверки? И внутренний голос отвечал мне, что лучше подождать, сейчас идти не стоит. Но я не послушался его – как же, решил использовать имеющийся шанс; да и думал–то больше о том, нарвусь я на “мусоров” до проверки, или нет – и, как видим, напрасно. Еще одно подтверждение того, что внутренний голос всегда говорит правильно и его надо слушаться...

Вот только что, пока завтракал – неожиданно приятная новость: эту лупоглазую дауническую мразь (совершенно звероподобный заготовщик, на жуткую рожу которого я обратил внимание на следующее же утро, как закинули сюда, на 11–й; но тогда он меня еще не трогал) убрали назад, на ее прежнее место, а в проходняк напротив меня вернулись прежние жильцы, выехавшие отсюда вместе с тумбочкой только вчера после отбоя. Какое счастье!.. :) И тумбочку приволокли с собой. :) Всего–то полублатные, но в "приемке" им не понравилось: с окна дует, с потолка сыпется всякий мусор, и т.д...

20.7.10. 11–10

Тоска, тоска, омерзение, бессмыслица, пустота и отчаяние в душе! Вот уже всего 8 месяцев осталось, а – прямо не могу, как тяжело!.. Бессмысленное, нелепое, день за днем, существование среди мрази, бессмысленной, отвратной, непотребной нечисти, неведомо зачем бременящей землю... "Запах стаи, заполонившей мир"... Да уж! Бессмысленные, злобные твари... Они заполонили этот мир, эту 1/7 часть суши, и не только, – весь мир заполонен ныне этой нечистью, русской, арабской, китайской... Злобный коллективизм и тоталитаризм, опирающийся на насилие. В русском варианте основной его чертой остается еще и пьянство. Пьяное русское быдло... Мразь... Дауны и дети даунов. Выродки... Нечисть... О, как я их ненавижу, кто бы в мире смог это хоть отдаленно представить!.. Опереться не на кого, – быдло, биомасса, пьяный вороватый сброд – это не опора. Но и на власть теперь уже, в отличие от предшественников 100–летней давности, мы не можем опереться, по формуле Гершензона – "благословлять эту власть, которая одна своими штыками охраняет нас от ярости народной". Теперь она – эта власть путиных – нас сажает. Причем сажает вот именно как раз в эти лагеря, в эти бараки – прямо в самую гущу истерически–злобной и столь же бессмысленной "ярости народной".

Нечисть... Мразь... Ненавижу...

Как, как избавиться от этой "стаи, заполонившей мир"? Вот он, вопрос вопросов, задача задач. Ответ пока еще, увы, не придуман, никем не сформулирован. Сжигать их живьем в печах, чего они единственно достойны, – некому, их слишком много! Их миллионы... А сделать так, чтобы они себя сами резали, жгли и расстреливали, как почти всю свою историю – нет сил. И нет подходящей ситуации. Но, м.б., она еще сложится, – и нужно быть готовыми...

А пока – остается лишь один надежный способ: травить через водку! :)

21.7.10. 14–22

Опять суета, беготня, паника, истерические вопли, перебранки, ругань, ненависть, бессмыслица... Боже, до чего же здесь тошно! Насколько за гранью добра и зла это абсолютно бессмысленное существование, у человека с интеллектом и целями в жизни безвозвратно отнимающее годы...

С утра, в начале 10–го – "Шмон–бригада на большом!". Сегодня среда, и я заранее ждал этого, но так зачитался журналом "Лехаим" за 2003 год, что как–то и ждать забыл. "На наш продол"! За ней – 2–я, 23 человека (подсчитал "обиженный" уродец, уже неделю никак не желающий постирать мне вещи, тварь такая, хотя другим, кто его – чуть что – бьет, стирает регулярно). За ней – 3–я, 8 человек, тоже сюда, на наш "продол". Человек 50, наверное, в общей сложности, подумал я.

Но – проходит где–то минут 15–20 – и уже уходят с "продола"! Не все, конечно, часть. Но все равно – что–то слишком быстро! Что бы это значило?..

"Мусора" тянулись с нашего "продола" на вахту, а часть – и на тот "продол" еще долго, часов до 11–ти, небольшими группками. А тут, в бараке – только они начали уходить – раскрылась вдруг дверь из "культяшки" в секцию, и кривоногий блатной наркоша зычно заорал что–то типа: все на улицу! Спортсмены, пойдемте все в "спортгородок"!

Какие "спортсмены"? Что за бред? Я уж думал, что он опять хочет устроить общее собрание с назиданиями и проповедью, как надо встретить какую–то опять грядущую комиссию (слухи уже просочились), ну, а заодно и о ремонте – и соображал, как бы увильнуть, куда свалить или забиться, чтобы ни за что не ходить – хватит, наслушался я этого бреда! Но оказалось, дело в другом: надо убрать "железо"!

Оказалось, на других бараках эти шмон–бригады сейчас забрали из таких же "спортгородков" все "железо", с помощью которого "занимается" (качается) вся эта блатная и прочая мразь: "блины" для штанг, гантели и пр. Чем помешали, уж не знаю, но пошел слух, что это "железо" прячут перед приездом той самой комиссии. (Хитом прошлого года были деревянные щиты со шконок, теперь – это...) На 11–й не зашли, но здесь этого добра тоже "по бане" (как эти насекомые обычно выражают понятие "много") – и кривоногий наркоша, озаботившись сам, решил мобилизовать зэков 1–го барака на то, чтобы самим унести куда–то на склад и все эти железяки, и даже специальные такие лавочки с поднимающейся половинкой сиденья, на которые они ложатся, чтобы тягать свои штанги...

Насколько вся эта псевдоспортивная железятина важна для всех здешних насекомых, показал один забавный эпизод.

Услышав приказ кривоногого, один из самых омерзительных и глумливых “козлов” еще прежнего 11–го ретиво взялся расталкивать “красную” молодежь, сгонять ее со шконок и гнать на улицу – тащить это добро в мешках на склад (весит–то оно немало). Столкнувшись со мной в дверях из “фойе” на улицу, эта мразь глумливо предложила и мне “помочь” волочь этот хлам. Эх, суки, с радостью помог бы я вам все только в одном – поскорее сдохнуть!.. И вдруг после этого, уже лежа на шконке, я слышу, как в углу у входа, где живет эта тварь, происходит негромкая, но злобная перебранка. Вижу – один из “красных” еще с бывшего 2–го барака, одно время заведовавший здесь КОПом (бывшим СОПиТом), злобно, с угрозами, выговаривает этому не в меру ретивому барачному “козлу”, что, мол, иди сам и тащи, а “колонических “козлов”” (это подлинное выражение! :) нечего гонять – они не “занимаются” с этим железом и ничего таскать не будут. Ну, наконец–то хоть чуть–чуть, хоть капелька здравого смысла вдруг проступила... (А не занимаются “красные” потому, что это им строго запретили блатные.) И обещает буквально сейчас же дать тому в морду (они примерно в одном весе), спрашивая, что, мол, тебе не нравится. А та – “барачная” – трусливая мразь, не раз уже получавшая здесь по харе от своих же, “колонических” и “барачных” “козлов” – юлит и говорит, что ей все нравится... :)

И вот – Палыч на дневной проверке объявил: в воскресенье (!) приезжает Реймер, директор ФСИН. (Бред какой–то!.. Зачем он приезжает в эту глушь?!. Разве что – судя по всему, в т.ч. и в 1–ю очередь – по воскресенью – катается сейчас по другим зонам области и сюда, типа, тоже хочет заглянуть? Но дорога из центра Нижегородской области в Москву лежит вовсе не через Буреполом; и, честно говоря, нет ни малейшей уверенности в том, что он действительно приедет.) Поэтому: уберите все “цветные тряпки” (цветное постельное белье, официально нигде не запрещенное), стеклянные банки (аналогично), фарфоровые и пр. “бокалы” (кружки и чайные чашки; аналогично), а если у кого стальные ложки (вместо традиционных здесь алюминиевых), то держите ее в кармане (у меня она как раз стальная, и я именно так и делаю – постоянно ношу ее в кармане, чтоб не забывать в бараке). Про традиционное убирание “сидорОв” из–под шконок пока ничего не сказал, но это, без сомнения, еще впереди.

Хотя, м.б., на сей раз это и неплохо – в следующий вторник мне на длительную свиданку; хоть не поволокут сами, без мен, неведомо куда... Однако – на свиданке я буду как раз самые “шмонные”, режимные, беспокойные дни – среду и четверг; и если вдруг шмон все же придет сюда – обе мои сумки в этой каптерке

могут и вывернуть на пол, и увезти на свалку, на сожжение, и все, что угодно... А самое неприятное и опасное – все “поднимают” и “поднимают” новых насекомых, набивают и набивают переполненный барак, и за три дня могут, пусть сперва и временно, положить кого–нибудь на мое место – а потом поди, добейся, отвоюй его обратно...

Еще – возродилась буквально на этих днях канувшая было еще с весны традиция “выгонять на проверку” в 9 вечера, за полчаса до реальной проверки. До–о–олго не было, забылось уже как–то, а уж в той, блатной секции когда жили во время ремонта – ни–ни, да и здесь уже далеко не “красная” секция, здесь живут во множестве и **“МУЖИКИ”** (о–о–о! Произносится со священным придыханием. :) – но вот позавчера, что ли, – опять затявкали! Сперва самый злобный из “козлов”, мразь, потенциальный убийца Маньки в том году – пользуясь как предлогом жарой, день за днем (точнее, вечер за вечером) еще задолго до проверки начал гавкать из дальнего конца секции: мол, давайте выйдем, пойдите погуляйте, пусть проветрится, а то нечем дышать! (А на улице – ни ветерка, воздух абсолютно неподвижен, – ЧТО тут может “проветриться”?..) А вчера, позавчера – уже 2, 3 “козла” с обоих концов секции привычно (для них) вдруг затявкали: “Пойдемте на проверку!!! Давайте, давайте, выходим!!! Дайте убраться!..”. Хорошо еще, что убирается теперь уже не та полоумно–капризная азербайджанская обезьяна (мой нынешний соседушка по проходняку), что в истерике кидала швабру на пол и уходила, отказываясь подметать, пока все не выйдут. Я не выхожу никуда раньше 20–25 минут 9–го, как и прежде, лежу – и меня пока не трогают. Часть особо злобных “козлов” времен весны уже рассеялась – цыганская мразь освободилась, “молотобойца” недавно перевели на 9–й; взамен них, правда, вернули бывшего завхоза 2–го – не менее злобную тварь. Но по–прежнему элементарный вопрос: на какую “проверку” надо выходить в 9 вечера, когда она по графику только в 9–30 – никому, кроме меня, даже не приходит в голову...

А жара меж тем продолжается. Вчера вечером была гроза и сильный дождь – но после них, по ощущениям, в секции стало еще душнее, чем было. Сегодня – опять пекло... Почитал тут “Российскую” газетенку, – пишут, оказывается, уже о засухе в 14 регионах, о гибели посевов от зноя, о грядущем вздорожании хлеба из–за этого, – и на сегодняшний день в газете, еще неделю назад вышедшей, прогноз: Нижний Новгород – +35°! Мать в последний разговор по телефону, по–моему, говорила, что в Подмосковье горят торфяники (а значит, и леса тоже?) и чувствуется запах дыма...

22.7.10. 9–55

Утро – уже веселье, с самого подъема. Прутся “мусора” большими толпами, является Палыч, выходит смотреть на зарядку (совсем как когда–то, а может, и сейчас, отрядник 13–го); после зарядки – на “большом” и “Макар”, и Куртяков (или как там его правильно? – нынешний, говорят, зам. по БиОР вместо Заводчикова), и т.д. и т.п. То ли пьяная, но скорее обколотая, как всегда, кривоногая блатная мразь орет, вовсю горланит новую “зарядочную” песню (комиссии, видать, заставили поменять древнесоветскую запись зарядки на более современные мелодии, а начинать зарядку – с советского гимна, тьфу!..), бегает туда–сюда, чуть не колесом ходит по секции. Внезапно, в 7 утра, она выскакивает в секцию из “культяшки” и громко вопит: мол, выходите все на улицу, Палыч хочет всем что–то сказать! Время – 7, минут через 5–10 все равно на завтрак – и я понимаю, что, скорее всего, не сказать он хочет (что–нибудь опять про страшную комиссию, уже навязшие в зубах эти предупреждения), а просто таким способом хочет выгнать всех на завтрак. И точно: выхожу – он стоит прямо в проеме калитки, разговаривает со стоящим ближе всех к нему; увидя, что народу набралось уже достаточно (только я успел спуститься), говорит: “А теперь выходим строиться!”. Вот тебе и все, что он “хочет сказать”!..

Выстраивал лично на “продоле”, перед закрытыми воротами, в шеренгу по трое. Мне тоже пришлось встать в хвосте, преодолевая отвращение. (Но уж идти–то я старался как можно медленнее, чтоб как бы естественным образом отстать от колонны и не шагать в ногу со всеми. :) Вывел на “продол” – а хвост колонны так и остался еще в раскрытых воротах! – опять остановил, опять стал выстраивать. Причина такого рвения понятна: выходим из ворот – смотрю, в “локалке” 1–го стоит “Макар”, прямо у калитки кого–то разносит; потом вышел, стоит, смотрит на нас. Палыч подошел и стал ему докладывать, кто у него где работает (в бане, в столовой и т.д.); “Макар” в ответ заявил, что надо 1–й, 2–й и 11–й (рабочие бараки) кормить в 1–ю смену (т.е., на завтрак сразу после зарядки, на обед – сразу после проверки). Не дай бог!..

Но это было еще не все. Впервые вижу такое за 3 года здесь: Палыч внутри столовки встал прямо у выхода, а его надежная опора, самый злобный из “козлов”, убийца Маньки – прямо на пороге, в дверях, – и, гляжу, подходящих к выходу зэков 11–го Палыч не выпускает! Охренеть!!!... С других бараков – пропускает во двор, а эти – остаются стоять рядом. Все, в общем–то, уже ясно – и точно: звучит команда: “11–й, встаем, выходим строиться!”. Вот сука!.. (Впрочем, 2–я дверь – вход – не охранялась, при

большом желании можно было выйти там.)

Обратно, правда, прошли быстрее и проще, чем туда, без остановок по дороге. Агроном стоял и смотрел на нас. Так же точно, по трое, строем водили отрядники 6–й, 9–й и др. отряды. О–о, grosse russische Pokasucha! Как же, “Макар” лично наблюдает, лазит с раннего утра по “продолам”... В баню сходил в 9–30, нормально; сижу вот, обсыхаю и жду, что будет дальше. Палычи, комиссии, шмоны... Да, весь конец этой недели и начало следующей, я чувствую, будут веселыми. Одно утешение: середину следующей недели я проведу на свиданке, и не без пользы. :) А когда выйду оттуда – останется мне, считай, уже всего 7 с половиной месяцев...

10–52

Ну вот!.. Сделали–таки, твари, суки, выродки – и дня не прошло!.. Ходят по секции, зачитывают: завтра завтрак – сразу после зарядки, обед – после проверки... Тьфу, мрази, чтоб вам передОхнуть всем – и тем, и этим!!!

23.7.10. 8–00

Все–таки эти суки поставили 11–й в 1–ю смену даже не со следующего, а прямо с этого же дня (вчера). На обед погнали строем сразу же после проверки, а сегодня после зарядки – сразу на завтрак, – тоже строем, хотя Палыча не было (и, м.б., не будет сегодня).

Вечер тоже был исключительно веселый. Агроном, “Макар”, Куртюков, оперА и пр. шлялись по нашему “продолу” и окрестностям. Агроном, “пробили”, вроде бы уже ушел с “продола” на “нулевой”; я пью вечерний чай, время – где–то без 20–ти девять, – и вдруг вбегает мелкий бывшеларьковский сучонок и говорит, что, мол, “Иваныч” (Агроном) велел всем выйти и построиться, и что–то про оперов, – они, что ли, требуют, или что им это надо, я толком не понял. Все, естественно, засобирались и быстренько побежали на улицу, хотя это смешно: куча народу все равно приходит с работы только к самой проверке – официальной, в 21–30, а до нее еще минут 40, и позвать их сюда раньше – никак нельзя. Я, не спеша, споласкиваю кружку, все прибираю, как обычно – в опустевшей уже секции; смотрю в окно – все сидят на лавках и на корточках, никакой проверки. В это время из “культяшки” выглядывают встревоженные блатные – узнать, что случилось; т.е., они еще даже не в курсе.

Опять прибегает какая–то сволочь (та же б. ларьковская, кажись) – и вопит, что, мол, считать будет сам “Макар”, идемте все побыстрее!!! Да ну?!!! :)) Выхожу – они уже стоят, построившись по бригадам. Но все равно в каждой бригаде

половина (последние ряды) еще сидят или гуляют. На “продоле”, у самой калитки 11–го, стоят Палыч (с 6 утра и до 10 вечера вчера проторчал здесь!), Агроном и завхоз 11–го – ждут “Макара” из глубин “продола”! Великая русская школа подобострастия и раболепного холуйства, – младшие начальники лично ждут и встречают со всем почтением старшего, хотя, со стороны глядя, все они трое, плюс завхоз, – нечисть, навозные жуки, на которых наступить каблуком и раздавить, и цена им всем вместе – грош в базарный день...

Короче, я вышел без пяти девять, а “Макар” появился только в 11 минут 10–го. Четверть часа выстойки просто так – с больным позвоночником и сломанной ногой... “Макар” остановился на минуту, встреченный этими двумя холуями – и торжественно проследовал (проплыл как лебедь :) к выходу с “продола”. Агроном – за ним. Вот и всё “Макар будет считать!”... :) Палыча стали, естественно, просить посчитать отряд сейчас же, на что он вполне резонно ответил: “Еще не все пришли”. И так и ждали, как обычной проверки – до полдесятого, – выскочив на улицу аж за 45 (!) минут до нее (хорошо, мне хоть удалось сесть на скамейку). И, по аналогии с утренней наивной хитростью, – как только стали гавкать, что, мол, выходите на улицу, “Иваныч” сказал, и пр. – тотчас я подумал, что это, видимо, просто способ выманить всех на улицу, как любит вся эта мразь – намного раньше реальной проверки, за полчаса, за 40 минут, за час... Так и оказалось.

А пока стояли, ждали “Макара” – блатная сволочь упорно, чуть не поминутно, очень настойчиво гавкала, чтобы после проверки не расходились. Ну да – предстояла очередная дисциплинарная проповедь, – надо же отрабатывать свой героин и др. привилегии!.. Гавкал кривоногий, а вместе с ним – какой–то новый, приехавший, видимо, с “девятки” и сразу же воспринятый всеми как суперблатной, крутейший “авторитет”, имеющий “право” всем здесь приказывать и во все совать нос. На вид – ровно ничего интересного, лет 25 и – сразу видно, что умом не блещет, – панно во всю спину. Главная черта таких субъектов (можно сказать, единственная, в сущности, их черта, заменяющая им все остальное) – это наглость. Немыслимая, феноменальная бесцеремонная наглость, обычного, неподготовленного (а тем паче – интеллигентного) человека попросту сбивающая (фигурально) с ног, ошеломляющая – и после этого с ним можно делать все, что угодно...

Так вот, закончилась проверка – и они устроили прямо на вскопанном поле во дворе митинг. Быдло позвали – и оно многослойным кольцом окружило кривоногого наркошу и его нового соратника. Тот произнес очередную агитационно–

воспитательную речь в пользу режима – о зарядке, о столовке, о каптерке, о том, что не надо даже в жару сидеть во дворе голыми и обливаться водой, если идут "Макар", Куртюков и др. "Даже **МЫ!!!**" делаем (или не делаем) то–то и то–то; "даже **Я!**" – целый день сидел в этой душегубке ("культяшке") или беру с собой одежду, идя загорать, – было высшим и неоспоримым аргументом: как же, если уж даже **ОНИ**, эти высшие существа, небожители, **"ЛЮДИ"** :)))) в чем–то себя ограничивают, – то как осмелятся не ограничить себя в том же и остальные?!! Низшие, то бишь, по умолчанию, не выразившие, как обычно, ни малейшего протеста по поводу того, что их открыто, прямо в глаза, объявляют низшим сортом...

Я сидел, как и некоторые другие, на лавочке и не слушал эту речь, которую все равно, и подойди я ближе, не было бы как следует слышно за спинами толпы. На реальных митингах в Москве не зря в таких случаях, даже без всякой трибуны, говорят в мегафон. Мне было не слышно – и не интересно это слушать. Меня тошнило от их бесконечных и бесконечно лживых лицемерных речей. Послушай, что "сказали" блатные – и сделай все наоборот, – так я сформулировал для себя вчера вечером правильный лозунг (увы, по определению невыполнимый для быдла).

Вот, собственно, и все. Точнее, почти все. Забыл написать только, что вчера опять перевели кучу народу с 11–го – и вроде бы почти столько же на 11–й. Ночью, я уже лег, полублатной 22–хлетний самозванный "комендант", сам давно уже отсюда переведенный а 8–й, но по–прежнему живущий здесь, опять начал искать места в секции. Главная закавыка у него была в том, что на освободившиеся места в "приемке" надо было непременно положить именно "мужиков", а не "красных" (кастовая система, как же!..), а их – достойных туда лечь! – из старого состава 11–го осталось уже совсем мало, и они переезжать туда не хотят (те, что напротив меня, уже на днях пробовали, но на следующее утро вернулись обратно). В общем, поругавшись с одним из них, поматерившись злобно на всю секцию, "комендант" родил свежую идею: выдвигать "на продол" (в центральный проход секции, то бишь) тумбочки, за счет этого сужать проходняки (до щели, как у меня было на 13–м) – и впихивать новые шконки! Гениальная мысль!.. Если эта кампания и впрямь начнется – боюсь, что ни зубами, ни когтями мне мою тумбочку, на которой я ем и которой храню все припасы, от этой злобной мрази не отстоять...

Да–а, давно не было так тяжело, так тошно на душе, так сжато и сдавлено со всех сторон, как в это лето... Добил меня вчера же вечером (еще я после митинга сидел на улице, дышал

воздухом) любитель моих сигарет: его вчера перевели на 10–й!!! Нет, он, конечно, будет постоянно приходить (как он мне говорил), в т.ч. и ко мне за сигаретами (как я сам думаю) – но уже ясно, что моим надеждам на пользование “трубой” с его помощью не суждено сбыться... Сегодня, в свой день рождения как раз (27 исполнилось), он пошел на двое суток на свиданку, – есть надежда, что через нее он сможет затянуть себе телефон. Но пользование этим телефоном, а раньше–то для меня, по внешним условиям, очень затруднительное, теперь становится вообще едва ли возможным...

А между тем, ни вчера, ни позавчера матери я так и не позвонил. “Телефониста” видел вчера в ларьке – неожиданно возник откуда–то, благо народу было совсем мало – и тут же стал клянчить, чтобы я ему купил чаю, конфет, еще чего–то... Я достаточно жестко сказал ему, что денег нет. Он нехорошо засмеялся, быстро купил что–то в соседнем окошке и убежал. Идти к нему после этого, разумеется, нечего было и думать, особенно в тот же день; а сам он звать меня, как обещал, и не думает, сука! Пойду уж в последние дни перед свиданкой, 26–27–го, тут уж деваться будет некуда, да и сам он уж насчет свиданки–то обещал точно (мразь, словам которой верить просто смешно)...

Две вещи, в которых я от НИХ завишу – телефон и стирка вещей. Сейчас швах с обеими – 2 дня не звонил домой, а вещи нестиранными лежат уже с прошлой бани, больше недели. Ничего сделать нельзя, вся “обиженная” мразь (а все блатные у них сейчас какие–то новые) отказывается стирать под разными предлогами (не иначе, их все–таки подучили!..), и при этом обжирается на моих глазах шоколадом, конфетами и курит, – курево, значит, тоже есть, его не надо клянчить и зарабатывать той же стиркой, как обычно...

Состояние глухого тупика в мозгу и в душе; я не знаю, что делать, как пробить эту стену, – и, как спасительная защитная реакция, возникает в таких ситуациях чувство апатии и тупого безразличия ко всему. Ну ладно, не дают телефон – значит, не буду звонить, что поделать!.. Приезжает мать раз в месяц на свиданки – вот и будем с ней общаться здесь, а звонить – да бог с ним, раз не с чего!.. Что я еще могу сделать? Все, что мог, я уже сделал, всех, кого мог, просил и продолжаю просить, – но выше головы ведь не прыгнешь...

Тупое безразличие, прострация, когда уже на все наплевать... А со стиркой – ну, м.б., как–нибудь сам собой решится и этот вопрос, не знаю. Не на коленях же мне упрашивать этих наглых “обиженных” тварей – и не стоят они этого, да и едва ли поможет. Не знаю, что делать и как быть...

Сегодня вышли на завтрак – увидели: недавно привезенную с того “продола” будку, бывший “5–й пост” СДиПа, поставили и здесь, как стояла она на том “продоле”, на высокую раму из сваренных толстых труб. Поставили ближе к середине “продола”, к 9–му бараку. Зачем? Готовятся опять запереть на ключ “локалки”?..

24.7.10. 14–55

С самого утра понял, что иного выхода нет, и внутреннее решение наконец созрело: сегодня идти к “телефонисту”! На 4–й день, – не был с 20–го. В 2 часа дня пошел.

Все прошло гладко, – дал “трубу” без особого сопротивления, только с очередной порцией своих теперь строгих предупреждений: мол, если ты начнешь говорить “об этом... ты знаешь сам, о чем”, – он тут же “трубу” отберет. :) Я–то как раз не знаю, “о чем” – и безуспешно пытаюсь вытянуть из него какие–нибудь подробности. Но безуспешно – кроме – один раз – исковерканной фамилии Майсуряна, да смутных воспоминаний, как я спрашивал мать, звонила ли она кому, закинули ли что–то (что – “телефонист” понятия не имеет! :) в рассылку, и т.д., он ничего конкретного сказать не может. Впрочем, как и все они, и это – мой главный против них козырь; неудивительно, что собственная неспособность “предъявить” мне что–то конкретное их так бесит, что они тут же от слов (точнее, мычания) переходят к мордобою...

Мать, конечно же, страдает от жары – у них там +37°, здесь едва ли меньше, – говорили по ТВ, что ли, что здесь сегодня будет +36°. Да и не только от жары, – опять плохие анализы, сильно болит нога, и т.д. В общем, состояние не лучшее. Она, оказывается, вопреки моим ожиданиям, сама эти 3 дня не звонила “телефонисту”, не добивалась, – и была очень удивлена, почему я тоже к нему не ходил, когда узнала

Что ж, одна проблема – хоть временно – решилась. Осталась другая, попроще. “Обиженный” сучонок со вчерашнего вечера разговаривали во дворе после отбоя) обещает мне сегодня непременно выстирать вещи. Но – эту мразь или запрягают постоянно работать (копать “локалку”, убираться в посылочной, и т.д.). а в перерывах эта тварь пьет чай, спит, играет в нарды – и, сколько ни ори на нее, заставить ее что–то делать невозможно. Так что – эта проблема не решается пока что. Юра, мой бывший сосед по проходняку на 13–м (теперь он на 8–м), тоже “обиженный”, да еще и должен мне 100 рублей, – при встречах обещает сделать простейшую вещь: отнести мое тряпье в прачечную при бане, чтобы там выстирали, а потом принести мне назад. Но – сука такая! – только обещает, делать не делает; при

моих тщательных расспросах оказывается, что у него, видишь ли, “нет времени”, эта тварь тоже чем–то постоянно занята, несмотря на несколько уже месяцев (!) обещаемую мне отработку своего долга...

25.7.10. 14–45

Воскресенье. Как долго, бесконечно тянутся теперь эти послеобеденные часы до ужина – с обеда приходим полпервого! Раньше в это время еще и не выходили... Жарища опять дикая, сижу весь мокрый...

Комиссию все–таки объявили – после обеда, когда я уже и не ждал (впрочем, м.б., ждал чуть–чуть :). Особое внимание уделили тому, чтобы все непременно убрали цветное постельное белье, – благоразумненькие и послушные зэки тотчас начали вытаскивать даже цветные простыни из–под одеял, из хорошо заправленных постелей. Как будто туда кто–то полезет! И как будто цветное их тряпье где–то официально запрещено! И как будто эта очередная комиссия прямо вот зайдет именно на 11–й!..

Впрочем, о Реймере лично – не говорят, – может, и не приехал. Смешно представить... Судя по фотографиям в “мусорском” журнальчике времен его (Реймера, а не журнальчика :) назначения – он немолодой уже (50 лет минимум), грузный, жирный мужик, – такая погода, с жарой за 35°, не должна располагать его к активным передвижениям. :) Небось, уже давно прохлаждается в Москве...

Сумки мои пока стоят под шконкой – блатные не заметили, а из окружающей мрази им еще никто не донес. Донесли про другое: после обеда, как раз перед “объявлением комиссии”, я сцепился опять с ублюдком–молокососом, 20–летней конченной мразью, которую самый злобный из “козлов” (нарочно?) поселил на днях надо мной на 2–м ярусе. Глумливая нечисть, которая еще с первых своих дней здесь (с марта где–то), “поднявшись” на барак (да плюс – опять же сперва в мой проходняк), по отношению ко мне окружающей мрази, особенно “козлячьей” верхушки, да и блатных, и всяких стремщиков и пр. шушеры безошибочно поняла: меня здесь никто не уважает, я – презираемый, пренебрегаемый (потому что – чужой!!), высмеиваемый ими всеми, последний среди ни всех (за исключением разве что “обиженных”), надо мной можно глумиться, всячески задирать, дразнить, пытаться пнуть или ударить (естественно, тут же отскочив, ибо бегать за этой мразью я не в состоянии). Эта нечисть сама тут – презренное, низшее существо у всяких “козлов”, у той же самой их верхушки. Но каждому ничтожеству надо (не каждому удается, правда) кого–нибудь, над кем оно само могло бы тоже глумиться и издеваться –

“или просто надо человеку знать, что он не самый последний”, – как пишет Буковский. Так вот, над этой нечистью глумились и насмехались “козлы”, а она, в свою очередь – надо мной. В основном словесно, конечно, но на любые слова ее мне плевать; в руки же не давалась, действовала в традиционной их шакальей манере: пнуть по ноге, допустим, когда я лежу – и тут же отскочить; пока я встану – она уже далеко и смеется оттуда. В ход шли любые формальные поводы: когда это чмо, месяц как “поднявшееся”, было тут уборщиком, то постоянно что–то клянчило с меня “за уборку” и норовило лично выгнать на проверку в 9 вечера, как практиковалось тогда – и опять началось сейчас. (Выгнать, правда, никак не удавалось. :) А вот теперь – поселили сюда, в мой проходняк – и предлогом стала тумбочка. Это чмо, 4 месяца сидящее на зоне и 3 дня в проходняке, тут же полезло указывать, кто где в тумбочке будет что держать; побежало заручилось согласием самого злобного из “козлов”, который, видите ли, “сказал” мне (через эту тварь), чтобы я, видишь ли, просто “выбросил” свои пакеты с едой из нижнего отсека тумбочки, целиком мной занятого, и т.д. и т.п. И, наконец, упорно стало пихать свою ложку в отсек верхнего ящика, целиком занятый мной, хотя полно было свободного места и в отсеке рядом, и внизу, куда оно вчера ложку и клало. Кроме ложки, мочалки и бутылки жидкого мыла, имущества–то у нее, твари этой, никакого и нет, а просто нужен повод поглумиться. Раз я убрал ее ложку обратно, 2, 3 раза – все равно пихает в мой отсек, прямо на мои вещи. Поддерживает, хотя молчаливо или тихим ворчанием, шнырь–контрактник, живущий здесь же; а азербайджанская обезьяна под ним – с утра сильном нервном раздражении по поводу обилия мух (бьет их десятками весь день) и “свинарника”, который ей постоянно мерещится вокруг, чуть ли не в самом воздухе.

Короче, ложку этой твари я где–то на 4–й или 5–й раз выбросил из ящика на пол – и пошел, как давно уже собирался, просить завхоза, чтобы убрал из проходняка эту тварь, вернул бы прежде здесь спавших “ночного” и еще одного пацана – спокойных, не злобных и не глумливых.

Я был уверен в успехе своей просьбы, учитывая нормальные отношения с завхозом, но увы... Через полчаса где–то шнырь–контрактник, гнида, приносит мне очередной вызов в “культяшку” – на этот раз к тому самому, какому–то у них здесь суперблатному чму, недавно приехавшему с “девятки”. Панно во всю спину и поведение детское (точнее, поведение идиота, отставшего в развитии): каждое утро через всю секцию, до туалета и обратно, пробегает с ревом и треском, изображая, что

едет на мотоцикле...

В общем, разговаривало со мной по преимуществу не это чмо, а местное – новый “домовой”, тот самый, что обещал мне недавно, что за меня дадут 3 месяца, ну максимум – год. Спросил, что у меня в проходняке (молокосос–ублюдок сам настучал, или это постарался завхоз?..). Я стал рассказывать, что эта тварь глумится надо мной фактически с самого приезда сюда; посреди моего рассказа тварь входит сама – и начинает тут же чесать про тумбочку.

В общем, подонок “домовой” тут не угрожал, а принял соломоново решение: ему сказал оставаться спать, где спит, т.е. надо мной (и его слово здесь весит больше, чем слово завхоза), велел “договориться” и “найти общий язык” в проходняке. Самое интересное, что новоявленный “девяточный” суперблатной начальничек произнес по ходу беседы лишь несколько слов (был занят своим мобильником, лежа на шконке), но каких! Оказалось, что: а) он обо мне знает, всего 3–4 дня как “поднявшись” на барак; б) он настроен ко мне негативно, – это чувствовалось и по тону, и по упоминанию мельком, что я, мол, еще на 13–м... что–то там такое предосудительное, видимо, делал, но конкретизировать это существо не стало. Видимо – иного варианта нет – наслышалось обо мне от блатных 13–го, увезенных на “девятку”; хотя странно представить, – каким бы это боком я мог стать там, на “девятке”, темой их разговоров?..

Пока что тишина; в тумбочке мои вещи лежат по–прежнему (а куда класть жратву после свиданки?..), комиссия не идет, “обиженный” мразеныш так и не стирает мне вещи, несмотря на все мои напоминания и уговоры. До ужина час – а на 13–м после ужина комиссию обычно уже не ждали.

...Мера злобности и остервенелости этих тварей вокруг не поддается никакому измерению...

26.7.10. 7–45

Все–таки, оказалось, не все так плохо. :) Позвонил вчера домой от “запасного варианта” с 8–го, – вот уж не ожидал! Душа не лежала к нему идти, но пошел – от “телефониста”, наотрез отказавшегося дать мне телефон! Тварь такая!.. Пошел, чтобы просто не идти на 11–й, не встречаться с прущимися с ужина этими ублюдками с 11–го. И – такая удача! Видимо, до него “запрет” давать мне телефон еще не дошел, он пока не в курсе. Хотя другие блатные там, я заметил, поглядывали на меня косо... :)

Ну, и этот “обиженный” сучонок, после полутора недель просьб и уговоров, вчера вечером наконец–то все–таки выстирал мне мои вещи. :)

31.7.10. 10–15

Все–таки на этот раз я нервничал не зря! Они таки устроили мне погром, эти ублюдки, пока я был на свиданке. “Переворот”, – как сказала мне пришедшая и на сей раз меня встречать азербайджанская обезьяна. КОМИССИЯ! – и все (!) твои вещи убрали в каптерку.

Да уж, действительно ВСЕ!! Приходим в барак – стоит голая шконка, без матраса, подушки, без всего, что было под матрасом и за торцом шконки – не говоря уж про две сумки, стоявшие под ней. Голая, пустая, – спасибо, хоть крючки не сняли и веревочку в изголовье не срезали. Комиссия...

Иду к завхозу – он говорит, что ключ от каптерки у того ублюдка, злобного дебила – бывшего завхоза 2–го. Иду к нему – он разговаривает по телефону и открыть, либо мне дать ключ, отказывается: “Позже!”. Когда?.. Тем временем навстречу мне попадается “обиженный” пацаненок, тот самый, что еле–еле постирал мне вещи перед свиданкой. Спрашиваю его – не он ли вытаскивал на улицу мой матрас и пр. – да, говорит, оно всё там, – и показывает куда–то вниз. Иду с ним на улицу – и в уличной “курилке”, куда сейчас выставлены из “обувницы” полки с обувью, на антресолях (!), которые сделаны в этой “курилке” под потолком – вижу свой матрас и подушку, плюс какой–то клетчатый баул. Кто–то (“обиженный”?) снимает мне их, я лезу в баул – там все, что лежало под матрасом, плюс большая зимняя телогрейка валяется отдельно!

Зову обезьяну, она зовет своего приятеля, переведенного недавно с 12–го, и мы затаскиваем все это наверх. Но я не вижу своего красного одеяла! Да и второго, казенного, серого; и еще много чего... Тем временем шнырь–контрактник говорит мне, что бывший завхоз 2–го только что меня искал. Поднимаюсь, ищу его в секции – нету. Захожу в “обувничку”, где каптерка, – он сидит там на скамейке и начинает, как всегда, злобно ворчать при виде меня. Но открывает без всякого промедления, – видимо, вмешался завхоз, уже проснувшийся (когда я только пришел и 1–й раз разговаривал с ним, он еще был в кровати, полусонный). С трудом тащим из каптерки 2 баула – мой спортивный и клетчатый, который этот злобный дебил мне сразу же указал, в секцию, и я начинаю разбираться.

Оказалось, в мой почти пустой продуктовый баул, развязав ручки, они набили все, что было за торцом шконки, и все книги, бумаги и пр., лежавшие в изголовье под матрасом. Счастье еще, что не выбросили просто на помойку, – видимо, побоялись все–таки. Красное одеяло тоже здесь, а серое – с большой прорехой посередине, которой 3 дня назад не было, один из “козлов” нашел

постеленным на шконку “обиженных” работяг в верхней “курилке”, и я забрал его оттуда после некоторых раздумий и просьб к завхозу выдать мне новое (я за 3 года ни разу официально не получал тут, на этой зоне, одеяло, но тот же “козел”, по поручению завхоза проверив, сказал мне, что одеял новых нет вообще), а прореху пришлось зашивать. И долго, чуть не час, наверное, возился – вытаскивал все это, сваленное кучей, из сумок и раскладывал опять под матрасом и за шконкой.

Вроде бы все ценное на месте, в т.ч. эта тетрадь с дневником, другая со стихами, мой блокнот и пр. Но все же пропали некоторые пусть мелкие, но очень нужные вещи – прежде всего дощечка, которую я хотел приспособить в качестве столика – класть на выдвинутый из новой тумбочки ящик и на ней готовить и есть, ибо больше не на чем; и бутылка для воды – из–под недавно только купленной в ларьке “минералки”. Кроме того, пропало еще 3 фанерки – одна большая, стоявшая за торцом шконки, ее специально выпиливал по размеру этого торца любитель моих сигарет, и 2 маленькие, принесенные мной еще с 13–го. Плюс– этот же “обиженный” щенок, ублюдок, клянется, что без меня клал мне на шконку, как я просил, мои выстиранные и высохшие брюки – “шкары”, купленные матерью как запасные к “робовскому” костюму. Клал ли он их, или нет – но ни в одной сумке их не оказалось, а сам этот подонок постоянно теряет вещи, даваемые ему в стирку (недели три назад потерял пару моих носков, – они висели–висели на веревке, высохли – и пропали, не снятые этим ублюдком–попрошайкой вовремя). Так или иначе, но штанов нет, и найти их (как обещает этот щенок) нет никакой надежды.

Еще одна очень существенная потеря – это бутылка для воды: где же теперь взять новую?! У обезьяны, говорит, тоже пропала такая же бутылка; “козел”, искавший мне одеяло, на мой вопрос сразу ответил, что это Палыч их забрал и даже порезал (чтоб не наливали в них самогон?), но мне в такую версию мало верится...

В общем, погром. Подсчет ущерба. Все ценное вроде на месте, но в самом важном – беда: ни поесть, ни попить теперь нормально... Поесть – нет дощечки, попить – не из чего, нет бутылки. Лакай прямо из–под крана?..

Будь они прокляты, эти новые тумбочки, из–за них вышла эта дополнительная беда с потерей доски. Последний день перед свиданкой, 27–го, после обеда, вдруг начался очередной переворот: сперва побежали на “кечь” за новыми табуретками. Выкинули все старые и поставили эти новые – по 3 у каждого сдвоенного торца шконок; широкие, как столы. Проход по секции сразу стал заметно уже. На кой хрен они нужны, эти табуретки,

если перед каждым появлением “комиссии” или, упаси бог, “Макара” начинается истошный визг: “Убирайте все с табуреток!!!”? Если на них официально запрещено что–то класть – зачем они нужны?! Делают их, оказалось, такие же зэки на ИК–17 (не с воли же сюда везти), и запакованы они были по 2 шт. в оберточную бумагу.

Только их поставили – продолжение банкета: выкидывайте все старые тумбочки и идите за новыми!! Поволокли старые, поперли на горбах новые, тоже завернутые в бумагу… Выделили их, сказал завхоз, 70 штук, т.е. в каждый проходняк надо ставить по 2, одна на другую, и еще останутся – на ту секцию. Именно потому, что поставили одну на другую, на нижней нельзя есть – свободна только маленькая приступочка, т.к. верхняя тумба сдвинута назад; потому–то и понадобилась сразу дощечка – хорошо, что у меня была подходящего размера – положить на выдвинутый верхний ящик, подпертый снизу приоткрытой дверцей, и получается импровизированный столик. Теперь вот этой, идеально подходившей, дощечки нет, она выброшена, есть мне не на чем… Да и внутри эта тумбочка оказалась немного поглубже, но заметно уже старой, так что помещается в нее явно меньше. И очень неудобно, что нет открытого отсека, к которому я привык в тумбочке старой – туда во время еды очень удобно было что–то класть, например, пакет с хлебом, масло, шоколад (к чаю), ставить чайник и пр. Там же я хранил мягкий и нежный, боящийся давления и грубых прикосновений вольный сандвичевый хлеб – и теперь не знаю, куда его положить – все забито. В 2–х тумбочках – 4 отсека, как раз на 4–х человек в проходняке (реально в этом их даже 5 – включая недавнего выходца с 12–го), и никого не попросишь потесниться…

Состояние шока от первой вести о погроме (еще у вахты) быстро сменилось у меня, как обычно, яростью. Мрази какие!.. Ублюдки!.. Комиссия их напугала, как же!!! (Азербайджанская обезьяна сказала по дороге, что творилось это все еще позавчера, но комиссия зашла на 1–й – и все.) За это, ей–богу, надо убивать!.. Малолетний ублюдок–шнырь, нюхавший полжизни клей (что по его умственному развитию и поведению сразу заметно) сказал мне, что общее указание, как всегда, “все убрать” дал завхоз, а конкретно мою шконку – ему сказали “пацаны” (блатные, но кто конкретно – не назвал, побоялся), и книги, бумаги мои и пр. грузил в баул именно он. Обрадовал меня сперва, что все мои пропавшие фанерки валяются на улице; пошли с ним смотреть – в “курилку” и на свалку тумбочек в дальнем углу двора, где я, как пришел, и там, и там ходил, смотрел лично, – разумеется, ничего не нашли! Зато эта мразь,

как я пришел, тут же накинулась клянчить у меня себе курево “за уборку”...

Да, так вот, не дописал тему. Ненависть и остервенение (вполне справедливое!) у меня этот погром вызвал такое, что, ей–богу, ни на секунду не задумался бы залить всю эту секцию хоть по щиколотку бензином как–нибудь с утречка, часа в 4 – в 5 – и поджечь! Пылайте, твари, поджаривайте свои задницы, прыгайте из окна, ломайте ноги, как я – вы это заслужили!!!

11–20

Пришлось прерваться ненадолго и лечь – не было сил сидеть писать. После всех этих тасканий баулов, поисков, укладываний, да еще перенервничав – ЧТО из вещей пропало? – я абсолютно без сил. Да еще опять жара, духота эта проклятая, опять весь мокрый постоянно. Дождались–таки момента, добрались, дорвались, суки, до моих вещей!..

А на свиданке ведь – именно об этом собирался писать! – все было так хорошо. Настоящий праздник получился, как я и мечтал, – только знать бы, что праздновали мы, оказывается, погром и вырос всех моих вещей в это самое время!.. V.I.P.–комната оказалась замечательная – большая, просторная, это было самое главное! – красиво отделанная, составленная из 2–х маленьких бывших комнат, между которыми Миша–дневальный, как он говорил, лично, руками ломал стену. Пластиковые 2 окна, бра на стене, роскошный диван и большое раскладное (чтобы спать) кресло; собственный холодильник (!!), большой ж/к телевизор, микроволновка, большой вентилятор на ножке (без него бы мы там умерли!!!), а под столиком еще стоял – ждал зимы – небольшой нагреватель. Еще бы свою отдельную плиту, да водопровод, чтобы не ходить на кухню, – и был бы полный комфорт! :)

Завели перед самой проверкой, около 12–ти. Мишу, вопреки моим ожиданиям, не убрали от меня по “оперативным соображениям” на 2–й этаж, как уже бывало. Он заходил поговорить (видимо, тоже достало общаться с одним быдлом вокруг) и днем, и – ежедневно – пить чай вечером. Мать читала Маринину, потом засыпала, переставая лезть в разговор – и мы могли поговорить за чашкой чая и после нее. На 2–й день засиделись за полночь, потом подошли к раскрытому настежь окну подышать ночной прохладой и свежестью, – в общем, было очень романтично. На 3–й день, правда, Миша уже хотел спать и ушел довольно быстро. Увы, разговор наш особой содержательностью не блистал: Миша, как и вся эта русская гнилая интеллигенция, усиленно стал съезжать в религию, в христианство самого примитивного и дешевого пошиба, вплоть

до идеи поступить в духовную семинарию (это после МГИМО–то!.. :), и я уговаривал его, как мог, не сходить с ума. Разговор вертелся вокруг бога, рая, ада, воспарял порой до высших философских вопросов вроде источника и первопричины существования вселенной, а порой опускался до неожиданного резкого отказа Миши не только читать Стругацких, но и вообще признавать их сколько–нибудь серьезной литературой. Чувствовалось – поразительная для меня вещь! – что он искренне задает мне эти вопросы насчет “божественного”, насчет “греха”, вечных (якобы) критериев различения добра и зла и пр. –неужели до 30 почти что лет дожив, получив образование, поработав в СМИ, повращавшись в сферах интеллигентных, продвинутых людей, Миша так еще и не смог до сих пор выработать свое четкое и однозначное отношение к этим общим вопросам!..

15–04

Самый злобный “козел” прежнего 11–го проходит после обеда мимо меня, разбирающего принесенную передачу, и говорит: вот сейчас ты все это снова занес, а в следующий раз я это все выкину в парашу! Таким образом, он де–факто признал, что автором этого хулиганства был именно он, верно? А не “пацаны”, как сказал мне непосредственный исполнитель. Да и еще один, друг сигаретчика, сказал мне на мой вопрос, кто приказал это сделать: “Козлы”.

Стал, как обычно, запихивать часть передачи в тумбочку – не лезет ничего! Клетушка раза в полтора меньше, чем была в той тумбочке. Пришлось убрать оттуда лапшу, не класть, как обычно, шоколад, – и все равно ничего не лезет, все вываливается, дверца не закрывается. Хлеб, кроме одной пачки, пришлось засунуть со всем прочим в баул (а потом его отволокут в каптерку, где на хлеб и пр. накинутся крысы...). Кошмар...

А всякая мразь злорадствует – как, мол, хорошо у меня все вытащили на улицу, и обещают: как еще пойдешь на свиданку – опять все вытащим и выбросим...

Ублюдки. Выродки. Нечисть... Я лично перестрелял бы всю эту мразь своими руками. Клянусь, я не шучу и не преувеличиваю!

18–40

Сколько ни спрашиваю разных тут насекомых с утра – проблема не решается. Пью воду из–под крана – или из ладошки, в несколько приемов (все равно так не напьешься), либо – прямо губами присосавшись к крану, чего не приходилось делать, наверное, со школьных лет... Сколько ни спрашивай – лишней бутылки ни у кого нет. Вот оно, глумление, “обращение, унижающее человеческое достоинство”, как это именуется в

официальных правозащитных документах. Заставить взрослого, солидного, с высшим образованием, политической биографией и международной известностью человека, как школьника, лакать воду прямо из крана… А если опять отключат свет, или одну только воду – все равно, мне не во что даже будет набрать воды в запас. Хоть подохни – плевать им всем…

На свиданке, впервые с 25 мая (!), посмотрел телевизор. Главная, постоянная новость – гигантские лесные пожары, охватившие всю центральную Россию, Нижегородскую область в том числе. Только успел подумать, что вот тут, в Буреполоме и окрестностях, ничего почему–то не горит – и вот, пожалуйста, сегодня после обеда, ближе к ужину – уже какая–то смутная, еле различимая дымка в районе горизонта. Вышли на ужин, я присмотрелся – да, это дым, тонкая пелена дыма, окутавшая уже и Буреполом. Запаха дыма нет, но поблизости явственно что–то (лес) горит.

Немножко успокоился после бурных утренних впечатлений, огляделся – будку посреди “продола”, привезенную с того (бывший “5–й пост”) уже доделали, она стоит на высокой раме из труб, в обе стороны сварены железные лестницы, в саму будку уже вставлены окна, но еще без стекол. Глядь! – а на калитке 11–го, там, где замочные петли, уже висит небольшой стальной тросик, а на нем – новенький навесной замочек! Калитки по всему “продолу” еще открыты, но – судя по степени готовности будки, осталось уже недолго. Недолго музыка играла!.. Их открыли в марте, тогда же, когда упразднили СДиП – и, м.б., уже завтра, с 1–го августа, калитки закроют снова. Опять пройти к “телефонисту” станет проблемой – но насколько же сейчас выше стал процент пустых, бесполезных приходов к нему, когда он просто не дает мне “трубу” или выкидывает еще какие–нибудь мерзкие фортели…

Да, завтра 1–е августа, последняя треть лета начинается. Год – под уклон… Сегодня суббота, и завтра, значит, заканчивается 34–я неделя до конца, ознаменованная длительной свиданкой с матерью (впервые в V.I.P.–комнате) и погромом на моей шконке, выбросом всех вещей во время ее, 29–го. На сегодня мне осталось сидеть здесь 232 дня, или 33 недели и 1 день.

АВГУСТ 2010

2.8.10. 9–56

Все безумнее и безумнее жизнь здесь, в этой психушке, в этом всамделишном, без всяких шуток, сумасшедшем доме... Просто кошмар какой–то... Волосы дыбом от всего, что они творят, эти насекомые вокруг – а я–то завишу от них, завишу в самых что ни на есть главных – бытовых, повседневных, чисто житейских, вроде бы мелких, но исключительно важных вопросах...

Воду так и приходится лакать из–под крана, бутылки нет. А сейчас они начали такое, что буквально глаза на лоб от изумления – снова ломать туалет!! Опять долбят ломом те три "дальняка", что были уже сломаны в том году, 26 ноября, месяц стояло так – и только к новому году, слава богу, сделали, сложили заново из кирпичей. 8 месяцев простояло – и вот опять долбят, ломают 3 из 4–х. Зачем??!!! Понятия не имею, и даже "козлы" между собой об этом не говорят, – я слышал, как они спорили и ругались, что именно там долбить и кому, еще до начала самой долбежки. Но – тогда, зимой, были постоянные очереди в "фойе" к единственному оставшемуся "унитазу", но тогда хоть было место для этих очередей! Теперь же – оно забито, в нем стоят 5 шконок, проходик между ними и "фазой" (а дальше – умывальником) оставлен такой узенький, что двоим не разойтись. К умывальнику не подойти – вечно там плещется целая толпа (особенно почему–то любят эти идиоты намывать там ноги – как будто ноги у них потеют больше всего, при том, что все ходят без носков и в тапках). И – разумеется – это опять будет целый большой кусок "жизни" здесь, с развороченным, разломанным туалетом – нет ни малейших иллюзий, что они восстановят разломанное быстро. В тот раз – месяц, до Нового года; в этот – как бы не пришлось тоже до Н.г. ждать, а до него еще 4 месяца...

Ужас!.. Кошмар!.. Они испортят твой быт, самое простое, – не дадут тебе спать своим светом по ночам (как было постоянно до ремонта); выбросят бутылку – и тебе не из чего будет попить воды в дикую жару; разломают 3/4 туалета – и тебе волей–неволей придется толпиться часами, в жуткой тесноте и толкучке, в очереди туда, – очереди, стоящей на проходе, загораживая другим дорогу, и тебя за это все будут толкать и материть... Ты ненавидишь их и презираешь, категорически не считаешь за людей, гордишься своим превосходством над ними – неизмеримым превосходством человека над мерзкими насекомыми, мокрицами и пауками; ты живешь среди них по

формуле из “цитатника” Корчинского: “И познаете истину, и ненависть к ней сделает вас свободными”, – но они испортят, испоганят твой быт, твои самые простые, элементарные жизненные потребности – еду, питье, сон, туалет... – потому что это в их власти, потому что ты в одиночку не можешь им помешать раздолбить там “дальняки” ломом (под звуки этих ударов я сейчас пишу) – а ты будешь мучиться, страдать, проклинать свою жизнь, а этим ублюдкам будет – как и всегда – наплевать на тебя... Вот в чем ужас этого положения – 100 нормальных, приличных, цивилизованных людей, рассеянных среди миллиона быдла...

А вчера был “момент истины” с “телефонистом”. Я зашел к нему после ужина – и этот ублюдок наотрез отказался дать мне телефон. Единственное (нелепое!) объяснение – "чтобы ты не писал про эту зону” и не рассказывал про нее матери, а то напишет она. Уже без всяких вообще дополнительных условий – типа, как раньше, “я сам тебя позову”, или “завтра”, или с жесткой цензурой разговора, чуть не наклонившись надо мной, чтобы лучше слышать, ЧТО я говорю... Нет, – на сей раз просто не дает, и все! Я ушел, плюнув в сердцах и не дослушав его брехню...

2 раза – сразу от него и еще потом, попозже вечером – заходил к “запасному варианту” на 8–й, к последней своей надежде, последней тоненькой ниточке, еще связывающей меня с миром нормальных людей – и не мог его найти! Обошел обе секции – нету; спрашиваю, где он – отвечают хамством!.. После вечерней проверки, как всегда, переоделся и вышел погулять, подышать из проклятой духоты барака. Подул ветерок, было уже почти темно, свежо, в общем – прекрасно на улице. Никуда идти я не планировал, просто побродить по двору, посидеть на лавке, когда освободится. Но вспомнил эти свои неудачные поиски днем – да куда же он, черт возьми, делся?! – и спонтанно, тут же на месте, решил сходить на 8–й еще раз.

Стал там расспрашивать – оказалось, он уже переехал из секции в “культяшку”: у них там тоже перманентный какой–то ремонт, и блатные тоже, как здесь, живут в “культяшке”, хотя и обе секции тоже заселены; где, собственно, ремонт – непонятно. Он встретил меня известием, что мать уже звонила, и – сам набрал ей. Мать сказала, что на ее звонок на 8–й этот тип ответил: сегодня меня позвать не получится, давайте лучше завтра (ага, как же, щаззз!!! Пойдет он меня завтра звать, да и вообще – вспомнит обо мне...) . А на мой рассказ об отказе “телефониста” – к моему удивлению, мать выразила уверенность, что он, мол, еще будет мне давать телефон, т.к. ему надо, чтобы мать клала ему на счет деньги. Ну что ж, дай бог, но все же в

дальнейшее пользование этим вариантом мне верится слабо. Когда–нибудь все кончается, и этот полный разрыв, после множества предварительных полуотказов, постановки разнообразных условий и пр. должен был когда–то наступить.

Во время своих блужданий “продолами” и “дорогами” на 8–й встретил вчера блатного цыгана с 9–го, не так давно приехавшего. Первый раз я видел его еще в начале июня – он приходил к мерзкой цыганской обезьяне и с ней, с другими цыганами долго, все утро пил чай и рассказывал о себе, а я лежал (дело было еще в той секции, во время ремонта в этой) и слушал. Потом, недавно, ему рассказали обо мне – и он приходил специально знакомиться со мной, расспрашивал про Страсбургский суд, с тех пор дружески здоровается при встречах. А я, давно уже задумав, после долгой беседы на “продоле” как раз спросил его вчера про самое главное: нет ли у него “трубы” и не может ли он мне дать позвонить домой. Так эта тварь, оказывается, уже наслышавшись, что я “пишу” и “всех здесь достал”, несмотря на все “хорошее” (с виду, когда ничем не рискует) отношение, стала пристально расспрашивать и докапываться: “стоит” ли у меня запрет на пользование вообще телефоном от “подложенца”. Я сказал, что не знаю, впрямую мне никто ничего не говорил, – но уже по самому вопросу ясно, что, узнай о точном наличии запрета, эта харя мне “трубу” не даст ни за что, а узнать ей не составит труда – достаточно просто спросить на 10–м...

А мать сегодня, с утра, уехала на отдых до 13–го в какой–то пансионат в Подмосковье, в районе Истры и Нового Иерусалима. На лечение, как она особо подчеркивает, а не только на отдых.

...Долбят и долбят туалет, разносят его ломом в мелкое кирпичное крошево...

10–44

Нет, оказалось еще хуже, чем в тот раз – раздолбали вообще весь туалет, не оставили ничего! Завхоз, которого я, надеясь на его “хорошее” отношение, попытался спросить, безучастно сказал, что, мол, течет на 1–й отряд, а о перспективах починки – вообще ничего... Мрази... Здесь вообще надо говорить только шепотом на ухо, – хоть я и не повышал голоса, но слышавшими мой вопрос в “фойе” он был встречен целой чередой глумливых “советов”...

14–37

Все хуже и хуже, так что нет уже сил дышать... Как петля сжимается на горле... Туалет они ломают до сих пор, а зато – взялись вдруг делать свет в секции!.. Вчера – на дворе, где тоже почему–то не работают старые, с того года, фонари, а сегодня – я так и думал – здесь, в секции!.. И жди – час, полтора, два – пока выключат на ночь. Суки...

3.8.10. 8–12

Мерзкие эти и совершенно бессмысленные построения в колонну по три во дворе столовки – иначе не выпускают! – стали за последнее время еще бессмысленнее. Правда, сейчас чаще стало и так, что выходишь из столовки – ворота настежь, “мусоров” нет вообще. Но зато и строят же! – теперь частенько двое (м.б., и больше) становятся с 2–х сторон воротины – и отсекают, закрывая ее, когда им кажется, что один отряд уже прошел и за ним идет другой. То просто строили по 2, по 3 отряда большой колонной на весь двор; теперь же (сегодня после завтрака) – приказывают строиться по отрядам, отсекая один от другого резким закрытием ворот и началом нового долгого, нудного, рабского построения. Кто где – определяют, и порой из идущей толпы вылавливают, хватая за одежду, – на основании бирок, которые теперь белые и печатные – хорошо видно, кто откуда. Но переведенным с одного отряда на другой и сохранившим старые бирки (пока там не выдадут новые) – не верят, не пускают. И – излишне говорить, что все равно, как ни старайся, ни следи, – половина, допустим, 11–го отряда все равно просочится в ворота вместе с 3–м или 4–м, затесавшись в середину его рядов. Не получается это обычно у меня, – знают все “мусора” в лицо, да и с палкой я слишком приметен даже в толпе, и уже сколько раз здоровенная воротина столовской “локалки” захлопывалась прямо перед моим носом – “Строимся, 11–й!”...

Туалет эти мрази вчера разломали, а свет, наоборот, починили, – как въехали в эту секцию 19 июня, он не работал до вчерашнего дня. Сбылось мое тогда шуточное, и думать не думал, что будет всерьез, пожелание: хоть бы этот свет до августа не сделали! :) Так и вышло, однако. Полтора месяца... А туалет в том году – месяц, и это он еще не весь был сломан, как сейчас. Боюсь, что сбудется и по этому поводу моя вчерашняя шутка, только грустная: сделают не раньше Нового года...

Вчера решил–таки одну, еще недавно казавшуюся самой острой, проблему: пошел к 18–00 в ларек – и купил там себе 2 бутылки минералки. Ура, бутылки есть! – под водопроводную воду, взамен выброшенной во время недавней свиданки. Невероятно повезло, а то бы едва ли попал в ларек не в “свой” день: там теперь “на ключе” от ворот, оказалось, работает тот самый шнырь, друг любителя моих сигарет, с которым мы столько ругались когда–то. Правда, сказал, что устроился сюда, в ларек, временно, – а жаль!..

Двое блатных – с подъема уже пьяные, орали и колоброди ли на зарядке...

4.8.10. 15–17

Кошмар какой–то... Была страшная, тяжелейшая зима – теперь такое же лето... А ведь предстоит еще одна зима – последняя...

Туалет так никто и не делает, хотя разговоры об этом среди “козлов” иногда возникают – но только разговоры. Делают тем временем – вот сейчас во дворе – что–то другое, какие–то короба из досок сколачивают, – для проводов, видимо, и устанавливают на верхотуру, на водопроводную трубу, идущую по воздуху вдоль “продола”, выше забора бараков. А быдло – как всегда, безропотно смирилось с тем, что вот раздолбали за несколько часов туалет ломом – и теперь надо ходить на другие бараки, в лучшем случае – во двор спускаться. Поначалу только, в 1–й день, были еще удивленные вопросы – когда только увидели. Но ни тогда, ни сейчас – ни грана протеста, возмущения, негодования – ни тем, что сломали, ни тем, что не торопятся восстанавливать. Ничего – быдло в основном молодое, спортивное, неунывающее, оно может и на 1–й барак в окно лазить, не то что ходить на 6–й. И ему даже не приходит в голову, что эта спортивная жизнерадостность – лишь оборотная сторона их рабской, тупой покорности, генетической – от крепостных прапрадедов еще – и средство, эту покорность лучше всего обеспечивающее...

Пока писал это, про их покорность – вдруг забежал “телефонист”, про которого эти дни я почти уже и забыл, и не ходил, – и этак резко, отрывисто, как будто шнырю своему: “После ужина зайди!”. Похоже, мать была права, мы этой твари еще понадобимся :) ; но как же мерзко, господи, опять видеть эту харю!.. Ладно, зайду, куда ж деваться...

Мало того, что ходить на 6–й, так еще – только через “дорогу”, т.к. эти суки таки повадились закрывать калитку “локалки” не только на ночь, но уже и днем! Не только здесь, – 9–й, я видел, после отбоя тоже запирается; Но 6–й, наши соседи, так и стоит открытым всю ночь. Днем же они открыты все, весь “продол” – кроме 11–го! Рехнуться можно. Любитель моих сигарет говорит, правда, что закрывают не только 1–й, 2–й и 11–й, но и 3–й (тоже на этом “продоле”), – типа, они режимные, полукрасные (почему “полу–”?), там все работают (ну да, все! – особенно на 3–м!.. :) – и вот потому их запирают. Будка на “продоле” пока пустует, а ключ от калитки 11–го, видимо, решили давать кому–то из "красной” швали (вчера один, сегодня уже другой), чтобы он с этим ключом торчал прямо у калитки вот дворе, – ну да, если кто придет, особенно “мусора” – кто их иначе впустит? Но это, между прочим, еще абсолютно не значит, что они тебя ВЫПУСТЯТ, куда и когда тебе надо, без подробного отчета, без доноса начальству (завхозу? “козлам”?) и

запрашивания разрешения от него и т.д., а также – впустят, если ты все же несанкционированно сумеешь куда–нибудь ускользнуть (из столовки, например). ГОВОРИТСЯ, что это такая, мол, чисто декоративная мера – мол, если вдруг “Макар” пойдет на “продол” или на “кечь”, то чтобы он видел, что калитка заперта, а на впуск–выпуск это никак не влияет. Но нужно было бы родиться и всю жизнь прожить в какой–нибудь другой стране, не в этой, чтобы поверить, что ключ от замка и возможность впускать/не впускать и выпускать/не выпускать тут не превратится моментально, автоматически просто, в грозное оружие – дисциплинарное, административное и можно даже сказать – политическое. В средство контроля не только за телами (их перемещением по обе стороны калитки), но и за душами…

Жара по–прежнему чудовищная, мучительная, изнуряющая. Не столько жара, точнее, сколько духота. На утренней проверке даже в тени барака стоять сегодня было невыносимо, пот по лицу ручьями из–под проклятой шапки, которой я и утирался поминутно. На входе и выходе из столовки – обязательное ритуальное умывание, но вода там не ледяная, а комнатной температуры. Все вокруг – дальние деревья на горизонте, целый лес за “запреткой” с одной стороны, да и самое небо – в тонкой, прозрачной, еле заметной серой дымке; этакое марево. Это – дым от горящих где–то неподалеку лесов; запах дыма, правда, я почти не чувствую, очень слабо и изредка – не как было 8 лет назад, в августе–сентябре 2002 г., в Москве… С утра иной раз еще бывает вроде как пасмурно, небо – не в облаках, а вот в этой серой дымке, только более густой, и странно видеть – солнце просвечивает порой сквозь это небо этакой красно–багровой луной, без лучей, совсем не слепящей глаза – просто небольшой красный, как из меди, диск, на который можно спокойно смотреть простым глазом. Неужели это столько дыма в воздухе? Никогда ничего подобного я не видел ни в Москве, да и нигде, до этого проклятого Буреполома. Если с утра пасмурно – ветра нет, но все же как–то попрохладней, поспокойней; и то – стоит чуть подвигаться, все равно, пишешь ли ты дневник или достаешь баул из–под шконки, – моментально уже весь мокрый! Но и эта пасмурность после обеда обязательно развеивается, начинается обычный зной; а сегодня, например, он начался прямо с утра, утро было ясное и солнечное (через дымку тоже, правда). Вставая в 5 часов, я надеваю футболку – и каждое утро она еще влажная от пота, не успевает просохнуть с вечера; а вечером она мокрая настолько, что можно выжимать…

Уходит по УДО несколько человек “козлов”, прошедших суд в те дни, что я был на свиданке. Остались им считанные дни. Среди

них – эта гнида, глумливая мразь – долговязая ехидна, бывшая одно время, зимой, здесь предСДиПом, а недавно, по слухам, ушедшая работать опять в посылочную – как и осенью 2009–го, когда 2–й барак перевели на 11–й. Вся секция не зашкерена, видимость сквозная – и это чмо, сидящее с другими такими же на шконке и видящее издали меня, тут же непроизвольно начинает следить и глумливо меня обсуждать (на что я, разумеется, никак не реагирую). Сегодня перед утренней проверкой услышал такое, что чуть не умер со смеху: эта ехидна говорила кому–то, что про нее и ее “семейника” (такое же глумливое мерзкое чмо, только на 10 лет моложе; уходит по концу срока ровно через месяц) у меня, небось, уже целые тетради исписаны. :) И дальше – полет тщеславной фантазии (близко к тексту): а что, вот он (я) освободится – и это все где–нибудь в интернете всплывет. Будем знаменитыми! Еще гонорары будем благодаря ему (мне) получать, вынуждены будем ему “спасибо” сказать... :))) Тупое, полуграмотное быдло, воображающее, что гонорар за публикацию получает не автор публикации, а его персонажи... :)) 2 этих ублюдка уйдут – и останется только 2 по–настоящему злобных “козла” из всей этой братии...

Мелкие новости этих дней. Вчера пришло сразу 2 письма, о которых еще у столовки сообщил мне Палыч. Одно – пакет с ФЕОРовской литературой, последний раз присылавшейся, по–моему, еще в декабре 2009 г. Вспомнили... Второе – еще того чище – от моей (?) Ленки, поздравление с д/р (открытка) и письмо – ответ на мое месячной давности, написанное прямо на поздравительной открытке к ее д/р. Письмо теплое, приятное, согревшее мне немножко душу, хотя, как обычно, половину текста из–за ее почерка я не понял. И – самое главное – на этот раз она почти не задержалась с ответом и с относом ответа в почтовый ящик – всего неделя задержки! :) И лучше все же, когда поздравление приходит на 20 дней раньше праздника, чем на месяц или 2 позже...

А сигаретчик все бегает по зоне, изредка забегая ко мне на 11–й, – ищет новый телефон. Вчера уж было хотели идти выбивать в ларьке деньги – 3000 все–таки! – но он, засомневавшись, отменил все: во–первых, продают его через какие–то n+1–е руки, могут “проложить”, т.е. настучать, и т.п.; во–вторых же – не дают нормально посмотреть, продавец показывает только из своих рук, так что вполне м.б., что это какая–то еле живая рухлядь, за которую тут просят 4000 р. Так что вопрос пока повис в воздухе.

6.8.10. 8–37

О, августовская романтика этого лета – последнего лета на

зоне!.. Потом буду вспоминать... Как хорошо, как свежо и прохладно утром, когда я встаю – еще и 5 утра нет – и в одной футболке выхожу на улицу!.. Потом опять будет зной, пекло, марево – и уже на зарядке солнце – багровый медный диск без лучей – уже висит предвестием этого дневного кошмара. Но раннее утро прекрасно! – уже светло и еще свежо. Выходя с 6–го, я глажу каждый раз черную кошку–бедолагу, сидящую возле входа в барак, облезлую, несчастную и явно бесхозную, явно помоечную. Сегодня я даже взял ее на руки. Она мурлычет, когда ее гладят, но почему–то на меня не смотрит – темно–желтые ее глазищи мне удалось увидеть только случайно и мельком.

Любитель моих сигарет опасался не зря – его действительно хотели "проложить" с телефоном, но не просто настучать, как я думал, а хитрее. Оказалось, через 25–е руки ему хотели продать за 4000 р. (очень дорого для простецкой черно–белой "трубы") телефон с этого же, 11–го барака, принадлежащий, как я с его слов понял, самому старшему и злобному из "козлов" (правда, теперь он имеет среди них здесь ровесника, еще одну столь же злобную мразь, так что уже не самый старший). Продать с тем, чтобы потом забрать обратно – мол, это их (его) телефон, и все тут. А ни о какой купле–продаже его никто и слушать не станет – "барыжные отношения (или движения)" тут официально запрещены, да еще избить может блатная шелупонь за это. В общем, точно так же, как было в 2006 на "Матросской тишине", на больничке: баландер в "кормушку", наливая суп, тихонько спрашивает: "труба" нужна? Но если ты клюнешь и купишь у него "трубу" – в тот же (ну, м.б., на следующий) день придет шмон и "отметет" ее. Чистая провокация, короче.

Шнырь, друг сигаретчика, работающий сейчас в ларьке, тихонько сказал мне вчера вечером, что "труба" для меня уже у него – ему ее отдали и она валяется на 13–м. Завтра, мол, приходите (с любителем моих сигарет) в ларек – выбивать чек на 3000 р. в виде платы за эту "трубу" (да еще 1000 р. с него на воле), т.к. она тоже не дешевле предыдущей. Приятная новость, ничего не скажешь – особенно в части отдания 3000 р. за то, что может "пыхнуть" в ближайшее же время...

С ларьком вообще беда. Как ни много там денег – а разбазарить их здесь, среди нищих, но наглых попрошаек, ничего не стоит. Пока вроде бы прекратились траты на "телефониста" – в связи с общим охлаждением отношений с ним и тем, что 1000 р. долга с июня он так и не думает отдавать. Зато сел на шею "запасной вариант" с 8–го – вот уж поистине, сделаешь кому–то добро один раз – и тут же сядут на шею; дашь палец – и они тебе всю руку откусят!.. Должен уже мне 180 руб. ларьком, и не раз

говорил, что перевод ему (1000 р.) уже давно пришел, но на счет в ларьке никак не зачисляют, – дело здесь, на этой зоне, обычное и привычное. Но вчера – сперва прислал какого–то парня (шныря?) просить выбить ему 1000 (!!) р. – в долг, пока ему не отдадут его перевод. Я отказал, естественно. Тогда по пути в ларек он как–то подкараулил меня сам – 8–й в это время как раз был в столовке – пошел со мной сам в ларек (проверить, не зачислили все–таки деньги, – нет, не зачислили!) – и стал клянчить опять купить ему в долг целый список, – мол, там на бараке у кого–то (у приехавшего недавно знакомого еще по воле, кажись) день рождения; ну, если не весь список, то хоть что–нибудь, начиная с блока сигарет за 180 р. Только потому, что он – мой последний "легальный" телефон здесь, ниточка, на крайний случай еще связывающая с домом и волей, я потратился на него опять – 290 р. (286, если быть точным). Да 180 в тот раз, – всего, значит, он мне должен 470, и отдача этого долга проблематична (да еще если будет что покупать в этот день на эту сумму).

После ужина пошел к "телефонисту" – нет на месте (хотя обещал, тварь, кого–то прислать ко мне – сказать, когда зайти). От него пошел прямо к этому "запасному варианту" на 8–й. Там (как и на 7–м, впрочем) сидел отрядник – но обычно ведь на всех бараках все звонят и при отрядниках, чем же я хуже? Денег на их телефоне, правда, не было; мать 2 раза поднимала трубку, но не перезванивала; потом вдруг ее номер стал недоступен. В конце концов "запасной вариант" все же дозвонился ей сам и сказал мне, что можно говорить и без перезвона, – спасибо, еще более–менее приличный человек, входит все же в мое безвыходное положение. (Когда узнает о запрете мне пользоваться "трубой" вообще, то, увы, вряд ли войдет...). Мать, как всегда, орала и ругалась вначале, обвиняя меня во всех смертных грехах – и я с удивлением понял из ее слов, какие там странные проблемы со связью, в этом ее пансионате: в помещении не ловится вообще, а на улице – входящие звонки она принимает и может говорить, а вот перезвонить сама – не может! Так что связь с ней до 13–го, когда она вернется в Москву, остается крайне проблематичной. Из ее же слов я узнал, что мразь "телефонист" опять стряс с нее 200, что ли, рублей себе на телефон под обещание в 8 вечера прийти ко мне с "трубой" самому, – но, разумеется, реально появиться и не подумал...

Пятница. Конец 33–й недели до конца. Мне осталось тут 226 дней.

7.8.10. 8–07

Боже, как же осточертело жить в этом безумии, бессмыслице, жутком, нелепом, агрессивном бедламе вокруг! Нету сил...

Вчера под вечер пошли–таки с любителем моих сигарет в ларек – отдавать мои 3 тысячи за телефон. Долго ждали его друга–шныря (теперь уже бывшего, конечно), ныне работающего в ларьке, – он не стоял у ларьковской калитки, а бегал по зоне туда–сюда. Потом пришел и объяснил, что надо ждать “съёма” (работяг с промзоны) в 19 часов, – видимо (точно я так и не понял), получатель моих денег и владелец “трубы” (точнее, один из владельцев) должен был прийти как раз с этим самым “съёмом”. По новому графику (после отмены 7–часовой проверки) ларек работает до 19–30, но реально – “съём” задерживался и только в 19–30 люди (насекомые!) из него как раз пошли с вахту сразу в ларек. Т.е., реально он работает дольше – до 8 вечера, наверное. Сперва мы с сигаретчиком сидели прямо на ограде газона у ларька, на виду у всех “мусоров”, с вахты и из штаба, как раз посередине; потом пришедший шнырь впустил нас во двор ларька, сели там на лавочку – все же не так заметно. От жары и духоты на улице я был весь мокрый.

Короче, оба обещали мне, что вот сейчас отдадут мой чек – и на 13–м сигаретчик заберет уже лежащий там телефон и принесет мне. Сам он обещал зайти после отбоя, и я думал –раз мать недоступна – набрать с него Мане, узнать, как дела. Дело, казалось бы, верное. Но – сигаретчик не пришел!! Я прождал его до 11–ти вечера – ни хрена. Что ж, лег спать. Ситуация усугубляется еще и тем, что его друга–шныря как раз вчера тоже перевели на 10–й – здесь теперь вообще не у кого спросить, в чем дело. Конечно, не хочется думать, что здесь тоже была подстава и разводка на деньги; сигаретчик давно, как я стал с ним общаться (еще он был “ночным”), казался мне человеком надежным, не склонным к подлости и разводкам, как “телефонист”. Что ж, сегодня не придет – завтра, видимо, надо будет самому идти искать его на 10–м; но ясно одно: 3000 р. мои пропали; если с телефоном была всего лишь разводка (а м.б., их и самих развели, такое тоже бывает) – мне их никто уже не вернет...

А ждать его вчера вечером мне пришлось в основном в бараке, на улицу я вышел лишь где–то после пол–одиннадцатого, и то ненадолго. Опять был безумный день: с 11–го перевели 15 человек, на 11–й – 21–го. С 1–го опять, с этапа, еще черт знает откуда, “девяточные” какие–то опять (судя по их характерным шапкам–“бейсболкам”, которые здесь начальство у них в первые же дни отбирает) появились, и т.д. Остервенело искали им места в битком переполненной секции. Я лежал, чтобы мое место не заняли и – чтобы противостоять любым попыткам меня переселить, если кому–нибудь это опять придет в голову. Не пришло, слава богу. Ничего умнее, чем искать и отбирать, у кого

под матрасами сохранились щиты, и на эти щиты класть между шконками верхнего яруса новичков (как это было летом 2007, когда я только сюда приехал, на 5–м бараке, да и не только на 5–м), вся эта “козлинная” сволочь не придумала. В то же время, несмотря на жуткую тесноту и переполнение – и козлы на 4–х шконках в начале секции, и – как минимум – часть блатных в “культяшке” продолжают спать на одноярусных шконках. Когда самому злобному из “козлов”, (почти) убийце Маньки, другой “козел” на днях заикнулся, что, мол, не поставить ли вам там у себя 2–й ярус – тот, не говоря ни слова по поводу собственно 2–го яруса, тут же начал угрожать сказавшему, что сейчас изобьет его...

В общем, кошмар. Не жизнь, а ад, бедлам, беспросветность. Дикая духота, отсутствие всяких сил что–либо делать (особенно – переписывать дневник). К тому же, за этим переписыванием я буквально засыпаю – ведь настоящего сна здесь нет, я засыпаю уже в 12–м часу ночи и просыпаюсь в 4, дай бог в 5 утра. Ни пожрать, ни чаю попить толком – новые тумбочки до того мучительно неудобны, что просто беда. Отсеки крохотные по ширине, но в то же время глубокие – чтобы что–то достать из глубины, надо каждый раз все, что стоит спереди, вытаскивать, сгибаться до самого низа (полка нижняя), тянуть руки, да еще – здоровенная дверца, одна–единственная, открывается как раз в мою сторону и тоже здорово мешает. Сгибаться и изо всех сил тянуться, когда и так весь насквозь сырой от пота, по лицу течет, голове и лицу аж горячо – и от духоты, да еще от прилива крови при нагибании, видимо... И так каждый вечер... Будь она проклята, такая “жизнь”, и зачем она только нужна?!.

В столовке, забыл написать, уже пару недель назад вдруг повесили а огромные, до потолка, окна занавески, которых отродясь не было. Короткие, до половины окна не доходят, и внизу собраны в жгуты. Висят на больших резных деревянных карнизах. Спору нет, стало поуютнее с ними, но – это тот фальшивый, казенный, государственный (путинский! :) уют, от которого меня выворачивает, – прикрашенная, задекорированная тюрьма! В меню продолжает доминировать недавно появившаяся странная эта картошка – резанная маленькими 4–хгранными полосками, полугнилая, плохо почищенная, – т.е. вроде бы это и реальная картошка, но кажется она каким–то эрзацем. И вкус какой–то странный, не особо приятный, хотя есть можно. Не поймешь, что за способ приготовления – как будто что–то среднее между вареной и жареной. На завтрак и на ужин вчера давали полные миски этой картошки в каком–то сиропе...

15–35

Выломали еще вчера входную дверь в барак – и сегодня с обеда ставят новую, сверлят, колотят молотком; по лестнице в барак и из барака не пройти. В туалете раздолбили ломом весь пол – вроде бы затем, чтобы вытащить основную трубу, на которой были установлены унитазы, – говорят, именно она и протекает. Раздолбили пол – и бросили, труба так и стоит на месте, дверь в туалет распахнута. Погром полный; везде кавардак, разгром, все вверх тормашками, нигде не пройти. Ремонт, будь он проклят!.. Часть шконок, не покрашенных в 1–й заход, в июне еще, вытащили во двор красить, – эти твари опять где–то раздобыли краску!.. Матрасы с них и пр. валяются скрученными на верхних шконках, табуретки, которых стало как тараканов, загромождают проход... Все поглощены этим ремонтом и своими делами, активно стучат ломами, молотками... Завхоз бегает, руководит. Духота, как и всегда, невыносимая. Омерзение и ненависть к ним такие, что, ей–богу, своими руками поубивал бы, а этот проклятый барак сжег! А лучше всего – действительно, пробраться на кухню столовки и всыпать им чего–нибудь в котел, чтобы у них после обеда массовый падёж начался!.. Испоганили мне всю жизнь, мрази, – туалет раздолбан на неопределенный срок, а чтобы спуститься во двор – надо пройти сквозь их толпу и закрытую новую дверь, которую они привешивают – а им ведь плевать, что мне нужно пройти, они не торопятся пропустить, – и даже резную притолоку, за которую я раньше, делая первый шаг на лестницу, всегда цеплялся левой рукой, они убрали, и взяться будет не за что...

Ублюдок сигаретчик так и не приходит, мразь, хотя уже почти 4 часа. Еще вчера, по его не допускающим сомнений уверениям, что, мол, все будет хорошо, которыми он бурно реагировал на каждый мой вопрос – я почувствовал, что что–то здесь нечисто...

Одно хорошо – уже 2–й день (пятница и суббота) нет Палыча. Осталось мне ровно 225 дней, – те самые 225 дней, которые я по наивности начал отсчитывать в 2006 году, 8 августа, в 509–й камере...

9.8.10. 8–09

Специально остался вчера в столовке после обеда, когда 11–й уже весь ушел, – в надежде, дождавшись 10–го (2–я смена после нас), выловить там сигаретчика, хоть и понимал, что едва ли его увижу. Но только сел на крайнее от раздачи окно, слева от входа, напротив столов 11–го, – увидел сигаретчикова друга, шныря, того самого, кого мы так долго ждали в пятницу у ларька. Тот без моих вопросов и без тени смущения 2–хдневной задержкой объявил, что в понедельник отдает мне “эту х...ню”, причем не

сигаретчику, а лично мне. Мне–то куда ее девать?! – но я попросил его передать тому, чтоб хотя бы зашел. Шнырь, кстати, сказал, что сам он не на 10–м, как я думал, а на 13–м. А третьего участника их неразлучной компании перевели на 6–й, – всех раскидали!..

Выхожу из столовки – на дворе никого уже нет, 11–й и 3–й ушли, но в воротах стоят 4 “мусора”, из них двое – это Палыч и злобная цепная псина Зайцев (по кличке “Война” :). Он, конечно же, моментально вцепился в меня – куда я иду, почему один, почему так поздно, и т.д. Пришлось показать ему бумагу от Демина на “свободный ход”. Характерно, что Палыч, стоявший рядом с Зайцевым, не произнес ни звука в мою защиту.

Прихожу в барак – следом прется Палыч и говорит, что сейчас опять будет “общелагерная проверка” (а в 12–10 была какая, не общелагерная? Видимо, по ее итогам не хватает кого–то.). Как хорошо, что я встретил шныря и не стал ждать 10–й барак, – в пустой столовой хрен бы кто объявил о проверке. Ее устроили, кстати, прямо во время обеда, а не после, как я думал, – почти ровно в час; 10–му и иже с ним, видимо, не дали времени сходить в столовку, пока не сосчитали их еще раз.

Сигаретчик явился, когда мы выходили на ужин (на час раньше по случаю воскресенья). Пока ходили – он побывал еще и на 6–м, потом вернулся – и рассказал: оказывается, в тот момент, когда в пятницу я выбивал чек на 3000 в ларьке, обещанного телефона уже не было “на руках” у шныря. Типа того, что тот давал его владельцу в долг деньги а телефон брал как залог, что ли. А тут как раз долг ему вернули и “трубу” – залог – забрали. Смутно объяснял, но вроде как–то так. И теперь, типа, у них есть или будет в понедельник (сегодня) какая–то другая “труба” – они или продадут–таки ее мне, или вернут деньги, которые шнырь, чтоб не пропали, умудрился (по словам сигаретчика) положить в ларьке тогда же, вечером пятницы, на свой (!) счет. Вообще–то кассирша не должна допускать такие вещи, не спросив меня – а вдруг он украл этот чек?! – и именно данное обстоятельство поразило меня больше всего.

Я оказался прав в своих предчувствиях! – на вопрос о его графике сигаретчик сказал, что ложится спать в 7 утра и встает в 3 часа дня, – не будучи “ночным”, как на 11–м, и только–только переведясь на 10–й, он уже пользуется там таким благорасположением начальства (завхоза?), что вообще не ходит на проверки! – его отмечают на шконке!.. Обещал, в общем, зайти опять сегодня, после 4–х дня, и рассказать, что же все–таки там с телефоном.

Матери все эти дни я так и не звонил – куда, раз у нее не

видна сеть в помещении? Вчера хотел было зайти к “телефонисту” с ужина – но по “продолу” как раз шастало 5 “мусоров”, а потом еще и сигаретчик пришел.

Прошла 33–я неделя до конца, отмеченная тратой этих 3000 р. неизвестно куда и на что. Началась 32–я. Осталось 223 дня.

10.8.10. 7–50

Сигаретчик вчера так и не пришел, сука. Сегодня утром шли всей толпой с завтрака – и вдруг увидел его, идущего нам навстречу с того “продола” вместе с Окунем. Если бы не Окунь, я, конечно, окликнул бы его, а так – решил, что не стоит, хотя тот шел, смеясь, разговаривал с Окунем, – непохоже было, что его за что–то ведут на вахту. Шнырь, его дружок, весь вечер вчера терся здесь, на 11–м, и даже стоял на вечерней проверке – то ли за кого–то, то ли его опять перекинули сюда? – но не сказал мне ни слова, а я не имел большого желания его спрашивать. Похоже, они меня все–таки “кинули”, я в этом уже практически не сомневаюсь. А м.б., шнырь, никогда не внушавший мне особого доверия, “кинул” и меня, и своего друга–сигаретчика...

Вчера объявился какой–то новый зам. по БиОР, по имени, кажется, Марат. Я слышал разговоры, что, мол, его ждут на 1–м бараке, он вроде должен туда зайти, и на время отпуска “Макара” (видимо, вчера тот и пошел в отпуск, раз вчера всплыла эта тема) будет зам. по БиОРом. Потом – шли на ужин – я видел его с Деминым, нач. санчасти, они шли куда–то в “варочную”, что ли, нам навстречу. Маленького роста, невзрачный, ничего особенного – я, правда, не знал еще, что это новый зам. по БиОР, а то бы постарался рассмотреть лицо. После отбоя, когда я и еще куча народу сидела во дворе на лавочках, вдруг прошел слух, что он вместе с “Иванычем” (Агрономом) сейчас пойдут обходом, – поднялась, как всегда, паника, прислали одного дурачка сказать, чтобы все со двора шли в барак. А сегодня с утра, на зарядке, мой “девяточный” знакомый, более–менее интеллигентный бизнесмен–“мошенник” (159–я ст.), 1975 г.р. , с которым я постоянно тут общаюсь, в том числе и на политические темы – он способен их поддерживать, да и книги из библиотеки, где работает, он мне носит, – сказал, что этот новый Марат (?) – с “девятки”, он его хорошо знает. Ничего хорошего – по его словам, тамошние “мусора” по определению хуже наших. Что ж, придется познакомиться и с этой новой нечистью за оставшиеся мне 7 месяцев и 10 дней; и при его заходе на “продол” будет подниматься такая же паника и беготня, как при всех макаревичах, заводчиковых, агрономах...

Полуинтеллигентный этот “мошенник”, кстати, в дальнейшем разговоре на зарядке взялся мне вдруг доказывать,

что внутренняя борьба в России может повести к ослаблению государства, и на нас со всех сторон двинутся соседи в надежде что–то урвать. И неужели отдать, мол, Курилы, Сахалин и т.д.?!! Стал ссылаться на древние войны – Наполеон, потом вообще вспомнил монгольское иго. Общая его логика – державническая: у нас, мол, злые соседи только и смотрят, как что–то отобрать, а мы, мол, не должны отдавать... Я не думал, право, что он такой идиот! И что мозги так промыты имперской пропагандой – до полного непонимания реальности и своих же выгод. А ведь это еще один из лучших! М–да, интеллигенция в этой стране – единственный слой, еще хоть чего–то стоящий – на самом деле тоже полное дерьмо, вполне подходящее под известное определение Ленина...

Туалет так никто и не чинит, большая труба лежит, как лежала, на раздолбанном, но убранном и чисто выметенном его полу. Ее не меняют, стены не замазывают варом, как собирались было – и всех это устраивает, ни одного голоса напоминания или протеста не слышно. Сделают ли хоть к новому году? Вместо этого сейчас они – вот на днях – сделали новую дверь в барак (чем плоха была старая?), а непосредственно сейчас – красят зеленой краской торцевую стену барака, мимо которой идет лестница наверх, к свеженавешенной двери...

Вчера от “телефониста” все же позвонил матери – без перезвона, не больше минуты – и Мане, которая сразу стала спрашивать, что это со мной тут случилось и зачем я жаловался Макаревичу, – Паша Люзаков , мол, считает, что от этого только хуже. Но что мне надо было делать вместо жалоб Макаревичу, – ни Паша, ни Маня не говорят...

13.8.10. 5–00

2 дня не писал ничего – не мог взяться, не было сил... Позавчера была дикая духота, как все эти месяцы, и все вокруг густо затянуто дымом, даже запах дыма ощущался довольно сильно. Вчера – на удивление – вдруг стало попрохладнее, духота хоть и сохранилась, но стала слабее, а дым совершенно исчез.

Настроение такое омерзительное, такая ненависть и отвращение ко всему, что аж трясет! Господи, как я их всех ненавижу!!! И сколько раз за годы здесь я уже писал обо всем этом... Господи, сделай так, чтобы все эти гнусные твари на 2–х ногах, сколько их ни есть вкруг, – сдохли!..

Главная мерзкая новость – эти ублюдки таки “кинули” меня на 3000 р., теперь это известно уже точно. Вчера – в четверг, “свой день” – выбивая чек в ларьке, спросил кассиршу, хорошо меня знающую, о судьбе того чека, на 3000 р., который она тоже должна была хорошо помнить. И она сказала сразу, четко и

определенно: этот чек “они” в тот же вечер, 6 августа, разделили на несколько чеков и отоварили. Т.е. – деньги потрачены, их нет!! Знал ли об этом любитель моих сигарет, когда говорил мне, что вот, мол, он поговорит с одним, с другим, кому нужны здесь деньги ларьком, а они дадут на воле, т.к. владелец какого–то найденного им телефона отказался брать за него ларьком, а якобы просил только перевод на воле. Впрочем, этот вариант тоже у него вдруг почему–то не сработал, владелец “трубы” ее продавать отказался, испугался и т.д. – в общем, похоже, что все это была гнусная и пошлая комедия со стороны человека, которому я почти безоговорочно доверял...

Вчера вечером, около шести, когда сигаретчик явился, я рассказал ему эту историю с чеком. Он сделал большие глаза и несколько раз уверенно повторил, что такого никак не может быть. Мы, мол, как раз сейчас идем в ларек, берем этот чек, отдаем его – и забираем телефон. Ну–ну, говорю, поговорим, когда вернетесь, коли так.

Они со шнырем (которому я принципиально ничего говорить не стал, хотя именно ему отдавал в руки тот злополучный чек; а сейчас он снова переведен на 11–й) пошли в ларек. Через 5 минут сигаретчик приходит и говорит мне: мол, этот чек положен в твой (т.е. мою) карточку, и идти за ним надо тебе. Тогда как раньше шнырь мне лично говорил, что чек в ЕГО карточке, и на обороте чека кассирша написала его фамилию. Т.е., вранье уже совершенно очевидно. Спрашиваю: ты сам сейчас говорил об этом с кассиршей? Нет, говорил шнырь. – А где он сейчас? – Уже на 13–м. – Ну так надо идти втроем с ним, – говорю я – т.к. мне сегодня кассирша ясно и четко сказала, что эти деньги потрачены. Думал я, наивный, припереть этого ублюдка к стенке... А тут как раз опять приперся Палыч, посидел, как всегда, в “беседке” во дворе и поднялся наверх, в “козлодерку”. Сигаретчик говорит: сейчас, мол, схожу за ним (своим другом–шнырем) на 13й. Вскоре возвращается, говорит: он сейчас придет – и пойдем в ларек. Погулял, походил туда–сюда еще чуть–чуть – приходит и говорит: мол, Палыч вызывает! (Это учитывая, что он сейчас числится на 10–м, что его вызывать–то?). Берет с моей шконки свою “феску” и рубаху, которые оставлял у меня и идет типа к Палычу. Но я тут же вслед за ним выхожу в “курилку” – и вижу, как они со шнырем быстро ходят взад–вперед по двору, разговаривая о чем–то. Сговариваются, видать, как дальше врать мне о судьбе моих 3000 р. Подождал еще немного в бараке, опять выхожу – их обоих уже и след простыл. В ларек вчера вечером мы так и не пошли... :)

Вот такие дела. Вторая новость, хоть и приятная – Палыч уходит в отпуск, только не ясно точно, с какого числа, то ли с 18–

го, то ли раньше, – но это четко и ясно означает, что туалет, полностью снесенный и так и не делаемый вот уже много дней – уж по крайней мере до его выхода из отпуска делаться точно не будет! А скорее всего – не будет и после выхода из отпуска; дай бог, чтобы и впрямь к Н.г. сделали. От “обиженного” же пацаненка, разговаривая с ним вчера в ларьке, пока стояли в кассу (он клянчил у меня купить то одно, то другое), услышал такое громадье планов, о котором не хочется даже думать. Оказывается, есть план сломать стену (!), которой туалет отделен от “фойе” и на которой со стороны “фойе” закреплен умывальник и водопроводные краны. Якобы, умывальник перенесут на ту стену, где сейчас “фаза” (торцевая стена барака в том же “фойе”), а “фазу” перенесут в “приемку”. Это дикий бред, в который с трудом верится (и не хочется верить), но – в этом диком, чудовищном дурдоме возможно все... Ясно лишь, что туалета не будет в бараке еще долго–долго, что делает и так нелегкую жизнь здесь еще во много раз более тягостной и неудобной в чисто бытовом, житейском смысле.

Да, и вот так вот, постепенно, незаметно, с этими деньгами – я потерял сигаретчика, человека, на которого (пока он был здесь, на 11–м) хоть в чем–то мог положиться, хоть о каких–то простых, бытовых вещах попросить (да и телефоны чужие он давал мне не раз – набрать матери, едущей сюда на свиданку – пока еще был “ночным”). Интересно, хватит ли у него теперь, после разоблачения, наглости опять прийти просить у меня сигареты? (Последний раз он выклянчил их вчера, пока еще делал вид, что ждет прихода шныря и т.п.)

Сегодня к вечеру мать должна вернуться со своего отдыха в Москву. Надо бы позвонить ей уже сегодня, и была мысль – после отбоя сходить к “запасному варианту” на 8–й. Но вчера, пока я (и многие другие) после отбоя сидел на лавочке во дворе, – “мусора” с “нулевого” начали бегать на “продол” и обратно, потом зависли на 6–м и т.д. – в общем, началась небольшая паника, хотя это был не Макаревич и пр., а простые какие–то “контролеры”. Калитку 11–го тут же потребовали запереть (какая–то полублатная шваль – стремщик или “дорожник”, черт их разберет, оравшая это с “балкона”); “дорогу” с 6–го – тоже, т.к. “мусора” как раз там и были (да если б и не там, а дальше – ее закрыли бы все равно). А всех сидящих на скамейках истошными криками тут же загнали в барак – мол, “была же просьба!” (так они обычно камуфлируют приказ) – зайдите в барак; вот когда уйдут “мусора” – сидите, лазьте по “дорогам”, делайте что хотите. Заботливые какие! – волнуются, чтобы все спрятались от “мусоров”, чтобы “мусора”, упаси бог, не “заострили внимание” на местных блатных

наркоманах, вечно ходящих обколотыми или пьяными... Это я к тому, что, пойди я на 8–й после отбоя вчера – вернуться назад мне было бы очень проблематично, пришлось бы пережидать (неведомо где), когда уйдут “мусора” и откроются “дороги”...

6–35

Были в столовке на завтраке – вдруг погас свет! Я так и подумал, что это не выключатель нажали, а ток вырубили; выхожу – точно: ворота “нулевого поста” открыты! Значит – без завтрака! (По крайней мере, если его быстро не включат, – ни света, ни воды.) Но это тупое, бессмысленное, покорное сиволапое быдло стерпит еще и не такое, стерпит все самые скотские условия содержания; а если и пикнет что–то вдруг против начальства – так блатные пастухи быстренько успокоят это свое стадо: разъяснят политику блатной “партии” на общем собрании, а кого надо – изобьют в “культяшке”, или, там, в “маленькой секции”. Мразь. Ублюдки...

А не далее как вчера – тупая свинья Палыч выстраивал всех после обеда во дворе столовки; я стоял в глубине двора, разговаривал со знакомым с 3–го и в строй встать не спешил (как обычно). Он идет, выстраивает всех до хвоста колонны и мне персонально говорит: мол, Борис Владимирович, там вообще–то строятся. Я подошел поближе; выстраивалась, как обычно, огромная колонна из всех отрядов вперемешку. Ворота открылись, толпа пошла; но где–то невдалеке передо мной опять вздумали “отсечь”, и ворота закрылись, – “мусора” делают вид, будто это один отряд прошел, а перед следующим захлопывают, хотя на деле все стоят вперемешку. Палыч был в этот момент за воротами снаружи; увидел меня и еще 2–х с 11–го, сказал “мусору” пропустить, а там, за воротами – стал мне выговаривать: мол, я Вам говорил, что все строятся, а Вы там стоите, разговариваете... Я тотчас задал ему простейший, давно уже накипевший в душе вопрос: “Алексей Палыч, зачем вообще нужны эти построения?! Это же идиотизм!” – “Чтоб было!!!” – дико взревел он в ответ, – ну да, известный прием: отсутствие аргументов компенсировать повышением голоса; а “чтоб было!” – ответ достойный, глубоко аргументированный, ничего не скажешь. И тотчас за этим, уже почти мне вслед, вдруг тихо, мягко, этак по–дружески, как он всегда разговаривает наедине, без толпы зрителей, посоветовал мне... побриться. Хотя никогда раньше не обращал внимания на то, брит я или нет – в отличие от всех этих макаров, агрономов, одинцовых и пр. К чему бы это он? Хотел показать, что ко мне тоже легко можно прицепиться, что ли – вот хотя бы к тому, что небрит, типа “неопрятный вид”, нарушение соответствующего пункта ПВР, что ли? Идиотизм

какой–то, короче... Но сказать о построениях ему было нечего.

Особенной сказкой теперь, кстати, будут комиссии и ритуальное прятанье всего и вся при их приезде. Теперь сумки в каптерку – а назад–то их уже не достанешь, фигушки, дудки!! Ключ–то теперь не у завхоза, а у этой остервенело–злобной мрази, бывшего завхоза 2–го. И тот будет выпендриваться, куражиться, злобно визжать и глумиться над тобой, если только ты смиренно подойдешь к нему и попросишь открыть. Когда ему удобно – он, так и быть, откроет, но никак не тогда, когда надо тебе. Он уж покуражится над тобой всласть, досыта, будьте покойны: хоть совсем малюсенькая, а власть; тебе надо взять свою сумку из каптерки – и в этом ты зависишь от него, и обойти его никак не получится, и тут уж он на тебе вовсю оттянется, вдоволь поглумится и поугрожает своими кулаками... Чистейший "административный восторг" по Достоевскому.

Кстати, хотя барак и кирпичный, его не сожжешь, – но пристройка–то к торцу, в которой 2 "курилки" (верхняя и нижняя), раздевалка и эта самая каптерка – деревянная. Если ее снизу облить бензином и поджечь – она вспыхнет как сном соломы (тем паче, ее на днях со стороны лестницы еще и покрасили масляной краской)...

13–40

Утренняя проверка не сходилась, и Окунь проверял сперва 114–ю бригаду по карточкам – не помогло, – тогда начал проверять весь отряд по списку. Тот, кого не хватало, был на букву "Н" – слава богу, до меня не дошло.

Потом – нудное, унылое построение у столовой после обеда, но хоть не такое долгое, как обычно, – один 11–й отряд. Самый злобный из "козлов" (которому осталось чуть меньше меня) авторитарно, личным приказом (Палыч ли его настропалил, или он сам – не знаю. Палыч мог бы все то же самое сказать и лично.) на днях реформировал всю систему заготовки и раздачи баланды 11–му бараку в столовке. "Красные" теперь не стоят толпой у окошек, получая ("снимая") сами баланду и хлеб, – велено, чтобы им тоже все приносили те же заготовщики. Но зато и мисок велено "козлом" брать ровно столько, сколько пришло людей, т.е. в обед 1–е и 2–е – в одну миску. И если ты не доел первое, не освободил миску – твои проблемы, всем плевать, другой тебе не положено. В общем, та же идиотская система, что была здесь и раньше – я полноценно отведал ее еще на 13–м...

Одно только счастье: спала жара! Надолго ли?.. Ночью было даже прохладно, под утро; в проверку – голубейшее ясное небо, и на нем – огромные кучевые облака, гигантские, неохватные, удивительно красивые... И ветерок подул – несильный,

прохладный; вроде это и не замечаешь, просто нормальное состояние – сидишь, что–то делаешь – и только вспомнив весь этот ужас, 2 месяца зноя и духоты, понимаешь, какое это счастье: ты сидишь не мокрый и не разморенный, пот не стекает ежеминутно по лбу...

Еще одна беда, о которой я уже смутно слышал – а теперь вот она, воочию! Вышел на проверку – в нижней (открытой, куда недавно выкидывали мой матрас и пр.) “курилке” на лавочке лежит что–то в картонных коробочках, все берут, смотрят... Слухи уже пошли, а выходя на обед, я подошел и увидел вблизи сам: это здоровенный магнитный замок для “локалки”. А в другой коробке – электроды, – приваривать его, что ли, будут? Обычно такие вещи привинчиваются, но – хрен их тут знает... Типичный московский домофон, только без панели: открываться замок будет кнопкой из той будки, что поставили посреди “продола” – это ж как надо будет орать, чтобы там услышали и открыли!.. (Или звонок уже включен в комплект поставки?) Сидеть там будут “мусора”, так что на сколько–нибудь льготный режим выхода рассчитывать не приходится. Плюс – самое неприятное – видимо, такими замками будут закрываться ВСЕ бараки на “продоле”, а не только один – иначе будку не поставили бы точно в центре, у 9–го. Т.е., если даже, идя с ужина, как во времена СДиПа, я и проскочу по “продолу” дальше 11–го, – никто мне никакой другой барак не откроет, нечего и думать, вход и выход будут жестко контролироваться “мусорами” из будки. А “дорогами” – чтобы дойти до 7–го – 2 раза пролезать в окна, что я вряд ли осилю, тем паче с палкой в руках. Или же – путь в обход, через тот “продол”, очень дальний, непростой и долгий. Особенно прелестно смотрится закрытие калиток на замки в свете отсутствия туалета на 11–м. Ну да, остаются “дороги”, но они целиком в руках блатной нечисти (которая еще хуже “мусоров”) и закрываются по первому ее... не слову даже, а, наверное, взгляду.

В общем, веселуха!.. :) Обхохочешься... Потеря 3000 р., отсутствие на месяцы вперед туалета, плюс еще закрытие “локалок” на замки, препятствующее добраться даже до тех телефонов, что еще остались, – это новая конфигурация моего существования здесь, в этом аду. В таком кошмаре мне осталось прожить здесь еще 219 дней...

14.8.10. 8–11

Жара спала настолько, что и вчера днем, и сегодня утром насекомые 11–го барака начали жаловаться: они замерзли ночью! Даже – некоторые – под одеялами. Днем вчера, правда, особенно после обеда, еще было жарковато, пот со лба мне приходилось утирать частенько, – но все равно это уже не та мучительная,

раскаленная духота, что была еще совсем недавно. По вечерам и утрам уже достаточно прохладно, свежо, – но в то же время выходить в 5 утра на улицу в одной футболке еще вполне терпимо. Что будет, если (99%!) они не восстановят туалет в бараке до заморозков, до начала зимы, – даже страшно подумать.

Кстати, вчера я узнал, что такое же положение и на 9–м бараке – тоже нет туалета! Уж не знаю, зачем его уничтожили там, но... Это становится все более и более веским поводом для жалоб в прокуратуру и др. места на содержание в скотских условиях, оскорбляющих человеческое достоинство (у кого оно есть, конечно, – а таких здесь, почитай, я один)...

Еще из новостей вчерашнего дня. "Макар" уходит (или уже ушел) в отпуск, а заменять его будет на сей раз Демин, начальник санчасти. Ну что ж, это еще не самый худший вариант, – пожалуй, даже лучшее из худшего. И – рассказали наконец–то – правдоподобный вариант того, как будут действовать установленные на калитки "домофоны". В точности как их аналоги в Москве – только не на подъездах, а на офисах: в замок встроено переговорное устройство; звонишь, говоришь, что тебе надо, а тебе в зависимости от твоего ответа открывают/не открывают. Так и здесь: придется, видимо, вести с будкой на "продоле" электронные диалоги. :) Хорошо, хоть орать во всю глотку, чтоб открыли, не придется...

"Запасной вариант" вчера после обеда вдруг сам прислал за мной кого–то – типа, ждет меня в "локалке" 8–го. Я пришел – он с кем–то еще сидел в уголке двора, в "спортгородке". Оказалось, что мать звонила ему уже несколько раз – в воскресенье, еще когда–то, и вот наконец он сподобился сам. Мать предлагала положить ему на телефон деньги – отказался, причем уже не 1–й раз! Очень нетипично. Сказал, что в четверг послал "помощника" в ларек – выбить чек и отдать мне 400 руб. долга (должен 470, вообще–то), но тот, придя, увидел меня уже выходящим с пакетами – и даже слова мне не сказал. "Запасной вариант" не додумался, блин, видите ли, прислать его пораньше, пока я еще был на бараке.

Не только переписывать, но и просто писать эти записи в дневник – не могу: засыпаю! Тут же, стоит только начать, – глаза слипаются неудержимо. Сказывается постоянный недосып, пробуждения еще до 4–х утра, подъемы еще до 5–ти...

15.8.10. 8–47

О, этот август! Август 2010 года в Буреполоме... Он уникален и неповторим, в нем есть своя специфика, свои отличия и свой колорит. Он запомнится мне надолго, на всю жизнь, может быть, – если сейчас я сумею отразить все это здесь, в дневнике,

максимум этих характерных черт, не полагаясь на слабую человеческую память...

О, эти спуски, выходы теперь по ночам на улицу, во двор! Темно, уже прохладно, двор пуст – а иногда еще и полон, вот 2–м часу ночи эти твари, мерзкие двуногие крысы могут еще вовсю шнырять и по бараку, и по двору, толпиться, сидеть и пить свой чифир на лавочках. О, эти подъемы уже без 15–ти, без 20–ти пять, когда уже только–только рассветает в бараке – и ранние эти визиты на 6–й! (А навстречу мне оттуда уже плетется московский доходяга–инсулинщик.) Будь оно все проклято, – заставляют, твари, испытывать еще и дополнительные, чисто физические мучения, лишние бытовые проблемы – наряду с изначально уже здесь существующей проблемой неволи и скотского окружения...

Кстати, какое там "прохладно"!.. Резкий перепад: еще на днях была дикая жара – а сегодня в четверть 7–го, когда я вышел на завтрак (зарядки нет – воскресенье), изо рта уже шел пар! Вот так!! И в секцию, куда после вечерней проверки невозможно было зайти – духота как в парилке, сам воздух горячий – теперь, вчера уже, входи, пожалуйста, – температура вполне нормальная. Незачем стало выходить на улицу и гулять, сидеть на лавочке до 11–ти и позже – можно сразу ложиться и дольше спать.

Еще мука – теперь уж до самого освобождения, на 7 оставшихся мне месяцев, – ночью не видно часы, трудно понять, сколько времени. Свет из "фойе" падает очень скудно – для сна это хорошо, но на часы смотреть – большая проблема, которая была и той зимой. Тогда я зажигал ночью спички, чтобы посмотреть – и все, кто не спал и видел, как я их зажигаю, днем начинали клянчить у меня спички, чтобы прикурить.

Вечером вчера, после отбоя, явился "обиженный" Юра, мой бывший сосед по 13–му бараку. Вылез из окна 1–го, где он теперь числится, и мы долго говорили с ним на улице. Я так и знал, что он будет просить денег, – точно! Говорит, что проиграл в карты 14, что ли, тысяч, 10 уже нашел, а у меня просил 300 руб. в счет остального. Божится, что отдаст, что 27–го к нему приедут и положат на счет; но не только он ничего не отдаст, это совершенно ясно (как не отдал ничего, взятое "в долг" раньше), но и есть большое подозрение, что он просто врет, блефует, что этот карточный проигрыш он просто выдумал, чтобы стрясти себе с меня 300 р. на жратву, чай, курево и пр. Давать ему эти деньги нет никакой охоты, но, видимо, придется – работая в бане на стирке, он в этом смысле мне еще ой как пригодится, этот алкаш...

Самое ужасное – он подтвердил мои подозрения: вот–вот начнут ломать баню! В бревенчатой избушке без окон, с

крохотным низеньким входом, построенной рядом с баней за лето, с ранней весны еще, осталось, по словам Юры, только доделать пол и провести трубы. Я уж надеялся, что раз летом, в жару, не заставили переходить мыться в эту “баню”, то уж к зиме–то не будут, хватит ума... Ан нет! – к зиме–то как раз и сломают, и будет самый апофеоз работ по расширению и перестройке старой бани (да ее и расширять–то не надо, места там достаточно, а просто на свободном этом месте поставить еще десяток–другой “леек”). Мыться в ней, ясное дело, предстоит из тазиков (жестяных, казенных, производства местной “кечи” – или купи в ларьке свой, пластмассовый, и таскай его с собой каждый раз в баню и из бани, как дурак), и вмещает эта избушка, опять же по словам Юры, человек 10–15, – даже трудно представить, как и где будут ждать остальные (особенно зимой, в мороз), где будут раздеваться, вешать вещи и пр. В общем, “помывка” превратится, видимо, в сплошной кошмар...

М–да, все наблюдения и умозрительные заключения мои на воле оказались правильными, я уже писал об этом. Этот народ безнадежен и неисправим; это биомасса, собственно, а не народ. Перед активным революционным меньшинством (вроде меня) – глухая стена: опереться на эту биомассу, на это быдло невозможно, все ее интересы, желания и инстинкты крайне реакционны. “Пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны!” – Лера была полностью права в этом в 1993 году. Не только за его интересы – халяву, “державу”, захват чужих земель, лютый антисемитизм и гомофобию – бороться невозможно, немыслимо, – но и просто мириться с существованием столь огромной (140 млн. чел.) и столь откровенно, оголтело реакционной силы, просто знать о ней – и не бороться против нее – тоже немыслимо. Так что – внутри страны опереться не на кого, кроме, разве что, мизерной части интеллигенции – той, что сохранила наряду с порядочностью и либеральным мировоззрением охоту хоть к какой–то деятельности, какую–то хоть минимальную активность – и не ударилась безнадежно в религию, как целая куча лучших моих знакомых и здесь (Миша, дневальный КДС), и на воле. И – тоже половинчато, смутно, неверно – на колониальные и постколониальные народы российской империи, тех, кто на своей шкуре знает, что такое русское иго и кремлевское ярмо на шее.

С биомассой же, населяющей 1/7 суши и совершенно безнадежной, не оставляющей никаких шансов на успешную работу с ней – неизвестно, что вообще делать. Собственно, кроме ее 100%–ной утилизации, кроме (утопических, невозможных, увы) планов ликвидации российского государства вместе с населением – в голову ничего не приходит...

16.8.10. 8–13

Сцепился вчера в обед со Степышевым, но, слава богу, никаких последствий это покамест не имело. Вышли из столовки – а эта мразь как раз караулит выход из ворот, строит, не выпускает, сортирует... Сперва вся толпа, стоя и сидя на корточках в столовском дворе, увлеченно наблюдала, как Степышев остановил в воротах какого–то парня с пакетом, отобрал у него пакет, полез туда, вынул буханку хлеба, отдал парню, а сам пакет (набитый, ясное дело, байзерами с баландой), отойдя через "продол" к забору бывшего ЛПУ, с размаху перебросил туда через забор. Парень, даже не попытавшийся, конечно, отобрать у "мусора" свой пакет, пошел к воротам на этот участок и полез его забирать, – спасибо, хоть от ворот Степашка его оттаскивать уже не стал.

Занялся он дальше личным подравниванием с правой стороны колонны, которая, как обычно, уже сама выстроилась в "локалке" столовой. Ворота открылись, вся толпа пошла. Я, выйдя, слышу, что за моей спиной Степышев кому–то орет, чтоб вернулся – "иди сюда!", типа, но называет не по имени и не по фамилии, а как–то так, что я не разобрал даже, по какому–то признаку ("с чем–то", наверное). Иду дальше, а он все орет, не унимается. Тут уже – частью из любопытства, частью по какому–то странному наитию, я оборачиваюсь – и с изумлением вижу, что это он орет мне, а тут еще догоняет меня, вцепляется в одежду и чуть не силой пихает и тащит назад со словами (примерно): я сказал, 11–й там стоит, строится (в столовском дворе)! Короче, меня и еще несколько человек загоняет обратно в этот двор, воротину закрывает и сам становится на страже, ворча, что, мол, "я сделаю так, что вас с завтрашнего дня будет начальник отряда водить". (А с толпой несколько человек с 11–го все–таки уже ушло.) Т.к. главное его внимание было приковано ко мне, то я этак спокойно сказал ему через ворота: "Взять да вынести эти ворота!". Он проворчал что–то вроде: ну да, вынесете, камер (кивает в сторону ШИЗО) на всех хватит. Я в ответ: "На вас всех тоже хватит. Гробов.". Не знаю, слышал ли он последнее слово, но надеюсь. :) Чуть помолчав, он сказал мне (типа, с удивлением, – я ведь 4–й год здесь у них сижу): "А ты, оказывается, разговорчивый!". – "А ты думал?! Погоди, еще не то будет!" Последняя моя фраза его, видимо, сильно задела, и он принялся пугать: погодите, мол, сегодня я зайду к вам на 11–й! – ясно давая понять, что во всем (шмоне? А что он еще может устроить?), что он устроит на 11–м, буду виноват я. Ух, как вся эта мразь реагирует на слова, как бесится, норовит тотчас избить или шмон устроить, когда слышит правду о себе, – и зэки, и "мусора"! На

мое счастье, ни блатных, ни старших “козлов”–жополизов с 11–го не было, стояла только кучка вполне второстепенных типов, вроде шныря–дауна (который теперь уже не шнырь, кстати, а работяга по ночам, ходит с азербайджанской обезьяной пахать запретку внутри и вокруг зоны). И когда уже 11–й все–таки поел, построился и вышел, я шел, как всегда, последним, – и он остановил еще раз колонну на полпути до бараков, осмотрел, кто во что одет и, когда тронулись, пообещал еще раз: мол, я сегодня к вам зайду, вините последнего (как–то так, точно не помню); а последним шел я. Но его намек никто не понял.

Однако же вчера (мне так и казалось с самого начала) он не пришел, и даже вообще с обходами не ходил днем, как обычно ходит в свою смену. Приперся только сегодня утром на зарядку, зашел на 11–й, побыл, вышел, стал строить идущих на завтрак у ворот, а потом – как вчера, у столовки.

Пока писал про этого урода – явился Палыч. Значит, он еще не в отпуске, как я надеялся. :(Не принес ли рапорт от Степашки и выговор мне? :) Ну да пусть, наплевать. Не повесит ли сегодня, перед отпуском, график длительных свиданий на сентябрь, чтобы я знал, что у меня там, какие числа он мне поставил.

Погода сегодня с утра очень хмурая, облачно – и, похоже, опять все затянуто дымом, даже запах гари чувствовался с утра. “Макар”, похоже, в отпуск тоже еще не ушел, его вчера кто–то видел – и “телефонист” сказал мне вчера же, что в отпуск он и не уйдет, пока не пойдут дожди...

Что–то давно не было комиссий. :) Наверное, уже вот–вот...

18.8.10. 5–12

О, как теперь зависишь от этого проклятого 6–го, от визитов туда – ежеутренних, а то еще и по несколько раз в день!.. Весь строй жизни здесь переменился... Добавились – наконец–то – чисто физические страдания – к моральным, которые были невыносимы с самого начала. И ежели с утра, часов в 5, все там, на 6–м, обойдется быстро и гладко – чувствуешь себя совершенно счастливым!..

А на дворе – уже фактически началась осень. Тип погоды осенний: днем – солнце, жара, небо ясное; но ранним утром и к вечеру, часам к 8–9 – уже не просто прохладно, а реально холодно, так что в тоненькой спортивной курточке от Армани я мерзну. Вчера утром двор 6–го был покрыт – сама земля, глина – какой–то блестящей мельчайшими блестками пеленой. Не сразу я догадался, что это иней...

19.8.10. 10–15

Со вчерашнего дня начались дожди. После обеда хмурилось, темнело, мрачнело все больше и больше – и наконец хлынул

ливень, первый с июня месяца. Сейчас шел из бани (четверг) – лужи, низкие хмурые облака, мокрая листва... Осень.

Под этим ливнем я вчера вернулся “дорогами” с 8–го. Случилась крупная неприятность, которую, впрочем, я давно ждал как неизбежную. Сидел, звонил от “запасного варианта” (переехавшего после ремонта в свой старый проходняк), на его шконке, с самого краю, у прохода секции – и вдруг по проходу навстречу мне идет мелкое архиблатное чмо, то самое, “2–й человек в лагере”, которое раньше жило на 11–м, а теперь числится на 10–м, но на 11–м постоянно трется и даже ночует (при здешней–то тесноте). Увидело меня – явно не ожидало, среагировало, взглянуло этак... В общем, ничего хорошего не обещает эта встреча: или сама эта тварь сейчас, после моего ухода, выговорит “запасному варианту”, чтобы не давал мне “трубу”, сообщит про запрет от “подложенца” – или настучит ему самому, и будет еще хуже. В любом случае, “запасной вариант”, это мягкотелый, глупый теленок, не сможет, даже если б хотел – и уж точно не захочет из–за меня ссориться со столь важными здесь фигурами, блатными начальниками. Это значит, что этот вариант, запасной со времен Гоши–армяна, для меня может быть потерян тоже – приду, а он скажет, что и рад бы дать мне “трубу”, да ему запретили. Останется один наглый “телефонист”, выдаивающий деньги буквально за каждый мой шаг и каждый вздох.

Самая гнусная новость – опять ждут какую–то комиссию. Давно не было, блин!.. Порка истерика с убиранием сумок в каптерку, а вещей с дужек, еще не началась – ждут... Но еще вчера, после отбоя уже, недавно привезенное с “девятки” супер–пупер–блатное чмо, рулящее тут сейчас всем бараком, даже затмив кривоногого наркошу, – в один из своих пробегов по секции туда–сюда проорало что–то вроде: “Ложитесь спать, мужики, завтра комиссия!”. Ничего себе повод ложиться спать, да? :) И ничего себе усердие к режиму и распорядку дня со стороны сплошь татуированной мрази, подающей себя окружающим, как блатная. Впрочем, это вообще апофеоз наглости и цинизма: явно по заданию Палыча (в последние дни перед отпуском, – вчера его уже не было) оно недавно, пока, построившись на вечернюю проверку, ждали “мусора”, вылезло (без формы. конечно) из барака и пролаяло, что, мол, на завтрак у нас ходят 50 человек (из 150 в бараке), так что, мол, завтра чтобы все были на завтраке! И с тех пор периодически – вчера после отбоя например, так же пролетая по секции – не забывает в строго–приказном тоне напоминать о выходе всех на завтрак. Апофеоз цинизма в том, что сама эта тварь, если даже и не спит

во время подъема–зарядки, на завтрак как не ходила, так и не ходит; я не видел ее в колонне, выходящей после зарядки с “продола” в столовку, ни единого раза!

Ситуация между тем ужасная, быт страшно тяжелый. Самый простой, повседневный быт, под корень подрубленный уничтожением туалета. (Я сказал вчера об этом матери, говоря с ней с 8–го; а почему особенно остро понадобилось поговорить без контроля “телефониста” – злобная мразь, бывший завхоз 2–го, вчера утром, увидев кучку сметенного соседом мусора у моей шконки, тут же прицепилась ко мне. Потом обо мне они в своем конце секции заговорили с наиболее злобным “козлом”, убийцей Маньки, с которым они постоянно злобно ругаются – то в шутку, то всерьез. И тот, ублюдок, опять уверенно, как не подлежащее сомнению, сказал: вот он (я) сейчас (в конце сентября только, но эта тварь–то не знает!) уйдет на свиданку – и я выброшу все его вещи в помойку (бочку для мусора). Готовится, совершенно недвусмысленно, погром еще хуже прежнего, и матери я сказал также об этом, передав и фамилию этой мрази, – если дозвонится “Макару”, то пусть скажет и чтобы он успокоил эту мразь, и насчет раздолбанного туалета.

Так вот, даже помимо комиссий, каптерок, злобных “козлов” и пр. – ситуация ужасная.

11–00

Да, ситуация ужасная, и именно из–за того, в чем именно она ужасная, мне пришлось сейчас прерваться писать. В проходняке стало невозможно жить – постоянная толчея, многолюдье, не повернуться. Одного приехавшего с “девятки” более–менее спокойного “красного” за 40 лет положили сюда на 2–й ярус – и теперь он частенько сидит у меня в ногах. Но он–то еще не так мешает; остальные же – это друзья и окружение азербайджанской обезьяны. Тут постоянно, с утра до ночи, сидит ее “семейник”, переведенный ею специально с 12–го, хотя шконку ему дали в соседнем проходняке – верхнюю, над моим соседом. Постоянно приходит тварь, с которой он “работает”, пашет “запретку” – многодетный даун, еще недавно бывший здесь шнырем. С улыбками до ушей и поистине детско–наивной наглостью, не подозревающей даже о существовании каких–то приличий, эта мразь плюхается на мою шконку и сидит подолгу, радостно лыбясь и разговаривая с обезьяной; если же я на шконке лежу – она инстинктивно старается как–то подвинуть мои ноги, подобрать одеяло и т.д., ибо без всякого стеснения прибегает и плюхается на мой шконарь что днем, что ночью. Кроме нее, к обезьяне повадился приходить на ночь землячок – азер с 10–го, молодой, тоже наглый, (полу–?)блатной, которому якобы негде

там, на 10–м, спать. Всю ночь он или сидит в ногах у обезьяны, или бродит где–то поблизости, а когда в 5 часов утра эти пахари “запретки” наконец–то сваливают “на работу” – тут же плюхается на освободившееся место и засыпает, хотя до подъема остается всего ничего. Ну, и множество других, постоянных и случайных людей, соседей, земляков, с этого барака и с других, постоянно приходит в мой (и ее, увы) проходняк, забивает его, садится на мою шконку и чуть ли не мне на голову. Гиперобщительная эта черножопая тварь оказывается чуть ли не самым популярным человеком – если не на всей зоне, то уж как минимум не бараке.

Главная же беда, главное их занятие, смысл всего их существования, когда обезьяна, ее “семейник”, многодетный даун не спят или не работают, – они пьют чай! Чай, чай, чай, чай, чай, сплошной круглосуточный чай без начала и конца! Вперемежку с чифиром, правда – и тогда еще больше всякой швали, из соседних проходняков или просто шедшей мимо и увидевшей, сбегается и слетается в проходняк, на его и мою шконку, чтобы из общей, затертой, гнусной даже на вид пластмассовой кружки глотать это мерзкое горькое пойло. Или вот, например, – с 5 утра уже раз 8 этих двух бедолаг вызывали “на работу” (пахоту), но каждый раз с вахты отправляли обратно. Так вот, уговорились заранее – и около 5 утра даун пришел в проходняк – будить обезьяну, брать чай, кружки, кипятильник и “заваривать”! Заваривать чифир, – как же, ведь идти “на работу” можно, только нажравшись чифира, без чифира какая ж “работа”! Они выжрали чифир, причем эта улыбчивая нечисть пыталась опять присесть ко мне на шконку, но я не дал ей – сам собирался вставать. (Землячок с 10–го в это же время разлегся на шконке обезьяны, головой к ее ногам, наискось, своими ногами полностью перегородил проходняк – и в таком положении тут же заснул.)Ушли; пришли почти тотчас, т.к. их не выпустили – и обезьяна немедленно потребовала чаю! До ухода – чифир, после прихода – чай, хотя между уходом и приходом прошло дай бог полчаса. И вот так постоянно: стоит этой азербайджанской твари прийти откуда–то, или проснуться, – тут же дауну, “семейнику”, соседнему проходняку: “Давай заварим?” (или: “Давай, заваривай!”). “Где кружка (“грушка”, как она это слово произносит)?” Если же сидят на бараке и не спят – то все равно, потребность в чае (реже – чифире) возникает у них примерно раз в час, если не чаще. Заваривают, заваривают, заваривают! Собирают толпу, не просто приходящую пить этот чай, но и ждать, пока он, в пластмассовой кружке, сверху накрытой другой опрокинутой кружкой, “заварится” на тумбочке. Занимают место на тумбочке, которого и так нет, когда я завтракаю и ужинаю, – у них чаепития приходятся с подъема до

отбоя и на завтрак мой, и на ужин, и много между. Иногда и сами принимаются жрать – ходили на днях порознь в ларек, накупили чаю, конфет, майонеза, консервов, лапши б/п и т.п. – и “запаривают” эту лапшу, накидав туда консервов и налив майонеза, диким количеством воды; получается, по сути, суп. “Запаривают”, а потом “заваривают” – в общем, жить становится тут все тяжелее, все мучительнее из–за толп, собираемых жрать и пить. Когда они – вдвоем с “семейником” или втроем еще с кем–нибудь – принимаются вечером жрать, то ставят в проходняк табуретку, занимающую всю его ширину, – ни встать, ни сесть, ни войти, ни выйти...

Правда, порой – типа, хорошо, дружески относясь ко мне, чтобы мне не мешать, обезьяна уходит пить свой чифир в соседний проходняк – вместе с соседями, прихватывая с собой и “семейника”, и еще кого–нибудь. Бывает, что готовят его вскладчину – ваш чай, наша кружка и кипятильник, или что–то наподобие этого. И – рефреном повторяется, всеми давно привычное, как фон всего здешнего существования – осведомляются друг у друга соседи по проходнякам и проходят по секции блатные – унылые или, напротив, злобные – попрошайки из “культяшки” с сакраментальным, набившим оскомину, вечным вопросом: **“НЕТ ПАРЫ КОНФЕТ???”**.

20.8.10. 7–50

Дождь лил всю ночь. О, эти ночные выходы к канализационному колодцу, во двор 11–го, под дождь, ветер и промозглую сырость ранней буреполомской осени!.. Дождь был, собственно, не особенно сильный, не проливной, но даже за короткое это время успевал я частично все же промокнуть. Сейчас, утром, пока я ждал чайник, в туалете опять остановили один (всего один!..) “дальняк”, подложив под него кирпичи, – и то легче.

Главное событие вчерашнего дня произошло уже после 9 вечера, когда всех опять выгоняли на проверку (мразь, бывшая завхозом 2–го, начала верещать: “Выходим на проверку!!!” еще аж в 20–45!..). Вдруг всех “мужиков” (из которых половина уже гуляла на улице) начали опять звать в “культяшку”. Потянулись вереницей. Меня никто не звал (в отличие от 13–го), да я бы и не пошел в любом случае. Я думал, что это опять насчет комиссии, едущей, видимо, завтра, – опять прятать, убирать, не ходить... Но оказалось – нет. Сосед, азербайджанская обезьяна, с которым мы вдвоем сидели в проходняке, начал делать мне знаки и что–то шептать, показывая на дверь “культяшки” (в соседнем проходняке сидели соседи), но я не мог понять. Оттуда тем временем неслись крики, приглушенный гул множества голосов. И только он успел

шепотом на ухо назвать мне 2 погоняла – как из “культяшки” пошел через секцию народ, среди которого и носители этих двух погонял – с физиономиями, разбитыми в кровь!

Первым шел младший из двоих – бывший ларьковский сучонок, 19–летний отмороженный гопник который все глумился надо мной, оскорблял всячески (но мне плевать на его слова), обещал ударить, и т.п. Харя его представляла собой кровавое месиво (поделом!), и он, по–моему, плакал. Вторым шел здоровенный лосяра 26 лет – блатной “козел”, еще весной приехавший с “девятки” и только недавно ставший здесь “бригадиром КОПа”.

Из разговоров с обезьяной (специально спросил сегодня утром, когда пришли с завтрака и было куда отойти во дворе, т.к. говорить при ком–то она панически боялась), а вчера, сразу после события, перед проверкой – с московским доходягой, выяснилась причина мордобоя. Оказывается, сучонок, или уж они вместе с “бригадиром КОПа”, “кинули” многодетного дауна–пахаря “запретки”, бывшего шныря, на 11 тысяч, – видимо, взяли в долг и не вернули. Из–за этого мелкий сучонок с неделю или чуть больше назад даже “сломился” с барака и сидел на “нулевом”, открывал калитки кнопкой, но потом вернулся. И вот... Интересно, кто их бил – не сам ли “подложенец”? :) Особенно интересно в свете сообщенной обезьяной утром подробности – оказывается, досталось вчера и кривоногому блатному наркоше; видимо, за то, что плохо “рулил” тут всеми процессами и допустил неотдачу дауну денег (зачем они ему? Нажираться каждый час кофе?..). Правда, по роже кривоногого это почти не было заметно – если бы азер не сказал, я не догадался бы об избиении кривоногого.

Комиссию пока не слышно, – это счастье еще впереди!.. :) (Правда, ходят порой смутные слухи, что эта комиссия то ли по поводу “запретки”, то ли еще что–то такое техническое – в бараки ей идти вроде и незачем.) А в остальном – быт остается страшно тяжелым, толпа в проходняке не иссякает почти что весь день, чаепития следуют за чаепитиями постоянно, с минимальными промежутками. Новый сосед с “девятки” тоже оказался любителем чая – заваривает его отдельно от остальных раз 5 в день, не меньше, и пьет вместе с какими–то своими “девяточными” приятелями, но, слава богу, хоть их не таща в проходняк (но зато, переливая, как они все, туда–сюда из одной кружки в другую, регулярно проливает свое пойло на пол). Сейчас весь синклит в сборе: обезьяна, ее “семейник”, пришедший к ним и вольно рассевшийся на моей шконке многодетный даун, а с краю – “девяточный” сосед. На тумбочке стоят 2 стакана с чаем

(или чифиром?) – сосед для себя, те трое для себя. Ни войти, ни выйти, ни повернуться, не говоря уж о том, чтобы вести здесь дневник, тем паче переписывать его (работа, требующая спокойствия, комфорта и сугубого внимания и тщательности). Кошмар... Эти твари буквально задушили меня здесь, в своем же проходняке, своей постоянной толкучкой, гостями, чаепитиями, вечно стоящими на тумбочке накрытыми кружками; а еще же к обезьяне вечером приходит знакомый по воле пацаненок с 3–го барака, с лицом дауна – втроем с ними жрать из общей миски лапшу с майонезом и пр.; а на ночь кое–как устраивается на ее шконке, заняв проходняк торчащими ногами, землячок с 10–го... Жить стало совершенно невозможно, и я все собираюсь посчитать, сколько раз в день эти твари заваривают и пьют свое чайное пойло, но забываю, сбиваюсь , не могу сосчитать за весь день полностью. Кто бы мог подумать, что чаепитиями можно так задолбать!.. В ларьке вчера не было почти ничего, кроме чая, сигарет и лапши б/п, но зато была дикая толпа народу, прорываться внутрь (сквозь заслоны КОПа) приходилось с боем, – и касса, и сама торговля идут в одно окно, вторые кассирша и продавщица в отпуске. У этих мразей, соседей моих по проходняку, на мое несчастье, там были деньги, – они накупили себе этого чая и будут теперь продолжать выжирать его, собирая в проходняке толпы... Суки! Не то что убить их за это, зарезать или застрелить – а самый кайф было бы что–нибудь всыпать им в этот чифир, чтобы навсегда избавить себя и мир от этой наглой, никчемной швали...

А матери вчера так и не позвонил. Хотел было пойти к “телефонисту” после ужина – по дороге в столовку попался их отрядник, идущий к себе!.. Попробую сегодня. А о последствиях моей встречи позавчера на 8–м, о судьбе “запасного варианта” пока ничего не слышно.

22.8.10. 7–55

Вчерашнее утро началось со стычки из–за занятой “фазы”. Прихожу кипятить чайник к завтраку – здрасьте, все 5 розеток заняты! И чем же? В 2–х заряжаются телефоны, еще одна – греется таз с водой, еще в одну включен холодильник, здесь же стоящий, и в последнюю с краю, у входной двери – удлинниитель, протянутый в ту секцию, где до сих пор ремонт. Время 7 утра, все спят, никакой работы там, в той секции, точно сейчас нет – и я, недолго думая, выключил удлинниитель и включил чайник. Через пару минут прибежала какая–то мелкая шваль (“дневальный”?): почему, мол, там отключился нагреватель? На хрена в пустой секции нагреватель, скажите на милость? А оказывается, он там работал всю ночь, чтобы... обои не отклеились! Суки! А я из–за

ваших идиотских ремонтов, обоев и пр. не могу себе чаю вскипятить!.. Мелкая сволота, конечно, и не подумала подождать 5 минут, пока чайник вскипит – выдернула его вилку и воткнула опять свой удлинниттель. Что мне оставалось делать? Я выключил холодильник, как не раз при мне делали тут блатные и полублатные – по вечерам, когда к “фазе” обычно очередь. Тотчас заверещал сидевший здесь же, у стола “дневальных”, шнырь–контрактник, – мол, сколько раз “говорили” (т.е. блатные приказывали) не отключать холодильник; мол, хорошо, что кривоногий наркоша (легший накануне “на крест”) не видит. Его (шныря–контрактника) личной жратвы там нет – ну, один раз, помню, держал он там пакет майонеза, и то половину съели блатные :) ; но тем более рьяно он, как и всякий шнырь здесь, рванулся в бой за интересы своих блатных хозяев. Нет на зоне существ более злобных и омерзительных, чем шныри, “помощники” блатных. И раньше–то, и на воле–то не были людьми (всего лишь бессмысленным пьяным быдлом), а попал он сюда, стал шнырем – и все, человеческого в нем не остается вообще ничего, наступает окончательное озверение... Когда же я сказал шнырю–контрактнику, что, мол, что же мне делать – чай не пить, что ли, из–за их ремонтов, холодильников, телефонов и пр. – эта наглая тварь, то и дело готовящая блатным хозяевам жрать (на плитке, включенной в эту же “фазу”) и таскающая им в “культяшку” на подносе, как заправский официант, по 5 тарелок с супом, – эта мразь заявила мне, что, мол, есть надо в столовой!..

Продолжение последовало вечером, когда я пришел кипятить чайник на ужин. Опять вся “фаза” занята; и тот самый здоровенный, наглый, глупый, но типа “начитанный” полублатной качок лет 26–ти из “культяшки” (все разговоры на “интеллектуальные” темы – сперва громкие прогоны о “Великой Германии” и “арийской расе”, позаимствованные из советских фильмов о войне; потом же, переходя от “шуток” к “серьезным” темам – глубокомысленный совет: “надо читать библию”, – в ней, мол, есть всё...) с проклятиями выключает и уносит свой чайник – огонек на нем горит, но сам чайник, по словам качка, не работает. Я включаю в освободившуюся розетку свой чайник. Проходит чуть не 5 минут, качок возвращается, не моргнув глазом и не сказав ни слова, не задав ни вопроса, просто выдергивает вилку моего чайника и опять втыкает свой! Драться с ним из–за этого мне как–то не хотелось; да и стоило бы мне открыть только рот, произнести первое слово – на меня с воем накинулся бы (словесно) весь хор, вся присутствующая в “фойе” и ходящая мимо туда–сюда мразь. Читатель библии поругался еще, что чайник так–таки не работает, послал подальше всех, кто

изъявлял готовность тут же, на месте, починить его – и ушел. Тут же стоявший рядом другой качок, 20 лет, еще более глупый (идет на днях на суд по УДО – и уже всей родне и друзьям по телефону раззвонил, что такого–то числа, через 10 дней после суда, уходит домой; а реальный конец срока – в январе 2011), подошедший уже после меня, втыкает свой чайник, который уже держал наготове. Пришел позже, а вскипятил раньше – и как будто так и надо; не зря еще в 2008 я писал, что поразительная, запредельная наглость и бесцеремонность составляет самую основу, сердцевину психологии всей этой уголовной мрази. Вскипятил он, за ним наконец–то я – и после этого кто–то из стоявших рядом воткнул в эту розетку... вилку от холодильника! Т.е., все это время он стоял выключенным (читателем библии, без всякого сомнения), но торчавший тут же шнырь–контрактник никакого абсолютно визга по этому поводу не поднимал.

Что еще? На улице по–прежнему холодно и ветер, небо в облаках, сквозь которые изредка проглядывает солнце. Дожди, слава богу, прекратились. Еще август, но я счел за лучшее надеть уже телогрейку, благо она есть. Еще, говорят, будет бабье лето, t° до +35; а пока – уже телага и шерстяные носки.

Последнее событие – с утра из каптерки велели забрать (!!) все вещи, – будут морить там крыс!! :)) Не верится прямо – то тащили всю жизнь только туда, а ту вдруг – потащили оттуда. И – у азербайджанской обезьяны пропали, оказалось, какие–то вещи, а у ее “семейника”, недавно переведенного сюда с 12–го – телогрейка. Вот они, плоды излишней покорности, готовности “убирать лишние вещи” ради любой комиссии и вообще – делать все, что прикажут...

Бесконечные чае/кофе/чифиропития продолжаются полным ходом, как и толкучка в проходняке. Многодетный даун не вылезает отсюда, а землячок–азер с 10–го не только ночует (“валетом” с обезьяной, положив ей – сегодня под утро – поджатую ногу прямо на спину), но вот явился только что снова и завалился на ее пустую шконку...

24.8.10. 8–04

День рождения, блин... Опять... Праздничек, мать его... :)) Все то же снова и снова: каждый год в этот день, подведя очередные итоги прожитого, ты понимаешь, что твое рождение и вся жизнь были лишь недоразумением, и сам ты – досадная ошибка природы. И ничего исправить уже нельзя, увы, – если и была смутная надежда, что все еще наладится, когда жизнь не складывалась уже и в 1–м классе...

Вечерняя проверка опять была вчера под проливным дождем. Никто, конечно, и не подумал вспомнить пункт из их же ПВР

насчет проверок в ненастную погоду. Стадо рабов... Стояли кто на лестнице барака, под крышей (в т.ч. и я), кто – под грибками во дворе; но пришли “мусора” – надо спускаться и строиться. Не так и долго там простоял, под открытым небом, минут 5, м.б., или чуть дольше – но и “тепляк”, и роба, и казенная шапчонка сырые до сих пор...

Еще до этого, вчера вечером, ублюдки – азербайджанская обезьяна и многодетный даун, вместе пашущие “запретку”, вместе же пошли в ларек. (Не в “свой” день, разумеется, но кого волнуют такие мелочи?! Это меня не пустят ни за что, хоть сдохни, а быдлу типа многодетного дауна – везде дорога! “Помоечные шавки – хозяева земли.”) Зарплата за “пахоту” вся, на двоих, идет на счет дауну, т.к. у обезьяны висит большой иск, будут вычитать, если что. На двоих им, оказалось, начислили 600 рублей зарплаты, они купили себе курева (блоками), чая, кофе (2 банки, 110 руб. из 600–т), печенье (дрянное, нижегородского производства), шоколадных конфет, несколько пачек лапши б/п. Пришли – и пошла раздача, толчея, прибегающие клянчить выродки–недочеловеки, пошел пир горой! Жрать стали не после проверки, а прямо сразу же – хорошо, что я уже успел все себе приготовить и сидел ел, когда они приперлись. Кофе, потом – с другими соседями, из другого проходняка – еще раз кофе (из одной кружки всей толпой, тьфу!..), потом чай, потом ужин, потом опять кофе, чай, кофе... и так без конца. Как хотите, а я, глядя на них, поневоле, помимо сознания, инстинктивно воспринимаю как унижение и оскорбление, когда бессмысленный комок биомассы, сиволапый деревенский быдляк, там – тракторист, здесь – шнырь, и другие столь же бессмысленные выродки пьют кофе с шоколадными конфетами, да еще каждые полчаса. (Слава богу, ни кофе, ни конфет им такими темпами надолго не хватит, и – сосите палец, ребята! :) Слишком это роскошно для них (по здешним, правда, меркам). По нормальным человеческим представлениям, эти сверчки должны знать свой шесток, чего в данном случае нет и в помине – сиволапое быдло чувствует себя хозяевами жизни, господами... над такими, как я. “Если таким давать права, то понизится общий уровень человечества” (Новодворская). Сечку жрите, твари!..

После обеда вчера вдруг вызвал в 15–й кабинет Агроном – оказалось, у него сидит Овсов, тот самый старый прокурорский хрыч. Взял с меня объяснения по жалобе Глеба Эделева и его адвоката, что их тогда, 27–го мая, пустили ко мне всего на час, даже меньше. Я, разумеется, подтвердил, что времени поговорить о делах нам категорически не хватило. Жалоба по поводу ублюдка–“подложенца”, ударившего меня 13 июля, до него,

видать, еще не дошла, хотя из Нижнего в их Сухобезводное была отправлена еще аж 6 августа – в прошлый понедельник, 16–го, мне пришла об этом официальная бумажка через спецчасть. Но толку от этих жалоб все равно нет.

А утром вчера из штаба, по красному телефону, стоящему на столе “дневальных”, звонил некий Алексеев – как он сказал, и.о. зама по кадрам, т.е. сейчас он вместо загадочно исчезнувшего Русинова. Спрашивал, смогу ли я завтра (т.е. уже сегодня) прийти побеседовать с ним. Надо же, они стали заранее осведомляться, удобно ли мне зайти, свободен ли я!.. :))) Время, правда, обещал уточнить уже сегодня новым звонком, а от моего предложения поговорить прямо в тот же день (вчера) отказался – типа, занят... Первая мысль – мать именно вчера, в понедельник, собиралась с утра звонить Демину, и.о. начальника на время отпуска “Макара”, по поводу выкидывания моих вещей, уничтоженного туалета и пр. М.б., этот Алексеев звонит и хочет со мной поговорить по поручению Демина? Тот мог бы, честно говоря, найти время и сам... Если же нет – это может быть какой–нибудь неприятный сюрприз – но, к счастью, не новый следователь с каким–нибудь новым (либо старым, нижегородским, от 6.6.2007) делом – иначе до завтра откладывать никто бы не стал.

Мерзость, гнусь, тупое быдло и рабы вокруг. Я ненавижу их, эту мразь, этих насекомых, так, что и сказать нельзя. Ненавижу и презираю. Просыпаясь в 5–м, а то и в 4–м часу утра, лежа подолгу без сна, готовясь вставать и идти на 6–й – я проклинаю их, про себя, как все эти годы, повторяю проклятия и желаю скорейшей мучительной смерти всему этому сброду – за ту скотскую, рабскую жизнь, которую они для меня создали, на которую они меня своим рабством обрекли – и здесь, и на воле. С покорным, туповатым остряком–быдляком, приехавшим с “девятки” в наш проходняк, я порой говорю об этом рабстве и скотстве – не специально, когда сам выруливает на это разговор. Он говорит мне в ответ, что, мол, большинству есть что терять, поэтому бунтовать они не склонны, и что ему лично жизнь его и его дочери, возможность вернуться и воспитывать ее – дороже. Дороже свобод?..

Кстати, насчет “девятки” этот тип порассказал вчера вечером кое–что интересное. В частности, что там точно так же, как и здесь, когда в марте по приказу Реймера упразднили СДиП, создали тотчас “секцию пожарной безопасности” с теми же точно функциями, и на всех СДиПовских будках, как и здесь, написали: “СПБ”. И что тамошний “по(д)ложенец”, точно так же, как и здешний, работает на администрацию зоны. А зам. по БиОР тамошний, как–то собрав к себе на прием завхозов (“старшин”,

т.е. старших дневальных) и блатных со всех бараков, так прямо и говорил им: “Сперва заходят “красные” старшины” (завхозы) – а потом, поговорив с ними: “Теперь заходят “черные” старшины”...

25.8.10. 7–43

Опять безумные новости, опять вся жизнь моя здесь грозит полететь кувырком. Увы, в этой жуткой жизни, полной тягот и – хуже – унижений, любая мелочь воспринимается как событие, любая более–менее крупная неприятность – как катастрофа.

После ужина вчера пошел к “телефонисту”. Тот огорошил: пока он 3 дня был на свиданке, оказывается, его “труба”, оставленная им стремщикам, “пыхнула”! Он сам на оставшиеся до дома 4 месяца оказался без “трубы”, так что сам в шоке.

При мне пошел – к какому–то таинственному и могущественному типу из зэков, на кого якобы здесь оформлен весь ларек – пошел туда же, в ларек, к нему – узнавать, нет ли “труб” на продажу. Я тем временем рванул к “запасному варианту”. Он, оказалось, только что, пока я был у “телефониста”, “пробивал” меня к себе на 8–й через “дорогу” (“дорожников”), но те, естественно, меня в бараке не нашли. А “пробивал” потому, что звонила мать.

Мать сообщила еще одну, самую грандиозную новость. Она дозвонилась–таки Демину позавчера, в понедельник, и все ему рассказала, попутно еще и сгустив краски. Потрясла меня – с ее слов – реакция Демина: “Я его переведу на другой барак!”. На 13–й, вроде бы обещал он матери.

Что же мне теперь – опять ждать и готовится, жить на чемоданах, как все прошлое лето, и нервничать – переведут или не переведут? Конечно, хуже, чем здесь, мне там не будет – ну, будет эта блатная шваль тянуть деньги, но т.к. связи на 13–м у меня, 99%, не будет, то и денег они не получат. А здесь – мало, что 2–й этаж, устаешь лазить вверх–вниз, – но уже в той, блатной секции вроде заканчивается ремонт, клеят обои, ищут деньги на линолеум. Когда “мужики” опять переедут туда, а здесь опять останется “красная” секция под командованием 2–х остервенело–злобных “козлов” – грядущая зима здесь может оказаться еще свирепее и безумнее, чем предыдущая, с выволакиванием тумбочек по четвергам, недопуском в ботинках, выкидыванием телогреек, выгоном на проверку за 30,а то и за 40 минут, и т.д. и т.п. Лучше уж свалить туда; да и туалет здесь хрен знает еще, когда починят...

Но там – своя беда: “дорога” на другие бараки только через окно. Если сейчас все–таки сделают магнитные замки на все “локалки”, и открывать их будут только “мусора”, – то ни на один барак, кроме своего, через калитку не попадешь, только “дороги”

и останутся. А окно – высоко, еще вылезти из него на улицу – так–сяк, но влезть обратно будет большой проблемой. А иначе – сиди без связи: ни один из двух гипотетически пока остающихся вариантов ко мне туда с “трубой” лазить не будет.

Никакой Алексеев ни на какую беседу так и не вызвал. Это только убеждает меня в том, что он хотел говорить об этих моих проблемах, описанных матерью Демину. Если б им нужно было что–то ДЛЯ СЕБЯ – они бы вызвали в тот же день, в воскресенье.

Начали–таки разбирать баню – это еще одна плохая новость. Сняли пока часть крыши – и металлических листов, и бревенчатого настила под ними – с той части здания, где труба, с другого от самой бани конца. Давно говорили, что крышу в бане нужно переделывать, она худая, течет и т.д. Но вряд ли, конечно, они ограничатся только крышей. Ходили на завтрак – я посмотрел – из большой банной трубы шел легчайший, едва заметный дымок. М.б., еще и без крыши она какое–то время поработает? По крайней мере, завтра четверг – банный день у 11–го, – и идти ли туда вообще, чем меня там встретят, пока совершенно неясно. А осталось–то всего 30 бань, 207 дней...

Среда... Как бы не было сейчас шмона...

13–40

Шмона не было. Обошлось и на этот раз. Осталось 29 шмонных сред...

А коллизия разрешилась просто. Пришел около 11–ти отрядник 5–го, сел в кабинете Палыча и вызвал меня к себе. Теперь, видимо, он и будет замещать Палыча, ибо более близкие – и Вася–козел с 1–го, и отрядник 6–го – тоже отсутствуют, в разъездах... Вызвал, и первым, в крайне глумливой форме, приглашение это мне выкрикнула через всю секцию как раз злобная “козлиная” мразь – убийца Маньки, что оказалось весьма кстати впоследствии.

Отрядник 5–го сперва заставил прочесть ему “доклад” о себе, тупой урод, хотя прекрасно меня знает с первых моих дней здесь – он был первым моим отрядником, когда с карантина меня “подняли” сперва на 5–й. Недаром я всегда считал, что это самый тупой, дебильный, деревянный из всех здешних отрядников. Я сел, и он вдруг суперофициальным, казенным тоном спросил, все ли у меня нормально и всем ли я доволен в отряде, не перевести ли меня на какой–нибудь другой барак.

Я–то думал, что он меня вызвал отдать письма – открытки к д/р, и сперва несколько опешил. Потом, придя в себя, сказал ему, что если он хочет со мной разговаривать о таких вещах, то надо это делать не таким тоном. Я–то имел в виду дубовую казенность его тона, а он возмутился – мол, я нормально, спокойно

разговариваю, – типа, не орет, так уже хорошо. :) Несколько удивившись – надо же, теперь вот и этому поручили со мной разбираться, – я рассказал ему все – и про хулиганский акт выброса вещей в конце июля, и про готовящееся повторение этого хулиганства в конце сентября, и т.д. Забыл вот, жалею, сказать про уничтоженный туалет, который меня “в отряде” очень напрягает.

В общем–то, это был разговор ни о чем. Про перевод на другой барак – а будет ли там лучше? Ведь хорошо там, где нас нет; так что оставшиеся 7 месяцев (удивление у отрядника 5–го!) я уж как–нибудь досижу, если администрация успокоит чересчур разошедшихся “козлов”. По косвенным признакам, еще я не назвал фамилию, он уже понял, о ком конкретно речь – об этом ублюдке, убийце Маньки, который и звал меня первым к отряднику (т.е., хоть будет знать, что не я сам ходил (“бегал”) на него жаловаться, а меня вызвали). Вроде обещал, что администрация их успокоит – но как, насколько надежно будет это успокоение?.. Попутно вспомнил я случай и с другим ублюдком – “подложенцем” – и как только назвал фамилию, в глазах этого дуба мелькнуло что–то – то ли полуулыбка, то ли какая–то искра понимания, я затрудняюсь определить эту его реакцию точнее; но по глазам было сразу ясно, что фамилия ему хорошо знакома и что с этой проблемой (носителем фамилии) он тоже сталкивался. Так же – неуловимо, неопределимо словами, но вполне ясно по глазам – отреагировал он и когда я сказал, что сей субъект вполне управляем администрацией – ко мне, мол, по словам его клевретов с 11–го, тогда, 13.7.2010, пришел прямиком от Макаревича, а другие его клевреты, я лично видел, без стука, как к себе домой, заходят в кабинет Демина, начальника оперчасти. И хотелось бы, м.б., возразить, отказаться – да крыть отряднику 5–го было явно нечем, правду эту он, видимо, тоже знает хорошо и во всей полноте.

Не помню, по ходу беседы, а скорее – уже после – меня вдруг озарило: да ведь фамилия отрядника 5–го – Алексеев! И мне недавно звонил какой–то Алексеев и хотел побеседовать, как раз в день звонка матери Демину. Тот, правда, представился: “и.о. (зама?) по кадрам” – но кто сказал, что начальник отряда не может совмещать эту должность с какими–то другими, тем паче временно (“и.о.”)! Так что, по всей видимости, это он и был, и обещанный разговор состоялся с отсрочкой не на 1, а на 3 дня.

Когда я зашел в его кабинет – он как раз заканчивал там разговор с кем–то еще и попросил выйти подождать. Я вышел – и ждать пришлось, увы, в “культяшке”, населенной блатными. На ближайшей от двери отрядника шконке, посреди помещения,

лежало то самое супер–пупер–блатное чмо, привезенное (назад) не так давно с “девятки” – всем здесь рулить и, по–видимому, несмотря на молодой еще возраст, страдающее геморроем. Я встал у притолоки – и это существо не замедлило спросить, что мне надо, зачем я жду, или как–то так, – традиционный для них для всех, этих насекомых, досужий интерес и сование носа не в свои дела. Я кратко ответил и вскоре зашел в кабинет. А сейчас, уже пришли с обеда, это чмо шло мимо моей шконки к себе, запнулось, обратив внимание на кого–то, идущего навстречу – и я нутром почуял, что сейчас оно заметит меня. Точно: эта сверхнаглая тварь увидела – и сварливо спросила: что это мол, ты жалуешься “мусорам”, что у тебя, мол, вещи выкинули: что здесь, “людей”, что ли, нет? Ага, знакомая песня: “людей”, которые если не сами приказали “козлам”, то по крайней мере поддержат всей душой и будут аплодировать любому глумлению “козлов” надо мной, в котором вся эта кодла справедливо видит чужака – и опасного чужака! И к этим–то “людям”, ревностно исполняющим приказ штаба не давать мне телефон, а от себя – вволю глумящимся надо мной и поносящим меня за всякий ими же сочиненный вздор – мне каждый раз ими же, “людьми”, предлагается обращаться в поисках защиты от всех глумлений и притеснений!.. Но, по крайней мере, из реплики блатного геморройщика я, как в таких случаях обычно бывает, понял, что отрядник 5–го все же высказал что–то злобным “козлам”, как обещал – и те, как водится, немедленно пожаловались (поконтржаловались тут, пожалуй, точнее :) на меня блатным.

Да, забыл еще про вчерашнее, про “телефониста”. Идя “дорогой” с 8–го на 11–й, на 6–м издали вчера увидел его, и он замахал мне. Оказалось, ему там предложили какой–то телефон за 3000 р., и он, в свою очередь, предложил мне купить его вскладчину пополам, т.е. как–то стрясти с матери 1500 р., что кажется мне совершенно нереальным...

15–25

Даже не полторы, а 2 тысячи оказались нужны, – только что “телефонист” прибегал лично, сам. Взял у кого–то из местных блатных “трубу”, дал мне позвонить матери – а она сказала, что ей он звонил вчера в 11 вечера. Но мать – ни в какую, не хочет и слышать о том, чтобы опять давать этой твари деньги (что можно, конечно, понять) и уповает теперь исключительно на “запасной вариант”, что весьма глупо с ее стороны. А если вдруг “спалится” “труба” и у него? Или сломается? Или его прищучат строгим запретом давать мне телефон?..

27.8.10. 7–45

Отшумел вчера очередной безумный день, вымотавший меня

настолько, что просто караул... Завтракал, а после этого собирался в баню (четверг) – вдруг заревела сирена! Как известно, здесь это народная примета – к шмону :) (сбор всех “мусоров” со всех смен по этой сирене, или что–то в таком духе), так что я срочно распихал по более укромным местам 2 заточки – беда, если заберут. Собственно, кроме заточек (самодельных ножей для резки продуктов) и дневника, мне прятать–то и нечего, остальное – просто раскидают, собирай потом 2 часа. (Ах да, еще кое–что из “вольных” шмоток могут забрать...)

Пошел в очень тревожном, нервном настроении в баню (слава богу, она еще работает). Там повезло, – не так уж и мало было народу, но я почти сразу нашел свободную “лейку” (она была вообще выключена, хотя чья–то мочалка – знак, что занято – на ней висела; я включил ее). Возвращаюсь “домой” в барак, сижу, читаю 5–й том собрания сочинений Бродского с его эссе, принесенный мне тем “девяточным” библиотекарем из библиотеки (безумно интересно!) – а сам весь на нервах. Полдесятого, десять, пол–одиннадцатого... Короче, обошлось и на этот раз, шмонов нигде не было. Я–то ждал – под постоянные разговоры, что “в лагере комиссия” – массированной уборки–прятанья вчерашним утром – но и этого тоже не было; про комиссию же стали говорить, что она вроде уехала.

Следующим тяжелым испытанием был ларек. Пришел к 14–00 – на крыльце уже стоит толпа, внутрь пускают редко и по одному–два – обычная у этих тварей манера; якобы там, внутри, слишком много народу. (Но блатные азера, тем не менее, на моих глазах пролезли преспокойно внутрь целой кодлой, человека 4.) Злобный 21–летний дебил, еще один теперь “ларьковский сучонок” (вместо того, но на год постарше), к тому же стал вдруг верещать: мол, “мужики, сойдите с крыльца, не вы сюда краску покупаете!”. Якобы, он для этого крыльца купил сколько–то краски, а тут она стирается от стоящих на крыльце; типа, трое остаются на крыльце, а остальные пусть сойдут. Ага, чтобы вообще никогда в этот ларек не попасть, как со спецчастью регулярно бывает! “Мусор”, блин; мразь!.. кое–кто из стоявших на крыльце, правда, начал ему отвечать – в том духе, что, мол, краска все равно не вечна; очень мало и скромно отвечали, тогда как, по моим представлениям, толпа должна была бы этого глупого щенка на части разорвать за такие чисто “мусорские” повадки.

Подходя к ларьку, встретил там вдруг любителя моих сигарет. Тот сразу же принялся шутить, но вид у него был все же несколько смущенный. Я сказал, что надо поговорить, и он обещал зайти после отбоя.

В ларьке – сперва на крыльце, а потом, основную часть времени – внутри – я простоял больше 2–х часов, обслужили меня уже в начале 5–го, хотя закрывается ларек в 4 на перерыв до 6–ти . В 3 часа уже перестали пробивать чеки – перед единственным окном (2–я продавщица, как каждое лето, в отпуске) стояла довольно–таки приличная толпа, причем кто–то постоянно лез в окошко без очереди и из–за этого стоял постоянный крик и ругань. Достоялся я до того, что и спина стала болеть, что бывает мной нечасто; все норовил опереться рукой о стену – точнее, о бок высокой круглой печки, встроенной в эту стену, но и это не помогало; нога же после двухчасового стояния болит до сих пор, ни вчера вечером, ни сегодня утром я не мог на нее наступить.

Самое же обидное, что все это оказалось почти что зря. Вчера, в четверг, у них был завоз, что нетипично (как правило, он бывает в понедельник и пятницу) – и за 2 часа, пока я подошел к окошку, половины всего, что я хотел взять, уже не было! Ни рулетов, ни такой колбасы, как я хотел (в батонах; осталась только грубая, с салом, кольцами – “Краковская”, или как ее там), ни сыра; даже хлеб – и тот кончился, и с этой “Краковской” сегодня пришлось жрать все тот же столовский черный хлеб – слава богу, он сейчас хоть не такой кислый.

Пришел обратно в барак – тут тусуются цыгане, те самые двое, что приходили раньше ко мне, а еще до того – к злобной цыганской обезьяне, в июне освободившейся. Обалдеть! – у старшего из них, которого я знаю еще с 13–го барака, приехал теперь сюда какой–то двоюродный племянник, что ли – пацаненок лет 19–ти, сразу вставший здесь на “блатную педаль”. Теперь они ходят к нему – ну, а заодно уж зашли посидеть и ко мне (хотя я устал от 2–х часов стояния так, что лучше было бы мне без них полежать). Кто–то (родственничек?) дал им кофе (в пакетик от сигаретной пачки), у меня они выпросили несколько карамелек (пачку которых я купил в ларьке специально для таких вот попрошаек на остаток денег) – и звали к себе на 7–й пить это кофе, или же – хотели сами прийти с ним опять ко мне часов в 8. Я сказал, что лучше приходите после отбоя.

Спать здесь нормально не дают, подъем в 6 утра, а я не сплю обычно уже в 54 или в начале 5–го утра. Так что пришел с вечерней проверки, лег на шконарь – ждать, когда погасят свет – и чувствую, что засыпаю, сил совсем нет. Из обещавших никто не идет. Свет погасили, соседи нажрались–напились, ушли курить – и я уж думал ложиться спать, как вдруг появились из темноты цыгане! :) Сели; но – смотрю, ни о каком кофе уже и помина нет; пришли так, нехотя, еле–еле – посидеть, повздыхать, повспоминать в 100–й раз, сколько кому осталось... Короче, могли

бы и не приходить. И тут вдруг появляется сигаретчик! Эти двое воспользовались этим как предлогом, чтобы уйти; а с сигаретчиком мы пошли разговаривать во двор.

Он начисто отрицал – на мой прямой вопрос – что они с его другом–шнырем меня кинули; а на вопрос, куда он вдруг пропал, сказал, что ему, мол, стыдно приходить ко мне, пока свое обещание насчет “трубы” он не выполнил (а деньги за нее уже потрачены!). Рассказал мне ту же историю, что и шнырь: что “труба”, которую какой–то их знакомый “тянул” с “промки” в “жилку”, “спалилась” по дороге, а сам знакомый сейчас сидит в ШИЗО. И как выйдет – будет “затягивать” новую (версия сигаретчика), или же отдаст свою (версия шныря в разговоре со мной пару дней назад). Так что, м.б., есть смутная надежда, что деньги эти еще не потеряны зря, – если, конечно, эти двое не врут. Но оба они наотрез отрицают слова кассирши, что мои 3000 они потратили в тот же вечер, пятницу 6 августа. По словам шныря, только в понедельник кто–то, кому предназначались эти деньги, пошел с его (шныря) биркой в ларек и от его (шныря) имени, т.е. выдав себя за него, этот чек забрал. Получается непреодолимое разночтение, сильно портящее всю их стройную версию.

Потом мы поднялись с ним наверх, посидели еще в темноте на моей шконке. Сигаретчик рассказал, что теперь он – от абсолютного безделья и скуки на 10–м – надел там “косяк” “предКД”, т.е. “кружок досуга”; что он там сейчас один из трех всего лишь “козлов” (не считая завхоза) и теперь водит 10–й барак в столовку, в санчасть и т.д. От меня пошел, по его словам, на 13–й, к шнырю, узнавать у него про сидящего в ШИЗО и перспективы получения “трубы”. Ко мне обещал зайти или сегодня с утра (но пока нету), или после отбоя. Ушел (не забыв, как всегда, попросить у меня сигарет; я дал), а я завалился спать, и на этом безумный вчерашний день был закончен.

Сейчас, пока писал – “дневальный” проорал: “Наводите порядок, сейчас Демин пойдет с обходом!”. Но сильной паники вроде пока что нет. Еще вчера на двор начали вытаскивать из “культяшки” и красить шконки; сегодня с утра поволокли уже из “фойе” и этой секции. Красят их (на хрена??!!.) в темно–зеленый цвет, и предназначены они для той секции – ремонт там, видимо, закончен или заканчивается.

А по всем прочим баракам, хоть лето уже и заканчивается, тоже вовсю кипят ремонты, а где и только начинаются. Как будто с ума все эти твари, насекомые, посходили! Уже почти закончили облицовывать плиткой “фойе” на 7–м; на 8–м оно, как и на 11–м, загромождено шконками (правда, там оно и побольше) –

ремонтируют секцию слева от входа. Забито “фойе” и на 6–м, как и самый выход на улицу. На 10–м тоже – “культяшка”, “фойе”; в общем, сплошной, тотальный погром везде, эпидемия бессмысленных косметических “ремонтов”, повторяемых тут каждые год–два с упорством, достойным лучшего применения. И – как венец всего – по словам сигаретчика, на 13–м вся та сторона, что выходит на 10–й – “маленькая” и “красная” секции, кабинеты отрядника и завхоза – стоят без окон, с разобранными даже полами! – но зато туалет на 13–м, в мою там бытность самый, наверное, ужасный из туалетов на всех бараках, сейчас шикарно облицевали плиткой...

18–26

Опять устроили погром эти мрази. Впрочем, я уже ждал его, был, так сказать, морально подготовлен. :) Еще в июне, когда вскоре после заезда в эту отремонтированную секцию все шконки по приказу самого злобного “козла”, убийцы Маньки, сдвигали, чтобы втиснуть еще одну, а мои вещи из–за торца шконки выкидывали, куда попадут, – уже тогда было ясно, что после конца ремонта в той секции будет новое сдвигание – в обратную сторону – и новый погром моих вещей. Полублатные выезжают, их шконки вытаскивают красить, остальные двигают – и беды не миновать...

Но не просто двигают. Ублюдок, глумливая мразь, еще один “козел” прежнего, год назад, 11–го – выдумал еще и положить тех, кто вместе работает, в общие проходняки. А шконки убийца Маньки почему–то решил не просто сдвинуть вместе с тумбочками, а велел поднимать каждую – и переносить на 1 проходняк вперед. Причем именно по стене, т.е. где я.

Чуя беду, я на этот раз вытащил загодя все пакеты из–за торца шконки и повесил на крюк над изголовьем, а доску – под матрас. (Ту доску, выпиленную еще старым алкашом с 13–го, на которой раньше я ел, она лежала поверх старой тумбочки. Другая же, больше размером, которую сигаретчик летом выпилил мне специально, чтобы ставить за торец шконки, – погибла в предыдущем погроме, когда в июле я был на свиданке, а эти ублюдки выбросили все мои вещи.)

Думал: ну ладно, на проходняк вперед – черт с ним, лишь бы сразу тумбочку свою забрать. Но оказалось, замысел “козла” был хитрее: шконку мою унести вперед, а меня самого оставить на месте, т.е. переложить на другую шконку, долженствующую быть принесенной. Два здоровяка, 20 и 22 лет, с явным отставанием умственного развития, написанным на лицах, взялись было тащить мой шконарь – но тут эта гнида, глумливый “козел”, заверещала, чтобы, мол, я убрал все, что на ней лежит, и даже сам

матрас скрутил – все равно, мол, его перекладывать. Я стал убирать кипы бумаг и газет, книги, все, что лежало под изголовьем; часть положил на тумбочку, часть – на уже перенесенную вперед шконку азербайджанской обезьяны, в это время время отсутствовавшей. Глумливый “козел” подскочил и скинул эту кипу газет на пол. Здоровяки–дауны уже взялись было за мой шконарь, отодвинули его далеко от стены, но тут вмешался злобный убийца Маньки и сказал глумливому: мол, оставь его здесь, хрен с ним, передвинь следующие шконки!

Шконку тот оставил в покое, но сделал попытку переселить меня куда–то в соседний (ближе к выходу) проходняк – мол, этот займет бригада КСП–шников (“красные” работяги, натягивающие “колючку” и пр. на “запретке”). Я отказался наотрез; видимо, зная мой характер, эта мразь на переселении не очень–то настаивала. Вокруг уже стоял глумливый, злобный, издевательский, остервенелый визг и вой этих тварей: двух упомянутых “козлов”, плюс бывшего завхоза 2–го (который, все призывал, как обычно, к физической расправе надо мной – сжечь, избить, разбить ... (то, как они именуют лицо, в том числе и свое), а также – выбросить все вещи, переселить в “петушатник”, в “локалку” и т.д.); плюс – разные мелкие, но тоже глумливые подголоски, особенно – один из тех двух даунов–здоровяков, тот, что помоложе. Выли, визжали, хохотали, “острили”, – словом, глумились вволю; возник целый хор и целый спектакль около моей шконки. Но меня–то этим не возьмешь!.. :) Визжите, суки, сколько хотите!.. А поднялся визг с того самого момента, как я вынул из–под матраса первую кипу бумаг и пакет с письмами. Их это страшно возбудило, они завыли, – видать, хочется сказать что–то глумливое, но не так–то просто – очень уж нетривиально видеть здесь много книг, газет, бумаг, а не все то, к чему они привыкли и что ценят (чай и курево, прежде всего) Что–то же надо придумать, чем скомпрометировать! – и несколько тварей, не сговариваясь, тут же заверещали, как им ужасно “воняет” от моих книг и бумаг, глумливо запели: “запахло весной...” – хотя чем же может вонять от книг? Просто это самый надежный тут, у них, у быдла, простонародья, примитивных насекомых, способ унизить, “опустить”, скомпрометировать, втоптать в грязь любого человека или вещь: заявить громко, что от него (нее) воняет. Прием безотказный – еще Горький в “Детстве” упоминает, что соученики по ЦПШ так же вот врали про него учителю, что от него воняет. Жизнь и нравы нижегородского быдла не изменились за 130 лет. Ну так раз вам “воняет” – чтоб вы поскорее задохнулись и копыта отбросили, выродки!..

В общем, меня оставили на моей шконке, шконку на месте –

но она была далеко отодвинута от стены. Сил задвинуть ее обратно у меня, ясное дело, не было. Стопки бумаг и книг я, под их улюлюканье, уже положил обратно под матрас. Два здоровяка–дебила (или один? С кем–то еще? Не помню.) взялись придвинуть ее, у них сразу не получилось (точнее, придвинули, по–моему, но не совсем до конца) – и тогда эта мразь, глумливый "козел", зайдя в соседний проходняк, начала сама срывать с крючка висящие у меня над изголовьем пакеты и швырять их на пол. Затем она сошвырнула на пол – в мою сторону, но не до конца – мой матрас, подушку, и по частям стала швырять на пол все бумажное, что лежало под изголовьем.

Кульминация! Торжествующий рев, вой, улюлюканье достигли своего апогея, а в моем проходняке образовалась хаотическая большая куча из моих вещей и бумаг. Этого–то им и надо было, всей этой швали, устроившей этот спектакль – и действующим лицам, и статистам, и зрителям: при мне, открыто и публично устроить мне этот погром, предельно унизить, ясно показать, насколько они сильнее меня – и могут сделать со мной все, что захотят, глумиться, как им будет угодно. (Тем паче, что ударить, несомненно, очень бы хотели, да боятся.) Во всем этом был какой–то элемент театра, для меня это несомненно. Но – это трагическая реальность, хоть и выглядит как театр, как шоу. Такой же эпизод есть, помню, в "Круге первом" у Солженицына – когда жена одного из героев на свидании жалуется ему, что соседи по коммуналке сорвали со стены ее полку, выбросили какие–то ее вещи (сундук?) и т.д. Но если для них она была "жена врага народа", чью травлю – гласно и негласно – санкционировало государство –

28.8.10. 7–51

Не дали вчера дописать, прервали – "пробивают" меня на 8–й. Сперва – я еще писал – забегали вдруг один, другой, с громкими, этаким глумливеньким тоном, криками: "У нас есть журналист?!", "А где тут журналист, а??!". Я сижу, молчу, жду, какая еще пакость за этим последует; они и так прекрасно знают, кто и где у них есть, просто поиздеваться хотят. Наконец, один из шнырей подошел ко мне и сказал: "Ты журналист? (А то он не знает!..) Тебя на 8–й пробивают". Было 19–15, время уже к моему ужину (19–30), так что получилось это все неудачно и не вовремя. Пошел.

Естественно, звал "запасной вариант", которому звонила мать. Я–то хотел позвонить ей назавтра (т.е. уже сегодня, 28–го), когда они с Маней и Фрумкиным будут уже сидеть в поезде –29–го утром короткая свиданка с матерью и Маней. Но мать опередила меня – она, видишь ли, очень сильно нервничает, жив

ли я, не может долго не слышать мой голос – и по детской наивности своей полагает, что к этому “запасному варианту” я могу заходить звонить точно так же – запросто и каждый день – как к тому, бывшему до января с.г., и к “телефонисту”. Между тем, это совершенно не так: здесь отношения далеко не такие близкие и, хотя человек он вежливый и культурный – психологически я ясно чувствую, что чаще, чем раз в неделю, мои визиты туда неуместны; ну, максимум раз в 5 дней.

Когда я уходил, как раз намечалась какая–то перестановка тумбочек и перекладка их содержимого – теми, кто переехал дальше вглубь секции, а тумбочки остались на старых местах. Предчувствуя недоброе, я попросил нового соседа по проходняку, сидевшего на своей шконке, если кто что захочет переставить, забрать и пр. – саму нижнюю тумбочку не отдавать, т.к. в ней мои вещи. И пошел на 8–й.

Придя минут через 20, первое, что я увидел – куча моих вещей из тумбочки, валяющихся на шконке, а второе – верхняя тумбочка исчезла, осталась одна. Я открыл ее – не моя. Забрали все–таки, а мои вещи просто выкинули, суки!.. Стал собирать их в новую тумбочку – сперва не мог найти пакет с остатками консервов; оказалось, его засунули почему–то под шконку. А вот пластмассовый маленький флакончик–грибок с сукразитом – пропал бесследно, его я так и не нашел, хотя искал долго, принимался несколько раз. Как сквозь землю! Пошел спрашивать у бывших соседей, кто все это устроил – они единогласно сказали, что это азербайджанская обезьяна все выкидывала, перетаскивала тумбочку и пр. Сейчас, утром, за завтраком, спросил у нее через проходняк – она категорически это отрицает и говорит, что ее вообще не было в то время в отряде (хотя на самом деле уже была). Но дело в том – вспомнил, когда уже написал все это – что первым, у кого я спросил о вышвыривании моих вещей, был московский доходяга, который лежал тут рядом и все видел – и он, не колеблясь, назвал обезьяну: бывших соседей я пошел спрашивать уже позже. Так или иначе, грибок пропал; раньше, чем на сентябрьскую свиданку, мне его не привезут – и месяц придется пользоваться большим флаконом, держать его постоянно в тумбочке под рукой, а это очень неудобно (как неудобно в этих тумбочках вообще все).

Весь вечер – и пока я ужинал, и после отбоя – проходило мучительное, с сотней сменяющих друг друга вариантов, раскладывание всей “красной” швали по шконкам, производимое глумливым ублюдком–“козлом”, расшвырявшим днем мои вещи. Глубокомысленно, вдумчиво, меняя и перебирая варианты, эта тварь решала, кому где спать – тогда как единственно

правильным является принцип, по которому каждый ложится, где хочет. Надо мной она перед проверкой положила того мерзкого злобного старикашку, конченную пьянь со сморщенной как печеное яблоко (в 48 лет!!) харей, что когда–то, когда только перевели на 11–й, был моим соседом по шконке, в этом году гавкал на меня в столовой, вообще – ненавидит меня лютой ненавистью, хотя ровно ничего плохого я ему не сделал – просто инстинктивно, за то, что я НЕ ТАКОЙ. Я успел поесть; но только налил себе чаю – эта тварь начала взгромождать вторую тумбочку, так что с нижней мне пришлось убрать кружку, чайник и все прочее; после этого начала ходить, тереться перед моим лицом, поправляя свой матрас и постель надо мной, таскать и складывать свое барахло в тумбочку, тряся ее (обе) так, что у меня несколько раз выплескивался и разливался из кружки чай.

После проверки, однако, процесс раскладывания продолжился (после неоднократных, и в секции, и на самой проверке, громогласных предупреждений убийцы Маньки, что если кто из “красных” сразу после проверки не придет и не ляжет на свою шконку – он положит туда кого–нибудь другого) – и глумливый “козел” опять переложил злобного старикашку – на соседнюю шконку, над московским доходягой, ставшим опять моим соседом по шконарю. Да еще, в своей любимой манере – поскольку злобная пьянь медлила скрутить свой “рулет” и переложить – перешвырнул его на соседнюю шконку сам, к ярости этой злобной твари смяв и матрас, и всю тщательно, любовно заправленную на нем постель. :)

В результате соседями моими оказались сверху и внизу в проходняке работяги, с утра уходящие на работу – верхний, кажись, на весь день, да и нижнего, работающего на КСП, тоже не особо–то видно тут было днем. Сверху над ним – молодой пацан с “девятки”, работающий в ларьке и сейчас вот, как пришли с завтрака, завалившийся спать, – вполне безобидный, по–моему. Лучшего соседства трудно было и желать (и уж оно точно лучше, чем азербайджанская обезьяна).

А вчера – не успел дописать – после апофеоза, когда я сидел на шконке и долго, терпеливо, тщательно складывал листок к листку расшвырянные “козлом” бумаги – когда уже сложил все, заправил шконку и наконец улегся – убийца Маньки приказал своим холуям еще и сдвинуть шконки и тумбочки к середине секции, чтобы сузить проходняки. Мне он глумливо сказал, что, мол, мне слишком жирно будет в таком (широком) проходняке – и если я сейчас же не найду, кто мне подвинет шконку и тумбочку, то он поручит их двигать “петухам”. (Имелось в виду, что тумбочка будет считаться как бы нечистой – на их языке

“законтаченной” – после этого, и ею нельзя будет пользоваться.) Этого не случилось – подошел “семейник” обезьяны, уже переехавший в соседний проходняк, и добровольно помог мне, подвинул тумбочку, а уж шконку я, по–моему, двигал сам. Главное счастье – что не потребовали снова убрать и не расшвыряли только что с таким трудом сложенные бумаги и книги. Проходняк же в результате сильно сузился, став ненамного шире той щели, в которой я жил на 13–м. Я еле–еле прохожу в него фронтом.

В общем, очередной большой погром, всплеск, апогей ненависти и глумления. Ненависть такая, что буквально сожрать готовы, и не бьют только потому, что понимают: молчать я не буду и даром им это не пройдет. Все же, что они говорили, пока я собирал или переносил свои вещи, бумаги, книги – я не буду даже повторять, да и не все помню уже. Собака лает – ветер носит, конечно, и не мне делает хуже, а только себя разоблачает эта мразь своим глумлением. Типичный пример – здоровенный верзила–даун, передвигавший шконки, увидев расшвырянную кучу литературы на полу, с дебильным смехом сказал: о, сколько у тебя книжек, всему отряду хватит на месяц жопу вытирать!..

Увы, все народнические мечты провалились, оказались чушью, я убеждаюсь в этом здесь снова и снова, день за днем, час за часом. Этот народ – не более чем сброд, нормальным, цивилизованным, европейским он не станет никогда, ибо не с чего ему таким стать – ни историей его развития это в нем не заложено, ни настоящего катарсиса, очищения, как немцы и японцы в XX веке, он не прошел и не желает проходить. Это тупое пьяное быдло, стадо, биомасса, отходы исторического процесса. Их дети рождаются даунами и становятся уголовниками, гопотой, уличными грабителями и лагерными шнырями – дети родителей, не просыхавших ни до, ни после зачатия. Таких, как я, вся эта нечисть ненавидит инстинктивно, не разумом, а на уровне подсознания – инстинктивной ненавистью злобного и завистливого люмпена к приличному человеку. Цивилизовать их не удастся никогда. Настоящая историческая задача состоит в том, чтобы максимально нейтрализовать их воздействие на горсточку приличных людей в этой стране (воздействие типа погромов моих вещей, равно как и описанный у Солженицына коммунальный погром 1949 г.), а по возможности – уничтожить их. Уничтожить столько этого пьяного сброда, сколько удастся, хоть весь, все 100 с лишним миллионов – и, право же, это не будет для мира большой потерей!..

30.8.10. 7–57 Все хорошо. :))) Исключительно удачно прошло вчерашнее свидание с матерью и Маней. Завели быстро – в 20

минут 10–го мы уже сидели в застекленном отсеке на длинных деревянных лавках. Набилось аж 10 человек, а трубок только 9, и – с них стерли номера, написанные вначале, когда зимой только поставили эти трубки. Не зря я сомневался, что они способны записывать свиданочные разговоры!.. :) Мать и Маню, правда, не вводили довольно долго – за это время родня других зэков уже заняла все стулья. Оказалось, в это время та сука–свиданщица, с которой я немножко поругался на длительной свиданке в мае и которая заставила тогда в отместку разворачивать все шоколадные конфеты – орала на них внизу, что, мол, они требуют особых привилегий и, типа, создают проблемы – т.к. мать не может сама втащить сумку с передачей на 2–й этаж, и еле–еле позвала–таки дневального, чтобы втащил он.

С Маней мы вдоволь наговорились – и о планах будущей работы (но будет ли она?..) на воле, и новостей она порассказала целый ворох. Все было замечательно. Перевеса в передаче тоже не оказалось – впервые за 3 с лишним года здесь! Вот уж действительно событие! – всего 22 кг из 23–х возможных.

Я сидел как на иголках – как переклинило еще накануне днем от хамства и угроз этих подонков “козлов”, сдали нервы – до сих пор не мог прийти в себя и трясся от еще накануне мне пришедшей мысли, что эти суки могут прямо сегодня, пока я на короткой свиданке – как узнают, взять и выбросить все мои вещи! Не очень, конечно, верилось в это, но – чего не бывает?! С такой мразью нужно быть всегда начеку. После свиданки – от 10 человек нас к концу осталось там только двое – зашел на вахту, спросил, можно ли идти в барак – в ответ лишь сплошное хамство. Жду. Смотрю – чешет мелкий “дневальный” 11–го, приехавший с “девятки”. Забрал меня и 2–го человека (насекомое :); я сразу сказал, что быстро идти не могу, надо останавливаться, передыхать, – груз 22 кг, как–никак, но просить его помочь не стал – а он и не подумал предложить. Терпеливо стоял, ждал меня, когда я отдыхал через каждые несколько метров пути. В одну из таких остановок шапочно знакомый мне дядька с 7–го, лет за 40 уже и явно занимающий тут какую–то должность (не комендант ли?), идя навстречу и увидев эту картину, спросил: “Малой, а что ты не поможешь инвалиду?” – “Сам донесет”, – преспокойно ответил этот мелкий сучонок, шнырь одновременно блатных “козлов” и просто блатных.

Войдя в “локалку”, первым делом осмотрелся – не валяется ли где–нибудь что–нибудь из моих вещей. Вроде не видно. Тут уж один пацан, поприличнее, занес мне баул по лестнице в барак; я вошел за ним – все на месте. Слава богу... На обед они уже ходили; я задвинул баул под соседний шконарь и лег.

Разболелась башка, и довольно долго я просто лежал, а в проходняк, на соседней шконке, устроились игроки в нарды, так что разбирать передачу я все равно бы не мог.

Еще повезло с соседом по проходняку внизу – добродушный, не злобный и с юмором парень, эпилептик, татарин, переведенный сюда летом с 1–го. Видя, что уже 2 дня он не занимает ничем свой отсек в тумбочке, я спросил его об этом. “А мне нечего туда класть. Я бедный!” – ответил он – и разрешил мне занять его пустую полку. Получилось очень удобно, я засунул туда пакет с хлебом, который – тоже редкое диво! – на этот раз совершенно не помялся в дороге. Но, как все хорошее, я нутром чую, что это большое здесь удобство – занимать всю тумбочку одному – ненадолго.

Приготовил уже себе ужин, хотел есть – вдруг блатной (“домовой” даже, если до сих пор им остается) приносит записку – от “запасного варианта” с 8–го. Тот пишет, что, мол, нет ли чего сладкого к чаю; а чай, мол, уже заварен, так что очень жду. Охренеть!.. Последний остающийся еще доступным мне телефон, и омрачать отношения с его владельцем нет резона. Но и к “дорожникам” этим блатным я ведь тоже не пойду, кроме хамства и глумления, от них ждать нечего. Что ж делать – плюнул на ужин, благо, еще не снял с миски то, чем она была накрыта, – оделся, сунул в карман остатки недавней ларьковской карамели и пошел сам. Отдал – и еще смог от него набрать матери, уже ехавшей в поезде домой, сказать, что все нормально. Таким вот удачным концом завершился этот на удивление удачный день, 29.8.10.

Повезло еще и в том, что не трогала меня и не гавкала эта мразь, бывший завхоз 2–го, и “на проверку” начала выгонять только в 9 вечера. Накануне же, 28–го – то ли совсем обнаглев, ли спьяну вообще не глядя на часы – и эта тварь, и прочие “козлы” вдруг заорали свое: “Выходим на проверку!!!” – аж в 20–30, за ЧАС до реального времени проверки. И что вы думали?! – все встали и покорно пошли; ни один не возмутился, не высказал вслух ни протеста, ни даже просто удивления. Один лишь мой сосед, вонючий доходяга, встал, взглянул на часы, пробормотал что–то типа: совсем обалдели, времени только 35 минут! – и завалился обратно. Я еще пил чай, когда эта визгливая гнида подошла ко мне и осведомилась, почему это я не иду на проверку, до которой – я ответил – было еще целых 50 минут. Мразь ответила, что, мол, “...ть не должно” и что в 9 (а было только без 20–ти!!) я, мол, должен быть на улице. Я, как обычно, ответил на это, что я никому ничего не должен. Тварь, бормоча что–то очень злобное, удалилась в свой угол и оттуда продолжала выкрикивать

мне то, что ей казалось страшным оскорблением (слова типа “дырявый” :), перемежая их фразами типа: “Такой ты провокатор!..” (мне эта фраза запомнилась; т.е., не подчиняться ее, злобной твари, произвольным, с потолка взятым приказам – это провокация! :)), смачными описаниями, чем бы она меня избивала (дужкой от шконки), будь я с ней в “режимном лагере”, а также попытками узнать у меня, читал ли я ПВР – там, якобы, написано, что я должен выходить в 9, за полчаса. Я ответил, что читал, и хотел даже процитировать, что там на самом деле написано (“Проверки проводятся в утреннее и вечернее время, а при необходимости – в любое время”; и больше о времени самих проверок, а тем паче выхода на них там нет ни слова), но этот ублюдок из своего угла буквально заорал: “Что ты там базаришь?! Я сейчас тебе ... !!!” – дальше последовали угрозы, а мне волей–неволей пришлось замолчать. Тварь эта так раздухарилась и разошлась, что уже и на улице, гуляя со стариком, весьма почтенного вида, приехавшим с “девятки”, с которым она теперь постоянно общается – при виде меня продолжала выкрикивать мне в спину свои смешные “оскорбления”, целиком построенные на глупой пещерной гомофобии.

10–00

Пока переписывал про вчера – прибежал вдруг телефонист”! Про вчерашнюю свиданку он, слава богу, вроде не в курсе, но откуда–то уже знал, что я разговаривал вчера с матерью (видели у “запасного варианта”?). Сказал, что был здесь, на бараке, вчера и разговаривал обо мне с завхозом (по–моему, это явная ложь!) – мол, не беспокойся, никто тебя не тронет. Но – спросил, с кем поговорить еще, и я указал на как раз проходящего мимо бывшего завхоза 2–го. Они удалились в “фойе”, и голос “телефониста” некоторое время слышался оттуда; потом он вернулся и начал излагать мне услышанное. Мол, выгонять на проверку в 9 вечера тебя не будут (я не пойду, если даже и будут! :), но главная претензия – что в проходняке грязно! И начал меня учить, чтобы я, мол, 2–3 раза в день звал “гомосеков”, давал им “замутку чаю” и просил подмести – и сам поперся в “фойе”, нашел одного “обиженного”, заставил меня дать ему несколько пакетиков чая, сам дал несколько сигарет – и тот подмел в проходняке. Сказал, что сейчас, утром, звонил моей матери – она поставила условие, что если, мол, он зайдет и разберется с “козлами” (наш вчерашний с ней на свиданке договор сработал! :), то она, м.б., и даст деньги. Но все равно эта тварь хочет 500 рублей с меня ларьком! Т.е., на счету остается все меньше и меньше. Договорились, что я зайду к нему после обеда – звонить матери, договариваться насчет остальных 2500 р.

А там где–то, на горизонте, на 2–м плане, за нагромождениями всех этих событий последних дней, за погромами и войной с “козлами” – маячит ведь грозной тенью очередная приехавшая комиссия! Очередная из опять бесконечной их череды – по слухам (едва ли, впрочем, точным), они сменяют друг друга чуть ли не с зазором в 2–3 дня…

СЕНТЯБРЬ 2010

3.9.10. 7–53

3 дня не писал ничего. Хотел было взяться позавчера – и не мог: таким вдруг отвращением ко всему сдавило опять горло – и к этой швали вокруг, и к этой жизни... Недолго было “все хорошо”... :) К тому же, среду и четверг (вчера и позавчера) с утра традиционно ждешь шмона, нет даже настроения ни за что браться, на душе тревога... А потом – уже некогда, – то одно, то другое...

Мать, вернувшись со свиданки, на следующий день позвонила Демину, все ему рассказала. Было это в понедельник. Он поручил врачихе, Тамаре Дмитриевне, заняться мной – типа, не болен ли я (видимо, мать так неясно и эмоционально ему обо всем говорила, что он сделал такой вывод). Врачиха стала звонить мне во вторник – не дозвонилась; только в среду вызвала к себе, к 16–00 (и ожидание этого времени психологически мешало мне взяться за дневник после обеда, хотя обед заканчивается около часу). Посмотрела, послушала, нашла, что “в легких чисто”, но т.к. я упомянул о кашле – выписала бромгексин, за которыми я стоял чуть не полчаса в очереди из 3–х человек к окошку выдачи. Тогда же сказала: если завтра будет Демин, я Вам позвоню, зайдите поговорить с ним (видимо, тот высказал такое пожелание).

Позвонила она вчера (четверг) с утра: Демин будет в 16 ч. Еще до этого я не попал в баню: с утра она не работала, “нет горячей воды” (т.е., видимо, дров, чтобы эту воду нагреть); сказали, что баня заработала, только часов в 11, и народ побежал туда. Я сперва хотел было тоже пойти, но через час проверка, а там толпа народу, – куда?!.

После обеда надо было в ларек. Там не было почти ничего – лапша б/п, конфеты в больших (килограммовых?) пакетах по 150–160 руб., хлеб, килька (!), шоколадки Alpen Gold (очень плохие). Видя, что никакой активности не наблюдается, я уж (с изумлением и не веря) думал: “Неужто обошлось?!” – но ни хрена не обошлось: пока я стоял в очереди (не такой большой на этот раз, как неделю назад), в ларек приперся (пустили ведь! Не в свой день...) дружок “телефониста” и притащил записку от него. Этот ублюдок писал, что, мол, играл (!) всю ночь, очень устал, поэтому сам не идет, а посылает того – отдай, мол, ему 500 рублей, о которых мы договаривались (за телефон), и еще пробей ему рублей 100, чтобы он что–нибудь купил (пожрать, чай и пр.), а то, мол, “ничего нету”. Сука какая, а?!. 500 руб. я отдал, иначе потом не оберешься визга и скандала, но 100 руб., конечно, “пробивать”

не стал.

Уходил – вдруг оказалось, что у калитки меня ждет посланный с 8–го, от “запасного варианта” (этого посланного, в отличие от того, не пускают). Как уже не раз бывало: я решаю, что “запасной вариант” хочет наконец–то отдать мне долг – а он начинает просить еще взаймы! Я аж фигею от такой наглости...

Сперва я, конечно, отказал. Пришел на барак, просидел час, пошел к Демину. Довольно долго ждал; поговорил с ним, рассказал поточнее то, о чем уже говорила ему мать – и как выбросили вещи, обещают выбросить еще; и про неработающий уже месяц туалет; спросил про баню – он сказал, к моему удивлению, что и в деревянной тоже будут “лейки” сверху, таскать воду тазиками, типа, не придется (что–то слабо верится в это). Обещал назавтра узнать, когда сделают туалет. По поводу спортивных вещей, о которых мать тоже ему говорила – после моих объяснений сказал, что, мол, пусть свиданщица, принимая передачу, позвонит ему – он зайдет в КДС и велит пропустить. Это тоже из области фантастики – захочет ли она ему звонить, а главное – дозвонится ли, будет ли он на месте и достаточно свободен, чтобы сразу зайти? Самый существенный итог беседы с ним – я написал заново и он заново подписал мне заявление на “свободный ход”, чтобы никакая сволочь не могла придраться, что он у меня помечен еще прошлым годом.

Пришел на барак – надо идти звонить матери, я не звонил ей ни во вторник, ни в среду – с самого дня свиданки. Пошел к “телефонисту”, хотя сперва хотел на 8–й – но уже вышел на “продол”, а тут идет эта пучеглазая блатная мразь, которая меня еще в июне хотела выселить из их блатной секции (когда в этой был ремонт) и с тех пор ненавидит. На ходу я решил, что если докопается, куда это я и “поставил ли в курс” их блатную гоп–компанию, – лучше ссылаться на “телефониста”, он, если что, лучше сумеет им ответить, почему и зачем я к нему пошел.

Позвонил – он взял уже при мне у кого–то телефон – мать сперва, как всегда, в истерике орала, почему, мол, я так долго не звонил, она ужасно нервничает и т.п. Потом рассказала, что болеет – простудилась, пока ехала отсюда; сильные головные боли, кашель, насморк и т.п. Новостей никаких не было, но оказалось, что и “запасному варианту” она тоже сегодня звонила, и тот обещал меня позвать.

От “телефониста” почти сразу, не заходя в барак – на ужин. После ужина, в начале 7–го, подходит один из блатных, еще мало–мальски поприличнее (газосварщик :), как он сам кому–то при мне говорил) и сообщает: тебя, мол, просили зайти на 8–й, мама тебе звонила. Черт бы вас побрал!.. Иду. Вижу этого хмыря,

с толпой других, во дворе стоящим в шортах; он подходит ко мне, говорит, что “труба” на зарядке – и опять начинает клянчить! Зачем только я пришел!.. Надо было после 8–ми, когда уже закроется ларек… Мол, купи мне майонеза (ага, как же!.. :))) Его и в помине нет.), хлеба, конфет – вот этот здоровый мешок, чаю, кофе (его тоже нет) и пр. У меня, мол, лежат уже деньги (не на его, впрочем, имя – на чье–то чужое якобы ему высылают), но ему не в свой день (понедельник) не пробивает кассирша; а в понедельник, мол, я тебе отдам. Судя по тому, сколько месяцев он уже отдает предыдущее – туфта все это; а тем паче, если не на его имя. И давит, нажимает, сволочь такая; и ясно, что мое пользование его “трубой” находится в зависимости от того. насколько свободно и постоянно он будет пользоваться моими деньгами в ларьке. Но – уговорил, выклянчил: пока мы будем на ужине, сходи, купи. Прямо от него я пошел в ларек, купил ему за 161 руб. этот мешок конфет и за 21 пачку чаю. Даже хлеба уже не было. Хотел было и себе взять тоже мешок этих же конфет, но раздумал – расходы и так гигантские, денег остается все меньше. Зашел на барак, а в начале 8–го, когда они вернулись с ужина, пошел к нему. Отдал все, попробовал заодно эти конфеты – хорошие! – и довольно долго опять говорил с матерью. Вот такой идиотизм – то 2 дня вообще ничего, то 2 разговора в день (а кроме ее болезни и говорить–то было особо не о чем). Теперь – не раньше, чем завтра (в субботу), и то – “телефонист” внимательнейше слушает каждое слово, постоянно что–то говорит в унисон, торопит – короче, не дает нормально поговорить. Судя же по тому, как его дружок в 1–й мой приход после ЕГО свиданки (24.8.10.), увидев меня во дворе, кинулся к нему в барак вперед меня; по тому, что вчера он же сидел у “телефониста” на соседней шконке (его была куда–то убрана – ремонт) и разговаривал прямо с зарядки, но с той стороны головы, да еще прикрытый ладонью телефон не было видно; и по словам “телефониста”, что, мол, после какого–то другого ему опять предложили какой–то “тонкий Samsung”, который, конечно же, удобнее прятать, но который и стоит на 500 руб. (ларьком) дороже – возникает сильное подозрение, не делает ли эта тварь только вид, что ее прежний “тонкий Samsung” “пыхнул”, чтобы стрясти с матери и меня деньги, а потом показать мне свой прежний телефон, выдав его за только что купленный такой же…

Идет, кончается 29–я неделя до конца. 198 дней осталось – уже мы в “единичке”, уже 1–я цифра – 1… Шесть с половиной месяцев осталось… Но вокруг такая же гнусь, мерзость, непереносимо пакостное отребье, как и все эти годы…

Не перестаешь удивляться, как умеет этот народец портить,

поганить все. к чему прикоснется. Как царь Мидас все превращал в золото, эти – в дерьмо; даже картошку. Уж, казалось бы, чего проще – картошка? Но мало того, что она у них (а ею стали теперь кормить каждый день, да еще и в суп набивать) вся черная, полугнилая – на советских овощебазах другой никогда и не было; так еще и – чистили ее по ночам зэки, ходившие "в наряд", а потом, видимо, нарезанную засушили. Нарезана она такими продолговатыми маленькими кусочками, в идеале 4–хгранными. Так вот – нет практически ни одного кусочка, у которого хоть на одной стороне (а то и на 2–х) не осталось бы кожуры! Т.е., можно было бы совсем ее не чистить: когда ее варят, мерзкий вкус оставшейся кожуры пропитывает насквозь всю картошку! Когда она холодная, остывшая в миске еще так–сяк (только выбрать черную гниль, прежде чем есть). Но когда из огромной кастрюли, вместе с водой (а в ней еще какое–то масло, по–моему), с паром, накладывают горячую – этой шкурой от нее несет так, что даже от одного запаха меня воротит, не говоря уж о том, чтобы это есть...

На улице опять потеплело; но вчера было днем солнце, а сегодня пасмурно. И все же – началось бабье лето?

P. S. Пока написал все это, начал уже переписывать – в "фойе" подрались 2 ублюдка, – дружок сигаретчика, шнырь – с нынешним ларьковским сучонком, командиром там всей охраны. Перед этим долго ругались в секции, сучонку за что–то угрожал, называя "гадом", еще и самый злобный "козел", убийца Маньки, а сучонок говорил громко, что кто–то (шнырь?) предлагал ему "мутить с героином", чтобы заработать на этом шесть (или сколько там?) тысяч...

5.9.10. 9–01

...Безумное какое–то ощущение, смутное, как будто в дурном сне. И – ощущение потерянности, заброшенности своей, оторванности (и бессмысленности, конечно же, как всегда, – бессмысленности жизни...) – это, м.б., еще и потому, что вот уже 3–й день не могу позвонить домой...

Еще позавчера, 3–го числа, после обеда, меня перевели на 8–й. Не одного меня, – раскидывали опять 11–й барак, и слухи об этой раскидке появились еще за 2–3 дня, но я был уверен, что меня она не коснется (как же, заперли на самом режимном, самом "красном" бараке, под строгим контролем), да еще накануне, 2–го, разговаривал с Деминым, и лон в разговоре полуспросил–полуподтвердил, что я отказываюсь переводиться на 13–й – и, подразумевалось, вообще куда–либо.

Но раскидали 39 человек (по другим данным – 35), всех неработающих, и меня в том числе. Сразу пошли толки, что эта раскидка и персоналии некоторых переведенных – дело рук

нового завхоза 11–го; похоже, что это так и есть. В общем, еще один “судный день”; но прошел он легче и быстрее, чем тот, предыдущий, 9.9.2009, когда переводили с 13–го на 11–й...

Собрал вещи я быстро; набил до неподъемного веса продуктовый баул, да еще 2 – вещи из–под матраса, из ящика тумбочки, подушки, одеяла, телогрейки, обувь и пр. Помочь дотащить попросил нового соседа по проходняку – здорового, добродушного татарина–эпилептика. Он запряг еще и шныря–дауна, да плюс – вызвался помочь “обиженный” пацаненок, тот самый, что стирал мне на 11–м вещи. В 2 захода они все донесли, но у шныря–дауна по дороге оторвалась–таки пристроченная по всему клетчатому баулу ручка – остались 2 здоровых щели в боку баула; хорошо хоть, вещи не посыпались на “продол”...

Перед этим сходил к “запасному варианту”, ставшему теперь внезапно основным :) – сказал, что переводят, спросил, не поможет ли он найти место и не даст ли кого с 8–го помочь донести. Он не помог ровно ничем, проявил полнейшее равнодушие (совсем не ту горячую заинтересованность, с которой еще накануне просил меня срочно сгонять в ларек, купить ему конфеты и чай), а по поводу телефона – сказал, что “Билайн” сейчас не работает. Глупость, которую я не могу себе простить до сих пор – идти к нему...

Вещи быстро перетащили, поставили в “фойе” у “козлодерки” (т.е. очень неудачно, прямо на проходе) – и я сел на лавку во дворе – ждать, когда найдут мне место. Старый знакомый с 13–го – здоровенный даун, который своей тушей то и дело заслонял мне там свет из окна – сказал, что барак переполнен, спят посменно и что ждать места придется даже не до 10–ти вечера, как я думал, а до 12–ти.

Я сидел, смотрел на высокие облака в огромном небе над головой, на верхушки леса за “запреткой” – и думал. В такие трагические, переломные моменты, когда вдруг особенно остро тебя охватывает горечь и бессмыслица твоего существования, невыносимо унизительная эта зависимость от чужих людей, на новом бараке, – незнакомых, но столь же злобных, наглых, безразличных к тебе хамов, как и везде, – в такие минуты особенно тянет философствовать, размышлять о бренности этой жизни, о невыносимости ее, о том, что никаких перспектив, в сущности, нет, жизнь – тупик... Что ни говори, а переезд на другой барак в лагере, как и в другую камеру в тюрьме – событие огромное, гораздо больше, чем переезд в новую квартиру на воле, и может оно, это событие, надолго испортить всю твою жизнь, сделать ее невыносимой, заставляя поневоле подняться до философских обобщений и мыслей о смерти.

Потом пошел дождь, и я ушел в барак – а там надо стоять на ногах, сесть некуда. Потом дождь превратился в ливень – бешеный, но короткий, всего несколько минут. Потом пошли на ужин. До ужина, или уже после – не помню, – когда я зашел в барак, кто–то из блатной молодежи стал орать на меня, чтобы я убрал сумки. Я оттащил их в деревянную пристройку, где раздевалка – все 4, одну за другой. Спустя час где–то, уже сидя в "фойе" на древней, шаткой банкетке, я почувствовал острую боль в спине, чуть позже – и в сломанной ноге (последствия перетаскивания сумок всего–то на несколько метров, меньше 10–ти), да вдобавок еще разболелась и голова.

Сидел так до проверки, уже почти без сил. Выйдя на улицу, перед проверкой, когда уже собиралась толпа – услышал, как один из старших здесь блатных, лет сорока, стоя чуть не вплотную ко мне, сообщал группе слушающих его мое "досье". Туда входили все те же стандартные уже обвинения: что я написал в интернете, будто бы меня убили здесь, на зоне; и то, что из–за меня запретили передавать книги и газеты – а то, мол, раньше заказывали и привозили чуть не целые библиотеки, по словам этого блатного (даже имени его я не знаю). Я стоял и лишь грустно усмехался про себя, а это чмо, говоря нарочито громко и рядом со мной, чтобы я слышал, – конечно же, как все они, и не подумало спросить у меня самого, как было дело...

Место мне наконец нашли уже довольно долго спустя после отбоя. Маленького росточка азер, уже говоривший со мной, пока я вечером, перед ужином еще, стоял в дверях, пережидая дождь, куда–то переехал, а я лег на его место. Наскоро съев давно уже лежавшую баночку паштета с хлебом (ничего не ел с обеда, с часу дня, – на банкетке в "фойе" ведь ужин не приготовишь), завалился спать.

В 5 утра проснулся, сообразил – и пошел к своим баулам, доставать и раскладывать все под матрас – телогрейки, книги, тряпье и пр. Пока темно, вся шваль не видит, – но тут, увы, и в 5 утра в "фойе" толчется и бегает туда–сюда немало народу. Шконка оказалась с крючками, и набитый продуктовый баул (не только продуктами набитый, но и остатком барахла из тех, временных баулов) влезал под нее очень плохо, то и дело цеплялся и рвался.

Остальное распихал, когда уже пришли с завтрака, приготовил завтрак себе, поел – был уже 10–й час. Тут вдруг приходит этот мелкого росточка азер и говорит: особо не раскладывайся, после обеда поедешь вон на ту шконку, – показывает куда–то в середину секции. Там, оказывается, щит, сетки на раме шконки нет – а у него. видишь ли, болит печень,

селезенка и пр., и он на щите лежать никак не может. А я со сломанным позвоночником, значит, могу...

Я сказал ему это и выразил явное неудовольствие и нежелание переезжать. Там, м.б., было бы и лучше – место у стены, а меня положили у окон (хорошо еще, хоть в простенке, а не под самым окном), но – тошно становилось при одной мысли все, только что аккуратно уложенное под матрас и распиханное по трубам батареи в изголовье, вытаскивать и перекладывать вновь. Этот уродец на мои доводы сперва все твердил мне: “Ничего, ничего, привыкнешь”, – но потом, видимо, нашел еще кого–то, с кем можно поменяться местами, и от меня отстал. Я остался на “старом” (первоначальном) месте.

3–го пошел с ними на ужин, сел за крайний от двери (не считая столов “обиженных” и “красных”) стол, там сидело всего 3 человека. Садился за него и весь день вчера. Но уже в обед (?) какой–то хмырь там спросил меня: чего это, мол, ты здесь уселся, тут все занято, 6 человек! Я ответил, что в ужин 3–го (когда его не было) я пришел 1–й раз, спросил – мне сказали, что можно сесть. Он лишь недоверчиво хмыкнул. И за 2 дня больше 4–х человек нас за этим столом не собиралось. Но вчера после вечерней проверки этот же хмырь подошел ко мне и сказал: завтра с утра ищи себе другой стол, тот весь занят. Просто приказал, и все, без вопросов и рассуждений; причиной тут, конечно, чисто личная неприязнь ко мне, и я даже догадываюсь, какая именно.

Сегодня в завтрак пошел спрашивать – везде занято (хотя часть столов и полупусты, – но, м.б., к обеду заполнятся). Было невыносимо, до смерти противно и унизительно – ходить, спрашивать и везде получать заведомый отказ. (Да еще таким изумленно–возмущенным, негодующим тоном порой, как будто я невесть что спрашиваю или уже сажусь на чужое место без разрешения!..) Мне еще что–то кричали в спину, еще советовали, за какой стол сесть – но я, не дослушав, ушел и теперь не знаю, стоит ли ходить в столовку вообще, не остаться ли мне просто, как некоторые, гулять в столовском дворе...

Ну и, наконец, “запасной вариант” (переименовывать его все же нет смысла).Под вечер 3–го “Билайн” все же заработал. Он сказал мне об этом, идя качаться на спортплощадку, обещал дать телефон попозже. Потом – пока я сидел в “фойе”, ждал места – еще раз обещал подойти. Потом – видел меня на той же банкетке, зайдя в барак с проверки. Не подошел. Назавтра (вчера) он поздоровался со мной на зарядке, ни слова больше не сказал, и молчал весь день, сколько раз мы виделись. Поужинав, я пошел к нему без 10–ти 9 – он разговаривал сам. И лишь когда он вышел на вечернюю проверку, я спросил его – он сказал, что вчера

“трубу” ему нормально не зарядили, т.к. своего зарядника нет, а чужой тоже бывает занят; сейчас же (вчера после отбоя) к его “трубе” уже очередь, и вообще, он помнит и сам подойдет. Уже было ясно, что он не подойдет, конечно, – он, еще недавно “пробивавший” меня с 11–го прийти и позвонить домой. Похоже, увидев меня тут, на бараке, переведенным сюда, остальные блатные сказали ему “трубу” мне не давать, но он не хочет сообщить мне об этом прямо, а придумывает увертки и отмазки, – почти так же, как 16 дней мне не давали телефон в руки в транзите Нижегородского централа летом 2007 г., когда везли сюда. Ходил тогда же, 3–го, еще до относа вещей, к “телефонисту” – он тоже (по его словам, не более) сидел без “трубы”.

А в общем–то, основное – и, пожалуй, единственное – преимущество 8–го в том, что он на 1–м этаже, и даже высоких порогов и ступенек, как на 7–м, здесь нет. Можно выходить на улицу часто – в 5 утра, только встав (возобновив мою старую традицию на 13–м, – выйдя, проверять погоду и про себя называть, сколько дней осталось), или, допустим, когда ждешь в “фойе” чайник. А в остальном – все как везде, особенно близкое сходство с 13–м, – как и там, тут всецело и неприкрыто заправляет кучка суперблатных; “козлов”, в отличие от 11–го, здесь не видно и не слышно. Еще не одну тысячу придется потратить на их чайно–конфетные нужды...

14–50

Интуиция не подвела: “телефонист” действительно обманул меня с телефоном, вытряс на халяву еще 2000 с матери и 500 руб. ларьком с меня. Захожу к нему сейчас прямо из столовки – он сидит на своей шконке лицом ко мне; напротив него, на соседней шконке в проходняке, спиной ко мне, сидит его закадычный дружок, держит в руках ту же самую “трубу”, что была у них все последние месяцы – и набирает номер. “Телефонист” видит, что подхожу я (шкерок там давно нет) – и толкает дружка, говоря: “Убери, убери скорей!”. Тот успевает ее засунуть под одеяло, подхожу я – типа, не видел, но изумление, до чего же хитер этот ублюдок–вымогатель, должно быть, было написано у меня на лице.

Матери, оказалось, он все же вчера позвонил, сообщил, что я уже на 8–м. Мать, по обыкновению все перепутав, думала, что “телефонист” тоже на 8–м и требовала меня позвать. От “запасного варианта” же со вчерашнего разговора с ним нет никаких сигналов, и больше подходить я не буду – разве что мать прозвонится сама. В столовку на обед я даже не заходил – какой смысл, если все столы сплошь заняты? Можно было бы повесить

табличку, как на дверях ресторанов: “Мест нет”...

7.9.10. 8–35

Тоска на душе. Продолжается это смутное, смурное какое–то, как во сне, состояние, возникшее, когда перекинули сюда, на 8–й. Правда, сейчас оно уже полегче, поменьше. Тут – пока не перекладывают с места на место, пока более–менее нормальные соседи (по крайней мере, один), пока нет шмонов, не заставляют тащить в каптерку вещи из–за бесконечных комиссий, пока все тихо – можно было бы, кажется, досидеть спокойно эти оставшиеся мне полгода. Никуда не лезть, никого не трогать (а когда я трогал?.. :), встать утром, позавтракать, читать, писать, вести дневник... Так ведь не дадут, сволочи!.. Не дадут, я знаю уже по опыту более чем 3–х лет, что покоя здесь не будет, нечего ждать, – будет такая же сплошная нервотрепка, как была на 13–м...

И это так и есть. Уже погавкивают, потявкивают на меня этак мельком, мимоходом разные юные подонки, – то один, то другой, косятся злобно, хотя я их знать не знаю. Вчера стоял, ждал вечерней проверки – и один такой вдруг зарычал: что ты, мол, трешься здесь?! (Я стоял на обычном уже за эти дни месте, ждал прихода “мусоров”, никого абсолютно не трогал.) Или, мол, вон туда (ближе к выходу из барака), там стой! Т.е., не нравится само мое присутствие – а общий уровень культуры не позволяет никакой другой реакции, как только грубо, злобно выгнать, приказать мне уйти – не имея на то ни малейшего права! Я отошел, но не к дверям барака, а просто – пошел опять гулять туда–сюда по двору (“мусор” не приходил еще довольно долго), а эта тварь, слышал, злобно бормотала уже своим что–то обо мне, и я разобрал слово “жалобы”. Ну да, жалобы (не мной даже и написанные!..) – их единственный козырь против меня, и если уж им тупо внушили, вбили в их деревянные головы, что, мол, жалобы “отражаются на (мифическом!) общем положении”, а своих мозгов, чтобы подумать, разобраться, так ли это, да просто послушать меня, в конце концов, у них нет и в помине – то они, даже не зная меня, не читав этих жалоб, а просто услыхав от более старшей блатоты, что я якобы писал жалобы – готовы мне горло перегрызть и за одно это, предлог для них вполне достаточный!..

Комиссия ожидается уже завтра: паники с уборкой вещей, правда, пока нет; но – сейчас еще утро, все спят после завтрака; не исключаю, что паника может начаться уже где–то после обеда, тем паче завтра. Правда, очень надеюсь, что саботировать :) ее здесь будет легче – вся блатота живет в другой секции, здесь почти не ходит; проходняки довольно узкие, света мало; соседи с

одной стороны, в соседнем проходняке – какие–то уже немолодые азера (по крайней мере, один), постоянно то играющие в нарды и громко разговаривающие по–своему, то спящие (вот этот мой сосед по шконке), больше их не интересует, по–моему, ничего. Да и – смешно, но тем не менее! – старое мое красное одеяло опять может сослужить мне добрую антикаптерочную службу, как не раз служило на 13–м!

В тот день, позавчера, мать по моему совету все же прозвонилась сама "запасному варианту" и он принес мне телефон. Т.е., в голове у него еще нет никаких запретов и предрассудков относительно меня; уже хорошо! В этом разговоре (хоть он сидел рядом и слушал) мы как–то договорились с матерью, что звонить будет она, причем каждый день, как делала это раньше, когда я был опять же на 13–м. Но вчера, увы, "трубу" мне никто не приносил, и в ту секцию тоже не звал, – значит, она не дозвонилась. Можно, конечно, списать это на трудности зарядки данного телефона в отсутствие своего зарядника, на обилие желающих позвонить, и т.д. Но все равно, все это мне очень не нравится, – напрасной оказалась моя первая инстинктивная радость при известии о переводе именно на 8–й, – я надеялся, что раз "запасной вариант" сам здесь, то со связью проблем не будет. А они уже есть, и, видимо, если не будет звонков еще день–два, придется идти к "запасному варианту" самому, что крайне противно и нежелательно...

В столовку я так и не хожу, тусуюсь по двору. Вчера – банный и ларечный день у 8–го, , понедельник – в бане в 8–30 было жуткое количество народу, но в ларек я попал исключительно удачно – народу было не так много, как в тот раз. И только что был завоз, его уже успели разгрузить! Купал колбасы (пр–ва Чувашии, но называется почему–то "Липецкая"); наконец–то появилось сливочное масло; и даже маленький кусочек мраморного (?) сыра удалось купить.

Вчера, уже после отбоя, какие–то соседи или друзья старшего (44 года) сидели у меня на шконке (один), пили свой чай или чифир так долго, что я и хотел лечь спать, да никак не мог. Не убрались эти суки и когда сообщили, что Окунь и "Кудрявый" не только на "продоле", но уже и в бараке. В результате Кудрявый сперва обшмонал этого, который сидел на моей шконке (он оказался не с этого барака, – типа, недавно переведен отсюда, что ли), а потом, велев мне отодвинуться, откинул мою подушку и с фонариком (свет сразу, как они появились на "продоле", естественно, погасили) полез рыться под моим изголовьем. Увидел книги, это его, похоже, малость успокоило (он брагу, что ли, искал? – заставил того дыхнуть; а в "фойе", под краном в

умывальнике, уже 2–й день стоит ведро, убираемое при подходе “мусоров”, конечно, и гонят вовсю самогон; а потом массово жгут туалетную бумагу перед проверкой, чтобы им не воняло в “фойе”; но все равно воняет). Вытащил пачку гелевых ручек в коробочке, посветил фонариком, посмотрел, положил на тумбочку. Ничего не забрал, слава богу. Но под эту, хоть мелкую, неприятность я попал по прямой вине этих наглых тварей, любителей пить чай на чужих шконках.

По утрам, на зарядке, становится все холоднее и холоднее, – осень... Днем солнце разогревает воздух, и если нет холодного ветра, то нормально, можно гулять.

Этот барак, как и все остальные, все три больших корпуса, вот уж какой день зачем–то красят пульверизаторами в белый цвет, оба этажа, от земли до крыши. Большинство бараков уже стоят белые. Не к комиссии ли эта очередная показуха?

Мелкое архиблатное чмо, идя вчера за мной по “продолу” с 10–го, когда 8–й шел на ужин, – вдруг этак участливо спросило: ну что, ты теперь на 8–м, да? Нашли там тебе, где спать? Заботливое какое, надо же!.. :)) И даже имя мое наконец–то запомнило... :)

10.9.10. 8–20

Опять 2 дня ничего не писал, да, в сущности, и нечего было особо писать. Что делал за это время? Дочитал Эренбурга (“Люди, годы, жизнь”), написал вчера письмо Лене Маглеванной – отнес, кинул в ящик вместе с 2–й раз уже! – письмом тому американцу, Виктору Павленкову; по странному новому капризу местной почты письмо это было мне возвращено (на 11–й, вместе с письмом от Маглеванной как раз; а с 11–го – через “дорожников”! :) с карандашной надписью: “Адрес рядом по–русски”. Бред какой–то!.. Зачем им понадобилось, чтобы я американский адрес писал на конверте еще и по–русски?!. Но – написал, как умел, отнес еще раз. Самое неприятное будет, если финский адрес Маглеванной – язык сломаешь! – они начнут тоже требовать писать на конверте еще и по–русски...

Про комиссию было что–то слышно в день ее предполагаемого приезда, позавчера (среда) – что вроде бы приехала; но с тех пор никто про это не вспоминает, паники с уборкой и прятаньем по каптеркам всего и вся пока, слава богу, нет. Мой старший сосед по проходняку вчера вечером повесил – над моей шконкой, его–то стоит под окном – здоровенную картину – пейзаж в раме. Он всего полгода сидит, первый раз, – м.б., еще не знает, что при первой же мало–мальски опасной комиссии, при появлении вообще любого начальства, с Макаревича начиная, – ее тут же заставят убрать, ибо в “ПВР” есть

пункт, прямо запрещающий что–либо (картины, репродукции, фотографии и пр.) вешать на стены без разрешения начальства; а “Макар” не преминет подойти и содрать лично...

Совершенно убил сегодня утром сигаретчик, встреченный по дороге на завтрак (встречаемся на “продоле” – 8–й идет туда, 10–й – навстречу оттуда). Уже давно он договорился со своими друзьями в Шахунье, что те подъедут ночью и перебросят ему телефон(ы) через “запретку”. Долго не мог найти “трубу”, чтобы координировать их действия на месте, при подъезде. Наконец, нашел, – дал ему кто–то на 6–м. Предыдущую ночь его ребята подъезжали, но кидать не стали – к ним тотчас подбежали “мусора” и стали отгонять. А эту ночь, со вчера на сегодня, они таки кинули (причем все три телефона сразу, хотя сперва планировался только один) – и неудачно, недолет!! Черт бы побрал и их, и сигаретчика, и вообще всех, всю эту проклятую жизнь!.. Не знаю, что он придумает теперь, – он и сам давно сидит без связи, делал для себя, ну и для меня заодно (т.к. на отданные мной ему 3000 р. телефоном мы так и не обзавелись). В общем – “это катастрофа, шеф!”.

Связь через “запасного варианта” идет ни шатко, ни валко. Позавчера он сказал мне только в 11 вечера, что мать звонила; я хотел было набрать ей, но оказалось, что “труба” и в 11 занята, а позже – я думал, что она уже будет спать (хотя она теперь говорит: звони в любое время). Вчера я не выдержал и пошел к нему в секцию – спросить – очень удачно: буквально только что звонила и мать, и он сразу же набрал ей. Поговорили.

В столовку так и не захожу, тусуюсь во дворе, норовя уйти пораньше, пока 8–й барак ест, – с 7–м, 9–м или еще каким–нибудь, кто в это время там. Тем досаднее таскаться туда попусту. Оказывается, все эти дни, что я там не ем, как назло, опять начали кормить сосисками, как было зимой. Жаль, конечно :) – но я не пойду клянчить у всей этой уголовной швали, чтобы меня пустили за стол, – подавитесь вы, суки, своими сосисками! Ничего, невелика потеря... Хуже, если не окажется хлеба на завтрак, – так иногда бывало, – придется, видимо, идти самому в хлеборезку, просить кусок (пайку). Самое замечательное – насколько я помню еще по 11–му, по прошлой зиме, сосиски выдаются по счету согласно списочной численности отряда. Откуда в таком случае все время остается одна лишняя сосиска – никто, конечно, вопросом не задается; заготовщики просто отдадут ее на кормежку блатных, которым и здесь шныри (а заготовщики обычно и есть шныри блатных на бараке), я смотрю, готовят жратву не с одной–двумя положенными, а с целой кучей столовских сосисок, порезанных на кусочки. Моя, без сомнения,

тоже там. :) Да и вообще – почему меня не видно в столовой, почему я – как выйдешь – все время гуляю во дворе – никто даже не думает поинтересоваться. Всем плевать.

Самым грозным из ожидаемых событий, конечно же, являются новогодние шмоны в конце декабря, грядущие уж непременно. Это не значит, конечно, что шмонов не будет до тех пор, да и после Н.г. – шмона 3–4 до конца срока я вполне могу еще тут пережить. Слава богу, что – если дойдет до декабря – не придется уже тревожиться за зимние шмотки: я просто надену их на себя, под "телагу". Кроме дневника и стихов, тревожиться остается еще только за одеяло и (в меньшей степени) ножи и открывалку...

11.9.10. 16–09

Конечно, ясно было заранее, что спокойно досидеть здесь полгода мне не дадут, И, наверное, год жизни, не меньше – в пересчете на потраченные нервы – отняла у меня эта история, начавшаяся неожиданно вчера вечером, часов в 11, когда я уж думал ложиться спать. Вдруг подбегают один за другим двое молодых шпанят – один из них здесь "дорожник" и нашел мне шконку, когда меня перевели сюда; а сам он поднимался с этапа на 11–й как раз год назад, когда и я оказался там; второго не знаю – и начинают возбужденно приказывать: сейчас же перелечь на другую шконку – напротив и несколько наискось вправо; это последняя шконка перед "петушатником" и отделена от него только занавеской (срываемой, думаю, так же регулярно, как и все прочие "шкерки" на всех бараках).

Я, честно говоря, опешил от неожиданности и от их нахрапа – и попытался хотя бы задержать переселение до завтра – поздно ведь уже, 12–й час. Некоторое время, когда эти 2 щенка, поспорив со мной аргументами, что "так надо!", ушли, какой–то хмырь из того проходняка, в который меня предполагалось переселить, "милостиво" сказал мне: ну ладно, сегодня уж не будем, давай завтра...

Надо ли говорить, как у меня сразу оказались взвинчены нервы?!. По максимуму, короче. Поразмыслив немного (вроде ушли? Отвязались, не давят больше? А может, и совсем отстанут?..), я решил сейчас же – м.б., еще успею, пока не спит – пошел к "запасному варианту" – как–никак, он здесь блатной, авторитет, "пацан" (38 лет :), может замолвить словечко, остановить этот наезд. Выхожу в "фойе" – и тот выходит из своей секции, уже в майке и трусах, – собирался спать, так что я успел как раз вовремя. Вышло так, что и этот "дорожник" тоже оказался здесь и, видя наш разговор, подошел – пришлось говорить при нем. Блатной спрашивал у него, в чем дело, чего они от меня

хотят, но – довольно вяло, и (когда “дорожник” уже ушел) на мои просьбы вступиться и повлиять особого энтузиазма не проявил. Больше просить было некого, я ушел. А тут еще в проклятой секции этой не гасят и не гасят свет, и проклятые соседи–азера орут и орут вовсю в соседнем проходняке, прямо через занавеску от меня. Я лежу, ворочаюсь, нервы все равно взвинчены, заснуть тут нечего даже и думать. Лишь в час ночи, когда беготня и гомон несколько улеглись, все более–менее успокоилось, – кто–то погасил–таки свет (в блатной секции его погасили уж давно!), и я, хоть тоже не сразу, но заснул.

Наутро “дорожник” прибежал опять, – мол, надо перекладываться. Я сказал, что не пойду туда, и сослался на вчерашнюю беседу с “запасным вариантом”. “Дорожник” (к моему удивлению – у них же тут иерархия!) выразил пренебрежение: мол, причем он тут, он вообще в этой секции не живет, – и пообещал, что меня заставят переехать, раз я не хочу добром.

Утро до проверки, однако, прошло спокойно: все спали. Лишь перед проверкой тот же мужик из того же проходняка “напомнил” мне: мол, после обеда не ложись, давай собирайся (переезжать). Потихоньку я уже начал понимать, кто тут главный мотор, хотя и он, и “дорожники” отвечали на мои вопросы: “Так надо!” (и даже один раз: “Так надо всем в этой секции!”) и подавали мое переселение под бок “петушатника” как высшую государственную необходимость.

Посмотрел мимоходом этот проходняк – ужас! Тумбочка такая же, как в июле завезли на 11–й, т.е. новая и очень узкая – ничего не положишь; да и не один я ведь буду в ней! Сетка верхней шконки без крючков – снизу ничего не повесишь. Сама шконка вплотную придвинута к стене – за торец тоже ничего не засунешь (разве что прошлогодние зимние “коты” в пакете – страшно важно сохранить их до холодов, новые хрен пропустят и хрен здесь найдешь). Отодвигать от стены – будет заметно, все шконки стоят по одной линии. Т.е., явное и очень существенное ухудшение условий по сравнению с нынешними. Да и – начать только, а там все полгода придется переезжать с одной шконки на другую, – “так надо!”...

После проверки пошел опять к “запасному варианту” – он как раз гулял во дворе. Попросил его еще раз, все разъяснил подробно – реакция очень вялая; он не отказывался прямо, но ничего, по сути, и не обещал. (О долге мне он теперь вообще не вспоминает!.. :)

Перед обедом – был еще тяжелый разговор с тем “дорожником”, залезшим с телефоном в мой проходняк – к соседям. Сказал я ему многое из того, что хотел, что накипело (а

этот момент – проверка и обед – был моментом сильнейшего нервного напряжения для меня; если б не была голова и так наполовину седая – наверное, первые седые волосы появились бы в эти 2 часа...), но убедить его ни в чем не смог. 20 лет; молодой и глупый; дали малюсенький кусочек власти – рулить, кто где ляжет, – и вот он старается, чешет по бездорожью, куражится вовсю; но, тем не менее, признать это, в ответ на мои слова, упорно отказывается, – конечно, сам–то он мотивы своего поведения не осознает, зато со стороны хорошо видно... Пообещал даже сперва, что сам лично выкинет мои вещи; правда, под конец разговора, когда я вернулся к этой теме, сказав, типа: давай, выкидывай, чтоб все видели, покажи себя во всей красе!.. – сказал, что, конечно, ничего выкидывать н

19–04

Прервали, но можно, в сущности, уже не рассказывать эти подробности. Прервали именно тем, что пришли выселять окончательно – один (вчерашний, неизвестный), потом другой, потом третий... Все – в тоне запредельно хамском, непререкаемо–командном, с угрозами, с оскорблениями, с глумлением... Да–а, подтвердилось то, что я знал, не желая уже переводиться с 11–го: нигде не будет лучше, везде – одно...

Вся интрига оказалась в том, что мужичок, живший на этом месте, возле “петушатника”, просто–напросто захотел улучшить себе жилищные условия за мой счет. Просто–напросто переехать на мое место, подключив – не будь дурак! – для этого сразу весь блатной аппарат (“Так надо!”), а я – на его. Сперва, когда после обеда я послал его к “запасному варианту”, он, вернувшись оттуда, успокоился, ничего мне не сказал. Тогда–то я и сел писать – думал, все, наконец–то вопрос исчерпан. Но еще не дописал – пришли эти, с матом, с угрозами, обещаниями, что я у них сейчас буду жить в “локалке” и т.д. Завхоз, проходя мимо, добавил от себя: что, не хочет переезжать? Вон, в “локалке” 2 шконки пустые стоят... Завхоз этот – какой–то давний приятель сигаретчика, и я скажу ему, когда придет, что его старый дружок – просто мразь...

Оскорбляли, хамили, угрожали... В общем, заставили–таки переехать. Последний гвоздь вбил, как я понимаю, их знаменитый “смотрящий” за “общим” – тот самый, что спрашивал, что это я “трусь” у березы на проверке... Переехал, аккуратно все сложил; проходнячок на палец всего шире этой новой узкой тумбочки, и в него я опять не прохожу плечами, а только боком – живо вспомнилась узкая щель на 13–м, где прожил я год и 8... Шконка придвинута к стене, отодвинуть ее – попробовал – я не могу. Пакет для бани, уже наполовину драный, пролезает за торец еле–еле. Шконка еще ниже, чем была та; сверху у нее пружины (не на

что повесить), а снизу зато – крючки (за них сразу за все цепляется продуктовый баул и рвется). Как тут жить – я не знаю; еще прилажусь как–нибудь, если не заставят убрать баул со жратвой в каптерку. Припасы больше чем на 1–2 дня класть тут некуда; да еще и в столовку я больше не хожу. Заберут (комиссия!!!) баул – придется голодать...

Разложил кое–как вещи – и пошел к "телефонисту". По дороге с изумлением увидел: старый дощатый забор между 11–м и 6–м сломали – и заменили забором из вертикальных стальных прутьев, таким же, как внешняя ограда.

"Телефонист" порадовал меня, конечно же, своей старой "трубой" ("тонкий Samsung"), выдаваемой им за новую. Я – к удивлению своему – смог сделать то, что хотел: позвонить от него тому, прежнему "запасному варианту", еще в январе освободившемуся. Позвонил. Тот обрадовался мне как родному, но перезвонить упорно хотел на 8–й, своему "сменщику" – еле–еле я уговорил набрать на те цифры, с которых я звонил. Спросил, как я, ЧТО у меня; я вкратце – не было сил говорить, душили слезы и помимо воли лились из глаз – описал отношение ко мне на его бывшем бараке. Он советовал мне сперва по всем вопросам обращаться к тому самому "за общее", который руководил де–факто травлей, – с приветом от него. Когда я через силу, путано, кое–как объяснил ему эту тонкость – обещал позвонить тому сам.

Вот и все, собственно. "Телефонист", как обычно, обещал сегодня же вечером зайти ко мне – но пока его нету (да и не надо!). Тот, прежний "запасной вариант", я думаю, или не позвонит насчет меня никому вообще, или же – если даже и позвонит, то это уже ничего не изменит, – он далеко!.. Он и будучи здесь – обещал–то много, да делал мало. Сперва я думал, что теперь уж ничего не сделаешь – ну, переложили на САМОЕ худшее место в бараке, хуже просто нет (за исключением только "32–го квадрата") – теперь придется досиживать срок здесь, в этой щели. Но потом пришла мысль, что если бы вдруг дошло до сатисфакции, до резких внушений всей этой мрази и реальной перемены отношения ко мне – то стоило бы, чисто ради принципа, потребовать переложить меня обратно, на прежнее место, – не больше, но и не меньше! Только я знаю, что этого не будет...

Сижу, пишу здесь, в щели у "32–го" это все... Тут еще темнее, чем было в том проходняке – грядущими зимними вечерами не почитаешь и не попишешь... Ладно, завтра перепишу все это, а сейчас – пора ужинать.

12.9.10. 8–50

Ну что ж. Переночевал на новом месте, позавтракал, достал

жратву на 2 дня – сегодня и завтра – чтоб меньше лазить в баул... Спать здесь, кстати, неплохо, – если не включают фонарь надо входной дверью в секцию, то свет очень тусклый – по одной лампочке во всех 3–хрожковых люстрах, в точности как было на 13–м :) – да и те закрыты от меня верхними этажами шконок и “шкерками”. В целом освещение получается такое, как было в тюрьме, в Москве, на “1–й сборке”, спать не так уж мешает. Вот работать, писать, особенно – переписывать здесь будет очень неудобно – темно, свет эти суки после завтрака гасят, светать будет все позднее... Глаза у меня, наверное, здорово “сядут” за полгода работы в таких условиях.

Счастье еще, что соседний проходняк отгорожен по краю шконки (стоит одна, как была у меня на 13–м, – но, увы, я не на ней...) занавеской – и они сразу же ее натянули, не желая меня видеть. :) Живут там, как я понял, стремщики (все разговоры только об этом – как “пробивать”, услышав крик стремщика из “фойе”, обязательно громко повторяют его здесь, со своей шконки, и одновременно они же – самогонщики: все дни, что я здесь, один из этих моих новых соседей целыми днями возится под краном с ведром, обмотанным пакетами и полотенцами, – гонит самогон. И надо мной, и в соседнем проходняке меняются – ночью спят одни, днем – другие, 2–й этаж соседнего проходняка, как само собой разумеющееся, залезает наверх со стороны моего проходняка, сильно меня этим напрягая – но ведь им не скажешь, наглецам...

А ночным соседом моим сверху оказался тот самый маленький, сморщенный старикашка (впрочем, не такой уж и старый – 60–ти точно нет), который еще с 1–го вечера моего здесь, 3.9.10, все терся в “фойе” и норовил занять лавочку, на которой я сидел. Шваль из тех, у кого здесь ничего не бывает, кроме казенной робы и баланды; голодранцы, вечно ищущие, что бы покурить. Излишне даже и пояснять, что место, на которое меня положили – САМОЕ плохое в бараке, – не по физическим удобствам, а по статусу, так сказать; самое презренное и неуважаемое. Сюда, по неписаной их табели о рангах, как раз и кладут таких – самых последних, нищих, никчемных, никем тоже не уважаемых, не принимаемых всерьез, едва вообще считаемых за людей – несмотря на гордое звание “мужик”! :) (Ну, еще шнырей иногда.) Вчера, в разгар истерии перекладывания, заметив этого хмыря в “фойе”, я мельком подумал: интересно, где он–то спит? Наверняка ведь даже у него место лучше, чем навязывают мне. Оказалось, я ошибся... :)

Ну что ж. И в этой дыре (щели) худо–бедно тоже можно жить. Где наша не пропадала?!. :) Осталось мне 189 дней, ровно 27

недель.

15–33

Кратенькие результаты моей вчерашней активности. :) Вечером, после отбоя вчера заходил “телефонист” и ходил тут с каким–то своим, видимо, земляком, тот заглянул ко мне в проходняк, спросил, добровольно ли я сюда переехал, – я сказал, что нет. “Телефонисту”, я слышал, он говорил, что ничего не знает, т.к. весь день спал. :) А вот только что – сидел, переписывал после обеда – явились 2 кавказца – один с 7–го, другой, по–моему, с 12–го. Тот, что с 7–го – грузин он или армянин, я так и не понял – сказал, что вчера (ему?) звонил тот, прежний “запасной вариант” и просил зайти, узнать, как у меня дела, не “обижают” ли меня на 8–м. Звонивший ему – армянин; а на 7–м – напомнил, сам бы я не вспомнил его – он тусуется возле “телефониста”, – грузин? Пойди пойми... Я вкратце рассказал, как и что было вчера. Этот, с 7–го, просил, сколько мне осталось, и, услышав, что полгода, стал очень упирать на это – мол, осталась ерунда, “понты” и пр. Я сказал, что спокойно сижу, занимаюсь своими делами, никого не трогаю (т.е. хамство от блатных слушаю неспровоцированное) – тогда второй осчастливил меня мудрой мыслью, что, мол, если сам ты никого не трогаешь, то и тебе никто ничего не сделает. :) Засим они ушли – не пошли говорить с кем–то из блатных этого барака (тут они все русские), отнюдь не выразили желания разобраться и как–то восстановить справедливость, – нет, просто спросили у меня, осмотрели щель, в которую меня засунули – и ушли. Как я и писал вчера, мой “звонок другу” в итоге не дал ничего...

18–03

Тот кавказец с 7–го оказался–таки армянином. Сейчас увидел его у столовой , он опять подошел ко мне, – фамилия на “–ян” на бирке. Спросил, почему я не в столовке, я рассказал, что меня выгнали из–за стола и мест нет, – никакой реакции...

Главное событие дня – ломают, ломают деревянные заборы между бараками и на их место ставят металлические! Уже есть и между 5–м и 11–м, а сейчас вышли на ужин – ломают забор между 8–м и 6–м и сразу ставят новый и сваривают. “Дорогам”, видимо, пришел–таки конец; максимум – по опыту забора “кечи”, в этом железном заборе можно выломать палку или разогнуть две так, чтобы протиснуться. Я протиснуться не могу никак – тем паче зимой, в телогрейке. К “телефонисту” теперь – только с 7–м из столовки, со всей толпой в ворота их “продола”?..

13.9.10. 15–40

Вчера в 9 вечера – первое для меня здесь, на 8–м бараке, общее собрание в “культяшке”. Сперва не хотел было идти – до

омерзения противно находиться с ними всеми вместе, в одном помещении. Но – пошел, и ожидания полностью оправдались: приезжает очередная комиссия! :)))

В общем, все точно как на 13–м, как будто не было этого года на 11–м, с “козлами” – там хоть не собирали... Еще неизвестно, приедет комиссия в понедельник (сегодня) или нет, но – все попрятать, и сумки в каптерку (о, конечно!), и из тумбочек все (уверенно, на полном серьезе, что жратва должна храниться тоже в каптерке!!! А есть ее там же, в каптерке, или где?..), и вольные вещи, спортивные костюмы, пепельницы, и даже “лишнее” с табуреток!.. Помесь 13–го с 11–м, короче, апофеоз безумия... Взрослые, серьезные (с виду) люди говорят это, ничуть не стесняясь и не краснея, толпе быдла – но оно безгласно, спорить не будет, потому и говорят... Обоснование такое: мол, недельку потерпим, ограничим себя, зато потом будем жить так, как мы хотим, а не как навязывают “мусора”. (Нет, ребята, “потом” будет следующая комиссия!.. :) Мол, мы должны им, комиссии, “показать примерно то, что они хотят видеть”! И тупое быдло молчит, не понимая, что если это не есть “то, что навязывают мусора”, тогда что же это? Вспомнилась строчка Нестеренко: “Опасность овечьей шкуры, срастающейся с хребтом”...

Порадовался своей предусмотрительности: переехав на новое место, я – впервые за все 3 года и 4 барака – не стал заправлять край казенного одеяла со стороны проходняка под матрас, как делал всегда – а оставил его висеть: именно в предвидении комиссий, чтобы он прикрывал сумки. Сработало!!! И пригодилось – буквально – на следующий же день, как переехал.

Остальные – вокруг – тоже, впрочем, сумки не убрали, и даже ничем их не завесили 0 просто стоят. Уже около 4–х, но про комиссию ничего не слышно – 1–й день объявленной вчера “недельки” с комиссией, считай, прошел. В продуктовый баул придется лезть уже после отбоя – доставать жратву на завтра, убирать лапшу из ларька и пр. – а он, сволочь, будет цепляться за крючки...

Активно доделывают деревянную микро–баню возле полуразрушенной старой. Сварили и провели к ней по земле тонкие трубы от котельной – под ними прорыта траншея, потом их, видимо, заглубят в нее. Неподалеку лежит громадная ржавая железная бочка, почти что ж/д цистерна, а у стены новой бани сварили стоячие железные рамы, – видимо, между ними установят эту бочку и к ней подведут трубы, она будет резервуаром кипятка. Учитывая, какое столпотворение было сегодня утром в старой–то бане – по 3–4 человека на “лейку” и нет вообще места раздеться, повесить одежду в раздевалке, где по

совместительству сделали еще и сушилку, – к новой, крохотной внутри, будет, видимо стоять километровая очередь...

Смешно, но новые железные заборы вместо старых деревянных ставят... с уже отсутствующими прутьями в тех местах, где были калитки “дорог”! :) Все предусмотрено, – а то как же, например, “подложенец” или “2–й человек в лагере” будут обходить своих подданных в бараках , вершить расправу или собирать дань?.. Но там, где прут выдран один – утром сегодня попробовал – я, увы, не пролезаю. С 11–го на 6–й, по–моему, выдрано 2, дыра широкая – “но мне туда не надо”. А на тот “продол” – на 6–й – хрен! И если другие заборы – с 4–го на 9–й, с 10–го на 3–й – сделают тоже с такими же узкими щелями, то путь мне к “телефонисту” будет закрыт.

Этого ублюдка встретил, идя сейчас, в 2 часа, в ларек. Он сперва попросил купить ему чаю и сладкого (54 рубля – пачка чаю + пачка конфет), но сразу после этого повернул назад, радостно побежал со мной в ларек – и тут же выклянчил 150 (!!) рублей, в 3 раза больше первоначальной просьбы. Почему я дал? Теперь, после некоторого охлаждения отношений с “запасным вариантом” на 8–м, оказавшимся (как я и подозревал) безвольным трусливым дерьмом, после того, как заходы мои к “телефонисту” из–за смены заборов делаются все проблематичнее, – встает опять вопрос, чтобы он заходил ко мне сам, как было на 13–м последние 4 месяца. Эта тварь вовсю качает деньги с матери – по ее рассказам, нагло звонит и прямо–таки требует положить ему на счет по 300, по 500 руб. чуть не каждый день! – да и здесь, с меня, тоже не упускает возможности что–то урвать, – он ведь не знал, что меня встретит, и шел от ларька прочь...

Да, натерпишься здесь унижений, нахлебаешься... Мерзкие полублатные малолетки, которые подходят – и глумятся вдвоем–втроем (зрители смеются), суют мне в лицо кулаки, пальцы, тычут, кривляются, глумливо снимают на видео телефоном, тоже тыча его мне в самое лицо... Если такого ударить, выбить телефон (не говоря – зубы...), будет скандал и расправа – “законная” по их “понятиям”. Те глумятся, но не бьют – изволь терпеть, ничего им сделать нельзя, за их спиной – вся толпа этой блатной и полублатной нечисти, весь барак... А стоя за спинами толпы сегодня в бане, тоскливо ожидая, когда же предоставится возможность хотя бы на секунду влезть под воду, – вспомнил я 13–й барак, самое начало, осень 2007–го, весну 2008–го... Тогда все было так же – и я последний вхожу в баню, и занятые скамейки и крючки, и ни одной свободной “лейки”, и тоскливое, безнадежное, унизительное это ожидание среди подонков... Срок

кончается, я уже здесь давно не новичок, не этапник, я здесь жизнь прожил – а все то же самое, ничего не меняется (только к худшему; и последним, когда уже включили воду, я теперь прихожу сознательно). Русское быдло, какое же ты глупое, тупое, бессмысленное, деревянное, с опилками вместо мозгов!.. Простонародье – я стою среди них в бане, вытираюсь, смотрю. Тупые рожи, дебилы, агрессивные дауны, грабители, ни у кого нет высшего образования (да и среднего у многих :) – но у всех, за редким исключением, на теле наколки, зачастую во всю спину... Надо быть полным идиотом, чтобы портить свою кожу, уродовать себя этой дрянью – а у них у всех!.. И это – не тоненькая "прослойка" интеллигенции, это – как раз самый что ни на есть коренной, низовой, простецкий русский народ. Тупое, примитивное, пьяное быдло – и количество (знаем по книжкам) среди них толковых технарей, "кулибиных", мастеров–ломастеров – чинят ли они компьютер или взламывают банкомат, снимают сигнализацию, чтобы угнать дорогую иномарку – ничего не изменит. Быдло. Мразь. Биомасса...

19–35

Никакого воздаяния за все эти страдания, за все глумление, увы, не будет. Все так и уйдет в песок... И в этом – главное опровержение главного тезиса церковников о якобы потрясающей гармонии, красоте и совершенстве мира – главного их "доказательства" бытия божия....

14.9.10. 8–17

Вместо комиссии вчера около шести, перед ужином, по "продолам" шлялись Куртюков и прокурор – старый дурак Овсов, тот самый, хорошо мне знакомый. Поднялась, конечно, паника, беготня; поубирали тут же все "шкерки", и стало голо и тоскливо, как на 11–м. Выносили, я заметил, не столько сумки, сколько какую–то одежду – "лепни", телогрейки, что там еще – НА ПЛЕЧИКАХ! Казалось бы, кому она мешает и кто сказал, что нельзя?!.

Где–то в полдевятого вечера всех опять стали звать на сборище в "культяшку". Сколько ж можно?! – и я на сей раз не пошел. Пока пил чай, оттуда, сквозь приоткрытую дверь, неслись истошные вопли и ругань – кого–то разносили, кажись, уборщика; а потом, судя по последующим пересудам, разборка там коснулась и того, что не все всё поубирали, как было велено вчера – и прокурора встречали, слишком уж панически, бегом все вынося. А прокурор с Куртюковым – забыл написать – зашли на 8–й, постояли только в "фойе" несколько минут – и убрались, – тревога опять оказалась ложной!..

Потом, после сборища, они еще звали всех "чифирить" на

улицу, – туда я тем более не пошел. Сразу после проверки, пока я еще гулял во дворе. Явился сигаретчик – и мы бродили с ним по двору туда–сюда почти до 11–ти, рассуждая о разной чепухе и слушая (я) бесконечные истории из его жизни о драках и т.п. Я убедился еще больше в том, что знал, конечно, и раньше: интеллектуальный его уровень, способность теоретизировать, обобщать факты и делать из них выводы, способность подняться на какую–либо теоретическую, философскую высоту над землей, над своим повседневным, ничтожным бытом – очень низки, почти на нуле.

По “запретке” прошел “мусор” – и какое–то мелкое чмо от двери барака заорало на нас, почему, мол, мы не заходим внутрь, когда всем велено зайти (спрятаться от “мусора”, который все равно никак не перепрыгнет “запретку” и не подойдет к нам). Отвечал сигаретчик (мол, разговаривали, заговорились); если бы отвечать стал я (вопросом, зачем прятаться, если “мусор” все равно не перепрыгнет “запретку”) – неминуемо возник бы очередной скандал.

Только зашли, сели (я дал ему еще сигарет, 2–й раз за день уже) – новая напасть: “Макар” на “большом”, а потом “к нам на продол”. Свет, конечно, тут же погасили (ура!) ; моментально убрали опять все “шкерки”, смели все с дужек кроватей (обычно там навешано в 5 слоев, гораздо больше, чем на 11–м); один из соседей, по указке другого, явно злобного, полез было и мои вещи (спортивную куртку и робу) снимать с крючков, на которых они висели. Когда я сказал не трогать, злобный зашипел на меня, и потом еще бормотал, что меня надо ударить “за игнорацию просьбы”. То, что в таком случае это уже не просьба, им даже не приходит в голову; а при одном имени “Макара” они теряют разум от страха. Нигде рабская, трусливо–покорная природа русского быдла не видна так ярко и четко, как здесь, на 8–м, на примере этой глупой молодежи, всерьез рассуждающей, что все надо убрать, потому что комиссия и “сказали”...

“Макар” зашел только на 12–й и ушел. После этого, в темноте, я очень удачно слазил еще и в продуктовый баул под шконкой. Видимо, “Макар” дежурил ночью, т.к. по нашему “продолу” он шлялся и во время зарядки сегодня, – пошел куда–то в конец, потом вернулся, к нам на 8–й не зашел. Что ж, – погода на улице ясная, днем даже жарко (“бабье лето”); сумки мои под шконкой пока что целы; и остается лишь ждать (к вечеру, не раньше), когда, по убеждению всей этой насекомой швали в бараке, “пойдет комиссия”...

16.9.10. 15–35

Вчера (среда) утром, в 8, заревела сирена; все думали –

шмон, но шмона не было. После обеда вдруг поднялась легкая паника: “мужики, там (где??) комиссия!..”. Поубирали “шкерки”, повыносили одежду и сумки (мои, к счастью, и на сей раз никто не заметил), – комиссия не пришла!.. :) Потом выяснилось, что она лазила в это время на “кечь”, а потом в баню.

Сегодня (четверг) в шмон уже не очень–то верилось, но все же я улегся после завтрака ждать его (порой задремывая), ничего специально не стал делать – ни писать, ни бриться (давно планировал, но решил – потом, когда ясно будет, что шмона нет). В 9–40, когда уже и не ждал, – вдруг крик: “Шмон–бригада на большом!!!”!...

Поперлись к нам на “продол”, к нам в барак (!!) – но всего 5 человек, странно как–то. Маловато... Я лежу – и вижу в окно напротив, как двое прошли через двор в сторону “спортгородка”, вскоре обратно, потом другие двое, и так стали странно сновать туда–сюда. А в барак не заходят. Вышел – и тут выяснилось, что это они опять (как уже было перед какой–то комиссией в, кажись, мае) уносят все “железо” со “спортгородка”, то бишь гири, гантели, “блины” для штанги и пр., и даже какое–то раскладное устройство типа скамейки – лежа на нем, поднимают штангу, или что–то в таком духе. Туда и дорога вашему “железу”, ребята; я бы вообще в переплавку давно отдал! Особенно старался отрядник 5–го, пришедший в составе этой “шмон–бригады”. Дальше 8–го по “продолу” они не пошли, погрузили все “железо” на телегу, запряженную лошадью, и через несколько минут уже были на 5–м, затем на 12–м – и ушли.

Ладно, фиг бы с ними. Времени было еще мало, и только я собрался бриться, разложил все барахло на полочке у умывальника – опять “шмон–бригада на большом!!!”!!! Будьте вы прокляты!..

Хорошо, не успел еще начать – быстро собрал все и назад в секцию. Шестеро, кажись, зашли на 12–й. потом на 5–й, потом к нам (один всего прошел по этой секции), от нас перелезли на 4–й – и так далее, вплоть до: “трое на 10–м, двое на 13–м”. Потом по одному на 10–й подтянулись еще двое или трое “мусоров”, плюс – Пименов и Наумов, “безопасники” хреновы! В общем, не знаю, что там было, на 10–м, но через некоторое время все “мусора” ушли.

Проклинаю себя за то, что сейчас, когда после обеда сразу заходил сигаретчик и час сидел, в 100–й раз рассказывая про своего бульдога, давно уже покойного (застрелили) – я забыл спросить у него, что же там было, на 10–м – а кому и знать, как не ему!.. Тем не менее, из–за него я так и не побрился – перед его уходом выключили свет (а значит, и воду). Вечером, если даже включат, нет настроения – я привык это делать по утрам, да и

полно народу в “фойе”, не подойдешь к умывальнику.

Как прикольно, кстати, “пробивает” “мусоров”, идущих по “продолу”, здешний стрем! С начала “продола” первым расположен 12–й барак; затем 5–й, затем 8–й – в середине; дальше 4–й, 10–й и 13–й. Так вот, видя в начале “продола” “мусора”, они кричат: “мусор в сторону 5–го!”. Потом, если он не зашел на 5–й, а идет дальше – “В нашу сторону!!” Хотя “сторона” одна и та же, направление движения “мусор” не меняет, а просто минует бараки один за другим. На 13–м. в самом конце, я помню, стрем “пробивал”: “Мусор 5–й прошел! 8–й прошел!!” и т.д.

16–23

Дописал предыдущее – надумал сходить к “телефонисту” позвонить матери (вчера с ней не разговаривал). Через 4–й – 9–й – там еще не заменили старый деревянный забор железным. Пришел – у них отрядник; но уходить не хотелось – пошел; и этот хмырь, хоть и сильно недовольный, телефон все–таки дал. Когда вышел отрядник – пришлось прерваться, 51 секунду проговорили всего. :) Но потом он набрал еще раз – продолжили; еще 3 минуты.

По поводу забранного сегодня “железа” “телефонист” сказал то, о чем я и так догадывался – что это “перед комиссией”. По его словам, еще какая–то комиссия (45–я уже :) ожидается то ли 21–го, то ли 23–го...

18.9.10. 8–38

Суббота. Писать пока не о чем; единственная новость – с самого утра ломают забор между 8–м и 5–м. Ломают со стороны 5–го, и за ним – уже врытые столбы для нового, стального...

И сегодня, еще до всякого забора, и вчера, и позавчера – тоска, отрешенность, уныние, апатия, подспудное ожидание какой–то новой беды. То ли баулы утащат в каптерку, то ли опять заставят переезжать, то ли еще что придумают, – но спокойно здесь не будет, можно уже не надеяться. Ожидание, предчувствие очередной беды – этим полна душа, это давно уже мое привычное состояние – и на воле было так же, особенно после 2–х лет розыска. Забавно, помню, объясняется это у Фрейда, – нет, такое объяснение не катит, когда вокруг – агрессивная биомасса, командующая тобой, не слушающая никаких твоих доводов, и беды уже случались не раз...

Последняя осень... “Ах, Александр Сергеевич, милый, ну что же Вы нам ничего не сказали...” Осень 2010–го... Березы – около нас и около 6–го – уже почти все желтые. Осыпается листва, и желтый лист романтически задевает тебя по козырьку или по щеке, когда ты стоишь е проверке... Через год в это время я буду уже дома; буду так же вот идти домой темным, ветреным осенним

вечером, под шорох падающей листвы, и смотреть на огни далеких фонарей впереди... Все будет – но зачем? Этих ощущений не удержать, всю жизнь, все чувства, каждый вздох – не втиснешь ни в какой фотоальбом, тем более книгу. А я все ищу смысл жизни, и не нахожу его, а жизнь–то уже, считай, больше чем наполовину прошла...

19.9.10. 15–15

Воскресенье. С утра лил дождь, – перед подъемом – слабый, а перед завтраком – такой силы, что я – наконец–то! – впервые на 8–м просто не пошел на завтрак. Ничего, обошлось. К проверке он опять ослаб, к обеду прекратился совсем; я пошел на обед – и как раз двое “мусоров” с обходом поперлись на наш “продол”.Я возвращался – они как раз вышли с 8–го и пошли дальше.

Лег после завтрака, – темнота, свет выключен, из окна света почти нет; все спят, но мне спать не хотелось. Стал думать – и вдруг мысли пошли сами, понесли меня, как река с быстрым течением. Вдруг стало так хорошо и приятно думать о том, что будет дальше, после освобождения, как конкретно–практически, шаг за шагом, надо будет договариваться с людьми, создавать давно задуманную организацию, восстанавливать газету, в какие города она пойдет, сколько появилось новых городов и знакомств, пока я сижу... Надо будет много ездить – к Мане в Питер летом, а хорошо бы увидеться и с Маглеванной – хотя бы в Украине, уж в Финляндию к ней я вряд ли смогу поехать – и виза нужна, и денег нет... Обязательно нужно, – ведь это единственный смысл моего существования, и теперь – еще больше, чем когда–либо; единственное ценное и дорогое, что есть у меня в жизни – это письма Лены Маглеванной, где она обращается ко мне “дорогой друг Борис”, да вот недавняя открытка от Мани: “Главное – осознавать, что ты очень нужное и правильное дело делаешь”, – пишет она там. Вспомнилось вдруг парадоксальное признание Миши Агафонова на одной из свиданок: что в прежние времена вся его неистощимая активность, все акции, листовки, газета и пр., что он делал – оказывается, всем этим он обязан мне, это, якобы, я своей энергией побуждал его не впадать в апатию и тоже что–то делать. Мне не верится, но так он говорил, я специально спросил его об этом. И, получается, эта дружба, теплые слова, это признание друзей и – будем честными – учеников, – единственное, что я нажил за свою жизнь, единственная в ней ценность. Дай бог, чтобы мне не пришлось во всем этом – в друзьях прежде всего, конечно – разочароваться, как бывало уже много раз...

Темно так, что трудно писать. За окном, да и из дверей барака – совершенно необычный вид, как будто я где–то не в

Буреполоме, а на другой зоне. Все бараки побелили со всех сторон от земли до самой крыши, заборы полностью заменили решетками – все вокруг открыто, просторно, первое, на что падает взгляд, когда выходишь из барака – черные фигурки, гуляющие напротив, за решеткой, по двору 5–го...

Делать нечего, читать – тоже, писать – ничего не пишется, кроме дневника. Остается – как вот сегодня утром – лежать и думать (или спать, но с этим у меня всегда проблемы, – 5 минут сна и 2 часа приходить в себя после них). Для размышления времени еще полно, в бараке тепло, еда еще есть, и главное – пока меня тут никто не трогает. Воскресенье, комиссий нет. Короткая передышка. :)) Мне осталось ровно 26 недель, или 182 дня. Послезавтра, 21–го, я разменяваю последние полгода срока.

20.9.10. 16–00

Вот и появился материал, о чем писать, а то все не было. :) Опять очень удачно сходил в ларек – и завоз, и очередь была не такая большая, хотя – одно окно. Выбил специально заранее побольше денег; но – опять прибежал “телефонист”, теперь он явно “доит” парня–инвалида, мне хорошо знакомого, с их барака, получающего по инвалидности пенсию, – каждый понедельник–вторник вижу их то в ларьке, то идущими оттуда. Эта тварь, как всегда, влезла без очереди – прямо передо мной, покупала 10 банок сгущенки (явно на брагу), а недостающие 15 рублей нагло и бесцеремонно (в своей всегдашней манере) сказала продавщице списать с меня.

Мне, слава богу, хватило на все, что я хотел (только рулетов не было, – даже в завоз). Прихожу с 2–мя пакетами в барак – а на дворе, у входа, уже сидит, поджидая меня, какое–то (полу–?)блатное чмо тощее, меньше меня ростом и явно моложе – лет 25–26. Вот, говорит, наконец–то я тебя дождался...

Уже с первых дней, как перевели на 8–й, данное чмо пристало ко мне с вопросом: не хочу ли я ему дать в ларьке рублей 200 – типа, оно собирает “на изолятор”. Я знаю давно и хорошо их “изоляторы”, “святые места” и прочую лапшу для лохов; причем – стал сейчас вспоминать – самый–то первый разговор с этой нечистью я толком и не помню – был ли он вообще?! – а помню уже 2–й, когда она подошла с напоминанием, что, мол, ты обещал... После хамской встречи, устроенной мне на 8–м с первого же дня, ни о каких деньгах не могло быть и речи, и я сказал, что потратил все деньги, когда появятся еще – поговорим...

И вот – это чмо сегодня подстерегло меня в ларьке, когда я выбивал чек! :) Но там, в толпе, ничего говорить не стало, а на бараке – в приказном порядке начало звать с собой в “обувничку”

(здесь она открытая, без двери, как почти на всех бараках), выгонять оттуда кого–то, – короче, приняло все меры для обеспечения конфиденциальности разговора. :) Почему? М.б., потому, что не хотело при людях задавать столь невыгодные для себя вопросы: я что, похож на дурака?! :) Почему ты меня обманул??!!! :)) В общем, почувствовало себя оскорбленным, обманутым и... что же?! Потребовало удовлетворения? Вызвало меня на дуэль? Нет, стало грозить, что сейчас ударит доской, стоящей тут же у стенки. Впрочем, шансов на это было мало, т.к. мы были один на один (правда, люди мимо ходили, и один полублатной даже прицепился: мол, что это вы тут "рамсите"?) и ждать такого развития событий я бы не стал... Похож ли он на дурака? Да нет, ты не похож на дурака, ты и есть дурак! – хотелось мне сказать. :) Несмотря на то, что момент был неприятный – это чмо лезло прямо мне в лицо и, черт его знает, могло вдруг и ударить – в душе, про себя, мне было смешно. Уголовная (полу)блатная нечисть с немыслимо огромным самомнением, ровным счетом ни на чем не основанным, – ничтожество, пустое место, одним словом, – вот как оно начинает визжать, вдруг поняв, что для меня оно и впрямь никто, что я не ставлю его в грош и обмануть такую тварь тоже ни в малейшей степени не считаю за грех!.. :))) По той остервенелой ярости, с какой эта поганка кидалась на меня в "обувничке", я окончательно убедился в том, о чем раньше уже догадывался вполне ясно: деньги с меня она трясла вовсе ни на какой не на "изолятор", а себе (и своим друзьям?) А в ларьке, зайдя заранее, когда еще вообще никого не пускали в калитку, стояли у окошка, сменяя друг друга, 2–3 сборщика с 10–го и тоже с каждого покупающего трясли что–нибудь "на изолятор"...

Вечером вчера неожиданно произошло приятное событие: вышедший из ШИЗО блатной, в лицо памятный мне на 8–м еще по прежним временам, когда я заходил к еще прежнему "запасному варианту", – узнал меня – и сразу, изначально, отнесся очень по–дружески, точнее, конечно, покровительственно (меня ведь они ровней себе не считают, смотрят свысока – но не с такого высока, конечно, как я на них :), первое же, что с ходу сделал, едва меня увидев – защитил от вздорных, крикливых "наездов" 18–летнего дурачка–стремщика, соседа по проходняку. Вечером, когда я ужинал, он же неожиданно пришел с "трубой" – типа, на, звони! Я никак не ожидал, – тут же набрал матери, но почему–то она не брала мобильник, а звонить на домашний – не было денег. "Симка" была, как сказал этот блатной, его, а "труба", как я понял – телефонистова здесь, на 8–м, земляка (т.е. соплеменника), с которым (земляком) этот блатной живет в

одном проходняке. Причем живут оба в этой же, совсем не блатной секции; честно говоря, – зная, что (вопрос только времени) и здесь непременно дойдет дело до скандалов с уборкой моих баулов в каптерку, мытьем полов и пр. – я предпочел бы, чтобы они жили в той...

У бани утром встретил “Макара”, осматривающего лично ведущиеся там работы. Он издали – и на “ты”, – вопреки своим же “ПВР”! – спросил, тоже ли я (как шедшие в баню впереди меня) на 8–м, с каких именно пор, и т.д. Я ответил. Теперь мучит непонятное предчувствие – как бы он не вздумал перевести меня еще куда–нибудь; чего доброго, обратно на 11–й!.. Вряд ли, конечно, но... Эти твари способны на все.

В бане ободрали уже все трубы отопления, сломав деревянную обшивку их под окнами. Пока баня работает, к железной бочке у новой бани–сруба еще не подведены трубы, – и, похоже, готово все это у них будет не скоро. Нет никакой надежды, но я молюсь, чтобы устройство этой новой бани застопорилось у них на зиму, до марта, и мне не пришлось в ней побывать. Осталось мне здесь 25 бань, 181 день. Сегодня понедельник, началась 26–я неделя до конца...

21.9.10. 15–45

В 6 утра сегодня, вместо привычного уже совкового гимна, вдруг завыла сирена. Выла долго; выхожу – зарядки нет, музыка не играет; вместо нее в 15 минут 7–го – опять сирена, но уже коротко всего несколько секунд, – такое ощущение, что включили по ошибке.

Потом – по секции прошло двое полублатных малолеток с объявлениями–призывами, как на митинге: мужики, в лагере комиссия, уберите все лишнее, снимите с дужек, сделайте так, как говорили (еще к прежней комиссии, в то воскресенье :)!..

Ах, вот оно что! Комиссия!.. :)) И понеслось – сразу же, а особенно после завтрака – как всегда: понесли в каптерку баулы, в раздевалку – “телаги” и обувь, стали отодвигать и снимать “шкерки”... “Обиженного” заставили несколько раз вымыть “продол” в секции, другие убирались во дворе, все полуразобранные шконки зачем–то затащили оттуда в раздевалку, загромоздив ее. Какие–то 2 (шныря?) оттирали даже стену под “фазой” – она залита стекающим чифиром и пр., но видно это, только если сильно присмотреться...

Кто–то со слов кого–то из “мусоров” сказал, что на вахте – 50 человек в масках. Опыт 6 мая, когда с самого подъема была и сирена, и “маски–шоу”, подтверждал это, так что все утро, вместо того, чтоб хоть немного подремать, я ждал шмона. Но шмона не было.

Но кто–то на самом деле приехал, это ясно по поведению “мусоров”. Шли на обед – недалеко от “нулевого”, посреди “большого продола”, около пожарного “водоема” под досками, стояли группой Наумов, Пименов, отрядник 10–го и, кажись, еще кто–то. Наткнувшись на них, толпа притормозила, построилась – и сразу в самой же толпе раздались ехидные голоса, что вот, мол, надо же – 8–й барак построился; типа, это большое событие; а “мусора”, мол, смотрят – хотят запомнить эту необычайную картину. :) Обратно я и тот полутораногий даун, что загораживал мне окно на 13–м, шли вместе – вышли вслед за 3–м, ждать было уж слишком долго и нудно. “Мусора” все так же стояли на том же месте, только Быня, отрядник 4–го, тоже присоединился к ним. Пименов, отделившись от группки своих, попытался, естественно, развернуть нас обратно; на мои слова, что у меня есть разрешение ходить одному, очень живо и заинтересованно (как все они) потребовал показать. Я показал. Придраться было не к чему, он пропустил (а заодно и второго), только спросил, какое у меня “хроническое заболевание”. Я ответил, что у меня их много (они и впрямь упомянуты в заявлении, как его первопричина, во множественном числе).

4 часа дня. Если комиссия пойдет–таки по баракам, то – ждать еще 2 часа, после 6 вечера уже вряд ли. “Масок”, я надеюсь, завтра уже точно не будет. Сегодня, 21 сентября 2010 г., я разменял последние полгода своего срока. Финишная прямая...

23.9.10. 14–58

Ну что? Все одно и то же, одно и то же – раз за разом, год за годом, по кругу... Сегодня был апофеоз паники: комиссия таки пошла шляться по зоне, – заходила и на наш “продол” – но на 8–й не зашла! О боже, что творилось в секции, когда они шли мимо нас – на 13–й! Полублатная глупая молодежь, с ее понятиями, что можно и что нельзя (вторые одеяла или баулы под шконками – нельзя, упаси бог, хотя про это нигде не сказано; а вот про картинки на стенах, прямо запрещенные ПВР, они понятия не имеют... :), взялась лично наводить “порядок” в секции, предварительно выгнав большую часть народа на улицу. Лично осматривали шконки, у кого что где висит (полотенца, носки и пр.), снимали, велели “обиженному” собрать и вынести все оставленные под шконками тапки (или их потом!..); поснимали, конечно же, все “шкерки” – точнее, приказали всем их вообще отвязать, но все, разумеется, только позапрятали их под матрасы верхних ярусов, я в том числе, и т.д. и т.п. Но – под мою шконку, завешенную до пола краем старого, дранного уже казенного одеяла, заглянуть никто из них не догадался!.. :)) (Соседи, кто знал, тоже, слава богу, не стукачами оказались.) И то сказать – не

остервенелые “козлы” с 11–го (долговязая ехидна, всякий раз нагибавшаяся и специально заглядывавшая под мою шконку) и не бешеное шимпанзе с 13–го! Уж пережив столько, повидав таких запредельных, исключительных тварей – можно не бояться этих глупых малолеток!..

Было это перед самой проверкой. Зашли 4 каких–то “мусора” из пресловутой “комиссии” на 13–й, потом, на обратном пути, на 4–й – и ушли с “продола”. Я уж думал – уф–ф–ф, ну наконец–то, все кончилось, можно идти на проверку! – как вдруг, уже начало 1–го – “еще одна комиссия на наш продол!”!!! Народ поневоле начал спрашивать: может, это проверка, а не комиссия? Но нет – оказалось, это Фирсов (зам. по тылу) с каким–то “мусором” из “комиссии” (судя по виду и форме) идут на 13–й. Потом, пока считали, туда по одному прошли еще какие–то двое неизвестных. В бараке, понятно, поддерживается все это время состояние готовности № 1 и тихой паники (да, кстати, не такой уж и тихой, судя по крикам и ругани). Потом из этих 4–х двое ушли, двое (в т.ч. Фирсов, кажись) зашли на 10–й – и ушли тоже. Уф–ф–ф–ф!!! На этом (пока! – время всего четверть четвертого) все кончилось.

Видимо, прав был сигаретчик, сообщивший мне вчера утром, что приезжает обалдеть какая комиссия – целых “16 рыл”! Они, как и в мае, разбрелись по зоне – кто пошел в столовку (“пробивали” с самого утра), кто – под “крышу”, кто – в санчасть (сегодня как раз гоняли на взвешивание, и, стоя в очереди у кабинета Демина, я как раз переговорил с ним коротко, когда он вышел с каким–то приезжим старичком в форме. Увы, я забыл ему напомнить, чтобы 29–го он пришел ко мне в КДС – на свиданку – пропустить спортивные вещи, и из–за этой моей забывчивости мать скандалит теперь по телефону – новому телефону телефонистова земляка...) А идя со взвешивания, я увидел идущих по “большому” навстречу мне, т.е. уже от бараков, “Макара” и какого–то здоровенного – генерала, видимо. Я поздоровался – и “Макар” строго меня спросил, почему я иду один и откуда – опять на “ты”, сука!..

В общем, ничего страшного. Без потерь. Надеюсь, что это все же уже последний, финальный аккорд, и конец недели (сегодня четверг) пройдет спокойно. 26–й недели до конца, отмеченной нашествием очередной безумной комиссии. Следующая, 25–я, будет отмечена длительной свиданкой с матерью.

24.9.10. 15–50

Пока рано, конечно, подводить окончательные итоги моего путешествия на 5 лет... Надо сдерживать эмоции, сохранять спокойствие, нельзя позволить себе кричать от ужаса и махать руками... Никто, конечно, не будет собирать по случаю моего

освобождения пресс–конференции, да и вообще, едва ли это событие будет замечено прессой… Но все же – если кто–нибудь спросит об итогах и выводах, о главном, самом сильном впечатлении, вынесенном из всего этого… то надо будет честно ответить: хотя я и до ареста хорошо знал все это, и об этом не раз писал – но все равно Я В ШОКЕ!!! В шоке от того, кем населена эта страна, среди кого мы, оказывается, живем… Знание дома, в Москве, было больше все–таки теоретическим, умозрительным, и, общаясь в своем кругу, среди интеллигентов и диссидентов, я мог по желанию выбирать, регулировать свой круг общения (вспоминается, как – и с каким трудом! – пришлось отшивать наглого идиота Уличкина, вздумавшего – по своей простонародной, грузчицкой сути – разговаривать со мной матом…), это зависело преимущественно от меня. А тут – выбирать себе окружение (не круг общения, а соседей по бараку, проходняку, шконке и пр.) от меня не зависит совершенно, – и тут уж я вдосталь нахлебался живых, реальных, грубых и зримых впечатлений. И вот – общее, суммарное за все эти 5 лет – я в шоке от того, какой мразью, каким тупым скотским быдлом, какой отвратительной нечистью и сбродом населена эта страна, – сбродом, который (не видев живьем, как и я до ареста!!!) Майсурян упорно считает какой–то потенциально революционной силой и, во всяком случае, “единственной альтернативой нынешней власти”, как он не раз писал. Увы, не приведи господь увидеть “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”, рожи этих подонков в разгуле и вихре этого бунта – их описывал Шульгин в “Днях” и Бунин в “Окаянных днях”, у обоих эта торжествующая биомасса уже тогда вызывала законное и непреодолимое отвращение. Поневоле, вопреки левым глупостям и наивностям майсурянов и пр., мысль обращается в поисках альтернативы в сторону, лучше всех сформулированную еще Гершензоном в “Вехах”, в известной его цитате оттуда. Но – не знаю уж, как для других, а для меня и поддержка этой власти, какое–либо сотрудничество с ней невозможны, переступить через себя и через свой 5–летний срок, отсиженный ни за что, я тоже не могу. Это абсолютно невозможно, даже и не предлагайте – тем паче, что прогнозы того же Майсуряна, что, мол, я и все мы, оппозиция, еще понадобимся Медведеву для борьбы с Путиным после раскола “дуумвирата”, не сбылись и не могли сбыться. “Тандем” так и не раскололся, и 2012 – это тоже, увы, не шанс. С таким быдлом в роли “электората” им и придумывать даже ничего не нужно; даже “3–й срок” в 2008–м прошел бы на ура, без всяких протестов – побоялись реакции Запада, но никак не собственного “народа”…

Отчаяние. Тупик. Ощущение полного бессилия, отсутствия всякой опоры и почвы в собственной стране, невозможность ничего здесь изменить... Таковы основные ощущения и выводы из моего почти уже отсиженного срока. Насмотревшись на тупое, наглое, но трусливое быдло, перестаешь верить в любые “революции” здесь, внутри – по крайней мере, такие, которые вели бы к чему–то хорошему, к свободе, а не назад в СССР...

Что ж. Значит, опора – только на колониальные (внутри) и постколониальные (вне) народы – в той мере, в какой до сих пор пребывающие “внутри” еще не спились и не оскотинились окончательно. А стратегия – раз все реформы и перестройки бесполезны, изменяя только вывеску, но не суть, – значит, стратегия только одна: полная, безоговорочная и окончательная ликвидация этого государства. Та, о которой я писал и до ареста – и часть цитат на эту тему фигурируют в моем приговоре...

27.9.10. 12–34

Такое хорошее настроение было вчера вечером!.. Доехали нормально – мать, Фрумкин и Матвеев; матери удалось – небывалая вещь за все эти годы здесь – без всякого напряга прозвониться мне аж 3 раза! Но утром (да еще даже ночью) настроение стало портиться – м.б., потому, что не дали нормально выспаться, уроды–“обиженные” в своем “квадрате” рядом со мной всю ночь жгли лампочку. Утром было уже не так хорошо, – противно и тошно, несмотря на предстоящую свиданку. Да и погода – холодно, сыро, небо в тучах – не то что вчерашняя “золотая осень” – солнце и +20, по словам матери, когда они ехали.

И вот – не зря. Не зря испортилось настроение: на проверку всех отправили назад в бараки. Приехали к 12–ти зэкам, родственников все шмонают и шмонают, никак не кончат. “Мусор” “Веселый” (Тумаев) сказал, проходя мимо, что будут шмонать часов до 2–х. В общем, половина 1–го дня (самого лучшего) пролетела впустую. Приходить после проверки сказали только к часу; я скоро уже пойду (малость пораньше). Опять топтаться у вахты, томительно и безнадежно ждать.

А когда только подходил утром – вижу там спины “мусоров” в камуфле и слышу грозный окрик типа: “Поди сюда!”. Сперва подумал – Агроном; но нет – это сам “Макар”, стоя спиной ко мне, кого–то распекает. И кого же?! “Телефониста”!!! :))) Тот стоит перед ним, маленький, жалкий, покорно–умоляющий, – куда девалась вся его грозность в бараке!.. :) При мне – по команде “Макара”, видимо – Тумаев повел его на вахту; вскоре он с “козлом” вышли оттуда, – 7 суток ШИЗО! За что же? Как я понял с его слов (на бегу мимо меня), он стоял возле вахту и

перекрикивался с кем–то в окне ШИЗО, а тут, откуда ни возьмись, “Макар”!.. :))

ОКТЯБРЬ 2010

1.10.10. 10–44

Завели после проверки не сразу еще, меня – последним – только около 2–х часов. Свиданка вышла на редкость удачной, я даже удивился, – особенно повезло, когда сдавали передачу и обе “контролерши” не тыкали щупами в конфеты, колбасу, плавленый сыр и т.п., а просто (пл. сыр) прощупали сквозь упаковку пальцами, и даже из 2–х баночек не высыпали, как обычно, в пакетики сукразит, – о, диво дивное!..

Опять вечерние беседы с Мишей, дневальным 1–го этажа, моим давним знакомым, – он, правда, все норовил после чая поскорее смыться. Совсем сошел с ума – яростно не хочет ехать домой после срока, жить вместе с матерью и т.д. а вместо этого размышляет – то ли уйти в монастырь, то ли в лес – и жить там бородатым отшельником–богомольцем в землянке...

3 дня прошли хорошо, 4–й же – день выхода со свиданки, вчера – оказался трудным днем. Баул с передачей пришлось тащить самому, останавливаясь через каждые несколько метров, раз 10 по пути, не меньше. На барак поэтому пришел без сил, сердце дрожало, во всем теле – слабость, – ничего не оставалось, как лечь и лежать. Зашедший попозже сигаретчик сказал, что он ходил меня встречать, но не дождался и ушел (2–й этаж вышел раньше 1–го, и он, видимо, видел их толпу, – если вообще верить, что он ходил, а я не очень в это верю). Заодно он “порадовал”, а потом это подтвердилось и в разговорах других насекомых: с понедельника в лагере – ОМОН (!), хотя непонятно, зачем – все тихо и спокойно; и по ночам “маски” ходят по баракам. Ночью вчера уже они и правда ходили, но до нас не дошли, я их не увидел.

Стала вдруг подскакивать вчера и температура (небольшая, впрочем), – то поднимется, и я чувствую, что лоб теплый и горит все лицо; то – на лбу выступит пот, – значит, t° спала. С утра сегодня, сразу после завтрака, хотел засесть за дневник, полдевятого было – но вдруг ясно ощутил жар, да еще сильнее, чем вчера, – пришлось лечь и пролежать, частью даже продремать больше 2–х часов...

Вчерашний вечер ознаменовался опять стычкой с этими подонками – блатными и полублатными – из–за сущей ерунды. Вышло как–то странно: днем после обеда на час или 2 выключили свет. В положенное время – полседьмого – собрался на ужин, оделся, вышел на двор – гуляю и жду. Никого! Погуляв какое–то время, захожу назад в барак – на ужин идти никто и не думает,

все заняты своими делами. Я в недоумении спросил (позже) у одного азиата–блатного, расположенного ко мне, что теперь, ужин в другое время, что ли? – он не знал ничего и сам идти не собирался.

Короче, не идут – и черт с ними, мне–то эта столовка вообще не нужна! – я разделся и лег, а в обычное время (19–30) занялся готовкой ужина себе.

А оказалось, что им всем кто–то когда(?)–то загодя объявил: т.к. света не было, ужин не успели приготовить, так что в столовку идти всем в 8 вечера. И поэтому в 8, когда на тумбочке у меня в миске уже запаривалась лапша – позвали всех в столовку.

Я, естественно, не пошел – лежал, собирался есть минут через 5, а на шконке у меня сидел немолодой мужик, завязавший со мной разговор в “фойе”, пока я ждал чайник, – здесь он, оказывается, с 1999 (!) г., т.е. дольше все присутствующих зэков; сроку у него было сперва 20 (!!) лет – о таких сроках на общем режиме я еще не слышал, – но ему в свое время удалось “откусать” 5 с чем–то лет – и вот осталось ровно 2 года.

Я был очень заинтересован его рассказом, спрашивал детали – и тут мимо нас по секции прошел тот мелкий полублатной сучонок–“дорожник”, что со дня переезда в нынешний проходняк выбрал меня в объекты своего глумления и насмешек, постоянно подходит и говорит всякие гадости, замахивается, пускает сигаретный дым изо рта мне в лицо и т.д. Короче, мелкая омерзительная гнида, гаденыш, которого просто по стенке растереть (с каким удовольствием я сделал бы это лично!..).

Только увидев его, я уже чутьем понял, что сейчас будет. И точно! – уже вроде бы миновав мой проходняк, эта мразь вернулась и спросила, почему это я не пошел в “шушарку”. Я ответил, как есть – что хотел идти в полседьмого, а сейчас уже собираюсь ужинать сам; потому и не пошел (не бросать же миску, чтоб все остыло!..).

Естественно, этой твари (сидевшему около меня дядьке она, кстати, слова не сказала, хотя он тоже и вполне очевидно не пошел) не был важен мой ответ, а нужен был повод, чтобы докопаться до меня. Поэтому оно тут же этак высокомерно заявило, что, мол, я ему говорю какую–то “х...ню”. Я посоветовал ему идти своей дорогой, куда шло. Эта мразь, уже вроде бы отчалившая и сделавшая пару шагов в сторону выхода, в ответ вернулась назад, заскочила в проходняк и кинулась на меня.

Видимо, реакция у меня до сих пор неплохая – на всей скорости я успел остановить ее толчком ноги прямо в грудь. Попал, надо сказать, очень удачно, почти не думая и не целясь :))) – и на груди синенького пиджачка, носимого этой тварью в

качестве “лепня”, остался большой след от подошвы моего “сланца”... :)))

Что тут началось!.. :) Тварь провозгласила, что, мол, сейчас я у нее “отдуплюсь” (??), убежала – и через минуту вернулась с тем блатным, что дает мне последнее время “трубу” по просьбе “телефониста”. Тот, вопреки ожиданиям твари (оравшей, что я, по ее мнению, “чесотка” – а себя и свой круг она считает типа аристократами, как же :) бить меня не стал, просто сказал, что, мол, так делать не нужно – бить ногами – и ушел.

Короче, за вечер они меня одолели! Эта тощая мелкая мразь рассказывала о том, как ее ни за что ни про что ударили ногой (!) в грудь, одному, другому, третьему – и всех их приводила ко мне, чтобы они меня песочили. Особенно их всех возмущало, что удар был ногой, – ладно бы еще рукой; ногами же, по их понятиям, бьют только всяких “гадов”, “чесотку” и пр. низшие слои, а не такого высокодостойного “мужика”, как этот. :)) На обещания и разговоры, что, мол, оно имело право меня ударить, я ответил, что после этого удара оно может не счесть проблем, да еще, чего доброго, родственники пострадают (а почему бы и нет, если их удастся найти?) – это было встречено настоящей истерикой.

Они не давали мне попить даже чаю, набившись в мой узенький проходнячок всей кодлой – человека 3, не меньше и все орали на меня и доказывали что меня за удар ногой надо избить, и как именно избить, – как вдруг пришел и тоже сел “запасной вариант” с телефоном, – мать, видимо, звонила, и он хотел набрать ей. Я сказал ему, что вот, мол, какие тут опять разборки. Что ж вы думаете?! – посидев с полминуты, послушав этот хай, он, вместо того, чтобы цыкнуть на них и дать мне поговорить с матерью – ушел вместе с телефоном! Т.е., ни на копейку, ни на самую малость не хочет абсолютно ни во что вмешиваться и даже находиться радом, – в общем, живое воплощение тезиса, что все зло происходит от равнодушных. Хорошо, что после проверки уже, перед самыми “мусорами” и “масками”, я успел коротко позвонить матери с другого телефона.

Апофеозом же этих разборок стал момент, когда сразу после проверки – не успел я еще сойти с места, около меня уже собралась целая толпа, человек 5–6 слышавших о происшествии; все они стали выпытывать, за что же это я ударил, да еще ногой (!! :), такого замечательного “мужика”, который, конечно же, никак не мог кинуться на меня, это исключено (сам он стоял тут же и, конечно, активно все отрицал) – и грозить физической расправой. (Плюс – допытывались попутно, почему же я в самом деле не пошел в столовую.)

Если честно, мне было не столько страшно, сколько смешно.

В кои–то веки я нанес действительно хороший, меткий, точный, сочный удар! :) – и вот теперь вся эта кодла, вся стая злобных шавок возбужденно воет и визжит на меня – но ударить не решается, боится! Ничего вы мне не сделаете, твари!..

В этой обступившей меня своре оказался и один из старших, всем здесь рулящих блатных. Пообещав, что с следующий раз за такое они подойдут строго – изобьют меня жестоко, но “справедливо” (неужели он думает, что после этого я буду молчать?..), он долго нес мне свою обычную ахинею – про “людское”, про “уважение”, которому эти старшие блатные учат своих щенков – уважение к возрасту и пр. (я спросил, уважение ли это – пускать дым изо рта мне в лицо? – Ты так делал? – спросил старший блатной сучонка. – Нет, – ответил тот, разумеется, – и вопрос был закрыт.); доказывал, что мне здесь еще очень хорошо живется – у меня есть шконка, причем на 1–м ярусе (как будто я стал бы лазить на 2–й, если б даже они того захотели!..), я могу и днем, и ночью спать на ней, сколько захочу, могу вот гулять в “локалке” в11–м часу, не то что на других зонах, и т.д. Вся шваль уже разошлась, и заканчивали мы с ним разговор, уже бродя туда–сюда по пустому двору. Версию о нападении на меня этого сучонка он тоже отрицал категорически (они всегда защищают только своих, такова их “справедливость”...) – мол, я его знаю, знаю, “как он живет” (их любимая, но внутренне бессмысленная формула) – он не мог на тебя броситься. (Однако версии, зачем бы я его тогда ударил, он тоже не предложил.) Поговорили – еще раньше, при шпане – опять о то, что, мол, я пишу “статьи про Буреполом”, написал в интернете, что меня здесь убили, и т.д. – от меня, короче, “есть вред” (какой? :). Закончил же он, как все они и всегда, описаниями ужасной жизни на других зонах и уверениями, как здесь, на этой, хорошо живется в сравнении с ними. Когда же я сказал ему элементарное – что в своих мучениях зэки там виноваты сами, раз не хотят бороться и отстаивать свои права, имея к тому все возможности; что раз, допустим, на “девятке” или еще где–то все стоят в мороз часами на плацу, мерзнут, коченеют, но не расходятся, – значит, им нравится так стоять, они сами виноваты в своих мучениях, – он забормотал что–то про серый, забитый, не понимающий, как бороться за свои права, контингент, – и быстренько убежал. На сем беседа и вечер моего пропесочивания были закончены. :)

14–50

Подходила сейчас, после обеда, эта чума – “запасной вариант” – просить “что–нибудь сладкое – чай попить”. Я отдал последнюю шоколадку из предназначенных для подкормки этой блатоты. На мой вопрос – что же ты, мол, ушел вчера вечером во

время этих разборок, – сказал, что ему, мол, нельзя ни в коем случае трепать нервы. Чмо чмом, короче.

То подскакивает температура, горит лицо, то опять падает. Вся правая рука, по всей длине, сильно болит – от вчерашнего тасканья, видимо. Слабость какая–то, нехорошее, болезненное состояние со вчерашнего дня.

Вчерашний сучонок–ублюдок пока не лезет, молча проходит мимо. Вчера, когда разгорелся этот скандал, я поневоле вспомнил того, на 11–м (сейчас числится на 6–м) – пучеглазого агрессивного дебила–“инсулинщика” 1990 г.р., который из–за случайного толчка на проверке хотел в июне выбросить мои вещи и матрас из блатной секции. Это такой тип, тут такие есть на всех бараках – молодые, очень глупые, зачастую с отставанием в развитии, закомплексованные мальчики–неофиты, которые в тюрьме и на зоне приобщились к воровским “понятиям”, ко всей этой насквозь лживой и циничной жизненной философии (главная цель которой – как бы урвать с соседа что–то материальное, будь то деньги на воле или шоколадка здесь) – и им понравилось, их жалкая, пустая, коротенькая жизнишка обрела высший смысл, и, с остервенением и восторгом неофитов, они несут всю эту блатную мерзость, все эти наглые “просьбы” (от которых нельзя отказаться без ругани и мордобоя) в массы, “идя от людей”, как подчеркивал этот, вчерашний. “От людей” (блатных) – к кому (всем остальным”)? К животным?..

А на улице между тем уже реально холодно, ходить можно только в телогрейке. С утра – морозец, ледок на лужах и густой белый иней на земле, траве, досках во дворе... Сейчас он стаял, сквозь облака порой даже проглядывает солнце, но, как бывает и зимой, и уже сейчас, не греет...

Кончается 25–я неделя, отмеченная свиданием с матерью. Мне осталось сидеть 170 дней.

3.10.10. 8–50

Температура, слава богу, прошла еще до вчерашнего утра, самочувствие нормализовалось. И – вчерашний день оказался днем забавных новостей.

С утра, в самом начале 10–го – сидел, переписывал позавчерашнее – вдруг передают вызов в 15–й кабинет (к Агроному то бишь). Идя, я с большой вероятностью уже предполагал, ЧТО им нужно, но – суббота?!. Однако прихожу – а кабинете вместо Агронома Наумов и еще какой–то, в милицейской форме – и начинает мне зачитывать ту самую эделевскую жалобу об избиении меня “подложенцем” 13.7.10, о которой я и думал. Оказалось, после почти 3–х месяцев хождения по инстанциям она поступила к ним в милицию (Тоншаевское

ОВД? Но сам мент на мой вопрос сказал, что он из Пижмы) только накануне – и ему дан приказ оформить все бумаги в 3–хдневный срок! Что ж поделать, я написал отказ от дальнейшего разбирательства (по настоянию мента, хоть и прошло уже почти 3 месяца) от судмедэкспертизы.

Заходили уже в ворота столовки на обед – завхоз 8–го вдруг говорит мне, что ему дали официальную бумагу: мой адвокат, оказывается, подал на УДО для меня! Причем без моего ведома!! :) В полном недоумении я нахожу его после обеда, и он, как обещал, мне эту бумагу показывает. Так я и думал – конечно же, это Качанов, эделевский адвокат, кто же еще! Но подал он, правда, 22 сентября все же в Тоншаевский суд, а не в какой–то другой. И теперь – в этой бумаге – Тоншаевский суд просит администрацию ИК–4 прислать ему всю информацию о моих взысканиях и пр. Забавно.

Подошел сейчас, пока писал, “общественник” – вызывают в 7–й кабинет к 10 часам. То ли это Одинцов, опер, то ли уж не помню кто. Что бы им опять было надо?..

Так вот, про вчера. Забавно, что все–таки случится, видимо, 5–й раз, 5–е мое УДО, о котором я уж и не думал (мог подать еще в июне, да мать не захотела мотаться, собирать документы). Еще забавнее, что теперь – впервые – делать это, предоставлять все мои бумаги, придется самой администрации. Правда, от прежних попыток в архиве Тоншаевского суда остались и приговоры, и все прочее, – могли бы взять и оттуда.

Блатной азиат, неожиданно столь благорасположенный ко мне, оказался родом из Ташкента, – узбек? Ситуация с ним развивается по накатанной, как и со всеми прежними: нажравшись моих шоколадок (2, нет, даже 3 штуки), он вчера вечером начал уже клянчить у меня просто жратву – сперва “банки” (я сказал, что нету), а потом, уже после проверки, подойдя и сев на мою шконку еще раз, – “колбас–молбас”. Черт с тобой, сука! – я отрезал ему кусок колбасы от батона – последнего, оставшегося еще со свиданки 29.8.2010. Пользуясь такой его близостью (сидел совсем рядом) и уверениями, что он всегда за меня вступится, если что, я напомнил ему, что так и не перезвонил Мане – она звонила на днях пару раз на номер другого блатного, телефонистова землячка, и азиат, который живет с ним в одном проходняке, пользуется одной “трубой” и даже “симкой” (я специально уточнил), сам говорил мне о ее звонке – видимо, она попала на него.

Он тотчас притащил мне “трубу”, я набрал Мане. Говорили мы довольно долго – главным образом мне хотелось узнать последние новости, и тут–то Маня сообщила последнюю

поразившую меня новость за вчерашний день. Оказалось, Всемирный чеченский конгресс в Польше – недавний, тот самый, на который ездил Закаев, и проводившийся, естественно, противниками Доку Умарова и Имарата Кавказ, – такой, увы, среди чеченцев теперь наступил раздрай, – предоставил мне чеченское гражданство! Удовлетворив тем самым мою просьбу об этом, написанную еще в тюрьме, в июле 2006 г., сразу после убийства Басаева, в знак солидарности с чеченцами; это заявление было тогда же переправлено Тарамову, чеченскому представителю в Швеции – и, как сказала Маня, было тогда же опубликовано на “Чеченпресс”; но в самой просьбе было, тем не менее, отказано – из–за недавнего тогда еще конфликта по поводу карикатур на пророка Мухаммеда.

И вот... Но с тех пор, увы, ситуация резко изменилась – и радость от удовлетворения тогдашней просьбы сильно поблекла. Маня – думаю, с полным основанием – говорит, что в итоговом документе (не читал и не знаю ни названия, ни формы) конгресс написал полную хрень – что–то о возможном сотрудничестве с Россией. Это после всего того, что было на чеченской земле... Закаев, главная фигура этой части политически активных чеченцев, давно уже – и сильно! – запятнал свою репутацию какими–то переговорами с Кадыровым (!!) о своем возвращении в Чечню. Так что – к радости по поводу того, что не забыли, отметили, удовлетворили давнюю просьбу, теперь примешивается и изрядная горечь по поводу того, что внутреннее единство мужественной, бесстрашно боровшейся нации не было сохранено...

10–29

В 7–й кабинет вызывали, оказывается, затем, чтобы сфотографировать – анфас и в профиль с обеих сторон – и откатать заново отпечатки пальцев. Их уже катали, когда только привезли сюда, летом 2007 г. Зачем понадобилось снова? “Мусор”, проводивший все эти процедуры, отговаривался полным незнанием, – мол, начальство велело, а зачем – понятия не имею – и даже сказал, что на сегодня у него еще целый список тех, кому тоже надо снять отпечатки пальцев. Но к 10 утра, по крайней мере, пришел я один, и когда уходил – тоже никого не было. М.б., эти данные – фото и отпечатки – положено обновлять время от времени? Пусть так; хотелось бы только, чтобы это не было связано с каким–нибудь новым следствием по новому, мне еще неизвестному делу – и чтобы в марте я поехал бы отсюда все же домой, а не на централ в Нижнем...

4.10.10. 10–16

Понедельник. Началась 24–я неделя до конца. Баня была,

видимо, последней в старом, кирпичном здании – его активно ломают. Внутри, в раздевалке, уже все ободрано и разломано; снаружи – на днях снесли крылечки у обоих входов, сегодня с утра взялись отдирать железные листы с крыши. Ту, маленькую, деревянную баньку рядом никак не подключат – от

Вызывают в 16–й кабинет.

10–42

Оказалось, в 16–м тетка, которой дали печатать мои вчерашние фотографии, никак не может этого сделать – они размыты, нечетки, сняты очень плохо. Сфотографировала меня еще раз; а я как раз вчера вечером наконец постригся – и теперь на фотках вместо нормальной прически останется этот ужасный короткий ежик, почти весь седой. А зачем нужны эти фотографии – тетка тоже (как она говорит) не знает...

Пошел туда – а “Макар” и Демин (санчасть) навстречу мне, но успели свернуть на тот (1–й) “продол”. Полторашка, мелкая тварь, сидя в будке “нулевого”, не хотел было пускать – мол, бери “общественника”, а то вон начальник (показывает рукой на “Макара”). Пустил только тогда, когда я сказал, что мне плевать – я могу и не ходить вообще по их вызовам, это им надо, а не мне.

Были в бане – вдруг вырубился свет. Хорошо, я уже успел помыться, одевался. Тетка в 16–м сейчас подтвердила слухи: выключили до 5 часов вечера (и воду тоже!!!); причина – какая–то профилактика, так что в поселке тоже нет света. Пользуясь этим, у бокового входа в больницу меняют столб; он выворочен, рядом стоит кран, а провода сняты и валяются на земле.

Да, деревянную баньку никак не подключат – от бочки, установленной рядом на верхотуре, к зданию не идет еще никаких труб, вода не подается. Видимо, на этой неделе старую баню уже сломают – раз взялись разбирать крышу, а сейчас ведь сезон дождей; а новую так скоро точно не подключат, – какое–то (?) время зона будет без бани. Впрочем, блатным на это наплевать – они моются в туалетах, завесившись банными синтетическими шторками, а на 8–м есть даже здоровенный электротитан, чтобы греть им воду.

Хитрый, наглый, косоглазый блатной азиат вчера вечером уже подрулил ко мне на тему – вот завтра пойдем в ларек, одолжишь нам 500 рублей, да? А то у нас все кончилось (у всего их Узбекистана местного?); я получу перевод – отдам... Ага, знаю я, как здесь отдают с переводов!.. Не успел маленько отвязаться от одного блатного чма – “телефониста”, уже ненужного, да и недоступного теперь на том “продоле” – как на шею уже садится другое, более близкое, но столь же хитрое и наглое...

В общем, жизнь тут становится все тяжелее, грубее,

бессмысленнее; все невыносимей. А на улице – все холоднее. Злобные, агрессивные твари, алчущие только, ЧТО бы урвать; тупое и тоже злобное начальство, которое только навязывает свои идиотские , бессмысленные правила; но ним помощи, ни защиты у него искать нечего. Жизнь не по разуму, а по звериным инстинктам окружающей швали...

Я не знаю, как мне скорее вырваться отсюда, когда же наконец наступит этот долгожданный час. Осталось 167 дней...

5.10.10. 8–36

Этот вывороченный столб, эти валяющиеся на земле провода – стали вчера для меня настоящим кошмаром. Свет дали, видимо, в 5, как и обещали, но – на тот "продол"! Часть зданий в центральной части зоны тоже была освещена, и дико было видеть – 2 светящихся окна "варочной" и темную остальную столовую; а на нашем "продоле" – светящиеся окна "культяшек", – оказалось, они запитаны от бараков в другом крыле корпусов, на том "продоле" – при темных остальных окнах барака.

Поужинать не пришлось. Воды также оставалось в обрез, хоть я и мало пил, не хотелось, – спасибо, сигаретчик, явившись вечером за куревом, а заодно и смешить меня своими приколами, вызвался сходить на "кечь" и принес к 9 вечера полную бутылку. Спать я лег, "поужинав" уже после 10 вечера, после лазаний по бараку ОМОН–овцев в масках, докапывавшихся, почему кто не спит, сколько народу в бараке, и пр., двумя печеньями и запив их водой. Свет дали только ночью.

Хуже оказалось другое: целый день не работал вчера ларек. В прежние годы он работал и без света – одно окно освещалось светом окна, выходящего на улицу, а другом (моем), помню, даже свечку зажигали. Но вчера сразу же пошли слухи, что ларек закрыт. С обеда я пошел туда –еще не завернув за угол штаба, увидел у ворот очередь. Хотел подойти, узнать, – м.б., есть надежда, раз чего–то ждут, – но в этот момент из ворот ларька вышла и направилась к вахте целая процессия – "мои" бухгалтерша и продавщица, плюс еще кто–то, не помню, кто, в сопровождении "мусора", разумеется. Еще издали, на ходу я спросил у хорошо меня знающей продавщицы, – хотя и так было ясно ларек не работает, раз они уходят. Но на мой вопрос она ответила, что и вечером они работать не будут! И из разговоров следовало, что дело не только в электричестве, а еще и в том, что в ларьке вроде бы до сих пор не высох пол, покрашенный якобы еще в субботу, 3 дня назад, – и потому неизвестно, будет ли он работать и в следующие дни. А сегодня как раз "наш день", 8–го отряда, понедельник. А в другой день меня, хоть сдохни, не пустят эти ублюдки, вся эта мелкая шваль из "КОПа", хорошо

знающа меня по 11–му бараку и люто ненавидящая. А у меня кончается лапша! – ее осталось на 3 дня; вчера, правда, положенную порцию съесть не удалось из–за проблем со светом и водой. То бишь, сегодня (вторник, 5–е), завтра, послезавтра – а потом пятницу и выходные я без ужина, до следующего понедельника (если и тогда опять не помешает что–нибудь). Вот такие дела; и взять неоткуда, просить некого, всем плевать, хотя я и сделал уже с утра жалкую, безнадежную попытку вызвать к себе с 7–го того инвалида–пенсионера с палкой, который может пойти в ларек и сегодня – в “свой день”, и еще имеет там день дополнительный.

Задумался сейчас, утром – грустно и глупо, что эта бытовая проблема, отсутствие жратвы на 3 дня, расстроила меня так сильно – почти как само попадание сюда, или как ощущение гнетущей бессмыслицы моего существования. Проходят годы, уходит жизнь, отпущенного времени все меньше – а смысл так и не найден, главная, генеральная задача не только не выполнена, но я не знаю даже до сих пор толком, в чем она состоит. Время уходит попусту, потом его уже не вернуть – а я живу зря, сам не зная, зачем, и эта бессмыслица бытия, эта пустота и подспудное ощущение, что тут что–то не так, что я попусту теряю время, мучают больше всего. Моя руки в “фойе”, я взглянул еще раз на себя в большое зеркало, висящее над умывальником. Боже, неужели это я?!. При виде этой ужасной рожи с коротким седым ежиком на голове всплыли опять те детские фотографии – 6, 7 лет – которые когда–то сам наклеивал я в альбом. Неужели этот симпатичный малыш превратился в такое вот чучело?.. Что же должно было для этого с ним случиться, какие ужасы? И – главное – достиг ли он хоть чего–нибудь в жизни, что оправдывало бы это превращение из ангелочка в черта, добился ли чего–либо, что искупало бы эту перемену, эти стремительно и безвозвратно улетающие дни и годы? Нет, ничего...

С утра заревела сирена, – что ж, ожидание шмона для меня давно стало здесь привычным состоянием. Сейчас, пока пишу, я меньше думаю о нем – но время только 9–05, еще все возможно. Правда, сегодня только вторник, а они обычно шмонают в среду или четверг. “Маски” не уезжают, – днем не показываются, а ночью начинают толпами (вчера – 8 человек) бродить по баракам. Здесь, на 8–м, они только разговаривали и приказывали всем ложиться спать, светя фонариками; а на 11–м, говорят, они устроили какой–то погром, разбросали во дворе какие–то бочки, что–то еще... В общем, на душе тоска и отчаяние, безнадежная, унылая беспросветность, совсем под стать этой холодной, промозглой, темной осени. Темно, холодно, тоскливо. Если что–

то и поддерживает еще – то лишь мысль, что все это пройдет, кончится, что осталось уже немного...

10–54

Единственный смысл моей жизни теперь (давно уже) – это месть. Месть им всем...

Вышедший перед проверкой из ШИЗО парень рассказал, что все 5 дней его там пребывания “маски” заходили к ним в камеры на подъем, будили, а кто мешкал, не вставал вовремя – били током с помощью электрошокеров...

6.10.10. 10–17

Свет вчера дали только в 9 вечера, перед самой проверкой. Благо, была вода в бутылке – я успел быстро поесть, когда мыл посуду и нечем было смыть мыльную пену – как раз в этот момент вода пошла и из кранов. Магазин опять не работал весь день, страшно представить, какое там будет столпотворение, когда он (сегодня?) откроется. Чай пил уже после проверки. Пока ждал чайник – с милой улыбкой подошел “запасной вариант” и стал говорить, что я один только смогу его выручить, – я сразу понял, что он пришел клянчить опять сладкое. Так и оказалось; пришлось отдать ему еще одну шоколадку. Черт дернул меня заговорить с ним про ларек – он тотчас пообещал, что завтра (сегодня) кого–нибудь пошлет со мной, чтоб меня туда пустили (черта с два!..) а я, мол, одолжу ему еще 500 рублей (уже должен 650 с лета) –он, мол. Отдаст обязательно, не надо в нем сомневаться. Таким образом, совместно блатные “друзья”, теперешние мои “телефонисты”, вымогают у меня уже целую 1000 руб., что, конечно, совершенно неприемлемо. Сделаю, конечно, все, чтобы этого избежать – но, думаю, я вообще вряд ли попаду в ларек на этой неделе. Чем платить по 1000, даже по 500 руб. за попадание туда “не в свой день” – лучше уж 3 дня, как кончится лапша, поесть на ужин бутерброды с паштетом (которого теперь скопилось много) на кислом столовском хлебе... А больше, кроме лапши да хлеба, мне ничего там, в ларьке, так уж безотлагательно не нужно.

Ждал, готовился, не верил в душе, уже начинал задремывать, лежа после завтрака и бритья – вдруг крик: “Шмон–бригада на большом!!!”. Забегали, засуетились. Четверо “мусоров” – на 5–й, потом еще четверо. Я достал, надел под спортивную куртку толстый свитер, который спас меня прошлой зимой, – теперь мне надо спасти его от шмона. Сразу стало жарко, тяжело – и я вышел на улицу. Ждал худшего, но – с 5–го выгоняли во двор без баулов, – уже хорошо. Про новые шмон–бригады не слышно, – т.е., это не такой супер–шмон, с огромными, по 100 человек, шмон–бригадами, разветвляющимися на оба “продола”, на все бараки

сразу, как они практиковали с конца 2008, с новогодних тогдашних шмонов – весь 9–й год и уже почти весь 10–й. Нет, это оказался обыкновенный, маленький, патриархальный шмон эпохи моего здесь появления в 2007–2008 – 10 человек (2 последних подошли еще попозже), на одном бараке, без вещей. Пришли они где–то в 9–35 – и уж никак я не ожидал, что четверть 11–го они уже уйдут! Весь шмон – чисто ритуальное, не страшное при таком раскладе действо – продолжался каких–то 40 минут...

16–26

Сходил в ларек. :)) Оба блатных одолели – "запасной вариант" еще в бараке после проверки и по дороге до столовки; а азиат собственной персоной пошел со мной туда прямо от столовки. Он, надо признать, сумел протолкнуть меня внутрь, – народу было меньше, чем я думал, и не пускали в основном из–за количества народу, а не только те бараки, кто ходит в среду (5–й, 10–й и 13–й). Половина, не меньше, из тех, кто терся и снаружи, и внутри, был как раз 8–й барак. Азиату пришлось–таки дать 500 р., и 500 взял себе – в понедельник, видимо, и впрямь был завоз, товару полно, обидно было прийти только из–за хлеба и лапши (тем паче, что хлеба не было). Попозже, из столовки, приперся и запасной вариант – ему досталось 350, он сам снизил сумму еще по дороге в столовку, услышав, что должен уже 650 – чтобы было ровно 1000 (да плюс я намекнул ему, что отдавать придется не чеком, куда мне сразу 1000 рублей, а переводом с его счета на мой через контору).

К чему я все это? Вот как летят здесь деньги – только на этих 2–х блатных подонков уже сколько, не считая 650 р. долга до этого. На "красном" 11–м бараке было, конечно, очень тяжело, но хоть деньги там не летели на ветер (а угроза моим вещам тут не меньше, чем на 11–м).

Почти до 4–х стоял в очереди. Давка была дикая, – "как в электричке", сказал кто–то. Или как в метро, утром, где–нибудь после "Петровско–Разумовской" в сторону центра. (Скоро я все это опять увижу?..) Еле–еле протиснулся к окошку, сдавленный со всех сторон – и жалею до сих пор, что взял всего полбатона колбасы, она оказалась хорошая, можно было бы добить еще, как всегда. А хлеба опять не было, паштеты есть не с чем...

Выдоили, суки, почти 1000 руб. за 1 раз!.. Никак не могу успокоиться, осознать... Если бы не связь (у обоих), да еще не гипотетическое (мало ли, что понадобится) заступничество азиата перед всей этой мразью, – я бы ни за что, никогда в жизни!..

8.10.10. 15–35

Ничего не происходит. 2 дня прошли спокойно (точнее, покамест полтора). "Макар" лазил сегодня до проверки по тому

“продолу”, но на наш не пошел. Шмонов вчера (четверг) не было. Баню продолжают потихоньку ломать – обдирают и разбирают крышу, стены пока стоят. Совершенно комически сделали целую постройку вокруг этой бочки, установленной на высоких стальных кронштейнах рядом со срубом, долженствующим вскоре стать новой баней. К кронштейнам приделали дощатые рейки (вертикально); на них горизонтально набили доски от разобранных заборов между бараками; над лежащей на верхотуре бочкой сделали из этих же досок стенки и крышу – и все это дощатое сооружение сверху оббили ржавыми листами железа, содранными с крыши бани! Получилось этакое неправильной формы (прямоугольник с расширением наверху, у бочки) строение, полностью замкнутое; на единственный вход навесили дверь (тоже взятую из бани, видимо) – и сегодня на этой двери уже висел замок. Суть их, глубинная их, подлинная суть во всем, не только в строительстве: вместо подлинного материала – камня ли, металла ли, – набить гнилых досок в основу, поверх обделать дрянной ржавой жестью – а поверх уже можно оформлять и расписывать под Московский Кремль, хоть под мрамор ХХС, под что угодно! Но основа – доски, а все остальное – просто декорации, бутафория. И вот так у них построено само государство; и любую передовую идею они воспринимают именно так – в качестве декоративной раскраски поверх своих родных, исконно–посконных досок...

Смех, как они решили вопрос с трубами, подведенными извне к бочке и оставшимися снаружи дощато–жестяного “здания”. Их обматывают каким–то белым утеплителем (синтепоном из тележек? :), а ту, что потоньше – чем–то вроде строительной пены, толстым слоем. Смешно, – как раз на носу зима, 30–40–градусные здешние морозы, и если за ночь, под утро, трубы однажды и не полопаются от мороза, то уж во всяком случае мыться из бочки, стоящей вместо прежней – кирпичной! – бани в этой новопостроенной дощатой сараюшке, мечтать не приходится. Сразу вспомнился мне бестселлер 2002–03 гг. – книга Паршева “Почему Россия не Америка”, где он пытается все экономическое отставание России свести к различиям климата и необходимости больших затрат на отопление и более толстые, кирпичные стены зданий для защиты от мороза...

Мать сообщила по телефону после проверки новость: на Нобелевскую премию мира от России выдвинута Ганнушкина! Крайне маловероятно, что она эту премию получит, да и не совсем понятно, за какие такие заслуги (после Горбачева с объединением Германии и Переса–Арафата с договором в Осло 1993 г. ее правозащитная работа, помощь мигрантам, беженцам и

пр. – все–таки мелковато). Тем не менее, само выдвижение на эту премию – уже огромная честь.

Перед самым обедом принесли вдруг телефон с уже набираемым номером – со мной хочет поговорить с воли прежний “запасной вариант”! Что уж ему от меня понадобилось, не знаю – вряд ли просто дружеское общение, не так уж мы были здесь дружны; а денег, сладкого, жратвы, курева, которые он с меня здесь регулярно тряс, и за этим звонил с 8–го барака на 13–й, у него сейчас там несоизмеримо больше, чем у меня здесь. :) Говорили мы, набрав отсюда, т.е. тратили деньги нынешнего “запасного варианта”; да и на обед надо было; поэтому прежний сказал, что вот ему положат на телефон денег, он позвонит мне еще – тогда поговорим. Что ему может быть нужно от меня, кроме денег? В его дружеское бескорыстное общение я не верю совершенно.

После обеда – по вывешенному списку – должны были вести нуждающихся на склад, получать телогрейки и пр. А на улице тем временем – опять “бабье лето” (или это оно и есть, а в сентябре было обычное?) С утра – мороз, t° не выше ноля, м.б., и ниже; зато днем – небо чистое, ни облачка, солнце, жара – можно было бы даже ходить в одном “лепне”, но на нем уже нет бирки, она на телогрейке, и потому уж я надеваю телогрейку – но без шарфа, не застегивая ее доверху, не говоря уж о воротнике; тогда как и вечером, и – особенно – утром приходится наглухо застегивать воротник спортивной куртки, туго–натуго заматываться поверх шарфом, поднимать воротник телаги – и по утрам застегивать даже его. Это все – чтобы протащиться с толпой насекомых до столовки по холоду, постоять, погулять там немного по двору – и, если выход контролируется “мусорами”, с первой же партией выпускаемых (обычно 9–й или 7–й барак, или вперемешку) уйти обратно, т.к. в столовой я так и не ем, не имея в ней места за столом с 5 сентября 2010 г.

17–20

Пока переписывал предыдущее – случился вдруг обход Демина, нач. санчасти, по баракам; от 13–го к началу “продола”. Паника, конечно, убирание всего с дужек... :) Он зашел, постоял, пожурил моих соседей в соседнем проходняке, что замешкались встать, медленно прошествовал дальше, обошел обе секции – и ушел на 5–й.

11.10.10. 9–48

Понедельник. Началась 23–я неделя до конца. Они таки запустили новую баню, деревянную. Я сходил сейчас. Первое впечатление: это полный кошмар! Не знаю, как вообще не помер там, и до сих пор не могу отдышаться.

Короче, это тот бревенчатый сруб, что строили с весны – без всяких окон, герметичный, дверь с улицы в крохотную раздевалку, а оттуда – в саму баню.

В общем, это получилась традиционная русская парная. Зайдя туда и почувствовав, что воздух там раскаленный и дышать нечем, я сразу вспомнил известную рекомендацию врачей, что людям со слабым сердцем не рекомендуется посещать всякие парные, сауны и т.п. И точно: сердце начинает дрожать, охватывает слабость; носом я дышать вообще не могу – кое–как дышу ртом, глубоко заглатывая воздух, как рыба, вытащенная из воды. Окон нет – зимой не будет дуть, да (бич старой бани) ; но и вентиляции ведь никакой! От горячей воды помещение нагревается, да еще и народу набилось – не повернуться. “Леек”, говорят, сделали 18, как было в той бане, но, по–моему, меньше. К дальним “лейкам” не подойти – посередине зальчик разгорожен длинными скамейками, на которые ставят мыло, шампуни и пр. А у ближних от дверей – 2 или 3 всего – у каждой уже толпа.

Короче, пара минут ожидания у стенки, около входа – и я уже весь сплошь мокрый от пота, как будто из “лейки” облился. Пот попадает в рот, и я чувствую его соленый вкус. А какая–то блатная сволота, неистребимо привыкшая везде командовать, уже орет: мол, все, кто не моется – выйдите, подождите за дверью, а то дышать нечем!.. Ага. Выйди весь мокрый, потный, распаренный – и сразу простудись...

Впрочем, боюсь, что это произойдет все равно. Вскоре, не выдержав духоты, они открыли дверь из бани в раздевалку, а т.к. некоторые говорили, что, мол, сейчас там от пара все вещи будут сырые – то и на улицу. Вытяжка пошла; но кода я вышел, кое–как помывшись (теснота страшная и в зале, и в раздевалке, – еще гораздо теснее, чем было под “лейками” в старой бане), то фактически это было все равно, что выйти прямо на улицу, – дверь из раздевалки наружу была распахнута. Ладно, сейчас октябрь, еще не так холодно (сегодня вроде нет такого палящего солнца, как последние дни – но зато и с утра не было мороза) – а когда зимой будет –20, –30? Что тогда?

В общем, это и душегубка, и простуда одновременно. Не хватит инфаркт или инсульт от духоты в самом зальчике – так прохватит холодом, когда выйдешь оттуда, вплоть до воспаления легких. Что делать теперь, я не знаю, – еще 22 бани осталось; и не зря у меня было еще недавно это предчувствие, что и последнюю зиму тут еще нужно пережить, а это ой как непросто, и что помереть можно от такой вот нелепой простуды и за месяц, и за 2 недели до освобождения.

В остальном пока все спокойно. ОМОН наконец–то уехал на

днях, “маски” больше не шляются по ночам. Скоро, на днях, наверное, должен выйти из отпуска отрядник 8–го, – ничего хорошего, ясное дело, это не сулит. Про комиссии пока ничего не слышно – значит, они не за горами. :) А самое неприятное – это каждую среду и четверг после завтрака ждать шмонов, – сейчас как раз сезон, и чем ближе к Новому году, тем шмоны будут чаще, гуще, – как снаряды, падающие вокруг тебя, пока наконец один не попадет точно в цель...

Вчера (воскресенье) почти весь день писал ответ Майсуряну на его огромное дискуссионное письмо ко мне, полученное 30.9.10 (после свиданки) и 9 дней пролежавшее, – объем такой огромный, а чушь, которую в нем пишет Майсурян, такая дикая и нелепая, что я сперва не хотел отвечать. Но все же собрался, тщательно обдумав все контраргументы. Написал аж 2 письма – в один конверт вложил 3 двойных тетрадных листа (т.е. 6 обычных), в другой – 2, т.к. возвращали уже, бывало, с почты слишком толстые письма с требованием доплатить (наклеить еще марки). Но когда уже сделал, разложил по конвертам и надписал их – показалось, что вполне можно было все 5 двойных листов засунуть и в один конверт, чересчур бы это не было.

12.10.10. 8–40

Вчера вечером неожиданно разрешилась давнишняя, уже подзабытая мной – за явной, казалось, безнадежностью – история с моими тремя тысячами ларьком, отданными 6 августа сигаретчику и его дружку–шнырю на покупку телефона.

Уже я было лег спать (но не заснул еще), как вдруг явился сигаретчик, приходивший и до этого, днем, после ларька – за куревом, как обычно. На сей раз он сказал, что сейчас говорил у себя на 10–м с блатными (я стал уточнять, с кем именно, – он назвал “дорожника”, которого я не знаю; “дорожники”, вообще–то, довольно низкая ступень в блатной иерархии, но на решение таких вопросов – о долгах – им полномочий, на мое удивление, тут хватило), и тот, с кем он говорил, просит, чтобы я пришел и подтвердил, что давал сигаретчику 3000 р. – в дог на покупку телефона (об этом сигаретчик так и сказал, в открытую, несмотря на их запреты), но через шныря.

Черт побери! – пришлось одеваться и тащиться с ним в ночь, под моросящим дождем на 10–й. Там сигаретчик быстро нашел этого блатного – я не знал его даже в лицо. Но первым, кто подошел и злобно ощерился на меня, едва только я вошел в предбанник 10–го, был, конечно, шнырь, у которого теперь надлежало отобрать мои деньги. Вытаращившись, злобно прошипел мне что–то типа: “Что, попались?!” (в матером эквиваленте этого слова). Но, как выяснилось, попался на самом

деле он.

Стояли недолго, целой группой, здесь же – в “курилке”, видимо, тоже, прямо сразу за входной дверью 10–го, не заходя даже в “фойе”. Блатной “дорожник” привел с собой еще каких–то двоих, что ли, и при них шнырь озвучил свои показания: он взял у меня деньги и на них тогда же, через несколько дней, купил... краску на ремонт 11–го барака, где тогда числился! Причем сигаретчик, по его словам, узнал об этом тогда же, – что, по словам сигаретчика, ложь.

В общем, друзья наконец–то разругались окончательно, и линия шныря была ясна: он упирал, что потратил эти деньги на “общие нужды” (ремонт 11–го), “принес пользу лагерю” ; а что до покупки сигаретчиком телефона – акцентировал, что это было уже после того, как 14 июля блатной “домовой” подонок на 11–м уже забрал у сигаретчика телефон, ударил по лицу и – по словам шныря – предупредил, что, мол, не дай бог еще раз... (у сигаретчика без ведома блатных появится телефон). То есть, шнырь, украв мои деньги, на этот телефон опять предназначенные, как бы еще и предотвратил замышлявшееся сигаретчиком преступление – покупку нового телефона, прямо ему запрещенную.

То есть, этот хитрый подонок, шнырь, досиживающий уже свою “десятку” (из нее 8 лет – с 2002 – здесь, в Буреполоме), хотел выглядеть героем: и “пользу принес” в виде краски на ремонт, и указание блатных о запрете купли–продажи телефонов помог выполнить, сорвал покупку...

Но это ему не помогло. Хоть и отметив его рвение, блатной “дорожник” все же рассудил, что деньги были взяты чужие, потрачены без ведома и вопреки воле того, кто их дал (т.е. не сигаретчика даже были деньги, как думал кто–то из присутствовавших блатных, а мои). Поэтому было постановлено, что до конца месяца шнырь должен их вернуть (под угрозой избиения, как здесь водится).

Меня спросили, устраивает ли меня такой срок – до конца месяца. Срок–то устраивал (я вообще считал эти деньги пропавшими), но тут вскрылось еще одно обстоятельство – и я буквально замер в восхищении перед ловкостью этих блатных ручек! Оказалось, что из 3000, о которых шла речь, половина пойдет “на общее”, т.е. – так и было прямо сказано – “подложенцу”! Ну да, на содержание двора его величества. :))) Откат составил, таким образом, 50% – из прессы, привозимой матерью на свиданки, я недавно вычитал, что сейчас в России чиновники берут откаты и по 70–80%. Так что это еще скромно; но все равно – просто так, ни за что, постояв 5 минут в дверях и

поговорив о чужих деньгах – себе в карман кладется половина их! Просто нагнуться – и зачерпнуть этак непринужденно из потока, текущего мимо ног… “Королева в восхищении”, как уже говорилось.

Что ж, посмотрим, как он отдаст”до конца месяца” – у него нет ни хрена, сидит 10 лет, а, как сказал сигаретчик, этот долг не единственный, что сейчас взыскивается, так что в общей сложности шнырю придется искать тысяч 8. Мне же и полторы тысячи будут сейчас очень кстати.

Больше ничего интересного не происходило – если не считать, что с утра, когда 8–й собирался на завтрак, на “большой” после ночного дежурства выполз “Макар” – и сразу поднялась легкая паника, конечно. Под раздачу (рассказал сигаретчик) попал 10–й, который из ворот столовки вышел толпой – и “Макар” возле “нулевого”, как обычно, стал их строить. Когда, довольно долго спустя, 8–й подошел к воротам “нулевого” – это старое чудовище в большой фуражке, прямо на наших глазах, уже уползало в сторону бани – осматривать производимый там снос ее старого здания…

13.10.10. 10–28

Всю ночь, еще с вечера, шел густой мокрый снег. К утру все стало белым, – двор, “продол”, крыши, а на “запретке” образовалась традиционная здесь для ранней зимы красота: все нитки “колючки”, рабица, спираль Бруно, провода и пр. – все покрыто снегом и ярко выделяется, обычно незаметное на общем фоне. Все течет, тает и капает. Первый снег 2010 года…

По двору, покрытому снегом поверх раскисшей, мокрой глины и луж (вчера еще до снега лил дождь), теперь не погуляешь. Поэтому на зарядке пришлось стоять вместе со всей швалью на тротуаре, мощеном камнем, где строятся на проверки. Я, как всегда, вышел одним из первых и стоял еще в дверях, сбоку от входа – не хотелось выходить на всю эту сырость сверху и снизу. И тут вдруг “пробили”: “17 “мусоров” на большом!”. Насекомые, встревоженные, повалили валом, блатной начальничек покрикивал, чтобы проходили, не скапливались у дверей – и мне пришлось тоже выйти. Сперва я подумал было, что это опять ранний шмон, как было в мае. Но нет – оказалось, что это идут практически все наличные отрядники (м.б., кроме отрядника 8–го – он пока все еще в отпуске) и с ними всего несколько простых “мусоров”. Двое из них зашли к нам, но я еще не успел войти с зарядки – ушли на 4–й.

Дальше вести – 5 “мусоров” на “нулевом” и кого–то в одиночку не пропустили (в столовку?). Ну да, конечно, сегодня ведь среда – их “режимный день”, и вот они – “режимные

мероприятия". Когда шли на завтрак – у "нулевого" стояло всего двое, зато у столовки – 4 отрядника (4–го, 5–го, 13–го и еще какой–то, не помню, – м.б., 6–го?). Замерзнув стоять там в мокром снегу (двор тоже завален) и под падающим мокрым снегом, я решил уйти, – ворота были открыты, вся кодла отрядников стояла чуть поодаль; но когда я вышел, отрядник 5–го, тупое чмо (самый тупой из них всех, настоящий кусок дуба) прицепился ко мне – и пришлось показывать ему разрешение Демина под летящим снегом, рискуя, что оно намокнет и текст расплывется.

Пришел в барак – естественно, идут толки, что сейчас будет шмон. Я и сам так думал, хотел заранее надеть на себя свитер, но уж больно жарко в бараке – не стал. Впрочем, в шмоне были у меня все же определенные сомнения. В столовку я не заходил, а там, оказывается, шлялся лично "Макар", смотрел, кто как ест, видимо. Что–то больно много активности с самого утра – сам приперся, всех отрядников заставил явиться спозаранку, – чтобы еще и шмон... После завтрака явился сигаретчик и успокоил: это, мол, "режимные мероприятия" (отрядникам разбудить свои отряды и строем вести в столовку), а шмона не будет. Откуда он знает, неизвестно, но говорит очень уверенно. И точно: шмона не было, все тихо, уже без четверти 11. Что ж, значит, еще день пройдет спокойно. Живем!!! :))) Осталось мне до дома всего 158 дней, 5 месяцев и 1 неделя.

14.10.10. 10–04

Четверг. Шмона вроде бы нет. Все тихо...

Снег шел и весь день вчера, и даже еще с утра сегодня. Сыро, ветрено, промозгло, мороза нет – но весь снег не стаивает, лежит на "запретке" и везде, где не ходят ногами. На дворе 8–го – снежно–водяная каша, среди белого (по краям) – огромные серые прогалы, полные воды под тонкой снежной кашицей. На "продоле" – месиво из снега, воды и глины, ежедневно месимое тысячами ног. Левый ботинок, кожаный, на который сапожник с 11–го еще весной поставил "гадские" (казенные) подошвы, на носке промокает.

Собственно, только сейчас вот – но все же оказался я в той самой ситуации, о которой думал и которой боялся еще весной 2009, когда только собирались разгонять 13–й, – что окажусь, не дай бог, в одном проходнячке с какой–нибудь глупой молодежью – и жизни от нее не будет. Сейчас, на 8–м, это именно так и есть.

Зря, ох зря сказал на днях с этакой чуть ли не завистью заходящий по временам цыган с 10–го: мол, зато ты здесь один, в проходняке. Увы, я здесь не один...

Соседний проходняк – важное место на бараке, всеми регулярно посещаемое. В нем живут стремщики, дневные и

ночные, а по совместительству – штатные убиратели блатных телефонов. Перед каждой проверкой и столовкой блатные притаскивают им свои “трубы” и сдают, а возвращаясь – приходят и забирают. Также существует ритуал убирания одним из них телефонов перед подъемом (часов в 5, когда и я встаю), а если утром, до проверки, кому–то надо достать телефон – соответствующего стремщика обычно приходится долго будить. В этом, в убирании/доставании телефонов, это очень похоже на проходняк моих полублатных соседей на 13–м, первый от двери в секцию. Только те не были стремщиками (один, самый злобный, был “дорожником”), а эти – столь же бессмысленно глупы, как и те, но еще меньше подходят под определение даже и ПОЛУблатных.

Меня они, слава богу, не трогают. Но даже и без этого, от одних лишь их постоянных, почти целый день поневоле слушаемых разговоров, можно взбеситься. Как правило, они обсуждают тонкости взаимоотношений в бараке, технологии стрема и “пробивания”, или вспоминают свои “подвиги” на воле (грабеж уличный, ларьковый, магазинный и т.п.), или делятся впечатлениями от различных наркотиков, на воле же пробованных, или вспоминают свое сидение в тюрьме и на “малолетке”, разные истории оттуда; или же – названивают по телефонам незнакомых девчонок с целью с ними “познакомиться” и над ними “поугорать”, поразвлечься. Ну, и порой звонят родным – то возят–перевозят–забирают–отдают на воле какие–то деньги, то диктуют, что им положить в посылку, ЧТО здесь проходит, а что – нет, и т.п.

В общем–то по постоянным разговорам ясно видно, что это бессмысленная нечисть, биомасса, существа не выше насекомых, даже отдаленно не могущие называться людьми. Но и это еще не все. Если б хотя бы эти твари были одни и жили только в своем проходняке!..

Надо мной положили, переселив откуда–то и глубин секции, пацаненка лет 18–ти, выдающегося тем, что сам он живет в Питере, а вся родня его (мать и сестры, увезенные вроде бы отчимом) – в Америке. Спит он днем, а ночью тусуется – сидит то у меня на шконке (хоть я и выражал ему явное недовольство этим), то на соседней, жрет–пьет, и т.п.; но и день он уже, увы, спит не весь, а дай бог 1–ю только половину. Стремщика, жившего в моем проходняке напротив него, переложили в ту секцию – но он все равно постоянно приходит сюда, держит в моей тумбочке и под ней свои вещи. и т.д. На его место переложили еще одного из этой же компании стремщиков–телефонистов, спавшего прежде ближе к центру секции. Они с

этим питерским (надо мной) быстренько сдружились и стали общаться. К тому же, питерский берет у него телефон – звонить тоже каким–то девкам; а у 2–го переселенного есть в этой же тусовке знакомый по воле, который полюбил залезать на его шконку – и так они по вечерам сидят там вдвоем, болтая друг с другом и с питерским надо мной, через мою голову. Да плюс еще парень, который вначале спал днем надо мной – он тоже переехал куда–то дальше, но тоже приходит, держит свои вещи в моей тумбочке, сумку – под соседней (стремщицкой) шконкой в проходняке, свои спортивные штаны вешает почему–то на торец моей шконки, рядом с моей телогрейкой, и временами днем залезает спать на верх той шконки, под которой у него сумка. А те двое, что любят сидеть на ней же вечерами вдвоем – полюбили теперь и заходить в мой проходняк тоже. Переехавший уже что–то держит тоже в моей тумбочке, а 2–й – часто заходит и стоя говорит с дружком, или по его телефону, стоя задницей перед моим лицом и мешая открыть тумбочку, когда дружок лежит.

В общем, новые приезжают, а старые не уезжают – и всего сейчас, я подсчитал, с утра до вечера (но больше после обеда) в моем узеньком, крохотном проходняке постоянно трется 5 человек, не считая “ночного” жителя надо мной (“старик”, но и 50–ти, небось, нет), который днем заходит только утираться своими висящими здесь полотенцами, да всяких эпизодически заходящих к кому–то из тех пятерых. К питерскому, например, постоянно заходит мелкий местный цыганенок – брать телефоны девок – и чуть не часами стоит в проходняке, точит лясы, не обращая внимания, ем ли я, сплю, читаю, заслоняет ли он мне свет, и т.д. Никто из пятерых и их гостей меня прямо не задевает – но я страшно устаю от их постоянного стояния, сидения, лазания, мельтешения, разговоров, пересмеиваний, рассказов, телефонных звонков, и т.д. и т.п. Это напрягает почти невыносимо – целыми днями и вечерами слушать их бред над головой, отодвигаться, когда они (поминутно) лезут в тумбочку, ждать, когда выйдут, если мне надо снять ботинки или поставить горячий чайник; да и просто, наконец, лежать, когда они, человека (?) два сразу, стоят в моем проходняке и оживленно обсуждают свои дела с третьим, лежащим на шконке, или даже с 2–мя. Состояние полной измочаленности, усталости, – достаточно сказать, что часть этих дебилов говорит достаточно громко и ощутимо мешает мне читать, писать, вообще – сосредоточиться на чем–либо. Одиночество, тишина, покой, которые, между прочим, реально были у меня этой весной, до ремонта, в почти пустом (до ночи) проходняке на 11–м, теперь кажутся счастьем совершенно недостижимым. Смешно думать о них всерьез, тем паче писать,

вообще – обращать внимание на столь бессмысленную уголовно–криминальную нечисть, на куски биомассы в возрасте от 18 до 22–х лет – но эта созданная ими тут обстановка вдруг оказалась для меня настолько тяжелой и утомительной, что промолчать было нельзя. Ни днем, ни ночью от этих существ нет покоя; самое лучшее время суток – утро, от завтрака до проверки, когда они спят (или – очень редко – уходят в школу). Но, как показал уже опыт, спят они не все и не каждое утро, – вчера, например, было тихо до самой проверки, а сегодня они молотили языками свою чушь пол–утра и угомонились вот только совсем недавно, когда я сел про них писать...

16–00

Чрезвычайно забавные новости от матери, дозвонившейся после проверки. Она говорила с Глебом Эделевым – оказывается, суд по УДО у меня 21–го октября – через неделю, в следующий четверг! Его адвокат Качанов, видимо, получил бумагу об этом из Тоншаевского суда – а я узнаю через Екатеринбург и Москву, сидя здесь, в Тоншаевском районе; показать мне бумагу, на которой было написано, что копия – мне, никто и не подумал; теперь – очень любопытно, выдадут ли хотя бы повестку на суд. Остальное содержание разговора с матерью – панический пересказ ею мне высказываний Люзакова и Майсуряна (последний звонил ей сегодня, что ли) против Михилевича – вплоть до слов Паши в ЖЖ, что если я опять свяжусь с Михилевичем, то опять окажусь в Буреполоме. :))

С обеда, захватив 3 книги (одну, дурак, таки забыл – 2–й том “Самгина”), пошел сразу в библиотеку – к полтретьего, на полчаса раньше общего времени открытия, как при последней встрече разрешил мне этот библиотекарь с 11–го, а до того с “девятки” – один из немногих здесь приличных людей. Хрен там! – внутренняя дверь была закрыта, причем изнутри; стучу – не слышат (впрочем, барабанить изо всех сил и ломиться я не стал сознательно); и только когда открыли, чтобы что–то вынести и выкинуть, я вошел, простояв минут 10–15; причем, – оказалось, на двери есть звонок, но он замаскирован так, что никогда в жизни не подумаешь, что это странное сооружение из 2–х, что ли, маленьких дощечек – звонок. Сам библиотекарь был озабочен тем, что перевод на 4000 р. ему в ларьке, как и всем прочим, не обналичивают уже 3–ю, что ли, неделю, и при мне (из “молельной” комнаты, за закрытой, конечно, дверью) звонил в Москву, этому своему приятелю, сидевшему с ним когда–то на “девятке”, дабы тот надавил на зоновское и вышестоящее начальство.

Забавные мысли были перед обедом, но после беседы с

матерью. Попытался представить, как все это будет, если меня с 5–го раза все же решат отпустить по УДО. :))) Как лихорадочно, наспех, придется собираться, перебирать все вещи и (90% вещей!) бумаги – что взять с собой, что оставить; про долги типа “запасного варианта”, который все обещает отдать, придется тогда забыть вообще, – как будто к марту 2011–го он отдал бы!.. :)) И все эти поспешные, лихорадочные, нервные сборы – в особенно нервной неопределенности от того, что за 10 дней решение суда может опротестовать прокурор, и никакого освобождения в назначенный день не состоится. :) Впрочем, оно не состоится раньше 21.3.11. в любом случае, и, чтобы мотивировать свой отказ в УДО при полном отсутствии действующих взысканий, “суду” этому лукавому достаточно будет, даже не прибегая к излюбленному тезису о “нестабильном поведении” (да, взыскания погашены, но они же все–таки были!..), просто спросить меня, признаю ли я свою вину. Мой отказ послужит им вполне достаточным основанием для отказа в УДО... :)

15.10.10. 9–20

Первый раз проснулся сегодня ночью – уже не помню – четверть первого или 2–го. Но помню свое впечатление: кошмар! Свет в секции потушен. На обоих этажах соседней шконки в проходняке (нижний – за “шкеркой”) лежат эти глупые стремщики–малолетки и болтают по телефонам, достаточно громко. Дальше слышны голоса других, тоже, судя по интонации, говорящих по телефонам; а еще дальше – громкие разговоры азербайджанцев, которых полно в этой секции – уже между собой. Все перекрывает один громкий, немолодой уже голос, кому–то, судя по интонации, что–то вычитывающий по–азербайджански. Если бы я заснул сразу, то, скорее всего, не обратил бы внимания; но, раз прислушавшись, в изумлении не мог бы уже заснуть: в секции стоял настоящий гул, как на восточном базаре, беспорядочный громкий гомон многих голосов вперемешку, какого практически никогда не бывает днем. Ночные разговоры по телефону!.. Как уж заснул – не знаю; правда, просыпался позже – такого гула уже не было.

17.10.10. 8–14

Воскресенье. Так хорошо, так славно посидели позавчера после обеда, к вечеру уже, в библиотеке с этим библиотекарем с “девятки” и его приятелем оттуда же, моим тоже знакомым здесь по 11–му, зашедшим тоже в гости. (28 лет, православный примитив, добродушный, тихий, кроткий совершенно невежественный во всем, кроме своих молитв; уверовавший в бога, бросивший курить и вообще вставший на путь благолепия и

благочестия – разумеется, уже на зоне!.. :) Когда же вчера с обеда я зашел туда опять – отдать библиотекарю книгу Буковского, которую с моей подачи, еще на 11–м, прочел православный и рекомендовал тому, – оказалось, что из–за нашего тихого, уютного вчерашнего сидения, за питьем кофе и разговорами, сперва втроем, потом вдвоем (православный ушел раньше – на ужин), когда так было мне хорошо, так редко бывает это спокойное, не торопясь, уютное и откровенное общение с человеком, хотя бы способным слушать и понимать (хотя от кофе потом, на бараке уже, неприятно–учащенно билось и подрагивало сердце), – что из–за этого нашего сидения в комнатке резчиков по дереву за кофе и беседой библиотекарь на другой день (вчера) уже полаялся с каким–то, типа, полуначальничком из зэков, тоже в этой библиотеке работающим. Тот стал ему выговаривать, что, мол, слишком долго мы сидели, типа, не должно быть в библиотеке в нерабочее время посторонних, все равно узнает начальник (зав. библиотекой, тоже из зэков, на 2 дня ушедший на свиданку – что и дало нам возможность собраться, а назавтра мне прийти и посидеть еще раз). “Козлы” эти страшно боятся начальства, друг друга, все они стукачи и друг друга “сдают”; а этому отсутствовавшему начальнику как раз “мусорами” и была поставлена задача – пресечь всякую нежелательную постороннюю активность и присутствие в библиотеке, через которую (рассказал этот библиотекарь) раньше была “дорога” с “промки” – зэки 2–го барака (2–й этаж над библиотекой) перекидывали с “промки” в “жилку” через забор, недалеко оттуда стоящий, наркоту, а потом со своего 2–го барака лазили, видимо, через окно в библиотеку, шли к забору, забирали и раздавали наркоманам. (Вчера, когда шли на завтрак, потом обратно, 2 чрезвычайно озабоченны блатных грузина с хмурым и жалким видом стояли около 2–го, на углу “продола”, разговаривали с кем–то там через забор – и все вглядывались, высматривали что–то за 2–м бараком, сбоку от него, где все сплошь перегорожено, опутано “колючкой” и проходит вспаханная “запретка”. Послушав как раз накануне про эти наркоманские “дороги” через 2–й барак и зная, что как минимум один из этих 2–х грузин – бывший со мной на 11–м, а год назад перекинутый оттуда на 7–й, друг “телефониста” – отпетый наркоман; да и 2–й, несомненно, тоже, – я тут же понял, ЧТО именно они там высматривают, почему так долго стоят и такие озабоченные, хмурые лица, – и мне стало неудержимо смешно. Впрочем, судя по разговорам моих соседей–стремщиков в бараке – причину их там стояния (балбес” с наркотой куда–то потерялся, улетел на “запретку”, кинули его, что ли, так, что понадобилось искать и высматривать) понял далеко не я один.)

Так что, увы, моей смутной, подспудной, затаенной надежде, что хоть последние месяцы срока можно будет заходить в библиотеку – и спокойно, без посторонних, беседовать там, за чашкой чая/кофе или без таковой, неважно – с более–менее интеллигентным человеком на темы, хотя бы частично близкие обоим, – не суждено оказалось сбыться. Лагерные “придурки” – стукачи, прямо по Солженицыну. Заходить можно только в рабочее время библиотеки, с 15 до 16–ти, когда валом прут сиволапые “читатели” (от скуки) и не дают поговорить, отвлекают, а мимо то и дело шныряют эти бдительные начальнички – и старший, и тот, с которым вчера мой приятель там поругался (что при его мягкости трудно представить, – говорит, 1–й раз за весь срок вообще) из–за нашего долгого сидения. Все очень сурово, казенно и формально, никаких частых и частных посещений, посиделок и вообще неформальщины. :)

Вчера таки дали расписаться за полученное постановление Тоншаевского суда о назначении рассмотрения УДО на 21–е. Теперь я извещен должным образом, – что ж, надо готовиться, пришивать бирку к “лепню”. :) Судья – Дудин, он меня однажды уже судил. Результат рассмотрения 21–го известен заранее и не вызывает ни малейших сомнений.

Снег стаял, дождь вроде не идет, лишь изредка, – на улице холодный ветер, октябрь; холодная, сырая, слякотная, темная уже по вечерам буреполомская осень. 4–я уже по счету...

9–30

И последняя новость, совершенно дурацкая. Вышел–таки из отпуска отрядник 8–го и приперся сейчас на барак. В воскресенье!!! Дебил!..

10–12

Не успел все переписать – вспомнил вчерашнюю опять поразительную новость, сообщенную библиотекарем. Оказывается, Марат Багликов, новый зам. по БиОР, привезенный вместе с зэками с той же “девятки”, гроза Буреполома – уже с месяц, как, попавшись в свое ночное дежурство, когда он на вахте, уединясь, кололся героином (или чем?), уволен; а м.б. – даже и арестован, источник мой точно не знал! Однако это можно предположить, т.к. – сказал источник – с поличным его взяли местные менты, зашедшие с воли. Т.е. – вот такие вот в этой стране воспитатели и “исправители” заблудшего уголовного стада, в основном молодого; вот такой “блестящий” пример они своим воспитанникам подают!.. :)))

18.10.10. 10–29

Понедельник. Свет опять нет, – вырубили, суки, едва я успел прийти из бани. Если не будет из–за света работать ларек, – на

конец этой недели, субботу и воскресенье ... Пока писал, свет дали. :)

Баня в этот раз обошлась намного легче, чем в тот. Пошел пораньше – воду включили, пока раздевался, но вся раздевалка была уже забита народом. Еле–еле нашел себе место – у самого выхода на улицу; и пока раздевался, и когда, мокрый, распаренный, вышел одеваться, – поддувало весьма ощутимо – с ночи на улице опять был легкий морозец, лужи замерзли. В самой парилке стоять почти не пришлось – кто–то рядом со мной мылся один, и я тоже влез, несмотря на его вялые протесты (что, мол, сейчас придут еще двое), а потом – к знакомому пожилому дядьке с 3–го, узнавшему меня и отнесшемуся очень приветливо, под другую "лейку". Спросил его – он сказал, что сейчас еще не так жарко, наверное, вытяжку поставили (вряд ли...), а вот в тот раз, 1–й, он себя в этой жуткой жаре чувствовал очень плохо, – так же как и я.

Поспрашивал вчера знакомых – все говорят, что Багликов только занес в зону наркотики, но сам не кололся. Откуда библиотекарь это взял? Юра, "обиженный", мой бывший сосед по 13–му, сказал даже, что будто бы держали Багликова под арестом здесь же, в ШИЗО, а потом увезли, – но это тоже фантастическая версия, а Юре этому верить нельзя.

Заходила вчера азербайджанская обезьяна с 11–го, что жила там последнее время, летом, в моем проходняке. Принесла радостную новость: оказывается, блатные (с самого же 11–го, не пришлые, как она говорит) избили самого злобного там "козла", убийцу Маньки, так, что сломали ему ребра (!!), но лежит он почему–то не в санчасти, а на бараке. Это очень странно; причину избиения азер так и не назвал (сам не знает?), несмотря на все мои расспросы; сказал зато, что еще троих, в т.ч. ехидного "козла" и того мелкого сучонка, что сейчас охраняет калитку ларька, тоже хотят избить. Поделом и уже получившему, и этим!!! А наркоманы, по его словам, в т.ч. и завхоз, каждый день колются почти что в открытую.

Быня у себя в кабинете: "Мне приказано посадить всех "смотрящих", подсматривающих..." и т.д. Говорил он это явно "смотрящему" – очень блатному на вид хмырю, разговор был слышен через дверь. Причина – начальник отдела (! – какого? "Безопасности" – Агроном – как обычно?) вручил ему полученный от учителей список школьников, не ходящих в школу. "А скоро мне будет начальник колонии этот список вручать!" – возмущался Быня и зачитывал фамилии. Ну да, привычная манера – за грехи одних сажать в ШИЗО других, не тех, кто не ходит в школу, а тех, кто имеет здесь привилегии и наглость командовать остальными

з/к, – это вроде как изнанка их командирства и привилегий. “Смотрящий” говорил Быне, что, мол, из–за одного–двух дураков не должны страдать остальные. – “А я почему должен страдать?!! Из–за 150 человек должен страдать я один?!?!” – кипятился в ответ Быня. Блатной тут же очень предупредительно и твердо ответил, что, мол, “Вы страдать не должны”, – ему бы и в голову не пришло на это возмущенное “почему?!” ответить Быне: “Потому, что ты сам взвалил на себя этот груз – вместе с должностью, погонами и зарплатой; потому, что ты работаешь здесь добровольно, в любой момент можешь уйти, – а зэков здесь держат насильно, и уже по одному этому они не обязаны тебе подчиняться!”. Этот откровенный разговор через дверь отчасти вознаградил меня за собственную глупость – пойти к Быне на 4–й за заказным письмом, о котором он вчера говорил мне; ждал я под дверью довольно долго, а потом оказалось, что письмо он уже отдал нашему отряднику. Этот приземистый хмырь пришел почти сразу, как я вернулся с 4–го, но за письмом пока не зовет.

21.10.10. 17–45

Несколько дней не писал, не о чем было, и вот – сразу масса событий и впечатлений! Был суд по УДО. Адвокат Качанов приехал вместе с Глебом Эделевым, что для меня, как только я его увидел, превратило все дальнейшие события в праздник. Но сперва – вызвали, пошел – не пускает на “нулевом посту” Даун – “мусор”, и вот уж действительно даун, точнее не скажешь! Мол, “а мне не звонили”, никакого суда сейчас (?) там нет, и вообще – идти только с “общественником”. Сказав ему, что могу и вообще не ходить, а отвечать будет он, возвращаюсь, жду дальнейших вызовов. Звонят опять и обещают, что сообщат на “нулевой”, чтобы пропустил. Иду снова – но время уже 11–й час, и Дауна там уже нет – отдежурил свой час и ушел.

Прихожу в штаб – что за диво! Народу – никого! Суд по УДО, всегда же толпа бывает, а тут – никого, только сидит отрядник да ждут “по поправкам” еще одного – с 13–го, того старого наглого подонка и хама, что спинывал мою кошку с крыльца еще 11–го барака год назад.

Пока ждал в штабе – сам судья, выглянув из “зала заседаний” (кабинет отсутствовавшего Макаревича на сей раз), лично предложил мне стул, вынесенный из кабинета, – неслыханная любезность! Сидя на нем, я и увидел Глеба и Романа, которых привел отрядник 5–го и повел куда–то в противоположную от меня сторону – в свой 13–й “воспитательный” кабинет, наверное. Затем они подошли ко мне и – еще одна неслыханная любезность – нас провели коридором в здание школы и дали 20 минут (время назначал Роман), чтобы обсудить все и посовещаться перед

заседанием суда. Время имело значение потому, что, оказывается, судья ждал только нас – больше никого не оставалось, мы были последними.

Глеб посоветовал мне заявить ходатайство о допуске его в процесс в качестве моего защитника, а Роман – сослаться в обоснование просьбы об УДО на дикие холода здешних зим и ужасные условия быта – когда той зимой ни света, ни воды, ни отопления не было несколько суток.

Об этом я потом сказал, когда мне было предоставлено слово. Что же до участия Глеба в процессе – судья, как я и думал, в этом отказал; при этом были соблюдены все понты типа всеобщего выхода из комнаты для совещания судьи с самим собой, и Глеб, выйдя, на основании этой формальной безукоризненности пытался убедить меня, что, мол, решение еще заранее все–таки неизвестно. :)

Фамилия судьи была Дудин. Прокурора же не было вовсе – в деле оказалась подшита бумага из прокуратуры о невозможности его участия. Гвоздем суда стала речь адвоката. Тут же, попросив небольшой отсрочки, он ознакомился с делом, перефотографировал страницы на принесенный с собой цифровик (майская их жалоба о непропуске оргтехники сработала!), сделал выписки из характеристики меня администрацией зоны – и в длинной своей речи, перебирая пачку распечаток из конституции, УК, УИК, пленумов Верховного суда и пр., разбил в пух и прах все стандартные доводы отказа в УДО, изложенные еще в характеристике. По стилю ее мне показалось, что они то ли просто взяли, то ли дополнили и усовершенствовали старую мою характеристику – в 2008, что ли, году, ко 2–й подаче на УДО, ее писал, задавая мне соответствующие вопросы, отрядник 13–го Казиев. Доводы были такие: “нестабильное поведение” (наличие в прошлом взысканий, хотя и погашенных); непризнание мной вины и нераскаяние в ней; неучастие в самодеятельных организациях (тогда – секциях, сейчас – “кружках”). Роман не оставил от этих доводов камня на камне; особенно мне понравилась трактовка непризнания вины как реализации конституционного права не свидетельствовать против себя (51–я статья конституции), аргумент, что после подачи мной надзорных жалоб, жалобы в Страсбург и пр., т.е. доказательств моего явного несогласия с приговором признание мной сейчас вины выглядело бы цинично и нечестно; а также, что реализация конституционного права на смягчение наказания (в т.ч. и на УДО) не может ставиться в зависимость от (не)реализации другого конституционного права – на участие в объединениях (в т.ч. и зоновских секциях/“кружках”).

18–50

Такое хорошее настроение было весь день, особенно после большого свидания с Глебом и Романом, – испортили–таки, суки! Прервался писать о сегодняшнем, пошел на ужин – лучше б не ходил!.. Выходили из калитки 8–го на “продол”, народу было немного, дождь, и какие–то эти тупые твари – стремщики они или кто, – вечно дерущиеся, друг за другом гоняющиеся и тузящие друг друга, молодые жеребцы, совершенно бессмысленные скоты, минуты не могущие прожить без этой вечной возни, – тоже стояли здесь же, за калиткой, на дощатом мостике–настиле через дренажную канаву, идущую вдоль “продола”. Один из этих дебилов, здоровый лось, как всегда, набросился на другого, поменьше – и под его тяжестью неприбитая доска мостика, на край которой он наступил, поднялась с другой стороны – прямо передо мной; и я – сам не могу понять, как это вышло, т.к. шел я совсем не быстро – видимо, нога попала в дыру под ней – и, короче, потеряв равновесие, я грохнулся навзничь на “продол”, палка далеко вылетела из руки, а с попавшей в щель левой ноги туда же, в канаву, в грязь и воду, слетел ботинок! Вдобавок я сильно ушиб правую ногу. Эти суки не сразу даже, причем весело хихикая между собой, достали мне ботинок и – с одной стороны только, с обеих уж не сподобились – помогли подняться. Вот оно – сидеть с нечистью, с бессмысленными, неуправляемыми, полностью расторможенными малолетками – и страдать из–за них! Босой ногой пришлось наступить в грязь, прочая одежда тоже вымазана, нога болит – будьте вы прокляты, суки! – поплелся “ужинать”...

А днем все было достаточно прикольно. Несмотря на пламенную речь Романа (которую Глеб, как потом оба сказали мне, оценил только на “4 с плюсом”), судья в ходатайстве об УДО отказал, обоснований даже не привел, но сказал, что они будут все те же – бывшие взыскания, непризнание вины, неучастие в секциях и т.д. Что ж, иного я и не ждал – но, напоследок, выходя уже из кабинета – к крайнему его изумлению, на какую–то его очередную добродушную реплику успел–таки сказать ему, что решение было заготовлено еще заранее, до всякого суда. Он очень, очень удивился!.. :)) Вообще, глядя на него, пока Роман говорил, я вспоминал выражение, мелькнувшее где–то в СМИ, когда я был еще дома, по поводу назначения премьером Зубкова: “большой советский стиль”. Да, все в лучших брежневских традициях: судья – худощавый, стройный, гладко выбритый пожилой мужчина в костюме, – этакий целиком положительный, основательный такой, добротный типаж из тоже основательных, спокойных, размеренных брежневских времен. Этакий типичный

советский судья (советский человек с плаката 70–х гг.), выражение (агитпроповской) высшей правды и непреодолимой силы социалистического советского общества; а судит он – антисоветчика! :) Он очень вежлив, любезен, может и пошутить, и сказать пару фраз о погоде, взглянув в окно, и спросить участливо ребят, как и на чем они доехали, и даже предложить мне стул! Единственное, чего он не может – это судить честно и по совести, если совесть его расходится с приказом Системы, неотъемлемой частью которой (о, пресловутое наше “разделение властей” и “независимость судебной власти”!..) он является. Про таких говорят: “Мягко стелет, да жестко спать”. Впрочем, есть ли у него вообще совесть?.. И то, что сидел он, вместо герба СССР, под большим двуглавым орлом на красном щите, только добавляло и трагического, и комического пафоса в ситуацию: ничего не меняется, они в любое время и под любым гербом остаются верны себе; и в то же время – забавно, что, выкинув советский антураж со всеми гербами и вернувшись к антуражу царскому, православно–монархическому – Система по сути своей, карательно–контролирующей, отнюдь не сошла с брежневской, куда более высокой, ступени на царскую, когда все было и проще, примитивнее, и вместе с тем либеральнее – не было ни галоперидола и спецбольниц, например, ни “правосудия”, которое – особенно после реформ Александра II – было бы столь откровенно и нагло частью Системы (одна из тем нашей затяжной дискуссии в письмах с Майсуряном).

И – зная этого судьи и вообще всей их Системы реальную юридическую (карательно–сажательную) практику – ЧТО с этим судьей, скажите, делать? Что?! – кроме как застрелить его прямо на улице, в спину, в этом его Тоншаеве, благо ходит он без охраны...

Я пошел в барак, успел переодеться, поговорить с матерью – и, начало 2–го еще только, зовут на вахту, на свиданку с ребятами. Иду. Шмонали в этот раз милосерднее, чем в мае – ни туда, ни (чуть похуже, но все–таки!..) обратно полностью раздеваться, снимать абсолютно все не заставили. Шел туда – штаны не снимал вообще, обратно – “мусор” брюки таки потребовал, долго щупал и “прозванивал” металлоискателем, но кальсоны оставил.

Ну, а про 4 часа общения с Глебом на свиданке что говорить! Это был глоток кислорода среди всего этого местного удушья, настоящий интеллектуальный пир! Говорили и спорили мы с ним обо всем – о правозащите, политике и революции (он, хоть и сторонник ненасилия, все же подчеркивает себя именно “либеральным революционером”, а не правозащитником), о

прошлом и будущем, об организациях правозащитных и политических, о стратегии и тактике. Запомнились мне его слова, что та страна, в которой меня сажали, была еще образцом демократии по сравнению с тем, что стало сейчас, – и так, мол, находимся уже на полуподпольном положении, а скоро, видимо, чтобы просто физически уцелеть, чтоб не убили, придется перейти на полностью подпольное. НБП – большую и сильную организацию – по его словам, разгромили, они как–то шевелятся еще только в Москве, в Екатеринбурге больше нет вообще. Бьют, сажают, давят, по его словам, совершенно безжалостно. Показал мне на привезенном с собой нетбуке (!) ролик об Алексее Соколове, правозащитнике, делом которого они занимались, по–моему, весь последний год, если не дольше. Конечно, наши с ним разногласия в методах остались, он – против насилия, и притом и по юридической, и по информационной, и – правда, до последних лет – по неформально–революционной части (типа эколагерей и пр.) делает так много, что язык не повернется в чем–то его упрекнуть. И наконец – он показал мне последнее заявление Михилевича в их рассылке, под которым стоит и моя подпись и вокруг которого сломано столько копий. Несмотря на огромную неприязнь (мягко говоря) к Михилевичу и Глеба, и многих других, и ругань даже в мой адрес Олега Орлова из “Мемориала”, кидающего со своим комментарием этот текст в другую рассылку по защите пзк – текст оказался шикарным (несмотря даже на исламский орнамент и аранжировку), и я целиком согласен с ним. Запомнилась (приблизительно) фраза о том, что к т.н. “мирным жителям” Русни, которых Михилевич справедливо считает полностью ответственными за геноцид в Чечне, чеченские моджахеды еще слишком, преступно мягки – а их надо взрывать и убивать (не цитирую, но смысл такой) беспощадно, прежде всего в Москве. Браво, Олег!!!

23.10.10. 14–30

Суббота. Весь день льет дождь, в проверку он был и с мокрым снегом. Зимняя телага на плечах отсырела, бирка – под скотчем – почти вся сырая, а о моей тряпочной шапчонке и говорить нечего. Между проверкой и обедом вышло было солнышко; пошли на обед – опять дождь. Поплелся, как дурак, под этим почти уже ливнем – чтобы только постоять, погулять по столовскому двору пару минут – и назад, переждав только, чтобы вся эта сволочная стая насекомых с 8–го заползла уже в столовку – они тянутся группками, когда (теперь очень часто) на воротах столовки нет “мусоров”, и я не хочу натыкаться на них на обратном пути, но все равно натыкаюсь на группки самых отставших.

Место в столовке я себе таки не нашел (да больше, с 5.9.10,

так и не искал – противно до омерзения) – и вот хожу, как дурак, бродить по столовскому двору. В сентябре, на солнышке, когда только желтели еще на березах листья, это была прогулка, не лишенная даже приятности. Сейчас, под проливными дождями, мокрым снегом, на пронизывающем ветру, в промозглой сырости, по лужам и раскисшей глине – это наказание, только ярче, нагляднее подчеркивающее весь непроходимый идиотизм всей этой жизни – и в Буреполоме, и в стране. Можешь не есть, даже не заходить – но топать в столовку со всеми обязан при любой погоде! Зачем? Чтобы, упаси бог, не пошатнулся режим и “общее положение” блатных, заключающееся в их возможностях здесь пить, колоться, спать весь день, звонить кому захотят, лазить по интернету, жить за счет других зэков и не ходить никогда ни в какие столовые...

Да, продолжается эта унылая, тошнотворная барачная жизнь, среди этих мерзких, гнусных, наглых и злобных насекомых, вызывающих и на 8–м бараке у меня такое же омерзение, как и на 5–м, 13–м, 11–м и любом другом. Главное мучение этого быта – постоянная, теперь и по утрам, толкучка в проходняке, узком, как щель. Оба малолетних сучонка со 2–го яруса – один из Питера, другой нижегородский – весьма популярные личности в бараке. К питерскому, у которого уже давно сошел фингал, с которым он впервые появился в этом проходняке, приходят теперь полублатные узбеки, дают ему телефон, он звонит, они обхаживают его, расспрашивают о каких–то делах (узнаваемых им по телефону, видимо) и т.д. – хотя ясно, что узбеки никогда ничего не станут делать просто так, без выгоды для себя. В остальном он занят знакомствами по телефону с девками, но девки, похоже, узбеков не интересуют. Девками же в основном занят и 2–й, тоже на 2–м ярусе, но той, завешенной “шкеркой” шконки, – хотя формально он живет в соседнем проходняке, но к нему тоже сюда, в мой проходняк, заходят – и стоят часами, болтая с ним, звоня по его телефону, рассматривая что–то в телефоне, когда он лежит, слушая информацию о “тарифных планах” и т.д. Эта толкучка соверш [запись оборвана на полуслове]

15–12

Пока писал – явился сигаретчик и отвлек, как всегда, своей возней.

Да, в общем–то, все ясно. Они торчат в проходняке, стоят, болтают, звонят, пор одному, по двое (трое уже не влезут), совершенно не обращая внимания на меня, как будто кроме их друзей, в проходняке вообще никто не живет... Наглая, глупая молодежь, – но дело тут не в возрасте, а в изначальной,

генетической испорченности, неполноценности, которую никакой возраст не исправит. Untermenschen – вот как это называется. Особенно “приятно”, когда я ем – а они стоят тут же, в сантиметрах каких–то от меня – что называется, “над душой” – и мило болтают, щебечут, ничего не замечая, как будто так и надо. Или когда я прихожу с “фазы” с горячим чайником – а проходняк забит, и приходится поневоле просить их выйти, пропустить – хотя вообще я стараюсь без крайней необходимости с ними не разговаривать...

26.10.10. 8–22

Умудрился–таки вчера заболеть, хоть и ненадолго. Ночью с позавчера на вчера проснулся во 2–м, что ли, часу, – чувствую: температура, озноб, и горло болит, и кашель.. В общем, картина ясна. Принял аспирин, взял сосать леденец от кашля, уснуть уже так и не мог до подъема; но перед подъемом температура неожиданно прошла прошиб пот. В таком состоянии поперся еще на зарядку (хоть обдует, думаю, холодным ветром – против температуры это помогает), на завтрак (поймал там большого серого кота, взял на руки, погладил, послушал его урчание – и стало полегче :). Позавтракал остатками колбасы (дал тогда кусок этому блатному азиату – теперь вот не хватило себе на 3–й бутерброд...), лег – состояние по–прежнему болезненное, тяжелое, температуры нет, но жарко, по временам начинает гореть лицо, и – жутко колотится сердце, дрожит и бьется сильно, ускоренно, – с чего бы это?! (Хотя не как в детстве, когда были приступы тахикардии, но потом проходили – а тут просто дрожит и бьется ускоренно.) В баню, конечно, не пошел, – вчера был понедельник, и так решился мучавший меня вопрос о бане (теперь каждый поход туда – это тяжелое испытание). Долежал с бьющимся сердцем почти до самой проверки, а к 2–м часам пошел в ларек.

Там я пропотел так, что ни о какой температуре, конечно, нет могло быть и речи. :) Безумно долго стояли, пока кассирша, работавшая в этот раз в одиночку на 2 окна, закончит пробивать в том окне и подойдет к нашему. Я боялся, что, пока стоим, а другие покупают, кончатся свежие 7–рублевые булочки, но, слава богу, обошлось. (На вчерашний обед и на сегодняшний завтрак пошли мне эти булочки. Колбасы в ларьке не оказалось, но у меня, к счастью, еще оставался паштет.) Половины нужного в ларьке не было, продавщица обещала завоз сегодня, но я уже не пойду – хотя мог бы, наверное, теперь попасть и не в “свой день”: на ворота, убрав прежнего злобного сучонка с 11–го, поставили теперь моего хорошего знакомого по 11–му (потом он был на 1–м, сейчас на 3–м), которого как–то раз стал я расспрашивать насчет родного ему украинского языка, – сам он из Молдовы, на год

старше меня, добродушный такой, но здоровый – если ударит, только держись. Помню, просил я его тогда даже говорить со мной по–украински; он не стал, но здоровается с тех пор со мной очень дружески.

Когда 2–й раз, уже в начале 10–го вечера, пере проверкой, дозвонилась мать (узнать о моем здоровье) – я еще говорил ей, что состояние у меня болезненное, нехорошее, хотя температуры и нет. Но вечер был испорчен не только этим. После проверки уже – я лежал, ждал, пока выкрутят лампочку надо мной, убавят свет – прибежала вдруг эта злобная мразь – шнырь, малолетка, 20 с небольшим на вид, памятный мне своими угрозами еще с того дня, как они всей кодлой заставили меня переехать в этот проходняк. Прибежал, уселся, спросил, один ли я сплю на шконке – и начал втирать мне свою давнюю (уже проговаривался и до этого) мечту: что теперь я тут буду спать не один, а по очереди с кем–то, т.к. не хватает мест. (Ага, щазззз!..) Я ответил, что я инвалид, позвоночник у меня сломан и мне надо лежать и днем. Он заявил, что он тоже инвалид – на голову (заметно!), тут вообще много инвалидов – и завел свою (и всех их) любимую песню: от меня, мол, “нет никакой пользы”, я “веду паразитический образ жизни” (ты, что ли, чмо, меня кормишь?.. :), “живу как улитка”, и т.д. Очень напирала эта мокрица на “пользу”, приводя мне в пример соседний проходняк, где малолетняя шантрапа “занята делами” (качать песни и фильмы из интернета – в ночь, когда я заболел, они этими песнями до утра и не дали мне уснуть – да знакомиться по телефону с девками и вести с ними глумливые разговоры, – удивительно, как те сразу трубку не бросают...). Нес, что, оказывается, “знает больше меня” (хоть школу–то закончил? :)))), в т.ч. и “простых житейских истин” (не точно, но как–то так он выразился, – ага, как жить за чужой счет, вот ваша главная “истина”...). Ну, и конечно, угрожала мне эта злобная мразь физической расправой, причем коллективной (когда я сказал, что она одна не справится со мной) – в “культяшке” ли, в “обувничке” и т.д.; мол, изобьют палками, упадешь раз 15, и будешь здесь жить, как тебе “люди” скажут... “Люди”? Да нет, ребята, вы нелюди; нечисть и отребье вы, а не люди... Кончилось тем, что я пошел к блатному азиату, который как раз на такой случай обещал мне покровительство. Азиат был занят, смотрел что–то в инете; а шнырь был так глуп, что побежал за мной и туда, и уже там, около их проходняка, начал опять что–то бессмысленно–злобное орать мне – что, по его мнению, я совсем не так, как ему кажется правильным, здесь живу. Азиат, слыша этот хай, но не отрывая глаза от телефона, стал уже спрашивать, что случилось, но тут встал незанятый 2–й –

тоже из Узбекистана родом, но переехавший с родителями в Тверь; тот самый, как я вначале думал, земляк “телефониста”, что обычно приносит мне сейчас их общий телефон, когда звонит мать (и с которым, по его спокойному характеру, мне предпочтительнее общаться, чем с азиатом). Шнырь еще кипятился, пытался их обоих убедить, какой я плохой – но этот тверской узбекистанец :) положил ему на плечо руку и увел в сторону “фойе”, после чего, придя ко мне, сказал просто не обращать внимания – он, мол, “на своей волне”, а ты – он показал жестом – в одно ухо впустил, в другое выпустил (весь этот злобный бред). Предупредил только, чтобы не было “рукоприкладства”, как тогда вышло с тем сучонком–“дорожником”, которому досталось от меня ногой. :) Я подождал еще вчера, был наготове и сегодня с утра – но это насекомое больше не появлялось. Спал эту ночь, приняв аспирин с анальгином, хорошо, проснулся как раз в 5 утра (сперва даже не поверил) и, проснувшись, чувствовал себя уже вполне здоровым.

11–07

Пока переписывал предыдущее – какие–то 2 “мусора” и 1 в штатском зашли на 12–й. Вдруг прибегает стремщик и кричит: “Комиссия на 12–м!!!”!!! Батюшки!.. :) “Пробивает” это в “культяшку”, и оттуда, как всегда, следует общая побудка и призыв к уборке “всего лишнего”. Поднимается обычная паника, задирание “шкерок”, вынос сумок и телогреек. Я одеваю свою тележку и сижу, жду. А тот малолетний бобик–“дорожник”, что получил тогда от меня, проходя мимо, приседает, заглядывает под шконки “красных” как раз напротив меня – и истошно визжит: “Что у вас под шконарями творится?!! (В смысле, грязно.) Бесы!!!” Те срочно хватаются за швабру...

Комиссия проходит мимо нас на 10–й – и я уж думал: всё! Но нет – на обратном пути заходит к нам. Еще от входа в секцию – за “шкеркой” обиженных мне пока не видно – раздается громкое: “Здра–а–авствуйте, граждане осужденные!!!”. Батюшки, что за генерал такой приехал??! :)) По секции проходит маленький, в штатском, в бейсболке на голове; за ним – 2 “мусора”, мне на лицо незнакомых (но не в больших чинах – не старые и в камуфле, не в форме и фуражках). Маленький, подходя к моей шконке, смотрит на то самое одеяло “обиженных”, натянутое стенкой, и на 2–м ярусе еще перегородку из тряпки – и спрашивает: “Что за перегородки между шконарями?”. Но не срывает одеяло, а моего баула, край которого виден между моей и соседней “обиженной” шконками, не замечает вовсе (как и никто до него, к счастью). Проходи дальше и начинает этак – строго с виду, но не злобно по сути – муштровать сидящих, чтобы

они встали и поприветствовали его. Проходят по этой секции, по той, уходят на 5–й, потом – с “продола”. Соседний стремщицкий проходняк сразу после этого из новой казенной простыни делает и прижимает матрасом 2–го яруса новую “шкерку”, гораздо глуше и плотнее прежней, – к моему полному удовольствию. :)

27.10.10. 12–32

Среда. Шмон таки был – на 4–м. 20 “мусоров”, а потом, по одному, еще человек 5; в т.ч. присутствовало несколько отрядников, а также двое в штатском – из вчерашней “комиссии”, в т.ч. тот маленький, что шлялся вчера по баракам. Выносили ли баулы – не знаю, но все утро лил довольно приличный дождь, так что вряд ли. Шмонали на сей раз больше часа, почти полтора. Из начальства на шмоне был Наумов, после ухода всех “мусоров” зашел и к нам на 8–й – к отряднику, незадолго до него вернувшемуся оттуда же.

Температуры у меня нет, но кашель буквально замучил – бронхит. Тоскливая, унылая, невыносимая эта жизнь – среди сброда подонков и нечисти, в еженедельном тревожном ожидании и мыслях, как бы сберечь от шмона (от других подонков) одеяло, чайник, открывалку – жизненно необходимые здесь предметы, без которых никак... Идет 21–я неделя до конца, такой “жизни” осталось мне на сегодня еще 144 дня.

Соседи в стремном :) проходняке нагнетают панику, что шмон может быть и завтра, один говорит, что, кроме среды и четверга, по другим дням не бывает (ага, как же!.. Сколько раз по понедельникам...) А я–то с утра лег, так хорошо, сладко начал уже засыпать в полумраке секции...

28.10.10. 12–30

Четверг. Шмон был с 10 утра до 11–45 на 7–м и 3–м – на обоих одновременно, опять проявилась эта их манера!.. Тошно и омерзительно на душе так, что нет слов описать это. Теперь–то уж ясно, что и 8–му не миновать шмона в ближайшем будущем – будь то следующая неделя или через одну, через две... До Нового года осталось 2 месяца. Я сижу уже 5–й год, кончается срок – но с новым (отвык, что ли, за весь этот непрошмонанный 2010 год?..), свежим чувством невыносимого омерзения я представляю – и все внутри у меня тоскливо опускается от этой картины – как один из этих здоровенных, грубых, тупых лосей в голубом камуфляже, топая сапожищами, залезет в мой узенький проходняк; как он грубой ручищей отшвырнет подушку, откинет с изголовья матрас – и начнет, одну за другой, вытаскивать книги, взглядывая мельком на заглавие, пролистывать – и кидать небрежно, куда попадет – на шконку, так на шконку, на пол, так на пол... Как он дойдет после этого до бумаг, распечаток, тетрадей с записями и

без – и все это тоже будет вытащено, взрыто, раскопано, расковыряно – бегло просмотрено и брошено кое–как, в полном беспорядке, хорошо, если еще не специальном, как в марте 2009 на 13–м. Эта тварь – а м.б., и не одна – будет рыться и в тумбочке, сев на шконку, вытащит ящик, перевернет и вытряхнет из него все на шконку (или на пол), пороется в моем отсеке, вывалит все оттуда на пол, заглянет и тщательно проверит коробочку с чайными пакетиками, развернет пакет и заглянет в чайник, сняв крышку и бросив рядом (хорошо, если еще не заберет чайник); сорвет все висящие над торцом шконки пакеты, сунет в них свой нос, опять вытряхнет и раскидает все лекарства, как в марте 2009–го... Может выгрести все из–за торца (скорее всего, – и тоже расшвыряет), всю сложенную под матрасом одежду (и забрать из нее, что захочет), может и шконку выволочь с места в проход секции – и мне одному никак не поставить ее потом на место, а просить помочь тут некого... Тьфу, суки, мрази, выродки государственные в камуфляже, будьте вы прокляты! Когда же настанет день – и я смогу – за все пережитые здесь унижения – стрелять по вам и убивать вас?!.

Утром, оказывается, выла сирена – после зарядки, но я не слышал ее – задремал, видимо. Услыхал сперва об этом от соседей по стремному :) проходняку – не поверил, – но потом подтвердил пришедший сигаретчик, и настроение у меня сразу упало. Да, забыл – в шмоне участвовало двое в масках, до этого никак себя не проявлявших несколько дней. Тошно и противно, и зашедший цыган с 10–го, и новенький его соплеменник, “поднявшийся” на днях на 8–й и долго расспрашивавший меня о моем деле и сроке не могли развеять эту тошноту, тоску и омерзение. Как венец всего – начал бриться и порезался, кровь ручьем; пришлось почти до самой проверки лежать, прижав к щеке марлевую салфетку.

Как ни странно, немного развеяться помогла мне, как вышел перед проверкой во двор – старая знакомая, пестрая трехцветная Фроська с 13–го, оставшаяся давно уже бесхозной и – я не раз замечал – добирающаяся теперь и до 8–го, и до 5–го даже в своем исследовании помойных бочек на наличие съестного. Подойдя к бочке, она посмотрела наверх, примерилась, ловко прыгнула и, зацепившись за край бочки, стала изучать содержимое. Не найдя ничего интересного, спрыгнула, я позвал ее, она подошла. Я нагнулся, погладил ее, выпрямился. Уже не первый раз на 8–м глажу и знаю, что она меня давно узнала – не то что при одной случайной встрече на том “продоле”, когда я был еще на 11–м, – позвал тогда, а она и не смотрит, и я понял, что она не узнаёт (пролежав чуть не год у меня на груди!..). А тут – узнала,

потерлась головой о мою штанину, а потом – один раз, другой – этак пружинисто присела на задние лапы и стала смотреть на меня, задрав вверх голову, как будто примериваясь. Я уже догадался – и тут она вдруг прыгнула прямо ко мне на грудь, на телогрейку, и уцепилась когтями! Прыжок был чемпионский, лихой, бесстрашный – и мне, хочешь не хочешь, пришлось, поставив палку, обнять снизу эту красавицу за хвостовой отсек спины, а другой рукой начать ее гладить. Громкое, заливистое ее урчание под самым моим ухом было мне достойной наградой, – и то сказать, я мало могу припомнить в жизни вещей, которые были бы мне приятнее и радостнее, чем благодарное мурчание кошки, которая мне доверилась и которую я глажу...

14–32

Сейчас, перед самым уходом на обед – последняя новость: шмон–бригада на “кечи”, в т.ч. 4 в масках. И – приказ: убрать (до вечера?) все “стремА” (телефоны и пр.). “КремА”, как хочется мне сказать каждый раз, когда я слышу это дурацкое, придуманное ими словечко.

Вчера весь день лил дождь, сегодня – утром и сейчас, в обед – идет снег. Он не ложится, тает – но он уже не такой мокрый, как раньше. Уже, так сказать, более зимний. Чувствуется приближение зимы.

19–24

Самое забавное, что матери позвонить не удалось и сегодня – 2–й день уже подряд. Они с Фрумкиным уже едут, – если ничего не случилось... Честно предпринял на этот раз все мыслимые усилия, – когда уж припечет... Но узбекский телефон после ужина занят главным азиатом, – похоже, опять интернет. До ужина ни телефона, ни его владельцев (точнее, владельца тверского, а с азиатом мне не очень–то хочется и говорить) не было видно в бараке. Запасной же вариант – пошел к нему в ту секцию 1–й раз сразу, как пришел с ужина, – его не было в проходняке. Только что – для очистки совести решил зайти еще раз, – он уже сидел на месте, играл в нарды. Я спросил, как у него со связью, – но еще пока не успел задать сам вопрос, сидящее на шконке напротив злобное блатное (архиблатное!) чмо, которое и на улице, и в “фойе” не упускает случая гавкнуть на меня, как–нибудь обозвать, унизить, поглумиться мимоходом – по–моему, это и есть местный “домовой” :) – увидело меня и грубо, оглушительно заорало, чтобы я убирался вон. За этим криком я не расслышал ответ “запасного варианта” – кажется, он сказал: “Нет пока”, – а существо это, видя, что я не вылетаю пулей, как ему бы хотелось, заорало еще раз!..

Вот так. :)) Сегрегация, однако. Эти русские свиньи развели у

себя, без участия властей даже, форменную сегрегацию, не хуже Америки 50–х, где неграм был запрещен вход во многие места; меня точно так же, даже без объяснений, здесь могут выгнать из секции “только для блатных” – и эти твари еще написали в моем приговоре, нашли мою ВИНУ в том, что я не верю в их “правовое демократическое государство”...

А в ту секцию, конечно, больше ни ногой. Чтоб вы все передохли там, ублюдки!..

30.10.10. 8–20

Еще одна короткая свиданка прошла вчера – с матерью и Женей Фрумкиным. Все прошло нормально, без происшествий. Женя задержался даже дольше обычного, несмотря на свое вечное желание курить, но новостей особых, увы, не рассказал. Только процесс над девчонками в Улан–Удэ, все длящийся, да то, что митинги на Триумфальной в Москве (“Стратегия–31”) теперь стали разрешать – в частности, на завтра, 31.10.10. – но количество участников разрешили всего 800 человек. Самое забавное – свиданщицы уселись обедать, не выведя оставшихся в час дня со свиданки, как положено, – и в результате мы вышли к вахте только в 13–40!! Сигаретчик, которого на этот раз я специально просил, уже дожидался меня, и баул мы дотащили на пару с ним.

Мать, конечно, была в шоке, что не могла дозвониться 2 дня. Я рассказал ей все события 28–го числа, накануне ее приезда. С дороги домой она дозвонилась “запасному варианту”, и тот на сей раз уже сам принес мне телефон. По моему совету (на свиданке еще) она сперва сама спросила, кто это там накануне орал и выгонял меня из секции. Ей он не моргнув глазом соврал, что он ничего такого не слышал и я вообще до него не дошел. Когда, поговорив с матерью, о том же спросил его я – он, досадливо поморщившись, махнув рукой, сказал: “Какая разница!” (ничего себе!!) – но имя так и не назвал. Зато сказал, что это не общий, а “лютый режим”, имея в виду командование и вообще засилье глупых малолеток, которые, видимо, его достали не меньше, чем меня, – после чего начал этак обиняками объяснять мне, что я, мол, сам виноват в скотском отношении ко мне этого подонка (что выгонял меня), да и прочих: я, мол, все время что–то пишу в интернете про эту зону; еще когда я был на 13–м, он об этом слышал, – правда, честно признался, что ничего из мной написанного не читал. Чмо, короче; пример того, как необратимо и стремительно портится даже более–менее приличный человек, не вор и не грабитель, попав в эту среду и не имея душевных сил идти против течения, поддаваясь всеобщему конформизму... Когда он, вслед за ними всеми, произнес, что,

мол, “мусора дают нам жить” (мол, на этой зоне еще очень хорошо, как постоянно твердит эта блатота, в сравнении с другими зонами) – мне не в 1–й уже раз вспомнился известный губермановский гаррик:

Закрыв глаза, прижавши уши,/Считая жизнь за подаяние,
Мы перерыв, когда не душат,/Смакуем, как благодеяние.

31.10.10. 22–56

Мрази, ублюдки, нечисть!.. Ненавижу!!! 2 дня опять не о чем было писать, и вот... Полез сейчас в баул – достать очередной блок сигарет (в пакете) из 4–х, привезенных матерью позавчера, шарю, шарю – мешка с сигаретами нет! Лежал на самом верху, а тут я все перерыл, обшарил руками – нету, как провалился!.. И из 3–х блоков в пачках, лежавших у меня с 2007, по–моему, года – один, в самом низу, под завалами другого барахла, остался, а 2–х других тоже нет!

Украли, суки, опять украли!!! Как уже воровали здесь не раз – колбасу, хлеб, те же сигареты, вещи (из каптерки 13–го в 2007–м)... Твари! То–то, я с удивлением заметил – но не помню точно, когда, кажись, утром сегодня – что продуктовый баул стоит под моей шконкой не так, как я всегда ставлю. Я запихиваю его туда фронтом вдоль шконки, а тут он вдруг стоит поперек, торцы выпирают из–под шконки. Но ручки были завязаны, как у меня всегда. А еще до этого, недавно, обнаружил вдруг, что пропали все спички – пара коробков лежала в ящике тумбочки, а еще штуки три – в кармашке старого “лепня”, висящего за торцом шконки. Ни там, ни там – ни одного коробка...

Воруют здесь, как правило, ближайшие соседи, знающие, где что лежит. Сильнейшее подозрение падает на этого сучонка из Питера, живущего надо мной. Когда я сплю, баул из–под шконки, придавленный моим весом, да еще цепляющийся за крючки, не вытащит сам черт. А вот когда я ухожу в столовку – сучонок остается в бараке: подметает и моет, а в столовку идет уже после возвращения барака. В принципе, соседи–стремщики, те еще отморозки, тоже остаются и тоже могли бы украсть; но они отгорожены от меня “шкеркой” на их шконаре и не видят так подробно, что я где держу. А питерский сучонок, тихоня, к тому же, по слухам, был спрятан на 8–м бараке после того, как попался на воровстве (“крысятничестве”) на 1–м...

В общем–то, настоящей трагедией это станет для сигаретчика, для меня это не столь большая потеря. Ничего из жратвы эта мерзкая “крыса” не взяла...

НОЯБРЬ 2010

1.11.10. 17–19

События сегодняшнего безумного дня. Первое – баня (понедельник). Долго ждал “лейку”, весь взмокнув от пота, долго вытирался и никак не мог вытереться насухо, обсохнуть и в мучительной, битком набитой этой тесноте одеться. Но все же кое–как помылся, пошел в барак.

Где–то около 11–ти – паника: на “большом” 2 “мусора” и 2 в масках! На тот “продол”. Потом там же оказались Куртюков, Агроном и какие–то “девяточные” “мусора”. Вместе с “масками” они пошли по всем баракам того “продола”. По слухам, это было именно то, о чем я думал (с иронией) и чего боялся все эти годы в Буреполоме: комиссия, совмещенная со шмоном! :) Говорили, что они докапываются (на тех бараках) до всего, буквально до всего, и поэтому местная блатота требовала убрать **ВСЁ!** – хотя вначале речь шла только о телефонах.

Перед проверкой “комиссия” с “масками” ушла на “контрольную”. Я так и знал, и сумки мои так и стояли под шконкой; лишь сырые полотенца пришлось убрать с торца.

Тут оказалось, что я записан в список, кого вызывают в посылочную! Что за черт? Т.к. посылок мне явно никто не слал, я сразу подумал, что это что–то вроде ценного письма, м.б., и бандероли с книгами (хотя уже все знают, что их сюда не пропускают).

Пошел. Вызвали одним из первых; оказалось, это действительно бандероль с книгами – от Виктора Павленкова из США, того самого, что к д/р в конце августа прислал мне перевод песни “лесных братьев” с эстонского, и я потом отвечал ему, просил рассказать о себе. Он и прислал свои книги – как я успел разглядеть, как минимум на части из них красовалась его фамилия. Разумеется, книги мне не отдали, ссылаясь все на тот же нелепый и хамский запрет от апреля 2009, здесь же, над окошком, наклеенный. Я сказал, что на их незаконные действия напишу жалобу, и ушел.

К сожалению, в посылочной простоял я только до начала 2–го, а в ларек надо было лишь к 2–м часам. Пока ждал на бараке – явился тот выродок–узбек с 4–го, который и так уже с сентября должен мне 112 р., но не только не отдает, а пришел вчера клянчить еще – ему, видите ли, на “расчет” за проигрыш в нарды нужно 5 пачек сигарет. Именно по этому поводу я и полез вчера после отбоя в баул и обнаружил, что сигареты украдены. Узбек теперь клянчил, чтобы я купил ему их в ларьке – и сообщил, что

накануне нашел–таки 5 пачек на “расчет” – занял, по его описанию, вот у того самого сучонка, который спит надо мной. Тот дал ему – на мой уточняющий вопрос – сигареты россыпью, а не в пачках. Последние сомнения исчезли. А эта узбекская тварь, которой я лишь сказал вчера насчет ларька “посмотрим” и подчеркнул, что ничего не обещаю, – насела так неотступно и назойливо, как будто я именно обещал. На его счастье, выбитых денег мне хватило, и долг мне этой твари, таким образом, возрос до 200 р. Долг, который едва ли будет отдан...

Ну, и последняя, самая захватывающая серия – пока стояли в ларьке, там прошел слух, что “маски” пошли уже и на наш “продол”. Не теряя времени, я поспешил в барак. Сперва говорили, что с “масками” все те же, что ходили и утром; но потом выяснилось, что Агронома и Куртюкова вроде бы уже нет, а только “девяточные”, и что это уже не комиссия, а просто шмон.

Когда я пришел, они были на 12–м, а весь 12–й гулял во дворе. Я сперва подумал, что это они готовятся идти в столовку на обед – как раз в это время – и не придал значения. На 8–м в секциях было пусто и голо, насекомые еще не пришли с обеда, а убрано еще с утренней “комиссии” было все, что только можно убрать, начиная со “шкерок” и через проходняк от меня усердно опустошали тумбочку, набивая все, что “нельзя”, в баул, чтобы нести его в каптерку (как будто там не найдут!..).

Они были на 12–м долго – до 4–х примерно, даже дольше; часа полтора, в общем. Зато потом ушли, не пошли уже по остальным баракам. Огромный вздох облегчения! – но и дикие слухи, как по бараку, так и от зашедшего недавно сигаретчика. Отбирают все вольные вещи (ну ладно, свитер и спортивную куртку надеть на себя – пусть снимают), всё “неустановленного образца” – в том числе одеяла, и это притом, что с воли их сейчас не пропускают... Завтра, по словам сигаретчика, это должно продолжиться, – шмонать будут все бараки, хотя, м.б., какой–то и пропустят. На 3–м, говорят, забрали чайники, кастрюли и т.д. – чайник мой, открыто стоящий в тумбочке, под угрозой, но куда его прятать? – да и почему я должен прятать вещь, легально сюда пропущенную и не упоминающуюся в списке запрещенных?..

Да, и конец срока здесь не легче начала... Без чайника и теплого одеяла оставшиеся мне 139 дней могут показаться адом, какого не было еще до сих пор – хотя, конечно, на крайний случай можно укрываться телогрейкой. Я с ужасом и замиранием сердца жду следующего дня...

2.11.10. 8–20

И последний акт вчерашней драмы. Когда уже строились на вечернюю проверку – вдруг поднялась паника – промелькнули

“маски”. Я их не видел за головами впереди стоящих, но прошел слух, что они зашли к нам. Насекомые побежали обратно в барак – прятать все, уже вынутое было после ухода их днем с 12–го. Но оказалось, что к нам вошел лишь “мусор”, который считает проверку, а “маски”, и с ними то же дневное “девяточное” и пр. начальство – на 13–м.

Все были уже в бараке, когда, возвращаясь с 13–го, они зашли к нам – Агроном и какие–то незнакомые начальственные хари в фуражках, но без “масок”. Пройдя по обеим секциям, Агроном проревел, что до отбоя осталось 2 минуты (на самом деле 5), вышел со свитой в “фойе”, потусовался где–то там (устроив кому–то разгром и разнос, как обычно), после чего вошел к нам в секцию с криком: “Всё, проверяю отбой!!!”. Свет тут же вырубили, я лег, не раздеваясь и не доставая одеяла, на шконку, в ногах у меня сидел тот мелкий верхний сучонок из Питера, а на соседней шконке – еще один. Сучонка Агроном проходя мимо, треснул по голове какой–то трубкой, в темноте похожей на дубинку, но, судя по звуку, пустой внутри, и повторил приказ об отбое. Тот сказал, что не хватает мест; Агроном, ни на секунду не задумываясь, как обычно, выдал очередной идиотский совет: “Тогда ложись рядом с ним” (со мной, то бишь) – и стал стараться рассмотреть в темноте мое лицо. Немного еще поколобродил, вся кодла ушла – и свет, разумеется, тут же включили, “отбоя” как не бывало...

А когда еще выходили на ужин, “козел” сказал мне, что звонили и вызывали в спецчасть. Вызывали еще днем, заранее, но из–за всей паники со шмонами я не пошел; да и не было охоты стоять в очереди за бумажкой об очередном отказе в УДО. А тут – решил пойти вместо столовки туда. Прошел через калитку “1–го поста” – она была открыта, хотя магнитный замок с “домофоном” (переговорным устройством) уже накануне был на ней наварен. Получить бумажку заняло не больше минуты, т.к. очереди уже не было. Иду обратно – калитка уже закрыта! Вот тебе раз!.. Рядом никого из “мусоров”, и лишь из “домофона” тихо, как с другой планеты, доносится какое–то бормотанье. Шли другие зэки, нажали, сказали, куда идут – им открыли, и я тоже прошел. Во всяком случае, “домофон” явно без видеокамеры, как ходили слухи еще летом, и откуда открывается, непонятно, – с вахты или с “нулевого”. Стоять перед ним, за глаза, в дерьмовый этот динамик упрашивая, чтобы открыли калитку (в баню или в ларек, – больше мне туда незачем) будет еще одним моим унижением здесь...

После завтрака большинство насекомых в бараке, как обычно, завалилось спать. Но еще с подъема они носились, снова все прятали, таскали туда–сюда баулы, и слово “каптерка” висело в

воздухе, как обычно висят другие, куда более любимые ими слова – про чужую сексориентацию... Нервы у меня напряжены, натянуты до предела – хоть комиссия и прошла здесь, но шмон все равно возможен, и не столько страшен сам шмон, сколько – находиться в этой вот толпе трусливых, панически мечущихся тварей, которые и тебя непременно хотят подровнять под свой стандарт, заразить своей паникой; они все попрятали – так чтобы и ты тоже (хотя они потом половину спрятанного не находят), а то вдруг на них из–за тебя “заострят внимание” “мусора”...

А та злобная блатная мразь, которую я считаю здешним “домовым” (а там уж хрен ее знает, кто она!..), действительно ненавидит меня упорной, злобной, целенаправленной ненавистью – и это, м.б., даже хуже, чем шумно–взбалмошное обезьянье правление тогда, в 2008–09, на 13–м. Вчера, выходя вечером на улицу (перед проверкой они опять побежали туда “чифирить”), увидела, что я лежу на шконке – вернулась, уже на шаг миновав было меня – и пригрозила физической расправой, если я завтра “все не уберу”. Злобно так, и с сознанием полного своего “права” командовать и бить, пригрозила. Не знаю уж, наугад это было сказано, или уже донесли, что я не убираю сумки из–под шконки, – но эта сосредоточенная ее, твари, ненависть делает существование здесь и ежеминутное мое ожидание грядущих ужасов и несчастий еще более невыносимым. Сидеть и ждать – шмона, погрома, нашествия, ждать, что отберут все и оставят голым, босым, без одеяла, без чайника, околевать тут зимой, – что может быть унизительнее?.. Но это для мыслящего существа унизительно, а насекомым–то все равно, они не чувствуют. И что остается еще мыслящему существу, в этой ситуации полного бессилия, – кроме как скрупулезно фиксировать все факты, все эти творимые над ним унижения, – и чем унизительнее, тем скрупулезнее?..

3.11.10. 13–12

Ну что ж, вот он – отчет. :)) Хроника, так сказать. :) Комиссия с 2–мя “масками” – 2 раза на 10–й, – вчера сразу после обеда, в 14–45, и сегодня, с утра, в начале 11–го где–то. Вчера “маски” сразу же увели оттуда кого–то, – по словам (сегодня) сигаретчика, это был не кто иной, как “подложенец”, сука (жаль, не забили по дороге...). Сама комиссия тоже пробыла на 10–м меньше получаса – и ушла с “продола”. Сегодня же она проторчала там порядка часа, даже больше, м.б. ЧТО делала – еще не знаю.

Ну, а кроме этого, еще до комиссии, с утра сегодня – шмон на том “продоле”! Сперва 2 “мусора” зашли на этот – один во двор 4–го, другой в наш двор. Сразу стало ясно – и ЧТО готовится, и где. Точно – шмон–бригада минут через 5 на тот “продол” – и

сперва “пробили”, что шмон на 9–м. Но, выйдя вскоре на улицу (благо, поддел еще свитер, от шмона, – не так холодно, а в секции вообще жарко) – толпа зэков стояла и во дворе 6–го. Видимо, выгнали, а барак шмонают; вещей, баулов – специально посмотрел – в их дворе видно не было. Зато сновали по двору, шаря по углам и закоулкам, 2 “мусора”, а третьим – стоял и громогласно распоряжался Палыч, шмонных дел мастер...

Завтра “праздник”, но они могут и завтра, – четверг, их “законный” шмонный день. Комиссия, говорят, пробудет до субботы, 6 ноября. Сейчас на очереди – очередное время их активности: послеобеденное, 3 часа! Пойдут или не пойдут на “продол”, по которому уже шлялись сегодня утром?..

Вчера получил и письмо от этого Павленкова из США, где он подробно рассказывает о себе, своем детстве, родителях (отец 7 лет просидел по 70–й) и пр.

22–45

И последнее на сегодня. Без четверти 4, что ли – комиссия таки пошла... на 2–й! :) Огромный вздох облегчения. До ее появления, видя, что все тихо–спокойно, я уже сел “обедать” и успел съесть 2 бутерброда с плавленым сыром из трех. Срочно все убрал – газету, нож, хлеб, остатки сыра – а когда сказали, что на 2–й, решил все же доесть и 3–й бутерброд – наскоро, по–походному, не стеля даже газеты. :) Не пропадать же добру...

Сразу после ухода комиссии (со 2–го – в “варочную”, потом – “на контрольную”) дозвонилась мать – видимо, узбекский телефон далеко не убирается, всегда под рукой, – и первым делом сообщила, что сегодня умер Черномырдин. Ни малейшего сожаления по этому поводу, туда и дорога! Потом – что дозвонилась–таки и Нижегородский УФСИН, тамошнему заму “по правам человека”. :) Он аж орал на нее, когда она стала спрашивать, почему на “четверке” ОМОН, – мол, эта зона находится на особом счету, вот поэтому. А если что–нибудь заберут при шмоне – велел сразу писать ему заявление. (Из Москвы в Нижний – как? Телеграфом или по факсу?..)

Договорить нам не удалось – опять какие–то “мусора” поперлись на наш “продол”, пришлось прерваться (сидя в проходняке, соседнем с азиатом, я тут же отдал ему “трубу”). Точно так же, как накануне не поговорили толком и с Маней – она сперва дважды попадала на 2–ю лииню, пока я говорил с матерью, потом все же дозвонилась; не прошло, наверное, и минуты – прется отрядник! Она успела только сказать мне, что переехала–таки на другую квартиру и не получила пока моего письма, а я ей – что согласен с пресловутым заявлением Михилевича об ответственности “простых”, “мирных” москвичей

и пр. за геноцид в Чечне.

5.11.10. 8–47

Крупных событий никаких, мелких – только одно: этот тоже мелкий ублюдочный сучонок, спящий надо мной, продолжает воровать у меня лапшу б/п! Каждый день теперь пересчитываю пачки в пакете, стоящем в тумбочке; по вечерам, после отбоя, добавляю, чтобы было все время на 3 дня. Пакет стал хитроумно завязывать, да еще сверху обтягивать резинкой, чтобы контролировать попытки проникновения. И вот сегодня с утра – стал развязывать его, чтобы достать салфетки на завтрак – и одна из ручек пакета осталась у меня в руках! Сам пакет был завязан, резинка на месте – но я сразу почуял, что завязан он не так и не тем количеством узлов, как я оставлял с вечера. Лезу внутрь, считаю – точно: вместо 6 пачек лапши осталось 5!

Кроме этой мелкой сучки, больше взять некому. Именно она, из всех соседей, не спит по ночам, а пьет постоянно чаи, а то притащит откуда–то байзер и начинает жрать. А ЧТО ей жрать–то, если ничего своего у нее нет? Вот и таскает мою лапшу, тварь, – уже 2–й, не то даже 3–й раз...

Выбросил старые ботинки из–под шконки, другие засунул за шконку, а свои зимние самодельные “коты” (ту зиму носил, и скоро опять надевать), наоборот, из–за шконки вытащил под шконку, поближе. И – приготовил за шконкой, за изголовьем ее, побольше места, – лапшу опять придется держать там, как было на 11–м. Только на 11–м я ее там держал на случай, если продуктовый баул уволокут в каптерку, а тут – хотя бы половину всего запаса – чтобы не воровала эта тварь.

Если честно, я бы ее запорол за эту вот мелочь – за кражу у меня лапши, а до этого сигарет, – запорол бы насмерть, кнутом или плетью, порол бы, пока не сдохнет (а тварь мелкая, хлипкая, ей много и не надо). Этим русским свиньям, умеющим только пить да воровать, необходимо привить наконец уважение к собственности, – привить любым путем и любой ценой, не останавливаясь ни перед чем. Без этого, без возможности держать здесь собственность, не разворовываемую каждый день этим пьяным сбродом – никто тут ничего не сделает, на этой земле, будь то нынешняя или даже бывшая уже Россия, – никто, ни свои либеральные революционеры, ни даже контингент НАТО, хоть на 100 лет тут его поставь. За мелкие кражи (которые левые так любят оправдывать голодом и нуждой, хотя на самом деле реальная причина обычно – пьянство и иждивенчество) должна быть самая беспощадная расправа – плетью, а чем еще? Лагеря ликвидировать, конечно, к черту, – для них это как университеты, вместо “исправления” – рассадники воровской заразы. За

материальный ущерб в любом случае – хоть мелкий, хоть крупный – все до копейки взыскивать с нанесшего ущерб, пусть хоть голым останется, – но в том–то и беда, что с них обычно много не возьмешь. Ну, и за имущественные преступления с крупным ущербом, кроме того (после наказания телесного, м.б.) – тюремное заключение. Одиночное! В строжайшей, жесточайшей изоляции, без всяких перекрикиваний и “дорог” через окна, как у уголовников сейчас. Да и без окон вообще, – умнее всего строить эти тюрьмы под землей, с толстыми стенами, исключающими перестукивание, и санузел продумать так, чтобы он тоже не позволял общаться. За большую квартирную кражу, ограбление магазина и т.д. эти твари должны сидеть там взаперти, в полной изоляции, без прогулок, без телевизора, без книг и т.п. – год, не меньше, хотя в более мягких случаях можно исчислять наказание и месяцами. Так, чтобы это было действительно НАКАЗАНИЕ, чтобы ужас охватывал потом при одном воспоминании – если за год не сойдут с ума... Чтобы неповадно было впредь тянуть свои мерзкие ручонки к чужому добру. Но – для этого нужно совсем другое государство, не нынешнее...

Комиссия вчера в 12, перед самой проверкой, поперлась в столовку. Больше никуда не ходила, шмонов тоже не было. Сегодня вроде бы тоже “праздничный” день, зарядки не было, как и вчера. Четверг, пятница (сегодня), суббота, – боюсь, не сделали ли они (на воле) рабочим воскресенье, не придется ли тащиться на зарядку.

Кончается 20–я неделя до конца, отмеченная шмонами и комиссией с “девятки”. Мне осталось до дома 135 дней...

6.11.10. 8–54

Главное событие вчерашнего дня – прихожу с обеда (пока никого еще нет) и вижу: этот мелкий верхний ублюдок из Питера стоит в моем проходняке обеими ногами на 2–х нижних шконках и будто бы заправляет свою, верхнюю. Но на самом деле он не заправляет, а роется в лежащем там у него... моем пакете с лекарствами, который я еще издали заметил и тут же узнал. Снимая “телагу”, мельком, пригнувшись, глянул на изголовье своей шконки, где этот пакет висел, – точно: пакета нет! А этот сучонок, как увидел, что я подхожу, быстренько накрыл его у себя на матрасе чем–то – простыней или одеялом – но я все равно уже заметил.

Можно было, конечно, схватить его за руку, поднять шум, устроить скандал. Почему я не стал этого делать? (Разделся, как будто ничего не замечая, вышел из секции – и он, разумеется, тут же повесил пакет на место.) В этот момент в секции не было почти никого – только стремщики в соседнем проходняке.

Стремщики эти – такая же малолетняя шпана, отребье, биомасса, и наивно думать, что они всерьез поддержали бы меня. В конце концов, этот мелкий сучонок им свой – такой же уголовник, такое же примитивное, бессмысленное быдло, как и они – а я нет. Можно было бы, как вернутся с обеда, призвать в судьи по этому вопросу более старших (полу)блатных – здесь, в этой секции, это в основном узбеки, – и я даже думал отдельно, наедине поговорить об этом с тверским "узбеком", знакомым "телефониста", дающим мне сейчас телефон, – но в конце концов отказался от этой мысли. Тверской живет здесь не сам по себе, а в компании со всеми этими узбеками (и говорит с ними по–узбекски, хотя сам не узбек). А те любят этого сучонка надо мной, дружат с ним, опекают, приносят ему по утрам телефон в постель и рулеты–конфеты из ларька, когда у них есть там деньги. Хотя ясно, что, конечно, не даром они все это делают, что–то они выдаивают из него, видимо, на воле, раз так опекают здесь. Но – тем более тогда не согласятся они признать его виноватым против меня, на которого главный здесь блатной азиат уже смотрит косо, не здоровается, как первое время, телефон дает еле–еле (только когда звонят мне) – после того, как я перестал его кормить, давать ему не только сладкое, но и вообще жратву (колбасу, паштеты, консервы), как он явно рассчитывал. Ясно, что ничего мое обращение к ним и призывы к справедливости не дали бы, – ну, пожурили бы его немного за то, что залез в мой пакет с лекарствами, но ведь он ничего там не успел взять (я потом проверил), а как он крал сигареты и лапшу – я ведь не видел, свидетелей нет, доказать его вину мне не удалось бы, даже вопреки очевидности (вещи пропадают, а тут пойман на месте преступления воришка, без спросу залезший в мой пакет). И уж тем более – даже признай они, что курево спер он – мне никак не удалось бы получить с него назад это курево, либо деньги за него (1050 р. как–никак по нынешним ценам!), т.к. у него нет ничего, ему рулеты приносят эти же узбеки, посылок или передач он при мне не получал ни разу, в ларьке я его тоже ни разу не видел. Хоть бей его, хоть убей – он не вернет, ибо возвращать ему нечем, а без этого – какой смысл весь огород городить? (Яркий пример – бывший дружок сигаретчика, шнырь, который так и не вернул мне никакие 1500 р. из августовских 3000 ларьком, несмотря на жесткий, при мне данный блатным с 10–го приказ – вернуть до конца октября. И – никто его за это не бил, ходит себе спокойно, каждый день его вижу. А сигаретчик – как не стало у меня для него сигарет – не заходит вот уже 4–й день, а когда были – являлся в день по 2 раза. Дерьмо...) Только чтобы его убрали из проходняка и он перестал у меня воровать? Но и это не факт:

могли ограничиться тем, что заставили бы его пообещать больше ничего у меня не брать (ха–ха!... :))), да и он, оставаясь один (ради уборки секции), когда все в столовке, мог бы все равно заходить в мой проходняк и воровать, куда его ни посели.

Ну, а о том, чтобы обращаться на эту тему к блатным из той секции, рулящим всем бараком, а меня ненавидящим, не могло быть и речи. Это обернулось бы против меня с первого же слова, точнее даже – с моего появления в их секции, куда, впрочем, вход мне теперь де–факто запрещен. :))

Вот так и получилось, что ко всей тоске, ко всем унижениям, ко всей окружающей мерзости этого досиживания, этих последних месяцев срока прибавилась теперь еще необходимость зорко стеречь свои вещи от этой твари, прятать, пересчитывать все время лапшу, туго завязывать пакеты (хотя что в этом толку!..), следить за всем своим добром и днем, и ночью – и круглосуточно, день за днем, видеть перед собой эту омерзительную мне теперь харю (а с виду – чуть ли не ангелочек!..), смотреть на нее с ненавистью, а возвращаясь из столовки – каждый раз думать: успела она что–нибудь украсть, или не успела... И сделать ничего нельзя, увы. Такова здесь моя жизнь...

Комиссия сделала вчера последний, надеюсь, безумный рывок: когда с дневной проверки, где–то в 12–25, заходили уже в барак – кто–то вдруг крикнул, что комиссия и двое в масках на “продоле”! Забегали, засуетились, поднялась всегдашняя паника... Комиссия прошла мимо нас, постояла у 13–го меньше минуты – и, не заходя, ушла на тот “продол”, а минут через 20–30 оттуда – на “контрольную”. Сегодня она вроде бы должна наконец уехать. Я жду этого не дождусь – но все равно, останутся свои, “местные” шмоны каждую среду и четверг. А мне остается здесь все меньше и меньше – всего каких–то 134 дня. Не могу дождаться конца!..

7.11.10 8–38

Воскресенье. Такая ненависть клокочет в груди, так тошно и мерзко на душе, так сжимают горло эти спазмы ненависти и отвращения, – я не могу передать этого словами. Ненависть и омерзение к ним ко всем, ко всей этой их жизни, к их рабским, трусливым душонкам, ко всей этой злобной, бессмысленной, трусливой и наглой биомассе душат меня. За то, как они живут, какими стереотипами руководствуются, за их рабство, лень, трусость, отношение к меньшинствам и т.д. – вся эта зоновская гопота, да и вся населяющая эту страну нечисть, по совести, подлежат беспощадному истреблению...

Вчера днем явился–таки сигаретчик и первым сообщил главную новость: уже в понедельник–вторник ожидается приезд

новой комиссии! До сих пор (утро воскресенья) еще неизвестно доподлинно, уехала ли та, “девяточная”, но уже со вчера бродят слухи про грядущую – еще более важную и страшную. Опять, значит, обнаружение моих сумок под шконкой (а м.б., даже и книг под матрасом) будет грозить мне злобной, истошной руганью, криком, визгом, потоком хамских угроз, а м.б., и в самом деле избиением...

Собирая вчера перед сном пакет с едой на следующие дни, наконец я обратил внимание, что теперь – без лапши и шоколада – пакет стал каким–то уж подозрительно, уж слишком легким и пустым. Вспомнил вдруг – как осенило! – полез проверять – и точно: паштета нет!!! Эта мелкая мразь, крыса, выходит, покрала у меня не только брикеты лапши, но и 2, по–моему, банки чешского паштета, – одну большую, привезенную матерью на последнюю свиданку, и одну маленькую, оставшуюся еще с прошлого раза. Насчет маленькой не совсем уверен, но большая была точно; я не съел их вовремя только потому, что нет нормального хлеба, а ни с вольным, ни с кислой столовской “чернягой” он у меня не идет, ларек же – раз в неделю, и хлеба там запросто может не быть. И вот – хорошая вещь досталась этой твари, мрази, говорящему куску дерьма, – лучше бы я обе банки открыл и скормил кошкам, если б знать!.. Набрав банок в пакет, я вынужден был на ночь спрятать его под свою шконку, со стороны “петушатника” – там эта мразь не достанет, со стороны проходняка путь закрывает мой продуктовый баул, да и не знает она про это, не видела. Теперь, видимо, придется постоянно, до самого ухода этой мрази в феврале, на ночь так и прятать жратву...

Ночь тоже устроили веселую. Еще с вечера целая толпа мерзких гопников, откровенных ублюдков–недочеловеков, собралась в соседнем “стремном” проходняке, даже, по–моему, с других бараков. Весь вечер они возились, бесились и дрались, то и дело валясь со шконки в мой проходняк и довольно ощутимо задевая меня. Но говорить что–либо этой биомассе бесполезно, кроме хамства, ничего в ответ не услышишь, поэтому я молчал. И так уже целую неделю, с понедельничного шмона на 12–м, я мучаюсь, – эти твари убрали на все время “комиссии” “шкерку”, наглухо отгораживавшую их раньше от меня, и лишь в изголовье хозяин шконки повесил полотенце – примерно четверть той ширины, которую надо завесить; так что теперь я страдаю вдвойне – не только слушаю их поневоле, но и вынужден лицезреть их дегенеративные хари. А этой ночью... Вдруг неожиданно рано вырубили свет после отбоя – и почти тотчас же один из этих ублюдков притащил и включил какой–то

светильник, типа настенного бра (в проходняке у них, естественно, имеется нелегальная розетка, чтобы заряжать телефоны – вот в нее и воткнул). Стало светлее, чем бывает, когда над этим концом секции выкручивают лампу – хотя остальные еще горят, но по уровню освещенности можно уже ложиться спать. А тут вдруг – вместо желанной и неожиданно сбывшейся вдруг полной темноты – такой сюрприз!.. И даже не завешено ничем, кроме куцего полотенца, – "обиженные" рядом со мной тоже раньше жгли по ночам лампу, но они хоть отгорожены от меня одеялом, да еще завешено все у них там, внутри... И радостно стали говорить, что вот, мол, так гораздо лучше, чем сидеть в полной темноте. Вам, суки, лучше, а на всех, кому вы мешаете спать, вам плевать!.. Весь этот конец секции был ярко освещен, в т.ч. противоположная сторона, под окнами, но и там никто не возмутился, не потребовал выключить или хотя бы завесить. Когда пошел обход – они сразу погасили (впрочем, к нам "мусора" и не зашли, – только 12–й и сразу за ним 10–й), а потом – включили опять. Поспать в эту ночь, правда, сколько–то удалось, хотя раза 3 я просыпался; но в любом случае, при свете и под их (даже ночью) гомон и толчею под боком, в соседнем проходняке, на расстоянии вытянутой руки, – нормальным и полноценным этот сон считать, конечно, нельзя. Если будут включать каждую ночь – все ночи превратятся в один сплошной кошмар...

А "обиженный" ублюдок на этом бараке, которому я отдаю здесь стирать свои вещи, оказался такой же мразью, как и все его коллеги на других бараках. Он "поднимался" при мне на 13–й летом 2008–го, был первое время шнырем тогдашнего завхоза – и я, помню, писал в дневнике, как жестоко его избили тогда в раздевалке 13–го, узнав случайно от кого–то, что он "обиженный". Навострился здесь за 2 с лишним года... Постирал еще в понедельник, после бани, вещи, повесил на улицу. Но ведь ясно, что в ноябре, да еще под частыми дождями, на улице они не высохнут. Я сказал ему дня через 2: занеси в барак, повесь где–нибудь внутри. Он обещал, а потом, к вечеру, сказал, что повесил в раздевалке. И вот вчера днем, когда что–то, навешанное поверх, убрали, я вдруг вижу на веревке во дворе знакомые прищепки. Подхожу – мои вещи висят как висели, уже все заиндевевшие, покрытые шедшим вчера днем снегом. Пошел спросить у этой твари – в ответ она начала столь же глупо, сколь и нагло врать: мол, я вешал в раздевалку, а кто опять повесил на улицу – не знаю... (Ага, на то же самое, в точности, место!..) По идее, завтра уже баня, вещи должны быть готовы, чтобы их надеть – но у этой мрази они так и висят во дворе, засыпанные снегом, и никакой

перспективы их оттуда перемещения и высыхания пока не видно...

А магнитная теперь калитка бывшего “1–го поста” действует, собирает теперь по обе свои стороны толпы круглосуточно. Открывается она все же с “нулевого”, как я и предполагал. Насекомые подходят, нажимают кнопочку, что–то говорят в “домофон” – и, скапливаясь все большей толпой, долго, безнадежно ждут, когда им откроют. Завтра мне надо будет пройти через эту калитку за полдня дважды: в баню, а потом в ларек, и предвкушение этого мерзкого, унизительного стояния перед закрытой калиткой буквально переворачивает мне всю душу...

16–00

Все оказалось проще и неожиданней. Почти сразу после проверки блатной малолетка из той секции объявил, что комиссия, оказывается, приехала еще вчера (!) и сейчас – 2 полковника (на деле оказавшихся подполковниками) и двое в масках – смотрят баню, – мол, “уберите все лишнее”, как всегда.

Потащили опять сумки в каптерку – и наконец–то сняли картину со стены напротив меня! :) С тяжелым сердцем пошел я в столовку на обед: и блатная верхушка, и мелкий сучонок–уборщик остаются здесь, без меня, – мало ли что может случиться с вещами, продуктами, сумками...

Когда я увидел, что у ворот столовки столпотворение – 2 “мусора”, плюс отрядник 6–го, плюс двое “масок”, но маски у них были задраны, лица открыты, – хотел было (как уже не раз) повернуть назад, не ходить в эту западню. Первый порыв всегда правильный, в этом я убеждался не раз, но – может завизжать при виде такого демарша какая–нибудь полублатная сволочь, и я, скрепя сердце, пошел.

Пока гулял там, ожидая возможности уйти – из столовки вдруг вышли трое (кажись, – уже не помню точно) тех же “масок” с открытыми лицами и 2 “мусора” в форме, незнакомых. Я так и понял: вот она, “комиссия”!! :))) Один из “масок” нес свернутый чей–то матрас с вольным одеялом, простыней и т.д. – чью–то постель, короче. Ну да, вспомнил я, ведь по их “ПВР” запрещено устраивать себе спальные места на работе и вообще не в жилом бараке, – вот и забрали...

За воротами столовки постель отдали кому–то из зэков и тот понес ее в сторону вахты, а вся группа пошла в сторону бараков. Как раз стал строиться 9–й отряд, и я встал сзади, мечтая поскорее уйти. Но “мусор”, дотошно подравнивавший строй, спросил–таки меня: что, ты тоже с 9–м? Я в ответ сказал, что могу ходить и один (имея в виду разрешение Демина), он разрешил – и я вышел вперед 9–го.

Зашел в барак почти сразу после этих “мусоров”! – и увидел, как в моей секции, прямо в начале, около меня, все трое “масок” в зеленом камуфляже и синяя куртка подполковника – стоят кого–то о чем–то спрашивают, осматривают, распекают, – издали, подходя к секции, я еще не мог понять. Но когда я туда вошел – подполковник почти тотчас из нее испарился, а потом и “маски”.

Как выяснилось из разговоров, он выяснял, почему столько “ночных”, кто спит или вообще в бараке, когда все на обеде. Я сел, а синий камуфляж подполковника в это время уже мелькал в щели приоткрытой двери “культяшки” – похоже, они ходили, смотрели или рылись там. От проходящих мимо узналось, что они лазят в основном по “культяшке” и “приемке”; пару раз один из “мусоров” выходил в секцию, проходил туда–сюда, делая разные замечания уже пришедшим с обеда зэкам – типа, почему не встают его приветствовать, почему один небрит; азеру, не только вставшему для приветствия, но и надевшему на голову “феску” – посоветовал заодно и снять полотенце (висящее над его изголовьем в торце шконки, натянутое, чтобы загородить свет из окна) – если сухое, а если мокрое, то пусть висит, сушится. Сказал даже (тварь!), что по “ПВР”, если он их правильно помнит, на шконках нельзя сидеть – а на чем, спрашивается? Но в целом настроен он был не злобно, а этак иронически, с ехидцей, с юморком – и я, думаю, вполне смог бы ответить ему на любые придирки, ссылаясь на их же “ПВР”, – да вот беда, мне он не сказал ни слова! :)) Сумки мои, так и не убранные, стоящие под шконкой, естественно, не заметил, – а если б даже и заметил, ЧТО он мог бы сказать против них? Только – как “Макар” – что пол мести мешают...

Продолжалась это довольно долго, я уже стал уставать от этого напряжения. Наконец, один вышел из барака, а другой, выходя, потребовал ключ и полез в этакую тоже “каптерку” возле выхода, где хранится всякое хозяйственно–техническое барахло, какие–то коробки, большие телеантенны и т.д. Он рылся там, грохотал чем–то, потом слышен был звук, как будто сгребают осколки разбитой посуды, – в общем, отвел душу, глубоко засунув свой нос в обычный хозяйственный чулан. Наконец, ушел и этот – пошли сперва на 2–й, а потом, через полчаса примерно (у нас рылись дольше, по–моему) – на “контрольную”.

В общем, и на этот раз обошлось (для меня) без потерь. Сопутствие “масок” не оставляет особых надежд отстоять ни одеяло, ни чайник, если что... Хотя, повторюсь, когда один из подполковников лазил по секции в одиночку, да еще и иронически, юмористически настроенный – поговорить с ним я бы мог. Не пришлось!.. :)

23–08

И вот – еще сведения, самые уж последние, от зашедшего после проверки сигаретчика. По его словам, сегодняшние двое были: один из них – новый зам. по БиОР (!!), с “девятки”, а второй – из той, последней “девяточной” комиссии. А на начинающейся завтра неделе ожидается все равно еще какая–то комиссия!.. :))

8.11.10. 10–05

Понедельник. Шмона нет (?). Два дня, значит, подарено – до среды...

Баня прошла на этот раз уже лучше. Духотища такая же, но “лейку” я ждал не так долго (одна уже 2–ю неделю не работает), народу в раздевалке было поменьше. Когда я пришел, некоторые уже вымылись и одевались; мне самому удалось одеться более–менее без давки и тесноты, спокойно сев на лавку (и даже не возле выхода... :).

В калитку “1–го поста” тоже, на удивление, пропустили сразу – туда одного, а обратно – с какими–то двумя.

Я стал убирать на ночь под шконку пакет с консервами (больше там почти ничего нет, разве что пачка чая в пакетах), но сегодня ночью мелкий сучонок украл из моей тумбочки шоколадку, одну из трех, которые я держал вне пакета (в нем они крошатся и ломаются об банки)!..

9.11.10. 9–33

Противно, омерзительно писать, – как будто весь смысл моего здесь существования свелся теперь (и как быстро!..) к борьбе с этой гнусной тварью, с этой “крысой”, живущей надо мной. Хотя, конечно, своего рода азарт в этом есть. Жаль только, что нельзя забить ее собственноручно, даже поймав на месте... Ничего ценного этой твари украсть уже не удается, – блатные, видимо, определили ей ходить в столовку с бараком, а убираться после прихода – и днем уже не поворуешь. Остается только ночь, и на ночь я теперь всё убираю, и баул мой из–под шконки не достать. Так эта мразь украла сегодня ночью единственное, что еще оставалось ценного в тумбочке: несколько пакетиков чая (штук 7 где–то) и сукразит – довольно много, в “грибке” его осталось на донце. Просыпаюсь – сидит рядом, на соседней шконке в темноте (еще 4–х утра не было), попивает чай. Ушло, лезу проверить в тумбочку, – ага, миска с кружкой, пачкой чая, сукразитным “грибком” и т.д. стоит не так, как я ставил, с вечера я специально заметил... Потом – взял ее записную книжку с тумбочки, чтобы подстелить газету и готовить завтрак – а из книжки сыпется сукразит... А потом эта тварь МОИМ чайным пакетиком еще и угощает соседа, – как будто я свой–то не узнаю... Что ж, сегодня ночью в тумбочке не будет уже ни чая, ни

сукразита. Вольный хлеб оно вроде не берет, это чмо, – хлеб такой здесь у меня одного, сразу видно. Надеюсь, клюкву (в 3 пакета замотанную) не полезет красть, – ее и так обычно не хватает…

Да, забыл еще – коробок спичек клал на днях в ящик тумбочки; шарю – уже нету! Но зато утром эта тварь кладет на тумбочку как СВОЙ – коробок, с обеих сторон накрест, жирно, ручкой перечеркнутый, как андреевский флаг. Сработало!!! – я специально перечеркнул его, кладя в ящик, чтобы посмотреть, где окажется, когда пропадет оттуда. А ночью, в темноте, этих полосок ведь не видно… :) Короче, коробок я без всяких сантиментов забрал, как только эта тварь отошла.

Вчера была вроде уже зима, морозец, обледеневшие скользкие “продолы”, утоптанный снег… Сегодня – опять осень, все растаяло, слякоть, мокрая раскисшая глина, сырость и мелкий дождик. Вместо зимних прошлогодних “котов” (из “прощаек”) пришлось опять надеть осенние ботинки.

19–30

Истомился, измучился, измаялся, не могу уже больше… Все это тянется медленно, нудно, невыносимо, бесконечно. Невыносимая эта, однообразная, ничтожная барачная жизнь, как в муравейнике – среди подонков и их забот, абсолютно чуждых тебе. Устал, вымотался… Господи, когда же все это кончится?.. 131 день…

10.11.10. 12–40

Среда. Шмона не было и сегодня, хотя все уверенно ожидали. Еще как выходили на завтрак, мелкая блатная шелупонь (получившая когда–то от меня ногой :) стала сообщать всем, что, мол, у столовой “мусора” – у кого поднят воротник или руки в карманах, сразу тащат на вахту. Проходивший тут мимо доходяга–диабетик, на 11–м спавший возле меня (сейчас он на 10–м) подтвердил, что у столовки творится нечто необычное.

Пришли – их там целая толпа. Какой–то здоровенный, незнакомый (не зам. по БиОР ли новый? Хотя вроде на того подполковника не похож и ростом выше) за старшего, командует. Еще один какой–то, потом еще отрядник 3–го – ну, и трое “масок” без масок, в зеленом камуфле.

Стали, конечно, выстраивать по трое, проходить весь строй, подравнивать конец (где обычно я); один из “масок” скомандовал всем опустить воротники. Одного, у которого был поднят (местный стремщик, непонятно за что меня ненавидящий), выдернули из строя и закинули в приличную уже толпу стоявших поодаль “нарушителей”. Но ни он, ни кто другой, разумеется, не подумал даже спросить, на каком основании он требует опустить

воротники, если нигде в их же “правилах” об этом нет ни слова. Рабы... Люди, человеческое достоинство которых не унижает подобное обращение, не имеют его вовсе – и людьми называться не могут.

Стоя во дворе столовки, я смотрел продолжение этого фарса, – как они запускали другие отряды. Все проходящие на входе в ворота внимательно осматривались, регулярно кто–то выдергивался из строя. Под конец из какого–то (7–го?) барака старший надергал несколько человек – оказалось, пор признаку шарфов! До сих пор тут такого не было – он заставил их всех снять с шей шарфы, у всех эти шарфы были цветные, не черные – и только тогда пустил в столовку. До моего черного шарфа, да и других он не докопался, – черные, видимо, пока можно...

А стремщик, уведенный и впрямь на вахту (вместе с другими там стоявшими, видимо), вернулся с нее в барак только около 11 утра.

11.11.10. 14–47

С утра – “флюшка”, еще загодя, еще с той недели объявленная отрядником. Официально ее начинали аж с 8 утра! – но там, в больнице, в это время еще не бывает никого, кроме дрыхнущих санитаров. На новеньком зато оборудовании, подключенном к компьютеру! – и имена и отчества зэков сидевший за ним врач выбирал мышкой из огромных списков. Я пошел только в 10, когда уже начали прибегать и разыскивать последних, кто еще не ходил. Дело было не только в том, что в 8 утра ходить – безумие, стоять со всей толпой на улице, а в 9 – с той же толпой стоять внутри, в предбаннике, перед решетчатой дверью, охраняемой санитарами. Дело было еще и в том, что – четверг, и мог быть шмон, но, слава богу, обошлось. И даже никаких “режимных” эксцессов, типа вчерашних “воротников” у столовки, сегодня не было.

Зато перед самой утренней проверкой – вдруг 4 “мусора” на наш “продол”! Затем – еще чище: “с ними, по ходу, прокурор!” (цитирую стремщиков). Овсов, старый дурак, которого ногами в морду и кулаками – учить! это тебе не бумажки писать, старый дебил! – таскается опять зачем–то по баракам, – никак не могу понять, зачем. 12–й. 5–й, затем зашли к нам – новый, по–моему, зам. по БиОР, отрядник 5–го, еще кто–то – и Овсов. Отрядник 8–го вышел к ним в “обувничку” и стал там ему докладывать, сколько в отряде народу и т.д. А время уже – самая проверка, надо выходить, строиться, хотя отрядник занят с ЭТИМИ в бараке, а считать будет, несомненно, он. Я промедлил с выходом – и в результате пришлось стать в 1–й ряд, что со мной происходит, по–моему, всего 2–й раз за все годы здесь. Но все опять обошлось

– моих сумок под шконкой так никто и не заметил. :)

Ублюдочный сучонок–воришка вчера, когда я беспечно вышел раньше его на ужин, умудрился–таки спереть у меня из тумбочки шоколадку – когда уже все вышли; он всегда долго собирается, возится, тянет до последнего. А потом пошел на ужин и сам. Но он не только уходит – он и приходит позже меня. :) Я–то пришел, когда еще никого не было (повезло быстро выбраться из мышеловки столовского двора), тут же обнаружил пропажу – и движимый каким–то взрывом чутья и сообразительности, внезапным обострением всех способностей – понял, где он только и мог ее спрятать (на ночь), полез в его пакет, валяющийся под моей же шконкой , и – точно! – достал ее оттуда и положил на прежнее место. Представляю, как была изумлена и разочарована эта тварь ночью, когда полезла в свой пакет... :) А вообще – она законно и вполне гласно имеет здесь репутацию “крысы” и регулярные синяки под глазами – воровала не только у меня, но и у кого–то еще, за что была бита блатными, и отношение их соответствующее (очень злобное). А сегодня, придя на “флюшку” в начале 11–го, я увидел такую картину: никого из барака уже нет, и лишь этот крысеныш задумчиво гуляет по коридору, читает плакаты на стенах. Именно гуляет, а не стоит у кабинета “флюшки”. И, когда я уже одевался – появился вдруг откуда–то (со 2–го этажа?) один из блатных “начальничков” 8–го, еще наиболее спокойный и не столь злобный, как другие, – что–то сказал “крысе”, и она тут же, вперед меня, пошла к выходу. Т.е., видимо, приказал ей, пока все не пройдут “флюшку”, торчать в больнице – чтобы не оставалась одна и не воровала в пустом бараке...

12.11.10. 9–53

Дневник мой становится однообразен... Мелкий ублюдок со 2–го яруса опять залезал ко мне в продуктовый баул – вчера вечером, видимо, или в обед – и украл последний блок сигарет с 2007 года, уже начатый – я отдал оттуда пачку “обиженному” за стирку, да еще одна выпала – и осталась валяться в бауле, а 8 пачек – украл... И шоколадка хорошая пропала из пакета там же, – теперь мне не хватит до свиданки, на 2 дня; хорошо, что есть еще другие шоколадки, которые я обычно не ем, и много их раздал этим мерзким блатным попрошайкам...

Вот так вот. Снявши голову, по волосам не плачут, конечно, – тут 5 лет жизни потеряно, и что уж после этого плакать над блоком сигарет, да даже и над 7–ю блоками (тем паче, я не курю)... Но все–таки этой гадине, этой гнусной, неисправимой твари я лично переломал бы все ноги, все ребра, своими руками забил бы, отрезал бы уши, выколол бы глаза, – пусть доживает,

как хочет... Очень, очень жаль, что нельзя – здесь на страже даже такой мрази (хорошо им самим известной как “крыса”) стоят всей кодлой такие же, только во много раз более злобные ублюдки, сидящие за точно такие же “подвиги” – воровство и грабеж...

14.11.10. 9–00

Проснулся сегодня в 15 минут 2–го ночи – и понял, что – всё, пропала ночь!!. Теперь не уснуть до утра, – хорошо еще, успел хоть 2 часа поспать... В соседнем проходняке, на стремщицкой шконке и с обеих ее сторон (т.е. в том числе и на моей шконке, в моем проходняке!) насекомые усаживались играть в карты...

Сперва были вроде бы в основном эти же стремщики, но потом из них остался только один, второй лег спать – и кодла почти вся оказалась составленной из жутких харь с того конца секции. В полпятого утра, проходя мимо, к игре присоединилась и косоглазая узбекская харя – главный (в этой секции) блатной азиат...

Мало того, что еще до начала игры у них в проходняке горела лампа, что мешает спать уже само по себе. Теперь же они гомонили и галдели вовсю, абсолютно не заботясь о ночном времени и сне окружающих, а после каждой партии, постоянно переругиваясь, выясняли, кто как сыграл, на сколько “попал”, сколько выиграл – и записывали в тетрадку. Писала харя настолько омерзительная, ущербная, откровенно уголовная и вызывающая у меня одним своим видом такое отвращение, что описать невозможно – и она же горланила больше и громче всех.

Еще в самом начале их игры какой–то хмырь, несмотря на мой протест, уселся на край моей шконки (я воспринимаю это как крайнее унижение, плевок в лицо – спишь ты, не спишь, нам все равно, мы и ночью плюхнемся на твою шконку и будем заниматься, чем нам надо... В ответ они обычно говорят, что шконка не твоя и вообще ничего твоего здесь нет.). Посидев немного, он с ворчанием о том, как неудобно ему сидеть, притащил табуретку, впёр в проходняк и уселся на нее. Но через некоторое время опять кто–то уселся на саму шконку в ногах, прижав мое одеяло. Лежа к ним спиной, я оглянулся – это был верхний мелкий сучонок–вор; он сам не играл (не на что!!! :), но все время норовил пристроиться наблюдать это зрелище, то стоя, то сидя. Он уходил, потом приходил и садился снова, а порой вместо него приходили и садились другие.

Забавно, что владелец шконки по ту сторону “казино”, на которой сидели узбек и др., проспал до 6 утра и обнаружил на своей шконке “толпу народу”, по его словам, только утром. Я же больше уже не сомкнул глаз, хотя в ожидании, что. м.б., вот–вот все же кончат и разойдутся, встал и оделся не в 5 утра, как

обычно, а в 5–30. (Воскресенье, зарядки не было, но свет включили на этот раз ровно в 6 утра. Кстати, не было в 5 и ритуального ежеутреннего упаковывания телефонов, относа их и прятания в каптерке, – этот ритуал совершается обычно как раз на этой шконке, на которой сегодня играли...)

Как назло, даже утренний обход не зашел на 8–й. Я лежал и думал, что, видимо, надо собираться на завтрак, а после него, придя и кое–как раздевшись и забравшись (через них!) на шконарь – лежать и тоскливо ждать, когда же они наконец закончат, уйдут – и можно будет позавтракать, попить чаю... (Приготовить до завтрака, естественно, они мне не дали.)

Однако, к моему удивлению, эти твари вдруг решили пойти на завтрак! Я обрадовался: остается только прийти назад раньше их, что нетрудно. Хотя бы спокойно раздеться и лечь...

Пошли. К счастью, ночной дождь прекратился. Я нервничал только, что сучонок, уже подметший и помывший пол, остался в бараке – воровать у меня; но, придя, его не застал, украдено, по–моему, тоже ничего не было.

У столовки – сюрприз! – стоял Агроном и пара каких–то “мусоров” с ним. Он прежде всего заорал, чтоб все опустили воротники – все покорно опустили; я, стоя сзади, и не подумал, – на улице дул сильный холодный ветер. Затем он с руганью и ворчанием, как обычно, стал выстраивать по трое, проходя до самого хвоста колонны. Увидя в конце ее меня, с поднятым воротником, да еще стоящего не в строю, а слегка поодаль – он не сказал мне ни слова! :)) Запустили внутрь, я походил туда–сюда по двору столовки и, пока он с такой же руганью строил подошедший за нами 9–й отряд – я вышел вон и пошел в барак. “Мусор”, стоящий у ворот, не сказал мне ни слова...

Пришел, приготовил себе завтрак, поел – игра, слава богу, не возобновлялась, зато в “стремном” проходняке только про нее теперь и были разговоры. Из этих разговоров следовало, между прочим, что игра таки продолжится, но вечером – и опять на всю ночь, это ясно! И, не дай бог, опять здесь же, около меня, – значит, спать не дадут и эту ночь!.. Будьте вы все прокляты, суки, мрази, выродки, Untermenschen! С какой бы охотой я лично пошел бы на вахту и рассказал там про ваше сегодняшнее паскудство и планы завтрашнего – если б только знал, что одних моих слов, без поимки вас с картами в руках, будет достаточно для 15 суток ШИЗО!..

Сижу, пишу. Сонный, усталый – не смертельно, конечно, но все же не спать ночь – это тяжело и сказывается теперь на самочувствии. Старею... А ведь еще переписывать... Слава богу, в секции стало посветлее, а то когда вся эта ночная шелупонь,

приходя с завтрака, вырубает свет и заваливается спать (после ночи за картами и пр.), – темнота такая, хоть глаз коли...

А с этим сучонком, укравшим сигареты, позавчера я обнаружил эту пропажу и написал о ней, – догадался: разум это или инстинкт, уж не знаю, – но только куда еще он может девать украденное??! С нескольких попыток, но все же нашел в раздевалке пакет этой твари – раньше лежал под моей шконкой, теперь висит под ее тележкой на крючке. Сигареты, 6 пачек из украденных 10–ти, были там – и я их забрал. Итак, справедливость опять восторжествовала!.. :)

19.11.10. 15–15

Все хорошо. :))) Игра в карты продолжалась вчера еще с раннего вечера – но, слава богу, не здесь, а в том конце секции, в более блатных проходняках. Так что эту ночь я спал вполне нормально. Более–менее нормально сходил и в баню – правда, ждать пришлось долгонько, т.к. уже штук 6 “леек” в этой бане, всего–то месяц примерно, как открытой, уже не работали. Но счастье – это одеваться, вымывшись, сидя, а не стоя, причем сидя не на куче чужих вещей, а на скамейке, не забитой наглухо этими вещами и пакетами, и не в такой толчее, как первые разы.

Понедельник. Шмона не было. На улице прохладно, ветер, но мороза и снега еще нет, остатки луж и грязь от дождей.

Из плохих новостей – в ларьке нет хлеба! Продавщица сказала, что сломалась пекарня и черный хлеб не пекут, – а про белый я даже и спрашивать не стал. Если на неделе не появится – к субботе кончится и вольный хлеб, и завтракать будет нечем.

Из хороших новостей – 2 дня подряд, вчера к вечеру и сегодня утром, приходила ко мне молоденькая кошка Рыська, приметной окраски – серая, а сквозь серое на спине пробивается рыжина, знакомая мне еще по 11–му бараку, по лету этого года. Считалась она там кошкой завхоза, он притаскивал ее в барак – а она опять уходила и носилась по всей зоне, где хотела, иногда возвращаясь домой. Сейчас завхоз этот – уже завхоз 2–го,а Рыська продолжает свои странствия – сперва просто на 8–й (где под столом “обиженных” в “фойе” на нее накинулся обычно смирный, тихий кот Васька, вцепился, видимо, в нее, – она страшно визжала), а потом и ко мне в проходняк. Видя, как она что–то вынюхивает на полу проходняка, я взял ее к себе, стал гладить, она разнежилась, разлеглась, замурчала; потом заснула на мне, а после – сойдя с меня, на шконке. Это же повторилось и сегодня, я увидел ее в проходняке – и она спала на шконке, дожидаясь меня из бани; потом я повозился с ней, она еще поспала – и ушла только перед самой проверкой.

Началась 18–я неделя до конца. Осталось мне 125 дней.

16.11.10. 8–39

Кошмар... Опять завертелась круговерть... Вчера, уже после отбоя – вдруг крики: приехал ОМОН, 2 “ПАЗика”, давайте (как всегда :) уберем “все лишнее”! В среду ОМОН еще был (“воротники” у столовки!), а вчера, в понедельник, утром сигаретчик на мой вопрос сказал, что вроде уехал. И вот – опять!... Недолго музыка играла...

Я перевесил “телагу” к изголовью, между моей шконкой и “обиженной”, туда же повесил и снятые на ночь штаны. Как оказалось, не зря. ОМОН никакой не появился, но в эту ночь дежурил “Макар” – и поперся с обходом. 12–й, 5–й, потом на 8–й – прошел, вопреки обыкновения, от входа через блатную секцию, потом через нашу – на выход. Светил крохотным синим фонариком, какие сейчас вставляют в зажигалки, – все равно ничего бы не увидел в темноте, даже если б загодя чего–нибудь не убрали. Сопровождал его “козел”. После нас он дальше по баракам не пошел, ушел с “продола”; а сегодня утром, на зарядке, как я и думал (опыт!), поперся опять – но уже на тот “продол”.

Главное расстройство дня – сучонок–воришка сверху опять украл 2 моих шоколадки из тумбочки! Только вчера днем, придя из ларька, я их достал из баула – 4 штуки, замотанные в большой пакет с ручками, тщательно завязанные – да еще поверх пакета надел сложенную вдвое резиночку, и засунул в большой пакет с продуктами, лежащий днем в тумбочке (на ночь – под шконарь!) и тоже тщательно перевязанный. Я сам–то, бывает, не могу его быстро развязать, но эта тварь развязала и завязала все как было, все пакеты – а 2 шоколадки исчезли! Думал, прикидывал – когда ж она могла это сделать?! Или ночью, достав через спящего меня пакет из–под шконки, с той стороны, – но это едва ли. Или же – во время вечерней проверки, когда что–то очень долго стояли все на улице и ждали, пока придет “мусор” и сосчитает – а эта мразь почему–то не выходит, отмечается на шконке. Другого времени все развязать и завязать у нее не было – я постоянно в проходняке. Так или иначе, а общий счет только украденных шоколадок составляет с начала ноября уже 4 штуки. Этой тощей, хилой, мелкой твари мне очень хочется переломать все ноги и все ребра...

У столовки вышла, ко всему прочему, неожиданная стычка. Увы, недолго побыла – и давно уже закончилась эта летняя вольница, когда у столовки – никого, ворота – нараспашку, ходи себе... Теперь они опять стоят там постоянно, целыми группами. Сегодня на завтраке было трое, командовал Вася–козел, отрядник (сейчас) 2–го, злобная, грубая мразь. Я хотел уйти пораньше, вслед за какими–то выходящими на работу, – он мне громогласно

заявил, что уж меня–то он точно не выпустит – пойдешь, мол, с отрядом. Я предъявил ему разрешение Демина – он прочел вслух, вернул мне и сказал: можете , мол, писать на меня жалобу, но я Вас не пущу, пойдете с отрядом; а Демин, мол, не имеет права подписывать такие бумаги, а только начальник колонии. Ясно было, что это не формальный “режим”, а открытая личная неприязнь: тут же, при мне, кому–то из своих он сказал, что, мол, я сижу здесь за то, что писал что–то нехорошее (он грубее выразился) про русский народ (сброд!). Прорываться я не стал, да и не прорваться было, хотя сразу после этого инцидента Вася–козел куда–то исчез, “отряда” я дожидался уже без него. Разумеется, я попрошу Глеба через мать, чтобы он написал жалобу – но даст ли это что–нибудь? Кроме очередного натравливания на меня “подложенца” и его ублюдков, конечно...

Тревожное ожидание комиссий (Мурзин – неизвестный мне, но уже в зубах навязший, говорят, приехал тоже вчера), шмонов (завтра – среда, “режимный день”), истерики по поводу каптерки и моих баулов... Впрочем, и под шконкой из них теперь воруют вовсю, и что делать, как бороться с этой новой бедой – я не знаю...

9–26

...Хотя, конечно, стрелять вас надо, суки, без всякой пощады, а не жалобы на вас писать! Очень жалею, что не успел, к слову не пришлось, сказать это и Васе–козлу, и другому, мелкому, молодому “мусору”, который все говорил мне ехидно, что вот, мол, теперь мы об этом (сегодняшнем) инциденте прочтем в интернете,..

Попробовал, как в те разы, найти, куда этот ублюдок спрятал украденные шоколадки (вряд ли ведь сожрал обе за ночь) – не нашел. И даже самого пакета его не нашел на прежнем месте, на вешалке. Навострился даже здесь, среди 160 человек зэков (насекомых, точнее) прятать, сучонок!..

17.11.10. 10–19

Среда. Шмона, похоже, опять нет. :)) Зато есть другая главная новость зоны – со вчерашнего вечера. То–то вчера “Макар” в 4 или в 5 вечера (не помню точно) поперся на тот “продол”, а потом оказалось, что с ним там и новый зам. по БиОР, и Демин, – не уточнялось, какой, но, скорее всего, начальник санчасти, – и все они долго торчали на 9–м. Так долго, что я уже был почти уверен, что к нам они не пойдут – и точно, с 9–го все они ушли на вахту. Потом мелькнул какой–то смутный слух в проходняке стремщиков, а сегодня сперва сигаретчик, потом Палыч – возле столовой во время завтрака – рассказали подробности.

Оказалось, вчера повесился какой–то “обиженный” с 9–го

барака. Повесился где–то за карантином – самое глухое место на зоне, между карантином и “кечью”, ни особого освещения, ни множества посторонних глаз там нет – и говорили даже, что прямо на заборе карантина (технически это вполне возможно). Палыч сообщил, что причина самоубийства – несогласие с приговором, т.е., видимо, парень недавно приехал и срок был немаленький. По словам Палыча, один раз он уже пытался повеситься в карантине, но его сняли, а теперь это происшествие создаст, тоже по словам Палыча, “проблемы для всей зоны”, и уже сегодня, якобы, кто–то должен приехать по этому поводу.

Так или иначе, пока все тихо, все спят. Один из блатных “командиров” почти сразу после завтрака потребовал у моего соседа в “стремном” проходняке достать его “трубу” – т.е., видимо, знали заранее, что шмона не будет. “Масок”, если они здесь, тоже пока не видно и не слышно о них.

Сигаретчик с утра порадовал – он достал наконец какую–то “трубу”, но сломанную – у “раскладушки” оторвана крышка и приклеена скотчем; однако телефон работает. Платить за нее – 1000 р., как и за ту, что ему уже давным–давно обещали продать на 2–м бараке, причем не сломанную, но там она постоянно убрана, закопана в землю и т.д. связи с бесконечными комиссиями, “масками”, шмонами и пр. Сигаретчик забежал, когда я кипятил чай к завтраку, вытряс–таки с меня пачку сигарет (из последних запасов, отнятых назад у “крысы”), показал мне это чудо техники – и пошел к известному всей зоне специалисту по их ремонту, здоровенному, тупого вида узбеку (кто бы мог подумать!..) разговаривать о ее ремонте. Звонить с нее прямо сейчас же я не стал – все ждал, сейчас явится шмон–бригада...

В проходняк без места (!) подселили из той секции 18–летнего цыганенка, недавно приехавшего, но сидит уже 2–й раз, а вся родня – отец, дядья – по многу раз уже на особом режиме, в Соликамске. Цыганенка погнали из той секции вчера вечером – по его словам, за то, что в ларьке он у какого–то “обиженного” с 1–го барака попросил купить ему сигареты, взял их вроде бы у продавщицы сам (а не из рук у того) – и вот за это теперь он в немилости. Темная история, да и он, скорее всего, рассказывает не всю ее. Сказали ему, при мне, что спать он будет на щите, кладущемся на 2–й ярус проходняка; однако этого щита нет, его еще надо делать. Так цыганенок не растерялся, и я сперва обалдел, проснувшись ночью: свой матрас он привязал к обеим верхним шконкам шнурками за углы – и лежал в нем, как в гамаке! Да еще, говорит, и спал в таком положении. Нечего и говорить, что из–под его гамака и вылезать из проходняка, и влезать в него было еще неудобнее, чем из–под щита, слава богу,

что когда я стал вставать в 5 утра, он уже не спал и убрал его еще до подъема. Я было обрадовался, что он, м.б., выживет из проходняка эту мерзкую “крысу” и сам поселится на ее место, – это было бы гораздо лучше. Но нет – “крыса” спит опять надо мной, как спала, а перед самым уходом на завтрак, уже одетая, сидела у меня на шконке – я заглянул специально – и, похоже, пыталась где–то там, под матрасом ли, под самой ли шконкой, шарить рукой – я ее спугнул, и она тотчас убежала на улицу. А цыганенок пытается дозвониться своему отцу в соликамский “особый” лагерь и говорит что отец легко решит эту его внезапно возникшую “проблему”.

Мороза нет, но на улице холодный, уже почти зимний ветер. Временами выходит солнце. Мне осталось 123 дня.

18.11.10. 10–25

Вчера случился (очередной?) апофеоз этой странной войны с “крысой” в проходняке. После 2–х шоколадок в понедельник ей не удавалось 2 дня украсть у меня ничего – я все время был настороже, караулил, когда эта тварь выйдет из барака в столовку вместе со всеми (чтоб не оставалась тут одна и не шарила), накрепко зацепил за крючки баул под шконкой – так, что сам еле мог достать, и т.д.

Но кто бы мог подумать!.. То все жратва, сладкое, курево – а на прочной нитке, протянутой вдоль под 2–м ярусом шконки, сушились у меня уже 2 дня вещи, выстиранные “обиженным” после последней бани – майка (футболка, точнее), носки и трусы. Точнее, они уже высохли, я просто не мог никак собраться убрать их – и был за это наказан!

Прихожу вчера с вечерней проверки в барак – а майки нет! Сперва думал, может, куда упала, обшарил все – и на шконке, и на полу, – нету! Т.е., эта тварь стала хватать уже и одежду, да и вообще все, что попадется под руку, – хотя этой моей майкой, при ее–то хлипкой комплекции, она может обернуться 2 раза! Потом вдруг заметил трусы, висящие не на этой нитке, а на торце шконки, над изголовьем, – я их там и вешал, все правильно; но за весь день они мне как–то не попадались на глаза, странно даже, и я не вспоминал про них, а тут – пожалуйста. Короче, пока искал майку, пока приходил в себя, – через какое–то время, минут 10–20, не больше, – смотрю, и трусов уже нет!!. :))) Одни носки остались висеть (причем один драный, надо зашивать) – и я убрал их от греха подальше под матрас.

А сегодня, после завтрака, я нашел трусы. Они и сейчас, когда я пишу, преспокойно висят себе на раме шконки, на 2–м ярусе, под “лепнем” этой твари – снаружи их не видно, но я увидел из проходняка, изнутри. Майки – все осмотрел – нет, а это

– пожалуйста.

Я хотел сперва их забрать, тем паче, что “крыса” уже спала, но потом раздумал. Уж чего–чего, а этого – старых, ношенных, линялых трусов, причем еще и фасона такого, как никто здесь не носит, мне не жалко – забирай и носи, тварь! Уж этого добра у меня еще в запасе достаточно – гораздо больше, чем нужно на оставшиеся 4 месяца! Твой удел в этой жизни – донашивать чужое, линялое, старое тряпье, а своего у тебя нет ничего и не будет – только то, что сумеешь украсть и не попасться... Подавись, гнида, – очень жаль, что не могу здесь же прикончить тебя собственными руками!

Четверг. Шмона опять не было. :) Если не заявится никаких новых комиссий и пр. – можно считать, что неделя закончена, остались долгие последние дни, выходные – пятница, суббота и воскресенье, дай бог им пройти спокойно. Осталось 17 с половиной недель.

Когда позавчера я шел с обеда и увидел, как отрядник ведет мерзкую косоглазую харю – главного блатного азиата секции – с сумкой и одеялом в ШИЗО, – радости моей не было границ! Хоть пару недель отдохнуть от этой наглой твари с ее попрошайничеством и картами по ночам. Но – к изумлению моему, на следующий день харю эту я увидел опять в бараке!..

Столкнувшись под вечер вчера со мной в дверях секции, косоглазая харя на мое удивление ответила, что она “решила вопрос”, ее продержали сутки и выпустили – и тут же, этак полушутя, но с подтекстом уже хорошо мне знакомым: а ты приготовил что–нибудь мне на выход?

Я отговорился тем (отшутился тоже), что думал, она суток 15 просидит, не ждал так скоро; да и готовить–то нечего. Но уже сегодня, когда я завтракал, сперва подошел второй, друг местных узбеков из Твери, несостоявшийся “земляк” “телефониста”: мол, “выручай”. Я спросил, в чем дело, хотя уже вполне догадывался. Так и есть: дай чего–нибудь на хлеб, поесть чего–нибудь! Так и норовят сесть на шею всей своей кодлой, пристроиться жрать за мой счет, – нет уж, дудки! Этот ушел, и через пару секунд подошел уже блатной азиат, уселся на мою шконку и заскулил: мол, чего ты жадничаешь; я же, мол, знаю, что у тебя есть... Мол, “всю ночь играли” (в карты) – проголодались... Ну и наглая же тварь, – подумал я.

Есть, да не про вашу честь, ребятки! (Хотя я знаю, что это печально отразится на моей связи через их телефон, увы...) “Крыса” ворует (одно время я думал даже, не по узбекскому ли поручению она шарит по моим сумкам), блатные клянчат; самое печальное – на хлеб еще что–то есть, но самого хлеба уже нет!

Вольный кончился, – осталось 2 кусочка, а мне на завтрак нужно 3. Кинув все свое имущество на разграбление “крысе”, сегодня после обеда придется тащиться в ларек – узнавать, есть ли там хлеб, хотя бы черный. Едва ли; а если вдруг есть – еще добиться, чтоб пустили (хотя сейчас там охрана и сменилась, и с новой у меня – еще по 11–му бараку – отношения лучше, – но если там будет толпа, завоз и пр., то и они не пустят).

На улице мороз и солнце. Дым из трубы бани столбом кверху – к холодам. Ясно, солнечно, морозно, лужи с вечера еще замерзли. Вчера и сегодня опять приходила Рыська, я ее кормил – и она, свернувшись и спрятав нос (к холодам), спала здесь; сейчас ее нет, бегает где–то. Мне осталось 122 дня.

12–45

Еще штришок. Цыганенок вчера к ночи притащил доску – вместо щита – и улегся на нее. Доска короче, чем обычные щиты – в конце проходняка даже можно было встать во весь рост, и вылезать нетрудно. В общем, я бы не возражал, чтобы он не убирал свою постель и днем (он так и хотел) – но остальным не понравилось. Сегодня, с самого утра, после зарядки, та же самая “крыса” сказала ему, что, мол, его положили где–то еще (напротив), “сказали”, мол, чтобы щитов не было. А потом, уже после завтрака, шнырю, пришедшему выяснять насчет занятого цыганенком своего (шныря) места эта тварь пояснила подробнее: мол, “дорожник” из той секции (т.е. уже блатной) “сказал”, что, мол, “комиссия” – и поэтому щитов быть не должно.

Мрази, твари, гнусные выродки, Untermenschen с наследственной рабской психологией! Каким презренным, жалким рабом надо быть, чтобы в реальности жить в жуткой тесноте, где без щитов никак не обойтись, – а перед комиссиями щиты убирать и делать вид, что, мол, у нас все хорошо, все нормально – вместо того, чтобы ткнуть в морду этим комиссиям, в каких скотских условиях держит зэков начальство, в какой тесноте и скученности, и потребовать от всех этих бесконечных комиссий улучшения условий хотя бы до уровня, положенного по закону!..

19.11.10. 9–33

Омерзительно, тошно, противно... В столовской хлеборезке вчера в обед хлеба мне не дали – мол, весь хлеб по списку, по числу з/к в отряде, забрали заготовщики, бери, мол, у них. Ясно, что это туфта, пайку лишнюю дать не трудно, никто их так уж строго не считает – но, говорят, это “из–за комиссии (–й)” начались такие строгости....

В ларьке хлеба тоже не оказалось! Не привозят, раз вы черный не берете, – объяснила продавщица. Я бы взял и черный,

ей–богу!.. Была, как назло, и колбаса, и хорошее сливочное масло – но куда их, если нет хлеба? Пачку дешевого краснобаковского “спреда” (сливочное масло плюс растительное) я взял только потому, что оставались деньги, как раз такая сумма (29 рублей, а оно стоит 28).

Мерзкая азербайджанская обезьяна с 11–го когда–то хвасталась мне, что может из столовой брать хлеб чуть ли не целыми буханками. Вчера, встретив ее в ларьке, я напомнил ей об этом и попросил зайти ко мне по этой теме – хлеб нужен до завтра. Клятвенно обещала зайти вечером – и, конечно же, не появилась1 Тварь... Потом встретил сигаретчика, рассказал эту беду ему – он обещал завтра (т.е. сегодня) принести пайку, и действительно принес... утром! Маленькую, тощенькую, тоненькую... Я попросил принести уж и в обед, – я ведь именно обеденную, толстую, и просил. Обещал...

Заодно он остался меня ждать, лежа на моей шконке, с завтрака. А вчера мне удалось – после позавчерашнего рассказа и описания всех ужасов – припахать и цыгана с 10–го к борьбе с “крысой”: он сидел в проходняке напротив, наискось, пока меня не было, и болтал с цыганом – ночным стремщиком, который на обед ходит после барака, а заодно, по моей просьбе, поглядывал... Так что ничего украсть этой мрази пока не удается (после моей майки с веревки), но уже пару раз я его заставал, когда он, после моего ухода на улицу (перед столовкой) сидел на моей шконке – и сзади, незаметно, пытался отцепить с крючков под шконкой ремни, которыми моя сумка зацеплена, чтоб нельзя было выдвинуть. Ню–ню! – отцепишь, да все равно быстро не вытащишь, сучка, – она еще 20 раз зацепится этими же ремнями и всякими другими местами по дороге; провозишься, пока я или кто другой придет.

На улице мороз, небольшой, правда, и сильный ветер. Уже зима... Снега, правда, еще нет – и не надо.

Недолго я радовался – всего пару–тройку дней калитка “1–го поста” открывалась свободно, без всякого домофона, т.е. стояла открытая. Я уж думал – все, лопнула их “гениальная” затея, не справляется “мусор” в будке “нулевого поста” и с “нулевым” – перед глазами, да еще и с 1–м – по телефону. Но нет – снова все закрыто и надо нажимать кнопку и ждать. Видимо, и впрямь, как я слышал – этот их проклятый домофон был эти дни просто сломан.

15–24

Ну, с обеда, конечно, никакого хлеба нет, хотя еще утром сигаретчик вытряс с меня несколько пакетиков чая и 2 конфеты, а перед проверкой и после нее – специально являлся 2 раза, играл с

Рыськой – еще и пачку сигарет, из последних, спасенных от “крысы” запасов. И обещал, обещал… Тварь…

Забыл еще рассказать про этих ублюдков в соседнем проходняке и про сегодняшнюю ночь. Карт, слава богу, не было, и шконку свою догадались завесить хотя бы большим полотенцем, полностью развернутым. Но – зажгли там опять лампу, и все равно светло, все равно мешает этот свет, разговоры, отсутствие тишины и покоя, – мешает спать. А еще того пуще – эти ублюдки повадились и по ночам, и днем слушать через динамик мобильника песни, специально для этого скачиваемые из интернета. Дешевый, дерьмовый блатной “шансон” – днем–то еще ладно, но ночью, уже в 3 или в 4, в полной тишине – дико мешает этот концерт, да еще при свете лампы и под их разговоры. В общем, спать эти ублюдки не дают. Бессмысленные, но вредные и опасные куски биомассы, подлежащие безусловной аннигиляции во имя безопасности и комфорта нормальных людей.

21.11.10. 7–50

Воскресенье. Пока ждал чайник на ужин, наблюдал в “фойе” красочную сцену, давно привычную, еще с 13–го барака, очень здесь характерную, но просто давно не попадавшуюся на глаза – с конца той зимы на 11–м, наверное.

При мне один из самых злобных здесь блатных, 30 лет, небольшого росточка (видимо, это он и рулит здесь бараком, а не тот ублюдок, на которого я думал раньше – который гавкал на меня и выгонял из блатной секции) подошел к главному здесь “обиженному” работяге, с утра до вечера этой стиркой загруженному, – я знаю его с 13–го, описывал, как его избивали тогда, якобы за то, что он не сказал сразу, что он обиженный. Стирает он и мне – и быстрее, чем на 11–м, да и на 13–м этот памятный мне Юра. Блатной, постоянно ходящий в дорогих спортивных костюмах и кроссовках, подошел к с претензиями – тот что–то из этого спортивного шмотья ему плохо постирал, “я только сейчас заметил”. Сперва выговаривал ему злобно; потом сказал: мол, “я сейчас возьму дрын…” – но это частая здесь угроза, и не так часто она выполняется, как произносится. Но тут эта злобная мразь вдруг схватила швабру, здесь же стоявшую, и, перевернув нижней перекладиной, на которую наматывается тряпка, ударила бедолагу по голове. Тот метнулся в туалет (возле которого все и происходило) и жутко завыл там, – так же, как тогда, в августе 2008, в раздевалке 13–го, когда его били первый раз. Блатной пошел за ним туда и, видимо, ударил там еще раз, после чего стал говорить: мол, кровь идет, да? Помой, прижми чем–нибудь, завяжи (заботливый какой!..) – и, по–моему, потребовал, чтобы “обиженный” сейчас же, остановив только

кровь, снова ему что–то стирал и перестирывал...

Тот был весь в крови, особенно шея сзади, и долго еще прижимал к голове мокрую тряпку, но потом опять взялся за работу. Блатной выродок уже после экзекуции пообещал ему в следующий раз “размозжить всю голову” и предупредил, что не дай бог тот “сломится на вахту”.

Я смотрел на эту сцену с отвращением, которое, наверное, было заметно и на моем лице. Злобная, остервенелая мразь, как и везде тут, рулит и правит всем бараком, всеми живыми существами в нем – и не встречает никакого отпора, ни в ком нет человеческого достоинства сопротивляться или хотя бы протестовать. От наивного, детского, юношеского романтизма революции, защиты угнетенных, отстаивания попранной справедливости и пр. – надо пройти таким вот тернистым путем, через самое дно, мерзость тюрем и лагерей, годы провести среди отребья и простонародья, чтобы понять: угнетенные, слабые – такая же мразь, как и их угнетатели, они не заслуживают никакой жалости и сочувствия – своей трусостью, подлостью, стремлением проползти как–нибудь через эти ужасы на брюхе, а не дать отпор, не пойти на открытое сопротивление, даже когда это вполне возможно. “Люди холопского звания – сущие псы иногда: чем тяжелей наказания – тем им милей господа”. Да и что я, не знаю разве, что этот хмырь действительно стирает плохо, далеко от совершенства, да и странно было бы, если б он при таком объеме работы стирал хорошо. Это не оправдывает жестокости его избиения, конечно, – но и его мне не жалко. Те и другие – мразь, и нет никакой попранной справедливости, и угнетенные, слабые – вовсе не стоят того, чтоб их защищать. Защищать надо себя от господства и засилья тех и других...

Кусок из письма Лене Маглеванной, которое я написал вчера, но еще не отправил (с этой калиткой с домофоном – не раньше понедельника и похода в ларек). Она писала мне о том, как несказанно счастлива была, получив 25 октября 2010 официальное политическое убежище в Финляндии. Поздравив ее с этим, я не могу не процитировать здесь часть моего ответа ей.

“Хотя, если честно, примешивается к этому моему чувству радости и некая грустная нотка. Ты права во всем, конечно, – что уехала, что тебе там лучше, что своего будущего не связываешь с этой проклятой страной и даже гражданство не хочешь сохранять. Ты уехала – и можешь все забыть, и начать жизнь заново, и жить для себя, – и еще достигнешь в этой жизни многого, многого... А мы остаемся тут, – как в том известном анекдоте: “Это наша родина, сынок!”. “Мы живем, зажатые железной клятвой”, – помнишь, у Маяковского? Да, я сам выбрал свой путь, и ни о чем

не жалею, и не хочу уезжать – ну кому я там нужен? и как начать жизнь с нуля, даже языка не зная, когда тебе уже под 40? – но все же мне чуть–чуть жаль, что здесь все известно заранее, и все так жестоко безнадежно, и нельзя отказаться от этой борьбы, и нет никакой надежды ее выиграть – и в результате все равно придется отдать жизнь ни за понюх...”

Утро воскресенья. Я не завтракаю – нет хлеба. Сигаретчик обещал вчера, зайдя к вечеру, принести с ужина пайку – и, конечно, обманул; впрочем, видимо, он и в самом деле не ходил на ужин, в толпе идущего оттуда 10–го барака я его не видел. Колбаса есть, масло есть, а хлеба нет, – еще один кадр из этого фильма ужасов про русский идиотизм, про эту жизнь, где всегда все наперекосяк... Главная нота жизни здесь, на зоне, сейчас (для меня, по крайней мере) – опять ждут какую–то “очень важную” и очень страшную комиссию. Когда она приедет, точно неизвестно. Завтра начинается новая неделя, 17–я до конца: понедельник – с утра баня, днем ларек; среда и четверг – шмоны; с субботы – длительная свиданка с матерью, предпоследняя. Хорошо бы, хоть на этой неделе комиссия (завтра начинающейся, точнее), а не после свиданки, когда будет полный баул жратвы – и если его утащат в каптерку, разворуют там, да еще в ларек, кроме “своего дня”, не будут пускать, – я буду голодать здесь, как не голодал, слава богу, с карантина, с первых дней приезда сюда...

Разменял сегодня 4 месяца до конца. Постепенно, все больше и больше, можно уже подводить итоги случившегося (со мной) – точнее, отсиженного. Увы, “исправить” меня эта “исправительная колония” так и не смогла за все годы, как ни старалась. :)) Я остался все таким же – только ненавижу теперь ИХ всех гораздо сильнее и, так сказать, суровее, спокойнее, без вспышек – методичной, сосредоточенной, беспощадной ненавистью. Эту Систему, это проклятое государство, замешанное на рабстве и не меняющееся веками, несмотря на все смены декораций, неспособное измениться по сути. И это тупое, рабское, покорное быдло, этот пьяный сброд, населяющий 1/6 часть туши – благодаря которому, кнутом и пряником, заискиваниями и террором, ментовской дубинкой и повышениями пенсий которому держится Система, покупая каждый раз благосклонность “электората” и невмешательство в ее дела... Я ненавижу их так, как только может ненавидеть свободный человек эту толпу рабов, по приказу своих изуверов–вожаков стремящуюся надеть и на него ярмо и колодки. Нет тут ни правых, ни виноватых, ни угнетенных, ни угнетателей, – есть только мерзкая, зловонная биомасса, одновременно рабски–покорная перед сильным и злобно–агрессивная к слабому, а тем

паче – к непохожему, к чужаку типа меня. Их всех, всех, и “верхи”, и “низы” – в печь; их не жалко уничтожить без остатка, разрушить здесь все дотла, от госструктур до зданий и памятников, их храмы, их кремли, их Лубянку!.. И распахать, и засеять солью, чтобы ничего не росло вовеки...

22.11.10. 8–25

Комиссия вроде б все же приехала, – вчера вечером, перед самой проверкой, по этому поводу всех собирали в... блатной секции! Ну да, “культяшка” занята, там живут блатные; на улице, говорили, мороз был уже минус 15°, – где еще остается? Я не хотел идти, а когда все же подумал – не заглянуть ли, постоять в дверях, за спинами, как обычно (хотя ясно, о чем будет речь...) – насекомые уже ползли оттуда обратно. Что–то быстро на сей раз им прочистили там их тараканьи мозги – пары минут хватило!.. :) Сказали, судя по разговорам, чтобы не ходили по зоне в одиночку, только толпой (тем паче, назавтра – баня и ларек), и – о, чудо чудное, диво дивное! должно быть, волк в лесу сдох!! – объявили там же решение: гасить свет в 10 вечера, сразу, как отбой! И погасили!!! Я не мог поверить своим глазам, когда это увидел...

Понедельник. Комиссия не комиссия – но у столовки “мусоров” опять не было вообще (как и вчера один раз – в ужин, кажись), все пока тихо–спокойно. С ночи пошел небольшой снежок – и потеплело, мороз еще есть, но не сильный. Зато – сбылось мое предчувствие; и я, право, не думал, что оно сбудется так легко и быстро... Не понадобились даже 40–градусные морозы, хватило и 15°, с первого же раза, в ноябре еще (и зима–то календарная не успела начаться) – как от первого же мороза накрылась медным тазом баня!! :))) Та, новая, деревянная, с железной бочкой–цистерной в качестве бака для воды. Греют эту

8–50

Заходил сейчас сигаретчик, уже дня 2 не бывший, – пришлось передавать ему приглашение через цыгана. Он внес уточнения, – в бане сломался не “тэн” (загадочный – зачем он там? – но о котором говорили как о причине поломки), а трубы, ведущие из котельной, – они старые, прогорают, объяснил он. Так что – бани нет, как и особой печали у меня по этому поводу. По поводу комиссии – сказал, что это из–за побегушников, – оказывается, где–то с неделю назад с поселка (колония–поселение здесь же, сразу за вахтой) бежали три, что ли, “поселушника” – их, разумеется, поймали, и по поводу этого теперь приехала комиссия. Казалось бы, что комиссии по вопросам охраны и побегов делать в лагерных бараках? – но сигаретчик уверенно сказал, что после осмотра поселка она пойдет и в лагерь. Значит

– вынос баулов в каптерку и прятанье “всего лишнего” неизбежны, увы... Приехали, сказал, на неделю – как раз до моей свиданки. Дай бог, чтобы не помешали мне в четверг, после обеда, и в пятницу; да чтобы с субботы 3 дня мои сумки никто не уволок из–под шконки сигаретчика на 10–м...

23.11.10. 8–18

Вчера после отбоя один из стремщиков в соседнем проходняке пересказывал только что им слышанный разговор блатных в “культяшке”. Из него выяснилось, что никакая комиссия, оказывается, еще не приехала (и точно, свет вчера уже потушили как обычно – только когда около полдвенадцатого ночи на “продол” пошли 2 “мусора”), ее только ждут, – и ждут, как я понял, все того же неизменного Мурзина. Забавно другое: говоривший блатной (кто – не знаю) жаловался на то, как, мол, задолбали эти комиссии и – sic! – оказывается, стыдно (!) уже просить “мужиков” каждый раз: уберите, мол, “все лишнее”.

Ах ты, надо же, стыдливые какие!! :))) Совестливые, блин!.. :))) Кто бы мог подумать – блатным в Буреполоме стало стыдно уже отрабатывать свои неслыханные привилегии (героин, самогон, интернет и пр.), усердно проводя линию штаба учреждения в массы одураченных (да и без того рабски–покорных и трусливых) “мужиков”! Этак, гляди, скоро блатным здесь станет “стыдно” избивать за жалобы, как было до сих пор, гонять в столовку и на зарядку, а их мерзкому ублюдку “прдложенцу” – стыдно за то, что он ударил меня по лицу и не содержащей конкретных фактов и доказательств наводке Макаревича!..

Я слушал этот их разговор, сидя – пока не пошел обход – на своей шконке с армянином с 10–го, приходящим ко мне уже 2–й вечер. 1966 г.р., сидит по 291–й (дача взятки, – всего 2–й раз встречаю такую статью; 1–й был на “1–й сборке” в Москве), на воле занимался строительством, руководил бригадой нелегалов, был частным предпринимателем, и т.д. Был женат, состоит в зарегистрированном браке, имеет ИНН, платил налоги – и теперь пришел ко мне за советом, как добиться российского гражданства, в котором ему уже 1 или 2 раза отказали. Обо мне он слышал, и даже видел не раз – здесь же, на 8–м, у прежнего “запасного варианта”, с телефоном в руке; и позавчера начал разговор с вопроса: “Я слышал, что ты политический беженец, да?”. Я рассмеялся и сказал ему, что какой же я беженец, если сижу здесь? Он по простоте своей спутал понятия “политбеженец” и “политзаключенный”. Вчера после отбоя принес телефон – я позвонил матери, спросил телефон Ганнушкиной и еще некоторых, ибо как обратиться со своим вопросом в правозащитные конторы типа ганнушкинской и пономаревской, я

ничего посоветовать ему не мог.

Но главное впечатление вчерашнего бурного дня – как насел на меня косоглазый блатной азиат, вымогая жратву! По наглости, как я понял, он, пожалуй, приближается к “телефонисту”. Еще позавчера, в воскресенье, вечером, когда я готовил себе ужин, он зашел в проходняк, увидел на тумбочке пустую банку из–под тушенки – и стал клянчить: мол, дай нам вот такую тоже, мы добавим в картошку (столовскую, которую им готовили на плитке шныри; а “мы” – т.к. жрут они все вместе, узбека 4, не меньше, из одной миски, как собаки). Я показал ему (хотя и так было ясно), что банка уже пуста. Он, ни секунды не колеблясь, заявил: ну, дай другую такую же! По счастью, банка была действительно последней, – но наглость этого “простого, как 3 копейки” – дай, мол, другую, раз эта уже пустая! – я оценил.

Вчера, когда я ждал чайник для ужина, он зашел с улицы в “фойе”, тут же увидел меня (среди целой толпы народа, в этом “фойе” бывшей), подошел и спросил: “Есть готовишь?”. Не успел я залить лапшу кипятком и лечь на 5 минут – пока она запарится – он уже явился в мой проходняк, уселся и, с заговорщическим видом, понижая голос и толкая меня кулаком в колено, стал опять требовать (на просьбу это было мало похоже), чтобы я дал ему банку консервов – все равно, каких; им, мол, добавить “только для вкуса” в какую–то, видимо, опять столовскую жратву. Долго, назойливо клянчил; на мои слова, что у меня для него сейчас банки нет, а свой ужин я ему не отдам, говорил так: “давай сделаем об колено”, – я сперва не мог понять, что это значит. Оказалось, что это он из той банки, которой собирался ужинать я, готов забрать половину или хотя бы 1/3, – короче, вырвать хоть изо рта, не стесняясь ничем. Видя, что я не поддаюсь и не соглашаюсь дать ему ничего, он обиженно надулся и стал выговаривать мне, что я ему “вру”, “жадничаю”, у меня нет “понимания”, и т.д. :) Проходивший мимо его тверской сосед и сотрапезник что–то сказал ему по–узбекски; азиат ответил что–то вроде: “Не дает ни хрена!” – и тот, тоже всунувшись в проходняк, попросил “какую–нибудь банку”! Оба сидят далеко не 1–й год; чем они питались до моего перевода на 8–й и что будут есть на ужин после моего освобождения – совершенно непонятно! :))

Между тем, разговор с косоглазым расширялся перейдя постепенно и на мою жизнь в Москве, работу, приговор и т.д. На мои упоминания о розыске, суде и пр. – этот хмырь вдруг спросил что–то типа: много ли хоть я “поднял”, т.е. украл на их жаргоне. Стало ясно, что он понятия не имеет, кто я такой, за что сижу и пр. – хотя чуть позже, под конец разговора, это наглое болтливое чмо не постеснялось заявить, что знает обо мне буквально все,

всю подноготную. :)) На мои слова, что запрашивали 7 лет, а дали 5 – “ну ты, наверное, там... (не помню его жаргон, но смысл – дал денег судье, чтобы срок был 5, а не 7); а когда я сказал про справку матери об инвалидности – ответ был в таком тоне, что это я, мол, ловко подсуетился, сделал эту липовую справку... :) Короче, во всем такая вот мразь судит о других по себе и не может понять, что бывают совсем другие люди, другие дела, другие жизненные ценности, кроме – украсть, напиться, нажраться наркоты и пр... Зато когда я – очень скромно и мельком, на его вопрос – упомянул, что работал в прессе, печатался, – глаза у него округлились :) от удивления – о–о, ты, наверное, на воле большой человек, хоть и “сухаришься” здесь, и можешь... писать “надзорки”!.. :))) Вот для чего у них пригождаются все люди с образованием или хоть более–менее грамотные – писать жалобы, чтобы эту грабительско–воровскую шваль побыстрее освободили!.. Постепенно от банок со жратвой разговор перешел к “надзоркам”, к тому, есть ли у меня “знакомые” в Верховном суде (он с хитрой улыбочкой не верил, что нет), к тому, что ему нужен в Москве адвокат – я обещал найти телефон Карена Нерсисяна, а вечером, звоня матери, записал заодно и телефон Голубева. Наконец, уже не раз позванный по–узбекски своими друзьями, он ушел. Было полдевятого – вместо обычных пяти минут на лапшу он отнял у меня полчаса! Лапша, слава богу, не успела еще остыть, т.к. стояла накрытая, – но была уже скорее теплой, чем горячей.

Зачем я так подробно пишу об этой твари? Сам не знаю. Во–первых, вспомнить смешно, как он мерил меня на свой аршин – дать денег, договориться в суде, сколько я хоть “поднял”, и т.д. Ну, а во–вторых – пару раз увидев меня переписывающим дневник, сие существо, блещущее не умом, а разве что хитростью и наглостью, тем не менее, сразу просекло, что я пишу именно дневник (из вопроса это ее предположение почти тут же превратилось в уверенность, хотя на прямой вопрос я отвечал “нет”, а вчера даже показал ей лежащий под изголовьем огромный пакет с письмами за последний год) – и стало настойчиво спрашивать, показывая при этом жестом, “тачканул” ли (т.е. записал, упомянул) я его в дневнике? Ну что ж, родной, вот тебе и упоминание, – вот о тебе я и написал – и закончить могу только пожеланием от всей души – чтобы все такие, как ты, наглые подонки – уголовники, ворье, грабители, гопники и прочая нечисть, грабящая и мешающая жить нормальным людям, поскорее сдохли и освободили нас от своего присутствия!

P. S. Самое же печальное – я вынужден был сослаться, что, мол, скоро свиданка, мать привезет передачу – вот, м.б., тогда...

Страшно подумать, как вцепится в меня зубами и когтями эта косая тварь, требуя консервов, колбасы, конфет и пр. и пр., как только я выйду со свиданки 30–го! Цена вопроса – его (и 2–го, тверского “узбека”) телефон, которым я пользуюсь (и то – звонит мать, а не я). Конечно, я могу резко и категорически послать узбеков подальше и не давать вообще ничего. Но телефон тогда будет безжалостно обрезан, в этом нет ни малейших сомнений. Все повторяется...

24.11.10. 7–55

И вчерашний день, и ночь тоже были полны событий. Самое приятное – перед утренней проверкой к “крысе”, спящей надо мной, подошел “козел” и сообщил (я слышал сам) следующее. Оказывается, по результатам последней “флюшки” в легких у “крысы” обнаружили затемнение – подозрение на туберкулез; так что эту тварь сейчас кладут в больницу до 27–го, а 27–го – этапируют на “пятерку”, проверять более тщательно.

Ну вот, главная проблема решилась сама собой – как я и ожидал, и надеялся, знал в душе, что не может она как–нибудь не решиться. Даже если это только временно – назад привезут, скорее всего, к Новому году, не раньше. Хоть декабрь передохнуть от этого напряжения, от этой молчаливой, необъявленной войны...

В три, после обеда, вызвали в штаб, в 10–й кабинет – по поводу паспорта. Отстоял очередь, заполнил анкету, на следующей неделе, сказали, придет фотограф с поселка – сниматься на паспорт. Там, стоя в очереди, услышал из разговоров слух, что комиссия таки уже приехала – и называлась фамилия Масленников...

Самый мрачный сюрприз был вечером. В 7, после ужина, пришел этот армянин с 10–го – без “трубы”, а просто поговорить со мной, показать найденный у кого–то на 10–м правозащитный справочник 2000 года. Он спросил меня, – ЧТО, говорят, сейчас должна быть какая–то еще одна проверка? – и я честно ответил, что уже 19–05, и если в полвосьмого должна была бы быть проверка, то об этом были бы сейчас толки, разговоры, я бы знал.

“Пробили” “мусоров” на наш “продол”, и армянин стремглав убежал. “Мусор” прошел 12–й, 5–й, зашел к нам – и я с изумлением увидел, что все, одевая на ходу “телаги”, побежали по секции к выходу. Я как раз собирался готовить ужин, доставал миску, кружку и пр. – и тут вдруг увидел, что секция опустела, а “мусор” показался в дверях вместе с завхозом, по пути ворча, что не все вышли. Проверка!!! Стадо насекомых толклось и галдело за темными окнами. Я не успел даже одеться – так и сосчитали меня, сидящим на шконке в недоумении, близком к изумлению.

Итак, эти ублюдки – “администрация” – с 23–го ноября опять ввели 3–ю проверку в 19–30! :(((Сразу после нее я зашел к завхозу – узнать, говорил ли он, что эта проверка будет, и как это вышло, что я ничего не знал. Разговоров, упоминаний, даже среди болтливых малолеток в соседнем проходняке, не было вообще! Завхоз сказал, что еще накануне он сказал “людям” (и где только он нашел среди этой швали и быдла людей?..), “чтобы до вас довели”, – и в результате это был самый неприятный сюрприз последнего времени, после появления “крысы”...

Спал ночью – и мне снилась паника “по комиссии”, но только не в секции, а в каком–то другом помещении; но такая же, как обычно. :)) Ясно помню истошный крик: “Комиссия!!!”, прорезавший тишину. Каково же было мое изумление, когда, проснувшись через несколько минут, я обнаружил в темной ночной секции – наяву!! – ту же панику и беготню!!! :)) Ночная комиссия, оказалось, уже где–то здесь, – возвращается с 13–го, зашла на 10–й, потом на 4–й,а со стороны 12–го “в нашу сторону” одновременно движется еще кто–то. Ночной кошмар наяву, короче... :)) По секции бегали, метались, срочно убирали и командовали убирать одежду с дужек (а куда еще класть одежду, снятую на ночь? На табуретки? – но они есть далеко не у всех) Самое же омерзительное – что тотчас, как всегда, раскрыли и подперли кирпичами все двери – и в секцию, и на улицу, – и все форточки. Как же, “проветрить” к появлению обожаемой комиссии, – вдруг ей не понравится запах!.. С улицы тут же потянуло морозом, таким ледяным холодом, что от него едва спасало мое шерстяное одеяло. Тут комиссия зашла на 8–й – все упали на шконки и затаили дыхание. Стремщик, все равно стоявший и наблюдавший из темной секции, вслух сообщал: комиссия сперва потусовалась в “фойе”, потом зашла в “обувничку” – и ушла, сперва с барака, а затем и с “продола”. Вся паника напрасно!.. :)) Вещи, загодя перевешенные в изголовье, я повесил обратно в ноги, на торец шконки. Все вроде успокоилось – но опять зажженный светильник в проходняке соседей все равно, как и каждую ночь, не давал спать нормально...

Среда. Шмонный день. Завтрака нет, т.к. нет хлеба. Свет в секции погашен. Сижу и жду...

25.11.10. 10–56

И вчера, и сегодня – пока все обошлось. Вчера утром, в 9–40 где–то, 5 “мусоров” заходили на 12–й, но через несколько минут ушли. После этого, с 10–ти где–то, по информации блатного начальства стали будить всех и ждать, что “пойдет комиссия”. Ждали целый день, но она не пошла. :) Только вот утренняя проверка на всех бараках была по карточкам – и из–за этого

задержали обед.

Еще со вчерашнего вечера все стали говорить, что завтра (сегодня) будет большой общелагерный шмон. Утром сегодня в этом царила уже полная уверенность, – готовились, прятали телефоны и др. “запреты”. Прошел даже слух (на 8–м; на 10–м сигаретчик не слышал), что “мусора получают робы” и – все или же многие – пойдут в робах. Но и тут обманули – не пошли. :) Шмона не было. Зато – после 10 – вдруг: “Комиссия на большом!”! Вот она, родимая, а мы уж не чаяли, заждались... :) Комиссия и “Макар” пошли на тот “продол”, на 6–й, оттуда – в “шушарку” – и ушли “на контрольную”. На этом пока все кончилось, – все эти 2 “режимных” дня.

Со мной вчера вечером произошел очередной забавнейший случай. Вдруг “козел” говорит перед ужином: одевайся, пошли на склад, там тебе вещи выписали. – Какие вещи?! – очень удивился я. – Не знаю. Ты заявление писал? В том–то и дело, что не писал я никакого заявление, но быстро оделся, пошел.

Выдали “телагу” – как раз моего размера, что поразительно, – ботинки и шапку, – какого–то другого образца, с ИК–2 (женская зона в Нижнем), в общем, поприличнее тех, что я носил до сих пор. Получив, расписавшись – попросил я кладовщика–зэка показать мое заявление, по которому он выдавал. Так и есть!! – это заявление от октября еще аж 2009 года! :) То, второе по счету, которое я в том году отдавал отряднику 13–го в руки – после того, как выяснилось, что первое он потерял. Вот когда сработало!.. :) И то, думаю, лишь потому, что адвокат на недавнем суде моем по УДО помянул, что прошлая зима здесь была очень холодная, а теплые вещи не были выданы. Что ж, лучше поздно, чем никогда...

Весь день вчера шел снег, зону буквально замело. С утра топтались по глубокому снегу и по двору, и по “продолам”. Дует сильный ветер, мороз усиливается, снег сухой, он метет и метет, – в общем, сразу стало здесь как–то ощутимо тяжелее, мучительнее, хуже, на этой проклятой зоне. Все–таки зима здесь страшное время. Морозы, метели, шмоны, комиссии... Матери вчера так и не позвонил – “запасной вариант” вчера поговорил вечером с ней, успокоил, сказал, что у нас сидит отрядник, и т.п. затруднения, – меня так и не позвал. Что же до “узбекского” телефона, то о нем больше нет и помина, – косоглазая харя 2–й или 3–й день не подходит ко мне, хотя мать туда, скорее всего, звонит; тверского же “земляка” не видно – наверное, положили на больницу до этапа 27–го.

В столовке, по слухам, дают по утрам творог и яйца – аж по 3 штуки, – но я всего этого, понятно, не вижу, так как туда с

5.9.2010 так и не захожу. Творог, правда, я не люблю, а беру ли я яйца – никто даже не интересуется (едят их за меня сами). С хлебом, по рассказу заготовщика вчера в соседнем проходняке – беда: выдают по числу з/к в отряде, пайки же тех, кто не пришел в столовку, сдают обратно в хлеборезку. Т.е., нет места за столом – не ходишь на обеды и пр. – не получаешь и положенной пайки хлеба, на барак тебе ее не понесут, даже если попросишь.

Мало того, что жгут по ночам лампу соседи справа, гомонят всю ночь толпой и слушают через динамик телефона песни. Сегодня ночью еще и сосед напротив, у окна – “козел”, тот самый, что водил меня на склад – тоже зажег у себя в проходняке лампочку – зачем? Проходя ночью мимо, я видел, как он машинкой накалывает татуировку на руке кому–то, сидящему на его шконке. “Кольщик, наколи мне купола...” Лампы по ночам теперь, значит, справа, слева (у “обиженных”, но там хоть зашкерено надежно) и напротив...

16–00

Нет, это было еще не все. Опять проверка по карточкам, и во время нее – “Макар” и какой–то приезжий начальник в папахе (Мурзин?), ходившие по “продолам”. Потом, во время обеда, многие видели толпу “масок”, зашедших на вахту (или в зону, или куда уж там, – я не видел), но вскоре вроде бы уехавших вместе с пожарной машиной, – учения, что ли? Все говорят, что какие–то учения были у них на “промке” – как недавно на 16–й зоне. А мне – вдруг стало плохо, еще до проверки, да и потом тоже: жутко кружилась голова, я не мог встать на ноги – шатало; голова не болит, но какая–то тяжесть в ней, все как будто едет вокруг. Перед обедом даже заснул, проспал полчаса, не меньше (а обед опять задержали) – не помогло, опять шатает. В таком состоянии я еще как–то дополз до столовки, “на обед”, пару раз на скользком, укатанном снегу чуть не упав по дороге. Вместо снега уже шел дождь, на улице потеплело, все стало таять...

ДЕКАБРЬ 2010

1.12.10. 15–58

Просто на удивление удачно прошла эта последняя свиданка. На 3–й день переехали–таки, после ухода беспалого наркомана с 13–го, в VIP–комнату. Передачу тоже сдали без проблем, – только, увы, из–за 2–х кг перевеса пришлось пожертвовать 2–мя банками компота и печеньем, кроме одной пачки.

Как и прогнозировалось, еще в воскресенье ударил сильный мороз (а м.б., и в субботу, когда меня уже завели). Дневальный Миша выставлял на улицу термометр и показывал потом мне – за –30°! Я боялся, что сигаретчик, если и придет, как обещал, меня встречать, не выдержит долгого стояния на морозе и уйдет, – тем паче, что 2–й этаж (где в этот раз было полно народу) выводят сначала, а 1–й (где всего 3 человека) – потом. Но верный сигаретчик, весь окоченев на этом лютом морозе, все же меня дождался. :)

Помог мне допереть баул, сказал дорогой, что ни комиссий, ни "масок", ни шмонов и пр. нет, все тихо. К 9 утра принес телефон, я дозвонился матери, успокоил ее; вещи, слава богу, тоже все были в сохранности. Сигаретчик потом заходил еще после отбоя и сегодня утром, около 10 часов (среда, но при таком морозе шмон казался маловероятным, – его и не было, только несколько "мусоров" лазило по чердаку (!) той "баржи", где 5–й и 11–й). Обещал зайти и сегодня после отбоя. Дай бог, если прежний, когда–то в 2008, график моего двухразового в день, утро–вечер, общения с матерью восстановится.

Налетели, естественно, вчера блатные твари, как только проснулись, после утренней проверки. К счастью, кроме "запасного варианта" и косоглазого азиата, ни у кого не хватило наглости что–то у меня просить. Но у этих наглости было – хоть отбавляй, за весь барак, особенно у азиата, – он все говорил, чтобы я "собрал" ему что–нибудь, целый пакет угощения, включая "фрукты" (которых отродясь мне не возили в передаче!.. :), вафли и т.п. В результате оба выклянчили одинаково: по куску колбасы (половина как раз того батона, что из–за отсутствия хлеба остался еще с ноября) и по шоколадке; да еще "запасной вариант" выклянчил несколько пакетиков чая и конфет, оставшихся от ларька (да еще и был последним обстоятельством недоволен). Но – в свете того, что "труба" теперь есть у сигаретчика и эти блатные хари мне не нужны, дай бог, чтобы и до конца срока, – хрен они больше чего получат!..

Обещают, что к концу недели морозы спадут до 0°. Жду этого

с нетерпением. Хождения в столовку по такой погоде, как я и думал, стали настоящим наказанием, – сегодня вроде чуть–чуть потеплее, а вчера, идя “на обед” и обратно, я чуть не отморозил себе большой и указательный пальцы на правой руке, которой – без всякой перчатки, ибо они мне только мешают – держал палку.

2.12.10. 9–08

Вчера в ужин Агроном, новый зам. по БиОР (Баранов?), Наумов и Одинцов “наворачивали режим”, лично муштровали покорных им насекомых в столовке, прямо внутри. (Я внутрь не входил и знаю только по рассказам.) Командовали встать, сесть, снять шапки, не давали (как я понял) никому выйти, пока все не поедят и не пойдут, и т.д. Заставляли это же делать (командовать) “козлов”. Правда, сигаретчик (во многом он мне и рассказал подробности), когда его позвал (оторвав от еды) Агроном и потребовал через микрофон (там есть микрофон и колонки) дать команду снять шапки – отказался в грубой форме, и ничего Агроном с ним поделать не мог.

Ко мне он заходит теперь регулярно, берет курево, дает мне “трубу” звонить домой. Сегодня притащил еще одну – где–то добыл, но надо паять там проводок под батарейку, и на это выпросил отдельно 2 пачки сигарет. Один блок из пяти, привезенных матерью, мы с ним уже растрясли.

Холода продолжаются. При мне сигаретчик звонил матери – она сказала, что в Шахунье сегодня –27°.

3.12.10. 8–23

Недолго музыка играла: вчера после отбоя сигаретчик явился уже без “трубы” и сказал, что сейчас на 10–м двое “козлов” в “козлодерке” потребовали у него ее отдать. Кому–то он там перешел дорогу или наступил на хвост – в подробности он не вдавался – и отсюда такое требование. Разумеется, он послал их подальше (а один из них – бывший завхоз 10–го, а до того был со мной на 11–м, куда перевелся в октябре 2009 со всем 2–м бараком; наркоман 25 лет, служивший срочную в Кантемировской дивизии), ничего им не отдал – но и доставать ее из тайника не стал, в опасении слежки. Обещал принести сегодня с утра – вот, я уже кончил завтрак и жду–с. С нетерпением. :) Но, боюсь, ничего из этого уже не выйдет, увы – хорошенького понемножку; и опять придется матери по целым дням прозваниваться косоглазым узбекам....

Вторая же “труба” сигаретчика – да–да, он тут же вслед за 1–й приобрел и 2–ю – была вчера на 12–м, в ремонте; оставалось там только поменять лампочку под дисплеем, чтобы он светился.

Холода немного спали, на улице уже потеплее (но все равно мороз). Зарядка сегодня уже была, в отличие от вчера, – но, когда

я вышел проверить, там по двору гуляли только трое “обиженных” – и всё! :) Остальная шваль, после холодов и в опасении их, зарядку полностью проигнорировала – да и не знали, играет ли вообще музыка, это ведь я специально пошел проверять. Блатные, видимо, тоже спали, “мусора” вообще не ходили по баракам – и все обошлось тихо–спокойно. Я, разумеется, проверив, что музыка играет, тоже зашел назад в барак, тем паче, что был не одет – без телаги, шарфа и пр. и в тапках.

А между тем, от последней страшной комиссии, еще до моей свиданки, уже больше недели прошло – так и остались ежедневные в 12–10 проверки ПО КАРТОЧКАМ! Напрягает это страшно, особенно в эти морозы, – стоять в толпе, прислушиваясь, чтобы не пропустить свою фамилию, и, услышав ее, торопливо пролезать сквозь толпу. Отрядник проводил эти дни проверку по карточкам еще в более–менее смягченном варианте: называл быстро сколько–то фамилий – не весь барак, даже не половину – и на этом отпускал всех. “Мусор” же, пришедший считать вчера, маленький крепыш с красной от мороза ряхой, смеясь штукам подобострастных зэков и покрикивая на тех, кто выходил не так быстро, как ему хотелось, на лютом морозе безжалостно и методично проверил “по карточкам” всех, до последней карточки и последнего человека.

Так же точно напрягает и 3–я проверка, в 19–30, из–за которой задерживается мой ужин. Иногда я еле–еле успеваю поесть и попить чаю – особенно когда их чайниками, плитками и пр. занята вся “фаза”.

Магнитная калитка на “1–м посту” иногда, и частенько, стоит открытая, замок отключен, – но все же регулярно его включают, собирая с обеих сторон калитки толпы.

8–47. Сигаретчика все еще нет...

4.12.10. 13–20

Утренняя проверка закончилась сегодня в 13–10, только что! Больше часа я пробыл на улице, – вышел–то в 12, как обычно, но только “на большом” “мусора” появились где–то в полпервого. 12–й и 5–й считал про карточкам Даун; тем временем 2 других уже успели уйти, – на 8–й не зашли; пришлось ждать этого Дауна (вот уж действительно!..). Здесь он огласил только часть карточек, в которую я не попал, – и распустил толпу. (Надо ли говорить, как из–за этой проверки по карточкам, кстати, задерживается обед? Ведь пока не посчитают все бараки – на обед никто не идет! В результате вот уже 2, считай, недели 8–й идет в столовку в 14–30 самое раннее – вместо прежних 2–х часов).

Ноги у меня задубели от долгого стояния на улице, больная

правая вообще одеревенела. Хорошо еще, что пошел утром снег – и, как обычно, потеплело, мороз уже не такой безумный (хотя обещанной оттепели нет и в помине). Хорошо, что поспал утром, после полдесятого, когда ушел сигаретчик с телефоном – и вроде стало мне получше, перестала кружиться голова, а то со вчерашнего еще вечера все ехало перед глазами и при ходьбе пошатывало – опять, как недавно, но все–таки послабее. Сейчас вот вроде самочувствие более–менее нормальное.

А вчера после отбоя с “трубы” сигаретчика (хотя у него и “минус” на балансе) дозвонился Мане – и она сказала, что купила для меня диванчик на кухню. :)) Мать, услышав это от меня утром, прокомментировала: ну все, раз уже диванчик купила, – значит, надо ехать! :) Первый город после освобождения, куда я поеду, как настанет более–менее теплая погода, – это Питер.

22–05

Час десять выстойки на улице днем, на утренней проверке и в ожидании ее, сорок минут – на “7–часовой”, закончившейся вместо положенных по “распорядку дня” 19–50 – в 20–10! Только успел поесть и попить чаю – 5 минут даже не полежал – опять на улицу, на 3–ю проверку. Она хоть прошла быстро, – явился почему–то новый зам. по БиОР, Баранов, сам считал – и во время этой процедуры хамски орал: на одного – не верти головой, на другого – выйди из–за дерева!.. Быдло только подобострастно хихикало в ответ, должной реакции на это хамство, конечно же, не последовало.

С обеда (14–30), когда толпа поперлась в столовку – свернул в библиотеку, загодя набив все внутренние карманы телажки книгами, а одну засунув сзади за пояс. Библиотекарь с “девятки”, с которым типа как приятельствовали мы на 11–м – обрадовался, что наконец–то я пришел, усадил пить кофе; сообщил, что 15–го у него суд по УДО – здесь, в Буреполоме – 1–й, а за весь срок – уже 3–й; но как до этого его не отпускали из–за огромного иска, так едва ли, думаю, отпустят и сейчас.

Пришел, поел, лег, час с лишним провалялся в какой–то приятной полудреме, но не спал. Тут, уже около 6 вечера, явился сигаретчик с новыми неприятностями: оказывается, 4 “мусора” были на 10–м (только когда я сидел в библиотеке, когда пришел – никого не “пробивали”); целенаправленно полезли на чердак, забрали кучу спрятанных там телефонов, а брагу, там же найденную, вылили. И не кого–то, а именно его обвиняют, что он “сдал” все это припрятанное добро!..

Заходил он и пока я ждал 7–часовую проверку, и после отбоя – когда я уже начал писать вот эти первые строчки. Слазил потом и он на чердак – оказалось, и его трубу, тоже там хранившуюся,

одну из 3–х (!) – тоже забрали, и – самое главное – зарядник с ней; зарядник был один, теперь надо покупать новый, стоит он 500 руб. В последний приход, только что, был он грустный, расстроенный, говорил, что не соображает голова, а главную надежду на решение всех этих проблем возлагал на вчера еще мне сообщенный свой план: перевестись с 10–го... но куда? Он сам толком не знает (и нет еще уверенности, что переведут, да и – где будет лучше? Это одна кодла, сброд мерзких блатных подонков, жестко управляемых из одного центра, –уж это я прочувствовал на себе... Мразь мразью... Его они после ухода "мусоров" "подтягивали", он вроде на первое время отговорился от обвинений, что это он "сдал" "курки", но если это повесят на него как ярлык – никакие переводы не помогут, везде все будут вовремя, с 1–го же дня проинформированы. "Правая рука" "подложенца" тем временем поставила сигаретчику – этак легко, между делом, хотя и без всякого права :) – "запрет на телефон" – в смысле, на владение собственным телефоном. Да, еще и "симку" свою он боится вставлять и включать – "козлы" с 10–го прозванивают его номер, так что позвонить нынче вечером матери он мне "трубу" не принес. Хорошо, что она сама прозвонилась вечером "запасному варианту". Сигаретчик же нашел пока простой выход – позвонить оператору и сменить номер на своей "симке". Можно, да; но все равно без своего зарядника – это будет не жизнь и не пользование телефоном...

5.12.10. 8–55

Мерзко, тошно, отвратительно... Невыносимо... И в конце срока здесь ничуть не легче, не лучше, не проще, чем в начале – в 2007–м, когда только привезли сюда. До предела, до исступления просто раздражают и выматывают эти, как вчера, выстойки на улице, в снегу, на морозе, по 40 минут и по часу, в ожидании вечной теперь проверки по карточкам или просто – когда их благородия, "граждане начальники" соизволят явиться – на 20 и на 30 минут позже указанного в их же "распорядке дня" срока. Особенно бесит, когда из–за этих их непринужденных, простых таких, незаметных как бы опозданий – срывается мой ужин, на который всего–то ничего остается времени между 2–мя проверками – и надо потом бежать сломя голову, опрометью, не сняв даже ботинок – ставить, как вчера, чайник, пока не заняли всю "фазу"...

Пришла еще одна ужасная мысль – ясно и несомненно, как озарение. 29.12., когда мать приедет на короткую свиданку, и я буду там, с 9 утра до часу дня, – это ведь среда! И они наверняка устроят, за 2 дня до Н.г., повальный шмон по всем баракам, еще опять "маски" какие–нибудь приедут... А меня не будет – и судьба

моего одеяла, чайника, бумаг и пр. будет зависеть от случайностей судьбы и настроения “мусора”, который будет шмонать мою шконку. Что делать?! Не знаю; единственным выходом представляется – еще затемно, с раннего утра собрать все ценное в пакет, вынести – и зарыть в снег где–нибудь в глухом углу зоны, где никого нет – на “кечи”, скажем, или у библиотеки. Но не сам же я, конечно, попрусь с пакетом – прятать; вот тут как раз неоценима была бы помощь сигаретчика. Но эта скотина, встреченная по дороге в столовку на завтрак и обещавшая после завтрака зайти – не идет до сих пор (уже 10–й час). Да и – нет на него надежды: он и в лучшие–то времена не всегда держал данное слово,

[не дописано, оборвано на середине фразы]

11–30

Пришел, как раз когда я хотел написать, что его так и нет, и сидел вот до сих пор, лазил в своем СМС–чате, – на 10–м–то теперь нельзя, запрет. :) Мать продиктовала код карточки, положили 150 руб. на счет; скинули по моей просьбе СМС–ку Лене Маглеванной в Финляндию, но она, увы, не позвонила...

6.12.10 12–40

Началась 15–я неделя до конца. Безумные новости понедельника. Зарядки с утра почему–то не было, музыка не играла. Далее: еще вчера – воскресенье, ужин на час раньше – почему–то пошли не на час, а всего на полчаса раньше, ни то ни се. С утра же сегодня по бараку пошли толки: “говорили” (кто??! когда??!!!), что на завтрак теперь в 7–30 вместо прежних 7–00.

Мне–то это только лучше: больше времени готовить СВОЙ завтрак, резать колбасу. :) Пошли в 7–30 – но тут же, вплотную за нами, пошел и 12–й; у ворот началась давка и неразбериха, рулить которой досталось отряднику 7–го и еще какому–то незнакомому “мусору”. Тут же вроде был и 4–й. Инстинктом почувствовав, что я здесь лишний, что если я тоже зайду в эту мышеловку через еле–еле, одному только протиснуться, приоткрытую воротину, то выйду очень нескоро – а мне ведь завтракать и в баню! – я, не заходя во двор столовки, развернулся и по обходной, под самой столовской стеной, дорожке пошел обратно. А пришедшие на 8–й после меня в один голос говорили, что у столовки все утро творилось нечто невообразимое – все бараки пришли практически одновременно; толчея, давка, неразбериха, столы заняты, и т.д. и т.п...

Быстро поел, к 8–30 – включение воды – успел в баню. Был приятно поражен: не может быть!.. неужели эти твари довели–таки баню до ума?! На обе двери – в раздевалку и с улицы в пристроенный уже потом, когда баня заработала, дощатый

предбанничек – поставили пружины!! Обе двери плотно пригнаны, из них в раздевалку не дует!!! А–бал–деть!!! :))) У самой двери – там я сразу, только войдя, нашел свободное место на лавке и крючок – можно раздеваться, не замерзая! Заходят, открывают дверь, холодно – но она закрывается плотно и хорошо! А уж когда вошел в зал для мытья – там было абсолютно ничего не видать от пара, но не было духоты, даже чуть–чуть было прохладно. Поставили вытяжку!! Неужели?!! Изумлению моему не было границ...

Не все, однако, оказалось так гладко. Пошел к 10 часам в ларек. Там – снята с забора прежняя массивная доска с расписанием отрядов по дням, стоит толпа, ларек еще не открыт, и новый ключник, хорошо мне знакомый по 11–му (оттуда весной он уходил на 2–й, на бесконвойку – видимо, списали) говорит, что, мол, расписание изменилось, в понедельник – только 1–й, 2–й и 11–й бараки, а когда 8–й – он не знает. Здрасьте! – а у меня лапши осталось только на сегодня... (И все ссылаются, что все эти изменения – столовка и ларек – инициатива нового зам. по БиОРа Баранова.)

Азербайджанская обезьяна с 11–го стояла там, во дворе ларька, с какими–то еще зэками, и упорно не отвечала на мои приветственные издали жесты. Но когда я заметил, что ключник, заходя в ларек, отдает ей ключ – я с изумлением понял, что и она теперь тоже тут работает. Это меняло дело. (А ключник – ее давний “семейник”, и я думал сперва попросить воздействовать в мою пользу.) Позвал ее по имени, она подошла – и, как ранее и ключник, сказала, что кассиршам дано строгое указание чеки не в свой день не выбивать, так что все бесполезно. Но я, хоть убей, не мог поверить, что “моя” кассирша, хорошо меня знающая и очень хорошо, лояльно относящаяся – не выбьет мне чек. Так что надо было как–то попасть внутрь.

Ларек открылся, стали запускать. Ключник с 11–го оттолкнул меня от калитки, несмотря на просьбу “семейной” ему обезьяны. Но – запустив всех “своих” ушел что–то узнавать внутрь, оставил ключ обезьяне – и та меня пустила.

Внутри обезьяна и другой здешний работничек – памятный мне еще по 13–му, потом по 11–му 20–летний здоровенный даун – шепотом предупредили: если что – ты с 11–го барака, мы подтвердим! (Несмотря, что на груди бирка была уже давно исправлена с 11–го на 8–й.) А то – на мой вопрос – зам. по БиОР тут каждое утро ходит, проверяет...

Я не очень поверил в это, но когда уже кончал отовариваться – этот дурак вдруг ворвался в ларек, что–то громко крича (не помню, что именно). В зале никого проверять не стал, пробежал

внутрь, в служебную дверь. Думал я еще помять здесь лапшу, похрустеть ею (на бараке, слыша этот хруст, могут начать орать) – но тут уж, не надевая даже шапку (держа в руках ее и 2 набитых пакета) поспешил, от греха подальше, свалить – и не только во двор, но и вообще с территории ларька, побыстрей и подальше. :) Не то чтобы я его боялся – мне даже хотелось уже пободаться словесно с этой глупой, но, видимо, агрессивной тварью; и я бы наговорил ему такого, чего никто ни на прежней его зоне, ни на этой никогда не скажет, – но это если уж припрет, если деваться будет некуда, если он меня поймает. А если нет – зачем самому нарываться? Удачно ушел, потратив увы, зараз целых 700 рублей. Пока стоял в мини–очереди (пара человек впереди, всегда бы так!..), азербайджанская обезьяна выпросила (за свою услугу – и глупо было бы отказать, еще пригодится она не раз) пачку чаю; а другую – я сам давно еще обещал сигаретчику. Так что минус 42 рубля, – потрачены не на себя. :)

Проверка в 12–10 была, как теперь всегда, по карточкам, но прошла относительно быстро. А еще до нее в "фойе" на стенде повесили новое расписание столовки. Из него следует: 8–й барак на завтрак – 7–30 вместо 7–00; на обед – 15–00 вместо 14–00; на ужин – 18–25 вместо 18–30 – ужин практически остался как был. Смена везде – последняя, вместе с 5–м и, по–моему, 4–м. Про ларек написано: 8–й – четверг, с 10 до 12 и с 14–ти (недавно говорили, что после обеда –только с 15–00; уже прогресс!) до 17–ти.

7.12.10. 9–35

Ничего интересного. С утра зарядки опять не было. "Макар" шлялся зато по нашему "продолу", как раз когда я готовил завтрак, – был на 12–м, 4–м, 13–м, к нам не зашел, – а потом стоял и муштровал своих насекомых возле столовки.

Все забываю упомянуть про этого нынешнего коменданта. Познакомились мы, когда он еще не был комендантом, а – летом – только недавно "поднялся" на 7–й. Сам как–то остановил меня в дверях 7–го, когда я шел с 11–го к "телефонисту" – типа, слышал, что я журналист, стал расспрашивать. Дядька уже немолодой, лет 50; стал рассказывать о себе: что он будто бы полковник ВДВ, президент какой–то федерации айкидо, или что–то такое; якобы руководил каким–то консультативным органом при Думе – что–то по вопросам ВПК, как он вроде бы уверял; и даже якобы в 2008 баллотировался (или только пытался?) в мэры Твери. Во всем этом я как–то сразу, интуитивно усомнился, – уж больно много называл он каких–то структур по вопросам ВПК и пр., о которых я никогда в жизни не слышал; а сам он сидит по 159–й, ч. 4 – мошенничество в особо крупных размерах, так что какая вера его

словам может быть?..

Так вот, там же, на 7–м, был тогда и прежний комендант зоны – чеченец (как я только недавно узнал), сидящий аж с 1993 г. Но его как–то однажды вдруг закрыли в ШИЗО – ударил он, что ли, кого–то, – и, видимо, поперли из комендантов. Сейчас он вроде бы неформально руководит местной мусульманской общиной, весьма многочисленной. Ну, и этого, “полковника ВДВ”, назначили временно исполнять обязанности коменданта, пока чеченец в ШИЗО – да так, видно, и оставили. Перевели с 7–го на 2–й барак. Как–то, еще недели 2 назад, при случайной встрече я его спросил, зачем ему нужна эта должность, – делать, что ли, нечего. В ответ он рассказал замечательную вещь: оказывается, должность–то ему не нужна (хотя к его словам я с некоторых пор питаю определенное недоверие), но Макаревич сказал ему, что уйти с нее он может только через ШИЗО – “за отказ от работы”. Ну, а тот думает про УДО, сидеть еще долго, – и в ШИЗО, ясное дело, не хочет, потому и остается комендантом (если верить его версии). Но цинизму администрации “Макара”, грозящей изолятором за отказ не от работы (которой нет) на “промке”, а за отказ от одной из высших зэковских должностей в зоне – нет предела...

8.12.10. 12–28

Среда. На улице не холодно, идет мягкий снежок. Зарядки так и нет. На завтрак пошли было по новому графику – и, не дойдя 5–го барака, вся толпа вдруг повернула назад; кто–то говорил: “Без 15–ти (8), нечего там пока делать!”. Я гулял по двору все это время – пошли только без 10–ти. Там, во дворе столовки – опять Наумов (как все последние дни) с 2–мя “мусорами” – и опять кто–то из них, запустив всю толпу, запер ворота цепью с замком – и все они ушли внутрь столовки. Ни выйти, ни войти! Взяли моду последнее время – запирать эти ворота столовки на цепь, – должно быть, чтобы не стоять рядом с ними на холоде, не охранять. Что–то подобное, я помню, было очень давно, еще году в 2007–м, когда только привезли сюда, – тоже, помнится, запирали тогда ворота на цепь; но потом она исчезла, года 3 не было – и вот опять... Режим “наворачивается”, ужесточается, прежде всего именно в отношении столовки: в соседнем проходняке было вчера вечером очередное взволнованное обсуждение стремщиками того, что в столовке теперь ни хлеба, ни, видимо, баланды даже – не дают, если приходишь без отряда, после него и т.д.; даже “ночным”, которые всегда обедали в 4 и ужинали в 7, отдельно от всех прочих, не дают. Т.е., стремщики, когда барак на обеде, остаются – “пробивать” “мусоров” блатным, которые в столовку не ходят, а

сидят с телефонами – постоянно, в т.ч. даже и в туалете, что сам я вижу тут постоянно. :)) Для них–то только и нужен, когда все прочие в столовке, на бараке стрем. Но блатным–то принесут жратву – частью из столовки, что получше (картошку и пр.), частью с ларька; а вот эти стремщики, пропускающие кто завтрак, кто обед, кто ужин, обречены теперь хронически оставаться голодными, на них заочно даже хлеба не дают. И поделом им! – за их верную службу блатным.

Пришли со столовки поздно, не успел еще кончить завтрак, – в 8–50 уже шмон–бригада, 30 человек, прется... на 7–й! Уф–ф–ф, слава богу, что не к нам!!. Были они там неожиданно долго, без нескольких минут 2 часа – перевернули, должно быть, все там вверх дном...

Еще они не ушли оттуда, как явился сигаретчик – налегке, без “трубы”. “Порадовал”, что, кроме “запрета” на телефон, ему только что блатные на 10–м “поставили запрет” на выход с барака куда–либо. “Косяк” он снял, так что водить никого никуда уже не водит, – но специально подчеркнул, что через 5 минут буквально после этого их “запрета” он уже у меня. Взял сигарет (от 5 привезенных в конце ноября блоков уже осталось 2 и еще чуть–чуть), обещал, что как только уйдут “мусора” с 7–го, он явится с телефоном – и не явился, конечно.

Проверку опять проводил отрядник, опять по карточкам, – но он хотя бы проводит ее быстро и выкликает не всех.

Лежал вчера вечером, вспоминал, размышлял, прикидывал свое будущее – желаемое и возможное. “Я хочу одного на свете – я хочу, чтоб вы сдохли, мрази!” Больше всего хочется не покоя, не отдыха, не элементарного даже бытового комфорта дома после 5 лет ужаса, – больше всего мне хочется их крови!!! И тех, что в мундирах, начальнички, навязывающие законы типа “о противодействии экстремизму”, и вот этих, которые тут вокруг меня – пьянь, быдло, нечисть, праправнуки крепостных – и тоже упорно лезут мною командовать. Я все отдал бы за то, чтобы их, выстроенных в цепь, со связанными руками и ногами, лично выкашивать очередью из пулемета, даже чтобы лично отсекать им, привязанным к дереву, головы большим, сверхострым ножом...

13–49

Пока переписывал – в “фойе” на стенде повесили “график посещения магазина ФБУ ИК–4”. Так и есть! – рано я обрадовался – после обеда он работает на с 14, а с тех же самых 15 часов.

9.12.10. 12–40

Главным – и наиболее идиотским! – событием вчерашнего дня стало то, что накрылся мой “запасной вариант” – причем

исключительно по собственной глупости и на моих же глазах. Когда шли на ужин, строились у ворот столовки, когда уже зашли внутрь – стоявшие у ворот “мусора” – Веселый (которого теперь велено именовать “Смешной”, дабы не путать с “подложенцем”), отрядник 5–го и еще какие–то двое то и дело шмонали кого–нибудь, заставляя подымать руки, расстегивая одежду и ощупывая все тело, – как идущих туда–сюда через ворота, так и мимо столовки по “большому продолу”. Главным заводилой в этом деле был, разумеется, Веселый (Тумаев), вообще большой “шутник” и хам. И я, стоя во дворе столовки, когда они остались одни у ворот – сначала в темноте не видел, кого именно они там опять шмонают перед воротами; заметил только, что докапывались очень усердно; тот говорил: мол, давайте, я сам достану, – а те не соглашались, и отрядник 5–го упорно лез ему куда–то дальше под одежду. Я мельком, в шутку, подумал, что, м.б., там телефон, – но кто ж пойдет сюда с телефоном?!. И лишь когда постепенно, не сразу, я различил под знакомой шапкой знакомые черты лица, а потом услышал ворчание Веселого: мол, сопротивлялся, а теперь еще просит “симку” отдать! – я понял весь смысл случившегося.

Этот дурак, под 40 лет, притащил “трубу” с собой к столовке – этого не сделал бы ни один из этих глупых малолеток, столь досаждающих ему здесь (он делился со мной тихонько, приходя клянчить чай, шоколад и пр.), да еще и шел один, опоздав, после всего барака. Его прошмонали просто так, потому что у Веселого было веселое настроение, – и вот результат!

Короче, один из остававшихся еще относительно надежных каналов связи теперь утрачен. Не знаю уж, отдали ли ему “симку”, не спрашивал. Он–то – позвонить домой – найдет себе и “симку”, и телефон, благо тут они почти у каждого; а вот мне теперь его помощь не светит. Остаются: сигаретчик, свой человек и основной, почти единственный теперь вариант; и блатной узбек–азиат – вариант очень тяжелый, почти безнадежный, я и упоминаю–то его больше для формальной полноты картины...

Хорошо еще, что с “трубы” сигаретчика я вечером успел еще раз набрать матери – сообщить об этом печальном событии. Сигаретчик заходит теперь часто, по несколько раз в день – чаще за куревом/чаем/сладким, реже с “трубой” – звонить или чинить ее.

Сегодня утром на мой вопрос он ответил, что да, шмон сегодня готовится, скорее всего будет. Этим он сразу омрачил еще больше мое настроение. Это на воле, когда перечитаешь, будет казаться – боже, какими мелкими, пустяковыми, смешными были эти страхи, как это все теперь далеко, неправдоподобно

даже, как мелко и смешно. Но здесь и сейчас, внутри этой колючки и вышек с автоматчиками, в этом железном загоне, из которого некуда деться, нельзя вырваться, – шмон есть событие серьезное и даже грозное...

Когда в районе 9 – начала 10–го примерно проорали, как всегда: “Шмон–бригада на большом!!!” – я почти не среагировал, как будто и не слышал; и мозг, и тело как будто окаменели, застыли, как на сильном морозе, – ни паники, ни суеты, как бывало раньше, а только вот это оцепенение и безразличие... Все необходимые приготовления, которые я мог сделать заранее, были уже сделаны. И – они пошли на тот “продол”, на 3–й! Их было всего 8 человек. Когда я в 10 утра пошел в ларек, я видел, как они выходили с того “продола”. Один ехал впереди на телеге, где лежали – издали не разобрать – какие–то доски, – видимо, щиты со шконок, как всегда теперь. Остальные – 8 громил в камуфляже – шли позади, и один нес в руке пакет с чем–то, отобранным у кого–то. Вот так же могут нести и с моим одеялом...

А вчерашний шмон на 7–м, как сказал сперва сигаретчик, потом подтвердил и кто–то на бараке (говорили между собой), был не просто так, а местью за “вбросы”. С воли через “запретку” удобнее всего кидать “запреты” на двор 7–го, и кто–то с 7–го (или с 3–го) их подбирает, прячет, отдает владельцам и т.д. И вот за эти–то вбросы 30 “мусоров” массированным, до состояния “вверх дном”, шмоном наказывали вчера ВЕСЬ 7–й – а отнюдь не только тех, кто ловит бросаемое.

Пока писал – заходил сигаретчик, сказал, что из–за утреннего (всего на час где–то) отключения света “Мегафон” не работает, сети нет; так что пока домой позвонить я не смог. Надеюсь, смогу вечером.

15–34

Сегодня перед утренней проверкой, гуляя по двору, заметил на дворе 5–го знакомого. Дядька 44 лет, очень солидный, явно не криминал, сидит 1–й раз за какую–то ерунду – и потому привезен летом с “девятки”, был сперва на 9–м бараке, потом со мной на 11–м, а в памятный день “раскидывания” 3.9.2010 попал на 5–й. Я видел его в это же время и вчера, а до того – долго что–то не было. Спросил – говорит: отбывал 15 суток в ШИЗО. За что же?! – дядька поведения очень приличного, не шалопай. – А за бороду, – говорит. Точно, была у него всегда очень аккуратная, ухоженная, красивая седая борода, а сейчас – гляжу – нету! “Макар”, говорит, увидел – и распорядился отправить в ШИЗО, хотя борода абсолютно нигде не запрещена, а только написано в их “ПВР”, что зэк, мол, должен опрятно выглядеть; уж опрятней этого бородача

вообще было поискать. С другой же стороны – никаких взысканий у него нет, не то что изоляторов; но тем не менее – ни устный выговор, ни письменный даже, а прямо сразу в ШИЗО! И, говорит, в постановлении было написано–то отнюдь не про бороду, а – что он якобы зашел в кабинет к отряднику и нагрубил ему!..

А вчера имел место пустой разговорчик с нашим отрядником. В обед он вышел из столовки на пустой двор и меня, одиноко там гуляющего, наконец–то спросил, почему я не питаюсь в столовой. Я сказал, что вот как перевели на 8–й, так и не питаюсь – и вкратце рассказал сентябрьскую историю занятых столов. А заодно – и то, что в хлеборезке не дают теперь хлеба, так что, бывает, приходится без хлеба сидеть. Он пообещал решить проблему, найти мне место, и т.д.

Следствием, однако, было то, что 18–летний цыганенок–подметальщик, обедающий после барака, вернувшись, вдруг вручил мне мою обеденную пайку – но так и не мог ответить, кто именно ему ее дал. Что ж, спасибо. А незадолго до ужина в “фойе” накинулся на меня шнырь–заготовщик, мерзкая гопота лет 20 с небольшим – он, как я уже знал из разговоров, и получает в столовке хлеб. Мол, почему ты не ходишь в столовую? – А что такое? – На тебя жалуются. – Кто жалуется? – Отрядник. :)) Отрядник ему на меня, оказывается, жалуется, ничего себе!.. Точнее, конечно, он просто сказал [запись оборвана]

16–20

Опять не успел я дописать – опять прибежал сигаретчик...

В общем, шнырь в приказном порядке потребовал, чтобы в ужин я зашел в столовку, получил пайку, а то, мол, ему отрядник выговаривает. Я спросил, почему он не может принести и отдать в бараке, и на его ответ (дословно не помню, но что–то хамское, как обычно) – сказал от всей души: “Подавитесь этой пайкой!”. В столовку я так и не заходил, но сегодня после обеда, как раз когда я писал об этом, – тот же цыганенок опять принес мне обеденную пайку и на мой вопрос, шнырь ли ему дал, ответил: “Да я у него сам беру”. Дай бог, чтобы подольше хватило его энтузиазма брать мне хлеб, – м.б., проблема хоть отчасти решится; а сам цыганенок, видимо, неплохой парень, не злобный; сидит уже 2–й раз, до этого сидел на малолетке; и в свои 18 лет уже женат и имеет ребенка!

А сигаретчик приходил сейчас – можем ли пойти в ларек, выбить узбеку, с которым он на 12–м чинит телефоны, 500 р. за зарядник? А то без зарядника беда – ходить, просить кого–то, чтоб дали зарядить “трубу”. Что ж, это хоть на дело, – пошел, отдал. Общие траты в ларьке, таким образом, составили сегодня аж 1029 р. – кошмар! По–моему, столько в один день я не тратил

ни разу, что сижу здесь...

22–30

Нет, не позвонил и вечером – Мегафон так и не работает; билайновскую или НСС–овскую "симку" попросить не у кого – всех перебрали сейчас с сигаретчиком. Мать, наверное, там сходит с ума...

А вчерашний разговор с отрядником, как я и думал, ничего в ГЛАВНОМ вопросе за собой не повлек: место в столовке мне найти ни вчера, ни сегодня никто даже не попытался...

10.12.10. 9–03

Утро. Заходил сигаретчик, затарился всем. Мегафон так и не работает.

Мне осталось сегодня ровно 100 дней...

9–23

Охренеть!.. Пятница, но опять – только что – шмон–бригада! На сей раз на 6–й, 7 человек. Хорошо, что я завтракал, не зная и не ожидая этого, а то бы кусок в горло не полез...

Пока это писал, на 6–й зашли еще трое. Итого 10 уже...

11.12.10. 9–21

Безумный был вчера день... Мегафон заработал только вечером, и между ужином и 7–часовой проверкой я и сигаретчик успели позвонить своим. А до этого, в начале 5–го, – от отчаяния, бессилия, безысходности – надумал я попробовать последний вариант – пойти к этому своему приятелю в библиотеку, спросить, нет ли "симки" у него. Сигаретчика взял с собой, чтобы, если тот даст "симку", не искать и не ждать его потом.

А надо сказать, что тут вчера вдруг наступила весна! :) С утра все стало таять, потекло, закапало; кругом лужи и гололед, причем у двери барака и за воротами "нулевого" (где еще и под уклон) – такой, что идти невозможно. Короче, библиотекарь мне сказал, что "симки" у него нет – но по дороге к нему, в темноте, у самых дверей библиотеки – там какая–то впадина, неровность почвы, и эта впадина была заполнена водой. В этот мини–пруд я и попал в темноте – сперва одной ногой, а потом, уже выходя – и обеими. Насквозь!!! :) В предбаннике библиотеки, сделанном из фанеры, тоже было воды по щиколотку, и положены дощечки, чтобы ступать на них – но куда там!.. Тряпочные "коты", 3 пары стелек в них, носки трикотажные и шерстяные – все насквозь мокрое, а в бараке – специально спросил у "обиженного" стирщика, заведующего всем этим хозяйством – сушить негде. Что ж, стельки повесил на торец шконки, они уже не такие мокрые, подсыхают; а когда высохнут "коты", страшно и подумать. Не дай бог, завтра мороз!.. Одел осенние ботинки – хорошо, не успел отнести их в ремонт, как собирался! Пошел в

них на проклятый ужин – и на “продоле”, в темноте”, тоже влез обеими ногами в лужу, но – не промок, кожаная обувь выдержала. И все–таки – после последней проверки, чуть попятившись, чтобы пропустить прущую к двери барака толпу насекомых – все же по скользкоте съехал одной ногой в глубокую канаву с водой под самой стеной барака и черпанул–таки! Но, слава богу, не так сильно, как в библиотеке, а ботинкам из кожи намокание не грозит.

В утреннюю проверку вчера отрядник сказал, что сейчас будет осмотр внешнего вида (записал одного, кто вместо зимней шапки был в “феске”), а проверка по карточкам – когда–то потом: то ли еще какая–то проверка в 2 часа, то ли вечером (чтобы вообще не успеть поужинать, ага!..) – я толком не понял. Но – не было! :) Обошлись как–то один день без карточек!..

Пошел сегодня на завтрак – на стенде у столовки висит объявление, что какой–то парень с 5–го барака, с татарской фамилией, 1990 г.р., ст. 158, срок 3 года – осужден Тоншаевским судом на 5 лет за “нападение на представителя администрации”. Вот так! Добавили!.. Жаль, что он не убил совсем этого “представителя администрации”. А Тоншаевский суд, мне 5 раз отказавший в УДО – я давно думаю – стоило бы взорвать, или хотя бы шмальнуть по их окнам из гранатомета...

А этих, кстати, мне не жалко, сколько бы им ни добавляли. Гопота в соседнем проходняке – те самые стремщики, прятальщики телефонов и пр. – собираясь там всей толпой, попеременно со своими стремщицкими, барачными, лагерными и пр. делами периодически с жаром обсуждают, как лучше грабить на воле, на улицах – как нападать на прохожего сзади, как именно его бить, можно ли бить ногами, и пр.; самая идея же – напасть, избить, повалить, чтобы отобрать телефон, деньги и пр. – у них не подвергается ни малейшему сомнению, считается чем–то само собой разумеющимся; спорят только о технике. Ну, это на кого попадете, ребята, – могут вам и так навалять, что долго в больнице лежать будете; а я бы предпочел, чтобы побольше народу носило пистолеты – и такую вот мразь при первой же попытке нападения просто отстреливало. Последние новости, пока пишу – эти ублюдки, мои гопнички–соседи, уже “ставят” 50 (!) литров браги, чтобы выгнать из нее 10 литров самогона к Новому году. Надо ли говорить, что именно это пойло – главная причина повальных предновогодних шмонов каждый год и главный объект поисков?..

13.12.10. 13–02

2 дня подряд приходил с утра сигаретчик – и занимался долгой, нудной и безнадежной починкой своего телефона. Это

страшная рухлядь, хотя всего–то 2007 г. выпуска; что ни делай – у него уже 3 батарейки к ней, хороший зарядник и пр. – все без толку! То телефон каждые несколько секунд отключается, – якобы, по словам сигаретчика, слишком (!) сильно заряжена батарея и ее надо слегка разрядить. То накрываются контакты в самом телефоне (принимающие питание от батарейки, видимо), то еще что–нибудь. По часу и больше он возился вчера и сегодня прежде, чем я смог позвонить матери.

Вчера я из–за этой его возни и завтракал только в 10–м часу, когда смог наконец позвонить. Сегодня я кончал завтрак, когда он пришел. Очень быстро выяснилось, что я был прав, решив отложить поход в баню до 10–30. Не было еще и 9 утра, по–моему, – уже “шмон–бригада на большом!!!”, хотя сегодня только понедельник, а не среда. Сигаретчик убежал было, судорожно рассовав все барахло от телефона, батарейки и пр. по рукавам и носкам, но как только выяснилось, что шмонать пошли на тот “продол” – тут же вернулся.

В бане не было вообще никого, когда пришел я и несколько человек с 3–го, из которых одного я знаю по длительной свиданке, кажись, еще с 2009. Боже, какое это наслаждение – спокойно раздеваться, на свободной лавочке, не теснясь и не толкаясь, когда нет этой безумной, оголтелой толпы подонков! “Лейки” все, на удивление, работали; правда, открывавший воду банщик сказал, что воды мало – на час не хватит, не больше, чем на полчаса; но я успел. Одевался же я вообще в свое удовольствие – в абсолютно пустой раздевалке, куда вышел первым; и долго смотрел, не в силах поверить, на новое чудо: полосу толстой белой синтетической теплоизоляции, набитой на притолоку, чтобы не дуло из входной в раздевалку двери...

Вот и все пока, собственно. Во время проверки неведомо как просочилась в барак очередная “комиссия” – Демин, начальник санчасти, и какой–то невысокий, седой, в очках, который, кажется, на моих глазах выходил из его кабинета в одну из прошлых “комиссий”. Как они зашли, я не видел, и был очень удивлен: отсчитанные по карточкам резвенько побежали в барак, не дожидаясь конца проверки, “мусор” их остановил – а они стали ему объяснять, что, мол, в барак зашла комиссия – и надо убрать “лишние вещи”. Он, тем не менее, никого туда уйти не пустил (а угроза у них у всех при любом споре одна: мол, я сейчас начну заново (считать по карточкам). И никому, конечно, не приходит в голову сказать ему, что, мол, а мы сейчас уйдем в барак и не станем заново проверяться по карточкам...). Я слышал, как все же как–то проникший в барак сучонок–“дорожник”, битый мною в сентябре ногой в грудь :), говорил блатным, пока

досчитывали по карточкам: мол, “их” (“комиссию”) никакие “лишние вещи”, пепельницы и пр. вообще не интересуют, на них и не смотрят, а – сколько шконок, табуреток и т.д. Один из главных блатных на это отвечал, что (по его сведениям неведомо откуда) кто–то “по тылу” должен был приехать из УФСИНа (т.е. из Нижнего, видимо) только в среду. И лишь увидев Демина, до тех пор не упоминавшегося, я понял, что “комиссия” эта скорее могла носить – так или иначе – санитарный характер, нежели режимный.

15.12.10. 12–33

Среда, шмонный день – но шмона не было. Вчера зато был на 7–м – уже 2–й за последнее время, но, правда, шмонали не 30 человек, а 8. Вчера же на утренней проверке отрядник объявил, что завтра (сегодня) приезжает очередная комиссия – “начальник управления по тылу” (видимо, зам. начальника нижегородского УФСИНа по тылу). Новый год на носу, а они, суки, все ездят, не сидится им дома... Пожелания отрядника по такому случаю были: всем ходить в зимних шапках (самый ведь “тыл” – шапки! :); в столовку идти строем, а не тянуться по одному; будут ходить по баракам – вставать и здороваться; ну и – “убрать все лишнее”, как всегда.

Ждут комиссию, да еще и суд в штабе сегодня (библиотекарь идет), – м.б., поэтому и не было шмона. С утра, выходя на завтрак, мелкие сучки–“дорожники” уже тявкали на всех, что, мол, “давайте дождемся остальных”, – вот уж и вправду “черный СДиП”, как некоторые называют здесь таких. После завтрака понесли из секций в раздевалку телаги (особенно смешно, что многие – на вешалках–“плечиках”, т. е. явно не для общей раздевалки предназначены), меньше – сумки; но безумной паники и истерики, как обычно бывает, на сей раз (пока!!!) не было. Про комиссию доселе не слышно, все спокойно; обычный приход отрядника в 11, обычная проверка им части отряда по карточкам... Но телефоны (все ли, или большинство, хрен их знает) блатная шелупонь велела убрать до вечера – и на этом бараке, и на прочих (10–м, напри мер).

Сегодня должны объявить новый приговор Ходорковскому. Главное событие всего последнего времени; примета недалекого уже, с марта 2012, будущего. Надеяться на что–то хорошее, на какую–то хотя бы относительную мягкость приговора – нет никаких оснований. К вечеру узнаем – если (пришло мне утром в голову) его не будут из–за колоссального объема зачитывать несколько дней, как это было, по–моему, с первым приговором в 2005 году.

С утра еще ничего, но часто дикое, мучительное чувство

усталости, бессилия и безразличия ко всему, отупения какого–то, охватывает к вечеру, – хотя надо бы радоваться, что вот еще один день прошел, все меньше их остается (95 на сегодня). Но нет буквально никаких сил – ни физических, ни моральных – собираться, одеваться, вновь и вновь каждый раз обматываться шарфом, натягивать проклятую шапку – ползти на на хрен не нужный мне ужин или на опостылевшие эти проверки; плетешься, как заводная кукла, из последних сил, по снегу и льду, ничего уже не соображая и не желая – не остается сил желать даже освобождения и думать о нем... Вымотался... Укатали сивку крутые горки... Будьте вы все прокляты, суки – и те, и эти, в робах и в камуфляже – за все это что мне пришлось здесь пережить!..

16.12.10. 6–35

Опять не давали спать эти ублюдки в соседнем проходняке, гопники–“стремщики”. В 3 часа ночи проснулся от истошно вопящей музыки – слушали ее через телефон. Несколько ночей назад это был какой–то фильм, скачанный из интернета, тоже с постоянными истошными воплями и визгами, тоже на телефоне. Казалось бы, какая уж там особенная громкость у телефонного динамика? – но в ночной тишине это визжало и орало так, что я просыпался. С вечера еще эти ублюдки опять притащили из “козлодерки” абажур с проводом от настольной лампы, которую пару ночей им там не давали – то ли впрямь забирал отрядник, то ли просто запретил давать; саму же лампочку на сей раз просто выкрутили из люстры в секции. Формально вроде бы как – из их разговоров – свет нужен одному из них, уборщику телефонов, для того, чтобы их убирать, в темноте он не видит. Но – он их начинает убирать только в 5 утра, а свет, да еще и визг музыки, и галдеж всей этой мрази, собирающейся в этом проходняке – не дают мне спать всю ночь...

О чем бы эти ублюдки ни говорили – о прятанье ли телефонов, о шмонах, о браге своей, о методах грабежа на воле, о своих “приходах” от наркотиков или о том, как они напивались на воле, – меня трясет от омерзения. Как хотите, а для меня это мясо, не более того. МЯСО, говядина, с которой можно делать все, что угодно – от отбивания до запекания. :) Права на жизнь для этих ублюдков, уголовников–грабителей и бессмысленных алкашей (их родители, родственнички, друзья и подельники на воле – а все вместе это большинство населения страны) не существует, жить они не должны. Их надо убивать, уничтожать; везти из милиции не в ИВС, а сразу в крематорий – и живьем в печь! Иначе эту биомассу, эту мразь нам не одолеть никогда. Они должны умирать – тайно, тихо, но неотвратимо и без всяких ненужных судопроизводств – чтобы могли жить и дышать

нормальные люди. В это МЯСО любая пуля, любой выстрел – благо, в отношении их нет никаких запрещенных приемов, ни здесь, ни на воле, – эту мразь, это пьяное быдло и уголовников–грабителей и воров надо не то что дубинками, а ядовитыми газами травить, уничтожать радиацией, напалмом, всем, чем угодно, – эта биомасса жить не должна, она должна подыхать, дико воя и корчась в пламени крематориев под наши аплодисменты...

А вчера вечером очень удачно дозвонился ребятам на Онежскую, на их "КС" еженедельный по средам. Там оказались Низовкина и Стецура, девушки из Улан–Ужэ, прославившиеся уже своими листовками и судом над ними по 282–й ст. УК. С Низовкиной мы говорили долго, со Стецурой – поменьше, под конец (дело шло к последней проверке в 21–30) . Говорят они, что суд продлится еще долго, месяцы, – обсуждение выводов экспертиз их текстов, потом прения сторон, – по такому делу все это занимает очень много времени. Если приговор будет не к реальному сроку – хотят потом перебраться в Москву и заниматься делами как бурятскими, так и вообще национальной тематикой – в том же антиимперском ключе, что и я. Т.е., сотрудничеству нет альтернатив, я надеюсь, мы сработаемся с ними. Не знаю только, хватит ли им жесткости, душевных сил – воевать с такой же беспредельной ненавистью к врагу, как та, что чувствую я...

12–32

Последняя громкая (для меня) новость – прошел–таки вчера суд библиотекарь с "девятки", Андрюха, к которому я ходил, и где–то перед Новым годом, 25–го или 27–го – уходит по УДО! Сообщила мне эту новость азербайджанская обезьяна с 11–го в ларьке, как только я пришел сюда сегодня утром. Вот уж не думал, что с громадным (по словам самого Андрюхи) иском его отпустят!.. Вряд ли встретимся теперь когда–нибудь, хоть и обменялись телефонами: я освобождаюсь позже его и должен буду звонить первым, – едва ли у меня будет такое желание...

Сама обезьяна ходила пока только на "комиссию" из зоновского начальства, которая горячо поддержала его освобождение по УДО. Суд еще предстоит.

Приговор Ходорковскому вчера отложили на 27–е – нарочно, видимо, потому что ни здесь, ни на Западе (Рождество!) он в это время, естественно, уже не привлечет такого внимания, какой привлек бы вчера, – и пресса, и власти, и обыватели заняты праздничной, предновогодней суетой...

Сигаретчик попросил, чтобы мать привезла ему из Москвы 2 пачки его любимых (считающихся здесь роскошью) сигарет

“Капитан Блэк”, которых нет(!) в Шахунье. Мать, естественно, как я и ждал, устроила по телефону истерику с визгом, криками и причитаниями, едва я сказал, что пачка стоит 100 рублей.

Комиссия так и не появляется, – сомнения даже, есть ли она вообще…

18.12.10. 12–45

Опять ночью эти мрази в соседнем проходняке не дали спать. От силы 3 часа проспал: лег только пол12–го (вечером дозвонился–таки до Лены Маглеванной, впервые с ее эмиграции из России, и целых полчаса очень хорошо проговорили с ней, в основном о планах на будущее). Проснулся где–то около полтретьего – и уже не дали заснуть: у ублюдков горела лампа и гремела из телефона музыка (поганые блатные песни). Я знал, что уже не уснуть под это, хотя и добросовестно пытался; только под утро, в 5–м часу где–то, выключили музыку – но уже надо было вставать. После подъема быстро приготовил себе завтрак, лег – и тут же провалился в сон; но надо же не проспать проклятый ИХ завтрак (хотя в их столовку я так и не захожу!) – с перерывами, поглядывая на часы, подремал немного – и на мороз, с утра бывший очень сильным (сейчас на проверке один говорил, что утром было минус 27˚, сейчас – потеплее, градусов 20). После завтрака хотел лечь, подремать еще, если получится – но явился сперва сигаретчик с телефоном (хоть позвонить матери…), а потом – совершенно неожиданно для субботы и к тому же необычно рано – отрядник. В общем, поспать не дали. Самое страшное, самое трагическое здесь, в этих тюрьмах и лагерях, среди этой злобно–бессмысленной малолетней гопоты – это когда она не дает тебе спать… Сойти с ума, заболеть, обессилеть, сдохнуть – все возможно тут, и все это начинается с того, что круглые сутки тебе не дают спать.

Еще одно расстройство – чем мельче оно кажется, тем досаднее, до полного остервенения: этот ублюдок, “обиженный”, который стирает мне здесь вещи и которого я знаю еще с лета 2008, он при мне “поднимался” на 13–й – потерял, сука этакая, мои носки! Целых 2 пары!.. В понедельник, после бани, как всегда, взял все вещи стирать – и только сегодня, в субботу, после 3–х дней уговоров, принес их мне – они висели в холодной дощатой “обувничке” и, разумеется, все замерзшие, покрытые инеем, а оттают – абсолютно все мокрые, за неделю почти висения там и близко не высохли; если б этот ублюдок принес мне их во вторник, допустим – давно бы все было сухое! А где носки? – спрашиваю. – Я тебе их вешал на дужку. – Когда?! Т.е., типа, он мне ДАВНО УЖЕ их туда повесил – а там висят чужие, и сосед подтверждает тут же, что это его. В общем, этот ублюдок–

стирщик буркнул мне потом, что, мол, “посмотрит” – но уже ясно, что носков нет, 2 пары, в том числе одна новая, только в конце ноября привезенная матерью – пропали, как постоянно пропадают здесь на всех бараках у всех (у блатных даже) вещи, стираемые этими тварями...

Как тяжело, невыносимо, до рвоты омерзительно жить день за днем среди всех этих гнусных тварей, в этом жутком зверинце, и как я еще не сошел с ума за 5 лет такой жизни, – нет слов, чтобы про это рассказать... Будьте вы все прокляты, чтоб вы все передохли, мрази!!!

19.12.10. 6–55

Гнусно, омерзительно, невыносимо... Основных, самых омерзительных факторов – 2: ублюдки в соседнем проходняке, не дающие спать, и не работающий де–факто телефон сигаретчика. У гнусных насекомых в соседнем проходняке – и сегодня, как КАЖДУЮ ночь – свет и музыка вовсю; музыку врубили и свет зажгли, еще я не успел и лечь, 12–ти не было . Спал в эту ночь тоже очень мало, урывками – вроде чуть–чуть удавалось подремать даже и несмотря на музыку, уже под утро. Кроме того, сейчас эти мерзкие твари озабочены, уже несколько дней, еще одним важнейшим делом: самогоном. “Ставят” брагу на конфетах (карамельках), озабоченно слушают, как она “гуляет”, и еще более озабоченно обсуждают, куда тащить баулы с канистрами, в какую сторону, на тот ли “продол”, или еще куда, если “пробьют шмон–бригаду”. В выходные–то вряд ли, но вчера Окунь и Лялин, как они любят в свое дежурство, весь день, утренней проверки, своими силами шмонали разные бараки. На 8–й не заходили, но когда были на 4–м (над нами), по–моему, – насекомые схватили свой баул и потащили куда–то вон из барака, прятать...

А сигаретчик вчера явился (последний раз за день) почти сразу после отбоя – и около полутора часов пытался позвонить со своего телефона, а тот постоянно отключался – то в первые же секунды после включения, то чуть погодя, когда сигаретчик уже начинал звонить. Как хорошо, что я, в предчувствии такой ситуации, 2–й раз за день позвонил матери еще в 4 часа дня, когда сигаретчик тоже заходил! В общем–то, телефон его – не рабочий, сломанный (все говорят ему, что там сдыхают “мозги” – не знаю, процессор, что ли, они так называют, или что еще...); позвонить по нему удается разве что случайно, когда он почему–то не капризничает и не отключается. Т.е., нормальной, стабильной связи у меня по–прежнему нет здесь – и в последние месяцы, как в первые... Блатной азиат вышел вчера из ШИЗО, но его можно не считать...

А вся эта ночная жизнь в бараке (во всех бараках!), с

активной беготней, картами, наколками, брагой, выключением верхнего света дай бог в 11, а то и в 12 ночи, с личными лампочками в каждом проходняке, с музыкой и галдежом всю ночь, после чего утром насекомые заваливаются спать, а я страдаю без сна сутками, – все это, между прочим, вполне себе повод для жалоб (с воли, естественно) и на отрядника, не могущего в своем отряде обеспечить порядок и соблюдение их же “ПВР” (отбой в 22 ч.!), и на “Макара”, и т.д. и т.п.

20.12.10. 12–26

Понедельник. Началась 13–я неделя до конца. Мне осталось здесь ровно 90 дней...

Поразительно, как легко – после стольких потраченных нервов – сигаретчик нашел решение проблемы своего телефона! Кто–то на 12–м дал ему батарейку от телефона Nokia – и с ней “труба” стала работать нормально, безукоризненно, ни разу не отключаясь, когда не надо! И когда там же, на 12–м, телефон “прозванивали” (проверяли каким–то прибором напряжение внутри и т.д., точнее я не знаю) – результаты показали, что он далеко не такой полумертвый, как при предыдущем “прозванивании” со старой батарейкой. Подтвердилось мое смутное ощущение, что дело тут было именно в питании, а не в “мозгах” телефона, возникшее еще тогда, когда на днях сигаретчик объяснял мне про эти самые “мозги”.

Ту “нокиевскую” батарейку надо было вернуть, но взамен нее там продавали за 200 р. тоже “нокиевскую”, но совсем новую. Деньги надо было положить на телефон владельца – я попросил мать, продиктовал цифры, и сегодня она должна это сделать. Таким образом, главнейшая проблема – со связью – слава богу, вроде бы решилась.

Морозы страшные, за 20° точно – нос слипается сегодня с утра при малейшем вдохе. Естественно, как я и ожидал еще осенью – баня не работает. :)) Пошедший было туда типчик из соседнего проходняка (но живущий почему–то в моей тумбочке) быстро вернулся и сказал что–то типа: “трубы не прогрели”. Скорее, трубы просто полопались от таких морозов, но как раз в это время сидел здесь сигаретчик, строчил свои СМС–ки, а движения в бараке – обычных сборов и выходов с пакетами и тапками – не было вообще никакого; так что я, поняв, что нет смысла зря таскаться по морозу, не пошел.

Шмона, слава богу, тоже нигде не было, хотя с утра уже я был наготове. То ли морозы мешают, то ли – сейчас “козлы” в проходняке напротив меня говорили, что “Макар” выйдет 27–го (а сейчас он где?) – м.б., тогда и начнется эта вакханалия повальных шмонов в последние предновогодние дни?..

22.12.10. 6–30

Опять ублюдки в соседнем проходняке всю ночь галдели и ржали, всю ночь жгли свет, слушали музыку и т.д. Но – повезло: проснулся в 2–15 (как раз стандартные 3 часа, как лег) – и потом смог заснуть опять, до 4–35, еще полтора–два часа проспал. Ну, уж действительно повезло! :) А компашку за "шкеркой" – пришла мысль – из темноты неожиданно вломиться и переломать бы им с маху бейсбольной битой все ребра, раскроить черепа...

За сигаретчиком, видимо, слежка на 10–м и впрямь серьезная, – вчера он приходил всего дважды, но домой я смог позвонить только 1 раз, – во второй было и рано еще, и у него, по–моему, разрядилась батарейка. Второй вечер вчера напрасно прождал его после отбоя (хотя, конечно, до этого его постоянное присутствие, когда он сидел здесь со своими СМС–ками и звонками "любимой" (и глупейшими разговорами с ней – пытался насильно заставить ее познакомиться с его матерью), а я при этом не мог нормально лечь, т.к. он занимал треть, а то и половину шконки, – очень напрягало, особенно как раз после отбоя, когда уже хочется спать.

Сходил вчера сфотографировался на паспорт. Пришел в начале 10–го – и как раз одновременно со мной с вахты зашел туда же, в "нарядную", вольный фотограф. Было всего человек 5–6 с разных бараков, с 8–го – я один; а остальных (с одного 8–го – целый список) пришлось потом вызванивать оттуда и здесь дергать "козлам".

Днем вчера потеплело и опять завалило снегом всю зону, мело весь день и вечер. С утра не холодно, но и не оттепель, конечно. Шмона вчера не было, но вполне может быть сегодня, – среда. Мне осталось 88 дней.

12–28

Мороз усиливается, – поторопился я написать, что не холодно. Идет легкий снежок. Приходил утром сигаретчик, – вчера, как я и думал, он не мог вырваться. Позвонил домой; но "труба" эта опять работает отвратительно – отключается то и дело; недолго музыка играла!.. Сигаретчик говорит – то ли провода там отходят, которыми присоединена (вместо нормальных контактов) батарейка, то ли телефон замерзает, хранясь на улице, – но, во всяком случае, три дня мы радовались, а потом все опять стало так же, как было...

Пока он сидел у меня – поперся шмон на 9–й, – 5 "мусоров", потом еще 4. С утра, после подъема, забился туалет, – наглухо, не работает до сих пор, "обиженный" работяга полдня уже носит оттуда ведром воду. В общем, та же тягостная, тошнотворная история, что была и на 11–м – только колодца здесь нет, он во

дворе 4–го, с той стороны корпуса, и перед проверкой были слухи, что его пробивают. Тот же тягостный, невыносимый, мучительный, привычный уже лагерный бред...

23.12.10. 11–04

Страна идиотов, будь ты проклята! Населенная тупым, пьяным быдлом, ничего не умеющим, ни к чему не способным – только пить да воровать... Руки из жопы растут у этих "кулибиных", которыми почему–то на Западе так прославлена Россия, – и прав известный перестроечный анекдот про японца: "Дети у вас хорошие, а все, что вы делаете руками – отвратительно!"...

Туалет вчера не работал весь день. Только вечером пришли его пробивать, как обычно, стальным тросом штатные ассенизаторы–зэки с "кечи", его и колодец во дворе 4–го. Пробили; после отбоя все уже работало (и выстроилась очередь на час). С утра сегодня, перед подъемом – все было еще нормально; но с подъема – ОПЯТЬ!!! Та же картина: пол по щиколотку залит водой, один "обиженный" бедолага вычерпывает ее байзером (объем – 1 литр), а другие, уже двое – выносят и выливают во дворе в дренажную канаву налитое им. И конца–края этому не видно (носят уже опять с подъема вот до сих пор), как не видно и ассенизаторов с тросом. Поистине: вот она, дурная бесконечность русской истории...

В начале 10–го – опять прется шмон–бригада на тот "продол" – но оттуда вдруг перелезает "дорогой" (узкая щель в железном заборе, всего–то 1 прут вынут) на 4–й – и, по всей видимости, шмон на 4–м. Первый за этот Н.г. шмон на нашем "продоле".

Сходил в ларек. Хлеба так и нет – но обещают, что скоро он будет, т.к. "сделают" печь в пекарне. Когда "скоро"? После Нового года, что ли? Мне осталось тут всего 87 дней, 12 1/2 недель...

24.12.10. 12–41

Главную новость, глубоко меня поразившую (тем не менее, я не сразу вспомнил ее сегодня утром), сообщила вчера вечером по телефону Маня: эмигрировал в Америку Нестеренко! "Солнце русской поэзии" конца XX и начала XXI века. Текст с его сайта, где он объясняет мотивы своего отъезда, Маня обещала прислать мне через мать на январскую свиданку.

Его стихи я постоянно повторял про себя и на воле, и – в большем уже объеме после того, как Маглеванная прислала в 2008 полную распечатку с его сайта – здесь, в лагере. Я жил и дышал его стихами. Нельзя сказать, конечно, что его эмиграция – это какое–то предательство, дезертирство и т.д.: он ничем не связан, никому ничего не должен, он – свободный человек; более того, один из самых свободных, приличных и достойных людей в

этой стране. Упрекнуть его не в чем. И, разумеется, в общем–то, не новость, что в этой стране и не может жить ни один человек, понимающий сколько–нибудь свое человеческое достоинство, – об этом, с незначительными оговорками, писал еще Герцен. Не может и не должен, и сколько уже уехало… Но все же… Я пытаюсь представить: будет ли он там, в Америке, писать стихи, как писал их 20 с лишним лет здесь? Вероятно, да, и даже, м.б., по–английски, как когда–то Бродский, продолжателем традиций которого Нестеренко, по мнению некоторых (в т.ч. и моему) является. О чем? О статуе Свободы? О гражданской войне XIX века? О трагедии 11.9.2001 и борьбе с “исламским терроризмом”? Может быть. Мне лично трудно, почти немыслимо представить его вне этой, с рождения привычной, но, увы, неизбежной русской парадигмы, которую он так же ненавидел, как и я, вне этих зим и снегов, которые он так не любил и о которых писал шуточные стихи: “Но плетенье складных фраз не спасет от зимних трасс…”, вне этого всего, “родного”… Он был больше всего нужен здесь – и именно здесь имел смысл, именно здесь имели смысл и были востребованы его стихи – хотя бы мной, в лагере, чтобы повторять их, бродя по “локалке" в ожидании проверки. Будет ли все это востребовано и кому–то нужно там? Он сам ведь в 2003 написал эти пророческие, на все века – прошлые и будущие – русской истории строки:

Тем же жалким процентам,/Кто не чтит божества,/Азиатским акцентом/Отплатила Москва.

Даже если в ОВИРе/Проводят по уму – /Встретят в тамошнем мире/По клейму твоему.

Это про нас про всех. Он поступил наперекор этим своим же строчкам, которые я в 2008 приводил Мане, отговаривая ее от тогдашних мыслей об эмиграции. Во всяком случае, это огромная, невосполнимая потеря для меня и для нас всех, для всего мыслящего, что еще осталось в этой злосчастной стране. Если бы я стоял, а не сидел, услышав от Мани это известие по телефону, – у меня, наверное, подкосились бы ноги…

В остальном тоже все неутешительно. Шмона, правда, сегодня (пятница) не было, но это, скорее всего, потому, что опять сильно похолодало на улице. Мороз – градусов 20, не меньше, но узнать точно негде. В эту погоду особый кайф – лазить постоянно, причем без “телаги”, по двору, и особенно ночью, ибо туалет так и не работает! Какое–то непонятное затруднение – типа того, что у ассенизаторов нет троса, чтобы пробивать (куда трос девался – непонятно; по крайней мере, вчера вечером был). Умывальником

тоже пользоваться нормально нельзя – слив заткнут, чтобы вода не текла в забитый общий слив, и он полон воды, которую “обиженные” вычерпывают байзерами и чем попало. Так что побриться, например, хотел вчера – хрен! Блатных это положение тоже заметно раздражает, они матерятся и злобно орут на “обиженных” – но сделать ничего не могут и они. Быт в полной разрухе, в сочетании с морозом это особенно чувствуется и “радует” душу. Тоска… Безнадега… Осталось мне 86 дней.

Вздумал вдруг утром, лежа в ожидании щмона, подводить итоги года – он ведь через неделю кончается. Увы, подводить оказалось нечего – буквально никаких важных для меня событий не мог припомнить Год прошел серо, тоскливо, вяло, словом – никак. Было много горечи, унижений, мерзостей; радостного ничего не вспоминается. Ну, перевели на 8–й, – так это уже не событие, после катастрофы перевода на 11–й в 2009–м… Ну, уехал Нестеренко… В общее, итоги года никак не складываются, их попросту – физически – нет. Если вспомню что–нибудь, напишу потом.

Косоглазый блатной узбек, на номер которого мать сегодня с полпервого собиралась мне звонить (сигаретчик ушел на сутки на свиданку) – пока я писал, подошел к моему проходняку с “трубой” в руках, посмотрел, на месте ли я – но ничего мне не сказал, а, как я понял, после этого взгляда на меня прямо здесь же нажал на телефоне “сброс” входящего вызова – и ушел. :))

22–09

Все совершенно ужасно. Туалет так и стоит затопленный, не работает. Морозище на улице весь день – не 20°, я ошибся, а все 30, не меньше. Через косоглазого ублюдочного узбека мать так и не дозвонилась, он ничего мне даже не сказал.

Русская зима, черт бы ее побрал, будь она проклята! – а особенно РУССКАЯ ЗИМА В ЛАГЕРЕ! Чувство полного тупика – невозможности нормально жить в полной разрухе быта…

25.12.10. 16–54

Поразительно, но туалет таки сделали ночью! Я не поверил глазам и ушам, когда, проснувшись ночью, впервые увидел и услышал это. Могут ведь, твари, когда захотят!.. Одна проблема успешно разрешилась.

На улице стало потеплее, пошел снег. В Москве ноль градусов, и мать, как всегда, боится – как она поедет 28–го, во вторник, на вокзал (ко мне), удастся ли проехать через эту распутицу и пробки, ею вызванные..

Матери позвонил только недавно, после обеда, когда пришел сигаретчик с “трубой” и двумя новыми “симками” – Билайн и НСС, номер которой он пока сам не знает. 300 руб. надо положить

на Билайн в оплату за еще одну батарейку, им найденную, – сказал матери.

Перед самой проверкой вдруг опять зазвучало в воздухе слово “комиссия”, а сразу после проверки кто–то из малолетних начальничков прокричал в секции – мол, надо сделать для комиссии показушный вид, “убрать пепельницы и шкерки”, и вообще – “отнеситесь ответственно!”. Последнее меня особенно позабавило. Какая комиссия, идиоты, Новый год на носу!.. Вскоре после проверки явились отрядник (опять; он на проверке и считал) и какой–то Клешнин, который – помню эту фамилию – недавно тут уже мелькал. Но сейчас – было непонятно, то ли он приезжая “комиссия”, то ли уже тут работает; кто–то даже вслух спрашивал: мол, Клешнин, – а где же тогда Агроном? Что он, вместо Агронома теперь, что ли? Засели вдвоем в кабинете отрядника, Клешнин пару раз ходил оттуда в “козлодерку” и обратно, потом ушел.

Между тем, жить в этом бедламе, в этом дурдоме становится все тяжелее. Малолетнему (19) ублюдку–гопнику в соседнем проходняке, убирающему и достающему телефоны, отрядник, придя утром, громогласно пообещал: мол, если сейчас пойдешь в школу и будешь ходить дальше, я тебя больше ругать не буду и Новый год встретишь в отряде, – а до того этот хмырь был уверен, что встретит в ШИЗО, и я очень рассчитывал, что хоть пару недель отдохну от этой мерзкой твари, само нахождение с которой под одной крышей для меня оскорбительно. Тот, разумеется, довольный побежал в школу. Но свет по ночам зажигает теперь не только эта мразь и ее дружки: вчера ночью свет горел, как теперь тоже обычно, напротив меня, у “козлов”; и плюс – следующий за ними проходняк, тот самый, где поначалу жил я, а теперь на бывшем моем месте спит цыган – и собираются со всей зоны его соплеменники, как было на 11–м, – тоже зажег у себя лампу. Простые лампочки, вкрученные в патрон, за провод подвешенный к верхнему ярусу шконки, – т.е., ничем не прикрытые, бьют прямо в глаза! Ублюдки рядом со мной зажгли попозже. После отбоя – максимальное за сутки оживление, все тусуются, ходят туда–сюда, жрут и готовят жрать, гонят самогон, играют, читают (!), слушают музыку (хорошо, что только на телефонах, а не грохочет на всю секцию, как на 13–м). В общем, ночная жизнь у них бурлит; спать ложатся считанные единицы, и то в основном возрастом постарше. Свет гасят где–то к 12–ти, но бурление продолжается и при свете ламп в проходняках, воткнутых в личные тайные розетки. Более–менее затихает оно только где–то часам к 3–м – когда до подъема остается спать 3 часа, а мне, в 5 встающему, – вообще 2. Излишне говорить, что

ночной стрем работает так же четко, как и дневной – и при появлении обхода (бывающего отнюдь не каждую ночь) все лампы тут же гасятся, телефоны с музыкой выключаются, все ложатся по шконкам – но как только обход ушел, все начинается снова. Т.е., они по полной программе, на все 100% не дают мне спать ночью; а сами эти ублюдки, мерзкие насекомые – гасят свет в секции и поголовно заваливаются спать зато после завтрака, когда я заснуть не могу, а их самих в каждый свой утренний приход будит отрядник...

26.12.10. 10–18

Все хуже и хуже... Опять всю ночь горели 2 лампы – у мерзких гопников около меня и напротив у цыгана. Светло, как днем, как будто верхний свет забыли погасить. Всю ночь гнали самогон в "фойе", и ублюдки–гопники в соседнем проходняке под утро, я слышал, разливали его по емкостям. Уже который день вся эта кодла с увлечением гонит самогон... На удивление, даже утром не завалились спать, как обычно: главное чмо, уборщик телефонов, пол–утра смотрел на телефоне какой–то фильм, скачанный из интернета...

27.12.10. 11–04

Идиотская эта жизнь... В начале 10–го был шмон на 7–м – 6 "мусоров" + 1 на 3–м. Самые ужасы, самые жестокие и массовые шмоны, видимо, придутся на 29–е (как раз когда я буду на свиданке) и 30–е... Ушли они с 7–го, как раз когда в начале 11–го я выходил в баню. В холодном предбаннике барака сидело громадное, в длинной густой шубе, котище с 12–го – давний предмет моего вожделения. :) Я, естественно, потянулся к нему, оно отбежало и село в другом месте, я – к нему, оно – опять от меня, и так, пока все же поймал его и взял на руки (хотя палка и банный пакет сильно мешали), успел услышать, как стремщик "пробил": с того "продола" "мусора" на контрольную. Глянул на часы – было 10–10.

Баня – пустая, холодная, и лишь из 2–х "леек" текут тоненькие струйки теплой воды. Зашло еще двое, спросили, будет ли баня – откуда я знаю? – ушли выяснять в кочегарку. Я наудачу решил – пока теплая, м.б., еще успею – быстро разделся, пошел под воду – но она уже была практически холодная. Кое–как ополоснулся слегка – и все. Слышал, как в это время еще одному мужику, после меня пришедшему, в раздевалке кто–то (из работников, видимо) сказал: не будет бани, сегодня моется... карантин? Или ШИЗО? Уже точно не помню, но мужик ушел. Тем не менее, пока я одевался, приходили еще – двое с 8–го, а один, бывший с 8–го же "козел", сейчас на 2–м – тоже стал раздеваться с намерением мыться под этой уже холодной струйкой – когда

пробуешь ее рукой, она кажется теплее, чем на самом деле. А заходя в баню, посмотрел на входной двери график помывки отрядов по дням – охренеть! и этот график весь поменяли! Зачем?!. Тем не менее, 8–й теперь не в понедельник, а во вторник. Мне осталось здесь 11 бань...

28.12.10. 12–29

Новая компашка в бараке: только что, перед утренней проверкой, самое главное блатное чмо, всем бараком безапелляционно командующее и рулящее – вылезло во двор (или пришло с другого барака?) и увидело снег во дворе!

Не то что весь двор засыпан, – нет, снег, шедший пару дней назад, давно уже был сгребён добровольцами в 2 довольно высоких холмика посреди двора. И теперь блатной командующее чмо напустилось – сперва на “обиженных” – почему не убраны эти кучи?! Хотя, казалось бы, кому они мешают–то? Поругалось, поворчало – и приказало: сегодня этого снега не должно быть! И вот сейчас, сразу после проверки – я слышал, как в этой секции омерзительный 19–летний блатной щенок–“дорожник” нагло, хамски сгонял, агитировал всех подряд (не “обиженных” уже, а всех) раскидывать эти кучи снега по дренажной канаве вдоль забора. Особенно понравилась мне его фраза: “Мужик – он работы не боится” :) – но что, мол, тебе надо, тебе мешает этот снег, ты работы не боишься – ну так сам и убирай его!! – никто этой мерзкой гниде, конечно, как всегда, не ответил...

Удивительно, но Новый год в этот раз проходит легче, чем в предыдущие 2. Сегодня, в 9–25, конечно же, был шмон – на 11–м, наконец–то, впервые с 23 декабря 2009 г! :) В его 6 “мусоров” – не те сотня–полторы на оба “продола” сразу, что бывали здесь, по–моему, в 2009, не то и в 2008. Поторчали там около часа, оттуда минут на 10 зашли на 1–й – и все!

А между тем, пришла еще одна беда, откуда не ждали. Уже почти неделя, как освободилось то мелкое, сморщенное, отвратительное, насквозь пропитое чмо, в 39 лет выглядящее на 60, что спало ночами надо мной. И на его место – тоже на ночи, днем здесь спит другое существо – поселили чмо тоже другое. С виду поприличнее, ростом повыше, все полностью седое – тоже в 41 год выглядит на 50 минимум, если не на 60. И причина та же. Само мне рассказало: сидит 1–й раз, срок 3 года по 111–й (тяжкие телесные), остался год; а на воле – эта нечисть полностью спилась, дошла до последней стадии алкоголизма, до белой горячки, до шмыгающих по углам чертиков и т.д. Прямо сама мне это все и рассказала. Ну–ну... :)

Но в чем беда. Та, мелкая тварь–39 – только лазила по 100 раз в день в проходняк за своим полотенцем, висевшем на

верхней дужке – утирать рожу и руки, да спала ночью, остальное время – трусилась в “фойе”, ну, или еще у кого–нибудь в проходняке. А эта, тварь–41 – она СИДИТ днем здесь, у меня в проходняке, на моей шконке!!! Не весь день, конечно – утром, с завтрака до проверки, если ее верхнее место свободно – лежит там, если занято – бродит по “фойе”, играет там в шахматы и т.д. Позже – тоже может пойти поиграть, как вот сейчас (партнер, который тоже там проводит все дни напролет, ее туда вытягивает постоянно). Но – с утренней проверки и часов до пяти, когда встает спящий надо мной днем – деваться этому алкашу некуда, и он этак непринужденно, как ни в чем не бывало, усаживается у меня на шконке, в ногах, и сидит часами, тупо глядя неподвижным взглядом перед собой, или же – со временем – опуская голову и сгибаясь, как будто спит.

Трудно даже описать, как это мне мешает! Во–первых и главных – из–за него я не могу вытянуть ноги, когда лежу, а все время держать их свешенными со шконки – страшно неудобно. Во–вторых – само его присутствие; хоть он и не смотрит особо – а все равно, вся жизнь у него на виду, ни поесть спокойно, ни полезть в баул, ни записать в дневник что–нибудь... Да и свет последний он заслоняет по вечерам – точнее, занимает собой как раз то место в ногах шконки, куда достает свет от лампы и куда я сажусь читать. (Правда, после освобождения библиотекаря читать опять нечего.) За 4 месяца в этом проходняке я уже привык быть в нем один (тот, кто лежит надо мной – не в счет), т.е. к относительной свободе. Сейчас проходняк опять с обеих сторон наглухо “зашкерен”, торец моей шконки я научился от сигаретчика завешивать своей же “телагой” – и потому внезапное это вторжение абсолютно чужого и постороннего хмыря оказалось мне особенно невыносимо...

30.12.10. 12–25

Кто бы мог подумать, что до такой степени удачно все выйдет, – вчера со свиданкой, сегодня со шмоном?.. Просто исключительно удачно, я даже не ожидал. Правда, сигаретчик явился вчера не в 5 утра, как мы загодя договаривались, а в 8–м часу, когда я уже и ждать его перестал. Оказалось, он заснул на 6–м, на шконке тамошнего “ночного”, своего дружка по тюрьме еще, а потом по 11–му, где тот был шнырем сразу 2– господ – злобного долговязого завхоза и мелкого архиблатного чма. А тот, вместо того, чтобы разбудить сигаретчика в 5 утра, сам уснул в “козлодерке” 6–го.

Тем не менее, я быстро сложил все в большой красный пакет “для шмонов” (тоже еще с 11–го) – одеяло, чайник, открывалку, заточку с магнитом (одну из трех, но остальные уж было лень

доставать, да и далеко), а также пакет с дневником и стихами, свой блокнот и пакет с конвертами и марками – и сигаретчик "дорогами", через заборы унес это все на "кечь" и где–то там спрятал. На счастье, "мусора" вообще не ходили в это утро по баракам – будить спящих.

Перед этим он еще дал мне телефон, я набрал матери – она сказала, что народу очень много, даже не хватило бланков, и что в Шахунье 21° мороза. Только я успел после (столовского) завтрака найти в бауле эделевские шерстяные носки и поддеть под свои – "козел" сообщил, что меня на короткую свиданку. Чуть позже – в 8–30 – подошел опять, сказал, что "она (свиданщица?) звонила", чтобы я шел "прямо сейчас".

Я пошел – там был только еще один человек; я–то думал, что, как всегда, буду первым. Собралось 6 человек – нас забрали и повели, причем сперва – в шмоналку! Я уж думал, что разденут догола (а на мне–то вольный свитер и спортивная куртка под телагой!), но только общупали – и повели наверх.

Мы оказались там первыми, и мать запустили тоже самой первой. А свиданка в этот день работала как конвейер – все время приводили с вахты еще людей. Матери во время ожидания кто–то сказал, что несколько дней назад работали до 7 вечера – столько было народу. Кого–то приводили, кого–то уводили, а мы сидели до положенных нам 13–00. После меня уже набилась мелкая блатная шелупонь, в основном с 10–го, к которой приехали отнюдь не родители, а такие же, как они, бывшие здешние зэки с их же барака. Эта гоп–компания, стоя за спинами (мест не хватило), в основном около меня, бесилась вовсю – ржали всем хором так, что ничего не было слышно в трубку и дрожало разделяющее зэков и посетителей оргстекло. И до их прихода бывшие здесь, вопреки строгому запрету, курили – тайком, присев на корточки за входной дверью в наш "аквариум"; но эти малолетки сразу же "спалились" – свиданщица начала орать, вызвала "мусора", он вывел и еще раз прошмонал этих малолеток (ничего не нашел, конечно); к сожалению, даже того из них, кто явно был замечен в курении, он не вывел совсем; и к счастью, за его курение не была вообще прервана свиданка для всех, как вначале обещала свиданщица, – впрочем, при таком количестве приезжих едва ли это было возможно.

Где–то к середине нашей свиданки, одним из следующих заходов – привели ту блатную злобную мразь с 8–го, которая выгоняла меня тут из блатной секции. Меня выворачивает от отвращения при одном взгляде на эту харю; тем не менее, она уселась через человека от меня; а потом сидевший посередине ушел – и пришлось сидеть с этой мразью вообще рядом.

Малолетки тем временем так бесились и оглушительно ржали, что даже она (все–таки постарше – лет 30) сделала им замечание.

Фрумкин, как всегда, быстро ушел, а мы поговорили с матерью, кажется, обо всем, о чем можно было, так что под конец даже стал ощущаться недостаток тем. В час она ушла, потом вывели меня и эту толпу нечисти – с 10–го и откуда они там еще. Когда я, волоча тяжеленный баул, последним, как всегда, выполз к вахте – они уже были с той стороны: видимо, сегодня из–за наплыва народа все стояния у вахты в ожидании "общественника" были отменены. Но сигаретчика, обещавшего меня встретить, я по ту сторону забора не увидел и сперва подумал, что блатные с 10–го забрали его с собой – вести их. Что ж делать, – снег по всей зоне был плотно утоптан и накатан подошвами – и я довольно быстро повез по нему 23–хкилограммовый баул, как санки. Довез до участка перед столовкой, где (когда надо – не дождешься, а тут – нА тебе!..) было посыпано песком; встал передохнуть, готовясь этот (небольшой кусок пути тащить баул на руках – и тут, вижу, идет сигаретчик! Оказалось, он уже ходил меня встречать без 20–ти час, замерз, ушел – и вот сейчас идет 2–й раз. Шмона, к моему изумлению, оказалось, вообще не было нигде; вещи мои он уже принес с "кечи" обратно в барак, – так что все так хорошо, как только может быть!.. :) Мы с ним быстро дотащили баул, до 3–х часов дня (обед в столовке) я разобрал его, вечером позвонил матери (она еще ждала поезда на вокзале) в Шахунье) – и остаток дня блаженствовал. :)

Сегодня с утра пришедший сигаретчик сообщил, что сейчас выла сирена – а я, как обычно, ее не слышал – и готовится общелагерный шмон. И то! – как–то странно было бы на Новый год оставить весь этот "продол", кроме 4–го барака, вообще непрошмонанным! :)) Я позавтракал, позвонил матери (она уже была дома) – и стал ждать.

Сперва сообщили, что шмон–бригада собирается на вахте. Пошла она только в 9–35, когда я уж стал сомневаться, будет ли вообще что–нибудь. На наш "продол" – мимо нас – на 10–й, – 24 человека! Потом еще одна – на тот "продол", на 6–й (в т.ч. в их дворе видели потом и нашего отрядника – мой сосед–прятальщик телефонов, когда бегал по двору с баулом браги, ища, куда его спрятать; отрядник заметил и погрозил ему пальцем. Это вместо того, чтобы в ШИЗО суток на 30 эту мразь!..). Часть зашла, кроме того, и на 4–й и – непонятно толком, но вроде бы шмонали и там. И, наконец, уже пост фактом выяснилось, что на 12–м тоже шмонают 8 "мусоров".

В общем, не все бараки, – ни на 8–й, ни на 1–й, 2–й, 3–й, 7–й, да и 9–й, ни на 13–й – не зашли. Больше для понта, для отчета о

проделанной работе эти шмоны, конечно, – 8 человек за час, даже за 2, вряд ли прошмонают как следует большой барак с 2–мя секциями, курилкой, каптеркой и еще кучей тайников в деревянной пристройке с торца, через которую вход в барак. Под 8–м, из разговоров соседей я понял, есть какой–то подвал, где они и прячут канистры с брагой; но снаружи его, естественно, не видно, да и по проекту, так сказать, здания барака – никакой подвал в нем не предусмотрен. Тем не менее, какое–то пространство под полом, видимо, все же есть, и если не знать точно, где в него лаз, или не браться просто наугад ломать полы в разных местах барака, – хрен найдешь; а это большая работа.

Короче, с 10–го "мусора" ушли в 10–58, как раз когда мы с сигаретчиком возвращались из ларька (мне ничего особо не было нужно, но он потащил меня, – и, как я и думал, ничего для меня и не оказалось; набрал я в основном ему – конфет, кофе, сгущенки и т.д. С того "продола" ушли позже – в 11–40. Еще один шмон – мимо и без потерь. Основной теперь вопрос – решатся ли они шмонать завтра, в последний день года...

Ну, и еще пара приколов напоследок. "Дятел тоскливый!" – было, помню, у долговязой ехидны на 11–м такое любимое ругательство. Так вот, выражение это идеально подходит к моему новому соседу – сидельцу на моей шконке. Вот уж действительно дятел тоскливый! – причем в самом буквальном смысле. Правда, сидеть эти 2 дня у меня в ногах он стал чуть меньше – но зато, когда я ухожу, на свиданку ли, в ларек, в баню, – не упускает случая разлечься на моей шконке.

Ну, и продолжение позавчерашней истории со снегом во дворе. Оказалось, убрать надо было не только эти 2 кучи посередине, но и весь снег, накиданный вдоль заборов, выходящих на "продол" и на 5–й (поверх дренажной канавы вдоль межбарачного забора), выгребли тоже на середину, – весь день "добровольно–принудительно" сгоняли на эту работу наименее уважаемых из "мужиков". Зачем же, и кому этот снег у заборов помешал и куда его девать? После обеда в тот день шлялся по дворам всех бараков Баранов, новый полоумный зам. по БиОР, – в бараки не заходил, а, говорили, смотрел именно этот снег везде. Обычно тут снег вывозят со дворов бараков огромными коробами из стальных листов, поставленных на санные полозья и запряженных несколькими "обиженными". Но на 8–м – то ли лень было грузить и везти, то ли из–за того, что нет больших ворот, как на других бараках, а только неширокая калитка с "продола" (проедет ли в нее короб?) – придумали остроумнее, то бишь безумнее. Весь снег постепенно лопатами скидывали к забору на "продол" между этой калиткой и новоявленной (с осени)

беседкой–“курилкой” – а из туалета провели длинный, из нескольких скрепленный пластиковый шланг, присоединенный к батарее, то бишь “системе”. И горячей водой, текущей из этого шланга, ТОПИЛИ снег, горой накиданный у забора – а вдоль забора снаружи тоже идет дренажная канава, и вода уходила в нее!! Можно ли придумать более идиотское зрелище, чем зэк, слабо текущей из шланга струей топящий огромную гору снега? Занимались этим сперва “обиженные”, потом – взялись стремщики, которые, меняясь, дежурят во дворе круглые сутки, а делать им абсолютно нечего, кроме как слушать стрем 11–го и 5–го. К сегодняшнему утру горы уже не было – на ее месте теперь красуется глубокая, до песка, яма, протопленная в покрывающем двор толстенном слое льда и прессованного снега.

31.12.10. 10–55

Идиотский этот Новый год... С ночи нет света – что–то то ли взорвалось, то ли еще что, или провода оборвало ветром, – черт его знает. Видели, говорят, какую–то яркую вспышку. Очередной раз я проснулся ночью – не горят обе лампочки у тварей, в соседнем проходняке и напротив него –и “пробивают”, что кто–то от нас на выход. Когда кто–то из “мусоров” приходит – лампы, естественно, сразу гасят; но и после его ухода – не включили. Т.е., света, видимо, уже не было.

Черт бы с ним, со светом, но и воды тоже нет. Я как раз с утра, до подъема еще, набираю полную бутылку, а тут – уже нечего набирать. На завтрак, когда крикнули – в полной темноте еще – думал, конечно, не ходить, – на хрен это надо, когда в бараке темнота, на улице метель, все занесло, в столовку я даже не захожу, да и ясно, что не пойдет никто...

Ушли несколько человек на завтрак – и вдруг в начале секции начала истошно орать эта блатная мразь – один из здешних начальничков, “ответственных товарищей”, рулящих остальными зэками, отрабатывая свои привилегии, в интересах начальства. Блатная мразь будила спящих в секции и выгоняла их в “шушарку” – а то, мол, сейчас прибегут “мусора” (увидев, что мало пришло с 8–го на завтрак). Сама, сучка, не идет в столовку, а других гонит начальственным покрикиванием и руганью... Орала долго, так что я, не желая тоже попасть под этот хай, кое–как быстро оделся – и пошел на 10–й, попробовать найти сигаретчика. Этот урод, обещавший, как ушел от меня вчера после ларька, прийти через полчаса с телефоном – не появлялся с тех пор до этого момента, т.е. почти сутки. Он пошел от меня доставать свой телефон – и я сильно подозреваю, что не нашел его, т.к. был шмон, и “трубу” могли забрать, хоть она и была, по его словам, спрятана где–то вне барака. Так что позвонить домой

не удается вот уже сутки; теперь же еще и отключен свет – если у него разряжены обе батарейки, то даже при наличии телефона хрен позвонишь.

Но в секции на 10–м, в полумраке, среди спящих вповалку незнакомых рож я его, конечно, не нашел, а спрашивать не стал, чтобы не привлекать внимания – и так за ним там слежка. Вернулся, когда уже шли назад из столовки; полежал, потом позавтракал – всухомятку хлебом и колбасой (чая, естественно, нет) – и вот, жду развития событий. Из разговоров тех, кто звонил домой (по этой области) – слышно про “штормовое предупреждение” и про то, что во многих местах области света тоже нет. Так что – happy New Year! С Новым годом вас, дорогие товарища!.. :))

12–25

Нет, он пришел все–таки, сигаретчик, с телефоном, часов в 11, до проверки. Сказал, что “косяк” снял окончательно (на этом бараке, по крайней мере) и что – так я примерно и подозревал – он весь вечер и часть ночи ругался с прочими “козлами” на 10–м,а потом лег спать. Я позвонил матери – у нее все нормально, весь день вчера она спала; и от нее же узнал главную новость этих “праздников”: Ходорковскому дали запрошенные обвинением 14 лет; с учетом семи, отсиженных уже по первому приговору, теперь его срок кончается только в 17–м году.

...После этого Медведев будет сегодня, как ни в чем не бывало, мягко и дружески улыбаясь, глядя прямо в глаза, поздравлять сегодня в 12 ночи “дорогих россиян” (или “дорогих сограждан”, м.б.) с наступающим Новым годом...

ЯНВАРЬ 2011

1.1.11. 8–55

Визжали, орали, бесились, носились, жрали, болтали по телефонам, жгли лампочки (напротив – мне прямо в глаза), горланили, куролесили, колобродили вовсю, – отмечали свой Новый год, суки!.. Никогда, кажется, за все годы Буреполома я не ненавидел их так люто, как в эту прошедшую ночь. Мрази... Свет им включили еще вчера днем, даже до обеда, – и я очень пожалел об этом: если б не вода (пить хотелось, а воды у меня оставалось чуть–чуть) – вот было бы славно их обломать, этих ублюдков, пусть бы колобродили и встречали свой Новый год в полной темноте, при лампадках!..

...Все пьяные, – бутылки со своим любимым пойлом стали доставать из снега во дворе (!), где они были спрятаны, и тащить в барак еще сразу после 7–часовой проверки. После 9–часовой на моих глазах один полез – и достал бутылку с... крыши той самой беседки–"курилки", тоже покрытой толстым слоем снега. Пьяная, героиновая "исправительная" колония! :))) И доблестный, героический труд отрядника и всей администрации – все их шмоны и пр. – по предотвращению здесь пьянства и наркомании!.. :))))

"Мусора" шлялись всю ночь, а толку? Лампочки в проходняках при появлении на "продоле" любого Зубастика, разумеется, тут же отключались. В 23–20 заявились Агроном и Клешнин, прошли сперва по той секции, потом по этой – и Агроном докопался до "шкерки", висящей у ублюдков–гопников, моих соседей, завидев меня (я даже не встал – лежал, вытянувшись на шконке, как лежал; после 22–00 вставать я и по их "правилам" не обязан) и с удовольствием произнося мою фамилию – вот, мол, "шкерку" рядом со Стомахиным уберите! Дальше же, за мной, как ему объяснил кто–то из сопровождающих (!) его с Клешниным блатных, живут "дамы" ("обиженные") – и им "шкерка" нужна, с этим Агроном милостиво согласился, как и с тем, что это именно "дамы" (в устах представителя администрации – это ведь однозначное унижение человеческого достоинства осужденных!), с удовольствием их так называл и даже заглянул мимоходом к ним – спросил, все ли у них нормально и не обижает ли их кто. "Шкерку" около меня соседи, естественно (к счастью!), убрать и не подумали.

Лежал; не мог, разумеется, уснуть; потом накрылся с головой одеялом – не помогает. В том конце секции долбит из колонок вовсю музыка, горят в проходняках лампочки (украденные из

люстры, крайней от этого конца секции, так что она не горит), бегают эти твари, орут, болтают по телефонам... В 12 часов ночи вышел по двор (слава богу, что был там один, не считая гопника–стремщика, остальные ублюдки не додумались пойти), прошелся по двору туда–сюда, поглядел на небо, на летящий в свете фонарей мягкий снежок, на "запретку" и лес за ней, на бараки с горящими окнами... Вот и встретил я 2011–й – год своего освобождения... Что–то похожее на сон пришло только после 3–х часов ночи, когда немножко поутихла их возня и беготня. Поспал немножко, проснулся как раз в 5 утра, надо вставать. Оделся, и еще лежал, то дремля, то слушая через "шкерку" бесконечные "охотничьи истории" этого выродка – 21–летнего гопника в соседнем проходняке, того самого вчерашнего ночного стремщика – о том, как со своей гоп–компанией у себя в городишке они грабили прохожих, нападали регулярно, отнимали телефоны, деньги, золото, "бомбили" автостоянки (в т.ч. и платные!), магазины и т.д. Эх, мрази, не здесь бы вас нужно держать, и не в СИЗО везти, как поймали – а в крематорий, и сразу живьем в печь, чтоб вы нормальным людям не мешали жить!.. Потом – погнали на завтрак, который оказался в то же время, что обычно, несмотря на позднюю вчерашнюю гульбу. Кроме традиционных уже яиц и сосисок – традиционные же новогодние чебуреки тут давали вчера на ужин, а сегодня – "Макар" совсем сошел с ума! – на завтрак дали аж... эклеры! Да–да, по одному, дешевенькому, правда, эклеру, с белым кремом и ничем сверху не облитому, – и все охапками тащили их в бараки (а "мусоров" у столовки, когда я пришел, не было вообще). Тогда как это отребье, мразь, наглую гопоту как раз и надо было бы одной тухлой капустой кормить, по их–то "заслугам", и ни ларька, ни передач им не давать, чтобы они ноги еле таскали... Писал уже об этом, но еще и еще раз: от всей души желаю, чтобы подавились, чтобы комом в горле встало у тех, кто жрал, жрет и будет жрать всё вот это, моё, мне не врученное: и чебурек, и эклер, и сосиски, и яйца!.. Пожрали, пришли – выключили свет и завалились дрыхнуть, как обычно.

В общем, вот он, Новый год, тем более – год скорого освобождения, 78 дней всего осталось, – но радости нет совершенно. 5–й Новый год в неволе, в окружении галдящего отребья, нечисти, мрази, гопоты, грабителей и воров... Но не в этом дело, – так было и на воле, задолго еще до ареста, за годы... Я не знаю, кто так испакостил, изломал, исковеркал мою жизнь и душу, что я уже не могу радоваться, праздновать что–то (что бы то ни было), что для меня давно уже немыслима сама идея чистой, открытой, безмятежной радости и праздника по любому

поводу. Не могу... На душе тошно – от окружения, главным образом; но я знаю, что и будь я дома, встречай хоть тот же Новый год среди СВОИХ, среди тех, кто каждый год поздравляет меня здесь открытками (вчера только пришли – успели вовремя! – письмо и открытка от Маглеванной из Финляндии, открытки от Паши Люзакова, от Воробьевского из Воронежа и Сергея Ковача из Челябинска) – все равно все было бы так же, радости бы тоже не было. Почему? От постоянного ли предчувствия беды, которое жило во мне на воле (и, как видим, оправдалось), или от постоянных мучительных сомнений в окружающих друзьях, – друзья ли это на самом деле, можно ли на них положиться, просто ли они хорошо ко мне относятся как к человеку (особенно после 5 лет зоны), или и впрямь готовы идти за мной до конца, как товарищи и боевые соратники (едва ли)...

3.1.11. 9–03

Самая отвратительная новость, полученная вчера вечером через мать от Майсуряна, – в Улан–Удэ все–таки арестованы Низовкина и Стецура! Пока на 2 месяца – за неявку на заседания суда; т.е., мера пресечения им изменена с подписки о невыезде, которую они все время нарушали, на взятие под стражу – и, судя по словам Нади Низовкиной в том нашем телефонном разговоре, суд будет длиться еще не месяц и не 2 – и все это время они будут сидеть, мера пресечения будет продлеваться судом автоматически, как всегда и бывает. И – с попаданием в тюрьму практически исчезает шанс, что приговор будет мягче, чем реальный срок, – условно, штраф или что–то еще в этом роде, как я до сих пор смутно надеялся. Раз попавших в ее клещи эта Система так просто не выпускает...

Символично все–таки получилось, что мы смогли тогда, в декабре, с ними поговорить по телефону познакомиться если уж не лично, то заочно, так сказать, услышать голоса друг друга. Перед самой тюрьмой для них завязалась и упрочилась эта связь – со мной, делающим то же самое дело, что и они, только дольше по времени. Самое ужасное – это чувство полного собственного бессилия от того, что ничем помочь им отсюда я не могу, – разве только поставить подпись, если будет (или уже есть) какое–то общее заявление в их защиту. Нервы были вчера на таком взводе после этой новости – пока тут у меня сидел сигаретчик с “трубой”, попросил его набрать Майсуряну, потом Павлу Люзакову – спросить, чтО уже делается в защиту и напомнить хотя бы, чтобы ставили везде мою подпись, – поразительно, но у обоих телефоны были включены и оба не брали трубку!.. Надо, видимо, будет после (если) освобождения отсюда и самому мне ехать в Улан–Удэ, – страшно даже подумать, сколько туда стоит

авиабилет; а поездом тащиться несколько дней – невыносимо, да и тоже дорого...

Другая омерзительная новость, которую узнал вчера вечером, – местного масштаба и несопоставима, конечно, по значению, но когда все это вместе... Рыська, поселившаяся было у меня кошка, давно не приходит – и хотел я остатки от ужина отдать Ваське, местному коту, который Рыську пару раз гонял и которого я подкармливал еще до ее появления. Хороший такой кот, симпатичный, черный с белой мордой, грудью и брюхом, с зелеными глазами; не раз я брал его к себе на шконку из "фойе", гладил – а потом он и сам приучился приходить ко мне, к "красным" напротив, и т.д.

Но – что–то давненько тоже его не видно в "фойе". Спросил одного "обиженного", потом – чтобы уточнить – другого, – и тот рассказал, что одной из здешних блатных мразей Васька чем–то помешал – и та велела его убить! И убили – те же, между прочим, "обиженные", кто его кормил и возился с ним; он жил около них и вроде как их и считался. Не могли уж отказаться, твари трусливые, – пускай бы эта мразь сама убивала животное, если уж ей это так надо. Еще неизвестно, смогла ли бы сама, хватило бы духу или нет (на словах–то они все герои). Но – увы... Девать кота некуда, как ни выкидывай – он придет назад, 8–й барак – это его дом; короче, стукнули по голове кирпичом – и все... Мрази, ублюдки, гнусное, поганое отребье... За одного этого кота Ваську всю ту, блатную секцию я перестрелял бы своими руками! – а лучше бы обе...

Гнусная, мерзкая, тоскливая, бессмысленная, беспросветная эта лагерная жизнь... Одно и то же, одно и то же, бесконечная эта круговерть каждый день... Тяжело так же, как было в самом начале срока, когда привезли сюда – хотя вот уже всего 76 дней осталось, 11–я неделя сегодня началась... Хороших новостей очень мало, и они тоже зыбкие. Неверные какие–то. Вчера ночью, скажем, один из уродцев из соседнего проходняка "зашкерил" проходняк с моей стороны казенным темно–серым (из шинельного сукна) одеялом вместо простыни. Это, конечно, гораздо лучше: по ночам лампа этих ублюдков не будет так сильно светить, мешая мне спать. Но это – до первой не то что комиссии (сразу же после "праздников" – наверняка!), а до первого же появления "Макара" или даже зам. по БиОРа Баранова... Или вот, скажем, вчера – впервые с тех, еще ноябрьских комиссий – утренняя проверка была без карточек – просто посчитали и отпустили. Но – нет уверенности, что карточки кончились уже насовсем, что сегодня не начнется опять...

Хорошо еще, что так и нет с конца того года зарядки – то ли и впрямь отменили ее, то ли просто не работает трансляция. Просто счастье...

“Погода – бомба!” – их любимое выражение в одобрение погоды, которое (выражение) особенно меня бесит. Вот только что сказал опять гопник за “шкеркой”–одеялом. Вообще все, что им нравится, они называют “бомбой”, но о погоде я это слышу здесь особенно часто – и от этих мразей, от их вульгарного, пошлого жаргона меня тошнит. Эх, суки, скинуть бы на вас хоть разочек настоящую бомбу, авиационную, чтоб вы знали, что на самом деле это слово означает!..

Мать еще сказала вчера, что звонила ей Маня из Питера – она, оказывается, все–таки купила мне в подарок, к грядущему освобождению, notebook, о котором и мне говорила – но я тогда не воспринял всерьез. А тут – говорит, уже купила! Ну, Маня, ну спасибо, спасибо от всей души!!! Не ожидал – и очень благодарен и тронут твоим теплым отношением!..

Снег накидывают снова и снова – и продолжают топить из шланга в углу двора, у калитки. А он идет чуть не каждый день, – так что, видимо, эта трагикомедия, это занятие стремщикам, чтоб не скучно было – до самой весны...

Отрядник приперся сегодня – впервые с 2010 г. – в такую рань, как никогда прежде; я еще и чай не успел выпить. Завтра баня – и я не могу решить, завтракать ли мне до ухода в столовку, брать ли с собой туда банный пакет – или же вернуться из столовки, позавтракать (второпях, что я ненавижу) – и тогда уж идти в баню. (И то если она еще будет завтра работать...)

12–23

Так и есть! – сейчас отрядник опять считал по карточкам (не по всем, правда). Отрядник 5–го своих – тоже. Суки!..

5.1.11. 8–45

До полвторого ночи, даже позже, эти ублюдки не гасили вчера свет в секции. Я уже успел пару раз заснуть и проснуться, а они всё чего–то делали при свете; на вопрос, не выключить ли – кто–то тут же заорал, что, мол, нет, подожди... (Спрашивал не я, естественно, а один здешний хмырь, которого я про себя прозвал “ночной ведьмак”). Суки... Лежа уже в постелях, под одеялами – всё забавлялись со своими телефонами (чуть не поголовно у каждого здесь телефон) – трепались по ним, лазили в интернете, играли, слушали музыку...

На улице холодает, хотя вчера еще было тепло, я даже не поддевал свитер. В бане вчера утром – опять толпа народу, еле нашел свободный крючок в раздевалке, все забито “телагами” и тряпьем. “Лейки” починили почти все, но, говорили, одна где–то

в углу все равно не работает, – за паром не было видно. И – опять духотища от горячей воды, и запах нагретого дерева (вся баня из бревен) – слава богу, все же не такая духотища, как в первое время, когда буквально невозможно было дышать.

Майсурян сказал матери, что Низовкину и Стецуру “закрыли” в Улан–Удэ 31 декабря. Подарочек, блин, на Новый год... 10–го или 11–го, видимо, повезут из ИВС в СИЗО.

Тоскливый дятел–сосед продолжает сидеть часами на моей шконке, если же его нет – играет в “фойе” в шахматы со своим приятелем с палкой.

6.1.11. 14–40

Блатная мразота (та самая, по приказу которой убили кота Ваську) – она вроде как “отвечает” (перед кем?!!) тут за изолятор – ходя мимо меня туда–сюда по секции, говорит кому–то по телефону, что “на 5–ю хату (камера ШИЗО) был отправлен гашиш”. Ранее, до проверки еще, она тоже ходила тут с телефоном, и в ее возбужденно–громком разговоре упоминалось слово “бондяк” – так они называют свертки (обычно с наркотой, по–моему, а не с табаком или “выварой” для чифира), проносимые запихнутыми в задницу, – в то же ШИЗО, например. Гашиш – это и на воле уголовщина, 228–я статья УК (хоть я и категорический ее противник). А тут – они так “страдают” в ШИЗО – с гашишем, эти “страдальцы”. Знают ли об этом начальство, УФСИН, прокуратура, наркоконтроль и пр., интересно?..

15–07

Прервали, суки, своим обедом, – погнали, побежали... В “фойе” – опять вонища их мерзкой брагой (даже в секцию несет), которую мелкий сучонок–“дорожник” перегоняет в умывальнике (под краном) в самогон – даже на обед ради этого не пошел.

Утром, часа в 4–5, пока я уже не спал, но еще лежал – бесконечный треп за “шкеркой” ублюдков–гопников в соседнем проходняке и – громче всех! – там же у них сидящего ночного ведьмака. “Базары” все на те же темы, “профессиональные” – кто и как грабил на улицах на воле. Ведьмак – интересный экземпляр этой мрази, яркий представитель биомассы, так сказать. :) Здоровенный детина 28 лет; без умолку с утра до ночи, когда не спит, треплется по (собственному, конечно!) телефону с бесчисленными друзьями. Сидит уже 3–й год, приехал сюда с “девятки”. Так вот, из его рассказов сегодня утром: имел не только семью (жена и сын), но и вполне приличную работу: шофером (видимо) “в администрации” – Нижнего? одного из районов? Хрен знает; но еще и не всякого туда возьмут – как–никак, начальство возить. Машина своя, говорит, была не нужна,

т.к. казенная по вечерам не ставилась в гараж (как положено), а оставалась в его личном пользовании. Так вот, имея это все – чего не хватало? – занимался еще и самым брутальным уличным грабежом. Подробно описывал, как сперва не решался, все искал какой–то предлог, повод, чтобы напасть на улице на незнакомого человека (“вырубить”, забрать деньги, телефон и пр.); как все не мог решиться в 1–й раз напасть на пьяненького с телефоном в руке – ПРИ ЛЮДЯХ, возле метро, еще не поздно, часов в 11 вечера. Но потом, со временем, говорит, все это прошло – легко и просто стал нападать, не ища уже вообще никакого повода, – просто увидел – и сразу стал бить. Апофеоз – красочно описывал, как в 2 часа ночи в городе (Нижнем, видимо) “жигулями” зацепил тросом на улице шкаф–холодильник, в котором продают “кока–колу” и пр. напитки – и с грохотом, среди ночи тащил за собой по пустой улице, по трамвайным рельсам. “Колу” и пр. потом продавал (!), а особенно не понравившуюся ему какую–то ягодную (?) “Фанту” – бесплатно и незаметно подкидывал маленьким детишкам во дворе, где они играли...

Добрый какой, ишь ты, детишек порадовать решил... По–моему (тут уж точно не работают никакие традиционно–жалостные левые теории о “бедняке, крадущем булку с прилавка”), уж эта–то мразь, промышлявшая после работы и тайком (вначале) от жены – никакого, ни малейшего снисхождения не заслуживает. Ее–то уж точно по стенке размазать, живьем в крематорий засунуть, в назидание другим ублюдкам, а не держать – при личном телефоне, спящую полдня и всем довольную – здесь!..

Проклятый дятел тоскливый, мразь бессмысленная, совершенно одолел – он сидит сегодня на моей шконке целый день, с самой минуты прихода с завтрака, не давая мне ни поесть, ни полежать спокойно, лишь изредка сваливая в “фойе”, – минуты отдыха и блаженства, о, какое счастье!!! :))

16–47

Еще несколько штришков к этой картине – так, чисто ради прикола. :) Ведьмак этот еще рассказывал ночью, – машина своя у него все–таки была, видимо, но какая–то простенькая, российская. И вот незадолго до ареста он продал ее какому–то знакомому за 160000 р, из которых 155 тысяч спустил сразу, в ту же ночь, не заходя домой, в игровые автоматы, а 5000 после этого – с горя – в каком–то заведении, вроде борделя. И это – сам говорит – когда у жены дома было, может, рублей 300 в кармане – и все. Все это он делал не в трезвом виде, естественно. Вот уж действительно биомасса...

А после обеда они в том же проходняке, в расширенном

составе (плюс уборщик, который по ночам спит) завели бурный, с руганью, разговор о том, можно или нет колоть в 1 раз 5 грамм, или это чересчур, только ли те, кто сидит “на системе”, это могут, у кого какой “приход” от героина, метадона и пр...

7.1.11. 5–47

Опять утро. Опять не сплю с 4–го часа (не дают). Опять горят 2 лампы – в проходняке соседей и напротив них, не давая нормально спать. Опять сидят эти ублюдки, малолетние гопники в соседнем проходняке – и опять, и опять, о чем бы ни шла у них речь, разговор ходит по кругу, возвращаясь все к одной и той же теме: к методам краж и грабежей, к тому, как именно лучше грабить – на сей раз уже магазины, ночные клубы, игровые автоматы, ломбарды и пр., и кто из их знакомых и их самих как именно и что грабил или пытался ограбить. (Один из этой гопоты додумался даже – освободившись, вынести все компьютеры из школы в своем селе...).

9–04

Утро началось с того, что “Макаревич на 7–м”, а “на большом” его перед этим даже не “пробили” – к возмущению всех свободных стремщиков в секции. Потом – завтрак; и под воздействием вести, что “Макар у столовой”, видимо, блатота выгнала весь барак, – толпа была необычно большая. (Вчера утром, между прочим, был обход Демина, начальника санчасти, по баракам – и один из главных блатных начальничков 8–го барака сопровождал его по секциям на пару с “козлом”! Вот умора была глядеть!! – для меня, одного из всех здесь, кто понимает подлинный смысл этой картины. :) На самом деле, “Макар” стоял не у столовой, а у ворот “нулевого” – и еще не открылись ворота, как уже до самого хвоста толпы (где стоял я) было слышно, как он там орет и визжит, чем–то недовольный. Шли мимо (заранее, даже без приказа, все на моих глазах поопускали воротники, это зимой–то, в мороз и ветер, – быдло трусливое!..) – он цеплял, у кого нет бирки или еще что–нибудь не так. (К ерунде цепляется, а героином постоянно колются у него на зоне – ему плевать!..) Зашли в столовку, и он – не сразу, останавливаясь, цепляя еще каких–то одиночных, не спрятавшихся от него зэков по пути – тоже ушел. Я пошел в барак (у ворот столовки слегка покусавшись с оставшимся “мусором”, не хотевшим меня выпускать) – нет, все равно, даже несмотря на “Макара”, человек 5 или больше спокойно спят в секции. Не всех, значит, выгнали. :)))

15–37

Перед самой утренней проверкой – вдруг прется зам. по БиОР Баранов: на 10–й, оттуда на 13–й; возвращается – было уже 12, я

стоял во дворе, ждал проверку – и заходит на 8–й. Но – не в барак, а, стоя во дворе, требует позвать ему завхоза – и начинает, показывая пальцем на снег по краям двора, что–то ему говорить. Ясно, что требует убрать, – мешает, вишь, ему снег!.. :) Из того, что было слышно из его слов – он что–то такое сказал про 10–й (видимо, разнес их тоже только что за этот же снег) и – вопросы: или там (в снегу) брагу спрятали? (Точно, в Новый год там прятали самогон!) Или уже перегнали? Я сейчас пришлю бригаду, и все раскидают! (типа, угроза :). Ну и пусть твоя бригада этот снег кидает, а не зэки. :)

Потом он свалил на 5–й – там уже была проверка, считал отрядник, и Баранов, потусовавшись во дворе, поперся в сам барак, а сюда на проверку пришел Окунь. Стоял рядом с завхозом, тот начал проверку по карточкам (медленнее выкликая, чем обычно) – и вдруг Окуню что–то не понравилось. Я не понял, что: то ли, что кто–то из уже названных пошел в барак; то ли – что все называемые выходят из одного “крыла” строя (бригада блатных, перечисляемая всегда на всех проверках первой – чтоб господа дворяне, упаси бог, не томились в ожидании :) – но он с завхозом вместе побежал опять в барак. Был там довольно долго, вернулся, окончил проверку по карточкам, ушел.

Едва 5 минут, как зашли в барак – всех, у кого телефоны или кто их “берет пользоваться” – типа, на ночь, на какое–то продолжительное время, не как я – на 10 минут, когда звонят (да мне на 8–й уже и не звонят давно) – зовут собраться в “культяшке”. Я думал – новая комиссия, новое прятанье–закапыванье; но рановато – ведь сегодня “праздник”, и не работает начальство до 11–го. Но – нет. Один из гопников в соседнем проходняке пошел – и быстро вернулся с вестью, о чем там речь.

Оказалось, из считающихся в бараке кто–то после прохода Окуня с завхозом спокойненько достал опять телефон и занялся им. А Окунь неожиданно вернулся в барак (см. выше), увидел – и телефончик–то забрал! :))) И по этому поводу в “культяшке” ко всем “телефонистам” и арендаторам телефонов были строгие внушения: относиться к телефонам ответственнее, кому попало не давать, следить, как “пробивают” “мусоров” – сразу прятать, и т.д. Как будто это не личные, за свой счет купленные каждым для себя телефоны, а казенное имущество блатного “начальства”, даваемое, типа, напрокат...

В 2 часа дня – опять: “Мужики, давайте соберемся!”. Да что за черт?!! Что их сегодня разбирает?.. Слава богу, не на улице – туда бы я ни за что не пошел, – холодно – но в “фойе”, и я вышел – чисто за информацией, как ходил когда–то на 13–м, что готовится

и до чего эти блатные твари будут докапываться.

Но оказалось – это поздравление с “рождеством”, чифир и маленькие кусочки “торта” (самодельного, сгущеночного, традиционного здесь), раздаваемые по рукам – и знакомые возгласы: “Жизнь ворам!” (чур меня, чур! :) и – во славу “подложенца”, как же без этого. Почти что “1–й тост – за товарища Сталина”. Будьте вы прокляты, и подавитесь вы вашим “тортом”, мрази – я пошел и снова лег, едва поняв, по какому поводу сбор.

9.1.11. 13–05

Проверка – опять почти час выстойки и выгулки на улице, на морозе (для меня, выходящего в 12, чтобы не торчать одетым в помещении, не выбегать по скользкоте вместе со всей толпой и занять место в последнем ряду – их занимают раньше всего), – мороз не сильный, но ноги под конец порядком окоченели. Пришло 2 “мусора”; из них один прошел мимо нас дальше, а 2–й – Гриша – сперва посчитал по карточкам весь 5–й – мы его ждали; только в 12–35 он зашел на 8–й, тогда как по их же “распорядку дня” время всей утренней проверки –с 12–10 до 12–30. Ну, и по карточкам, как всегда...

Тоскливый сиделец этот, уродец, пьяное чмо, дятел проклятый – продолжает с утра до вечера сидеть на моей шконке, сука! Неизвестно, что с ним делать и как от него избавиться. Прежде, когда приходил сигаретчик, он хотя бы сам, безропотно вставал и уходил. Но сегодня утром, хоть и сидя почти на самом краю шконки (т.к. я лежал с ногами) – не хотел уходить, – он, видишь ли, устал гулять, ему хочется посидеть!.. Через какое–то время, когда сигаретчик уже и сам собирался уходить, – это чмо вдруг опять явилось – выгонять его! И зачем же? Когда тот ушел, дятел этот тоскливый достал из тумбочки кусок хлеба, кружку и уселся пить... даже не чай, а пустой кипяток с этим хлебом! И это ему, видишь ли, обязательно надо было делать именно на моей шконке, больше негде, – так, что аж другого человека понадобилось выгонять!..

А у сигаретчика – уже 2 дня опять глючит, отключается, никак не работает нормально его несчастная полудохлая “труба”. Он все чинит ее – а я с нетерпением жду затягиваемый им уже новый телефон, который, по его словам, должен быть уже на днях...

10.1.11. 6–10

Нет, это очень смешно, ей–богу! – настолько, что мысленно я буквально катаюсь от хохота!! :))) Очень, очень смешно, поверьте!.. :))) Еще не успели пройти “праздники”, еще не настал даже и понедельник, 10–е января (тоже “праздник”, по–моему) –

как уже вчера вечером, часов в 11, заметалось, зашуршало, зашелестело по не спящей ни хрена, а жрущей и болтающей по телефонам секции знакомое слово: комиссия! Комиссия!! Ко–мис–си–я!!! :)))))

Вот оно! Я знал, я знал это!.. :)) В том–то и хохот: даже я сам не ожидал, что настолько буквально сбудется мое недавнее еще, незадолго до Нового года, пророчество – что сразу же после “праздников” появится первая из (бесконечных, как и раньше) комиссий 2011 г. Сразу же, в первые же дни – и вот она, не прошло и одного рабочего дня еще!.. :)))

Таким образом, можно считать доказанным на опыте нескольких лет наблюдения: сразу после 10 дней новогодних и майских “праздников” – сразу же, прямо в самый первый день! – сюда приезжает комиссия! Это столь же непреложная закономерность, как смена дня и ночи, или смена времен года. :) Тоскливый юмор...

Прошла по секции мелкая полублатная гнидка, протявкала, как всегда: “мужики, уберите все “лишнее” (?!), уберите (особенно!!) “телаги” с дужек!..” О, как я ненавижу это обращение: “мужики”!!. Потащили, поволокли, понесли свои телогрейки в раздевалку, кое–кто и сумки. Как будто, можно подумать, ночная эта “комиссия” сейчас прямо и попрется на 8–й барак – проверять, не висит ли чего на дужках... Сегодня с утра эта война продолжится, конечно – “сидорА”, “все лишнее” и пр. Мелькнула раз–другой фамилия “Мурзин” – вроде бы это он один и приехал (ага, в 11 ночи!..). Я свою “телагу”, висящую, конечно, не на дужке, а на торце шконки с внутренней стороны, загораживая меня от ходящей мимо швали, оставил висеть, как была, – обошлось, не докопались. Ночь прошла спокойно, никакая “комиссия” не появлялась, конечно же.

А самое сильное впечатление вчерашнего дня – вечером, как раз между 2–мя вечерними проверками, когда я ужинаю, явился парень с 11–го – друг ушедшего по УДО библиотекаря, вместе с ним приехавший с “девятки” и тоже получавший от него постоянно книги. Так вот, он дал мне книгу, полученную – на мой вопрос – от библиотекаря Андрюхи, когда тот еще был здесь (т.е. в декабре). Но, только увидев на обложке фамилию “Павленков”, а внутри – синие круглые печати “библиотека ИК–4”, я догадался обо всем.

Эти твари – “администрация” – полученные 1.11.2010, но так и не отданные мне книги этого Павленкова из Америки – не положили даже не мое имя на склад, как я надеялся, чтобы при освобождении забрать, – хотя именно это они обещали делать со всеми присылаемыми книгами в своей прокламации о запрете

книг и прессы, развешанной по всей зоне еще в апреле 2009 г. Нет, они сделали проще: отдали в библиотеку и наставили своих синих печатей! Т.е., они банально украли и присвоили мою собственность – книги, имеющие и вполне материальную стоимость. Превратили в свою – “учреждения” – собственность путем наляпывания печатей.

Что ж, это вполне себе повод для иска в суд о возмещении и материального, и морального ущерба. Когда после отбоя пришел сигаретчик (засыпающий на ходу) – я набрал Глебу, чтобы попросить его заняться этим – но не дозвонился. Позвонил матери, рассказал – чтобы Глебу с этим делом дозванивалась уже она.

А быдло, между тем, живет себе своей обычной жизнью – жизнью насекомых. С тоскливым дятлом получается очень забавно: вечером ему наконец–то освобождают верхнюю шконку надо мной. Сразу после 7–часовой проверки он прыгает туда, засыпает почти сразу и... просыпает последнюю, в 21–30, проверку! Его никто не будит (т.к. он никого не просил об этом), он не встает, не выходит – его считают прямо так, спящим, на шконке! За последние дни так было уже 2 раза, в том числе вчера. Просыпается только где–то после 11 вечера, сдергивает одеяло со шконки, заправляет простыню, раздевается – и опять ложится спать, до утра! И никто даже не замечает этого, не задает вопросов, тогда как за невыход на проверку здесь, бывало, сажали в ШИЗО блатных; минимум – это выговор сразу же.

Еще забавнее – с цыганом, молодым, лет 30, постоянно поющим, очень музыкальным, спящим сейчас на том самом месте, где, только попав на 8–й, спал я. Не знаю, с чего уж (нехватка кадров?) – но еще с начала зимы где–то этот цыган, не спящий все равно по ночам, пошел вдруг в ночные стремщики. Время его – последние 2, по–моему, часа перед подъемом, с 4 до 6 утра. Во всяком случае, когда я в 5 встаю – он на стреме.

...Точнее, он в “фойе”! В том–то и дело, что свои 2 часа он практически полностью простаивает не на улице, где надо слушать стрем других бараков (первыми, еще “на большом”, “мусоров” видит стрем 11–го, сообщает стремщикам 5–го, те – 8–му, 8–й – 4–му, и т.д.), а в “фойе”. Лишь изредка, на несколько секунд, выходя во двор, – выйдет, послушает – и сразу обратно! Даже гопники–стремщики из соседнего со мной проходняка – говорили с недовольством, что, мол, надо меньше в “фойе” стоять. Ну да, а на улице же холодно – зима, мороз. :) Таким образом, с 4 до 6 утра стрем на 8–м бараке что есть, что нет – все равно, стоя в “фойе”, цыган ничего не услышит. Петь – пожалуйста; ну, еще лошадей воровать, наверное, и гонять на

них; но вот заставить цыгана всерьез РАБОТАТЬ, поручить ему какое–то серьезное, ответственное дело – ... :))))))

15–13

Паники “по комиссии” с утра не было; но незадолго до обеда пробежал по секции юный комсомольский агитатор новейшей формации, XXI века – блатной сучонок–“дорожник”, битый моей ногой. :) – с истошными воплями, что комиссия, мол, уже вот–вот (что? Пойдет на 8–й барак? :) – почему, мол, он не наблюдает никакого “шевеления” по части убирания телогреек, пепельниц и “всего лишнего”? Такая мразь, – просто взять бы, да и свернуть ей башку, никаких других чувств она во мне не будит. Телогрейки не пришлось убирать – в них вскоре пошли на обед.

До обеда заходил сигаретчик – по его информации, это не Мурзин приехал, а Кошкин. Околеть бы им обоим!.. Желаю от всей души. Рассказал и – на мой вопрос – как, собственно, возникает эта паника “по комиссии” в 11 вечера: просто пришел (с их ночной “движухи”) завхоз – и сказал. На 6–м было так – и сигаретчику из–за поднявшейся паники не пришлось там заночевать. Так же, видимо, было и здесь, на 8–м.

Позвонил матери. Она, со свойственной ей пугливостью, весь день сегодня, после моего вчерашнего звонка о захвате книг – мечется в ужасе: ей кажется, что захват моих книг библиотекой зоны – это признак того, что меня отсюда не выпустят по концу срока!.. Медицина в таких случаях, как говорится, бессильна. Для нее “предупрежден” заранее о любой неприятности – не значит “вооружен” против нее, а означает: “начал метаться в паническом ужасе перед грядущей неприятностью, не пытаясь даже ее предотвратить”...

На улице (пока!) не холодно, погода мягкая, мороза всего несколько градусов. У ворот столовки – что в завтрак, что сейчас, в обед – никого! Отлично!! Опять стало частым это отрадное явление – раскрытые ворота столовки. По поведению “мусоров” никакого напряжения не видно, но среди пришедших сейчас с обеда в барак насекомых слышны тревожные толки о комиссии. На “продоле” же ведутся активные снеговые работы – копание снега на бордюрах большими деревянными лопатами, отбрасывание на запретку и в стальные короба, откапывание из–под снега дренажных канавок... – тоже явно в связи с комиссией... :)

Из совсем уж новшеств – на утреннюю проверку, ровно в 12–10, бодрый голос из репродукторов на столбах призвал старших дневальных построить зэков (насекомых). До сих пор при мне здесь этого не было. Наплевать, конечно, объявляют проверку по рупорам, или нет – по крайней мере, после сделанного ими же

вовремя объявления им самим как–то странно будет заставлять ждать своего появления по 10 и по 20 минут...

11.1.11. 10–48

Все–таки эти суки подгадали – устроили шмон на 8–м, когда я уж никак не ожидал. Во вторник, банный день, пока я был в бане, да еще и в 1–й рабочий день после “праздников” – когда, казалось бы, вся самогонка выпита, шмонать уже нечего и незачем...

[Пока писал эту фразу – крик стремщиков: “Макаревич с комиссией на “кечи”!”. Сейчас попрутся сюда – опять паника!..]

Прихожу из бани (мелкая сучка Полторашка никак не хотела пропускать через “нулевой” и грозилась забрать в следующий раз разрешение на проход, т.к. оно якобы недействительно – помечено 2010 годом) – по двору 8–го, издали вижу, гуляет народ. И так сразу все ясно, но я еще спросил одного у ворот – да, говорит, шмон, 7 человек. И, как я потом понял, только что передо мной пришли.

У входа ехидные хари насекомых говорят мне, что, мол, тебе тоже придется погулять на улице. Тем не менее, я, открывая дверь, захожу внутрь – никого нет; и тут Угрюмый, выйдя из “козлодерки”, спрашивает меня (без всякой, впрочем, агрессии), откуда это я. Я говорю, что из бани – сейчас, мол, положу банный пакет, соберу вещи (те, что уносил 29.12.2010 сигаретчик) – и выйду.

Зашел в секцию, быстро разделся, поддел свитер, оставленный с утра в бараке (знать бы, что будет шмон!.. Я бы и в баню не пошел тогда...), собрал вещи в “шмонный” красный пакет. Но – никто не выгоняет, и я стал пока разбирать банный пакет, доставать из него грязные вещи, чистые – из сумки под шконкой, и т.д. Потяну, думаю, маленько время, – всё лучше сидеть тут, в тепле, чем на улице труситься; да и безопасней – в смысле сохранности вещей – когда шмонают твой проходняк при тебе.

Сидел–сидел, возился, пока они вяло, лениво, не торопясь, шмонали (не подряд, выборочно) соседние проходняки. Думал, может, ко мне и не пойдут. Но нет – подошел молодой (лет 20 всего, м.б., чуть больше), длинный, недавно тут работающий парень, которого все называют запросто – Андрейка; видно по лицу, что не злобный, добродушный, – не успел еще здесь озвереть... Отодвинул стремщицкую шконку, зашел в мой проходняк, стал сперва рыться в тумбочке – вынул оттуда всю мою жратву, сложил на стремщицкую шконку. Потом полез ко мне под матрас, вытаскивать все книги, бумаги и пр. не стал, но нащупал и достал стальную трубу, которую я держу на всякий

случай. Хотел было забрать – но я сказал, что это для того, чтобы не проваливались вещи, или вместо части стальной сетки на шконке – уточнять не стал, но трубу он мне оставил. Пощупал пакеты, висящие на торце шконки, затем – полез за этот торец, в главное хранилище. :) Не грубо, спокойно – но повытаскивал оттуда все, пересмотрел, перещупал; на самом дне нашел небольшой молоток, давно еще, на 11–м, данный мне азербайджанской обезьяной, – его забрал. Да подавись ты им! – он мне и не нужен совершенно.

В общем, перерыл все, ушел – я стал наводить порядок. Не так уж много времени это заняло – и, право же, гораздо приятнее, когда все делают хотя бы на твоих глазах и ты можешь сразу же все сам собрать – чем когда ты потом только заходишь в барак вместе со всей толпой, видишь весь этот погром – и начинаешь лихорадочно, в спешке, все собирать, толкаясь среди толпящихся вокруг и тоже собирающих свое барахло насекомых...

Никто меня так и не выгнал – только один раз долговязый “козел”, бывший завхоз, докопался – мол, а ты чего тут сидишь? – но уж ему–то выгнать меня точно не под силу. :) Когда уже я все собрал – подошел вдруг опять Андрейка, встал – и смотрит на меня, как будто ждет чего–то. Я уж думал – опять, что ли?!. Но нет – пощупал только мою “телагу”, тут же лежавшую (самого–то меня лично – так никто ни разу и не обыскал :) – и ушел...

Минут в 15 11–го шмон–бригада свалила из барака. Потом еще забежал ненадолго Полторашка – мразь, все мечтающая и при каждом разговоре в конце напоминающая, чтобы я не забыл написать о ней в интернете, – и вот теперь ждем Макаревича с комиссией. :)))

А шмон – для меня, по крайней мере – был, считайте, игрушечный, не страшный совсем. В красные пакет с наиболее ценными вещами “мусор” этот едва заглянул, вынимать ничего не стал. Да и вообще – шмон больше для галочки, для отчета, что оперативное мероприятие проведено. В бараке тоже вроде бы – ничего ценного не “пыхнуло”, ругани и криков на эту тему, по крайней мере, не слышно. [Вот сейчас “пробили”: “Комиссия с “кечи” на контрольную!”.] И – очень надеюсь, что для меня, за мой уже кончающийся срок, этот шмон был последним. А самый тяжелый был 31.3.2009 на 13–м.

12.1.11. 6–34

Когда репродукторы начали объявлять проверки и играть песни в неурочное время, просто так – уже практически отпали сомнения, что зарядку эти суки тоже восстановят. (Ее и не отменяли, видимо, вовсе – в “распорядке дня”–то она осталась, – а просто связисты, заведующие всей этой звукотехникой тут, на

зоне, в декабре того года переезжали со всем своим оборудованием из столовки в библиотеку – и, видимо, пока не настроили все оборудование, репродукторы молчали и не играли зарядку.) Вчера – 1–й рабочий день – еще не было; но зато, когда вышли на обед в 3 часа – репродуктор на столбе в “локалке” 2–го барака вовсю играл – популярные лирические песни 2000–х гг., ничего особенного. Но реакция почти у всех была на это негативная, в лучшем случае – ироническая: широко известны (и крайне дурной славой пользуются) многие “режимные” (хотя бывают ли не режимные?), людоедской жестокости лагеря, где – характерный признак – как раз все время играет радио на столбах и через репродукторы объявляется вообще все – и проверки, и походы в столовую, и т.д.

И вот – не успел я нынче утром выйти проверить, только собирался, – стремщик принес весть, что на улице играет зарядка и – вышли все бараки, кроме нашего. (Точнее, 5–й, 6–й и 11–й, видные со двора 8–го через решетки.) Я пошел послушать – и не сразу понял, чтО у них там играет: они опять включили СТАРУЮ зарядку!! Ту самую, из 12–ти дурацких упражнений (“доставание левой и правой ноги кистей рук” :)), которая была здесь всю жизнь, с моего приезда, под резкую, визгливую музыку (“под вой и скрежет зарядки”, как сформулировал я когда–то). И отрядник 5–го явился на 8–й барак на эту зарядку выгонять. А то чудо современной расейской полицейщины – “интеллигентным” голосом произносимая под одно пианино зарядка, начинающаяся с совкового “гимна России” (со старой музыкой и новыми словами), с какой–то веселой агитацией “оставь свою палатку!” голосом Жириновкого и пр., которую начали крутить где–то с июня, примерно, 2010 г., после какой–то из бесконечных комиссий, – ее уже нет! Все опять вернулось к прежнему, только в какой–то особой, иезуитско–садомазохистской рабской манере – и страна эта, с КГБ, выбранным к власти на “демократических выборах”, и замки на “локалках” Буреполома, вешаемые теперь на ночь самими зэками ИЗНУТРИ, добровольно!! – и старая эта, еще, небось, 70–х, 80–х гг., совковая зарядка, читаемая теперь – разве что – каким–то чуть другим, чуть подновленным, не настолько, как раньше, грубым и хриплым голосом...

15.1.11. 9–20

Суббота. Осталось 64 дня... Главная новость, которую еще вчера утром узнал, дозвонившись Майсуряну, – оказывается, уже 19 января по делу Низовкиной и Стецуры должен быть оглашен приговор! Вот так!.. Вопреки всему, что так уверенно говорила мне Низовкина в том единственном телефонном разговоре, – что суд продлится еще не один месяц...

Что ж, скорый приговор – это лучше, чем томительно и безнадежно ждать развязки, – в конце концов, что бы ни было, но определенность лучше неизвестности и ожидания. Самое поразительное другое – что, как сообщил тот же Майсурян, прокурор запросил им обеим по 4 года... условно! Вот уж я не ожидал, – точнее, ожидал чего–то подобного ДО их ареста, но уж никак не после. Это уж слишком хорошо, чтобы оказаться сбывшейся реальностью, – тем паче, что сами тут же заявили, что никаких обязательств, налагаемых условным сроком, исполнять они не будут, а будут и дальше делать то, что им инкриминируют, – типа, “разжигать рознь”. Девушки ведут себя, конечно, совершенно героически, бескомпромиссно, честь им и слава за это! Но, с одной стороны, и этот их словесный героизм тоже может оказаться тем перышком, которое сломает спину верблюда – перевесит чашу весов в пользу реального срока, а не условного. С другой же – нежелательно, чтобы, так сказать, весь пар уходил в свисток: они еще и месяца не сидят, а сроку может оказаться – 4 года; хорошо бы, чтоб мужество их и героизм были, может, не такими лихими и показными – но чтоб хватило их не на первое только время, пока не попали на зону, а на весь срок, и чтобы был этот героизм не только на словах, а на деле. А от того, что их законопатят на 4 года, общему нашему делу, между прочим, один убыток. Если уж предлагают условный срок – умнее, конечно, было бы получить его, тихо, законопослушно :) ходить отмечаться – и работать, писать, клеить (если удастся) те же листовки, искать новых людей – ДЕЛАТЬ ДЕЛО, одним словом (пока и если все же не посадят реально, – хотя бы какая–то отсрочка). Гораздо умнее, чем с порога заявить, что, мол, мы и отмечаться не будем, сразу сесть на зону (да еще и там в ШИЗО за всевозможные отказы; хотя, конечно, там уж – снявши голову, по волосам не плачут) – и уже не мочь не только сделать, но и сказать вообще ничего. Хотя – похоже, что ездить к ним на свиданки, тем более часто, как ездили ко мне – будет некому. Родители в других городах, а ребятам из Москвы (я бы вот поехал с удовольствием, была бы возможность) – слишком далеко и дорого...

А пока что – вся радость (если она вообще была) моего предстоящего освобождения отравлена арестом девчонок, о чем я и сказал вчера по телефону Майсуряну, как мы ни торопились из–за отсутствия на его счету денег.

Вторая новость, местного значения – прошла вчера суд по УДО азербайджанская обезьяна с 11–го! СДиПовец в будке за карантином, уборщик в секции весной 2010–го, пахарь “запретки” все лето 2010, на воротах у ларька – с зимы... 6–й, что ли, раз

судимый, и в Буреполоме не то 2–й, не то 3–й раз, – вот, наконец–то, уходит, почти 9 месяцев не досидев... Говорил я с ним в четверг, позавчера, в ларьке, предчувствуя его уход, – за телефон свой, купленный, говорит, за 2000 р. , он хочет получить полторы тысячи ларьком, – это на волю–то уходя, куда через вахту этот телефон все равно с собой не потащит!.. Пир прощальный, что ли, закатит, накупив в ларьке, что уж там будет, на 1500 р.? Мне совсем не улыбаются его условия – отдать еще 1500 ларьком, уже достаточно я отдал. Но, с другой стороны, телефон сигаретчика буквально подыхает, работает еле–еле, через пень–колоду, постоянно отключается – и новый необходим просто позарез и срочно. По моей наводке сигаретчик вчера вечером, часов в 11, должен был пойти к обезьяне на 11–й – разговаривать по поводу этого телефона, цены, способа отдачи денег (500 р. лежит у него на “симке”, 500 – дома, у его матери) и т.д., а утром прийти и сообщить мне. Но пока что сигаретчик не появлялся.

Зарядка опять каждый день – и на нее опять, как прежде, выходят поутру всей толпой, включая даже некоторых блатных из той секции. Но – я больше на нее не хожу! Кончился – надеюсь, до самого конца срока, и затем уже – навсегда – тот полуторагодовой период, начавшийся с июля 2009, на 13–м еще бараке, когда я сам, добровольно, без понуканий, летом – вообще одним из первых выходил по утрам по двор. Но летом, да еще на 1–м этаже – это легко было; а на 11–м – апофеоз кошмара – исступленно–злобные “козлы”, твари запредельной, немыслимой злобы и остервенелости, трясли по утрам шконки и выгоняли всех, порой и с помощью палки; и я, не торопясь, чтобы сохранить хоть видимость добровольности, выползал, спускался – и зимой, по обледенелой лестнице с покрытыми снегом перилами (за которые брался голой рукой), в любой мороз, метель, в любую жуть – чтобы избежать совсем уж открытого конфликта, драки с “козлами”, их доносов отряднику и т.д. М.б., не надо было всего этого делать – а надо было давно уже (к тому моменту, зиме 2009/10) тихо и спокойно сидеть в ШИЗО за тотальный отказ от всего их режима, от зарядки, бирки, шапки (летом), столовки с капустой и перловкой, и т.д. и т.п.? Может быть; наверное (очень надеюсь), если посадят Надю и Таню – у них хватит на это мужества, на то, чтобы отказаться от всего этого (и – в 1–ю очередь – от работы, т.к. – женские зоны все–таки обычно рабочие – швейные). Если, конечно, они не решат, как большинство, что, мол, почему бы и нет, почему бы и не посидеть в цеху за швейной машинкой – время быстрее идет. (Петренко, помнится, в своем дневнике описывала, как она работала на швейном производстве таким вот образом.) Но – видит бог – работать мне никто не

предлагал, я бы отказался сразу и наотрез; а остальное – так уж сложилось само. Меня ведь привезли сюда оглушенного, полумертвого после этапа из Нижнего ((и голода там – 17 дней на одной несъедобной баланде на централе...), в первый вечер в карантине я на ногах еле стоял, и мне было не до того, чтобы сразу начинать протестовать – и голова плохо соображала, и сил физических не было. Так что – бирку и шапку я действительно носил; на зарядку где–то с начала 2008 по июль 2009 почти не ходил – только когда "мусора" (и сейчас так придется – все же выйти хоть на ползарядки, если уж прутся "мусора"); да и – все написанное и опубликованное мной отсюда я считаю все же достойной компенсацией за мой постыдный конформизм в области бирки, шапки, столовки (туда, впрочем, гнали не столько "мусора", сколько блатные под угрозой мордобоя – а это совсем другое дело) и т.д. :) Я предпочитаю такой вот героизм и мужество – не очень громкие, но более деловые; чтобы здесь, в лагере, в окружении бессмысленно–злобных насекомых, не шуметь и не выпендриваться попусту – но чтобы тексты мои по важным вопросам, типа русской агрессии против Грузии или войны кавказских моджахедов и взрывов ими машин у ментовок своих городов – публиковались по–прежнему на Кавказ–центре, вызывая ярость ФСБ и звонки оттуда Макаревичу. :) И тот персональный шмон с изъятием всех моих бумаг, что они мне устроили в конце мая 2008 г., когда я был на длительной свиданке, и то, чтО они прочли в этих бумагах – было, надеюсь, уже тогда достаточным доказательством моего антиконформизма, того, что я не сдался и не смирился, несмотря на отсутствие внешне эффектного поведения здесь, на зоне. Потому, кстати, и по УДО не отпустили аж 5 раз...

Вместо исчезнувшей Рыськи приручил я тут большую, солидную, красивую черно–белую кошку – и вот последние 2 дня стала она ко мне приходить. Жила здесь, в бараке, где–то в районе "обувнички" и закутка стремщиков – и тоже частенько грелась в "обувничке" на батарее, как когда–то на 13–м Маня... Но эту как зовут – никто не знает; первое время подзывал я ее на улице, торча там в ожидании проверок, брал на руки, гладил подолгу, она мурчала–заливалась – и вскоре стала меня на улице узнавать и подбегать сама. А вот в помещении, там же, у выхода – без шапки, палки и "телаги", видимо, долго не узнавала и боялась подойти – начинала громко орать: "Мяу!! Мяу!!!". Вроде и не убегает совсем – но боится, держится на расстоянии, отбегает, когда я пытаюсь подойти, и при этом орет... Но каждый раз, слегка побегав за ней, мне удавалось–таки поймать ее, принести к себе на шконку, погладить подольше, покормить – и она,

успокоившись и поев, прыгала сама на шконку и располагалась здесь надолго, как дома. А теперь – наконец–то! – стала приходить и сама, – вчера вечером с прогулки, с улицы, вся холодная; хотел дать ей поесть в ужин – а она сбежала на улицу и залезла там в помойную бочку, потом – после последней проверки – вообще куда–то пропала. И вот сегодня утром, около пяти, просыпаюсь – а она лежит в ногах, на одеяле! Мелочь вроде, а приятно!.. Пригрелась, наелась – и вот спит у меня под боком до сих пор, пока я пишу все это...

А тоскливый дятел, сука, так и продолжает тупо сидеть на моей шконке, чуть ли не вплотную ко мне, дико мне мешая и – по временам – опуская башку вниз, как будто засыпает сидя...

22–25

А с кошкой, увы, видимо, ничего не выйдет. Эти мрази, малолетняя гопота в соседнем проходняке, – то она ошибается и попадает к ним, то они сами ловят и таскают ее к себе – а потом она в ужасе убегает от их издевательств на улицу... За сегодняшний вечер – 2–й раз она сейчас уже в лапах у этих тварей... Вот уж буквально – живешь среди черни, мрази, нечисти, мешающей жить буквально всем, даже в самых простых житейских мелочах. И я не только конкретно этих гопников за “шкеркой” имею в виду, а – шире: “запах стаи, заполонившей мир” (Нестеренко).

16.1.11. 6–35

Явился вдруг в полшестого утра сигаретчик – и я смог опять дозвониться Майсуряну (кинул СМС–ку, а он перезвонил). Как я и думал, оказалось, что моих стихов за 2006–2007 годы у него нет. Придется переписывать их заново, что очень печально, ибо нет здесь никаких условий для многописания и очень мешает тоскливый дятел на моей шконке.

Также подтвердил он мне, что Низовкина и Стецура настроены предельно решительно – так, что даже и отмечаться ходить в случае условного срока не собираются. Условный, впрочем, им и не дадут... 4 года запросили по 1–й части 282–й статьи – она всего до 2–х лет, но у них 4 эпизода – по году за каждый, что дико и поразительно само по себе, – но Майсурян говорит, что в УПК это есть. “Они хотят отменить закон!” – сказал про них Майсурян, – 282–ю ст. УК, но не только ее (по которой их судят), а многие другие тоже. Тактика для этого используется старая, ДС–овская, легендарная – самим рваться в тюрьму. Но – хорошо было в 1988–91 рваться на 15 суток, когда всех ДС–овцев держали в камерах вместе и они могли держать там сухие голодовки. А вот когда тебя одного (одну) засунут к самым обычным уголовникам, которым на политику, на все твои взгляды

и протесты плевать, и они будут хамством, угрозами, а то и битьем заставлять тебя жить по их законам (т.е. не мешать начальству, что как раз и ставят девчонки себе целью), и не на 15 суток засунут, а на годы, – это совсем другое дело. Видел я, как одного старика, только что арестованного за “побои”, кажется, или “легкий вред здоровью” (мента–соседа по коммуналке, который сам его и бил) и держащего голодовку протеста, засунули в апреле 2007 на “1–ю сборку” в 5–м СИЗО Москвы. Как только “смотрящий” от оперчасти за “хатой”, здоровенный бандит–рецидивист, услышал и повторил слово “голодовка” – уже по его тону было ясно, что ничего хорошего старика не ждет. И точно, – не так уж много его, по–моему, и били (я сам не видел, только слышал звуки ударов), но на другой же день про голодовку от него уже и помина не было...

А меня эта бессмысленно–злобная мразь, выгонявшая меня в том году из блатной секции, – этой ночью, увидя около себя, спрашивает: “Ну что, СКОТИНА, когда ты освободишься?”. И на мое “скоро”, – говорит что–то типа: “Скорей бы”.

Сначала меня это взорвало, конечно, – внутренне, виду вовне я не показал. Ишь ты, эта мразь обращается ко мне “скотина” (так же, как в тот раз – “животан”, т.е. животное), хотя я в 100 раз выше ее во всех отношениях (от интеллектуального до нравственного) и не то что ей ничего плохого никогда в жизни не сделал, но и слова плохого не сказал. Хотя умом я понимал, конечно, что это – гнида, нечисть, мразь, ничтожество, и обижаться, да вообще хоть как–то реагировать на ее слова – просто смешно. Постепенно успокаиваясь, стал думать: ну я же считаю его мразью, уголовной нечистью, гопотой, нежитью, вурдалаком, которого только серебряная пуля берет... я о нем столь же тепло думаю, как и он обо мне, только не обращаюсь к нему с этим – но лишь потому, что я к нему вообще никак не обращаюсь, не нужен он мне... да и слишком много их тут, чтобы обращаться или пытаться что–то доказать этому одному. Мразь есть мразь, ты это про нее знаешь – и не все ли равно, как эта мразь тебя называет? Тем не менее, от оскорбления этой мразью, да плюс еще, как всегда, от гомона соседей, их света и музыки среди ночи – не мог полночи уснуть, с часу – и где–то до 4–х, , до начала 5–го...

А процесс девчонок освещает (не в СМИ или не только в СМИ, а для своих) журналист Сергей Басаев, о котором я уже слышал от Мани. Героическая, видимо, личность, – однофамилец, но в ЖЖ у себя повесил портрет Шамиля Басаева и сумел уже проникнуть к девчонкам в камеры (благодаря какому–то официальному запросу по тюремному ведомству, с каким–то проверяющим начальством

вместе) и даже с ними сфотографироваться...

18.1.11. 13–55

Вчера, где–то в районе 5 вечера, перед ужином – вдруг опять вздутие живота и дикие боли в нем. 5–й раз здесь уже... Обычно–то оно у меня с утра начиналось, и – на сутки минимум, а тут – под вечер... и когда же кончится?! Мать по телефону и сигаретчик (когда он – далеко не сразу – заметил, что со мной что–то не так) уговорили–таки – после последней проверки пошел в больницу, к дежурной медсестре. Слава богу, дежурила не та, что в тот раз, повежливее, – дала горсть таблеток выпить здесь же, да еще горсть – с собой, выпить, если не пройдет. Панкреатин, активированный уголь, а остальное – с оторванными названиями. Не проходило, в 12 ночи принял остальные, – эффект только тот, что прежние дикие боли в этот раз как–то смягчились; в брюхе все так же бурлит, тянет, давит, та же мучительная тяжесть – но приступов совсем уж безумной боли нет. Не знаю даже, спал ночью или нет, – похоже, задремывал ненадолго и просыпался несколько раз. Новая эта кошка (имя неизвестно, мы с сигаретчиком зовем ее Муськой) лазила по мне, ложилась на живот – и вроде полегче становилось. Утром еще было плохо; не пошел ни на завтрак, ни в баню (тем паче – вчера начались крещенские морозы, в дверь барака – туча пара с улицы, какая уж тут баня!..). Когда все уходили на завтрак – пришел сигаретчик, я позвонил матери, сказал, что мне все еще плохо, в 10 хочу идти на прием к врачу. Но – после этого звонка, ко времени моего завтрака, боли фактически прекратились совсем, я отлежался, даже подремал немного – а к врачу не пошел (еще там очередь выстаивать!..). Все, инцидент исчерпан?

Новую напасть объявил на утренней проверке отрядник: завтра они опять ждут какое–то важное начальство из Москвы, сегодня по этому поводу будет “обход” (чей?), так что все “лишние вещи” уберите из тумбочек, из–под шконок (sic!), и даже из каптерки(!!) – на склад. Ага, щаззз, чтобы они там пропали!.. В том числе уже собранные мною вещи на освобождение... Пока паники и истерики с выносом–прятаньем всего и вся нет, но – может начаться уже после обеда. Я – ничего никуда не потащу.

19.1.11. 9–35

Мультики про Бивиса и Батхеда тоже, оказывается – вчера спрашивал – смотрели здесь далеко не все, хотя еще в 90–е гг. были они культовыми. Но – Бивис в роли Павки Корчагина??!!! :)))))) Пока ждал вчера чайник на ужин – насекомые собрались большой толпой в “фойе”, встали в круг, и вот это 18–летнее юное чмо, “дорожник”, отмеченный большим следом моего тапка на груди своей синей курточки–“лепня” в сентябре 2010... :) С

виду эта харя, злобная и коротко стриженная – ну вылитый Бивис из мультика (если я его правильно помню и не путаю с Батхедом; короче, из двоих – наиболее злобный с виду). А манера, с которой он произносил речь перед собравшимися – это уже были не просто классические образы типа “агитатор”, “комсомольский вожак” и пр. Нет, этот типаж тоже обрел наконец–то реальное имя, вынырнувшее из моей памяти: Павка Корчагин! Выступающий перед своей “братвой” (какие параллели, а?!. :)) с пламенной речью о том, чтО нужно сделать, – построить ли узкоколейку, разгромить ли белых, и т.д.

Конечно, нет никаких оснований (и даже смешно) думать, что это малолетнее чмо, гопота, приехавшая с малолетки и сидящая (не сомневаюсь, хотя точных сведений нет) за разбой по 162–й статье, когда–нибудь читало “Как закалялась сталь”, как читал это уже в ее возрасте я. Но – как повторяются типажи!.. Как все ходит по кругу в этом мире, – и в истории его, и в политике, и в культуре!.. Те же агитаторские, боевые интонации, те же решительные жесты правой рукой!.. :)) Только вот агитировало это чмо совсем за другое, – не узкоколейку построить, а... Ну конечно же, – завтра едет страшноужасная комиссия! :) Напомнил, что первым сказал сегодня утром про это отрядник, но – “надо, чтобы люди сказали, а не отрядник”. (Интересно, почему здешние “люди” (блатные) всегда говорят точь в точь все то же самое, что и отрядник, и никогда ни в чем ему не противоречат?.. :) Этот (один едет, на самом деле) неизвестно даже, кто такой – страшный начальник до...тся до всего, буквально до всего! – так что надо завтра прямо с подъема убрать в раздевалку “тележки”, “заныкать” куда–нибудь спортивные вещи, и т.д. и т.п. Как Павка Корчагин на Ленина – этот тоже сослался на... “подложенца”, конечно же, на высший здесь для быдла авторитет. Мол, от него приходили и просили... “сделать здесь “семерку”” – т.е. как на легендарной в этой области ИК–7, – жестокий режим, все в робах, в секции все голо и прозрачно, никаких вольных вещей нет в помине, и т.д. Мол, для этого приезжего начальника надо изобразить такое же. О, grosse russische Pokazucha!.. И под конец – ну в точности Павка Корчагин, захочешь изобразить такой стиль, такой неподдельный пафос (показухи, прогибания перед начальством и наглого дурения зэкам голов ради легкости управления ими) – и не сможешь, – решительным, “боевым” тоном: “Ну что, мужики, сделаем?!! Не подведем (имя ублюдка–“подложенца”, которому самому–то все это до лампочки, и полгода всего осталось до дома, но надо заставить – через блатных – зэков не подвести Макаревича)?!!”. Правда, надо заметить, что возгласы “сделаем!” были жидковатыми и не очень

стройными... :)

На улице 30° мороза, не меньше. Этого начальника приезд Бивис–Павка обещал чуть ли не на зарядку, с самого утра – но вот уже 9–54, и все тихо, все мирно спят...

10–40

Пока переписывал предыдущее – вдруг крик стремщика: “2 “мусора” на тот “продол”, шмон–бригада на большом!”. Легкий переполох, конечно. Потом – крик: “6 “мусоров” на 7–м шмон–бригады нету!”. И тут же – рассказ в секции одного старого (с виду) зэка, не так давно приехавшего: этого стоило ожидать, т.к. вчера на 7–м одному стало плохо – видимо, передоз; прибежали санитары с носилками и “мусора”. Т.е., сегодня там 7 “мусоров” (позже пришел еще один) – это реакция на употребление наркоты вплоть до передозов? Легонько пошмонают барак в ответ? :) Наркоту они так ищут, что ли? :)) А на 7–м – тот лысый блатной грузин, которого в сентябре 2009 застал я еще на 11–м, конченный наркоман – не у него ли передоз?..

10–45. “Пятеро “мусоров” ушли с того “продола”, на наш “продол” пятеро!” Что дальше?.. :))

10–55

Дальше – совсем смешно: пошли на 13–й, пробыли там 2 минуты, забрали... футбольные ворота и с ними двинулись обратно. Зашли на 8–й, тоже забрали ворота, погрузили на лошадь (откуда она взялась?!) – и двинулись дальше, на 5–й.

Среди насекомых – убеждение, что ворота забирают “на время комиссии”, хотя – “мини–футбол” в “локалках” был запрещен приказом Макаревича безо всяких комиссий еще аж в декабре 2009 г. – чтобы не били стекла в бараках...

20.1.11. 15–49

Опять вчера ждали какую–то комиссию, – выносили–прятали потихоньку “телаги” и баулы, гопники–соседи убрали зачем–то даже “шкерку”, отделяющую меня от них, – когда я пришел из ларька. (Впрочем, нет, “шкерки” не оказалось, когда я вернулся с проверки.) Эту ли, другую ли комиссию, – кто их разберет? “Козлы” развешивали бирки на шконках. Всего–то полчаса я и пробыл в ларьке, но за это время, видимо, уже опять “сказали” (иезуитски–невинная маскировка жестких приказов, чреватых побоями за неисполнение). Однако – никакой комиссии не появилось и, я надеюсь, не появится за оставшиеся мне 59 дней...

Главная новость – это вчерашняя уже, конечно. В Улан–Удэ девчонкам дали вчера по 100 тысяч штрафа и освободили в зале суда. Мои поздравления, конечно! Они, естественно, недовольны приговором – и его обвинительным характером, и его мягкостью – и намерены штраф не платить принципиально (что правильно, но

будут проблемы с выездом из страны и т. п.) и подавать кассационную жалобу – на его мягкость, видимо, но могли бы и на его обвинительный характер. Однако примирить сие противоречие в одной жалобе невозможно, и революционно–юридический их мазохизм, несомненно, победит здравый смысл в этой жалобе. Одно обнадеживает: если уж их, так рвавшихся сесть по–настоящему, в лагерь не пустили – то уж и не пустят, несмотря ни на какие их жалобы. :)) Еще когда я услышал, что прокурор запросил им, УЖЕ сидящим в СИЗО, 4 года условно – эта мысль пробилась вскоре через мое первоначальное недоумение. А уж когда такой приговор... Ясно, что тамошняя, бурятская "контора" просто не хочет их забесплатно "раскручивать" и рекламировать в высочайшем – выше в этой стране просто никогда не было за все века ее истории – качестве политзаключенных, узников совести...

22.1.11. 8–45

Морозы стоят безумные, по утрам – 35° и больше. Я, как дурак, таскаюсь в такую погоду на завтрак, – только затем, чтобы эта мерзкая блатная харя, командующая в бараке, если начнет опять всех выгонять, не докопалась бы до меня. (Этой харе здесь разрешается все, даже – опаздывать очень заметно на проверку, причем когда считает отрядник, – вчера харя пришла уже после того, как он посчитал, часть даже по карточкам, – ей ничего не сказал). Единственное, что радует – ворота столовки каждое такое лютое утро открыты настежь, "мусоров" нет, – тоже не выдерживают там стоять на таком морозе, так что и выгонять, собственно, незачем – никто не увидит, сколько там пришло с 8–го, много или мало, разве что "мусор", сидящий на "нулевом". Ворота которого тоже, кстати, открыты настежь – зэку, помощнику "мусора", тоже, видимо, холодно все время выскакивать и открывать–закрывать их, пока бараки – по 3 в каждую из 4–х смен, с временнЫм зазором совсем не таким большим – идут в столовку и обратно. Получается "брод–ход", как это здесь называют, – свободный ход, не перегороженный ничем, ненужными и нелепыми этими "постами", собираниями в толпу, разбираниями "по трое" и т.д. Калитка бывшего "1–го поста" – на магнитном замке с домофоном – слава богу, тоже в основном стоит открытой.

Но уж зато на ужины, слава богу, я не хожу! :)

А с объявлениями проверки по громкоговорителям получилось забавно. Объявляют их прямо с вахты, кое–кто из зэков узнавал даже по голосу, кто из "мусоров" (ДПНК) говорит. И –кто объявляет, кто нет, а то и – утреннюю, допустим, объявят, а вечернюю забудут, а то и обе вечерних... Строгость законов и правил, как всегда и всюду в России, компенсируется

необязательностью их исполнения... :)

13–05

Что ж, вот они – очередные 55 минут чистой выстойки на улице, на лютом крещенском морозе, – утренняя проверка! По радио ее на сей раз не объявляли. :) В 12–15 (уже 5 минут опоздания) “мусора” появились только на “большом”. На наш “продол” – Лось и отрядник 5–го. Тот–то посчитал сразу свой барак, а Лось – мимо нас на 4–й, дальше на 10–й, дальше на 13–й. И там, где–то – на 4–м, скорее всего, – тоже, видать, по карточкам. Стоим и стоим – несколько наиболее стойких (каламбур :), кто вышел загодя. Остальные–то до последней минуты торчат в бараке, и даже возвращаются, выйдя вовремя и видя такую задержку, – но я туда не возвращаюсь. Бежать потом со всей толпой по льду (крещенские, будь они прокляты, обливания у самой двери барака!..) – и все равно не успеть занять место в последнем ряду, как обычно, а стоять черт те с кем, черт те где... нет уж, лучше я постою, померзну. У самой стены барака, на “плацу”, где строятся, – правда, греет уже солнце, выходящее часов в 11 все эти последние морозные дни. Кое–кто из нечисти гуляет, но на футбольном поле, где можно гулять – там как раз тень, соседний барак закрывает солнце.

Короче, нет и нет проверки! То ли уж и сами “мусора” устали ждать Лося – но только в 12–43 или 44 появился–таки еще один “мусор” – прямо на 8–й. Пересчитал по 5 человек, согнал, как теперь часто стало происходить, от стены на середину двора – толпой, не строясь уже – и кого называет по карточкам, те идут мимо него, у входа стоящего, прямо в барак. Типа, проявление гуманизма, чтоб зэки не мерзли во дворе... :)) Называл сам, не дал завхозу, – не торопясь, назовет – и высматривает, где он, названный, идет ли... У некоторых (не всех, как по их инструкции, правда) требовал, чтобы называли имя–отчество, сличал с карточкой, у пары человек, уцепив, когда шли мимо него, прямо за одежду, проверил даже, та ли фамилия написана на бирке... (А Лось, вернувшись с 13–го, тоже стоял здесь же, сбоку, и наблюдал.) Повышенная бдительность, короче, у этих сук!.. Меня назвали одним из последних – и в барак я зашел (специально глянул на часы) ровно в 13–00, с одеревеневшими, несмотря на солнце, ногами. Выходил я в 12–05, – вот и они – 55 минут чистой выстойки на улице, на морозе...

25.1.11. 9–47

Уже 2 раза поговорил вчера с матерью, последний раз – в 7 вечера, и только после этого из разговоров в бараке вдруг слышу: взрыв в аэропорту Домодедово! Смертник – и несколько десятков, кажись, жертв.

Что ж, браво! Брависсимо!!! Все те же доводы в поддержку, что и после взрывов 29.3.2010 в московском метро, я писал тогда в дневнике об этом. Кто бы этот взрыв ни организовал – кавказские моджахеды, русские нацисты, ФСБ (силы, на сегодня засветившиеся в организации такого рода акций) – поделом! Пусть быдло получает по башке как можно больше и чаще, особенно таким вот способом. Крот истории роет медленно; историческое возмездие настигает далеко не всех, не все десятки миллионов голосовавших за Путина и поддерживавших геноцид в Чечне – но пусть хотя бы некоторых, хотя бы иногда! Взрыв этот так же оправдан, естественен и законен в стране, веками творящей геноцид на чужих землях, убивающей и ссылающей целые народы, как и все прочие прежние взрывы – что в 2004, что 29.3.2010, и т.д. и т.п. И не говорите мне, что, мол, “мирное население” ни в чем таком не виновато. Виновато, да еще как!.. Оно–то не понимает этой связи, но чем больше и упорнее оно будет голосовать за Путина – тем чаще будут эти взрывы (и поделом!). Тема очень актуальная в преддверии “выборов”–2012, кстати.

А тут... ну, тут все как всегда. С утра – “Макар” на 11–м, потом сразу на 7–м, потом ушел на “контрольную” – и вдруг, когда уже вот–вот идти на завтрак, он вдруг прется на наш “продол”! На 12–й, оттуда сразу на 10–й – и еле дождались, чтобы ушел, не выходить на завтрак прямо под его “пресветлые” очи. У столовки, к счастью, его тоже не было, только какой–то “мусор” – и я мимо столовки пошел прямиком в баню (сегодня вторник). Долго продумывал этот вариант: 2–й раз на шмон по возвращении из бани наткнусь вряд ли (сейчас всего–то 7 бань осталось); в 10–30 – еще неизвестно, будет ли, не “кончится” ли, как обычно, горячая вода; а вот завтракать наспех, как пару раз уже было до этого, торопясь в эту проклятую баню – и все равно, придя, заставать там полностью забитую раздевалку, “телагу” повесить некуда, и по полчаса ждать в переполненном зале “лейку”, – меня никак не устраивало.

В бане оказался одним из первых, она была непривычно пустой. Довольно долго пришлось теперь ждать, когда включат воду, – сперва в раздевалке, потом, когда попер народ, уже в зале. Заметил, что в зале на стенах, особенно внизу, на щелях между бревнами, снег и лед – видимо, стекала по стенам вода, да так и замерзла. Промерзает, значит, все–таки банька насквозь, пусть и бревенчатая, бревна толстые, и без окон, и между бревнами натыкано чего–то для утепления – а все равно промерзает. Хотя сейчас не так холодно, как еще недавно, – 20 с чем–то градусов мороза было с утра. Счастье еще, что успел–таки я занять еще

свободную “лейку” – мылся сразу, никого не дожидаясь, да и в раздевалке одевался в почти пустой – одним из первых туда выйдя. В раздевалке довольно холодно – но вытираться так лучше, не взмокаешь от пота в духоте, как было в прошлые разы. Оделся и дошел до барака – пока все тихо, без всяких происшествий.

30.1.11. 13–10

Эта свиданка была – сплошное “кусание” с “мусорами”! Позвонили 27–го в 10 утра – пусть, мол, бежит бегом (“козел” передал). Ага, а потом 2 часа там стоять, да еще на проверку назад в барак, – знаем мы это “бегом”! Тем не менее, собрался и пошел, – на полчаса раньше, чем рассчитывал.

Ожидалась какая–то очередная комиссия, у “мусоров” была суета, беготня и оживление. Потом (сегодня) сигаретчик сказал, что уже после моего ухода на свиданку был шмон на 13–м! – в 11 пришли, что ли? Перед столовой встретил “Макара” – мы поздоровались, и он ни слова больше мне не сказал. А когда стоял уже у вахты – никого нет, один, как всегда! – разговаривал со знакомым, старым, седым, в очках, с 3–го барака, бывшим электриком на “промке”, с которым, вот так же стоя перед свиданкой у вахты, когда–то и познакомились – вдруг слышу крик: “Опускаем воротник–то, опускаем!..”.

Поворачиваюсь – стоит Баранов, новый зам. про БиОР, – я не столько узнал, сколько догадался, что это он. Поговорили с ним кратенько – я поинтересовался, с какой стати опускать. (“А у Вас уши опущены!”) и посоветовал ему тогда уж выдавать “тележки” без воротников, если ему так мешают поднятые воротники. Он немедленно докопался до моего шарфа, обмотанного вокруг шеи, и заявил, что, мол, шарфы вообще не разрешены, мы уж, так и быть (не дословно, но смысл), разрешили (добрый какой!.. Они тут были разрешены еще в 2007 г., когда я приехал) – и, мол, где Вы видели в “ПВР” хоть слово о шарфах? Я спросил его, видел ли он шарфы в списке запрещенных предметов в тех же “ПВР” и сказал, что раз шарф там прямо не запрещен, то он разрешен по умолчанию – на что Баранов тут же выдал (жаль, я не запомнил совсем уж дословно): а у меня все, что я лично не разрешил, – все запрещено! Классическая формула произвола! – жаль, я не нашелся сразу ему это ответить. Затем он еще объяснил мне, что шарф надо носить не обмотанным, а как у него (висит на шее и ничего не закрывает) – я поинтересовался, где это написано и откуда он это взял; докопался мимоходом до “нарушения формы одежды” в виде моих старых, драных джинсов (купленных перед самым арестом, в феврале 2006, носимых в тюрьме, первое время здесь, в Буреполоме, а потом – только на свиданки),

поинтересовался, почему я здесь стою, и т. д. Под конец, пробормотав что–то вроде: посмотрим на Ваше дальнейшее поведение (не дословно), ушел в сторону штаба. У меня сложилось впечатление, что, услышав, что ему дают словесный отпор, про “список запрещенных предметов”, про разрешенное по умолчанию, а под конец еще и про то, что я сейчас иду на свиданку (да и воротник я ведь так и не опустил!.. :)) – он как–то сник, потерял свой начальственный задор, с которым покрикивает тут на всех и командует. Те, кто зримо, по внешним признакам, не боится его, не трясется от страха, не демонстрирует моментальной готовности выполнить любой приказ (опустить воротник, да хоть на четвереньки опуститься!..), а уж тем более спорит, не соглашается, дает моментальный словесный отпор, – достаточно легко, как я понял, могут заставить его отступить. Эта Система (и все ее “винтики” в погонах и без) построена на рабстве и рассчитана на командование покорными рабами.

VIP–комната оказалась, как и в тот раз, занята на первые 2 дня, поселиться туда можно только утром 29–го. В остальном все было нормально, – теплая, с хорошо топящейся батареей, маленькая комнатушка №3 на 1–м этаже, беседы с дневальным Мишей (на одну назойливую, его любимую теперь тему – о религии и попытки его спорить с моим атеизмом), и т.д. Оказалось, к моему изумлению, что в этот день на длительную я один! На оба этажа – один я, больше ни к кому не приехали! Потому–то и требовали “бежать бегом”, и Штыров, вскоре после ухода Баранова выглянувший с вахты и крикнувший: “Стомахин, ты что там стоишь?!” – быстро прошмонал меня и впустил; не было еще и 11–ти утра, так что почти весь 1–й день оказался в нашем распоряжении, – редчайшая удача! Досадно было только то, что оба первых дня то и дело на полчаса–час выключали свет.

Но когда еще свиданщицы шмонали мать, только заведя в комнату, – у нее тут же, едва увидев, без разговоров забрали все распечатки, которые сделать и передать мне через мать я специально просил Маню и Майсуряна. Материалы по аресту Низовкиной и Стецуры, их знаменитые листовки и – статью Нестеренко о причинах его эмиграции. То, бывало, не забирали, или просто не видели этот пакет с бумагами, а тут – моментально...

Мать напомнила – и, придя сдавать передачу, я спросил у молодой жирной дуры–свиданщицы по фамилии (потом сообщил Миша) Пластикова, в звании, по–моему, сержанта, где мои распечатки. Она пришла сюда работать уже при мне – и, по словам матери, в начале своей здесь карьеры была куда мягче и лучше. Сейчас же она казенно–непререкаемо ответила мне, что

все бумаги в оперчасти – им, мол, приказано все отдавать туда. Это была, конечно, ложь, как и 2 года назад с книгами – но на мое, очень мягкое, впрочем, недоумение и протест – она резко заявила (почти заорала), что, мол, не будет же она учить офицеров (оперов), что им делать, и т.д. ничего особенного, увы, я ей в этой краткой беседе так и не сказал (а мог бы многое!) – но тем не менее с ее стороны были следующие угрозы (узловые точки разговора): что Вы со мной разговариваете таким тоном?! :) Я сейчас не буду принимать у Вас передачу, вызову контролера (с вахты), пусть он принимает. (Но это именно ее обязанность, а никак не контролера.) Ну и – самый главный перл! – я о себе читала в интернете (в смысле – в такого рода распечатках, наверное. Ничего криминального в том, что о ней написали в интернете, о такой тупой деревенской дуре, в общем–то нет, ей, наоборот, лестно должно бы быть. Но я знал, что она лжет, эта сучка: не зная ее фамилии, никто не мог бы писать там персонально о ней.) Ну и – стандартное: мы вас сюда не приглашали! – на что я – тоже стандартно: ну так проводите меня до “шлюзов”, чтобы мне их открыли, и я пойду! Внятного ответа не последовало...

Эти мрази в погонах врут всегда и во всем, уже не раз я убеждался тут в этом. Никакого четкого приказа сдавать мои бумаги в оперчасть, конечно же, нет у них – но есть приказ: под этим предлогом не давать их мне в руки (ну точно как с книгами 2 года назад, – “От революции к тоталитаризму” Виктора Сержа, изъятую якобы “для проверки оперчастью”, мне так и не вернули с январской свиданки 2009 года). Сегодня, в воскресенье, в 8–м часу утра, когда еще закрыт вообще штаб и нет на работе никаких оперов – матери вернули при выходе эти распечатки, все 3 дня просто пролежавшие здесь же, в КДС!..

19–05

Зону опять прямо–таки завалило снегом. Весь день сегодня гребли лопатами, топили, вывозили стальными коробами (толкая их чуть не вдесятером), а он все шел и шел. По дороге в столовку – на дощатой крыше “пожарного водоема” слой снега толщиной в полметра, не меньше!

За день буквально одолели попрошайки – о трехдневном моем отсутствии знали все “друзья”. Цыган с 10–го и цыганенок с 8–го с умильными рожами и заверениями в дружбе и в том, что уж они–то мне “свои” (старый цыган). :)) Затем косоглазая блатная узбекская харя – вот уж не ожидал такой наглости! Харя сообщила, что: а) 2 “трубы” узбеков и “ симка”, на которую мне когда–то звонила мать, “пыхнули” еще перед Новым годом; вышел из ШИЗО какой–то ее дружок–дагестанец с 5–го барака – и

позарез нужна шоколадка; всех уже спросил – ни у кого нету. Ей–богу, было бы у меня шоколада в обрез – ни за что бы не дал этой сверхнаглой твари; ей просто повезло, что – специально для таких – мать положила вместе с нормальным шоколадом ля меня и 2 плитки подешевле – для них.

Последним, со льстивыми речами и улыбками, подходила сейчас эта гнида – "запасной вариант", которую я ждал первой, еще днем. За несколько дней до свиданки она уже начала меня спрашивать, когда я иду, как поживает мать, звоню ли я ей, и т.д. А в последнюю ночь, когда я уже отзвонился матери на вокзал и она ехала в поезде – даже без всякой моей просьбы сказал кому–то из своих знакомых дать мне телефон, где стояла ее восстановленная (после того, как тогда забрали у столовки вместе с телефоном) "симка". Я набрал матери еще раз, сказал эту новость – что, оказывается, номер "запасного варианта" жив, на него можно звонить – и добавил уже тогда ясно и четко мной понимаемое: эта хитрая харя суетится, сует мне телефон только для того, чтобы после моего возвращения со свиданки иметь хоть какую–то почву, хоть какой–то предлог клянчить у меня опять шоколадки. И точно! – сейчас это ничтожество, по вине таких вот приспособленцев и творится все зло в мире, подходило – и просило не только дать ему чаю и "что–нибудь сладкое", но и... отрезать колбасы! :) Вот наглец, а?! При этом начисто игнорируя, конечно, мои попытки объяснить, что просить сладкое надо у тех, с кем он дружит и постоянно общается, а не ходить за этим – только за этим! больше его во мне ничто не интересует – ко мне...

За 3 дня моего отсутствия сигаретчик нашел телефон, черно–белый, примитивный, продающийся за 1000 р. – и завтра мне предстоит с получателями денег (в том числе с завхозом 8–го) идти в ларек, дабы отдать им ларьком эти 1000 р.

31.1.11. [время не указано]

Был утром шмон на 11–м – 9 "мусоров". Идя из ларька (1000 р. за телефон отдал, 500 с лишним – себе), встретил их – шли оттуда, несли что–то в пакетах. После проверки сигаретчик пошел проверить свой старый "курок" в [оборвано]

16–20

Прервал перед обедом уродец Баранов, попершийся на наш "продол".

Короче, сигаретчик пошел на 11–й – и в его старом "курке" в "холодной каптерке" (каморка под наружной лестницей) не оказалось зарядника – того самого, что в декабре (кажись) мы покупали у узбека с 12–го за 500 р. ларьком. Нашли–таки его "мусора"!.. А старый (тот самый, полудохлый) его телефон – не нащупали просто, он лежал в 10 см. от зарядника.

Сигаретчик тут же сориентировался, что точно такой же (!) зарядник есть на 3–м – и как раз на продажу за те же 500 р. Сходил туда, взял, после обеда принес показать мне – требуют там 500 р. на “симку”, причем срочно, сегодня же, а то – отдадут другому человеку. Пришлось звонить матери, опять просить ее – хорошо еще, что она согласилась сходить и положить – но только в 6 вечера, когда кончит занятие.

ФЕВРАЛЬ 2011

1.2.11. [время не указано]

Февраль. Еще со вчерашнего вечера – опять похолодание, сегодня с утра, в подъем – минус 25°. Вторник, – с утра, прямо с толпой, прущейся на завтрак, пошел в баню. Там, конечно, полчаса ждал воду, как всегда. Вымылся, вышел одеваться – и тут из разговоров пришедших только что мыться с 6–го услышал: на 6–м шмон–бригада! Еще и 9 часов не было, – уже!.. (Но уже без 10 минут 10 и ушли оттуда, – пока я на бараке завтракал.)

И еще (до этого) – из смутных разговоров тоже зэков с 6–го – вроде бы вчера там кто–то повесился...

15–45

Маленькое уточненьице: один с 8–го сказал мне, что повесившийся был с 13–го, а не с 6–го, и работал в бане – м.б., потому в бане я сперва и услышал разговор о его смерти. Говорят, в карты он не играл – но день его смерти – 31 января – совпал с "расчетом" по карточным долгам, который у здешних насекомых бывает обычно в последний день месяца.

22–34

Изумительно забавно это – зная всех действующих лиц и их роли, наблюдать, как происходит здесь поставка наркотиков в изолятор – святая святых "режима" на всей зоне. Стою сегодня в "фойе", жду чайник на ужин – смотрю, завхоз и пара–тройка "козлов" тоже гуляют по "фойе". Ага, – опять, значит, этот блатной ублюдок, убийца кота Васьки, "смотрящий" за ШИЗО (т.е. в основном за поставкой туда наркоты), выгнал их из "козлодерки", заперся там и болтает по телефону. Вдруг появляется этот лысый грузин с 7–го (а раньше – с 11–го), заведомый наркоман – и ищет убийцу Васьки, спрашивает, где он. Подходит к двери "козлодерки", стучит, называет по имени, просит открыть. Тот открывает и впускает грузина. Потом еще кто–то входил или выходил, дверь "козлодерки" открывалась – и я заметил, что там их уже трое. Еще немного спустя – третий, полуузнанный уже мною, вышел и быстро выскочил, одетый в "телагу" и шапку, из барака. Я не ошибся: это был самый блатной из здешних "обиженных", командир их всех на этом бараке – низенький крепыш лет 25–ти, знакомый мне еще по 13–му.

Я еще раньше слышал – благо, живу лишь через "шкерку"– одеяло от "петушатника" – как этот блатной "обиженный" жаловался кому–то по телефону: мол, "он" (кто? Убийца Васьки?) не понимает, что завхозы меняются, при прежнем можно было заходить и пролезать спокойно, в любое время, а теперь – нельзя,

– забор, что ли, заделали, или уж это последнее, про забор, я сам дофантазировал потом за него?.. Да и прочие его слова уже точно не помню, передаю приблизительно, по памяти, суть. Не знаю уж, верно или нет, но у меня из того его разговора сложилось смутное представление, что вроде бы он заходил на территорию санчасти – и оттуда как–то пролезал на территорию ШИЗО, благо они стоят рядом и разделяются только одним общим забором. Ни о каком ином, легальном попадании туда, на особо огороженную и охраняемую, с камерами, территорию ШИЗО кого–то из зэков без санкции “мусоров” не может быть и речи, естественно.

Когда он ушел, эти двое вышли из “козлодерки, грузин говорил

2.2.11. 9–49

Среда. Всю неделю шмоны, – сейчас вот на 7–м, 5 “мусоров” + 1 на 3–м; что–то они поздно пришли – почти что без четверти 10.

Вчера вечером прервал меня этот уродец – “запасной вариант”, В 3 приема – до последней проверки, уже на улице, потом там же сразу после нее, потом – приперся вот в проходняк, не дал дописать – он клянчил у меня “пакетик чаю и что–нибудь сладкое” (пресловутые “2 конфетки”). Пользуясь этим поводом, я высказал ему все, что думаю о его поведении (все зло от равнодушных). А он, пользуясь тем, что якобы “анализировал” сказанное мной на улице, приперся – и завел со мной длинный, почти до полуночи, разговор о политике (в которой ничего не смыслит), о Ходорковском и т.д. Суждения и уровень понимания бывшего наркомана глубиной, увы, не отличались, – но 2 конфетки и 2 пакетика чая он у меня таки выкружил, выклянчил, скотина. Ничтожное, мелочное, паршивое чмо...

А про вчерашнее – эти двое блатных после ухода курьера в ШИЗО вышли в “фойе”, стояли там посередине, разговаривали – грузин при этом еще и говорил по телефону по–грузински (т.е., с земляком, а почти все грузины – наркоманы), а второй, убийца Васьки – не помню уже, в телефон ли, или этому лысому грузину – говорил что–то типа: “Сейчас будет”. Что будет и где – ясно из сопоставления всех этих разрозненных данных: заведомый наркоман–грузин приходит к “смотрящему за изолятором” и они вместе отправляют курьера, который сам рассказывал, что не раз лазил в изолятор какой–то тайной “дорогой”. Грузин при этом говорит по телефону по–грузински, а второй обещает, что “сейчас будет” (как курьер дойдет и пролезет на территорию ШИЗО). Забавно, да?.. :))

3.2.11. 13–37

Очередная комиссия :)) 2–й день лазит по зоне. Вчера к

вечеру – на 2–й; сегодня, между 10–ю и 11–ю, как раз пока я был в ларьке – вроде бы опять на 2–й, ибо на всем пути от бараков к вахте я ее, идя обратно, не видел. Зашел в барак – уже все “шкерки” подняты, с дужек все снято, – ага, ясно!.. :) И тут же: комиссия на наш “продол”! Мимо нас – на 13–й, там были довольно долго, потом “на контрольную”. Минут через 20–25 – снова “комиссия на большом!!!”! Ах, мать твою за ногу, что ж это такое?!. :) Поперлись на 3–й и были там тоже минут 20–30.

Пока же они были на 13–м – здесь, на 8–м, разыгрывалась дикая истерика этой блатной твари – убийцы Васьки (которой теперь смело можно давать еще одно прозвище – истеричка. Сперва тварь долго, назойливо и крикливо, ходя по секции, совала везде нос и требовала убрать лично ею замеченные полотенца и т.д. Потом – у одного из полублатных там, у себя, в начале секции заметила “феску”, висящую на шконке, позвала хозяина – и начала верещать, что, мол, “феска” засаленная, грязная, “хуже, чем у пидарасов”, ее надо выкинуть, и т.д. Потом – докопалась до остальных вещей этого же полублатного: мол, наволочка тоже грязная, засаленная, одеяло 3 года не стирано, сегодня ты отсюда переедешь, и т.д. Потом занялось вообще вопросом стирки и гигиены в секции, родив “гениальную” идею организовать стирку одеял в секции – по очереди, один проходняк за другим (силами “обиженных”, кто ж еще будет их стирать!). Крик и визг продолжались в дальнем конце секции еще долго после ухода комиссии.

За все время истерики мне запомнились несколько вполне саморазоблачительных фраз этой твари (не дословно): мол, я себя чувствую, в натуре, общественником каким–то (навязывая зэкам, что и куда убрать; мат в этой фразе я опускаю) ; поймите, что мы без вас ничего не можем (“мы” – это блатные; еще раньше оно визжало, что, мол, одни блатные бегают, суетятся по поводу комиссии, а остальным вроде как плевать; т.е. – четкое, недвусмысленное и наивно–откровенное деление на “вы” и “мы”, открытое следование кастовой системе даже там, где другие блатные стараются это не акцентировать). Ну и – попытки уверить (тоже очень наивные), что, мол, зря вы думаете, что комиссия – это так, ерунда, игрушки; блатные, мол, суетятся не зря. Т.е., подразумевается, что комиссия очень–очень страшная. :))

Утром, к концу зарядки, другая блатная тварь, проходя по секции к выходу, возмущенно говорила, что вот, мол, как относятся к “словам людей” (т.е. уголовников–блатных, – о том, чтобы всем обязательно выходить на зарядку) – все “топят” и “топят” (спят); хотя многие и впрямь добровольно выходят. Я так и не выхожу. Осталось у мне 45 дней.

14–40

По сведениям сигаретчика, Багликов – бывший здесь летом зам. по БиОР, привезенный с “девятки”, получил–таки 3 года срока за наркоту, пронесенную сюда, на зону, и сейчас сидит на 11–й – зоне для б/с. Показательная судьба...

5.2.11. 12–45

Суббота Скучно. Писать почти не о чем. Осталось мне 43 дня. На улице последние дни тепло, временами идет снег. Зима к концу... Вчера узналось: мелкая, маленького росточка узбекская нечисть 20 с чем–то лет, частенько с льстивыми улыбочками клянчившая у меня здесь конфеты и пр., а 31 декабря освободившаяся, – сидит опять! На “Матросской тишине” в Москве, “за ноутбук”, как сказал кто–то в секции, – т.е., за попытку его украсть/отнять, понятно. (И оттуда, с “Матроски”, позвонил сюда недавним дружкам–узбекам.) В магазине, скорее всего, – кто таких тварей пустит в офис, тем паче домой? Тварей – потому что там, как сказал один из бывших приятелей узбека (сам таджик), групповое дело, так что светит им по 162–й статье срок весьма приличный. Мелкий узбек и прежний срок тоже сидел по 162–й, вышел, погулял на воле 20 дней – и вот опять... Нечисть... Таких надо уже не в тюрьмы сажать, не кормить их там, не возиться с ними, не загружать их бесконечными грабежами суды – а безжалостно уничтожать их, аннигилировать, везти из КПЗ прямо в крематорий... Но, конечно, такое возможно будет не в этом “гуманном” государстве, которое сажает “политических” за высказывание своего мнения на срок больший, чем грабителей за грабеж...

8.2.11. 9–14

Опять шмон на “кечи” – 6 “мусоров”, вот только что. Опять не работает баня (сегодня как раз вторник, банный день) – уже 3 дня не дымит труба, с воскресенья. Опять вчера утренняя проверка была до часу дня, и считал отрядник 5–го – больше, видишь ли, некому было (после того, как посчитал по карточкам своих). Баранов, зам. по БиОР, лазил по нашему “продолу” вчера, как раз во время этой проверки, вместе с еще одним “мусором” – но тот не стал считать, ушел, а Баранов чуть ли не на целый час застрял на 10–м, – что уж он там делал, не знаю. Сегодня он и Куртюков поперлись обходить наш “продол”, все бараки, с самого утра, во время зарядки (но выйти на нее даже это меня не заставило :). Потом стремом последовательно оглашалось: “Макаревич на большом” “Макаревич развернулся и ушел на контрольную”, “Макаревич на нулевом” – и, наконец, Макаревич, вместе с вышедшими с нашего “продола” Куртюковым и Барановым, на 2–м.

Тоскливый дятел, тупая, бессмысленная, пьяная мразь, так и сидит целыми днями на моей шконке, не давая мне ни лечь нормально, ни ноги вытянуть, ни просто почувствовать себя в спокойном и привычном одиночестве в как раз для этого подходящем, со всех сторон зашкеренном проходняке, доводя порой до исступления...

Как раз сейчас, когда собирался писать все это – подошла какая–то мразь и прямо с моей шконки утащила – выбрасывать на улицу – кошку. Хорошую, очень симпатичную черно–белую кошку, прижившуюся у меня уже месяца 2 как. Но этот ублюдок – уже подходил как–то – верещит, что, мол, из–за нее "воняет". С каким бы удовольствием я переломал бы этому хорьку ноги, вспорол бы большим ножом живот, отрезал голову, заливая пол, стены и свою одежду его кровью; с каким наслаждением я сжег бы этого и всех прочих здесь окружающих мня выродков, всю эту уголовную нечисть и шваль, в крематорской печи, засунул бы в газовую камеру!.. "Воняет" вам, видите ли, суки!! – вас бы ипритом, люизитом каким–нибудь, вот там бы – перед смертью – почуяли бы, каково оно на самом деле, когда "воняет"!.. Мрази, выродки, скотские, бессмысленные, никчемные ублюдки, куски дерьма, умеющие разговаривать!.. Ни одного, повторяю и подчеркиваю, **НИ ОДНОГО** нормального, достойного называться человеком, среди всей этой уголовной свиноты и падали нет – ни в этом лагере, да и ни в прочих. Их надо не держать здесь, на казенных харчах, а безжалостно уничтожать, если материальный ущерб от их краж и грабежей составляет хотя бы 3 копейки.

Вчера ходил опять в спецчасть (надеюсь, уже последний раз наконец–то) – получил отказ Нижегородского облсуда на кассационную жалобу адвоката Качанова по поводу моего последнего УДО, октябрьского–2010. Вопреки всем доводам пленумов Верховного суда и пр. (на что ссылался Качанов), облсуд все равно тупо и упрямо пишет опять, что "взыскания" ("нарушения"), хотя уже и погашенные (т.е. вообще не подлежащие упоминания при рассмотрении вопроса об УДО) – есть свидетельство моего "нестабильного поведения", и потому отказ Тоншаевского суда вполне законен...

9.2.11. 22–05

Уже перед самым ужином – ждал, пока запарится лапша – сидел, читал (вернули мне, наконец, Буковского). И тут вдруг опять неожиданно, ни слова не говоря, заскочила в проходняк эта мразь, схватила мирно лежащую возле меня кошку и, уже унося ее, грозно вопросила: ты что, опять ее притащил?! Я успел сказать, что увижу – так принесу обязательно, пусть даже не сомневается, а пока что она пришла сама (весь тот день не было,

только к вечеру). Мразь унесла кошку–бедолагу в соседний проходняк, к мерзким гопникам (она с ними дружит), и они там стали хором возмущаться кошкой и мной (сказанная мной фраза “принесу обязательно” подействовала!! :) – и ублюдок–убиральщик телефонов, тупое 20–летнее чмо, посоветовал “дать (мне) в репу”. Ну что ж, пусть попробует... :) Кто–то из этих недочеловеков радостно понес ее выкидывать через “запретку” и, вернувшись, докладывал о подробностях своего “подвига”. Выйдя в полдесятого на проверку, я – без особой надежды, больше для очистки совести и из мрачного любопытства – вышел на “продол” – не столько поискать саму кошку, сколько посмотреть на след, оставленный ею в глубокой снежной целине “запретки”. Тем не менее, искать долго не пришлось – киса преспокойно сидела на самом “продоле”! :) Надо выполнить обещание, данное ублюдкам – и я сперва решил, что сразу после проверки занесу ее в барак. Но – вдруг уже исчезнет тогда, как исчезла Маня на 11–м осенью 2009 года, 5 минут не изволив подождать меня! А тут–то по лестнице карабкаться не надо, – я быстро засунул ее под “телагу”, принес и выпустил на свою шконку, под которую (или под соседнюю?) она немедленно и нырнула – прятаться.

Таким образом, очередная кошачья война под самый конец срока опять обостряется, что, безусловно, приятно. :) Хоть по этому поводу – доведется, даст бог – скажу всем этим мразям, что они мрази и что их надо в печах сжигать.

После утренней проверки бывший завхоз 8–го водил меня знакомиться с новым дневальным школы – оказалось, что, услышав обо мне от Баранова, когда тот сравнил его со мной, этот дневальный заинтересовался, стал спрашивать обо мне и выразил желание познакомиться, когда этот бывший завхоз ему обо мне рассказал.

Что ж, хочет – мне не жалко, пошли вдвоем. Это оказался уже пару раз виденный мною в штабе немолодой высокий дядька в очках, – не сразу я вспомнил, на кого он похож. На актера Евгения Весника, играющего учителя математики в “Приключениях Электроника”. Порассказал мне о нем бывший завхоз, а потом и он сам. 159–я не была у него на суде доказана, дали ему 7 лет по 160–й и какой–то еще. А был он, оказывается, у себя в Сарове одним из крупнейших риэлторов, владел тремя (!) фирмами такси, еще чем–то, видимо, а главное (или это не главное?) – как сам говорит, был связан со многими банками в Нижнем, Москве и пр., помогая разным людям получать в них ничем не обеспеченные кредиты, проворачивать всякие мошеннические схемы, и т.д. и т.п. Когда отошел от этих темных дел – “друзья” по этим делам решили стрясти с него денег, благо их у него много, а

когда он делиться отказался – “сдали” его, и он сел.

Сидели мы в его каморке дневального в школе, – недолго, пока не пришли полвторого учителя. По “одному из своих образований”, как он сказал, он юрист – и говорил в основном о новых изменениях в законодательстве – ликвидации нижних порогов сроков и пр. Говоря об этом лагере, высказал довольно дурацкую мысль – мол, какое “исправление”, когда тут нет работы, кого это и когда исправляло безделье? Ага, а то каторжный труд много исправлял! – тех, кто помер, сидя по 58–й где–нибудь на Колыме лет 60–70 назад; да и бред это вообще – думать, что врожденную, генетически заложенную от предков тягу к воровству, халяве и пр. можно чем–то исправить. Говорили недолго, но по его рассуждениям мне этак смутно показалось, что он до какой–то степени левый – впрочем, сам–то он едва ли осознает это.

Показал он мне под конец и свои стихи, – сам, я не знал про них. И – вот уж я бы точно свои показывать первому встречному не стал бы! Стихи, кстати, плохие, строчки наивно разной длины, “ни складушки, ни ладушки”, но автора, похоже, это не смущает. И – частью любовная какая–то лирика, очень пафосная, но, по–моему, глупейшая, особенно учитывая, что автору под 50, он 1962 года рождения. И вообще, казалось бы, приличный человек, с образованием, бизнесом занимался, чего еще надо? Но это только подтверждает давний мой тезис, давно мной здесь выстраданное и понятое, что нет здесь никаких нормальных людей, ни одного, ни единого, среди этих мерзких насекомых! – а бывшие прежде нормальными, попав в эту среду, очень быстро портятся, деградируют до общего уровня. Казалось бы, мелочь – но демонстративное, совершенно без всякой необходимости, употребление мата в разговоре, как и употребление нелепого их жаргонизма “крадун” (когда я упомянул о квартирном воре, с которым сидел в Москве) – для меня признаки деградации вполне достаточные.

10.2.11. 8–45

С утра, едва только заиграла музыка на зарядку, – опять нашествие! Сперва Окунь – но это бы еще ладно (прошел по 12–му, 5–му, потом на 8–й). За ним – Пименов; сперва мной не узнанный (со спины), никем по фамилии не названный – прошел мимо по секции, – я сижу, на зарядку не выхожу. А на улице опять морозище – градусов 30, а зарядку эти суки все равно включают. Дальше – идут Куртюков и Баранов, и – по–моему – сразу на 8–й. Пименов, стоя в дверях из этой секции в “культяшку”, выгоняет оттуда блатных, там живущих, на зарядку (а они–то, понятно, еще в постелях – не привыкли так рано вставать). Из секции уже все

свалили на улицу. Услышав про Баранова, одеваю “телагу”, выходу в “фойе”, затем – в холодный предбанник, и стою там, у двери внутрь. С улицы прет мороз в виде огромных облаков пара. Туда, в этот предбанник (раздевалку) выходит Пименов – и начинает выгонять на улицу нескольких стоящих там блатных и не давать войти тем, кто пытается войти в барак со двора. А зарядка – к концу, но еще играет. Пименов препирается с насекомыми – они ему жалуются, что на улице холодно, а он им – что надо делать упражнения, тогда холодно, мол, не будет. Я стою практически у него за спиной, не выхожу; он иногда оборачивается, видит меня, но персонально мне не говорит ни слова. Что ж, уже хорошо. :) И, стоя там, в открытую дверь я вижу, как Куртюков и Баранов появляются в нашей секции – и Баранов, этот мелкий кретин, начинает остервенело сдирать все полотенца, одеяла и пр., которыми “зашкерен” со всех сторон “32–й квадрат”, жилище “обиженных”. Вешалки–плечики, на которых висит одежда блатных “обиженных”, Баранов ломает пополам, – чем уж они ему помешали??!. Рвет, громит все – и грозно орет, что, мол, если он придет еще раз и увидит... и прочий всякий вздор.

Я живу сразу за “обиженными”, но ко мне в проходняк этот громила, к счастью, не полез. Сорвал “шкерку”–одеяло у моих соседей–гопников (слава богу, не унес, а бросил здесь же на шконку), посрывал дальше по секции, – все всё быстро восстановили. Баранов с Куртюковым ушли первыми, потом Окунь, а Пименов сидел в “козлодерке”, пока не ушли на завтрак, и догнал 8–й барак только уже у столовки. Пока он сидел, ко мне забегал сигаретчик и сказал, что у столовки стоит “Макар”. Но когда туда пришел 8–й, “Макара” уже не было, а собралось – вместе с Пименовым – человек 5 “мусоров”, с ними один незнакомый, вида начальственного (хотя начальство явно небольшое) и в синей их форме, а не в камуфле. Я вспомнил, что вчера, пока я сидел у дневального школы, тот говорил: приехала или должна приехать какая–то комиссия из управления (или отдела?) собственной безопасности. Возможно, этот тип оттуда и был; и также возможно, что именно наличием и вниманием к их работе этой комиссии объясняется сегодняшняя утренняя активность “мусорского” начальства.

15.2.11. 15–40

То все не о чем было писать, то опять вдруг понеслись идиотские события – вскачь, галопом; и опять ощущение такое, словно находишься в психушке, среди буйных психов. Ну, и среди подонков, конечно, – среди мерзкого уголовного отребья, нечисти и мрази, недостойной жить на свете. Ну, и психов среди этой

нечисти, разумеется, “по бане”, как сами они выражаются. Осталось мне всего–то 33 дня – но легче, увы, не становится. Покоя как не было, так и нет.

Вчера сигаретчик после последней проверки не пришел, как обещал (а заходил, пока еще нас не посчитали, – 8–й вчера считали уже практически в 10 вечера, последним). Нет и нет, – куда делся?.. Где–то в полодиннадцатого я лег спать – благо, рано погасили в кои–то веки свет.

Но – хорошо, не разбудили, а сам успел проснуться – в 12 ночи подходит “козел” и просит выйти в “фойе”. Иду – там стоит наглая блатная харя в очках (омерзительная!) – “дорожник” с 10–го. Тот самый, что в октябре 2010 разбирал тяжбу с долгом мне сигаретчикова дружка–шныря (1500 р. так и не отдал), и сигаретчик еще говорил, что с этим “дорожником” у него хорошие отношения.

Короче, “дорожник” спрашивает, имею ли я с сигаретчиком дела. Я говорю, что, мол, иногда заходит ко мне. Тот вдруг сообщает, что надо сейчас (12 ночи!) пойти с ними на 10–й! “Нужно”, мол!.. Я и еще 2 “козла” – тот, что меня позвал, и еще один, пожилой.

Что ж – одеваюсь, иду. На 10–м заводят в “козлодерку” – сигаретчик сидит там, вокруг какие–то мелкие (полу?)блатные хари, – ну прямо картина маслом “Допрос партизана”! Сидит он какой–то поникший. Спрашиваю сразу его, что случилось – не говорит. А меня одна из этих незнакомых харь спрашивает, давал ли я сигаретчику деньги в долг и отдал ли он мне. Думая, что разговор о том долге его дружка, еще с лета 2010 г., я подтверждаю, что разговор о деньгах был, но вмешался другой человек (который и должен отдать деньги). Но уточнений не следует, меня сразу же отпускают (я еще немного покусался с ними насчет того, что за допрос они тут устроили и к чему все эти их вопросы). Следом за мной отпустили старого “козла”, так ни о чем и не спросив.

Ночь после этого, естественно, я спал очень плохо, никак не мог заснуть, да еще играла, как всегда, проклятая музыка на телефонах у соседей, – в общем, хорошо, что под утро все же заснул. Сигаретчик явился только сегодня перед проверкой, дал мне набрать матери и рассказал: оказывается, его “сдали”, что он покупал “трубу” (черно–белую) у “козла” на 8–м (того самого, что звал меня и ходил с нами), когда я отдал за него 1000 р. ларьком. Стали докапываться к нему насчет “барыжных движений” и пр. их бреда; а т.к. он сказал, что деньги взял взаймы у меня – меня и вызвали проверить его показания. Так что я подтвердил их лишь случайно, считая, что речь идет о совсем другом долге,

прошлогоднем – и это большая удача. Теперь, по его словам, блатные эти на 10–м знают, что у него есть телефон (причем не тот уже, а этот – нынешний “слайдер” с камерой, – про него им тоже уже кто–то донес), но, слава богу, не забрали – он надеется, что, значит, и дальше не заберут. Что ж, дай бог...

А сегодня – новая напасть: эта мразь, косоглазый блатной узбек, устроил... прожарку! Причем в самом буквальном смысле. Впрочем, я был предупрежден: еще вчера под вечер я слышал, как он развивал “козлам” (напротив меня – потому и слышал) план: сегодня, завтра и т.д. поэтапно вывозить по сколько–то (10? 20?) матрасов и одеял со всех шконок в прожарку – якобы для борьбы со вшами. Идиот несчастный!.. Но, увы, один дурак с инициативой здесь может испортить жизнь очень многим (покорным рабам по натуре). С его вчерашних слов я боялся, что потащат прямо с утра, когда я буду в бане (вторник) – и даже просил сигаретчика прийти сюда спать на это время (но он после разборок пошел до утренней проверки на 7–й).

Впрочем, я утешал себя, что если что–то куда–то и повезут, то начнут с того, блатного конца секции. А эта косоглазая тупая сука начала с нашего! Все утро было тихо, я уж думал – отбой воздушной тревоги; как вдруг после утренней проверки, во 2–м часу где–то... – подходит. И начинает безапелляционным тоном командовать сперва моему соседу – тоскливому дятлу, у которого действительно бывают вши – не только скручивать матрас, но и самому переодеваться. А потом – и мне...

Препирались мы с ним довольно долго. Я сразу сказал, что это глупость и прожаривать матрасы незачем; и к тому же – на чем я буду лежать? Я болею, голова болит, и т.д. – и что мне, ни лечь на шконку, ни сесть? И эта тварь таки нашла мне на это время какой–то другой матрас – узкий, тонкий и плохой – и притащила! Тут уж, с грехом пополам, пришлось мне все же пойти на компромисс – тем паче, что тварь клялась и божилась лично проконтролировать возврат мне матраса.

Клялась она и в том, что это всего–то на 2 часа. Но “обиженные”, которые и повезли все это на тележке, определенно сказали – один, что забирать поедут часов в 8 вечера, другой – что в 7, после ужина; но уж никак не в 4 – через 2 часа после описываемого разговора.

Подушку свою я не отдал – только матрас, старое драное казенное одеяло, которым он был накрыт, и подушечку в ногах для его удлиннения. К счастью, шерстяное свое красное одеяло сберег – сразу припрятал, узбекская мразь его даже и не видела. Теперь, если что, застилать шконку, завешивать сумки – только им, как было на 13–м. Протрется – черт с ним, месяц остался!..

А вопрос о завешивании, как обычно бывает по закону подлости, обострился как раз в этот – самый неподходящий – момент: объявлена очередная комиссия!.. :)))))) Приезжает (?)–то она не раньше, чем завтра – но бдительная нечисть–“дорожник” уже прошла, всем персонально сказала насчет “лишних вещей” и “как всегда”. Если завтра эта истерия обострится, а сумки под шконкой не будут завешены – они могут сгинуть в каптерке...

В общем, ужас, мрак, кошмар... Жизнь во власти злобной, тупой, бессмысленной –и дико трусливой перед начальством! – нечисти. Всё, как было все эти годы здесь, и на 13–м, и на 11–м, хотя даже на “красном” 11–м я сумел избежать всяких массовых приказных вытрусок одеял и пр. А тут... Хотя – эта узбекская сука на сегодня заставила вывезти матрасы только меня, соседа наверху, “обиженных”, да еще, говорит, отдала 1 матрас из своего проходняка. Остальные, возможно (даже скорее всего), ничего никуда и не повезут.

В общем, сейчас задача задач – получить матрас и старое одеяло из прожарки до ночи, сегодня, чтобы завесить сумки к завтрашней “комиссии”. Нервничаю я очень сильно – заставили, ублюдки, нервничать и волноваться даже под самый конец срока, когда уже все должно быть глубоко пофигу!.. Твари, суки, мразь... Убил бы своими руками... Увы, я знаю, как легко в этом проклятом казенном совке что–то отдать – и как трудно потом получить назад...

16.2.11. 8–07

Пришел сейчас с завтрака в почти пустой барак – а мразеныш–гопник–убиральщик телефонов с ухмылкой тащит мне навстречу к выходу кошку – ту самую, черно–белую, барачную, что одно время жила у меня – а потом ее стали травить, гонять и выкидывать практически всей этой секцией. Отношение к животному – это отношение к хозяину, и отношение ко мне этих мерзких насекомых я знаю; но в лицо мне они это высказывают редко – предпочитают вымещать на кошке...

Один из этих ублюдков уже выкидывал ее дважды на “запретку”, но она все равно возвращалась – тут ведь ее дом – и подпольно (!), нелегально (!!) жила в секции, изредка заходя ко мне – поесть, либо просто полежать и помурчать, когда я ее глажу. И вот этот прыщавый ублюдок возвращается и торжественно рапортует: взял, мол, за передние лапы и швырнул так, что аж на вольную сторону “запретки”, за деревянный забор улетела. Мразь есть мразь, что говорить... Но ничего – в деревянном заборе, и около 13–го, и около 2–го, тоже есть “окна”... :)

8–50

Слава богу, вчера таки обошлось – матрасы и все прочее привезли после столовского ужина, до 7–часовой проверки, и я после своего ужина и чая все успел разложить, застелить и завесить. Истерики про комиссию (пока!) не слышно – но слышно, эта косоглазая узбекская мразь уже хлопочет, чтобы везли матрасы со следующих пяти шконок. Однако – еще вчера гопники – мои соседи – говорили, что, мол, они ни за что не отдадут, – они тоже не дураки, чтобы полдня ни лечь, ни сесть на шконку; тем паче, они ночью колобродят, а спят как раз днем...

А тоскливый дятел так и сидит, сука тупая, убил бы его своими руками!.. Я–то еще стряс с узбекской нечисти вчера себе временный матрас – а у этих двоих, надо мной, забрали единственный – и они, почитай, весь вечер сидели на моей шконке уже вдвоем – как в трамвае! Суки, мразь... Спящего днем (из–за которого и сидит дятел) бесцеремонно разбудили в час дня, матрас забрали – и сиди до ночи, а ночью – на работу... Работает это чмо в “шушарке” по ночам, днем спит, и обычно – сидит на моей шконке утром – как придет, и до завтрака – и вечером, между проверками, до отбоя, а дятел тогда ложится. Надо описать этого второго поподробнее, – но, впрочем, особо описывать нечего. 1982 г.р., сидит за кражу, срок 3 года, кажись. Типичный, классический русский быдляк (на воле – наверняка алкаш), тихий, покорный, тупой, не блещущий не то что умом, а даже и сообразительностью. Вообще ничем. Пришибленный, тупой, покорный – но при этом, как и все они, русские быдляки – достаточно наглый, чтобы на воле воровать, что плохо лежит, а здесь – садиться на мою шконку не то что без приглашения, но и без разрешения, ибо спрашивать разрешения сесть на чужую кровать у этой публики не принято, у них принято плюхаться так. Вспоминается мне стирмужик с 13–го – вот примерно такая же тварь, покорная перед начальством (в т.ч. блатным), наглая с остальными. Мразь есть мразь, и вся эта страна на 99% населена такой вот тупой мразью, ничего не поделаешь; их не перевоспитаешь, не исправишь, а просто уничтожить их всех – пока что нет таких технологий, да и “мировое сообщество”, разумеется, поднимет вой...

20.2.11. 9–15

Сломался позавчера вечером чайник: включаю его, чтобы вскипятить воду для ужина – а лампочка не горит. Что за черт?! Вот тебе и поужинал!.. Ссыпаю лапшу из миски обратно – в полиэтиленовый пакет, а на душе – сразу досада, ярость, растерянность – как же теперь быть?!! – почти отчаяние, словом. Не мог уж дотянуть оставшиеся 30 дней, сломался все–таки!.. Чем теперь греть воду? Ни пожрать, ни чаю попить...

В таком вот взвинченном состоянии – решаю идти самому искать сигаретчика, ибо – кого еще просить починить? И когда еще он надумает прийти сам?.. Иду на 10–й, но, уже взявшись рукой за перила лестницы, чтобы подняться туда – соображаю, что скорее всего он все–таки на 7–м, где обосновался последнее время с каким–то своим тамошним знакомым паять телефоны по ночам – и вообще фактически жить там, на 10–й только на проверки. Но на 7–й – как попасть? В эти проклятые щели–"дороги", шириной в 1 выломанный прут в решетке, я ведь не пролезаю. Иду в состоянии полного отчаяния (да плюс еще мороз сильный, за 20°, а я даже "телагу" не одел, только ботинки – как будто предчувствовал именно такой случай) к решетке с 10–го на 3–й и начинаю эту проклятую "дорогу" искать. Стремщик с "балкона" начинает, видя это, руководить моими поисками – но все равно без толку. Наконец , кто–то пролезает в забор с 4–го на 10–й, а оттуда – на 3–й, так что я наконец нахожу "дорогу" – прут закреплен только сверху, снизу он поднимается. В отчаянии я пробую – заведомо для себя безнадежно – протиснуться, прикладываю некоторое усилие – и вдруг мне это удается! Победа!!! – я оказываюсь на той стороне, на 3–м.

Чешу быстренько на 7–й – и вижу, что, как и говорил сигаретчик, на заборе "кечи" теперь на специальном железном штыре установлена камера, и смотрит она прямо на ворота 7–го. Но сами ворота открыты, и я – да наплевать на эту камеру, хрен с ней! – захожу на 7–й. Вижу знакомого блатного азербайджанца (только днем его видел, и он звал заходить в гости), спрашиваю, где у них тут делают телефоны, и он идет к крайнему от двери проходняку в блатной секции, спрашивает тамошнего их мастера. Но я уже вижу сигаретчика, который сидит там в глубине, в полумраке, курит и болтает с другими. Зову его, он выскакивает, и мы идем ко мне на 8–й за чайником.

Короче, он пообещал принести отремонтированный чайник после последней проверки, но не пришел. При расставании я сказал ему принести хотя бы к завтрашнему утру, ладно уж там сегодня после проверки. Сам остался без ужина – одна мысль доставать опять кипятильник, греть им воду (чуть не час, по опыту декабря 2008 г., когда тот еще "запасной вариант" забирал чайник); да и банку из–под кофе, в которой удобнее кипятить, чем в кружке, сперва надо было бы помыть, а для этого тоже нужна горячая вода... Хорошо, что было несколько ларьковских рулетов, употребляемых мною тут обычно вместо обеда. Дождавшись 11 вечера и не дождавшись сигаретчика, я съел один рулет и лег спать.

На следующее утро этой скотины я тоже не дождался, хотя

ждал и нервничал очень сильно. Когда не нужно – эта скотина приходит по 5 раз в день (точнее, когда что–то нужно ей); когда нужна позарез – исчезает. Приготовил себе завтрак, но чай – чем греть? Нечем. Придя с завтрака, снял “телагу”, шапку и шарф, и по лютому утреннему морозцу – опять на 7–й. Хрен! –“дорога” с 3–го на 10–й закрыта: в этот поднимающийся прут внизу продет маленький навесной замочек и заперт. Интересно, кто это додумался варить эти заборы не только с уже выдранными полностью или наполовину прутьями, но еще и с замочными петлями на них?! Сунулся в другую, аналогичную “дорогу” рядом – с 4–го на 9–й, где летом лазил сквозь дверцу в деревянном тогда еще заборе, – нет, не могу пролезть, никак, хоть как хочешь старайся. Облом–с.

Короче, ждал–ждал – ни до проверки, ни после, нет этой твари, и все! Что мне делать – лезть за банкой и начинать мыть ее?.. На обед с 10–м – стою на улице, смотрю – тоже не пошел. Что ж, попробую еще раз, – и в открытую теперь “дорогу” успешно прорываюсь на 3–й! Еще одна победа!!! :)))

Прихожу на 7–й – сигаретчик лежит, дрыхнет в том же проходняке, на крайней у стены шконке. Спрашиваю, давно ли спит? А как с проверки пришел, – отвечают. Т.е., вместо того, чтобы с проверки пойти ко мне (как обычно бывало) – пошел туда и завалился спать. Чайник мой стоит на столе, и мне отвечают, что он уже починен. Забираю чайник, расталкиваю сигаретчика, но он бормочет что–то нечленораздельное спросонья – и опять заваливается спать. Ясно: безнадежен. Даже когда зайдет, невозможно из него выудить. Ухожу. На 8–м проверяю: чайник действительно работает.

Этот уродец пришел только вечером, между проверками, когда я ужинал (самое неподходящее время). Сказал, что, оказывается, у него сгорел зарядник (уже 2–й, который тоже покупал я, – 1–й забрали “мусора”; но он уже нашел другой зарядник, покупать больше не нужно), “вздулась” батарейка, плюс телефон был полностью разряжен – и по всему этому он не мог прийти ко мне все это время (зато мог дрыхнуть на 7–м). Идиот, короче. Плюс – до того еще, когда приходил до поломки чайника, стал просить, чтобы моя мать привезла ему из Москву очки, – вдаль плохо видит, а в Шахунье, оказывается, нужных ему очков нет. Но вчера, звоня матери, я забыл спросить ее об этом, а он не напомнил. Сегодня утром – спросил, во сколько мне надо, чтоб он пришел – обещал в 9 утра, как я просил, быть. Но вот уже почти 10 – его нет, разумеется. Часто спрашивает, во сколько ему зайти ко мне, обещает – но в условленное время не приходит!.. :))

На улице сегодня особенно лютый мороз – больше 30°,

похоже, когда вышли на завтрак. Плохо, что холодно стало и в секции, – уже 2–ю ночь мне в футболке ощутимо холодно вылезать из–под одеяла, чего раньше не было (даже бывало жарко). Вчера утром весьма ощутимо болела спина.

Так или иначе, зима кончается, солнце светит уже по–весеннему. Мне остался сегодня ровно 1 месяц, и тот короткий, – 28 дней. Срок кончается...

12–35

Пришел этот уродец, как всегда, перед самой проверкой, принес последнюю новость: зарядник у него, как я и думал, "не тянет", он заряжался чужим; т.е., своего нормального зарядника опять нет, его надо искать – и, видимо, опять покупать за деньги?

А матрасы соседствующая со мной гопота так никуда и не возила, я был прав, – хотя разговоры вели и даже собирались отдавать матрасы, я слышал, 2 дня подряд, если не больше. Но – не повезли, а возили – на следующий день после нас – "козлы", живущие напротив меня, да еще кто–то из той секции. И все – на этом, похоже, грандиозная, на всю секцию, прожарочная затея косоглазого блатного узбека и закончилась...

21.2.11. 8–08

Минус 36° с утра! Мороз кошмарный, хотя дело к весне; ходил на проклятый завтрак сейчас – едва не отморозил большой и указательный пальцы на правой руке, которой держу палку. А в воротах столовки – вот уж никак не ожидал! – стоит полоумный (в такой–то мороз стоять!) "мусор" Гриша – весь заиндевевший, с поднятым воротником и в огромных валенках. И – как всегда – не выпускает кого–то со столовского двора, хотя ворота и распахнуты. (Я даже заходить в них не стал.)

Стало ясно, почему вдруг такой холод в секции – перестали топить! Одно из насекомых говорило недавно, я слышал, что, мол, в котельную не завезли угля, – ну и вот!.. Вода в "системе" (отопления) и стала настолько еле–еле теплой, практически холодной, что "запасной вариант", который, как и все блатные, постоянно мылся этой водой в туалете, вынужден был – на моих глазах – отправиться в баню!.. :)))

Долго говорили вчера днем с Маней – почти от конца дневной проверки и до обеда 8–го барака, до без 15–ти трех, так что сигаретчик из–за этого даже пропустил свой обед (пришлось ему потом дать 2 "б/пшки"). Маня все же хочет приехать ко мне в Москву на выходные в начале апреля (видимо, 2–3–е), привезти мне notebook, пароли от ящиков и сайтов и пр. А поскольку у меня вписаться уже будет нельзя (из–за матери), то она намерена ночевать у этого идиота Уличкина, хорошо мне памятного по 2005–му году, на "Юго–Западной".

Этот проклятый тупой дятел на моей шконке целыми днями – доводит просто до безумия!!!

9–20

Да, самое–то главное забыл написать! С ночи нет света в этой секции, как бывало уже не раз; из 4–х ламп в “фойе” горит только одна, в туалете – там всего одна – не горит вовсе – и не работает “фаза”!! Стал ставить чайник – думал уж, он опять сдох, но оказалось, не работают все розетки. Опять завтрак без чая!! :(((– хотя я пока еще не ем, в надежде, что м.б., все же розетки починят.

26.2.11. 9–07

Все–таки умудрился еще и заболеть тут напоследок! Даже ту, страшную, проклятую зиму, с лютыми морозами за 40° – ничего, обошлось; а позавчера, где–то перед обедом – температура, а вскоре после обеда, не было еще 4–х – вдруг усиленное сердцебиение. Тахикардия (будь она неладна)? Принимаю аспирин с нурофеном, просто аспирин, и т. п. К ночи t° проходит, сплю хорошо (приняв 2 аспирина + 1 анальгин), с утра t° нет, но сердце колотится вовсю. Попозже, к завтраку, и t° возвращается, и все утро, до проверки, валяюсь, мучительно кашляя (еще и бронхит обострился!) и температуря. После обеда – надумываю заранее, как крайнее средство – сажусь пить чай с медом, – с еврейским :), ФЕОРовским медом; уже 2–й раз – в марте 2009 и сейчас – присланный московскими ФЕОРовскими хабадниками мед пригождается мне для лечения простуды. От этого чаепития t° проходит сразу же, едва начал – лоб уже мокрый, но от крепкого чая (2 пакетика на поллитра вместо традиционного одного) сердце начинает колотиться еще сильнее, как бешеное, – видно, поднялось давление. И так я валяюсь в полном изнеможении до 7–часовой проверки, – t° вскоре поднимается снова, я принимаю таблетку парацетамола, и под конец, к проверке, – все прошло! Еще слабость, я с трудом дышу, с трудом двигаюсь, но – ни температуры, ни тахикардии, все нормализовалось. Очень надеюсь, что это была последняя моя болезнь здесь – за оставшиеся мне 22 дня.

А страна рабов эта продолжает свое никчемное, рабское, унылое существование. Цыган с 10–го рассказывал вчера, что звонил на волю – какой–то своей дальней родственнице (видимо, в деревне живущей) – и та описывает, что на воле ужас что делается, прямо с голоду пухнут, и не иначе – будет война! В таком же духе описывает ужасы воли и другой цыган, Ванька, в январе освободившийся и звонящий этому цыгану, с 10–го. Мол, все поделено, никуда не устроишься, работы нет, и т.д. Тоже живет в деревне, – в Лысковском районе Нижегородчины. Ну да,

для этого деревенского пьяного быдла, для этих бессмысленных существ, если им не предоставляют работу и денежки за нее (независимо от нужности и качества выполнения этой работы), если не подносят на блюдечке халяву, а всего–то лишь оставляют выживать самих, своими силами и разумом (как и должно быть), – то для этих хронических алкашей это уже конец света, ужас, кошмар, голод, нищета, и – не иначе, дело к войне! Если они все пропивают, а взять денег больше негде, на халяву никто не дает, да и работа их примитивная, деревенская на рынке труда никому не нужна, – всё, это уже вселенская катастрофа, не меньше!.. А если у них тем временем законами, принятыми Думой, уже отобрали все политические права, да и гражданские почти все отняли или сильно урезали, – то на это им чихать, права ведь им все равно не нужны! За бутылку отдадут, не жалко... И если в стране уже (опять) нет ни парламента, ни партий, ни выборов, ни свободных СМИ, ни независимого суда, ни возможности провести референдум, вообще ничего нет кроме свирепой, немудрящей, простой, как 3 копейки (за “оправдание терроризма” – 7 лет лагерей; т. е., сказал вслух, что поделом вам все взрывы в “Домоделово”, в метро и пр., – за эти слова судить и сажать, причем на срок больший, чем за грабеж, скажем!) диктатуры КГБ, – то быдлу на это наплевать; даже наоборот, нравится – оно привычно к плетке и жить без нее не может. “К чему стадам дары свободы?..”

27.2.11. 8–00

Опять бессонная ночь... Опять эта ночь пропала, будь оно все неладно!.. Из–за пришедшего после отбоя (10–й уже раз за день) отрядника свет потушили быстро, и где–то уже пол11–го я лет спать. Просыпался, потом заснул снова. А в час десять ночи – типа, просыпаюсь, и вижу, что надо мной кто–то стоит. Конечно, этот “кто–то” меня и разбудил, но я понял это только потом, рассудком, а в тот момент мне показалось, что сам я проснулся, – но таких совпадений не бывает. (Как и в тот раз, когда в 12 ночи меня дергали на 10–й, – “козел” разбудил, чтобы сказать, а я–то думал, еще и в дневнике, дурак, записал, что, мол, сам проснулся...) И эта харя – “дорожник”, видимо, я даже толком не разобрал, кто именно – говорит мне, что, мол, грузин с 10–го спрашивает у меня кипятильник!

Т.е., эти твари не стесняются будить ради подобного, хотя и бытуют у них всякие напыщенные лозунги типа: “Сон арестанта – это святое” и т.п. Угу, как же!.. Какое оно “святое”, я уже не первый раз убеждаюсь... (Особенно тогда на 11–м, когда какая–то мразь с другого барака, прячась от обхода, потребовала от меня встать из постели и уступить ей место!!.) Я сказал, что никакого

грузина на 10–м не знаю (потом вспомнил – знаю одного, конченного наркомана, переведенного туда еще в октябре 2009 г. с 11–го) и кипятильника у меня нет. Харя отвалила.

Но самый прикол в том, что больше я в эту ночь уснуть уже не мог! Из–за этого дурацкого кипятильника, из–за неизвестного мне (но явно не отличающейся особой церемонностью) грузина разбудили – и всё! Когда сам просыпаюсь – еще как–то засыпаю (и то не всегда), а когда будят – видимо, хрен! Облом... Гляжу – уже горит у соседней гопоты в проходняке свет, поет телефон, – ага, значит, отрядник ушел. Ну и сами они сидят, галдят, конечно, как всегда, – все это, и свет, и песни, и их голоса, заснуть тоже отнюдь не помогает. Сперва я еще пытался как–то, но потом, после 3–х, или полчетвертого, – бросил эти пустые попытки. Лежал, размышлял, вспоминал прочитанное в книгах, – Щедрин, Толстой, Горький. Солженицын, Корчинский, – и как оно совпадает с нашей сегодняшней действительностью...

В 6 утра, как договаривались, пришел сигаретчик, и все разъяснилось. Оказалось, что у него на 10–м видели большой “киловаттник”, который он уже выклянчил у меня. Попросили – он сказал, что это не его; спросили, чей, – он сказал, что мой (скотина!). И блатной по кличке Грузин ночью “пробивал”, чтобы я ему дал этот кипятильник!.. No comments.

А приходил он, чтобы я отзвонился матери, приехавшей уже в Шахунью, – сегодня, сейчас, у нас с ней и с Фрумкиным последняя короткая свиданка, и вообще – ПОСЛЕДНЯЯ свиданка здесь, в этом проклятом Буреполоме. Потом уже – встретимся только за “шлюзами”. Кончается срок... Остался мне 21 день.

28.2.11. 10–34

Ну вот и последняя прошла. Ничего особенного не было. Просидели опять дольше обычного, – пока не приняли передачи у всех, кто был на длительной на 2–м этаже; под конец свиданки мы с матерью на час с лишним , как уже много раз бывало, остались одни. 44–й раз мать приезжала в Буреполом, 44 свиданки было у нас здесь за эти 3 года и 8 месяцев. Больше не будет. Но, м.б., дома мне еще долго будет казаться, что я всего лишь на затянувшейся длительной свиданке, а телефоны и все прочие ценные вещи надо держать спрятанными от шмона. (Хотя, конечно, и надо, – ведь 2 обыска уже проводили у меня дома ФСБ и прокуратура, 13.2.2001 и 12.4.2004.)

Передачу мне почему–то пометили 1–м марта – якобы в прошлый раз сдавали 30 января (хотя на самом деле 29–го). Если бы и дальше шли свиданки – это нам сильно сбило бы весь график. Но мелкого росточка, белобрысой, злобной до остервенения, по–садистски, ведьме–свиданщице я сказал забирая

передачу и уходя, что больше мне не понадобятся их графики и вычисления, когда что “положено”, – 21–го мне домой. Вышел к вахте – один – было уже 35 минут 2–го. Естественно, сигаретчик не дождался, уже ушел. Хорошо еще, ждать “общественника” не заставили, отпустили сразу же. Я повез баул волоком, дотянул таким образом до ворот бывшего “1–го поста” – и, пройдя их, увидел спешащего мне навстречу от “нулевого” сигаретчика, – уже 2–й раз тот шел меня встречать. Когда он проходил мимо столовки, его чуть не зацапал стоявший там идиот – отрядник 5–го – за то, что тот небрит и в спортивных штанах, но, к счастью, обошлось.

Вот и все, собственно. Завтра начинается март, мои последние 20 дней здесь. Сегодня – началась 3–я (!!) неделя до конца; 4–я, прошедшая, была отмечена, видимо, только этим свиданием, больше ничем. Завтра баня, потом – шмонные дни, а в пятницу и в выходные я планирую заняться приятнейшим из всех мыслимых здесь занятий – начать постепенно собирать вещи, – бумаги, тряпки и пр. (Бумаг одних сколько надо перебрать!..) Собираться домой.

12–35

А мерзкая кастовая система здесь, между тем, ширится, крепнет и процветает. На 11–м считали проверку по “бригадам”, и за то время, что я там пробыл, “обиженных” выделили в отдельную бригаду и они поэтому на проверках стояли отдельно. Но давно уже – м.б., с тех пор, как в прошлом ноябре начались ежедневные утренние проверки по карточкам, если не еще раньше – заметил я, что и на 8–м “обиженные” стоят отдельной кучкой, у самой калитки, – именно кучкой, не строем, не по 5 человек, и при проверке по карточкам их никогда не называют. Более того, не столь давно – уже в этом году, наверное – стал я замечать, что и на 5–м (видно через решетку) некая кучка, человек 5 или 7, когда все стоят строем, тусуется отдельно, у самого входа в “локалку”, не строится; причем если 8–й начинает строиться недалеко от калитки, то 5–й – далеко, и расстояние между кучкой и общим строем там намного больше, чем здесь.

Какие умозаключения отсюда следуют? Та кучка на 5–м может быть только тоже “обиженными”, кем еще? На 13–м они становились в общий строй, всегда первым рядом, и отрядник, видя их постоянно перед собой, еще делал им замечания, если у кого бирки нет. Сейчас они ежедневно по 3 проверки стоят отдельно, не в строю и не строем сами – и все “мусора”, включая отрядников, мирятся с этим, никто не приказывает им встать в строй. Выводы: очевидно, блатным начальством (“подложенцем”, кому еще решать за всех общезоновский вопрос такого уровня

(причем не имея на то никаких полномочий)?) было решено их вообще не пускать в строй, даже рядом не позволять стоять с “мужиками” (больше похожими на трусливых баб), согласовано с начальством “официальным” – и потому официальное начальство мирится с таким вопиющим нарушением режима, как невставание в строй, и лишний раз демонстрирует, что полностью признает гомофобскую кастовую систему среди уголовников и соблюдает разделение их на касты при своих “режимных мероприятиях”.

МАРТ 2011

2.3.11. 9–00

Вчера после обеда вызвали наконец–то в штаб – расписываться на паспорте, в 10–й кабинет. Оказалось, надо было раньше идти, но “козлы” ничего не сказали мне, – сказал завхоз, а им высказал за то, что не сообщили мне. И один из “козлов” мне тут и говорит: можешь не торопиться, там народу полно, – типа, сейчас пришел оттуда сам.

А у меня как раз после обеда – в 15–35, я на сей раз точно заметил – начал опять болеть живот. Опять пучит, давит, опять где–то там внутри пробка – и я в ужасе, не знаю, что делать, прикидываю – м.б., все–таки пройдет, или же опять вечером придется тащиться в больницу...

А тут как раз посылают. Прихожу в штаб – у 10–го кабинета никого! Ура!!! Захожу – тетка внутри явно ждет одного меня, сразу достает мой новый паспорт. Я взглянул на фотографию – и чуть не умер со смеху. Мою голову они – в фотошопе, видимо, а как еще? – насадили на чье–то туловище, одетое в синий костюм, а на шее болтается пестрый цветной галстук! :))) Я–то отродясь галстуков не носил, да и морду свою, если честно, не узнал в таком оформлении. Но на мое замечание, что, мол, зачем это вранье и фальшивые галстуки вообще нужны – рожа эта, доставшая паспорт, уверенно отвечает: ну так же лучше, чем в робе! Угу, стеснительные какие: годами держать человека в робе, отнимая вольные шмотки, они тут не стесняются, а показать его миру в робе, на паспорт сфотографировать – видишь ли, стыдно! (Хотя снимался я, конечно, не в робе, а в своей спортивной куртке, в которой хожу эту зиму.)

По дороге из штаба – смотрю, в ларьке вроде бы никого нет, “локалка” пуста. Думал – не работают, но дверь открыта. Зайти бы, купить лапши, если привезли (в тот раз ее не было), но – у кого спрашивать? А звонить в звонок – не хочется... Мимо ларька прошел к больнице (живот–то болит!), дернул дверь в торце – закрыто, хотя вроде бы прием еще должен быть. Вышел – смотрю, во дворе ларька кто–то идет открывать калитку. Вернулся, зашел туда – “привратник” с 11–го (уже после меня там оказался) слова не сказал, хоть я и не в “свой день”. Купил лапши, еще того–сего (в т.ч. для сигаретчика на 100 р. почти что, как теперь каждый раз) –и тут подходит это мелкое злобное чмо с 11–го, которое раньше само стояло там на калитке, а теперь, видишь ли, руководит всей этой охраной – и начинает у меня что–то вымогать, типа, для их “организации”! Я сперва даже не понял, о

чем он, что за организация – КОП, бывший СОПиТ; и за то, что я не в “свой день” зашел, они хотят с меня что–то поиметь, видите ли!.. Удивительная наглость. Но дать мне ему было нечего, – хоть бы еще заранее предупредили, а то я ни сигарет не покупал, ничего подходящего. И мелкий этот “начальничек”, а потом, по дороге к воротам, и ключник – тогда мне объявили: мол, отныне будешь ходить только в “свой день”. А этих ней мне осталось–то всего 2: 3–е марта и 10–е – 17–го, в последний перед домом четверг, денег моих в кассе уже не будет.

Ну, и отдельная песня – идя уже из ларька, с 2–мя пакетами в руках, подумал–подумал, и решил все–таки зайти в больницу. Мне казалось, врачи еще должны принимать, – 5 часов еще нет. Постучал опять в торцевую дверь – открывает санитар и говорит, что врачей уже нет. А наверх, к дежурной медсестре – через главный вход. Иду. Медсестра та же самая, что была и в тот раз, когда тоже я приходил с болями в животе, но после отбоя. И тут же она на меня напускается: мол, прием только что закончился, надо было к врачу идти!.. Оказалось, прием у них не до пяти, а до полпятого – а времени где–то без 20–ти 5! Вот уж действительно, чуть–чуть не успел...

Но самое смешное – она сунула мне 2 комплекта таблеток совсем других, чем в тот раз! Тех было, по–моему, 4, не то 5, среди них – панкреатин и древесный уголь, помню точно; а сейчас – набор из 3–х таблеток, на 2 приема; названия не прочтешь, из упаковки вырезаны кусочки по 2 таблетки, но на одной, по–моему, написано “желатин”. Розовенькая такая таблеточка. И – едва я, придя в барак и разобрав покупки, принял один комплект таблеток, как через несколько минут боль в животе прошла! В тот–то раз ее таблетки помогали очень слабо, я даже 2–й раз их вынужден был принять ночью, а тут – сразу практически! Какое–то бурление в брюхе еще порой чувствовал, но боль – нет. И 2–й комплект таблеток даже не понадобилось принимать сегодня утром (точнее, там 2 таблетки и ампула с каким–то порошком), как она сказала, – он остался у меня на тот случай, если за оставшиеся 18 дней эта беда посетит меня еще раз...

6.3.11. 16–20

Катавасия, дребедень, суета этих последних дней... Вчера утром отказал опять чайник – еще пару дней до того в нем барахлил контакт провода с нагревательным элементом внутри. Я остался без чая. Поперся было сам к сигаретчику на 7–й – “дорога” с 10–го на 3–й закрыта на замок, в остальные я не пролезаю никак. Попросил сходить 18–летнего цыганенка–гопника с 8–го – тот ушел, потом докладывает мне: разбудил, сейчас придет. Жду. Сигаретчика нет. Цыганенок тем временем

выклянчил у меня 2 конфеты к чаю. После чая прошу его сходить еще раз – уходит и исчезает до самой проверки. Через некоторое время является сигаретчик и на мой вопрос говорит, что нет, его никто не будил (тварь цыганская хитрая!..), а вызывают в 15–й кабинет, "пробили" его с 10–го – и ко мне он зашел за сигаретами. На обратном пути из штаба зашел опять – сказал, что смотрели там его наколки и фотографировали анфас и в профиль с 2–х сторон. Чайник он забрал – и перед самой утренней проверкой принес его уже починенным.

Но чайник – это еще полбеды. Сутками раньше, в 5 утра предыдущего дня, у него сгорел телефон! Стал вставлять в него заряженную батарейку – вдруг телефон ярко вспыхнул, погас, и после этого уже не включался. Сигаретчик стал его чинить – безуспешно, и даже не мог понять толком, в чем там дело. Так что двое суток с лишним я не звонил домой, – лишь вчера вечером сигаретчику удалось выпросить у кого–то "трубу", и сразу после отбоя они с тем парнем, с кем вместе чинят телефоны, явились с ней ко мне.

Мать была в ужасе – и от того, что я так долго не звоню, и от того, какой у меня был голос, когда я наконец позвонил. Температура–то спала, но болезнь осталась – и все эти дни я почти не мог говорить, хрипел, кашлял, горло болело, я постоянно пытался прочистить голосовые связки, это не удавалось, – в общем, вчера к вечеру голос пропал полностью, а сегодня с утра стало уже чуть получше (но еще далеко не хорошо, разумеется). Усталость, особенно под вечер, боль в горле, кашель, – в таком состоянии приходится выползать по вечерам на 2 проверки подряд, в перерыве едва успевая поесть ("фаза" вечно занята); а уж в столовку я стал ходить теперь только на обед, – гори они огнем, ваши завтраки, ужины, столовка и вся ваша зона с толпами бессмысленных насекомых. Они продолжают виться вокруг, озабоченные картами, самогоном, наркотой, наколками, деньгами на воле, интернетом (!) и скачиванием из него песен/клипов/фильмов/картинок – и какое непереносимое отвращение они мне внушают каждый день, час и минуту, что я еще вынужден находиться тут, среди них, – этого не передать никакими словами. Кажется, даже еще большее (если это возможно!), чем было в самом начале, в 2007 г., на 13–м.

Одна только хорошая новость среди всего этого бедлама, – просто счастье, какая хорошая, и сразу как гора с плеч. Кодированный алкаш 1982 г.р., типичный тупой русский быдляк, примитивное насекомое, работавшее по ночам в "шушарке", приходившее оттуда под утро, густо воняя тамошней сечкой и пр. "ароматами" (несло от его одежды), спавший днем надо мной, из–

за чего тоскливый дятел и сидел у меня в ногах, т.к. шконка его была днем занята, – так вот, этот тупой столовский быдляк переведен на 1–й!! Ура, ура, ур–р–ра–а–а!!! Теперь верхняя шконка и днем в распоряжении дятла, еще более отвратительной, тупой, бессмысленной запойной мрази – и он весь день валяется на ней, в ногах у меня больше не сидит. Можно лечь и вытянуть ноги!! :) Это просто счастье!.. И как раз вовремя, – после двух с лишним месяцев сидения этой твари целыми днями на моей шконке я постепенно стал доходить уже до белого каления – и, лежа и глядя в профиль на эту мерзкую уродливую харю и бритую башку, с наслаждением воображать себе, как можно было бы здорово сейчас вот раскроить ломом этот череп, сломать нос, смять сочным ударом лома всю эту поганую, опостылевшую мне до смерти харю...

7.3.11. 12–45

Собирали вчера в 9 вечера всех “мужиков” на чифиропитие в “фойе”. Повод – масленица, “прощенное воскресенье”; и долго, упорно, весь день до сборища и на самом сборище – поздравляли друг друга с праздником (каким?) и просили прощения, идиоты! Особенно забавно было, когда с этим православно–языческим “праздником” (любопытно, знал ли он сам, с каким?..) всех громогласно, подойдя к двери из секции в “фойе”, поздравил таджик – злобный, тупой дебил, совершенно бессмысленный, целыми вечерами, ходя туда–сюда по секции, громогласно долдонящий по–таджикски по собственному телефону – и то и дело поминающий в этой телефонной болтовне аллаха! :))))

Я–то не пошел, естественно, на их “совет нечестивых”, лежал себе на шконке; а кто–то, вернувшись, в 2–х словах донес суть произносимых там речей: на ночь телогрейки в раздевалку, завтра с утра – все в обязательном порядке на зарядку! Всё как всегда!.. :))) (Якобы, как потом я слышал, сегодня ночью “ответственный” – Макаревич, ночью и утром пойдет с обходом. Не пошел; да и не бывает он по воскресеньям “ответственным” – обычно в воскресенье дежурит Демин, начальник санчасти.) Насколько же было смешно мне сегодня утром, когда оказалось – из–за “праздника” 8 марта прошлая суббота была рабочей, а сегодня – выходной (хотя понедельник), и зарядки нет!.. :)))))

10.3.11. 16–44

События, события... :) Сегодня – без 10–ти 9 – шмон на 9–м, 10 “мусоров”, потом 11. Где–то без 5–ти 10 они уже ушли оттуда. Потом, сразу после утренней проверки – общее собрание барака в “культяшке” (хотя там и живут блатные). Я–то не пошел, зная, что страшнее очередной комиссии они ничего не возвестят, – но оказалось другое. Сосед–гопник пришел и сообщил своим уже

через минуту: за невыход на зарядку будут бить, – “строгий подход”! Во как... Мрази, зарплату они, что ли, получают в штабе, что так стараются, наворачивают “режим” – и домой их за это не отпускают!..

На зарядку сегодня и правда мало кто пошел (я – ни–ни! :), но самая веселая зарядка была вчера. Уже она дошла до середины – 2 “мусора”, Лось и Савелий, прутся сразу на 4–й. Зарядка уже кончилась, где–то 6–20 как раз было – они с 4–го прутся к нам, в эту секцию, один сразу сгоняет с соседней со мной (одиночно стоящей) шконки одного из моих соседей–гопников (гнида та еще, мелкая, тощая и отвратная, 1991 г.р.) – и лезет под его матрас. Сдирают шкерку, отделяющую меня от них, один заглядывает и в мою тумбочку, но особо не роется; зато в гопницком проходняке – перерыли все постели, подняв матрасы, залезали в тумбочку и нашли там 1 или 2 зарядника, телефон (который, как оправдывался потом главный прятальщик телефонов, принесли, когда он уже давно все убрал, а “мусора” уже были на “продоле”), лампочку с патроном (ту самую, что они жгли по ночам, – ну, спасибо вам, Лось и Савелий!.. :), хотя как забирали лампочку, я как–то проглядел, сидя и наблюдая все это в упор со своей шконки. Забирая все это в тумбочке, один из них сказал другому разочарованно, что, мол, “куш ушел” – чем подтвердил общее (даже мое в данном случае) подозрение, что сразу же в этот проходняк они полезли отнюдь не спроста. И, наконец, как финальный аккорд, – переставив с тумбочки полные стаканы с чаем на кроватный щит (какая деликатность, – а ведь могли бы и расплескать!..), один из них выдвинул тумбочку и, увидя за ней самодельную розетку на проводе, тянущемся из середины секции, торжественно выдрал ее! О, счастье и отмщение за полгода моих бессонных ночей!..

Только и разговоров было весь день у этих подонков и приходящих в их проходняк об этом происшествии. Никто не сомневался, что “въе...ли” (а странно было бы, чтобы месяцы и годы никто из администрации не знал про проходняк, в котором каждое утро телефоны собираются полными пакетами!), и рассказывали, что на 4–м, перед заходом к нам, эти же “мусора” зашли в каптерку, просто открыли “курок” (т.е. хорошо знали заранее, где он), забрали телефон, закрыли “курок” и ушли. Сразу после случившегося, как ушли Лось и Савелий, какая–то из собравшихся в гопницком гнезде гнид начала вякать что–то насчет того, что, мол, чего тут ходит этот “козел” с 10–го (сигаретчик), надо, мол, его гнать, надо проверить, не поднимался ли он отсюда на 4–й, и т.д. Дело в том, что сигаретчик действительно вчера заходил ко мне необычно рано

даже для него – в 5–30 где–то, только я встал. Сказал, что заходил и минут 20 до этого, но я еще спал (не спал уже, а просто лежал еще под одеялом). Взял у меня пару таблеток анальгина, посидел немного и где–то около 6–ти ушел. И – как тихо мы ни говорили с ним (у меня–то вообще голоса нет уже с неделю), а эти твари за шкеркой все же засекли, что он был. И, уходя, обещал вернуться часов в 9, так что, когда он и в самом деле пришел (минут 20 10–го) – мне пришлось срочно, не дав слова сказать, вывести его в "фойе" и там предупредить. Таким образом, поспать у меня до проверки, как он хотел, у него не получилось, пришлось уйти.

Зачем я все это описываю за 10 дней до дома? Черт его знает; я не могу сам этого объяснить. Просто потому, наверное, что здесь это – грандиозное событие, драма, трагедия, обсуждаемая весь день и чреватая битьем по морде за "халатное отношение" (для прятальщика, правда, на сей раз обошлось, но дело усугублялось тем, что это была "труба" одного из главных блатных) и поиском стукачей во всяком встречном–поперечном. Психологическая драма с элементами фарса, в общем. Но я знаю, как мелко, странно, непонятно и смешно будут выглядеть все эти "грандиозные события" наши для тех, кто будет читать эти строки на воле – для тех, кто никогда не сидел в лагере...

Матери я не звонил с вечера 7 марта, – не с чего. Только что цыган с 10–го приносил полусломанную "трубу" другого цыгана оттуда же, и с "симки" сигаретчика (которого специально "пробили" с 7–го) я пытался позвонить домой, – увы, никак!..

11.3.11. 6–48

Все–таки докопался сейчас какой–то мелкий сучонок, выходивший одним из последних, – а ты, мол, почему не выходишь на зарядку? Так по–прокурорски строго спросил и – этаким их общим, непередаваемым тоном – их общий главный, "неопровержимый" "аргумент": мол, **"МУЖИКИ ВЫХОДЯТ!"**. Как это произносится, с каким придыханием, с каким акцентом на слове "мужики", с какой эмоциональной окраской – я здесь передать не могу; примерно с такой же интонацией истово верующие говорят о господе боге. Как будто мне не все равно, мужики там выходят или бабы. :) Типа, все стадо побежало на зарядку – так и я должен. (Какой же мразью и быдлом надо быть, чтобы, собравшись вчера в "культяшке" и услышав от жалкой кучки блатных угрозы по поводу зарядки – не взять их тут же, всей толпой, за шкирман, не приструнить и не посоветовать маленько охолонуть, не корчить из себя начальников – а покорно разойтись и сегодня в 6 утра всем покорно потащиться на эту осточертевшую, никому не нужную зарядку!..) Но когда я сказал этой твари что я свое отходил, а уж последние 3 дня можно и...

(хотя осталось мне пока еще 9, а не 3) – тварь отстала и ушла. Надеюсь, разборок с более старшим блатным начальством не последует.

А ночь опять почти всю не спал. Проснулся уже сам в начале 3–го – и до пяти так и не мог уснуть (разве что чуть–чуть начал задремывать один раз – но сбил мне эту дрему жестокий приступ кашля). Свет ублюдки–соседи уже не жгут (горел только напротив – там всю ночь кололи наколки – но проходняк был занавешен одеялом, и свет пробивался лишь слегка в одном месте) – но и в полной темноте они всю ночь слушали свои поганые блатные песни на телефоне, и мне все казалось, что если б прекратилось сейчас это пение, настала бы наконец тишина – я бы за считанные минуты уснул...

13.3.11. 10–18

Забавнейшее происшествие вчера вечером. После обеда, ближе к ужину – вдруг в секции громкая музыка, – видимо, откуда–то притащили магнитофон или DVD с колонками, – и в блатном конце секции громкие пьяные крики, гомон пьяного застолья, очень характерный для России и легко здесь привычным ухом узнаваемый. Ага, пьянка! :) Самогон и вчера гнали, как почти каждый день, – но вот такой характерный, откровенный пьяный галдеж не каждый день все–таки здесь услышишь. Чуть позже поползли и эти ужравшиеся насекомые – несколько полублатных, “дорожников” и пр., – словом, не самые крупные здесь особи. Один – рожа красная, ходит один туда–сюда по секции на нетвердых ногах и заплетающимся языком чешет что–то пот телефону. Другой – еще краше, как будто после недельного запоя, причесочка вся смялась, на ногах еле стоит, шатается...

На ужин, разумеется, вся эта шобла не пошла, продолжала галдеть у себя в конце. А на 7–часовую проверку приперся отрядник! Он заходил уже с утра – на пару минут всего, ушел – и целый день, до этой вечерней проверки, не появлялся. Не знаю, конечно, точно, сам не видел, но – к себе в кабинет он идет как раз по этой секции, а этим пьяным, на нетвердых ногах – куда от него бежать, где прятаться? Видимо, он тотчас увидел их – и тотчас решил насчет ШИЗО, потому что сразу после 7–часовой проверки в “фойе” вдруг появились (из каптерки?) несколько спортивных сумок с бирками, и один из шнырей обтирал их мокрой тряпочкой.

Но самое интересное было позже. Кроме отрядника, никакие “мусора” не приходили, 7–часовую проверку отрядник сам и считал. И вдруг, когда я уже наливал себе чай, – 3 “мусора” на наш “продол”, а следом еще 2! Кто–то, услышав, выразил, видимо, общее предчувствие: ну, точно к нам! И точно – все

пятеро на 8–й, в эту секцию, – прошли, мельком поглядели по сторонам – и там, в конце секции, стали разбираться. Кондрат, Савелий (?), вроде бы отрядник 6–го, еще кто–то, – в общем, никакого крупного начальства.

Видимо, их прислал отрядник – не стал дожидаться вторника, когда после выходных придет сам. Забрали троих, в т.ч. одного "дорожника", "поднимавшегося" при мне еще на 11–й в сентябре 2009 года (здесь, я слышал, он хвастался, что пить – на зоне – не пьет, а только курит гашиш), и одного особенно мерзкого полублатного. Это не все, конечно, вполне можно было забрать еще как минимум одного, который ходил явно пьяный, шатаясь, с телефоном, а то и двоих.

Что ж, хоть что–то, хоть иногда, значит, делает, хоть изредка выполняет хотя бы часть своих обязанностей администрация этой не только пьяной, но и наркотической зоны...

А черно–белая кошка, уже несколько дней как появившаяся опять во дворе 8–го, вчера вечером явилась и в барак – вылезла из–под моей шконки, как ни в чем не бывало, и требовательным мяуканьем над пустой банкой стала просить жрать. Ночевала у меня тут, и сейчас вон лежит, спит – и та злобная рыжая тварь ее пока еще не выкинула...

12–31

Зато вот только что, перед самой проверкой, когда я уже давно был на улице, – другая мразь – здоровенный, безмозглый, но с постоянными потугами на остроумие дебил, которого я когда–то прозвал "ночной ведьмак" – вынес эту несчастную кошку за шкирку из барака. И ведь не просто, мразь, швырнул ее – но, швырнув, еще и ударил кулаком. Что ж, быдло есть быдло, что с него взять. Нечисть, которую только в печах сжигать, а не держать здесь за госсчет... Киса–бедолага, упав на лапы, только встряхнулась – и потрусила себе, как ни в чем не бывало, в сторону помойки. :)

17.3.11. 12–40

Вчера – очередная комиссия (60–я! по моему счету) – опять приезжал Мурзин. Объявили его еще позавчера вечером, подтверждение принес, как обычно, завхоз с ночной "движухи". Но настоящую панику создал утром вчера... отрядник, явившись с утра: мол, убирайте все, через 10 минут пойдет комиссия с обходом! И понеслась, как обычно... "Мешки из–под шконок" тащить в каптерку на этот раз тоже приказал лично отрядник – и потащили (я – и не подумал). Паники добавляло еще то, что одновременно с приходом отрядника – Пименов и еще какие–то двое "мусоров" стали обходить все бараки на "продоле", заходили и к нам. Вроде ясно, что ходят перед комиссией, предупреждают.

В один миг все дужки опустели, “шкерки” поднялись или задвинулись (соседи–гопники свою” “шкерку”–одеяло вообще сняли и постелили на шконку) и секция стала пустой и тоскливо–прозрачной, как всегда в таких случаях; гнусные хари обозначились на всех шконках, обычно скрытые от глаз...

Подсознательно мне было ясно, что вся эта паника – пустая, никакая комиссия не появится – по крайней мере, через 10 минут. И точно. Отрядник первое время нервничал, ходил туда–сюда по бараку, из кабинета завхоза в свой и обратно, и кому–то сказал, что сейчас он нервничает, а когда нервничает – он даже может кого–нибудь задушить. :) Когда ублюдки–трусы–соседи сняли “шкерку” – пришлось окончательно проснуться, встать и уйти сигаретчику, который по–прежнему приходит по утрам ко мне спать до проверки. Тем паче, что злобная блатная мразь, убийца Васьки, пару раз уже со скандалом выгонявшая сигаретчика из барака и знающая его в лицо, начала уже покрикивать и командовать в своем конце секции.

Так, в голом, прозрачном этом сидении/лежании на шконках шло время – а комиссии не было. Прошла проверка. И лишь когда, подходя к столовке на обед, я увидел у калитки бывшего “1–го поста” толпу – опять, значит, включили магнитный замок и закрыли калитку, обычно открытую – я понял, что комиссия, видимо, как чаще всего и бывало, появится после обеда. Шел от столовки к “нулевому” – навстречу мне прошествовал Пименов, потом Наумов, оба и слова мне не сказали (я даже не поздоровался с ними). И, пока ждал открытия калитки “нулевого” – обернувшись назад, я увидел, как оба они вдвоем, посреди “большого продола”, отлавливают идущих зэков, как обычно, и выясняют, кто, откуда и куда идет.

Комиссия действительно появилась вскоре, как 8–й пришел с обеда. Пошли сразу на наш “продол”, зашли на 5–й – и оттуда вскоре пошла информация. Сперва – что там Мурзин, Макаревич (!) и еще кто–то из местных. Вот тебе и вся “комиссия”!.. :)) Потом, что на 5–м они отодвигают тумбочки, лезут за них и вообще “до...тся до всего”. Причем скорее всего это инициатива “Макара”, подумал я, – приезжий начальник из Нижнего вряд ли будет лично лазить за тумбочками на всех 20–ти зонах области... После 5–го они сразу ушли с “продола” – и тем все кончилось. 60 комиссий прошли передо мной за 2 года и 4 месяцам ведения этих подсчетов... :))

А так – мне осталось тут 3 дня. Кончается срок... Не думаю, что будет повод и что есть смысл писать до освобождения еще о чем–то. На верхнюю шконку надо мной опять подселили 2–го жильца – и тупой, наглый пьяный дятел опять сидит теперь

днями, с 10 утра до 10 вечера, на моей шконке. И это, по–прежнему, – самое мерзкое для меня здесь, самый сильный раздражитель. А так – на всех и все здесь мне уже в абсолютной степени наплевать. Завтра с утра надо начинать собирать вещи и бумаги, так и не собранные до сих пор.

***